МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ

Алексей Подберезкин

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛЪ

ТОМ III

ИДЕОЛОГИЯ РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА

Издательство "МГИМО-Университет"
2011

УДК 32
ББК 66.2(2Рос)
П44

Подберезкин А. И.
П44 Национальный человеческий капитал. В 4 т. Т. 3. Идеология русского социализма / А. И. Подберезкин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — М. : МГИМО–Университет, 2011. — 848 с.

ISBN 978-5-9228-0774-6

Книги, объединенные в четыре тома под названием «Национальный человеческий капитал», могут представлять интерес для тех, кто интересуется современной политикой, национальной стратегией развития и теми идеологическими и политическими вопросами, которые к моменту публикации, стали уже современной российской политической историей.

Автор — известный в стране и за рубежом ученый, который в разное время работал с самыми различными политическими и общественными деятелями, активно занимался политикой. Он был руководителем известной РАУ-корпорации, председателем центрального совета движения «Духовное наследие», одним из основателей НПСР. В настоящее время является проректором по науке МГИМО(У).

Работа, подготовленная автором, охватывает широкий спектр общественных проблем — от политической философии и социальной экономики до внутренней и внешней политики. Однако сам автор полагает её незаконченной, предпочитает относиться к ней как к проекту.

Полагаем, что работу можно и сегодня предложить заинтересованному читателю, который, прочитав её, сможет открыть для себя много полезной информации, познакомиться с оригинальным видением решения острейших проблем, окружающих жизнь современного человека.

УДК 32
ББК 66.2(2Рос)

ISBN 978-5-9228-0774-6

© Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 2011
© Подберезкин А. И., 2011

КНИГА ПЕРВАЯ

ИДЕОЛОГИЯ РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ЦЕННОСТИ, ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ

ОТ АВТОРА

Чтобы успешно осуществить модернизацию России, правящей элите необходимо иметь не только политическую волю, но и знания. Представляется, что такими знаниями российская элита не обладает[1].
А. Аринин

Для России особенно актуален социогуманитарный переход — от экономики, ориентированной на прибыль, к экономике для гармоничного развития человека[2].
В. Бушуев, В. Голубев, А. Тарко

Сразу же оговорюсь: понятия «русский социализм» и «социальный консерватизм», которые я использую в этой работе, **абсолютно тождественны**[3]. Нарождающаяся альтернативная либерализму общенациональная идеология вполне может быть названа и так и этак. У них общие элементы, принципы, приоритеты и даже идеологемы. У них общие оппоненты: коммунисты-интернационалисты, неолибералы, «этнические» националисты, маргиналы и «революционеры» всех мастей. Поэтому в данной работе я буду использовать оба этих понятия, хотя прекрасно понимаю, что идеология русского социализма в силу разного рода обстоятельств и прежде всего неолиберальной критики, гораздо более уязвимее респектабельного социального консерватизма, провозглашенного чуть ли не официальной идеологией не только правящей партии, но и всей правящей элиты России. Кстати, идеологические потуги «Единой России» в 2008–2011 годы, все ее клубы, институты, центры (пока во всяком случае) так ни к чему внятному не привели: ни одной сколько-нибудь логичной концепции пока что не появилось. Если прежде идеологией был «бренд» В. Путина, то сегодня очевидно не только отсутствие идеологии, но и программы, объединяющей ее сторонников. Все очевиднее становится идеологический идиотизм правящей элиты, которая умудрилась в качестве «альтернативы» предложить нового лидера — плей-боя М. Прохорова.

Идеология любой партии предполагает не только систему устойчивых взглядов, но и политическую практику, подтверждающую верность этим взглядам. На этом, собственно, «сломалась» партийная элита КПСС, оказавшаяся сначала на практике, а потом и в идеологии вполне даже себе неолиберальной. Схожая картина наблюдается и с «Единой Россией», которая, конечно, может провозгласить своей идеологией социальный консерватизм, но вот следовать его принципам, придерживаться приоритетов, достигать целей… Не говоря уже о нравственно-духовных нормах[4]. Хотя в принципе полагаю, что любая партия, объявившая своей идеологией русский социализм (социальный консерватизм), отражает сегодняшние и будущие потребности нации и заявляет о прогрессивной позиции, ориентированной, прежде всего, на развитие НЧП. Даже если делает прямо противоположное.

Как видно из тождества, приведенного сравнение, основные национальные и социальные интересы и ценности социального консерватизма, русского социализма и ИЧП совпадают. Совпадают и приоритеты, и цели, а также основные принципы и нормы.

Социальный консерватизм

Национальные исоциальные интересы и ценности	Приоритеты и цели	Принципы и нормы
– Развитие нации, превращение ее в мирового культурного лидера – Укрепление государства, его институтов – Реализация НЧП	– Образование – Продолжительность жизни – Демография – Творчество – Наука	– Социальная справедливость – Сильное государство – Традиции – Национальные интересы

Русский социализм

Национальные исоциальные интересы и ценности	Приоритеты и цели	Принципы и нормы
– Развитие НЧП – Реализация потенциала личности – Укрепление суверенитета	– Образование – Продолжительность и качество жизни – Экономические и социальные условия развития НЧП	– Социальная справедливость – Сильное государство – Традиции – Национальные интересы

Национальный человеческий капитал

Национальные исоциальные интересы и ценности	Приоритеты и цели	Принципы и нормы
– Развитие НЧП – Укрепление традиций и современных реалий – Максимальная самореализация потенциала личности	– Образование – Продолжительность жизни – Экономические и социальные условия	– Социальная справедливость – Сильное государство – Традиции – Национальный интерес – НЧП

Существующие различия носят частный характер, детализируют идеологические концепции. Это означает, что развитие НЧП является смыслом и содержанием, идеологической концепцией как социального консерватизма, так и русского социализма.

Важно также подчеркнуть, что максимально эффективная реализация НЧП, т.е. превращения его в НЧК, — **политическая задача**, которая означает **практическую реализацию идей русского социализма,** что может быть отражено в следующей схеме (см. рис. 1):

Степень реализации НЧП, превращение его в НЧК, зависит от многих факторов, но, прежде всего, от **эффективности правящей элиты**, ее способности к эффективному управлению нацией, обществом и государством. Собственно, реализация

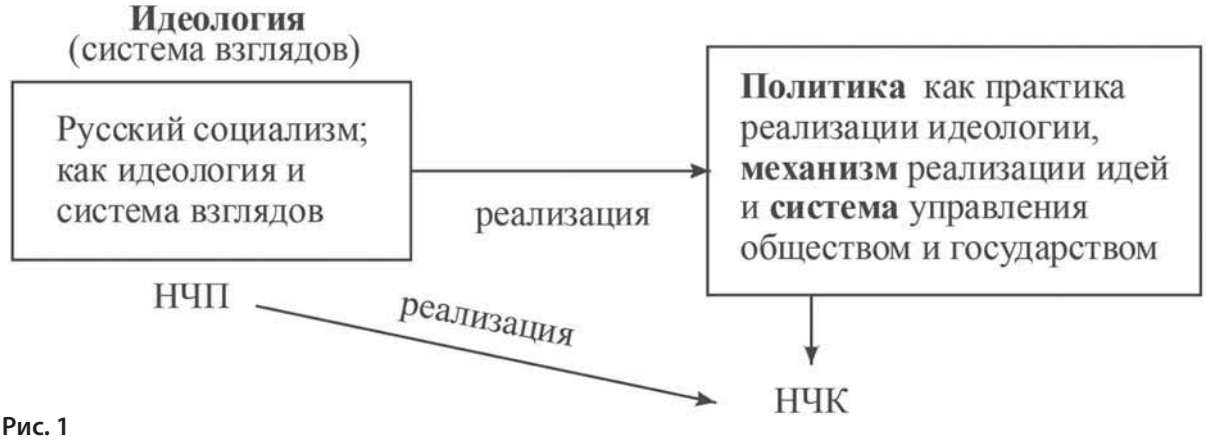


Рис. 1

НЧП и является главным критерием эффективности государственного и общественного управления. Соответственно, необходимость, нужность элиты объясняется тем, насколько быстро она умеет развивать НЧП и реализовывать его в НЧК. **Кризис традиционных идеологий и идеологии прагматизма, с одной стороны, и стремительный рост значения потенциала человеческой личности — с другой, стали предпосылками возникновения идеологии русского социализма.**

Важно понимать, что сегодня мир находится в стадии качественного изменения, «фазового перехода». Такой переход к качественно новой экономике и качественно новому обществу — неизбежен. Это — общемировая тенденция. Другое дело, что никто пока точно не знает, **какая** нация, **какая** экономика, **какое** общество и **какое** государство будут первыми способны реализовать эту тенденцию. Да и успеют ли. Та нация, руководство которой быстрее других поймет эту потребность, сможет сделать этот переход быстрее, полнее и, что немаловажно, безболезненнее. И эта нация, в конечном счете, станет **мировым лидером**, сумев не только ясно сформулировать остро стоящие экономические, социальные и политические проблемы, но и предложить способы их решения. Сегодня такое лидерство пока что фактически принадлежит США, что вызывает серьезную озабоченность относительно того, как и в чьих интересах будет реализовываться такой «фазовый переход». В этой связи возникают законные опасения относительно как будущего мироустройства, так и самого будущего России.

У меня существуют серьезные опасения относительно будущего, если ситуация будет развиваться таким же образом, как она развивалась до сих пор последние 25 лет. Более того, я абсолютно уверен, что у нации есть всего лишь 10–15 лет для того, чтобы отстоять свои национальные интересы, сохранив свою государственность и идентичность. Выбор новой стратегии и идеологии, таким образом, это выбор исторический, даже цивилизационный. И его нельзя сделать, опираясь на уже известные идеологии и модели. Нужно нечто принципиально, качественно новое ориентированное на долгосрочную, стратегическую перспективу. В начале первого десятилетия XXI века я писал, что «…для социалистической идеи сохраняются не только предпосылки существования, но и реальная перспектива. Однако в условиях глобализации социалисты должны сделать исторический выбор между неолиберализмом (к которому они начали эволюционизировать еще в 90-е годы) и традиционализмом, с одной стороны, и впитать в себя новые реалии глобализации — с другой»[5].

Этот «фазовый переход» должен произойти, прежде всего, в идеологии, т.е. нужны идеи, прогнозы, стратегическое планирование, да и сама стратегия такого осознанного и осмысленного перехода, за которыми должны следовать очень быстрые, безошибочные действия, приносящие конкретные результаты. «Вопрос стоит, по сути, о необходимости формационного сдвига, о перезагрузке системы общественных отношений»[6], — справедливо считает С. Миронов. В этом случае переход будет сопряжен с минимальными издержками, а также будет проходить планово-эволюционно, без крупных ошибок и социальных потрясений. Важно понимать, что этот переход неизбежен, он объективен, но способы и последствия такого перехода можно регулировать и выбирать. Оставить «всё как есть» — не удастся.

Это понимают даже на Западе, в т.ч. в МВФ и МБ, политическом и экспертном сообществе. Профессор Йельского университета США И. Валлерстайн, например, сомневается, что удастся «перезапустить» мировую экономику путем реализации прежних мер, лишь изменив их масштаб, и прогнозирует скорую смерть капитализма как такового. В интервью журналу «The New Times» он отметил: «Любые системы — от физических до биологических, — способны восстанавливаться в равновесном положении после кризиса. Однако каждый раз восстановление происходит на другом уровне: фазы спада и подъема никогда не прекращаются и не начинаются с того же самого места, с какого они появились. Капиталистическая система зашла слишком далеко, и она

уже не сможет обрести необходимое равновесие. Цель капиталистического способа производства состоит в безграничном накоплении капитала. Следовательно, каждый производитель думает о том, как продавать свой товар с наименьшими издержками, дабы получать наибольшую прибыль. За последнее столетие основные факторы производства подорожали неимоверно. Я говорю о затратах на рабочую силу (от низкоквалифицированных рабочих до топ-менеджмента), покупку ресурсов (природные ресурсы, инфраструктура) и выплату самых разнообразных налогов, включая коррупционные. Поэтому прибыль капиталистов сжалась, как шагреневая кожа. Это вызвало тотальную стагнацию мировой экономики. В результате всех этих факторов капитализм теряет свою силу, он умирает. **И главный вопрос сегодняшнего дня** состоит не в том, выживет он или нет, а в том, **что придет ему на смену»**[7] (выделено мною. — *А. П.*).

Я бы сказал, соглашаясь с И. Валлерстайном, **какая идеология** сначала придет на смену либеральной идеологии, **какие** общественные отношения, **какая** международная политика и политика безопасности. На мой взгляд, эта идеология может нести в себе два основных компонента — **национальный и социальный**, а, кроме того, в ряде стран — **религиозный и цивилизационный**. Именно эти, я бы сказал, **базовые** положения будущей идеологии, будут определять ее содержание. Их удельный вес и значение, конечно, могут быть разными для каждой нации или цивилизации, но этот перечень для всех наций представляется вполне универсальным[8].

Особое значение в нарождающейся будущей идеологии будет иметь ее ориентация на развитие национальных человеческих потенциалов, их реализацию, превращение в НЧК. Причем этот капитал, в отличие от всех предыдущих капиталов, будет иметь, **прежде всего, социальное, а не экономическое, значение**. То есть общественная польза, а не прибыль, будет, в конечном счете, определять эффективность общественного и государственного развития.

Соответственно, неизбежно должны появиться и новые политические, государственные и иные системы и модели — общества, государства и, конечно, нации. «Идеальность» демократических институтов, «незыблемость» либеральных ценностей таковыми уже не являются. Нужны новые, ориентированные на развитие человека и всего НЧП.

Актуальность этой проблемы подтверждают данные опросов общественного мнения. Как справедливо отмечает директор ВЦИОМ В. Федоров, «еще лет 10–15 назад господствовала иллюзия, что придумывать ничего не надо, все уже понятно: одна модель — советская, коммунистическая — обанкротилась, соответственно, все народы должны идти путем победителей в „холодной войне“, прежде всего, путем США, и никаких вопросов больше нет. Тогда были популярны, например, высказывания Фрэнсиса Фукуямы о том, что история закончилась просто потому, что народы мира нашли, наконец, идеальный образ жизни и этот образ даже реализован. Однако последние 15 лет показали, что **это была действительно иллюзия**, что мир, освободившись от „холодной войны“, не стал более предсказуемым, не стал более безопасным, а, наоборот, количество угроз умножилось»[9].

Этот вывод принципиален для современной России, где в 2010–2011 годы особенно усилились попытки неолибералов доказать не только универсальность, но и «незыблемость» либеральной идеологии и моделей общественного и государственного устройства. Более того, попытки объяснить все неудачи и катастрофы последних лет отходом от либерализма. Особенно в 2011 году усилилась тенденция «объяснять» эти неудачи мнимой неспособностью общества, даже всей нации реформировать всю систему экономических и общественных отношений. Сразу же скажу, что, по моему убеждению, на реформы не способна правящая элита в силу своих профессиональных и нравственных качеств. Что же касается русской нации, то она не хуже, если не лучше многих других. Соцопросы, кстати, подтверждают этот вывод[10] (см. рис. 2).

Крайне важно иметь в виду, что прогрессивная идеология русского социализма нацелена на будущее, на решение задач, стоящих перед нацией на перспективу 20–50 лет, а не на систематизацию и консервацию (как у Н. Михалкова или Г. Зюганова) только прошлого опыта. Опыт имеет огромное значение, но только **в качестве основы для будущего развития**. Позитивное значение традиционализма и консерватизма не абсолютное, а необходимое условие национального развития. И, что особенно важно, развития НЧП.

Я исхожу из вероятного прогноза или возможных перспектив развития человечества и нации. Например, таких которые изложены А. Радченко и С. Поповым в их интересной статье о технологии формсайта. «В настоящее время в мире вопрос о человеческом капитале обсуждается как одна из главных точек конкуренции, — пишут авторы. — Тот, кто занимается развитием человеческого капитала, вкладывает в него средства и усилия, получает большие конкурентные преимущества как в ближайшем, так и в отдаленном будущем»[11]. Добавлю, что эти инвестиции, бесспорно, безошибочны, они не подвержены разворовыванию, приватизации и девальвации. И мировой кризис 2008–2010 годов это ясно показал.

Отдаленное, даже далекое национальное будущее — стратегическая перспектива любой прогрессивной идеологии, в рамках которой готовится качественный стратегический прогноз и программа действий по развитию нации. Экстраполяция, тем более макроэкономическая, здесь может играть лишь

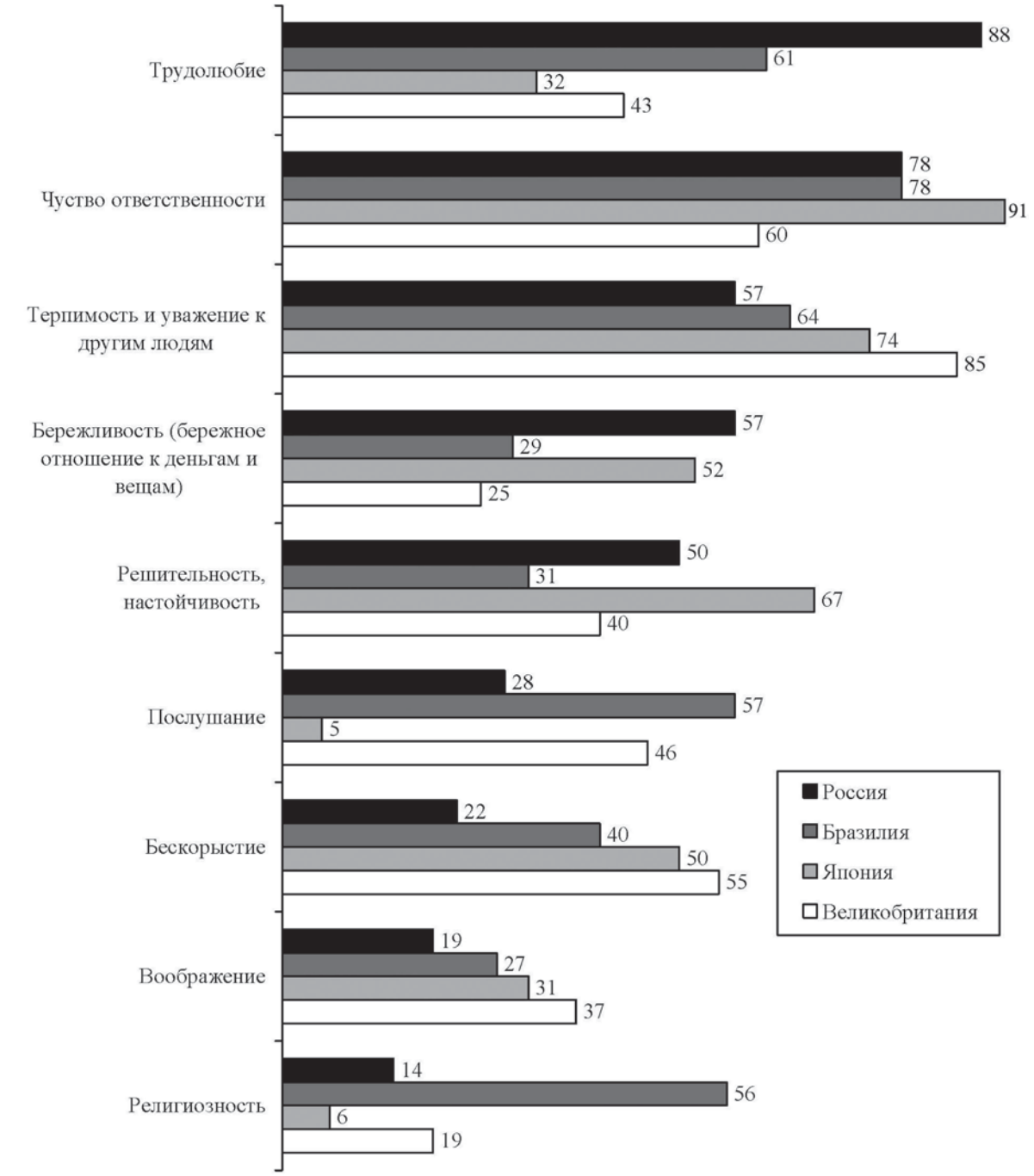


Рис. 2. Выбор респондентами наиболее важных качеств, которые можно воспитать у детей, %

вспомогательную роль, а стратегический прогноз, составленный на основе такой экстраполяции, может выполнять лишь роль инструмента для возможных корректировок. Так, например, целевые макроэкономические индикаторы второго этапа (2012–2017 годы) реализации Концепции социально-экономического развития, должны быть не более чем ориентирами[12], ничего не имеющими общего с национальной стратегией. А тем более, с идеологией. Этим, а не кризисом объясняется провал этой концепции. Примеров таких абстрактных ориентиров, заложенных в экстраполяционных прогнозах, множество. Наиболее часто используемый приводится ниже (см. табл. 1).

Как видно из приведенных данных, только три последние строчки относятся к социальным показателям, характеризующим темпы развития НЧП. Между тем, именно эти показатели в период «фазового перехода» должны быть не только приоритетными, но и более полными и, главное, не инерционными, а политико-идеологически заданными.

Только идеология, прогноз, подготовленный на основе сформулированных в ней целей, приоритетов и задач развития, способна уйти как от инерционности, так и создать эффективный механизм управления развитием нации. В этом случае не только каждый управленец в частном или государственном

Табл. 1. Целевые макроэкономические индикаторы второго этапа (2017 год к 2012 году, %)

Рост ВВП	137–139
Рост производительности труда	142–144
Снижение энергоемкости ВВП	80–82
Рост реальных располагаемых доходов населения	137–140
Рост инвестиций в основной капитал	165–168
Расходы на НИОКР на конец периода, % к ВВП	3,3
Расходы на образование на конец периода, % к ВВП	5,3–5,7
Расходы на здравоохранение на конец периода, % к ВВП	5,8–6

секторе, но и вся нация понимают куда, зачем и как они движутся. Сегодня этого нет. Но, главное, почему-то считается, что этого и не надо.

В идеологии необходима, прежде всего, политическая установка, ясное формулирование политической цели, использование форсайт-прогноза, когда происходит мобилизация больших социальных групп людей для достижения поставленных целей. Сами же эти цели в основном являются результатом экспертного идеологического анализа и политической воли, способности элиты мобилизовать активную часть общества для их достижения. Примером такого анализа и форсайт-прогноза может стать, например, результат работы экспертов по программе «Детство 2030»[13].

В данном, третьем томе, я предлагаю рассмотреть формирующуюся идеологию русского социализма как **систему взглядов на развитие общества и государства, способную обеспечить такой переход нации в будущем**. В моем представлении эта система:

— окончательно пока еще **не сформулировалась** к 2011 году именно как система взглядов, хотя процесс ее формирования и ускорился в 2005–2010 годы;
— она **не стала устойчивой системой**, т.е. «колебания» в оценках и воззрениях продолжаются, хотя и идут «по затухающей»;
— она **не стала системой взглядов большинства элиты и общества**. Прежде всего потому, что внятно не артикулирована и не предложена обществу в качестве системы ценностей;
— в качестве системы взглядов на опережающее развитие России ее **пытаются подменить более узкой** стратегией социально-экономического развития (и другими частными концепциями), что не позволяет не только использовать полностью национальный потенциал, но и не решает в принципе ряд проблем, стоящих перед нацией.

Здесь следует сделать несколько оговорок, позволяющих конкретизировать и идентифицировать идеологию русского социализма от других, внешне похожих идеологий.

Нельзя в полной мере новую идеологию ассоциировать и с «державным коммунизмом» Г. Зюганова, который пытается механически, эклептически соединить элементы марксизма с русской традицией, а не синтезировать их. В его представлении идеологические изыски русского социализма —

Рис. 3.

адаптация марксизма к новым международным и российским реалиям, а не создание качественно нового идеологического продукта. Так, говоря о русском социализме, он признает: «Нам следует показать и доказать российскому обществу, что в своем нынешнем виде формула русского социализма органично вписывается и в марксизм, и в многовековую русскую духовную традицию. Что она не только впитывает в себя достижения всех течений отечественной мысли, но и способна предотвратить новые расколы в национальном сознании. Следует убедительно объяснить, что именно социализм является квинтэссенцией той тысячелетней русской идеи, которая способна сплотить нацию для одоления смуты и хаоса „реформ“»[14].

Вторая группа вопросов связана с сочетанием универсальной социалистической идеи и национальной самобытности «русского пути».

В связи с этим надо точно определить, о каком социализме мы сегодня ведем речь. Ибо это понятие являлось ключевым как для Ленина или Сталина, так и для Троцкого или Хрущева. При том, что они зачастую вкладывали в него совершенно разное содержание. В любом случае, не подлежит сомнению, что в начале третьего тысячелетия именно русский социализм должен стать современной формой нашей общенациональной идеи, конструктивно сочетающей в себе идеалы социальной справедливости, национального достоинства и российской даровитости, традиции и реалии.

Третий комплекс проблем связан с разработкой теории государственного строительства. Здесь следует особенно тщательно учесть все прежние достижения и ошибки. Прежде всего, разделить понятия «государство» и «нация».

Мировой опыт наглядно доказал нам, что как общество казарменного образца, так и хаос «демократической государственности» равно губительны для России. Поэтому формула ответа на русский вопрос предполагает гармоничное сочетание: государственной мощи — с народными свободами; государственного регулирования — с демократическими институтами; национальной самобытности и культурного национализма — с дружбой народов.

Речь тем более не идет о каких-либо ущербных версиях «социализма», основных на нищете и подавлении личности: будь то корейский либо другой.

Речь, конечно же, не идет о повторении исторических ошибок в реализации социалистических идей, которые могли быть как спецификой момента развития, так и личностной ошибкой.

Русский вопрос и ответ на него — русский социализм — представлялся, например, создателям советской государственности абсолютно иным. «Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов, — так писал И. В. Сталин еще в 1934 году. — Дать **наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество**. Более того, социалистическое общество представляет единственную прочную гарантию охраны интересов личности».

Иными словами, механистичность подхода Г. Зюганова объясняется вполне утилитарными, прагматическими мотивами: ему надо объявить КПРФ «единственной наследницей» русской социалистической, а заодно и патриотической, мысли, приспособить формально программу КПРФ к современным реалиям. Получается вполне примитивная, а, главное, не работающая на практике идеология, что и показали последние 15 лет деятельности КПРФ. Это идеология, тем не менее, вполне годится для предвыборной риторики и эксплуатации коммунистического бренда.

Не совместима идея русского социализма и с социализмом европейских стран. Прежде всего из-за попыток их соцпартий создать универсальную, «внецивилизационную» систему ценностей, связанную с секуляризмом, сексуальными «свободами» или абсолютизирующей абстрактные идеи прав человека. В определенном смысле русский социализм противоречит некоторым тенденциям, набирающим силу в Социнтерне.

На мой взгляд, идеи русского социализма могут претендовать на статус общенациональной российской идеологии в том смысле, что социальная ориентированность, «левизна» и патриотичность, свойственные русскому социализму, разделяется более чем 70% граждан нашей страны.

В 2000–2011 годы в России шел медленный процесс формирования общенациональной идеологии, суть которого заключается в:

— во-первых, **постепенном переходе от набора самых различных идей к системе взаимосвязанных взглядов** между такими идеями, положениями и концепциями, которые ранее существовали отдельно, а иногда даже противостояли друг другу;
— во-вторых, их детализации, конкретизации и закреплению в общественном сознании в качестве идеологем;
— в-третьих, превращении этой системы взглядов в некую общую систему управления обществом и государством. Так, изжила себя идея антиэтатизма и, наоборот, взяли верх идеи укрепления государства и его институтов, постепенно вернулись к пониманию значения культурных и духовных ценностей, отрицаемых в 90-ые годы, и т.д.

Идеология как **система** взаимосвязанных идей, устоявшихся в определенной части общества и элиты, к 2011 году стала приобретать определенные контуры или очертания, которые в той или иной степени подчеркивали приоритеты социальной политики и потенциала человеческой личности. Эти контуры были еще «размытыми» и не разделялись всеми группами элиты. Можно сказать, что с 2005 по 2010 годы шел медленный процесс перехода от приоритетов либерализма в их упрощенном, даже примитивном

восприятии, к приоритетам более высокого, национального и социально-гуманитарного уровня. (Некоторые исследователи даже расценили приход к власти В. Путина в качестве возвращения национализма в его либерально-демократической форме).

Надо сказать, что этот процесс еще далеко не закончился во всех его аспектах, но, с другой стороны, к 2012 году уже можно говорить о некой сумме идей и взглядов, которые были выдвинуты В. Путиным и Д. Медведевым, неком наборе приоритетов, часть из которых нашла свое закрепление даже в публичных и нормативных документах. Даже дискуссия между «консерваторами» и «прогрессистами» из либерального лагеря, развернувшаяся в 2010–2011 годах, не смогла остановить эту эволюцию. Попытки неолибералов повлиять на нее — различные доклады ИНСОРа, ТПП, РСПП и других групп, — в конечном счете были вынуждены признать значение национальных и социальных ценностей и идей. Особенно в выборный цикл 2011–2012 годов.

Все яснее в обществе становится и **потребность** в общенациональной идеологии. Нередко в этот период критики ссылаются на Конституцию России, прямо запрещающую государственную идеологию. Но, во-первых, есть большая разница между понятиями «государственная» и «общенациональная» идеология, а во-вторых, в Конституции речь идет о запрете на **обязательный** характер государственной идеологии для институтов государства, а не на саму государственную идеологию. 2010–2011 годы стали периодом, когда требования «оформить» общенациональную идеологию стали вполне привычными уже не только из патриотического лагеря, но и от представителей правящей элиты. Причем очень часто в связи с невозможностью решить вполне конкретные вопросы неидеологическими средствами. Такие, например, как борьба с коррупцией или международным терроризмом. В этой связи важно напомнить, что лидирующие позиции США в мире обеспечивает не лидерство в ВВП и даже не лидерство в наукоемких технологиях, а лидерство в идеологии. Прав, безусловно, Л. Радзиховский, говоря, что «США — идеологическая страна. Возникла на заре Капитализма и стала материализацией Духа Капитализма. И по мере того, как капитализм возобладал над всеми конкурирующими идеями („сословное общество“, фашизм, коммунизм и т.д.), США превратились в Центр мира. США задают этому миру смыслы, символы, бренды. Вот это „прогрессорство“ (слово Стругацких) и есть главный бизнес Америки, источник их технологической и идеологической ренты»[15].

Эти поиски общенациональной идеологии неизбежно были направлены на оценку существующих идеологических концепций, которые можно было бы использовать (или приспособить) в этих целях. Среди них, конечно, были не только традиционные, но и экстравагантные, и даже экзотические идеи и системы, но в целом их круг все больше круг сужался вокруг традиционных ценностей, включающих культурные и духовные ценности русской нации. Не случайно именно в 2007–2011 годы дискуссии нередко возникали между представителями РПЦ и других религий и теми, кто подчеркнуто сторонился религиозных институтов. Так, обсуждалась не только социальная доктрина РПЦ, но и позиция православных предпринимателей по вопросу «Стратегии–2020», отношение к сексуальным меньшинствам, эвтаназии, науке, образованию и др. вопросам.

Среди основных, традиционных идеологий особое значение для России имеет социально-консервативная идеология (русского социализма), которая несет в себе как явные приоритеты человеческой личности, нравственности и духовности, так и стремление к сохранению традиций и национальной системы ценностей. На мой взгляд, эта базовая система взглядов в наибольшей степени соответствует потребностям опережающего развития национального человеческого капитала, что и является сегодня главной целью национального развития.

В третьем томе работы рассматриваются три группы крупных проблем, которым посвящены три отдельные книги. Первая книга — собственно идеология русского социализма, её основные положения, нормы и принципы. Вторая книга — необходимость качественного скачка в развитии институтов общества и нации, т.е. составной части НЧП. Третья книга — особой роли творческого или креативного класса как главной движущей силы развития общества, экономики и государства, их главного ресурса развития и одновременно одной из важнейших целей развития.

Эти три книги, на мой взгляд, должны показать приоритетность идеологических, экономических и социальных аспектов развития национального человеческого потенциала и его институтов в программах модернизации страны, которые могут быть лишь средством национального развития, но не целью. В этом в 2010–2011 годы заключалась главная проблема: модернизация, инновации рассматривались в качестве цели национального и государственного развития, а не инструментов развития. Причем во вненациональном и внесоциальном контексте, как заимствование внешних, зарубежных идей, и технологий. Именно эти воззрения значительной части правящей элиты на модернизацию стали конкретной политической и экономической в период президентства Д. Медведева. И не только в экономике, но и в образовании, науке, культуре.

Кроме того, именно эти три аспекта, заявленные в третьем томе, являются главными при эффективной реализации НЧП, т.е. превращении его в национальный человеческий капитал (НЧК). Этот процесс реализации, собственно, и есть процесс эффективного управления, который определяет в конечном счете не только эффективность правящей элиты, но и будущее всей нации.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Согласно полученным данным соцопроса. 88% жителей Германии выступают против капитализма[16].
Е. Евгеньев

Каждая государственность мира, и в особенности каждая великая государственность мира, отражает в себе основные психологические черты нации-строительницы[17].
И. Солоневич

Сразу оговорюсь: предметом исследования генезиса русского социализма данная работа не является. Для тех, кто интересуется этим вопросом, отсылаю к множеству публикаций, посвященных П. И. Пестелю, А. И. Герцену, Н. П. Огареву и другим идеологам русского утопического социализма[18], а также авторам «утопической литературы», а также к работам М. В. Петрашевского-Буташевича, Н. Г. Чернышевского, В. А. Милютина, М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова и др. Особое значение я бы уделил автору идеи единства человеческой цивилизации Т. Н. Грановскому и особенно К. Д. Кавелину, полагавшему, что движущей силой исторического прогресса является человек.

В настоящей работе речь идет о совершенно особой идеологии, которую условно можно назвать современным русским социализмом, в основе которой, естественно, так или иначе лежат идеи социализма и коммунизма последних 200 лет российской истории, но также еще более длительная традиция и реалии современной эпохи. Причем не столько в философско-историческом, сколько в прикладном политическом контексте. Более того, исторический и социокультурный фундамент является основой для вполне прагматической задачи — обозначения системы взглядов на разработку национальной стратегии опережающего развития, в основе которой лежит приоритет национального человеческого потенциала.

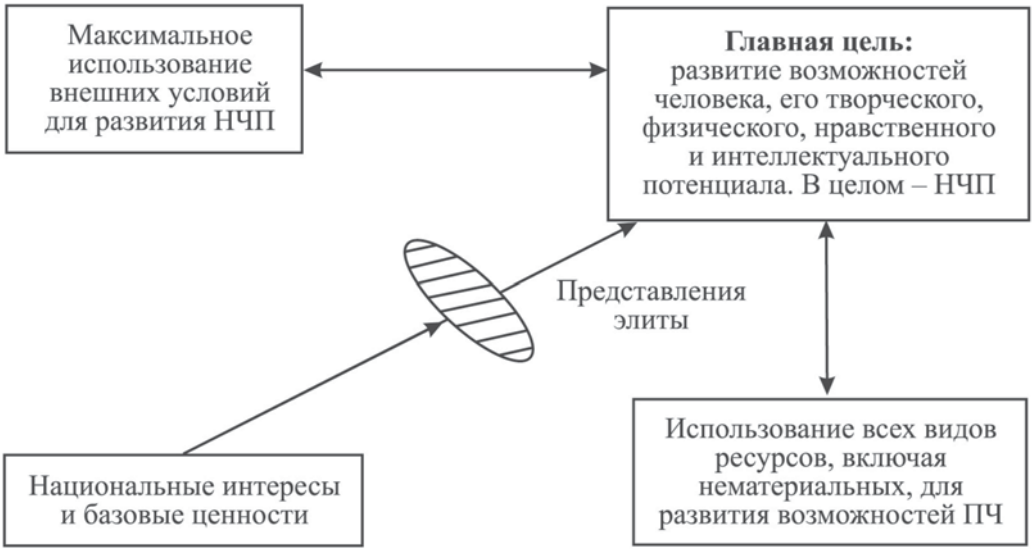
Нация, человек, будущее развитие и другие понятия в новой идеологии русского социализма значат больше, чем любые самые «благостные» философские рассуждения. Вот почему для меня И. Солоневич, например, ближе, чем А. Герцен.

В этой связи принципиально важно определиться изначально с главными целями идеологии, их приоритетностью. На мой взгляд, главная цель современной прогрессивный идеологии, в данном случае русского социализма, — предстоят как максимально эффективное развитие и использование всех возможностей потенциала человеческой личности в отдельности и нации в целом, создание властью максимально благоприятных условий для самореализации потенциала личности в этой (и, возможно, другой) жизни.

У других идеологий — иные цели. У либеральной, например, — «свобода», собственность и «прибыль», у традиционалистов — «сохранение нетронутыми национальной системы ценностей», у коммунистов — победа трудящихся (рабочего класса) и политическая власть.

Формулирование цели идеологии происходит через процесс осознания правящей элитой и нацией национальных интересов и ценностей, учет имеющихся и будущих ресурсов и влияния внешних факторов. Таким образом, цель идеологии — вполне субъективное представление, основанное на объективных реалиях — национальных интересах и ценностях. Этот субъективный процесс нередко ведет к искажениям, в том числе и при формировании целей, приводящим к искажениям стратегического прогноза и распределения национальных ресурсов. Другими словами, идеология, как система взглядов, — это **субъективная реальность**, которая может с **разной степенью адекватности** отражать реалии. Все, в конечном счете, зависит от степени нравственности, профессионализма и адекватности правящей элиты. У России в последние 30 лет именно с этим были проблемы: неадекватность, безнравственность и непрофессионализм элиты, ее неспособность создать идеологическую систему привели страну к катастрофе.

Идеология русского социализма является такой же субъективной системой взглядов, которая, в отличие от других идеологических систем, претендует на то, что **более адекватно отражает национальные**



и международные реалии. Ее **адекватность**, таким образом, становится главным условием будущей эффективности не только идеологии, но и всей стратегии национального развития.

Вопрос заключается, однако, в том, а способна ли и адекватна ли нынешняя правящая элита? Насколько она может воспринимать идеологию русского социализма? Да и хочет ли адекватности сама элита? Может ведь быть (и было в истории России) и такое: элита антинациональна, антисоциальна и безнравственна, профессионально непригодна. Эта элита в принципе не заинтересована в адекватной идеологии, стратегии развития нации. Насколько в этом случае самая «правильная» идеология способна «исправить» элиту?

Это вопрос о политической власти, которая, в конечном счете, зависит от того, **насколько популярна и признана нацией эта идеология** и эта элита, насколько нация готова мириться с ее неадекватностью и безнравственностью?

---

1 *Аринин А. Н.* Модернизация страны требует от правящей элиты знаний // Мир и политика. 2010. № 6 (45). С. 63.

2 *Бушуев В. В., Голубев В. С., Тарко А.* Качество жизни и его индексы: мир и Россия. Уровень жизни регионов России. 2010. № 1 (143). С. 18.

3 В первом издании «Человеческий капитал» я сознательно поставил между ними знак равенства, посветив ЭТОМУ главу под названием «Принципы идеологии социального консерватизма (русского социализма)». См.: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 377–416. При этом я подчеркиваю разницу между этой идеологией и традиционной трактовки русского социализма А. Герцена и других русских мыслителей.

4 Справедливости ради, следует признать, что в июле 2011 года В. Путин, признал одну из нравственных норм — порядочность — «важнейшей». См.: *Латухина К.* Главное — порядочность // Российская газета. 2011. 18 июля. С. 3.

5 *Подберезкин А.* Социалистический манифест. М.: ВОПД «Духовное наследие», 2002. С. 11.

6 *Миронов С. М.* В интересах народа. М.: Ключ-С. 2011. С. 8.

7 *Мун Д. В.* Современная Россия: риски, порождаемые «обществом риска» // Мир и политика. 2010. № 6 (45). С. 92.

8 Такой вывод неизбежно ведет к выводу об обреченности либеральной идеологии, которая может либо постепенно трансформироваться в социально-ориентированную, либо исчезнуть. — *Прим. авт.*

9 *Федоров В.* России есть, что сказать о демократии. ВЦИОМ, 23 августа 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://wciom.ru/novosti/

10 Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. С. 310.

11 *Радченко А., Попов С.* «Детство 2030» — опыт проведения форсайт-проекта в России // Образовательная политика. 2010. № 5–6 (43–44). С. 66–78.

12 Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: 2008. С. 28–29.

13 *Радченко А., Попов С.* «Детство 2030» — опыт проведения форсайт-проекта в России С. 70.

14 *Зюганов Г.* Русский социализм — ответ на русский вопрос. [Эл. ресурс]. URL:http://www.gazeta-pravda.ru, http://www.kprf.org/showthread-t.

15 *Радзиховский Л.* Бизнес прогрессоров // Российская газета. 2011. 26 июля. С. 3.

16 *Евгеньев Е.* Почти все жители Германии выступают против капитализма // Российская газета. 2010. 19 августа.

17 *Солоневич И.* Народная монархия. [Эл. ресурс]. URL:http://www.netda.ru/belka/

18 См., например: *Пирумова Н. М.* «Русский социализм» А. И. Герцена. Революционеры и либералы России. М.: Наука, 1990. С. 114–140; а также *Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* Истоки утопического социализма в России. Лекция 6: Русский утопический социализм, (Русский гуманитарный интернет-университет). [Эл. ресурс]. URL:http://www.i-u.ru/biblio/

Глава 1

Предпосылки возникновения идеологии русского социализма

…Широкомасштабная инновационная программа государства является единственным шансом для эффективной реализации национального потенциала[1].
Д. Брезниц

Система беременна разделением на нормальные политические проекты, отвечающие реальным социальным запросам и отражающие интересы реальных (а не выдуманных) социальных групп[2].
М. Ремизов, Б. Межуев

Системы взглядов не изобретаются отдельными личностями, которые могут, в лучшем случае, увидеть то, что прежде оставалось незаметным, неоцененным, а также обобщить и систематизировать то, что уже существует в национальном мировоззрении. Как правило, сначала появляются идеи, попытки осмыслить реалии, иногда — предсказать будущее, и только потом — обобщающие концепции и основанные на их базе прикладные стратегии.

У русского социализма также есть своя история, система ценностей, идеи и авторы, традиции, принципы, цели и нормы, которые можно и нужно знать и адекватно оценивать. Особенно когда для этого наступает время. Как в России во втором десятилетии XXI века. Не случайно в это время РПЦ привлекло внимание общественности к своему, духовному пониманию базисных ценностей как основы национальной идентичности, сделав их предметом обсуждения на XV Всемирном русском народном соборе[3].

Базисные ценности — основа общенациональной идентичности.

Вера. Вера в Бога, забота о сохранении религиозных традиций народов, воплощение этих традиций в делах. Верность убеждениям и нравственно обоснованным жизненным принципам, в том числе у нерелигиозных людей.

Справедливость, понимаемая как политическое и социальное равноправие, справедливое распределение плодов труда, достойное вознаграждение и справедливое наказание, должное место каждого человека в обществе, а нации — в системе международных отношений.

Мир (гражданский, межнациональный, межрелигиозный) — мирное разрешение конфликтов и противоречий в обществе, братство народов, взаимное уважение культурных, национальных, религиозных особенностей, неконфронтационное ведение политических и исторических дискуссий.

Свобода. Личная свобода, ограниченная личной нравственной ответственностью. Ее раскрытие в служении ближним и Отечеству. Самостоятельность, независимость, самобытность народа.

Единство разных национальностей, социальных слоев, политических и мировоззренческих групп в работе на благо страны и всех живущих в ней людей. Взаимообщение разнообразных культур. Гармоничное сочетание духовных устремлений и материальных интересов личности и общества.

Нравственность — личная и общественная. Верность неизменным нравственным нормам как залог благополучия человека и общества. Приоритетная поддержка обществом и государством добросовестного поведения как в личной жизни, так и в жизни общества и государства. Жизнеспособные государство и общество не могут быть нравственно нейтральными.

Достоинство. Признание уникальной ценности каждого человека. Нравственное умение отличать достойное от недостойного.

Честность как критерий личной и общественной морали. Совестливость, следование нравственному началу в душе как образ жизни.

Патриотизм. Любовь к Отечеству и народу, к родной земле, к ее культуре, уважение к ее истории, к свершениям прежних поколений. Общенациональное самосознание. Готовность трудиться ради Родины.

Солидарность — способность разделить с другим бремя его забот, его трудности, его болезни, его скорби. Общенациональная солидарность как сила, связывающая народ, обеспечивающая единство нации, ее целостность, ее жизнеспособность.

Милосердие — деятельное сострадание к ближним, помощь людям, нуждающимся в духовной, социальной и иной поддержке.

Семья как союз мужчины и женщины, в которой воспитываются дети. Любовь и верность. Забота о младших и старших. Поддержка семьи через социальную политику, образование и культуру.

Культура и национальные традиции. Уважение к наследию предков, открытость и уважение к культуре и взглядам других. Забота о культуре общения, чистоте русского языка и других языков Русского мира.

Благо человека. Духовное и материальное благополучие человека как основной приоритет социального развития. Соблюдение прав и свобод человека.

Трудолюбие — деятельное стремление к благу общества и ближнего. Неприятие коррупции, коммерциализации человеческих отношений, паразитического и эгоистического образа жизни.

Самоограничение и жертвенность — отказ от потребительского отношения к ближним и к окружающему миру. Способность жертвовать личным ради блага Отечества и народа.

При этом история русского социализма не сводится к истории А. Герцена или Г. Зюганова. Настоящая история русского социализма еще не написана. Есть много русских людей, которые строят храмы, печатают газеты, даже проводят конференции, которые не хотят «светиться». Мы ездим на Афон, в другие монастыри, восстанавливаем церкви и школы, когда Господь нас благословит, чтобы мы изменили этот мир.

1. Объективная потребность и неизбежность перемен

Идеологические построения, тянущие в прошлое,
чем-то похожие на консервы[4].
С. Миронов

Идеологию… нельзя выдумать. Ее ростки следует искать
в глубинах общественно сознания[5].
Б. Славин

К 2011 году, как в свое время и в 1989 году, общественное мнение созрело для необходимости перемен. В своей массе общество не испытывает симпатий к власти, во всяком случае, я не встречал людей, которые относились бы с симпатией к В. Путину или Д. Медведеву. За исключением разве что тех, кто по прежней моей работе, пожалуй, искренне (или по должности) любят этих людей. Соцопросы, которые показывают регулярные снижения популярности лидеров (иногда с 60% до 40%), конечно, не отражают отношения общественного мнения. Когда ежедневно встречаешься с негативом по отношению к «тандему», никто не верит даже независимым соцопросам. Объяснить такое резкое изменение отношения к тандему в 2011 году трудно, хотя в современной политической истории подобные ситуации встречались и по отношению к М. Горбачеву в 1989–1990 годах, и Б. Ельцину в 1992–1993 годах.

Неизбежность перемен проявляется, прежде всего, в неизбежности смены либеральной идеологии правящей элиты на ту, которая соответствовала бы объективным потребностям нации. «Глубины общественного сознания» появляются не «вдруг», сами по себе, но именно на основе появления **обще-**

ственной потребности, т.е. **национального интереса**. Именно возникновение национального интереса (потребность) — та объективная реальность, которая «управляет» сознанием общества, заставляя «ростки идеологии» превращаться в практическую систему взглядов: ту или иную идеологию. Такой возникшей общественной потребностью для появления идеологии русского социализма стал провал всех либеральных реформ, включая амбициозную Стратегию 2020, заявленную в марте 2008 года.

Примечательно, что власть не только признала этот факт, но и признала, что общество оказалось в идеологическом тупике, предложив общественное обсуждение стратегии развития до 2020 года. Сначала устами Д. Медведева, в период кризиса заявившего, что «в XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. «И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии. Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, вещи и технологии, полезные людям. Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных свободных и ответственных людей»[6].

Как видно, Д. Медведев изначально предлагает выход из идеологического тупика на основе либеральной системы ценностей, говоря проще — западной модели экономики и общества, которые — и об этом он забывает, — в России оказались уже **несостоятельными**. Где уверенность, что они будут состоятельны в будущем? За что народ заплатил к 2011 году огромную цену?

Реалии таковы, что Россия в последние 20 лет как бы застыла в своем развитии, что означает фактически ее **стремительное отставание** и фактический переход в разряд второстепенных держав-аутсайдеров. Реальный результат политики нулевой — стагфляция. Приходится признать, что **объективных причин** для этого в последние десятилетия **не было**. Были ошибки власти и ее идеологии. У России не было явных врагов, сохранялись огромные накопленные еще при СССР интеллектуальные и природные ресурсы, производственные мощности, но в итоге в 2011 году объем промышленной продукции даже не вышел на уровень 1990 года, а технологическое отставание и социальная пропасть только выросли.

Остаются только субъективные причины. Ответственность лежит на элите страны, которая не смогла после 1990 года предложить нации внятную и адекватную систему взглядов на ее развитие (идеологию), бесконечно путаясь в системе ценностей и представлениях о путях развития. Элита продолжает цепляться за чуждую «либеральную традицию», мешая развитию других идей. Это подтверждают «простые» вопросы, на которые у элиты нет внятного ответа. Как справедливо заметил не последний человек в российской элите В. Якунин[7], «почему Россия уходит с рынка наукоемкой инновационной продукции? Ответ прост: та либеральная идеология, которая лежит в основе финансовой и экономической политики, делает экономику и общество невосприимчивой к инновации».

Что подтвердил, в частности, провал «Стратегии–2020». Реальное место России в современной экономике и в мире значительно меньше, чем, например, у Канады, которая превосходит нас именно потому, что проводит сознательную политику развития НЧП, включая инновационную и модернизационную составляющие. Если доля ВВП России в мире около 3%, то доля ее инновационной продукции — 0,3%. Это означает, что в сравнении с США (где Россия по ВВП уступает США почти в 10 раз) она уступает в 100 (!) раз. Это и есть **реальный результат политики, основанной на либеральной идеологии**, последних 20 лет.

Следует признать, что в 2005–2010 годы в России либеральная идеология развивалась по двум основным направлениям. Первое — попытки либеральных идеологов модернизировать свою идеологию с учетом реалий, т.е. движение в сторону модернизации (к сожалению, в направлении самом примитивном, основанном на внешних заимствованиях), а второе — создания концепций и стратегий, основанных на учете социального и человеческого потенциала и национальной специфики. Эти направления представляли «традиционалисты» и «прогрессисты», принадлежащие к либеральной традиции. Но в реальной политике отчетливо прослеживается единственная неолиберальная тенденция — эксплуатация ресурсной базы страны, хищническое перераспределение полученных средств в пользу очень узкого слоя элиты. Этот слой, составивший к 2011 году 1,5–2%, по сути и стал единственных благополучателем. Еще 20% граждан, которых стали относить к среднему классу, имели душевой доход менее 1 тыс. долл. Эта часть фактически обслуживала интересы элиты. Собственно говоря, это и стало основной причиной невосприимчивости к инновациям, которая выразилась в вырождении экономики и социального творчества, обвале научно-технических и технологических позиций страны.

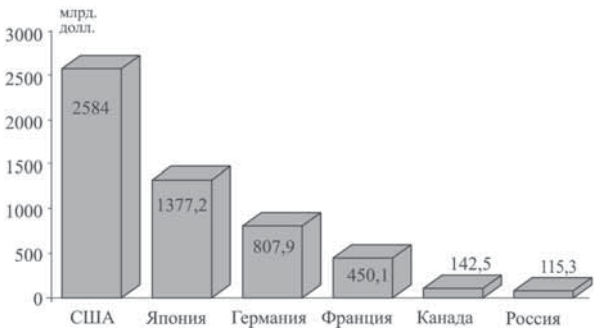


Рис. 1. «Вклад» России на мировом рынке наукоемкой продукции

Табл. 1. Динамика основных макроэкономических показателей (вариант 2b) (2008 г. — 100%)

	2009	2014
ВВП	**92,2**	**112,7**
Промышленность	90,7	116,0
Инвестиции	84,3	121,6
Оборот розничной торговли	95,1	120,3
Реальная заработная плата	96,5	119,3
Производительно труда	93,8	113,5
Энергоёмкость ВВП	102,7	93,2
Экспорт	96,7	113,4
Импорт	66,2	139,6

Почему экспорт превышает импорт более чем в два раза и при этом выручка от экспорта уходит не на импортные поставки необходимых продуктов, не на развитие нации и ее НЧП, а идет на банковские депозиты за рубежом, инвестируя чужую экономику?

Почему в структуре бюджетных расходов затраты на науку, образование, здравоохранение меньше, чем в сопоставимых странах и относительно, и абсолютно?

Почему российский бизнес кредитуется по всему миру, а корпоративный внешний долг уже **в три раза** больше государственного: в собственной стране вместо кредитного использования финансов они стерилизуются и не прекращаются заявления, что нет бизнес-проектов, что некого кредитовать?

Кто, когда и на каком основании, с их точки зрения «окончательно», решил важнейшие экономические вопросы страны, как говорят, «по умолчанию»? Например, кто решил, что природные ресурсы (нефть), находясь в земле, являются собственностью государства, а, будучи выкачаны в наземный резервуар частной фирмой-нефтедобытчиком, чудесным образом меняют свою форму собственности и становятся собственностью этой фирмы? Да, фирма совершила работу и должна получить плату за эту работу, но почему вся нефть и сразу — ей в собственность? Если фирма-дилер и продает выкачанную нефть, то она должна получить свою торговую маржу, но почему она продает как бы свою собственность? Эти вопросы должны решаться не по умолчанию происхождения 1992 г., а явно и осмысленно.

Надо честно признать, что итоги развития России за последние 20 лет катастрофичны. Усилия последнего десятилетия лишь вернули социально-экономическую ситуацию (и то лишь в некоторых аспектах) к уровню 1990 года.

Более того, в 2011 году уже стало ясно, что эти тенденции сохранятся и в будущем. Так, по сценарным условиям социально-экономического развития на 2012–2014 годы предполагается откровенно инерционная модель, основанная исключительно на ценах на нефть. И демографический потенциал, запланированный на годы вперёд на нынешнем уровне, и другие показатели не ориентированы на развитие НЧП[8].

Как видно из данных (табл. 1.), инерционный рост (порядка 2–4%) изначально планируется на годы вперед, даже не пытаясь поставить перед нацией сколько-нибудь значимых целей.

За те же годы развитые страны сделали стремительный рывок в своем развитии. Так, ВВП КНР вырос в 15 раз (!), а число граждан с высшим образованием достигло 350 млн чел. Даже в традиционных экспортных отраслях КНР этот рывок виден наглядно[9] (рис. 2).

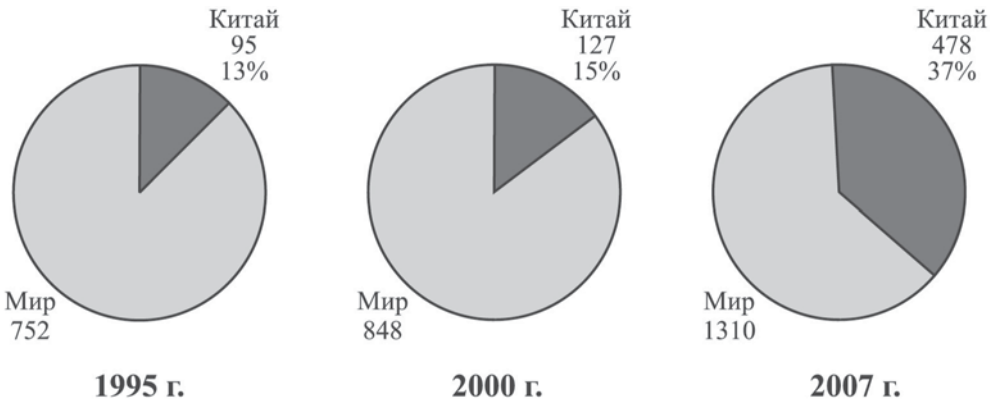


Рис. 2. Динамика развития черной металлургии Китая (млн т)

Еще заметнее результаты, за те же годы достигнутые Финляндией. Так же, как и Россия, в начале 1990-х годов она оказалась в тяжелейшем кризисе. Но в итоге ВВП страны вырос со 150 млрд долл. до 273 млрд., причем только за счет наукоемких отраслей[10], а по ИРЧП страна устойчиво вышла на 1–3 место в мире. И это при том, что добиваться она могла таких результатов за счет развития только двух отраслей, а ее климатические и ресурсные возможности, безусловно, хуже, чем у России. Таким образом, в 2011 году перед российской правящей элитой вплотную встала проблема выбора новой стратегии, которую невозможно решить в рамках бывших идеологий или системы «ручного управления». К сожалению, В. Путин и Д. Медведев, похоже, так не думали. Отчет В. Путина в апреле 2011 года перед депутатами Госдумы показал, как справедливо заметил Г. Павловский, что «…Путин представил вариант „очень консервативной политики", целиком основанной на действующей модели экономики: она исключает всякую мысль о том, что пережитый страной кризис был кризисом именно этой модели. Премьер всячески подчеркивает, что кризис пришел извне, как приходит революция…» В речи главы правительства, указывает эксперт, не только отсутствует сомнение в этой модели, но и содержится предложение ее сохранить и закрепить.

Эта модель, по мнению Г. Павловского, состоит из двух приоритетов — опоры на собственные силы и социального распределения по бюджетным группам, потенциально способным представлять угрозу стабильности: «Главное в социально-экономической концепции Путина — учет и контроль, а также поддержка социально уязвимых слоев населения. Это модель сильно отстающего колхоза с большим количеством больных, бедных и бессильных. Бизнесмен в этой концепции может заинтересовать руководителя страны, только если он разорится или станет инвалидом».

«У такой модели, — напоминает Павловский, — есть имя — госкапитализм в чистом виде». Концепция популярна, сетует эксперт, и поддерживает ее не менее половины населения: «Ее можно назвать гиперконсервативной»[11].

Таким образом, выступление В. Путина, которое было оценено как его политическая программа, **не меняла ни прежней идеологии, ни стратегии**. Нетронутой оставалась главное — либеральная идеология развития страны. Что, конечно, сразу же добавляло В. Путину оппонентов: из либерального лагеря, националистического и социалистического.

Что примечательно — в рядах некоторых сторонников «Единой России» это встретило непонимание. Так, в нашумевшей статье «Охота на медведей»[12] ее авторы писали: «То, что Владимир Путин поручил обновление стратегии развития до 2020 года (которая после выборов 2008 года в значительной степени стала его личным политическим брендом) не кому-нибудь, а видным идеологам реформ 1990-х (Владимир Мау, Евгений Ясин) и идеологам либерал-реформистской волны начала нулевых (Ярослав Кузьминов, Евсей Гурвич), стало знаковым политическим событием. Это не техническая экспертиза, которая заказывалась и заказывается правительством без лишнего шума. **Это публичный проект, призванный обозначить определенную философию управления, концепцию принятия решений в сфере социально-экономической политики»**.

«Разумеется, — признают авторы статьи, — работа авторских коллективов еще не завершена и содержательные новации возможны. Больше того, разработчики говорят о пакете различных сценариев, а не монологической программе и даже обещают идеологический плюрализм в ходе работы. Тем не менее тезисы, с которыми уже сегодня ассоциируется новая «Стратегия 2020» благодаря публичным заявлениям ее авторов и координаторов, образуют вполне узнаваемое политическое кредо».

Напомним некоторые из них:

— отказ **от экспортных пошлин на сырье** (т.е. отказ от косвенного субсидирования обрабатывающей промышленности со стороны **сырьевого сектора**); в целом сокращение таможенных барьеров и обеспечение максимальной открытости экономики;
— «санация» выживших в кризис предприятий (в том числе посредством отказа от косвенного субсидирования и протекционизма), ликвидация **«избыточной занятости»,** отказ от господдержки **приоритетных отраслей**;
— поощрение **массовой иммиграции низкоквалифицированной рабочей силы** (непонятно, как это соотносится с тезисом об избыточной занятости, но и то, и другое — часть либеральной ортодоксии);
— сокращение «государственного спроса» (Владимир Мау называет **докризисную экономическую модель** «экономикой спроса», хотя больше оснований считать ее «экономикой стерилизации»), минимизация социальных расходов, в перспективе отказ от государственных пенсионных обязательств (это решение, по мнению того же Владимира Мау, в наибольшей мере «соответствует демографическим и интеллектуальным особенностям постиндустриальной экономики»);
— приватизация не с фискальными, а социально-политическими целями (авторы откровенно ссылаются **на позитивный опыт 1990-х**, когда целью приватизации было создание нового слоя собственников, а не пополнение казны).

Одним словом, речь идет о вариациях на тему модного в 1990-е **«Вашингтонского консенсуса».** С той лишь разницей, что Джон Вильямсон, включил в свои «десять заповедей» такие избыточные с точки зрения российских реалий рекомендации, как рост вложений в образование, здравоохранение,

инфраструктуру, и не предусмотрел такие актуальные, как ликвидация государственной пенсионной системы или массовый завоз гастарбайтеров. «Будем считать, — делают вывод авторы, — исправление этого изъяна вкладом российских реформаторов в глобальный канон. В остальном рецепты за 20 лет не изменились: фискальная дисциплина, либерализация внешней торговли, приватизация, дерегулирование»[13].

Между тем к 2011 году радикально изменился политический контекст. Опыт 1990-х годов ценен сегодня тем, что делает категорически **невозможным его наивное повторение**. Ведь придется смириться с катастрофическими ошибками. И в этой связи возникают два вопроса:

Сенсационные результаты опроса общественного мнения, проведенного в Германии летом 2010 года, говорят о многом. Они, на мой взгляд, подтверждают вывод о том, что идеологический кризис либерализма, который обострился в результате мирового кризиса 2008–2010 годов, сформулировал не только в России, но и в развитых странах социальный запрос на новую идеологию, способную обеспечить эволюционный переход от капитализма к более справедливому и эффективному обществу, ресурсосберегающей, экологичной экономике и новому уровню международных отношений. Эти же данные, как показывает простейший анализ проведенных соцопросов, подтверждают следующее:

— речь не идет о строительстве «классического» социализма, т.е. отрицая капитализм, немцы **не знают,** какую идеологию и общественно-экономический строй они хотят;
— немцы винят в последствиях капитализма не столько политическую и экономическую элиту, сколько себя: четверо из пяти опрошенных полагают, что **каждый** должен задуматься над своим образом жизни, т.е. идеологическая проблема моральных норм — главная;
— немцы признают, что социальные связи, здоровье и сохранность окружающей среды «представляют большую ценность, чем преумножение капиталов»;
— немцы считают, что дальнейший экономический рост **необходим для поддержки политической стабильности**, но он не является самоцелью;
— немцы не хотят менять существующий политический строй **революционным путем**.

Таким образом, в результате соцопроса в Германии в 2010 году на политическую повестку дня был поставлен вопрос о создании новой, более справедливой и эффективной общественно-экономической системы, способной заменить капитализм, т.е. существующая в развитых странах общественная, экономическая и идеологическая система уже своё **отжила**.

Тем более она становится бесперспективной для России, которая не должна просто и тупо повторить путь, пройденный капитализмом. Тем более в современных условиях мирового, в т.ч. идеологического кризиса. Как писал в свое время А. А. Зиновьев, «после краха советского (русского) коммунизма в конце двадцатого века **в мире началась эпоха тотальной и глобальной социальной реакции, эпоха эволюционного спада**. Важнейшим компонентом ее является искусственно создаваемое и всячески поощряемое правящими силами тотальное помутнение умов, искусственная реанимация дремучих идеологий прошлого и изобретение новых такого же интеллектуального уровня, раздувание шарлатанства, спекулирующего на достижениях науки и маскирующегося под науку. Этот процесс не встречает серьезных препятствий, набирает силу и инерцию, становясь реальной угрозой самому существованию человечества»[14].

В сущности, всё упирается именно в человека. В США, кстати сказать, многие давно уже стараются перенастроить «вектор общественного интереса». Скажем, американский учёный, один из основателей гуманистической психологии, автор общеизвестной «пирамиды потребностей» Абрахам Гарольд Маслоу пророчил рождение более высокой «четвертой психологии» — трансличностной, трансчеловеческой,

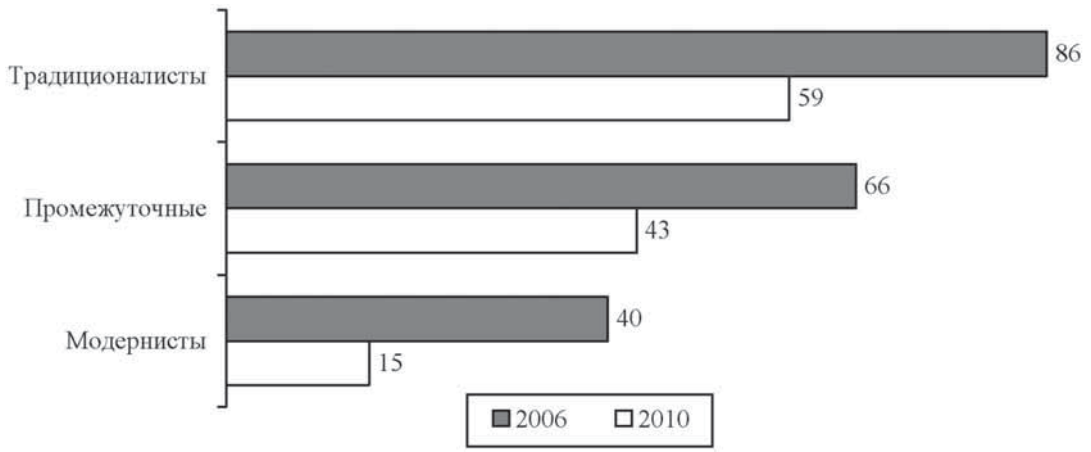


Рис. 3. Динамика численности вообще не использующих интернет в различных мировоззренческих группах, 2006/2010, % от экономически активного городского населения

обращенной к миру вообще, выходящей за пределы человеческой природы и идентичности. Новые начинания, по его мнению, только и способны возвратить в жизнь «утративших идеалы» и пребывающих в состоянии тихого отчаяния (это особенно важно в отношении молодежи!). «Без трансцендентального и надличностного мы попадаем во власть злобы, насилия и нигилизма или же „безнадеги“ и апатии», — писал А. Маслоу. И далее: «В настоящее время **нам просто недостает достоверных знаний для построения единого доброго мира**. Нам не хватает знаний даже для того, чтобы научить людей любить друг друга — по крайней мере, чтобы как следует научить их этому».

В контексте Маслоу, между прочим, работала советская культура — особенно советское кино[15].

Вот почему формирование новой идеологии становится для России самой актуальной задачей. Но также следует признать, что формирование идеологии правящей элиты за 10 лет правления В. Путина и Д. Медведева так и не завершилось, хотя объективные условия для этого, безусловно, не просто существовали, но и развивались. В частности, например, по мере развития Интернета и связанных с ним социальных последствий роста числа пользователей. По данным соцопроса РАН, за 2006–2010 годы во всех мировоззренческих группах произошли существенные изменения[16] (рис. 3).

Эти изменения, конечно, не могут не отразиться на социальной структуре общества и его политических настроениях. Как справедливо заметили эксперты, «в новой информационно-коммуникационной среде неизбежно возникает своего рода параллельное общество, которое неизбежно воспроизводит в виртуальной среде все то, что было создано в среде реальной…»[17].

Все эти проблемы и последствия не нашли своего выражения в господствующей либеральной идеологии элиты, хотя они и существовали вполне объективно. Ее основные положения остались до сих пор не раскрытыми, хотя говорить о том, что последнее время власть двигалась «без руля и ветрил» — нельзя. У В. Путина и Д. Медведева были, конечно, свои представления, принципы и убеждения, которые в эти годы были формализованы в различные нормативные документы, множество указов и распоряжений. И, тем не менее, стройной, последовательной **системы** идеологических взглядов так и не появилось. Как не появилось ее и у правящей партии «Единая Россия», которая так и осталась партией без идеологии, так и не стала «нацией-строительницей».

Власть и общество по-прежнему находятся по разные стороны баррикад. По-прежнему в тюрьмах сидят тысячи людей, которые там не должны находиться. Мы наблюдаем откровенный саботаж правоохранительными органами медведевских поправок, отменяющих аресты для подозреваемых в экономических преступлениях[18]. И то, что сделал Д. Медведев в 2011 году, можно назвать только попыткой исправить ситуацию.

Напомню, что политическая идеология как устоявшаяся **система** взглядов элиты и общества выражается в наиболее важных областях, изображенных на следующей схеме. Но, повторю, в России к 2011 году не было **ни системы** взглядов, ни, тем более, устоявшейся системы взглядов, которая бы утверждалась в качестве общенациональной идеологии.

Вот почему, начиная процесс формирования такой системы, потребуется **пересмотреть** и еще раз проанализировать, а также способствовать внедрению в общественное сознание всех компонентов идеологической системы: пересмотреть систему национальных интересов и ценностей, продумать силу влияния внешних факторов, четче сформулировать цели и перераспределить ресурсы.

Следует сразу же оговориться: рассуждая об идеологии современного социального консерватизма, я ставлю знак равенства между ней и идеологией русского социализма. Вместе с тем, в моем понимании современный русский социализм **не является** калькой с идей традиционного русского социализма, хотя и несет, безусловно, его наследственные черты. Так, например, по признанию авторов статьи о русском социализме, «…В рамках многовекового процесса разработки теоретического содержания концепции русского социализма наибольшее развитие получило осмысление четырех принципов, в рамках которых концептуализируются наиболее актуальные аспекты теорий общинности, соборности и коллективизма.

1. Принцип гармонии двух видов власти — духовной и светской.
2. Принцип развития и раскрытия всех коллективистских (соборных) форм жизни общества России.
3. Принцип гармонии всех необходимых для управления обществом социальных институтов, актуализирующих гармоничное сочетание различных социальных норм.
4. Принцип власти лучших людей — духовной и светской аристократии, выступающей в качестве социального авангарда общества»[19].

В современной идеологии русского социализма эти принципы продолжают оказывать свое влияние, но они, естественно, модернизированы временем, т.е. могут применяться с учетом современных международных и российских реалий. В политической идеологии современного русского социализма я бы отнес эти принципы скорее к базовым национальным ценностям, на основе которых формируется **новая реальность**. Реальность, которая не обращена в прошлое, а устремлена в будущее.

Традиционализм и национальные ценности существуют не незыблемо, не сами по себе, а постольку, поскольку они нужны нации в современных реалиях и в будущем. Двигаться вперед можно только осознано, заглядывая в будущее, а не пятясь назад. Вот

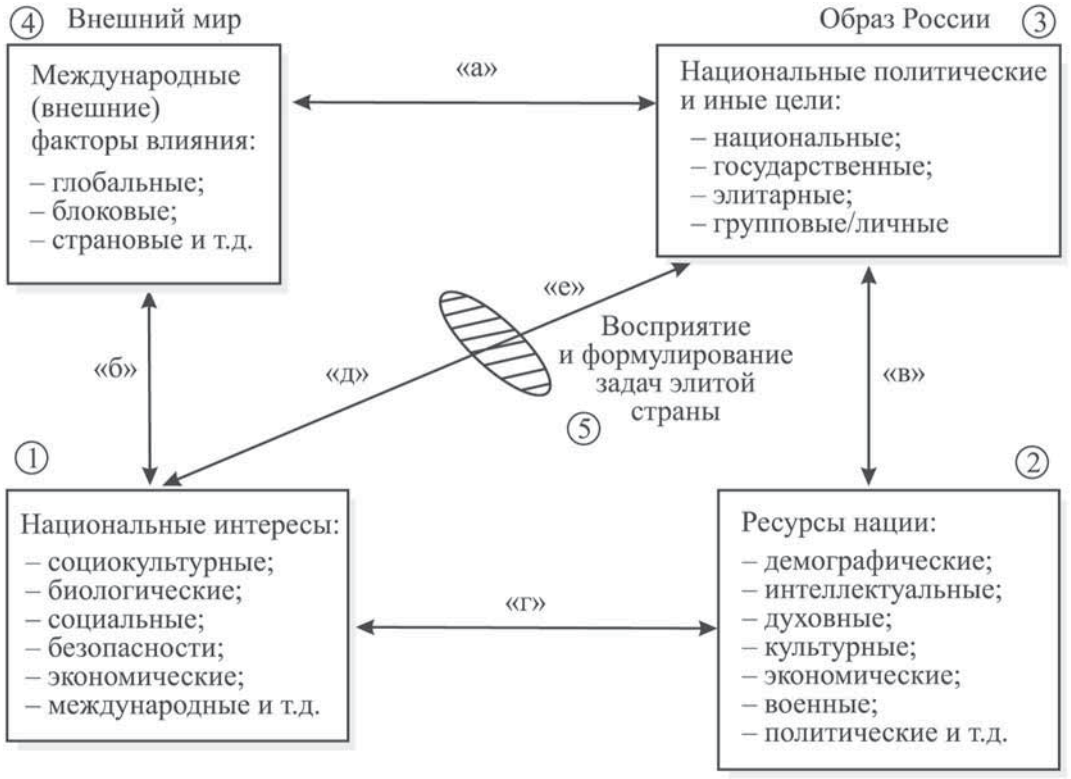


Рис. 4. Схема взаимосвязей основных элементов политической идеологии

почему требуется критическое осмысление всех базовых положений национальной идеологии, из которого должен вытекать качественно **новый продукт** — идеология и политическая практика.

1. Взгляды элиты на **национальные интересы и базовые ценности**, включая государственные интересы, а также интересы отдельных социальных групп, в т.ч. самой правящей элиты. Эта категория — объективна, но отношение элиты может быть разным: адекватным, неадекватным, точным и не точным, альтруистическим и эгоистическим и т.д. Это отношение никогда не может отражать объективные интересы со 100% точностью — слишком много влияет субъективных факторов, но они должны быть осознанны, приняты всей нацией.

Важно, что во второй половине первого десятилетия XXI века российская элита стала более адекватно воспринимать национальные интересы, а, нередко, и ценности, что, на мой взгляд, вполне соответствуют социально-консервативной идеологии. Вместе с тем идеологическая борьба в восприятии национальных интересов и ценностей никогда полностью не заканчивается: каждая социальная группа по-своему воспринимает как национальные интересы, так и ценности. В России в 2009–2011 годах шли и продолжают идти острые споры по этим вопросам. (Например, в формулировке А. Аузана, полагающего, что модернизация требует отказа от национальных ценностей.)

2. Взгляды элиты **на цели** (внешнеполитические и внутриполитические) и задачи, стоящие перед нацией. Эти взгляды зависят не только от национальных интересов и ценностей. На них влияют другие факторы, прежде всего наличие ресурсов для реализации поставленных целей.

В 2005–2010 годах вопрос **ресурсов** стоял особенно остро. Во-первых, из-за кризиса, который резко ограничил доходную базу в 2008–2010 годах. Но, главное, во-вторых, элита наконец-то признала, что национальный человеческий потенциал является таким же важным ресурсом, как и ресурсы ТЭКа. Этот процесс еще не закончился. И его отголоски («энергетическая империя» по Чубайсу) ощущаются и сегодня.

3. На формирование целей оказывает влияние и группа факторов, которую можно назвать «международные реалии». Это факторы, определяющие **внешние условия** реализации поставленных целей — военная угроза, конъюнктура рынка (цены на товары и услуги, прежде всего энергоносители и т.д.), глобализация, финансовые рынки, общественное мнение, политика иностранных государств и др. Так, выступление Д. Медведева в июне 2010 года перед сотрудниками МИДа было расценено как усиление влияния внешних факторов на процесс модернизации в России.
4. Наконец, следует подчеркнуть, что стратегия развития страны является производной от идеологии, т.е. от представлений российской элиты о целях ее политики и эффективности используемых ресурсов. Так, выбор элитой варианта «а» (либерального) предполагает значительно большую вовлеченность в процесс глобализации

и большую зависимость от международных реалий (плечо «а» — короткое, что означает сильное притяжение). Соответственно, этот вариант предполагает ослабление национальных интересов и меньшую затратность ресурсов (плечо «в» — длиннее). И наоборот, традиционалистский вариант «в» предполагает акцент в пользу национальных интересов и особенностей, меньший учет международных реалий и больший расход национальных ресурсов.

Искусство политики заключается в том, чтобы найти оптимальную «золотую середину», когда политические цели адекватно (объективно) отражают национальные интересы и ценности, учитывают международные реалии и эффективно расходуют национальные ресурсы.

Представляется, что для России XXI века такой точной политической стратегией может стать стратегия опережающего развития национального человеческого потенциала (НЧП), которая является производной от социально консервативной идеологии[20]. Стратегия, очевидно альтернативная «Стратегии–2020» и господствующим сегодня либеральным концепциям.

2. Незавершенная идеология — не начатые реформы: упущенные возможности

К 2030 году Россия обгонит большинство стран Европы по уровню потребления домашних хозяйств и ВВП на душу населения…[21].
Из прогноза РАН

Главный итог 2000–2006 гг. — упущенное время. За семь лет можно было сделать очень много[22].
В. Милов

Появление Объединенного народного фронта летом 2011 года весьма символично. Во-первых, потому, что «Единая Россия» и все её клубы так и не создала сколько-нибудь стройную идеологию (т.е. систему устойчивых взглядов). Во-вторых, потому, что опять сначала появилась структура, под которую хотят «создать идеологию», а не наоборот. ОНФ как «союз союзов» (за справедливость, модернизацию и т.п.) означает отказ В. Путина от «различных идеологических и политических групп»[23].

Оставаясь — теоретически и практически, — либерально-бюрократической партией, «Единая Россия» еще более расширяет свой идеологически неоформленный электорат, превращаясь в аморфную организацию, объединенную «под лидера». Который, кстати, не случайно не является её членом. Таким образом, попытки создать устойчивую систему взглядов, партийную идеологию, весной—летом 2011 года оказались окончательно заброшены.

На этом фоне активность идеологических институтов, в особенности ясно ориентированных на определенную аудиторию — «Справедливую Россию», националистов, КПРФ, РПЦ, — позволяет развивать именно идеологические концепции вне рамок «либеральной традиции». Так, очень активно в 2010–2011 годы стала вести себя РПЦ, предлагая, например, свою систему ценностей не только православным, но и сторонникам других религий и конфессий[24].

Последние 10 лет реформирования доказали, что даже самые успешные реформы могут нести тяжелые последствия. Когда же реформы безрезультатны, даже вредны (что и было в России чаще всего), то в обществе складывается устойчивое состояние усталости и отторжения любых реформ. Тем более внесистемных, не подкрепленных соответствующей идеологической поддержкой.

Все попытки В. Путина и Д. Медведева реализовать планы ускоренного развития, носившие в разное время разное название — «удвоение ВВП», «опережающее развитие», «модернизация и инновации», — не привели к реальным результатам. В 2011 году страна оказалась на тех же экономических и социальных рубежах, с которых начала в 1991 году. Даже худших.

Вместе с тем просматривается определенная позитивная идеологическая динамика: после завершения «периода стабилизации» (2007–2008 годы) объективно встал вопрос о развитии, который сформировал «запрос на идеологию развития». Повторю, запрос, который так и остался запросом вплоть до 2011 года. И этот период представляет определенный интерес с точки зрения понимания, почему запрос общества остался всего лишь запросом. Хотя бы для того, чтобы ситуация 2006–2011 годов не повторилась.

Напомню, что Д. Медведев в феврале 2006 года попытался поставить этот вопрос, назвав Россию «другой страной», перед которой поставлены задачи опережающего развития. Были даже предложены приоритетные национальные проекты (ПНП) как пилотные проекты развития, имеющие не столько конкретно прикладное социальное, сколько политико-экономическое значение. Но идея ПНП не стала толчком к новой идеологии развития: причина в том, что она была размыта господствующей либеральной идеологией, ПНП превратились в частные проекты, а затем идея была благополучно забыта. Наступил кризис, когда элита лихорадочно бросилась спасать

не экономику и людей, а пресловутую макроэкономическую стабильность. Здесь уж совсем не было дела до стратегии и идеологии. Даже их скромная инсталляция в виде принятой перед кризисом, в марте 2008 года, Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года, получившая название «Стратегия–2020», была забыта и сохранена лишь как лозунг[25].

В апреле 2011 года В. Путин в очередной раз сформулировал свою политическую позицию в отношении стратегии национального развития, которая сводится к следующим положениям[26]:

1. Продолжение инерционного курса развития («стране необходимо десятилетие устойчивого, спокойного развития») на долгосрочную перспективу;
2. Никаких «рывков», «ускорений», «опережающего развития» и прочих смен в идеологии развития («без разного рода шараханий, необдуманных экспериментов, замешанных на неоправданном подчас либерализме или социальной демагогии»), ни влево, ни вправо;
3. Эволюционная модернизация («не революционная»);
4. Отказ от новой стратегии развития («доработка „Стратегии–2020“»);
5. Ни слова о национальной стратегии развития, ни слова о новых моделях развития.

Другими словами, В. Путин предложил программу на 10 лет как продолжение существующей политики. По сути дела, подтвердил стратегию стагфляции.

В 2008–2010 годах из-за кризиса, как известно, актуальность этого общественного запроса вообще отошла на какое-то время на второй план, но совсем так и не исчезла. Более того, поиски и дискуссии о том, какая идеология развития нужна, продолжались. Уже в новом формате. Идеологию развития в 2009–2011 годах стали ассоциировать с «модернизацией» и «инновациями», которые сводятся, по сути, к простому внедрению заимствованных технологий. Этот суррогат, конечно, не заменил ни идеологии, ни стратегии, но процессы шли параллельно, не пересекаясь. Поиски идеологии развития вели социалисты, националисты, коммунисты — кто угодно, но только не правящая либеральная элита, которая уповала на «ручное управление» и деидеологизацию, прагматизм и еще Бог знает что, даже не интересуясь стратегией национального развития. То, что она выбросила в общество под названием «Стратегии–2020», по моему убеждению, никто не только не читал (такого документа, повторяю, нет), а тем более не собирался выполнять. Что, однако, еще раз повторюсь, не свидетельствует о том, что общество такая стратегия не интересовала. Как справедливо подчеркивают американские эксперты, «…в России идет более общий процесс модернизации экономики и всего общества, что является главной задачей власти». При этом те же авторы явно в диссонанс с представителями части российской элиты, предупреждают, что «…надо не допустить разрушения своего производственного и образовательного потенциала — даже под флагом самых правильных преобразований…»[27].

«Политический сезон» 2011–2012 годов поставил вопрос об идеологии развития в новую, политическую плоскость: правящая элита фактически разделилась по идеологическому принципу на «консерваторов» и «прогрессистов-либералов», что дало основание для того, чтобы некоторые политологи поставили вопрос даже о переходе «Единой России» в оппозицию «правящему либеральному истеблишменту»[28]. Эти споры говорят, как минимум, о двух вещах. Во-первых, о том, что все давно ждут политических решений, без которых все экономические изыски остаются пустыми, даже надоевшими частностями, а, во-вторых, что идеологию рано похоронили. В конечном счете, «прогрессисты» и «консерваторы» столкнулись именно на идеологических вопросах — о роли государства, реформировании политической системы и т.д.

Иными словами, эти споры либералов реконструируют, что нет не только самого общего представления (а тем более — плана) о национальном развитии, но и прикладной **стратегии модернизации**. Это же означает, что нет идеологии модернизации, которая представляла бы собой систему взглядов правящей элиты на развитие и модернизацию России. Той идеологии, необходимость которой (как и прогноза, и стратегического планирования) признается, например, руководителями крупных корпораций. Так, например, руководством «Ростехнологий», разрабатывая концепцию управления холдингом, была фактически предложена **идеология его управления**, за которую, во-первых, отвечала управляющая кампания (а кто у нас отвечает за политику модернизации?), во-вторых, эта компания «вырабатывает общую концепцию» (для всех структур и предприятий), в-третьих, «в рамках» этой концепции субъекты «обладают свободой для развития», в-четвертых, компания «осуществляет мониторинг» (кто в правительстве за это отвечает?), «периодически» сверяя общую стратегию[29].

Ожидания ясности в идеологии реформ в 2007–2011 годах, таким образом, так и не стали реальностью. И не только из-за последовавшего кризиса 2008–2010 годов. Причина отсутствия — та же: отсутствие внятной идеологии, того четкого идеологического выбора, который так и не был сделан правящей элитой вплоть до 2011 года. Без этого выбора невозможна в принципе л**юбая** эффективная стратегия, которая, напомню, заключается в искусстве достижений **цели при нехватке ресурсов**. Ресурсов, которых, как известно, всегда мало. Тем важнее ясно сформулировать **цели**, расставить их приоритетность, провести инвентаризацию всех ресурсов и возможностей, а затем — сконцентрировать их для достижения главной, приоритетной цели (целей). Как пра-

вило, ограничиваются двумя—тремя приоритетами. При этом важно подчеркнуть, что модернизация сама по себе не может быть целью. Это — процесс, а что же тогда цель?

Не случайно поэтому и то, что не было практических результатов. Это были вынуждены признать как В. Путин, так и Д. Медведев. Более того, результаты развития в 2008–2011 годы оказались даже хуже, чем планировались по самому пессимистическому сценарию МЭРа[30]. Что в итоге весной 2011 года стало выливаться уже не только в недоверие, но и в раздражение Д. Медведева. Вот что пишет, например, популярные авторы О. Маслов и А. Прудник: «Казалось бы, любитель твиттера и гаджетов должен быть любим блогосферой, но анализ нескольких сотен публикаций позволил выявить 10 ключевых причин для недоверия Дмитрию Медведеву. По мнению широкого круга блоггеров:

1. При Медведеве процесс десуверенизации России достиг немыслимого размаха. Россия де-факто стала транзитной и тыловой страной для военного блока НАТО. В блогосфере это трактуется как предательство интересов России.
2. Внешнеполитическая доктрина Медведева базируется на постоянных уступках странам Запада по всем ключевым позициям. Россия при Медведеве — это безгласная страна третьего мира.
3. Внутренняя политика Медведева — это русофобия. Русофобия Дмитрия Медведева наиболее ярко проявилась после событий на Манежной площади 11 декабря 2010 года.
4. При Медведеве произошла трансформация институтов власти и ориентация их на противостояние с собственным народом. Наиболее емкий пример: трансформация милиции в полицию.
5. Президент Медведев инициировал не реальные, а имитационные проекты движения России в будущее. Это проявилось в строительстве инновационных „потемкинских деревень“ типа Сколково, модернизации, основанной на чудодейственных эффектах нанотехнологий и т.п.
6. Дмитрий Медведев осуществил окончательный демонтаж патерналистского государства.
7. Дмитрий Медведев последовательно продвигает реформу образования в стране, которая, по мнению широкого круга экспертов, приведет к массовой дебилизации подрастающего поколения.
8. При Медведеве стала активно продвигаться ювенальная юстиция, ведущая к уничтожению института семьи в России
9. При Медведеве вся тяжесть преодоления мирового кризиса была переложена с олигархов на средний и мелкий бизнес и работающих граждан.
10. Правление Медведева — это время создания необратимых предпосылок к революции. При Медведеве Россия стала страной, непригодной для проживания. Сегодня Россия — это страна со стремительно нищающим населением, и одновременно, одна из самых дорогих стран мира.

Это далеко не полный перечень „достижений“, которых ставят многие Дмитрию Медведеву за годы его правления. Блоггеры также отмечают, что разрыв между словом и делом достиг фантастических высот, а деструктивные последствия проводимой политики воплотились в итогах переписи населения. К тому же всех достала неустанная ложь об успехах»[31].

Полярные точки зрения, полярные позиции, вынесенные в эпиграф, отражают состояние общественного мнения, раскол элит и состояние идеологии в России. Огромное доверие к В. Путину и Д. Медведеву, отраженное в рейтингах (не ниже 45%), середины десятилетия, имеет и обратную сторону. Для большинства нации они должны были бы стать инициаторами **подъема**, даже быстрого роста экономики и благосостояния населения, однако реальные результаты их деятельности значительная часть граждан оценивает очень скромно[32]. Не случайно американские авторы доклада «Ярославский план 10–15–20» отмечают (иронически?), что «…до сих пор (август 2010 г. — *А. П.*) российская общественность не была ознакомлена с другими программными документами, определяющими пути модернизации экономики»[33]. То есть опять — отсутствие идеологии, понимания стратегии развития.

Особенно остро расхождения между декларациями В. Путина и реалиями стали обсуждаться в 2011 году. Они достигли к этому времени критической границы, а высокий личный рейтинг стремительно обвалился. Как видно из данных (табл. 2), приведенных ниже, позитивные результаты в его деятельности находило от 8% (!) до 28% опрошенных.

Из соцопроса середины десятилетия также видно, что самая большая группа граждан представляла тех, кто полагал, что В. Путин что-то делает или что-то сделает. В сумме первая и третья графа составляли большинство опрошенных, что давало В. Путину, безусловно, значительный кредит доверия. Кредит, который он, очевидно, к 2011 году не оправдал. Что отразилось не только на падении рейтинга «Единой России», но и его личного рейтинга. И что, в конечном счете, вынудило его заявить о необходимости более широкой поддержки и создании «фронта».

Уверен, что этот вынужденный ход, который в мае 2011 года сделал В. Путин, был вызван тем, что за 2007–2011 годы ни ему, ни «Единой России» не удалось создать привлекательного плана и идеологии национального развития. «Социальный консерватизм», декларировавшийся все эти годы, так и не стал ни партийной, ни личной идеологией В. Путина и Д. Медведева, которые де-факто оставались в рамках все той же либеральной традиции.

Ожиданий, надежд, связанных с В. Путиным, его деятельностью и с правлением Д. Медведева, на протяжении всего срока было значительно больше, чем осязаемых для большинства граждан (далеких

Табл. 2. Какие реальные результаты реформы, объявленные В. Путиным
(в % к числу опрошенных в каждой группе)

Реформы	Позитивные результаты		Негативные результаты		По-настоящему еще и не проводились	
	Массовый опрос	Элитный опрос	Массовый опрос	Элитный опрос	Массовый опрос	Элитный опрос
Назначение губернаторов	33	60	28	27	31	13
Военная	28	24	20	21	45	56
Пенсионная	28	27	40	32	27	42
Монетизация льгот	27	32	51	57	18	11
Образование	24	10	39	43	32	46
Административная	22	32	22	22	49	46
Здравоохранения	22	10	43	41	31	49
Налоговая	18	45	28	21	43	32
Организации партий	15	35	26	32	47	33
Судебная	13	31	21	20	55	49
ЖКХ	8	8	59	33	30	58

от макроэкономических успехов) результатов. Но одну очень важную деталь хотел бы подчеркнуть: в 2006–2007 годы оптимизм, вера в будущее, безусловно, выросли у значительной части общества, впервые за долгие годы превысившей, по оценкам социологов, в 2007 году 50%. И стабильно сохранившегося до 2010 года. И это была первая, хотя и очень скромная, но победа, ведь реальная цена пессимизма, охватившего общество в 1990-е годы, это — депрессии, самоубийства, наркомания, болезни и социальная апатия, которые превратились в России в эпидемию. К сожалению, волна разочарований опять накрыла Россию в 2011 году. Как признают авторы опроса, проведенного в июне 2011 года, «…даже на фоне 90-х гг., представляемых в официальной пропаганде как время разгула воровства и коррупции, противопоставленное нынешнему порядку, этот „порядок", оказывается, выглядит весьма бледно.

Более половины (52%) опрошенных считают, что воровства и коррупции в руководстве страны сейчас больше, чем в 1990-е гг. В 2007 г. таких разочарованных было втрое меньше — всего 16%. Тех же, кто считает, что сейчас чиновники воруют меньше, чем в 90-е, осталось всего 7% — против 26% в 2007 г. Примерно так же распределились взгляды на степень влияния бюрократии на жизнь страны: больше половины опрошенных — 53% — считают, что по сравнению с 1990-ми гг. влияние чиновников возросло. Еще 36% — что не изменилось и только 6 % — что оно уменьшилось»[34].

Вообще я считаю, что проблема преодоления психологического и психического шока, вызванного развалом СССР и социально-экономической катастрофой, является важнейшей для сегодняшней России. Большинство наших нынешних проблем являются следствием этого тяжелого недуга. Одно из средств для его лечения — национальная идея, план развития. Другое — оптимизм, вызванный ростом экономики, и конкретные социальные успехи. Этого в 2008–2011 годы не было. Третье средство — искусственный «паркетный» пиар, которому нужно не дело, а информационные победы.

Думаю, что эта мысль присутствовала в действиях В. Путина особенно активно с 2005 года. Во всяком случае, выдвижение концепции приоритетных нацпроектов, а также другие социальные инициативы стали доминировать в его политике именно с 2005 года. Не случайно и то, что во главе этого политического направления был поставлен руководитель его Администрации, а затем первый заместитель председателя правительства и будущий президент Д. Медведев. К сожалению, как и многие другие инициативы, ПНП быстро выдохлись, так и не дав результата.

С другой стороны, чувство неудовлетворенности, «отсутствие счастья», безверие не просто сохраняется у слишком большой части граждан, включая и активную часть общества, но и, похоже, усиливается. Больше всего беспокоит, что это неверие во власть перерастает в неверие в будущее страны. Оно выражается как в стремлении уехать (по некоторым оценкам, до 20%), так и в исключительной надежде на Бога. Безверие слишком медленно выдавливается из российского сознания, что позволяет говорить о слишком низком тонусе общественного организма. Уверен, что без энтузиазма, без перспективы, без «идеологии оптимизма» сформировать устойчивый и долгосрочный курс опережающего национального

Табл. 3. Как вы считаете, через год вы (ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас? (%)

2006/2007	VIII	IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII
Значительно лучше	4	5	5	4	5	3	5	5	4	3	3	3
Несколько лучше	23	25	25	28	25	26	24	24	24	26	23	27
Так же, как и сейчас	42	46	39	44	46	44	43	44	43	43	48	41
Несколько хуже	13	9	10	9	10	11	10	11	13	11	9	10
Значительно хуже	3	1	2	1	1	3	2	2	2	2	2	1
Затрудняюсь ответить	15	14	19	14	13	13	16	14	14	15	15	18

развития не удастся. Нужна большая идея, большой план. Сколько бы углеводородов мы ни продавали, сколько бы они ни стоили, они не смогут заменить людям позитивной личной и национальной перспективы, надежды, возможности планировать свое будущее.

Социальный разлом между отдельными группами граждан хорошо виден из соцопросов, где группы «пессимистов» и «оптимистов», сформировавшиеся за последние годы, сохраняли относительную устойчивость в период возможного перехода от стабилизации к развитию в 2006–2007 годы (табл. 3).

То, что количество оптимистов в 2008–2011 годы не прибавилось, а сократилось, показывают также соцопросы. Особенно в 2010–2011 годы.

В этой связи необходимо еще раз повторить, что самая серьезная проблема, о которой, к сожалению, мало говорится в российском обществе, — это проблема преодоления состояния эмоционального и социального шока после радикальной смены экономической и политической системы в 1990-е годы. Шок, который в 2010–2011 годы, как и в начале 1990-х годов, превратился в серьезный социально-мировоззренческий и системный кризис. Кризис недоверия власти, обществу и для многих — даже самим себе. Этот шок так или иначе затронул все население. По оценкам психиатров, на каждого из граждан страны в среднем пришлось по 1,5 психических заболеваний, вызванных этим шоком. Окончательное его преодоление, безусловно, связано с возвращением не только нормальных материальных условий, но и ценностей, нравственных норм, т.е. идеологической, в т.ч. ценностной, системы координат, из которой в последнее десятилетие «выпало» общество. Иначе говоря, оптимистическая идеология, возвращение (или создание) системы идеологических координат, стало **важнейшим условием экономического и социального развития страны**. И ее никаким «паркетным» пиаром и телекартинками не заменишь.

Слова, отражающие негативное восприятие, вынесенные в эпиграф, выражают одну из существующих точек зрения, сформировавшихся к 2007 году у критиков нынешней власти. Она абсолютна справедлива и для последующего периода. Причем не только либерального и «левопатриотического толка», но и у большей части неполитизированной общественности и бизнеса. В этой связи можно привести множество высказываний, суть которых проста: за прошедший период власти не удалось многого сделать. Точнее — почти ничего. И многое потерять. Прежде всего — в области структурных и социальных реформ, а главное, в научном и культурном потенциале нации, который за 2007–2011 годы **сократился**, хотя должен был бы расти опережающими темпами. Как и весь НЧП.

В этом есть только часть правды. Действительно, нас не может устроить 63-е место России в мире по продолжительности жизни и 32-е — по индексу развития человеческого потенциала, да и второй, чуть более высокий показатель держится только за счет уровня советского образования[35], которое за 2007–2011 годы только ухудшилось. Вряд ли добавляет гордости и то, что в 2010 году Россия догнала по объему ВВП Италию, отставая по душевому доходу в разы от развитых стран.

Иными словами, приверженность В. Путина и Д. Медведева либеральной традиции в 2007–2011 годы дорого обошлась нации, которая:

— потеряла часть научного, культурного и образовательного потенциала, практически не изменив своего положения в рейтинге ИРЧП;
— упустила шанс перейти к стратегии опережающего национального развития, сползая к «стратегии» стагфляции;
— растеряла элементы внутриполитической стабильности и доверия, придя в 2011 году к ситуации, которая очень напоминала последний год существования режима М. Горбачева.

Все эти и другие последствия стали результатом неспособности правящей элиты отказаться от обанкротившейся либеральной идеологии и воспользоваться очевидно назревшими национальными и социальными предпосылками для оформления идеологии русского социализма.

Результат в 2011 году — глубокое разочарование и неверие в правящую элиту. Это чувство неудовлетворенности объясняется самыми разными политико-идеологическими причинами и по-разному формируется в различных социальных слоях общества. Оно стабильно сохраняется, даже развивается.

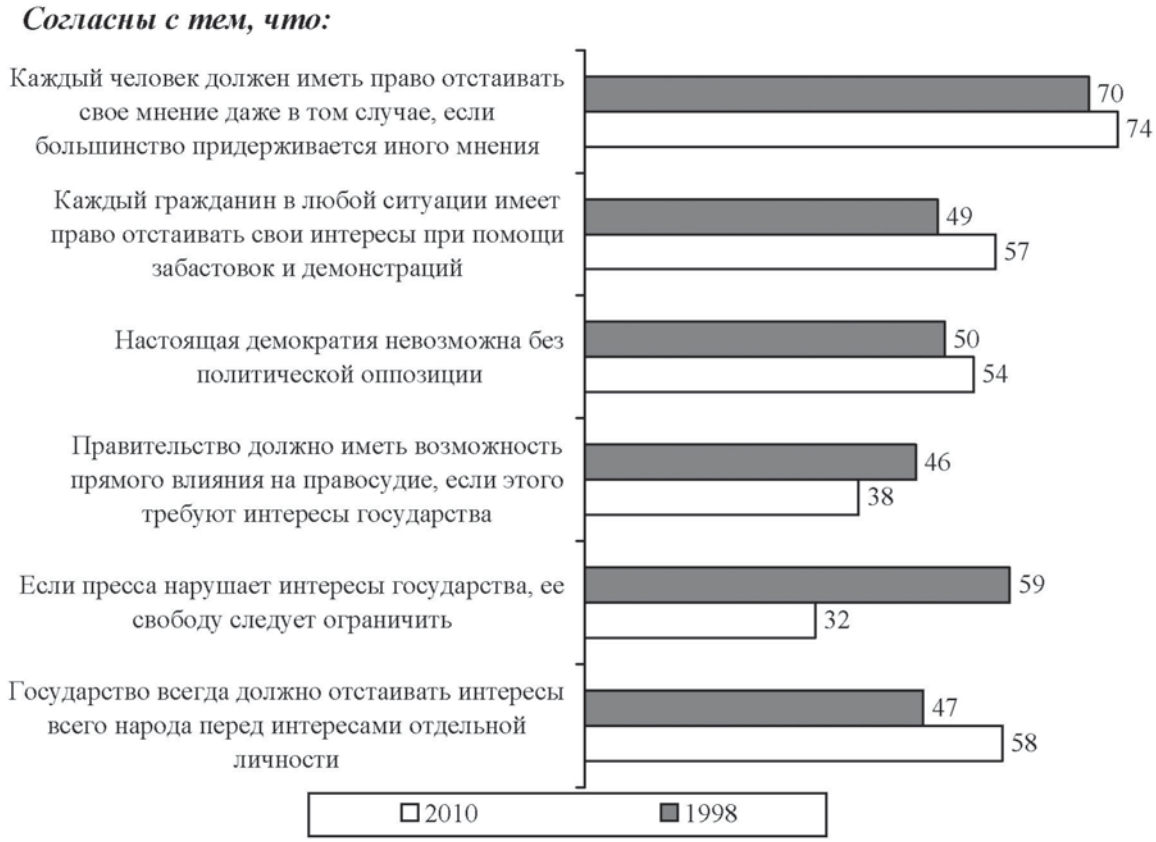


Рис. 5. Динамика взглядов россиян по некоторым вопросам, 1998/2010, % от россиян до 65 лет

Данные соцопросов показывают, что взгляды граждан за этот период существенно изменились[36] (рис. 5).

Остаются только надежды, может быть, иллюзии. На мой взгляд, вызвано это началом формирования идеологии социального оптимизма (социально-консервативной идеологии) именно в связи с новым социальным курсом В. Путина, направленным на развитие потенциала человеческой личности, который стал зарождаться с 2005 года. Зарождаться, но так и не родился в последующие 6 лет.

Рис. 6.

Примечательно в этой связи, что некоторый рост оптимизма сопровождался и ростом доверия к власти именно в те последние годы, когда критический уровень недоверия, характерный для 1990-х — начала нынешнего десятилетия годов, был пусть не намного, но оказался преодолен[37]. Подобное совпадение не может быть случайным: общий процент оптимистов и тех, кто доверяет власти, и темпы роста этой доли граждан совпадают. Что, в общем-то, не удивительно. У В. Путина был огромный ресурс доверия общества, когда он мог предложить свою идеологию и свою стратегию. Он этого не сделал. Не сделал позже и Д. Медведев.

Если смотреть на рост оптимизма и доверия в тот период как на конструктивную силу, а не политиканство и «голую» борьбу за власть, то можно найти ему несколько объяснений, которые в конечном счете приобретают идеологический, фундаментальный характер. Все эти объяснения в итоге сводятся к выходу из системного кризиса вообще и из идеологического кризиса в частности.

Доверие к власти росло даже в кризисный период, но резко пошло на убыль после кризиса[38] (рис. 7).

Рубежный для идеологии период 2005–2007 годов — это период **начала преодоления разрушительных последствий идеологического кризиса**. Без его преодоления нельзя было говорить о выходе страны на магистральный путь развития. И если первый период правления В. Путина был связан с укреплением

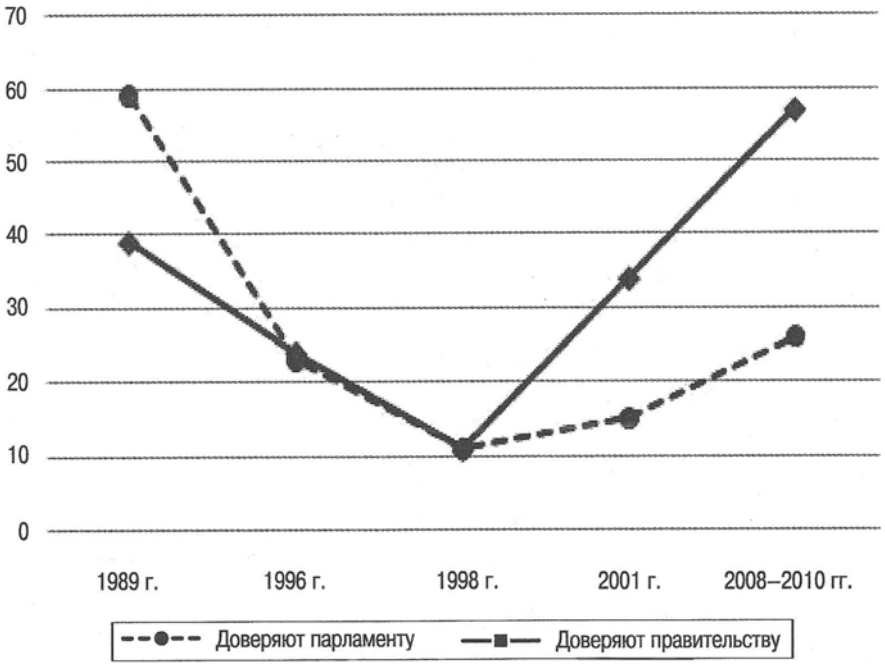


Рис. 7. Динамика доверия россиян к правительству и парламенты, %

государства, то второй — с 2005 года — с развитием потенциала человеческой личности. Чего так и не произошло.

Этот путинский период с идеологической точки зрения можно разделить на две части. В 2005–2006 годах, очевидно, доминировала социально-экономическая составляющая потенциала человеческой личности, а с 2007 года — к социальной впервые добавились нравственность, духовность. Но так и не стали доминирующими вплоть до настоящего времени, хотя и о нравственности, и о духовности стали говорить в 2007–2011 годы чаще. Не случайно именно в послании Президента РФ 2007 года впервые отчетливо зазвучали идеологические мотивы национальных, культурных и духовных ценностей, перспектив общественного развития.

Здесь необходимо вновь вернуться к принципиальной схеме, отображающей идеологию именно как систему взглядов для того, чтобы понять, что во второй половине первого десятилетия XXI века выбор российской элиты и общества сузился до ограниченного числа вариантов. Либеральный вариант («а»), как и традиционалистский («в»), стали пользоваться незначительной поддержкой. В той или иной степени, с разными нюансами и деталями стал преобладать социально-консервативный вариант («б») восприятия российской элитой и обществом системы ценностей, национальных интересов и, как следствие, — основных целей и задач развития. В разные периоды происходили «колебания», которые, однако, объективно ограничивались вариантами «$б^1$» и «$б^2$» социально-консервативной идеологии.

Эти «колебания» — естественное следствие крупных социальных катаклизмов, когда процесс «забегания вперед» неизбежно сменялся «откатом» и вновь движением маятника социальной инициативы вперед. Равновесие восстанавливается постепенно и только со временем. 2007–2011 годы и были таким временем, которым ни В. Путин, ни Д. Медведев не воспользовались. Это было время упущенных возможностей, когда инерция либерального мышления оказывала давление на действия «тандема». Одна группа либералов толкала развитие страны к вестернизации, другая — к бюрократически-либеральному режиму, но в целом обе группы, действуя в рамках все той же либеральной традиции, **препятствовали** естественному ходу вещей, принятию решений и развитию ситуации. Правящая элита не смогла (и не захотела) учитывать социальные и национальные интересы, буквально «выталкивая» развитие страны на неестественное и пагубное для нее либеральное направление.

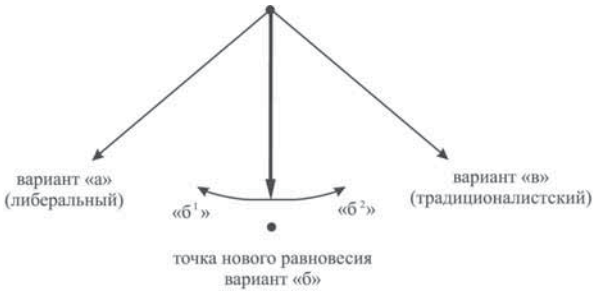
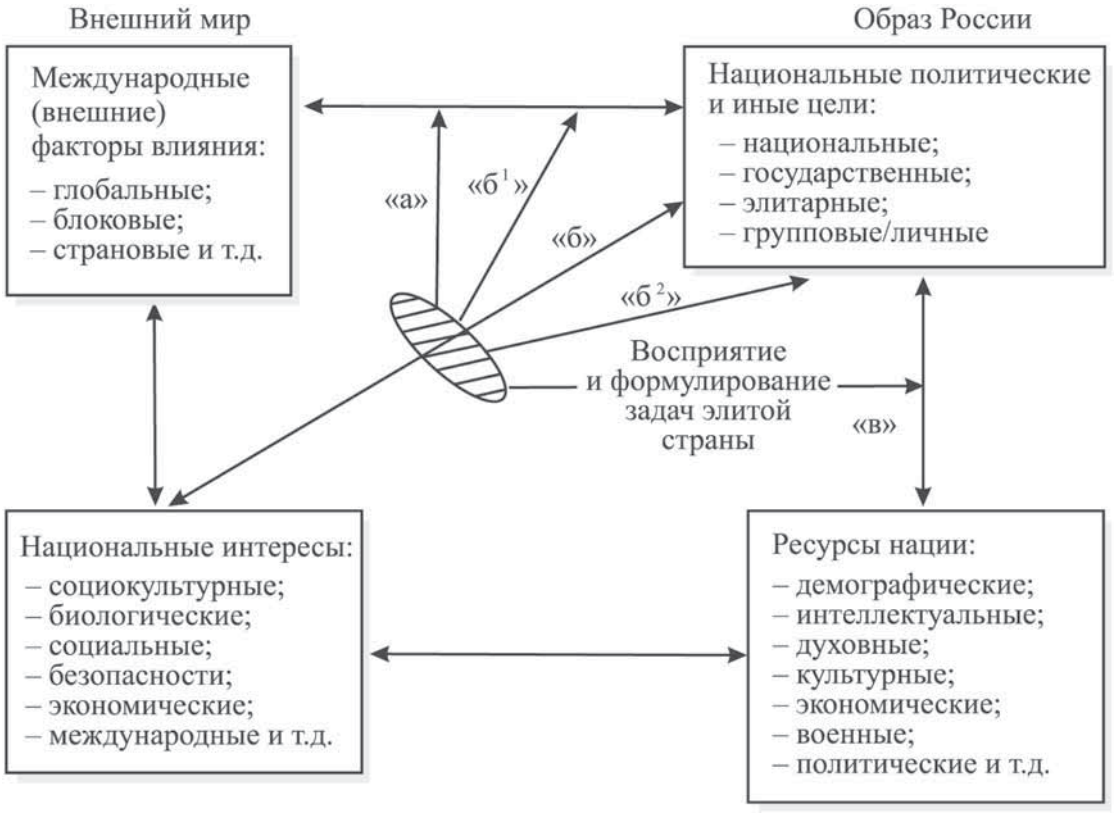


Рис. 8.

В целом можно констатировать, что в 2007–2010 годы «колебания маятника» шли по затухающей, ограничивая возможный вектор идеологического выбора правящей элиты. Хотя возникали и различные «толчки» как в направлении вектора «а» (либерального), так и «в» (консервативно-традиционалистского)



где варианты:
«а» — «либерально-прогрессивный» (условно: И. Юргенс, А. Кудрин и др.)
«б» — «либерально-консервативный» (условно: В. Путин);
«б¹» — «русского социализма»
«б²» — «традиционалистско-националистический».

Рис. 9.

На рисунке это можно было бы изобразить следующим образом. К 2010 году стало окончательно ясно, что никакого возврата уже не будет. Но не стало ясно, однако, **какой** из социально-консервативных вариантов будет доминировать: традиционалистский, националистический или русского социализма (рис. 9).

Любой из этих вариантов это, прежде всего, **осознание** правящей элитой национальных интересов и ценностей (со всей своеобразностью подходов); **формулирование целей и приоритетов**; **оценка международных реалий** и распределение (перераспределение) ресурсов.

Незавершенность, незаконченность перехода от либеральной традиции к русскому социализму в 2010–2011 годы означает, что на ближайшие 5–6 лет наиболее вероятными вариантами будут оставаться варианты «а» и «б». Со всеми вытекающими из этого последствиями — стагфляцией, вероятным кризисом 2012–2013 годов, медленным ростом, нищетой, бегством людей и капиталов и т.д. Как это и было в предыдущие 5–6 лет, когда не смогли отказаться от этих вариантов.

Если сохранится курс В. Путина — Д. Медведева, то впереди — десять лет консервации нынешнего курса, который развитием назвать невозможно, а вот стагфляций — можно. За 10 лет люди могли воочию убедиться в том, чем на самом деле занимается российская власть и как она исполняет свои обещания. И никто всерьез в нее не верит. Кроме нее самой.

Ситуация проста: если граждане хотят консервации нынешней квазистабильности с тотальной коррумпированностью всех сфер жизни, отсутствием социальных лифтов, подменой институтов власти и гражданского общества их муляжами, то по привычке проголосуют за действующее начальство. Если не хотят, то думские и президентские выборы — последний оставленный обществу шанс заявить о готовности к переменам. «Независимо от того, кем видит себя Путин в 2012 году — президентом, премьером или, как Муамар Каддафи, лидером нации без определенного поста, — обществу дан четкий сигнал: отдавать власть он не собирается. Теперь нации решать, собирается ли она еще, как минимум, десятилетие существовать при несменяемой власти с постоянным набором обещаний»[39]. В очередной раз подтвердился вывод М. Вебера, который «убедительно продемонстрировал, что культурно-идеологическая рационализация общественных отношений не всегда ведет к прогрессу морали в экономике и политике, как надеялись идеологи Просвещения. Рациональность эпохи модерна это, прежде всего, „инструментально-целевая“ рациональность, скрупулезное

подсчитывание средств и затрат, используемых для достижения результата с конечной целью обретения контроля над обществом. **На смену разрушенной религиозно-ориентированной традиции приходит вовсе не индивидуальная свобода и свободное общество, а бюрократизация общественных отношений и потеря смысла и самоценности индивидуальной и общественной жизни**»[40].

3. Предпосылки возникновения идеологии русского социализма

В 2006 году мы видим эксперименты по созданию сразу нескольких конкурирующих запросов — на новую стабильность, на социально ориентированное лидерство и на мобилизацию для борьбы с врагом[41].
Л. Шевцова

Государственной идеологией, я думаю, в ближайшем будущем станет вульгарный популизм… следующий президент России будет сочетать в себе рыночный либерализм с либеральным государственничеством[42].
А. Шутов

Современная идеология русского социализма, которая стала формироваться с начала нового десятилетия XXI века, появилась «не вдруг». Ее зачатки существовали еще в 1990-е годы в форме оппозиционной в то время государственно-патриотической идеологии[43]. Но социальный запрос у общества и элиты на эту идеологию в те годы не сформировался: либеральная и коммунистическая идеологии еще были слишком сильны (что проявилось, в частности, в преимущественном делении общества на «коммунистов» и «демократов»). Хотя уже и в те годы была своего рода пограничная зона — «демпатриоты»[44]. Именно эта категория людей в наибольшей степени была ориентирована на национально и социально значимые идеи, которые развивались в последующие годы, объединяясь в некое новое качество, присущее общенациональной идеологии. Этому способствовало два обстоятельства.

Во-первых, растущее понимание того, что у нации должна быть общая система ценностей и интересов, а, в конечном счете, и объединяющая идеология, которая смогла бы консолидировать общество и элиту в интересах самовыживания и развития.

Во-вторых, объединяющие нацию интересы и ценности, прежде всего сохранение государства, возвращение суверенитета, восстановление власти и другие идеи 2000–2006 годов, олицетворял В. Путин, т.е. он смог в той или иной форме удовлетворить национальный и социальный запрос общества на стабильность и сохранение единого государства. Уже в те годы многие понимали в общем-то очевидную истину, которую хорошо позднее сформулировал В. Э. Багдасарян: «Данные масштабных исследований исчерпывающе доказывают тот факт, что государства, имеющие национальную идеологию, практически по всем параметрам успешнее стран, отказавшихся от идеологической политики»[45].

Но после того, когда стало ясно, что В. Путин и Д. Медведев не смогли реализовать другой запрос — запрос на развитие, когда их политические действия и декларации стали все меньше восприниматься обществом, а уверения в верности либеральным традициям все чаще встречали непонимание, появились вновь те массовые запросы на социальную и национальную справедливость, которые существовали в 1990-е годы. Произошел своеобразный идеологический возврат, ставший очевидным в 2010–2011 годы.

Этот социологический закон «забегания вперед» и «возврата» сработал в 2010–2011 годы в полной мере. Схематично его можно изобразить следующим образом:

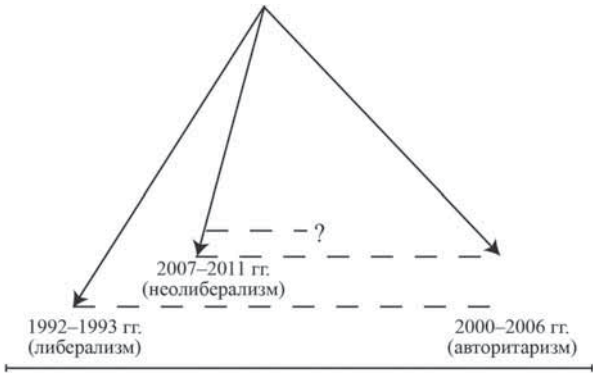


Рис. 10.

Как видно из рис. 10, движение «маятника социальных настроений» идет по затухающей. И спор «прогрессистов» и «консерваторов» либералов в 2011 году означал, что эти общественные силы боролись за то, чтобы «подтолкнуть» маятник как можно дальше. Образование ОНФ, «коррекция» либералами «Стратегии–2020» означали сдерживающие моменты в движении маятника в сторону либерализма.

В это же время нерешенность вопросов национального развития создавала для значительной части общества и даже небольшой части элиты, ориентированной на национальные интересы, объективную

потребность того, чтобы маятник вернулся назад, но уже не к иллюзиям В. Путина 2000–2006 годов, а к реалиям. В эти же годы шел процесс осознания ошибочности, псевдопривлекательности либерально-демократических ценностей. Он шел тем успешнее, чем больше абсолютное большинство нации осознавало, что оно потеряло и никогда больше не приобретет (до 70%) и как оно было одурачено отечественными и западными либералами. Как признавал в тот период один из видных экспертов по международным финансам профессор МГИМО(У)В. Катасонов, «…на протяжении нескольких столетий так называемая западная рыночная экономика, понимая свою ущербность перед альтернативными моделями экономики, использует неэкономические методы борьбы с конкурентами… политические, идеологические, духовные»[46].

Можно сказать, что к началу второго десятилетия XXI века общенациональная потребность в такой идеологии, которая ассоциировалась бы с идеологией развития, нации, для многих стала очевидной. Примечательно, что в пользу такой идеологии выступали, кроме традиционных слоев, как часть коммунистов, так уже и даже часть либералов из «Единой России». Необходимость ее озвучивалась в СМИ самыми разными силами[47].

Другая особенность этого периода — желание правящей элиты уйти не только от решения, но даже от самой постановки такого вопроса. Для «консерваторов» В. Путина, который высказался в апреле 2011 года против «шараханий», сохранение курса прагматизма «на 10 лет» это означало не только сохранение инерционной модели развития, но и отказ от любых системных идеологических поисков. Для либералов-«прогрессистов» осталось актуальным формальное требование «отказа от любой идеологии», означавшее на самом деле не только сохранение, но и развитие в России либеральной идеологии и либерального курса. Вместо новой идеологии и те и другие предлагали новые институты. В рамках все той же либеральной традиции. Как заметил Д. Бутрин, «элита в России оторвана от общества, но при этом она берет на себя право предлагать институты»[48]. Институты, как правило, бесполезные, даже вредные[49].

Эти процессы удивительным образом сочетались с ростом безнравственного и откровенно хамского поведения значительной части правящей элиты, которое стало одним из главных сюжетов в многочисленных выступлениях в СМИ и особенно в Интернете. Особенно возмутительные стали дорогие и нередко бессмысленные госзакупки, которые выглядели вызывающими в глазах населения, а ФЗ 94 стал предметом ежедневной критики[50].

Еще одна тенденция, ставшая объективной предпосылкой для появления идеологии русского социализма, — рост Интернет-пользователей, среди которых абсолютное большинство составляет креативную часть общества, находящуюся вне прямого воздействия либеральной правящей элиты и ее идеологии. «Регулярные замеры, проводимые ФОМом, — отмечается в докладе ФОМ, — свидетельствуют о постоянном росте числа интернет-пользователей в России. По данным последнего исследования „Интернет в России“, зимой 2010–2011 года **доля интернет-пользователей среди взрослого населения составила 43% (50 млн человек). При этом трое из каждых десяти пользователей составляют активную аудиторию — выходят в сеть хотя бы раз в сутки. Общая численность активной интернет-аудитории к концу 2010 года достигла 36 млн человек**.

Среднеквартальный рост интернет-аудиторий за 2010 год в целом по стране для месячной, недельной и суточной аудиторий составил соответственно 4%, 5% и 8%. Очевидно, что темпы роста аудитории интернет-пользователей будут снижаться, но вряд ли составят меньше 2–4% в квартал — прирост, который в последнее время фиксируется в Москве и Санкт-Петербурге»[51].

Наконец, пугающе быстро стала расти численность тех, кто хочет отъехать и уезжает за рубеж: по некоторым оценкам, от 10% до 20%. Это свидетельствует прежде всего о том, что многие не связывают свое будущее с Россией[52].

Провал социальной и национальной политики в 2010–2011 годах становился все очевиднее. И к этим темам в этот период возвращались все чаще. Так, например, трудно возразить на следующую аргументацию: «…на каждого гражданина России приходилось в 2010 г. по 5000 руб. средств из федерального бюджета в виде самых разных трансфертов. Теперь те же показатели по Северному Кавказу: Ставропольский край — 6000 руб. на человека в год (что неудивительно — там живут русские люди); Республика Северная Осетия — 12 000; Кабардино-Балкарская Республика — 12 900; Карачаево-Черкесская Республика — 13 600; Республика Дагестан — 14 800; Чеченская республика — 48 200. На одного чеченца приходится в 10 раз больше средств федерального бюджета, чем на жителя России как такового, а всего на Северном Кавказе приходится в 6 раз больше общегосударственных средств на душу населения, чем в Центральной России, на Дальнем Востоке, в Сибири и т.д. Неудивительно, что самым благоустроенным, самым шикарным городом в России становится Грозный, неудивительно, что в селах Чечни вырастают только кирпичные дома. Все это преподносится как некая компенсация за боевые действия на территории Чечни, но при этом ни один русский человек, который был вынужден покинуть республику во время так называемых этнических чисток Дудаева, не получил ни рубля компенсации за свое брошенное жилище, за своих поруганных женщин»[53].

Победа В. Путина и Д. Медведева в 2000, 2004 и 2008 годах может быть расценена как победа большинства (более 50%), отказавшегося от коммунистической и либеральной идеологии, но не определившегося ясно с новой идеологией. Проблема, таким образом, заключалась в том, что, **отказавшись** от этих идеологий, элита и общество сознательно **не**

выбрали свою, определенную идеологию, фактически навязав обществу либеральную модель. В 2000–2010 годы шел процесс генерации идей, отдельных программ, создание достаточно размытых контуров новой идеологии. Определенности в целях развития, ясности в необходимых ресурсах и четких приоритетах прибавилось в эти годы мало. Даже появление многочисленных долгосрочных стратегий и концепций, в которых, казалось бы, было необходимо отразить принципиальные положения, не привело к созданию политико-идеологической **системы взглядов**, которой бы придерживалось большинство элиты[54].

Тем не менее, эмпирически российская элита пришла к определенным выводам, которые, даже не будучи оформленными в систему и некую доктрину, стали отражать ее устойчивое отношение к тем или иным явлениям, т.е. процесс формирования общенациональной идеологии[55] начался. Ее условно можно назвать «либерально-бюрократической». Можно даже сказать, что по отношению к ряду фундаментальных ценностей у российской элиты стало складываться устойчивое отношение. Прежде всего медленно начался процесс отхода от абсолютизации макроэкономических показателей, которые до этого не просто доминировали, но были единственными критериями в пользу размытых **социальных критериев**. В частности, таких как индекс развития человеческого потенциала, качества жизни, душевых доходов, прожиточного минимума и других. Эти показатели, характеризующие преимущественно уровень социального развития, а также эффективность современного государства, стали признаваться в качестве «более тонкого и адекватного инструмента по сравнению с макроэкономическими индикаторами»[56].

К важнейшим предпосылкам, способствовавшим формированию идеологии русского социализма, можно отнести то, что в 2006–2010 годы сохранялось значительное число сторонников «традиционализма», так и то, что постепенно рос лагерь «модернизаторов». При этом между ними сохранялось примерное равновесие, которое, на мой взгляд, свидетельствует в пользу принципа «синтеза» идеологии русского социализма[57].

Таким образом, это действительно **принципиально различающиеся по своим ценностям и установкам мировоззренческие «группы»** — делают выводы социологи РАН.

Табл. 4. Некоторые особенности нормативно-ценностных систем представителей различных мировоззренческих групп, %

Альтернативные пары ценностных суждений	Группы			
	«Традиционалисты»	Промежуточная	«Модернисты»	Массив в целом
Нравятся перемены, нравится жить в постоянно обновляющемся мире	14	42	67	57
Все перемены обычно к худшему, пусть лучше все остается таким же, как и прежде	86	58	33	43
Главное — это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством	86	58	33	57
Главное — это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве	14	42	67	43
Уверены, что смогут обеспечить себя и свою семью сами, и потому не нуждаются в материальной помощи со стороны государства	14	36	66	39
Без материальной поддержки со стороны государства им выжить сложно	86	64	34	61
Свобода — то, без чего жизнь человека теряет смысл	37	55	73	56
Главное в жизни — материальное благополучие, а свобода второстепенна	63	45	27	44
Упорный труд не является причиной успеха — успех в большей степени результат везения и личных связей	59	52	40	51
Если упорно трудиться, то в долговременной перспективе это, как правило, оборачивается улучшением жизни	41	48	60	49
Чтобы отстоять свои интересы и права, необходимо за них активно бороться	40	52	68	54
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	60	48	32	46

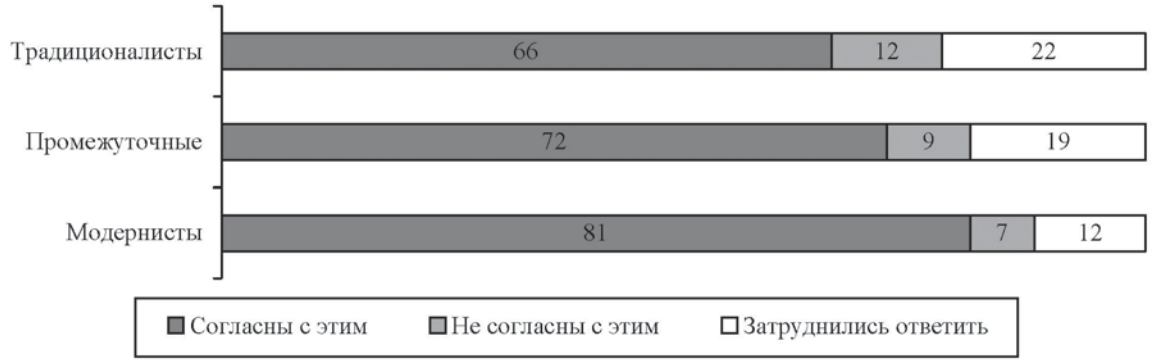


Рис. 11. Оценка того, имеет ли право каждый человек право отстаивать своё мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения, в разных мировоззренческих группах, %

Естественно, что такие назревшие экономические и социальные потребности (национальные интересы) стали преломляться и в идеологической области. Не только оппозиционные партии, но и «Единая Россия», и часть элиты стали настойчиво говорить о долгосрочной социальной политике. В элите стали популярны идеи социального консерватизма, которые, надо сказать, за все последующие годы не получили своего развития, и, тем более, не стали стратегическим курсом. Отрицать их влияние, однако, было бы неверно. Как и усилия В. Путина, Д. Медведева, а также части правящей элиты, которые риторически акцентировали внимание на этих аспектах своей политики.

Так, по оси «традиционализм — либерализм» российская элита вполне определенно зафиксировала свои симпатии в 2000–2010 годах на позициях консерватизма, т.е. умеренно эволюционного развития. Вся практика политических действий В. Путина и Д. Медведева за 2000–2011 годы это подтверждает. Вместе с тем следует сделать две существенные оговорки.

Прежде всего, как и все симпатии, симпатия к стабилизации («консервации»), похоже, в 2011 году у российской общественности пошла на убыль, а требования к развитию стали нарастать. «Усталость» от стабильности — черта политической жизни второго десятилетия XXI века в России, которая ассоциировалась со стагфляцией и потерей перспективы. Это связано с тем, что потенциал творчества в российском обществе велик (хотя почему-то считается, что нет), что показывают соцопросы[58] (рис. 11).

Как видно, доля самостоятельно мыслящих и, соответственно, поведенчески настроенных граждан высока. И за последние 10 лет она существенно выросла. Особенно в категориях до 40 лет, составив к 2011 году абсолютное большинство граждан.

В эти же годы стало нарастать такое явление, как «конвергенция» идеологий, связанное, на мой взгляд, с тем, что приоритетность развития НЧП становилась очевидной для всех идеологий и их разновидностей — либеральных, консервативных, социалистических, стала их «общим знаменателем»: «…понятие „идеология“… пережило определенную эволюцию и **потеряло свою прежнюю** (например, коммунистическую, национально-социалистическую или вульгарно-либеральную) однозначную, бесспорную трактовку. В этом смысле примечательно, что из-за нынешнего кризиса в странах, тради-

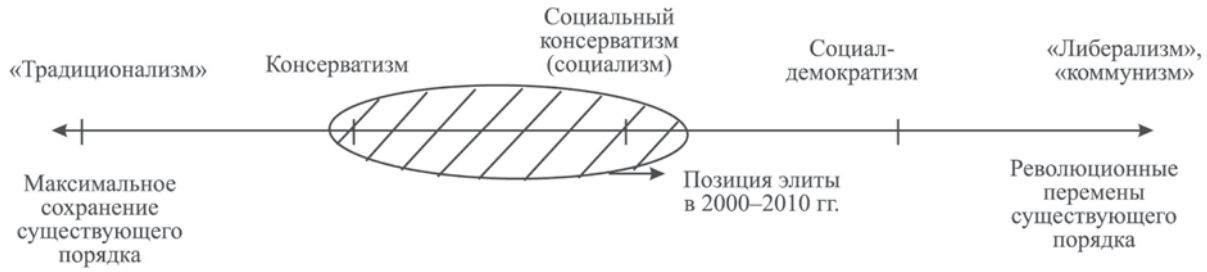


Рис. 12.

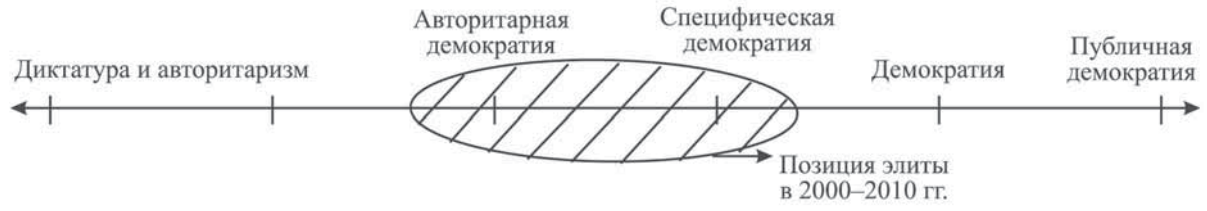


Рис. 13.

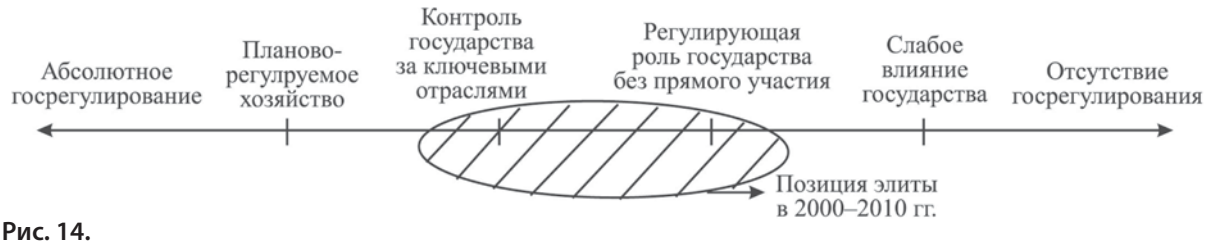


Рис. 14.

Рис. 16.

ционно считающихся либеральными, **происходит легитимизация и развитие социалистических идей**. В результате формируются «полиидеологические» общества, в которых в той или иной степени действуют как универсальные (социалистические и либеральные), так и **выражающие национально-цивилизационные представления идеологические взгляды**»[59].

Отношение по оси «перемены — традиционализм-либерализм»

С конца 2010 года началось быстрое и все ускоряющееся движение на этой оси в сторону дестабилизации и социальных перемен. Недовольство в элите стало зримо нарастать, а позиция «консервации», высказанная В. Путиным в отчете правительства 20 апреля 2011 года, встретила критику даже в лояльных СМИ (рис. 12).

Отношение по оси «диктатура — неограниченная демократия»

По оси политического характера режима — «диктатура» — «неограниченная демократия» правление В. Путина и Д. Медведева также вполне определенно позиционировалось в области между авторитарной и специфической демократией.

Здесь наблюдалось заметное оживление у части элиты — не только либеральной, но и левой, — в направлении ослабления «вертикали власти». Д. Медведев неоднократно делал заявления и даже принимал некоторые решения в направлении ослабления «вертикали». Так, на Петербургском экономическом форуме в июне 2011 года он прямо заявил о необходимости пересмотра властных полномочий в пользу местной власти.

Вместе с тем начался процесс кристаллизации части сил, заинтересованных в развитии авторитарной тенденции, превращении ее в тоталитарную или монархическую. Это относится не только к росту числа сторонников И. Сталина, но и тех, кто разочаровался в демократии (рис. 13).

По оси государственного участия в экономической жизни страны можно также говорить о вполне устойчивом позиционировании (с некоторыми колебаниями) власти в пользу передачи части полномочий от центральных органов к местным и общественным организациям, которых стали допускать ближе к управлению.

Отношения по оси «государственный — частный контроль»

По оси участия государства в экономике наблюдались прямо противоположные тенденции. С одной стороны, кризис 2008–2011 годов заставил вернуться к госрегулированию во многих областях не только в России, но и в других странах мира (рис. 14).

С другой стороны, в России продолжала доминировать неадекватная либеральная традиция сокращения роли государства в экономике. Что проявилось во многих негативных последствиях. Например, в росте импорта, который стал прямой угрозой национальной безопасности[60].

Как видно из приведенных данных, всего лишь за один год (с апреля 2009 по апрель 2010 год) импорт в Россию вырос более чем на 30% (рис. 15).

Источник: ФТС расчёты «Ведомостей»

Рис. 15. Динамика импорта России из стран дальнего зарубежья, апрель 2010 г. к апрелю 2009 г., %

Новые требования либералов 2010–2011 годов вновь повторяли допуск иностранных инвестиций в стратегические отрасли экономики, приватизацию оставшихся предприятий и т.д.

Отношения по оси «инновационность — застой»

По оси «инерционность — инновации» реальная ситуация выглядела следующим образом (рис. 16).

Действительно, сформулированные в эпиграфе социальные запросы относятся к вполне определенному временному отрезку, а именно и 2007 году, когда завершился период внутриполитической и макроэкономической стабилизации. Именно с ростом таких запросов объективно появляется потребность в выборе стратегии и принятии принципиальных стратегических решений. Что отражается немедленно в общественном мнении, которое позитивно воспринимает такие символы, как «порядок» (58%), «справедливость» (49%) и «стабильность» (38%)[61], т.е. общественные запросы достигли своего критического уровня, уровня национальной безопасности. Как справедливо подчеркивает в своей работе «Стратегический анализ политики» Э. Ожиганов, «необходимость стратегических решений становится очевидной, когда эта триада („организация — ресурсы — время“) оказывается в условиях, которые заставляют отвечать на „вызовы“ или оказаться за чертой безопасности»[62].

Период стабилизации, завершившийся к 2007 году, можно охарактеризовать следующими особенностями, которые способствовали стабилизации, но стали препятствием к развитию:

1. **Экономические особенности:**

— количественно уровень ВВП в 2007 году вышел на уровень РСФСР 1990 года, т.е. формально период восстановления экономики завершился;
— структура экономики России в 2007 году по целому ряду показателей была хуже, чем в 1990 году;
— структура экспорта России в 2007 году была радикально хуже, чем в 1990 году (например, в 1990 году в экспорте в Китай машиностроительная продукция занимала 90%, а энергетика — 10%. В 2007 году — наоборот);
— темпы роста ВВП определялись преимущественно темпами роста цен на энергоносители;
— появились элементы экономики знаний.

2. **Политические особенности:**

— к 2007 году федеральному правительству удалось восстановить полностью контроль над регионами;
— была приведена в соответствие правовая база федерального центра и регионов;
— полностью контролировался внутриполитический процесс в стране, включая деятельность политических партий;
— фактически взяты под контроль институты гражданского общества, прежде всего федеральные электронные СМИ. Вместе с тем говорить о полном контроле над СМИ было бы сильным преувеличением;
— формировался авторитарный режим управления страной при неспособности элиты полностью контролировать своих представителей;
— возникло понимание значения человеческого потенциала и роли социальной политики.

3. **Идеологические особенности:**

— фактический отказ от некритического восприятия либеральных ценностей;
— маргинализация коммунистической и других традиционалистических идеологий;
— поиск эффективной стратегии развития при непонимании ее зависимости от идеологии;
— попытка замены идеологии прагматизмом;
— формирование контуров социально-консервативной идеологии;
— отсутствие у элиты единых идеологических и нравственных норм, а также чувства ответственности.

Эти экономические, политические и идеологические особенности отчетливо видны в количественных показателях периода стабилизации (табл. 5). Так, ВВП в номинальных целях вырос за 2003–2008 годы в 3 раза, так же как и душевой ВВП (в реальных — порядка 40–45%).

Резко выросли и другие количественные показатели — объем и профицит бюджета, из которых реальный рост наблюдался в физическом объеме строительства (в 2 раза), которые, к сожалению, так и не достигли уровня СССР или развитых стран.

Одновременно росли и социальные выплаты, и средняя зарплата. Однако этот рост быстро «съедался» инфляцией, прежде всего на потребительские товары и услуги.

Как видно из статданных (табл. 6), процесс внутриполитической стабилизации сопровождался медленным позитивным процессом в социальной области, который, на мой взгляд, свидетельствовал не о сознательной социальной политике власти, а о выделении ею **остатков сверхдоходов** в пользу нищих, составлявших большинство населения России. Шел медленный процесс перехода некоторых категорий из статуса «нищий» в статус «бедных» и из статуса «бедных» в статус «небогатых» (т.е. почти бедных). В конечном счете, это привело к тому, что доля нищих существенно сократилась (но все равно осталась неприемлемо высокой), а доля бедных слоев населения стала преобладать. Россия перестала быть страной нищих и сверхбогатых и превратилась в страну преимущественно «бедных, но умных».

На самом деле, как показывают события в Северной Африке и на Ближнем Востоке 2011 года, этот процесс объективного перехода основной массы граждан из категории «нищих» в категорию «бедных» не так положителен, как он может показаться. Те, кто по критериям самооценки и образования, становятся близки к низшим слоям среднего класса, не только

Табл. 5. Основные показатели социально-экономического развития Российской Федерации[63]

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
	Основные макроэкономические показатели					
Валовой внутренний продукт (ВВП), млрд руб.	13 243,2	17 048,1	21 625,4	26 903,5	33 111,4	41 668,0
на душу населения, тыс. руб.	91,6	118,5	151,1	188,8	233,0	293,5
в процентах к предыдущему году	107,3	107,2	106,4	107,7	108,1	105,6
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млрд руб.:						
добыча полезных ископаемых	…	…	3062	3721	4489	5272
обрабатывающие производства	…	…	8872	11 185	13 978	16 877
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	…	…	1691	2162	2146	2545
Индекс промышленного производства, в процентах к предыдущему году	108,9	108,0	105,1	106,3	106,3	102,1
Индекс производства продукции сельского хозяйства, в процентах к предыдущему году	101,3	103,0	102,3	103,6	103,4	110,8
Оборот розничной торговли, млрд руб.	4529,7	5642,51	7041,5	8711,9	10 869,0	13 919,6
в процентах к предыдущему году	108,8	113,3	112,8	114,1	116,1	113,5
Платные услуги населению, млрд руб.	1430,7	1789,7	2271,7	2798,9	3424,7	4083,4
в процентах к предыдущему году	106,6	108,4	106,3	107,6	107,7	104,4
Индекс потребительских цен, декабрь к декабрю предыдущего года, процентов	112,0	111,7	110,9	109,0	111,9	113,3
Ввод в действие общей площади жилых домов, млн м^2	36,4	41,0	43,6	50,6	61,2	64,1
в процентах к предыдущему году	107,7	112,6	106,1	116,1	121,1	104,6
Доходы консолидированного бюджета, млрд руб.	4138,7	5429,9	8579,6	10 625,8	13 368,3	16 003,9
в процентах к ВВП	31,2	31,9	39,7	39,5	40,4	38,4
в процентах к предыдущему году	117,6	131,2	…	123,8	125,8	119,7
Расходы консолидированного бюджета, млрд руб.	3964,9	4669,7	6820,6	8375,2	11 378,6	13 991,8
в процентах к ВВП	29,9	27,4	31,6	31,1	34,4	33,6
в процентах к предыдущему году	115,9	117,8	…	122,8	135,9	123,0
Профицит, дефицит (-) консолидированного бюджета, млрд руб.	173,8	760,2	1759,0	2250,6	1989,7	2012,1
в процентах к ВВП	1,3	4,5	8,1	8,4	6,0	4,8
Поступление средств в государственные внебюджетные фонды, млрд руб.	1138,8	1373,7	1884,8	2323,8	2844,8	3790,2
в процентах к ВВП	8,6	8,1	8,7	8,6	8,6	9,1
в процентах к предыдущему году	119,8	120,6	137,2	123,3	122,4	133,2
Расходование средств государственных внебюджетных фондов, млрд руб.	1098,3	1305,3	1797,8	2207,3	2687,8	3437,1
в процентах к ВВП	8,3	7,7	8,3	8,2	8,1	8,2
в процентах к предыдущему году	104,5	118,8	137,7	122,8	121,8	127,9

Табл. 6. Основные показатели социально-экономического развития Российской Федерации[64]

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Оплата труда наемных работников, включая скрытые оплату труда и смешанные доходы, млрд руб.	6231	7845	9474	11 986	15 304	19 010
в процентах к ВВП	**47**	**46**	**44**	**44**	**46**	**46**
в процентах к предыдущему году	123,0	125,9	120,8	126,5	127,7	124,2
Располагаемый доход домашних хозяйств, млрд руб.	7657	9615	12 110	14 835	18 044	…
на душу населения, руб.	52 967	66 853	84 614	104 118	126 966	…
в процентах к предыдущему году	107,3	113,2	111,8	111,6	111,6	…
Социальные трансферты в натуральной форме, млрд руб.	1170	1409	1801	2273	2841	3393
на душу населения, руб.	8090	9795	12 585	15 951	19 995	23 900
в процентах к предыдущему году	101,8	99,5	102,5	101,0	102,3	100,2
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств, млрд руб.	7710	9814	12 391	15 161	18 742	23 447
на душу населения, руб.	53 330	68 240	86 582	106 401	131 882	165 170
в процентах к предыдущему году	106,7	110,2	110,5	109,9	112,0	109,6
	Основные показатели уровня жизни населения					
Демографическая ситуация						
Численность населения (на конец года), млн человек	144,2	143,5	142,8	142,2	142,0	**141,9**
в процентах к предыдущему году	99,5	99,5	99,5	99,6	99,9	99,9
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет:						
все население	64,9	65,3	65,3	66,6	67,5	**67,9**
мужчины	58,6	58,9	58,9	60,4	61,4	61,8
женщины	71,8	72,3	72,4	73,2	73,9	74,2
Общий коэффициент рождаемости (на 1000 человек населения)	10,2	10,4	10,2	10,4	11,3	12,1
Общий коэффициент смертности (на 1000 человек населения)	16,4	16,0	16,1	15,2	14,6	14,6
Естественный прирост, убыль (-) населения, тыс. человек	**–888,5**	**–792,9**	**–846,5**	**–687,1**	**–470,3**	**–362,0**
на 1000 человек населения	–6,2	–5,6	–5,9	–4,8	–3,3	–2,5
Коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте (на 100 000 человек населения соответствующего возраста)	**810,6**	**807,1**	**826,5**	**746,1**	**695,4**	**685,7**
Коэффициент младенческой смертности (на 1000 родившихся живыми)	**12,4**	**11,6**	**11,0**	**10,2**	**9,4**	**8,5**
Коэффициент детской смертности (до 5 лет; на 1000 родившихся живыми)	**15,7**	**14,5**	**13,9**	**13,0**	**11,8**	**10,8**
Общий коэффициент брачности (на 1000 человек населения)	**7,6**	**6,8**	**7,5**	**7,8**	**8,9**	**8,3**
Общий коэффициент разводимости (на 1000 человек населения)	**5,5**	**4,4**	**4,2**	**4,5**	**4,8**	**5,0**

Табл. 7. Основные показатели социально-экономического развития Российской Федерации[65]

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Экономическая активность населения						
Среднегодовая численность занятых в экономике, млн человек	66,0	66,4	66,8	67,2	68,0	68,5
в процентах к предыдущему году	100,6	100,6	100,6	100,6	100,9	100,7
Численность безработных, тыс. человек	5683	5775	5208	4999	4246	5289
Численность безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения, тыс. человек	1639	1920	1830	1742	1553	1522
Доходы населения и социально-экономическая дифференциация						
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	**5170**	**6410**	**8112**	**10 196**	**12 603**	**14 939**
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в процентах к предыдущему году	115	110	112	113	112	102
Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения, процентов:						
1-я группа (с наименьшими доходами)	**5,5**	**5,4**	**5,4**	**5,2**	**5,1**	**5,1**
5-я группа (с наибольшими доходами)	**46,2**	**46,7**	**46,7**	**47,3**	**47,9**	**47,9**
Коэффициент фондов, в разах	14,5	15,2	15,2	16,0	16,8	16,9
Коэффициент Джини	0,403	0,409	0,409	0,416	0,423	0,423
Среднемесячная начисленная заработная плата одного работника, руб.	5499	6740	8555	10 634	13 593	17 290
Реальная начисленная заработная плата одного работника, в процентах к предыдущему году	111	111	113	113	117	111
Средний размер назначенных пенсий, руб.	1637	1915	2364	2726	3116	4199
Реальный размер назначенных пенсий, в процентах к предыдущему году	105	106	110	105	105	118
Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения, руб. в месяц	2112	2376	3018	3422	3847	4593
в процентах к предыдущему году	117	113	119	113	112	119
Покупательная способность (количество наборов прожиточного минимума):						
среднедушевых денежных доходов	2,45	2,70	2,69	2,98	3,28	3,25
среднемесячной начисленной заработной платы	2,39	2,59	2,63	2,88	3,27	3,48
среднего размера назначенных пенсий	1,02	1,06	0,98	1,00	1,02	1,15
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (млн человек)	29,3	25,2	25,2	21,5	18,7	18,5
в процентах от общей численности населения	20,3	17,6	17,7	15,2	13,3	13,1
в процентах к предыдущему году	82,3	86,0	87,7	85,3	87,0	98,9
Дефицит денежного дохода, млрд руб.	235,4	225,6	286,9	276,6	270,3	319,5
в процентах от общего объема денежных доходов населения	2,6	2,1	2,1	1,6	1,3	1,2
Минимальный размер оплаты труда (в среднем за год), руб.	487,5	600,0	746,7	1000,0	1500,0	2300,0

Табл. 8. Основные показатели социально-экономического развития Российской Федерации[66]

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Питание						
Энергетическая ценность пищевого рациона, на душу населения, ккал в сутки	2488	2458	2630	2554	2564	2550
в процентах от общей энергетической ценности:						
продукты животноводства	28,3	28,4	27,3	28,6	29,6	30,3
продукты растениеводства	71,7	71,6	72,7	71,4	70,4	69,7
Содержание в потребленных продуктах питания животных белков, на душу населения, г в сутки	36	36	39	40	42	43
Жилищные условия						
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м^2	**20,2**	**20,5**	**20,9**	**21,3**	**21,5**	**22,0**
Число семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в процентах от общего числа семей	11	10	7	6	6	6
Состояние здоровья						
Зарегистрировано больных с впервые установленным диагнозом на 1000 чел. населения	748,6	744,9	745,9	763,9	771,0	772,0
Коэффициент смертности от самоубийств (число умерших на 100 000 чел. населения)	**36,1**	**34,3**	**32,2**	**30,1**	**29,1**	**27,1**
Медицинское обслуживание						
Численность врачей на 1000 чел. населения	4,8	4,8	4,9	4,9	5,0	5,0
Число больничных коек на 10 000 чел. населения	111,6	112,5	111,3	109,2	107,2	98,6
Образование						
Число государственных и муниципальных дневных общеобразовательных учреждений	63 759	62 474	60 771	58 669	55 710	53 568
В них численность учащихся, тыс. человек	17 254	16 098	15 113	14 291	13 695	13 363
Число государственных и муниципальных учреждений среднего профессионального образования	2627	2637	2688	2631	2566	2535
Численность студентов в государственных и муниципальных учреждениях среднего профессионального образования на 10 000 человек населения	174	174	173	168	161	151
Число государственных и муниципальных высших учебных заведений	**652**	**662**	**655**	**660**	**658**	**660**
Численность студентов государственных и муниципальных высших учебных заведений на 10 000 человек населения	**388**	**408**	**419**	**431**	**437**	**438**

Табл. 9. Основные показатели социально-экономического развития Российской Федерации[67]

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Культура						
Число посещений театров на 1000 человек населения	**201**	**196**	**196**	**201**	**206**	**214**
Число посещений музеев на 1000 человек населения	**511**	**517**	**528**	**556**	**555**	**569**
Издание книг, брошюр на душу населения в год, экз.	**5**	**5**	**5**	**4**	**5**	**5**
Издание журналов на душу населения в год, экз.	**8**	**7**	**8**	**8**	**10**	**11**
Туризм и отдых						
Численность лиц, обслуженных в специализированных средствах размещения, тыс. человек	9002	9711	10 281	10 493	10 763	11 031
Число выездов российских граждан в страны дальнего зарубежья с целью туризма, тыс. поездок	**4615**	**5791**	**6405**	**7132**	**9039**	**10 822**
Недвижимость						
Удельный вес жилищного фонда в частной собственности граждан, процентов	68	70	74	77	78	79
Средства передвижения						
Число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения, шт.	**153**	**159**	**169**	**178**	**195**	**214**
Правонарушения						
Число зарегистрированных преступлений за год, тыс.	2756	2894	3555	3855	3583	3210
Коэффициенты смертности от убийств (число умерших на 100 000 человек населения)	**29,1**	**27,3**	**24,9**	**20,2**	**17,9**	**16,7**

становятся активнее, но и требовательнее. Особенно с получением доступа к Интернету, число пользователей которого в России в 2011 году превысило 50 млн человек.

Как видно из статданных (табл. 7), к 2008 году численность населения с доходом ниже прожиточного уровня сократилась с 20% до 13% (в последствии эта цифра странным образом стабилизировалась и, похоже, даже планируется на будущее).

В целом же можно сделать вывод, что бурный рост в 2003–2008 годы (в разы) мало отразился на экономическом положении граждан. Им доставалось то, что оставалось, крохи от этого роста. То есть, рост ВВП слабо отражался на социальной структуре и росте доходов большинства граждан. Этот рост, похоже, «уходил». Куда? Ответ понятен: отток капиталов за рубеж в эти годы оставался на таком же фантастически высоком уровне, как и в предыдущие годы, когда наворованные от приватизации деньги конвертировались в зарубежные счета. Россия 2000–2010 годов стала страной оффшоров, из которых полностью контролировалось распределение национального богатства страны.

Этот вывод подтверждают официальные данные, иллюстрирующие состояние НЧП в 2003–2008 годы, динамика изменения которого в период «бурного роста» просто поражает (табл. 8, 9).

Из этих данных (подчеркну, официальных) можно сделать следующие выводы о реальной динамике в развитии НЧП и реальном отношении элиты к нации и ее развитию:

1. Качество питания за годы «бурного роста» практически не изменилось для всего населения, т.е. осталось недопустимо низким, не соответствующим мировым стандартам, несмотря на то, что более 70% граждан тратят все свои деньги только на пропитание и самое необходимое.
2. Практически не изменились жилищные условия, несмотря на все программы, которые декларировал В. Путин. Общая площадь на 1 жителя «выросла» с 20,2 м^2 до 22,0 м^2.
3. В области здравоохранения сократилась численность больничных коек, а численность больных — выросла. Единственный результат — уменьшение эпидемии самоубийств, всплеск которой пришелся на начало 90-х годов XX века.
4. В области образования наблюдался процесс резкого сокращения школ и учащихся, при стабилизации численности высших учебных заведений и росте численности студентов.

Рост доходов государства не сопровождался инвестициями в НЧП в этот период. Это — главный вывод, который можно сделать из анализа статистических данных периода «быстрого развития» страны в 2003–2008 годы.

Эти выводы можно сделать, подчеркну, из анализа объективных показателей развития России за 2003–2008 годы. Из этого можем сделать и главный

политический вывод: накануне кризиса 2008–2010 годов Россия была **подготовлена к движению вперед, развитию, завершению периода стабилизации и быстрому развитию НЧП, но так и не смогла закончить переходный период, который** (в т.ч. из-за кризиса) **растянулся до 2011 года**. Из-за того, что идеологически сохранялась ставка элиты на либеральный путь развития, который в условиях России того времени означал, во-первых, разворовывание национального богатства, и, во-вторых, вывод его за пределы страны. Идеологически это подтверждает, что «…именно идеология формулирует тот политический идеал… достижение которого становится самоцелью»[68]. «Политический идеал» — разворовывание богатства страны.

Подчеркну, что все указанные предпосылки и условия сложились уже к 2007 году, как и соответствующие «вызовы», в т.ч. и на идеологическое и политическое лидерство[69]. Принятие новых стратегических (идеологических) решений стало объективно неизбежным для того, чтобы адекватно ответить на эти вызовы и не оказаться за чертой безопасности. Но их так и не последовало. Так, например, на фоне положительных экономических тенденций в 2007 году сохранялись и крайне опасные, отрицательные. Если, например, в 1990 году энергомашиностроение СССР занимало до 12% мирового рынка, то в 2007 году — менее 2%[70]. И это отставание никакое «удвоение ВВП» не сократило.

Поэтому необходимость стратегических (идеологических) решений была вызвана как положительными тенденциями — необходимостью перехода к ускоренному росту (а не развитию), так и сохраняющимися, даже усиливающимися отрицательными. Такая необходимость осознавалась в российской элите вполне отчетливо и находила свое выражение в том числе в спорах о вариантах развития («ресурсном», «инерционном», «интенсивном» и др.), дискуссия по которым началось еще в 2004 году. Так, в 2004 году в книге «XXI век: стратегия для России» в 3-й главе я описал три возможных варианта развития страны до 2015 года, назвав их «инерционным», «экстенсивно-ресурсным» и «интеллектуально-технологическим»[71]. К сожалению, 2005–2010 годы показали, что перехода к интенсивному варианту не произошло[72].

Вместе с тем, в эти же годы (и особенно в 2009–2010 годы) усилилась дискуссия о модернизации и инновациях, которую можно рассматривать как интенсификацию идеологического поиска элитой интенсивного и либерального варианта развития. Поиск без соответствующей идеологии ни к чему не ведет. Эмпирические импульсы, периодически посылаемые В. Путиным и Д. Медведевым, не укладываются в систему взглядов по простой причине: такой системы просто нет. Не решены общие вопросы. Они не увязаны в единую систему и не закреплены правовыми нормами.

И здесь мы пока видим ту же особенность, которая характерна для всего периода президентства В. Путина, а затем и Д. Медведева: стратегические решения принимаются как бы «сами собой», «революционно», без дискуссии в обществе и широкомасштабной пропагандистской кампании. Паркетный пиар заменил системную идеологическую работу. Так, принятие к исполнению в апреле 2007 года М. Фрадковым поручения В. Путина о разработке долгосрочной социально-экономической стратегии произошло как бы «вскользь» на заседании правительства РФ. Принятие стратегических программ развития также происходило «в рабочем порядке», как правило, на плановых заседаниях правительства или Госсовета. Причем эти стратегические решения «вырывались» из общего идеологического контекста. Иногда это выглядело даже как сознательное решение, диктуемое голым прагматизмом, а не продуманной стратегией развития.

Такой механизм принятия решений неизбежно вызывает критику, ибо увидеть эволюцию принятия стратегических решений без идеологического обоснования не просто. Даже невозможно. Они «тонут» в обыденной практике работы правительства, бюрократической процедуре, особенно на фоне случайных сенсаций. Для внешнего глаза логика и динамика действий В. Путина и Д. Медведева практически незаметна, хотя для тех, кто находится «внутри» процесса, она очевидна.

Иными словами, широкие общественные и экспертные слои при существующей практике оказываются исключенными из идеологического и информационного процесса. Это объясняет, например, такой парадокс, как достаточно динамичное развитие процессов внутри власти и полное его отсутствие в общественном мнении. Произошел явный разрыв между идеями сформулированными В. Путиным в своих посланиях и выступлениях в 2005–2007 годах, и осознанием обществом и даже частью элиты новизны этих процессов. Общество и бизнес оказались невосприимчивы к этим идеям. Но еще больше оказалось невосприимчиво чиновничество, которое мыслилось как исполнитель этих идей. Главная причина, на мой взгляд, это отсутствие **идеологической функции управления**, той самой пресловутой «линии партии», которая позволяла в короткие сроки мобилизовывать исполнителей и добиваться поставленных целей.

Преодоление этого разрыва, к сожалению, происходило не идеологическими мерами, а все тем же «ручным управлением», практика которого сложилась до 2005 года. Отсюда — огромное число личных поручений В. Путина, М. Фрадкова, Д. Медведева и С. Иванова, других руководителей в 2005–2008 годы, их точечные и многочисленные поездки по регионам, телеконференции и т.д. Причем процент их невыполнения или формального исполнения превышал три четверти. Это в конце концов признал в мае—июне

2011 года Д. Медведев, говоря о координирующей роли президента как единственного центра принятия решений.

Главный вывод: отсутствие формализованной идеологии, элиты, ориентированной на национальное развитие приверженность либеральной традиции, **сказались на эффективности управления**, точнее его полном отсутствиие. Управление элитой через «телевизионные сигналы» оказалось крайне поверхностным методом, который к 2011 году привел к пропасти между декларациями власти и конкретными результатами. На мой взгляд, это стало главной предпосылкой для роста общественного запроса на идеологию русского социализма как идеологию, отражающую национальные и социальные интересы нации, прежде всего в развитии НЧП.

4. Без идеологии, но со «стратегией»[73]

Это не просто обширный демографический кризис,
это далеко идущий всепроникающий кризис человеческих ресурсов[74].
Н. Эберштадт,
автор книги «Демографический кризис России в мирное время»

У сегодняшней России нет идеологического ориентира
и соответственно нет осмысленного направления[75].
«Проект Россия»

Переход от стабилизации к развитию не произошел ни до кризиса 2008–2010 годов, когда была предпринята неолиберальная попытка создания Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года, ни во время кризиса, ни после него. Результат этой попытки — признание в декабре 2010 года В. Путиным полного провала этой Концепции и псевдоинновационных планов Д. Медведева.

Главная причина этого заключалась в том, что такая попытка была изначально обречена из-за того, что стратегию национального развития нельзя было заменять концепцией, базирующейся на либеральной традиции и идеологии. Получилась в итоге псевдостратегия, не имеющая ни обязательного характера, ни ясных сроков, ни ресурсов, ни четко определенных целей. И, конечно, эта частная псевдостратегия не имела общенационального политического и идеологического характера. Она не формулировала общенациональные цели, а просто экстраполировала существующие поэтому тенденции, не смогла сделать сколько-нибудь реальный стратегический прогноз и обязательное стратегическое планирование. Принятая в марте 2008 года, эта Концепция вплоть до сентября 2008 года «не замечала» мирового кризиса и была забыта после того, как кризис охватил Россию.

Взаимосвязь между стратегией национального развития и социально-экономическими концепциями не просто существует; вторая ясно вытекает из первой даже в том случае, если ставит своей целью приоритетное развитие человеческого капитала. Необходимо четко знать, куда и зачем этот капитал будет направляться. Если он будет уходить за границу, то это будет означать еще одну форму зарубежных инвестиций. Если он не будет востребован в самой стране, то это может привести к массовым недовольствам. Как это произошло в странах Северной Африки и Португалии в 2011 году. Обозреватель португальской газеты «Публику» В. Пулиду в этой связи замечает: «С середины 1980-х образование было, как говорилось, „приоритетом приоритетов“. — Президенты и правительства республики не закрывали рта. „Человеческий капитал“ был нашим великим капиталом, и достаточно было „инвестировать в школу“, чтобы развить Португалию и сделать её счастливой… Но ни один из наших политических гениев не озаботился простейшим вопросом: а существовал ли рынок для этих „продуктов образовательной системы“, прежде всего университетской?»[76]

Действительность в России во многом подтверждает эти опасения. Рост численности студентов — объективная реальность, как и кризис национального профессионального образования. Только выход из него наши либералы видят не в развитии возможностей для трудоустройства выпускников университетов и дальнейшем росте высшего образования вплоть до превращения его во всеобщее, а в сокращении выпускников вузов. Аргументация — самая разная, в том числе и в «незаинтересованности работодателей», которая, по оценке Я. Кузьминова, привела к сокращению их сотрудничества с университетами за 2005–2010 годы с 70% до 40%[77].

На самом деле проблема трудоустройства специалистов с высшим образованием объясняется тем, что российская экономика ориентируется либералами не на повышение наукоемкости, а на повышение прибыли. Цели, как видно, разные. Но для прибыли вполне достаточно и той ресурсной экономики, которую сегодня сделала правящая элита из советской. Для того чтобы человеческий капитал был востребован, должен быть сформулирован национальный запрос. В том числе и в экономике. Но не только.

А этого запроса, прежде всего в идеологии, как не было, так и нет.

На фоне нарастающего недоверия к власти в 2010–2011 годах происходила «корректировка» «Стратегии–2020» на основе все той же либеральной традиции и с теми же людьми (в апреле 2011 г. В. Путин в очередной раз назвал А. Кудрина «лучшим министром финансов»)[78]. Это происходило на фоне резкого роста недоверия общества и даже части элиты к институтам власти, которые себя основательно дискредитировали. Это наглядно видно из данных ФОМ, полученных в результате опроса в марте–апреле 2011 года[79].

Как видно из оценок ФОМ, в России существует стабильное недоверие к Государственной Думе, которое за первую половину 2011 года только усилилось (рис. 16).

Аналогичная ситуация и по отношению к Совету Федерации, которому также доверяет меньшинство населения (рис. 17).

Данные ФОМа говорят о том, что представительные органы власти, принимаемые ими законы не находят поддержки и понимания у сограждан. Такой вывод всегда сопровождается выводом о кризисе парламентской системы, ее нефункциональности, несоответствии потребностям общества.

На мой взгляд, это во многом объясняется и тем, что идеологических партий фактически не существует в том виде, когда они могли бы представлять конкурентоспособные политические альтернативы. У «ЕР»

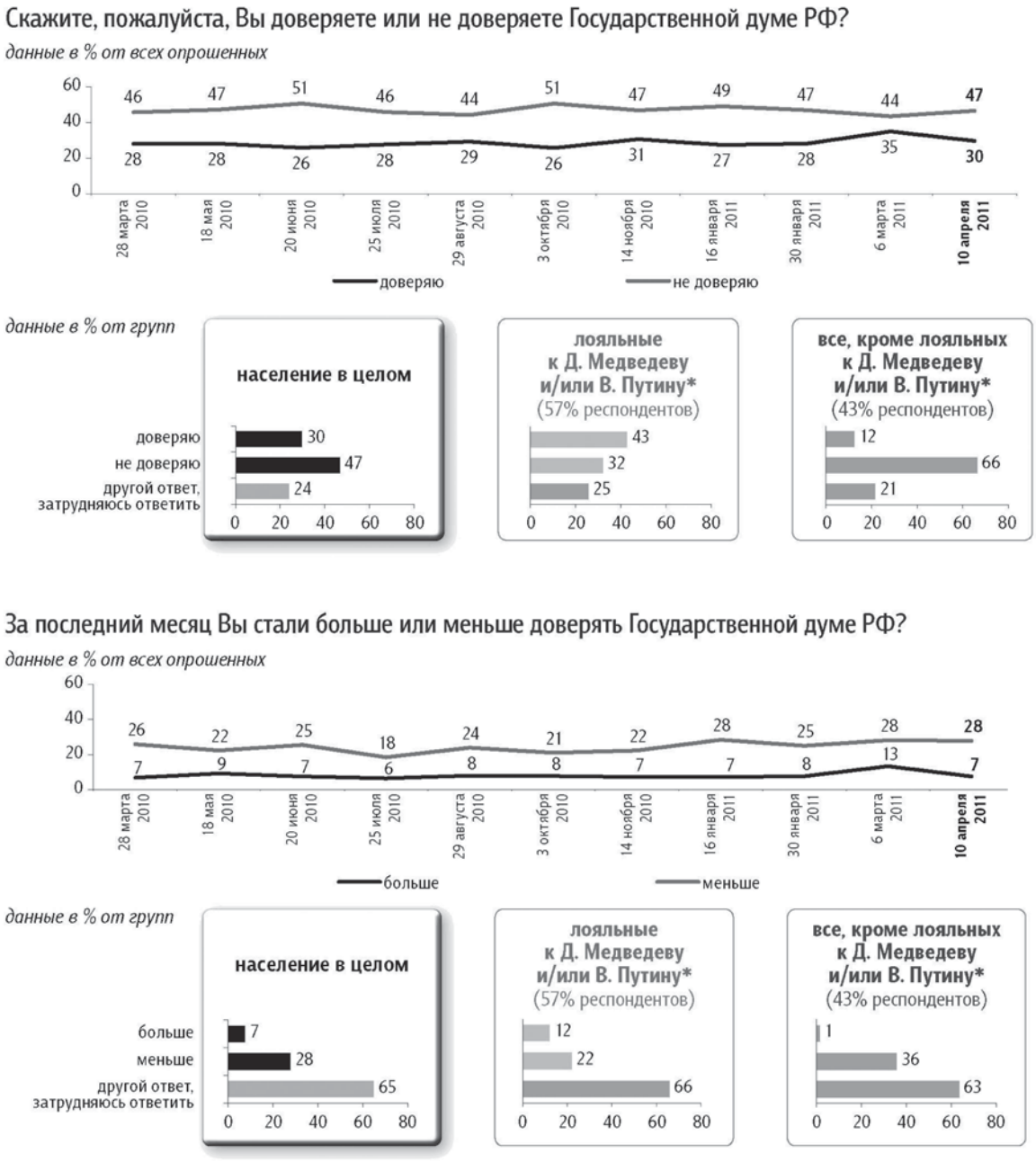


Рис. 16. Государственная Дума

«идеология» сводится к поддержке В. Путина, а другие партии настолько слабы, что сограждане справедливо считают их влияние на процессы близким к нулю.

Соответственно, навязывая всему обществу свою «Стратегию–2020», правящая элита не беспокоится о ее адекватности и восприятии большинством нации.

Справедлив и обратный вывод: если мы хотим реальных альтернативных стратегий, то мы должны иметь реально влиятельные идеологии, которые, в свою очередь, без влиятельных партий не существуют. Поэтому и важна партийная система, способная противопоставить неадекватным стратегиям не просто эффективные альтернативы, но и сделать их предметом обсуждения, факторами влияния.

Сегодня идет не противопоставление между идеологиями и партиями, а дальнейшее утверждение монопольного права исполнительной власти на свою

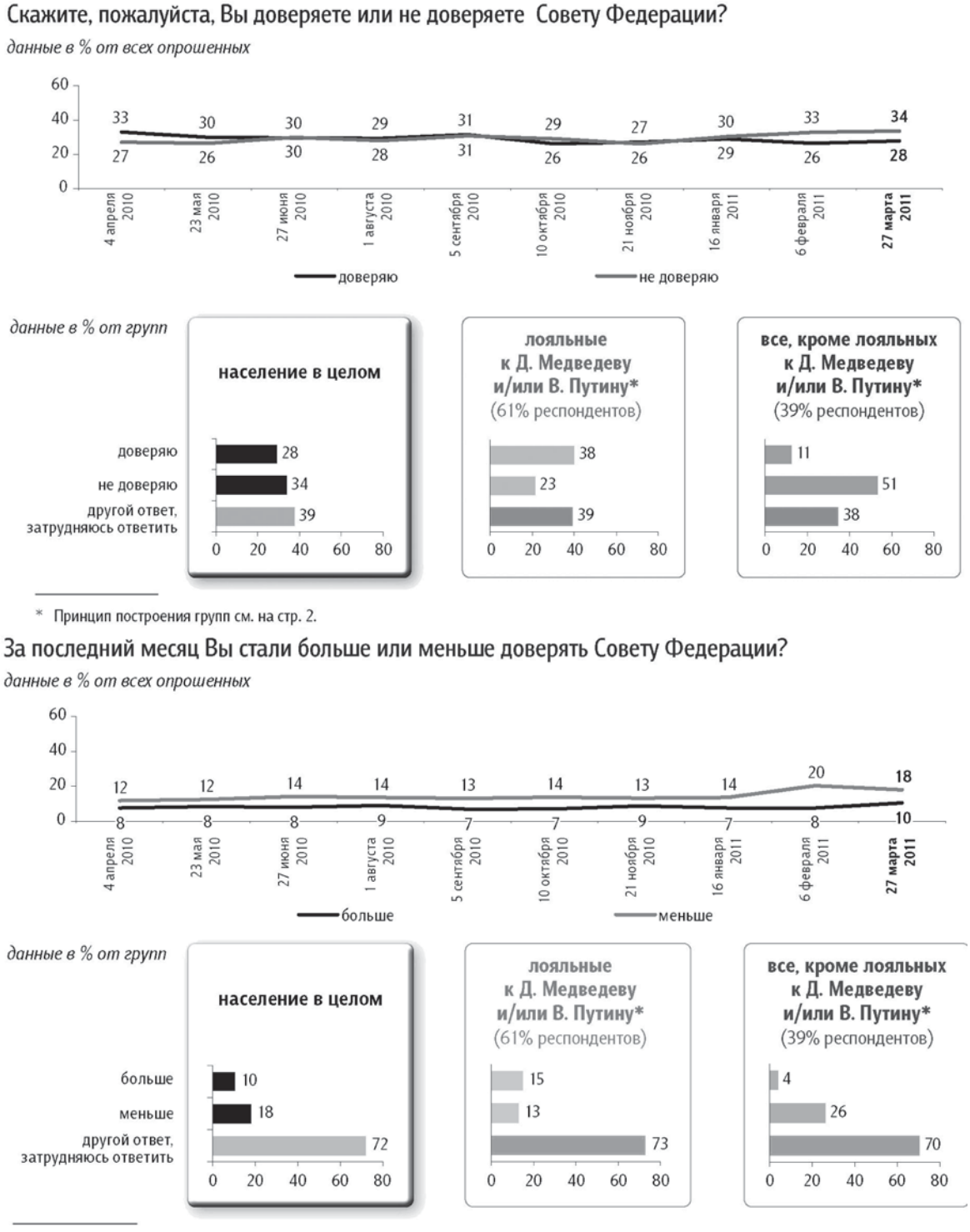


Рис. 17. Совет Федерации

идеологию, которое, надо сказать, опирается на поддержку определенной части граждан.

В отсутствии идеологии в 2005–2010 годы в России появилось множество стратегий и концепций развития, что, на мой взгляд, неплохо. Однако результаты реализаций таких стратегий оказались незначительными. Так, по главному, демографическому вопросу, прежде всего, вопросу сокращения смертности населения, они оказались более чем скромными, что позволило американским исследователям заявить, что «…политическая элита еще не осознала масштаба происходящих изменений»[81]. Другими словами, американские специалисты признают, что, во-первых, главная цель стратегии достигнута не была, и, во-вторых, что российская элита прямо в этом виновна[82]. Эти тенденции, естественно, отра-

Рис. 18. Правительство РФ[80]

зились на положении России в рейтинге ИРЧП относительно других государств, который фактически не изменился. Одновременно к 2010 году по средней продолжительности обучения нас опередили Беларусь, Украина, Азербайджан, Казахстан, не говоря уже о развитых странах. Это свидетельствует о том, что основной вклад в ИРЧП внесли цены на нефть, т.е. стагнация формально компенсировалась мировой конъюнктурой[83].

Объяснение, на мой взгляд, заключается в том, что демографическому приоритету не было уделено должного политико-идеологического внимания. Он, безусловно, оставался в системе приоритетов власти, но сами меры не были «вписаны» в контекст идеологии, т.е. **системы взглядов элиты.** Из этой системы они, естественно, не «выпадали» потому, что ее просто-напросто не существует. Демографические результаты действий власти в 2006–2010 годы стали неожиданными даже для нее самой, ведь многие годы элита пыталась объяснить обезлюдение страны «естественными» причинами. В этих целях собирались конференции, писались доклады, но никто не пытался даже сформулировать цель изменить ситуацию принципиально.

Стратегия развития страны — всегда лишь часть ее более общей идеологической системы. Лучше всего это понятно на примере Китая. Но не только. Каждая страна создает **свою** стратегию на основе **своей** идеологии и культуры. У нас оказывается иначе. Мы создаем свою стратегию на основе чужой идеологии и — что хуже, — чужой культуры. Поэтому, не имея целостной идеологической системы, пытаться создать отдельно её часть — заведомо провальная задача. Но в России это сделать пытаются. Другими словами, главное в стратегии — соотношение целей и ресурсов их достижения — становится формальностью, вытекающей из обычной макроэкономической экстраполяции. Это и показали 2008–2010 годы, когда все предложенные элитой стратегии и концепции, а также прогнозы не подтвердились.

Примечательно, что и в 2011 году продолжается та же практика, т.е. стратегия изначально исходит **не из идеологии**, а из макроэкономических прогнозов. Так, в прогнозе на 2010–2013 годы считается, что до 2013 года годовые темпы роста экономики не превысят 4,5%, т.е. будут ниже своего потенциала, который ведомство оценивает в 5%.

На самом деле, даже ниже. Рост на 5–6% — те темпы, которыми может расти экономика без постоянного роста цен на нефть, считает Евгений Гавриленков из «Тройки диалог»: «Для более быстрых темпов необходимы институциональные преобразования — при угрозах отбора собственности, меняющихся правилах игры расти „китайскими темпами“ невозможно».

С точки зрения последствий кризиса — это нормальные темпы. Факторы роста в эти годы полностью еще не сформируются. Но с точки зрения целей экономической политики через три года надо добиваться 7–8% роста, как говорит высокопоставленный чиновник правительства договариваясь: «Но это требует более эффективных действий государства в структурной, макро- и институциональной политике»[84].

Другими словами, эти околоправительственные оценки и многочисленные оценки зарубежных экспертов свидетельствуют только об одном: в основу стратегии социально-экономического развития положен **инерционный принцип** «от достигнутого». Сверхзадачи никто и не думает ставить, тем более, что те, кто может это сделать — правящая политическая элита страны, сама от таких задач давно отказались, перепоручив формирование социально-экономической стратегии чиновниками среднего звена из МЭРа.

Собственно, такой подход также можно назвать «идеологией», которая сводится к простейшим принципам:

— стратегия социально-экономического развития разрабатывается МЭРом (соответствующим департаментом, который курирует А. Клепач) и, как и прогноз, опирается на свои инструменты, модели и, главное, понимание;
— эта стратегия является в той или иной мере экстраполяцией известных факторов (прежде всего и почти исключительно — макроэкономических), не учитывая иные, может быть, более важные факторы развития;
— эта стратегия практически не принимает во внимание приоритетность в развитии НЧП;
— эта стратегия не учитывает политические постановочные задачи и не выходит на верхний уровень, что видно из таблицы 10.

Рассматривая эту таблицу, задаешься вопросом: а где другие важнейшие показатели, гораздо более значимые, чем, например, оборот розничной торговли? «Идеология» таких стратегий — отсутствие политики и идеологии, игнорирование немакроэкономических показателей. В этой связи можно только приветствовать признание, сделанное В. Мау в феврале 2011 года, в котором фактически дается критическая оценка не только предыдущей деятельности МЭРа по разработке концепций, но и критикуется сам либеральный подход: «Мы вступаем в новый этап развития страны. В начале второго десятилетия мы подошли к такому рубежу, на котором стало ясно: одними лишь деньгами существующие проблемы не решить. Более того, можно истратить в разы больше средств, а проблемы останутся теми же. Назрела необходимость искать структурные решения, для многих из которых нет аналогов в нашем предыдущем опыте.

Основные наши проблемы носят не чисто бюджетный или фискальный характер. Я думаю, что проблема нашего бюджетного дефицита состоит не в том, что надо сократить расходы или увеличить

Табл. 10.

	2009	2010		2011		2012		2013	
		старый прогноз	новый прогноз	старый прогноз	новый прогноз	старый прогноз	новый прогноз	старый прогноз	новый прогноз
Инфляция на конец года, %	8,8	6–7	7–7,5	5,5–6,5	6–7	5–6	5–6	4,5–5,5	4,5–5,5
ВВП*, %	–7,9	4	4	3,4	4,2	3,5	3,9	4,2	4,5
Промышленность*, %	–9,3	2,7	7,6	3,2	3,9	3,1	3,8	4,2	4,9
Инвестиции в основной капитал*, %	–16,2	2,9	2,5	8,8	10,1	6,3	3,5	8,1	7,4
Оборот розничной торговли*, %	–4,9	4,4	5,2	4,5	5	4,8	5,6	6,3	6
Реальная зарплата*, %	–3,5	3,6	4,9	2,5	3,5	2,4	4	3,1	4,7

*Темпы роста.

Источник: Минэкономразвития.

налоги. Она состоит в том, что наша структура расходов не вполне соответствует вызовам постиндустриального общества, что наше законодательство написано для индустриальной экономики, тогда как более половины ВВП производится в секторе услуг, главные вызовы нашего развития связаны с инновационными секторами, с высокой долей труда, а не с высокой долей металла, чугуна и стали. Это все требует перестройки правил — тонкой и аккуратной»[85].

Возвращаясь к принципиальной схеме взаимосвязи и взаимодействия основных элементов идеологии, мы увидим, что непосредственно область стратегии ограничена тремя блоками: во-первых, политическими целями, во-вторых, ресурсами, а, в-третьих, субъективными представлениями элиты и её интерпретацией национальных интересов и ценностей, а также (косвенно) международных реалий (рис. 19). Как видно, все эти три блока относятся к компетенции высшего политического руководства и являются, по самой своей сути, **политико-идеологическими**. Даже оценивая ресурсы, например, важно «не забыть» про моральный фактор нации.

Другими словами, из этой схемы «исключены» всё важнейшие компоненты (что, кстати, сразу же сказывается) — национальные интересы, ценности и международные реалии.

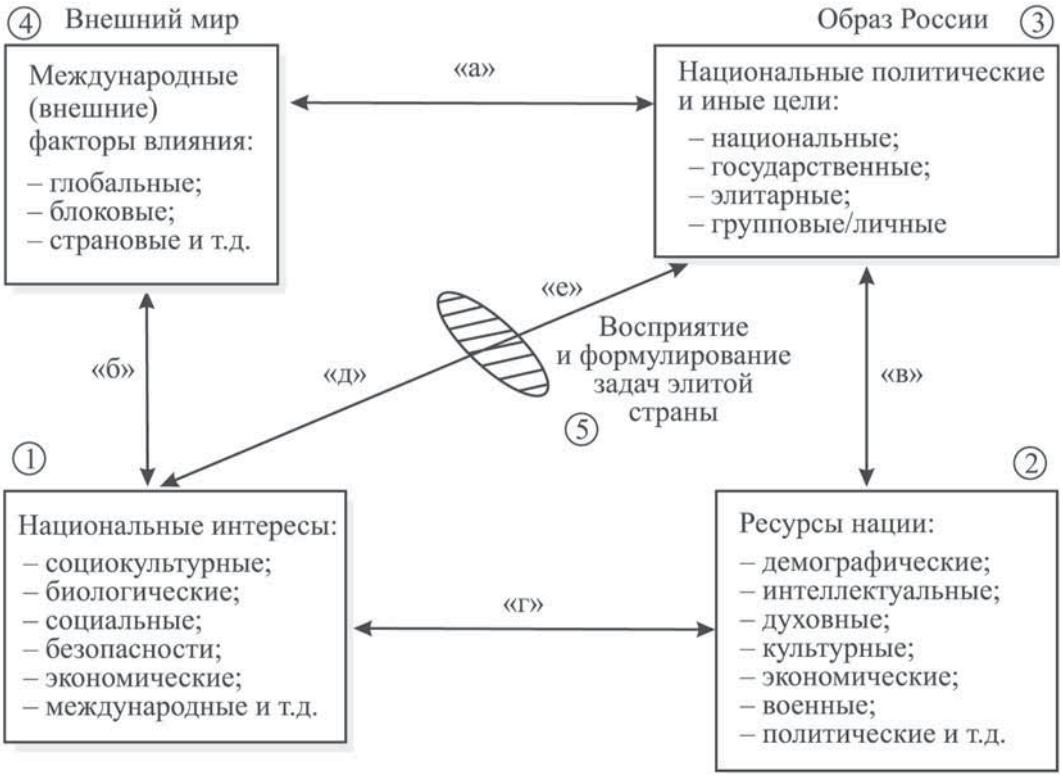


Рис. 19. Схема взаимосвязей основных элементов политической идеологии

Табл. 11. Специфика некоторых ценностных ориентаций в разных возрастных когортах, %

Ценности (выбор в альтернативных парах)	Возрастные когорты				
	18–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет
Я уверен(а), что смогу обеспечить себя и свою семью сам(а), и потому не нуждаюсь в материальной помощи со стороны государства	**53**	45	42	33	12
Без материальной поддержки со стороны государства мне и моей семье выжить сложно	47	**55**	**58**	**67**	**88**
Мое материальное положение в настоящем и будущем зависит прежде всего от меня	**59**	**54**	**50**	35	20
От меня мало что зависит — важно, какая экономическая ситуация будет в стране	41	46	**50**	**65**	**80**
В делах страны многое зависит от простых граждан	23	21	19	20	17
В делах страны ничего не зависит от простых граждан, все зависит от руководителей и политиков	77	**79**	**81**	**80**	**83**

При этом особое значе ние приобретает **субъективное осознание элитой национальных интересов и ценностей**, которое в 2008–2010 годы серьезно отставало от понимания обществом[86].

Как видно из рисунка, авторы нынешней стратегии в принципе не могут взять на себя ответственность за решение и даже постановку таких вопросов. Они их и не ставят, вычленяя из всей системы отдельные макроэкономические элементы, которые относятся к их компетенции[87].

Как видно, за эти годы общество перестало верить в то, что от него зависит что-либо конкретно. **Власть катастрофически дистанцировалась от нации**.

Что же остается? Формировать **субъективные** цели и сохранять возможность также **субъективно** расходовать ресурсы. В интересах все той же правящей элиты, а не нации. Собственно, «Стратегия–2020» и является реализацией этой схемы на практике. Как и подчиненные этой стратегии тактические приемы. Прежде всего, с точки зрения борьбы в элите за ресурсы и их распределение, что мы и наблюдаем последние годы. Так, главное в создании университета на острове Русский — это «освоить» десятки миллиардов и построить около 1 млн кв. метров. Это — называется университетом, хотя на самом деле это просто некий объем строительства.

Напомню в этой связи, что тактика, как инструмент стратегии, подчинена ее основной цели, а сама стратегия достигает основной цели через решение тактических задач по оси «ресурсы — цель». Если тактика — «освоить» деньги, то какова стратегия? Приватизировать страну?

Таким образом, завершение системного кризиса в стране и принятие «Стратегии–2020» без и вне идеологической системы означало:

1. Сознательную неясность и неопределенность национальных интересов и субъективность в формулировании целей («удвоение ВВП», войти в пятерку ведущих государств».
2. Субъективный выбор тактических способов, которые в основном сводились к «освоению» ресурсов;
3. Субъективное (и часто корыстное), неэффективное использование ресурсов (создание фондов, перераспределение бюджетов и т.д.), а главное, не использование целого ряда ресурсов, в частности национального человеческого потенциала.

Выбор нынешней «Стратегии», таким образом, предполагает, прежде всего, выбор правящей элитой, направленный на использование национальных ресурсов для достижения неких поставленных целей. В период завершения стабилизации (2006–2007 гг.) такой выбор элиты означал выбор в использовании природных ресурсов, которые составляли заведомо незначительную часть национального богатства. Но эти ресурсы достаточно легко конвертируются в деньги, которые остаются за рубежом либо перераспределяются внутри страны. Система, созданная в России, ориентирована на прибыль, которая и стала главной стратегической целью элиты.

Развитие НЧП поэтому не входит в число приоритетов, хотя в России НЧП составляет до 60% (в развитых странах — 80% всего национального богатства).

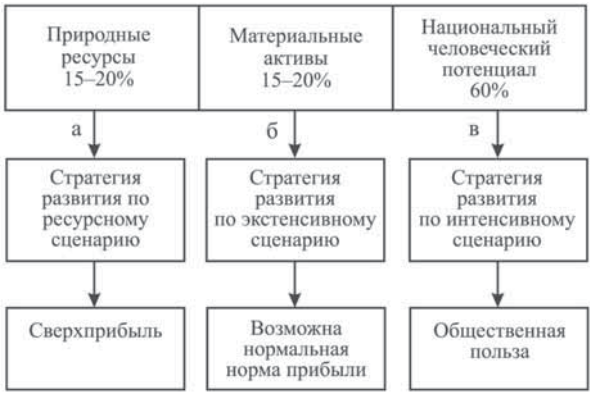


Рис. 20. Национальное богатство России

Выбор стратегии «а» предполагает, что национальные ресурсы будут концентрироваться на развитии именно этого потенциала, который изначально ограничен масштабами роста (до 20%), а кроме того, имеет другие существенные недостатки: экологические, невосполняемость и др. Но именно эта часть национального богатства приносит прибыль, которая и является главным интересом правящей элиты. Соответственно и эта стратегия, по большому счету, не является национальной стратегией развития, а лишь стратегией получения прибыли элитой от продажи ресурсов. Макроэкономические «обоснования» такой стратегии, как и прогноз, направлены на то, чтобы зафиксировать формально и легитимизировать политику распродажи страны.

В этом случае вполне понятным становится формальное отсутствие идеологии, «ручное управление» и декларируемый прагматизм. В самом деле, если бы власть идеологически формулировала цель, заключающуюся в развитии НЧП, то и финансовая, бюджетная и иная политика должны были бы быть ясно ориентированы именно на этот приоритет, а не на некие макроэкономические абстракции. Дело не меняет даже то, что представители правящей элиты признают приоритетность человеческого капитала[88].

Но и «модернизационный» выбор («инновации и модернизация») не является самым эффективным, по двум основным причинам: он также ограничен масштабом (до 15–20%), т.е. прирост изначально невелик и **повторяет** этапы модернизации других развитых стран. Кроме того, «модернизационный» сценарий никак не мотивирует правящую элиту, прежде всего чиновников и бизнес. Он не приносит прибыли, а вкладываться в долгосрочную перспективу развития правящая элита не стремиться. Прибыль нужна «здесь и сейчас», а не потом и неизвестно в каком масштабе. Это объясняет провал «модернизационных» планов в 2009–2011 годы, когда выделенные средства (и немалые) не принесли никаких результатов. По итогам 2010–2011 годов результаты внедрения инноваций оказались даже хуже, чем в начале десятилетия.

Ключом к пониманию нынешнего положения с практикой принятия стратегических решений в России является признание того факта, что РФ находится до сих пор на стадии **выхода из системного** (государственного, экономического и идеологического) **кризиса**, готовясь перейти **к стадии развития**. Этот переход относится к периоду 2007–2011 годов. И явственно затянулся. По той причине, что завершить его можно только в том случае, когда идеологический лидер (лидеры) провозглашает новую идеологию (или религию) или, как минимум, долгосрочную идеологическую национальную программу. В основе которой находятся национальные интересы, а не прибыль для правящей элиты. Для этого необходимо, например, чтобы принципы социальной справедливости стали приоритетами, а не игнорировались правящей элитой.

Эта затянувшаяся переходная стадия в полной мере касается и идеологии, где одновременно присутствует все еще сильные элементы неолиберализма и коммунизма, но также все сильнее проявляется традиционализм. На этой переходной стадии Россия напоминает подростка, который в 2000 году лежал, умирая, с критической температурой, дистрофичный, а к 2007 году — стремительно набрал массу, избавился от некоторых болячек и продолжает расти. Только рост и развитие отнюдь не синонимы. Прибавка веса и даже мышечной массы — хороший признак, но это отнюдь не гарантирует прибавку интеллекта, а тем более мудрости и нравственности, духовности. С Россией происходило именно это. Подросток — безнравственный и алчный, умственно недоразвитый (это все — об элите), но крайне самодовольный, категорически не хочет развиваться. Ему кажется, что у него и так все есть. Он так и остался к 2011 году в состоянии быстрорастущего подростка «образца 2007 года». Его развитие остановилось. Так и Россия, которая демонстрировала в 2007–2011 годы странную стратегию стагфляции, по сути дела, вырождения нации.

В этой связи предыдущие решения власти можно в лучшем случае рассматривать как восстановительные, подготовительные, создающие условия. В этом их сила — отсутствие авантюризма, «наскока», осторожность. Но в этом и их слабость — замедленность реакции, слабая концептуальность и взаимосвязанность, я бы сказал, «частность». Типичным примером такой стратегии, где превалировали частные приемы и тактики, стали приоритетные национальные проекты (ПНП). Ставка делалась на то, чтобы в отдельных областях, на «ручном управлении» добиться скорейших результатов (которые могли не вписываться в общий план развития страны, а иногда были и вообще бесполезны). Правительство по-прежнему продолжало ориентироваться на создание неких «условий роста», но не опережающего развития, придерживаясь прежде всего макроэкономических (хотя осторожное появление венчурного фонда и другие шаги выходили за рамки такой политики) приоритетов.

Результат — неутешительный. Как признают исследователи МГИМО(У), «период „тучных“ лет, связанный с необычайно выгодной внешнеторговой конъюнктурой, не ознаменовал собой повышение инновационной активности в российской экономике. Пожалуй, наиболее точным определением состояния инновационной деятельности на протяжении 2000-х гг. будет термин „стагнация“».

Вклад инновационных товаров, работ и услуг в ВВП за 2002–2008 гг. увеличился всего с 1,9 до 2,6%. Однако этот рост выглядит более чем скромно, так как учитывает 3 компонента — производство принципиально новых товаров, работ, услуг, новых для предприятия и новых для рынка, на котором работает компания. Очевидно, что подлинно инновационный потенциал заложе лишь в первой позиции, и по ней

как раз рост был наименьшим. В 2008 г. доля такой продукции едва превышала 0,1% ВВП (или около 0,4% от объема промышленного производства). Если проводить международные сопоставления удельного веса производства принципиально новых товаров, работ и услуг в общем объеме промышленного производства, то позиции России по этому показателю на фоне развитых стран выглядят удручающими. Для сравнения: в Германии он равен 12,9%, в Испании — 8,5%, в Румынии — 4,8%.

Не добавляет оптимизма и анализ выпуска инновационных товаров, работ и услуг на рубль затрат на технологические инновации. Отдача на капиталовложения в инновации в 2002–2008 гг. отличалась незначительной вариабельностью, не имя выраженного восходящего тренда даже в номинальном выражении»[89].

Объективные макроэкономические показатели лишний раз это подтверждают[90]: **именно экономический рост и прибыль,** прежде всего, интересовали элиту в завершающий период стабилизации. Как видно из данных, приведенных ниже (табл. 12), развитие нации оценивалось исключительно с точки зрений количественных критериев экономического роста, которые внешне выглядели оптимистично, но в действительности не свидетельствовали о национальном развитии. Экономический рост как идеология вполне устраивал элиту, получавшую огромные прибыли и возможность перераспределять в своих интересах национальные ресурсы.

Как видно из приведенных данных, все показатели свидетельствуют исключительно об экстенсивном росте, а не о развитии. Здесь нет и в помине демографических данных, характеристики образования, науки (как нет, впрочем, ее в 2010 году), здравоохранения и других критериев НЧП. Набор тактик, используемых элитой в рамках избранной стратегии роста, их просто не предусматривает. Это и есть стратегия. Но не развития, а стагнации. Реальный выбор стратегии отсутствовал. У элиты даже не было желания предложить альтернативу: все и так казалось замечательным.

Вопрос об окончательном **выборе идеологии**, прежде всего, приоритетов национального развития в 2007–2011 годах, даже не стоял. Это означало, что не стоял и вопрос о выборе стратегии национального развития и методов ее реализации. Зато действовал абстрактный набор макроэкономических показателей.

Выбор стратегии — это идеологический выбор, хотя некоторые политологи изначально считают, что «будущее эффективной политики тех стран, которые хотят сохраниться, за либеральным консерватизмом»[91]. То есть, предлагая абстрактные макроэкономические параметры «для себя», они оставляют без внимания идеологический выбор, полагая, что «для других» он не нужен.

Кстати, старая путаница, вытекающая из во многом тождественности «либерального» и «социального» консерватизма, сохраняется и в экономической теории, включая ее современную составляющую[92].

Главной идеологической проблемой, стоявшей перед российской элитой в переходный период, стала проблема разделения таких понятий, как «социально-экономический рост» и «социально-экономическое развитие». Если рост определяется макроэкономическими критериями, то развитие — критериями человеческого потенциала и гражданского общества[93]. Эта проблема откровенно игнорировалась элитой просто потому, что рост мотивировался ее интересами, а развитие — нет. Не случайно в эти годы идеи социальной справедливости, национальной идентификации, стратегического будущего и патриотизма как-то затихли, отошли даже не на второй, а на третий план. Иллюзия благополучия не способствовала поиску рациональных решений, а излишек финансов проще всего было сложить в некую «кубышку» на случай будущих неприятностей. «Кубышка», кстати, мало помогла в период кризиса 2008–2010 годов.

Коротко иллюстрируя макроэкономические показатели, можно констатировать, что в период стабилизации ВВП вырос в денежном выражении в 3 раза, бюджет стал профицитным, кабальные внешние займы ликвидированы, а рубль — окреп.

Табл. 12. Российская экономика: некоторые макроэкономические показатели

Показатель	2002	2003	2004	2005	2006 (оценка)	2007 (прогноз)
ВВП, %	4,7	7,3	7,2	6,4	6,5	6,5
Инфляция на конец года, %	15,1	12,0	11,7	10,9	9,3	8,0
Ненефтяной баланс, % ВВП	–5,2	–4,6	–4,3	–5,9	–7,4	–8,3
Профицит федерального бюджета, % ВВП	1,3	1,7	4,3	7,5	6,9	4,0
Золотовалютные резервы ЦБ, млрд долл.	47,8	76,9	124,5	182,2	273,6	377,2
Номинальный ВВП, млрд руб.	10831	13243	16966	21598	26297	30101
Номинальный ВВП, млрд долл.	345	431	589	763	966	1,132
Валютный курс, руб./долл.	31,3	30,7	28,8	28,3	27,2	26,6
Мировая цена на нефть, долл./баррель	25,0	28,9	37,8	53,4	64,4	63,3

Эти и другие объективные данные говорят в пользу того, что **системный кризис, в котором пребывала Россия до 2007 года завершен.** Именно завершен, а не завершился, ибо субъективный фактор — роль В. Путина и его команды, — сыграла решающее значение на этом этапе. Ему удалось стабилизировать ситуацию, но не удалось предложить идеологию и стратегию развития.

Одновременно с завершением периода стабилизации встала проблема перехода от роста к развитию. Проблема политико-идеологическая, к решению которой элита была не готова. Как мне кажется, элита за 15 лет настолько привыкла жить в чрезвычайных условиях временного цейтнота, «понятийных» отношений, что ей требовалось время для акклиматизации к нормальной жизни. И не только время, но и… воля.

Но даже не это главное. Напомним, что в 2000 году Россия как государство стояла накануне распада. Региональные элиты подняли бунт, выдвинув в качестве «пробы сил» проблему Ю. Скуратова. Чечня готовилась захватить огромные территории, фактически отделив весь Северный Кавказ. Внутри самой России властные институты не работали. Потеряли свои функциональные возможности практически все институты власти — МВД, ФСБ, ЦБ и др., может быть, за исключением МИДа и МЧС, которые еще как-то могли выполнять часть своих функций. С властью — президентом, правительством — практически никто не считался, а дефолт 1998 года подорвал доверие к ней не только среднего класса, но и элиты. В 1999–2000 году, таким образом, власть буквально валялась на полу, а хищники от политики и бизнеса думали, как ее приватизировать по примеру залоговых аукционов.

Достигнутая внутриполитическая стабильность, сохранение государства, его суверенитета также оказались связанными с проблемой завершения периода стабилизации. Государство, как и человек, вернуло свои функциональные возможности, но теперь встала проблема развития: как использовать государство в интересах развития, в какой степени, насколько масштабно и в каких областях? Ведь государство использовалось в качестве инструмента силы, а в интересах развития, как почему-то считалось, государство в рыночных условиях использоваться не должно[94]. Позже, в период кризиса 2008–2010 годов, этот тезис признали неверным, но отнюдь от него не отказались.

Поэтому преодоление системного кризиса режимом В. Путина — историческая заслуга, которая еще будет по достоинству оценена в будущем. Смею утверждать, что большое значение в этом сыграла та идеология, точнее — ее самые общие принципы, которой придерживался В. Путин, несмотря на все упреки в его адрес в отсутствии оной в элите. Но эта победа привела к постановке новой проблемы: какое государство и сколько государства нужно обществу уже не для преодоления кризиса, а для успешного развития, каковы должны быть его приоритеты и принципы, т.е. чисто идеологические вопросы. Элита к этому, как уже говорилось, готова не была. Не был готов и В. Путин. Успехи стабилизации, казались фундаментальными, а политическая победа — абсолютной.

К концу 2006 года этих общих принципов стало явно недостаточно. К хорошему (в данном случае стабильности, отсутствию терактов и т.д.) быстро привыкаешь. Оно становится нормой, а значит — незаметным. До тех пор, пока не появляются новые вызовы и возможности. Но и пересматривать их никто не брался. Тем более предлагать новую идеологию или модель развития.

Развитие — социально-политическое, экономическое и идеологическое — предполагает четкое определение соответствующих идеологических приоритетов, позиций и концепций. Если антикризисную деятельность можно было (с разной степенью эффективности) осуществлять и без таких концепций, то развиваться, тем более в долгосрочной перспективе, — нельзя. Простой пример: развитие программы «Доступное жилье» привело к нехватке имеющихся строительных мощностей, которые уже в самом начале реализации программы оказались загруженными до конца 2007 года[95]. Более того, «вдруг» оказалось, что не хватает цемента и многого другого. Причем эту нехватку, особенно мощностей электричества, ликвидировать быстро в принципе не удастся. Таким образом, ускоренное развитие после кризиса 1998 года стало невозможно без идеологических установок, стратегии и стратегического планирования, ибо в противном случае такое развитие заменяет обычный рост. Причем рост экстенсивный, затратный. Как оказалось, ни элита, ни экономика были не в состоянии предложить иную стратегию развития, которая опиралась бы не на имеющиеся ресурсы, а на новую экономику знаний и человека.

Другой пример. В условиях кризиса борьба с инфляцией имеет абсолютное значение. Но когда кризис завершается, а инфляция снижена до однозначной цифры, огромное социальное и политическое значение приобретает качество и структура этой инфляции. Так, при 9% инфляции в 2007 году для пенсионеров и лиц с низким социальным статусом она составила 44%[96]. Это естественным образом сказывается по-разному и на социальном самочувствии граждан, которое, как оказалось, никого в элите ни тогда, ни сегодня не интересует. Ситуация 2006–2007 годов повторилась в 2010–2011 годах: «средняя» инфляция на самом деле была для большинства граждан значительно выше, чем для узкого слоя обеспеченных людей.

Но идеологически либеральная элита ориентирована не на человека, а на абстрактные макроэкономические показатели. В данном случае на абсолютное значение инфляции, которым она и оперирует. Для того периода ситуация выглядела следующим образом[97] (табл. 13).

Табл. 13. Разная инфляция. На сколько в вашем городе выросли цены на продукты, которые вы обычно покупаете, в течение последнего месяца—двух (в % от числа опрошенных)?

	Всего	Оценка своего материального положения		
		Хорошее	Среднее	Плохое
Цены те же	4	8	5	2
На 5%	15	22	15	11
На 10%	24	24	26	20
На15%	17	15	16	19
На 20%	12	14	11	15
На 25%	8	6	6	12
На 50% и больше	5	2	3	8
Затрудняюсь	15	11	16	13

Источник: НАФИ.

Соответственно, и окончательное преодоление кризиса 90-х годов представители разных социальных групп видели по-разному. Лица с низкими доходами, страдающие от инфляции, представляли самую значительную группу пессимистов, которые связывали выход из кризиса с решением социальных проблем. Для России 2007 года именно набор социально-экономических проблем, безусловно, занимал первое место, значительно опережая все остальные. Страна состояла из бедных и нищих, а социальная политика оставалась долгие годы на периферии внимания элиты. Именно эти проблемы так и остались в перечне проблем, усугубленные кризисом 2008–2010 годов и последующим равнодушием.

Проблема выбора идеологии и стратегии развития после системного кризиса тесно связана с пониманием глубины такого кризиса. Отсюда берет нередко начало непонимание сложности выхода из него, включая идеологическую, хотя чаще всего говорят лишь о социально-экономической составляющей. Подчеркну важнейшую особенность — комплексность, системность кризиса, с поражающей глубиной охватившего не только материальную сторону жизни (о чем еще вспоминают), но и ее духовную сторону. Символично в этой связи признание трех ведущих политологов из США, Европы и АТР — Р. Лайна, С. Тэлбота и К. Ваганабе, — сделанное ими в докладе в апреле 2006 года на заседании Трехсторонней комиссии[98]: «Оглядываясь на прошлое, мы отчетливо понимаем, что главная ошибка творцов политики на Западе в отношении России на протяжении последних пятнадцати лет (ее совершают и многие реформаторы внутри России) заключается в недооценке всей глубины и сложности переходного периода в России.

Они [российская элита] не понимают, сколько времени понадобится для того, чтобы переходные процессы вылились в какую-то устоявшуюся модель. Ведь не существует никаких прецедентов или аналогов столь масштабного перехода — по крайней мере, в мирное время». Заметьте, западные политологи не говорят о финансовом или даже социально-экономическом кризисе, который существовал в России более 15 лет. Они говорят о кризисе — в той или иной мере — **идеологическом**, преодолеть который можно только идеологическими мерами: «Как мы уже отмечали в нашем докладе, Российская Федерация, являющаяся самой большой страной мира по площади территории, пребывает в муках не одного, а трех одновременно идущих переходных процессов. Во-первых, это переход от величия второй сверхдержавы или империи, прямо или косвенно управляющей 350-миллионным населением, к положению второсортной региональной державы с сокращающимся населением, ненамного превышающим 140 миллионов. Во-вторых, это переход от рухнувшей изоляционистской командной экономики к рыночной экономике, интегрирующейся в мировую экономическую систему. И, в-третьих, это переход от коммунистической диктатуры, идеологии и контроля над обществом к новому политическому устройству, окончательные очертания которого пока еще не определились».

На идеологические меры В. Путиным как раз и не предлагались «Стратегия–2020», как и другие стратегии и концепции (даже Стратегия национальной безопасности и Концепция внешней политики), имела **подчеркнуто неидеологический характер**.

Это весьма примечательное признание западных экспертов, которое делает еще более значительными результаты работы «команды В. Путина» за 2000–2007 годы. К сожалению, ни в России, ни тем более за рубежом признание достигнутых результатов в полной мере не происходило. А значит, до сих пор на Западе и в России нет и понимания глубины кризиса и масштабности новых задач развития. Совсем наоборот. По понятным причинам (именно из-за положительных результатов) противники В. Путина подчеркнуто концентрировались на недостатках деятельности его правительства, на упущенных возможностях и низкой эффективности. Классический

пример такой концентрированной критики — статьи и выступления бывшего советника В. Путина А. Илларионова.

Уверен, что подобная критика носит не объективный, а идеологический характер. Что, впрочем, заметно по тональности западной прессы и координации ее действий. Получается парадокс: прагматическую политику В. Путина критикуют с идеологических позиций.

Приходится признать, что всерьез анализом глубины и масштаба кризиса в России и выхода из него, т.е. анализом эволюции политических взглядов В. Путина за годы его президентства в условиях кризиса, никто не занимался[99]. Отсюда, видимо, неверное впечатление, сложившееся в наше время, что подобной системы взглядов у В. Путина и его окружения не было. Что, конечно же, абсолютно неверно. Просто повторим, никто всерьез и не пытался этим заниматься, а те немногие попытки, которые были (в т.ч. и достаточно серьезные), не были «замечены»[100]. Или, точнее их не захотели заметить, ведь гораздо проще говорить о том, что В. Путину «везло» на цены на энергоносители, на союзников, на оппозицию и т.д., чем признать выдающиеся способности антикризисного управляющего и его абсолютную неспособность действовать в благоприятных условиях.

Так, критикуя «за несделанное», не говорится о том, сколько удалось сделать. А удалось многое. Даже очень. Удалось главное — сохранить государство и вывести страну из системного кризиса. Более того, темпы роста в 2001–2007 годах свидетельствуют о том, что Россия была одной из наиболее динамично развивающихся стран. В конечном счете, все остальное тогда представлялось второстепенным. Очевидно, что перед властью в 2000–2006 годы стояли задачи внутриполитической и макроэкономической стабилизации, которые в основном удалось решить. И в этом заслуга В. Путина, которая, однако, не позволяет говорить о его способности управлять национальным развитием.

Будущие историки, я уверен, еще дадут высокую оценку тому, что было сделано и не сделано в эти годы. Сегодня же объективно существует чувство неудовлетворенности, прежде всего в социальной области. Но не столько тем, что не сделано за эти годы властью, а реальным положением России относительно других государств. Как отмечает в этой связи директор ВЦИОМ В. Федоров, «большинству граждан по сердцу шведская модель, где экономика построена по капиталистическому принципу, а социальная сфера — по социалистическому». При этом, отмечает он же, «идейные, религиозные и национальные противоречия сильно уступают социальным по остроте»[101]. Эта социальная проблема сохранилась, даже усилилась к 2011 году, когда к ней добился еще и национальный вопрос.

Анализ периода стабилизации 2000–2008 годов, проходившего в период президентства В. Путина, показывает, что отсутствие внятной идеологии и стратегии не являются обязательным условием для стабилизации, но становятся таковыми для послекризисного развития.

5. Необходимость перехода от идеологии роста к идеологии национального развития

Уровень бедности не изменился по сравнению с прошлым (2010 г. — *А. П.*) годом даже в условиях экономического роста[102].
Доклад Всемирного банка об экономике России

Периодические крушения российской государственности… свидетельствуют о низком качестве стратегического национально-государственного управления…[103].
С. Магарил

Сегодня существует принципиальное и пока что непреодолимое противоречие: господствующая либеральная идеология ясно ориентируется на инерционно-ресурсную модель **роста**, тогда как необходима модель интенсивного национального **развития**, являющаяся производной национально и социально ориентированной идеологии национального развития. Чтобы это противеречие преодолеть, необходима смена идеологии и неизбежная смена правящей элиты или хотя бы ее части.

Низкое качество госуправления в России, о котором, как о важнейшей российской проблеме, было сказано еще в 2000 году в документе национального комитета разведки США, является следствием отсутствия внятной идеологии. Оно же является важнейшей причиной неэффективной экономической политики. Как считают эксперты МВФ, в 2011 году темпы роста экономики могли бы составлять 6%, но из-за ее неэффективности не превысят 4%[104], т.е. это и есть «потолок» роста. Иными словами, проводимая экономическая политика **никогда не станет опережающей**, оставаясь в рамках своей либеральной парадигмы.

Переход от стратегии роста к стратегии развития предполагает изменение идеологии. И отнюдь не только в той ее части, которая связана с экономикой,

Источник: Альфабанк

Рис. 21. Издержки ведения бизнеса в России по сравнению со странами БРИК

но и в более широком, я бы сказал, мировоззренческом контексте. Прежде всего в ключевом аспекте — целеполагании.

Действительно, если идеология роста упрощает восприятие задач, ограничивает их в лучшем случае поиском способов «разделить» полученное, например, за счет роста мировых цен, то идеология развития предполагает ответить, прежде всего, на вопрос: какова цель национального развития? Каков тот желанный образ, результат, который получается в результате развития.

У идеологии развития есть и серьезный **социальный аспект:** развитие предполагает вовлечение в этот процесс всей нации, всех ее представителей, которым, например надо ответить на «простой» вопрос: как будут распределяться результаты развития. Если с ответом на этот вопрос при простой идеологии роста достаточно просто: получили сами — поделили сами, то **заработанное** всей нацией надо и делить справедливо всей нацией. Наконец, идеология развития предполагает иные сценарии, первые из которых появились еще на этапе стабилизации[105].

Переход от роста к развитию — важнейшая идеологическая проблема, от решения которой зависит формирование стратегии развития страны на 15–20 лет, т.е. первичной является основа идеологии развития, которая стала бы тем каркасом, который объединил бы миллионы людей, элиту, госаппарат и общество пониманием общих целей, задач и основных механизмов. Без этого эффективность принимаемых решений очевидно снижается. Такой идеологической основы нет. Она еще только формируется. Но это же свидетельствует о том, что переходный период еще не завершен. И дело не в макроэкономических показателях, а в умах элиты. В 2007 году, признает известный эксперт М. Узяков, «правительству уже ничего нельзя подсказать, поскольку все министры говорят правильные слова», однако возможность реализации правительственных планов вызывает большие сомнения. «Похоже, правительство еще не сделало окончательного выбора между сырьевой и инновационной моделью, и поэтому многие заявления властей просто дезориентируют бизнес»[106]. Т.е. выбор между ростом и развитием окончательно не произошел. Что, естественно, привело к закономерным результатам. По сравнению, например, со странами БРИК, издержки российского бизнеса в 2007–2011 годы выглядели неоправданно высокими[107] (рис. 21).

В этом, наверное, одна из важнейших причин неудовлетворенности деятельностью власти, и, подчеркну, не только управленцев, которые должны понимать конечные цели развития. Неудовлетворенность ощущает и главный движущий социальный слой России — креативный класс. Творческие, образованные люди живут не только нуждами сегодняшнего дня. Им нужна перспектива, понимание и ощущение стабильности, которые позволяют им строить планы на будущее — заниматься образованием, строить дома, планировать семью. Просто рост ВВП, промпроизводства, наращивание ЗВР и Стабфонда ко всему этому имеют слабое отношение. Креативному классу и управленцам нужна среднесрочная и даже долгосрочная перспектива, т.е. идеология развития, которая бы показала им место в будущем обществе и государстве. Эта идеология должна вне сомнений быть, во-первых, идеологией именно развития, а не простого роста, а, во-вторых, это развитие должно быть ускоренным, опережающим по отношению к другим странам. Хотя бы потому, что по важнейшим качественным показателям, характеризующим развитие, мы существенно отстаем от среднемировых характеристик (табл. 14).

При этом такая идеология изначально не должна стать догмой, нормативом, но должна выражать принципиальные моменты в понимании целей и механизмов их реализации. Речь, конечно же, не идет о создании «Краткого курса ВКП(б)», но, очевидно, неких базовых мировоззренческих работ обществу не хватает. Как справедливо отметил Д. Медведев, «мы не в ЦК КПСС и не пропагандируем единомыслие. Главное — не утратить критичность по отношению к себе, не опуститься до примитивных управленческих схем, забыв об истинных целях государственной деятельности»[108]. Именно «истинные цели государственной деятельности», а не публичная риторика являются основой для понимания необходимости идеологии правящего политического класса, которая, в свою очередь, должна стать мировоззренческой

Табл. 14. Разрыв в уровне технологического развития цивилизаций и ведущих стран

Цивилизации и страны	Персональные компьютеры		Мобильные телефоны		Пользователи Интернета		Экспорт высоких технологий	
	на 1000 чел.	% к миру	на 1000 чел.	% к миру	млн. чел.	% к миру	млрд долл.	% к миру
Мир в целом	86,5	100	158	100	501,5	100	1004	100
Страны с высоким доходом	416,3	481	609	305	388,9	77,5	847	84,7
Страны с низким доходом	6,1	7,1	10	6,3	15,9	3,2	5,8	0,6
Северо-американская								
США	625,0	723	451	285	142,8	28,5	230	230
							197	19,7
Западно-европейская								
Германия	382,2	442	Б82	432	30,8	6,1	83	8,3
Великобритания	366,2	423	770	487	24,0	4,8	73	7,3
Франция	337,0	310	605	383	15,7	3,1	59	5,9
Восточно-европейская								
Польша	85,4	90,7	260	165	3,8	0,8	0,8	0,1
Евразийская								
Россия	49,7	57,5.	38	24,1	49,7	9,9	3,1	0,3
Японская								
Япония	348,8	403	588	372	55,9	11,1	127	12,7
Китайская								
Китай	19,0	22,0	110	69,6	33,7	6,7	4,1	0,4
Индийская	5,8	6,7	6	3,8	7,0	1,4	1,2	0,1
Буддийская								
Таиланд	27,8	32,1	123	77,8	3,5	0,7	12,9	1,4
Республика Корея	256,5	296,5	621	393	24,4	4,9	54	5,4
Мусульманская								
Средний Восток и Северная Африка	32,0	37,0	53	33,5	3,4	0,7	—	—
Индонезия	11,0	12,7	31	19,6	4,0	0,8	5,7	0,6
Латиноамериканская	59,3	60,6	161	102	26,3	5,2	6,7	0,7
Бразилия	62,9	72,7	167	106	8,0	1,6	6,0	0,6
Мексика	68,7	79,4	217	137	3,6	0,7	31,1	3,1
Африканская	9,9	11,4	27	17,1	5,3	1,1	—	—
Южная Африка	68,5	79,2	252	158	3,1	0,6	0,02	0,0
Нигерия	6,8	7,1	4	2,5	0,1	0,02	0,02	0,0
Океаническая								
Австралия	515,8	596	576	365	7,2	1,4	2,7	0,3

базой для будущей стратегии опережающего национального развития. И это — другая составляющая окончательного преодоления системного кризиса.

При этом не следует забывать, что практическая деятельность власти, будучи не оформленной в какую-либо идеологию, была на самом деле мотивирована прагматическими результатами по выводу страны из кризиса и укреплению государства. До поры до времени это всех устраивало. Ее основные принципы — прагматизм, приверженность национальным интересам, укрепление суверенитета, преодоление финансового и социально-экономического кризиса на основе создания макроэкономической стабильности, — были последовательно выдержаны в первые пять лет XXI века в рамках формировавшейся политической системы.

Но после 2005 года произошел переход к резкой критике В. Путина как со стороны «левых», так и «правых», к которым добавилась агрессивная кампания западных СМИ. Интересно совпадение по времени «идеологизации» В. Путина с усилением его критики. Если с «левыми» всё ясно — для Г. Зюганова всегда единственной ценностью являлось сохранение электорального ядра поддержки КПРФ как способ выживания, поэтому усиление социальной и патриотической интонации у В. Путина становилось действенной угрозой его благополучию, то с «правыми», неолибералами расхождения стали приобретать уже принципиальный, идеологический характер. Один из наиболее авторитетных либералов, академик Ю. Рыжов заметил по этому поводу: «Если говорить о моем отношении к Путину как главе государства, то… он не оправдал надежд»[109].

Дискуссия о суверенной демократии, которая развернулась в 2006–2007 годы, — очевидное подтверждение этому. Как признал А. Чадаев, «…заявка идеологии суверенной демократии — это еще и попытка описать и выразить наиболее актуальные проблемы нашей политической системы»[110]. И в рамках этой дискуссии тема опережающего развития — экономического и социального — была, безусловно, определена как приоритетная. К ней не раз в 2006 году возвращались и В. Путин, и Д. Медведев, и В. Сурков. При этом заметна эволюция. Если в 2002–2003 годах термин «опережающее развитие» относился к количественным показателям, прежде всего макроэкономическим (ВВП, ЗВР, профицит бюджета и т.д.), то начиная с 2005 года, когда была выдвинута в качестве политической задачи идея нацпроектов, под опережающим развитием все больше понимался человек, развитие его потенциала. В этом еще раз наблюдаются совпадения со вторым этапом переходного периода.

Наконец, на преодоления последствий системного кризиса не может не влиять такой идеологический аспект, как сопоставление результатов развития России с другими странами, сравнение роли и места страны в мире по широкому кругу показателей. Сам по себе рост экономики России в этой связи, конечно же, имеет значение, но в сравнении с другими странами и будущим соотношением сил он становится весьма относительным. Подчеркну, что этот аспект — чисто идеологический. Субъективно сегодня он не ощущается (как инфляция или рост доходов), но о нем регулярно и много говорят в СМИ.

Так, устойчивый и высокий рост экономики Китая на протяжении трех десятилетий (за первую половину 2007 года — порядка 11%) привел к тому, что в 2007 году китайская экономика стала третьей по величине после американской и японской. При сохранении нынешних темпов Китай обгонит Японию лет через 10, а США — к 2039 году. Если же считать по паритету покупательной способности, то все произойдет значительно скорее. ВВП Китая по ППС — уже 10 трлн долларов, что в 3–4 раза превосходит российский показатель.

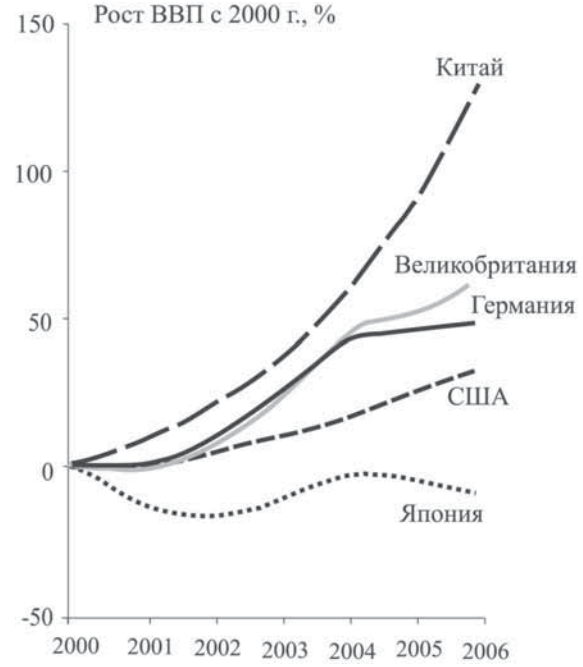
Рис. 22. Размер ВВП ведущих стран в 2006 г., $ трлн

Понятно, что это наводит на многочисленные размышления всех думающих граждан, а не только экспертов. И одно из них можно сформулировать таким образом: политическая (и идеологическая) модель Китая гораздо эффективнее других политико-идеологических моделей, в том числе и либеральных развитых стран — США и Западной Европы. Поэтому, выбирая послекризисную идеологию и стратегию, необходимо внимательно присмотреться к китайскому (и индийскому) опыту, который дает не только более высокие темпы роста экономики, но и сохраняет культурное и духовное наследие нации.

Сравнивая ситуацию с развитием в России с положением в других странах и выбирая послекризисную идеологию и стратегию, неизбежно приходят на ум возможные негативные сценарии событий в случае, если темпы развития России длительное время не приведут к тому, что разрыв с развитыми странами будет ликвидирован. Так, например, вполне самостоятельным экономическим и политическим центром силы стал Евросоюз, чей ВВП в 2007 году на 1,3 трлн долларов превышал США, более чем в 5 раз Китай, более чем в 3 раза Японию и в 14 раз — Россию. При таком соотношении сил большое значение имеет как динамика роста ВВП, так и его качество, а также неэкономические факторы — наличие ресурсов, качество населения, военная сила, эффективность госуправления и степень развития институтов гражданского

общества. Это следует учитывать России, которая, как минимум, через 10–15 лет будет «зажата» между экономическими гигантами — США, Евросоюзом, Японией и Китаем. В прямом смысле этого слова: огромные ресурсы, территория, запасы не могут оставаться в распоряжении слабых, отстающих стран. Никакие международные нормы и правила, как показывает опыт, их не спасают. Кстати, территориальные и иные претензии к России существуют у всех ее соседей. Эта объективная реальность будет формировать условия выживания России в ближайшие два десятилетия, политика которой должна быть настолько искусной, чтобы сохранить суверенитет, с одной стороны, и вписаться в мировую систему — с другой. И первое, и второе невозможно без опережающего развития, ясной идеологии такого развития прежде всего.

Рассуждая о преодолении кризиса, неизбежно сравниваешь опыт наиболее успешных стран с собственными результатами. Эти сравнения с такой же неизбежностью подталкивают в пользу выбора той или иной модели социально-экономического развития — «социальной гармонии Китая», социально-ориентированной рыночной экономики развитых стран Европы или либеральной США и Японии. Именно это происходило в России в 2005–2007 годы, когда дискуссия о будущей модели развития идеологии все больше поворачивалась в сторону социально-ориентированной модели. Не случайно идея ПНП, развития потенциала человеческой личности стали центральными темами в выступлениях В. Путина, Д. Медведева, а позже и таких прежде либеральных членов правительства, как Г. Греф и А. Кудрин, которые стали не только учитывать этот аспект, но и регулярно отчитываться перед президентом по социальным показателям.



Источник: Правительство Китая, МВФ

Рис. 23. Кто растет быстрее

Наверное, в этом суть идеологической дискуссии, развернувшейся в 2006–2007 годах. Поиск наиболее эффективных вариантов опережающего развития (отчетливо сформулированной в статье Д. Медведева в «Коммерсанте» от 25.01.07 г.) и укрепления государства (выступления 2006–2007 годов В. Суркова). Эти два вопроса, а также взаимосвязь между ними оказались в центре дискуссии. То есть опережающее развитие человека, его потенциала должно идти параллельно с укреплением государственного суверенитета, а не вопреки ему, «размываемое» глобализацией, как утверждают неолибералы. Это сочетание в 2007 году даже получило свое название — «социальный суверенитет».

Дискуссия 2006–2007 годов также стала подтверждением известного тезиса о том, что «чем прогрессивнее субъект, тем больше идеология включает положительных знаний… тем больше идеология мобилизует на прогрессивную трансформацию общества»[111]. И, соответственно, наоборот — чем меньше идеологии и положительных знаний, тем меньше прогрессивной трансформации в обществе. Действительно, экономический прогресс последних лет сопровождался усилением идеологической дискуссии и идеологической активности власти, когда идеологические темы стали появляться даже там, где их прежде и не пытались искать. Простой пример. Оппонент М. Зурабова по реформированию здравоохранения М. Давыдов критиковал его в течение целого ряда лет именно за «неверную идеологию»[112] в реформе здравоохранения. В этом, надо признать, отличие 2006–2007 годов от начала десятилетия, когда идеология подменялась прагматизмом. Повторю, прагматизмом необходимости стабилизации, но все-таки попытками всячески избежать идеологических споров и дефиниций.

Идеологическая дискуссия в 2006–2007 годах, таким образом, стала фактом общественной жизни, символом второго этапа переходного периода. Причем ее отличают, на наш взгляд, два принципиальных момента. Во-первых, сами критики режима выступают с позиций ускоренного развития, а не абстрактных «идеальных» схем, господствовавших в 90-е годы. Это относится как к критикам слева, так и справа. А во-вторых, эти критики (независимо от того, признают они это или нет) выступают с позиций именно своей идеологии. В данном случае неолиберальной или коммунистической. Неолиберализм и коммунизм 2005–2006 годов, таким образом, мимикрировал в сторону ускоренного социально-экономического развития (чего никогда прежде не было), одновременно сохраняя все прежние ценности — приоритеты макроэкономических показателей и внешних проявлений либеральной свободы, с одной стороны, и коммунистических ценностей — с другой.

На мой взгляд, это верный признак того, что в рамках прежних идеологий либо рядом с ними вызревала новая идеология очевидной социальной

направленности. Прежде всего ориентированная на развитие потенциала человеческой личности и сохранение национальных традиций и ценностей. Практические успехи Китая и Индии, где такой синтез преобладает, лишняя иллюстрация реалистичности такой идеологии.

При этом важно подчеркнуть, что в 2005–2007 годах продолжался закат неолиберальной идеологии. И не только в России. Или, как сказал нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, этот год «стал годом очередного решительного отрицания фундаменталистской неолиберальной политики»[113]. Для России это признание стоит особенно дорого в т.ч. и потому, что среди двух европейских векторов — неолиберального и социал-демократического — фактически был сделан выбор в пользу второго, который принял в России форму нового, социального консерватизма. Это означало выбор в пользу усиления роли государства в обеспечении социально-экономического развития, а также в пользу традиционных культурных и духовных ценностей. Этот синтез отчетливо прозвучал в послании В. Путина 2007 года, где базисным ценностям было впервые отчетливо уделено внимание.

Примечательно, что эти изменения 2005–2007 годов нашли свое отражение в росте популярности В. Путина (рис. 24). Т.е. эволюция идеологии В. Путина в сторону социальных и нравственных аспектов хронологически совпадала с ростом его популярности среди граждан России[114]. Более того, впервые, наверное, за историю России более 68% граждан высказали сожаление по поводу его ухода с поста президента в 2008 году.

Эти изменения, которые имели место в развитых странах, серьезно разошлись с постулатами неолиберализма, которые, однако, продолжают влиять на экономическую политику в России. Напомним, что основная задача неолиберального государства состоит в том, чтобы на его основе создать «благоприятный деловой климат» и оптимизировать условия для накопления капитала независимо от последствий этого для занятости или социального благополучия. В этом состоит отличие от социально ориентированного государства, которое отстаивает полную занятость и оптимизацию благосостояния всех его граждан, основываясь на поддержании достаточной и стабильной нормы накопления капитала[115].

Как видим, расхождения принципиальны. И их нельзя не заметить. Уже в 2007 году политику правительства трудно назвать продолжением классического неолиберализма, как утверждают его оппоненты из левого и «патриотического» лагеря. Идеологически правительство «провисло» между неолиберализмом и социальным консерватизмом. Что стало видно особенно ясно на заседаниях правительства.

И еще. Этот же год окончательно оформил траекторию политики В. Путина, заложил фундаментальные тенденции на перспективу, которые будет трудно изменить в будущем. И в политике, и в экономике, и в идеологии. Сложился некий многослойный каркас долгосрочной политики. Можно согласиться с Л. Шевцовой в том, что к началу 2007 года «оформилась логика Системы, которую президент должен сдать „под ключ“ своему преемнику»[116]. Но согласиться только отчасти, ведь «логика Системы» не может заменить саму Систему, а точнее идеологию как систему взаимосвязанных идей, приоритетов, целей и способов их достижения. Социальный запрос на такую новую идеологию в России, как уже говорилось, созрел к 2006 году, что нашло свое ясное отражение в статье идеолога Администрации Президента В. Суркова, опубликованной в 2006 году в журнале «Эксперт», в которой тот не только констатирует отсутствие идейного стержня в сегодняшней России, но и делает «попытку создать спрос на политическую доктрину, причем на весьма высоком политическом уровне»[117]. «Спрос», т.е. общественный запрос появился. Прежде всего, повторю, в связи с завершением периода стабилизации и необходимости

Рис. 24.

перехода от ручного, антикризисного управления к системному, идеологическому.

Этот социальный запрос, подытожу, проявился еще до начала политического сезона 2007–2008 годов. Но в полной мере, политически, он стал актуальным в начале 2007 года, когда началась дискуссия о трехлетнем бюджете и приоритетах развития. В том числе и социальных приоритетах. А, может быть и прежде всего, социальных. Произошла смена приоритетов. Но не только. За 2000–2007 годы Россия ускоренно прошла и несколько этапов в своем развитии. Этапов, для прохождения которых иным странам требовались десятилетия. Как отметил А. Архангельский, «главной задачей 90-х было достижение свободы. Главным лозунгом нулевых стала стабильность (в жертву которой обретенная свобода отчасти принесена). **Задачей предстоящего периода, который с неизбежностью** начнется на рубеже 2008–2009 гг., станет обретение **общественного доверия»** (властью).

Иными словами, спор о целях развития, главных задачах государства и общества, т.е. **идеологический** спор, стал главным в дискуссии о развитии страны 2007 года. Эта дискуссия, повторим, была вызвана совершенно объективными обстоятельствами: завершением периода стабилизации, осознанием мэйнстрима общественного и экономического развития, наконец, созданными новыми возможностями для развития во всех секторах экономики. Основные последствия системного кризиса были преодолены. Среди них — последствия «деидеологизации», т.е. искусственного отказа от идеологии.

6. Первые ростки новой идеологии?[118]

К науке и научной идеологии всегда тяготели зарождающиеся прогрессивные силы, нуждающиеся в объективной картине мира[119].
Б. Славин

Любая великая страна погибает без великих целей[120].
«Проект Россия»

Попытки создания долгосрочных концепций и стратегий развития России свидетельствовали, что в обществе назрели объективные предпосылки — во всяком случае у наиболее прогрессивной части элиты, — и объективная потребность в новой идеологии. Напомню в этой связи, что категории «интерес» и «потребность» (национальный интерес и национальная потребность) тождественны[121]. Они являются базовыми, объективными и, собственно говоря, являются основой для понимания политического процесса. Какова же была «вдруг» появившаяся потребность у российской элиты в идеологии?

Ответ упрощенно выглядит следующим образом: объективный интерес в обществе и у нации в идеологии как системе взглядов, объясняющих национальные интересы, существовал **всегда**, в том числе и в последние десятилетия. Проблема, однако, заключалась в том, что, уничтожив официальную коммунистическую идеологию и внедрив де-факто либеральную, правящая элита стремилась во что бы то ни стало утвердить в общественном мнении необходимость продолжения политики «деидеологизации», начатой М. Горбачевым и А. Яковлевым. Такое отрицание идеологии делало невозможным создание сколько-нибудь адекватных концепций долгосрочного национального развития и, тем более, социально-экономических и иных частных концепций, логично вытекающих из общей стратегии национального развития.

По мере ликвидации острого кризиса и решения самых неотложных задач (стабилизации внутренней политики, завершения острой фазы войны на Кавказе, обуздания региональных амбиций, выплаты внешнего долга и т.п.) неизбежно встал вопрос о дальнейшем движении, появилась **политическая потребность** в осознанной концепции если не национального, то хотя бы социально-экономического (регионального, отраслевого и т.п.) развития на долгосрочную перспективу. Можно сказать, что такая потребность сформировалась к 2005–2006 годам, когда наиболее тяжелая часть кризиса государства была преодолена. В 2006 году, например, я писал: «Дискуссия о приоритетах, сформулированных президентом РФ [В. Путиным] в послании 2006 г., на самом деле началась задолго до самого послания. Уже в 2005 г. общество и элита разделились на две неравные части, которые в той или иной мере представляли либеральные демократы и власть, по всем основным направлениям дискуссии о национальных интересах, а именно: роль государства; представление о суверенитете; социальная политика; управление страной и „оттенки“ демократии; права человека и НКО; традиционные ценности и религия; приоритеты развития; неолиберализм или социальная экономика; отношение к укреплению рубля и т.д.»[122].

Подобное разделение — классическое проявление политической деятельности как борьбы политических субъектов. Классически же такая борьба делится на два основных вида — верхушечную и принципиальную[123]. Применительно к России можно сказать, что такая борьба была типичной верху-

шечной борьбой, проходившей в рамках либеральной идеологии и традиции и названной позже И. Юргенсом борьбой между «консерваторами» (либералами) и «прогрессистами» (либералами).

Подчеркну, что в то же время на периферии сохранялись альтернативные идеологические концепции, находившиеся вне рамок либеральной традиции, в том числе национальные и социальные. Проблема, однако, заключалась в том, что импульс, полученный Россией в развитии в 2000–2005 годах, создавал **иллюзию** возможного национального развития по либеральному пути вплоть до 2011 года. Эта иллюзия подкреплялась как авторитетом В. Путина, результатами его деятельности, так и ростом цен на сырье, который позволил резко увеличить бюджетные возможности федеральной власти. Эта иллюзия либеральной традиции не могла уничтожить, конечно, эволюцию и развитие социалистических идей (в это время появилась, например, социал-демократическая партия С. Миронова, Партия социальной справедливости, возглавлявшаяся мной, и др.), но существенно мешала их продвижению, создавая видимость национального развития.

Надо признать, что эта дискуссия между либералами и либеральной властью продолжалась все последующие годы, то разгораясь, то затухая. Очередное обострение произошло в 2011 году, когда ряд либеральных объединений (ИНСОР и т.д.) предприняли атаку на «консерваторов-либералов»[124]. Такая дискуссия все эти годы так и не выходила за рамки либеральной традиции, хотя эта традиция себя полностью исчерпала, доказав свою неспособность как эффективной политики в условиях кризиса 2008–2010 годов и реализации «Стратегии–2020». Российская правящая элита — и «консерваторы», и «прогрессисты» — даже не пытались ни отказаться от устаревшей либеральной идеологии, ни (что логично) отказаться от ее носителей — расплодившихся в огромном числе чиновников и экспертов-последователей Е. Гайдара. Поэтому 2011 год стал в определенном смысле тупиком либерального развития, из которого Д. Медведев и «прогрессисты»-либералы предложили выход посредством еще большей либерализации. Альтернативные, лежащие вне либеральной традиции варианты и идеологии, даже не рассматривались, хотя аргументы в их пользу только крепли. Национальная и социальная составляющие идеологии игнорировать становилось все труднее, а попытки либеральной элиты ужесточить репрессии, продолжавшиеся в 2011 году, «сжать» поле для развития этих составляющих ни к чему не привели.

Табл. 15. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором (по данным платежного баланса)[125]

	Чистый ввоз / вывоз капитала частным сектором, всего (2+5)	Чистый ввоз/вывоз капитала банками (3+4)	в том числе:	
			иностранные активы	иностранные пассивы
1994 г.	–14,4	–2,0	–3,0	1,0
1995 г.	–3,9	6.8	4,0	2,9
1996 г.	–23,8	1,3	–2,9	4,2
1997 г.	–18,2	7,6	–1,3	8,9
1998 г.	–21,7	–6,0	0,3	–6,3
1999 г.	–20,8	–4,3	–3,4	-0,9
2000 г.	–24,8	–2,1	–3,5	1,4
2001 г.	–15,0	1,3	–1,4	2,7
2002 г.	–8,1	2,5	–1,1	3,6
2003 г.	–1,9	10,3	–1,0	11,3
2004 г.	–8,9	3,5	–3,6	7,1
2005 г.	0,1	5,9	–13,4	19,2
2006 г.	42,0	27,5	–23,6	51,2
I квартал 2006 г.	–5,5	–3,0	–9,7	6,7
II квартал 2006 г.	20,6	9,9	0,6	9,3
III квартал 2006 г.	12,5	8,8	–3,0	11,8
IV квартал 2006 г.	14,3	11,9	–11,5	23,4
I квартал 2007 г.	13,5	0,1	–149	15,0
II квартал 2007 г.	52,9	36,8	13,8	23,0
III квартал 2007 г.	–7,6	–3,3	20,5	17,2

У общества и элиты к 2006 году появились ресурсы для развития, а сама проблема выбора пути развития перешла из категории теоретической в практическую. И хотя потом наступили трудные времена (кризис 2008–2010 годов), у России оставались возможности и резервы, которые элита достаточно просто могла использовать. Эта простота определенно мешала поиску более серьезных возможностей и ресурсов развития. Когда цены на сырье настолько высоки, то серьезного мотива думать нет. Можно просто копировать опыт зарубежных либералов, игнорируя тот же опыт Китая, Индии или Бразилии.

Так, например, к 2007 году впервые изменился в положительную сторону показатель ввоза/вывоза капитала частным сектором, т.е. бизнес перестал только выкачивать деньги из страны и стал рассматривать ее в качестве места для жизни, а не только работы (табл. 15).

Эта иллюзия вскоре была разрушена, и после 2008 года огромный отток капитала (параллельно с оттоком «мозгов») вновь стал чертой и болезнью российской экономики и общества. Он даже усилился в 2008–2011 годы, создав беспрецедентную ситуацию, когда из страны бесконечно и в огромных масштабах выкачивались финансы и мозги. Но эта иллюзия помогла сохранить либеральную традицию и идеологию не только в условиях кажущегося развития, но и во время и после кризиса. Инерция мышления элиты в России оказалась поразительной.

В 2011 году стало ясно, что правящая элита не способна ни эффективно управлять государством[126], ни предложить сколько-нибудь внятную стратегию национального развития. Примечательно, что идеологические «изыски» многочисленных интеллектуальных клубов и структур «Единой России» за 2007–2011 годы так ни к чему и не привели. Не случайно В. Володин создал в июне 2011 года Институт социально-экономических исследований, поручив его руководителю Н. Ф. Федорову к «августу 2011 года» (т.е. за пять недель!) подготовить программу «Единой России», т.е. фактически идеологию, «под выборы».

В недрах общества и правящей элиты, таким образом, зарождалась **объективная потребность** в идеологии, которую в 2006–2011 годы элита не смогла **осознать** и сделать соответствующую выводы и которая, соответственно, встретила несколько мощных препятствий. Повторю, в этой связи формулу:

Интерес = потребность + осознание

Из нее следует:

— национальный интерес в новой идеологии и стратегии национального развития был;
— потребность такой идеологии для части элиты (меньшинство) была;
— осознание этой потребности у элиты отсутствовало.

Тогда соответствующая ситуация в обществе отличалась следующими характерными моментами:

— **во-первых**, в правящей элите не **было идеологов** (были управленцы-хозяйственники, послушные служаки-чиновники), способных сформулировать национально и социально ориентированную концепцию развития. Были даже хорошие специалисты по «пиару» (точнее — политтехнологи), но никогда не было, да и сейчас нет идеологов, концептуалистов. Они просто никогда не были нужны. В лучшем случае для таких целей нанимались креативщики, которые могли придумать образ (иногда даже идеологему), но не более того[127];
— **во-вторых**, преимущественно «воспитанная» в 1990-е годы в либерально-демократических традициях правящая элита боялась идеологии, связывая с этим понятием господство идеологии КПСС и партийных вождей, не понимала (как это ни странно), что правящая элита руководит страной политико-идеологически, а не финансово, что для современного управления требуются более сложные, идеологические методы[128]. Этот страх, идущий от слабой общественно-научной подготовки (юристов-практиков я не отношу к обществоведам), остается и сегодня. В нынешней элите сколько угодно менеджеров, юристов, технократов, но практически нет гуманитариев, способных предложить новые концепции, а не слепо использовать старые либеральные рецепты;
— **в-третьих**, «зажим» партий, способных выдвигать идеологические программы, ограничение их числа и возможностей развития только теми партиями, которым идеология прогресса вообще не нужна, безусловно, препятствовал развитию идеологий в 2005–2011 годы. Тогда партии и другие институты национального социального потенциала были практически выключены из системы финансирования и информационного поля. В СМИ остался узкий круг «доверенных» политологов, которые в своей основной массе были не способны продвигать новые идеи. Да и сами СМИ, их дискуссии превратились либо в скандальные шоу, либо (за редким исключением) в площадку для озвучивания одними и теми же людьми, как правило, банальных и убогих идей;
— **в-четвертых**, обращения В. Суркова, которые можно оценивать как призывы к контролируемой «идеологизации», мало что стоили потому, что у этих обращений не было адресата: правящей элите в силу указанных причин это было не нужно, а ее оппонентам просто не давали возможности. Вот почему субъектами, претендующими на идеологию, как правило, становились не профессионалы, а случайные (хотя иногда и способные) люди. Манифест «просвещенного консерватизма» Н. Михалкова, предложенный в октябре 2010 года, — пример этому. Этот документ, как впрочем и другие, претендовавшие на

статус идеологии, не отвечал на главный вопрос идеологии: что делать и как это делать. Они не стали и не смогли стать представителями системы взглядов хотя бы потому, что создать такую систему, увидеть ее в существующих зародышах может профессиональный обществовед-гуманитарный, а не технолог, режиссер, пиарщик и т.д. Кроме привлекательно формы пиара у такой системы должно быть **содержание** (как и у людей). Время 2005–2011 годов требовало от идеологии и людей только формы: содержательные дискуссии и люди отошли на периферию общественного внимания.

Говоря о русском социализме и социальном консерватизме как о новой идеологии, следует иметь в виду, что эта новизна заключается не в том, что традиционно ее родиной считалась Германия и что в России она не была представлена в оформленном виде как идеология партии или какого-то социального слоя. Парадокс: объективно существующая потребность в эти годы не нашла своего субъекта, способного ее реализовать. Новизна состояла в том, что современный социальный консерватизм в России — это синтез традиций и социализма, который стал возможен только при осознании ведущей роли человеческого потенциала в экономической и социально-политической жизни развитого государства, этот синтез, ставший нормой в Китае, да и других странах, всячески игнорировался в России.

Применительно к России с её традициями сильного государства, историческим и культурным наследием значение человека неизбежно ассоциируется с государством и нацией, а значит — национальным человеческим потенциалом (НЧП), его реализацией в НЧК. Соответственно, и к власти отношение может, должно и будет определяться, прежде всего, тем, **насколько власть может создавать и эффективно реализовывать НЧП**, т.е. насколько процветающей будет в целом нация и сильным государство. Это простая парадигма[129] абсолютно не воспринимается в целом правящей элитой, которая противопоставляет ей какие-то искусственные, созданные ветхими либеральными теориями идеи — макроэкономической стабильности, сбалансированности бюджета, т.п., суть которых — в организации финансового процесса, а не в достижении социально значимых целей.

Таким образом, предпосылки для развития новой идеологии становятся реальностью по мере обращения внимания общества, части элиты и власти к составляющим компонентам национального человеческого потенциала — демографии, образованию, здравоохранению, науке, культуре, доходам граждан и др. Как только они стали объектом внимания власти со второй половины первого десятилетия XXI века, стало можно говорить **о начале формирования новой общенациональной** социально-консервативной идеологии или иначе, идеологии русского социализма. Но «начало формирования» означает только начало процесса, который сможет или не сможет перейти в политическую плоскость в зависимости от **способности восприятия элиты**. В частности, еще в 2006 году в книге «Приоритетные национальные проекты и новая идеология» я писал: «К 2005–2006 годам сложились базовые — идеологические, политические, экономические — предпосылки к дальнейшей корректировке политического курса страны. Может быть, даже неосознанно, но правящий режим основательно пересмотрел свою идеологию развития страны»[130]. Как оказалось, я был излишне оптимистичен. Процесс осознания затянулся надолго. Как ни странно, но этому помешал рост цен на ресурсы, который сделал процесс размышлений ненужным.

Для нас и сегодня важно вовремя заметить ростки (т.е. основные идеи) новой идеологии для того, чтобы развить их в условиях господства отмирающей идеологии либерализма. Об основных объективных предпосылках говорилось в предыдущем разделе. Тем важнее увидеть сегодня то, что идеологически произошло в последнее время, а именно увидеть прежде всего сознательное воздействие и влияние власти на этот процесс. Сразу оговорюсь, что сделать это непросто. Для облегчения задачи можно выделить ряд характерных черт власти:

— во-первых, власть, открещиваясь от идеологических «изысков», сумбурно и противоречиво ежедневно предлагает все новые и новые инициативы, которые она не утруждается обосновывать и реализовывать (в частности, концепцию «модернизации»);
— во-вторых, власти действует крайне непоследовательно, шарахаясь от одной идеи к другой;
— в-третьих, очевидно она отдает приоритет форме, броской подаче, пиару, а не содержанию;
— в-четвертых, стремительно увеличивается разрыв между политическими декларациями и конкретными результатами, который привел к тому, что в 2011 году значительная часть (если ни большинство) общества просто перестали верить власти;
— в-пятых, правящая элита и верховная власть очевидно увлеклась правовым оформлением и аппаратным исполнением своей политики, превратив ее в частную (производную от реальной политики) деятельность.

Лично для меня, между тем, ясно, что с середины первого десятилетия **начинается раскол** в правящей элите, верхний слой которой В. Путин, Д. Медведев, С. Иванов и др., стартовав с нацпроектов, неизбежно идет к усилению социальной и традиционалистской составляющих в политике, при этом значительная часть не только ельцинской, но уже и путинско-медведевской элиты руководствуется эгоистическими принципами, утвердившимися в 1990-е годы прошлого века. Этот эгоизм

превратился в глазах нации в примитивную эксплуатацию властью своих полномочий в личных целях, т.е. власть на всех уровнях стала восприниматься как инструмент личного обогащения. В этом смысле была создана система управления, основанная на коррупции, а ее превращение в декларируемую Д. Медведевым систему управления, основанную на праве, не вызывает доверия. Частные результаты — реформа МВД, отставки и т.п. — воспринимаются только как борьба правящих групп за ресурсы, что, наверное, соответствует действительности.

Отсюда, прежде всего, неэффективность инициатив, которые вязнут в исполнительской среде и которые «не слышит» большая часть элиты, воспитанная в «деидеологизированном обществе». Собственно, выдвижение самой идеи, например, нацпроектов стало попыткой В. Путина и Д. Медведева создать новые механизмы реализации поставленных задач в рамках либеральной традиции. Совет и его президиум (по реализации нацпроектов) в целом справились с этой задачей, создав и запустив такой механизм. Это позволило Д. Медведеву заявить 25 декабря 2007 года на заседании президиума Совета, что «значительную часть тех мероприятий, которыми мы с вами занимались, сегодня мы уже можем переводить в разряд текущей работы. Здесь **уже не нужно вот таких** ежедневных нажимов, совещаний, президиумов, накачек. Уже отладили эти механизмы, уже деньги идут куда надо, и финансирование осуществляется в должном объеме. Поэтому я считаю, что вот **такой текущий режим является свидетельством качества работы**. То, что связано с проектами, то, что связано с последующей модернизацией, будет сохраняться именно в проектном режиме, и будет использоваться **тот самый управленческий механизм, который доказал свою достаточную эффективность**»[131].

Вместе с тем Д. Медведев, конечно же, поторопился: ПНП являлись, в общем-то, частными проектами в рамках все той же либеральной традиции, не способными изменить ситуацию, при которой отсутствовала долгосрочная и обязательная к исполнению стратегия национального развития. Поставленная, например, задача выйти на уровень строительства 140 млн кв.м в год (по сравнению с 60 млн кв.м в 2007 году) так и не решена до сих пор. Хотя частные проблемы образования, здравоохранения и других областей, связанных с развитием НЧП, на время и удалось решить, в целом ситуация и с ипотекой, и с образованием, и со здравоохранением в 2011 году в России стала хуже. Это только подтверждает вывод о том, что частными мерами общие задачи не решаются.

Для внимательного наблюдателя не осталось незамеченным, например, что пока традиционные идеологические партии и их лидеры застыли в своем развитии (даже стагнировали, если речь идет о КПРФ и СПС) на идеологическую передовую вышли новые люди. В 2005–2011 годы лидерство здесь, безусловно, заняли В. Путин, Д. Медведев, В. Сурков, С. Иванов, А. Дворкович, И. Шувалов, И. Юргенс. Несмотря на традиционную сдержанность, присущую чиновникам, именно они в 2000–2011 годы формировали современную политико-идеологическую повестку дня. Их выступления стали практической реализацией, первыми попытками сформулировать новую идеологему для России. В рамках всё той же либеральной традиции.

Отнюдь не случайно и хронологическое совпадение выхода из системного кризиса и перехода к выбору стратегии развития с идеологическими выступлениями В. Путина, В. Суркова, Д. Медведева, В. Якунина, Ю. Лужкова. Это — 2007 год. Не зря в своей известной статье, опубликованной в январе 2006 года, Д. Медведев целый раздел назвал «Другая страна», имя в виду завершение кризиса и переход к развитию послекризисному.

В начале 2006 года дискуссия по будущей идеологии перешла в совершенно новое качество. Впервые представитель идеологической власти — В. Сурков, — выступил именно с идеологическим обращением. В нем он попытался (отнюдь не впервые, но на этот раз публично) описать существующую идеологию. Его мнение особенно ценно, конечно, не только потому, что в последние годы Администрацию и президента РФ не раз упрекали в «отсутствии идеологии», но и потому, что его выступление стало, безусловно, знаковым для политиков и политологов. И по постановке задач, и по форме изложения. А главное, потому, что он впервые публично изложил свою (а может быть, официальную) идеологическую позицию. Как оказалось позже, для многих наблюдателей она была вполне предсказуема, если, конечно, внимательно читать послания и выступления В. Путина, а не их изложение в прессе.

В целом попытку «историописания» В. Сурковым идеологии следует признать удачной хотя бы потому, что впервые власть попыталась публично высказаться на эту тему. В. Сурков об этом так прямо и сказал: «Думаю, что наиболее удобная форма донести **основные идеологические тезисы** — это описать новейшую историю в оценках и под тем углом зрения, который в целом соответствует курсу президента, и через это сформулировать наши основные подходы к тому, что было раньше, и к тому, что будет с нами в будущем… Сегодня мы поговорим именно об общеидеологических установках партии через **анализ новейшей истории** недавнего прошлого, нашего настоящего и ближайшего будущего»[132].

Понятно, что этот анализ рассматривается автором не столько в историческом, сколько в политическом контексте. Более того, очевидно, что «идеологизация» «Единой России» стала одной из важнейших политических задач Администрации и власти вообще накануне политического сезона 2007–2008 годов. Отмечу, однако, что эта задача в 2006 году в полной мере оказалась не выполненной: связанной и строй-

ной идеологической концепции у «Единой России» в 2006 году так и не получилось. Как, боюсь, не получится и к 2011–2012 годам. Между тем 2007 год, очевидно, создал для партии власти несколько вариантов «вызовов» или социальный запрос. Этот запрос выражался не только в огромной поддержке «курса В. Путина» и лично президента, ставшего «политиком года», но и в ностальгии по брежневскому периоду, системе социальной защиты советского времени, т.е. речь шла прежде всего о **социальной стабильности**, а в более широком контексте — о **социальной справедливости**.

Такого рода социальная стабильность может в полной мере быть отнесена к социальному консерватизму и запросу на эту идеологию у общества. «Быть социальным консерватором в России становится все более почетно, — пишет А. Погорельский в своей работе «Конструктивный консерватизм». — Примерно так же, как десять лет назад, было правильно считаться демократом, а еще десятилетием раньше — „настоящим советским человеком“»[133]. Не случайно, что по мере социализации политики В. Путина в 2005–2007 годах существенно подрастал его и без того высокий рейтинг, а число граждан, которые хотели бы, чтобы он остался в 2008 году на третий срок, достигло 70%.

Вместе с тем этот социальный запрос не находил своего практического решения для большинства граждан. Несмотря на рост среднедушевых доходов, достигших летом 2007 года 500 долл., более 50% граждан по-прежнему оставались в положении нищих и бедных. Не сокращался и децильный коэффициент между 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан, выросший в 2007 году в 25 раз (для Москвы — превысивший 40 раз). Сохранялась и унизительная доля зарплат в ВВП (30%) по сравнению с развитыми странами (70% от ВВП), а также символические пенсии, стипендии и пособия.

Именно поэтому проблема увеличения душевого дохода в ее разных ипостасях стала важнейшей социальной проблемой, устойчиво занимавшей и занимающей первое место в 2007–2011 годах. Но одновременно она стала (и не могла не стать) ведущей темой политико-идеологических выступлений всех лидеров и чиновников. Надо признать — и это одно из главных поражений власти, что за 2007–2011 годы ситуация не улучшилась, а ухудшилась. Так, в реальности численность нищих и бедных в России в 2011 году превысила 75%, а если учесть, что душевой доход еще 20% не превышал 26 тыс. рублей, то оказалось, что страна (за исключением 1,5–2%) сплошь состоит из бедных и нищих.

Главной особенностью этой темы 2006–2011 годов стало признание всеми политиками тезиса социальной справедливости — от либералов и партии власти до коммунистов. Разница заключалась в том, что некоторые считали достижение этой цели абсолютным приоритетом, а некоторые — с существенной оговоркой о необходимости сохранения макроэкономической стабильности. Что, собственно, в итоге и привело к нулевым результатам. Социальная справедливость, социальная стабильность в 2011 годах находились в **худшем положении**, чем в 2006 году. И это ощущение, в отличие от 2006 года, стало в 2011 году всеобщим.

Общественный запрос на **ускоренное социально-экономическое развитие** отчетливо проявился в признании «событием года» решения о выделении материнского капитала. Этот запрос отчетливо обозначился в деятельности Д. Медведева в связи с реализацией нацпроектов. Но не только. Общество требовало уже не «точечного», а **широкого наступления на нищету и качественного прорыва в улучшении качества жизни граждан**.

Примечательно, что власть оказалась отчасти сама «виновата» в формировании такого запроса. Впервые за многие годы приоритеты социальной политики и ускоренного развития стали публичными приоритетами не только отдельных, а всех политических сил. Они стали приоритетами не только федеральной власти, но и региональных, и местных властей. 2005–2011 годы стали фактически периодом, когда тематика опережающего развития стала ведущей в политике и СМИ. Даже в условиях кризиса 2008–2010 годов, который, конечно, на время отодвинул ее на второй план, но не заставил забыть совсем. Более того, сам В. Путин в это время подчеркивал, что «Стратегия–2020», принятая в марте 2008 года фактически уже в кризисных условиях, «будет реализовываться». Ее провал к 2011 году означал и провал политики правящей элиты.

Также возник запрос на **мобилизацию для борьбы с врагом** — внешним или внутренним, который проявился не только в поддержке акций против Грузии и Украины, но и в событиях в Кондопоге и многих других регионах, а также за рубежом. В этот период симптоматичными стали выступления В. Путина в Мюнхене, замораживание ДОВСЕ, полеты стратегических бомбардировщиков и т.д. Все это символизировало новые военно-политические амбиции Москвы. Не случайно, что процент поддержки внешней политики В. Путина значительно вырос, как и доля населения, поддерживающего самостоятельную внешнюю политику России.

Д. Медведев во время своего президентства всячески стремится минимизировать этот социальный запрос, но объективный ход событий (Грузия, Ливия, Сирия, развертывание ПРО и т.п.) показывает каждый раз, что запрос на мобилизацию, несмотря на все усилия, сохраняется. Как видно из опросов социологов (табл. 16), этот запрос удивительно стабилен[134].

«Судя по данным проводившихся в последние годы исследований, в массовом сознании существуют две модели российской идентичности:

1. Россия представляет собой часть Европы, и в будущем, так же как это было в прошлом, она будет наиболее тесно связана именно с этим регионом.

Табл. 16. Мнения россиян о возможных мотивах Западной Европы по вопросу о сотрудничестве с Россией, 2002/2009 гг., (до двух ответов)

Возможные мотивы	2002	2009
Западная Европа заинтересована исключительно в природных ресурсах России	59	59
Западная Европа заинтересована исключительно в России как противовесе мировому господству США	23	20
Западная Европа заинтересована в использовании интеллектуального и культурного потенциала России	20	12
Западная Европа заинтересована в равноправном экономическом сотрудничестве с Россией	17	22
Западная Европа заинтересована в развитии демократии и рыночных реформ в России	14	10
Европа вообще не заинтересована в сотрудничестве с Россией	4	7
Затруднились ответить	8	9

2. Россия не является вполне европейской страной, а представляет собой особую — евразийскую — цивилизацию, и в дальнейшем центр тяжести российской политики будет смещаться на Восток. Эти точки зрения сопоставимы по популярности, но если еще несколько лет назад первая из них все же на 5–6% перевешивала вторую, то теперь они практически сравнялись между собой».

Проявился и запрос на национальную самоидентификацию: существенная доля граждан негативно, а иногда и агрессивно, настроены по отношению к согражданам другой национальности. Так, по опросам социологов, к этой категории относится порядка трети (30% или 40–45 млн) россиян (рис. 25). Именно в 2006–2007 годы наметилась тенденция использовать этот потенциал в электоральных и иных целях, в частности, сформировав партию «Великая Россия».

Примечательна и реакция на это власти, которая, помимо идеологических мер, предусматривала усиление административных и правовых наказаний. Следует отметить, что в этой деликатной теме стало вырисовываться идеологическое обоснование патриотизма уже не по этническому, а по культурному признаку, которое было противопоставлено агрессивному национализму и даже фашизму.

Большую роль в формировании этого идеологического принципа сыграла РПЦ, которая в августе 2007 года (в «Русской доктрине») осудила экстремизм и радикальный национализм. Совпадение позиций РПЦ и В. Путина по этому вопросу было не случайным, что и было замечено наблюдателями.

К сожалению, в 2007–2011 годы этот запрос не был удовлетворен властью. Более того, президентство Д. Медведева обозначило **расходящиеся тенденции**: с одной стороны, секуляризация и обозначение либеральных ценностей как ценностей национальных,

Рис. 25.

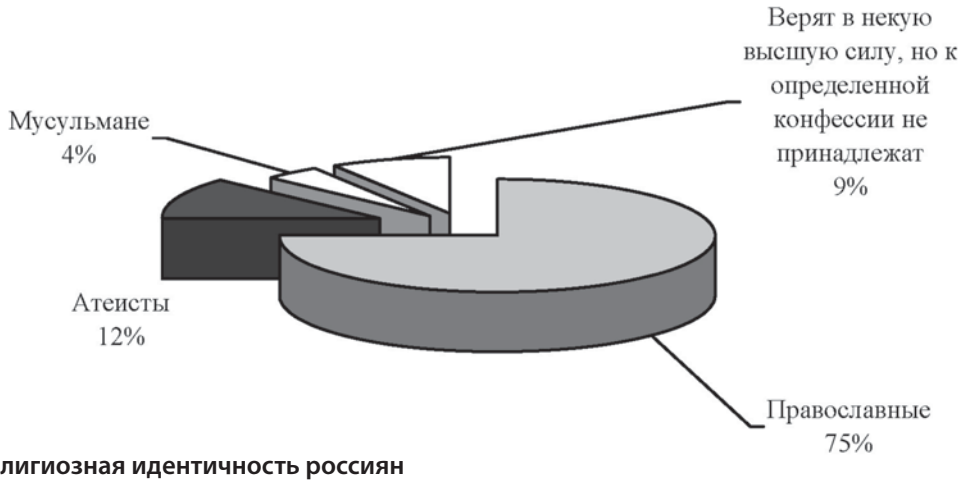


Рис. 26. Религиозная идентичность россиян

проводимые Д. Медведевым и его окружением, а с другой — рост популярности идеи православия и, как следствие, русского социализма[135].

Большинство (около 80%) жителей страны говорят в настоящее время о том, что они являются приверженцами определенной религии, каждый десятый называет себя внеконфессиональным верующим и лишь 12% относят себя к неверующим (рис. 26).

Таким образом, **88% россиян сегодня так или иначе связывают себя с теми или иными религиозными верованиями**. На первый взгляд, это очень много, причем если говорить об изменениях в этой области за последние 15 лет, то доля неверующих сократилась в разы — в 1995 году, когда первый ренессанс религиозности уже прошел, как православных себя идентифицировала **лишь треть россиян,** доля неверующих достигала **28%**, а верящих в сверхъестественные силы, хотя и не верующих в Бога, было около 10%. Однако уже тогда религиозная, и, прежде всего, православная идентичность носила у россиян достаточно условный характер. Из числа респондентов, идентифицировавших себя как принадлежащих к различным конфессиям, довольно значительная часть говорила, что в Бога как такового они не веруют или же колеблются между верой и неверием в него. Минимальной эта часть была у последователей ислама (17%), а максимальной — у сторонников православия (45%)[136].

Как отмечал по этому поводу ведущий РТР Д. Киселев, «до недавнего времени у нас было модным избегать какой-либо идеологии вообще. Потом стало понятно, что если у нас не будет своей идеологии, то будет чужая. Существенные компоненты общенациональной доктрины предложил в своем Послании В. Путин. Свой вариант, значительно более пространный, предлагает группа русских интеллектуалов, создателей «Русской доктрины». Цели совпадают — сильная и процветающая Россия. Близка и интонация»[137].

Важно подчеркнуть, что «Русская доктрина» задается целью — как подчеркивается в самом проекте — «создания системного стратегического проекта консервативных преобразований», «программы национального развития». Этот тезис — ключевой как

Лично Вы испытываете или не испытываете раздражение, неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности

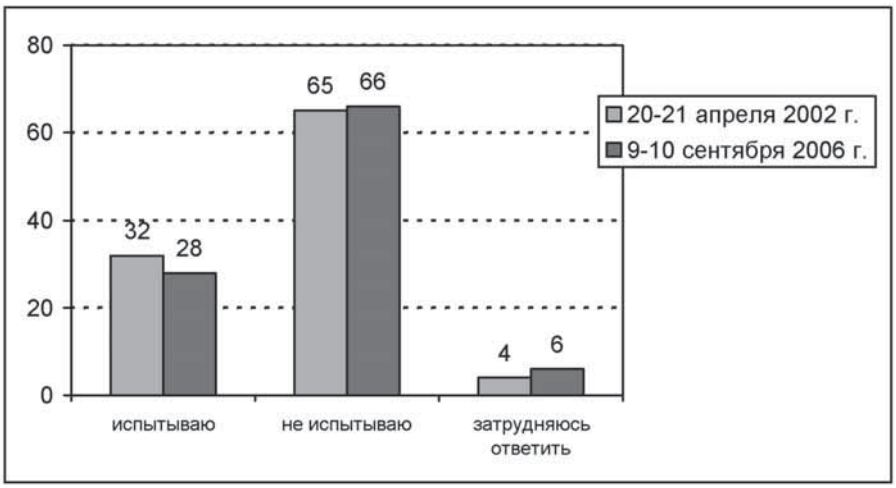


Рис. 27.

для выступлений православных и патриотических идеологов, так и представителей власти.

Неприятие национализма и, как следствие, противопоставление ему имперской идеи стало лейтмотивом многих выступлений в 2006–2007 годах А. Проханова, А. Подберезкина и ряда других авторов. Примечательно, что в то же время в нашумевшей книге «Проект Россия» неизвестные авторы очень точно изложили суть проблемы: «Мы принимали и принимаем в Россию другие народы на правах члена семьи, и этого Запад боится, как черт ладана.

Мы единственная, уникальная и неповторимая империя семейного типа…»[138].

Следует подчеркнуть, что подобная позиция — единственно реальная идеологическая позиция противостояния агрессивному национализму, который, следует признать, имеет в России определенную социальную (и экономическую) базу. Как видно из рисунка, в той или иной степени, с разной степенью радикализма неприязнь к другим национальностям в 2006 году испытывала около трети граждан России. Это — прямая угроза существованию государства, которая усиливается экономическими, криминальными и иными факторами.

Ситуация за 2006–2011 годы очевидно ухудшилась. И во многом именно благодаря политике власти, которая и на федеральном, и на местном уровнях воспринималась гражданами как политика игнорирования интересов русского народа. Пример бывшего мэра Москвы Ю. Лужкова, который отдал значительную часть собственности нацменьшинствам, лишь один из таких примеров, которые к 2012 году стали общим правилом практически для всех регионов России.

Эти три главных социальных и идеологических запроса искусно (и далеко не всегда противоречиво) учитывались в политике В. Путина, которая в 2006 году заложила материальные, организационные и — что особенно важно — **идеологические основы для будущего периода социального развития страны**.

Идеологические основы складывались из пестрой смеси либерализма, государственничества, консерватизма. Смеси, которая в глазах общества привела к 2011 году к стагнации, фантастическому непотизму, коррупции, а главное — отсутствию веры и перспективы. Другими словами, «идеологические основы» В. Путина оказались крайне зыбкими, а значит и неверными. Отплыв от берега «либерального абсолютизма», В. Путин и Д. Медведев так и не смогли взять верный курс, в основе которого находились бы национальные и социальные интересы.

При желании нетрудно было увидеть, что в 2006–2007 годы закладывался фундамент преемственности курс, создавалась своего рода многослойная конструкция (правовая, бюджетная, кадровая, экономическая), которая могла бы обеспечить функцию внутриполитической стабильности или «защиты от дурака». Важная роль в ней принадлежала «идеологическому слою», **основам будущей идеологии.** Основы, которые — как справедливо считает политолог Л. Шевцова, — непросто будет изменить[139]. Видимо, учитывая печальный опыт передачи власти в СССР и России, В. Путин захотел создать систему, которая на нескольких уровнях страховала бы внутриполитическую стабильность от случайных, амбициозных и неграмотных людей, приход которых во власть в 1980-е и 1990-е годы стал главной причиной системного кризиса СССР и России. Но эта же система и эти идеологические основы, в силу влияния либеральной традиции, оказались абсолютно не способными к развитию: к стабильности, сохранности — да; но к развитию — нет.

В идеологической системе, созданной В. Путиным в 2006–2007 годы, главным было сохранение власти и контроля. Это был главный интерес, главная потребность во многом уже сложившейся российской правящей элиты. И этот интерес, соответственно, игнорировал социальный и национальный интересы, что объективно препятствовало развитию идеологии русского социализма. Поэтому появившиеся в 2006–2007 годах предпосылки, даже условия для ее распространения столкнулись с мощной государственной машиной, ориентированной только и исключительно на охранение власти.

Вместе с тем необходимо признать, что объективные потребности развития, с одной стороны, и неспособность либералов — с другой (проявившаяся особенно в 2008–2011 годы), привели к тому, что для русского социализма как широкой идеи появилось пространство.

В 2006–2007 годах В. Путин, Д. Медведев, В. Сурков и др. стали не только публично озвучивать идеологические мотивы, но и **фиксировать их на будущее, закладывая политико-идеологическую систему взглядов на период после 2007 года**, которая обанкротилась в 2011 году. Это было — необходимо признать — не что иное, как сознательное формулирование основ и будущей политической системы, и идеологии. И эта попытка, провалилась вместе со «Стратегией–2020», несмотря на ресурсное благополучие, международную конъюнктуру цен, которые создавали иллюзию верно избранной стратегии роста.

Следует добавить, что и другие представители правящей элиты — С. Иванов, В. Якунин, Ю. Лужков и др., — отнюдь не избегали в 2006–2007 годы идеологических обобщений. Более того, внимательный наблюдатель обнаружит определенное и вполне осознанное стремление некоторых представителей властной элиты зафиксировать свою идеологическую позицию, активно участвовать именно в идеологических дискуссиях: появилось не только немало новых книг, статей и других информационных поводов, но и вполне очевидно возникла дискуссия о наиболее

эффективных путях развития государства и общества, которая, к сожалению, не получила своего развития и не смогла сломать либеральную традицию.

Особо следует отметить активность С. Миронова в этой области, который целенаправленно сделал ставку на то, чтобы занять социалистическую идеологическую нишу, настойчиво формулируя не только идеологическую повестку дня, но и стратегию, и тактику ее реализации. Понятно, что появление «Справедливой России», ее участие в выборах дали достаточно поводов и ресурсов для реализации этих планов. Особенно в период обострения ее отношений с «Единой Россией» в период 2008–2011 годов.

Таким образом, в 2006 году в стране фактически началась идеологическая дискуссия, в основе которой лежали вполне объективные предпосылки — завершение антикризисного этапа развития и поиск нового алгоритма развития общества и государства, социального запроса, сформулировавшегося к 2006 году. В ходе этой дискуссии 2006–2011 годов вычленились три ведущих идеологических составляющих, возможно, новой идеологии, которые (в той или иной степени) стали признаваться большинством политических сил: социальная, национальная, стратегии развития.

Игнорирование властной элитой этих вызовов, инерция либеральной традиции не позволили в полной мере развиться этим направлениям, перенеся их в повестку дня политического сезона 2011–2012 годов.

Важность этой дискуссии объясняется как конъюнктурными, преходящими моментами, связанными с политическим сезоном 2011–2012 годов, так и объективными обстоятельствами, которые имеют стратегическое значение: выбором идеологии и алгоритма развития страны в рамках предложенного В. Путиным социально-консервативного набора приоритетов или либерально-прогрессивного курса Д. Медведева. То, что эти идеологические новации В. Путина имели под собой объективную основу, объясняет рост в 2005–2007 годы и без того высокого личного рейтинга, который начал обваливаться вместе с рейтингом Д. Медведева и «Единой России» в 2011 году по мере прояснения временного характера этих идеологических инноваций, основанных на ресурсном благополучии России в 2006–2008 годы. Это стало окончательно ясно в 2011 году, когда цены вновь изменились: уже не только критики, но и либералы вроде А. Кудрина стали понимать, что экстенсивно-ресурсная модель развития неэффективна. Но попытка ее изменить опять оказалась в русле либеральных традиций. «Модернизация» и «инновации» означали не смену политического курса и идеологии, а ее корректировку в рамках все той же либеральной традиции. Внешние технологические заимствования, которые являются содержанием этой корректировки, игнорируют основные требования к развитию НЧП и созданию идеологии развития нации.

Вот почему эти тенденции, обозначившиеся при В. Путине, так и не приобрели законченную форму, остались лишь тенденциями. Если бы это произошло, то В. Путин предложил бы в 2007 году не только законченную национально и социально ориентированную идеологическую концепцию, но и стратегию, и план развития страны. Что стало бы основанием для того, чтобы он остался у власти на срок их реализации. Можно согласиться с А. Дугиным, что «…если бы Путин сформулировал по-настоящему, не для пиара, этапы стратегического развития страны и сказал бы обществу: если вам хочется реализовать на практике этот глобальный проект, то оставьте меня. Такая легитимация была бы самой убедительной…»[140].

В. Путин и этого не сделал. Потому, что главным его интересом и потребностью было не развитие нации, а сохранение власти. Поэтому все усилия были обращены на поиск очередного правового решения, легитимизирующего эту стратегию. В итоге после прихода Д. Медведева эта стратегия сохранения власти и стала национальной стратегией. Идеология опять стала не нужна. Тем более та, которая стала бы альтернативой либерализму.

Вместе с тем в эти же годы стал все громче и громче заявлять о себе главный носитель идеологии русского социализма — креативный класс, который стал проявлять свою субъективность в новых, иногда экстраординарных формах. И в этом, на мой взгляд, будущая перспектива новой идеологии и окончательные похороны примитивного либерализма в России. «К науке и научной идеологии всегда тяготели зарождающиеся прогрессивные силы, нуждающиеся в объективной картине мира», — справедливо пишет Б. Славин.

И идеи, и их носители-либералы к 2011 году себя окончательно дискредитировали. В. Путину предложить что-то качественно новое в 2006–2007 годах не удалось. Отказ В. Путина от третьего срока президентства объясняется именно этим. Он не захотел или не смог предложить новую идеологию и стратегию развития нации, ограничившись «стратегией» сохранения власти. Тем самым он обрек страну на стагнацию и поставил очевидные препятствия для развития новых идей и прихода новых людей. Прав А. Дугин, полагая, что «показав сложность или даже катастрофичность нашего положения в мире и в нашей истории и масштабы задач, стоящих перед нашим государством, Путин мог бы очень просто получить себе мандат на проведение содержательной политики. Но это никто даже не пробует озвучить. Такое впечатление, что в ход идут любые, самые изысканные и изощренные пиар-стратегии, но нет самого простого, понятного и искреннего — **запроса на легитимность национального содержания** (выделено мною. — *А. П.*). Национального содержания в нашей политике как не было, так и нет, вместо него присутствует исключительно чистый пиар»[141].

И все-таки в это время ростки новой идеологии русского социализма не только проросли, но и развивались. Отдельные ее положения становились частями партийных программ и идеями отдельных личностей, включая тех, кто традиционно причислял себя к либералам. Может быть, и рано говорить о том, что в 2011 году эта идеология стала существенно влиять на умонастроения общества и элиты, но уже точно можно говорить о том, что она стала заметным, отчасти альтернативным явлением в российской политике.

7. Субъективные факторы и политическая конъюнктура, влияющие на формирование идеологии русского социализма в России

Природой человеку дано два основных мыслительных инструмента познания — интуиция и логика, с их помощью человек осуществляет исследование любых объектов реальности[142].

М. Хрусталёв,
профессор МГИМО(У)

Говоря об идеологии, обычно имеют в виду лишь некоторую совокупность идей, выражаемых словами, некоторое учение. Но эти идеи (учения) не возникают и не распространяются сами по себе. Их изобретают, сохраняют и распространяют определенного рода люди, как-то организованные и использующие какие-то подходящие для этого средства, можно сказать — образующие идеологический механизм[143].

А. Зиновьев

Действительно, идеи «изобретают», их «сохраняют» и их «распространяют», по Зиновьеву, какие-то люди, которые «как-то» организованы и используют «какие-то» средства. Я бы еще добавил, национальные (или не очень) институты социального потенциала, прежде всего, политические партии, творческие и профессиональные организации, союзы, общества и другие институты гражданского общества[144]. Таким образом, идеи **тем быстрее развиваются, чем больше численность и качественнее институты социального потенциала как части** НЧП.

В распространении идей огромную роль играют и институты государства, которые могут инициировать, поддерживать или сдерживать (даже закрепить) развитие национальных институтов социального потенциала. Так, в 90-е годы XX века государство фактически не участвовало в создании новых институтов, но «с удовольствием» деформировало и уничтожало прежние. Были, например, ликвидированы тысячи отраслевых НИИ, закрыты спортивные и профессиональные школы, а те, которые уцелели, оказались в плачевном состоянии. Одновременно, когда это было нужно власти, создавались новые институты, центры, организации, даже партии.

Понятно, что господствовавший либерализм принимал активное участие через государство и частные инициативы в создании новых институтов, которые обеспечили бы ему интеллектуальную и общественную поддержку (таковых в это время появилось сотни), но также понятно, этот господствующий либерализм не был заинтересован в развитии социалистических, а тем более национальных идей[145]. И это ситуация сохранилась вплоть до настоящего времени.

Такая односторонность, «любовь элиты к либеральной традиции», вела, в конечном счете, к снижению эффективности политического руководства и государственного управления. Этот процесс шел по нарастающей даже в период «стабильности» и в итоге привел к тому, что вся система власти к 2011 году стала анемичной, удивительно напоминающей последний горбачевский период. Что вынужден был признать даже Д. Медведев, заявивший в июне 2011 года, что «у нас абсолютно устаревшая, несовершенная система управления, которую необходимо менять»[146].

Это и есть «идеологический механизм» (механизмы) нации, общества и государства. Сила или слабость этих механизмов объясняют как развитие, так и стагнацию в развитии идеологий в России.

Появление идеологии русского социализма в России очевидно задержалось. Догматизм Г. Зюганова не позволил развиться ей в 1990-е годы, а потом в КПРФ, монополизировавшей левую нишу, наблюдалась примитивная стагнация. Ситуация изменилась с появлением новых левых партий. Но благоприятные условия для русского социализма были объективно созданы с появлением партии «Справедливая Россия». Прежде всего потому, что впервые за 20 лет часть правящей элиты заявила о своих левых и патриотических взглядах. «Либеральная традиция» последних десятилетий была нарушена. Пусть частично, немного, но монополия на либеральную идеологию была прервана.

Немного истории, которая кое-что объясняет. Левая идеология не исчезала все эти годы. Более того, она была популярна, но ее сознательно и длительно дискредитировала властная элита, сначала СССР, а потом России. Начнем с того, что, объявив в конце 1980-х годов «деидеологизацию идеологии», А. Яковлев наверное имел в виду устранение идеологии КПСС как механизма управления из общественной и государственной жизни. Естественно,

вместе с соответствующим «идеологическим механизмом» в виде огромной и слаженной системы, которая замыкалась на соответствующий отдел ЦК КПСС, секретаря ЦК и ведущего члена политбюро (которым многие годы был М. А. Суслов). Сегодня уже мало кто помнит, но в этот идеологический механизм, подчиненный отделу ЦК КПСС, входили крупнейшее издательство «Политиздат», редакции ведущих газет (газеты так и назывались: «газета ЦК КПСС», например, «Сельская жизнь»), редакции теле- и радиовещания, а также подчиненные общественные организации и агентства — агентство печати «Новости», ТАСС и др. Важной частью вертикали идеологического механизма были республиканские, краевые и областные комитеты партии, а также подчиненные им структуры, где вторые секретари всегда были секретарями по идеологии. По факту в регионе они входили в первую тройку руководителей. Охранительную функцию выполняло несколько партийных и государственных органов, таких, например, как Отдел загранкадров ЦК КПСС и 5-е управление КГБ СССР, которые «профилактировали» отдельных, слишком самостоятельных, личностей.

В 1990-е годы прошлого века весь этот огромный «идеологический механизм» был уничтожен и государство не просто ушло из идеологии, но и закрепило это — гласно и негласно, — в различных документах. Идеология как «идеологический механизм» перестала существовать, а идеологический ресурс государства был уничтожен. Сделано это было сознательно и, надо признать, со знанием дела. Уверен, что не случайно. Те, кто это делал, прекрасно понимали, какие политические и экономические решения станут следствием такой политики. Более того, государство добровольно отказалось от всяческого влияния на общественные институты и СМИ, добровольно не только отдав им свои функции, но и создав условия для того, чтобы эти функции использовались **против государства**. Апогеем этого процесса была «первая чеченская война», когда не только западные или подконтрольные бандитам СМИ, но и федеральные (даже финансируемы государством) обрушились на государство. Информационная война Кремлем была с треском проиграна, и уже тогда этот проигрыш обернулся многими тысячами жертв, понесенных Россией. Только тогда правящие круги поняли, что они могут потерять не только власть, но и жизнь.

Среди них были, конечно, и те, кто понимал, какую угрозу государству несет «деидеологизация». Поэтому именно ценности государства стали возвращаться в политическую жизнь. Часть элиты стремительно становилась «государственниками», но… со всеми либеральными выгодами для себя лично. Получился либерально-государственнический гибрид, который вернул государство в политику и экономику. Этот же гибрид не смог, по понятным причинам, сделать элиту, во-первых, национально, и, во-вторых, социально-ориентированной. Кроме того, понимая, что этот гибрид идеологически нежизнеспособен, элита всячески открещивалась от самой возможности возвращения идеологии. Именно из-за этих «неприятных моментов».

Идеологов элита не допускает в политику сознательно, заменяя их политтехнологами и «прирученными» экспертами, которые комментируют и «оформляют словами» пожелания правящей элиты. В том числе и самые непрофессиональные, ошибочные, антинациональные и антисоциальные. Идеологов элита боится и презирает потому, что не понимает, в силу своего практицизма, их системы ценностей. Соответственно, получается парадокс: чтобы разработать стратегию опережающего развития, нужна идеология и идеологи. Но ни того, ни другого элита не хочет. По понятным причинам.

Уничтожив «идеологический механизм», были фактически были устранены из активной общественной жизни и десятки тысяч тех, кто «изобретают», «сохраняют» и «распространяют» идеологический продукт в интересах государства и общества. Если у государства к ним пропал интерес, то они большей частью превратились в «зарабатывающих на хлеб» пиарщиков и журналистов либо вообще ушли из этой области. Это и стало главной причиной создания **системы коррупции как системы управления государством и обществом**. Соцопросы 2011 года показывают, что «коррупция воспринимается россиянами почти как государственный институт, своего рода часть властной вертикали. Почти половина наших соотечественников еще до обращения со своими проблемами в органы власти готова к неформальному вознаграждению чиновников. Таков ключевой вывод из результатов масштабного социсследования, которое провел фонд «Общественное мнение» по заказу Минэкономразвития»[147].

Дело дошло до того, что на идеологические интересы государства стало просто некому работать. Разве только пресс-службе президента и премьера, обладавшим в то время просто смешным ресурсом. Я вспоминаю, как в период первой чеченской кампании кр мне обратился помощник президента России с просьбой позитивно прокомментировать действия федералов: у власти не осталось ни сил (людей), ни средств (СМИ), чтобы объяснить собственной армии и народу, что она делает. (В тот вечер я выступил 27 раз, а мои друзья — более 100, но это оказалось каплей в море против информационного антигосударственного наката).

Осознав важность потери идеологического влияния, элита попыталась вернуть себе если ни рычаги управления идеологией (этого и сегодня больше всего боятся либералы), то свое влияние на СМИ. Восстановление государства, начатое В. Путиным в 1999 году, не случайно началось со взятия под контроль федеральных телевизионных каналов, а затем и НТВ, а затем дополнилось укреплением механизмов информационного влияния на общество,

расширением функций Администрации Президента. Определенным знаковым шагом стало создание в мае 2009 года Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при президенте.

Появление этой Комиссии стало весьма символичным шагом — в Администрации появилась первая со времен «деидеологизации», пусть крошечная, идеологическая структура, задачей которой стало противодействие массированным атакам уже не столько информационного, сколько содержательно-идеологического характера. Уже через год стало видно, что Комиссии, несмотря на скромные возможности, удалось добиться определенных результатов не только в противодействии попыткам откровенной корыстной политической фальсификации истории, но и предложить свои идеологические наработки[148].

Эта тенденция возвращения государства в идеологию насмерть напугала либералов, которые под предлогом «деидеологизации» фактически монополизировали СМИ. Даже возвращенные государству телеканалы находятся под серьезным влиянием «либеральной традиции». Контратаки на государственные СМИ и «вертикаль» стали отличительной чертой 2005–2010 годов. Это наглядно проявилось, например, в попытках организовать кампанию по «десталинизации» российского общества и государства, которая приобрела откровенный характер в 2011 году.

Иными словами, государство с 2000 года стало постепенно и непоследовательно «возвращаться в идеологию», «возвращая» изгнанных из нее людей, которые, повторю, «изобретают, сохраняют и распространяют» идеи. Эти робкие и не вполне последовательные попытки должны стать началом процесса, который может наполнить содержанием не только информационную политику и политический пиар, но и превратиться вновь **в систему управления обществом и государством**. Непоследовательно, возвращаясь назад, постоянно делая ошибки. «Возвращаясь» без идеологии, власть остается без стратегии и без ценностных ориентиров. Что очевидно сказывается на попытках разработать реалистичную стратегию, которую **идеологически** обеспечивают (в отличие от власти) либералы.

Важно подчеркнуть, что идеология как система управления предприятиями никогда и не ставилась под сомнение. В том числе либералами, которые прекрасно понимали ее решающее значение для экономики. Как говорится, с деньгами не шутят. Она стала устоявшимся понятием. Как справедливо замечает А. Л. Пласковицкий, «термин „идеология“, как понятие, отражающее конкретное специфическое явление (комплекс явлений) в управлении, получило распространение в управленческой литературе (как отечественной, так и зарубежной) приблизительно с 60-х гг. XX века»[149].

Таким образом, важным субъективным фактором, влияющим на возвращение идеологии вообще и формирование социально-консервативной идеологии, в частности, **стали усилия В. Путина по укреплению государства и корректировке социальной политики**. Именно здесь идеологические мотивы и проявились. В этот процесс в той или иной степени, особенно в 2005–2010 года, оказались вовлечены Д. Медведев, С. Иванов и другие представители окружения В. Путина, которые были вынуждены заниматься идеологией. Неумело и неохотно.

Кроме объективных предпосылок появления новой идеологии, важно увидеть и субъективные, а также конъюнктурные факторы, которые могут ускорять либо тормозить процесс формирования идеологии. Применительно к России — скорее тормозить. Сначала о политической конъюнктуре. Очевидно, что «политический сезон 2000–2011 годов» был непростой, даже, как заметил Г. Явлинский, «предельно нервозный», что неизбежно наложило свой отпечаток на формирующуюся идеологию: появляющиеся идеи, не успев развиться, сменялись новыми, нередко плохо обоснованными. Так, внятного объяснения так и не получили, например, такие понятия, как «модернизация», «инновации», «комфортное существование», «благополучие» и т.п. Эклектика заменяла системный подход, первые попытки которого появились лишь во второй половине десятилетия с появлением нацпроектов. Так, в 2007–2008 годы фактически со своими программными заявлениями выступили С. Б. Иванов, Д. А. Медведев, В. И. Якунин и другие.

С одной стороны, огромное внимание и крупные ресурсы были вброшены в пропаганду тех или иных взглядов, что объективно вело к ускорению вызревания идеологии, но отнюдь не к глубокой проработке идей. Пропаганда «идеологии прагматизма» стала, по сути дела, пропагандой эклектики, примитивным паркетным пиаром.

С другой стороны, как парламентская, так и президентская кампании в эти годы были перегружены популизмом и демагогией, когда даже немногие серьезные идеи были размыты. Да и сами эти немногие идеи не были важны власти, которой нужна была «телекартинка». Объясняется это несколькими вполне конъюнктурными политическими обстоятельствами, мешавшими перерасти идеям в сколько-нибудь конкурентоспособную систему взглядов, которая стала бы механизмом реализации идей, т.е. стратегией.

Во-первых, все оппоненты Кремля как в России, так и за рубежом имели, может быть, последнюю теоретическую возможность сменить власть и собственников. Время очевидно работало на В. Путина и Д. Медведева. Оппоненты спешили и не смогли предложить внятную и, главное, притягательную для общества идеологическую альтернативу. Пришлось вернуться к неолиберализму. Несколько подретушированный либерализм себя окончательно дискредитировал, а все приемы борьбы с властью до неприличия напоминают кампанию против КПСС. При этом другая такая возможность, опять же теоретически,

может представиться оппонентам Кремля только в 2012 году, когда нынешняя элита окончательно утвердится у власти и собственности.

«Последний шанс» для реванша — сильная мотивация. В особенности для тех, чья личная судьба непосредственно зависит от политической. Понятно, что они будут готовы потратить свои ресурсы и влияние, чтобы сменить власть, и на эту деятельность средств жалеть не будут. Пример агрессивного поведения Б. Березовского — наиболее яркий, но отнюдь не единственный. Такая мотивация и такие ресурсы неизбежно должны были всколыхнуть не только PR-проекты, но и идеологические изыски, целью которых был бы сугубо прагматический захват власти. Но вот идеологические методы — самые разные. Предсказать их в целом нетрудно. Основная направленность — дестабилизация, десакрализация власти, провокации, раскачивание ситуации. Понятно, что на пользу развитию идеологии русского социализма это не пойдет, хотя у сторонников этой идеологии, безусловно, появятся новые аргументы, оценки, идеи, контрдоводы.

Во-вторых, есть очевидная заинтересованность в дискредитации новой идеологии и за рубежом. Кампания в западной прессе против В. Путина в 2006–2011 годах приобрела откровенно агрессивный пропагандистский характер. В 2008 году, в связи с североосетинскими событиями, она достигла апогея. В этой связи обращает на себя внимание, например, требование конгресса США увеличить ассигнования на 2008 финансовый год на международную активность США до 35 млрд долл. Большинство этих средств, как известно, идет на «проецирование» влияния США за рубежом[150]. В апреле 2007 года появился откровенный доклад госдепа США, который прямо апеллировал к вмешательству во внутренние дела России.

Приход к власти Б. Обамы объективно мало повлиял на эти тенденции. «Перезагрузка» и сотрудничество США с Россией, казалось, стали поворотными вехами в двусторонних отношениях, но они отнюдь не отменили принципиальных идеологических (и, как следствие, политических) разногласий между двумя странами. Если оформление идеологии русского социализма будет продолжено и правящая российская элита не пойдет на принципиальные уступки во имя модернизации[151], то эти базовые идеологические расхождения сохранятся на ближайшие годы. На мой взгляд, они будут выражены в следующих ценностных противоречиях:

— борьба за влияние на постсоветском пространстве, и, прежде всего, стремление США не допустить реинтеграции России;
— стремление ограничить самостоятельность внешней политики России не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Европе, и на других направлениях;
— стремление изменить систему ценностей в России, «унифицировать» ее идентичность с другими развитыми странами, лишив ее исторического, культурного и духовного наследия;
— ограничить суверенитет России в использовании своих сырьевых ресурсов, добившись участия России в процессах глобализации на выгодных условиях;
— ослабить влияние России в мире через ослабление ее федерального центра и институтов государства.

Как видно из приведенного перечня, во многом существующее противоборство с США идеологизировано. И не по вине России. В США по-прежнему рассматривают Россию как потенциальную угрозу, но уже не как угрозу, исходящую от коммунистической идеологии, ядерного оружия или экономического конкурента, а как угрозу, выражающуюся в самом существовании великого государства, обладающего всем «набором» культурных, ресурсных и духовных ценностей.

Примечательно в этой связи признание одного из ведущих американских экспертов относительно роли США Р. Хааса: «Соединенные Штаты нередко называют „новой империей“. Здесь важно не смешивать такие понятия, как „империя“ и „империализм“. Первое подразумевает наличие правительства, которое в состоянии оказывать влияние на международные отношения и брать на себя ответственность. С этой точки зрения, я думаю, США действительно могут рассматривать себя как империю. Но мы не ставим перед собой цель проводить империалистическую политику экспансионизма и эксплуатации»[152].

Легализация имперской политики влияния при скромной попытке уйти от термина «империалистическая политика» — не более чем словесная эквилибристика. США не просто открыто декларируют свое намерение влиять, но и обосновывают его «естественными» аргументами — будь то пограничные с ними регионы либо районы постсоветского пространства.

Все это имеет серьезное значение для формирования идеологии России в предыдущие и последующие годы: деньги будут выделяться в США над подготовку книг, брошюр, конференций, стажировку и другие проекты в России, которые будут иметь очевидно неолиберальную направленность как альтернатива российскому социальному консерватизму. Не исключено, что идеологической «проработке» подвергнется и социально-консервативная идеология, которая в основных частях и положениях абсолютно неприемлема США. Как минимум, ее буду отождествлять с традиционализмом и коммунизмом. Как максимум — с национализмом, фашизмом и экстремизмом (что, кстати, уже пытается кое-кто делать из самых преданных союзников США).

В-третьих, Россия по мере выздоровления начинает играть все более самостоятельную роль в мире. И не только на мировых рынках, но и в международных отношениях. Эта роль была бы значительно заметнее, если бы Россия выступила идеологическим

лидером, как в свое время — СССР. Этого-то и боятся. Эта активная роль по многим причинам не устраивает очень разные, в т.ч. влиятельные, силы за рубежом. Там уже как-то свыклись с мыслью о слабой, выпрашивающей подачки, подчиненной России.

Но пока они пребывают в относительной растерянности: слишком быстро Россия восстанавливается. Так, думаю, продолжаться долго не может. Опыт показывает, что американская элита может быстро и эффективно разрабатывать и принимать меры, ориентированные на новые условия. Вспомним, как быстро отреагировали США на события 11 сентября вторжением в Афганистан. «Задержка с Россией» вызвана не заторможенностью реакции, а тем, что «российская проблема» не была пока приоритетной по сравнению с Ираном и Ираком. Похоже, однако, что она становится таковой и для пришедших к власти в США демократов, да и для ряда западноевропейских элит, которых беспокоит усиление России.

Многие наши соседи, включая «самые цивилизованные» — Швецию, Финляндию, Данию, — пытаются оказать давление на Россию по экономическим и территориальным вопросам. Как и во времена СССР, в этих целях активно используются институты гражданского общества в России, получающие во все больших масштабах финансовую и политическую поддержку.

Очевидно, что в условиях внутриполитической стабильности, крепкого рубля, независимости от МВФ эффективно давить на Россию трудно. Поэтому их прямая заинтересованность будет декларирована как «демократизация» России, т.е. возвращения ее к хаосу и анархии 1990-х годов. Соответственно, и любые идеологические мотивы, связанные с укреплением роли государства, опережающим развитием, сохранением традиций, будут подвергаться критике как в СМИ, так и среди подконтрольных общественных организаций. Укрепление социально-консервативных идей будет тождественно укреплению нации и государственного суверенитета. Как справедливо замечено, «социальный консерватизм не имеет большего распространения на Западе. Он наиболее заметен в Германии. Но представляет определенный интерес, поскольку любой современный консерватизм в принципе не может не быть в какой-то мере социальным. По мнению приверженцев данной разновидности консервативной идеологии, государство призвано неуклонно заботиться о материальном благосостоянии населения и о постоянном росте этого благосостояния, но главное средство реализации социальных функций государства — эффективное развитие экономики, что может быть обеспечено лишь на основе принципов, общих для всего современного консерватизма. Среди традиционных консервативных ценностей приоритет принадлежит национальной культуре, сохранение верности которой рассматривается как необходимое условие общественного прогресса. Правые сторонники социального консерватизма сближаются с традиционалистами в трактовке государства и патриотизма»[153].

Противоречия в идеологических подходах особенно проявились в период кризиса 2001–2010 годов. Причем не на политическом или экономическом, а именно на идеологическом уровне. Эти противоречия между ценностями либерализма и консерватизма, особенно в его социальной, российской форме. Как справедливо заметил С. Волобуев, «консервативная парадигма экономического мышления выделяет следующие причины мирового экономического кризиса:

— перепроизводство денег, несоизмеримое с производством реальных благ и услуг;
— попытка создания „виртуальной экономики“ при забвении физического, социального и культурного измерений экономики;
— попытка элит ряда стран реализовать сценарий „золотого миллиарда“ за счет неоколониальной эксплуатации большинства стран и народов мира, на которые перебрасывается бремя глобальных социально-экономических и экологических проблем;
— гиперконцентрация экономической власти на глобальном уровне;
— попытка формирования глобального рынка в обход сценария поэтапного развития национальных и региональных рынков с их последующей взаимовыгодной интеграцией;
— навязывание странам „догоняющего развития“ экономических моделей, противоречащих их культурному коду и национальным целям.

Основной движущей силой мирового экономического кризиса является забвение традиционных нравственных принципов ведущими экономическими и политическими элитами мира, внеморальное понимание экономической эффективности.

Мировой экономический кризис был неизбежен и чреват последующими рецидивами при существовании экономических институтов и практик, основанных на эксплуатации человеческих пороков.

Модель ценностно-регулируемой экономики может быть предложена в качестве консервативного ответа на вызов мирового экономического кризиса.

Как рыночные механизмы экономики, так и ее государственное регулирование — вторичны и инвариантны по отношению к ценностному регулированию экономической деятельности, создающему цели и мотивации экономического поведения, структуру экономических институтов и практик.

В основе ценностного регулирования экономики лежит понимание служебной роли экономики по отношению к человеку, обществу и государству»[154].

Наконец, **в-третьих**, значительные силы в России — от националистов и коммунистов до либералов, — оказались отстраненными от принятия реальных политических и экономических решений. Внутриполитическая стабилизация привела к тому, что они оказались отодвинутыми от «пирога» власти,

финансовых потоков и собственности. Для них выборы — возможность реванша, т.е. получение возможности доступа к ресурсам, сохранение себя не только в политике, но и в бизнесе, общественной жизни. Многие «партстроители» и политтехнологи не только превратили свои партии в источники сверхдоходов, но попросту ничего другого делать уже не умеют. Так, не случайно на съезде профсоюзов В. Путин резко отреагировал на призыв «перераспределить пирог», назвав его «преждевременным и вредным»[155].

Но все-таки на развитие социально-консервативной идеологии (прежде всего, таких ее ценностей, как традиция, суверенитет, опережающее развитие) в будущем политическом сезоне будут влиять положительно объективные факторы, которые приведут к тому, что эти идеи и ценности окончательно утвердятся в качестве доминирующих в российском обществе.

Действительно, власти удалось стабилизировать не только экономическую и финансовую ситуацию в стране, не только укрепить ее суверенитет, но и сложить некий политический каркас будущего государства и общества. Каркас из институтов власти, общества и общественно-политических организаций. Задача стабилизации, в т.ч. внутриполитической, была **в основном решена**. Появились и свободные ресурсы.

На очереди встали задачи **развития,** а значит, прежде всего, задачи **концептуальные, идеологические**. «Политический каркас» необходимо заполнить идеологическим содержанием уже **в практических целях**. И отнюдь не только потому, что у правящей партии нет внятной идеологии (эта проблема, безусловно, стоит, но на втором плане). Главное, что самой власти надо осознанно понять и принять **систему взглядов и концепций** относительно **развития, т.е. направления движения**.

В противном случае внешние и внутренние факторы влияния сначала исказят, а затем и сломают всю идеологическую систему и набор ценностей. В этом смысле сегодня главной целью, которая объединяет все идеи в идеологическую систему, **становится развитие национального человеческого потенциала (НЧП) и реализация его в национальный человеческий капитал (НЧК)**. Эффективность власти будет определяться тем, насколько полно этот НЧП будет превращён в НЧК, а не останется только потенциалом. В идеале это означает, что **каждый** гражданин России должен получить максимально благоприятные условия для своего развития, а затем — самореализации. Это означает, что каждый персональный человеческий потенциал должен быть:

а) сохранен;
б) развит;
в) реализован в максимальной степени.

Нация — это сумма **личных** реализованных (превращенных в капитал) потенциалов. Но не только. Огромный синергетический эффект дает не простое сложение личностных потенциалов, а их направленная в интересах всей нации реализация. Просто сумма гениальных индивидов может не только не укрепить, но и уничтожить нацию. Вот почему нужна **общенациональная идея**, которой, кончено же, не может стать только благополучие граждан.

А это предполагает всегда точные ответы на вопросы о направлении движения, его темпах, приоритетности решения задач и т.д. При этом надо понимать, что 2006 год стал своего рода рубежным годом, когда В. Путин выстроил не только вполне определенное направление движения, которое включает ряд конкретных тенденций, но и фактически создал **систему** государственного и политического управления, т.е. **механизм их реализации.** По сути, в 2006 году окончательно оформилась «доктрина В. Путина», которую, как отмечает, например, Л. Шевцова, он «может сдать „под ключ“ своему преемнику»[156]. Следующий, 2007 год, стал годом ее апробации, практического применения. А 2008 год — передачей преемнику.

В 2008–2010 годах Д. Медведев внес некоторые коррективы в «набор идей», сложившихся при В. Путине. Но он до сих пор не **сделал из этих идей системы взглядов**, не определил приоритетность, соподчиненность и зависимость одних идей и приоритетов от других. И ему не удалось сделать из этой (еще не сложившейся) системы — что естественно — **механизма управления обществом и страной**.

Таким образом, формально «не существующая» идеология В. Путина и Д. Медведева к 2010 году уже существовала **в виде набора идей, реализуемых в качестве реальной политики, но не как реальный механизм власти и управления**.

Речь идет не только о создании и оформлении, институализации этой идеологии как системы, придании ей бренда и формального характера, но и о превращении ее в инструмент власти. Это возможно сделать в форме доктрины, концепции или какого-то иного документа, к которым привыкла та часть граждан, которая еще помнит об идеологических инструментах КПСС и Советского государства. Пока этого не сделано, все звенья политической и административной машины управления работают сами по себе, а нередко — друг против друга. Так, «чемпионом» по количеству законопроектов, внесенных в Госдуме, стали бывшая конькобежка С. Журова (40 инициатив), фигурист А. Сихарулидзе (15) и певец И. Кобзон (14), тогда как большинство депутатов не выдвинули ни одного законопроекты или по одной инициативе[157]. Нет, как видно, ни единой законодательной стратегии, ни распределения функций, позволяющих аккумулировать законодательный потенциал.

При этом принципиально важным остается вопрос **о носителе этой идеологии**. Прежде всего, традиционно речь идет о президенте, партии или некой группе лиц, объединенных выработанными за годы В. Путина принципами и правилами.

Но в действительности носителем социально-консервативной идеологии должны стать социальные группы, которые в этом заинтересованы в наибольшей степени. В развитии НЧП заинтересованы, прежде всего, представители «креативного класса», состоящего из тех социальных групп, которые рассматривают свой творческий потенциал в качестве главного ресурса. Но именно эти группы не объединены, не имеют своего политического представительства. Да и сами партии, по оценке социологов, являются наименее авторитетными институтами нашего общества[158].

В этой связи понятно, почему у правящей партии трудности с идеологией: политическим инструментом идеологии в первую очередь является партия, но «Единую Россию» трудно назвать средоточием креативных слоев граждан. Оказалось, что инструмент вроде бы есть, а самой оформленной для партии идеологии еще нет. Этот парадокс объясняется просто: «Единая Россия» создавалась прежде всего как организационно-политический, бюрократический инструмент взятия власти. Конечно же, был и набор идей, но идеологией, тем более строгой и общепринятой, этот набор идей назвать нельзя. Хорошо это объяснил один известный политолог. «Россия, — справедливо отмечал В. Дымарский, — только создает традицию многопартийности. И вопрос, конечно, в том, каким способом ее взращивать. Пока партийное строительство разворачивается по методу „строек века“ (вспомним хотя бы БАМ), когда крупные проекты сочиняются и просчитываются в едином для всех Госплане. Обществу же, не дозревшему до сознательного участия в демократических процедурах, отводится роль „добровольцев — энтузиастов“, которых к очередным выборам сбивают в „стройотряды“ по спускаемым сверху показателям. Чтобы оценить эффективность такого метода, можно привести примеры не только БАМа, но и предыдущих „партий власти“, которые и партиями-то никогда не были, а являются, по точному, на мой взгляд, определению Г. Павловского (ему ли не знать), „электоральными проектами“. Именно поэтому административные условности, например обязательная численность партийных рядов в 50 тыс. человек выглядит нелепо. Хотя для современных партий в условиях современной же демократии разработка доходчивой и ясной программы для привлечения избирателей куда важнее количества выданных партийных билетов»[159].

Не случайно абсолютно закономерным стало превращение партий в бюрократические институты, которые стали основой «отечественного тугокошелькового парламентаризма»[160]. Иными словами, «электоральный проект» в виде «Единой России» сложился (точнее — был сложен) в некий организационный ресурс, инструмент, который только условно можно назвать идеологическим. Нельзя, конечно же, отрицать, что у этого проекта есть принципиальные сторонники. И не только потому, что это показывают соцопросы. Но и потому, что некая идеология стабилизации, замешенная на традиционализме, безусловно, присутствует. Однако **системой идеологических взглядов** это, разумеется, не назовешь. Хотя бы потому, что разные регионы и разные социальные слои, поддерживающие «Единую Россию», воспринимали ее идеологию совершенно по-разному.

«Электоральный проект» «Единая Россия», таким образом, еще только становится идеологическим течением, у которого есть признаки идеологии и определенные идеологические принципы — стабилизация, преемственность, укрепление государства (которые можно отнести к консервативности), а также приоритет в развитии потенциала человеческой личности, определенная социальная ориентация (социальные принципы). Вместе взятые, они позволяют говорить об избранном идеологическом векторе — социально-консервативном, но еще не об идеологии.

Это означает, во-первых, что существует определенная опасность как излишней «гибкости» еще не устоявшейся идеологии, так и того, что эту идеологическую нишу займет другая политическая сила или партия, обладающая большей идеологизированностью и заметными ресурсами: неясность и непоследовательность в защите социальных требований может сыграть с «Единой Россией» злую шутку — партия создаст условия для будущей, социально-консервативной, партии.

Сумятицу среди элиты наделало появление конгломерата «Справедливой России» под руководством С. Миронова. В России раскол элит всегда чрезвычайно опасен, но когда такой раскол подкреплен политическим, административным и финансовым ресурсом, а главное, современной идеологией, он опасен вдвойне. Тем более, что идеологические изъяны и проблемы становятся видны сразу.

---

1 *Маймина Э., Егозарьян В.* Государство на рынке интеллекта // Финансовый контроль. 2011. № 6. С. 93.

2 *Ремизов М., Межуев Б.* «Охота на медведей» // Независимая газета. 2011. 21 апреля. С. 2.

3 Цит. по: Базисные ценности — основа общенациональной идентичности // Новая книга России. 2011. № 7. С. 4.

4 В интересах народа / отв. ред. В. Н. Шевченко. М.: Ключ-С, 2011. С. 7.

5 *Славин Б.* Идеология возвращается. М., 2010. С. 40.

6 *Медведев Д.* Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 г. [Эл. ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/5979

7 *Якунин В.* Актуальная теория и методология формирования российской экономической политики. Вып. № 11. М.: Научный эксперт, 2008. С. 16–17.

[8] Пояснительная записка к сценарным условиям для формирования вариантов социально-экономического развития в 2012–2014 годах. М., 2011. С. 12.

[9] Мировой кризис: угрозы для России: материалы совместного заседания Ученого совета ИМЭМО РАН и Правления ИНСОР / сост. и научн. ред. С. В. Чебанов. М.: ИМЭМО, 2009. С. 158.

[10] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений: доклад нью-йоркской академии наук // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 19.

[11] *Родин И., Самарина А.* Не премьерский максимум, но президентский минимум // Независимая газета. 2011. 21 апреля. С. 3.

[12] Цит. по: *Ремизов М., Межуев Б.* Охота на медведей // Независимая газета. 2011. 21 апреля. С. 2.

[13] *Ремизов М., Межуев Б.* Охота на медведей. 18 апреля 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.gazeta.ru/comments/

[14] *Зиновьев А. А.* Научные основы идеологии: лекция. 12 августа 2004 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.polit.ru/research/2004/12/08/ideol

[15] *Маслоу А.* Кирпичики модернизации // Мир и политика. 2010. Июнь. № 6 (45). С. 9.

[16] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир. 2010. С. 23.

[17] *Быстрицкий А. Г.* [и др]. Интернет, в котором мы живем // Независимая газета. 2011. 8 июня. С. 5.

[18] *Кулаев С.* Посочувствовать другому человеку // Ведомости. 2011. 25 августа. С. 4.

[19] Русский социализм. Артефакт. [Эл. ресурс]. URL:http://www.artefactband.com/science_36.html

[20] Одну из первых попыток описать социально-консервативную идеологию как идеологию опережающего развития человеческого потенциала я сделал во второй части своей книги «Человеческий капитал» в 2007 году. См.: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 233–448.

[21] *Сергеев М.* Коммунизм наступит в 2030 году // Независимая газета. 2007. 28 июня. С. 5.

[22] *Милов В.* Хроника упущенного времени // Ведомости. 2006. 25 декабря. С. А4.

[23] *Орлов Д.* ОНФ и вызов развития // Независимая газета. 2011. 12 мая. С. 3.

[24] *Мельников А.* Великий кормчий // Независимая газета. НГ-религии. 2011. 1 июня. С. 1

[25] Интересно, что часто употребляемое понятие «Стратегия–2020», по большому счету не имеет основания: ни программы, ни документа такого нет. Сначала под этим подразумевалась Концепция, а потом и она забылась. — *Прим. авт.*

[26] *Таратута Ю.* Без экспериментов // Ведомости. 2011. 21 апреля. С. 1.

[27] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. iii.

[28] См.: подробнее: *Ремизов М., Межуев Б.* Охота на медведей. [Эл. ресурс]. URL:http://www.gazeta.ru/comments/2011/04/18

[29] *Чемезов С. В., Турко Н. И., Куликов С. А.* Перспективные направления формирования системы стратегического управления инновационным развитием высокотехнологичных отраслей промышленности // Международное сотрудничество и менеджмент в сфере высоких технологий / под ред. *А. В. Свинцова.* М.: МГИМО–Университет, 2010. С. 8.

[30] Так, например, опросы предпринимателей в 2011 году показали, что за последние годы число недовольных энергетической инфраструктурой возросло с 27% до 49%, более двух третей жалуются на недостаток квалифицированной рабочей силы, а 10% сталкиваются прямо с коррупцией. См.: *Башкатова А.* Инновации уперлись в малый бизнес // Независимая газета. 2011. 16 июня. С. 4.

[31] *Маслов О., Прудник А.* Дмитрий Медведев не-президент России-2012: 10 причин для народного недоверия: еженедельное независимое аналитическое обозрение. 11 апреля 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.polit.nnov.ru

[32] *Гудков Л., Дубин Б.* Назначенные элиты и проблема реформ // Ведомости. 2007. 20 августа. С. А4.

[33] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 124.

[34] *Панеях Э.* Граждане становятся реалистами // Ведомости. 2011. 16 июня. С. 4.

[35] *Степашин С.* Суверенная демография // Российская газета. 2007. 7 марта. С. 6.

[36] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. С. 82.

[37] *Солодовников М.* Счастливый день правительства // Новые Известия. 2007. 24 июля. С. 2.

[38] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. С.181.

[39] От редакции. Десять лет консервации. 20 апреля 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.gazeta.ru/comments

[40] *Воренкова О. А.* Кризис идеологии и развитие социально-политического дискурса в России (1985–2010 гг.): автореф. дис. канд. полит. наук / Институт социологии РАН. М.: 2011. С. 2.

[41] *Шевцова Л.* Система для наследника // Коммерсант. 2006. 27 декабря. С. 8.

[42] Политика надвое сказала // Российская газета. 2007. 4 июля. С. 4.

[43] *Подберезкин А., Шутов А.* Социалистический манифест. М., 2004.

[44] См. подробнее эволюцию идеологий во второй книге II-го тома настоящей работы. — *Прим. авт.*

[45] Всероссийская научная конференция «Национальные интересы и ценности». [Эл. ресурс]. URL:http://www.rusraud.ru/about/news_544

[46] *Катасонов В.* Погружение в хремастику. 16 июня 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.mgimo.ru/system/php/

[47] «Поручение» Н. Федорову разработать избирательную программу для ОНФ к концу августа — отражение этой потребности. Программа «ЕР», очевидно, не устраивала уже путинскую элиту. — *Прим. авт.*

[48] *Бутрин Д.* Абстрактная ненависть и желание нравиться // Русский журнал. 2010. С. 4.

[49] Так, В. Путин был вынужден даже заявить, что «все институты развития перетрясут». См.: *Арсюхин Е.* Министров научат дисциплине // Известия. 2011. 26 апреля. С. 3.

[50] См., например: *Белуза А.* Лимузин для казнотрата // Известия. 2011. 11 апреля. С. 4.

[51] К концу 2014 года численность интернет-пользователей составит около 80 млн. человек, или 71% населения страны: пресс-релиз. 16 марта 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://bd.fom.ru/report

[52] *Трудолюбов М.* История чемоданного настроения // Ведомости. 2010. 14 мая. С. 4.

[53] *Лексин В. Н.* Кому на Руси жить хорошо? 15 апреля 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.ruslaud.ru/enotes/

[54] Следует заметить, что в этом процессе научное сообщество участвовало слабо. Элита практически игнорировало его мнение. Как заметил академик Р. Гринберг, всего 2% населения доверяло интеллектуалам. См.: *Елисеева И. И.* Президиум РАН заслушал сообщение «Социальная структура и инновационно-реформаторский потенциал России. [Эл. ресурс]. URL:http://www.sibai.ru/content/view/1360/1510

[55] **Общенациональная идеология** — *зд*. форма национального самосознания, развития национально-культурной самобытности и обеспечения национальных интересов (потребностей). — *Прим. авт.*

[56] *Церевитинова В.* Регионы: качество жизни: экспертный канал «Открытая экономика». 14 апреля 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.opec.ru/1243230.

[57] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. 2010. С. 251.

[58] Там же. С. 200.

[59] *Тер-Арутюнян Г.* Национальные безопасность и идеология. 1 июня 2009 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.noravank.am/rus.

[60] Мина под развитие // Ведомости. 2010. 11 мая. С. 1, 3.

[61] *Вардуль Н.* Слова и воробьи // Газета. 2007. 29 марта. С. 12.

[62] *Ожиганов Э. Н.* Стратегический анализ политики. Теоретические основания и методы. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 270.

[63] Социальное положение и уровень жизни современной России 2009: стат. сб. Росстат. М., 2009. С. 28–32.

[64] Там же. стат. сб. С. 31–32.

[65] Там же. стат. сб. С. 32.

[66] Там же. стат. сб. С. 32–33.

[67] . стат. сб. С. 2009.

[68] *Хрусталёв М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. С. 35.

[69] Очень симптоматично в этой связи появление статьи Д. А. Медведева, имевшей по сути дела, идеологическую направленность. См.: *Медведев Д.* Приоритетные национальные проекты: от стабилизации к развитию // Коммерсант. 2007. 25 января..

[70] *Виньков А.* Разгон тихоходной турбины // Эксперт. 2007. № 25. С. 71.

[71] *Подберезкин А., Карпенко М.* XXI век: стратегия для России. М.: СГА, 2005. С. 57–69.

[72] В качестве попытки идеологического прорыва в этом направлении можно рассматривать начало реализации в 2005 году приоритетных национальные проектов в области образования, здравоохранения, жилья, демографии и семейного хозяйства, которые имели в том числе и явную идеологическую направленность. См.: *Карпенко М., Иванов А.* (*Подберезкин А.*) Приоритетные национальные проекты и новая идеология: в т.ч. М.: СГА, 2006. Однако эта попытка так и осталась частным случаем, который не дал сколько-нибудь заметного результата.

[73] **Стратегия** — *зд*. в данном случае искусство управляющей элиты страны, основанное на общем плане, охватывающем длительный период, для достижения сложной цели, основанной на эффективном использовании национальных ресурсов. — *Прим. авт.*

[74] Ученые США: Россия стремительно вымирает. 13 августа 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://news.mail.ru/society/4272661

[75] Проект Россия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2007. С. 203.

[76] Ну и дура же я! 16 июня 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.ekhopanet.ru/world.

[77] *Кузьминов Я.* Предоставление профессиональных квалификаций университетами будет востребовано на рынке труда // РИА-Новости. 2011 . 18 июня..

[78] *Латухина К.* Несокращаемый Минфин // Российская газета. 2011. 26 апреля. С. 3.

[79] ФОМ. Доминанты. 21 апреля 2011 г. № 16.С. 12, 13, 14.

[80] ФОМ. Доминанты С. 13.

[81] Ученые США: Россия стремительно вымирает. 13 августа 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://news.mail.ru/society/4272661

[82] Справедливости ради следует сказать, что впервые за последние десятилетия в 2010 году был отмечен нулевой (а не отрицательный) демографический рост, что показывает, на мой взгляд, что элита (если захочет) может решать как-то проблемы страны. — *Прим. авт.*

[83] См. подробнее: *Подберезкин А., Гебеков М.* Россия: человеческий капитал и развитие человека в региональном измерении (2010 г.) // Вестник МГИМО(У). 2011. № 3 (18). С. 38–42.

[84] *Кувшинова О., Письменная Е.* Скромная жизнь // Ведомости. 2010. 26 августа. С. 3.

[85] Обращение ректора РАНХ и ГС при президенте России Владимира Мау. 21 февраля 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://strategy2020.rian.ru/news

[86] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. С. 85–86.

[87] Я полагаю, что точность стратегии, как и прогноза, были бы намного выше, если бы на самом начальном этапе участвовали эксперты из других областей — идеологии, безопасности, внешней политики и т.п., которые в результате серий ситанализов, спектра других мероприятий смогли бы гораздо точнее смоделировать стратегию в ее общих чертах. См. подробнее о методике: *Примаков Е. М., Хрусталёв М. А.* Ситуационные анализы. Методики проведения. М.: МГИМО-Университет, 2006, а также: *Хрусталёв М. А.* Методология прикладного политического анализа. М.: МГИМО-Университет; РОСПЕН, 2010 г.

[88] *Шувалов И.* Россия не оправдывает завышенных ожиданий инвесторов по скорости развития бизнеса. 17 июня 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.finam.ru

[89] Роль банковской системы в решении проблем модернизации российской экономики информировании внутреннего инвестиционного спроса: отчет о НИР. МГИМО(У), 2010.

[90] *Денисов А.* Первый российский триллион // Время новостей. 2006. 8 ноября. С. 4.

[91] Эксперт. 2007. 11 марта. С. 21.

[92] *Либиан А.* Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики. 2007. № 3. С. 47.

[93] Этой теме в свое время я посвятил специальную работу. См.: *Подберезкин А. И.* Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России. М., 2005. С. 39–81.

[94] К этой идее Д. Медведев вновь вернулся в июне 2011 года, заявив о том, что «мы должны пройти точку не возврата к тем моделям, которые ведут страну в обратном направлении». См.: *Павловский Г.* Его выбор // Независимая газета. 2011. 20 июня. С. 1.

[95] *Воскресенский А.* Формула недоступности // Коммерсант. 2006. 20 июня. С. 20.

[96] *Иваницкая Н.* Народная инфляция // Ведомости. 2007. 22 августа. С. А3.

[97] Надо сказать, что финансовые власти совершенно не сделали вывода из этой ситуации. В 2010–2011 годах ситуация повторилась с удивительной точностью. — *Прим. авт.*

[98] [Эл. ресурс]. URL:http://www.trilateral.org \library\ Engaging with Russia

[99] Это отнюдь не означает, что на близкие темы было мало публикаций, в т.ч. претендующих на фундаментальность и объективность. Были, безусловно, и удачные работы, преимущественно иностранных авторов. — *Прим. авт.*

[100] Как пример, работа *Чадаева А.* «Путин. Его идеология», которая основывалась на анализе последних, «политических» посланий президента России, или работы Р. Саквы и других авторов. — *Прим. авт.*

[101] *Федоров В.* Мина под стабильность // Итоги. 2007. 2 апреля. С. 18.

[102] Цит. по: *Щадрина Т.* Баррель выше всего // Российская газета. 2011. 9 июня. С. 4.

[103] *Магарил С. А.* Поиски социального качества // НГ-науки. 2011. 9 февраля. С. 12.

[104] *Шамина О.* Неэффективный рост // Московские новости. 2011. 15 июня. С. 7.

[105] Три сценария развития России, которые я предложил в 2005 году, во многом сохранились и сегодня. См., например: *Булатов Ю. А., Мунтян М. А., Подберезкин А. И.* Современная Россия: на пути к удвоению ВВП. М.: Научная книга, 2005. С. 192–243.

[106] *Сергеев М.* Коммунизм наступит в 2030 году // Независимая газета. 2007. 28 июня. С. 5.

[107] *Заславская О.* Капитал дал течь // Российская газета. 2011. 16 июня. С. А10.

[108] Суверенитет: сб. / сост. Н. Гараджа. М.: Европа, 2006. С. 29.

[109] *Рыжов Ю.* Участвовать в имитации как-то стыдно // Новая газета. 2007. № 64. С. 16.

[110] Суверенитет: сб. / сост. Н. Гараджа. М.: Европа, 2006. С. 4.

[111] *Кондашов В. А.* Новейший философский словарь // Ростов н/Д.: Феникс, 2005. С. 248.

[112] *Давыдов М.* Нацпроект — это график закупок. Не более // Время новостей. 2007. 18 июля. С. 6.

[113] *Стиглиц Дж. А*мериканская драма // Ведомости. 2006. 27 декабря. С. А4.

[114] Доминанты: поле мнений: социологический бюллетень. М.: ФОМ. 2007. С. 3.

[115] *Харви Д.* Неолиберализм и реставрация классовой власти // ПрогнозиЕ, 2006 (лето). № 2 (6). С. 21.

[116] *Шевцова Л.* Система для наследника // Коммерсант. 2006. 27 декабря. С. 8.

[117] *Фадеев В.* Год осознания себя как нации // Эксперт. 2007. 15–21 января. № 1–2. С. 9.

[118] Этой теме в свое время я посвятил специальную работу, где я связывал этот процесс с нацпроектами (ПНП). Приоритетные национальные проекты и новая идеология»: в 2 т. М.: СГА, 2006.

[119] *Б.Славин*. Идеология возвращается. М., 2010. С. 20.

[120] Проект Россия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2007. С. 17.

[121] См. подробнее: *Хрусталёв М. А.* Методология прикладного политического анализа. М.: МГИМО–Университет; РОСПЕН, 2010. С. 48. В этой работе автор, в частности, пишет: «Исходным мотивом любой жизнедеятельности является потребность… Соответственно, осознанная потребность выступает как интерес. Иначе говоря, интерес = потребность + осознание».

[122] См., например: Приоритетные национальные проекты и новая идеология: идеология прорыва в будущее / *А. Иванов* (псевдоним *А. Подберезкина)* [и др.] М.: СГУ, 2006. С. 241.

[123] *Хрусталёв М. А.* Методология прикладного политического анализа. С. 154.

[124] См., например: Обретение будущего: «Стратегия–2012»: конспект. М., 2011. С. 5–8.

[125] Бюллетень банковской статистики. ЦБ РФ. М., 2008. С. 18.

[126] В июне 2011 года Д. Медведев публично даже признал это на встрече с педагогами. (См.: Независимая газета. 2011. 10 июня).

[127] Вспоминаю в этой связи свой разговор с И. Рыбкиным и С. Батуриным в 2006 году, смысл которого свелся к тому, что, к сожалению, правящая элита не воспринимает национальные и социальные приоритеты и не нуждается в людях, способных их реализовать. — *Прим. авт.*

[128] В частности, речь идет как о системном, так и синергетическом подходах, ориентированных на формирование предельно общих идеологических законов и принципов постижения действительности, в итоге проявляющихся как «концепция самоорганизации» прежде всего неравновесных систем. См. подробнее: *Шалаев В. П.* Синергетика в пространстве философских проблем современности. Йошкар-Ола, 2009. С. 21.

[129] **Парадигма** — *зд.* принимаемая научным сообществом устремленность научной мысли к определенного рода смыслам восприятия действительности. (См., например: *Шалаев В. П.* Синергетика в пространстве философских проблем современности. С. 14.

[130] Более подробно см.: *Подберезкин А. И.* Приоритетные национальные проекты и новая идеология. М.: СГА, 2006.

[131] *Медведев Д.* Инвестиции в человеческий капитал оказались одними из самых эффективных // Национальные проекты. 2008. № 1/2 (20/21). С. 7.

[132] Стенограмма выступления заместителя руководителя Администрации Президента В. Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров «Единой России». 2006. 7 февраля.

[133] *Погорельский А.* Конструктивный консерватизм // ПрогнозиЕ. 2006 (лето). №2 (6). С. 3.

[134] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. С. 305.

[135] Там же. С. 191.

[136] Там же. С. 191.

[137] Русская доктрина (Сергиевский проект) / под ред. А. Б. Кобякова, В. В. Аверьянова. М.: Яуза-пресс, 2007. С. 864.

[138] Проект Россия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2007. С. 273.

[139] *Шевцова Л.* Система для наследника // Коммерсант. 2006. 27 декабря. С. 8.

[140] *Дугин А.* Стратегическая легитимация // Известия. 2007. 23 августа. С. 5.

[141] *Дугин А.* Легальность и легитимность — конфликтующие феномены путинской политики. 3 апреля 2007 г. [Эл. ресурс]. URL: http://www.opec.ru/1103040.html

[142] *Хрусталёв М. А.* Методология прикладного политического анализа. М.: Проспект, 2010. С. 12.

[143] *Зиновьев А.* Научные основы идеологии. 22 июля 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http:www/polit.ru/research/2004/12/08/ideol.html

[144] Подробно об институтах социального потенциала и институтах гражданского общества я писал в нескольких работах. См., например: *Подберезкин А., Абакумов С.* Гражданское общество и будущее российского государства в поисках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004; *Подберезкин А., Зоркальцев В.* Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускоренного социально-экономического развития России. М., 2005. (В последней работе моим покойным другом и соавтором В. И. Зоркальцевым, которому гражданское общество в России обязано больше, чем кому бы то ни было, была написана отдельная глава «Становление гражданского общества в России и проблемы его институциализации»).

[145] Были, конечно, и исключения. Так, я был свидетелем как В. Гусинский, М. Ходорковский и другие либералы поддерживали КПРФ, а сторонники социалистической идеи находились и во властной элите (Г. Попов, А. Владиславлев, П. Гусев и др.). — *Прим. авт.*

[146] Президент наращивает критику правительства / *А. Самарина* [и др.] // Независимая газета. 2011. 10 июня. С. 1.

[147] *Хомченко Ю.* Вертикаль взятки // Московские новости. 2011. 15 июня. С. 2.

[148] См., например: *Подберезкин А.* Об истоках опережающего развития России // 65 лет Великой Победы: В 6 т. Т. 6 / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. М.: МГИМО–Университет, 2010. С. 117–205.

[149] *Пласковицкий А. Л.* Элементы и уровни государственной идеологии. Март. 2010. [Эл. ресурс]. URL:http://plas.by/filosof/pv/elemideo.php

[150] *Блинов А.* Мягкая мощь стоит больших денег // Независимая газета. 2006. 29 декабря. С. 7.

[151] Так, например, было расценено некоторыми выступлениями Д. Медведева перед руководством МИДа в июне 2010 года. — *Прим. авт.*

[152] *Хаас Р.* США — Россия: перейти Рубикон // Время новостей. 2007. 23 июля. С. 6.

[153] Политические идеологии XIX–XX веков. [Эл. ресурс]. URL:http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt?p_id=16215&p_page=2

[154] *Волобуев С.* Ценностно-регулируемая экономика — консервативный ответ на вызов экономического кризиса: к постановке вопроса. 9 февраля 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.cscp.ru/clauses/438/c/4159/

[155] *Кафтан Л.* Путина просят поделить нефтедоллары // Комсомольская правда. 2006. 15 ноября. С. 2.

[156] *Шевцова Л.* Система для наследника // Коммерсант. 2006. 27 декабря. С. 8.

[157] *Харламов М.* Рекордсмены по законам — «Единая Россия» и «Справедливая Россия» // Известия. 2011. 8 июня. С. 3.

[158] *Бузин А.* Тренируйтесь пока на кошечках // Независимая газета. 2011. 16 мая. С. 3.

[159] *Дымарский В.* О партиях старого типа // Российская газета. 2006. 4 мая. С. 3.

[160] *Туманов А.* Дача показаний // Известия. 2011. 12 мая. С. 6.

Глава 2

Национальные интересы[1] и ценности[2] в идеологии русского социализма

С Отечеством сейчас сложно. У одних — одно Отечество, у других — другое. Ради своего Отечества я готов идти воевать, отдать свою жизнь. А вот за другое пусть идут те, кто там живет, хорошо устроившись[3].

Г. Гречко,
летчик-космонавт

Сегодня в Национальной доктрине России две наиболее приоритетные задачи: величие России (государственная) и величие нации (национальная, социальная) — должны быть четко и конкретно определены в политических программах…[4].

А. Подберезкин,
1994 г.

К началу второго десятилетия XXI века Россия окончательно разделилась на два лагеря, которые мало понимают друг друга, имеют разные интересы (и понимания национальных интересов), разные ценности, разные цели. Эти различия породили невиданный прежде мировоззренческий кризис и кризис доверия, когда, например, более 60% граждан считали, что их личное благополучие, будущее совершенно не зависело от их образования, нравственности, трудолюбия. Иначе говоря, **более половины нации не верило власти и не полагалось на нее**.

Так, проведенный Институтом социологии РАН опрос показал, например, что около 70% (!) респондентов не согласны с тем, что у инициаторов реформ не было другого выхода и что их действия были безальтернативны. Более того, этот же опрос показал, что абсолютное большинство населения не согласно с утверждениями В. Путина и Д. Медведева о том, что они «не собираются строить госкапитализм», а поддерживают их либеральную модель только 9%[5] (табл. 1).

Во многом эти представления коррелируют с представлениями экспертов о состоянии **национальной безопасности России**. Так, исследователи РАН в своих опросах приводят крайне тревожную картину[6] (рис. 1).

Лишь 8% экспертов указали, что состояние национальной безопасности в настоящее время заслуживает пониженного уровня тревоги, а ответы «Низкий уровень тревоги» и «Очень низкий уровень тревоги» не выбрал ни один респондент.

Во многом именно эти кризисы активизировали постимперский национализм, который, строго говоря, свойственен многим нациям, в т.ч. самым «европейским». В XXI веке, например, эти настроения усилились не только во Франции, Бельгии, Великобритании, но даже в Финляндии, где в апреле 2011 года националисты получили массовую поддержку на парламентских выборах.

Идеология и **политика** должны иметь в качестве базового принципа тезис о высшей **ценности** нации, её первичности в государствообразующем процессе

Табл. 1. Тип государства в экономике, отвечающий интересам России

Варианты ответов	1994	2001	2011
Государство с централизованным регулированием экономики и контролем над ценами	16	18	28
Государство с минимальным вмешательством в экономику и максимальной свободой частной инициативы	13	8	9
Государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан	40	37	41
Тип государства не имеет значения; стране нужен лидер, который возьмет на себя всю ответственность за происходящее и будет проводить решительную политику	21	23	22
Затруднились ответить	10	14	0

Источник: Институт социологии РАН

«**Нация** — первична, **государство** — вторично» — основной **лозунг национализма** проповедует не вражду и ненависть к представителям иных наций и народов, но скорее политическую независимость и работу на благо собственного **народа.** Последнее относится, прежде всего, к государственной власти Близкородственное **понятие** — «**патриотизм**» (не путать с лексически похожим термином «**государственный патриотизм**»).

Связанными с этой концепцией являются такие понятия, как «**национальные ценности**», «**национальные интересы**», «**национальная безопасность**», «**национальная независимость**», «**национальное самосознание**» и др. Ценностная ориентация граждан России, по мнению социологов РАН, за последние 10 лет не изменилась[7] (рис. 2).

В последнее время в связи с экспансией чужеродных этнических элементов в традиционные общества идеология национализма имеет тенденцию «расщепляться» на несколько движений, постепенно отходящих друг от друга. Наиболее крупными движениями в парадигме национализма являются умеренный национализм и **радикальный** национализм. Последний всё чаще и сильнее заявляет о необходимости открытой (в том числе и вооружённой) борьбы за права и свободы собственной нации, порой смешивается с его крайними проявлениями, такими как **ксенофобия, шовинизм и расизм** (часто бывает, что именно борцы с идеологией национализма разделяют ксенофобские взгляды, отрицая природное **право** любого человека, независимо от этнической, религиозной или социальной принадлежности, на

Рис. 1.

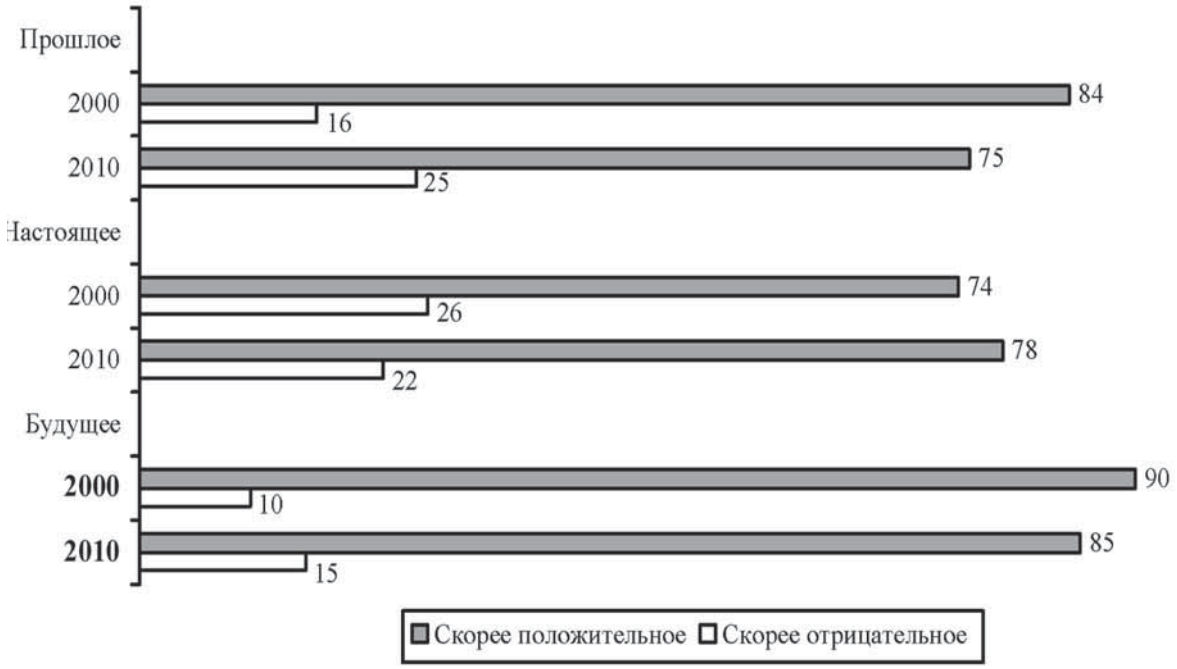


Рис. 2. Динамика восприятия респондентами понятий «прошлое», «настоящее», «будущее», 2000/2010 гг., %

собственную точку зрения). Более того, в различных кругах придерживаются двойных стандартов в определении **термина** «национализм», обвиняя так называемые «нации-**гегемоны**» в великодержавном шовинизме и при этом называя ультранационализм малых народов «борьбой за национальную независимость». К сожалению, в современном русском языке понятие «национализм» полностью опорочено. Это стало результатом злонамеренной пропаганды, когда светлое чувство национального самосознания выдавливалось всеми возможными способами и при этом насаждался оголтелый интернационализм[8].

В начале 1990-х годов самыми главными вопросами стояли вопросы фактического сохранения нации и государства, которые находились под сильнейшим внешним и внутренним деструктивным воздействием, т.е. в тот период времени существовали реальные угрозы национальным интересам и ценностям русской нации.

В процессе исторического развития эти угрозы были смягчены, но не ликвидированы. И сегодня национальные интересы и ценности находятся под угрозами, но уже преимущественно иного плана: угрозами в отставании НЧП, угрозами по отношению к национальной самоидентификации, национальным ценностям, которые, к сожалению, имеют не только внешний, но и внутренний характер. Если вернуться к рисунку, отображающему идеологию как систему, то мы увидим, что национальные интересы и ценности являются фундаментом не только для развития, но и самого существования нации.

Как видно из рис. 3, национальные интересы (потребности) и ценности имеют ряд особенностей:

— **во-первых**, они являются **объективными** реалиями;
— **во-вторых**, их восприятие элитой трансформируется в цели и задачи политики; поэтому роль идеологии имеет важнейшее значение прежде всего потому, что именно она формирует представления элиты, учет ею (или игнорирование) национальных интересов и ценностей;
— **в-третьих**, от их понимания зависит распределение и использование национальных ресурсов;
— **в-четвертых**, они воздействуют на внешние реалии, но и внешние реалии воздействуют на них; так, рост цен на углеводороды увеличивает, например, возможности реализации национальных интересов и удовлетворение, например, бюджетных потребностей.

Понимание этих ценностей в элите может быть очень разным. Иногда — прямо противоположном. Так, патриарх Кирилл, например, процитировал Ф. М. Достоевского, который говорил, что «если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»[9].

Мне кажется, что в этой мысли великого писателя много фундаментального смысла: истина, в т.ч. и в политическом, и в экономическом понимании, должна иметь четкую нравственную основу. Если же она опирается, как говорил Ф. М. Достоевский, на «математически доказанное» утверждение (на что претендуют, правда, без оснований, наши либералы), то эта «истина» отнюдь не является таковой.

Другими словами, национальные интересы и ценности лежат в основе как политико-

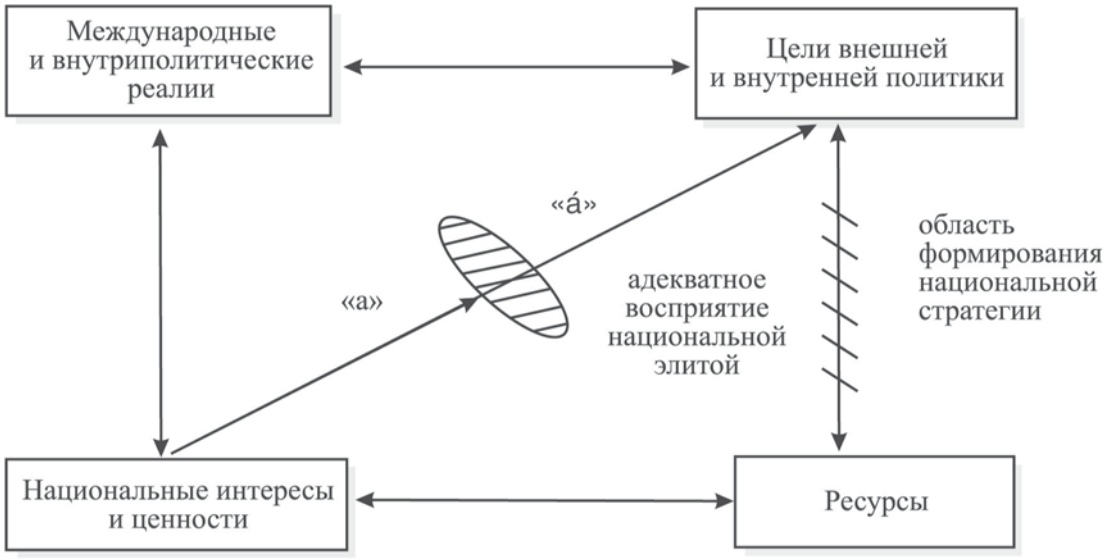


Рис. 3.

идеологических, так и практических действий, являются базовыми, основополагающими для формирования национальной стратегии.

Вот почему идет постоянная борьба как **за интерпретацию национальных интересов**, так и адекватное их восприятие национальной элитой. Причем в России такая интерпретация порой носила прямо противоположный характер. Так, некоторые авторы, до сих пор утверждают, что в национальных интересах России был распад СССР и ликвидация ОВД. Иные — что дальнейший раздел России на 7–8 государств также в ее национальных интересах. Третьи — что внешнеполитические интересы России — глобальны.

Существует, естественно, иерархия национальных интересов. Так, наиболее приоритетными являются те национальные интересы, которые непосредственно связаны с **биологическим** выживанием нации (например, угроза термоядерной войны, падения метеорита, крупных природных катаклизмом и т.д.)[10].

Приоритетом более низкого уровня выступают национальные интересы сохранения суверенитета, идентичности, которые, однако, выступают высшим приоритетом по отношению ко всем другим приоритетам — международного сотрудничества, даже безопасности. То есть, всегда можно поставить вопрос: готов ли ты пожертвовать страной и жить на оккупированной (явно или не явно) территории или нет?

Приоритетность национальных интересов и ценностей вызывает множество споров. Так, готовы ли Вы поступиться частью суверенитета, вступив в НАТО? Или: готовы ли Вы отказаться от контроля над собственной наукой и образованием ради упрощения их качества? Наконец, что важнее — права человека либо суверенитет?

Эти и множество других проблем ежечасно возникают сегодня. Решить их стратегически можно только опираясь на систему идеологических взглядов.

1. Русский социализм как идеология национальной самоидентификации: «подножие Престола Господа»

Князья командуют народами, но князьями командуют интересы[11].
герцог де Роган

Для модернизации и развития России нужна идеология[12].
Из тезисов ЦСКП

Главная нерешенная проблема сегодня — это не модернизация и даже не сохранение суверенитета страны, о которых справедливо говорят на каждом углу по поводу и без оного. Главная проблема — это потеря русским народом своей национальной идентичности, осознания того, что он единая, существующая многие столетия нация, у которой есть своя собственная система ценностей, национальные интересы. Русский народ так и не осознал до сих пор своего предназначения после развала СССР, что и является главной причиной глубокого мировоззренческого кризиса, который, в свою очередь, является первопричиной кризиса экономического, политического и социального. Так же как и прежде, сто лет назад, об этом писал святой Иоанн Кронштадтский: «Перестали понимать

русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господа»[13].

В России так и не завершился (по крайней мере, в 2011 году) процесс национальной самоидентификации. Не скопилось большинство, которое определилось бы с ключевыми вопросами:

— в чем различие и общность понятий «национальные» и «государственные» интересы?
— где реальные, а не формальные границы России и являются ли границы РСФСР границами всей нации;
— как называется нация, проживающая на территории России, — россияне, русские, что ее отличает от других наций, проживающих на этой территории и входящих в состав России;
— каковы наши национальные интересы и ценности и (даже!) нужны ли они современному обществу;

Не оформилась и сколько-нибудь общая национальная идея, хотя Д. Медведев и пытался в качестве таковой несколько раз предложить «комфортное» будущее. Наверное, прав Н. Скатов, полагающий, что «…в современных условиях тем более следует говорить о некоем **синтезирующем идеологическом комплексе**, который возможен только в результате общих усилий, да и то лишь в качестве определяющего вектора, а не строгой формулы, афоризма. Но первым условием и предпосылкой появления такой идеи должно выступить спасение нации. Что толку в любых национальных идеях, если самой нации не будет»[14].

Любая идеология, включая идеологию русского социализма, должна дать внятные ответы на эти вопросы, даже если они могут кому-то за рубежом или внутри страны показаться политически рискованными или не политкорректными. Так, в Китае, например, современная социалистическая идеология во многом основывается на идеях Конфуция. Прежде всего, в отношениях между людьми, по отношению к устройству общества, управлению государством. «Учитель» сформулировал идеи, как считает Д. Косырев, «…и кажущиеся до смешного простыми — и неоспоримыми. Например, что **общество должно быть пронизано взаимными моральными обязательствами: отца к сыну и сына к отцу, правителя к подданному и наоборот. Что моральные качества надо воспитывать**. Что управлять людьми может только **достойный**, хорошо образованный человек (а это для многих — чистая крамола)»[15].

В России же почему-то считается, что нравственные нормы православия и историческое и культурное наследие нации — устарели. Между тем, они являются основой национальной самоидентификации, без которой любая нация перестает быть таковой. Не случайно некоторые авторы справедливо ассоциируют их с национальной идеей. Как пишет, например, С. И. Кретов, «суть национальной идеи России, как цивилизации будущего можно выразить следующими неотделимыми друг от друга принципами:

— духовное выше материального;
— семья выше индивидуальности;
— будущее важнее настоящего и прошлого;
— справедливость выше закона;
— общественное выше индивидуального и частного;
— любая вера значимее безверия;
— обязанности выше прав»[16].

Другая проблема, по которой нужна ясная идентификация, — отношение к человеку, его личности, которое может быть либо социальным, национально-ориентированным, либо экономическим — «прагматическим», на самом деле находящимся в рамках существующей либеральной традиции). То же можно сказать и о стратегии развития страны, обсуждение которой активно велось в 2011 году в рамках все той же либеральной традиции без серьезных расхождений в том числе между В. Путиным и Д. Медведевым[17].

По этим двум осям можно выстроить положение идеологии русского социализма.

Кроме того, в русском социализме принципиально важно определиться с отношением **к национализму**. Так как национализм — это прежде всего идеология, то надо соотнести ее с идеологией русского социализма, прежде всего, всех ее элементов.

Национализм — это прежде всего идеология, которая включает по общепринятому мнению следующие элементы:

— признание **существования наций**. Национализм постулирует, что человечество законами природы поделено на фундаментальные единицы — автономные и самодостаточные нации, которые отличаются набором определённых объективных характеристик;
— **суверенное право нации на самоопределение**. Национальные проекты могут осуществляться только в собственном государстве. Нация имеет право сформировать своё государство, которое должно включать в себя всех членов нации. Для каждой непрерывной территориально-административной единицы политические границы должны совпадать с культурно-этническими. Таким образом, нация обладает высшей (суверенной) властью над чётко ограниченной территорией, в пределах которой проживает достаточно однородное население;
— **первичность нации в государствообразующем процессе**. Нация является источником всей политической власти. Единственным легитимным типом правительства является национальное самоуправление. Каждый член нации имеет право непосредственно участвовать в политическом процессе. Тем самым национализм символически приравнивает народ к элите;
— **национальная самоидентификация**. Национализм считает необходимой общность языка и культуры для всего населения в пределах единой административно-территориальной

единицы. Люди отождествляют себя с нацией ради свобод и самореализации. С другой стороны, нация гарантирует членство и самоидентификацию даже тем, кто не чувствует себя частью никакой другой группы;

— **солидарность**. Единообразие достигается за счёт объединения людей на почве любви и братства, а не путём навязывания определённой культуры. Важно, чтобы члены нации ощущали узы солидарности и действовали не одинаково, а в унисон, соизмеряли свои усилия с устремлениями других;

— **нация как высшая ценность**. Преданность индивида национальному государству превыше индивидуальных или других групповых интересов. Задача граждан — поддерживать легитимность своего государства. Укрепление национального государства является главным условием для всеобщей свободы и гармонии;

— **всеобщее образование**. Люди, составляющие нацию, должны иметь доступ к образованию, которое необходимо для участия в жизни современного общества.

Национализм подчёркивает различия, колорит и индивидуальность наций. Эти отличительные черты носят культурно-этнический характер. Национальное самосознание способствует идентификации существующих иностранных вкраплений в культуру и рациональному анализу перспектив дальнейшего заимствования из других культур на благо своей нации.

Кроме того, национализм рассматривает нацию как эквивалент индивидуума, как социологический организм. Равенство людей перед законом, независимо от их социального статуса или происхождения аналогично равенству наций независимо от их размера или мощи с точки зрения международного права. В представлении националистов, нации могут обладать талантами или чувствовать себя жертвами. Нация также объединяет настоящее поколение с прошлыми и будущими, что мотивирует людей к высокой самоотдаче вплоть до того, что они готовы ради её спасения пожертвовать своей жизнью.

Связанными с этой концепцией являются такие понятия, как «национальные ценности», «национальные интересы», «национальная безопасность», «национальная независимость», «национальное самосознание» и др.

Хотя сказанное выше относится к национализму в целом, его разновидности могут выдвигать также и другие идеологические требования: формирование нации вокруг определённого этноса (национальности), всеобщий равный правовой статус и др.

Такая самоидентификация в идеологии нужна для решения сугубо практических вопросов, например, для определения **идеологии модернизации**, ведь модернизация, как процесс самосовершенствования, может проходить по совершенно различным идеологическим принципам и векторам.

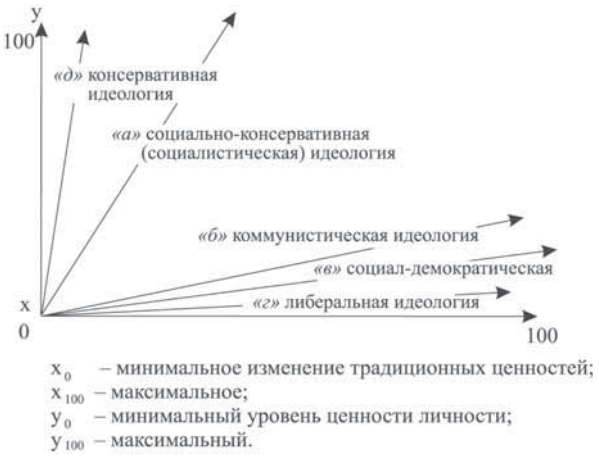


Рис. 4.

Выбирая, например, либеральную модернизацию (вариант «г»), мы можем допустить, что, во-первых, вслед за ней последует деформация национальных ценностей (даже отказ, как говорят либералы) с последующим неизбежным ослаблением государственного суверенитета и «экономизаций» функции личности.

Выбирая другой вариант (консервативный вариант «д»), мы, по сути, консервируем свою систему ценностей и возводим в абсолют личность и ее права.

Социально-консервативная идеология ставит главной целью развитие потенциала человеческой личности, реализацию этого потенциала в капитал. Поэтому в этой идеологии личность, ее права **не абсолютизируются**. Они ставятся в зависимость от двух факторов:

— **нравственно-духовного**, который ограничивает права личности определенными нормами. В русской традиции — это православие, как, впрочем, и ислам, и иудаизм;

— **национального и государственного**. Личность существует только в национально-культурной среде, без которой она перестает быть личностью и превращается в «человека мира». В этом случае государство рассматривается как один из институтов, может быть, самый эффективный, предназначенный для защиты интересов нации.

Напомним, что идеология — система[18] взглядов, формирующая основы для политики. Это краткое определение идеологии, предложенное ещё ее основоположником, французским философом Дестютом де Трасе[19], делает акцент на термине «система». Именно это качество идеологии — как **системы взглядов** — имеет сегодня самое непосредственное, практическое значение для России в связи с субъективными обстоятельствами ее развития. Несколько идей или концепций, не объединенных в стройную систему, не являются идеологией. Акцент на слове «система» я делаю и потому, что такой системы социально-консервативных взглядов к 2011 году еще не было, хотя основные ее элементы и идеи уже были. Не было, во-первых, связанности, а во-вторых, понимания воз-

можного противопоставления. Именно связанность элементов системы и возможность противопоставления делают идеологию идеологией, а не простым набором идей и концепций. Важно в этой связи понимать, что к 2011 году идеологии в этом смысле не было, а кроме того, не было противопоставления, т.е. самоидентификации.

При формировании социально-консервативной идеологии как «совокупности сильно связанных объектов» огромное значение имеет процесс самоидентификации[20] и национального самоопределения[2]. Следует подчеркнуть, что оба эти процесса всегда протекают под сильным **воздействием целенаправленного идеологического** воздействия. Как утверждает И. В. Татаренко, «именно идеологи декларируют единство на основе общей истории нации… единой культуры… религии и т.д.»[22]. Стихийно-бытовое воздействие (на основании жизненного опыта, «чувства крови» и т.д.) — минимально.

Понятно, что идеологическое **воздействие** тем сильнее, чем сильнее в нем принимает участие большинство элиты, а тем более государство. В противном случае самоидентификация проходит под воздействием стихийных процессов на бытовом уровне. Либо на нее влияют внешние факторы — идеологическое воздействие других государств, заинтересованных в формировании удобного для себя процесса самоидентификации.

Понятно, что чем сильнее проходят процессы самоидентификации, чем заметнее оказываемое на них идеологическое влияние, **тем быстрее** идет процесс создания идеологии как системы взглядов, где присутствует совокупность сильно связанных объектов.

В России первого десятилетия XXI века власть, элита и общество всячески уходили от участия в процессе самоидентификации, а тем более сознательного идеологического воздействия на этот процесс. Подобная практика неучастия могла привести (и привела), в конечном счете, к двум крайностям — росту национализма, с одной стороны, и «деидеологизации», «прагматизму» — с другой. Если первую крайность поддержали маргиналы, то вторую — В. Путин и его элита.

Другое практическое значение — персонификация политики, институтов, идеологии в целом в современной России. Особенно отчетливо это явление проявилось при В. Путине, когда он превратился, по сути, в единственного политика и идеолога в стране. Как справедливо заметил Е. Примаков, «…провозглашая идеологизацию целей политического курса, Владислав Сурков персонифицирует политические институты. Я в не меньшей степени, чем автор лекции, отдаю дань руководству страны»[23].

Ситуация, естественно изменилась с избранием президентом России Д. Медведева, который стал персонифицировать политику и идеологию уже от лица «тандема». Вместе с тем парламентские выборы, основанные на личном рейтинге В. В. Путина, — очень уязвимая стратегия для «Единой России», результаты которой в марте 2011 года оказались хуже запланированных[24].

Поэтому, смыкаясь, эти две особенности (не сложившаяся система взглядов и политическая персонификация) играют особую роль в нашей стране. В. Путин и Д. Медведев, хотят того они или нет, неизбежно выступают носителем такой системы взглядов, персонифицированных в их личностях. От них ждут (и вполне искренне) ответов на всю гамму политико-идеологических, экономических, финансовых и социальных вопросов. Причем в условиях, которые для России качественно изменились, когда она сама, используя выражение Д. Медведева, стала «другой страной». Страной, готовой воспринять новую идеологию как систему.

Отсюда и важный вывод: тот человек, который сумеет персонифицировать взгляды, присущие социально-консервативной идеологии, объединить их в единую систему, сможет стать не только «начальником», но и политико-идеологическим лидером страны. Это имеет огромное значение как для нации, так и для самого политика. Может произойти синергетический эффект, когда энергия новой идеологии совпадет с энергией лидера.

Национальная самоидентификация очевидно задерживается. И не только по объективным причинам (другая страна, иная политическая система, другая экономика), но и по субъективным. Стремительное преображение России последних лет оказалось неожиданным не только для Запада, не ожидавшего такого быстрого восстановления, но и для элиты страны. Мы выпали из кризисного психологического состояния, из «постперестроечного шока», но еще не встроились в новую систему мироощущения и идеологических координат. Похоже, что как за рубежом, так и в самой России еще не знают, **как себя вести** в этих новых условиях. Исчезло унизительное чувство зависимости. Как справедливо подметил Ф. Лукьянов, «впервые почти за 20 лет Москва наслаждается чувством независимости. Ведь с Горбачева и до Путина главной головной болью Кремля было, где перехватить денег. На затыкание дыр, на предотвращение гуманитарной, а потом финансовой катастрофы, на выплату долгов… Устав от унижений переходного времени, Россия спешит доказать всем, что та ужасная пора ушла в прошлое и больше не повторится»[25].

Именно поэтому, когда не знаешь наверняка, **как** себя вести, **какие решения**, в т.ч. частные, необходимо принимать, прежде всего необходима идеология, т.е. система взглядов, а также сознательное идеологическое воздействие. Как знание протокола облегчает поведение (веди себя попросту, как предписано правилами) , так и обладание идеологией дает элите **прочные основы** для экономического, внешнеполитического и социального поведения.

Споры о модернизации бессмысленны и беспочвенны вне социально-политического контекста

и оценки действия правящей российской элиты. Осенью 2010 года, открывая дискуссию о модернизации, И. Юргенс сказал, что «объявленная президентом Дмитрием Медведевым модернизации оказалась очень непростой задачей. Основными помехами для ее решения стала **незаинтересованность большинства элиты, а также архаичность российского народа**, который не раньше 2025 года окажется „ментально совместим“ со среднестатистическим прогрессивным европейцем»[26].

То, что российская элита не заинтересована в модернизации, безусловно, факт. Для этого у **этой элиты** нет никаких стимулов. Ни политических (она и так контролирует власть, несменяема), ни идеологических (идеология «запрещена»), ни материальных (торговать на рынке выгоднее ресурсами, нежели конкурировать в качестве товаров и услуг), ни нравственных (элита развращена и в основной своей части зарабатывает здесь, а живет и тратит «там»).

Что же касается «архаичности» народа, то за это надо также благодарить элиту, которая за 20 лет не могла и не захотела **развивать нацию**, ее институты и, прежде всего, человеческий потенциал. Конкретные результаты в науке, культуре, образовании, как и в других областях НЧП — известны. Только либеральная элита не соглашается нести за это ответственность. Как и за космополитизацию последних десятилетий, выраженную в стремлении уничтожить всю систему национальных ценностей[27]. За это, как и за развал государства, деградацию экономики и т.д., отвечает **именно российская правящая элита**. Что же касается нации, общества, то они, безусловно, виноваты в том, что многие годы **терпели элиту**. Элиту, которая проводила откровенно антинациональную и антисоциальную политику.

Именно поэтому перед элитой страны встала сугубо практическая проблема существования общепринятой (пусть не общепризнанной) идеологии как набора принципов и норм поведения в новых условиях преодоления кризиса. Отсутствие норм и принципов у российской элиты, которое стало следствием «деилогизации» конца 80-х годов, стало серьезно мешать политическому и экономическому развитию, ведь в отсутствии системы идеологических координат каждый раз не дашь указания по тому или иному решению.

Попытки такого «ручного управления», предпринимаемые через пресс-службы президента и премьера, нельзя признать эффективными, те «сигналы», которые посылаются через СМИ, часто не доходят, не развиваются.

Самоидентификация и выбор идеологии как выбор норм и принципов поведения российской элиты оказались затрудненным еще и потому, что в мире в целом резко обострилась идеологическая борьба, от которой самоустранилась российская элита. Пока в России шла деидеологизация другие идеологии, в особенности их радикальные формы, набирали силу. XXI век стал ареной решительного, «лобового» столкновения двух идеологий — либеральной и исламской, которые перерастают иногда в прямой военный конфликт. Но обе эти идеологии (при всех их различиях) построены на экспансии, активном продвижении в другие страны **своих ценностей и образа жизни**. Другими словами, идеологическая борьба направлена против национальной самоидентификации. Хотя бы по той простой причине, что любая идентификация, как правило, — это противопоставление себе другому. Одной нации — другой.

Поэтому мы видим как идеологическую экспансию либерализма и ислама, так и их откровенные попытки помешать российской самоидентификации и созданию идеологической системы. Идеологическая экспансия либерализма проявляется в явной форме в политических попытках навязать некие «универсальные» нормы, правила и ценности. Причем нередко это становится условием для политического и экономического сотрудничества, например, с США и странами Евросоюза.

Российская ментальность не приемлет экспансии, а, тем более, навязывания своих ценностей. Именно поэтому радикальные формы либеральной идеологии и веры не встречают понимания в России. Для России всегда была характерна терпимость, которая за долгие годы стала российской традицией. В т.ч. и веротерпимость. Вот почему неолиберализм, радикальный исламизм или клерикализм не пользуются популярностью в общественном сознании. Это, безусловно, является сильной стороной российского национального характера. Но, вместе с тем, противостояние чуждым идеям и идеологиям возможно только при национальной самоидентификации в рамках некой идеологической системы взглядов. И при сознательной поддержке обществом и государством. Пока в России существовало доминирование православия и его норм, такое противостояние было эффективным. На Руси никогда не мирились с навязыванием чужих норм и принципов, а тем более веры. Вся история X–XX веков — **история противостоянии России западной идеологической и духовной экспансии**.

Ценности православия, как показывают соцопросы, за последние годы находят все больше приверженцев[28].

В XXI веке данная ситуация выглядит сложнее прежде всего потому, что православные нормы перестали быть универсальными. Понимая их огромную значимость для сохранения России, полагаться на их универсальную приемлемость было бы слишком оптимистично. Именно поэтому новая система идеологических взглядов должна включать в себя ценности православия и других традиционных религий. Но не только. Эта система должна быть еще более универсальной. В этом — смысл консерватизма: сохранить для будущего традиционные ценности можно только при условии их бережной адаптации

к современным реалиям. В том числе религиозным и культурным.

Этот вывод, кстати, вполне совместим с формулированием общенациональной российской идеи, которая в интерпретации члена Совета Федерации В. Слуцкера выглядит следующим образом: «В чем же должна состоять национальная идея? Она достаточно проста: мы должны понять и провозгласить, что те различия, которые раскалывают общества как на западе, так и на востоке от наших границ, должны быть объединяющими внутри России. Мы первые должны понять, что этические ценности всех основных мировых религий едины. Разница только в форме их донесения до конкретных народов»[29].

Интересно по этому поводу и суждение известного европейского социолога У. Бека, который пишет: «Группы маргиналов вспомнили свои глубоко запрятанные и подавленные истории. Различие более не универсализируется до стадии небытия, его не рассматривают как онтологическую данность. **Оно историзируется** (выделено мною. — *А. П.*). В результате оказывается, что космополитический реализм опирается на двойное отрицание: он отвергает как универсалистское отрицание этнических различий, так и эссенциалистское отстаивание их исключительности»[30].

Получается, что реалистический космополитизм предполагает национализм, а национализм — космополитизм, т.е. космополитизм «требует некой доли национализма». Другими словами, **даже космополитизм требует национализма**, который «запрещают» российские либералы.

Россия, «отказавшись» в 80-х годах от идеологии и «игр в дефиниции», провозгласив «деидеологизацию», бравируя отсутствием идеологии и прагматизмом, в начале XXI века оказалась не просто в идеологическом кризисе, но и перед лицом **вытекающей из этого кризиса политической угрозы потери идентичности.** Все первое десятилетие этого века продолжались бурные обсуждения относительно «выбора» России между Западом и Востоком, Европой и Азией, как-то «забывая» о других вариантах. А, по сути, речь шла о выборе чужой политико-идеологической модели и чужой системы ценностей, а, в конечном счете, и об отказе от национальной идентификации.

На самом деле, выбор в пользу Востока или Запада изначально означает отказ от национальной идеологии, удар по самоидентификации, что является первым шагом к уничтожению нации в эпоху глобализации. Поэтому сознательное формирование **своих национальных идей, ценностей и приоритетов**, в конечном счете, своего национального мировоззрения и общенациональной идеологии, имеет даже большее значение, чем преодоление социально-экономических последствий «реформ», ибо без воссоздания «твердых основ для политики» не может быть сколько-нибудь эффективной политики вообще. Разве что временно, только на стадии стабилизации. Как справедливо признает в этой связи депутат С. Шишкарев, «…мы пережили потерю статуса сверхдержавы, распад государства, смену социально-экономического строя. Нам пришлось признать, что созданная нами социально-экономическая система оказалась неэффективной. Мы вынуждены были перенимать методы и структуры экономического и политического управления у тех, кого мы считали своими противниками»[31].

Но отнюдь не идеологические принципы и нормы поведения, насаждение которых в 90-е годы еще не сделало этот процесс необратимым.

За последние 20 лет наше общество разрушило не только СССР, политическую и экономические системы, но и собственную идеологию, свою систему мировоззрения и ценностей. Но, в отличие от экономики и политики, система ценностей имеет более устойчивую основу — традицию, историю, веру. Поэтому восстанавливать надо не только безопасность, суверенитет и экономику, но и, прежде всего, идеологию и культуру. Причем начинать надо именно с идеологии, ибо перейти (используя выражение В. Путина) от «расчистки завалов» к построению планов на будущее невозможно, не имея «твердой» идеологической опоры, базирующейся на традициях и истории, т.е. системе мировоззренческих и идеологических взглядов.

Набор элементов этой системы определен во многом традицией, верой и историей нашей страны. Одним из таких элементов, например, является терпимость и терпение, оптимизм (когда уныние рассматривается как тяжкий грех), гордость за свою Родину. «Если не существует идеологии, позволяющей нации испытывать гордость за свою страну, то начинается постепенный развал общества»[32], — справедливо считает В. Слуцкер. На смену периоду стабилизации неизбежно идет период развития идеологии не только в политике и экономике, но и мировоззрении. Но, в отличие от стабилизации финансовой, экономической, которые являются следствием макроэкономической стабилизации, идеологическое развитие определяется во многом субъективными факторами. Прежде всего, волей и готовностью к этому элиты общества, руководства страны. В России исторически воля государя и вера находились в тесной взаимосвязи, активно и положительно влияли друг на друга.

Вот и сегодня, воссоздавая новую идеологическую систему для России, нужна воля руководства страны (роль государства — нечего стесняться, — должна быть определяющей), общественности, духовенства. Поэтому разлом, который мы иногда наблюдаем в отдельных вопросах (будь то «письмо десяти академиков» либо введение урока по истории религий), — это осознанная позиция сторонников чужой идеологии, которые прекрасно понимают, что без традиции, религии, истории новой системы взглядов не создашь, а значит, можно по-прежнему навязывать свою.

Нельзя «просто» воспользоваться прежними противоборствующими идеологиями — коммунистической, исламской или неолиберальной, а также европейским или китайским опытом. Учитывая совершенно новые мировые реалии и специфику России, не приходится рассчитывать на слепое использование и чужих моделей экономического развития. К 2007 году, за редким исключением, в России также признали эту истину. Признали к 2007 году и то, что прежняя, коммунистическая идеология, перестала доминировать в обществе, превратившись в одну из идеологий. Причем далеко не большинства. Но и либеральные взгляды, некритически отражавшие в 90-е годы западную точку зрения, также не стали идеологией большинства. А главное, признали в большинстве, что ни та, ни другая идеологии не способны дать России адекватную современным вызовам систему идеологических взглядов и приоритетов на эффективное развитие общества и государства.

Отсутствие общих ценностей, базовых, национальных интересов, доминирующего мировоззрения стало существенной особенностью российского общества и государства в 90-е годы, когда стране пытались навязать чужую идеологическую модель. Но попытка внедрения неолиберализма не удалась. Прежде всего, из-за отрицания культурных и исторических традиций России, в т.ч. и Советской России. Как справедливо считает А. Ципко, «…новое западничество… полагало, что новая демократическая России абсолютно ничего не может взять из старой, дореволюционной России»[33]. И из советской, добавим, тоже.

В первом десятилетии XXI века ситуация начала меняться: отрицая «вчерашних» и «позавчерашних», российская элита мучительно разрабатывает собственное видение мира, свою идеологию, имеющую практическое, даже прагматическое экономическое и политическое значение. И, по меткому признанию депутата ГД С. Шишкарева, должна была «освободиться от идеологии пораженчества»[34].

Но приходится признать, что вплоть до 2007 года влияние «западничества», особенно в финансовой и экономической политике, сохранялось. Поэтому 2000–2006 годы стали в том числе и борьбой двух тенденций — укрепления роли государства в экономике и сохранения, по сути дела, в неизменном виде неолиберальной финансово-экономической политики. Прежде всего, потому, что в главном — экономике, финансах, социальной области, — ведущие представители элиты боятся отойти от старых неолиберальных догм. Эта борьба, как ни странно, не ослабляла, а усиливала В. Путина. Как справедливо отмечает знаток России, английский профессор Р. Саква, «…единственной идеологией, формирующей реальную политику сегодня в России, является „прозападный либерализм“, как бы раздроблен и слаб он ни был. Повторим еще раз: в этом нет неразрешимого антагонистического противоречия, но само существование подобных противоречий придает режиму Путина силы»[35].

Эта противоречивость объясняется просто: период стабилизации **не** предполагал резкой смены курса ни в чем — ни в экономической политике, ни во внешней, ни в военной политике. Однако завершение его к концу 2006 года ставит вопрос о неизбежном выборе дальнейшей стратегии, а значит и идеологии: то, что было нормой в период стабилизации, когда власть пыталась реагировать только на немедленные, острые и неотвратимые вызовы, обладая ограниченными ресурсами, **перестает быть нормой** при переходе к развитию. Так обстоит дело и с остатками неолиберальной идеологии в финансово-экономической политике России. После 2003 года, по признанию А. Илларионова, «либерализм стал исчезать». Точнее, я бы сказал, прозападный либерализм, особенно в его крайней неолиберальной форме.

Приведу два примера в качестве доказательства того, что либеральные (в их классическом понимании), а не неолиберальные ценности остаются в полной мере достоянием не только западного, но и российского общества. Как признают ведущие западные эксперты, например, Т. Грэм, именно они и являются той основой, на которой может строиться система взаимоотношений России с Западом: «Чтобы восстановить отношения с Россией, нам нужно не только сосредоточиться на общих интересах, но и не забывать об общих ценностях. Ведь ценности определяют наше видение интересов и являются чрезвычайно важным фактором доверия, необходимого для решения любых деликатных вопросов. Каким, на мой взгляд, должен быть американский подход к этой проблеме?

— Нужно уважать выбор и предпочтения россиян. Это их страна, и им решать, как ею управлять. В конце концов, они несут главную ответственность за свои успехи и неудачи.
— Надо признать, что Россия — неотъемлемая часть европейской цивилизации. Хотя во многих отношениях это отсталая страна, отброшенная в прошлое советским произволом, Россия движется по европейскому пути развития, подразумевающему расширение свободы.
— Если мы выражаем озабоченность действиями Москвы (а мы не должны ее скрывать), то одновременно необходимо демонстрировать понимание сложностей российской действительности, в том числе и обусловленных противоречивым развитием страны в 1990-х гг.»[36].

Вряд ли можно принципиально возражать против того, что эти ценности не находят понимания в российском обществе. Российский традиционализм, консерватизм и либерализм в своей основе отнюдь не противоречат фундаментальным консервативным ценностям, являясь одной из их разновидностей. Характерен в этой связи пример, свидетельствующий о трансформации общественного сознания россиян

Табл. 2. В какой стране или объединении стран вы хотели бы жить?

В России без объединения с другими странами и без вхождения в союзы государств	36
Во вновь объединенном СССР	17
В Содружестве Независимых Государств — СНГ	9
В объединенном союзе России, Украины, Белоруссии и Казахстана	18
В объединенной Европе (Европейском союзе)	13
Затрудняюсь ответить	6

Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 12–13 мая 2007 г.

по отношению к государственной идентификации[37]. Данные соцопросов говорят о том, что ни советский традиционализм, ни евроцентризм, ни «славянское единство» не являются доминирующими точками зрения. Напротив, в 2007 году преобладала позиция изоляционистов, прагматиков, которые понимали, что будущее единой России возможно только на базе процветающей Российской Федерации (табл. 2).

Таким образом, с точки зрения национальной идентичности система взглядов к 2007 году еще не сложилась. Но уже виден вектор этого движения — ускоренное развитие России как центра притяжения для других государств. И не в сторону «от Европы», а вполне определенно «к Европе». Не случайно В. Путин и особенно Д. Медведев не раз подчеркивали нашу общность с европейской цивилизацией.

Вместе с тем в России нередко (и справедливо) подозрительно относятся к Европе, которая ведет себя по отношению к ней не только эгоистично, но и нередко враждебно, что доказали наглядно августовские события в Южной Осетии 2008 года. Не случайно соцопросы отражают эти настроения, которые, безусловно, влияют на нашу национальную идентификацию, которая всегда проявляется не сама по себе, а по отношению «к кому-то» (табл. 3).

Как замечают социологи РАН, «…судя по данным проводившихся в последние годы исследований, в массовом сознании существуют две модели российской идентичности:

1. Россия представляет собой часть Европы, и в будущем, так же, как это было в прошлом, она будет наиболее тесно связана именно с этим регионом.
2. Россия не является вполне европейской страной, а представляет собой особую — евразийскую, — цивилизацию, и в дальнейшем центр тяжести российской политики будет смещаться на Восток. Эти точки зрения сопоставимы по популярности, но если еще несколько лет назад первая из них все же на 5–6% перевешивала вторую, то теперь они практически сравнялись между собой»[38].

В формирующейся социально-консервативной системе взглядов самое слабое звено — социальное. Именно в этой области накопилось не только множество проблем, но и неотвеченных вопросов. И главный из них — о социальном неравенстве, которое в России равнозначно понятию «несправедливость».

Решение этого вопроса — главная задача будущей социально-консервативной идеологии, которая должна разработать систему социальных принципов и норм, имеющую очевидно нравственный характер. И здесь принципиально важно, чтобы результаты социальной политики власти давали основания предполагать, что декларации о благе людей являются основой мировоззрения элиты, чтобы конкретные шаги власти в социальной области были «замечены» обществом.

Развитие предполагает движение, как правило, быстрое. Но быстрое движение в одном из избранных направлений не допускает учета и реагирования на все нюансы, тем более нюансы, прямо

Табл. 3. Мнения россиян о возможных мотивах Западной Европы по вопросу о сотрудничестве с Россией, 2002/2009 гг., % (до двух ответов)

Возможные мотивы	2002	2009
Западная Европа заинтересована исключительно в природных ресурсах России	59	59
Западная Европа заинтересована исключительно в России как противовесе мировому господству США	23	20
Западная Европа заинтересована в использовании интеллектуального и культурного потенциала России	20	12
Западная Европа заинтересована в равноправном экономическом сотрудничестве с Россией	17	22
Западная Европа заинтересована в развитии демократии и рыночных реформ в России	14	10
Европа вообще не заинтересована в сотрудничестве с Россией	4	7
Затруднились ответить	8	9

противоречащие друг другу. Они мешают быстрому движению. Простой пример: мало кто заметил, что в 2005–2006 годы изменилась социальная структура российского общества. Незаметно это было в том числе, и для социологов. При этом доля сверхбогатых осталась прежней — порядка 1% (хотя их доля в ВВП несправедливо выросла). Но доля **относительно зажиточных,** т.е. людей, способных покупать товары длительного пользования (в кредит и без него) стремительно выросла[39]. Есть основания полагать, что их процент превысит половину всего трудоспособного российского населения. А это значит, что половина граждан страны в той или иной степени будет соответствовать стандартам современного общества.

Таким образом, сама возможность и необходимость перехода к ускоренному социально-экономическому движению предполагает идеологический выбор — **маршрута движения**. В данном случае — идеологии как системы взаимосвязанных приоритетов и принципов, лежащих в основе алгоритма экономического и социального развития, т.е. движения общества и государства. **Окончательный выбор**, прежде всего в социальной политике — хотят того в российской правящей элите или нет, — сделать придется, даже если этот выбор и не будет выбором публичным.

Как представляется, первые предпосылки такого выбора уже были фактически сделаны в 2005–2006 годах: основные решения, принятые в это время руководством страны, определенно говорят, что выбор сделан в пользу социального государства, предусматривающего:

— развитие рыночного, демократического, но социального государства как части европейской цивилизации при сохранении российской специфики;
— укрепление суверенитета и национальных институтов государства, включая восстановление независимой внешней и военной политики;
— сохранение макроэкономической стабильности уже не в качестве цели, а в качестве важного, но все-таки условия ускоренного социального развития.

С окончательным выбором идеологического вектора как системы взглядов — сложнее. Он затянулся. Известно, что среди «великих» идеологий — либерализма, социализма и консерватизма — существует немало разновидностей, которые в ряде случаев выступают внешне противоречиво по отношению друг к другу даже в рамках одной из «великих» идеологий. Как, например, либерализм и консерватизм. Практически то, что происходило в 2005–2006 годах в Росси, укладывается в одну из таких разновидностей противоречий «великих идеологий». Естественно, с российской спецификой. А именно происходил синтез неоконсерватизма и традиционализма с социальными аспектами, присущими социал-демократии.

2. Социалистическое прошлое России и социальная революция[40]

С точки зрения экономической идеологии он [А. Кудрин] делает всё неправильно. Я с ним совершенно не согласен в том, что надо урезать социальные расходы, «стерилизовать» нефтяные деньги, а не вкладывать их в развитие промышленности[41].
С. Миронов

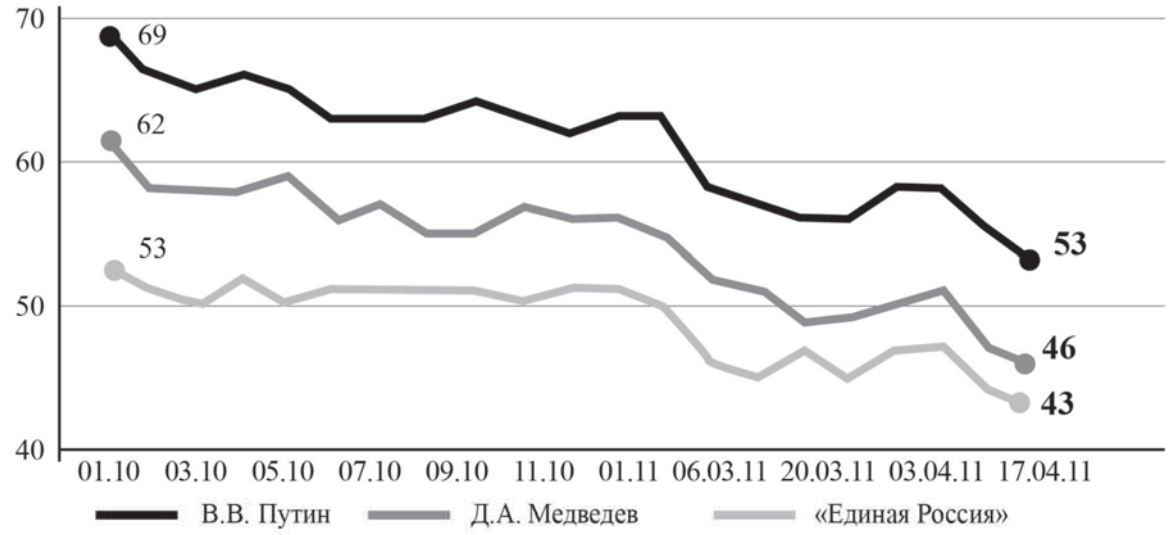
Социализм есть явление духа… он стоит на одной и той же почве с капитализмом, он плоть от плоти и кровь от крови капитализма[42].
Н. Бердяев

Ко второму десятилетию XXI века в мире объективно сложилась ситуация, когда в силу разных причин прежние социальные идеи, концепции и модели потребовали своей переоценки. Так, по мнению Валерия Фадеева, «…в современных государствах **сложилась тенденция к „размыванию среднего класса". Особенно это стало заметно в США после мирового финансового кризиса. Все больше людей уходит в низшие слои по доходам.** Чем это будет компенсироваться? Какой будет социальная структура через 10–15 лет? Произойдет ли возврат к старой структуре или она будет принципиально иной?

Переоценки и модернизации требует система социального обеспечения, прежде всего — система здравоохранения и пенсионная система. Идеологи системы пенсионного обеспечения не предполагали, что она разрастется до таких размеров, что фактически перестанет быть адекватной мерой поддержки граждан старшего возраста современных государств.

Не получил своего подтверждения и прогноз Дж. Кейнса об изменении социальной системы по достижении уровня ВВП на душу населения уровня в 40 тысяч долларов в год, когда активная часть населения сможет работать на ближнего, увеличивая тем самым уровень социального обеспечения нетрудоспособных граждан»[43].

В 2011 году общество стремительно стало менять отношение к власти. Без всяких видимых причин. По-прежнему звучали обещания (и даже иногда выполнялись), провозглашались инициативы, даже повышались (символически) зарплаты, пенсии и стипендии. Однако позитивно это не воспринималось.



Источник: ФОМ

Рис. 5. Рейтинги доверия (% опрошенных, доверяющих Медведеву, Путину и «Единой России»)

Ответ, на мой взгляд, заключается в том, что общество устало. Устало, прежде всего, от имитации деятельности. Устало от обещаний. Даже оптимистичный отчет В. Путина в Госдуме в апреле 2011 года не вызвал энтузиазма. Только иронию. Иногда сарказм. И очень мало комментариев. Даже плохих.

То, что это был объективный и очень быстрый процесс, показали как региональные выборы 13 марта 2011 года, так и опросы социологов. Согласно всероссийскому опросу, проведенному фондом «Общественное мнение» (ФОМ) 17 апреля (1500 граждан в 43 регионах), рейтинг доверия «Единой России» упал до минимума за два года — 44% (рис. 5). Одновременно рекорда достиг уровень недоверия к ней, поднявшись с 29% в январе до 38% в апреле. Отношение к другим парламентским партиям практически не изменилось[44].

Можно сказать, что весной 2011 года В. Путин, Д. Медведев и «Единая Россия» **потеряли поддержку абсолютного большинства**. Впервые с 2000 года. И, как следовало из выступления В. Путина в Госдуме, руководство страны собиралось проводить ту же политику в ближайшие 10 лет. Тем же составом. То есть либеральную политику при помощи либералов. Эту установку фактически подтвердил Д. Медведев в июне того же года на форуме в Санкт-Петербурге, заявив, что его целями являются: демонополизация, децентрализация, приватизация, борьба с коррупцией, «пройдя „точку невозврата“ к тем моделям, которые ведут в обратном направлении»[45].

При этом отчетливо заметна в 2010–2011 годы апатия общества к публичной деятельности (которая, однако, может быть обманчива)[46] (рис. 6).

Как считают социологи, выводы о том, что «…отчуждению людей от гражданской деятельности способствует уверенность в том, что гражданские инициативы не способны повлиять на существующее положение вещей, имеют малую „дальность“ действия и могут, в лучшем случае, влиять на ситуацию на низовом уровне. **В обществе сформирован выраженный стереотип, согласно которому все изменения должны проводиться „сверху“, тогда как само общество в этом отношении бессильно**».

Социальная революция — естественный процесс, который в диалектике называется переходом количества в качество». Попытки «отменить» его — ненаучны и бессмысленны, а в практическом плане даже опасны. Другое дело, как быстро, насколько радикально и с какой степенью глубоко происходят эти социальные перемены. Так, социальные революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке показали, что в рамках одного временного периода, в рамках практически одной нации, но в разных государствах и при разных режимах социальные революции проявляются в самых различных формах — от либерализации режима до гражданской войны. Так что никто не определял ни «лимита на революции», ни формы их проявления.

В советский период правящая элита сознательно игнорировала накапливающиеся противоречия и возможность социальной революции. В том числе откровенно мешала исследователям даже ставить такие проблемы публично, ограничиваясь, в лучшем случае, предоставлением возможности писать записки в ЦК закрытого характера. Вспоминаю, что после моего выступления на семинаре, где я поставил (ссылаясь на Гегеля) вопрос о противоречиях социализма как стимула к развитию, последовала анонимка и запрет на мой выезд за рубеж на многие годы. Как справедливо отмечает С. А. Магарил, при советской власти элитой «…в расчет совершенно не принимались внутренние проблемы и угрозы безопасности. К их отражению не готовились. Более того, правящая элита эти проблемы старательно игнорировала, требуя того же от российских ученых… Исторический результат — советская государственность рухнула»[47]. Наступила социальная революция.

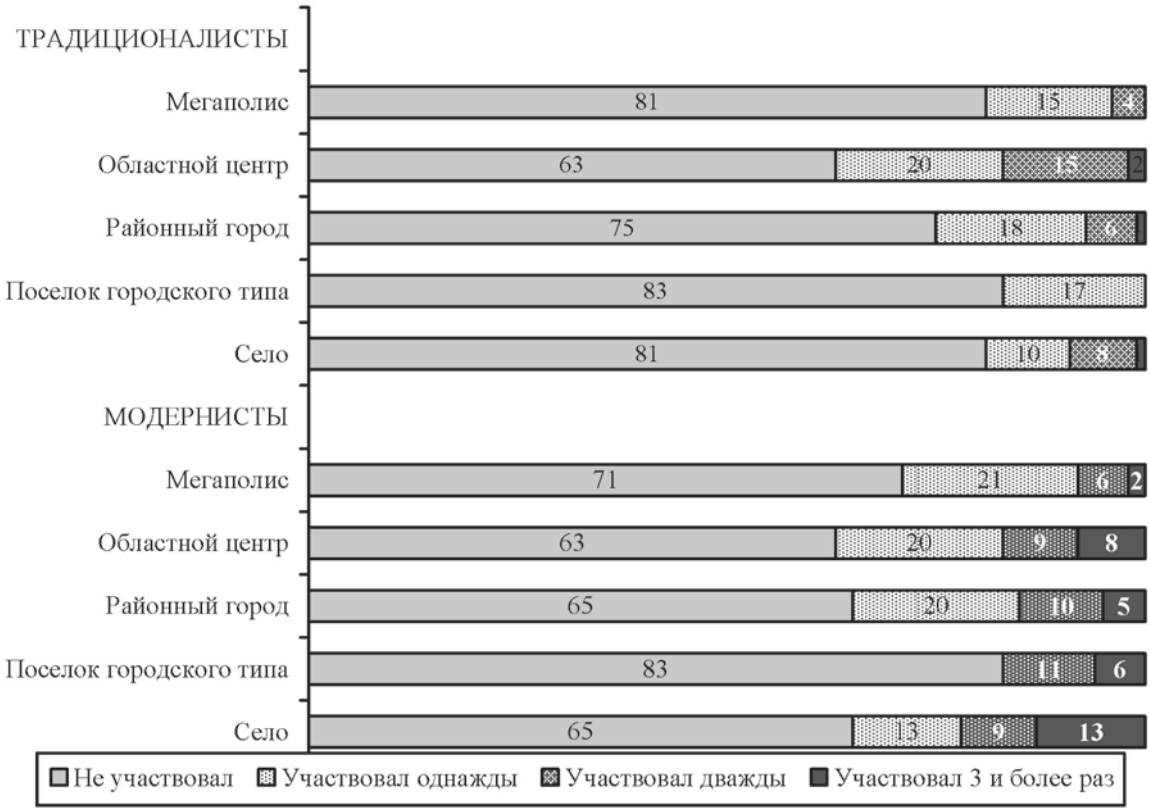


Рис. 6. Частота участия в общественной жизни по месту жительства или работы представителей различных мировоззренческих групп в зависимости от типов поселений, %

Русский социализм должен сделать определенные выводы, без которых, на мой взгляд, он не сможет претендовать ни на положение влиятельной идеологической и политической силы, ни, главное, на право предложить всей нации оптимальную стратегию развития. Коротко эти выводы можно свести к следующему:

1. Передовая идеология должна впитать в себя лучшие идеи и концепции, которые наработало человечество в социальной области, а не замыкаться на собственных идеологических принципах и, тем более, догмах. Идеология — не религия. В ней нет ни абсолютных истин, ни абсолютных авторитетов. Современная идеология должна обеспечивать ее сторонникам **идеологическое лидерство**, которое выражается в обоснованном и проработанном системно-концептуальном подходе.

   Сегодня большинство социалистических и коммунистических партий вяло реагируют на этот идеологический вызов. Значительная часть идей и инициатив исходит из лагеря либералов и традиционалистов. Не только в мире, но и в России. Партии, претендующие называться социалистическими, ищут не концепции и идеи, а предвыборные лозунги и политтехнологи, которые могут быть только **продолжением** этих идей.
2. Идеология вообще и русского социализма в частности должна опережать, а не фиксировать состояние общества и экономики, она должна предлагать долгосрочные идеи и образы обществу и нации, выступать инструментом долгосрочного прогнозирования и планирования. Это ее главная общественная функция, которая сегодня отнята либеральными макроэкономистами.
3. Идеология должна **формировать отношение правящей элиты** и общества к национальным интересам и ценностям, а также понимание их. В противном случае это будет происходить либо хаотично, под воздействием разных интересов, в том числе корыстных мотиваций, либо сознательно — под прикрытием тезисов о «деидеологизации», «отсутствия идеологии», «прагматизма» и т.д. В этом смысле идеология русского социализма должна воспитывать (в т.ч. образовывать) российскую элиту, формировать сознательное отношение к национальным интересам и ценностям.
4. Идеология русского социализма должна опираться на наиболее передовые социальные группы — креативные, творческие слои общества, а не на «электоральное большинство», что сегодня является приоритетом для всех парламентских партий, в том числе левых и патриотических. Именно интересы этих социальных групп в наибольшей степени соответствуют национальным интересам России.
5. Главное, почему современный русский социализм нельзя отождествлять с классическим марксизмом, это его соответствие потребностям современного развития потенциала

человеческой личности, его творческого начала, свободе человеческого духа и его психическим и интеллектуальным возможностям. Как справедливо заметил Н. Бердяев, «…внутренняя основа социализма есть неверие в Бога, бессмертие и свободу человеческого духа. Поэтому религия социализма принимает все три искушения, отвергнутые Христом в пустыне. Она принимает соблазн превращения камней в хлебы, соблазн социального чуда, соблазн царства мира сего. Религия социализма не есть религия свободных сынов Божьих, она отрекается от духовного первородства человека, она есть религия рабов необходимости, детей праха. Так как нет смысла жизни и нет вечности, «то остается людям прилепиться друг к другу, как в утопии Версилова, и устроить счастье на земле»[48].

Вот почему нельзя «просто» вернуться в прошлое социализма, главной целью которого И. В. Сталин провозгласил «максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей людей». Этим же объясняется, почему лучше (политически) и точнее (методологически) использовать понятие социально-консервативная идеология вместо современного русского социализма.

Принято считать, что курс на социальную политику администрации В. Путина был обозначен еще в посланиях 2000–2001 годов. На наш взгляд, это скорее признание выбора условного приоритета, который в реальности в последующие годы, в т.ч. и при Д. Медведеве, не нашел своего подкрепления ни в бюджетной политике, ни в создании новых механизмов социальной ориентации деятельности правительства. Практическим шагом, попыткой смены социальной политики можно назвать дату 5 сентября 2005 года, после которой в стране стали предприниматься конкретные шаги по реализации этого приоритета в форме приоритетных национальных проектов (ПНП).

Поворот в сторону социальной проблематики, состоявшийся с провозглашением 5 сентября 2005 года ПНП, означает, прежде всего, что эта область, находившаяся вне фокуса политического и практического внимания элиты и власти на протяжении всего периода реформ и периода стабилизации, стала **объектом политики**. Причем политики **реальной,** в отличие от деклараций социальной направленности периода реформ и стабилизации. Реальность эта выражалась во многом, но прежде всего в том, что выдвижение ПНП сопровождалось ускоренными темпами созданием механизмов их реализации — Совета по реализации нацпроектов, рабочих групп, президиума Совета и т.д., которые в короткие для России сроки стали **новым, но всего лишь частным, дополнительным механизмом для решения социальных задач.**

Действительно, реформы 1990–2011 годов в основном были реформами политической системы, федеративных отношений, экономической и финансовой систем страны. Они не захватывали практически всю область социальных отношений, **которые фактически остались неизменными с советского периода**. Между тем, в этой области есть, как минимум, две объективные позитивные тенденции, подталкивающие развитие идеологии русского социализма.

Первая тенденция заключается в том, что, с позиций марксизма, особенность «фазового перехода» человечества заключается в переходе (в социальном плане) от капитализма к коммунизму. Естественная переходная стадия, совпадающая с периодом «фазового перехода», — социализм. Поэтому определенно, даже неизбежно в социальном плане социализм состоится. В каком виде — зависит от российских и международных реалий.

Вторая тенденция заключается в том, что период заимствований в российских общественных науках, продолжавшийся в 1990–2010 годы, **заканчивается**. Начинается период осознание невозможности применения в России западных методов, их неэффективности в условиях российских реалий. «Существование любой общественной науки продиктовано необходимостью **раскрывать законы развития и функционирования общества, в том числе объяснять причины существующих в обществе** проблем, предлагать варианты их решений и указывать более эффективные пути развития общества»[49].

Эти общие закономерности как-то игнорируются экспертами, которые в своих многочисленных обзорах сводят всю политическую борьбу к разногласиям внутри правящей элиты, «тандема» и группировок, не замечая (или делая вид, что не замечают) стремительного колебания настроений в обществе. Так, среди главных оппонентов «тандема» выделяют неолибералов ельцинского периода. Как пишет, например, Д. Фурман, «**…самая страшная перспектива для Путина — это возвращение в политику людей, „ураганивших“ в девяностые и вытолкнутых им за пределы „нормальной“ политики в серую зону „полуподполья“, вроде Немцова и вместе с ними духа девяностых**»[50].

Не случайно американские авторы отмечают (в порядке приоритетности) следующие отличительные черты российской инновационной экосистемы[51]:

— СССР обладал высокоразвитой инфраструктурой для интеграции науки и технологии. Эта инфраструктура основывалась на госзаказе и была сосредоточена преимущественно **на потребностях обеспечения обороноспособности и национальной безопасности страны, а также на реализации масштабных промышленных проектов**.
— С распадом Советского Союза **спрос на отечественную науку и технологию в России рухнул**. Многие талантливые учёные либо покинули страну, либо ушли из науки. Сегодня Россия не использует потенциал своей диаспоры за рубежом.

— Современная российская экономика **не обеспечивает достаточный рыночный спрос на российскую науку и инновации**. Интеграция России в мировые высокотехнологические **рынки также недостаточна** ввиду крайне слабых механизмов коммерциализации изобретений.
— Россия имеет значимые конкурентные преимущества в плане **интеллектуального и человеческого капитала**, особенно в физике и математике, а также в таких секторах, как космос и атомная энергия.
— С недавних пор проводится реорганизация высшей школы, провозглашённая с целью осовременить её, связать с наукой и привести в соответствие с потребностями экономики. Однако **пока фундаментальные научные исследования остаются прерогативой Российской академии наук**.

Сравнивая Россию с СССР, американские специалисты отмечают главное историческое отличие: СССР в качестве **цели** развития стремился обеспечить национальную безопасность, достижение которой формировало госзаказ для всей инновационной системы, а Россия не только не смогла сформулировать цель, но и обеспечить **заказ** для достижения этой цели ни на внутреннем рынке, ни за рубежом. В упрощенном виде это можно изобразить на следующем рисунке.

Рис. 7.

Соответственно, необходимо, во-первых, внятно и предельно конкретно заявить **цель** модернизации, которая, напомню, не может быть целью, а только процессом — развитием НЧП. Во-вторых, обеспечить «госзаказ». В-третьих, создать институты для такой модернизации (либо скорректировать имеющиеся) и, в-четвертых, обеспечить целенаправленное использование национальных ресурсов.

Все четыре компонента принципиально отличаются от советских, но, прежде всего — цель. Фактически это означает необходимость создания всех четырех компонентов заново. Причем первый — в политико-идеологической области, а второй — в экономической, но обязательно как подчиненный первому.

Очевидно, что потребуется модернизировать старые и создать новые институты развития. Как в государственном, так и общественном секторе, а также в бизнесе. Сегодня они практически отсутствуют.

Наконец, потребуется мобилизовать и эффективно использовать национальные ресурсы, которыми пока что так и не научились управлять. В этом случае рисунок будет выглядеть следующим образом:

Рис. 8.

Отдельный вопрос — использование национальных природных ресурсов в целях развития НЧП. Это потребует консолидации активов в руках общества и государства, а в некоторых случаях — национализации наиболее доходных отраслей. Природная рента может стать источником финансирования госзаказа на модернизацию.

А между тем — и это доказывает опыт передовых государств, — именно социальная область стала локомотивом развития в последние десятилетия для передовых государств, превратилась из фактора «собеса» в фактор экономического развития. Объективные основы в развитых странах для этого сложились в последней четверти XX века:

Во-первых, качество человеческого потенциала, который превратился в **ведущий фактор экономического развития**, определяется, прежде всего, социальной политикой государства. Вот почему, например, ведущие страны мира нередко идут на шаги, угрожающие их макроэкономической и финансовой стабильности (например, превышение дефицита бюджета в 3%), если отказ от них угрожает основам социального развития.

Во-вторых, социальная политика является основой для развития институтов гражданского общества и повышения эффективности государственного управления и местного самоуправления, стимулирует создание новых, более эффективных механизмов взаимоотношений государства и общества. Известно, что чем более развитое государство, тем больше со-

циальных функций переходит от государства к обществу, прежде всего к институтам гражданского общества и местного самоуправления.

В-третьих, главной целью развития государства, общества выступает человек, его возможности и способности. Другими словами, если прежде в качестве цели действия власти называлось укрепление государства или нации (иногда религиозные или идеологические цели), то сегодня это может быть **только человек, его личность**, который является основой для суверенитета государства и нации.

Эти объективные условия, повторим, не нашли отражения в деятельности российской власти: существовавшая, по сути, советская система социальной политики оказалась интегрированной, сохраненной искусственно в рамках новой политико-экономической системы.

Вот почему на политическую повестку дня в России периода перехода от одного алгоритма — «стабилизации» — к другому — «развитию» — неизбежно встает вопрос о **революционных социальных изменениях,** которые могут произойти либо в революционных политических формах (революциях), либо эволюционных (реформах). Именно перед таким выбором Россия оказалась в 2005–2006 годах. Не случайно многие ведущие специалисты, например Е. Гонтмахер, предрекали в 2005–2006 годах «неизбежный социальный взрыв» в России в случае сохранения проводимой социальной политики.

Строго говоря, выбирая свой путь развития в 2005–2006 годы, Россия выбирала, прежде всего, **между различными вариантами социальной политики** (этот выбор, очевидно, затянулся вплоть до второго десятилетия XXI века):

Это, **во-первых,** нынешний, инерционный вариант, который консервирует сохранение на перспективу трети граждан в положении нищих и еще более трети — бедными.

Во-вторых, это вариант дальнейшей либерализации, который неизбежно приведет к полному уходу государства из социальной сферы и сделает услуги для большинства граждан недоступными.

И, **в-третьих,** вариант возвращения к модели социального государства, но **уже не в социалистическом, а современном, рыночном его понимании.** Думается, что этот третий вариант, который ведет к возвращению государства не только в экономику, но и в социальную область, — единственно допустимый для будущего государства. При этом важно подчеркнуть, что «возврат» — условный термин, не означающий, конечно же, возвращения к прежней социалистической модели. Именно поэтому положительный и отрицательный опыт социальной политики СССР имеет огромное значение.

Так, модель социалистического прошлого дает нам не только негативные, неприемлемые в нынешних условиях результаты, но и **положительный опыт,** например, моральной мобилизации, т.е. использования морального, нравственного ресурса нации (как это было, например, в годы Отечественной войны) в качестве полноценного ресурса развития. Этот мобилизационный социальный ресурс, направленный на эволюцию, был уже задействован президентом России в 2005 году в виде ПНП, а затем в развитии механизмов их реализации.

Не случайно Послание Президента России 2006 года многими наблюдателями было оценено как **мобилизующее,** хотя термин этот ни разу официально и не применялся. Но мобилизующее начало может быть идеологическим сигналом, интонацией, оттенками императивности, наконец, конкретикой, содержащейся в выступлении или тексте. Этого в Послании Президента России в 2006 году было более чем достаточно.

Объективно говоря, Россия сильно запоздала с социальными изменениями. Неолиберальная модель развития, которой придерживались авторы реформ, исключала социальный фактор в качестве фактора развития: все экономические и финансовые реформы 90-х годов откровенно игнорировали, даже демонстрировали пренебрежение к социальным аспектам реформирования политической и экономической системы страны, т.е. были по определению антисоциальными.

Социальные последствия таких действий стали катастрофическими: результаты приватизации, уровень безработицы, заработной платы, пенсионного обеспечения и т.д. привели к трансформации России, по сути, в антисоциальное государство. Более того, именно социальные причины лежат в основе радикальных националистических и экстремистских явлений, проявившихся в 2005–2006 годах.

Чувство социальной ущербности проявилось, в том числе, и в очевидно низких оценках (в общественном мнении) национального самосознания, более того, в кризисе национальной самоидентификации. Как пишет известный философ В. Аверьянов, «…как это ни парадоксально, на первый взгляд, русских презирают как раз за их мягкотелость, за их податливость, в т.ч. и за то, что они позволили развалить СССР. Ведь в глазах нацменьшинств Союз действительно был русской империей, его действительно сплачивала «великая Русь», как пелось в гимне…» Русских как главных носителей державного начала, которые проявили бы жесткость, по крайней мере, уважали бы. Вначале — уважение и уже на третьем-четвертом месте стояли бы признание русской отзывчивости, милосердия и дружелюбия. В результате, может быть, и любили бы, потому что ценили — за цивилизацию, за талант, за способность к строительству хозяйства, создание передовой техники, могучего государства. Любовь к другим достигается в первую очередь через уважение, через высокую оценку, а иногда частично даже и через страх. (Не нужно этого бояться: там, где стремятся преступить человеческий и Божий закон — страх не худший сдерживающий стимул.)»[52].

Таким образом, к 2006 году социальный кризис **дополнился кризисом межнациональных взаимоотношений,** который вновь напомнил о себе в декабре 2010 года. И все это на фоне демографического коллапса, фактической депопуляции страны. Иными словами, острейший социальный кризис стал стимулятором межнациональных и демографических проблем, нараставших в последние 15 лет. Именно эта социальная основа стала фундаментом экстремистских, националистических выступлений в 2005–2006 годах.

Но не только катастрофические социально-экономические последствия стали характерными для России в начале XXI века. Игнорирование социальных аспектов привело к острым кризисным явлениям в областях, являющихся локомотивами развития экономики и общества — образования, науки, культуры, которые оказались фактически вне реформ, сохранив в новых политико-экономических реалиях все признаки старой, ушедшей социалистической системы взаимоотношений. Не только образование, но и наука, искусство, вся культурная деятельность остались в рамках прежней социалистической системы и организации, **будучи искусственно встроенными** в новую, рыночную экономическую реальность. Особенно заметно это в наиболее традиционных секторах — фундаментальной науке и здравоохранении, которые до сих пор называют «реликтами советской эпохи».

У этой проблемы есть международный аспект. Россия в ходе реформ также не могла искусственно взять целиком чей-то опыт — будь-то культура или образование, хотя авторы реформ фактически, «по умолчанию» и пытались это сделать, реализуя неолиберальную модель развития. Существующая общемировая модель развития — глобализация, — не просто несовершенна, но малоприменима к России. Она несправедлива, антисоциальна, в конечном счете — неэффективна и неправильна. Поэтому к российскому очень глубокому кризису в социальной области, добавляется общемировой кризис, который выражается в том, что прежние либерально-социальные модели уже перестали быть привлекательными и перспективными.

И это в России понимали, отторгая универсализм. Если все останется без изменения, т.е. в социальной области результаты глобализации останутся прежними, то она неизбежно приведет человечество к глубокому кризису и, возможно, катастрофе. Особенно остро эти процессы проявляются в социальной области, международных отношениях, экологии. Накапливающиеся глобальные проблемы остаются нерешенными, и создается впечатление, что к старым проблемам добавляются новые.

У человечества остается, по существу, единственная альтернатива — создание **социально справедливого, гуманистического общества,** способного решать, а не накапливать глобальные проблемы. Эта идея отнюдь не означает возврата к прежней социалистической, а тем более коммунистической модели развития. Они остались в прежнем столетии навсегда. Речь идет о **качественно новом обществе,** ориентированном на человека, развитие его потенциала, а значит о социальном обществе по самому его определению.

В силу известных причин, после распада СССР социально-ориентированная модель развития страны **потеряла свою привлекательность не только для правящей элиты, но и для многих российских граждан.** Это произошло потому, что данная модель прямо ассоциируется с **политической** практикой советского государства в 1917–1991 годах: неэффективностью социальной сферы, преступлениями, ошибками, неспособностью воспринимать и, главное, быстро усваивать новое, а также бережно относиться к истории и традициям России.

Вместе с тем, практические достижения социализма в социальной области остаются еще перспективой для нынешней экономики России. Так, достаточно сказать, что, по мере реализации ПНП «Доступное жилье», к 2010 году планировалось выйти на объемы ввода жилья, эквивалентные 0,5 кв.м. на 1 человека в год, что ниже уровня ввода жилья в СССР в 1989 году (0,6 кв.м.).

Сложилась парадоксальная ситуация: прежняя социалистическая социальная модель не пользуется поддержкой большинства граждан и не может быть примером для подражания, однако существующая модель — еще хуже.

Именно поэтому новая социальная модель может и должна быть только **качественно** новой. В этом смысле все попытки оппозиции, в частности, руководства КПРФ, «модернизировать» социальную сферу — бесперспективны. На наш взгляд, нельзя ни реформировать коммунистическую идеологию применительно к социальной политике, ни искусственно перенести на русскую почву внешне успешные западноевропейские модели. Необходимо создавать именно **новое качество** социальной модели государственного развития.

Это подтверждается и экономическими рассуждениями. Напомним в этой связи, что в 70-е и 80-е годы в СССР сформировался своеобразный **«механизм» снижения производственной эффективности.** К 1982 году доля машин и оборудования в советском экспорте снизилась до 12,9% по сравнению с 21,5% в 1970 году, а доля топлива и электроэнергии выросла с 15,6 до 52,3%.

Характерно, что параллельно с наращиванием экспорта энергоносителей увеличивалась и **избыточность их потребления внутри** страны, по сути консервировавшая сложившуюся структуру производства. В 70-е и первой половине 80-х годов, когда СССР получил от экспорта нефти более 170 млрд долл. валютных поступлений, потребление энергии на душу населения выросло более чем вдвое, с 3,16 до 6,79 тонн условного топлива. Примечательно, что

в это же время — с 1979 по 1986 год — ВВП США увеличился на 20%, а потребление электроэнергии — сократилось на 5%[53].

В результате, в 1988 году **советская экономика потребляла энергоносителей больше, чем Япония, Франция, Великобритания и Швейцария вместе взятые.** Однако на производство единицы валового национального продукта тратилось **в несколько раз больше энергии,** чем в Японии или Швейцарии.

Характер процессов, происходивших в советской экономике, наиболее ярко характеризуется неспособностью деградировавшей хозяйственной системы решить продовольственную проблему: в течение 80-х годов страна, имевшая максимальные посевные площади в пересчете на душу населения, **завезла из-за рубежа около 375 млн тонн зерна**.

Эти проблемы во многом наследовала нынешняя Россия — и структуру экономики, и неумение организовать инновационные процессы, и технологическую отсталость. Не случайно в Послании 2006 года президент России был вынужден сказать прямо об этой проблеме: «Можем подробнее поговорить и о нашем месте в мировой экономике. В условиях жесткой международной конкуренции экономическое развитие страны должно определяться, главным образом, ее научными и технологическими преимуществами. Но, к сожалению, большая часть технологического оборудования, используемого сейчас российской промышленностью, отстает от передового уровня даже не на годы, а на десятилетия. А эффективность использования энергии, даже со ссылкой на климатические условия, у нас в разы ниже, чем у прямых конкурентов России на мировых рынках»[54].

Характерен пример взаимосвязи низкой экономической эффективности и отсталой социальной политики, который виден из сопоставления цен в 2006 году на бензин и уровнем средних зарплат, например, в США (табл. 4).

Как видно из приведенных данных, если цена бензина в России и США практически одинакова, то уровень средней зарплаты в России в 7 раз (т.е. на 700%) ниже.

Эта оценка президента России, которая могла бы прозвучать еще в 1985 году. И далее президент заявил в Послании: «Да, мы знаем, такой наша промышленность, наша экономика строилась еще в советские времена. Но знать — этого абсолютно недостаточно. Необходимо принять конкретные меры для того, чтобы ситуацию изменить. И, не нарушая достигнутую финансовую устойчивость, нам надо сделать серьезный шаг к стимулированию роста инвестиций в производственную инфраструктуру и в развитие инноваций. Россия должна в полной мере реализовать себя в таких высокотехнологичных сферах, как современная энергетика, коммуникации, космос, авиастроение, должна стать крупным экспортером интеллектуальных услуг»[55].

Не секрет, что именно эти отрасли промышленности, созданные в СССР в период «холодной войны» как часть ВПК, единственные из традиционных отраслей, имеющие перспективу для опережающего развития. Но пока что они таковыми не стали. Скорее наоборот — существенно деградировали, что, естественно, отразилось на социальном и профессиональном положении лиц, занятых в этих ведущих отраслях. За 15 лет фактически исчезло два поколения профессиональных рабочих, закрыты профессиональные учебные заведения, что привело в 2006 году к острой проблеме — кризису, кадровому голоду для наукоемких отраслей. Иными словами, и в области ведущих отраслей промышленности российская модель 2006 года, как и в социальной сфере, оказалась хуже плохой советской модели. Поэтому вряд ли можно считать прогрессом возврат к плохому от еще более плохого, а именно от сегодняшней ситуации к ситуации «образца 1985 года».

Бесперспективен возврат и в других областях, даже тех, которые принято называть «успешными», ведь аналогичная ситуация в промышленности сложилась и в критически важных для экономики знаний отраслях — советской науке и советском образовании. О кризисе в научной сфере сегодняшней России известно, но и в советское время далеко не все выглядело идеальным. Успехи СССР в научной и технической области были сильно преувеличены. В конце 80-х годов количество студентов вузов в пересчете на 1 тыс. населения составляло в СССР около 18 человек, тогда как в США — почти 55; при этом

Табл. 4. Средняя цена автомобильного бензина и заработная плата в нефтедобывающих странах

	Цена марки Аи-95, долл./литр	Среднемесячная зарплата, тыс. долл.
Норвегия	1,80	4,8
Великобритания	1,66	4,1
США	0,79	2,8
Россия	0,68	0,4
Мексика	0,60	0,4
Саудовская Аравия	0,20	Нет данных
Венесуэла	0,03	0,5

Табл. 5. Вклад высшего образования в экономику страны

Образование	ВВП на одного работника, тыс. руб./год	
	В производственной сфере	В производственной и непроизводственной сфере
Высшее	700	350
Среднее общее	47	50
Результат	Увеличение в 15 раз	Увеличение в 7 раз

доля населения, получавшего образование в высших учебных заведениях на протяжении хотя бы одного года в течение пяти лет после окончания школы, составляла в СССР около 20%, тогда как в США аналогичный показатель превышал 63%.

Следует отметить, что в советское время научные кадры использовались в передовых отраслях, но не оказывали решающего воздействия на конечное потребление. Нередко они находили себе место на предприятиях, не пытавшихся обновлять технологии и ассортимент готовой продукции. Поэтому разрыв в эффективности использования высокообразованных специалистов оказывался еще более значительным, чем в их численности. Эта проблема еще больше усугубилась в современной России, где уровень инновационной активности снизился даже по сравнению с советским. Доля России в экспорте наукоемкой продукции в мире — 0,3%, при том, что ВВП — 2,6% от мирового. Это означает, что более чем скромный экономический вклад России в мировую экономику значительно превосходит вклад России в экономику знаний. Его можно назвать просто ничтожным.

Основной же причиной краха советской экономики стала ее неспособность в полной мере создавать и использовать интеллектуальный капитал — важнейший ресурс постиндустриального типа хозяйства. Этот вывод, к сожалению, совпадает с характеристикой экономики современной России.

Объективности ради стоит сказать, что российская экономика (за исключением пока что, к сожалению, немногих примеров) **также не ориентирована** на создание интеллектуального капитала и внедрение инноваций.

Между тем очевидно, что в соревновании на лучшее общественное и государственное устройство победит то общество, которое добьется максимально эффективного процесса создания и внедрения знаний. Это видно на следующем примере взаимосвязи интеллекта (в данном случае одного из секторов этого явления — образования) и эффективности экономики. По оценке экспертов Современной гуманитарной академии, он выглядит следующим образом (табл. 5).

Этот простой пример иллюстрирует важный тезис — количество лиц с высшим образованием в принципе не может быть большим (тем более «слишком большим») для общества и государства. В идеале, все 100% граждан должны обладать высшим образованием. Более того, в процессе работы они должны постоянно, не реже одного раза в 5–7 лет, проходить серьезную переподготовку.

Сегодня в России, во-первых, такая переподготовка приходится на 15–20 лет, а, во-вторых, в целом ряде специальностей она вообще не осуществляется на протяжении всей трудовой деятельности.

Примечательно и другое. Известно, что по специальности, полученной в вузе, в процессе жизнедеятельности работает все меньшее количество людей. К 40 годам, по некоторым оценкам, не более 10–15%. Это означает, что остальные 85–90% граждан должны были пройти переподготовку самостоятельно либо в вузе, либо на каких-то курсах. На практике, однако, оказывается, что такая переподготовка, как правило, проводилась самостоятельно, что, естественно, не могло не сказаться на ее качестве.

Наконец, экономика знаний породила еще один феномен — все большее число граждан, занятых в наукоемких отраслях и творческих профессиях,

Табл. 6. «Наукоемкость» личности тесно связана с получением доходов

Образование	Годовая зарплата (ср. по РФ), тыс. руб.	
	В производственной сфере	В производственной и непроизводственной сфере
Высшее	220	70
Среднее общее	31	35

Выпускники вуза: увеличение подоходного налога — в 2 раза.

Увеличение ЕСН — в 2 раза.

Увеличение налога на прибыль — в 2 раза.

Увеличение НДС — в 4 раза.

Освоение высоких технологий и увеличение темпов роста экономики — в 4 раза.

становятся «индивидуальными предпринимателями» либо переходят к такой форме работы, как работа по проектам. Это ведет, естественно, не только к смене работы, но, часто, и специальности. Это, в свою очередь, опять требует переподготовки, а нередко и создания новых профессий и специальностей.

Как видно из приведенных данных (табл. 6), «доходность» не только личности, но и государства резко возрастает с ростом образованности граждан. В итоге получается, что новая экономика — экономика знаний, — неизбежно ведет к радикальной трансформации общественной структуры и качества личности. Формируется, по сути, качественно новая социальная модель общественного устройства, не имеющая ничего общего с классическими предыдущими — либеральной, коммунистической, социал-демократической. Именно поэтому новая социальная модель, новая социальная система в России не должна и не будет иметь ничего общего ни со старой, советской или неолиберальной социальными системами. Это необходимо понимать, «конструируя» сегодня новые политические программы. По самым принципиальным вопросам: месту в производстве, отношению к собственности, роли государства, соотношению национальных и партийно-классовых интересов, отношению к истории и культуре России, ее духовному, в том числе православному наследию, формам собственности и т.д., а главное, к человеку — новая модель будет решительно отличаться от политической практики социалистического и неолиберального мировоззрения и наследия.

В этой связи особая роль будет принадлежать государству. Старые, неолиберальные взгляды на отмирающее государство в действительности уже показали свою несостоятельность с середины нынешнего десятилетия, хотя в политической философии наших современников по этому поводу было немного ярких признаний. Одно из них принадлежит американскому ученому М. Линду, автору книги «Стратегия по-американски», который заявил: «Произошло самое знаковое событие в мировой политике со времен окончания холодной войны, а никто и не заметил. Речь о полном и окончательном поражении той силы, которая в течение нескольких десятилетий оказывала определяющее влияние на политику Запада. Я имею в виду ультралиберальную, точнее, либертарианскую контрреволюцию»[56].

И далее обращает внимание его прогноз: «С уходом либертариански настроенных правых как серьезной политической силы центр тяжести в основных вопросах политической экономики неминуемо сместится влево. Однако возрождения политического спектра середины XX в. мы не увидим, поскольку в левой его части никакого возрождения социалистов не будет. Конец как социализма, так и либертарианства означает, что поле, на котором могут развиваться умеренная социал-демократия и государственный консерватизм, существенно сужается. Ограничение возможностей на горизонтальном спектре правого и левого сопровождается усилением вертикальных противоречий между элитой, выступающей за глобализацию и массовую иммиграцию, и популистским националистическим большинством. И если на смену старому право-левому горизонтальному спектру придет вертикальный, то появится и новый третий путь, и пролегать он будет где-то посередине между грубым популизмом и утопическим транснационализмом. Время либертарианства прошло. И уже никогда не вернется. Поражение либертарианцев как реальной силы в американской политике изменит определения «левый», «правый» и «центр» — причем не только в американском спектре, но и в мировом»[57].

Действительно, уход либералов неизбежен, но также неизбежно возрастание роли государства по мере роста экономики знаний и нового общества. Это вызвано, прежде всего, потребностью повышения экономического и общественного управления ресурсами в целях роста потенциала человеческой личности. Реализация возможностей человеческого потенциала через создание благоприятной среды становится главной задачей государства и общества.

Требуется, правда, существенная оговорка: возрастающая роль государства не будет выражаться прежде всего в усилении его доли в экономике, а тем более общественной жизни людей. Такое восприятие неправильно и не отражает сути процесса возрастания управляющей роли государства.

Понятно, что эта тенденция будет весьма противоречивой, вступая в настоящий конфликт с господствующей макроэкономической концепцией. На практике, например, в современной России это будет вести одновременно к требованиям снижения инфляции, росту госрасходов и ослаблению рубля. Эти противоречия, тем не менее, не меняют главной направленности — роста роли государства.

Особое значение в этой связи сегодня имеет советский опыт с точки зрения роли государства в развитии социальных областей. Хотя бы потому, что в современной России нет другого опыта, когда государство определяло социальную политику, в т.ч. и для реализации приоритетных национальных проектов. И здесь очевидное противоречие двух ведущих тенденций становится проблемой для правительства. По признанию, например, президента АМН М. Давидова, «…совершенно очевидно, что сегодня все страны мира идут по пути… усиления позиций государства в оказании медицинской помощи, тем более что в российском Минздраве, который взялся либерализовать здравоохранение, 98% сотрудников не имеют отношения к медицине»[58].

«Менеджеризм» и либерализм, с одной стороны, и усиление роли государства и профессионализм — с другой. Вот российская специфика этого противоречия.

Определиться нужно и с тем, кто политически поддержит модернизацию и идеи опережающего

развития. Пока что ясно, что российская элита в этом не заинтересована, что продемонстрировали итоги «модернизационного» развития России в 2008–2011 годах. Не заинтересован, как оказалось, и В. Путин, который в апреле 2011 года в Госдуме сказал о продолжении нынешней интеграционной политики еще на 10 лет. По понятным причинам, не заинтересованы и предприниматели. Естественно, возникает вопрос о той социальной силе, которая заинтересована в опережающем развитии нации. На первый взгляд, такой силы — группы, класса, сегмента общества, — в современной России вообще нет.

Совершенно точно нужно определиться с тем, какой класс, социальные слои являются главным двигателем национального развития. Прежде всего чтобы ориентироваться на его запросы, создавать условия для развития. Россия — слишком разная. «Сегодня значительная часть нашего общества живет в СССР, часть — в современной России, часть — в Интернете, некоторые граждане пытаются вернуться в царские времена и т.д.»[59].

Ориентироваться на всю нацию, безусловно, необходимо, но также необходимо понимать, что у нации есть наиболее активная и продуктивная часть — креативный класс, который в развитых странах создает все более значительную часть национальных богатств.

Если в коммунистической идеологии таким классом является промышленный пролетариат, в либеральной — предприниматели, то в идеологии русского социализма таким классом выступает креативный класс, создающий национальный человеческий капитал (даже если часть его и материализуется в средствах производства, товарах и услугах).

3. Новая идеологема[60]: развитие НЧП как новая стратегическая концепция национального развития

…Мощных стимулов для роста у индустрии пока нет[61].
Д. Галимов

Первое десятилетие XXI в. — время наиболее крупных мировоззренческих сдвигов…[62].
А. Торкунов
ректор МГИМО(У)

Перспективы развития экономики, прежде всего, промышленного сектора России, в рамках прежней либеральной концепции себя исчерпали. Это был вынужден признать зимой 2011 года даже такой последователь «либеральной традиции», как А. Кудрин. Но отказаться от нее, «предложить новую концепцию никто из финансово-экономических властей не спешит: вся энергия направляется на поиск еще более либеральных решений. Даже призывы В. Путина, изложенные в его, по сути, дела предвыборной программе в апреле 2011 года, «удвоить производительность труда» до 2020 года, «увеличить душевой ВВП до 35 тыс. долл.» (с нынешних 15 900), «изменить структуру экономики» и т.д. не встречают понимания потому, что в том же контексте он ратует за продолжение прежней политики («в условиях баланса всех макроэкономических показателей») с прежними кадрами («…Минфин возглавляет лучший министр…»)[63]. Таким образом, в 2011 году, несмотря на экономические и политические неудачи либеральной политики, отказ от «либеральной традиции», а значит, и смена курса не просматривались. Что не означает ее корректировки в рамках все той же либеральной традиции, предложенной В. Путиным для «Стратегии–2020»[64].

Между тем русский социализм способен предложить такую стратегическую концепцию, которая принципиально отличается от либеральной. Принципиально означает, что во всех областях — бюджетной, налоговой, кредитной, социальной. Это — концепция долгосрочного роста не абстрактной экономики, а развития нации, сконцентрированная, прежде всего, в концепции развития НЧП. Развитие человеческого потенциала, создание максимально благоприятных условий для развития человеческой личности в начале XXI века стало очевидным приоритетом практически всех идеологий, в которых идеологема «человек — наше всё» нашла устойчивое закрепление. Или (в широком смысле) — «сбережение нации» (по А. Солженицыну).

Этот очевидный приоритет, который на Западе давно не ставится под сомнение. Примером может служить отношение банковско-финансовой сферы. Как пишет представитель «Дойче Банка» в России У. Каннингем: «Мы отбираем лучших из лучших. Наша философия в том, чтобы привлекать наиболее талантливых инженеров, которых нам удается отыскать в России. Конечно, такие специалисты не могут стоить дешево, но здесь нельзя экономить, ведь таким образом мы инвестируем в будущее компании. И еще один важный момент — таким людям нужно и дальше создавать условия для развития, и профессионального, и творческого, и материального»[65].

Естественно, что такая тенденция не могла не отразиться на позиции российской элиты, которая, как минимум формально, признала этот приоритет.

Табл. 7. Расходы на НИОКР и их соотношение к ВВП в отдельных странах (млрд долл. США)

Страна	Расходы на НИОКР (2010 г.)	Расходы на НИОКР в % к ВВП (2010 г.)	ВВП (2011 г., прогноз)	Расходы на НИОКР (2011 г., прогноз)	Расходы на НИОКР в % к ВВП (2011 г., прогноз)
США	395,8	2,8	14 963	405,3	2,7
Китай	141,4	1,4	10 747	153,7	1,4
Япония	142,0	3,3	4 339	144,1	3,3
Германия	68,2	2,4	2 957	69,5	2,3
Южная Корея	42,9	3,0	1 512	44,8	3,0
Франция	41,5	1,9	2 176	42,2	1,9
Великобритания	37,6	1,7	2 218	38,4	1,7
Индия	33,3	0,9	4 193	36,1	0,9
Канада	23,7	1,8	1 357	24,3	1,8
Россия	22,1	1,0	2 288	23,1	1,0

Источник: Internationk monetary fund, battelle, r&d magazine

В частности, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года этому была уделена целая глава, которая так и называлась «Развитие человеческого потенциала». В ней были выделены отдельные аспекты такого развития:

— демографическая политика;
— модернизация и развитие здравоохранения;
— развитие культуры;
— развитие рынка труда;
— повышение доступности жилья;
— развитие социальных институтов и социальная политика;
— развитие пенсионной системы;
— экологизация экономики и экология человека[66].

Трудно возразить против такой формулировки, хотя последующий кризис 2008–2010 годов во многом и девальвировал эти намерения. Но одно замечание необходимо сделать: главная цель — развитие НЧП, — не была сформулирована в качестве политической цели и основной идеологемы. Поэтому она затерялась, как теряется ориентир на местности из-за различных препятствий. Соответственно, и политика осталась прежней. Не удивительно, что и результаты (точнее, — их отсутствие) были под стать такой политики. Странно, если было бы иначе. Так, по прогнозам специалистов, в 2011 году общие мировые расходы на НИОКР вырастут на 3,6% и составят 1,2 трлн долл. США. Участие Соединённых Штатов в общем объёме финансирования инноваций составит 34%, Китая — 12,9%, Японии — 12,1%, Индии — 3%.

Не менее показательным является и соотношение доли расходов на НИОКР к объёму ВВП этих стран[67] (табл. 7).

Странным образом, но абсурдность этой ситуации вроде бы понимают все — и в России, и за рубежом. Так, в июньском докладе ВБ о России его эксперты признают: «В условиях, когда инвестиции в НИОКР невелики, надеяться на внедрение инноваций не приходится. В России инвестиции в НИОКР составляют около 141 долл. на душу населения, в то время как в США речь идет о 1,1 тыс. долл.». И далее делается совершенно справедливый вывод: «…за последние 10 лет России не удалось проявить себя как инвестиционно привлекательную экономику»[68].

Усиление роли государства, о котором говорилось выше, ведет естественным образом к появлению новых инициатив от государства. В этом смысле формирование новой идеологемы в 2000–2006 гг. естественным образом привело к появлению социально ориентированных ПНП как государственной инициативы. Действительно, не только формальное их выдвижение 5 сентября 2005 года президентом России, но и вся последующая деятельность стали 100%-ной инициативой власти. Это был сознательный выбор власти — использование институтов государства для исправления, как сказал в своем Послании 2006 г. В. Путин (точнее — «сглаживания») тех «диспропорций в государственном строительстве и в социальной сфере, которые возникли»[69].

Вместе с тем нельзя не сказать и об общественном запросе на новый идеологический курс, имеющий очевидную социальную направленность. И не только социальную, но и политическую: ощущение политических перемен, связанных со сменой социальной политики, хорошо прокомментировал социолог Ю. Левада, опиравшийся в своем мнении на соцопросы 2005–2006 годов: «…столь же ясно, что эта процедура (выборы) может означать лишь момент в подготовке неизбежных, назревших, наболевших перемен большого социально-исторического масштаба»[70]. Не случайно и такой чуткий политик,

как С. Степашин, признает: «Нынешняя власть отождествляется в массовом создании с перспективой перехода от немощи управления к стабильной государственности, от атрофии этики — к духовности. Люди активно восстают, когда духовный вакуум заполняется ценностями, не проистекающими из самобытности россиян. Вот почему возникает надежда, что та самая библейская пропорция трансформируется в пользу увеличения числа людей порядочных, праведных. Может, это тоже одна из задач интеллигенции?»[71].

Таким образом, появление ПНП стало проявлением объективных новых тенденций в развитии государства, общества и экономики, с одной стороны, и инициативой властной бюрократии — с другой. Это тот редкий случай, когда власти и бюрократия в России смогли правильно и адекватно спрогнозировать развитие «мейнстрима» в политике и экономике. Естественно, со своей, российской спецификой.

Выдвижение в 2005 году ПНП можно рассматривать в этой связи и как социальный заказ не только государства, но и части правящей элиты на укрепление общественных основ государственного суверенитета. Возникшая в 2000–2003 годы задача сохранения государства привела к логическому выводу об укреплении социальных основ общества, фундаментом которого является развитие потенциала человеческой личности. Эта идея постепенно стала настойчиво звучать в выступлениях не только представителей власти, но и общественности, стала почти общепринятой нормой, даже банальностью к 2006 году.

Не случайно эта эволюция была отмечена и даже замечена наблюдателями еще до 2005 года. Именно усиление роли государства в политике и экономике, изменения в его социальной направленности, прежде всего по отношению к человеку, насторожило Запад и российских неолибералов, которые расценили это как радикальный поворот в политическом курсе страны. Бывший советник президента В. Путина А. Илларионов очень четко прокомментировал эту перемену: «За три последних года многое изменилось в нашей стране. Радикальному пересмотру подверглись экономическая политика, политический режим, сущность самого российского государства, идеология и философия власти. Сейчас наступила очередь отношений России с внешним миром»[72].

То есть за 2003–2006 годы «радикальному пересмотру» подвергались по сути фундаментальные основы политики, всерьез насторожившие критиков режима, но… оставшиеся незамеченными у сторонников В. Путина, да и в самой власти. Изменения — радикальные и фундаментальные, — остались без серьезных комментариев и анализа.

Примечательна оценка А. Илларионовым Президентского послания 2006 года: «Главный его смысл: мобилизация — экономическая, демографическая, научная, школьная». Действительно, мобилизующее, даже императивное содержание в послании 2006 года, безусловно, есть, как и две основные составляющие этого содержания — усиление роли государства в развитии экономики и сохранении нации (демография) и улучшение качества жизни, развитие человеческого потенциала.

Проблема, однако, заключается не в видимом усилении государства (что на самом деле чаще всего условно), которое так пугает Запад и отечественных неолибералов, а в изменении отношения власти к личности, человеку, его потенциалу, которое постепенно стало занимать центральное место в политике государства. Как представляется, в России, пусть с опозданием, но наметился объективный процесс более адекватной оценки роли личности. Эта нарастающая адекватность, в т.ч. и с точки зрения социальной, насторожила либералов, которые немедленно принялись критиковать В. Путина за его политику по управлению государством (защищающего личность), а во-вторых, за изменение социальной направленности этой политики, когда социально-экономические права человека стали доминировать над национальными «свободами».

Таким образом, две основные тенденции в политике В. Путина 2000–2006 годов — укрепление государства и социально-экономическое предотвращение деградации, — одновременно стали как объектом критики, так и главным условием общественной поддержки действий В. Путина. Это — одно из рациональных объяснений высокой и устойчивой популярности В. Путина на всем протяжении его нахождения у власти. Социальная поддержка этого курса видна из соцопросов, которые регулярно проводились различными организациями на протяжении 2000–2006 годов (табл. 8).

Табл. 8. Какой путь развития страны Вы бы предпочли?

Варианты ответов	%
Продолжить нынешний курс Путина на реформирование России	32
Усилить социальную направленность реформ	32
Вернуться к советскому образу жизни, как в СССР	19
Усилить оборонительную и правовую направленность реформ	12
Затрудняюсь ответить	5

Вместе с тем обращает на себя внимание одна особенность: высокая степень поддержки не связана с декларируемым стратегическим курсом, некой национальной идеей или какой-то концепцией. ПНП также не является публичной концепцией. Складывается впечатление, что В. Путин, как талантливый кризисный управляющий, не может и не стремится озвучивать стратегические идеи. И, вместе с тем, в его действиях прослеживаются жесткая логика и последовательность. Вот почему нередко складывается впечатление, что стратегия у власти отсутствует, хотя… и реализуется. Во всяком случае, идея «нового качества жизни», «человеческого потенциала» не просто озвучивалась неоднократно в 2000–2011 годы, но и регулярно конкретизировалась в неких решениях и нюансах.

Можно согласиться с заведующим отделом социологии фонда ИНДЕМ В. Римским, который делает следующий вывод: наиболее существенными проблемами современной России, по-видимому, являются стратегические проблемы всей страны в целом, проблемы ведущих отраслей экономики и проблемы социальные. Эти проблемы являются стратегическими, поскольку связаны с выбором государством, бизнесом и гражданами направленности деятельности по их решению. И пока стратегические проблемы в нашей стране не будут более или менее успешно решаться, Россия будет проигрывать во внешней политике, в развитии экономики и социальной сферы развитым западным странам.

Но именно стратегические проблемы страны пока не решаются ни руководством, ни элитой. Похоже, что тактика «выползания из кризиса» и внутриполитической стабилизации и стала стратегией на протяжении двух сроков работы В. Путина, а затем — Д. Медведева. Россия и через 20 лет после начала реформирования всё ещё находится в состоянии выбора направлений модернизации страны. Ни политики, ни экспертное сообщество не нашли ответа на вопрос, какое государство и какое общество наиболее адекватны российским условиям и традициям и помогут России войти в число ведущих мировых держав.

Нет ответов на то, как можно преодолеть коррупцию в системе государственного управления, в коммерческой и финансовой сферах, как преодолеть бедность, как существенно увеличить доходы государственного бюджета, как обеспечить достойные пенсии престарелым людям, как сократить отток капиталов и талантливой молодёжи из страны и на многие другие вопросы. Но есть тактика по решению этих проблем, есть относительно последовательный набор действий, который, на наш взгляд, все-таки стратегией назвать нельзя.

Такое отсутствие формализованной стратегии привело к тому, что центральная идея — развитие человеческого потенциала — часто «терялась», когда речь заходила о решении более частных проблем. Так, укрепление рубля, которого, как оказалось, так боится правительство, в стратегическом плане идет только на пользу развитию человеческого потенциала, ибо делает труд дороже, а качество жизни выше (параллельно снижая инфляцию, укрепляя доверие к власти, стабилизируя экономику и т.д.). Но у этого процесса есть один недостаток — отрицательные последствия для наших экспортеров. Как оказалось, этого было достаточно, чтобы В. Путин в августе 2006 года поддержал сторонников ослабления рубля, а затем эта «традиция» только укрепилась.

Другой пример, связанный с направлением модернизации, споры о котором обострились в 2010–2011 гг. Выбор Д. Медведева в пользу «технологического заимствования» вызвал серьезную критику как с политической и социальной, так и иных точек зрения. Военные эксперты, среди которых был проведен опрос в 2011 году, высказались явно против этой концепции. Как пишут авторы экспертного анализа, «такие формы преодоления технологического отставания, как совместная с другими странами разработка оружия и военной техники или приобретение лицензий на их производство, экспертами не приветствуются (подобное мнение имеет каждый десятый опрошенный). И абсолютно неприемлемым вариантом для страны является, по мнению специалистов, закупка зарубежных образцов оружия и военной техники»[73].

В качестве приоритетных направлений развития оборонно-промышленного комплекса эксперты, в первую очередь, выделяют создание качественно новых образцов вооружения и военной техники для войск (54%).

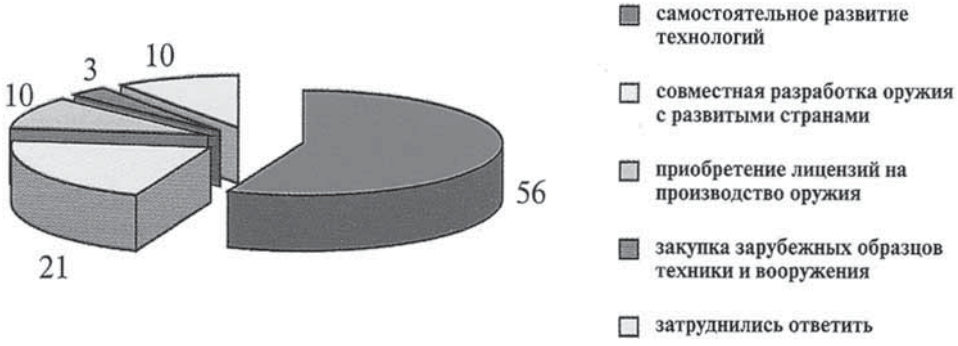


Рис. 9. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какой способ преодоления технологического отставания предприятий ОПК оптимален для Российской Федерации?», %

Означает ли это, что Россия окончательно утратила историческую перспективу? На наш взгляд, нет. Но это лишний раз доказывает, что в рамках отечественной действующей модели политики такая возможность не существует. Повторим еще раз: в рамках действующего алгоритма Россия не имеет крупной и оптимистической исторической перспективы. Этот вывод подтверждается прогнозом глобальных тенденций до 2015 года Национального разведывательного совета США, в том числе и касающихся нашей страны. «Россия остается самым важным действующим лицом на территории бывшего Советского Союза, — пишут авторы прогноза. — Однако ее мощь по отношению к соседним регионам снизится, и она будет по-прежнему испытывать недостаток ресурсов, необходимых для осуществления своих планов. Россия будет и дальше страдать от советского экономического наследства».

Помимо разрушающейся инфраструктуры, демографических проблем тяжелый урон наносит населению длительное пренебрежение вопросами окружающей среды. Это усугубляется такими негативными последствиями переходного периода, как, сердечные заболевания, алкоголизм наркомания и ухудшение работы всей системы здравоохранения. Т.е., если согласиться с оценками американских экспертов, у России нет стратегической перспективы развития. Прежде всего, потому, что нет такого стратегического плана, который, в свою очередь, выходил бы за рамки нынешней концепции кризисного управления.

Этот прогноз, к сожалению, очень реален. Но при одном условии — если в последующие годы в России будет действовать та же модель развития, что и 15 предыдущих лет, если уровень принимаемых политических решений и ответственности элиты останется прежним, т.е. уровнем кризисного управления, а не стратегического развития. Это разительно отличается от того уровня стратегического планирования развития, который существует в Индии, Китае или США. Так, правящая элита США наметила в качестве одной из основных национальных целей завершить к 2020 году переход к информационному обществу. По оценкам американских специалистов, к тому времени в материальном производстве будет занято не более 17% населения страны, что, по их мнению, будет вполне достаточно для экономического процветания США и сохранения их лидерства в мире. Эти 17% лиц, обладающих высоким качеством человеческого потенциала, «обеспечат американское лидерство в мире».

Рассчитывать в этих условиях на то, что обладание природными ресурсами, в т.ч. и прежде всего энергоресурсами, компенсирует технологическую отсталость, а тем более замедленные темпы роста человеческого потенциала, было бы ошибкой. В последние годы особенно проявилась одна из тенденций — последствие научно-технической революции — снижение эффекта воздействия роста цен на экономическое развитие, названная «великой умеренностью» (Great Moderation). Это давно отмеченная тенденция к снижению неустойчивости мирового объема производства, наблюдаемая с 1995 года в большинстве стран. Многие соглашаются, что колебания цен на нефть влияют на мировой экономический рост меньше, чем два-три десятилетия назад. Да, нефть по-прежнему имеет большой вес, и общепринятые эмпирические оценки предполагают, что удвоение цены на нее в 2003–2005 годах снизило мировой объем производства по меньшей мере на 1,5%, или на 750 млрд долл. По тем же оценкам, эффект сохранится и в 2006 году. Но даже эти потери кажутся довольно скромными — вполовину или даже меньше, — в сравнении с принятыми прежде оценками влияния нефтяных шоков[74]. Поэтому рассчитывать на энергоресурсы как на фактор развития можно только на среднесрочную перспективу в 5–7 лет, да и то весьма осторожно. Этим объясняется как неэффективность в принципе «энергетической модели» развития, так и, наоборот, изначально высокая степень эффективности модели развития, в основе которой находится развитие потенциала человеческой личности.

Для нынешней России этот вывод имеет принципиальное значение. Современная инерционная модель развития становится уже не просто малоэффективной, а опасной: причины разные, но основные — институциональные и социальные, связанные так или иначе как с повышением эффективности управления, так и ростом значения человеческого потенциала и в целом социальных факторов.

Эффективность, в т.ч. экономическая, информационного общества и экономики знаний можно продемонстрировать на частном примере — эффективности электронных библиотек. Как видно из подсчетов, эта эффективность в десятки и сотни раз превосходит традиционную библиотечную деятельность. Аналогичная эффективность существует во всех областях экономики и во всех сферах деятельности. В военной области, например, высокоточные информационно-ударные комплексы в сотни раз превосходят традиционные артиллерийско-ракетные системы.

Соответственно, общество, в основе которого лежит стратегия развития потенциала личности, — это не только общество, создающее экономику знаний, но и общество, которое качественно отличается своей социальной структурой, эффективностью и уровнем развития производительных сил. Если 17% граждан США через 15–20 лет смогут обеспечить всем необходимым американскую экономику и положение государства в качестве лидера в мире, то остальная часть населения будет по своему усмотрению решать, чем ей заниматься — отдыхать, учиться или трудиться. Иными словами, информационное общество в недалеком будущем будет иметь совершенно иную социальную структуру, нежели сейчас. Творческий труд, возможность иметь значительный социальный статус станут в определенной степени привилегией.

На этом прогнозе необходимо остановиться подробнее. Обращают на себя внимание, по меньшей мере, два обстоятельства.

Во-первых, большая неработающая часть населения будет социально защищена, получая пособие, равное средней зарплате, то есть реализуется давняя мечта социалистов. Вместе с тем, эти люди будут отлучены от активной экономической и политической жизни общества, лишены возможности повышения своего социального статуса и т.д. Не будет ли большая часть людей, таким образом, вычеркнута из общественной жизни?

Во-вторых, работающие 17% населения — это лучшие умы, обладающие набором всех качеств, необходимых для творческой личности — знаниями, энергией, волей. Вероятно, что исторически именно эта пассионарная, наиболее активная часть населения (то есть одна пятая) и двигает прогресс, создает нацию. В то же время возникает нравственная проблема для остальных 80% дееспособного населения, их перспективы.

Понято, что огромная роль на этом этапе перехода к информационному обществу отводится государству как самому эффективному инструменту, изобретенному человечеством для реализации возможностей личности. Но возникает вопрос о взаимоотношениях 17-процентного социального слоя граждан с государством. Если доказать, что этот слой будет отлучен от власти, определения приоритетов внутренней и внешней политики, то такое положение может сохраняться длительное время только в условиях авторитарного режима.

Скорее будет наоборот — это 17% и будут управлять государством, экономикой и обществом. Но какие формы будут приняты для того, чтобы обеспечить государство 17-процентного меньшинства?

Думается, что есть основания полагать, что по мере роста потенциала человеческой личности и политического влияния 17-процентного меньшинства роль государства как инструмента управления будет усиливаться. Именно государство, его интересы в конечном счете должны определять критерии эффективности и современной экономики. В этом смысле можно согласиться с М. Делягиным, который считает: «В идеале критерий эффективности каждого процесса должен определяться исходя не из эгоистической позиции наблюдателя, а из его масштаба и значения. Так, общенациональные проекты надо оценивать с точки зрения общества, с учетом всего комплекса побочных последствий. Когда эффективный бизнес — проект неэффективен для общества (очевидный случай — наркобизнес, спорные — McDonalds, реклама алкоголя и табака), государство должно блокировать его. Когда, напротив, эффективный для общества проект мало интересен бизнесу, государство должно, не страшась упреков в социализме, делать его эффективным для бизнеса и реализовывать его самостоятельно»[75].

Государство, таким образом, отнюдь не отмирает в эпоху глобализации. На наш взгляд, без сильного государства переход к информационному обществу невозможен. В этом смысле роль государства будет только увеличиваться.

В этой связи качественно по-новому представляется роль партий в вопросе улучшения эффективности власти современной России и требований, предъявляемых к политической элите. Что это означает конкретно? Ответ находится в области подготовки профессиональной и ответственной элиты. Прежде всего, новой России, ее властным институтам, нужно срочно научиться своевременно отвечать как нарастающим вызовам глобализации, так и вызовам внутренним: политическим, экономическим и социальным. То есть, не просто быстро, а очень быстро приобретать те качества профессионализма — знания, силу и эффективность, — которые позволят нашей стране самой выбрать свой путь и свое место в меняющемся современном мире. В конечном счете, речь идет не больше и не меньше как о сохранении суверенитета, национальной идентичности русской нации, а не только об экономических перспективах развития России, т.е. проблема эффективности элиты равнозначна проблеме сохранения нации.

Более того, сегодня уже отчетливо прогнозируется то, о чем предупреждали русские ученые В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, а именно: в недрах информационного общества вызревают предпосылки для перехода к еще более высокому — космологическому. В этом смысле информационное общество — не конечный результат эволюции, а всего лишь переходная ступень к более высокой организации интеллектуальной и духовной жизни человечества, которая будет основываться не на традиционных науках, а на принципиально новых методологиях и методике метанаук. А это, в свою очередь, означает, что задачи, стоящие перед элитой страны в области эффективности управления, возрастут на порядок уже через 10–15 лет.

Прогнозируется, что все стадии информационного общества и начальные стадии космологического общества человечество освоит уже в первом столетии третьего тысячелетия. Иными словами, уже сегодня закладываются этапы эволюции будущей информационной цивилизации, из которой могут «выпасть» целые народы, не «вписавшиеся» в потоки глобализации. Так же, как в свое время выпали из цивилизационного процесса многие неевропейские государства.

Поэтому сегодня следует исходить из острой необходимости того, чтобы Россия вновь стала сильным (в интеллектуальном и духовном плане, прежде всего), передовым и уважаемым государством. Категория «уважаемое государство» не менее значимо и ресурсно, чем категория «богатое» государство в условиях информационного общества. Приоритетность задачи сделать Россию государством, ориентированным на человека, максимальное развитие его возможностей и способностей человека — это не менее материальные условия, чем душевой доход. Поэтому, говоря о качестве человеческого потенциала, необходимо обязательно иметь в виду его духовную, нравственную составляющую. Эти возможности

и способности могут развиваться только на исторической, культурной и духовной почве.

При всем значении мировых знаний национальная наука и образование могут развиваться только опираясь на национальную почву. Тогда и только тогда люди, проживающие на одной территории, смогут не только сохранить за собой название «нация», но и обеспечить ее интеллектуальное развитие. Нация интеллекта и духовности может возникнуть только на своей базе интеллекта и духовности либо… на чужой. Но в последнем случае народ перестанет быть нацией и его государство исчезнет. Он станет частью (причем не главной) другой нации. Хорошо еще, если более интеллектуальной и духовной, а если наоборот?

Таким образом, вопрос о перспективах политической системы России тесно связан с вопросами о том, какое государство мы хотим иметь, каким образом можно создать современное сильное российское государство и как этого можно и нужно добиваться. Все эти вопросы прямо связаны с человеческим потенциалом в его широком понимании.

Иными словами, хотим мы того или нет, перспективы России самым тесным образом связаны с перспективами формирования российской элиты в широком смысле этого слоя, с приобретением ею таких качеств, как профессионализм, ответственность, способность к стратегическому прогнозу, воля, нравственность. Эта элита, составляющая социальную группу творческих личностей, должна, таким образом, обладать следующими качествами:

— высоким уровнем потенциала личности в его широком понимании, включая духовные, нравственные составляющие;
— профессионализмом в своей области экономики знаний;
— ответственностью перед обществом, государством и нацией;
— способностью к стратегическому прогнозу, адекватной оценке не только современной действительности, но и будущего.

Эти качества личности, их развитие, создание условий для их ускоренного формирования должны, в свою очередь, стать сознательной политикой государства, его институтов, а также сознательной деятельностью всех институтов гражданского общества в России — от общественных организаций до политических партий. Это на практике должно проявляться во всем — от формирования бюджетной политики до формирования редакционной политики СМИ. Сегодня, по признанию экспертов, эту патриотическую и нравственную идеологию «изымают», а необходимо, чтобы она «внедрялась»[76]. Необходимо избавиться от комплекса «деидеологизации» хотя бы потому, что полноценный потенциал личности не может быть вне идеологии.

4. Личность — главная ценность и ресурс развития общества

Ты — человек.
Ты баловень природы.
Ты в ней возник, в её добре, тепле
Возьми себе урок её свободы
Не обмани её любви к тебе!
Страдает и желает совершенства
Души твоей таинственная суть.
Так в совпаденьи муки и блаженства
Вершит Земля свой непреклонный путь.
Ты созидаешь сам себя и лепишь.
И никому невидимым резцом
Ты форму от бесформенности лечишь
И сам себе приходишься творцом.
Твори и впредь, верши заботу эту!
Повержен ты? Твоя печать темна?
Но побежденный ты вкусил победу
Над ленью мышц, над скудостью ума!
Б. Ахмадулина

Воля народа должна быть воспитана в исключительном уважении к качествам индивидуальным, к бесконечной природе человеческого духа[77].
Н. Бердяев

Система ценностей нации — ключевое понятие, лежащее в основе национальной идеологии. Реанимация интереса к этой важнейшей теме произошла одновременно с активизацией интереса к идеологии во втором десятилетии XXI века. Так, на конференции «Национальная система ценностей как

Табл. 9. Какие человеческие качества больше всего ценят россияне и какие, по мнению респондентов, свойственны им лично, % (допускалось до семи ответов в каждом столбце)

Больше всего ценят в людях	Качества людей:	Свойственны им лично:
70	Трудолюбие	72
40	Предприимчивость, умение добиваться успеха	20
25	Законопослушание	35
39	Активность, инициативность	26
61	Честность	63
39	Образованность	27
51	Профессионализм	33
34	Чувство долга	43
30	Неравнодушие	32
10	Самопожертвование	10
23	Бесконфликтность, толерантность	22
8	Послушание, смирение	8
12	Рациональность, прагматизм	10
35	Чувство собственного достоинства	40
18	Готовность к участию в решении общих дел	13
38	Уважение к правам других людей	31
12	Умение приспосабливаться	13
40	Ответственность за себя и своих близких	48
20	Практичность	19
13	Ответственность за то, что происходит в стране	3

залог процветания России», проходившей в рамках Международных рождественских образовательных чтений, В. Чаплин представил документ, где обозначены непреходящие для России приоритеты. На первом месте списка — справедливость, на втором — свобода, далее — солидарность, соборность, самоограничение и жертвенность, патриотизм, человеческое благо и семейные ценности. Значение каждой из добродетелей прокомментировано. Например, свобода в изложении авторов включает свободу индивидуальную и личностную, свободу слова и вероисповедания, а в общем — самостоятельность, независимость и самобытность российского народа. Патриотизм — «это вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, его культуре, готовность трудиться ради Родины»[78].

Глубокое исследование системы ценностей гражданина России провели эксперты Института социологии РАН в 2010 году. Результаты для многих оказались неожиданными (табл. 9). Они прямо противоречили многочисленным досужим измышлениям, растиражированных СМИ, о «лени», «отсутствии предприимчивости» и «непрофессионализме» русских[79].

Как видно из приведенных в таблице данных, самыми ценными в глазах россиян являются трудолюбие, честность и профессионализм.

Ресурсы человеческой личности безграничны. Как же оценить человеческий потенциал, как его измерить?

Сегодня мы используем возможности, т.е. потенциал личности, лишь на несколько процентов. Может быть, на доли процентов. Что, естественно, отражается, например, на качестве труда. По опросам социологов, это качество сегодня очень низкое. Как пишут ученые РАН, «более полно квалификационные характеристики российской рабочей силы позволяют понять данные о тех навыках, которые приходится использовать работающим россиянам во время их производственной деятельности, например, навык работы на компьютере (рис. 10). Учитывая, что информационные технологии являются сегодня основой мирового экономического развития, данные, представленные на рисунках, позволяют говорить о неспособности к полноценному участию российских работников в международном разделении труда. Так, видно, что работа большей части россиян (58%) не предполагает

использования навыков работы на компьютере, не говоря уж о навыках работы с применением иностранного языка или совместном использовании этих компетенций»[80].

Рис. 10. Навыки, которые россияне используют в своей работе, % от работающих

Трудно даже представить себе, какой рывок в развития мы получим, когда увеличим этот коэффициент. Поэтому главная задача общества и власти — создать условия для их максимальной и нравственно оправданной реализации. В этом и будет состоять главное условие успеха общества, экономики и государства в XXI веке.

Национальный человеческий капитал аккумулирует личные человеческие потенциалы. Если каждый из этих потенциалов вырастет в разы, то рывок в развитии будет фантастический. Сегодня динамика развития экономики измеряется ростом ВВП, прогнозы которого на ближайшие годы экстраполируются в 2% для развитых стран и 5–7% — для быстроразвивающихся государств. Но возможные достижения в биологии, вообще науках о человеке, информатике, других наукоемких технологиях, особенно находящихся на стыке наук о человеке, обществе и техники, могут дать совершенно иные темпы развития.

Напомню, что в развитых странах основная часть национального богатства состоит и увеличивается за счет роста НЧК (до 75–80%), а вклад других двух составляющих — природных ресурсов и материальных активов — составляет в совокупности 15–20%. Но темпы и пределы роста использования природных ресурсов и материальных активов уже ограничены, как, впрочем, велики и издержки: все дороже обходится разработка полезных ископаемых и дороже НИОКР и инновации. Что же касается НЧК, то он составляет не только основную часть национального богатства (в России, правда, чуть более 50%, но в развитых, повторю, 75–80%), но и неисчерпаем в ресурсном отношении. Более того, инвестиции в НЧК дают самую быструю отдачу и высокую норму прибыли.

Кроме того, с социальной, экологической и других точек зрения развитие НЧК через развитие конкретных личностей не только экономически оправданно, но и обеспечивает дополнительные преимущества, включая политические.

Таким образом, если вернуться к схеме распределения национального богатства, то мы можем представить себе более эффективную инвестиционную и бюджетную политику.

Рис. 11. Современная схема распределения национального богатства и приоритетов бюджетной (инвестиционной) политики в России

Рис. 12. Смена приоритетов в распределении инвестиций и бюджетных расходов с учетом опережающего развития НЧК

Как видно из рисунка, бюджетные и иные государственные инвестиции должны быть сконцентрированы (т.е. практически полностью направлены) на развитии НЧК. В том числе, если надо, то **перераспределены в пользу НЧП**, чего в России не происходит. Между тем пример послевоенной Японии, США в межвоенный период, а сегодня Китая и Индии показывает, что слабые внешняя и военная политики являются атрибутами быстро развивающихся в социально-экономическом отношении держав[82]. На определенном этапе, временно, эти государства демонстрировали не только слабую внешнеполитическую активность, резко ограничив ее только жизненно важными интересами, но и пересмотр своих военных доктрин и планов военного строительства.

Кстати, инвестиции в НЧП, безусловно, положительно отражаются на боеготовности и эффективности ВС и качестве вооружений и военной техники. Больной, неграмотный солдат не способен использовать современные вооружения, а наукоемкость вооружений сегодня предопределяет их боевую эффективность[83].

Инвестиции, необходимые для освоения природных ресурсов и модернизации производства, — при создании благоприятных условий — должны быть обеспечены за счет негосударственных средств. Иностранные и отечественные инвестиции в эти области вполне могут предоставить необходимый уровень финансирования.

В таком контексте по-новому встает и проблема модернизации и инноваций, когда государство рассматривает в качестве приоритетных программ отрасли, определяющие темпы развития НЧК и создание условий для развития личности. Прежде всего, речь идет о здравоохранении, науке, образовании (которые, кстати, являются не только наиболее инновационными, но и рентабельными). Сама по себе концепция модернизации и внедрения инноваций с точки зрения государства должна быть четко ориентирована на развитие потенциала человека.

Сегодня, к сожалению, складывается впечатление, что идеи модернизации ориентированы, прежде всего, на приобретение и внедрение наукоемких технологий развитых стран, что представляется неверным по двум причинам. Во-первых, любое приобретение зарубежных технологий, как минимум, происходит на чужих условиях. Опыт подобной модернизационной политики М. Горбачева показал всю финансовую и экономическую невыгодность такой политики. Мой собственный опыт, когда, в том числе по моей инициативе, в Госдуме была создана Комиссия по внешним заимствованиям, однозначно свидетельствует о том, что условия (процентные ставки, связанные кредиты, не говоря уже о воровстве, «откатах» и т.п.) для страны крайне невыгодны. Нередко, кстати, выдвигались (и будут, я уверен, выдвигаться) и политические условия.

Кроме того, приобретая зарубежную технику и технологии, мы изначально финансируем фундаментальную науку, НИОКР, образование и производство наших будущих конкурентов, а не свои научно-производственные сферы. Здесь хорошим положительным примером может послужить опыт отечественного ВПК, который во многом окупает (до 10 млрд долл. ежегодно) свои издержки на НИОКР и производство за счет серийного производства и экспорта вооружений и военной техники.

Именно поэтому политика модернизации должна изменить **не только предмет** модернизации, в качестве которого должен выступить НЧП, **но и способы, и масштабы государственного участия**. Это не просто смена акцента, это принципиальное изменение в идеологии, концепции модернизации, прежде всего изменения политики расходов государства. Это видно из статистики[84] (табл. 10).

Как видно из этих данных, пропорции всех государственных доходов сегодня очевидно не в пользу НЧК.

Модернизация добывающих и большинства обрабатывающих отраслей промышленности должна быть обеспечена государством,

— **во-первых**, за счет **создания благоприятных условий** (правовых, финансовых, таможенных, бюрократических и т.д.) для отечественного и зарубежного бизнеса;
— **во-вторых**, за счет привлечения государством негосударственных инвестиций, включая международные и личные вклады граждан, т.е. за счет гарантий государства.

Повторю: ни зарубежный, ни отечественный бизнес не финансируют и не будут финансировать в заметных объемах развития главного направления модернизации — НЧК.

Сказанное выше предполагает **смену** идеологии не только модернизации, но и стратегии развития страны, частью которой (только частью!) является стратегия социально-экономического развития — 2020.

Это же означает **смену** региональных и отраслевых стратегий и концепций.

Главной целью и базовым национальным приоритетом при переходе к информационному обществу становится человек, личность, точнее — развитие того материального, интеллектуального, духовного и энергетического потенциалов, которыми эта личность обладает. Именно этот личный ЧП становится **главным ресурсом развития**. Говоря о таком потенциале, академик Н. П. Бехтерева в свое время акцентировала мысль: «А сверхвозможности — есть, они работают… интеллектуальный потенциал и, в частности, интеллектуально-научный потенциал — мощнейшая движущая сила общества»[85].

Соответственно, учитывая основные тенденции глобализации, демографические и иные особенности и перспективы России, представляется, что целью национальной стратегии России, основным приоритетом государственной политики и ценностью общества должно стать всемерное развитие материальных, культурных, духовных и информационных условий развития личности гражданина России. И эта главная цель должна быть органично вписана в стратегию развития России, отсутствие которой начинает сказываться все острее по мере перехода от этапа стабилизации к этапу развития во всех областях, но прежде всего экономики. Как отмечено в редакционной статье журнала «Эксперт», опубликованной в августе 2006 года, «массовые инвестиции возможны на базе …ясной стратегии национального развития, включая стратегии развития ключевых отраслей и территорий»[86].

Потенциал развития личности, его увеличение при реализации такой национальной стратегии должно стать основным критерием эффективности работы исполнительной и законодательной власти, а в целом — экономической политики и деятельности всех государственных и общественных институтов.

Иными словами, не абстрактные «макроэкономические показатели», «демократические ценности» (а до этого — «перестройка», «демократия», «реформы»), а человеческий потенциал, положительная динамика его роста, измеряемые количественными

Табл. 10. Распределение расходов консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов по уровням бюджетной системы в 2009 г. (млрд руб.)

	Федеральный бюджет	Бюджеты государственных внебюджетных фондов	Консолидированные бюджеты субъектов РФ	Бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов	Справочно 2008 г.			
					федеральный бюджет	бюджеты государственных внебюджетных фондов	консолидированные бюджеты субъектов РФ	бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов
Расходы	**9636,8**	**3408,6**	**6256,3**	**550,8**	**7570,9**	**2732,5**	**6253,1**	**530,9**
из них на:								
общегосударственные вопросы	829,4	0,6	455,3	7,5	839,4	0,8	444,1	7,8
из них на обслуживание государственного и муниципального долга	176,2	—	62,6	—	153,3	—	35,9	—
национальную оборону	**1188,2**	—	3,0	—	1040,9	—	2,8	—
национальную безопасность и правоохранительную деятельность	**1004,5**	—	241,4	—	835,6	—	256,5	—
национальную экономику	**1651,0**	—	1131,3	—	1025,0	—	1233,6	—
из нее на:								
топливно-энергетический комплекс	35,2	—	39,8	—	9,8	—	30,2	—
сельское хозяйство и рыболовство	83,1	—	195,9	—	59,0	—	180,3	—
транспорт	220,6	—	152,1	—	116,3	—	173,7	—
дорожное хозяйство	223,5	—	378,4	—	180,0	—	460,4	—
связь и информатику	26,9	—	22,1	—	18,7	—	34,2	—
прикладные научные исследования в области национальной экономики	111,3	—	2,3	—	72,8	—	2,7	—
другие вопросы в области национальной экономики	875,6	—	243,8	—	495,5	—	292,6	—
жилищно-коммунальное хозяйство	151,6	—	854,4	—	129,5	—	1023,7	—
социально-культурные мероприятия	**1205,5**	3277,3	3276,4	542,7	1015,7	2562,8	3060,9	492,2
межбюджетные трансферты бюджетам государственных внебюджетных фондов	2113,2	129,4	266,7	—	1580,0	167,9	203,6	—
Профицит, дефицит (-)	**–2300,1**	**202,0**	**–329,1**	**0,7**	**1705,1**	**355,5**	**–54,4**	**5,8**

показателями, должны стать критериями эффективного развития государства и общества в Российской Федерации, деятельности институтов власти и дееспособности элиты. Примечательно, что в 2005–2006 годы «пробными» программами в такой политике стали отдельные мероприятия, как, например, программа улучшения безопасности движения, в результате реализации которой предполагается уменьшить количество погибших к 2010 году в 1,5 раза (т.е. почти на 10 тыс. чел.).

Вместе с тем, развивая частные программы, такие, например, как ПНП, а также «демографический» проект или программы сокращения смертности от несчастных случаев, необходимо помнить о стратегическом курсе развития потенциала личности. Прежде всего с тем, чтобы частные программы органически вписывались в общую государственную стратегию, а не противоречили, а тем более мешали, реализации стратегии по другим направлениям.

С точки зрения развития потенциала личности, основные усилия государства — стратегически — должны быть сконцентрированы для решения трех групп первостепенных задач, которые и составляют в современном представлении:

— улучшение социально-экономических условий (увеличение душевого ВВП, продолжительности и качества жизни, качества здравоохранения и т.д.);
— повышение интеллектуального и культурного потенциала личности (рост числа студентов, школьников, продолжительности обучения, доступа к культурным ценностям, количество ученых и т.д.);
— духовное, нравственное совершенствование личности, формирование адекватной ценностной системы у общества и государства.

Все эти три направления не просто тесно взаимосвязаны, но и взаимно усиливают друг друга. Более того, если выделять одно из них и отказываться от других, теряется смысл и эффективность всей стратегии. Так, общество, обладающее, например, огромным душевым доходом, но лишенное ценностных ориентиров и нравственности, в конечном счете, идет, как показывает история, к самоуничтожению, потере всего потенциала личностей. Основные мировые религии имеют в виду именно предотвращение подобной ситуации.

Нужно отметить, что в т.ч. и потому существующий критерий — индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) — уже не в полной мере соответствует реалиям информационного общества. В нем отсутствуют многие очень важные составляющие, например, доступ к информации и средствам связи (где Россия на порядок, т.е. в 10 раз, сегодня уступает США), возможность передвижения, творческая активность, созидательность умонастроения и другие факторы, в целом воздействующие на весь процесс формирования творческого потенциала личности.

Именно поэтому было бы целесообразно разработать для нашей страны свой, российский ИРЧП, включающий такого рода показатели, и сделать его основным критерием оценки деятельности власти, в соответствии с местом России в иерархии государств глобализирующегося мира.

Констатация самого факта изменения места России по этому показателю в сравнении с другими странами приобрела бы научно обоснованный характер и важное политическое измерение. Именно в таком случае государственная и общественная деятельность приобретают особый смысл. Формирование такой системы оценки развития имеет более комплексный характер, чем существующие критерии, а также может иметь и иные важные последствия.

Так, в области идеологии движение в этом направлении, т.е. внедрение этого критерия, может стать той столь упорно разыскиваемой национальной идеей, которая условно может быть сформулирована как «гражданин России — высшая ценность государства и общества, цель его развития».

Это, кстати, вполне соотносится с идеей А. Солженицына о «сбережении России», сохранении нации, положениями Конституции РФ, а также Посланием В. Путина 2006 года.

Одновременно такая постановка вопроса позволяет выйти на вполне научный критерий для составления прогнозов и планов развития страны на среднесрочную перспективу формирования бюджетной политики.

В области экономической политики это может стать стратегической целью деятельности власти, оценкой эффективности управления экономикой страны. Ежегодное передвижение, например, по утвержденным критериям и стандартам на 5–7 пунктов по сравнению с другими странами может действительно **свидетельствовать о сокращении существующего разрыва со странами — лидерами глобализации**.

Подобные критерии гораздо важнее макроэкономических показателей, которые станут в этом случае играть подчиненную роль. Действительно, профицит или дефицит бюджета имеют значение в связи с темпами и качеством социально-экономического развития, а не являются самоцелью. Цель — развитие потенциала личности, а финансовые критерии лишь условия такого развития. Не более того.

Подобный ИРЧП будет подсказывать, на каких направлениях необходимо сконцентрировать усилия, какие дополнительные ресурсы и возможности надо использовать, чтобы успешно решать реальные социально-экономические и политические задачи. Это связано в т.ч. и с решением ключевого политико-экономического вопроса для современной российской власти — как эффективно распоряжаться накопленными финансовыми ресурсами.

В работе уже коротко говорилось о новых индексах и критериях развития, которые массово

стали появляться в развитых странах в последние годы. Важно подчеркнуть, что в основе **всех** этих новых критериев и методик (например, индикатор настоящего прогресса — *GPI*; индекс социального прогресса — *ISP*; индекс социального здоровья — *FISH*; индекс физического качества жизни — *Ph. QLI* и др.)[87] лежит уровень развития ЧП.

В области образования и воспитания должна быть выработана единая образовательная стратегия, охватывающая все компоненты и этапы образования, в т.ч. постоянную переподготовку кадров, освоение новых методов образования, создание доступных информационных ресурсов (электронных библиотек) и т.д.

Приведем лишь два примера актуальности качественно нового подхода к образованию. Первый связан с оценкой использования конечного продукта — выпускников вузов. Как видно из расчетов, например, через 18 лет останется менее 1% специалистов, получивших техническое образование, работающих по специальности.

Другой пример связан с оценкой эффективности расходов на образование.

Новый важный компонент — воспитание, который на этой стадии развития становится составной, а в будущем — главной частью не только образовательного процесса, но и процесса развития нации, ее духовно-нравственного потенциала.

Понятно, что подобные изменения носят революционный, фундаментальный характер для всей системы управления государством и обществом. Примечательно и то, что элементы таких изменений заметны при реализации ПНП, например, в образовании, где простое увеличение бюджетных расходов заменяется на программно-целевое.

5. Сравнение потенциала личности (ИРЧП) в России и мире[88]

Такие нынче времена… драйва нет и никакими словесными выкрутасами народ не заведешь[89].
Л. Радзиховский

Формально в нынешней России процесс модернизации и развития НЧП никак не связаны. Как признают социологи, «в современной России **процесс модернизации осмысливается** преимущественно **сквозь призму экономического интереса**. При этом наиболее **конструктивное понимание** данного процесса с точки зрения перспектив долгосрочного развития экономики и общества озвучивают сегодня **представители социал-демократического и классического либерального крыла**, рассматривающие модернизацию России, прежде всего, как процесс (во многом инициируемый государством) преобразования страны в „промышленную державу", конечная продукция которой становится конкурентоспособной на международных рынках»[90].

Странным образом развитие науки, культуры и даже образования «выпадает» из деятельности власти в 2007–2011 годы. Ситуация особенно наглядно видна в сравнении с развитыми и даже развивающимися странами.

Опубликованные Национальным научным фондом США статистические данные по глобальной динамике научно-технического развития за 1995–2009 гг. показывают, что финансирование науки наиболее высокими темпами развивается в Китае. В 2008 г. доля этой страны в мировых расходах на НИОКР составила 11% (доля США — 34%), а в 2009 г., по предварительным оценкам, Китай по данному показателю сравнялся с Японией (около 12%).

КНР уже догнала США и **по численности научных работников**. В обеих странах сегодня работают по 1,4 млн исследователей (примерно столько же — в странах Евросоюза). В России, напротив, наблюдается снижение их числа: с 875 тыс. в 1995 г. до примерно 450 тыс. в 2007 г.

Если же рассматривать расходы на НИОКР по паритету покупательной способности национальной валюты, то Россия более чем в 4 раза отстаёт от Китая и в 15,7 раза — от США (табл. 11).

В развитых странах ОЭСР соотношение расходов государственного и частного секторов на НИОКР составляет от 1:3 до 1:4. В России же данное соотношение не превышает 2,5:1, что идёт вразрез с мировой тенденцией. При этом государство финансирует свыше половины НИОКР, выполняемых частным сектором. Для стран ОЭСР этот показатель составляет всего 7%, для Китая — менее 5%[91].

Табл. 11. Расходы на НИОКР в 2007 г.*

	Расходы на НИОКР (млрд долл.)	НИОКР/ВВП (%)
США	368,799	2,68
Китай	102,331	1,49
Россия	23,482	1,12

* Main Science and Technology Indicators (MSTI). 1. Paris: OECD,2009. Vol. 2009. Iss. 1.

Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) является глобальной сетью ООН в области развития. Она выступает в поддержку преобразований и предоставляет доступ к источникам знаний, практическому опыту и ресурсам в целях содействия улучшению жизни населения. ПРООН работает в 166 странах, взаимодействуя с ними в выработке их собственных решений по проблемам глобального и национального развития. Основным ежегодным исследованием системы ПРООН является «Доклад о развитии человека» (Human Development Report). Впервые этот доклад ПРООН опубликовала в 1990 г., в нем содержался только что разработанный новый индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Главный тезис доклада кратко сформулирован в его первой фразе: **«Подлинное богатство народов — люди»,** — следовательно, национальное развитие надо оценивать не только по национальному доходу, но и по ожидаемой продолжительности жизни, здоровью и уровню грамотности.

Сегодня почти повсеместно признано, что успех страны или благосостояние индивида не могут измеряться только в деньгах. Доход, разумеется, имеет огромное значение: без ресурсов любой прогресс будет затруднен. Тем не менее мы должны также оценить, имеют ли люди возможность вести долгую и здоровую жизнь, могут ли они получить образование и вольны ли они использовать свои знания и таланты для формирования собственной судьбы. Так, в соответствии с этим критерием, например, расходы на здравоохранение в США и Канаде устойчиво и быстро росли с 1970 года абсолютно и относительно, достигнув к 2010 году соответственно 16,5% и 11% от ВВП этих стран[92] (рис. 13).

Это был свежий взгляд на вещи, который остается крупнейшим достижением создателей доклада — пакистанца Махбуба-уль-Хака и его близкого друга и коллеги индийца Амартии Сена, работавших в сотрудничестве с другими ведущими специалистами в области развития. Их концепция лежала в основе издающихся вот уже 20 лет глобальных докладов о развитии человека.

По одному из важнейших вопросов данные убедительно и недвусмысленно показывают следующее: страны способны многое сделать для повышения качества жизни граждан даже в неблагоприятных обстоятельствах. Многие страны достигли больших успехов в здравоохранении и образовании, несмотря на очень скромный рост доходов; в то же время некоторые государства с крепкой экономикой не сумели добиться столь же впечатляющего прогресса в области ожидаемой продолжительности жизни, охвата населения образованием и общего жизненного уровня. Улучшения никогда не приходят сами собой — они требуют политической воли, смелого руководства и постоянной приверженности идеям развития человеческого потенциала.

Главным индикатором уровня развития человеческого потенциала в мире на данный момент является ИРЧП, который концентрируется на продолжительности жизни, базовом образовании и минимальном доходе. ИРЧП за последние 20 лет не стоял на месте, и с каждым новым докладом расширял свои оценки путем появления новых индикаторов и таблиц, – корректировался с учетом неравенства в трех основных показателях, гендерного неравенства, индекса многомерной бедности, расширения прав и возможностей, устойчивости и уязвимости развития, индексов восприятия индивидуального благосостояния и благополучия, гражданского и общественного благополучия, демографических тенденций, условий труда, образования, здравоохранения, финансовых потоков, инфраструктуры, доступа к информационно-коммуникационным технологиям.

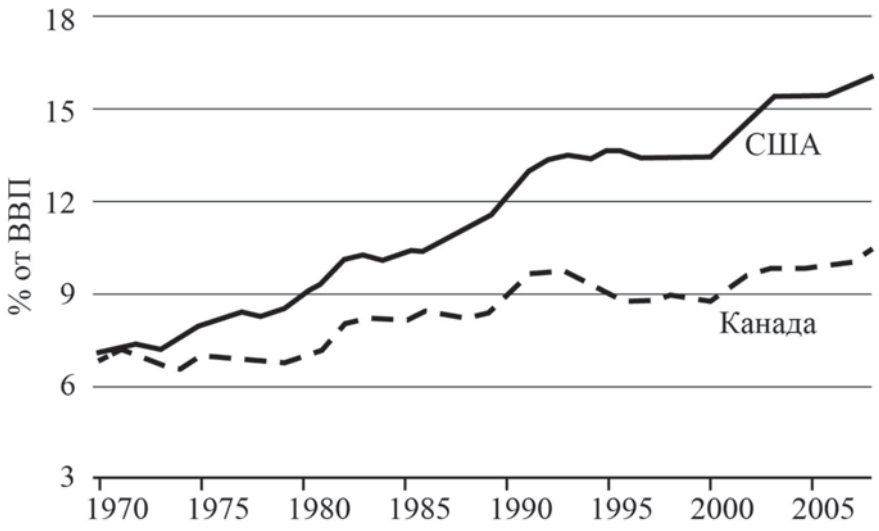


Рис. 13. Расходы на здравоохранение

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) является суммарным показателем развития человека. Он демонстрирует средний уровень достижений страны по трем базовым измерениям человеческого развития: долголетию и здоровью, доступу к знаниям и достойному уровню жизни. ИРЧП представляет собой среднее геометрическое нормализованных индексов, отражающих достижения по каждому измерению. Данные индексы рассчитываются на основе следующих составляющих.

1. **Доход на душу населения:** ВНД — валовой национальный доход на душу населения (GNI — gross national income per capital) – сумма стоимости, добавленной всеми производителями-резидентами в экономике, плюс налоги на продукцию (минус субсидии), не включенные в стоимость продуктов, плюс чистые поступления первичного дохода компенсации наемным рабочим и доход от собственности из-за рубежа, деленные на численность населения по состоянию на середину года. Добавленная стоимость — чистый результат деятельности промышленности, получаемый в результате суммирования всех результатов и вычитания промежуточных вложений. Когда данный показатель выражен в долларах США по паритету покупательной способности (ППС), он конвертируется в международные доллары с использованием коэффициентов ППС. Международные доллары обладают такой же покупательной способностью в отношении ВВП, как доллар США в Соединенных Штатах.
2. **Ожидаемая продолжительность жизни при рождении** (Life expectancy at birth) – количество лет, которое может прожить новорожденный младенец, если существующие на момент его рождения преобладающие тенденции в области показателей смертности для конкретных возрастных групп останутся без изменений на протяжении всей его жизни.
3. **Сводный индекс образования** состоит из двух показателей **ожидаемой продолжительности обучения** (Expected years of schooling) – количества лет образования, которое, как ожидается, может получить ребенок, достигший официально установленного возраста поступления в школу, если в течение его жизни сохранятся преобладающие тенденции в области показателей охвата населения образованием, и **средней продолжительности обучения** (Mean years of schooling) — среднего количества лет образования, полученного лицами в возрасте 25 лет и старше в течение жизни, основанного на показателе образовательного уровня населения, пересчитанном в количество лет обучения на основе теоретической продолжительности каждого уровня полученного образования.

Первичные источники данных для расчета ИРЧП формируются на основе показателей национальных служб статистики и исследованиями международных организаций. Данные о валовом национальном доходе (ВНД) на душу населения взяты из базы данных Всемирного банка «Индикаторы мирового развития» (World Development Indicators /World Bank 2010g/). Для обеспечения лучшей сравнимости уровня жизни в разных странах данные следует конвертировать по паритету покупательной способности (ППС ежегодно рассчитывается МВФ), чтобы устранить различия в уровнях национальных цен. Оценки ВНД основываются на данных о ценах последнего раунда Программы международных сопоставлений (ПМС), который был проведен в 2005 г. и охватывал 146 стран и территорий.

Оценки ожидаемой продолжительности жизни взяты из издания World Population Prospects 1950–2050: The 2008 Revision («Перспективы народонаселения мира на 1950–2050 гг.: редакция 2008 г.») (UNDESA 2009d) — официального источника оценок и прогнозов ООН в области народонаселения. Подготовка этого издания осуществляется каждые два года Отделом народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН на основе данных национальных систем записи актов гражданского состояния, переписей населения и опросов.

Данные об ожидаемой продолжительности обучения представлены Институтом статистики Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Эти оценки основаны на показателе охвата населения образованием по возрастам на всех уровнях образования и показателе численности населения официального школьного возраста для всех уровней образования по возрастам. Ввиду отсутствия данных Института статистики ЮНЕСКО о средней продолжительности обучения для получения базовых показателей достижений учащихся по половым и возрастным группам в Докладе используются оценочные индикаторы, заимствованные из работы Barro and Lee (2010) и основанные на данных переписей населений и исследований домохозяйств, собранных ЮНЕСКО, Eurostat и другими источниками. При расчете оценочных показателей Барро и Ли используют страновую информацию о продолжительности обучения на каждом уровне.

Первый этап в расчете ИРЧП состоит в том, чтобы создать подындексы для каждого измерения. Чтобы преобразовать показатели в индексы со шкалой от 0 до 1, необходимо установить минимальные и максимальные значения (или целевые ориентиры). Поскольку для агрегирования используется среднее геометрическое, максимальное значение не влияет на сравнение (в процентах) между любыми двумя странами или периодами времени. Максимальные значения присваиваются фактически наблюдаемым высшим значениям страновых индикаторов во временном ряду, т.е. за период 1980–2010 гг. На сравне-

Табл. 12. Целевые ориентиры для индекса развития человеческого потенциала в Докладе о развитии человека — 2010

Измерение	Наблюдаемое максимальное значение	Минимальное значение
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	83,2 (Япония, 2010 г.)	20,0
Средняя продолжительность обучения	13,2	0
Ожидаемая продолжительность обучения	20,6 (Австралия, 2002 г.)	0
Сводный индекс образования	0,951 (Новая Зеландия, 2010 г.)	0
Доход на душу населения (по паритету покупательной способности — ППС — в долл. США)	108 211 (Объединенные Арабские Эмираты, 1980 г.)	163 (Зимбабве, 2008 г.)

ние будут влиять минимальные значения, поэтому используются величины, надлежащим образом задуманные как прожиточный минимум или «естественный» нуль. Таким образом, прогресс измеряется по сравнению с минимальными уровнями, которые необходимы обществу для выживания в течение определенного времени. Установлены следующие минимальные значения: для ожидаемой продолжительности жизни при рождении — 20 лет, для обеих переменных в сфере образования — 0 лет и для ВНД на душу населения — 163 долл. США. Минимальное значение ожидаемой продолжительности жизни основано на долговременных исторических данных, заимствованных из работ Maddison (2010) и Riley (2005). Представление о минимальном уровне образования оправдано тем, что общества могут существовать без формального образования. Базовый уровень дохода, необходимый для выживания и составляющий 163 долл. США, — это наименьшее значение, достигнутое какой-либо страной по имеющимся историческим данным (Зимбабве, 2008 г.) (табл. 12).

После определения минимальных и максимальных значений подындексы рассчитываются следующим образом:

$$\text{Индекс измерения} = \frac{\text{фактич. значение} - \text{миним. значение}}{\text{максим. значение} - \text{миним. значение}} \quad (1)$$

Для сферы образования уравнение 1 применяется к обоим субкомпонентам, в результате чего рассчитывается их среднее геометрическое, после чего уравнение 1 используется вторично. Это эквивалентно применению уравнения 1 непосредственно к среднему геометрическому этих двух субкомпонентов. Для расчета индекса дохода используются натуральные логарифмы от минимального и максимального значений.

Агрегирование подындексов для расчета индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) представляет собой среднее геометрическое трех индексов измерений:

$$(I_{Жизнь}{}^{1/3} \cdot I_{Образование}{}^{1/3} \cdot I_{Доход}{}^{1/3}) \quad (2)$$

Опубликованный в 2010 г. «Доклад о развитии человека» ПРООН ставит своеобразную временнýю черту под итогами двадцатилетних исследований ООН в области гуманитарного развития мира. Доклад показывает тенденции в развитии гуманитарных и качественных показателей социально-экономического развития стран за последние два десятилетия. Главным количественным показателем ранжирования стран доклада является ИРЧП (методика расчета ИРЧП РФ см. табл. 13).

Анализ развития индекса РЧП показывает, что наибольшие успехи в гуманитарном развитии человека добились некоторые страны Западной и Восточной Европы, Северной Америки, Южной и Юго-Восточной Азии, Персидского залива, Латинской Америки. Хочется обратить внимание на Южную Корею, которая переместилась на 8 строк выше с темпами прироста 1,18 % за тот же период, что отражает стремительный рост качественных составляющих экономики и образования за последние два десятилетия. Прирост ИРЧП Китая за период 1980-2010 гг. составил почти 2%, что является одним из самых высоких показателей, позволил переместиться в рейтинге за последние пять лет на 8 строк вверх и придвинуться

Табл. 13. Расчет ИРЧП–2010 для Российской Федерации (Первичные данные)

Индикатор	Значение
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (кол-во лет)	67,2
Средняя продолжительность обучения	8,8
Ожидаемая продолжительность обучения	14,1
ВНД на душу населения (ППС, в долларах США)	15 258

Табл. 14.

рейтинг	Достижения в области:		
	ИРЧП	ИРЧП, не связанного с доходом	Дохода
1	Оман	Оман	Китай
2	Китай	Непал	Ботсвана
3	Непал	Саудовская Аравия	Южная Корея
4	Индонезия	Ливия	Гонконг, Китай
5	Саудовская Аравия	Алжир	Малайзия
6	Лаос (ЛНДР)	Тунис	Индонезия
7	Тунис	Иран	Мальта
8	Южная Корея	Эфиопия	Вьетнам
9	Алжир	Южная Корея	Маврикий
10	Марокко	Индонезия	Индия

вплотную к странам с высоким уровнем развития человеческого потенциала. Наиболее успешными странами в содействии развитию человеческого потенциала, не связанного с доходом, за период — 1970–2010 гг. указаны в табл. 14:

Поразительно, что в этом списке оказалось несколько стран, обычно не причисляемых к успешным. Это объясняется тем, что некоторые из них вошли в десятку лидеров благодаря значительным достижениям в здравоохранении и образовании, которые в ряде случаев отнюдь не сопровождались выдающимся экономическим ростом. Группа лидеров включает несколько стран из Восточной и Южной Азии и арабских государств (как из Северной Африки, так и из богатого нефтью региона Персидского залива). Список возглавляет Оман — страна, которая выгодно использовала открытие нефтяных месторождений в начале периода, — за ним следуют Китай, Непал и Индонезия.

С показателем ИРЧП, равным **0,719,** Российская Федерация в «Докладе о развитии человека — 2010» заняла 65-е место, войдя в группу стран с высоким уровнем развития ИРЧП, и находится между Албанией сверху и Казахстаном снизу. В лидирующую пятерку по уровню развития ИРЧП попали: Норвегия, Австралия, Новая Зеландия, США, Ирландия с показателями, равными соответственно **0,938; 0,937; 0,907; 0,902; 0,895**.

За весь период исследования показатель ИРЧП РФ (данные за 1990-2010 гг.) в среднем рос на 0,19 % в год и смог достичь уровня 1990 г. только в 2005 г. Наибольшими темпами индекс рос во второй пятилетке двухтысячных годов, когда темпы его роста приблизились к темпам прироста наиболее быстро развивающихся стран (за период 2005–2010 гг. индекс РФ переместился на три строки вверх, а среднегодовой прирост 2000–2010 гг. — 0,82 %).

Наибольшую озабоченность вызывает сокращение ожидаемой продолжительности жизни в России, которое коснулось в первую очередь мужчин. У мужчин Российской Федерации этот показатель в период 1989–1994 гг. снизился на семь лет. О причинах этого явления идут серьезные дебаты. Потребление алкоголя и — после 1990 г. — стрессы, связанные с переходом к рыночной экономике, — высокой инфляцией, безработицей и неуверенностью в завтрашнем дне — представляются важными для объяснения этих тенденций, хотя разделить их эффекты непросто. Одно исследование обнаружило, что в период между 1990 и 2004 гг. 21% из 25 тыс. умерших мужчин в Сибири, которым делалось вскрытие и смерть которых приписывалась болезням кровообращения, имели летальную или почти летальную концентрацию этанола в крови. Однако не следует просто делать вывод, что переход к рыночной экономике был главным фактором повышения смертности. Некоторые переходные экономики, где поначалу отмечалось аналогичное повышение смертности, например, Киргизия и Черногория, в начале 2000-х гг. быстро оправились. Добавим, что снижение ожидаемой продолжительности жизни в странах бывшего СССР началось еще до переходного периода — в 1970-е гг. она сократилась на 1 год, между тем как в мире за это время возросла на 3,5 года.

Россия пока еще значительно опережает все страны БРИК, что связанно с большой разницей в количестве населения, уровне образования и доходах на душу населения, однако по уровню долголетия мы уступаем Бразилии и Китаю и лишь ненамного опережаем Индию. При этом важно понимать, что уровень образования, к сожалению, не включает таких важнейших показателей, как информационное обеспечение и уровень развития науки в стране, которые в России серьезно отстают от развитых стран. Так, например, по сравнению с другими странами Россия значительно отстает по количеству и качеству суперкомпьютеров[93] (табл. 15).

Также интересно то, что по средней продолжительности обучения в 2010 г. нас опередили наши

Табл. 15. Крупнейшие обладатели суперкомпьютеров

	Производительность (млн терафлопс)	Количество (шт.)
США	**25,3**	**256**
Япония	11,2	26
Китай	7,2	62
Германия	3,2	30
Франция	3,2	25
Великобритания	1,9	27
Россия	**1,3**	**12**
Южная Корея	0,9	3
Канада	0,6	8
Швеция	0,5	5

Источник: TOP500.ORG

ближайшие соседи: Беларусь, Украина, Азербайджан, Казахстан, не говоря уже о развитых странах, что показывает тенденции в падении уровня образования в РФ. Если учесть тот факт, что индекс продолжительности жизни в РФ снижался в период 1990-х и стабилизировался на низких уровнях ближе к середине двухтысячных годов, следует отметить то, что основной вклад в достаточно высокий рост ИРЧП в период 2000-2010 гг. внесли, именно рост индекса доходов на душу населения в РФ и значительная разница между рыночным курсом рубля к курсу рубля по ППС относительно доллара США.

Исходя из этого, основной упор в социально-экономическом развитии России государственным органам следует направить в образование и науку, улучшение качества жизни, сокращение смерти от неестественных причин, увеличение рождаемости, сокращение неравенства по уровню доходов и в получении образования, улучшение качества здравоохранения, в расширение принципа свободной конкуренции и равных прав и возможностей для всего населения РФ, что в дальнейшем позволит ускорить темпы модернизации и уровень инновационного потенциала национальной экономики.

6. Развитие потенциала личности: регионы России — 2010[94]

Основой «**Доклада о развитии человека: регионы России — 2010»** является расчет индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). Методика расчета индекса развития человеческого потенциала **регионов России** базируется на методике, разработанной Программой развития ООН (Практическое руководство: как измерять человеческое развитие Нью-Йорк: ПРООН, сентябрь 2007) и на целевых ориентирах, опубликованных в «Докладе о развитии человека — 2010».

Этот доклад позволяет сравнить развитие человеческого потенциала регионов России как отдельных административных единиц с уровнем развития стран и регионов мира. Также были введены дополнительные показатели, которые отражают российскую специфику человеческого развития. Основные показатели были взяты из базы данных Федеральной службы государственной статистики, предварительно обработанные и максимально приближенные к стандартам вычисления ИРЧП для стран, некоторые подындексы пришлось выводить из имеющихся данных. Были проблемы с расчетом ВВП и ВНД для регионов России, так как государственной статистикой не учитывается сальдо внешнеэкономической деятельности, и другие сложности, в частности с расчетом данных для сводного индекса образования.

Исследователями были введены дополнительные показатели, кроме стандартных, которые могут количественно характеризовать такие стороны человеческого развития, как индекс неравенства, среднемесячный душевой доход, индекс автомобилизации, индекс бедности, индекс науки и инноваций, индекс здравоохранения, индекс прерывания беременности, индекс преступности. Данные индексы были выведены из нескольких показателей по методике, описанной выше, и, например, индекс науки и инноваций включает в себя следующие показатели по региону: численность исследовательского персонала, численность докторов наук и кандидатов, затраты на исследования, защита кандидатских работ, индекс созданных инноваций, индекс используемых инноваций[95].

В исследовании регионы России ранжируются по основному индексу ИРЧП, и анализ показывает, что семнадцать регионов РФ опережают индекс ИРЧП в целом по стране, и некоторые регионы опережают значительно. Первая десятка рейтинга ИРЧП 2010 г. регионов РФ выглядит следующим образом:

Табл. 16.

г. Москва	0,834
ХМАО — Югра	0,828
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,823
Тюменская область	0,804
Ненецкий автономный округ	0,798
г. Санкт-Петербург	0,778
Сахалинская область	0,757
Московская область	0,747
Республика Татарстан	0,744
Республика Саха (Якутия)	0,744

Если говорить о рейтинге ИРЧП регионов России на глобальном уровне, то ИРЧП, например, Москвы, значительно опередил аналогичный показатель в целом по России, который составляет на сегодня значение, равное 0,719. И если Россия в этом рейтинге заняла 65-е место, войдя в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала, то Москва, при условии участия в исследовании ПРООН, расположилась бы в группе стран и регионов мира с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала, заняв 29-ю строчку рейтинга, опередив такие страны, как Португалия, Катар, Андорра, ОАЭ, Мальту, Словению и др. Причем в число регионов с очень высоким уровнем регионов вошли бы вместе с Москвой, ХМАО — Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская область и Ненецкий автономный округ, остальные пять регионов расположились бы в верхней части рейтинга группы стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала.

Лидирующие позиции данных регионов не случайны. Во-первых, это и привилегированное положение Москвы как центра РФ, во-вторых, это, за исключением Санкт-Петербурга, регионы, богатые ресурсами, которые успешно экспортируют на мировых рынках при незначительном населении. Следующие таблицы показывают десятку лидеров по уровню подындексов, не связанных с доходом.

Табл. 17.

Регион	Индекс образования
г. Санкт-Петербург	0,799
Московская область	0,786
г. Москва	0,781
Томская область	0,768
Республика Саха (Якутия)	0,764
Воронежская область	0,755
ХМАО	0,754
Новосибирская область	0,749
Липецкая область	0,746

Табл. 18.

Регион	Индекс продолжительности жизни
Республика Ингушетия	0,923
Республика Дагестан	0,854
г. Москва	0,848
Чеченская Республика	0,842
Кабардино-Балкарская Республика	0,824
Республика Северная Осетия — Алания	0,822
Карачаево-Черкесская Республика	0,816
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,812
г. Санкт-Петербург	0,810

Лидерами в образовании являются регионы Центрального округа, Урала и Сибири и Северо-Западного, а по продолжительности жизни — республики Северного Кавказа, Москва, Санкт-Петербург и Ямал. Только Москва и Санкт-Петербург попали в первую десятку лидеров по ИРЧП, не связанных с доходом, что показывает значительное влияние ВВП на душу населения. Также удивителен тот факт, что самые бедные регионы, такие как Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, Северная Осетия, имеют самую высокую продолжительность жизни, что можно объяснить влиянием экологии и наследственности. Из этого следует, что к тезису «более богатые живут дольше» стоит подходить очень осторожно.

К десятке аутсайдеров рейтинга относятся:

Табл. 19.

74	Курганская область	0,66
75	Республика Адыгея	0,653
76	Республика Алтай	0,651
77	Чеченская Республика	0,648
78	Еврейская автономная область	0,647
79	Кабардино-Балкарская Республика	0,646
80	Ивановская область	0,642
81	Республика Калмыкия	0,639
82	Республика Тыва	0,627
83	Республика Ингушетия	0,615

Это в основном республики Северного Кавказа, регионы Поволжья, Урала, Дальнего Востока и Сибири. Если сравнивать эту группу регионов с глобальным индексом, то они бы вошли в группировку стран и территорий со средним уровнем развития человеческого потенциала и разместились между такими государствами, как Китай, Туркменистан, Таиланд, Парагвай, Молдавия, Монголия, Египет, Узбекистан, Намибия и Гондурас. Доклад еще раз доказывает, что уровень дохода и экономический рост не всегда положительно коррелирует с улучшением качества жизни и человеческого потенциала, а также показывает значительные диспропорции в региональном развитии Российской Федерации.

Интересно, что регионы — лидеры в уровне развития ИРЧП также лидируют по следующим негативным показателям:

1) индекс преступности (показатель рассчитан на основе данных о тяжких преступлениях и преступлениях среди несовершеннолетних);
2) индекс неравенства.

Табл. 20.

Регион	Индекс неравенства
г. Москва	1
Тюменская область	0,660
Самарская область	0,634
Ненецкий автономный округ	0,602
г. Санкт-Петербург	0,597
Республика Башкортостан	0,555
Ямал	0,545
Пермский край	0,529
Свердловская область	0,528
Красноярский край	0,508
Республика Коми	0,503
ХМАО	0,502

Табл. 21.

Регион	Индекс преступности (-)
Свердловская область	0,882751053
Московская область	0,782372113
Челябинская область	0,735054157
Пермский край	0,699871041
Иркутская область	0,697537768
Тюменская область	0,687710081
Кемеровская область	0,63889263
Красноярский край	0,630665282
Новосибирская область	0,574540363
г. Москва	0,561543165

Если высокое расслоение между доходами граждан в Москве, Тюменской области, Ненецком автономном округе, Санкт-Петербурге, Ямале, ХМАО объясняется значительной концентрацией капитала, наличием месторождений газа и нефти, то нахождение в десятке лидеров индекса преступности Московской области, Тюменской области, Москвы говорит о провале правоохранительной и судебной системы на местном и федеральном уровнях. Парадоксальная ситуация, что в России в регионах с высоким уровнем доходов и образования существует высокий уровень преступности, произвола, неравенства и беззакония. Интересно, что наименьший уровень преступности зафиксирован в республиках Северного Кавказа, Дальнего Востока и Поволжья, а наименьший уровень индекса неравенства — в Северо-Западном и Центральном округе, Дальнем Востоке, Сибири, что можно объяснить в целом низким уровнем доходов регионов и отсутствием высокодоходных экспортно-ориентированных отраслей.

Наименьшее количество населения, живущего за чертой бедности, зафиксировано в таких регионах, как Ямал, Татарстан, ХМАО, Дагестан, Московская область, Липецкая область, Белгородская область, Москва, Санкт-Петербург, Свердловская область. Если в одних регионах это означает расширение возможностей достойного заработка, то в других связано с традиционным укладом жизни (Дагестан) и высокой степенью скрытых доходов. Высокие показатели бедности населения зафиксированы в Ингушетии, Республике Алтай, Республике Калмыкия, Республике Тыва, Алтайском крае, Республика Марий Эл, Амурской области, Камчатском крае, Ивановской области и Еврейской автономной области, что говорит о значительной депрессивности регионов и требует пересмотра региональной инвестиционной политики и политики развития, нахождения точек роста, позволяющих достойно зарабатывать населению.

По количеству автомобилей на душу населения выделяются приграничные регионы с ЕС и Японией и регионы Дальнего Востока, такие как Камчатский край, Калининградская область, Сахалин, Приморский край, регионы, богатые по доходам: Москва, ХМАО, Московская область, Тюменская область, а также, что примечательно, Магаданская область и Рязанская область. Эти тенденции можно объяснить дешевизной экспорта подержанных машин, уровнем доходов и уровнем скрытой экономики. Также примечательно то, что такие богатые регионы, как Якутия, находятся в нижней части рейтинга вместе с республиками Северного Кавказа, Сибири, Поволжья, Северо-Западного и Центрального округов.

По уровню науки и инноваций значительно всех опережает Москва, что создает перекосы и излишнюю централизацию. Это, конечно, связано и с большой численностью населения, и историческим развитием науки, однако более — менее равномерное распределение по регионам научных учреждений, затрат на исследования, внедрение и использование инноваций представляется необходимым. Первая десятка регионов практически сконцентрировала на себе развитие науки и инноваций в России. К ним относятся Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Свердловская область, Нижегородская область, Ямал, Новосибирская область, Самарская область и др.

По уровню здравоохранения лидируют регионы Центрального округа, Кавказа, Юга, Урала и Поволжья. Интересно что, регионы с низким уровнем дохода входят в число лидеров в здравоохранении, а богатые регионы, такие как Якутия и Ненецкий автономный округ, значительно отстают от лидеров и находятся в нижней части рейтинга. Регионы Дальнего Востока, Поволжья, Северо-Западного округа и Сибири отстают в уровне здравоохранения как по количественным, так и по качественным показателям. Также исследователями был рассчитан индекс прерывания беременности. По количеству

абортов в первой десятке разместились регионы Сибири, Дальнего Востока, Северо-Западного округа и Урала, возглавили список Республика Алтай и Магаданская область примерно с равными показателями. Меньше всего абортов зафиксировано в Центральном регионе, Северном Кавказе, Юге РФ и в Белгородской области.

В заключение хочется отметить, что первые попытки исследования человеческого потенциала регионов России будут продолжены и расширены. Идея развития человека служит примером попыток, проводимых группой теоретиков и практиков, желающих изменить образ нашего мышления об общественном прогрессе. Но полная реализация повестки дня в области развития человека требует идти значительно дальше. Сделать человека центральной фигурой развития в России — это не просто интеллектуальное упражнение, это означает сделать прогресс справедливым и всеобъемлющим, позволяя людям стать активными участниками изменений и гарантируя, что они не будут достигнуты за счет следующих поколений. Ответ на эти вызовы не только возможен — он необходим. И сегодня он нужен еще больше, чем когда бы то ни было.

Табл. 22. Индекс развития человеческого потенциала регионов России — 2010 г.

№ n/n	Регион	Индекс ВВП	Индекс продолжительности жизни	Индекс образования	ИРЧП ПРООН
1	г. Москва	0,875	0,848	0,781	0,834
2	ХМАО	0,944	0,798	0,754	0,828
3	Ямал	0,949	0,812	0,723	0,823
4	Тюменская область	0,897	0,783	0,74	0,804
5	Ненецкий автономный округ	0,998	0,716	0,713	0,798
6	г. Санкт-Петербург	0,728	0,81	0,799	0,778
7	Сахалинская область	0,842	0,709	0,727	0,757
8	Московская область	0,696	0,763	0,786	0,747
9	Республика Татарстан	0,692	0,804	0,741	0,744
10	Республика Саха (Якутия)	0,733	0,735	0,764	0,744
11	Томская область	0,69	0,76	0,768	0,739
12	Липецкая область	0,679	0,766	0,746	0,729
13	Белгородская область	0,668	0,808	0,71	0,726
14	Самарская область	0,677	0,763	0,738	0,725
15	Вологодская область	0,691	0,748	0,723	0,72
16	Республика Коми	0,726	0,736	0,699	0,72
17	Краснодарский край	0,624	0,802	0,745	0,72
18	Новосибирская область	0,64	0,774	0,749	0,718
19	Башкирия	0,648	0,775	0,729	0,716
20	Архангельская область	0,686	0,753	0,705	0,714
21	Мурманская область	0,698	0,747	0,697	0,713
22	Челябинская область	0,652	0,764	0,725	0,712
23	Ленинградская область	0,685	0,739	0,709	0,711
24	Омская область	0,64	0,771	0,729	0,711
25	Ярославская область	0,633	0,769	0,735	0,71
26	Пермский край	0,678	0,737	0,715	0,71
27	Волгоградская область	0,632	0,783	0,719	0,709
28	Оренбургская область	0,661	0,757	0,708	0,708
29	Калининградская область	0,656	0,754	0,71	0,706
30	Свердловская область	0,672	0,766	0,681	0,705
31	Красноярский край	0,699	0,754	0,662	0,704

продолжение таблицы

№ n/n	Регион	Индекс ВВП	Индекс продолжительности жизни	Индекс образования	ИРЧП ПРООН
32	Воронежская область	0,591	0,774	0,755	0,702
33	Ростовская область	0,601	0,784	0,732	0,701
34	Хабаровский край	0,656	0,733	0,716	0,701
35	Магаданская область	0,698	0,697	0,708	0,701
36	Кемеровская область	0,664	0,718	0,719	0,7
37	Калужская область	0,619	0,753	0,729	0,698
38	Астраханская область	0,613	0,764	0,716	0,695
39	Приморский край	0,627	0,739	0,719	0,693
40	Чукотский автономный округ	0,834	0,605	0,659	0,693
41	Саратовская область	0,592	0,777	0,716	0,691
42	Курская область	0,611	0,76	0,701	0,688
43	Рязанская область	0,593	0,755	0,724	0,687
44	Республика Хакасия	0,603	0,748	0,715	0,686
45	Чувашская Республика	0,586	0,775	0,71	0,686
46	Ульяновская область	0,576	0,771	0,723	0,685
47	Орловская область	0,577	0,77	0,722	0,685
48	Республика Северная Осетия — Алания	0,524	0,822	0,738	0,683
49	Пензенская область	0,561	0,781	0,722	0,682
50	Новгородская область	0,643	0,704	0,696	0,68
51	Тамбовская область	0,571	0,772	0,712	0,68
52	Костромская область	0,578	0,746	0,728	0,679
53	Владимирская область	0,585	0,731	0,734	0,679
54	Ставропольский край	0,556	0,796	0,708	0,679
55	Тверская область	0,609	0,717	0,714	0,678
56	Республика Мордовия	0,573	0,776	0,701	0,678
57	Кировская область	0,565	0,758	0,725	0,677
58	Амурская область	0,624	0,703	0,708	0,677
59	Республика Бурятия	0,597	0,716	0,725	0,677
60	Смоленская область	0,587	0,721	0,721	0,673
61	Иркутская область	0,646	0,719	0,656	0,673
62	Тульская область	0,614	0,739	0,668	0,672
63	Удмуртская Республика	0,623	0,764	0,637	0,672
64	Нижегородская область	0,643	0,745	0,632	0,671
65	Республика Дагестан	0,516	0,854	0,684	0,671
66	Карачаево-Черкесская Республика	0,524	0,816	0,703	0,67
67	Брянская область	0,55	0,757	0,717	0,668
68	Алтайский край	0,565	0,768	0,687	0,668
69	Забайкальский край	0,589	0,707	0,711	0,667
70	Республика Карелия	0,636	0,737	0,631	0,666
71	Республика Марий Эл	0,548	0,745	0,715	0,663
72	Камчатский край	0,68	0,729	0,588	0,663
73	Псковская область	0,561	0,704	0,731	0,661

продолжение таблицы

№ n/n	Регион	Индекс ВВП	Индекс продолжительности жизни	Индекс образования	ИРЧП ПРООН
74	Курганская область	0,57	0,75	0,674	0,66
75	Республика Адыгея	0,528	0,791	0,669	0,653
76	Республика Алтай	0,538	0,725	0,708	0,651
77	Чеченская Республика	0,458	0,842	0,705	0,648
78	Еврейская автономная область	0,61	0,686	0,648	0,647
79	Кабардино-Балкарская Республика	0,489	0,824	0,669	0,646
80	Ивановская область	0,52	0,739	0,69	0,642
81	Республика Калмыкия	0,505	0,769	0,672	0,639
83	Республика Ингушетия	0,405	0,923	0,623	0,615
82	Республика Тыва	0,516	0,634	0,666	0,601

Табл. 23. Компоненты Индекса развития человеческого потенциала

№ n/n	Регион	Индекс образования	Регион	Индекс продолжительности жизни	Регион	Индекс ВВП
1	г. Санкт-Петербург	0,799	Республика Ингушетия	0,923	Ненецкий автономный округ	0,998
2	Московская область	0,786	Республика Дагестан	0,854	Ямал	0,949
3	г. Москва	0,781	г. Москва	0,848	ХМАО	0,944
4	Томская область	0,768	Чеченская Республика	0,842	Тюменская область	0,897
5	Республика Саха (Якутия)	0,764	Кабардино-Балкарская Республика	0,824	г. Москва	0,875
6	Воронежская область	0,755	Республика Северная Осетия — Алания	0,822	Сахалинская область	0,842
7	ХМАО	0,754	Карачаево-Черкесская Республика	0,816	Чукотский автономный округ	0,834
8	Новосибирская область	0,749	Ямал	0,812	Республика Саха (Якутия)	0,733
9	Липецкая область	0,746	г. Санкт-Петербург	0,81	г. Санкт-Петербург	0,728
10	Краснодарский край	0,745	Белгородская область	0,808	Республика Коми	0,726
11	Республика Татарстан	0,741	Республика Татарстан	0,804	Красноярский край	0,699
12	Тюменская область	0,74	Краснодарский край	0,802	Магаданская область	0,698
13	Республика Северная Осетия — Алания	0,738	ХМАО	0,798	Мурманская область	0,697
14	Самарская область	0,738	Ставропольский край	0,796	Московская область	0,696
15	Ярославская область	0,735	Республика Адыгея	0,791	Республика Татарстан	0,692
16	Владимирская область	0,734	Ростовская область	0,784	Вологодская область	0,691
17	Ростовская область	0,732	Волгоградская область	0,783	Томская область	0,69
18	Псковская область	0,731	Тюменская область	0,783	Архангельская область	0,686
19	Калужская область	0,729	Пензенская область	0,781	Ленинградская область	0,685
20	Республика Башкортостан	0,729	Саратовская область	0,777	Камчатский край	0,68

продолжение таблицы

№ n/n	Регион	Индекс образования	Регион	Индекс продолжительности жизни	Регион	Индекс ВВП
21	Омская область	0,729	Республика Мордовия	0,776	Липецкая область	0,679
22	Костромская область	0,728	Республика Башкортостан	0,775	Пермский край	0,678
23	Сахалинская область	0,727	Чувашская Республика	0,775	Самарская область	0,677
24	Кировская область	0,725	Воронежская область	0,774	Свердловская область	0,672
25	Челябинская область	0,725	Новосибирская область	0,774	Белгородская область	0,668
26	Республика Бурятия	0,725	Тамбовская область	0,772	Кемеровская область	0,664
27	Рязанская область	0,724	Ульяновская область	0,771	Оренбургская область	0,661
28	Вологодская область	0,723	Омская область	0,771	Хабаровский край	0,656
29	Ульяновская область	0,723	Орловская область	0,77	Калининградская область	0,656
30	Ямал	0,723	Республика Калмыкия	0,769	Челябинская область	0,652
31	Пензенская область	0,723	Ярославская область	0,7694	Республика Башкортостан	0,648
32	Орловская область	0,722	Алтайский край	0,768	Иркутская область	0,646
33	Смоленская область	0,721	Липецкая область	0,766	Нижегородская область	0,643
34	Волгоградская область	0,719	Свердловская область	0,766	Новгородская область	0,643
35	Кемеровская область	0,719	Астраханская область	0,764	Омская область	0,64
36	Приморский край	0,719	Удмуртская Республика	0,764	Новосибирская область	0,639
37	Брянская область	0,717	Челябинская область	0,764	Республика Карелия	0,636
38	Саратовская область	0,716	Московская область	0,763	Ярославская область	0,633
39	Хабаровский край	0,716	Самарская область	0,762	Волгоградская область	0,632
40	Астраханская область	0,716	Курская область	0,76	Приморский край	0,627
41	Республика Хакасия	0,715	Томская область	0,76	Амурская область	0,624
42	Пермский край	0,715	Кировская область	0,758	Краснодарский край	0,623
43	Республика Марий Эл	0,715	Брянская область	0,757	Удмуртская Республика	0,623
44	Тверская область	0,714	Оренбургская область	0,757	Калужская область	0,619
45	Ненецкий автономный округ	0,713	Рязанская область	0,755	Тульская область	0,614
46	Тамбовская область	0,712	Калининградская область	0,754	Астраханская область	0,613
47	Забайкальский край	0,711	Красноярский край	0,754	Курская область	0,611
48	Чувашская Республика	0,71	Архангельская область	0,753	Еврейская автономная область	0,61
49	Калининградская область	0,71	Калужская область	0,753	Тверская область	0,609
50	Белгородская область	0,71	Курганская область	0,75	Республика Хакасия	0,603
51	Ленинградская область	0,709	Вологодская область	0,748	Ростовская область	0,601
52	Республика Алтай	0,708	Республика Хакасия	0,747	Республика Бурятия	0,597

продолжение таблицы

№ n/n	Регион	Индекс образования	Регион	Индекс продолжительности жизни	Регион	Индекс ВВП
53	Оренбургская область	0,708	Мурманская область	0,746	Рязанская область	0,593
54	Ставропольский край	0,708	Костромская область	0,746	Саратовская область	0,592
55	Амурская область	0,707	Республика Марий Эл	0,745	Воронежская область	0,591
56	Магаданская область	0,707	Нижегородская область	0,745	Забайкальский край	0,589
57	Чеченская Республика	0,705	Ленинградская область	0,739	Смоленская область	0,587
58	Архангельская область	0,705	Ивановская область	0,739	Чувашская Республика	0,586
59	Карачаево-Черкесская Республика	0,703	Приморский край	0,739	Владимирская область	0,585
60	Курская область	0,701	Тульская область	0,739	Костромская область	0,578
61	Республика Мордовия	0,701	Республика Карелия	0,737	Орловская область	0,577
62	Республика Коми	0,699	Пермский край	0,737	Ульяновская область	0,576
63	Мурманская область	0,697	Республика Коми	0,736	Республика Мордовия	0,573
64	Новгородская область	0,696	Республика Саха (Якутия)	0,735	Тамбовская область	0,571
65	Ивановская область	0,69	Хабаровский край	0,733	Курганская область	0,57
66	Алтайский край	0,687	Владимирская область	0,731	Алтайский край	0,565
67	Республика Дагестан	0,684	Камчатский край	0,728	Кировская область	0,564
68	Свердловская область	0,681	Республика Алтай	0,725	Пензенская область	0,561
69	Курганская область	0,674	Смоленская область	0,721	Псковская область	0,561
70	Республика Калмыкия	0,672	Иркутская область	0,719	Ставропольский край	0,556
71	Республика Адыгея	0,669	Кемеровская область	0,718	Брянская область	0,55
72	Кабардино-Балкарская Республика	0,669	Тверская область	0,717	Республика Марий Эл	0,548
73	Тульская область	0,668	Республика Бурятия	0,716	Республика Алтай	0,538
74	Республика Тыва	0,666	Ненецкий автономный округ	0,715	Республика Адыгея	0,527
75	Красноярский край	0,662	Сахалинская область	0,709	Карачаево-Черкесская Республика	0,524
76	Чукотский автономный округ	0,659	Забайкальский край	0,707	Республика Северная Осетия — Алания	0,524
77	Иркутская область	0,656	Псковская область	0,704	Ивановская область	0,519
78	Еврейская автономная область	0,648	Новгородская область	0,704	Республика Дагестан	0,516
79	Удмуртская Республика	0,637	Амурская область	0,703	Республика Тыва	0,515
80	Нижегородская область	0,632	Магаданская область	0,697	Республика Калмыкия	0,505
81	Республика Карелия	0,631	Еврейская автономная область	0,686	Кабардино-Балкарская Республика	0,489
82	Республика Ингушетия	0,623	Республика Тыва	0,634	Чеченская Республика	0,458
83	Камчатский край	0,588	Чукотский автономный округ	0,605	Республика Ингушетия	0,405

Табл. 24. Рейтинг регионов по уровню неравенства, среднемесячного реального дохода на душу населения и количества автомобилей на 1000 человек

№ n/n	Регион	Индекс неравенства	Регион	Среднемесячный доход на душу населения	Регион	Индекс автомобилизации
1	г. Москва	1	Ненецкий автономный округ	1	Камчатский край	1
2	Тюменская обл.	0,66	г. Москва	0,925	г. Санкт-Петербург	0,82
3	Самарская обл.	0,634	Ямал	0,889	Московская обл.	0,813
4	Ненецкий автономный округ	0,602	Чукотский автономный округ	0,838	Калининградская обл.	0,797
5	г. Санкт-Петербург	0,597	ХМАО	0,797	г. Москва	0,793
6	Республика Башкортостан	0,555	Сахалинская обл.	0,719	Приморский край	0,772
7	Ямал	0,545	Тюменская обл.	0,719	Сахалинская обл.	0,77
8	Пермский край	0,529	Магаданская обл.	0,654	ХМАО	0,739
9	Свердловская обл.	0,529	Камчатский край	0,621	Рязанская обл.	0,728
10	Красноярский край	0,508	г. Санкт-Петербург	0,611	Магаданская обл.	0,711
11	Республика Коми	0,503	Республика Саха (Якутия)	0,592	Тюменская обл.	0,696
12	ХМАО	0,503	Мурманская обл.	0,589	Ленинградская обл.	0,696
13	Иркутская обл.	0,445	Московская обл.	0,579	Свердловская обл.	0,671
14	Сахалинская обл.	0,445	Республика Коми	0,564	Краснодарский край	0,654
15	Краснодарский край	0,44	Свердловская обл.	0,542	Республика Карелия	0,65
16	Республика Татарстан	0,435	Хабаровский край	0,538	Смоленская обл.	0,635
17	Курганская обл.	0,429	Самарская обл.	0,515	Липецкая обл.	0,632
18	Московская обл.	0,424	Пермский край	0,497	Самарская обл.	0,63
19	Республика Бурятия	0,424	Архангельская обл.	0,487	Тульская обл.	0,622
20	Новосибирская обл.	0,419	Красноярский край	0,469	Республика Адыгея	0,619
21	Магаданская обл.	0,393	Республика Башкортостан	0,454	Новосибирская обл.	0,609
22	Тамбовская обл.	0,387	Республика Татарстан	0,447	Воронежская обл.	0,604
23	Омская обл.	0,387	Приморский край	0,424	Калужская обл.	0,598
24	Воронежская обл.	0,382	Новосибирская обл.	0,421	Вологодская обл.	0,586
25	Чукотский автономный округ	0,382	Челябинская обл.	0,421	Ростовская обл.	0,58
26	Белгородская обл.	0,372	Липецкая обл.	0,409	Оренбургская обл.	0,573
27	Новгородская обл.	0,372	Калининградская обл.	0,406	Республика Башкортостан	0,571
28	Кемеровская обл.	0,372	Нижегородская обл.	0,401	Алтайский край	0,564
29	Республика Саха (Якутия)	0,372	Белгородская обл.	0,39	Красноярский край	0,556
30	Челябинская обл.	0,366	Краснодарский край	0,379	Курганская обл.	0,554

продолжение таблицы

№ n/n	Регион	Индекс неравенства	Регион	Среднемесячный доход на душу населения	Регион	Индекс автомобилизации
31	Орловская обл.	0,356	Омская обл.	0,379	Ямал	0,549
32	Астраханская обл.	0,356	Республика Дагестан	0,379	Ставропольский край	0,545
33	Забайкальский край	0,351	Томская обл.	0,378	Псковская обл.	0,54
34	Ростовская обл.	0,346	Иркутская обл.	0,368	Астраханская обл.	0,534
35	Республика Дагестан	0,34	Калужская обл.	0,368	Белгородская обл.	0,533
36	Мурманская обл.	0,335	Республика Карелия	0,367	Тверская обл.	0,53
37	Ульяновская обл.	0,33	Кемеровская обл.	0,367	Республика Хакасия	0,526
38	Нижегородская обл.	0,314	Тульская обл.	0,362	Челябинская обл.	0,523
39	Республика Марий Эл	0,309	Новгородская обл.	0,361	Забайкальский край	0,512
40	Липецкая обл.	0,304	Ярославская обл.	0,353	Тамбовская обл.	0,511
41	Ставропольский край	0,298	Еврейская автономная обл.	0,351	Новгородская обл.	0,511
42	Хабаровский край	0,298	Ленинградская обл.	0,351	Саратовская обл.	0,506
43	Калужская обл.	0,293	Астраханская обл.	0,35	Пензенская обл.	0,504
44	Брянская обл.	0,288	Республика Бурятия	0,349	Республика Коми	0,49
45	Архангельская обл.	0,288	Смоленская обл.	0,346	Волгоградская обл.	0,483
46	Оренбургская обл.	0,288	Ростовская обл.	0,345	Владимирская обл.	0,482
47	Томская обл.	0,288	Амурская обл.	0,34	Костромская обл.	0,478
48	Приморский край	0,288	Курганская обл.	0,337	Курская обл.	0,472
49	Республика Адыгея	0,277	Курская обл.	0,335	Омская обл.	0,472
50	Пензенская обл.	0,272	Волгоградская обл.	0,333	Республика Татарстан	0,469
51	Ярославская обл.	0,257	Забайкальский край	0,333	Нижегородская обл.	0,467
52	Смоленская обл.	0,251	Тверская обл.	0,318	Удмуртская Республика	0,466
53	Ленинградская обл.	0,251	Вологодская обл.	0,315	Ульяновская обл.	0,466
54	Курская обл.	0,246	Тамбовская обл.	0,313	Кемеровская обл.	0,465
55	Калининградская обл.	0,246	Рязанская обл.	0,311	Республика Северная Осетия — Алания	0,461
56	Карачаево-Черкесская Республика	0,246	Воронежская обл.	0,298	Томская обл.	0,461
57	Республика Хакасия	0,246	Оренбургская обл.	0,292	Мурманская обл.	0,456
58	Еврейская автономная обл.	0,241	Пензенская обл.	0,291	Иркутская обл.	0,451
59	Саратовская обл.	0,236	Республика Хакасия	0,29	Кировская обл.	0,448
60	Псковская обл.	0,23	Ставропольский край	0,287	Карачаево-Черкесская Республика	0,447
61	Республика Калмыкия	0,23	Брянская обл.	0,285	Амурская обл.	0,445
62	Республика Мордовия	0,23	Псковская обл.	0,282	Пермский край	0,438
63	Республика Тыва	0,23	Удмуртская Республика	0,267	Орловская обл.	0,433

продолжение таблицы

№ n/n	Регион	Индекс неравенства	Регион	Среднемесячный доход на душу населения	Регион	Индекс автомобилизации
64	Камчатский край	0,23	Владимирская обл.	0,264	Ярославская обл.	0,42
65	Кабардино-Балкарская Республика	0,225	Кировская обл.	0,264	Архангельская обл.	0,416
66	Тульская обл.	0,215	Республика Алтай	0,258	Республика Бурятия	0,412
67	Волгоградская обл.	0,209	Ульяновская обл.	0,256	Ненецкий автономный округ	0,409
68	Рязанская обл.	0,204	Орловская обл.	0,251	Республика Мордовия	0,407
69	Вологодская обл.	0,204	Республика Адыгея	0,242	Республика Алтай	0,404
70	Удмуртская Республика	0,199	Костромская обл.	0,241	Республика Калмыкия	0,397
71	Амурская обл.	0,194	Саратовская обл.	0,236	Хабаровский край	0,39
72	Кировская обл.	0,188	Карачаево-Черкесская Республика	0,227	Ивановская обл.	0,346
73	Республика Северная Осетия — Алания	0,173	Республика Северная Осетия-Алания	0,225	Кабардино-Балкарская Республика	0,317
74	Чувашская Республика	0,173	Республика Тыва	0,207	Республика Марий Эл	0,316
75	Алтайский край	0,157	Республика Мордовия	0,207	Республика Саха (Якутия)	0,306
76	Костромская обл.	0,152	Алтайский край	0,2	Чувашская Республика	0,259
77	Владимирская обл.	0,141	Кабардино-Балкарская Республика	0,199	Еврейская автономная обл.	0,251
78	Республика Карелия	0,136	Чувашская Республика	0,19	Брянская обл.	0,225
79	Ивановская обл.	0,12	Ивановская обл.	0,186	Республика Тыва	0,21
80	Тверская обл.	0,11	Республика Марий Эл	0,179	Республика Дагестан	0,17
81	Республика Алтай	0,058	Республика Калмыкия	0,051	Чеченская Республика	0,129
82					Республика Ингушетия	0,078

Табл. 25. Рейтинг регионов по уровню бедности, развития науки и инноваций и уровню здравоохранения

№ n/n	Регион	Индекс бедности	Регион	Индекс науки и инноваций	Регион	Индекс здравоохранения
1	Республика Ингушетия	1	г. Москва	0,989	г. Москва	0,61
2	Республика Калмыкия	0,976	г. Санкт-Петербург	0,363	ХМАО	0,524
3	Республика Алтай	0,862	Московская область	0,267	Республика Ингушетия	0,511
4	Республика Тыва	0,716	Нижегородская область	0,247	Московская область	0,425
5	Алтайский край	0,623	Свердловская область	0,149	Краснодарский край	0,363
6	Республика Марий Эл	0,585	Ямал	0,124	г. Санкт-Петербург	0,329
7	Амурская область	0,581	Новосибирская область	0,104	Республика Дагестан	0,32

продолжение таблицы

№ n/n	Регион	Индекс бедности	Регион	Индекс науки и инноваций	Регион	Индекс здравоохранения
8	Камчатский край	0,55	Самарская область	0,09	Республика Татарстан	0,318
9	Ивановская область	0,533	ХМАО	0,088	Ростовская область	0,317
10	Еврейская автономная область	0,519	Челябинская область	0,082	Свердловская область	0,316
11	Воронежская область	0,484	Республика Башкортостан	0,082	Республика Башкортостан	0,312
12	Забайкальский край	0,439	Тульская область	0,076	Тюменская область	0,297
13	Костромская область	0,429	Ростовская область	0,073	Челябинская область	0,282
14	Ульяновская область	0,426	Республика Татарстан	0,071	Самарская область	0,282
15	Чувашская Республика	0,422	Саратовская область	0,071	Ставропольский край	0,272
16	Саратовская область	0,422	Пермский край	0,065	Нижегородская область	0,264
17	Республика Саха (Якутия)	0,422	Тюменская область	0,064	Пермский край	0,259
18	Приморский край	0,419	Калужская область	0,063	Кемеровская область	0,258
19	Ставропольский край	0,415	Воронежская область	0,054	Красноярский край	0,246
20	Иркутская область	0,415	Томская область	0,047	Ленинградская область	0,244
21	Владимирская область	0,412	Краснодарский край	0,046	Чеченская Республика	0,242
22	Республика Мордовия	0,412	Омская область	0,045	Саратовская область	0,241
23	Республика Бурятия	0,401	Красноярский край	0,044	Владимирская область	0,235
24	Хабаровский край	0,401	Ярославская область	0,041	Воронежская область	0,23
25	Республика Хакасия	0,394	Волгоградская область	0,039	Белгородская область	0,227
26	Республика Адыгея	0,391	Приморский край	0,038	Приморский край	0,224
27	Вологодская область	0,384	Иркутская область	0,038	Новосибирская область	0,223
28	Краснодарский край	0,384	Владимирская область	0,036	Иркутская область	0,222
29	Кировская область	0,384	Удмуртская Республика	0,032	Волгоградская область	0,22
30	Красноярский край	0,384	Тамбовская область	0,031	Алтайский край	0,217
31	Орловская область	0,374	Тверская область	0,031	Калининградская область	0,212
32	Томская область	0,363	Хабаровский край	0,027	Оренбургская область	0,208
33	Республика Карелия	0,339	Ставропольский край	0,027	Омская область	0,197
34	Курганская область	0,339	Республика Дагестан	0,027	Чувашская Республика	0,194
35	Республика Коми	0,322	Ульяновская область	0,026	Хабаровский край	0,19
36	Новгородская область	0,322	Кировская область	0,025	Ульяновская область	0,185
37	Псковская область	0,318	Пензенская область	0,024	Пензенская область	0,184
38	Новосибирская область	0,315	Белгородская область	0,023	Брянская область	0,182
39	Кабардино-Балкарская Республика	0,311	Чувашская Республика	0,023	Курская область	0,18

продолжение таблицы

№ n/n	Регион	Индекс бедности	Регион	Индекс науки и инноваций	Регион	Индекс здравоохранения
40	Карачаево-Черкесская Республика	0,308	Республика Мордовия	0,023	Вологодская область	0,176
41	Ярославская область	0,304	Алтайский край	0,023	Курганская область	0,17
42	Оренбургская область	0,301	Курская область	0,023	Тверская область	0,17
43	Ростовская область	0,294	Ленинградская область	0,022	Удмуртская Республика	0,167
44	Самарская область	0,294	Вологодская область	0,022	Архангельская область	0,166
45	Магаданская область	0,294	Кемеровская область	0,022	Тульская область	0,166
46	Рязанская область	0,291	Архангельская область	0,021	Кабардино-Балкарская Республика	0,164
47	Омская область	0,284	Мурманская область	0,018	Республика Хакасия	0,164
48	Брянская область	0,277	Брянская область	0,017	Тамбовская область	0,161
49	Астраханская область	0,27	Орловская область	0,017	Республика Бурятия	0,16
50	Удмуртская Республика	0,266	Липецкая область	0,016	Липецкая область	0,156
51	Пензенская область	0,266	Республика Саха (Якутия)	0,015	Калужская область	0,155
52	Смоленская область	0,26	Ивановская область	0,015	Ивановская область	0,154
53	Пермский край	0,26	Оренбургская область	0,014	Ярославская область	0,152
54	Мурманская область	0,256	Новгородская область	0,013	Кировская область	0,152
55	Тверская область	0,235	Республика Коми	0,013	Рязанская область	0,152
56	Архангельская область	0,232	Калининградская область	0,013	Астраханская область	0,152
57	Республика Северная Осетия — Алания	0,225	Республика Бурятия	0,013	Республика Алтай	0,15
58	Ленинградская область	0,211	Смоленская область	0,013	Орловская область	0,149
59	Нижегородская область	0,211	Астраханская область	0,012	Ямал	0,147
60	Калининградская область	0,208	Псковская область	0,012	Новгородская область	0,145
61	Волгоградская область	0,194	Рязанская область	0,012	Псковская область	0,143
62	Тюменская область	0,173	Республика Карелия	0,011	Карачаево-Черкесская Республика	0,142
63	Калужская область	0,17	Забайкальский край	0,01	Республика Карелия	0,141
64	Тульская область	0,17	Костромская область	0,01	Республика Адыгея	0,141
65	Кемеровская область	0,166	Курганская область	0,01	Республика Северная Осетия — Алания	0,141
66	Курская область	0,163	Амурская область	0,008	Томская область	0,14
67	Сахалинская область	0,163	Кабардино-Балкарская Республика	0,008	Республика Мордовия	0,136
68	Тамбовская область	0,152	Республика Северная Осетия-Алания	0,008	Республика Коми	0,136
69	Чукотский автономный округ	0,138	Республика Марий Эл	0,007	Забайкальский край	0,136

продолжение таблицы

№ n/n	Регион	Индекс бедности	Регион	Индекс науки и инноваций	Регион	Индекс здравоохранения
70	Республика Башкортостан	0,135	Сахалинская область	0,007	Республика Марий Эл	0,131
71	Челябинская область	0,131	Камчатский край	0,007	Амурская область	0,131
72	Свердловская область	0,128	Магаданская область	0,006	Смоленская область	0,13
73	г. Москва	0,104	Чеченская Республика	0,005	Костромская область	0,128
74	Белгородская область	0,097	Ненецкий автономный округ	0,004	Ненецкий автономный округ	0,125
75	Московская область	0,097	Республика Адыгея	0,004	Республика Саха (Якутия)	0,12
76	Липецкая область	0,087	Республика Хакасия	0,004	Республика Калмыкия	0,119
77	г. Санкт-Петербург	0,066	Карачаево-Черкесская Республика	0,003	Мурманская область	0,107
78	Республика Дагестан	0,066	Республика Тыва	0,003	Камчатский край	0,093
79	ХМАО	0,048	Республика Алтай	0,002	Сахалинская область	0,069
80	Республика Татарстан	0,038	Республика Калмыкия	0,002	Республика Тыва	0,058
81	Ямал	0,021	Республика Ингушетия	0,001	Еврейская автономная область	0,057
82	Ненецкий автономный округ	0	Еврейская автономная область	0,001	Магаданская область	0,04
83	Чеченская Республика	0	Чукотский автономный округ	0,001	Чукотский автономный округ	0,008

Табл. 26. Рейтинг регионов по уровню преступности и количеству прерывания беременности

№ n/n	Регион	Индекс прерывания беременности	Регион	Индекс преступности
1	Республика Алтай	1	Свердловская область	0,883
2	Магаданская область	1	Московская область	0,782
3	Новосибирская область	0,96	Челябинская область	0,735
4	Амурская область	0,94	Пермский край	0,7
5	Оренбургская область	0,92	Иркутская область	0,698
6	Сахалинская область	0,9	Тюменская область	0,688
7	Архангельская область	0,86	Кемеровская область	0,639
8	Вологодская область	0,86	Красноярский край	0,631
9	Кировская область	0,84	Новосибирская область	0,575
10	Курганская область	0,84	г. Москва	0,562
11	Республика Тыва	0,84	Республика Башкортостан	0,55
12	Камчатский край	0,84	Приморский край	0,548
13	Хабаровский край	0,82	Нижегородская область	0,533
14	Еврейская автономная область	0,82	Ростовская область	0,505

продолжение таблицы

№ n/n	Регион	Индекс прерывания беременности	Регион	Индекс преступности
15	Свердловская область	0,78	Забайкальский край	0,47
16	Новгородская область	0,76	Самарская область	0,465
17	Иркутская область	0,76	Краснодарский край	0,463
18	Республика Саха (Якутия)	0,76	Алтайский край	0,456
19	Чукотский автономный округ	0,76	Республика Татарстан	0,446
20	Пермский край	0,74	Хабаровский край	0,416
21	Красноярский край	0,74	г. Санкт-Петербург	0,413
22	Кемеровская область	0,74	Оренбургская область	0,39
23	Псковская область	0,72	Волгоградская область	0,364
24	Томская область	0,72	Омская область	0,356
25	Костромская область	0,68	Республика Бурятия	0,34
26	Республика Бурятия	0,68	Ставропольский край	0,296
27	Тверская область	0,66	Саратовская область	0,296
28	Волгоградская область	0,66	Амурская область	0,274
29	Удмуртская Республика	0,66	ХМАО	0,269
30	Челябинская область	0,66	Архангельская область	0,266
31	Республика Хакасия	0,66	Вологодская область	0,262
32	Забайкальский край	0,66	Ленинградская область	0,259
33	Брянская область	0,64	Республика Коми	0,256
34	Тюменская область	0,64	Владимирская область	0,252
35	Республика Карелия	0,62	Удмуртская Республика	0,247
36	Республика Марий Эл	0,62	Республика Саха (Якутия)	0,239
37	Ярославская область	0,6	Воронежская область	0,227
38	Республика Коми	0,58	Брянская область	0,224
39	Пензенская область	0,58	Тульская область	0,223
40	Ивановская область	0,56	Кировская область	0,214
41	Орловская область	0,56	Курганская область	0,214
42	Калининградская область	0,56	Тверская область	0,211
43	Республика Мордовия	0,56	Астраханская область	0,205
44	Чувашская Республика	0,56	Ярославская область	0,199
45	Владимирская область	0,54	Томская область	0,197
46	Приморский край	0,54	Ульяновская область	0,187
47	Смоленская область	0,52	Ивановская область	0,184
48	Республика Калмыкия	0,52	Смоленская область	0,179

продолжение таблицы

№ n/n	Регион	Индекс прерывания беременности	Регион	Индекс преступности
49	Нижегородская область	0,52	Республика Дагестан	0,173
50	ХМАО	0,52	Чувашская Республика	0,167
51	Калужская область	0,5	Калужская область	0,16
52	Липецкая область	0,5	Сахалинская область	0,154
53	Курская область	0,48	Республика Тыва	0,153
54	Тульская область	0,48	Новгородская область	0,149
55	Республика Татарстан	0,48	Тамбовская область	0,145
56	Саратовская область	0,46	Курская область	0,144
57	Алтайский край	0,46	Республика Марий Эл	0,144
58	Тамбовская область	0,44	Пензенская область	0,141
59	Ленинградская область	0,44	Республика Хакасия	0,137
60	Ульяновская область	0,44	Республика Карелия	0,129
61	Воронежская область	0,42	Липецкая область	0,128
62	Ставропольский край	0,42	Рязанская область	0,128
63	Омская область	0,42	Калининградская область	0,123
64	Краснодарский край	0,4	Псковская область	0,121
65	Мурманская область	0,38	Костромская область	0,116
66	Республика Башкортостан	0,38	Орловская область	0,113
67	Самарская область	0,38	Мурманская область	0,111
68	Московская область	0,36	Белгородская область	0,109
69	Республика Адыгея	0,36	Республика Мордовия	0,099
70	Астраханская область	0,36	Ямал	0,096
71	Рязанская область	0,34	Чеченская Республика	0,093
72	Ростовская область	0,34	Республика Алтай	0,068
73	Республика Северная Осетия — Алания	0,32	Республика Северная Осетия — Алания	0,061
74	г. Санкт-Петербург	0,28	Республика Ингушетия	0,06
75	Белгородская область	0,26	Камчатский край	0,058
76	Карачаево-Черкесская Республика	0,16	Еврейская автономная область	0,058
77	Чеченская Республика	0,12	Кабардино-Балкарская Республика	0,058
78	г. Москва	0,08	Магаданская область	0,051
79	Кабардино-Балкарская Республика	0,08	Республика Адыгея	0,051
80	Республика Дагестан	0,06	Республика Калмыкия	0,051
81	Республика Ингушетия	0	Карачаево-Черкесская Республика	0,047
82	Ненецкий автономный округ	Нет данных	Чукотский автономный округ	0,017
83	Ямал	Нет данных	Ненецкий автономный округ	0,012

7. Личность и государство

1990–2000-е годы показали, что без эффективного государства в условиях российской жизни сложно обеспечить человеку и свободу, и справедливое воздание за его труд, и даже безопасность[96].

Министр финансов Кудрин творит почти что библейские чудеса, но вывести страну из духовной нищеты не по его епархии. Есть нефть, но нет Достоевского, есть газ, но нет «Чевенгура». И некому объяснить людям, что происходит с их страной[97].
М. Стуруа

Как уже говорилось, человеческая личность — бесценна. Но в то же время ее можно с определенной степенью условности измерить количественно, представить в качестве некой суммы слагаемых личных человеческих потенциалов, составляющих НЧП. Соответственно государство, как самый эффективный инструмент нации, **должно обеспечить** как рост возможностей этой отдельной личности, так и общее увеличение национального человеческого потенциала, его реализацию в качестве национального человеческого капитала.

Это общее положение, принципиальный вывод о роли государства, которое, однако, имеет очень мало общего с российскими реалиями. Государство в России, вместе со всеми своими институтами, — **инструмент элиты**, а не нации или общества. И служит элите, а не обществу или нации. Соответственно, отдельная личность, ее потенциал, как и в целом НЧП, беспокоит элиту меньше всего. А раз это не беспокоит элиту, то не беспокоит и институты государства.

В этой связи актуальными становятся две проблемы. Во-первых, как сделать так, чтобы государство работало на нацию и общество, а не на самопровозглашенную элиту?[98] Во-вторых, как сделать так, чтобы государство не использовали ради корыстных политических целей элиты, в т.ч. и на выборах? В период избирательных кампаний 2011–2012 годов эти два вопроса будут самыми острыми. В том числе и потому, что государство должно функционировать всегда. В марте 1917 года, когда исчезли губернаторы и городовые, Россия, по образному выражению В. Розанова, «слиняла в три дня». Так же, как «слинял» СССР после августа 1991 года вместе со всей своей куда-то девшейся элитой. Так же как «слиняло» государство в октябре 1993 года, когда Кремль бросили не только охранники, но и милиционеры.

Государство нужно элите, пока она его использует для своей выгоды, но нации государство нужно всегда. И отдельной личности, которая не обзавелась заграничной собственностью, охраной и деньгами, — тоже. Вот почему для личности и нации важно **отделить государство от элиты**, прежде всего, политической и финансовой.

Русский социализм исходит из того, что государство играет возрастающую роль в период глобализации, но только в том случае, когда оно служит нации, а не элите. В этом проявляется суть главного противоречия между государствами в эпоху глобализации, которые хотят сохранить свой суверенитет, с одной стороны, и извлечь максимум выгоды от глобализации передачей части государственного суверенитета — с другой[99].

Эти противоречивые тенденции во втором десятилетии XXI века доказывают, что «эпоха стихийности заканчивается… когда объемы и качество накопленных человеческих знаний явно неадекватны задачам управления все ускоряющимися процессами перемен глобального характера», — справедливо полагают российские исследователи, соглашаясь с Н. А. Косолаповым, что «„не мировое правительство“, а совокупность межгосударственных и наднациональных органов, сохраняющих плюрализм национальных интересов, выступают в качестве прообраза глобального управления»[100].

В идеологии современного русского социализма НЧП **как сумма потенциалов личностей нации — главная ценность**. (В этом идеология тождественна полностью, например, «просвещенному консерватизму» Н. Михалкова.) Государство и его институты обладают возможностями развития НЧП и потенциала отдельной личности. Учитывая, что государство самый эффективный институт, созданный обществом, то его ценность (как института) для нации чрезвычайно высока. Как и соответствующих его атрибутов, которые ценны в той мере, в какой они обеспечивают сохранность и рост НЧП.

И наоборот. Если государство не выполняет эффективно своей функции, а тем более — враждебно по отношению к главной ценности — НЧП, то должно быть изменено на адекватное его устройство. В марксизме критерием эффективности государства было его соответствие интересам пролетариата, т.е. одного из классов. В либеральной идеологии и практике — свободе предпринимательства, торговли и личности. В идеологии русского социализма **любые** государственные и общественные институты, независимо от их форм и содержания, должны соответствовать потребности развития НЧП. Это имеет прямое отношение к современной России, где ведутся ожесточенные споры о различных моделях демократии, государственного устройства и т.п., но не предлагается главный критерий их оценки.

Так, на мой взгляд, для современной России на этом этапе развития более всего подходит авторитаризм, способный исправить неолиберальные «заскоки» последних десятилетий. Даже диктатура, если

она позитивно скажется на развитии НЧП. Теоретически идею национальной диктатуры наиболее полно обосновал в работе «Наши задачи» идеолог белого дела в эмиграции Иван Ильин. Предвидя «период неизбежного хаоса» после падения «тоталитарного коммунизма», он видел спасение именно в национальной диктатуре. Ильин считал, что «национальный диктатор должен будет:

1) сократить и остановить хаос;
2) немедленно начать качественный отбор людей;
3) наладить трудовой и производственный порядок;
4) если нужно будет, оборонить Россию от врагов и расхитителей;
5) поставить Россию на ту дорогу, которая ведет к свободе, к росту правосознания, к государственному самоуправлению, величию и расцвету национальной культуры»[101].

Интересно в этой связи, как пафосно охарактеризовал Д. Медведев Бориса Ельцина, который пришел «после падения тоталитарного коммунизма»: «Он был очень смелым и решительным человеком, который никогда (?!) не шел на компромисс по каким-то незначительным, а тем более, по значительным, вопросам. Он всегда старался продвигать свою позицию»[102].

И ни слова о том, чтобы остановить хаос, начать качественный отбор людей и т.д. — по Ильину. Вся заслуга **политика** — в неспособности к компромиссам? Пафосность празднования в феврале 2011 года юбилея в разрушенной воровской элитой стране поражает. Но она же свидетельствует о том, что в России президент больше, чем президент. Даже если это ничтожная личность, в России кресло делает человека, а не наоборот. И это в полной мере относится к путинско-медведевской элите. Здесь уже нет места для личности. Просто нет. Вспомним в этой связи горько-насмешливую характеристику Н. В. Гоголя, которую приводит Н. Скатов применительно к нашему времени: «На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности… В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: „Какой приятный и добрый человек!“ В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: „Черт знает что такое!“ — и отойдешь подальше; если ж не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную».

Вот так и страна целая сначала сказала: „Какой приятный и добрый человек!“ Потом ничего не сказала. А затем сказала: „Черт знает что такое“ и отошла подальше»[103].

По большому счету и при адекватном отношении элиты интересы личности, общества, нации и государства **совпадают**, они тождественны. И в этом заключается глубинная суть идеологии, социального консерватизма. Важно только, во-первых, чтобы элита осознала тождественность этих интересов, а, во-вторых, чтобы государство стало инструментом приведения к такому тождеству интересов личности и всей нации.

Проблема взаимоотношений государства и личности — ключевая в современной политической идеологии. Прежде всего, потому, что завершение эпохи либерализма, о котором, видимо, можно говорить в нынешнем десятилетии, предполагает пересмотр взаимосвязи «личность — государство», новое осмысление. Это связано со многими аспектами, но прежде всего с возросшим значением управления в жизни общества и государства.

И здесь очень важно изначально выделить **ключевую проблему** во взаимоотношениях государства и личности, которая не абстрактна, а вполне конкретно стоит перед сегодняшней Россией. На мой взгляд, если во главу угла, главным **критерием оценки эффективности государства** (т.е. всех его институтов), как важнейшего общественного инструмента, поставить степень реализации ЧП в НЧК, то все становится предельно ясно: показатели НЧК — вполне объективны и легко поддаются количественным измерениям. Если основные критерии НЧК ухудшаются, то это свидетельствует о снижении качества управления в конкретном районе, области, федеральном округе, что хорошо видно на примере важнейшего критерия — демографического показателя. Так, в целом по России естественная убыль в 2009 году заметно сократилась. Ожидается, что эта тенденция будет продолжаться. Эта динамика подтверждает мысль о том, что даже в условиях кризиса государство способно, если захочет, изменить демографические тенденции, даже такие «объективные», как старение населения, о которых в 90-х годах либералы говорили как о «неизбежных».

Табл. 27. Естественный прирост населения России[104]

	Родившиеся		Умершие		Из них умершие в возрасте до 1 года		Естественный прирост (+), убыль (-)	
	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.
Российская Федерация, тыс. чел.	**1764,2**	**1713,9**	**2013,6**	**2076,0**	**14,3**	**14,4**	**–249,4**	**–362,1**
Центральный федеральный округ	**400 638**	**384 226**	**575 620**	**597 840**	**2887**	**2760**	**–174 982**	**–213 614**
Белгородская область	16 911	16 790	22 037	22 422	90	106	–5126	–5632

продолжение таблицы

	Родившиеся		Умершие		Из них умершие в возрасте до 1 года		Естественный прирост (+), убыль (-)	
	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.
Брянская область	14406	14259	22001	23111	108	107	–7595	–8852
Владимирская область	15520	15569	26445	27119	109	145	–10925	–11550
Воронежская область	23561	22361	38802	40316	186	177	–15241	–17955
Ивановская область	11330	11138	19886	20769	93	73	–8556	–9631
Калужская область	10553	10491	16775	17374	77	77	–6222	–6883
Костромская область	8207	7839	11910	12537	83	83	–3703	–4698
Курская область	12554	12435	20310	21240	107	118	–7756	–8805
Липецкая область	12678	12585	19209	19971	82	88	–6531	–7386
Московская область	74138	70322	107286	111181	548	522	–33148	–40859
Орловская область	8447	8353	13559	14107	54	52	–5112	–5754
Рязанская область	11650	11702	20640	21545	101	103	–8990	–9843
Смоленская область	10497	9931	18721	19320	87	79	–8224	–9389
Тамбовская область	10176	10169	18929	19578	63	49	–8753	–9409
Тверская область	15108	14747	27283	28412	135	111	–12175	–13665
Тульская область	14773	14112	30063	31854	112	104	–15290	–17742
Ярославская область	14343	13642	21651	22796	86	91	–7308	–9154
г. Москва	115786	107781	120113	124188	766	675	–4327	–16407
Северо-Западный федеральный округ	**151733**	**144561**	**204680**	**211105**	**925**	**958**	**–52947**	**–66544**
Республика Карелия	7875	7682	10607	11134	39	44	–2732	–3452
Республика Коми	11904	11719	12216	12270	59	77	–312	–551
Архангельская область	15461	15174	18046	18496	120	135	–2585	–3322
в том числе Ненецкий автономный округ	685	691	490	537	4	5	+195	+154
Вологодская область	15181	14616	19733	19918	117	112	–4552	–5302
Калининградская область	10801	10589	13643	14355	78	61	–2842	–3766
Ленинградская область	15068	14296	27800	29327	83	112	–12732	–15031
Мурманская область	9063	9100	10084	10160	65	84	–1021	–1060
Новгородская область	7195	6893	13159	13562	54	67	–5964	–6669
Псковская область	7193	7037	14496	15174	66	58	–7304	–8137
г. Санкт-Петербург	51993	47455	64896	66709	244	208	–12903	–19254
Южный федеральный округ	**321879**	**317836**	**275764**	**277600**	**3312**	**3364**	**+46015**	**+40236**
Республика Адыгея	5544	5601	6227	6558	40	47	–608	–957
Республика Дагестан	50594	49465	16701	15794	764	634	+33893	+33671
Республика Ингушетия	9572	9215	1877	1561	110	136	+7695	+7654
Кабардино-Балкарская Республика	12189	12052	8460	8095	75	69	+3729	+3957
Республика Калмыкия	4304	4354	3131	2976	56	50	+1173	+1378

продолжение таблицы

	Родившиеся		Умершие		Из них умершие в возрасте до 1 года		Естественный прирост (+), убыль (-)	
	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.
Карачаево-Черкесская Республика	6212	6364	4705	4731	59	55	+1507	+1633
Республика Северная Осетия — Алания	10031	9981	8052	7975	87	95	+1979	+2006
Чеченская Республика	36523	35897	6620	5447	604	598	+29903	+30450
Краснодарский край	36752	62383	70517	72945	375	437	–6765	–10562
Ставропольский край	32838	33007	35723	36252	320	317	–2885	–3245
Астраханская область	14350	14203	13527	13642	114	118	+823	+561
Волгоградская область	29632	29438	37772	37797	289	349	–8140	–8359
Ростовская область	46338	45876	62452	63827	419	459	–16114	–17951
Приволжский федеральный округ	**364918**	**355785**	**441171**	**456667**	**2624**	**2795**	**–76253**	**–100882**
Республика Башкортостан	55720	54493	53415	55568	390	505	+2305	–1075
Республика Марий Эл	8950	8620	10468	10699	64	65	–1518	–2079
Республика Мордовия	8153	8215	13049	13167	53	48	–4896	–4952
Республика Татарстан	46555	44290	47970	48952	277	262	–1415	–4662
Удмуртская Республика	21155	20421	20286	21436	160	177	+869	–1015
Чувашская Республика	16099	14967	17498	18436	107	88	–1399	–3469
Пермский край	36099	35237	40610	42162	306	352	–4511	–6925
Кировская область	15941	15906	23214	24081	105	118	–7273	–8175
Нижегородская область	36244	35389	58338	61029	315	290	–22094	–25640
Оренбургская область	28194	26947	29305	30904	207	225	–1111	–3957
Пензенская область	14210	14141	21852	22547	87	111	–7642	–8406
Самарская область	36375	36314	47088	48477	262	241	–10713	–12163
Саратовская область	27539	27384	38660	39214	186	186	–11121	–11830
Ульяновская область	13684	13461	19418	19995	105	127	–5734	–6534
Уральский федеральный округ	**167084**	**162180**	**158185**	**163500**	**1185**	**1270**	**+8899**	**–1320**
Курганская область	11902	11842	14897	15501	120	118	–2995	–3659
Свердловская область	56526	54364	63079	64702	362	408	–6553	–10338
Тюменская область	52923	51043	30134	30672	326	359	+22789	+20371
в том числе:								
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	23915	23197	10094	10215	98	120	+13821	+12982
Ямало-Ненецкий авт. округ	8143	7892	2919	2959	90	89	+5224	+4933
Челябинская область	45733	44931	50075	52625	377	385	–4342	–7694
Сибирский федеральный округ	**274182**	**267619**	**272543**	**280933**	**2497**	**2409**	**+1639**	**–13314**
Республика Алтай	4299	4442	2511	2549	42	50	+1788	+1893

продолжение таблицы

	Родившиеся		Умершие		Из них умершие в возрасте до 1 года		Естественный прирост (+), убыль (-)	
	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.	2008 г.
Республика Бурятия	16 819	16 372	12 530	12 948	149	139	+4289	+3424
Республика Тыва	8260	7874	3655	3526	133	103	+4605	+4348
Республика Хакасия	8043	7935	7258	7427	67	90	+785	+508
Алтайский край	31 038	30 741	35 847	37 497	277	276	–4809	–6756
Забайкальский край	17 843	17 738	15 217	16 018	116	152	+2626	_1720
Красноярский край	38 238	36 880	37 673	38 987	397	353	+565	–2107
Иркутская область	38 160	37 548	34 950	35 359	385	344	+3210	+2189
Кемеровская область	37 727	36 675	44 942	46 121	319	313	–7215	–9446
Новосибирская область	34 315	33 056	37 195	38 329	288	252	–2880	–5273
Омская область	25 708	25 050	27 352	28 819	181	193	–1644	–3769
Томская область	13 732	13 308	13 413	13 353	143	144	+319	–45
Дальневосточный федеральный округ	**83 730**	**81 740**	**85 627**	**88 309**	**880**	**880**	**–1897**	**–6569**
Республика Саха (Якутия)	15 912	15 363	9389	9579	147	140	+6523	+5784
Камчатский край	4079	4022	4044	3926	48	30	+35	+96
Приморский край	23 391	22 602	27 481	28 944	250	232	–4090	–6342
Хабаровский край	17 609	17 067	19 075	19 570	177	197	–1466	–2503
Амурская область	11 384	11 218	12 666	13 099	145	175	–1282	–1881
Магаданская область	1974	1786	2158	2263	21	18	–184	–477
Сахалинская область	6225	6344	7438	7470	47	51	–1213	–1126
Еврейская автономная область	2457	2587	2736	2838	36	30	–279	–251
Чукотский автономный округ	699	751	640	620	9	7	+59	+131

Более того, если присмотреться внимательно к **региональным показателям**, то мы, например, увидим, что в регионах убыль/прирост весьма серьезно отличаются друг от друга. Так, в Дагестане и Чеченской Республике, как и в целом по Южному и Северо-кавказскому федеральным округам, вообще наблюдался прирост (33 671 и 30 450 человек соответственно). Прирост, также существенный (более 20 тыс. чел.), отмечен, впрочем, и в Тюменской области, а также в некоторых регионах других федеральных округов.

Это, на мой взгляд, свидетельствует о следующем.

Во-первых, справиться с демографическими проблемами государство вполне способно, более того, их решение не такая уж долгосрочная задача, которая может быть решена уже в среднесрочной перспективе, если будут продолжены и усилены акценты в деятельности власти и общества в этой области. Даже самые скромные, но оптимистические прогнозы в этой области **решительно расходятся** с многочисленными демографическими сценариями США и ООН относительно России. Мои оценки говорят о том, что в случае, если власть и общество будут усиливать эту политику, то в 2011 году мы впервые после 1990 года выйдем на скромный прирост, а к 2015 году ежегодный прирост населения в среднем по России будет составлять не менее 500–600 тысяч человек.

Во-вторых, необходимо, чтобы федеральные округа, регионы, районы и мест**ные органы** власти поняли, что **главный показатель** их деятельности — динамика численности населения (которая включает в себя все частные критерии и показатели), на которую оказывают воздействие все другие факторы, в т.ч. не только социально-экономические. Так, ежегодный отчет руководителя должен начинаться со слов: «Динамика численности в (регионе, городе и т.д.) …естественный прирост за прошедший период составил…».

Этот конкретный показатель может и должен стать частью идеологии **на региональном и местном уровнях**, когда мысль А. Солженицына о «сбережении России» становится конкретной политико-идеологической целью и критерием оценки деятельности на любом уровне, но, главное, по отношению к каждому **конкретному человеку**. В этом проявляется самая

тесная взаимосвязь государства (власти) и человека на всех уровнях.

«Начальник» должен быть лично заинтересован в «улучшении» всех показателей, влияющих на динамику роста населения. Так, если высшее образование, по некоторым оценкам, увеличивает среднюю продолжительность жизни на 10 лет, то «начальник» должен быть прямо заинтересован, чтобы максимальное количество детей и взрослых получило в его районе (области, республике) высшее образование.

Этот алгоритм можно изобразить на рисунке, где представлено «дерево целей», вытекающих из главной демографической задачи (рис. 14).

Очевидно, что НЧП и НЧК зависят, прежде всего, от численности населения, продолжительности жизни и величины в нем доли творческих социальных слоев. Эти показатели легко повышаются при решении главной, демографической задачи. Эффективность управления будет равна **степени** реализации человеческого потенциала (ЧП) в человеческий капитал (ЧК) отдельного региона, города, села и т.д. Пока же Минрегион сделал только самый первый шаг, проведя в 2010 году оценку эффективности бюджетных расходов, которая, на самом деле, является лишь одним, да и то не конечным, критерием эффективности управления в регионах.

Так, одна из приоритетных проблем во взаимоотношениях личности и государства, в т.ч. рамках приоритетных национальных проектов, — это подготовка управленческих кадров на всех уровнях — федеральном, региональном и особенно местном. В конечном счете, от этого зависит и решение главной проблемы — повышение эффективности государственного и общественного управления, особенно местного самоуправления. Этот фактор (качество управления), судя по всему, будет решающим для России в ближайшее десятилетие как с точки зрения роста экономической эффективности, так и темпов развития государства и общества. Но эффективность госуправления — это и проблема отношений государства и общества, ставшая для современной России острейшей проблемой бюрократии и коррупции, социальной проблемой № 1.

Рис. 14. «Древо целей» для оценки работы органов власти в федеральных округах, регионах, районах и на местах

Другая сторона вопроса — переход России от уровня госуправления, характерного для развивающихся стран, к уровню, характерному для развитых стран. Эта проблема также будет стоять перед Россией в ближайшие годы. Существо этой проблемы ярко описано авторами статьи «Бюрократическая Россия»[105].

Еще одна проблема — объективное усиление роли государства во взаимоотношениях «человек — государство». В конце XX и начале XXI века отчетливее стала обнаруживаться тенденция усиления государственнической идеологемы в противовес либеральной и коммунистической в странах — лидерах глобализации — США, Германии, Франции, Великобритании. Когда речь идет о возрастающей роли государства в постиндустриальный период, имеется в виду то, что государство может и должно сделать сознательно и целенаправленно для развития потенциала личности и общества. Эта проблема чаще всего отражается в спорах экономистов о доле госрасходов в ВВП и тенденции их роста или сохранения. В практическом плане дискуссия возникает чаще всего тогда, когда либералы пытаются убедить в том, что рост госрасходов ведет к неизбежному усилению инфляции.

Отдельным аспектом этой проблемы является вопрос о госрасходах и «росте числа чиновников», который рассматривается как неизбежное зло для экономики и общественного развития. Это хорошо видно на примере России.

Так, в 2005 году число сотрудников органов госвласти всех уровней, по данным Росстата, выросло на 10,9%, достигнув 1,462 млн. человек. В 1994 году их было около 1 млн., при этом население страны за тот же срок сократилось примерно с 148 млн. до 143 млн. человек. В результате доля чиновников в населении страны выросла — с 0,7% до 1%.

Забывается, однако, что, по меркам развитых стран, это очень мало. Такая относительно низкая численность бюрократов характерна для развивающихся стран. По данным Всемирного банка (ВБ), доля чиновников в населении Бразилии составляет 1,5%, Чили — 1%, Китая — 1,6%, Польши — 0,7%. В развитых странах в госаппарате занято гораздо больше: в Германии — 6,1%, США — 6,8%, Швеции — 11,7% населения.

Зато Россия перегнала многие развивающиеся страны по численности работников гражданской госслужбы. В эту категорию включаются сотрудники органов власти, работники государственной системы здравоохранения и образования, но не учитываются армия и милиция (силовики в России насчитывают в сумме около 2 млн человек).

Итак, доля гражданских бюджетников в населении России составляет 3,53%, сообщает ВБ. Это меньше, чем в развитых странах (например, в США — 10,5%), но больше, чем в развивающихся (2–3,2%). Таким образом, делается вывод — бюджет России испытывает по этой статье большие нагрузки. Впрочем, к этим данным надо относиться с осторожностью — методики подсчета отличаются в разных странах, предупреждает специалист ВБ по госуправлению Е. Добролюбова.

Вместе с тем одна несообразность бросается в глаза. В России чиновники федерального уровня составляют около половины от общей численности чиновничества. В других странах федеральных чиновников в два—шесть раз меньше, чем региональных и муниципальных. Исключений не так много. Причем это, как правило, страны небольшие по площади и населению. Эту ситуацию можно объяснить неразвитостью органов местного самоуправления в России, которые, по сути, еще только начинают формироваться.

Таким образом, вопреки сложившемуся мифу, чиновников в России очень мало. Кроме того, российские госслужащие менее эффективны, чем их западные коллеги, в частности, потому, что хуже оснащены техникой (компьютерами, телефонами и т.д.), уверен директор Института проблем государственного и муниципального управления Высшей школы экономики А. Клименко. И наконец, качество работы чиновников ухудшается.

Не соответствует действительности и миф о неэффективности госслужащих и госэкономики по отношению к негосударственной области. Тенденции в госсекторе такие же противоречивые, как и в негосударственном секторе экономики. Так, согласно расчетам ИК «Тройка Диалог», производительность труда в госсекторе за прошлый год снизилась примерно на 4%. При этом в финансовой сфере производительность снизилась лишь на 1%, в энергетике — вообще не изменилась, а во всех остальных отраслях даже возросла (в строительстве, гостиничном бизнесе и сельском хозяйстве рост производительности труда достиг 10–15%). По сравнению с 2002 годом производительность труда в секторе государственного управления и обеспечения военной безопасности (чиновники и силовики) снизилась на 7%. При этом, только по официальным данным, зарплаты в госаппарате на 25% выше среднего по стране: на 70% выше уровня оплаты врача и вдвое больше, чем у работников образования. «То есть госаппарат не только работает все менее эффективно, но и оттягивает на себя рабочую силу из более эффективных секторов экономики», — говорит аналитик «Тройки» А. Струченевский, хотя приведенные им данные в этом и не убеждают.

Таким образом, по численности «чиновничья Россия» в целом соответствует стандартам развивающихся стран, но, напомним, отнюдь не развитых государств. При этом для нее характерны несколько диспропорций. Во-первых, низкая эффективность и качество работы при относительно высоких для бюджетной сферы и страны в целом зарплатах. Это является макроэкономической проблемой, т.к. производительность труда служащих падает, а бюрократический аппарат оттягивает на себя трудовые ресурсы из других секторов экономики. Вторая

проблема — чрезмерная концентрация управленцев в центральном аппарате. Это порождает во многом миф о бюрократизации России. На самом деле бюрократы находятся прежде всего на низовом уровне, где они в остром дефиците, особенно в местном самоуправлении.

Из этого можно сделать вывод, что проблема не столько в российской бюрократии, как это обычно принято говорить среди либералов, а в качестве управления (менеджмента) бюрократией. В конце концов, бюрократ — это всего лишь просто профессия. Причем в ряде отраслей экономики знаний — определяющая.

Это хорошо видно на примере развитых государств. В конце XX века доля государства в общих расходах на образование достигла высоких значений и варьировала от 76% в Японии до 98% в Швеции, а на здравоохранение — от 67% в Италии до 84% в Великобритании. Несколько особняком в этом ряду стоят США, где рассматриваемый показатель ниже и составляет соответственно 75% и 45%. В целом за четыре последних десятилетия XX века расширение масштабов участия государства в формировании потенциала личности более чем на ⅘ связано с выделением средств на развитие человеческих ресурсов.

Рост доходов населения в России, который отмечался в 2000–2010 гг., однако, не должен вводить в заблуждение. Его темпы, превышавшие в некоторые годы 20%, объясняются, прежде всего, чрезмерно низким уровнем, на котором оказалось большинство населения в стране за 1990-е годы.

Удельный вес социальной составляющей — трансфертов и расходов на инфраструктуру — в государственном бюджете служит ключевой характеристикой действующей модели государства. В соответствии с этим критерием выделяются несколько типов стран. В большинстве стран континентальной Европы на основе историко-культурной специфики и традиций утвердилась модель социально ориентированного государства с развитой социальной функцией и крупными расходами на социальные цели. Еще более высокие уровни такого рода расходов и социальной защиты населения характерны для Скандинавских стран (табл. 28). Именно эти страны сегодня и являются мировыми лидерами.

В этой связи представляет интерес структура федерального бюджета России. Она прямо отражает не только политические приоритеты руководства страны, но и демонстрирует (что, можно сказать, еще важнее) тенденции. Так, в проекте бюджета на 2007 год основные расходы формировались следующим образом (см. табл. 29).

Как видно из приведенных данных, приоритеты роста государственных расходов связаны с главным государственным приоритетом — укреплением государства, его институтов. Если добавить к этому, что при общем росте дохода бюджета менее 5% госрасходы возрастают более чем на 17%, то ясно, что роль государства видится в будущем как возрастающая, что в принципе соответствует основным тенденциям мирового развития в постлиберальный период[106].

Другой приоритет — значительный рост расходов на образование (33,4%) и здравоохранение (31,5%), а также культуру (25,2%). Вместе с тем, учитывая незначительные масштабы этих сумм, а также хроническое недофинансирование прошлых лет, можно было бы предположить, что эти темпы очевидно занижены.

Наконец, третья группа приоритетов — расходы на оборону и национальную безопасность, которые также растут опережающими темпами (24,6% и 23,1% соответственно), при том условии, что они являются самыми крупными статьями расходов. Только их «прирост» за год превышает все расходы на здравоохранение. При том что относительно ВВП расходы на оборону не растут и составляют «разумную» цифру — менее 3%, можно было бы, на наш взгляд, на какое-то время (3–5 лет) уменьшить темпы роста, что позволило бы удвоить расходы на культуру, образование и здравоохранение.

Думается, что выстраивание среднесрочных бюджетных приоритетов в рамках долгосрочной стратегии — безусловная перспектива, способная обеспечить опережающие темпы роста человеческого потенциала.

Табл. 28. Расходы государства на социальную сферу в развитых зарубежных странах и в России, % к ВВП

Страны	1985 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.
Германия	43,4	41,8	46,3	43,3
Франция	49,8	47,5	51,4	48,7
Италия	49,5	52,9	51,1	44,8
Великобритания	42,9	39,0	42,2	34,7
Швеция	60,4	55,9	61,9	52,6
США	33,8	33,6	32,9	30,1
Япония	29,4	30,0	34,4	36,8
Россия	—	—	43,0	33,6

Табл. 29. Структура расходов федерального бюджета (млрд руб.)

	2006	2007	Изменение в %
Всего	4324,1	5463,5	26,3
Национальная экономика	346,8	519,5	49,8
Общегосударственные вопросы (без процентных расходов)	444,3	664,2	49,5
Образование	208,1	277,7	33,4
Здравоохранение и спорт	156,2	205,4	31,5
Межбюджетные трансферты	1443,7	1821,2	26,1
Культура, кинематография, СМИ	51,2	64,1	25,2
Национальная оборона	659,3	821,2	24,6
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	539,5	664,1	23,1
Охрана окружающей среды	6,4	7,8	21,9
Социальная политика	217,3	212,0	–2,4
ЖКХ	53,5	49,4	–7,7
Процентные расходы	197,8	156,8	–20,7

8. Личность, НЧП и гражданское общество

Усмирять радикальную оппозицию рытьем котлована в историческом месте — неоправданно высокая цена за неспособность достичь гражданского согласия[107].

…Для России данное направление исследований… имеет стратегическое значение. Не поддерживать такую заявку — вполне разумно для иностранного фонда[108].
А. Турланов

В идеологии русского социализма большое внимание уделяется развитию национальных **институтов социального потенциала**, которые являются составной частью НЧП. Эти институты в своем большинстве сосредоточены в науке, культуре, образовании, структурах гражданского общества и местном самоуправлении. Трудно подсчитать их численность, если вообще возможно, но если речь идет о всех научных, творческих, образовательных и общественных коллективах, то можно говорить о миллионах таких институтов[109]. Собственно, потенциал личности реализуется прежде всего через институты национального социального потенциала, хотя сегодня популярно мнение, что быстрее такая реализация происходит за рубежом, куда ежегодно уезжают десятки (и даже сотни) тысяч молодых специалистов.

Вопрос принципиальный: реализовать потенциал личности в национальных институтах (или временно за рубежом) в национальных целях развития либо превращать его в конечном счете в чужой НЧП — главное противоречие в этом вопросе. К сожалению, практика деятельности нынешней власти свидетельствует о том, что Россия превратилась не только в поставщика сырья и финансовых ресурсов для развитых стран, по и в поставщика интеллекта.

Современная конкуренция в мире — это прежде всего конкуренция за привлечение «мозгов», человеческого потенциала. Роль государства в этих обстоятельствах огромна: оно либо, как в США, видит в этом главную задачу своей деятельности, либо, как в России, не понимает этой проблемы, делая, на практике, всё для того, чтобы утечка «мозгов» продолжалась.

Соответственно, развитие НЧП предполагает прежде всего развитие национальных институтов социального потенциала и институтов гражданского общества. Это движение от общего к частному может быть проиллюстрировано следующим образом (рис. 15).

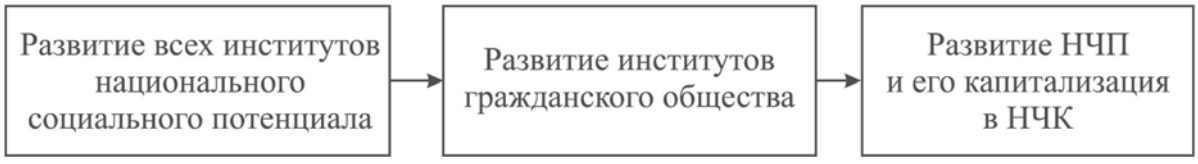


Рис. 15.

Из рисунка видно, что НЧП, состоящий в том числе из институтов национального социального потенциала, во многом предопределяется развитием институтов гражданского общества. Отсюда вывод: если главной целью развития нации идеология русского социализма предполагает развитие НЧП, то важной задачей выступает развитие национального социального потенциала вообще и институтов гражданского общества, в частности. Именно в этом заключается прямая выгода нации в развитии общественных институтов. Не абстрактные «права и свободы», а реальный НЧП лежит в обосновании необходимости развития общественных институтов.

Из этой общей логики неизбежно следует и частный вывод: политические институты гражданского общества — партии — являются важнейшей составляющей этого процесса. Именно их качество и многообразие во многом предопределяют качество всех институтов специального потенциала, «конкурентную среду, способность порождать не только полезные для государства идеи и талантливых лидеров, но и воспитывать в обществе современную политическую культуру»[110]. Я бы еще добавил — и элиту, которая бы отражала интересы нации и общества.

Развитие отдельной личности, которое должно стать главной национальной ценностной категорией, во многом определяется социальным потенциалом и его институтами. Это признается и применительно к развитию гражданского общества в России.

Гражданское общество — это то, чего пока еще так мало в России. Динамика его развития не вызывает сомнений, но происходит это крайне медленно. Главным приоритетом такого общества должно стать повышение ценности жизни и здоровья человека. Реально вопрос будущего страны состоит в том, успеет ли крайне медленный процесс развития гражданского общества внести свой вклад в обеспечение устойчивого развития страны. Это вопрос и политический, и экономический, и социальный, и экологический.

Представляется, что для сегодняшней России этот вопрос сверхактуален. Здесь сложилась парадоксальная ситуация. Ведущая глобальная тенденция определена как признание роста значения потенциала человека, а в России 2000–2011 годов реальное внимание к этому фактору постоянно снижалось, что, естественно, нашло отражение в соцопросах.

Ситуация стала меняться после 2005 года, что было вызвано двумя важнейшими обстоятельствами.

Во-первых, был снят острый финансовый и внутриполитический кризис, удалось стабилизировать внутриполитическую ситуацию в стране, воплотить самые крупные внешние обязательства. В целом социально-экономическая ситуация была переведена из критической в тяжелую фазу.

Во-вторых, рост цен на энергоносители позволил сконцентрировать некоторые, пусть не очень значительные запасы, концентрация которых к концу 2006 года стала фактом.

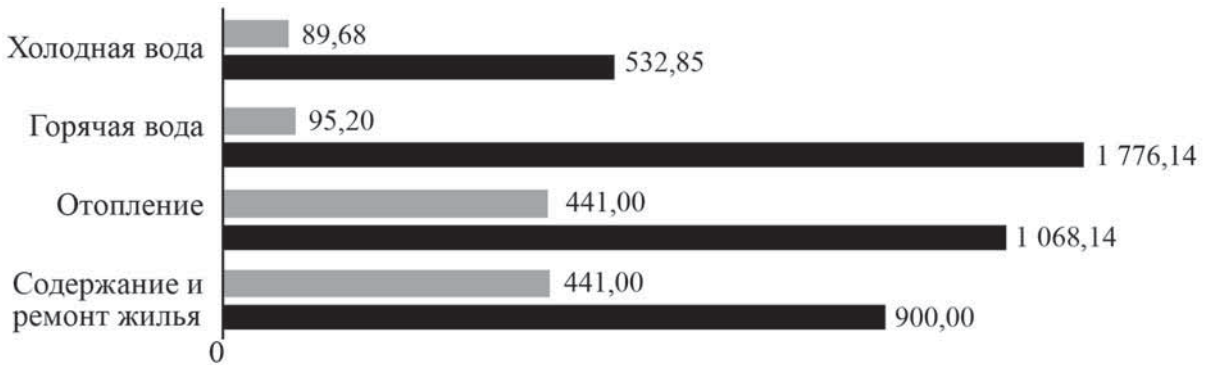
Все это, в конечном счете, привело к тому, что под взаимоотношения личности и общества был подведен минимальный материальный фундамент, который позволил уже не только говорить, но и начинать формировать социальную политику, которая фактически отсутствовала с 1991 по 2006 год, являясь в лучшем случае непрогнозируемым следствием попыток экономического реформирования.

Не стоит, конечно, переоценивать эти результаты. К 2011 году реально ориентированной на развитие НЧП социальной политики как не было, так и нет. Скромные попытки в эти годы изменить уровень доходов большинства граждан привели лишь к «статистическим изменениям», когда искусственные характеристики прожиточного минимума, например, всерьез выдавались за позитивные результаты.

На общем фоне роста цен эти усилия, конечно, ничего не значили. Так, даже по официальной статистике коммунальные услуги подорожали за 9 лет (с 2002 по 2011 гг.) в 5 раз[111].

Поражает, что заметных протестов, как, например, в Европе, по этому поводу не было.

Следующий период — 2003–2006 гг. — можно назвать периодом «легализации» попыток разработки социальной политики. За эти годы произошел существенный сдвиг в общественном сознании и приоритетах власти, от признания де-факто необходимости социальной политики до возведения ее в ранг дек-



* на примере типовой трехкомнатной квартиры

Рис. 16. Рост цен за девять лет* (руб.)

Табл. 30. Величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации, в расчете на душу населения (руб. в месяц)*

	Все население	В том числе		
		Трудоспособное население	Пенсионеры	дети
I квартал 2009 г.				
Величина прожиточного минимума	5497	4044	4857	5083
II квартал 2009 г.				
Величина прожиточного минимума	5607	4129	4963	5187
III квартал 2009 г.				
Величина прожиточного минимума	5620	4134	497 8	5198
IV квартал 2009 г.				
Величина прожиточного минимума	5562	4091	4922	5144
I квартал 2010 г.				
Величина прожиточного минимума	5956	439 5	5312	5518
II квартал 2010 г.				
Величина прожиточного минимума	6070	4475	5423	5625
III квартал 2010 г.				
Величина прожиточного минимума	6159	4532	5510	5707

* Источник: http://www.gks.ru/bgd/free/

ларируемого общенационального приоритета. И эта эволюция была особенно активной в 2006 году, подстегиваемая как политической риторикой президента, деятельностью Д. А. Медведева, так и реализацией ПНП, сопровождающейся информационной кампанией. Этот сдвиг в общественном сознании хорошо зафиксирован в приоритетах «Единой России», которые претерпели существенные изменения. Достаточно привести пример с заявлением представителя этой партии, который в августе 2006 года потребовал включения в идеологическую программу «обновленного понимания социальной справедливости».

Таким образом, в политико-идеологической области произошли знаковые перемены, когда приоритеты развития личности стали составной частью приоритетов общественного развития. Незаметно, без революций, но к 2006 году эти идеи стали общепризнанной политической нормой, а не прерогативой оппозиции. Сдвиг в общественном сознании был не только подготовлен, но и произошел.

Большая социальная группа, составляющая более 50% населения, — это граждане, проживающие бедно. И это, как принято объяснять, — следствие низкой производительности труда. Однако доля оплаты труда наемных работников в ВВП за 2010 г. составила 50,2%[112] и сумму, чуть большую 22 трлн руб., при этом доля заработной платы в США, ЕС и Японии в разные годы колеблется от 69% до 76%. Тем не менее требуется отметить, что в расчетах Росстата не учитывается тот факт, что огромная доля зарплаты выплачивается, как говорят, в «конверте» и не фиксируется регулирующими органами. В любом случае доля оплаты труда в ВВП в России значительно отстает от развитых стран, хотя производительность труда в РФ действительно ниже, чем в развитых и развивающихся странах, особенно в перерабатывающих отраслях. Но не настолько[113].

Это ситуация толкает некоторые слои нации на выступления (политическая нестабильность и незаконная деятельность граждан в большей мере подрывают национальный человеческий капитал), которые порождают современный терроризм, бандитизм и неизбежно станут причиной внутриполитической нестабильности. Главнейшей задачей для создания условий быстрого роста НЧК является решение о повышении жизненного уровня граждан. Это, в свою очередь, приведет к росту производительности труда и расширению внутреннего спроса. Как справедливо замечает профессор И. Полюбина, «принципиальный вопрос — это переход от нынешнего уровня прожиточного минимума к его достойному уровню. Достойный уровень прожиточного минимума предполагает учёт в составе потребительской корзины не только набора продуктов питания и товаров первой необходимости, но и затрат на образование, медицинское обслуживание, оплату коммунальных услуг и транспорта. Достижение этого минимума станет условием для перехода к рыночным механизмам в социальной сфере. Но сегодня говорить о достойном уровне прожиточного минимума не приходится»[114].

Данные табл. 30 свидетельствуют о том, что прожиточный минимум в России крайне низкий: в 3-м квартале 2010 г. он составил 6159 рублей (в условиях РФ, где проживание в силу географических

и инфраструктурных факторов требует значительных затрат). Но, несмотря на такой крайне низкий уровень прожиточного минимума, в стране в 3-м квартале 2010 года 18,5 млн чел., или 13,2 % от общей численности населения, имели доход ниже этого уровня (см. табл.). Из таблицы видно, что эта цифра за период 2007–2009 гг. тревожно стабильна и колеблется в районе 13,3% от численности населения.

9, Личность, интеллигенция и НЧК

Количественная масса не может безраздельно господствовать над судьбой личности и судьбой нации[115].
Н. Бердяев

…Ученые не всегда бывают интеллигентны… тогда, когда… она жертвуют интересами людей или культурными ценностями[116].
Д. Лихачев

Об интеллигенции вспоминают, как правило, когда маячат впереди выборы. Как об инструменте, с помощью которого можно привлечь голоса избирателей «неинтеллигентов» (сама интеллигенция, как правило, не голосует). Так было в 1996 году, 1999–2000 годах, так происходит и в 2011 году. В 2011 году, однако, были внесены некоторые коррективы двумя объективными обстоятельствами.

Во-первых, «Единая Россия», претендовавшая на большинство голосов и название «партия большинства», не могла уже опираться только на чиновничество, административный ресурс и стабильно голосующих за любую власть 25–30% конформистов. Ей нужна была хотя бы видимость большинства, которая без голосов быстро растущего (даже вопреки воле правящей элиты) креативного класса, а тем более в случае его перехода в оппозицию, была бы невозможна. О том, что «другой избиратель» в России существует, писали многие. Как писала в редакционной статье в апреле 2011 года «Независимая газета», «говорить о „Единой России“ как о партии большинства населения, а не партии бюрократии, с уверенностью можно будет лишь в том случае, если власть захочет и осуществит **мобилизацию электората иного типа. Другой избиратель в России существует. Это интеллигенция, а также представители малого и среднего бизнеса. Системные интеллектуалы, предлагающие „ЕР“ оппозиционную тактику, похоже, считают, что такой электорат мобилизовать нельзя либо его спрос полностью удовлетворяется актуальным предложением единороссов**»[117].

Во-вторых, интеллигенция, традиционно скептически относящаяся к власти, стала все больше осознавать себя не как объект воздействия, а как самостоятельный субъект политики. Не только элита творческой интеллигенции, но и огромное число (я бы сказал, большинство) представителей интеллигенции достаточно жестко заняли критическую позицию по отношению к власти, с одной стороны, и отошли в своем большинстве от либералов — с другой. Последнее подтверждает то обстоятельство, что, не смотря на все усилия, к 2011 году либералы так и не смогли создать сколько-нибудь массовой партии или движения, а их представители на промежуточных выборах (за исключением единичных случаев) получали ничтожную поддержку.

Интеллигенция — понятие, введенное в оборот 1860-х годах журналистом П. Д. Боборыкиным, который оценивал ее представителей как лиц «высокой умственной и этической (!) культуры»[118]. Это не только интеллектуалы, но и тот, сравнительно небольшой, но очень важный для нации социальный слой, который формирует нравственную и духовную атмосферу в обществе. Это — важнейший ресурс нации и часть НЧП, благодаря которому Россия на новом этапе развития человечества может **стать мировым лидером**. Во многом это специфически русский феномен, создающий некую общую духовно-нравственную национальную основу, т.е. фундаментальную ценность, имеющую общемировое значение. Именно такая основа при переходе от информационно-технологического этапа развития к этапу, где определяющими станут качества человеческой личности, становится мощным ресурсом развития для России.

Очень резко, но справедливо отметил И. Джадан: «По нашему мнению …так называемая „русская интеллигенция“ была сформирована как идейная номенклатура — **монополия, питающаяся интеллектуальными отбросами Запада**. Это сословие уже триста лет бросает один и тот же лозунг: „освоить западный опыт в кратчайшие сроки“. Оно готово опахивать эту тему еще лет триста, лишь бы сохранить дивиденды, извлекаемые из своего монопольного положения.

Непосредственным занятием этого сословия традиционно являлось паразитирование на теле русского общества, когда культурный „секонд-хенд“, „блестящие брошки“ Европы, объявлялся бесспорной интеллектуальной драгоценностью и обменивался на внутреннем рынке втридорога — на славу, почет, ученые степени и телевизионное время. Ситуация, аналогичная той, при которой в московских бутиках под видом супермодельной одежды продаются неликвиды европейского барахла,

которые не успели купить жители свободной Европы в позапрошлом сезоне.

Такое положение касалось всего „гуманитарного блока“, включая политическую философию. В лингвистически и информационно замкнутой стране, где народ в своем большинстве не имел прямого выхода на западные источники, всегда было легче и безопаснее волочиться вослед чужой мысли, повторяя каждый её изгиб. В ином случае отечественной интеллигенции пришлось бы идти своей дорогой, что гораздо трудней и рискованнее в плане карьеры. Изленившаяся, развращенная своим монопольным положением идеологическая номенклатура основным критерием творчества всегда считала отсутствие всякой новизны. „Новое“ должно идти в канве западной мысли и западного стиля, чтобы иметь шанс быть принятым как „ценное“. Это в равной мере касалось как сторонников „русского либерализма“, так и марксистов, и националистов.

Таким образом, главная „национальная особенность“ отечественной политической мысли, хотя и не присущая исключительно ей, — воинствующая вторичность, строгая интертекстуальность, в которой компилятивность оказывается одним из правил „хорошего тона“. Даже яростно претендующие на роль „самых чистых русских“ — фашисты — у нас сочли вполне приемлемым для себя рабское заимствование символов, совершенно не понимая, насколько некошерно такое смешение святого с низменным. Более вменяемая консервативная мысль продолжает бегать по замкнутому кругу: Ницше, Шмит, Парето, Хайдеггер и… опять Ницше»[119].

Проанализировать значение этого термина удалось лучше всего, на мой взгляд, Д. С. Лихачеву: «Интеллигент же — это представитель профессии, связанной с умственным трудом, и человек, обладающий умственной порядочностью. Меня лично смущает распространенное выражение „творческая интеллигенция“, — точно какая-то часть интеллигенции вообще может быть „нетворческой“. Все интеллигенты в той или иной мере „творят“, а с другой стороны, человек пишущий, преподающий, творящий произведения искусства, но делающий это по заказу, по заданию в духе требований партии, государства или какого-либо заказчика с „идеологическим уклоном“, с моей точки зрения, никак не интеллигент, а наемник.

К интеллигенции, по моему жизненному опыту, принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам. Основной принцип интеллигентности — интеллектуальная свобода, — свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли. Я убежден, впрочем, что можно быть и несвободным от раз и навсегда принятых принципов. Это касается людей „с лобной психикой“, отстаивающих свои старые, когда-то ими высказанные или даже проведенные в жизнь мысли, которые сами для себя сковывают свободу. Достоевский называл такие убеждения „мундирами“, а людей с „убеждениями по должности“ — людьми в мундирах»[120].

Таким образом, у социального слоя интеллигенции есть три составляющие — интеллектуальный потенциал, нравственность и защита культуры, которые также являются важнейшими частями НЧП, а также уникальным ресурсом развития.

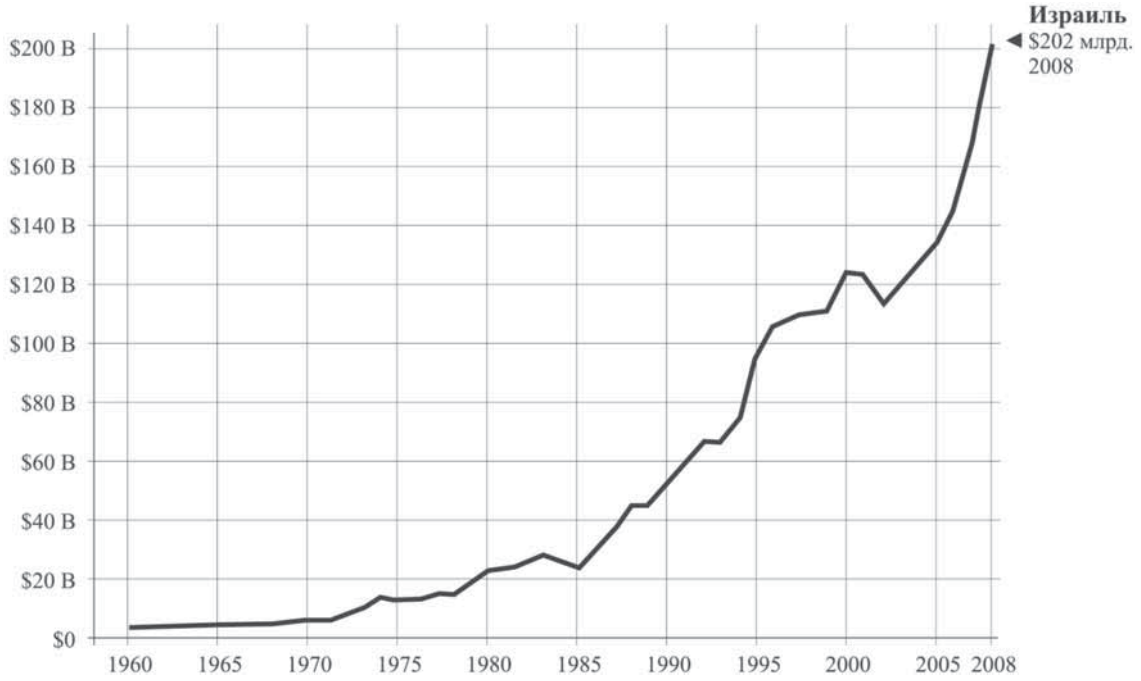
Социально-консервативная идеология предполагает, что эти ресурсы, как и НЧК в целом, являются не просто, пусть важными, но ресурсами, но обязательными условиями для будущего развития нации и человечества, фундаментальными ценностями. Действительно, если абсолютной ценностью является принцип «делай так, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе», то нравственная ценность интеллигенции становится в XXI веке такой же абсолютной ценностью.

Современные нации развиваются преимущественно за счет собственных и чужих интеллектуальных ресурсов, которые они сознательно развивают, стимулируют и привлекают разными способами извне. Показателен в этом случае пример США, которые в своей Стратегии национальной безопасности за 2010 год в очередной раз подчеркнули приоритетность для страны привлечения высокопрофессиональных ресурсов[121]. Такой же пример демонстрирует Израиль, чье технологическое и экономическое развитие за последние 20 лет целиком основывалось на качественных ресурсах и (о чем не любят говорить) на наличии военной угрозы, т.е. стимулировании развития наукоемких секторов ВПК.

К началу XXI века стало окончательно понятно, что основной социальный слой — носитель интеллектуального, культурного, духовного и информационного потенциалов — это та социальная группа населения, которая профессионально занимается интеллектуальной и творческой деятельностью, или «креативный класс».

Она же в принципе должна была бы быть и основным носителем нравственности и духовности. В этом смысле перед российской интеллигенцией стоит задача огромной политической значимости — осознания своей роли в созидании России. «А для этого опять-таки необходимо, чтобы российская интеллигенция, интеллектуальная и духовная элита общества заняла в нем то реальное место, какое занимает в человеческом теле голова, а не филейные части, в которые превратились распавшиеся части нашей интеллигенции», — справедливо признает М. Капустин[122].

Необходимо сделать существенную оговорку: в этой работе «креативный класс» рассматривается как синоним применительно к интеллигенции в России, а по своему имущественному и социально-политическому положению приравнивается к среднему классу. Это, конечно же, весьма вольное допущение



Источник: Всемирный банк, показатели мирового развития (по состоянию на 15 июня 2010 г.)

Рис. 17. Валовый внутренний продукт Израиля (в долл США на сегодняшний день **без учета инфляции)**

для сегодняшней России, где значительная часть интеллигенции не занимает положенной ей по праву имущественной ниши. В перспективе, как представляется, все три составляющие — творческая, имущественная и нравственная — должны совпасть.

К сожалению, реальное место «креативного класса», интеллигенции в России по-прежнему остается незначительным. Выводы социологов пессимистичны: «…настоящего, полноценного среднего класса, отвечающего трем необходимым признакам, в стране только 6,9%, и еще 12,2% могут быть отнесены к нему с некоторой натяжкой. Примерно столько же было и 5 лет назад. А это значит, что средний класс не растет, но и не сокращается».

Это происходит отнюдь не случайно, а как следствие несправедливой и вредной для государства и нации политики, которую можно назвать «антиинтеллигентской», направленной фактически против развития интеллекта. Лишь в самые последние годы предпринимаются меры с тем, чтобы исправить это положение. Но они носят выборочный, а не системный характер. Прибавки и гранты научным сотрудникам, учителям и врачам пока что можно рассматривать в качестве «точечной» меры, а не системы по стимулированию воспроизводства «креативного класса».

В социально-экономическом аспекте такая позиция очевидна и вытекает прежде всего из уровня оплаты труда и перераспределения национального богатства страны.

Даже официальная статистика признает сырьевиков и финансистов наиболее богатыми гражданами. Согласно докладу Росстата, средний россиянин сейчас зарабатывает около 11 000 рублей в месяц, что равняется примерно 400 долларам США. При этом самые большие зарплаты — у работников газовой и нефтяной промышленности — в среднем 1000 долларов в месяц. Вдвое меньше получают банковские служащие. А чиновники со своими официальными зарплатами с трудом дотягивают до 400 долларов в месяц. При этом сельские труженики едва зарабатывают в среднем по 200 долларов.

Прежде всего, остановимся на интересах тех, кто занимается интеллектуальным и духовным трудом, то есть интеллигенции. Именно сегодня этот слой стал в мире ведущим социальным слоем не только по своей численности, но и — главное — по влиянию на будущее любой нации и всего человечества. В XXI веке эта часть населения будет ведущей, а может быть, и единственной созидательной социальной группой информационного общества.

В этих условиях действия правительства непонятны[123]. Продолжающееся относительное сокращение финансирования социальной сферы в нашей стране может стать препятствием для развития информационного общества. Ситуацию в принципе не меняет рост расходов на образование, здравоохранение и культуру, запланированный на 2011 год. К такому выводу пришли участники круглого стола, который состоялся в Москве, в Центре развития информационного общества (РИО-Центре) 24 мая 2005 года. Участвовавшие в дискуссии ведущие социологи, экономисты и деятели культуры отмечали уязвимость аргументации предстоящей бюджетной реформы и реформы бюджетных учреждений в России. По мнению ученых, одни только механизмы

рыночной конкуренции не способны обеспечить полноценное развитие человеческого потенциала, науки, культуры и образования, которые и являются движущей силой общества знаний.

Создание в нынешних бюджетных организациях многочисленных надзорных органов, а также переход на «ручное управление» чиновниками сферы науки, культуры и образования создает дополнительные угрозы общественному развитию. Парадокс нашей жизни, по справедливому мнению А. Рубинштейна, заключается в том, что вмешательство государства носит абсолютно недружественный характер в отношении культуры, науки, образования и всего социального сектора. «Возникает ощущение, что принимаемые законы обращены против данной сферы, — считает ученый. — Как будто общество сознательно стремится избавиться от важнейшего ресурса России — ее интеллектуального потенциала».

10. Личность, средний и креативный класс

Власти наплевали на всех. Кого-то прижали, кого-то — напугали, кого-то — посадили, кому-то просто сказали: «Заткнись». Оплеванные заткнулись. Но чувство оплеванности осталось. Оно вообще-то не забывается. Оно копится[124].

Ю. Калинина

…Заблуждение — сводить средний класс к некоему «желудочному» определению. Средний класс — это не только доходы, не только уровень материального обеспечения… это и образ жизни, и политический феномен[125].

Е. Гонтмахер

Здесь ключевое слово у Ю. Калининой — **«копиться».** Протест против игнорирования его мнения и интересов у творческого класса накапливается постепенно, чтобы потом выплеснуться в негодование. Сегодня, с появлением Интернета, сетевые технологии позволяют организовать этот процесс, если, конечно, для него сложились идеологические предпосылки. В период выборов «накопление усталости» происходит быстрее. Тем быстрее, чем быстрее элита доказывает свою неспособность и неэффективность, о чем открыто заговорили не только оппозиционеры, но и представители либеральной части все той же элиты в 2010–2011 годах. Вопрос встал остро и опасно.

Опасно потому, что в истории России не раз случалось, что развал элиты, даже плохой (как в XVII или начале XX века), приводил к хаосу в стране. Остро — потому, что менять элиту, по сути дела, не на кого. В России, в отличие от времени Алексея Михайловича Романова, не готовили новую элиту в массовом порядке — нравственно, профессионально. Скорее наоборот. Поэтому реальный выход может быть один — вербовать элиту из наиболее продвинутой части среднего класса, прежде всего ее креативных слоев в науке, образовании. Как справедливо заметил Л. Радзиховский, «нужно не раскулачивать элиту, а вести политику целенаправленного „выращивания“ среднего класса»[126].

Для опережающего развития НЧП принципиально важно, чтобы та **«питательная среда»,** в которой вырастает максимальный ЧП личности, была как можно больше. Эта «питательная среда» сегодня во многом идентифицируется со средним классом, который составляет в развитых странах 75–80%,

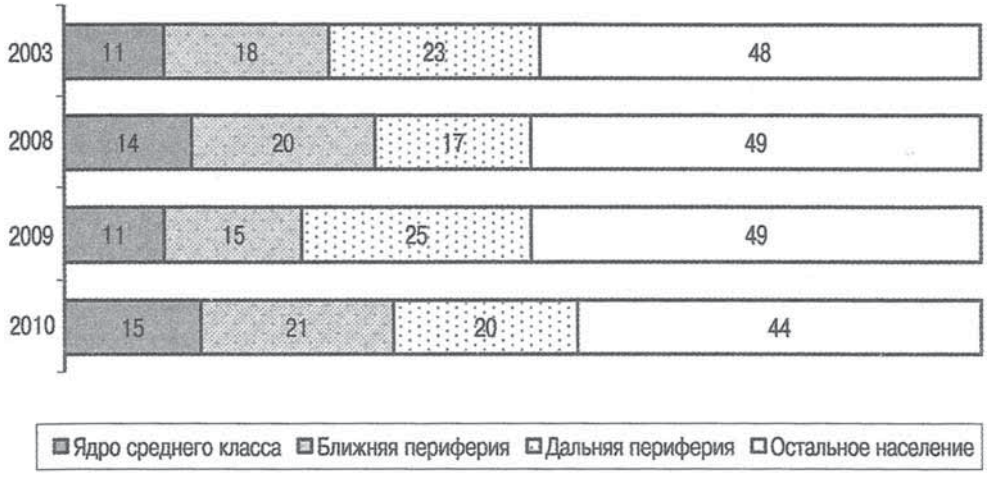


Рис. 18. Динамика численности различных социальных групп в 2003–2010 гг., %

а в России — не более 20%. Сразу же оговорюсь, что для НЧК важны все граждане страны, все без исключения личности, даже те, которые в силу ряда причин пока негативно влияют на этот показатель. Общество и нация заинтересованы в том, чтобы все личности без исключения стали частью нации, составными элементами НЧК. И еще одна оговорка: творческие (креативные) личности могут и бывают и среди представителей других социальных слоев, как высших, так и низших, госслужащих и предпринимателей.

Социологи отмечают «гетерогенность, размытость и неоформленность» среднего класса, преувеличивая, на мой взгляд, его реальную численность[127].

Социологи отмечают, что «численность среднего класса значительно увеличилась за период экономического роста, предшествовавшего кризису. Так, в 2003 г. доля среднего класса составляла 29%, в 2008 — 34%. Однако кризис 2009 г. нарушил тенденцию роста численности среднего класса. К весне 2009 г. доля среднего класса в населении в целом сократилась с трети до четверти (26%), доля же среднего класса в составе экономически активного городского населения сократилась с более чем 40% до 30%. За последний год, однако, численность среднего класса вновь возросла до более чем трети населения страны, вернувшись к ситуации 2008 г.».

По оценкам социологов, средний класс делится на следующие социальные группы применительно к их готовности к «модернизации»[128] (рис. 19).

В этой области, как показывает практика, даже незначительные усилия государства дают позитивный результат. Так, в период кризиса 2001–2010 годов государство стало выделять желающим заниматься малым бизнесом 50 тыс. рублей. Как оказалось, к 2011 году только 3–4% предпринимателей потерпели фиаско[129].

Но показатель НЧК не только количественный, но и качественный. Как уже говорилось, его КПД может быть от 0 до 100, даже бесконечности (если личность — гений). Поэтому принципиально важно **качество** человеческой личности: понятно, что сумма нулей, даже если их будет 140 миллионов, дает в итоге нуль, но, чем выше качество, т.е. личностный потенциал, тем больше НЧП. Даже небольшая социальная группа выдающихся личностей может резко повысить НЧК. Вспомним хотя бы творческий взлет в России в конце XIX начале XX века, когда страна в лице своих гениальных представителей — писателей, художников, ученых, инженеров, предпринимателей — продемонстрировала миру высочайший уровень национального человеческого капитала.

Вот почему средний класс, как основная «питательная среда» для творческих слоев граждан, имеет огромное значение для НЧК.

Важно также иметь в виду, что именно средний класс должен стать не просто основой стабильности (о чем много говорят), но и основой **развития**. Именно он заинтересован прежде всего и может стать социальной базой для новой идеологии социального консерватизма. Но, как показывают события в Северной Африке и на Ближнем Востоке, может быть и наоборот. Именно средний класс становится главной движущей силой социальных революций.

Причем история Российской империи также подтверждает этот вывод. Принято считать, что освободившиеся крестьяне и мещане должны были быть очень благодарны Александру II Освободителю. Но этого почему-то не произошло. Наоборот, именно 1860-е и 1870-е годы стали годами народных волнений, заговоров и политических убийств.

Интересно наблюдение Б. Н. Миронова, сделанное им в фундаментальном научном труде по исторической антропометрии в России за 1700–1917 годы, в частности, о времени правления наиболее «несимпатичного» для наших либералов императора — Николая I, при котором, однако, жизненный уровень был максимально высоким за весь период наблюдений. Так, индекс реальной зарплаты приближался в этот период к 100, а индекс цен был сопоставим с индексом пятидесятилетней давности[130] (табл. 31).

Это совершенно по-иному рисует как образ имперской России, так и правление наиболее «тоталитарного» режима. Кстати, наблюдения Б. Н. Миронова показывают, что реальная зарплата стремительно

Рис. 19. Доля «модернистов» и «традиционалистов» в различных социальных группах, %

Табл. 31. Индексы цен и зарплаты плотников в Санкт-Петербурге в 1703–1913 гг., 1703–1710 гг. = 100

Годы	Субиндексы цен			Общий индекс цен*		Индекс номинальной зарплаты	Индекс реальной зарплаты**	Общий индекс цен 1703—1710 =100**	Индекс реальной зарплаты 1703–1710 =100**
	питание	жилище	гардероб	А	Б				
1703–1710	14,7	8,8	20	15,3	14,9	10,1	66,0	100	100
1713–1720	18,9	9,3	21,5	18,4	18,2	11,0	59,7	120	90
1721–1730	23,0	12,8	25,1	22,4	22,2	14,7	65,5	146	99
1731–1740	24,4	13,6	27,7	23,9	23,7	15,9	66,3	157	100
1741–1750	24,0	13,4	32,9	24,6	24,2	11,3	45,9	161	70
1751–1760	28,8	15,1	32,0	28,0	27,7	13,2	47,2	183	72
1761–1770	28,9	15,7	36,2	29,0	28,6	13,7	47,3	190	72
1771–1780	32,3	16,7	39,7	32,1	31,7	15,2	47,4	210	72
1781–1790	40,0	20,7	54,8	40,9	40,2	22,1	54,1	267	82
1791–1800	44,7	25,5	66,0	46,8	46,0	29,4	62,8	306	95
1801–1810	54,2	32,9	74,0	55,8	55,1	40,1	71,8	365	109
1811–1820	46,3	30,3	80,6	51,2	49,9	43,3	84,5	335	128
1821–1830	40,5	29,8	75,4	46,1	44,8	40,1	87,0	301	132
1831–1840	47,6	27,6	75,4	50,9	49,8	48,9	96,1	333	146
1841–1850	51,2	29,9	71,3	**52,9**	**52,1**	52,4	**99,1**	346	150
1851–1860	62,5	33,0	68,3,	**60,7**	**60,0**	61,7	**101,7**	397	154
1861–1870	69,5	44,5	64,4	66,0	65,7	58,5	88,6	431	134
1871–1880	77,8	61,0	62,7	73,3	73,0	64,1	87,5	479	133
1881–1890	80,2	67,4	74,2	77,8	77,7	56,1	72,1	508	109
1891–1900	75,3	73,9	77,6	75,6	75,6	66,5	88,0	494	133
1901–1910	83,0	83,3	91,3	84,6	84,6	79,3	93,8	553	142
1911–1913	96,2	95,4	99,1	96,7	96,7	94,5	97,7	632	148
1913	100	100	100	100,0	100,0	100***	100,0	654	152

*А — по формуле средней взвешенной арифметической, Б — по формуле средней взвешенной геометрической.

** При расчете использовался общий индекс цен, рассчитанный по формуле средней взвешенной арифметической.

*** Средняя номинальная поденная зарплата плотников в 1913 г. составляла 124,8 коп.

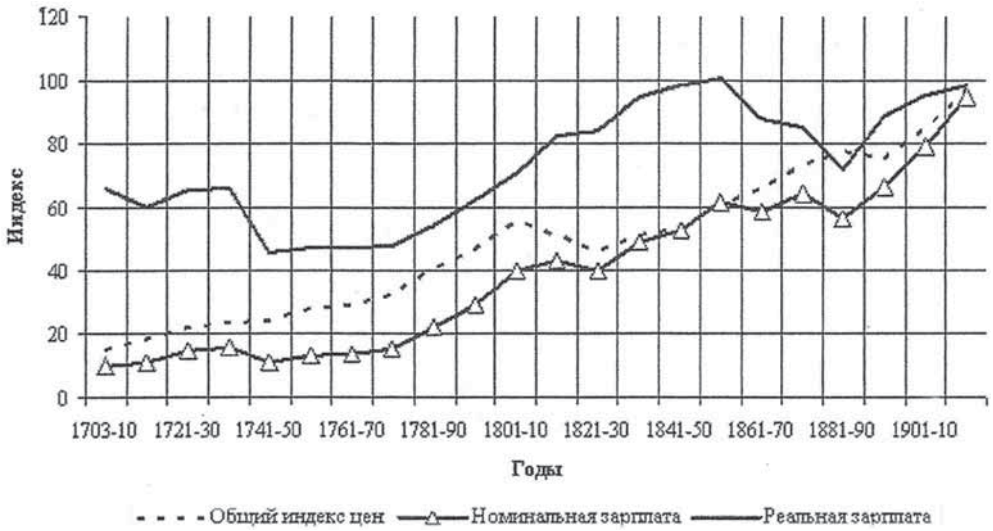


Рис. 20. Динамика цен и зарплаты в Санкт-Петербурге в 1703–1913 гг. (1913 г. = 100)

падала во времена «демократизации» Александра II, в то время как общий индекс цен — рос[131] (рис. 20).

То, что сегодня, во втором десятилетии XXI века, выдается за «процветание», «расцвет» в национальном развитии, для большинства граждан таковым совсем не является.

Сказанное имеет прямое отношение к современности, как минимум, в двух планах. Во-первых, объясняет подъем революционного движения в России в 70-е и 80-е годы XIX века с вполне материалистических позиций и дает основание полагать, что современная Россия не является исключением. Во-вторых, иллюстрирует тот факт, что либерализация и «демократизация» не всегда ведут к улучшению положения граждан. Что эти понятия отнюдь не тождественны. Как говорил А. С. Пушкин, в России «нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности»[132].

Вместе с тем материальное положение среднего класса среди других групп населения, распределенных по видам экономической деятельности, можно назвать не просто неудовлетворительным, но даже трагичным. Экономические реалии таковы, что творческие слои фактически массово уничтожаются экономическими методами, что легко заметить из официальной статистики, в частности, заработной платы, которая является основным, а главное, — постоянным источником дохода[133].

Табл. 32. Среднемесячная начисленная заработная плата (без выплат социального характера) по видам экономической деятельности

	2009 г.			декабрь 2009 г.		
	рублей	в % к		рублей	в % к	
		2008 г.	общероссийскому уровню среднемесячной заработной платы		декабрю 2008 г.	ноябрю 2009 г.
Всего	**18795**	**108,5**	**100**	**24004**	**110,2**	**124,8**
в том числе:						
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	9469	112,9	50	**11016**	110,1	114,7
рыболовство, рыбоводство	23317	120,0	124	27610	116,6	129,3
добыча полезных ископаемых	35173	105,6	187	**49783**	111,3	145,3
в том числе:						
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	41425	106,2	в 2,2р.	**58667**	109,8	152,1
добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	23733	102,7	126	33306	116,6	126,6
из нее добыча металлических руд	26988	106,2	144	40690	114,8	131,7
обрабатывающие производства	16608	103,4	88	19655	114,5	116,8
из них:						
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	15801	109,1	84	17308	112,1	113,2
текстильное и швейное производство	8982	107,7	48	**10239**	117,5	110,4
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	9970	108,3	53	12459	122,6	119,3
обработка древесины и производство изделий из дерева	10965	102,0	58	11858	110,3	105,6
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	17802	102,9	95	21414	107,3	122,2
в том числе:						
производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них	17643	108,4	94	21096	116,5	119,7

продолжение таблицы

	2009 г.			декабрь 2009 г.		
	рублей	в % к		рублей	в % к	
		2008 г.	общероссийскому уровню среднемесячной заработной платы		декабрю 2008 г.	ноябрю 2009 г.
издательская и полиграфическая деятельность, тиражирование записанных носителей информации	17873	100,5	95	21561	103,7	123,3
производство кокса и нефтепродуктов	37456	107,8	199	49519	116,3	148,6
из них:						
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	15801	109,1	84	17308	112,1	113,2
текстильное и швейное производство	8982	107,7	48	**10239**	117,5	110,4
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	9970	108,3	53	12459	122,6	119,3
обработка древесины и производство изделий из дерева	10965	102,0	58	11858	110,3	105,6
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	17802	102,9	95	21414	107,3	122,2
в том числе:						
производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них	17643	108,4	94	21096	116,5	119,7
издательская и полиграфическая деятельность, тиражирование записанных носителей информации	17873	100,5	95	21561	103,7	123,3
производство кокса и нефтепродуктов	37456	107,8	199	49519	116,3	148,6
в том числе:						
производство кокса	22324	97,2	119	24788	115,7	107,9
производство нефтепродуктов	40064	108,6	в 2,1р.	53714	116,3	153,1
химическое производство	19680	107,2	105	23452	119,6	118,7
производство резиновых и пластмассовых изделий	14508	104,0	77	16470	118,9	108,1
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	15378	93,5	82	17513	110,2	110,5
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	17729	98,6	94	21133	115,8	115,4
в том числе:						
металлургическое производство	21003	100,3	112	25363	117,4	117,9
производство готовых металлических изделий	14078	96,7	75	16444	114,0	111,2
производство машин и оборудования	16835	102,1	90	**19939**	114,8	115,6
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	17869	106,5	95	23125	122,3	123,0
производство транспортных средств и оборудования	17340	100,4	92	20245	110,3	113,4

продолжение таблицы

	2009 г.			декабрь 2009 г.		
	рублей	в % к		рублей	в % к	
		2008 г.	общероссийскому уровню среднемесячной заработной платы		декабрю 2008 г.	ноябрю 2009 г.
прочие производства	12942	101,1	69	15275	111,9	114,4
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	21662	113,0	115	27732	117,2	130,7
из них производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды	22859	112,5	122	29529	117,0	133,1
из них:						
производство, передача и распределение электроэнергии	29096	111,4	155	38811	116,6	137,3
производство и распределение газообразного топлива	20547	110,9	109	28237	112,3	143,5
строительство	18323	98,5	97	22777	105,7	120,4
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	15937	108,8	85	19398	114,8	124,4
в том числе:						
торговля автотранспортными средствами и мотоциклами, их техническое обслуживание и ремонт	17430	102,3	93	19576	100,4	113,8

Как нетрудно заметить, доходы лиц, занятых в науке, образовании, здравоохранении, перерабатывающих отраслях промышленности, **радикально** уступают доходам в финансовых и сырьевых отраслях, что в целом точно отражает всю структуру экономики и общества.

Соответственно, возникает проблема **роста** личных доходов в этих секторах, ориентированных на развитие НЧП, изменения отношения государства к этой социальной группе (группам) людей.

Существуют, как уже говорилось, три признака среднего класса — материально-имущественное положение (доход, накопления, имущество), социально-профессиональный статус и самоидентификация (когда люди сами называют себя средним классом). Директор НИСП Т. Малева утверждает, что по первому признаку к среднему классу можно отнести 21,2% домохозяйств, по второму — 21,9%, а вот по третьему — 39,5%. Социологи же все три признака в совокупности обнаружили только у 6,9%[134].

Но определение среднего класса только по доходам и имущественному признаку не вполне корректно хотя бы потому, что заранее сводит духовный и интеллектуальный потенциал творческой личности до уровня среднестатистического обывателя. Ведь экономический результат не главное, к чему стремятся эти люди.

Доходы, собственность достаются иногда достаточно просто, не требуя многих лет профессиональной учебы, работы, переподготовки. Главный и основной признак *личности* — творческий поиск. Характерно, что и в структуре потребления этого социального слоя затраты на материальные блага — питание, одежду, предметы роскоши — составляют отнюдь не главные статьи расходов. На первое место устойчиво выходят затраты на информацию — Интернет, книги, программное обеспечение, путешествия и т.д.

Споры о существовании среднего класса и его роли в российском обществе весьма актуальны. На наш взгляд, очень полезными в этой связи могут быть выводы исследователей из Центра Карнеги в Москве, которые выполнили серьезный проект «Экономические и социальные стратегии среднего класса». По их мнению, например, двумя признаками среднего класса обладают лишь 12% российских семей, а в целом к нему могут быть отнесены не более 19% (для сравнения, в развитых странах к среднему классу относятся 60–70% населения). Причем в благоприятных условиях максимальная численность российского среднего класса могла бы составить 50%.

На наш взгляд, эта цифра огромна, и при ее достижении в среднесрочной перспективе можно было бы говорить о том, что Россия вступила на интенсивный путь развития. Парадокс заключается в другом — Россия не может вступить в период интенсивного развития без усиления влияния и роста численности среднего класса.

В этой связи представляет интерес анализ экспертами Центра Карнеги структуры среднего класса в России:

— лишь немногим более трети домохозяйств (8,8% из 21,9%), обладающих набором признаков среднего класса, с профессионально-социальной точки зрения имеют удовлетворительное материальное положение. В упрощенных терминах это означает, что лишь треть образованных людей научились зарабатывать либо получают относительно их квалификации достойную зарплату;
— с другой стороны, не более трети российских семей с достатком (8,8% из 21,2%) имеют сильные профессиональные позиции. Опять же, упрощая, можно сказать, что только треть умеющих зарабатывать достаточно образованны;
— чуть более половины среднеобеспеченных семей (11,9% из 21,2%) относят себя к среднему классу. Таким образом, материальный достаток далеко не для всех является гарантией высокой социальной самооценки;
— меньше трети семей (11,9% из 39,5%), субъективно относящих себя к среднему классу, имеют на то объективные основания, если судить по уровню их материального положения. Иначе говоря, субъективный средний класс значительно шире среднеобеспеченных групп населения;
— также немногим более половины домохозяйств (12,2% из 21,9%) с социально-профессиональными характеристиками, присущими среднему классу, уверенно относят себя к таковому. Таким образом, образование и профессия не всегда являются основанием для высокой самооценки;
— менее трети «субъективного» среднего класса (12,2% из 39,5%) объективно является таковым с социально-профессиональных позиций. Другими словами, **субъективный средний класс существенно превосходит по размеру социально-профессиональный средний класс**.

Сегодняшнее место среднего класса в российском обществе графически можно изобразить следующим образом (см. рис. 21).

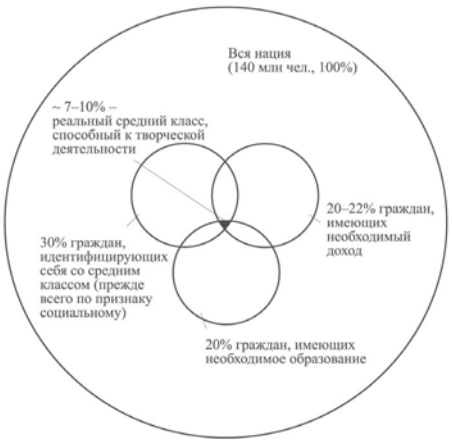


Рис. 21.

Из этого простого рисунка видно, что для того, чтобы расширить «питательную среду» для креативной части общества, т.е. увеличить заштрихованную зону с 7–10% до 25–30%, необходимо:

1) увеличить социальную группу получающих душевой доход, сопоставимый с доходом в развитых странах, с 20–22% до 70–75% всех граждан;
2) увеличить социальную группу, имеющую высшее образование, с 20% до 50–60%, а в перспективе — до 90–95%;
3) увеличить социальную группу, идентифицирующую себя по социально-профессиональному признаку, с 30% до 50–70%.

В этом случае рисунок современного общества выглядел бы следующим образом (см. рис. 22).

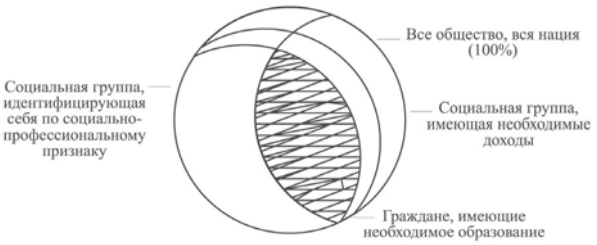


Рис. 22.

Таким образом, мы видим, что основные элементы, составляющие **качество** ЧП, — образование, доход, уровень культуры — являются ключевыми при создании массового среднего класса и базы для формирования креативных социальных слоев общества.

Отсюда главная цель социально-консервативной идеологии заключается не только в абстрактном развитии потенциала человеческой личности, но его трансформации, реализации в НЧК, т.е. в социальной политике, ориентированной на массовое воспроизводство потенциалов человеческой личности.

Огромная часть интеллигенции — служащие, предприниматели — работает в бизнесе. И их справедливо надо считать такими же носителями идей, талантов и возможностей. Талант предпринимателя — это надо особо подчеркнуть — встречается не чаще, чем талант музыканта, ученого, а издержек — рисков, стрессов — у него значительно больше.

Специфика России, кроме того, заключается в том, что предпринимателями стали за последние 15 лет бывшие ученые, военные, журналисты (представителей собственно экономики и производства в этой среде. Интеллектуальная составляющая в этой среде нередко доминирует.

С точки зрения экономической и социальной необходимо преодолеть исторически сложившееся отношение к носителям знаний в России как к людям второго сорта и поднять их социальный статус в обществе. Во многом эта историческая задача свойственна только России, ведь в постиндустриальных обществах этого давно уже нет — священник, учитель, врач обладают там статусом, нередко превышающим

статус государственного служащего и даже солидного бизнесмена.

Иное дело в России, где исторически роль интеллигенции в управлении страной и распределении национальных ресурсов была сведена к минимуму. Во времена империи интеллигенция, еще только нарождавшаяся, была в меньшинстве и по численности, и по влиянию в обществе. По своему статусу она значительно уступала дворянству и другим сословиям.

В советские времена интеллигенция получила полупрезрительное название «прослойки». В «демократической» России она стала самой обездоленной, самой пострадавшей от реформ частью населения, добровольно уступив свои политические и экономические права зачастую полуграмотным политикам и чиновникам. Но вернуть себе эти политические и экономические права она может только сама: глупо ожидать от «нового русского» или бюрократа желания самостоятельно поделиться властью. Таким образом, объективная общеэкономическая тенденция развития совпадает с социально-политической потребностью прихода к власти в России «креативного класса», когда интересы этого класса и общества могут быть выражены в единой политической воле.

Политическое значение креативного класса возрастает не благодаря, а вопреки традиционной элите. Эти люди, благодаря своим знаниям, творчеству и пассионарности, не зависят от власти. Более того, с удовольствием ей противостоят, формируя вопреки ей новую элиту, элиту блоггеров, да и вообще социально активной части творческого класса. Как справедливо заметил социолог А. Бард, «новая элита, нетократия, — это совершенно новый класс, аналогов которому нет в истории. Нетократы — это люди, чьи способности совершенно четко соответствуют требованиям нового интернет-времени: они очень социально подкованы и опытны, они являются настоящими экспертами в сфере социального сетевого общения, они знают, как одерживать победы в онлайн-пространстве. Нетократы по своей сути плюралистичны и очень толерантны — эти качества нужны для достижения успеха в быстро расширяющемся, глобальном и прозрачном онлайн-пространстве. Виртуальная реальность стала нашей новой реальностью, прежняя физическая реальность подчиняется законам виртуальной интернет-реальности. **Отныне и впредь миром будут править социальные сетевики»**[135].

Проявлением этой борьбы стало появление «Викиликса», который был направлен против политиков, бизнесменов, дипломатов, т.е. старой буржуазии.

Причем этот социальный слой стремительно растет: сегодня Интернетом в России регулярно пользуются более 50 млн человек, причем, по оценке О. Крыштановской, наша страна занимает третье место в мире по числу пользователей социальными сетями. «Это новая связанность создает уникальные возможности для граждан, желающих влиять на политический процесс»[136].

11. Потенциал личности и качество госуправления

…Некоторая доля элиты стремится к пересмотру нынешнего положения дел… Однако большая часть ориентируется на «инерционную модель», имеющую больше шансов для реализации[137].

М. Ремизов,
директор фонда «Стратегия 2020»

Воля народа должна быть воспитана в исключительном уважении к качествам индивидуальным, к бесконечной природе человеческого духа[138].

Н. Бердяев

Новая дискуссия о качестве госуправления, развернувшаяся с подачи Д. Медведева в июне 2011 года, была оценена экспертами как «долгожданный старт» нового цикла обсуждения необходимых преобразований, «их глубины и сроков»[139]. Боюсь, однако, что, как и прежде, такая дискуссия ни к чему не приведет, разве что к очередной кампании по сокращению чиновников на 5… 10 или даже 50%.

Национальный человеческий потенциал — неисчерпаемый ресурс, который (в отличие от природных и материальных ресурсов) в новых условиях развития науки и техники становится не только важнейшим фактором экономического, но и общественного развития, при условии, что для этого созданы некоторые подпосылки, прежде всего правящей элитой. В противном случае этот НЧП так и остается потенциалом, не превращаясь в фактор, т.е. не реализуется. Технологические предпосылки для того, чтобы НЧП превратился в решающий фактор развития, стремительно нарастают. Уже не в разы, а на порядки и даже десятки порядков.

Один из создателей Интернета В. Сёрф привел два примера, иллюстрирующих эти возможности. Первый, когда пропускная способность Интернета выросла с полутора килобит в секунду в 70-х годах до нынешних сотен гигабит, т.е. в миллионы раз! А второй — когда число пользователей за эти же годы выросло с нескольких тысяч человек до 2 миллиардов

(кстати, неохваченными пока остаются еще 4 млрд!)[140]. Таким образом, Интернет стал не только средством хранения и передачи информации, но и **средством управления**, причем как государственного, так и общественного. Как справедливо считает А. Чадаев, «… для существенных политических сил вызов интернет-реальности — это, в первую очередь, огромный рост значения механизмов обратной связи»[141].

Учитывая то, что Интернет, как и ряд других СМИ, невозможно полностью взять под контроль, а тем более «закрыть», этот инструмент становится в руках отдельной личности важным инструментом самовыражения и влияния. Достаточно сказать, что странички отдельных блоггеров по количеству посетителей (иногда в день десятки тысяч) уже превосходят тиражи отдельных газет и сетевых СМИ.

Уже стало также реальностью создание сетевых сообществ, объединенных по интересам, включая политические. Так, ряд кампаний оппозиции в России в 2008–2010 годы имели очевидно сетевую организацию, которую, кстати, пытался создать еще в начале десятилетия М. Ходорковский под эгидой «Открытой России».

Получается, что развитие информационных возможностей многократно усиливает творческий потенциал личности и **степень его влияния** на общественные и государственные процессы, в том числе на качество государственного управления. С чем, кстати, уже считаются представители российской элиты: Д. Медведев принимает в Кремле уже не только редакторов газет, но и блоггеров, В. Путин во время летних пожаров отвечает блоггеру по поводу «рынды», С. Миронов в режиме онлайн отвечает и управляет своими однопартийцами, а министерства выставляют на тендер свои заказы в Интернете.

Более того, опросы общественного мнения, всевозможные рейтинги популярности/непопулярности становятся важнейшими критериями при принятии политических решений. Так, А. Фурсенко в интересах Минобразование заказывает рейтинги университетов[142], а Д. Медведев заявил в сентябре 2010 года, что при назначении губернаторов будет учитывать степень общественного доверия к чиновникам в регионах. Все это свидетельствует о том, что созрели технические и социальные предпосылки **для революции в государственном и общественном управлении**. В том числе и в России, где эта область традиционно носила консервативно-личностный отпечаток.

Против этой объективной тенденции выступает приверженность российской элиты к инерционной модели развития, которая консервирует нынешнюю элиту, ее власть и распределение национального богатства; элита, по сути дела, не заинтересована в модернизации, так как эксплуатирует природные ресурсы, не считаясь с критериями экономической эффективности и экономическими последствиями. Так, за период 2005–2009 годов под разговоры о модернизации средний уровень глубины переработки нефти на российских НПЗ увеличился… с 69 до 71,8%, при том что она меньше, чем в США, в 2 раза[143].

Табл. 33. Сравнение нефтеперегонных заводов по индексу технического совершенства

Страна, регион, завод	индекс Нельсона*
США	9,57
Евросоюз	7,18
Россия в среднем	4,72
Хабаровский НПЗ	2,24
Краснодарэконефть	1,93
Туапсинский НПЗ	1,31
Афипский НПЗ	1
Уфанефтехим	7,40
Омский НПЗ	5,44
Весь мир в среднем	9,57

* Показатель комплексности нефтепереработки.
Источник: Ассоциация нефтепереработчиков и нефтехимиков

Идеология русского социализма вполне отражает эту объективную тенденцию, более того, предполагает, что на нее можно и нужно **сознательно воздействовать** в сторону ее усиления: развитие потенциала человеческой личности неразрывно должно быть связано с ростом эффективности госуправления, которая остается одной из тяжелейших проблем России, о чем я подробно писал в 2000–2007 годах[144].

Русский социализм как идеология предполагает следующее.

Во-первых, использование новейших достижений НТР в интересах развития ЧП является **важным ресурсом развития всей нации, всего НЧК**, а поэтому должно быть и приоритетом в государственной политике. Широкая информатизация школ, проведенная в рамках ПНП «Образование», стимулирование развития всех областей IT, включая господдержку корпораций, другие шаги власти, однако, не являются вполне достаточными. Учитывая отставание России, плохую социальную структуру общества, необходимо сделать так, чтобы достижения науки, техники и культуры **стали общедоступными**, т.е. чтобы любой гражданин страны мог иметь возможность доступа к информации. Если мы вернемся к НИЧП, то увидим, что как минимум, 4 из 6 показателей (образование, культура, духовность, наука) непосредственно связаны с доступом к такой информации. Это означает, что государство должно принять соответствующие решения не только о 100%-ной информатизации школ, но и всех личностей, составляющих нашу нацию.

Во-вторых, подобное массовое внедрение (я бы сказал, всеобщая информатизация) информационных технологий должно привести к росту качества

государственного и местного управления. Это, кстати, может быть отнесено к бюджетным расходам на повышение качества госуправления, но не через финансирование бюрократических структур, а **через прямое финансирование личности**, создание необходимых серверов и услуг (порталов музеев, электронных библиотек, кинотеатров и т.д.).

В-третьих, прямое инвестирование в информатизацию личности создает **потребительский спрос**. Стимулирование спроса неизбежно ведет к развитию всех отраслей, связанных с информатизацией, а также управлением, что составляет сегодня значительную часть экономики знаний.

Наконец, **в-четвертых**, «информатизация личности» ведет к созданию новой социальной среды, общественных институтов и повышению качества госуправления — сокращению бюрократических процедур и коррупции, ускорению принятия и реализации решений, большей прозрачности, меньшей коррупционности и т.д. Это имеет особое значение для России, ее экономического развития и безопасности. Качество человеческого потенциала как фактора государственного управления будет стремительно расти. Пока что это — прямая угроза национальной безопасности. Позволим себе процитировать один из основных выводов, приведенных в докладе Национального разведывательного совета США о перспективах глобализации применительно к России: «В прогнозе глобальных тенденций до 2015 года эффективность власти относится к главным факторам будущего и предполагается, что на развитие всех указанных нами тенденций будут влиять решения людей… Действия негосударственных, как и правительственных, игроков могут иметь глобальные последствия в рассматриваемый период»[145].

Если вернуться к рисунку, на котором изображается структура национального богатства страны, то мы увидим, что информатизация и другие технологии, увеличивающие возможности человека (В. Сёрф, например, отмечал две приоритетных — биологию и информационно-биологическую), не только непосредственно влияют на НЧК и эффективность использования машин и оборудования, а также природных ресурсов, но и во многом формируют систему управления обществом и государством (рис. 23).

Эти, назовем условно, биоинформационные технологии выступают в качестве усилителя (транзистора), способного многократно увеличить потенциал личности (ЧП) и, соответственно, НЧК, который, напомню, является реализованным НЧП, т.е. непосредственно зависит от эффективности управления.

В этой связи уместно напомнить о взаимосвязи концепции модернизации и инноваций не только с технологическими процессами и оборудованием, но и развитием всего потенциала нации — НЧП, природных ресурсов, традиционных отраслей промышленности, общественного устройства. Новейшие технологии, ориентированные на максимальное развитие возможностей личности, можно прежде всего отождествить с инновациями.

Это — уже выбор стратегии и идеологии, который должна сделать правящая элита. «Отрицая» идеологию, либералы, между тем, прекрасно понимают ее значение для выбора стратегии. Так, А. Кудрин, например, «выступает за партийное правительство», напоминая, что в развитых странах экономическая **стратегия принимается в результате избирательных кампаний**. Именно в этих условиях «выбирается та политическая партия, платформа и то правительство, которое будет отражать эту платформу», утверждает министр финансов. Он уверен, что **политическая конкуренция является необходимым элементом «построения работы любого общества, любой экономики»**: «Мы хотим, чтобы было **больше идей** и политической конкуренции в выработке этих решений»[146].

Происходит коллизия: на высшем уровне — политико-идеологическом и управления государством — идеология формально отрицается, но «для себя», принимая такие решения, либеральные власти **этого прямо требуют**.

Как справедливо отметили в своем докладе американские авторы, «…в России идет более общий процесс модернизации экономики и всего общества, что является главной задачей власти. Для этого важно добиться создания современных и прозрачных институтов, установить эффективную правовую си-

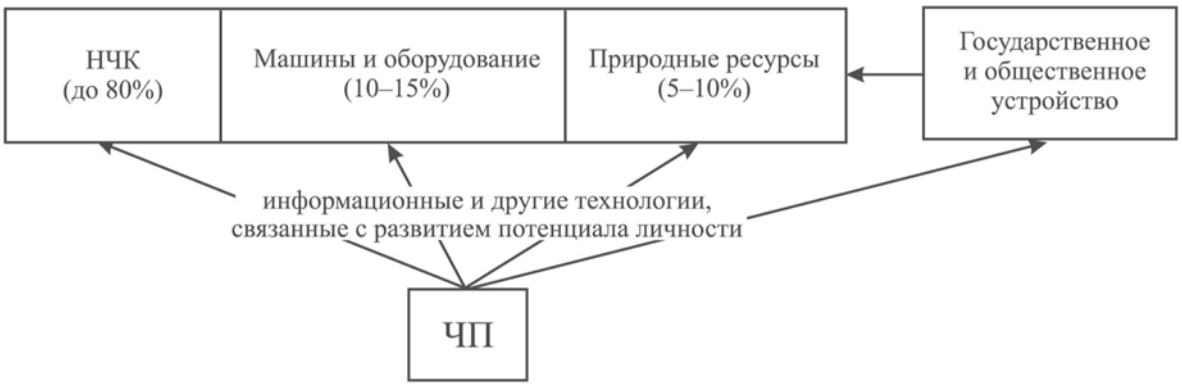


Рис. 23. Национальное богатство страны

стему, развить демократические процедуры. Однако эти задачи выходили **за рамки** „Ярославского плана 10–15–20“ — как показало проведенное исследование, их можно решать отдельно.

Важно подчеркнуть, что, пытаясь построить инновационную экономику, недопустимо потерять индустриальную базу, созданную в России ранее. Без развитой промышленности, работающей как партнер и заказчик инновационных компаний, современная экономика немыслима. **России надо не допустить разрушения своего производственного и образовательного потенциала — даже под флагом самых правильных преобразований и благих намерений. Новые технологии должны восприниматься исключительно как средство повышения производительности труда и вести к росту благосостояния граждан**.

И наконец, строительство в России инновационной экономики, экономики знаний должно стать непрерывным **процессом**, а не рассматриваться **как цель**, которую можно однажды достигнуть и на этом успокоиться. Этот процесс повлечет за собой коренные перемены в обществе и поставит Россию в ряд стран, определяющих повестку дня всего человечества»[147].

Кстати, рассматривая SWOT-матрицу для модернизации России, американские эксперты обратили внимание на слабые стороны страны, которые в той или иной степени можно отнести **к плохому госуправлению**[148].

Сильные стороны:

— высокий научный и образовательный потенциал, признанный в мире, наличие крупных научно-образовательных центров и большой технологический запас;
— большой внутренний рынок;
— значительный объём финансирования государственных инициатив в области поддержки высоких технологий;
— географическое положение и исторические связи в центре Евразии с прямым доступом на европейские, азиатские и ближневосточные рынки.

Табл. 34. Динамика индексов доверия политикам, в баллах

	24.07.2010	07.08.2010	14.08.2010	21.08.2010
Медведев Д. А.	39	40	40	42
Путин В. В.	47	49	47	49
Жириновский В. В.	–14	–12	–10	–11
Зюганов Г. А.	–10	–11	–10	–7
Шойгу С. К.	7	11	10	8
Иванов С. Б.	2	2	3	4
Грызлов Б. В.	0	0	–1	0
Лужков Ю. М.	–1	–1	–1	–1

Табл. 35. Динамика еженедельных оценок по доверию политикам за месяц, в процентах

Доверие	24.07.2010	07.08.2010	14.08.2010	21.08.2010
Медведев Д. А.	43	46	44	46
Путин В. В.	51	53	51	54
Жириновский В. В.	8	8	8	7
Зюганов Г. А.	5	5	4	5
Шойгу С. К.	7	8	10	9
Иванов С. Б.	3	3	3	4
Грызлов Б. В.	3	2	2	3
Лужков Ю. М.	3	3	2	3
Недоверие	**24.07.2010**	**07.08.2010**	**14.08.2010**	**21.08.2010**
Медведев Д. А.	4	5	4	5
Путин В. В.	4	4	4	5
Жириновский В. В.	22	20	17	18
Зюганов Г. А.	15	16	13	12
Шойгу С. К.	0	1	0	1
Иванов С. Б.	1	1	1	0
Грызлов Б. В.	3	2	3	3
Лужков Ю. М.	4	4	3	4

Слабые стороны:

— недостаточно развитый спрос на инновации на внутреннем рынке;
— слабая инфраструктура (доступ к офисным площадям, жилью, телекоммуникациям и т. д.);
— неразвитая финансовая система (долговое финансирование, прямые и венчурные инвестиции, биржевые площадки);
— недружественная к высокотехнологичным бизнесам налоговая и правовая система;
— отсутствие предпринимательских традиций;
— незнание международных рынков, плохие связи у национального бизнеса;
— плохая репутация страны у международных инвесторов.

Показательно, что общественное мнение **не реагирует** адекватно на феномен низкого качества управления. Всероссийский центр изучения общественного мнения проводит еженедельные измерения доверия россиян политикам. Ниже приведены ежемесячные и еженедельные **индексы доверия политикам, рассчитанные как разница между положительными и отрицательными оценками**[149].

$$J_{нед} = \text{доверие} - \text{недоверие}$$

Эмпирической базой для расчета индекса служат еженедельные опросы ВЦИОМ по репрезентативной общероссийской выборке с учетом квот по полу, возрасту, образованию и территориальному районированию. В каждом опросе принимали участие 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4% (табл. 34, 35).

Примечательно, что свой прогноз американские эксперты считают имеющим значение и для России. Более того, именно для России он имеет еще большее, можно сказать, особое значение: «В период до 2015 года Москве будет еще труднее, чем сейчас, согласовывать свои претензии на мировое лидерство с резко сократившимися ресурсами. Сможет ли страна достичь равновесия целей и средств, остается, по мнению большинства экспертов, открытым и важнейшим вопросом, равно как и вопрос о характере и качестве российского руководства и экономической политики». И далее американские эксперты рисуют пессимистический сценарий: «Скорее всего, Россия останется внутренне слабой, институционально участвующей в международной системе главным образом через свое постоянное членство в Совете Безопасности ООН».

Иными словами, американские специалисты среди важнейших факторов, влияющих на будущее России, выделяют качество российского политического руководства и принимаемых этим руководством решений. С этим выводом трудно не согласиться. Действительно, основные проблемы СССР и России 1989–2000 годов были следствием во многом непрофессиональных, антинациональных решений, принятых советско-российским руководством в этот период, т.е. носили субъективный характер.

Общая ситуация такова: к 2010 году в России так и не сложилось, **не было создано эффективного механизма государственного управления.** Благодаря действиям В. Путина управленческий и политический кризис 1990-х годов был преодолен, но это отнюдь не означало, что созданный им механизм «кризисного управления» является достаточно эффективным при изменении задач от стабилизации к развитию. Ошибки, причем крупные, повторялись и повторяются, хотя о катастрофических ошибках говорить, наверное, было бы также неправильно. Среди ошибок можно назвать такие известные, как проведение неподготовленной административной реформы и реформы местного самоуправления. Провальным оказался и ФЗ-122, да и большинство других законов. Не случайно активная законотворческая деятельность часто сводится к исправлению только что принятых законов.

Если взять главное направление — развитие науки, то вместо активизации деятельности РАН и нормального финансирования в течение ряда лет делались попытки ее непродуманного реформирования. В результате по данным рейтинга консалтинговой компании Thomson Scientific, Россия по итогам 1995–2005 годов заняла лишь 8-е место в мире по количеству опубликованных научных работ и лишь 18-е — по частоте их упоминания. Для сравнения: американские ученые опубликовали 2,8 млн статей, которые были процитированы 36,2 млн раз, их российские коллеги опубликовали 286 тыс. статей, которые в мире процитировали 971,5 тыс. раз.

Дело, таким образом, не только в количественном отставании на порядок, но и в качестве: в среднем каждую статью российского ученого в мире цитируют 3 раза, американского — 13 раз. По цитируемости Россию обгоняют не только страны G7, но и Голландия, и даже Китай. Низок уровень не только фундаментальных, но и прикладных исследований. Россия регистрирует в год в 2 раза меньше международных патентов, чем Южная Корея, и в 6 раз меньше, чем США. Сами ученые в интервью социологам обозначают долю своих коллег, ведущих активную научную деятельность, в 25–30%[150].

Примечательно, что власть даже и не пыталась решить этот вопрос, откладывая его год за годом. В результате вплоть до сегодняшнего дня не появилось заметных инициатив для исправления ситуации. Речь не идет, конечно, о частной попытке создания инновационного фонда. Не случайно, что в своих рекомендациях американские ученые подчеркнули важность двух блоков — инновационного (информационные и суперкомпьютерные технологии) и инфраструктурного (трудовые ресурсы)[151]. Целесообразно перечислить эти рекомендации.

Информационные и суперкомпьютерные технологии

— Изменить налоговое законодательство, снизив социальные платежи работающих в сфере высоких технологий предприятий, основными затратами которых является ФОТ и которые в настоящее время вынуждены делать непропорционально высокие социальные отчисления: 2010 г.
— Выделить средства на продвижение российских компаний — производителей программного обеспечения на международных выставках, ИТ-семинарах и конференциях: с 2011 г.
— Повысить качество образования программистов посредством подготовки и переподготовки профессорского состава на базе действующих ИТ-компаний. Задействовать квалифицированных сотрудников компаний — производителей программного обеспечения для чтения лекций в университетах: с 2011 г.
— Обеспечить адекватное государственное финансирование наращивания суперкомпьютерных мощностей: с 2012 г.
— Создать российский суперкомпьютерный гид, опирающийся на наукограды и крупные научные центры и имеющий связь с вычислительными рынками Европы и Азии: 2012–2015 гг.

Трудовые ресурсы

— Изменить процедуру ассигнований средств на исследования — связать сроки предоставления финансирования со сроками реализации проекта в целом и отказаться от ежегодного финансирования: с 2012 г.
— Изменить процедуру отчётности по предоставленным грантам, отказавшись от обязательного конечного отчёта по гранту в пользу системы, при которой отчёт о результатах использования предыдущего гранта является необходимым условием дальнейшего финансирования: с 2012 г.
— Создать международные экспертные сообщества, рассматривающие заявки о выдаче грантов: 2011 г.
— Обеспечить равные возможности получения исследовательских грантов для граждан России и других стран без какой-либо дискриминации в отношении страны происхождения: 2011 г.
— Выдавать гранты отдельным учёным и исследователям, а не институтам, чтобы люди могли переходить из институтов или университетов в другие учреждения вместе с выделенными им средствами, сделав институт заинтересованным в своих кадрах, а не наоборот: с 2012 г.
— Дать региональным властям возможность финансировать региональные университеты и научно-исследовательские институты, внеся поправки в Бюджетный кодекс: 2011 г.
— Обязать все государственные университеты создать эндаументы, фонды целевого капитала и обеспечить их первоначальное наполнение государством для обеспечения финансовой независимости образовательных учреждений: 2012 г.
— Выделить средства на оплату времени работников коммерческих компаний для чтения в университетах лекций по техническим, инженерным и деловым дисциплинам: с 2012 г.
— Выделить средства на сотрудничество с зарубежными университетами в области фундаментальной науки, особенно на взаимный обмен кадрами и программы коммерциализации: с 2012 г.
— Обеспечить финансирование перевода и публикации научных статей российских учёных в международных журналах: 2011 г.

К качеству политического руководства применим, прежде всего, критерий эффективности, т.е. способности правильно определять и достигать поставленные цели в кратчайшие сроки и с минимальными затратами ресурсов. Таким образом, три составляющие — формулирование ясных, научно обоснованных национальных целей, поиск эффективных средств и достижение целей при минимизации затрат ресурсов — являются основными составляющими эффективности политического руководства. ПНП в этой связи можно назвать одной из попыток «менеджерского» решения вопроса.

Реализация ПНП «Доступное жилье», например, показала, что главная трудность состоит именно в неэффективном управлении, прежде всего на уровне регионального и местного звеньев. По признанию руководителя «Росстроя» С. Круглика, «выделение земельных участков под строительство и обеспечение их коммунальными сетями, теплоснабжением, электричеством остается, пожалуй, самым узким местом. Эти затраты, как известно, составляют до 40% стоимости квадратного метра»[152].

Перекос в реализации ПНП в пользу стимулирования спроса через ипотеку без целенаправленного развития строительства — другая ошибка, которая привела к стагнации производства и «разогреву» рынка, в очередной раз продемонстрировав, что рынок отнюдь не всесилен.

Еще одна ошибка — проект нового бюджета на 2007 год, когда доходы Стабфонда просто «вывели за скобки», т.е. искусственно урезали доходные статьи бюджета, с тем чтобы избежать обсуждения их эффективного использования[153].

К сожалению, таких крупных, принципиальных ошибок слишком много, что свидетельствует о том, что исполнительная власть не может эффективно управлять в условиях, когда чрезвычайная ситуация отсутствует.

В этом смысле роль личности — ее профессиональных, деловых, нравственных и интеллектуальных качеств — при подготовке, принятии и реализации политических решений будет играть все возрастающую роль. Можно сказать, что это главный ресурс развития России, способный обеспечить ей в недалеком будущем достойное место в мире.

[1] **Национальные интересы** — *зд.* объективно значимые для нации потребности нации, которые с разной степенью адекватности могут осознаваться национальной элитой или даже игнорироваться ею. Национальные интересы — базовая категория для идеологии, которая в основном предопределяет цели и задачи, приоритеты и стратегию развития нации и государства. Наравне с национальными ценностями национальные интересы являются главным критерием, который может не совпадать с государственными интересами. Так, в СССР государственные интересы (иногда идеологические, классовые) заменяли национальные, а в современной национальные интересы России нередко игнорируются.

[2] **Национальные ценности** — *зд.*, как и национальные интересы, являются базовой категорией идеологии. Означают значимость (значение) некого объекта (объектов) для множества живых существ. Марксизм и русский социализм подчеркивает общественно-практическую сущность, историчность и познаваемость ценностей и идеалов. Некоторые идеологии пытаются отрицать систему национальных ценностей (что видно, например, в современной русской неолиберальной идеологии). Важно подчеркнуть, что национальная ценностная система формируется и развивается в процессе становления и развития нации, а изменения в ней происходят как эволюционно, так и революционно. Сохранение и развитие национальной ценностной системы — основа политической деятельности и условие сохранения нации и государственного суверенитета.

[3] *Шмелева У.* Вы готовы на жертвы ради Отечества? // Российская газета. 2011. 1 марта. С. 16.

[4] Национальная доктрина России. *А. И. Подберезкин* [и др.]; отв. ред. *А. И. Подберезкин* М.: РАУ-корпорация, 1994. С. 21.

[5] *Башкатова А.* Россияне голосуют за государственный капитализм // Независимая газета. 2011. 23 июня. С. 4.

[6] Национальная безопасность России в оценках экспертов: аналитический отчет по результатам экспертного опроса. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 12.

[7] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. С. 312.

[8] Политический словарь: [Эл. ресурс]. URL:http://mirslovarei.com/content_pol/NACIONALIZM-659.html

[9] Цит. по: Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл — читателем газеты «Известия» // Известия. 2011. 22 апреля. С. 1.

[10] См. подробнее: Россия 2020: современная политическая история (1985–1999 гг.). Т. 1. Хроника и аналитика / под общ. ред. *А. И. Подберезкина*. М., 2000. С. 691–707.

[11] Национальные интересы. [Эл. ресурс]. URL:http://ru.wikipedia.org/wiki/

[12] Нравственная основа модернизации. НИРСИ. 18 февраля 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.ideologiya.ru

[13] Цит. по: *Решетников Л. П.* Духовно-нравственные причины национальной катастрофы: материалы международной конференции (РИСИ. 2–3 ноября 2010 года). М.: 2010. С. 18.

[14] *Скатов Н. Н.* Литература великого синтеза. Научные статьи. Очерки. Эссе. М.: РИЦ «Классика», 2011. С. 476.

[15] *Косырев Д.* Заяц и Конфуций // Известия. 2011. 1 февраля. С. 6.

[16] *Кретов С. И.* Инновационная модернизация экономики России и национальная идея // Мир и политика. 2011. № 4 (55). С. 98.

[17] *Наумов И.* Между либералом Медведевым и консерватором Путиным // Независимая газета. 2011. 25 апреля. С. 4.

[18] Напомню, что здесь система рассматривается как совокупность сильно связанных объектов и ресурсов, обладающая свойствами самоорганизации и целостности, возможно противопоставляемая внешней среде. — *Прим. авт.*

[19] Новейший философский словарь / под общ. ред. А. П. Ярещенко. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. С. 247.

[20] **Самоидентификация нации** — *зд.* универсальное явление в мировой культуре и политике, которое формируется в процессе социализации. — *Прим. авт.*

[21] **Национальное самоопределение** — *зд.* духовно-практический процесс, результатом которого является развитие национального самосознания, понимания сути национальных интересов и традиций, а также целей внутренней и внешней политики. — *Прим. авт.*

[22] *Татаренко И. В.* Национальная идентификация в переходных обществах: автореф. дис. канд. философ. н. / МГУ. М., 2003. С. 2.

[23] *Примаков Е.* Чем создается демократия // Независимая газета. 2007. 24 августа. С. 8.

[24] *Ильин С.* Последние предупреждения // ВВП. 2011. № 4 (64). С. 122.

[25] *Лукьянов Ф.* Две России // Ведомости. 2006. 28 декабря. С. А4.

[26] Цит. по: *Сергеев М., Куликов С.* В провалах модернизации виноват народ // Независимая газета. 2010. 16 сентября. С. 1.

[27] См. подробнее о космополитизации в книге «Космополитическое мировоззрение» известного европейского социолога У.Бека, где он, в частности, пишет «…космополитизация означает «насаждение» космополитизма, который изнутри изменяет пространства национально-государственного опыта». *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследования постиндустриального общества, 2008. С. 151.

[28] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. С. 191.

[29] *Слуцкер В.* Россия должна предложить миру новую систему духовных и этических ценностей // Известия. 2006. 26 октября. С. 6.

[30] *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. С. 93.

[31] *Шишкарев С.* Идеология пораженчества // Коммерсант. 2006. 20 июня. С. 8.

[32] *Слуцкер В.* Россия должна предложить миру новую систему духовных и этических ценностей // Известия. 2006. 26 октября. С. 6.

[33] *Ципко А.* Перестройка или Бунт против марксистских запретов // Стратегия России. 2005. № 12(24). С. 55.

[34] *Шишкарев С.* Идеология пораженчества // Коммерсант. 2006. 20 июня. С. 8.

[35] *Саква Р.* Путин: выбор России. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 434.

[36] *Грэм Т.* Диалектика силы и слабости // Ведомости. 2007. 29 июня. С. А4.

[37] Политический журнал. 2007. № 17/18. С. 11.

[38] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. С. 305.

[39] *Романова Т., Виноградова Е.* Вместо квартир // Ведомости. 2006. 19 июля. С. 1.

[40] Впервые эти соображения были опубликованы в кн.: Приоритетные национальные проекты идеология прорыв в будущее / А. И. Иванов (псевдоним А.Подберезкина) [и др.]. М.: СГА, 2006.

[41] *Миронов С.* Где взять восемь триллионов // Известия. 2011. 10 марта. С. 4.

[42] *Бердяев Н.* Русский социализм: бесчестие и сентиментальность. [Эл. ресурс]. URL:http://klein.zen.ru/old/berdjaev.htm

[43] *Ваславский Я.* Мировой политический форум: где справедливость? 16 июня 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.mgimo.ru

[44] *Гликин М., Сергеева Л., Костенко Н.* Рейтинги осыпались // Ведомости. 2011. 22 апреля. С. 1, 2.

[45] *Павловский Г.* Его выбор // Независимая газета. 2011. 20 июня. С. 1.

[46] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. 2010.

[47] *Магарил С. А.* Поиски социального качества // НГ-наука. 2011. 9 февраля. С. 12.

[48] *Бердяев Н.* Русский социализм: бесчестие и сентиментальность. [Эл. ресурс]. URL:http://klein.zen.ru/old/berdjaev.htm

[49] *Гулина В. В.* Теория марксизма и современность // Гуманитарные исследования, 2010. № 8. С. 5.

[50] *Фурман Д.* Предстоящий выбор России // НГ-политика. 2011. 1 февраля. С. 14.

[51] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений: доклад нью-йоркской академии наук // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 90.

[52] *Аверьянов В.* Яд и мед национализма // Время новостей. 2006. 18 июля. С. 4.

[53] *Малахова А., Мичунов Д.* Экономить надо // Новые Известия. 2006. 18 июля. С. 3.

[54] *Путин В.* Главная задача — сбережение нации. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Парламентская газета. 2006. 11 мая. С. 3.

[55] *Путин В.* Главная задача — сбережение нации. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. С. 2.

[56] *Линд М.* Поражение либералов // Ведомости. 2006. 23 августа.

[57] Там же.

[58] *Давыдов М.* Кто вылечит Минздрав? // Аргументы і время. 2006. № 2. С.3.

[59] *Шустерман Д.* О чем говорит модернизации // Ведомости. 2010. 16 сентября. С. 12.

[60] В данном контексте идеологема, как часть идеологии, важна в качестве основного элемента, формирующего самосознание нации. Так, Д. Медведев в апреле 2011 года предложил свою идеологему: «Мне бы хотелось, чтобы "Сколково" стало идеологией, которая пронизывает жизнь нашего общества…» (См.: *Кузьмин В.* От бренда до идеологии // Российская газета. 2011. 26 апреля. С. 2).

[61] *Кушинова О.* Шаг вперед, шаг назад // Ведомости. 2011. 18 апреля. С. 3.

[62] *Торкунов А.* Российская модель демократии и современное глобальное управление. / По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 45.

[63] *К.Латухина*. Несокращаемый Минфин // Российская газета.. . 26 апреля.. 3.

[64] Так, один из назначенных ответственных за эту корректировку Я. Кузьминов был вынужден все-таки признать, что «ключевой вызов для России — образовательная революция», а также, что расходы на образование и здравоохранение должны вырасти «в текущем десятилетии (?) на 1–1,5% ВВП. См. *Кузьминов Я.* России ни в коем случае нельзя экономить на образовании и здравоохранении // Известия. 2011. 17 июня. С. 4.

[65] *Каннингем У.* Утечка мозгов отменяется // Известия. 2011. 21 апреля. С. 5.

[66] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: МЭР, 2008. Март. С. 2.

[67] *Маймина Э., Егозарьян В.* Государство на рынке интеллекта // Финансовый контроль, 2011. № 6. С. 96.

[68] *Башкатова А.* Отток капитала утечка мозгов — вместо развития // Независимая газета. 2011. 9 июня. С. 1, 4.

[69] *Путин В.* Главная задача — сбережение нации. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Парламентская газета. 2006. 11 мая. С. 1.

[70] *Левада Ю.* Наследники и фавориты // Коммерсант. 2006. 24 августа. С.7.

[71] *Степашин С.* Интеллигенция и государство // Известия. 2006. 18 июля. С.6.

[72] *Илларионов А.* Прохладная война // Коммерсант. 2006. 12 мая. С. 1.

[73] Армия и общество: проблемы и перспективы сотрудничества: экспертно-социологический анализ. М.: Критерий, 2010. С. 43.

[74] *Рогофф К.* По дороге «Великой умеренности» // Коммерсант. 2006. 16 мая. С. 8.

[75] *Делягин М.* Больше, чем эффективность // Ведомости. 2006. 25 августа.

[76] *Нерсесов Ю.* Ген бессилия // Завтра. 2006. № 34. С. 8.

[77] *Бердяев Н.* Судьба России: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 464.

[78] Церковь и партия власти поработали над вечным // Независимая газета. 2011. 27 января. С. 3.

[79] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, С. 307.

[80] Там же. С. 120.

[81] Иностранные инвестиции не учитываются в развитии НЧК, так как их величина близка к нулю. — *Прим. авт.*

[82] См. подробнее: *Косырев Д.* Временная скромность экономического гиганта // Известия. 2011. 26 апреля. С. 6.

[83] Об этом я не раз писал еще в 1980-е годы, в т.ч. в своей докторской диссертации «Значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США». URL:http://www.viperson.ru

[84] Социально-экономическое положение России. Январь 2010 г. М.: Росстат, 2010. С. 197–198.

[85] *Бехтерева Н. П.* Магия мозга и лабиринты жизни // доп. изд. М.; СПб.: Сова, 2008. С. 6.

[86] Застой с пузырями // Эксперт. 2006. 28 августа. № 31. С. 15.

[87] См. подробнее: *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития / Л. М. Капица. 2-е изд. М.: МГИМО(У) МИД России, 2008. С. 189–195.

[88] Раздел подготовлен в соавторстве с М. Гебековым для конференции в МГИМОУ) в апреле 2011 г.

[89] *Радзиховский Л.* Слева направо // Российская газета. 2011. 31 мая. С. 3.

[90] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. С. 119.

[91] *Семенова Е. А.* Роль государства в стимулировании инноваций // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 4. С. 122–123.

[92] *Кругман П.* У Канады может быть средство для излечения Medicare США // Независимая газета. 2011. 21 июня. С. 5.

[93] *Вайсберг В., Кондратьев А.* Япония сделала самый мощный в мире компьютер // Известия. 2011. 21 июня. С. 1.

[94] Материал подготовлен в соавторстве с М. Гебековым для конференции в МГИМО(У) в апреле 2011 г.

[95] См. подробнее: базы данных www.viperson.ru.

[96] *Торкунов А.* По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 400.

[97] *Стуруа М.* Кто объяснит нам Россию? // Известия. 2010. 25 августа. С. 6.

[98] О непрофессионализме и низком нравственном уровне российской элиты написано много. Вопиющий факт: со скотством элиты сталкивалось 73% граждан России. См. подробнее: *Покрышкин С. В.* Вы звери, господа? // Независимая газета. 2011. 18 апреля. С. 12.

[99] См. подробнее: Экономическая дипломатия в условиях глобализации / под общ. ред. Л. М. Капицы. М.: МГИМО(У), 2010. С. 84–119.

[100] *Бабурин С. Н., Мунтян А. М., Урсул А. Д.* Глобализация в перспективе устойчивого развития. М.: Магистр, 2011. С. 214.

[101] Черносотенство, сталинизм и национальная диктатура. [Эл. ресурс]. URL:http://www.rusprav.org/2006/new/146.htm

[102] *Кузьмин В.* История России: Ельцин // Российская газета. 2011. 2 февраля. С. 2.

[103] *Скатов Н.* Литература великого синтеза: научные статьи: очерки: эссе. М. 2011. С. 486.

[104] Социально-экономическое положение России. Январь 2010 г. М.: Росстат, 2010. С. 478–479.

[105] Бюрократическая Россия. Проблема не в бюрократии, а в качестве управления ею // Коммерсант. 2006. 16 мая. С. 8.

[106] *Алякринская Н.* Как отмывают нефть // Московские новости. № 32.

[107] Слова // Ведомости. 2010. 26 августа. С. 2.

[108] *Булюбаш Б.* Стратегический ультрахолод // Независимая газета. 2011. 22 июня. С. 11.

[109] Численность научных коллективов учитывается статистикой, так же как и численность образовательных учреждений. Но численность общественных и культурных институтов подсчитать невозможно, хотя в 2005–2007 годы я предпринял попытку систематизировать существующие НПО в России, с результатами которой можно подробнее ознакомиться на портале www.viperson.ru.

[110] *Самарина А.* Партийная пустота // Независимая газета. НГ-политика. 2011. 1 февраля. С. 10.

[111] Коммунальные услуги подорожали в пять раз // Известия. 2011. 2 февраля. С. 4.

[112] Расчеты автора по данным Росстата. URL:http://www.gks.ru

[113] *Подберезкин А. И., Гебеков А. П.* Доклад о развитии человека: регионы России 2010, М. МГИМО(У). С. 4–6.

[114] *Полюбина И. Б.* Бедность как феномен: причины, стратегия преодоления. 11 марта 2011. [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru

[115] *Бердяев Н.* Судьба России: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 464.

[116] National Security Strategy, ash. May 2010.

[117] «Единая Россия» и либеральной истеблишмент // Независимая газета. 2011. 21 апреля. С. 2.

[118] Интеллигенция. [Эл. ресурс]. URL:http://www.ru.wikipedia.org

[119] *Джадан И.* Духовная реконкиста. 2 июля 2006 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.apn.ru/publicatious/print

[120] *Лихачев Д.* О русской интеллигенции. [Эл. ресурс]. URL:http:lib.ru/Politolog/

[121] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 7.

[122] См. подробнее. *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007.

[123] Как сказал *З. Прилепин* «…государство просто делает вид, что занимается продвижением культуры». Цит. по: *Осс Н.* Будет ли мир читать русские книги // Известия. 2011. 15 апреля. С. 8.

[124] *Калинина Ю.* Плевать на народ нельзя до бесконечности // Московский комсомолец. 2010. 24 августа. С. 1, 2.

[125] *Гонтмахер Е.* Средний класс как результат развития общественных институтов: дискуссия о среднем классе. М.: ИНСОР, 2008. 24 апреля. С. 14.

[126] *Радзиховский Л.* Рассекреченные вертикалью // Российская газета. 2011. 19 апреля. С. 3.

[127] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. С. 259.

[128] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. С. 260.

[129] *Савиных А.* Безработица вышла из кризиса // Известия. 2011. 15 апреля. С. 2.

[130] *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. М.: Новый хронограф, 2010. С. 512.

[131] *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. М.: Новый хронограф, 2010. С. 512.

[132] *Пушкин А. С.* Путешествие из Москвы в Петербург // А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 7. С. 199–200.

[133] Социально-экономическое положение России. Январь 2010 г. М.: Росстат, 2010. С. 266–267.

[134] *Малева Т. М.* Российский средний класс: вчера, сегодня, завтра: дискуссия о среднем классе: материалы конференции. М.: ИНСОР, 2008. С. 18–19.

[135] *Бард А.* Миром будут править сетевики // Русский журнал. С. 6. (Специальное издание Русского института «Ярославль-2011»).

[136] *Крыштановская О.* Вики-демократы // Русский журнал. С. 7. Специальный выпуск. Ярославский форум-2011.

[137] *Самарина А.* Элитам прописали тандем // Независимая газета. 2011. 16 апреля. С. 1.

[138] *Бердяев Н.* Судьба России: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 464.

[139] *Чеснаков А.* Политтренды // Российская газета. 2011. 22 июня. С. 3.

[140] *Малоземов С.* Сёрф предрекает конец света для Интернета. Август 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www/ntv.ru/novosti/203565

[141] *Чадаев А.* Драматургия Интернета // Независимая газета. 2011. 15 февраля. С. 3.

[142] См. подробнее: *Подберезкин А.* Присуждение мест в госконкурсе — как в спорте. 8 октября 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.mgimo.ru

[143] *Куликов С.* Битва за бензин до последней капли // Независимая газета. 2011. 15 апреля. С. 4.

[144] См., например: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 342–350.

[145] Цит. по: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 344.

[146] *Самарина А.* Алексей Кудрин упорствует в «ереси» // Независимая газета. 2011. 22 апреля. С. 1.

[147] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. iii.

[148] Там же. P. 104.

[149] Доверие политикам. ВЦИОМ, август 2010. [Эл. ресурс]. URL:http://wciom.ru

[150] Атака на академию // Коммерсант. 2006. 23 июня. С. 8.

[151] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 125, 127.

[152] *Круглик С.* Главное — помочь бизнесу строить больше и лучше // Российская газета. 2006. 30 мая. С. 20.

[153] Кудрин явил чудо // Газета. 2006. 22 июня. С. 11.

Глава 3

Цель, условия и приоритеты идеологии русского социализма

Московская агора[1] весной 2011 года стремительно заполнилась манифестами, преимущественно либерального характера[2].
М. Ремизов, Б. Межуев

Идеология как система устоявшихся взглядов включает набор ценностных приоритетов, который превращает мировоззрение в способ управления[3].
А. Подберезкин

Реанимация социалистических идей, последовавшая за мировым кризисом и признанием значительной частью западной элиты сомнительности либеральной идеологии и модели развития, в России пока не произошла. Здесь по-прежнему правящая элита правила и думала (воспитывала молодежь, проводила экономическую политику и т.д.) в соответствии с пресловутой либеральной традицией, хотя та, как в никакой другой стране, показала свою беспомощность. Не ставились под сомнения основной частью правящей элиты и цели национального развития, которые вульгарно свелись «к повышению благосостояния», и условия, а также приоритеты социально-экономической стратегии.

Более того, в начале 2011 года некоторые российские либералы начали массированную атаку уже на казавшуюся им теперь «консерваторами» прежнюю либеральную правящую элиту, призывая создать «вторую либеральную партию». Это проявилось не только в переписывании почившей в бозе либеральной «Стратегии–2020», но и в требованиях «десталинизации» страны, выборности губернаторов и т.д. Сложилась ситуация, при которой некоторые эксперты предложили даже «Единой России» «перейти в оппозицию реальной партии власти — финансово-экономическому либеральному истеблишменту — и выдвинуть собственную программу развития страны»[4]. Между тем и «консерваторы», и «прогрессисты»-либералы оставались не только в рамках либеральной традиции, но и сохраняли в качестве основной своей цели развитие общества по либеральному сценарию.

Возросший интерес интеллектуальной части общества к стратегии национального развития неизбежно, вместе с тем, оживлял интерес к идеологии социализма[5]. К 2011 году в различных выступлениях уже нередко звучало признание того очевидного факта, что стратегии развития страны без стратегии развития нации не бывает, а последней — без общенациональной идеологии. Объективно, как альтернативные либеральному проекту, все чаще стали высказываться соображения и относительно социалистических и национальных идей. Все чаще стали звучать выступления Г. Зюганова и С. Миронова[6], что тоже не случайно совпало по времени с запретом ДПНИ и ряда других националистических организаций, активизацией кампании против экстремистов, националистов и пр. радикальных элементов российского общества[7].

Таким образом, кризис в либеральной российской элите совпал по времени с интересом к социалистическим идеям, дискуссии о национальных и социальных ценностях, вызванным кризисом либерализма. К сожалению, в этих дискуссиях (кроме, пожалуй, традиционной социальной риторики) внимания развитию национального человеческого

потенциала уделялось немного. Элита уже была увлечена борьбой за власть. Ей было не до стратегии, хотя она и понимала, что для созданного вокруг «Единой России» ОНФ нужна не либеральная «Стратегия–2020» (которую, как показали июньские соцопросы, поддерживают не более 9%), а более широкая и привлекательная программа, которую поручили подготовить Н. Федорову и срочно созданному институту. Как отмечалось в редакционной статье в «НГ» в январе 2011 года, «работники книжных магазинов Москвы отмечают **рост интереса к марксистской литературе**. Для кого-то — новость, для кого-то — закономерность. Не случайно, что в последние годы началось переиздание трудов классиков марксизма и лидеров неомарксистской мысли. Это и работы „братьев Диоскуров“ Маркса и Энгельса, и их незадачливых последователей, и вдруг возникшие на полках сочинения Карла Каутского, Иосифа Дицгена, Георгия Плеханова, Анатолия Луначарского, Александра Богданова, Михаила Лифшица, Георга Лукача, Луи Альтюссера, Роже Гароди…

Примечательно, что в основном марксистской и неомарксистской литературой интересуются **молодые люди от 20 до 30 лет.** Как правило, с высшим университетским или институтским образованием»[8].

Именно на стыке национального и социального комплексов и приоритетов, как представляется, находится ответ на вопрос не только об эффективной стратегии развития, но и о долгосрочной национальной стратегии.

Если в 2007–2008 годах большинство граждан хотело «преемственности» и этому большинству была безразлична личность и программа будущего президента, то в 2011 году вопрос о преемственности политического курса уже не ставил никто: ни оба лагеря либералов, ни, тем более, националисты, коммунисты и социалисты. «Идея „преемственности курса“ возникла в России в 2007 году, когда Владимир Путин твердо склонился к тому, чтобы не менять Конституцию под себя, под свой третий срок подряд. **70–75% россиян перемен не хотели, — справедливо замечает П. Твердов. — Эта незамысловатая социология и явилась основанием для столь упрощенных требований к будущему президенту.** Им мог, как теперь кажется, стать кто угодно из знакомых Путина — от Иванова до… Но стал Медведев. И этот выбор сделал Путин.

Естественно, что все телевизионные каналы, вся пропагандистская машина Кремля, партия „Единая Россия“ очень мало внимания уделили тогда личности преемника, **его политическим взглядам, тому, что он думает об окружающем нас мире**. От него ждали одного: **преемственности курса**. Всем было важно лишь то, что о нем, о преемнике, думает Владимир Путин»[9].

Сколько бы в России ни говорила элита об отсутствии идеологии, «отменить» ее невозможно. Просто за такими разговорами всегда скрывается некая необсуждаемая, не принятая нацией, но навязываемая ей идеология. В 2010–2011 годах эта простая истина стала настолько очевидной, что, отмахиваясь от нее, либеральная элита уже откровенно «пронюхивала» явочным порядком свою идеологию, свои цели. Как заметила Е. Ямпольская, «в одной России от слова „идеология“ принято плеваться. Ну… замените формулировку. Вместо „у страны нет идеологии“ скажите: „У страны нет общей цели“»[11].

Идеология русского социализма как система общенациональных взглядов предлагает прежде всего четкие цели национального развития.

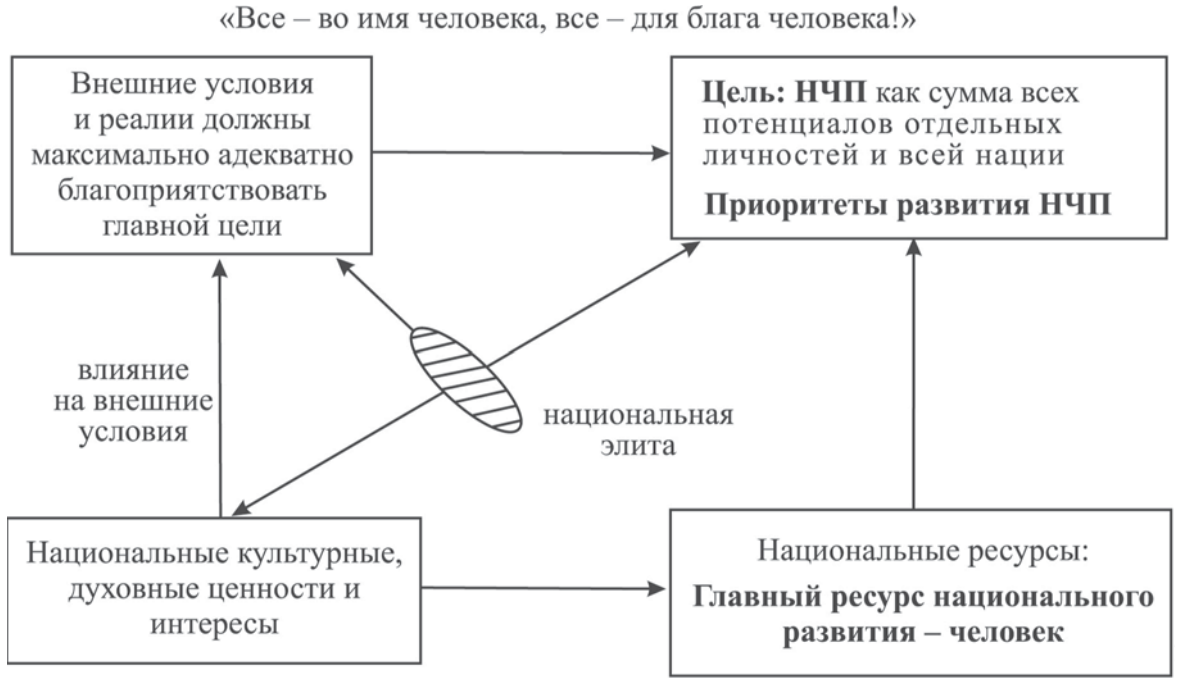


Рис. 1. Идеология русского социализма[10]

1. Потенциал личности и национальные приоритеты

Собственность — это блюдо чечевичной похлебки, за него вы продали великое будущее, которому ваши отцы широко распахнули ворота в 1789 году. Вы предпочитаете обеспеченное будущее удалившегося от дел рантье — отлично, но не говорите же, что делаете это ради счастья человечества и спасения цивилизации[12].
А. Герцен

…Всю жизнь Бердяев страстно размышлял о свободе личности, перенявшей у Бога дело творчества[13].
В. Шкода

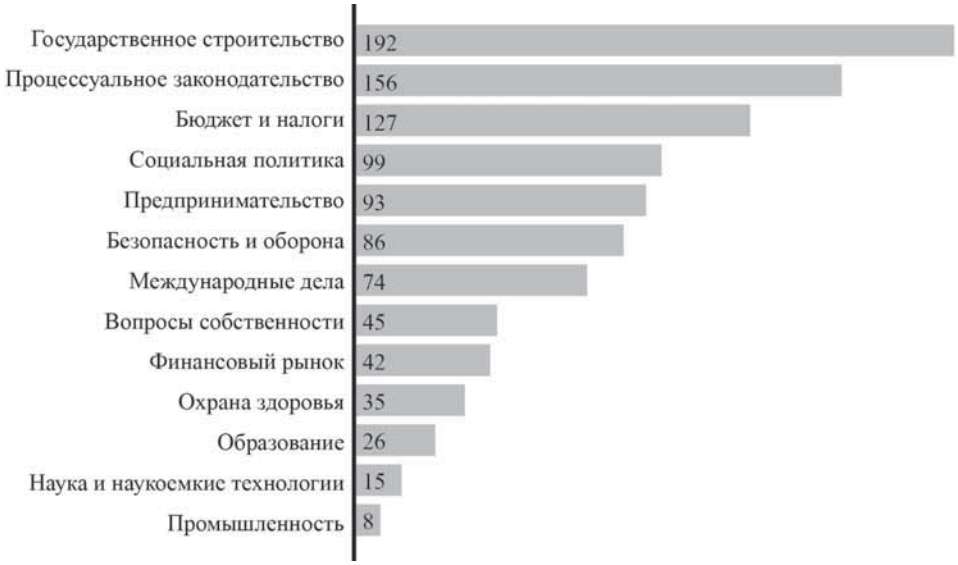
Проблема выбора национальных приоритетов остро встала в связи с выдвижением В. Путиным и Д. Медведевым идей модернизации страны и общества. К сожалению, на мой взгляд, акценты в модернизации, т.е. её приоритеты, расставлены не всегда верно, а именно: на первый план выдвинута идея модернизации материальных активов в ее простой форме — заимствования иностранных технологий. Целесообразно подробно осветить этот приоритет[14] так как он формулируется на официальном уровне. Как следует из Послания Д. Медведева Федеральному Собранию России от 12 ноября 2010 года, «мы должны начать модернизацию и технологическое обновление всей производственной сферы. По моему убеждению, это вопрос выживания нашей страны в современном мире.

Я надеюсь, что благополучие России в относительно недалёком будущем будет напрямую зависеть от наших успехов в развитии рынка идей, изобретений, открытий, от способности государства и общества находить и поощрять талантливых и критически мыслящих людей, воспитывать молодёжь в духе интеллектуальной свободы и гражданской активности.

В чём я вижу главные факторы такого развития? Отечественная экономика должна наконец переориентироваться именно на реальные потребности людей, а они сегодня главным образом связаны с обеспечением безопасности, с улучшением здоровья, с доступом к энергии и с доступом к информации. Отсюда и наш выбор приоритетов модернизации экономики и технологического развития. Они являются ключевыми для выхода России на новый технологический уровень, для обеспечения лидерских позиций в мире. Это внедрение новейших медицинских, энергетических и информационных технологий, развитие космических и телекоммуникационных систем, радикальное повышение энергоэффективности»[15].

В действительности, как показывает практика, этому приоритету уделяется абсолютно недостаточно внимания, что видно, например, из статистики законодательной деятельности, которая свидетельствует, что этому приоритету уделялось минимальное внимание депутатами Федерального Собрания[16] (рис. 2).

Между тем очевидно, что приоритет, причем главный, неоспоримый, следует отдать не материальным активам, а развитию НЧП, который должен стать главным национальным приоритетом. Хотя бы по той простой причине, что именно НЧП составляет большую часть национального богатства. Если для развитых стран этот показатель составляет 75–80%, то для России — более 50%. Соответственно основные усилия, следуя логике, должны быть сосредоточены на этой, самой большой части, национального богатства.



Источник: Государственная дума

Рис. 2. Какие вопросы решали депутаты в весеннюю сессию (ед.)

Табл. 1. Структура национального богатства России

НЧП	Машины, оборудование, технологии	Природные ресурсы
55%	15%	30%

В России считается, что традиционно существовал выбор между личностью и государством, и высшим национальным приоритетом были интересы государства, причем нередко в ущерб интересам личности. Это — поверхностная точка зрения. Действительно, исторически и традиционно государство играло огромную роль. Это объясняется прежде всего географическим положением, которое всегда занимала нация, в т.ч. отсутствием естественных границ и постоянной внешней угрозой.

Но ситуация выглядит иначе, если посмотреть на государство как **инструмент общества по защите интересов личности**. В этом случае всё становится на свои места. Оказывается, что нравственные, духовные и другие критерии всегда «весили» больше, чем «государственная целесообразность». На схеме это можно изобразить следующим образом, что ёмко определяется изречением: «не в силе Бог, а в правде» (рис. 3).

На этой шкале показано, что в разные исторические периоды, но с небольшими колебаниями, отношение к личности в России находилось в области приоритета нравственных норм.

После 1990 года эта позиция резко сдвинулась в сторону приоритета прав личности корпоративного собственника, нанеся серьезный ущерб не только государству и обществу, но и личности, **нравственным нормам российского общества**. Разгул коррупции, ставшей **системой взаимоотношений** и **даже системой управления** не только экономикой, но и политикой и государством, — результат такого сдвига.

Удивительно, но большинство общества не соотносит такое негативное революционное изменение в системе ценностей с режимом В. Путина и Д. Медведева, которые стабильно получают высокие личные рейтинги[17].

Личность, ее потенциал могут формироваться только в среде себе подобных личностей. Это хорошо видно на примере создания научных, образовательных и прочих творческих коллективов. Основополагающее значение при этом имеет самый первый этап, с которого начинается эффективное политическое руководство, — формулирование целей. В этой связи понятия «национальные интересы» и «ценности», а также то, какое значение им придает руководство страны, становятся приоритетными, базовыми понятиями при формировании политики как государства в целом, так и его руководства в частности.

Приведем пример. В «Стратегии национальной безопасности США» за 2002 год национальные интересы и ценности, во-первых, выступают именно как базовые для доклада (им посвящены первые два абзаца введения), а во-вторых, их реализация выступает критерием, с позиций которого фактически оценивается будущее всех государств: «В XXI веке только нации, разделяющие обязательства по защите основных прав человека и гарантирующие политические и экономические свободы, смогут освободить потенциал своих людей и обеспечить их будущее процветание… в соответствии с нашим наследием и принципами…».

Мы в России также должны четко обозначить наши национальные приоритеты и цели, расставив их в соответствующем приоритетном порядке. Нельзя сказать, что высшее политическое руководство этого не делает: Послания Президента РФ 2000–2006 годов четко свидетельствуют о таких попытках. Более того, в них просматриваются не только приоритеты, логика, но и преемственность. Но правильны ли они?

Так, на наш взгляд, главным национальным приоритетом становится всяческое содействие формированию социального слоя носителей знаний — интеллигенции, — той группы, которая и будет определять место государства и нации в будущем информационном мире.

В нынешней демократической России значение носителей знаний и культуры в управлении государством отнюдь не усилилось. Даже наоборот. «Почему ты такой бедный, если такой умный?» — один из самых лживых тезисов, вброшенных в начале 90-х годов в общественное сознание российских граждан, существующий до настоящего времени. А ведь большинство умных и образованных наших сограждан стали бедными не потому, что они не способны зарабатывать. Они не смогли принять те нравственные правила игры, которые им навязали «реформаторы», — прежде всего, сознательно идти на обман, обворовывать государство, общество, своих друзей и близких, бросить свою работу, нужную обществу специальность (за которую государство перестало платить) и «реализовывать себя» в мелком и крупном бизнесе. Умный, то есть образованный, в основном остался бедным.

Рис. 3.

Только незначительный, очень тонкий верхушечный слой интеллигенции смог войти в новую элиту, либо уйдя в бизнесмены, либо сумев дорого себя продать.

Это обстоятельство отнюдь не меняет заявленный В. Путиным ещё в Послании 2006 года приоритет на повышение качества жизни, имеющий косвенное отношение к развитию «креативного класса» и инновационной деятельности, роли личности вообще. С тех пор, т.е. за 2000–2010 годы, кое-что в оценке роли личности изменилось. Вот как это изменение прокомментировал директор ВЦИОМ В. Федоров:

«…Мы это — вопрос („От чего в большей степени зависит благополучие человека — от него самого или от того, насколько справедливо устроено общество?“) впервые задали в 2000 году, ровно десять лет назад. Тогда результаты были такие: 55% (чуть больше половины) считали, что все зависит от того, насколько справедливо устроено общество, а тех, кто полагал, что человек имеет первостепенное значение, было 39%, то есть чуть поменьше, на 15%. Прошло 10 лет, и сегодня мы видим, что эта пропорция изменилась на противоположную: сегодня только 40% считают, что успех человека зависит от того, насколько справедливо устроено общество, а 54% полагают, что все зависит от самого человека.

Чем это объясняется? Есть две версии. Я думаю, что и та и другая в каком-то смысле работают. Первая — это, конечно, что изменился сам состав нашего опросного контингента, что вступает в жизнь новое поколение, которое сформировалось уже пусть и в дико-рыночном, но хотя бы отчасти рыночном строе, и которое другой реальности просто не знает. Поколение, которое не знает государства всеобщей опеки, всеобщего благосостояния, всеобщего надзора, то есть того государства, которые было у нас в семидесятые—восьмидесятые годы при советской власти. А старшее поколение, к сожалению, постепенно уходит. Это первая версия. То есть другие люди и другие взгляды. И эти другие люди считают, что все зависит, прежде всего, от тебя.

Второе объяснение состоит в том, что все-таки в 2000-х годах происходила **определенная нормализация, стабилизация нашего развития, и те кричащие и уродливые язвы, которыми были полны 90-е годы, годы радикального слома строя и перехода от одной формации к другой, все-таки были** если не изжиты, то как-то смягчены. Тут и нефтяной дождь, тут и радикально другая политика государства по перераспределению доходов. Поддержка пенсионеров, поддержка малоимущих. И, в общем-то, стало понятно, что как-то можно жить и при таком строе, пусть он даже и не очень нравится. И это, конечно, тоже сильно повлияло на мнение, на оценки людей»[18].

Думается, что в новой редакции Концепции национальной безопасности приоритет развития личности, ее потенциала, приоритет ускоренного формирования «креативного класса» должен быть положен в основу системы приоритетов национальной безопасности.

2. «Древо целей» русского социализма

Я вывел для себя, что русскому характеру свойственно чаще оглядываться на идеальные примеры прошлого, чем рисковать в построении модели будущего[19].
А. Даллес

Для России особенно актуален социогуманитарный переход — от экономики, ориентированной на прибыль, к экономике для гармоничного развития человека[20].
В. Бушуев, В. Голубев, А. Тарко

Вплоть до конца 2010 года идеологический процесс в России не вышел на стадию формулирования общенациональных идеологем, формирующих самосознание нации, ее самоидентификацию. Ни одна из идеологий не предложила сколько-нибудь общепринятой идеологемы, которая была бы поддержана большинством нации. Может быть, исключение можно сделать для «Единой России», которая на определенном этапе схватила суть проблемы, стоявшей перед страной, — единство нации и сильное государство. Но дальше этого дело не пошло: эта идеологема, как воздействие отправителя на сознание адресата, не получила своего развития просто потому, что в основе идеологемы не лежит **ясная идея**. Идея единства не может быть четко описана и массово поддержана потому, что требует внятного пояснения. С социальной точки зрения, например, единства Р. Абрамовича и школьного учителя? С политической точки зрения, единства элиты и всех слоев общества? И т.д.

Такой общепринятой идеологемой могла бы стать идея инновационного развития «Россия — вперед», которая, однако, слабо социально артикулирована, несет на себе слишком технологический отпечаток. Идея же человека, национального человеческого потенциала может лишь трансформироваться в коммунистическую идеологему «всё — во имя человека, всё — на благо человека». И в этом смысле русский социализм, как наследник коммунистической традиции, может выдвинуть эту идеологему, наполнив ее новым содержанием.

При этом, идеологическая цель подразделяется на подцели (задачи), образуя иерархию древа целей, конкретизирующую и уточняющую главную цель. Применительно к главной идеологической цели — реализации НЧП — «дерево целей» выглядит следующим образом (рис. 4).

Главными моментами в понимании особенности переходного периода в формировании социально-консервативной идеологии в 2000–2010 годы являются следующие:

— в этот период появляется **осознание** правящей элитой значения важнейших принципов идеологии социального консерватизма — роли государства, значения суверенитета, национальных ценностей, политической стабильности;

— в этот период приходит понимание необходимости опережающего развития России: сначала как простой, экстенсивный рост ВВП, а затем, после 2007 года, как качественное развитие, требующее изменения в структуре экономики и общества;

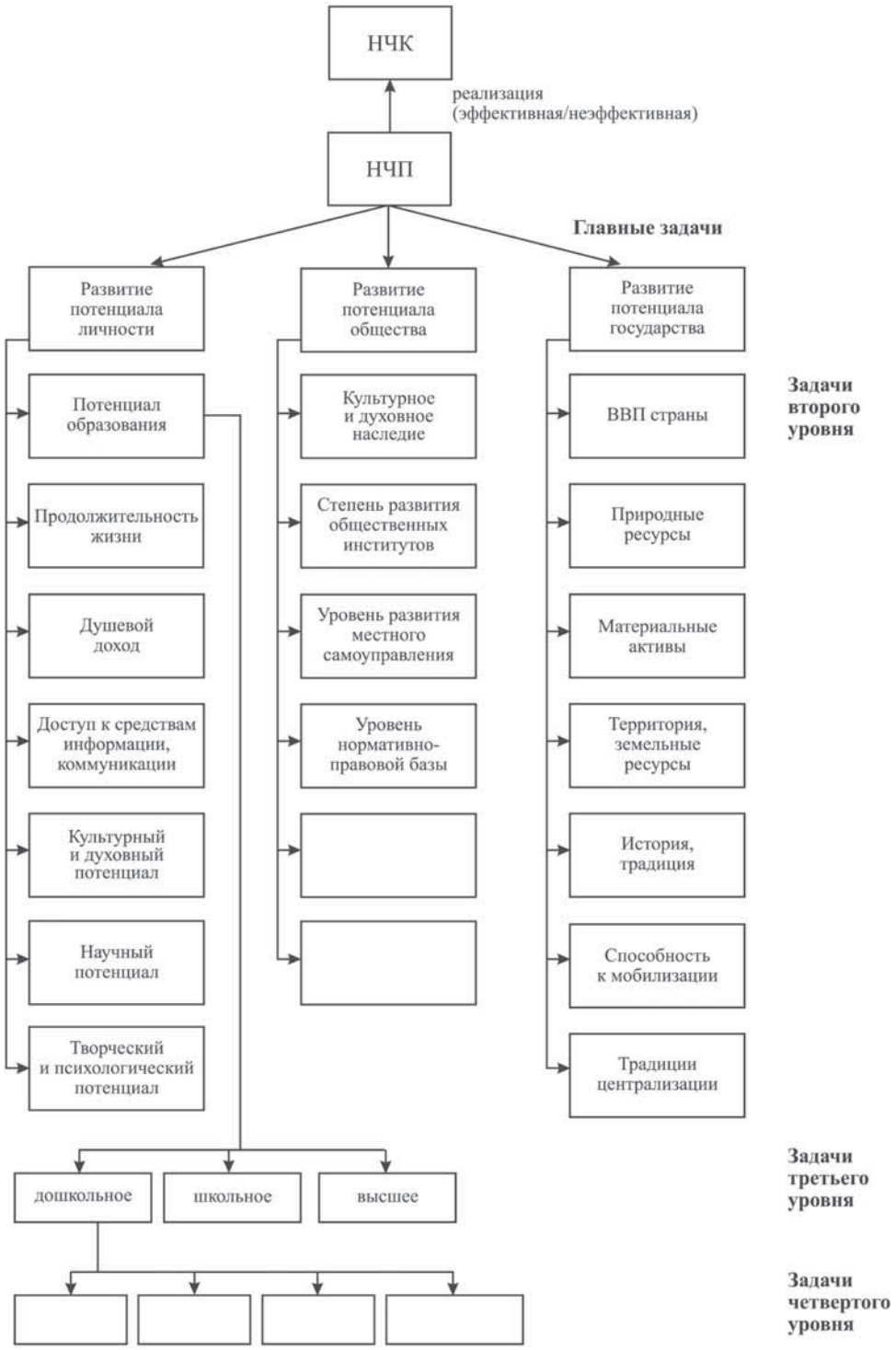


Рис. 4.

— после 2005 года происходит постепенное осознание значения социальной политики и роли человеческого потенциала, которое постепенно начинает вытеснять доминировавшие макроэкономические критерии. Этот процесс не завершен до 2011 года, но можно отметить, что за период 2005–2011 годов прошла значительная эволюция;
— с 2005 по 2011 год понимание значения фактора развития потенциала человеческой личности постепенно переходит из мировоззренческой стадии в практическую политику.

Если говорить в целом об идеологии как **устоявшейся системе взглядов** части элиты, то можно констатировать, что до 2011 года она еще не стала ни системой, ни тем более устоявшейся системой взглядов. Суть процесса формирования идеологии социального консерватизма заключалась именно в постепенном превращении ее в систему взглядов, в завоёвывание ею позиций среди правящей элиты.

В основе идеологии социального консерватизма находится положение о решающей роли человека, его потенциала во всех областях жизнедеятельности — экономике, государственном строительстве, общественной и политической жизни. Человек, его возможности в XXI веке становятся как главной целью, так и основным средством развития, высшим экономическим и общественным приоритетом.

Осознание этой новой реальности дается элите России с трудом. Отчасти по историческим причинам, когда государство было «наше всё», ради которого «не жалели живота своего». И теперь государство остается самым важным инструментом в развитии человека, потенциала его личности. Это изменение российской элите и общественному мнению еще предстоит осознать. Период 2005–2007 годов можно назвать временем, когда идея приоритетного развития человеческого потенциала была в общих чертах сформулирована В. Путиным и стала активно внедряться в массовое общественное сознание, прежде всего в связи с идеей нацпроектов и деятельностью Д. Медведева, т.е. опять же с помощью государства.

Но к середине 2007 года радикального изменения как в идеологии, так и реальной политике не произошло. Отчасти из-за страшного отставания России в этой области. Но во многом из-за идеологической инерции, апатии, сложившихся в России, унаследованных от идеологического кризиса 1990-х годов, когда коммунизм, поспешно замененный властью на либерализм, полностью себя дискредитировал. Эта же идеологическая инерция привела к полному вырождению «либеральных партий» — СПС, «Яблоко», других. Но она же во многом перекочевала к «Единой России», которая унаследовала не только часть либеральных кадров, но и либеральных мифов. «Не случайно, — пишет В. Полковников, — на рабочем совещании СПС Б. Немцов назвал основными идеологическими противниками своей партии левых — „Справедливую Россию“ и КПРФ. Враги у СПС и „Единой России“ одни и те же, да и вообще идеологически „партия власти“ и Союз правых сил почти неразличимы. И тут, и там правит бал либерализм, замешенный на более или менее густой технократической закваске и имеющий ярко выраженное протестантское происхождение, закамуфлировать которое не могут ни посещения монастырей, ни барражирование вокруг Патриарха. В тех случаях, когда „Единая Россия“ ищет решение для важных стратегических задач, стоящих перед страной, она делает это с позиций протестантской этики, предполагающей приоритет индивидуализма перед этатизмом».

Иными словами, идеологическая инерция либерализма сохраняется в российской элите — и в правящей партии, и в исполнительной власти. Эта инерция, безусловно, влияет на скорость эволюции идеологии в сторону социального консерватизма и признания новых реалий и ценностей. В полной мере это относится к потенциалу человеческой личности, его роли в экономическом и социальном развитии страны, т.е. идеология оказывает сдерживающее влияние на ускорение социально-экономического развития страны.

3. Образование как важнейший приоритет русского социализма

…Войдя в XXI век, мы, по существу,
имеем весьма условные знания об истории собственной страны…[21]
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Растущее отставание — следствие отставания России в развитии человеческого потенциала в последние десятилетия, прежде всего в науке, образовании и технологиях. О кризисе в научной сфере сегодняшней России известно, но и в советское время далеко не все выглядело идеальным. Следует признать, что успехи СССР в научной, образовательной и технической области были сильно преувеличены. Напомню, что в конце 1980-х годов количество студентов вузов в пересчете на 1 тыс. населения составляло в СССР около 18 человек, тогда как в США — почти 55. При этом доля населения, получавшего образование в высших учебных заведениях на протяжении хотя бы одного года в течение пяти лет после окончания школы, составляла в СССР около 20%, тогда как в США аналогичный показатель превышал

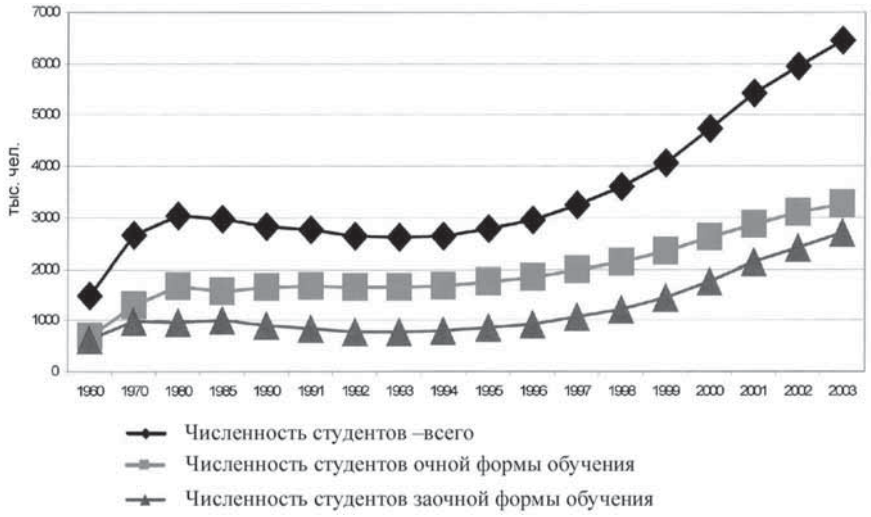


Рис. 5. Численность студентов вузов (всего и по формам обучения — очной и заочной)

63%. В России этот количественный показатель, на первый взгляд, не ухудшился: численность студентов в России на протяжении 1980–1995 годов оставалась примерно на одном уровне (3 млн человек), а с 1996 года даже стала стремительно расти (рис. 5). По оценке В. Мау, она выросла более чем в 2 раза.

Но, во-первых, этот рост еще не означает нужный рост количества студентов. Особенно тех, кто проходит переподготовку. А, во-вторых, к сожалению, многими чиновниками это было воспринято только как снижение качества высшего образования в стране. Между тем, я не вижу в этой тенденции отрицательного значения, более того, повторю, не считаю этот рост быстрым. Действительно, если человеческий потенциал определяется в т.ч. образованием, то количества студентов, а тем более университетских ученых, в принципе не может быть много. Этот рост скорее показывает объективный характер процессов в общественном развитии ведущих стран, когда образование становится важнейшей экономической отраслью и самостоятельной ценностью. В этих условиях тем более вряд ли правильно сокращать темпы роста расходов на образование, которые заложены на 2008–2010 годы в российском бюджете. Было бы правильным обеспечить опережающий рост расходов на образование по сравнению с другими статьями бюджета. Причем — намного опережающий, как минимум до уровня расходов на образование по отношению к ВВП, существующего в развитых странах (рис. 6).

Другой пример — практическое использование научных достижений и инноваций. Следует признать, что в советское время научные кадры использовались в передовых отраслях, но не оказывали решающего воздействия на конечное потребление, т.е. их инновационный эффект был минимален (за исключением «оборонки»). Нередко они находили себе место на предприятиях, не пытавшихся обновлять технологии и ассортимент готовой продукции. Поэтому разрыв в эффективности использования высокообразованных специалистов оказывался еще более значительным, чем в их численности. Эта проблема еще больше усугубилась в современной России, где уровень инновационной активности

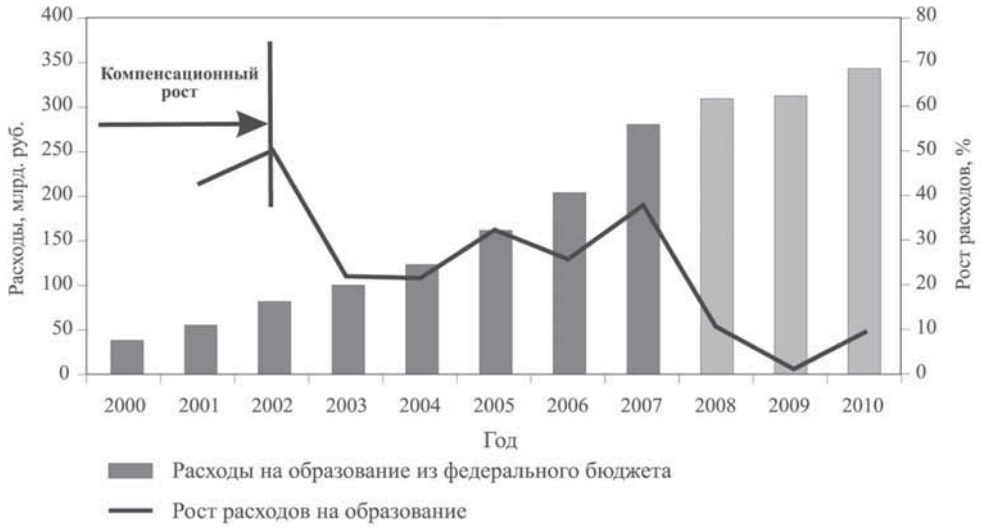


Рис. 6. Характер финансирования образования

снизился даже по сравнению с советским. Доля России в экспорте наукоемкой продукции в мире, как известно, 0,3%, при том что ВВП — 2,6% от мирового. Это означает, что более чем скромный экономический вклад России в мировую экономику **значительно превосходит** вклад России в экономику мировых знаний. Если ВВП России уступает американскому на порядок, т.е. в 10–11 раз, то по экспорту технологий — на 2 порядка, т.е. в 100 раз! Его можно назвать просто ничтожным. И этот показатель, а не доля в мировом ВВП, сегодня является главным. На этот показатель, точнее, его улучшение, и следует ориентироваться прежде всего.

Самое неприятное, что такая возможность есть, но не используется. В России еще только зарождается политика поддержки наукоемких производств и экспорта такой продукции, в то время как в развитых странах и в Китае, например, она давно существует.

Сегодня в России уже началась жесткая конкуренция за трудовые ресурсы. Прежде всего — высокопрофессиональные. Но стимулируется этот процесс государственными решениями ничтожно слабо.

Основной причиной краха советской экономики стала ее неспособность в полной мере создавать и использовать интеллектуальный капитал — важнейший ресурс постиндустриального типа хозяйства. Этот вывод, к сожалению, полностью совпадает с характеристикой экономики современной России, а значит, ожидаемый результат будет неизбежно таким же, если ситуация радикально не изменится. Сегодняшняя российская экономика (за исключением немногих примеров) так же не ориентирована на создание интеллектуального капитала и внедрение инноваций, как и советская.

Между тем, очевидно, что в соревновании на лучшее общественное и государственное устройство победит то общество, которое добьется максимально эффективного процесса **создания и внедрения знаний**. Это видно на следующем примере взаимосвязи интеллекта и **эффективности экономики**. По оценке экспертов Современной гуманитарной академии, она выглядит следующим образом:

Табл. 2. Вклад высшего образования в экономику страны

Образование	ВВП на одного работника, тыс. руб./год	
	В производственной сфере	В производственной и непроизводственной сфере
Высшее	700	350
Среднее общее	47	50
результат	Увеличение в 15 раз	Увеличение в 7 раз

Этот простой пример иллюстрирует важный тезис — количество лиц с высшим образованием в принципе не может быть большим (тем более «слишком большим») для общества и государства. В абстрактном идеале все 100% граждан должны обладать высшим образованием. Более того, в процессе работы они должны постоянно, не реже одного раза в 5–7 лет, проходить серьезную переподготовку. Как ожидается, через 15–20 лет в развитых странах число лиц с высшим образованием превысит 60%.

Сегодня в России, **во-первых**, переподготовка кадров проводится через 15–20 лет, а **во-вторых**, в целом ряде специальностей она вообще не осуществляется на протяжении всей трудовой деятельности. Хуже того, в последние годы возобладала вредная тенденция, когда под предлогом борьбы за качественное высшее образование идет процесс внедрения ограничений, который неизбежно приведет к сокращению числа граждан, претендующих на высшее образование. Наконец, в-третьих, сохраняется отставание в финансировании расходов на обучение в вузах, которое в России отличается в разы от развитых стран (по оценкам В. Мау, более чем в 5 раз от США и в 3 раза от стран Евросоюза).

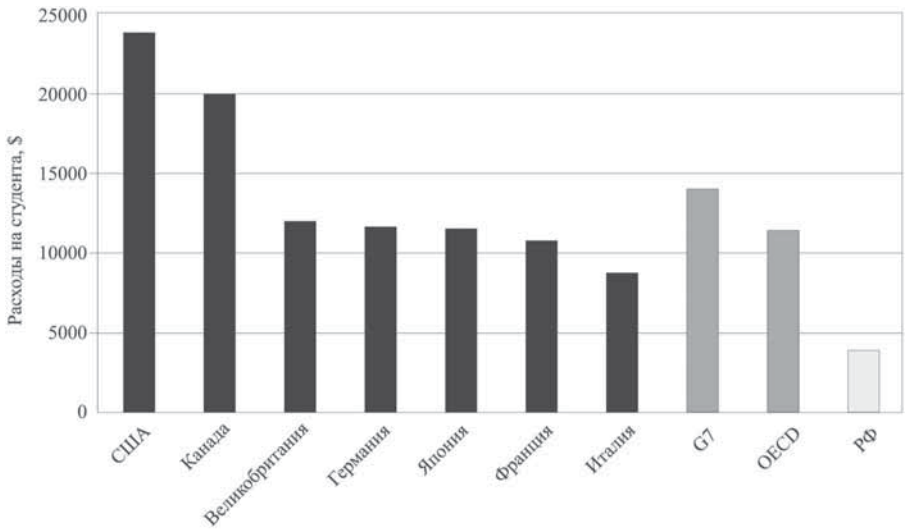


Рис. 7. Расходы на обучение в вузах (в сопоставимых ценах)

Качество человеческого потенциала во многом определяется высшим образованием, которое дает не только общие и профессиональные знания, но и является способом социализации молодых граждан, своего рода социальным методом. Таким образом, вузы — это инкубаторы человеческих личностей, задачей которых является воспроизводство человеческого потенциала во все возрастающих объемах, что является особенно выгодным для экономики. По некоторым оценкам, прибыль в этой отрасли превышает прибыль во всех остальных отраслях, а рынок стремительно растет. Кстати, развитые страны занимают заметную долю рынка образовательных услуг (США — около 30%, а Великобритания — 10%), в то время как Россия — менее 1%.

Примечательно и другое. Известно, что по специальности, полученной в вузе, в дальнейшей жизни работает все меньшее количество людей. К 40 годам, по некоторым оценкам, не более 10–15%. Это означает, что остальные 85–90% граждан должны были пройти переподготовку самостоятельно — либо в вузе, либо на каких-то курсах. На практике, однако, оказывается, что такая переподготовка, как правило, проводилась самостоятельно, что, естественно, не могло не сказаться на ее качестве.

Наконец, экономика знаний породила еще один социальный феномен — все большее число граждан, занятых прежде всего в наукоемких отраслях и творческих профессиях, становятся «индивидуальными предпринимателями» либо переходят к такой форме работы, как работа по проектам. Это ведет, естественно, не только к смене работы, но часто и специальности. Это, в свою очередь, опять требует переподготовки, а нередко и создания новых профессий и специальностей, которые ежегодно сотнями появляются на рынке.

Кроме того, это ведет к изменениям в социальной структуре общества. Я бы сказал, что в будущем эти изменения станут радикальными. Их суть сводится к тому, что «творческий» (креативный) класс, состоящий из тысяч старых и новых специальностей, преимущественно индивидуального профиля, станет доминировать в общественной структуре. Традиционные классы — рабочие, крестьяне, интеллигенция — будут стратифицироваться, в т.ч. и изнутри, распадаться на тысячи сегментов, представляющих новые творческие специальности.

Очень важен в этой связи и экономический аспект увеличения роли человеческого потенциала, связанный с ростом его доли в экономике страны. Каждый новый носитель знаний и творчества становится в десятки раз (а иногда и сотни раз) экономически эффективнее ныне «среднестатистического» труженика. Даже сегодня это видно из существующей тенденции, которая многократно усилится в ближайшем будущем.

Другой социальный аспект — рост доходов нового «творческого» класса, занятого в наукоемких отраслях. Этот класс можно отнести к категории «выше среднего». Это означает, что формируется достаточно устойчивая тенденция складывания экономически и политически влиятельного слоя, который, безусловно, будет претендовать на управление государством и обществом.

Табл. 3. «Наукоемкость» личности тесно связана с получением доходов

Образование	Годовая зарплата (ср. по РФ), тыс. руб. (2005 г.)	
	В производственной сфере	В производственной и непроизводственной сферах
Высшее	220	70
Среднее общее	31	35

Выпускники вуза: увеличение подоходного налога — в 2 раза;
Увеличение ЕСН — в 2 раза;
Увеличение налога на прибыль — в 2 раза;
Увеличение НДС — в 4 раза;
Освоение высоких технологий и увеличение темпов роста экономики — в 4 раза.

Наконец, рост образования, создание «креативного» класса ведет к росту общего благополучия в обществе. Новые знания не энерго- и природоемкие, но высокодоходные. Как видно из приведенных данных, «доходность» не только личности, но и государства резко возрастает с ростом образованности граждан. В итоге получается, что новая экономика — экономика знаний — неизбежно ведет к радикальной трансформации общественной структуры и качества личности. Формируется, по сути, качественно новая социальная модель общественного устройства, не имеющая ничего общего с классическими предыдущими — либеральной, коммунистической, социал-демократической. Именно поэтому новая социальная модель, новая социальная система в России не должна и не будет иметь ничего общего ни со старой, советской, ни неолиберальной социальными системами.

Это необходимо понимать, «конструируя» сегодня новые политические программы. По самым принципиальным вопросам: месту в производстве, отношению к собственности, роли государства, соотношению национальных и партийно-классовых интересов, отношению к истории и культуре России, ее духовному, в том числе православному наследию, формам собственности и т.д., а **главное — к человеку**, — новая модель будет решительно отличаться от политической практики социалистического и неолиберального мировоззрения.

В этой связи важно подчеркнуть, что значительная роль будет по-прежнему принадлежать государству. Старые, неолиберальные взгляды на отмирающее государство в действительности уже показали свою несостоятельность, что остается до

сих пор незамеченным, хотя в политической философии наших современников по этому поводу было немало ярких признаний. Одно из них принадлежит американскому ученому М. Линду — автору книги «Стратегия по-американски», который заявил: «Произошло самое знаковое событие в мировой политике со времен окончания холодной войны, а никто и не заметил. Речь идет о полном и окончательном поражении той силы, которая в течение нескольких десятилетий оказывала определяющее влияние на политику Запада. Я имею в виду ультралиберальную, точнее либертарианскую контрреволюцию»[22].

И далее хотелось бы обратить внимание на его прогноз: «С уходом либертариански настроенных правых как серьезной политической силы центр тяжести в основных вопросах политической экономики неминуемо сместится влево. Однако возрождения политического спектра середины XX в. мы не увидим, поскольку в левой его части никакого возрождения социалистов не будет. Конец как социализма, так и либерализма означает, что поле, на котором могут развиваться умеренная социал-демократия и государственный консерватизм, существенно сужается. Ограничение возможностей на горизонтальном спектре правого и левого толка сопровождается усилением вертикальных противоречий между элитой, выступающей за глобализацию и массовую иммиграцию, и популистским националистическим большинством. И если на смену старому право-левому горизонтальному спектру придет вертикальный, то появится и новый третий путь, и пролегать он будет где-то посередине между грубым популизмом и утопическим транснационализмом. Время либертарианства прошло. И уже никогда не вернется. Поражение либертарианцев как реальной силы в американской политике изменит определения „левый“, „правый“ и „центр“ — причем не только в американском спектре, но и в мировом».

Эта тенденция проявляется отчетливо во всем социокультурном пространстве, но прежде всего в образовании. В этой связи особенно важно сохранение и общедоступность творческого наследия нации, формирующего базу для высшего образования. В частности, в архивном деле. Как справедливо заметил ректор РГГУ Е. И. Пивовар, «отношение к архивам и архивной профессии в нашей стране всегда определялось как местом и ролью архивного документа в жизни общества и государства, так и политической ситуацией в стране. Сегодня Российская Федерация, сталкиваясь с новыми вызовами времени, определяет на государственном уровне и новые задачи перед архивным делом, документоведением и, соответственно, высшей школой в этой сфере. Причем в первую очередь учитывается тот факт, что именно благодаря архивам и историческим документам формируется **национальная** идея Российского **государства**, а также **доказательная юридическая и фактическая база, направленная на пресечение попыток фальсификации истории**.

Поэтому очевидно, что архивы играют ключевую роль в политической системе России. Подобно гербу, флагу и гимну они являются национальным символом государства.

Кроме того, в условиях информационного общества архивный документ стал особым информационным продуктом, а архивы и документы — стратегическими информационными ресурсами. Для управления ими требуются специалисты — архивисты и документоведы нового поколения, способные обеспечивать **информационную безопасность Российской Федерации**»[23].

Действительно, уход неолибералов неизбежен, но также неизбежно, на мой взгляд, возрастание роли государства по мере роста экономики знаний и создания нового общества. Это вызвано, прежде всего, потребностью повышения уровня экономического и общественного управления ресурсами в целях роста потенциала человеческой личности. Реализация возможностей человеческого потенциала через создание благоприятной среды становится **главной задачей государства и общества.** При существенной оговорке: возрастающая роль государства не будет выражаться в усилении его доли в экономике, а тем более в общественной жизни людей. Такое восприятие неправильно и не отражает сути процесса возрастания **управляющей роли государства**. Усиление роли государства в ключевых областях, а также в качестве инструмента, инициирующего новые процессы, будет с высокой степенью вероятности вести к сокращению его доли в экономике и управлении, замещению некоторых его функций институтами гражданского общества. Произойдет примерно то же, что и с крупными корпорациями в XX веке, когда доля главных акционеров будет сокращаться, а влияние — увеличиваться.

Идеологически это потребует в будущем своего обоснования, ибо этот процесс уже наблюдается в современной России. Государство «собирает активы», но его доля в экономике страны не растет. В 2007 году относительно ВВП она такая же, как и в 2000 г., и примерно соответствует доли государства в ВВП США. Неолиберальные критики пытаются убедить, что страна превращается в корпоративное государство, где политическая элита «все контролирует», включая образование. На самом же деле роль государства **еще недостаточна** — ни в регулировании экономических, ни общественных процессов. Но она неизбежно будет расти при том условии, что **доля участия** государства не только в экономической, но и общественной жизни, — сокращаться.

В новой, социально-консервативной, идеологии отдельные образовательные аспекты человеческого потенциала требуют более выпуклого рассмотрения. Может быть, даже сознательно акцентированного. Прежде всего, когда речь идет о реформе высшего образования в России, в частности, о соотношении платного и бесплатного образования.

Исследовательская компания MAR Consult изучила, каким, по мнению жителей крупнейших российских городов, должно быть образование в России. Опрос проводился в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону и Хабаровске среди 1100 респондентов старше 25 лет. Результаты этого исследования представлены ниже[24].

Как показали результаты опроса, в целом россияне не считают, что образование должно быть полностью платным, однако и сторонники полностью бесплатного образования оказались в меньшинстве — 30%. Основная часть россиян считают, что образование должно быть частично платным, частично бесплатным.

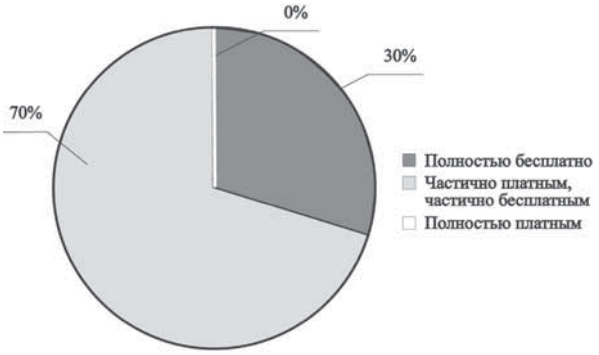


Рис. 8. Каким должно быть образование в РФ

Среди людей старшего возраста (старше 35 лет) доля сторонников полностью бесплатного образования выше по сравнению с общей выборкой — 43%.

Рис. 9. Распределение мнений о том, каким должно быть образование в РФ, в зависимости от возраста респондентов

Примечательно, что позиция относительно образования не зависит от уровня доходов респондентов.

Рис. 10. Распределение мнений о том, каким должно быть образование в РФ, в зависимости от дохода респондентов

При этом наблюдается достаточно четкая зависимость между позицией респондента и, собственно, уровнем его образования. Чем ниже уровень образования человека, тем скорее он будет склонен к позиции, что образование должно быть полностью бесплатным. В группе опрошенных, не имеющих высшего образования, доля сторонников бесплатного образования — 51% (каждый второй). Среди имеющих высшее образование — 27% (каждый третий). А среди имеющих два высших образования / ученую степень — только 7% (каждый десятый)[25].

Рис. 11. Распределение мнений о том, каким должно быть образование в РФ, в зависимости от уровня образования респондентов

Среди опрошенных респондентов обучение детей оплачивает каждый пятый (22%).

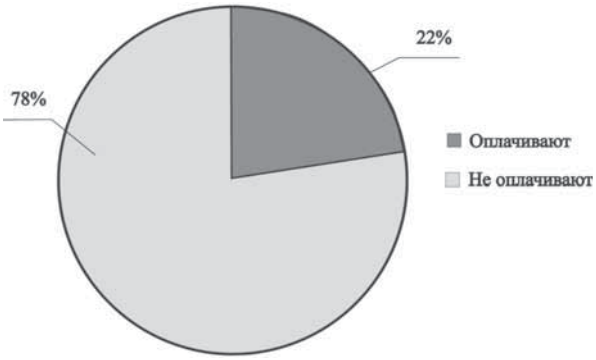


Рис. 12. Оплата обучения детей среди респондентов

Среди людей, оплачивающих образование детей, более распространено мнение, что образование должно быть частично платным, частично бесплатным (32% против 23%), в отличие от тех, кто образование детей не оплачивает[26].

Рис. 13. Распределение мнений о том, каким должно быть образование в РФ среди людей, которые оплачивают и не оплачивают обучение

При этом две трети респондентов платят за образование детей до 4000 рублей в месяц. При этом около 20% тратят ежемесячно более 10 000 рублей. В среднем же образование детей обходится россиянам в 8700 рублей ежемесячно.

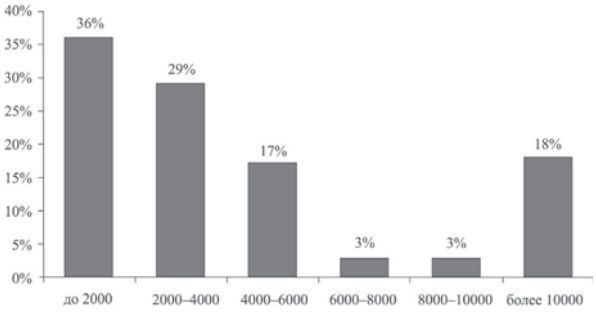


Рис. 14. Стоимость обучения детей руб./мес.

При этом более трети респондентов (32%) готовы платить и более 10 000 рублей. В свою очередь, 22% опрошенных не готовы оплачивать образование детей в принципе. В среднем потенциал затрат на образование детей составляет 17 809 рублей в месяц, что в два раза выше реальных затрат[27].

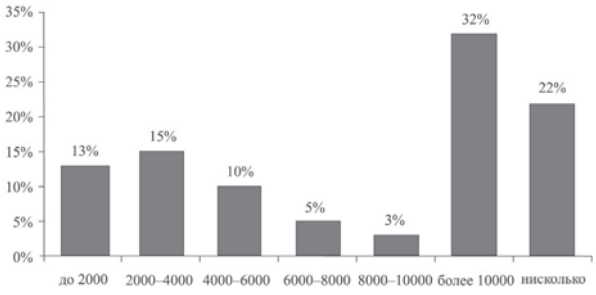


Рис. 15. Объемы, в которых респонденты готовы оплачивать обучение детей

Комментирует Ксения Маркова, руководитель Исследовательского департамента компании MAR Consult: «Позиция россиян вполне ясна. Мы постепенно приняли установку о необходимости оплачивать получаемые знания, тем более когда речь идет о втором высшем образовании, повышении квалификации, получении ученой степени — о тех ситуациях, когда мы осознанно вкладываем средства в собственное развитие, позволяющее нам в будущем эти же средства приумножить. Однако среднее и среднее специальное образование все же должно быть доступно на бесплатной основе. Об этом свидетельствует высокий процент сторонников полностью бесплатного образования среди тех, у кого это образование закончилось на уровне школы / ПТУ (вероятнее всего, отвечая на вопрос о том, каким должно быть образование, данная группа людей мыслила именно категорией того образования, которое получили они). Чем младше поколение, тем более распространено в нем мнение о том, что образование не должно быть полностью бесплатным. Среди людей, получивших образование в советское время (поколение 1960–1970-х годов), практически каждый второй является сторонником полностью бесплатного образования — и их можно понять — они получили качественное образование, за которое заплатило государство. Несмотря на то что большинство россиян на данный момент не оплачивает образование своих детей, готовность к тратам в данном направлении достаточно высока. Это объясняется, с одной стороны, пониманием ситуации с поступлением в вузы (сокращение числа бюджетных мест, существенное увеличение доли полностью платных вузов, сложности с поступлением на бюджетное обучение и так далее), с другой стороны, если речь идет о среднем образовании — готовностью платить за качественное образование и комфорт для своих детей. Таким образом, большинство россиян готовы инвестировать в собственный профессиональный рост, так же как и в гарантию получения качественных знаний и комфортные условия обучения ребенка»[28].

4. Духовный потенциал[29] как часть идеологии русского социализма

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза[30].
И. Сталин

Задача каждого поколения состоит в верной передаче этого духа, и притом в формах возрастающей одухотворенности, национального благородства и международной справедливости[31].
И. Ильин

Духовный потенциал в идеологии русского социализма играет важнейшую роль, компенсирует давление других факторов — инерции, профессионального опыта, сложившихся стереотипов, которые в отсутствие разработанной и принятой идеологии и социальной модели играли решающую роль последние 20 лет.

Радикальное реформирование общества, государства и экономики несет в себе серьезные угрозы самому существованию нации, что, собственно, доказала вся история России XX века. Последовательность изменений должна предполагать изначально **эволюцию всей системы взглядов элиты**, основанную на

нравственных основах и национальной традиции, глубокую научную проработку. Этого, конечно, не было ни в СССР, ни в России. Революционные социальные изменения происходили под воздействием субъективных факторов, влияющих на элиту, и без всякой опоры на духовный или идеологический потенциал нации. При этом, как справедливо заметил М. А. Хрусталёв, как у общества, народа, так и у элиты многие представления зависят от «состояния обобщаемого жизненного опыта», который достаточно ограничен и во многом детерминирован историей, зависит от стереотипов и инерции. При этом у элиты опыт политического анализа во многом зависит «от стереотипов, приобретаемых в процессе профессиональной деятельности[32].

Этот «опыт элиты», ее стереотипы и стали той мировоззренческой и нравственной опорой для реформ конца XX — начала XXI века. Недостаток нравственно-духовный опоры, научного осмысления (которое вообще игнорировалось не только М. Горбачевым, но и Б. Ельциным, а при В. Путине и Д. Медведеве было отдано на откуп технократам-либералам) привел к тому, что единственной опорой элиты был **ее опыт**, прежде всего профессиональный, и те стереотипы, которые были заложены изначально, в том числе и либеральные стереотипы, привнесенные извне. В том числе из протестантизма. Как признает Л. Зидентоп, «…либерализм может рассматриваться как секуляризированная форма христианства, развивающая исходные элементы христианских нравственных ценностей посредством различения публичной и частных сфер, тем самым отождествляя границы легитимных действий государства с требованиями совести»[33].

Таким образом, перенос протестантско-христианских норм на российскую почву привел к переносу представлений о легитимных действий государства и его институтов. Для России 90-х годов XX века, да и первого десятилетия, такой перенос норм означал перенос, точнее насаждение, чуждых правил управления и поведения — в бизнесе, политике, обществе.

Вот почему «демократ» М. Горбачев истово боролся за власть, избирая себя на съезде генсеком и президентом, игнорируя растущие угрозы и опасности. Таков был его опыт и стереотипы.

Вот почему у Б. Ельцина партийный опыт и партийные стереотипы и такая же жажда власти предопределяли все его поведение и решения.

Вот почему объясняется «прагматизм» В. Путина и «либерализм» Д. Медведева все теми же факторами — приобретенным (небольшим) профессиональным опытом и приобретенными стереотипами. Широты кругозора, подлинно философского осмысления у правящей элиты не было, боюсь, что нет и сейчас, как и понимания необходимости отхода от своего профессионального (узкого) опыта, инерции и стереотипов. Как заметил выдающийся позднеримский мыслитель Боэций, «…подобно тому, как ткач, собираясь выткать узорчатую полосу, натягивает сначала одну основную нить, так же точно и ткань философских рассуждений нужно начинать с основы — с человеческой души»[34].

Этот подход, свойственный консерватизму, не получил развития в России, в результате чего страна понесла колоссальные издержки, которые стали **следствием духовного и идеологического вакуума**.

Парадоксально, но факт: безопасность для жизни в исправительно-трудовых колониях (ИТК) выше, чем в «свободном» гражданском обществе! В 1994 году среди заключенных умерли в результате насилия 5094 человека, или 0,8%. В то же время в стране насильственная смертность вдвое выше. По мнению специалистов, рост преступности в России приближается к национальному порогу качественного и количественного насыщения и переполнению «чаши терпения», в связи с чем криминальная проблема может превратиться в острую политическую, способную дестабилизировать обстановку[35].

Продумывая и реализовывая сегодняшние реформы, мы должны учесть этот печальный опыт, понять, что никакие стратегии развития, модернизации и инновации не будут эффективны (это — в лучшем случае, а в худшем — опасны), если в их основе не будет заложена глубокая нравственная и духовная традиция нации, её историческое и культурное наследие. Эту мысль я пытался неоднократно провести в 90-е и последующие годы в целом ряде работ.

Я исходил из того, что одного профессионального опыта, стереотипов и инерции не просто мало, но что все это ведет правящую элиту в неверном направлении. В начале первого десятилетия — толкают на экстенсивный путь развития. В начале второго десятилетия — на путь внешних заимствований. В то же время осознание широкого контекста исторического развития, особенностей «фазового перехода» ведет к пониманию стратегии опережающего национального развития, которая возможна только на основе духовно-культурного национального фундамента. Кроме того, в основу такой стратегии должен быть положен аналогичный стратегический прогноз, где главными критериями должны стать не макроэкономические показатели (или их «система», как сказал В. Путин 25 апреля 2011 года)[36], а показатели развития качества НЧП, прежде всего культуры, духовности, творчества[37].

Замечу, что общество, которое в 90-х годах и начале нулевых в основном игнорировало значение традиции и российской духовности, постепенно, очень медленно, с откатами стало приходить к пониманию важности этих первооснов. Прошла этот путь и российская элита. Во второй половине первого десятилетия мы стали свидетелями многочисленных высказываний по этому поводу В. Путина, Д. Медведева, других руководителей государства. Наиболее остро и публицистично эту проблему поставил в октябре 2010 года Н. Михалков в своем «Манифесте просвещенного консерватизма».

Духовный потенциал нации, на мой взгляд, следует рассматривать в следующих аспектах:

— как во многом синоним **социального капитала**, играющего все более важную роль в развитии общества, экономики и государства. Достаточно сказать, что при оценках качества жизни, эффективности государства и экономики критерии развития социального капитала играют не менее важную роль, чем макроэкономические показатели;
— как основу для формирования **моральных норм**, т.е. отношения индивидуума к обществу, таким категориям, как «добро» и «зло»;
— как основу для формирования **нравственных норм**, т.е. отношения общества к индивидууму, созданию обществом и государством условий для его развития. Очевидно, что развитие потенциала человеческой личности — прямое следствие тех нравственных норм (условий), которые создает общество и государство;
— как мощный, малоэффективно используемый **ресурс развития** общества, экономики и государства;
— как инструмент **сохранения традиций**, национальных ценностей и особенностей нации;
— наконец, как **базовую ценность, важнейший национальный интерес,** осознание которого элитой позволяет сформулировать адекватные политические, экономические, социальные и иные цели, т.е. адекватную стратегию развития.

Наконец, главное, — духовный потенциал является важнейшей частью **духовно-психологического потенциала**[38] **личности** и всего потенциала человека, основой для формирования целого нового класса современного общества — творческого (креативного) класса. При этом важно подчеркнуть, что духовный потенциал личности, ее творческие возможности проявляются не в оригинальности или нетрадиционности, а **в социально значимой самобытности** творческой личности, в цельности и глубине ее мировоззрения, органичной связи с умонастроением и мировосприятием эпохи.

Главное изменение в начале XXI века — это стремительно возросшая роль человеческого капитала как совокупности материальных, интеллектуальных и духовных возможностей человека. При оценке национального богатства страны он стал играть не просто значительную, но ведущую роль. Так, среди основных составляющих национального богатства развитых стран — человеческого потенциала, природного капитала и производственного капитала — человеческий потенциал (интеллектуальный, культурный и духовный), по ряду оценок, превышает 75%. Есть основания полагать, что духовный потенциал нации — не менее важный ресурс, чем материальный. Об этом я не раз писал в последние 20 лет[39]. Сегодня духовный потенциал во многом отождествляется с социальным капиталом[40], что не совсем верно, ибо он включает в себя и такие важные критерии, как нравственное состояние общества и его отдельных индивидов, от которых зависит не только эффективность общественных институтов, но и эффективность экономики и государственного управления.

В целом духовный потенциал составляет значительную долю (я бы даже сказал, — основную) национального человеческого капитала, а тот, в свою очередь, — основную часть национального богатства. Как справедливо указывает профессор МГИМО(У)

Табл. 4. Оценка подушевого распределения богатства в основных регионах мира, 1994 год*

Регион	Богатство в целом	Человеческий капитал	Произведенные фонды	Природный капитал
	в долл. США		в % от богатства в целом	
Северная Америка	326 000	76	19	5
Австралия, Новая Зеландия и Япония	302 000	68	30	2
Западная Европа	237 000	74	23	2
Ближний Восток	150 000	43	18	39
Южная Америка	95 000	74	17	9
Северная Африка	55 000	69	26	5
Центральная Америка	52 000	79	15	6
Карибский бассейн	48 000	69	21	11
Восточная Азия	47 000	77	15	8
Восточная и Южная Африка	30 000	66	25	10
Западная Африка	22 000	60	18	21
Южная Азия	22 000	65	19	16

* Агрегированные данные по Западной Африке не включают Нигерию, а данные по Северной Африке — Алжир.

Л. М. Капица, «новая концепция национального (мирового) богатства исходит из более широкой трактовки понятия капитала и охватывает наряду с основным (производственным) капиталом природный капитал, человеческие ресурсы (человеческий капитал) и социальный капитал»[41]. Л. М. Капица приводит результаты исследования, проведенного экспертами Всемирного банка на основании базы данных МБРР для расчета трех компонентов национального и мирового богатства:

1) **природного капитала,** представляющего суммарную стоимость возобновимых и невозобновимых природных ресурсов (сельскохозяйственные земли, пастбища, древесина, другие продукты леса, охраняемые территории, нефть, уголь, природный газ, металлические руды и минералы), используемых в экономике;
2) **произведенных активов**, представляющих стоимостную оценку суммарных произведенных активов, включая городские земли;
3) **человеческих ресурсов (или человеческого капитала)**, стоимостные параметры которых рассчитаны как разница между доходами занятого населения за период средней продолжительности трудовой деятельности населения и стоимостью суммарных произведенных активов, включая стоимость городской земли; в этот же компонент включены доходы на социальный капитал[42].

Как видно из приведенных данных (табл. 4), пропорции распределения национального богатства существенно отличаются в зависимости от степени развития экономик и обществ: от 76% у развитых стран Северной Европы и 74% — Западной Европы, приходящихся на человеческий капитал, до 43%— на страны Ближнего Востока.

Существуют попытки и оценки национального богатства России по этой методике. Их также приводит Л. М. Капица[43].

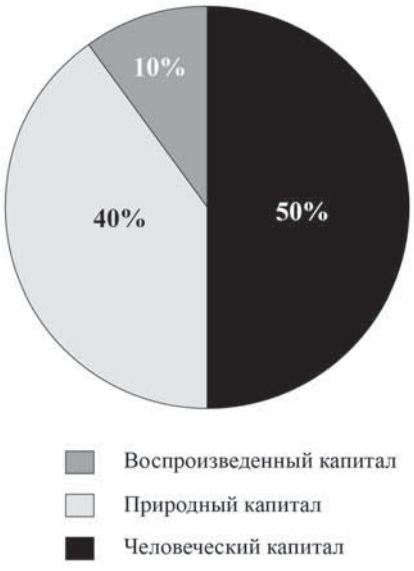


Рис. 15. Оценка национального капитала России (экспериментальное применение методики МБРР)

В соответствии с этой диаграммой на человеческий капитал в России приходится 50% национального богатства, но даже соглашаясь с этим, необходимо сделать вывод о том, что основной составляющей всего процесса создания национального богатства является человеческий капитал. Это особенно видно из оценки экономической отдачи от институтов, которая в развитых странах до 30 раз (!) выше, чем в бедных.

На мой взгляд, рассматривая более внимательно значение фактора человеческого капитала, можно сделать вывод, что духовный капитал нации, включающий как социальный капитал, так и нравственные и моральные нормы, а также значительную часть культурного капитала нации, не менее важен, чем такие критерии, как образование и здравоохранение, которыми сегодня оперируют при подсчете человеческого капитала.

В России же этот потенциал не достигает 50%, а по некоторым оценкам, и 25%![44] В основе такой чудовищной диспропорции лежит недоступность для большинства граждан достижений мировой и российской культуры, науки и образования, т.е. исключение из перечня возможностей развития человеческого потенциала целых областей достижений, при том, что в основной массе граждане понимают роль России и значение этих достижений для своего существования (табл. 5, 6, 7).

Эта ситуация в России разительно отличается от положения в развитых странах. Самые яркие примеры: богатейшие люди планеты, Б. Гейтс и К. Слим, чьи активы превышают 60 млрд долл., в короткие сроки заработали их на наукоемких технологиях — программном обеспечении и связи. Аналогами по масштабу этим компаниям в России являются такие крупнейшие структуры, как ЛУКОЙЛ, Роснефть, Газпром, с той существенной разницей, что интеллектуальные компании не растрачивают природные ресурсы, а воспроизводят в огромном масштабе новые продукты и услуги.

При этом общая тенденция такова: **роль творческого потенциала в общем объеме человеческого капитала неуклонно растет, замещая соответствующие доли интеллектуального и экономических потенциалов**. Так, третий по богатству в мире человек У. Баффет управляет компанией, в которой работают менее 20 человек, но чья капитализация превышает 160 млрд долл.[45], а численность акционеров — 30 тыс. человек. В его деятельности видны две особенности: во-первых, его бизнес по большому счету заключается в генерировании инвестиционных идей (как говорит У. Баффет, «достаточно одной идеи в месяц»), а во-вторых, что также не представляется случайным, — накопленные деньги он направляет в социальную сферу, точнее благотворительность. Известно, например, что только в 2006 году он выделил 31 млрд долл. на благотворительную деятельность.

Эта очевидно обозначенная тенденция в мировом развитии требует не просто осмысления и глубокого

Табл. 5. Как вы оцениваете место российской духовной культуры в мире?

Она имела и сохраняет свое величие в общемировой культуре	22,4
Временно утратила былое величие, но имеет большое будущее	44,3
Навсегда утратила былое величие	10,5
Никогда не занимала видного места в мировой культуре	2,7
Затруднились ответить	20,1

Табл. 6. Как вы оцениваете доступность культурных благ для вас лично?

Все блага культуры мне доступны	10,1
Какие-то доступны, а какие-то нет	46,7
Круг доступных мне культурных благ очень ограничен	27,1
Мне практически недоступно ничего из культурных благ	10,1
Затруднились ответить	6,0

Табл. 7. Как вы считаете, есть ли у вас и ваших близких реальные возможности получения следующих услуг?

	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Трудно сказать
Получить необходимое образование	21,4	31,9	25,1	15,2	6,4
Посещать интересные постановки в театрах	18,9	30,4	24,8	20,2	5,7
Читать те книги, которые вам нужны	34,2	41,3	14,1	6,7	3,7
Смотреть интересные фильмы	43,9	36,1	11,3	4,7	4,0
Путешествовать по нашей стране и за рубежом для осмотра достопримечательностей	5,7	8,9	21,9	59,4	4,1
Покупать нужные книги	26,8	32,6	21,6	14,9	4,1
Покупать интересующие вас диски, кассеты для дома	32,6	33,0	14,8	14,1	5,5

анализа, но и радикальных — политико-идеологических — решений. Уж очень масштабный и устойчивый характер она приобрела в первой четверти XXI века. Уже безусловно ясно, например, что именно за счет прироста человеческого капитала в его различных формах обеспечивается основной прирост ВВП развитых стран. При этом, повторю, доля творческого потенциала резко растет. Доля же экстенсивных факторов постоянно и стремительно снижается, приближаясь к нулю. Таким образом, **основной резерв и локомотив экономического развития сосредоточен именно в человеке**, развитии его способностей, их более полной реализации, в том числе его психических, духовных способностей, которые в XXI веке станут **важнейшим ресурсом** развития.

И здесь нельзя не сказать о роли религии вообще и Русской православной церкви в частности. Эта роль в 2000–2010 годах стала предметом острой идеологической битвы, фактически разделившей российское общество. Прежде всего из-за того, что РПУ стала значительно сильнее влиять в идеологическом, политическом, да и социально-экономическом плане на российскую элиту и общество, именно рост этого влияния стал главной угрозой для неолибералов XXI века. Как справедливо заметил профессор А. Варламов, «…возможно, кому-то хотелось бы, чтоб Церковь оставалась преследуемой или, того хуже, лежала б, по выражению Достоевского, в параличе. Стала бы неким **культурным, этнографическим заповедником, заполняемым по большим праздникам людьми**, плохо понимающими, что в нем происходит, либо превратилась бы в неутешную вдову, в филиал общества „Мемориал“. Но если выпало время — мы не знаем, сколь продолжительно оно будет, — когда люди могут открыто исповедовать веру, то грех это время не использовать и не употребить силы на

созидание, строительство и проповедь. Мы долгие годы вынужденно жили в стране, где Церковь была безгласна, и ее продолжающееся **возвращение в общественную жизнь, ее неотделенность от общего горя мне близки, и никакого политического расчета я в этом не вижу**[46].

А вот расчет в том, чтобы столкнуть Церковь и „народ", есть. „Народ" — ибо словом этим очень легко манипулировать. Когда-то под давлением „народа" взрывались или закрывались храмы по всей стране. В 1990-е по этой логике можно было бы вывести „народ" на манифестацию с требованием не допустить строительства храма Христа Спасителя, ибо „народ" привык плавать в бассейне „Москва", сегодня — требовать запретить возведение храма на месте прогулок горожан. Да мало ли что еще от имени „народа" можно вещать? Даже то, что, по мнению автора статьи в „Независимой газете", народ „намерен спрашивать с Церкви за все ее ошибки так же, как спрашивает за ошибки политической власти". Но если в Екатеринбурге вышли люди, протестовавшие накануне визита Патриарха против строительства храма, то ведь были и те — и их гораздо больше, — для кого визит Патриарха стал радостью, а краткая лития в Москве на станции метро — утешением»[47].

Необходимо, на мой взгляд, коротко охарактеризовать объективные реалии существующего мейнстрима, связанные с ролью человеческого капитала, которые стали общепризнанной нормой в развитых странах и неизбежно должны стать со временем такой же нормой в России.

Прежде всего следует подчеркнуть, что к концу XX века в ведущих государствах стало общепризнанным, что главной политико-идеологической задачей общества и государства на нынешнем этапе глобализации и основной целью их деятельности стал человек, всемерное развитие его материальных, интеллектуальных и духовных возможностей. Эта норма вошла в программы всех партий, стала политическим принципом практически любого политического или общественного деятеля. Либерализм, который в целом ряде своих фундаментальных положений противоречил этой тенденции, был оттеснен, заменен «социальным либерализмом», практически социализмом в том, что касается социально-экономических условий жизни граждан.

Приоритет личности, человека стал иногда выражаться даже в гипертрофированном виде — абсолютизации прав и свобод человека. Именно человек, а не государство, общество или духовная субстанция, стал главной политической категорией, к которой апеллируют все политические силы. Более того, человек, как **экономическая ценность** (особенно если он обладает высоким уровнем профессиональной подготовки), стал **самостоятельной политической и экономической ценностью** в развитых странах.

На мой взгляд, это не связано непосредственно ни с протестантской этикой, ни гуманизмом, а вызвано сугубо экономическими, даже меркантильными мотивами. В развитых странах осознали, что темпы экономического развития и благополучие общества и государства стали следствием развития прежде всего качества человеческой личности. Пример Б. Гейтса стал нарицательным. И в этих странах стали так же бережно относиться к личности (в т.ч. ее образованию, здоровью и т.д.), как в свое время бережно относились к протестантским принципам. Во всяком случае формально — на политическом и общественном уровнях. Любая новость, затрагивающая жизнь одного гражданина (но именно в «своей» стране), становилась приоритетной в новостных программах СМИ и действиях политиков.

Из этого же вытекают, по меньшей мере, и два социальных последствия: **во-первых**, всемерное развитие возможностей и свобод личности ведет к безграничной (а нередко безнравственной) вседозволенности, а **во-вторых**, стремительному развитию институтов самоорганизации личностей, получивших название «институтов гражданского общества». Да и само государство стало стремительно превращаться в крупнейший институт гражданского общества — своего рода общественную корпорацию по развитию потенциала человеческой личности.

Ускоренное развитие человеческого потенциала, социального капитала общества в целом, стало де-факто не только приоритетом социально-экономического развития, но и, в конечном счете, главной политико-идеологической задачей, стоящей перед развитой нацией. Это объективная реальность, которую восприняли к началу XXI века во всех развитых странах. Не может быть исключением и Россия, которая, если она не хочет выпасть из общемировых процессов развития, должна вписаться в эту генеральную тенденцию, и не только в целях развития, что уже очевидно, но даже в целях самосохранения.

Возвращаясь к недавней истории, следует напомнить, что крупнейшая геополитическая катастрофа XX века — развал СССР — стала следствием неспособности власти (и в целом элиты) обеспечить сопоставимые с Западом условия развития человека в стране: социально-экономические, культурно-духовные, информационные. Сегодня такой же вызов стоит и перед российской элитой, ее правящим классом. У нас есть 10, может быть, 15 лет для того, чтобы доказать как право нации на существование, так и государства на суверенитет[48]. Временной отрезок минимален и пройти его можно, во-первых, только ускоренными темпами, а во-вторых, ясно понимая, что человек — самая приоритетная цель, более важная, чем другие, включая, например, такие, как макроэкономическая стабильность, профицит бюджета и золотовалютные запасы. Не зря ведь некоторые развитые страны сознательно идут даже на дефицитный бюджет в угоду социальным приоритетам. И в этом, пожалуй, главная проблема современной российской идеологии: необходимо не просто понять сегодняш-

Табл. 8. Продажа основных товаров длительного пользования[49] (тыс. шт.)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Телевизоры цветного изображения	**3612**	**5123**	**6755**	**6936**	**9696**	**12 668**
Радиоприемные устройства, включая звукозаписывающую или звуковоспроизводящую аппаратуру	4761	5155	4641	4549	4642	4814
Холодильники и морозильники бытовые	**2996**	**3353**	**3598**	**3935**	**3985**	**4132**
Машины стиральные	2405	3035	3515	3662	3967	3841
Электропылесосы	2586	3390	3929	4165	4775	4919
Часы бытовые, млн шт.	18,5	18,6	19,8	18,9	21,7	21,7
Автомобили легковые	**1396**	**1311**	**1900**	**2038**	**2678**	**3290**
Мотоциклы и мотороллеры	**164**	**156**	**171**	**196**	**246**	**357**
Велосипеды и мопеды	**1830**	**2026**	**2139**	**2276**	**2998**	**3009**

нюю роль человеческого потенциала, но и сформулировать политико-идеологическую задачу, внести серьезные коррективы в государственную — прежде всего финансовую и экономическую — политику.

Важно, что реализация человеческого потенциала, т.е. превращение его в национальной человеческий капитал, во многом зависит от доступа населения к минимальному набору товаров и услуг, которые расширяют его культурные и духовные возможности. В этом смысле социальная политика тесно связана с ростом человеческого потенциала и увеличением НЧК. Как видно из статистических данных последних лет, наметилась устойчивая тенденция увеличения доступности товаров и услуг длительного пользования, которая выражается в физических объемах. Важно, что эти товары становятся общедоступными для всех граждан, хотя доля тех, кто еще не может их приобрести в России, неоправданно и недопустимо велика (табл. 8).

Прежде всего, следует, на мой взгляд, отказаться от абсолютизации макроэкономических показателей, которые уже не являются основными показателями в развитии экономики, общества и государства, и перейти к другим критериям оценки. Критериям, которые в большей степени отражали бы главную тенденцию мирового развития. Так, например, группа экспертов под руководством В. Мау систематизировала эти критерии применительно к России ее месту в мире за 2000–2005 годы (надо сказать, что они изменились незначительно) (табл. 9).

Из этих критериев, в частности, видно, что если душевой ВВП относит Россию к числу развивающихся государств, то индексы экономической свободы и продолжительности жизни — к числу слаборазвитых государств, а индекс образования — к числу развитых государств. Подобные оценки, на мой взгляд, более информативны, чем макроэкономические показатели, потому что они ориентированы на главный критерий — потенциал человеческой личности, а не на абстрактные экономические модели. Соответственно и выводы для правительства могут быть более точными. Так, если институциональные критерии развития экономики находятся в самом отсталом положении, то очевидно, что и усилия необходимы прежде всего именно в этой области.

Отдельный вопрос и пример необходимости пересмотра роли человеческого потенциала — образование, по которому Россия относится к числу развитых стран, в отличие от большинства критериев. Это, во-первых, во многом результат советской системы образования, а не целенаправленной деятельности власти. Во-вторых, следствие того, что Россия относительно органично и естественно вписалась в глобальные тенденции образовательных процессов.

Табл. 9. Рейтинги России

Рейтинг	Место России (2000–2005)
Индекс экономической свободы	112–116
Индекс конкурентоспособности	64
Doing Business (WB)	79
Индекс развития человеческого потенциала (UNDP)	60–62
В том числе:	
Ожидаемая продолжительность жизни	115
Образование	30
Душевой ВВП по ППС	59

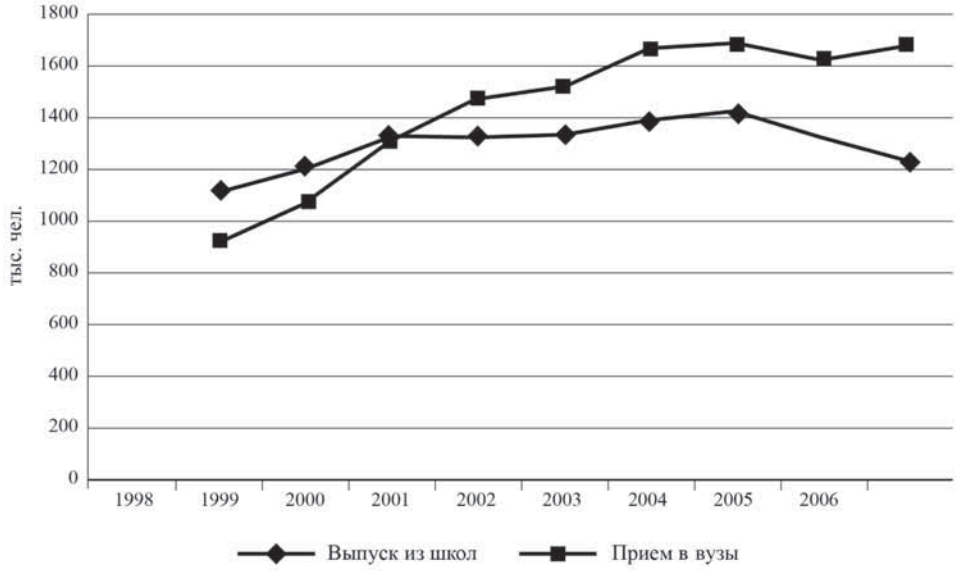


Рис. 16. Выпуск из школ и приём в вузы

Образование — одна из наиболее глобализированных отраслей, где деятельность власти в наименьшей степени мешает ее развитию. Как видно из данных, представленных В. Мау на заседании Экспертного совета (июль 2007 г.) по реализации национальных проектов под председательством Д. Медведева, количественные показатели высшей школы России росли предыдущие 15 лет ускоренными темпами.

Из приведенных В. Мау данных видно, что если количество выпускников устойчиво снижалось, то количество поступающих в вузы — устойчиво увеличивалось[50] (рис. 16). На этом основании некоторые чиновники и эксперты делают вывод о необходимости сокращения приема в институты. Чаще всего — под благовидными предлогами «повышения качества образования» и «сокращения бюджетного финансирования».

Рис. 17. Высшее образование России в 1990-е годы

С точки зрения развития потенциала человека эти идеи крайне вредны. Образование на новом этапе становится практически общедоступным и всеобщим, а доля лиц с высшим образованием в развитых странах вскоре может превысить 50%. Поэтому надо исходить именно из этой долгосрочной тенденции — всеобщего высшего образования, а также постоянной переподготовки и перепрофилирования кадров (что также сделает нормой два и даже три высших образования).

Понятно, что такой подход к образованию, как одному из трех критериев, определяющих человеческий потенциал, предполагает не сокращение, а рост числа студентов. Это, в свою очередь, ставит вопросы как о качестве образования (прежде всего об уровне профессорско-преподавательского состава), так и материальном обеспечении студентов и преподавательского корпуса, о связи науки, производства с учебным процессом. Все эти аспекты требуют новой государственной политики, аналогичной той, которую стали проводить в США, Ирландии и других странах в 1980-е и 1990-е годы. Она, добавлю, дала блестящие результаты как для экономики, так и общественного развития.

Сегодня, повторю, количественные показатели российского образования можно оценивать по-разному. В том числе и негативно. Так, если увеличение среднего возраста и стагнация профессорско-преподавательского состава, — безусловно, негативные явления, то рост числа вузов оценивается экспертами по-разному. В частности, тенденция роста, настораживающая некоторых экспертов и руководителей Минобрнауки, на самом деле вполне естественна. В XXI веке высшее образование должно стать фактически всеобщим, а значит, и общедоступным. Если сегодня доля лиц с высшим образованием в развитых странах составляет 22–23% (в США — 30%), то к середине 20-х годов XXI века она будет достигать 40–50%, а к середине 50-х годов — превышать 70%.

Табл. 10. Развитие высшего образования в России в 1990-е годы
(1990=100%, если не оговорено иное)

Год	1992	1998	1999	2000
Число вузов	103,3	176,1	180,8	185,9
Численность студентов	95,5	130,3	147,5	171,6
Выпуск специалистов	104,4	123	136,1	156
Численность ППС	1993=100%	115,4	121,7	125,5

Табл. 11. Структура российского экспорта в Китай (в %)

Товарные группы	Годы		
	1998	2002	2006
Минеральное топливо, нефть, нефтепродукты	3,2	15,3	53,92
Древесина и изделия из нее	3,7	12,6	12,3
Удобрения	17,5	10,3	5,9
Цветные металлы	7,2	4,4	3,8
Черные металлы	16,4	12,0	2,6
Машины и оборудование	25,3	20,1	1,2
Бумага, картон	1,7	1,3	0,6
Прочие товары	7,8	3,9	1,5

Источник: материалы Минэкономразвития РФ.

Табл. 12. Структура китайского экспорта в Россию

Товарные группы	Годы		
	1998	2002	2006
Машины и оборудование	5,2	15,8	29,0
Химические товары	3,1	4,9	6,9
Изделия из черных металлов	0,4	0,7	2,6
Мебель, матрацы	0,7	1,0	2,0
Игрушки, спортинвентарь	1,4	2,4	1,8
Трикотажное полотно	1,5	1,0	0,3
Мясо	9,1	3,7	0,1
Прочие товары	9,8	9,0	10,4

Источник: материалы Минэкономразвития РФ.

Естественно, что качество образования будет очень разным. Понятно, что за качество высшего образования нужно будет все время бороться, но искусственно снижать рост числа студентов, как призывают некоторые политики и чиновники, было бы неправильным.

О динамике происходящих перемен в связи с ростом значения человеческого потенциала говорит хотя бы сравнение Китая и России, причем не только по темпам роста ВВП, но и по куда более современному показателю, непосредственно вытекающему из фактора человеческого капитала, — структуре экспорта и импорта[51]. За неполные десять лет структура российского экспорта в Китай радикально, качественно изменилась (табл. 11). Наукоемкие отрасли, преобладавшие в экспорте еще 8 лет назад, оказались полностью вытесненными ресурсными. Причем теми, глубина переработки которых минимальна.

Соответственно изменилась и структура китайского экспорта в Россию (табл. 12). За неполные десять лет Китай стал экспортером готовой продукции, либо существенно переработанной сырьевой.

Таким образом, за короткий период времени с начала XXI века структура торговли между Россией

Табл.13. Товарная структура импорта России (в %)

Товарные группы	Годы						
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Машины, оборудование и транспортные средства	31,4	34,0	36,3	37,4	41,2	44,0	47,6
Продукция химической промышленности, каучук	18,0	18,2	16,7	16,8	15,8	16,5	15,8
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	21,8	22,0	22,5	21,0	18,3	17,7	15,7
Металлы, драгоценные камни и изделия из них	8,3	7,4	6,4	7,3	8,0	7,7	7,6
Прочие товары	20,5	18,4	18,1	17,5	16,7	14,1	13,3

и Китаем изменилась качественно. И на этот вывод (с точки зрения развития человеческого потенциала), по сути, не влияют такие макроэкономические показатели, как торговый баланс или объем торговли. Россия превратилась в экспортера сырья, а Китай — продукции переработки.

Эта ситуация характерна и в целом для структуры всего российского импорта (табл. 13), когда товары, содержащие новые знания и глубокую переработку, устойчиво вытесняли российские образцы, в том числе и в годы экономической стабилизации[52], высоких темпов роста ВВП первого десятилетия XXI века. Рост доли машиностроительной продукции в российском импорте (который еще более усилился в 2007 году) достиг уровня, который свидетельствует о том, что Россия фактически оказалась вытесненной даже на внутреннем рынке иностранными производителями.

Как видно из приведенных данных, импорт результатов интеллектуального труда неуклонно увеличивался даже в период устойчивого роста не только ВВП, но и промышленной продукции. В результате в 2007 году отставание России по наукоемкой продукции, например от Китая, измерялось не в разы, а уже в десятки раз!

5. Идеология русского социализма: необходимость смены критериев развития государства и общества

Успешному государству необходима и собственная идеология, показывающая цель развития, своя «национальная идея»[53].
В. Бушуев, В. Голубев, А. Тарко

«Newsweek» признал лучшей страной в мире в 2010 году Финляндию, сравнив 100 стран по пяти позициям: образование, здравоохранение, качество жизни, динамичность развития экономики и политическая обстановка[54].
Известия 17 августа 2010 г.

Многочисленные сравнения и сопоставления между странами стали к 2010 году не просто обычными, но мерой, формирующей общественное мнение в мире. При этом используются самые различные критерии, которые, как правило, являются набором сложных индикаторов, интегрированных показателей не только уровня социально-экономического развития, но и психологического состояния нации. Так, Россия в рейтинге «Newsweek» заняла 51-е место (уступив Украине, занявшей 49-е место, но обойдя Белоруссию — 56-е место) из-за двух «провальных» показателей — уровня здравоохранения и политической обстановки (75-е место). При этом авторов рейтинга журнала трудно обвинить в необъективности, ведь они использовали международно признанные рейтинги, в которые включено много компонентов[55].

Эти рейтинги во многом коррелируют с другими рейтингами, например, социологов, подготовивших в то же время для журнала «Forbes» рейтинг «самых счастливых в мире людей», где лидер рейтинга «Newsweek» Финляндия заняла второе место[56]. Да и вообще первая четверка «самых счастливых» стран — скандинавские[57].

Не случайно и то, что Россия занимает в этих рейтингах чрезвычайно низкое место, которое нельзя объяснить только социально-экономическими причинами. Как видно из официальных данных (табл. 14), могут «связать концы с концами» более половины граждан, оценивая вместе с тем свое положение как среднее[58].

Формирование социально-консервативной идеологии в 2000–2010 годах шло параллельно с признанием правящей элитой необходимости смены критериев, определяющих состояние государства, его экономики и общества. Постепенно, очень медленно, но шло замещение макроэкономических показателей, имевших долгое время абсолютное значение, на критерии, в которых всё большее значение имели

Табл.14. Мнение населения о текущем материальном положении (по данным выборочного обследования потребительских ожиданий населения*; в процентах от общей численности опрошенных)

	2006				2007				2008			
	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал
Оценка личного материального положения												
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
в том числе:												
очень хорошее	0,1	0,2	0,2	0,3	0,2	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1
хорошее	5,6	5,4	6,4	7,1	6,2	6,5	6,8	7,1	6,5	9,4	7,7	6,0
среднее	**54,4**	**56,3**	**56,1**	**55,0**	**55,8**	**56,8**	**58,9**	**56,5**	**62,0**	**59,5**	**62,1**	**58,6**
плохое	33,2	31,5	31,7	31,8	31,5	31,3	29,6	29,6	27,4	26,6	26,1	29,9
очень плохое	5,7	5,7	4,8	4,6	5,2	4,6	3,7	5,5	3,2	3,9	3,0	4,6
затруднились ответить	1,0	0,9	0,8	1,2	1,1	0,7	0,8	1,2	0,8	0,5	0,9	0,8
нет ответа	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Соотношение доходов и расходов семьи												
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
в том числе:												
имеют возможность откладывать некоторую сумму денег	8,6	8,9	7,9	8,5	8,4	8,1	8,5	8,4	8,2	10,9	10,7	**8,6**
расходы соответствуют доходам	68,5	68,3	70,6	69,8	70,7	73,3	72,9	71,7	71,1	69,8	70,4	**71,5**
берут в долг и/ или используют сбережения	21,4	21,1	20,5	20,0	19,7	17,9	17,4	18,7	19,5	18,2	17,6	**18,9**
затруднились ответить	1,5	1,7	1,0	1,7	1,2	0,7	1,2	1,2	1,2	1,1	1,3	1,0
нет ответа	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

* О выборочном обследовании потребительских ожиданий населения см. раздел 1.

социальные и гуманитарные показатели. Этот процесс шел параллельно с изменением всей социальной политики, что видно, например, из динамики роста основных социальных гарантий за 2004–2009 годы[59] (табл. 15).

В 2007 году для многих в России стало ясно, что критерии развития экономики и общества изменились. К сожалению, это осознание пришло поздно (да и то отнюдь еще не до конца и не ко всем). Это привело к тому, что Россия превратилась в быстро восстанавливающееся, но по-прежнему догоняющее в своем развитии государство, на уровне Китая и Индии. Все, в конечном счете, зависит от критериев оценки.

Если за критерий развития взять индекс развития человеческого потенциала, то мы увидим, что по сравнению с началом 1990-х годов ситуация в России не улучшилась, а даже ухудшилась, во всяком случае, по оценке группы экспертов под руководством В. Мау, а также зарубежных специалистов (рис. 18).

Из этих же оценок можно сделать и другой вывод, а именно: ускоренный рост ВВП в 2000–2007 годы лишь незначительно влиял на темпы роста ИРЧП (за 6 лет с 0,792 до 0,797). Соответственно, если с точки зрения роста макроэкономических показателей период 2000–2007 годов был очень успешный (темпы роста ВВП, инвестиций, экспорта, ЗВР и т.д. были не просто хорошими, а выдающимися), то с точки зрения развития, т.е. темпов роста ИРЧП, была фактическая стагнация. Т.е. существует очевидная разница между ростом и развитием, которое не характеризуется макроэкономическими показателями.

Из этого анализа неизбежен и другой вывод: если в качестве критерия развития мы выбираем ИРЧП, то можно и нужно жертвовать макроэкономическими показателями в пользу развития потенциала

Табл. 15. Размеры основных социальных гарантий, установленных законодательством Российской федерации, в соотношении с величиной прожиточного минимума* (на 1 января; в процентах)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Минимальный размер оплаты труда	24,0	22,9	22,0	27,5	48,4	78,8
Размер базовой части трудовой пенсии:						
по старости	34,2	28,3	35,3	35,1	44,5	**44,4**
по инвалидности:						
при I степени	17,1	14,2	17,6	17,5	22,2	**22,2**
при II степени	34,2	28,3	35,3	35,1	44,5	**44,4**
при III степени	68,5	56,6	70,6	70,2	88,9	**88,7**
по случаю потери кормильца:						
детям, потерявшим обоих родителей или детям умершей одинокой матери (круглым сиротам), на каждого ребенка	34,2	28,3	35,3	35,1	44,5	44,4
другим нетрудоспособным членам семьи умершего кормильца, на каждого члена семьи	17,1	14,2	17,6	17,5	22,2	22,2
Ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет:	22,1	17,9	21,6	-	-	-
по уходу за первым ребенком	-	-	-	42,4	38,6	38,6
по уходу за вторым и последующими детьми	-	-	-	84,8	77,2	77,1
Минимальный размер пособия по безработице	4,0	22,9	19,8	18,0	16,4	15,5
Минимальный размер стипендии:						
студентам государственных, муниципальных вузов	16,0	12,7	16,5	15,0	18,9	20,0
студентам (учащимся) учреждений среднего специального и начального профессионального образования	5,6	4,5	5,8	5,3	6,6	7,3

*В расчетах использована величина прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленная Правительством Российской Федерации за I квартал соответствующего года.

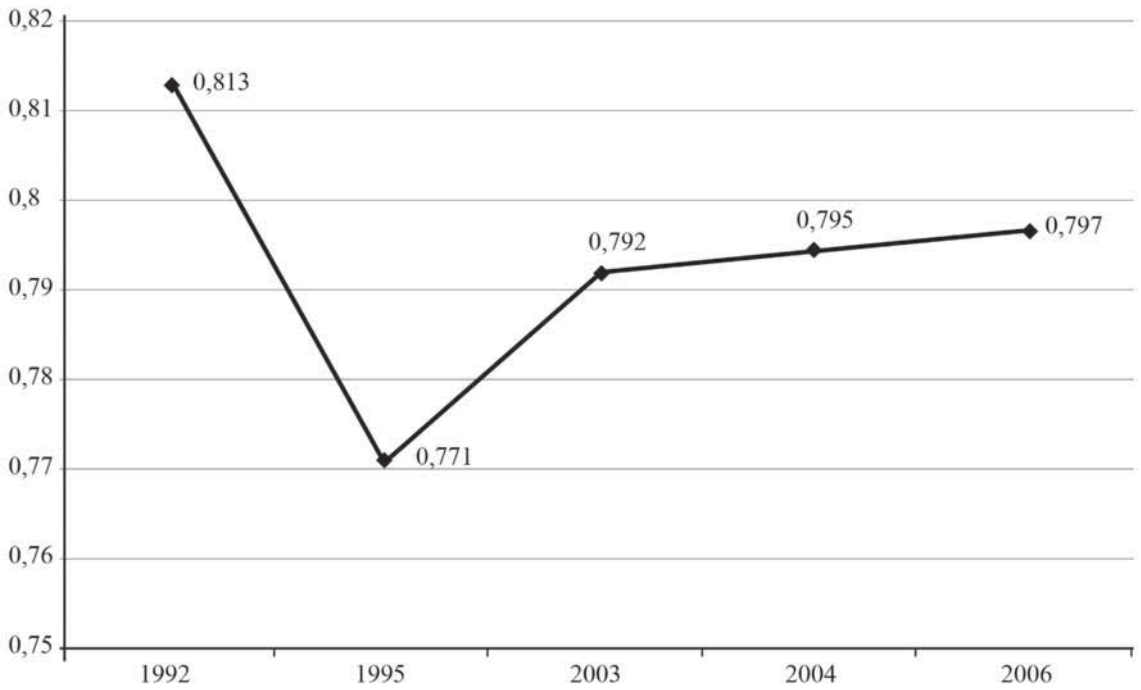


Рис. 18. Значение ИРЧП Российской Федерации за 1992–2006 гг.

человеческой личности, в частности, увеличивая расходы на те составляющие, которые определяют ИРЧП (демографию, образование, повышение душевого дохода, рост заработной платы, пенсий, стипендий и т.д.).

Подобный подход применим и к экономическим отраслям: выбирать из них в качестве приоритетных те, которые в наибольшей степени влияют на развитие человеческого потенциала, — науку, образование, информатику, связь и др.

Сегодня, безусловно, в элите сложилось представление о приоритетном развитии этих отраслей, но, во-первых, отставание, допущенное в последние десятилетия, слишком велико, а во-вторых, усилия на его преодоление — недостаточны. Так, если, например, в качестве критерия взять число пользователей Интернетом, то мы увидим, что в 2006 году Россия (наравне с Китаем и Индией) составила первую тройку «лидеров» по приросту — 21% за год. В развитых странах этот прирост был ничтожен. Но эти «успехи» можно признать условными по той простой причине, что задача поголовного пользования Интернетом в развитых странах была решена еще десятилетие назад[60]. Поэтому необходимо признать, что главный тезис — инвестиции в человека в эпоху глобализации как основа развития любого современного государства, — к сожалению, на протяжении последних лет игнорировался российской политико-экономической элитой, что привело к 15–20-летнему отставанию не только в технологическом развитии, но и понимании главных критериев социально-экономического развития. Не преодолена эта инерция полностью и сегодня. В противном случае распространение Интернета с участием государства шло бы не только по инициативе Д. Медведева в рамках нацпроекта «Образование», но и по другим направлениям — льготное (или бесплатное) подключение, распространение компьютеров, программное обеспечение и т.д. Отраслевой, может быть, успешный подход Минсвязи был бы заменен государственной политикой в области информатизации.

В результате Россия, преодолев макроэкономический кризис, не перешла в стадию информационного общества, т.е. отстает на целый этап в развитии от передовых государств.

Как следствие, российская экономика оказалась не готовой и к адекватному реагированию на новые вызовы, свойственные этому этапу развития, например, кадровому. Как признают эксперты, «кадровый голод стал реальной макроэкономической проблемой». Но это только одно из ближайших последствий игнорирования роли человеческого потенциала, которое стало настолько очевидным, что приобретает масштабы системного кризиса, уже не макроэкономического, а институционального, охватывающего все отрасли экономики и общественной деятельности.

Этот институциональный кризис (неэффективность управления, отсутствие механизмов использования ресурсов, кадров, инноваций, инфраструктуры) не может быть преодолен ростом ВВП или промышленного производства. Эти количественные и макроэкономические критерии были свойственны другому общественному укладу, другой экономике и другому обществу, которые развивались стихийно, в соответствии с главным лозунгом 90-х годов «Рынок все поставит на свои места».

Табл. 16. Рост числа интернет-пользователей за год (%)

Индия	33
Россия	21
Китай	20
Мексика	18
Бразилия	16
Италия	13
Канада	11
Южная Корея	8
Япония	4
Франция	4
Испания	4
Германия	3
Нидерланды	3

Результаты эти отнюдь не случайны. Они были **идеологически** детерминированы «реформами» 90-х годов. Справедливо признает академик Р. Гринберг: «В области либерализации у нас победила „скоростная“ идеология: шоковый отпуск цен, быстрое открытие рынков, быстрая либерализация рынка капитала. Социально-экономические последствия такого подхода известны: примитивизация производства и деинтеллектуализация труда. Особенно пострадали личные доходы, наука и социальная сфера.

По данным российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, доля бедных и малообеспеченных составляет 45–46% населения страны. При этом 35% бедных составляют полные семьи работающих граждан с 1–2 детьми. Бедность работающих — это не только социальная угроза, но и серьезное препятствие экономическому развитию»[61].

Иными словами, «реформы 90-х» годов привели не к ускоренному росту человеческого капитала (как это наблюдалось в развитых странах), а к его ускоренной деградации. Соответственно и выбор, стоящий вперед страной, — это выбор между **развитием** (т.е. ростом человеческого потенциала) и **инерцией роста** восстановленных тенденций. Понятно, что если успехи или неудачи измерять критериями развития человеческого потенциала, то результаты будут одни. Если макроэкономическими критериями — другие.

Значимость перехода к новым критериям измерения стремительно усиливается с каждым годом, и можно ожидать, что с переходом человечества к духовной **стадии** развития они станут не просто главными, а решающими. Уже сегодня, по данным ВШЭ, наиболее остро недостает квалифицированных рабочих (об этом заявили 77% опрошенных работодателей), а также исполнительных сотрудников высшей квалификации (39% опрошенных пожаловались на это). Дефицит технических исполнителей и неквалифицированных рабочих гораздо меньше — о нем говорили 13% и 18% работодателей соответственно. Согласно конъюнктурным опросам Института экономики переходного периода, нехватка квалифицированных кадров входит в тройку важнейших проблем, мешающих промышленным предприятиям увеличивать выпуск продукции. Число бизнесменов, сообщавших, что столкнулись с нехваткой кадров, стабильно росло с 9% в 1998 году до 35% в 2005 году. Ожидается, что некоторые предприятия не смогут работать на полную мощь.

Пример с нехваткой кадров — лишь одно из последствий недооценки в последние десятилетия роли потенциала человеческой личности в экономике. Он иллюстрирует то обстоятельство, что компенсационных механизмов, которые бы смягчили пренебрежение этой тенденцией, сегодня просто нет. Ни массовая иммиграция, ни другие количественные меры просто не способны повлиять на этот процесс.

Таким образом, можно сделать следующие политико-идеологические выводы.

Во-первых, становится принципиально важным (раньше бы сказали — политически актуально) понимание элитой значения человеческого потенциала, которое стало сегодня ключевым требованием эффективной экономики и политики государства. Если станет общепризнанно, что **центром** приложения главных усилий становится человек, то, чем больше возможностей — образовательных, интеллектуальных, информационных и т.д. — будет иметь каждый член общества, тем, соответственно, выше интеллектуальный ресурс всей нации и государства, тем динамичнее темпы роста экономики, тем значительнее возможности общества и государства. Этот вывод в полной мере в свое время был сделан в развитых странах, где господствовали как либеральные, так и социалистические идеологии.

Во-вторых, представляется вполне оправданным и даже необходимым введение новых критериев для определения эффективности и темпов развития государства. В эпоху перехода к информационному обществу уровень развития государства квалифицируется прежде всего по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП). Эти критерии и должны стать базовыми для оценки эффективности деятельности всех частей государственной машины, включая правительство, Федеральное Собрание, местные органы власти. Пока же в России господствуют макроэкономические показатели — рост ВВП страны, дефицит/профицит бюджета и т.д., которые могут лишь говорить о самых общих тенденциях макроэкономической стабильности (что было очень важно для России в 2000–2005 годы), но не о развитии, тем более **развитии опережающем**.

В-третьих, необходимо осознать реальный разрыв между Россией и развитыми странами. ИРЧП включает в себя не только душевой ВВП (который может расти, например, за счет сокращения численности населения при сохранении тех же объемов ВВП или только за счет роста экспорта энергоресурсов), но и показатели уровня образования, продолжительности жизни и т.д. Эти критерии, введенные по инициативе Программы развития ООН (ПРООН), выглядят более убедительными и более точно отражают уровень развития современной России. Так, если по уровню душевого ВВП Россия отстает от США и других стран-лидеров в 7–10 раз, то **по реальному показателю — ИРЧП — в 15–20 раз.** Нужна другая экономическая и бюджетная идеология, в основе которой находились бы не абстрактные макроэкономические показатели, а вполне конкретные данные, характеризующие качество жизни и уровень развития потенциала личности.

Это принципиально важно, ибо в ряде развитых стран, например, принимаются такие решения, которые ведут к дефициту (допустимому, до 3% ВВП) бюджета, но повышают уровень жизни и качество образования, т.е. приоритеты развития человеческого капитала заведомо и сознательно ставятся выше макроэкономических приоритетов.

В-четвертых, развитие потенциала личности, с точки зрения экономического и бюджетного планирования, приобретает особое значение в развитых странах. Обеспечение высоких социально-экономических стандартов человека является не только декларируемой целью социальной политики государства, но и наиболее эффективным вкладом в экономику и обороноспособность страны. Полученные возможности развития личности обеспечиваются высоким уровнем образования, доступа к информации, профессиональной переподготовки. В целом, напомню, показатели ИРЧП сводятся к следующим трем показателям.

1. Доход — определяется показателем валового внутреннего продукта (валового регионального продукта) по паритету покупательной способности (ППС) в долл. США.

   Следует отметить, что за 2000–2007 годы этот показатель в России рос достаточно быстрыми темпами, достигнув к 2007 году 8–10 тыс. долл., а по уровню средней зарплаты — 500 долларов[62]. Однако именно «средний» показатель внушает самые серьезные опасения, потому что он может быть средним между зарплатой топ-менеджера в 10 тыс. и даже 100 тыс. долларов и сотнями граждан с зарплатой в 200 долларов в месяц.

2. Образование — определяется показателями грамотности и доли учащихся среди детей и молодежи в возрасте от 6 до 23 лет.
   Этот показатель также несовершенен, ибо он не характеризует ни качество образования, ни долю лиц, обладающих высшим образованием. Так, тенденция свидетельствует, что в развитых странах доля лиц с высшим образованием составляет 20–22% (в США — 30%), но, что важнее, через 10–15 лет эта доля будет составлять 40–45, даже 50%. Для того чтобы через 15 лет соответствовать этому критерию, уже сегодня нужны новые вузы, новые программы и педагоги.
3. Долголетие — определяется показателем ожидаемой продолжительности предстоящей жизни при рождении человека.
   Этот показатель также не вполне корректен, ибо он не показывает **качество** (активность, дееспособность) долголетия. Так, если человек активен и дееспособен в 70–80 лет, — это одна история. Если он находится в эти годы в клинике — другая.

Тем не менее эти критерии гораздо более показательны, чем макроэкономические. Итоговый индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) рассчитывается как среднеарифметическая сумма значений этих трех компонентов. Значения индекса развития человеческого потенциала могут меняться в пределах от 0 до 1. При этом значение 0,800 является нижней границей уровня развитых стран. Россия по уровню ИРЧП перешла с 72-го места в 1995 году на 60-е в 2002 году. При этом показатель ИРЧП только в трех регионах из 89 (Москва, Тюменская область и Республика Татарстан) ненамного превысил критический — 0,8. Для всей же страны он составил 0,763, т.е. ниже критического для развитых государств.

Это и понятно, ведь по двум из трех составляющих ИРЧП — уровню доходов и продолжительности жизни — положение в стране именно критическое. Отдельно можно говорить лишь о третьем показателе, образовании, где накопленный советский научный и образовательный потенциал дает России возможность считаться развитым государством (но отнюдь не находиться в числе лидеров!).

В-пятых, ИРЧП, безусловно, более точный и прогрессивный показатель, чем ВВП страны. Однако и он относится к ушедшей эпохе. В современных условиях информационного общества ИРЧП, например, не дает таких важных качественных характеристик, как творческий, духовный и культурный потенциалы личности, ее способность самореализоваться и т.д. Ничего не говорит этот индекс и о структуре экономики, ее экспорте, наконец, социальной структуре общества, в том числе уровне развития институтов гражданского общества, местного самоуправления, эффективности политического и экономического руководства.

Такими критериями или характеристиками в дополнение к ИРЧП, на мой взгляд, наряду с другими могут быть:

— способность личности к участию в информационном обмене (доля пользователей PC и постоянно работающих в Интернете);
— обладание современными, в том числе мобильными, средствами связи и передачи информации;
— способность личности к передвижению не только в пределах одной страны;
— доступность ознакомления с мировыми достижениями культуры и опытом;
— адекватность личности нравственным нормам нового общества.

Понятно, что далеко не все эти качества можно точно измерить математическими количественными методами. Важно подчеркнуть, однако, что, во-первых, развитие таких качеств требует особого внимания и затрат общества и государства и, во-вторых, такие затраты следует рассматривать как прямые и наиболее эффективные инвестиции, в том числе и с экономической точки зрения.

В-шестых, прямым следствием такого развития может и должна стать корректировка всей социальной и бюджетной политики государства, экономических и социальных приоритетов, которые сегодня не соответствуют новым вызовам. Нужна реальная смена экономических, финансовых и бюджетных приоритетов. Так, на мой взгляд, главными показателями в проектах социально-экономического развития и бюджетных планах должны стать такие, как ожидаемое увеличение продолжительности жизни, рост душевого ВВП, образование и т.д. В них должны быть включены такие социальные факторы, как динамика развития институтов гражданского общества, нравственных, культурных и духовных возможностей человека.

Необходима, более того, существенная корректировка всей государственной политики, не только в бюджетной, финансовой, но и в других областях, например, в области СМИ, культуры, духовности, где усилия государства определяются как финансовыми затратами и льготами, так и кадровыми и иными решениями. В новых условиях создания экономики знаний особую значимость приобретают такие качества личности, как самостоятельность, инициативность, креативность, чувство долга, ответственности и пр. Эти качества во многом формируются именно обществом и государством, причем необходимо говорить о сознательной и целенаправленной политике общества и государства по их формированию. Государству необходимо «возвращаться в идеологию», причем активно и массированно.

И наоборот. Конформизм, «усредненность» и прочие «достоинства» человеческой цивилизации прошлых веков становятся факторами сдерживания развития не только личности, общества, но и страны в целом. Соответственно,

эффективность экономического развития становится во многом производной от эффективности социального развития личности, эффективности институтов гражданского общества, политической и государственной системы. Эффективной моделью государства и общества может стать только такая модель, которая ставит главной целью развитие потенциала личности не только как основы экономического развития, но и показателя степени и темпов развития государства и общества.

6. Идеология русского социализма: роль государства

С 1992 по 2008 год на 40 процентов сократилось число организаций, выполняющих научные исследования. Число сотрудников в них уменьшилось на 50%…[63].
Е. Примаков

…Преодоление болевых точек в экономике страны — задача сложнейшая. Надежды на рыночное саморегулирование здесь заведомом бесполезны — нигде и никогда рынок не формулировал и не реализовывал национальную экономическую политику[64].
Р. Гринберг

Развитие национального человеческого потенциала, как главная цель и высший приоритет идеологии русского социализма, требует укрепления государства и его институтов. В данном случае государство рассматривается как важнейшее средство обеспечения развития НЧП, т.е. **инструмент нации**, инструмент ее идеологии.

Существует принципиальная разница между **идеологией русского социализма** как системы устоявшихся взглядов правящей элиты и **государственной идеологией**, запрещенной Конституцией РФ. Разница примерно такая же, как между государством и нацией, как между национальными и государственными интересами, которые временами могут не только не совпадать, но, как это было в 90-е годы, даже противоречить друг другу.

Правящая российская элита «образца 2011» года была по сути поделена на две части. Первая — либерально-консервативная, которая была сторонником докризисной политики (и которая, как считал Е. Примаков, полагала, что переход к иной, не ресурсной политике, «следует отложить на будущее»). Вторая — «либерально-прогрессивная», — пропагандировала устами И. Юргенса необходимость дальнейшей либерализации общества и экономики. Роль государства у первой части элиты признавалась как ценность, но вектор его использования был к 2011 году исчерпан, даже вреден. У либералов роль государства всегда традиционно рассматривалась как преграда «свободам». (За исключением тех случаев, когда это выгодно им лично).

Поэтому вопрос стоит на самом деле об изменении не только идеологии, но и правящей элиты: нынешняя ни в первом, ни во втором случае не способна использовать государство в интересах нации[65].

Государство — важнейший, но **один из институтов** нации, у которой есть общественные и внесистемные институты и ресурсы.

Один из наиболее спорных вопросов идеологии сегодня и, как следствие, политических и экономических решений, — роль государства в экономическом и социальном развитии страны в эпоху глобализации. На мой взгляд, эти споры несколько искусственны и носят излишне идеологизированный, оторванный от жизни характер. Реальность такова: современный этап развития человеческого общества заключается в безусловно растущей роли государства. Его влияния на экономические и социальные процессы. И это важнейшая особенность сегодняшнего времени.

Признание этой особенности, однако, в значительной степени входит в противоречие с неолиберальным тезисом о «падении роли государства в эпоху глобализации», который усиленно внедрялся сначала в России в 80-е годы под лозунгом «борьбы с этатизмом» и в 90-е годы — «борьбы с остатками советского тоталитаризма». Подчеркну, что происходило это на фоне усиления роли государства в развитых странах. Начиная с 2004 года не только на Западе, но и в России вновь усилилась критика в адрес российской власти, которую стали обвинять в строительстве «корпоративного государства», «огосударствлении» собственности, даже «насаждении авторитаризма». Именно в последнее время эти тезисы стали наиболее расхожими аргументами против «режима В. Путина».

Более того, медленный послекризисный подъем, понимание необходимости быстрых темпов развития российские либералы связывают, во-первых, с сохранением существующего режима («только возвращение к высоким и устойчивым темпам экономического роста способно сохранить на плаву нынешнюю политическую модель», считает эксперт центра Карнеги В. Милов), а, во-вторых, с повышением эффективности экономики, под которым, как и прежде, понимается уход из экономики государства, приватизации, отказа от «дирижизма», привлечение иностранных инвестиций в стратегические отрасли экономики[66].

Почему-то не приходит в голову либеральным властям, что повышение эффективности экономики в XXI веке связано с совершенно другими факторами,

а именно развитием национального человеческого капитала, на долю которого, кстати, приходится до 90% прироста ВВП в развитых странах.

Что же касается «испытанных» либералами методов — приватизации и привлечения иностранного капитала, — то последние два десятилетия этой практики доказали, что ни первый, ни второй способ практически не влияют на экономику страны: приватизированные предприятия лучше работать не стали, а иностранные инвестиции (особенно не связанные со спекулятивным капиталом) значительно, в разы, меньше российских средств, ежегодно утекающих за рубеж.

Выбор стратегии — за государством, точнее, правящей элитой, идеология которой и сегодня находится в рамках либеральной традиции. В этом смысле смена идеологии означает не только смену элиты, но и смену стратегии.

Позиция той или иной политической силы, отдельной идеологии в эти годы во многом определялась их отношением к государству[67]. «Против» сильного государства — демократы и либералы. «За» — патриоты и коммунисты. Такое во многом искусственное деление было вызвано вполне утилитарными причинами. Во-первых, ликвидировать госсобственность. Во-вторых, сменить партийно-хозяйственную элиту, которая опиралась на эту собственность. Наконец, в-третьих, ослабить позицию России, ее влияние в мире и внутри страны.

Сегодня основные идеологические мотивы искусственного ослабления государства устранены: собственность поделена, власть отнята, российские позиции ослаблены. Поэтому вроде бы и причины для идеологических наскоков исчезли. Однако мы видим, что по мере преодоления кризиса и роста активности России за рубежом этот прием вновь реанимируется.

Кроме этой, назовем ее субъективной, причины, есть и объективная. Опережающее развитие России возможно только как сильного государства, обладающего высокоэффективным механизмом госуправления и развитыми госинститутами. Особенно в кризисные периоды. Так, вмешательство государства в 2009–2010 годы, которое искусственно стимулировало спрос на автомашины (кстати, **после** того, как это сделала Германия), привело к тому, что даже не выйдя из кризиса, были достигнуты определенные результаты. За первые семь месяцев 2010 г. продажи легковых и легких коммерческих автомобилей в России выросли на 9% и составили 963 688 штук, свидетельствуют данные АЕБ, а премиум-класс растет гораздо быстрее рынка: продажи BMW за тот же период увеличились на 23%, Audi — на 27%, а Mercedes-Benz — на 59%[68].

Это особенно важно напомнить сегодня в связи с тем, что опережающее развитие потенциала человеческой личности во многом будет зависеть именно и прежде всего от доминирующей у элиты идеологии, тех усилий государства, его институтов, для которых эта идеологическая задача должна быть сформулирована в качестве политического приоритета. Только государство, например, может финансировать фундаментальную науку, классическое искусство, большинство сфер образования и многое другое, что сегодня определяет качество человеческого потенциала, через распределение общественного дохода и создание оптимальных условий для интеллектуального и духовного развития всей нации.

Другое дело, что далеко не всегда решающая роль государства позитивна. Она может быть не только незаметна (при всей мощи государства), но и вообще идти во вред нации. Важна не столько роль, **сколько направленность, вектор** действий государства. Так, несмотря на всю критику правительства В. Путина в отношении раздувания роли государства со стороны либералов, позитивного воздействия этого влияния особенно заметно в 2008–2010 годы не было. Просто потому, что **вектор** этого воздействия был направлен не на развитие НЧП, а на поддержку финансовых структур, госкорпораций и личных интересов. Соответственно были и полученные результаты, которые, мягко говоря, можно назвать небольшими. Прежде всего в социально-экономической области. Представление о них можно получить из итогов работы правительства и сравнения «векторов» приложения силы государства в представлении парламентских партий[69] (рис. 18).

Источник: Росстат

Рис. 19. Показатели социально-экономического развития России

Табл. 17. Что волновало депутатов

Фракция	2009	2010
КПРФ	Корпоративный иностранный долг, судьба авиационных заводов, право детей на образование	Автономные бюджетные учреждения, нестабильность бюджетной политики, строительство дорог
ЛДПР	Расходование средств бюджета на спасение экономики, ценообразование в нефтегазовом секторе, сокращение кадров	Сотовые операторы-монополисты, арендная плата за государственную землю, поддержка сельхозтоваропроизводителей
«Единая Россия»	Безопасное инвестирование средств россиян, защита материнства и детства, эффективность региональных антикризисных мер	Рост тарифов ЖКХ, эффективность бюджетных расходов, проблемы моногородов
«Справедливая Россия»	Курс на инновационное развитие, сироты и беспризорники, реформа пенсионной системы	Судьба наукоградов, экология российских городов, равный доступ всех россиян к культуре

Как видно, идеологические «вектора» совершенно разные. Осмысленная ставка на развитие НЧП видна только у «Справедливой России».

Для государства, вообще говоря, не свойственны функции развития. Скорее, государство традиционно ограничивает свои функции поддержанием порядка и внешней безопасности, оставляя функцию развития обществу и бизнесу. Но не в эпоху глобализации, когда развитие, особенно ускоренное, без государства в целом ряде, особенно наукоемких, областей, просто невозможно. Так, в августе 2010 года стали известны данные, подготовленные Frost & Sullivan: **без госрегулирования объем рынка микроэлектроники** составит к 2015 году $2,84 млрд, в то время как с госрегулированием эта цифра **будет в 3,5 раза больше — $9,93 млрд** Развитие рынка производства микроэлектронных компонентов приведет также к росту рынка готовой продукции. Сейчас российский рынок контрактной сборки электроники составляет всего $2 млрд в год, что в два раза меньше аналогичного показателя Словакии и Польши и почти в восемь раз меньше, чем в Венгрии[70].

На мой взгляд, в XXI веке ситуация с распределением функций между государством и обществом качественно изменилась. Сохраняя прежние охранительные функции, государство становится важнейшим инструментом экономического и общественного развития. Точнее, одним из важнейших инструментов, т.е. его функции существенно меняются. Это признает даже такой либерал, как А. Лившиц: «По-прежнему слышны протяжные стоны по поводу действий зарубежных инвесторов. Мол, не идут, окаянные. Со своими капиталами в Россию. Надо привлекать. Заманивать. Исправно заседает правительственный Совет по иностранным инвестициям (СИИ). Туда заявляются пришлые бизнесмены. Жалуются на коррупцию, бюрократию, высокие налоги, таможенные барьеры… Наши разъясняют. Выслушивают критику, которая, естественно, не содержит для них ничего нового. Обещают исправиться. Этот никчемный ритуал сохраняется вот уже 16 лет. Практически в неизменном виде. Как и тематика. Откуда знаю? Сам когда-то участвовал.

Согласись, уважаемый читатель, такая позиция выглядит странно. Несовременно. Даже унизительно. Хватит оправдываться! Пора заявить: вот такие мы. Были, есть и будем. У нас свои обычаи, недостатки, законы, правила, инструкции. Нравится — приходите. **Не нравится — оставайтесь дома. Упразднить СИИ. По причине неэффективности. А также потому, что таких сборищ нет ни в одной развитой стране**.

Политические приседания и уговоры, возможно, были уместны в 90-е годы. Ведь тогда были нищими. Радовались всякой денежке. Но сейчас-то ситуация другая. Россия окрепла. Теперь не нас выбирают, а мы должны выбирать. Кого пустить внутрь экономики, кого послать куда подальше»[71].

Более того, Россия заняла третье место в мире по золотовалютным резервам — более 0,5 трлн долл. (после Китая — 3,05 трлн долл. и Японии), что объективно даёт ей совершенно новые возможности. И с точки зрения укрепления суверенитета (вспомним бесконечные просьбы о займах М. Горбачева и Б. Ельцина), и независимой внешней политики, и свободы развиваться социально-экономически[72]. В данном случае государство выполняет по отношению к нации и личности свою главную, охранительную, функцию.

Рис. 20.

Но не только. Наличие значительных ЗВР позволяет выбирать самостоятельный национальный

курс развития. Такой возможности не было ни при М. Горбачеве, ни при Б. Ельцине. Внешнее влияние на такой выбор существенно ограничено, что позволяет нам четче самоидентифицироваться и полнее использовать НЧП.

Приведем наглядный пример. Как известно, в 1990-е годы в России наблюдался очевидно разрушительный процесс отечественной фундаментальной науки, который определялся прежде всего отношением к этой области человеческой деятельности со стороны государства. В данном случае, российской власти. Что видно, например, из количества защищавшихся в те годы диссертаций[73]. С 2001 года ситуация медленно, но начала меняться, что также видно из числа защищенных диссертаций (рис. 21). Уверен, что статистика за 2007 год покажет, как минимум, 100% рост защищенных диссертаций по сравнению с 2004 годом. Это означает, что даже слабые сигналы в поддержку науки, поступающие от государства, находят заметный отклик в интеллектуальном сообществе.

Государство, его институты, таким образом, — очень важный (но не единственный) инструмент, который может использоваться (или игнорироваться) элитой страны ради главной цели — развития потенциала человека. На мой взгляд, развитие потенциала человека, как и опережающее развитие в целом, без усилий государства и его институтов вообще невозможно.

Проблема соотношения сил государства и общества, тем не менее, остается одной из острейших в России. И не только в экономике, где, как известно, принимались (например, в вопросе о приватизации) идеологические решения, но, прежде всего в областях, связанных с человеком. По меткому признанию А. Привалова, «Государственная власть всегда и везде оснащена более негативным, чем позитивным потенциалом; государство и существует не для того, чтобы строить рай на земле, а для того, чтобы на ней не выстраивалось ада. … даже до отказа напрягая свою позитивную власть (чего в нашем случае, правда, не наблюдается), государство, по очевидным причинам, может делать **лишь весьма ограниченное количество полезных вещей**, тогда как для нормальной человеческой жизни полезных вещей нужно довольно много»[74].

Но, во-первых, даже это «ограниченное количество полезных вещей», которое может делать государство, имеет колоссальное значение в областях, где бизнес и общество вообще ничего не могут или не хотят делать. Например, в фундаментальной науке, культуре, искусстве, инновациях, не говоря уже о создании благоприятных экономических и налоговых условий развития этих областей.

Во-вторых, охранительная функция государства в эпоху глобализации становится не просто приоритетной, но решающей. Без активной государственной позиции становится невозможным не только сохранение государственного суверенитета, но и национальной идентичности. Более того, экономическое развитие возможно лишь в тех пределах, в которых оно защищено государством. Не случайно в самых либеральных США именно в 2007–2010 годах принимаются законы, которые ограничивают иностранные инвестиции и усиление правительственного вмешательства в экономику. Как, впрочем, и в Великобритании, и в других странах Евросоюза. Особенно очевидным это стало в годы кризиса 2008–2010 года.

В реальности же роль государства в отдельных отраслях и областях и в социально-экономической сфере в целом объективно усиливается. Это связано как с финансовыми задачами (перераспределения ресурсов в пользу приоритетных направлений), так и повышением роли стратегического прогноза и стратегического планирования, необходимость которых еще недавно отрицалась неолибералами. Это, кстати, видно из повседневной деятельности правительства, министерств.

Повышение реальной роли государства в социальной области мы видим, например, в целях,

Рис. 21. Численность лиц, утвержденных ВАК России в ученых степенях

Табл. 18. Показатели прошлых лет и цели Минздравсоцразвития РФ на 2008–2010 годы

Цели и показатели	Годы						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	Целевое значение
Улучшение демографической ситуации и положения семей с детьми							
Число родившихся на 1 тысячу человек населения	10,2	10,4	10,7–11,1	11,1–11,6	11,6–11,9	11,9–12,2	17,0
Число умерших на 1 тысячу человек населения	16,1	15,2	14,1–14,5	13,4–14,1	12,9–13,2	12,6–12,8	10,0
Повышение качества и доступности медпомощи, лекарственного обеспечения							
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	65,3	66,7	67,5	68,0	68,3	68,5	70
Средняя продолжительность жизни больных с хронической патологией после установления заболевания, лет	10	11,5	12,5	13,5	14	14,5	15

Источник: Минздравсоцразвития (Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства здравоохранения и социального развития РФ как субъекта бюджетного планирования на 2008 год и на период до 2010 года)

поставленных перед Минздравсоцразвитием на перспективу[75] (табл. 18). Другое дело, насколько они адекватны и отражают потребности общества, а не способности экспертов министерств.

Очень важная функция государства заключается в определении приоритетов и выделении соответствующих ресурсов. При этом приоритеты — производное от существующих объективно национальных интересов, которые осознаются элитой и формулируются в цели, т.е. приоритеты — это ранжированные в определенном порядке цели.

Если национальные интересы являются объективной реальностью, то их восприятие и интерпретация (т.е. превращение в цели) — субъективной, зависящей от профессиональных, нравственных и иных качеств элиты. Нередко элита неверно может трактовать интересы, формулируя неточные или ложные цели.

Так, если демографическая катастрофа стала реальностью в начале 90-х годов в России, т.е. объективный национальный интерес заключался в ее предотвращении и ликвидации последствий, то российская элита не только не осознавала адекватно эту реальность (в массе своей политики и СМИ твердили о «естественном» процессе), но и не формулировала в качестве цели ликвидацию этой опасности. Напомню, что в качестве государственной задачи демографическая проблема была поставлена В. Путиным в 2004 году, а план предложен — в 2006 году. Это поведение свидетельствует об адекватной (хотя и запоздалой) реакции государства на возникшую в начале 1990-х годов угрозу.

Определенные государством приоритетные цели должны быть подкреплены набором ресурсов. В противном случае эти цели останутся декларациями. Задача выделения ресурсов — прежде всего задача государства, хотя в общественно значимых проектах общество нередко играло выдающуюся роль. И это — задачи идеологические. И осознание интересов, и формулирование целей, и выделение ресурсов. В приведенном нами случае (здравоохранении) ситуация выглядит следующим образом:

Источник: комитет Госдумы по охране здоровья

Рис. 22. Расходы федерального бюджета на здравооранение и национальный проект «Здоровье», млрд рублей

Эти цели, естественно, подкрепляются ресурсами (вопрос об их достаточности — отдельная тема), выделяемыми именно государством.

На практике XXI века, таким образом, мы видим, что позитивная, а не только ограничительная функция государства начинает усиливаться. В конечном счете, вся ответственность и результативность остается на совести власти, точнее, той идеологии, которой власть придерживается. Если в ее идеологии доминируют приоритеты развития человеческого потенциала, то соответственно формулируются и цели, а также выделяются ресурсы.

Необходимость концентрировать усилия и ресурсы на ключевых направлениях развития личности (фундаментальная наука, образование, культура и т.д.) неизбежно ведет к тому, что в этот процесс активнее вовлекается государство. Концентрация ресурсов — вообще функция исключительно государства, требующая волевых и административных решений. Общественного сознания, как правило, оказывается недостаточно. Что, естественно, пугает неолибералов и консерваторов. Но не общество, которое — осознанно или нет — понимает не только полезность, но и необходимость такого государственного вмешательства. В большинстве случаев государство выступает наиболее эффективным институтом, способным аккумулировать ресурсы и в короткие сроки решать те проблемы, которые не способны решить общество и бизнес. Оно выступает в качестве своего рода МЧС. И когда государство вмешивается в экономику — это находит свою поддержку у граждан. По данным соцопроса конца 2006 года, например, для 81% граждан сильная экономика, олицетворяемая с сильным государством, важнее демократии[76].

Это очень симптоматичное признание, которое свидетельствует не только о том, что в общественном сознании окончательно сформировался отход от прежней политики «борьбы с этатизмом» и «деидеологизацией», начатой М. Горбачевым, но и признание роли государства в экономическом развитии. Следует добавить, что эта тенденция к 2007 году стала доминирующей. Это выражалось, в частности, в широкой дискуссии 2005–2007 годов о финансовой политике государства (использовании Стабфонда, ЗВР, монетизации льгот и т.д.).

В частности, это видно на примере использования государством функций госрегулирования денежной массы, которая, по общепринятому мнению, неэффективно и серьезно сдерживает развитие экономики. Так, по оценке С. Глазьева, при пересмотре этой политики, темпы роста ВВП могут быть увеличены до 12%[77] (по сравнению с нынешними 6–7%), т.е. в два раза!

Таким образом, мы видим, что роль государства в эпоху глобализации отнюдь не снижается, как пытаются убедить неолибералы, а увеличивается. Другое дело, что государство из самоцели превращается в инструмент общественного развития, т.е. устоявшиеся веками представления о том, что «человек — материал для государственного строительства», терпит радикальные изменения. Соответственно сегодня общепризнанным должно стать соотношение: цель — человек, а инструмент — государство, а не наоборот. Причем, в условиях XXI века, цель — человек формулируется как «ускоренное развитие потенциала Человека». Такая идеология, как устоявшаяся система взаимосвязанных взглядов, неизбежно должна стать идеологией правящей элиты. Со всеми вытекающими из этого последствиями — социальными, макроэкономическими, политическими, финансовыми, бюджетными.

В России последних лет государство играло консолидирующую роль «собирателя активов». Впрочем, эта роль не исключительна, хотя многие обозреватели и пытаются представить ее таковой. По мнению К. Симонова, «…Самое главное — это проблема уровня вмешательства государства в экономику и политику. Не секрет, что и при Рузвельте, и при Путине наблюдался процесс, который мы можем назвать «консолидацией государства». Это происходило и в политической сфере, и в экономике.

Примечательны результаты соцопроса, в котором представители бизнеса оценивают влияние государства на экономику страны. Только 27% опрошенных считают, что государство не влияет на экономические процессы, т.е. менее трети, а положительный характер влияния отмечают более 35%[78].

Как, на Ваш взгляд, действия российских властей влияют на экономическую ситуацию в стране?

ФОМ, 1500 респондентов, июль 2007 года.

Рис. 23.

Очевидно, что чем больше граждан будет считать роль государства положительной, тем вероятность эффективной политики властей выше, хотя прямой зависимости не существует. Всегда будет некая часть предпринимателей, недовольная самим фактом вмешательства государства.

Любопытно, что именно за рост роли государства В. Путин активно критикуется Западе. Но, собственно, Америка в период Рузвельта, да и другие страны, занимались ровно тем же самым. При этом важно подчеркнуть, что для социального положения граждан главное в нынешних условиях — это **не доля государства** в экономике страны, а именно **роль** государства в экономике. Так, денационализация электроэнергетики в Великобритании, проводившаяся с 1990 по 1999 годы, привела к тому, что расходы беднейших слоев населения на эти цели сократились с 11% до 7%[79], т.е. либерализация проводилась не ради приватизации (как в России в 1990-е годы), а ради **социальных результатов**, т.е. либерализм был очевидно социально ориентирован.

Значение государства в экономике за годы В. Путина выросло весьма серьезно, хотя и не абсолютно. Причем в совершенно разных проявлениях. Это и борьба с монопольным сговором крупного бизнеса, и попытка искусственного стимулирования внутреннего платежеспособного спроса[80]. Но, хотелось бы подчеркнуть, не качественно. По большому счету доля государства в экономике страны осталась прежней и примерно равной такой доли в США. А, во-вторых, так же, как и в других странах, государство стало все более **социализировать общественные отношения**. Пока что еще не до такой степени, как на Западе, но тренд очевиден: недостатки рыночной экономики, необходимость ускоренного развития потенциала человека могут быть обеспечены государственными институтами.

Позиция государства в увеличении человеческого потенциала становится особенно важной, когда государство бедное. Но еще важнее, когда у него появляются свободные ресурсы, которые необходимо еще научиться эффективно тратить. Это стало реальной проблемой для России в 2007 году, когда государство имело больше доходов, чем эффективных механизмов их использования. Прежде всего, это относится к перераспределению и воспроизводству национального богатства страны, когда такие факторы, как золотовалютные резервы (ЗВР), профицит бюджета, другие макроэкономические показатели, начинают играть подчиненную роль. Они превращаются в возможные условия благоприятного развития человеческого потенциала. На это особенно хотелось бы обратить внимание, так как у государства появились ресурсы — Стабфонд, ЗВР и др. Вопрос о том, **как** их использовать, — становится принципиально важным.

На мой взгляд, сегодня эти ресурсы используются малоэффективно. Грубо говоря, мы покупаем чужую валюту (преимущественно США) и ценные бумаги, но одновременно наши же предприятия занимают за рубежом на менее выгодных условиях деньги для своего развития. Разница ежегодно составляет, по некоторым оценкам, порядка 10–15 млрд долл.

Другая сторона вопроса заключается в том, почему мы мало инвестируем в человеческий потенциал, предпочитая вкладывать деньги в чужую кубышку? Из которой, кстати, можно будет их и не получить.

Мне представляется, что ЗВР и другие накопления лучше всего «хранить» в инвестициях в человеческий капитал — образование, информатику, связь, здравоохранение и т.д. Как минимум, эти деньги не обесценятся и не пропадут. Как максимум, дадут мощный импульс, ускоряющий развитие. Как справедливо заметил А. Мелихов, «Хранить и возрождать униженные восставшим лакейством и торгашеством **созидательные профессии — такая же обязанность государства**, как борьба с засухами (бывают и духовные засухи)»[81].

Так, если главным потенциалом, главным национальным богатством становится Человек, его способность к самореализации, то соответственно, эти факторы начинают играть ведущую, в т.ч. инвестиционную роль: уровень душевого дохода, средняя продолжительность жизни, количество людей с высшим и профессиональным образованием, степень информатизации и доступа к современным средствам связи, способность к передвижению, качество здоровья — эти и другие показатели становятся определяющими. А раз так, то их инвестирование заведомо выгодно.

Большое значение, например, имеет уровень душевых доходов граждан. Думается, что в 2007 году можно было принять, в качестве оптимального, уровень развитых стран — 35–50 тыс. долл., что примерно в 3–5 раз выше, чем в России (напомним, что в последние 7 лет он вырос в долларовом эквиваленте по паритету покупательной способности примерно в три раза). Отставание, которое в начале десятилетия измерялось на порядок — в 10–15 раз — сегодня выглядит все еще огромным, но уже не непреодолимым. Есть все основания полагать, что, развиваясь опережающими темпами, прежде всего инвестируя в человека, а не в западные ценные бумаги, Россия может поставить в качестве амбициозной, но реалистической цели — выйти через 7–10 лет на уровень душевого дохода развитых стран в 35–40 тыс. долларов.

В последние годы появилась школа социально ориентированных экономистов, предметом исследования которых выступает **социальная экономика.** Их исходная идеологическая позиция состоит в том, что экономический рост, предпринимательская деятельность, а, главное, — государственная политика, в конечном счете, должны подчиняться решению социальных, а не абстрактных макроэкономических проблем. Это особенно актуально для нашей страны в условиях резкого возрастания материально-имущественного неравенства, бедности, недовольства населения проводимыми реформами.

Другая сторона проблемы — социальная стратификация общества. Современное общество должно на 80–90% состоять из людей, которых (при всей условности) относят к среднему классу. Для России это наиболее острая проблема, ибо эта пропорция очевидно не выдерживается. В настоящее время, по разным методикам, к среднему классу относят от 20 до 40%. Так, по оценкам специалистов Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ), в России растет количество зажиточных россиян. Увеличилось с 38,7% до 40,4% в 2006 году количество тех, чьи доходы колеблются между 6963 руб. и 20 504 руб. «Именно эту категорию мы относим к среднеобеспеченным слоям населения и понимаем ее как средний класс», — уточняет зам.руководителя Центра проблем доходов и социальной защиты населения ВЦУЖ А. Гулюгина. Таким образом, средний класс в России, по оценкам ВЦУЖ, составляет около 40% (в докладе Института социологии РАН средний класс в России оценивался в 20–22% населения). Позитивная тенденция очевидна, но также очевидно, что она недостаточна. Ни в процентном отношении к числу всех граждан, ни в возможном объеме получаемых услуг этой категорией, которую очень условно можно назвать «средним классом».

Так, рост доходов граждан лучше всего подтверждают покупки. С 2001 года продажа автомобилей выросла, например, на 600%. За эти же годы количество мобильных телефонов — с 3 млн до более 80 млн штук[82]. Но эти показатели все еще относятся к меньшинству населения. Они затрагивают в лучшем случае до 40% граждан. В действительности же к среднему классу можно отнести от 10 до 15%. Согласно данным ВЦУЖ, количество тех, чьи доходы оказались свыше 20 500 руб. (а именно их исследователи причисляют к «состоятельным и богатым» россиянам), также растет: их число увеличилось за год с 8,5% до 9,2%. В целом в исследовании отмечается, что «в 2006 году по сравнению с 2005 годом наблюдалось усиление концентрации роста зарплат в группе «обеспеченных» работников» — именно они являются лидерами на рынке труда. Но они же и являются тем самым «креативным классом», который создает экономику знаний и концентрирует человеческий капитал. Если в российском обществе человеческий капитал будет сконцентрирован в социальной группе, составляющей 10–15%, то это означает, что, как минимум, 60–70% населения исключены из этого процесса.

Примечательно, что развитие самого рыночного сегмента экономики — малого и среднего бизнеса — сегодня невозможно без активной роли государства. В России малый и средний бизнес дает не более 17% ВВП, в то время как в США — более 60%, а в Японии — даже 74%. По мнению руководителей российского малого бизнеса, именно государство может и должно изменить ситуацию. К первоочередным мерам следует отнести[83]:

— уменьшение налогового бремени;
— подготовка квалифицированных кадров;
— изменение кредитной политики государства.

Как видно, из трех приоритетов все три — прерогатива государства. И, пожалуй, **только государства**, которое может (если захочет) своими средствами относительно быстро, радикально изменить ситуацию. Действительно, увеличение доли малого бизнеса с 17% до 60% означает, как минимум, двукратный рост ВВП, создание новых рабочих мест и резкое оживление экономической активности. При условии, если это сделает государство.

Качество человеческого потенциала в новых условиях определяет не только качество экономики, но и эффективность всех аспектов государственной деятельности — от внешней до оборонной политики, жизнеспособность самого государства. Это означает, например, что боевая эффективность вооруженных сил, дееспособность армии и флота будут прежде всего зависеть от качества человеческого материала. Причем не только физического, но и интеллектуального, и духовного. Любые вооружения и военная техника становятся вторичными по отношению к человеку. Соответственно и бюджетные оборонные расходы должны быть ориентированы на повышение этого качества, т.е. опять же качества человеческого потенциала.

Таким образом, государству принадлежит особая роль в определении стратегии использования человеческого капитала в развитии страны. Во всех ее аспектах — от политико-идеологического, отраслевого до регионального, — а также в разработке стратегического планирования. Это — исключительная роль государства и правящей элиты, в особенности, когда у государства появляются свободные ресурсы.

Наконец, роль государства, темпы экономического роста подчеркивают важность развития государственного сектора социальных услуг. Приводимые данные по США впечатляют: общие расходы на образование (середина 1990-х годов) на 79% покрывались государством, и лишь 21% — за счет личных средств граждан. В структуре затрат на здравоохранение государственные расходы составляли 71% и частные — 28,5%. Суммарные ассигнования из консолидированного бюджета на программы социального страхования, здравоохранения, образования, жилищного строительства, помощи бедным и т.п. составили 20,9% ВВП страны. В Западной Европе эта доля была еще выше.

Следует подчеркнуть значение этого сектора не только с точки зрения развития человеческого капитала, но и в аспекте формирования высокого уровня эффективного спроса, стимулирующего инвестиции в производственную сферу и обеспечивающего стабильный рост экономики.

7. Качество государственного управления как механизм реализации НЧП

…Радикальное улучшение работы госаппарата — первейшая задача[84].
Д. Медведев

…Нельзя править страной, не прислушиваясь к голосу народному,
не идя навстречу его нуждам, не считая его способным[85].
Из письма великого князя
Александра Михайловича Николаю II

Максимально полная реализация НЧП, его превращение в НЧК во многом зависит от эффективности государственного управления, а в целом — эффективности работы публичной власти[86]. НЧК — производная величина от НЧП. Которая может очень серьезно отличаться от существующих возможностей. Степень реализации НЧП, как и отдельной личности, зависит от многих обстоятельств. Как **объективных** (внешних и внутренних условий развития), так и **субъективных**, например, воли отдельно взятой личности к самореализации, или воли правящей элиты к реализации национального человеческого потенциала.

Государство, как самый мощный институт, может содействовать реализации НЧП, игнорировать эту функцию, либо даже препятствовать реализации НЧП. Этот выбор в решающей степени зависит от национальной элиты. На мой взгляд, в 90-е годы элита **препятствовала реализации** НЧП, а позже, декларировав в качестве намерения **содействие развитию и реализации НЧП, фактически игнорировала эту функцию**. По большому счету это означает, что элита «не делала свою работу».

Объяснений этому несколько, но главное, на мой взгляд, лежит в области идеологии (точнее, ее отсутствия) национальной элиты, которая отказалась от прежней системы ценностей, но не предложила обществу иную, спровоцировав его на анархию и откровенную модель эгоистического, антиобщественного поведения. Как справедливо отмечает молодой исследователь И. В. Мень, «В большинстве юридических, политологических и социологических работ вполне определенно диагностируется **системный кризис социального порядка и национальной безопасности**. Здесь следует отметить, что важнейшим фактором, спровоцировавшим все эти названные выше процессы, являются **не только и не столько экономические проблемы, сколько «слом» прежней системы социальных ценностей и социальных приоритетов общественного развития**»[87].

Соответственно повышение эффективности госуправления (а также, может быть, в еще большей степени — местного самоуправления) непосредственно зависит от воссоздания социально ориентированной ценностной системы, а в целом — идеологии, в основе которой лежит идея развития и реализации НЧП. При этом такая идеология должна стать идеологией правящей элиты и превратиться **в механизм государственного управления**, т.е. идеологическая задача — первична. На рисунке эту последовательность можно было бы изобразить следующим образом (рис. 24).

Как видно, роль правящей элиты и государства в этом процессе ключевая. Эта роль превращает идеологию из системы взглядов в систему управления обществом, экономикой и государством.

Следующий аспект проблемы — общий для всех государств: учитывая усиливающуюся роль государства в период глобализации, особое значение приобретает повышение **качества государственного управления**, т.е. качество госуправления в период глобализации становится фактором, определяющим само выживание нации. Если в прежние времена плохое или хорошее правление приводило к кризисам, поражениям, но не влияло на будущее нации, то сегодня мы наблюдаем картину, когда нации и государства (СССР, Югославия и др.) исчезают из-за бездарного управления своей элиты. Этот общий вывод справедлив для всех государств, но особенно для России. Эта особенность объясняется следующими обстоятельствами.

Во-первых, на стадии фазового перехода в эпоху глобализации все государства сталкиваются с проблемой необходимости повышения эффективности госуправления. Более того, как показал кризис 2008–2010 годов, это требует и вся система международных отношений. Для России радикальное изменение политического, общественного и экономического уклада привело, в дополнение к этой общей тенденции, к слому прежней системы государственного управле-

Рис. 24.

ния, в основе которой лежала власть партии и советов. Управленческий глобальный кризис дополнился кризисом управления в России.

Во-вторых, системный кризис, поразивший в 1990-е годы Россию, значительно осложнил создание новой системы. В результате чего управление страной к концу последнего десятилетия XX века было фактически потеряно. Восстанавливать его пришлось экстренно и интуитивно, вне идеологической системы.

В-третьих, многоукладность экономики России, с одной стороны, и новые тенденции глобализации, в т.ч. и в области управления, с другой, не позволяют просто реконструировать систему госуправления, сложившуюся на базе Конституции 1993 года. Современные трудности госуправления — следствие того, что в начале 1990-х гг. попытались быстро создать искусственную систему.

Эти факторы привели к тому, что в период второго президентского срока вплотную встала задача **создания современной и эффективной системы государственного управления**. Системы, которая бы учитывала новейшие тенденции, прежде всего возросшее значение качества человеческого потенциала и необходимость опережающего развития России. Эта задача решена не была ни при В. Путине, ни, позже, при Д. Медведеве, хотя попытки добиться ее решения, безусловно, наблюдались: программы создания кадрового резерва, борьбы с коррупцией, реформирования отдельных министерств (наиболее нашумевшая — МВД), выделение новых федеральных округов и т.д. Можно сказать, что российская власть пыталась реализовать вполне веберовский принцип, когда «…бюрократия занимает центральное место в историческом процессе модернизации»[88].

Неудачи в области госуправления очевидны и трудно поддаются решению потому, что **вне идеологических рамок** (причиной системы ценностей, сформулированных целей и приоритетов, отношению к внешним реалиям и собственным ресурсам) **задача не поддается решению в принципе**. Никакие бюрократические изыски, которых было немало в 2005–2010 годы (создание регламентов, положений, новых структур, реорганизации и т.п.), в принципе не способны решить задачу повышения эффективности госуправления вне идеологии.

И, наоборот, принятая идеология способна в короткие сроки создать эффективную систему государственного и местного управления потому, что **каждый** из миллиона чиновников, депутатов и предпринимателей внятно понимает главную цель, приоритеты и принципы развития. Он не ждет ежесекундно указаний «сверху», а должен проявлять инициативу и брать ответственность.

Другой аспект эффективного госуправления — **сочетаемость** региональных, отраслевых и даже федеральных прогнозов и концепций **с общим идеологическим** вектором, планом действий элиты и общества. А это уже политико-идеологическая задача в ее «чистом» виде. В качестве примера приведу свою записку руководству страны, подготовленную в марте 2008 г.

Замечания и предложения по поводу проекта Концепции социально-экономического развития до 2020 года, подготовленного МЭР (март 2008 г.).

Предложенный проект Концепции рассматривается прежде всего как **инструмент** реализации стратегии развития России до 2020 гг., озвученной Президентом России на заседании Госсовета 8 февраля 2008 года (хотя разработчики и ссылаются на поручение Президента от 21 июля 2006 года). К сожалению, это далеко не единственное противоречие, содержащееся в документе. Не рассматривая его излишне детально, хотелось бы отметить следующие, на мой взгляд, принципиальные **политические аспекты**.

1. Принципиально важно, что впервые авторам предпринята попытка создания концептуального документа, а не макроэкономической и инерционной экстраполяции, хотя избавиться от прежних ошибок полностью и не удалось. Проект в итоге получился хотя и противоречивым, «гибридным», но уже не таким искусственным, инерционным, псевдотехнологичным, как прежние варианты. Главное — сменен вектор, предпринята ясная попытка обосновать способы реализации политических приоритетов, сформулированных высшим политическим руководством.
2. Вместе с тем, сегодня существует еще значительная разница между стратегией развития России до 2020 года, сформулированной политическим руководством страны, и проектом Концепции социально-экономического развития, которая разработана в качестве детализации этой стратегии МЭРом. Она выражается прежде всего в терминологической путанице, которая присутствует в тексте. Так, если цель Концепции сформулирована вполне корректно, то задачи, конкретизирующие эту цель, — очень сомнительны. Под такими задачами, например, понимается «определение стратегии — способов, направлений и этапов», «определение целей… приоритетов и основных задач», «определение приоритетов… внешнеэкономической деятельности» и т.д., т.е. то, что относится к стратегии, а не концепции.

Напомним, что стратегия — **политический документ**, формулирующий приоритеты национальной политики, а данная Концепция — всего лишь социально-экономическая экстраполяция некоторых идей стратегии, имеющая очень субъективное (как часто показывает, к сожалению, практика, неверное) представление экспертов МЭР. Смешивать две области — политическую и социально-экономическую, стратегию и тактику, две компетенции неверно.

Это противоречие в современных российских условиях подготовки и принятия подобных решений, на мой взгляд, оказывается непреодолимым. В лучшем случае оно приведет к тому, что политические идеи стратегии останутся декларациями, а в худшем — что такая Концепция может стать реальной основой для выбора неверного вектора социально-экономического развития.

Так, в проекте Концепции МЭР констатируется, что «в 2007 году объем ВВП составил к уровню 1991 года 110%», что расходится с логикой и прежними официальными заявлениями и здравым смыслом.

Действительно, если до 2000 года ВВП снижался, а затем вырос примерно на 80%, то это утверждение равносильно политическому признанию восстановления экономического потенциала страны. И действительно, ниже МЭР признает, что «Россия восстановила статус мощной экономической державы». Притом, что далее в Концепции пишется, что душевой ВВП в России составляет (по ПСС) «13,7 тысяч долларов или 42% от среднего уровня стран ОЭСР».

Но этот показатель никак не соответствует показателю «мощной экономической державы», как, впрочем, и другим показателям! Вряд ли целесообразно в Концепции брать на себя политические оценки. Тем более, что они весьма спорные. Думается, что приоритеты, оценки и установки должны остаться за Стратегией и политическим руководством страны.

Это противоречие заметно, например, в нынешнем распределении обязанностей между руководителями Правительства, где за первым заместителем Председателя Правительства закреплена координация работы, имеющей **важнейшее политическое значение**, а именно: «разработка основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу в **рамках стратегии** развития России до 2020 года». На практике эти решения готовятся **без учета** этой важнейшей особенности специалистами в других областях (прежде всего специалистами МЭРа).

Целесообразно еще раз «развести» политические идеи и стратегические установки с социально-экономическим содержанием, которое должно конкретизировать эти установки, а не формулировать их. Так, в выступлении на расширенном заседании Госсовета 08.02.08 г. В. Путин подчеркнул несколько идей, связанных с такой стратегией, но требующих конкретизации в Концепции. Идей, безусловно, **политических**, а не экономических или социально-экономических:

Во-первых, эта стратегия будет означать «качественно иной этап в развитии страны». Сказанное означает, что Россия переходит именно на новый, причем **качественно новый, этап своего развития**. Причем в Стратегии говорится без конкретизации этих качественных особенностей. Ясно, однако, что выделение качества этого этапа **предполагает неизбежный отказ** от сложившихся представлений, существующих норм, правил и тенденций.

В этой связи в Концепции было бы необходимо выделить особенности этого нового этапа развития;

Во-вторых, новая Стратегия будет фактически означать «выбор дальнейшего пути развития России». Очевидно, что «выбор пути» развития страны — это уже не экономический выбор, **а выбор политический, даже цивилизационный**. Соответственно и концепция долгосрочного развития имеет уже не столько социально-экономическое, сколько политическое и цивилизационное значение. В состоянии ли МЭР или даже несколько министерств ответить на этот вызов?;

В-третьих, В. Путин признал, что «мы пока что лишь фрагментарно занимаемся модернизацией экономики». Это весьма критическое по отношению к себе признание несет совершенно определенный политический контекст: не только констатацию факта, но и скрытое обязательство перейти от фрагментарности к системной модернизации;

В-четвертых, в ней подчеркивается неизбежность, объективность изменения алгоритма уже не только экономического, но и государственного развития: «следуя нынешнему, инерционному сценарию, мы не сможем ни решить социальных задач, ни задач развития, ни обеспечить безопасность страны».

Сказанное означает, что не только социальные вопросы, но и вопросы безопасности, даже **выживания нации поставлены им в зависимость от того, как быстро страна перейдет от инерционного к инновационному сценарию**;

В-пятых, темпы инновационного развития должны быть «кардинально выше тех, что мы имеем сегодня». Это признание означает, что даже относительно высокие темпы роста ВВП (включая 8,1% в 2007 г.) уже не устраивают. Политическое руководство видит возможность, более того, необходимость, их «кардинального увеличения».

С политической точки зрения, сказанное означает как понимание того, что страна подошла к принципиально новому этапу своего развития, так и необходимости ещё более «радикально» ускорить темпы этого развития и — главное — его качество.

На практике это признание **пока не получило своей** дальнейшей конкретизации. В частности, в Концепции социально-экономического развития. Из сказанного о Стратегии пока лишь вытекает, что предполагается достижение следующих количественных показателей к 2020 году:

— снижение уровня смертности в 1,5 раза и увеличение продолжительности жизни до 75 лет;
— увеличение доли среднего класса до 60–70%;
— увеличение производительности труда «в основных секторах экономики», как минимум, в четыре раза.

При этом В. Путин подчеркнул, что в результате широкого обсуждения планов развития страны «Правительством должна быть принята Концепция социально-экономического развития до 2020 года», а также «конкретный план действий» («пошаговый план») по всем направлениям.

Таким образом, — следуя логике политического руководства — именно концепция Правительства и «пошаговый план» должны не только экономически, но и (что главное) **политически конкретизировать стратегию** развития России до 2020 года. Причем именно с такими масштабными заявками, на которые обратил внимание В. Путин. Простая экстраполяция, макроэкономический сценарий, инерционные подходы, похоже, его не устроят. Чувствуется, что есть политическая воля по-иному расставить экономические и финансовые приоритеты, а именно — в зависимость от политической воли.

Простой пример. Основной критерий оценки уровня развития страны сегодня — это показатель душевого ВВП. Какой показатель мы хотим иметь к 2020 году в России? Пока что говорится о том, что «мы опередили Италию и Францию по объему ВВП в пересчете на ППС». Но ведь душевой ВВП у нас в несколько раз меньше! И какой ВВП — душевой, страновой, региональный — нам нужен? Который есть **сегодня** в развитых странах? Или который **будет** в этих странах к 2020 году? Пока что в прогнозе МЭР фигурирует цифра 30 тыс. долл., которая соответствует примерно уровню развитых стран на 2007 год (хотя прогноз роста ВВП страны до 2020 г. МЭРа лишь удваивает его). Означает ли это, что МЭР ставит задачу, чтобы в 2020 году граждане России жили так же, как испанцы в 2007 г.?

Принципиально другой подход — формулирование задачи достичь уровня Германии 2020 года, т.е. всего лишь «стать, как все европейцы». Но тогда эта политическая задача должна стать целью, сформулированной в Концепции социально-экономического развития. Если в качестве ориентира поставить душевой ВВП, например, Германии, то можно предположить, что он будет расти на 2,5–3% в год и увеличится на 40–60% к 2020 году. То есть нынешняя разница по душевому ВВП с Германией в три раза должна быть ликвидирована с учетом **будущего роста немецкой экономики**.

Кроме того, учитывая возможную численность населения в России, Германии, Франции и Японии к 2020 году, можно предположить, что наиболее объективно было бы сравнение России и Японии. В этом случае страновой ВВП и душевой ВВП в 2020 году отражали бы реальную мощь экономик этих государств. Можно ли это сформулировать в качестве **реальной политической цели, национальной идеи?** Ответы на эти вопросы должны быть ясно сформулированы в Концепции социально-экономического развития, проект которой готовится в МЭР.

Тем более, что основания для этого есть. Специалисты Института народнохозяйственного прогнозирования оценивают темпы роста ВВП за 2008–2020 годы в 7,9–8,3%. Есть и еще более оптимистические оценки, принятие или отрицание которых означает политический выбор между сохранением отставания или выравниванием уровней развития. Может ли этот выбор делать МЭРТ, либо даже несколько министерств?

Другими известными критериями (и задачами) могла бы стать доля наукоемкой продукции в экономике. При том понимании, что сегодня она в России ничтожно мала (0,2–0,3%), но может расти в разы, опережающими темпами. Или расходы на образование, здравоохранение, науку, которые также должны расти опережающими темпами. Но ни первое, ни второе пока еще в качестве реального политического и бюджетного приоритета не сформулировано. В концепции МЭР планируется лишь сокращение отставания. Между тем опыт развития России последних лет показывает, что за эти годы некоторые показатели выросли в 10 и даже 20 раз.

Выводы

1. Эти и другие примеры иллюстрируют, что основополагающие политические приоритеты Стратегии развития России до 2020 года должны быть ясно сформулированы и в Концепции и прогнозе социально-экономического развития России, том самом «пошаговом плане». При этом они могут и должны формулироваться обязательно **на политическом уровне, а не на уровне макроэкономической экстраполяции**, как это сегодня делает МЭР. Поэтому они должны быть разработаны (группой советников, экспертов) и предложены высшему политическому руководству страны, за которым будет принятие окончательного решения.

Заменить этот качественный анализ количественными моделями, как показывает весь опыт, нельзя. Это может быть сделано в предварительном порядке, например, в рамках межведомственной группы, ориентированной непосредственно на политическое руководство, которое может и должно привлекать как правительственных, так и независимых экспертов.

2. Кроме того, такая Концепция социально-экономического развития в минимальной степени должна зависеть от инерционных макроэкономических прогнозов, которые, как показывает практика последних лет, **гораздо менее достоверны**, чем экспертные (качественные) оценки экспертов и политиков. Подобные прогнозы не просто инерционны, но и изначально ошибочны

потому, что экстраполируют существующие тенденции, а **не формулируют политическую задачу**. Более того, они изначально **сдерживают** потенциал развития.

Политические цели, тем более общенациональные сверхзадачи, превращаются в прогноз, который затем становится стратегическим планированием, конкретизирующим социально-экономические задачи, сознательно **формируя тенденции** развития, а не наоборот.

3. Наконец, реализация намеченных целей предполагает изначально ответ на вопрос, как это сделать, который также лежит в политической плоскости. Наиболее эффективные меры (изменение денежно-кредитной и бюджетной политики, замораживание тарифов, отмена налогов, стимулирование производства и экспорта наукоемкой продукции, антимонопольная политика и др.) — **политические решения высшего уровня**, требующие согласованных действий и плана всех ветвей власти. Без этого политическая стратегия и Концепция социально-экономического развития будут неизбежно «расстыкованы».
4. И последнее. Долгосрочная стратегия и концепция социально-экономического развития не могут существовать вне идеологии и без информационной поддержки, которые становятся важнейшими политическими **элементами управления** всеми государственными институтами, структурами и обществом. Реализация сколько-нибудь масштабной и долгосрочной стратегии без идеологической составляющей невозможна.

Рекомендации

1. Учитывая вышесказанное, полагаю, что целесообразно создать временную (на 6–8 недель) общественную экспертную группу, которая анонимно подготовила бы свой, альтернативный вариант Концепции социально-экономического развития России, ориентированный на реализацию приоритетов, сформулированных высшим политическим руководством страны, а не на ложные методики. В противном случае Концепция, которая фактически подготовлена МЭРом, неизбежно станет **противоречить** обозначенным политическим приоритетам. В очередной раз возникнут «ножницы», которые превратят политические приоритеты в декларацию, а не план, тем более, «пошаговый».
2. По сути реализация Концепции потребует создания нового независимого межведомственного органа, который занимался бы **стратегическим прогнозированием и планированием непосредственно в интересах высшего политического руководства**, выйдя за рамки существующего алгоритма принятия решений — МЭР (департамент прогнозирования) — Министерств (которые фактически без критики принимают эти рекомендации) Правительства (которое фактически лишь утверждает их).

Этот орган может быть как общественный, так и государственный (например, как группа советников президента США), непосредственно работающая с государственными и независимыми специалистами (в СССР были группы консультантов ЦК).

В любом случае реализация Стратегии развития до 2020 года в рамках ведомственного подхода, который сложился сегодня, невозможна. Нынешний алгоритм дает **заведомо ложный прогноз** и тенденцию, которые **изначально противоречат приоритетам**, сформулированным политическим руководством. Причем происходит это регулярно из года в год. Примечательно, что за ложные прогнозы и оценки никто не несет ответственности. Любопытно сравнить, например, прогнозы МЭРа и Минфина за последние годы и реальные итоги (как можно всерьез относиться к прогнозу МЭР о росте ВВП, рассчитанному до долей процента на 2018–2020 гг., когда только за 2007 год ошибка составила значительно большую величину!).

С уважением,
А. Подберезкин

Примечательным событием в этой связи стала первая (!) попытка Минрегионразвития летом 2010 года провести исследование эффективности органов госуправления субъектами Российской Федерации. Результат такой попытки — заявления В. Путина о том, что субъектами неэффективно израсходовано 415 млрд руб.

Доклад Минрегиона констатирует падение доверия к региональным властям до 41% и рекомендует повышать эффективность бюджетных расходов — в частности, увеличивая зарплаты работникам госсектора. Доклад исследует **семь основных зон ответственности субъектов РФ**: образование, здравоохранение, жилищное строительство, ЖКХ, дорожное хозяйство, безопасность граждан и организацию госуправления в регионах[89].

Особенное значение для решений этой задачи имеет идеология, как общая для всех звеньев госуправления система взглядов на цели, приоритеты и методы управления экономикой, обществом и государством.

Между этими двумя факторами — человеческим потенциалом и качеством госуправления — существует как прямая, так и обратная связь. Она заключается в том, что, только обладая высокопрофес-

Табл. 19. Динамика эффективности бюджетных расходов субъектов РФ

Место	Регион	Сокращение неэффективных госрасходов в 2007–2009 годах (%)			
		Госуправление	Здравоохранение	ЖКХ	Образование
1	Омская область		С 13 до 8		С 27 до 16
2	Воронежская область	С 3,2 до 2,4		С 37 до 6	
3	Пермский край				С 15 до 10
4	Ярославская область	С 2,7 до 1,5		С 20 до 13	
5	Кемеровская область			С 38 до 33	С 20 до 0
6	Ульяновская область			С 7 до 4,6	С 30 до 24
7	Тамбовская область				С 35 до 24
8	Республика Башкортостан	С 2 до 0,6			
9	Республика Адыгея	С 2,8 до 1,3			
10	Псковская область	С 1,4 до 0,8		С 11 до 2	С 32 до 24

Место	Регион	Рост неэффективных госрасходов в 2007–2009 годах (%)			
		Госуправление	Здравоохранение	ЖКХ	Образование
83	Республика Калмыкия			С 1 до 11	
82	Республика Хакасия	С 2,6 до 3,2	С 2,3 до 5,7	С 5,4 до 10,7	
81	Самарская область		С 4 до 7		С 9 до 15
80	Белгородская область		С 3 до 8		
79	Санкт-Петербург		С 4 до 6	С 3 до 7	
78	Ямало-Ненецкий АО	С 7 до 7,8	С 2,6 до 6,8		
77	Иркутская область			С 8 до 13	
76	Республика Саха (Якутия)	С 0,4 до 1	С 4,5 до 9,4	С 47 до 50	
75	Архангельская область			С 19 до 30	
74	Курганская область		С 1,4 до 8,7		

сиональными кадрами, можно ожидать повышения эффективности работы государственных институтов. Одновременно необходимо признать, что сознательная и целенаправленная государственная политика (от идеологического обеспечения до образования и стажировок, создание кадрового резерва и т.д.) может привлечь к госуправлению кадры, обладающие необходимыми знаниями и навыками.

Для России ситуация осложняется тем, что, во-первых, значительное время потребности госслужбы очевидно игнорировались. Как с точки зрения материального обеспечения, так и образования. Это привело к тому что, например, на региональном уровне в ряде областей до 50% служащих не имеют высшего образования, а из оставшейся половины значительная часть имеет непрофильное и устаревшее образование.

Во-вторых, создание новых структур, особенно на уровне местного самоуправления, требует огромного количества профессиональных управленцев. По некоторым оценкам — до 500 тысяч человек. Так, создание региональных контрольно-счетных органов в 2002–2005 годах потребовало привлечения на работу в каждой области десятков профессионалов, которых просто не было. Их никто не готовил.

Существует общая, даже глобальная тенденция, характерная для всех развитых стран. Они выражаются в том, что чем больше взаимосвязей возникает в результате глобализации, чем системнее становится мировое развитие, тем выше требования к качеству государственного и общественного управления. Позволю себе процитировать один из основных выводов, приведенных в докладе Национального разведывательного Совета США о перспективах

глобализации применительно к России: «В прогнозе глобальных тенденций до 2015 года эффективность **власти относится к главным факторам будущего** и предполагается, что на развитие всех указанных нами тенденций будут влиять **решения людей…** Действия негосударственных, как и правительственных, игроков могут иметь **глобальные последствия** в рассматриваемый период».

Другими словами, субъективный фактор — качество госуправления — становится важнейшей характеристикой, определяющей не только темпы развития в России, но и последствия принимаемых решений. Этот вывод, кстати, вполне коррелирует с выводом о росте значения института государства в эпоху глобализации, что расходится с утверждениями неолибералов о падении роли государства в эпоху глобализации.

Примечательно, что этот глобальный прогноз американские эксперты считают вполне применимым к России. Более того, именно для России он имеет еще большее, можно сказать, особое значение. Как считают эксперты, «в период до 2015 года Москве будет еще труднее, чем сейчас, согласовывать свои претензии на мировое лидерство с резко сократившимися ресурсами. Сможет ли страна достичь равновесия целей и средств, остается, по мнению большинства экспертов, открытым и важнейшим вопросом, равно как и вопрос **о характере и качестве российского руководства и экономической политики».** И далее американские эксперты рисуют пессимистический сценарий: «Скорее всего, Россия останется внутренне слабой, институционально участвующей в международной системе, главным образом, через свое постоянное членство в Совете Безопасности ООН». Прежде всего, по их мнению, из-за качества политического руководства страной.

Данный прогноз, сделанный несколько лет назад, оказался в этой части ошибочным. Россия в 2006 году не только сохранила свой статус великой державы благодаря членству в Совбезе ООН, но и активизировала свою внешнеполитическую позицию. Более того, она продемонстрировала, что готова активно защищать свои национальные интересы в тех регионах, где американские эксперты ее попытались уже исключить.

В чем оказались они правы, так это в том, что роль России в мире, ее внутриполитическая стабильность тесно связаны с качеством государственного руководства, прежде всего, профессионализмом и ответственностью за принимаемые решения. Иными словами, американские специалисты среди важнейших факторов, влияющих на будущее России, выделяют **качество российского политического руководства** и принимаемых этим руководством решений.

С этим выводом трудно не согласиться. Действительно, основные проблемы СССР и России 1989–2000 годов были следствием во многом непрофессиональных решений, принятых советско-российским руководством в тот период, т.е. носили субъективный характер. Они нередко были вызваны не объективной ситуацией в мире и в стране, а непрофессионализмом и безответственностью правящей элиты 90-х годов.

Но, на мой взгляд, прежде всего идеологическим хаосом, мировоззренческой бессистемностью российских руководителей. В данном случае «деидеологизация» российской жизни стала одной из важнейших причин развала системы управления в стране. Этот вывод подтверждает китайский пример, когда, сохранив систему управления, даже роль КПК, Китай добился впечатляющих социально-экономических результатов.

В 2007 году именно это обстоятельство поставило в острой форме проблему преемственности. Как справедливо заметил В. Костиков, «Ситуация, складывающаяся вокруг предстоящих президентских выборов, указывает на серьёзный недострой политической системы. Страна до сих пор зависит от унаследованного от СССР бросания костей: «повезет — не повезет» с лидером. И почти при каждой смене караула в Кремле нас крепко встряхивает. Сталин — Хрущев — Брежнев — Андропов — Горбачев — Ельцин.

В Европе, в США альтернативные лидеры взрослеют в оппозиции. Основные партии и политики имеют сопоставимое, часто равновесное влияние. Драка идет за проценты, за нюансы политических программ, за стиль политики. И не столь уж важно, какая партия и какой лидер окажется в кресле № 1. Основные принципы политики имеют общенациональный консенсус, обеспечивают преемственность курса»[90].

Действительно, качество государственного управления в России слишком сильно зависит от политического фактора. У нас нет, как в Великобритании и США, тысяч постоянных, несменяемых чиновников. Вся «вертикаль» (да и «горизонталь») сносится со сменой высшего политического руководителя. Поэтому в России решение задачи качества госуправления без политической преемственности, идеологической последовательности невозможно.

К качеству политического руководства применим, прежде всего, критерий эффективности, т.е. правильное определение и способность достигать поставленных целей в кратчайшие сроки и с минимальными затратами ресурсов. Таким образом, три составляющие — формулирование ясных, научно обоснованных национальных целей, поиск эффективных средств и достижение целей при минимизации затрат ресурсов являются основными составляющими эффективности политического руководства.

Не трудно заметить, что все три составляющие являются в той или иной степени частями более общей идеологической концепции, даже идеологии. Значит, понятие «эффективное госуправление» не может существовать без относительно упорядоченной системы взглядов, сложившихся в элите, на основные цели развития и средства их достижения, т.е. идеологии.

Примечательно, что восстановление государства, начатое В. Путиным, происходило параллельно с восстановлением управляемости страной и повышением качества госуправления: новые кадры качественно отличались от предыдущих. От них уже требовали не «преданности демократическим ценностям», а профессионализма, исполнительности и добросовестности. Выход из управленческого кризиса в первый период президентства был «на ручном управлении». Он отнюдь не был совершенен, но, главное, что этот принцип подбора кадров сохраняется и во второй президентский срок, когда задачи восстановления управляемости страной и преодоления кризиса в основном были решены. В этот период требовалось личное участие высшего руководства в решении частных, иногда второстепенных вопросов. Так, реализация ПНП «Доступное жилье», в частности, показала, что главная трудность оказалась именно в неэффективном управлении, прежде всего, на уровне регионального и местного звена. По типичному признанию руководителя «Росстроя» С. Круглика, «выделение земельных участков под строительство и обеспечение их коммунальными сетями, теплоснабжением, электричеством остается, пожалуй, самым «узким» местом. Эти затраты, как известно, составляют не только 40% стоимости квадратного метра, но и занимают годы времени.

Другая новая управленческая задача после 2006 года заключалась в эффективном использовании накопленных ресурсов. Как оказалось, управлять в условиях, когда есть деньги, не проще, а, может быть, сложнее, чем в условиях их отсутствия. С этим столкнулись как федеральные, так и региональные власти. Летом 2007 года на заседании Правительства М. Фрадков, в частности, был вынужден заявить, что к проблеме планового расходования средств он «подключит прокуратуру». Как образно описал эту ситуацию А. Лившиц, «Нищий министр (финансов) печален. Богатый, кстати, тоже. Только по-своему».

Во многом схожая ситуация сложилась и в регионах, чьи доходы стали стремительно расти. Особенно в 2005–2007 годы.

Представление о росте регионального бюджета может дать сравнение расходов за 2007 и 2008 годы г. Москвы[91] (табл. 20).

Соответственно возросли и требования к эффективному расходованию этих средств. Утверждение бюджета на 2008–2010 годы, другие шаги правительства были скромной попыткой повысить эффективность управления.

Другим, заметным шагом стал указ Президента о том, чтобы губернаторы отчитывались об эффективности своей работы по конкретным 82 показателям. Хотя, на мой взгляд, справедливо замечание А. Тулеева о том, что таких показателей должно быть меньше, и они должны характеризовать качество человеческого потенциала: доходы граждан, уровень рождаемости и смертности, здоровье, образование.

Регионы ушли гораздо дальше. Многие из них сумели разработать долгосрочные (на 15–25 лет) стратегии развития. Но в отсутствии общей идеологии (в т.ч. развития) координация этих региональных и отраслевых стратегий оставляет желать лучшего.

Другими словами, идеологические, в т.ч. институциональные, управленческие вопросы, а не деньги и не другие ресурсы, становятся главным тормозом в развитии и всей российской экономики, общества и государства.

Есть все основания полагать, что качество человеческого потенциала в управлении государством и обществом на всех уровнях — от федерального до местного — станет важнейшей проблемой, которую без идеологического обеспечения решить нельзя будет в принципе. И на первом месте здесь стоит проблема выбора идеологического вектора развития. Если, например, губернатор Смоленской области на заседании правительства РФ в августе 2007 года говорит, что его принцип — сочетание традиций с инновационным развитием, — то это уже идеологическая (и верная) позиция. Действительно, только идеология — как система общепринятых взглядов — сможет объединить сотни тысяч управленцев различного звена, различной профессиональной подготовки, обладающих различным опытом. Таким образом, качество госуправления — производный результат от качества личности (профессионализма, опыта, знаний, принципов) и качества идеологии, объединяющей огромные коллективы людей, которые не должны при принятии управленческих решений каждый раз ожидать директивы или искать ответы в нормативных документах.

Табл. 20. Самые динамичные статьи расхода

	2007 г.	2008 г.
Жилищно-коммунальное хозяйство	173 млрд.	209 млрд 20(%)
Социальная защита населения	98 млрд.	116млрд (19%)
Капремонт жилфонда	3 млрд.	42 млрд (1400%)
Фонд зарплаты бюджетников	103 млрд.	152 млрд (50%)
Строительство мостов и дорог	60 млрд.	88,5 млрд (36%)
Выборы (2004–2008 гг.)	49 млн.	133 млн (270%)

В этом смысле роль личности — ее профессиональных, деловых, нравственных и интеллектуальных качеств — при подготовке, принятии и реализации политических решений будет играть все возрастающее значение. Можно сказать, что это **главный, управленческий ресурс развития России**, способный обеспечить ей в недалеком будущем достойное место в мире, ресурс, который многие годы не использовался, даже препятствовал национальному развитию.

Госсовет — совещательный орган (а не консультативный), выполняющий исключительно важную функцию в управлении государством. Россия — огромная страна, где экономические, климатические, социальные условия отличаются, может быть, больше, чем между государствами, расположенными на разных континентах. Поэтому Президенту необходимо знать мнение представителей всех регионов России, ситуация в которых может кардинально отличаться.

То, что является крупной проблемой для одного региона, может и не быть проблемой — для другого, либо у этой проблемы может быть качественно иной аспект. Так, Госсовет не раз обращался к проблеме депопуляции регионов Дальнего Востока, разрабатывались различные программы, в том числе и долгосрочные. Но такой проблемы просто не существует для такого крупного региона, как Москва или Московская область.

Понятно, что существуют общие проблемы для всей страны. Причем проблемы комплексные, системные, которые необходимо решать с привлечением представителей не только всех ветвей власти, но и общества, бизнеса. Это — стратегические проблемы, которые становятся предметом тщательного обсуждения на заседаниях Госсовета. Достаточно сказать, что за 10 лет на его заседаниях было рассмотрено около 40 таких крупных вопросов, имеющих стратегическое значение для всей страны. Не случайно, например, то, что самое первое заседание, состоявшееся 22 ноября 2000 года, было посвящено стратегии развития государства до 2010 года. Подчеркну — не экономической или социальной, а общей стратегии. К такому же масштабу я отношу и вопросы, выносившиеся Госсоветом по демографической стратегии, молодежной политике, культуре, в том числе физической культуре.

По сути дела все вопросы, которые готовились для заседаний Госсовета, разрабатывались для решения самых крупных общенациональных проблем, а их масштаб соответствовал только масштабу Госсовета. В этом смысле «коллективный разум» Госсовета не мог никто заменить.

Другой аспект деятельности Госсовета. За эти годы Госсовет стал коллективным органом, на заседаниях которого не только анализировались и решались острейшие вопросы, но он стал и органом, который прогнозировал развитие целых направлений экономической и общественной жизни страны и общества, а в ряде случаев занимался и политическим планированием.

Действительно, коллективный «портрет» Госсовета стал иным. Я бы сказал, что в нем стало меньше политиков, но больше государственных деятелей, меньше региональных лоббистов, но больше тех, кто думает о реальных нуждах своего региона. Как говорил У. Черчилль, политик — это тот, кто думает о завтрашних выборах, а государственный деятель — тот, кто думает о будущем страны. В этом смысле Госсовет стал больше государственным органом, чем совещанием политических представителей субъектов федерации. Мне кажется, что Госсовет сегодня лучше представляет интересы регионов, а политика федерализма с его помощью наполнилась дополнительным содержанием.

10 лет — это в наше время целая эпоха, смена целого поколения политиков и губернаторов, большинство из которых стало моложе, профессиональнее, работоспособнее, а главное — ответственнее.

Как вы знаете, процесс формирования губернаторского корпуса постоянно совершенствуется, лишается субъективизма и излишнего влияния внешних факторов. Сегодня при назначении губернаторов принимается во внимание очень многое — и позиция партии, победившей на выборах в регионе, и общественная поддержка, но, главное, конкретные показатели работы — рост регионального ВВП, доходов граждан, динамика рождаемости и смертности, ожидаемая продолжительность жизни и т.д.

Мне кажется, что существующий формат работы Госсовета и его президиума себя оправдал. Хотя есть и недостатки. Главное, на мой взгляд, это усилить механизмы реализации и контроля за принимаемыми решениями.

Другая проблема — информационная составляющая, те возможности, которые Госсовет еще до конца не использует. Наша страна — огромна, и контролировать происходящие процессы можно только используя современные технологии. Более того, с их помощью можно преодолеть трудности пространства. Впрочем, Госсовет здесь уже многое сделал, особенно для регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Уверен, что Госсовет должен больше заниматься государственным строительством вообще и стратегическим прогнозом, стратегическим планированием развития государства, экономики и общества, в частности. Это общенациональные задачи, решение которых выходит за пределы компетенций только правительства или какого-то, пусть самого крупного министерства. Главное в его работе — разработка долгосрочной общенациональной стратегии, учитывающей специфику всех регионов, ведь разность культур — наше богатство, а не проблема.

В основе такой долгосрочной общенациональной стратегии должна быть ключевая идея — идея развития человеческого потенциала.

8. Роль гражданского общества[92] в развитии НЧП

Каждой исторической эпохе соответствует тип организации
или самоорганизации элит[93].

Льется время… Век двадцатый отплясался на стране,
и стоят все те же хаты, поредевшие вдвойне.
Н. Мельников

Во многом, если не в главном, роль и темпы развития НЧК определяются не только государствам, но и **общественным отношением к нему**, эффективностью **существующих институтов гражданского общества,** как части социального потенциала нации. Строго говоря, действительное значение человек, его возможностей и потенциал, могут приобрести **только с признанием обществом этой роли и значения**.

Пока что ни большинством общества, ни, тем более, его правящей элитой, такого признания не произошло. Проблема, конечно, в правящей элите, но и у институтов гражданского общества, как бы слабы они ни были, тоже нет понимания значения приоритета. Ни у партий, ни у общественных организации, ни даже у творческих союзов и других творческих институтов гражданского общества.

Вообще-то между тремя понятиями: государством — НЧП — гражданским обществом есть самая тесная взаимосвязь, которая, при правильном понимании, означает, что усиление одного из этих элементов ведет **к усилению двух других**. Сегодня нередко они противопоставляются друг другу, причем не только учеными, но и политиками. Между тем все зависит от того, насколько правящая элита способна не только понимать эту взаимозависимость, но и **управлять ею**. Так, уход государства из отдельных сфер регулирования и управления при сознательной передаче этих функций институтам гражданского общества, безусловно ведет к повышению эффективности косвенного госуправления, например, в социальной области, науке, творчестве[94]. Понять всем, что руководить научными сообществами лучше могут сами ученые, а культурой — сами деятели культуры, чем «менеджеры» Минобра.

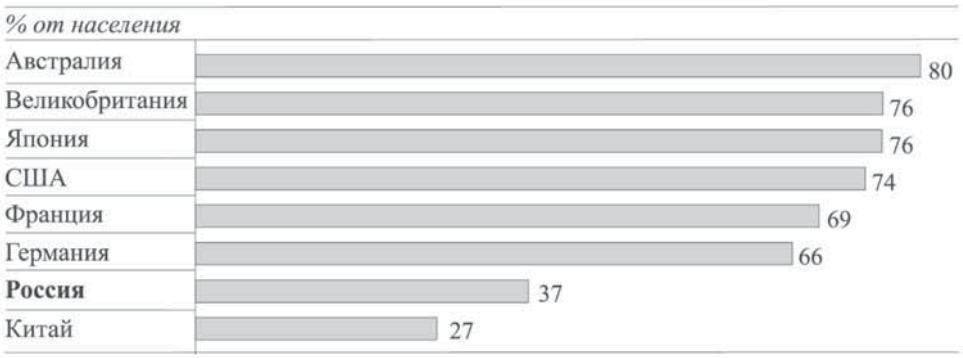
Между тем это признание означает, что в механизм развития НЧП включаются самые мощные ресурсы — творческие возможности нации. Как справедливо заметил С. Митрофанов, «Наверху тоже многие отчетливо понимают, что, только активировав **самый ценный ресурс нации — инициативу населения, они получат тот самый искомый шанс на пресловутое лидерство в мире**. В конце 1980-х были активизированы Советы, но и сегодня в России достаточно институтов демократии, которые только осталось использовать по назначению»[95].

Идеи развития НЧК должны доминировать во всех сферах деятельности — от культуры до экономики. Это не может сделать только Правительство, даже вся власть. Это может сделать только вся нация, общественность, созданные ею институты гражданского общества. Причем элита, власть должны понимать, что сознательное развитие институтов гражданского общества — в интересах как всей нации, так и **самой элиты**. «Содействие в развитии» гражданского общества — очень широкое понятие, которое по сути заключается в том, чтобы у элиты сформировалась самая широкая политика в этой области. Так должно было бы быть. Но так не есть, и не известно, когда будет. Пока что элиту, ее отношение к нации и обществу хорошо охарактеризовал Д. Быков: «…большинство российских персонажей, вознесенных на верха, не имеют ни сколько-нибудь внятной программы действий, ни навыка приличного поведения, и в девяти случаях из десяти перед нами чисто хлестаковское поведение — забвение всех норм, бешеное хвастовство, идиотские прожекты и самозабвенное вранье… одни изображают градоуправление, другие — ревизию, но распахнется дверь, и слуга известит нас о приходе последнего и абсолютного Ревизора. Он придет, не может не прийти»[96].

Речь может идти прежде всего об инициативах власти. Таких, например, как создание Комиссии при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества (в создании которой я принимал активное участие), Общественной палаты, выделении материальных и финансовых ресурсов и т.д.

Но, главное, все-таки — это создание правовых и материальных условий для развития гражданского общества, что является преимущественно прерогативой власти. Так, развитие местного самоуправления прямо связано с теми материальными возможностями (прежде всего налоговыми поступлениями), которые окажутся в распоряжении этих органов, а также теми правами, которые федеральные и региональные власти отдадут местным органам власти. Понятно, что если в консолидированном бюджете страны органам местного самоуправления будет доставаться 5%, а не 30–40% всех доходов, то и центр решения местных проблем (а их, как оказывается, более 80%) переместится в местные органы самоуправления. В конечном итоге это неизбежно приведет к росту социальной и экономической активности граждан, скажу, производительности труда и его эффективности.

Другая область, способная стимулировать развитие гражданского общества, — информационно-коммуникационные технологии. Ее развитие непосредственно влияет как на качество жизни, так



Источник: Internet World Status

Рис. 25. Доля пользователей интернета в странах

и темпы роста НЧП. Причем в значительной степени. Сегодня в этой отрасли (связь, информатика, коммуникации) занятость порядка 1 млн из 68,5 млн активного населения, т.е. 0,7% (на Западе — 3%)[97].

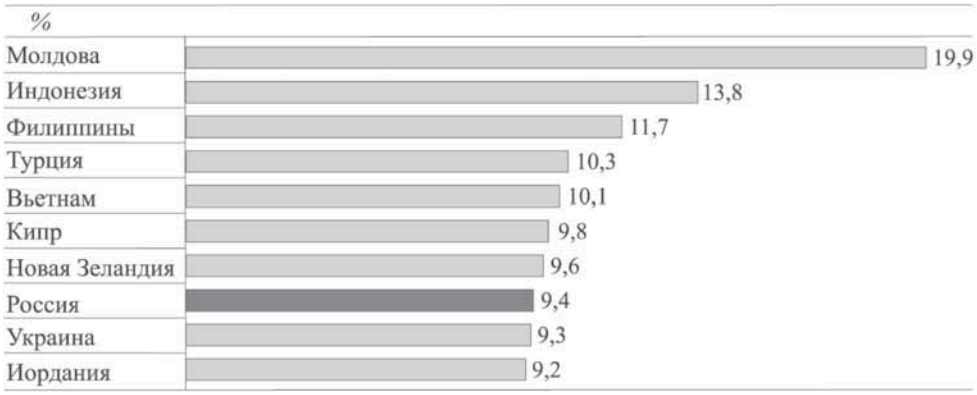
Можно предположить, что быстрое развитие ИКТ уже в самые ближайшие годы создаст **технические условия** для гражданского общества, ту реальную информационно-коммуникационную среду, в которой ожидается взрывообразный рост гражданского сознания и новых общественных институтов. Так, среди пользователей интернета в качестве источника информации 79% предпочитают сеть, а телевидение — уже 76%[98].

При этом по интернет-аудитории на первое место в мире уже вышел Китай, а темпы роста аудиторий ежегодно уверенно составляют 10% в среднем в мире. Все это позволяет говорить о том, что гражданское общество в сети стало реальностью. Более того, наступает время, когда оно превращается во влиятельную политическую силу. И уже не только на выборах, где интернет успешно конкурирует с телевидением, но и в обычной жизни. В России в 2005–2010 годы появились и окрепли влиятельные сетевые сообщества, с которыми уже считается власть. Достаточно привести пример противодействия интернет-аудитории, казалось бы, всевластию ГИББД—ДПС на дорогах.

В 2002 году в своей брошюре «Социалистический манифест» я предсказывал сверхбыстрый рост рынка IT-индустрии в России и США (который я оценивал в 35%), что неизбежно ведет к созданию нового качества у общества, названного «информационным обществом». Социально-политические последствия превращения в такое общество чрезвычайно велики:

— с коммуникационной точки зрения это ведет к созданию сетевых сообществ, протопартий и организаций, не подконтрольных формальной власти;
— с информационной точки зрения ведет к появлению реального конкурента дорогостоящим и влиятельным СМИ, когда один популярный блоггер может привлечь внимание массовой аудитории;
— с идеологической точки зрения этот процесс неизбежно ведет к идеологизации политики, втягиванию в нее крупных масс населения, у которых до этого не было возможности влиять на политическую жизнь;
— с политической точки зрения это ведет к вовлечению в реальную политику больших масс людей, способных оказать влияние и непосредственно участвовать в политических процессах. Как справедливо заметил исследователь из МГИМО(У) Н. Силаев, «С ростом общественных сетей в России рождается публичная политика»[99].

Таким образом революционные изменения в ИКТ неизбежно приведут к тому, что к 2015–2017 годам нашего столетия общество станет не только информационным, но и **способным непосред-**



Источник: Point topic

Рис. 26. ТОП-10 стран с наибольшим приростом абонентов широкополосного доступа в интернет

ственно, прямо (и неформально) влиять на политику страны, ее лидеров и бюрократию.

В этой связи закономерно встает вопрос о том, насколько будущие институты гражданского общества будут обладать ответственностью, знаниями и нравственными качествами.

Причем в специфической национальной форме. Идеология социального консерватизма (русского социализма) исходит из такой специфики. Как справедливо заметил А. Торкунов, «Ни сегодня, ни через 50 лет российская демократия не сможет походить на модели демократического устройства во Франции, США или Германии…»[100].

Вместе с тем не следует упрощенно или слишком универсально оценивать роль институтов гражданского общества. У России — своя специфика, а либеральный универсализм не может претендовать на безоговорочное применение его стандартов в нашей стране. Так, «а 2010 году Freedom House причислила Россию к группе государств, которые она квалифицирует как **«консолидированный авторитарный режим».** По мнению экспертов организации, в таких странах основные стандарты прав человека, демократических норм и правопорядка либо серьезно нарушаются, либо отсутствуют. Данный термин впервые появился в отчете Nations in Transit (в 2009 году) и с тех пор стал широко использоваться при оценке современной российской политической системы[101].

Впрочем, многие политологи считают, что это определение, применяемое в контексте российской политики, требует некоторых пояснений, так как российский авторитаризм, если и существует, то принимает нетипичные формы. В частности, Россия отличается от классического авторитарного режима тем, что в стране пока еще проводятся выборы и в прессе время от времени раздается критика системы, то есть такого рода управляемая демократия не вписывается в модель классического авторитарного режима. Тем не менее, признаки управляемой демократии не считаются факторами наличия свободы. Эксперты организации, приводя в пример Россию, утверждают, что «консолидированные авторитарные режимы» подрывают демократию не только внутри своих границ, но и распространяют политическое влияние на сопредельные регионы, тем самым обесценивая международные нормы и стандарты, выработанные демократическим миром за последние десятилетия».

«В России, по мнению Freedom House, **в течение десяти лет наблюдается непрерывное общее ухудшение демократии по всем показателям. Руководитель исследовательских программ Freedom House Кристофер Уокер считает, что в России последнее десятилетие, которое можно назвать «эрой Путина—Медведева», стало периодом, когда власть становится все более авторитарной**. Эксперты организации неоднократно подчеркивали, что с начала своего прихода к власти в 2000 году бывший президент, а ныне премьер-министр Владимир Путин сделал все возможное, чтобы создать авторитарную форму правления в России. В 2008 году эти тенденции проявились с новой силой, когда фактически безальтернативные президентские выборы позволили Владимиру Путину привести к власти своего протеже Дмитрия Медведева и остаться доминирующей фигурой на российском политическом пространстве. Президентские выборы стали лишь формальной процедурой для того, чтобы «утверждать решения, принятые правящей элитой страны»[102].

На уровне президента России в 2008–2010 годы были предприняты вполне конкретные усилия для того, чтобы снизить издержки «ручного управления» обществом и его институтами. Главное, что такие усилия идут в унисон с потребностями модернизации. Так, в своем президентском послании в ноябре 2009 года Д. Медведев отмечал: «Личный успех, поощрение инициативы, повышение качества общественной дискуссии, нетерпимость к коррупции должны стать частью нашей общенациональной культуры»[103].

Подобная взаимосвязь: развитие творческой составляющей НЧП — общественных институтов — нравственной атмосферы в обществе, безусловно правильно как с точки зрения постановки проблемы, так и поиска модернизационных решений.

Вот почему, **в последние три года ситуация с демократией (или ее отсутствием) в России стабильна**, ключевые индикаторы почти не меняются, в минувшем году вырос только показатель коррупции. В нынешнем рейтинге Россия набрала за избирательный процесс — 6,75 баллов, за государственное управление и за уровень коррупции — 6,50, за независимость СМИ — 6,25, за гражданское общество и за местное управление — 5,75, за независимость юридической системы — 5,50. В итоге страна получила оценку 6,14 балла, что на 0,03 балла выше, чем в прошлом рейтинге. Стоит отметить, что в 2001 году положение с демократией в России оценивалось в 4,88 балла»[104].

Согласно докладу Freedom House, в современной России практически не осталось независимых СМИ, так как правительство в той или иной форме осуществляет контроль над федеральным телевидением, радио и важнейшими газетами. Страна считается одной из наиболее опасных в мире для журналистов, правозащитников и гражданских активистов. Так, Россия по-прежнему остается одной из немногих стран со стабильно высоким уровнем убийств независимых журналистов. Продолжается ограничение гражданских свобод, прежде всего свободы собраний и ассоциаций, свободы выражения мнений, свободы выборов. Влияние организаций гражданского общества продолжает сокращаться. Одной из главных политических проблем России, как говорится в докладе, стал рост нестабильности на Северном Кавказе. Репрессивные меры, которыми российское правительство пытается стабилизировать там ситуацию, по мнению экспертов, приводят только к повышению активности сепаратистов. Серьезные проблемы остаются и в юридической

Табл. 21. Уровень демократии в странах переходного периода в 2010 году

Пояснения к таблице

Избирательный процесс — Electoral Process (EP)
Уровень развития гражданского общества — Civil Society (CS)
Уровень независимости СМИ — Independent Media (IM)
Уровень демократичности национального правительства — National Democratic Governance (NGOV)
Уровень демократичности местных властей — Local Democratic Governance (LGOV)
Уровень эффективности и независимости судебной системы — Judicial Framework and Independence (JFI)
Уровень коррупции — Corruption (CO)
Уровень демократии в стране (общая оценка) — The Democracy Score (DS)

Государства с устойчивой демократической системой

	EP	CS	IM	NGOV	LGOV	JFI	CO	DS
Словения	1,50	2,00	2,25	2,00	1,50	1,75	2,50	**1,93**
Эстония	1,75	1,75	1,50	2,25	2,50	1,50	2,50	**1,96**
Латвия	2,00	1,75	1,75	2,50	2,25	1,75	3,25	**2,18**
Чехия	1,50	1,75	2,50	2,75	1,75	2,00	3,25	**2,21**
Литва	1,75	1,75	1,75	2,75	2,50	1,75	3,50	**2,25**
Польша	1,75	1,50	2,25	3,25	1,75	2,50	3,25	**2,32**
Венгрия	1,75	1,75	2,75	2,50	2,50	2,00	3,50	**2,39**
Словакия	1,75	1,75	3,00	3,00	2,50	3,00	3,75	**2,68**

Государства с частично демократической системой

	EP	CS	IM	NGOV	LGOV	JFI	CO	DS
Болгария	1,75	2,50	3,75	3,25	3,00	3,00	4,00	**3,04**
Румыния	2,75	2,50	4,00	4,00	3,00	4,00	4,00	**3,46**
Хорватия	3,25	2,75	4,00	3,50	3,75	4,25	4,50	**3,71**
Сербия	3,25	2,50	4,00	3,75	3,50	4,50	4,50	**3,71**
Македония	3,25	3,25	4,25	4,00	3,75	4,00	4,00	**3,79**
Черногория	3,25	2,75	4,00	4,25	3,25	4,00	5,00	**3,79**
Албания	3,75	3,00	4,00	4,50	3,00	4,25	5,00	**3,93**

Государства с переходной или гибридной политической системой

	EP	CS	IM	NGOV	LGOV	JFI	CO	DS
Босния	3,25	3,50	4,50	5,25	4,75	4,00	4,50	**4,25**
Украина	3,50	2,75	3,50	5,00	5,25	5,00	5,75	**4,39**
Грузия	5,25	3,75	4,25	6,00	5,50	4,75	5,00	**4,93**

Государства с частично авторитарной политической системой

	EP	CS	IM	NGOV	LGOV	JFI	CO	DS
Косово	4,25	3,75	5,50	5,50	5,00	5,75	5,75	**5,07**
Молдова	4,25	3,50	5,75	6,00	5,75	4,75	6,00	**5,14**
Армения	5,75	3,75	6,00	5,75	5,50	5,50	5,50	**5,39**

Государства с авторитарной политической системой

	EP	CS	IM	NGOV	LGOV	JFI	CO	DS
Россия	6,75	5,75	6,25	6,50	5,75	5,50	6,50	**6,14**
Таджикистан	6,50	6,00	5,75	6,25	6,00	6,25	6,25	**6,14**
Кыргызстан	6,25	5,00	6,50	6,75	6,50	6,00	6,50	**6,21**
Азербайджан	6,75	5,75	6,75	6,50	6,25	6,25	6,50	**6,39**
Казахстан	6,75	5,75	6,75	6,75	6,25	6,25	6,50	**6,43**
Беларусь	6,75	6,00	6,50	6,75	6,75	6,75	6,00	**6,50**
Туркменистан	7,00	7,00	7,00	7,00	6,75	7,00	6,75	**6,93**
Узбекистан	7,00	7,00	7,00	7,00	6,75	7,00	6,75	**6,93**

Средние показатели по странам

EP	CS	IM	NGOV	LGOV	JFI	CO	DS
3,97	3,53	4,40	4,66	4,25	4,31	4,85	**4,28**

системе. Суды находятся под давлением властей и обслуживают интересы правящей элиты, в исправительных учреждениях распространено насилие, а службы безопасности получают все больше полномочий для вмешательства в личную жизнь граждан. При этом, законодательство все чаще используется властью для подавления социальной активности граждан. В таких условиях построение в России демократического общества невозможно, констатируют эксперты Freedom House. Составители доклада не сомневаются, что установившемуся режиму ничто не угрожает, так как общество, в целом, согласно с курсом на развитие экономики при сохранении авторитарной политической системы.

Хотя Россия в последнее время неоднократно подвергалась критике за нынешнее состояние гражданских и политических свобод не только со стороны Freedom House, но и других международных организаций, на подобные оценки крайне негативно реагируют представители российских властей и официальные российские правозащитники. Они считают, что выводы Freedom House политически ангажированы, необъективны и не отвечают реальности. Некоторые аналитики склонны объяснять необъективность докладов тем, что у Freedom House в России нет своего представительства, поэтому организация вынуждена привлекать различных экспертов, а также широко использовать публикации из открытых источников. То есть, собственных надежных источников информации в России у этой организации нет.

К сожалению, история российского государства стала ярким свидетельством того, что человек часто становился «расходным материалом» для государственного строительства и реформ. В этом смысле реформы Петра I, пятилетки и реформы правительства Гайдара мало чем отличались. Но когда ценой многих человеческих жизней строилось великое российское государство, это можно оправдать. Мобилизация нации всегда была сильной чертой нации. Но в отсутствии внешней угрозы отношение к человеку нередко оставалось таким же, как и в периоды кризисов. Поэтому, важная задача — научиться сегодня сознательно ставить интересы любого человека, личности выше интересов (иногда искусственных) отдельных институтов государства. Сделать это можно только изменив в обществе отношение к человеку, его потенциалу. Это задача прежде всего институтов гражданского общества — СМИ, местного самоуправления, партий, общественных организаций.

При этом очень важно избежать заведомо ложных, либо ошибочных трактовок отдельных идей, принципов, событий. Так, в 1990–2010 годы популярным стал тезис о якобы изначально «недемократичности» России, в т.ч. ее традиции. Между тем традиции демократии у России глубже, чем в Европе. Б. Годунов — выборный царь. М. Романов — тоже выборный, а до этого были первые в Европе в феодальное время Псковская и Новгородские республики.

Роль общественных институтов, всего общества на новом этапе развития становится понятна: независимо от идеологических, религиозных, экономических и иных предпочтений общество становится той средой — благоприятной или неблагоприятной, — в которой создается, формируется, развивается и самореализуется личность. Иными словами, без изменения общественного сознания по отношению к ценности личности вообще и развития потенциала личности, в частности, невозможна смена алгоритма государственного и социально-экономического развития России. Во всех областях жизнедеятельности, но прежде всего в идеологии. Это уже понимает российская элита. Во всяком случае, говорит об этом. «Считаю, что создание в России свободного общества свободных людей — это самая главная наша задача», — говорит В. Путин. Т.е. самоценность свободной личности становится политическим приоритетом власти.

Проблема сознательной поддержки со стороны государства развития институтов гражданского общества — одна из важнейших для России. Такие институты — это, прежде всего, инструменты, формирующие общество. От них зависит, каким будет новое общество. Но, кроме того, есть и вполне прагматическая цель: следствием развития таких институтов является резкий рост экономической эффективности, качества госуправления, оптимизация расходов и модернизация общества и государства.

И наоборот. Недоразвитость институтов гражданского общества все сильнее непосредственно сказывается, например, на темпах развития экономики. Так, в соответствии с соцопросами представителей российского бизнеса, проведенными в 2007 году, среди наиболее значимых факторов, которые негативно влияли на развитие бизнеса, оказались прежде всего факторы общественные, отражающие слабость гражданского общества, а отнюдь не экономические и финансовые[105].

Табл. 22. Что препятствует развитию российского бизнеса

Коррупция	62,62
Административные барьеры	57,62
Общая политическая и экономическая нестабильность	53,33
Налогообложение	53,10
Неразвитость и изношенность инфраструктуры	39,76
Нехватка квалифицированных кадров	39,43
Недостаток инвестиционных ресурсов	37,62
Неразвитость судебной системы	37,38
Изношенность основных фондов предприятий	37,14
Дополнительные издержки, связанные с ростом цен на энергоносители	27,86

Из этих данных видно реальное значение для целей социально-экономического развития степени развития институтов гражданского общества. Уверен, что большинство существующих проблем, сдерживающих развитие России, государственными средствами решены не могут быть в принципе. Необходимо изменить общественное сознание всей нации, что можно сделать только с помощью инструментов гражданского общества.

Эти выводы подтверждаются и международными сопоставлениями. Среди всех государств мира только в Бразилии больше жалуются на чиновников, чем в России[106].

Табл. 23. Доля компаний, развитию которых мешает бюрократия, в %

Страна	2007 г.	2006 г.
Бразилия	60	-
Россия	59	54
Польша	55	56
Греция	52	53
Германия	49	52
Китай	42	34
Индия	37	34
США	34	31
Армения	23	-
Сингапур	16	8

Источник: Grant Thornton

Понятно, что у каждого государства будет своя специфика по стимулированию ускоренного созревания гражданского общества, в т.ч. и свои приоритеты, ценности, исторические и культурные особенности, но в общем плане — требуется подчеркнуть эту мысль особо — на нынешнем этапе соревнования в эффективности экономик и систем управления выиграет то государство, которое будет обладать наиболее совершенной и разветвленной системой институтов гражданского общества[107].

Для России здесь есть две важные особенности: во-первых, относительная молодость современной (но не исторической) демократии, и, во-вторых, объективная необходимость развивать собственные, а не привнесенные извне, институты гражданского общества. Эти особенности, по понятным причинам, осложняют в некоторой степени задачу развития институтов гражданского общества для России, ухудшают условия ее соревнования с другими странами. Возможность «просто» взять за образец западные примеры, на мой взгляд, исключается. Эффективность таких «образцов» для России не только сомнительна, но может быть даже опасной: у России должны быть выработаны собственные приемы и институты, несущие в себе не только традицию, но и необходимость решения специфических задач ускоренного развития. Так, традиции благотворительности, меценатства в России более приемлемы и эффективны. Надо только вернуться и помочь их возрождению. Уже сегодня многие тысячи граждан занимаются благотворительностью, не афишируя эту деятельность.

Другая сторона проблемы — русская традиция. В России совершенно другое отношение, например, к нищим, убогим, сиротам. Если на Западе слабость не поощряется, ее всячески скрывают, даже преследуют, то в России всегда считалась богоугодным делом помощь слабым, больным и немощным.

Отсталость институтов гражданского общества в России справедливо оценивается как синоним слабой экономической конкурентоспособности страны. Поэтому, требуя опережающих социально-экономических темпов развития, мы должны пытаться добиться «еще более опережающих» темпов в строительстве институтов гражданского общества — прежде всего партий, общественных организаций и местного самоуправления[108]. Это должно стать политико-идеологической задачей.

Таким образом, выстраивается вполне определенная и строгая идеологическая взаимосвязь: развитие потенциала человеческой личности невозможно без принципиального изменения общественного настроения и мнения в пользу этого приоритета, что, в свою очередь, невозможно без ускоренного и осознанного развития институтов гражданского общества. Весь этот процесс, в свою очередь, является важнейшим фактором опережающего социально-экономического развития, более того, его обязательным условием.

Часто использование модных терминов затеняет существо проблемы. Это происходит и с термином «гражданское общество», которое стало популярным, модным, даже расхожим выражением за последние годы в России. Между тем, его конкретное идеологическое и экономическое содержание нередко остается в тени, уступая место, на мой взгляд, второстепенным факторам, искусственно подогреваются политическими оппонентами В. Путина как внутри страны, так и особенно из-за рубежа — свободе СМИ и правам человека.

Между тем власть вполне осознает важность приоритета развития институтов гражданского общества. Целый ряд политических решений — создание Совета при Президенте РФ по содействию развития гражданского общества, Общественной палаты, материальной поддержки СМИ, общественных организаций и партий и т.д. — свидетельствуют о том, что Президент России осознанно и целенаправленно реализует эту концепцию. И это не случайно, ведь в ситуации перехода ведущих государств к информационной стадии развития этот, повторим, осознанный выбор становится для России не только

политическим, но и историческим, т.к. определяет место страны в мире и в истории человечества на ближайшие десятилетия.

За 2001–2006 годы на уровне общественности и власти были организованы многочисленные мероприятия — форумы, конференции, круглые столы, на которых проблема становления институтов гражданского общества в России была предметом обсуждения. В этот процесс оказались втянуты десятки тысяч ученых, общественных и политических деятелей. В нем активнее участвуют и госструктуры. Но эти усилия — только самый первый шаг. Их экономический и политический «вес» ничтожен в сравнении с аналогичным «весом» институтов гражданского общества в развитых государствах.

Вместе с тем, уверен, что тенденция уже заложена. Ее существование объективно и очевидно не соответствует утверждениям некоторых СМИ и общественных институтов о «разрушении гражданского общества», а тем более «противостояния общества и власти» в России (как это, например, прозвучало в передаче «Эха Москвы» 29 августа 2007 г.).

Хотелось бы привлечь внимание к такой теоретической проблеме, как проблема развития институтов гражданского общества, их роль в современном мире приобрела огромную **цивилизационную и практическую значимость**[109]. Если коротко, то суть вопроса можно свести к следующим тезисам:

Развитие институтов гражданского общества стало ведущей тенденцией в развития стран-лидеров. Это — универсальная тенденция, а не только особенность западных демократий. И не только общественно-политическая. Эти институты постепенно вытесняют и замещают государственные институты, что сказывается как на повышении эффективности управления государством и обществом, так и на экономической эффективности. В ряде случаев государственные функции уже перешли к общественным институтам.

Приведем в пример США, где за последние 40 лет объемы пожертвований выросли с 70,0 млрд до 250 млрд долл. (т.е. равняются сегодня примерно российскому бюджету), достигнув 2% ВВП. Для сравнения: в России — около 0,5 млрд долл., т.е. в 500(!) раз меньше по объему, и 0,07% от ВВП. Примечательно соотношения средств, выделяемых на благотворительность к федеральному бюджету (а они в России и США примерно составляют 20% от ВВП). В США это сопоставимые величины — 2% и 20%, — а в России — нет: 0,07% и 20%.

На практике это означает, что из негосударственных средств в США на:

— религию тратится — около 90 млрд долл.;
— сферу услуг — около 20 млрд долл.;
— общественные блага и здоровье — более 12 и 200 млрд долл. соответственно;
— международные отношения — более 5 млрд долл.

Интересно, что большинство этих пожертвований собирается не корпорациями, а простыми гражданами, которые таким образом выражают не только свою гражданскую позицию, но и участвуют в развитии и укреплении общества и государства. Так, из собранных 248 млрд долл. в 2004 году пожертвований в США 75%, т.е. три четверти, было пожертвовано гражданами и менее 5% — корпорациями. При этом ежегодно более 70% американцев жертвуют хотя бы один раз в год, в Германии — более 50%, а в Великобритании более 57% жертвуют хотя бы раз в месяц.

Похоже, что эти цифры неплохо иллюстрируют, как ресурсно обеспечено гражданское общество в США и России. В этой связи выделение Президентом РФ в 2006 году 500 млн, а в 2007 году 1500 млн рублей в помощь институтам гражданского общества можно рассматривать как очень верный политический шаг, сигнал обществу и бизнесу, который не остался незамеченным. В 2005–2007 годы тенденция государственной поддержки получила ускоренное развитие. В особенности в связи с усилиями В. Путина и Д. Медведева по реализации нацпроектов, включая, например, принятие закона о так называемых «эндаументах».

Понятно, что если говорить о правильном ресурсном обеспечении негосударственной благотворительной деятельности, то России, чтобы соответствовать стандартам развитых государств, потребуется создать общественную систему, перераспределяющую ежегодно не менее 150–200 млрд рублей благотворительных средств. Это примерно соответствует уровню развития российской экономики в 2007 году, но, конечно же, абсолютно недостаточно для развития институтов гражданского общества в соответствии с новыми стандартами.

В последние годы особенно эффективными оказываются религиозные и сетевые общественные организации. Нередко их эффективная деятельность ведет даже к смене политического курса, отставке правительства и даже революциям. Иными словами, институты гражданского общества уже превратились в **политический фактор**. Добавим, что этот фактор может, и уже используется, в самых различных политических целях. Так, многие функции Госдепартамента, ЦРУ и ЮСИА в США фактически переданы различным институтам и фондам, которые активно и эффективно проводят необходимую США внешнюю политику. Примеры таких действий в Грузии, на Украине, в Киргизии, Белоруссии и других бывших советских республиках хорошо известны.

Соответственно правительства и государства, против которых направленно работают такие институты, жестко им противодействуют. По признанию заместителя госсекретаря США Б. Лавенкрона, за последние годы более 20 стран ввели ограничительное законодательство и присоединились к уже

принявшим законы, политику и методы, затрудняющие работу институтов гражданского общества. Венесуэла недавно ввела законодательство, по которому принятие НПО иностранной финансовой помощи карается 16 годами тюрьмы. Китай сократил количество общественных организаций, и каждой НПО теперь требуется иметь правительственного или партийного покровителя. Естественно, что, выступая против таких ограничений (на самом деле, ограничений несанкционированной деятельности США за рубежом), приводится «общетеоретическая» обойма аргументов: «Ограничение политического пространства НПО ограничивает собственное политическое и экономическое развитие общества»; «сильная страна заботится о развитии независимых организаций, а государство, которое стремится контролировать все из центра, становится слабым»; «в современном мире стоящие перед государством проблемы слишком сложны даже для самых могущественных держав, чтобы решать их в одиночку»; «вклад НПО необычайно важен для адекватного реагирования на внутренние и внешние вызовы» и др.

Общественное и государственное устройство будущих стран-лидеров, эффективность их экономической политики будут, таким образом, **прямо зависеть** от развития институтов гражданского общества. Либо своих, национальных, либо — чужих. Можно даже допустить, что **жизнестойкость** ведущих государств будет обеспечена **степенью развития** институтов гражданского общества. Сегодня НПО во многом заменяют армии и другие факторы силы, существовавшие в XX веке. Они так и называются «мягкая сила», но, тем не менее, не перестают быть факторами силы. В XXI веке — даже более эффективными, чем прямое насилие в XX веке.

Показательно в этой связи исследование, которое показывает популярность социальных сетей в Интернете различных стран. Во многом этот показатель характеризует уровень социальной активности граждан и степень развития гражданского общества. Для развитых стран он превышает 10%. В странах, где сознательно ориентируются на социальную активность, — 20–55%. В России доля пользователей социальными сетями не превышает 1%[110]. Это означает не только недостаточный уровень развития Интернета, но и низкую социализацию общества и средств коммуникации.

Табл. 24. Доля пользователей социальных сетей среди пользователей Интернета (%)

Южная Корея	55
Бразилия	41
Китай	27
Мексика	26
США	24
Великобритания	20
Канада	16
Индия	16
Германия	14
Франция	12
Япония	9
Россия	1

Обсуждение закона об НКО в России осенью 2005 года, «шпионский скандал» зимы 2006 года, доклад Госдепа США в апреле 2007 года показали, что российское общество и власть не только понимают сегодня значение НКО и других институтов гражданского общества (что, надо признать, произошло неожиданно), но и уделяет этому фактору большое внимание[111].

Особое значение эти тенденции приобретают в «пограничных», кризисных ситуациях — в условиях снижения авторитета и доверия к официальным представителям власти, политического кризиса, доверия к институтам демократии и попыткам каких-либо влиятельных сил дестабилизировать внутриполитическую ситуацию.

В России пока все же существует недооценка негативной роли этого фактора. Объясняется это тем, что в России не сложилась национальная элита в полном смысле этого слова. Напомним, что ошибки, трагедии и преступления последних 20 лет современной политической истории России во многом, даже в главном, объясняются не объективными, а субъективными причинами**,** прежде всего плохим качеством национальной элиты. Это свойство элиты пока что сохраняется, что делает страны и общество крайне уязвимыми для воздействия, особенно внешнего, через НПО. Появившийся в апреле 2007 года доклад Госдепа откровенно политически обеспечил свободу действий таким институтам гражданского общества.

Напомним, что главными качествами элиты должны стать профессионализм, ответственность и способность к стратегическому прогнозу. Квазиэлита, сформировавшаяся в стране на сегодняшний день, не профессиональна и безответственна. Эта безответственность элиты (никто не ответил за все катастрофы 90-х годов) пугает. Прежде всего потому, что не ясно, как элита поведет себя в условиях спровоцированного кризиса. Кроме того, элита очевидно не способна прогнозировать последствия принимаемых решений, разработать эффективные **механизмы их реализации.**

Ее профессиональные и нравственные качества также абсолютно **не соответствуют уровню задач**, стоящих перед государством и обществом, ориенти-

рующимися на постиндустриализм и информационные технологии. А требования эти перед элитой будут неизбежно расти.

В этом смысле пресловутая «вертикаль» лишь один из способов страховки от разрушающих действий (или бездействий) российской элиты. К сожалению, отнюдь не гарантирующий сохранения контроля власти над ее поведением. Такой контроль может быть создан только через систему институтов гражданского общества, которые (за исключением спонсируемых из-за рубежа) по определению должны быть заинтересованы не только в контроле над элитой, но и сохранении национального государства, суверенитета и общественно-культурной самобытности. Таким образом, говоря об институтах гражданского общества, следует иметь в виду, что именно их развитие — **мало использованный общественный резерв** не только в сохранении внутриполитической стабильности, но и в ускорении темпов экономического и социального роста. Идеология социального консерватизма должна в полной мере учитывать эти особенности. С одной стороны, традиция, национальные ценности, культура и другие базовые основы гражданского общества в России должны оставаться фундаментом для институтов гражданского общества. А с другой стороны, на базе этого фундамента должна формироваться концепция ускоренного социального и экономического развития страны, которая бы опиралась на максимально полную реализацию потенциала человеческой личности.

Можно условно выделить несколько возможностей активизации этого резерва. С экономической точки зрения, например, развитая сеть институтов гражданского общества — это сотни тысяч общественных организаций, в т.ч. СМИ, образовательных учреждений и т.д., которые не только создают новые рабочие места, но и являются **более эффективными формами деятельности,** чем обычные коммерческие, а тем более государственные структуры. Так, в 2006–2007 гг. именно общественные организации подняли вопрос об организации производства экологически чистого топлива[112].

Кроме того, они, как показывает опыт, могут заменять государственные органы, выполняя их функции, как правило, более эффективно. Это относится, прежде всего, как показывает зарубежный опыт, к стремительно расширяющейся социально-экономической сфере, науке, образованию, культуре. Эти отрасли экономики знаний будут решающими. И их успешное развитие во многом зависит от степени развития институтов гражданского общества.

В России у элиты (прежде всего у бюрократии), в широком смысле этого слова, до сих пор пока в основном **не сложилось мнение о приоритетности указанных вопросов**, их огромном **прикладном политическом, социальном и экономическом значении**. Хотя, следует признать, многие чиновники уже делают реверансы в сторону институтов гражданского общества. Можно сказать, что в 2007 году отношение бюрократии изменилось: от открытого игнорирования она перешла к признанию значения таких институтов. Различные чиновники и ведомства стали создавать экспертные и координационные общественные советы. Можно признать, что в 2007 году эта тенденция охватила практически все государственные институты — от Счетной палаты и Минобороны до региональных властей. Теперь важно, чтобы эти общественные институты стали реально влиять на власть. И это главная идеологическая проблема. Когда говорят об НПО, то, как правило, в связи со свободой получения зарубежных грантов и разнузданностью СМИ.

Особенно у партий, как основных институтов гражданского общества. Напомним, что партии — главный инструмент политической деятельности в условиях демократических режимов. Политическая деятельность — это специфический вид общественной деятельности, направленный главным образом на достижение, удержание, укрепление и реализацию власти. Именно креативность, творчество общества, политики создают новые эффективные решения возникающих у общества и государства проблем. Те или иные объективные задачи — в зависимости от политического искусства, могут быть решены с КПД в 2%, или 90%. И партии могут и должны быть ориентированы на решение позитивных задач развития, а не популистских задач закрепления любой ценой во власти.

К сожалению, сегодня большинство российских партий видят свою цель исключительно в обеспечении политического присутствия в избираемых органах власти. Идеологические, концептуальные вопросы очевидно уступают место электоральным технологиям. Что, во-первых, угрожает внутриполитической стабильности, превращает такие проекты в инструмент для дестабилизации ситуации в стране.

Во-вторых, подобный упрощенный, «политический» подход лишает содержательности, возможности эффективного использования инструментов гражданского общества в интересах развития нации и государства. Прежде всего, экономического: важно подчеркнуть, что, развивая эти институты, государство и общество, по сути, открывает новые каналы развития, в т.ч. экономического и научно-технического, где роль партий и НПО особенно велика как организаторов массового, «низового» движения.

Важен и другой, внешнеполитический аспект. Сегодня институты гражданского общества становятся самым важным инструментом внешней политики, вытесняя прежние — классическую дипломатию и военную силу. Слабость России в этой области, ее элиты становится уже внешнеполитической слабостью, угрожает национальной безопасности страны.

9. Национальная духовная и культурная идентификация как условие развития национального человеческого потенциала

…Я не гуманист, нет, во имя гуманизма было убито слишком много людей[113].
А. Пятигорский

Неоконсервативный «конец истории» в прошлом.
На смену ему пришло многообразие национальных культур[114].
Д. Орлов

Споры о национальной идентификации, национальных интересах и ценностях стали особенно острыми после событий на Манежной площади 11 декабря 201 года и последовавших событий в других городах. Игнорирование этой проблемы властью и СМИ на протяжении десятилетий отнюдь не уменьшает степени вовлеченности в эту дискуссию различных сил и отдельных граждан. Как показывали соцопросы, «настроения митингующих — отражение серьезных тенденций… 76% молодых людей Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова—на Дону,… сочувствуют участникам митинга на Манежной… При этом 78% опрошенных не считают это выступление националистическим…»[115].

На самом деле у этого, безусловно, современного явления есть своя большая и трудная история, которую очень хорошо охарактеризовал И. Солоневич: «Всякая разумная программа, предлагаемая **данному** народу, должна иметь в виду **данный** народ, а не абстрактного homo sapiens, наделяемого теми свойствами, которыми угодно будет наделить его авторам данной программы. Так, все социалистические программы наделяют всех людей теми свойствами, которые отсутствуют у почти всех людей, — может быть, и к сожалению. Чувства семьи, собственности, нации, по практической проверке историей, оказались реально существующими. Отсюда распад всех «интернационалов», начавшийся с Первой же мировой войны. Отсюда же террористический режим социализма — всякого социализма в действии, не встретившего предполагавшихся коллективистических инстинктов человечества.

Русская интеллигенция, традиционно «оторванная от народа», предлагает этому народу программы, совершенно оторванные от всякой русской действительности, — и прошлой, и настоящей. Именно поэтому русская общественная мысль шатается из стороны в сторону так, как не шатается никакая общественная мысль в мире: от утопических идей второго крепостного права до столь же утопических пережитков первого. Коммунистическая революция в России является логическим результатом оторванности интеллигенции от народа, неумения интеллигенции найти с ним общий язык и общие **интересы**, нежелания интеллигенции рассматривать самое себя как слой, подчиненный основным линиям развития русской истории, а не как кооператив изобретателей, наперебой предлагающих русскому народу украденные у нерусской философии патенты полного переустройства и перевоспитания тысячелетней государственности»[116].

Я, безусловно, согласен с М. Солоневичем как в отношении прежде всего специфики каждой нации и, особенно, отрицания универсализма, так и в отношении к русской либеральной интеллигенции, чьи социалистические идеи в современную эпоху стали такими же абстрактными либеральными идеями. Более того — политической практикой.

Особенно важно отметить духовную составляющую этой идентификации, выполняющей для русской нации решающую роль. И не только в духовном плане, но и в конкретной жизни, особенно в самые трудные периоды истории для нации. Как это было, например, в начале Великой Отечественной войны, когда митрополит Илия получил откровения, о которых сообщим И. Сталину, после чего тот принял важные политические и военные решения[117].

Кризис 2008–2010 годов показал, что глобализация, как многие считали, отнюдь не ликвидирует национальные интересы, ценности и многообразие культур. Более того, странным образом, но кризис дал толчок поиску национальной идентичности в тех странах, где ограниченный суверенитет и глобализация, казалось, уже окончательно решили этот вопрос[118]. Как, например, в странах Евросоюза, превратившихся после декабря 2009 года фактически в конфедерацию с единой внешней оборонной и валютно-финансовой политикой, но которые затем, в 2010–2011 годах, заявили о «провале политики мультикультурности». Как заметил Д. Медведев 27 мая 2010 года, «взаимодействие между культурой, нравственностью и экономическим развитием наиболее зримо ощущается в кризисную пору.— Если еще в 2008 году на взаимосвязь между этими сферами обращали внимание лишь **ученые, то после того, что мы все претерпели в 2008 и 2009 годах**, становится совершенно очевидной глобальная взаимосвязь между всеми этими явлениями в современном мире и необходимость более широкого подхода к экономическим проблемам. Подхода, не основанного только на голом экономическом прагматизме»[119]. К сожалению, либеральный истэблишмент, правящей в России, так не думает.

Более того, кризис показал, что существует прямая связь между темпами экономического развития и уровнем культуры общества. И понятно почему.

Если человечество в XXI веке неизбежно вступит в этап культурно-духовного развития, когда основным критерием развития станет качество НЧП, то особенности личности — психические, интеллектуальные, нравственно-духовно — станет ведущими критериями. И здесь национальные особенности играют большое значение. Так в последние годы стало популярным подсчитывать «индексы счастья» между различными странами. Россия в таких подсчетах, как правило, оказывается далеко внизу списка. Между тем эксперты считают, что «для русского человека сказать постороннему, что он счастлив, равносильно показать себя идиотом»[120].

Наконец, нерешенные до сих пор общечеловеческие проблемы: экология, борьба с неравенством, бедностью и т.д. — должны быть неизбежно решены на основе неких общих культурно-нравственных норм, которые будут приняты большинством стран. Экономические соображения, голый прагматизм стран—лидеров неизбежно должны будут уступить место социогуманитарному отношению. Вопрос только, когда это может произойти и не будет ли слишком поздно. Другой вопрос, какие нормы будут положены в основу общего подхода? Если речь идет о нормах либеральных стран, то боюсь, что многие страны, в т.ч. такие быстро развивающиеся, как члены БРИКСа, не согласятся на это. Речь сегодня, скорее, идет о том, что каждое из государств стремится предложить и отстоять **свои** нормы, отвечающие национальному сознанию и поведению.

Другая сторона проблемы заключается в том, что унификация, универсализация, о которых твердят либералы, не способны обеспечить «универсальным нациям» лидерства в науке, культуре и образовании, которое может основываться только на национальном фундаменте с известными внешними заимствованиями. Нации, потерявшие идентичность, перестают быть культурно, технологически и экономически конкурентоспособными. НЧП становится, таким образом, условием национальной конкурентоспособности.

Действительно, известный неоконсерватор, автор «Конца истории и последнего человека», провозгласивший на заре 90-х наступление эры торжества либерализма, Фукуяма сегодня манифестирует: «Каждая страна будет вынуждена найти свою собственную дорогу в современном мире… Модернизация в развитии, в конечном счете, определяется людьми, которые живут в данном обществе, а не чужаками»[121].

Именно из понимания ведущего значения потенциала человеческой личности в XXI веке, которое, в свою очередь, вытекает из культурных традиций и национальных особенностей, формируется проблема национальной идентичности в эпоху глобализации. Новые знания могут родиться только на фундаментальной научной, культурной и национальной основе. Они не могут быть простой интерпретацией чужих знаний, ибо интерпретация всегда вторична. Так же, как и результаты культурных и духовных достижений. Соответственно нации, обладающие такими историческими и культурными основами и использующие их в развитии, — потенциальные лидеры глобализации. Подчеркну, — будущее за нациями, создающими новое качество знаний и возможностей на базе сложившегося общекультурного и научного потенциалов.

Соответственно те нации, которые в условиях глобализации не используют национальные достижения в науке и культуре, теряют их, занимаются простым заимствованием у других наций, неизбежно уступают свои позиции в мировом развитии. Более того, их идентичность размывается и со временем исчезает. Как следствие, исчезают и сами нации и государства.

Огромной проблемой, которую не удалось решить в т.ч. и развитым странам к началу XXI века, стала проблема национальной и культурной идентификации. Более того, есть свидетельства того, что и в США, и в Великобритании, и во Франции национальные, этнические и религиозные разногласия не затухают, а развиваются. Иногда даже через кровь, терроризм и нетерпимость. В этом смысле Россия находится в одном ряду с другими развитыми странами, которым не удалось решить эту проблему. В одном ряду, но не в одинаковых условиях.

Для современной России эта ситуация усугубляется развалом СССР, социальной системы и экономическим кризисом последних 15 лет. Но более всего господством неолиберальных идей в 90-е годы, которые нанесли огромный ущерб не только нравственной природе нации, но и привели к демографической катастрофе. Общество оказалось деморализованным мировоззренчески, обескровлено, ввергнуто в длительное состояние стресса, анархии и полного отрицания традиционных ценностей.

Сегодня не только в истории, но и политике у нас одни и те же «герои» выступают «врагами», а одна и та же истина по-разному препарируется комментаторами. Как справедливо заметил С. Рассадин, «сколько, к примеру, сейчас Сталиных! Кровавый маньяк или, хоть и палач, но заслуживающий уважения: как же, воссоздал империю, наладил индустриализацию, победил (самолично?) Гитлера. Да, боже мой, даже у союзников (Зюганов, Анпилов, Проханов) он не один и тот же. А прошу прощения за дурно пахнущее соседство, истинно великий Столыпин? Для кого — прежде всего трагический реформатор; для кого — оставивший память в «столыпинском галстуке» и «столыпинском вагоне»; для антисемитов, понятно, мил как антисемит»[122].

Но то же самое можно сказать и о декабристах, и о Ленине, и об Александре II, и о Брежневе. Аналогичная ситуация и с названиями городов, улиц, памятниками, учебниками и т.п.

Наверное, что-то неизбежно, но я уверен, что увлечение переоценкой нашего прошлого, тем более придание ему заведомом негативного оттенка, — разрушительно для настоящего.

Рис. 27.

Даже в обращении друг к другу мы не можем ясно определиться. Как справедливо говорит С. Дзюба, «в нашем обществе прежнее обращение друг к другу „товарищ“ сейчас сохранилось лишь в армии, милиции, других силовых структурах, в некоторых партиях. Появившиеся вроде бы вместо него дореволюционное „господин“ („госпожа“) большого распространения не получило. В быту мы обращаемся друг к другу совсем просто: „мужчина“, „женщина“, „молодой человек“, „девушка“».

Есть, однако, более фундаментальные закономерности, на которые обращают внимание западные социологи, в т.ч. взаимосвязь между культурными ценностями, экономикой и политикой. В процессе развития преобладающие взгляды меняются — причем определенным и предсказуемым образом. Сначала экономика тянет за собой культурные перемены, а потом ценности начинают менять экономику и политику. Экономическое развитие приводит к смене ценностей от традиционных (религиозных) к внерелигиозным (тут прав Маркс). Это «индустриальный этап» модернизации: новые технологии дают человеку ощущение более полного контроля над окружающим миром. В результате Бог и семья теряют центральное положение в картине мира. Прохождение индустриального этапа и отказ от традиционных ценностей не гарантируют демократического устройства. «Секулярные убеждения не менее догматичны, чем религиозные, — пишет Инглхарт, — они могут оправдывать и неограниченную политическую власть, как это было с фашизмом и коммунизмом».

На «постиндустриальном этапе» модернизации процесс идет иначе: рост доходов начинает менять ценности от «ценностей выживания» к «ценностям самовыражения». Культура становится определяющим фактором. А раз так, то та нация, которая обладает культурным фондом, а, главное, осознает его роль в экономическом и социальном развитии, получает огромные преимущества в эпоху глобализации.

Вот почему восстановление национальной идентичности и роли традиции в России стало одной из важнейших задач первого десятилетия XXI века. Не менее важной, чем восстановление финансовой и макроэкономической стабильности. Поиск идентичности в 2006–2011 годах — это поиск себя как нации, в конечном счете, это поиск своего права на существование в мире и в стране. «Не в силе Бог, а в правде» — эта фраза из фильма «Брат–2» лучше всего отражала потребность выхода общества из кризиса идентификации рубежа XXI века, в т.ч. и на уровне обыденного сознания.

Как видно из рисунка 27, новые научные, культурные и технологические продукты (ценности) могут появиться, прежде всего, на почве национальных традиций, ценностей, школ. Именно качественно новые продукты интеллекта, культуры и души в XXI веке становятся главными ценностными категориями, которые не могут появиться вне национальных культур. Все остальное — более или менее удачное заимствование.

И здесь нельзя упускать из виду опыт КНР, которая, вслед за демонстрацией быстрых темпов экономического роста и национального развития, будет демонстрировать преимущества своей идеологической модели и системы ценностей. Похоже, что параллельно идут три процесса, между которыми прослеживается явная взаимосвязь: быстрый экономический рост ведет к активизации внешней политики, которая, в свою очередь, ведет к росту привлекательности китайской системы ценностей[123].

Источник: Statistical Review of world energy 2011

Рис. 28. Объём потребления энергии в 2010 г., млн нефтяного эквивалента

По итогам прошлого года Китай стал крупнейшим мировым потребителем энергии, обогнав бессменного лидера — США.

Об этом свидетельствует статистика, опубликованная в ежегоднике BP Statistical Review of World Energy. Потребление энергии в Китае выросло за год на 11,2%, в среднем по миру спрос вырос на рекордные с 1973 г. 5,6%.

Соответственно его влияние не только на мировые рынки и экономику, но и политику, будет стремительно расти. И не только. На мой взгляд, не менее стремительно будет расти и его влияние на идеологию, способность предлагать всему миру собственные идеологические, политические и иные модели развития.

Это в полной мере относится как к культуре, технологиям и экономике, так и к обществу — его институтам, механизмам управления, — и государству и его институтам. Взаимосвязь часто прослеживается там, где ее вроде бы и не ждешь. Например, в нацпроекте «Здоровье», где предполагается создание высокотехнологичных центров в отдаленных регионах. Но построить центр и оснастить его самым современным оборудованием можно, однако где взять лучших специалистов, где взять научную школу? Не случайно Д. Медведев предложил ведущим ученым открывать представительства своих школ в регионах, ведь на их создание или заимствование уйдут десятки лет.

Не случайно вопросы самоидентификации, прежде всего в духовной и культурной областях, стали предметом бурной дискуссии в первом десятилетии XXI века в России. И огромную позитивную роль здесь играла Русская православная церковь и значительный социальный слой граждан, ориентированный на ее позицию в России, а также деятели национальной культуры[124]. Причем эта роль выражалась не только в общественно-политическом и культурном, но и экономическом развитии. Можно сказать, что с начала нынешнего десятилетия в России шел все усиливающийся процесс самосознания себя, нации и государства в культуре, спорте, экономике, наконец, во внешней политике.

Этот процесс воссоздавал реальную и фундаментальную базу под ускоренное развитие человеческого потенциала, прежде всего через реанимацию традиций, национальных ценностей, научных школ, культурных достижений.

На мой взгляд, переход от информационно-технологического этапа в развитии человечества к культурно-духовному не оставит шанса тем нациям, которые растеряют свое историческое наследие. И, наоборот, те нации, которые смогут его сохранить и развить, получат самые сильные конкурентные преимущества по сравнению с другими нациями. И не только в социокультурной, но и экономической и технологической области. В этой связи обращает внимание доклад И. Дискина, который обобщил значимые черты проблемы под углом зрения модернизации[125].

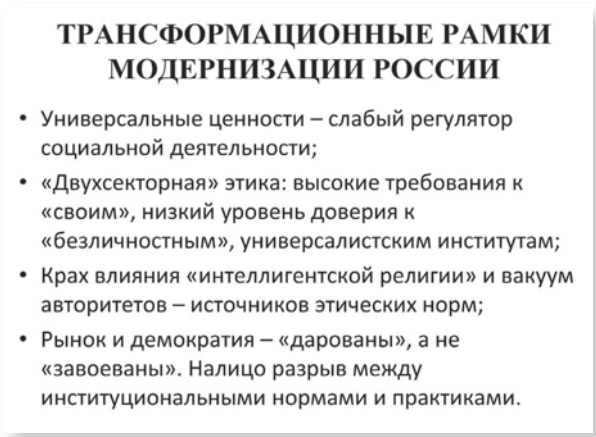
«Великая» Россия — это национальная Россия, четко осознающая свои национальные интересы и ценности. Это — не синоним «большой» России, тем более абстрактной экономики. Каждая страна, каждая нация, конкретна — исторически, культурно, психологически и т.п. И чем больше в ней национальной конкретики — тем больше в ней подлинного величия потому, что величие измеряется не территорией и численностью, а национальным культурным наследием.

«Изменение глобальных» «правил игры», «комфортное место России в мире» определяется прежде всего тем, насколько эти правила и это место соответствуют национальным ценностям России, а не абстрактным свободам и покупательной способности.

То же самое с переходом к инновационному развитию, которое может быть осуществлено на основе национальной традиции и ценностей, либо на основе внешних заимствований. Либералы почему-то полагают, что любая инновация и любое заимствование — благо для нации. Что, на мой взгляд, является большой ошибкой: некоторые инновации и заимствования (прежде всего в области культуры) таковыми не являются. Совсем наоборот.

И. Дискин совершенно справедливо делает выводы из таких рассуждений, с которыми трудно поспорить:

Главный вывод — России нужен модернизационный проект, отвечающий ее специфике, безусловно, во-первых, принципиально верен, а, во-вторых, не отвечает нынешним реалиям, когда «авторы модернизации» пытаются сделать его в соответствии с лучшими (старыми) либеральными традициями.



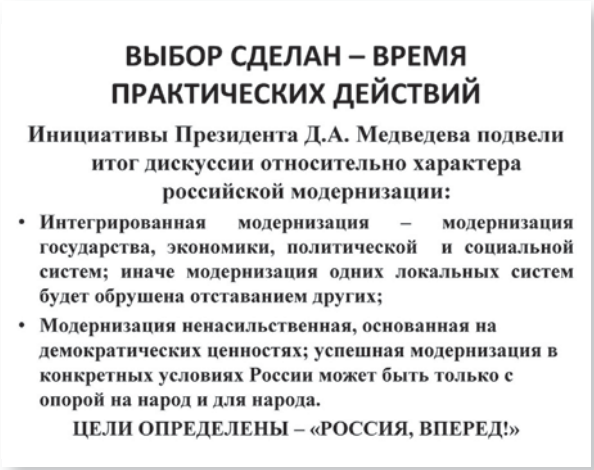
Предложенные И. Дискиным выводы относительно «трансформационных рамок» модернизации России, к сожалению, не учитываются правящим либеральным истеблишментом, хотя именно они многое объясняют в провалах модернизации 2008–2011 годов. Например, «универсальные ценности» действительно являются слабым (я бы даже сказал — никаким) регулятором социальной деятельности. Просто потому, что они разделяются абсолютным меньшинством граждан, а тем более становятся новеденческой нормой.

Трудно возразить И. Дискину, предлагающему свой вариант «национально-демократической модернизации», как и реальные ценности, особенно патриотизм и справедливость.

Главная проблема, по Дискину, — субъект модернизации. И. действительно, мы должны понимать, что главным субъектом модернизации является **нация и общество**, а не технологии и ресурсы. В конечном итоге главный субъект модернизации — НЧП, определяемый национальной и социальной спецификой и измеряемый вполне конкретными количественными критериями — продолжительностью жизни, величиной душевого дохода, количеством ученых, преподавателей, студентов, деятелей культуры и вообще творческих работников.

Это — реальные критерии в оценке эффективности модернизации, а не придуманные макроэкономические показатели. Они в конечном счете дадут и необходимый инновационный эффект — качественно новые товары и услуги, которые конкурентоспособны на мировом рынке и отвечают национальным потребностям.

Вместе с тем, вряд ли можно согласиться с оптимизмом И. Дискина, считающего, что «выбор сделан». Может быть, этот выбор и сделан правящей либеральной элитой, только о нем не знает нация и общество.



10. Человек как главная цель идеологии русского социализма

На первый план в российской политике вновь выходит личность. Люди хотят ассоциировать свой выбор с конкретным человеком и лишь немного — с самым явным в его программе. Это верно и для вроде бы продвинутых слоев общества, связанных с оппозиционными течениями, которые десятилетиями демонстрируют лояльность конкретным вождям своих политических племен»[126].

П. Твердов

Отечественный опыт прошедшего десятилетия показал, что мобилизация не может поддерживаться долго без подкрепления реальными достижениями[127].

И. Дискин

Иосиф Дискин не закончил, на мой взгляд, принципиально важную мысль, а именно: конкретными достижениями в области развития национального человеческого капитала и каждой отдельной личности. Именно этого, как оказалось, и не было к 2011 году. Отчитываясь в апреле 2011 года, В. Путин так и не

смог не только убедить общество в позитивных итогах своей работы, но и предложить внятной программы. Смысл его роли сводился к тому, что «в ближайшие 20 лет все будет то же, делаться так же и теми же людьми»[128]. Смысл своей политики и деятельности Правительства он сформулировал следующим образом: «Нам предстоит найти такие решения, которые дадут России возможность уверенно идти вперед, строить сильную инновационную экономику; каждый год такого развития должен приносить реальные, ощутимые улучшения в жизни граждан; для абсолютного большинства российских семей в этом и заключается смысл нашей политики»[129].

Вроде бы формально все ясно и верно. Тут и «реальные результаты» (только не говорится **какие**), «реальные ощутимые улучшения в жизни граждан для абсолютного большинства российских семей (опять же, не конкретизируя). Вопрос, как всегда, в конкретных цифрах, динамике и тенденциях, которые всегда конкретны. Например, рост МРОТ и прожиточного уровня, которые **в реальных ценах** не увеличиваются. Так, предложенное повышение МРОТ на 6,5% (до 4611 рублей) заведомо отстает от инфляции. Да предыдущее повышение было 1 января 2009 года, т.е. полтора года назад. Но и потом он будет отставать от прожиточного минимума в 6986 рублей[130]. Надо ли говорить, что и первый и второй показатели искусственные, не отражающие реалий. Поэтому декларации В. Путина о „реальных улучшениях“ — совершенно пустые, а заявленную цель никто не собирается реализовывать.

Другой аспект — абстрактность финансирования программ. Так, на улучшение демографической ситуации в ближайшие пять лет выделят полтора триллиона рублей. „Мы приступили к реализации второго этапа концепции демографической политики, рассчитанного на 2011–2015 годы. По нашим предварительным расчетам, в демографические проекты за это время будет вложено порядка полутора триллиона рублей“, — сказал Путин»[131].

Другими словами, любой политике в конечном счете требуется **практический результат, которого нет,** в том числе и прежде всего по отношению к потенциалу человека. Нельзя бесконечно долго говорить о реформах, «объединять нацию», бороться против терроризма, наращивать ВВП, а тем более «проводить модернизацию» и «внедрять инновации» потому, что все эти действия — **процессы**, а не цель. Тем более, **не результаты**. Особенно это относится к модернизации, которая не может быть целью просто потому, что это **процесс**, причем неопределенно растянутый по времени и с не очень ясными результатами.

Реальные же политические результаты действия элиты проявляются не в тактических успехах, о которых скоро забывают (кто сегодня отдает должное В. Путину за стабилизацию ситуации на Кавказе и предотвращение развала России в начале нынешнего века?), а стратегических успехах, подкрепленных позитивной динамикой. Причем, важно подчеркнуть в наиболее важных для **каждого человека** и **всей нации** областях.

В этом смысле идея развития человеческого потенциала, как критерия развития, стала присутствовать в 2000-е годы практически во всех выступлениях В. Путина и Д. Медведева. Но, подчеркну, не как **главная идея**, а, тем более, не как главная цель, а как один из приоритетов.

С точки зрения развития национального человеческого потенциала (НЧП), эта идея была продвинута до уровня регионов. В 2010 году, например, даже в либеральной ГУ-ВШЭ весной состоялась международная научная конференция, посвященная теме «сбережения народа». То есть идеи А. И. Солженицына, которые абсолютно не воспринимались либералами прежде, стали вполне даже обсуждаемыми. Более того, в качестве определения качества жизни автор использовал степень удовлетворения некоторого базового набора материальных и духовных потребностей индивида, характеризуемого, с одной стороны, определенным уровнем благосостояния, с другой — наличием необходимой инфраструктуры и прочих условий для удовлетворения этих потребностей.

Автор предлагает свой индекс качества жизни QL (более подробно см. в докладе), где основными компонентами стали[132]:

Качество жилищных условий, образующееся из:
— наличия коммуникаций;
— состояния жилищного фонда;
— обеспеченности населения жильем;

Величина и распределение доходов, образующаяся из:
— размера индивидуальных доходов;
— равенства в распределении доходов;
— отсутствия бедности;

Миграционная привлекательность региона;

Уровень выживаемости детей в возрасте до одного года;

Безопасность личности;

Развитость рынков услуг;

Продолжительность жизни;

Доступность рабочих мест.

Были проанализированы данные за последние шесть лет: с 2003 по 2008 гг. включительно. Выбор таких хронологических рамок обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, шестилетний период позволяет делать выводы об общих тенденциях развития качества жизни в современной России и ее субъектах. Во-вторых, по оценкам автора, именно с 2003 г. ряд компонент индекса стабилизируется; например, прекращается массовый отток беженцев из Чеченской Республики в соседние регионы.

В итоге проведенных подсчетов так выглядят лучшие и худшие по качеству жизни субъекты Федерации в 2008 г. (табл. 25)

Табл. 25. Значение 1 присваивается региону с наиболее высоким показателем качества жизни

10 регионов с лучшими показателями качества жизни в 2008 г.			10 регионов с худшими показателями качества жизни в 2008 г.		
	Индекс качества жизни 2008 г.	Место в рейтинге 2008 г.		Индекс качества жизни 2008 г.	Место в рейтинге 2008 г.
Москва	79,35	1	Республика Ингушетия	57,55	73
Санкт-Петербург	75,33	2	Иркутская область	57,47	74
Московская область	71,07	3	Еврейская автономная область	57,4	75
Белгородская область	70,14	4	Курганская область	57,34	76
Республика Татарстан	69,3	5	Амурская область	56,69	77
Краснодарский край	**69,01**	**6**	**Забайкальский край**	**55,46**	**78**
Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	68,09	7	Республика Калмыкия	54,99	79
Ямало-Ненецкий авт. округ	67,27	8	Республика Бурятия	54,88	80
Тюменская область	67,25	9	Республика Алтай	54,56	81
Республика Северная Осетия — Алания	67,03	10	Республика Тыва	48,04	82

Примечание: Оценка качества жизни в Чеченской республике не производилась в силу отсутствия данных по некоторым показателям

С точки зрения оценки потенциальных факторов дестабилизации и эффективности государственной политики автор использует комплексный анализ, сочетающий в себе статическую (QL) и динамическую (D4) компоненты. И здесь автор выявляет следующую негативную тенденцию: разрыв в уровне качества жизни между самыми успешными и самыми проблемными регионами, **в целом, растет**. Федеральному центру и властям на местах пока не удается разорвать петлю положительной обратной связи, заложенную в этом процессе. Результаты анализа представлены в табл. 26, отражающей регионы, имеющие низкие оценки качества жизни и отстающие темпы их роста одновременно.

Сразу бросается в глаза тот факт, что в этом неблагополучном списке представлены практически все основные регионы Дальнего Востока. Таким образом, пока что (во всяком случае, по данным на конец 2008 г.) активно декларируемая **политика приоритетного развития дальневосточных территорий практических результатов не принесла**.

На различных этапах развития человечества разные факторы играли разную роль в судьбе наций и народов. Иногда это было зерно, иногда золото, иногда рабы, иногда промышленность, иногда «большие батальоны». Понятно, что чем яснее представляешь себе, какой фактор является на данном этапе решающим, тем значительнее шансы на успех, а иногда и выживание.

Так, в 1980-е годы в СССР упустили значение информационных технологий, которые стали решающим фактором не только экономического, но и социального развития, даже военной мощи (автор, кстати, к себе это не относит. Он пытался обратить внимание руководства страны, писал статьи и книги — безрезультатно). Сегодня для нас принципиально важно вычленить, какой решающий фактор будет в перспективе определять экономическое могущество государства и благополучие нации. В зависимости от этого и должны приниматься важнейшие решения.

На мой взгляд, человек, его потенциал в XXI веке **становятся главной движущей силой развития экономики,** концентрированным выражением национального и государственного могущества. Поэтому все инвестиции в человека, его интеллект и здоровье — физическое и духовное — становятся заранее выгодными для государства и общества. Как минимум, беспроигрышными. Соответственно инвестиции в культуру, образование, духовную сферу следует рассматривать, как минимум, как высокорентабельные экономические инвестиции**.**

Более того, опережающее социально-экономическое развитие в принципе невозможно без пересмотра алгоритма нынешней экономической политики в пользу развития человеческого потенциала.

Здесь полезен и зарубежный опыт. Наиболее эффективная модель оказалась у Китая, что, естест-

Табл. 26.

Субъект РФ	QL 2008	Рейтинг QL 2008	D4	Рейтинг D4
Оренбургская область	62,65	53	-0,1168	57
Смоленская область	61,97	55	-0,0931	51
Красноярский край	61,76	56	-0,1262	59
Новгородская область	61,66	58	-0,2594	69
Архангельская область	61,11	60	-0,1505	60
Хабаровский край	60,93	61	-0,2242	66
Алтайский край	60,77	63	-0,173	64
Приморский край	60,58	64	-0,1183	58
Магаданская область	60,57	65	-0,2093	65
Удмуртская Республика	60,52	66	-0,5664	80
Астраханская область	60,13	67	-0,096	52
Республика Саха (Якутия)	59,78	68	-0,5524	79
Пермский край	59,14	71	-0,3424	74
Республика Марий Эл	58,70	72	-0,501	77
Иркутская область	57,47	74	-0,2845	71
Амурская область	56,69	77	-0,4018	75
Забайкальский край	55,46	78	-0,004	44
Республика Калмыкия	54,99	79	-0,7091	82
Республика Бурятия	54,88	80	-0,3086	72

венно, отразилось и на общих результатах развития этих стран. У Китая, который выбрал концепцию «социальной гармонии». Как справедливо отметил А. Илларионов, «В последние три десятилетия образцом экономического роста выступает не анемичная Европа, а динамичный Китай. Россия отставала от него и в предыдущие десятилетия, продолжает отставать и сейчас. В то время как за 2000–2006 годы российский ВВП вырос на 58%, китайский — на 88%. Если семь лет назад размеры китайской экономики превышали размеры российской впятеро, то сегодня — вшестеро»[133].

Понятно, что «в чистом» виде ни одного из этапов не существует. Даже на информационно-технологическом этапе развития, на котором сегодня находится часть общества и экономики России, значительный объем с/х продукции производится, в т.ч. и на приусадебных участках. Однако если говорить о преимущественных укладах и факторах, влияющих на их развитие, о пропорциях, то мы увидим вполне определенную тенденцию «одушевления», «окультуривания», «очеловечивания» производства. Как, впрочем, и в общественно-политической и государственной жизни.

Известная фраза К. Маркса о том, «что в своей действительной сущности Человек есть совокупность всех общественных отношений», находит свое подтверждение сегодня как в социальном, так и экономическом отношениях. Экономический рост имеет не только техноэкономическое, материальное происхождение, он далеко не полностью определяется, например, масштабами и составом инвестирования

Рис. 29. Главные факторы развития на различных этапах истории человеческого общества

в овеществленный (физический) капитал, развитием технического прогресса, внедрением новой техники и технологии, организацией производства и т.п. Уже в XIX в. основоположники современной экономической науки (А. Смит, К. Маркс, А. Маршалл и др.) установили «решающее значение в экономическом развитии группы нематериальных источников и определили, в частности, характерные признаки этой группы, зависимость ее состояния от соблюдения нормальных условий функционирования и т.п.» По мере общественного развития такое значение становится все более очевидным.

Сама история создания концепции человеческого капитала шла по линии расширения трактовки первоначально предложенного Т. Шульцем и Г. Беккером понятия «инвестиций в человека». Сегодня в него включаются не только расходы на образование, подготовку и переподготовку кадров, но и все другие затраты на воспроизводство рабочей силы. Например, последние расчеты, сделанные экспертами Всемирного банка, включают в него значительную часть потребительских расходов — текущие затраты семей на питание, одежду, жилища, образование, здравоохранение, культуру, а также расходы государства на эти цели. Расчеты этой авторитетной организации, сделанные в целях оценки основных составляющих национального богатства — человеческого капитала, природного капитала и воспроизводимого капитала по основным регионам мира показывают: первый из них составляет в этой структуре от 70 до 76% в Западной Европе и Северной Америке. В России, по оценкам С. Валентея и Л. Нестерова, тот же показатель равнялся 50% (оценки на душу населения), т.е. отстает, как минимум, на треть.

Отношение к человеку, как синтез всех государственных стратегий, может выражаться по-разному. В том числе и как индекс развития человеческого потенциала, и как сумма страховых выплат, например, за гибель авиапассажиров. В США она составляет 2–3 млн долл. за человека. В Европе 300–350 тыс., а в России — 3,8 тыс. долл.[134]. Этот пример также может быть иллюстрацией отношения власти и общества к человеческому капиталу.

Государственная политика в отношении человека, его потенциала наиболее точно выражается государственными расходами на социальные нужды. Общемировая тенденция такова: за последнее десятилетие полностью изменилась структура государственных расходов в пользу социальной сферы, которые, например, в США к 2010 году планируется увеличить до более 50% федерального бюджета.

Важно отметить, что на эту тенденцию по большому счету не влияет то, какая партия приходит к власти. Так, сменивший Т. Блэра Г. Браун в Великобритании поспешил заявить, что приоритетами его политики будут проблемы жилья, здравоохранения и образования[135].

Таким образом, общая тенденция такова: чем более развитое государство, тем большая доля национального богатства приходится на человеческий капитал. Более того, чем больше «тратится» на человека, тем выше темпы развития экономики. Расходы на

Табл. 27. Пять лидеров и пять аутсайдеров промышленного роста

Продукция	Производство в I полугодии 2006 г.	Рост производствапо сравнению с I полугодием 2006 г., %
Турбины гидравлические	931 тыс. кВт	270,0
Турбины паровые	1,1 млн кВт	191,2
Телевизоры	3,1 млн штук	162,1
Производство пива	617 млн дкл	131,4
Трубы и детали трубопроводов	60,1 тыс. т	127,0
Цемент	27,8 млн т	120,7
Вагоны пассажирские	852 шт.	120,2
Газеты	10,1 млрд шт.	119,0
Легковые автомобили	604 тыс. шт.	109,5
Железная руда	51,8 млн т	103,5
Добытая нефть	243 млн т	103,0
Трикотажные изделия	53,6 млн шт.	95,8
Мука	4.7 млн т	95,5
Спички	2,7 млн условных ящиков	93,1
Генераторы к турбинам	2 млн кВт	83,7

Источник: Росстат.

социальные цели перестали быть «платой» за стабильность. Они стали **главным стимулом экономического развития**, а личность человека — **главным фактором** общественного и экономического развития.

И наоборот. Недооценка качества человеческого потенциала как главного инструмента современного экономического развития ведет к деградации структуры экономики. Даже в условиях ее ускоренного роста. Высокие темпы промышленного роста 2007 года, например, обеспечены во многом за счет низкой наукоемкости производимой продукции[136], что видно из следующих данных (табл. 27).

Как видно из приведенных данных, лидерами промышленного роста в первой половине 2007 года стали отрасли (включая «отверточные» — телевизоры и автомобили), не относящиеся к современным наукоемким областям. Их развитие характеризует уровень и состояние экономики страны на индустриальном этапе, т.е. 50 лет тому назад.

И, наоборот. Уровень развития отраслей, связанных с темпами роста человеческого потенциала (образование, медицина, связь, информатика, культура и т.д.), заметно отстает, хотя, учитывая отсталость России, темпы роста могут быть значительными.

Во многом это происходит из-за того, что главные (и, по сути дела, на сегодня единственные) показатели развития экономики не имеют ничего общего с оценкой развития человеческого потенциала. За исключением зарплат и доходов, все они относятся к макроэкономическим показателям. Так, по итогам развития России за первое полугодие 2007 года ситуация выглядела следующим образом[137].

За всеми этими показателями не было видно потенциала человека, его главных показателей, характеризующих потенциал: душевого ВВП (надо пересчитывать), рождаемости, образования, смертности, гибели от несчастных случаев, информвооруженности и т.д. Соответственно и главный фактор экономического развития — человек — остается в тени, становится производным от макроэкономических результатов.

Между тем именно **качество** человеческого потенциала, в том числе российской элиты, в 2007–2010 годы стало основным препятствием в развитии экономики и общества. «Нематериальные» характеристики элиты — культура, образование, нравственность, профессионализм — стали труднопреодолимым препятствием на пути повышения эффективности государственного и местного самоуправления, тем злом, которое почему-то ассоциировалось только с одним проявлением — коррупцией. Коррупцией, которая стала **системой управления страной**. Как справедливо заметила Е. Андреева, «за стремительным развитием технологий им уже вряд ли успеть: **нет желания, а часто и попросту способностей. В силу возраста и тяжелого опыта работы в совершенно иных реалиях все новое в лучшем случае не воспринимается, в худшем — становится источником скрытой агрессии**. Сознание чиновника старого образца не направлено в русло прогресса, а привычно **ориентировано на систему откатов, преференций и личной выгоды**. Изменить сознание таких людей уже фактически невозможно»[138].

Табл. 28. Основные показатели социально-экономического развития за семь месяцев 2007 года

Показатели	Январь — июль 2006 г.	Январь — июль 2007 г.
ВВП, % к соотв. периоду предыдущего года	106,1	107,9
Индекс промышленного производства, % к соотв. периоду предыдущего года	104,2	107,7
Инвестиции в основной капитал, % к соотв. периоду предыдущего года	110,6	122,7
Прирост потребительских цен, %	6,9	6,6
Прирост цен производителей промышленных товаров, %	11,3	15,3
Номинальная начисленная среднемесячная зарплата, руб.	10 029	12 602
Реальная зарплата, % к соотв. периоду предыдущего года	112,6	117,1
Реальные располагаемые денежные доходы, % к соотв. периоду предыдущего года	110,1	111,9
Денежная масса (изменение за период), %	19,6	22,0
Обменный курс, руб. за $1 (средний за период)	27,6	26,0
Индекс реального курса рубля к доллару США, %	110,5	106,3
Экспорт товаров, $ млрд	169,8	186,2
Импорт товаров, $ млрд	83,5	114,7
Золотовалютные резервы (изменение за период), $ млрд	83,459	112,435

Источник: Минэкономразвития

[1] Агора (др.-греч.) — рыночная площадь, являющаяся местом собраний.

[2] *Ремизов М., Межуев Б.* Охота на медведей. 18 апреля 2011. [Эл. ресурс]. URL:http://www.gazeta.ru/comments/

[3] Этому вопросу я уделил специальную главу в одной из работ: Кризис управления как кризис идеологии в современной России // *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 131–170.

[4] *Ремизов М., Межуев Б.* Указ. соч.

[5] *Садовская Ю.* В «Справедливой России» начались брожения // Независима газета. 2011. 19 апреля. С. 1, 3.

[6] Уже в апреле 2011 года Г. Зюганов заявил о своей готовности идти на президентские выборы и озвучил программу, а С. Миронов провел 16 апреля V съезд «Справедливой России». *Бирюкова Л., Корня А.* Ранний старт // Ведомости. 2011. 19 апреля.

[7] «Вытеснение» С. Миронова в мае 2011 года с должности Председателя Совета Федерации можно рассматривать вполне в рамках традиции администрации максимально сконцентрировать в своих руках административные и иные ресурсы. — *Прим. авт.*

[8] Левый дрейф // Независимая газета. 2011. 28 января. С. 2.

[9] *Твердов П.* Уж выбор близится // Независимая газета. НГ-сценарии. 2011. 19 апреля. С. 1.

[10] В основу принципиальной схемы идеологии положена модель профессора МГИМО(У) М. А. Хрусталёва. См., например: *Хрусталёв М. А.* Методология прикладного политического анализа. М.: Проспект, 2010. С. 48.

[11] *Ямпольская Е.* Веселые растеряевские дни // Известия. 2011. 22 апреля. С. 6.

[12] *Герцен А. И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: 1954–1965. Т. 2. С. 57–58.

[13] *Шкода В.* О человеке, который ставил свободу выше Бога // Н. Бердяев. Судьба России: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 5.

[14] *Васильев В.* Простые постулаты будущего // Политический журнал. 2008. 21 февраля. С. 36.

[15] *Медведев Д.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2010. [Эл. ресурс]. URL:http://www.kremlin.ru/transcripts/5979

[16] *Баязитов А.* Депутаты не хотят думать о науке, технологиях и промышленности // Известия. 2011. 11 июля. С. 1.

[17] Президенту РФ Медведеву доверяют 60% россиян. [Эл. ресурс]. URL:http://www.bfm.ru/news/2009/08/22/prezident/

[18] Современная Россия: касты, потребительство и свобода. ВЦИОМ. 16 августа 2010. [Эл. ресурс]. URL:http://wciom.ru/novosti/analitica

[19] *Ихлов Е.* Капитулянты. 30 октября 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://forum-msk.org/material

[20] *Бушуев В. В., Голубев В. С., Тарко А.* Качество жизни и его индексы: мир и Россия. Уровень жизни регионов России. 2010. № 1 (143).

[21] *Торкунов А.* Школа российской идентичности // По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 180

[22] *Линд М.* «Стратегия по-американски». [Эл. ресурс]. URL:http://www.vedomosti.ru

[23] Тезисы сообщения ректора Российского гуманитарного университета Е. И. Пивовара // Материалы к совместному заседанию Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории и Межведомственной комиссии по защите государственной тайны. М.: Кремль, 2010. 7 сентября. С. 1.

[24] Исследование MAR Consult: отношение россиян к платному и бесплатному образованию в России // Новости гуманитарных технологий. 31 марта 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://gtmarket.ru/print/2543

[25] Исследование MAR Consult: отношение россиян к платному и бесплатному образованию в России // Новости гуманитарных технологий. 31 марта 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://gtmarket.ru/print/2543

[26] Исследование MAR Consult: отношение россиян к платному и бесплатному образованию в России // Новости гуманитарных технологий. 31 марта 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://gtmarket.ru/print/2543

[27] Исследование MAR Consult: отношение россиян к платному и бесплатному образованию в России // Новости гуманитарных технологий. 31 марта 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://gtmarket.ru/print/2543

[28] Исследование MAR Consult: отношение россиян к платному и бесплатному образованию в России // Новости гуманитарных технологий. 31 марта 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://gtmarket.ru/print/2543

[29] **Духовный потенциал нации** — *зд.* важная часть национального человеческого потенциала, формирующая нормы морали (отношение индивидуума к обществу) и нравственности (отношение общества к индивидууму). Без духовного потенциала невозможно эффективно реализовать НЧП, превратить его в НЧК. Здесь он рассматривается во многом тождественным социальному капиталу (см. подробнее: приложение № 1). — *Прим. авт.*

[30] Исходная стенографическая запись А. А. Хатунцева выступления товарища И. В. Сталина. Цит. по: *Невежин В. А.* У нашего правительства было немало ошибок… // Мир и политика, 2010. № 5 (44). С. 93.

[31] *Ильин И. А.* Путь к очевидности. М., 1993. С. 96.

[32] *Хрусталёв М. А.* Методология прикладного политического анализа. М.: Проспект, 2010. С. 79.

[33] *Зидентоп Л.* Демократия в Европе / пер. с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С. XLII.

[34] *Боэций*. Утешение философией и другие трактаты / пер. с лат., отв. ред., сост. и автор. закл. ст. Г. Г. Майоров. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2010. С. 5.

[35] Цит. по: Духовно-нравственный потенциал страны. [Эл. ресурс]. URL:http://nasima-stolyarova.narod.ru/potencial.html

[36] См. Российская газета. 2011. 26 апреля. С. 3.

[37] О важности такого стратегического прогноза я не раз писал в 2001–2003 годах. См., в частности: *Подберезкин А., Коровников А.* Россия и глобализация. М.: Финансовый контроль, 2003.

[38] См. подробнее: Духовно-психологический потенциал. Приложение № 1 настоящей работы.

[39] См. например: *Подберезкин А.* Русский Путь. М.: РАУ-Университет, 1999.

[40] См. определение «социальный капитал». Приложение № 1 настоящей работы.

[41] *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. 2-е изд. М.: МГИМО(У) МИД России, 2008. С. 49.

[42] Там же. С. 49–50.

[43] *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. С. 54.

[44] Приоритетные национальные проекты: первые итоги и перспективы реализации: сб. научн. работ / ред. Ю. С. Пивоваров и др. М., 2007. С. 7.

[45] *Зимин Н.* Просто гений // Итоги. 2007. 16 июля. С. 39.

[46] Добавлю, что в начале 90-х годов мы наблюдали откровенные гонения на РПЦ. Создание Всемирного русского собора, в котором я был одним из организаторов, стало ответом на эти действия либеральной элиты. Собор успешно действует и поныне. В те же годы я писал неоднократно, что РПЦ остался единственным органом, функционально работающим на государство. См. Национальная доктрина России. М.: 1994. С. 30.

[47] *Варламов А.* И дух суровый византийства // Независимая газета. 2010. 26 апреля. С. 3.

[48] *Карпенко М., Казанцев В., Иванов А., Подберезкин А.* Приоритетные национальные проекты и новая идеология. М., 2006. С. 91–93.

[49] Социальное положение и уровень жизни современной России 2009: стат. сб. Росстат. М., 2009. С. 283.

[50] В 2011 году численность выпускников школ снизилась на 9% // Независимая газета. 2011. 8 июня.

[51] *Куликов С.* Год Китая в России перестает быть томным // Независимая газета. 2007. 4 июля. С. 4.

[52] *Улюкаев А., Куликов М.* Проблемы денежно-кредитной политики в условиях притока капитала в Россию // Вопросы экономики, 2007. № 7. С. 8.

[53] *Бушуев В. В., Голубев В. С., Тарко А.* Качество жизни и его индексы: мир и Россия // Уровень жизни регионов России. 2010. № 1 (143).

[54] Финляндию признали лучшей в мире страной. Известия. 2010. 17 августа. № 1 (143).

[55] См. подробнее: World`s Best Countries — Categories, Metrics and Methodology. Newsweek, August 15, 2009.

[56] Социологи установили самую счастливую страну в мире. [Эл. ресурс]. URL:http://www.newsru.com/workd/16jul2010/

[57] Fraucesca Levy. The World`s Happiest Countries. [Эл. ресурс]. URL:http://www.forbes.com/2010/07/14/world-happiest-countries

[58] Социальное положение и уровень жизни современной России 2009: стат. сборник. М.: Росстат. 2009. С. 141.

[59] Социальное положение и уровень жизни современной России 2009: стат. сборник. М.: Росстат. 2009. С. 186.

[60] Страны развивающегося Интернета // Коммерсант Власть. 2007. 2 июля. С. 51.

[61] *Гринберг Р.* Между властью и народом — пропасть // Политический журнал, 2007. № 17–18. С. 41.

[62] Зарплаты догнали Восточную Европу // Независимая газета. 2007. 16 июля. С. 4.

[63] *Примаков Е.* Достижения не должны заслонять проблемы // Российская газета. 2011. 14 января. С. 6.

[64] *Гринтерг Р.* Государственное дело // Ведомости. 2007. 5 июля. С. А4.

[65] *Примаков Е.* Достижения не должны заслонять проблемы // Российская газета. 2011. 14 января. С. 6.

[66] *Милов В.* Подарки закончились // Ведомости. 2011. 20 апреля. С. 4.

[67] Деление элиты на «государственников» и «либералов» во многом условное. В ряде случаев «патентованный либерал», как сказал на встрече с МГИМО(У) В. И. Якунин, активно использует государство. И, наоборот государственник» готов идти на действия, которые могут оцениваться как либеральные. Все зависит от ситуации.

[68] *Виноградова Е., Романова Т.* От России ожидают спроса // Ведомости. 2010. 25 августа. С. 1.

[69] *Савиных А.* Отчетный период Владимира Путина // Известия. 2011. 20 апреля. С. 2.

[70] *Малахов А., Ерохина И.* [и др.]. Чип-персоны // Коммерсант. 2010. 25 августа. С. 10.

[71] *Лившиц А.* Третий вариант // Известия. 2010. 25 августа. С. 6.

[72] *Кувшинова О., Кравченко Е.* Кредитор мира // Ведомости. 2011. 15 апреля. С. 3.

[73] *Власов В.* и др. «Роющая деятельность кабана» // Независимая газета. 2007. 11 июля. С. 13.

[74] *Привалов А.* О речи Петра Мамонова // Эксперт, 2007. № 5. С. 10.

[75] *Дидевич А.* День здоровья // Газета. 2007. 19 июля. С. 7.

[76] Коммерсант Власть. 2007. 5 февраля. С. 44.

[77] *Глазьев С.* От стабилизации к развитию? // Политический журнал, 2007. № 17/18. С. 37.

[78] Коммерсант Деньги. 2007. 30 июля. С. 9.

[79] Внутренняя свобода // Ведомости. 2007. 11 июля. С. 1.

[80] *Симонов К.* Консолидация государства: уроки Нового курса // Известия. 2007. 12 февраля. С. 5.

[81] *Мелихов А.* Засуха в головах // Известия. 2010. 25 августа. С. 6.

[82] Коммерсант-Власть. 2007. 5 февраля. С. 44.

[83] *Титов Б.* Мы зависли между социализмом и капитализмом // Известия. 2007. 11 июля. С. 7.

[84] Выступление Д. Медведева на встрече с журналистами в Калининграде 16 июля 2007. [Эл. ресурс]. URL:http://www.nasledie.ru

[85] 90 лет революции // Коммерсант-власть. 2007. 5 февраля. С. 16.

[86] Публичная власть включает в себя не только традиционные институты государства — законодательную, исполнительную и судебную системы власти, — но и местное самоуправление, толчок к развитию которого дала реформа местного самоуправления в первом десятилетии нового века.

[87] *Мень И. В.* Модель правового и социального государства в России: конституционно-правовые аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М.: Институт системного анализа Счетной Палаты РФ. 2010. Октябрь. С. 2.

[88] *Андрианов В. Д.* Бюрократия. Коррупция и эффективность государственного управления: история и современность. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 9.

[89] *Нетреба П.* Петербург теряет эффективность // Коммерсант. 2010. 24 августа. С. 2.

[90] *Костиков В.* А что, если Путин? // АиФ, 2007. № 35. С. 6.

[91] *Игнатьева Ю.* На что потратить триллион // Известия. 2007. 29 августа. С. 6.

[92] См. подробнее: *Подберезкин А. И., Абакумов С. А.* Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития. М.: «Имидж-Пресс». 2004.

[93] *Пивоваров Ю.* Почему у России особый путь // Комсомольская правда». 2010. 28 августа. С. 1, 3.

[94] Я писал об этом не раз. Как и о том, что государство не должно ограничиваться резкими попытками развивать такие процессы. Создание Общественной палаты, выделение средств НКО, дебюрократизация политических процессов — очень скромные результаты такой деятельности. См. подробнее: Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России. М.; СПб, 2005. С. 296.

[95] *Митрофанов С.* Фантомы постпутинского сознания // Политический журнал. 2008. 10 марта. С. 27.

[96] *Быков Д.* К нам едет, едет, едет // Известия. 2011. 19 апреля. С. 6.

[97] См. подробнее: Устойчивое соединение. Экономика // Российская газета. 2010. 12 мая.

[98] Российская газета. 2010. 12 мая.

[99] *Силаев Н.* Планктон публичной политики // МГИМО(У). 23 августа 2010. [Эл. ресурс]. URL:www.mgimo.ru/news/experts/document161687.phtml

[100] *Торкунов А.* Российская модель демократии и современное глобальное управление // По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 47.

[101] Исследование Freedom House: Страны переходного периода в 2010 году // Новости гуманитарных технологий. 30 июня 2010 г. URL:http://gmarket.ru/print/2581

[102] Исследование Freedom House: Страны переходного периода в 2010 году// Новости гуманитарных технологий. 30 июня 2010 г. URL:http://gmarket.ru/print/2581

[103] *Медведев Д.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2010. [Эл. ресурс]. URL:http://www.kremlin.ru/transcripts/5979

[104] Исследование Freedom House: Страны переходного периода в 2010 году // Новости гуманитарных технологий. 30 июня 2010 г. URL:http://gmarket.ru/print/2581

[105] *Семенов Я., Рушайло П.* Помехи высшего порядка // Коммерсант-Деньги. 2007. 9 июля. С. 10.

[106] *Копылов А.* Помех все больше // Ведомости. 2007. 28 июня. С. А3.

[107] См. подробнее: *Подберезкин А. И., Карпенко М. П.* XXI век: стратегия для России. М.: ПСС, 2005. С. 87–95.

[108] См. подробнее: *Булатов Ю. А., Мунтян М. А., Подберезкин А. И.* и др. Современная Россия: на пути удвоения ВВП. М.: Научная книга, 2004. С. 157–162.

[109] *Крутько Е.* Гражданское общество в современной России: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы политической теории: сборник научных работ кафедры политической теории. Вып. 1. М.: МГИМО, 2003. С. 16–37.

[110] Россия не попала в социальные сети // Коммерсант Власть. 2007. 16 июля. С. 53.

[111] См., подробнее: *Константинов И.* «Демократическая» угроза и суверенная демократия» // Красная Звезда. 2007. 14 апреля. С. 3.

[112] См.: Водородная экономика: взгляд венчурного инвестора. М.: Харлем, 2007.

[113] *Пятигорский А.* Что такое политическая философия: размышления и соображения. М.: Европа, 2007. С. 54.

[114] *Орлов Д.* Новый русский век и суверенная демократия // Независимая газета. 2007. 13 июля. С. 7.

[115] *Гордеев Я., Самарина А.* Кавказ 2011–2012 // Независимая газета. 2011. 25 апреля. С. 1, 3.

[116] *Солоневич И.* Народная монархия // Буэнос-Айрес, изд-во Наша страна, 1973. URL:http://www.netda.ru/belka/texty

[117] См. подробнее: *Воробьевский Ю.* Третий Акт. С. 315–317.

[118] Как пишет известный европейский социолог У. Бек, «Мир национального изо всех сил отторгает уроки космополитизации, противостоит обучению, отказывается от ее восприятия...». См.: *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследования постиндустриального общества, 2008. С. 152.

[119] *Граник И.* Экономический прагматизм не перевесит человеческий драматизм // Коммерсант. 2010. 27 мая. С. 3.

[120] *Сметанина С.* В Академии наук ищут формулу счастья // Известия. 2011. 25 апреля. С. 3.

[121] *Орлов Д.* Новый русский век и суверенная демократия // Независимая газета. 2007. 13 июля. С. 7.

[122] *Рассадин С. Б.* Евангелие от лукавого // Новая газета. 2007. № 66. С. 21.

[123] Это важно // Известия. 2011. 9 июня. С. 1.

[124] Здесь отчетливо прослеживается историческая традиция. Как справедливо пишет академик А. Торкунов, «…верность религиозному выбору.., призвана была…обеспечить преемственность национальной идентичности русского народа…» // По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 170.

[125] *Дискин И.* Российская модернизация: социально-институциональное измерение. Доклад на научном совете ВЦИОМ. 2010. 10 февраля.

[126] *Твердов П.* Уж выбор близится // Независимая газета. НГ-сценарии. 2011. 19 апреля. С. 1.

[127] *Дискин И.* Модернизация российского общества и социальный капитал // Мониторнирг общественного мнения, 2003. Сентябрь–декабрь. № 56 (67–68). С. 16.

[128] См., например: *Путин В.* Отчет о деятельности Правительства Государственной Думы РФ. 20 апреля 2011 г. URL:http://premier.gov.ru

[129] *Путин В. В.* Выступление В. В. Путина на заседании Государственной Думы РФ. 20 апреля 2011 г. URL:http://premier.gov.ru/events/news/

[130] *Кривошапко Ю.* Депутатский минимум // Известия, 22 апреля 2011. С. 3.

[131] Доклад Путина: больше всего денег потратят на демографию. 20 февраля 2011 г. URL:http://www.novopol.ru/-doklad-putina …

[132] *Церевитинова В.* Регионы: качество жизни: экспертный канал «Открытая экономика». 14 апреля 2010 г. URL:http://www.opec.ru/1243239.html

[133] *Илларионов А.* Силовая модель государства: предварительные итоги // Коммерсант. 2007. 2 апреля. С. 2.

[134] *Рачева Е.* Прерванный полет // Новая газета. 2007. № 52. С. 17.

[135] *Химшиашвили П.* Доступное британское жилье // Газета. 2007. 12 июля. С. 2.

[136] Сергей Иванов разделил экономику на реальную и мнимую // Газета. 2007. 19 июля. С. 11.

[137] *Смирнов К.* Разномонетарная инфляция // Газета. 2007. 30 августа. С. 11.

[138] *Андреева Е.* Голод кадров при сытых чиновниках // Независимая газета. 2010. 26 апреля. С. 5.

Глава 4

Принципы[1], нормы[2] и идеологемы[3] русского социализма[4]

Главная политическая проблема, которую «нулевые» передадут «десятым», — кризис легитимности либеральной власти. Либерализм и все избирательные процедуры теряют легитимность в глазах народа, и статус либеральных элит начинает все более поддерживаться только СМИ и пиар-технологиями[5].
М. Шевченко

Стало очевидно: нельзя упустить время для модернизации России, без которой ей не сохранить себя в жесткой мировой конкуренции[6].
Д. Медведев

На фоне лихорадочных попыток неолибералов в 2010–2011 годах вернуть себе политическую инициативу и легитимность провалившихся концепций модернизации 2008–2011 годов, возникает вопрос о реальной альтернативе, которая находилась бы **вне либеральной традиции**. Подобная политико-идеологическая альтернатива должна, в отличие от прежней либеральной, иметь внятные цели, принципы и идеологемы, т.е. представлять собой **систему взглядов**, а не хаотичный набор идей. Систему — понятную всем, а не избранной части либеральной элиты.

Такая политико-идеологическая альтернатива в виде идеологии русского социализма должна:

— **заменить** либеральную традицию, которая сегодня в двух своих формах — консервативной и прогрессивной — выступает идеологической монополией правящей либеральной элиты;
— **дать основание** для разработки долгосрочной стратегии национального развития, а не заменять ее частной, «скорректированной» «Стратегией–2020»;
— предложить нации внятные долгосрочные цели и задачи развития;
— перераспределить в соответствии с этими целями и задачами национальные ресурсы;
— четко определить приоритеты развития, прежде всего приоритет развития НЧП.

Как видно из рис. 1, вся идеология по большому счету состоит из принципов (универсальных и частных), норм (ограничивающих принципы) и идеологем, выражающих основные принципы и нормы в упрощенно-пропагандистской форме. Как видно из рисунка, нормы значительно уже принципов. Что вполне естественно, ведь нормы ограничивают принципы временными, политическими, социокультурными и иными условиями. Так, принцип социальной справедливости в России ограничен — политически, экономически, социально — различными нормами, действующими де-факто и де-юре в стране.

На самом верху этой пирамиды находится главная цель. Применительно к идеологии русского социализма — это **развитие национального человеческого потенциала**, создание максимально благоприятных внешних и внутренних условий для самореализации человеческой личности.

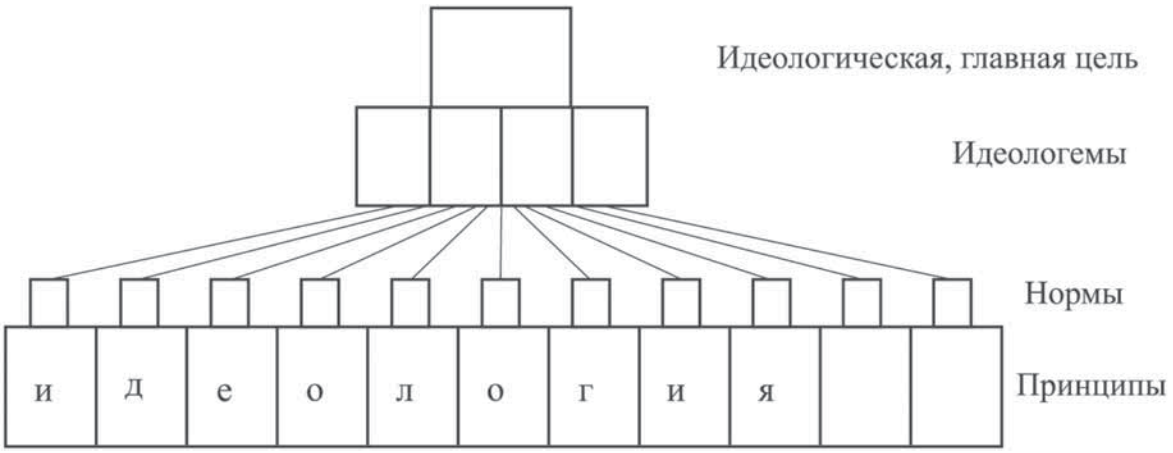


Рис. 1.

Ниже главной цели расположены идеологемы, конкретизирующие задачи развития и раскрывающие содержание главной цели.

Еще ниже — нормы и принципы идеологии, которые выполняют на практике важнейшие функции идеологического управления.

1. Идеология русского социализма как система принципов[7] и норм[8]

Современный опыт наиболее динамично развивающихся стран — Китая, Индии, а до этого Японии — доказывает, чтов эпоху глобализации добиваются наиболее значимых результатов те страны, которые сумели синтезировать быстрое внедрение инноваций и достижений всего человечества на свою национальную почву, сохранив традицию и идентичность[9].

А. Подберезкин

На национальном уровне левые партии ведут активный поиск национальных моделей социального государства отвечающих требованиям времени[10].

С. Миронов

Проблема принципов и норм в идеологии имеет конкретно-прикладной политический характер. Именно принципы и нормы превращают идеологию из набора идей в устойчивую идеологическую систему, политический инструмент управления. Именно принципы и нормы позволяют четко идентифицировать одну идеологию от другой. Наконец, именно принципы и нормы современной идеологии позволяют синтезировать те или иные идеи в новое качество.

Изначально важно понять, что идеология как устойчивая система взглядов состоит из принципов и норм — понятий, очень близких друг к другу, но не идентичных. Нормы конкретизируют принципы идеологии применительно к действительности, определяют границы их применения.

Так, принцип социальной справедливости в разное время и в разных странах конкретизируется конкретными нормами, определяющими границы этого принципа. Например, сегодня в России ведутся споры о тождественности понятий равенства и социальной справедливости в экономической области, что, безусловно, актуально для социально ориентированной рыночной экономики.

Важно также понимать, что идеология, как система относительно **устоявшихся** взглядов **части** общества (элиты), представляет собой некую **совокупность идей**, принципов, норм, идеологем[11], определяющих отношения **внутри общества и между нациями и государствами**. Последнее обстоятельство очень важно, ибо иногда, в т.ч. благодаря заявлениям политиков и дипломатов, говорят об отсутствии идеологии во внешней политике, заменяя ее прагматизмом. На самом деле, идеология никуда не исчезает, более того, во внешней политики она сильна как нигде, Просто заявления о «деидеологизации» внешней политики призваны зафиксировать позицию правящей элиты страны, готовой к диалогу с разными политико-идеологическими режимами. Не более того.

Кроме того, напомню, идеология несет в себе функцию регулирования взаимоотношений, т.е. выполняет функцию управления.

Следует сделать существенно важное замечание. В последние годы появилось множество различных теорий управления общественными и экономическими процессами, которые, к сожалению, механически переносят законы природы (в том числе живой),

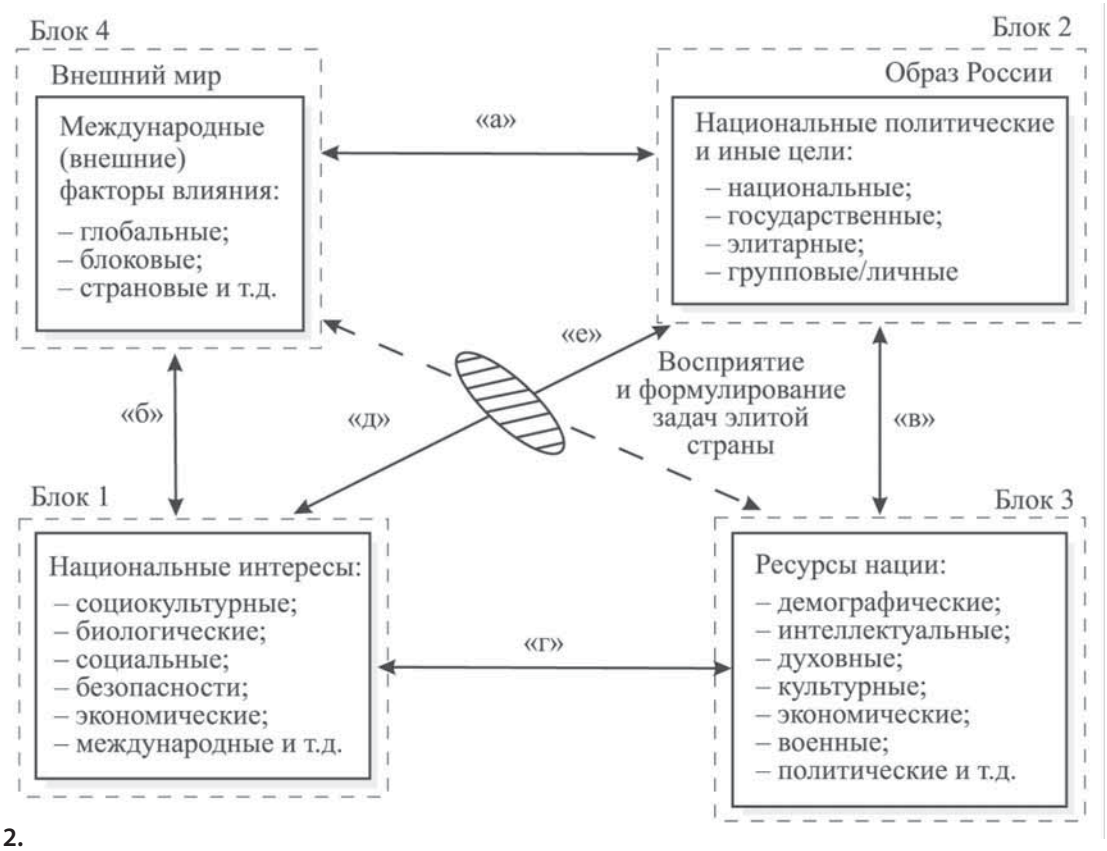


Рис. 2.

Табл. 1. Социально-консервативная идеология как система принципов и норм

Объективные реалии	Субъективные представления сторонников социально-консервативной идеологии	Принципы, правила и нормы (регулирующие границы применения)	Идеологемы, пропагандистские приемы	Политическая практика
Национальные ценности и приоритеты, традиции	Сохранение и развитие	Консерватизм, (норма — изменение в целях сохранения)	Особый путь России	Самобытная политическая, экономическая и социальная системы
Национальные интересы — —	Признание приоритета национальных интересов над международными, региональными и личными	Принцип суверенитета и территориальной целостности (норма — в пределах существующего международного права)	«Суверенная демократия»	Президентская власть, назначение губернаторов и т.д.)
Национальные ресурсы — —	Приоритетное использование НЧП	В интересах развития нации (норма — в интересах всего общества)	«Энергетическая империя», «модернизация», «инновации»	Инерционная политика экстенсивного использования природных ресурсов
Международные реалии — —	Синтез национальных ценностей и реалий глобализации	Интеграция в международную систему разделения труда (норма — на приемлемых условиях)	«Международная безопасность», «прочный мир», «международное сотрудничество»	Создание благоприятных условий для модернизации

формальной логики, права и других областей человеческой и природной жизнедеятельности на общество и экономику. Как правило, эти концепции не имеют реального практического значения. Хуже того, — наносят вред системе общественного и государственного управления, если их пытаются применить на практике. К сожалению, за последние десятилетия сложилось ошибочное представление о том, что политикой и обществоведением могут заниматься профессионалы из других областей, которые механически переносят свои знания и методы на общественные науки. Так, например, специалист в области системного анализа С. Я. Куриц (в соавторстве с В. П. Воробьевым) опубликовал книгу «Болезни государства. Диагностика патологий системы государственного управления и права (диагностика патологий права, наверное, заслуга В. П. Воробьева — *А. П.*)[12]: монография. М., 2009 г., где «используется метод диагностики болезней», который «впервые применен к системе управления государством».

Понятно, что идеологию, **как систему**, можно и необходимо попытаться формализовать. Такой идеальной попыткой в химии было создание периодической системы элементов Менделеева. Это в полной мере относится к социально-консервативной идеологии, которую также можно формализовать, как минимум, в интересах анализа.

Возвращаясь к известной схеме идеологии (рис. 2), можно выделить ее отдельные блоки, которые субъективно воспринимаются правящей элитой той или иной страны. Из этой схемы видно, что главный блок — национальные интересы и ценности (Блок 1), представляющий объективную реальность, преломляясь через идеологические (субъективные) представления элиты, превращается в политические цели (Блок 2). Элита также очень субъективно оценивает ресурсы (Блок 3) и международные реалии (Блок 4). Причем не прямо, а косвенно, — через интересы и ценности и идеологические цели. Мы видим, что как ресурсы, так и международные реалии не являются абсолютными: они относительны.

Идеология русского социализма может в упрощенной форме, как **простая система**, быть изложена в следующей матрице (табл. 1).

Теоретически, строго говоря, из существующих в мире влиятельных идеологий — либерализма, консерватизма, социализма — для России предстояло так или иначе выбрать одну из них, либо одну из их разновидностей[13]. При том условии, что для них были бы объективные предпосылки. Если, конечно же, не учитывать возможность возврата к чисто традиционалистским идеологиям, базирующимся на религии (хотя, учитывая мировой опыт и опыт некоторых бывших советских республик, исключать этот вариант полностью нельзя), или национализму, который, строго говоря, не является только идеологией, но, скорее, связан с политическими действиями. Нередко — спекулятивного характера[14].

Но в том-то и дело, что в чистом виде ни для коммунистической, ни для консервативной, ни для либеральной идеологии в сегодняшней России серьезных предпосылок нет. Более того, как уже было показано выше, объективные тенденции мирового развития очевидно направлены в сторону некого нового идеологического синтеза. Мировой опыт, кстати, также свидетельствует в пользу этого вывода.

Вызвано это вполне объективными, даже прагматичными причинами. Современный опыт наиболее динамично развивающихся стран — Китая, Индии, а до этого Японии — доказывает, что в эпоху глобализации те страны, которые сумели синтезировать быстрое внедрение инноваций и достижений всего человечества на свою национальную почву, сохранив традицию и идентичность, включая суверенитет, добиваются наиболее значимых результатов.

Тем не менее, для того, чтобы выделить социально-консервативную идеологию надо, как минимум, отказаться от принципов других идеологий.

Фундаментальные (всеобщие) принципы либерализма, например, включают индивидуальные права (на жизнь, личную свободу и собственность); равные права и всеобщее равенство перед законом; свободную рыночную экономику; правительство, избираемое на честных выборах; прозрачность государственной власти. Функция государственной власти при этом сводится к минимуму, необходимому для обеспечения этих принципов. Современный либерализм также отдаёт предпочтение открытому обществу, основанному на плюрализме и демократическом управлении государством, при условии защиты права меньшинства и отдельных граждан[15].

В этой связи возникает вопрос: какие из этих принципов могут стать принципами социального консерватизма, а какие не подходят? И до какой степени, нормы? При этом следует иметь в виду, что часть этих всеобщих принципов в реальности уже стала частными принципами (например, роль государства).

Надо сказать, что роль принципов в идеологии чрезвычайно важна. Достаточно вспомнить идеологию «Трех народных принципов», разработанную Сунь Ятсеном. Или основные пять принципов идеологии нацистов (вера в превосходство одной расы; что это превосходство имеет биологическую природу; идея превращения биологического превосходства в «высшую цивилизацию»; вера в законность господства одной расы над другой; наконец, вера в существование «чистых» рас).

Вот почему выделение идеологических принципов крайне важно: они составляют мировоззренческую **основу** для субъективного восприятия обществом существующих реалий, т.е. во многом предопределяют формирование идеологии как системы. Схематично это можно выразить следующим образом (рис. 3).

Рис. 3.

На рисунке видно, что весь процесс формирования идеологической системы протекает через некие идеологические принципы (штампы), а затем переходит в политическую и социально-экономическую область.

Вот и в России неизбежно предстоит выработать идеологические принципы, на базе которых сформируется идеологическая система, отражающая позицию правящего класса и базис для системы управления государством, обществом, экономикой.

Эта идеология может носить вполне условное название, например, социальный консерватизм или русский социализм, которое, однако, должно отражать суть современных процессов в своих принципиальных идеологических положениях. Без них любая идеология перестает быть системой взглядов и превращается в набор идей.

2. Принцип и норма синтеза традиций и инноваций[16]

Государственное регулирование исторической науки и политики осуществляется с той или иной степенью интенсивности практически повсеместно[17].

В. Титов,
заместитель министра
иностранных дел России

Не вера, не идея изменились, но мир и люди изменили этой вере и этой идее. И от этого меняются суждения о мировых соотношениях[18].

Н. Бердяев

Проблема синтеза научных знаний и веры, традиций и инноваций — одна из важнейших в идеологии русского социализма. Из теоретической, даже метафизической она стала конкретной политической проблемой где-то в 2006–2007 годах, когда Россия, восстановив государственность и преодолев острейший кризис, должна была перейти от политики стабилизации к политике развития. Именно в то время Россия стала «другой страной»[19], превратившись из страны-должника в страну-кредитора, из страны с размытым суверенитетом в государство, которое пишет свое уникальное место в мире.

С тех пор ведутся ожесточенные идеологические споры. Различные вектора в идеологии — традиционалисты, коммунисты, либералы противопоставляют свои идеологии и их разновидности принципу синтеза традиций и инноваций. К сожалению, стратегия опережающего развития–2020, как и все основополагающие выступления Д. Медведева 2008–2011 годов, направленные на модернизацию, также отрицают этот принцип.

Принцип синтеза национальных традиций и международных реалий и инноваций — один из ключевых принципов социально-консервативной идеологии и политики. Этот фундаментальный принцип в эпоху глобализации позволяет решить две стратегические задачи.

Во-первых, сохранить в эпоху глобализации национальную идентичность, т.е. собственно нацию, а в конечном счете — правильно понимаемые национальные интересы и ценности, не потерять суверенитет и национальные особенности, главное условие сохранения нации, государства. Особенно это важно для сохранения культурного и духовного наследия, системы национальных ценностей.

Этот принцип крайне важен именно сегодня, когда глобализация ведет к полной или частичной утрате национальной идентичности и сознательной (или неосознанной) передаче части суверенитета. Такие процессы проходят повсеместно, но особенно активно в тех странах, где элита сознательно игнорирует традиции. Как правило, это развивающиеся страны, стремящиеся слепо копировать либеральные традиции. Как, например, Россия, где «теперешние разговоры о культуре ведь не могут заменить саму культуру. **Возникло целое поколение полностью глухих к культуре людей, не считывающих коды этой самой культуры — русской или не русской …** Никакой! И одними заклинаниями дело не исправить»[20].

Или — и это следует особо подчеркнуть — в тех странах, где сильная культура, духовность, история, традиции способны обеспечить национальную идентичность и суверенитет, независимость во внешней политике. Это — тоже относится к России.

Необходимо помнить, что история, культура, духовность являются важнейшими ресурсами

Табл. 2. Структура мирового ВВП по отраслям производства (в %, в ценах и по ППС 1995 г.)

Год	ВВП	Сельское, лесное и рыбное хозяйство	Промышленность	Строительство	Сфера услуг
1950	100	15,4	27,1	8,1	49,5
1980	100	9,1	28,0	6,5	56,4
1990	100	9,4	26,1	5,9	58,6
2003	100	7,7	26,0	5,8	60,5

развития нации, если, конечно, к ним соответственно относиться. Особенно в эпоху «фазового перехода», когда эти ценности начинают занимать приоритетное значение для развития. Не случайно «взрывы пассионарности» на арабском востоке в 2011 году совпали и были во многом инициированы исламским фундаментализмом. Как справедливо заметил В. Иноземцев, «самый главный вопрос, который встает сегодня перед любым аналитиком, … какой тренд окажется более сильным: тренд на усиление глобализации и распространение либеральных ценностей… или „суверенистский" тренд…»[21].

Россия, обладая древнейшей историей и культурой, является и старейшим государством Европы, чьи ценности и традиции (в т.ч. демократические и христианские) имеют огромное значение не только для мировой культуры, но и для оригинального пути ее развития[22].

Так, в Европе, вслед за процессами интеграции 1960–1980 годов, наступил период, когда государства стали передавать часть своего суверенитета органам Евросоюза, — сначала в области финансов, экономики, — а после лиссабонских соглашений 2009 года — и в политической области. С 2010 года можно говорить о том, что Европа (сначала Западная, а затем, с 2009 года и Центральная и часть Восточной) превратилась в конфедерацию, которая эволюционизирует в политическую федерацию.

Аналогичные, хотя и менее очевидные, процессы идут и в других регионах, где формируются региональные и межрегиональные экономические, финансовые и торговые объединения и международные институты.

Отчасти эти объективные процессы неизбежны, но вопросы о соотношении суверенитета и национальной идентичности беспокоят все государства, ведь наиболее сильные государства — участники этих процессов неизбежно начинают диктовать свои правила, нормы, перенося свои ценности в другие государства.

Россия в этой связи стоит перед трудным выбором. Интеграция в Евросоюз, которая может стать реальностью и даже неизбежностью, приведет не только к потере части суверенитета (без чего такая интеграция уже невозможна), но и к потере национальной идентичности, размыванию и исчезновению нации.

Во-вторых, опережающее научно-техническое, культурное, неополитическое и социально-политическое развитие невозможно без опоры на национальные, базовые ценности, включая национальную культуру, науку и образования. Заимствования из-за рубежа, понимаемая примитивно модернизация — это всегда повторение, причем на чужих условиях и с опозданием, пройденного пути, т.е. это **всегда догоняющий вариант развития**.

Традиции, не будучи адаптированы к реалиям, превращаются лишь в объекты исторических исследований.

Изменения в политической, экономической и общественной жизни, которые произошли в последние 100 лет, можно назвать не только радикальными, но и системными. Это хорошо видно на примере изменения структуры мирового ВВП во второй половине XX века[23].

Главное структурное преобразование последних десятилетий — изменение соотношения между материальным производством (первичным и вторичным секторами) и сферой услуг (третичным сектором). Чем выше уровень социально-экономического развития, тем больше доля услуг в структуре экономики.

Кризис традиционных идеологий, с одной стороны, и очевидный успех государств, сумевших синтезировать результаты глобализации с национальной традицией, с другой, свидетельствует в пользу того, что новая идеология является продуктом реалистического, прагматичного подхода правящих элит к современным реалиям[24]. В данном случае идеология выступает следствием осмысления в развитии объективных процессов, если, конечно, правящий класс той или иной страны может гарантировать политико-идеологическое невмешательство в ход естественных процессов. Так было, например, в Японии в 1960–1970-е годы, когда правящие круги государства сохранили основы своей идентичности, несмотря на очевидные уступки внешнеполитического характера в пользу США.

Не следует думать, что синтез традиций и модернизация прошел безболезненно, или этот процесс окончательно завершился. Как замечает специалист по Японии, профессор МГИМО(У)С. В. Чугров, «…люди постепенно привыкают к новации, и она становится частью традиции, которую теснят новые новации»[25]. Но этот процесс идет бережно. Тем более, никто искусственно не заставляет нацию отказываться от ее фундаментальных ценностей. Так было в последние десятилетия в Китае и Индии, чьи правящие элиты супербережно, даже трепетно, от-

носились к сохранению национальной специфики. Именно это обстоятельство, вкупе с суверенитетом, строго охраняемым при любых обстоятельствах, позволили проводить национально ориентированную политику. Как промышленную, финансовую, так и социально-экономическую.

Ни Япония, ни Китай, ни Индия не позволяли ни при каких обстоятельствах навязывать себе чужие ценности и принципы. Любое их проникновение «переваривалось» национальными культурами с очевидной поддержкой всего спектра национальных элит. Именно этим объясняется, что классический марксизм-коммунизм так и не прижился не только в Японии и Индии, но и Китае, даже когда там господствовала КПК во всех сферах.

Не прижился и либерализм. Во всяком случае, тот неолиберализм, который приводил к унификации социокультурной и экономической жизни других стран мира.

Поиск идеологий в России в той или иной мере сочетался с православной традицией. Даже при коммунистах. Только в начале 90-х годов российская неолибералы идеологически и политически попытались дискредитировать православие. Позже их попытки прекратили носить системный характер, стали спорадическими, но отнюдь не прекратились. В целом все идеологии и идеологи, включая консервативную часть либеральной элиты, вполне терпимо, даже с симпатией относились к православию и РПЦ. За исключением маргиналов и части неолибералов-западников, агрессивно проповедовавшей секуляризм.

Но и РПЦ, хотя и неофициально, поддерживала государнические идеи (что для нее исторически традиционно) и идеи социальной справедливости, хотя и не стремилась к тому, чтобы занять левую идеологическую нишу. «Само слово «идеология» Патриарх Кирилл использует неохотно, однако его **доктрину трудно определить иначе как идеологическую**. Как известно, идеология — это определенный комплекс представлений, призванный служить инструментом воздействия на массовое сознание. «Иногда говорят, что страна не может жить без идеологии, что непременно нужна идеология, — в частности, поделился Патриарх своими размышлениями во время визита в Краснодар в конце прошлого года. — Я задал себе вопрос: так ли это? И подумал — это неправда. Нам не нужно больше никакой идеологии. **У нашего народа есть сильная, ясная христианская система ценностей». Патриаршее недовольство, очевидно, направлено не против идеологии как таковой, а лишь против секулярных ее форм, место которых должно занять православие**: «Религиозное мировоззрение может стать реальной альтернативой и попкультуре, и идеологии»[26].

Но и развитые страны Запада тщательно оберегают свою национальную традицию, в том числе и при помощи государства. Показательны примеры, которые привел заместитель министра иностранных дел В. Г. Титов на заседании президентской Комиссии 28 августа 2009 года[27]. В частности, он сказал, что весьма изощренным образом государство вмешивается в сферу истории в такой стране, как США, которые фактически задают тональность кампаниям исторического ревизионизма, в т.ч. антироссийской направленности. В этой стране в процесс интерпретации истории в той или иной степени вовлечены практически все органы исполнительной власти, имеющие отношение к формированию и обнародованию позиции руководства страны. Заметную роль играет Конгресс, который создает специальные комиссии для изучения конкретных исторических сюжетов, привлекая к их работе научные организации и отдельных ученых … Подразделения публичной дипломатии, занимающиеся исторической проблематикой, имеются в администрации президента и в Государственном департаменте. С помощью системы правительственных грантов к этой деятельности привлекаются также различные общественные и частные исследовательские центры. Мощная пропаганда своего понимания истории ведется американцами на практически всемирную аудиторию с помощью обширной сети различных пропагандистских структур, использующих самые современные средства телекоммуникации и печати.

В западноевропейских странах имеется множество различных окологосударственных и общественных организаций, зачастую, с государственной административной и финансовой подпиткой, которые дают соответствующие рекомендации руководству своих стран. Это характерно, в частности, для Англии, Франции, Австрии, ФРГ.

В Дании в 2001 году была учреждена комиссия «независимых экспертов, подготовившая в 2006 году «Исторический канон» — рамочный документ из 26 пунктов с перечнем значимых для Дании исторических событий и их «правильной» трактовки. Действует также датский Центр по изучению истории «холодной войны» и «мозг» внешнеполитической службы — Датский институт международных исследований. Они имеют формально независимый статус, но финансируются государством.

В Испании в декабре 2007 года был принят «Закон об исторической памяти», призванный увековечить память жертв гражданской войны 1936–1939 гг. и франкистского режима. Закон не предусматривает создание национального органа или комиссии по его реализации. Вместе с тем, в соответствии с законом, на базе созданного в 1999 г. Генерального архива гражданской войны учрежден единый документальный центр памяти. Все граждане Испании могут внести свой вклад в пополнение его материалами и документами, иметь к ним свободный доступ. В целях проведения научных исследований, касающихся гражданской войны и диктатуры Франко, предусматривается выделение помощи ученым и исследователям в виде стипендий и премий.

В Англии субсидирование исторических исследований, проводящихся преимущественно в научных центрах при университетах, осуществляется Министерством по вопросам бизнеса, инноваций и профессионального образования. Непосредственно распределение грантов проводится на конкурсной основе государственными Исследовательским советом по искусству и гуманитарным наукам и Советом по экономическим и социальным наукам в соответствии с заявками, ежегодно получаемыми от научных коллективов и отдельных ученых. Акцент делается на изучении политической, социальной, экономической истории, истории философии, юриспруденции и международных отношений.

В ФРГ головным органом, курирующим сферу исторических исследований и обеспечивающим ее государственное субсидирование, является Ведомство Уполномоченного Правительства ФРГ по делам культуры и СМИ. Стимулирование и финансирование конкретных проектов осуществляется через профильные фонды. За годы своего существования Ведомство приобрело репутацию «блюстителя исторической чистоты», пресекая попытки вырваться за рамки официально признанных трактовок и оценок.

В этой связи представляется, что главная проблема России при ее переходе от социалистической модели развития заключалась в том, что, имея огромную силу традиции (в т.ч. советской), фантастическое культурное и духовное наследие, она не смогла совместить эти реальные ценности с реалиями глобализирующегося мира. Предложенная в начале 90-х годов неолиберальная модель, как чужая одежда, не подходила ни по размеру, ни по сезону.

Более того, реальные (оригинальные, передовые, качественные) ценности современной экономики знаний — научные, образовательные, культурные, информационные и иные продукты и услуги — могут создаваться только на национальной почве. Все остальное будет заимствование, компиляция, продукт «второй свежести». Причем, чем глубже история, национальная культура, тем выше качество, «технологичность» создаваемого продукта. Поэтому, анализируя сегодня недавнее советское и российское прошлое, можно сказать, что СССР был лучше многих других стран в 1980-е годы готов к новому этапу научно-технической революции. Объективно у него имелись не только советские, но и русские сильные научные школы, оригинальные технологии и огромное культурное и духовное наследие.

Все это можно было бы относительно легко и эффективно синтезировать с достижениями наступающей глобализации. Те же лазерные и нанотехнологии, существовавшие в СССР в 1980-е годы, были абсолютно оригинальны. Как, впрочем, и математическая школа и весь спектр фундаментальных наук. Напомню, что в начале 1980-х годов только СССР и США могли одновременно развивать все основные направления научно-технического прогресса.

Для того чтобы такой синтез произошел, правящей партийной элите (как и китайской) нужно было только отказаться от коммунистических догм, игнорирующих как национальную традицию, так и современные тенденции глобализации. Этого-то и не произошло, когда вместо партийной элиты КПСС пришли неолибералы — по сути дела, те же большевики, которых десятилетиями раньше назвали бы троцкистами. Суть тех и других в 1980-е и 1990-е годы была одна — отрицание национальной специфики как фундамента для внедрения инноваций эпохи глобализации.

Либеральная идеология потерпела сокрушительное поражение в результате неудачных реформ 90-х годов, а коммунистическая — еще раньше. И это был совершенно объективный и неизбежный финал. Более того, очевидная непривлекательность либеральных и коммунистических идей и вождей не могла дать даже временного шанса на модернизацию этих идеологий в короткой перспективе в сторону сколько-нибудь реальной и современной идеологии.

По сути дела приход к власти В. Путина, который воспринимался как абсолютная случайность, таковым на самом деле не был. Это был естественный результат идеологического кризиса. В 2000 году должен был придти не либерал, но и не коммунист (даже такой респектабельный левый, как Е. Примаков, вызвал испуг элиты). Не мог придти к власти и представитель православной церкви, а тем более другой религии, как, впрочем, и маргинал. Таким образом, приход В. Путина и его команды **идеологически** был неизбежен, предопределен, объективен. При этом носителями новой идеологии изначально подчеркнуто говорилось о прагматичном, т.е. деидеологизированном курсе. Если и признавалось, что была идеология, то идеология сохранения государства, его целостности.

В действительности все было гораздо сложнее: В. Путин, конечно, был выбран Б. Ельциным. Но выбран не случайно. Б. Ельцин точно знал, что не должно было быть — не зря ведь он перепробовал всех потенциальных «преемников», начиная, естественно, с либерала Б. Немцова и прагматика В. Черномырдина и заканчивая «системными демократами» С. Кириенко и С. Степашиным. На мой взгляд, Б. Ельцин искал человека, который представлял бы как близкие ему традиции, так и, безусловно, отражавшего реалии современной жизни. При всех слабостях, даже преступлениях первого президента России, у него было одно гениальное качество и увлечение, которому он отдавался целиком. — кадровая политика.

Б. Ельцин, конечно же, не был ни идеологом, ни знатоком современных тенденций развития цивилизации. За каждым кадровым назначением, однако, он всегда видел не просто человека, но некую функцию. В данном случае, эта функция оказалась идеологической, отражавшей некую новую идеологическую парадигму или концепцию, которая отличалась как от коммунистической, так и либеральной.

Важно отметить, что эта функция объективно отвечала общей тенденции развития мировой экономики, которая заключается в создании качественно нового творческого продукта и услуг. Графически эту взаимосвязь между традицией и инновациями можно было бы представить следующим образом.

Рис. 4.

Важно оговориться, что под традицией понимаются все накопленные нацией знания, умения и навыки, особенно в фундаментальных областях наук, а также культуре и образовании. К традиции также относятся накопленные духовные и социальные капиталы общества, его психические и психологические особенности.

Под инновациями понимается в широком смысле этого слова не только вся экономика знаний, но и инновационные процессы в политической, социальной, экономической, международной и иных областях.

Область соприкосновения старых знаний, опыта и культуры с новыми и есть та качественно новая область, где производятся новые знания, товары и услуги. Эта область называется «экономикой знаний»[28]. Естественно, чем больше «область соприкосновения», тем больше экономический и социальный результат. В идеале эти окружности должны практически совпадать, оставляя «за скобками» вредные и ненужные знания, традиции, информацию, но одновременно максимально интегрируя все новые знания и навыки. Таким образом, чем больше область совпадения, тем **больше возможностей для развития** у нации. Чем больше область совпадения — тем выше НЧК.

Специально следует подчеркнуть, что для развития экономики знаний требуются следующие предпосылки:

— **система образования и профессиональной подготовки / переподготовки кадров**. Одним из важнейших условий обеспечения, создания и использования (применения) знаний является наличие образованного и квалифицированного населения;
— **информационная инфраструктура**. Обеспечение эффективных передачи, распространения и обработки знаний возможно только при условии существования динамичной и диверсифицированной информационной инфраструктуры, т.е. от радиотрансляции до Интернета;
— **эффективное экономическое стимулирование и поддерживающий институциональный режим**. Благоприятная институциональная и экономическая среда, способствующая свободному передвижению потоков информации и знаний и стимулирующая инвестирование в НИОКР, ИТТ и развитие предпринимательской деятельности, является стержневым условием развития экономики знаний;
— **инновационные системы**. Инновационные системы (сеть научно-исследовательских центров, включая центры стратегических исследований, университетов, деловых и общественных групп, заинтересованных в развитии науки и исследовательской деятельности) необходимы как для овладения и адаптации к местным условиям непрерывно растущего объема мировых знаний, так и для генерирования новых знаний[29].

Сегодня, говоря об инновациях и модернизации, часто игнорируется традиция вообще, либо ее роль существенно принижается. Иногда ее пытаются даже противопоставить модернизации и инновации, предположив почему-то, что необходим выбор между традицией (и даже национальными интересами) и модернизацией.

Эта область совпадения традиций и ценностей и новыми знаниями формируется, прежде всего, в сознании человека, которые выступает, с одной стороны, носителем знаний и традиций, а, с другой, — получателем новых знаний и инноваций. В этом смысле человеческий потенциал несет в себе вполне социальную, историческую и культурную традицию. Он не является просто эквивалентом душевого дохода и абстрактного образования.

Соответственно если носитель человеческого потенциала (допустим, какая-то личность) способен синтезировать традицию и новые знания, то эффект его деятельности будет многократно выше слепого копирования чужих знаний и технологий. Его функциональность, экономическая эффективность, его способности значительно увеличиваются. Естественно, растут и возможности всей нации, которая является суммой потенциалов человеческих личностей.

Если, допустим, воспринимать максимальный потенциал за единицу, а минимальный — за нуль, то сумма национального потенциала будет зависеть от того, насколько близка к единице величина потенциала каждого отдельного человека. Примечательно, что конечная, общенациональная величина будет зависеть не только от количества слагаемых, а от их качества. Ведь сумма нулей (или величин, близких к нулю) в итоге дает величину, близкую к нулю.

Вот почему для всей нашей сегодняшней жизни, демографической политики важно не только

восстановить естественную для России численность населения, но и повысить его качество, величину потенциала каждой человеческой личности.

Все эти очень острые вопросы, являющиеся важнейшими для современной политики, должны стать предметом широкой дискуссии, частью современной идеологии.

В этой связи я хотел бы привлечь внимание к одной из них — так называемому «новому, социальному консерватизму», основные положения и принципы которого сформировали Кальтенбруннер в своей работе «Трудный консерватизм».

Вместе с тем известно, что новая идеология не возникает до тех пор, пока для нее не сложились объективные предпосылки, т.е. фактически она является выражением уже сформировавшегося социального запроса. Так, в России завершение периода стабилизации сформировало социальный запрос на идеологию опережающего развития. В то же время, кризис классических идеологий — либеральной, коммунистической, консервативной — привел к тому, что эти идеологии уже не могут выражать ни потребности социального запроса, ни требования нового ведущего класса — «креативного класса».

Если присмотреться внимательно, то оказывается, что практический курс В. Путина соответствует основным принципам этой новой идеологии — (социального) консерватизма. Естественно, что на нее накладывает отпечаток российская специфика и российская традиция, а также конкретные российские реалии, сложившиеся в последние десятилетия и даже столетия. Причем как имперские, так и советские.

3. Преемственность как идеологический принцип и норма русского социализма

В обществе были болезнь и гниль, которые и сделали неизбежной революцию…
Сверху не происходило творческого развития, не излучался свет,
и потому прервалась тьма снизу. Так всегда бывает[30].
Н. Бердяев

Источником идей для консерватора всегда остается
собственная национальная традиция, тот ценностной и ментальный багаж,
который копился поколениями людей…[31].
А. Погорельский

Преемственность в политических сезонах России 2000–2011 годов рассматривалась как **политическое условие продолжения** («плана Путина») **нынешнего курса**. К сожалению, это узкое, даже прагматично-утилитарное восприятие принципа гораздо более значимо для России. Если бы элита придерживалась этого идеологического принципа, как, например, в Китае и Индии, то СССР был бы сохранен. Этот принцип сберег бы страну от катастрофических проблем XX и XXI века, возникших у России.

Преемственность и сохранение национальной традиции в условиях глобализации становятся важнейшим политическим и идеологическим принципом, который позволяет сохранить нацию и государство, вообще говорить о чем-то суверенном и самостоятельном. Приверженность этому принципу — характерная черта успешных государств. Умение сочетать этот принцип с потребностями опережающего научно-технического развития, говоря коротко, — формула успеха в XXI веке. Что, собственно, и стало главной идеей в политике, например Индии, Китая, Бразилии.

Преемственность означает создание таких материальных и духовных условий, которые делают возможным сохранение традиций, культурного и духовного наследия. И не только в России, но и на всем постсоветском пространстве, где все еще есть значительная потенциальная часть НЧП России. О котором мы фактически забыли. Как сказал А. Асмолов, «…великая трагедия заключалась в следующем: люди, которые жили в огромной **стране в ожидании коммунизма, как бы они его ни понимали, имели высокий смысл существования. Никакая социальная алхимия не должна лишать их этого ощущения. Я как психолог говорю: при любой демократии — это шок**»[32].

Но не только. Успешное развитие в XXI веке возможно только на основе собственных достижений в национальной культуре, науке, образовании и духовности. «Перенос» чужих ценностей ведет не только к потере самоидентификации, но и не дает в принципе возможностей для опережающего развития, т.к. государство вынуждено всегда «догонять» чужой опыт, знания и технологии. Качественный рывок возможен только на основе собственного опыта.

Внимательные западные исследователи, такие, например, как Р. Саква и другие, отдают должное как традиции, так и вытекающему из традиции принципа общенационального согласия. Как утверждает Э. Ренан, нация создается одновременно путем «наследования богатых исторических традиций» и «современным согласием, желанием народов жить

вместе». Чтобы избежать конфликтов — поскольку у каждого народа может быть свое достаточно богатое историческое и культурное наследие, отличное от других, — нация должна существовать не за счет того, что помнится из прошлого, но и того, что должно быть забыто. Ренан отмечает, что «существование нации… это ежедневный плебисцит».

Сказанное имеет особое значение для многонациональной России. Если рассматривать принцип преемственности как принцип сохранения традиции, то в полной мере это должно относиться ко всем нациям и народностям России. Сумма таких многонациональных традиций — огромное богатство, а потеря, даже самая малая, должна рассматриваться как потеря всех наций, населяющих Россию.

Русская традиция, преемственность должны в полной мере учитывать другие традиции. И культурные, и политические. В этом случае все нации будут прирастать новым богатством культурных и национальных традиций.

И наоборот. Этнический национализм, исключительность любой нации не только противоречат принципам гуманизма, но и наносят вред для всех наций, включая ту, которая проповедует национальную исключительность. Это имеет особое значение для современной России, где национализм пытаются использовать в спекулятивных политических целях.

Прошлое может как объединять, так и разделять, и чтобы стать одной нацией, люди должны хотеть жить вместе. В докладе «Россия на пороге нового тысячелетия» Путин подчеркнул, что плодотворная и созидательная работа, в которой так нуждается наша страна, невозможна в раздробленном и дезинтегрированном обществе, обществе, где основные социальные проблемы и политические силы существуют отдельно от базисных ценностей и фундаментальной идеологической ориентации. Дважды в уходящем веке Россия оказывалась в подобном положении: после октября 1917 года и в 1990-е годы[33].

Сохранение традиций для неоконсерватора не средство, а сама цель, потому что традиция есть необходимое условие существования общества. Так же как и человеческий организм, сохраняющий, несмотря на отмирание старых клеток, свою структуру, общество сохраняет свою идентичность. И если в первом случае это происходит прежде всего благодаря ДНК, то во втором — благодаря традициям. Примечательно, что В. Путин отдает дань таким традициям. «В России право и мораль, политика и нравственность традиционно признавались понятиями близкими и соотносительными», — говорит он в послании 2005 года[34].

В этой связи важно подчеркнуть особое значение сохранения традиций для России в эпоху глобализации, которое рассматривается как **обязательное условие** выживаемости России: «Если для западных стран речь идет об уменьшении в ближайшие десятилетия их непропорционального огромного доминирования в мире, то для России речь идет о ее выживании как самостоятельного общества и государства со своей веками складывающейся великой культурой»[35].

И это отнюдь не изобретение В. Путина или Д. Медведева, или А. Подберезкина, или Михалкова, который в своем программном «манифесте просвещенного консерватизма» заявил, что «…утверждение нового не должно превращаться в кровавый разрыв со старым»[36].

К сожалению, отличительной чертой всего постсоветского периода стала **борьба либералов с традицией и собственной историей**, отказ от принципа преемственности. И советской, и досоветской. Неолибералы изначально сформулировали задачу «затолкать» Россию в либеральную систему ценностей, превратить ее в «часть Запада», а это означает прежде всего отказ от принципа преемственности. И в 1990-е годы, и в XXI веке либералы объявляли преемственность вне закона, отказывая и опошляя период имперско-советской истории, а нередко и предыдущих периодов.

Аналогичные попытки предпринимались и прежде, начиная, может быть, с XI века, когда начался процесс западноевропейской экспансии в Восточную Европу, ассимилирование славян и уничтожение их традиций. С тех пор, можно признать, произошло фактическое вытеснение западноевропейцами славян с их традиционных ареалов обитания: граница отодвинулась на востоке на тысячи километров. После развала ОВД и СССР процесс вновь был искусственно стимулирован, причем речь идет, конечно же, не только о политическом и военном вытеснении, но и культурном, информационном, духовном.

Период конца 1980-х годов и первого десятилетия XXI века стал периодом мощного цивилизационного натиска либералов на систему ценностей, культурную и духовную среду, традиции не только русской нации, но и других национальностей, проживающих на территории России. Этот либеральный натиск в конечном счете имеет целью дискредитацию системы ценностей, сложившихся в России, замену ее на иную, западнолиберальную систему. Именно такая замена делает возможной окончательную политическую победу над Россией. Так же, впрочем, как это произошло и с СССР. Но для этого надо окончательно дискредитировать принцип преемственности, связи времен. Что и наблюдается особенно активно в первом десятилетии XXI века: инициируется антисталинская и антиленинская кампания, предпринимаются попытки ревизии истории, особенно Второй мировой войны, нации навязываются ярлыки «архаичного» типа и т.п.

В этой связи уместно привести рассуждения И. Ильина, который непосредственно связал политическую актуальность и русскую традицию, что, на мой взгляд, является главным в понимании успешного развития и сегодня, 50 лет спустя: «Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, то это не может

и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба русского народа за свободную и достойную жизнь на земле — продолжается. И ныне нам более чем когда-нибудь, подобает верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие и выговаривать за нее, от ее лица и для ее будущих поколений ее творческую идею.

Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только русскою, национальною. Она должна выражать русское историческое своеобразие и в тоже время — русское историческое призвание. Эта идея формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благую силу, в чем он прав перед лицом Божьим и самобытен среди всех других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь; это то, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях и довести до настоящей чистоты и полноты бытия — во всем, в нашей культуре и в нашем быту, в наших душах и в нашей вере, в наших учреждениях и законах русская идея есть нечто живое, простое и творческое. Россия жила ею во все свои вдохновенные часы, во все свои благие дни, во всех своих великих людях. Об этой идее мы можем сказать: так было, и когда так бывало, то осуществлялось прекрасное: и так будет, и чем полнее и сильнее это будет осуществляться, тем будет лучше…»[37].

Сохранение, даже возрождение традиций при В. Путине — имперских и советских — стало практически нормой. Принятие нового старого гимна России — один из примеров, за которым последовало множество других. В. Путину удалось то, что не удалось до него другим — примирить имперское и советское прошлое. Как оказалось, это отнюдь не эклектика, а органичное сочетание. Объяснение — вполне логичное и простое — хорошо сформулировал А. Погорельский: «Традиционное общество разрушено основательно, и лишь отдельные его элементы остались в сознании (и подсознании) людей как некие „фантомные боли“. Вместе с тем у нас есть что сохранить. Прежде всего — это Россия. Как страна, как мечта, как наследие предков, как дело жизни, как напутствие детям. Наши язык, культура, история. Эти ценности близки не только консерваторам, но и всему обществу»[38].

Государство вне традиций, впрочем, как и общество, не существует и не может существовать. В условиях глобализации потеря национальной идентичности и смерть нации наступают еще быстрее, ибо устойчивость социокультурных и цивилизационных параметров стремительно уменьшается[39]. Можно какое-то время искусственно игнорировать эти традиции, нанося себе ущерб, но это будет именно искусственно и недолговременно. То, что преемственность является частью сущности государства и общества, а ее игнорирование — субъективные, искусственные действия, выполняющие частные идеологические задачи, вновь приходилось доказывать в начале XXI века, хотя, повторю, эта истина общеизвестна. Любопытный пример тому — фундаментальная работа, посвященная истории государственного права в России, написанная на рубеже XIX и XX веков М. Дьяконовым «Очерки общественного и государственного строя древней Руси», в которой обстоятельно рассмотрены не только источники права и государственного устройства России, но и делается примечательный вывод относительно интересующего нас вопроса: «Причины этого сходства… могут быть связаны с одной из трех следующих, это:

1) передача одним народом другому одного или целой совокупности учреждений;
2) действие одинаковых причин, вызвавших и тождественные результаты;
3) происхождение из одного общего корня»[40].

Игнорирование преемственности наносит огромный вред. И 90-е годы XX века в России это лишний раз показали. Поэтому возвращение к преемственности, которое стало происходить при В. Путине с первых дней его президентства, означало не только естественный, но и очень благотворный процесс для решения главных задач, которые он перед собой поставил, — восстановление государственности и экономики страны. Не случайно этот принцип нашел реализацию в такой отрасли, как сельское хозяйство, где за 2006 год инвестиции выросли более чем на 60%[41]. Традиционная культура и сельское хозяйство — две тесно взаимосвязанные области. И эту взаимосвязь В. Путин хорошо понимает.

И наоборот. Преемственность не только в политике и экономике, но и идеологии не просто очень эффективна, но в некоторых случаях, как, например, во внешней политике, **абсолютно обязательное условие развития**. Также, впрочем, как и в религии. Не случайно основные религии и конфессии России активно выступили против секуляризации, нередко силовой, наступающей с Запада, именно как процесса, в ходе которого религиозное мышление, институты и практика теряют свое социальное значение[42].

Для России, выстраивающей долгосрочный социально-экономический вектор развития, это не просто принципы идеологии и политики, но и вопрос веры, веры в конкретную и результативную работу на благо народа. Так, по признанию М. Зурабова, «национальный проект — это первый шаг, хотя он достаточно масштабен и по объему финансирования, и по организационной стороне, которая включала 306 мероприятий. Работа такого масштаба в последние годы в Российской Федерации не проводилась»[43]. Преемственность политики В. Путина, таким образом, это конкретность в работе, «наполняющая» идеологию социального консерватизма детальным содержанием, что прямо противоположно декларативной политике М. Горбачева, который не случайно всячески игнорировал принцип преемственности.

Сила этого принципа огромна. Достаточно сказать, что одна из инициатив В. Путина о «материнском капитале», выдвинутая в рамках ПНП, стала «событием 2006 года»[44], т.е. очень точно отразила социальный запрос населения. А между тем она всего лишь одна из инициатив в русле принципа преемственности социального курса.

Не случаен и тот факт, что, по соцопросам конца 2006 года, большинство граждан России мечтает о «возвращении к социальному государству хотя бы в том стандарте, который существовал у нас в 70-е годы при Брежневе»[45].

Хотим мы того сегодня или нет, но в наши дни постоянно идет процесс сравнения с брежневским периодом. Как в одну, так и в другую сторону. Примеров огромное множество. Начиная от сравнения макроэкономических показателей (достижения уровня ВВП РСФСР в 1990 году), до частных сравнений. Так, упоминается, что в экономической области, например, Кузбасс добыл в 2006 году 172 млн тонн угля, а в 1985 году — 146,2 млн[46]. Происходит этот процесс по аналогии с тем, что было в СССР, когда использовались сравнения с 1913 годом, последним мирным годом имперской России.

Таким образом, принцип преемственности выступает не просто политическим принципом преемственности власти (о чем много говорилось в 2007 году), но и идеологическим принципом, который находит широкую поддержку в общественном сознании. Причем важная его функция — сравнение с предыдущими периодами развития, что неизбежно ведет к выводам о необходимости опережающего развития, сопоставления с результатами деятельности за предыдущие периоды.

На мой взгляд, принцип преемственности имеет важнейшее значение и для сохранения национальной идентичности, укрепления внутренней стабильности, повышения предсказуемости и последовательности во внешней политике России. Он органично сочетается с принципом синтеза традиций и инноваций, является механизмом реализации идеологических установок в практической политике.

4. Принципы и норма политической стабильности[47] и стратегической перспективы[48]

Идеологической базой спекулятивного капитализма
стали экономические теории монетаризма[49].
Ю. Лужков

Творческий дух России займет, наконец, великодержавное положение в духовном мировом концерте.
То, что совершалось в недрах русского духа, перестанет уже быть провинциальным.
Отдельным и замкнутым, станет мировым и общечеловеческим…[50].
Н. Бердяев

Либерализм, отрицающий стратегическую перспективу и важность политической стабильности, открыто противостоит идеологии русского социализма в этом вопросе. Бывший мэр Москвы, человек, представляющий российскую элиту 1990–2000-х годов, признает, что в его основе лежит монетаризм.

«То, что совершалось в недрах русского духа… станет мировым и общечеловеческим» (заметьте, не наоборот). В этой фразе Н. А. Бердяева коротко изложен принцип — стабильность и стратегическая перспектива, основанные на духовном потенциале русской нации.

Приверженность к стабильности отнюдь не меняет то обстоятельство, когда под руководством небольших групп людей в 1917 и 1991 годах происходили революционные, дестабилизирующие изменения. И в 1917, и в 1980-х годах нации обещали не революцию, а реформы и сохранение системы и государства. И в первом, и во втором случае нацию просто обманула кучка авантюристов (большевиков к октябрю 1917 года было несколько десятков тысяч; в августе 1991 года примерно столько же было радикал-демократов).

Важным принципом идеологии социального консерватизма является сочетание стабильности и стратегической перспективы. Нация должна быть уверена, что она не только сохранится, но и будет успешно развиваться, что впереди не будет радикальных дестабилизирующих явлений. Это важно не только для бизнеса, но и каждой отдельно взятой семьи, которая планирует рождение и воспитание детей, свои расходы (покупки), кредиты и пр.

С другой стороны, нации важна стратегическая перспектива как следствие стабильного и успешного развития общества. Так, вряд ли кто-то будет планировать на долгосрочную перспективу обучение в вузе, аспирантуре, защиту диссертации, если у науки в стране не видно позитивного будущего. Человек, даже утверждающий, что живет «сегодняшним днем», планирует свою жизнь и жизнь близких на 10–15 лет вперед. Лишив его ощущения стабильности и перспективы, неизбежно приведешь общество к хаосу, когда приоритеты сегодняшнего дня вытеснят все сколько-нибудь значимые надежды. В соответствии с мнением упоминавшегося немецкого философа, стабильность

«выступает в качестве необходимого условия сохранения ценностей в век нарастающих революционных изменений. „Эпоха перемен“ 1990-х годов стала тяжелым испытанием». «Гуманизм заключается еще и в том, — продолжает немецкий философ, — чтобы не требовать от человека ежеминутных изменений, начинаний с нуля ради жизни будущих поколений».

Интересно, что последние годы принесли огромную популярность В. Путину во многом из-за роста ощущения стабильности и стратегической перспективы, что нашло, например, свое отражение в росте социального оптимизма в стране. При этом речь чаще всего идет о внутриполитической стабильности, хотя принцип стабильности предполагает значительно более широкое толкование: кроме внутриполитической стабильности речь идет о стабильности внешнеполитической, социальной, макроэкономической, военной, кадровой и пр. Действительно, стабильность в 2000–2006 годы всегда была предпочтительнее перемен — политических, кадровых и прочих. Она стала самостоятельной **целью и принципом** политики В. Путина. При этом много сказано о внутриполитической стабильности, которая играла важную роль в эти годы, но мало, на наш взгляд, о стабильности кадровой (когда была прекращена кадровая чехарда Б. Ельцина), стабильности внешнеполитического курса (при которой ярко выражена такая важная черта, как предсказуемость), наконец, идеологической стабильности, которую и критиковали больше всего.

Идеология стабильности дала свои результаты: 2006 год, по оценкам социологов, показался россиянам одним из самых спокойных и благополучных. На фоне кризисов предыдущих лет этот год был значительно беднее событиями, в особенности тревожными. Настроение стало лучше: с оптимизмом смотрели в будущий год 46%, пессимистические прогнозы давали 28%. В конце 2005 г. соотношение мнений было 43% к 40%. Это в экономике. Похожие изменения были и в области политических ожиданий: 42% россиян полагали, что политическая ситуация явно улучшилась, что страна двигалась в правильном направлении, а 30% — ожидали в следующем году роста напряженности и конфликтов, что было связано отчасти с предстоящими выборами в Госдуму. В 2004 году назад оптимистов и пессимистов было поровну (39%).

Баланс ежегодных радостей и огорчений сместился в сторону позитивных событий. Половина опрошенных считали 2006 год удачным для себя и, по крайней мере, «не хуже предыдущих» — для страны в целом. Объясняется это не только заметными достижениями и успехами страны, сколько отсутствием «плохого». Самая большая группа ответов на вопрос «Что хорошего принес 2006 год?» свелась к следующему: хорошо то, что не случилось ничего плохого (с 2001 г. этот вариант ответа вырос в популярности с 23% до 33%)[51].

Не случайно, что столетие Л. Брежнева, отмечавшееся в 2006 году, было воспринято с огромной симпатией в российской обществе. Россияне испытывали ностальгию по тем временам. По данным «Левада-центра», с восхищением, симпатией и уважением к нему относились 39% опрошенных (к Сталину — 36%, Горбачеву — 29%), безразлично — 44%, с раздражением, ненавистью — всего 12%. По данным ВЦИОМ, Брежнев — второй по популярности руководитель России после В. Путина. Его считали лучшим 15% опрошенных, Путина — 37%. 61% опрошенных фондом «Общественное мнение» считали годы правления Брежнева благополучным временем для страны. И только 17% — неблагополучным. 50% россиян были уверены, что он сыграл положительную роль в истории страны, 16% — что отрицательную. Что ж, со временем любые воспоминания становятся хорошими[52].

Вместе с тем нации, безусловно, нужна и **стратегическая перспектива** или национальная идея. Российское общество не может жить без некой крупномасштабной идеи, хотя эта мысль в последние годы не раз подвергалась критике. Суть, однако, проста: во все времена Россия могла консолидироваться и сделать фантастические рывки в том случае, когда появлялась стратегическая идея или перспектива — будь то объединение Руси, «Москва — Третий Рим», «самодержавие — православие — народность» или «построение коммунизма» в отдельно взятой стране.

И наоборот. Как только такая идея исчезала, как только ее место занимал хаос, либо — что еще хуже — меркантилизм, накопительство, нация начинала стремительно деградировать.

Поэтому нам и нужны долгосрочные, стратегические идеи и проекты как часть нашего мировоззрения и идеологии. Будь то ГОЭЛРО либо Байкало-Амурская магистраль. Такие проекты усиливают чувство стабильности и перспективы развития. Даже на бытовом уровне видно, что если человек строит дом, то у него существуют не только планы, но и есть ресурсы для строительства.

Кроме того, в период глобализации долгосрочные проекты имеют свою очевидную **экономическую перспективу**. В частности, если речь идет об эффективном управлении активами — будь то ЗВР или Стабфонд. Как справедливо отмечает А. Вавилов, «…в мире существует масса успешных примеров долгосрочного управления активами. Причем это не только государственные фонды типа норвежского или ОАЭ с доходностью 8–10% годовых и широкой диверсификацией инструментов, но и, например, **базовый капитал университетов** (так называемые эндаументы), который в случае Йельского университета последние 20 лет приносил в среднем 17,2% годовых. Ключевой элемент столь эффективных вложений — ориентация на долгосрочные цели и глобальная диверсификация секторов и инструментов. Например, целевой портфель норвежского фонда на 40% состоит из акций и на 60% из облигаций с широким географическим охватом от Европы (50–60%) и Америки

(35–45%) до Азии и Океании (5–15%). Спектр инструментов эндаументов еще шире и включает в себя индексы недвижимости и товаров. В качестве иллюстрации: 10%-ная доходность означает как минимум десятикратный рост начальных активов, т.е. если считать грубо, то со 100 млрд долл. до 1 трлн долл. за 25 лет. При доходности на уровне 17% на полное покрытие разрыва российской пенсионной системы потребовалось бы менее 15 лет»[53].

Из этого примера видно, что стратегически (и идеологически) необходимы долгосрочные цели, которые, как показывает опыт, становятся и сверхвыгодны **экономически**.

Другой пример. Объявление и реализация в 2006 году нацпроекта «Доступное жилье» в качестве долгосрочной цели привело к росту строительной отрасли в том же году более чем на 15%, а в первой половине 2007 года — на 23%[54].

Таким образом, и политически, и идеологически, и экономически обществу нужна **стратегическая перспектива**, которая становится как важнейшим элементом стабильности, так и **механизмом** ускорения темпов его развития. Очевидно, что стержнем, главной идеей такой стратегической перспективы должна стать идея опережающего развития всех составляющих человеческого потенциала. Экономических, социальных, духовных. Появление такой стратегической перспективы можно рассматривать в качестве мощного стимула развития и консолидации общества. И наоборот — отсутствие такой составляющей в идеологии обрекает нацию на деградацию, бесконечные радикальные реформы.

5. Порядок[55] как принцип и норма идеологии русского социализма

В обществе царит страх перед модернизацией… Люди придерживаются идей, которые можно сформулировать следующим образом: «Не надо перемен»…[56].
А. Фурсенко

Атмосферой и жизненной средой государственного и общественного развития России должна стать не революционная ломка или контрреволюционная месть, а политическая стабильность и экономический рост, основой которых является просвещенный консерватизм[57].
Н. Михалков

Бесконечные и неудачные реформы, в результате которых становится все хуже, не только развалили институты социального потенциала, но и вызвали недоверие к любым реформам. Люди привыкли, что любая реформа делает ситуацию в стране и их положение хуже. Они стали бояться любых реформ. С полным на то основанием.

Порядок как нравственная норма, дающая право на власть в России, имеет огромное историческое, религиозное, нравственно-духовное и даже биологическое значение для функционирования всей системы власти в стране.

Порядок — это не просто сохранение контроля государства и общества над процессами в стране, но и нравственная норма, дающая право на власть в России. Порядок — один из наиболее критикуемых либералами принципов, которые рассматривают его как претензию власти на абсолютный контроль. Между тем с идеологической точки зрения такая узкая (и неточная) трактовка принципа порядка не имеет ничего общего с принципом, в соответствии с которым государство должно гарантировать сохранение и выполнение правовых и нравственных норм и традиций. Порядок выступает гарантом обеспечения стабильности и преемственности традиций, — демократическое общество не в меньшей мере, чем недемократическое, покоится на авторитете и иерархии власти. Забвение институтов, обеспечивающих порядок — семьи, профессии, права, государства, — ведет не к освобождению (эмансипации), а к хаосу и насилию.

Действительно, забвение норм, традиций и институтов неизбежно ведет к дестабилизации и хаосу. Нетрудно увидеть, что заинтересованные силы (как вовне, так и внутри нации) своими главными мишенями выбирают именно существующие политические, нравственные и правовые нормы и институты власти. Так, в 1980-е годы в рамках концепции «борьбы с этатизмом» развернулась открытая травля КГБ и МВД СССР, Вооруженных Сил, судебных органов, Русской православной церкви, военно-промышленного комплекса и других общественных и государственных институтов. Кампания шла не с целью улучшения их работы, реформирования, а с целью дискредитации и разложения. Неудивительно, что к началу 1991 года во всех основных сферах государственной деятельности эти институты находились в фазе острого кризиса, а власть как таковая перестала реализовывать свои функции — приказы не выполнялись, налоги не собирались, призыв на военную службу игнорировался. В отдельных регионах федеральный центр полностью потерял контроль. Принцип порядка был полностью подорван.

Ключевым в понимании принципа «порядок» следует считать сохранение контроля властью и обществом при допустимости и необходимости проведения реформ. При этом справедливо

утверждение, что «при всей готовности консерваторов использовать силу принуждения они все же признают необходимость определенного согласия. Поэтому консерватизм стремится не ликвидировать сознание моральной цели, неких ценностей более высокого порядка, составляющих стабильную основу политического целого в угоду государству, а восстановить их. Таким образом, его задача состоит в разрешении явного противоречия между авторитаризмом и индивидуальными свободами, противодействии разлагающему влиянию хаоса индивидуальных интересов, обычно создаваемому неолиберализмом. Этот принцип пытается придать легитимность этой власти, создавая атмосферу согласия относительно основных моральных ценностей. Это сразу же ставит вопрос о том, какие моральные ценности должны быть основными»[58].

Этот принцип имеет огромное значение для современной России, которой пришлось решать вопросы восстановления порядка в стране в приоритетном порядке. Именно восстановление контроля, наведение элементарного порядка стали изначально главными политико-идеологическими задачами нового президента. Его самые первые шаги — учреждение института президентских полпредов — стали знаковыми для всех органов власти еще весной 2000 года.

Безусловно, что при В. Путине власть всеми способами пыталась восстановить порядок в стране или хотя бы его видимость. Порядок стал самостоятельной ценностной категорией, что, кстати, активно поддерживалось общественным мнением, требовавшим «еще больше порядка». Как отмечают эксперты, «всего за три года Путин и его аппарат на месте хаотичной системы 1990-х и ранних 2000-х создали достаточно стройную политическую систему»[59]. Порядок, в противовес вседозволенности 1990-х годов, стал не просто принципом, но реальной **политикой В. Путина**, более того, нормой политического поведения, в т.ч. и личного. Причем чем сильнее становилась власть В. Путина, чем больше у него появлялось возможностей, тем более решительные меры принимались для восстановления порядка в стране.

Другая особенность этого принципа заключается в том, что он лежит в основе стратагемы В. Путина, т.е. его плана, расчета, который с общефилософской точки зрения рассматривается как совмещение разума и традиции. В свою очередь, «эффективные поведенческие стратагемы представляют собой не столько индивидуальный разум, сколько разум, репрезентирующий этнос, нацию, государство»[60].

Что это значит с точки зрения следующего президентства? На взгляд некоторых экспертов, ключевыми являются три вещи. Во-первых, новый президент должен сохранить имеющуюся доминанту президентской власти, иначе это предполагает слишком сильную трансформацию политической системы. Во-вторых, он должен быть способен к поддерживанию и развитию достигнутого либерально-консервативного консенсуса, а значит, он должен соединять в себе либеральные идеи и быть принят в силовых структурах. В-третьих, он должен быть готов к дальнейшей либерализации политической системы: через развитие СМИ, через создание сети клубов и институтов для выработки решений, через обеспечение возможностей для возвращения бизнеса в политику[61].

Для тех, кто помнит вседозволенность и распущенность конца 1980–1990-х годов, нынешнее время — с его требованиями к самодисциплине и нормам поведения на всех властных уровнях — разительно отличается от прошлого. И дело не только в пьянстве и вседозволенности, но и в отношении к работе, здоровью, семье. Режим очень определенно и настойчиво, не декларируя публично, но внедряя на практике, фактически вводил новые нормы поведения на работе и в быту, нормы, вполне соответствующие не только русским ценностям, но и ставшими правилами в 1990-е годы на Западе. Эти нормы, кстати, не всегда однозначно встречались оппонентами В. Путина.

Примечательно, что введение новых норм и правил не имеет отношения ни к ханжеству, ни к администрированию. Что ощущается, например, в США. Режим В. Путина разработал в том числе и систему самозащиты — иронию, которая, как известно, является максимальной степенью свободы, с которой можно импровизировать на стереотипные темы[62]. Эта степень самоиронии во многом компенсировала административные и репрессивные методы наведения порядка.

Таким образом, принцип порядка имеет огромное значение не только для восстановления российской государственности, но и обеспечения стратегических задач опережающего развития. Плановая дисциплина, исполнительская дисциплина, личная дисциплина — это далеко не полный перечень аспектов принципа порядка, без которых невозможно эффективное управление государством, обществом, экономикой.

Объективно принципу порядка противопоставляются принципы и права человека. Нередко — искусственно. В действительности же их соотношение должно регулироваться обществом. С точки зрения идеологии социального консерватизма личность как главная цель развития обществом должна быть максимально свободна. Ей должен быть предоставлен максимальный набор возможностей до тех пор, пока ее действия не вступают в противоречие и не начинают угрожать свободе других личностей, т.е. ведут к нарушению порядка.

И еще. Не следует повторять ошибок прошлого, когда среди сторонников режима, будь то в императорской либо советской России, формировалась когорта будущих его противников. Принцип порядка не должен ставиться под сомнение сторонниками режима, которые выступают его легальными критиками. Масштаб легальности связан с субъективными настроениями, но опасность в том, что для сторонних наблюдателей он воспринимается как скрытая фронда[63], как реальная оппозиция порядку.

6. Принцип и норма государственного авторитета и суверенитета

Всякий виновный в измене общенародному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана[64].
Русские архареи

Сегодня Америка — самая суверенная страна в мире[65].
З. Бжезинский

Классический принцип социального консерватизма — авторитет государства — в эпоху глобализации определяется двумя обстоятельствами: суверенитетом и ролью государства в экономической и общественной жизни страны. Оба эти обстоятельства заслуживают самого серьезного внимания, ибо как под влиянием объективных мировых тенденций, так и под влиянием частных, прежде всего неолиберальных концепций складывается наверное впечатление об «исчезновении», размывании суверенитета, снижении роли этого принципа в эпоху глобализации.

Оба эти аспекта имеют и огромную практическую значимость для России. Так, неолиберализм 1990-х годов откровенно не только пропагандировал, но и практически осуществлял политику десуверенизации и развала государства России. Итог известен. Россия к началу нынешнего десятилетия, оставаясь внешне суверенным государством, стала стремительно терять все основные признаки независимости не только во внешней, но и во внутренней политике. Огромная опасность заключалась и в том, что, в силу понятных соображений, эту тенденцию открыто не признавали ни правящие круги внутри страны, ни в других странах. Потеря суверенитета приобрела «ползучий» и скрытый характер, который был заметен преимущественно специалистам.

Другой аспект этой проблемы заключается в противопоставлении — искусственном и «с нажимом» — либеральными идеологами идеи сильного государства и модернизации. Между тем, как показывает, например, опыт Тайваня, такой реальной проблемы не существует вообще. К такому выводу пришли, например, исследователи из Нью-Йоркской академии наук, сделавшие в 2010 году примечательные выводы (уроки из развития инновационной экономики этого государства)[66]:

«— **стратегия строительства инновационной экономики «сверху вниз» в авторитарной политической среде возможна и даже эффективна**. Даже военное положение не помешало развитию инновационного сектора. Но для этого государственные учреждения и отрасли промышленности должны работать как одно целое в рамках централизованного руководства и строить свою работу на основе ясного понимания отраслей мировой экономики и соответствующих им цепочек образования стоимости;
— государственные учреждения с их волевым руководством, гибкими правилами, наличием финансирования и ясными долгосрочными задачами, ориентированными на защиту отраслевых интересов, **могут создавать компании, обладающие конкурентоспособностью на внешнем рынке**;
— стимулирование инновационных процессов в отраслях с низкой интенсивностью НИОКР может быть достигнуто путем частно-государственного партнёрства;
— государство может играть **важную роль в организации и финансировании НИОКР** по разработке новых технологий для малых компаний, которым зачастую не хватает собственных ресурсов;
— транснациональные корпорации могут стать катализатором создания инновационного сектора;
— для страны, быстро перенимающей технологии, критически важно научиться быстро ассимилировать их и начать производить новые товары самостоятельно;
— прикладные НИОКР чрезвычайно важны для развития стран, быстро перенимающих технологии, однако фундаментальные исследования, имеющие перспективы в прикладных областях, позволяют создавать новые, революционные товары и технологии;
— поощрение приобретения комплектующих местного производства может стимулировать инвестирование;
— национальные проекты в сфере высоких технологий — например, переход на цветное телевидение — способны привлечь инвестиции».

Консерваторы (в т.ч. «просвещенные консерваторы» Н. Михалкова) полагают, что авторитарная система может быть более эффективной с точки зрения инноваций, чем демократическая.

Суверенитет сегодня определяется многими факторами, в т.ч., например, и зависимостью страны от импорта. По некоторым наблюдениям, если потребности страны покрываются импортом более чем на 15%, это свидетельствует о внешней зависимости государства, если на 25% — о сильной внешней зависимости, а свыше 35% — о потере государством части суверенитета.

Не секрет, что в 1990-е годы идеологические и политические воззрения либералов открыто свидетельствовали о том, что участие России в международной интеграции должно было бы привести к тому, что целые сектора экономики были бы

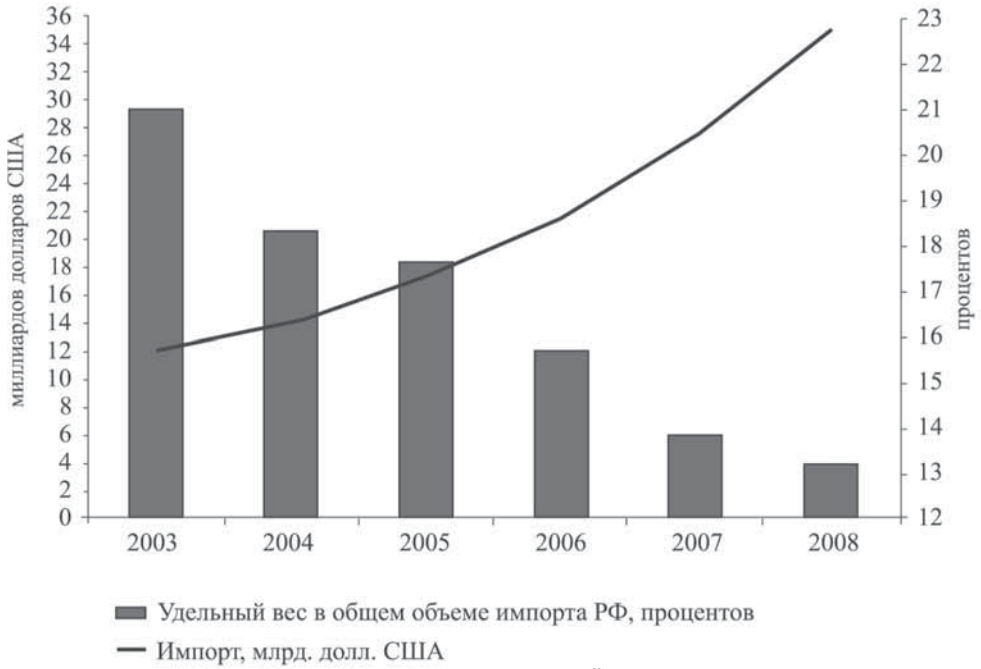


Рис. 5. Импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в Российскую Федерацию

отданы на откуп. Это была сознательная идеологическая позиция и экономическая политика. Модно было, например, говорить о том, что сельское хозяйство страны — «черная дыра», которую государство должно перестать инвестировать. Результат внедрения такой идеологемы — сильнейший рост импортной зависимости, который привел к началу XXI века к потере Россией части своего суверенитета. Последующая смена позиции при В. Путине отчасти исправила ситуацию, что хорошо видно на следующем графике[67] (рис. 5).

Как видно из статистических данных, объем импорта при В. Путине за 2003–2008 годы стремительно рос (с 12 до 36 млрд долл., т.е. в 3 раза), хотя доля в нем продовольственных и сельскохозяйственных товаров сокращалась относительно этого объема (с 21% до 13% соответственно, а в абсолютных цифрах — с 30 млрд долл. до 13 млрд).

Другими словами, смена либеральной политико-идеологической установки, поставившей Россию к началу века перед угрозой продовольственной безопасности и потери части суверенитета, на скромно протекционистскую и отчасти социально-ориентированную привела к нормализации положения в этой отрасли. Даже чрезвычайные обстоятельства лета 2010 года, когда засуха уничтожила более 30% зерновых и уже начали резать скот, не привела к панике, а некоторый рост цен объяснялся преимущественно спекулятивными факторами.

Но ведь могло быть и по другому. В 2010 году как-то забылось, как эмбарго на поставки лекарств и продовольствия Ливии и Ираку использовалось в качестве внешнеполитического инструмента давления. Даже применительно к России 90-х годов готовы были использовать такие инструменты (о чем сегодня предпочитают не говорить).

Выводы были сделаны в начале первого десятилетия. Выводы, которые следовали из политической практики, а не теории и идеологии. Все последующие годы политика В. Путина была, по сути, политикой возвращения России суверенитета, свободы выбора и поведения внутри страны и за рубежом.

Причем начинать необходимо было прежде всего с внутренней политики, а именно возвращения суверенитета, права на принятие решений во внутриполитической, экономической и общественной жизни. Оппонентами здесь выступили так называемые «олигархи», крупнейшие собственники, которые в период кризиса смогли вырвать себе ряд государственных функций. Поэтому борьба В. Путина с «олигархами» — это, по сути дела, борьба за суверенитет, в т.ч. независимость власти от крупного и политизированного капитала.

Основной спор здесь возник о роли государства. По понятным причинам тем, кто приватизировал ряд государственных функций, представлялось, что государство — институт, координирующий использование ими его функций. Не более того. Напомню, однако, что государство — единственный эффективный механизм, созданный обществом, который дает возможность поддержания порядка и обеспечения управляемости общества. Лишь государство является силой, способной противостоять разрушительному влиянию групповых интересов и предотвратить экологическую, социальную или экономическую катастрофы. Объективное усиление государственной власти в эпоху глобализации диктуется многими внутренними и внешними общественно-политиче-

скими задачами, которые отнюдь не теряют своей актуальности.

Вопрос о роли государства был центральным в идеологических спорах 2000–2010 годов. А между тем к 2006 году сложилось представление у элиты (в т.ч. и благодаря В. Путину) о роли государства не вообще, а по вполне частным вопросам. Так, А. Погорельский признает, что «для нас в настоящий момент актуален вопрос не столько о том, как сильно государство должно вмешиваться в экономику и участвовать в перераспределении, сколько вопрос, каким будет это государство и сама правящая элита. России действительно нужно сильное государство, но только такое, которое сознает свою миссию и не принадлежит никакой частной группе интересов. Необходимо, чтобы во власть пришла новая генерация людей, не отравленных беспринципностью и моральной пустотой позднего „совка". Нам нужна элита, которая перестанет воровать, начнет думать о своей репутации, о той самой персональной ответственности перед страной, историей, будущим, своими детьми, наконец. Нужны реальные действия, направленные на качественный прорыв страны в ее развитии. Только тогда сегодняшние разговоры о консерватизме окажутся продуктивными»[68].

Весь период 2000–2010 годов прошел под флагом укрепления государственности, иногда воспринимаемой даже сторонниками сильного государства как авторитаризм. Эта тенденция (с некоторыми существенными коррективами) сохранилась и при Д. Медведеве в 2008–2010 годы. Причем по мере своего развития она встречала все усиливающееся противодействие как со стороны развитых стран, так и значительной части либеральной элиты, превратившей свои действия в «борьбу с бюрократией». Примечательно, что либеральная и коммунистическая оппозиции в разной степени, но одинаково дружно выступали против реализации этого принципа, рассматривая его как «укрепление режима власти», а не государства как такового. Так, совместные митинги коммунистов и либералов стали частью их политических кампаний накануне региональных выборов осенью 2010 года. Калининград, Новосибирск, Москва и др. регионы свидетельствовали о тесной координации совместных действий на уровне регионов[69]. Произошла классическая подмена понятий. Идеолог администрации В. Сурков в этой связи высказался вполне определенно: «Думаю также, что не надо забывать, что „демократия" в переводе означает „власть народа", и здесь есть слово „власть". Демократия — это власть, это сила и порядок, а не бессилие, каша и беспорядок. И поэтому демократическое государство не должно быть беззубым и неэффективным, оно должно эффективно решать проблемы и эффективно бороться за сохранение демократических институтов»[70].

Вокруг этого принципа социально-консервативной идеологии сложилось много легенд. В частности, о стремительном росте бюрократии, численность которой «превысила советский уровень». В действительности, по оценке С. Е. Нарышкина, «число госслужащих в центральном аппарате и территориальных органах по состоянию на конец 2006 года по сравнению с мартом 2004 года, когда была начата административная реформа, сокращено на 235 тыс. единиц»[71].

В целом критики В. Путина и Д. Медведева сконцентрировались за последние годы в основном именно на этом принципе, смешивая его (сознательно или нет) с авторитаризмом, даже фашизмом.

На самом деле принцип суверенитета приобретает особое значение в эпоху глобализации, когда

Табл. 3. Продажа алкогольных напитков, пива, папирос и сигарет

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Алкогольные напитки и пиво						
В абсолютном алкоголе:						
всего, млн дкл	131,1	132,1	133,2	135,0	138,7	137,3
на душу населения, л	9,07	9,18	9,31	9,47	9,76	9,67
В натуральном выражении, млн дкл:						
водка и ликероводочные изделия	216,4	208,6	203,5	197,2	184,6	177,2
виноградные и плодовые вина	72,2	77,7	84,9	81,1	94,9	102,9
коньяки	5,9	6,2	6,8	7,6	8,9	10,8
вина шампанские и игристые	18,7	18,5	19,4	20,6	24,1	26,0
пиво	**762,5**	**844,7**	**892,1**	**1002,8**	**1155,3**	**1138,2**
Папиросы и сигареты						
Всего, млрд шт.	371,1	371,5	395,8	424,1	398,2	392,7
На душу населения, тыс. шт.	2,6	2,6	2,8	3,0	2,8	2,8

роль государства стремительно меняется. Сохранение государства **невозможно** — как показывает советский опыт — **без сохранения, даже упрочения его авторитета**. Поэтому борьба с авторитетом государства и власти в полной мере может рассматриваться в качестве борьбы с государством, а в ряде случаев и с нацией. Проявляется это всегда по-разному. Например, борьба против монополии государства на алкогольном рынке привела не только к огромным потерям бюджета, но и стремительной алкоголизации страны. Модное в 1990-е годы мнение о пиве как «безалкогольном напитке» привело к стремительному росту пивного алкоголизма[72] (табл. 3).

Принцип укрепления государства проявляется и в частностях, например в, архитектуре. Здесь мы видим, что вкусы становятся частью идеологии. Как подметил журналист Г. Ревзин, «вкус — дело индивидуальное, но здесь речь идет не только о вкусе, а именно о программе власти. Башня „Газпрома“, Мариинский театр — все это проекты, непосредственно связанные с президентом. Все они говорят о новом величии России, о том, что она вновь обрела статус мощной державы, величественной в финансовом отношении и способной состязаться с Западом. Это, так сказать, архитектурное выражение идеи „суверенной демократии“. Сама структура проектов с их очевидным пафосом насилия над окружающим, их масштаб — все говорит о репрезентации властной функции, функции насилия над контекстом»[73].

Действительно, сильное государство, его поддержка в последнее десятилетие стала модной. Не только в архитектуре, но и в литературе, изобразительном искусстве стало модным не просто быть патриотом, но даже стало модным быть империалистом. Даже на эстрадных подмостках такие песенные мотивы стали нормой. Не случайно частные действия власти (например, передача возвращенной иконы Д. А. Медведевым патриарху накануне Пасхи) расцениваются уже обозревателями как действия высшей госвласти. Вот что пишет по этому поводу Н. Вардуль: «Он передал Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию II древнерусскую икону „Воскресение Христово“. Что общего у Медведева с иконой, написанной в первой четверти XVI века в технике темперы, в центре которой, несмотря на название, — сюжет „Сошествие в ад“? Медведев представлял высшую государственную власть, а такое дозволено если не президенту настоящему, то будущему. Патриарх отметил, что возвращение святынь в Россию — это „знамение времени“. Но главное знамение встречи 31 марта, по-моему, другое — преемническое»[74].

Собственно эта мода проявляется и во внешней политике, где реальная внешнеполитическая зависимость времен Горбачева — Ельцина сменилась на независимую внешнеполитическую риторику, которую неолибералы поспешили назвать «имперской». На самом деле это скорее имперская риторика, чем политика. Она выражена прежде всего в публичных заявлениях некоторых депутатов Госдумы и членов Совета Федерации, а также ряда журналистов. Тем не менее мода отражает состояние общественного сознания, которое принимает «имперскость» как синоним суверенитета. Этапным в этой связи стало выступление В. Путина в Мюнхене, которое, по мнению многих, «подвело черту» под надеждами растраты суверенитета. Даже выступление Д. Медведева перед послами России в МИДе в июне 2010 года, которое поспешили окрестить как «отказ от суверенитета в пользу модернизации», не изменило вектора российской внешней политики. Несмотря на давление Запада, в августе 2010 года был произведен пуск атомной электростанции в Иране.

Надо сказать, что в области использования ядерной энергетики, как, наверное, нигде, проявилась идеология «ухода государства из экономики» и отказа от части своего суверенитета. В начале 1990-х годов существовала реальная угроза развала этой отрасли, даже ее приватизации. «Возвращение» государства в атомную энергетику в нулевые годы свидетельствовало не просто об укреплении его суверенитета, но и о стремлении использовать ядерную энергетику в качестве очевидного конкурентного преимущества нашей страны. Как справедливо отмечает исследователь из МГИМО(У) А. И. Черкасенко, «…в настоящее время происходит консолизация российской атомной отрасли в единую государственную корпорацию Россатом… который… должен максимально реализовать и приумножить имеющийся потенциал атомной энергетики как внутри страны, так и на мировых рынках»[75].

Что же касается реальной внешней политики, то она претендует скорее на равноправие, чем на имперскость. Что, однако, не мешает их путать и вызывает определенную настороженность на Западе. Настороженность эта вызвана, как ни странно, тем, что в развитых странах очень быстро привыкли к унизительной роли России, выпрашивающей гуманитарную помощь и кредиты МВФ. Когда же Россия превратилась из страны-должника в страну-кредитора, это было воспринято на Западе сначала с удивлением, а потом и с опаской. Самостоятельную, суверенную Россию там уже не видели в геополитических расчетах.

Сказанное имеет прямое отношение к стратегии развития страны вообще и социально-экономической — в частности. Так, в новых условиях, даже в период кризиса, финансовая система России не просто устояла, но устояла **самостоятельно**. Ей не довелось испытать участь Греции и, возможно, Португалии, Ирландии, Испании, которые вынуждены прибегнуть к помощи Евросоюза. Ей также не придется ждать к чему приведет огромный государственный долг, как этого ожидают в США и Великобритании. Другими словами, финансовый суверенитет России доказал свою необходимость.

Другая сторона проблемы — технологический и научно-технический суверенитет, которые поставлены объективно под сомнение всем постсоветским периодом развития страны. Это реальная, остро стоящая проблема, решать которую предстоит с помощью модернизации. Но опять же это можно сделать двумя способами, о которых в 2009–2010 годах много спорили. Первый — при помощи государственных мер, укрепляющих суверенитет в этой области. Второй — «рыночными» мерами через удушения своей оставшейся технологической и научно-технической базы.

Эти споры имеют вполне конкретное преломление. Так, летом 2010 года председатель совета директоров АФК «Система» Владимир Евтушенков и глава «Роснано» Анатолий Чубайс просили премьер-министра Владимира Путина оказать содействие развитию производства российской микроэлектроники. «Роснано» и «Система» предлагают принять программу регулирования российской микроэлектроники. Защищать внутренний рынок господа Чубайс и Евтушенков собираются путем замещения иностранных компонентов отечественными.

В пояснительной записке говорится, что российский рынок микроэлектроники в 2010 году составит полпроцента от мирового: 1,5 млрд долл. против 280 млрд долл. При этом отечественный рынок **стагнирует, так как интернациональные компании** предпочитают создавать в России **лишь офисы продаж, а не производство**. Преобладание на внутреннем рынке импортной продукции несет в себе и риски, связанные с безопасностью страны. Во-первых, импортные чипы могут содержать недокументированные инструкции, способные парализовать работу техники. Во-вторых, они обладают недостаточной надежностью, так как предназначены для промышленного, а не военного применения, указывают авторы предложений[76].

Особое «негодование» на Западе проявляют в связи с той частью российского суверенитета, которая проецируется на постсоветское пространство. Если говорить о реальных внешнеполитических приоритетах Запада по отношению к России, то они выражаются в том, чтобы, во-первых, не допустить усиления влияния России на постсоветском пространстве, а во-вторых, чтобы по истечении времени это влияние не переросло в восстановление единого разрушенного государства, появление в Евразии мощного государства. Таким образом, попутно отрицается само право России на восстановление единого экономического и культурного пространства, заботу о тех гражданах в бывших республиках СССР, которые считают себя гражданами единого государства.

Понятия «суверенитет» и «безопасность» очень близки. Не секрет, что суверенитет во многом гарантируется мерами военной безопасности. Поэтому любые действия потенциального противника в военной области естественно рассматриваются как угроза суверенитету. Трезвый политик не может не видеть того, что происходит в других странах, даже если эти процессы и маскируются самой ярой риторикой. Например, того, что военные расходы ведущих стран мира в 2006 году превысили расходы времен холодной войны. Практически половина всех мировых расходов на эти цели за 2006 год — 528 млрд долл. — военные расходы США (расходы России, по оценкам SIPRI, — 34,7 млрд долл., т.е. в 15 раз меньше)[77].

Соответственно совокупная военная мощь НАТО превышает российскую в десятки раз. В этих условиях попытки как-то обосновать «российскую военную угрозу», предпринимаемые в ряде стран, выглядят неубедительными. Но они периодически повторяются одновременно с использованием других элементов давления — экономического, общественного, информационного.

Реальность, таким образом, такова, что способность России сохранить свой суверенитет — реальный, а не декларируемый, — находится под угрозой. Соотношение сил очевидно не в ее пользу. И оно не может быть изменено в ближайшем будущем. Вот почему важно как политическое искусство, так и крепкое государство, способное нейтрализовать диспаритет военных возможностей.

Ставка России на создание эффективного механизма международной безопасности в противовес откровенному гегемонизму США — такая естественная и привычная — становится предметом самого пристального и внимательного рассмотрения. Проблема формулируется просто, в частности, министром иностранных дел С. Лавровым: «Вопрос об адекватности существующей системы обеспечения международной безопасности вызовам и угрозам, с которыми мы сталкиваемся в глобализирующемся мире, стоит достаточно остро. На первый план вышли глобальные вызовы и угрозы. Ответ на них тоже должен быть глобальным. Ситуация не оставляет места для национального эгоизма и цивилизационной исключительности. О том, что прежние, блоковые подходы не срабатывают, говорят кризисные явления в НАТО, ОБСЕ, других организациях, доставшихся нам в наследство от времен „холодной войны“, застой в области разоружения, новые риски в сфере нераспространения ОМУ, разрастание региональных и локальных конфликтов, в целом расширение конфликтного пространства в мире»[78].

В этот же принцип идеологии входит и понятие «патриотизм», которое, надо признать, воспринимается по-разному. Если в целом 57% граждан России считают себя патриотами (30% — не считают), то среди старшего поколения эта цифра достигает 65%, а среди лиц с высшим образованием — 69%, т.е. креативный класс наиболее патриотически настроен[79].

Но понятие «патриотизм» шире понятия «суверенитет». Оно распространяется на всех граждан, проживающих в том числе и за пределами страны, а также всех, кто считает Россию своей Родиной. При этом патриотизм как принцип социально-

консервативной идеологии несет в себе серьезную социокультурную нагрузку. Нельзя быть просто патриотом России, не сочувствуя социально-экономическому положению граждан, не понимая и не сохраняя ее культурное и духовное наследие. Просто сохранение государства, его суверенитета уже мало, требуется личное участие в решении более широкого круга задач.

Именно социальные, культурные и духовные аспекты патриотизма в социально-консервативной идеологии сегодня имеют особое значение, ибо здесь происходит наиболее острое противостояние с другими идеологиями и течениями. Будь то вопрос о преподавании православной культуры либо «письмо десяти академиков», либо политика в области культуры, искусства и литературы — все эти вопросы становятся полем для самой широкой идеологической дискуссии. Дискуссии, в ходе которой постепенно, но неуклонно кристаллизуется новая российская идентичность.

7. Принцип и нормы свободы и ответственности

Готовность людей вести себя так или иначе (в том числе склонность к индивидуализму или коллективизму) зависит от их оценки шансов на успех того или иного начинания[80].
А. Долгин

Формальный абсолютизм демократической идеи не может быть ограничен другими идеями[81].
Н. Бердяев

Задача государства — создать максимально благоприятные условия для реализации НЧП, в т.ч. обеспечить личности и институтам социального потенциала перспективу самореализации, предоставить им максимальную степень свободы. Этот принцип русского социализма внешне схож с либеральным принципом свободы, но с одной, существенной оговоркой: нация и государство должны требовать от личности высокой степени ответственности.

Именно этот принцип абсолютно не соблюдался российской правящей элитой в последние десятилетия, которая «освободила» себя от любой ответственности перед нацией и обществом. Собственно не соблюдение этого принципа — главное обвинение в отношении российской элиты и политического класса.

Ответственность перед нацией — ключевой принцип русского социализма и абсолютно неработающая норма в современной России. Важный принцип социального консерватизма — сочетание свободы и ответственности. В отличие от либерала, консерватор не верит в то, что «человек рождается свободным». Он уже рождается зависимым, хотя бы по месту своего рождения, исторической общности, религии, социального положения, и проживает в зависимости до тех пор, пока не осознает границы своих возможностей. Это осознание позволяет ему включиться в систему объективных общественных взаимосвязей и стать по-настоящему свободными. Разумная свобода, согласно мнению консерватора, «в значительной мере требует авторитета и порядка».

В русской традиции всегда было развито чувство ответственности. И не только перед семьей, общиной или родом, но и «обществом», государством. Ответственность в этом случае нередко выступает синонимом патриотизма и справедливости.

Примечательно, что именно чувство ответственности является одним из **трех обязательных качеств для представителя элиты**. И в российской традиции также. Недостаток этого качества ведет к разрушительным (безответственным) действиям по отношению к обществу и государству. Что наглядно продемонстрировала советская и российская элита в 1980-е и 1990-е годы. Именно поэтому принцип ответственности следует сознательно культивировать в российской элите, т.е. он должен стать частью идеологического воспитания.

В современной России ответственность, в т.ч. политическая ответственность элиты, **не существует** как принцип. В лучшем случае этот принцип используется избирательно по отношению к отдельным представителям зарвавшейся элиты — Б. Березовскому, М. Ходорковскому, Ю. Лужкову и др. чиновникам и бизнесменам, у которых, как правило, возникли разногласия с правящей элитой.

Ответственность как принцип, а тем более как норма российской политической жизни составляет, как уже говорилось, обязательное требование к представителю элиты, хотя бы потому, что обладание властью должно быть связано с ответственностью. Этой связи не существует. Прежде всего в политике и идеологии, а тем более на практике. Нет и работающих институтов, которые могли бы регулировать выполнение этого принципа (за редким исключением, например отставка Ю. Лужкова «в связи с недоверием» президента РФ).

Попытка Д. Медведева в 2010 году создать такую взаимосвязь между властью и ответственностью, заявившего на встрече с активом «Единой России» о том, что «партия несет прямую ответственность за все, что в стране происходит, причем не только

моральную, но и прямую административную»[82], — оказалась безрезультативной. Причина в том, что партия должна нести прежде всего **политическую ответственность**, т.е. уступать, в случае ошибки, место другой партии. А этого-то как раз и не предусматривается.

Наконец, и это главное, необходима ясная формулировка в идеологии принципа ответственности. И не только представителей элиты — что обязательно и понятно, но и всех членов общества. Этого-то как раз и нет. Идеологии либерализма или коммунизма не предполагают ответственности перед нацией. Либералы — потому что отвечают только «сами за себя», а коммунисты — потому что отвечают только перед партией.

То, что такая идеологическая потребность превратилась в политическую потребность стало ясно при В. Путине: общество устало от безответственности и хаоса, любые попытки «навести порядок» встречали поддержку большинства граждан.

Совершенно очевидно, что, проводя политику стабилизации, В. Путин придерживался этого принципа, получившего даже название «суверенной демократии». Характерно, что он, в отличие от предшественника, не абсолютизировал демократию как таковую, демонстрируя регулирующую роль государства в развитии демократических процессов и институтов. В президентском Послании от 2005 года он прямо признает, что «…мы должны стать свободным обществом свободных людей»[83]. Важно, что президент России подчеркнул, что такое общество должно быть построено на базе традиционных принципов, в частности «широких и равных возможностей для всех», т.е. принципа социальной справедливости. Этот же принцип подтвержден и в других посланиях и выступлениях В. Путина и Д. Медведева.

Примечательно, что гораздо меньше говорится (а тем более делается) для внедрения принципа ответственности. На исполнительно-бюрократическом уровне проблема выглядит крайне упрощенно: преданность и исполнительская дисциплина **трактуются как ответственность**. Они действительно являются важными принципами современного бюрократического управления, только имеют очень слабое отношение к **политической и идеологической ответственности**. Кто, например, понес ответственность:

— за развал СССР;
— за катастрофическое падение экономики;
— за сотни миллиардов долларов, которые потеряла Россия в качестве бесконтрольной утечки капиталов;
— за безудержную приватизацию;
— за неэффективную законодательную деятельность и т.д.?

Примечательно, что когда В. Путин или Д. Медведев (а до этого Е. Примаков, С. Степашин и ряд других политиков) только **пытаются** внедрить политическую, административную или уголовную ответственность, это немедленно встречает яростное сопротивление либеральной элиты (я был, например, на том историческом заседании правительства РФ, где Е. Примаков попросил освободить камеры для жуликов. Через несколько недель премьер был снят с должности).

Отсутствие ответственности — идеальное условие для антигосударственной, антинациональной деятельности.

8. Здоровый пессимизм и исторический оптимизм

Что… действительно «накапливается», но не как мертвая масса, а как нечто живое, это — искусство рабочего, степень развития труда[84].
К. Маркс

В просвещенном консерватизме преимущество отдается… мудрости и ответственности перед идеологическим прожектерством…[85].
Н. Михалков

Исторический оптимизм русской нации кроется в ее огромном культурном и духовном наследии, которое, говоря словами К. Маркса, «накапливается» столетиями, давая народу и стране удивительно эффективный ресурс для своего развития. Сегодня, в эпоху капитализма, у этого ресурса появилась одна важная особенность: национальный человеческий потенциал, накапливаясь, остается собственностью личности. Он не может быть отчужден, продан или передан, капитализирован кем-то. С точки зрения нации и государства человеческий потенциал становится неотчуждаемым национальным богатством. В отличие от сырья и энергоресурсов его не только невозможно отнять, но он еще и накапливается, увеличивая общее национальное богатство.

В этом основа для важного принципа русского социализма — исторического оптимизма, который предполагает **сознательную концентрацию усилий элиты и общества на опережающих темпах роста НЧП**.

Принцип исторического оптимизма идеологии русского социализма можно, на мой взгляд, изобразить на рис. 6.

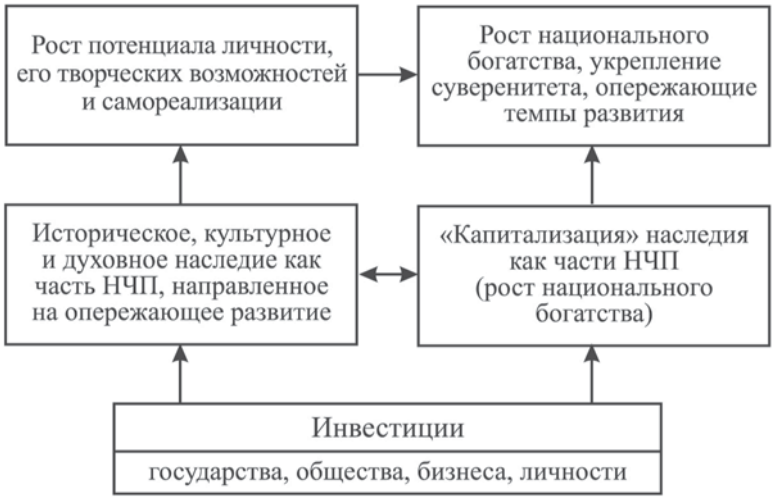


Рис. 6.

Никто не отнимет у нации ее историю, культуру и духовность. Их можно только разрушить или уничтожить, т.е. НЧП не передается и не продается, **но уничтожается**. Как на глобальном уровне, подразумевающем в этом случае уничтожение нации, так и по отдельным, «прагматическим» аспектам: переписывание истории, фальсификация традиций, разрушение духовности и культуры.

К сожалению, последние десятилетия мы нередко наблюдаем именно такие попытки. Причем массированные. С политической и экономической точек зрения они означают ослабление и ликвидацию нации за счет ослабления её НЧП.

Сегодня нередко слышишь, что нужна новая сверхзадача, сверхидея. Для России, ее истории характерен массовый исторический оптимизм, который является огромной движущей силой. Силой созидательной, а иногда и разрушительной.

В самые тяжелые периоды ее истории нация продолжала верить в свою историческую миссию, особое предназначение. И в этом нередко скрывалась та огромная сила, которая позволяла ей компенсировать иные слабости. Этот колоссальный заряд оптимизма — если он используется правильно — способен совершать чудеса созидательного строительства. Так было и в период Средневековья, и в Новое время. Так есть и в современную эпоху.

К сожалению, власть неумелым управлением нередко бездарно использует этот ресурс. И в периоды активного государственного строительства, и в периоды борьбы за независимость. Что привело к его девальвации, неверию в позитивные перспективы. Это стало характерной чертой последних десятилетий. Прекрасные лозунги коммунистического и демократического реформирования оказались абсолютно не подкреплены результатами, а общество не просто разуверилось в позитивном варианте развития, но заранее пессимистично относится к любым начинаниям. Именно этим во многом объясняются те повальные пессимистические настроения, которые охватили Россию в последние десятилетия, тот социальный пессимизм, который приобрел опасные медицинские формы — стремительный рост самоубийств и психических заболеваний.

Вот почему новая идеология должна сформулировать не только **великую** и долгосрочную цель — развитие НЧП, но и обосновать **реальность** ее достижения, более того, представить ее в перечне вполне прагматичных и конкретных задач.

Пессимизм новой идеологии должен компенсировать социальный и необоснованный оптимизм предыдущих лет. Идея немецкого философа о «недоверии к планам строительства рая на земле» сегодня выражается в обществе как «невозможность достижения абсолютной гармонии и справедливости» Точно так же невозможно и полное искоренение всякого зла. Как правило, из двух зол приходится выбирать меньшее»[86].

При В. Путине пессимизм, точнее иронический скептицизм стал не только нормой поведения, но и личностной характеристикой президента и его окружения. И здесь В. Путин, по сути, отражал доминирующие настроения в обществе: декларативность, пафосность, маниловщина стали крайне непопулярными в российском обществе в первом десятилетии XXI века. Примечательно, что в соцопросе, проведенном в ноябре—декабре 2006 года среди представителей мелкого бизнеса, более половины респондентов оказались сдержаны, констатировав, что «все идет как обычно»[87].

В. Путин изначально, еще в начале десятилетия, понимал ограниченность своих возможностей и возможностей общества и экономики, поэтому скептицизм стал сначала его политикой, а затем и частью идеологии.

Таким образом, основные цели и политическая практика В. Путина полностью совпадают с классическим определением социального консерватизма. Конечно же, российская специфика (прежде всего, конкретная историческая ситуация) добавила свое. Но отнюдь не принципиальное и даже не слишком отличное.

9. Принцип и норма социальной справедливости

Модернизация — это практически новая религия.
Она, как Бог, — никто не видел, но все говорят, что есть[88].
Из анекдотов депутатов ГД

38% опрошенных затруднились определить,
что они понимают под «социальной справедливостью[89].
Опрос ВЦИОМ, июль 2007 г.

Выскажу, может быть, небесспорное положение, но полагаю, что без социальной справедливости никакая модернизация, опережающее развитие НЧП невозможны. Логика простая: для того чтобы творить, создавать новое, нужны не только условия, но и **мотивация**. «Творчество ради творчества», конечно, существует, но в массовом, социальном плане оно должно иметь цель: вознаграждение, внедрение, признание и т.п. Реализация этой цели, удовлетворение мотивации вне рамок социальной справедливости малореально.

В самом деле, если продукт твоего творчества, его результат, будет присвоен и использоваться кем-то другим, тем более, если ты изначально полагаешь, что это так и будет, то расстаться с результатом, отдать его другому, будет невозможно. Иногда результаты творчества отдать кому-то тяжелее, чем собственность, деньги.

Парадоксально, но факт: одно из древнейших и важнейших понятий — «социальная справедливость», определяющее не только философское, социальное, но и биологическое существование человека, более того, ставшее универсальным понятием для большинства идеологий XXI века, не имеет ясной идентификации. Между тем это «неясное понятие» уже стало нормой. Во всяком случае для нас ясно, что сегодня социальная справедливость стала уже не только философским и нравственным понятием и принципом нескольких идеологий, но принципом, нормой и даже **критерием развития национального человеческого капитала**. Различные сопоставления по уровню доходов отдельных социальных групп стали общепринятым показателем степени развития государства, общества и даже экономики. Во всяком случае, когда сегодня Россию критикуют за огромную разницу в доходах, эта критика идет в одном ряду с критикой неэффективности экономики и слабости общественных институтов.

В этой связи примечателен всероссийский опрос ВЦИОМ, проведенный 23–24 июня 2007 года, результаты которого свидетельствуют о **различном**

Табл. 4. По Вашему мнению, в каких сферах жизни общества в первую очередь необходимо развивать и устанавливать принципы социальной справедливости? (Открытый вопрос, до трёх ответов)

	Всего опрошенных	Сторонники политических партий			
		«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»
В сфере медицинского обслуживания	15	14	20	16	31
В сфере образования	13	13	15	14	24
В социальной сфере, социальной политике	12	12	6	11	12
В вопросах пенсионного обеспечения	8	6	14	6	19
В оплате труда, в отношениях работника и работодателя, создании рабочих мест	7	6	12	6	4
В сфере экономики	6	5	9	5	7
В сфере жилищного обеспечения	3	3	3	5	3
В работе правоохранительных органов, судебной системы	3	3	2	2	3
В сфере сельского хозяйства	2	2	1	2	—
В вопросах политики	2	2	—	3	4
В законодательстве, налогообложении	1	0	—	—	1
Во всех сферах жизни общества	**44**	**47**	**38**	**43**	**33**
Затрудняюсь ответить	17	16	17	15	12

понимании принципа социальной справедливости **в различных слоях и регионах России**[90] (табл. 4).

Социальную справедливость можно рассматривать не только как базовую ценность, принцип и норму, но и с точки зрения задач модернизации страны и общественных инноваций. «Документ Осло» в его последней редакции трактует **инновации** как создание качественно нового продукта, услуги, маркетингового или организационного продукта. Качественно новое — **это не значит заимствование** (т.е. приобретение чужой технологии и т.д.). Отсюда инновации — это следствие развития национального человеческого потенциала и умения элиты реализовать его в капитал (НЧП — НЧК). «Справедливость» в данном случае означает, что приоритет, отдаваемый национальной экономике, науке, в целом НЧП, является наиболее эффективным принципом развития экономики и общества. Идея внешних заимствований, таким образом, не только экономически, но и социально ущербна.

Другой аспект — доля НЧП в национальном богатстве страны, которая в развитых странах составляет 70–80% (промышленные активы — 15–20%, природные ресурсы — 10–15%).

Главная задача реализация принципа социальной справедливости — это рост НЧП, национального богатства и практически основное средство модернизации.

Рис. 7.

Парадоксально, но так как НЧП не продается и не отнимается, то его развитие укрепляет государство, суверенитет и государственные институты. То есть развитие экономики ведет к **укреплению государства** в его специфической, «человеческой» форме.

Социальная справедливость как **условие** развитие национального человеческого потенциала (НЧП) предполагает, что **всем** членам общества дифференцированно обеспеченны благоприятные возможности для увеличения своего потенциала. Так, для примерно 142 млн граждан России это означает, что необходимо создавать **разные** возможности для развития разных социальных групп, выделяя при этом, во-первых, активную часть населения, а во-вторых, остальные социальные слои. Причем внутри каждой из этих больших социальных групп должна происходить своя дифференциация. На схеме это можно изобразить следующим образом (рис. 8).

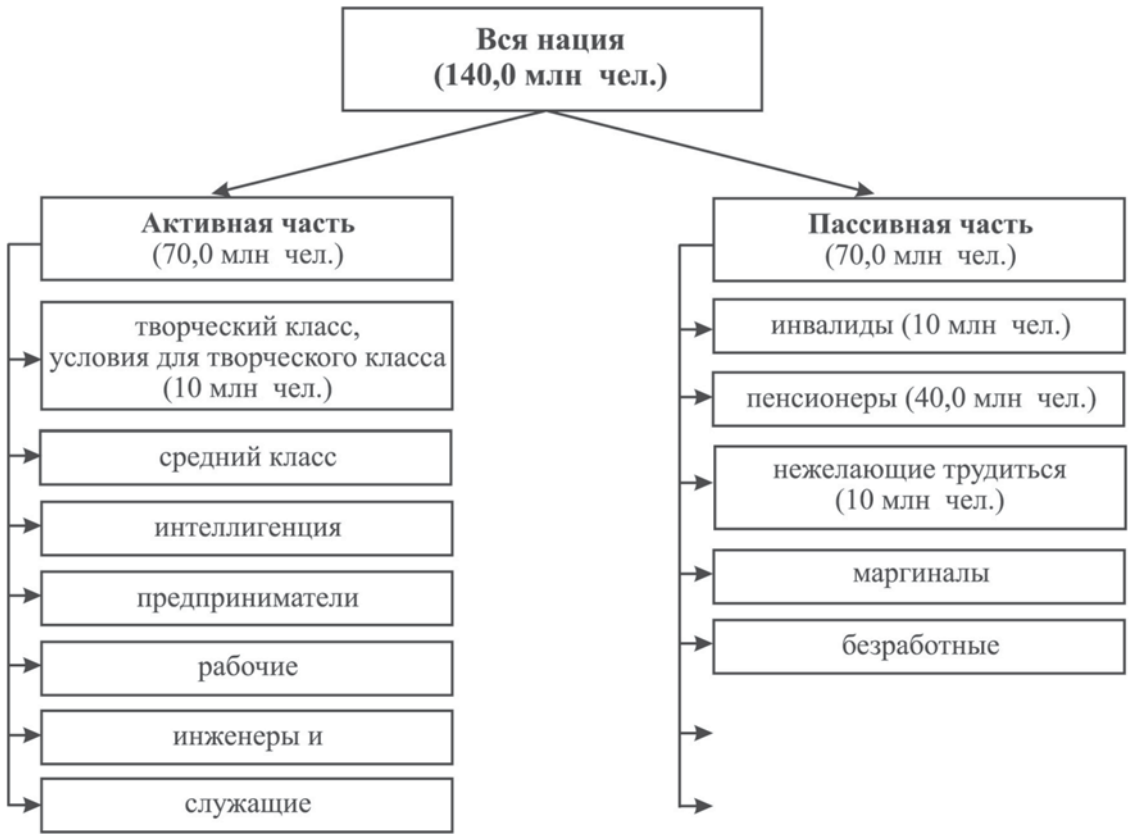


Рис. 8.

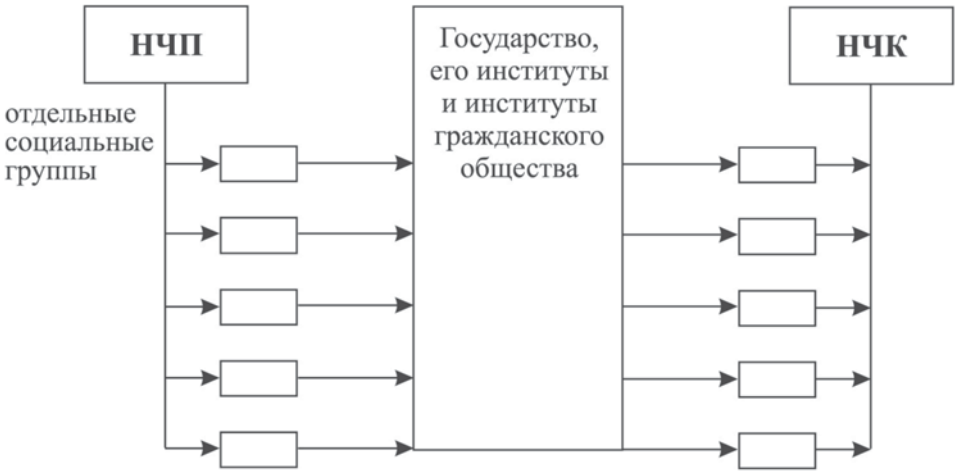


Рис. 9.

Другими словами, не только понятие «социальной справедливости для каждого класса будут **разные**, но и общество (с точки зрения развития НЧП) заинтересовано в создании **разных** условий для развития отдельных социальных групп. Цель для всех социальных групп — обеспечить максимально благоприятные условия.

При этом существует «минимальный набор», который необходимо обеспечить. На мой взгляд, это всеобщее высшее образование, возможность работы по специальности, социальные гарантии.

Еще важнее, чтобы общество обеспечило **реализацию человеческого потенциала**, его **превращение в капитал.** Здесь особенно велика роль государства и гражданского общества. На рисунке это может выглядеть следующим образом (рис. 9).

Ясно, что степень реализации НЧП, его превращения в НЧК зависят не только от личности, но и государства и общества, тех условий, которые они могут создать отдельным личностям.

При этом особая роль принадлежит креативному классу, который создает до 80% национального богатства страны. Соответственно, **особые, самые благоприятные**, условия должны быть созданы именно для этой социальной группы. И не только материальные, но и информационные, общекультурные и иные. Карл Маркс утверждал, что «говорить о „естественной справедливости“ — бессмыслица». Солидаризовался с ним другой классик — Фридрих Энгельс: «Представление о вечной справедливости изменяется… не только в зависимости от времени и места: оно неодинаково даже у разных лиц и принадлежит к числу тех вещей, под… которыми каждый разумеет нечто другое». И далее: «Справедливость всегда представляет собой лишь **идеологизированное, вознесенное на небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны»** (выделено мною. — *А. П.*).

Здесь будет уместным привести определение этого понятия известным «гуру» американской социальной психологии Дж. Мейерсом (1997) из глоссария к его известной работе «Социальная психология»: «Справедливость — это состояние, при котором „доход“ каждого участника от взаимоотношений пропорционален его „вкладу“. Обратите внимание, справедливость отнюдь не означает всегда равного „дохода“»[91].

Очевидно, что современное общество должно обеспечить «минимальный набор» социальных гарантий, который, на мой взгляд, должен включать обязательное среднее и всеобщее высшее образование (что потребует пересмотра нынешней политики Минобрнауки), гарантии хорошо оплачиваемой работы (что потребует увеличения средней зарплаты в 2–3 раза, но, как следствие, приведет к росту производительности труда), гарантии на жилье (что потребует реализации инициативы В. Путина 2008 года по строительству не менее 1 кв.м жилья в год на человека), гарантии на бесплатное здравоохранение. Собственно из этих элементов складывается НЧП. Реализация НЧП, превращение его в НЧК зависят прежде всего именно от этих факторов.

Сегодня несоблюдение принципа социальной справедливости бросает вызов политической стабильности, тормозит развитие НЧП и всей экономики страны. «За скобками» производительного труда остаются целые социальные группы как активной части населения, так и не вовлеченные в производительный труд. Причем в наибольшей степени от этого страдает творческая, креативная часть активного населения, которая — при создании нормальных условий — должна обеспечивать до 80% прироста ВВП.

Из сказанного следует, что власть должна изменить свою социальную политику на политику создания максимально благоприятных условий для отдельных социальных групп, которая должна быть дифференцирована в зависимости от реальных потребностей таких групп. Причем наибольшее благоприятствование должно быть обеспеченно творческой социальной группе, развитию в целом творческого потенциала нации.

Табл. 5. Самые богатые государственные мужи России[92]

Место в рейтинге	Имя	Должность	Суммарный доход семьи	Доход участника рейтинга (млн руб.)	Кол-во объектов недвижимости в собственности
1	Лужков Ю.	Мэр Москвы	30 943,12	7,98	9
2	Пугачев С.	Член СФ	3012,04	3007,8	2
3	Груздев В.	Депутат Госдумы	1629,24	936,72	7
4	Симановский Л.	Депутат Госдумы	1194,84	1184,79	9
5	Пичугов В.	Член СФ	1106,21	1106,2	13
6	Ольшанский Н.	Депутат Госдумы	999,83	3,11	5
7	Аникеев Г.	Депутат Госдумы	859,68	859,68	39
8	Борцов Н.	Депутат Госдумы	822,35	813,73	12
9	Гурьев А.	Член СФ	800,24	6,06	6
10	Михеев О.	Депутат Госдумы	739,75	706,46	6

Начинать надо с чиновничьей элиты. Причем немедленно, ибо их показное благополучие развращает всю элиту и вызывает негодование у всех слоев общества. Социальный протест граждан неизбежно приведет к нарушению политической стабильности в обществе.

В Минприроды получают в среднем 55 360 рублей, а в Минсельхозе — 37 061 рубль[93]. С чем это может быть связано? В качестве эксперимента у нас сейчас ряд министерств и ведомств использовали следующую систему: то, что они сэкономят в рамках штатной численности, можно расходовать на увеличение оплаты труда… Но, на мой взгляд, главная проблема в том, что оплата труда госслужащих не зависит от эффективности их деятельности. Поэтому вывод о том, **что высокая оплата труда в министерствах и ведомствах связана с тем, что они хорошо работали, здесь явно не подходит.**

В этом плане весьма наглядный пример — Министерство спорта. Упреков в его адрес за провал на Олимпиаде—2010 в Ванкувере сыпалось немало, при этом средняя зарплата чиновников этого ведомства в первом полугодии показала 26-процентный прирост по отношению к аналогичному показателю 2009 года. Да и в абсолютных цифрах она может вызвать зависть у других чиновников — 63 464 рубля (для сравнения: даже в Минфине, самом «денежном» ведомстве, получают меньше — 52 тысячи).

Сторонники различных политических сил в целом очень похоже относятся к приоритетам социальной справедливости. В числе очевидных «лидеров» — вопросы здравоохранения, образования, социальной сфе ры и экономики, а аутсайдеров — вопросы политики и законодательства. Можно сказать, что оба вида справедливости (уравнивающий как принцип частного права и распределительной как принцип публичного права) имеют право на существование[94]. Вместе с тем распределительному виду справедливости как функции государства уделяется абсолютное внимание. В современном обществе его граждане в своем большинстве уже привыкли к решающей роли государства в социальной сфере, его

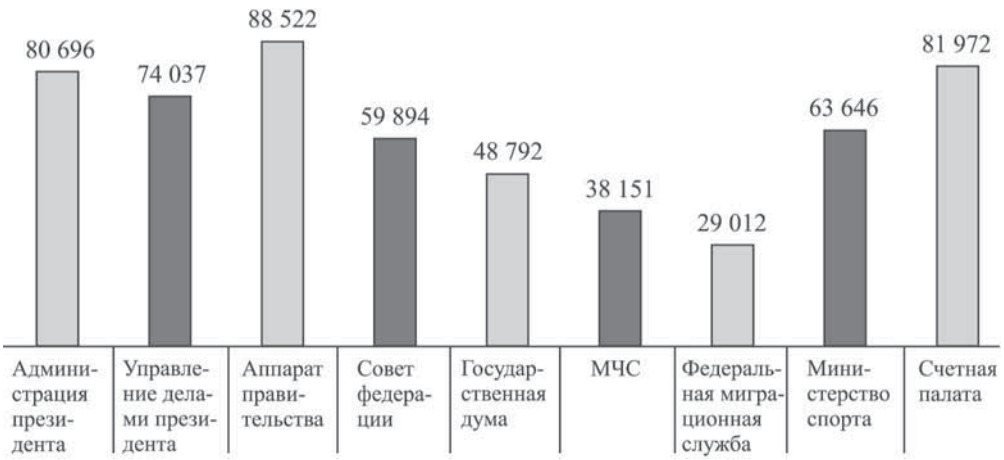


Рис. 10. Каковы средние зарплаты чиновников (данные за первое полугодие 2010 г.)

Табл. 6. По Вашему мнению, в каких сферах жизни общества в первую очередь необходимо развивать и устанавливать принципы социальной справедливости? (Открытый вопрос, до трёх ответов)

	Всего опрошенных	Тип поселения				
		Москва и Санкт-Петербург	Более 500 тыс. жителей	100–500 тыс.	Менее 100 тыс.	Сёла
В сфере медицинского обслуживания	15	36	14	18	10	10
В сфере образования	13	26	14	16	8	9
В социальной сфере, социальной политике	12	18	9	15	10	10
В вопросах пенсионного обеспечения	8	14	6	10	9	5
В оплате труда, в отношениях работника и работодателя, создании рабочих мест	7	4	9	6	9	6
В сфере экономики	6	6	8	7	8	4
В сфере жилищного обеспечения	3	4	7	3	1	2
В работе правоохранительных органов, судебной системы	3	7	3	2	3	1
В сфере сельского хозяйства	2	—	2	1	1	4
В вопросах политики	2	4	2	2	4	2
В законодательстве, налогообложении	1	2	1	0	2	0
Во всех сферах жизни общества	44	29	44	46	39	51
Затрудняюсь ответить	17	7	13	14	24	19

обязательствам (как показывает кризис 2008–2010, иногда непосильным) в социальной области.

Кризис 2008–2010 годов показал, что перед развитыми государствами стоит острый и трудноразрешимый вопрос: каким образом соразмерить социальную политику государства в целом и бюджетные расходы в частности со взятыми на себе правительствами социальными обязательствами, которые уже превосходят возможности? Сокращение социальных расходов не только в Греции и Великобритании, но и в других странах — неизбежность, на которую политически власть может пойти с большим трудом[95].

Примечательно, что упомянутая приоритетность в понимании социальной справедливости характерна не только для всех политических сил, но и для жителей различных регионов[96].

Основные показатели уровня жизни населения в России до сих пор сводятся преимущественно к денежным доходам населения. Так, в официальных статистических данных за 2010 год, например, приводятся следующие сведения (табл. 7).

Табл. 7. Основные показатели, характеризующие уровень жизни населения

	январь 2010 г.	В % к		Справочно январь 2009 г. в % к	
		январю 2009 г.	декабрю 2009 г.	январю 2008 г.	декабрю 2008 г.
Денежные доходы (в среднем на душу населения), рублей	12 577	112,5	51,9	106,6	55,9
Реальные располагаемые денежные доходы		107,1	51,4	94,4	53,7
Среднемесячная начисленная заработная плата одного работника:					
номинальная, рублей	19 200	111,6	80,0	115,5	79,0
реальная		103,3	78,7	101,9	77,2
Средний размер назначенных пенсий, рублей	7119	156,6	115,2	123,5	100,0
Реальный размер назначенных пенсий		145,0	113,4	108,9	97,7

* Предварительные данные.

Рис. 11. Расслоение населения по доходам в ходе экономических реформ

В январе 2010 года объем денежных доходов населения сложился в размере **1769,2 млрд рублей** и увеличился на 12,5% по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года. В основном это связано со значительным ростом **(в 1,6 раза) размера назначенных пенсий**[97].

Между тем положительный рост доходов (за вычетом потерь из-за кризиса) отнюдь не является абсолютным, ибо их распределение **по отдельным социальным группам и по отдельным отраслям слишком неравномерно**, хуже того — абсолютно не справедливо. Введение плоской шкалы налогообложения привело к дальнейшему росту катастрофической разницы в доходах отдельных групп граждан, что видно на рис. 11[98].

Данные свидетельствуют, что огромное неравенство, существовавшее до 1995 года (которое могло быть объяснено неудачами либеральных реформ),

Табл. 8. Динамика российской приватизации

Компания	Доля государства, %				
	1/1/95	1/1/96	1/1/97	1/1/98	1/1/99
Сиданко	100,0	85,0	51,0	0	0
Сибнефть	—	100,0	51,0	0	0
Сургутнефтегаз	40,1	40,1	40,1	0	0
ЮКОС	86,0	53,0	0,1	0,1	0,1
Коми-ТЭК	100,0	100,0	92,0	1,1	0–1
ЛУКойл	45,0	42,5	33,1	26,6	0–21
Татнефть	46,6	46,6	30,3	30,3	20–30
ВНК	100,0	85,0	85,0	36,7	3
ТНК	—	100,0	91,0	49,87	2–50
ОНАКО	100,0	85,0	85,0	85,0	0–50
Славнефть	93,5	92,0	90,0	85,8	6–66
Роснефть	—	100,0	100,0	100,0	0–25
Башнефть	—	—	—	—	—
Транснефть	100,0	100,0	75,0	75,0	50–75

Источник: МЦНБО, сентябрь 1998 г.

еще больше увеличилось в 90-е годы, в том числе и **после** провозглашения В. Путиным и Д. Медведевым в качестве приоритета социальной политики. Примером этого неравенства стало даже не стремительно растущее в условиях кризиса 2008–2010 годов число миллиардеров, но то, что усилия правительства по повышению доходов граждан… не ведут к изменениям их **относительного благополучия**. За исключением сверхбогатых (по моим оценкам, менее 0,3% населения) положение других социальных слоев, включая относительно богатых и среднего класса, **ухудшается**.

Так, среднемесячная зарплата в декабре 2008 года в сельском хозяйстве составляла 11 016 рублей, образовании — 17 045 рублей, здравоохранении — 17 715 рублей, обрабатывающих отраслях порядка 20 000, а в финансовой отрасли — в 54 620, госуправлении — почти 35 000, добыче полезных ископаемых — почти 50 000[99].

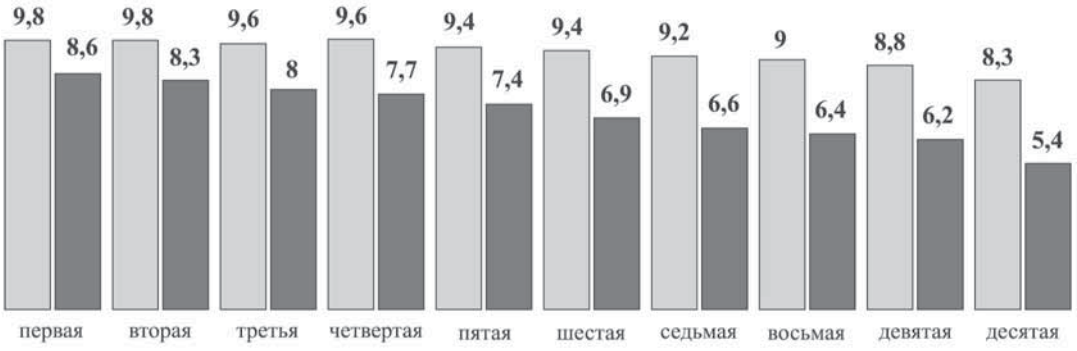
Вопиющим примером антисоциальной политики стала, конечно, приватизация. Особенно в самых богатых, ресурсных отраслях. Как отмечает исследователь МГИМО(У)Т. Полякова, «…после развала Советского Союза многочисленные производственные предприятия прежних советских министерств, связанные с добычей нефти, были разделены на региональные и технологические группы, подлежащие непосредственному объединению с последующей приватизацией. В конце 1992 года 300 формально независимых, но фактически контролируемых государством производственных объединений, предприятий и исследовательских центров, имеющих дело с разведкой, производством, переработкой и распределением нефти в России, постепенно превратились в вертикально интегрированные и частично приватизированные нефтяные компании во главе с ведущими компаниями: ЛУКойлом, ЮКОСом и Сургутнефтегазом (см. табл. 8).

Каждая из созданных государственных компаний должна была стать полностью приватизированной посредством распродажи государственного пакета акций. **От 45 до 51% государственной части активов каждой вновь созданной компании был сохранен как федеральная собственность на срок до трех лет, а оставшаяся часть акций предлагалась служащим компании (по низким ценам и даже бесплатно) и внешним инвесторам (через наличные аукционы и инвестиционные торги)**.

В конце 1995 года, стремясь залатать трещавший по швам федеральный бюджет, правительство РФ приняло известную «инвестиционную» схему. За два месяца вся федеральная собственность в ЮКОСе, Сургутнефтегазе, СИДАНКО, Сибнефти, а также 5% федеральной собственности ЛУКойла были проданы на залоговых аукционах горстке российских финансовых институтов. В результате победители аукционов получили фактический контроль над этими нефтяными компаниями»[100].

Как справедливо отметил лидер СПС Н. Белых, «…идеология социальной справедливости — не чисто левая идеология. Если, к примеру, говорить о достройке капитализма в России и в рамках этого разъяснять людям, что такое капитализм, какие функции выполняет государство в Европе, чем оно должно заниматься, что делать для граждан, то окажется, что людей, готовых воспринимать либерально-демократические и социал-демократические идеи, достаточно много. Ведь у большинства людей представления о капитализме сохранились со времен изучения политэкономии»[101].

Действительно, этот тип политической идеологии, как представляется, не просто сложился к 2007 году, но стал наиболее полно соответствовать практическим потребностям современной России, включая и ее **исторически важную доминанту — социальную справедливость.** Действительно, социальная справедливость — это не уравниловка. В понимании общества, это — порядок, сильное государство, стабильность, даже пессимизм, которые все вместе должны не допустить социальной несправедливости. Но одновременно это и внимательное отношение к растущим фондам, тому, как они тратятся или инвестируются, но, главное — социальному равенству. Так, трудно объяснить гражданину России почему все — и сверхбогатые, и сверхбедные — платят одинаковый подоходный налог. Тем более трудно



1-я группа – с наименьшими денежными доходами; 10-я группа – с наибольшими денежными доходами

Рис. 12.

объяснить, почему инфляция больнее всего бьет по бедным соям населения[102].

Также трудно объяснить гражданам, почему для России, крупнейшего экспортера нефтересурсов, невозможно сделать цены на внутреннем рынке на энергоносители адекватными уровню жизни населения. При разнице, например, в уровнях жизни в десять раз с развитыми странами цены на бензин у нас вполне сопоставимы, а в сравнении с США — даже завышены[103].

Табл. 9. Цены на бензин в разных странах мира (в долларах США)

Туркмения	0,02
Венесуэла	0,03
Азербайджан	0,46
США	0,63
Китай	0,69
РОССИЯ	0,77
Белоруссия	0,79
Франция	1,48
Германия	1,55
Турция	1,88
Эритрея	1,90

Т.е. способ управления финансами стал интересен широким массам. Эта проблема в 2006 году была одной из центральных в общественной дискуссии[104].

О том, **каким образом** расходовали ресурсы, стали говорить активно еще в 2005 году. Одним из решений стало появление нацпроектов. Но вопрос отнюдь не был снят. Растущие запасы Стабфонда и ЗВР по-прежнему оставались в центре внимания общественно-политических сил.

В. Путин получил огромную поддержку от большинства населения, чье положение в экономическом плане изменилось не намного к 2007 году. Редкий случай, когда политик не только определяется, как В. Путин, «человеком года», но и сохраняет доверие более 60% граждан в конце второго президентского срока. Этот огромный ресурс доверия не мог бы быть получен, если бы граждане не верили в справедливость избранного социально-экономического курса.

Вместе с тем, безусловно, В. Путин смог примирить во многом полярные точки зрения — и демократов, и коммунистов, и империалистов, именно опираясь, даже подчеркивая, на свой традиционализм и консерватизм.

В результате получился синтез социального и консервативного, что стабильно отражалось на симпатиях к президенту[105]. Поэтому справедливо говорить о **социальном варианте нового консерватизма.** Эта разновидность нового консерватизма — социальный консерватизм — значительно более противоположна неоконсерватизму либеральному, чем социализму. В отличие от социализма социальный консерватизм больше ориентируется как на традиционные ценности и укрепление государства, так и на конкретного, а не абстрактного человека. Его потенциал личности становится главным объектом идеологического воздействия, а вся политика госу-

Табл. 10.

	В среднем по массиву	На выборах в ГД голосуют за:						Не пойду на выборы	Затрудняюсь ответить
		Единая Россия	Справедливая Россия	КПРФ	ЛДПР	СПС	Другие партии		
Доли групп	100								
В 2006 году в России началась реализация четырех национальных проектов. Если говорить о стране в целом, какие из них, по Вашему мнению, реализуются успешно?									
Проект по здравоохранению	20	26	21	16	20	26	24	14	15
Проект по образованию	14	18	13	9	13	18	15	10	11
Проект по сельскому хозяйству	6	8	7	5	6	7	8	4	4
Проект по повышению доступности жилья	12	16	11	8	14	18	12	10	10
Сумма по всем проектам	52	68	52	38	53	69	59	38	40
Ни один из перечисленных	37	31	42	51	42	34	40	53	43
Сальдо положительных и отрицательных оценок	+15	+37	+10	—13	+11	+35	+19	—15	—3

дарства и общества рассматривается прежде всего под углом зрения развития материальных, интеллектуальных и духовных условий человеческого развития. Д. Медведев четко сформулировал эту мысль в своей программной статье: «Из международного, да и отечественного опыта следует: только вложения в человека способны помочь уйти от экономики „ресурсной и индустриальной" к экономике знаний, к экономике „ежедневной технологической революции", которая создается личными усилиями активных, здоровых, образованных граждан»[106].

Это не столько партийная, сколько **государственная** (или, точнее, общенациональная) **идеология,** в целом разделяемая сегодня большинством политиков, т.е. она достаточно универсальна. Конечно, этот универсализм относителен. Он включает в себя в данном случае общие принципы и тенденции, но не касается частных социально-политических аспектов и пристрастий. Тем не менее универсализм — налицо. Об этом свидетельствует, например, отношение электората отдельных партий к нацпроектам, выступающим в определенной степени в качестве конкретных проблем развития человеческого потенциала. По оценкам Фонда эффективной политики, за исключением электората КПРФ (среди которого руководством партии ведется активная критика нацпроектов), отмечается высокая степень их поддержки[107].

Как признают прежние принципиальные критики режима из газеты «Завтра», «на повестке дня — социализация будущего, хотим мы того или нет»[108].

И эта тенденция проявилась уже в 2006 году. Как подчеркивали в конце 2006 года социологи, «… особенным этот год можно считать лишь в одном конкретном, но весьма существенном отношении: результаты реформ, начатых в первой половине 1990-х гг., стали ощущаться уже не только самыми продвинутыми группами — предпринимателями, элитой, чиновничеством, директорами госучреждений и крупных предприятий, но и средним человеком. До последнего времени основная масса людей в России, по существу, лишь пыталась приспособиться, адаптироваться к происходящему»[109].

Традиционные «критики режима» не могут не признать, что внутриполитическая стабильность, против которой они так дружно выступали все последние годы, дали свои результаты. По оценке Е. Ясина, в 2006 году Россия получила в 10 раз больше прямых инвестиций, чем накануне финансового кризиса, а пресловутые нефтедоллары идут не только в карман олигархов: «подчеркну — деньги есть не только у правительства, они расходятся по всей стране. Большие доходы у лесников, металлургов, нефтяников, газовиков. Они делают заказы другим отраслям. Растут доходы населения, которые в свою очередь стимулируют торговлю»[110].

Не случайно именно поэтому английский политолог Р. Саква поставил термин «прозападный либерализм» в кавычки: по целому ряду критериев (отношение к государству, роли государства в экономике, а главное, ценностям российского общества) термин новый. А тем более социальный консерватизм, который не соответствует сложившимся представлениям о либерализме и консерватизме.

10. Политическая практика реализации принципов и норм русского социализма[111]

Важнейшие изменения глобального масштаба, произошедшие в мировой экономике с конца 1980-х годов… привели к тому, что социально-экономические модели… не соответствуют условиям глобализирующегося мира…[112]

Сегодня в России существует запрос на человека, мыслящего категориями будущего…[113]

Политические и экономические результаты развития России за последние 25 лет доказывают, что отсутствие идеологии и стратегии дорого обошлись России. Результаты, политическая практика, как известно, являются критерием оценки идеологической теории. Применительно к идеологии русского социализма, ее отдельным аспектам (стратегическому прогнозу, планированию, эффективности использования ресурсов) результаты являются **критериями** как адекватности избранной стратегии, так и эффективности управления.

Практические экономические и социальные результаты к 2011–2012 годам стали таковы:

1. Стало ясно, что либерально-государственная экономическая модель, господствовавшая 2000–2011 годы, себя **исчерпала**: даже фантастический рост цен на нефть в 2011 году **не привел** к адекватному росту экономики. По оценке М. Делягина, «…промышленный рост 1 квартала замедлился в 2011 году по сравнению с прошлым более чем на треть — с 9,5 до 5,9% (в том числе в марте — с 9,8 до 5,3%). Сельхозпроизводство так и не оправилось от засухи: его увеличение в I квартале составило символические 0,7% по сравнению с прошлогодними 3,6% (в том числе в марте — 0,7% против 4,1%). Грузооборот

транспорта вырос в I квартале лишь на 3,7%, в том числе в марте — на символические 1,4% (по сравнению с весомыми 11,6% в I квартале 2010 года, в том числе 12,2% в марте).

Реальные доходы населения также снижаются, причем их отставание от прошлого года нарастает: за I квартал в целом оно составило 2,9%. (против прошлогоднего роста на 7,3%), а за март — 3,4% (против прошлогоднего роста на 4,4%).

При этом обнародованный уровень инфляции вызывает некоторые сомнения»[114].

2. Также стало ясно, что сложившаяся политическая модель не устраивает большинство игроков — от лояльных парламентских партий до либералов, коммунистов и националистов.
3. Очевиден стал огромный разрыв между декларациями и результатами. Особенно в связи с признанным провалом «Стратегии–2020».

Но идеология русского социализма как система не использовалась в политической практике современной России, где последние десятилетия безраздельно господствовала либеральная идеология. Поэтому мы не можем сегодня говорить о ее практических результатах, разве что лишь в отдельных ее проявлениях в прошлом. Так, сравнивая десятилетие между 1930 и 1940 годом и между 1990–2000 годами, можно сделать однозначный вывод, что практические результаты — не в пользу последнего десятилетия. СССР, например, превратился в ведущую в экономическом и военном отношении страну Европы всего за 10 лет. Россия за те же 10 лет даже не восстановила своей экономики, так и не достигнув уровня РСФСР 1990 года.

Можно констатировать, что две разные идеологии дали в итоге две разные стратегии и два разных практических результата. В первом случае — рост экономики в разы, а во втором — стагнацию и инфляцию.

Применительно к неудачам развития современной России это свидетельствует как минимум о следующих аспектах:

Во-первых, намеченная стратегия и лежащая в ее основе идеология неверна. Что, на мой взгляд, очевидно. И что надо менять идеологию в интересах практического развития.

Во-вторых, методы и способы реализации избранной стратегии неэффективны, что также во многом можно отнести к неверной идеологии, которая должна определять методы реализации стратегии, в т.ч. выступать в качестве инструмента управления нацией.

В-третьих, национальные программы развития и инноваций основываются, как известно, на национальных инновационных системах (НИС), где центральную роль играют национальные школы, география, система образования и пр. национальные и социальные факторы[115].

В-четвертых, удачная стратегия развития — это стратегия, прежде всего, национального развития, которая преодолевает негативные последствия глобализации и ведет к укреплению национальной идентичности. В противном случае, как справедливо заметил А. Торкунов, «…это ведет к тихому исчезновению этносов и групп, а где-то (как в России — *А. П.*) к сепаратизму…»[116].

В качестве примера можно привести китайский опыт реализации избранной стратегии, основанной на специфической — национальной и социальной — идеологии, которая обеспечила рост ВВП КНР за последние 20 лет в 20 раз и решила многие задачи модернизации. Как подчеркивал Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде КПК 15 октября 2007 года, «…разработка программы на 11-е пятилетие, достижение цели гармоничного развития социалистического общества и реализации концепции его развития… позволили добиться новых огромных успехов… Экономика сохраняла ровные и быстрые темпы развития, среднегодовые темпы роста ВВП превысили 10%, ощутимо возросла экономическая эффективность, заметно растут финансовые доходы, цены остаются стабильными»[117].

Как видно из доклада китайского лидера, практические результаты реализации идеологического курса, как правило, совпадают с намеченными целями.

В России же, наоборот, политическая практика реализации идей опережающего развития катастрофически отстает от темпов выдвижения таких идей Д. Медведевым и В. Путиным. Разрыв измеряется годами, иногда десятилетиями. Конечно, сильна инерция, но основная вина за это лежит на отсутствии внятной идеологии, которая могла бы стать **инструментом управления** огромным аппаратом власти, обществом и всей нацией. Но, так как ее нет, то, как оказывается, нет и эффективного управления, которое заменено «ручным управлением». Часто — рефлексией власти на возникающие проблемы, но очень редко — сознательным долгосрочным планированием, стратегическим прогнозом, которые могут основываться только на внятной идеологии. Другими словами, практические результаты деятельности власти зависят прежде всего от наличия внятной идеологии, вытекающей из этой идеологии стратегии и идеологической системы управления миллионами людей для достижения поставленной цели. Особенно важно это при переходе нации и государства от стадии кризиса, восстановления (хотя и в бурю нужен компас) к стадии развития. Тем более ускоренного развития. Идеология русского социализма предполагает, что практические общенациональные результаты являются следствием не простых благих пожеланий (типа «достойной жизни»), а сознательно сформулированной долгосрочной цели и приоритетов развития. В 2007 году я писал на этот счет: «Но развитие, в отличие от стабилизации, диктует новые

правила игры, включая правила управления экономикой, когда от антикризисного, „ручного управления“ обязательно необходимо переходить к определению (причем точному, безошибочному) приоритетов развития и стратегии»[118].

Таким образом, вновь возникает противоречие: ручное управление, предназначавшееся для острого кризиса, должно быть заменено на идеологическую систему управления, предназначенную, во-первых, для долгосрочного, а во-вторых, национального и социального пути развития.

Но такая система управления, в свою очередь, должна основываться на общепризнанной идеологии. Общепризнанной прежде всего правящей элитой. Идеологии, которой нет. Точнее — вместо которой есть эклектический набор идей, концепций, **не являющийся устойчивой системой взглядов**. Ни элиты, ни общества. Отсюда — отсутствие стратегии.

Так, например, существуют искусственно созданные нормы потребления, (а также стипендии, пенсии и т.д.), которые абсолютно не соответствуют реальной действительности. Единственно, чему они соответствуют, так это представлениям либеральной элиты о финансовой стабильности, макроэкономическим показателям и другим либеральным представлениям о социально-экономическом развитии страны. Для примера можно использовать так называемый минимальный набор продуктов питания, стоимость которого в России в 2010 году составила 2272 рубля на месяц[119].

Стоимость минимального набора продуктов питания, по предварительным данным, в среднем по России в конце марта 2010 г. составила 2272,7 рубля в расчете на месяц. По сравнению с концом февраля его стоимость увеличилась на 1,4% (с начала года — на 6,2%).

Если исходить из этого критерия, то на 400 рублей в месяц (?) один человек потребляет мясо и мясопродукты, (т.е. примерно 1 кг) или на 40 руб. яиц (т.е. 10 штук в месяц) и т.д. Назвать это «минимальным набором» — издевательство. Но — такова практика, вытекающая из макроэкономической идеологии финансовых властей. Эта практика, идеологический результат либерального подхода к развитию страны.

Примечательно, что в неолиберальной программе ИНСОРа «Обретение будущего. Стратегия—2012» заявлен «стратегический вектор» социальной модернизации: от борьбы с бедностью — к росту среднего класса или от тактики выживания — к стратегии развития. В ней, в частности, предполагается создание «институтов поддержки», в функции которых входит «регулирование» таких вопросов, как минимальный размер оплаты труда, государственные пенсии и т.п. Полагается, что будут созданы основа для «локализации бедности» (!) и условия для эффективного труда «тех социальных групп, которые обладают высоким образовательным, социальным и трудовым потенциалом»[120].

Другими словами, для одни социальных групп — создание «институтов поддержки», которые бы «локализовали» нищету и бедность, т.е. создание для части нации гетто. Для других — создание условий для развития. Не понятно, правда, как и кто будет отделять одни социальные группы от других.

Подобные «ножницы» между политико-идеологическими декларациями и реальной действительностью мы видим повсеместно, что, конечно же,

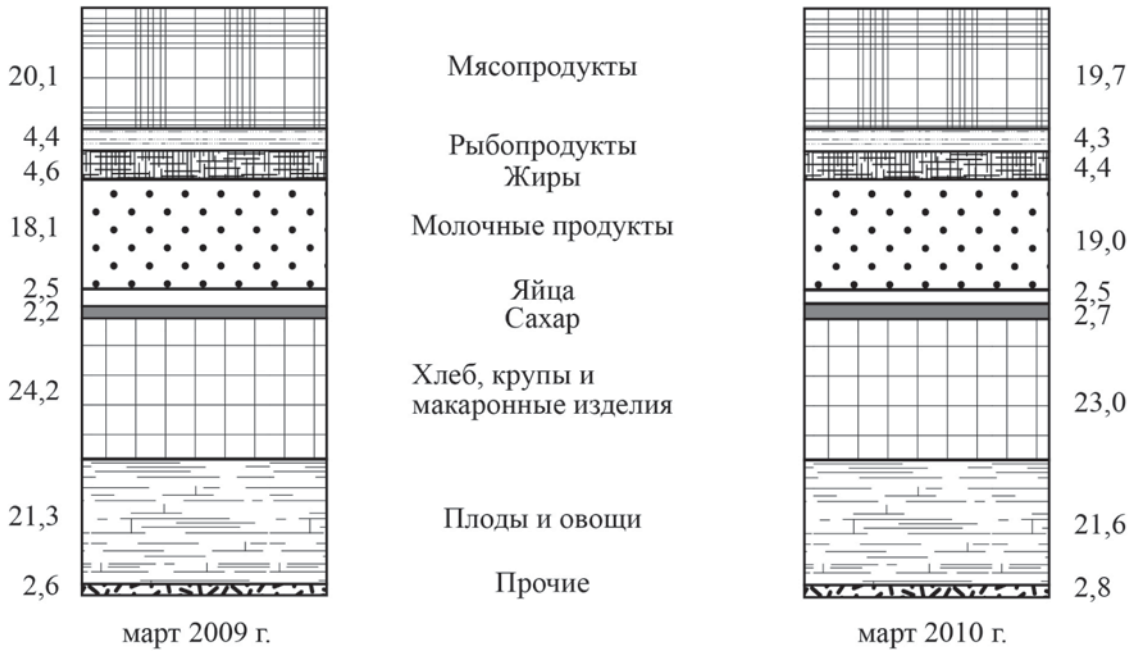


Рис. 13. Структура стоимости минимального набора продуктов питания, %, в расчете на 1 чел. в месяц

заставляет нас **не верить** подобным декларациям. Реализация принципов русского социализма на практике предполагает, что, во-первых, нации говорят правду, как бы тяжела она ни была. А во-вторых, показывают реальные перспективы и задачи, выбирают реальные методы их достижения, которые должны стать **нормой** в отношениях элиты и общества. Так, для начала хорошо бы, чтобы кто-то из чиновников Минфина или Росстата попытался прожить на этот «минимальный набор». Кстати, в Великобритании некоторые парламентарии и даже члены королевского двора это пробовали.

Стоит напомнить, что политическая власть в России персонифицирована. В данном случае с В. Путиным и Д. Медведевым. Политика у большинства граждан воспринимается как единое целое, без специфики, причем, как справедливо полагают эксперты «Левада-центра», в большей степени как «политика Путина»[121]. Поэтому неудачи либеральной экономической политики больнее всего отражаются на правящей элите. И, наоборот, рост ВВП, например, рассматривается обществом как самый главный критерий в оценке действий власти.

Объективные тенденции глобализации, с одной стороны, и результаты развития России — с другой, остро поставили на повестку дня российской политической жизни вопрос об идеологии опережающего развития и, как следствие, о долгосрочной стратегии, прямо вытекающей из такой идеологии.

Решающее значение в формировании основ идеологии социального консерватизма в России приобрела реальная политика В. Путина, те практические шаги, которые предпринимались. Они расценивались как прагматизм, «лишенный идеологии». Так оно и было. В результате сложилась эклектическая, субъективная очень коррупционная система управления, которую можно назвать системой управления «по понятиям». Она может быть заменена, как утверждают некоторые, системой «правового государства». На мой взгляд, без идеологического базиса такого правового государства быть не может. Как и его системы. Вопрос, таким образом, стоит принципиально, а именно: чтобы повысить эффективность управления и реализации поставленных задач требуется общепринятая элитой идеология. Такой идеологией в нынешних российских условиях, на мой взгляд, может быть только идеология русского социализма (социально-консервативная идеология). Общая тенденция такова: политическая практика, реальные действия В. Путина в 2000–2007, а затем Д. Медведева в 2008–2010 годы определяли не только развитие социально-экономической и общественно-политической ситуации в стране, но и ход идеологических дискуссий[122]. Которые так и не привели к созданию устойчивой системы взглядов (идеологии) и, как следствие, — эффективного управления.

Вместе с тем нельзя сказать, что политическая практика В. Путина и Д. Медведева была вне идеологии, а тем более абсолютно «деидеологизирована». Всячески дистанцируясь от обсуждения мировоззренческих проблем в первый президентский срок, более того, инициируя компромиссы — с КП РФ, «почвенниками», правыми, В. Путин отнюдь не выглядел беспринципным, «деидеологизированным» политиком (в чем его все время обвиняли). Его «идеологией» изначально был прагматический **поиск выхода из кризиса**, внутриполитическая стабилизация, возвращение государству его управленческих функций, наконец, освобождение от унизительной внешней зависимости, т.е. налицо все признаки государственнической идеологии. У такой идеологии в 90-е годы было вполне конкретное название — государственный патриотизм, которую, напомню, В. Путин легко перехватил у НПСР благодаря недальновидности Г. Зюганова. Это название идеологии ассоциировалось с идеологией КПРФ и деятельностью Народно-патриотического союза в 1996–1999 годы, что изначально делало эту идеологию неприемлемой не только для либералов, но и для более широких кругов граждан, а главное, эта идеология была пригодна в качестве идеологемы. альтернативной неолиберализму.

Международный опыт наиболее успешных в модернизации стран подтверждал роль государства в этом процессе[123]. Что, естественно, не могло не остаться незамеченным российской элитой. Этим, в частности, объясняется феномен популярности идей «государственности» во второй половине 1990-х годов, когда появилось немало идей, предложений, концепций и людей (в т.ч. в правящей элите), которые заявляли о необходимости усиления роли государства, а также о необходимости разработки такой стратегии развития государства в рамках некой идеологии. В конце 1999 года, например, я писал: «При формировании своей стратегии будущему президенту придется столкнуться прежде всего с острейшей мировоззренческой проблемой — отсутствием у нации сколько-нибудь общих представлений об обществе и государстве, целях и средствах внутренней и внешней политики, единых приоритетах и ценностях»[124].

Все 2000-е годы власть игнорировала, пыталась уйти от ответов на эти вопросы, прикрываясь «прагматизмом», а на деле делегировав реальные рычаги влияния либеральному истэблишменту. Что привело, как известно, не к стратегии национального развития, а к «стратегии» социально-экономической стагфляции. Политические результаты в начале второго десятилетия (в отличие от макроэкономических) оказались… на уровне 2000-го года. Разве что за исключением войны на Кавказе и фронды регионов. Как справедливо заметил в 2011 году С. Магарил, «…макросоциальные стратегии основных групп современного российского общества **вновь направлены на его дезорганизацию, а потому и дезинтеграцию»**[125] (выделено мною. — *А. П.)*. Это

означает полный крах социальной и политической стратегии власти, стратегии, в основе которой не было идеологии. Взяв у государственного патриотизма и русского социализма риторику, флаг и гимн, власть не захотела сделать эту идеологию своей стратегией развития и системой управления. А ведь могла. Так, безусловные успехи к началу столетия в развитии Финляндии, которая, как и Россия, оказалась в начале 1990-х годов в тяжелейшем кризисе, объяснялись, по мнению американских экспертов, той ролью, которую играло государство в процессах модернизации. Американские авторы, в частности отмечают[126]:

— развитие национальной инновационной системы требует **долгосрочной и последовательной государственной политики**;
— **федеральная и местные инновационные политики должны усиливать друг друга**;
— инновационные инициативы должны основываться на существующем технологическом потенциале;
— **государственное регулирование и прямое вмешательство в экономику может способствовать инновациям**;
— инновационная политика и финансовые решения должны основываться на анализе рыночных тенденций;
— естественные конкурентные преимущества — природные ресурсы и географическое положение — нужно использовать для развития инновационной экономики;
— воссоздание компании «Nokia» демонстрирует роль правительства в создании среды, благоприятной для развития высокотехнологичной компании;
— ориентация на экспорт технологий оказалась удачной для страны с небольшим внутренним рынком. При этом поддержка оказывалась как местным, так и международным компаниям при условии создания рабочих мест внутри страны;
— научные и технологические парки могут быть самоокупаемыми и в то же время способствовать инновациям.

Взяв за основу такую идеологию, В. Путин вместе с тем не мог (да и не должен был в интересах стабильности) политически ассоциироваться с ней в свой первый президентский срок. И здесь он показал себя блестящим тактиком, который ставит государственные интересы выше политических и личных. Напомню, что идеология государственного патриотизма в 90-е годы (т.е. незадолго до прихода В. Путина к власти) была идеологией оппозиции, причем оппозиции непримиримой по отношению к либералам и лично Б. Ельцину. Идеология эта, кстати, победила на выборах в Госдуму в декабре 1995 года, когда формально КПРФ, а на деле широкая оппозиция получила большинство мест[127]. Сегодня уже мало кто помнит, что полученное в результате выборов в Госдуму 1995 года большинство КПРФ партийным большинством было только формально. Тем более, что регулярно побеждавшие на выборах губернаторов кандидаты от НПСР редко ассоциировали себя с КПРФ. Только недальновидность и нерешительность Г. Зюганова развалила НПСР и помешала победе оппозиции в 1996 году.

Другая объективная причина заключалась в том, что, занимаясь выходом из кризиса, нельзя было себя идеологически ясно позиционировать. Это означало бы появление идеологических (и политических) противников, которые объективно мешали бы сугубо прагматической политике стабилизации и политической практике «ручного управления». Весь первый президентский срок, работая на укрепление государства, В. Путин шел путем идеологических компромиссов. Таким образом, у новой идеологии, которая стала оформляться после 2004 года, были вполне обоснованные предпосылки исторического и прагматического характера.

Более того, мировой опыт подтверждает, что опережающее развитие возможно только как **самостоятельное** (а не заимствованное) идеологическое развитие, когда происходит синтез традиционных ценностей и национальных интересов и инноваций. Об этом я не раз писал в 1990-е годы[128]. Продолжаю считать так и теперь, хотя ясно, что процесс такого синтеза далек от завершения. Как справедливо считает профессор МГИМО(У) С. В. Чугров, «…несмотря на то что в Японии сформировался синтез традиции и модерна, соотношение культурфилософской традиции и актуальной реальности — одна из проблем японского общества, которая не нашла окончательного решения»[129].

Вместе с тем этот вывод не отрицает общих для всех стран закономерностей появления, развития и исчезновения идеологии. Так, известно, что несоответствие новых социально-экономических и социокультурных условий старым политическим и идеологическим моделям — объективная причина кризиса классических идеологий. В полной мере это относится к нашей стране, где в период 2000–2007 годов (до кризиса 2008–2010 годов) стремительно менялись базовые социальные и экономические условия существования для значительного числа граждан. Иногда настолько стремительно, что мы сегодня еще не в полной мере отдаем себе отчет в масштабе перемен.

За 2000–2007 годы страна в своем развитии прошла несколько этапов. Приведу лишь ряд примеров. Так, за эти годы произошла фактическая дедолларизация экономики: напомню, что после кризиса 1990-х, и особенно дефолта 1998 года, основной валютой в стране был доллар. По оценкам ЦБ, на руках у населения находилось до 60–80 млрд долл. К началу июля 2007 года — уже чуть более 10 млрд, а к концу года, по оценкам экспертов, как ожидалось, долларов «в чулках» почти не останется[130].

Табл. 11. Дифференциация доходов в России (ельцинский период)[131]

Год	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Децильный коэффициент, раз	4,4	4,5	8	13,5	15,2	13,5	13,3	13,6	13,8	14,1
Коэффициент Джини	—	0,26	0,289	0,407	0,409	0,387	0,387	0,39	0,394	0,4

Дифференциация доходов в России (постельцинский период)

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Децильный коэффициент, раз	13,9	13,9	14	14,5	15,2	15,2	16	16,8
Коэффициент Джини	0,395	0,397	0,397	0,403	0,409	0,409	0,416	0,423

За эти же годы количество личных автомашин выросло более чем в 6 раз, а основную массу продаваемых средств стали составлять уже не отечественные машины и потрепанные зарубежные, а новые иномарки. За это же время в несколько раз выросла средняя зарплата и пенсии, что привело к тому, что существенно изменилась социальная структура общества. Все эти изменения происходили в результате антикризисного управления, предпринятого властью, тех конкретных мер, которые получили название «политика стабилизации».

Вместе с тем не удалось радикально изменить соотношение бедных и богатых в стране, преодолеть растущий разрыв между ними (табл. 11).

Социальное расслоение в России в результате социально-экономических перемен выразилось в быстром росте крупных и очень крупных состояний при относительном и абсолютном обнищании основной части населения. Если принять во внимание общее падение всех экономических показателей в первый период реформ, то, как писала Н. М. Римашевская, «проблема бедности как самостоятельная исчезает. Бедной становится как бы страна в целом»[132]. Однако при этом происходит перераспределение активов и при бедности страны на основе бывшей «общенародной собственности» возникает частная собственность, требующая государственной защиты.

Источник: ВЦИОМ (опрос проводился 28–29 июля 2007 г.)

Рис. 14.

Что, естественно, сохраняло настроения в пользу социальной справедливости. Примечательно, что в 2007 году даже среди сторонников «Единой России» 44% предпочли бы президента-социалиста, а 43% выбрали бы социалистическую модель развития[133]. Это объясняет то обстоятельство, что считающаяся правоцентристкой «Единая Россия» объективно остается базой для социально-консервативной идеологии.

Вполне динамично развивающаяся в 2000–2007 годы Россия добилась безусловных успехов, которые привели к появлению нового качества социального запроса. Запроса на прогноз, стратегическую идею развития, наконец, запрос на идеологию развития. Россия к 2008 году, по образному замечанию Д. Медведева, стала «другой страной». В своем развитии за семь лет она перешла от стадии нищей неуправляемой страны, зависящей — экономически и политически — от МВФ, к бедной, но независимой стране-кредитору.

Соответственно это не могло не сказаться и на общественном восприятии России, ее места в мире, самооценке граждан: в большинстве своем для граждан стало ясно, что неолиберализм и коммунизм — две главные политические силы и противники 1990-х годов — себя изжили. Остается то, что дает некий позитивный результат — политика В. Путина. Именно этим и объясняется огромная и устойчивая поддержка на протяжении всех лет не только В. Путина, но и ассоциируемой с ним «Единой России». При всем их видимом идеологическом нигилизме и прагматизме.

В эти же годы, важно подчеркнуть, — развитые страны в полной мере использовали колоссальные заделы научно-технической революции 1980–1990-х годов — периода упущенных возможностей СССР и России. Первое десятилетие нового века стало временем реализации в экономике и общественной жизни этих результатов: экономика, общество, государство перешли в постиндустриальную стадию развития, когда прежние экономические и социальные модели и идеологии претерпели решительные изменения.

Таким образом, подтвердилось старое марксистское правило: базовые изменения в социально-экономическом укладе общества — как негативные, так

и позитивные — неизбежно сказываются на формировании новых идеологических и политических моделей. Это характерно не только для развитых стран в последнее десятилетие, но и для России, которая оказалась перед идеологическим выбором.

Для России объективная тенденция идеологического выбора была отложена в связи с системным кризисом 1990-х годов. Возможность эволюции политических и идеологических моделей была исключена. Если развитые страны могли в эти годы модернизировать существовавшие идеологические и политические системы постепенно — «социализировать либерализм» и «либерализировать социализм», то в России после кризиса 1990-х приходилось прагматически, практически вводить «ручное управление», не задумываясь особенно об идеологических обоснованиях. В результате к 2006–2007 годам в России сложилась система (которую пробуют критиковать как авторитарную) — подчеркну — **система политического управления**, а не ее полное отсутствие, характерное для России 1990-х годов. Можно (и надо) спорить о ее качестве, но уже нельзя говорить о ее отсутствии. В этом смысле можно согласиться с суждением, высказанным в редакционной статье журнала «Эксперт» в марте 2007 года, о том, что «нынешняя система — это система, а не хаос 1990-х и начала 2000-х». Это, кстати, отметили и рейтинговые агентства, которые были вынуждены признать, что качество госуправления хотя и остается низким, но повышается, т.е. тенденция роста управляемости налицо. Другое подтверждение — рост доходов в регионах, который за первую половину 2007 года превысил 25%.

Напомним, что к приходу В. Путина не существовало даже иерархии политических институтов, маломальского контроля власти. И одно это ставило под сомнение устойчивость политического строя в целом и целостность страны. Тогда происходила постоянная конкуренция между институтами власти: при формальном верховенстве института президентства с ним постоянно конкурировал парламент, сенат и крупный капитал. Сегодня президент, безусловно, находится на вершине иерархии, что, на наш взгляд, с учетом духа и размера страны — наиболее эффективный способ контроля за политическими рисками[134].

Другими словами, в условиях кризиса в России в первом десятилетии XXI века сложилась **сначала политическая система**, а потом уже **стала складываться идеология**, а не наоборот. Сначала было антикризисное управление, «вертикаль» и т.д. — все то, что называется политической практикой режима В. Путина, а уже потом ее идеологическое обоснование.

Если говорить о пропорциях между политической практикой и идеологией за 2000–2007 годы, то очень условно их можно выразить следующим образом: в 2000 году — 10% идеологии и 90% прагматизма, рефлексии, даже конъюнктуры, а в 2007 году — 50% — 50%, т.е. политическая практика стала идеологизированной, а в некоторых случаях (как, например, в вопросах отношения к соотечественникам, демографии) политическая практика стала уже производной от идеологии. Таким образом, в 2000–2007 годы мы наблюдаем эволюцию от рефлекторного принятия политических решений в условиях жесточайшего системного кризиса к осознанной идеологической и политической системе, основанной на базовых принципах и ценностях, имеющей очевидно долгосрочный и идеологический характер. Происходит очевидный процесс «идеологизации» политики, процесс, имеющий противоположное направление запущенному М. Горбачевым и А. Яковлевым разрушительному процессу «деидеологизации». Круг замкнулся. Для того чтобы признать ошибку, потребовалось 20 лет. Потребность в ускоренном формировании идеологии становилась все очевиднее по мере приближения политического сезона 2007–2008 годов, ведь эти публичные кампании не могут не быть идеологизированы.

В этой связи целесообразно полнее рассмотреть предпосылки и историю нарождающейся социально-консервативной идеологии, у которой во многом либеральное «экономическое лицо» и патриотическое, даже традиционалистское прошлое как-то соседствуют с сильной социальной риторикой.

Этот нарождающийся синтез внешне противоположных идеологий, как мне кажется, вполне органично может интегрироваться только в рамках общей идеологии социального консерватизма, которая, в свою очередь, является следствием практической, даже прагматической политики В. Путина. Отсюда и эклектика, противоестественные сочетания, но отсюда же и жизненность этой идеологии.

Для того чтобы лучше представить себе ее возможную скорую эволюцию (все процессы резко активизируются в период выборов), необходимо вновь вернуться к корням, истокам социального консерватизма.

В начале 1990-х годов две важнейшие идеологические составляющие — социальная, даже социалистическая и консервативная (традиционалистская) — социального консерватизма представляли два лагеря — «левых» и «патриотов», внутри которых существовало множество течений. От «демпатриотов» до монархистов и черносотенцев, с одной стороны, и радикальных коммунистов и социал-демократов — с другой.

Эти разношерстные идеологические спектры составляли два политических лагеря, которые нередко вместе противостояли либеральной «Демократической России». Объединялись они (политически) на платформе этого противостояния, провозглашая ценности сильного государства и восстановления традиций (в т.ч. социалистических). Это аморфное политическое объединение объяснялось идеологией (иногда говорили мировоззрением) государственного патриотизма. По сути дела, эта идеология государственного патриотизма и стала предтечей

современного социального консерватизма — того сплава, который вполне органично, даже классически описан современными западными философами, но который **практически оказался востребован властью только с приходом В. Путина.** Не случайно многие бывшие члены руководства НПСР позже оказались сторонниками В. Путина: А. Руцкой, Г. Наздратенко, А. Тулеев, С. Говорухин, А. Подберезкин, И. Константинов, К. Затулин и многие другие.

Следует также признать, что этой эволюции объективно способствовали два субъективных политических обстоятельства.

Первое заключается в том, что лидеры КПРФ, прежде всего Г. Зюганов, использовав идеологию государственного патриотизма и его политический субъект НПСР, после 1997 года стали искусственно подчинять его организационным и идеологическим установкам руководства КПРФ, «заталкивать» эту идеологию в ортодоксально-эклектическое коммунистическое русло. Это привело к тому, что НПСР прекратил существование, все «несогласные» с Г. Зюгановым оказались вытесненными, а идеологическое пространство осталось свободным для той части российской элиты, которая стремительно уходила от неолиберализма.

Идеологическая площадка оказалась не просто вакантной, но абсолютно соответствующей тому этапу в развитии человечества и России, на котором президентом страны стал В. Путин. Неудивительно, что после его прихода к власти он легко, без напряжения занял пустующую идеологическую нишу, не беспокоясь об ее концептуальном и идеологическом оформлении.

Второе. Российская элита в целом оказалась достаточно умна, чтобы осознать, что неолиберализм себя исчерпал в России, не успев, по сути дела, народиться. Этому способствовало изживание неолиберализма на Западе, где в 90-е годы он стал непопулярной и не господствующей идеологией. Но, кроме того, результаты неолиберальных реформ в России оказались настолько катастрофичными, что это идеологическое течение быстро превратилось в маргинальное.

Надо отдать должное российской элите — как предпринимателям, так и бюрократам, которые в своей основной массе легко восприняли крах неолиберальных идей. Как, впрочем, и неприятие неоконсерватизма, и догматического коммунизма. Традиционализм, прежде всего советский, сыграл определенную роль, но, думается, что основное значение имела общепризнанная практическая бесполезность, даже вредность неолиберальных идей для общества и государства.

Этим также объясняется, на мой взгляд, та идеологическая пауза, которая возникла в идеологических спорах в 2000–2005 годах: либералы были абсолютно дискредитированы после августовского кризиса 1998 года, коммунисты — ускоренно деградировали, а у новой власти не было времени и, главное, крайней необходимости заявлять об идеологических и программных установках. Ей требовалось прагматическое решение кризисных вопросов, а не теоретические споры относительно преимуществ социализма, неолиберализма или консерватизма.

Кроме того, думается, что именно в период 2000–2005 годов все три доминировавшие в мире идеологии так или иначе оказались на излете. Неоконсерватизм и неолиберализм по одним причинам, классический социализм — по другим. В развитых странах все отчетливее намечалась тенденция синтеза социальных и либеральных идей.

Наконец, представляется, что к 2005 году, опять же исходя из практики, российские власти пришли к выводу, о котором говорили уже открыто идеологи и философы: четкий отказ от социализма вовсе не означает радикального ограничения доступа граждан к социальным благам[135]. Социальная политика В. Путина после 2005 года (особенно после декларации о нацпроектах) стала политическим признанием этой идеологемы. На деле эта политика стала фактическим признанием пагубности неолиберализма, не способного развивать экономику знаний, которому был противопоставлен русский вариант социального консерватизма — синтез социальных и традиционных идей и принципов.

Это же объясняет и потребности развития и модернизации российской экономики. Как справедливо отметил А. Владиславлев, «…нынешняя модернизация в отличие от предыдущей имеет принципиально иной характер. Она не может использовать те средства и методы, которые были прежде. Современная экономика — это не экономика „угля и стали“, а экономика высоких технологий, наукоемких производств, экономика знаний. Главным образом поэтому отличие нынешней модернизации от предыдущих состоит в том, что она может быть осуществлена только в условиях свободы, приумножения демократических ценностей, формирования гражданского общества»[136].

Дискуссия по поводу идеологии развития современного общества возобновилась в 2004 году и особенно усилилась в 2005–2006 годах, после некоторого идеологического затишья 2000–2003 годов. Уже не только интеллектуалы или узкий слой способной самостоятельно мыслить политической элиты, но и сама **власть** стала стороной этой дискуссии. Более того, власть сама, как оказалось, и инициировала эту дискуссию. Если до этого власть практически создавала предпосылки для новой идеологии, то в 2004 году она стала сама субъектом этого процесса.

Объяснений несколько. Во-первых, был преодолен хаос и системный кризис, когда не до идеологических споров, ведь речь шла в прямом смысле о выживании — конкретного человека, семьи, наконец, всего государства. Режим «ручного управления» требовал дисциплины, исполнительности и особенно лояльности, которая не предполагала «принципиального» выяснения отношений и кликушества. Когда же удалось

Табл. 12. Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов (в %)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Все население	100	100	100	100	100	100
в т.ч. со среднедушевыми денежными доходами, руб. в месяц:						
до 1000,0	20,4	12,5	6,8	3,3	1,9	0,8
1000,1–1500,0	19,9	15,0	10,6	6,5	4,3	2,4
1500,1–2000,0	16,4	14,4	11,8	8,5	6,1	3,9
2000,1–3000,0	20,7	21,7	21,0	17,7	14,3	10,6
3000,1–4000,0	10,4	13,4	15,2	15,1	13,7	11,7
4000,1–5000,0	5,3	8,2	10,4	11,7	11,7	11,0
5000,1–7000,0	4,4	8,2	11,9	15,4	17,0	17,8
7000,1–12 000,01	2,5	6,6	12,3	15,2	19,6	24,1
Свыше 12 000,0				6,6	11,4	17,7

[1] 2000–2002 гг. — свыше 7000,0.

Табл. 13. Секторальная структура занятости, %

Страны	Аграрный сектор	Промышленный сектор	Сектор услуг
Болгария (2003)	10,1	32,8	57,1
Венгрия (2002)	6,2	34,1 28,6	59,7
Польша (2002)	19,3		52,0
Румыния (2002)	36,4	29,5	34,1
Словакия (2002)	6,2	38,4	55,4
Словения (2002)	9,7	38,6	52,0
Чехия (2002)	4,8	39,6	55,6
Россия (1990)	13,9	40,1	46,0
Россия (2002)	11,5	29,8	58,7
Германия (2002)	2,5	31,9	65,6

добиться внутриполитической и макроэкономической стабилизации, то появилась возможность для дискуссии, в т.ч. внутри власти. Примечательно, что наиболее конструктивная и острая дискуссия наблюдалась (благодаря прямому телеэфиру) на заседаниях правительства и в общении президента с представителями власти.

Во-вторых, изменились социально-экономические условия существования, о чем, к сожалению, мало говорится. Представление о таких изменениях дают данные роста душевого дохода (табл. 12), которые изменили положение основной части населения от уровня катастрофического до бедности[137].

За последние годы существенно изменилась и структура занятости в России (табл. 13), что свидетельствует о массовой переквалификации граждан и их переходе из традиционных секторов экономики. На фоне восточноевропейских стран и даже Германии Россия выглядит вполне развитой с социальной точки зрения страной[138].

Таким образом, под необходимость и поиск новых идеологических решений в России существуют вполне конкретные и объективные условия, связанные с возможностью перехода к новой экономической и социальной модели развития. Пока (без идеологического обеспечения) этот процесс идет спонтанно и хаотично, что, конечно же, сказывается негативно на стратегическом планировании. А главное — непоследовательно. Так, после определения в мае 2006 года В. Путиным приоритетов социально-экономического и демографического характера,

Табл. 14. Расходы бюджета 2006–2010 гг. (в млрд руб. и в % к предыдущему году)

Расходы	2006	2007	2008	2009	2010
Национальная оборона	666	821(23%)	956(16%)	1053(10%)	1184(12%)
Национальная безопасность	541	664(23%)	768(16%)	922(20%)	999(8%)
Здравоохранение и спорт	149	206(38%)	211(2,5%)	228(8%)	268(18%)
Образование	201	278(38%)	307(11%)	310(1%)	339(9%)
Культура и кинематография	51	65 (3%)	78(15%)	67(—14%)	64(—4%)
Национальная экономика	339	495 (56%)	656(32%)	730(11%)	482(—34%)

По данным Министерства финансов

правительство, безусловно, скорректировало свой курс. Но в главном, стратегическом направлении — бюджетном планировании — сохранилась инерционность. Это наглядно видно из проекта трехлетнего бюджета на 2008–2010 годы, предложенного весной 2007 года правительством[139].

Как видно, даже по сравнению с 2007 годом инвестиции в человека снижаются, а не растут. Это свидетельствует о том, что политические решения еще не стали практикой.

В то же время очевидны позитивные тенденции, связанные, прежде всего, с изменением отношения правящей элиты. Эти идеологические сдвиги заметны, например, в изменении роли стратегических прогнозов, которые «перестают играть утилитарную роль — помогать рассчитывать бюджетные показатели»[140].

Как справедливо отмечает Ф. Лукьянов, «что касается идеологии, то считается, что запрос на нее в обществе должен появиться. Речь, естественно, не о придуманных наверху конструкциях, призванных обозначить наличие идеологической надстройки, а о подлинном стремлении к идейной самоидентификации. Трудно представить себе возврат к либеральной системе взглядов, которую пытались внедрить на заре реформ. Соответственно, вряд ли появятся и „общие ценности“, способные стать основой для настоящего партнерства с Западом.

Более вероятен противоположный вариант: формирование консервативной идеологии, построенной на отрицании западных постулатов. В процессе создания государства-нации, а именно это пытается делать Россия, традиционализм и обостренное внимание к национальным особенностям естественны. Правда, многообразие и достаточно высокая степень открытости современного российского общества, скорее всего, в силах ограничить консервативный тренд.

Как бы то ни было, доведенный до абсолюта прагматизм, который служит основанием нынешней политики России, очевидно, имеет свои пределы. И окончание переходного периода потребует формулирования целей более масштабных, чем получение моментальной выгоды везде, где только возможно»[141].

11. Как заполнить идеологический вакуум?

Защита национальных интересов составляет некий общественный консенсус; он достигается не директивами и социальными решениями, а формируется как устойчивая и принятая большинством традиция и непременный компонент политической культуры[142].
А. Чубарьян

Идеология нашей партии разрабатывалась в практической работе, в решении задач развития страны[143].
Б. Грызлов

Главный вопрос, который в 2011 году очень четко сформулировал Д. Б. Дондурей, — это «будет ли наше будущее определяться технологиями или идеологией»[144].

Идеологический кризис в России — следствие идеологического вакуума, возникшего (точнее — искусственно созданного) в идеологии в 1990-е годы. Не заполнив этот вакуум, нельзя выйти из кризиса. Причем не только идеологического, но и социально-экономического. Проблема, таким образом, заключается в том, **каким образом** заполнить идеологический вакуум.

Следует признать, что правящая элита, всячески защищая этот идеологический вакуум, фактически поддерживала единственную либеральную идеологию. В самых различных ее формах — от консервативной (предписываемой В. Путину, а до этого Б. Ельцину) до «прогрессивной», лидером которой «объявили» Д. Медведева в 2009–2011 годах.

Одновременно всячески пытались избежать «идеологизации». Для этого изобретались аргументы в пользу «негосударственной» идеологии, «идеологии прагматизма», «отказа от социальной демагогии»

и т.д. Смысл их был понятен: как только в общественном сознании закреплялась национально и социально ориентированная идеология, это становилось предпосылкой для изменения социально-экономического курса либерального истеблишмента и смены либеральной элиты.

Именно боязнь заполнения этого вакуума общенациональной идеологией, в данном случае социально и национально ориентированной, стала причиной острой дискуссии, развернувшейся по самым разным поводам в СМИ в 2005–2011 годах. Так, острую полемику (но не надолго) вызвал, например, манифест Н. Михалкова, опубликованный в октябре 2010 года. Это эссе отражает, на мой взгляд, позицию (или тенденцию) значительной части элиты и общества, имеющую очевидную антилиберальную направленность. И, конечно же, этот документ — претензия на идеологию, где изложены все основные элементы идеологической системы, «просвещенного консерватизма» — от основных идей, принципов до идеологем. Так, Н. Михалков считает, что главный принцип мышления и деятельности для просвещенного консерватора совпадает с главным принципом устойчивого развития — «думай глобально, а действуй локально»[145] (это уже идеологема. — *А. П.*).

Не менее острую реакцию вызвали и публикации ИнСоРа, которые назвали «страшилками». Так, А. Ципко, например, оценил их следующим образом: «Обозреватели многих либеральных изданий, к примеру „МК“, не случайно окрестили **последний доклад ИнСоРа „антипутинской политической страшилкой“. Обратите внимание, как сладострастно автор первого раздела „Модернизация как стратегия национального развития“ топчет и путинские нулевые, и его претензии на роль национального лидера.** Тут, в этом тексте, действительно много от большевистской публицистики, разоблачающей „антинародную сущность самодержавия“»[146].

Падение доверия к власти, отмечаемое социологами в 2011 году, было во многом вызвано потерей доверия к либеральной элите и ее идеологии.

Можно констатировать, что к концу 2010 года проблема «идеологического вакуума» стала общепризнанной не только в значительной части российского общества, но и элиты, которую уже не устраивало «ручное управление» и непонимание (или боязнь непонимания, «неугадывания») намерений власти. Элита растерялись, не зная, какой курс и кто будет реализовывать. Требования к В. Путину и Д. Медведеву «определиться» были требованиями не только относительно будущих выборов, но относительно будущего курса. Ни заявления Д. Медведева о том, что «Сколково — наша идеология», ни В. Путина о том, что нам нужно 10 лет стабильности, «либеральную элиту», а тем более — всю нацию удовлетворить уже не смогли. Шли «настойчивые поиски новой формы все той же либеральной идеологии»[147].

При этом сами представители либеральных властей всячески пытались дискредитировать другие идеологии, навешивая ярлыки «национализма» и «социальной демагогии» на любые казавшиеся перспективными идеи. Параллельно они пытались заранее упредить появление общенациональной идеологии[148]. При этом либеральные критики, как правило, апеллируют к следующим аргументам.

1. «Общенациональная идеология (которую **сознательно** называют государственной) запрещена Конституцией России».

Да, действительно, государственная идеология запрещена действующей Конституцией, но, во-первых, Конституция не запрещает и не может запретить общенациональную идеологию, во-вторых, в Конституции речь идет об идеологии, которая поддерживается и насаждается государственным институтами, а главное, в-третьих, речь не идет о монопольной идеологии, т.е. запрете (как при КПСС) других идеологий.

Такая общенациональная идеология может быть идеологией русского социализма, которая не является и не может являться государственной. Она даже не может быть монополизирована одной партией. «Провозгласившая» себя ее сторонником, любая партия апеллирует не только к своим членам, но и тем, кто разделяет идеи и принципы русского социализма. Сторонники этой идеологии есть (и я думаю, что их большинство) среди сторонников «Справедливой России», КПРФ, ЛДПР, Народно-патриотического союза (из идеологии которого образца 1990-х годов она и вышла), даже «Единой России».

2. «Россия в очередной раз выдумывает свой „особый путь“, которого нет и не может быть». Говоря так, либералы имеют в виду, что «все самое лучшее» уже изобретено и апробировано на Западе. Поэтому любой поиск — изначально бессмысленен и даже вреден.

Но, во-первых, кроме Запада есть еще Китай, Индия, Бразилия, да и другие государства, идущие по «особому пути». Человеческая цивилизация отнюдь не ограничена США и Европой.

Во-вторых, даже в странах Евросоюза, особенно после кризиса 2008–2010 годов, всерьез окрепли голоса критиков идеологии либерализма, даже капитализма. Причем не только профессионалов, но и простых граждан, большинство из которых (более 80%!) в ходе соцопроса летом 2010 года в Германии проголосовали против капитализма.

Либеральная идеология столкнулась (в лице США) с серьезными вызовами в мире. Нарастающий цивилизационный конфликт имел во многом, если не в основном, антилиберальную исправленность. Так, по данным С. Хантингона, соцопросы в 2002 году показывали, что «от 56 до 85 процентов населения Египта, Иордании, Индонезии, Бангладеш, Ливана, Сенегала, Пакистана и Турции против американской войны с терроризмом»[149].

Хотим мы признать это либо нет, но российская внешняя политика, как бы «прагматично» она ни называлась, всегда должна делать выбор между национальной и либеральной системой ценностей. Иногда, как весной 2011 года в случае с Ливией, следовал один выбор. Иногда, как в апреле 2011 года в случае с Сирией, — другой.

На мой взгляд, ликвидация идеологического вакуума — это проблема внедрения, продвижения идеологии не только политтехнологически, но и содержательно, политически. Решить ее можно целым набором средств, имеющихся в распоряжении общества и государства. Вот лишь некоторые из них:

Во-первых, необходимо **перестать отрицать необходимость идеологии** как устоявшейся системы взглядов общества и элиты. Во всех ее разновидностях идеология необходима обществу, а «деидеологизация» — суть лицемерие, создающего вакуум, который с удовольствием заполняют чужие идеологии.

Во-вторых, необходимо **«вернуть государство в идеологию**, т.е. признать, что инструменты информационного, материального, административного и иного воздействия, имеющиеся у государства, никто не отменял, что они всегда использовались и используются. Что никакой «прагматизм», вроде бы исключающий идеологию, не может, да и не заменяет ее ни во внешней, ни во внутренней политике. При этом надо четко провести разницу между невозможностью создания государственной идеологии и необходимостью общенациональной.

В-третьих, необходима дискуссия и политический диалог, широкое участие общества, а главное, создание механизма **влияния этой дискуссии на власть**. При этом сама власть должна активно участвовать в этой дискуссии, включая высших чиновников, которые должны отвечать на поставленные обществом вопросы. При том понимании, что политическая либерализация в условиях ухудшения экономического положения, как совершенно справедливо считает эксперт центра Карнеги Д. Трейсман, «…дала бы возможность политическим конкурентам режима мобилизовать оппозиционные силы…»[150].

В-четвертых, президент, руководство страны должны превратиться из чиновников **в идеологических лидеров**. Сегодня таковыми по факту являются только В. Путин и Д. Медведев, изредка, — В. Якунин и С. Иванов, а также Ю. Лужков.

Наконец, в-пятых, надо понимать, что без амбициозной идеологии нам предстоит по-прежнему мириться с тем инерционным курсом развития, при котором у нации нет перспективы на будущее. Сегодня наши финансовые власти, например, исходят именно из такого прогноза для России на будущее, соглашаясь и принимая в качестве политической установки оценки МВФ и Всемирного банка[151].

Принято считать, что государство, его институты являются производными от политической системы и, в конечном счете, идеологии. При этом не всегда учитывается обратное влияние власти на идеологию, которое в истории России нередко играло решающую роль. Не только Петр I, но и М. Горбачев, будучи продуктами существовавших политико-идеологических систем, в свое время политическими методами изменили доминировавшую в государстве идеологию.

В определенном смысле В. Путин лишь продолжил эту традицию. Придя к власти, он очутился в идеологическом вакууме, где сегментами существовали как старые, так и новые идеологемы, которые никоим образом не хотели выстраиваться в систему, хоть как-то напоминающую идеологию. Как и в других сферах общественной жизни России, идеология находилась в глубоком кризисе. Поэтому преодоление кризиса в этой области (как и в экономической, валютной, федеративных отношений и др.) В. Путин предпочел «на ручном управлении», сугубо прагматическими мерами. Таким образом, важная особенность в создании идеологических предпосылок принадлежит государству, точнее — прежде всего лицу, его представляющему, — президенту В. Путину. Прагматизм, внешнее дистанцирование от идеологии, оставались в период первого срока В. Путина характерными чертами его антикризисной политики. Последние (2005–2007 годы) Послания Президента РФ, его выступления, а также выступления В. Ю. Суркова, Д. А. Медведева, С. Б. Иванова, других лиц, прежде избегавших идеологической оценки, стали откровенно идеологическими, программными. Хотят это признавать их оппоненты или нет. В них ясно прослеживаются все признаки сформировавшейся, но, может быть, до конца еще не вербализованной идеологии:

Табл. 15. Прогноз развития мировой экономики (темпы роста ВВП, %)

	2009 (факт)	2010	2011	2012
Мировая экономка	-2,2	3,9	3,1	3,4
Страны с высоким	-3,4	2,8	2,4	2,7
уровнем дохода				
Развивающиеся страны	2,0	7,0	6,0	6,1
Россия	-7,9	4,0	4,4	4,0

Источник: Группа глобальных экономических прогнозов Всемирного банка.

приоритеты, ценности, взаимосвязь между базовыми идеями, даже частные концепции. Это привело, в частности, к попыткам «реконструировать» идеологию В. Путина, опираясь на анализ его Посланий, такими авторами, например, как А. Чадаев[152].

Так, в Послании 2005 года, например, В. Путин ясно признает: «Мы должны были найти собственную дорогу к строительству демократического, свободного и справедливого общества и государства»[153].

«Найти дорогу» можно, только опираясь на собственные, национально ориентированные кадры социо-гуманитарных наук, **которые игнорировались в последние десятилетия**. В одной из справок министерства говорится, что за пять лет количество бюджетных мест в «Гуманитарных науках» было сокращено на 30,6%, в «Образовании и педагогике» — на 35,7% и в «Экономике и управлении» — на 51,5%. В 2011 году вузы продолжили сокращать набор по этим направлениям: на 7400, 2400 и 3800 мест соответственно. Однако «Ведомостям» не удалось найти объяснения тому, каким образом правительство спрогнозировало цифры 27,6 и 17,6%: в материалах Минобрнауки, доступных в Интернете, об этом ничего не говорится[154].

Но, главное, в них видна уже сложившаяся **система взглядов, не навязанная ультимативно обществу,** но система, **положенная в основу практической политики.** Эта «прагматичность» идеологии сделало ее для многих невидимой, даже незаметной. Но то, что реальная политика осуществлялась в соответствии с существующей идеологий, лишь доказывало ее практичность, функциональность. Думается, что функциональность — это и доминирующая черта в личностной характеристике руководства страны 2000–2006 годов.

Оказалось, как справедливо пишет А. Владиславлев, что уверенно, спокойно и настойчиво, без кадровой чехарды можно добиваться поставленных целей и отступать, если принятое решение было ошибочно или требовало серьезной корректировки. Не нарушая стабильности, можно жестко выдерживать реализуемый курс, терпеливо выдвигая программы, совокупность которых и должна создать плацдарм для взвешенной коррекции курса реформ, не изменяя Конституцию при явной очевидности ее отставания от процессов, уже изменивших облик страны, двигаться вперед, укрепляя государство и власть во имя защиты прав и свобод на этот раз всего населения страны. И надо сказать, что это делается без особой лжи и демагогии. Все это не очень по-русски, но так происходит. По-русски пока остается только «ручное управление».

Не случайно не только идеологически, но и организационно, роль государства в новой идеологии просматривается особенно отчетливо. Иногда даже пугающе отчетливо для либералов, которые возводят ее до уровня авторитаризма.

А между тем исторически, политически и экономически роль государства всегда была достаточно заметна в России и СССР. Исключение составили 1987–2000 годы, когда сначала власть сознательно разрушала государство и его институты, а затем не могла «вернуться в государство».

Реформирование государства, экономики и всего общественного уклада тем более нуждалось в сильном государстве. Пример КНР и Индии это хорошо показывает. Но российская элита сначала пошла по другому пути, полагая, что «всесильная рука рынка» сделает за аппарат управления государством всю черновую работу.

К 2000 году это, казалось, поняли. Вопрос только в том, до какой степени должно быть возвращено государство? Если в вопросах безопасности, правопорядка и обороны ответы на эти вопросы нашлись вполне адекватные, то в вопросах финансов, экономики, социальной жизни эти ответы еще только формируются. Не решены они окончательно и в 2007 году. Как отмечали эксперты весной 2007 года, «…понять, какой именно модели экономического устройства собираются достичь к 2020 году и что конкретно для этого необходимо сделать, невозможно»[155]. Речь идет, конечно же, прежде всего о роли государства.

Примечательное признание одного из немногих бывших идеологов «Единой России» А. Владиславлева свидетельствует об этом вполне определенно: «Российскую модернизацию может осуществить только сильное государство. Мировой опыт и истекшие годы убедили нас в том, что путь в новую современную российскую цивилизацию лежит только через признание и утверждение того факта, что сильное государство и державное величие, демократия и свобода должны не исключать, а защищать и обогащать друг друга»[156].

Это одна, но отнюдь не доминирующая точка зрения.

Вместе с тем мы видим, обращаясь к практике, что когда идеологических ответов на такие вопросы нет, то действует «практическая целесообразность», в данном случае реальная политики, определяемая аппаратными действиями.

Само по себе логичное, последовательное поведение, ориентированных на некие (не всегда называемые, но предполагаемые) принципы, уже говорит о существовании идеологии, точнее о процессе ее активного формирования. Этот процесс сопровождается бурными дискуссиями не только внутри правящей элиты, но и, естественно, за ее пределами. Симптоматично, что внутри элиты полемика часто идет даже острее, чем в целом в обществе. Чему примером в 2006 году стали заседания правительства РФ, на которых нередко «под камеру» вспыхивали острые дискуссии.

К сожалению, оппозиция в таких «поисках идеологии» излишне политизирована, ориентирована на политическую борьбу больше, чем на поиск эффективных — обоснованных и аргументированных — ответов. В этом смысле «конструктивная» критика со стороны оппозиции заведомо конъюнктурно политизирована.

Табл. 16. Конкурентные преимущества стран

Факторы развития	Россия	Китай	Индия	Бразилия	Европа	Страны ислама
Трудовые ресурсы	—	+	+	+	—	+
Природные ресурсы	+	—	—	+	—	+
Капитал	v	+	+	+	v	v
Институты	+	v	v	v	+	—
Культура	+	v	v	v	+	—

«+»— конкурентное преимущество, «-» — ограничение, «v» — нет ограничений, но нет и преимущества.
Источник: доклад Евгения Ясина на VIII Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие» 3–5 апреля 2007 года.

Парадоксально, но факт: объективные потребности выбора стратегии развития и поиск соответствующей политической идеологии в большей степени реализуется в дискуссии между членами правящей элиты, а не между властью и оппозицией. Благодаря этому, в частности, эволюция политического курса и идеологии существующей власти происходит быстрее, чем ее теоретическое осмысление. Сегодня в России сама жизнь, практические шаги власти, а не идеи и концепции оппозиции определяют вектор эволюции идеологии.

Обострилась дискуссия и на правом (неолиберальном), и, в меньшей степени, на левом флангах: процесс «идеологизации политики», превращение ее из интриги в реальную политику — «пошел». Можно сказать, что неформальный запрет на поиск общенациональной идеологии, который наложил покойный А. Н. Яковлев в конце 1980-х годов, закончился. По разным причинам, но ни М. Горбачев, ни Б. Ельцин, ни «ранний» В. Путин не занимались идеологией, тщательно уходили от сколько-нибудь обоснованной концепции развития общества. В лучшем случае использовались временные лозунги, которые не затруднялись ни обосновать, ни, тем более, реализовывать.

Активизация дискуссии по вопросу о путях развития России в последнее время имеет разные причины:

— **во-первых**, завершение периода стабилизации сформировало объективный запрос общества на формулирование четкой картины развития страны, стратегию и план, выполнение которых невозможно без ясной идеологии, прежде всего — **относительно других стран**, у которых есть такая стратегия и идеология. Простой пример можно привести относительно использования конкурентных преимуществ России, которые, однако, до сих пор в полной мере **не используются**[157]. Это — культура, институты, образование.

Если сохранять стабильность можно и без плана, без идеи, то для того, чтобы просто начать движение, уже требуется выбор направления, расчет ресурсов, учет времени и т.д. Дискуссии в правительстве и обществе в 2005–2006 годах хорошо иллюстрируют эту проблему;

— **во-вторых**, формирование политической системы, устойчивой на ближайшие годы, являющееся в преддверии 2008 года главной задачей, требует создания под такую политическую систему идеологической базы в качестве обязательного, идеологического условия объединения сторонников президента. Просто быть «за Путина» стало уже мало, необходимо идеологическое и политическое единство. Как признается в редакционной статье журнала «Эксперт», «когда господин Миронов говорит о безответственности либерального консерватизма, который, по его мнению, проповедует „Единая Россия“, то он, безусловно, ошибается. Либеральный консерватизм и будет главным политическим течением первых десятилетий XXI века, потому что все те вызовы, с которыми столкнулись не только западные, но и быстро развивающиеся азиатские и мусульманские страны, могут быть решены только в рамках этой концепции»[158].

Соответственно и для противников нынешнего курса необходимо идеологическое объединение. Если на самом первом, общем уровне, оно возможно под лозунгом «вместе против Путина», то в дальнейшем (и это хорошо понимают оппоненты В. Путина) необходимы идеологические, программные основы для консолидации.

— **в-третьих,** впервые за 15 **лет власть сама стала участником, причем активным, этой дискуссии,** в 2004–2006 годах предложив обществу **свою** повестку дня, **свое** понимание системы ценностей и приоритетов. Особенно заметно это стало после президентского послания 11 мая 2006 года, в котором были ясно сформулированы приоритеты и задачи развития страны. Особенно в социальной и демографической области.

Следует сказать, что первые результаты этой политики за 2006 год (рост рождаемости на 8,5% и снижения смертности на 9,5%)[159] показали последовательность этого политического курса, ставшего, по сути, идеологической нормой, закрепленной административными лидерами.

Реальные результаты для бизнеса дала и политика макроэкономической стабилизации. Как бы ни критиковали режим В. Путина его оппоненты, но

Табл. 17. Кто растет быстрее

Место в 2007 г.	Место в 2006 г.	Страна	2007, %	2006, %
1	1	США	44	39
2	—	Армения	38	-
3	5	Ирландия	29	26
8	23	Филиппины	21	7
14	2	Индия	15	34
15	27	Аргентина	14	5
16	24	Мексика	14	7
18	29	Россия	14	4
20	14	Китай	13	14
29	—	Бразилия	6	

негосударственный бизнес стал заметно оживленнее и конкурентоспособнее. О чем свидетельствуют, например, результаты независимой экспертизы, которая показывает, что в 2006 году в России было больше компаний, которые развиваются быстрее, чем их конкуренты за рубежом. До США еще, конечно же, очень далеко, но и перемены отрицать нельзя[160]:

— **в-четвертых**, быстрое восстановление России совпало по времени, как сказал министр иностранных дел России С. Лавров, с «ускорением кристаллизации основных международных факторов, включая Россию, Евросоюз, США, Китай, Индию и Азиатско-Тихоокеанский регион»[161]. А это означает, что в процессе такой «кристаллизации» одни государства становятся лидерами, а другие — аутсайдерами. Со всеми вытекающими для них последствиями. Прежде всего в области попыток **идеологического и политического влияния на Россию.** 2006–2007 годы стали временем чрезвычайно активной (если ни сказать — редкой) антироссийской кампании в западных СМИ, которая привела к тому, что уже на политическом уровне в апреле 2007 года госдерпартамент США озвучил доклад о «защите демократии в России». Этот документ санкционировал различные формы вмешательства — и не только идеологического — во внутренние дела России, так же, как и в ходе избирательных кампаний 2007–2008 годов.

Наконец, можно привести и **пятую причину**. На мой взгляд, именно к 2006 году возникла острая потребность в принятии **системы** взглядов на стратегию развития страны, включая стратегическое планирование. Другое дело, что сама по себе эта система находилась в рамках либеральной традиции и не смогла предложить дееспособных документов. Провал к 2011 году «Стратегии–2020» — лишь один из примеров. К этому времени относится появление множества долгосрочных отраслевых и региональных стратегий, а в 2007 году впервые были озвучены идеи необходимости общенациональной стратегии, вызванные, прежде всего, **практическими потребностями** увязки всех стратегий. Объективная потребность стала очевидной. Как справедливо отмечает А. Энштейн, «…из кибернетики известно, что **в силу целостности системы практически любое частное управленческое решение обязательно вызывает изменения в отраслевой и территориальной структуре национальной экономики**. Поэтому решение может считаться осмысленным, если оно рассмотрено с точки зрения его влияния на оптимизацию взаимодействия отраслевой, территориальной и институциональной (хозяйственный механизм) структуры на федеральном, региональном и муниципальном уровнях»[162].

Иными словами, как по внутриполитическим, так и по внешнеполитическим объективным и вполне прагматическим причинам Россия в 2005–2011 годы шла **к ускоренному идеологическому созреванию**, т.е. оформлению общенациональной идеологии в доминирующую в обществе систему взглядов. Практические потребности дальнейшего развития, политическая практика, можно признать, были стимулом такого развития. В полной мере это справедливо для заявленного курса на инновации, который **после** объявления стал подвергаться сомнению. Как заметил А. Зудин, «…в социальном смысле инновации превращаются в альтернативу революций. **Инновации — это нескончаемая череда микрореволюций. Но это не все. Способность новых мировых центров стать устойчивыми напрямую зависит от того, в какой степени они окажутся в состоянии переориентироваться с универсалистских рецептов на такие проекты развития, которые будут напрямую и в первую очередь связаны с национальными потребностями.** То есть проекты, которые будут конструироваться на основе рефлексий над национальным опытом — экономическим, социальным и политическим. Этим

центрам необходимо создавать собственный символический капитал, то есть такие системы значений и символов, которые будут в состоянии сохранять автономию этих центров в условиях глобализации»[163].

Но это — в теоретическом аспекте. На практике речь идет о модернизации как идеологии (или, точнее, ее суррогата). По сути дела, в 2010— 2011 годах общество должно ответить на главный вопрос: наше будущее определяется технологиями или идеологией?

Судя по настроениям и подходам Д. Медведева и В. Путина, они полагали, что технологии и есть будущая идеология. В рамках этого ракурса и была организована деятельность рабочих групп под руководством Я. Кузьминова и В. Мау, которые должны были «скорректировать» «Стратегию–2020». При этом, как отмечает эксперт МГИМО(У)Столбов, «… магистральным направлением модернизации должно стать **повышение эффективности участия государства в экономических процессах**. Примечательно, что в выступлении Ярослава Кузьминова все озвученные приоритеты работы над Концепцией–2020 так или иначе связаны **с ролью государства в экономике**. Речь идет об оптимизации социальных обязательств бюджета, эффективности бюджетных расходов, прежде всего, госзакупок и инвестиционных контрактов. Беглое знакомство с самими названиями экспертных групп также позволяет прийти к выводу о том, что в уточнении Концепции–2020 центральную роль будут играть **проекты реформы государственных институтов**. По моей оценке, 10 из 21 группы будут вести работу в этом направлении»[164].

Не стояла на месте и общественная мысль в это время: в стране произошло несколько очень примечательных событий, связанных как с развитием институтов гражданского общества, так и с появлением новых, принципиальных документов, в которых правящий класс России и его научная элита внесли существенные коррективы в представления о России и ее месте в мире. Прежде всего это «идеологические» Послания Президента РФ Федеральному Собранию 2004–2006 годов, в которых были сформулированы основные приоритеты и цели власти, пусть в дальнейшем и не реализованные.

Локомотивом развития общественно-политической мысли в стране в 2005–2011 годы **стала** (как это ни кажется странным) практическая **политика** — как внутренняя, так и внешняя, которая отнюдь не замерла, как утверждают некоторые эксперты. Совсем наоборот: отчетливо проявились те тенденции, иногда опасные для страны и общества, которые еще не были очевидны, например, в 2005 году. Среди них главная — острая борьба за власть, подготовка к выборам 2007–2008 и 2011–2012 годов, стартовавшая работа администрации уже не только по формированию лагеря сторонников Президента, но и «партии президентского курса», нацеленная на долгосрочную перспективу. Так, заметным явлением стало совещание 7 февраля 2006 года, на котором В. Сурков прямо заявил: «…общественная жизнь в России неизбежно будет усложняться по мере развития демократических институтов, и все большее значение в нашей политической работе придется уделять методам убеждения и разъяснения. Как ни парадоксально, демократическое общество, по моему мнению, сверхидеологизировано, куда более идеологизировано, чем тоталитарное, где страх заменяет идею. Поскольку там, где сила силы убывает, там возрастает сила слова».

Парадоксально, но это видно на весьма конкретных примерах. Так, например, «сила слова» демонстрируется на активном самовнедрении «болонского процесса» в российском образовании, который — вопреки серьезным препятствиям — вытесняет существующую традицию в образовании.

Принципы его, подчеркнем, не соответствуют стандартам российского образования. Что не только плохо, но и хорошо. Но проблема для России в том, что ценность образования становится во все большую зависимость от его признания в Европе, где «болонские принципы» общепризнаны. В этом проявляется общая тенденция глобализации. В. Сурков развил эту мысль применительно к современной политической ситуации в России: «…и в нашей с вами повседневной жизни **все большее значение будут иметь общие ценности и умение друг до друга их доносить и побеждать противника в прямом идеологическом столкновении**, и все меньше рассчитывать на административные возможности, которыми многие, как правило, любят оперировать… партия для того, чтобы… активнее овладевать навыками идеологической борьбы»[165].

Многие скептики нынче твердят, что Россия уже никогда не поднимется с колен и не возвратит былого величия. Лично я уверен, что это не так. У нас идет зарождение новой **амбициозной молодой элиты, которая ставит перед собой далеко идущие цели и задачи**. При этом они как бы следуют совету Антона Рубинштейна, который призывал: «Не забывайте делать невозможное, чтобы достигнуть возможного». Именно на эту молодую элиту необходимо прежде всего делать ставку. Известно, что качество образования и во многом всего НЧК определяется количеством и качеством выпускников высших учебных заведений, прежде всего университетов. Студенты зачастую становились двигателями не только революций (Китай, Франция, Иран и др. страны), но и движущей силой всего самого нового и крайне необходимого в данный момент нации. Эта молодая и дееспособная элита, которая относится некоторыми социологами к «городскому среднему классу», сосредоточена в основном в городах-миллионниках. При этом «…стилистически и идейно не видит близких ему партий» в политическом спектре, сложившемся к 2011–2012 годам[166]. На самом деле эти креативные социальные группы, сложившиеся в последнее десятилетия, которые можно определить как креативный класс, обладают высоким уровнем

Табл. 18. Выпуск специалистов государственными и муниципальными высшими учебными заведениями* (тысяч человек)

	2004	2005	2006	2007	2008
Выпущено специалистов — всего	**930,4**	**978,4**	**1055,9**	**1108,9**	**1125,3**
в том числе по группам специальностей и направлениям подготовки:					
физико-математические науки	23,1	17,1	16,9	17,1	17,4
естественные науки	16,5	16,2	17,0	17,5	17,5
гуманитарные науки	151,7	153,8	169,3	180,0	**183,4**
социальные науки	11,0	12,0	14,6	16,6	**16,9**
образование и педагогика	133,8	135,1	131,2	135,9	**131,7**
здравоохранение	26,8	28,2	31,0	31,3	**32,1**
культура и искусство	15,2	16,8	17,7	17,5	**17,4**
экономика и управление	282,2	305,9	338,8	363,8	**376,1**
информационная безопасность	0,9	1,3	1,9	2,3	2,8
сфера обслуживания	3,8	6,3	8,3	10,0	11,6
сельское и рыбное хозяйство	33,6	35,9	37,8	37,3	37,1
геодезия и землеустройство	3,3	3,7	4,0	4,2	4,6
геология, разведка и разработка полезных ископаемых	11,3	12,1	13,8	14,0	14,3
энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника	24,6	26,5	28,8	30,5	29,5
металлургия, машиностроение и материалообработка	27,9	30,2	30,9	31,0	29,6
авиационная и ракетно-космическая техника	5,2	5,4	5,7	5,8	5,7
оружие и системы вооружения	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6
морская техника	3,5	3,6	4,0	4,4	4,3
транспортные средства	27,0	30,2	31,3	32,3	34,2
приборостроение и оптотехника	7,7	8,2	9,2	9,5	9,0
электронная техника, радиотехника и связь	17,2	17,7	19,0	18,9	19,1
автоматика и управление	12,6	13,3	14,7	14,7	15,8
информатика и вычислительная техника	20,6	20,6	23,8	23,8	24,7
химическая и биотехнологии	11,1	12,1	13,9	14,3	12,9
воспроизводство и переработка лесных ресурсов	5,9	6,0	6,5	6,7	7,0
технология продовольственных продуктов и потребительских товаров	16,4	18,5	20,1	20,9	20,3
архитектура и строительство	28,7	31,7	34,3	36,2	37,3
безопасность жизнедеятельности, природообустройство и защита окружающей среды	8,2	9,4	10,8	11,7	12,4

* В соответствии с Общероссийским классификатором специальностей образования 2003 г.

образования, динамизмом, самостоятельностью, но пока еще политические не самоидентифицировались. Как, впрочем, и идеологически.

Иногда складывается впечатление, что этот класс далек от политики и не интересуется общественными проблемами, занятый непростым трудом: зарабатывая своими мозгами и энергией на хлеб. Но это не так. Он внимательно наблюдает за происходящим, а его политическая пассивность вызвана отсутствием на сегодняшний день идентификации себя как политической силы, своего места в экономике и, конечно, идеологии. Вряд ли он согласен с тем, что его называют «офисная пыль», особенно в период кризиса, но и партий, отражающих его интересы, он не видит.

Из этих рассуждений следует вывод о том, что если кому-то в России и нужна идеология как серьезный научный продукт, не связанный с политической конъюнктурой, то это — креативному классу. Именно этот класс наиболее активен в Интернете и способен оценить и предложить новые идеи.

У России есть огромный ресурс молодых специалистов, способных — при внятном идеологическом влиянии со стороны элиты — существенно изменить общую идеологическую ситуацию в стране. Но это должна быть продуманная идеология, которая смогла бы быть разделена креативным классом. Русский

Табл. 19. Показатели образовательных ресурсов ведущих стран мира (2001–2004 гг.)

Страна	Доля государственных расходов на образование в ВВП в 2004 г., %	Численность студентов на 10 тыс. населения в 2001 г.	Удельный вес студентов в своей возрастной группе в 2004 г., %	Доля получивших первую университетскую степень в группе 24-летних в 2002 г.	Доля иностранцев в общем числе студентов в 2002 г., %
США	5,7	**387**	83	33,9	4
Япония	3,6	233	52	32,0	2
Южная Корея	4,2	**393**	89	30,8	н.д.
Швеция	7,7	**388**	87	35,7	7
Финляндия	6,4	527	87	42,5	2
Великобритания	5,3	243	63	39,7	11
Франция	5,6	260	55	41,9	7
Германия	4,8	215	50	18,7	10
Италия	4,7	309	59	25,0	2
Россия	**3,8**	**336**	**65**	**25,6**	1

социализм — именно такая идеология, ведь не случайно многие представители креативного класса тяготеют к КПРФ. Как видно из данных Росстата, ежегодно из вузов выпускается более 1 млн человек, т.е. за 5–7 лет это число может приблизиться к 7–9 млн или 10% всего активного населения страны[167]. Или (с учетом явки в 60%) — 15% электората. Причем эти специалисты рассредоточены по всем секторам экономики страны.

Понятно, что проводниками идей русского социализма могут быть не только студенты и выпускники, но и люди старшего поколения, связанные с творческими профессиями.

Возникает вопрос: а почему этим людям в их большинстве не подходит идеология «Единой России» и идеология модернизации Д. Медведева, которую Г. Павловский назвал даже «программой»? Ответ, на мой взгляд, достаточно прост: большинство креативного класса не видят идеологии (что абсолютно правильно) и не знакомы с программой Д. Медведева, которая в их понимании сводится к риторике.

Более того, отсутствие каких-либо серьезных результатов, продуманной стратегии и — что особенно важно — реальной национальной и социальной ориентации в действиях Д. Медведева воспринимается абсолютным большинством креативного класса с недоверием. Несмотря на всю приверженность Д. Медведева и Интернету, триггерам и гаджетам. Они хотят **содержательности и конкретики**. Просто в силу своего воспитания и жизненного опыта.

Причем более 60% всех выпускников так или иначе связаны непосредственно с социальными сферами жизни. Именно они вскоре составят большинство креативного класса страны, но они же смогут стать и **проводниками идей опережающего развития, носителями новой идеологии**.

Государству **идеологически и экономически** выгодно увеличивать количество студентов и качество образования. Это — прямые инвестиции в общество и экономику, причем — самые эффективные. Образование, кроме того, одно из конкурентных преимуществ нашей страны, которое, к сожалению, постепенно девальвируется. Как видно из приведенных исследователями МГИМО(У)данных, Россия занимает отнюдь не лучшее место в этой области[168].

В этой связи можно предложить ряд мер по развитию высшего образования в России — сделать его к 2020–2025 годам всеобщим, общедоступным и существенно более качественным. Это позволит не только увеличить образовательные ресурсы, сделать Россию более конкурентоспособной, но и значительно увеличить численность креативного класса, а в итоге — национальный человеческий капитал.

Этот же процесс, при сознательном влиянии на его идеологической составляющей, позволит **воспитать** новую национально-ориентированную и массовую элиту страны.

---

1 **Принцип** — *зд.* правило поведения, которое может быть всеобщим (моральным) и частным. В идеологии принцип — то, что объединяет идеи и известную совокупность фактов.

2 **Норма** — *зд.* регулирующее правило (например, принципы), указывающего границы его применения в идеологии.

3 **Идеологема** — *зд.* элемент идеологической системы, не имеющий строго определенного значения, выражающий идею (концепцию) в упрощенной, доступной для широкого круга граждан, форме.

[4] Впервые я попытался систематизировать принципы русского социализма в книге «Человеческий капитал». См. глава «Принципы идеологии социального консерватизма (русского социализма). *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 377–416.

[5] *Шевченко М.* Мы не понимаем природу терроризма // Русский журнал, спец. вып. Ярославль-2011. С. 14.

[6] *Медведев Д.* Национальные проекты: от стабилизации к развитию // Коммерсант. 2007. 25 января. С. 2.

[7] **Принцип** — *зд.* норма, правило поведения, которая может быть всеобщей (моральной) и частной. В идеологии принцип — то, что объединяет идеи и известную совокупность фактов.

[8] **Норма** — *зд.* регулирующее правило, указывающего границы его применения в идеологии.

[9] *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 378.

[10] *Миронов С. М.* Выступление на международной научно-практической конференции // *Миронов С.* В интересах народа. М.: Ключ-С., 2011. С. 267.

[11] **Идеологема** — *зд.* элемент идеологической системы, не имеющий строго определенного значения, выражающий идею (концепцию) в упрощенной, доступной для широкого круга граждан, форме.

[12] См. подробнее: *Куриц С. Я., Воробьев В. П.* Болезни государства. Диагностика патологий системы государственного управления и права. М.: МГИМО(У), 2009.

[13] Так, в октябре 2010 года Н. Михалков предложил одну из разновидностей консервативной идеологии — «просвещенный консерватизм» («универсальное мировоззрение»). Эта идеология вполне логично и закончено оформлена. В частности, в ней есть идеи, принципы и идеологемы, сведенные в единую систему взглядов, которой, можно признать, придерживается часть элиты и общества. См. подробнее: *Михалков Н.* Право и Правда. Манифест просвещенного консерватизма. [Эл. ресурс]. URL:http://www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest

[14] *Смирнов А.* Что такое «националистический дискурс? // ПрогнозиЕ. 2006. № 2 (6). С. 309.

[15] Либерализм. [Эл. ресурс]. URL:http://ru.wikipedia.org/wiki/

[16] О синтезе научных знаний и веры, традиций и инноваций я отдельно написал впервые в книге: *Подберезкин А.* «Русский Путь: сделай шаг!» в 1997 году (См.: *Подберезкин А.* Русский Путь: сделай шаг! М.: РАУ-корпорация, 1998. С. 44–55.

[17] *Титов В. Г.* Материалы к выступлению. Материалы к заседанию Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. М., 2009. 28 августа. С. 3.

[18] *Бердяев Н.* Судьба России: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 267.

[19] Этому уникальному период, к сожалению, уделяется мало внимания. Однако именно тогда назревший перед элитой выбор так и не был сделан. Россия не стала «другой страной» в полной мере, так и не перейдя к развитию. Я писал об этом в специальной работе: Приоритетные национальные проекты — идеология прорыва в будущее /*Иванов А. И.* (псевдоним), *Казанцев В. О.* и др. М.: Европа, 2007. С. 4–7.

[20] *Серебренников К.* Не только ансамбль ложкарей // Известия. 2011. 27 января. С. 6.

[21] *Иноземцев В.* 2000-е годы: эпоха безвременья // Вестник МГИМО(У), 2011. № 3 (18). С. 19.

[22] История русского средневековья имеет огромное значение как для нации, так и для суверенитета государства, а попытки ее искажения имеют вполне определенное значение, прежде всего политическое. К сожалению, серьезных фундаментальных работ на этот счет немного и они широко не известны. Одной из лучших является «Свод древнейших письменных известий о славянах». Т. 1 (I–VI вв.): состав.: Л. А. Гиндин. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин., /отв. ред. Л. А. Гиндин. М., 1994.

[23] Мировая экономика / под. ред. А. С. Булатова. 2-е изд. М.: МГИМО(У), 2007. С. 233.

[24] См. подробнее: Национальная идентичность и глобализация. В кн.: *Подберезкин А., Абакумов С.* Гражданское общество и будущее российского государства: в исках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004. С. 132–145.

[25] *Чугров С. В.* Япония в поисках новой идентичности. М.: Восточная литература, 2010. С. 85.

[26] *Черняев А.* Патриархальная идеология // НГ-религии. 2011. 2 февраля. С. 4.

[27] Материалы к заседанию Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль. 2009. 28 августа. С. 4–5.

[28] Экономика знаний — совокупность всех видов экономической деятельности, нацеленной на генерирование (создание, распространение и применение) знаний во всех областях общественной жизни. См. подробнее: *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. 2-е изд. М.: МГИМО(У), 2008. С. 99.

[29] *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. 2-е изд. М.: МГИМО(У), 2008. С. 99.

[30] *Бердяев Н.* Судьба России: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 267.

[31] *Погорельский А.* Конструктивный консерватизм // ПрогнозиЕ. 2006. № 2 (6). С. 5.

[32] *Миловидов К.* Отдам даром // Российская газета. 2011. 6 апреля. С. 11.

[33] Цит. по: *Саква Р.* Путин: выбор России. М.: ОЛМА-РЕСС, 2005. С. 308.

[34] *Путин В.* Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. М.: Кремль. 2005. 25 апреля.

[35] *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития. Дубна, 2006. С. 423.

[36] *Михалков Н.* Манифест просвещенного консерватизма. [Эл. ресурс]. URL:http://www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest

[37] *Ильин И.* О русском национализме / сб. статей. М.: Российский фонд культуры, 2007. С. 109.

[38] *Погорельский А.* Конструктивный консерватизм // ПрогнозиЕ. 2006 (лето). № 2 (6). С. 3.

[39] См. подробнее: Глобалистика. Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур. М.: Радуга, 2003. С. 367–368.

[40] *Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Право, 1910. С. 3.

[41] *Киличев А.* ВТО нас рассудит // Новые Известия. 2006. 25 декабря. С. 3.

[42] *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.* Социологический словарь. 2-е изд., М.: Экономика, 2004. С. 415–416.

[43] *Зурабов М.* Национальный проект — это лишь первый шаг // Известия. 2006. 27 декабря. С. 3.

[44] *Коледина А.* Ну, родили мы второго. Что дальше? // Известия. 2006. 27 декабря. С. 1.

[45] *Колесниченко А.* Русская политическая рулетка // Новые Известия. 2006. № 239. С. 6.

[46] *Белов И.* Догнать и перегнать… Советский Союз // Российская газета. 2006. 27 декабря. С. 5.

[47] **Стабильность** — *зд.* способность политической системы функционировать, не изменяя собственную структуру, и находить ее в равновесии во времени. — *Прим. авт.*

[48] Стратегическая перспектива, как и линейная перспектива рассчитана на фиксированную точку зрения и предполагает единую точку схода по линии горизонта. Только во времени, а не в пространстве. Стратегическая перспектива для России — та же единая точка схода на линии горизонта, т.е. в долгосрочном плане, когда все силы нации имеют стратегически важную цель — «победу в войне», «восстановление разрушенного хозяйства», «строительство коммунизма» и т.п. — *Прим. авт.*

[49] *Лужков Ю.* Транскапитализм и Россия. М. ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009. С. 18.

[50] *Бердяев Н.* Судьба России: соч. С. 272.

[51] *Гудков Л.* Год развитой стабильности // Ведомости. 2006. 29 декабря. С. А4.

[52] *Аптекарь П.* Аффект стабильности // Ведомости. 2006. 15 декабря. С. А4.

[53] *Вавилов А.* Умный Стабфонд // Ведомости. 2007. 18 июня. С. А4.

[54] *Грозовский Б.* и др. Экономика теплой погоды // Ведомости. 2007. 15 июня. С. 1.

[55] **Порядок** — универсальный принцип отношения общества к власти, имеющий для России огромное историческое и религиозное значение. Порядок как нравственная норма и принцип власти был нередко важнее силы и денег. — *Прим. авт.*

[56] «Единая Россия» поспорила с ИнСоРом // Независимая газета. 2011. 13 апреля. С. 3.

[57] *Михалков Н.* Манифест просвещенного консерватизма. [Эл. ресурс]. URL:http://www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest

[58] *Харви Д.* Неолиберализм и реставрация классовой власти // ПрогнозиЕ, 2006 (лето). № 2 (6). С. 49.

[59] Рейтинг политической деятельности // Коммерсант. 2007. 26 марта–1 апреля. С. 28.

[60] Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур. М.: Радуга, 2003. С. 967.

[61] Рейтинг политической деятельности // Коммерсант. 2007. 26 марта–1 апреля. С. 29.

[62] *Владыкина Т.* Судьба без иронии // Российская газета. 2006. 28 декабря. С. 1.

[63] См, например: *С.Степашин.* Сколько Абрамович должен народу // АиФ. 2006. № 29. С. 3.

[64] Цит. по: *Ксенофонтов В. Н.* Духовный фактор великой победы // Мир и политика. 2010. № 5 (44). С. 87.

[65] *Бжезинский З.* Последний суверен на распутье // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 1. С. 8.

[66] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений: доклад нью-йоркской академии наук // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 78.

[67] Социальное положение и уровень жизни современной России 2009: стат. сб. Росстат. М., 2009. С. 283.

[68] *Погорельский А.* Конструктивный консерватизм // ПрогнозиЕ. 2006 (лето). № 2 (6). С. 7.

[69] Коммерсант. 2010. 24 августа.

[70] *Сурков В.* Напутствие начинающему либералу // Время новостей. 2007. 23 марта. С. 4.

[71] *Гордеев И.* Закон о поборах. Правительство обещает радикальную реформу платных услуг государства населению // «Время новостей». 2006. 27 декабря.

[72] Социальное положение и уровень жизни современной России 2009: стат. сб. Росстат. М., 2009. С. 317.

[73] *Ревзин Г.* Имперский авангард // Коммерсант. 2006. 28 декабря. С. 7.

[74] *Вардуль Н.* Сошествие во ад и обратно // Газета. 2007. 2 апреля. С. 12.

[75] *Черкасенко А. И.* Атомная энергетика России в мировой системе энергообеспечения. М.: Научная книга, 2009. С. 7.

[76] *Малахов А., Ерохина И.* и др. Чип-персоны // Коммерсант. 2010. 25 августа. С. 1.

[77] *Литовкин В.* США и НАТО вырвались в лидеры гонки вооружений // Независимая газета. 2007. 14 июня. С. 4.

[78] *Лавров С.* Интервью // Известия. 2006. 28 декабря. С. 4.

[79] Социальная реальность. 2007. № 6. С. 65.

[80] *Долгин А.* Нужны IT-инструменты // Ведомости. 2011. 15 апреля. С. 4.

[81] *Бердяев Н.* Судьба России: соч. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 464.

[82] Власть ставит задачи партии власти // Коммерсант. 2010. 20 мая. С. 1.

[83] *Путин В.* Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. М.: Кремль. 2005. 25 апреля.

[84] *Маркс К.* Капитал. Т. 1. // *Маркс К., Энгельс Ф.*: соч., 2-е изд. В 50 т. Т. 23. М., 1955–1981. С. 907.

[85] *Михалков Н.* Манифест просвещенного консерватизма. [Эл. ресурс]. URL:http://www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest

[86] Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанова. М., 1998. С. 327.

[87] Бизнес-журнал. 2006. Декабрь. С. 8.

[88] *Садовская Ю.* Политические анекдоты на службе оппозиции // Независимая газета. 2011. 1 февраля. С. 2.

[89] Социальная справедливость: что это такое и где она нужна? 11 июля 2007 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.zarplata.ru

[90] Социальная справедливость: что это такое и где она нужна? 11 июля 2007 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.zarplata.ru

[91] Социальная справедливость: что это такое? И с чем едят? 8 апреля 2005 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.pravda.ru/economics/08.04.2005

[92] *Шишкунова Е., Арабов П.* Семейные ценности // Известия. 2010. 25 августа. С. 3.

[93] *Григорьева Е.* Чиновников поразило социальное неравенство // Известия. 2010. 24 августа. С. 3.

[94] Подробнее см.: Социальная справедливость. Принцип. Приложение № 1.

[95] *Сапожков О.* Грецию уводят с рынка на полтора года // Коммерсант. 2010. 4 мая. С. 8.

[96] Социальная справедливость: что это такое и где она нужна? 11 июля 2007 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.zarplata.ru

[97] Социальное положение и уровень жизни современной России 2009: стат. сб. Росстат. М., 2009. С. 263.

[98] *Якунин В. И.* Актуальная теория и методология формирования российской экономической политики / Вып. № 11. Центр ПАГУП, М.: Научный эксперт, 2008. С. 18.

[99] Социальное положение и уровень жизни современной России 2009: стат. сб. Росстат. М., 2009. С. 266–268.

[100] *Полякова Т.* Состояние нефтяной отрасли России после приватизации. М.: МГИМО-Университет, 2000. С. 4, 5, 32.

[101] Правая, левая — где сторона? // Время новостей. 2007. 9 апреля. С. 6.

[102] *Смирнов К.* Разномонетарная инфляция // Газета. 2007. 30 августа. С. 11.

[103] Топливо для выбросов // Новые Известия. 2007. 19 июля. С. 3.

[104] *Вардуль Н.* Фонд поколений // Газета. 2006. 19 июля. С. 10.

[105] *Гудков Л.* Год развитой стабильности // Ведомости. 2006. 29 декабря. С. А4.

[106] *Медведев Д.* Национальные проекты: от стабилизации к развитию // Коммерсант. 2007. 25 января. С. 2.

[107] Национальные проекты. Социально-политический мониторинг. ФЭП, 2007. 11–18 апреля. С. 11.

[108] *Калашников М.* Россия на пороге плановой экономики // Завтра. 2006. № 52 (684). С. 2.

[109] *Гудков Л.* Год развитой стабильности // Ведомости. 2006. 29 декабря. С. А4.

[110] *Ясин Е.* Нефтедоллары не пахнут // Газета. 2006. 25 декабря. С. 13.

[111] Впервые я написал об этом в 2007 году в главе 4 моей книги: «Человеческий капитал», которая так и называлась // Политическая практика. См.: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 417–449.

[112] Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. М.: ВШЭ — РИО-Центр. 2007. С. 11–12.

[113] *Красилова Н.* Таких не берут в депутаты // Новые Известия. 2007. 29 июня. С. 4.

[114] *Делягин М.* Нефть уже не выручает // Известия. 2011. 27 апреля. С. 6.

[115] НТР и мировая политика / под ред. А. В. Бюрикова, А. В. Крутских. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 33–34.

[116] *Торкунов А.* По дороге в будущее /сб. ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 33.

[117] *Ху Цзиньтао*. Доклад на XVII Всекитайском съезде КПК 15 октября 2007 г. [Эл. ресурс]. URL:http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10

[118] *Иванов А.* (псевдоним *Подберезкина А.*). У России есть стратегия развития // Национальные проекты: первый год реализации / сост. И. Константинов, М. Сангулия. М.: СГУ, 2007. С. 112.

[119] Информация о социально-экономическом положении России. Январь-март 2010 года. Росстат, 2010. С. 73.

[120] Обретение будущего: «Стратегия-2012». Конспект. М.: Экон-информ, 2011. С. 54–55.

[121] *Сергеева Л.* Тандем в полном согласии // Ведомости. 2011. 27 апреля. С. 2.

[122] Так, попытки Д. Медведева внедрить энергоэффективные технологии вылились в идеологическую кампанию, в ходе которой был принят в 2009 году федеральный закон об энергосбережении, а затем фактически план по снижению энергоемкости ВВП на 40% до 2020 года, т.е. конкретные прагматические меры по энергосбережению стали фактически формировать идеологию и стратегию, вполне укладывающуюся в стратегию долгосрочного развития со всеми ее элементами — стратегическим прогнозом, планированием, законодательным обеспечением и административным управлением (поэтапным запретом на оборот ламп разной мощности). См. подробнее: Медведев в Набережных Челнах обсудит энергоэффективность экономики. 25 октября 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.mgimo.ru/news/press/document/167186.phtm

[123] См., например: *Подберезкин А., Булатов Ю.* Россия в глобальном мире: некоторые теоретические аспекты исследования. М.: Научная книга, 2003. С. 268.

[124] *Подберезкин А., Макаров А.* Стратегия для будущего президента России / Русский Путь. М.: РАУ-корпорация, 2000. С. 3.

[125] *Магарил С. А.* Поиски социального качества // НГ-наука. 2011. 9 февраля. С. 12.

[126] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений: доклад нью-йоркской академии наук // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 22.

[127] На основе этой идеологии было подготовлено несколько программ. См., например: Концепция национальной безопасности России в 1995 году / под ред. А. И. Подберезкин [и др.]. М.: РАУ-корпорация, 1995. С. 221.

[128] См., например: *Подберезкин А.* Русский Путь. М.: РАУ-корпорация, 2000.

[129] *Чугров С. В.* Япония в поисках новой идентичности. М.: Восточная литература, РАН, 2010. С. 85.

[130] *Шишкин М.* и др. Население обосновалось в рублевой зоне // Коммерсант. 2007. 10 июля. С. 2.

[131] Российский статистический ежегодник: стат. сб. / пред. ред. кол. В.Л. Соколин. М.: 1998. С. 207, 223; Российский статистический ежегодник. 2002: стат. сб. / пред. ред. кол. В.Л. Соколин. М.: 2002. С. 171, 187; сайт Федеральной службы государственной статистики. [Эл. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/ DBInet.cgi

[132] Цит. по: *Дука А. В.* Властная элита и социальный класс в России: становящаяся определенность // Элита и общество. С. 299. [Эл. ресурс]. URL:http://www.nemchenko.ru/book_podberezkin/

[133] *Виноградов М.* Заботливая сильная рука // Газета. 2007. 4 сентября. С. 4.

[134] *Гурова Т., Полунин Ю.* Кто следующий? // Эксперт. 2007. 26 марта. С. 19.

[135] *Быков П.* Перспективы либерального консерватизма в России // Эксперт. 2007. № 3. 2–8 апреля. С. 69.

[136] *Владиславлев А.* Забытый урок // Стратегия России. 2005. № 12 (24). С. 50.

[137] Российский статистический ежегодник. 2006: стат. сб. М.: Росстат. 2007. С. 188.

[138] Человеческий капитал России: эволюция, структурные особенности, будущие вызовы. Вып. 22. Ч. 1. Никитский клуб 2005 г. С. 13. [Эл. ресурс]. URL:http://www.nikitskyclub.ru/publications.php

[139] *Доброхотов Р.* Жизнь по средствам // Новые Известия. 2007. 27 марта. С. 3.

[140] *Смирнов К.* Призрак Госплана // Газета. 2007. 6–8 апреля. С. 1.

[141] *Лукьянов Ф.* 2008 — не проблема // Ведомости. 2007. 1 февраля. С. А4.

[142] *Чубарьян А. О.* Тезисы к выступлению // Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. 28 августа 2009 г. М.: 2009.

[144] Социально-консервативная идеология и программа партии «Единая Россия». Центр социально-консервативной политики. М.: 2007. С. 3.

[144] *Дондурей Д. Б.* Выступление на Совете по внешней и оборонной политике. 2011. 16 апреля.

[145] *Михалков Н.* Манифест просвещенного консерватизма. 26 октября 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest

[146] *Ципко А.* Страшилки для модернизации // НГ-политика. 2011. 5 апреля. С. 13.

[147] *Кузьмин В.* От бренда до идеологии // Российская газета. 2011. 26 апреля. С. 2.

[148] **Общенациональная идеология** — *зд.* идеология, разделяемая большинством нации, отражающая базовые ценности и интересы. — *Прим. авт.*

[149] *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с анг. А. Башкирова. М.: АСТ Москва, 2008. С. 562.

[150] *Трейсман Д.* Непрямой путь к свободе // Ведомости. 2011. 27 апреля. С. 4.

[151] *Зыкова Т.* Нефть про запас // Российская газета. 2011. 31 марта. С. 5.

[152] См.: *Чадаев А.* Путин. Его идеология. М.: Европа, 2006. С. 232.

[153] *Путин В.* Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. М., 2005.

[154] *Гончарова О.* Гуманитарный превращается // Ведомости. 2011. 10 марта. С. 12.

[155] *Смирнов К.* Призрак Госплана // Газета. 2007. 6–8 апреля. С. 1.

[156] *Владиславлев А.* Забытый урок // Стратегия России. 2005. № 12 (24). С. 51–52.

[157] *Смирнов К.* Призрак Госплана // Газета. 2007. 6–8 апреля. С. 1.

[158] Прах социализма // Эксперт. 2007. 11 марта. С. 21.

[159] *Политов Ю.* Путин призвал не праздновать демографические успехи // Известия. 2007. 3 апреля. С. 2.

[160] *Иваницкая Н.* и др. Вровень с Аргентиной // Ведомости. 2007. 2 апреля. С. А3.

[161] *Лавров С.* Мир не стал безопаснее // НГ-дипкурьер. 2006. 25 декабря. С. 15.

[162] *Эпштейн А.* Ловушка для Правительства // Политический журнал. 2007. № 11/12. С. 37.

[163] *Зудин А.* Утопии и рефлексии // НГ-сценарии. 2011. 27 апреля. С. 11.

[164] *Столбов М.* Государственная модернизация или модернизация государства? 24 февраля 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.mgimo.ru

[165] Стенограмма выступления заместителя руководителя Администрации Президента В. Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров «Единой России». 2006. 7 февраля.

[166] *Григорьев М.* Класс без партии // Известия. 2011. 28 апреля. С. 6.

[167] Социальное положение и уровень жизни современной России 2009: стат. сб. Росстат. М., 2009. С. 378.

[168] Мировая экономика. / под. ред. А. С. Булатова. 2-е изд. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 171.

КНИГА ВТОРАЯ

ИДЕОЛОГИЯ РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА И СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ОТ АВТОРА

…Человек, его потенциал в XXI веке становятся главной движущей силой развития экономики[1].
А. Подберезкин

Применение понятия «человеческий капитал» позволяет понять роль социальных институтов … и провести экономический анализ влияния социального фактора на рыночную экономику[2].
Википедия

Понимание роли социального потенциала и его институтов[3] лежит в основе адекватной стратегии национального развития и является важной частью идеологии русского социализма.

Ключевой политический вопрос современности — разработка идеологии, которая должна стать основой для долгосрочной национальной стратегии, включающей, естественно, составную часть и стратегию социально-экономического развития. Подобная взаимосвязь между идеологией и политикой принципиальна. Предлагая идеологию русского социализма, я предлагаю и вполне конкретную долгосрочную стратегию национального развития, а не абстрактную идею «справедливости»[4].

Главной целью этой стратегии, вытекающей из идеологии русского социализма, является **развитие национального человеческого потенциала (НЧП)**, что одновременно означает создание максимально благоприятных условий для развития потенциала каждой отдельно взятой личности. Эта цель выступает высшим приоритетом всей политики. Она же является **установкой** для формирования долгосрочного прогноза до 2020 и **принципом** распределения национальных ресурсов, т.е. лежит в основе политического планирования.

При этом основной идеологической задачей является превращение идеологии русского социализма в ведущую общенациональную идеологию, включая и идеологию для правящей элиты. Правящая элита, как верхушка политической системы управления обществом, управляет прежде всего политико-идеологическими методами, даже если и отрицает идеологию и подчеркивает свой «прагматизм», открещиваясь от политического руководства.

Директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН академик В. Кулешов заявил на годичном собрании отделения до 2011 г., что «… главным конкурентным преимуществом любого региона или страны **является фактор предвидимости развития на максимальную перспективу**: «В России мы видим ее в границах 2020–2025 годов, а Китай **разработал «дорожную карту» промышленно-технологического развития до 2050 года»**, — сравнил ученый. — А **стратегическое планирование — это прежде всего соблюдение двух принципов: жесткие приоритеты и эффективная сбалансированность, ресурсосбережение**»[5].

Таким образом, безусловно соглашаясь с В. Кулешовым, можно констатировать, что важнейшими факторами, определяющими эффективность стратегии национального развития, являются:

— долгосрочный и обоснованный прогноз («фактор предвидимости»);
— стратегическое планирование, основанное на соблюдении двух принципов:
а) четких «жестких» приоритетов;
б) эффективном распределении ресурсов («эффективная сбалансированность»).

И первое, и второе вытекают из политико-идеологических установок правящей элиты. Именно она определяет как долгосрочные цели развития нации (как руководство КПК в Китае) и приоритеты, а также

именно она распределяет (если надо, то и перераспределяет) ресурсы.

Я исхожу, что в долгосрочной стратегии национального развития должна быть сформулирована тактическая задача — смена политического курса, переориентация его с эфемерных макроэкономических и псевдотехнологических задач на конкретные задачи развития НЧП, решаемые ежедневно. Их результат должен отслеживаться и количественно оцениваться не только ежегодно, но и ежемесячно **в каждом регионе**. Это позволяет сегодня делать в том числе и разработанная методика подсчета Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) применительно не только к отдельным регионам, но и даже отдельным муниципальным образованиям.

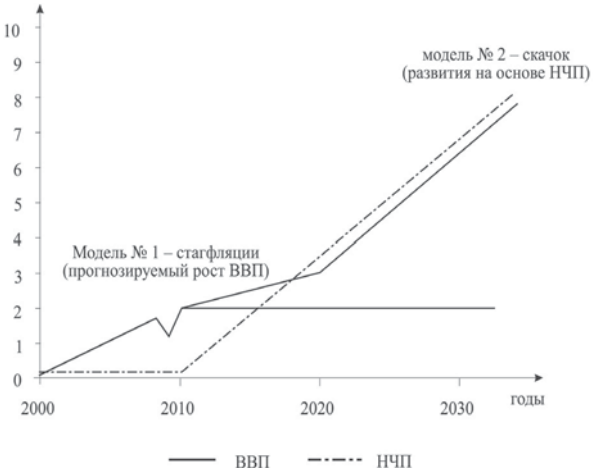


Рис. 1. Рост ВВП и развитие НЧП

Среднемировой рост ВВП ~ 2,5%. Опережающий рост ВВП = 7%

Скачок — развитие, измеряемое ростом ВВП в 15–20% в год. Но это именно развитие, а не экстенсивный рост, при котором главной целью является развития национального человеческого капитала (НЧК), прежде всего таких его следующих характеристик:

— численности населения;
— качества населения;
— продолжительности обучения;
— увеличения объема наукоемкой продукции;
— увеличения результатов научной деятельности;
— роста числа и значения институтов социального потенциала;
— улучшения духовно-нравственной атмосферы общества;
— увеличения объема душевого ВВП;
— увеличения численности активного населения;
— сокращения коррупции и неэффективных расходов.

При этом особое значение имеет развитие институтов социального потенциала, которые выполняют две важнейшие функции: во-первых, аккумулируют, организовывают и используют человеческий капитал, т.е. выполняют функцию управления НЧК, а, во-вторых, внедряют и управляют двумя другими частями национального богатства страны — материальными активами и природными ресурсами. Институты социального потенциала, таким образом, выступают **организующей формой** всех частей национального богатства.

Именно эту конкретные критерии превращаются в частные задачи, решение которых предполагает достижение главной цели — опережающего, скачкообразного роста НЧП и, как следствие, ВВП. При этом решающее значение имеет та часть НЧП, которая называется социальным потенциалом[6]. Поэтому долгосрочная стратегия национального развития должна не просто включать в свои планы социальный потенциал, но изначально исходить из приоритетов его развития.

В настоящей книге рассматривается значение социального потенциала в НЧП, его роль в формировании и реализации стратегии долгосрочного национального развития. Эти положения являются важнейшей частью идеологии русского социализма. Но не только. В России сегодня социальный потенциал остается «незамеченным», даже неизвестным для правящей элиты ресурсом развития. Более того, он нередко просто игнорируется. Особенно в регионах. Как написал в своем письме в мае 2011 года в Законодательное собрание Санкт-Петербурге С. Миронов по поводу сокращения региональными законодателями поддержки социально ориентированных НКО, «…НКО, работающие для людей, «вносящих свой весомый вклад в общественное благо, должны обладать во всех регионах России правами и возможностями, которые предоставлены им на федеральном уровне»[7].

Идеология русского социализма признает, что приоритетность развития НЧП, эффективность использования всех трех составных частей национального богатства: НЧП — материальных активов — природных ресурсов — зависит прежде всего от степени **развития нации и общества**, которая определяется качеством и количеством институтов социального потенциала.

Сегодня это понимание отсутствует у правящей элиты, которая сконцентрировалась на макроэкономических показателях и технологической модернизации, положенных в основу «Стратегия–2020». Поэтому важно изменить представление и подход правящей элиты с макроэкономического и технологического на социальный и политический. По всему спектру вопросов. Уже более 20 лет считается, что условием модернизации и реформ является привлечение иностранных инвестиций. Этот миф усиленно насаждается, а в 1990-е годы не раз приобретал политическое значение. Между тем иностранные инвестиции имеют очень маленькое значение для экономики России. В 2010 году, например, поступило порядка 81 млрд долл., из которых прямых инвестиций было около 16 млрд, а портфельных — менее 1 млрд[8]. Причем в некоторые федеральные округа поступало 2–3% всех инвестиций. Все остальное — спекулятивный капитал.

ПРЕДИСЛОВИЕ

…Члены экспертных групп не имеют единого вектора развития мысли:
им не сформулирована общая макроэкономическая установка, а значит, идеи могут
вполне оторваться от практической направленности и превратиться в утопию[9].
В. Горегляд

Состояние экономики напрямую зависит от духовного,
нравственного состояния личности[10].
О. Богомолов

Налицо кризис политики и идеологии правого центра …
Как, представляется, место правоцентриской идеи должны
занять идеология и политика левого центра[11].
А. Богатуров

Любая модернизация, тем более фундаментальных основ экономики и общества, начинается с модернизации институтов социального потенциала нации — его общественных, политических, религиозных, научных, культурных и пр. ин ститутов, либо, при необходимости, их создания. Этот политический процесс, как правило, имеет под собой ясную идеологию (или, как минимум, систему идей), направленную на решение общенациональных задач — ликвидацию внешней угрозы, радикальную реформацию политической системы, экономики и общества. Он требует совершенно определенной поддержки части общества, хотя бы некоторых его социальных групп, объединенных общими целями. В противном случае эту модернизацию просто **некому** будет осуществлять. Именно так произошло в России в 2005–2011 годы, когда провалилась разрекламированная стратегия модернизации и инноваций. Институты власти оказались неэффективными, бизнес — не мотивирован, а общества — безразличны[12]. В итоге получился огромный разрыв между заявленными правящей элитой целями и конкретными результатами.

Особенная роль в фундаментальной модернизации принадлежит институтам социального потенциала XXI века (хотя впервые этот термин был применен еще в начале XX века)[13], которые являются практическими инструментами управления обществом.

Логика формирования долгосрочной национальной стратегии развития очевидна: сначала формулируется идеология (в данном случае русского социализма), в которой обозначается стратегическая цель и приоритет, конкретизируемая в частных задачах, затем — стратегический прогноз, стратегическое планирование и распределение ресурсов[14].

Надо признать, что после признанного провала «Стратегия–2020» эта логика принята не была. В. Путин заявил, что пересмотра стратегических целей и задач не требуется. Нужна лишь корректировка. Привлеченные в соответствии с таким поручением правительством эксперты, объединенные в 21 группу, должны скорректировать утвержденную в 2008 году Стратегию долгосрочного социально-экономического развития России 1999–2020 года и в августе 2011 года представить промежуточный вариант, а в декабре — его окончательную версию. Эта работа, точнее, — ее будущий результат, однако, уже сегодня вызывает сомнения в силу целого ряда принципиальных соображений. Их короткий перечень можно свести к следующему.

Во-первых, эксперты ограничились уже на самом старте только двумя моделями. Первая — развитие двух секторов, которые могут быть конкурентоспособными, — экспорт сырья и «неторгуемыми товарами и услугами» (т.е. те, которые невозможно практически ввезти из-за рубежа). Вторая — институциональная модернизация, ключевой проблемой в которой выделяется «плохой деловой климат». Другие модели социально-экономического развития, по сути, не рассматриваются, хотя я бы сделал акцент при корректировке «Стратегия–2020» на социальной ее составляющей, а именно — развитии национального человеческого капитала (НЧК).

По сути дела России нужна не очередная концепция социально-экономического развития, а стратегия развития **нации**, что, конечно же, далеко не одно и то же. У США в этом качестве выступает «Стратегия национальной безопасности», которая конкретизирует приоритеты и цели национальной политики применительно к конкретному историческому периоду. Она же выступает главным документом по отношению к любым иным документам, включая бюджетные, финансовые, внешнеполитические и иные, ясно формулирует общенациональные (а не только социально-экономические) цели и задачи. Так, в последнем варианте в качестве главной цели формулируется «… **продолжение** (! — *А. П.*) стратегии национального обновления и глобального лидерства — стратегии, которая восстанавливает основу американской мощи и влияния»[15].

Какие же долгосрочные общенациональные цели ставятся нашими макроэкономистами в «Стратегия–2020»? По существу они, как и в предыдущие годы, сводятся к макроэкономическим показателям — росту ВВП и душевого дохода, снижению инфляции и инновациям, росту производительности труда, увеличению доли наукоемкой продукции и ряду других[16]. И в «корреляции» «Стратегия–2020» пересмотр этих целей не предполагается, т.е. социально-экономическая долгосрочная стратегия фактически предназначена заменить общенациональную, предложить нации набор целей которые не включают в себя жизненно — важные, прежде всего, рост и развитие нации, — количественное и качественное увеличение национального человеческого потенциала. Да и само понятие «нация» как-то выпадает из лексикона. И не случайно.

Подобная подмена сопровождается подменой реальных национальных ценностей — мнимыми, когда, например, «свобода», «права человека» рассматриваются в качестве важнейших приоритетов развития общества и государства.

Во-вторых, изначально не сформулированы точно целевые ориентиры, не расставлены приоритеты и не перераспределены ресурсы для достижения таких целей, т.е. не определены наиболее важные политико-идеологические задачи и критерии. Вообще такие категории, как «политика», «идеология», «нравственность», в этой Стратегии напрочь отсутствуют. Что характерно для правящей элиты России все последние годы[17].

Напомню, что любые цели являются производными от национальных интересов и ценностей — объективных реалий, — которые лишь более или менее адекватно интерпретируются элитой. Подчеркну — в разное время с разной степенью точности и адекватности, т.е. начинать формировать Стратегию надо с точной интерпретации национальных интересов и ценностей. Хотя бы в самых общих чертах[18]. Без согласия внутри правящей элиты и большинства общества относительно понимания важнейших национальных интересов и ценностей любая стратегия бессмысленна, ведь формирование целей происходит на основе согласованного понимания национальных интересов и ценностей.

В целом все модель политико-идеологической системы описана рядом авторов достаточно подробно[19], но важно подчеркнуть, что «…именно идеология формулирует тот политический идеал…, достижение которого становится самоцелью (самоценностью)[20]. Идеология, как **устойчивая система взглядов элиты**, при формировании «Стратегия–2020» должна играть изначально определенную роль. Прежде всего, с точки зрения оценки национальных интересов и ценностей и на трансформации в политические цели. Эта последовательность видна из известного рисунка (рис. 2).

Из него, в частности, видно, что выбор стратегии зависит от сформулированного в приоритетном порядке политических целей и выделенных и избранных ресурсов. Цели, в свою очередь, зависят от адекватного понимания правящей элитой национальных интересов и ценностей. Другими словами, порядок

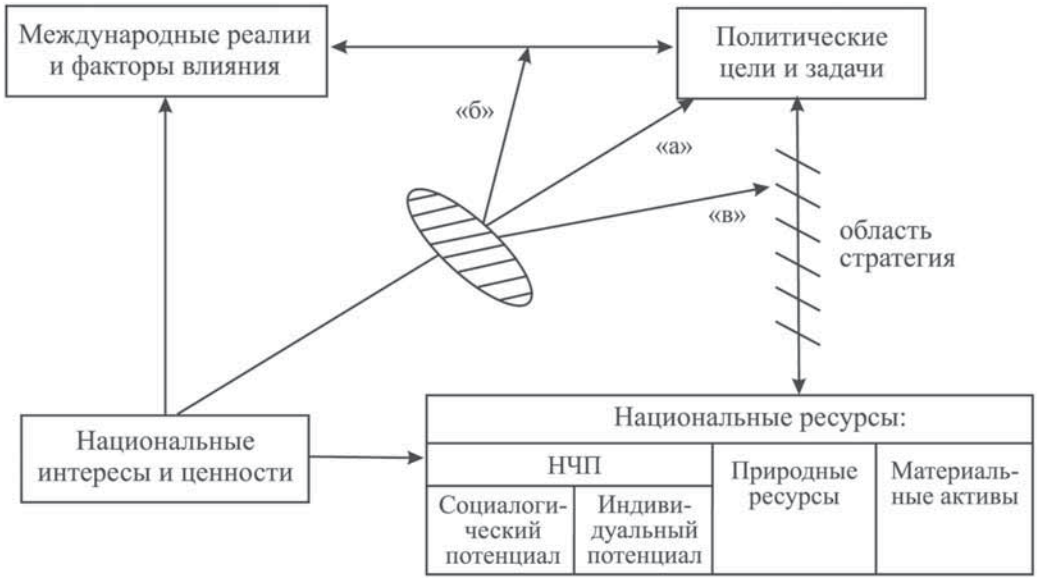


Рис. 2.

работы групп, призванных правительством скорректировать «Стратегию–2020», должен быть таков:

1. Осмысление национальных интересов и ценностей на перспективу до 2020 года. Достижение относительного согласия внутри большинства элиты, либо ее лидеров.
2. Формулирование на этой основе политических целей и задач с учетом внешних факторов влияния.
3. Выбор и распределение ресурсов.

Как видно, все эти этапы — прерогатива высшего слоя правящей элиты страны, а никак не экспертов и чиновников из МЭР, а тем более внешних безответственных экспертов. Сегодня же речь об этом не идет. «Избранные» эксперты занимаются в лучшем случае частью национальной стратегии развития, разрабатывая очередную макроэкономическую модель экономического роста и занимаясь поиском инструментов и методов развития экономики[21]. И только.

Можно поэтому изначально сказать, что из этой затеи в очередной раз ничего не получится. Так же как не получилось из одобренной в марте 2008 года «Стратегии–2020». И отнюдь не из-за кризиса, а именно из-за того, что «Стратегия–2020» не являлась ни национальной стратегией развития, ни стратегией модернизации, ни, тем более, стратегией социального развития общества и институтов социального потенциала[22]. Результаты (точнее, их полное отсутствие) свидетельствуют о провале — к 2011 году не были выполнены даже минимальны (пессимистические) задачи. Более того, с точки зрения развития инноваций и инновационной активности[23], ситуация стала хуже, чем она была в 2008 году. Это был вынужден признать даже разработчик «Стратегии–2020» Минэкономразвития[24].

Примечательно, что уже на стадии «корректировки» Стратегии Минэкономразвития формулирует главную цель — «переход к 2020 году» экономики России на инновационный путь развития.., для которого даже определяет вновь конкретно параметры.

Таким образом подразумевается, что главной «целью социально-экономической стратегии является перевод экономики на инновационный путь», что может быть, на мой взгляд, лишь одной из задач. Да и странно, повторю, что в очередной раз общеполитическую цель для нации формулирует МЭР! Впрочем, в начале 2011 года Д. Медведев и В. Путин не раз отмечали, что цели Стратегии «определены» и «остаются неизменными», не конкретизируя и не обсуждая эти цели национального развития. А надо бы. Именно переоценка целей и перераспределение ресурсов характеризуют любую стратегию, в основе которой лежит комплексный анализ[25].

В-третьих, разработчики и идеологи Стратегии остаются те же, кто разрабатывал, обсуждал и многократно проваливал предыдущие стратегии и концепции, начиная с 1990-х годов. Это та часть финансово-экспертного сообщества, которая уже не раз доказывала свою научную и практическую несостоятельность, но которая — несмотря на все провалы — упорно продолжает идеологию либеральных реформ 1990-х годов. Могут ли они предложить качественно иной продукт — стратегию национального развития? Сомневаюсь, точнее, — абсолютно уверен, что нет.

Логичнее, на мой взгляд, было бы начинать с уточнения главной цели долгосрочного развития России, где макроэкономическая стратегия, модернизация и инновации выступают **средством** достижения этой цели, а не самоцелью. Такая цель, на мой взгляд, — ускоренное развитие национального человеческого потенциала (НЧП) и его реализация, превращение в национальный человеческий капитал (НЧК)[26]. Особое значение при этом имеет выделение в качестве важнейшей задачи развитие составной части НЧП — социального потенциала, его институтов, адекватно отражающих современное состояние общества[27].

И здесь **не избежать политических решений**, выбора политической и социальной модели развития, хотя складывается устойчивое впечатление, что именно этого правящая элита и хочет избежать.

Социальный потенциал нации и общества концентрируется в его институтах — различных формах организации общества: партиях, общественных организациях, творческих союзах, органах местного управления, трудовых коллективах и т.д. Социальный потенциал является важнейшей частью НЧП, позволяющей говорить об уровне и качестве организации общества, отдельных индивидуумов, т.е. того, что позволяет собственно обществу называться обществом.

С этой точки зрения, институты социального потенциала являются реальными механизмами организации нации и общества и управления. Их неразвитость, недостаток или неэффективность ведут к тому, что собственно материальный потенциал нации, ее национальное богатство, включающее как природные ресурсы, так и средства производства, не работают эффективно. Нередко — даже во вред обществу, нации и государству. Что мы и наблюдаем в сегодняшней России.

Соответственно для решения задач опережающего развития, а тем более качественного скачка в таком развитии, необходимо резко активизировать деятельность существующих и создать (если необходимо) новые институты социального потенциала на всех уровнях — федеральном, региональном и местном, во всех областях жизни, прежде всего связанных с НЧП, — науке, культуре, образовании, духовной области, во всех отраслях экономики.

---

1 *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 369.

2 Человеческий капитал. URL:http://ru.wikipedia.org/wiki

3 *Подберезкин А.* Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2 (17). С. 724.

[4] В мае 2011 года В. Путин выдвинул очередную идею для новой структуры – общероссийского народного фронта (ОНФ), которая, по оценке экспертов, представляет «широкую предвыборную программу, отвечающую интересам основных слоев общества». (*Павлов И.* Народный фронт для общей победы // Независимая газета. 2011. 11 мая.). Что это за «широкая программа», для каких «основных» слоёв – не говорится.

[5] *Соболевский А.* Как попасть в завтра? // Известия. 2011. 11 мая. С. 11.

[6] **Социальный потенциал** – *зд.* совокупность общественных, политических, религиозных и иных институтов нации, ее отдельных социальных групп и слоев, с помощью которых реализуется национальный человеческий потенциал. Значительную часть социального потенциала составляют **институты гражданского общества и местного самоуправления, политические партии и движения, а также творческие и трудовые коллективы**. Существует множество определений, но в данной работе основной упор делается именно на институтах социального потенциала, которые в период «фазового перехода» играют особую роль.

[7] *Григорьева Е., Политов Ю.* Миронов написал письмо в Законодательное собрание // Известия. 2011. 12 мая. С. 2.

[8] Социально-экономическое положение России. Январь 2010. М.: Росстат, 2010. С. 430.

[9] *Горегляд В.* Дайте компас параду идей // Российская газета. 2011. 11 марта. С. 5.

[10] Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние / под ред. Богомолова О.Т. М.: Институт экономических стратегий, 2008. С. 416.

[11] *Богатуров А.* Кризис политики правого центра // Независимая газета. 2011. 22 марта. С. 11.

[12] О российских общественных институтах и их роли в модернизации страны смотрите: *Подберезкин А., Абакумов С.* Гражданское общество и будущее российского государства: в исках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004. С. 435.

[13] Впервые для характеристики потенциала социальных отношений термин «социальный капитал» был применён в 1916 г. американским исследователем образования Л.Дж. Ханифаном. Создание непосредственно теории «социального капитала» как отдельного экономико-социологического направления связано с такими именами, как П. Бурдье, Дж. Коулман и Р. Патнем. Эти исследователи заложили основы теории «социального капитала» и предопределили современный взгляд на данную теорию. Дальнейшее понимание «социального капитала» идет преимущественно в русле новой институциональной теории. «Социальный капитал» попал в поле пристального внимания мейнстрима экономической науки. Исследования «социального капитала» проводились с большим (А. Портес, Ф. Фукуяма, Р. Инглхарт) или меньшим (У. Бейкер, Р. Бёрт, Дж. Нахапет, С. Гошал, М. Шифф, М. Вулкок) уклоном в социологию, и на данном этапе основные исследования базируются на неоклассических принципах (или не противоречат им). Среди российских исследователей «социального капитала» стоит отметить исследования А.Т. Конькова, В.В. Радаева, Д.В. Меркулова, М.И. Мезенцева, Н.Е. Тихоновой, С.А. Сысоева. Эти исследования лежат в русле новой институциональной теории (иле же в направлениях, не противоречащих новой институциональной теории), и рассматривают «социальный капитал», в общем, как включённость в систему отношений, обеспечивающую доступ к ресурсам других субъектов, основанную на общей нормативной базе и обеспечивающую снижение трансакционных издержек. (См. *Штырбуль С.А.* Социальный капитал и социальный потенциал: субъекты и функции. Автореф. диссерт. М.: МГУ, 2010. С. 4.).

[14] *Булатов Ю. А., Мунтян М. А., Подберезкин А. И.* и др. Современная Россия на пути к удвоению ВВП. М.: Научная книга, 2005. С. 10–13.

[15] См., например, последнюю редакцию: The National Security Strategy. Wash., 2010. 10 May.

[16] См., подробнее: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007.

[17] *Подберезкин А.И., Казанцев В.О.* и др. Приоритетные национальные проекты – идеология прорыва в будущее. М.: Европа, 2007. С. 4–11.

[18] Странным образом разработчики и «корреляторы» Стратегии полностью игнорируют утвержденную президентом 12 мая 2009 года Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, где, в частности, говорится о «…системе стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих…уровень устойчивого развития…». См.: «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Утверждена Указом Президента России от 12 мая 2009 г. № 537.

[19] См., например: *Хрусталёв М.А.* Методология прикладного политического анализа. М.: Проспект, 2010, а также *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 70–83.

[20] *Хрусталёв М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: НОФМО, 2008. С. 35.

[21] *Горегляд В.* Дайте компас наряду идей // Российская газета. 2011. 11 марта. С. 5.

[22] См.: *Подберезкин А.* Новые факторы, влияющие на будущее России: роль гражданского общества и человеческого потенциала / Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России. М.: Москва–Санкт-Петербург, 2005. С. 39–82.

[23] **Инновационная активность** – «показатель (по определению О. Фомичева – зам. министра МЭР), который отражает, делало ли предприятие что-нибудь (?) за прошедший год в плане внедрения новых технологий…» – *Шестоперова Ю.* Хомо инновациус // Известия. 2011. 24 марта. С. 7.

[24] См.: Инновационная Россия – 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). М.: Минэкономразвития России, декабрь 2010.

[25] *Подберезкин А.И., Коровников А.В.* Россия и мир в период глобализации: в поисках концепции долгосрочного развития. М.: «Финансовый контроль», 2003 г.

[26] О значении НЧК см. подробнее: *Подберезкин А.* Человеческий капитал и его роль в модернизации России // Вестник МГИМО(У). 2010. № 5 (14). С. 75–101.

[27] См., подробнее: *Подберезкин А.* Становление гражданского общества в России и проблемы его институализации / Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускоренного социально-экономического развития России. М.: Москва — Санкт-Петербург, 2005. С. 82–131.

Глава 1

Социальный потенциал и национальная стратегия

Личность может сформироваться только в среде себе подобных личностей.
Это хорошо видно на примере создания научных,
образовательных и прочих творческих коллективов[1].
А. Подберезкин

Ограниченный, или более точно, отчужденный характер общественных
отношений — вот конечная причина «иллюзорного»
или «ложного» характера идеологии[2].
Б. Славин

Политика Александра Невского заключалась … в том, чтобы
в период тотальной агрессии на Русь … сделать точный геополитический выбор,
дававший возможность сберечь русские земли, обеспечивавший
духовное и физическое выживание русской народности[3].
А. Торкунов,
ректор МГИМО (У)

Неадекватность идеологического отражения действительности в сознании правящей элиты России в последнее десятилетие выразилось в недооценке значения социального потенциала и формировании ложной стратегии развития. Социализм, который Ф. Энгельс назвал наукой об условиях и законах освобождения об антигуманных отношений (а для России — русский социализм), это прежде всего наука об общественных отношениях, соответствующих национальным интересам, институтах социального потенциала, которые формируют и развивают эти отношения.

Социальный потенциал — составная часть национального человеческого потенциала и национального богатства. Он состоит из общественных, политических, религиозных и иных институтов, которые аккумулируют творческую энергию коллективов и реализуют общественную функцию нации. Развитие этих институтов определяет уровень развития общества и качество политической системы. Когда существуют несоответствие между ними, то в обществе возможен, даже неизбежен политический кризис, а эффективное экономическое развитие серьезно затруднено. Именно такое несоответствие между степенью развития институтов социального потенциала, которое, на мой взгляд, в России серьезно недооценивается, уровнем общественного развития (который также недооценивается) и **качеством правящей элиты** и управления, с другой стороны, существует в современной России. Я согласен с руководителем ЦСР М. Дмитриевым, который заявляет, что «уровень развития общества перерос существующую систему»[4].

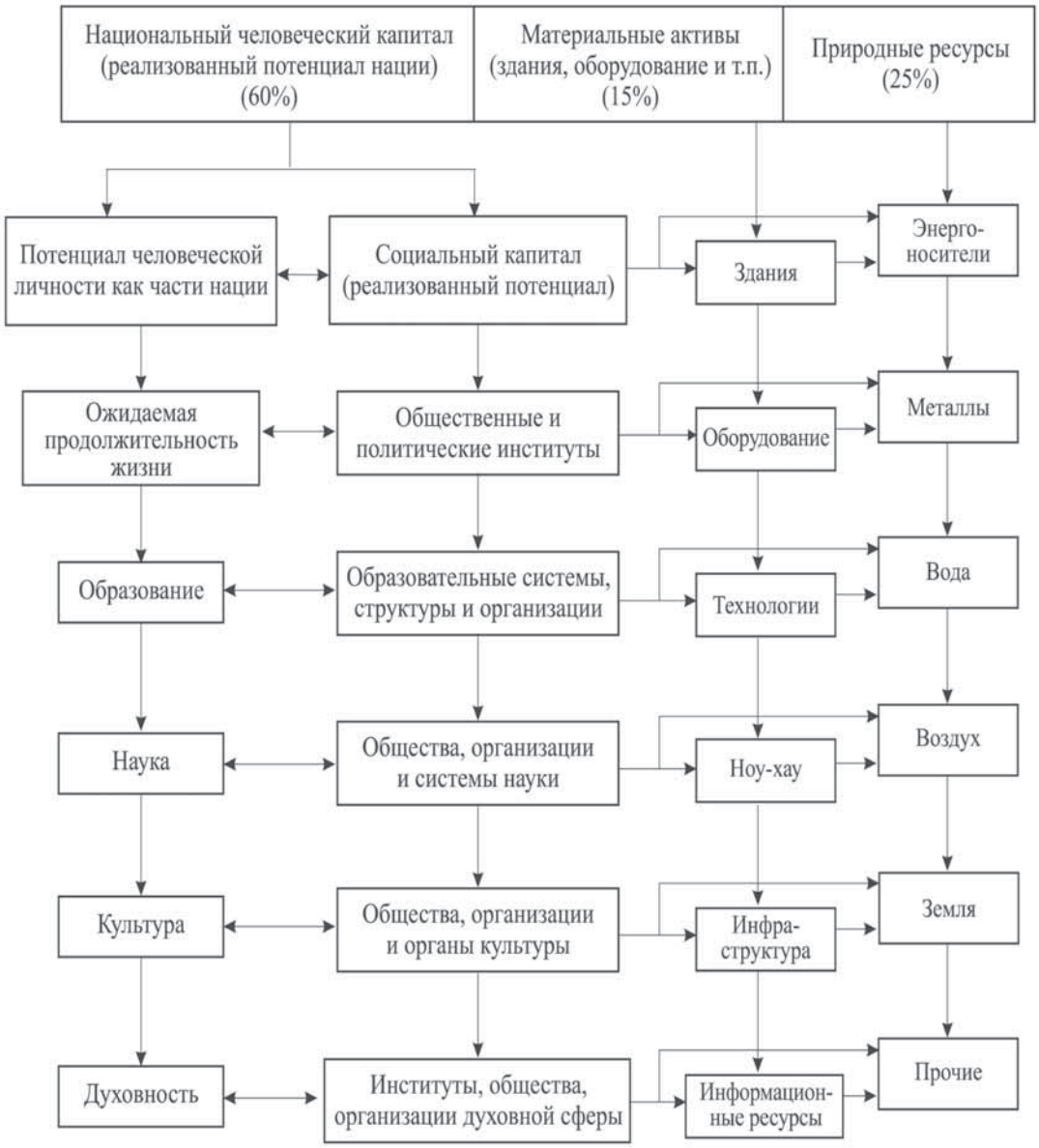


Рис. 1. Национальное богатство России

Качество правящей элиты в России и, соответственно, качество госуправления, как известно, самая большая проблема страны. Об этом не раз говорилось, но в данном случае уместно повторить, что многие годы «деидеологизация» и безнравственность, отсутствие объективных критериев — важнейшие причины этого явления. Специальные знания «менеджеризма», который сегодня преподносится в качестве высшего критерия, — лишь часть качества правящей и управленческой элиты. Как справедливо отмечают известные эксперты, «…70% уровня управленческой компетентности составляют общие для всех руководителей навыки и умения, а 30% зависят от конкретной сферы деятельности и «климата в организации» (!)[5]. Другими словами, «лучшие менеджеры», на самом деле, менее, чем на 30% определяются опытом по своей специальности.

Иначе говоря, качество общества и его институтов, во многом унаследованное от исторической России, значительно выше качества правящей элиты, **которая не способна предложить** ему адекватную идеологию и, как следствие, систему управления. Соответственно, разрабатывая стратегию долгосрочного национального развития, необходимо:

— во-первых, качественно улучшить правящую элиту;
— во-вторых, развивать в приоритетном порядке институты социального потенциала, от которых зависит многое:

Без институтов социального потенциала не было бы ни нации, ни общества, ни государства, а сумма человеческих индивидов, проживающих на определенной территории, превратилась бы в простое стадо. Государство, само по себе, тоже является одним, пусть самым мощным, институтом социального потенциала.

Любое, а тем более опережающее развитие нации, предполагает прежде всего бережное сохране-

ние, создание и развитие его общественных и национальных институтов социального потенциала. Чем их больше, чем они эффективнее, — тем сильнее нация, более развито общество, эффективное государство. И наоборот: чем они слабее, тем слабее общество, государство и, естественно, экономика.

Важнейшая часть национального богатства — национальный человеческий потенциал — во многом состоит из институтов социального потенциала, определяет мощь национального богатства, а степень их развития **предопределяет** возможность превращения НЧП в НЧК, т.е. **качество управления**. И, соответственно, наоборот.

Реализация НЧП, те превращение потенциала в капитал (НЧК) происходит прежде всего через его институты социального потенциала — коллективы (формальные и неформальные), формируемые по месту работы, жительства или по интересам. Появление креативного класса дало мощный стимул развитию негосударственных институтов социального потенциала и созданию принципиально новых, способных аккумулировать творческую энергию. Особенно выпукло это заметно на примере появления и стремительного роста числа пользователей Интернетом, услугами мобильной связи и, как следствие, появлением социальных сетей.

Сегодня уровень и темпы развития экономики, общества и государства во многом изначально предопределен степенью и темпами развития институтов социального потенциала нации. Поэтому содействие этому развитию в интересах ускоренного экономического развития является не просто важнейшим условием последнего, но изначально самым первым шагом в реализации успешной стратегии.

Ускоренное социально-экономическое развитие, переход общества в качественно новое состояние (рывок) прямо зависят от интенсивности развития новых институтов социального потенциала. Прежде всего тех, которые способны аккумулировать и использовать творческую энергию активных социальных групп нации, объединенных в креативный класс.

Особо следует выделить значение институтов социального потенциала в национальном богатстве страны вообще и национальном человеческом потенциале, в частности. Институты социального потенциала играют важнейшую роль:

1. В реализации человеческого потенциала, превращении его в капитал. Сам по себе потенциал может быть реализован и на 1%, и на 100%. Так, А. Шохин привел пример с получением расходных материалов для лабораторий, когда этот процесс в России занимает месяцы, а в Гарварде происходит «…моментально»[6].
2. В реализации материальных активов нации, которые, сами по себе, не могут быть реализованы: никакие машины, технологии, деньги «сами по себе» не заработают. Что и подтверждают усилия по модернизации и реализации «Стратегии–2020».
3. В реализации природных ресурсов. Без развитых институтов социального потенциала природные ресурсы могут только хищнически разворовываться и наносить вред экологии. Что и происходит в современной России, где поспешили национализировать природные ресурсы **без создания** эффективных институтов социального потенциала.

Таким образом, все категории национального богатства зависят от степени развития институтов социального потенциала. Это и есть **самое «слабое звено»** в реализации стратегии национального развития, которое требует приоритетного внимания правящей элиты и общества. Чего, к сожалению, не происходит. Прежние, советские институты разрушены, либо разрушаются (типичный пример — Российская академия наук, Российская академии образования, союзы писателей, журналистов, научные школы и т.д.), новые не создаются и государством и обществом не поддерживаются. Развалился не только СССР, но и вся система, скреплявших его институтов социального потенциала, — от КПСС до творческих союзов, трудовых коллективов, советов (которые) фактически так и не заменили органы местного самоуправления.

Соответственно, формирование стратегии национального развития необходимо начинать с общенациональной идеологии, ориентированной на развитие институтов социального потенциала, которые являются теми реальными механизмами, способными реализовать такую идеологию. В данном случае идеологию русского социализма и соответствующей партии и общественных организаций, а также основанного на принципах этой идеологии государства.

Российской правящей элите предстоит сегодня сделать принципиальный мировоззренческий и идеологический выбор относительно вектора национального развития. По сути дела такой же геополитический, даже цивилизационный, выбор, как и в свое время А. Невскому. Но этот выбор предстоит сегодня сделать правящей элите России в эпоху глобализации, учитывая ее реалии и факторы влияния. И долгосрочная стратегия социально-экономического развития России, дискуссия о которой обострилась в 2010–2011 годы, должна быть и будет, по сути, **следствием** этого выбора. Точнее — одним из последствий. Либо ориентация на западноевропейскую систему ценностей и модернизация, основанная на заимствованиях, с последующей неизбежной потерей национальной идентичности и суверенитета, либо самостоятельный путь, основанный на национальной системе ценностей и модернизации нации, экономики и социальной структуры. Выбор между нацией и глобализацией. Выбор между ориентацией на человека или — на материальное благополучие.

Сказанное имеет вполне прикладное значение для стратегии национального развития. Так, в подготовленном Академией наук Китая докладе «Наука и технологии в Китае: дорожная карта к 2050 году»

признается, что «ключевые технологии стратегической значимости никогда не будут получены из окружающего мира»[7].

По сути дела — и это поняли все дальновидные исследователи, включая экономистов, — правящей элите России в 2011–2012 годы предстоит сделать **окончательный политический выбор, принять политические решения относительно стратегического курса развития**. И даже не столько социально-экономической (о чем многие говорят), **сколько национальной стратегии России**. Эти социально-экономические решения предстоит принять без внятной идеологии и стратегии развития нации, т.е. без внятного политико-идеологического курса[8]. Добавлю, что этот выбор неизбежно придется делать при отвратительном качестве правящей элиты, плохом государственном управлении и в условиях неизбежно нарастающей политической дестабилизации, которая, повторю, вызвана огромной разницей между качеством элиты, системы управления и политической системы, с одной стороны, и значительно опережающим их в развитии обществом и институтами социального потенциала, в конечном счете, — нацией.

Более того, этот выбор предстоит сделать в условиях избирательной кампании 2011–2012 годов, которая, безусловно, обострит начавшуюся после кризиса дискуссию о таком выборе в стране. Подобные решения неизбежно будут носить популистский характер. Политическая традиция современной России — отсутствие программ и «паркетный пиар» — также будут затруднять принятие системных решений. Боюсь, что правящая элита окажется не способной до конца выборного цикла предложить сколько-нибудь внятную национальную стратегию, «отредактировав» в лучшем случае «Стратегию–2020» к концу 2011 года или предложив очередную псевдопрограмму «Единой России» или «Народного фронта».

Участвовать в подготовке и принятии такого решения, а затем и реализовать его предстоит в еще большей мере существующим институтам социального потенциала: политическим партиям, общественным организациям, трудовым коллективам и новым, не обязательно оформленным и зарегистрированным в Минюсте институтам, представляющим самые разные социальные слои и группы нации. На них в период 2011–2012 годов ложится особая ответственность, которая заключаются в реальном исправлении нынешнего курса. Очередная ошибка правящей элиты способна лишить нацию надолго перспективы выйти на устойчивый курс опережающего развития.

Если реально оценивать действительность, то проблема, однако, состоит в том, что, во-первых, правящая элита практически игнорирует мнение этих институтов, в т.ч. ученых-обществоведов, используя их наработки и привлекая их представителей лишь в тех случаях, когда требуется создать фон общественной и экспертной поддержки. Рейтинги, экзит — колы, оценки экспертов нужны правящей элите не для формирования национальной стратегии, а для мнимого экспертного и пиаровского обеспечения существующего курса. «Корректировка» «Стратегии–2020» — типичный пример. Влияние на принятие политических решений оказывает очень узкая группа экономистов, следующих «либеральной традиции» последние десятилетия[9]. К ней не относятся широкие круги научной и культурной общественности и созданные ими институты социального потенциала. Так, мнение РАН, академии образования и тысяч других организаций в реальности многие годы откровенно игнорируется.

Игнорируется и мнение политических и общественных институтов социального потенциала российского общества: партии слабы и не самостоятельны, а их инициативы остаются не замеченными правящей элитой до тех пор, пока кто-то из ее представителей не захочет использовать такую инициативу. Это стало уже общим правилом в отношении власти и политико-общественных структур, когда их инициатива оказывается законченной и может быть реализованной только в том случае, если она получает поддержку «улицы» или СМИ.

Имитация опоры на широкий спектр институтов социального потенциала стала также традицией правящей элиты. В этом смысле идея В. Путина о создании «общенародного фронта» — не исключение.

Во-вторых, сами общественные и гуманитарные науки в России переживают глубокий кризис. Они пока что не предложили комплексную (и поэтому идеологическую) программу национального развития, которая органично вытекала бы из стратегии национального развития, а та, в свою очередь, из общепризнанной элитой политической идеологии[10]. Старые, советские школы практически вымерли, а новые, оригинальные школы — пока не появились. В основном происходит компиляция уже известных, прежде всего западно-либеральных идей[11].

Для того чтобы общественные науки смогли предложить свои идеи и концепции необходимы определенные усилия (не такие уж и значительные) по развитию существующих и созданию новых научных национальных школ в различных областях гуманитарных и общественных знаний. Причем не десятка — другого, а сотен и тысяч, как, например, в США. До тех пор пока отечественная наука будет кормиться из-за рубежа, либо от государственных либеральных заказов, получить национально ориентированный и оригинальный продукт крайне сложно.

Я полагаю, что целевое инвестирование институтов РАН, университетов, как первая мера, крайне необходима, но кроме этого, необходимы широкие поисковые работы, подготовка научных кадров (и не за символические стипендии, которые не позволяют заниматься наукой), развитие существующих, воссоздание прежних и создание новых научных школ.

Совершенно отдельная тема — превращение этих школ и других институтов социального потен-

циала в фактор политического влияния. Сегодня такого инструмента фактически нет. Да, существует Общественная палата и различные советы и комиссии при президенте, которые носят консультативно-совещательный характер. Они собираются время от времени (3–4 раза в год) и представляют иногда неглупые доклады, но их непрофессиональный, общественный характер характеризует и степень их влияния. Если министр имеет возможность реально — ежедневно и практически — влиять на формирование политики, то представленные в комиссиях и советах лица — в лучшем случае один или два раза в год.

Я полагаю, что такие советы и комиссии должны переходить на полупрофессиональную основу и выступать — по аналогии с Советом безопасности — постоянно действующим консультативным органом при президенте, премьере, министрах. В них должны входить авторитетные представители различных институтов социального потенциала, которые могут влиять, в т.ч. процедурно, нормативно, на прохождение любых документов. Сегодня такое возможно в исключительных случаях.

В-третьих, в рядах самой правящей элиты царит идеологическая сумятица. Даже в рамках «либеральной традиции». Это проявилось, в частности, в подходе к такому идеологизированному вопросу, как современная история. В мае 2009 года была создана Комиссия по противодействию фальсификации истории во главе с С. Е. Нарышкиным, а в марте 2011 года — рабочая группа по истории в другой президентской комиссии — Совете по содействию развития гражданского общества. И в первом, и во втором случае стоит задача рассекречивания документов, «правдивого» изложения истории и подготовки массовых учебников. Только цели этих комиссий прямо противоположны, что иллюстрирует вопиющую разницу в оценке национальных интересов и ценностей внутри одной правящей элиты[12].

И первая, и вторая комиссия (Совет) аккумулируют достаточно широкий спектр представителей институтов социального потенциала — институтов РАН, университетов, СМИ, общественных организаций и творческих союзов, — но вектор работы совершенно различен. Если в комиссии. С. Нарышкина определенно чувствуется настрой на конструктивное развитие, то у М. Федотова — на политическую дестабилизацию.

Раздрай в правящей элите наблюдается и по другим политическим направлениям. Так, попытки С. Миронова выступить с конструктивной критикой «Единой России» каждый раз наталкивались на отказ от дискуссии и принятия административных, медийных и иных контрмер, хотя подобная критика — явление не просто нормальное, но и абсолютно необходимое в дискуссии о стратегии национального развития.

Совершенно очевидно, что институты социального потенциала общества не просто недооцениваются правящей элитой, но и откровенно игнорируются. Даже те, которые лояльны и даже суперлояльный к правящей элите. Дело, в конечном счете, не в лояльности, а в отношении правящей советско-российской номенклатуры к научным знаниям, представителям этих знаний и культуры, которых прежде называли презрительной «прослойкой», а сегодня — «офисной пылью».

1. Структура и институты социального потенциала

Пора перестать относиться к «непохожести» российской жизни как к пережиткам, «особенностям транзита», которые скоро исчезнут. Традиционное сознание в России доказало свою устойчивость по отношению к вестернизации[13].

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Отношения между людьми определяются социальным капиталом[14].

Е. Петренко,
директор по исследованиям ФОМ

Нация и общество всегда не только историчны, но и обладают вполне определенными характеристиками, которые проявляются прежде всего в социальном потенциале и конкретных институтах социального потенциала. Другими словами, не существует абстрактной нации или общества, как не существует и абстрактных классов и социальных групп. Для нации, например, очень важен такой институт, как церковь или система образования, которые идентифицируют нацию больше, чем заявление политических лидеров. Соответственно степень развития этих институтов, как, например, англосаксонская церковь в Великобритании или католическая в Испании и Италии, во многом предопределяют национальные характеристики.

Современный глобализирующийся мир нередко угрожает традиционным институтам, объективно ослабляя национальные возможности. Эта унификация ведет в конечном счете к потере идентичности, что в последние годы остро почувствовали на себе,

например, европейские нации. Процесс интеграции в рамках Евросоюза и создание новой европейской идентичности вызвал ответную болезненную реакцию. Во многих странах, таких, как Австрия, Финляндия, Великобритания, Франция и ряде других этот процесс привел к росту популярности националистических партий. Это, на мой взгляд, объясняется тем, что значительная часть этих наций испугалась не только социокультурных последствий унификации, но и почувствовала, что национальная мощь зависит **от степени развития национальных институтов**.

Россия, естественно, не может оставаться в стороне от происходящих в мире социальных и экономических процессов. Ослабление национальных институтов в стране приняло обвальный характер. Особенно в 90-е годы, когда господство либеральной идеологии привело к попытке примитивной вестернизации страны. Причем не столько под влиянием экономических, сколько антинациональных и антигосударственных идей: либерализм в России принял очевидные антинациональные, антисоциальные и антигосударственные формы. Многие реформы, которые привели к развалу государства и общества, изначально ставили своей задачей не экономические цели, а развал институтов социального потенциала СССР и России — КПСС, профсоюзы, комсомолье, творческие союзы и т.д., **не предлагая ничего равноценного взамен**. Удивительно, но это разрушительное господство либерализма в последние десятилетия привело **к идеализации его основополагающих принципов и механизмов**, хотя это не только стало причиной неудачных реформ в России, но и остается главной причиной сегодняшнего кризиса.

Кризис 2008–2011 годов показал вроде бы всем, даже заядлым сторонникам либералов, что эти идеи не абсолютны и не универсальны в период глобализации. Это был вынужден признать даже МВФ, заявивший в апреле 2011 года, что «…глобализация должна стать иной — не капиталистической, а «справедливой и с человеческим лицом»[15]. В рамках «вашингтонского консенсуса», в частности, было предложено принять универсальные меры: бюджетную дисциплину, свободное перемещение капитала и поощрения прямых иностранных инвестиций, снижение избыточного вмешательства в экономику государства свободный курс и др. Но идеализация либерализма в России отнюдь не прекратилась. Как не прекратилась и разрушительная политика в отношении национальных институтов социального потенциала. Похоже, что правящая элита, даже увидев эти разрушительные последствия, не захотела сделать из этого выводов. Сознательно.

Структурно, социальный потенциал, можно разделить условно на две формы, которые тесно взаимосвязаны между собой и обуславливают качество друг друга.

Первая форма представляет собой совокупность качественных характеристик нации — интеллекта, образования, информвооруженности, духовности, патриотизма, воли и др. нравственных и моральных качеств. Среди них особое значение имеют творческие способности и возможности нации[16]. Это значение признается во всем мире, но не в России, где интеллект и творчество абсолютно не оценены.

Следует отметить два обстоятельства: во-первых, эти качества, взятые в отдельности и все вместе, представляют собой сегодня более значимый ресурс, чем экономическая, финансовая или военная мощь.

Во-вторых, эти качества могут развиваться и воспитываться в обществе различными силами, в т.ч. и государством. Огромное значение в этой связи имеет то, что правящая элита и государство могут адекватно оценить эти качества и воспитывать и развивать их целенаправленно, что в полной мере относится не только к исследовательским способностям, образованию, но и духовности и творчеству. И государство обязано это делать. Но не делает.

Уже говорилось о том, что НЧП состоит не только из душевого дохода, интеллекта, образования, но и из качеств, характеризующих нацию с социальной точки зрения — духовности, творчества, патриотизма. Без этих качеств НЧП был бы не полон и не совершенен. Но в современной России, оперирующей макроэкономическими критериями, эти приоритеты не просто перестали быть приоритетами, но вообще отсутствуют. Даже когда следуют заявления на высшем уровне, общество уже не верит, что правящая элита заинтересована, в чем-то еще, кроме распределения ресурсов.

Возникает парадокс: с одной стороны, значение институтов социального потенциала стремительно повышается и растет понимание их решающего значения в развитии нации, но, с другой стороны, правящая элита удивительным образом игнорирует эту тенденцию, более того, делает все для того, чтобы ослабить существующие и не дать возможности создать новые институты социального потенциала.

Отчетливо этот порядок проявляется в стратегии социально-экономического развития до 2020 года, получившей, как уже говорилось, название «Стратегия–2020».

Эта стратегия:

— подменяет собой национальную стратегию развития, т.е. нация, общество, как бы, игнорируются. Остаются абстрактные макроэкономические показатели;
— игнорирует роль национальных институтов социального потенциала. От недопонимания, либо сознательно.

Главное заключается в том, что, занимаясь стратегическим прогнозом, стратегическим планированием, а в целом стратегией национального развития, следует понимать, что именно эти характеристики института социального потенциала и в целом НЧП **должны определять целеполагание стратегии**. Но, к сожалению, пока что разработчики «Стратегии–2020» эти показатели не принимают во внимание вообще. Как совершенно справедливо отмечают авторы прогноза до 2030, «обеспечение духовно богатой,

справедливой, достойной и безопасной жизни является **основной целью** развития человека, общества, государства и природы»[17]. Соответственно и национальная стратегия развития, тем более долгосрочная стратегия, должны четко определиться в приоритетах. А приоритет в стратегии — нация, ее потенциал и институты, реализующие этот потенциал.

«Достижение этой цели увязывается с рядом определяющих приоритетов и условий (я бы добавил — институтов, реализующих эти задачи):

— выход развития предполагает на такие траектории и сценарии, которые опираются на **традиционный уклад жизни и поэтапно улучшают жизнь каждого человека или большинства народа с учётом указанных выше приоритетов жизни**;
— развитие предусматривает создание научно-обоснованной сбалансированности духовных и материальных **потребностей, с одной стороны**, достойную предназначению человека, как высшего разумного творения на Земле (с другой?)»[18];

Ни первого, ни второго авторы «Стратегии–2020» (и ее сегодняшние «корреляторы») не предусматривают. Как и правящая элита. Заметьте, что никто из ее представителей не говорит о развитии «традиционного уклада» и «поэтапного улучшения жизни каждого человека». Как, впрочем, и о таких институтах развития. Почему-то полагают, что «Стратегия–2020» ориентирована на абстрактные, страновые показатели, игнорирующие как нацию в целом как предмет развития, так и отдельного ее представителя — человека.

Исследователи РАН делают логичный вывод:

«Достижение указанной цели на современном этапе человеческой цивилизации предполагает реализацию определённых концептуальных приоритетов и требований к человеческой жизни, находящихся в основе знаний, прогнозирования, управления и развития:

— создание государством, обществом внешних условий и внутреннее стремление каждого человека к неограниченному духовному росту;
— признание каждым человеком, обществом и государством ограниченных возможностей удовлетворения материальных потребностей, достаточных для справедливых и научно обоснованных норм их жизнедеятельности;
— организация жизни каждого человека, общества и государства в гармонии с природой и фундаментальными законами её развития во благо живущих и будущих поколений;
— признание в развитии первостепенной роли права и обязательности труда и созидания.

Каждый человек имеет право, обязан и может жить духовно богатым, физически здоровым, материально достаточным при непрерывном повышении его долголетия и безопасности»[19].

Другими словами, в основу целеполагания академиков РАН положен ЧЕЛОВЕК и нация, а в основу «Стратегии–2020» — макроэкономические показатели. Соответственно и институты социального потенциала требуются разные. В первом случае такие институты, которые развивали бы потенциал человека и нации в целом, а во втором — финансово-экономические показатели абстрактной страны и общества. Разница — принципиальная. Приведу конкретный пример.

Этот пример показателен, характерен, даже типичен. Обсуждаю тему создания университета на Дальнем Востоке с крупным предпринимателем, получившим подряд на работу. Из разговора становится понятно, что для него нет разницы строить ли «Крокус-сити» или университет — важны объемы бетона, металла, стоимость квадратного метра и т.п. И он, по-своему, прав.

Для меня университет это, прежде всего, научные школы, качество преподавания, студенты и сессии. Выделенные бюджетом 100 млрд рублей на строительство университета средства я не рассматриваю как деньги, потраченные на образование. Они потрачены на бетон. Но если бы те же 100 млрд рублей были выделены на научные исследования 500 ведущим университетам, то этого им хватило бы, как минимум, на 2–3 года. Вот и разница в логике.

С одной стороны, поддержка старых и развитие новых институтов социального потенциала нации (университетов), а, с другой — строительство здания, которое неизвестно кем, когда и как будут использоваться.

С одной стороны, инвестиции науки и образования, с другой, — инвестиции в стройку, чужие (зарубежные) материалы и преимущественно чужая рабочая сила.

С одной стороны, национально ориентированная идеология развития, а, с другой — идеология «освоения» средств, которая, в лучшем случае, ориентирована на сокращение воровства бюджетных средств.

Не случайно возникает естественный вопрос: почему власти выгодно иметь недоразвитые институты социального потенциала? Ответ для рыночной экономики прост, даже наивен: также институты, заинтересованы в «освоении» средств, а не развитии НЧП. Приведу пример. Крупный предприниматель предлагает эффективные очистные сооружения для регионов. Но их характеристики — качество, эффективность, стоимость — не имеют значение для региональной власти, которая представляет собой недоразвитый институт социального потенциала. Для нее выгоден любой проект, который может обеспечить «откат». Поэтому очистные сооружения строятся не в стране, где 65% стоков отправляются в реки, а там (в Саудовской Аравии), где институты социального потенциала (местные власти) боятся заплатить за неэффективное внедрение оборудования.

Вторая форма социального потенциала представлена его конкретными институтами, которые являются организационным оформлением потенциала человеческой личности. Эта структура в упрощенном виде может быть представлена на рис. 2.

где:

1. Политические институты, организации и группы представляют собой достаточно большое число организаций и коллективов, как федеральных, так и региональных, и местных, которые используют энергетику, знания, опыт и другие возможности личностей для продвижения и решения конкретных задач.
2. Коллективы предприятий и организаций. В принципе любой коллектив обладает социальным и организационным потенциалом, который определяется простой формулой: «все, что уходит после работы». Это не только люди, но и информация, традиции, связи, ноу-хау и т.д.
3. Творческие институты общества: союзы, группы, ассоциации, клубы и т.д.
4. «Личность–коллектив» — феномен современного общества, который проявляется в растущем значении творческого потенциала как экономической, так и социальной силы. Личность–собственник, творец, работодатель — в одном лице сегодня становится влиятельной социальной группой, составляющей в развитых странах значительную часть социального и экономического потенциала.
5. Религиозные организации оказывают огромное влияние на общество. Сегодня только в РПЦ десятки тысяч приходов, вокруг которых сложились влиятельные сообщества, которые занимаются воспитанием, образованием и помощью гражданам.
6. Общественные институты — экологические, правозащитные, пр. организации, объединяющие тысячи людей в зависимости от их нравственной позиции. Так, десятки тысяч волонтеров ухаживают за больными, сдают кровь, помогают престарелым и т.п., полагая это своей нравственной обязанностью. Как правило, не афишируя свою деятельность.
7. Профессиональные институты социального потенциала. В некоторых странах именно такие союзы выполняют роль регулирующих органов, аттестовывают и контролируют исполнителей. В нынешней России такие союзы, скорее, выполняют функции декорации, либо, в лучшем случае, профсоюзов, пытаясь по мере возможностей защитить профессиональные интересы. Как правило, безуспешно.
8. Самое многочисленное и влиятельное представительство институтов социального потенциала, возможность которых сегодня используется крайне незначительно. По сути дела более половины всех проблем у граждан возникает и может быть решено только на местном уровне. Поэтому перераспределение консолидированного бюджета (сегодня менее 25%) в пользу этих институтов, а также властных полномочий является ключевой задачей.

Рис. 2.

Достаточно вспомнить возникшие во второй половине XIX веке в России земства, которые смогли взять на себя функции обустройства страны. Не случайно А. И. Солженицын называл эту проблему «проблемой № 1» для обустройства России.

Человек, как социальное существо, входит в какое-то сообщество (или несколько сообществ), состоит в нескольких институтах социального потенциала. Эти сообщества многократно могут усиливать, либо ослабевать потенциал отдельной личности и потенциал нации, служить важнейшими **механизмами** нации, общества и государства в реализации задач развития. Достаточно сказать, что сегодня в России насчитывается несколько сот тысяч только зарегистрированных неправительственных организаций и миллионы трудовых коллективов[20]. Кроме этого, быстрыми темпами растет новая социальная категория, которую условно можно назвать «человек-организация» — индивидуальный творческий работник. Эта категория становится уже не только массовой, но и чрезвычайно влиятельной. Достаточно привести пример с известными блоггерами, чья ежедневная аудитория насчитывает столько же читателей, сколько федеральное СМИ.

Как использовать эту огромную часть НЧП? Как заставить ее эффективно работать?

Это можно сделать только в том случае, когда у нации существуют общепринятые **цели развития**, которые разделяются нацией и большинством правящей элиты, когда нация мобилизована, в т.ч. ресурсно, на достижение этих целей, наконец, когда нация понимает что без этих целей, без соответствующих институтов социального потенциала, как и без механизмов реализации поставленных целей такие цели являются недостижимыми.

Сегодня, когда начали говорить об «институтах развития», имея чаще всего в виду новые бюрократические структуры, «осваивающие» бюджет, необходимо помнить, что действительными институтами развития являются институты социального потенциала. И стратегия развития должна исходить из того, что начинать надо именно с того, чтобы создать благоприятные условия как для существующих, так и создающихся институтов социального потенциала.

2. Обострение социальных и политических противоречий в России в 2008–2011 годах как результат игнорирования институтов социального потенциала

«Между современным российским обществом и политическими элитами, которые призваны этим обществом управлять, легко заметить отчуждение, постепенно переходящее в настоящую ненависть. Осознающий свои интересы россиянин с раздражением относится к чиновникам и представителям крупного бизнеса»[21].
Д. Ольшанский

«Власть критикует существующее положение, но не себя. Реальная политика и вовсе такова, будто для выхода из тупика достаточно косметики»[22].
Доклад ИНСОР

Вопиющая социальная несправедливость в России — прямое следствие сознательного игнорирования властью значения НЧП и особенно институтов социального потенциала как естественных регуляторов общественных отношений. В свое время, разрушая государство, либералы сознательно открыли шлюзы не только для суверенитета и вседозволенности, но и для общественных инициатив. Позже, осознав реальную угрозу для собственности и власти, эти шлюзы были закрыты. Не только для тех сил, которые разрушили государство, но и для всех других.

Современное российское общество в результате оказалось расколото на две абсолютно неравные социальные группы: тех, кто получил и получает максимальную, ничем не оправданную выгоду от использования национальных богатств России[23], включая НЧП, обеспечил себе роскошное существование, огромные возможности, связанные с полученным богатством, и тех, кто вынужден жить в бедности, нищете, либо — в лучшем случае — выживать, отказываясь от реализации личного потенциала, творчества, да и просто нормальных условий существования. Во многом это стало следствием разрушения институтов социального потенциала, объективно защищавших права личностей. В том числе собственность, творчества, заработной платы и других. Профсоюзы превратились в корпорацию, партии — в думское представительство, органы власти — в органы распределения средств и собственности. В результате большинство граждан оказалось без институтов социального потенциала, незащищенными и лишенными любых возможностей.

Первая социальная группа, представляющая абсолютное меньшинство нации (если ее вообще можно отнести к нации), ответственна за политику стагфляции, растущее отставание России, созданную систему социальной несправедливости, бешеную инфляцию, коррупцию, рост недоверия к власти, когда национальное богатство распределяется в пользу этой группы и утекает за рубеж. Экспорт российского капитала, составившей в 2010 году не мене 40 млрд долларов, целевым образом предназначен для Швейцарии (более 50%), Кипра и оффшоров. Это говорит о том, что интересы этой группы давно уже за рубежом. Там их банковские счета, учатся дети, собственность. С Родиной их связывает бизнес, место, где они зарабатывают деньги. И это не только мультимиллионеры, но и те, кто стремятся ими стать, оставаясь пока что в стране пребывания. Их интересы — за рубежом, куда они постепенно переносят не только свою деятельность, но, главное, помыслы.

Это уникальная ситуация, характерная только для тех стран, где правящие элиты чувствуют себя временщиками. Она не свойственна ни для развитых стран, ни для России, в истории которой были периоды «отъезда» знати за рубеж или вынужденной эмиграции, но которая никогда не носила такой системный и легальный характер. Иногда кажется, что правящая элита демонстрирует отсутствие всякой связи со страной.

Экономически эта ситуация носит катастрофический характер, с которым не смирилось бы ни одно национально ориентированное правительство. Только откровенно компрадорское. Так, всего лишь одна сотня российских миллиардеров ежегодно получает доход (не попадающий под прогрессивную шкалу налогообложения) порядка 37,5 млрд долларов, который, естественно, не попадает в доходную часть бюджета. По оценке депутата РФ О. Дмитриевой, только этой суммы было бы достаточно, чтобы повысить доходы всех бюджетников, и она превышает все расходы федерального бюджета на образование[24]. И это только доходы 100 человек! И зачем нужны иностранные инвестиции, если Россия является крупнейшим экспортером финансовых ресурсов. Дешевых, даже дармовых. Готовы ли авторы нынешней политики и «уточненной» «Стратегии» пересмотреть сами принципы антисоциального и антинационального развития нации, либо ограничиться только поиском механизмов модернизации и иностранных заимствований? Готовы ли авторы стратегии объяснить нации ради чего она должна жить и работать? Служить в армии? Готовы ли авторы «Стратегии», по примеру правящей элиты Японии, обложившей дополнительным налогом тех, кто не пострадал от катастрофы АЭС, ликвидировать несправедливое распределение национального богатства?

Все эти данные хорошо известны специалистам, но не стали предметом широкого общественного

обсуждения именно в силу недоразвитости институтов социального потенциала. Правящая элита поэтому живет одной жизнью, а общество, которое просто не имеет институтов влияния, — другой. И эти пласты не пересекаются. Редкие возмущения тонут в потоке официальной пропаганды.

Отсюда во многом и неэффективная экономическая политика, которая:

— во-первых, не имеет социальных ориентиров и называется «социальной» лишь с точки зрения вынужденного выделения части национального богатства в качестве повода для пиара;
— во-вторых, не может быть экономически эффективной, ибо не создает изначально условие для экономической деятельности в интересах нации.

Таблица ниже показывает, что за период наблюдения с 1994 по 2010 гг. сальдированный ввоз капитала был только в самые благополучные годы, когда чистый приток спекулятивного капитала составил астрономическую сумму для РФ в размере 123,1 млрд долл. США. В другие же годы наблюдался только вывоз капитала, который в сумме составил, как минимум, 267,6 млрд долл. США (а по некоторым оценкам экономистов, более 1,5 трлн долл.!). Из этого следует, что экономика России обладает необходимыми инвестициями и все разговоры о привлечении иностранных инвестиций как условии модернизации — пустая болтовня.

Табл. 1. Чистый ввоз / вывоз капитала частным сектором в 1994–2010 годах (по данным платежного баланса Российской Федерации) (млрд долл. США)

Год	Чистый ввоз/вывоз капитала
1994	–14,4
1995	–3,9
1996	–23,8
1997	–18,2
1998	–21,7
1999	–20,8
2000	–24,8
2001	–15,0
2002	–8,1
2003	–1,9
2004	–8,9
2005	–0,1
2006	41,4
2007	81,7
2008	–133,9
2009	–56,9
2010	–38,3
Итого:	–267,6

Кроме того, Россия является нетто — экспортером капитала. Готова ли элита, как, например, в Италии, ограничить вывоз капитала? Такая позиция характерна для стран с развитой финансовой и экономической системой, в которых переизбыток капитала формирует часть экономики за пределами национальных границ (США, Англия, Гонконг, Тайвань и др.), и для **наименее развитых стран**, в которых политико-экономические условия заставляют бежать капитал из страны при первой же возможности, а также для сырьевых экономик, зависящих от зарубежных инвесторов. Понятно, что Россия относится именно к этим странам. Подчеркну, наименее развитым, с точки зрения уже не столько экономической, сколько социальной и политической.

В условиях хронического недофинансирования экономики РФ такая ситуация губительна и отражает прямую зависимость от внешних факторов. При этом правительство практически не принимает мер для предотвращения практики оффшорных схем ведения бизнеса, что вызывает оправданное социальное, но игнорируемое правящей элитой негодование.

В этих данных не показано, сколько инвестиций в Россию носит не спекулятивный, а действительно инвестиционный характер. Но, по некоторым оценкам, в 2010 году — не более одной десятой.

Надо ли говорить, что вывод капитала за рубеж — черта, характеризующая представителей первой социальной группы, как назвал её В. Сурков, — «оффшорной аристократии»? Но ведь именно черты этой «аристократии» стали характерными чертами правящей российской элиты!

Вторая социальная группа, составляющая более 60% населения, это фактически граждане, проживающие **ниже уровня бедности и в нищете**. Причем эти искусственно созданные уровни, совершенно не соответствуют общепринятым стандартам. В реальности это означает, что большинство населения страны находится где-то между бедностью и нищетой (те самые 60%), а еще 30% — на уровне бедности и относительного благополучия.

И это, как принято объяснять, — следствие низкой производительности труда. Между тем покойный ныне академик Д. С. Львов подчеркивал, что «доля заработной платы в ВВП России примерно в 2–2,5 раза ниже, чем в любой западной стране. На один доллар … наш среднестатистический работник производит в 2,5–3 раза больше ВВП, чем например, в тех же США»[25]. Другими словами, **правящая элита недоплачивает**, **искусственно держит в нищете и бедности значительную часть нации**.

Готовы ли эксперты-макроэкономисты обсуждать эти проблемы и предложить решение об изменении такой ситуации, введении, например, ограничений на вывоз капиталов за рубеж (которые существуют в ряде стран), или введении прогрессивной шкалы налогообложения? Уверен, что нет.

Но, главное, есть ли сегодня в России институт (институты) социального потенциала, готовые и способные исправить эту ситуацию? В частности поставить и решить вопрос о минимальной почасовой оплате труда? Лично я таких институтов не вижу: ни профсоюзы, ни партии при нынешней политической системе и всевластии Минфина — идеологическом и административном, — при наплевательском отношении к положению большинства граждан такой вопрос не ставят и, тем более, не решают.

Важно, с точки зрения развития социального потенциала и в целом НЧП, что к числу безработных и малообеспеченных семей относится значительная часть социально-активных граждан. В том числе имеющих высшее образование (более 15%) и среднее профессиональное образование (почти 23%)[26] (табл. 2).

Другими словами более 30% безработных в России — это люди, **имеющие хорошее образование, отвечающее в целом критериям экономики знаний**. Это тот социальный и человеческий потенциал, который в современных условиях не находит себе применения. Это огромный неиспользуемый ресурс развития нации, который, как признано, является главным конкурентным преимуществом любой страны.

Кроме того, именно эти категории граждан стали главной движущей силой социальных революций в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Эти граждане — потенциал для социального протеста и готовый материал для революций. Они гораздо опаснее правящим режимам, чем миллионы крестьян и пролетариев.

В России это правило действует также. Протесты, назревающие в обществе в 2010–2011 годах, связаны в том числе и, может быть, прежде всего с тем, что образованная часто нации, читающая и способная мыслить самостоятельно, прекрасно понимает всю несправедливость сложившейся социальной и политической системы. Именно поэтому новые формы институтов социального потенциала, особенно в слабоконтролируемом Интернете, стали стремительно нарождаться как альтернатива отсутствующим институтам социального потенциала.

Но протестный потенциал не исчерпывается высокообразованными безработными. Если же к этим цифрам, отражающим официальную статистику, добавить число не зарегистрированных безработных, а также тех, кто вынужденно ушел на менее квалифицированную работу, или вообще не желает работать не по специальности, то мы поймем, насколько бездарно используется социальный потенциал нации, что статистика не отражает. Но, по моим оценкам, речь может идти о более 12 млн. человек.

Понятно, что все это было хорошо известно и до кризиса 2008–2011 годов, но обострение, смею полагать, произошло не из-за кризиса, который, конечно же, больно ударил по экономике России, а из-за социальной и национальной несправедливости при решении проблем. Проблем возникших и осознанных в том числе в ходе кризиса, и, особенно, после него.

Табл. 2. Распределение численности безработных по уровню образования (в процентах к итогу)

	Безработные — всего	в том числе имеют образование					
		высшее профессиональное*	среднее профессиональное	начальное профессиональное**	среднее (полное) общее	основное общее	не имеют основного общего образования
Всего							
1995	100	**11,5**	28,7	…	41,8	16,7	1,3
2000	100	15,2	22,7	13,5	32,8	13,7	2,1
2001	100	14,3	25,2	13,1	33,5	12,8	1,1
2002	100	13,2	24,4	12,4	34,9	13,9	1,2
2003	100	13,9	20,7	16,2	33,7	14,1	1,4
2004	100	13,6	20,5	18,3	33,1	13,5	1,1
2005	100	13,0	18,8	18,3	32,4	16,4	1,1
2006	100	12,8	17,3	17,6	37,0	13,5	1,8
2007	100	14,0	18,8	18,6	34,9	12,6	1,1
2008	**100**	**15,6**	19,3	20,6	32,2	11,0	1,4
2009	**100**	**15,0**	22,9	20,2	30,8	10,5	0,6

* До 2009 г. — включая неполное высшее образование, в 2009 г. включая послевузовское образование.

** В 1995 г. лица, имеющие начальное профессиональное образование, учитывались по уровню среднего (полного) общего или основного общего образования.

Табл. 3. Распределение численности безработных по обстоятельствам незанятости[27]
(в процентах к итогу)

	Безработные — всего	в том числе			
		ранее имели работу	из них оставили прежнее место работы в связи		ранее не имели работы
			с высвобождением по причине сокращения штатов, ликвидации организации, собственного дела	с увольнением по собственному желанию	
Всего					
1995	100	83,1	28,3	39,3	16,9
2000	100	80,9	26,6	26,0	19,1
2001	100	79,7	25,0	26,0	20,3
2002	100	75,9	23,4	22,8	24,1
2003	100	77,7	20,5	26,4	22,3
2004	100	75,6	21,3	25,0	24,4
2005	100	74,0	22,3	22,0	26,0
2006	100	68,2	19,2	21,8	31,8
2007	100	70,4	17,6	22,4	29,6
2008	100	73,0	20,4	22,4	27,0
2009	100	**76,8**	**28,8**	21,2	23,2

Рост экономики в 4% в 2010 году и ожидаемый рост в 4,5% в 2011 году на фоне роста цен и социальной несправедливости, наступающей усталости от такой стабильности, безусловно, создают условия для обострения социального протеста в России. Учитывая же, что государство препятствует (или, как минимум, не содействует) укреплению и созданию новых институтов развития социального потенциала, эти новые институты формируются стихийно, носят, как правило, оппозиционный характер. Это справедливо не только по отношению к институтам, стоящим на «либеральной традиции» («31-я статья Конституции», общества поддержки М. Ходорковского и т.д.), но и по сути имеющим общедемократический характер («Синие ведерки»).

Особенно этот вывод справедлив для тех социальных институтов, которые стоят в открытой оппозиции к власти, например, влиятельным националистическим организациям, для большинства из которых В. Путин перестал быть лидером, отражающим национальные интересы страны[28]. Эти организации, как правило, неформальные, еще недооценены. Они не афишируют свою деятельность, но представляют собой очень мощный протестный потенциал.

Социальная несправедливость порождает современный терроризм, бандитизм и неизбежно станеут причиной внутриполитической нестабильности.

Разрабатывая новую стратегию, таким образом, необходимо принять **политическое решение о повышении реального жизненного уровня граждан**[29]. Причем не косметические, иногда издевательские (как, например, повысить стипендию в 1500 рублей на 9%, т.е. на 140 рублей в сентябре 2011 года), а реальные. Это, в свою очередь, неизбежно приведет к росту производительности труда и расширению внутреннего спроса, который и является, как показывает опыт, гарантированным двигателем развития экономики.

Пока что это решение даже не обсуждается. Господство примитивной либеральной идеологии и модели управления игнорирует эту общественную и экономическую потребность, хотя даже в развитых странах установки не искусственного, а реального прожиточного минимума, реальных стипендий (для справки: стипендия аспиранта в России составляет 1500 рублей, а в большинстве развитых стран — 1000–1500 евро), реальной минимальной зарплаты. Не существует и институтов, способных исправить эту ситуацию. Решение может принять только правительство, которое сознательно игнорирует эту очевидную общественную потребность, прикрываясь псевдолиберальными финансовыми рассуждениями о «всплеске инфляции».

На мой взгляд, нация должна вынудить, заставить правящую элиту предоставить существующим институтам социального потенциала максимально благоприятные условия для развития — политические, экономические, правовые. Это потребует изменения всей системы взаимоотношений по оси «правящая элита» — «институты социального потенциала», включая делегирования таким институтам значительной части полномочий. Это — один из

Табл. 4. Величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации, в расчете на душу населения (руб. в месяц)*

	Все население	В том числе		
		трудоспособное население	пенсионеры	дети
I квартал 2009 г.				
Величина прожиточного минимума	5497	4044	4837	5083
II квартал 2008 г.				
Величина прожиточного минимума	5607	4129	4963	5187
III квартал 2009 г.				
Величина прожиточного минимума	5620	4134	4978	5198
IV квартал 2009 г.				
Величина прожиточного минимума	5562	4091	4922	5144
I квартал 2010 г.				
Величина прожиточного минимума	5956	4395	5312	5518
II квартал 2010 г.				
Величина прожиточного минимума	6070	4475	5423	5625
III квартал 2010 г.				
Величина прожиточного минимума	6159	4532	5510	5707

* **Источник:** http://www.gks.ru/bgd/free/

способов исправить тормозящую развитие систему общественных отношений. Другой способ — антиправительственные выступления, которые **неизбежно** последуют для исправления этой ситуации. Россия не может быть исключением из закона соответствия общественных отношений уровню развития производительных сил.

Важно подчеркнуть, что в XXI веке уже мало обеспечить прожиточный минимум, точнее — уровень биологического выживания. Необходимо обеспечить всей нации возможности творческого — интеллектуального, культурного и духовного развития. Те возможности, которые сегодня определяют качество национального человеческого капитала (НЧК), а также условия для развития креативного класса — ведущего класса. Именно **качество** НЧК, включая качество институтов социального потенциала, является главным **ресурсом национального развития**. В том числе и экономического, и социального. Что абсолютно не учитывается в стратегии социально-экономического развития и планах модернизации. В этой связи вынужден согласиться с И. Юргенсом, который с неолиберальных позиций придерживается аналогичной точки зрения: «… в современном мире глобальная конкуренция выливается **в конкуренцию институтов**, поэтому задача в принципе не решается запуском сколь угодно амбициозных проектов; модернизация начинается не с технологий и экономики, но с институциональной среды, политики, идеологии, системы ценностей»[30].

Сводить все социальное к доходам неверно принципиально, но важно понимать, что именно доходы определяют во многом степень реализации творческого потенциала личности. Как справедливо замечает профессор И. Полюбина, «Принципиальный вопрос — это переход от нынешнего уровня **прожиточного минимума** к его достойному уровню. Достойный уровень прожиточного минимума предполагает учёт в составе потребительской корзины не только набор продуктов питания и товаров первой необходимости, но и затраты на образование, медицинское обслуживание, оплату коммунальных услуг и транспорта, а также на развитие культурных и творческих способностей. Достижение этого минимума станет обязательным условием для перехода к рыночным механизмам в социальной сфере. Пока этого реального уровня нет для 60% граждан, нет и развития НЧП и его социальной составляющей. Грубо говоря, большинство нации просто „выпадает“ из процесса развития.

Сегодня говорить о достойном уровне прожиточного минимума не приходится»[31]. Пока же мы говорим о прожиточном минимуме как абстракции, которая должна обеспечить уровень выживания некого абстрактного индивидуума, но ни его развития, т.е. превращения человеческого потенциала в капитал не предусматривает. Этого и не происходит. Общество застыло в развитии.

Более того, нация начала деградировать. Как видно из приводимых ниже данных (табл. 4),

символический рост прожиточного минимума (порядка 10%) не успевал за реальной инфляцией. Да и сам этот уровень очень трудно назвать даже уровнем выживания.

Данные этой таблицы свидетельствуют о том, что прожиточный минимум в России крайне низкий: в 3 квартале 2010 г. он составил 6159 рублей. Но даже, несмотря на такой крайне низкий уровень прожиточного минимума, в стране во 3-м полугодии 2010 года 18,5 млн чел. или 13,2% от общей численности населения, имели доход ниже этого уровня (см. табл.). Из таблицы видно, что эта цифра за период 2007–2009 гг. тревожно стабильна и колеблется в районе 13,3% от численности населения. Другими словами, десятки миллионов людей поставлены за грань выживания. И они действительно вымирают.

Табл. 5. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации

Годы	млн человек	в % от общей; численности населения
2007	18,7	13,3
2008	18,9	13,4
2009	18,5	13,2

Но даже эти ужасные данные, безусловно, имеют мало общего с действительностью, так как соотносятся с искусственно установленными нормами дохода и прожиточного минимума. По некоторым оценкам, численность малообеспеченных граждан, т.е. тех, кто испытывает ограничения в покупке продовольствия, те попросту голодают, превышает 60%. Но и даже эта официальная статистика, привязанная к искусственным нормам, не может скрыть того, что десятки миллионов граждан живут ниже этих норм[32]. То, что их численность уменьшается с 2000 года, не должно успокаивать. Прежде всего, потому, что условный характер понятия «прожиточный минимум» предназначен для абстрактных расчетов, а не для оценки социального и экономического положения граждан. Эта норма фактически превращает миллионы граждан России в асоциальную группу лиц, которые не участвуют ни в экономической, ни в культурной, ни в социальной жизни страны.

Налицо очевидное противоречие по этому вопросу: стратегия национального развития (которой сегодня нет) должна исходить из недопустимости существования целого асоциального класса нищих, а современная социально-экономическая стратегия (которая существует) планирует сохранение этого класса, «аргументируя» эту необходимость фискальными соображениями.

Это противоречие может быть устранено только в том случае, когда у элиты есть общепринятая система взглядов на развитие нации и государства, которая расставляет четко приоритеты для экономических и финансовых ведомств. Еще в 1995 году я писал: «Для выхода из системного кризиса России особенно нужна, во-первых, тщательно продуманная стратегия государства, основанная на национальной идее, и, во-вторых, сильная политическая воля нации для ее реализации»[33].

Сегодня, в 2011 году, нет ни первого, ни второго. И это очевидно стало для значительной части общества в 2010–2011 годы, что и является серьезной аргументацией в пользу тех, кто выступает в оппозиции — как справа, так и слева.

Табл. 6. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода*

	2000	2001	2002	2003	2004	2005**	2006	2007	2008	2009
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума:										
млн человек	**42,3**	**40,0**	**35,6**	**29,3**	**25,2**	**25,2**	**21,5**	**18,7**	**18,9**	**18,5**
в процентах от общей численности населения	**29,0**	**27,5**	**24,6**	**20,3**	**17,6**	**17,7**	**15,2**	**13,3**	**13,4**	**13,2**
Дефицит денежного дохода:										
млрд руб.	**199,2**	**238,6**	**250,5**	**235,4**	**225,6**	**286,9**	**276,6**	**270,3**	**325,3**	**357,7**
в процентах от общего объема денежных доходов населения	5,0	4,5	3,7	2,6	2,1	2,1	1,6	1,3	1,3	1,3

*Оценка на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения.

**На основании Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» осуществлен пересмотр состава потребительской корзины, в соответствии с которой определяется величина прожиточного минимума. При анализе динамики бедности необходимо принять во внимание, что при использовании данных о величине прожиточного минимума, определяемой в сопоставимой методологии, тенденция к сокращению уровня бедности не менялась.

Совершенно понятно, что эти граждане не участвуют в формировании институтов социального потенциала нации. Наоборот, **они создают антисоциальные институты, прежде всего криминальные сообщества, организации по подпольной торговле алкоголем, контрабанде наркотиков и т.д., т.е. их деятельность — прямой выход из НЧП**.

Будущая стратегия национального развития должна четко сформулировать задачу ликвидации нищенства и бедности, а не планировать их сокращение к 2020 году, как это делается сегодня. Тем более что экономике и обществу это по силам. Как видно из данных Росстата, дефицит денежных доходов этой социальной группы менее 5% от всех денежных доходов граждан.

Очевидно, что «Стратегия–2020» должна в приоритетном порядке, как минимум, не сократить, а ликвидировать эту социальную группу, а в качестве приоритетной задачи разработать минимальные критерии, в соответствии с которыми все социальные группы нации без исключения должны не просто биологически выживать, **но и развиваться**. Это важнейший национальный ресурс, который сегодня просто не используется. С политической и нравственной точки зрения сохранение нищих в России свидетельствует о неспособности власти решать задачи национального масштаба: десятки миллионов голодных — это угроза политическая.

Примечательно, что при таком количестве бедных людей в России проводится откровенная асоциальная налоговая политика (см. табл. 7), которой нет никаких оправданий. Действительно, единственный «аргумент» Минфина — так проще собирать налоги» — не просто политическая глупость, но и прямое оскорбление всей нации.

Как показывают данные таблиц, в России (где уровень дохода на душу населения в 3,3–3,4 раза ниже по сравнению с указанными в таблице развитыми странами мира) используются, по сути, асоциальные элементы налоговой системы.

Но еще тревожнее то, что за 2008–2011 годы упал уровень жизни той образованной части нации, которая условно называется средним классом. За 2000–2008 годы в результате экономического подъема она сложилась в относительно устойчивую социальную группу, которая, по некоторым оценкам, достигает 20–22%. Эта социальная группа стала костяком той социальной опоры, которая поддержала политику В. Путина, а затем и Д. Медведева.

Кризис резко сократил расходы этого класса, ухудшил не только его материальное положение, но и веру в будущее. Отток капитала за рубеж в 2010 году, по мнению экспертов, был вызван уже не столько переводом крупных сумм (как правило, украденных), но бегством профессионалов из страны. Именно всплеска недовольства этого класса, потерявшего веру и перспективу, столкнувшегося с ростом цен и ограничениями в творчестве, следует больше всего опасаться правящей элите.

Табл. 7. Высшая ставка подоходного налога и предельный уровень годового дохода, по которому определяется высшая ставка налога

Страны	Высшая ставка подоходного налога (2003 г., в %)	Страны	Предельный уровень годового дохода, по которому определяется высшая ставка налога (2003 г., тыс. евро)
Дания	59,0	Швейцария	436
Франция	57,6	США	276
Швеция	57,0	Япония	137
Бельгия	56,4	Норвегия	109
Норвегия	55,3	Финляндия	55
Финляндия	52,8	Германия	55
Германия	51,2	Франция	47
Япония	50,0	Швеция	47
США	41,8	Англия	44
Англия	40,0	Бельгия	44
Венгрия	40,0	Дания	41
Швейцария	38,9	Чехия	31
Словакия	38,0	Словакия	14
Чехия	35,0	Венгрия	5

Источник: Standort Deutschland. Ein internationaler Vergleich. 2005. Koln, 2005. S. 10. Bundesfinanzministerium, BRD. Bonn, 2005; EZB.

Табл. 8. Налоговая стратегия в разных странах мира

Страна	Нижняя ставка налога (%)	Уровень дохода, при достижении которого начинается обложение налогом (в месяц, евро)	Верхняя ставка налога (%)	Уровень дохода, при достижении которого ставка уже не меняется (в месяц, евро)	ВВП на душу населения в 2002 г. (тыс. долл.)
Франция	14,83	710	56,09	4062	27,7
Германия	15	639	44,31	4346	26,7
Россия	13	12	13	12	11,0

Особенно остро в 2010–2011 годах встала проблема социальной справедливости в ее самых различных формах — от движения «синеведерочников» до выступления националистов в Москве и других городах. Осталась и проблема социальной справедливости и с точки зрения прогрессивного налогообложения. Миллионы работающих российских граждан должны начинать выплачивать налог на доходы после достижения получаемой в месяц суммы примерно 12 евро (т.е. 400 руб.). В развитых же западных странах платежи налогов начинаются лишь при достижении месячного дохода на уровне 600–700 евро. При этом величина нижней налоговой ставки в нашей стране (нацеленной на социально ущемленные слои людей) почти соответствует сложившимся на Западе нормам, в то время как верхняя ставка (ориентированная на состоятельных людей) примерно в 3–4 раза ниже мировых стандартов. Эту проблему власть объяснить не может. И понятно почему.

В марте 2004 года президентом страны была поставлена задача: за 3 года сократить количество россиян, живущих за чертой бедности, почти втрое — до 10–12% («Известия», 22 марта 2004 г.). Можно констатировать, что была провозглашена попытка по искоренению в России бедных. Приведенные выше цифры говорят о том, что задача эта оказалась невыполненной.

При этом следует иметь в виду четыре обстоятельства:

— растущая инфляция постоянно «поднимает» планку бедности;
— рост выплат из государственного бюджета может решить только проблему бедности для пенсионеров. И то лишь при условии повышения минимальных пенсий до уровня, превышающего официально установленный прожиточный минимум. Не следует забывать также и о необходимости индексации в объёмах темпов инфляции;
— большинство российских бедняков — это работники неэффективных предприятий, которые в условиях наступившего кризиса рано или поздно закроются. Это вызовет колоссальный всплеск безработицы.
— типичными ареалами бедности в России являются малые города. Особую остроту этому обстоятельству придает тот факт, что в них проживает четверть населения страны. Работнику в таком городе сложно найти даже основное место работы, не говоря уже о подработке. Снабжение семей продуктами питания затруднено в силу отсутствия крупных приусадебных участков, а имеющиеся земельные участки нередко расположены далеко от места проживания.

Кризис 2008–2011 годов лишь обострил существующие многие проблемы. И прежде всего социальные, а не экономические: общество, как ни странно, привыкло к кризисам, но оно **не привыкло к потере исторической перспективы и безысходности**. Стабилизация, которая была символом 2000–2010 годов, стала ассоциироваться с застоем, неверием власти. Удивительным образом ситуация 2011 года стала походить на ситуацию начала 1980-х годов в СССР. И не только для тех, кто ее помнил, но и для тех, кто о ней только слышал.

Общественные настроения стали все больше противостоять власти, прежде всего из-за ее неспособности решать конкретные вопросы, коррумпированности и — что немаловажно — невнятности программы. Абстрактность, провал и неверие в «Стратегию–2020» только усилили эти сомнения.

В это же время значительная часть институтов социального потенциала стала критически относиться к действиям власти. И экспертные сообщества, и партии (региональные выборы в 2010 и 2011 годах, естественно, стимулировали эти настроения), и различные общественные организации, которые очень чутко уловили эти общественные настроения.

Примечательно, что признавая наличие кризиса и нарастание напряженности в обществе, сторонники различных идеологий и моделей предлагали различные, порой совершенно полярные, варианты выхода из кризиса. Так, по инициативе С. Караганова Совет при Президенте РФ по содействию развития гражданского общества и правам человека выступил с инициативой «десталинизации», необходимость которой он обосновал не провалом либеральных реформ и идеологии, а …«потерей чувства нормального патриотизма». Примечательно, что в качестве обоснования С. Караганов привел тезис необходимости «рывка вперед российского народа», «возвращения в массы лучшего, что создала Россия, ее высокая культура», с одной стороны, и «преодоления опасного состояния общества, когда массы презрительно относятся к элитам, а элиты — к массам»[34], — с другой.

Действительно, кризис в обществе, негативное отношение к правящей элите, понимание необходимости возвращения нравственных основ — стало общепризнанной точкой зрения в 2011 году. В том числе в части правящей элиты. Но реализовать эти настроения могут только институты социального потенциала. Тот же Совет при Президенте РФ, признавший такой кризис, является одним из таких институтов. Не всегда и во всем, на мой взгляд, адекватный и действующий правильно, в т.ч. и в случае с «десталинизацией», но, все-таки, институт, способный не только дать оценку, но и сделать ее предметом общественного обсуждения.

Институты и социальный потенциал в целом стали, де-факто — не только важнейшей частью национального человеческого потенциала, но и **ключевым условием его реализации**, т.е. превращением в капитал. Причем дело не столько в экономической эффективности, как считает ряд экономистов, сколько, прежде всего, **в общественной пользе**. Но ни первое (значение институтов), ни второе (приоритет социального развития по отношению к экономическому) правящая элита признать еще не готова. Отсюда и неэффективность, безрезультативность попыток написать и исполнить стратегию социально-экономического развития. И дело даже не в конкретном провале «Стратегия–2020», а в отсутствии вообще практических результатов, растущем разрыве между декларациями и мало-мальскими практическими последствиями.

Главная историческая задача институтов социального потенциала сегодня– это доказать, что Россия нуждается не просто в опережающем развитии[35], а в качественно новом развитии — скачке[36], — как в развитии экономики, так и общества. Власти и элита этого делать не хотят или не могут. Причем это развитие должно быть обеспечено на первом этапе, прежде всего, за счет развития собственных институтов социального потенциала и национального человеческого потенциала, в целом. Это может уже не только в долгосрочной, но и в среднесрочной перспективе обеспечить стране **новое качество экономики и общества**, «фазовый переход» в новое состояние экономики, общества и государства, соответствующее современным характеристикам развития человечества, дать уверенность обществу в позитивном сценарии развития.

Собственно эта общенациональная цель должна быть, в конечном счете, сформулирована в качестве главной в стратегии национального развития в качестве первоочередной, срочной цели развития. Необходимы срочные меры, которые можно и нужно принять уже в краткосрочной перспективе и получить конкретные результаты. Повторю, власть, правящая элита показали свою неспособность к этому[37]. Перевести вектор развития в иную плоскость могут только институты социального потенциала — партии, общественные организации, творческие коллективы, которые должны взять на себя эту инициативу. Они должны сложить в обществе влиятельный консенсус, который, на мой взгляд, может базироваться на идеологии русского социализма, представлениях адекватной части общества о путях и способах национального развития.

3. Провал «Стратегия–2020»: будут ли выводы?

…Этот первый шаг должен вызвать дискуссию, в центре которой стоит вопрос о стратегии развития Нации, как на краткосрочную, так и долгосрочную перспективу[38].
А. Подберезкин

Стратегия (инновационного развития 2020 — *А. П.*) задает долгосрочные ориентиры развития субъектам инновационной деятельности, включая органы государственной власти всех уровней (!? — *А. П.*), науку и предпринимательский сектор, а также ориентиры финансирования сектора фундаментальной и прикладной науки, поддержки коммерциализации разработок[39].
Инновационная Россия 2020

Провал «Стратегия–2020» — это, прежде всего, провал всей идеологии фундаментального либерализма 1990–2000-х годов, а не каких-то конкретных концепций и идей, тем более административных решений. Понимание этой главной причины крайне важно для того, чтобы не повторить этой ошибки, которые обязательно произойдут в случае простой «корректировки» «Стратегии», объявленной В. Путиным.

Основные критические положения «Стратегия–2020» повторяют основные соображения относительно национальной стратегии развития, которые я многократно озвучивал, начиная с конца 1980-х годов прошлого века: необходимость национально ориентированной социальной идеологии как системы взглядов элиты и общества на развитие нации, укрепления институтов государства и социального потенциала, необходимость ясной стратегии национального развития, основанной на идеологическом прогнозе и стратегическом планировании и т.д.[40]. К сожалению, к 2011 году мало что изменилось в принципиальном плане, хотя сторонники существующей модели развития и поспешили списать ее провал на мировой

кризис. Как заметил Г. Павловский, «Накануне цикла федеральных выборов 2011–2012 годов российский консерватизм дискредитирован и готовится к капитуляции. Он слишком слаб, чтобы выполнить обязательное домашнее задание — привести в государственный строй и правовой порядок победы прошлого десятилетия»[41].

«Прогрессивные» либералы немедленно отреагировали в своих оценках периода В. Путина и Д. Медведева, спеша списать неудачи… на реакционность режима. Как сказал С. Караганов, «…стоит понимать, что **последние десять лет выполнялась именно реакционная и консервативная политическая повестка**. Многие демократические свободы были свернуты, была восстановлена властная вертикаль, восстановлено сильное, жесткое и успешное во внешней политике государство. Соответственно, сейчас потенциальная повестка дня этих групп уже практически исчерпана»[42].

В 2010 году в очередной раз вновь стало ясно, что «Стратегия–2020» провалилась. Хотя отход от нее в 2008–2009 годах связывался с мировым кризисом. В действительности, эта стратегия изначально была неверной и нереализуемой в силу более принципиальных и фундаментальных соображений. И, прежде всего очевидной недооценки политических и социальных аспектов этой стратегии ее разработчиками.

К сожалению, когда в конце 2010 года В. Путиным было принято решение «скорректировать» «Стратегию–2020», не меняя ее целей и приоритетов.

Провал принятой в марте 2008 года «Стратегии» так ничему не научил российскую правящую элиту. И, прежде всего тому, что России нужна долгосрочная стратегия опережающего национального развития[43], основанная на идеологической системе взглядов, а не ее частный технологический аспект, который не включает (да и не может включать) ни политических, ни социальных, ни демографических, ни иных важнейших моментов развития нации и государства[44].

Повторяется и прежняя ошибка, когда, по сути, политическую стратегию готовят узкие эксперты одного ведомства, придерживающиеся вполне определенных либеральных взглядов. Кстати, которые многократно ошибались и не добивались успехов по сути дела ни разу за последние 20 лет. Не вижу причин, почему они не ошибутся в очередной раз.

Вот почему можно заранее предсказать вероятные результаты реализации (точнее — их отсутствие) уже будущей новой стратегии. Уверен, что через год–полтора после ее утверждения, т.е. к концу 2012 года, станет ясно, что и эта стратегия была мертворожденной. Поэтому важно до этого сформулировать основные причины провала «Стратегии–2020». Может быть, общественному мнению и его институтам на этот раз удастся повлиять на решения правящей элиты и избежать ошибок, которые заранее известны. Как и негативные последствия таких ошибок. Логика моих рассуждений такова.

Первое. Прежде всего существующие концепции и модели, в том числе и предполагаемые корректировки «Стратегии–2020», исходят из инерционных вариантов развития, в лучшем случае предполагают внедрение инновационных элементов, которые являются экстраполяцией нынешних тенденций, а значит, **не решают в принципе** поставленной политической и цивилизационной задачи[45]. Все они в той или иной степени являются идеологической системой взглядов современной российской элиты, основанной на псевдолиберальных представлениях о развитии общества, экономики и государства, а потому изначально не способны даже сформулировать задачу «Большого скачка»[46].

Без такой политически сформулированной задачи, ее идеологического обоснования стратегия обречена на неудачу. Представьте себе спортсмена, перед которым ставится цель «развиваться по мере возможности», как сложатся условия, а не выиграть соревнования, либо «взять высоту» («вес» и т.н.). Этот спортсмен будет работать не на результат, а на процесс — есть, тренироваться и отдыхать «по мере возможностей». При этом ориентироваться не на лидеров (других спортсменов), а на «средние показатели».

Так и Россия, если перед ней не будет поставлена национальная сверхзадача («взять высоту»), она будет ориентироваться на средние по миру показатели, а не на лидеров (например, Китай) который принял четкую программу развития до 2050 года). Другими словами, правящая элита просто обязана сформулировать **амбициозную цель национального развития**, сверхзадачу, которая потребует мобилизации всех ресурсов, воли и концентрации всех сил на ее решение. Это должна быть задача опережающего развития, по сути дела «скачка», но не только (и не столько) в технологиях, сколько в НЧП, его институтах, которые должны превратиться в отсутствующие сегодня механизмы развития.

Второе. Чтобы сформулировать и предложить решение проблемы «Большого скачка», как я полагаю, России нужна **новая и устойчивая политико-идеологическая система взглядов элиты и общества**, т.е. идеология, оформленная в соответствующую идеологию русского социализма, либо социального консерватизма. Вне этой идеологии правящая элита и ее экспертное сообщество даже и **не будут пытаться поставить перед нацией такой проблемы**. Это — главный вывод из провала «Стратегия–2020», не учитывая который бессмысленно говорить об эффективной будущей стратегии. Сначала идеология, затем стратегия развития нации и только потом социально-экономическая стратегия, конкретизирующая в некоторых деталях национальную стратегию. Целью такой идеологии является формирование системы ценностей и выход из нравственно-духовного кризиса последних десятилетий.

Надо признать изначально, что элита и экспертное сообщество так и не дали пока четкого ответа на такие вопросы, на которые обязаны ответить формируя стратегию национального развития:

— кто мы и какими хотим быть как нация;
— какие у нас национальные интересы и какие национальные цели мы перед собой ставим[47];
— какие ресурсы нам нужны и чем мы готовы пожертвовать ради достижения этих целей (а если никто не готов жертвовать, то почему).

На мой взгляд, многое стало бы яснее, если бы мы предложили нации понятную всем систему ценностей (а не абстракции «Стратегия–2020»), логично вытекающую из этой системы приоритетов и такую же логику национальной стратегии, определяющую четкие цели и распределяющую национальные ресурсы (причем все, а не только финансовые). Или перераспределяющие, в т.ч. внутри общества.

Как один из вариантов, на мой взгляд, наиболее простой, я предлагаю **модель**, в соответствии с которой выстраиваются системы приоритетов и целей национальной стратегии.

Целью стратегии нации является достижение максимальных показателей мощи относительно других наций, ибо любая сила и мощь в мире понятия относительные, а абсолютное мощи не бывает.

М = НБ + ВВП + ВС + НС

где:

М — мощь нации, отражающая как уровень ее развития относительно других стран, так и степень национальной идентификации.

НБ — доля национального богатства (НБ) нации относительно других наций (в %), состоящая из

НЧК — национального человеческого капитала (в % от мирового);

МА — материальных активов (в % от мировых);

ПР — природных ресурсов (в % от мировых).

ВВП — доля нации в мировом ВВП как реализуемая часть НБ;

ВС — военная сила, как показатель способности защитить национальные интересы и ценности, сохранить идентичность и суверенитет государства;

НС — национальная самоидентификация, степень единства как показатель национального единства, стабильности и воли защищать национальные интересы и ценности.

Из этой простейшей модели, например, видно, во-первых, что национальная мощь является понятием относительным, т.е. соизмеряется с мощью других наций и государств планеты.

Во-вторых, видны слагаемые этой мощи, прежде всего характеризуемые показателями национального богатства (где более 60% приходится на НЧК), ВВП страны, качеством военной силы и национальной идентичности.

Существует великое множество других критериев, индексов и показателей, характеризующих нацию, но важно, чтобы в элите и обществе была достигнута договоренность относительно как самих составляющих, так и цели развития. В противном случае теряется смысл движения. Так, например, можно (что делается) предложить критерии конкурентоспособности, которые характеризуют экономику, социальную систему, но отнюдь не саму нацию относительно других государств на мировых рынках. Эти критерии, безусловно, важны, но не они являются для нации главными, когда речь идет о главном национальном интересе — выживании нации как некой идентичности и государства как суверенном. Как совершенно справедливо отмечается в заключительном документе Лиссабонского саммита «Модернизировать Европейскую социальную модель через инвестиции в человеческий капитал и строительство активного социального государства» (примечательное название, которое гораздо полнее отражает суть стратегии национального развития, чем ««Стратегия–2020»), «Граждане — это главный ресурс Европы, и именно на этом должна быть сконцентрирована вся политика Евросоюза»[4].

Понятно, что, не договорившись об основных приоритетах, целях и средствах развития, в том числе и о субъекте, на который направлено это развитие (т.е. нации, а не абстрактном обществе и тем более государстве) бессмысленно вести дискуссии об эффективной стратегии. Не только в обществе, но и в российской элите сегодня существуют современно разные, порой, прямо противоположные представления о целях развития.

И не так уж важно, каковы будут эти аргументы — их может быть великое множество. Важно другое: такая цель может быть сформулирована только **национальной элитой**, которая адекватно исходит из национальных интересов (потребностей). Сегодня нет ни такой элиты, ни адекватного понимания национальных интересов. Соответственно, как следствие нет и эффективной стратегии. И не будет. О чем свидетельствуют не только результаты ее реализации в 2008–2011 годы, но и планы «корректировки» — в 2011 году.

Например, самым слабым местом российской экономики, как известно, является её невосприимчивость к инновациям. О чем наглядно свидетельствует официальная статистика[49]. Но точнее будет сказать, что инновации воспринимаются плохо не столько экономикой, сколько обществом. И закупка технологий не поможет. Если кто-то забыл, то напомню, что при М. Горбачеве закупали массово не только технологии, но и заводы, которые потом приватизировали, либо так и оставили гнить в ящиках. Создавать надо прежде всего общественные институты для внедрения (восприятия) инноваций, а не экономические структуры: сколько бы вы ни создавали фирм в академической среде, если только 1% от численности ученых готов заниматься бизнесом, то ваши фирмы просто останутся памятниками потраченным ресурсам. Сколько бы ни пытались заставить ученых быть инноваторами, они ими не станут — специальность другая.

Табл. 9 . Число используемых передовых производственных технологий в 2007 г. по продолжительности периода их внедрения

	Число технологий — всего	в том числе технологии, внедренные в течение, лет				Число изобретений в используемых технологиях
		до одного года	1–3	4–6	7 и более	
Все передовые производственные технологии	**180 324**	**29 951**	**54 172**	**46 163**	**50 038**	**1373**
Проектирование и инжиниринг	54 044	9705	18 434	15 535	10 370	499
Производство, обработка и сборка	48 956	5600	11 610	9411	22 335	422
Автоматизированные погрузочно-разгрузочные операции; транспортировка материалов и деталей	1420	176	376	311	557	4
Аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля)	6758	1132	2178	1556	1892	115
Связь и управление	62 102	12 313	19 465	17 646	12 678	238
Производственные информационные системы	4602	681	1451	1166	1304	51
Интегрированное управление и контроль	2442	344	658	538	902	24

Примечательно, что экономика не воспринимает инновации. И не будет, если не изменятся социальные условия. Если выгода не перестанет быть главным мотивом. Поэтому сегодня даже при мизерной доли инноваций, эта символическая часть отторгается экономикой страны. Как видно из официальных данных, менее 20% передовых технологий внедряются в течение одного года. Большинство же (более 50%) — в течение 4-х и более лет. И проблема, повторю, не столько экономическая, сколько социальная: если владельцы и управляющие вашей экономикой заинтересованы не в ее развитии, а в получение быстрой прибыли, чтобы уехать на ПМЖ за рубеж, то заставить их внедрять инновации невозможно. В целом же, в зависимости от отрасли, новые технологии и инновации составляют всего лишь от 4 до 10% в год. Причем в 2008–2010 годах прослеживалась тенденция **к снижению этого показателя**. Несмотря ни на политические декларации, ни на рост инвестиций в этот же период, ни на декларации руководства страны.

Это свидетельствует уже не только о не восприимчивости **всей** российской экономики, но и **всего** общества к инновациям. Декларации о модернизации и инновациях Д. Медведева, а до этого В. Путина, остались политическими декларациями, не нашедшими отклика ни в обществе, ни в экономике. Это — горькая правда. Нация без цели, без идеи, без мотивации, которой противостоит жадная элита, не будет, просто не захочет ничего добиваться. Тем более, когда в своем большинстве убеждена, что плодами развития пользуются немногие, ориентированные на комфортную жизнь за рубежом.

Очевидная проблема, которую видят многие эксперты, — отсутствие национальной инновационной системы (НИС). Однако понимают под этим термином все по-разному. На мой взгляд, НИС, прежде всего, **национальная система**, т.е. система для нации и в интересах нации, а не в интересах ее части, которая и без инноваций чувствует себя неплохо. НИС — это не только государственная инновационная система, опирающаяся на созданные государством институты развития (хорошие или плохие — отдельный разговор), а и социальная система, результаты деятельности которой сказываются на всех социальных слоях и группах.

НИС означает, что на общенациональном уровне создаются новые и развиваются прежние институты развития, выгодные всему обществу, а не заимствуются отдельные технологии, идеи и люди, как это понимает современная российская элита. Разница в подходах очевидная. Национальная инновационная система и создаваемая безуспешно государственная инновационная система отличаются друг от друга принципиально, а именно:

— НИС предполагает сохранение и развитие существующих и создание новых национальных инновационных институтов в национальных интересах и определенно социальной направленности. У СССР и России пока еще остались национальные научные, образовательные и культурные институты и школы, которые требуют сохранения, бережного отношения и развития. Сегодня мы наблюдаем обратное: существующая наука, образование и культура и их институты

Табл. 10. Используемые передовые производственные технологии по видам и продолжительности использования в 2009 г.[50]

	Число технологий — всего	из них по числу лет использования				Число изобретений в используемых технологиях в отчетном году
		до 1 года	1–3 лет	4–5 лет	6 и более лет	
Передовые производственные технологии	201 850	19 771	58 918	43 974	79 187	1344
Проектирование и инжиниринг	54 539	5110	16 711	12 770	19 948	244
Производство, обработка и сборка	52 460	4381	12 195	8293	27 591	415
Автоматизированные погрузочно-разгрузочные операции; транспортировка материалов и деталей	1668	153	441	307	767	24
Аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля)	8075	894	2732	1707	2742	114
Связь и управление	77 457	8235	24 591	19 438	25 193	426
Производственные информационные системы	4510	609	1358	948	1595	47
Интегрированное управление и контроль	2877	300	773	494	1310	42
Нанотехнологии	264	89	117	17	41	32

фактически игнорируются, более того, деградируют. Как с точки зрения финансирования, так и кредитования, налогообложения, даже поддержки СМИ;

— НИС предполагает создание новых национальных институтов развития — научных школ, НИИ, музеев, университетов, которые могли бы создавать качественно новый и, что важно, собственный национальный научный продукт. Сегодня вся политика инноваций ориентируется не на создание таких собственных национальных институтов социального потенциала, а на их заимствование из-за рубежа. Даже в Сколково обязательным условием для получения грантов является наличие иностранного партнера, пример: Институт управления РАН, разработавший уникальные системы (например, посадки «Бурана», управления космическими объектами и т.п.), находится сегодня, безусловно, на мировом уровне несмотря на недофинансирование и отсутствие заказов. Госзаказ и заказ госкорпорации мог бы привести к появлению национального продукта мирового уровня, но ни государство, ни госкорпорации таких заказов не делают. И таких примеров больше, чем примеров использования национальных институтов развития;

— НИС предполагает создание национальных институтов внедрения достижений в экономику. Сегодня этого нет. Вместо этого требуют, чтобы ученые и преподаватели сами внедряли свои наработки, что заведомо обрекает эту идею на неудачу. Эти требования подкрепляются нормативными документами, условиями финансирования и т.д. Так, НФРИ, например, переориентируют на технологические разработки, оставляя без внимания его назначения как фонда поддержки именно фундаментальных исследований. В результате мы имеем то, что имеем.

Из табл. 10 следует, что большая часть передовых технологий в 2009 году используется более 6 лет, что в условиях ускорения научно-технического прогресса в таких объемах не допустимо. Это свидетельствует о том, что данный инновационный, крошечный сегмент экономики обновляется медленно.

Другим показателем, характеризующим инновационность развития экономики России является экспорт–импорт технологий. Из таблицы ниже видно, что РФ в 2009 году экспортировала технологий всего лишь на три млрд долл., при этом получила отчислений на сумму в 619 млн долл., а импортировала на сумму в 3,2 млрд долл., отчислив почти 1,5 млрд долл. Такие, мягко говоря, скромные показатели не могут обеспечить модернизацию экономики РФ даже в долгосрочном периоде. Сегодня трудно сказать, какие объемы экспорта и импорта технологий должны быть, но, на мой взгляд, в «Стратегии национального развития» можно было бы предусмотреть целевое финансирование через специальные институты как экспорта технологий, полученных от внедрения отечественных результатов НИОКР, так и импорта необходимых технологий (с их последующей национальной адаптацией, как это делается в Китае), измеряемого в десятки раз большими суммами, специально выделяемыми государством.

Табл. 11. Торговля технологиями с зарубежными странами в 2009 г.[51]

	Экспорт			Импорт		
	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, млн долл. США	Поступление средств за год, млн долл. США	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, млн долл. США	Выплаты средств за год, млн долл. США
Всего	**1767**	**3009,3**	**618,8**	**1554**	**3192,7**	**1484,6**
в том числе по объектам сделок:						
патент на изобретение	4	—	0,2	15	21,8	1,1
патентная лицензия на изобретение	34	30,6	12,8	83	148,4	74,8
полезная модель	12	12,2	0,9	4	0,3	0,3
ноу-хау	29	53,7	11,0	32	122,0	61,9
товарный знак	8	0,4	0,4	89	345,4	392,7
промышленный образец	1	27,0	3,6	1	0,0	0,0
инжиниринговые услуги	712	2399,9	410,9	936	2159,1	745,5
научные исследования	672	406,2	120,9	67	36,5	19,9
прочие	295	79,4	58,0	327	359,3	188,5

Хорошим примером может служить Япония, которая за годы послевоенного развития тратила на приобретение патентов и технологий в среднем 18 млрд долл. и только через 15–20 лет переориентировала свою экономику на экспорт наукоемкой продукции, и на сегодня является лидером в патентовании изобретений в мире. Следом за Японией сегодня идут США и, что примечательно, Китай (в последние годы совершил рывок на международном рынке технологий, как в качестве импортера, так и экспортера).

Вывод напрашивается очевидный:

— во-первых, нужны институты социального потенциала, способные как организовать и увеличить объем исследований и современных технологий, так и их экспорт за границу. Сегодня доля России в мировой наукоемкой продукции, как известно, составляет, по оценке В. Путина 0,3%, тогда как даже более чем скромный ВВП страны — почти 3% от мирового. То есть в 10 раз меньше относительно объема всей национальной экономики. На мой взгляд, следует максимально эффективно использовать имеющийся научный и культурный потенциал, а не разваливать его как это делается с РАН, другими академиями и университетами, а до этого — отраслевыми институтами. Это потенциал, несомненно, подлежит модернизации, но, напомню, еще до горбачевских реформ он позволял считаться СССР единственной страной в мире (кроме США), способной развивать все направления научно-технического прогресса;

— во-вторых, нужны национальные институты развития, способные не просто закупать, но и эффективно внедрять в экономику зарубежные технологии, предоставляя для этого льготные условия и возможности. Сегодня такой системы стимулирования нет. Как нет и таких эффективных институтов социального потенциала — обществ, союзов, корпораций. Все эти институты можно и нужно создавать и развивать, полагая это самой лучшей «подушкой безопасности» и вложением «нефтяных» денег.

«Креативная экономика», в-третьих, это не только и даже не столько технологии и знания, это еще и культура, и спорт и даже искусство. Борьба за продвижение на мировые рынки таких товаров и услуг сегодня, как никогда, острая. Это видно даже на примерах спортивных соревнований и организации крупных международных турниров, когда требуется поддержка государства и огромные инвестиции. Чего стоит, например, проведение Олимпиады в Сочи!

Это означает, что необходимо реанимировать советские, активизировать деятельность российских и создавать новые институты социального потенциала, которые содействовали бы продвижению российских товаров и услуг на внешние рынки. Это, собственно говоря, и стало главной идеей встречи Д. Медведева летом 2009 года с дипломатами в рос-

Табл. 12. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками в РФ (человек)[53]

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Численность персонала — всего	**1 061 044**	**887 729**	**885 568**	**870 878**	**858 470**	**839 338**	**813 207**	**807 066**	**801 135**	**761 252**	**742 433**
в том числе:											
исследователи	518 690	425 954	422 176	414 676	409 775	401 425	391 121	388 939	392 849	375 804	369 237
техники	101 371	75 184	75 416	74 599	71 729	69 963	65 982	66 031	64 569	60 218	60 045
вспомогательный персонал	274 925	240 506	238 933	232 636	229 214	223 356	215 555	213 579	208 052	194 769	186 995
прочий персонал	166 058	146 085	149 043	148 967	147 752	144 594	140 549	138 517	135 665	130 461	126 156

сийском МИДе, которая, однако, не получила масштабного развития в последующем.

На фоне формального развития идей инновации в правящей элите явно видно, что происходит процесс игнорирования НЧП и части его социального потенциала. В том числе и в концептуальном плане. Примечательно, что на практическом уровне за 2007–2009 годы обозначился отчетливо процесс **стагнации роста численности исследователей**, который сегодня является важнейшим показателем инновационной экономики[52]. Как бы ни критиковали этот критерий отечественные либералы.

Как видно из приведенных официальных данных (табл. 12), даже при курсе на инновации и экономику знаний происходило **сокращение** численности исследователей, причем сокращение достаточно радикальное, которое никак не укладывается в «инновационную» логику.

Этот парадокс пытаются объяснить по-разному, но суть от этого не меняется: креативная экономика требует и определяется в основном численностью креативного класса, ядро которого составляют именно исследователи и другие представители креативных слоев общества. Сокращение численности исследователей — показатель, характеризующий движение от креативной экономики в направлении, когда знания и творчество имели второстепенный, подчиненный другим критериям характер. Исторически, это уровень доиндустриальной, торговой экономики начала XX века.

Как видно из данных ЮНИДО, начиная с 1985 года быстро растет сектор услуг и сокращаются промышленный и аграрный сектора. К 2008 году ситуация стабилизируется, что, видимо, означает, что как в промышленный, так и аграрный сектор начинает активно проникать экономика знаний и новейшие технологии. На мой взгляд, эти пропорции будут сохраняться, но доля креативной экономики в каждом из секторов — стремительно расти, вытесняя осталые формы. Уже сейчас на долю этой экономики приходится до 90% прироста ВВП в развитых странах. В этой связи сокращение креативного класса, наблюдаемое в России, абсолютно противоестественная тенденция. Государство, наоборот, должно быть заинтересовано и делать все, даже искусственно, для того, чтобы:

— увеличивать численность креативного класса и всего НЧП;

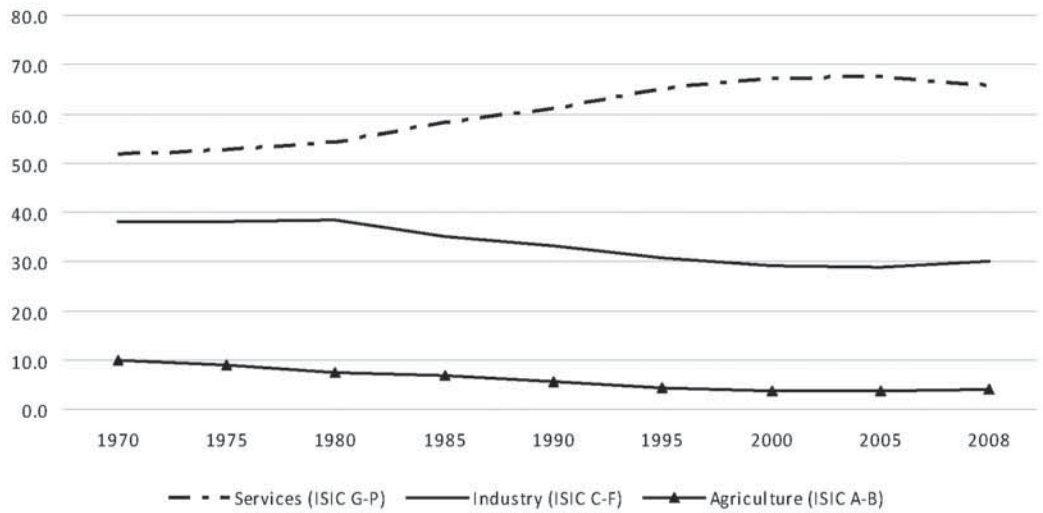


Рис. 3. Стоимость отдельных векторов мировой экономики[54]

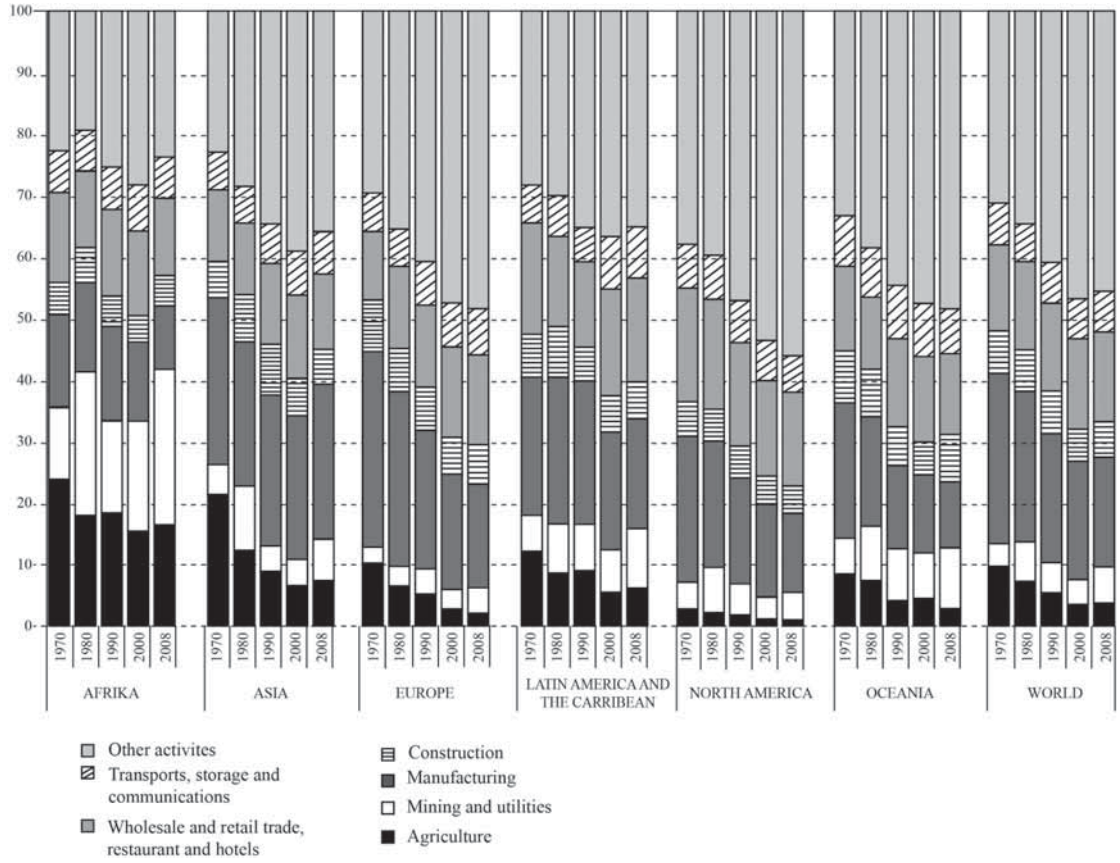


Рис. 4. Мировая добавленная стоимость по секторам[55]

— создавать и развивать институты социального потенциала, связанного с креативной экономикой. Прежде всего в науке, культуре, образовании и здравоохранении.

Как видно (рис. 4), в производстве промышленных товаров за последние десятилетия произошли серьезные изменения в пользу сложных, наукоемких видов (электроника, химические продукты) за счет уменьшения удельного веса других товаров, для производства которых не требуется наукоемкая экономика. Это — общая тенденция, которая должна лечь в основу «Стратегии национального развития», а именно: **ясная ориентация на производство национального наукоемкого продукта или услуг**.

Соответственно, «вымывание» наукоемких товаров и услуг из экономики России, наблюдаемое все десятилетия, требуется не просто остановить, но повернуть этот процесс вспять. Это должно стать одной из задач «Стратегии национального развития», политических установок. При этом, наукоемкие товары это одновременно и **менее энергоемкие товары и услуги**, то есть решаются не только технологические, но и экономические, и экологические, а главное, социальные задачи. Для создания наукоемкого продукта, прежде всего, нужны:

— образованные и качественные кадры;
— институты социального потенциала, способные их организовать;
— высокий уровень национальной науки и культуры.

Пока же мы наблюдаем обратную политику: разрушение институтов социального потенциала, сокращение численности креативного класса, «вымывания» идей и технологий из экономики. Движение, которое идет сегодня в этом направлении, очевидно, абсурдно, даже когда оно объясняется, как сегодня, самыми благовидными предлогами — «заботами» о качестве исследований, недостатком финансирования и т.д.

На деле, под разговоры об инновациях происходит сокращение численности исследователей, которое сопровождается все последние 20 лет реформ, включая «инновационный период», сокращение количества и ухудшение качества институтов социального потенциала. Уже исчезли отраслевые институты, вымирают институты РАН, целые научные школы, лаборатории, филиалы и отделения. Стремительно увеличивается средний возраст исследователей, сокращается финансирование необходимого оборудования, информации, обменов.

Другой важнейший показатель — уровень образования — также за эти годы показал аналогичные отрицательные результаты. Численность студентов на 10 000 граждан **сократилась** за годы заявленной модернизации со 181 человека в 2004 году до 151 человека в 2009 году, число дошкольных учреждений — с 47,2 тыс. до 45,3 тыс. соответственно, а число общеобразовательных школ — с 63,2 тыс. до 51,7 тыс.[57]. В целом можно говорить о том, что в области образо-

Табл. 13. Структура промышленных товаров (30 стран), 1970–2006[*56]

	1970	1980	1990	2000	2006
Food and beverages	13,6	12,7	12,0	11,6	**11,9**
Tobacco products	2,5	2,1	1,6	1,4	**1,0**
Textiles	5,0	4,1	3,4	2,5	**1,9**
Wearing apparel, fur + Leather, leather					
products and footwear	3,9	3,5	3,0	2,0	**1,3**
Wood products (excel furniture)	3,5	2,4	2,1	1,8	1,7
Paper and paper products	4,2	3,8	3,9	3,7	3,5
Printing and publishing	5,1	4,7	4,8	4,6	4,1
Coke, refined petroleum products, nuclear					
fuel	2,9	2,5	2,3	2,2	2,3
Chemicals and chemical products	**8,7**	9,5	10,3	11,0	**12,0**
Rubber aid plastics products	3,4	3,6	4,3	4,7	4,5
Non-metallic mineral products	4,9	4,6	4,1	3,7	3,7
Basic metals	6,8	5,4	4,4	4,3	4,4
Fabricated metal products	9,6	8,4	7,4	7,0	6,6
Machinery and equipment n.e.c. + Office, accounting and computing machinery	**5,8**	10,9	11,2	10,5	**10,9**
Electrical machinery and apparatus + Radio, television and communication equipment	**4,6**	8,3	9,8	11,6	**11,2**
Medical, precision and optical instruments	1,8	2,2	3,1	3,5	4,0
Motor vehicles, trailers, semi-trailers + Other transport equipment	10,0	8,0	8,9	10,7	**11,6**
Furniture; manufacturing n.e.c.	3,8	3,4	3,5	3,3	3,2
TOTAL MANUFACTURING	100	100	100	100	100

* percentage shares of real value added of the manufacturing industry.

вания в 2004–2011 **годы господствовала тенденция стагнации**, а в некоторых областях после введения ЕГЭ даже разрушение образовательного потенциала.

Парадокс заключается в том, что очевидно для всех требования креативной экономики к развитию творческих и интеллектуальных способностей игнорируются российской элитой. Введение ЕГЭ, как и другие «инновации» Минобрнауки, ведут к очевидному снижению творческого и интеллектуального потенциала нации.

А ведь это — наука и образование — два важнейших направления, от развития которых зависят темпы развития НЧП и всей экономики.

Подытоживая, можно констатировать, что неопределенность приоритетов и целей «Стратегия–2020», противоречивая стратегия их достижения, отказ от перераспределения ресурсов в пользу НЧП, наконец, игнорирование необходимости создания национальных институтов социального потенциала — все эти ошибки «Стратегия–2020» не только привели к ее провалу, но и в случае их сохранения в будущей стратегии, приведут к неизбежному провалу и будущей стратегии.

На мой взгляд, эти примеры хорошо иллюстрируют настоящую причину глубокого кризиса в России 2008–2011 годов — неэффективную структуру экономики, как пишет О. Гаман-Голутвина, «возникшую в 1990-е гг.»[58]. На мой взгляд, лучше бы было использовать глагол «созданную» и уточнить, — «правящей элитой» России в эти годы.

Другая настоящая причина — либеральная идеология развития, которая была заложена в экономическую и социальную политику. Как справедливо заметил Б. Кагарлицкий, «**Проект будущего в рамках капиталистической идеологии невозможен. Либо Фукуяма прав: будущего нет, истории нет, мы всегда будем там, где сейчас находимся, — либо какое-то будущее случится, и это — социализм. Российской специфики в этом нет. Единственная наша специфика — в сверхтипичности России**. Здесь все процессы, которые происходят всюду и которые исключительно банальны, приобретают экстремальный характер»[59].

4. Нравственность и развитие институтов социального потенциала в стратегии национального развития

Элита в России оторвана от общества,
но при этом она берет на себя право предлагать институты…
проблема заключается в том, что элита эти институты выдумывает[60].
Д. Бутрин

Ни сегодня, ни через 50 лет российская демократия не сможет походить
на модели демократического устройства во Франции, США или Германии[61].
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Игнорирование правящей элитой значения институтов социального потенциала привело к глубочайшему за всю историю России нравственному кризису. Без выхода из этого кризиса говорить о развитии нации, тем более опережающем и долгосрочном, — бессмысленно. Этот кризис выражается в двух основных особенностях: во-первых, в создании в обществе атмосферы терпимости, безразличия к безнравственному поведению правящей элиты и, во-вторых, к безнравственному и эгоистическому всевластию бюрократии.

О первой особенности очень хорошо сказал Д. Дондурей: «Произошел очень значимый процесс, связанный с тем, что общественная мораль больше не табуирует эти поведенческие модели как негативные, в качестве отрицательных свойств личности, больших социальных групп, целых сословий, да и народа в целом. Плутовство, коррупция, казнокрадство, конечно же, существовали и в XVI, и в XX веке. Достаточно вспомнить русско-японскую войну 1905 года, когда несколько миллионов пар обуви, поставленных армии, оказались без подметок. Тем не менее, отношение к этим явлениям никогда прежде не было в обществе таким нейтральным, терпимым, как сейчас. По большому счету, морально обществом не осуждаемым»[62].

Вторую особенность описал, ссылаясь на М. Вебера, известный экономист В. Андрианов, выделяя общие черты бюрократии, которые в российских условиях превратились при отсутствии эффективных институтов социального потенциала в свой абсолют:

— **иерархия**: каждый чиновник имеет четко определенную сферу полномочий в иерархичной структуре и подотчетен в своих действиях вышестоящему начальству. Эта черта приобрела значение поведенческого приоритета — *А. П.*
— **последовательность**: должность является основным видом деятельности, дающим жалованье и перспективу … («должность» стала заменять семью, друзей, принципы — *А. П.*);
— **безличность**: характер работы определяется в соответствии с утвержденными правилами, регламентом (регламентация в России в первом десятилетии дошла до идиотизма — *А. П.*);
— **специальные знания**: чиновники отбираются на основе способностей, получают необходимую подготовку и контролируют доступ к служебной информации (последнее качество приобрело характер болезни, даже мании, когда людей увольняют из аппарата даже по подозрению в утечке информации — *А. П.*)[63].

На этом фоне правящая элита занялась «институтотворчеством», создавая искусственные и ненужные «институты развития», ни один из которых в реальности так и не заработал. Даже в узкой «технологической» области. При этом в общественно-политической области подобное «творчество» не просто игнорировалось, но всячески преследовалось. Сложился и все увеличивается удивительный разрыв между технологическим подходом к модернизации у власти и ее сверхконсервативному отношению к институтам социального потенциала, между «страстью» к нововведеям и боязнью использовать национальный человеческий потенциал[64].

К 2011 году в России наконец-то осознали, что слепое копирование западного опыта и моделей развития не является продуктивным, хотя часть влиятельных сторонников либеральной традиции и вестернизации страны и сохранялась в элите. Но вот новую модель, новую идеологию предложить не смогли. В качестве такой идеологии была предложена идея модернизации в ее крайне ограниченной технологической форме. Эта логика неизбежно продолжала игнорировать приоритетность нравственно-гуманистических ценностей и соответствующих институтов социального потенциала. Примечательно, что даже часть либеральной элиты поняла эту необходимость в 2011 году. В докладе ИНСОРа, в частности, признается необходимость «социокультурной модернизации»[65].

И не только российская модель демократии никогда не будет походить на западную, но и модель общества, экономики, науки, здравоохранения, образования. Все эти наши национальные модели несут на себе отпечаток культуры, истории, духовности нации и старейшего государства Европы, которые можно модернизировать с учетом современных реалий, но которые нельзя «отменить», «забыть», «заменить»[66]. Пусть на самые симпатичные кому-то и даже эффективные западноевропейские модели. Пытаться сделать это — означает повторение ошибки 1990-х годов,

когда правящая элита попыталась грубо, бесцеремонно, вопреки воли нации, сломать существующую систему ценностей, искусственно насадив чужую и не воспринимаемую большинством общества.

Это очень напоминает китайскую культурную революцию 60-х годов прошлого века, когда пытались уничтожить «элиту знаний». Произошло это, кстати, через 20 лет после китайской революции. В России, после революции 1991 года, также наблюдается аналогичный процесс — российская культурная революция, направленная на уничтожение науки и культуры. Как справедливо заметил Д. Косырев, «остается спросить: как назовут поколение, учившееся в России **после революции 1991 года**, то самое, у которого зарегистрированы **снижение интереса к чтению, незнание истории и много других особенностей?** На Китай не похоже, но если вдуматься, что-то есть»[67].

Эта российская культурная революция, уничтожающая знания, культуру, образование, разрушает прежде всего **институты**: науки, культуры, образования, — тот реально существующий социальный потенциал, который создавался столетиями. Это называют «реформами», хотя в результате этих реформ старые институты были разрушены, либо деградируют, а новые не создаются. «Другой фронт открыт. Полностью, без стеснений. Расследовать не надо — все «легализовано». Торговля обязательными нормами (их принятием и распространением). Массовый сбыт лицензий и сертификатов, не гарантирующих ни качества, ни безопасности. Продажа индульгенций, снимающих ответственность за нарушения до нового прихода (инспектор садится за стол с легким чувством голода, аппетит приходит во время беды). Наконец, «публичные услуги», навязываемые уже по не сходным ценам. И даже монополизация экспертного рынка посредниками, оставляющими реальным исполнителям долю, на которую делается либо халтура, либо себе в убыток. Этими схемами пользуются даже те, кто с ними аналитически борется на высшем уровне, люди вроде из либералов»[68].

Покойный академик Д. С. Львов писал по этому поводу: «Трансформация институтов российского общества серьезно сказалась на его социальной структуре. Изменились и продолжают меняться отношения собственности и власти, перестраивается механизм социальной стратификации, идет интенсивная смена элит, на общественную сцену выходят новые социальные группы, растет слой маргиналов, расширяется «социальное дно», все более криминализируются экономические отношения. Соответственно, меняются групповые интересы, способы поведения, социальные взаимодействия. Эти, на первый взгляд, разрозненные явления на деле являются разными сторонами процесса **социальной трансформации российского общества как целостной социальной системы**. Важнейшими характеристиками этой системы служат, во-первых, социальная структура, т.е. состав, положение и отношения определяющих ее развитие групп и, во-вторых, стратификация или расположение названных групп на иерархической шкале социальных статусов»[69]. От чего во многом зависит и нравственная атмосфера, которая, в свою очередь, делает **невозможной сколько-нибудь эффективное развитие**. Даже под нажимом верховной власти. Как справедливо заметил Д. Ольшанский, «**инициативы руководства страны, которые можно расценивать как прогрессивные, оказываются блокированы не потому, что этим инициативам кто-то сопротивляется. Нет, они блокируются просто потому, что практически не осуществимы в ситуации, когда единственной мотивацией реального принятия решения — не того, что слышно в телевизоре, а мелкого, местного, настоящего принятия реального решения — является частная выгода.** Причем частная не в смысле частного бизнеса, а в смысле частных лиц. Очень сложно модернизировать страну, не строя хорошие, удобные дороги. Но от того, сколько будет раскрадено на этой стройке, помрачится воображение»[70].

Наличие и развитие институтов социального потенциала зависит от социальной структуры нации. Чем хуже социальная структура общества, тем хуже, как правило, структура и качество институтов социального потенциала. Это, в свою очередь, немедленно отражается на качестве общества и экономике, что хорошо видно на примере коррупции.

Я считаю, что коррупция в сегодняшней России — социальное и идеологическое явление, — с одной стороны, и механизм, созданий в последние 25 лет, управления обществом –, с другой. Именно поэтому бороться с ней правоохранительными мерами бесполезно. Как бесполезно и вводить формальные отчеты о доходах и расходах чиновников, что стало отличительной чертой политической деятельности Д. Медведева в 2010–2011 годы. В эту работу не верят ни сами чиновники, ни общество. Причем, чем шире борьба такими мерами, тем меньше в нее верят, что показывают соцопросы[71].

Источник: «Левада Центр», май 2011 г.

Рис. 5.

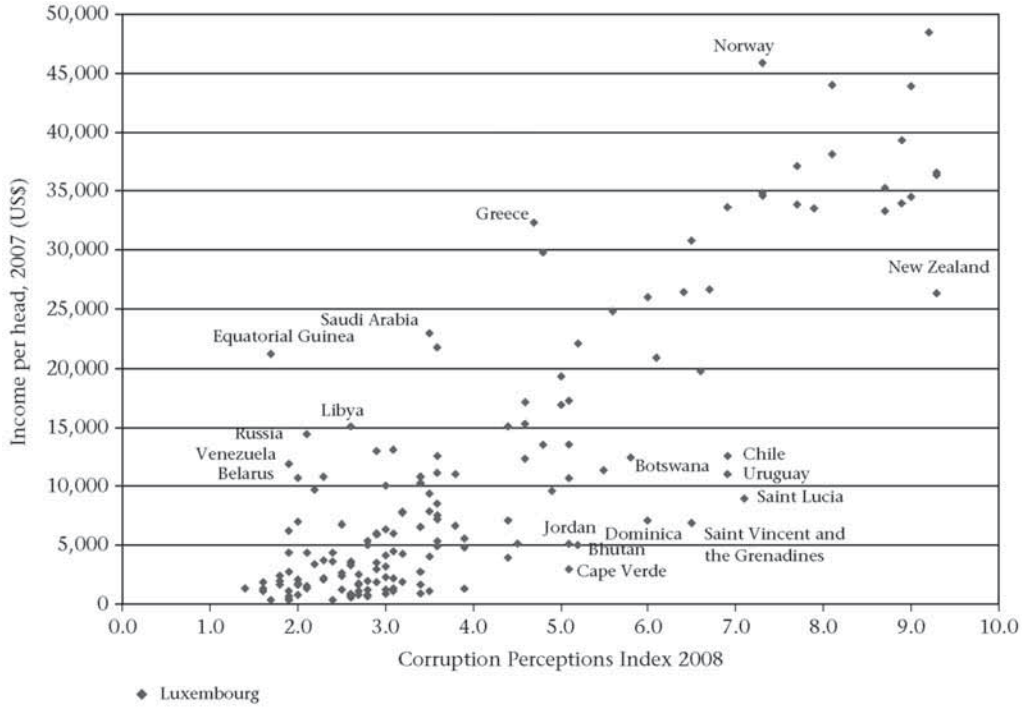


Рис. 6.

Как видно из данных опросов, только 1–2% граждан верят, что чиновники указывают все доходы и еще 10–11%, — что большую часть. Безрезультатность этой кампании очевидна, что подтверждается и данными из международных источников, в соответствии с которыми Россия находится на 147 месте по уровню коррупции — на уровне Бангладеш и Кении. При этом, в отличие от других государств, занимающих в этом индексе такие же низкие позиции, Россия обладает относительно высоким уровнем душевого ВВП (рис. 6). Впрочем, как и Беларусь, и Венесуэла[72].

Таким образом уровень коррупции зависит не столько от экономического благополучия, сколько от качества институтов государства и его социального потенциала, а в целом — от качества государственного и общественного управления.

По мнению Д. С. Львова, социальная структура российского общества сформировалась в основном в 1993 году и с тех пор «испытывает лишь незначительные колебания». Представляет интерес динамики удельных групп, составляющих социальные слои России (табл. 14).

Состав среднего слоя более разнороден. Ростом своей численности средний слой обязан в первую очередь группе высококвалифицированных специалистов (профессионалов, «кадров»). В 1993 г. доля «профессионалов» в среднем слое составляла 11%, а к 1997 г. она выросла до 28%. (В структуре всего работающего населения доля этой группы за тот же период увеличилась с 2 до 5–6%). Расширение группы преуспевающих профессионалов отражает процесс адаптации наиболее дееспособной части интеллигенции к новым условиям, преодоление ею первоначальной дезориентированности и растерянности. Не меньшую роль играет формирование новых широко востребуемых обществом видов профессиональной деятельности, участие в которых дает образованным и активным людям возможность получать высокий доход и следовать престижным образцам потребления. Безусловно, связан этот процесс и с относительной стабилизацией экономики в 1996–1997 гг. Замедление же темпов роста рассматриваемой группы к концу указанного периода позволяет предположить тенденцию к насыщению рынка специалистов. Если это соображение справедливо, то резервы роста среднего слоя за счет данной группы будут сравнительно скоро исчерпаны. Улучшить ситуацию сможет лишь начало реального экономического подъема.

Но большую часть современного среднего слоя России составляют не специалисты, а **представители различных «бизнес-групп»: средние и мелкие предприниматели, менеджеры, занятые в реальной** и коммерческой сферах экономики, самозанятые, а также полупредприниматели, совмещающие работу по найму с ведением разных видов частного бизнеса. В 1993 г. на долю названных групп приходилось более половины (53%) среднего слоя, причем наибольшей была группа полупредпринимателей. К 1994 г. доля последних снизилась с 40 до 33% и далее оставалась на том же уровне.

Обращает на себя внимание небольшая доля креативной части общества, которая (вопреки мировой тенденции) имеет тенденцию к сокращению. Между тем именно эта часть общества создает наибольший и наиболее качественный прирост ВВП[74].

Похоже, что либеральная часть элиты пытается повторить попытку 1990-х годов взять реванш за национализм в политике В. Путина в первом десятилетии XXI века. Как справедливо указывают эксперты

Табл. 14. Динамика удельного веса групп, составляющих социальные слои России, % в пределах слоя[73]

Социальные слои и группы	1993	1994	1995	1996	1997	В среднем
Верхний	100	100	100	100	100	100
Крупные и средние предприниматели, бизнес-слой	65	70	72	69	56	66
Руководители производства, высокооплачиваемые специалисты	26	25	25	23	29	26
Бюрократия, высшие офицеры армии и силовых структур	8	5	3	8	15	8
Средний	100	100	100	100	100	100
Мелкие предприниматели и полупредприниматели	53	44	50	48	42	47
Высококвалифицированные специалисты	11	21	18	24	28	21
Занятые в управленческих структурах	32	20	15	12	10	16
Военные	13	15	17	16	20	16
Базовый	100	100	100	100	100	100
Массовая интеллигенция	16	19	15	14	12	15
Полуинтеллигенция, служащие	17	24	21	21	23	21
Массовые профессии торговли и сервиса	20	23	25	27	35	26
Индустриальные рабочие	35	27	29	29	23	29
Крестьяне и фермеры	12	7	10	9	7	9
Нижний	100	100	100	100	100	100
работники низкой квалификации или без профессий	100	100	100	100	100	100

МГИМО(У), «банальный национализм» в сочетании с требованиями порядка и справедливости породил феномен беспрецедентной и долговременной популярности В. Путина»[75]. «Банальный либерализм» Д. Медведева пока что порождает коррупцию, беспорядок и падение популярности тандема, который в марте 2011 года впервые поддержали меньше граждан, чем не поддержали.

Расхождения в целеполагании начинаются уже с самого начала. Нынешняя элита считает, что в качестве главной цели России нужна модернизация (даже не потрудившись внятно объяснить с 2008 по 2011 год, что же это такое). Другая идеология, в частности русский социализм предполагает, что главная цель — развитие НЧП. Причем количественно, в самом простом выражении, это формулируется как демографическая задача. Кстати, также примерно думают и самые «продвинутые» западные специалисты. Так, например, выступая в МГИМО(У) 22 февраля 2011 года Э. Литвак, заявил: «…конечная стратегия национального государства заключается сегодня в приращении населения — чем больше рождается детей, тем сильнее государство»[76]. Конечно, эти идеи не новы, еще в XVII в. английский экономист Чайлд утверждал, что «любая тенденция к сокращению населения страны — это тенденция к ее обеднению» и что «большинство стран цивилизованной части мира более и менее богаты или бедны в зависимости от недостаточности или обилия у них населения, а не от скудости или плодородия их земли»[77]. В XX и XXI веке эта задача получила новое, гуманистическое, понимание, которое находит все большую поддержку среди разных обществ и наций. Как заметил в свое время В. И. Вернадский, очень важно вписать интересы отдельной личности в существующие законы развития общества и человечества, «в унисон с законами ноосферы»[78]. Другими словами, приоритеты социально-гуманистического развития должны быть **выше финансово-экономических**. И для человечества, и для любой нации. Подчеркну, когда важна общественно-значимая цель, а не личная, тем более эгоистическая выгода. Эти нормы, если человечество захочет выжить, должны стать универсальными. В том числе и для отдельной нации.

Как справедливо заметили авторы фундаментальной работы «Анализ социально-экономического состояния общества», равно как и перспектив его развития, должен заключаться в исследовании решения трех основных вариантов общественно-экономического развития:

1. Каковы ценностные ориентации, превалирующие в анализируемой общественно-экономической системе?
2. Какова эффективность экономики?
3. Насколько справедлива система распределения результатов (продуктов) труда и насколько свободен сам труд?

Последнее предполагает как предоставление членам общества свободы выбора вида и интенсивности труда, так и обеспечение права на труд.

Во всех социально-экономических формациях по-разному даются ответы на эти вопросы и по-разному выделяются среди них приоритетные. В марксистской экономике ключевым вопросом явился вопрос **производственных отношений**, т.е. отношений между людьми в процессе производства. В рыночной экономике ключевым вопросом является вопрос **эффективности производства**, т.е. вопросы «что производить», «как производить», «с какой выгодой (эффективностью) производить». Последнее вызвало наибольшую критику К. Марксом, а именно, что при капиталистическом способе ведения хозяйства ориентация идет не на максимизацию удовлетворения потребностей работающих в этом хозяйстве лиц, а на получение максимальной отдачи (прибыли) от вложенного капитала»[79].

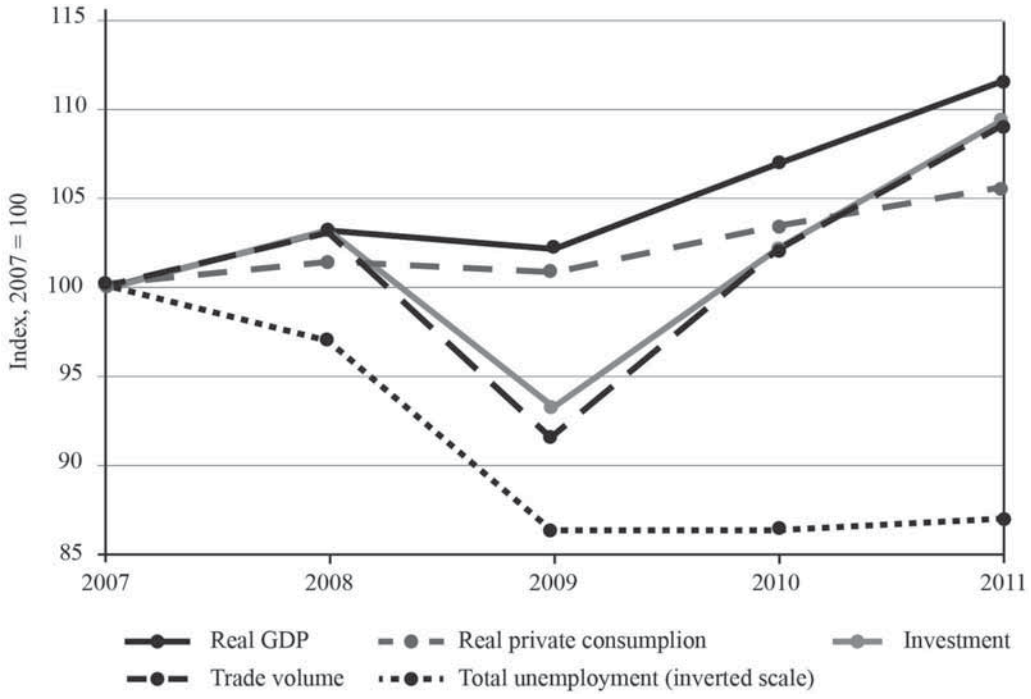
Все это имеет сугубо практическое значение для развития институтов социального потенциала в России, И прежде всего для ответа на вопрос, зачем нужен НЧП и его институты. Если — для получения выгоды, то для превращение НЧП в НЧК нужны только те институты, которые обеспечат эту выгоду. Если же под НЧК мы понимаем общественную пользу, то те институты социального потенциала, которые могут принести общественную пользу (а иногда и выгоду).

Период 2000–2011 годов характеризуется, на мой взгляд, тем, что правящая элита рассматривает в качестве полезных только те институты социального потенциала, которые могут принести **выгоду**. Будь то в науке, культуре или образовании. Что нашло даже свой термин — «коммерциализация» науки, культури, образования, здравоохранения. Это — стратегия, вытекающая из либеральной идеологии. Стратегия, которая сделала выбор между нравственностью и выгодой в пользу выгоды.

Как видно из приведенных данных (рис. 7), заметный рост основных показателей экономики в 2010–2011 годах **не предполагает** сокращения безработицы. Это противоречие становится существенным в оценке национального развития, так как требует специального внимания для ответственных правительств.

Ликвидация безработицы в России (если исходить из адекватной стратегии национального развития) означает безусловный рост НЧП и всей экономики. Но только при условии создания специальных институтов по развитию социального потенциала — переподготовки кадров, создания рабочих мест, стимулирования создания новых профессий и возвращения на работу тех, кто был вынужден ее оставить.

Из этого следует, что «скачок» невозможен без роста численности и качества населения, прежде всего его креативных слоев. Страна, которая в 20-тилетней перспективе может столкнуться с тем, что на одного работающего будет приходится один пенсионер, с концентрацией населения только в европейской ее части и вымиранием обширных территорий за Ура-



Source: IMF. World Economic Outlook, October 2010; ILO, Trends econometric models, October 2010; Economist Intelligence Unit

Рис. 7. Global trends and projections in GDP growth, consumption, investment, trade and unemployment, 2007–2011 (Глобальные тенденции и прогнозы на рост ВВП, потребление, инвестиции, торговля и безработицы, 2007–2011)[80]

лом, маргинализацией и деградацией населения, — не будет способна отстаивать свои национальные интересы. И вопрос о «большом скачке» в XXI веке переходит в плоскость национальной безопасности, когда экономика определяет политику, при этом фундаментом и основой экономического развития являются национальная политика в интересах российского общества[81].

Развивая идеи «большого скачка», требуется определить то, на что мы будем опираться в достижении такого рывка в развитии, т.е. определить «точки роста». Принимая во внимание, что все условия и состояние мировой экономики требуется сконцентрировать на внутреннем развитии и освоении обширных территорий РФ. Требуется своеобразный «план Маршала» и «новый курс» для восстановления и ренессанса российской экономики со времен Советского Союза. Этими точками может стать масштабное строительство инфраструктурных объектов, включая строительство панроссийской автомагистрали от запада на восток, строительство аэрохабов, сравнимых, например, с Дубайским авиаузлом, строительство морского порта на примере Сингапура и Шанхая, развитие сетей передачи данных, огромные вложения в образование и науку на уровне от 8–10% от ВВП, освоение Дальнего Востока, где должно жить в перспективе не менее 20–30 млн чел. (сейчас около 6 млн), и др.

5. Институты социального потенциала — главный инструмент реализации стратегии национального развития

Проблем не надо бояться, их надо решать. Решение проблемы — это устранение разрыва между желаемым и реально существующим[82].
А. Кокошин, академик РАН

Вместо того чтобы предъявлять спрос на демократические институты, средний класс … предъявляет спрос на стабильность исполнительной власти, чтобы не потерять то, что имеет[83].
А. Аузан

Понятно, что только количественная характеристика НЧП далеко не исчерпывает возможности опережающего развития. Важна еще и качественная. Прежде всего, необходимо выделить отдельно такую важную часть национального человеческого капитала, как **социальный капитал общества и его институты**. В современной литературе, а тем более политической жизни до сих пор нет четких различий между понятиями «человеческий капитал (и потенциал)» и «социальный капитал (и потенциал)»[84]. Между тем эта разница не просто существует, но она очень существенна. И ее важно понимать прежде всего для того, чтобы полно использовать весь ресурс социального потенциала и его институтов в интересах национального развития. На мой взгляд, на упрощенном рисунке это можно изобразить следующим образом во взаимосвязи с другими элементами национального богатства[85]:

Понятно, что при разработке «Стратегия–2020» логично было бы сделать ставку на развитие прежде всего той части национального богатства, которая занимает наибольший удельный вес (НЧП), а не на ту, которая относительно невелика (материальные активы), ведь темпы национального развития зависят от развития относительно большей части национального богатства. Но именно это и не предусматривается в «Стратегия–2020», да и во всей риторике правящей элиты. Говорится, например, что «на территории России должна действовать вся технологическая и промышленная цепочка — от проведения исследовательских и конструкторских работ до изготовления комплектующих и крупносерийного выпуска конечной продукции» (В. Путин. Съезд машиностроителей, май 2011 г.), а на деле доля импортных электронных компонентов в космических аппаратах составляет от 27 до 46%. Пока что все усилия уходят в свисток, то есть в слова. В лучшем случае — в архитектурные изыски»[86]. И, действительно, строят много — университет на основе Русский, Сколково, др. объемы, объемы строительства которых составляют сотни тысяч квадратных метров. Но все это практически не имеет отношения ни к развитию и созданию институтов социального потенциала, ни НЧП в целом.

Кроме того, НЧП развивается быстрее, чем две другие составляющие национальное богатство, а, главное, сам по себе является фундаментом их развития. Для того, чтобы, например, построить АЭС, либо крупный завод, требуются десятилетия. Чтобы использовать имеющийся научно-образовательный потенциал, достаточно просто хотеть и развивать институты социального потенциала — академии, университеты, общества, союзы и т.д., а не душить их административно, морально и финансово. Что зачем-то делается много лет в России.

Наконец, НЧП определяет **качество** (а не только численность) нации, ее **идентичность** и **суверенитет**

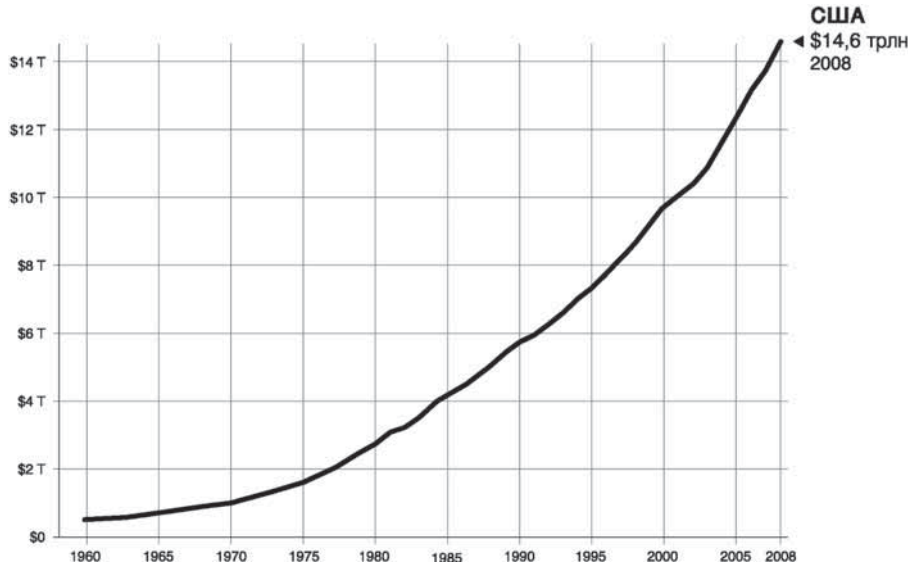


Рис. 8. Внутренний валовой продукт США (текущий долл. США, не адаптированный к инфляции)

государства. Эти три характеристики крайне важны. В условиях глобализации это обстоятельство особенно важно, ибо только национальные ценности и качество нации становятся реальным идеологическим средством в развернувшейся политико-идеологической и цивилизационной борьбе. Этого аспекта правящая элита и ее эксперты сегодня не видят. Или не хотят видеть, нанося серьезный ущерб нации и суверенитету государства. Уничтожая и разрушая институты социального потенциала, уничтожаются идентичность, суверенитет и снижается качество нации. Достаточно, например, «прикрыть» драматические и балетные коллективы, существующие 300 лет, чтобы нанести непоправимый ущерб НЧП.

Очень важно и то, обстоятельство, что в качестве ресурса развития НЧП является наиболее перспективным ресурсом, способным обеспечить максимально высокие темпы развития и роста. В том числе и ВВП — странового и душевого. Ведь развитие населения — физическое, умственное, нравственное — служит основой производительности труда, от которой зависит создание материального богатства; в свою очередь главное значение материального богатства, если оно разумно используется, заключается в том, что оно увеличивает здоровье и силу рода человеческого[87].

Конечно, эта вышеприведенная схема не отражает всей полноты и сложности двух важнейших составляющих национального человеческого потенциала (а тем более — капитала) и всего национального богатства в целом.

Так, видно, например, что существует явная взаимосвязь как между отдельными частями НЧП — личностной и социальной, — так и взаимовлияние между ними. Развитие национальных, социальных и других институтов оказывает сильнейшее положительное влияние на потенциал личности (например, университет, научная хорошая школа, спортивная секция, музей и пр.). И наоборот.

Но развитие институтов социального потенциала является сегодня и единственным способом создания **механизмов** модернизации материальных активов и эффективного использования природных ресурсов. Провал инновационных идей объясняется не только разрывом между властью и обществом, не только плохими экономическими условиями и **отсутствием** институтов социального потенциала, которые были бы механизмом реализации инновационных программ. Строительство Сколково или Университета на острове Русский — это сотни тысяч кубометров бетона, а не институты. Об «освоении» бюджетных средств с удовольствием получается прибыль, но дальше пока дело не идет.

Особенно важное значение имеет создание национальной инновационной системы (НИС), которая обеспечивает быстрое внедрение полученных результатов научных исследований и инноваций в экономику и общественную жизнь. Что немаловажно — в относительно короткие сроки. Это прежде всего институты социального потенциала, а не бетон. Опыт ряда стран (США, Финляндии, Израиля, Тайваня и др.) показывает, что создание НИС является главным условием для разработки и внедрения инноваций. НИС является, кроме того, и основным механизмом роста экономики страны. Например, в США именно благодаря НИС ВВП страны вырос с 1 трлн долл. в 1960 г. до почти 15 трлн долл. — в 2008 году[88].

И заслуга в этом институтов социального потенциала. Прежде всего НИС, которым государство дало соответствующие финансовые и административные ресурсы.

Предлагаемая на рисунке схема национального богатства и роли НЧП, включая институты социального потенциала, трактует это влияние весьма упрощения. Вместе с тем даже из неё видно, что социальный потенциал является не только системой

Табл. 15. Число общественных объединений и организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на 1 января 2010 г.[91]

	Всего зарегистрировано	Из них зарегистрировано в 2009 г.
Общественные объединения — всего	119247	5303
в том числе:		
общественные организации	54113	3797
из них благотворительные	1670	60
общественные движения	1808	117
из них благотворительные	3	1
общественные фонды	6972	254
из них благотворительные	2635	96
общественные учреждения	626	28
из них благотворительные	1	—
органы общественной самодеятельности	185	12
иные виды общественных объединений	55543	1095
из них:		
профессиональные союзы	43522	379
национально-культурные автономии	746	90
Политические партии	7	1
Некоммерческие организации — всего	79988	10221
в том числе благотворительные фонды	5052	687
Филиалы и представительства международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций	253	18

ценностей нации и общества, но и его **важнейшим организационным и мобилизационным ресурсом**, без которого эффективность реализации НЧП (т.е. превращения его в НЧК) весьма низкая. Приведу пример не из научной области. Так, потенциал духовности отдельной личности (тем более таких титанов, как, например, С. Саровский) имеет огромное значение, но потенциал духовности, объединенный в РПЦ, всех русских святых — просто неизмерим. Реализованная часть этого духовного потенциала через институт РПЦ, общины, сообщества может быть значительно большей, чем, если бы не было этих социальных институтов.

Сегодня, к сожалению, этот потенциал вообще не учитывается. В том числе и при разработке «Стратегии–2020».

Очевидно, что при разработке «Стратегия–2020» необходимо уделить специальное внимание стимулированию развития старых и новых институтов социального потенциала нации.

Чем лучше развит социальный потенциал, тем **больше его доля в НЧП**, тем больше национальное богатство страны, тем быстрее развитие нации. Поэтому общественные, политические, корпоративные, профсоюзные, духовные, научные, образовательные и др. институты, через которые реализуется социальный потенциал, имеют **огромную самостоятельную ценность**. Их уничтожение, деформация, снижение их роли имеют крайне негативное последствие для нации и общества. Так, распад Союза писателей или Союза художников, ослабление РАН, Академии образования и др. институтов, реализующих социальный потенциал, наносит большой ущерб национальному человеческому капиталу и в конечном итоге несет не только идеологический, но и материальный ущерб **всему национальному богатству страны, всей нации**.

Сегодня Россия пока что сохраняет остатки социального потенциала, созданного СССР, так и новых его форм, что видно из данных Минюста[89], иллюстрирующих, к сожалению, лишь количественное состояние такого потенциала[90].

Стоит напомнить в этой связи, что в развитых странах развитие НЧП финансируется и управляется преимущественно общественными институтами, а масштабы такого финансирования только религиозных НКО измеряются, например, в США сотнями миллиардов долларов. Эти негосударственные национальные институты, как правило, работают значительно эффективнее, чем государственные.

Государство, как институт, созданный нацией и обществом, прямо заинтересовано в развитии социального потенциала и его институтов. Его прямая обязанность, как минимум, — создать благоприятные условия для их развития. Так, например, объем эндаументов в американских университетах (например, Гарварде) достигает десятков миллиардов долларов, а доля в бюджетах университетов достигает 30%. В России — самый крупный эндаумент у МГИМО (У) — 30 млн долл., т.е. в сотни раз (!) меньше. Но даже такой скромный фонд позволяет снимать социальную напряженность и помогает в работе университета. В этом смысле инициатива Д. Медведева — одна из немногих, давшая конкретный положительный результат.

Особое значение для нации и государства в эпоху глобализации имеет развитие институтов социального потенциала в области духовности, нравственности, культуры. Многие современные проблемы, например, международный терроризм, коррупция являются в реальности следствием идеологической и религиозной борьбы, усиление которой произошло в последние десятилетия. Соответственно решать их надо такими же средствами. И прежде всего признать, что терроризм — это идеологическая проблема. Точнее — отсутствие идеологии в России. И нравственности, и духовности. Противопоставить в решении этих проблем такие средства как военная сила, правоохранительные органы, экономические и политические меры, — бесполезно, а иногда даже вредно. Но именно сегодня шумная борьба с коррупцией в России не имеет ничего общего ни с нравственностью, ни с идеологией, хотя взаимосвязь между терроризмом и коррупцией с одной стороны, развитием и нравственностью — с другой — очевидна.

Развитие социального потенциала и его институтов становится важнейшим средством реализации социально-экономической стратегии. Причем не только в экономике и финансах (необходимость чего уже признается правящей элитой и проявляется в таких идеях, как превращение Москвы в международный финансовый центр, реализация проекта Сколково и т.д.), но и в духовно-нравственной области. Так, решение проблемы коррупции в наименьшей области, на мой взгляд, связано с усилением законодательства или правоохранительных органов, но в наибольшей мере с развитием институтов социального потенциала. В обществе (это подтверждает российская и советская история) должна быть создана атмосфера, когда коррупция становится нетерпимой, неприемлемой, наконец, «не модной». И идет эта мода, как водится, «сверху». От самой власти и элиты. Когда же общество видит откровенное пренебрежение нравственными нормами на самом верху, оно неизбежно ведет себя так же. «Каждый выживает как может» — становится нормой поведения.

Особенно важное значение имеет развитие институтов социального потенциала в таких областях как наука и техника, образование и новые технологии, которые должны **сознательно** формировать креативные социальные группы населения. По сути эти институты — единственный инструмент, позволяющий обществу и государству **сознательно создавать творческую среду и атмосферу у нации**, без которой в XXI веке не будет ни развитой экономики, ни общества.

В целом представление о существующих институтах, формирующих нравственно-духовную среду социального потенциала России, дает статистика, основанная на учете регистрации этих организаций в Минюсте страны, хотя эта статистика, конечно, не позволяет сделать анализ качества и эффективности таких институтов. Мои собственные попытки сделать такой анализ в рамках работы Комиссии при Президенте РФ по содействию развития институтов гражданского общества оказались неэффективны.

Табл. 16. Число религиозных организаций, зарегистрированных в РФ, на 1 января 2010 г.[92]

	зарегистрировано религиозных организаций — всего	в том числе по видам				
		Централизованные религиозные организации	местные религиозные организации	Духовные образовательные учреждения	Монастыри и подворья	Религиозные учреждения
Все религиозные организации	**23 494**	433	22 176	193	434	258
в том числе по конфессиям:						
Русская православная церковь	**12 941**	78	12 158	57	424	224
Российская православная автономная церковь	44	2	39	—	3	—
Русская православная церковь за границей	22	1	20	—	1	—
Истинно-православная церковь	32	5	24	—	3	—
Российская православная свободная церковь	7	1	6	—	—	—
Украинская православная церковь (Киевский патриархат)	10	1	8	1	—	—

продолжение таблицы

	зарегистрировано религиозных организаций — всего	в том числе по видам				
		Централизованные религиозные организации	местные религиозные организации	Духовные образовательные учреждения	Монастыри и подворья	Религиозные учреждения
Старообрядцы	281	7	268	1	3	2
из них:						
Русская православная старообрядческая церковь	155	2	150	—	1	2
Древнеправославная церковь	76	5	68	1	2	—
Поморская церковь	42	—	42	—	—	—
Федосеевское согласие	3	—	3	—	—	—
Другие согласия	5	—	5	—	—	—
Римско-католическая церковь	229	6	218	1	—	4
Греко-католическая церковь	4	—	4	—	—	—
Армянская апостольская церковь	73	3	70	—	—	—
Ислам	**4127**	70	3963	93	—	1
Буддизм	208	9	196	3	—	—
Иудаизм	291	10	277	2	—	2
из него:						
Ортодоксальный	237	8	226	2	—	1
Современный	54	2	51	—	—	1
Евангельские христиане-баптисты	873	50	812	6	—	5
Христиане веры Евангельской	281	27	247	4	—	3
Евангельские христиане	677	34	633	6	—	4
Евангельские христиане в духе апостолов	26	2	24	—	—	—
Христиане веры евангельской — пятидесятники	1347	55	1284	8	—	—
Церковь полного Евангелия	35	2	32	1	—	—
Евангельские христиане-трезвенники	5	—	5	—	—	—
Адвентисты седьмого дня	608	17	584	1	—	6
Лютеране	230	13	213	4	—	—
из них:						
Евангелическо-лютеранская церковь	145	10	133	2	—	—
Единая евангелическо-лютеранская церковь России	2	—	2	—	—	—
Церковь Ингрии	71	1	69	1	—	—
Другие евангелическо-лютеранские церкви	12	2	9	1	—	—
Новоапостольская церковь	64	4	60	—	—	—
Методистская церковь	109	4	102	2	—	1
Реформатская церковь	5	1	4	—	—	—
Пресвитерианская церковь	177	7	167	3	—	—
Англиканская церковь	1	—	1	—	—	—
Свидетели Иеговы	407	1	406	—	—	—
Меннониты	7	1	6	—	—	—

продолжение таблицы

	зарегистрировано религиозных организаций — всего	в том числе по видам				
		Централизованные религиозные организации	местные религиозные организации	Духовные образовательные учреждения	Монастыри и подворья	Религиозные учреждения
Армия Спасения	10	1	9	—	—	—
Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны)	53	1	52	—	—	—
Церковь объединения (Муна)	7	1	6	—	—	—
Церковь Божьей матери «державная»	20	1	19	—	—	—
Молокане	22	1	21	—	—	—
Церковь последнего завета	6	1	5	—	—	—

Институты социального потенциала прежде всего трудовые и творческие коллективы оказывает значительное «горизонтальное» влияние на другие части национального богатства страны — материальные активы и эффективность использования природных ресурсов. Так, ослабление экологических организаций, реорганизация и сокращение штатов производственных предприятий, как правило, ведет **к снижению эффективности их работы**. Бесконечные распады, сокращения и реорганизации, имевшие место в прошлом и имеющее место сегодня, — **ведут к ослаблению экономической эффективности в работе тех предприятий и организаций, которые занимаются освоением природных ресурсов**. Так, исследования, проведенные в начале первого десятилетия, на примере Архангельской области показали, что только в 2004 году в регионе было ликвидировано 43,4% всех организаций и трудовых коллективов. Всего за 1990–2005 годы через это испытание прошло абсолютное большинство населения этой области. Причем, как правило, пользы от таких сокращений и реорганизаций мало[93].

Очевидно, что необходим **консервативный**, а не **либеральный** подход к институтам социального потенциала, который выражается, во-первых, в развитии существующих (а не в их ликвидации и бесконечных реорганизациях, которые почему-то связывают с повышением эффективности их работы) и создании новых институтов социального потенциала. В том числе и с участием и при инициативе государства. Так, выделение порядка 1 млрд рублей общественным организациям ежегодно, безусловно, правильный шаг, но крайне малозначительный. Государство и нация получили бы существенный результат, если бы масштабы этого финансирования были увеличены в 100–200 раз и распространены на научные, культурные и творческие организации, а также традиционные для России религии и конфессии.

Из предлагаемой выше таблицы также видно, что социальный потенциал находится в самой «сердцевине» взаимосвязей отдельных элементов национального богатства. Он оказывает серьезное влияние **на все эти элементы**. И этот же социальный потенциал может оказывать на них чрезвычайно **разрушительное воздействие**. Несовершенный, плохо организованный, а, тем более (что бывает не только в российской истории), **превращенный в антина-**

Табл. 17. Характеристика организаций Архангельской области в 2004 г.

Отрасли экономики	Количество вновь зарегистрированных организаций	Количество официально ликвидированных организаций	% ликвидированных от числа зарегистрированных
Всего	1936	841	43,4
в том числе:			
промышленность	290	175	600,0
сельское хозяйство	65	72	110,7
транспорт	119	43	36,1
строительство	226	101	44,6
торговля и общественное питание	432	208	48,1
жилищно-коммунальное хозяйство	56	14	25,0
народное образование	76	50	65,8

Табл. 18. Организации, выполняющие исследования и разработки, по секторам деятельности[95]

	2000	2003	2005	2007	2008	2009
Всего	**4099**	**3797**	**3566**	**3957**	**3666**	**3536**
Государственный сектор	1247	1233	1282	1483	1429	1406
Предпринимательский сектор	2278	1990	1703	1742	1540	1446
Сектор высшего профессионального образования	526	526	539	616	603	603
Сектор некоммерческих организаций	48	48	42	116	94	81

циональный, — такой социальный капитал может не просто нанести ущерб нации (как это было в России, когда появились в 1980-х и 1990-х годах тысячи антинациональных организаций), но даже и уничтожить ее. Так, процесс рыночных реформ в Архангельской области в 2004 году серьезно дестабилизировал организационную часть социального капитала области. Что видно на примере официальной статистики[94] (табл. 17).

Как видно из этого примера, создаваемые институты (коллективы) оказываются крайне нестабильны. При таких условиях говорить о том, что они работают эффективно, просто невозможно. Предприятия создавались, продавались, обменивались и т.д. Что уж здесь говорить об инновациях…

Интересно, что так пропагандируемые нашими либералами сокращения на производстве в реальности мало что дают. По данным соответствующего Департамента США, всего 51% компаний после сокращения персонала увеличили прибыль, 49% — нет. На 20% предприятий прибыли даже упали. Положительной корреляции между сокращением численности персонала и ростом производительности труда среди оставшихся работников **не обнаружено**. А более 86% компаний, сокративших численность персонала, отметили **понижение лояльности и трудовой морали оставшейся части работников**. То есть — налицо ослабление, серьезный ущерб национальному социальному потенциалу.

За 1990–2010 годы в России наблюдался стремительный процесс развала, реорганизации и создания новых институтов, чья функция заключается в том числе в реализации социального потенциала, а, в конечном счете, всего НЧП. Эта часть российского кризиса изучена крайне мало, но даже сегодня можно признать, что ущерб нации такой «реорганизацией» — в т.ч. материальный — был нанесен колоссальный. Особенно это заметно на примере институтов социального потенциала в таких областях, как наука и образование. Так, численность **научных организаций** (институтов) за 2000–2009 годы сократилась более чем на 10%. Причем это произошло **после** фактического развала этих институтов в 1990-е годы. Можно только предполагать, насколько ухудшилось их качество за этот же период.

Из приведенных данных (табл. 18) видно, что провозглашенный еще в 2005 году курс на модернизацию реализовывался параллельно (!) с сокращением и деградацией институтов социального потенциала. На мой взгляд, это — одна из причин, может быть, даже главная, краха инновационной стратегии, выбранной элитой.

Рис. 9. Структура институтов социального потенциала в области ИР

Как видно из диаграмм, роль государственных, коммерческих и образовательных институтов абсолютно превалирует. Что и понятно. Соответственно стратегия национального развития предполагает **усиление** всех трех направлений:

— государственного;
— частного;
— образовательного,

когда речь идет о развитии научной составляющей НЧП. Происходит, как ни странно, обратное: стремительное сокращение институтов социального потенциала идет, например, в образовании. Особенно в дошкольном и школьном. Исключение составили высшие учебные заведения, чья численность пока не сократилась (но планируется к сокращению), но качество стало значительно хуже.

Вот потому необходимо крайне бережно относиться сегодня к любым социальным институтам,

особенно тем, которые непосредственно связаны с реализацией НЧП — творческим и научным союзам, обществам, академиям, университетам, школам. Их надо сознательно укреплять. За последние десятилетия институты социального потенциала в России игнорировались, либо просто использовались **против самой нации**. Прежде всего потому, что не было национальной идеологии, национальной элиты и, как следствие, национальной стратегии, которые бы учитывали важнейшую роль институтов развития социального потенциала.

Отдельная тема — роль институтов социального потенциала предприятий, которые сегодня очевидно недооценивается. Более того, на протяжении многих лет в России осуществлялась сознательная политика ликвидации прав трудовых коллективов. Не прекращается она и сегодня. Между тем, этот потенциал имеет важную и сложную, многоуровневую структуру — от отдельного человека, трудового коллектива до города, региона и в целом страны. В конечном счете именно трудовой коллектив эффективно или неэффективно решает поставленные задачи. Этой теме посвящено много исследований, а опыт создания корпоративной культуры, особенно в Японии, говорит в пользу того, что за рубежом прекрасно понимают это значение. Так, эту сложную взаимосвязь и взаимозависимость некоторые исследователи изображают следующим образом[96]. Причем, некоторые эксперты оценивают негативное влияние «плохих институтов», в частности, в росте цены на продукцию, в 25–30%[97].

Любые стратегии и концепции социально-экономического развития мало чего стоят (а сегодня предлагаются пока что именно такие), пока они не учитывают и не исходят из идеи развития НЧП и его составной части — институтов социального потенциала нации, а в целом из национальных интересов и национальных ценностей.

Речь идет не только о политических партиях и организациях гражданского общества, которые должны оппонировать правящей элите, как пытается это делать оппозиция В. Путину и Д. Медведеву. Политические институты — только небольшая и даже не самая важная часть социального потенциала. Гораздо важнее, чтобы социальный потенциал отдельных социальных групп, профессий, направлений деятельности мог быть эффективно реализован через существующие, либо новые институты, ибо зависимость от этих институтов НЧП и всего национального богатства (могущества) вполне очевидна.

И последнее: качественный скачок в развитии нации и экономики сделать невозможно, не задействовав в полной мере социальный потенциал и его институты. Более того, именно «Большой скачок» возможен только с опорой на НЧП и его институты, сконцентрированные в изменяющемся социальном потенциале. И в еще большей степени, — в будущих. Можно только предполагать, насколько ускорится развитие, если правящая элита сделает сознательную ставку на развитие институтов социального потенциала нации.

Нельзя сказать, что правящая элита полностью игнорирует потребность опережающего развития НЧП, в т.ч. институтов социального потенциала. Так, в Концепции долгосрочного социально-эконо-

Рис. 10.

мического развития, которая легла в основу «Стратегия–2020», прямо говорится о «вызове», исходящий из возрастания роли человеческого потенциала, а также определены основные меры:

— стабилизация численности российского населения и занятых в экономике на основе эффективного регулирования миграции и изменения образа жизни людей, повышения здоровья нации и уровня социального оптимизма;
— эффективно функционирующие отрасли, определяющие качество человеческого капитала (образование, здравоохранение, жилищный сектор), высокие стандарты жизни населения;
— превращение среднего класса российского общества в его доминирующую силу, сокращение социального неравенства;
— достижение уровня развитых стран по производительности труда, которая будет определяться не столько «фондовооруженностью» периода индустриального развития, сколько уровнем образования и креативностью самого человека[98].

Но, к сожалению, перечнем этих направлений, по сути дела, простой констатацией, дело и ограничивается. Ни в концепции, ни в решениях последующих лет не видно даже намека на попытку исправить ту ситуацию. Хуже того, процессы разрушения институтов в 2008–2011 годы только усилились, исключая, пожалуй, институты РПЦ, которые развиваются автономно, без участия государства.

К сожалению, обозначенные в «Стратегия–2020» задачи за 2008–2011 годы не были реализованы. Более того, усиление политической риторики и объемов финансирования не только не дали соизмеримых результатов для модернизации, но и никак не повлияли фактически на динамику развития экономики и политики стагфляции. И одна из важнейших причин этого — продолжение политики разрушения институтов социального потенциала.

6. Идея скачка как стратегия национального развития

…Модернизация должна быть глубокой, системной и форсированной. Ее придется проводить в условиях, когда текущая конъюнктура располагает к прямо противоположному — к инерции и самоуничтожению под наркозом[99].

Доклад ИНСОР
«Обретение будущего», 2011 г.

Нынешние правители России не раз говорили, что страна исчерпала лимиты на революции. Но никто подобных лимитов не устанавливал[100].

Э. Баталов

Идеология русского социализма предполагает, что закон перехода количества в качество никто не отменял. Более того, для социальных процессов в XXI веке этот закон остается даже еще более актуальным, чем в прежние годы. Никто еще не доказал невозможности революционных, качественных, скачкообразных изменений в обществе, экономике, науке и технологиях. Скорее наоборот: вся история человечества свидетельствует о том, что переход количества в качество неизбежен, и он по сути своей революционен. Особенно этот вывод важен для характеристики современного состояния человечества, переживающего период «фазового» (качественного) перехода. Странно было бы, если Россия «вдруг» выпала из общего хода мирового процесса.

Признание возможности, даже неизбежности качественных скачков, особенно в развитии общества и научного знания, говорит о том, что российская элита, разрабатывая свою стратегию развития, должна заниматься не бесполезной экстраполяцией (доказавшей не раз, в т.ч. и на примере провала «Стратегия–2020»), а формулированием задачи сверхбыстрых темпов социального, научно-технологического и экономического развития.

Стратегия долгосрочного развития России должна предполагать качественный скачок в социальной и экономической областях за счет развития национального человеческого потенциала (НЧП). Причем, прежде всего, в социальной области, которая может и должна стать тем отсутствующим сегодня механизмом реализации всех программ модернизации и инноваций. При этом в «Стратегия–2020» целесообразно ясно сформулировать цель «сверхзадачу» на общенациональном уровне, под которую провести консолидацию и мобилизацию элиты и всего общества, всей нации[101].

Основное отличие идеи качественного скачка от идеи экстенсивного развития заключается в следующих принципиальных аспектах, имеющих прямое отношение к развитию социального компонента НЧП и «Стратегия–2020»:

Во-первых, идея качественного скачка предполагает прежде всего ставку на **быстрые темпы развития национального человеческого потенциала** (НЧП), в том числе и, может быть, прежде всего социального потенциала, его институтов, которые повлекут за собой быстрые темпы роста ВВП и модернизации, станут базой для разработки и тем отсутствующим сегодня механизмом внедрения инноваций. Понятно,

что в рамках существующей либеральной идеологии (или, как декларируется, отсутствия идеологии) это сделать невозможно, ведь предстоит сменить **всю систему взглядов элиты**. И, прежде всего на роль НЧП, приоритеты развития. А, кроме того, необходимо будет «разбудить» социальный потенциал общества (точнее — нации), что возможно сделать только на основе национальной социальной идеологии. В данном случае — русского социализма.

При этом количественно темпы такого развития могут быть очень высокими, даже превышать ежегодный прирост ВВП Китая в 10%. Речь идет о 15–20% росте ВВП России в год, а для некоторых отраслей — даже 30–40%. Это уже принципиально иные темпы развития, чем опережающие. Но они не только необходимы, но и возможны. Исторически, их можно соотнести с темпами восстановления экономики СССР в 1945–1948 годы. Но не только. Сегодня мы знаем много примеров того, как эффективно использованный социальный потенциал обеспечивал сверхвысокие темпы роста наукоемкой экономики. Так, например, в период кризиса корпорация SAP в 2010 году увеличила свои обороты на 53%, а доходы от продажи ПО — на 84%[102].

Другой пример из недавнего советского прошлого. За 15 лет, до середины 80-х годов, электронная промышленность страны увеличила свои объемы производства в 100 (!) раз, обеспечив обороноспособность страны конкурентоспособными системами[103]. Повторю, что сделать это можно только возродив национальную систему ценностей и воссоздав эффективный социальный потенциал.

Во-вторых, быстрое развитие НЧП предполагает возможность **«перескакивать через этапы»** социального, технологического и экономического развития, а не идти последовательно в фарватере развитых стран, догоняя их в течение десятилетий. Новые открытия и технологии, мобилизация интеллектуальных и духовных ресурсов нации, — важнейшие условия такого скачка. Но сделать это возможно также **только на основе национальных институтов, научных школ, культуры и духовности**. Только они позволяют избежать последовательности в решении задач догоняющего развития. В противном случае нам придется поэтапно заимствовать те достижения и инновации, которые нам будут отдавать, либо продавать. Понятно, что не лучшие и не сразу, и не бесплатно, и не без условий.

Поэтому «перескакивание через этапы» — принцип идеологии русского социализма, — предполагающий акцент на развитие национальных научных школ, творческих коллективов и союзов, как, впрочем, и всех других институтов социального потенциала нации.

В-третьих, быстрое развитие НЧП предполагает **сознательное** и целенаправленное развитие социальной структуры общества и, прежде всего, его креативных слоев населения как важнейшей основы развития экономики и технологической базы страны. Это означает понимание того, что в современном обществе у всей нации есть наиболее передовые социальные слои, чье творчество и знание в XXI веке создают основную часть прироста ВВП. По некоторым оценкам, в развитых странах эта доля доходит до 75%, а в недалеком будущем будет достигать 90%. Это же означает, что вся нация заинтересована в том, чтобы ее самая эффективная и передовая часть, составляющая от 5 до 15% нации, **максимально эффективно** использовала свои возможности, весь свой потенциал в интересах всей нации.

Сегодня эти творческие (креативные) социальные слои не просто игнорируются. Они поставлены в заведомо неприемлемые условия выживания, т.е. работы не для творчества, а для денег. Их потенциал не востребован на Родине, что ведет к огромной утечке за рубеж, превышающей в иные годы 100 тысяч человек. Нация уже обескровлена этим оттоком, но, что еще хуже, «профессиональная эмиграция» набирает силу. В отличие от США, где привлечение «мозгов» зафиксировано в качестве самой приоритетной задачи в «Стратегии национальной безопасности», в России не делается ничего для того, чтобы эти «мозги» не уезжали в развитые страны.

В-четвертых, быстрое развитие НЧП предполагает сохранение и сознательное развитие национальных, культурных и духовных ценностей, которые являются как фундаментальной основой для формирования будущего образа России, политических целей, так и основным средством мобилизации национальных ресурсов человеческого потенциала.

Эти принципиальные различия между качественным скачком и опережающим развитием, как видно, имеют в основе политико-идеологический характер и не являются **следствием** развития социально-экономических концепций. Другими словами, это фундаментальные идеологические, системные

Табл. 19. Финансовые параметры реализации Стратегии

Общие объемы финансирования	2010	2012	2020
Внутренние затраты на исследования и разработки, в % к ВВП	1,32 (оценка)	1,4–1,6	2,4
Государственные расходы на исследования и разработки гражданского назначения, в % к ВВП	0,88 (оценка)	0,9	1,1
Внутренние затраты на образование	4,8	5,5–5,7	6,5–7,0
Государственные расходы на образование, в % к ВВП	4,0		5,5–6

различия между нынешним государственным либерализмом и русским социализмом. Это различия между двумя **системами взглядов**, между **двумя элитами**, которые, естественно, отражаются на подходах к разработке и реализации «Стратегия–2020». Так, если говорить о части ресурсного обеспечения «Стратегия–2020», ее финансовой составляющей, то нынешний подход можно охарактеризовать как инерционный, предусматривающий медленное, без учета предыдущего недофинансирования, увеличение государственных расходов на развитие НЧП. В частности, в новой программе МЭР «Инновационная Россия — 2020» предусматривались следующие финансовые параметры[104] (табл. 19).

Как видно, эти расходы не нацелены не только на технологический рывок, но даже на опережающее развитие, ибо и через 10 лет они **не будут соответствовать нынешним расходам на эти цели развитых государств**. С учетом недофинансирования последних 20 лет, эти расходы в лучшем случае позволят России медленнее отставать от развитых стран.

Очевидно, что такие политико-идеологические отличия требуют политических решений, меняют весь **существующий алгоритм** разработки стратегии социально-экономического развития, который пока что сегодня выглядит следующим образом. Попробую, опираясь на свой опыт, предположить свое видение доли влияния на разных стадиях различных институтов государства.

Рис. 11. Алгоритм разработки Стратегии социально-экономического развития в рамках нынешней идеологии

Как видно из схемы, весь процесс подготовки Стратегии прост и внешне логичен. Он сконцентрирован в очень узком круге лиц из числа сотрудников экспертного управления Администрации, департамента МЭРа и двух–трех десятков чиновников различных аппаратов, прежде всего аппарата Правительства РФ. Поразительно, но долгосрочная национальная стратегия развития готовится фактически десятком экономистов и десятком чиновников, которые придерживаются совершенно определенных взглядов. В основном тех же, кто с начала 90-х годов предлагал безрезультатные идеи, что показала реализация «Стратегия–2020» за 2008–2011 годы. Ситуацию в принципе не меняет и то, что в январе 2011 года В. Путин добавил к этой схеме «общественную экспертизу», а 16 февраля даже потребовал самого широкого публичного обсуждения новой стратегии социально-экономического развития России. Это, безусловно, правильный шаг. Однако принципиально эти инициативы не устраняют следующие основные недостатки прежнего алгоритма:

Первое. Круг лиц, отвечающих за разработку такой стратегии, традиционно остался ограничен теми же лицами, которые отвечали с начала 90-х годов за все реформы (и их неудачи) в России. По сути, «колода карт» только перемешалась, но фигуранты остались теми же. Странно ожидать от них новых решений, идей и подходов. Заранее можно сказать, за счет кого «расширят» этот круг, хотя на высшем уровне и декларируется учет «всех взглядов».

Следует ожидать, что произойдет формально «общенациональная» дискуссия, в ходе которой в течение года на сотнях площадок будут предлагаться, обсуждаться (и, соответственно, приниматься) все те же идеи все тех же людей. Как говорится в современной пословице, «У нас есть ВШЭ. Другой науки нам не нужно».

На мой взгляд, круг экспертов должен быть расширен принципиально. В том числе за счет оппонентов нынешней финансово-экономической элиты, представители которых есть и в исполнительной власти (включая профессиональный аппарат правительства), и в крупнейших финансовых институтах, и в университетах, и, конечно же, РАН.

При этом следует обязательно вернуться к уточнению национальных интересов, ценностей и приоритетов развития, формулированию целей развития, подчиненных задач. Это предполагает прямое участие в разработке Стратегии правящей элиты и верховной власти.

Очень важно разработать качественный долгосрочный прогноз и систему долгосрочного планирования для реализации этих целей. Причем прогноз общенациональный, а не макроэкономическую экстраполяцию[105]. И в этом прогнозе изначально заложить идею «скачка», обеспечив эту идею амбициозным стратегическим планированием.

Другой важный аспект — необходимо провести инвентаризацию национальных ресурсов с тем, чтобы задействовать все (а не только финансовые) национальные ресурсы, включая идеологические, моральные, нравственные, духовные. Надо понимать,

что для «скачка» потребуется максимальное напряжение, использование всех национальных ресурсов и возможностей. Этот подход принципиально отличается от сегодняшнего, когда основной упор делается на подсчете поступлений от торговли ресурсами на внешних рынках.

Второе. Идеология (точнее ее отсутствие) осталась прежней: макроэкономический подход, игнорирующий фактически как роль НЧП, так и социальную его составляющую. Практически вся «идеология» «Стратегия–2020» сводится к организации процесса модернизации одной из трех частей национального богатства — материальных активов, даже еще уже — технологий, на основе внешних заимствований. Такая идеология должна быть заменена на идеологию мобилизации всех национальных ресурсов, но прежде всего делать акцент на развитие НЧП и его составляющих.

Стратегия долгосрочного национального развития должна быть относительно устойчивой **системой взглядов элиты** — политической и идеологической — на цели и средства развития нации, а не макроэкономической экстраполяцией нынешних (далеко не всегда положительных) тенденций. Эта стратегия должна быть общенациональной и обязательной для правящей элиты, стать нравственной нормой, которая утверждается систематической работой с институтами социального потенциала — трудовыми коллективами, творческими и иными союзами, политическими партиями, СМИ и т.д.

Что еще хуже, так это то, что нынешняя идеология модернизации — технологических заимствований — распространяется и на социальный потенциал, культурную, духовную и общественно-политическую систему страны, претендует даже на ее систему ценностей. Что, конечно же, абсолютно не допустимо. Почему-то ее авторы предполагают, что технологическая модернизация осуществляется параллельно с социально-политической, во многом социокультурной и духовной.

Таким образом, основной и стратегически важный документ, определяющий не только социально-экономическое, но и цивилизационное будущее страны, готовится фактически экспертами одного экономического министерства и узким кругом экспертов ВШЭ, которые — хотят они того или нет — берут на себя функции **постановщиков задач** (причем не только социальных и экономических, но и политических, и идеологических) **в общенациональном масштабе**.

Практически в неизменном виде он передается Президенту РФ, от которого уже расходится в качестве директивного документа в Федеральное Собрание, регионы и другие органы власти страны.

На мой взгляд, эффективная схема разработки «Стратегия–2020» должна выглядеть следующим образом (рис. 12).

При таком порядке Президент, как глава государства и **лидер нации**, определяет приоритеты и цели стратегии, принципиально распределяет ресурсы и ставит задачи всем органам власти и государственным институтам на общенациональном уровне, — передавая на конкретную дальнейшую проработку в региональные и иные органы власти. Но сам — важно подчеркнуть, — Президент и его аппарат делают это на основе предложений **всех институтов нации,** представленных прежде всего социальным компонентом НЧП.

Рис. 12. Структура и алгоритм разработки долгосрочной Стратегии национального развития

При этом важно, чтобы в дальнейшем, по мере реализации поставленных задач, социальный потенциал общества и нации не только не был исключен из этого процесса, но и были предусмотрены инструменты **его влияния и участия в этом процессе**, т.е. социальные институты, наравне с исполнительной властью должны стать механизмом реализации Стратегии. Причем не номинальными, а полноценными. Поэтому у них должны быть соответствующие ресурсы влияния — властные, финансовые, медийные.

Третье. В любой стратегии главное — четкое определение целей и распределение ресурсов. Применительно к общенациональной стратегии это означает, во-первых, добиться согласия (внутри элиты и общества) относительно национальных интересов России в будущем и ее национальных ценностей. Во-вторых, формализовать эти представления в долгосрочные цели и задачи, включая представления о будущем образе России. В-третьих, уточнить, какое влияние на эти цели и задачи могут оказать внешние факторы. И, наконец, в-четвертых, добиться согласия относительно распределения национальных ресурсов и факторов влияния.

На каждом из этих этапов отдельности и в целом нужна общенациональная дискуссия, в результате которой будет найдено согласие большинства элиты и общества относительно базовых представлений. Прежде всего институтов социального потенциала. Это означает консенсус относительно политико-идеологических представлений как устойчивой системы взглядов элиты на основные положения будущей долгосрочной стратегии.

Эти процессы должны сопровождаться не только широким экспертным обсуждением, но и кампанией в СМИ, которые **должны вернуть нации идеологию**, показать реальный образ желаемого будущего, а не сомнительные абстракции высших должностных лиц.

Наконец, **четвертое, главное**. Любая стратегия предусматривает выделение в качестве **приоритета главной цели**. Когда формируется перечень или даже длинный список таких целей и задач, то процесс целеполагания, да и сама стратегия становятся бессмысленными. Поэтому важно ясно и четко определить один приоритет, одну цель, которая должна иметь совершенно конкретный характер и четкое измерение. Эта главная цель, определенная в ходе дискуссий и политического решения, должна быть не просто постоянно в центре внимания, но и главным аргументом при решении любой проблемы. Сегодня такая цель — опережающее развитие национального человеческого потенциала, в том числе институтов социального потенциала, способных создать «критическую массу» творческих людей в России. Как справедливо сказал Ю. Москвин, «в настоящее время можно говорить о глобальном переделе человеческих ресурсов мира, означающем жесткую конкурентную борьбу отдельных государств за преимущественное обладание интеллектуально одаренными и нравственно развитыми людьми — потенциальными носителями нового успеха и процветания»[106].

Эту цель не должны заслонять ни фантазии экспертов и лидеров, макроэкономические приоритеты, ни псевдогосударственные интересы, ни мнимые, в т.ч. общечеловеческие и демократические ценности, ни амбиции лидеров, ни недальновидность и вороватость элиты.

---

1 *Подберезкин А.* и др. Приоритетные национальные проекты — идеология прорыва в будущее. М.: Европа, 2007. С. 107.

2 *Славин Б.* Идеология возвращается. М.: 2010. С. 18.

3 *Торкунов А.* Внешняя политика Александра Невского: цели, принципы, направления // По дороге в будущее / ред.-сост. А.В. Мальгин, А.Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010 г. С. 177–178.

4 *Куликов С.* Стабильность в России под большим вопросом // Независимая газета. 2011. 27 апреля. С. 1, 2.

5 *Востряков Л., Чириков Е.* Американские и российские администраторы культуры о критериях успешности управления: формирование нового профессионализма // Власть. 2010. № 5. С. 109.

6 *Кукол Е.* Министерство инноваций // Российская газета. 2011. 10 февраля. С. 5.

7 *Кокошин А. А.* О фундаментальном исследовании Академии наук Китая. 2011. 12 мая. [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru

8 Пока что это осознание происходит на технологическом уровне, что свидетельствует о движении в правильном направлении, но без четкого политического курса. Так, попытка развития инфраструктурных программ, в частности, технологических платформ как инструментов разработки крупных системных проектов, на мой взгляд, является прежде всего попыткой создания новых институтов социального потенциала, которые могут превратиться со временем в новые подотрасли и целые отрасли экономики (например, биотехнологии). См. подробное: *Вежин С.* Биотехнологии: мифы и реальность // Независимая газета. 2011. 27 апреля. С. 4.

9 Ситуация не меняет даже то обстоятельство, когда, по признанию в марте 2011 года В. Путина, к доработке «Стратегии–2020» было привлечено более 1000 экспертов. Все они принадлежат одной школе, следуют одной традиции и не выходят за рамки макроэкономического подхода, игнорируя необходимость системного и идеологического подхода к разработке стратегии национального развития.

10 Этой актуальной проблеме я посвятил множество работ. К сожалению, пока (в 2011 году) результата не наблюдается. Правящая элита, как и прежде, предлагает частные решения, не договорившись с нацией о базовых вещах: национальных интересах, ценностях, целей и стратегии национального развития. См. подробнее: *Подберезкин А. (Иванов А.)*: Глава I. Национальные проекты и реализация потенциала личности (сс. 26–137); Глава II «Креативный класс» — главная движущая сила развития общества и экономики» / Приоритетные национальные проекты и новая идеология. М.: СГА, 2006. Т. 1.

[11] Особенно это заметно на примере социологии, которая, с одной стороны, превратилась в прикладную науку, а, с другой, — потеряла способность выдвигать масштабные национальные идеи. См., например, *Соколов М.* Популяция социологов новой России. «Полит.ру». 15 марта 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.polit.ru/science/ 2011/03/15/socolov.

[12] За первые два года Комиссия С. Е. Нарышкина подготовила массу изданий, в т.ч. связанных с современностью. См.: *Подберезкин А.* Об истоках опережающего развития России. С. 117–205 / За честную историю. МГИМО(У), 2010. Т. 6.

[13] *Торкунов А.* Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007. 7 декабря. // По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 415.

[14] *Денисов А.* Россияне живут в социальных гетто // Независимая газета. 2011. 6 апреля. С. 3.

[15] *Башкатова А.* Глобализм с человеческим лицом // Независимая газета. 2011. 6 апреля. С. 1.

[16] Нация и государство постоянно находятся в развитии, которое, как в России на рубеже XX–XXI веков, может приобретать революционные формы, в том числе радикально меняющие социальный потенциал нации и его институты. Именно это произошло и происходит в нашей стране. Наблюдая эволюцию политической истории, можно заметить, как стремительно изменилась вся общественно-политическая организация советского и российского общества. Этому я посвятил вместе со своими коллегами немало работ, среди которых наиболее полная «Россия–2000. Современная политическая история (1985–1999 гг.) т. 1 «Хроника и аналитика»; Т. 2 «Лица» / общ. ред. и рук. авт. кол. *Подберезкин А. И.* М.: РАУ-Университет, 2000.

[17] Член-корреспондент РАН *Махутов Н. А.,* член-корреспондент РАН *Кузык Б. Н.,* профессор *Абросимов Н. В.* Прогнозные показатели социально-экономического и научно-технологического развития России до 2030 года с использованием критериев стратегических рисков. М.: РАН, Координационный совет РАН по прогнозированию, 2010. С. 2.

[18] Там же. С. 2–3.

[19] Там же.

[20] В 2003–2005 годах я попытался создать такую базу данных, включающую только те организации, которые представлены в Интернете на портале «Современная политическая Россия» / http://www.nasledie.ru/oborg/, а в 1991–1992 году даже опубликовал со своими коллегами справочник в трех томах «Политические партии, организации и клубы» (М.: РАУ-корпорация, 1992. В 3-х томах), среди которых только экологических организаций на территории бывшего СССР насчитывалось 818.

[21] *Ольшанский Д.* Зреющий протест некому возглавить. — Мировой политический форум. 2011. 14 марта. С. 15.

[22] Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект. М.: Экон-информ, 2011 г. С. 5

[23] В данной работе не предусмотрено рассмотрение причин и масштабов несправедливого перераспределения национального богатства страны. Отсылаю заинтересованного читателя к работе выполненной мной с коллегами в Счетной палате РФ по поручению В. В. Путина, вызвавшей в свое время бурную и противоречивую реакцию. См.: *Мунтян М. А., Подберезкин А. И., Стреляев С. П.* Приватизация и приватизаторы / Теория и практика российской приватизации). М.: Воскресенье, 2005. С. 308.

[24] О. Дмитриева: богатство миллиардеров за счет бедности населения // «Viperson». 11 марта 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru

[25] *Львов Д. С.* Экономика развития. М.: Экзамен, 2002. С. 291.

[26] Российский статистический ежегодник. 2010. М.: Росстат, 2010. С. 144.

[27] Там же. 146.

[28] «В. Путин оказался главным националистом, а новая власть — обладанием монополии на национализм», — пишут исследователи МГИМО(У). Русский национализм между властью и оппозицией / под ред. В. Прибыловского. М.: Центр «Панорама», 2010 г. С. 53. Они же, на мой взгляд, безусловно считают, что «Русский национализм скорее фантом и медийный миф…» (стр. 62).

[29] По оценкам В.Иноземцева, например, запланированная на весь 2011 год инфляций в 12% достигла в реальности 15%-го уровня уже в неполном первом квартале 2011 года. См.: Известия, 17 марта 2011 г.

[30] Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект. М.: Экон-информ, 2011. С. 13.

[31] *Полюбина И. Б.* Бедность как феномен: причины, стратегия преодоления // «Viperson». 11 марта 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru

[32] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 193.

[33] *Подберезкин А.* Предисловие. В кн.: Концепция национальной безопасности России в 1995 году // Специальный выпуск (№ 3–4) журнала «Обозреватель». М. 1995. С. 15.

[34] *Караганов С. А.* Роман с тираном без конца? // Российская газета. 2011. 8 апреля. С. 3.

[35] Термин «опережающее развитие», как правило, используется для того, чтобы охарактеризовать темпы роста ВВП выше, чем средние в мире (порядке 3,5% в последнее десятилетие), либо в развитых странах (порядка 2,5%). Таким образом он фактически сводится к количественному росту ВВП. В этом смысле Россия в 2000–2007 годы вполне соответствовала этому критерию. На мой взгляд, опережающие развитие — это именно развитие, а не рост, когда основная «прибавка» в ВВП (более 75%) состоит из результатов деятельности наукоемких отраслей экономики и обеспечивается развитием человеческого потенциала.

[36] **Скачок** — *зд.* качественное изменение состояния общества, экономики и государства в среднесрочной перспективе (до 10 лет), при котором страна выходит на показатели развития НЧП, соответствующие странам-лидерам. О его необходимости я не раз писал, начиная с 1995 года. См., например: Глава IV «Идея «технологического рывки»» / *Подберезкин А., Булатов Ю.* Россия в глобальном мире: некоторые теоретические аспекты исследования. М.: Научная книга, 2003. С. 202–222.

[37] В этом смысле корректировки «Стратегии 2020», обещанные В. Путиным, не имеют перспективы, если, конечно, он, как лидер, не пересмотрит в принципе свою идеологию и подход к стратегии национального развития.

[38] *Подберезкин А.* Предисловие. В кн.: Концепция национальной безопасности России в 1995 году. М.: РАУ-корпорация, 1995. С. 15.

[39] Инновационная Россия 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). М.: МЭР, 2010. С. 2.

[40] См., например: *Подберезкин А. И., Абакумов С. А.* Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004.; а также: Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России. М.: Москва—Санкт-Петербург, 2005, где, в частности, я писал: «…государство побаивается…такой независимости гражданского общества и искусственно сдерживает его формулирование» (с. 270).

[41] *Павловский Г.* Реквием по одной неудачной редакции // Специальное издание Русского института. 2011. 6 мая. С. 2.

[42] *Караганов С.* Консерваторы воруют, реакционеры — нет? // Специальное издание Русского института. 2011. 6 мая. С. 3.

[43] Идея «технологического скачка» подробно описана впервые в кн.: *Подберезкин А., Булатов Ю.* Россия в глобальном мире: некоторые теоретические аспекты исследования (Глава IV, раздел № 5 «Идея «Технологического скачка». С. 202–220.

[44] См. подробнее: *Подберезкин А.* Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2 (17). С. 7–9.

[45] **Цивилизация** — *зд.* Сложные социальная система, состоящая из социума–нации, — среды и времени, а также территории, культуры и системы ценностей, хотя существуют и другие определения. См., например: *Гонтарев Б. А.* СМИ и мировые цивилизации. М.: МГИМО(У), 2011. С. 3.

[46] О необходимости такой стратегии я писал неоднократно. В том числе накануне президентских и парламентских выборов 1990-х и 2000-х годов. В основе такой стратегии должны лежать правильно понятие национальные интересы и ценности, точно сформулированные цели и правильно распределенные ресурсы. Но в тактическом плане важны «идеологические прорывы» элиты, т.е. политическое искусство, мастерство, профессионализм и нравственность, основанные на реальных научных знаниях, а не либеральной традиции. См. *Подберезкин А.* Стратегия для России (материалы для съезда социалистической единой партии России). М.: 2002. С. 18–20.

[47] В этом смысле очень справедливое замечание о национальных интересах, понимаемых нашей элитой, данное М. Леонтьевым. См. подробнее: Специальное издание Русского института, 6 мая 2011 г.

[48] Социальная Европа в XXI веке / под ред. Каргаловой М.В. М.: Весь мир, 2011. С. 176.

[49] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 574.

[50] Там же. С. 574.

[51] Там же. С. 575.

[52] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 59.

[53] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 559.

[54] UNDO calculation based on UN Statistics (data in current prices, in US$).

[55] Там же.

[56] UNDO calculation based on. UNIDO INDSTAT 2, 2009.

[57] Российский статистический ежегодник. 2010. М.: Росстат, 2010. С. 220.

[58] *Гаман-Голутвина О. В.* Система государственного управлений РФ как инструменты кризисной политики: оценка эффективности // Элиты и общество в сравнительном измерении. М.: РОСПЭН, 2011. С. 225.

[59] *Кагарлицкий Б.* Выбирать между разными вариантами прошлого // Специальное издание Русского института. 2011. 6 мая. С. 13.

[60] *Д.Бутрин*. Абстрактная ненависть и желание поправиться // Мировой политический форум. 14 марта 2011 г. С. 4.

[61] *Торкунов А.* Российская модель демократии и современное глобальное управление. // По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 47.

[62] *Дондурей Д.* В России сегодня некультуротворная ситуация // Российская газета. 2011. 22 марта. http://www.rg.ru/2011/02/22/doudurry-site.html

[63] *Андрианов В.Д.* Бюрократия коррупция и эффективность государственного управления: история и современность. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 3.

[64] Как справедливо пишет С. А. Мельников применительно к традиции престолонаследия, сохранившейся и сегодня, «…механизм престолонаследия, заложенный в XV веке, был востребован российской властью и в более поздний период. Номинация (назначение) активно применялась…», что является «…бесспорным примером развития правовой мысли и государственного права». Добавлю, сегодня тоже, что может быть как хорошо, так и плохо. Все зависит от наследника и его команды. (См. подробнее: *Мельников С. А.* Престолонаследие как фактор эволюции древнерусского государства (IX–XV вв.) Автореферат докт. диссертации. М.: Счетная палата, 2010. С. 11.

[65] Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект. М.: Экон-информ, 2011. С. 55.

[66] Так православные предприниматели внесли весной 2011 года свое понимание в стратегию развития Русская православная традиция, например, предполагала существование часовенного прихода и касс взаимопомощи, выдававших прихожанам ссуды без процентов (См.: *Гаслов И.* Скидка на веру // Российская газета. 2011. 16 мая. С. 9).

[67] *Косырев Д.* Китайский тридцать седьмой // Известия. 2011. 16 мая. С. 6.

[68] *Рубцов А.* Кто шляпку спер, тот и тетку пришил // Независимая газета. 2011. 18 мая. С. 5.

[69] *Львов Д. С.* Социальная стратификация в России. В кн.: Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / http://www.leadnet.ru/lvov8/

[70] *Ольшанский Д.* Комфорт, который мешает прогрессу. / Специальное издание Русского института. 2011. 6 мая. С. 9.

[71] *Григорьева Е.* Лучшие жены России // Известия. 2011. 16 мая. С. 1, 2.

[72] Clobal Corruption Report 2009. Corruption and the Private Sector. — Transparency international. С. 396.

[73] *Львов Д. С.* Социальная стратификация в России. В кн.: Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / http://www.leadnet.ru/lvov8/

[74] В 2003 году я писал, что «… именно этот слой стал ведущим социальным слоем … по влиянию на будущее любой нации. См.: *Подберезкин А., Булатов Ю.* Россия в глобальном мире: некоторые теоретические аспекты исследования. М.: Научная книга, 2003. С. 187.

[75] *Соловей Т., Соловей В.* Русский национализм при Путине–Медведеве. Кн.: Русский национализм между властью и оппозицией / под. ред. *В. Прибыловского*. М.: Панорама, 2010. С. 52.

[76] Харкевич М. Назад в будущее: геоэкономика XXI века в терминах реал политики XIX века / «Портал МГИМО», 2011. 25 февраля. [Эл. ресурс]. URL:http://www.mgimo.ru.

[77] *Маршалл А.* Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2008. С. 211–212.

[78] См. подробнее: *Подберезкин А., Янин И.* Искусство жить в России, М.: 1997. С. 16–21.

[79] Социально-экономические риски: диагностика причин и прогнозные сценарии нейтрализации / под ред. академика РАН и РАМН В. А. Черешнева, академика РАН А. И. Татаркина. Екатеринбург: Институт экономики УО РАН, 2010. С. 7.

[80] Global Employment Trends 2011.The challenge of a jobs recovery; International Labour Organization 2011. … P. 6.

[81] Я неоднократно писал о необходимости «скачка» с начала 1990-х годов. См., например, раздел «Интеллектуально-технологический вариант: факторы роста / *Подберезкин А., Карпенко М.* XXI век: стратегия для России. М.: ПСС, 2005. С. 70–79.

[82] *Кокошин А. А.* Формулы управления. М.: МГУ, 2008. С. 10.

[83] Дискуссия о среднем классе. Материалы конференции. М.: Научная книга, 2008. С. 34.

[84] Можно согласиться с определением социального потенциала, данным, например, *Дрегало А. А.* и *Ульяновским В. И.* в работе «Социальное пространство и потенциал региона»: «Под социальным потенциалом мы понимаем совокупность материальных и духовных ценностей общества, которые определяют потенциальную возможность развития или дезинтеграции социума». РГНФ № 05-03-48304 а/с. С. 148.

[85] Некоторые эксперты оценивают пропорции по-другому. Так, например, они считают, что для России доля активов (физического капитала) составляет 14%, природного 72%, а человеческого — только 14%. См.: *Якунин В. И., Роик В. Д., Сулакшин С. С.* Социальное измерение государственной экономической политики. М.: Научный эксперт, 2007 г. С. 29.

[86] Для нас совершенно очевидно. От редакции // Независимая газета. 2011. 16 мая. С. 2.

[87] *А. Маршалл*. Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2008. С. 227.

[88] Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. «Дорожная карта» строительства инновационной экономики: лучшая международная практика и уроки для России // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 38.

[89] Я пытался во втором десятилетии провести качественный анализ этих институтов. Частично результат можно посмотреть на портале www.viperson.ru Он свидетельствует, что реально действует лишь 15–20% организаций. Сознательная поддержка государством таких институтов — самая простая и эффективная мера ускорения развития общества и экономики.

[90] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 57, 58.

[91] Там же.

[92] Там же.

[93] *Дрегало А. А., Ульяновский В. И.* Социальная сфера жизнедеятельности региона. В НИР: Социальное пространство и потенциал региона. РГНФ, № 05-03-48304 а\с. С. 157.

[94] *Скляр Е. Н., Зверкович И. О.* Управление социальным потенциалом российских промышленных предприятий и оценка уровня его развития // Проблемы современной экономики, 2008. № 1 (25). http://www.m-economy.ru/art.

[95] Российский статистический ежегодник. 2010. М.: Росстат, 2010.

[96] *Скляр Е. Н., Зверкович И. О.* Управление социальным потенциалом российских промышленных предприятий и оценка уровня его развития // Проблемы современной экономики. 2008. № 1 (25). http://www.m-economy.ru/art.

[97] *Волков В., Дмитриева А., Панеях Э.* Точки торможения // Ведомости. 2011. 10 марта. С. 4.

[98] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: МЭР, 2008. С. 8

[99] Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект. М.: Экон-информ, 2011. С. 13.

[100] *Баталов Э.* Революция. Бунт. Переворот // Независимая газета. 2011. 22 марта. С. 15.

[101] См. подробнее: *Подберезкин А.* Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2 (17). С. 7–9.

[102] Как Мартынов обогащал SAP // Ведомости. 2011. 9 марта. С. 5.

[103] *Шокин А. И.* Генералы в штатском. 2011. 14 марта. http://tv.yandex.ru

[104] Инновационная Россия — 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). М.: МЭР, 2010.

[105] Как справедливо пишет А .А. Кокошин, «Удачные прогнозы, предвидения, предсказания крайне редки; но надо постоянно пытаться хоть немного «заглянуть в будущее» при подготовке и принятия решения. *Кокошин А. А.* Формулы управления. М.: МГУ, 2008. С. 10.

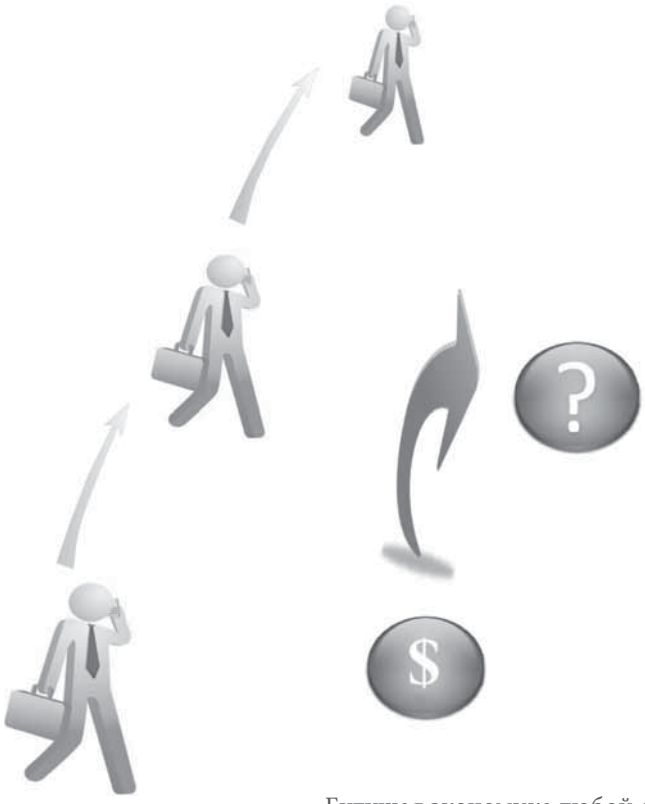
[106] *Москвич Ю.* Ключевые проблемы формирования устойчивого целеполагания для опережающего образования инновационной России. «Viperson». 2011. 12 марта. [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru

Глава 2

Единая социальная модель в Европе и её отсутствие в России

…Самой главной проблемой станет системная интеграция идеологии, экономики и безопасности[1].
В. Васильев

Главным препятствием на пути продвижения России к экономике знаний выступает нынешняя идеология реформ и существующие механизмы ее реализации[2].
Д. Львов, академик



Будущая экономика любой страны будет измеряться количеством и качеством человеческого капитала.
А. Подберезкин

Замечание относительно либеральной идеологии и механизмов ее реализации покойного академика Д. Львова, на мой взгляд, очень точно отражает ситуацию как в понимании правящей российской элиты в 1990–2010 годы идеологии реформ, так и в 2007–2011 годы, — когда основной проблемой формирования стратегии оставалась проблема недооценки социального потенциала и его институтов.

Вообще говоря, правящая элита продолжала все эти годы игнорировать НЧП и его институты, а, в конечном счете, интересы человека. Акцент был сделан на макроэкономические показатели, даже когда Россия вышла из глубокого кризиса к 2007 году. Это — трагическая ошибка, ведь была реальная возможность изменить вектор развития.

Не удалось. Более того, внутриполитическая стабилизация и рост ВВП создали иллюзию того, что страна, ее экономика, вышли из кризиса благодаря «мудрости» финансово-либеральных властей, а не внешним обстоятельствам. А раз так, то и следует продолжать эту логику развития, добавив амбициозности и ресурсов. Инерция предыдущих лет продолжалась и в «тучные годы» с той лишь разницей, что можно было меньше оглядываться на дестабилизирующие факторы. Возникла эйфория «избыток кислорода», когда случайно появившиеся ресурсы позволяют меньше думать об эффективности их использования.

Эта эйфория отразилась с неизбежностью и на социально-политической стратегии, точнее, ее полного отсутствия, когда, казалось, можно все «отстроить» благодаря наличию административного и финансового ресурса и благоприятным внешним условиям. Поиск идеологических, политических и социальных моделей был признан ненужным, даже вредным. Социальная политика превратилась в политику подачек, да и сама политика сконцентрировалась в одном лице — на В. Путине.

В это самое время в Европе сформировалась единая социальная модель (ЕСМ), которая, при всех национальных различиях, опиралась на бесспорные принципы[3]:

— социальной справедливости;
— социальной безопасности;
— социального сплочения;
— конкурентоспособной экономики;
— благоприятной экологии.

Идеология реформ стала вырисовываться более отчетливо после послания президента В. Путина 2007 года. Речь шла уже не только о росте и «удвоении» ВВП, но и модернизации всей экономики. Политически, публично она была озвучена в 2007 году. Становилось все яснее, что реанимация экономики России в количественных показателях давала не только новые возможности, но и требовала внятного понимания того, как эти возможности использовать. Проявлением этой дискуссии стала, например, статья Д. Медведева в газете «Коммерсант» в феврале 2007 года, где он сказал о том, что «Россия стала другой страной». «Другой» — в том смысле, что основные проблемы внутриполитической стабилизации и восстановления разрушенной экономики, освобождения от внешней зависимости, были решены.

Но вот **какой** страной она должна стать после 2007 года — ни В. Путиным, ни Д. Медведевым сказано не было. Не сказано было и позже, если, конечно же, не брать в расчет тезис о «стране, комфортной для проживания». Осознание этого понимания в правящей элите так и не произошло вплоть до 2011 года, даже несмотря на чередующиеся провалы различных концепций модернизаций, инноваций и т.п. Складывается впечатление, что правящая элита боится называть вещи своими именами, придавая понятию «социальное государство» порочно абстрактной характер. Между тем это понятие **политически** совершено конкретно.

Сегодня элите надо сказать, прежде всего, о том, что Россия не формально (по Конституции), а реально должна быть социально-ориентированной страной[4], где приоритеты развития человека становятся **главными политическими и экономическими приоритетами**. Конкретного человека и его возможностей, а кроме того, ежедневно, ежечастно решать множество частных проблем для этого. Как, например, в Израиле, где один из блоггеров очень точно подметил социальную суть общества и государства, выраженную в сугубой конкретике социальной модели государства и общества.

«**Социальная система практически пронизывает всё израильское общество**», — пишет этот блоггер.

В этой связи, может быть, взять за основу израильскую социальную модель нашими либералами, если они не могут (или, все-таки, не хотят) разработать свою?

Возникает и другой вопрос: почему в государстве, окруженном враждебными соседями и фактически находящемся в постоянном состоянии войны, есть социальная модель общества, а у нас нет?

Почему в государстве, где нет природных ресурсов (кроме солнечной энергии), существуют не придуманные искусственные, а реальные зарплаты, пенсии, пособия, жилье, а у нас нет?

Можно задать множество других вопросов, но ответ в конечном итоге будет один: в Израиле есть нация, национальная правящая элита, понимающая национальные интересы, а не обкрадывающая свой народ.

Отнюдь не случайно и то, что именно в Израиле существует одна из самых эффективных национальных инновационных систем, созданная на пустом месте, во враждебном окружении и при минимуме ресурсов[5]. Именно создание условий для приезда в Израиль высококвалифицированных специалистов из других стран сделало возможным это техническое чудо.

В России после кризиса 2008–2011 годов, очевидно, усилились негативные социальные тенденции,

отмеченные социологами, которые большую часть граждан поместили, условно говоря, в социальное гетто — зону депривации. «У таких людей, — отмечает Е. Петренко, — отсутствуют и солидарность, и ответственность, и надежда как-то выйти из тяжелой жизненной ситуации». По мнению Е. Петренко, это свидетельствует о том, что **трудности стимулируют гражданское мировоззрение**. Социальное гетто, объясняет эксперт, — это люди, «которые сами ничего не могут сделать, ни на кого не могут рассчитывать, ни на что не надеются. Это наиболее бедные слои населения: пенсионеры, жители малых городов и сел»[6].

В последние годы, развернулась, по сути, скрытая от глаз идеологическая борьба. Но уже не власти и оппозиции, а **внутри самой власти по вопросу о том, какой будет новая идеология опережающего развития государства, нации и человека в России**. В основном между двумя группами либеральной элиты. В том числе и по вопросу о будущей социальной модели государства. Эта борьба особенно наглядно проявилась в 2008–2011 годы, когда Д. Медведев заявил о политике модернизации и инноваций[7]. Толчок в очередной раз дискуссии дало признание В. Путиным провала «Стратегия–2020» в конце 2010 года. В феврале 2011 года выступление министра финансов А. Кудрина поставило под сомнение необходимость финансирования социальных программ за счет дефицита бюджета, что вызвало новую волну дискуссии[8].

Можно констатировать, что дискуссии о путях развития 2007–2010 годов проходили в рамках прежней макроэкономической парадигмы, когда все внимание было сконцентрировано на деталях, а не на принципиальных положениях стратегии. По-прежнему во главу угла ставилось сохранение макроэкономической стабильности, сокращение инфляции и привлечение инвестиций, хотя ни первого, ни второго, ни третьего после кризиса добиться не удалось. Критика «Стратегия–2020» стала острой, но преимущественно в рамках все той же либеральной традиции.

Не удалось добиться сколько-нибудь значимых результатов даже в понимании нарастающих социальных проблем. Таких, например, как пенсионная реформа, о которой много говорили, но сделать так ничего и не удалось. Между тем проблема пенсий во многом — отражение **принципиально новой политической**, социальной, демографической и экономической ситуации, возникшей в мире в XXI веке. Решить эту проблему простым увеличением пенсионных отчислений или пенсионного возраста невозможно. Те меры, которые предлагались либералами, должного эффекта не дали. Даже наоборот, ухудшили ситуацию.

А между тем не только за рубежом, но и в России происходили серьезные политические события, которые говорили о том, что социальные потрясения и даже революции отнюдь не только наша история, но и возможное будущее. Так, в своей «прощальной речи» 18 мая 2011 года С. Миронов откровенно заявил о том, что «лимит на революции не исчерпан»[9]. Росло социальное расслоение, недовольство элитой; накапливались нерешенные, в т.ч. этнические проблемы. Кризис в арабском мире, похоже, ничему не научил российскую элиту. И прежде всего тому, что растущий средний класс, не получая возможностей для самореализации, превращается из элемента стабильности в главный двигатель революции. Именно революция дает ему ощущение «неограниченной творческой свободы»[10], которой ему не хватает в России в начале XXI века.

Неизбежно и возвращение к проблеме качественного скачка в развитии России, которая имеет для нее особенное значение, учитывая многолетнее отставание. И здесь возникают концептуальные разногласия. Прежде всего между сторонниками «эволюционного», «естественного», «устойчивого» и пр. развития, когда стабильность во многом обеспечена замедлением темпов развития, и сторонниками «скачка» в развитии, к которым отношу себя я[11].

Эти нарастающие проблемы имели не только концептуально-идеологический, но и вполне конкретный характер. В частности, например, в пенсионной системе страны. Как отмечал эксперт В. Роик, объективно изменившаяся демографическая, экономическая и социальная ситуации породили системные проблемы для существующих пенсионных институтов, которые требуют полного изменения их архитектуры и даже **самой** матрицы социальных **экономических отношений в обществе**[12].

При этом я исхожу из того простого понимания, что мир уже находится на этапе «фазового перехода» от одного качественного состояния к другому и Россия может «выпасть» из этого процесса только на время, из-за сознательной позиции, вызванной корыстью или глупости элиты. Нам нужен скачок, чтобы не столько вырваться вперед, сколько догнать других, как говорит А. Виноградов, «срезать угол», не повторяя уже пройденный другими путь»[13].

Дискуссии о модернизации и стратегии социально-экономического развития России будет неизбежно обостряться. И не только потому, что В. Путин инициировал создание 21 рабочей группы и предложил широкое публичное обсуждение «Стратегии–2020», но и потому, что принципиальные проблемы провалившейся «Стратегии–2020» оказались не решенными. И вряд ли будут решены потому, что:

— цели и задачи такой Стратегии были признаны В. Путиным «правильными» и не будут пересмотрены, хотя они и оказались проваленными в 2001–2010 годах;
— люди, которые будут готовить очередную стратегию, представляют собой ту же группу экспертов — либералов, которые стояли у истоков реформ 1990-х годов и продолжали их в 2000–2011 годы.

И первое, и второе препятствие можно разрешить только в рамках смены идеологической и политической парадигмы и замены хотя бы части

правящей элиты страны, т.е. смены политического курса и правящей элиты. Понимание этого постепенно стало формироваться в российском обществе, Что, естественно, отразилось в дискуссиях 2011 года, которые проявили озабоченность сторонников либеральной традиции возможным ходом развития событий в стране.

«Идею качества человеческого потенциала как главной характеристики состояния народа в свое время сформулировал Питирим Сорокин, оценивая потери населения во время Первой мировой войны и революции. Несмотря на гигантские количественные утраты, отмечал он, составившие 21 млн чел. за 1914–1921 гг., главное все-таки — качественный урон; концепция развития человеческого потенциала шире модели экономического развития. «Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов», — пишет далее исследователь. «Внимательное изучение явлений расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин их было именно резкое качественное изменение состава их населения в ту или другую сторону». По оценкам Питирима Сорокина, только одаренность российских предков позволила создать «Могучее государство и ряд великих общечеловеческих ценностей»[14].

1. Социальный потенциал и инновации

К концу XX века понятие прогресс свели к прогрессу исключительно техническому… Сейчас мы слышим разговоры исключительно о новых технических центрах…[15].

Н. Басовская, писатель

…Для борьбы за свободу нужны тщательно разработанная стратегия и обстоятельное планирование[16].

Д. Шарп, автор пособия «От диктатуры к демократии»

Любопытно, что концепция социально-экономического развития и ее производное — «Стратегия–2020» — по существу не отражают своего названия: понятие «**социальное развитие**» не просто отходит на второй план, а фактически игнорируется авторами документа. Например, социальная напряженность и разобщенность внутри общества, которая в 2011 году переросла в противостояние, и даже ненависть. Как справедливо заметил политолог Э. Баталов, «к государственным мужам многие россияне доверия не испытывают и потому не уважают их …, чиновников … не любят, а элиту … ненавидят»[17]. Совершенно с ним согласен, но странно, что этого не хотят замечать наши финансовые власти, которые, вроде бы, живут в нашей стране.

«Выпадение» самого понятия «социальный» из Стратегии развития означает, что такая стратегия уже изначально теряет смысл: социальные потрясения и кризисы, внутриполитическая дестабилизация, раскол общества, как это показывают многочисленные примеры, в т.ч. и с СССР, превращают такие стратегии и доктрины в пустые бумажки. Вспомним, хотя бы принятую за год до развала Организации Варшавского Договора новую доктрину ОВД (в подготовке которой, кстати, я участвовал).

Примечательно, что в ходе развернувшейся дискуссии по корректировке «Стратегия–2020» в 2011 году два важнейших вопроса — о социальной сущности и развитии — остаются как бы в тени. И А. Кудрин, и А. Клепач говорят о **росте**, который должен быть не менее 6–7% в год, оговариваясь, правда, что сырьевая модель роста «должна быть заменена инвестиционной»[18].

Похоже, что авторы «Стратегия–2020» так и не сделали выводов из ее провала. Между тем не только этот опыт, но и результат развития самых передовых стран в последние десятилетия показывает, что ставка на инвестиции отнюдь не означает перехода к быстрому развитию. Так, в Финляндии, например, пережившей кризис развала СССР, вообще иностранных инвестиций мало, а темпы роста и развития — потрясающие[19]. «Стратегия–2020», принятая в марте 2008 года, оказалась несостоятельной. И не столько из-за кризиса 2008–2011 годов, сколько из-за неправильно сформулированных целей и избранных методов ее реализации. Это, в конечном счёте, были вынуждены признать Д. Медведев и В. Путин к концу 2010 года, а в начале 2011 года В. Путин поручил сформировать 21 группу экспертов, которым необходимо было до конца года «скорректировать» «Стратегию». При этом В. Путин признал, что цели «Стратегии» были «определены правильно».

Между тем этот вывод совершенно не соответствует действительности. И не только потому, что результаты реализации этой «Стратегии» оказались нулевые, но, прежде всего, потому, что «Стратегия» ставит перед собой политические цели. Даже, если она и называется «социально-экономической».

Такие цели в «Стратегия–2020» сформулированы не были. Кроме того, «Стратегия» отрицала фактически те социальные и политические проблемы, которые уже накопились в российском обществе и которые

привели к межнациональным и социальным конфликтам и кризису внутри самой элиты, росту недоверия. Это и понятно, ведь результаты **реальные** в социальной жизни страны разительно отличаются от статистических. Чего, например, стоит вывод российских ученых о состоянии здоровья граждан: «В целом по результатам диагностики установлено, что **ни один из регионов** (подч. — *А. П.*) России по качеству жизни населения не является благополучным»[20].

Эти социально-политические проблемы совершенно не учтены в «Стратегии–2020».

Соответственно, это отражается и на социальных настроениях. Как справедливо пишет профессор МГИМО(У) А. Богатуров, «**Не получился и вулкан энтузиазма по поводу планов научно-технологической модернизации**. К началу нового десятилетия средний небогатый россиянин точно понимал: инвестиционные потоки в России перетекают таким образом, что простому человеку от них практически ничего не достается. Поэтому рядовой гражданин почти не в состоянии допустить, что, скажем, «Сколково» — это «и его дело», проект, к которому он может приобщиться с пользой для себя и своей семьи»[21].

Таким образом при постановке В. Путиным задачи «корректировки» **не предполагалась пересмотра целей и приоритетов «Стратегия–2020»**. Что, безусловно, являлось ошибкой, ибо изначально цели и приоритеты были определены неточно, абстрактно, а их приоритетность вызывает сомнение. Прежде всего у общества, которое не поддержало эти инициативы. Так, в качестве цели выступают модернизация и инновации, которые сами по себе являются не целями, а средствами развития. Очевидно, не адекватно было оценено и значение социального потенциала, его институтов, что, в конечном счёте, отразилось на восприимчивости (точнее — невосприимчивости) общества и экономики к идеям модернизации и инновациям.

Принципиальной ошибкой «Стратегия–2020» стало и то, что она выступала в качестве самостоятельного интеллектуального продукта, а не следствия общепринятой элитой системы взглядов на цели и методы развития нации, общества и государства, т.е. идеологии. «Отказ» от идеологии В. Путина и Д. Медведева сыграл плохую шутку: из социально-экономической концепции попытались сделать идеологию. Причем даже партийную и общенациональную. Естественно, это не получилось.

Главное содержательное противоречие этих лет — в сути терминов «рост» и «развитие». Очевидно, что **экономический рост**, даже быстрый, не всегда сопровождается национальным **развитием**. Это тем более справедливо, когда речь идет уже не только об экономике, но и о социальной сфере. Так, быстрый рост ВВП России в 2000–2008 годы не сопровождался развитием. Иногда же бывало даже наоборот — рост был дегенеративен. Что и наблюдалось в России уже в кризисные 2000–2010 годы. И что, в конечном счете, стало понятно российской элите. Но понять — отнюдь не значит сделать правильные выводы. Тем более, когда значительная часть элиты оказывается в этом не заинтересованной.

В современной экономике знаний важны не столько темпы роста (ВВП и даже промышленности), сколько **качество роста**, т.е. развитие, причем, прежде всего нации и общества. Развитие в экономике и обществе — очень общее понятие, которое может характеризоваться **конечным результатом** за какой-то период времени. Один из таких результатов, характеризующий **национальный уровень** развития, выражается, например, в эффективности государственного управления и общественных институтов, а в агрегированном виде в индексе развития национального человеческого потенциала. В частности, в таких показателях, как ожидаемая

Табл. 1. Показатель численности патентов и его производные[22]

	Абсолютная численность патентов	Темп прироста числа патентов за 2000–2006 гг.	Доля стран в международном патентном деле	Число патентов на млн чел.
Россия	63	17,00	0,12	0,44
Китай	356	339,14	0,70	0,27
США	15 774	5,89	31,10	53,12
Япония	14 976	3,42	29,53	117,21
Германия	6298	3,75	12,42	76,38
Великобритания	1651	-0,52	3,25	27,41
Франция	2472	8,42	4,87	39,36
Канада	777	37,29	1,53	24,04
Италия	722	9,87	1,42	12,33
ЕС	14 575	4,57	28,74	29,63
ОЭСР	50 299	9,54	99,17	42,97

продолжительность жизни, продолжительность обучения, количество исследователей, учителей и работников здравоохранения на 10 000 граждан. По всем этим показателям за 2007–2010 годы в России наблюдалось ухудшение, характерное для экономики как сочетание стагнации и инфляции — стагфляции.

Особенно наглядно эти тенденции проявились в показателях патентной деятельности. Так, по данным ОЭСР, Россия занимает по этому показателю ничтожное место, уступая не только развитым, но и развивающимся странам.

Как видно из статистики (табл. 1), абсолютные показатели России — ничтожны, темпы прироста незначительные, а относительные настолько малы, что не выдерживают сопоставлений.

Россия не просто отстает от развитых стран по показателям инновационной активности, но отстает на порядки (в десятки раз!) от развитых стран. От США и Германии — в 100–150 раз, а Японии — в 250 раз!

Обращает на себя внимание, что если по уровню финансирования, количеству ученых и других количественным показателям Россия отстает от развитых стран в разы, то по качественным характеристикам (результатам) на порядки, т.е. в 10–100 раз. Это может объясняться только невосприимчивостью общества и экономики к инновациям, прежде всего неразвитым социальным потенциалом и его институтов.

Преодолеть это качественное отставание традиционными инерционными мерами не удается. Даже, если финансирование будет увеличено в 3–4 раза. Требуется качественный рывок. Прежде всего посредством создания национальной инновационной системы (НИС), которая сегодня в полном объеме существует только в США и Японии. НИС и другие институты социального потенциала, как части НЧП, является обязательным условием для создания и внедрения инноваций. Но НИС не может быть создана в принципе в обществе, которое не обладает развитым социальным потенциалом и его институтами. Соответственно инновации, технологии и модернизация бессмысленны до тех пор, пока не созданы для них **социальные условия**. Прежде всего, когда общество и экономика не заинтересованы и не мотивированы — идеологически, экономически, политически — на развитие.

К сожалению, приходится признать, что показатель патентной деятельности — реальное место России в мире, но это одновременно и характеристика убийственная той политики, которая основана не на национальном развитии, а на простом росте ВВП, идее «удвоения» и т.д.

Развитие — это развитие прежде всего, наукоемких (ресурсосберегающих, энергосберегающих) производств, а главное — воспроизводство человеческого капитала. Так, не случайно, что при сопоставимости ВВП России и ведущих европейских стран производительность труда в России отстает от европейских стран (на час времени) в 5,3 раза![23] Собственно это понимание и было ясно сформулировано в общих чертах В. Путиным и Д. Медведевым в первой половине 2008 года и развернувшейся в обществе в ходе многомесячной дискуссии. Наступила очередь реализации. Точнее, вплоть до 2011 года, такая очередь так и не наступила. Можно сказать, что вся идеология реформ, проводившихся в России вплоть до настоящего времени, **вообще не предполагала инновационного развития**. Ни национального, ни социального. А значит, эта идеология была антинациональна. И ее следует менять. На идеологию развития, в т.ч. инновационную, которая, в свою очередь, должна отличаться от прежней тем, что она будет и **национальной, и социальной**.

Другое важное противоречие, ставшее особенно очевидным, в 2009–2010 году, это то, что понимается под объектом развития. Если речь идет об опережающем развитии экономики в узком смысле этого слова, т.е. отдельных отраслей, как правило, экспортно-ориентированных, то такое развитие, даже если оно сопровождается инновациями и модернизацией, не решает проблемы опережающего развития. Тем более, когда, как в России в 2008–2010 годы, результаты инноваций были ничтожны. Как справедливо подметил профессор МГИМО(У) А. Богатуров, «оторванность небогатых граждан от экономических начинаний власти, утрата надежд на улучшение условий жизни в биологически значимые сроки перерастали в отчуждение от власти вообще. Насмотревшись западной жизни, люди хотели жить по-западному не «после смерти» и не в «следующих перерождениях», а на протяжении своей биологической жизни, причем ее более молодой части. Власть между тем **не предлагает простым россиянам жизни даже по скромным советским стандартам**. Более того, власть замкнулась сама в себе — ее экономические и политические планы формируются и видоизменяются в отрыве от учета интересов граждан»[24].

Но даже быстрое развитие наукоемких отраслей не означает по большому счету опережающего развития, а тем более — качественного скачка. Как мне представляется, опережающее развитие это такое развитие экономики, общества и государства, когда все отрасли и институты в течение относительно короткого срока (7–10 лет) **качественно меняют свое содержание**. Именно такой временной отрезок полагают возможным и необходимым, например, авторы доклада американской академии наук, которые, в отличие от авторов «Стратегия–2020» предлагают внятную логику развития этого процесса. По их мнению, она включает в себя «15 шагов», которые сокращенно выглядят следующим образом[25]:

1. **Твердая политическая приверженность взятому на построение экономики знаний курсу**.

— руководство страны должно быть объединено набором простых и понятных стратегических задач;
— определение приоритетных технологических областей «не с целью догнать», но чтобы стать в каких-то областях неоспоримым лидером;
— не стоит игнорировать традиционные отрасли экономики;
— сделать приоритетные цели более близкими гражданам страны.

Как видно, первый шаг — целеполагания — сводится к мобилизации элиты и общества для решения конкретных и понятных задач.

2. **Мобилизация поддержки перемен со стороны общества и элит**.
3. Доказать долгосрочную политическую приверженность реализации выработанной стратегии.

Доказать долгосрочную политическую приверженность реализации выработанной стратегии.

Для демонстрации постоянства своей стратегии Россия должна:

Учредить должность **подотчётного напрямую Президенту РФ главного технолога РФ** (Russia Chief Technology Officer), аналогично опыту США, который будет отвечать за координацию приобретения и внедрения новых технологий государственными ведомствами и организациями.

Координировать национальную, региональную и институциональную политику реализации выработанной стратегии.

Понять механизмы работы внешних и внутреннего рынков.

Стимулировать внутренний спрос на новые технологии посредством введения жестких стандартов и техрегламентов, мер регулирования и госзакупок.

Найти способствующее развитию инноваций соотношение между крупными и малыми компаниями и между транснациональными и внутренними компаниями.

Возродить осмысленную государственную политику проведения фундаментальных и прикладных исследований, гарантировав наличие, как источников кадров, так и новейших технологий, что жизненно важно для удовлетворения дальнейших требований рынка. Привлечь в Россию представителей мировой научной элиты, в том числе выходцев из российской диаспоры.

Создать международный научно-исследовательский университет по решению проблем, выбранных в качестве приоритетных в президентской стратегии, собирающий лучших и ярчайших представителей мировой науки и техники, работающий в тесном взаимодействии с промышленностью и стимулирующий культуру предпринимательства.

Табл. 2. Показатели инновационной активности в России и в странах ЕС

	Россия	ЕС (27 стран)	Группа инновационных лидеров: Дания	Группа стран, догоняющих лидеров: Бельгия	Группа «скромных новаторов»: Чехия	Группа отстающих: Болгария
Доля работников в занятых инновационно активных организациях, %	36,0	42	52	51	41	16
Доля выручки инновационно активных организаций в общей выручке, %**	48,0	—	83,0	80,7	65,6	39,7
Доля высокотехнологичной продукции в экспорте промышленности, 2006, %	9,0	—	20,0	8,0	14,0	6,0
Доля инновационной продукции в выручке, 2004, %	5,5	—	16,1	17,8	25,1	36,2
Интенсивность затрат на технологические инновации, % ***	1,44	—	3,81	4,09	2,69	0,89

Примечания: * При расчете доли инновационно активных предприятий учитывались общие данные по промышленности и сфере услуг.

** — без сферы услуг, данные по России относятся к 2007 г., по европейским странам — к 2004 г.

*** — без сферы услуг, данные по России относятся к 2006 г., по европейским странам — к 2004 г.

Источники: European Innovation Scoreboard 2007. Comparative Analysis of Innovation Performance. European Commission, February 2008 InnoMentrics. Pro Inno Union Paper 6. http://iri.jrc.ec.europa.eu/research/docs/2008/Scoreboard_2008.pdf

Евростат. База данных по инновационной активности в странах Европейского Союза http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page? pageid=1996,45323734 & dad=portal& schema=PORTAL&screen=welcomeref&open=/science/inn/inncis5 &language=en&product=EU science technology innovation&root=EU science technology innovation&scrollto=189

Индикаторы инновационной деятельности: 2008. Статистический сборник. Министерство образования и науки РФ, Федеральная служба статистики, ГУ-ВШЭ. М.: Издательство ГУ–ВШЭ

Табл. 3. Опережающее развитие в представлении российской элиты 2005–2010 годов

Основные параметры	2005–2007 гг.	2007–2010 гг.	2011–?
Количественный рост	Идея «удвоения ВВП», т.е. 7,8–7,9% роста ВВП в год.	«Стратегия–2020» как идея опережающего развития	Инновации и модернизации во всех отраслях экономики
Качественное развитие		Эволюция в структуре экономики	Изменение структуры экономики
Общественное и институциональное развитие	Активизация социальной политики	Озвучивание идеи ЧП и сохранение приоритетов социальной политики	Выдвижение идеи развития ЧП как ключевой экономической и социальной политики

Установить чёткие правила владения и распоряжения интеллектуальной собственностью для исследований с государственным финансированием, способствующим коммерциализации результатов исследований.

Усовершенствовать законодательство о защите интеллектуальной собственности и создать публичные примеры его исполнения в сфере высоких технологий.

Даже бизнесу, родившемуся в гараже, требуется нормальная деловая инфраструктура для развития. Однако строительство офисных комплексов, даже с пониженными налогами или упрощённым доступом к финансированию, недостаточно для решения этой задачи. Определяющее значение имеют элементы среды, коммерциализация и налаживание сетевых связей в пределах технопарка или экономической зоны, а не постоянные дотации государства.

Предусмотреть финансирование на ранней стадии существования, как прямое, так и в форме содействия завершению этапа развития новой технологии и пересечению так называемой «долины смерти».

Поддерживать и расширять сектор частного и венчурного финансирования. Стимулировать культуру предпринимательства.

Сегодня мы можем говорить только о политике сознательного ограждения инновационной активности в России, осуществляемой элитой в последние десятилетия. Даже по сравнению с формальными инновационными критериями (табл. 2), Россия находится в числе «отстающих инноваторов».

Это объективный результат инновационной деятельности российской элиты, который характеризуется прежде всего полным отсутствием у нее системы взглядов, т.е. идеологии развития.

В табличном виде это различие в понимании и представлениях может выглядеть следующим образом (табл. 3).

Таким образом, проблема ускоренного развития — прежде всего проблема политико-идеологическая. Высокие и устойчивые темпы развития возможны не только в Китае, но и в России. И не только теоретически, но и практически: как показали результаты 2006–2007 годов, некоторые отрасли — строительство, энергетика, машиностроение — могут развиваться темпами в 25–40% в год. Более того, первые месяцы 2008 года показали, что и бюджеты некоторых регионов могут расти на 30–50% ежегодно. Важно, чтобы **идеологически и политически такая цель изначально была сформулирована в соответствующей национальной стратегии**. Собственно в виде такой стратегии (в форме проекта концепции социально-экономического развития до 2020 года) попытались предложить для широкого обсуждения весной и летом 2008 года «Стратегию–2020», которая в итоге провалилась.

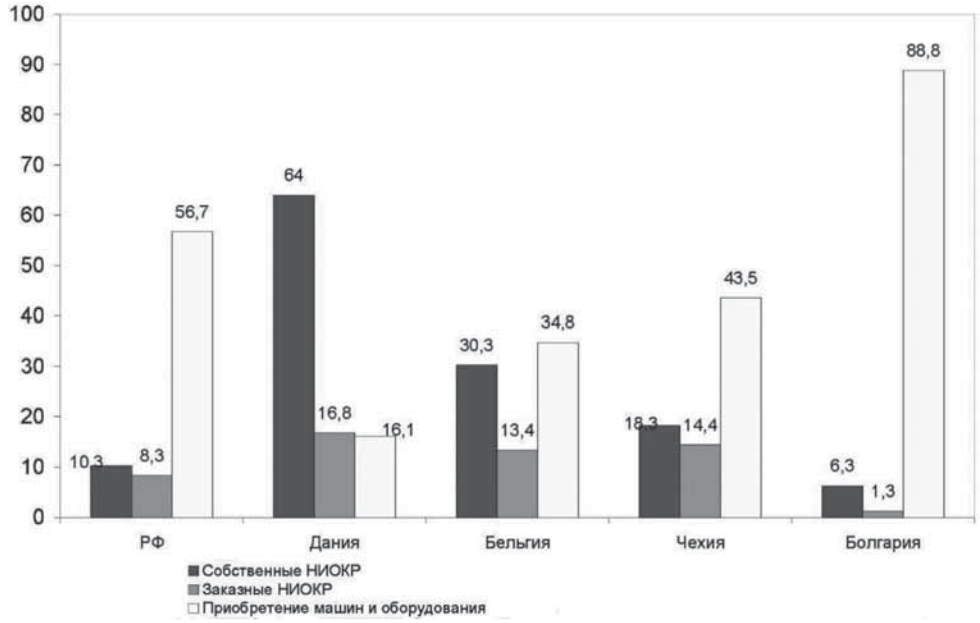
В 2011 году пытаются модернизировать эту стратегию, привлекая к ней «широкую общественную экспертизу», так и не поняв, что эта стратегия должна быть:

— во-первых, **общенациональной** системой взглядов, т.е. идеологией большинства элиты и общества, а не группы экспертов-макроэкономистов;
— во-вторых, она должна быть стратегией развития **нации**, а не экстраполяцией социально-экономических тенденций.

За прошедшие после 2008 года правящая элита не научилась главному, именно: пониманию того, что развитие может происходить только на национальной научной, культурной и духовной основе, а не на пути заимствований. Что, кстати, хорошо иллюстрируют следующие данные, где лидер по ИРЧП — Дания ясно демонстрирует, **как** должна пониматься модернизация и инновации (рис. 1).

Очевидно, что в элите столкнулись две близкие точки зрения. Одна из них, представленная Минфином, отражала по сути прежнюю, инерционную модель развития, в основе которой находилась идея любой ценой (в т.ч. за счет развития) сохранить макроэкономическую стабильность. И ее еще раз озвучил в феврале 2011 года А. Кудрин.

Другая позиция — МЭР, экспертного управления администрации и других организаций, — отражает необходимость более высоких темпов развития и вмешательства в экономику. Но обе эти позиции находятся в рамках одной идеологии. Собственно идеологические споры, в том числе и в апреле 2008 года на съезде «Единой России», ряде клубов и в СМИ шли о путях и приоритетах развития. Да и позже: в 2010–2011 г. — в рамках одной идеологической модели.



Индикаторы инновационной деятельности: 2008. Статистический сборник. Министерство образования и науки РФ. Федеральная служба статистики. ГУ-ВШЭ. Москва: Издательство ГУ-ВШЭ

Рис. 1. Доля затрат на собственные, заказные ИиР и на приобретение машин и оборудования в структуре затрат на технологические инновации (без сферы услуг)

Постепенно, медленно общество, но не правящая элита, выходило на понимание того, как решаются эти задачи. Идея «удвоения ВВП» — стратегия количественного роста, — которой на смену неизбежно должна была бы придти стратегия национального **опережающего развития**, точнее, рывка. Но не пришла. Потому что она и не может придти в рамках либеральной идеологии. Не случайно идея опережающего развития была изложена, во-первых, в форме идеи долгосрочного догоняющего развития, а, во-вторых, развития социально-экономического, а не развития, вообще. Тем более общественного. Тем более НЧП.

2. Качество развития и НЧП

…Наибольшую опасность для демократической системы
в современном мире несет с собой само ее развитие[26].
В. Иноземцев

Как фиксируется в справке Комитета Совета Федерации по промышленной политике, «в начале 90-х произошло быстрое открытие внутреннего рынка для импортной продукции, а с другой — существенно сократилось финансирование системы НИОКР, которое в **значительной степени концентрировалось в системе отраслевых научно-исследовательских институтов и заводских лабораториях**. В результате, резко снизился поток инновационных идей, качество и объем внедрения инновационных разработок. По разным оценкам, **вклад инновационной продукции в ВВП страны в настоящее время составляет около 5%, тогда как в развитых странах — от 40 до 60%. На НИОКР в России во всех секторах экономики тратится около 1% ВВП. На сегодняшний день по разным оценкам эффективность инвестиций в российские инновации в 112 раз ниже, чем в США**»[27].

Сегодня стала банальной истина: качество развития государства определяется, прежде всего, качеством НЧП. Но пока что не эта истина стала таковой для российской элиты, которая предпринимает самые непонятные и неприемлемые шаги в области науки, образования и культуры.

В частности, в науке. Это качество вполне измеряется количественными методами, например, объемом финансирования на душу населения и численностью персонала исследователей в экономике[28] (табл. 4).

Эти данные свидетельствуют **о реальном отношении** правящей элиты не просто к науке, а к национальному человеческому капиталу. Причем, эти данные подтверждаются не только сведениями за 2007–2008 годы, но и всей тенденции последнего десятилетия, которая свидетельствует о стагнации, а не развитии (табл. 5).

Табл. 4. Внутренние затраты на исследования и разработки в России и странах ОЭСР *[29]

	Всего, млн долл. США**		В процентах к валовому внутреннему продукту		В расчете на душу населения, долл. США**	
	2007	2008	2007	2008	2007	2008
Россия	23 605,6	23 659,3	1,12	1,04	166,2	166,7
Австралия	15 284,4	—	1,97	—	732,3	—
Австрия	7755,9	8461,4	2,54	2,68	934,3	1015,0
Бельгия	6988,3	7259,1	1,90	1,92	657,9	677,9
Великобритания	38 088,2	38 707,5	1,79	1,77	624,7	630,6
Венгрия	1824,5	1987,8	0,97	1,00	181,4	198,0
Германия	72 241,9	76 796,9	2,53	2,64	878,2	935,2
Греция	1801,6	—	0,58	—	161,0	—
Дания	5066,2	5498,2	2,55	2,72	927,9	1001,1
Ирландия	2480,6	2639,0	1,28	1,43	568,2	594,0
Исландия	305,3	313,2	2,68	2,65	980,6	980,7
Испания	17 897,6	19 369,9	1,27	1,35	398,8	424,8
Италия	21 714,5	22 127,7	1,18	1,19	365,7	369,8
Канада	24 125,9	23 961,5	1,90	1,84	732,6	719,0
Корея	41 339,1	45 293,6	3,21	3,37	853,1	931,8
Мексика	5598,4	—	0,37	—	53,0	—
Нидерланды	11 794,2	11 828,0	1,82	1,75	720,1	719,5
Новая Зеландия	1389,3	—	1,21	—	330,9	—
Норвегия	4158,1	4525,1	1,65	1,62	883,6	949,1
Польша	3525,7	3990,9	0,57	0,61	92,5	104,7
Португалия	2905,6	3734,9	1,21	1,51	273,9	351,6
Словакия	502,3	563,5	0,46	0,47	93,1	104,2
США	373 185,0	398 194,0	2,66	2,77	1236,8	1307,6
Турция	6781,5	7195,0	0,72	0,73	96,5	101,2
Финляндия	6495,5	7098,2	3,48	3,73	1228,2	1335,9
Франция	42 307,0	42 892,8	2,04	2,02	663,6	668,9
Чехия	3803,0	3767,9	1,54	1,47	368,4	361,3
Швейцария	—	9923,1	—	3,01	—	1287,0
Швеция	12 134,3	12 781,2	3,61	3,75	1326,4	1380,9
Япония	147 939,2	149 212,9	3,44	3,42	1157,8	1168,5

* Источник данных по странам ОЭСР: OECD (2010), Main Science and Technology Indicators, № 1, Paris. Информация по Австралии приведена за 2006 г.

** В расчете по паритету покупательной способности национальных валют. Здесь и далее данные могут отличаться от ранее опубликованных в связи с уточнением паритета покупательной способности национальных валют Росстатом.

Табл. 5. Внутренние затраты на исследования и разработки в ряде стран мира, в расчете на душу населения (долл. США по паритету покупательной способности)[30]

Страна	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
ОЭСР в целом	537,1	564	573,6	591,1	615,1	655	694,1
Россия	80,6	98,3	109,9	124,4	123,5	126,3	141,2
США	948	974,6	960,5	994,5	1023,5	1092,6	1146,5
Китай	21,3	24,7	30,7	36,3	44,4	54,3	66
Финляндия	857,8	880,5	925,7	950,8	1031,9	1061,2	1128,9
Япония	778,7	818	848,7	879,1	919,6	1007,2	1086,3
Израиль	892,2	951,1	934,6	891,7	944,3	1031,5	1132,6
Германия	636,1	661,3	686,9	720,8	744,1	757,3	809,7
Франция	541,9	585,5	619,2	594,5	608,9	630,3	655,7
Великобритания	472,5	493,8	516,4	521,7	535,8	554,9	588
Ю. Корея	393,4	449,3	472,6	500,8	581,5	636,1	743
Чехия	181,2	195	202,3	225,4	240,9	286,4	339,9
Венгрия	95,5	124,8	146,9	144,1	142,4	160,3	181,8
Польша	68	68,3	64,7	64,9	72,6	76,9	81,6

Более того, в намерениях разработчиков будущей «стратегии развития» эта тенденция только сохраняется.

Аналогичная ситуация складывается и в образовании. В принятой правительством в феврале 2011 года Концепции, расходы на образование фактически, с учетом инфляции, сокращаются[31].

Как видно, затраты на исследования (в расчете на душу населения) в России, как правило, в 5–7 раз ниже, чем в развитых странах и почти в 9 раз ниже, чем в США и Финляндии[32].

С точки зрения развития НЧП и, в частности, социального потенциала, можно констатировать, что:

— в 1990-е годы были разрушены и полностью уничтожены целые национальные научные школы, а те, которые сохранились, превратились в стагнирующие организации, в которых еле теплица научная активность;
— в первом десятилетии нового века ситуация перешла в стадию медленного, но неуклонного уничтожения национальной науки, когда целые направления и школы превратились в вымирающие структуры.

Не удивительно, что по числу занятых научных исследованиями, Россия неуклонно скатывается к показателям развивающихся стран (табл. 6). С одной существенной разницей: равная численность исследователей в России, Испании и Ирландии объясняется тем, что в научных организациях нашей страны продолжают придерживаться социальной политики в отношении пожилых (старше 70-и лет) кадров, которые составляют, по некоторым оценкам, от 30 до 40% всех исследователей. А это означает, что через 5–7 лет число исследователей в России сократится, как минимум, на этот процент.

Наконец, последнее. Россия была великой научной державой, что характеризовалось, в том числе и тем, что в 1980-е годы только СССР и США могли позволить себе развивать **все** направления НТП. Сегодня этого уже нет. Но есть политика «концентрации усилий» на отдельных направлениях НТП, хотя никто уже не может предположить, **какое** из будущих направлений окажется прорывным.

Примечательно, что по числу исследователей в России и Финляндии разрыв наиболее велик (более чем в 2,5 раза). При этом важно подчеркнуть, что именно Финляндия за последние 20 лет предоставила блестящий пример научно-технологического и экономического рывка. Причем даже без серьезных иностранных инвестиций[34]. Этот пример очень показателен. Все последние 20 лет наши реформаторы внушают нам:

— во-первых, что успешное развитие невозможно без иностранных инвестиций (иногда дополняют, что деньги есть только у США, а поэтому…);
— во-вторых, что наука, в частности, численность исследователей не имеют отношения к экономическому развитию (а до недавнего времени, что казна вообще должна быть на самофинансировании).

Оба этих тезиса не просто не правильны, а разрушительны для нации, ее НЧП. То, что они неверны даже с экономической точки зрения доказывает пример Финляндии, которая за последние 15 лет совершила экономический рывок, фактически утроив свой ВВП. При весьма скромных иностранных инвестициях, еще более скромных природных ресурсах

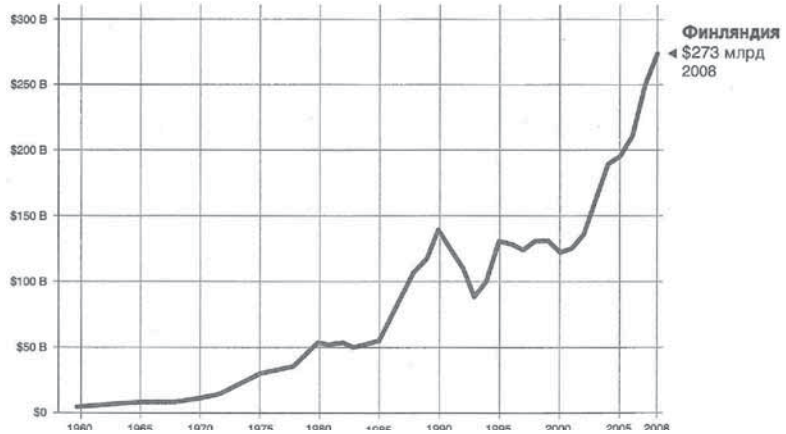
Табл. 6. Персонал, занятый исследованиями и разработками, в России и странах ОЭСР*[33]
(в эквиваленте полной занятости; человек)

	Персонал, занятый исследованиями и разработками		Исследователи	
	Всего	На 10 000 занятых в экономике	Всего	На 10 000 занятых в экономике
Россия	869 772	127	451 213	66
Австралия	126 070	123	87 140	85
Австрия	58 077	141	34 546	84
Бельгия	58 733	132	36 382	82
Великобритания	341 477	108	251 573	80
Венгрия	27 403	67	18 504	45
Германия	521 909	130	301 295	75
Греция	35 629	76	20 817	44
Дания	48 096	163	30 945	105
Ирландия	18 653	89	13 434	64
Исландия	3117	175	2308	129
Испания	215 676	105	130 986	64
Италия	236 261	94	96 303	38
Канада	228 679	133	142 948	83
Корея	294 440	125	236 137	100
Мексика	70 293	16	37 930	9
Нидерланды	93 382	107	50 602	58
Новая Зеландия	24 700	145	18 300	108
Норвегия	35 945	137	26 006	99
Польша	74 596	47	61 831	39
Португалия	49 114	95	40 563	79
Словакия	15 576	70	12 587	56
США	—	—	1 412 639	95
Турция	63 377	31	49 668	24
Финляндия	56 698	225	40 879	162
Франция	372 326	145	215 755	84
Чехия	50 808	96	29 785	56
Швейцария	62 066	138	25 142	56
Швеция	77 549	170	48 220	106
Япония	908 820	142	682 757	106

* Данные по России представлены за 2008 г. Источник данных по странам ОЭСР: OECD (2010), Main Science and Technology Indicators, № 1, Paris. Информация по Австралии приведена за 2006 г., по Греции, Канаде, Мексике, Новой Зеландии, Турции, США и Франции — за 2007 г., по остальным странам — за 2008 г.

Источник: Всемирный банк, показатели мирового развития (по состоянию на 15 июня 2010 г.)

Рис. 2. Прямые иностранные инвестиции в Финляндию (платёжный баланс в долл. США)



Источник: Всемирный банк, показатели мирового развития (по состоянию на 15 июня 2010 г.)

Рис. 3. Валовый внутренний продукт Финляндии (в сегодняшних долл. США без учета инфляции)[35]

и экономике, ориентированной всего лишь на несколько отраслей.

Ответ простой. В отличие от нашей, российской элиты, правящая элита Финляндии была национально и социально ориентирована. В том числе и в отношении своего НЧП (рис. 2, 3).

Примечательно, что Финляндия во многом ориентировалась на СССР. В том числе с точки зрения экспорта. Развал СССР имел для нее катастрофические последствия. Внешний рынок сузился. Внутренний — небольшой. И только ставка на развитие НЧП, прежде всего его социальной составляющей не только спасла страну, но и вывела ее в устойчивые лидеры по ИРЧП (1–3 место в мире).

Это должно было бы стать хорошим уроком для российской элиты. Но не стало. Удивительно, но те же люди, которые «реформировали» Россию в 1990-е годы, сегодня «модернизируют» ее экономику. И теми же методами.

Проблема, однако, в том, что переход, реальный переход к концепции долгосрочного опережающего социально-экономического развития, очевидно, затянулся, превратился в стагнацию. К середине 2008 года можно было только говорить о готовности руководства страны озвучивать этот тезис и пытаться акцентировать на нем влияние элиты. Но дальше наступил кризис. Дело объясняется тем, что решение этой глобальной задачи невозможно в принципе макроэкономическими средствами, которые были ориентированы на сохранение стабильности, которая быстро превращается в стагнацию.

Чтобы двигаться вперед и быстро, необходимо отказаться от «комфорта» макроэкономической стабильности. Только в этом случае возможны радикальные изменения (а только они и способны обеспечить опережающее развитие). Так, по признанию Д. Медведева еще в 2008 году «российские компании тратят 6–7% своего бюджета на инновацию. В нормальных странах… 50–60%, а японцы — за 70%»[36]. Ситуация в 2011 году стала не лучше, а хуже.

Другая сторона проблемы еще меньше связана с макроэкономикой. Отсталость социального потенциала — институтов гражданского общества, низкое качество управленческой элиты,

неприспособленность образования, отсталость науки и многое другое явились причиной, пожалуй, самой главной, экономического отставания России.

Но не быстрому развитию. Но гражданское общество, темпы его развития прямо зависят от темпов развития человеческого потенциала, личности, гражданина. Круг замыкается: опережающее развитие экономики России невозможно без опережающих темпов роста потенциала личности, а те, в свою очередь, от сознательного выбора элитой страны социально-гуманитарного сценария развития и идеологии русского социализма[37].

3. «Большой скачок»: модель развития

…Мы должны видеть за горизонтом — мир, в котором Америка будет сильнее и более безопаснее…[38].
Б. Обама

Богатая Россия превратилась в страну бедных людей[39].
В. Путин

Реализация планов опережающего национального развития («Большого скачка» в значительной, даже решающей степени, зависит от развития институтов социального потенциала нации. Это означает, что важнейшим условием «Большого скачка» является создание новой социальной модели российского общества. Первым шагом должен стать **отказ** от существующей ресурсной модели. «В экономиках, в которых богатство не производят, а **черпают из недр и перераспределяют, коммерциализация власти обычна**», — пишет философ А. Рубцов. — «Для производящих, а тем более инновационных экономик она губительна. Это историческая ловушка: чтобы сменить вектор развития («сняться с иглы», нефтяной и коррупционной), надо **совершить усилие против естества, почти чудо.** Иначе приятная инерция доведет до момента, когда сырьевая модель не потянет, а запускать несырьевую будет поздно, не на чем и не с кем. Судя по нынешним реалиям, так оно и будет. И этот момент ближе, чем кажется: накроет при жизни»[40].

Кризис в ряде арабских государств в начале 2011 года показал, что экономический рост и внутриполитическая кажущаяся стабильность не могут гарантировать даже традиционные общества и режимы от потрясений. Как справедливо признают эксперты МГИМО (У), «…мировой кризис арабские страны пережили легче, чем их западные партнеры и новые индустриальные государства, что было связано с сохранением государственного контроля над финансовой системой и невысокой степенью глобализации экономики большей части арабского мира. Экспортеры энергоносителей выиграли от высоких цен на свое сырье.

Поводом для народных выступлений стало не резкое нарушение социально-экономической стабильности, а отсутствие заметных перемен к лучшему и ощущения возросшей экономической выгоды, что усилило разочарование, особенно у представителей так называемого «среднего класса». Иными словами, возник разрыв между ожиданиями роста благосостояния и реальностью.

Парадоксальное на первый взгляд сочетание относительного экономического благополучия и выплеснувшегося на улицы народного гнева объясняется не только политическими причинами, но и сохранением ставших уже традиционными для этой части мира системных социально-экономических проблем и дисбалансов»[41].

Именно такой разрыв между социальными ожиданиями и реальностью стал стремительно развиваться в России в 2010–2011 годы. Как ни странно, на фоне выхода России из кризиса.

В действительности, в этом нет ничего удивительного, ведь давно замечено социологами, что социальные конфликты возникают во время ухудшения социально-экономической ситуации в стране, а по мере ее улучшения, когда социальные ожидания выше, чем конкретные результаты.

В этой связи становится особенно важно провести чёткую разницу между развитием и ростом. Не только в экономике, но и прежде всего в обществе. Для России эта разница сегодня, как увидим, принципиальна.

Разница между ростом и развитием

Для того, чтобы была видна нагляднее разница между развитиям и ростом, сравним две простые модели, характеризующие эти качества.

В первой модели, «модели роста», задействованы те части национального богатства, которые не связаны с НЧП. Соответственно используются и механизмы такого роста. Прежде всего экстенсивные, не удивительно, что последствия этого роста, как правило, негативны, отражаются в социальном плане, и, что немаловажно, первая модель основывается на передовых зарубежных заимствованиях. Это, во-первых, программирует отставание, а, во-вторых, резко сужает социальную и интеллектуальную базу развития.

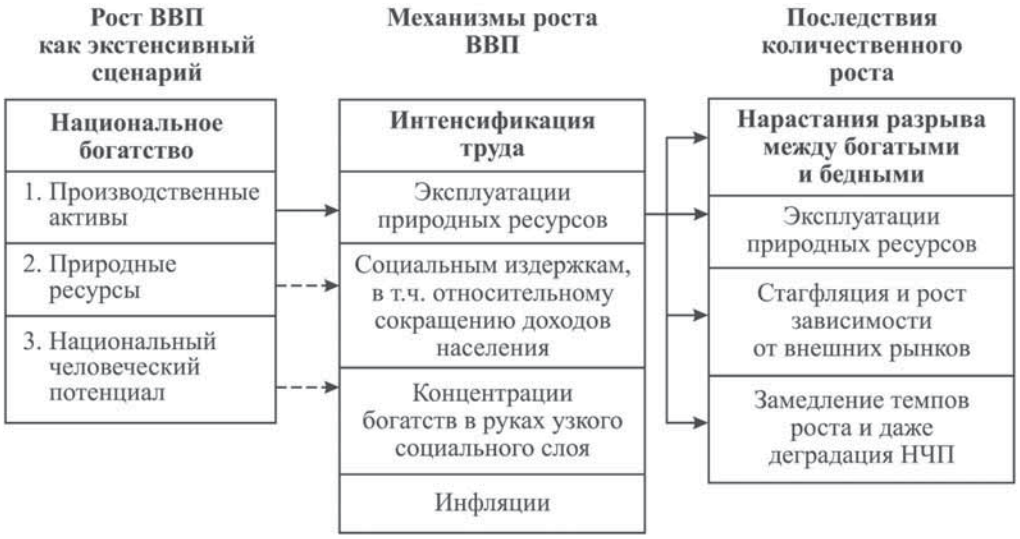


Рис. 4. Модель № 1 «Стагфляция»

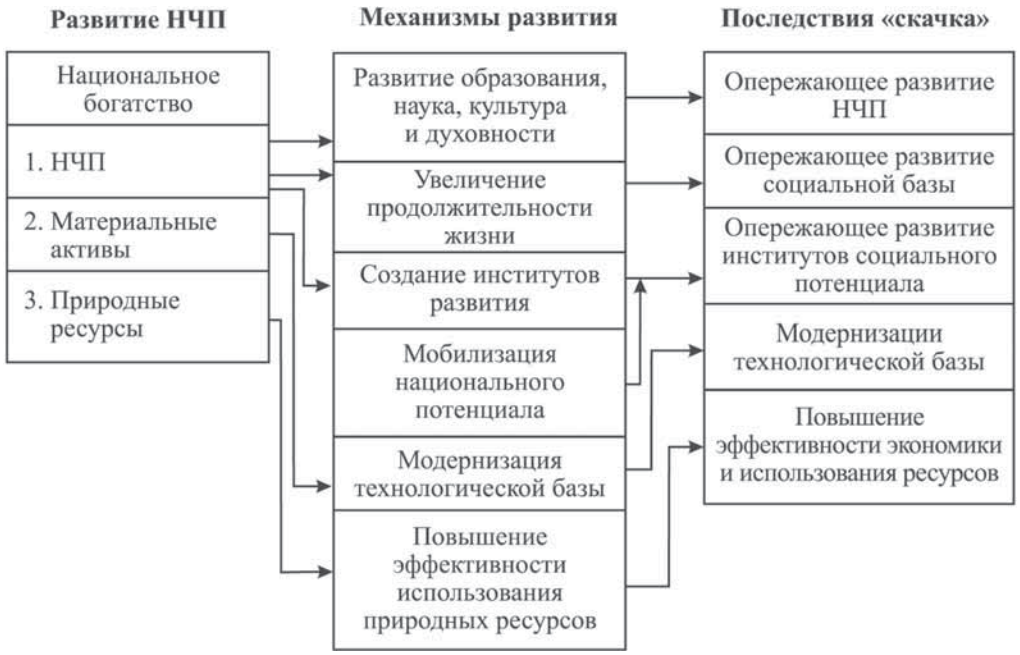


Рис. 5. Модель № 2 «Большой скачок»

Как видно из второй модели, в основу «Стратегии развития» закладывается ускоренное развитие НЧП и его социальных институтов (как инструментов развития НЧК), способных обеспечить движение «широким фронтом», во-первых, и на национальной интеллектуальной и культурной основе.

Говоря об ускоренном развитии России, тем более после кризиса, необходимо ясно понимать, что мы имеем в виду под термином «развитие». Обычно экономисты относят к главным критериям темпы роста ВВП, рост промышленности, биржевые индексы, устойчивость валютной и банковской системы, темпы инфляции. Именно эти критерии в основном и находятся в эпицентре внимания. Ими оперируют финансовые власти (что нормально) и некоторые политики (что абсолютно не нормально). У последних, в отличие от финансистов и экономистов, должны быть иные критерии, хотя, должен заметить, даже такие лидеры либерально-экономической мысли, как В. Мау и Е. Ясин, в 2011 году пришли к выводу о необходимости корректировки этих критериев. «Есть новые явления-феномены, которые необходимо оценить по-новому, — заявил В. Мау в марте 2011 года. В частности, по его словам, если 50–100 лет назад, планируя приоритеты **экономического роста**, можно было сказать, какие отрасли для этого нужно развивать, какие трактора строить и какой цемент выпускать, **то сейчас технологическая база резко меняется вместе с понятиями о том, что является передовым, а что — отсталым**»[42].

Подобные заявления, безусловно, вселяют определенный оптимизм. Тем более, что о них говорят

Табл. 7. Долгосрочный прогноз для России пока не вселяет оптимизма

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Рост ВВП, %	4,0	4,6	4,4	2,7	3,1	2,7	2,5	2,7	2,8	3,1	3,5
Инфляция, %	8,8	9,5	10,9	10,2	8,0	6,9	6,8	6,6	6,5	6,5	6,4
Дефицит бюджета, % ВВП	3,9	1,5	3,6	4,2	4,7	5,0	4,7	4,5	4,2	4,0	3,7
Курс доллара к рублю	29,9	29,4	29,5	30,3	31,1	32,2	33,4	34,7	36,0	37,3	38,5
Цена нефти Urals, долл. за барр.	77,2	83,1	84,0	83,2	84,0	84,2	84,5	84,9	85,7	87,3	89,7

признанные лидеры либеральных реформ. Вопрос в том, насколько далеко они смогут отойти от своих прежних представлений и реализовать их на практике в работе экспертных (17–21–?) групп по «корректировке» «Стратегии–2000». Если эта корректировка будет носить косметический характер и не затронет базовых положений «Стратегии–2020» (национальных интересов, целей развития, перераспределения ресурсов), то боюсь, что цена таким заявлениям будет небольшая.

У нации и государства, как известно, должны быть агрегированные, масштабные, политико-идеологические интересы и цели. Как, например, у того же Б. Обамы, который в кризисном, непростом для США 2010 году, говорил о перспективе для США стать более сильным и безопасным» государством.

Какую же цель развития нарисовали нам аналитики и инвесторы на 2011–2013 годы? Если коротко, то пока что независимые эксперты в феврале 2011 года полагают, что «… свернуть с траектории стагнации стране будет крайне сложно»[43]. Причины — те же: коррупция, плохая демография, падение уровня образования и т.п. «делают, по мнению западных аналитиков, модернизацию практически невозможной. Неутешителен, в связи с этим, и долгосрочный прогноз для России, сделанный этими экспертами»[44] (табл. 7).

Как видно, этот прогноз основывается на тех же количественных критериях роста экономики. Он не включает важнейших социальных критериев, характеризующих национальный человеческий капитал, инновационность экономики и возможности научно-технического рывка в развитии. Он не просто инерционен. Этот прогноз — механическая макроэкономическая экстраполяция существующих тенденций.

Но этот же прогноз может стать реальностью, если российская элита не предпримет решительных мер, чтобы пересмотреть алгоритм и модель стратегии социально-экономического развития. И, прежде всего те ее аспекты, которые связаны с развитием социального потенциала страны.

Этот долгосрочный прогноз — прогноз **стагфляции**, когда рост экономики ниже среднемирового, а инфляция зашкаливает за все разумные пределы. Сохраняется и огромный дефицит бюджета. И все это несмотря на то, что стоимость барреля нефти в феврале 2011 года уже превысила 100 долларов!

Подобный прогноз означает, что рост экономики, в понимании экономистов, означает принятие именно такого сценария, именно такой «Стратегии развития», который, к сожалению, подтверждался практикой последних десятилетий: за 20 лет мы только вышли на уровень РСФСР 1990, существенно ухудшив структуру экономики, радикально ухудшили структуру экспорта и сделав более 50% наших граждан нищими.

Но подобный же **прогноз становится сценарием** социально-экономического развития, если сохранить нынешнюю стратегию стагфляции, существовавшую все последние годы, — «Как корабль назовешь, так он и поплывет», — говорит пословица. И в ней много смысла: если прыгун в высоту ставит планку на два метра, то, может быть, он и не возьмет эту высоту, но стремиться к этому будет. Если же — 1,20, то он никогда и не прыгнет выше. Чтобы избежать этого, необходимо прежде всего отказаться от инерционного макроэкономического мышления и перейти в стратегическом планировании от категорий макроэкономического роста к категориям развития нации и государства. Прежде всего национального человеческого потенциала и его социальной составляющей. «Наш главный ресурс — это разум»[45], — сказал как-то студентам МГИМО(У)С. П. Капица. И он совершенно прав, но с одной важной оговоркой — кроме интеллекта, нужны и нравственность, и культура, и профессионализма, — все то, что определяет качество национального человеческого потенциала.

Причин этому немало. Среди них много, даже большинство, можно отнести к недоразвитости социального потенциала. Так, Р. Р. Гарифуллин отмечает следующие[46]. Рассмотрим их подробнее:

1. С одной стороны, у нас практически нет собственного производства, и поэтому, нет актуальных заказов на научные исследования. С другой стороны, затраты на науку всё-таки идут и немалые, деньги поступают и разбазариваются (гранты и т.п.). Ученые играют в «науку», отписывая отчёты, которые никто не проверяет. Таким образом, поддерживается миф о существовании российской науки. Благодаря этому мифу держатся проплаты, которые делаются родителями за своих обучающихся в вузе детей. А на

этих родительских деньгах преимущественно держится вся вузовская система (ведь обучение стало преимущественно платным), которая превратилась лишь в места социальной тусовки молодёжи (учёба и приобретение навыков стало неактуальным).

2. Математики жалуются, что, несмотря на то, что запущены мощные вычислительные машины, не поступает заказов от физиков, квантовых химиков и др. Нет научных задач.
3. Наука стала некоей таинственной чёрной дырой (проконтролировать по результату практически невозможно, т.к. своего производства нет), благодаря которой чиновниками от науки, посредством откатов отмываются лёгкие нефтегазовые деньги, выделяемые на «науку». В то же время откаты позволяют проходимцам от наук выбивать деньги и делать туфтовые отчёты. Денег много. Куда-то их надо же девать?!
4. Многие учёные потеряли честь, разбазаривая государственные научные деньги, позиционированием себя специалистами в конъюнктурных областях (нанотехнологиях и др.), не имея для этого ни малейшего основания.
5. Россия становится не только сырьевым придатком Запада, но и интеллектуальным. Так, например, уже многие программисты, живя у нас, используя наши помещения и средства, работают на американские научные фирмы. Поэтому имеет место весьма высокая вероятность превращения организуемого Приволжского Федерального университета (ПФУ) в интеллектуальный придаток западных научных проектов, то есть в структуру, далёкую от отечественного центра научного креатива.
6. Анализ развития настоящих научных проектов (Сколково и др.) показал, что научный креатив будет всегда на Западе. Россия станет лишь вспомогательной научной площадкой для западных научных проектов.
7. Наивные потуги президента Медведева, основывающиеся только на финансовом стимулировании ученых, без налаживания механизмов научного процесса (научных школ), которые уже практически невозможны (они утекли на Запад), ничего не дадут. В лучшем случае, мы будем вторичными к Западу и использованы им.
8. Россия уже подсела на научные разработки сравнительно дешёвого западного креатива . Продукты собственного креатива будут всегда дороже и это будет тормозом для развития отечественной науки, которая отстаёт на 20 лет от запада.
9. США никогда не будут способствовать развитию конкурирующей российской науки.
10. Доверять западным учёным, которые будут поднимать нашу доморощённую науку, наивно. Их мотивация — это зарплата, а не поднятие с колен уровня российской науки.
11. Гранты РФФИ «пилят» между собой руководители РФФИ, а гранты Минобрнауки «пилят» с помощью фирм, создаваемых под конкретные гранты чиновники Минобрнауки и академики — при этом в фирмах (наверное, совершенно случайно) работают их дети, другие родственники, знакомые. Но иногда дают гранты и просто людям со стороны — при условии «отката» от 10% до 50% от суммы. Можно иногда выиграть грант и без отката — но при этом у тебя не примут отчёта.
12. Научной информации накоплено море. Каждую минуту в мире издается две научные статьи, которые помещаются в информационное пространство, — и никакой ученый уже не в состоянии их все прочитать. Это проблема не только России. Идея такая — как из всей этой информации сделать знание. Нужно извлечь из нее новые идеи и использовать их на практике. Это сейчас развивается во всех странах. Есть и «куски», которые делают в России, но бессистемно, разрозненно. Вот такую координацию нужно осуществлять.
13. В России очень хорошие программисты. Так, например, 90% программистов, работающих в Национальном центре биологической информации США, — россияне. Они создают для Америки стратегический ресурс, который отсутствует в России в принципе. Закроют американцы свой центр, а европейцы свой Европейский биологический институт, и у российской науки в области биомедицины не будет туда доступа. А ведь без полноты информации невозможна медицина будущего.
14. Современная фармацевтика в России практически отсутствует. Во всем мире биотехнологии развиваются по большей части оттого, что есть фармкомпании, есть их заказ. Государство в принципе должно лишь помогать им. В России такие компании уже появляются, но для них должна быть создана среда, которая позволила бы им развиваться быстрее, быть конкурентоспособными. Все зарубежные компании, которые сюда приходят, хотят здесь делать клинические испытания лекарств. Это, конечно, хорошо, но почему бы им не создавать исследовательские центры, чтобы российские ребята не уезжали за границу после окончания университетов, а оставались работать в них?
15. К западным научным компаниям у нас многие относятся либо как к дойным коровам, с которых важно получить как можно больше молока, либо как к потенциальным врагам, которые только и мечтают превратить наших людей в подопытных кроликов. Они до сих пор нередко работают в условиях» холодной войны».
16. На науку выделяются большие деньги, но при этом до сих пор не определено: что будет считаться конкретным результатом и когда? Разработка чего-то нового требует больших

денег и времени. Это как результат отпадает, люди скажут: да, мы помним, нам уже обещали коммунизм через 20 лет… Хотелось бы найти то, что объединит долгосрочные стратегии с результатом, который люди увидели бы в обозримом будущем. Но увы!

17. В России остались разрозненные островки науки, где сохранилась высококвалифицированная наука. В России нет большинства таких технологий, которые есть на Западе.
18. Необходимо, чтобы не только наши учёные уезжали туда, а чтобы оттуда профессора приезжали сюда, учили наших студентов, а потом наши студенты ехали туда на стажировку, а потом возвращались сюда.
19. Оказывается на Западе тоже есть научные откаты, но они легализованы и оплачиваются вполне заслуженно. В Евросоюзе в заявку на грант включается не только зарплата ученых, пенсия и социальные страховки, затраты на содержание зданий и оборудования, их амортизацию, на содержание обслуживающего персонала, но и средства на оплату услуг тех структур, которые помогают в оформлении самой заявки. С ними оформляют договоры в установленном законом порядке, с них берут налоги. Там же есть службы, облегчающие процесс коммерциализации. Они реально помогают, например, грамотно написать инновационный грант.
20. Одна организация заявляла грант на работу по формированию антикоррупционного поведения. За месяц до подведения итогов к ним в Москве подходили двое молодых мужчин и спрашивали, готовы ли они дать 20% «отката». Это по антикоррупционному-то гранту! Естественно, они их послали подальше. Грант они тогда не получили.
21. Согласно неправительственным источникам, только «за первую половину 90-х годов из страны выехало не менее 80 тысяч ученых, а прямые потери бюджета составили не менее $60 млрд» (Российский фонд фундаментальных исследований).
22. Согласно данным фонда «Открытая экономика», отъезд российских учёных за рубеж не только не уменьшается, но существенно возрос за последние годы, при этом расширяется география оттока. Анализ, проведенный на основе базы Scopus, показал, что более 50% публикаций российской научной диаспоры идут из США. При этом наиболее цитируемые российские учёные также работают в США — на их долю приходится 44% всех ссылок (период после 2003 года). Лидируют по индексу цитируемости выпускники МГУ, вторые — выпускники МФТИ. На долю русских учёных, работающих в России, приходится всего 10% ссылок.
23. В федеральном бюджете 2011 года на науку гражданского назначения отведено 227,8 млрд рублей, из них 85,3 млрд — на фундаментальные исследования и 142,5 млрд — на прикладные. Вопрос в том, как эти деньги распределяются.
24. В прошлом году президент Медведев возмущался, что деньги, выделенные на развитие нанотехнологий и нанонауки не принесли никаких достижений, хотя и значительным образом были истрачены. И вот в этом году произошла мобилизация учёных на использование прошлогодних и новых финансовых вливаний в эту сферу. Но ученые обманули Медведева, взяв, якобы, эти деньги на развитие нанотехнологий, но в действительности используют её для развития традиционной коллоидной химии, на основании которой разрабатывают, например покрытия для дорог и другие композиционные материалы.

4. Первоочередные меры для смены модели развития

Приятно утешать себя мыслью, что Россия исчерпала лимит революций еще в двадцатом веке. А если это не так?[47].

С. Миронов,
председатель СР России

Положение дел свидетельствует об исчерпанности компромисса рубежа 2000-х годов (идеологии и политики правого центра — *А. П.*) и на элитном, и, что самое главное, на широком общественном уровне. Налицо кризис политики и идеологии правого центра[48].

А. Богатуров,
профессор МГИМО (У)

Разработка новой «Стратегии–2020» происходит в условиях очевидного политико-идеологического кризиса и провала стратегии модернизации. Странно, что при таких обстоятельствах правящая российская элита практически не меняет своего подхода к разработке стратегии развития страны[49]. Между тем, как признают многие эксперты, необходимы политические решения, в том числе и в экономической области, которые не вписываются в существующий политико-идеологический подход. На мой взгляд, эти первоочередные решения заключаются в следующем:

1. Требуется признать, что ориентация на либерализм, игнорирование социальных и национальных потребностей и проблем российского общества продолжаться больше не может. Нации нужна собственная, национальная стратегия развития, в которой социальная составляющая играла бы приоритетную роль. Речь идет о новой политической реальности, новом — национальном и социальном — политическом курсе, который можно было бы назвать русским социализмом или левым центром, учитывающем прежде всего национальную специфику и особенности. Продолжение абстрактной, не связанной с этим курсом модернизации не только бессмысленно и безрезультатно, но и вредно. Оно сопровождается политическими и экономическими издержками.
2. Необходимо сменить команду тех экономистов, которые, во-первых, не один раз уже доказывали, что они не могут думать иначе, как макроэкономическими категориями, и поручать разработку стратегии развития нации лицам, способным **политически**, ориентируясь на категории национального и социального развития, разработать такую стратегию. Нужна широкая общенациональная дискуссия, не ограниченная узким кругом известных много лет экспертов.

Нужна социально-политическая мобилизация общества, элиты и их институтов, способная привлечь к реализации «Стратегии» общество и все национальные ресурсы. В конечном счете нужна идеология, как система взглядов передовой части правящей элиты, которая бы основывалась на национальных интересах и национальной системе ценностей.

3. Признать, что рост, в т.ч. ВВП страны, второстепенный критерий, производный от развития нации и общества. Как и другие макроэкономические показатели, которые могут быть лишь следствием развития общества, экономики и государства. Необходимо разработать новую систему критериев оценки развития ее мониторинг, включая региональный, в основе которой лежат критерии развития НЧП.
4. Перераспределить в реальности, а не косметически, имеющиеся ресурсы в пользу развития НЧП, прежде всего науки, образования, культуры и духовности. Необходимо в разы — в 3–4 раза — увеличить финансирование НЧП, а в будущем еще больше. Даже при необходимости сокращения государственных расходов на другие нужды.

Необходимо отказаться от практики формирования «подушек безопасности», признав, что лучшие резервы — это инвестиции в НЧП.

5. Провести идеологическую и политическую мобилизацию элиты и общества, задействовав все ресурсы развития, прежде всего не материальные — национальную волю, нравственно-духовный потенциал. Сократить увеличивающийся разрыв между элитой и обществом. Это возможно в том случае, если элита перестанет игнорировать потребности в развитии самых передовых социальных слоев населения. Прежде всего среднего класса и креативных групп, превратят их из потенциальных противников в союзников национальной стратегии развития.

Особенно важно, активизировать национальные институты развития, среди которых важную роль играют традиционные религиозные организации, союзы творческой интеллигенции, научные и технические общества, просветительские и образовательные общественные организации.

6. Использовать в полной мере потенциал государства и его институтов в интересах нации, освободив его от служения коррумпированной правящей элите, чиновничеству и оффшорному бизнесу. Институты государства, прежде всего исполнительной власти в регионах, должны стать более эффективными и менее затратными, а главное — нравственными, ориентированными на потребности общества. И здесь не обойтись без «закручивания гаек», с одной стороны, и стимулирования работы, с другой. Речь идет о развитии и сознательном культивировании через административные, финансовые и медийные ресурсы таких качеств, как:

— нравственность, духовность;
— патриотизм;
— социальная справедливость;
— профессионализм;
— творчество;
— ответственность элиты перед обществом.

7. Естественно, что целесообразно еще раз вернуться и пересмотреть расходы федерального бюджета, точнее — приоритеты федерального бюджета на долгосрочный период до 2020 года. Так, например, возможно сокращения доли прямых военных расходов в ВВП до 2%, при увеличении расходов на военные и гражданские НИОКР и передовые технологии двойного назначения до 3% от ВВП. Одновременно необходимо в разы повысить расходы на культуру, науку и образование, учитывая их недофинансирование начиная с 90-х годов, до уровня выше, чем в среднем в развитых странах.

Эти и другие меры должны быть не абстрактными и символическими, как сегодня, а конкретно ориентированы на развитие всей нации опережающими темпами, на качественный скачок в развитии общества, экономики и государства. Эта главная цель должна быть политически, идеологически, административно-нормативно закреплена и постепенно обеспечиваться необходимыми ресурсами.

Ее реализация, текущий мониторинг развития НЧП, в том числе и в регионах, и в отдельных муниципалитетах, может и должен стать предметом постоянного внимания власти, СМИ, институтов

социального потенциала — от партий до общественных организаций[50].

Мировой опыт показывает, что возможны гораздо более высокие темпы роста ВВП, чем рассматривают наши либеральные экономисты, которые — что принципиально важно — сопровождаются ускоренным развитием. Например, в Израиле, где ВВП страны вырос за 50 лет более чем в 40 раз, а экономика стала одной из самых инновационных в мире[51].

Причем важно, что этот процесс происходил при достаточно скромных иностранных инвестициях, на недостаток которых вот уже многие годы ссылаются отечественные специалисты. Как видно из графика, до 2000 года прямые иностранные инвестиции не достигали 2 млрд долл. в год, а после — не превышали (за исключением 2006 года) 10 млрд долл.

Основой для быстрого инновационного и экономического развития Израиля стали три фактора:

— массовая иммиграция в страну высокопрофессиональных кадров, которая всячески стимулировалась и стимулируется правительством;
— создание национальной инновационной системы, которая практически мгновенно реагирует на новейшие научно-технические разработки и общественного консенсуса относительно лидерства страны в инновациях;
— необходимость национальной мобилизации перед лицом внешний угрозы, включая создание и развитие собственной, не зависящей извне, военно-технологического и военно-промышленного комплекса.

По сути дела это — прямая подсказка правящей элите России, которая с конца 1980-х годов делала прямо противоположное.

Она:

— изгоняла своих граждан за рубеж, особенно содействовала профессиональной эмиграции, которая составляет до 80 тыс. в год (а иногда достигала 150 тыс. чел.) и сегодня превращается в бегство среднего класса за рубеж;
— она препятствовала фактически возвращению граждан СССР на историческую Родину;

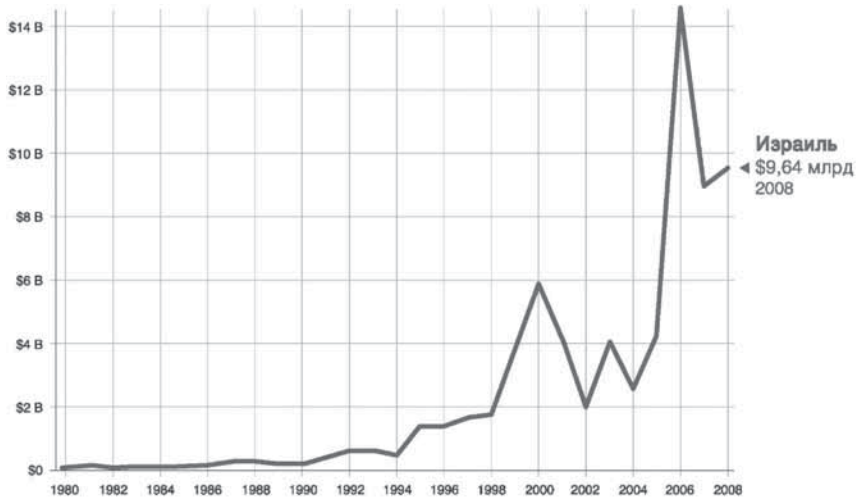


Рис. 6. Прямые иностранные инвестиции в Израиль (платёжный баланс в долл. США)

Рис. 7. Валовый внутренний продукт Израиля (в долл. США на сегодняшний день без учета инфляции)

— она не создавала и не планирует создавать национальную инновационную систему (НИС), рассчитывая, что проведет модернизацию через заимствования;
— она игнорировала нацию и не привлекала ее к реализации программ развития, всячески разваливая с конца 1980-х годов военно-промышленный и технологический комплекс СССР.

Пример Израиля показывает, что качественный скачок в развитии возможен (рис. 6, 7). За тот же период (с 1985 года по н/вр), что и в России, ВВП страны вырос в 10 раз! Мы же до сих пор не достигли уровня 1985 года по ряду важнейших показателей.

В определенной мере это свидетельствует, что израильская элита в 10 раз профессиональнее и умнее, чем российская.

В 2011 году стали говорить, что мировая финансовая и экономическая система начала изменяться, что ее будущее — еще не вполне определенное, точнее, очевидно иное, чем-то, к которому мы привыкли. Прежде всего из-за новой роли государства, которая, как показал кризис 2008–2011 годов, стала принципиально иной. Я бы даже сказал, что не только финансово-экономическая, но и социально-политическая либеральные модели себя изжили. Сегодня в Северной Африке — одно из таких подтверждений. Техногенные катастрофы, в т.ч. в Японии — другое.

Желают того либералы, либо нет, но государство стремительно превращается из партнера бизнеса в центр управления экономикой и финансами. Действия властей США, Франции, Великобритании, России, да и других стран в период кризиса 2008–2010 годов наглядно это подтверждают. При этом, по мере выхода из кризиса, либеральная идеология вновь пытается вернуть свои позиции. Как ни странно, и в России в 2011 году вновь зазвучали эти мотивы. Так, на встрече с налоговиками 21 февраля, А. Кудрин признал, что разрыв между сбережением и инвестированием составляет 10%, добавив, что эту тенденцию может переломить ФНС[52].

Новая роль государства в экономике и финансах — лишь отдельное, частное проявление более общей закономерности назревшей эволюции всей системы управления обществом и экономикой, где общественные интересы начинают резко контрастировать с интересами бизнеса. Это уже новый этап развития человечества — от капитализма к общественному самоуправлению, когда интересы финансовых и биржевых спекулянтов становятся в прямое противоречие с интересами общества. И в России она проявляется не менее остро, чем в мусульманских странах, которые потрясли события начала 2011 года. И там, и у нас — колоссальный разрыв между богатыми и большинством бедного населения. И там, и у нас ресурсная экономика. И там, и у нас — рост ВВП и инфляции, — которые правильнее было бы назвав стагфляцией.

У современной экономики, как известно, есть три группы ресурсов, от использования которых зависят как **темпы развития общества, государства, экономики,** так и **качество этого роста**, которое, коротко говоря, и называется собственно развитием. То есть изначально я настаиваю на том, что развитие (в т.ч. экономическое) во-первых, не является синонимом роста. А, во-вторых, что развитие определяется прежде всего развитием нации и общества, их ценностей и институтов.

Существенная разница и в механизмах развития, которые по сути дела являются общественными институтами, социальным потенциалом, который является частью НЧП. Развивая социальный потенциал, механизмы развития мы можем рассчитывать на принципиальное ускорения, как темпов роста, так и качества экономики и социальной сферы.

Таким образом, правящая элита неизбежно стоит перед выбором, какой ресурс (потенциал) развивать в приоритетном порядке. Именно с таким выбором и столкнулась российская элита в 2008–2011 годы, провозгласив стратегию модернизации. По сути дела она сделала выбор в пользу модернизации материальных активов.

И наоборот. Развитие социального потенциала, его институтов, как и всей нации, является сегодня главным критерием и двигателем экономического развития. И российская элита должна радикально пересмотреть свое отношение к различным группам национальных ресурсов. От этого отношения сегодня зависит понимание целей и средств «Стратегии развития» нации.

Первая группа ресурсов — промышленный, финансовый, любой иной потенциал, который в недавнем времени составлял основную мощь государства и нации. Но это было до недавнего времени. Сегодня его экстенсивный рост ведет к серьезным общественным и экологическим издержкам. Загрязняется экология, создаются (и лопаются) финансовые пузыри, искусственно раздувается капитализация и т.д. Другими словами, экстенсивный рост приобретает все более антиобщественный характер, превращаясь нередко в политическую или экономическую спекуляцию. И активные социальные слои общества это уже попытали, как, впрочем, и то, что подобная экстенсивная модель развития используется правящей элитой не бескорыстно, а с прямой личной выгодой для себя. Кстати, именно сырьевики составляют ту самую сотню российских миллиардеров, которая по оценкам «Форбс», «заработала» сотни миллиардов рублей только в 2010 году, заплатив 13% подоходного налога.

Таким образом собственно промышленный рост становится антинациональной и антиобщественной характеристикой, если он **не является следствием национального и общественного развития**. Иногда такой рост (как в России, Египте, Ливии и др. странах) ведет к простому росту доходов правящей элиты, которые капитализируются на личных счетах.

Основной ресурс развития, сосредоточенный в активных социальных слоях — среднем и креативном классе — не только не используется. Он игнорируется элитой, что толкает эти социальные слои на активные протестные действия.

Вторая группа — природные ресурсы. Эта группа занимает в развитых странах (даже таких богатых природными ресурсами, как США, Канада, Австралия) весьма скромное место в общем национальном богатстве страны. От 5 до 10%, не более. В России же, экономика которой ориентирована на экспорт сырья, — по разным оценкам, от 25 до 50%.

Развитие этих ресурсов, в том числе и в стратегии модернизации (как один из двух рассматриваемых вариантов), абсолютно антинационально и антисоциально. По сути дела природные ресурсы разворовываются, либо бездарно проедаются, лишь отчасти компенсируя государственные расходы. Одновременно они превращаются в тормоз социального развития, не требуя увеличения НЧП.

Третья группа ресурсов — потенциал человеческой личности (интеллектуальный, образовательный, духовный, творческий), которая стала определяющей в последние два десятилетия, как для развития экономики, так и нации и государства. При этом именно национальный человеческий капитал, его развитие не может быть ни спекулятивным, ни антиобщественным по своей сути. Он принадлежит всей нации. Соответственно растущее противоречие между обществом и капиталом объективно уменьшается. НЧП не может быть ни продан, ни заложен, ни обменян. Он остается полностью в распоряжении нации и общества.

Так как при действующей модели развития НЧП увеличивается относительно других составных частей национального богатства — материальных активов и природных ресурсов, а также стремительно растет абсолютно, то это означает, что все большая часть национального богатства переходит в общенациональную собственность. При этом финансовые и другие активы, а также собственность играют все меньшую роль.

Это означает постепенное снижение социальной напряженности и превращению принципа социальной справедливости в универсальный принцип для общества и государства. В противовес важнейшему либеральному принципу частной собственности появляется реальная основа для другого принципа — социальной справедливости, где решающую роль будет играть не капитал, а человеческий потенциал — интеллект, образование, культура, духовность.

Пока что возникает парадоксальная ситуация. Результаты экономического и социального развития измеряются критериями, которые не просто устарели, но и наносят ущерб нации и обществу, **прямо ведут его к кризису**. Кризис 2008–2011 годов — **прямое следствие такого подхода**: количественный, материальный рост в 2000–2008 годы определял макроэкономические показатели, устоявшимися в качестве основных критериев роста: темпы роста ВВП, объем промпроизводства, торговый баланс, финансовые ресурсы и т.д. При этом такой количественный рост в социальном плане имел минимальный положительный эффект в те же годы: уровень жизни изменился незначительно, продолжительность жизни — чуть заметно, институты развития так и не родились, а нация продолжала деградировать вместо со стагнацией в экономике.

Между тем вот уже многие годы в мире существуют другие, более точные, критерии, в соответствии с которыми можно определить именно темпы развития страны. Например, конкурентоспособность. Как справедливо замечают исследователи МГИМО (У)[53], по инициативе Всемирного экономического форума — международной организации, нацеленной на создание условий для сотрудничества между мировыми лидерами по ключевым вопросам мирового и регионального развития, группой экономистов был разработан Индекс глобальной конкурентоспособности. Хотя бы для экономики.

Согласно докладу Всемирного экономического форума (ВЭФ) «Глобальная конкурентоспособность 2009–2010» (The Global Competitiveness Report 2009–2010)[54], конкурентоспособность — это **набор институтов, политик и факторов** (!), которые **определяют уровень производительности в экономике страны**.

Подчеркну, что конкурентоспособность — это не цена товара и даже не его качество, а **набор институтов, политик и факторов**, в результате функционирования которых производят новые товары и услуги.

Уровень производительности, в свою очередь, определяет устойчивый уровень процветания, который может быть обеспечен экономикой. **Иначе говоря, более конкурентоспособные экономики имеют тенденцию быть более способными обеспечивать более высокие уровни дохода для своих граждан**.

Сразу же оговорюсь, что зависимость процветания от конкурентоспособности — очень условное понятие, которое **нивелирует национальные различия**, делает эти критерии глобально-универсальными. Между тем, счастье и процветание, тем более отдельных наций, не является универсальным показателем, зависящим только от душевого дохода. Так, человек и нация в целом, могут быть счастливы даже при относительно низкой конкурентоспособности их товаров на мировом рынке и невысоком душевом доходе. Все зависит от национальной системы ценностей и самоощущения, от многих других — внешних и внутренних факторов.

Вместе с тем, полагаю, что подобные попытки создания сложных индексов, в т.ч. на основе конкурентоспособности наций, можно приветствовать как первый шаг оценки качества развития. Как минимум, в качестве противовеса количественным оценкам макроэкономических показателей. Основываясь, например, на таком понимании конкурентоспособно-

сти, эксперты ВЭФ разработали **Индекс глобальной конкурентоспособности**. Он объединяет 12 групп различных факторов (pillars), обеспечивающих конкурентоспособность национальных экономик, находящихся на разных уровнях (стадиях) экономического развития:

1) институты (общественные, включая государственные, и частные);
2) инфраструктура;
3) макроэкономическая стабильность;
4) здоровье и начальное образование;
5) высшее образование и профессиональная подготовка;
6) эффективность рынка товаров и услуг (конкуренция, наличие спроса);
7) эффективность рынка труда;
8) развитость (сложность) финансового рынка;
9) технологическая готовность;
10) размер рынка;
11) развитость (сложность) компаний;
12) инновации.

Из пяти наиболее приоритетных факторов конкурентоспособности таким образом только третий — макроэкономическая стабильность — относится к финансовым факторам, а остальные четыре — к социально-политическим.

Среди этих важнейших факторов развития (pillars), как видно, собственно макроэкономические составляют меньшинство. И среди них вообще нет таких, которые бы характеризовали национальные особенности конкурентоспособности. Между тем они имеют огромное значение. В свое время в СССР, как в период Отечественной войны, так и в восстановительный период, именно такие национальные особенности — патриотизм, принадлежность к сильному государству, способность к аскезе и самопожертвованию, духовное единство нации и др. — сыграли огромную роль.

Особо подчеркивается, что эти факторы **взаимосвязаны и взаимообусловлены**. Например, «инновация (12 группа) невозможна без институтов (1 группа), которые гарантируют права интеллектуальной собственности, не может быть реализована в странах с плохо образованными и подготовленными работниками (5 группа), затруднительна в странах с неэффективными рынками (6, 7 и 8 группы) или без всесторонне развитой и эффективной инфраструктуры (2 группа)»[55].

Показательно в этой связи стагнация, охватившая в России прежде всего те институты, которые определяют качество развития НЧП. Как видно, их число не только не росло, но и сокращалось во всех без исключения сегментах научных организаций (табл. 8).

Эти данные, характеризующие **социальный потенциал российской науки** как основы для социальной модернизации и инноваций, наглядно демонстрируют, что **численность** таких институтов за 2000–2009 годы неуклонно сокращалась (даже после радикального сокращения 1990-х годов)[56]. Напомню, что эта тенденция наблюдалась при опережающем (около 7%) росте ВВП России, когда говорилось о подъеме экономики страны.

При этом крупные научные коллективы, способные решать фундаментальные проблемы, находились в очевидном меньшинстве. Это означает, что наука стала ориентироваться на решение частных задач, которые точнее можно было бы назвать задачами выживания, иногда имеющими к науке косвенное отношение.

Понятно, что сокращение численности институтов и научных организаций может вести в принципе даже к росту исследователей и вспомогательного потенциала в стране. В случае, например, укрупнения таких организаций, что далеко не всегда целесообразно. Применительно к России этого не произошло: сокращались не только институты социального потенциала, но и сам потенциал, что шло абсолютно вразрез с тенденцией научно-технической революции, требующей движения науки по всем направлениям НТП[57] (табл. 9, 10).

Таким образом де-факто российский научный потенциал деградировал, и Россия развивалась по инерционно-стагнирующей модели роста, а не развития. Фактически сокращался как НЧП, так и его социальный капитал.

Табл. 8. Организации, выполняющие исследования и разработки, по численности персонала

	2000	2003	2005	2007	2008	2009
Всего	**4099**	**3797**	**3566**	**3957**	**3666**	**3536**
Численность персонала, человек:						
до 100	2377	2168	2023	2454	2201	2103
101–500	1344	1260	1199	1167	1135	1118
501–1000	222	210	199	198	190	184
1001–5000	145	150	136	131	133	124
5001–10 000	7	5	5	4	4	4
10 001 и более	4	4	4	3	3	3

Табл. 9. Персонал, занятый исследованиями и разработками

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел.	Численность персонала — всего	887729	885568	870878	858470	839338	813207	807066	801135	761252
	Исследователи	425954	422176	414676	409775	401425	391121	388939	392849	375804
	Техники	75184	75416	74599	71729	69963	65982	66031	64569	60218
	Вспомогательный персонал	240506	238933	232636	229214	223356	215555	213579	208052	194769
	Прочий персонал	146085	149043	148967	147752	144594	140549	138517	135665	130461

Табл. 10. Персонал, занятый исследованиями и разработками, по секторам деятельности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, по секторам деятельности, чел.	всего	887729	885568	870878	858470	839338	813207	807066	801135	761252
	государственный	255850	256137	257462	256098	258078	272718	274802	272255	260854
	предпринимательский	590646	585416	568628	558668	537473	496706	486613	478401	451532
	высшего профессионального образования	40787	43463	44135	43120	43414	43500	44473	49059	47595
	некоммерческих организаций	446	552	653	584	373	283	1178	1420	1271

Табл. 11. Организации, выполняющие исследования и разработки по федеральным округам

	2000	2003	2005	2007	2008	2009
Всего	**4099**	**3797**	**3566**	**3957**	**3066**	**3536**
Федеральные округа:						
Центральный	1631	1490	1393	1536	1445	1383
из него Москва	907	847	787	837	787	759
Северо-Западный	627	578	536	606	533	518
из него Санкт-Петербург	469	424	381	429	361	354
Южный	342	316	310	355	321	221
Северо-Кавказский	—	—	—	—	—	95
Приволжский	623	570	540	585	549	532
Уральский	255	253	226	233	220	211
Сибирский	464	437	419	464	429	410
Дальневосточный	157	153	142	178	169	166

Безусловно, эта тенденция сказывалась негативно как на национально-духовной, так и социальной составляющих НЧП, которые в 2000–2009 годы постепенно, но неуклонно уступали свое место наднациональным (глобальным) и антисоциальным идеям, механизмам и институтам. Развитие коррупции в эти годы стало лишь одним из последствий этой тенденции.

Другим последствием, особенно явно проявившимся в 2008–2011 годы, стал эскапизм, стремление значительной части граждан найти свое счастливое будущее за рубежом. Как правило, в дальнем зарубежье. Причем, если в 1990-е годы массовый отъезд, сопровождавшийся бегством капитала, относился к узкому кругу лиц, имевшему, как правило, незакон-

Табл. 12. Производство машин и оборудования. Показатели экономического состояния

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число действующих организаций (на конец года)						…	22827	22939	22066	23039
Объем отгруженных товаров (работ, услуг), млрд руб.; 2008 г. — млн руб.							477	621	796	1000559
Индекс производства, в процентах к предыдущему году		105.7	106,4	91,2	119,0	121,1	99,9	103,3	119,1	104,0
Среднегодовая численность работников организаций, тыс. чел.					1803,0	1387,0	1205,0	1153	1109	
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.		1975,0			5170,0	6514,0	8380,0	10418	13480	16940
Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций по видам экономической деятельности к среднероссийскому уровню, %						97,0	98,0	98	99	98
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток), млн руб.					4427	16289	22855	31027	42517	45384
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), %					5,8	7,5	8,2	8,3	8,7	8,8
Удельный вес убыточных организаций, %					46,3	39,2	33,1	27,9	21,4	24,0
Индексы цен производителей (декабрь к декабрю предыдущего года), %		130,6	117,1	111,4	109,8	114,4	110,4	110,5	113,9	118,5
Инвестиции в основной капитал в фактически действовавших ценах, млрд руб.		8,8	11,5	12,2	16,2	23,0	25,5	46,5	66,0	76,6
Поступление иностранных инвестиций, млн долл. США					83	344	637	537	927	1089

ные средства, то со второй половины нового столетия в этот процесс оказались втянуты все слои общества. Не случайно структура капитала, «убегавшего» из России в 2009–2011 годы, резко изменилась: из олигархического она превратилась в небольшие по объему накопления дееспособных людей из самых разных слоев общества.

Эта эпидемия уничтожения научных школ охватила всю страну. Что хорошо видно на примерах сокращения, которые отмечались по всем федеральным округам[58] (табл. 11). Таким образом видно, что «модель № 1» — стагфляция, т.е. рост в условиях уменьшения НЧП (в данном случае в науке) точно характеризует период количественного роста ВВП

России в самые успешные, 2000–2008 годы. Эта же тенденция отчетливо просматривается и на примере показателей инновационной активности машиностроительной продукции[59] (табл. 12, 13).

На этом фоне наблюдались иные тенденции, например, в США, где был взят курс на создание национальной инновационной системы, вылившийся в устоявшиеся принципы. Как пишут американские эксперты, «… инновационная экосистема США демонстрирует некоторые принципы, которые следовало бы учитывать странам, желающим усовершенствовать свои инновационные системы (напомню, что этот доклад делался для России):

— **Ёмкий высококонкурентный внутренний рынок Соединённых Штатов Америки сыграл важную роль в достижении экономического успеха и, в частности, в развитии самых современных товаров и услуг.**
— **Федеральная инновационная политика Соединённых Штатов децентрализована. Влияние и успех федеральных программ зависят от взаимодействия, состава и культуры регионов и местных учреждений.** Обычно федеральная политика США на региональном уровне выстроена не очень чётко. Бостон в этом отношении представляет собой исключение: здесь местная политика тесно согласована с федеральной, и это является важным фактором успеха региона в области биомедицинских и других капиталоёмких технологий.
— **Требования национальной безопасности США и глобальная экономическая конкуренция являются сильными стимулами развития технологий**. Государственная наука, инвестирование в технологии и закупки во многом способствовали развитию многих современных отраслей промышленности США.

Табл. 13. Показатели инновационной активности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, %				12,6	13,4	14,2	13,5	15,0	16,1	16,9
Удельный вес отгруженной инновационной продукции организаций, %					6,6	6,9	6,2	5,0	6,1	7,5
Затраты организаций на технологические инновации по видам инновационнои деятельности, млн руб.	затраты на технологические инновации — всего			3199,8	4100,1	6262,1	6179,9	8122,7	11 203,4	10 982,9
	исследования и разработки					1277,3	1029,6	1441,8	2763,7	3042,3
	приобретение машин и оборудования					3551,0	3113,2	3668,1	6157,5	4834
	приобретение новых технологий					48,7	35,6	222,1	23,9	48,0
	из них приобретение прав на патенты, лицензии					19,3	16,5	134,7	4,0	18,9
	приобретение программных средств					93,1	134,4	724,3	219,1	214,3
	производственное проектирование					821,0	1127	927,7	989,2	1079,2
	другие виды подготовки производства							438,3	622,6	1206,4
	обучение и подготовка персонала					22,4	24,6	41,1	75,9	57,3
	маркетинговые исследования					37,6	34,2	49,5	134,2	138,8
	прочие затраты					411	681.3	609.7	217.3	362.5

Табл. 14. Численность, прием студентов и выпуск специалистов высшими учебными заведениями (на начало учебного года) тыс. чел.

	Всего	Государственные и муниципальные вузы	Негосударственные вузы
Численность студентов			
2000/2001	4741,4	4270,8	470,6
2003/2004	6455,7	5596,2	859,5
2005/2006	7064,6	5985,3	1079,3
2006/2007	7309,9	6133,1	1176,8
2007/2008	7461,3	6208,4	1252,9
2008/2009	7513,1	6214,8	1298,3
2009/2010	7418,8	6135,6	1283,3
Прием студентов			
2000/2001	1292,5	1140,3	152,2
2003/2004	1643,4	1411,7	231,7
2005/2006	1640,5	1372,5	268,0
2006/2007	1657,6	1376,7	280,9
2007/2008	1681,6	1384,0	297,6
2008/2009	1641,7	1362,7	279,0
2009/2010	1544,2	1329,6	214,6
Выпуск специалистов			
2000	635,1	578,9	56,2
2003	976,9	860,2	116,7
2005	1151,7	978,4	173,3
2006	1255,0	1055,9	199,1
2007	1335,5	1108,9	226,6
2008	1358,5	1125,3	233,2
2009	1442,3	1166,9	275,5

— **Университеты США играют большую роль в развитии инновационных систем**.

— Инвестирование в определённый спектр фундаментальных исследований в университетах США — в частности, в науку о жизни, в обучение персонала больниц и клинических центров — играет основную роль в трансфере теоретических исследований в коммерческое использование. Университеты, занимающиеся исследованиями, и клиники предоставляют технические знания и высокообразованные трудовые ресурсы для поддержки развития технологических инноваций в США. Тесная связь университетов и частного предпринимательства, в случае медицинских наук — клиник, доказала свою существенную роль в коммерциализации технологий.

— Гибкие открытые децентрализованные сети являются важным компонентом создания успешного регионального сектора. Многие факторы способствовали успеху Силиконовой долины в привлечении индустрии ИКТ. И хотя, возможно, сложно повторить успех Силиконовой долины, основы его все равно лежат в программах правительства, включая научное финансирование и госзакупки.

— **Интеграция новых и уже созданных компаний создаёт более здоровую региональную инновационную структуру**. И хотя малый бизнес является основным источником создания рабочих мест, крупные компании также играют очень важную роль. Маленькие компании имеют доступ к рыночной информации и совершенно новым рынкам, в то время как крупные — к новым технологиям, которые помогают развитию региональной промышленности»[60].

Другая область, также наглядно иллюстрирующая движение России по «варианту № 1» — стагфляции — высшее образование, которое сегодня очень сильно влияет на НЧП и о котором существует массовое заблуждение у российской элиты (проявившееся особенно в 2009–2011 годы) об «излишнем количестве студентов»[61]. Напомню лишь, что критерий «продолжительность обучения» является сегодня важнейшим в ИРЧП (табл. 14).

Рост численности студентов в России до определенного периода (до 2008 г.) прекратился, а затем началось снижение. Причем в основе этой тенденции лежит сознательная политика части правящей элиты, прежде всего Минобрнауки и даже президента РФ, у которых даже сложилась формула: «Меньше юристов и экономистов — больше инженеров и сварщиков». Как следствие, стало сдерживаться финансирование высшей школы, появились искусственно стимулируемые «избранные» университеты — ВШЭ, МГУ, СПГУ, ряд других, а помощник президента А. Дворкович даже заявил о необходимости отказа от тех нищенских стипендий, которые существовали прежде. Это уже сказалось на темпах социального развития потому, что высшая школа является важнейшим институтом социализации молодежи. Количественная стагнация, выражающаяся в численности студентов на 10 000 человек, таким образом превращается в тормоз социального и экономического развития. Не секрет, что личность, обладающая высшим образованием, платит гораздо больше налогов, производит ВВП.

Рис. 8.

Такая политика в области высшего образования, безусловно, ошибочна. Она, в конечном счете, ведет к снижению НЧП, который во многом определяется численностью студентов и продолжительностью обучения, т.е. находится в полном соответствии с «моделью № 1» — стагнации.

Любые инновации и модернизации делаются специалистами с высшим образованием. Более того, в ряде стран высшее образование в стратегической перспективе должно стать **всеобщим** (не путать с обязательным).

Наконец, важнейший фактор развития — демографический — во многом зависит от высшего образования. Для России это самая приоритетная проблема. Во Франции, например, подсчитали, что специалист с высшим образованием в среднем живет на 10 лет дольше. Это вызвано разными причинами, но остается фактом: если мы хотим увеличить среднюю продолжительность жизни, то мы должны думать и об этой части проблемы высшего образования.

И последнее. Высшее образование дает сегодня минимальный культурно-духовный уровень значительной части граждан, от которого зависит как производительность труда, так и социальный климат в стране.

Эти и многие другие факторы свидетельствуют, что политика в области высшего образования не соответствует национальным интересам, что она прямо противоположна интересам развития нации.

Эксперты Всемирного экономического форума выделяют три стадии развития:

Первая — определяемая факторами (factor-driven);

Вторая — определяемая эффективностью (efficiency-driven);

Третья — определяемая инновациями (innovation-driven).

Отнесение страны к той или иной стадии развития делается на основе показателей подушевого ВВП (по рыночным обменным курсам) и доли экспорта минеральных сырьевых товаров (страны, которые экспортируют более 70% подобных товаров в среднем на протяжении пяти лет относятся к числу стран на первой стадии развития). Очевидно, что Россия находится именно на этой, первой стадии развития.

В основе механизмов экономического роста на этой первой стадии развития лежат факторы, которые **достались стране по естественным причинам, т.е. тем, которые от нее не зависят** (природные ресурсы, численность рабочей силы). Соответственно, конкуренция имеет преимущественно ценовой характер, экономика специализируется на простых товарах, производительность труда низкая, как и низки зарплаты. Факторами повышения конкурентоспособности экономики являются институты, инфраструктура, макроэкономическая стабильность и здоровая и грамотная рабочая сила (первые четыре группы факторов), **т.е. социальная часть НЧП**. Именно они, по мнению экспертов, ВЭФ, вносят решающий вклад в обеспечение конкурентоспособности (60%)[62].

На следующей, второй стадии развития конкурентоспособность связана с внедрением более эффективных производственных процессов и повышением качества продукции и услуг и во все большей мере определяется группами факторов с пятой по десятую. Показательно, что и на этой стадии развития при доминировании факторов повышения эффективности институты, инфраструктура и т.п. имеют соизмеримое значение (50 и 40 соответственно).

Залогом успеха на третьей стадии **является способность предлагать качественно новые и уникальные товары и услуги**, используя инновации и сложные бизнес-процессы. Понятно, что такие товары и услуги можно создавать **только на оригинальной национальной основе, а не путем заимствований**, т.е. на основе НЧП. Вес этих двух факторов на данной

стадии развития — 30%, причем факторы, обеспечивающие конкурентоспособность на предыдущих стадиях развития также чрезвычайно значимы (20% и 50%, соответственно).

Россия, как я уже сказал, находится на первой стадии развития, когда ее конкурентоспособность определяется прежде всего ценовой политикой (наша нефть, металлы на мировом рынке выигрывают именно поэтому). Но и здесь влияние социальных факторов велико и растет, достигая, повторю, 60%.

На второй стадии (на которой сегодня сосредоточено внимание российских «модернизаторов») — это связано с повышением эффективности производственных процессов, но и здесь роль социальных факторов чрезвычайно велика, достигая в совокупности 90%.

На третьей стадии создания качественно новых (не имеющих аналогов) товаров и услуг, т.е. основывающихся на национальных достижениях науки, культуры и образования, в целом достигает 100%.

Это означает в итоге:

1. Развиваясь на первой стадии, мы должны обращать приоритетное внимание на социальный потенциал общества, и развитие всего НЧП, который разрешает успешно продвигаться на первой стадии. Прежде всего создавая механизмы.

При этом уже на первой стадии мы должны провести переоценку существующей системы ценностей в пользу гуманитарной, социально-ориентированной модели развития нации. Как справедливо заметила Н. Басовская, сегодня «никто не думает о Сколково для гуманитариев. Об этом даже намека нет … за очередными технологическими достижениями люди готовы забыть свою человеческую суть»[63].

Уверен, что ближайшие десятилетия будут определяться не только технологическими достижениями, но в первую очередь науками о человеке и новыми социальными концепциями и новыми моделями государств. Те нации, которые сегодня успевают всерьез задуматься об этом, смогут «перескочить через этапы» в своем социально-экономическом развитии.

2. На второй стадии НЧП играет уже **ведущее значение** в развитии нации и экономики.
3. На третьей стадии НЧП играет **исключительное значение**, является условием, причем обязательным, развития.

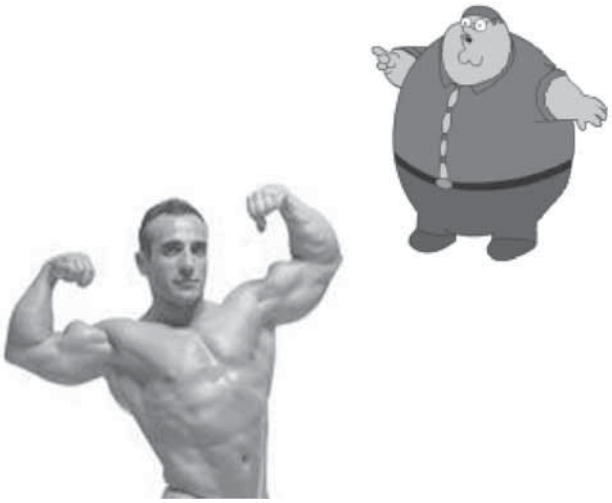
«Большой скачок» в развитии возможен и необходим, если правящая элита:

1. Поймет, что на всех трех стадиях развития НЧП играет важное и исключительное значение и сможет сосредоточить на нем свое внимание.
2. Осознает и примет меры, чтобы одновременно развиваться по всем трем этапам, параллельно, а не последовательно, развивая все необходимые социальные комплекты НЧП.
3. Сделает все для развития НЧП на третьем этапе, т.е. сохранит, разовьет и сделает опережающую ставку на национальные научные, образовательные, культурные и духовные школы, способные предлагать ежегодно мировому рынку не менее 5–7 оригинальных продуктов и услуг.

5. Значение институтов развития социального потенциала

…Вульгарное мнение обычно питается полным незнакомством с предметом[64].
В. Свенцицкий

Когда есть деньги, им сопутствует власть, которая всегда опасна для духа[65].
Н. Струве,
профессор Сорбонны



Развитие и рост — два принципиально различных понятия. Давайте решим, что нужно нации.
А. Подберезкин

Россия, ее элита, которая шла вслед за мировой либеральной мыслью, повторяет ее же ошибки. «Неолиберальные теории 1950–1960 гг. отождествляли развитие с ростом. — Пишет профессор М. Данилова. — Предполагалось, что политика роста должна привести к обществу повышенного благосостояния. Результаты оказались противоположными ожидавшимся: богатые становились богаче, а бедные беднее. Объем мирового потребления вырос на протяжении XX века в 16 раз. В конце столетия на долю богатейшей части мирового населения приходилось 86% всей суммы потребительских расходов, а на долю беднейшей пятой части — только 1,3%, — цитирует она А. Вебера[66].

И это произошло далеко не случайно и не «вдруг». Развитие страны сознательно создавали систему концентрации управления в своих руках финансово-экономической мировой системой, когда искусственно создавался нужный именно лидерам глобализации рынок и «правила игры» — политические, финансовые, идеологические — на этом рынке. Россия приняла в 90-е годы эти правила и включилась в процесс «встраивания» в мировой рынок на чужих условиях. В том числе избрала «модель количественного роста», а не развития. Не понимая, что «роли распределены», а прибыль — поделена. И России в этой игре не предоставлено права выбора.

Примечательно, что эти политические ошибки сегодня пытаются объяснить «свойствами русского ума» и другими особенностями русского менталитета и государства. «Беда России в том, что изобретателей у нас пруд пруды, а инноваторов во все времена днем с огнем искать»[67], — пишет, например, С. Лесков.

Не удивительно, что рост ВВП России, который стал политической целью для В. Путина, изначально дезориентировав российскую элиту своими количественными параметрами. Гонка за искусственным ростом ВВП не имела перспективы. На сегодня они в последнюю очередь являются показателем мощи государства. Действительно, в результате такой политики Россия, по оценкам ЦРУ, в 2011 году заняла 7-е место в мире по величине ВВП, однако если использовать более точный критерий — душевого ВВП, то лишь 71-е, уступив, например, Эстонии (19 тыс. долл. и 17 тыс. долл. соответственно)[68].

Вместе с тем, С. Лесков справедливо замечает, что «Наши достижения на рынке наукоемкой продукции, куда с садовой головой не пробьешься, скромнее некуда. Лишь 0,3% этого рынка принадлежит России, хотя по числу ученых мы на 3-м месте в мире, а недавно вовсе лидерами были. Доля США составляет 36%. Япония взяла 30%, Германия — 16%. Крошечный Сингапур впереди России!»[69] Однако он делает весьма сомнительный вывод: «И ведь нельзя сказать, что наша наука сидит на голодном пайке. За 2000–2008 годы бюджетное финансирование Российской академии наук выросло в два раза. Но, похоже, не в коня корм»[70].

Рост в ДВА раза расходов за 2000–2008 годы — притом обвале, который был в 90-е годы в финансировании и при той инфляции, которая была — это не рост, а **сокращение** финансирования.

Еще сомнительнее его замечания: «**Ни в одном из исследований не установлено связи между ростом финансирования российской науки и благосостоянием российского общества**. Это противоречит мировому опыту: чем сильнее наука — тем богаче страна. Академия отбивается тем, что от фундаментальных исследований практического толку ждать нельзя, но ведь и работ нобелевского уровня у нас уже 50 лет не видно. Если ученый хочет получить Нобелевскую премию, ему надо делать ноги из России»[71]. При этом парадокс нобелевского уровня: многие наши академики живут так, как не снилось яйцеголовым нобелевским лауреатам. **По этой причине и созданы** новые инновационные структуры — «Роснано», «Сколково», Курчатовский центр, которые за доступ к бюджету подвергаются академиками более непримиримой критике, чем известные открытия Петрика»[72].

Наши достижения на рынке наукоемкой продукции, куда с садовой головой не пробьешься, скромнее некуда. Лишь 0,3% этого рынка принадлежит России, хотя по числу ученых мы на 3-м месте в мире, а недавно вовсе лидерами были.

Еще хуже ситуация в социальной области, где, по оценкам Р. Гринберга, «по поляризации доходов мы превосходим даже латиноамериканские и африканские страны. В Москве средние доходы 1-% самых богатых почти в 70 раз превышают доходы 10% самых бедных. Разрыв по стране — почти в сорок раз. Для сравнения: в странах Северной Европы показатель составляет 4–5 раз, в США доходит до 12, но надо учесть, что у них другой менталитет в отношении к богатству»[73].

По важнейшим показателям НЧП — также ухудшение ситуации, что видно, например, из ассигнований на науку[74], в процентном отношении к расходам федерального бюджета, который буквально «лопался» от шальных денег в 2001–2007 годах.

Рис. 9. Ассигнования на науку из средств федерального бюджета, в % к расходам федерального бюджета

Как видно, в период, когда федеральные расходы выросли в десяток раз, пропорционального роста расходов не только не было, но эти расходы относительно сокращались. Причем существенно, с 4,42% в 2006 году до 2,23% — в 2010 году. Эти цифры однозначно показывают отношение власти к науке в эти годы. Примечательно, что провал «Стратегии–2020» в эти же годы, как и всей программы модернизации, о которой начали говорить с 2005 года, почему-то до сих пор не связывают с этими разновекторными процессами. Действительно, трудно объяснить подобную шизофрению: говоря о развитии наукоемкой экономики, не увеличивать, а сокращать относительно всей экономики расходы на науку. При чем именно государству, которое является собственником 75% всех институтов и еще на 8% — совместным собственником.

По мере опережающего роста ВВП расходы на науку сокращались с 0,80% до 0,5% российского ВВП. Страна, заявляя об «удвоении» ВВП в те годы, почему-то не говорилось хотя бы об удвоении расходов на науку[75].

Как видно из официальных данных, расходы государства на науку за период «модернизации» и реализации инноваций сократились почти вдвое, причем на прикладную науку — что еще страннее, при заявленном курсе на инновации — в 2 раза!

В результате к 2010 году расходы федерального бюджета «стабилизировались» где-то на уровне 0,5% ВВП, что является абсолютно недопустимым показателем для развитой страны. И это цифра — лучшее свидетельство реального отношения власти к науке и национальному научному потенциалу.

Рис. 10. Ассигнования на науку из средств федерального бюджета, в % к валовому внутреннему продукту

Табл. 15. Организации, выполнявшие исследования и разработки, по типам организаций

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число организаций, выполнявших исследования и разработки	число организаций — всего	4099	4037	3906	3797	3656	3566	3622	3957	3666
	научно-исследовательские организации	2686	2677	2630	2564	2464	2115	2049	2036	1926
	конструкторские бюро	318	289	257	228	194	489	482	497	418
	проектные и проектно-изыскательные организации	85	81	76	68	63	61	58	49	42
	опытные заводы	33	31	34	28	31	30	49	60	58
	высшие учебные заведения	390	388	390	393	402	406	417	500	503
	промышленные организации	284	288	255	248	244	231	255	265	239
	прочие	303	283	264	268	258	234	312	550	480

Табл. 16. Организации, выполнявшие исследования и разработки, по секторам деятельности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число организаций, выполнявших исследования и разработки	Всего	4099	4037	3906	3797	3656	3566	3622	3957	3666
	государственный	1247	1248	1218	1233	1230	1282	1341	1483	1429
	предпринимательский	2278	2213	2110	1990	1851	1703	1682	1742	1540
	высшего профессионального образования	526	529	531	526	533	539	540	616	603
	некоммерческих организаций	48	47	47	48	42	42	59	116	94

Еще хуже обстоят дела с институтами развития науки и технологий, где наблюдалась в период «особого внимания к инновациям» откровенная деградация и разворовывание даже скромных ресурсов. Это был вынужден признать в марте 2011 года даже В. Путин, назвав его мягко «недостаточным». Это видно на примере одной из 24 особых экономических зон — томской, которую открыли еще в 2005 году, где планировалось инвестировать 14 млрд рублей, а фактически вложили только 2,6 млрд[76], т.е. менее 20%.

В масштабах России институты развития в науке не только качественно деградировали (что неизбежно при отставании в финансировании), но и количественно сокращались в период стремительного роста ВВП. Даже после обвального падения в 1990-е годы. Это видно из официальной статистики[77]. Что очень прискорбно, даже катастрофично для России, ведь вместе с этими институтами исчезали целые научные школы и направления, на создание которых требуются десятилетия.

Как видно из официальных данных (табл. 15), на 10% сократилось общее число институтов социального потенциала в науке. Причем в самые «тучные» годы — с 2000 по 2008. Государство, по мере выхода из кризиса 90-х годов, сознательно ликвидировало тот социальный потенциал, который еще сохранился после развала. Ликвидировало, хотя, в соответствии с заявленными намерениями и логикой, должно было бы не только развивать эти институты, но и создавать новые.

Подобная необъяснимая логика может быть понята только в том случае, если предположить, что будущее страны, экономики, общества, наконец, модернизации каким-то образом совершенно не связывается с будущим национальной науки и развитием НЧП.

Ситуация в научных институтах социального потенциала обстоит, на самом деле, еще хуже, ведь формальное их сокращение на 10% не учитывает то, что выросло число вузов (как правило, частных, дающих не качественное образование и не имеющее научной базы), неких «конструкторских бюро». Собственно же исследовательские и научные организации сократились за 2000–2008 годы с 2686 до 1926, т.е. более, чем на 20%! Повторю, что это 20% сокращение происходило после коллапса 90-х годов и никак не может быть объяснено иначе, как абсолютным непониманием властной элитой роли науки в развитии человечества, либо не заинтересованностью элиты в таком развитии.

Обращает на себя внимание и другое обстоятельство. Лейтмотивом прежних и нынешних либералов всегда была идея о «коммерциализации» науки. И не только в 90-е годы, но и сегодня, например, в стратегии «Инновационной России — 2020» МЭР. На самом же деле предпринимательский сектор все эти годы уходил из науки. Даже в том скромном виде, в котором он был там представлен (менее 15%). Что наглядно видно из следующих официальных данных (табл. 16).

Ситуацию, по понятным причинам, пытаются исправить, создавая новые государственные и негосударственные институты. Так, привлекла, конечно, внимание инициатива В. Путина о создании Агентства стратегических инициатив (АСИ), руководителей которых даже обещали избрать на открытом конкурсе. Но, во-первых, зачем ломать старые институты, либо доводить их до деградации (как РАН или РФФИ), а, во-вторых, новые структуры политически, административно (и идеологически) подчиняются все тем же сторонникам либеральной традиции. В случае с АСИ — И. И. Шувалову и Э. Набиуллиной[78].

Таким образом на примере социального потенциала российской науки можно увидеть, что в 2000–2008 годы сложились своего рода «ножницы»: рост ВВП вел не к развитию, а **к стагнации российской экономики**. И, естественно, общества. Как справедливо заметил эксперт МГИМО(У)М. Гебеков, «Формально достаточно высокие макроэкономические показатели развития российской экономики за последние десять лет скрывают упущенные возможности использовать благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру для вывода российской экономики на траекторию быстрого и устойчивого социально-экономического роста, а главное перестройки этого роста из добывающих отраслей в отрасли перерабатывающие.

Этот рост сменился в 2009 году почти почти девятипроцентным падением ВВП вследствие зависимости российской экономики от мировой финансово-экономической ситуации, что отчетливо показало ущербность российской экономической модели. Восстановление мировой экономики путем впрыскивания почти всеми правительствами мира чрезмерной ликвидности повысило цены на основные группы сырьевых товаров, что привело к возобновлению роста российской экономики в 2010 году на 4%. Природная рента, формирующаяся за счет экспорта энергоносителей, металла, леса и других сырьевых товаров в объеме примерно в 60 млрд дол. США в год не была использована для структурной перестройки экономики на новой технологической основе, уйдя на погашение внешнего долга, накопление резервного фонда и фонда благосостояния будущих поколений и других форм вывоза капитала за рубеж. При этом российская экономика осталась недомонетизированной, объем инвестиций застыл на уровне одной трети от минимально необходимого для обеспечения простого воспроизводства уровня, социальные обязательства государства недофинансируются вдвое, а расходы на науку и стимулирование НТП на порядок ниже уровня развитых и некоторых развивающихся стран[79]. И это — одна проблема.

Проблема также и в том, что ситуация в последние годы изменилась и критерии развития личности и общества гораздо полнее, точнее и объективнее сегодня определяют темпы развития экономики и государства. Более того, эти же критерии более четко

Табл. 17. Первоочередные шаги из программы «120 шагов в будущее» Института современного развития

Шаги	Реформы
	Политическая часть. Перезапуск демократии: вперед, к Конституции
1.	Перезапуск механизмов политической конкуренции и создание институциональных механизмов диалога.
2.	Отмена неформальных запретов на приход «мейнстримовских» фигур в оппозиционные партии.
3.	Упрощение доступа партий и кандидатов к регистрации на выборах.
4.	Реформа Совета Федерации.
5.	Постепенный возврат к прямым выборам губернатора.
	К новой экономической модели. Частный бизнес и собственность — главные действующие лица
6.	Бюджетная реформа: переход к целевым программам и индикаторам.
7.	Формирование суверенного фонда «нового поколения», объемом не менее 60% ВВП.
8.	Постоянный структурный дефицит бюджета в 1–1,5% ВВП.
9.	Неувеличение налоговой нагрузки.
10.	Модернизация контроля за трансфертным ценообразованием.
11.	Унификация налоговых льгот.
12.	Опережающее развитие финансового сектора по сравнению с общеэкономической динамикой.
13.	Реальная конкуренция и обеспечивающая ее институциональная среда.
14.	Формирование целостной национальной инновационной системы.
15.	Политика укрепления собственности.
16.	Преодоление взаимного недоверия между властью, бизнесом и гражданским обществом.
	Дебюрократизация экономики
17.	Ревизия и кардинальное сокращение полномочий и функций органов власти.
18.	Полное подчинение деятельности власти административным регламентам.
19.	Назначение высших должностных лиц под конкретную задачу и определенный срок.
20.	Проанализировать причины прошлых провалов институциональных преобразований.
21.	Программа перевода управления из ручного в системный режим.

Источник: Институт современного развития.

определяют состояние экономики и общества, наличие кризисных и антикризисных явлений.

Так или иначе, но к этому выводу к 2010 году пришли практически все, включая и правящую элиту и самих авторов «Стратегии–2020».

Понятно, что критики от оппозиции — политической и интеллектуальной — говорили об этом раньше. Но ситуация в 2010–2011 годах заключалось в том, что ее ошибочность признали все. И Д. Медведев, и В. Путин, и сами ее авторы.

Примечательно, что к такому же выводу пришли отечественные либералы. В ходе дискуссий 2010–2011 годов они, прежде всего И. Юргенс и в целом ИНСОР, неоднократно выступали за общественно-политические реформы, которые должны стать обязательным условием экономических реформ. Во многом их концепция стала альтернативой возглавляемой Я. Кузьминовым и В. Мау группе экспертов, которые должны были по поручению В. Путина «скорректировать» «Стратегию–2020». Их вариант «Стратегии» предполагает «…в качестве условия модернизации кардинальные политические реформы: «перезапуск» механизмов политической конкуренции, упрощение доступа партий и кандидатов к выборам, реформу Совета Федерации и постепенный возврат к прямым выборам губернаторов»[80]. Фактически, это означали претензии на власть новых либералов, заявивших устами С. Алексашенко, что «…ни одного шанса на какую-то ни было экономическую реформу, пока правящим классом в стране является бюрократия, нет»[81]. Алгоритм стратегии, предложенной ИНСОРом выглядит следующим образом (табл. 17). Он, как представляется, олицетворяет собой новый неолиберальный образ будущей

Табл. 18. Прогнозирование ВВП. Номинальный и реальный ВВП, 1999–2020 гг.

	Реальный ВВП, млрд руб.	Номинальный ВВП, млрд руб.	Индекс-дефлятор, в % к прошлому году	Индекс физического объема, в % к прошлому году
1999	10193,35617	4823,2335	172,4657302	106,3511
2000	11217,34579	7305,6463	137,6408819	110,0456572
2001	11788,43423	8943,5824	116,4895193	105,0911192
2002	12347,65189	10830,53511	115,6139262	104,7437823
2003	13243,23982	13243,23982	114,0077751	107,2531032
2004	14190,30939	17048,12166	120,1391797	107,1513458
2005	15096,72987	21625,37221	119,2328828	106,3875997
2006	16255,52243	26903,49381	115,538585	107,6757852
1007	17570,86186	33258,1425	113,8322297	108,0916466
2008	18552,47567	41444,6669	118,0355255	105,5866003
2009	17077,65787	39063,6079	102,3	92,05056066
2010	117527,09765	42677,4997	106,4498168	102,6317413
2011	17991,50834	47503,31193	108,4344681	102,6496725
2012	18699,05402	53273,4787	107,903394	103,9326646
2013	19639,5234	60958,47585	108,9461117	105,0295025
2014	20556,5353	70217,69942	109,2932109	105,3948309
2015	21674,61134	81175,18684	109,4815739	105,5931312
2016	22843,47446	93501,71232	109,2912582	105,3927754
2017	24037,31801	107374,0909	109,1329982	105,2261908
2018	25173,24622	122183,324	108,6573782	104,7256862
2019	26329,14158	138694,5941	108,5300796	104,5917612
2020	27503,28459	157055,818	108,4043307	104,4594808

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики РФ, прогнозы Министерства экономического развития http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года..

Табл. 19. Индекс физического объема, «Стратегия–2020»

	Индекс физического объема		
	Сценарии развития		
	Инновационный	Энергетический	Инерционный
2013	105,9	105,4	103,8
2014	106,5	105,7	104
2015	106,9	105,9	104
2016	106,8	105,6	103,8
2017	106,7	105,3	103,7
2018	106,3	104,7	103,2
2019	106,3	104,4	103,1
2020	106	104,4	103

«Стратегии развития», претендуя, одновременно, уже не только на политико-идеологическое лидерство, но и на власть, хотя претензии эти при максимальной поддержке в 4–5% трудно объяснимы.

Таким образом, ключевая проблема, которая должна быть решена российской элитой при выборе стратегии (точнее — идеологии) опережающего развития, — это критерии и темпы развития ключевых отраслей и областей страны, экономики и общества, а не темпы роста ВВП, прежде всего отражающихся на развитии человека.

Как видно, финансовые власти, ориентируясь на рост ВВП, прогнозируют:

1. Относительно медленные среднемировые темпы роста ВВП, которые обеспечиваются ростом цен на энергоносители и ростом объема экспорта.
2. Не учитывается доля НЧП в росте ВВП, которая в развитых странах достигает 15% от всего объема прироста.
3. Не учитывается развитие социального потенциала страны.

Не меняет принципиально и подход роста ВВП в зависимости от сценариев развития, которые, как показал кризис 2008–2011 годов, как правило, развиваются по инерционному сценарию. Тем более, если речь идет об инновациях. Это видно на следующих примерах.

Во-первых, на примере создания передовых технологий по видам, где доля принципиально новых технологий практически не увеличивается[82] (табл. 20).

Во-вторых, на балансе торговли технологиями, который составляет дефицит почти в 1 млрд долл.[83] (рис. 11).

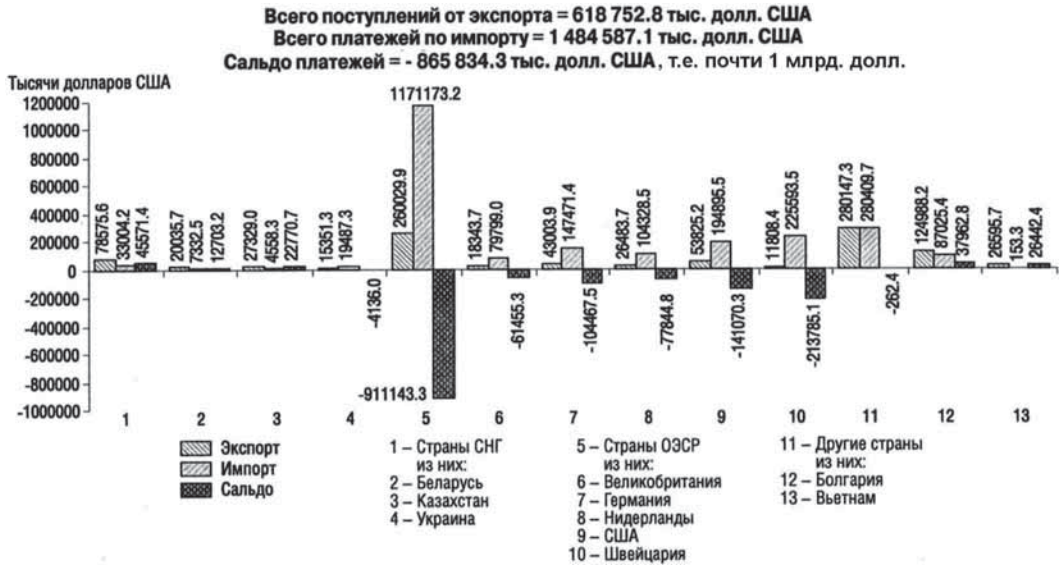
В-третьих, динамики поступления заявок и выдачи патентов на изобретения[84] (табл. 21).

Господствующий критерий — «удвоения ВВП» — требовал темпов роста порядка 7% ВВП, на даже он мало что значит. И мало утешает.

Несколько слов о пресловутых темпах роста ВВП, которые мало что значат на современном этапе развития общества. Пока что все оценки вращаются вокруг 6–7%, что очевидно недостаточно. Россия,

Табл. 20. Создание передовых производственных технологий по видам

	Технологии													
	всего		Новые в стране		Принципиально новые		обладающие							
							патентами на изобретения		патентами на полезные модели		патентами на промышленные образцы		патентной чистотой	
	2008	2009	2008	2009	2008	2009	2008	2009	2008	2009	2008	2009	2008	2009
Передовые производственные технологии	854	897	738	757	**54**	**140**	299	382	121	133	29	35	523	499
Проектирование и инжиниринг	173	196	150	169	**7**	**27**	53	73	24	31	3	8	105	103
Производство, обработка и сборка	369	328	316	283	**24**	**45**	136	144	52	49	14	13	239	200
Автоматизированные погрузочно–разгрузочные операции; транспортировка материалов и деталей	14	21	12	17	**1**	**4**	8	13	3	5		1	7	13
Аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля)	99	102	87	92	**8**	**10**	44	49	20	18	4	2	65	55
Связь и управление	68	67	65	61	**1**	**6**	13	10	2	9	4	5	43	29
Производственные информационные системы	23	26	20	22	**1**	**4**	3	4	4	4	2	3	5	11
Интегрированное управление и контроль	41	49	37	40	**3**	**9**	11	22	6	5	1	2	15	29
Нанотехнологии	67	108	51	73	**9**	**35**	31	67	10	12	1	1	44	59



* по курсу ММВБ на дату перечисления средств или принятия таможенной декларации к оформлению

Рис. 11. Баланс платежей за технологии по странам и регионам мира: 2009*

Табл. 21. Поступление заявок и выдача патентов на изобретения

	2000	2003	2005	2006	2007	2008	2009
Подано заявок на выдачу патентов Российской Федерации	28 688	30 651	32 254	37 691	39 439	41 849	38 564
В том числе заявителями:							
отечественными	23 377	24 969	23 644	27 884	27 505	27 712	25 598
иностранными	5311	5682	8610	9807	11 934	14 137	12 966
Выдано патентов Российской Федерации	17 592	24 726	23 390	23 299	23 028	28 808	34 824
из них заявителям:							
отечественным	14 444	20 621	19 447	19 138	18 431	22 260	26 294
иностранным	3148	4105	3943	4161	4597	6548	8530
Действует патентов Российской Федерации	144 325	106 717	123 089	123 882	129 910	147 067	170 264

обгоняя Европу и Бразилию по темпам роста ВВП, значительно отстает от Китая и Индии[85]. Учитывая же огромный масштаб американской экономики и ее качество, отрыв России от США отнюдь не равен разнице их ВВП известно, что американский экспорт наукоемкой продукции составляет 30% мирового, а российской — 0,3%). Это и есть реальный, а не придуманный современный критерий развития, который нельзя заменить никакими критериями роста ВВП.

Нынешнее правительство, рассматривая даже различные сценарии развития (с пониманием преимуществ инновационного сценария), по-прежнему оперирует устаревшими количественными показателями. Тем самым развитие заменяется ростом. Типичный пример — прогноз МЭРа, подготовленный в августе 2008 года, где, в частности, говорится:

Макроэкономические особенности основных сценариев развития (на самом деле роста!) в целом за прогнозный период представлены в табл. 22.

Как видно, правительство уже стало учитывать критерии развития. Последние четыре критерия можно вполне отнести к критериям развития. Но до сих пор в его планах эти критерии не стали главными. Судите сами: рост сектора экономики знаний увеличен с 13,3% до 17,2% за 12 лет! Напомню, что для развитых стран он превышает 50%. Это означает, что правительство в долгосрочном плане планирует дальнейшее отставание России в ее развитии.

За эти же годы практически на том же уровне остается число бедных в стране!

На самом деле, этот процент означает не долю бедных в российском обществе, а нищих, т.е. тех, кто

Табл. 22.

	Инерционный	Энерго-сырьевой	Инновационный
ВВП 2020 год к 2007 году	1,8 раза	2,0 раза	2,3 раза
Инвестиции 2020 год к 2007 году	2,4 раза	3,6 раза	4,0 раза
Доля инвестиций в экономику знаний и высоких технологий в 2020 году	13,8%	14,8%	16,5%
Производительность труда 2020 год к 2007 году	1,9 раза	2,2 раза	2,5 раза
Доля нефтегазового сектора в ВВП в 2020 году	13,2%	12,7%	11,1%
Доля сектора экономики знаний и высоких технологий в ВВП в 2020 году	13,3%	16,9%	17,2%
Реальные располагаемые денежные доходы населения 2020 год к 2007 году	1,9 раза	2,3 раза	2,6 раза
Бедность к 2020 году	7,9%	6,7%	6,2%
Средний класс к 2020 году	28%	47%	более половины населения

находится **за гранью** бедности. Действительно, бедных в России сегодня насчитывается более 50%, т.е. экономическая политика России, используя в термин Р. Гринберга, — «асоциальна»[86].

Не может воодушевить и планировавшийся рост доходов населения в 2,6 раза. Прежде всего потому, что этот рост пока что обеспечивается за счет роста доходов тех 10% населения, которые находятся на верхней ступени социальной лестницы. Кризис 2008–2011 годов показал, что даже в этих условиях количество миллиардеров в России может удвоиться, а по их числу Россия вышла на второе место в мире.

Таким образом, так называемый инновационный сценарий с социальной точки зрения практически не отличается от инерционного. Это означает, что у правительства вообще нет стратегии опережающего развития, которая отразила бы именно критерии развития, измеряемые социальный потенциал, а не критерии роста.

Вот критерии роста ВВП четко ограничены во всех сценариях 2008 года и последующих сценариях, и их приоритетность — как по порядку расположения, так и объему — у меня лично не вызывает сомнения.

6. Институты развития социального потенциала и место России в мире

Похоже, что будущее — за новыми формами политических объединений, в том числе, широкими политическими движениями, каким может стать Общероссийский народный фронт[87].
Н. Злобин

Последние революции продиктованыпоисками справедливости,а не проблемами развития[88].
А. Виноградов, профессор РИСИ

Теперь о более глобальном. А именно, о месте России, ее экономики в глобальной экономической системе, роли институтов социального потенциала. Кризис 2008–2011 годов показал, что наша страна чрезвычайно уязвима от внешних факторов. Поэтому наша политики и экономисты должны тщательно анализировать место России в мире, изменение в соотношении мировых сил. Нынешний анализ правительства об этом, к сожалению, просто «забывает».

По сути, здесь нет главного — сопоставления с уровнем других стран мира, прежде всего, США, Евросоюза и Китая. Например, ВВП России в 2020 году

будет равен 10% американского и 9% китайского, как в 2008 году. Притом, что качество НЧП и общества будет существенно ниже. В свое время «человек разумный», пришедший порядка 100 тысяч лет назад в Европу из Америки, вытеснил в течение короткого срока (2–3 тыс. лет) населявших Европу неандертальцев. Те попытались копировать навыки пришельцев, но не успели адаптироваться и были уничтожены или вытеснены. Не грозит ли такая же участь русским, населяющим огромные и богатые пространства?

Если будет реализован второй сценарий, то нетрудно увидеть, что России с ее огромными территориями и богатствами грозит фактическая колонизация передовыми государствами, которые будут диктовать ей условия развития. Внешняя экспансия передовых наций и цивилизаций неизбежна. И не только из-за ресурсов. Глобализация неизбежно будет ужимать национальный суверенитет, который может быть обеспечен только высоким уровнем НЧП.

При этом следует повторить, что темпы развития и темпы роста экономики при сопоставлении государств в будущем также означают отнюдь не одно и то же. Развитие передовых государств, прежде всего, будет характеризоваться качественными показателями, а рост — количественными. Так, 10% прироста ВВП за счет развития — это прирост наукоемкой продукции и услуг. Те же 10% прироста ВВП за счет экстенсивного развития (например, увеличения экспорта сырья) означают, что экономика отнюдь не развивается, а деградирует, становится более энергоемкой и ресурсоемкой, менее экологичной.

Применительно к сравнению России и США–Китая это будет означать уже не просто качественное отставание, а отсталость. Даже архаичность. Отсталость технологическую, техническую, научную, производственную. Отсталость до такой степени, когда весь внутренний российский рынок, а не как сегодня 60%, будет определяться импортом ведущих государств. Преодолеть такую отсталость будет невозможно даже в долгосрочной перспективе. Это просто не дадут сделать.

Это видно из сравнения индексов конкурентоспособности, за 2010–2011 годы в сравнении с 2009–2010 годами, подготовленными по заказу Всемирного форума[89] (табл. 23). Мы взяли только некоторые страны. Как видно из этих данных, Россия в 2009–2010 годы стабильно «зависла» на 63-ем месте, уступая Шри Ланке! При этом по критерию «инновационности» она находилась в 2010 году на 80-м месте[90].

Таким образом, планы социально-экономического развития России до 2020 года **планами развития отнюдь не являются**. Они ведут к деградации НЧП и всей нации, потере его национальной идентичности. Они объективно, по сравнению с ведущими государствами, **ухудшают** положение России. Более того, ведут к превращению ее в зависимое и отсталое государство с ограниченным суверенитетом в краткосрочной перспективе и самоуничтожению — в долгосрочной.

Это позволяет некоторым экспертам использовать даже термин «Недогоняющее развитие», который предполагает, что рост душевого ВВП не сопровождается институционным развитием. Более того, по оценкам некоторых экспертов, значительный рост ВВП за 2000–2007 годы сопровождался отставанием в институциональном развитии[91]. Тем более, такое «развитие» характерно для периода 2008–2011 годов.

В правительстве в целом есть понимание всей сложности этой ситуации. Так, в уточненном варианте (август 2008 г.) концепции социально-экономического развития инновационный сценарий предполагает до 2020 года увеличение производительности труда в ведущих секторах в 3–5 раз и снижение энергоемкости в среднем в 1,6–1,8 раз. Доля высокотехнологической продукции в ВВП должна составить 17–20% (в 2007 г. — 10–11%). Затраты на НИОКР к 2020 году планировалось увеличить до 2,5–3% ВВП (в 2007 г. — 1,1% ВВП). Доля предприятий, осуществляющих инновации, должна вырасти до 40–60% (в 2007 г. — 8,5%), а инновационной продукции в объеме выпуска — до 25–35% (в 2007 г. — 5,5%)[92]. Но это понимание быстро исчезло. В последующие три года ситуация по всем этим параметрам не улучшилась, а ухудшилась. Так, что можно говорить лишь о благих намерениях, о которых быстро забыли. И не только из-за кризиса, а, скорее, из-за того, что эти намерения **не стали политическим курсом, стратегией развития**.

В прогнозе к этой Концепции (но где-то глубоко в тексте) приводятся, наконец, и качественные характеристики ожидаемого развития: «Существенно сократится разрыв между Россией и ведущими странами мира по уровню благосостояния. Объем ВВП на душу населения к 2015 году составит не менее 23 тыс. долларов США (в ценах 2005 года), к 2020 году — более 30 тыс. долларов США, что приблизительно соответствует **современному уровню развития стран Еврозоны** (подч. — *А. П.*). Разрыв в уровне ВВП на душу населения по сравнению с США сократится с трех до менее двух раз (отношение данного показателя возрастает с 32% до 57% от уровня США). В 2030 году уровень ВВП на душу населения достигнет 50 тыс. долларов США, что превысит средний уровень стран Еврозоны»[93].

Россия займет достойное место в мировой экономике, будет обеспечена ее интеграция в мировое хозяйство на основе использования научно-исследовательского, образовательного и производственно-технологического потенциалов, а не только энерго-сырьевого экспорта. Доля России в мировой экономике увеличится с 3,2% в 2007 году до 3,8% в 2015 году и 4,3% в 2020 году. По размеру экономики Россия переместится с восьмого места в 2007 году на пятое место в 2020 году»[94].

Вопрос заключается в том, что достаточны ли эти усилия, чтобы Россию к 2020 году можно было бы считать страной лидером, а не «догоняющей стра-

Табл. 23. Global Competitiveness Report 2010–2011 rankings and 2009–2010 comparisons

Country/ Economy	GCI 2010–2011		GCI 2010–2011 rank among 2009 countries	GCI 2009–2010 rank	Country/ Economy	GCI 2010–2011		GCI 2010–2011 rank among 2009 countries	GCI 2009–2010 rank
	Rank	Score				Rank	Score		
Switzerland	1	5,63	1	1	Kazakhstan	72	4,12	71	67
Sweden	2	5,56	2	4	Peru	73	4,11	72	78
Singapore	3	5,48	3	3	Namibia	74	4,09	73	74
United States	4	5,43	4	2	Morocco	75	4,08	74	73
Germany	5	5,39	5	7	Botswana	76	4,05	75	66
Japan	6	5,37	6	8	Croatia	77	4,04	76	72
Finland	7	5,37	7	6	Guatemala	78	4,04	77	80
Netherlands	8	5,33	8	10	Macedonia, FYR	79	4,02	78	84
Denmark	9	5,32	9	5	Rwanda	80	4,00	n/a	n/a
Canada	10	5,30	10	9	Egypt	81	4,00	79	70
Hong Kong SAR	11	5,30	11	11	El Salvador	82	3,99	80	77
United Kingdom	12	5,25	12	13	Greece	83	3,99	81	71
Taiwan, China	13	5,21	13	12	Trinidad and Tobago	84	3,97	82	86
Norway	14	5,14	14	14	Philippines	85	3,96	83	87
France	15	5,13	15	16	Algeria	86	3,96	84	83
Australia	16	5,11	16	15	Argentina	87	3,95	85	85
China	27	4,84	27	29	Armenia	98	3,76	94	97
Russian Federation	63	4,24	63	63	Burkina Faso	134	3,20	128	128

ной»? Так, признается, что к 2020 году Россия «перестанет быть сырьевой державой, а ее экономику будут двигать знания. Через 6–10 лет их вклад в ВВП превысит долю нефти и газа»[95]. Правда, не поясняется, как это может быть, если доля экономики знаний не превысит 20%?

В этой связи хотел бы напомнить, что еще в 1985 году в развитых странах стоимость информационных ресурсов **превысила** стоимость ресурсов топливно-энергетического комплекса. Это означает, что к 2020 году Россия по этому интегральному показателю только выйдет на уровень развитых стран 1985 года. Это, наверное, лучшее свидетельство реального положения России относительно ведущих стран мира.

Другая сторона проблемы заключается в росте социального оптимизма наших сограждан, с одной стороны, и медленным развитием общественных институтов, — с другой. На фоне преодоления глубокого психологического общенационального стресса, растущих ожиданий и улучшения общего климата в стране особенно заметен спад социальной активности, без которой в XXI веке все сложное экономическое развитие.

Можно констатировать, что до кризиса заметный экономический рост и социальный оптимизм сопровождался очевидным запаздыванием в институционально-социальной области, которая стала превращаться в серьезный фактор ограничения развития экономики и общества. Этим элита не воспользовалась.

Так, из приведенной ниже табл. 24 видно, что по важнейшим макроэкономическим показателям за 2005–2009 годы (за исключением инфляции) Россия находится в группе стран-лидеров. Вместе с КНР.

Однако на деле Россия все больше и больше отставала. В том числе и от Китая. За эти годы структура внешней торговли России с Китаем, например, изменилась радикально. Только за 2007 год импорт из КНР вырос на 80%, а положительное сальдо китайского торгового баланса впервые достигло 9 млрд долл. При этом если доля экспорта российской машиностроительной продукции еще недавно превышала 25%, а сырья — 5%, то в 2008 году только 1,5% экспорта стало принадлежать машиностроению, а ⅔ — сырью[96].

Эти изменения сопровождаются и геополитическими изменениями. Прежде всего, в соотношении сил в мире.

Табл. 24. Оценка темпов роста ВВП

Показатели	Страны	2005	2006	2007	2008	2009
ВВП	Россия	6,4	6,7	7,3	6,5	6,0
	Китай	10,4	11,1	11,4	10,7	10,1
	Индия	9,2	9,4	8,8	8,6	8,4
	Бразилия	3,2	3,7	4,8	4,5	4,5
	США			2,2	2,0	2,2
	Япония			1.9	1,6	1,8
	Страны Европы			2,7	2,3	2,4
Инфляция	Россия	10,9	9,0	11,0	9,5	8,5
	Китай	4,1	3,1	4,4	4,5	4,6
	Индия	4,4	5,3	5,4	4,9	4,5
	Бразилия	5,7	3,1	3,9	4,0	4,0
	США			2,6	2,1	2,0
	Япония			–0,5	–0,3	0,3
	Страны Европы			2,2	2,2	2.3
Профицит / дефицит бюджета (% ВВП)	Россия	8,1	8,5	5,5	3,8	1,5
	Китай	0,2	1,0	2,0	1,8	1,7
	Индия	–6,7	–6,4	–5,6	–5,2	–5,2
	Бразилия	–3,0	–3,0	–1,9	–1,4	–1,0
	США			–3,0	–3,4	–3,4
	Япония			–3,4	–3,9	–3,6
	Страны Европы			–0,6	–0,6	–0,4
Сальдо платежного баланса (% ВВП)	Россия	10,9	9,8	6,0	4,7	2,0
	Китай	7,2	9,4	11,2	11,3	11,8
	Индия	–1,1	–1,1	–2,0	–2,1	–2,0
	Бразилия	1,6	1,3	0,6	–0,1	–0,4
	США			–5,6	–5,4	–5,3
	Япония			4,7	4,8	5,2
	Страны Европы			0,2	–0,1	–0,2

Источник: ОЭСР

В 2009 г. США впервые более чем за 100 лет утратят роль крупнейшей в мире промышленной державы. К таким выводам пришла американская консалтинговая компания Global Insight. В исследовании она оценила промышленный потенциал стран не по объемам продаж промышленных компаний, а по созданной ими добавочной стоимости: из выручки вычитаются расходы предприятий.

Место США займет Китай. Его компании произведут 17% мировой промышленной продукции, а американские — только 16%. По оценкам Global Insight, к этому моменту добавочная стоимость мировой промышленности будет «весить» $11,783 трлн

В этом году доля США в мировом производстве составит 16,9%, а Китая — 15%. Еще в прошлом году экономисты Global Insight прогнозировали, что Китай вырвется в промышленные лидеры только в 2013 г., но расчеты были скорректированы из-за кризиса в американской экономике. По данным опроса экономистов, проведенного Bloomberg, во втором полугодии 2008 г. ВВП США вырастет в годовом выражении лишь на 0,7%, безработица к декабрю 2008 г. достигла 6%[97].

Таким образом, соотношение сил в мире стремительно меняется. Быстрее, чем самые смелые предположения. Каким оно будет через 10–12 лет можно

уже сейчас догадываться, опираясь на прогнозы. Но каким мы **хотим** его видеть, какое место **должна** занимать Россия зависит уже не от экономической экстраполяции, а от **воли и таланта** граждан России и ее правящей элиты.

Это, конечно же, понимают в правительстве. Полагаю, что 2007 год стал рубежным в осознании необходимости именно качественного развития. К 2008 году дело дошло до принятия конкретных решений и постановки конкретных задач. Так, на одном из заседаний правительства в январе 2008 года была сформулирована цель достигнуть к 2015 году 3% мировой доли наукоемкой продукции (т.е. примерно доли ВВП России в мире в 2015 году), что означает приблизительно десятикратный рост[98]. Напомню, что последние годы (2005–2010 гг.) доля России составляет 0,3–0,5% от мировой.

Как признается в новом (август 2008 г.) варианте концепции социально-экономического развития, «это предъявляет высокие требования к темпам и качеству роста российской экономики, необходимым для увеличения ее экономического веса в мире, обеспечения регионального лидерства и сокращения отставания от развитых стран;

— превращение Китая и Индии в основные локомотивы мирового экономического роста, появление новых мировых центров экономического развития в Азии и Латинской Америке;
— преодоление энергетических барьеров роста за счет повышения энергоэффективности и расширения использования альтернативных видов энергии при сохранении тенденции к удорожанию энергоносителей;
— усиление ограничений роста, связанных с экологическими факторами, дефицитом пресной воды и изменением климата, что создает дополнительные возможности для России с ее огромными запасами пресной воды и экологически благополучных территорий;
— сохранение и, вероятно, усиление дисбалансов в области мировой торговли, движении капиталов, что будет способствовать изменению курсов мировых валют и перестройке институтов мировой экономики (мирового экономического порядка);
— старение населения в развитых странах на фоне быстрого роста населения в развивающихся странах будет интенсифицировать мировые миграционные процессы и увеличивать нагрузку на социальные системы развитых стран.

Предстоящий период характеризуется структурной перестройкой мирового хозяйства, связанной с изменением баланса между ее экономическими центрами, возрастанием роли региональных экономических союзов. Дальнейшее развитие мировой **экономики будет определяться балансом между сложившейся тенденцией поступательной глобализации мировой экономики и тенденциями регионализации, как реакцией на рост напряженности между мировыми центрами силы**…»[99].

Таким образом, десятикратный рост эффективности (т.е. на 10 000%!) равнозначен удвоению ВВП (100%). Напрашивается вывод о том, что каждый процент прироста ВВП должен сопровождаться десятикратным ростом эффективности ее экономики и институтов. Понятна разная масштабность этих задач. Так, если прирост ВВП в 2008 году составилт 8%, т.е. на 1% больше, чем в 2007 году, то для сохранения пропорций эффективность развития составила более 80% только за один год. А эта эффективность измерялась энергосберегающими технологиями, например, и наукоемкими вообще.

Таким образом, в 2008 году часть российской элиты осознала необходимость качественного роста и развития, и вышла на постановку конкретных задач и принятие конкретных решений, создание механизмов их реализации. Но в отсутствии идеологии и стратегии масштаб этих задач, очевидно, остался недооцененным. Сохранились прежние, инерционные макроэкономические мотивы, которые сдерживают темпы развития, ведь обоснования именно предлагаемых задач до сих пор нет.

В XXI веке экономическое развитие должно в обязательном порядке сопровождаться развитием общества, его институтов, повышением эффективности госуправления (которое в идеале должно наконец-то выйти на местный уровень) и, главное, развитием духовно-нравственным и культурным. Причем развитие социального потенциала и НЧП в целом, должно идти опережающими темпами.

Отставание в этих областях, безусловно, сдерживает не только экономическое развитие, но даже простой экономический рост. Взаимосвязь между этими сферами стала очевидной для российской политической элиты еще в 2007 году, но примечательно, что именно эта взаимосвязь была **политически** озвучена кандидатом в президенты Д. Медведевым в начале февраля 2008 года[100]. Очевиден начавшийся перелом в сознании большинства представителей российской элиты, хотя можно согласиться с Е. Федоровым, который считает, что трудно прогнозировать, когда завершится (этот) перелом сознания большинства»[101] … К 2011 году этого не произошло.

Таким образом, ускоренное (опережающее) развитие — это именно развитие, а не рост, которое охватывает не только экономическую область, но и сферы общественной, культурной и духовной жизни общества, а также совершенствование государственных институтов, эффективность управления.

Если, как мы видим, в 2007–2010 годах российская элита сосредоточила свое внимание именно на экономическом **росте** (что уже выгодно отличает ее от отношения элиты 90-х годов и начала десятилетия), то элементы экономического и особенно общественного долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года, разработанные МЭРом к июлю

2008 года, отражали именно такой, экстенсивный подход, который сохранился в принципе и позже, вплоть до 2011 года, когда В. Путин дал указание «корректировать» эту Концепцию.

С одной стороны, хорошо уже, что такая Концепция имела долгосрочный характер (рассчитана на 13 лет) и вполне амбициозна. Но, с другой стороны, это именно концепция роста, где элементы развития представлены весьма скромно: рост инновационного сектора ВВП с 10,5% в 2006 году до 18,1% в 2020 году, а доля высокотехнологической продукции — 10%. При этом доля России в мировом ВВП вырастет с 2,6% до 3% в 2015 и 3,4% — в 2020 году (Китая — 23,5%, США — 15,5%, Индии — 9,4%). Из этих сопоставлений видно, что экстенсивно, количественно мы будем продолжать отставать от наиболее динамично развивающихся стран, медленно «вползая» в группу развитых государств.

Между тем сложилась более совершенная система индикаторов[102].

Социально-экономические параметры. Источником данных по представленным ниже переменным является база данных Всемирного банка «World Development Indicators»[103], в которой в настоящее время насчитывается с 1960 г. более 900 индикаторов, характеризующих различные аспекты социально-экономического развития большинства стран мира.

Параметры, которые предполагается использовать для проведения исследования, могут быть разделены на пять групп (в логике классификации индикаторов, которой придерживаются создатели базы данных «World Development Indicators») — инфраструктура, наука и технологии, образование и здравоохранение, экономическая политика и внешний долг, государственные расходы, население. Важно отметить, что список используемых параметров является **открытым**, т.е. предполагается его дополнять или сокращать по мере необходимости.

Параметры, описывающие состояние **инфраструктуры**, призваны дать общую характеристику развития инфраструктуры, свойственной как индустриальному (например, дорожная сеть), так и постиндустриальному укладу. Они включают следующие параметры: (1) пользователи сети Интернет на 100 человек населения (Internet users per 100 people); (2) подписчики мобильной и фиксированной телефонной связи на 100 человек населения (Mobile and fixed line telephone subscribers per 100 people); (3) телефонные линии на 100 человек населения (Telephone lines per 100 people); (4) персональные компьютеры на 100 человек населения (Personal computers per 100 people); (5) расходы на информационные и коммуникационные технологии в долларах США по текущему курсу (Information and communication technology expenditure, current US$); (6) расходы на информационные и коммуникационные технологии в процентах ВВП (Information and communication technology expenditure, % of GDP); (7) потребление электричества на душу населения в кВт/ч (Electric power consumption, kWh per capita); (8) плотность дорог в км дорог на 1 кв. км сухопутной территории (Road density, km of road per sq. Km of land area); (9) дороги с покрытием в процентах от общей протяженности дорог (Roads, paved, % of total roads); (10) общая протяженность дорожной сети в км (Roads, total network, km); (11) общая протяженность железнодорожных путей (Rail lines, total route-km).

Параметры, описывающие развитие сферы **науки и технологии**, включают в себя (1) расходы на НИОКР в процентах ВВП (RD expenditures, percent GDP); (2) исследователи в сфере НИОКР на 1 млн человек населения (Researchers in RD per million people); (3) технические работники в сфере НИОКР на 1 млн человек (Technicians in RD per million people); (4) заявки на патенты, поданные нерезидентами (Patent applications, nonresidents); (5) заявки на патенты, поданные резидентами (Patent applications, residents). Следует обратить особое внимание на два последних параметра. Патенты (точнее, заявки на их получение) указывают, насколько интенсивно страна втянута в процессы НТР: патенты защищают интеллектуальную собственность, свидетельствуя об условиях развития страны. Большое число патентов резидентов говорит о благоприятных условиях для проведения научных изысканий и благоприятной экономической конъюнктуре. Преобладание заявок на патенты, поданных нерезидентами, говорит о том, что страна является по сути реципиентом экономических, технологических и научных достижений, будучи неспособной создать соответствующие условия для резидентов. Более подробное обоснование использования данных параметров (применительно к ограниченному числу стран) содержится в Разделе 2 «Группа быстроразвивающихся государств в структуре базы знаний «Мировая динамика и процессы развития». Однако отметим, что параметры, которым уделяется повышенное внимание при анализе данных второго уровня базы знаний, будут использованы для исследования более широкого круга государств и могут дать лучшее понимание процессов развития в мире.

Параметры, описывающие развития сфер образования и здравоохранения, включают в себя (1) общий размер государственных расходов на образование в процентах ВВП (Public spending on education, total, % of GDP); (2) общий размер государственных расходов на образование в процентах от общих расходов правительства (Public spending on education, total, % of government expenditure); (3) общий размер государственных расходов на здравоохранение в процентах ВВП (Health expenditure, public, % of GDP); (4) общий размер государственных расходов на образование в процентах от общих расходов правительства (Health expenditure, public, % of government expenditure).

Данные параметры характеризуют (довольно условно) уровень развития не только собственно

Табл. 25. Объем бюджетных ассигнований федерального бюджета на реализацию расходных обязательств по разделу «Образование»[104]: млрд рублей

Наименование	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Образование (без закрытых статей)	**386,4**	495,8	498,9	**501,2**
в том числе:				
Дошкольное образование	**4,0**	**4,6**	**5,0**	**4,8**
Общее образование	**5,0**	35,0	34,5	**29,7**
Начальное профессиональное образование	**3,2**	3,8	8,5	**8,5**
Среднее профессиональное образование	31,7	33,6	34,2	33,9
Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации	4,9	5,8	5,8	5,6
Высшее и послевузовское профессиональное образование	**316,2**	365,4	364,1	**394,3**
Молодежная политика и оздоровление детей	0,6	0,8	1,0	0,8
Прикладные научные исследования в области образования	10,5	21,8	21,9	5,2
Другие вопросы в области образования	10,3	25,1	24,1	18,3

Табл. 26. Объем средств федерального бюджета на науку гражданского назначения[105]

Наименование расходного обязательства	2010 г.	2011 г.		2012 г.		2013 г.	
		проект	% к предыдущему году	проект	% к предыдущему году	проект	% к предыдущему году
Всего	172,9	227,8	131,8	238,6	104,7	225,0	94,3
в том числе:							
Фундаментальные исследования	78,2	85,3	109,1	82,7	97,0	82,8	100,1
Прикладные научные исследования	94,7	142,5	150,5	155,9	109,4	142,2	91,2
кроме того:							
Имущественный взнос в государственную корпорацию «Российская корпорация нанотехнологий» и субсидии ЖКХ	1,3	25,3		40,7		0,3	

сфер образования и здравоохранения, но и уровень развития человеческого потенциала. Ограничения, присущие данным параметрам, вызваны тем, что они не учитывают размер населения страны, а также распределение расходов на образование и здравоохранение по разным социальным слоям.

Вместе с тем интересно сопоставить эти параметры, например, с ситуацией в финансировании государством образования в России (табл. 25).

С 1 сентября 2011 г. предусмотрена индексация стипендиального фонда обучающихся в образовательных учреждениях на 6,5%. Объем бюджетных ассигнований на выплаты стипендий составит в 2011 году **42,1 млрд рублей, в 2012–2013 годах — 43,9 млрд рублей ежегодно**. Прорабатывается вопрос об индексации стипендиального фонда обучающихся в образовательных учреждениях на 9%.

Учитывая значимость подготовки высококвалифицированных специалистов с высшим профессиональным образованием для экономики страны, в 2011–2013 годах **предусматривается продолжение начатой в 2010 году ежегодной дополнительной поддержки ведущих российских университетов в сумме 30,0 млрд рублей, за счет которых предполагается осуществить поддержку инновационно активных вузов**. Подобное сопоставление интересно и в научной области (табл. 26).

В целом институты развития науки и инновации финансируются весьма скромно, а их масштабы совершенно не соответствуют потребностям

страны, хотя заметна и положительная динамика, о которой рапортует Минобрнауки: «Одним из эффективных инструментов реализации государственной научно-технической политики остаются федеральные целевые программы, которые реализуют полную инновационную цепочку: от ориентированных поисково-прикладных исследований через разработку технологий к коммерциализации инновационной продукции, включая формирование необходимой научной и инновационной инфраструктуры. ФЦП направлены на проведение прорывных прикладных исследований и коммерциализацию их результатов.

Важнейшей из них, координируемой Минобрнауки России, является программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы» (далее — ФЦП Исследования). **В 2010 году объем бюджетного финансирования НИОКР по ФЦП Исследования составил 6,62 млрд рублей, выполнялось 490 контрактов, было привлечено средств внебюджетных источников в объеме более 3,5 млрд рублей**.

По итогам реализации программы в 2010 году по ряду важнейших показателей программные значения **существенно превышены**:

— объем дополнительного производства новой и усовершенствованной высокотехнологичной продукции **за счет коммерциализации созданных передовых технологий составил 38,4 млрд рублей при плане в 23–24 млрд рублей**;

— дополнительный объем экспорта высокотехнологичной продукции соответственно **7,8 млрд рублей против плановых 2–3,5 млрд рублей**;

— количество разработанных конкурентоспособных технологий, предназначенных для коммерциализации соответственно **43 единицы против 20–21, предусмотренных программой»**[106].

---

1 Простые постулаты будущего. 2008. 21 февраля. http://www.intelros.ru/readroom/ polit_mag

2 *Львов Д. С.* Миссия России (гражданский манифест). http://www.inesnet.ru/ publishing. М.: 2006. С. 53.

3 Социальная Европа в XXI веке / под ред. М. В. Каргаловой М.: Весь мир, 2011. С. 176.

4 См. подробнее: *Подберезкин А.* Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2 (17). С. 7–25.

5 См. подробнее: История создания инновационной системы в Израиле. В докладе: Ярославский план 10–15–20. «Дорожная карта» строительство инновационной экономики: лучшая международная практика и уроки для России // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 6–22.

6 *Денисов А.* Россияне живут в социальных гетто // Независимая газета. 2011. 6 апреля. С. 3.

7 Начало дискуссии было положено еще в 2005–2006 годах. В те годы, в том числе и я, выступил с коллегами с объемной работой по данной теме. См.: Карпенко М. и др. Приоритетные национальные проекты и новая идеология. М.: СГА, т. 1, т. 2, 2006 г. В частности в т. 2 мною была подготовлена глава «Национальные проекты и новое общество».

8 Так, А. Кудрин заявил, что «…мир, и Россия в том числе, сползает к разрушительной предкризисной модели». *Арсюхин Е.* Суровая правда А. Кудрина // Известия. 2011. 21 февраля.

9 *Борисов Д.* Разгром на Неве // Независимая газета. 2011. 19 мая. С. 3.

10 *Баталов Э. Я.* Революция. Бунт. Переворот // Независимая газета. 2011. 22 марта. С. 15.

11 Интересно, что даже Д. Медведев на своей пресс-конференции в качестве президента страны 18 мая 2011 года говорил о «разных подходах», существующих у него и В. Путина, — эволюционном и более динамичном. (Я не оторвался от земли. Президент Дмитрий Медведев ответил на вопросы журналистов // Российская газета. 2011. 19 мая. С. 2.).

12 *Роик В.* Матрица достойной пенсии // Независимая газета. 2011. 13 мая. С. 3.

13 *Виноградов А.* Субъектность поневоле // Независимая газета, НГ-сценарии. 2011. 22 марта. С. 14.

14 *Римашевская Н. М.* Качество человеческого потенциала в современной России. [Эл. ресурс]. URL:http://spkurdyumov.narod.ru/Rimash1.htm

15 *Басовская Н.* Спор физиков и лириков // Российская газета. 2011. 21 марта. С. 9.

16 *Сурков Н.* Американский «отец» арабских революций // Независимая газета. 2011. 19 февраля. С. 6.

17 *Баталов Э. Я.* Революция. Бунт. Переворот // Независимая газета. 2011. 22 марта. С. 15.

18 *Грищенко В.* Неизбежность развязки // Независимая газета. 2011. 21 марта. С. 9.

19 Ярославский план 10–15–20 // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 21.

20 *Куклин А. А., Васильева Е. В.* Качество жизни населения регионов России: подходы к исследованию и оценка состоянии // Вестник РГНФ. 2010. № 3 (60). С. 82.

21 *Богатуров А.* Кризис политики правого центра // Независимая газета. 2011. 22 марта. С. 11.

22 OECD. Main Science and Technology Indicators. April 2008.

23 При этом, по оценке академика Д.С.Львова, зарплата отстает от производительности труда более, чем в два раза.

24 *Богатуров А.* Кризис политики правого центра // Независимая газета. 2011. 22 марта. С. 11.

25 Ярославский план 10–15–20. «Дорожная карта» строительства инновационной экономики: лучшая международная практика и уроки для России // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 107–120.

[26] *Иноземцев В.* Демократия перед вызовом истории. Предисловие. *Зидентол Л.* Демократия в Европе / пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С. XXXI.

[27] Интернет-конференция. Жизненный цикл инновационного прогноза в отечественной промышленности. Комитет СФ по промышленности. М.: 2011. Май.

[28] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 214.

[29] Там же. С. 218.

[30] OECD, Main Science and Technology Indicators, April 2008.

[31] См. Концепция развития образования в Российской Федерации. М.: Минобрнауки, 2011. Февраль.

[32] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 218.

[33] OECD, Main Science and Technology Indicators, April 2008.

[34] Цит. по: Ярославский план 10–15–20 // The New York Academy of Science. 2010. August, 20.

[35] Там же.

[36] www.km.ru. 2008. 31 июля.

[37] *Подберезкин А.* См. подробнее: Социалистический манифест. РАУ-корпорация, 2004.

[38] The National Security Strategy. 2010. May, 10. P. 1.

[39] *Путин В.* Выступление на расширенном заседании Государственного Совета «О стратегии развития России до 2020 года». 2008. 7 февраля. http://www.viperson

[40] *Рубцов А.* Кто шляпку спер, тот и тетку пришил // Независимая газета. 2011. 18 мая. С. 5.

[41] *Федорченко А. В., Крылов А. В.* Ближний Восток и Северная Африка: прогноз развития политической и социально-экономической ситуации. М.: МГИМО (У), ИМИ. 2011. Март. С. 7.

[42] *Зыкова Т.* Без закрытых тем // Российская газета. 2011. 15 марта. С. 1, 4.

[43] *Башкатова А.* Выбор между стагнацией и модернизацией // Независимая газета. 2011. 16 февраля. С. 4.

[44] Там же.

[45] *Смирнова Я.* Студенты обсудили с учеными ядерную проблему // МГИМО(У). 14 марта 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.mgimo.ru/system

[46] *Гарифуллин Р. Р.* Наука, откатывающаяся от России. 15 марта 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru

[47] *Миронов С.* Правду говорить легко и приятно // Официальный сайт партии «Справедливая Россия». 18 мая 2011 г. http://www.spravedlivo.ru/news

[48] *Богатуров А.* Кризис политики правого центра // Независимая газета. 2011. 22 марта. С. 11.

[49] Частные инициативы не способны принципиально изменить ситуацию в стране. Так, создание «нового инновационного инструмента» – 27 технологических платформ, делается в расчете на бизнес, а участие государства ограничится инфраструктурными проектами. См.: *Письменная Е., Казьмин Д.* Платформы Путина // Ведомости. 2011. 4 апреля. С. 3.

[50] В ноябре 2010 года такая попытка мониторинга НЧП по отдельным регионам и их сопоставления в национальном и международном масштабе была сделана автором на портале «Рейтинг персональных страниц». См. подробнее: [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru

[51] Ярославский план 10–15–20. «Дорожная карта» строительства инновационной экономики: лучшая международная практика и уроки для России // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 7.

[52] *Зыкова Т.* Кудрин улучшает климат // Российская газета. 2011. 22 февраля. С. 4.

[53] Динамика мирового политического развития и проблемы глобальной конкурентоспособности России. Отчет о НИР. Этап 3 (промежуточный). М.: МГИМО (У), 2010. С. 71.

[54] The Global Competitiveness Report 2009–2010 // World Economic Forum / цит. по: НИР МГИМО(У), 2010. P. 4. http://www.weforum.org/GCR09/GCR20092010full report.pdf

[55] Цит. по НИР МГИМО(У) (проект 2010 г.).

[56] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 19.

[57] Научный потенциал и инновационная активность России. Выпуск 4. М.: Минобразования. РИЭПП, 2010. С. 23.

[58] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 21.

[59] Научный потенциал и инновационная активность России. Выпуск 4. М.: Минобразования. РИЭПП, 2010. С. 23.

[60] Ярославский план 10–15–20 // The New York Academy of Science. 2010. August, 20.

[61] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 25.

[62] The Global Competitiveness Report 2009–2010 / World Economic Forum. P. 7–8. http://www.weforum.org/GCR09/GCR20092010fullreport.pdf

[63] *Басовская Н.* Спор физиков и лириков // Российская газета. 2011. 21 марта. С. 9.

[64] *Свенцицкий В. П.* Мировое значение аскетического христианства / Религиозно-философского общества в Санкт-Петербрге (Петрографе). Т. 1, М.: Русский путь, 2009. С. 273.

[65] *Коваленко Ю.* Былое и думы Никиты Струве // Известия. 2011. 16 февраля. С. 7.

[66] *Данилова М.И.* Политика образования в условиях глобальной конкуренции. «Viperson.ru». 5 марта, 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru.

67 *Лесков С.* Золотая клетка Академии // Известия. 2011. 18 мая. С. 6.

68 *Бабкин В.* Во всем виновато начальство // Известия. 2011. 16 февраля. С. 6.

69 *Лесков С.* Золотая клетка Академии // Известия. 2011. 18 мая. С. 6.

70 Там же.

71 Там же.

72 Там же.

73 *Гринберг Р.* Экономика в руках политиков // Известия. 2011. 25 февраля. С. 4.

74 Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 69.

75 Там же. С. 67.

76 *Шестопёрова Ю.* Зона льготного режима // Известия. 2011. 15 марта. С. 3.

77 Научный потенциал и инновационная активность в России. Выпуск № 4. М.: Минобразование. РИЭПП, 2010. С. 19.

78 *Савиных А.* Требуются стратеги // Известия. 2011. 18 мая. С. 3.

79 *Гебеков М.* Денежно-кредитная политика, инфляция и конкуренция в экономике РФ / «Рейтинг персональной страницы», 27 декабря 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru

80 *Куликов С.* Две большие стратегические разницы // Независимая газета. 2011. 23 марта. С. 1.

81 Там же.

82 Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 141.

83 Там же.

84 Там же. С. 120.

85 *Лященко Г.* Светлое экономическое будущее // Газета. 2007. 7–9 декабря. С. 13.

86 *Гринберг Р.* Экономика в руках политиков // Известия. 2011. 25 февраля. С. 4.

87 *Злобин Н.* Золотой закон выборов // Российская газета. 2011. 18 мая. С. 3.

88 *Виноградов А.* Субъектность поневоле // Независимая газета. НГ-сценарии. 2011. 22 марта. С. 14.

89 Global Competitiveness Report 2010–2011, World Economic Forum, 2010, Geneva, Switzevlaud 2010. P. 11.

90 Там же.

91 *Фрейнкман Л.* Недогоняющее развитие // Ведомости. 2008. 4 февраля. А4.

92 *Шаповалов А.* Минэкономика пишет планы свободным стилем // Коммерсант. 2008. 6 августа. С. 2.

93 Основные параметры прогноза …. С. 35.

94 Там же.

95 В два прыжка // Ведомости. 2008. 6 августа. С. 1.

96 *Наумов И.* Сальдо ушло в минус // Независимая газета. 2008. 28 января. С. 6.

97 *Марч Питер.* Снова первый // Ведомости. 2008. 13 августа. С. А03.

98 *Новикова Л.* Правительство готовит нанопрорыв // РБК daily, 2008. 17 января. С. 2.

99 Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: 2008. Август. МЭР, С. 9.

100 Стратегия развития // Красная Звезда. 2008. 24 января. С. 3.

101 *Федоров Е.* Вне конкуренции // Стратегия России. 2007. № 12. С. 14.

102 Динамика мирового политического развития и проблемы глобальной конкурентоспособности России. Отчет о НИР. Т. 1, этап 2., МГИМО (У). 2010.

103 World Development Indicators (WDI) // World Bank, 2010. http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators

104 Об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации за 2010 года и задачах на 2011 г. 20 марта 2011 г. С. 7. http://mon.gov.ru/press/news/8343/

105 Там же.

106 Там же.

Глава 3

Социальный человеческий потенциал: новая культурная революция?

…Глава государства… выступает со своей конкурентной концепцией развития страны. Смысл которой в том, что в этом деле должны участвовать все группы и слои[1].
Г. Павловский

…Несостоятельность нынешней модели общества становится очевидной для самых различных слоев общества раньше, чем это можно было ожидать[2].
К. Микульский, член-корр. РАН

Сходство России и Китая, их социальных систем и развития в новейшей истории, порой, поражает, а аналогии вызывают удивления. Так, китайская культурная революция 60-х годов прошлого века проходила через 20 лет после политической революции в Китае, в результате которой к власти пришла КПК. Эта же культурная революция выбрала своей главной целью образованный и культурный слой нации, «элиту знаний», которую частично уничтожила, а частично морально сломала[3].

Вот и в России, после политической революции 1991 года наступила «культурная революция», когда новая элита принялась уничтожать морально и экономически с оставшейся после социально-экономических потрясений «элитой знаний» — деятелями науки, культуры, образования и их институтами, составляющими основу национального человеческого потенциала. И в России, как в свое время в Китае, появились хунвейбины (студенты) и цзаофани (новые пролетарии), которые стали преследовать «элиту знаний» и ее институты — академическую науку, искусство, образование, творческие союзы и т.п. Некоторые из этих революционеров даже стали видными чиновниками.

Напомню, что в свое время и первые, и вторые в Китае в конце концов передрались. Пришлось вмешаться армии, но до этого они нанесли страшный вред науке и образованию. Ожидает ли это Россию?

Удивительно, но противостояние «элиты знаний» правящей элите России стало отчетливо проявляться в 2011 году.

Надо сказать, что под этими усилиями есть определенная фундаментальная основа — кризис либеральной идеологии и социального устройства. В том числе и в ведущих странах Европы. Как признает политолог П. Эскобар, «необходимо переосмыслить общественное развитие в духе нового глобального общественного договора, что будет возможным после преодоления нынешней стадии позднего капитализма. И этот процесс должен включать в себя всех, каждой нации следует выделить место за столом в контексте нового механизма глобального регулирования»[4].

В связи с упразднением советской системы государственного управления, основанной на верховенстве партийных органов управления, **значительно возросла роль государственной службы в государственном управлении**. Однако в современных условиях эта роль выполняется неэффективно, так как государственный аппарат оказался не готов к осуществлению новых функций. Причинами неэффективности государственной службы чаще

всего называют несовершенство законодательства, бюрократизм, коррупцию, обусловленную недостатками кадрового состава государственной службы, несоответствием норм и ценностей государственной службы новым требованиям. Сами государственные служащие указывают также на экономические проблемы, отсутствие должного финансирования, затянувшийся общий экономический кризис.

Однако «основной причиной неэффективности государственной службы является **ее неуправляемость, которая обусловлена отсутствием понимания сущности этого института, как в обществе, так и в научной среде. Государственная служба на протяжении всей своей истории не являлась самостоятельным субъектом управления, но в последние годы преобладающей становится та точка зрения, что именно этот институт является олицетворением государства, следовательно, именно государственные служащие должны осуществлять государственное управления**»[5].

То, что Д. Медведев попытался включить общество в реализацию стратегии модернизации означает, что он, как минимум, понимает не просто важность этого ресурса развития, но и то, что без него стратегию не реализовать, что именно «невключенность» общества стала одной из основных причин провала «Стратегии–2020». Другое дело, что только понимать это мало. Необходимо сделать эту стратегию понятной всему обществу, а не узкому кругу экспертов, уйти от абстракций и предложить мотивировку. Кроме того, создать или активно использовать те институты социального потенциала, которые могут провести подобную мобилизацию.

Сами по себе отдельные социальные слои и группы, не объединенные хотя бы отчасти организационно, мало что могут позитивного. Любая работа — политическая, творческая, экономическая — требует организационного начала. Будь то партия, общественная организации или творческий союз или трудовой коллектив. Собственно, они, активизация их деятельности должны стать целью, если, конечно, президент не только понимает значение отдельных социальных слоев, но и хочет их активности.

Принято считать, что средний класс и сконцентрированный преимущественно в нем социальный человеческий потенциал работают исключительно на развитие и внутриполитическую стабильность. Этому расхожему заблуждению посвящено немало работ и заявлений публичных политиков в современной России.

С этим можно согласиться с существенной оговоркой: действительно, креативные слои являются современным двигателем социально-экономического развития (в развитых странах они обеспечивают до 85–90% прироста экономики знаний), но только в том случае, когда они находят возможности для самореализации. Тогда же, когда такой возможности у них нет, средний класс, креативные слои становятся, как показывает международная практика, главным двигателем социальных революций. По двум основным причинам.

Во-первых, потому, что это наиболее дееспособная часть общества, обладающая реальным потенциалом влияния. Это позволило заявить некоторым экспертам: «…**можно констатировать, что общественное мнение существует, что оно заставляет нас действовать и ни одна разумная власть не откажется от сотрудничества с этим общественным мнением**. В противном случае власть может просто прекратить свое существование. Недавний пример — это попытка ряда депутатов Государственной думы провести законопроект, позволяющий призывать студентов на военную службу. После шумихи, поднятой «партией Сети», злосчастные депутаты тут же покаялись, заявив, что они имели в виду совсем иное»[6].

Во-вторых, потому, что она в наибольшей степени способна освоить Интернет, современные системы коммуникаций и создать сетевые структуры. Как метко заметил один из руководителей «Единой России» депутат Госдумы О. Морозов: «В то же время нельзя не замечать усиление протестных настроений, которые сами по себе перерасти в охлореволюцию не могут, но создают для этого питательную среду. Также нельзя не замечать и активизацию сторонников уличной демократии. Они, по разным причинам, не видят себя в ряду системных оппозиционных сил и поэтому ищут свой единственный политический шанс в реализации силового сценария смены власти в стране.

Отсюда ключевой вывод: **охлореволюция возможна в России только как продукт систематического и осознанного стимулирования общественного недовольства, информационного манипулирования людьми, подбрасывания им ложных целей и ориентиров, целенаправленного создания очагов социального напряжения в крупных городах и той социально-демографической среде, которая наиболее подвержена психологической и информационной обработке**.

Охлореволюция в России может также стать результатом дистанционного управления, но, в отличие от арабского мира, где субъектом внешнего воздействия были преимущественно неорганизованные массы людей, у нас уже сформированы и активно действуют структуры, **готовые воспринять импульсы этого внешнего воздействия. И эту угрозу общественной стабильности нельзя не замечать**»[7].

Эти обстоятельства ставят совершенно по-новому проблему эффективности использования социального потенциала НЧП, переводят ее из плоскости неумения использовать в плоскость **предотвращения негативных последствий** самореализации активных слоев населения. **Ресурс развития превращается в ресурс разрушения**. Причем стремительно, когда негативная динамика измеряется месяцами, а не годами. Здесь уже речь идет о реализации планов модернизации, возможно, в условиях социальной и внутриполитической нестабильности. Даже

при вполне комфортных международных условиях и ценах на углеводороды.

Указанные выше обстоятельства в очередной раз доказывают ошибки власти, игнорирующей значение НЧК вообще и социального потенциала, в частности. Повторю эти ошибки снова:

1. «Стратегия–2020» и идеи модернизации не могут быть идеологией, на чем настаивает фактически правящая элита. Они должны быть производными от такой идеологии. Поэтому необходимо сформулировать внятную и устойчивую идеологическую систему взглядов, когда давались бы конкретные ответы на вполне конкретные политико-идеологические вопросы, а не избегать формулировок, а тем более ответов на такие вопросы.
2. Прежде всего необходимо четко определиться с объективными реалиями — национальными интересами и ценностями — и не допускать их вольного и чрезвычайно широкого толкования. Осознание элитой этих реалий трансформируется в политические, экономические и иные цели и задачи, которые должны носить не абстрактный, а вполне конкретный характер.
3. Для достижения внятных целей необходимо еще раз вернуться к приоритетам в распределении национальных ресурсов. Как материальных (чем с удовольствием занимаются), так и не материальных (о которых забыли напрочь).

Необходима мобилизация и эффективное использование всех национальных ресурсов, включая творческие, интеллектуальные, духовные и иные.

Соотношение целей и ресурсов, их взаимодействие и есть стратегия национального развития.

4. Стратегия модернизации — часть общей национальной стратегии развития, а не наоборот. Если модернизация и дальше будет навязываться нации в качестве национальной стратегии развития (а этот процесс сопровождается нередко бессмысленно — абстрактными целями или неоправданными технологизмами), то ножницы между пониманием стратегии элитой и обществом будут все острее, а в конечном счете окончательно отрежут элиту от нации.

Уже сегодня этот отрыв — идеологический, социальный, экономический и нравственный — колоссальный, недопустимый. Но он может вырасти еще больше, если не удастся привести к общему знаменателю цели и задачи элиты и общества. Вплоть до полного разрыва, который неминуемо будет означать революцию. Все это требует смены курса, достижения нового консенсуса на основе левых и патриотических идей. Как справедливо заметил профессор МГИМО(У) А. Богатуров, «**В конце 1990-х годов утверждение в России идеологии и политики правого центра было огромным шагом вперед, поскольку оно обеспечило широкий общественный консенсус по двум ключевым вопросам: укрепление территориального единства страны и упорядочение хода радикальных рыночных реформ за счет частичного расширения регулирующих функций государства.** Личность безоговорочно привлекательного в ту пору нового молодого лидера цементировала этот компромисс эмоционально и психологически. **Сегодня такой консенсус перестал существовать**. Положение дел свидетельствует об исчерпанности компромисса рубежа 2000-х годов и на элитном, и, что самое главное, на широком общественном уровне. **Налицо кризис политики и идеологии правого центра**»[8].

К сожалению, вопреки очевидным аргументам, в деятельности правящей элиты усиливаются либеральные тенденции. Речь идет как об интеллектуальной, так и о политической консолидации либеральной элиты и ее влияния на стратегический курс. Эта проблема ставится в плоскость реальной ситуации в России, как требование «обновления элиты». «Причем не только в политике, но и в руководстве»[9].

1. «Скачок» как часть идеологии русского социализма

Прения, вероятно, разъяснили бы многое, но тут, как пишут провинциальные репортеры, «Дамоклов меч рассек Гордеев узел». Оставалось взять шапки и пойти домой[10].

П. Перцов,
русский журналист

Человеческий потенциал… — превратился в ведущий фактор развития, в решающей мере определяющий темпы экономического роста…, а в целом — будущее политическое, экономическое и военное могущество государств[11].

А. Подберезкин

К 2011 году необходимость общенациональной дискуссии относительно развития России, ее стратегии, — стала очевидной. Но только не для всей правящей элиты, навязавшей обществу и науке свои представления о российской и международной действительности. И будущем страны. «**От правящей элиты в ее нынешнем составе было бы напрасно ожидать кардинальных реформ**. Для многих ее представителей критика в адрес системы (вплоть до признания факта криминализации государства)

отражает прежде всего стремление в какой-то мере словесно отмежеваться от нее на случай политического кризиса, появления и усиления влиятельных реформаторских сил. **Дело в том, что в элите появляются сомнения в отношении способности нынешней власти предотвратить такое развитие. Но реформаторские настроения в элите очень слабы.** Ее сопротивление реформам будет скорее нарастать, чем ослабевать. Вероятность превентивных репрессивных мер со стороны государства достаточно велика. **Ведь элита может слишком много потерять даже от поверхностных реформ**. Правда, для нее возможности не реагировать ни на объективную необходимость реформирования системы, ни на тенденцию к усилению социальной напряженности не столь очевидны, как это было еще совсем недавно.

До сих пор главная черта ситуации в стране заключается не в сопротивлении общества системе, а в развертывающихся процессах ее саморазрушения, более того — процессах разложения всего общества вследствие пагубного влияния системы. Причем очевидно, что процесс разложения даже не тормозится властью, он **выходит из-под ее контроля, ускоряется и разрастается**. Поведение подавляющего большинства правящей элиты, несмотря на появление у нее тревожных настроений, по-прежнему практически **полностью определяется ее всепоглощающей заинтересованностью в сохранении своей независимости от общества, продолжении произвола, подавлении любых посягательств на основы существующей общественной модели**»[12] — справедливо считает член-корреспондент РАН К. И. Микульский.

Долгосрочная национальная стратегия необходима при всех обстоятельствах и во всяких условиях. Причем в условиях кризиса, когда ресурсов становится меньше, а форс-мажорных обстоятельств больше, — особенно. Еще важнее иметь долгосрочную стратегию после кризиса, когда существенно изменились условия, в которых эту стратегию приходится реализовывать. Причем не только экономические, но и политические, социальные, научно-технические, международные. В 2011 году Россия, как и весь мир столкнулись с новыми, посткризисными реалиями. Эти обстоятельства стали объективной причиной для возникновения в начале 2011 года дискуссии о «Стратегия–2020», которая приобретала все более острые формы.

Есть и другие обстоятельства. Например, политические, приближающиеся выборы в Госдуму и президента России. Или социальные — очевидная нарастающая социальная несправедливость, сложившаяся в российском обществе, рост цен и падение уровня жизни. Все это привело к падению доверия к власти и ее лидерам, которое во многом определялось недоверием к политическому курсу элиты. В марте 2011 года, например, 40% против 23% граждан заявили, что «не верят в способность правительства добиться в ближайшее время позитивных изменений в стране», а в целом доля позитивных оценок, по мнению социологов, снизилась до рекордно низкого уровня за 5 лет.

Не верят в своем большинстве граждане и абстрактным идеалам модернизации, а значит политическому руководству, превозносившему модернизацию в качестве своей идеологии. Что крайне опасно. Власть стала стремительно терять социальную опору, которую сформировала в первом десятилетии нового столетия. В марте 2011 года 42% против 40% россиян полагало, что страна движется в неверном направлении[13] (табл. 1, 2).

Налицо, таким образом, очевидный кризис доверия, который создает реальные предпосылки

Табл. 1. Одобрение деятельности правительства в целом (в %)

	янв. 2010	февр. 2010	март 2010	апр. 2010	май 2010	июнь 2010	июль 2010	авг. 2010	сент. 2010	окт. 2010	нояб. 2010	дек. 2010	янв. 2011	февр. 2011	март 2011
Одобряю	54	54	54	53	56	53	52	52	51	55	52	54	50	49	48
Не одобряю	43	44	42	43	41	44	45	45	45	41	45	43	47	49	49

Источник: Левада-Центр

Табл. 2. Сможет ли нынешнее правительство в ближайшее время добиться изменения положения в стране к лучшему (в %)

	июнь 2009	март 2010	авг. 2010	сент. 2010	окт. 2010	нояб. 2010	дек. 2010	янв. 2011	февр. 2011	март 2011
Сможет*	26	34	27	26	29	32	30	31	25	23
Не сможет**	36	27	33	31	29	32	27	34	34	40

* определенно да / скорее да;
** скорее нет / определенно нет.

Источник: Левада-Центр

для организованных социальных протестов и существенно дестабилизирует внутриполитическую ситуацию.

Но это еще и кризис доверия к программам модернизации, предложенным властью, и, конечно же, отсутствию значимых результатов в реализации таких программ.

Но, на мой взгляд, самые тревожные симптомы проявились в декабре 2010 года в связи с выступлениями молодежи на Манежной площади и в других городах России, которые продемонстрировали, что национальные чувства русских не просто ущемлены, но и готовы вырваться наружу. Во многом это стало следствием падения доверия к В. Путину и Д. Медведеву, которые перестали в глазах значительной части общества отражать национальные интересы страны. Примечательно, что общественное мнение резко разделилось в марте по вопросу о бомбардировке Ливии: абсолютное большинство, поддержало критику В. Путина и, наоборот, отказало в поддержке Д. Медведеву.

Провал в 2008–2011 годах «Стратегии–2020», безусловно, добавил свою порцию негатива. Фактически была дискредитирована вся стратегия модернизации, провозглашенная В. Путиным еще в 2005 году. На мой взгляд, прежде всего из-за неверно выбранных в стратегии целей и приоритетов развития, не вполне адекватного понимания национальных интересов и ценностей, а также — что особенно важно — неправильного распределения национальных ресурсов.

В 1990-е и последующие годы я неоднократно подчеркивал, что идея опережающего развития, а тем более — скачка — России может основываться только на концепции развития человеческого потенциала[1]. А та, в свою очередь, на новой социальной идеологии, которая должна не просто сменить набор неолиберальных идей, но и выступать **базой для стратегии опережающего развития страны**. Но власти эта дискуссия была не нужна. Ей нужны были «конкретные» программы, которые в конечном счете заканчивались…конкретными негативными результатами. Обществу, как говорится, оставалось «взять шинель и пойти домой». Но удивительно, что стратегия модернизации не получила общественной поддержки, осталась формальным документом части элиты с абстрактными целями и в конечном итоге негативными результатами.

Без стратегии опережающего развития, естественно вытекающей из устойчивости системы взглядов, любая политика обречена на шараханье, смену ориентиров, принятие противоречивых решений и прочую сумятицу. Особенно, когда возникают непредвиденные обстоятельства. Такие, например, как мировой кризис 2008–2010 годов, который для России оказался самым тяжелым не только из-за ее отсталой экономической структуры, но и **из-за отсутствия внятной и обязательной к выполнению стратегии и идеологии развития**. Фактически в стратегии отсутствовали и другие важнейшие элементы — долгосрочный и качественный прогноз (который заменила экстраполяция) и стратегическое планирование. Как справедливо признает уже в 2011 году В. Н. Расторгуев, «Еще лет **20 назад в нашей стране долгосрочное планирование почти полностью отсутствовало как в сфере государственной политики, так и в области бизнеса, а сама идея планирования воспринималась многими политиками и экономистами как атавизм советской политической системы**. Результаты — постоянно ускорявшаяся динамика распада страны и ставка на «короткие деньги». Разумеется, современная генерация ведущих политиков работает в режиме плотного и даже **сверхплотного графика планирования**: «политические часы» настроили, наконец, и они предсказывают не только ближайшие события, но и траектории передвижения звезд первой величины и прочих «политических тел» на годы и десятилетия вперед. Появился и первый опыт создания рукотворных сверхновых событий, способных изменить ход политического времени. **Однако сама сердцевина планирования — долгосрочная и сверхдолгосрочная стратегия развития, — пустует, как и прежде**»[15].

В определенном смысле Россия в 2011 году оказалась перед таким же выбором стратегии развития, как и СССР в конце 80-х годов. Сегодня, можно сказать, что выбор М. Горбачева был сделан крайне неудачно, хотя даже в наши дни, когда катастрофичный результат известен, сторонники «шоковой терапии» так не считают. Опыт китайских реформ, на мой взгляд, однозначно свидетельствует об этой ошибке, которую важно не повторить сегодня. Кстати, также считают и некоторые авторитетные западные экономисты. «Постепенный переход от плановой системы к рыночной, успешно осуществленный в Китае, был в принципе возможен и в СССР, и только ошибки тогдашнего руководства привели к тому, что эта возможность осталась нереализованной», — считает экономист ICSEAD Назрул Ислам (Nazrul Islam)».

«Результаты постреформенного развития России не могут не вызывать разочарования», — продолжает Н. Ислам, — «особенно на фоне очевидных успехов Китая (см. рис.). Так что вопрос об общей оценке эффективности проведенной в России шоковой терапии требует дальнейшего изучения. Многие экономисты сегодня изменили свой взгляд на шоковую терапию и не склонны высоко оценивать возможности такой формы преобразований. Джеффри Сакс, один из основоположников так называемой гипотезы Сакса-Ву (Sachs-Woo hypothesis), напротив, по-прежнему придерживается той же точки зрения. Сакс является одним из главных теоретиков шоковой терапии, принимавший участие в ее разработке и внедрении в России»[16].

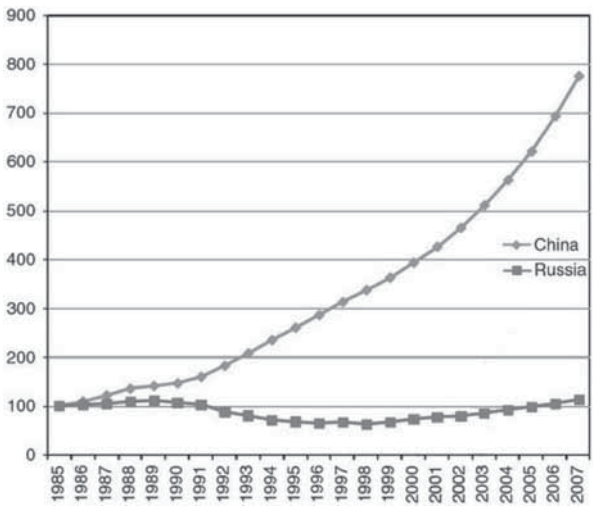


Рис. 1. Уровни ВВП России и Китая в 1985–2007 гг. (ВВП 1985 = 100)

«То есть различные результаты преобразований связаны именно с различиями в проводимой политике, а не предопределены исходными объективными обстоятельствами. Иными словами, судьба преобразований определена позициями политических лидеров двух стран. Если Китай при Дэн Сяопине был осторожен и прагматичен в своих преобразованиях, то советский лидер Михаил Горбачев показал крайне поверхностное понимание экономики и политики»[17].

«Таким образом, нет никаких доказательств того, что китайский путь для СССР был в принципе невозможен. Нельзя исключать, что при взвешенном дальновидном руководстве СССР также мог пойти по пути постепенных реформ. Вопрос, почему КПСС, более старая и очевидно более искушенная партия, проиграла, в то время как КПК, более молодая партия, добилась успеха, требует дальнейшего изучения. Но собственно гипотеза Сакса-Ву, как показывают результаты сравнения, — ошибочна»[18].

Опыт «китайского социализма» сегодня говорит в пользу принятия Россией модели «русского социализма» в качестве механизма проведения социальной и экономической модернизации, хотя дискуссии 2010–2011 годов показывают, что, похоже, мы опять повторяли горбачевскую ошибку, «наступая на те же грабли».

В итоге за 2008–2011 годы произошел не скачок, и даже не развитие, а глубокий провал в российской экономике, всей инновационной политики и, что еще хуже, — кризис социального потенциала — ослабление и ликвидация множества общественных, частных, научных и культурно-духовных институтов. Как справедливо признала О. Дмитриева, «Накануне кризиса в 2008 году мы достигли объема ВВП 1990 года, по прогнозу, к середине 2012 года мы снова достигнем объема 2008 года, а, следовательно, и 1990 года. Мы не то, что США, Португалию или Бразилию не можем догнать. Мы самих себя двадцатилетней давности не можем догнать. Как известно, одна часть мира развивается по траектории рост — кризис — рост; другая (Индия, Китай) по траектории рост — рост; а мы — застой — кризис — застой. Такая траектория угрожает национальной безопасности нашей страны. **…у Правительства нет ни стратегии, ни тактики, ни системы мер по выходу из кризиса через модернизацию и инновационное развитие»**[19].

Хочу подчеркнуть три важных обстоятельства.

Первое. Если для развитых стран привычная система ценностей вполне может (и даже стала) основой развития человеческого потенциала, то для России возврат к либерализму означает только одно: выбор заведомо более длинного, сложного и ложного пути повторения опыта развитых стран, которые в последние полвека социализировали либерализм до неузнаваемости.

Но именно такой возврат к идеологии и стратегии либерализма произошел в России в последние годы. Те же идеи, те же люди, та же практика, естественно, — те же результаты.

Второе. Выбор новой социальной (по-существу, социалистической) идеологии и модели означает для нынешней России появление стратегии развития, легитимизацию возвращения государства в экономику и общественно-политическую жизнь, из которых оно почему-то ушло в 1990-е годы, ставку на НЧП.

Кризис 2008–2010 годов показал развитым странам необходимость такого возвращения. Для России, сделавшей социалистический выбор, такое возвращение безболезненно, а стратегия — естественна. Более того, накопленный советский опыт сделает такое возвращение более эффективным.

Против этого, естественно, выступают отечественные и зарубежные либералы. Так, например, С. Гуриев и О. Цывинский писали в марте 2011 года: «Стратегия развития, которая не делает ставку на слишком жесткое регулирование, действительно характеризуется более частыми системными кризисами — но и более высокими средними темпами роста»[20].

Этому была посвящена и специальная работа ИНСОРа «Обретение будущего», где, в частности, говорится: «отказ от неконституционных практик «управления» демократией; тотальное возвращение института выборов на всех этажах политической системы; отделение представительной и судебной власти от исполнительной; установление режима политической и коммуникативной свободы с помощью интенсивного развития институтов прямой демократии и гражданского общества»[21].

Третье. Выбор в качестве оптимальной модели развития социалистической модели означает не только появление реальной стратегии, но и возвращение к национальной традиции и ценностям, отказ от которых в 90-е годы привел к дезорганизации общества как потенциала развития, породил коррупцию и другие дикие явления, резко ослабил социальный потенциал.

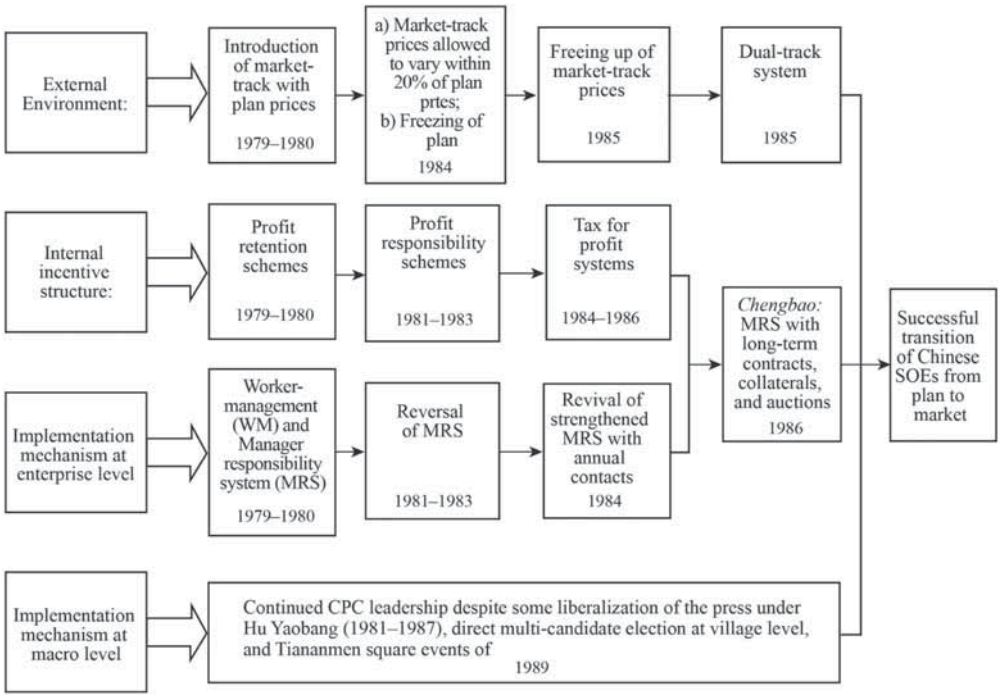


Рис. 2. Реформа госпредприятий в Китае

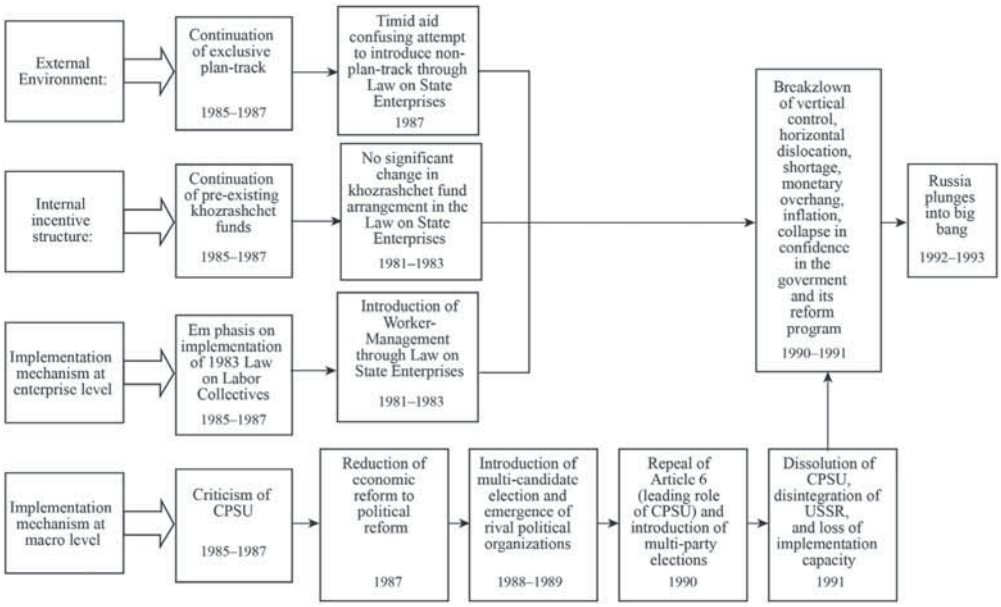


Рис. 3. Реформа госпредприятий в СССР

В отличие от стабилизации или количественного роста ВВП, развитие экономики и общества предполагает уже изначально **некую идеологию**, а также стратегию, опирающихся на более широкие категории. Кроме чисто экономических и макроэкономических аспектов, идеология и стратегия развития включает в себя главное — **цель** развития, **стратегию** развития, а также **план** развития. Кроме того, стратегия выполняет еще одну функцию. Она распределяет ресурсы в соответствии с приоритетами. Как показал кризис 2008–2010 годов, именно этого России и не хватало: ресурсы распределялись субъективно, ситуационно. Это — прямое следствие отсутствия стратегии.

Причем стратегии политической, а не макроэкономической, стратегии, требующей **политических решений**. Как справедливо заметил директор Института экономики РАН Р. Гринберг, «Результаты наших реформ не заслуживают иного обозначения, **кроме «позорных»** уже потому, что они породили огромное число бедных, но работающих россиян, — и это после того, как в XX веке Россия помогла Западу стать социальным и Китаю — промышленным, утратив при этом собственные социальность и промышленность.

Вывод очевиден — необходим **новый механизм перераспределения доходов. Но это требует политического решения**»[22].

Перефразируя его статью, я бы сказал, что «Экономика находится в руках **не тех** политиков». Отсюда и многие беды: финансовые власти в России с начала 90-х годов стали политической властью. Более того, фактически отстранили ее от реальной власти, сделали ее декорацией. Это относится не только к Федеральному Собранию РФ, но и многим институтам исполнительной власти, региональным властям и даже президентской власти.

Действительно, в отсутствии внятной идеологии и стратегии, решения принимаются финансовыми властями и очень узкой группой финансистов и экспертов. Часто, почти всегда, во вред нации. Это относится прежде всего к НЧП и его важной составляющей — социальному потенциалу, — который вообще «вышел» из внимания финансовых властей.

Следует оговориться, что формально может быть и план экономического и социального роста. Но этот план (как показывает Концепция социально-экономического развития 2020) — понятие условное: в нем нет ясных заданных политических параметров, исходящих из политических и идеологических установок. Он скорее представляет собой очередную макроэкономическую экстраполяцию, которая разваливается сразу же после принятия. Не более того.

Это, на самом деле, большая, даже принципиальная, ошибка политической власти. В XXI веке большинство проблем, в т.ч. социально-экономических, уже не могут быть решены только экономическими мерами. Огромное даже приоритетное значение приобретает человеческий фактор, моральный потенциал нации, без учета которого в развитых странах не принимаются финансовые решения. Так, по оценке Минобразования России, в ближайшие 10 лет около 80% используемых сегодня технологий устареет, а образование десятилетней давности будут иметь 80% работников[23]. Это же означает, что ситуация в мире через десть лет радикально изменится. Она потребует новых людей, знаний, технологий.

«Рывок», как социальный, так и экономический, должен предусматривать, даже исходить из этого неизбежного развития событий. Другими словами, сегодня, формируя стратегию развития, мы должны изначально формулировать задачу такого национального развития которое необходимо будет соответствовать новым требованиям 2020–2025 годов: новой социальной структуре, новой экономике, новым технологиям, вероятно, новым политическим реалиям.

И кризис 2008–2010 годов это показал. Там, где правительства сохраняли свою социальную политику, им удавалось стабилизировать экономическую ситуацию. Там, где нет, как это было в Ирландии, Греции и Северной Африке, — происходили смены правительств и революции. Это — ресурс развития, который нужно задействовать. Для того чтобы это произошло, нужна **идеологическая система**, лежащая в основе стратегии развития, где собственно экономические меры могут стать **лишь частью** мер по реализации стратегии. Другими словами, экономическая политика должна стать **элементом системы**, которой может быть только идеология. Причем эта идеологическая система должна основываться на нравственных началах, базовых национальных ценностях. На том, чего не было в 1990-е годы. Среди таких базовых ценностей — развитие НЧП и, прежде всего, его нравственно-духовной части социальной составляющей. Мы все чаще говорим о том, что в своем развитии человечество зашло в тупик. И Россия, выбирая модель развития, должна учитывать это. Нужны самоограничения, даже аскеза. «Человечеству нужно менять парадигму развития. Сейчас идол всех правительств — рост ВВП. В идеале он мыслится как крутая кривая, уходящая в бесконечность. Куда, зачем, нужно ли столько?[24] — справедливо задается вопросом Е. Арсюхин.

Действительно, а нужен ли нам вообще такой рост ВВП, как цель «Стратегии развития»? Я, лично, уверен, что нет. Быстрый рост ВВП России в его нынешнем виде — это разбазаривание природных богатств нации, которые далеко не безграничны. По разным оценкам, их хватит на 40–60 лет, а что потом? Да и нужна ли русской нации такая модель развития, к которой нас толкает либеральная идеология и общество потребления, вообще? Сильно сомневаюсь, даже с учетом понимания реальности того, что сразу отказаться от этой модели, куда нас втянули, мы не сможем. «Общество потребления не имеет будущего. Вы можете удалить жажду морской водой? То-то. Не имеет будущего и общество, у особей которого хорошо развиты только челюсти и мышцы лица»[25], — пишет П. Демидов. И с этим выводом сегодня все больше и больше соглашаются. Тогда зачем нам изначально разрабатывать «Стратегию развития нации» (и даже ее укрепленную социально-экономическую модель), если мы знаем уже сегодня, что у этого общества нет будущего? Не разумнее будет ли предложить такую «Стратегию нации», у которой будет будущее для общества?

Этот вывод предполагает необходимость совершения качественного скачка в понимании российской элитой того, **какое общество нам нужно**, а только потом, какая экономика нужна этому обществу. Только ответив на эти вопросы, мы можем разрабатывать стратегию социально-экономического развития. Ответы, заведомо упрощающие, даже вульгаризирующие эти представления, такие, как «технологическое общество», «экономика знаний» и т.д., не принимаются, ибо это ответы на вопросы более низкого порядка, а именно — какая экономика нужна этому обществу. «С началом 2000-х годов страна вступила в новую эпоху. **Этот период характеризуется резким возрастанием уровня потребления. Средняя зарплата россиянина**

с 2000 года по 2010-й выросла с 82 до 711 долл. (данные сайта www.oproссии.com), то есть почти на порядок. Это привело к качественным изменениям в сфере потребления. Резко развилась сфера торговли, появились супермаркеты с полными полками товаров. Понятие дефицита как таковое исчезло. После талонной системы 1980-х и бедности 1990-х обилие товаров стало настоящим психологическим шоком. Появились такие товары, каких никогда раньше не было, — микроволновки, импортные стиральные машины, мобильные телефоны, компьютеры, иностранные автомобили, качественные материалы для ремонта и т.д. Легко стало ездить на отдых за границу. Качественно и количественно развился шоу-бизнес, появилось множество увеселительных заведений. Жизнь неожиданно стала многомерной и интересной. В ней открылся новый смысл — стараться добыть побольше разных благ новой цивилизации. Существование снова стало осмысленным, народ все воспринял должным образом, общество на этой основе сплотилось и опять стало стабильным»[26].

2. «Сбережение нации» как главная цель развития

Вся история России — это история разных сменяющих
друг друга авторитарных режимов[27].
Д. Фурман

…Верность религиозному выбору… призвана была… обеспечить преемственность
национальной идентичности русского народа, а вместе с этим и основу
для его последующего самобытного исторического развития[28].
А. Торкунов,
ректор МГИМО (У)

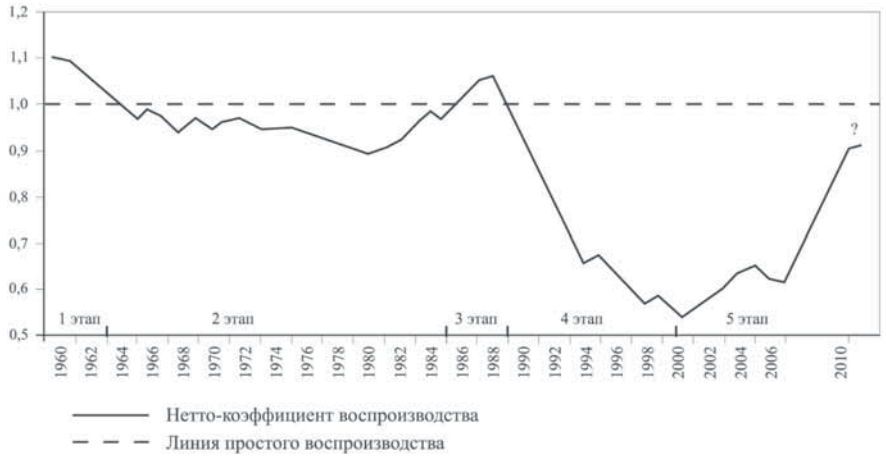
«Сбереженение нации» — не только узко демографическая задача. Ее нужно рассматривать шире — на уровне всего НЧП. При этом, принципиально важно, чтобы в процессе целеполагания была выделена главная цель, основной приоритет которому так или иначе подчинены другие цели и задачи национального развития. Такой очевидный приоритет — сохранение национальной идентичности и развитие, в т.ч. рост любой нации. И первое, и второе возможно при обязательном условии: на определенной территории нация должна, как минимум, физически существовать, т.е. демографическое условие сохранения и развития НЧП выступает в качестве главного.

Базовой национальной ценностью является сбережение нации, в основе которого лежит позитивная демографическая динамика. Сегодня «забывают», что в самый обвальный период депопуляции — 1993–2000 годы — было приложено немало усилий для того, чтобы обосновать «естественную» динамику катастрофы, т.е. у этого демографического феномена была вполне **определенная идеологическая составляющая**. Парадоксально, но существует совпадение по годам **ослабления идеологической составляющей и демографической**. На мой взгляд, есть закономерность, связанная с тем, что развитие **НЧП так или иначе прямо коррелирует с идеологической мотивацией**. Это видно, например, на рисунке, подготовленном экспертами ПРООН, описывающем нетто — коэффициент, на котором я отметил «идеологические» этапы[29].

Как видно из графика (рис. 4), оптимизм, связанный с приходом к власти М. Горбачева, креативность и энергия нации в 1986–1988 годы привели к росту надежд и рождаемости. Снижению смертности. Провал этих надежд, преступные реформы 1990-х годов — к резкому снижению рождаемости и росту смертности. Стабилизация 2000-х тысячных, — к подъему рождаемости, который в 2010 году вылился в нулевой прирост населения. Это вряд ли можно назвать победой, но, безусловно, позитивной тенденцией.

Как видно также из графики, социальные надежды и политика последних лет привели к некоторому изменению в негативной тенденции депопуляции, но стратегически ситуация не изменилась. В противном случае кривая, пусть медленно, но постепенно шла бы вверх. Это означает, что у политической власти нет стратегии, ведь главный результат ее работы — демографический — колеблется в зависимости от различных факторов.

Стратегия, основанная на идеологических ценностях и национальных интересах, прежде всего демографическом развитии, — отсутствует. Вместо таких ценностей обществу продолжают навязывать искусственно созданную систему либеральных ценностей, не замечая (или делая вид), что она раз за разом ведет к провалу. Как и придуманные на ее основе стратегии и концепции. Прежде всего потому, что они безнравственны, антинациональны и антиобщественны, что отражается на демографической ситуации непосредственно. Как совершенно справедливо признает С. А. Дзюба, говоря об ельцинском периоде, «в этой идеологии совершенно отсутствовали нравственные ориентиры»[30]. И действительно, вся идеология того периода сводилась к простому принципу:



1 этап — «хрущевский энтузиазм».
2 этап — «брежневский застой».
3 этап — «горбачевский подъем».
4 этап — «либеральный обвал».
5 этап — «неуверенная надежда».

Рис. 4. С 1964 г. нетто-коэффициент воспроизводства населения России находится ниже границы простого возобновления поколений

все, что связано с рынком и частной собственностью, хорошо, а что нет — плохо. Но и сегодня эти ценности доминируют при формировании любой стратегии — социально-экономической, образовательной, научной, культурной. И прежде всего эти мнимые рыночные ценности бьют по НЧП и его социальной и демографической составляющей. Особенно больше — в период кризиса, когда финансовые власти сажают эти составляющие НЧП уже не на голодный паек, а обрекают на уничтожение.

Уверен, что нынешнюю стратегию опережающего социально-экономического развития, вырванную из демографического контекста, необходимо формировать принципиально по-иному. Сегодня она является производной от разработок финансовых властей, тогда как сами эти разработки должны являться следствием, вытекать из идеологической доктрины правящей элиты, во-первых, и стратегической концепции национального развития — во-вторых. В качестве важнейшей идеологической цели, как уже говорилось, необходимо сформулировать демографическую цель — рост и расселение населения по всей территории России. Социально-экономическая концепция должна решать конкретные задачи, вытекающие из этой цели.

Результат провала «Стратегии–2020», однако, ничему не научил. «Корректировка» этой провалившейся стратегии в 2011 году вновь была поручена тем же экономистам и финансистам, которые уже много раз доказывали несостоятельность своих идей. В этой связи обратил бы внимание на мысль профессора А. Виноградова: «Принято считать, **что движет мировой историей экономика. На деле все успешные преобразования начинались с захвата власти, которая уже потом проводила успешные или неудачные экономические реформы**. Потребность в революции возникает только тогда, **когда неэффективную власть невозможно реформировать**. Но революция, как мы хорошо знаем, не улучшает экономическое положение, а только дает надежду (которая редко оправдывается)[31]. Вот и сегодня, политическая власть должна либо реализовать демографическую цель, либо уйти. В противном случае она неизбежно будет сменена. Нация не будет спокойно наблюдать за своим вырождением.

Но этой идеологической системы, основанной на нравственных национальных ценностях, и соответствующей власти, нет и сегодня. Она только начала стихийно складываться в самые последние годы. Причем вопреки правящей элите. В самой гуще общественных институтов. По отдельным сегментам, иногда взаимоисключающим друг друга, — сильная власть и демократия, рынок и госуправление, национальные ценности и западный образ жизни — процесс осознания демографической проблемы идет в обществе среди самых разных групп.

Отсутствие этой целостной идеологической системы, направленной на реализацию демографической цели и вытекающих из нее политических, экономических и социальных задач, неизбежно ведет к серьезным издержкам в других областях. Борьба с коррупцией, например, бессмысленна вне этой системы. Повышение качества госуправления — вообще невозможно. Тем более невозможно долгосрочное социально-экономическое планирование, требующее прежде всего политических, а не финансовых решений.

Игнорирование главной цели — демографической — лучше всего видно на примере перехода с общего уровня на частный.

Внешне, схематически, это может выглядеть следующим образом (рис. 5).

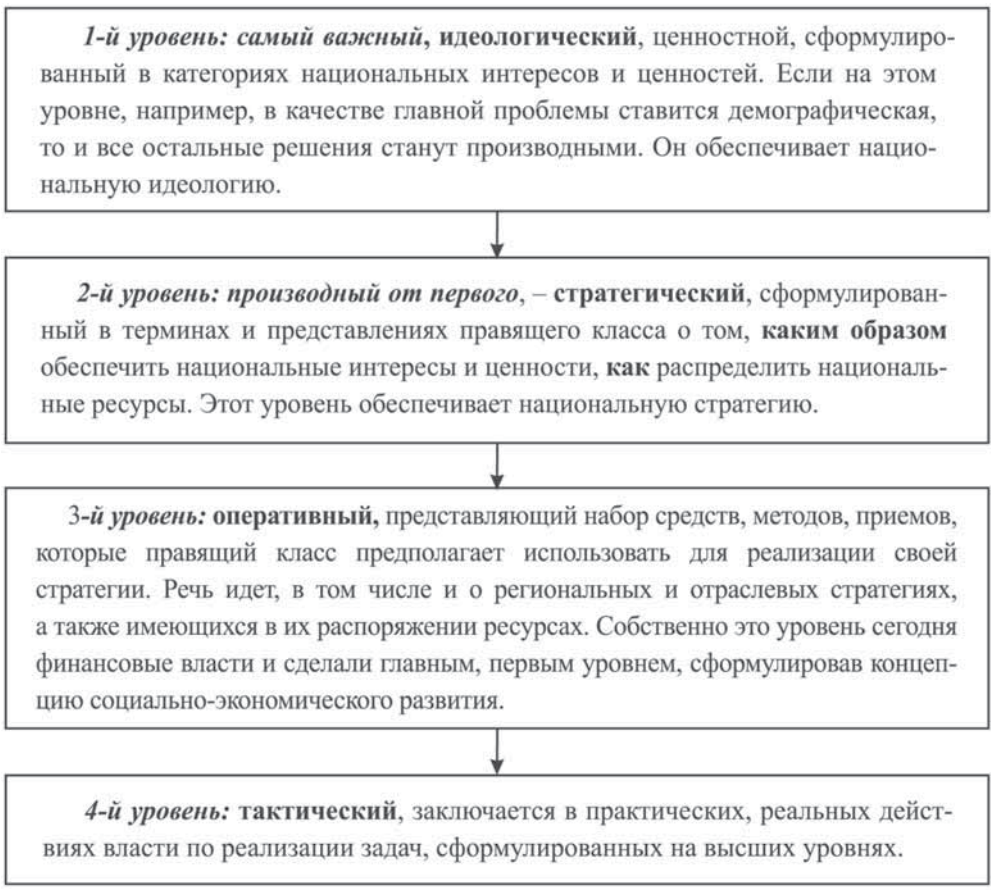


Рис. 5.

На предлагаемой схеме **1-й уровень** (идеологический) прописан просто. Но именно этот уровень имеет самое важное значение. По большому счету он должен быть сформулирован в Концепции национальной безопасности России, имеющей **общенациональное значение** на многие (20–25 лет) годы. Более того, этот уровень должен отражать приоритеты, измеряемые веками, ценности — вечные.

2-й уровень — уровень высшего государственного управления, где конкретизируется роль государства и его институтов в реализации общенациональной доктрины. Этот уровень имеет не только подчиненное значение, но и имеет ограниченный характер. Он относится к доктрине государственного управления, которая может и должна меняться вместе с политической системой. И, что очень важно — не претендовать на национальный уровень и общественные институты.

И лишь третий уровень — компетенция правительства — МЭРа, Минфина и других ведомств. Другими словами, инструменты государства. Подчеркну — не нации, не общества, а всего лишь института государства.

В современной России, к сожалению, эта схема перевернута с ног на голову — министерства и ведомства (чаще всего Минфин и МЭР) претендуют на разработку стратегии 2-го уровня и (как это было в 1990-е гг.) даже на смену национальной системы ценностей. Национального уклада, системы общественных взаимоотношений, нравственных ценностей.

Из этой схемы становится понятно, что чиновники 3-го уровня не могут и не должны формулировать общегосударственные (2-й уровень), а тем более общенациональные задачи. Что, однако, происходит сегодня.

Не трудно заметить, что действия власти за 2000–2011 годы происходили на 3-м уровне, в режиме «ручного управления». По мере завершения периода стабилизации возникла потребность в формировании 2-го уровня управления. Что и наблюдалось в 2005–2011 годах. К сожалению, это — бессистемно, эмпирически, с оглядкой на финансовые власти, которые могли блокировать любое решение политических властей и общества. Все попытки создать систему мер сводились к финансово-бюрократическому управлению, ориентированному на ближайшую перспективу. «Концепция МЭРа» — наивысший результат подобных попыток объединить разрозненные отраслевые и региональные стратегии, которые появились в массовом порядке в 2005–2008 годы. Опять же без идеологии и без настоящей стратегии, вместо которых выступали оценки одного из департаментов МЭРа. Что и привело к провалу «Стратегии–2020».

Табл. 3. Фактическая и перспективная рождаемость реальных поколений в России, женщины 1950–1984 гг. рождения

Годы рождения женщин	Оценка на основе данных 1999 г.	Оценка на основе данных 2006 г.			
		Фактически рождено к 2007 г., детей на одну женщину	Ожидается рождений дополнительно к уже рожденным	Итоговое число рождений	Разница между оценками 1999 и 2006 гг.
1950–1954	1,88	1,88	0,00	1,88	0,00
1955–1959	1,88	1,88	0,00	1,88	0,00
1960–1964	1,75	1,76	0,00	1,76	0,01
1965–1969	1,58	1,60	0,03	1,63	0,05
1970–1974	1,40	1,39	0,13	1,52	0,12
1975–1979	1,23	1,05	0,38	1,43	0,20
1980–1984	1,16	0,55	0,78	1,33	0,16

Кризис 2008–2011 годов показал все недостатки такой «стратегии»: недофинансирование производства и сознательное сокращение денежной массы под предлогом борьбы с инфляцией, отсутствие институциональных изменений, а, главное — отсутствие полноценной идеологической и политической стратегии, способной сформулировать ясные общенациональные приоритеты и цели, предложить реальные меры по решению самых актуальных проблем. Собственно в этом и заключается эффективное государственное управление.

Отмечу, например, что самые первые результаты реализации демографической политики оказались вполне осязаемые. Если демографическую проблему рассматривать как проблему № 1 (в т.ч. и с точки зрения увеличения НЧП), то даже в целом бессистемные попытки власти 2007–2010 годов решить эту проблему, дали положительный и даже неожиданный результат[32] (табл. 3).

Можно допустить, что реальные результаты к 2010 году были бы намного выше, если бы была сформулирована политико-идеологическая, стратегическая задача развития в условиях кризиса не только для узкого круга чиновников, но и для всей элиты, всей власти всех уровней. Этого сделано не было. Кризис 2008–2011 годов стал временем рефлекторной реакции власти на возникавшие проблемы. Причем, принимавшиеся решения, как правило, были не в пользу общества, его социально-экономического положения. Это видно прежде всего на динамике реальных денежных доходов населения Российской Федерации. Из официального доклада Минрегионразвития по итогам 2010 года[33].

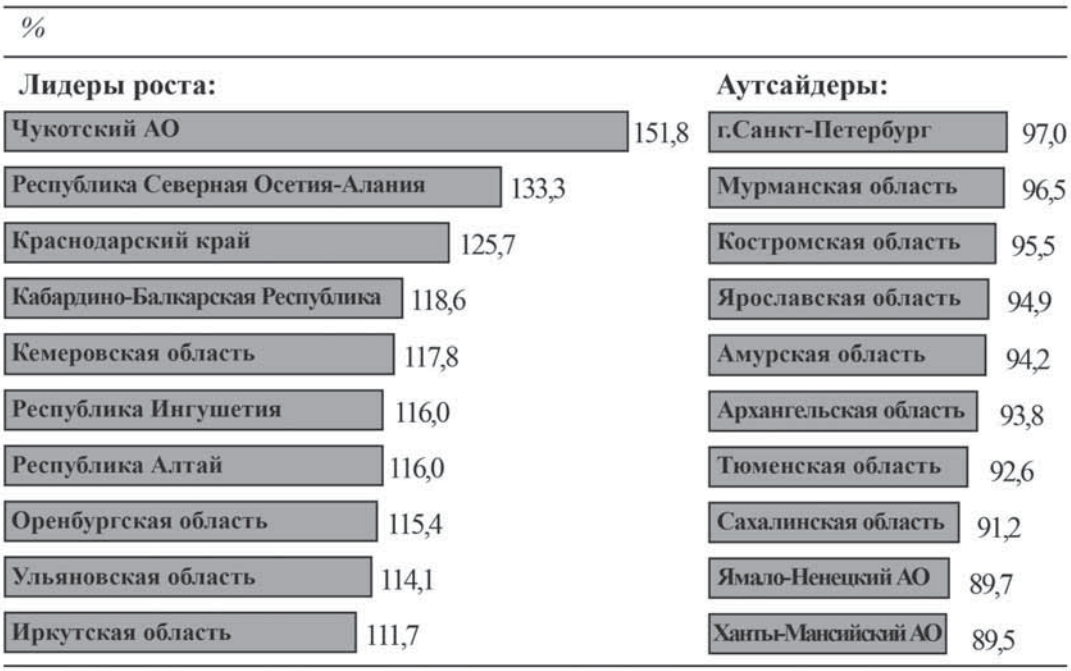
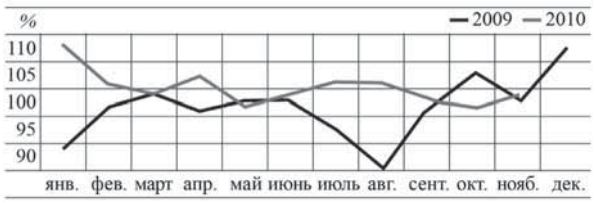


Рис. 6. Лидеры и аутсайдеры изменения денежных доходов населения в 2010 г.



Источник: Минрегион

Рис. 7. Динамика реальных денежных доходов населения по Российской Федерации

Примечательно, что в лидерах роста оказались небольшие регионы (за исключением Краснодарского края), а в аутсайдерах — бывшие лидеры.

Кризис 2008–2010 годов продемонстрировал главное — 3-й уровень управления, созданный властью, в самом первом приближении за 2005–2010 годы **оказался неэффективным**. Принимаемые в сентябре–октябре 2010 г. политические решения удивительно медленно и неэффективно реализовывались, а их политико-информационное обеспечение осуществлялось только первыми лицами в форме «паркетной информации». Идеологии выхода из кризиса не было. Наоборот, все время повторялся один и тот же тезис: у них «там» кризис, а у нас некоторые негативные явления. Таким образом, даже схема управления 3-го уровня оказалась недееспособной. Прежде всего потому, что начинать надо было с 1-го и 2-го.

На мой взгляд, кризис 2008–2011 годов показал, что становится все более очевидным, необходимость выхода на 1-й уровень. Даже в условиях кризиса. Тем более в этих условиях. Именно в условиях кризиса стало особенно заметно отсутствие долгосрочного (идеологического) курса, ведь набор немедленных мер по нейтрализации финансовых рисков носил запоздалый и бессистемный характер. В послекризисный период. Когда цены «скакнули» вверх, экономика заметно отстала от такой динамики.

В конечном счете России важно было не просто преодолеть кризис, а увидеть перспективу развития, цель. Так, задачи и результаты, сформулированные в «Концепции МЭРа» на 2020 год (например, 30 тыс. душевого ВВП или «пятая экономика» в мире), являются не политическими общенациональными приоритетами, а следствием **экономических, экспертных** оценок. На деле же в выступлениях В. Путина и Д. Медведева, а затем «уточненном» (мартовском) прогнозе МЭР, отчетливо звучали политические

Табл. 4. Разница в среднем возрасте смерти между Россией и странами «западной модели» смертности

Классы причин смерти	Средний возраст смерти, лет		Разница
	Россия 2006	«Западная модель», 2005	
Мужчины			
Все причины в том числе:	60,35	76,54	16,19
Новообразования	65,13	75,37	10,24
Болезни системы кровообращения	67,93	79,79	11,87
Внешние причины смерти	43,60	56,88	13,28
Болезни органов пищеварения	54,99	73,33	18,34
Болезни органов дыхания	60,26	82,38	22,11
Прочие болезни	50,34	76,28	25,93
Инфекционные и паразитарные болезни	44,17	72,21	28,04
Женщины			
Все причины в том числе:	73,23	82,47	9,24
Болезни системы кровообращения	77,95	85,80	7,85
Новообразования	67,46	76,69	9,24
Прочие болезни	68,68	83,34	14,66
Болезни органов пищеварения	62,67	81,36	18,69
Внешние причины смерти	50,09	69,06	18,98
Болезни органов дыхания	66,13	85,49	19,37
Инфекционные и паразитарные болезни	43,07	79,28	36,21

приоритеты 1-го уровня, которые, однако, так и не стали директивами для экономики, для действий правящего класса.

Между тем объективные условия для формирования такой политики, основанной на долгосрочных идеологических приоритетах, конечно же, были еще до кризиса. Прежде всего, потому, что период стабилизации, восстановления экономики завершился. Укрепилась и внутриполитическая стабильность.

Не было сделано главного: сформулировано общенациональной цели. Вполне обоснована, аргументирована и привлекательно было бы взять в качестве главной идеологической цели (с соответствующей конкретизацией) — решить демографическую проблему. Круг конкретных задач вытекающий из решения этой проблемы, может быть легко формализован и конкретизирован для всех ветвей и уровней власти, а также общества. Даже на примере острейшей демографической задачи — смертности в среднем возрасте[34] (табл. 4).

Более того, политический сезон выборов в Госдуму и президента 2007–2008 годов мог бы стать идеальным периодом для общенационального обсуждения такой стратегии. Чего не произошло. Удивительно, но даже немногие попытки власти озвучить эту стратегию остались без серьезного общественного обсуждения. Так, представленная на заседании Госсовета 8 февраля 2008 г. «Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года», по сути, **являлась политическим решением о переводе российской экономики с инерционного энергосырьевого на инновационный путь развития.** Реализация этой «Стратегии» должна была основываться на концепции социально-экономического развития страны, разработанной правительством.

Но этого-то и не произошло. Сроки переносились вплоть до августа 2008 года, как раз того времени, когда разразился кризис и обсуждение «Стратегии» и «Концепции» для правительства потеряло всякий смысл: война на Кавказе, обострение международной обстановки, текучка борьбы с финансовыми неурядицами — совсем отодвинули эту только-только ставшую нарождающейся дискуссию.

А жаль. В той февральской «Стратегии 2008 года» были обозначены вполне реальные и актуальные задачи. По мнению С. Глазьева, с которым трудно не согласиться, например, смысл заявленной президентом стратегии вполне соответствует объективным требованиям повышения конкурентоспособности российской экономики и конституционным целям социального государства. Эта стратегия исходила из содержательных задач развития экономики на основе развития НТП, кардинального повышения ее эффективности и социальной ориентированности.

Возникла надежда, что, получив **правильные идеологические ориентиры, приоритеты, государственная машина и деловое сообщество** смогут повернуть, наконец, экономику страны на инновационный путь развития, вывести ее на **траекторию быстрого и устойчивого роста** на передовой технологической основе. Не удалось. Не успели или не смогли?

Важно подчеркнуть, что, использовав **идеологический ресурс,** президенты В. Путин и Д. Медведев могли бы получить исключительный инструмент управления не только огромной госмашиной, но и обществом, его социальным потенциалом. Ресурсы общественного развития использовались явно недостаточно. Прежде всего, из-за неясности идеологии развития, оторванности огромных общественных масс от деятельности власти. Этот аспект постоянно игнорируется, хотя за 2006–2008 годы В. Путин и Д. Медведев не раз пытались давать «сигналы» общественности.

Есть смысл вновь вернуться к идеям февраля 2011 года. Даже в условиях кризиса, когда кажется не до идей и стратегий. Напомню, что в феврале 2008 года президент в своем выступлении на Госсовете определил **основные ориентиры** социально-экономического развития России **до 2020 года:** возвращение России в число мировых технологических **лидеров, четырехкратное** повышение производительности труда в основных секторах российской экономики, увеличение д**оли среднего класса до 60–70%** населения, сокращение смертности в полтора раза и увеличение средней продолжительности жизни населения **до 75 лет.** Именно эти приоритеты можно в полной мере отнести к приоритетам 2-го, более высокого уровня, чем все предыдущие попытки. Это был определенный прорыв в стратегическую, долгосрочную область, который, повторю, остался нереализованным и даже забытым уже осенью 2008 года. Хотя от этого он не перестал оставаться прорывом.

На мой взгляд, у этого печального финала было две основные причины. Во-первых, в команде В. Путина и Д. Медведева на ключевых постах так и не оказалось исполнителей, способных привести этот политический сигнал в конкретную практическую область. Точнее — те, кто по должности должны были это сделать, оказались не способны к этому. Или не захотели.

Во-вторых, инициатива февраля 2008 года уже, безусловно, стратегическая инициатива более высокого (2-го) уровня, чем все предыдущие шаги власти. Но и она должна была исходить изначально не из количественных параметров, о которых говорил В. Путин, а из идеологических и политических, упоминания которых он всячески избегал. То есть из концепций 1-го, идеологического уровня.

Но они не дают ответа, **в какой стране** мы будем жить, **какое общество строить**. Остались без ответа ключевые вопросы. Примечательно, что именно эти **идеологические** вопросы во многом стали российской спецификой финансового кризиса. В конечном счете, именно отсутствие властной идеологии стало первопричиной роста общественного недоверия к власти и, прежде всего, финансовым властям.

Удивительно, но в феврале 2008 года основа их решения В. Путиным была обозначена: он призвал

«сконцентрировать усилия на решении трех ключевых проблем: создании равных возможностей для людей, формировании мотивации к инновационному поведению и **радикальном повышении эффективности экономики,** прежде всего на основе роста производительности труда», что относится к приоритетам второго и третьего уровня, а не вполне идеологическим, более высоким по рангу приоритетам.

Справедливости ради, следует заметить, что, в отличие от прошлых стратегий, исходивших из наивного представления о чудодейственности механизмов рыночной самоорганизации, февральскую стратегию отличало трезвое понимание сложного положения российской экономики, теряющей конкурентоспособность и стремительно опускающуюся на сырьевую периферию мирового рынка, лишаясь внутреннего потенциала самостоятельного развития. Но, повторю, дальше этого в 2008 году дело не пошло.

Обвинения В. Путина в «увлеченности успехами» не вполне справедливы. В той же февральской стратегии он отмечал, что, несмотря на решение задач удвоения ВВП за последнее десятилетие, тупиковость инерционного энергосырьевого сценария развития низводит Россию до роли сырьевого придатка мировой экономики. И в соответствии с рекомендациями науки, **определял приоритеты государственной политики 2-го уровня:** инвестиции в человеческий капитал, подъем образования, науки, здравоохранения, построение национальной инновационной системы, развитие наших естественных преимуществ и модернизация экономики, развитие ее новых конкурентоспособных секторов в высокотехнологических сферах экономики знаний, реконструкция и расширение производственной, социальной и финансовой инфраструктуры. Но все это так и осталось декларациями. Обращает на себя внимание, что президенту приходилось смешивать второй и третий уровни — государственной политики и методов управления, что не могло не сказаться на общем снижении уровня политической постановки задачи. Так, для перевода страны на инновационный путь развития ставилась задача кардинального повышения инновационной и инвестиционной активности, доведение уровня накопления до 30% от ВВП, перехода к стандартам развитых стран в сфере бюджетной политики. Это означает, что уровень финансирования образования должен достичь 7% от ВВП, здравоохранения — 6%, науки — 3%. Иными словами, расходы государства на эти отрасли должны были быть **удвоены**. То есть опять шло планирование от достигнутого, а не оттого, что должно быть сформулировано в общенациональной стратегии первого уровня. В этом случае цифры должны были бы быть, по меньшей мере, удвоены: образование и здравоохранение до 12–14%, а науки — до 10%. Именно такие параметры сегодня заложены в бюджетах наиболее передовых стран.

Другими словами, политические приоритеты, объявляемые президентом, изначально не подкреплялись такими же финансово-бюджетными задачами. Что, естественно, и было реализовано в последующие месяцы Минфином и Минэконом развития в вариантах концепций социально-экономического развития.

Но даже с точки зрения постановки политико-идеологических задач в «Стратегии» возникают естественные вопросы. У меня, например, возникает вопрос относительно того, почему наша экономика в 2020 году должна составлять треть индийской и одну седьмую от китайской? Только потому, что эксперты так спрогнозировали? Но ведь они часто (точнее, почти всегда) ошибаются даже на короткую перспективу! Простой, я бы сказал, рядовой пример, — очередной прогноз Минэкономразвития, сделанный в январе 2008 года[35] (табл. 5).

На первый взгляд разница в прогнозе небольшая, но если посмотреть на среднесрочную перспективу до 2010 года, (т.е. всего на 3 года вперед!) то финальная разница в прогнозе ВВП до 2010 года составит более 5000 млрд руб. или 250 млрд долл. Или пяти четвертей всего ВВП 2008 г.

Если же этот «уточненный» прогноз (и его разницу) хотя бы экстраполировать до 2020 года, то окажется, что ВВП России может быть то ли 100 000 млрд руб., то ли 200 000 млрд руб. (четыре трлн долл. и восемь трлн долл. соответственно). А между тем это означает, что в прогнозируемый период это будет либо увеличение душевого ВВП в четыре, или даже в восемь раз! В первом случае сказанное позволяет сделать вывод, что душевой доход в России

Табл. 5.

	2007 старый	новый	2008 старый	новый	2009 старый	новый	2010 старый	новый
ВВП, млрд руб.	30 690	32 530	35 000	38 952	39 690	44 565	44 800	50 781
ВВП, прирост в %	6,5	7,6	6,1	6,7	6	6,3	6,2	6,4
Инфляция	7–8	11,9	6–7	7,5–8,5	5,5–6,5	5,8–7	5–6	5–6
Курс доллара, среднегодовой	26	25,5	25,9	24,1	26,2	24,9	26,8	25,9
Цена нефти Urals, $/барр.	55	69,3	53	74	52	66	50	62

Источник: Минэкономразвитие за соттветствующие годы

в 2020 году достигнет уровня душевого ВВП самых развитых стран от уровня 2008 года (но будет ниже, чем их уровень 2020 года), а во втором, — что он **превысит** душевой доход развитых стран 2020 года, т.е. будет соответствовать самым высоким стандартам.

Таким образом, даже разница в экстраполяции в долгосрочной перспективе ведет к качественным отличиям, имеющим огромные **политические последствия**. Что же говорить о том, если изначально прогноз имеет и идеологический характер? Получается, что за политические и идеологические последствия разработанные чиновниками прогнозов должны отвечать президент и премьер? Более того, эти же чиновники должны фактически конструировать всю систему стратегического планирования и стратегического управления? Системы, ответственность за которые по определению несут политические институты. Прежде всего президент, правительство, а также Федеральное Собрание. Это — очевидное противоречие, которое, впрочем, присуще всему периоду управления страной финансовыми, а не политическими властями.

Отчасти это признается фактическим автором прогноза и проекта концепции заместителем министра МЭР А. Клепачем: «Главная цель концепции 2020 — не только достижение амбициозных целей (например, пятого места по объему ВВП и 30 тыс. долл. подушевого дохода), но и конструирование системы стратегического управления, основанной на упреждении глобальных катаклизмов. Система, по словам Клепача, заработает в полную силу, когда будет утверждена не только концепция–2020, но и ряд других прогнозных документов: долгосрочный прогноз до 2020 года, а по ряду направлений до 2030 года, ряд отраслевых стратегий, например энергетическая до 2030 года, транспортная (и отдельно от нее железнодорожная), внешнеэкономическая, финплан-2023, региональные стратегии.

Наконец, нужен закон о прогнозировании, проект которого, как сообщил Клепач, утрясается в правительственных кабинетах. Кроме того, как уже сообщала «Газета» (см. номер от 24 марта 2008 г.). В министерствах готовят план реализации амбициозной концепции–2020[36]. Но закон о прогнозировании (если такой и нужен) это уже «чистая» идеология. Какое общество и какое государство мы хотим увидеть через 20–30 лет? Это вопросы идеологические и не компетенция макроэкономистов!

Действительно, представим себе архитектора, который начинает строить дом. Он выбирает эскизный проект, который может быть и одноэтажным бунгало и пирамидой Хеопса. От того, какая идея его обуревает и сколько ресурсов (второе обязательное условие) он может рассчитывать истратить, и будет его эскиз, из которого уже потом проектировщики сделают детальный план, включающий водо- и электроснабжение, другие коммуникации, ландшафт и т.д.

Такая же ситуация и с долгосрочным прогнозом в отношении нации. Какую нацию мы хотим увидеть через 20–30 лет?

Ответы могут быть самые разные, включая и противоречивые. Например:

— завоевавшую весь мир;
— имеющую самую мощную армию;
— самую образованную;
— самую социально защищенную и т.д.

В этой связи вновь необходимо вернуться к вопросу, относящемуся к приоритетам первого, высшего политико-идеологического уровня, ответ на который и может стать основополагающим для решения задач стратегического (второго) уровня, а именно: каковы **должны быть** темпы развития экономики и общества до 2020 года? Именно **должны быть,** а не «ожидаемые» от экстраполяции. Разница — принципиальная, ведь в первом случае элита и власть создают целевую установку (вспомним — «пятилетку в четыре года!»), а во втором — такая установка, а соответственно и меры по ее реализации — отсутствуют.

В первом случае ответ однозначен: очевидно, что темпы развития должны быть не инерционными, а «взрывными». Это задача уже идеологическая, а потом — политическая. Власть не ждет, когда постепенно экономика страны выйдет на уровень процветающей, она ставит задачу быстрого выхода из последствий кризисного развития. Получения результатов итоговых, а не относительно последних лет. Результатов объективных, с точки зрения уже не послекризисного развития, а с точки зрения потребностей 2020 года, угроз и оценки положения России в мире в будущем.

Разница, как видно, принципиальная, а именно, — идеологическая и политическая. На идеологическом, а не макроэкономическом уровне, эта проблема и стоит именно сегодня. Как справедливо заметил С. Кургинян, «…если российское правительство дает какие-то деньги каким-то заводам, институтам и лабораториям, это уже хорошо. Если этих денег будет много, это замечательно. Если их не до конца разворуют, это прекрасно. Но, в самом лучшем случае, за этот счет удастся чуть дольше продержать на плаву индустриальное и технологическое советское наследство. Доколе?»

Основные фонды существующего (а не нового) индустриального комплекса недополучили за позднесоветские и постсоветские годы 2,5 трлн долл., т.е. 15 нынешних стабилизационных фондов, а восстановление престижа профессий обойдется, по самым скромным оценкам, в 100 млрд долл.

Но, главное, дело не в этом, а в идеологии ухода от инерционных концепций. Элита к середине 2008 года подошла к очередному выбору. На первый взгляд это был выбор между макроэкономическим путем (экстенсивные) развития и инновационным. На самом деле, вопрос стоял о **политическом выборе:** мы (нация, политическая элита, граждане) определяем задачи и устанавливаем приоритеты долгосрочного развития, либо это делают за нас (Минфин и т.д.). В мае 2008 года, в споре МЭРа и Минфина это разногласие отчетливо обозначилось.

3. Нерешенные вопросы ускоренного национального и общественного развития

…Скромный масштаб задач («Стратегия–2020») свидетельствует о зияющих пустотах в стратегическом планировании, проектировании и прогнозировании[37].
В. Расторгуев

…Для значительной части экономической и управленческой элиты модернизация — это просто совокупность программ, позволяющих получить дешевое финансирование из государственного бюджета[38].
С. Миронов

Нерешенных вопросов ускоренного развития к 2011 году оказалось больше, чем в начале этого процесса, декларированного В. Путиным и поддержанным Д. Медведевым еще в 2005 году. И первопричина этому не только интеллектуальное бессилие правящей элиты, которая полагается на вульгарный либерализм, но и не способность этой элиты привлечь национальный творческий потенциал к решению этих задач. Сама по себе элита выдумать или проанализировать ничего не может. Она вынуждена опираться на экспертный потенциал, чье качество определяется не только профессионализмом, но и нравственностью и патриотизмом. Таковых экспертов у правящей элиты практически нет. Все места давно оккупированы сторонниками вульгарной либеральной традиции. Как заметил О. Т. Богомолов, «Многие ученые-обществоведы не ощущали в прошлом и не ощущают до сих пор востребованность своей работы, своих исследований. **Не было, да и сейчас порой нет «социального заказа» со стороны властей или средств массовой информации на их знания и опыт**. Более того, критический анализ проводимой политики обычно вызывает отторжение со стороны властей и контролируемых ими СМИ. Повышенным спросом пользуется сервильная наука.

Тем не менее, связь между объективной научной истиной, формулируемой добросовестными учеными, и эволюцией общества к лучшему существует, хотя она и не столь непосредственна и очевидна, и проявляется порой по прошествии лишь многих лет. К такому заключению привел меня мой жизненный опыт. **Ошибочные взгляды и теории могут долгое время торжествовать и владеть умами, направлять политику и формировать экономику, определять общественное устройство**. Оппонентам затыкают рот, и им не удается отстоять свою правоту»[39].

Их условно можно разделить по приоритетности на две большие группы — общественно-политические проблемы, непосредственно связанные с перспективами развития нации, общества и политической системы, и экономические, проблемы, решение которых предполагает ускоренное научно-техническое, технологическое и экономическое развитие страны. Если первая группа проблем предполагает поиск эффективных решений для национального и общественно-политического развития, то вторая группа — правильное целеполагание и создание механизмов ускорения экономического развития. Именно в такой приоритетности.

Трудность, однако, заключается в том, что правящая элита фактически не признавала в 2005–2011 годы самого наличия общественно-политических и национальных проблем. Вся ее стратегия, как и в начале первого десятилетия XXI века, сводилась к внутриполитической стабилизации, и, как следствие, стремлению избежать постановки проблем. Любой ценой, любыми средствами, независимо от последствий. Между тем в 2011 году стало окончательно ясно, что эти проблемы существуют и их предстоит решать. Причем в приоритетном, даже по отношению к экономике, порядке. На мой взгляд, их краткий перечень можно свести к следующему:

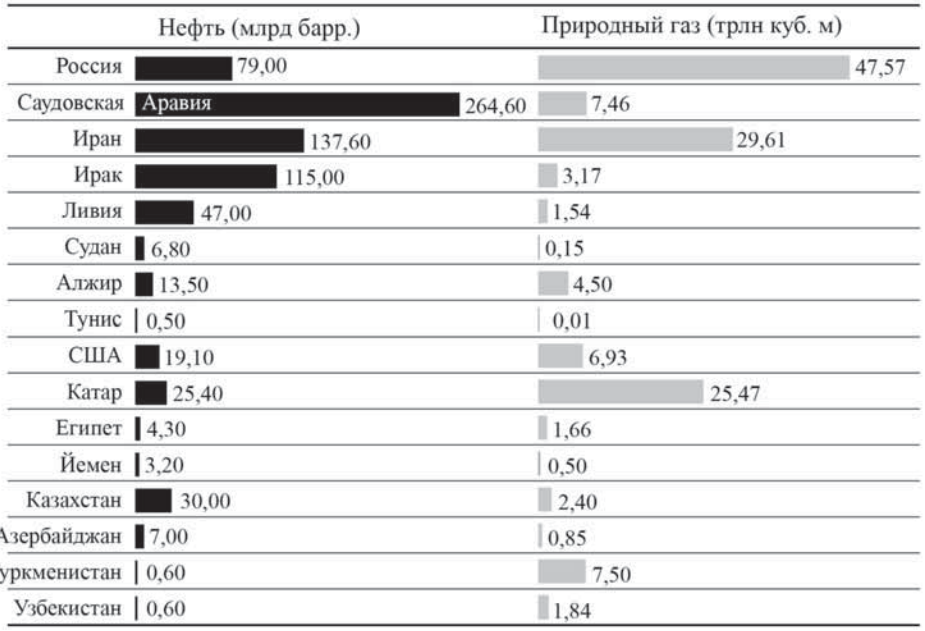
— отсутствию консолидированного представления правящей элиты о национальных интересах и ценностях и, как следствие, о целях национального развития. По сути в элите и обществе сложились самые разные, порой полярные, представления о всем спектре национальных интересов и ценностей — от отношения к русскому и советскому периоду истории до современного отношения к Западу и Востоку, положению России в мире и т.д. Подобный разлад не позволяет внятно сформулировать долгосрочные национальные цели и, соответственно, распределить ресурсы;
— отсутствию консолидированного представления о будущем месте России в мире, ее будущем, политическом и общественном устройстве, социальной политике. В 2011 году стал формироваться либеральный «образ будущего»[40], сохранился социально-консервативный «образ будущего» — размытый и противоречивый — «Единой России», В. Путина и Д. Медведева, левый «образ будущего» — «Справедливой России», ориентированный на социал-демократические ценности, «образ будущего», представляемый КПРФ и ЛДПР, а также националистический, православный, исламский, технократические и пр. «образы будущего» России. Каждый из них не просто противоречил остальным, но являлся их прямой противоположностью;
— существовали и существуют прямо противоположные представления о модели государства, его

политической системе, социальном устройстве. Правящая элита по сути законсервировала политическую систему, которая сложилась в форс-мажорных и конкретных критических условиях Конституции 1993 года, ужесточив ее и без того авторитарные, построенные под Б. Ельцина, элементы. Нерешенные общественно-политические проблемы 90-х годов, были законсервированы в первом десятилетии в целях внутриполитической стабильности. Но опережающее экономическое и научно-техническое развитие **невозможно в принципе** в таком государстве, которое окончилось в условиях кризиса 90-х и начала 2000-х годов именно для сохранения стабильности. В этом суть противоречия между понятиями «стабильность» и «развитие». Для того чтобы двигаться, нужно на время потерять стабильность. Чем быстрее движение, тем меньше стабильности. Максимальная стабильность — кладбище, ведь даже во сне человек (как система) может двигаться — переворачиваться, например.

Все внимание правящей элиты было сосредоточено на попытках решения частных — экономических, правовых, иногда социальных — проблем и создании неких частных механизмов развития. Это была сознательная политика 2005–2011 годов, когда некоторые частные решения, как, например, приоритетные национальные проекты (ПНП), давали частные результаты, не меняя в принципе положения в экономике и в обществе. Чаще — не давали никаких результатов, либо даже негативный эффект. Таким образом, не решив общих политических и стратегических вопросов, правящая элита пыталась разработать и внедрить частные механизмы, которые, как правило, не срабатывали. Проблемы оставались не решенными и даже не сформулированными, а стратегии развития носили частный, прикладной и противоречивый характер.

Собственно с таким багажом правящая элита России вступила в 2011, первый послекризисный, год. Политические приоритеты, обозначенные в декларациях В. Путина и Д. Медведева в отношении перехода к инновационной экономике, так и остались политическими декларациями, которые окончательно девальвировал кризис 2008–2010 годов: ни по условиям кредитования наукоемкой промышленности, ни по поддержке со стороны властей Россия в 2008–2010 годах не походила на страну, которая собирается перейти от ресурсной экономики к инновационной. Не изменилась ситуация и в кризисный период: были сделаны сотни заявлений, озвучены десятки программ, но ситуация не менялась.

Особенно видно это на примере, казалось бы, самой приоритетной, технологической области: в 2005 году были приняты «Основные направления политики России в области развития инновационной системы на период до 2010 года». В 2006 году — «Стратегия развития науки и инноваций до 2015 года». В продолжение темы Минэкономразвития представило проект «Стратегии инновационного развития до 2020 года». В министерстве подсчитали, что при переходе на инновационную социально ориентированную модель развития к 2020 году Россия займет 5–10% рынка высокотехнологичных и интеллектуальных услуг по пяти-семи позициям и в два раза повысит долю высокотехнологичного сектора в ВВП (с 10,9 до 17–20%). Ничего не произошло. Как справедливо заметили исследователи МГИМО(У), период «тучных» лет, связанный с необычайно выгодной внешнеторговой конъюнктурой, не ознаменовал со-



Источник: BP: OPEC: OAPEC: национальная статистика, данные за 2010 г.

Рис. 8. Наиболее крупные разведанные запасы нефти и природного газа в мире[41]

бой повышение инновационной активности в российской экономике.

Пожалуй, наиболее точным определение состояния «инновационной деятельности» на протяжении 2000-х гг. будет термин «стагфляция» — сочетание инфляции в финансах и стагнации в экономике. Кризис 2008–2010 годов усугубил эту ситуацию, а начало послекризисного периода не внесло корректив.

В начале 2011 года цены на сырье вновь пошли резко вверх, превысив отметку в 100 долл. за баррель. В этих условиях объективно ослабла опасность роста дефицита бюджета, хотя удивительно, что страна, получающие такие огромные расходы, планирует бюджетный дефицит на годы вперед. Элита успокоилась, ведь когда цены на нефть превышают 100 долл. за баррель, элите, как сказал один финансист, стоит беспокоиться только «о количестве полей для гольфа» или покупке зарубежных клубов. Что и происходило, и происходит. Поле для гольфа строятся, а клубы — покупаются.

Между тем, Россия отнюдь не самая богатая страна с точки зрения разведанных запасов углеводородов, а тем более, с точки зрения эффективности их добычи. Как видно из нижеприводимых данных (рис. 8), существующее богатство не гарантирует России бесконечно беспечного будущего. Более того, различные оценки говорят о том, что углеводороды будут исчерпаны через 40–60 лет. А, может быть, и ранее. Поэтому у России есть максимум 20 лет для переустройства общества, государства и экономики на условиях максимальной эффективности. Этот же срок совпадает и с периодом долгосрочной стратегии национального развития, которая должна заменить частный и среднесрочный вариант — стратегию социально-экономического развития до 2020 года («Стратегию–2020»), заменить, а не скорректировать. За эти 20 лет ставка на природные ресурсы, которая сформулировалась в политике предыдущих десятилетий, должна быть заменена на политическую установку — на развитие другой части национального богатства — НЧП.

Кроме того, быстро развиваются энергосберегающие технологи, происходит замещение одних источников другими. В целом общая тенденция становится все яснее: Россия, как государство-рантье, сможет просуществовать недолго, если не сможет изменить существующий алгоритм своего развития. Похоже, что те в российской элите, кто еще связывает свои планы с нашей страной, также пришли к этому выводу в начале второго десятилетия XXI века. Наверное, это и явилось стимулом к поиску вариантов модернизации экономики страны, которые в разных формах сводились к простой формуле — «инновация + модернизация».

Между тем заклинания о модернизации 2008–2011 годов, как уже говорилось, не привели к позитивному результату. Сложилась парадоксальная ситуация: при декларациях власти об инновациях… продолжалась реализовываться стратегия стагфляции. Так, вклад инновационных товаров, работ и услуг в ВВП за 2002–2008 гг. увеличился с 1,9 до 2,6%. Однако этот рост выглядит более чем скромно, так как учитывает всего три компонента — производство принципиально новых товаров, работ, услуг; новых для предприятия и новых для рынка, на котором работает компания. Очевидно, что подлинно инновационный потенциал заложен лишь в первой позиции, и по ней как раз рост был наименьшим. В 2008 г. доля такой продукции едва превышала 0,1% ВВП (или около 0,4% от объема промышленного производства)[42].

Если проводить международные сопоставления удельного веса производства принципиально новых товаров, работ и услуг в общем объеме промышленного производства, то позиции России по этому показателю на фоне развитых стран выглядят удручающими. Для сравнения: в Германии он равен 12,9%, в Испании — 8,5%, в Румынии — 4,8%»[43]. Другими словами, **вся инновационная активность в России в реальности была близкой к нулю**. Причем на протяжении длительного времени. Даже в условиях значительных финансовых излишков, которые копили в «мешки безопасности», и инвестиций в 2007–2010 годов. Таким образом возникает первая проблема — соотношение вертальной, декларативной «инновационной» стратегии и реальной стратегии «стагфляции».

Надо сказать, что само правительство было вынуждено достаточно критично оценить результаты этой деятельности. В конце 2010 года МЭР следующим образом подвел итоги трехлетней работы:

— на первом этапе (2006–2007) достигнуто лишь менее трети от запланированных показателей. При этом большинство показателей оказались ниже предусмотренных инерционным сценарием (т.е. ниже нижнего — *А. П.*), а некоторые демонстрировали негативную (! — *А. П.*) динамику…
— на втором этапе (2008–2010 гг.)…средний уровень достижений … составил около (интересно, насколько близко? — *А. П.*) 40%, а большинство (! — *А. П.*) показателей по-прежнему не достигают даже этого уровня, предусмотренного инерционным сценарием, по отдельным ключевым показателям сохраняется негативная динамика»[44].

К сожалению, анализируя недостатки, авторы новой «Стратегии инновационного развития» практически игнорировали значение национального человеческого потенциала и, в частности, социального потенциала, сведя всю проблему практически к качеству образования, где они были вынуждены признать его хроническое недофинансирование: «Эти негативные названные тенденции вызваны, в том числе, и хроническим недофинансированием сферы образования в 1990-е годы и начале 2000-х. Сейчас ситуация улучшилась, но по относительным показателям государственного финансирования этой сферы Россия по-прежнему значительно уступает странам-

лидерам и даже значительному числу «догоняющих» стран. (В 2007 году, например, Россия расходовала на образование 4,0% ВВП, тогда как Финляндия — 5.9%, США — 5,3%, Франция 5,6%, Бразилия — 5,2%, Южная Корея — 4,2%). Недостаток финансирования существенно усугубляется структурными проблемами, включая устаревшие модели управления учебным процессом, нехватку в, системе образования современных кадров, в том числе, управленческих. В целом, система образования недостаточно ориентирована на удовлетворение потребностей инновационного развития и экономики в целом. При этом оценка качества образования, которую дают российские работодатели, в целом невысокая. (Russian Innovation Survey 2009–2010, «Бауман Инновейшн», ОПОРА России)»[45].

Это говорит о том, что авторы инновационных стратегий пока даже **не способны увидеть** проблему. Они не понимают, в частности, что НЧП:

— является основной частью национального богатства и, следовательно, главным объектом модернизации и инноваций;
— что НЧП представляет собой сложный интегральный показатель;
— что результатом, конечным и абсолютным, является результат в демографии (об этом авторы инновационной стратегии даже не упоминают);
— что НЧП проявляется быстрее всего и полнее всего в образовании (о котором они признают очевидные недостатки);
— что основой модернизации является национальная наука (которую они выносят в самостоятельную область, предлагая в качестве позитива роста финансирования фундаментальной науки за 2006–2008 гг. в 1,6 раза), а не технологические заимствования;
— что базовые ценности — национальной культуры и духовности (которые даже не упоминаются, хотя и признается важность «формируемых у человека жизненных установок»[46], которые почему-то сводятся к количеству мобильных телефонов, лежат в основе национального развития;
— не понимают и не видят значения социального потенциала, сводя все исключительно к «институтам развития» и исследовательским университетам, что принципиально неверно: инновационная среда не может быть создана в резервациях типа «Сколково» в отрыве от социальной части НЧП;
— наконец, они вообще не понимают — и в этом их главная ошибка, — что инновации и модернизации невозможны в отрыве от всей системы существующих у общества и элиты взглядов на национальное развитие.

Стабилизация начала 2000-х годов при В. Путине стала возможной только потому, что «… в глазах общества именно Путин оказался главным националистом, а новая власть — обладателем монополии на национализм…»[47]. Этот потенциал сначала В. Путин, а затем и Д. Медведев почти потеряли. Между тем, «нестыковка» в позициях президента и премьера по вопросу о бомбардировке Ливии показала, что этот потенциал поддержки у В. Путина огромен.

Отказываясь от национализма и национальной стратегии развития в пользу абстрактной модернизации, В. Путин и особенно Д. Медведев, не только уступают политическое пространство националистам и другим политическим силам, ослабляя свои политические позиции в угоду либералам и Западу, но и лишают стратегию развития смысла: если развивать не нацию, а некие «технологии», то зачем они?

Это, кстати, видно стало уже в марте 2011 года после региональных выборов в 12 регионах (табл. 6).

Результаты выборов марта 2011 года свидетельствуют о следующем:

1. Очевидное падение популярности «Единой России» и ее лидеров. Хотя формально процент голосов остался прежним, обращает внимание, что регионы, где ЕР получила высшие результаты (более 42–44%), очевидно хорошо управляемы и активно, даже беззастенчиво используют административный ресурс и прямую фальсификацию. Это — республики Адыгея, Дагестан, Коми, Чукотский автономный округ.
2. Существует явное снижение рейтинга правящей элиты, ее лидеров и партии, что может привести к тому, что на декабрьских (2011 г.) выборах ЕР сможет рассчитывать не более, чем на 30% даже с учетом жесткого административного давления и прямой фальсификации.
3. Протестный электорат может составить большинство на выборах в декабре 2011 года, причем левые партии — «Справедливая Россия» и КПРФ могут рассчитывать в сумме на результат, превышающий результат правящей партии. Речь идет фактически о повороте общественного мнения в сторону левой и государственной идеологии. Вопрос заключается в том, как политически воспользоваться этими идеологическими сдвигами. Левый поворот — как показывают результаты выборов марта 2011 года, — **произошел**.
4. Дискуссии и раскол правящей элиты по вопросам о стратегии развития страны, вероятно, приведет к активизации неолиберального крыла, которое на выборах в Дагестане («Правое дело») неожиданно получило более 5%. Если произойдет консолидация праволибералов, то, вероятно, они смогут преодолеть 7%. Тем самым либеральная идея, не пользовавшая популярностью последние годы, получит политическую поддержку, а финансовые власти — политический ресурс.
5. Количество депутатов, получивших мандаты на выборах в марте 2011 года, от оппозиционных партий свидетельствует о том, что фактически, даже, несмотря на существующую практику, они стали **альтернативным политическим центром в регионах**. В Карелии 12 — против 14; Ханты-Мансийский округ — 9 против 10.

Табл. 6. Результаты выборов депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации 13 марта 2011 года[48]

№ п/п	Наименование субъекта РФ	Наименование законодательного органа	Кол-во депутатов	Срок полномочий	Барьер (%)	Явка (%)	Процент на ГД СР	Справедливая Россия (%)	Единая Россия (%)	КПРФ (%)	ЛДПР (%)	Патриоты России (%)	Правое дело (%)	Яблоко (%)
1	Республика Адыгея	Государственный Совет — Хасэ Республики Адыгея	54	5	7	49,86%	5,23	9,53 (0/2)	58,04 (24/17)	18,76 (1/5)	10,45 (0/3)			
2	Республика Дагестан	Народное Собрание Республики Дагестан	90	5	7	84,68%	0,89	13,68 (0/13)	65,21 (0/62)	7,27 (0/6)	0,05 (0/0)	8,39 (0/8)	5,09 (0/1)	
3	Республика Коми	Государственный Совет Республики Коми	30	4	7	49,74%	8,41	12,62 (0/1)	50,53 (15/10)	16,06 (0/2)	14,83 (0/2)	1,67 (0/0)		
4	Калининградская область	Калининградская областная Дума	40	5	7	43,25%	8,17	10,09 (0/2)	40,78 (16/9)	21,40 (0/5)	12,58 (0/2)	8,49 (0/2)		2,44 (0/0)
5	Кировская область	Законодательное Собрание Кировской области	54	5	6	47,52%	8,16	21,06 (4/6)	36,69 (17/10)	22,35 (4/6)	17,14 (0/5)			
6	Курская область	Курская областная Дума	45	5	7	52,36%	10,87	14,75 (0/3)	44,75 (21/12)	21,54 (1/5)	12,32 (0/3)	1,82 (0/0)		1,51 (0/0)
7	Нижегородская область	Законодательное Собрание Нижегородской области	50	5	7	44,72%	10,55	12,74 (1/3)	42,98 (19/11)	28,79 (5/8)	12,81 (0/3)			
8	Оренбургская область	Законодательное Собрание Оренбургской области	47	5	7	47,63%	9,26	17,01 (0/4)	41,54 (21/11)	21,44 (1/5)	15,46 (1/4)	1,72 (0/0)		
9	Тамбовская область	Тамбовская областная Дума	50	5	7	53,25%	5,89	5,75 (1/1)	65,10 (23/19)	18,24 (0/4)	7,31 (0/1)			
10	Тверская область	Законодательное Собрание Тверской области	40	5	7	37,86%	8,41	21,27 (0/4)	39,79 (17/9)	24,65 (3/5)	11,01 (0/2)			
11	Ханты — Мансийский автономный округ	Дума Ханты-Мансийского авт. округа — Югры	35	5	7	44,76%	6,27	13,88 (1/2)	44,07 (16/9)	13,38 (0/2)	23,56 (0/5)			
12	Чукотский автономный округ	Дума Чукотского автономного округа	12	5	5	76,15%	2,77	7,52 (0/1)	71,19 (3/4)	4,83 (0/0)	11,90 (0/1)			
ИТОГО			**547**			**50,93%**		**14,51 (7/42)**	**48,97 (192/183)**	**19,11 (15/53)**	**11,27 (1/31)**			

Табл. 7. Результаты выборов депутатов законодательных (представительных) органов административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации 13 марта 2011 года[49]

№ п/п	Регион	Название законодательного органа	Кол-во избира-телей	Срок полно-мочий (лет)	Барь-ер (%)	Кол-во мандатов	Справед-ливая Россия	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Патрио-ты Рос-сии	Яблоко	Самовы-движен-цы
1	Республика Карелия (г. Петрозаводск)	Петрозаводский городской Совет	211 407	5	—	30 (30/0)	7/0	14/0	5/0	0/0	0/0	3/0	1
2	Республика Коми (г. Сыктывкар)	Совет муниципального образования городского округа «Сыктывкар»	187 074	4	7	30 (15/15)	13,07% 0/1	39,29% 10/8	19,81% 3/3	19,57% 2/3	2,65% 0/0	0/0	0
3	Пермский Край (г. Пермь)	Пермская городская Дума	780 519	5	—	36 (36/0)	1/0	23/0	1/0	1/0	0/0	0/0	9
4	Ставропольский Край (г. Ставрополь)	Ставропольская городская Дума	269 183	5	7	30 (15/15)	9,22% 0/1	38,80% 13/6	23,94% 0/4	23,41% 0/1	0/0	0/0	1
5	Владимирская область (г. Владимир)	Совет народных депутатов города Владимира	282 976	5	7	35 (28/7)	16,17% 1/1	34,82% 21/3	28,97% 6/2	12,67% 0/1	2,34% 0/0	0/1	1
6	Калининградская область (г. Калининград)	Городской Совет депутатов города Калининграда	340 316	5	—	27 (27/0)	0/0	23/0	2/0	0/0	0/0	0/0	2
7	Кемеровская область (г. Кемерово)	Кемеровский городской Совет народных депутатов	395 005	4	—	35 (35/0)	2/0	31/0	0/0	0/0	2/0	0/0	0
8	Орловская область (г. Орел)	Орловский городской Совет народных депутатов	257 526	5	—	38 (38/0)	0/0	20/0	18/0	0/0	0/0	0/0	0
9	Саратовская область (г. Саратов)	Саратовская городская Дума	657 158	5	7	41 (20/21)	8,62% 0/1	62,08% 20/17	15,22% 0/3	6,86% 0/0	2,16% 0/0	2,53% 0/0	0
10	Ханты-Мансийский автономный округ (г. Ханты-Мансийск)	Дума города Ханты-Мансийска	40 252	5	—	19 четыр. — 4x4 трех. — 1x3	2/0	10/0	3/0	3/0	0/0	0/0	2

Можно признать, что очевидное падение доверия к «ЕР», В. Путину и Д. Медведеву, которое будет только усиливаться, это еще и падение доверия к их политическому курсу и разрекламированной «Стратегия–2020», которая так и не стала (да и не могла стать) стратегией национального развития. Ее абстрактность, непонятное для большинства нации содержание, фактически исключили нацию и общества из механизмов ее реализации, т.е. она стала концепцией лишь части правящей элиты.

Как совершенно справедливо полагает В. Н. Расторгуев (вынужден привести длинную цитату — *А. П.*), «Так называемая «Концепция — 2020» отстала от вызовов времени на годы еще до своего появления на свет, а глобальный кризис лишь сделал это отставание очевидным. Теперь поставлена новая цель — срочно переделать ее в антикризисную программу (ориентиры все те же: «2020»), Понятно, что **скромный масштаб задач свидетельствует о зияющих пустотах в стратегическом планировании, проектировании и прогнозировании**. Да и трудно требовать большей смелости от тех, кто прокладывает курс, постоянно находясь в «зоне политической турбулентности». **Как не было, так и нет ответа на главные вопросы: какое общество строим, какие угрозы приближаем своим бездействием, на какие риски готовы идти и ради чего?** То же самое можно сказать и обо всех других документах доктринального характера — в частности, о «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», которая сама представляет собой скрытую угрозу. Причины ее несостоятельности — не в интеллектуальной немощи составителей и не в отсутствии созидательного опыта (его-то явно недостает), а в ином. Впрочем, они лежат на поверхности. Назовем основные факторы риска.

Во-первых, **система безопасности напрямую зависит от долгосрочных целей, которые не артикулированы и по сей день.** Одна система пригодна для модели «энергетического лидера» (если называть вещи своими именами — основного ресурсного донора развитых и быстро развивающихся стран). Иная — для «догоняющей модернизации», вполне приемлемой для потенциальных конкурентов, ибо она сохраняет дистанцию между «золотым миллиардом» и его окружением. И совершенно другая, на порядок более сложная и дорогая, **система безопасности потребуется для того, чтобы действительно «оседлать» новый технологический уклад и самим оторваться от догоняющих стран**, обделенных резервами. В этом случае кардинально изменяется все — от геополитического климата, который вряд ли будет благоприятным, до круга потенциальных союзников и противников, от оценки угроз до определения приоритетов. А в списке важнейших приоритетов появляется давно забытое:

— выявление и устранение так называемых технологических тупиков (технологической зависимости от реальных и возможных конкурентов);
— новый режим инвестиций в фундаментальную науку по всему спектру основных направлений;
— ставка на долгосрочные инновационные проекты в высокотехнологических областях производства и ВПК»[50].

Действительно, «стратегия инноваций» потому и остается (и останется!), «стратегией стагфляции», что она **не вписана** в широкую стратегию развития государства, в основе которой исходит ускоренное развитие НЧП. Как это сделали, например, в США в «Стратегии национальной безопасности», где развитие нации и ее национального человеческого потенциала построено в качестве самой приоритетной цели. В ней, в частности, говорится американским президентом: «Мы должны развивать науку и исследования, которые обеспечат открытия … Попросту говоря, мы должны видеть, что инновация Америки (а не технологий — *А. П.*) — основа американского могущества»[51]. Подчеркну — Америка, — имея в виду, что под этим термином понимается нация, ее НЧК, и, в частности, социальный капитал, а не просто абстрактные инновации.

---

1 *Родин И.* Президент требует от правительства ускорения // Независимая газета. 2011. 4 апреля. С. 3.

2 *Микульский К. И.* Кризис российского авторитаризма // Независимая газета. 2011. 6 апреля. С. 5.

3 См. подробнее: *Косырев Д.* Китайский тридцать седьмой // Известия. 2011. 16 мая. С. 6.

4 *Эскобар П.* Европа — место гадкое // Специальное издание Русского института. 2011. 6 мая. С. 7.

5 *Васильева Е. А.* Автореферат диссертации «Социальный потенциал государственной службы». С.-П., 2003. С. 1.

6 *Муратов Д.* Надежды на Медведева оправдались // Специальное издание Русского института. 2011. 6 мая. С. 4.

7 *Морозов О.* Охлореволюция. Возможна ли она в России // Российская газета. 2011. 25 марта. С. 17.

8 *Богатуров А.* Кризис политики правого центра // Независимая газета. 2011. 22 марта. С. 11.

9 *Костенко Н.* и др. Игоря Шувалова ведут направо // Ведомости. 2011. 25 марта. С. 1.

10 *Перцов П.* Из газетных отчетов / Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петергофе). М.: Русский путь, т. I, 2009. С. 369.

11 *Подберезкин А.* Социалистический манифест. М.: 2004. С. 4.

12 *Микульский К.И.* Кризис российского авторитаризма // Независимая газета. 2011. 6 апреля. С. 5.

13 *Башкатова А., Сергеев М.* Абстрактная модернизация не вызывает доверия // Независимая газета. 2011. 25 марта. С. 1, 4.

14 См., например: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007.

[15] *Расторгуев В. Н.* Политическое планирование в условиях «водного голода» // Вестник МГИМО(У). 2011. № 1 (16). С. 7.

[16] *Ислам Назрул (Islam Nazrul)*. Возможен ли был китайский путь для СССР (The International Center for the Study of East Asian Development (ICSEAD, Kitakyushu, Japan)). Перевод А. Астаховой. Цит. по: http://www.opec.ru/1348593

[17] *Op. cit*

[18] *Op. cit*

[19] *О. Дмитриева*. Из кризиса мы выходим еще более сырьевой страной, чем в него вошли. 27.12.2010. / [Эл. ресурс]. URL:http:// / www.viperson.ru.

[20] *Гуриев С., Цывинский О.* Без кризиса нет роста // Ведомости. 2011. 15 марта. С. 4.

[21] *Самарина А.* Либеральный конспект – 2012 // Независимая газета. 2011. 16 марта. С. 1.

[22] *Гринберг Р.* Экономика в руках политиков // Известия. 2011. 25 февраля. С. 4.

[23] *Григорьев М.* Обучение non-stop // Российская газета. 2011. 3 марта. С. 14.

[24] *Арсюхин Е.* Зеленый тупик // Известия. 2011. 23 марта. С. 7.

[25] *Демидов П.* Дух и брюхо // Известия. 2011. 23 марта. С. 6.

[26] *Дзюба С.* Особенности национальной идеи // Независимая газета. 2011. 23 марта. С. 5.

[27] *Фурман Д.* Люди боятся демократии // Специальное издание Русского института. 2011. 6 мая. С. 8.

[28] *Торкунов А.* Внешняя политика Александра Невского: цели, принципы, направления // По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 170.

[29] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М.: 2009. С. 19.

[30] *Дзюба С. А.* Возвращение гаранта // Независимая газета. 2008. 18 января. С. 11.

[31] *Виноградов А.* Субъектность поневоле // Независимая газета. 2011. 22 марта. С. 14.

[32] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М.: 2009. С. 33.

[33] *Смолякова Т.* Выздоровление // Российская газета. 2011. 22 февраля. С. 5.

[34] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М.: 2009 г. С. 67.

[35] *Гродовский Б.* и др. Бюджету денег хватит, ВВП быстро растет // Ведомости. 2008. 29 января. С. А3.

[36] *Смирнов К.* Признак Госплана // Газета, 2008. 27 марта. С. 11.

[37] *Расторгуев В. Н.* Политическое планирование в условиях «водного голода» // Вестник МГИМО(У). 2011. № 1(16). С. 7.

[38] *Миронов С. М.* За нами Россия. М.: Ключ-С, 2010. С. 109.

[39] *Богомолов О. Т.* Наши исследования не были напрасными // Мир перемен. 2010. № 3. С. 14.

[40] См., например: Обретение будущего: «Стратегия–2020». Конспект. М.: ИНСОР, Экон-информ, 2011.

[41] Цит. по: Баррель и бюджет // Российская газета. 2011. 25 февраля.

[42] Роль банковской системы в решении проблем модернизации российской экономики информировании внутреннего инвестиционного спроса. Отчет о НИР. МГИМО(У), 2010.

[43] Там же.

[44] Инновационная Россия–2020 («Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 202 года»). М.: МЭР, 2010.

[45] Там же

[46] Там же

[47] *Соловей Т., Соловей В.* Русский национализм при Путине–Медведеве. Кн.: Русский национализм между властью и оппозицией / под. ред. В. Прибыловского. М.: «Панорама», 2010. С. 53.

[48] По данным аппарата партии «Справедливая Россия».

[49] Там же.

[50] The National Security Strategy // The White House, 2010. May. 20. P. 1.

[51] Там же.

Глава 4

Новая идеология — новая стратегия

…Современную инновационную экономику можно создать как в авторитарном, так и в демократическом государстве. Нет четкой зависимости между авторитарным / демократическим управлением и экономическим развитием[1].

М. Мэлоун,
профессор университета Нью-Гемпшир

Новая идеология, в данном случае русского социализма, в отличие от различных вариантов доминирующих в российской элите идеологии «либеральных традиций, должна стать первым и главным условием изменения в стратегии национального развития России, которая сейчас скорее напоминает стратегию стагфляции. А затем уже, неизбежно и логично, и социально-экономической стратегии. Именно поэтому идеологические положения, как часть идеологической системы, становятся принципиально важными при «корректировке» «Стратегии–2020», которую, на самом деле, необходимо просто заменить **новой социально-экономической стратегией как частью стратегии национального развития**.

1. Национальное развитие или модернизация?

Провал «Стратегии–2020» объясняется, прежде всего, тем что в ней не было предложено решение принципиальных, общенационально значимых вопросов. Соответственно нация и элита ее просто проигнорировали. Она носила частный характер. Поэтому сегодня стоит прежде всего вопрос о создании и признании (это — отдельный процесс) «Стратегии национального развития», а затем уже, в качестве частной, — «Стратегии долгосрочного социально-экономического развития»[2]. Как и всегда, нерешенность общих теоретических вопросов привела к невозможности решения частных.

Второе десятилетие XXI века станет для России переломным десятилетием в эволюции взглядов правящей элиты, которая медленно, с рецидивами, часто вопреки воле самой элиты, ведет к складыванию национально и социально ориентированной устойчивой системы взглядов большинства правящего класса на развитие нации, государства и общества. Рецидивы такой эволюции тоже есть, но они не меняют вектора. Как справедливо заметил С. Черняховский, «… политические взгляды граждан явно склоняются в сторону левых»[3]. При том, что ориентиры правящей элиты и большинства нации, как показывают соцопросы весной 2011 года, все больше расходятся. Так, по результатам опроса Левада-Центра в апреле 2011 года (табл. 1), левых сторонников оказалось порядка 40%, а вместе со сторонниками коммунистов — почти 60%. Если же к ним добавить сторонников «твердой руки», то — почти 80%. Т.е. абсолютное и неоспоримое большинство[4].

Табл. 1. Каких политических взглядов вы сейчас придерживаетесь?

	5 апр.	11 апр.
Коммунистические взгляды (прежде всего необходимо соблюдать классовые интересы; за государственную собственность на средства производства)	17	18
Социалистические и социал-демократические взгляды (государство должно обеспечивать социальную защиту населения в условиях рыночной экономики)	**39**	**40**
Аграрные взгляды (прежде всего необходимо стимулировать развитие сельского хозяйства)	21	19
Русские национально-патриотические взгляды (прежде всего необходимо соблюдать интересы русского народа)	**14**	**12**
Либеральные взгляды (за укрепление частной собственности и развитие рыночной экономики)	12	12
Режим «твердой руки» (вся власть в стране должна находиться в руках сильного политического лидера)	**22**	**18**
другие ответы/нет ответа	14	13

Это абсолютное большинство резко контрастирует с меньшинством в 12%, придерживающимся либеральных взглядов и таким же числом неопределившихся.

Сказанное означает, что вектор общественного мнения весной 2011 года определился вполне четко: идеология либерализма — это идеология абсолютного меньшинства, хотя сторонники этой идеологии управляют государством и разрабатывают стратегии долгосрочного развития.

Правящая либеральная элита откровенно игнорирует мнение большинства. Более того, вопреки мнению большинства, это меньшинство провоцирует общество, выдвигая по времени неуместные концепции типа «десталинизации». Тем более на фоне неудач российской политики и беспомощности правящей элиты в управлении страной[5].

Этот затянувшийся процесс, к сожалению, занял у российской элиты слишком длительное время и привел к катастрофическим ошибкам в 1990-е годы, просчетам первой половины десятилетия и ошибкам последних лет. Важно, однако, что это объективный процесс эволюции взглядов элиты постепенно выводит вектор развития нации на правильный курс, если, конечно, рассматривать его в ретроспективе периода конца 1980-х гг. — начала второго десятилетия.

В полной мере это относится и к стратегии социально-экономического развития страны, которая за эти годы прошла несколько этапов избавления от иллюзий и признания, казалось бы, очевидных вещей. В ретроспективе 25 лет эта эволюция представляется следующим образом:

— постепенно произошла переоценка роли государства от его полного отрицания, борьбы с ним и его институтами (период «антиэтатизма» А. Яковлева и «рыночного романтизма» А. Гайдара), до признания его роли в качестве важнейшего инструмента политики и экономики даже среди некоторых либералов (И. Шувалов, например, не ставит роль государства под сомнение)[6];
— произошла переоценка представлений о национальных интересах — от их полного отрицания и негативного отношения к самому термину, до признания его в качестве основного критерия при формировании политики государства. В настоящее время ведутся споры о приоритетности, в толковании национальных интересов;

Рис. 1.

— за 25 лет произошел возврат к таким инструментам политического анализа, как стратегический прогноз, стратегическое планирование, концепции и стратегии долгосрочного развития, необходимость которых долгое время отрицалась, критиковалась и даже осмеивалась. В настоящее время речь идет о совершенствовании этих инструментов, их дальнейшей эволюции от примитивной макроэкономической экстраполяции к содержательному и комплексному стратегическому прогнозу и планированию;
— происходит эволюция в отношении приоритетов и целей развития, когда пустые и бессодержательные цели, («перестройка», «демократия», «гласность», «рынок» и т.п.) меняются на реальные цели и задачи развития общества и государства. В этой эволюции еще не пройден последний этап, когда главной целью будет заявлено национальное развитие, конкретизированное в задачах развития НЧП, хотя уже нередко это признается российскими лидерами. Так, выступая на Совете по развитию гражданского общества 1февраля 2011 года, Д. Медведев подчеркнул значение человека как цели развития[7];
— с конца 1990-х годов российская элита медленно, но неуклонно приближалась к пониманию сути стратегии развития, проходя в этом понимании все этапы — от полного отрицания — частичного признания — построения макроэкономической, упрощенной стратегии — до формирования полноценной социально-экономической стратегии развития. В 2011 году российская элита находилась на этапе осознания очевидного факта: стратегия социально-экономического развития «образца 2008 года» не эффективна и не реализуема потому, что она упрощенно понимает цели и средства развития нации.

Дискуссия 2010–2011 годов, на мой взгляд, должна внести существенны корректировки, более того, изменить подход элиты к самой идее долгосрочного развития, который выражается **в замене долгосрочной социально-экономической концепции на стратегию национального развития**.

Таким образом, за период с конца 1990-х годов до начала второго десятилетия XXI века шел медленный, но в целом верный процесс эволюции взглядов правящей элиты страны на наиболее принципиальные вопросы — цели и задачи развития, национальные интересы и ценности, средства и способы развития и т.д., который в 2010–2011 годах поставил российскую элиту в очередной раз перед выбором: либо продолжать либерально-консервативный курс, модернизировав его применительно к западноевропейской системе ценностей, выстроив соответственно стратегию развития общества и государства на основе заимствований (не только технологий, но и институтов, и системы ценностей), либо, признав объективные реалии общественно-экономического развития, скорректировать его в сторону национального и социального развития, модернизации на основе синтеза национальных ценностей и современных реалий. Как это сделали в Китае, Индии и — в той или иной степени — в большинстве стран.

Этот выбор, «точка бифуркации», который может стоить нации нескольких лет, даже десятилетий в ее развитии. Это — выбор и стратегии национального развития. Это — политический выбор, который должна сделать российская элита в 2011–2012 годы. И из этого выбора следует в итоге выбор социально-экономической стратегии развития. Соответственно, на мой взгляд, стратегия инноваций должна естественно вытекать из выбора элитой **новой системы взглядов общества, т.е. идеологии, являться лишь ее важной, но частью**[8]. Она должна охватывать прежде всего НЧП, а только как следствие институционные и технологические изменения, т.е. она должна быть стратегией развития нации, и не стратегией отдельных инновационных проектов. Поэтому начинать надо с принципиальных, базовых вещей:

— оценки (и переоценки) национальных интересов и ценностей. Так, национальные интересы России во втором десятилетии XXI века иные, нежели они были у СССР, либо у России 1990-х годов и даже России начала века. Их необходимо четко сформулировать. В том числе и потому, что от этого зависит не только внешняя политика, но и цели политики внутренней и распределение ресурсов. Если мы полагаем, например, что угроза безопасности неотвратима, то запланированные 20 трлн рублей на оборону (это, кстати, 15 годовых бюджетов), может и не хватить, ведь вопрос стоит о выживании. Но если угрозы в среднесрочной перспективы национальным интересам нет, то, может быть, есть смысл перераспределить расходы в пользу развития НЧП?
— четкой формулировки национальных целей внутренней и внешней политики на долгосрочную перспективу, приоритетность таких целей и задач. Если мы в качестве важнейшей цели формулируем цель развития НЧП, то, естественно, все дальнейшие действия становятся производными. И в действиях всех ветвей власти, причем на всех уровнях — от федерального до муниципального, — и в бюджетной, и в военной, и в информационной, и в налоговой, и в таможенной политике;
— перераспределение национальных ресурсов в пользу сформулированных приоритетных целей, учете и полном использовании **всех** ресурсов, и не только финансовых средств (на что акцентируется все внимание).

Это означает, что нужна мобилизация национальных материальных и не материальных ресурсов, национальной воли, духовной мощи. Все это не может произойти на «национальной» и антисоциальной основе. Следовательно,

тебуется пересмотреть национальную и социальную политику в интересах модернизации;

— радикальное изменение правящей элиты, которая, как оказалась, ни нравственно, ни профессионально не готова к реализации стратегии национального развития. Это невозможно сделать из Кремля или Белого дома. Это не просто реформа армии, либо МВД — это реформа всей общественной и политической системы страны, сознательное стимулирование развития институтов НЧП.

Но начинать надо все-таки с переоценки интересов и целей национальной стратегии, решения принципиальных вопросов целеполагания и распределения всех национальных ресурсов. А это уже

Рис. 2. Стратегия долгосрочного национального развития

уровень национальной стратегии, а не её — социально-экономической части.

На рисунке это можно было бы изобразить следующим образом (рис. 2).

Как видно из предложенного рисунка, начинать надо не с технологий, а с человека, его потенциала, превращая этот потенциал посредством социальных институтов в **инструмент модернизации**. Сегодня такого инструмента фактически нет. Еще хуже — он сокращается. Поэтому нет и практического результата. И не будет. Потому, что любые программы делают люди, общество, нация и созданные ими институты, т.е. социальный потенциал, а не технологии или машины. И даже не деньги, что уже звучит кощунственно для разработчиков новой «Стратегии».

В январе 2011 года была предпринята очередная попытка. Подготовленная Минэкономразвития «Стратегия инновационного развития до 2020 года» предполагает, что через десять лет страна сможет претендовать на 10% мирового рынка интеллектуальных услуг, а доля инновационного сектора в ВВП вырастет до 20%[9]. Эксперты настроены скептично, но их возражения носят опять же преимущественно технологический характер: «пока чиновники не научатся разумно тратить бюджет и не откажутся от лоббирования псевдонаучных интересов, Россия будет развиваться лишь инерционно». При этом как-то опускается главный вопрос: на какие цели будет тратиться этот бюджет?

По версии министерства, у России впереди три варианта инновационного будущего. **Первый — инерционное импортоориентированное технологическое развитие**. Согласно ему все внимание должно быть направлено на поддержание макроэкономической стабильности и **низких параметров бюджетных расходов на технологический прогресс**. Такая инновационная политика должна проводиться через общие меры по развитию институтов, формированию благоприятного делового климата, а также организационное содействие государства.

Однако такой вариант с большой вероятностью **ведет к дальнейшему ослаблению национальной инновационной системы. Поэтому второй вариант — «догоняющее развитие и локальная технологическая конкурентоспособность»** — ориентируется не только на перевооружение экономики на основе импортных технологий, но и на **точечное стимулирование отечественных разработок**. Что, собственно говоря, мы сегодня и наблюдаем: Сколково, технологические платформы и т.п.

Для России этот вариант означает **массовое заимствование рядовых для мирового рынка**, но передовых по российским стандартам технологий в качестве первого этапа технологической модернизации. Этот вариант, будь он принят после второй мировой войны Советским Союзом, никогда бы не привел ни к созданию комплекса технологий в области ракетостроения, ядерного оружия, систем управления и многих других. Закончилось бы это заимствование в итоге потерей суверенитета. Хотя у этого варианта есть немало сторонников. Так, главный экономист «Уралсиб Кэпитал» Алексей Девятов считает, что для России «вполне подойдет» второй рецепт. Однако в таком случае «русские особенности» могут сыграть дурную шутку. «Есть опасности, связанные с выбором технологий и приоритетов, — переживает г-н Девятов. — Всегда найдутся те или иные группировки, лоббирующие свои интересы, находящиеся в псевдонаучной плоскости. Нужны независимые эксперты, а таковых найти почти невозможно».

Главные опасности, на мой взгляд, совершенно иные: опираясь на зарубежные заимствования, **мы программируем свое технологическое отставание и зависимость**. И пример Японии для России не годится. Япония была оккупирована после Второй мировой войны, лишилась суверенитета и попала во внешнюю зависимость, от которой не избавилась до сих пор. Если мы пойдем по «японскому пути», то мы изначально должны признать, что отказываемся не только от технологической, но и политической самостоятельности и суверенитета. Это — политический, а не технологический выбор.

Этот выбор неизбежно ставит и проблему сохранения национальной идентичности и самой нации. Потеряв экономико-технологическую и политическую самодостаточность и суверенитет, Россия в эпоху глобализации ускорит процесс размывания и потери национальной идентичности.

Вариант номер **три наиболее амбициозен**, а поэтому и наименее реалистичен. В теории он предполагает достижение лидерства в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях. Это потребует значительных усилий государства по модернизации сектора НИОКР и фундаментальной науки, концентрации на прорывных научно-технологических направлениях[10].

К сожалению, в этой стратегии минимальное внимание уделяется развитию социального потенциала и его институтов, хотя, следует признать, что в ней уже представлены некоторые критерии развития общества. Обращает на себя внимание стремление учесть мировой опыт (знание языков, образование за рубежом, дополнительное зарубежное образование), что, наверное, полезно. Но, вместе с тем, развитие социального потенциала, ориентированное на зарубежный опыт, почему-то **исключает собственное культурное, духовное и интеллектуальное наследие, развитие национальных институтов**. По существу ставится знак равенства между модернизацией и зарубежным опытом. Между тем, модернизация — это создание принципиально новых товаров и услуг, появление принципиально новых научных идей и инноваций, которые характеризуются **собственными, отечественными, достижениями**, оригинальными, не имеющими аналогов, наработками. Без этого, даже третий сценарий модернизации, неизбежно превратится в одну из разновидностей второго сценария.

Целевые индикаторы, таким образом, ориентируют нас на зарубежные заимствования, а не на развитие НЧП во всех его формах. Особенно в социальной. Что не может не вызывать беспокойства: никогда не может нация быть передовой, если она идет по чужим стопам. Тем более в области общественного устройства и институтов. По сути дела это означает перенос сначала чужих институтов, а затем и ценностей на российскую почву. Этот алгоритм развития — заведомо проигрышный. Уже сегодня можно сказать, что в случае его реализации не будет оригинальных результатов — продуктов, услуг, идей, — которые были бы мирового уровня. Будут повторения, которые изначально не станут конкурентоспособными, потому что их аналоги уже будут на мировом рынке. Даже хуже — национальная культура, наука и искусство будут деградировать. Именно такие первые признаки мы сегодня наблюдаем, когда внедрение ЕГЭ и других нормативов ведет к ликвидации национальных школ балета, хореографии, драматического театра, художественного искусства и, конечно, национальных научных и инженерных школ.

Основные направления этой очередной инновационной стратегии видны из ожидаемых от неё результатов (табл. 2).

Не может не беспокоить и то, что подобная «инновационная модель» по сути не является не только инновационной (заимствования и инновации — разные понятия), но и антинациональна и антисоциальна.

Антинациональна потому, что лишает нацию установки на идеологическое, культурное, научно-техническое и технологическое лидерство, т.е. лишает нацию права на лидерство вообще, превращая ее уже не только в сырьевой, но и технологический придаток наций-лидеров. Можно ведь увеличить долю наукоемкой продукции в ВВП, но эта продукция будет вторичной, т.е. второсортной. Как, впрочем, и культура, и искусство, и образование. Именно сегодня это происходит в России, когда зарубежные заимствования становятся эталоном и неритмично переносятся на российскую почву. Так же, как это было в политике и в экономике в 1990-е годы: чужие и ложные заимствованные идеи оказались разрушительными для нации.

Антисоциальна такая модель потому, что она лишает творческие слои граждан возможности развивать

Табл. 2. Целевые индикаторы реализации Инновационной стратегии[11]

Наименование индикатора	2010	2016	2020
Коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России, в расчете на 10 000 населения)	1,95 (2008 г.)	3	4
Число созданных передовых производственных технологий	854 (2008 г.)	1500	2500
Интенсивность затрат на технологические инновации (удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг)	1,39 (2008 г.)	2	2,5
Доля уникальных, высокоточных, измерительных, аналитических, технологических приборов и оборудования не старше 8 лет (с учетом их модернизации), %	45	65	85
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг, %	7 (2008 г.)	12	15
Объем товаров, работ, услуг, связанных с нанотехнологиями, млрд руб.	119	350	600
Население, использующее Интернет для взаимодействия с органами власти, % от численности опрошенных в возрасте 16–74 лет	10	50	60
Доля лиц старше 50 лет, занимающих должности руководителей высшей и главной групп должностей госслужбы	48	40	30
Доля госслужащих, свободно владеющих иностранным языком	Нет данных	Нет данных	20
Доля госслужащих, получающих ежегодно дополнительное образование за рубежом	0,1	1	3
Доля лиц, занимающих должности руководителей высшей и главной групп должностей госслужбы, получивших высшее профессиональное образование за рубежом	>0,5%	4	12
Место России в рейтинге стран мира в области развития информационного общества (в соответствии с международными рейтингами)	59	30	18
Уровень соответствия международным стандартам нормативно-правовой базы в РФ в области инновационной деятельности, %	30	80	100
Удельный вес России в общемировом числе публикаций, % к общему числу публикаций в журналах, индексируемых в Web of Science	2,48 (2008 г.)	4	5

Источник: Минэкономразвития

передовые рубежи науки, техники, культуры, образования и искусства, оставляя творчеству возможность компиляции. Но творчество и компиляция — суть антагонисты. Если вы не можете самореализоваться в творчестве, т.е. быть в чем-то первыми, то вы становитесь исполнителем. Либо просто уезжаете туда, где такое творчество возможно, поддерживается государством и обществом посредством создания различных благоприятных условий. Как это сегодня сознательно делается в США, Израиле, Финляндии.

Странно, но правящая элита сознательно, в рамках министерской политики, формирует установки на ликвидацию … творчества, ориентируя его в долгосрочном плане на заимствования и компиляции, лишая общества креативного класса, который является **главным двигателем развития**. Этот класс творцов заменяют классом имитаторов.

Сегодня все усилия модернизировать страну сводятся к нулю именно из-за отсутствия стратегии национального развития. Модернизация и развитие нации фактически подменяется технологиями. Что хорошо видно на следующем графике (рис. 3) и требует особенного комментария, а именно: технологическая модернизация провалилась именно потому, что ее задачи не вытекали из национальной и социальной модернизации. И попытки в 2011 году разработать более совершенные механизмы технологической модернизации неизбежно приведут к такому же результату, а точнее, его полному отсутствию. Начинать надо с модернизации национальной и социальной.

Упорство правящей элиты технологически модернизировать страну, абсолютизация роли технологии формирует порочную логику и затратную систему: Более того, «точечные» технологические инвестиции даже не бесполезны, **а вредны**: стабильно низкая эффективность инвестиций в инновации за рассматриваемый период противоречит положениям экономической теории, когда предельная и средняя отдача вроде бы должны устойчиво расти. Соответственно, можно предположить, что формирующаяся изначально неправильно национальная инновационная система, основанная не на НЧП, а на заимствованиях, практически не функционирует, поскольку экономика не в состоянии «переварить» даже не очень внушительный объем инвестиций в сферу инноваций. Экономика просто игнорирует заимствования, рассматривая их всерьез только как экономическую прибыль.

Таковы реальные результаты инновационной деятельности в 2000-х гг. Хуже, что существующая тенденция в элите позволяет прогнозировать, что такая неверная логика будет продолжена. Изменить ее может только политическая воля. Похоже, что только под влиянием извне. Изнутри она инерционно нацелена на прежний алгоритм. С учетом снижения занятости в сфере научных исследований и разработок (со 133 чел. на 10 тыс. в 2002 г. населения до 111 в 2008 г.), а также динамики заявок на патенты в России (рис. 4), всплеска инновационной деятельности в ближайшие годы ожидать не приходится. Совсем даже наоборот. Несмотря ни на какие новые «инновационные стратегии» и «задания». Хуже того — средства будут разворованы или использованы неэффективно, что окончательно политически дискредитирует линию В. Путина–Д. Медведева на модернизацию через заимствования.

Изменить ситуацию может только решительная переориентация планов модернизации на развитие НЧП, его институтов. Причем не только научно-технических и технологических, но и культурных, социальных, духовных.

Особенно беспокоит ситуация в области образования, где ставка на заимствования достигла абсурда. Удивляет, что продолжает сохраняться, например, очевидное заблуждение относительно преимущественного негосударственного развития НЧП, в частности, науки и образования, которое неолибералы усилению навязывают последние 20 лет. Хотя бы потому, что более 75% всех этих институтов принадлежит государству. Как считают эксперты, за счет кредитов коммерческих банков финансируется не более 3–4% инновационных проектов. В кризисном

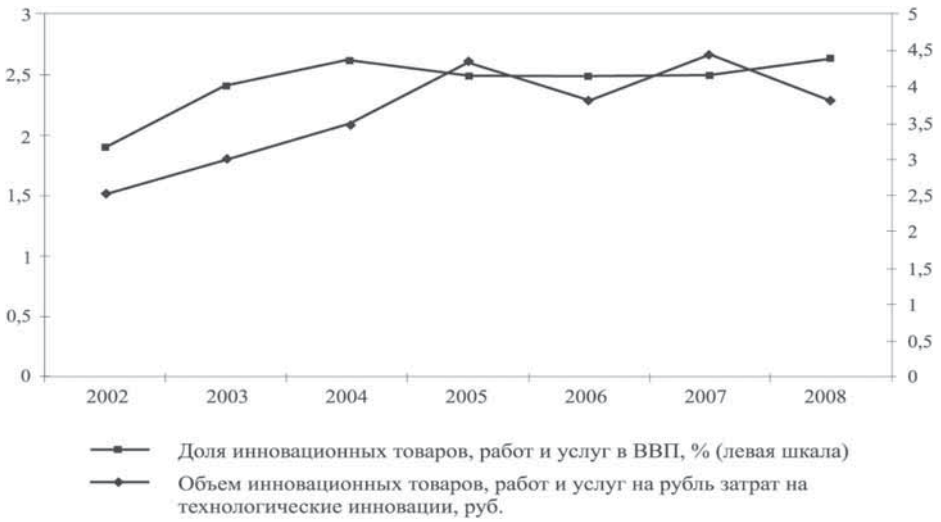
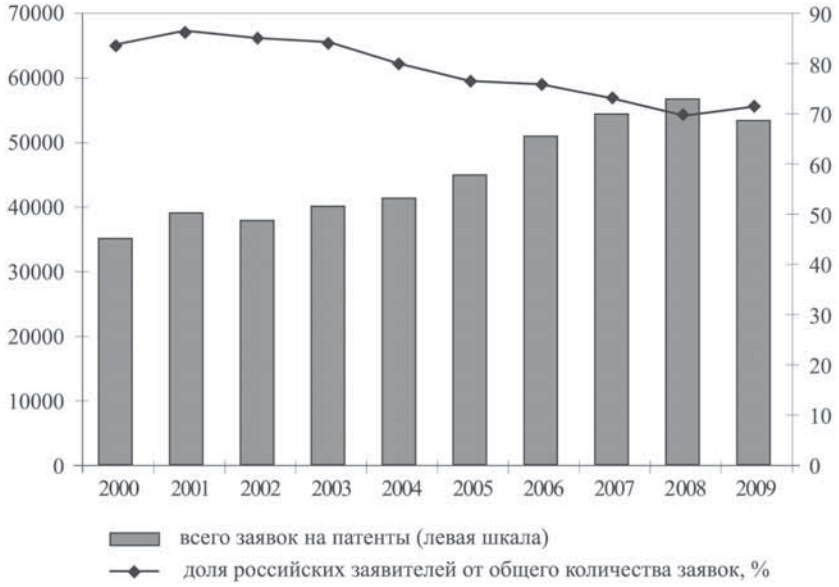


Рис. 3.



Источник: рассчитано по данным Роспатента

Рис. 4. Динамика заявок на выдачу патентов в России 2000–2009 гг.

2009 г. наблюдался фактически нулевой рост кредитного финансирования, — и лишь иногда — 1,5% по отдельным направлениям инноваций. Между тем кризисное поведение США показало, что именно в 2008–2010 годы государство не сократило (как в России), **а серьезно увеличило финансирование всех областей, связанных с развитием НЧП, прежде всего науки и образования**, более того, сделало их своими важнейшими приоритетами.

На практике это проявилось в тенденции сокращения национальных институтов социального потенциала. Даже после фактического их развала в 1990-е годы они не стали восстанавливаться, а продолжали сокращаться. Фактически вымирать. Это видно по данным Росстата относительно таких институтов в области исследований и разработок (табл. 3).

Как видно, национальный социальный потенциал в 2000–2010 годах устойчиво сокращался с 4099 до 3536 единиц в 2009 году. Подчеркну, не восстанавливался после обвала 90-х годов, а сокращался. Сокращается и после 2009 года, и после 2010 года, и в 2011 году. Это — тенденция, причем устойчивая и динамичная.

За эти же годы резко сокращалась и численность институтов социального потенциала, которые относятся к национальной собственности — с 4035 до 3483, т.е. почти на 20%. И это после кризиса 90-х! В том числе государственная — федеральная и региональная.

На графике видно, что более 75% собственности научных организаций принадлежит государству и только чуть более 13% — частным лицам. Учитывая долю государства в других формах собственности, можно предположить, что положение науки в России зависит

Табл. 3. Организации, выполняющие исследования и разработки, по формам собственности

	2000	2003	2005	2007	2008	2009
Всего	4099	3797	3566	3957	3666	3536
Российская собственность	4035	3740	3513	3895	3613	3483
Государственная*	2938	2760	2632	2821	2716	2655
из нее:						
федеральная	2755	2599	2483	2650	2562	2503
субъектов Российской Федерации	181	161	149	166	148	146
Муниципальная	11	8	6	13	13	14
Частная	388	434	422	638	508	475
Потребительской кооперации	3	2	4	3	2	3
Общественных организаций (объединений)	60	28	27	36	30	26
Смешанная	635	508	422	384	344	310
Иностранная, совместная российская и иностранная собственность	64	57	53	62	53	53

*Расхождение итогов с суммой слагаемых объясняется наличием у ряда организаций долевой собственности.

более, чем на 85% от государства. Поэтому стратегия «инноваций», построенная на зарубежных заимствованиях, — прямая угроза национальной науке. Заимствования не нуждаются в собственных исследованиях, тем более в фундаментальных областях. Они их просто игнорируют, либо уничтожают как конкурентов.

Рис. 5.

Как видно из графика, стратегия национального развития, которая должна лежать в основе стратегии модернизации, неизбежно вынуждена основываться на развитии национальных (и прежде всего государственных) институтов социального потенциала, а также создании новых таких институтов. Не удушению и ликвидации, а, повторю, развитию. Всех и разных. От РАН до муниципальных. И естественно — научных и гуманитарных.

Иная «инновационная» стратегия, основанная, например, на технологических заимствованиях сначала сделает науку не конкурентоспособной (что уже достигнуто), уничтожит национальную науку, а затем сделает нацию зависимой в науке и образовании так же, как она сделала ее зависимой в продовольственной, автомобильной, медицинской отраслях.

Провалилась и проводимая правительством финансовая политика накоплений, ради которой долгие годы недофинансировалась наука, образование и культура. Не удивительно, что финансовая политика накопления вместо инвестирования ощутила на себе удар кризиса 2008 года: старая структура экономики (даже худшая, чем при СССР) опиралась на накопленные резервы. Резервы, которые, как оказалось, не способные спасти ни от финансового кризиса, ни обеспечить бездефицитный бюджет. Тем более не способны обеспечить опережающее развитие, как это предполагалось в президентской стратегии и Концепции долгосрочного социально-экономического развития. Результат оказался негативный. Прежде всего для социального потенциала НЧК. Это выразилось в деградации и сокращении численности, например, организаций, выполняющих исследования и разработки[12] (табл. 4).

Видно, что стремительно сокращается численность научно-исследовательских организаций, которые во многом были уже уничтожены в 1990-е годы: с 2686 до 1876 — в 2009 году, т.е. почти на 30%! Это происходило в годы подъема российской экономики и даже в годы провозглашенного курса на модернизацию!

Рис. 6. Изменилась методология распределения организаций по типам, 2009 г.

Табл. 4. Организации, выполняющие исследования и разработки

	2000	2003	2005*	2007	2008	2009
Всего	4099	3797	3566	3957	3666	3536
Научно-исследовательские организации	2686	2564	2115	2036	1926	1878
Конструкторские бюро	318	228	489	497	418	377
Проектные и проектно-изыскательские организации	85	68	61	49	42	36
Опытные предприятия	33	28	30	59	58	57
Высшие учебные заведения	390	393	406	500	503	506
Промышленные предприятия	284	248	231	265	239	228
Прочие	303	268	234	551	480	454

*Изменилась методология распределения организаций по типам.

2. Алгоритм формирования стратегии

Движение вперед нашего познания природы происходит тогда, когда между теорией и опытом возникают противоречия …Чем крупнее эти противоречия, тем фундаментальнее перестройка тех законов, которыми мы объясняем процессы…[13]

Одно из важнейших сохраняющихся у России конкурентных преимуществс точки зрения инновационного развития — человеческий капитал[14].
Инновационная Россия–2020

Формировать стратегию модернизации и стратегию социально-экономического развития надо начинать с **переоценки правящей элитой либерального понимания национальных интересов, целей и ресурсов развития**, т.е. преодоления тех противоречий, которые возникли между идеологией фундаментального либерализма и реалиями, переход к новой идеологии, способной преодолеть эти противоречия. И уже на базе новой идеологии перейти к **формулированию национальной стратегии развития**.

Логика и порядок действий может быть обозначена изначально как задача формирования алгоритма стратегии. Национального развития и социально-экономической стратегии. На мой взгляд, он таков.

Рис. 7

Таким образом нынешняя модернизация — это (стратегия «б») не более, чем частная стратегия, описывающая частный процесс развития материальных активов.

При формировании каждой из стратегий особая роль принадлежит правящей элите, которая

а) формулирует долгосрочные цели, принимает прогноз, оценивает возможные угрозы и трактует национальные интересы, а также интерпретирует национальные ценности;
б) ведет учет, распределяет и с разной степенью эффективности использует национальные ресурсы.

На простом рисунке это взаимосвязь выглядит следующим образом (рис. 8).

Стратегия, собственно говоря, это искусство и наука правящей элиты достигать поставленных целей, максимально эффективно используя имеющиеся (и, возможно, будущие) ресурсы. Это — универсальное определение, которое может быть конкретизировано применительно к:

Стратегии национальной безопасности как **искусство элиты** обеспечить сохранение и развитие нации, её национальных интересов и ценностей внутри страны и за рубежом;

Стратегии национального развития как **искусства элиты** обеспечить устойчивое и эффективное развитие нации в долгосрочной перспективе;

Стратегии социально-экономического развития как **искусства элиты** обеспечивать опережающее социальное и экономическое развитие нации;

Частные стратегии модернизации как искусство элиты эффективно осуществлять модернизацию:

а) НЧП;
б) Материальных активов;
в) Освоения природных ресурсов.

Прежде всего речь идет о **политических решениях** относительно превращения России из антисоциального (и, нередко, антинационального) **государства в социальное и национальное государство**. Это означает, что стратегия должна привести к превращению России в государство, где её правящая элита реализует национальные и социальные интересы, осознав и идентифицировав себя с нацией[15], ее будущим. А не зарабатывает деньги, тратя их за рубежом. Способов такой идентификации может быть много, но основной — создание условий обществом, при которых элита прекращает ориентироваться только на материальные ценности. Под страхом, угрозой или идеологическими мерами, как в Китае.

Государство, как наиболее мощный и эффективный инструмент общества, должно выполнить на этом этапе присущую только ему функцию. И, прежде всего, речь идет о создании **модели социального государства** как эффективного инструмента нации и общества, и «образа будущего», о привлечении к этому процессу всей нации, которая пока что не только не вовлечена, но и в основном просто игнорирует усилия части правящей элиты.

Шаги в этом направлении известны. Так, например, В. И. Якунин, В. Д. Роик, С. С. Сулакшин

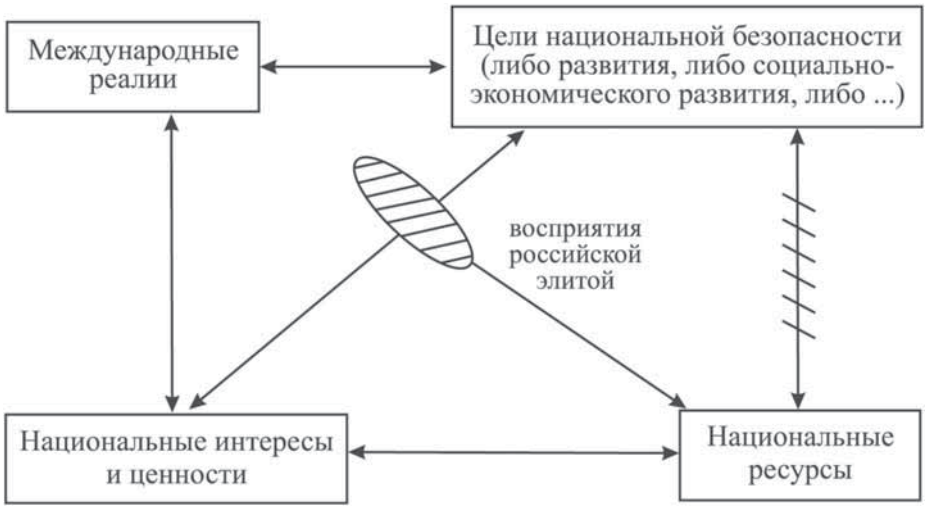


Рис. 8.

справедливо полагают, что характеристиками и инструментами такой модели социального государства являются[16]:

— высокие расходы общества на заработную плату (40–60% ВВП);
— развитая система социальной защиты, расходы на которую составляют не менее 20–25% ВВП;
— высокая доля социальных расходов в государственном бюджете на здравоохранение (7–9% ВВП) и образование (4–6% ВВП);
— развитые системы профессиональной подготовки, переподготовки и трудоустройства, недопущение высокого уровня безработицы, системная государственная деятельность по созданию новых рабочих мест.

В число задач данного типа государства, по их мнению, входит:

— организация общественной жизни на основе гуманизма и права;
— определение стратегии социально-экономического развития общества;
— осуществление функций арбитра и контролера выполнения обязательств, имеющихся у других субъектов экономической и социальной жизни;
— разработка и реализация социального законодательства.

Как видно, подходов к инновационной стратегии может быть три.

Первый — модернизация на основе зарубежных заимствований преимущественно одной из трех частей национального богатства — материальных активов, оставляя «за скобками» внимания НЧП и природные ресурсы. Этот вид находится в центре внимания современной правящей элиты, декларируется как основной.

Второй — модернизация добычи природных ресурсов и экспорт за рубеж. В отличие от декларируемого вида модернизации материальных активов, этот вид модернизации существует реально и подкреплен реальными ресурсами. Не случайно, в 2008–2010 годы именно в этих отраслях (и смежных, как, например, транспорте) наблюдался более высокий процент инноваций, чем в обрабатывающей промышленности (10% и 5% соответственно)[17].

Третий — модернизация НЧП, которая **начинается** с модернизации институтов социального потенциала, аккумулирующих НЧП и способных стать реальным механизмом внедрения инноваций в экономическую и общественную жизнь страны.

Это отмечалось и отмечается многими независимыми экспертами, даже уже стало банальностью. Недостатка в предложениях не было и нет. Так, в своё время С. Глазьев предложил свои меры перехода к инновационной экономике. На мой взгляд, неполные и не бесспорные, но применимые, безусловно, в рамках новой идеологической парадигмы. Коротко они выглядят так:

Для реализации **инновационного сценария Концепция** должна быть скорректирована. Необходимо перенести на первый этап прогнозного периода (2008–2010 годы) меры по **изменению денежно-кредитной и бюджетной политики**. Соответственно параметры монетизации российской экономики и доли государственных расходов на цели социально-экономического развития, планируемые в Концепции на **2020 год**, должны быть достигнуты к **2011 году.**

Отметим, что именно эти проблемы стали основными в период кризиса. Очевидно, не хватало ресурсов для кредитования реального сектора экономики. Поэтому кредиты брались на Западе, на более выгодных условиях. Объем этих кредитов составил к середине 2008 года реальную угрозу финансовой системе России, а меры, предпринятые правительством по перекредитованию, — недостаточными.

Другая сторона проблемы — искусственное сужение денежной массы. Понятно, что это делалось для борьбы с инфляцией, но, как известно, есть два основных способа такой борьбы: во-первых, увеличивать объем товаров и услуг, а, во-вторых, сокращать

денежную массу. Финансовые власти почему-то все время выбирали второй.

Второе предложение С. Глазьева — ввести **тарифную паузу**, заморозив до 2010 года тарифы на газ, тепло и электроэнергию.

С ним также трудно спорить, Если основной двигатель инфляции в России тарифы монополий, то и борьба с инфляцией предполагает, прежде всего, замораживание тарифов. Глупо надеяться, что инфляция составит 11%, если тарифы растут на 15–20%.

Третье предложение С. Глазьева — кардинально повысить эффективность антимонопольной политики, создав здоровую конкурентную среду для управления госкорпорациями. И здесь трудно возразить С. Глазьву, хотя бы из-за вопиющего примера с ценами на бензин, когда цена за баррель сократилась со 140 до 60 долл., а стоимость литра бензина в России растет.

Четвертое предложение — обеспечить соответствие политики госзакупок, включая закупки госкорпораций, **приоритетам развития отечественной промышленности**.

Наконец, в-пятых, — отменить до 2010 года НДС, провести инвентаризацию и переоценку основных фондов, **освободить от налогообложения все расходы на НИОКР и освоение новой техники**.

Именно так и поступают во многих странах, когда проводят реальную инновационную политику. Примеров множество, но даже простой здравый смысл подсказывает, что затраты на науку и НИОКР должны поощряться государством, либо прямо финансироваться из казны.

Исторические часы тикают. Мы не в уютном доме, а на пороховой бочке. Тикающие часы — не «Роллекс» на руке «нового русского». Это адский часовой механизм.

Технологический прорыв — одна из возможностей этот механизм обезвредить. Издержки — понятны. Риски — тоже. Но есть ли другие возможности. Если кто-то их знает — пусть не скрывает от общества эту тайну. А если … «Если других возможностей нет?»[18]

В этой связи, становится вполне конкретным вопрос: каковы условия опережающего развития России? Попробую их сформулировать ниже. Но одно важное, принципиальное замечание при спорах о путях развития России, должно обязательно находиться в центре общественного внимания, а именно: нации, государства в те или иные периоды времени оказываются в условиях, когда их дальнейшее существование **прямо зависит от того, как они развивались предыдущие десятилетия**. Было ли у них накоплено достаточно ресурсов — идеологических, материальных, военных — или они оказывались предметом воздействия сторонних сил, объектом чужой внешней политики.

Не трудно предположить, что к 2020 году вокруг России объективно сложилась именно такая ситуация. Огромная мощь Европы, объединенная в военно-политический союз с США, с одной стороны, и еще большая мощь Китая, с другой. По сути, эти две державы будут требовать «равного доступа» уже не только к энергорёсурсам, но и к земле, воде, природным ископаемым.

Простой пример. Только за последний год стремительно взлетели цены на продовольствие и стали уже говорить о «геополитической угрозе». Не трудно себе представить, что если цены на эти ресурсы за 2–3 года вырастут также как до этого на энергоносители (т.е. в 4–5 раз), то может появиться соблазн **потребовать** от стран, которые способны, но не производят достаточно ресурсов продовольственного характера.

Но если все сохраниться как в сегодняшних прогнозах, то соотношение сил будет приблизительно 1:10 как с одной, так и другой стороны. Как в этих условиях сможет повести себя Россия? Уповать на устаревший ядерный потенциал или быть готовой к интервенции в форме «мягкой силы» или прямой военной агрессии? Напомним, что у всех пограничных с Россией стран есть еще и территориальные претензии, которые быстро могут быть расширены иными.

Примеры, когда крупные государства становились предметом дележа, банальны. Они — норма международных отношений. Тем более, когда международное право само стало «инструментом политической целесообразности».

Поэтому, разрабатывая концепции долгосрочного развития, мы должны исходить не из макроэкономических показателей (которые, кстати, всегда оказываются заниженными), а из последствий реализации таких концепций для национальной безопасности. В данном случае это означает следующее:

Во-первых, Россия должна быть адекватна по своему потенциалу, как Европе, так и США. И по экономическому, и военному, а, главное, интеллектуальному и духовному.

Во-вторых, так как численность населения европейских стран и Китая будет превосходить численность граждан России в 6–10 раз, то нужна как эффективная демографическая политика, так и продуманное размещение граждан по всей территории страны. На сегодня ситуация в этой области катастрофична. Вот уже почти 20 лет численность городского и сельского населения стабилизировалась, а в регионах Дальнего Востока и Сибири есть только два города-миллионщика. Напомню, что развитие высокотехнологичных производств и быстрое воспроизведение потенциала личности концентрируется вокруг мегаполюсов. Нам также нужны, особенно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, такие «точки роста»[19].

Надо особо подчеркнуть, что современная экономика в развитых странах растет отнюдь не равномерно. Это одно из закономерностей глобализации. Не случайно в США, например, такой «точкой роста» является Нью-Йорк, чей ВВП (более 1 трлн долл.) равен российскому. Но и в России такие «точки роста» очевидны. Это Москва и С.-Петербург, но в перспективе это должны быть искусственно созданные Новосибирск, Хабаровск, Иркутск, Н.-Новгород, Ро-

стов-на-Дону. Именно эти города дадут в будущем максимальный прирост новой экономики.

Понятно, что Россия это не только мегаполисы, но и тысячи других городов, но стратегия опережающего развития может базироваться, прежде всего, на искусственном стимулировании роста российских городов-миллионщиков, превращении их в «точки» и «центры» развития новой экономики.

Источник: по данным Росстата

Рис. 9. Сколько в России горожан (млн человек)

Табл. 5. Российские города-«миллионеры»

Город	Число жителей (млн)
Москва	10,425
Санкт-Петербург	4,58
Новосибирск	1,397
Екатеринбург	1,308
Нижний Новгород	1,283
Самара	1,143
Омск	1,138
Казань	1,112
Челябинск	1,093
Ростов-на-Дону	1,054
Уфа	1,029
Пермь	0,993
Волгоград	0,991

По данным Росстата на 1 января 2006 года.

Наконец, в-третьих, главное: экономика и мощь могут многократно усилиться сегодня только за счет роста потенциала человеческой личности во всех его составляющих интеллектуальном, информационном, духовном, социально-экономическом. Именно поэтому и на этом направлении мы можем совершить мощнейший рывок в развитии. Такой рывок, который нам не спрогнозируют никакие макроэкономисты.

Тем более, что другого выхода у нас попросту нет. У нас — это у нации, у государства, у народа.

Поэтому предлагаемые условия, как кажется, должны лечь в качестве **обязательных условий** стратегического планирования России до 2020–2030 годов.

Простой пример из, казалось бы, самой «спокойной» области.

В настоящее время сформировались две устойчивые и долгосрочные негативные тенденции в области обеспечения продовольствия, очевидно угрожающие не только реализации стратегии социально-экономического развития России, но и национальной безопасности страны в целом. Более того, международные эксперты полагают, что углубляющийся продовольственный кризис приведет к «геополитической нестабильности в мире и особенно остро отразится на внутриполитической и социальной стабильности стран-импортеров продовольствия». Действительно, в ряде развивающихся стран уже прокатилась волна беспорядков, вызванная ростом цен на продовольствие в последнее время.

На мой взгляд, эти тенденции объективны и вряд ли преодолимы в целом в геополитическом плане. За последние 12 месяцев рост цен на продовольственную группу товаров в мире превысил 40%! Вероятность того, что ситуация будет усугубляться и повлечет за собой серьезные социально-экономические и, возможно, международные последствия, — очень высока.

Во-первых, будет стремительно расти спрос в мире на продовольственные товары, в основе которого находится множество факторов (растущее потребление Китая, Индии, других стран, спрос на биотопливо и т.д.).

Во-вторых, будет продолжаться рост себестоимости сельхозпродукции, который вызван также целым рядом долгосрочных факторов, включая рост цен на энергоносители, удобрения и оплату труда в странах-экспортерах (которыми, как правило, являются развитые государства).

Можно уверенно сказать, что **в ближайшем будущем** от такого развития событий особенно пострадают те государства, которые в значительных объемах закупают продовольствие. Последствия будут уже не только финансовые и социально-экономические, но и **политические**.

Для России это означает также, что планы по повышению качества жизни большинства населения, в особенности с низкими доходами, становятся в непосредственную зависимость, прежде всего от **доступности качественного продовольствия**. Это является не только социально-экономической проблемой, но и проблемой внутриполитической стабильности: социально значимые продукты **становятся дороже и недоступнее**, а рост цен на хлеб, масло, мясомолочные продукты в последние годы **значительно превышал темпы инфляции и рост реальных доходов населения** (по некоторым оценкам — выше 60%).

Кроме того эта ситуация крайне негативно сказывается на тенденции формирования среднего класса. В последние годы в России наблюдается положение, когда увеличение реальных доходов населения объективно обуславливает потребность в качественных продовольственных товарах, которые,

однако, дорожают **быстрее, чем растут доходы среднего класса.** Так, рост расходов на питание в России ведет к тому, что в отличие от развитых стран (где их доля составляет 20%) практически все доходы тратятся на продовольствие. Это означает, что на покупку товаров длительного пользования, а значит и расширение спроса, внутреннего рынка денег остается меньше. Учитывая же, что продовольственные товары в значительной степени импортные, получается, что растущие **доходы большинства граждан страны идут на оплату быстро воспроизводимых** в развитых странах продовольственных ресурсов.

По данным различных источников, доля импорта продовольствия в Российской Федерации значительно превышает собственное производство. В 2007 году Российская Федерации **перешла порог продовольственной безопасности** (по международным нормам ФАО при ООН) по птице (62%), мясу говяжьему (57%), молоку и маслу (55%), некоторым видам кондитерских, колбасных изделий (более 60%) и т.д. Животноводческий комплекс находится на грани кризиса. Значительную долю продовольствия составляют генномодифицированные продукты. Более того, доля импорта в потреблении продовольствия **продолжает постоянно расти**.

Полагаю, что в ближайшие 4 года проблема обеспечения России продукцией сельского хозяйства **перейдет из стадии отраслевой в комплексную — социально-экономическую, внутриполитическую, а, может быть, даже внешнеполитическую.** Достаточно вспомнить, что США активно использовали ограничения на экспорт в качестве инструмента своей внешней политики.

Наконец, огромные сельскохозяйственные угодья — очевидно конкурентное преимущество России по сравнению с другими странами, которое не только не используется, но и превращено в проблему. В условиях продовольственного кризиса это преимущество России — если оно будет использовано — может дать не только избавление от импортной зависимости, но, и превратится в высокодоходную и экспортно-ориентированную отрасль.

Таким образом, проблемы развития сельского хозяйства выходят **далеко за пределы компетенции Минсельхоза или Минфина**. Думается, что они станут уже в ближайшие месяцы **крупными** внутриполитическими и экономическими проблемами, которыми неизбежно будут вынуждено заниматься не только другие министерства, но и высшее руководство страны. Особенно в условиях кризиса.

---

1 *М. Мелоун*. Успех демократий — в качестве авторитаризма. Ярославль-2011. Специальное издание Русского института. М.: 6 мая 2011 г.

2 Так или иначе это признается большинством экспертов, но понимается, конечно, по-разному. Либералы полагают, что «…нужна широкая коалиция по вопросам стратегии», которой, по их мнению, должна стать «модернизация, объявленная Медведевым, которая «не имеет альтернативы» (*Гордеев Я.* Мозговые штабы объединяют усилия // Независимая газета. 2011. 19 мая. С. 1, 3.). Но есть и альтернативы для такой основы, среди которых я вижу, например, идеологию русского социализма.

3 *Черняховский С.* Россияне склоняются к левой идее // Новая политика. 2011. 5 мая. [Эл. ресурс]. URL:http://www.novopol.ru/

4 Россияне о думских выборах. Левада-Центр. Архив. Пресс-выпуск. 2011. 28 апреля. / http://www.levada.ru/press/2011042801.html

5 *Каменчук О.* Страну лишили исторической памяти // НГ-политика. 2011. 17 мая. С. 10.

6 Известия. 2011. 22 марта. С. 1.

7 Российская газета. 2011. 2 февраля.

8 «Люди хотят не столько лиц, сколько ясного курса», — справедливо сказала О. Крыштановская. *Родин И., Самарина А.* Модернизация без потрясений // Независимая газета. 2011. 17 марта. С. 3.

9 Инновационная Россия–2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). М.: МЭР, 2010.

10 *Литвинова А.* Эксперты раскритиковали «Стратегию инновационного развития России до 2020 года». [Эл. ресурс]. URL:http://www.rbcdaily.ru/2011/01/11/focus/

11 Инновационная Россия–2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). М.: МЭР, 2010.

12 Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСИ, 2010. С. 18.

13 *Капица П.Л.* Эксперимент, теория, практика. М.: Изд-во «Наука», 1977. С. 352.

14 «Инновационная Россия–2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). М.: Минэконом развития, 2010. С. 8.

15 Без процесса самоидентификации правящей элиты и нации адекватное осознание национальных интересов просто невозможно. См. подробнее о кризисе идентичности в российском обществе в кн.: 2000–2010 годы: эволюция и генезис структуры социально-политических отношений в России и за рубежом. Т. I / под общ. ред. Д. П. Пискарёва и И. Е. Пискарёвой. М.: 2010. С. 9–19.

16 *Якунин В. И., Роик В. Д., Сулакшин С. С.* Социальное измерение государственной экономической политики. М.: Научный эксперт. Экономика, 2007. С. 37.

17 В частности, активизировались идеи концессий после принятия в 2005 году закона «О концессиях». По подсчетам экономистов, на основе концессий не только месторождений нефти и газа, но и леса, сельхозугодий, водных бассейнов наша страна способна освоить производственные технологии стоимостью 7–8 трлн долл. См. подробнее: *Гусейнов В.* Концессионная политика как фактор модернизации страны // Независимая газета. 2011. 5 апреля. С. 7.

18 *Кургинян С.* Условия прорыва-3 // Завтра. 2007. № 30. С. 3.

19 Сила притяжения асфальта // Российская газета. 2008. 10 апреля. С. 11.

Глава 5

Условие № 1: необходимость принятия адекватной стратегии долгосрочного социально-экономического развития

…Где долгосрочная программа и всем понятная стратегия..?
Одними горячими призывами жить дружно дело не решить[1].
Э. Баталов,
главный научный сотрудник ИСК РАН

«Концепция–2020» отстала от вызовов времени на годы
еще до своего появления…[2].
В. Расторгуев

После кризиса 2008–2010 годов стало ясно, что разработанные в докризисный период стратегии и концепции долгосрочного развития, как минимум, бесполезны, а, как максимум, — вредны. Это привело к тому, что руководство страны призвало экспертное сообщество к широкой дискуссии и «корректировке» «Стратегии–2020», для чего были созданы 21 экспертная группа и дан достаточно большой период времени — до конца 2011 года. Учитывая, что бюрократия всегда «занимает центральное место в историческом процессе модернизации»[3], действия по формированию стратегии развития России имеют решающее значение. По сути дела влияние других факторов, в том числе политических и социальных институтов нации, — ничтожно мало. Поэтому приходится апеллировать к мудрости российской правящей элиты, что, конечно, наивно, но неизбежно. Как совершенно справедливо заметил академик РАН О. Т. Богомолов, «… развитие экономики той или иной страны во многом находится под влиянием политики, т.е. зависит от целей, поставленных правящей элитой»[4].

Это формальная сторона проблемы. Неформальная же заключается в том, что:

— «Стратегия–2020» оказалась бесполезной. И не только из-за кризиса, но и из-за крайне низких, практических результатов ее реализации в 2008–2011 годы. Это означает, что нужна не модернизация старой, а создание новой «Стратегии». Причем стратегии развития нации, а не модернизации технологий.
— В послекризисный период Россия оказалась отброшенной назад значительно дальше, чем любая из развитых стран, не говоря уже о Китае и Индии, которые сравнительно безболезненно

пережили кризис, т.е. стратегия оказалась пригодной только при стабильном развитии. Собственно, положительная в ее основе экстраполяция это и предполагала.

Вместе с тем уже в начале 2011 года было ясно, что проваленная стратегия оказалась результатом интеллектуальной деятельности той группы элиты, точнее — ее финансовой части, — которая не собиралась что-то принципиально менять или пересматривать свои взгляды. Им же В. Путин и поручил переработать стратегию, внеся в нее «коррективы», а не создать новую стратегию. Это, на мой взгляд, изначально обрекает новую стратегию на провал. И не потому, что эти (как говорят, более 1100 человек) эксперты столь уж плохи, а потому, что они находятся в плену макроэкономической логики, не понимая значения главных движущих сил развития — активных социальных групп.

В то же время у всей российской творческой элиты, безусловно, есть потенциал для решений задач любой сложности. Важно, чтобы политическая элита привлекла ее к решению этих задач.

Характеризуя качество культурно-интеллектуальной российской элиты, российские социологи, например, отмечают[5]:

— «слабость влияния на социальные процессы и на национальное самосознание;
— «интеллектуально-креативная» сущность;
— «эмоционально-волевая», включающая чувство справедливости, совестливости, смелости, честности;
— «способность обеспечить баланс культурных традиций и новаций…»;
— «потребность представителей в самоактуализации, в расширении интеллектуальной и информационной базы».

Другими словами, российские социологи отмечают в целом высокое качество российской культурно-интеллектуальной элиты, безусловно способной разработать и реализовать как национальную стратегию развития, так и ее социально-экономическую часть.

И наоборот. Анализ социологов показывает, что политическая элита в целом не соответствует очень многим критериям. Прежде всего профессиональным, нравственным, деловым.

Таким образом возник **конфликт элит** — политической и интеллектуальной, который многое объясняет. Прежде всего, то, что политическая элита **не способна адекватно сформулировать стратегию, а тем более ее реализовать**. Просто в силу низкого качества российской политической элиты.

1. Кризис как констатация неадекватности российской элиты. Необходимость ее смены

…Версия о том, что мы будем двигаться медленно, но качественно — это дурацкая фантазия непрофессионалов … для модернизации нам нужны высокие темпы[6].

В. Швантер

Характеристику типов современных российских элит, их особенностей, очень хорошо дали российские исследователи Н. Б. Карабущенко и А. В. Иващенко[7]. В частности, говоря о политической элите, авторы отмечают мнение ведущих социологов об элите: «**недостаток знаний и умений**, отсутствие нового мышления…, доминирование кланово-эгоистических ориентаций, определяющих стратегию удержания власти и сохранения политического статус-кво **в ущерб ценностям развития и созидания** (подч. — *А. П.*), а также преобладание частных мотивов над гражданскими».

Кроме того, в политической элите «отражается низкий уровень политической и правовой культуры».., а также «ориентация на ближнюю и среднюю перспективу, опору на административные методы и ресурсы».

Кроме того, ряд социологов отмечают, что вхождение в элиту происходит за счет протекционизма и «трайбализма» и «конверсии… различных видов капитала».

Адекватность политической элиты — во многом осознание тех объективных перемен в общественных настроениях, которые произошли во время кризиса и сразу же после него, прежде всего в политической идеологии. Как справедливо пишет К. Рогов, «**Политическая идеология нулевых формировалась в отталкивании от них: «стабильность» и «рецентрализация» стали основными лозунгами эпохи**. Стабильность в системе ценностей приобрела безусловный приоритет в сравнении с идеей изменений и реформ. Именно поэтому, например, констатация населением чрезвычайно низкого качества государственных институтов **не сопровождалась спросом на их реформирование**. Тенденции рецентрализации (возвращения полномочий и функций от более низких этажей управления к более высоким) вызывали одобрительное или нейтральное отношение общества. А высокие темпы роста экономики и доходов, казалось, воочию демонстрировали благотворность этого процесса.

Кризис 2008–2010 гг. и здесь выступает в роли переключателя. Лихие 1990-е как естественный фон, «политический задник» эпохи, **задававший иерархию ценностей, становятся все менее актуальным**

для общественного сознания. Новый кризис стирает память о предыдущем, под влиянием которого **формировались эти ценности, а, кроме того, подрывает веру в то, что централизация (вертикализация) власти является сама по себе двигателем роста** экономики и доходов. В условиях низкого роста понятие «стабильность» будет скорее всего утрачивать свои исключительно позитивные коннотации, менять окраску и восприниматься уже в значительной степени как «застой», «стагнация»[8].

Примечательно, что либералы в 2010–2011 годы предприняли мощную идеологическую контратаку «по всем фронтам» — от экономики («модернизация», «Стратегия–2020») до идеологии, где рабочая группа Совета при Президенте РФ по развитию Гражданского общества во главе с М. Федотовым потребовала от элиты «десталинизации», предложила даже «ограничить свободу слова» защитникам Сталина[9].

Неадекватность «Стратегии–2020» означает, что правящая финансовая элита изначально неверно обозначила:

Во-первых, не точные цели и приоритеты, которые не объективно отражали **национальные интересы**. Да и дискуссии относительно национальных интересов до принятия «Стратегии» не было.

При этом недооценка сформулированных задач и возможностей так же опасна, как и их переоценка. А российская финансовая элита все время боялась быть оптимистичной. Но даже при такой боязни результаты реализации за 2008–2010 годы оказались хуже самых пессимистических сценариев.

Во-вторых, не было правильно и точно оценено соотношение сил в мире и основные тенденции мирового развития, включая политические и иные риски. Кризис не просто проморгали. Даже, когда он наступил, его «не замечали». В этой области важно увидеть реальные перспективы, степень «современности», «модернизированности» экономики. Как справедливо считают исследователи МГИМО (У), — «Доступным способом оценки степени развитости («модернизированности», «Современности» и т.п.) экономики и шире — социально-экономической (и политико-экономической) сферы, России, как и любой другой страны, является ее сопоставление с экономиками других стран… Важным показателем, отражающим успешность функционирования экономики (при сопоставлении с другими) и степень ее «модернизированности» («современности»), можно считать **конкурентоспособность** и в особенности **то, как она обеспечивается**»[10].

Как отмечает ведущий американский экономист М. Портер, «за последние десятилетия усиление конкуренции отмечено фактически во всем мире. Еще не так давно она отсутствовала во многих странах и отраслях… Очень немногие отрасли экономики сегодня в состоянии противостоять влиянию конкуренции и рынка. Ни одна страна и ни одна компания не могут позволить себе игнорировать объективную необходимость конкуренции. Они должны постараться понять и освоить искусство конкурентной борьбы»[11].

В-третьих, точно оценила собственные возможности и ресурсы, не переоценивая, но и не недооценивая их. Так, доля экономически — активность населения в России почти в 2 раза больше, чем в Германии, а ВВП — в 2 раза меньше, что свидетельствует о крайне низкой производительности труда. Но и зарплата пропорциональна производительности труда. Что здесь первично, а что вторично? Казалось

Табл. 1. Экономически активное население крупнейших по населению стран мира

Страна	Население, млн человек		
	Население, всего, млн человек	Экономически активное население, млн человек	Доля женщин в экономически активном населении, %
	2005 г.	2005 г.	2004 г.
Россия	142	78	49
США	294	110	46
Китай	1305	726	45
Индия	1072	416	29
Бразилия	182	74	42
Нигерия	123	47	35
Пакистан	154	49	27
Мексика	105	38	35
Германия	83	41	45
Франция	62	26	46
Великобритания	59	29	46

бы, ответ ясен — рост производительности труда ведет к росту зарплаты. Но если сделать труд дорогим (т.е. повысить минимальную зарплату), то это неизбежно приведет к росту производительности труда и снижению издержек, что сегодня не является главным для российского бизнеса.

В основе качества рабочей силы (а в конечном счете — производительности труда и объема ВВП) лежит образование, здоровье, профессиональный опыт и психологические (а также психические) особенности.

В-четвертых, после кризиса для многих в мире стало очевидным, что прежняя архитектура безопасности, финансовая и экономические системы себя изжили. Некоторые (как М. Ходорковский в своей статье «Левый поворот–3»)[12] считают, что эти изменения должны привести к отказу от идей неолиберализма и либертариантства на какой-то период. Другие — полагают, что усиление роли государства и социальной составляющей имеет более фундаментальные причины и более долгосрочные последствия.

Наконец, третьи полагают, что трансформацию управления государством необходимо вести в ультралиберальном направлении — передачи всей полноты политической власти в руки собственников. Так, публицист Ю. Латынина предлагает дать право голоса только налогоплательщикам, а «социально активные люди могли бы сдавать свои голоса в обмен на денежное вознаграждение»[13]. Остается только уточнить, какая будет граница для налогоплательщиков — 1 рубль или 1 млн рублей?

На семинаре в Институте современного развития 5 ноября 2008 года я высказал несколько тезисов, имеющих, на мой взгляд, принципиальное значение.

Я полагаю, что **кризис показал, что появились явные признаки изменения экономической, политической и социальной системы в мире**, т.е. меняется вся система ценностей, сформированная во второй половине XX века. Система, которая казалась многим не только эффективной, но и вечной. В этих условиях вопрос о ценностях и приоритетах имеет огромное **практическое значение**. Все современные планы и стратегии должны **вытекать, являться следствием стратегии**, а та, в свою очередь, следствием

Табл. 2. Индексы производства по видам экономической деятельности промышленности в I квартале 2007–2009 гг., в % к соответствующему периоду предыдущего года[14]

	2007	2008	2009	2010
Промышленность	107,2	106,2	85,7	105,8
Добыча полезных ископаемых	104,0	100,7	96,2	106,7
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	103,8	102,7	100,4	106,3
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	107,9	92,2	96,2	111,1
Обрабатывающие производства	114,5	108,7	79,2	105,2
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	113,7	106,4	96,7	103,8
Текстильное и швейное производство	110,8	102,6	78,8	110,0
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	118,7	106,6	83,0	125,6
Обработка древесины и производство изделий из дерева	111,0	115,6	70,8	112,1
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	110,8	107,8	82,0	106,8
Производство кокса и нефтепродуктов	106,0	105,0	96,3	105,2
Химическое производство	110,6	103,7	77,6	127,6
Производство резиновых и пластмассовых изделий	124,1	130,4	82,7	119,6
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	125,8	108,6	67,8	108,3
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	108,2	108,6	72,3	107,9
Производство машин и оборудования	126,0	116,4	74,3	100,4
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	123,7	93,3	56,6	131,2
Производство транспортных средств и оборудования	116,4	114,4	64,5	109,0
Прочие производства	112,9	118,6	79,3	114,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	93,3	105,6	94,9	107,1

идеологии (как системы приоритетов и ценностей). Так, концепция социально-экономического развития до 2020 года должна была бы быть **следствием формализованной стратегии** (которой до 5 ноября, т.е. послания Д. Медведева не было). Тем более не было идеологии. Поэтому Концепция 2020 (а также Концепции внешней политики, военная доктрина и многие другие) стала выполнять (точнее, претендовать) эту функцию.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития будет адекватна, если она будет **следствием новой стратегии, идеологии, и четко сформулированной системы ценностей**. Это реальный и единственно эффективный механизм управления в долгосрочной перспективе. Причем, повторю, в условиях мирового кризиса потребуется переоценка всей системы ценностей.

Послание Д. Медведева от 5 ноября 2008 года, по сути, первая попытка на высшем уровне сформулировать такую стратегию и систему ценностей. Это необходимо и неизбежно, особенно в современных условиях, а именно:

— в условиях глобального **кризиса**;
— когда в России сформулирована цель **опережающего развития**;
— когда достигнута **внутренняя стабильность**, но обществу этого мало: ему нужны явные ориентиры, будущие перспективы и понимание целей развития. Предложенная МЭРом Концепция социально экономического развития, очевидно, не базируется на этих важнейших условиях. Она не учитывала ни возможность глобального кризиса (и внешних факторов вообще, ни задач опережающего развития, ни общенациональных и долгосрочных целей развития). То есть Концепция не адекватна. Что и стало ясно еще до 2010 года, когда старая, инерционная экономика, основанная на устаревшем промышленном производстве, доказала свою неэффективность: падение ВВП России за 2008–2010 годы было самым глубоким среди развитых стран, а обрабатывающей промышленности — еще глубже.

Ситуацию в очередной раз спасли высокие цены на сырье, которые превысили уровень цен 1999 года в несколько раз! (табл. 3)

Задача сознательного **формирования системы** ценностей, безусловно, стоит. Везде и всегда элиты этим **последовательно занимались** и **процесс контролировали**. Вопрос в том, **как** это сделать и **что** за система ценностей должна быть. На мой взгляд, мы должны решить (договориться) следующие задачи:

— система ценностей должна **основываться на национальных культурных и духовных ценностях**;
— система ценностей должна отражать **современные реалии**, быть совмещена с новым этапом развития человечества;
— система ценностей должна быть **нравственной**, «идеалистичной», обладать самостоятельной ценностью. Не все можно заставить сделать силой или купить. Многое — ресурс воли нации;
— система ценностей должна быть **прагматичной**, реалистичной, т.е. достижимой, реализуемой, способной к правовой формализации.

Есть целый спектр проблем (коррупция, например), которые **в принципе не решаемы** без утверждения общенациональной ценностной системы, где есть ясное доминирование общенациональной идеологии. К числу этих проблем относятся:

— коррупция — система управления, альтернативная праву;
— развитие культуры, науки, образования;
— реформа сельского хозяйства;
— инновационное развитие экономики;
— судебная реформа и т.д.

Не трудно увидеть, что эффективное решение большинства проблем невозможно без определения приоритетов и целей стратегии развития страны, которые должны **ставить** задачу перед Концепцией долгосрочного развития.

Табл. 3. Среднемесячные мировые цены в феврале соответствующего года[15]

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Нефть (Brent), USD/барр.	10,8	26,9	27,2	20,3	32,1	30,9	44,8	59,7	58,26	92,66	43,87	74,79
Натуральный газ, USD/1 млн БТЕ	2,036	2,828	5,642	2,260	6,367	5,407	6,242	6,128	7,606	8,58	4,414	5,35
Бензин, USD/галлон	0,524	0,934	0,882	0,616	1,045	1,045	1,37	1,734	1,662	2,48	1,262	2,16
Медь, USD/т	1414,8	1779,1	1811,4	1601,5	1705,9	2759,0	3254	4982	5671,1	7887,7	3314,7	6848,18
Алюминий, USD/т	1188,1	1584,2	1602,1	1370,8	1428,04	1685,6	1883	2455	2759,14	2776,9	1330,2	2048,93
Никель, USD/т	4629,4	10 269,6	6544,6	6042,7	8619,64	15 178,3	15 350	14 979	41 154,5	27 955,5	10 409	18 976

При переходе от периода стабилизации (2000–2007 гг.) **к периоду опережающего развития** (2008–?) приоритеты не просто желательны, а обязательны, ибо они выступают в качестве **целей развития**. Стабилизировать без системы ценностей можно (хотя укрепление государства — уже ценность), но быстро, опережающе развиваться — нет. Ошибка в выборе целей при быстром развитии катастрофична. Вот почему определение долгосрочных целей должно вытекать из общенациональной дискуссии.

Некоторые затруднения при прогнозировании вызваны тем, что «Стратегия–2020», являющаяся основным источником, на который опирается прогноз, была разработана и опубликована в первой половине 2008 года, то есть **до начала мирового финансового кризиса**. Поэтому, чтобы нивелировать краткосрочное влияние кризиса, был использован краткосрочный прогноз Министерства экономического развития России. «Стратегия–2020» и прогнозы Минэкономразвития подразумевают сценарный подход (в частности, деление на инновационный, инерционный и энергетический сценарии в «Стратегии–2020»). Поэтому для прогнозирования объемов НВВП и РВВП взяты средние геометрические значения приводимых в этих документах индексов физического объема или индексов-дефляторов. Принципиально схема прогнозирования ВВП такова:

1. Прогнозирование с помощью среднего геометрического из значений индекса физического объема и дефлятора с 2010 по 2012 год, взятых из прогноза Минэкономразвития.
2. Прогнозирование объема реального ВВВП с помощью темпов прироста, указанных в «Стратегии 2013–2020 гг.».
3. Оценочный расчет НВВП с помощью вспомогательной регрессии.

С 2010 по 2020 г. РВВП вырастет на 57% по сравнению с темпом прироста РВВП в 56% с 2000 по 2010 год. Средний темп роста (индекс физического объема) с 2000 по 2008 г. составил 6,9%. В 2009 г. имело место сокращение примерно на 8%. В 2010–2012 гг. ожидается темп прироста на уровне 3%. С 2013 по 2020 г. ежегодный темп прироста составит примерно 5%. (рис. 1)[16].

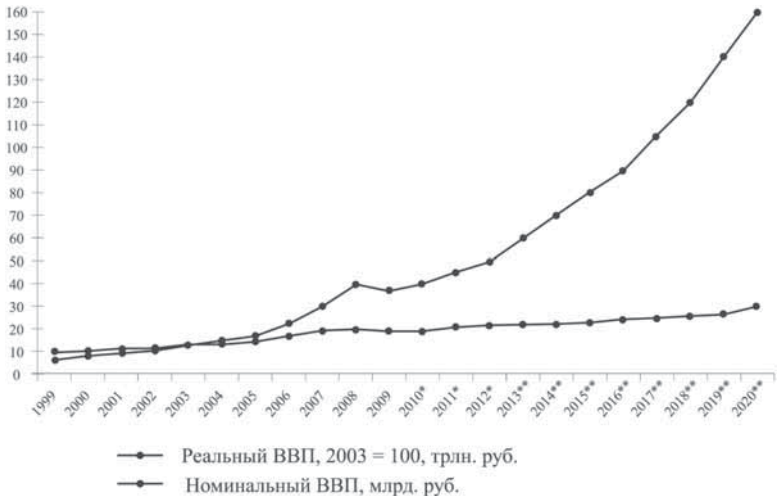
Прогнозирование задолженности индивидуальных предпринимателей и юрлиц по кредитам в рублях и в иностранной валюте

Так, например, если мы в качестве ценности сегодня не обозначим развитие **творческого потенциала** (и, соответственно, задачу его развития), то никакого опережающего развития такого потенциала просто **не будет**. Что, собственно, мы и наблюдаем сегодня.

Кризис 2010 года заставил вновь вернуться к фундаментальным вопросам развития России. К 2008 году российское общество созрело не только для осознания, но и принятия долгосрочных, стратегических концепций и стратегий, но сделать их эффективными так и не смогло: решения принимались в целом запоздалые, но, главное, в русле прежней монетаристской логики. Некоторые исключения (как, например, стимулирование продаж старых автолюбителей) доказали свою эффективность, но даже эти апробированные шаги не получили своего развития.

Прежняя логика не позволила сделать двух крупных корректив: простимулировать в условиях кризиса рост доходов и, соответственно, покупательной способности, а, во-вторых, увеличить финансирование отраслей, определяющих уровень НЧП. Что, кстати, не побоялись сделать в США ни республиканцы, ни демократы[17].

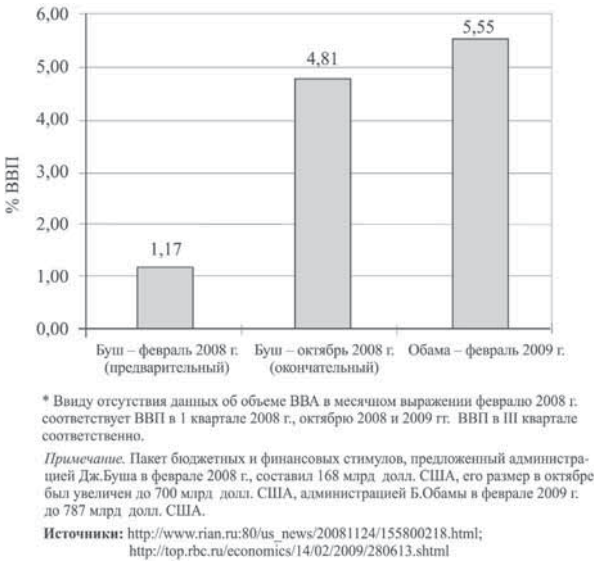
Реакция американских денежных властей на происходящее, по мнению экспертов ИЭПП, была быстрой и энергичной. Базовую процентную ставку резко снизили. Однако возможности ослабления денежной политики в условиях кризиса не безграничны. К январю 2009 г. они были исчерпаны.



Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики РФ

Рис. 1. Динамика РВВП и НВВП, 1999–2020 гг.

Это заставило американские власти во все больших объемах использовать бюджетные стимулы увеличения совокупного спроса (рис. 2)



* Ввиду отсутствия данных об объеме ВВА в месячном выражении февралю 2008 г. соответствует ВВП в 1 квартале 2008 г., октябрю 2008 и 2009 гг. ВВП в III квартале соответственно.

Примечание. Пакет бюджетных и финансовых стимулов, предложенный администрацией Дж.Буша в феврале 2008 г., составил 168 млрд долл. США, его размер в октябре был увеличен до 700 млрд долл. США, администрацией Б.Обамы в феврале 2009 г. до 787 млрд долл. США.

Источники: http://www.rian.ru:80/us_news/20081124/155800218.html; http://top.rbc.ru/economics/14/02/2009/280613.shtml

Рис. 2.

Естественным развитием этой тенденции стало первое послание Д. Медведева Федеральному Собранию страны, которое можно назвать и первой озвученной стратегией. Действительно, в этом послании впервые обозначены не только сиюминутные приоритеты, но и общенациональные ценности — как внутри-, так и внешнеполитические.

Этому предшествовал период, когда руководители отраслей и регионов не только поняли необходимость, но и разработали целую серию таких долгосрочных концепций и стратегий. Наступила естественная очередь для общенациональной стратегии и долгосрочной концепции социально-экономического развития.

К сожалению, полноценной, общенациональной дискуссии по этому поводу развернуто не было, хотя отдельные попытки предпринимались. И не только в экспертном сообществе, но и среди политической элиты. Я полагаю, что такая дискуссия крайне необходима. Несмотря на то, что целый ряд документов на этот счет и был принят в 2008 году. И, прежде всего, речь идет о долгосрочной концепции социально-экономического развития. России.

2. «Стратегия–2020» как неадекватность восприятия современных реалий российской элитой

Бедность — худшее из рабств[18].
П. Столыпин

Хотелось бы иметь определение модернизации, включая его философскую составляющую, это крайне важно для положительного конечного результата[19].
С. Миронов

Российская элита боится масштабных и стратегических задач, имеющих общенациональное значение. Не только решать, но даже ставить такие задачи. И в этом проявляется ее несоответствие современным требованиям, стоящим перед нацией. Недостаток амбициозности отчетливо проявился еще в период выдвижения В. Путиным идеи «удвоения ВВП» — в общем-то вполне рядовой (на фоне кризиса 1990-х гг.) и совершенно не амбициозной задачи. В результате, даже в «тучные годы», темпы роста экономики России были весьма скромными (158,9% в 2009 году по сравнению с 2000 годом), если их сравнивать, например, с темпами роста ВВП в Азербайджане (346% в 2009 г. по сравнению с 2000 годом), Казахстане (193%), даже Киргизии (136%) и Польше (141%)[20] (табл. 4).

Даже простой количественный рост экономики страны мог бы быть существенно больше, если бы изначально была сформулирована амбициозная промышленная цель развития, подкрепленная кредитной и финансовой политикой. Очевидно, что не хватает идеологической и политической мотивации. Это отражается очень заметно, например, на мотивации российских предпринимателей, абсолютное меньшинство у которых носит добровольный (!) характер[21] (табл. 5).

Амбиций у российской элиты для перестройки структуры экономики и общества, как оказалось, в 2000–2010 годы вообще не было. Поэтому трудно было ожидать существенного результата. «Либеральная традиция» проявилась не только в инерции, но и новых социальных атаках — попытках А. Дворковича отменить студенческую стипендию, повысить пенсионный возраст (хотя эксперты и считают, что до него не доживают 60% мужчин)[22] и пр. (табл. 6)

Другими словами, перед нацией даже не было сформулировано сверхзадачи общенационального развития. Инерция в экономике была следствием инерции политической мысли и политической воли.

Именно **конечного результата** не предусматривается в «Стратегии–2020». Изменение показателей относительно других стран не могут быть таковым. Что, собственно, видно из прогноза инновационной деятельности, подготовленного исследователями МГИМО(У).

Табл. 4. Темпы роста валового внутреннего продукта (в постоянных ценах; 2000=100)

	Всего								На душу населения							
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Россия	**110,1**	**118,1**	**126,6**	**134,7**	**145,6**	**158,1**	**166,3**	**153,2**	**111,1**	**119,8**	**129,0**	**137,9**	**149,8**	**163,0**	**171,8**	**158,3**
Австралия	106	110	114	117	120	125	128	129	104	105	108	110	111	114	114	…
Австрия	102	103	105	109	112	116	118	114	101	102	103	106	109	112	113	…
Азербайджан	**122**	**135**	**149**	**188**	**253**	**317**	**351**	**383**	**119**	**131**	**143**	**179**	**237**	**293**	**320**	**346**
Аргентина	85	93	101	110	120	130	139	…	84	90	97	105	113	122	129	…
Армения	124	141	156	178	202	229	245	210	124	142	157	178	202	229	244	209
Беларусь	110	118	131	143	158	171	189	189	111	119	133	147	162	177	195	196
Бельгия	102	103	106	108	111	115	116	113	102	102	105	106	109	111	111	…
Болгария	109	115	122	130	138	147	155	148	113	120	128	137	147	156	167	…
Бразилия	104	105	111	115	119	127	133	133	101	101	105	107	110	116	119	…
Венгрия	109	113	119	123	128	130	131	122	107	112	118	123	128	129	131	…
Германия	101	101	102	103	106	109	110	105	101	101	102	103	106	109	110	105
Дания	101	102	104	106	110	112	110	105	101	101	103	105	108	109	107	…
Индия	110	119	128	140	154	168	179	192	106	113	120	129	140	150	158	…
Италия	102	102	104	105	107	108	107	102	102	101	102	102	103	104	102	…
Казахстан	**125**	**136**	**149**	**164**	**181**	**197**	**204**	**206**	**125**	**136**	**148**	**161**	**176**	**190**	**194**	**193**
Канада	105	107	110	113	117	120	120	117	103	103	106	108	110	111	111	…
Киргизия	**105**	**113**	**121**	**120**	**124**	**135**	**146**	**149**	**103**	**109**	**116**	**114**	**116**	**125**	**134**	**136**
Китай	118	130	143	158	176	199	219	238	117	127	139	153	170	190	…	…
Мексика	101	102	106	110	115	119	121	113	98	99	102	104	108	111	111	…
Нидерланды	102	102	105	107	110	114	117	112	101	100,5	102	104	108	111	113	…
Норвегия	104	105	109	112	114	117	119	117	102	103	106	108	110	112	112	…
Польша	**103**	**107**	**112**	**116**	**124**	**132**	**138**	**141**	**103**	**107**	**113**	**117**	**124**	**132**	**139**	**141**
Республика Корея	111	115	120	125	131	138	141	…	110	113	117	122	128	134	134	…
Республика Молдова	114	122	131	141	148	152	164	153	115	123	132	143	150	155	167	156
Румыния	111	117	127	132	142	151	162	150	114	121	131	137	148	157	169	…
Соединенное Королевство (Великобритания)	**105**	**107**	**111**	**113**	**116**	**119**	**120**	**114**	**104**	**106**	**109**	**110**	**113**	**115**	**115**	**…**
США	102	105	109	112	115	117	118	115	100,4	102	105	107	109	110	109	…
Таджикистан	121	135	149	159	170	183	197	204	117	127	137	143	150	158	167	169
Турция	100,1	106	115	125	134	140	141	134	97	101	109	117	124	128	133	…
Узбекистан	108	113	121	130	139	153	166	180	106	109	116	122	130	140	150	160
Украина	115	126	141	145	156	168	172	146	117	129	146	151	163	177	182	155
Финляндия	**104**	**106**	**110**	**113**	**119**	**124**	**125**	**115**	**104**	**106**	**109**	**112**	**117**	**121**	**122**	**…**
Франция	**103**	**104**	**107**	**109**	**111**	**113**	**114**	**111**	**102**	**102**	**104**	**105**	**107**	**109**	**108**	**…**
Швеция	**104**	**106**	**110**	**114**	**118**	**121**	**121**	**115**	**103**	**105**	**108**	**112**	**116**	**118**	**116**	**…**
Япония	**100,4**	**102**	**105**	**107**	**109**	**111**	**110**	**104**	**99,9**	**101**	**104**	**106**	**108**	**111**	**109**	**…**

Табл. 5. Мотивационная структура российских предпринимателей в 2009 г.

Тип мотивации	Предпринимательские группы							
	Нарождающиеся		Владельцы нового бизнеса		Владельцы устоявшегося бизнеса		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Добровольная	11	36,7	17	53,1	8	29,6	33	39,3
Вынужденная	10	33,3	8	25,0	10	37,0	26	31,0
Смешанная	9	30,0	6	18,8	9	33,3	24	28,6
Затруднились	—	—	1	3,1	—	—	1	1,2
Всего	**30**	**100,0**	**32**	**100,0**	**27**	**100,0**	**84**	**100,0**

Табл. 6. Индексы промышленного производства[23] (2000=100)

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Россия*	102,9	106,1	115,5	124,8	131,1	139,4	148,9	149,8	135,8
Австралия	104	105	107	106	107	107	111	114	…
Австрия	103	104	106	114	118	126	134	137	120
Азербайджан	105	109	116	122	163	223	276	293	318
Армения	105	121	139	142	153	152	156	158	146
Беларусь	106	111	119	137	152	169	184	205	201
Бельгия	99,6	101	102	105	105	110	113	112	…
Болгария	102	107	121	137	146	155	170	171	…
Бразилия	102	104	104	113	117	120	127	131	121
Венгрия	104	107	114	123	132	145	156	156	129
Германия	100,3	99	99,7	104	107	113	119	120	99,6
Дания	102	102	103	101	104	108	106	105	…
Индия	103	109	116	126	136	152	165	169	…
Италия	99	98	97	98	96	99	102	99	81
Казахстан	114	126	137	151	159	170	179	182	187
Канада	96	98	98	99,9	102	101	101	96	85
Киргизия	105	94	110	115	101	91	97	112	105
Литва	112	120	136	151	162	172	176	186	159
Мексика**	96	96	94	98	102	107	110	113	…
Нидерланды	101	102	101	106	106	108	110	112	103
Норвегия	99	98	96	96	96	94	93	93	…
Польша	101	103	112	126	130	146	160	164	158
Республика Корея	101	109	115	127	135	146	156	161	…
Республика Молдова	114	126	146	158	169	161	158	161	127
Румыния	104	104	103	106	102	112	123	126	120
Соединенное Королевство (Великобритания)	99	97	97	98	96	97	97	94	84
США	96	96	98	99,9	103	106	107	105	95

продолжение таблицы

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Таджикистан	115	125	137	158	173	182	201	194	**182**
Турция	91	100	109	119	126	136	145	144	…
Узбекистан	108	117	124	135	145	161	180	203	**221**
Украина	114	122	142	159	164	174	192	186	**145**
Финляндия	100,1	102	103	109	109	119	125	124	…
Франция	101	99,4	98	100,2	100,2	103	102	100,1	88
Швеция	99	99	100,5	106	109	112	116	113	93
Япония	94	93	95	99,9	101	106	109	105	…

*Агрегированный индекс производства по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». С учетом поправки на неформальную деятельность.

**Обрабатывающая промышленность.

Табл. 7. Прогнозирование динамики объема инновационных товаров, работ и услуг[24]
Сценарный прогноз динамики объема инновационных товаров, работ и услуг

	Объем инновационной продукции, млн рублей, значение показателя за год	Сценарии			
	Данные Федеральной службы государственной статистики	1	2	3	4
1999	84 379,20	—	—	—	—
2000	154 135,00	—	—	—	—
2001	183 000,88	—	—	—	—
2002	206 613,20	—	—	—	—
2003	312 692,00	—	—	—	—
2004	433 003,5	—	—	—	—
2005	545 540,02	—	—	—	—
2006	714 024,60	—	—	—	—
2007	916 131,60	—	—	—	—
2008	—	1 025 094,70	1 025 094,70	—	—
2009	—	1 020 614,71	746 847,24	—	—
2010*	—	1 134 521,36	833 190,37	—	—
2011*	—	1 289 577,81	930 199,78	1 245 535,81	1 293 824,37
2012*	—	1 479 052,00	1 094 276,16	1 352 473,48	1 565 357,05
2013**	—	1 737 663,85	1 345 484,64	1 454 426,34	1 892 587,80
2014**	—	2 057 800,75	1 620 594,81	1 550 745,38	2 169 471,06
2015**	—	2 447 436,11	2 038 051,75	1 641 013,42	2 704 917,93
2016**	—	2 898 207,74	2 542 624,61	1 725 012,61	3 186 530,24
2017**	—	3 419 586,38	3 151 055,41	1 802 690,57	3 743 558,35
2018**	—	3 990 922,36	3 827 449,16	1 874 127,28	4 312 462,73
2019**	—	4 644 079,41	4 624 048,17	1 939 504,79	5 000 724,33
2020**	—	5 388 485,10	5 556 746,59	1 999 080,24	5 782 263,81

Источник: расчеты авторов на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ и Банка России.

Табл. 8. Доля инновационной продукции в НВВП

	Доля инновационной продукции в НВВП, в %			
	1	2	3	4
1999		1,76		
2000		2,12		
2001		2,05		
2002		1,91		
2003		2,38		
2004		2,55		
2005		2,52		
2006		2,51		
2007		2,53		
2008		2,64		2,55
2009		2,61		1,91
2010*		2,66		1,95
2011*	2,71	2,62	2,72	1,96
2012*	2,78	2,54	2,94	2,05
2013**	2,85	2,39	3,10	2,21
2014**	2,93	2,21	3,09	2,31
2015**	3,02	2,02	3,33	2,51
2016**	3,10	1,84	3,41	2,72
2017**	3,18	1,68	3,49	2,93
2018**	3,27	1,53	3,53	3,13
2019**	3,35	1,40	3,61	3,33
2020**	3,43	1,27	3,68	3,54

Но главное (а это уже задача не МЭРа, а идеологов) определить, что же является этим конечным результатом. Я категорически настаиваю, что важнейшим таким результатом может стать НЧП, а в более узком смысле — **количество граждан России**.

В узком смысле «конкретного результата» понятия «модернизация» следует иметь в виду изменения демографической ситуации в России. Сегодня она характеризуется **катастрофическими количественными и качественными параметрами**.

С количественной точки зрения за 2006–2010 годы удалось смягчить негативную динамику, но отнюдь не исправить. По различным прогнозам, нация сможет составлять к 2050 году от 90 до 130 млн человек[25]. И этому уже перестали удивляться. И надеяться на миграцию бесполезно. Как признают эксперты ООН, после 2000 г. миграционный прирост компенсировал всего около пятой части естественной убыли.

Учитывая имеющийся опыт, прогнозисты с большой осторожностью оценивают возможность компенсации естественной убыли населения России его миграционным приростом, вследствие чего большинство прогнозов предсказывает дальнейшее сокращение населения страны. Так, согласно средним вариантам некоторых имеющихся прогнозов, население России на 2025 г. оценивается в 128,2 млн человек (прогнозы ООН и Бюро цензов США), 137,0 (Росстат, 2008), 138,1 млн (ИДЕМ ГУ ВШЭ, медианное значение вероятностного прогноза). Это означает сокращение населения страны по сравнению с максимумом, достигнутым к началу 1993 г., на 10–20 млн человек, или примерно на 7–10%. Так как прогнозы обычно выполняются в нескольких вариантах, границы возможных оценок численности населения России в 2025 г. расширяются. С учетом всех вариантов указанных прогнозов, оно может составить от 120,6 млн (нижний

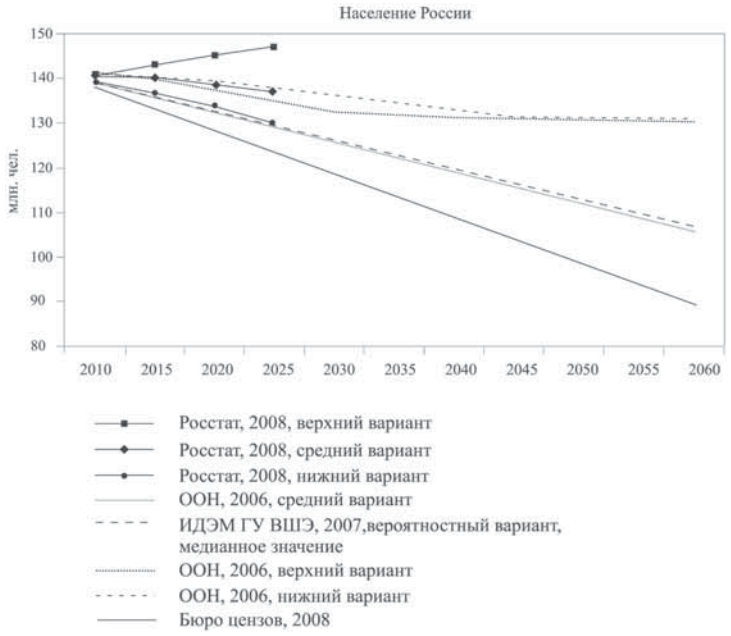


Рис. 3. Большинство прогнозов предсказывают дальнейшее сокращение населения России

вариант прогноза ООН) до 144 млн (верхний вариант прогноза Росстата).

С качественной точки зрения, НЧП зависит от тех мер, которые примет в этой области прежде всего государство. Ну, и общество. Зарубежные инвесторы и российский бизнес не способны повлиять существенно.

В этой связи важно вновь вернуться к докризисному образу мышления элиты. Хотя бы для того, чтобы понять, что Россия — психологически, финансово и экономически — могла бы легче перенести его последствия. Вот почему вновь привлекает концепция долгосрочного социально-экономического развития, первый вариант которой был разработан МЭРом еще в марте 2008 года. Необходимо, прежде всего, отметить, что предложенный в марте 2008 года проект Концепции рассматривается как **инструмент** реализации стратегии развития России до 2020 гг., озвученной Президентом России на заседании Госсовета 8 февраля 2008 года (хотя разработчики и ссылаются на поручение Президента от 21 июля 2006 года). Это противоречие не случайно. На мой взгляд, именно за эти 6–9 месяцев 2008 года в принципиальных подходах руководства страны относительно приоритетов развития произошли качественные изменения, которые сделали возможным изменения в стратегии и проекте концепции развития России на долгосрочную перспективу.

К сожалению, эти изменения непоследовательны и отражают прежнюю инерционность макроэкономического подхода последних 15 лет. Авторы концепции вынуждены признать смену приоритетов на высшем уровне, что не нашло, однако, практического отражения в Концепции и других документах МЭР и Минфина.

Внесенные в мартовский вариант Концепции коррективы, привели к тому, что в августе 2008 года появился новый, скорректированный вариант МЭРа, который принципиально, качественно не отличается от мартовского.

Справедливости ради следует отметить, что в новом варианте Концепции делается важное признание: «Особенность перехода к инновационному социально-ориентированному типу развития состоит в том, что России предстоит **одновременно решать задачи и догоняющего, и опережающего развития.** В условиях глобальной конкуренции и открытой экономики невозможно догнать развитые страны мира по уровню благосостояния и эффективности, не **обеспечивая опережающего прорывного развития в тех секторах российской экономики, которые определяют ее специализацию в мировом хозяйстве** и позволяют в максимальной степени реализовать национальные конкурентные преимущества»[26].

Но опережающее развитие остается тем сектором российской экономики, который «определяют ее специализацию в мировом хозяйстве». Здесь возникают сразу две проблемы. Действительно, нам предстоит решать одновременно две задачи — догоняющего и опережающего развития. Но если вы ориентируетесь только на конкурентоспособные («догоняющие») отрасли, то, как быть с «опережающими»?

Ответ на этот вопрос достаточно прост: совсем не обязательно развиваться «по этапам». На Западе существует третье пополнение технологии, например, ЭВМ, но нам совсем не обязательно идти по их следам. Мы можем и должны готовиться к созданию компьютеров пятого (шестого?) поколения, быть готовым к «перескакиванию» через этапы. В технике и технологии это возможно. При условии политической воли и кадров.

Вместе с тем, как и в первом варианте, МЭР (а, точнее, один из его департаментов) берет на себя отнюдь не свойственные для подготовки общенациональной концепции функции. В частности, в соответствии с этой Концепцией, предполагается: «Цель разработки Концепции — **определение путей и способов обеспечения устойчивого повышения благосостояния российских граждан, укрепления национальной безопасности и динамичного развития экономики в долгосрочной перспективе (2008–2020 годах), укрепления позиций России в мировом сообществе».**

Другими словами Концепция социально-экономического развития берет на себя функции, свойственные как военной доктрине, доктрине внешней политики, так и идеологии. «В одном флаконе» перемешаны и вопросы благосостояния. И национальной безопасности, и внешней политики. Но так не бывает! И тем более не бывает так, чтобы такие задачи пытался решать экономический блок правительства. Отсюда — путаница и декларативность, а, главное, остаются так и не решенные (и даже не ставятся) принципиальные вопросы.

Путаность в принципиальных вопросах ведет к дезориентации элиты. Так, в учебнике по мировой экономике МГИМО(У)отдельный раздел посвящен «стратегическим задачам России», среди которых (в порядке приоритетности) выступают:

— …задача выхода на уровень социально-экономического развития передовых стран…
— освоения восточных и северных территорий…
— решение демографической проблемы…
— …решение проблемы бедности и сильной дифференциальности доходов…
— …проблема реинтеграции России…
— …этическая проблема…[27]

Не отрицая приоритетности всех этих проблем, должен сказать, что «Стратегия» не может одновременно решать все или **много** задач. Она должна быть нацелена на решение главной проблемы и вытекающих из нее задач. Так, на мой взгляд, в «Стратегии–2020» должна была бы быть выстроена следующая иерархия или «дерево целей», включающего **не более семи основных задач**.

Рис. 4.

В соответствии с этой целью в Концепции, например, сформулированы:

— **характеристика целей** долгосрочного социально-экономического развития страны с учетом основных вызовов предстоящего периода;
— **стратегия** — способы, направления и этапы — достижения поставленных целей, а также формы и механизмы стратегического партнерства государства, бизнеса и общества в достижении целей Концепции;
— **цели**, целевые индикаторы, приоритеты и основные задачи долгосрочной политики **в развитии социальной сферы, науки и технологий, структурных преобразований в экономике**;
— **цели и приоритеты внешнеэкономической политики;**
— **параметры** пространственного развития российской экономики, цели и задачи территориального развития в долгосрочной перспективе»[28].

Другими словами, в Концепции сформулированы цели и задачи, характерные для Концепции национальной безопасности, Концепции внешней политики и даже вопросы, обычно относящиеся к военной доктрине государства. К сожалению, это далеко не единственное противоречие, содержащееся в документе. Не рассматривая его излишне детально, хотелось бы отметить следующие, на мой взгляд, принципиальные **политические аспекты.**

3. Основные ошибки «Стратегии» долгосрочного развития

Россия все более отчетливо делится на партию телевизора и партию интернета…[29].
Б. Макаренко

…Россия проскочила развилку, связанную с модернизацией[30].
А. Аузан

Политические и идеологические ошибки «Стратегии–2020» привели к тому, что в социально-политическом плане в России в 2011 году возникли проблемы, которых прежде в политической жизни страны не было. Провал «Стратегии» оказался не просто провалом очередной программы, но провалом политического курса, который формировали и реализовывали сторонники либеральной вульгарной экономической традиции. Отвечать за такие провалы придется правящей элите, которая делегировала либеральным экономистам «право» на формирование национальной стратегии. Приведу в этой связи мысль патриарха российской экономической школы О. Т. Богомолова: «…**развитие экономики той или иной страны во многом находится под влиянием политики, т.е. зависит от целей, поставленных правящей элитой**. Не менее важно и обратное влияние экономики, ее важнейших агентов на политику. В процессе наших исследований мы неоднократно убеждались, что политические интересы, **идеология власть имущих надолго деформируют экономические законы**. Это рано или поздно приводит к взрыву, если вовремя не вскрывать и не исправлять деформации, не корректировать политику»[31].

Кроме того, огромная масса экспертов, ученых, просто креативных личностей неожиданно откликнулась на призыв В. Путина «скорректировать» стратегию и начала бурную дискуссию. В эту дискуссию так или иначе оказались вовлечены сотни, даже тысячи институтов социального потенциала нации: кроме заявленных В. Мау «1100 экспертов», в подготовке своего видения выступили ИНСОР, ЦСКП, Партиархия, «Деловая Россия» и многие другие институты гражданского общества.

Как справедливо заметили исследователи МГИМО(У), динамика инновационной активности предприятий подтверждает генеральный вывод о **стагнации в сфере инноваций в 2002–2008 гг.** Удельный вес фирм, осуществлявших технологические инновации, в общем числе предприятий промышленного производства в исследуемый промежуток времени находился **в пределах 9–10%**, а по данным Росстата за 2010 г. — 4,9%. Если вновь обратиться к международным сопоставлениям, то в Германии этот индикатор по состоянию на 2006 г. составил 69,7%; в Испании — 37%; в Румынии — 21,9%. При этом среднее значение данного показателя по странам ЕС — 27 вплотную приблизилось к 40%.

Доля организаций, осуществлявших технологические инновации, в добыче полезных ископаемых сократилась в России с 5,7% в 2003 г. до 5,1% в 2008 г. В обрабатывающих производствах за этот период был отмечен рост — с 10,9 до 11,9%. В производстве и распределении электроэнергии, газа и воды было зарегистрировано чувствительное сокращение удельного веса организаций, которые осуществляли технологические инновации, — с 6,4 до 4,2%[32]. В целом же показатели инновационной активности до кризиса 2008–2010 годов были удручающими, а после кризиса — еще хуже[33]. О чем наглядно свидетельствуют и данные ВЦИОМ[34] (рис 5–7).

Индекс (рис. 8) измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от 0 до 100 п. Значение индекса меньше 50 п. указывает на преобладание негативных оценок, а больше 50 п. — позитивных. Значение 50 п. показывает баланс положительных и отрицательных оценок.

Индекс «Модернизация в России» строится на основе двух вопросов:

«Как Вы считаете, сегодня ситуация с модернизацией и технологическим обновлением в России хорошая или плохая?»

«По Вашему мнению, в настоящее время ситуация с модернизацией и технологическим обновлением в России улучшается или ухудшается?»

По каждому из вопросов строится диффузный индекс, равный половине разности между долями положительных («хорошая» / «улучшается) и отрицательных («плохая» / «ухудшается») ответов, увеличенной на 50 пунктов.

Итоговый индекс «Модернизация в России» является составным и получается сложением индексов по каждому вопросу и делением этой суммы на два.

Негативные тенденции наблюдались и в области торговли технологиями, баланс которой был в 2008–2009 гг. очевидно не в пользу России. Вот лишь некоторые примеры[35] (табл 9–11).

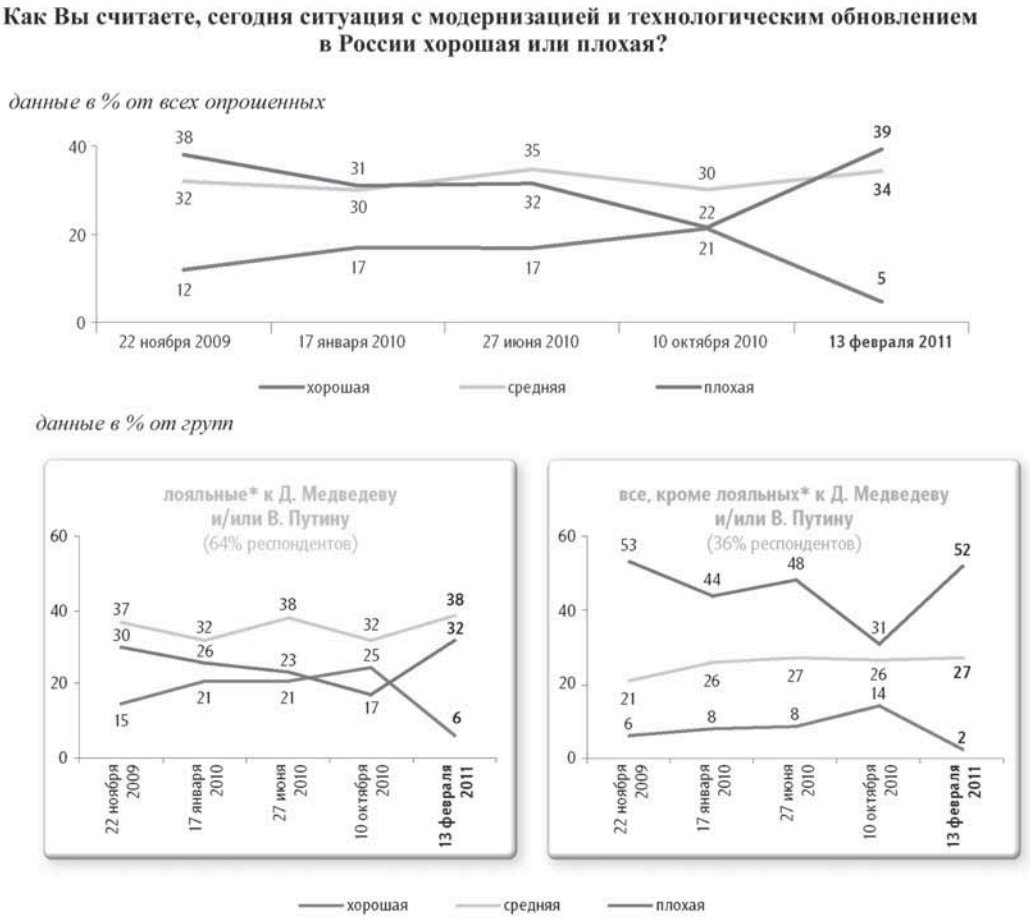


Рис. 5.

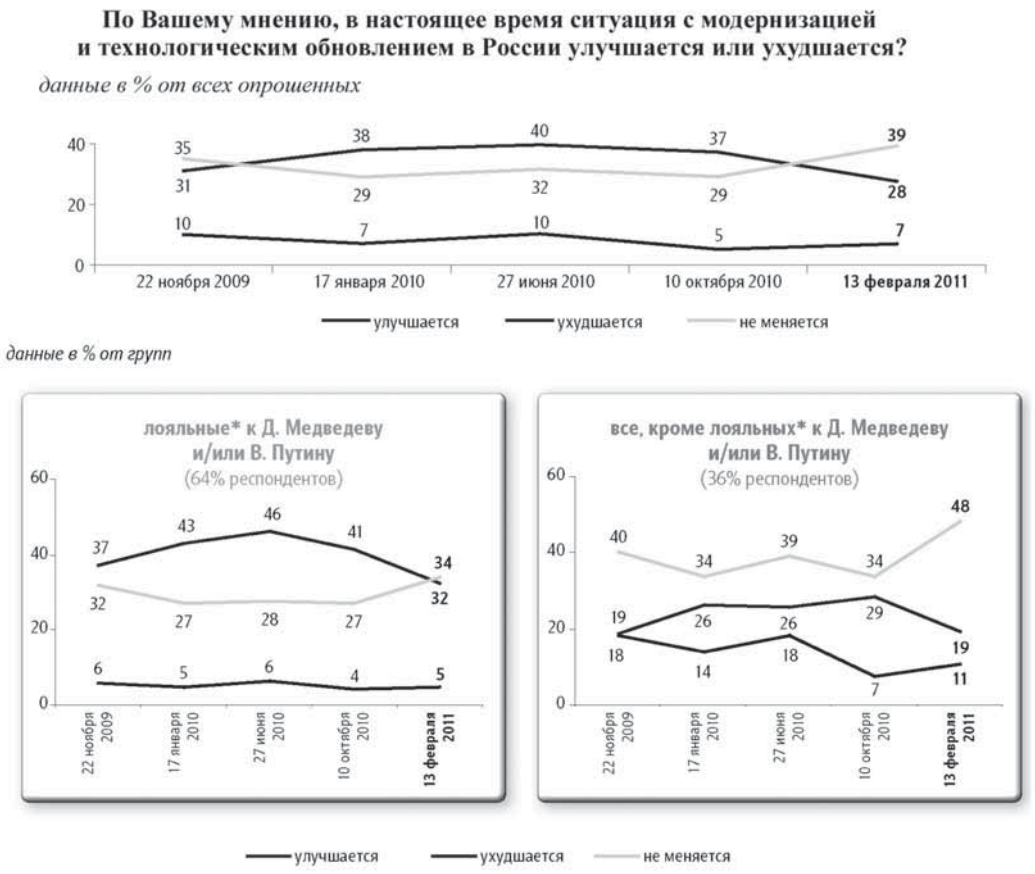


Рис. 6.

Рис. 7.

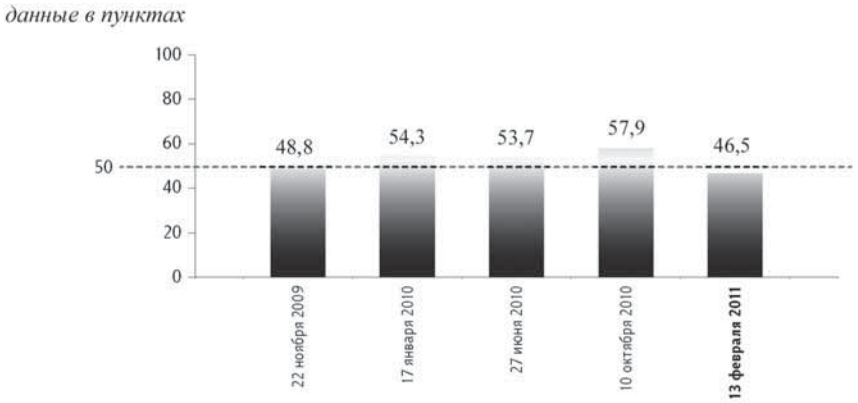


Рис. 8. Индекс «Модернизация в России»

Таким образом, можно сделать вывод, что принятая в марте 2008 года «Стратегия», как и предыдущие усилия, **не дали практических сколько-нибудь заметных результатов в области модернизации и внедрения инноваций**. И отнюдь не только из-за кризиса, который мог бы стать на самом деле эффективным лекарством для сырьевой экономики, **а совершенно по иным причинам,** которые, на мой взгляд, надо знать. Тем более, если заявленное в начале 2011 года В. Путиным намерения «скор-

Табл. 9. Показатели инновационной активности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число организаций, выполнявших исследования и разработки		4099	4037	3906	3797	3656	3566	3622	3957	3666
Численность персонала, занятого исследования и разработками		887729	885568	870878	858470	839338	813207	807066	801135	761252
Внутренние затраты на исследования и разработки, тыс. руб.		76697101	105260732	135004492	169862369	196039870	230785150	288805212	371080327	431073185
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, %		8,8	8,5	9,0	9,5	9,6	9,7	8,6	10,0	9,4
Удельный вес отгруженной инновационной продукции организаций, %		4,4	4,1	4,2	4,6	5,3	5,0	4,5	4,6	5,0
Число созданных передовых производственных технологий		688	637	727	821	676	637	735	780	854
Число использованных передовых производственных технологий		70069	80012	93412	107015	119639	140983	168311	180324	184568
Затраты на технологические инновации, тыс. руб.		62115199	68530142	94046209	121606108	146015666	143222567	211392667	234057743	307186900
Количество поданных заявок на выдачу патентов на изобретения отечественными заявителями		27926	30640	30223	32369	50697	32726	39776	27505	27712
Количество выданных патентов на изобретения отечественным заявителям		18453	18515	20588	28674	41383	26405	30086	18431	22260
Затраты на информационные и коммуникационные технологии, млн руб.						168373,3	215301,6	252029,7	299389,4	372733,4

Табл. 10.

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число организаций, использовавших специальные программные средства	Число организаций, использовавших специальные программные средства — всего	…	…		…	91 169	119 329	137 191	147 215	150 297
	для научных исследований	…	…	…	…	4259	4731	5024	5355	5315
	для проектирования		…	…	…	12 163	14 608	15 517	16 763	18 164
	для управления автоматизированным производством или отдельными техническими средствами и технологическими процессами	…	…		…	16 676	21 160	21 084	23 311	24 422
	для решения организационных, управленческих и экономических задач		…			72 013	87 577	97 985	100 245	103 340
	для осуществления электронных расчетов			…		39 964	68 927	78 055	90 833	97 323
	для предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети, включая Интернет					18 571	25 431	25 603	32 792	36 139
	редакционно-издательские системы	…	…			41 346	8460	7610	8304	8979
	обучающие программы	…		…		6267	17 890	22 646	27 508	28 310
	антивирусные программы	…		…		…	…	88 157	107 185	121 612
	CRM-Программы	…		…				3101	6029	5346
	ERP-Программы	…	…	…	…	…	…	3946	4970	6081
	SCM-Программы			…				1343	1606	1793
	прочие программные средства	…	…	…	…	14 698	45 327	57 929	64 835	69 094

Табл. 11. Торговля технологиями с некоторыми зарубежными странами

	Экспорт				Импорт			
	Число соглашений		Чистая стоимость предмета соглашения, млн руб.		Число соглашений		Чистая стоимость предмета соглашения, млн руб.	
	2008	2009	2008	2009	2008	2009	2008	2009
Всего	1861	1767	61 028,6	60 775,4	1735	1554	93 731,0	83 181,8
Страны СНГ	490	487	4100,1	4718,9	236	228	6301,8	2121,6
…								
Страны ОЭСР	950	903	20 498,7	17 613,8	1321	1152	70 152,3	68 017,2
…								
Австралия	5	4	3,9	3,1	2	2	26,4	0,8
Австрия	14	16	58,6	52,2	68	62	8526,5	10 356,8
Германия	172	167	3192,3	3308,2	331	262	11 380,4	11 222,7
…								
Корея	58	52	3535,5	3606,8	9	10	401,9	242,4
Нидерланды	64	52	2208,1	878,5	71	61	6565,5	3558,8
США	147	128	4103,9	2900,4	153	146	10 379,1	10 686,6
Турция	18	16	184,6	296,7	11	9	4289,9	4262,2
Финляндия	47	40	315,2	194,2	72	88	1783,1	1429,9
Франция	91	71	1191,6	2220,6	53	33	3325,6	492,7
…								
Другие страны	421	377	36 429,8	38 442,7	178	174	17 276,9	13 043,0

ректировать» «Стратегию–2020» приведет к действительным изменениям. На мой взгляд, ошибки «Стратегии–2020» таковы:

1. Стратегия разрабатывалась и принималась как общенациональная стратегия развития, хотя по сути являлась частной, социально-экономической концепцией, разработанной МЭРом. Она не выходила за рамки этой частной концепции ни по масштабу оценки национальных интересов, ни целей, ни распределения ресурсов. Не было и общественной поддержки. О этом свидетельствуют данные соцопросов, проведенных ВЦИОМ, о реальных действиях в этом направлении[36] (рис. 9–11).

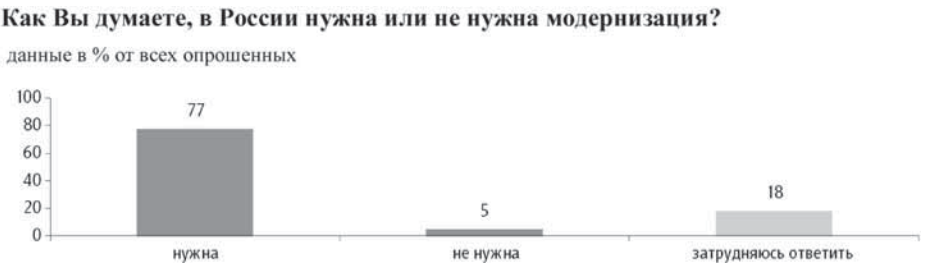


Рис. 9.

Рис. 10.

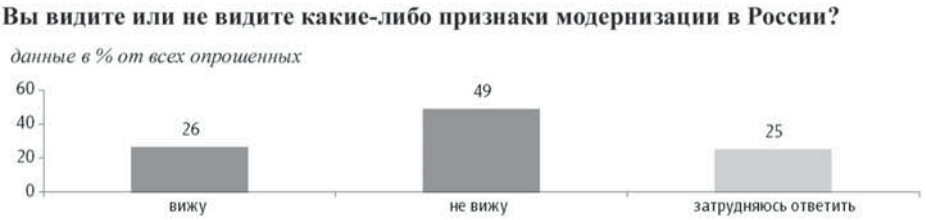


Рис. 11.

На основе сравнения ответов «модернизация в России нужна» и «вижу признаки модернизации в России» со средними значениями по России в целом построена типология регионов «Спрос на модернизацию в России».

4 типа регионов:

Тип 1 «говорят, что нужна — чаще, видят признаки — чаще»: субъекты, в которых респонденты чаще, чем по РФ в целом, говорят, что модернизация в России нужна, и чаще видят ее признаки.

Тип 2 «говорят, что нужна — чаще, видят признаки — реже»: субъекты, в которых респонденты чаще говорят, что модернизация в России нужна, но признаки модернизации видят реже, чем по РФ в целом. **Тип 3 «говорят, что нужна — реже, видят признаки — чаще»:** субъекты, в которых респонденты реже говорят, что модернизация в России нужна, но признаки модернизации видят чаще, чем по РФ в целом. **Тип 4 «говорят, что нужна — реже, видят признаки — реже»:** субъекты, в которых респонденты реже, чем по РФ в целом, говорят, что модернизация в России нужна, и реже видят ее признаки.

Типология регионов

Табл. 12. Тип 1: «говорят, что нужна — чаще, видят признаки — чаще»

данные в% от опрошенных в субъекте	нужна модернизация в России	вижу признаки модернизации в России
Оренбургская область	85	48
Еврейская автономная область	86	46
Республика Татарстан	87	45
Республика Коми	81	38
Республика Марий Эл	87	38

продолжение таблицы

Республика Башкортостан	82	37
Ханты-Мансийский автономный округ	84	37
Магаданская область	81	36
Астраханская область	83	35
Брянская область	85	34
Удмуртская Республика	88	32
Челябинская область	82	32
Кемеровская область	79	30
Вологодская область	80	30
Липецкая область	80	30
Пермский край	82	30
Новгородская область	78	29
Республика Хакасия	78	29
Хабаровский край	78	28
Среднее значение по типу 1	**83**	**35**

Табл. 13. Тип 2: «говорят, что нужна — чаще, видят признаки — реже»

данные в % от опрошенных в субъекте	нужна модернизация в России	вижу признаки модернизации в России
Алтайский край	80	21
Ленинградская область	79	15
город Москва	84	23
Московская область	81	25
Орловская область	87	16
Пензенская область	84	17
Ростовская область	83	26
Рязанская область	79	23
Самарская область	79	20
город Санкт-Петербург	79	19
Смоленская область	82	25
Тульская область	80	22
Тюменская область	81	24
Ульяновская область	79	23
Среднее значение по типу 2	**81**	**21**

Табл. 14. Тип 3: «говорят, что нужна — реже, видят признаки — чаще»

данные в % от опрошенных в субъекте	нужна модернизация в России	вижу признаки модернизации в России
Амурская область	77	30
Архангельская область	77	34
Воронежская область	75	26
Забайкальский край	74	31
Калужская область	76	28
Кировская область	72	29
Краснодарский край	68	36
Красноярский край	77	28
Мурманская область	67	35
Сахалинская область	76	30
Свердловская область	75	27
Томская область	64	33
Среднее значение по типу 3	**73**	**31**

Табл. 15. Тип 4: «говорят, что нужна — реже, видят признаки — реже»

данные в % от опрошенных в субъекте	нужна модернизация в России	вижу признаки модернизации в России
Белгородская область	67	21
Владимирская область	71	19
Волгоградская область	72	17
Ивановская область	74	26
Иркутская область	69	15
Калининградская область	69	16
Камчатский край	60	17
Республика Карелия	76	26
Костромская область	69	19
Курганская область	69	17
Курская область	76	25
Республика Мордовия	71	22
Нижегородская область	71	17
Новосибирская область	71	25
Омская область	74	26

продолжение таблицы

данные в % от опрошенных в субъекте	нужна модернизация в России	вижу признаки модернизации в России
Приморский край	57	20
Псковская область	71	24
Саратовская область	75	21
Ставропольский край	75	23
Тамбовская область	54	17
Тверская область	74	14
Чувашская Республика	77	25
Ярославская область	74	26
Среднее значение по типу 4	**70**	**21**

	нужна модернизация в России	вижу признаки модернизации в России
РФ в целом	77	26

Поэтому сегодня нужна не корректировка, а новая «Стратегия общенационального развития», формулирующая цели, трактующая национальные интересы и мобилизующая элиту и общество, в том числе на комплексное и полное использование ресурсов.

«Стратегия развития» должна быть идеологией. Как справедливо заметил С. А. Емельянов, «Для соединения передовых социальных идей с тем социальным слоем, на который власть опирается, необходимо, очевидно, чтобы сами эти идеи (по крайней мере, косвенно) были связаны с научными достижениями эпохи и еще более тесно связаны **с идеологией**.

Наука позволяет познать объективные законы общественного развития (и в определенной мере их национальную специфику) и в тесной связи с идеологией сформировать и внедрить в общественное сознание те или иные **социальные идеалы**, соединяя их с обыденными **целями** и социальными „геномами“ людей. Таким образом, „инстинктам масс“ дается теоретическое обоснование, и обыденный уровень общественного сознания поднимается до теоретического, что и позволяет субъектам истории делать правильный исторический выбор на её „развилках“ (в точках „бифуркации“)»[37].

Нации нужна общенациональная идеология, сочетающая традиции и предыдущие лучшие достижения с новейшими реалиями.

В 2011 году «корректировка» «Стратегии–2020» основывалась, как и в 2008 году, на неолиберальной идеологии. Более того, Д. Медведев попытался не только сохранить, но и зафиксировать идеологически такую приверженность, заявив, например, 3 марта 2011 года о свободе как главной ценности развития.

На самом деле при разработке новой «Стратегии» необходимо было бы переосмыслить прежде всего цели развития нации, заявить о её фундаментальных ценностях, а не ограничиваться фиксированной приверженностью «общеевропейским ценностям». Так, прежде всего — и это самое главное — нужно сформулировать в качестве главной цели развитие НЧП, — как в его количественном (демографическом), так и в качественном измерении. Сделать эту цель целью модернизации.

Кроме того, необходимо перераспределить имеющиеся ресурсы в пользу этой цели и мобилизовать неиспользуемые ресурсы и резервы нации, прежде всего ее социальный потенциал.

2. Важно отметить, что впервые авторами «Концепции–2020» в 2008 году была предпринята попытка создания концептуального документа, а не простой макроэкономической и инерционной экстраполяции, хотя избавиться от прежних ошибок полностью и не удалось. Проект в итоге получился хотя и противоречивым, «гибридным», но уже не таким искусственным, инерционным, псевдотехнологичным, как прежние варианты. Главное — предпринята ясная попытка обосновать способы реализации политических приоритетов, сформулированных высшим политическим руководством. Пусть эти цели не вполне корректны, а методы неэффективны.

В течение многих лет я выступал за то, чтобы элита выбрала интенсивный вариант развития. Это должно быть именно **политическое решение**. Так, в одной из своих забот — «XXI век: стратегия для России», написанной в 2004 году», я писал: «Эта книга посвящена **будущему** России. Мы спорим о настоящем, переписываем историю, но при этом мало говорим о будущем. А между тем, такой разговор очень нужен. Мы должны представлять себе более или менее ясно, **каким** будет мир через 15–20 лет. **Какое место** будут занимать в нем те или иные страны и, конечно же, Россия.

И эти политические вопросы должны быть не только поставлены. На них должны быть даны внятные ответы. Что делается неплохо в США и отлично в Китае.

Как признают, например, авторы одного из американских прогнозов, «К 2020 году карта мира может радикально измениться». Действительно, по их оценкам, кроме, безусловно, мирового лидера США, на мировую арену выйдут еще три ведущих «игрока» — Китай, Индия и страны Евросоюза. Численность их населения будет приближаться к 1,5 млрд человек, а экономические потенциалы — сопоставимы с США.

Россия к тому времени — если сохранятся нынешние тенденции — отойдет на второй, даже третий план. Численность населения может сократиться до 110 млн человек (менее 10% от Китая, Индии, 20% — Европы и 25% от предполагаемой в США), а экономический потенциал — на 5–10%. Россия, ма-

Табл. 16. Вероятность умереть на протяжении жизни от основных классов причин смерти в России и на Западе

	Мужчины		Женщины	
	Россия, 2006	Запад, 2005	Россия, 2006	Запад, 2005
Все причины	1000	1000	1000	1000
в том числе:				
Инфекционные и паразитарные болезни	23	21	7	20
Новообразования	132	273	122	208
Болезни системы кровообращения	496	337	671	382
Болезни органов дыхания	51	127	23	117
Болезни органов пищеварения	43	37	35	38
Прочие болезни	74	140	85	198
Внешние причины смерти	182	65	58	37

лонаселенная, но богатая природными ресурсами, окажется зажатой между гигантами. Не грозит ли ей участь Польши, поделенной в XVIII веке крупными европейскими державами?»[38]

Авторы «Стратегии–2020» не дали ответа на эти вопросы. Боюсь, что не дадут они таких ответов и в модернизированном варианте, который опять будет выглядеть вполне технологично, избегать политико-идеологических оценок, но, в конечном счете, в качестве стратегии окажутся бесполезны, и именно по этим причинам.

3. Нации нужен привлекательный образ будущего. Особенно после кризиса 2008–2011 годов, когда у значительной части элиты и общества сформировалась установка на то, чтобы любыми способами уехать из страны. «Отток» — уже не богатых, наворовавших и криминалитета, а профессионально подготовленных представителей различных социальных групп принял в 2010–2011 годах характер эпидемии. Граждане не верят, что у России есть лучшее будущее, что у нее есть будущее вообще. Поэтому спешат учить детей, покупать собственность на Западе (где она, кстати, дешевле, чем в России), в конечном счете уезжают из страны ежегодно сотнями тысяч. Россия теряет уже не только капиталы, но и свои лучшие мозги. В этой связи мы должны ясно ответить на вопрос: готовы ли мы принять **такое будущее**? Согласны ли мы с тем, что внутренняя нестабильность, отсталость и потеря контроля над огромными ресурсами станут нашей участью в ближайшие десятилетия? Мы должны ясно, консолидированно сформировать позицию нации по этому вопросу. Наверняка найдутся те, кто согласится с такой перспективой. Но, уверен, большинство нации не смирится с потерей суверенитета и национальной идентичности. И это должно стать **главной** реальной целью долгосрочного развития.

Не смирится большинство нации и с растущим отставанием России по ключевым критериям национального человеческого потенциала, например, в здравоохранении, где подобное отставание ежегодно выражается в конкретных причинах смерти миллионов граждан. Что видно, например, из следующих данных (табл. 16)[39].

Нужен внятный стратегический (идеологический) прогноз и убедительное стратегическое планирование, способные показать национальную перспективу. Экстраполяции, тем более консервирующие на десятилетия отсталость России, скорее вредны, чем полезны.

4. Без ясного представления о **желаемом**, о цели, результате невозможен прогноз. Без прогноза невозможен план действий. Без плана нет **механизмов** его выполнения. А без всего этого нет **стратегии** развития нации, общества и государства. Идти от обратного нелепо, нелогично и неправильно. «И такой стратегии сегодня **действительно нет**. Нет ни анализа перспектив мирового развития, ни внятно сформулированного собственного курса»[40]. Так я писал в 2004 году.

К 2008 году многое изменилось. Уверен в том, что если бы ни кризис, то (пусть с опозданием), но мы вышли бы на постановку этих задач неизбежно уже в 2008 году. Кризис заставил вновь вернуться к «ручному управлению», характерному для 2000–2007 годов. И к такому же уровню понимания проблем в 2011 году, каким он был в 2008 г. От которого только-только начали уходить. Развитие, тем более опережающее, ускоренное, невозможно на «ручном управлении» и при старой либеральной модели. Требуется не только управлять одновременно миллионами человек, но и действовать максимально слаженно и быстро. Это возможно только в том случае, если в основе всех механизмов управления находится идеология, прежде всего, общность интересов управляющей элиты, единство в понимании общих целей, перспектив развития и механизмов достижения поставленных целей.

5. При разработке новой «Стратегии» необходимо наконец-то сменить команду экспертов, которая с начала 1990-х годов остается прежней. Эти люди доказали свою несостоятельность. Их ошибки, многократно повторены, но никто из них не несет за них ответственность. Ни моральную, ни политическую, ни нравственную, ни научную.

Эти же люди в лучшем случае смогут выдать те же идеи. Не надо на этот счет заблуждаться. Нужны новые люди, прежде всего идеологи, философы, а потом уже экономисты.

6. Сегодня существует еще значительная **разница** между стратегией развития России до 2020 года, сформулированной политическим руководством страны, и проектом концепции социально-экономического развития, которая разработана в качестве детализации этой стратегии МЭРом. Это различие **политическое,** хотя оно и выражается, прежде всего, в терминологической путанице, которая отражена в тексте. Так, если цель Концепции сформулирована вполне корректно, то задачи, конкретизирующие эту цель, — очень сомнительны. Под такими задачами, например, понимается «определение стратегии — способов, направлений и этапов», «определение целей…, приоритетов и основных задач», «определение приоритетов … внешнеэкономической деятельности» и т.д., т.е. всё то, что относится к стратегии и политике, а не к концепции.

Напомним, что стратегия — **политический документ,** формулирующий прежде всего приоритеты национальной политики, её цели и конкретные задачи. Стратегия основывается на базовых принципах и приоритетах, имеющих общенациональное значение, т.е. **на идеологии**. Идеологические и политические аспекты в первой половине 2008 года уже были сформулированы В. Путиным и Д. Медведевым, а потом — в 2009–2011 годах многократно подтверждены. Но не в ясной форме, не в форме идеологии как совокупности идей и приоритетов, а в форме публичных выступлений, пиара.

Таким образом, получилось, что формулировать концепцию развития начали без прочного и ясного фундамента (идеологии) и без основных несущих конструкций (стратегии). И кризис 2008 года это наглядно показал: Концепция устарела **до ее утверждения**. Таким образом, данная концепция — всего лишь попытка социально-экономической экстраполяции некоторых идей стратегии, имеющая очень субъективное (как часто показывает, к сожалению, практика, неверное) представление экспертов МЭР. Смешивать две области — политическую и социально-экономическую — стратегию и тактику, две компетенции — неверно.

Но и после кризиса, в 2011 году, мы остались на уровне понимания 2008 года.

7. Это противоречие в современных российских условиях подготовки и принятия подобных решений, на мой взгляд, пока оказывается непреодолимым. В лучшем случае в ближайшем будущем оно приведет к тому, что политические идеи стратегии останутся декларациями, а в худшем –такая концепция может стать реальной основой для фактической корректировки политических приоритетов и выбора неверного вектора социально-экономического развития.

Так, в проекте «Концепции» МЭР констатирует, что «в 2007 году объем ВВП составил к уровню 1991 года 110%», что расходится с логикой, прежними официальными заявлениями и здравым смыслом. Действительно, если до 2000 года ВВП снижался, а затем вырос примерно на 80%, то это утверждение равносильно политическому признанию полного восстановления экономического потенциала страны. И действительно, ниже МЭР признает, что «Россия **восстановила** статус мощной экономической державы». Притом, что далее в «Концепции» пишется, что душевой ВВП в России составляет (по ПСС) «13,7 тыс, долл, или 42% от среднего уровня стран ОЭСР».

Но этот показатель никак не соответствует показателю «мощной экономической державы», как, впрочем, и другим показателям! Вряд ли целесообразно в Концепции брать на себя политические оценки. Тем более что они весьма спорные. Думается, что приоритеты, оценки и установки должны остаться за «Стратегией» и политическим руководством страны.

8. Целесообразно, на мой взгляд, в «Стратегии развития» еще раз «развести» политические идеи и стратегические установки, с одной стороны, с социально-экономическим содержанием, которое должно **конкретизировать эти установки**. А не существовать сами по себе. Так, в выступлении на расширенном заседании Госсовета 08.02.08 г. (а до этого, в феврале 2007 года в статье Д. Медведева) В. Путин подчеркнул несколько идей, связанных с такой стратегией, но требующих конкретизации именно в «Концепции». Идей, безусловно, **политических,** а не экономических или социально-экономических:

Во-первых, эта стратегия будет означать «качественно иной этап в развитии страны». Сказанное означает, что Россия переходит именно на новый, причем **качественно новый, этап своего** развития. Причем в «Стратегии» говорится без конкретизации этих важнейших качественных особенностей. Например, приоритета в развитии НЧП.

Ясно, однако, что выделение качества этого этапа **предполагает неизбежный отказ** от сложившихся в период кризиса представлений, существующих норм, правил и тенденций. Но этого-то, как раз, и не произошло. Как справедливо заметил Р. Гринберг, «Зато вопреки всякой логике в **самом плачевном**

состоянии оказались у нас как раз те сферы, которые в развитых странах являются барометром общественного и экономического «здоровья»: наука, образование, культура, здравоохранение — те самые четыре основные позиции, которые ради собственного блага должно систематически поддерживать государство. Как это ни парадоксально, **недооценка значимости этого фактора многократно возросла в постсоветский период**, после воцарения идеологии пришедших к власти рыночных волюнтаристов. Между тем положение дел обстоит просто и понятно: если не будет культуры, образования, науки, здравоохранения — не будет в стране здоровья ни в чем, в том числе и в экономике. Расходы на эти четыре сферы надо повысить хотя бы до среднего уровня в Евросоюзе. Но это тоже проблема политического решения»[41].

Во-вторых, отказаться от вариантов «догоняющего» развития. Будь то «экстенсивный» или «интенсивный» сценарий[42]. Сегодня нужен (и возможен) качественный скачок в развитии общества, экономики. Но прежде всего НЧП.

В-третьих, нужна мобилизация и наиболее эффективное использование всех национальных ресурсов, а не только финансов, на чем сосредоточено внимание нынешней элиты.

В-четвертых, нужен эффективный политико-идеологический прогноз и соответствующее стратегическое планирование.

В-пятых, нужна национальная консолидация и мобилизация.

Все вместе взятое это и будет действительной «Стратегией развития» нации, а не «Стратегией социально-экономических программ».

4. Основные особенности новой социально-экономической стратегии развития России

Одна из центральных ошибок в преобладающем у нас подходе к осуществлению модернизации — желание решать проблему частями поэтапно, а не комплексно[43].
Р. Гринберг

В прошлом году (2010 г.) впервые запоследние 15 лет население страны выросло на 10,5 тыс. человек[44].
Правительство России

В отличие от естественных наук, общественные науки, идеология и действия элиты могут не носить объективный характер и не отражать потребности общества и нации. Именно так и было в истории России последние годы, когда субъективные ошибки либералов год за годом заставляли действовать вопреки объективным общественным и экономическим законом. Как заметил академии РАН О. Т. Богомолов, «…**В обществе дело обстоит иначе. Законы общественного развития, формулируемые учеными, даже тогда, когда их знание ложно, могут быть взяты на вооружение государственной политикой, растиражированы СМИ, стать официальной идеологией, подчинить себе поведение миллионов людей и изменить саму природу общества, по крайне мере, на какое-то время**. Объект исследования оказывается в **зависимости от господствующей идеологии и теоретических воззрений.** Этим общественные науки отличаются от естественных, и поэтому их иногда называют в шутку «противоестественными».

История знает немало общественных деформаций. Думаю, что мы являемся свидетелями очередной из них. Но рано или поздно ошибочность господствующего общественного мышления и поведения обнаруживает себя, нередко через кризисы, катаклизмы, революционные взрывы, и научная истина, остававшаяся непризнанной, **берет верх в сознании политической элиты и общественности**»[45].

Основной политической особенностью формирования новой стратегии социально-экономического развития в 2011 году стала активизация либералов, заявивших новые претензии на политическую власть. Эта тенденция настойчиво связывалась с именим Д. Медведева, но на самом деле ее главными моторами стали представители финансово-экономической правящей элиты в администрации и правительстве — А. Кудрин, И. Шувалов, А. Дворкович.

В интеллектуальной области также произошла активизация либералов. Часть из них, во главе с В. Мау и Я. Кузьминовым, формально возглавили группу из более 1000 экспертов по доработке «Стратегия–2020», другая часть — во главе с И. Юргенсом — представляли независимые центры, наконец, третья — партийные структуры «Единой России» и аффилированные с партией клубы.

Объединяло эти достаточно разрозненные силы два обстоятельства. Во-первых, как говорил И. Юргенс, «совпадение на 70%» основных рекомендаций, а, во-вторых, некритичное отношение к результатам собственных рекомендаций и последствиям реализации в социальной политике «либеральной традиции». Как справедливо заметил А. Ципко, «**Доклады**

ИнСоРа, посвященные демократии в России, что я попытался выше доказать, прежде всего отражают отсутствие у нашей элиты серьезной заинтересованности в оздоровлении политической и морально-психологической ситуации в России. Пока что мы являемся свидетелями **откровенной борьбы за власть между различными отрядами нашей политической элиты. В начале нулевых была борьба между либеральными и силовыми отрядами команды Путина**, сейчас дифференциация носит куда более сложный характер. Но я не могу не обратить внимания на то, что из-за корпоративных партийных интересов этих группировок никто всерьез не анализирует то, от чего страдает население и что на самом деле угрожает будущему России. Медицинский факт. В докладах ИнСоРа **никогда всерьез не анализируются причины углубляющегося раскола между теми, у кого и деньги, и дома, и дети за границей**, и теми, кто вынужден соприкасаться ежедневно с уродствами нашей новой русской жизни. Авторы ИнСоРа в силу своих политических привязанностей никогда не исследуют драматические ошибки команды Ельцина и никогда всерьез не анализируют причины социального недовольства тех, кто оказался внизу. Ничего не говорится в этих докладах всерьез о состоянии преступности, о галопирующем росте наркозависимых, о моральном разложении, деградации целого ряда слоев населения»[46].

На совещании с руководителями экспертных групп по доработке «Стратегии–2020» 16 февраля 2011 года В. Путин заявил: «…2012 год — это новый этап в развитии экономики, социальной сферы России. К этому времени должны быть приняты основные законопроекты. При этом нужно совершенствовать основные механизмы достижения целей…»[47]. Как видно, цели, приоритеты «Стратегии» **не ставятся** под сомнение[48], не считается нужным пересмотреть отношение элиты и к национальным интересам и ценностям. Что, к сожалению, обесценивает изначально все усилия по «доработке» «Стратегии».

Не ставится под сомнение и идеология политических и экономических реформ, хотя кризис 2008–2010 годов в очередной раз показал ее несостоятельность.

Не ставятся под сомнение и ее разработчики, хотя они также не раз за последние 20 лет доказывали свою несостоятельность.

Речь идет в конечном счете только о совершенствовании «механизмов» — законов и других инструментов, хотя вопрос об их возможной модернизации, на мой взгляд, остается открытым: тюнинг «Жигулей» не превратит их в «Мерседес».

В этой связи в «Концепции» было бы необходимо выделить социальные и экономические **особенности** этого нового этапа послекризисного развития России.

Во-первых, «Стратегия–2020» доказала свою бесполезность, даже вредность. Результаты 2008–2010 годов — плачевны. Общество и экономика в России развивались не «по стратегии», а сами по себе. Нередко даже вопреки стратегии. Так, например, при общем сокращении доходов граждан за 2008–2010 годы и в целом за весь период с 1990 года, численность собственных автомобилей выросла почти в четыре раза. Такими же темпами росла и численность находящихся в домашних хозяйствах компьютеров (в 9 раз), в целом товаров длительного пользования. Причем даже в бедных слоях населения был замечен рост (табл. 17–19).

Во-вторых, новая «Стратегия» (и, как следствие, — «Концепции») будет фактически означать «выбор дальнейшего пути развития России». Очевидно, что «выбор пути» развития страны — это уже не экономический выбор, **а выбор политический, даже цивилизационный.** Соответственно и «Концепция долгосрочного развития» имеет уже не столько социально-экономическое, сколько политическое и цивилизационное значение. В состоянии

Табл. 17. Наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; на конец года; на 100 домохозяйств; штук)

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Телевизоры	134	124	126	129	133	135	138	144	149	154	160
Видеомагнитофоны, видеокамеры	15	48	50	54	57	62	66	67	62	60	58
Магнитофоны, плееры	77	66	58	58	57	54	53	54	50	45	44
Персональные компьютеры	…	**6**	7	10	13	20	26	33	40	47	54
Музыкальные центры	2	12	16	21	24	28	34	36	38	38	39
Холодильники, морозильники	116	**113**	113	114	114	114	117	118	119	121	123
Стиральные машины	100	98	93	93	93	94	97	99	100	100	101
Электропылесосы	77	82	75	77	78	80	84	87	88	89	92
Швейные, вязальные машины	74	73	63	62	60	58	60	58	57	54	53

Табл. 18. Наличие предметов длительного пользования по группам населения с различным уровнем располагаемых ресурсов в 2009 г. (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; на конец года; на 100 домохозяйств; штук)

	Группы населения в зависимости от уровня располагаемых ресурсов				
	первая (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими располагаемыми ресурсами)
Телевизоры	**135**	145	158	179	171
Видеомагнитофоны, видеокамеры	43	51	56	69	67
Магнитофоны, плееры	39	43	45	49	45
Персональные компьютеры	**33**	43	54	70	62
Музыкальные центры	29	34	39	50	40
Холодильники, морозильники	111	117	124	130	128
Стиральные машины	96	98	102	104	105
Электропылесосы	80	88	94	99	97
Швейные, вязальные машины	46	49	53	58	53

ли МЭР или даже несколько министерств ответить на этот вызов?

В-третьих, В. Путин признал, что «мы пока что лишь фрагментарно занимаемся модернизацией экономики». Это весьма критическое по отношению к себе признание несет совершенно определенный политический контекст: не только констатацию факта, но и скрытое обязательство перейти от фрагментарности **к системной** модернизации.

В-четвертых, в ней подчеркивается неизбежность, объективность изменения алгоритма уже не только экономического, но и государственного развития: «следуя нынешнему, инерционному сценарию, мы не сможем ни решить социальных задач, ни задач развития, ни обеспечить безопасность страны».

Сказанное означает, что не только социальные вопросы, но и вопросы безопасности, даже **выживания нации поставлены им в зависимость от того, как быстро страна перейдет от инерционного к инновационному сценарию.**

В-пятых, темпы инновационного развития должны быть «кардинально выше тех, что мы имеем сегодня». Это признание означает, что даже относительно высокие темпы роста ВВП (включая рост в 8,1% в 2007 г.) уже не устраивают. Политическое руководство видит возможность, более того необходимость, их «кардинального увеличения». Речь, видимо, идет о темпах, как минимум, выше 8,1%.

С политической точки зрения сказанное означает как понимание того, что страна подошла и к принципиально новому этапу своего развития, и необходимости ещё более «радикально» ускорить темпы этого развития и — главное — его качество.

На практике это признание **пока не получило своей** дальнейшей конкретизации. В частности в «Концепции социально-экономического развития». Из сказанного в «Стратегии» пока лишь вытекает, что предполагается достижение следующих количественных показателей к 2020 году:

— снижение уровня смертности в 1,5 раза и увеличение продолжительности жизни до 75 лет;
— увеличение доли среднего класса до 60–70%;
— увеличение производительности труда «в основных секторах экономики» как минимум в четыре раза.

При этом В. Путин подчеркнул, что в результате широкого обсуждения планов развития страны «Правительством должна быть принята концепция социально-экономического развития до 2020 года», а также «конкретный план действий» («пошаговый план») по всем направлениям, в которых, следуя логике, социальные и экономические цели «Стратегии» будут уточнены.

Таким образом, следуя логике политического руководства, именно концепция Правительства и «пошаговый план» должны не только экономически, но и (что главное) **политически конкретизировать стратегию** развития России до 2020 года. Причем именно с такими масштабными заявками, на которые обратил внимание В. Путин. Простая экстраполяция, макроэкономический сценарий, инерционные подходы, сохраняющиеся в «Концепции» МЭРа, уже не могут устроить общество. В нем уже чувствуется, что есть политическая воля по-иному расставить экономические и финансовые приоритеты, а именно — в зависимость от политической воли, но практическая реализация этой установки происходит лишь отчасти.

Простой пример. Основной критерий оценки уровня развития страны сегодня — это показатель душевого ВВП. Какой показатель мы хотим иметь к 2020 году в России? Пока что говорится о том, что «мы опередили Италию и Францию по объему ВВП в пересчете на ППС». Но ведь численность населения

Табл. 19. Число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения по субъектам Российской Федерации* (на конец года; штук)

	1970	1980	1990	1995	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Российская Федерация	5,5	30,2	**58,5**	92,3	130,5	145,8	153,2	159,3	169,0	177,8	195,4	213,5	**220,8**
Центральный федеральный округ		**28,2**	**56,1**	**95,3**	**140,4**	**162,7**	**168,2**	**175,1**	**188,8**	**199,4**	**215,4**	**236,5**	**243,1**
Белгородская область	3,5	28,3	66,5	99,1	136,5	157,3	145,3	152,7	160,4	169,6	184,6	203,2	208,7
Брянская область	1,7	16,5	32,0	37,7	58,3	66,9	70,8	77,2	82,2	89,3	98,8	115,0	119,8
Владимирская область	3,1	25,5	45,2	69,3	104,6	118,0	124,0	129,7	138,8	147,0	165,3	184,2	194,0
Воронежская область	5,3	34,1	77,8	106,9	166,8	175,8	175,9	183,7	185,1	185,5	205,4	224,7	229,4
Ивановская область	3,8	20,5	40,7	58,1	97,5	92,9	101,6	106,4	117,1	124,7	140,2	151,3	154,7
Калужская область	4,7	27,7	55,6	80,7	114,9	126,7	136,2	145,4	162,7	176,5	189,1	215,8	227,5
Костромская область	2,1	20,5	47,6	64,4	97,9	114,7	117,5	123,7	134,1	149,1	164,4	192,1	192,9
Курская область	2,6	16,4	34,6	48,7	110,3	121,9	126,5	133,0	140,7	150,1	165,7	183,0	191,2
Липецкая область	3,4	24,7	53,8	77,6	132,3	142,6	153,6	162,8	172,9	189,1	202,5	224,6	237,5
Московская область	8,6	31,1	57,6	100,1	144,5	196,4	200,5	206,9	232,3	241,0	261,1	284,0	289,8
Орловская область	3,0	24,2	51,1	76,2	114,5	131,0	133,4	145,2	161,7	178,6	179,1	185,7	180,0
Рязанская область	3,4	24,3	47,6	72,2	112,8	133,1	141,6	150,6	160,0	176,5	193,4	254,3	265,2
Смоленская область	3,1	25,7	50,7	79,7	102,8	112,6	116,7	119,0	174,5	183,8	203,3	228,6	238,2
Тамбовская область	2,5	21,3	46,9	74,8	127,1	145,0	148,5	151,5	153,7	159,7	174,5	193,2	202,4
Тверская область	3,0	21,6	42,6	67,7	117,7	135,8	137,9	145,3	158,0	168,9	183,1	195,6	208,1
Тульская область	4,7	26,0	49,6	81,0	115,8	127,9	138,9	148,6	171,9	175,7	195,1	226,7	234,6
Ярославская область	3,2	20,8	42,4	67,1	98,6	103,7	107,7	119,0	130,1	140,4	149,7	172,0	176,1
г. Москва	14,3	37,2	69,8	142,3	189,1	210,4	218,9	224,2	232,8	246,5	261,4	278,7	284,1
Северо-Западный федеральный округ		**25,9**	**50,5**	**97,7**	**146,4**	**159,2**	**165,0**	**172,8**	**183,4**	**201,2**	**220,5**	**239,1**	**245,7**
Республика Карелия	2,5	24,1	56,4	112,4	155,2	172,7	189,6	191,7	192,7	200,6	218,9	235,2	242,7
Республика Коми	3,1	23,7	46,0	78,2	110,5	125,8	131,4	136,6	151,2	163,5	175,3	188,3	196,4
Архангельская область	1,7	16,9	37,5	63,6	90,4	105,7	106,0	115,3	123,0	134,5	150,5	170,1	174,9
в том числе Ненецкий автономный округ	0,8	6,6	27,8	47,6	59,4	88,9	96,7	104,9	114,4	128,0	143,2	152,2	173,1
Вологодская область	2,1	18,6	39,0	62,2	114,9	130,1	135,6	151,0	163,2	178,5	202,2	221,1	224,2
Калининградская область	5,8	32,0	60,8	136,6	205,7	217,6	221,0	227,4	235,0	259,4	269,4	278,8	285,1
Ленинградская область	4,5	21,6	44,4	88,4	138,1	154,9	160,5	167,2	179,3	197,6	221,3	245,6	255,8
Мурманская область	5,1	33,4	59,5	117,4	143,8	153,3	141,5	147,2	153,2	160,9	173,4	185,3	186,6
Новгородская область	3,8	23,4	42,6	71,8	101,8	111,2	119,7	126,1	139,8	155,0	168,5	196,7	202,4
Псковская область	3,1	28,6	56,3	84,0	120,5	126,8	121,9	130,9	148,7	175,5	185,3	202,4	210,9
г. Санкт-Петербург	10,4	30,3	56,1	118,0	180,3	190,6	201,5	209,1	219,9	241,6	266,0	285,1	291,8

и душевой ВВП у нас почти в три раза больше! И какой ВВП — душевой, страновой, региональный — нам нужен? Который есть **сегодня** в развитых странах? Или который будет в этих странах к 2020 году? Пока что в прогнозе МЭР фигурирует цифра 30 тыс. долл., которая соответствует примерно уровню развитых стран … на 2007 год (хотя прогноз роста ВВП страны до 2020 г. МЭР лишь удваивает его). Означает ли это, что МЭР «ставит задачу», чтобы в 2020 году граждане России жили так же как испанцы в 2007 г.? Но ведь это программирование отставания на десятилетия!

Принципиально другой подход — формулирование задачи достичь, например, уровня Германии 2020 года, т.е. всего лишь «стать как все европейцы». Но тогда эта политическая задача должна стать **целью,** сформулированной в концепции социально-экономического развития. Если в качестве ориентира поставить душевой ВВП Германии, то можно предположить, что он будет расти на 2,5–3% в год и увеличится на 40–60% к 2020 году. То есть нынешняя разница по душевому ВВП с Германией в три раза должна быть ликвидирована с учетом **будущего роста немецкой экономики.** Кроме того, учитывая возможную численность населения в России, Германии, Франции и Японии к 2020 году, можно предположить, что наиболее объективно было бы сравнение России и Японии. В этом случае страновой ВВП и душевой ВВП в 2020 году отражали бы реальную мощь экономик этих государств. Можно ли это сформулировать в качестве **реальной политической цели, национальной идеи?** Ответы на эти вопросы должны быть ясно сформулированы в концепции социально-экономического развития, проект которой готовится в МЭР.

Тем более что основания для этого есть. Специалисты Института народнохозяйственного прогнозирования оценивают возможные темпы роста ВВП за 2008–2020 годы в 7,9–8,3%. Есть и еще более **оптимистические оценки, принятие или отрицание которых означает политический выбор** — между сохранением отставания или выравниванием уровней развития. Может ли этот выбор делать МЭР, либо даже несколько министерств?

Другими известными критериями (и задачами) могли бы стать рост доли наукоемкой продукции в мире и в собственной экономике. При том понимании, что сегодня она в России ничтожно мала (0,2–0,3%), но может и должна расти уже не в разы, **а десятки** раз, опережающими темпами по сравнению с развитыми странами. Нынешние темпы роста можно было бы назвать впечатляющими, если бы речь шла о 1980-х годах. Рост практически с нуля не должен программироваться в разы на 12 лет. Он может и должен расти в десятки раз.

Или рост расходов на образование, здравоохранение, науку, которые также должны расти опережающими темпами. Но ни первое, ни второе пока еще в качестве реального политического и бюджетного приоритета не сформулировано. В концепции МЭР планируется лишь **сокращение** отставания. Между тем опыт развития России последних лет показывает, что за эти годы некоторые показатели выросли в 10 и даже 20 раз. Причем без видимых усилий со стороны государства.

5. Опережающее развитие и личность

Величие науки должно уместиться в каждом ее представителе[49].
С. Лец

Напряжение, которое рвало жилы и истощало ресурсы,
принимали за работу модернизации…[50].
А. Аузан

Уже говорилось, что темпы развития личности, общества и его институтов стали главными факторами, определяющими не только темпы социально-экономического развития, но и уровень обороноспособности и безопасности государств.

Но эта зависимость ясно прослеживается на моделях, разработанных, например, исследователями МГИМО (У). Из них, в частности, видно, что трудности в отдельных промышленных отраслях и сельском хозяйстве ведут к росту инноваций. И, наоборот, увеличение патентных заявок ведет к стремительному увеличению доли инноваций.

Вместе с тем достаточно широко эти понятия были использованы уже в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р[51]. Одной из главных целей был провозглашен переход к инновационному социально-ориентированному типу экономического развития, специфика которого «состоит в том, что России предстоит одновременно решать задачи и догоняющего, и опережающего развития», ответить на «долговременные системные вызовы, отражающие как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития». К числу вызовов относятся: (1) «усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки

товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национального управления, поддержки инноваций, развития человеческого потенциала», причем «развитие глобальной экономической конкуренции сопровождается усилением геополитического соперничества, в том числе за контроль над сырьевыми, энергетическими, водными и продовольственными ресурсами»; (2) «ожидаемая новая волна технологических изменений, усиливающая роль инноваций в социально-экономическом развитии и снижающая влияние многих традиционных факторов роста»; (3) «возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития»; (4) «исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития, базирующейся на форсированном наращивании топливного и сырьевого экспорта, выпуске товаров для внутреннего потребления за счет дозагрузки производственных мощностей в условиях заниженного обменного курса рубля, низкой стоимости производственных факторов — рабочей силы, топлива, электроэнергии». Соответственно, успешная модернизация позволит «достичь уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан»[52].

Вот почему принципиально важно, чтобы роль этих факторов, их приоритетное значение должны в полной мере отражаться как в документах высшего порядка — политических и идеологических, — но и в концепциях более низкого (например, социально-экономического) уровня. Тех, которые призваны реализовать политико-идеологические установки.

Таким образом, важнейшим условием опережающего развития является **последовательное принятие идеологии, стратегии и концепции опережающего развития, в которых приоритеты развития потенциала личности** становятся на ведущее место. Именно они идеологически, политически и концептуально должны формировать **всю систему** действий государства, власти и общества.

Идеологической, политической доктрины и стратегии развития России в 2008 году (вплоть до послания Д. Медведева) выдвинуто так и не было. Что, естественно, ощущалось. Их место заняла разработанная МЭРом «Концепция социально-экономического развития», которая по понятным причинам не могла претендовать на идеологическую доктрину или стратегию развития. Не отвечала она в полной мере и на вопрос о стратегии социально-экономического развития России, хотя в обществе этот вопрос стоял достаточно остро. То есть она была не адекватна существовавшим вызовам. Еще в 2004 году я писал[53]: У России существует в реальности два сценария стратегического развития на ближайшие 10–15 лет в условиях глобализации. Причем разница между ними была принципиальной:

Первый сценарий — нынешний, внешне благоприятный, но инерционный. Он предполагает, что тенденции мирового развития и процессы в России будут продолжать развиваться так, как они проходили в последние годы. Это означает высокую вероятность того, что повторения провалов в экономике и других областях, происходивших в 1990–1998 годы, **не будет**. Не будет ни развала страны, ни ее дезинтеграции. Но **не будет и существенного подъема**, заметного улучшения, так как демонстрируемые темпы роста ВВП, структура экономики, состояние общества автоматически будут воспроизводиться и в последующие годы. Это приведет, как считают американские эксперты и специалисты многих других стран, «к дальнейшей маргинализации» России, к превращению ее в своеобразную «большую Португалию».

Надо понимать, что страна, обладающая такими показателями развития, **не сможет обеспечивать свой суверенитет над территорией и ресурсами**. Вероятный исход этого процесса очевиден — дальнейшая потеря суверенитета, регионализация и распад России по примеру СССР.

Разновидностью первого сценария является «амбициозный» вариант развития, предусматривающий увеличение темпов роста ВВП до 7–8% и улучшения других характеристик экономики и социальной жизни России. Можно с уверенностью констатировать, что руководство страны в 2005–2008 годы стремилось реализовать именно этот, «амбициозный» вариант. Во всяком случае все призывы В. Путина к «большей амбициозности» находили вынужденный отклик у управленческой элиты.

Кризис 2008 года подтвердил как тот факт, что «амбициозный» сценарий лишь вариант инерционного, так и то, что без стратегии, идеологии и адекватной концепции развития страна уверенно развиваться не может. Ни в периоды стабильности, ни, тем более, в периоды кризисов, когда особенно важно видеть за решением сиюминутных, тактических задач конкретную стратегическую цель. Так, устойчивое недофинансирование реального сектора экономики привело в период кризиса 2008 года к положению, когда опираться пришлось уже не на кризисный финансовый сектор, а на чудом уцелевшей реальный сектор экономики.

Возвращаясь к «амбициозному» сценарию, еще в 2005–2008 годы было видно, что в случае его реализации:

— **в экономической области** Россия к 2025–2030 годам войдет в **замыкающую группу развитых государств**, возможно, заняв 25–30 место по величине ВВП на душу населения при сохранении в целом отстающей структуры экономики и главное, качества жизни. Ее удельный вес в производстве наукоемкой продукции в мире

может несущественно вырасти (с 0,3% до 1–2%), но научно-техническое лидерство будет окончательно утрачено;

— **в политической области** Россия может сохранить ограниченный суверенитет и региональное влияние, окончательно расставшись со статусом одной из великих держав. При этом контроль над всей территорией страны и бывшим постсоветским пространством станет проблематичным. Конфликт на Кавказе в августе 2008 года подтвердил, что у России осталось ограниченное международное влияние и практически не было глобальных механизмов и ресурсов воздействия на мировое сообщество. Во многом это стало следствием экстенсивности развития;
— **в идеологической, культурной и духовной областях** влияние России в мире значительно ослабнет. Более того, традиционная система ценностей нации будет подвержена серьезным угрозам на собственной территории, прежде всего за счет экспансии неолиберализма и ислама. Все тот же конфликт на Кавказе высветил особенно ярко, что, отстаивая свои ценности и интересы, России придется противостоять огромному влиянию в информационно-культурной области Запада. Причем не только за рубежом, но и внутри страны.

Уже с 2005 года объективно существовал и другой выбор, другой сценарий. **Второй сценарий** предполагал инновационное развитие, когда удается радикально изменить тенденцию развития России. Речь шла о том, чтобы направить ее потенциал на **всемерное развитие потенциала личности во всех его формах**, сделав ставку на ускоренное прохождение информационно-технологической стадии развития и переход на интеллектуально-духовную.

Соответственно, в элите должны быть существенно изменены **критерии оценки общественного прогресса,** которые должны отражать качественное содержание интеллектуального, технологического, культурного и духовного потенциала общества. По существующей, традиционной шкале это может выразиться в:

— существенном изменении **качества жизни и переоценке роли человека** в экономике и политической жизни страны;
— ускорении темпов роста душевого ВВП до 15–25% и более процентов в год;
— изменении структуры экономики, а также обеспечении опережающего роста наукоемких технологий, переход к экономике знаний;

Надо признать, что с 2005 года наблюдалась эволюция во взглядах российской элиты в пользу второго (как его в 2008 году, стали называть «инновационного») сценария. Но — надо также признать — к середине 2008 года идеология элиты еще не прошла до конца весь этот естественный путь, остановившись где-то между «амбициозным» и «инновационным» вариантами. Кризис 2008 года застал Россию именно на этапе переосмысления обществом и элитой приоритетов и ценностей развития. Можно сказать даже на этапе попыток реализации инновационного сценария. Что в полной мере отражалось как на реализации Концепции долгосрочного развития, так и на попытках внесистемной нейтрализации последствий мирового кризиса.

6. Основные выводы

Постперестроечные российские руководители оказались во власти отсталой, инфантильно-провинциальной философии: «рынок всё отрегулирует сам». Он и отрегулировал: всё, что не обещало немедленного обогащения, было закрыто или заброшено»[54].

Р. Гринберг

Основной вывод, который можно сделать по итогам разработки и реализации «Стратегии–2020» и, в целом всей экономической политики последних десятилетий заключается в том, что экономика оказалась в руках не тех политиков. И дело не только в либеральной идеологии и в качестве нашей финансово-экономической элиты. Дело в том, что сама российская элита оказалась не восприимчива к тем глобальным изменениям, которые происходят в мире. Она оказалась не способна создать что-то своё, принципиально новое, национальное. Все ее способности сводились к некритическому повторению не самых лучших западных идей и авторов.

Для того чтобы создать что-то свое, качественно новое — продукт, услугу или идею — нужны способности и новая элита. Ее представители, конечно же, есть. Проблема в том, чтобы их допустили к власти.

1. Эти и другие примеры иллюстрируют, что основополагающие **политические приоритеты** стратегии развития России до 2020 года должны быть ясно сформулированы и в концепции и в прогнозе социально-экономического развития России, а также в том самом «пошаговом плане», о котором говорил В. Путин. При этом они могут и должны формулироваться обязательно **на политическом уровне, а не на уровне макроэкономической экстраполяции,** как это сегодня делает МЭР. Поэтому они должны быть разработаны (группой советников, экспертов) и предложены высшему политическому руководству

страны, за которым будет принятие окончательного решения.

Пример тому — оценки, сведенные в табл. 20 в прогнозе МЭРа[55]:

Заменить этот качественный анализ количественными моделями, как показывает весь опыт, нельзя. Это может быть сделано в предварительном порядке, например, в рамках **межведомственной** группы, ориентированной непосредственно на политическое руководство, которая может и должна привлекать как правительственных, так и независимых экспертов.

2. Кроме того, такая концепция социально-экономического развития в минимальной степени должна зависеть от инерционных макроэкономических прогнозов, которые, как показывает практика последних лет, **гораздо менее достоверны,** чем экспертные (качественные) оценки экспертов и политиков. Подобные прогнозы не просто инерционны, но и изначально ошибочны потому, что экстраполируют существующие тенденции, а **не формулируют политическую и экономическую задачу.** Более того, они изначально **сдерживают** потенциал развития.

Политические цели, тем более общенациональные сверхзадачи, **сначала** превращаются в прогноз, который затем становится стратегическим планом, конкретизирующим социально-экономические задачи, сознательно **формируя тенденции** развития, а не наоборот. Так, в Китае, например, сознательно устанавливают политическую задачу по темпам роста ВВП, корректируя её в ту, либо иную сторону.

3. Наконец, реализация намеченных целей предполагает изначально ответ на вопрос, **как** это сделать, который также лежит в **политической плоскости.** Наиболее эффективные меры (изменение денежно-кредитной и бюджетной политики, замораживание тарифов, отмена налогов, стимулирование производства и экспорта наукоемкой продукции, антимонопольная политика и др.) — это **политические решения высшего уровня,** требующие согласованных действий и плана всех ветвей власти. Без этого политическая стратегия и концепция социально-экономического развития будут неизбежно «расстыкованы».
4. И последнее. Долгосрочная стратегия и концепция социально-экономического развития не могут существовать **вне идеологии** и без информационной поддержки, которые становятся важнейшими политическими **элементами**

Табл. 20. Основные характеристики сценариев экономического развития

	Инерционный	Энергосырьевой	Инновационный
Инфраструктурные ограничения	Не преодолеваются	Преодоление энергетических барьеров роста и ограничений, связанных с транспортной инфраструктурой	
Конкурентные преимущества	Утрата ценовых преимуществ	Утрата ценовых преимуществ. Используется потенциал нефтегазового сектора и транзитный	Рост технологической конкурентоспособности и снижение энергоемкости
Изменение структуры экономики	Сохранение доминирования сырьевого сектора. Опережающий рост импорта	Закрепление доминирования сырьевого сектора. Развитие энергоемких производств. Рост импорта товаров и технологий	Диверсификация экономики. Рост доли высокотехнологичных отраслей и экономики знаний
Социальное развитие	Стагнация социальной сферы. Сохранение высокого уровня дифференциации по доходам. Доля среднего класса менее трети	Частичная модернизация социальной сферы. Усиление дифференциации по доходам, низкая доступность социальных услуг. Доля среднего класса менее половины	Рост инвестиций в человека и НИОКР. Снижение дифференциации. Доля среднего класса превысит половину населения
Региональный аспект	Сохранение региональной дифференциации	Рост регионального неравенства при формировании новых энерго-сырьевых кластеров на Урале, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке	Сокращение регионального неравенства. Формирование новых центров инновационного развития, в т.ч. в Поволжье, на Урале и в Сибири
Место в мировой экономике	Зависимость от импорта товаров и технологий. Периферийная экономика	Усиление зависимости от конъюнктуры сырьевых рынков и импорта товаров и технологий. Энергетическая сверхдержава. Развитие преимущественно двусторонних отношений и дистанцирование от глубоких форм интеграции	Специализация на рынках высокотехнологичной продукции. Реализация потенциала многосторонней интеграции и создание сильного евразийского регионального объединения

управления всеми государственными институтами, структурами и обществом, а также инструментом мобилизации общества. Реализация сколько-нибудь масштабной и долгосрочной стратегии без идеологической составляющей невозможна. Речь идет не только о пропаганде, но об общественной мобилизации, согласовании воли сотен тысяч управленцев, т.е. эффективном государственном управлении.

Иными словами, «Концепция» должна стать, во-первых, политическим документом, во-вторых, идеологическим, а, в-третьих, — правовым, обязательным для исполнения (может быть, как и бюджет, Федеральным законом).

5. Важно понимать, что организационные и институциональные изменения несут в себе инерцию, которую необходимо учитывать. Если слишком часто и резко менять стратегические установки, государственное управление перестает на них реагировать. Это произошло в современной России, где уже привыкли к резким и частым, но не обязательным изменениям. Как заметил А. Кокошин, «При произведении изменений в системах управления, направленных на повышение их эффективности, необходимо постоянно иметь в виду и возможные негативные последствия таких изменений. Одним из важнейших, практически невидимых извне параметров системы управления является институционная память организации. Для нашей страны с ее специфическими историческими традициями она является особо ценной. Во-первых, значительно меньшая часть вопросов деятельности организации отражается в нормативных документах, памятных записках, протоколах и т.п.; во-вторых, доля секретных и совершенно секретных документов (с далеко не всегда обоснованной засекреченностью) в отечественной системе стратегического управления традиционно намного выше, чем в подавляющем большинстве стран Запада, а документы с грифом имеют ограниченное хождение даже и внутри организации, существенно сужая число носителей институционной памяти»[56].

---

1 *Баталов Э.Я.* Революция. Бунт. Переворот // Независимая газета. 2011. 22 марта. С. 15.

2 *Расторгуев В.Н.* Политическое планирование в условиях «водного голода» // Вестник МГИМО(У). 2011. № 1 (16). С. 7.

3 *Андрианов В.Д.* Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления: история и современность. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 9.

4 *Богомолов О.Т.* Наши исследования не были напрасными // Мир перемен. 2010. № 3. С. 10.

5 *Карабущенко Н.Б., Иващенко А.В.* Элита: психологическая сущность, критерии, типологические особенности // Вестник РГНФ. 2010. № 4 (61). С. 101–103.

6 *Ивантер В.* Мы равны самим себе // Эксперт. 2010. 26 июля — 1 августа. С. 38.

7 *Карабущенко Н.Б., Иващенко А.В.* Элита: психологическая сущность, критерии, типологические особенности // Вестник РГНФ. 2010. № 4 (61). С. 93–104.

8 *Рогов К.* Третий цикл // Ведомости. 2011. 30 марта. С. 4.

9 *Самарина А.* Михаил Федотов и признак сталинизма // Независимая газета. 2011. 5 апреля. С. 3.

10 Динамика мирового политического развития и проблемы глобальной конкурентоспособности России. Отчет о НИР. Т. 1, этап 2, МГИМО(У), 2010. С. 9.

11 *Портер М.* Конкуренция, обновленное и расширенное издание // пер. с англ. М.: ООО «И.Д.Вильямс», 2010. С. 17.

12 *Ходорковский М.* «Левый поворот–3» // Ведомости. 2008. 8 ноября. С. 3.

13 Встреча с Юлией Латыниной // МГИМО(У), 4 апреля 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.mgimo.ru

14 Российская экономика: тенденции и перспективы. 2010. 4 апреля. С. 20.

15 Там же. С. 22.

16 Роль банковской системы в решении проблем модернизации российской экономики информировании внутреннего инвестиционного спроса. Отчет о НИР. МГИМО(У), 2010 г.

17 Российская экономика: тенденции и перспективы. 2010. 4 апреля. С. 17.

18 *Буздалов И.Н.* Социальное рыночное хозяйство: проблемы становления в агропродовольственном секторе России // Вестник РГНФ. 2010. № 4. С. 39.

19 *Миронов С.М.* За нами Россия. М.: Ключ-С, 2010. С. 109.

20 Российский статистический ежегодник. 2010. М.: Росстат, 2010. С. 766.

21 *Шейнин Э.* Предпринимательская активность россиян в условиях кризиса // Мир перемен, 2010. № 3. С. 155.

22 *Башкатова А.* Партийный раскол пенсионной реформы // Независимая газета. 2011. 5 апреля. С. 1.

23 Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 781.

24 Роль банковской системы в решении проблем модернизации российской экономики информировании внутреннего инвестиционного спроса. Отчет о НИР. МГИМО(У), 2010. С. 61–62.

25 Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М.: 2009. С. 25.

26 Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: 2008. Август. С. 16.

[27] Мировая экономика: учебник / под ред. А. С. Булатова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономист, 2007. С. 784–787.

[28] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. МЭР, М.: 2008. Август. С. 4.

[29] *Макаренко Б.* Политическая воля ушла в Интернет // Известия. 2011. 5 апреля. С. 3.

[30] Цит. по: *Аузан А.* Национальная формула модернизации. Лекция // Полит.ру. 2009. 16 октября. / http://www.polit.ru/lectures/auzan

[31] *Богомолов О. Т.* Наши исследования не были напрасными // Мир перемен. 2010. № 3. С. 10.

[32] Роль банковской системы в решении проблем модернизации российской экономики информировании внутреннего инвестиционного спроса. Отчет о НИР. МГИМО(У), 2010.

[33] Научный потенциал и инновационная активность в России. Выпуск 4. Статсборник. М.: Минобрнауки, РИЭПП, 2010. С. 130, 131.

[34] Фонд «общественное мнение». Доминанты. 2011. 24 февраля. № 8.

[35] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 133–135.

[36] Фонд «общественное мнение». Доминанты. 2010. 16 декабря. № 49. С. 16, 18.

[37] *Емельянов С. А.* Альтернативность социально-экономического развития и социалистическая модернизация России // Философия и общество. 2008. Апрель–июнь. № 2. С. 2.

[38] *Подберезкин А. И., Карпенко М. П.* XXI век: стратегия для России. М.: СГА, 2005. С. 3.

[39] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М.: 2009. С. 69.

[40] *Подберезкин А. И., Карпенко М. П.* XXI век: стратегия для России. М.: СГА, 2005. С. 3.

[41] *Гринберг Р.* Экономика в руках политиков // Известия. 2011. 25 февраля. С. 4.

[42] В свое время, в начале 2000-х годов, я сам неоднократно предлагал такие сценарии. Но время ушло. Теперь нужен только качественный скачок.

[43] *Гринберг Р.* Экономика в руках политиков // Известия. 2011. 25 февраля. С. 4.

[44] *Латухина К.* Не хуже Европы // Российская газета. 2011. 17 февраля. С. 3.

[45] *Богомолов О. Т.* Наши исследования не были напрасными // Мир перемен. 2010. № 3. С. 14–15.

[46] *Ципко А.* Страшилки для модернизации // Независимая газета. НГ-сценарии. 2011. 5 апреля. С. 13.

[47] *Латухина К.* Теория «Маусианства» // Российская газета. 2011. 17 февраля. С. 3.

[48] «Программные цели документа остаются неизменными» // Независимая газета. 2011. 17 февраля.

[49] В кн.: Кодекс вождей и политиков всех времен и народов / Сост. И. Н. Кузнецов. Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 224.

[50] *Аузан А.* Национальная формула модернизации. Лекция. / Полит.ру. 2009. 16 октября. / http://www.polit.ru/lectures/auzan

[51] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года / http://base.consultant.ru/cons/cgi/online

[52] Динамика мирового политического развития и проблемы глобальной конкурентоспособности России. Отчет о НИР. Этап 2, МГИМО(У), 2010.

[53] *Подберезкин А. И., Карпенко М. П.* XXI век: стратегия для России. М.: СГА, 2005. С. 165–166.

[54] *Гринберг Р.* Экономика в руках политиков // Известия. 2011. 25 февраля. С. 4.

[55] Основные параметры прогноза … С. 36–37.

[56] *Кокошин А. А.* Политология и социология военной стратегии. М.: КомКнига, 2005. С. 191–192.

Глава 6

Условие № 2: изменение горизонтов планирования и ускоренное развитие: роль развития институтов социального потенциала

Наши ценности формируют и наше представление о будущем[1].
Д. Медведев

…Элиты всех стран управляют желаниями людей…, опираясь сознательно или неосознанно на идеологию и религию, рекламу и другие средства воздействия[2].
Э. Тоффлер

Социальные изменения в обществе в начале XXI века поставили совершенно по-новому ряд проблем перед человечеством. И прежде всего прежнюю установку на создание социальной однородности общества, которая доминировала всю вторую половину XX века. Оказалось, что расширение наемного труда прекратилось, качественные различия между городом и деревней исчезли, мелкий бизнес не вымер, а на рынках труда появляются ниши для эмигрантов, детей и женщин, а также лиц, работающих на дому и занятых неполный рабочий день[3].

Очевидно, что современный стратегический прогноз и стратегическое планирование должны охватывать более продолжительный период времени и исходить из происходящих и будущих изменений в социальной структуре общества. Как минимум, 25–30 лет. Существующая практика в других странах, например, Китае, это полностью подтверждает. Да и в России, разрабатывая, например, генеральный план крупного города, а тем более мегаполиса, необходимо «заглядывать» вперед не менее, чем на 25–30 лет. Строительство дорог, другой инфраструктуры в противном случае станет невозможным. Но Россия значительно крупнее, а проблемы сложнее, чем в той же Москве!

Опережающее развитие, тем более, скачок, невозможны без расширения рамок существующих концепций как «вглубь», на перспективу, так и «вширь», охватывая другие области. Существующая «Концепция социально-экономического развития» не выполняет этих функций: с точки зрения временного фактора ее можно назвать среднесрочной

(т.е. на 10–12 лет), а с точки зрения охвата — частной, тактической.

Только идеология, опирающаяся на национальные интересы и ценности, может дать по-настоящему долгосрочную стратегию (соответственно, долгосрочный прогноз и планирование), которая учитывала бы и другие важные аспекты.

Это стало очевидно после кризиса 2008–2011 годов, когда провалилась не только «Стратегия–2020», но и вся социальная политика правящей элиты России. «Правоцентристская власть стремилась сохранить свою социальную базу, — пишет профессор МГИМО(У)А. Богатуров, — и отчасти (!) в этом преуспела»[4]. Но именно отчасти. Причем эта социальная база стала сокращаться сразу по выходу России из кризиса потому, что улучшение экономической ситуации и даже рост цен более чем 100 долл. за баррель в 2011 году сопровождались быстрым ростом цен, инфляцией и социальной напряженностью.

В этих условиях началась «корректировка» «Стратегии–2020», которая не предусматривала ни ревизию ее целей, ни превращения ее из абстракции в реальную национальную программу, ни формулирование внятного и понятного не только макроэкономистам будущего облика России. В том числе и стратегию социально-экономического развития. Но именно в том числе. Идеологические доктрины рассчитаны на столетия, и даже тысячелетия. Типичные примеры тому — современные религии. Но не только. Конфуцианство и сегодня лежит в основе современной идеологии модернизации Китая, буддизм — в Индии, мусульманство — в арабских странах. В их основе лежит национальная система ценностей, традиция — культурная, духовная, этническая.

Таким образом, стратегия социально-экономического развития должна быть частью идеологии и ее следствием. В противном случае она становится частной концепцией, которая может быть в лучшем случае механизмом для реализации отдельных программ. Не более того.

В худшем же случае она может противоречить не только объективным национальным интересам и ценностям, но и вести к неэффективному расходованию национальных ресурсов, наносит прямой ущерб нации. Так, концепция приватизации привела к разворовыванию национального богатства страны и созданию в конечном счете неэффективной, ресурсоемкой экономики.

1. Система ценностей как основа: либеральный фундаментализм или что-то еще?

Каждая исторически конкретная общественная форма может характеризоваться специфическим набором и иерархией ценностей, система которых выступает в качестве наиболее высокого уровня социальной регуляции[5].
БСЭ, 1969–1978

Россия тоже должна была измениться, стать передовой страной, которую объединяют с Европой единые ценности[6].
Д. Медведев

Соответственно то общество и государство, которые мы хотим в будущем, будет определяться системой ценностей и их иерархией, выступающими в качестве социальных регуляторов высшего уровня. Как сказал А. Зудин, «…ценности — вообще вещь безальтернативная, они синоним человека»[7]. Им соответствовать будут правовые, идеологические, этические нормы поведения, которые будут конкретизировать наши представления о будущей системе и иерархии ценностей. Как справедливо заметил в мае 2011 года Л. Радзиховский, «главные проблемы российской политики в любом случае лежат вообще в другой плоскости. Какие бы слова ни произносились, организации ни создавались, но глубокое, традиционное и еще углубившееся за последние годы отчуждение общества от власти и политики — вот капитальный факт. Цветущий сад бумажных растений, запах долгой скуки, гулкий звук многомерной пустоты… Таково наше реальное политическое поле»[8].

Представленния общества о системе ценностей решительно разделились на большинство (порядка 80% сторонников левой идеи и «твердой руки») и меньшинство (10–11%) либерального толка, оставшегося по сути несмотря ни на что либеральными фундаменталистами, но управляющими от имени абсолютного большинства государством.

Эта проблема тщательно обходилась правящей российской элитой последние десятилетия вплоть до фактического старта избирательной кампании в начале 2011 года, когда И. Шувалов «политизировал» модный в правительстве тренд по разработке новых институтов развития: «Первый вице-премьер и раскрыл смысл своих политических размышлений: «А где же все остальное, что **является продвижением этого ценностного начала?** И далее он предрек: «задача на ближайшее время — добиться «значительной трансформации общества без каких-либо потрясений»[9]. Без потрясений, это без смены ценностей, но

и без четкого, по-Шувалову, их определения. Между тем не существует наций и обществ **вне системы и иерархии ценностей**, норм их представляющих. Вопрос в том, что когда нация отказывается от своих ценностей, перенимая чужие, то трансформируются и нормы — права, поведения, нравственности. Именно это и произошло в России.

История развала СССР и деградации России — это прежде всего история разрушения системы ценностей и норм, в конечном счете **социальной регуляции общества**. Дикий капитализм в постперестроечной России сформировал свою систему ценностей, в основу которой был положен материальный успех, прибыль, занявший верхнюю ступень в иерархии ценностной системы. Как признает (в позитивном плане — !) И. Юргенс, «За два десятилетия рыночных преобразований в России уже укоренился критерий оценки перемен и устойчивого к ним личного отношения. Это повышение благосостояния, которое выражается в улучшении материального и имущественного положения людей»[10].

Но если быть логичным до конца, то и представление о будущем, формируемое на основе этой системы ценностей, должно быть таким же, т.е. будущий идеал — это максимально высокий уровень благосостояния, которое выражается в материальном и имущественном положении. Справедливо ли это будущее для нации? В особенности, если не стоит вопрос о том, **каким путем** это достигается?

В современных развитых странах Запада, формально дистанцирующихся от господствующей идеологии, насаждающих секуляризм, влияние иудейско-протестанской идеологии и созданной системы ценностей продолжает оставаться огромным. На ее основе с учетом национальной специфики США, например, разработаны и реализуются долгосрочные стратегии, концепции и доктрины, Некоторым из которых десятки, даже сотни лет. И, надо признать, эффективность многих из них достаточно высока потому, что они могут обеспечить не только общие рамки для национальной политики, но и преемственность политического курса, последовательность и строгие рамки для любой политической стратегии. Но хорошо ли для России то, что хорошо для США? Уверен, что не все и не всегда (хотя американцы искренне считают, что их система ценностей не просто лучшая, но и универсальна). Россия, если она хочет сохранить национальную идентичность, должна не только сохранить и развить собственную систему ценностей, но и выстраивать свою стратегию **на ее основе**.

Сегодня строгое соблюдение системы ценностей лежит в основе реальной политики США даже в ее частных проявлениях. Примечательный пример можно привести в связи с событиями 11 сентября 2001 года и теми мерами, которые были разработаны администрацией Дж. Буша. По признанию бывшего директора ЦРУ Джорджа Тенета, после теракта была произведена переоценка характера угроз. Были специально выделены потенциальные цели, уничтожение которых имело бы катастрофические последствия для США. Примечательно, что, как признает Дж. Тенет, «на первых местах в этом списке стояли символы американской культуры — киностудии, парки развлечений, спортивные сооружения…»[11]. Директор ЦРУ лично звонил руководителям киноассоциаций, баскетбольных клубов, музеев, предупреждая их о возможной опасности. Другими словами, в системе американских ценностей эти объекты были не менее важны, чем военные базы и центры управления.

Другой пример с теми же США из этой области. Когда перед Б. Обамой возникла проблема огромного госдолга страны, то он принял решение пойти на сокращение военного бюджета на 78 млрд долл., причем параллельно он на 60% увеличил расходы на пенсии и здравоохранение, т.е. расходы на НЧК, в конечном счете на сохранность системы ценностей[12]. Другими словами, в современных условиях сохранение национального человеческого капитала, американской системы и иерархии ценностей рассматривается правящей элитой США даже более приоритетной задачей, чем наращивание военной мощи.

Соответственно и разработанная Дж. Бушем в свое время стратегия борьбы с мировым терроризмом, **вытекающая из этой системы ценностей**, имела глобальный, стратегический (в нее было вовлечено около 100 государств), но одновременно и системно-ценностный характер. Воевали и воюют с террористами не просто вооруженные силы США, а политико-идеологическая система США, американская иерархия ценностей, навязываемая арабскому миру под лозунгами демократии.

В России пока что иначе. Отказавших от православия и коммунизма, она вообще на какое-то время оказалась в идеологическом вакууме. Произошло, как сказал «архитектор перестройки» А. Н. Яковлев, «деидеологизация идеологии». На самом деле вакуум быстро заполнялся второкачественными и даже опасными шаблонами и идеями. В основном либеральными. Была не только разрушена иерархия и вся система ценностей, но и нормы — правовые, нравственные, этические. В результате мы получили разгул коррупции и неэффективную экономику, которые вне национальной системы ценностей и норм вообще не могут существовать. Масштабы этой трагедии невозможно адекватно оценить. Так, только в 2009–2010 годы в Башкирии «пропало» четверть бюджета или 22,6 млрд рублей, из которых почти 3 млрд недополучило республиканское образование[13]. В национальном масштабе прямая коррупция оценивается ежегодно в 1 000 млрд рублей, т.е. сопоставима со всей расходной частью федерального бюджета.

Но без единой системы ценностей, идеологии и общего образа нация, государство и общество

долго жить не могут. Просто потому, что реальная политика и реальная экономика этого не позволяют. Поэтому, отказываясь от идеологии как единой системы взглядов и действительно долгосрочной стратегии, общество и власть стали неизбежно выходить на «прикладные» долгосрочные стратегии, которые, конечно же, не могут заменить единую стратегию, базирующуюся на единой системе ценностей. К концу 2008 года это стало вполне ясно и в России. К тому времени в стране насчитывалось более 100 региональных и отраслевых стратегий и концепций развития, которые были практически не взаимосвязаны между собой, не имели, прежде всего, единой национальной ценностной системы, единой стратегической системы целеполагания, единого образа будущего. Хуже того, каждый регион, каждая отрасль «рисовали» себе различные образы будущего. Некоторые регионы, например, даже вне рамок России, а некоторые отрасли — вне связи с единым комплексом страны. Более того, уже в марте 2011 года в ряде областей … началось новое обсуждение «Стратегии–2020». К частности, в Н. Новгороде 4 марта 2011 года состоялся Форум «„Стратегия–2020". Региональная проекция»[14].

Роль национальной стратегии (вплоть до Послания Д. Медведева от 5 ноября 2008 г.) фактически была возложена на долгосрочную концепцию социально-экономического развития 2020. Что, конечно же, не отражало объективных потребностей. Специальный акцент на системе ценностей, сделанный Д. Медведевым в Послании, заслуживает особого внимания потому, что впервые эти ценности были озвучены Президентом России. Из этих ценностей, ориентиров вытекали долгосрочные цели развития, «представление о будущем». Полагаю, что необходимо и уместно дать полное изложение этого документа, отражающего представления и логику Президента РФ[15]:

«**Справедливость**, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добивающаяся достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации — в системе международных отношений».

Справедливость, как политическая гарантия равноправия и социальной политики, — очень абстрактное и, на самом деле, бессмысленное понятие. Никто в мире сегодня не выступает **за политическое неравноправие и против социальных гарантий**. Может ли такая бессмыслица стать главной в иерархии национальных ценностей? Конечно же, нет. Поэтому эта искусственно придуманная «ценность» забылась уже на следующий день.

Тем более «идеал равноправия» не может стать идеалом при построении общества будущего. Формальное равноправие существует. Делать из него идеал — равнозначно постановке задачи повторить обучение за позапрошлый год.

Другая «ценность» и «идеал» сформулированы следующим образом: **Это свобода — личная, индивидуальная свобода»**. Д. Медведев конкретизирует эту мысль: «Свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий. И свобода общая, национальная. Самостоятельность и независимость Российского государства».

Честно сказать, не знаю, как комментировать эту банальность, ведь никто в мире и в России не посягает на индивидуальную свободу и свободу вероисповедания. Разве, что гипотетически предположить, что Россия будет оккупирована воинствующими исламистами.

Складывается впечатление, что этот текст писался 150 лет назад для Александра II, а не в 2008 году!

Может ли эта „ценность" стать частью идеального образа? Да, если допустить, что идеально образ женщины должен быть … с ушами».

Другая мысль и «ценность» Президента РФ: «**Жизнь человека, его благосостояние и достоинство**, межнациональный мир, единство разнообразных культур, защита малых народов и признание независимости Южной Осетии и Абхазии — это, кстати, пример такой защиты»[16].

Это положение, слишком абстрактное и банальное, не требует доказательств. Даже для Абхазии. Но что требуется, так это пояснить, что человек, его личность становится главной целью политики власти, что игнорирование его социальных, культурных и национальных потребностей перестало быть такой, что в бюджетной и всякой другой политике этот приоритет найдет достойное отражение.

Семейные традиции. Любовь и верность. Забота о младших и старших.

Патриотизм. При самом трезвом, критическом взгляде на отечественную историю и на наше далеко не идеальное настоящее. В любых обстоятельствах, всегда — вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре.

Таковы наши ценности, таковы устои нашего общества, наши нравственные ориентиры. А, говоря проще, — таковы очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас единым народом, Россией.

Это то, от чего мы не откажемся ни при каких обстоятельствах.

Д. Медеведев особо подчеркнул их фундаментальный характер («не откажемся ни при каких обстоятельствах»), а также долгосрочную, стратегическую перспективу («наши цели неизменны») целеполагания, основанного на этих ценностях: «Наши ценности формируют и наше представление **о будущем**. Мы стремимся к справедливому обществу свободных людей. Мы знаем, Россия будет процветающей, демократической страной. Сильной и в то же время комфортной для жизни. Лучшей в мире для самых талантливых, требовательных, самостоятельных и критически настроенных граждан.

Хочу, чтобы все знали: наши цели неизменны».

В «представлении о будущем», т.е. долгосрочных целях, сформулированных Д. Медведевым, отчетливо просматриваются четыре блока:

— **во-первых**, «справедливое общество свободных людей», которую можно рассматривать как главную политическую и социальную цель;
— **во-вторых**, «процветающее и демократическое государство» — как задача для госстроительства и экономики;
— **в-третьих**, «сильное государство»;
— **в-четвертых**, — главное — лучшей страной для «талантливых граждан».

В формализованном, схематическом (и упрощенном) представлении это выглядит следующим образом:

Базовые ценности (имеющие общенациональные и долгосрочный характер):

— справедливость;
— свобода;
— жизнь человека;
— семейные традиции;
— патриотизм.

На их основе происходит целеполагание, («формирование представления о будущем»).

Цели:

— создание справедливого общества свободных людей;
— сильного и процветающего государства;
— «Лучших в мире» условий для развития творческого потенциала личностей («для самых талантливых, требовательных, самостоятельных и критически настроенных граждан»).

Из этой схемы вполне понятны «представления о будущем» Президента России, т.е. **долгосрочна стратегия развития страны**: совершенного общества, сильного государства, условий для творческой самореализации.

Понятно, что «Концепция долгосрочного социально-экономического развития 2020 года», принятая в 2008 году и модернизированная в 2011 году, не может стать стратегией для достижения этих целей. Она их вообще не учитывает. Кроме того, она не учитывает в полной мере и внешних факторов, которые могут повлиять серьезно на реализацию любой стратегии и достижение обозначенных целей. Приведу два примера для иллюстрации этой мысли.

Кризис 2008–2010 годов совершенно по-разному сказался как на глубине падения объемов производства отдельных отраслей, так и на скорости выхода этих отраслей из кризиса. Учитывая большую экспортную ориентированность экономики России, даже ее зависимость от мировой конъюнктуры, ситуация в отдельных отраслях экономики выглядела следующим образом[17] (табл. 1).

Как видно, быстрее всего восстанавливались добывающие отрасли, а также производство кожи и химическая промышленность и медленнее всего машиностроение. Это прежде всего влияние внешних

Табл. 1. Посткризисное восстановление российской промышленности

Вид деятельности	Рост производства (октябрь 2008 г. к декабрю 2010 г.), %
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	129,3
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	125,3
Химическое производство	110,1
Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов	107,5
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	106,1
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	103,2
Производство резиновых и пластмассовых изделий	101,9
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	97,8
Текстильное и швейное производство	97,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	96,0
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	94,2
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	91,4
Обработка древесины и производство изделий из дерева	89,7
Производство машин и оборудования	88,5
Производство транспортных средств и оборудования	88,0
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	78,9

Источник: расчеты ФБК.

факторов, которые вообще не учитывались в «Стратегии–2020».

Внутренний рынок, не обеспеченный спросом и неконкурентоспособный, обладает однако весьма ценным преимуществом. Его развитие можно прогнозировать, стимулировать. Им можно управлять. Но именно этого и не делается. Он искусственно суживается, даже уничтожается.

Таким образом реализация «Стратегии–2020», зависящая от внешних причин, не подлежит контролю и управлению, а та часть «Стратегии», которая зависит от внутренних причин, — не учитывается.

Другой пример влияния внешних факторов — подлинные, а не декларируемые цели Запада в отношении России. Так, грузино-осетинский конфликт в августе 2008 года многое сделал отчетливо ясным даже для заведомых западников. Сегодня, когда информационная пыль после нападения Грузии постепенно оседает, видны истинные цели Большой политики Запада по отношению к России на Кавказе и в Черноморском регионе, вытекающая из их представлений об их системе ценностей. Конкретно она выглядит следующим образом:

Первый этап. По взаимной договоренности Саакашвили с США и другими странами, грузинская армия, отмобилизованная в несколько дееспособных бригад, уничтожает ополченцев Южной Осетии и занимает всю территорию.

Второй этап. Через день–два то же самое происходит с Абхазией. Все это происходит на фоне «паузы» Запада, который упорно не замечает этих заранее спланированных беспощадных действий.

Третий этап. Грузия и Украина вступают в НАТО в ближайшее время, а Россия остается с узким выходом к Черному морю.

Четвертый этап. Денонсируется Договор о базе в Севастополе, и Черноморский флот запирается в базе Новороссийска.

Пятый этап. В Черном море на постоянной основе размещается один из флотов США. По аналогии со Средиземноморьем.

Шестой этап. Россия отрезана от Закавказья, а Черное море превращается в контролируемый США залив Средиземного моря, где возможная активность России сведена к минимуму.

Седьмой этап. В Грузии размещаются войска и базы НАТО, а на Украине (ставшей к тому времени членом НАТО) — совместные подразделения Украины и НАТО.

Таким образом, Россия фактически запирается на континенте, где с юга она отрезана от Закавказья, с запада от Балтийского моря. Реализуется давняя мечта — изоляция России.

Восьмой этап. С этих плацдармов начинается дезинтеграция России. Прежде всего, с юга и юго-востока. Готовится ее распад и раздел на «суверенные» государства, которые «самостоятельно» будут распоряжаться необходимыми Западу ресурсами.

Это отнюдь не новая стратегия. Еще в 1980-е годы она была разработана в «Концепции национальной безопасности США», где предусматривалась ее реализация в несколько этапов: 1-й — развал Организации Варшавского договора и СЭВа; второй — «откол» Прибалтики; третий — остальных республик СССР; наконец, четвертый — раздел оставшейся России на 7–12 регионов.

История показала, что эта стратегия реализуется. В том числе и через расширение НАТО. Как признает Т. Фридман, который после распада СССР относился к группе, возглавляемой автором концепции «сдерживания» Джорджем Кеннаном, сенатором Сэмом Нанном (Sam Nunn) и экспертом по внешнеполитическим вопросам Майклом Мэнделбаумом (Michael Mandelbaum), что уже тогда, выступая против расширения НАТО, — администрация США продолжала придерживаться этой стратегии и после развала СССР: «Нет, возражала внешнеполитическая команда Клинтона, мы навяжем русским расширение НАТО, поскольку Москва слаба: она поворчит, а потом привыкнет. По сути они говорили русским: вы должны вести себя как западная демократическая страна, а мы будем относиться к вам, как будто вы остаетесь Советским Союзом. «Холодная война» закончилась для вас — но не для нас»[18].

Понятно, что четкие сроки реализации этой стратегии вряд ли обозначались, но опыт ее реализации показывает, что она не рассчитана на слишком далекую перспективу. Думаю, что 7–10 лет — максимальный срок, отводимый для ее завершающего этапа.

Я, кстати, неоднократно писал о таком сценарии. Еще во времена «позднего» М. Горбачева, но воспринимались мои предупреждения с трудом. В том числе и в ЦК КПСС, не говоря уже о периоде демократической эйфории 1990-х годов.

Д. Медведеву хватило характера вмешаться в этот процесс. Впервые за 17 лет явно защитить суверенитет России. Но насколько эти планы могут помешать достижению сформулированных Д. Медведевым целей?

Он в Послании ясно подчеркнул, что эти цели и стратегия не имеют конъюнктурного характера, т.е. не зависят от внешних угроз. Наверное, так оно и есть, хотя очевидно, что не учитывать их при формировании долгосрочной стратегии развития невозможно.

Кризис 2008–2010 годов подтверждает это предположение. Вся история современного экономического развития России свидетельствует, что мы стали чрезмерно зависимы от мировых рынков и странлидеров глобализации. От этого не спасут никакие «подушки безопасности». Особенно если наши финансовые власти многие годы не уделяли внимания развитию реального сектора нашей экономики, когда зависимость от импорта превратила наше общество в общество, **зависимое от поставок** продовольствия,

техники, услуг и идей из развитых стран. И это тоже из области формирования системы ценностей.

Военный конфликт в Грузии, на самом деле, высветил политический кризис в отношениях России с Западом. Российская элита стала перед выбором: либо потерять уважение собственного народа и международный престиж, уступив нажиму США, либо вывести отношения с Западом (США, НАТО, ЕЭС, ВТО) на новый, а именно равноправный уровень. То, что эти отношения были долго неравноправными, никто не сомневался. За годы президентства В. Путина внешняя политика России перестала быть сателитской, несамостоятельной, но осталась по целому ряду направлений зависимой от ельцинского наследия.

К чести Д. Медведева и В. Путина они сделали тяжелый, но верный выбор: уважение собственного народа важнее, чем любые угрозы. Россия доказала, что она стала полностью суверенной страной. Это доказать иначе, чем независимой внешней политикой было невозможно.

В этой связи встает принципиально важный вопрос. Все последнее время разрабатывались планы долгосрочного развития, включая прогнозы и концепции социально-экономического развития до 2020 года. Но — я уже не раз писал об этом — они не учитывали некоторых важных обстоятельств.

Во-первых, эти планы основывались не на идеологии, системе ценностей и политической воле, и возможных внешних угрозах, а на макроэкономической экстраполяции. Соответственно, их авторы (преимущественно сотрудники департамента МЭР) исходили из собственных, достаточно узковедомственных представлений о необходимых темпах развития страны. Дискуссия, в конечном счете, привела к тому, что удалось уйти от инерционного к «полуинновационному» сценарию, предусматривающему рост ВВП в 7% в год. Вопрос в том, а почему не в 10–12% — остался открытым. Лично я убежден, что эти темпы вполне посильны, если «загрузить» таким заданием наших начальников.

Во-вторых, все планы МЭРа не учитывали внешних факторов (за исключением немногих), да и многих других (военных, психологических, идеологических и т.д.) тоже. Почему-то в них считалось, что внешние условия будут благоприятствовать их реализации, что у нас нет не только возможных противников, но и оппонентов.

На самом же деле, в реальности, все соседние государства (за исключением Белоруссии) имеют территориальные и иные претензии, растут военные базы, усиливается активность, враждебность по отношению к нашей стране. Я полагаю, что внешние условия для России не будут комфортными и нам придется развиваться в сложной ситуации.

Это означает неизбежный раскол в правящей элите: та часть, которая предпочтет свои деньги и интересы за рубежом, будет добиваться возвращения зависимого от США внешнеполитического курса.

В-третьих, в этих условиях, я считаю, неизбежным, чтобы нация (а не бюрократия) сделала сверхусилия по укреплению своей экономической, политической и военной безопасности. Наша страна вполне может компенсировать «провал» 90-х годов ускоренным научно-техническим развитием. Опираясь, прежде всего, на развитие национального человеческого потенциала, той её части, которая относится к социальному потенциалу и его институтам.

Суть проста. Россия в последние два года выходит на правильный вектор развития. В политике и экономике она перешла от стабилизации к развитию. Неуверенному, не твердому, но развитию, которое сдерживается именно либеральным фундаментализмом правящей элиты. Но даже у нее все чаще проявляются проблески сознания. Об этом, кстати, еще в феврале 2007 года писал Д. Медведев. Теперь важно, чтобы это развитие было опережающим, т.е. заметно превышало темпы развития других стран и предусматриваемые МЭРом. Только тогда мы обеспечим себе национальную безопасность.

С точки зрения идеологии русского социализма, наступило время **сознательного** формирования новой системы ценности, направленной в будущее. Не отметая традицию и принципы социализма, а развивая их. Ценность — это особый вид реальности. Сама по себе она не существует, хотя и связана не только с человеком, но и с объективным миром. Мир состоит из ценностей — материальных (вещи, деньги, собственность…), художественных (произведения искусства и литературы…), природных (солнечный восход, моря, цветы, ландшафты…), собственно человеческих и гуманистических.

Ценность — одновременно ценность чего-то (кого-то) и ценность для кого-то. Ценность обязательно антропогенна, поскольку возникает в процессе оценки человеком людей, общества, идей, предметов культуры или природы.

Ценности бывают материальными и духовными, однако, в любом случае они устанавливаются (т.е. конституируются) человеком, поэтому в них заложена определенная виртуальность, связанная с тем, что сама оценка — это дело разума человека, его вкуса, предпочтений, симпатий, потребностей, целей, идеалов и т.д.

Необходимо отличать ценное как просто полезное, выгодное или нужное, от ценности в высшем, человеческом смысле слова. Ценность-пользу всегда можно измерить и соответственно возместить другой ценностью, но любая высшая ценность по-своему абсолютна и утрата ее невосполнима; такая ценность — то, что часто называют «бесценным». Грубо говоря, нельзя указать ее цены или денежной стоимости (ведь деньги воплощают идею меры и обмена).

Высшие ценности как бы самоценны для человека, ему претит сама мысль использовать их только как средства к достижению своих целей. Это роднит понятие высшей ценности с таким понятием,

как святыня (видимо, на заре человечества высшие ценности человека были еще только религиозными). Подчеркивая исключительный характер какой-либо ценности, мы нередко метафорически употребляем именно этот термин.

Ценности играют колоссальную, больше того — определяющую роль в жизни людей. Они обладают функциями ориентиров, образуют сложный мир смыслов и символов, составляют основу индивидуальных или коллективных суждений и поступков. В них есть регулятивные и нормативные компоненты.

Область бытования ценностей универсальна и практически безгранична. Существует множество систем ценностей и видов их классификации. Различают моральные, научные, эстетические, юридические, философские, религиозные, социальные, политические, экономические, финансовые, экологические и другие ценности. Их разделяют на материальные и духовные, личные и коллективные.

2. От целеполагания к эффективной стратегии

«Российская идентичность» требует… — изучения этнических, религиозных, культурологических, общественных и политических особенностей русского народа и других народов многонациональной России[19].
В. Третьяков

Обстоятельства могут благоприятствовать тогда, когда деятельность целенаправлена (осознание цели должно предшествовать любой деятельности).
А. Вельков, психолог

Ключевой общественной и политической проблемой современной России при разработке стратегии национального развития является **долгосрочное целеполагание**[20]. При этом точность в определении долгосрочных целей имеет фундаментальное значение. В полной аналогии с выбором курса движения по азимуту, где ошибка на несколько градусов может привести к совершенно другому пункту.

Целеполагание должно максимально соответствовать пониманию национальных интересов правящей элитой — чем точнее, тем лучше, — а не каким-то внешним представлениям. Как справедливо заметил А. В. Рубцов, «Для начала надо уметь соответствовать своему же собственному проекту современности. Преодоление такого «отставания от себя», сейчас важнее чем то, что мы отстаем от чужих идей или их завидных воплощений»[21].

Если речь идет, как сегодня, о «догоняющей» модернизации, то мы изначально формулируем цель не для себя, а «как у них», хотя не факт, что это, во-первых, нам нужно, а, во-вторых, что это правильно.

Этот процесс состоит, как минимум, из следующих элементов:

— формирование образа «желаемого завтра» элитой как идеального представления о будущем нации и государства. Этот процесс должен происходить на основе национальных интересов и ценностей, среди которых главной является сохранение национальной идентичности и суверенитета. Этот приоритет, однако, сегодня «не замечается» при разработке долгосрочной стратегии. Очевидно, что социальный потенциал, как и НЧП в целом, являются главным критерием такой идентичности и главной целью;
— стратегического прогноза, который корректирует «идеальный образ» в соответствии с вероятными возможностями и ресурсами, с одной стороны, но и стимулирует поиск новых возможностей и ресурсов — с другой. Простая макроэкономическая экстраполяция, к которой прибегают наши экономисты, для этого не пригодна;
— соотнесение формулируемых целей с возможными и вероятными ресурсами, которые могут быть использованы для их достижения.

Если формулируемая элитой и обществом система современных ценностей утвердилась в общественном сознании (а она должна основываться на национальной системе ценностей), то на ее основе уже происходит формирование, как сказал Д. Медведев, «наших представлений о будущем». Точнее, о долгосрочных представлениях о будущем. В долгосрочной социально-экономической стратегии не должно быть сиюминутных, конъюнктурных целей. А тем более — чем отличается период В. Путина — Д. Медведева — целей «паркетного пиара». Другими словами, через элиту, как через призму, происходит преломление объективных факторов — национальных интересов и ценностей — в долгосрочные цели.

Это — процесс осознания элитой, который может быть **в разной степени адекватен** объективным реалиям — национальным интересам и ценностям. Или вообще не адекватен. Так, «паркетный пиар», лежащий в основе многих публичных выступлений лидеров, имеет мало общего с реальными долгосрочными национальными целями.

В зависимости от такой степени адекватности представлений элиты формулируются и цели, т.е. происходит процесс целеполагания и формирования стратегии. Ложные, или неадекватные цели, как известно, неизбежно ведут к неправильной стратегии, а та, в свою очередь, к неправильным механизмам ее реализации, бесполезной растрате ресурсов.

В начале 2008 года, накануне кризиса, стало видно, что «по сумме признаков Россия входит в очередной мегапроект»[22]. Но без ясного долгосрочного политико-идеологического плана и стратегии. Хуже всего дело обстояло с долгосрочным целеполаганием. Среднесрочное (трехлетнее) планирование, — тот максимум, на который опиралась правящая элита, был очевидно недостаточен для эффективного управления. Трудно, даже невозможно, планировать, например, развитие города менее чем на 20–25 лет вперед. Коммуникации, энергетика, людские ресурсы и многое другое развиваются десятилетиями. Транспортные пробки в Москве — типичный пример отсутствия долгосрочного прогноза и планирования. Но прежде всего представления о том, каким должен быть мегаполис через 25–30 лет.

Подобный подход не совместим и с идеей ускоренного развития, тем более скачки, когда прогнозы и планы должны быть амбициозными, даже сверхамбициозными. Это сугубо политико-идеологическая задача, а отнюдь не макроэкономические расчеты. И в этом кроется главная политическая проблема. Макроэкономика вообще инерционна. Так, если посмотреть на основные параметры, то они просто экстраполируются на 15–20 лет. Причем механически, без учета международных, социальных и других факторов, а, главное, национальных интересов и ценностей, которые вообще остаются «за скобками» таких стратегических прогнозов. Даже при отраслевом прогнозе, не говоря уже о национальном, это недопустимо. Пример — оценка структуры потребления энергоресурсов[23] (табл. 2).

Согласно базовым прогнозам мировых агентств, к 2030 году в структуре мирового потребления энергоресурсов очень незначительно снизится доля нефти и ядерного топлива (до 33% и 5% соответственно).

Табл. 2. Структура мирового потребления энергоресурсов по видам топлива
(по данным МЭА), %

Виды топлива	2010	2030
Уголь	26	26
Нефть	34	33
Природный газ	21	23
Ядерное топливо	6	5
Прочие	13	14
Всего	100	100

Прогнозируется некоторое увеличение доли природного газа (до 23%) и альтернативных источников энергии. Ожидается рост новых мировых рынков энергоносителей, в частности, сжиженного газа, который быстрым также назвать нельзя. Как видно, стратегический прогноз инерционен. Он даже не предполагает учет таких факторов, как появление эффективных энергосберегающих технологий, альтернативных источников энергии. замещение одних видов топлива другими и т.д.

Такой прогноз не учитывает влияние «технологических прорывов», которые неизбежно произойдут до 2030 года, массового внедрения новых видов топлива (например, сланцев) и т.д.

Такой прогноз не предполагает влияния крупных международных факторов, как, например, нефтяной кризис начала 1970-х годов, или нестабильность в арабском мире в 2011 году, или стремительный рост экономики Китая и Индии.

Главной долгосрочной целью национальной стратегии является количественное и качественное увеличение НЧП, которое во многом предопределяется эффективностью демографической политики. Тенденция к вымиранию нации свидетельствует о том, что в долгосрочной перспективе у нации нет будущего. В истории таких примеров немало.

Надо сказать, что к 2005 году в российской элите пришло некоторое осознание этой угрозы, что заставило принять ее хотя и недостаточные, но меры для решения проблемы депопуляции. Как справедливо отмечает профессор Б. Искаков[24], — «К концу 2008 г. по сравнению с 2000 г. поднялась рождаемость (с 8,7 до 12,1‰), сократилась смертность (с 15,3 до 14,7‰), депопуляция (с 6,6 до 2,6‰) и детская смертность в возрасте до года (с 15,3 до 8,6‰). Но остаётся сверхмалым срок жизни россиян, в т.ч. мужчин, особенно в сёлах. За 2000–2008 гг. **улучшился прогноз динамики** численности населения к концу XXI в. (рис. 1). «Реформы 90-х» низвели прогнозируемую к концу XXI в. до 23–25 млн чел. **Итоги за 2000–2008 гг. поднимают прогноз до 61 млн чел., почти в 3 раза**. Это большое улучшение. Оно создаёт предпосылки для спасения, но ещё не гарантирует спасение России от демогеноцида и вымирания, раздела и гибели государства и этноса. **Для выживаемости РФ нужно полностью одолеть депопуляцию, оптимизировать реформы и социоэкономическую модель общественного строя, реинтегрировать СЕС в доступной степени и т.д**.

Кроме того, некоторые ученые заметили важную особенность. Я бы сказал, имеющую принципиальное значение для **качества** будущей российской экономики, а именно: инновации (т.е. внедрение в экономику научных достижений) становятся оправданными **только** когда **темпы развития экономики превосходят некоторую критическую величину**. Так, в принципиально важном докладе «Экономический рост как фактор инноваций», который сделал

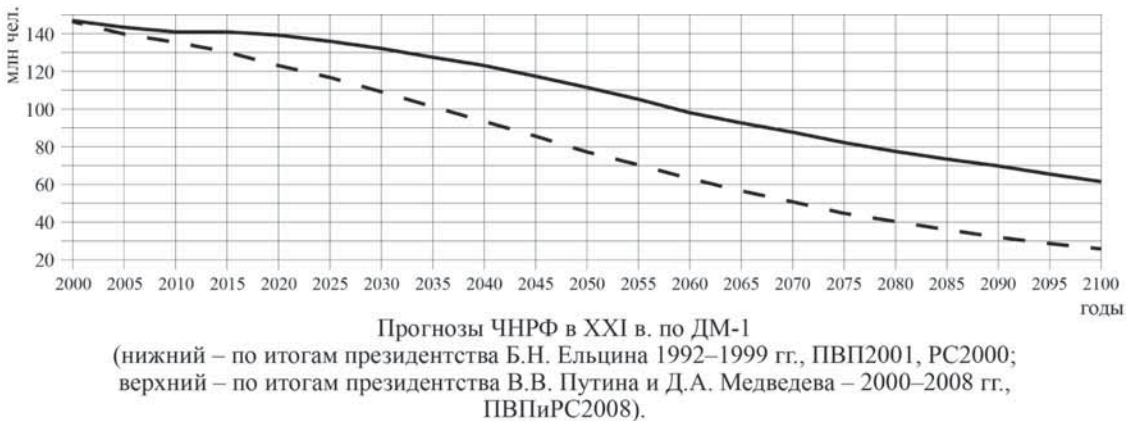


Рис. 1. Оценка последствий демополитики Б. Н. Ельцина (Е) и В. В. Путина–Д. А. Медведева (ПМ)

доктор экономический наук Евгений Балацкий на научной конференции в марте 2007 года. Вряд ли кого-то сегодня можно удивить констатацией трех очевидных макроэкономических и макросоциальных тенденций: 1) ускорение темпов роста экономики; 2) возникновение экономики инноваций (знаний); 3) **потеря предсказуемости** будущего. Весь вопрос в том, **как** эти факторы связаны между собой. Балацкий попытался не просто предложить очередной умозрительный вариант ответа, но обосновал его с помощью математической конструкции.

«Как только темпы роста экономики становятся больше некоторой критической величины, инновации становятся оправданными, — отметил Евгений Балацкий. — То есть, темп роста экономики — компенсатор снижения горизонта планирования. Короткие горизонты можно компенсировать только бешеными темпами роста. А в горизонт планирования включены факторы и субъективные, и социальные — политическая стабильность, например»[25].

Этот вывод, кстати, подтверждает современная практика в России. Так, первая половина 2007 года охарактеризовалась не только самыми высокими темпами роста ВВП в промышленной продукции, но и самыми высокими темпами роста инвестиций (более 27% за год), которые превысили китайский уровень. Напомним, что к инвестициям в основной капитал Росстат относит затраты на новое строительство, расширение, реконструкцию и модернизацию, приобретение машин, оборудования, транспортных средств, затраты на формирование основного стада, выращивание многолетних насаждений и др.

Примечательно, что ни МЭР, ни Минфин даже близко не прогнозировали на краткосрочную перспективу ни тепы роста ВВП, ни, тем более, такой взрывной характер роста инвестиций. Это еще раз свидетельствует об условности и профессионализме таких прогнозов.

Получается, что «неидеологические», профессиональные прогнозы — и об этом свидетельствует вся практика таких прогнозов в 2000–2007 годы — заведомо занижают возможные результаты. Они не нацеливают на достижение максимальных результатов, не стимулируют ожидания и не мобилизуют элиту, а сдерживают их. Внешний «профессионализм» таких прогнозов оказывается совсем не профессионализмом, а вредоносным качеством.

У этой проблемы есть серьезные политические и психологические последствия. Человек устроен в основном так, чтобы планировать свою жизнь, жизнь своей семьи на перспективу. Экономическая и внутриполитическая стабильность во многом зависят от того, какая часть общества планирует свою жизнь на долгосрочную перспективу — строит дома, рожает детей, учится. Как справедливо отмечает А. Ослон, «**Владелец дома не может не думать, что он оставит детям и внукам, поэтому жилище как бы принуждает его проектировать** свою жизнь, оберегать стабильность своего проекта и с подозрением относиться ко всему, что может эту стабильность нарушить. Отсюда — два фундаментальных следствия. Первое: длинная перспектива жизненного планирования, включающая планы относительно жизни детей и внуков, создает умонастроение «связи времен», придает быстротечному существованию исторический смысл. Второе: она переводит на более высокие позиции в иерархии ценностей такие понятия, как порядок, стабильность, преемственность, законность, ответственность, без которых невозможно «проектное» мышление. И то, и другое вместе — фундамент более спокойного и рационального отношения к происходящему как в личностном жизненном мире, так и в «большом мире», представления о котором складываются прежде всего благодаря каналам массовых коммуникаций.

Но такое личное планирование невозможно без понимания идеологии развития государства, его стратегии, промежуточных этапов, потребностей и много другого. Человек должен не только знать, но и быть уверенным в уровне инфляции, процентных ставках по ипотеке, но, главное, что социальная политика государства будет усиливаться, а не ослабевать.

Напомню в этой связи, что нынешний ВВП России сопоставим с уровнем Кореи и Мексики, что

абсолютно недопустимо[26]. Он меньше французского и английского, в два раза меньше немецкого, в четыре раза японского и в 13 раз американского. Для того чтобы качественно изменить ситуацию необходимо в короткие сроки — 5–7 лет — добиться того, чтобы ВВП России, как минимум, превысил ВВП Японии, а в целом можно ориентироваться на стратегическое целеполагание в Китае, где элита поставила задачу выйти на уровень развитых стран по душевому доходу. Ситуация выглядит следующим образом[27] (табл. 3).

Как видно из данных Росстата, ВВП на душу населения в России (11 861 долл.) меньше, чем в Люксембурге (70 014) — более, чем в 6 раз, более чем в 4 раза — в Норвегии (47 551 долл.) и более чем в 3 раза — в Канаде (35 078). Даже в Греции (25 520) душевой доход выше в 2,5 раза, чем в России. И это главная проблема, которая не может быть решена быстро, но решать которую все равно придется.

Мне представляется, что в России, как и в Китае, необходимо сформулировать внятно задачу сделать душевой доход сопоставимым с развитыми странами. Такими

Табл. 3. Валовой внутренний продукт стран мира по паритету покупательной способности по результатам международных сопоставлений за 2005 г.*

	ВВП на душу населения		ВВП, млрд долл. США
	долл. США	индекс физического объема (США=100)	
ОЭСР — Евростат	**26 404**	**63,4**	**36 469,0**
Австралия	**32 798**	**78,7**	671,5
Австрия	**34 108**	**81,8**	280,8
Албания	5369	12,9	16,8
Бельгия	32 077	77,0	336,0
Болгария	9353	22,4	72,2
Босния и Герцеговина	6506	15,6	25,0
Венгрия	17 014	40,8	171,6
Германия	**30 496**	**73,2**	2514,8
Греция	25 520	61,2	282,8
Дания	33 626	80,7	182,2
Израиль	23 845	57,2	156,7
Ирландия	38 058	91,3	157,9
Исландия	35 630	85,5	10,5
Испания	27 270	65,4	1183,5
Италия	27 750	66,6	1626,3
Канада	**35 078**	**84,2**	1133,0
Кипр	24 473	58,7	18,6
Латвия	13 218	31,7	30,4
Литва	14 085	33,8	48,1
Люксембург	**70 014**	**168,0**	32,6
Мальта	20 410	49,0	8,2
Мексика	11 317	27,2	1175,0
Нидерланды	34 724	83,3	566,6
Новая Зеландия	24 554	58,9	100,7
Норвегия	**47 551**	**114,1**	219,8
Польша	13 573	32,6	518,0
Португалия	20 006	48,0	211,0
Республика Корея	21 342	51,2	1027,4
Республика Македония	7393	17,7	15,0
Россия	**11 861**	**28,5**	1697,5
Румыния	9374	22,5	202,7
Сербия	8609	20,7	64,1

крупными, например, как Германия (30496 долл.). Эта же цель, применительно к ВВП всей страны, будет означать, как минимум, **утроение** ВВП России.

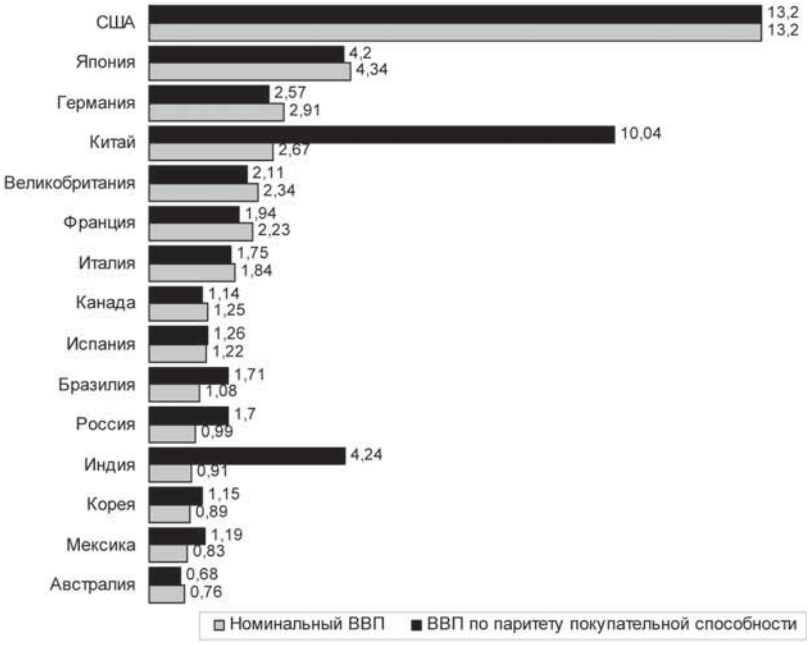
Теперь о сроках и темпах развития. На мой взгляд, они должны быть сверхамбициозными и различаться для отдельных российских регионов, где региональный ВВП отличается на порядок. Для Москвы это срок может быть очень коротким, 3–5 лет, а для Калмыкии — 20–30 лет. Это — политическая и идеологическая задача.

Сегодня же, благодаря инерционным сценариям и прогнозам, обещается к 2025 году обогнать Великобританию. Таким образом, **во-первых**, высокие темпы роста обеспечивают инновации ставки на человека, а, **во-вторых**, стратегический прогноз и планирование — как важнейшие условия устойчивых и высоких темпов роста экономики, отсутствие которых компенсируется лишь «бешеными» темпами экономического роста. Оба эти условия находятся только в стадии становления в России, очевидно, запаздывая от потребностей. Иными словами, **идеологическая установка**, лежащая в основе стратегического прогноза и планирования, и установка на высокие темпы роста человеческого потенциала являются **обязательными** для опережающего экономического и социального развития страны.

Если прогнозы и планы будут в достаточной мере амбициозными, то даже их частичное невыполнение лучше, чем регулярное перевыполнение заниженных планов. Так, в 2006 году нацпроект «Доступное жилье» был выполнен на 97%, что на самом деле, хороший результат. Прежде всего, потому, что первый год выполнения любого федерального проекта всегда самый тяжелый. Всплывает много административных и организационных моментов. А кроме того, даже такие объема на 10,3%[28] превышают показатели 2005 года (для сравнения — темпы роста ВВП в 2010 году были 6,9%, а промышленности в целом — порядка четырех процентов) по вводу жилья в физических, а не денежных величинах. При этом темпы роста строительной отрасли превысили 15%. В 2007 году уже ясно, что эти темпы превысят 30%!

Иными словами, идея опережающего развития для России предполагает изначально рост ВВП не менее 12–15% в год при том понимании, что у наукоемких отраслей он должен превышать 30–40% ежегодно. Ничего сверхъестественного в таких темпах нет. В 2006 году прирост в строительной отрасли превысил 15% а в 2007 году — более 30%, некоторые регионы дают устойчивый рост, превышающий 10%. Да и пример Китая, чей ежегодный прирост превышает 10% вот уже 30 лет, — показателен.

Еще более быстрыми темпами растут новые отрасли — связь, информатика. Для этих отраслей и подотраслей, чья доля в ВВП пока что всего лишь около 5%, темпы роста в 30–40% совершенно нормальны. Пример с российскими информационными технологиями подтверждает этот вывод. Объем российского ИТ-рынка в мировом масштабе пока невелик. Заместитель министра информтехнологий и связи РФ Дмитрий Милованцев говорит: «В 2006 г. объем отечественного ИТ-рынка составил $13,5–13,7 млрд (по сравнению с $10,7 млрд в 2005 г.). **Это чуть больше 1% общемирового объема ИТ-рынка, составляющего $915 млрд**». При этом он подчеркивает, что за последние четыре года объем ИТ-рынка России вырос более чем в два раза. Аналитическая компания IDC приводит схожие данные: по ее оценкам, в 2003 г. объем российского ИТ-рынка был около $7,1 млрд, а по итогам 2006 г. достиг $12,6 млрд (что означает прирост за четыре года почти в 1,8 раза)[29].



Источник: Всемирный банк

Рис. 2. ВВП крупнейших экономик мира ($ трлн)

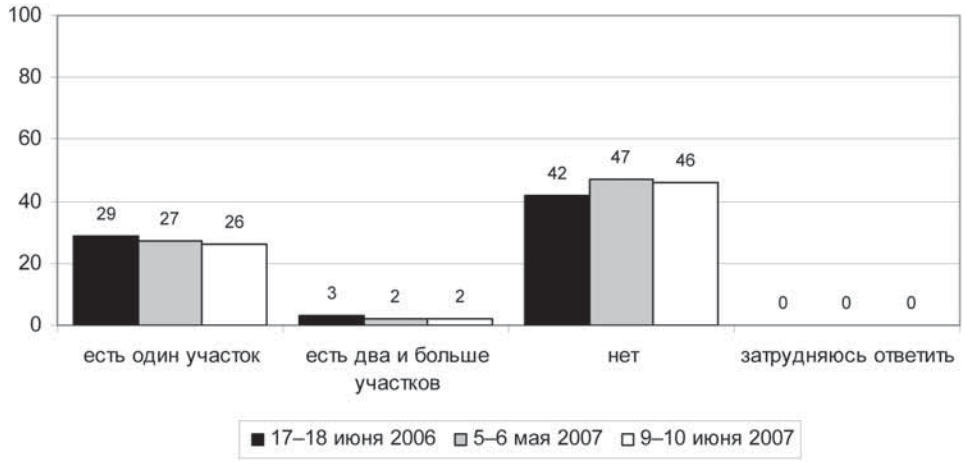


Рис. 3.

Существует немало нетрадиционных способов ускорить темпы роста ВВП. Так, подсчитано, что если всем гражданам России выделить приусадебные участки, то хватит одной Московской области. Сегодня, по оценкам социологов, положение в этой сфере выглядит следующим образом[30] (рис. 3).

Возникает вопрос: что мешает массированному выделению земель на льготных условиях гражданам России, которые могли бы не только решать жилищную проблему, но и проблему здоровья, воспитания детей, насыщения внутреннего рынка с/х продуктами и т.д.?

Россия занимает 75-е место в мире в рейтинге конкурентоспособности Всемирного экономического форума, потеряв за год пять позиций. Мировой экономический форум (WEF) опубликовал рейтинг конкурентоспособности мировых экономик на 2005–2006 годы. Первые места достались представителям Скандинавии, США и Азиатским развивающимся странам.

В рамках проводимого ежегодно исследования были проанализированы экономики 117 стран и примерно 11 тыс. ведущих предприятий. Составители рейтинга постарались учесть все наиболее значимые факторы, влияющие на общие экономические показатели, начиная от функционирования общественных институтов и до развития технологий и инноваций.

Согласно рейтингу, самой конкурентоспособной страной в мире стала Финляндия. За ней следуют США, Швеция и Дания. На пятом месте Тайвань, Сингапур — шестой. Далее идут Исландия, Швейцария, Норвегия и Австралия. Таким образом, пять мест в десятке лучших принадлежат скандинавам. Состав тройки лидеров с прошлого года не изменился. Страны Западной Европы, ведомые Голландией, уверяют авторы рейтинга, нуждаются в реформах для стимулирования экономического роста.

Один из самых больших рывков вверх у южнокорейской экономики — за год **она поднялась на 12 позиций**. Самый большой провал — на 30 позиций — у Доминиканской республики, оказавшейся на 102-м месте. Из бывших соцстран лидирует Эстония — **она на 20-м месте**, как и в 2010 году. Речь идет о том, что если эффективность развития на информационно-технологическом этапе во многом предопределяется **созданием или заимствованием** новейших технологий, их **быстрым внедрением**, то это и должно стать главным приоритетом в планах развития.

Настоящие горизонты планирования может дать только идеология. Идеология, которая ляжет в основу долгосрочной стратегии.

3. Несостоятельность идей «заимствования» модернизации

Любая отрасль может и должна быть ячейкой модернизации и инновации[31].

…Каждая страна вынуждена внедрять уникальную систему инноваций с учетом своих собственных сильных и слабых сторон[32].
Доклад Нью-Йоркской академии наук

Этот вывод американские эксперты сделали на основе анализа наиболее успешных инновационных систем в странах, которые серьезно, даже радикально отличаются друг от друга по большинству параметров–истории, геополитическому положению, масштабам экономики и т.д. Единственно, что их объединяет, — успех в модернизации и инновациях. Это — Израиль, Финляндия, Тайвань, Индия, США.

Российская правящая элита в очередной раз пытается механически использовать опыт и результаты, полученные на чужой национальной и культурной

почве. Повторяется ошибка 1990-х годов. Причем уже в больших масштабах.

Но сначала о главном, — предмете модернизации. Об этом спорят мало, сводя по существу всю модернизацию к модернизации материальных активов-техники, оборудования. Технологиям.

Несостоятельность идеи «технологической модернизации» сводится к следующим основным аргументам.

Первое. Модернизация — часть, причем не самая главная, в общем процессе национального, общественного и государственного развития, которые предполагают качественные изменения в общественно-политическом, государственном устройстве, а, главное, национальном развитии. Другими словами, с точки зрения иерархии, модернизировать надо:

— нацию;
— общество;
— политическую систему;
— государство.

Оставив все эти уровни вне модернизации, нельзя говорить о модернизации страны, но только о ее технологической основе.

Второе. Модернизация предполагает некую систему взглядов правящей элиты, т.е. идеологию. Сегодня нет ни такой системы, ни соответствующей требованиям элиты. Есть лишь элитный набор представлений, сформированный в рамках некой «либеральной традиции», но даже в этом наборе, как показали дискуссия 2010–2011 годов, существуют различные взгляды и подходы. Это не меняет даже то обстоятельство, что различные сегменты взглядов либеральной элиты, как сказал И. Юргенс, «совпадают на 70%»)[33]. Отсюда следует неизбежный вывод: нужна, как минимум, **единая система взглядов** правящей элиты на развитие нации, т.е. идеология, которая аккумулировала бы в себе достоинства разных подходов, а не только «либеральной традиции», которая, замечу, не пользуется политической поддержкой большинства нации и которая пока что доказала только свою способность совершать ошибки.

Это же означает необходимость совершенствования институтов социального потенциала, прежде всего политических — партий и организаций, — которые должны сформировать для нации новую политическую повестку дня, а также тех институтов, которые смогли бы сохранить и развить НЧК, мобилизовать и сделать его инструментом модернизации. Речь идет прежде всего о творческих, профессиональных и иных союзах и объединениях.

Третье. Главный объект модернизации — НЧП и институты его социального потенциала, с которых необходимо **начинать модернизации**. При этом требуются не столько финансовые, сколько политические и волевые усилия.

Насколько российская элита готова к этому? Для меня — большой вопрос. Такой же вопрос для меня, захочет ли она этого, ведь вопрос, на самом деле, стоит о власти и собственности.

Четвертое Социальная политика государства и всего общества должны быть радикально пересмотрены. И не только с финансово-экономической, но и нравственно, и политической точек зрения.

---

1 *Медведев Д.* Послание Президента РФ Федеральному Собранию / Российская газета, 6 ноября 2008 г. С. 2.

2 *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М.: Профиздат, 2008. С. 31.

3 *Зудин А.* Утопии и рефлексии // Независимая газета. НГ-сценарии. 2011. 27 апреля. С. 11.

4 *Богатуров А.* Кризис политики правого центра // Независимая газета. НГ-сценарии. 2011. 22 марта. С. 1.

5 *БСЭ, 1969–1978*

6 *Медведев Д.* Дмитрий Медведев выступил на конференции «Великие реформы и модернизация России». 3 марта 2011 г. / www.kremlin.ru

7 *Зудин А.* Утопии и рефлексии // Независимая газета. НГ-сценарии. 2011. 27 апреля. С. 11.

8 *Радзиховский Л.* Фронт без линии фронта // Российская газета. 2011. 17 мая. С. 3.

9 *Родин И., Самарина А.* Модернизация без потрясений // Независимая газета. 2011. 17 марта. С. 1.

10 *Юргенс И.* Выйти навстречу // Российская газета. 2011. 28 февраля. С. 1.

11 *Тенет Дж.* В центре шторма. М.: Библиотека Коммерсант, 2008. С. 231.

12 *Косырев Д.* Сколько стоит сверхдержавность // Известия. 2011. 28 февраля. С. 6.

13 *Морозов А., Кривошапко Ю.* Пропало четверть бюджета Башкирии // Известия. 2011. 3 марта. С. 1.

14 Форум «Стратегия–2020». Региональная проекция». Откроется в Нижнем Новгороде. 3 марта 2011 / http://www.r52.ru

15 *Медведев Д.* Послание Президента РФ Федеральному Собранию / Российская газета. 2008. 6 ноября. С. 2.

16 Форум «Стратегия–2020». Региональная проекция». Откроется в Нижнем Новгороде. 3 марта 2011 / http://www.r52.ru

17 *Куликов С.* Что спасло Россию от еще более глубокого кризиса // Независимая газета. 2011. 2 марта. С. 4.

18 *Friedman Th. L.* The New York Times, 2008. 20 august.

19 *Третьяков В.* Политграмота наших дней // Известия. 2011. 3 марта. С. 8.

20 **Долгосрочное целеполагание** — *зд.* процесс практического осмысления национальной элитой своей деятельности с точки зрения формирования долгосрочных целей и поиска наиболее эффективных средств их достижения.

21 *Рубцов А.В.* Приведение к современности // Независимая газета. 2010. 14 апреля. С. 5.

[22] *Рубцов А.В., Богословский С.А.* Между нефтью и хай-теком // Независимая газета. 2008. 16 января. С. 11.

[23] Основные параметры прогноза … М.: МЭР, 2008. Август. С. 25.

[24] *Искаков Б. И.* Оценка экономического ущерба от депопуляции. «Viperson». 2 марта 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru

[25] *Ваганов А.* Старт с низкой базы // Независимая газета. Наука. 2007. 28 марта. С. 13.

[26] Коммерсант. 2007. 25 июля. С. 2.

[27] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 768.

[28] *Долгов В.* Правительство не справилось с жилищной программой // Независимая газета. 2007. 22 января. С. 4.

[29] Информационные технологии вместо нефти // Ведомости Форум. 2007. Февраль. С.4.

[30] Социологический бюллетень Доминанты. Поле мнений. ФОМ, 2007. № 24. С. 3.

[31] Бизнес и модернизация // Известия. 2010. 13 мая. С. 3.

[32] Ярославский план 10–15–20 // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 2.

[33] *Юргенс И.* «Я за Медведева, потому что вижу в нем ряд качеств» // Независимая газета. 2011. 5 апреля. С. 1.

Глава 7

Условие № 3: необходимость радикального изменения социальной политики: резкий рост заработной платы, стипендий, пособий и пенсий

Наш дух сильнее гнетущего бытия.
А. Солженицын

Идеология всегда идет впереди, это как общая команда для всех. Невозможно же 100 000 чиновникам одновременно что-то приказать…[1].
А. Подберезкин

Современная социальная политика правящей элиты характеризуется **нарастанием негативных** тенденций, их накапливанием, превращением возможного количественного перехода в качественное. Во всех своих измерениях — нравственном, экономическом, финансовом, демографическом. Так, иллюстрацией может послужить динамика роста ветхого и аварийного жилищного фонда как показателя, **абсолютно** не приемлемого для развитых государств (см. табл. 1).

Табл. 1. Ветхий и аварийный жилищный фонд[2] (на конец года; общая площадь жилых помещений)

	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Ветхий и аварийный жилищный фонд, млнм2	**91,6**	93,0	94,6	95,9	99,1	**99,5**
в том числе:						
ветхий	78,4	81,8	83,4	83,2	84,0	83,0
аварийный	13,2	11,2	11,2	12,7	15,1	16,5
Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, %	3,2	3,2	3,2	3,2	3,2	3,2

Табл. 2. Структура расходов на конечное потребление домашних хозяйств различных социально-экономических категорий в 2009 г. (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств)

	Расходы на конечное потребление (в среднем на одного члена домашнего хозяйства в месяц), руб.	В процентах от общего объема расходов на конечное потребление								
		расходы на питание	в том числе				расходы			стоимость услуг, предоставленных работодателем бесплатно или по льготным ценам
			денежные расходы на покупку продуктов питания	стоимость натуральных поступлений продуктов питания	из нее		на непродовольственные товары	на алкогольные напитки	на оплату услуг	
					поступлений из личного подсобного хозяйства	полученных подарков и других поступлений				
Все домашние хозяйства	9054,1	**36,2**	32,0	4,1	3,3	0,8	**36,3**	1,6	25,7	0,2
Домашние хозяйства, проживающие:										
в городской местности	10 133,5	33,7	31,5	2,3	1,5	0,7	36,9	1,6	27,6	0,2
в сельской местности	6074,9	47,4	34,6	12,8	11,2	1,4	33,8	1,7	17,0	0,1
Домашние хозяйства, состоящие:										
из 1 человека	12 748,3	42,5	38,0	4,6	3,2	1,4	28,5	1,7	27,2	0,1
из 2 человек	11 089,4	36,4	32,2	4,1	3,3	0,8	37,2	1,9	24,4	0,1
из 3 человек	10 162,7	33,8	30,6	3,2	2,4	0,8	37,9	1,6	26,5	0,2
из 4 человек	8203,5	34,2	30,2	3,9	3,1	0,8	37,7	1,5	26,4	0,2
из 5 и более человек	5955,6	40,7	34,5	6,3	5,3	0,8	33,7	1,4	24,0	0,2
Домашние хозяйства, имеющие детей в возрасте до 16 лет:										
1 ребенка	8316,7	34,9	30,9	3,9	2,9	0,9	36,8	1,6	26,5	0,2
2 детей	6856,3	35,4	30,3	5,1	3,7	1,3	38,1	1,4	24,8	0,3
3 детей	5999,0	42,3	35,5	6,8	5,4	1,2	33,6	1,1	23,0	0,0
4 и более детей	3286,6	52,7	38,2	14,6	11,0	3,1	32,0	1,2	13,7	0,4
Домашние хозяйства по 10-процентным группам населения:										
первая (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	2927,2	**53,3**	44,9	8,4	6,6	1,6	**19,8**	1,2	25,6	0,1
вторая	4066,4	**50,4**	43,0	7,3	5,8	1,4	**22,2**	1,3	26,0	0,1
третья	4920,9	**48,2**	41,6	6,7	5,3	1,3	**24,3**	1,4	26,0	0,1
четвертая	5767,6	**46,4**	40,2	6,2	4,9	1,2	**25,9**	1,5	26,1	0,1
пятая	6702,7	**44,1**	38,5	5,6	4,5	1,1	**28,4**	1,6	25,8	0,1
шестая	8123,3	**40,2**	35,4	4,8	3,8	1,0	**31,2**	1,8	26,7	0,1
седьмая	9856,8	**37,1**	33,0	4,1	3,3	0,8	**33,9**	1,6	27,3	0,1
восьмая	11 954,4	33,4	30,1	3,3	2,6	0,7	37,5	1,6	27,4	0,1
девятая	14 256,3	32,2	29,0	3,2	2,5	0,7	40,1	1,8	25,6	0,3
десятая (с наибольшими располагаемыми ресурсами)	21 965,2	**25,6**	23,4	2,3	1,7	0,5	**49,0**	1,6	23,6	0,2

Как видно, только за 5 лет аварийный фонд вырос почти на 10%. Этот маленький пример — иллюстрация всей социальной политики, которую сегодня ежедневно пытаются исправить косметическими подачками. Между тем, надо менять всю политику, весь социальный курс правящей элиты.

И начинать надо с приоритетов, а именно: формировать бюджет и всю политику под решения социальных задач, а не наоборот.

Резкий рост зарплаты, стипендий, пособий и пенсий должен привести как к росту душевых доходов (одного из ведущих показателей НЧП), так и в конечном счете производительности труда и в целом ВВП. Это также приведет неизбежно к ускорению модернизации — дорогой труд требует высокой эффективности, снижения издержек и роста производительности труда, а в конечном счете — к росту объема ВВП[3].

«Идеология, в центре которой находится человек» это, на мой взгляд, главный рефрен и принципиальный вывод, сделанный Д. Медведевым в своем первом послании Федеральному Собранию. Это — объявленная цель, которая имеет для России принципиальный, долгосрочный характер. Эта же цель сформулирована в качестве основной и в «Инновационной России–2020»[4].

Но именно декларируемая цель, а не нынешняя политическая реальность. Современная социальная политика — прямо противоположна декларируемым целям, что стало особенно заметно в период кризиса 2008–2011 годов: высокая инфляция сопровождалась ростом цен на основные продукты и услуги. Особенно ЖКХ, что в целом привело к падению уровня жизни основной части нации. Для семи из десяти групп граждан расходы на питание составили в 2009 году от 37% до 53,3%. В этом же году для этих групп расходы на непродовольственные товары составляли соответственно от 33,9% до 19,8%, т.е. более 70% всех доходов уходило на поддержание жизни[5] (табл. 2).

Эта статистика свидетельствует, что на развитие НЧП — образование, культуру, информатизацию и т.п. — могла претендовать только одна из 10 социальных групп, где душевые доходы равнялись примерно 22 тыс. рублей. Эта же статистика свидетельствует

Табл. 3. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности (рублей; 1995 г. — тыс.руб.)

	1995	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Вся экономика	**472,4**	**2223,4**	**4360,3**	**5498,5**	**6739,5**	**8554,9**	**10 633,9**	**13 593,4**	**17 290,1**	**18 637,5**
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	259,4	985,1	1876,4	2339,8	3015,4	3646,2	4568,7	6143,8	8474,8	9619,2
Рыболовство, рыбоводство	746,2	2845,6	5031,3	5444,5	7084,9	10 233,5	12 310,8	14 797,0	19 498,9	22 913,5
Добыча полезных ископаемых	1067,2	5940,2	11 080,9	13 912,4	16 841,7	19 726,9	23 145,2	28 107,5	33 206,1	**35 363,4**
из нее:										
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	1211,9	6985,1	13 080,3	16 135,5	19 903,3	23 455,9	27 614,5	33 275,5	39 051,3	**41 568,3**
добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	752,6	3999,5	7035,0	9395,7	10 876,6	13 176,0	15 363,7	19 092,7	22 937,4	24 064,1
Обрабатывающие производства	453,8	2365,2	4439,1	5603,4	6848,9	8420,9	10 198,5	12 878,7	16 049,9	16 583,1
из них:										
производство пищевых продуктов, включая напитки и табак	492,6	2183,4	4065,9	5026,7	6065,8	7303,8	8806,7	11 069,2	13 930,4	15 653,1
текстильное и швейное производство	240,8	1214,8	2241,7	2803,0	3356,5	3986,0	4964,3	6589,5	8453,6	9020,5
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	277,1	1347,8	2621,1	3230,0	3774,7	4695,3	5649,1	7537,0	9522,3	10 073,2
обработка древесины и производство изделий из дерева	390,9	1739,1	2980,2	3754,8	4614,6	5895,4	6950,4	8815,6	11 301,1	10 947,2

	1995	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	569,7	2736,6	5480,2	6848,4	7892,0	9418,6	10923,6	13792,0	17631,7	17707,1
производство кокса и нефтепродуктов	810,9	4916,3	9625,3	11879,0	13729,3	19397,1	22319,6	28565,0	34912,5	37963,7
химическое производство	517,6	2754,6	4899,5	6154,8	7682,7	9928,3	11599,3	14615,9	18219,9	19428,7
производство резиновых и пластмассовых изделий	424,6	2140,4	3957,1	4950,7	5956,8	6879,2	8767,7	11082,6	13464,0	13850,6
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	489,7	2182,0	4134,2	5207,8	6422,4	7921,8	9983,8	13193,3	16371,8	16053,7
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	687,9	3854,9	6285,2	7731,2	9196,8	10260,7	12001,5	14990,7	18171,1	17946,3
производство машин и оборудования	377,9	1975,3	4066,6	5169,7	6514,2	8379,8	10418,0	13479,8	16940,0	17009,6
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	370,7	2003,6	3815,7	5108,5	6431,7	8218,8	10289,8	13114,4	16608,9	17360,4
производство транспортных средств и оборудования	493,6	2454,1	5099,9	6365,0	7828,0	9377,4	11431,2	14013,6	17330,9	17367,8
прочие производства	373,8	2053,2	3279,3	4045,2	5182,0	6386,8	8278,0	10114,1	12593,4	12543,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	786,9	3156,5	5869,4	7235,3	8641,8	10637,3	12827,5	15587,3	19057,4	21554,2
Строительство	587,3	2639,8	4806,9	6176,7	7304,7	9042,8	10869,2	14333,4	18574,0	18122,2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	357,6	1584,5	3068,9	3974,2	4906,2	6552,1	8234,9	11476,3	14927,4	15958,6
Гостиницы и рестораны	325,3	1640,0	3039,3	3966,7	4737,3	6033,4	7521,7	9339,0	11536,2	12469,6
Транспорт и связь	702,9	3220,2	5851,5	7471,3	9319,9	11351,1	13389,9	16452,3	20760,8	22400,5
из них связь	586,2	2879,2	5661,5	7304,2	8974,2	11389,1	13220,3	16042,6	19918,1	20923,1
Финансовая деятельность	755,2	5232,2	13245,9	15561,2	17383,8	22463,5	27885,5	34879,8	41871,8	**42372,9**
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	416,2	2456,7	4677,1	6196,3	7795,4	10236,8	12763,2	16641,6	21275,0	22609,7
из них научные исследования и разработки	365,8	2700,7	5565,8	7148,0	8835,4	11000,7	14010,7	19516,7	24916,0	28167,2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	517,0	2712,1	5200,4	6913,8	7898,6	10958,5	13477,3	16896,3	21344,1	23960,0
Образование	309,3	1240,2	2927,3	3386,6	4203,4	5429,7	6983,3	8778,3	11316,8	**13293,6**
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	345,0	1333,3	3141,3	3662,6	4612,0	5905,6	8059,9	10036,6	13048,6	**14819,5**
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	470,7	1548,0	3183,1	3920,3	4822,7	6291,0	7996,4	10392,2	13538,6	15070,0

об огромной социальной дифференциации населения, когда абсолютное большинство граждан не могут активно участвовать в экономической и политической жизни страны. Они заняты решением проблемы выживания, а не развития.

Об этом же свидетельствует и огромная разница в начисленной зарплате работникам по отдельным отраслям, составляющая 35–42 тыс. рублей в добывающей промышленности и финансовой деятельности 13–14 тыс. рублей в образовании и науке (табл. 3).

Требуется очевидная **смена политического курса**, которая выражается прежде всего в росте доходов всех слоев населения. Необходимо заметить, что важнейшим условием этого является **смена идеологической парадигмы** относительно всей социальной политики, ведь сегодня эта политика строится от представлений о бюджетном дефиците и необходимости борьбы с инфляцией.

Напомню, в 2005 году общие расходы на социальную защиту в Европейском Союзе (ЕС-27) составили **27,2% к объему ВВП** при значительной дифференциации между странами. В странах, где этот показатель соответствует среднему уровню или превышает его (то есть составляет 27,2% ВВП и более), проживает 39,6% совокупного населения ЕС; в странах, где его значение составляет от 22,3% до 27,2% ВВП, — 30% населения; в странах, тратящих на социальную защиту от 17,4% до 22,3% своего ВВП, — 21,9% жителей ЕС, а в странах, тратящих на эти цели менее 17,4% ВВП, — 8,5% населения ЕС.

Страны с наиболее высоким соотношением расходов на социальную защиту и ВВП — Швеция (32,0%), Франция (31,5), Дания (30,1), Бельгия (29,7), Германия (29,4), Австрия (28,8) и Нидерланды (28,2%) — тратят на социальные цели в две с лишним раза больше (по отношению к ВВП), чем три государства с самыми низкими значениями этого соотношения: Латвия (12,4%), Эстония (12,5%) и Литва (13,2%).

Еще большие различия между странами-членами ЕС по абсолютным показателям величины социальных расходов в расчете на душу населения. Их величина в 2005 году варьировалась от 1088 стандартов покупательной силы (пересчитанная в евро с учетом паритетов покупательной способности) в Румынии, до 12 948 — в Люксембурге, 8529 — в Швеции и 8498 — в Дании (рис. 1). За пределами ЕС социальные расходы в расчете на душу населения особенно высоки в Норвегии (9525) и в Швейцарии (8891). Если в пересчете на евро без учета ППС социальные расходы за 2005 год в Люксембурге и Норвегии превысили 1000 евро в среднем на человека в месяц, то в Латвии, Литве, Болгарии и Румынии не достигли и 70 евро (38–67)[6].

Требуются политические решения, которые должны изменить саму логику социальной политики. На мой взгляд, новая логика должна исходить из простых положений:

1. Борьба с инфляцией посредством ограничения денежной массы и сдерживания доходов ни к чему не привела. Следовательно продолжение такой политики бесперспективно.
2. Рост доходов ведет к росту внутреннего рынка, стимулированию покупательного спроса, развитию ипотеки и т.д.
3. Рост доходов ведет к вовлечению в процесс производства товаров и услуг всех слоев населения, которые видят реальную возможность улучшения своей жизни.

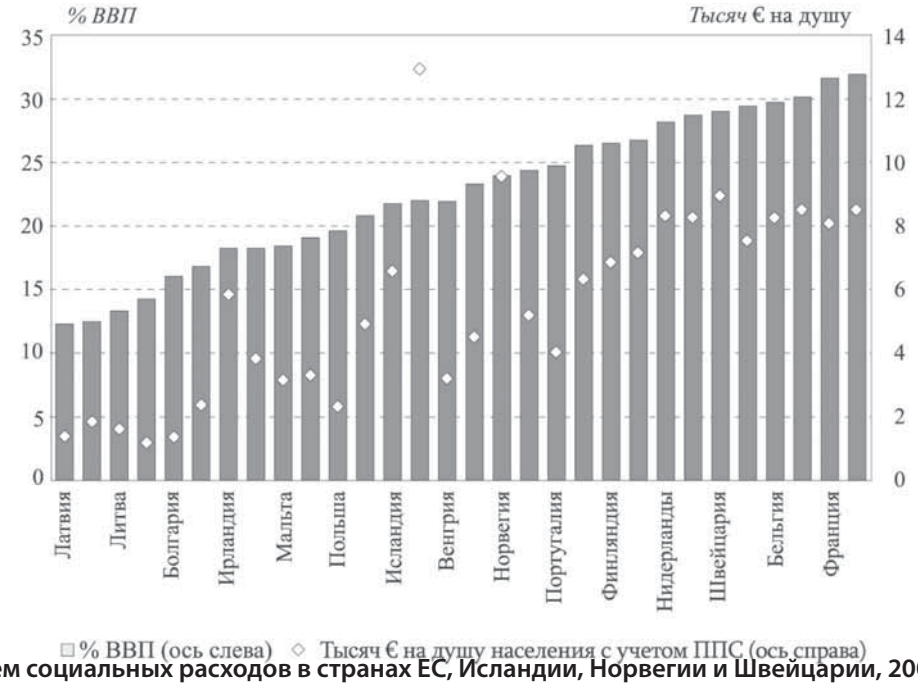


Рис. 1. Объем социальных расходов в странах ЕС, Исландии, Норвегии и Швейцарии, 2005 г., % от ВВП и стандартов покупательной силы на душу населения (пересчитанные в евро с учётом паритетов покупательной силы)

4. Рост доходов ведет к формированию среднего класса и развитию НЧП, появлению новых возможностей в образовании и культуре.
5. Рост доходов ведет к росту производительности труда, когда вытесняется труд с символической заработной платой.

Социальная политика долгое время рассматривалась за рубежом, в СССР и особенно в России как неизбежный «довесок», «дополнение» экономической политики, которая вела к снижению темпов роста экономики, ухудшению экономических показателей, а иногда и экономическому кризису. Кризис 2008–2010 годов показал критикам такой политики новые аргументы — бюджетный дефицит, внешние займы.

К 2008 году в России наметилась тенденция изменения отношения элиты к социальной политике, что было вызвано притоком экспортной выручки. Вплоть до кризиса 2008 года эта тенденция усиливалась, но (что примечательно) именно в условиях кризиса руководство страны заявило, что оно не будет пересматривать своих социальных приоритетов. Более того, в своем первом послании Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года Д. Медведев подчеркнул, что «все социальные гарантии должны быть предметом повседневной заботы Правительства», а «действия, ущемляющие социальные гарантии, не просто аморальны, но и незаконны».

На самом деле этого не произошло. В 2008–2010 годах отчетливо проявился процесс стагфляции, который привел к падению уровня жизни большинства населения. Символические индексации и прибавки не компенсировали стремительного роста цен на широкий круг продовольственных и промышленных товаров и особенно услуг ЖКХ, стоимость которых (как, впрочем, и многих товаров) **превысила общеевропейские показатели**.

Эта позиция в целом отражает генеральную тенденцию в развитии человечества в XXI веке. С превращением в конце XX века человеческого потенциала в главный фактор развития изменилась и роль социальной сферы в экономике. Она стала **определяющим фактором экономического развития**, может быть, в еще большей степени, чем финансовая или экономическая политика. Можно признать, что в начале XXI века социальная политика в ведущих странах мира стала приоритетной по отношению к финансово-экономическому блоку. И это только начало. Уверен, что уже в ближайшие годы политический курс развития страны будет определяться, прежде всего, ее социальной политикой.

1. Социальная политика XXI века

…Нет потенциала для, например, мобилизационной модели, стадия инерции уже пройдена…[7].
И. Юргенс

В социальной области термин «потенциал» используется для обозначения имеющихся возможностей к осуществлению определенного вида и качества деятельности. Эти возможности создаются обществом в ходе его исторического развития. Человеческая деятельность есть процесс реализации потенциала. Если потенциал отсутствует, деятельность становится невозможной[8].
В. Калле

И далее В. Ж. Келле справедливо подчеркивает: «Производство в широком смысле слова включает в **себя также физическое и социальное воспроизводство** самого человека: семью, школу, всю систему обучения и воспитания, образования подрастающего поколения.

В конечном счете «социальное воспроизводство» выражается в главном количественном показателе НЧП — демографии. Этот показатель для России — один из самых низких не только среди развитых, но и развивающихся государств. Хотя, следует признать, имеет тенденцию к улучшению. В 2010 году впервые абсолютный прирост населения имел положительный (хотя и символический) результат (табл. 4). Что, конечно, свидетельствует прежде всего о возможности влиять на этот процесс со стороны правящей элиты[9].

Между тем остаются вопросы, среди которых самые важные, на мой взгляд, следующие:

1. За счет каких национальностей произошла стабилизация численности населения в России?
2. Каков прирост качества (НЧП) населения?

Как видно из следующих данных (табл. 5), за 1989–2002 годы шел процесс сокращения коренного (русского и в целом славянского) населения страны. За эти же годы наблюдался прирост населения за счет граждан бывших советских республик и некоторых регионов страны, прежде всего северокавказских, закавказских и среднеазиатских[10].

Нельзя забывать и о системе здравоохранения, о сохранении здоровья и жизни людей. Удельный вес интеллектуального труда в этих сферах также весьма высок. В **«производстве человека» занято большое** количество людей. Учителя и врачи являются массовыми профессиями. В России 90-х годов большинство из них (как и ученых) стало «новыми бедными» — самыми низкооплачиваемыми «бюджетниками». Это лишь одно из многих свидетельств

Табл. 4. Основные демографические показатели

	1990	1996	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Численность населения* — всего, тыс. чел.	**147 665**	**148 292**	**146 304**	**145 649**	**144 964**	**144 168**	**143 474**	**142 754**	**142 221**	**142 009**	**141 904**	**141 914**
в том числе:												
городское	108 736	108 311	107 072	106 725	106 321	105 818	104 719	104 105	103 778	103 773	103 690	103 705
сельское	38 929	39 981	39 232	38 924	38 643	38 350	38 755	38 649	38 443	38 236	38 214	38 209
Из общей численности населения — население в возрасте, тыс. чел.:												
моложе трудоспособного	36 101	33 615	28 387	27 274	26 115	25 014	24 095	23 317	22 718	22 497	22 541	22 854
трудоспособном**	83 943	84 540	88 040	88 515	89 206	89 896	90 218	90 328	90 152	89 752	89 266	88 360
старше трудоспособного	27 621	30 137	29 877	29 860	29 643	29 258	29 161	29 109	29 351	29 760	30 097	30 700
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет:												
все население	69,2	65,8	65,2	65,0	64,9	65,3	65,3	66,6	67,5	67,9	68,7	
мужчины	63,7	59,6	58,9	58,7	58,6	58,9	58,9	60,4	61,4	61,8	**62,8**	
женщины	74,3	72,4	72,2	71,9	71,8	72,3	72,4	73,2	73,9	74,2	**74,7**	
На 1000 чел. населения												
Родившихся	13,4	8,9	9,0	9,7	10,2	10,4	10,2	10,4	11,3	12,1	12,4	
Умерших — всего	11,2	14,2	15,6	16,2	16,4	16,0	16,1	15,2	14,6	14,6	14,2	
из них детей в возрасте до 1 года***	17,4	17,4	14,6	13,3	12,4	11,6	11,0	10,2	9,4	8,5	8,1	
Естественный прирост, убыль (–) населения	2,2	–5,3	–6,6	–6,5	–6,2	–5,6	–5,9	–4,8	–3,3	–2,5	–1,8	
Число браков	8,9	5,9	6,9	7,1	7,6	6,8	7,5	7,8	8,9	8,3	8,5	
Число разводов	3,8	3,8	5,3	5,9	5,5	4,4	4,2	4,5	4,8	5,0	4,9	
Миграционный прирост, убыль (–) населения	1,9	3,5	1,9	1,6	0,6	0,7	0,9	1,1	1,8	1,8	1,8	

* Оценка на 1 января соответствующего года.

** Мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 года.

*** На 1000 родившихся живыми.

близорукой политики, недооценки значимости интеллектуального труда, которая уже привела к ослаблению интеллектуального потенциала страны.

В общественном сознании и особенно среди молодежи понижается престиж научной деятельности. Это весьма опасная тенденция. В постиндустриальном мире ведущую роль играют страны с высоким интеллектуальным потенциалом. Последний востребован именно как некая интегративная целостность составляющих его компонентов.

Между тем все более важную роль в определении статуса и дохода граждан играет индекс стоимости жизни[11], который в мире рассчитывается для нижней части среднего класса (в России — интеллигенции).

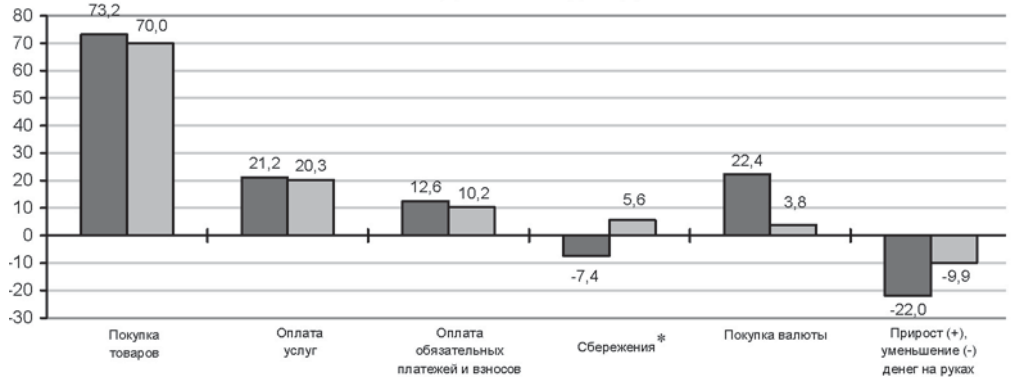
«Структура потребительских расходов для измерения ИСЖ рассчитывается исходя из потребления среднего россиянина, но с учетом региональных различий, говорит начальник отдела Росстата Ирина Горячева. Например, житель Пензы покупает больше сахара и меньше бензина, чем житель Белгорода. „ИСЖ показывает, не сколько стоит набор, а, к примеру, на сколько жить в Перми дороже, чем в Курске“, — поясняет Горячева. Методика для расчета ИСЖ аналогична американскому cost of living index, который измеряет стоимость жизни самой высокодоходной группы населения 337 городов. Разрыв в стоимости жизни в США в 2010 г. — 2,4 раза»[12].

Очень важное значение имеет в наши дни такой показатель как структура использования денежных доходов. Чем более развита страна, тем больше денег тратится на развитие личности, а не на физическое выживание. В России практически все доходы населения уходят «на жизнь» — покупку продовольствия, товаров и оплату обязательных платежей, особенно ЖКХ. На развитие — образования, культуру, информацию и т.п. — тратится совсем мало, можно сказать, остатки доходов. Что видно, например, из официальной статистики[13] (рис. 2).

Табл. 5. Национальная структура населения
(по данным переписей населения; на 100 000 человек населения)

	1989	2002		1989	2002
Русские	81 529	79 832	Азербайджанцы	228	428
Татары*	3756	3826	Марийцы	438	416
Украинцы	2967	2027	Немцы	573	411
Башкиры	915	1153	Кабардинцы	263	358
Чуваши	1206	1128	Осетины	274	355
Чеченцы	611	937	Даргинцы	240	351
Армяне	362	779	Буряты	284	307
Мордва	730	581	Якуты	259	306
Аварцы	370	561	Кумыки	189	291
Белорусы	820	557	Ингуши	146	285
Казахи	432	450	Лезгины	175	283
Удмурты	486	439			

* При переписи 1989 г. в численность татар входили нагайбаки и чулымцы, учтенные при переписи 2002 г. отдельно.



* Сбережения включают прирост (уменьшение) вкладов, приобретение ценных бумаг, изменение средств на счетах индивидуальных предпринимателей, изменение задолженности по кредитам, приобретение недвижимости.

Рис. 2. Изменения в структуре использования денежных доходов населения (в % к денежным доходам)

Фактически это означает, что кое-как обеспечивается материальное потребление при минимальных возможностях для развития НЧП.

Планка потребления для расчета ИСЖ тоже сильно сдвинута в сторону среднего класса, сравнивает Игорь Поляков из ЦМАКП. В наборе для расчета ИСЖ — 275 наименований товаров и услуг, доля продовольствия — 29,5%, непродовольственных товаров — 63,6%. В структуре потребкорзины для измерения инфляции, ориентированной на потребление людей со средним и ниже среднего доходом, доля продуктов намного выше (38,5%) и превышает непродовольственные товары (35,6%)[14].

Люди интеллектуального труда принадлежат к различным социальным и профессиональным группам. Общим объединяющим их началом является интеллектуальная составляющая их профессиональной деятельности. Но сам этот слой неоднороден. В нем выделяется интеллектуальная элита. Ее представители, как правило, не только носители профессиональных знаний, но люди, способные творчески их развивать, вносить в них нечто новое. Их на Западе называют интеллектуалами. В теориях постиндустриализма интеллектуалам, профессионалам отводится важная роль в «обществе знаний». Иногда их изображают в неприглядном свете, как носителей технократических и тоталитарных тенденций, стремящихся к созданию системы управления по модели платоновского государства. Такой вариант в принципе не исключен, но само стремление к тоталитаризму зависит не от характера их профессиональной деятельности, а от ценностных ориентаций, и порождается социальными условиями[15].

В силу ряда причин в центре общественно-политического и научного внимания в России в последние годы находились проблемы преимущественно экономического и финансового характера. Именно с этих позиций нередко (а, точнее, почти всегда) рас-

Рис. 3. Индекс стоимости жизни в 2010 г.

сматривались и остальные проблемы социального развития. В том числе и прежде всего социальные, политические и даже философские. И уж точно такой подход и такая логика превалировали во власти. Особенно исполнительной, но — что удивительно — и в законодательной, представительной, где казалось бы должны были превалировать политико-идеологические мотивы.

Но и с экономической точки зрения произошло то, что, может быть, не ожидалось. Духовность, интеллект; креативность не могут быть отчуждены, приватизированы. Как справедливо заметил, бывает легко обмануть и ограбить в жизни, но настолько же трудно его ограбить в духовном отношении[16].

Действительно, до недавнего времени социальная политика были производной от экономики и даже финансов. Да и сегодня 30% от ВВП, затрачиваемых в развитых странах на социальные нужды, являются, в конечном счете долей от общеэкономической деятельности. Так, в 2010 году, как видно из данных Всемирного банка (табл. 6), Россия могла бы потратить те же 30% от ВВП, что составило лишь в два раза больше, чем в Южной Корее, и в два раза меньше, чем в Германии.

Табл. 6. Основные данные по крупнейшим мировым экономикам

Страна	ВВП 2009 в млрд	Рост ВВП г/г	Текущий платежный баланс/ ВВП (2009)	Инфляция г/г	Безработица
США	$14 256	3,2%£	–2,9%	2,1%	9,7%
Еврозона	13 625	–2,2	–0,8	1,5	10,0
Япония	5068	3,8£	2,8	–1,1	5,0
Китай	4520*	11,9	9,4*	2,4	4,2§
Германия	3353	–1,7	4,8	1,0†	7,8
Франция	2676	–2,2	–1,5	1,7†	10,0
Британия	2184	–0,3	–1,3	3,4	8,0
Италия	2118	–3,0	–3,4	1,6†	8,8
Россия	1660*	4,9	6,2*	6,5	8,6
Бразилия	1574	4,3	–1,5	5,2	7,6
Канада	1336	5,0£	–2,7	1,4	8,2
Индия	1207*	6,0	–2,2*	9,9	нет данных
Мексика	875	–2,3	–0,6	4,4	4,8
Юж. Корея	833	7,8	5,1	2,3	3,8

* Фактические данные на 2008 г.

† Гармонизированные данные

£ В пересчете на квартал

§ В городе на конец марта

Источник: Govemments, IMF, Worild Bank

Мне кажется не случайным тот факт, что к 2010 году этот подход стал меняться. Элита — правящая и экспертная — осознала, что экономические и финансовые тенденции являются лишь частью более общего социально-политического процесса, что экономика и финансы «социализировались», а макроэкономический подход к управлению страной не эффективен. Как справедливо признает К. Юдаева, «Сейчас в политологической литературе появились работы, в которых более тщательно исследуется взаимосвязь между экономическим развитием, социальным развитием, изменением ценностей в обществе, и изменением структуры»[17].

Мне представляется, что эта тенденция не случайное, а вполне объективное явление. После неолиберализма 1990-х годов в политике, финансах, экономике и идеологии неолиберализм сохранился в экономической и финансовой политике последнего десятилетия. Элита экспертов, сообщество стали осознавать, что финансово-экономические тренды не только не единственные, но в ряде случаев и не определяющие. В целом же это вынужденное признание является лишь отголоском той мощной тенденции социализации всей экономической и общественной жизни, которая стала фактом на Западе.

Суть ее отнюдь не проста. Она не сводится просто к улучшению социально-экономических условий жизни граждан или росту расходов «на социалку». Проблема заключается в том, чтобы понять зависимость политики, экономики и финансов от социальной политики вообще. В ее самом широком понимании. В том числе и с точки зрения ценностной ориентации общества, взаимоотношений в обществе отдельных социальных групп. И прежде всего стремительного роста с конца XX века человеческого фактора во всех областях жизнедеятельности общества.

Все это привело к тому, что в развитых странах уже в последней четверти XX века именно социальная политика стала доминировать над политикой экономической, финансовой, военной и любой иной. К России осознание этого вывода еще только приходит. Как мы видим с большим опозданием. Еще большим даже, чем осознание особенностей нового этапа научно-технической революции. Ликвидировать это отставание эволюционно невозможно — слишком оно велико. Вот почему для нынешней России, важнейшим условием достижения опережающего развития, является радикальное изменение социальной политики. Повторю, это одно из обязательных условий опережающего развития. Не пожелание и не прихоть власти, а **экономическое условие**. Для объяснения этого приведу несколько аргументов.

Во-первых, в постиндустриальном обществе справедливая социальная политика становится синонимом внутриполитической стабильности и быстрых темпов экономического роста. Прежние либеральные подходы фактически себя изжили, уступив место общему пониманию заботы государства и общества о человеке. Эта забота стала нормой, естеством в развитых странах, а не одной из идеологических концепций.

Но у власти в СССР и либеральной России господствовал совершенно иной подход — игнорирование социальной политики (но отнюдь не у большинства граждан и интеллигенции, образованного класса в особенности). Сложились «ножницы» в понимании властью и общественным мнением актуальности этой проблемы. Как показывают соцопросы, число российских граждан, которые придерживаются иной точки зрения, составляют абсолютное меньшинство[18] (табл. 7). Как видно, общественное мнение в России находится в русле современных тенденций, а власть — нет.

Для России этот фактор имеет особое значение, ведь последние десятилетия в СССР и России про-

Табл. 7. С какой из следующих точек зрения по поводу социальной защиты населения вы могли бы скорее согласиться?

	Сентябрь 1999	Апрель 2000	Декабрь 2005	Февраль 2008
Государство должно обеспечивать нормальный уровень благосостояния всем своим гражданам	52	61	53	61
Государство должно обеспечивать помощь всем своим гражданам, попавшим в трудное жизненное положение, например, лишившимся работы и т.п.	25	20	23	18
Государство должно обеспечивать социальную защиту только тем, кто не в состоянии позаботиться о себе сам: пенсионерам, инвалидам, сиротам	17	16	18	17

Табл. 8.

2008	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
одобряю	70	73	70	73	83
не одобряю	20	18	23	22	14
затрудняюсь ответить	10	9	8	5	3

водилась, по сути, **антисоциальная политика**, когда инвестиции в человека неуклонно сокращались. Особенно это было заметно в 90-е годы. Примечательно, что в развитых странах все было как раз наоборот: инвестиции в социальную область росли стремительными темпами. Так, в США за последние 20 лет расходы на социальные нужды выросли с 25 % до 51% федерального бюджета!

Фантастический рейтинг В. Путина, на мой взгляд, объясняется тем, что первый срок его президентства был посвящен укреплению государства и внутриполитической стабильности, а второй — развитию социальных программ. Этот вывод подтверждает и рейтинг нового президента Д. Медведева, который предыдущие два года занимался исключительно приоритетными национальными проектами, после избрания расширил, «социализировал» внутреннюю политику заявлениями об укреплении кадров и борьбой с коррупцией. Безусловно, твердая позиция в кавказском конфликте по отношению к Западу была воспринята не только как внешнеполитическая акция, но и как окончательный отказ от антисоциальной, либеральной политики, которой последние годы Запад требовал от России. Начиная от условий членства в ВТО и кредитования и заканчивая позицией роста доходов населения.

12–15 сентября 2008 года Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр) провел репрезентативный для взрослого населения страны опрос 1600 россиян в 128 населенных пунктах 46 регионов. Распределение ответов на некоторые вопросы этого исследования приводятся в процентах вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность подобных опросов не превышает 3%. Сначала социологи задали респондентам следующий вопрос, напрямую касающийся Президента России Дмитрия Медведева: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Дмитрия Медведева на посту Президента России»[19]? (см. табл. 8.)

Во-вторых, в XXI веке самая современная социальная политика должна соответствовать совершенно **новым стандартам**, ставшими нормой для развитых государств. Проще говоря, если хочешь, чтобы тебя считали развитой страной, ты **обязан** обеспечить соответствующие социальные стандарты (например, минимальную пенсию в 1000 евро, а не в 50). Россия в 90-е годы, как справедливо отметил академик Р. Гринберг, не приблизилась, а **отдалилась от этих стандартов**, подойдя к стандартам стран третьего мира[20]. Надо ясно сказать, что без преодоления этого колоссального разрыва (какой бы не был ВВП России) она просто не станет развитой страной.

Изменение социальных стандартов, которое произошло в развитых странах, нельзя сводить только к социально-экономическим стандартам. Огромное значение стали играть новые стандарты информации, демократии, степень развития государственных и общественных институтов, ценностные категории. В целом социальная политика стала наполняться совершенно новым политическим и философским содержанием, т.е. социальная политика перестала быть следствием экономической и превратилась в самостоятельную ценностную категорию, новый стандарт.

В-третьих, стало понятно, что развитие потенциала человеческой личности невозможно даже теоретически при старой либеральной социальной политике. Что хорошо понимают на Западе. В развитых странах государство и общество сознательно инвестируют в человека вот уже несколько десятилетий. И эти инвестиции приобретают все более глобальный характер, радикально изменили всю структуру расходов. Так, в развитых странах расходы на медицинское обслуживание уже в несколько раз превысили расходы на оборону (среднее соотношение 1 : 3 в пользу здравоохранения в наиболее передовых странах).

Причем эта политика имеет, очевидно, р**асширительное толкование**, не связанное исключительно с величиной душевого дохода. Эта группа показателей становится ведущей. Как отмечает ряд авторов, «Ключевая группа результативных целей связана с повышением уровня и качества жизни людей, что выражается в реализации следующих наиболее важных приоритетов:

— приближение доходов населения к уровню выше «Новой Европы», Латинской Америки или к среднему по ЕС показателю к 2020 г.;
— переход от эмиграции интеллектуалов к их иммиграции;
— расширение каналов вертикальной мобильности;
— снижение дифференциации доходов, с тем чтобы соотношение среднего дохода 10% самых богатых и 10% самых бедных не превышало 10 к 1;
— обеспечение личной безопасности (сокращение преступности и уменьшение числа охранников);
— наличие гарантий защиты гражданских прав и свобод;
— поддержание высоких стандартов образования и здравоохранения для всех граждан;
— формирование совокупности общественно приемлемых образов жизни для различных слоев российского общества, включая трудовых мигрантов;
— создание благоприятного морально-психологического климата в обществе»[21].

Иными словами складывается широкий спектр задач как по созданию среднего класса, так и, еще более широких, для формирования класса интеллигенции (которые сегодня недостаточно обсуждаются и не являются приоритетными), а также задач, которые вообще не стоят в российской повестке дня — **создания условий для формирования креативных социальных групп**, а в более широком плане — для превращения большинства граждан в социально активный, высоко эффективный фактор экономической жизни. В России пока что речь идет лишь об увеличении среднего класса до 60–70%, имея в виду лишь рост душевого ВВП.

В-четвертых, радикальное изменение социальной политики предполагает, что весь комплекс этих задач (социально-экономических, культурно-духовных, креативных и нравственных) должен решаться **не последовательно, а параллельно**. «На выходе», через 15–20 лет, мы должны иметь качественно иное общество, а не просто группу граждан с доходами, «как в Европе».

Сделаем одну оговорку. Социально-экономическое положение имеет огромное значение для формирования класса интеллигенции. Но не единственное. Как уже говорилось выше, чем лучше будут созданы условия (не только экономические, но и творческие), тем выше будет процент граждан, наиболее эффективно участвующих в экономической жизни страны. Для этого необходимо радикально изменить социальную политику. Нам нужен не просто быстрый рост душевого ВВП (это, наконец-то, все уже поняли), а условия, когда абсолютное большинство граждан становятся активной частью общества.

К сожалению, здесь делается далеко не все. Точнее, просто мало. А иногда и против общей тенденции. Так, например, на мой взгляд, очевидно, что необходимо провозгласить курс на **всеобщее высшее образование** к 2025 году. У нас уже сейчас, борясь за качество высшей школы, идет сокращение ВУЗов.

А между тем одинаковых по качеству вузов просто не может быть. Они были и будут разные. Примечательно, что человек, получивший вузовский диплом (даже не первоклассного ВУЗа), приносит в казну доходов в 3–5 больше, чем не имеющий такого диплома.

В-пятых, в любом случае радикальное изменение социальной политики должно быть направлено на четыре социальные группы населения:

— нетрудоспособное меньшинство;
— средний класс (который должен составлять большинство);
— интеллигенцию, как фундамент развития человеческого потенциала;
— креативную группу, то меньшинство, которое, однако, в будущем и будет определять темпы развития экономики, общества и государства.

Графически это можно представить себе следующим образом.

Рис. 4.

Можно предположить эмпирически, что креативная социальная группа составляет (в разные периоды) от 5 до 15% класса интеллигенции. Соответственно, чем большая часть общества принадлежит к среднему классу, тем более значителен класс интеллигенции и тем выше процент креативной социальной группы. Конечно же, бывают и исключения — талантливые люди могут появиться как среди бедных, так и необразованных. Только вот реализовать свои возможности им, как правило, не удается.

Таким образом, в основе быстрого развития общества, экономики и государства лежит средний класс — фундамент появления творческих социальных групп: интеллигенции и креативной группы. Средний класс — общее понятие по отношению к интеллигенции, а та, в свою очередь, к креативной группе. Действительно, если принадлежность к среднему классу определяется уровнем душевого ВВП и, как правило, высшим образованием, то интеллигенция предполагает в дополнение к этому «набору» еще и работу по специальности в интеллектуальной области, социальные связи, воспитание, расширенный кругозор и т.д. Те же из интеллигентов, кто обладают **креативными способностями** и волей, для их реализации могут быть отнесены к креативному классу.

Очевидно, что новая социальная стратегия должна быть дифференцирована по отношению ко всем социальным группам. Так, социально необеспеченным она должна дать достойные условия жизни, среднему классу — доход и образование, интеллигенции — расширение творческих возможностей. Но наибольшее внимание такая стратегия должна уделить креативной социальной группе. Ведь именно ее представители и будут создавать то **новое качество** в науке, образовании, культуре, экономике, которое будет определять мощь нации и государства.

Сегодня стало уже аксиомой говорить о радикальном изменении экономической политики, все чаще говорят (справедливо) о коренных изменениях в финансовой и социально-экономической политике. Но за скобками остается пока что крайняя необходимость коренной революционной ломки политики **социальной.** Речь идет не столько о ее социально-экономической составляющей (это уже все понимают). А именно о социальной политике создания передового, (образованного, информированного, культурного и, конечно же, материально обеспеченного) класса — **класса интеллигенции**. Этот класс должен, очевидно, доминировать в экономике знаний составлять абсолютное большинство граждан и формировать основу, из которой будут рождаться креативные социальные группы. Причем в массовом порядке.

Можно много спорить о самом термине «интеллигенция», но проще взять за основу ее классическое определение.

В широкое употребление понятие «интеллигенция» ввел в 60-х годах XIX века П. Боборыкин. Знаменитый журналист заимствовал этот термин

из немецкой культуры; но если там он обозначал социальный слой, занимающийся интеллектуальной деятельностью, то Боборыкин определял интеллигенцию как лиц **«высокой умственной и этической культуры» с общей духовно-нравственной основой и считал, что это чисто русский морально-этический феномен**.

Именно этот смысл придают слову на Западе, где теперь оно считается специфически русским.

Нельзя ставить знак равенства между понятиями «средний класс» и «интеллигенция». Если к 2020 году мы планируем, что средний класс будет достигать 50 и даже 60% наших сограждан, то значит ли это, что у нас будет такое же количество интеллигентов? Конечно же, нет! Хотя бы потому, что сегодня для этого ничего не делается. Рост душевого дохода сам по себе не создает интеллигента. Более того, в ряде исторических периодов он уменьшает их число, стимулируя ценности «общества потребления».

В данном разделе, однако, мы рассмотрим только социально-экономическую составляющую, характеризующую для определения среднего класса. Не более того. То есть тот реальный, а не должный социальный курс руководства страны. Между необходимой социальной политикой и существующей есть огромная разница. Существующая социальная политика сводится только к обеспечению экономических условий и минимальных социальных потребностей. Не более того. Но пока и она находится в зачаточном состоянии.

На уровне политической риторики изменения есть, и они, похоже, необратимы. Уже стареющий коммунизм распинался перед Человеком, его именем и благом (формула, немыслимая для предыдущей советской, да и российской истории). Теперь приходится заниматься «сбережением народа», плавно перетекающим в идеи «вложений в человека», «человеческого капитала» как основного достояния[22]. Это уже прогресс, достигнутый за 2005–2008 годы, если вспомнить десятилетия бездействия.

Когда эта книга писалась, то я посчитал, что «вторая политико-идеологическая установка, которая должна быть пересмотрена, это социальная политика вообще. В ее широком контексте». События, однако, развивались быстрее, чем книга редактировалась. В декабре 2007 года — январе 2008 года В. Путин и Д. Медведев отчетливо сформулировали задачу создания новой социальной политики (доктрины), имеющей абсолютно приоритетный характер. Таким образом, идеологически за 2005–2007 годы был пройден огромный путь от провозглашения «пилотных» нацпроектов до их реализации и трансформации в новую (пусть упрощенную) социальную доктрину.

2. Социальная политика и доходы: доходы как условие создания социальных институтов развития

По дошедшим до нас сведениям о недостающих суммах и о прочих недостатках за Персидский поход под началом отставного генерала графа Зубова, повелеваем Сенату взять под секвестр все его имения и держать под оным до тех пор, пока во всей точности все оное совершенно заплачено будет[23].

Император Павел I

Простые люди привыкли к безнадежности, отчаялись.
И народ подлечивался водкой. Знаете, вся Россия — это пьющий Гамлет[24].

Ф. Искандер

Следует признать, что современная социальная политика правящей элиты России **не имеет под собой нравственных и политических оснований**. Множество деклараций не могут скрыть того простого факта, что проводимая социальная политика остается не осмысленным политическим курсом, направленным на развитие нации, а политикой распределения «остатков» национального богатства среди большинства обездоленной части населения. Все эти «прибавки», «индексации» и т.п. носят популистский характер и не выражают сколько-нибудь осмысленного понимания того, что социальная политика является стратегией увеличения национального человеческого потенциала.

Никогда еще в истории России не было такого циничного пренебрежения интересами большинства народа. Никогда элита так беззастенчиво не грабила страну. Можно ли сегодня представить, например, что Д. Медведев, как в свое время Павел I и Петр I, отнимет наворованное у одного из ближайших своих соратников? Что отношение к М. Ходорковскому будет распространено на всех тех сотен тысяч миллионеров, которые разграбили страну, а теперь, накупив собственности за рубежом, продолжают ее грабить и препятствуют развитию?

Низкий уровень душевых доходов в современном обществе имеет крайне негативное значение, которое выражается в следующем:

— в отсталости социальной структуры и ее институтов, замедлении темпов формирования креативного класса;
— невозможности создания «креативной экономики»;
— невозможности опережающих темпов развития нации;

— снижении темпов развития НЧП;
— размывании государственного суверенитета.

О реальном положении свидетельствуют данные ВЦИОМ, который провел репрезентативный опрос (34 000 респондентов в 1930 населенных пунктах) населения в июне 2010 года[25] (табл. 9).

Доходы граждан — один из важнейших показателей НЧП. Хочу подчеркнуть, что этот вывод относится **ко всем** категориям граждан. А не только к активному населению, занятому в производственной деятельности. Что видно из официальных данных[26] (рис. 5, 6; табл. 10).

Мировой кризис 2008 года по-новому высветил проблему не только социальной политики, но и проблему справедливого распределения доходов. Внешне кризис выглядел как частный, финансовый, но актуальность изменения социальной политики была подчеркнута новыми кризисными явлениями. Так, финансовые услуги и доходы топ-менеджеров и некоторых акционеров оказались неадекватными их реальной деятельности. Особенно на фоне плохой деятельности и показателей их финансовых структур и корпораций.

Другая проблема — соотношения финансовых спекуляций и реального сектора экономики. Модель,

Табл. 9. Скажите, пожалуйста, какие социальные и экономические проблемы волнуют в последнее время лично Вас больше всего? (Карточка. Не более пяти ответов.)

данные в % от всех опрошенных

	2–28 июня 2010	3–18 ноября 2009	6–30 августа 2009	3–17 июня 2009	27 февраля – 18 марта 2009	11–25 ноября 2008	18 сентября — 1 октября 2008	3–18 июля 2008
низкий уровень зарплат	**49**	50	49	49	48	49	50	50
рост цен на товары и услуги	**40**	68	69	71	77	75	75	78
алкоголизм	**40**	30	32	27	24	24	25	27
неудовлетворительное состояние жилищно-коммунального хозяйства, высокие цены на услуги ЖКХ	**37**	33	32	31	38	31	26	29
наркомания	**32**	28	30	25	23	25	27	28
недоступность, дороговизна жилья	**28**	23	21	22	24	27	25	28
низкий уровень пенсий, стипендий, пособий	**26**	34	35	34	36	38	39	38
ситуация с занятостью населения, с безработицей	**22**	28	26	26	28	20	16	16
коррупция, взяточничество в органах власти	**22**	24	23	23	19	22	20	23
ситуация в сфере здравоохранения	**19**	27	24	26	23	26	24	25
качество социального обеспечения, социальной защиты населения	**17**	10	9	10	10	11	11	10
коррупция, взяточничество в правоохранительных органах, в судебной системе	**15**	14	12	13	10	11	11	12
состояние дорог, ситуация на дорогах	**14**	21	17	20	15	17	19	20
преступность	**14**	23	24	21	22	23	22	22
положение дел в сельском хозяйстве	**13**	12	11	13	10	11	11	11
ситуация в сфере образования	**10**	10	9	10	9	9	9	10
экологическая ситуация, состояние окружающей среды	**8**	8	9	8	7	7	8	9
положение дел в сфере промышленного производства	**8**	6	5	6	5	4	3	3
ситуация с приезжими, мигрантами	**6**	7	6	6	5	5	5	6
другая (другие)	**1**	1	1	1	1	1	1	1
ни одна из перечисленных	**2**	1	1	1	1	1	1	1
затрудняюсь ответить	**2**	1	1	1	1	1	1	1

Наиболее острая проблема в регионе – **низкий уровень зарплат**

Рис. 5.

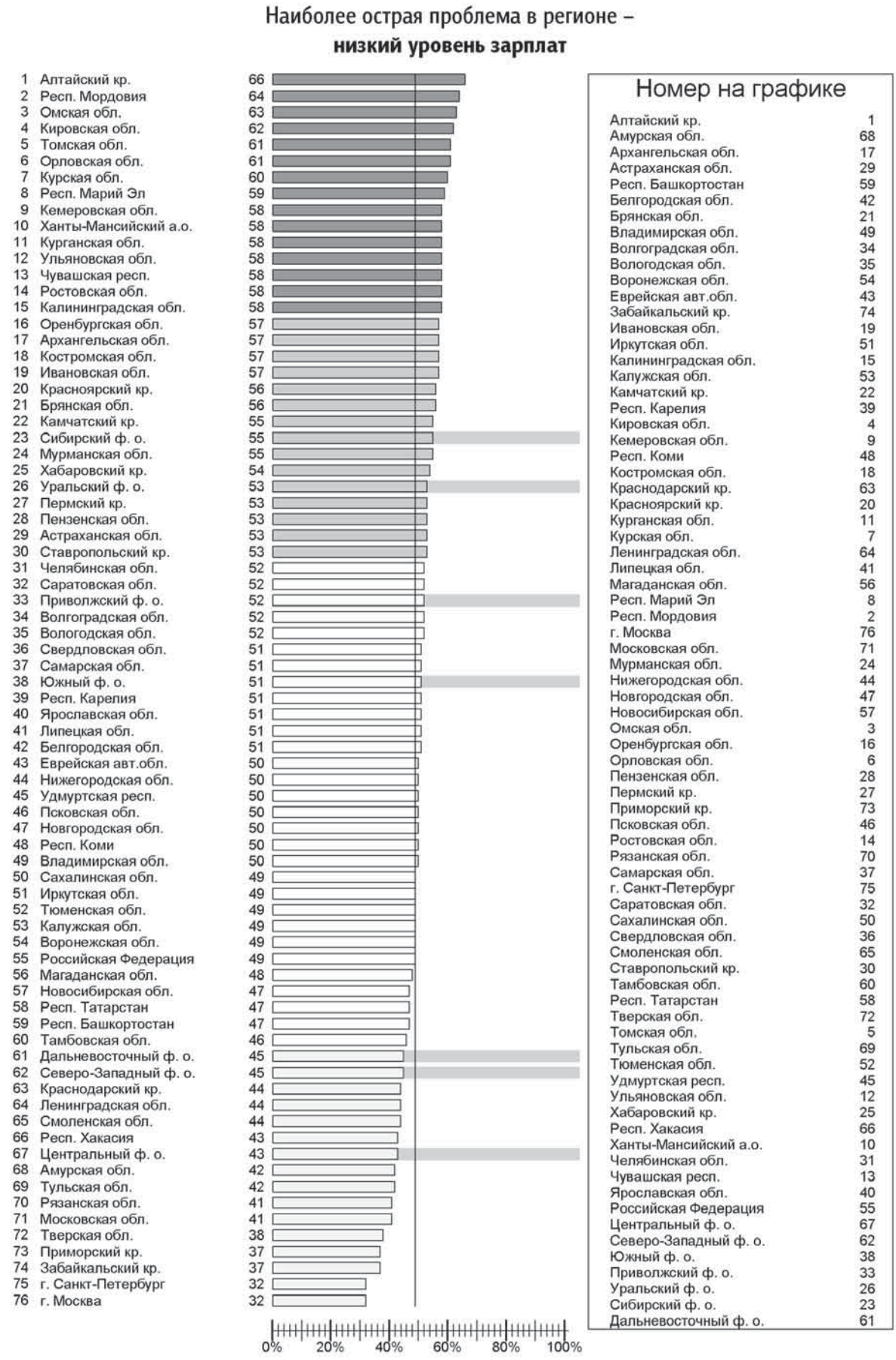

Наиболее острая проблема в регионе –
низкий уровень зарплат
1 Алтайский кр. 66
2 Респ. Мордовия 64
3 Омская обл. 63
4 Кировская обл. 62
5 Томская обл. 61
6 Орловская обл. 61
7 Курская обл. 60
8 Респ. Марий Эл 59
9 Кемеровская обл. 58
10 Ханты-Мансийский а.о. 58
11 Курганская обл. 58
12 Ульяновская обл. 58
13 Чувашская респ. 58
14 Ростовская обл. 58
15 Калининградская обл. 58
16 Оренбургская обл. 57
17 Архангельская обл. 57
18 Костромская обл. 57
19 Ивановская обл. 57
20 Красноярский кр. 56
21 Брянская обл. 56
22 Камчатский кр. 55
23 Сибирский ф. о. 55
24 Мурманская обл. 55
25 Хабаровский кр. 54
26 Уральский ф. о. 53
27 Пермский кр. 53
28 Пензенская обл. 53
29 Астраханская обл. 53
30 Ставропольский кр. 53
31 Челябинская обл. 52
32 Саратовская обл. 52
33 Приволжский ф. о. 52
34 Волгоградская обл. 52
35 Вологодская обл. 52
36 Свердловская обл. 51
37 Самарская обл. 51
38 Южный ф. о. 51
39 Респ. Карелия 51
40 Ярославская обл. 51
41 Липецкая обл. 51
42 Белгородская обл. 51
43 Еврейская авт.обл. 50
44 Нижегородская обл. 50
45 Удмуртская респ. 50
46 Псковская обл. 50
47 Новгородская обл. 50
48 Респ. Коми 50
49 Владимирская обл. 50
50 Сахалинская обл. 49
51 Иркутская обл. 49
52 Тюменская обл. 49
53 Калужская обл. 49
54 Воронежская обл. 49
55 Российская Федерация 49
56 Магаданская обл. 48
57 Новосибирская обл. 47
58 Респ. Татарстан 47
59 Респ. Башкортостан 47
60 Тамбовская обл. 46
61 Дальневосточный ф. о. 45
62 Северо-Западный ф. о. 45
63 Краснодарский кр. 44
64 Ленинградская обл. 44
65 Смоленская обл. 44
66 Респ. Хакасия 43
67 Центральный ф. о. 43
68 Амурская обл. 42
69 Тульская обл. 42
70 Рязанская обл. 41
71 Московская обл. 41
72 Тверская обл. 38
73 Приморский кр. 37
74 Забайкальский кр. 37
75 г. Санкт-Петербург 32
76 г. Москва 32
0%
20%
40%
60%
80%
100%
Номер на графике
Алтайский кр. 1
Амурская обл. 68
Архангельская обл. 17
Астраханская обл. 29
Респ. Башкортостан 59
Белгородская обл. 42
Брянская обл. 21
Владимирская обл. 49
Волгоградская обл. 34
Вологодская обл. 35
Воронежская обл. 54
Еврейская авт.обл. 43
Забайкальский кр. 74
Ивановская обл. 19
Иркутская обл. 51
Калининградская обл. 15
Калужская обл. 53
Камчатский кр. 22
Респ. Карелия 39
Кировская обл. 4
Кемеровская обл. 9
Респ. Коми 48
Костромская обл. 18
Краснодарский кр. 63
Красноярский кр. 20
Курганская обл. 11
Курская обл. 7
Ленинградская обл. 64
Липецкая обл. 41
Магаданская обл. 56
Респ. Марий Эл 8
Респ. Мордовия 2
г. Москва 76
Московская обл. 71
Мурманская обл. 24
Нижегородская обл. 44
Новгородская обл. 47
Новосибирская обл. 57
Омская обл. 3
Оренбургская обл. 16
Орловская обл. 6
Пензенская обл. 28
Пермский кр. 27
Приморский кр. 73
Псковская обл. 46
Ростовская обл. 14
Рязанская обл. 70
Самарская обл. 37
г. Санкт-Петербург 75
Саратовская обл. 32
Сахалинская обл. 50
Свердловская обл. 36
Смоленская обл. 65
Ставропольский кр. 30
Тамбовская обл. 60
Респ. Татарстан 58
Тверская обл. 72
Томская обл. 5
Тульская обл. 69
Тюменская обл. 52
Удмуртская респ. 45
Ульяновская обл. 12
Хабаровский кр. 25
Респ. Хакасия 66
Ханты-Мансийский а.о. 10
Челябинская обл. 31
Чувашская респ. 13
Ярославская обл. 40
Российская Федерация 55
Центральный ф. о. 67
Северо-Западный ф. о. 62
Южный ф. о. 38
Приволжский ф. о. 33
Уральский ф. о. 26
Сибирский ф. о. 23
Дальневосточный ф. о. 61

Рис. 6.

Табл. 10. Основные социально-экономические показатели уровня жизни населения

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств (в текущих ценах), млрд руб. (1995 г. — трлн руб.)	872	3813	5014	6400	7708	9848	12455	15284	18928	23695	25151
на душу населения, руб. (1995 г. — тыс. руб.)	5874	26014	34347	44044	53317	68477	87030	107263	133185	166918	177233
в процентах к предыдущему году (в сопоставимых ценах)		105,9	108,2	107,7	106,7	110,5	110,8	110,5	112,5	109,5	93,6
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб. (1995 г. — тыс. руб.)	515,9	**2281,1**	3062,0	3947,2	5170,4	6410,3	8111,9	10196,0	12602,7	14940,6	**16856,9**
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к предыдущему году	85,0	112,0	108,7	111,1	115,0	110,4	112,4	113,5	112,1	**102,3**	**102,1**
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике, руб. (1995 г. — тыс. руб.)	472,4	2223,4	3240,4	4360,3	5498,5	6739,5	8554,9	10633,9	13593,4	17290,1	18637,5
Реальная начисленная заработная плата, в процентах к предыдущему году	72,0	120,9	119,9	116,2	110,9	110,6	112,6	113,3	**117,2**	**111,5**	**96,5**
Средний размер назначенных пенсий[1], руб. (1995 г. — тыс. руб.)	188,1	694,3	1023,5	1378,5	1637,0	1914,5	2364,0	2726,1	3115,5	4198,6	5191,1
Реальный размер назначенных пенсий[1], в процентах к предыдущему году	80,5	128,0	121,4	116,3	104,5	105,5	109,6	105,1	104,8	118,1	110,7
Величина прожиточного минимума[2] (в среднем на душу населения):											
руб. в месяц (1995 г. — тыс. руб.)	264,1	1210	1500	1808	2112	2376	3018[3]	3422	3847	**4593**	**5153**
в процентах к предыдущему году	в 3,1 р.	120,0[4]	124,0	120,5	116,8	112,5	118,6[4]	113,4	112,4	119,4	112,2
Численность населения с денежными доходами **ниже величины прожиточного минимума:**											
млн человек	36,5	42,3	40,0	35,6	29,3	25,2	25,2	21,5	**18,7**	**18,9**	**18,5**
в процентах от общей численности населения	24,8	29,0	27,5	24,6	20,3	17,6	17,7	15,2	13,3	13,4	13,2
в процентах к предыдущему году	110,9	84,9[4]	94,6	89,0	82,3	86,0	87,7[4]	85,3	87,0	101,1	97,9
Соотношение с величиной прожиточного минимума, процентов:											
среднедушевых денежных доходов	195	189	204	218	245	270	269	298	328	325	327
среднемесячной номинальной начисленной заработной платы	159	168	199	222	239	259	263	288	327	348	334

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
среднего размера назначенных пенсий	101	76	90	100	102	106	98	100	102	115	127
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), в разах	13,5	13,9	13,9	14,0	14,5	15,2	15,2	16,0	16,8	16,8	**16,7**
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,387	0,395	0,397	0,397	0,403	0,409	0,409	0,416	0,423	0,422	0,422

[1] 1995–2001 гг. — с учетом компенсации.

[2] С 2000 г. изменена методология расчета величины прожиточного минимума; приводится оценка на основе данных, установленных Правительством Российской Федерации за I-IV кварталы соответствующего года.

[3] На основании Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» с 2005 г. изменен состав потребительской корзины для определения величины прожиточного минимума.

[4] В сопоставимой методологии исчисления величины прожиточного минимума.

при которой финансовые спекулянты имитировали развитие экономики, оказалась, очевидно, несостоятельной. Как и методы их финансовой деятельности, которые отражали низкую прозрачность, а иногда и откровенный авантюризм.

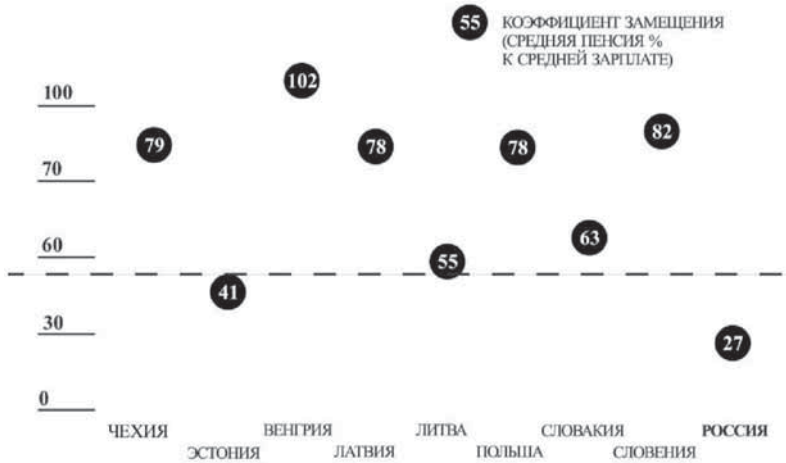
Примечательно, что в развитых странах в условиях кризиса не только традиционные защитники социальной политики — левые, профсоюзы, общественные организации, — но и либеральные партии стали сторонниками активной социальной политики. Это стало характерно как для республиканцев в США, так и сторонников ХДС в Германии и консерваторов в Великобритании. Во Франции, например, президент Ж. Саркози специально занялся в условиях кризиса разработкой активной социальной политики как «программы на XXI век».

Естественно, это не могло не остаться не замеченным в России, где власть открыто признала, что сегодня социальная политика фундаментально неправильна, не соответствует мировым показателям. Причем во всех областях. Так, если взять, например, пенсионную систему, то оказывается, что даже по сравнению с бывшими странами соцлагеря ситуация в России недопустимая — средняя пенсия составляет самый низкий, не поддающийся сравнению, показатель.

Если допустить, что средняя зарплата в России приблизилось в 2008 году к восточно-европейскому уровню (порядка 500$, хотя оговорюсь, что это средняя зарплата), то пенсии **абсолютно не** соответствуют общеевропейской тенденции. Они в три, даже четыре раза ниже европейских. Если в советские времена коэффициент замещения достигал 50%, то после 90-го года он постоянно снижался, достигнув к 2008 году 25%. Еще хуже то, что сохранение такой политики приведет к снижению этого коэффициента до 10% в 2020 году[27].

Совершенно другая ситуация в развитых странах, где на протяжении уже более 50 лет коэффициент замещения сохраняется на высоком уровне. Эта задача считается стратегической для власти в развитых странах и в условиях кризиса. Но не для России, где подобная задача даже **не ставится**. И понятно почему: логика макроэкономической экстраполяции социально-экономического развития, которой руководствуется Минфин, идет «от достигнутого», а не от стратегии развития.

Более того, в 2010–2011 годах в правящей элите возникли разговоры о повышении возраста граждан, выходящих на пенсию. При этом апеллируя к мировому опыту развитых стран, где этот предел действительно выше, чем в России[28].



Источник: Allianz Global Investors Ag. Росстат.

Рис. 7. Параметры пенсионных систем стран Восточной Европы (% от фонда оплаты труда)

Табл. 11.

Страна	Пенсионный возраст, лет		Страна	Пенсионный возраст, лет	
	Мужчины	Женщины		Мужчины	Женщины
Австрия	65	60 (65)	**Россия**	**60**	**55**
Великобритания	65	65	Словакия	62	53–57 (62)
Германия	65 (67)	65 (67)	США	65	65
Испания	65	65	Турция	49	44
Италия	65	60	Финляндия	65	65
Казахстан	63	58	Франция	60	60
Латвия	62	59,5	Чехия	61,5 (63)	56–60 (59–63)
Литва	62,5	60	Швейцария	65	64
Нидерланды	65	65	Швеция	65	65
Норвегия	67	67	Эстония	63	59 (63)
Польша	65	60	Япония	65	65

Источник: www.finansmag.ru

Табл. 12. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)

Годы	Все население			Городское население			Сельское население		
	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины
1896–1897 (по 50 губерниям Европейской России)	30,54	29,43	31,69	29,77	27,62	32,24	30,63	29,66	31,66
1926–1927 (по Европейской части РСФСР)	42,93	40,23	45,61	43,92	40,37	47,50	42,86	40,39	45,30
1958–1959	67,91	62,99	71,45	67,92	63,03	71,48	67,84	62,86	71,30
1961–962	68,75	63,78	72,38	68,69	63,86	72,48	68,62	63,40	72,33
1970–1971	68,93	63,21	73,55	68,51	63,76	73,47	68,13	61,78	73,39
1980–1981	67,61	61,53	73,09	68,09	62,39	73,18	66,02	59,30	72,47
1990	**69,19**	63,73	74,30	69,55	64,31	74,34	67,97	62,03	73,95
1995	64,52	58,12	71,59	64,70	58,30	71,64	63,99	57,64	71,40
2000	65,34	59,03	72,26	65,69	59,35	72,46	64,34	58,14	71,66
2001	65,23	58,92	72,17	65,57	59,23	72,37	64,25	58,07	71,57
2002	64,95	58,68	71,90	65,40	59,09	72,18	63,68	57,54	71,09
2003	64,85	58,55	71,84	65,35	59,00	72,18	63,42	57,29	70,86
2004	65,27	58,89	72,30	65,81	59,38	72,65	63,76	57,55	71,27
2005	65,30	58,87	72,39	65,99	59,52	72,86	63,44	57,19	71,07
2006	66,60	60,37	73,23	67,29	61,03	73,70	64,73	58,67	71,89
2007	67,51	61,39	73,90	68,21	62,09	74,34	65,60	59,57	72,62
2008	67,88	61,83	74,16	68,59	62,53	74,62	65,96	60,00	72,86
2009	**68,67**	62,77	74,67	69,38	63,50	75,13	66,72	60,87	73,38

Вместе с тем не говорится о том, что продолжительность жизни, особенно мужчин, в России значительно ниже. Как следует из официальной статистики (табл. 12), в 2009 году продолжительность жизни «не дотягивала» до уровня 1990 года и составляла 68,77 лет. При этом для мужчин он составляет 62,77 года[29].

Не случайно в 2007–2011 годах В. Путиным и Д. Медведевым были предприняты попытки по исправлению ситуации. В частности, было заявлено об увеличении к 2010 году пенсий в два раза. Что, конечно же, совершенно недостаточно. К этому времени пенсии лишь сравняются с прожиточным

минимумом и минимальной зарплатой, т.е. все пенсионеры автоматически остаются в категории нищих. Следовательно, мы сегодня, изначально, планируем, что через два–три года все пенсионеры будут находиться где-то между бедностью и нищетой.

Примечательно, что соцопросы показывают, что сегодня к среднему классу себя причисляют те граждане, чьи доходы на каждого члена семьи превышают 1500 долларов, а это, как минимум, в три раза выше имеющих среднероссийских доходов в 2008 году. Если же пенсии «образца 2010 года» будут лишь удвоены, т.е. будут равняться 6500–7000 рублей, то, очевидно, что почти половина населения страны будет вынуждена смириться (экономически и социально) со статусом не просто бедных, а нищих.

Эта тенденция, очевидно, противоречит общемировой, но как ее исправить, — такая задача не ставится.

Как видно из приведенного графика (рис. 8), в развитых странах коэффициент замещения стабильно составляет порядка 70–75%. При постоянном росте средней заработной платы. Это позволяет пенсионерам также стабильно относить себя не только к среднему классу, но и вести активный образ жизни, включая и участие в экономической деятельности. Учитывая рост средней продолжительности жизни, это означает, что пенсионеры составляют значительную часть общества, продолжающую активную общественную и экономическую деятельность.

В России, учитывая среднюю продолжительность жизни и низкие пенсии, пенсионеры фактически вычеркиваются из общественной и экономической деятельности, становятся, как правило, «довеском» (иногда обременительным) для государства и общества. Их опыт, знания и навыки обществом используются мало и неэффективно.

«Прожиточный минимум — условная категория. По данным статистиков, пенсионер в Татарстане в прошлом году мог прожить на 2965 руб., в Москве — на 5057 руб., на Чукотке пожилому человеку требовалось 9219 руб. В Евросоюзе находящимися под угрозой бедности принято считать тех, чей ежемесячный доход ниже 60% среднемесячной заработной платы, бедными — получающими менее 50%. По этой методике в «зоне риска» во Франции находится около 14% населения, в Испании — 20%, в Литве — четверть. Бедными считаются 7%, 11% и 13% соответственно. Российские пенсионеры, получающие сейчас около 40% средней зарплаты по стране (20 158 руб.), вышли из нищеты, но по европейским меркам они остались бедными. Как, впрочем, и почти 30% работающих россиян. В некоторых регионах пенсии могут оказаться выше зарплат бюджетников»[30].

Представляется, что власть должна разработать специальную стратегию в отношении пенсионеров, которая бы не зацикливалась как сегодня на решении задач Пенсионного фонда, а ставила бы задачу максимально полного использования потенциала пожилых людей в интересах общества и государства. Особенно в условиях неблагоприятных для России демографических тенденций. То есть необходимо переформатировать задачу от экстраполяции возможных пенсионных обязательств к максимально полному использованию и сохранению человеческого потенциала. В данном случае в лице пенсионеров.

Необходимо понимать, что доходы — это не просто показатель получения финансовых средств, но и ресурс, обеспечивающий существование и развитие человеческого потенциала.

Доходы населения следует рассматривать как **выгодные** для государства и его экономики **инвестиции в человека**. В этом смысле доходы пенсионеров не являются исключением. Если пенсии рассматривать под этим углом зрения, то пенсионеры становятся важным ресурсом развития страны и экономики, а не обузой для «трудоспособного населения». Кстати,

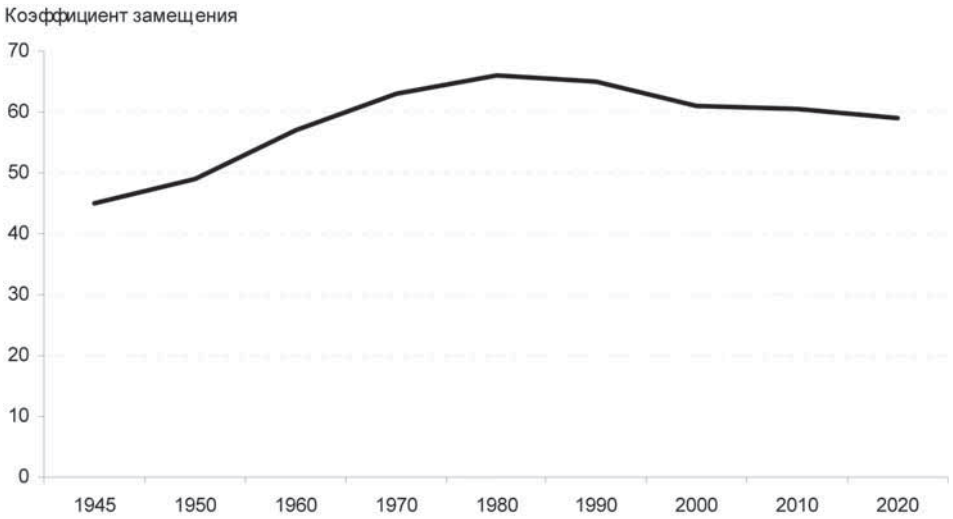


Рис. 8. Динамика коэффициента замещения пенсий в системе обязательного пенсионного страхования в странах Западной Европы 1950–2010 годы и прогнозные оценки его изменения

Табл. 13. Уровень неравенства в странах мира (2005 г.)

	Россия	США	Германия	Польша	Бразилия
ВВП на душу, тыс. долл. (ППС)	12,1	43,4	31,1	14,9	9,1
Первая группа (min доходы)	5,4*	5,4	8,5	7,5	2,6
Вторая группа	10,1*	10,7	11,4	13,7	11,9
Пятая группа (max доходы)	46,8*	45,8	36,9	42,2	62,1
Коэффициент Джини	0,410*	0,408	0,283	0,345	0,58

* Данные. Росстата за 2006 г.

деление граждан на эти категории следует пересмотреть потому, что пенсионеры могут и должны стать трудовым ресурсом. Если, конечно, проводить по отношению к ним правильную политику.

Социальная политика, если она современна, предполагает изменение самого подхода государства к политике доходов. В XXI веке, когда богатство общества измеряется суммой потенциалов его личностей, каждый человек, включая инвалидов и пенсионеров, становится потенциалом и ресурсом нации, который **следует развивать**, а не игнорировать.

На мой взгляд, следует по-новому пересмотреть не только приоритеты социальной политики, но и само ее понимание, которое сегодня выходит далеко за рамки политики доходов или соцподдержки. Социальная политика стремительно становится приоритетной по отношению к политике экономической и финансовой, превращаясь из **следствия** их развития в **условие**.

Новое понимание социальной политики должно не только утвердиться в элите, но и стать импульсом для политико-философского анализа.

Еще острее проблема с социальной дифференциацией, которая выходит далеко за рамки только социальной политики, но и политики вообще. И не только с точки зрения социальной стабильности или справедливости, но и с позиции опережающего экономического развития. Общество, как уже говорилось, должно преимущественно состоять не только из состоятельных, но и интеллектуальных людей. Их позиция должна превалировать и отражаться в политике, СМИ и т.д.

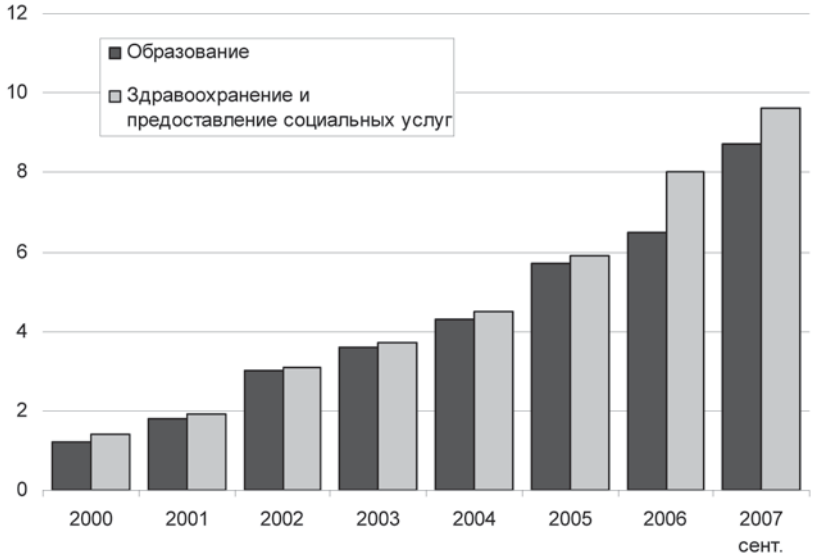
Сегодня в России эта ситуация не выдерживает критики[31].

Но если доля группы «средний класс» — интеллигенция» — «креативные слои» мала, то она становится из ведущей в ведомую. Здесь возможны разные варианты развития событий, известные, в том числе и из истории.

Вариант 1. Государство приспосабливается к перераспределению госдоходов, предоставляя народу «хлеба и зрелищ» (Римская империя).

Вариант 2. Нация деградирует, вымирает, оставляя все природные богатства и ресурсы отечественным (но чаще зарубежным) владельцам, способным заплатить за это минимальную цену (залоговые аукционы).

Вариант 3. Страна и нация смиряются с превращением во второстепенное, управляемое государство, где уровень жизни обеспечивается за счет распродажи природных ресурсов, а элита превращается в компрадорскую (Колониализм XX века).



Источник: Росстат

Рис. 9. Как росли зарплаты бюджетников

Если говорить о жизни нашей страны в целом, то Вы ожидаете или не ожидаете, что в ближайшем будущем в стране произойдут перемены? И если да, то в лучшую или в худшую сторону?

Рис. 10.

Если говорить о жизни нашей страны в целом, то Вы ожидаете или не ожидаете, что в ближайшем будущем в стране произойдут перемены? И если да, то в лучшую или в худшую сторону?

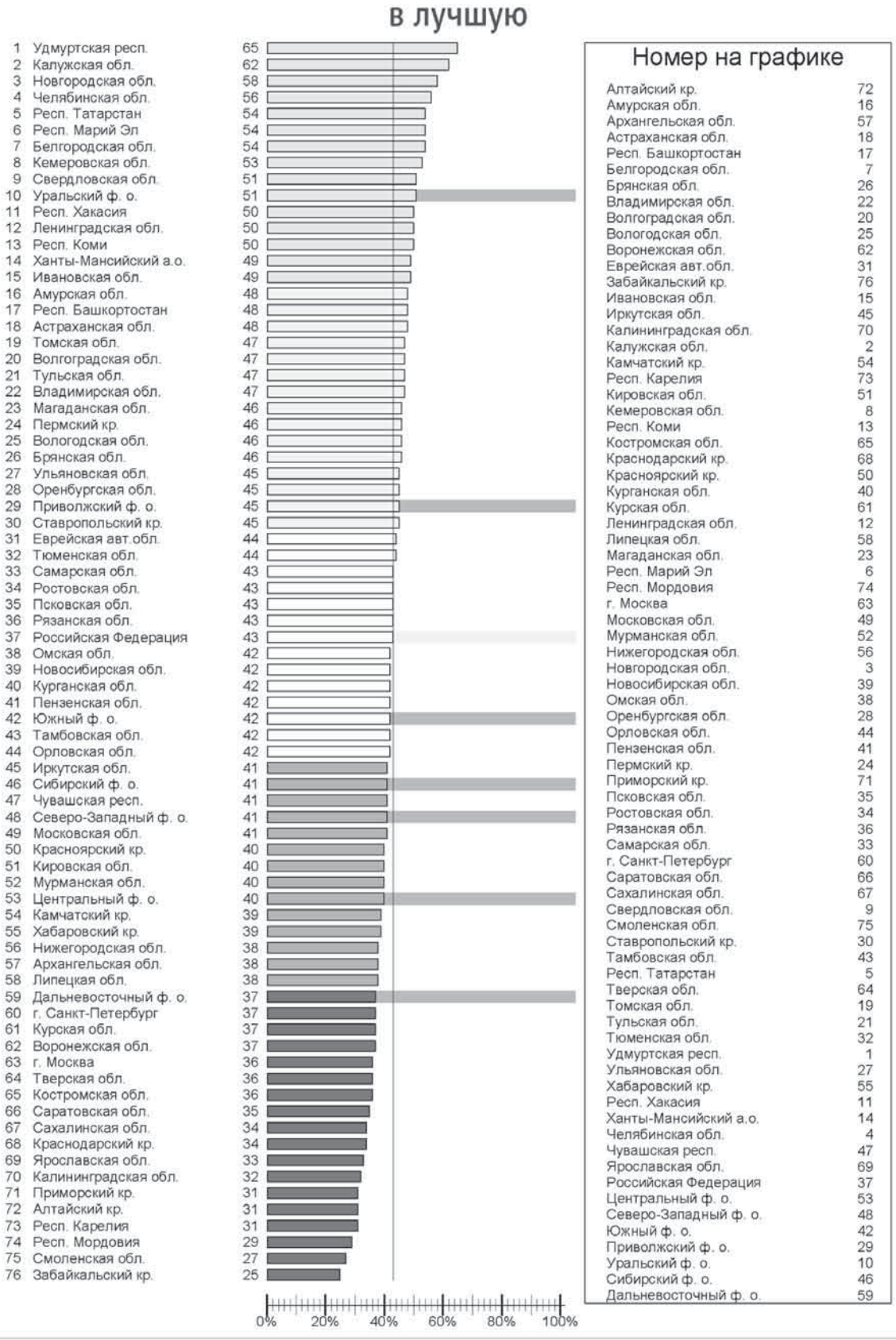


Рис. 11.

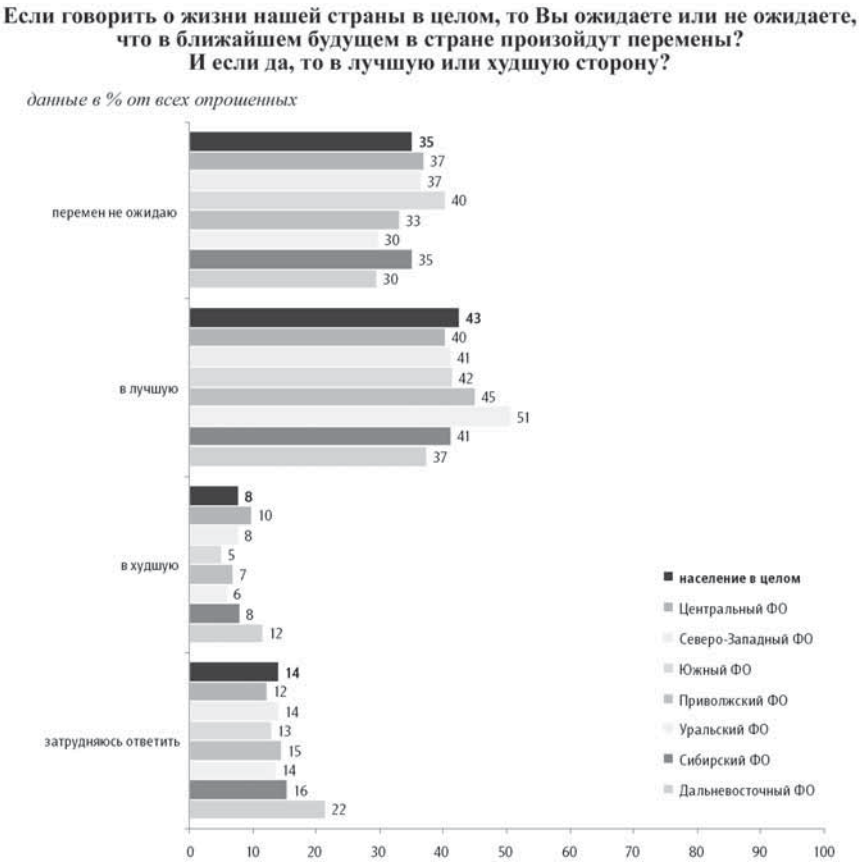


Рис. 12.

Хотя темпы роста доходов заметны, они все еще отстают от того, что необходимо стране, нации для опережающего развития (рис. 9). Они, может быть, соответствуют тенденции роста выше среднемирового уровня. Но не развития. Тем более опережающего[32].

Таким образом, видно, что социальные условия в России недопустимо плохи. И тенденция их улучшения, заметная по темпам роста доходов, абсолютно не соответствует потребностям: рост доходов в 20% в год при таких стартовых условиях, очень низкий.

Удивительно, но опросы ВЦИОМ в целом свидетельствуют о преобладающем оптимизме, у 40–50% граждан, что, на мой взгляд, не должно успокаивать[33] (рис. 10–12). Обращает на себя внимание устойчивое большинство лиц (до 40%), которые не ожидают никаких изменений, и почти 10%, ожидающих перемен в худшую сторону. Это означает, что половина **граждан не видит позитивной перспективы**, они фактически выключены из активной социальной и экономической жизни страны.

3. Социальная политика и опережающее развитие

Теневой бизнес власти лишает политику динамики («эффект велосипеда»)[34].
А. Рубцов

Социологи утверждают, акцентируют «моральную аберрацию» мышления наших политиков — его дистанцирование от нравственных ценностей и ориентиров, которые вытеснены в нем категориями экономического характера…[35].
А .Юревич

Социальная политика стала синонимом нравственной атмосферы в обществе. Особенно в 2010–2011 годы, когда тема социальной и национальной справедливости «вышла на улицу». Уверен, что социальное неблагополучие может трансформироваться в национальное, а в итоге может произойти социальный взрыв, легализирующий социальное недовольство и нравственный упадок. А. В. Юревич справедливо подводит итог: «…Экономисты считают, что „среди составляющих той непомерной **социальной** цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, — пренебрежение

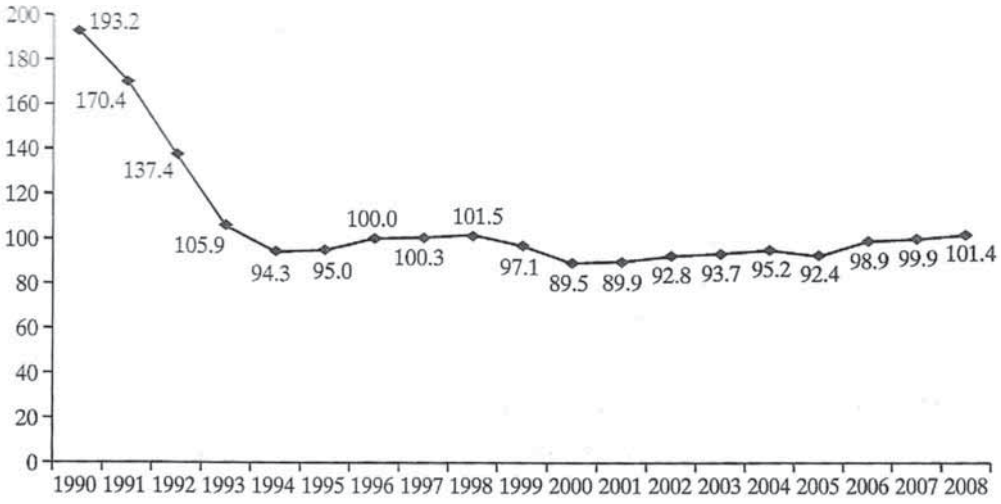


Рис. 13. Динамика индекса нравственного состояния современного российского общества (1996 г. = 100%)

нравственно-психологическим миром человека", подчеркивают „интенсивное искоренение морально-этической составляющей из социального бытия". По мнению ведущих представителей этой науки, „нарушения общественной морали, норм социальной справедливости, представлений о гражданской чести и ответственности встречаются у нас на каждом шагу". Искусствоведы отмечают формирование „тотально аморальной системы". Философы полагают, что „сегодня мы не имеем коллективных представлений о различии добра и зла, о том, что такое сострадание, справедливость, жалость, милость, доброта, хороший тон, правильная речь, самоуважение, уважение к другому, потеряло смысл традиционно русское понятие правды". А психологи, опираясь на результаты своих исследований, констатируют, что „Россия на долгие годы оказалась «естественной лабораторией», где нравственность и правовое сознание граждан проходили суровые испытания", что подтверждается динамикой разработанного ими индекса нравственного состояния общества (ИНСО) и его соотношением с соответствующим показателем в других странах Центральной и Восточной Европы» (рис. 13)[36].

Обоснованность приведённых оценок нравственного состояния нашего общества подтверждается как хорошо известными бытовыми примерами, так и очень печальной статистикой. Количество убийств на 100 тыс. жителей в России сейчас почти в **четыре раза** больше, чем в США (где ситуация в этом отношении тоже очень неблагополучна), и примерно в **10** раз превышает их распространённость в большинстве европейских стран. По индексу коррупции наша страна находится на 147-м месте в мире, а общий объём коррупционного оборота оценивается в 250–300 млрд долл. в год. Численность жертв

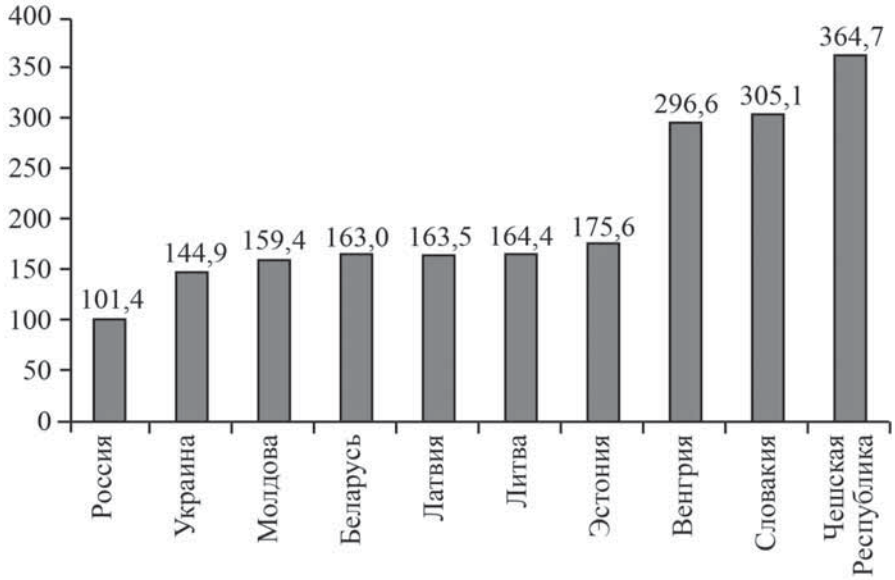


Рис. 14. Индекс нравственного состояния общества в России и странах Центральной и Восточной Европы (уровень России за 1996 г. = 100%), 2008 г.

Табл. 14. Как растут доходы

	2007	2008	2009	2010	Прирост в 2010 г. к 2007 г., в %
Трансферты внебюджетным фондам	1060,4	1326,2	1504,6	1846,1	74,1
Национальная оборона	821,2	956	1053,9	1184,4	44,2
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	664,8	768,1	922,6	999,1	50,3
Национальная экономика	495,9	656,9	730,3	482,1	–2,8
Образование	278,5	307,5	310,5	339,4	21,7
Культура, кинематография и СМИ	65,1	78	66,8	64,2	–1,4
Здравоохранение и спорт	206,2	211,5	228,6	268,9	23,3
Межбюджетные трансферты	1841,9	2242,5	2408,8	2709,8	47,1

Источник: Минфин

несчастных случаев, таких как случайные отравления алкоголем и ДТП, по количеству которых мы первые в мире, свидетельствует **о безразличном отношении наших сограждан к своей и чужой жизни**[37]. По числу разводов на 1000 жителей мы занимаем **первое место** в Европе, по количеству абортов на **1000 женщин — первое место** в Восточной Европе и СНГ, по числу детей, оставшихся без попечения родителей[38], — **второе место** в Восточной Европе и СНГ, а по индексу Джини, отражающему неравномерность распределения доходов, — первое место среди стран с развитой и переходной экономикой.

Добавим к этому, что у нас ежегодно от жестокости родителей страдают два млн детей, две тыс. из них становятся жертвами убийств или получают тяжкие телесные повреждения, а 50 тыс. — убегают из дома. Каждый год пропадают 25 тыс. несовершеннолетних, 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесённых мужьями, при этом насилие над жёнами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвёртой семье. 12% подростков употребляют наркотики, более 20% детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в России. Около 40 тыс. детей школьного возраста вообще не посещают школу, а темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения преступности в целом, в результате чего у нас насчитывается около 40 тыс. несовершеннолетних заключённых, что примерно в три раза больше, чем было в СССР в начале 1930-х годов.

Поражает и то, что подобные факты не получают должного внимания в обществе и в массовом сознании, воспринимаются с меньшей остротой, чем, скажем, количество медалей, завоёванных на Олимпиаде, что само по себе служит показателем нравственного состояния общества, равно как и премирование крупными суммами и без того небедных спортсменов-победителей.

Особенно это видно в сравнении. Например со странами Восточной Европы[39] (рис. 14).

Принятый в марте 2007 г. проект бюджета на 2008–2010 год, на мой взгляд, игнорирует потребности опережающих инвестиций в человеческий капитал. Он — инерционен. И эта инерция, как предполагается, сохранится еще на 3 года. Так, при общем росте расходов в реальном исчислении за три года на 18,1%, на образование доля расходов снижается с 5% в 2007 году до 4,2% в 2010 году, а на здравоохранение — с 3,8% до 4%[40] (табл. 14).

Притом, что на оборону, безопасность и правоохранительную деятельность расходы вырастут в 1,5 раза. Это, очевидно, говорит о приоритетах правительства РФ. Как видно из анализа проекта бюджета, сделанного экспертами Счетной палаты, приоритеты развития потенциала человеческой личности в бюджетной политике отражены явно недостаточно[41].

Рост реального благосостояния **отдельных** социальных групп виден не столько из роста доходов (тем более средних по стране), сколько из увеличения возможностей граждан приобретать товары длительного пользования. Как следует из материалов Росстата, такая возможность в целом (для отдельных групп) выросла за период 2000–2010 годов[42] (табл. 15).

О реальном благосостоянии могут свидетельствовать и косвенные признаки, например, возможность выехать на отдых за рубеж. Так, в 2011 году не собирались или не могли выехать на отдых за рубеж более 60%. В то же время дешевый туризм (Турция и Египет) могли позволить себе 8%, а дорогой — 10%[43].

В реальном выражении расходы на образование в целом несколько возрастают в 2008 году, а затем сокращаются, что обусловлено завершением реализации большей части мероприятий ПНП «Образование».

Практически неизменны (в реальном выражении) расходы на среднее и высшее профессиональное образование, молодежную политику и оздоровление детей.

Снижаются расходы на начальное профессиональное образование, прикладные научные исследования в области образования и другие вопросы в области образования.

Табл. 15. Наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; на конец года; на 100 домохозяйств; штук)

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Телевизоры	134	124	126	129	133	135	138	144	149	154	160
Видеомагнитофоны, видеокамеры	15	48	50	54	57	62	66	67	62	60	58
Магнитофоны, плееры	77	66	58	58	57	54	53	54	50	45	44
Персональные компьютеры	…	**6**	7	10	13	20	26	33	40	47	**54**
Музыкальные центры	2	12	16	21	24	28	34	36	38	38	39
Холодильники, морозильники	116	113	113	114	114	114	117	118	119	121	**123**
Стиральные машины	100	98	93	93	93	94	97	99	100	100	101
Электропылесосы	77	82	75	77	78	80	84	87	88	89	92
Швейные, вязальные машины	74	73	63	62	60	58	60	58	57	54	53

Табл. 16. Где вы собираетесь провести отпуск этим летом (доли ответов в %)

Вариант ответа	Май 2011	Май 2010	Май 2009	Май 2008
Дома	16	14	12	**11**
В России	20	19	27	**29**
В Украине	4	4	3	5
В других странах ближнего зарубежья (кроме Украины)	1	1	1	2
В Турции	4	3	3	5
В Египте	2	3	2	3
В других странах дальнего зарубежья (кроме Турции или Египта)	10	7	6	10
Не пойду в отпуск	28	30	32	**21**
Затрудняюсь ответить	15	19	14	14

Табл. 17. Наличие предметов длительного пользования по группам населения с различным уровнем располагаемых ресурсов в 2009 г. (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; на конец года; на 100 домохозяйств; штук)

	Группы населения в зависимости от уровня располагаемых ресурсов				
	первая (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	**вторая**	**третья**	**четвертая**	**пятая** (с наибольшими располагаемыми ресурсами)
Телевизоры	135	145	158	179	171
Видеомагнитофоны, видеокамеры	43	51	56	69	67
Магнитофоны, плееры	39	43	45	49	45
Персональные компьютеры	33	43	54	70	62
Музыкальные центры	29	34	39	50	40
Холодильники, морозильники	111	117	124	130	128
Стиральные машины	96	98	102	104	105
Электропылесосы	80	88	94	99	97
Швейные, вязальные машины	46	49	53	58	53

Табл. 18. Число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения по субъектам Российской Федерации (на конец года; штук)

	1970	1980	1990	1995	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Российская Федерация	5,5	30,2	**58,5**	92,3	130,5	145,8	153,2	159,3	169,0	177,8	195,4	213,5	**220,8**
Центральный федеральный округ		**28,2**	**56,1**	**95,3**	**140,4**	**162,7**	**168,2**	**175,1**	**188,8**	**199,4**	**215,4**	**236,5**	**243,1**
Белгородская область	3,5	28,3	66,5	99,1	136,5	157,3	145,3	152,7	160,4	169,6	184,6	203,2	208,7
Брянская область	1,7	16,5	32,0	37,7	58,3	66,9	70,8	77,2	82,2	89,3	98,8	115,0	119,8
Владимирская область	3,1	25,5	45,2	69,3	104,6	118,0	124,0	129,7	138,8	147,0	165,3	184,2	194,0
Воронежская область	5,3	34,1	77,8	106,9	166,8	175,8	175,9	183,7	185,1	185,5	205,4	224,7	229,4
Ивановская область	3,8	20,5	40,7	58,1	97,5	92,9	101,6	106,4	117,1	124,7	140,2	151,3	154,7
Калужская область	4,7	27,7	55,6	80,7	114,9	126,7	136,2	145,4	162,7	176,5	189,1	215,8	227,5
Костромская область	2,1	20,5	47,6	64,4	97,9	114,7	117,5	123,7	134,1	149,1	164,4	192,1	192,9
Курская область	2,6	16,4	34,6	48,7	110,3	121,9	126,5	133,0	140,7	150,1	165,7	183,0	191,2
Липецкая область	3,4	24,7	53,8	77,6	132,3	142,6	153,6	162,8	172,9	189,1	202,5	224,6	237,5
Московская область	8,6	31,1	57,6	100,1	144,5	196,4	200,5	206,9	232,3	241,0	261,1	284,0	289,8
Орловская область	3,0	24,2	51,1	76,2	114,5	131,0	133,4	145,2	161,7	178,6	179,1	185,7	180,0
Рязанская область	3,4	24,3	47,6	72,2	112,8	133,1	141,6	150,6	160,0	176,5	193,4	254,3	265,2
Смоленская область	3,1	25,7	50,7	79,7	102,8	112,6	116,7	119,0	174,5	183,8	203,3	228,6	238,2
Тамбовская область	2,5	21,3	46,9	74,8	127,1	145,0	148,5	151,5	153,7	159,7	174,5	193,2	202,4
Тверская область	3,0	21,6	42,6	67,7	117,7	135,8	137,9	145,3	158,0	168,9	183,1	195,6	208,1
Тульская область	4,7	26,0	49,6	81,0	115,8	127,9	138,9	148,6	171,9	175,7	195,1	226,7	234,6
Ярославская область	3,2	20,8	42,4	67,1	98,6	103,7	107,7	119,0	130,1	140,4	149,7	172,0	176,1
г. Москва	14,3	37,2	69,8	142,3	189,1	210,4	218,9	224,2	232,8	246,5	261,4	278,7	284,1
Северо-Западный федеральный округ		**25,9**	**50,5**	**97,7**	**146,4**	**159,2**	**165,0**	**172,8**	**183,4**	**201,2**	**220,5**	**239,1**	**245,7**
Республика Карелия	2,5	24,1	56,4	112,4	155,2	172,7	189,6	191,7	192,7	200,6	218,9	235,2	242,7
Республика Коми	3,1	23,7	46,0	78,2	110,5	125,8	131,4	136,6	151,2	163,5	175,3	188,3	196,4
Архангельская область	1,7	16,9	37,5	63,6	90,4	105,7	106,0	115,3	123,0	134,5	150,5	170,1	174,9
в том числе Ненецкий автономный округ	0,8	6,6	27,8	47,6	59,4	88,9	96,7	104,9	114,4	128,0	143,2	152,2	173,1
Вологодская область	2,1	18,6	39,0	62,2	114,9	130,1	135,6	151,0	163,2	178,5	202,2	221,1	224,2
Калининградская область	5,8	32,0	60,8	136,6	205,7	217,6	221,0	227,4	235,0	259,4	269,4	278,8	285,1
Ленинградская область	4,5	21,6	44,4	88,4	138,1	154,9	160,5	167,2	179,3	197,6	221,3	245,6	255,8
Мурманская область	5,1	33,4	59,5	117,4	143,8	153,3	141,5	147,2	153,2	160,9	173,4	185,3	186,6
Новгородская область	3,8	23,4	42,6	71,8	101,8	111,2	119,7	126,1	139,8	155,0	168,5	196,7	202,4
Псковская область	3,1	28,6	56,3	84,0	120,5	126,8	121,9	130,9	148,7	175,5	185,3	202,4	210,9
г. Санкт-Петербург	10,4	30,3	56,1	118,0	180,3	190,6	201,5	209,1	219,9	241,6	266,0	285,1	291,8

Рост в 2010 году расходов на общее образование связан с резервированием бюджетных средств, передаваемых в форме межбюджетных трансфертов субъектам РФ на ежемесячное денежное вознаграждение за классное руководство (рис. 15).

Сокращение в 2009–2010 гг. объема и доли расходов, предусматриваемых на культуру, кинематографию и средства массовой информации, в 2009–2010 годах по сравнению с 2007–2008 годами обусловлено уменьшением ассигнований,

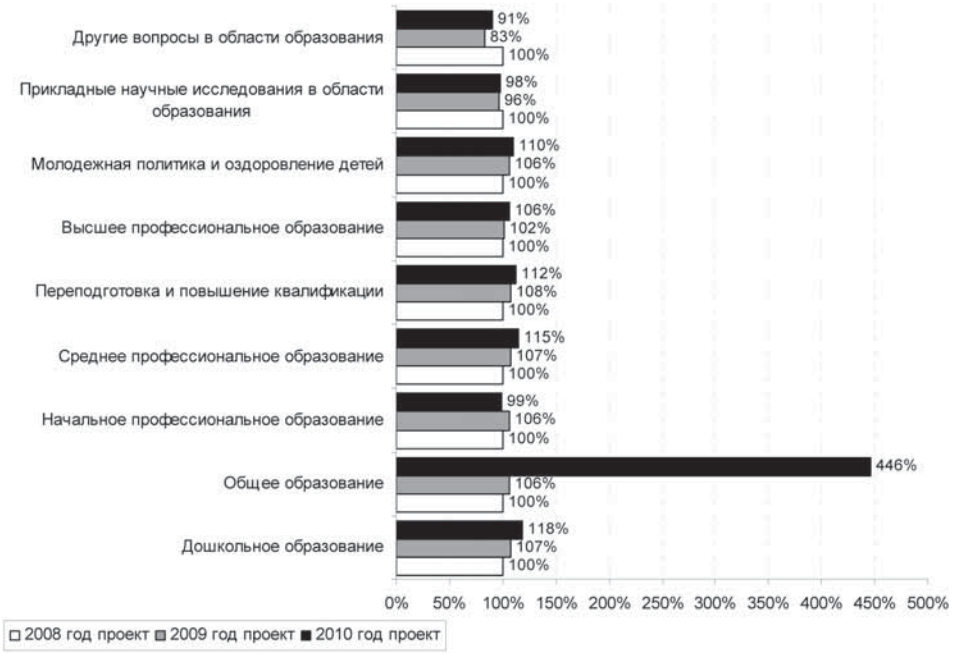


Рис. 15. Образование

Рис. 16. Культура, кинематография и средства массовой информации

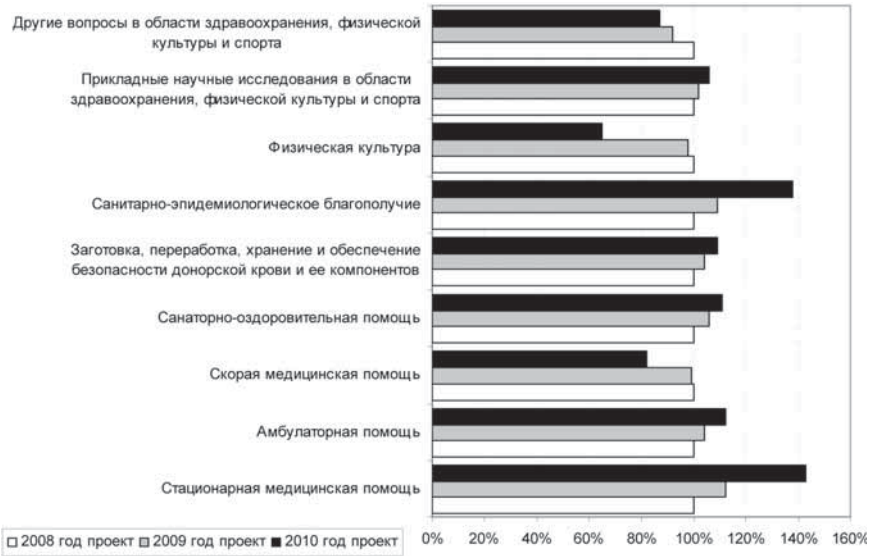


Рис. 17. Здравоохранение, физическая культура и спорт

Табл. 19. Ассигнования на исследования и разработки в России и странах ОЭСР из средств государственного бюджета*

	Всего, млн долл. США**	В процентах к валовому внутреннему продукту		Всего, млн долл. США**	В процентах к валовому внутреннему продукту
Россия	12 457,8	**0,57**	Мексика	2608,6	0,19
Австралия	4868,7	0,56	Нидерланды	5209,8	0,79
Австрия	2480,7	0,80	Новая Зеландия	653,4	0,56
Бельгия	2601,1	0,69	Норвегия	2261,0	0,82
Великобритания	13 852,2	0,63	Польша	1999,1	0,30
Венгрия	851,0	0,43	Португалия	2761,8	1,13
Германия	24 393,3	0,87	Словакия	356,2	0,31
Греция	924,9	0,30	США	165 316,5	**1,15**
Дания	1931,4	0,98	Финляндия	1967,5	1,11
Ирландия	991,8	0,57	Франция	15 930,7	0,75
Исландия	117,9	1,05	Чехия	1698,2	0,66
Испания	14 321,9	1,00	Швейцария	2532,5	0,77
Италия	11 506,7	0,64	Швеция	3024,2	0,92
Канада	7563,6	0,60	Япония	30 995,0	0,74
Корея	13 743,9	0,98			

* Данные по России приведены за 2009 г. по совокупности расходов несекретной части федерального бюджета, опубликованной в открытой печати. Источник данных по странам ОЭСР: OECD (2010), Main Science and Technology Indicators, № 1, Paris. Информация по Мексике приведена за 2006 г., по Греции и Канаде — за 2007 г., по Бельгии, Великобритании, Венгрии, Испании, Новой Зеландии, Польше, Франции и Швейцарии — за 2008 г., по остальным странам — за 2009 г.

** В расчете по паритету покупательной способности национальных валют.

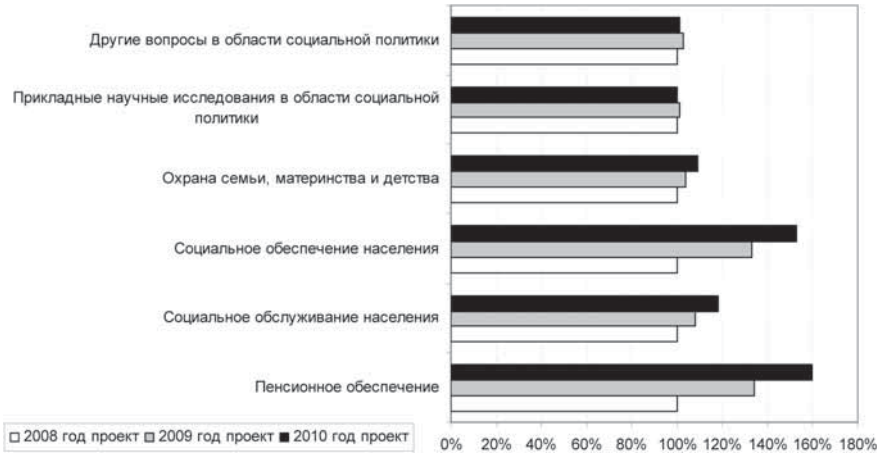


Рис. 18. Социальная политика

направляемых на проведение разовых мероприятий в сфере культуры и средств массовой информации, сокращением в 2009–2010 годах бюджетных ассигнований в рамках программы государственных внешних заимствований Российской Федерации, а также расходов инвестиционного характера (рис. 16).

При этом значительно сокращается доля расходов на периодическую печать и издательства.

Рост расходов предусмотрен только на проведение прикладных научных исследований. При сокращении расходов в реальном выражении по разделу в целом в 2008 и 2009 году, к 2010 году они несколько превышают уровень 2007 года. Но их доля совершенно не соизмерима с долей расходов в бюджетах стран, претендующих на лидерство в науке и технологиях[44].

По подразделу «скорая медицинская помощь» основное снижение реальных расходов предусмотрено в 2010 году. Аналогичная картина наблюдается по подразделу физическая культура и спорт.

В структуре расходов по данному разделу основная их часть приходится на здравоохранение — 86,2% в 2010 году (как и в 2007 году) (рис. 17).

Рост ассигнований на другие вопросы в области здравоохранения, физической культуры и спорта в 2008 году связан с увеличением бюджетных инвестиций в федеральные целевые программы, в строитель-

Табл. 20. Объем отгруженных инновационных товаров и затраты на технологические инновации организаций промышленного производства и сферы услуг

	Объем отгруженных инновационных товаров*, млн руб.	Затраты на технологические инновации, — млн руб.	Из них		
			на исследования и разработки	на приобретение машин и оборудования	на производственное проектирование
2005	589 005,2	143 222,6	20 799,0	88 482,3	14 206,8
2007	879 698,4	234 057,7	38 607,1	136 884,4	15 833,6
2008	987 844,1	307 186,9	43 231,0	181 036,8	22 051,5
2009	855 253,0	399 122,0	99 543,2	203 700,6	29 239,4

ство объектов общегражданского назначения, а также на международное сотрудничество. В 2009–2010 гг. ожидается их снижение относительно уровня 2008 года.

Основное место в структуре расходов занимают бюджетные ассигнования на пенсионное и социальное обеспечение (в процентах к общему объему ассигнований по разделу, соответственно 67,1 — 81,6% и 30 — 29,3%) (рис. 18).

При этом учет инфляционных процессов показывает, что при росте расходов на охрану семьи, материнства и детства, пенсионное и социальное обеспечение, расходы на социальное обслуживание населения прогнозируются на уровне, незначительно превышающем уровень 2010 года, при снижении расходов на прикладные научные исследования и другие вопросы в области социальной политики.

Такой бюджет позволяет говорить, во-первых, о том, что заявления президента о приоритетах развития человеческого капитала не находят реального обеспечения в бюджете страны, а, во-вторых, что сама среднесрочная идеология и стратегия правительства остается по-прежнему инерционной, ориентированной прежде всего на сохранение нынешних макроэкономических тенденций. Что прямо отражается на результатах инновационной политики. Как видно из нижеприводимых сведений (табл. 20, рис. 19–21), затраты и технологические инновации в целом за 2005–2009 годы выросли почти в три раза, а объем отгруженных товаров менее, чем на 100%. Еще хуже конкретные результаты инновационной деятельности, которые за этот же период не увеличились, а…сократились[45].

Вопрос о том, что же делать? — риторический. В принципе общественное мнение к весне 2008 года пришло если не к консенсусу, то к самому общему пониманию больных точек и первоочередных мер в социальной политике. Так, С. Глазьев предлагает выделить несколько ключевых проблем, волнующих общество, и предложить конкретные планы их решения.

1. Запредельное **социальное неравенство, вызывающее острое** неприятие подавляющего большинства населения. Причина этого неприятия заключается не только в массовой бедности, но и в традициях русской и советской культуры, в которых фундаментальное значение имеет принцип социальной справедливости. Для решения этой проблемы необходимо:

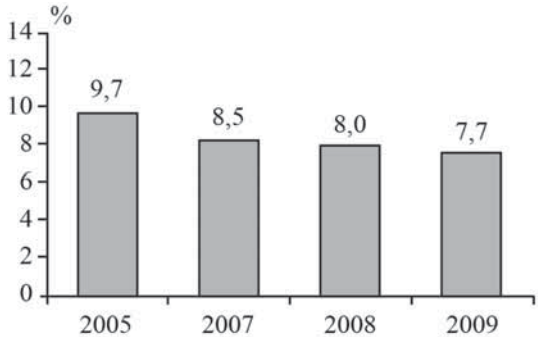


Рис. 19. Удельный вес инновационно-активных организаций, осуществлявших технологические инновации, в числе обследованных
(уровень инновационной активности)

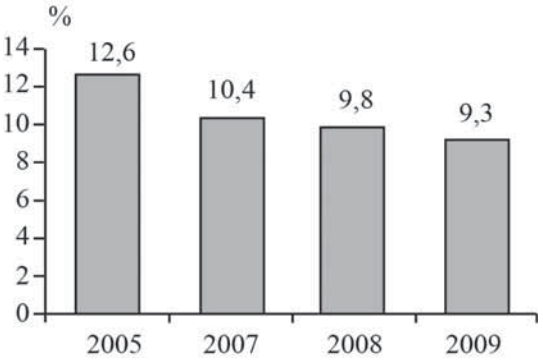


Рис. 20. Удельный вес отгруженных инновационных товаров в объеме отгруженных товаров инновационно-активных организаций, осуществлявших технологические инновации

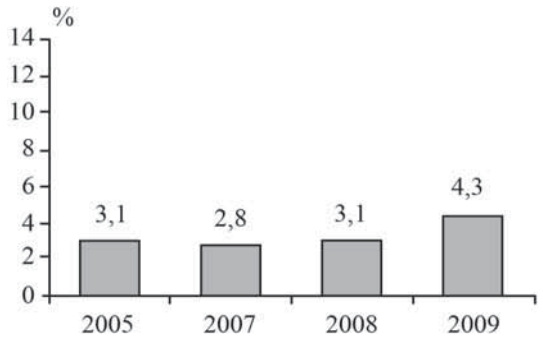


Рис. 21. Удельный вес затрат на технологические инновации в объеме отгруженных товаров инновационно-активных организаций

Табл. 21. Основные показатели жилищных условий населения

	1970	1980	1990	1995*	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года) — всего, м²	…	13,4	16,4	18,0	**19,2**	19,5	19,8	20,2	**20,5**	**20,9**	**21,3**	**21,5**	**22,0**	**22,4**
из нее:														
в городской местности	11,1	13,3	15,7	17,7	18,9	19,2	19,5	19,8	20,3	20,5	20,9	21,3	21,7	22,1
в сельской местности	…	13,7	18,1	18,7	19,9	20,3	20,7	21,0	21,1	21,8	22,3	22,3	22,7	23,1
Число квартир — всего, млн	…	…	48,8	52,0	**55,1**	55,6	56,0	56,4	56,9	57,4	58,0	58,6	59,0	**59,5**
из них:														
однокомнатных	…	…	…	12,1	12,8	12,9	13,0	13,1	13,2	13,3	13,4	13,6	13,7	13,9
двухкомнатных	…	…	…	21,9	22,6	22,8	22,9	23,0	23,1	23,2	23,4	23,6	23,6	23,7
трехкомнатных	…	…	…	15,0	**16,2**	16,3	16,4	16,5	16,7	16,8	17,0	17,1	17,2	**17,3**
четырехкомнатных и более	…	…	…	2,4	**3,5**	3,6	3,7	3,8	3,9	4,1	4,2	4,3	4,5	**4,6**
Средний размер одной квартиры, м² общей площади жилых помещений	…	…	46,6	47,7	49,1	49,3	49,6	49,9	50,1	50,4	50,8	51,3	51,8	52,4
однокомнатной	…	…	…	31,7	32,0	32,0	32,1	32,2	32,4	32,3	32,5	32,6	32,9	33,3
двухкомнатной	…	…	…	44,7	45,4	45,5	45,7	45,8	45,9	45,7	45,9	46,2	46,5	46,9
трехкомнатной	…	…	…	59,3	60,4	60,6	60,7	61,0	61,1	61,0	61,4	61,9	62,3	62,8
четырехкомнатной и более	…	…	…	77,3	82,6	84,2	86,2	87,5	88,9	91,8	93,2	95,5	97,5	100,0
Удельный вес числа семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в общем числе семей (на конец года), процентов	…	…	20	15	11	10	9	11	10	7	6	6	6	5
Капитально отремонтировано жилых домов за год, тыс. м² общей площади	44360	55742	29103	11666	3832	4780	4833	4625	4768	5552	5302	6707	12381	17342
Приватизировано жилых помещений (с начала приватизации, по состоянию на конец года):														
всего, тыс.	…	…	53	12479	17351	18538	19823	20676	21980	23668	25149	25838	26442	27657
в процентах от общего числа жилых помещений, подлежащих приватизации	…	…	0,2	36	47	50	54	56	59	63	66	69	70	73

* С учетом коммунальных квартир.

— привести **минимальную оплату труда в соответствие с прожиточным минимумом**;
— удвоить оплату труда работникам бюджетной сферы, исходя из принципа выравнивания ее уровня со средней зарплатой в производственной сфере;
— исправить ранее сделанные ошибки в угоду недобросовестным предпринимателям и коррумпированным чиновникам — восстановить прогрессивную шкалу подоходного налога, налоги на наследство (на имущество, приобретенное после 1991 г.) и дарение;
— ввести прогрессивный налог на прирост капитала для собственников приватизированных предприятий (уплачиваемый с разницы между ценой

приобретения активов в момент приватизации и ценой их продажи на рынке);
— ввести прогрессивный налог на земельные участки (начиная с 20 соток), используемые в частных потребительских целях;
— приступить к восстановлению дореформенных сбережений граждан (соответствующая программа разработана и может быть реализована в течение восемь лет).

2. Отсутствие **перспективы самореализации для большинства молодых людей и перспективы вообще**. В нынешней России молодой семье практически невозможно приобрести жилье. Идея ипотеки — очень скромная и малоэффективная, — окончательно провалилась в 2008–2010 годы. Но ведь с решением именно этой проблемы большинство молодых семей связывает свое будущее. Очевидно, что молодежь теряет перспективу.

Сегодня в развитых странах на одного жителя приходится порядка 70 кв. м на человека. В России также была сформулирована задача выйти на этот уровень в последнем послании президента В. Путина, т.е. на 140 млн кв. м в год. На деле большинство регионов еле дотягивают до 0,5 кв. м в год на человека (табл. 21). Отсюда — крайне низкая динамика улучшения жилищных условий, которая (если ее радикально не изменить) приведет к тому, что на нормальный уровень Россия выйдет лет через 50–70[46].

Решение этой проблемы потребует серьезных системных и длительных усилий в следующих направлениях:
— реальная модернизация системы образования, ключевым звеном которой должно стать повышение оплаты и престижа труда учителя;
— организация доступного беспроцентного образовательного кредита с его погашением после трех лет с момента получения диплома;
— создание системы поддержки научно-технического и предпринимательского творчества молодых специалистов;
— льготная ипотека для молодых семей с частичным погашением кредита государством после рождения детей;
— восстановление системы профессионально-технического образования, финансируемого за счет федерального бюджета;
— резкое ужесточение наказания за распространение наркотиков;
— устранение брешей в ограничении оборота алкогольных напитков, «пробитых» лоббистами пивной и слабоалкогольной промышленности (включение пива и других слабоалкогольных напитков в число алкогольных);
— восстановление сетей детских садов, спортивных, музыкальных, художественных, языковых школ и секций, домов культуры, досуговых центров для детей и молодежи; восстановление права муниципальных властей заниматься этой деятельностью (исправление ошибки в распределении полномочий между уровнями власти).

3. Повышение уровня пенсий при одновременном завершении пенсионной реформы. Для этого целесообразно средства Стабфонда направлять **не на дотирование текущих пенсионных выплат, а на формирование накопительной составляющей пенсионной системы**.

В этих же целях может быть использована программа восстановления дореформенных сбережений **с их целевым использованием в качестве пенсионных накоплений**.

4. Дальнейшее наращивание жилищного строительства в рамках как уже принятых программ, так и развертывания новых с одновременным устранением образовавшихся узких мест. В том числе:
— бесплатное выделение земельных участков для массового жилищного строительства на условиях конкурса по минимизации цены квадратного метра жилой площади;
— резервирование соответствующих городских земель в муниципальной или государственной собственности;
— введение жестких антимонопольных мер в отношении цементной промышленности, реализация специальной программы модернизации и расширения промышленности стройматериалов;
— организация централизованного льготного кредитования модернизации жилищно-коммунального хозяйства;
— субсидирование процентных ставок по ипотечным кредитам.

5. Оздоровление населения, повышение продолжительности жизни.

Наряду с продолжением уже осуществляющихся мер в рамках нацпроекта «Здоровье» необходимо:
— реализовать крупномасштабную программу восстановления отечественной фармакологической промышленности на основе современных достижений молекулярной биологии, создать в этих целях государственную биотехнологическую корпорацию;
— развернуть широкое использование современных технологий в диагностике, основанных на достижениях клеточной медицины;
— ввести механизм реальной ответственности страховых медицинских компаний за оказание качественных медицинских услуг их клиентам;
— сохранить многоканальную систему финансирования здравоохранения, существенно увеличив ассигнования из федерального бюджета на модернизацию сети государственных медицинских учреждений;
— развернуть кампанию борьбы с курением, повысить акцизы на табачные изделия до уровня развитых стран;
— кардинально повысить эффективность госконтроля за оборотом алкогольной продукции, разрешить местным и региональным органам власти вводить любые дополнительные ограничения.

[1] *Подберезкин А.* Мы не работали под президента / Независимая газета. 2008. 10 июля. С. 4.

[2] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009. Стат. сб. / Росстат. М.: 2009. С. 300.

[3] *Ивантер В.* Мы равны сами себе // Эксперт. 2010. 26 июля — 1 августа. С. 39.

[4] Инновационная Россия–2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года). М.: МЭР, 2010.

[5] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 201.

[6] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М.: 2009. С. 147–148.

[7] *Юргенс И.* Я за Медведева потому, что вижу в нем ряд качеств» // Независимая газета. НГ-политика, 5 апреля 2011 г. С. 1.

[8] *Калле В. Ж.* Духовность и интеллектуальный потенциал. Библиотека креативной экономики. 16 февраля 2010 г. URL: http://creatirecanomy.ru/library/

[9] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 77.

[10] Там же. С. 87.

[11] **Индекс стоимости жизни** (ИСЖ) — *зд.* показывает как отличается уровень цен на товары и услуги нижней части среднего класса в зависимости от региона проживания.

[12] *О. Кувшинова*. Цена жизни // Ведомости, 5 апреля 2011 г. С. 3.

[13] Социально-экономическое положение России. Январь, 2010. М.: Росстат, 2010. С. 276.

[14] *Кувшинова О.* Цена жизни // Ведомости. 2011. 5 апреля. С. 3.

[15] *Кукол Е.* Кризис по-гречески // Российская газета. 2010. 6 мая. С. 4.

[16] *Графова Л.* Душно жить без совести // Российская газета. 2011. 4 марта. С. 8.

[17] *Юдаева К.* Не последнюю роль в торможении реформ играет ценностная ориентация общества. 2006. 26 июня. www.opec.ru

[18] *Кириллов Н.* Пока есть Путин, клон Путина не нужен // Политический журнал, 2008 г. № 5. С. 21.

[19] www.viperson.ru, 2008. 20 сентября.

[20] *Гринберг Р.* Наши беды в экономике… // Политический журнал, 2008. № 5. С. 30.

[21] *Григорьев Л., Тамбовцев В.* Модернизация через коалиции // Вопросы экономики, 2008. № 1. С. 67.

[22] *Рубцов А. В., Богословский С. А.* Между нефтью и хай-теком // Независимая газета. 2008. 16 января. С. 11.

[23] *Гено А.* и *Томич*. Павел I. С.-П., Синодальная типография, 1901. С. 231.

[24] *Графова Л.* Душно жить без совести // Российская газета. 2011. 4 марта. С. 8.

[25] Фонд «общественное мнение». Доминанты. 2010. 19 августа. № 32. С. 15–17.

[26] Российкий статистический ежегодник 2010. М.: Ростат, 2010. С. 171.

[27] *В. Д. Роик*. Пенсионная система России: история, проблемы и пути совершенствования. М.: 2007 г. С. 416.

[28] *Грицюк М.* Полный пенсион // Российская газета. 2010. 16 сентября. С. 4.

[29] Российский статистический ежегодник. 2010. М.: Росстат, 2010. С. 109.

[30] Засыпать ассигнациями // Ведомости. 2010. 21 апреля. С. 1, 4.

[31] *Григорьева Л. М.* Конфликты интересов и коалиции // Pro et Contra. 2007. № 4–5. С. 106.

[32] Российская газета. 2007. 20 декабря. С. 3.

[33] Фонд «общественное мнение». Доминанты. 2010. 29 июля. № 29.С. 19–21.

[34] *Рубцов А.* Кто шляпку спер, тот и тетку пришил // Независимая газета. 2011. 18 мая. С. 5.

[35] *Юревич А.* «Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества // Вестник РАН. Т. 81. 2011. № 1. С. 5.

[36] Там же. С. 4.

[37] Ежегодное количество жертв ДТП в современной России превышает потери за все годы Афганской войны, а ситуация на дорогах характеризуется как «война на дорогах», «гражданская война» и т.п.

[38] Напомним, что в эту категорию входят не только сироты, но и дети, которые, имея родителей, убегают из дома, очевидно, не от хорошей жизни.

[39] *Юревич А.* «Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества // Вестник РАН. Т. 81. 2011. № 1. С. 5.

[40] *Петрачкова А., Никольский А.* Деньги распределены // Ведомости. 2007. 23 марта. С. А3.

[41] Информационно-аналитические материалы по проекту федерального закона «О федеральном бюджете на 2008 год и на период до 2010 года» // Центр ситуационного анализа Счетной палаты РФ. 2007. С. 29–31.

[42] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 204.

[43] *А. Башкатова*. Внутренний туризм теряет популярность // Независимая газета. 2011. 18 мая. С. 4.

[44] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 217.

[45] Там же. С. 174.

[46] Российский статистический ежегодник. 2010. М.: Росстат, 2010. С. 206.

Глава 8

Условие № 4: национальная наука, духовность и культура — новые локомотивы развития в XXI веке

…Наши ценности и наша духовная жизнь значат не меньше, чем наш валовой национальный продукт[1].
Б. Обама

…Мир слишком большой, а головы у людей слишком маленькие. И нужно упрощать мир, чтобы он поместился в наших головах …[2].
А. Нилогов

Нравственная атмосфера в обществе, степень доверия друг к другу и власти, во многом выражаются и зависят **от степени развития институтов социального потенциала** и являются **важнейшим условием эффективного национального экономического развития**. Во многом это проявляется и как доверие к рынку[3].

Проблема, однако, в том, что нация и общество к 2011 году потеряли практически всякое доверие не только к власти, но и друг к другу. Общество отонизировалось до узких групп, где уровень доверия определялся родственными связями и дружескими отношениями. Во многом это стало следствием разрушения традиционных институтов, которые прежде скрепляли и гарантировали систему личных взаимоотношений. Это стало следствием господства примитивной либеральной идеологии, в основу которой был сознательно и навязчиво положен материальный успех и «смена» личной позиции, конформизм, ставшие модными в 90-е годы XX века.

Важнейшая часть НЧП и, в частности, социального потенциала — духовность нации, ее нравственные устои и принцип. Смею утверждать, что они — важнейшая экономическая категория, которые в XXI веке во многом будут определять не только темпы развития нации и экономики, но и само существование нации и государства.

Эта часть социального потенциала НЧП сегодня реализуется в России в микроскопических дозах, но, как оказывается, именно от нее, как и от всего социального потенциала, во многом зависит превращение НЧП в НЧК. Вообще говоря, институты социального потенциала, представляющие российскую науку, духовность и культуру, пострадали за последние 25 лет, наверное, больше, чем все остальные институты социального потенциала нации. И дело даже не

в политической поддержке, в которой им отказала элита, и не в финансировании, которое «вдруг» сократилось в сотни раз, а в самой нравственной атмосфере, которую либералы создали вокруг национальной культуры, духовности, науки и образования. И, что очень важно, — продолжают создавать сегодня. Как справедливо подметил Д. Быков относительно положения институтов социального потенциала в современной России, «у нас вообще нынче делается все, чтобы истребить самые предпосылки для создания среды: истребляют лучшие школы (закрывают Донской лицей, сделали платным центр детского творчества в бывшем Дворце пионеров), душат образование непрерывными реформами, разоряют фундаментальную науку, растлевают бестолковыми подачками и все той же нищетой репертуарные театры, где скандал следует за скандалом…

Когда стране, по-платоновски говоря, «некуда жить», нормальной элиты в ней быть не может — только финансовая. А попытки сделать Сахарова из Прохорова обречены — при всем уважении к миллиардеру, согласившемуся на столь безнадежное дело, как поправка имиджа системной оппозиции в условиях господства серых, а может, уже и черных»[4].

Взаимосвязь правовенности и экономики, на первый взгляд, не всегда очевидна, но эта взаимосвязь проявляется порой в самых неожиданных формах. Так, например, фондовый российский рынок, сложившийся за последние годы, четко поделен на две площадки: инвесторы — за рубежом, а спекулянты — в России[5].

Важно заметить, что определенная часть правящей элиты уже понимает, что не только потребление определяет уровень развития нации. Как заметил А. Архангельский, «…другая часть элит начинает сознавать, что именно в сфере культуры, в сфере человеческого сознания, в сфере идеальных установок заключен секрет успеха или неуспеха русской цивилизации в XXI веке. Все чаще приходится слышать разговоры о том, что не одними интересами управляется мир, что надо присмотреться к культуре, к ее практикам. Может быть, именно здесь мы найдем ответ на вопрос: почему не идет модернизация? И мне кажется, что это единственно возможный вариант»[6].

Как очень точно заметил Ф. Искандер, «Я и сейчас думаю, что совесть — самое главное. Мы вслед за Марксом заблудились, считая, что **экономика это базис, а все остальное** — надстройка. Тысячелетний опыт человечества, все религии мира утверждают, что **как раз наоборот: именно совесть — базис, а экономика — одна из важнейших надстроек**. Вот та же рыночная экономика, она может хорошо работать при более или менее здоровом состоянии базиса. А экономика без базиса совести — это зверинец с открытыми клетками, что мы и видим сегодня у нас.

Нас ждут трагические неудачи, пока мы не осознаем, что фундаментом человеческой жизни и целого государства является совесть. Разбуженная совесть — **самый грандиозный источник человеческой энергии»** (подч. мной — *А. П.*)[7].

Огромные духовные и культурные ресурсы нации оказались не только не задействованы, но и подвержены фактически геноциду, что, естественно, отразилось на всем социальном потенциале нации. Здесь наши либералы кинулись за западными учителями в разработке секулярного подхода к решению всех, в том числе и нематериальных проблем. Как справедливо заметил А. Торкунов, «Переоценка универсализма секулярного подхода к жизни уже весьма дорого обошлась человечеству»[8].

Удивительно, но разработчики «Стратегия–2020» «не заметили» этих ресурсов, как, впрочем, до этого не замечали этого потенциала их предшественники-либералы. Парадокс: стратегия национального развития, разработанная в Правительстве, не использует богатейшее духовное и культурное наследие и возможности нации и историческое наследие самого древнего в Европе государства, насчитывающего историю в 1100 лет. Если же это происходит, то обращаются к тем ценностям, тем национальным духовным ресурсам, которые имеют «общеевропейское» значение. Как это сделал Д. Медведев, отмечая 150-летие отмены крепостного права[9].

Господство либеральной идеологии в последние десятилетия привело в конечном итоге к системному кризису в мире. И не только финансово-экономическому, но и идеологическому, ценностному. Это привело в том числе и к абсолютизации социальной функции денег. Как справедливо замечает эксперт МГИМО(У) Н. Н. Зарубина, «современные ученые, журналисты и повседневное массовое сознание нередко стремятся приписать именно деньгам роль своего рода «сути» свободного рынка, «экономического базиса», «невидимой руки», способной отрегулировать все социальные и культурные процессы и гармонизировать интересы разных общественных сил»[10].

И не только общественные, но и политические, личные отношения в России стали все чаще регулироваться направлением «финансовых потоков», «финансированием программ» и псевдопроектов. Удивительным образом общественно-политическая жизнь страны вдруг **стала следствием денег**, продолжением финансовой политики. Что особенно и не скрывается правящей элитой.

В конечном счете не пострадали только США. Либертариантские идеи непосредственно нашли свое выражение в таких негативных последствиях для других стран, как:

— ослабление роли государства и его институтов регулирования общественной и экономической жизни;
— изменения системы ценностей в сторону безостановочного роста потребления, абсолютизации этой тенденции;
— идеологизации и абсолютизации роли рынка как наиболее совершенного механизма регулирования в ущерб социальным институтам;

— и, что очень важно, — явной недооценке роли неэкономических факторов развития: фундаментальной науки, культуры, духовности[11], искусства, национальных традиций и национальной системы ценности.

В политической жизни развитых стран это нашло свое отражение в смене политической парадигмы, которая выразилась в победе Б. Обамы в США, провозгласившего приоритет американских идеалов и ценностей, активную социальную политику и усиление роли государства. Его тезис о том, что «… роль государства в предоставлении всем равных возможностей исключительно важна»[12] стал ключевым в избирательной кампании. Не случайно еще в ходе избирательной кампании Б. Обама заявил о необходимости увеличения расходов на науку в два раза.

Крайне негативно либеральная идеология отразилась и на развитии российской нации. Как пишут известные российские ученые (вынужден привести цитату целиком, уж больно хороша — *А. П.*), «на протяжении тысячелетней истории формирования и развития русской цивилизации и российской государственности в основу идеологии и духовности были положены православие (IX–XV века), соборность, самодержавие (XVI–XIX века), коммунизм, равенство и братство народов (XX век). Эти основные идеологические многовековые установки вошли в обобщённое понятие «святой Руси».

К началу XXI века после распада вековой, многонациональной, мировой супердержавы, каковой были Российская империя и СССР, **современная Россия официально отказалась от стратегической, ведущей и развивающейся идеологии**. Пришедшие ей на смену лозунги, понятия, доктрины типа «перестройка», «социализм с человеческим лицом», «демократизация», «суверенность», «рыночная экономика», «модернизация», «многоконфессиональная религиозность», «права человека» **не смогли стать основами российской идентификации и идеологии**; это в значительной и определяющей степени **лишило народы страны духовной опоры в жизни и привело к непредвиденному росту рисков** $R_c(t)$, к вымиранию населения страны и особенно русского народа, характеризуемого превышением индивидуальных рисков смертности $R^u_c(t)$ над возможностью роста рождаемости $R_{cp}(t)$.

Проблемы обретения идеологии и духовности являются самостоятельными, выходящими за рамки настоящего прогноза. Но их значимость чрезвычайно важна для будущего России, для формирования первоочередных и первостепенных действий по прогнозированию и реализации прогнозного развития. Базой идеологии и духовности в предстоящие десятилетия могут стать **«сбережение человеческих жизней, справедливость, созидательный труд, социальное равенство»**. Важнейший приоритет сохранения человеческих жизней на всех её этапах от рождения до естественной кончины **должен сочетаться со стратегическим приоритетом повышения духовного и интеллектуального потенциала человека при научно-обоснованном и осознанном ограничении материальных потребностей — на достаточном для достойного жизнеобеспечения уровня**. Такой подход к идеологическим и духовным основам жизнедеятельности человека, общества и государства составлял суть русской — советской — российской цивилизации без изъятия и фальсификации её героических и трагических периодов»[13].

До сих пор существует ошибочное мнение (и не только в России), что в первой четверти XXI века «общественная роль ученых, в том числе авторов великих открытий, заметно снизится по сравнению с их ролью в XX в. **На первое место выходят не первооткрыватели, а создатели новых технологий, востребованные людьми Эдисоны и Эйнштейны уступают место Биллам Гейтсам»**[14].

К сожалению, это в полной мере относится к российской реальности. Так, в мае Совет РФФИ внес весьма символичную поправку, суть которой «сводилась к тому, что **фонд вместо поддержки фундаментальных исследований переключается на «исследования, способствующие реализации утверждаемых правительством Российской Федерации приоритетных направлений развития науки и технологий, а также критических технологий стратегической модернизации экономики Российской Федерации»**. На момент написания этой статьи результаты заседания Совета фонда еще не были известны, хотя утверждают, что все здесь заранее согласовано. Но утверждают также, что это означает убийство РФФИ, последнего оплота независимой научной экспертизы в России. Возмущенные ученые идут дальше и заявляют, что это вообще убийство российской фундаментальной науки»[15].

Убежден, что кризис 2008–2010 годов, возникший как ипотечный, финансовый и кредитный, на самом деле стал **следствием** технократического подхода правящих элит, который выражался в том числе:

— в отказе от гуманистических ценностей в пользу идей либертарианства и макроэкономических критериев развития;
— отказе от регулирующей роли государства, в т.ч. и в финансовом секторе, когда авантюризм и эгоизм финансовых властей диктовал свою волю всему миру;
— отходе политических элит от выполнения или своих прямых социальных функций управления обществом и экономикой.

В полной мере сказанное относится к России, где эти негативные тенденции в последние годы заметно усилились. Как справедливо заметил профессор Капица С. П., выступая в правительстве, «…мы воспитываем страну идиотов. Такой страной проще управлять, но у нее нет будущего»[16]. Чтобы у нации

появилось будущее, ей необходимо вернуть веру, духовность и идеологию.

У проблемы культуры, кроме общей, есть и два других важных аспекта — экономический и социальный.

С точки зрения экономической, культура становится все более важным сектором экономики, достигающим в совокупности уровня 14% ВВП, что превышает удельный вес промышленности в некоторых странах[17].

С точки зрения социальной, отрасли культуры становятся поставщиками целой социальной группы лиц, принадлежащих к творческим слоям. И не только художников, режиссеров, писателей и дизайнеров, но и тех, кто работает сегодня «на стыке» культуры и информатики, культуры и спорта (не случайно мы говорим о физической культуре). Этот социальный сегмент общества стремительно растет как численно, так и по своему влиянию.

1. Необходимость формирования институтов развития интеллектуального, культурного и духовного потенциалов в России как условие для «Большого скачка»

Основой развития страны являются выработанные веками нравственные ценности и идеалы: патриотизм, крепкая семья, трудолюбие и честность, любовь к ближнему, справедливость и взаимопонимание[18].
Заявление лидеров религий и конфесий России

В России будет такая наука, какой будет сама Россия[19].
В. Калле

Давайте отложим в сторону моральную, гуманитарную сторону того, во что мы верим, и поговорим о реальной политике[20].
Х. Клинтон

Без новой системы национальных ценностей любая стратегия развития, а тем более «Большой скачок» бессмысленны. Даже опасны, ведь скачок может быть и в пропасть. Споры о новой системе и иерархии ценностей вновь обострились в 2010–2011 годах в связи с декларированным элитой курсом на модернизацию и инновации.

Таким образом элита сформировала систему ценностей для модернизации, основанную на европейской традиции и свободе. Систему, которая имеет мало общего с действительной системой ценностей, необходимой для политики модернизации. Как сказал один из высокопоставленных чиновников, «… у нас нет совести и чести. Россия на какое-то время потеряла душу»[21].

Самое важное — другое, а именно то, что Россия способна двигаться по инновационному пути благодаря тому, что у нее имеется развитый интеллектуальный потенциал. Россия по многим показателям опустилась до уровня стран третьего мира. **Но от них она отличается уровнем своего интеллектуального и культурного потенциала**. Для развития инновационной деятельности, создания в стране современного технологического базиса, обеспечения устойчивого экономического роста, кроме науки и ученых, нужны конструкторы, инженеры, техники, экономисты, педагоги, менеджеры, квалифицированные рабочие и другие специалисты. В стране должен быть **определенный уровень культуры и образования всего населения, делающий его способным существовать в обществе, насыщенном современной техникой**. А все это — составляющие интеллектуального потенциала общества[22].

Так, по оценке одного из авторов «Стратегия–2020» замминистра О. Фомичева, «В Европе в некоторых странах до 80% предприятий инновационно активны, нормальная цифра — 40–60%. И речь не о том, что все сплошь и рядом перешли на «космические» технологии. Постоянно развиваются — и всё. Подстраиваются под уровень конкурентов и рынка. И цифра даже в 60% — вполне нормальная. Те 40–50%, заложенные в нашей концепции, не сверхоптимистичны. Если все наши компании начнут хоть чуть-чуть продвигаться в этом направлении, мы добьемся этих процентов очень быстро»[23].

Идеологическое господство либерализма неизбежно вело к примитивизации экономики, финансов и общественной жизни. Но, что особенно важно, — к игнорированию необходимости развития фундаментальной науки и культуры. Либеральная идея фактической замены научных знаний развитием технологии равноценна подмене культуры постмодернизмом.

Реформы, которые хотят реализовать, например, в образовательных учреждениях культуры России, ведут к их уничтожению. А ведь эти школы, как, например, хореографическая или драматическая, существуют в России почти 300 лет и позволяют считать русский классический балет лучшим в мире.

Табл. 1. Основные показатели развития науки в Российской Федерации

	2000	2003	2005	2007	2008	2009
Организации, выполняющие научные исследования и разработки	4099	3797	3566	3957	3666	3536
в том числе государственной формы собственности	2938	2760	2632	2821	2716	2655
Персонал, занятый исследованиями и разработками, чел.	887729	858470	813207	801135	761252	742433
из него исследователи	425954	409775	391121	392849	375804	369237
Персонал, занятый исследованиями и разработками, в расчете на 10000 занятых в экономике, человек	138	130	122	118	111	110
Из общего числа — исследователи с учеными степенями:						
доктора наук	21949	22936	23410	25213	25140	25295
кандидата наук	83962	78870	76018	78512	75909	75980
Ассигнования на науку из средств федерального бюджета*, млрд руб.	34,2	94,6	169,2	260,2	167,8	229,8
В процентах к расходам федерального бюджета	3,32	4,02	4,78	3,98	2,39	2,33
В процентах к валовому внутреннему продукту	0,47	0,71	0,81	0,83	0,40	0,57
Ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета**, млрд руб.	21,1	46,9	57,8	109,5	124,4	161,8
Внутренние затраты на научные исследования и разработки (НИР), млн руб.	76697,1	169862,4	230785,2	371080,3	431073,2	485834,3
В процентах к ВВП	1,05	1,29	1,07	1,12	1,04	1,24
Из внутренних затрат на НИР — текущие затраты, млн руб.:						
на фундаментальные исследования	9875,7	24297,7	31022,8	63590,4	77121,3	96809,1
на прикладные исследования	12117,5	25075,4	36360,3	54492,6	79885,8	92557,1
на разработки	51880,2	111829,6	153736,4	234834,7	253857,9	271640,0
Из внутренних затрат на НИР — затраты по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники, млн руб.				164259,4	205927,3	247038,9
В процентах к объему внутренних затрат	—	—	—	44,3	47,8	50,8
Среднемесячная заработная плата персонала, занятого исследованиями и разработками, руб.	2322,9	5712,8	8672,0	14683,4	19263,3	22104,3
В процентах к среднемесячной заработной плате по РФ	104,5	103,9	101,4	108,0	111,4	118,6
Основные средства исследований и разработок, млн руб.	237564,4	348418,0	399515,9	581965,9	612318,3	705048,1
из них машины и оборудование	66938,3	105739,9	142154,7	196844,6	226391,7	288345,5
Фондовооруженность исследователей, тыс. руб.	557,7	850,3	1021,5	1481,4	1629,4	1909,5
Техновооруженность исследователей, тыс. руб.	157,1	258,0	363,5	501,1	602,4	780,9
Подано заявок на выдачу патентов РФ	28688	30651	32254	39439	41849	38564
Выдано патентов Российской Федерации	17592	24726	23390	23028	28808	34824
Создано передовых производственных технологий	688	821	637	780	854	897
Использование передовых производственных технологий	70069	107015	140983	180324	184568	201850
Уровень инновационной активности (удельный вес инновационно-актиивных организаций, осуществлявших технологические инновации, в числе обследованных), %	8,8	9,5	9,7	8,5	8,0	7,7
Объем отгруженных инновационных товаров организаций промышленного производства и сферы услуг, осуществлявших технологические инновации, млн руб.	154626,0	336458,8	589005,2	879698,4	987844,1	855253,0
Затраты на технологические инновации организаций промышленного производства и сферы услуг, млн руб.	62115,2	121606,1	143222,6	234057,7	307186,9	399122,0

* Данные за 2008 и 2009 гг. приведены по совокупности расходов несекретной части федерального бюджета, опубликованной в открытой печати.

** Оценка ЦИСН.

В полной мере это можно отнести и к классическому драматическому театру, хоровому пению, а также живописи и другим видам искусства, которые основываются на национальной традиции. Вот почему остается справедливым замечание русского философа Г. П. Федотова о том, что задачей интеллигенции является «будить в себе, растить и осмыслять, „возгревать“ национальное сознание»[24].

К сожалению, именно такая идея приобрела характер политики в современной России, где в 1990-е годы и в начале нынешнего столетия фундаментальная и отраслевая наука оказались на грани краха. По признанию вице-президента РАН Г. Месяца, в 2004 году чиновники написали концепцию, где провозглашался тезис: наука в стране неэффективна и вообще избыточна — достаточно оставить 100–200 институтов. Причем большая часть документа была посвящена порядку приватизации земли, зданий и имущества, используемых наукой… Чтобы вы понимали масштаб, приведу одну цифру: в советское время академии доставалось 5% бюджетного финансирования науки, столько же шло в вузы, а все остальное получала отраслевая наука. После приватизации отраслевые институты, как правило, либо простаивают, либо вовсе исчезли. Теперь в их зданиях зачастую расположены банки, казино, бары.

Если признать, что вице-президент РАН Г. Месяц прав, то неизбежен вывод не просто о кризисе в российской науке, а о ее фактической ликвидации, ведь сокращение финансирования на порядки (т.е. в десяток, если не в десятки раз!)(табл. 1), исчезновение отраслевой науки, целых научных школ и поколений ученых свидетельствует о том, что российская наука по инерции еще существует в отдельных очагах, но как система знаний и школ не развивается. Не развивается — значит отстает.

Но отсталая наука вообще никому не нужна. Если отсталая модель машины, например, «Жигули», еще может найти своего покупателя, то старые знания нужны еще менее старых газет.

Есть и еще одна особенность: если устаревшее производство еще может как-то существовать и надеяться на модернизацию, то устаревшие научные знания нет. Более того, они вредны!

Если же согласиться с моими выводами, то неизбежно возникает вопрос о том, что развал науки, особенно в период, когда она становится главным фактором развития, это либо глупость правящей элиты, либо устранение конкурента.

Последнее предположение наиболее вероятно. Напомню, что в 1970-е и 1980-е годы любые доктрины и концепции США начинались с анализа и сопоставления научных потенциалов СССР и США. Как правило, 21–23 ведущих научных направлений. В то время (в зависимости от конкретного года и подхода) американские специалисты полагали, что СССР опережал США в 5–7 направлениях, а США — в 10–15. Еще в 2–3 направлениях они находились на равных позициях. При этом правящая элита США, понимая приоритетную значимость опережения в развитии фундаментальных знаниях, выстраивала всю свою политику с целью добиться бесспорного научно-технического превосходства.

Так, именно этот мотив являлся решающим при определении параметров процесса ограничения и сокращения вооружений. США за все три десятилетия ни разу не приняли такого решения, которое бы ограничило их военные НИОКР. Пример с программой Стратегической оборонной инициативой (СОИ), выдвинутой Р. Рейганом в 1982 году именно как комплекс научно-технических программ, — показателен. Кстати, рассчитанная на 20 лет программа была выполнена именно за 20 лет плюс несколько месяцев.

С начала 90-х годов США отказались от приоритетности методики сопоставления научных потенциалов, потому что сопоставлять стало нечего. Финансирование и развитие науки в СССР и России практически прекратилось. Остались отдельные, внесистемные очаги энтузиастов.

В качестве наглядного доказательства того, что это не случайный результат «реформ», а государственная политика, Г. Месяц привел пример с налогообложением РАН: «Академию душат всевозможными налогами — на землю, имущество. В Пущине, в Радиообсерватории, установлены приемники, которые ловят электромагнитное излучение из космоса. Так вот: в прошлом году налог на землю подняли до 18 рублей за квадратный метр, а участок там 120 гектаров. На все научные изыскания Радиообсерватория тратит меньше, чем этот совокупный налог. Абсурдность ситуации в том, что собранные деньги поступают в бюджет, а мы сами финансируемся из бюджета. Нигде в мире государственные научные учреждения не облагаются налогами. Или взять налог на имущество. Мы купили на бюджетные средства хороший прибор за миллион долларов, но 2,4% стоимости прибора должны ежегодно отдавать налоговикам. А где взять такие деньги? Опять же из бюджета, но там нет такой строки для оплаты. К слову, по этому закону от налога освобождены церкви и тюрьмы. Мы просили: пожалуйста, приравняйте Академию наук к тюрьме! Не уговорили»[25].

Таким образом для России на рубеже XXI века сложилась уникальная ситуация по отношению к науке, научному мышлению и научному сообществу. Ложные неолиберальные идеи наложились на неудачные реформы в России. Подобное «совмещение» привело к тому, что Россия фактически потеряла 20 лет в научно-техническом развитии, нанесло сильнейший удар по научным школам, а в целом ослабило конкретные преимущества России. Что особенно проявилось в период кризиса 2008 года. Применительно к России этот кризис стал особенно острым из-за того, что возможные кризисные явления до 2008 года предполагалось решать финансовыми средствами, тогда как причина была гораздо глубже, а именно:

— в системном недофинансировании реального сектора экономики, неспособности всей банковской системы обеспечить кредитование промышленности, сельского хозяйства, а тем более науки и культуры;
— невозможности создать предпосылки для развития экономики знаний и инноваций.

Именно поэтому удары кризиса в России воспринимались особенно болезненно: зависимость от сырьевого характера экономики стала очевидной уже в сентябре 2008 года, хотя об этом много говорилось и до этого. Естественно, что уже первые последствия кризиса показали, насколько они могут быть тяжелы для экономического развития[26] (табл. 2).

Таким образом, отношение к науке в России правящей элиты **прямо противоположно** генеральной тенденции развития человечества. Также как и к образованию. Наука и образование стали ведущими факторами развития с последней четверти XX века. И не в СССР и не в России.

Попытки реформирования науки и образования в России удачными назвать трудно. На мой взгляд, было бы эффективно сохранять и развивать прежние институты социального потенциала, создавая, при необходимости, новые, а не ликвидировать прежние институты. Так, ликвидация отраслевой науки привела к серьезной деградации научно-практических школ и промышленной культуры.

Не оправданы нередко и попытки «вестернизации» институтов социального потенциала. Так, идея переноса академической науки в университеты, может быть, и не плоха. Но при условии, что сама академическая наука не будет уничтожаться. Да и игнорирование мнения научной общественности не может быть правильным. Так, опрос, проведенный среди ведущих науковедов, показал, что идею эту не поддерживает абсолютное большинство[27].

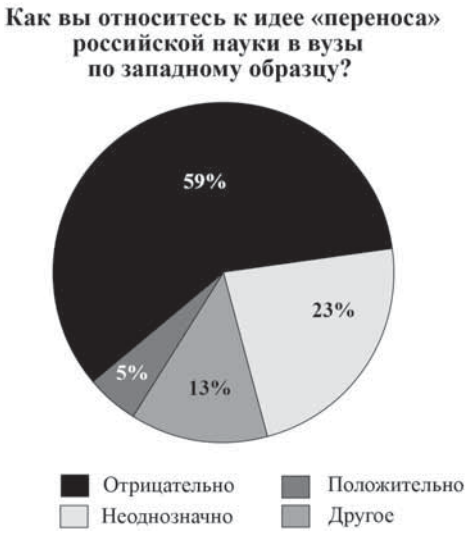


Рис. 1.

Более того, в ближайшие годы следует ожидать стремительное усиление значения этого фактора. В середине XX века русский гениальный ученый В. Вернадский в нескольких своих работах обосновал тезис о научном мышлении как планетарном явлении. К сожалению, он не был услышан в СССР, и уж прямо противоположное было сделано в современной России: была попытка «технологизации» науки под предлогом ее низкой экономической эффективности. Подобная «технологическая абсолютизация», на мой взгляд, не просто неверна, но по отношению к нации, ее будущему — преступна. Она является отчасти следствием той огромной роли, которую играли (и играют) наукоемкие технологии в экономическом развитии человечества последнюю половину века.

Но сегодня становится понятно и другое: без фундаментальных достижений — и не только в науке, но и культуре и духовности — человечество

Табл. 2. Замедление, в % к предыдущему периоду

	2007	2008*	новый вариант 2009	старый вариант 2009
Мир	5	3,7	2,2	3
Развитые экономики	2,6	1,4	–0,3	0,5
США	2	1,4	–0,7	0,1
Зона евро	2,6	1,2	–0,5	0,2
Развивающиеся экономики	8	6,6	5,1	6,1
Китай	11,9	9,7	8,5	9,3
Россия	8,1	6,8	3,5	5,5
СНГ без России	9,8	6,9	1,6	6,2
Нефть**	77,1	99,8	68	109
Мировая торговля	7,2	4,6	2,1	4,1

*Новый вариант; ** среднее сортов Brent, Dubai, West Texas Intermedate
Источник: МВФ

постепенно превратится в сверхтехнологическое общество, которое развивается самопроизвольно, иногда очень быстро, но… всегда ли в нужном направлении? Ответы на многие вопросы и вызовы XXI века «технологическая революция» не дает, и дать не может. Исторически ее ведущая роль в мировом развитии будет замещаться фундаментальной наукой, культурой и искусством. И это, кстати, хорошо понимает американский президент Б. Обама, заявивший об удвоении финансирования американской науки.

Простой пример. Технологические решения в целом ряде случаев не являются панацеей и гарантией для решения принципиальных проблем. Принципиальные (фундаментальные) проблемы могут быть решены также **только на фундаментальном уровне**. Так, очевидно, что в среднесрочной перспективе России предстоит быстрый рост тарифов, который будет не только стимулировать, но и опережать темпы инфляции. В конечном итоге технологические решения не смогут успевать за этим ростом и угроза промышленному производству, всей экономике страны становится совершенно реальной. Что видно, например, из прогноза МЭРа[28] (табл. 3).

Очевидно уже сегодня, что без решения фундаментальных научных задач (перехода на альтернативные источники энергии, экологические технологии, сокращения энергоемкости в десятки раз, а материалоемкости — в разы и т.д.), которые возможны только на национальной основе фундаментальной науки и развития собственных технологий, эти проблемы так и останутся нерешенными. И тут не помогут ни макроэкономика, ни всесильный рынок, ни даже госрегулирование. Этот принципиальный вопрос может быть также решен только на таком же **принципиальном (фундаментальном)** — политическом, научном, идеологическом уровне! Нужна прежде всего, политическая идеология опережающего научно-технического развития на основных направлениях НТП. Сегодня мощь и влияние государства, его авторитет в мире определяются в решающей степени отношением мирового сообщества к научному потенциалу страны. Ни объем ВВП, ни золотовалютные резервы, ни стратегические не сравнимы по своему значению с уровнем развития национальной науки. Хотя бы потому, что и военный потенциал (вооружения, военная техника, вооруженные силы), и экономический потенциал, и качество общества являются **производными** от научно-образовательного потенциала.

Соответственно, инновации и наукоемкие технологии, и ресурсо-энергосберегающие технологии являются **следствием** развития научно-образовательного потенциала. Если его нет, то остается только

Табл. 3. Рост среднегодовых цен (тарифов) на продукцию (услуги) естественных монополии и услуги ЖКХ в инновационном сценарии развития (2008 г. = 1, цены по среднегодовому курсу)

	2008	2012	2015	2020	2025
Инфляция (ИПЦ), раз	1,137	1,36	1,6	1,9	2,1
Электроэнергия					
рост среднего тарифа (для всех категорий потребителей), раз	1,167	2,0	2,5	3,2	3,7
тариф на электроэнергию для всех категорий потребителей (цент за кВт.ч)	6,4	9,7	11,3	14,8	17,7
рост регулируемых тарифов для населения, раз	1,14	2,4	3,8	5,2	6,0
тариф на электроэнергию для населения (цент за кВт. ч)	5,1	9,9	15	21,6	25,7
Тепловая энергия, рост регулируемых цен, раз	1,22	2,0	2,3	3,8	4,5
Газ природный					
рост средних оптовых цен для всех категорий потребителей, раз	1,286	2,8	5,5	6,6	7,2
цена для всех категорий потребителей (долларов за тыс. куб.м)	76,4	157	262	337	390
рост цен для населения, в разах	1,25	3,0	5,8	7	7,6
цена для населения (долларов за тыс. куб.м)	54,2	125	262	337	340
Железнодорожные перевозки грузов, раз*	1,211	1,8	2,5	3,7	4,9
Пассажирские перевозки железнодорожным транспортом в регулируемом секторе, раз	1,14	1,6	2,1	3	3,8
Индекс тарифов на услуги ЖКХ для населения в среднем по России, раз	1,17	2,1	3	4,1	5,3

* по верхней границе диапазона, отражающей добавочную инвестиционную составляющую

покупать эти технологии за рубежом. Но, во-первых, приобретая чужое, ты всегда будешь отставать, а, во-вторых, обмен всегда будет не эквивалентным, т.е. покупатель наукоемкой продукции всегда переплачивает на мировых рынках. Повторю, — всегда не за самый свежий продукт.

Фундаментальная наука является основой развития технологий, изменения структуры экономики и общества, а также фундаментом качественного образования. Современное образование без адекватного научного обеспечения невозможно: знания стремительно устаревают и, преподаватель должен быть исследователем, т.е. анализировать и изучать **качественно новые процессы** (Сегодня, кстати, в России менее 25% преподавателей занимаются научной деятельностью).

Понятно, что для нынешней России, опоздавшей к «технологической революции», потребуется срочно решать те задачи, которые передовые страны решили в последние два десятилетия. Прежде всего, в области инноваций. И не только в среднесрочной перспективе. Настоящий «рывок» возможен, если мы посмотрим **за пределы** этого периода.

Другими словами, для того, чтобы ликвидировать отставание в 20 лет, уже сегодня необходимо работать на опережение в 30–50 лет. Подобное опережение возможно только при разработке новых фундаментальных направлений отечественной науки, либо качественных прорывах в области культуры и духовной жизни.

Соответственно без национальных фундаментальных открытий невозможно опережающее развитие экономики, общества и государства. Без этого Россия будет в состоянии реализовывать лишь модели «догоняющего» развития, т.е. навсегда обречена оставаться на задворках прогресса. В новой экономике знаний лишь та нация имеет право называться передовой, которая обладает собственными приоритетами в развитии.

Развитие науки и культуры, духовности и искусства в XXI веке станет фактором, определяющим темпы развития государств и наций. В том числе их экономическую и военную мощь, уровень общественного развития и качество государственного управления. В конечном счете, от этих факторов будет зависеть то место, которое займет то или иное государство в мире, уровень жизни его граждан, степень безопасности и полнота суверенитета.

Другая сторона проблемы заключается в ответе на вопрос: а возможно ли сохранять суверенитет и национальную идентичность, если придерживаться модели «догоняющего» развития, отказаться от мирового лидерства в научной, культурной и духовной областях? Уверен, что нет. Если не иметь передовых позиций в этих областях, то нация неизбежно со временем превратится в нацию без собственных ценностей и культурно-духовного фундамента, т.е. потеряет свою идентичность и суверенитет.

Также важно сохранение национальных культурных и духовных ценностей. И огромная роль в этом принадлежит РПЦ и, в целом, православию. Может быть, именно поэтому в период либеральной дискуссии столь участились атаки на РПЦ? В этом смысле важное значение имеет мысль русского философа Г. П. Федотова, обращенная к православным: «Нельзя, разумеется, подчинить путь веры путям национальной жизни… Но в православии нам дано религиозное освещение нации. Церковь благославляет наше национальное делание…»[29].

Строго говоря, неизбежно следует сделать вывод: **не имея собственной научной, духовной и общекультурной базы, невозможно стать не только лидером, но и сохранить суверенитет в эпоху глобализации**. Заимствования извне могут на какое-то время (при условии, что они будут внедряться быстрее, чем в других странах) дать эффект, но позже он все равно будет снивелирован развитием чужих достижений.

Понимание этой ситуации в 2008 году в правительстве в целом сложилось. Но именно в целом. По-прежнему в общественном сознании и представлении элиты господствует технологический подход. Не отрицая важности прикладных результатов и инноваций, я хотел бы подчеркнуть, что они не могут являться фундаментом. В качестве такого фундамента рассматривается «база технологического роста», что, конечно же, неправильно. Великие прикладные открытия XX века основывались на достижениях фундаментальной науки — ни ядерная бомба, ни ядерный реактор, ни тем более полеты в космос и связанные с этим технологические открытия были бы невозможны без фундаментальных открытий в ядерной физике, химической физике, геохимии и других фундаментальных науках. Как признается в проекте Концепции долгосрочного социально-экономического развития (август 2008 г.), «…вызов — ожидаемая новая волна технологических изменений, резко усиливающая роль инноваций в социально-экономическом развитии и обесценивающая многие традиционные факторы роста.

В ближайшее десятилетие развитые страны перейдут к формированию новой технологической базы экономических систем, основанной на использовании новейших достижений биотехнологий, информатики и нанотехнологий, в том числе, в здравоохранении и других сферах развития человеческого потенциала».

При этом правительство не только недооценивают значение фундаментальной науки и культуры, но и переоценивает существующий научно-технический и технологический потенциал. В концепции 2020 признается:

«Для России наличие научно-исследовательского потенциала и высокотехнологичных производств создает условия для использования преимуществ, связанных с распространением новых технологий:

— обеспечение технологического лидерства по ряду важнейших направлений;

— формирование комплекса высокотехнологичных отраслей и расширение позиций на мировых рынках наукоемкой продукции;
— модернизацию традиционных отраслей экономики, в том числе за счет развертывания глобально ориентированных специализированных производств.

В то же время, отставание в развитии новых технологий последнего поколения может резко снизить глобальную конкурентоспособность российской экономики»[30].

Как видно, недооценка фундаментальной науки, значения культуры (в широком значении), перекос в сторону технологий — очевиден. «Специализация» производств — это поиск своей ниши на мировом рынке (что, конечно же, важно), но он не является решающим. Необходимо **создавать и открывать** собственные ниши, что возможно только при развитии фундаментальной науки. Чувствуете разницу между поиском ниши и ее **созданием**, творением качественно нового продукта или услуги?

Признавая, что в российской элите в 2008 году сложилось общее понимание «приоритетности» в развитии науки, можно констатировать, что это общее понимание достаточно противоречиво. Иллюстрацию логично привести на примере МЭРа. Так, анализируя ситуацию в этой области, аналитики из МЭРа признают:

«1. Ключевой проблемой российского сектора науки и высоких технологий сегодня является крайне **низкая эффективность использования имеющихся ресурсов** (кадрового, технологического, знаний), что в полной мере проявилось после начавшегося в последнее время увеличения финансирования НИОКР».

Действительно, эффективность использования научных знаний низка, хотя в последние годы эта низкая эффективность сильно преувеличивается. Проблем здесь много. Как связанных с низкой престижностью труда ученого (который по-прежнему зарабатывает значительно меньше, чем в развитых странах, и даже меньше, чем неквалифицированный рабочий в России), низким престижем, социальным статусом, так и низкой информвооруженностью, оснащенностью оборудованием и т.п.

Но главная проблема эффективности — в созданной политико-экономической системе страны, которая — следует прямо признать — не способна внедрять достижения науки и инновации. Но это вопросы, как говорится, уже не к научному сообществу, а к финансовым и экономическим властям страны.

«2. Россия по-прежнему располагает значительным научно-техническим потенциалом. По численности занятых в сфере фундаментальной науки, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ государство находится на третьем — четвертом месте в мире».

Действительно, это так, но с весьма существенной поправкой. Значительная часть ученых таковыми совсем не являются. К ним относят как вспомогательный персонал, так и просто лиц, которые числятся в научных учреждениях, но давно уже не занимаются исследованиями. Таковых, по моей логике, значительно больше половины от всего численного состава. Наконец, значительная часть ученых являются лицами преклонного возраста, которые уже не в состоянии плодотворно работать, но которых держат в штате, обеспечивая им минимальную социальную защиту.

«3. Россия **входит в число лидеров по ряду важнейших направлений исследований и разработок,** в том числе в таких областях, как нанотехнологии, живые системы, охрана окружающей среды, атомная и водородная энергетика, энергосберегающие системы, разработки прикладных программных средств и других».

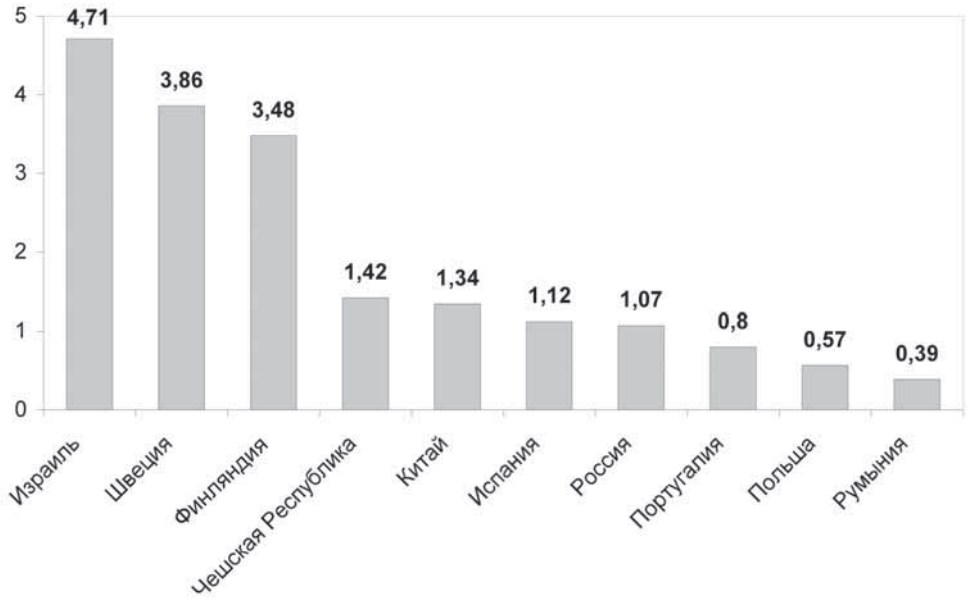


Рис. 2. Сравнительные показатели доли затрат на исследования и разработки к ВВП, в %

Трудно согласиться с этим утверждением. Особенно, если принять во внимание первый тезис о «низкой эффективности» науки.

4. По абсолютному уровню, в пересчете по паритету покупательной способности, российские затраты на НИОКР находятся **примерно на уровне** Италии (10–11 место в мире).

Противоречия налицо. Так, если у нас низкая эффективность использования ресурсов (п. № 1) при низком уровне затрат (п. № 4), то как Россия может находиться в числе лидеров по «ряду важнейших направлений исследований и разработок» (п. № 3)? При этом, оставаясь в числе лидеров по численности ученых (п. № 2)?

Ответ, на самом деле, известен. Это хроническое недофинансирование науки. В том же прогнозе МЭРа признается, что уровень расходов на НИОКР к ВВП (чуть более 1%) уступает не только показателям Евросоюза (около 2% ВВП), но и Китая (1,3% ВВП).

Из приведенных данных (рис. 2) следует, по меньшей мере, несколько выводов:

Во-первых, по абсолютной величине расходов на науку Россия не находится в числе лидеров, уступая место даже средним по масштабам государствам.

Во-вторых, по относительным величинам расходов на науку (доля в ВВП) Россия уступает практически всем государствам. Если же вычесть из этих расходов средства на военную науку, то эта величина будет одной из самых низких.

В-третьих, опыт ведущих стран показывает, что доля расходов на науку должна быть не менее 4% от ВВП. Это означает, что Россия должна увеличить соответствующие ассигнования как минимум в четыре раза, а с учетом современных тенденций — в шесть–семь раз. Это и будет тот минимум, который необходим для «рывка» России в будущее.

В-четвертых, затраты на науку в расчете на одного исследователя составляют 35 тыс. долларов, что уступает уровню Германии, США, Кореи в пять–шесть раз. Ситуация усугубляется и тем, что материально-техническая база российской науки и испытательных центров значительно устарела. Это означает, что расходы на одного исследователя в России в ближайшие годы следует увеличить в семь–десять раз.

2. Духовность и нравственность как основа общества. Роль национальных институтов

…Никакая наука никогда не даст ответа на три самых важных вопроса человечества:
о происхождении мира, о зарождении жизни и о возникновении разума.
Это вещи не просто непознанные, а непознаваемые, ибо речь идет
о появлении чего-то из ничего — то есть об акте творения[31].
Д. Соколов-Митрич

В нашем проекте нет ни слова про оправдание Гитлера или нацистской Германии.
Ни слова…, что СССР несет такую же ответственность, как и Германия…[32].
М. Федотов

В первом десятилетии XXI века политическое, экономическое и идеологическое соперничество приобрело форму борьбы между национальными системами ценностей, прежде всего в нравственной, социокультурной и духовной областях. Иногда, как в 2008–2011 годах, споры переносились в плоскость переосмысления и переписывания истории. Но в действительности эти споры имеют конкретное, даже прикладное значение. Так, критика И. Сталина в действительности превращалась в критику СССР, а затем в попытки пересмотреть итоги Второй Мировой войны, в т.ч. территориальные, либо перенести черты сталинского режима на режим В. Путина. Иногда даже поставить на одну доску И. Сталина и А. Гитлера, СССР и фашистскую Германию.

Схватка за ценностную систему означала схватку за национальную идентификацию, суверенитет, способность нации развиваться самостоятельно, выбирая свои социальные и экономические модели развития. И на переднем крае, как всегда возникали вопросы нравственности, духовности.

Естественно, что в практической, реальной жизни эта борьба выливалась в **борьбу различных институтов**. Типичный пример — как в рамках одной элиты, даже одной президентской администрации, столкнулись две президентские комиссии — созданная в мае 2009 года Комиссия при Президенте РФ по противодействию фальсификации истории и существовавшая как наследница Комиссии по правам человека Комиссия по содействию развитию институтов гражданского общества[33]. Предметом спора стала история и И. Сталин, точнее — подготовленная рабочей группой, которую возглавлял С. Караганов, «программа десталинизации» России.

Таким образом споры идут даже в рамках одной элиты, одной госструктуры. Такие же расхождения наблюдались среди общественных организаций и СМИ, в частности, в Совете по внешней и оборонной

политике (СВОП), который провел 8–10 апреля 2011 года свое ежегодное заседание, акцентировав внимание на «Культуре, будущем России, ее месте в мире»[34].

Надо сказать, что сами институты духовного и культурного социального потенциала не ведут себя пассивно. Они — наиболее активная часть нынешнего общества. Особенно религиозные организации, которые ускоренно «формулируют свои стереотипы и фиксируют их в том числе в новых ритуалах»[35]. Это касается РПЦ, предложившей свою социальную доктрину, подчеркивающую гонения на своих приверженцев и создавшую в 1992 году Всемирный русский народный собор, который активно действует с того времени под руководством святейшего патриарха (до 2010 года митрополита) Кирилла[36].

Огромное значение для национальной системы ценностей имеет культура и духовность, которые во многом зависят от **степени развития соответствующих институтов**. Смею утверждать, что это огромный ресурс национального развития, который используется государством слабо, а иногда и просто игнорируется.

Так, степень национального доверия, например, к РПЦ — чрезвычайно высока. И постоянно растет. О чем свидетельствуют данные ВЦИОМ[37].

Доверие Русской православной церкви. Опрос 9–10 января, 100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 2000 респондентов (рис. 3, 4).

При этом ее роль в развитии государства оценивается обществом достаточно высоко: почти треть (29%) граждан в 2002 году считают, что православие должно стать государственной религией, т.е. активно поддерживают позитивное значение РПЦ и его институтов[38] (табл. 4).

Рис. 3.

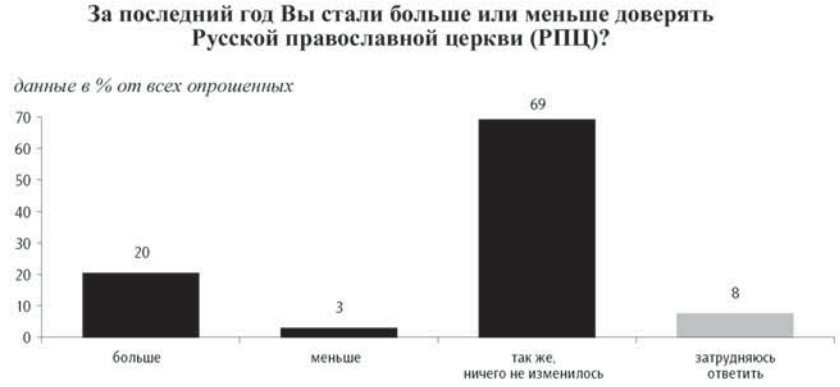


Рис. 4.

Рис. 5.

Табл. 4. Считаете ли вы себя верующим человеком? Если да, то к какой религии вы себя относите?
(Опрос населения, 12.04.2000)

	Все опрошенные		В ближайшее воскресенье проголосовали бы за …				Адаптация			Пол		Возраст			Образование				Доход на чл. семьи			Тип места жительства				
	9–10 августа 1997 г.	8–9 апреля 2000 г.	Путина	Зюганова	Явлинского	других или против всех	оптимисты	адаптирован. пессимисты	неадаптир. пессимисты	мужчины	женщины	18–35 лет	36–50 лет	старше 50 лет	неполное среднее	среднее	среднее спец.	высшее	до 400 руб.	400–600 руб.	более 600 руб.	Москва+СПб	мегаполисы	большие города	малые города	село
Доли групп (%)	100		46	22	5	13	24	28	45	46	54	34	32	34	21	36	31	12	26	35	36	9	10	21	32	27
Верующим себя не считаю	35	37	33	41	31	40	38	32	39	49	26	38	43	31	33	38	37	39	41	33	38	28	34	39	38	38
православие	54	54	58	50	61	53	53	56	53	41	64	50	50	60	58	51	54	53	47	59	53	66	53	49	54	52
ислам	6	5	6	6	4	2	4	8	4	5	5	6	4	5	5	5	5	5	6	3	6	1	9	5	5	5
буддизм	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0
иудаизм	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
католицизм	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
протестантизм	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	1	0	0
другая религия	0	1	0	1	0	2	0	1	1	0	1	0	1	1	2	1	0	1	1	1	0	2	1	1	1	1
Затрудняюсь ответить	3	3	2	3	3	3	4	3	4	4	2	5	2	3	3	5	3	2	5	3	2	1	2	5	2	5

Стоит сказать, что эти вопросы находились в эпицентре моего внимания все последние 20 лет. Им было посвящено много моих работ и работ моих коллег, в том числе «Русский Путь», «Современная политическая история России» в 2-х томах, «Национальная доктрина России», Современная русская идея и государство и т.д.[39] Так, в третьем издании «Современной политической России» (М., «Духовное наследие, 2000) говорилось[40]: «Советская духовная культура приобщала не избранных, а весь народ — рабочих и крестьян, молодежь и ветеранов, мужчин и женщин, людей с высшим и средним образованием, жителей с, столиц и провинциальных центров — к лучшим достижениям мирового и отечественного искусства. Вопреки тотальной клевете о непробиваемости «железного занавеса», СССР имел культурные связи с более чем 120 странами. В отличие от нынешних времен, это был действительный обмен. Взаимный, плодотворный, подлинными духовными ценностями, а не «одностороннее движение» с контрабандным ввозом в нашу страну эрзацподделок, способствующих интеллектуальной и нравственной деградации народа».

Достижения отечественной духовной культуры составляли национальную гордость, высоко и заслуженно ценились в народе и во всем мире. Хорошо оплаченные «зелеными», деятели современной демкультуры утверждают, что ей были присущи «бездушный конформизм», «суррогат ценностей, идеалов», «доступность, вульгаризация любого явления истории или современности, двухмерность и двухцветность взглядов на мир, обожествление вождя, псевдооптимизм, упрощенная форма для полуграмотной массы. Ее социокультурными феноменами стали массовая песня и кинофильмы. Не стоит даже опровергать эту клевету. Достаточно назвать лишь имена деятелей отечественной культуры советского периода, чье творчество имеет непреходящий характер не только для нашей страны, но и признано во всем мире. Их творчество в действительности является ярчайшей иллюстрацией великих свершений народа за короткий отрезок времени.

Литература: М. Горький, А. Блок, В. Маяковский, С. Есенин, М. Шолохов (лауреат Нобелевской премии), А. Куприн, А. Толстой, А. Серафимович, Д. Фурманов, Л. Леонов, В. Катаев, К. Федин, М. Ауэзов, К. Паустовский (кандидат на Нобелевскую премию), А. Фадеев, Н. Островский, А. Твардовский, Б. Пастернак (лауреат Нобелевской премии), А. Ахматова, М. Цветаева, М. Светлов, К. Симонов, М. Алексеев, Ф. Абрамов, В. Распутин, В. Шукшин, В. Белов, Н. Рубцов, Ю. Бондарев, Ч. Айтматов, Р. Гамзатов, П. Проскурин.

Театр: Когорта артистов и режиссеров Большого театра Союза ССР, МХАТ, Малого театра (Москва), Театра им. В. Маяковского, Театра им. Е. Вахтангова, Театра им. Моссовета, Большого драматического театра в Ленинграде, драматических театров в Куйбышеве, Свердловске, Челябинске, Омске, Алма-Ате, Киеве, Тбилиси и во многих других городах Советского Союза.

Артисты: Г. Уланова, О. Лепешинская, М. Плисецкая, Л. Семеняка, М. Лиепа, Л. Орлова, В. Марецкая, А. Тарасова, Б. Ливанов, В. Анджапаридзе, М. Бабанова, Б. Бабочкин, Н. Черкасов, Б. Чирков, Е. Самойлов, Н. Крючков, Н. Мордвинов, Н. Симонов, Б. Щукин, О. Борисов, Е. Лебедев, А. Роговцева, Л. Чурсина, И. Смоктуновский, В. Стржельчик, П. Луспекаев, Е. Копелян, Е. Евстигнеев, О. Ефремов, Ю. Яковлев.

3. Политические приоритеты и опережающее развитие культуры и искусства

…При такой средней зарплате в секторе науки страна хотя и может рассуждать об инновациях, но в лучшем случае они будут носить фрагментарный характер[41].

А. Клепач,
зам. министра МЭР

…Модернизация все еще не осознана как актуальная философская задача первостепенной значимости[42].

С. Миронов

Опережающее развитие России не может быть реализовано без смены политических приоритетов, резкого изменения общественного и политического курса страны в пользу национальных ценностей. Прежде всего, в науке, культуре, духовной жизни и образовании. При этом роль культуры в мире стремительно нарастает. Настолько стремительно, что я ожидаю их превращения в **ведущие факторы развития уже в ближайшие годы** в ведущих странах мира. Что связано с периодом «фазового перехода» человечества. Это, однако, отнюдь не является очевидным для российской элиты.

Не случайно, что американская элита почувствовала рост значения науки и образования, что отразилось в том числе и в победе Б. Обамы на президентских выборах. Идея приоритета американских ценностей (в т.ч. в области духовной жизни и в науке) стала центральной в кампании Б. Обамы, а его победа — подтверждением того, что правящий класс США чутко среагировал на изменение ситуации в мире.

Табл. 5.

	Январь–февраль 2010 г.		Январь–февраль 2009 г.		Отклонение в п.п. ВВП
	млрд руб.	в % ВВП	млрд руб.	в % ВВП	
Культура, кинематография, СМИ	31,7	0,5	30,6	0,6	-0,1
Здравоохранение и спорт	167,1	2,7	167,9	3,2	-0,5
Социальная политика	719,9	11,6	504,9	9,6	+2,0

Финансирование науки

Табл. 6. Финансирование науки из средств федерального бюджета

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Расходы федерального бюджета, млн руб.	фундаментальные исследования	8219,3	11 666,6	16 301,5	21 073,3	24 850,3	32 025,1	42 773,4	54 769,4	69 735,8
	Прикладные научные исследования	9177,1	12 021,1	14 754,4	20 503	22 627,8	44 884,2	54 589,8	77 934,0	92 380,1
	в процентах к расходам федерального бюджета	1,69	1,79	1,51	1,76	1,76	2,19	2,27	2,22	2,14
	в процентах к валовому внутреннему продукту	0,24	0,26	0,29	0,31	0,28	0,36	0,36	0,4	0,39

Табл. 7. Внутренние затраты на исследования и разработки

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Внутренние затраты на исследования и разработки, млн руб.	в фактически действовавших ценах	76 697,1	105 260,7	135 004,5	169 862,4	196 039,9	230 785,2	288 805,2	371 080,3	431 073,2
	в постоянных ценах 1989 г.	3,32	3,91	4,34	4,79	4,62	4,55	4,9	5,6	5,4
	в процентах к валовому внутреннему продукту	1,05	1,18	1,25	1,28	1,16	1,07	1,08	1,12	1,03

Табл. 8. Структура внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования, %	средства бюджета	53,7	56,2	57,4	58,4	59,6	60,8	60,1	61,6	63,1
	средства организаций предпринимательского сектора	18,7	19,6	20,7	20,1	21,4	20,7	19,7	20,9	20,9
	средства частных некоммерческих организаций и высших учебных заведений	0,1	0,3	0,2	0,2	0,1	0,1	0,3	0,3	0,3
	Собственные средства научных организаций	9,0	10,1	9,6	9,6	8,8	9,0	8,9	8,2	8,3
	Средства внебюджетных фондов	6,5	5,2	4,1	2,7	2,5	1,8	1,6	1,8	1,5
	Средства иностранных источников	12,0	8,6	8,0	9,0	7,6	7,6	9,4	7,2	5,9

Реальные приоритеты в этой области отражает объем федерального финансирования в области культуры, искусства, здравоохранения и социальной политики[43] (табл. 5).

В области финансирования научных исследований в 2000–2008 годы наблюдалось по-прежнему отставание от потребностей, которое, с учетом недофинансирования 90-х годов, привело к свертыванию научных исследований, вымиранию научных школ и усиливающемуся отставанию от развитых стран. Что видно из официальных данных[44]. Так, например, в процентах к расходам федерального бюджета расходы на науку за эти годы «выросли» с 1,69% в 2000 году до 2, 14% — в 2008, а в процентах к ВВП — с 0,24% до 0,39 (табл. 6–8).

За эти же годы незначительно и совершено недостаточно выросла зарплата исследователей[45], что

Табл. 9. Заработная плата работников научных организаций

Показатель	Детализация	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников научных организаций, руб.		2701	7148	8835	11001	14011	19517	24916
Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников научных организаций к среднероссийскому уровню, %		…	…	131	129	132	144	144

Табл. 10. Внутренние текущие затраты на исследования и разработки по видам работ

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Внутренние текущие затраты на исследования и разработки по видам работ	всего	73873,3	100507,4	128243,3	161202,7	187210,5	221119,5	277784,8	352917,7	410865,0
	фундаментальные исследования	9875,7	13940,8	18778,0	24297,7	26495,9	31022,9	42707,5	63590,4	77121,3
	прикладные исследования	12117,5	16506,1	20454,3	25075,4	30811,6	36360,2	42459,1	54492,6	79885,8
	разработки	51880,2	70060,5	89011,0	111829,6	129903,0	153736,4	192618,1	234834,7	253857,9

Табл. 11. Поступление заявок на выдачу патентов и выдача патентов по субъектам Российской Федерации

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Количество поданных заявок на выдачу патентов на изобретения отечественными заявителями по субъектам Российской Федерации	Российская Федерация	**27926**	30640	30223	32369	31633	32726	39776	27505	**27712**
	Центральный федеральный округ	11903	12117	12516	14844	13438	13911	18781	13473	13377
	Белгородская область	132	148	105	112	166	161	245	162	117
	Брянская область	89	93	71	71	71	106	101	76	49
	Владимирская область	212	219	232	220	203	202	227	151	155
	Воронежская область	487	31	592	634	676	629	689	679	615
	Ивановская область	165	150	167	153	161	178	2617	1022	577
	Калужская область	272	401	308	300	163	211	282	167	150
	Костромская область	67	60	53	60	60	64	70	51	79
	Курская область	247	244	162	197	192	228	306	244	207
	Липецкая область	124	172	148	159	126	119	87	78	105
	Московская область	2059	1951	2257	2695	2124	2072	2101	1501	1608
	Орловская область	169	235	185	213	225	283	281	189	188

привело к массовому «экспорту мозгов», достигавшее в некоторые годы 100 тыс. человек (табл. 9, 10).

Это не могло не отразиться на эффективности научной деятельности, которая выражается, например, в количестве заявок на выдачу патентов. За 2000–2008 гг., как показывает статистика, оно даже сократилось[46] (табл. 11). Важно к этому добавить, что не только деньгами измеряются достижения науки. В США, например, в 2008 году профессия ученого заняла по престижности 2-е место, а в России — одно из последних.

Хотелось бы подчеркнуть, что роль гуманитарной сферы в XXI веке еще до конца в полной мере не оценена. Если значение научно-технического прогресса, роль наукоемких технологий, ставших в последней четверти прошлого века определяющими факторами

Табл. 12. Основные показатели культуры

	1970	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число профессиональных театров	310	324	382	470	**547**	556	571	568	579	588	590	594	586	**601**
Численность зрителей:														
всего, млн человек	69,8	71,0	**55,6**	31,6	**30,8**	31,0	30,1	29,1	28,2	28,0	28,6	29,3	30,4	**30,2**
в среднем на 1000 чел. населения	535	512	**376**	213	210	212	207	201	196	196	201	206	214	**213**
Число цирков	…	…	…	70	62	63	64	71	66	67	67	68	68	66
Численность зрителей:														
всего, млн человек	…	…	…	11,1	8,6	8,9	8,1	7,5	6,7	6,8	6,5	6,9	7,4	6,3
в среднем на 1000 чел.населения	…	…	145	75	59	61	56	52	46	48	48	49	52	45
Число музеев	582	740	**1315**	1725	**2047**	2113	2189	2229	2269	2285	2368	2468	2495	2539
Число посещений музеев:														
всего, млн	64,8	88,2	**144,0**	75,4	**73,2**	74,3	75,1	73,8	74,3	75,6	79,2	78,8	80,8	**78,9**
в среднем на 1000 чел.населения	497	636	974	508	499	509	517	511	517	528	556	555	569	556
Число учреждений культурно-досугового типа, тыс.	78,7	77,5	73,2	59,9	54,8	54,8	54,2	53,6	52,9	51,4	49,5	49,5	48,4	47,4
Число общедоступных библиотек, тыс.	61,6	62,1	**62,6**	54,4	51,2	51,2	51,0	50,6	49,9	49,5	48,3	47,5	47,0	**46,7**
Библиотечный фонд:														
всего, млн экз.	733	980	**1155**	1105	1027	1022	1014	1007	988	977	958	945	942	**934**
в среднем на 1000 чел. населения, экз.	5607	7062	7787	7448	7017	7014	6994	6982	6888	6843	6733	6656	6639	6582
Тираж книг и брошюр:														
всего, млн экз.	1059	1393	**1553**	475	471	542	591	702	686	669	634	666	760	**717**
в среднем на 1000 чел. населения, экз.	8123	10039	**10496**	3202	3214	3715	4070	4858	4769	4677	4446	4684	5357	**5049**
Годовой тираж журналов и других периодических изданий:														
всего, млн экз.	2060	2488	**5010**	299	607	984	1164	1107	976	1150	1201	1442	1613	**1690**
в среднем на 1000 чел. населения, экз.	15800	17930	**33860**	2017	4138	6744	8014	7654	6786	8033	8427	10147	11364	**11911**
Разовый тираж газет:														
всего, млн экз.	94	120	**166**	122	109	100	129	214	177	177	192	211	212	**210**
в среднем на 1000 чел. населения, экз.	721	865	1119	820	742	686	887	1481	1233	1238	1350	1484	1493	1479

Табл. 13. Киноустановки

	1970	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число киноустановок с платным показом, тыс.	96,7	87,7	**77,2**	34,4	18,0	17,4	15,4	14,6	12,9	11,4	9,1	7,1	7,0	**5,6**
в том числе стационарных	93,8	85,3	**75,0**	34,2	17,8	16,2	15,2	14,3	12,7	11,3	9,0	7,0	6,9	**4,6**
Из общего числа киноустановок — киноустановки в сельской местности, тыс.	82,8	71,8	61,9	30,0	15,2	14,6	12,8	12,0	10,6	9,4	7,3	5,6	5,6	4,4
в том числе стационарные	80,5	70,0	60,2	29,9	15,1	13,5	12,7	11,9	10,4	9,3	7,2	5,6	5,5	3,5
Число посещений киносеансов, млн	2804	2430	**1609**	80	42	46	47	52	49	52	50	44	58	**40**
в том числе в сельской местности	1064	797	**540**	38	13	13	13	12	11	10	8	6	7	**9**
Число посещений киносеансов в среднем на одного жителя	22	18	**11**	0,5	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,4	0,4	0,3	0,4	**0,3**
из них в сельской местности	22	19	**14**	0,9	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,3	**0,2**

экономической мощи, российской элитой сегодня признается, то роль фундаментальной науки, культуры, гуманитарной науки, искусства **еще до конца не осознана**. А между тем политика, весь процесс подготовки и принятия решений базируется именно на национальных идеях и общественно-научных технологиях, а в целом на национальной культуре.

Общее недофинансирование культуры в России огромно. Даже закон о минимуме 2% ВВП, выделяемом на культуру, не выполняется. На 2011 год, например, запланировано менее 0,7%. Содержательно это выражается в следующем[47] (табл. 12):

Особенно наглядна отрицательная динамика видна на «важнейшем из искусств» — кино (табл. 13).

Заимствованные извне, тем более слепое копирование, ведет к огромным издержкам — политическим, экономическим. Что показал опыт СССР и России в 1990-е годы. В культуре — вообще не допустимо. Исследователи МГИМО(У) отмечают **усилившуюся в современном мире роль ценностей и идеологической подосновы политики**. Это связано, с одной стороны, с интеллектуализацией политики, то есть усилением роли концептуального фактора, построения различных схем, концепций, теорий в мировой политике. Это в свою очередь обусловлено распространением политики на все новые сферы и области. Кроме того, в современном мире задача по разработке политического курса лежит не столько на политических деятелях, сколько на специальных институтах, аналитических центрах. Примером может послужить разработка для Дж. Буша-младшего доктрины «превентивной войны» (preemptive war), что было проделано консервативными «фабриками мысли» и стало центральным пунктом политического курса США в начале XXI в.

Кроме того, важность идеологического фактора может быть проиллюстрирована еще и тем, что ряд существующих конфликтов обусловлены во многом именно идеологическими различиями. Одним из наиболее ярких примеров может, безусловно, послужить режим в Северной Корее, который создает множество конфликтных ситуаций фактически со всеми своими соседями. Однако, возможно, что подобные конфликты достались современной системе международных отношений в наследство от распавшейся биполярной системы.

С другой стороны, усиление роли идеологического фактора в мировой политике сейчас связано с мировым экономическим кризисом. Так, переживая кризис, находясь в рамках процессов, последствия (и, возможно, часть причин) которых по-прежнему не до конца понятны, возможность сохранить идентичность, сохранить понимание основных целей и задач общества обеспечивается только сохранением идеологии. Иными словами, общая идеология является **мощным консолидирующим фактором**, позволяющим обеспечить сплоченность и единство общества»[48].

Результаты фундаментальной науки реализуются не только в космосе или медицине, но и в обществоведении. Сегодня потребители требуют результатов наукоемких производств во всех областях — от бытовой химии до автомобилестроения. И если отечественные производители этого обеспечить не могут, то очень быстро они вытесняются иностранными. Что хорошо видно на следующем примере[49]. Это в полной мере относится как к промышленности, так и общественно-политическому устройству, где чужие достижения, чужие модели и опыт, не могут заменить собственные.

* По данным таможенных органов
** Первое полугодие

Рис. 6. Динамика импорта легковых автомобилей в Россию, тыс. штук

Если количественные методы позволяют измерить степень опережения (отставания) в промышленности, то степень отставания в научной, образовательной, культурной и духовной областях обнаруживается в условиях кризиса, иногда приобретающего катастрофические формы для государства и общества. Так, неспособность концептуально-идеологических эффективных мер в общественно-политической области стала, в конечном счете, истинной причиной не только экономического, но и политического кризиса СССР и России периода 1990-х годов.

Кризис 2008–2010 годов этот вывод наглядно проиллюстрировал. Так, политическая философия заимствования привела к неадекватной финансовой и экономической политике Центрального банка и Минфина, что особенно проявилось в следующем:

во-первых, к началу кризиса, т.е. за все 20 лет рыночных реформ так и не была создана банковская система, способная инвестировать в реальный сектор экономики, а тем более, в инновационный сектор. Промышленные кредиты (не говоря уже о долгосрочном финансировании) фактически не давались. Возникла уникальная ситуация, когда даже крупным предприятиям было проще, дешевле и удобнее взять кредиты за рубежом, чем в собственной стране;

во-вторых, ложные псевдолиберальные идеи вели к искусственному сокращению денежной массы. Как справедливо отмечает А. Смирнов, во-первых, когда на фоне мирового финансового кризиса центробанки всего мира включили печатные станки — наши денежные власти, приняв близко «переживания» МВФ о «перегретости» нашей экономики и поверив в теорию «тихой гавани», стали решительно бороться с инфляцией путем ужесточения денежно-кредитной политики. При этом «репетиция» кризиса в августе 2007 г. и январе 2008 г., когда нерезиденты выводили десятки миллиардов долларов «горячих денег» с фондового рынка — нас ничему не научила. Не помогли предупреждения Дж. Стиглица по поводу неэффективности политики «таргетирования» инфляции. У нас что — не было спроса? Нет, он рос завидными темпами. Были плохие активы на манер американской ипотеки? Нет, наша банковская система была абсолютно здорова. У нас был кризис перепроизводства? Нет — у нас был дефицит предложения. Кто-то опасался перегрева? Только как бы не получилось нам «замерзнуть», показав в недалеком будущем низкие или отрицательные темпы роста.

Рост денежной массы (агрегат М2) на 01.09.08 составил всего 9,5% из планируемых ЦБ в этом году 30–35%, при инфляции за этот же период 9,7%. Реальный объем денежной массы практически не увеличился. Такие условия создали предпосылки для «торможения» экономики и возникновения «неустойчивости» на финансовых рынках. Величина М2 на 01.09.08 составила 14 530,1 млрд руб. Прирост денежной массы за сентябрь (на 01.10.08) под воздействием оттока капитала вообще стал отрицательным — 1,1%, составив с начала года уже 8,3 % (М2 на 01.10.08 — 14 374,6 млрд руб.). Если оценить годовую планку роста М2 в 30%, рост

Табл. 14. Основные параметры денежной политики и экономики РФ в 2000–2008 гг.

Дата	Денежная масса, млрд руб.	Инфляция, %	Прирост денежной массы, %	Реальный ВВП в ценах 2000 г., млрд руб.	Темпы роста ВВП, %	Монетизация (Ш/ВВП), %	Государственные расходы, млрд руб.	Темпы роста госрасходов, %
01.01.2000	714,6	36,5	57,5	6 646,60	6,40	14,82	667,00	
01.01.2001	1 154	20,2	61,5	7 311,10	10,00	15,80	1 029,20	54,30
01.01.2002	1 613	18,6	39,7	7 684,00	5,10	18,03	1 321,90	28,44
01.01.2003	2 135	15,1	32,4	8 045,20	4,70	19,73	2 054,19	55,40
01.01.2004	3 213	12,0	50,5	8 632,50	7,30	24,26	2 358,60	14,82
01.01.2005	4 363	11,7	35,8	9 254,00	7,20	25,59	2 698,90	14,43
01.01.2006	6 045	10,9	38,5	9 846,30	6,.40	27,95	3 514,40	30,22
01.01.2007	8 996	9,0	48,8	10 574,90	7,40	33,47	4 285,00	21,93
01,01.2008	13 272	11,9	47,5	11 431,40	8,10	40,23	5 983,80	39,65

М2 к 01.09.08 должен быть около 20% (30% * 8/12). Действительно, в 2000–2007 гг. сезонный рост агрегата М2 на 1,09 составлял в среднем около 19,7%. Минимальные значения — 13,4 — 13,9% были только в 2002 и 2004 г. Сколько нужно было денег, чтобы выйти на этой уровень? Примерно 10,5% (20%–9,5%) от значения М2 на начало года (13 272,1 млрд руб.), т.е. около 1394 млрд руб.[50] (табл. 14).

Вместе с тем, следует осознавать, что Россия в первой четверти XXI века не в состоянии полноценно соревноваться с США, Китаем и Западной Европой в полномасштабных фундаментальных исследованиях и НИОКР, затратах на развитие общекультурного потенциала. По оценкам Европейского исследовательского центра, в 2006 году США потратили на фундаментальную науку на 100 млрд евро больше, чем Европа. А если к этому добавить затраты в США на культуру, образование, духовность, то мы увидим, что **на одного человека они на несколько порядков** (т.е. в десятки раз) превышают разницу между США и Россией в душевом доходе. Другими словами, возможности России по финансированию гуманитарной сферы **несопоставимы с потенциальными** возможностями конкурентов. Это создает угрозу значительно более серьезную, чем угроза разрыва в уровнях социально-экономического развития или военных потенциалов.

Действительно, если разница в 10 раз в душевом доходе или расходах преодолима в долгосрочной перспективе 15–20 лет, то разница в 30–50 или даже 100 раз в финансировании гуманитарных областей означает, что у отстающего перспектива догнать лидера выглядит крайне туманно. Базовые, фундаментальные области, прежде всего наука, культура, духовность, становятся в несопоставимом отношении, не только фиксируя огромное отставание, но и изначально лишая догоняющую страну всякой серьезной перспективы.

4. Инновации и политические приоритеты

Необходимы средства на достойный уровень зарплат в области образования, здравоохранения, науки…Мы тратим на науку в процентах от ВВП меньше чем Китай, при том что объем экономики у них в несколько раз выше[51].
А. Клепач

Данная стратегия — продолжение проводившейся на протяжении последнего десятилетия политики стимулирования инновационной деятельности[52].
Инновационная Россия–2020

Подъем инновационной экономики в мире можно оценить в стоимостном выражении как стоимость крупнейших компаний, но, на самом деле, это будет стоимость «мозгов», — идей, технологических решений, приемов и т.п., где собственно «железо» играет небольшую роль. Как пишет В. Иноземцев, «…во всем мире поднимается новая волна инновационной экономики. Компьютерные и коммуникационные технологии, оригинальные интернет-проекты, биотехнологические компании — все они наращивают прибыли и капитализацию. Apple, с 2001 года разрабатывающая новую линейку продуктов с префиксом «i», подорожала за последние 8 лет в 36 раз и по состоянию на начало мая была второй по капитализации компанией мира ($328 млрд). Google, самый крупный поисковик, оценивается в $169 млрд, а Facebook, самая дорогая социальная сеть, — в $82 млрд. Крупные компании скупают мелкие — как, к примеру, Microsoft, объявившая о приобретении Skype за $8,5 млрд — стремясь поучаствовать в их успехе»[53].

Действительно, разработанная по поручению В. Путина от 03.03.2010 года к концу этого же 2010 года программа «Инновационная Россия–2020» (Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года) явилась «продолжением» предшествовавшей политики: в 2005 году были приняты Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года, в 2006 году — Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года. В рамках реализации этих программ и стратегий заложены основы действующей национальной инновационной системы, предприняты существенные усилия по развитию сектора исследований и разработок, формирования развитой инновационной инфраструктуры, модернизации экономики на основе технологических инноваций.

Каковы же результаты этой политики пяти лет? К сожалению, несмотря на рост финансирования и политические декларации, рост инновационной активности за 2007–2009 годы оказался… отрицательным. Что отчетливо видно из официальных статистических данных[54] (табл. 15).

Примечательно, что даже в таких отраслях, как производство электронного и оптического оборудования, доля инноваций чрезвычайно мала и практически не увеличилась за 2002–2008 годы[55] (табл. 16).

Табл. 15. Показатели инновационной активности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, %		—	—	7,6	7,3	7,4	5,7	8,0	6,6	5,6
Удельный вес отгруженной инновационной продукции организаций, %		—	—	—	5,6	5,0	2,9	3,0	3,2	2,8
Затраты организаций на технологические инновации по видам инновационной деятельности, млн руб.	затраты на технологические инновации — всего	—	—	5753,8	7383,6	11 171,0	4584,5	24 453,8	23 727	26 381,3
	исследования и разработки	—	—	—	—	3700,7	2721,2	10 955,1	9495,7	9366,2
	приобретение машин и оборудования	—	—	—	—	6339,2	1426,4	9791,7	8842,8	10 337,7
	приобретение новых технологий,	—	—	—	—	104,8	3,8	257,7	388,3	235,6
	из них приобретение прав на патенты, лицензии	—	—	—	—	101,5	3,7	98,6	225,9	93,5
	приобретение программных средств	—		—	—	449,8	293	1234,7	414,9	809,6
	производственное проектирование	—		—	—	6,9	1,3	480,6	1071,9	1144,6
	другие виды подготовки производства	—	—	—	—	—	—	233,9	1866,4	263,5
	обучение и подготовка персонала	—	—	—	—	231,7	47,8	145,7	1866,4	332,7
	маркетинговые исследования	—	—	—	—	1,6	—	2,2	210	—
	прочие затраты	—	—	—	—	336.4	91,1	1352,3	1436,6	3891,4

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Удельный вес организаций, осуществлявших организационные инновации, по типам инноваций, %	реализация новой или значительно измененной корпоративной стратегии	—	—	—	—	7,6	9,3	2,5	57,1	50,0
	внедрение современных методов управления на основе информационных технологий	—	—	—	—	9,8	13,2	2,8	76,2	64,3
	внедрение новых или значительно измененных организационных структур	—	—	—	—	12,0	13,9	2,5	61,9	71,4
	нововведения в использовании сменного режима рабочего времени	—	—	—	—	4,4	3,6	0,5	9,5	10,7
	применение современных систем контроля качества и сертификации продукции	—	—	—	—	9,6	8,9	2,5	66,7	50,0
	реализация новых или значительно измененных методов и приемов организации труда	—	—	—		5,8	6,5	—	19	—

продолжение таблицы

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
	внедрение современных систем логистики и поставок сырья, материалов, комплектующих	—	—	—	—	5,6	4,1	1,2	9,5	28,6
	создание специализированных подразделений по проведению исследований, разработок, практической реализации научно-технических достижений	—	—	—	—	0,6	0,5	0,5	33,3	14,3
	организация и совершенствование маркетинговой службы	—	—	—	—	6,0	6,5	—	81	—
	внедрение корпоративных систем управления знаниями	—	—	—	—	—	—	—	—	28,6
	реализация мер по развитию персонала	—	—	—	—	—	—	3,3	28,6	82,1
	реализация новых форм стратегических альянсов, партнерств и прочих видов кооперационных связей с потребителями продукции, поставщиками, российскими и зарубежными производителями	—	—	—	—	—	—	0,8	52,4	25,0
	передача ряда функций и бизнес-процессов специализированному подрядчику (аутсорсинг)	—	—	—	—	—	—	1,8	4,8	60,7
	прочие организационно-управленческие изменения	—	—	—	—	0,4	0,3	0,7	—	7,1

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Удельный вес организаций, использовавших вычислительную технику, %	персональные компьютеры	—	—	—	—	92,9	95,5	96,8	97,4	95,7
	ЭВМ других типов	—	—	—	—	24,1	24,1	28,6	30,2	30,2
	локальные вычислительные сети	—	—	—	—	75,4	75,4	85	84,8	83,4
Удельный вес организаций, использовавших глобальные информационные сети, %	Организации, использовавшие глобальные информационные сети	—	—	—	—	76,8	81,1	86,7	92,2	92,1
	из них сеть Интернет	—	—	—	—	76,5	80,6	86,4	92,2	92,0
	Организации, имевшие веб-сайт	—	—	—	—	14,3	16,6	21,1	20,9	24,5
Затраты организаций на информационные и коммуникационные технологии, млн руб.	всего	—	—	—	—	5937,9	7158,7	9047,5	13 457	15 759,3
	на приобретение вычислительной техники	—	—	—	—	1489,3	1730,7	2319,6	2777,3	2172,5
	на приобретение программных средств	—	—	—	—	896,4	1004,8	1120,8	2474,6	2202,8
	на оплату услуг связи	—	—	—	—	1640,4	1792,0	2332,1	3112,7	3627,7
	из них оплата доступа к сети Интернет	—	—	—	—	—	—	216,1	289,4	498,2
	на обучение сотрудников, связанное с развитием и использованием информационных и коммуникационных технологий	—	—	—	—	43,4	83,5	118,7	83,6	456,7

продолжение таблицы

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
	на оплату услуг сторонних организаций и специалистов по информационным и коммуникационным технологиям (кроме услуг связи и обучения)	—	—	—	—	1550,4	2124,2	2542,4	4149,8	6249,3
	прочие затраты	—	—	—	—	318.0	423.6	613,9	858,7	1050,2
Удельный вес организаций, использовавших сеть Интернет для связи с поставщиками и потребителями товаров (работ, услуг), %	для размещения заказов на товары (работы, услуги)	—	—	—	24,0	30,3	29,1	30,9	34,2	33,4
	для получения заказов на выпускаемые товары (работы, услуги)	—	—	—	15,3	18,8	18,1	19,8	16,9	18,6

Табл. 16. Показатели инновационной активности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, %		—	—	24,4	25,9	26,0	26,8	27,0	26,7	25,8
Удельный вес отгруженной инновационной продукции организаций, %		—	—	—	9,6	8,7	8,9	8Д	10,2	8,8
Затраты организаций на технологические инновации по видам инновационной деятельности, млн руб.	затраты на технологические инновации — всего	—	—	5477,1	9704,7	7597,2	10 377,2	20 666,8	15 190,1	18 569,2
	исследования и разработки	—		—	—	2805,2	4309,5	7445,9	6275,5	7496,7
	приобретение машин и оборудования	—	—	—	—	2990,1	3355,2	10 808,8	5662,7	6374,3
	приобретение новых технологий,	—	—	—	—	150,5	146,3	63,4	148,2	112,9
	из них приобретение прав на патенты, лицензии	—	—	—	—	55,9	93,4	44,3	71,9	65,2
	приобретение программных средств	—	—	—	—	109,9	125,7	221,5	216,5	258,9
	производственное проектирование	—	—	—	—	1125,9	2030,6	1325,2	1094,5	1890,6
	другие виды подготовки производства	—	—	—	—	—	—	498,1	648,0	1769,8
	обучение и подготовка персонала	—	—	—	—	57,0	52,3	70,6	340,9	108,3
	маркетинговые исследования	—	—	—	—	86,4	130,4	128,4	82,6	47,0
	прочие затраты	—	—	—	—	272,2	227,2	105,1	721,2	510,7

Как следует из той же «Инновационной России–2020», они отчетливо негативны: «…из запланированных в Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года результатов на I этапе (2006–2007 г.) достигнуто **лишь менее трети от запланированных показателей**. При этом, большинство показателей оказались ниже предусмотренных инерционным сценарием (не учитывающим мероприятия, проводимые в рамках Стратегии), а некоторые демонстрировали негативную динамику…

На втором этапе (2008–2010 гг.) выполнения Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года **средний уровень достижения запланированных показателей составил около 40%**, а большинство показателей по-прежнему **не достигают даже уровня, предусмотренного инерционным сценарием**, по отдельным ключевым показателям сохраняется негативная динамика»[56].

Естественно возникает вопрос: если пять лет оказались безрезультатными (точнее — результат был отрицательным), то зачем «продолжать» такую же политику? Может быть, дело как раз в этой самой политике? Конкретное представление о динамике за прошедшие пять лет и планах до 2015 года дается в отдельном Приложении № 3, которое целесообразно привести целиком.

Приложение 3. Сравнение целевых показателей Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года с фактическими показателями за 2005–2010 гг.

	2005 (план) (факт)	2006 (план) (факт)	2007 (план) (факт)	2008 (план) (факт)	2009 (план) (факт)	2010 (план) (оценка)[1]
Задача 1. Создание конкурентоспособного сектора исследований и разработок и условий для его расширенного воспроизводства						
1. Внутренние затраты на исследования и разработки в % к ВВП						
инерционная динамика	1,36	1,49	1,54	1,57	1,6	1,63
с учетом реализации Стратегии	**1,36**	**1,51**	**1,62**	**1,71**	**1,91**	**2**
	1,07	1,07	1,12	1,04	1,24	1,32
2. Удельный вес внебюджетных средств во внутренних затратах на исследования и разработки (%)						
инерционная динамика	41	42,5	44,8	45	45,2	45,4
с учетом реализации Стратегии	**41**	**43**	**45**	**48**	**52**	**60**
	38,1	38,9	37,4	35,3	33,5	33
3. Удельный вес вузовского сектора науки во внутренних затратах на исследования и разработки (%)						
инерционная динамика	6	7,2	7,4	7,6	7,9	8,2
с учетом реализации Стратегии	**6**	**8**	**10**	**12**	**13,5**	**15**
	5,8	6,1	6,3	6,7	7,1	7,9
4. Удельный вес России в общем числе публикаций в ведущих научных журналах мира (по данным ISI) (%)						
инерционная динамика	**2,9**	**3**	**3,2**	**3,3**	**3,5**	**3,6**
с учетом реализации Стратегии	2,9	3,1	3,2	3,4	3,5	4
	2,7	2,4	2,5	2,5	2,5	2,5
5. Удельный вес выпускников вузов, принятых на работу в научные организации, в численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками (%)						
инерционная динамика	2,2	2,4	2,6	2,8	3	3,2
с учетом реализации Стратегии	**2,2**	**2,9**	**3,5**	**4**	**4,5**	**5**
	1,7	1,7	1,7	1,8	1,8	1,9
6. Удельный вес исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей (%)						
инерционная динамика	30	29,6	29,2	28,7	28,4	28
с учетом реализации Стратегии	30	**31,5**	**33**	**34**	**34,3**	**35**
		30,1	31	31,8	н.д.	32,8

продолжение таблицы

	2005 (план) (факт)	2006 (план) (факт)	2007 (план) (факт)	2008 (план) (факт)	2009 (план) (факт)	2010 (план) (оценка)[1]
7. Удельный вес расходов на формирование и развитие экспериментальной и приборной базы науки, создание сети федеральных центров коллективного пользования научным оборудованием в общих расходах федерального бюджета на гражданскую науку (%)						
инерционная динамика	3	2,8	2,6	2,4	2,2	2,1
с учетом реализации Стратегии	**3**	**3,5**	**4**	**4,5**	**4,7**	**5**
	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
8. Удельный вес научных организаций, имеющих доступ в Интернет по выделенным каналам связи (%)						
инерционная динамика	40	46	52	58	65	75
с учетом реализации Стратегии	**40**	**49**	**55**	**65**	**70**	**80**
	36,8	42,7	45,8	47	48,8	51,6
Задача 2. Создание эффективной инновационной инфраструктуры, обеспечивающей трансфер результатов сферы исследований и разработок в российскую и глобальную экономику, а также развитие МСП в инновационной сфере						
1. Прирост числа малых инновационных предприятий (единиц/в год)						
инерционная динамика	60	62	65	68	70	75
с учетом реализации Стратегии	**60**	**65**	**70**	**75**	**80**	**85**
	82	37	40	–30	–43	-20
2. Удельный вес инновационной продукции в общем объеме продаж промышленной продукции малых предприятий (%)						
инерционная динамика	0,5	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6
с учетом реализации Стратегии	**0,5**	**0,6**	**0,7**	**0,8**	**0,8**	**1**
	0,3	1	2	1,6	1,4	1,3
3. Объем инновационной продукции (услуг, связанных с инновациями), реализованной организациями инновационной инфраструктуры (млрд руб.)						
инерционная динамика	10,5	13,5	16,5	19	21	22
с учетом реализации Стратегии	**10,5**	**17,5**	**29,5**	**35**	**43**	**50**
	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
4. Число ежегодно создаваемых элементов инфраструктуры национальной инновационной системы (ед.)						
инерционная динамика	70	73	78	85	90	95
с учетом реализации Стратегии	**70**	**77**	**159**	**160**	**180**	**200**
	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
5. Объем инвестиций фондов, осуществляющих прямые и венчурные инвестиции в компании высокотехнологичных секторов (млрд руб.)						
инерционная динамика	11	13	16	21	26	31
с учетом реализации Стратегии	**11**	**20**	**36**	**60**	**90**	**125**
	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Задача 3. Развитие институтов использования и правовой охраны результатов исследований и разработок						
1. Коэффициент изобретательской активности (число патентных заявок на изобретения, поданных российскими заявителями в стране, в расчете на 10 тыс. населения)						
инерционная динамика	1,65	1,7	1,9	1,92	1,93	1,94
с учетом реализации Стратегии	**1,65**	**1,8**	**2**	**2,5**	**2,7**	**4**
	1,66	1,96	1,93	1,95	1,8	1,85

продолжение таблицы

	2005 (план) (факт)	2006 (план) (факт)	2007 (план) (факт)	2008 (план) (факт)	2009 (план) (факт)	2010 (план) (оценка)[1]
2. Удельный вес нематериальных активов в общей сумме активов организаций сектора исследований и разработок (%)						
инерционная динамика	0,9	1,2	1,5	1,9	2,5	3,5
с учетом реализации Стратегии	**0,9**	**3,5**	**7**	**10**	**12,5**	**15**
	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
3. Число зарегистрированных договоров об уступке патента и лицензионных договоров (тыс. ед.)						
инерционная динамика	2,1	2,2	2,3	2,4	2,5	2,6
с учетом реализации Стратегии	2,1	**2,5**	2,9	**3,4**	**4**	**4,6**
		2,4		2,7	2,4	2,4
4. Число выданных патентов (свидетельств) Российской Федерации на изобретения (тыс. ед.)						
инерционная динамика	21	20,9	23,4	25,1	26,9	28,8
с учетом реализации Стратегии	**21**	**25**	**26,5**	**30,5**	**30,9**	**31,2**
	23,4	23,3	23	28,8	34,8	40
5. Удельный вес используемых передовых производственных технологий, включающих объекты интеллектуальной собственности, в общем их числе (%)						
инерционная динамика	2,9	2,9	3,2	3,4	4,3	4,5
с учетом реализации Стратегии	**2,9**	**3,2**	**3,5**	**3,9**	**4,6**	**5**
	2,2	1,3	1,8	1,3	0,7	0,9
Задача 4. Модернизация экономики на основе технологических инноваций						
1. Удельный вес инновационной продукции в общем объеме продаж промышленной продукции на внутреннем рынке (%)						
инерционная динамика	6,5	6	6,4	6,7	7	7,5
с учетом реализации Стратегии	**6,5**	**7,5**	**8,5**	**10**	**12**	**15**
	4,4	5				
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг отраслей промышленного производства на внутреннем рынке (%)[2]			4,8	4,7	4,4	4,3
2. Удельный вес инновационной продукции в экспорте промышленной продукции (%)						
инерционная динамика	5	5,5	5,9	6,3	6,5	7
с учетом реализации Стратегии	**5**	**6**	**7**	**8**	**10**	**12**
	8,2	7,7				
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в экспорте отгруженных товаров, выполненных работ, услуг отраслей промышленного производства(%)			7,9	7	5,5	5,4
3. Удельный вес предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем их числе (%)						
инерционная динамика	11,5	11,7	12,5	13	13,5	14
с учетом реализации Стратегии	**11,5**	**12**	**13**	**13,5**	**14**	**15**
	9,3	9,4				
Удельный вес предприятий промышленного производства, осуществлявших технологические инновации, в общем их числе(%)			9,4	9,6	9,4	9,5

продолжение таблицы

	2005 (план) (факт)	2006 (план) (факт)	2007 (план) (факт)	2008 (план) (факт)	2009 (план) (факт)	2010 (план) (оценка)[1]
4. Удельный вес предприятий, осуществлявших организационные инновации, в общем их числе (%)						
инерционная динамика	29	29,5	32	35	38	40
с учетом реализации Стратегии	29	30	35	40	45	50
Удельный вес предприятий промышленного производства, осуществлявших организационные инновации в отчетном году, в общем их числе (%)	—	3,2	3,5	3,5	3,7	3,9
5. Удельный вес затрат на выполнение исследований и разработок, приобретение объектов интеллектуальной собственности в затратах на технологические инновации (%)						
инерционная динамика	18	18,2	18,4	18,6	18,8	19
с учетом реализации Стратегии	**18**	**18,5**	**19**	**19,5**	**19,8**	**20**
	16,5	19,2	18,1	15,9	28,2	27

[1] Оценка выполнена Институтом статистических исследований и экономики знаний Государственного университета — Высшей школы экономики.

[2] В связи с введением в статистическую практику Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) (Постановление Госстандарта России от 6 ноября 2001 г, № 454-ст) изменилась методология расчета и уточнено наименование показателя, что предусмотрено программой федерального статистического наблюдения по форме № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации».

Как следствие во всех производных областях увеличивается разрыв. Даже при видимом сокращении разрыва в страновом и даже душевом ВВП. Что отчетливо видно на такой производной от фундаментальной науки отрасли, как наукоемкие технологии.

Реальное архикризисное положение показывает соотношение долей различных стран в общем объеме экспорта мировой наукоемкой продукции. Для России это около 1%, а за вычетом военной техники — 0,1% (примерно на уровне Чехии и Португалии), а для США — порядка 25%. Сказанное означает, что соотношение по экспорту наукоемкой продукции между Россией и США составляет 200–300 к 1! Это и есть **реальное место** нынешнего российского научно-технического потенциала. И это при том, что из 34 важнейших технологических направлений Россия занимает лидирующие позиции в одной трети!

Получается, что недофинансирование науки и культуры в России ведет к еще большему отставанию в технологическом развитии. Если в первом случае, как уже говорилось, пропорция составляет 100:1, то во втором 300–500:1.

Есть здесь и прямая вина тех, кто отвечает в России за общую организацию науки и внедрение ее результатов. Так, в свое время в СССР был создан Всесоюзный институт научной и технической информации (ВИНИТИ), опыт которого использовали американцы, чтобы создать Институт научной информации и целую систему определения качества научных публикаций — Web Science. Кстати, на это работают и американские издания, составляющие две трети всех мировых научных изданий. Российские же журналы не переводятся, как правило, и не включаются в электронные библиотеки. Сегодня поэтому можно найти не более 10% работ, которые написаны за последние 10 лет[57].

Поэтому реальное качество научной продукции нам не известно, однако нападки на остатки науки продолжаются. В том числе и административные. Получается, что государство не стимулирует развитие науки, например, в университетах, но требует не только научной деятельности, но и результатов, в т.ч. коммерциализации.

Между тем только 1% ученых готовы заниматься внедрением, хотя требовать это будут от всех.

В 2011 году началась масштабная модернизация российской науки. Первым ее этапом станет **аудит научного потенциала всех государственных НИИ и вузов**.

При этом наряду с привычными статистическими и финансовыми критериями оценки научных учреждений введены и новые — публикационная активность ученых, индексы цитирования и успешная коммерциализация научных открытий. **Они давно признаны во всем мире как надежные измерители качества науки**[58].

Подобные качественные характеристики не могут не потребовать и качественного изменения существующих подходов к фундаментальной науке и культуре. Конечно же, пропорциональный рост таких расходов росту ВВП, инерционный подход, здесь недопустим — слишком велико отставание. Преодолеть его можно только изменив **пропорции бюджетов всех уровней** в пользу фундаментальной науки и культуры. По моим оценкам, это должен быть

рост не менее, чем в 7–10 раз, (т.е. рост бюджетных расходов с 1% ВВП до 7–9%).

Но вопрос не решается только деньгами. Требуется государственная политика опережающего развития науки и культуры по сравнению с другими областями и отраслями. И идеологические, и политические, и кадровые решения.

Этот политический аспект качественной характеристики российской науки проявляется исключительно низкой инновационной активности в экономике. Как откровенно признается МЭРом, в 2007 году число предприятий, осуществлявших технологические инновации, составило **лишь 8,5% от их общего числа**, а в 2009 — менее 7%. (!) Для сравнения, в Великобритании, Финляндии, Франции, Италии, Корее — 40–50%, в Германии этот показатель достигал 73%, Ирландии, Бельгии и Дании — 58–61%, Эстонии и Чехии — 41–47%. Ближе всех к России по данному индикатору Латвия — 17%, Болгария — 18%, Венгрия — 21% и Румыния — 22%. Стоит не просто задуматься, а всерьез проанализировать, как может быть реализована стратегия инновационного развития, если вся экономика не восприимчива к инновациям.

Технологическое обновление происходит в значительной мере на основе заимствования зарубежных технологий, прежде всего, в форме импорта технологического оборудования. При росте с 1997 года общего количества передовых производственных технологий, используемых в российской промышленности, в 2,6 раза, интенсивность внедрения отечественных технологий **снизилась на 36%.** Доля импорта в закупках нового оборудования составляет: в металлургии — 48%, химической промышленности — 60%, машиностроении — 56%, лесопромышленном комплексе — 67%. Иными словами Россия уже превратилась в зависимую от импорта машиностроительной продукции страну.

С одной стороны, импорт технологий закономерен, с другой, — свидетельствует о нарастании угрожающего разрыва между потребностями реальной экономики в технологическом обновлении и возможностями российского научно-исследовательского комплекса удовлетворять эти потребности.

Разрыв в научно-технической области России и США составляет не 7–10 раз, как в ВВП, **а в 70–100 раз!** Что является прямым (технологическим) следствием разрыва в научном и — что еще хуже — духовном развитии. Действительно, если разрыв в 3–5 раз в душевом доходе с США можно как-то пережить, то разрыв в сотни раз в средствах, затраченных на развитие интеллектуального и духовного потенциала нации, может привести к ее исчезновению в ходе глобализации.

Вот почему следует, во-первых, **выбрать** некоторые, наиболее приоритетные и перспективные направления развития фундаментальной и прикладной науки, **наиболее важные области культуры и духовности,** сконцентрировав на них все ресурсы. Но не ограничиваться узким кругом. И естественно, резко увеличив расходы на эти цели. Как это было при И. Сталине, который выбрал две суперпрограммы — ракетостроение и ядерное оружие. И смог преодолеть, казалось, непреодолимое отставание СССР от США в кратчайшие сроки. Сегодня угроза для России не менее опасна, чем во второй половине XX века: на кон поставлена уже не только государственная безопасность, но суверенитет и даже национальная идентичность.

Пока что ситуация в российской науке стабильно ухудшается. Даже по официальным данным Росстата[59] (табл. 17, 18). Особенно это заметно по научным кадрам (табл. 19).

Вот почему нужен решительный **политический шаг**, смена приоритетов в развития России. Шаг решительный и рискованный, но крайне необходимый, который потребует корректировки всей стратегии развития страны. Самый первый шаг, кстати, уже сделан в Послании Д. Медведева Федеральному Собранию 5 ноября 2010 года, в котором были обозначены национальные приоритеты и ценности. Вслед за ним следует выделить стратегические приоритеты, среди которых на первом месте должны стоять приоритеты развития отечественной науки, культуры и образования.

Понятно, что такая смена приоритетов для многих будет болезненна. Особенно в части изменения структуры бюджета и изменении налоговой политики. Что делается сегодня в наиболее динамично развивающихся в инновационном отношении государствах. Так, например, В США существует целая система льгот, направленных на стимулирование НИОКР[60]:

Закон предусматривает 9 различных стимулов, которые направлены на капитальные затраты, связанные с процессами исследований и разработок в области биологических наук и высокой стоимостью прикладных исследований до их перевода в разряд коммерчески выгодной продукции.

1. **Налоговый кредит на поддержку инвестиций в области биологических наук (ITC)**. Этот налоговый кредит равен 10 % от стоимости имущества, приобретенного, созданного, перестроенного или возведенного за налоговый период.
2. **Кредит со взносом пользователя в Федеральное агентство США по контролю качества продуктов питания, напитков и лекарственных препаратов (FDA)**. Этот кредит составляет 100 % от взноса, уплачиваемого в Федеральное агентство США по контролю качества продуктов питания, напитков и лекарственных препаратов, лицензирующего продажу лекарственных средств и медицинских приборов. Кредит используется в налоговом году, в котором заявление для выдачи разрешения на производство лекарственных препаратов было утверждено FDA.

Табл. 17. Число организаций, выполнявших исследования и разработки, по государственным академиям наук

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Российская академия наук	454	453	454	463	452	451	465	479	468	469
Российская академия сельскохозяйственных наук	291	300	290	286	297	297	292	312	304	302
Российская академия медицинских наук	62	66	66	67	67	66	68	69	68	67
Российская академия архитектуры и строительных наук	5	7	5	5	5	5	6	6	5	5
Российская академия образования	17	17	18	17	16	17	19	22	18	20
Российская академия художеств	2	2	2	1	1	1	1	3	2	1

Табл. 18. Численность исследователей и затраты на исследования и разработки, связанные с нанотехнологиями

	2008	2009
Число организаций, выполнявших исследования и разработки, связанные с нанотехнологиями	463	465
Численность исследователей, выполнявших исследования и разработки, связанные с нанотехнологиями, человек	14873	14500
Внутренние затраты на исследования и разработки, связанные с нанотехнологиями, млн руб.	11026,2	15113,1

Табл. 19. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками (человек)

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Численность персонала — всего	**1061044**	887729	885568	870878	858470	839338	813207	807066	801135	761252	**742433**
в том числе:											
исследователи	**518690**	425954	422176	414676	409775	401425	391121	388939	392849	375804	**369237**
техники	101371	75184	75416	74599	71729	69963	65982	66031	64569	60218	60045
вспомогательный персонал	274925	240506	238933	232636	229214	223356	215555	213579	208052	194769	186995
прочий персонал	166058	146085	149043	148967	147752	144594	140549	138517	135665	130461	126156

3. **Продление чистых операционных убытков на срок от 5 до 15 лет**. Это позволяет компаниям, сертифицированным в области медико-биологических наук, переносить убытки на срок до 15 лет.
4. **Исключение положения о регрессе в коэффициенте продаж, используемом при распределении доходов компании**. Это позволяет компании считаться подлежащей налогообложению в штате покупателя, если имущество доставлено или перевезено в другой штат.
5. **Рефинансируемый кредит на НИОКР**. Закон позволяет рефинансировать взятые компаниями или физлицами кредиты на НИОКР.
6. **Кредит на софинансирование НИОКР в области медико-биологических наук**. Закон обеспечивает допущенные компании средствами для получения кредита на НИОКР для расходов, не связанных с имеющимся кредитом на НИОКР.
7. **Списывание с налогооблагаемой базы расходов на клинические испытания лекарств для лечения редких заболеваний (орфанных лекарств)**. Закон позволяет штату Массачусетс компенсировать расходы на клинические испытания орфанных лекарств.
8. **Компании, работающие в области биологических наук, объявляются исследовательскими учреждениями при расчете налогообложения** в целях освобождения от налога с продаж и использования иных налоговых льгот.
9. **Освобождение от налога с продаж при закупках научного оборудования и вспомогательных систем**.

Аналогично в Индии, которая предоставляет налоговый вычет затрат на НИОКР в объеме 100–150%, а расходы на НИОКР включаются в себестоимость. Кроме того предусмотрены специальные инвестиционные налоговые кредиты[61].

Я, например, не уверен, что России нужен авианосный флот. Бюджет на его строительство, а также на создание авианосных соединений, баз, кораблей сопровождения и другой инфраструктуры будет огромен, а политическая целесообразность — сомнительна. В то же время этих денег вполне хватило бы на финансирование науки и культуры. Примечательно, что последствия такого финансирования, в т.ч. в области военных НИОКР, создания новых видов вооружений были бы более благоприятны для обороны страны, чем создание авианосных групп.

При этом важно подчеркнуть, что речь идет отнюдь не только о деньгах, но, прежде всего, о понимании в государстве и обществе **приоритетности** направлений развития науки и культуры в XXI веке, о воле правящего класса до конца использовать имеющиеся национальных богатств, накопленных за тысячелетия в России.

Условно говоря, существующий интеллектуальный, культурный и духовный потенциалы используются на небольшую долю в то время, когда более «бедные» в этом отношении страны используют их на 100%.

Во-вторых, требуется **усиление государственной поддержки** — сознательное и масштабное. Опыт Китая — более чем поучителен. В 1970-е и 1980-е годы китайская промышленность, даже, несмотря на дешевую рабочую силу, не могла производить сложные

Организации, выполнявшие исследования и разработки

Табл. 20. Число организаций, выполнявших исследования и разработки

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число организаций — всего	**4059**	4099	4037	3906	3797	3656	3566	3622	3957	3666	**3536**
в том числе:											
научно-исследовательские организации	**2284**	2686	2677	2630	2564	2464	2115	2049	2036	1926	**1878**
конструкторские бюро	**548**	318	289	257	228	194	489	482	497	418	**377**
проектные и проектно-изыскательские организации	207	85	81	76	68	63	61	58	49	42	36
опытные заводы	23	33	31	34	28	31	30	49	60	58	57
образовательные учреждения высшего профессионального образования	395	390	388	390	393	402	406	417	500	503	506
научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения в организациях	325	284	288	255	248	244	231	255	265	239	228
прочие	277	303	283	264	268	258	234	312	550	480	454

Табл. 21. Число организаций, выполнявших исследования и разработки, по секторам деятельности

Годы	Всего	в том числе по секторам деятельности			
		государственный	предпринимательский	высшего профессионального образования	некоммерческих организаций
1995	4059	1193	2345	511	10
2000	4099	1247	2278	526	48
2001	4037	1248	2213	529	47
2002	3906	1218	2110	531	47
2003	3797	1233	1990	526	48
2004	3656	1230	1851	533	42
2005	3566	1282	1703	539	42
2006	3622	1341	1682	540	59
2007	3957	1483	1742	616	116
2008	3666	1429	1540	603	94
2009	3536	1406	1446	603	81

узлы и агрегаты, по цене и качеству сопоставимые с европейскими и японскими. Однако два десятилетия технологического обмена с «внешним миром» и иностранные инвестиции изменили ситуацию. **Главным фактором успеха стала государственная поддержка**[62] **—** признают российские авторы.

В-третьих, необходимы качественно иные **темпы роста** не только ВВП, но и в еще большей степени науки и культуры. Речь идет уже не о «разах», а о «порядках». Такие, которые ведут за собой неизбежный рост инноваций и быстрое внедрение отечественных технологических достижений. Опыт Китая и Индии показывает, что это может быть только при условии роста ВВП не ниже 9–10%, который может обеспечить рост финансирования науки и культуры **не менее, чем на 30–40% в год**. Учитывая темпы роста мировой экономики до 5% в год, 12–15% прирост ВВП и 30% науки должен стать нормой для России в 2009–2020 годы. И в особенности необходимо обратить внимание на формирование социального потенциала российской науки, который выражается в развитии и создании **национальных научных школ**. Пока что численность таких школ и организаций стабильно сокращается[63] (табл. 20, 21).

Наконец, в-четвертых, и с этого необходимо начинать, требуется **политико-идеологическое оформление избранного стратегического курса**, мобилизация всех ресурсов страны. В первую очередь волевых, человеческих, интеллектуальных, властных, тех, что раньше назывались «моральным фактором». Без такой сознательной мобилизации человеческого ресурса добиться чего-либо существенного невозможно. Как показывает мировая история и особенно история России, воля нации, идея, охватывающая огромные массы оказывается важнее всех иных ресурсов. Тем более это справедливо для XXI века, когда человеческий потенциал играет ведущую роль.

5. Национальные интересы и инновации

На сегодня нет публичных фигур которые воспринимались бы россиянами всех возрастов как «настоящие герои»[64].
Опрос ВЦИОМ, декабрь 2009 г.

Инновации и модернизации вне национального контекста, общественного признания теряют смысл. Сами по себе они нужны только «абстрактной» экономике, существующей в «абстрактном» обществе.

Престижность ученого, учителя, творца в США и развитых странах чрезвычайно высока. По рейтингу престижности профессий он стабильно занимает 2–3 место. В России — ниже 40-го.

Кто из перечисленных знаменитых персонажей книг и фильмов является для Вас «настоящим героем»?
(Карточка, не более трех ответов.)

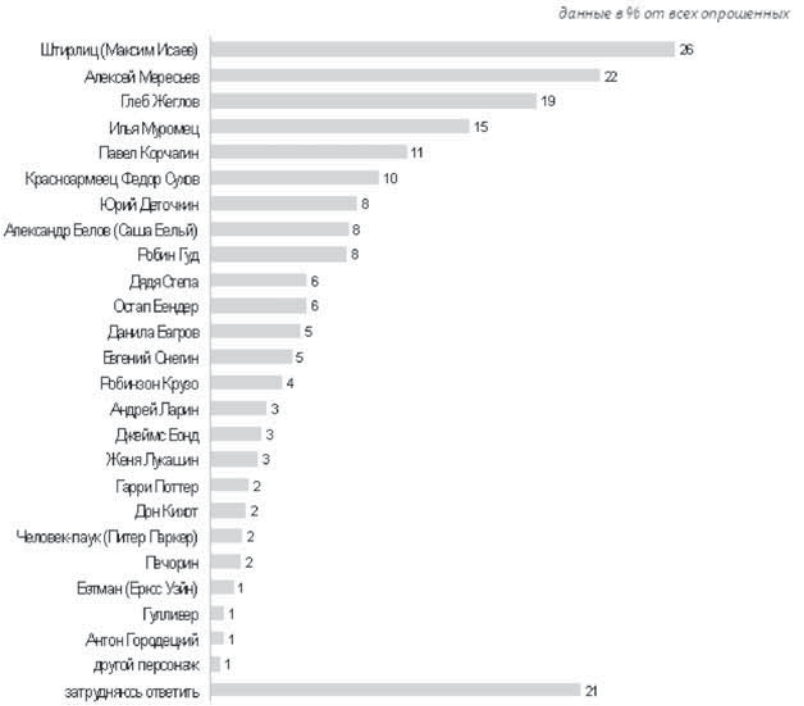


Рис. 7.

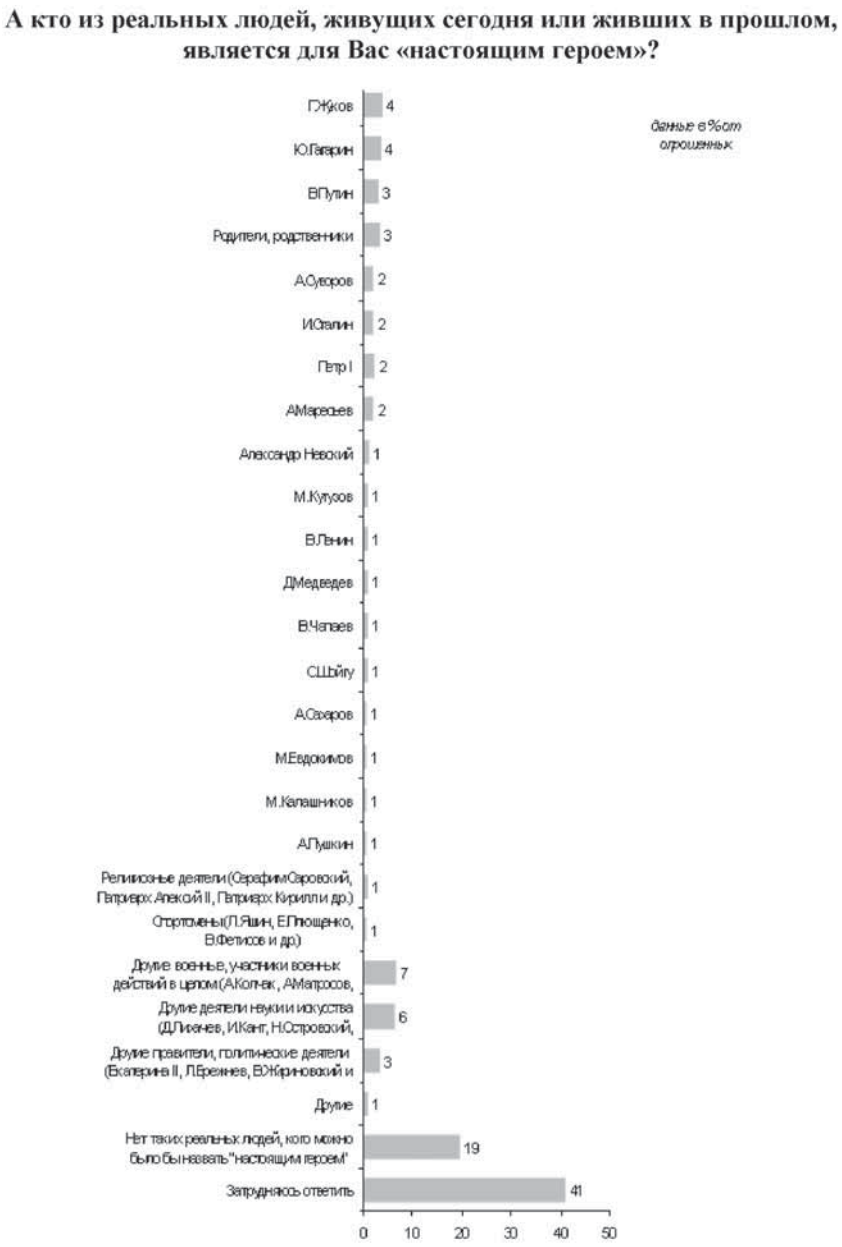


Рис. 8.

Ситуацию в полной мере отражает «рейтинг героев», подготовленный ВЦИОМ в декабре 2009 г. (рис. 7, 8).

Престиж и положение исследователей в России оценивается в соответствии занимаемыми им местом в общественном сознании. Что также наглядно показывают опросы ВЦИОМ[65] (рис 9–11, табл. 22).

Отчасти понимание этой необходимости в обществе уже возникло. Так, в прогнозе социально-экономического развития МЭРа признается, что **«вариант лидерства в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях** соответствует инновационному сценарию. Данный вариант характеризуется модернизацией отечественного сектора НИОКР и фундаментальной науки, значительным повышением их эффективности, концентрацией усилий на прорывных научно-технологических направлениях, которые позволяют резко расширить применение отечественных разработок и улучшить позиции России на мировом рынке высокотехнологичной продукции и услуг».

На мой взгляд, это признание весьма симптоматично. Оно — банально с точки зрения объективных реалий, сложившихся еще в последней четверти прошлого века. Но эта банальность так и не стала банальной истиной ни в СССР, ни в России. Еще только становится. И этот процесс становления потребует усилий потому, что инерция «реформ» 1980-х и 1990-х годов будет в разных формах отрицать эту банальную истину.

Даже в признании необходимости научного лидерства в Концепции–2020 чувствуется эта тенденция. Хотя бы потому, что в Концепции констатируется, что научное лидерство «соответствует инновационному сценарию». Правильнее бы было сказать, что инновационный сценарий развития невозможен без научного и культурного лидерства страны.

Среди Ваших родственников, знакомых есть люди, которые занимаются наукой, ученые?

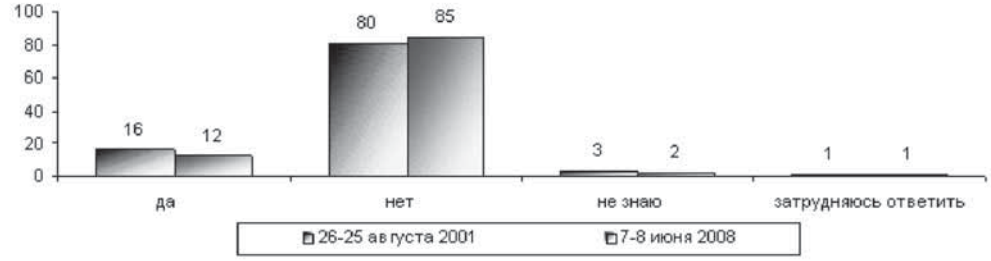


Рис. 9.

Скажите, пожалуйста, бывает ли так, что, обсуждая ту или иную тему со своими родными, друзьями, знакомыми, Вы ссылаетесь на мнения ученых или на какие-либо научные факты, сведения? И если такое случается, то часто или редко?

население в целом

среди родственников, знакомых люди, которые занимаются наукой, ученые...

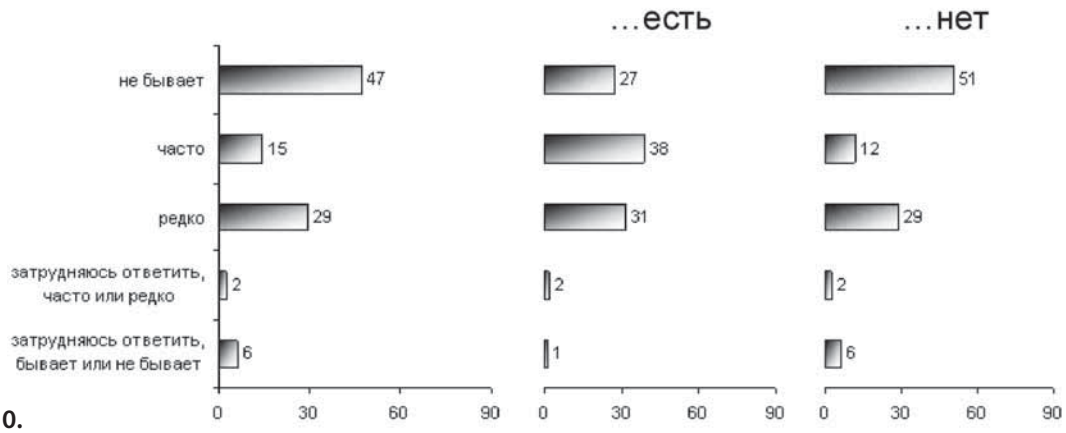


Рис. 10.

Представьте, что способный молодой человек - Ваш близкий родственник или хороший знакомый - думает заняться наукой, стать ученым. Скажите, пожалуйста, Вы скорее поддержали бы его в решении заняться наукой или отговорили бы от такого решения?

население в целом

среди родственников, знакомых люди, которые занимаются наукой, ученые...

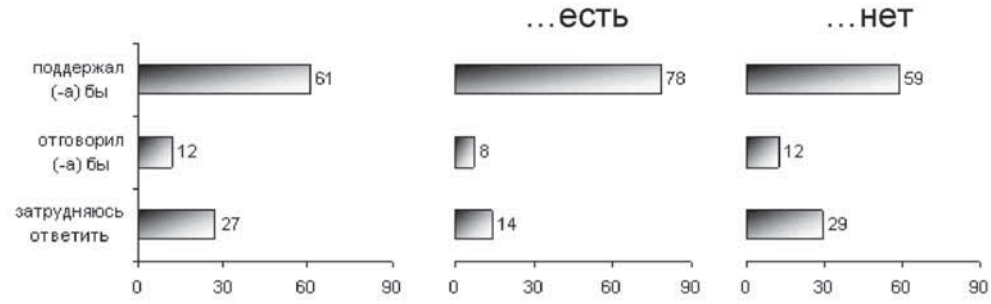


Рис. 11.

Табл. 22. Почему Вы скорее поддержали бы молодого человека в решении заняться наукой?
(Открытый вопрос. Задавался заявившим, что они скорее поддержали бы родственника или хорошего знакомого в решении заняться наукой, — 61% от всех опрошенных.)

(в % от числа опрошенных)

Это возможность самореализации для тех, кто хочет заниматься наукой	**20**
«Если ему интересно этим заниматься, то пусть воплощает свои идеи»; «если у него есть тяга, то почему бы не поддержать?»; «если человек хочет, надо дать возможность себя реализовать»; «заниматься наукой — значит развивать себя, этого родному человеку я желаю»; «ну, если человек чувствует, что это его призвание, зачем я буду его отговаривать?»; «пусть творит, если способный»; «стремление к саморазвитию»; «уважаю выбор человека»; «умный человек должен расти».	
Нужно развивать науку, наука приносит пользу стране и людям	**15**
«Без науки страна отстанет»; «для увеличения научного потенциала»; «надо науку свою развивать, всю технологию берем из-за границы»; «надо поднимать авторитет России»; «надо развивать науку в России — мы же патриоты своей страны»; «надо, чтобы наука продвигалась»; «наука — это движение вперед»; «пусть учатся, работают на благо всего народа»; «чтобы лучше была жизнь и польза для общества».	
Занятие наукой — это перспектива в жизни, можно многого добиться	**7**
«Будет большим человеком в будущем»; «будет много знать, поедет куда-то, жить будет в городе»; «в люди вышел бы»; «в последнее время это стало престижным»; «прославил бы фамилию»; «сможет продать свои мозги за границу»; «чем больше знаешь, тем выше будешь»; «это хорошо звучит — „ученый", много льгот»; «лучше, чем могилы копать лопатой».	
Получение знаний — это хорошо, умные люди всегда ценятся	**6**
«Быть умным — разве плохо?»; «высшее образование всегда ценилось»; «знания всегда нужны, и такие люди ценятся во все времена»; «знания не помешают»; «каждый хочет, чтоб близкий человек был образованным»; «пригодятся в жизни знания»; «пусть будет хотя бы умный»; «сейчас учиться надо»; «ученье — свет, а неученье — тьма»; «я за любую учебу».	
Достойная, хорошая, интересная работа	**5**
«Важная, серьезная профессия»; «интересная будет работа»; «стоящее дело»; «хорошая работа»; «это достойное занятие»; «это же интересно»; «это очень интересная работа»; «это редкая и нужная профессия»; «это серьезная работа, требующая от человека хорошего поведения».	
Это возможность совершить открытие	**2**
«Вдруг он что-нибудь новое откроет?»; «может быть, что-нибудь умное придумает»; «может, его вклад в науку будет ощутим»; «надо же кому-то научные открытия делать»; «что-то новое изобрел бы, ранее неизвестное».	
Хорошая зарплата	**2**
«В науке платят сейчас хорошо»; «денег много они зарабатывают»; «зарплата высокая»; «лучше будет материальное положение»; «он сможет продать себя подороже»; «сейчас они получают нормальные деньги».	
Это дело молодежи, нужно обновлять кадровый состав ученых	**1**
«Иначе наука не будет двигаться, если молодые будут думать только о деньгах…»; «молодежи наука нужна»; «молодежь должна двигать прогресс»; «молодые должны двигать науку, у стариков уже маразм, а они держаться за свои былые привилегии и теплые места»; «надо приветствовать такие решения молодежи и всячески помогать»; «пусть за счет молодых обновляется состав ученых»; «пусть развивает науку молодежь».	
Нужно заниматься делом	**1**
«Очень хорошо, хоть чем-то будет заниматься»; «пусть лучше наукой занимаются»; «пусть лучше учится, чем занимается чем попало»; «чем больше людей будет заниматься наукой, тем меньше будет наркоманов»; «лучше пусть занимаются наукой, чем наркотой»; «чем водку пить, пусть наукой занимается».	
Мне бы этого хотелось, я этим интересуюсь	**1**
«Меня самого интересует наука»; «мне это симпатично»; «потому что я сам любопытен, мне все интересно в науке»; «я была бы рада, если бы родственник занялся наукой»; «я заинтересован сам наукой и хотел бы, чтобы и он добился в этой сфере успехов»; «я сам занимаюсь наукой».	
Другое	**1**
«Будет знакомый ученый»; «в бизнесе уже все поделили»; «должны же мы когда-нибудь настоящими людьми стать?»; «это люди особенные»; «люди живут не только материальными благами»; «он идет своим умом, а не только папиным и маминым»; «это более прилично, чем быть банкиром».	
Затрудняюсь ответить, нет ответа	**6**

Из этой же неверной причинно-следственной связи вытекает и другой вывод Концепции, который формулируется следующим образом:

«Потенциально Россия может претендовать **на лидирующие позиции в производстве авиакосмической техники, нанотехнологиях, композитных материалах, атомной и водородной энергетике**, биомедицинских технологиях жизнеобеспечения и защиты человека и животных, отдельных направлениях рационального природопользования и экологии и ряде других».

Все вышеперечисленные направления НТП — и это важно подчеркнуть! — являются следствием развития фундаментальной науки и в более широком смысле культуры. Развивать их, не имея фундаментальных знаний и культуры, просто нереально.

Это, кстати, признается в прогнозе социально-экономического развития России, подготовленного тем же МЭРом:

«Этот вариант научно-технологического развития характеризуется резким увеличением спроса на новые научные и инженерные кадры и предполагает формирование целостной национальной инновационной системы и восстановление **лидирующих позиций российской фундаментальной науки»**[66].

Вместе с тем и формулировка, и амбиции этой оценки очевидно недостаточно проработаны, я бы сказал, категоричны, у России просто нет выхода: либо быть научным и культурным лидером в мире (что, кстати, я бы назвал «глобальной политической сверхидеей России»), либо потерять суверенитет и в конечном итоге независимость и территориальную целостность. Наука и Культура стали в XXI веке решающими факторами, определяющими мощь государства и нации.

Примечательно, что к 2008 году предпосылка для такой национальной мобилизации сложились. Это выражается прежде всего в постепенном выходе из депрессивного кризиса последних десятилетий, росте настроений специального оптимизма, что видно, например, из следующих социологических данных[67] (рис. 12).

Две крупнейшие ошибки — недофинансирование фундаментальной науки и образования, культуры, духовности и искусства, а также игнорирование их приоритетности — продолжают оставаться **важнейшими препятствиями для ускоренного развития**. В своем последнем послании В. Путин специально акцентировал внимание на культурных и духовных ценностях. Впоследствии, в 2007–2008 годах, он не раз возвращался к этой теме. Конец XX и начало XXI века — это период научно-технического и технологического соперничества. Но не только. В конечном счете это период соперничества культур, духовности, национальных ценностей. И та страна, которая проигрывает, а тем более добровольно уступает в таком соперничестве, уступает и поле экономического и специального соревнования, ставит под сомнение свое право на суверенитет и специальную самоидентификацию.

Строго говоря, в этом и была суть соревнования между СССР и США в 1980-е годы. В среднесрочной перспективе 5–10 лет, на завершающей стадии информационного развития, именно от этого будет зависеть преуспевание государств и наций. Те страны, которым удастся это понять и реализовать, смогут даже «перепрыгнуть» через некоторые стадии развития. Те, что наиболее передовым государствам пришлось преодолевать последовательно. Так России не нужно создавать третье, четвертое, пятое поколения РС, теперь сразу можно перейти к шестому. Идея «технологического скачка», которой уделяется важное место в этой работе, — одна из **центральных в будущей стратегии развития России.**

«Перескакивание через этапы» имеет не только экономический, но и не менее важные, социальный и политический аспекты. Как уже говорилось, на будущей стадии развития главными критериями станут: потенциал человеческой личности, интеллект, уровень общей культуры. Даже в информатике рост скорости обработки и объемов памяти приведет к фактическому созданию искусственного интеллекта, т.е. другому качеству информационных ресурсов.

Как Вам кажется, за последний год в жизни России произошли перемены к лучшему, к худшему или перемен не произошло?

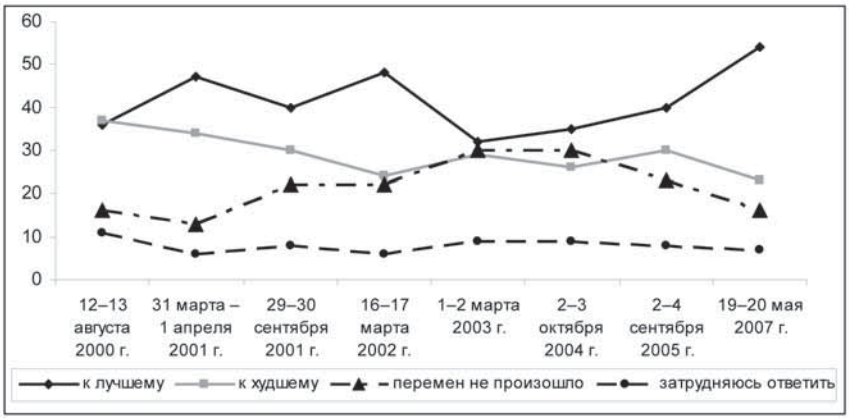


Рис. 12.

Соответственно и те социальные силы общества, которые определяли его структуры, доминировали в политике и экономике, на разных этапах **были различны**. На первом, индустриальном, этапе — буржуазия и промышленный пролетариат, на втором — финансовая и технологическая элита, на третьем — достаточно широкий социальный слой **работников интеллектуального труда — создателей качественно нового интеллектуального, культурного и духовного продукта и услуг.** Уже сейчас в развитых странах в сельском хозяйстве занято два-три процента населения; в промышленности, транспорте, связи — 14–16%; в сфере услуг — 80–83%.

Пример очередного «технологического» решения проблемы национального развития — инициатива МЭРа о технологических платформах[68] (рис. 13–15).

Рис. 13.

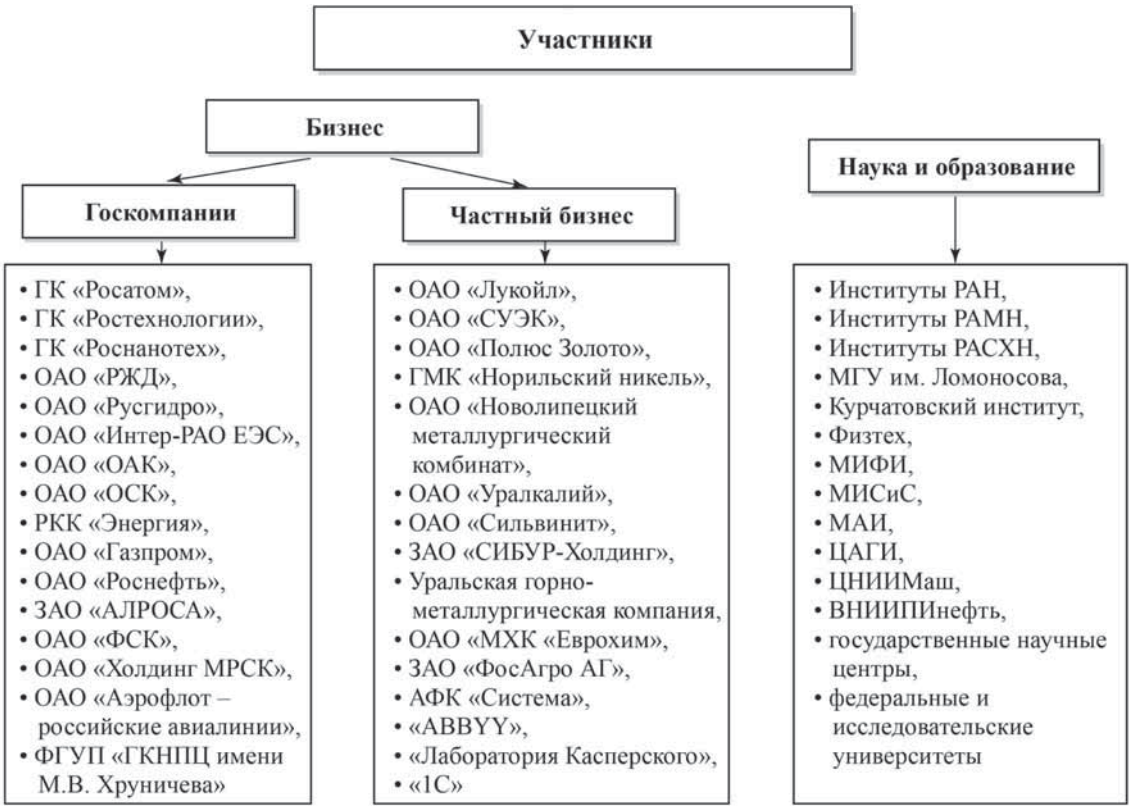


Рис. 14.

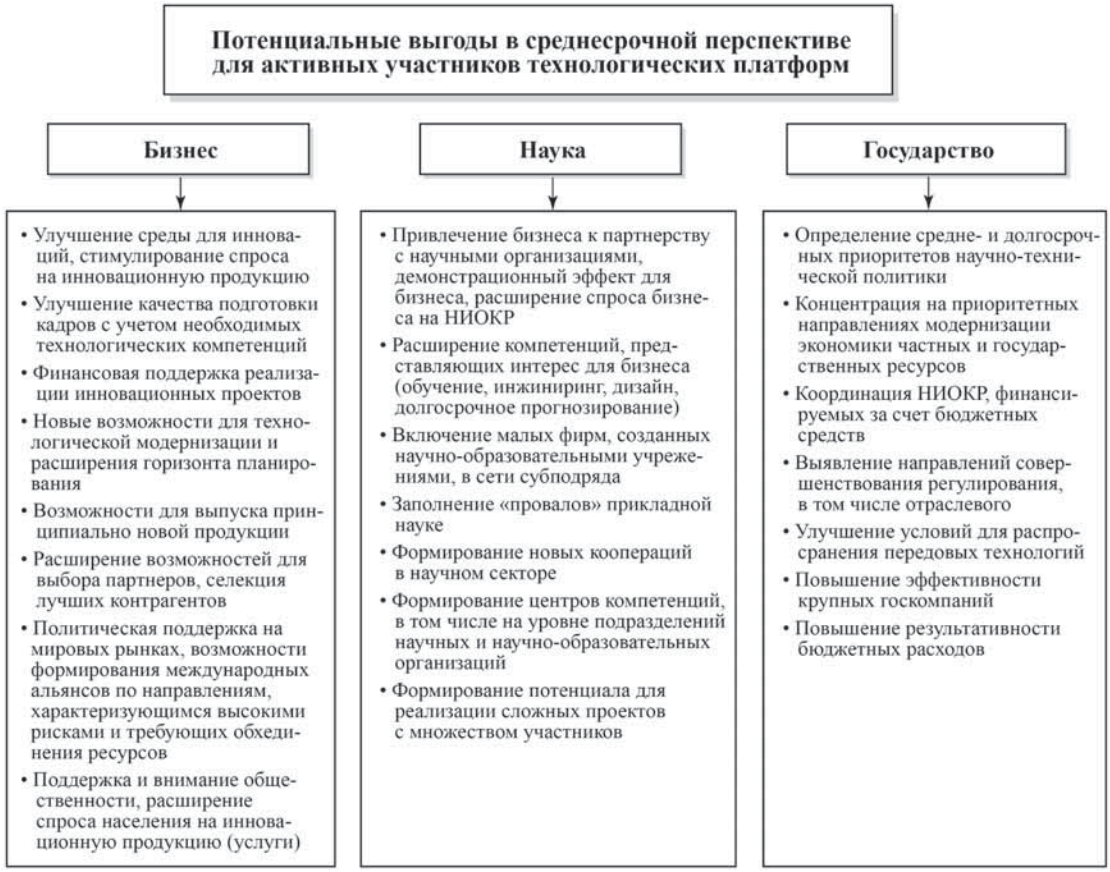


Рис. 15.

---

1 *Обама Б.* Дерзость надежды. С.-Петербург, 2008. С. 16.

2 *Нилогов А.* Грезы человека-куклы // Независимая газета. 2008. 17 января. С. 6.

3 Как считают эксперты, «некоторая степень сомнения в оправданности доверия не разрушает рынок, однако, понятно, что чем выше эта степень, тем более устойчивыми будут рыночные отношения». *Белянин А. В., Зинченко В. П.* Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 7.

4 *Быков Д.* Черные без Сахарова // Известия. 2011. 20 мая. С. 6.

5 *Вьюгин О.* Цена промедления // Ведомости. 2011. 28 апреля. С. 4.

6 *Архангельский А.* Мир управляется не одними интересами // Российская газета. 2011. 31 марта. С. 5.

7 *Графова Л.* Душно жить без совести // Российская газета. 2011. 4 марта. С. 13.

8 *Торкунов А.* Религии мира в современных международных отношениях // По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 41.

9 *Садовская Ю., Гордеев Я.* Модернизация без гаек // Независимая газета. 2011. 4 марта. С. 1.

10 *Зарубина Н. Н.* Деньги как социокультурный феномен. М.: Анкил, 2011. С. 7.

11 Духовность можно расценивать и как ресурс. Так В.Ж. Калле считает, что «Духовное производство можно определить как производство сознания в особой общественной форме, осуществляемое специально выделенными и внутри себя организованными группами людей — идеологическими слоями общества» (Духовное производство. М.: 1981. С. 142).

12 *Обама Б.* Дерзость надежды. С.-Петербург, 2008. С. 15

13 *Махутов Н. А., Кузык Б. Н., Абросимов Н. В.* Прогнозные показатели социально-экономического и научно-технологического развития России до 2030 года с использованием критериев стратегических рисков. Координационный совет РАН по прогнозированию, М.: РАН, 2010. С. 20–23.

14 *Макаров В.* Об экономическом развитии и не только в контексте будущих достижений науки и техники / Вопросы экономики, 2008. № 3. С. 39.

15 *В. Покровский*. Как спасти академию // Независимая газета, 18 мая 2011 г. С. 2.

16 *С. Капица*. Неизвестные Нобели // Российская газета, 24 марта 2011 г. С. 6.

17 *С. Дубинин*. Культура модернизации и модернизация культуры.

18 Религиозные лидеры России призвали граждан сохранить и приумножить духовный потенциал страны. 13 марта, 2009 г. www.cnlnews.tv/2009/03/13/potential

19 *Калле В. Ж.* Духовность и интеллектуальный потенциал. Библиотека креативной экономики. 16 февраля 2010. http://creatirecanomy.ru/library/

[20] *Сурков Н.* США проигрывают информвойну // Независимая газета. 2011. 4 марта. С. 6.

[21] *Самарина А.* Либеральный конспект – 2012 // Независимая газета. 2011. 16 марта. С. 7.

[22] **Интеллектуальный потенциал** — интегративное понятие, объединяющее науку, образование, технологию, все виды интеллектуальной деятельности и ее субъектов. Интеллектуальный потенциал России — ее национальное достояние, открывающее перед ней возможности инновационной динамики и поддержания должного уровня цивилизационного развития.

[23] *Шестопёрова Ю.* Хомо инновациус // Известия. 2011. 24 марта. С. 7.

[24] *Федотов Г. П.* Будет ли существовать Россия? // Мир и политика. 2011. № 1 (52). С. 59.

[25] Академик Геннадий Месяц о ситуации в науке // Труд. 2006. 11 августа.

[26] *Грозовский Б.* Тормозной путь // Ведомости. 2008. 7 ноября. С. 1.

[27] *Юревич А., Саченко Т.* Возвращение кукурузного мышления // Независимая газета. НГ-наука. 20100. 14 апреля. С. 10.

[28] Основные параметры прогноза… с. 117.

[29] *Федотов Г.П.* Будет ли существовать Россия? — Мир и попытк. 2011. № 1 (52). С. 63.

[30] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: МЭР, 2008. Август. С. 9–10.

[31] *Соколов-Митрич Д.* Загадки железной логики // Известия. 2011. 16 мая. С. 6.

[32] Пропаганда памяти // Независимая газета. 2011. 8 апреля. С. 3.

[33] Надо сказать, что я принимал участие какое-то время в работе обеих Комиссий. До 2008 года как член Комиссии по содействию развития гражданского общества, а с 2009 года в качестве члена рабочей группы в Комиссии по противодействию фальсификации истории в интересах Российской Федерации. Комиссии возглавляли соответственно Э. Памфилова (с 2010 года — М. Федотов) и С. Нарышкин.

[34] На ассамблее СВОП в апреле 2011 года было, как всегда, представлено много интересных докладов, книг и статей.

[35] См.: От редакции. Не стесняясь в выражениях веры // Независимая газета. 2011. 20 мая. С. 2.

[36] Одним из создателей и учредителей Собора в 1992 году была РАУ-корпорация, которую я возглавлял. С тех пор Собор сделал очень много для преодоления нравственно-духовного кризиса в стране.

[37] Фонд «Общественное мнение». Доминанты. 2010. 14 января. № 1.

[38] Должно ли стать православие государственной религией России. Опрос ВЦИОМ. 2002. 19 июня. http://bd.fom.ru/report/cat/cult/rel

[39] Особенно хотел бы отметить такие работы, как: *Подберезкин А.* «Русский Путь» и «Русский Путь: сделай шаг» (М., 1998, 1999); *Подберезкин А. /* ред. и рук. авт. кол-ва) «Национальная доктрина России», *Подберезкин А.* / ред. и рук. авт. кол-ва) «Россия сегодня: реальный шанс».

[40] Россия–2000 Современная политическая история (1995–1999 гг.), т. 1, Хроника и аналитика, М.: Духовное наследие, 2000. С. 9.

[41] *Кукол Е.* Далеко гляжу // Российская газета. 2011. 17 марта. С. 5.

[42] *Миронов С.М.* За нами Россия. М.: Ключ-С, 2010. С. 111.

[43] Российская экономика: тенденции и перспективы. М.: 2010. 4 апреля. С. 28.

[44] Научный потенциал и инновационная активность в России. Выпуск 4. Статсборник. М.: Минобрнауки, РИЭПП, 2010. С. 30.

[45] Там же. С. 32.

[46] Там же. С. 36.

[47] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 293.

[48] Динамика мирового политического развития и проблемы глобальной конкурентоспособности России. Отчет о НИР. МГИМО(У), 2010.

[49] *Долгих А.* Ударим программой по «Жигулям» // Новые Известия 2007. 20 декабря. С. 3.

[50] *Смирнов А.* Борьба с инфляцией закончилась кризисом / www.viperson.ru. 2008. 12 ноября.

[51] *Кукол Е.* Далеко гляжу // Российская газета. 2011. 17 марта. С. 5.

[52] Инновационная Россия–2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года). М.: МЭР, 2010. / http://www.economy. gov.ru/minec/activity.

[53] *Иноземцев В.* Революция.com // Известия. 2011. 20 мая. С. 6.

[54] Научный потенциал и инновационная активность в России. Выпуск 4. Статсборник. М.: Минобрнауки, РИЭПП, 2010. С. 60.

[55] Там же. С. 112.

[56] Инновационная Россия–2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года). М.: МЭР, 2010. http://www.economy.gov.ru/minec/activity

[57] *Куракова Н.* Немножко исследовательский институт. Известия. 2011. 11 февраля. С. 7.

[58] Там же.

[59] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010 г. С. 559.

[60] Ярославский план 10–15–20 // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 54.

[61] Ярославский план 10–15–20 // The New York Academy of Science. 2010. August, 20. P. 60.

[62] *Гавшина О.* др. Увидеть грудь четвертого человека // Газета. 2007. 27 марта. С. 5.

[63] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 557.

[64] Рейтинг героев–2009. Пресс-релиз. 2009. 9 декабря. ВЦИОМ / http://bd.fom.ru/report/cat/cult/

[65] О науке и ученых. Опрос населения. 2008. 12 августа. / http://bd.fom.ru/report/cat/sci_

[66] Основные параметры прогноза… С. 103.

[67] Социальная реальность. 2007. № 5. С. 51.

[68] О перечне технологических платформ. М.: МЭР, 11 апреля 2011 г. С. 2, 3, 4.

Глава 9

Условие № 5: эффективное использование ресурсов[1] и резервов НЧП в интересах опережающего развития

…Роль государства в предоставлении всем равных возможностей исключительно важна[2].
Б. Обама

Новая власть всерьез занялась идеологией[3].
С. Дзюба

Достижение целей опережающего развития, как уже говорилось, зависит, во-первых, от адекватности понимания политической элитой целей (понимания национальной элитой интересов государства и общества), а, во-вторых, умения все той же элитой эффективно пользоваться имеющимся ресурсами.

При этом принципиально важно определиться с приоритетностью таких ресурсов. Если, например, главным ресурсом во Второй мировой войне были вооружения, прежде всего, танки и самолеты, то каков сегодня, в XXI веке, главный ресурс?

На мой взгляд, ответ очевиден. Это — национальный человеческий потенциал (НЧП)[4].

Важно также определить, **для чего** нужны эти ресурсы. Как справедливо заметил М. А. Хрусталев, «…ресурсы предназначены для удовлетворения интересов (или потребностей — *А. П.*) и, соответственно, по отношению к последним они могут быть достаточными, недостаточными (дефицитными) и избыточными». Для современной России характерен прежде всего дисбаланс пространственного и демографического ресурсов, который может быть исправлен только развитием (количества и качества) национального человеческого потенциала.

Существующие и потенциальные ресурсы — огромный потенциал развития. Те из ресурсов, которые используются эффективно, становятся **факторами развития**. Фактор — эффективно используемый потенциал. Если же потенциал не используется, т.е. не стал фактором, то он остается только потенциалом, возможностью.

Поэтому высшей управленческой задачей правящей элиты является реализация (превращение) потенциала в фактор.

Для этого надо, во-первых, чтобы элита смогла увидеть и правильно оценить ресурсный потенциал нации, а, во-вторых, распределить и использовать его максимально эффективно.

Первая задача, как ни странно, правящей элитой не решается уже многие годы. Она, например, «не замечает» таких огромных потенциальных национальных ресурсов, как:

— культура;
— искусство;
— историческое наследие;
— духовность;
— патриотизм

и другие нематериальные потенциалы нации, которые могут стать важнейшими факторами национального развития. Если, конечно, знать и хотеть их использовать.

Другая группа неиспользуемых ресурсов — институты социального потенциала общества, которые складывались как в имперский и советский, так и российский период. Так, например, Российское палестинское общество, созданное более века назад, существовало активно и в советский период. Его недавняя реанимация привела к серьезному усилению внешнеполитических позиций России. Другой пример — общества дружбы с зарубежными странами, которые только недавно стали возрождаться под эгидой соответствующего агентства. Их потенциал колоссальный, но использовался он в последние годы на доли процентов.

Особое значение имеют творческие союзы и организации — союзы писателей, художников, фонды культуры и т.д., среди которых огромное значение имеют научные и технические сообщества, в которых концентрируется научно-техническая мысль.

Все эти институты социального потенциала — суть огромный резерв и ресурс национального развития, который игнорировался, а то и просто уничтожался в последние годы. Использовать этот ресурс — важная задача.

Сегодня эта задача с точки зрения национального развития решается крайне неэффективно. Особенно, если речь идет об инновациях и модернизации. О чем свидетельствуют, например, следующие данные[5] (табл. 1).

Как видно из приведенных данных, результаты (новые технологии) более чем скромны. Точнее — крайне малозначительны, а отвечающие мировому уровню — практически отсутствуют. С одной стороны, это очевидное свидетельство неспособности превратить научный потенциал наукоградов в реальный фактор. А с другой — может говорить о деградации этого потенциала, что выражается прежде всего, в конкурентоспособности на мировом уровне.

Вместе с тем научный потенциал наукоградов, хотя и деградирует, но не столь уж мал. Поэтому сегодня стоит проблема его эффективного использования и развития. Что видно из этих данных[6] (табл. 2).

Табл. 1. Основные показатели развития науки в наукоградах

	2006	2007	2008	2009
Наукограды	12	12	12	12
Организации, выполняющие научные исследования и разработки	84	93	91	94
Персонал, занятый исследованиями и разработками, человек	46 917	45 287	42 601	42 410
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн руб.	12 984,4	16 864,7	22 236,7	26 668,3
из них внутренние текущие затраты	12 461,3	15 965,0	20 032,2	24 330,9
Внутренние текущие затраты по видам работ:				
фундаментальные исследования	1811,0	2701,4	2256,6	2844,1
прикладные исследования	2756,6	3029,9	6173,6	6789,1
разработки	7893,8	10 233,7	11 602,1	14 697,7
Из общего объема — внутренние затраты по приоритетным				
направлениям развития науки, технологий и техники, млн руб.	3992,6	8628,8	14 413,4	15 517,3
Среднегодовая стоимость основных средств, млн руб.	31 629,6	45 345,7	37 497,4	41 916,3

Табл. 2. Создание в наукоградах передовых производственных технологий, по видам

	Технологий — всего*				Из них							
					новые в стране				новые за рубежом			
	2006	2007	2008	2009	2006	2007	2008	2009	2006	2007	2008	2009
Передовые производственные технологии	**13**	**24**	**39**	**33**	**12**	**22**	**36**	**27**	**1**	**2**	**2**	—
Проектирование и инжиниринг	2	4	7	4	2	4	7	4	—	—	—	—
Производство, обработка и сборка	2	14	5	9	2	13	4	8	—	1	—	—
Аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля)	4	4	7	8	3	3	6	8	1	1	1	—
Связь и управление	1	2	3	—	1	2	3	—	—	—	—	—
Производственная информационная система	—	—	2	—	—	—	2	—	—	—	—	—
Интегрированное управление и контроль	4	—	6	—	4	—	6	—	—	—	—	—
Нанотехнологии	—	—	9	12	—	—	8	7	—	—	1	—

* Включая принципиально новые.

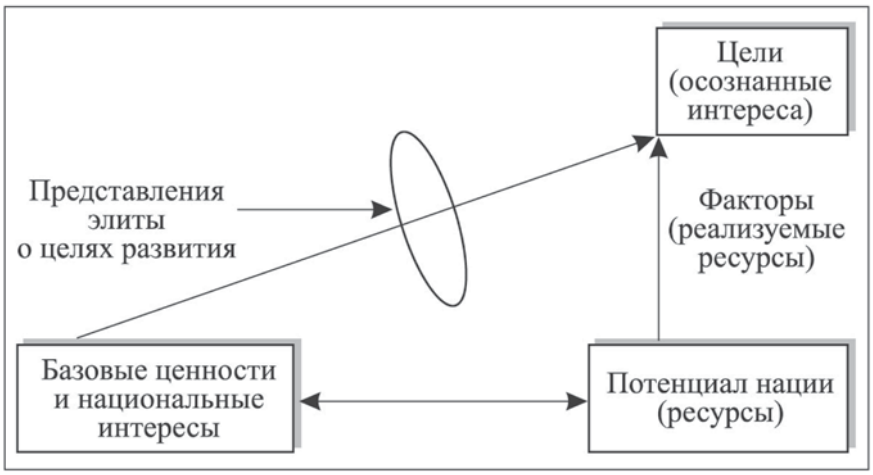


Рис. 1.

Как видно из этих данных, при сокращении общей численности исследователей за 2006–2009 годы финансирование выросло почти в три раза, а по приоритетным развития науки, технологии и техники — почти в пять раз! Результаты же, выраженные в появлении новых технологий отечественного уровня, в 3 раза (с 12 в 2006 г. до 27 — в 2009 г.). Другими словами, видна зависимость между ростом ассигнований и результатами. При этом такой зависимости между численностью исследователей и результатами не обнаруживается.

Схематично реализация целей выглядит следующим образом (рис. 1).

Как видно, решающими при достижении целей являются два условия. Во-первых, адекватное понимание элитой национальных интересов и базовых ценностей и, во-вторых, **использование национального потенциала, т.е. ресурсов** нации — общества, всей нации, государства. Как материальных, так и не материальных — интеллектуальных, культурных, духовных.

1. Ресурсы НЧП как главный резерв социально-экономического развития нации

…Чем выше уровень духовно-нравственного развития основной массы населения, тем успешнее развивается экономическая и политическая система страны[7].
О. Богомолов

Богатство России — ее прекрасная культура, ее духовный потенциал и пока еще достаточно развитый интеллектуальный потенциал, ее огромные природные ресурсы. Если она, т. е. ее народ, сумеет использовать эти богатства и обратить их в силы и средства развития Отечества, она поднимется, преодолеет кризис и выйдет на широкую дорогу современного цивилизационного развития[8].
В. Ж. Калле

Соглашаясь с мыслью видного экономиста О. Богомолова, я вынужден сделать две существенные оговорки, которые качественно усиливают значение этого тезиса, переводя его в разряд приоритетных экономических условий. Во-первых, необходимо говорить не об «основной массе населения», а о нации. Духовность и нравственность отдельных социальных групп, конечно, имеет значение, но **национальный уровень** это — нечто иное. Даже качественно иное.

Во-вторых, речь идет, на мой взгляд, не о сильном влиянии духовности и нравственности, как у О. Богомолова, а о **решающем** влиянии духовности и нравственности нации на развитие экономической и политической системы государства.

Говоря сегодня, в начале второго десятилетия XXI века, о модернизации, российская элита (в том числе и те, кто разрабатывает и «обсуждает» «Стратегию–2020») не понимает политического и экономического значения социального потенциала. Прежде всего институтов, формирующих духовность и нравственность нации. А это не только важнейшее **условие**, но и важнейший **ресурс развития**. Духовные, интеллектуальные и культурные национальные ресурсы России — это скорее не используемые резервы, чем, собственно говоря, реализуемые в общественном воспроизводстве ресурсы развития. Они, во-первых, являются важной частью НЧП, а, во-вторых, сегодня только с их помощью можно обеспечить реальное опережающее и качественное развитие, качественный скачок в развитии нации.

Если рассмотреть принципиальную схему формирования политики нации и государства, то мы увидим, что ее важнейший компонент обеспечения реализации целей — **ресурсное обеспечение или национальные возможности**. От них во многом зависит и избранная стратегия развития (рис. 2).

Рассмотрим этот блок подробнее. Его анализ во многом предопределяет, насколько правящая элита видит эти возможности и использует их в своей стратегии развития.

Как видим, ресурсов (и не использованных резервов) более, чем достаточно[9].

Из рис. 3 следует:

Первое. У России, как и у любого государства, как и у любой нации есть широкий набор ресурсов и возможностей, которые не сводятся только (а часто и исключительно) к экономическим и финансовым ресурсам. Из рисунка, например, видно, что современные споры вокруг стратегии модернизации ведутся преимущественно по отношению к одному

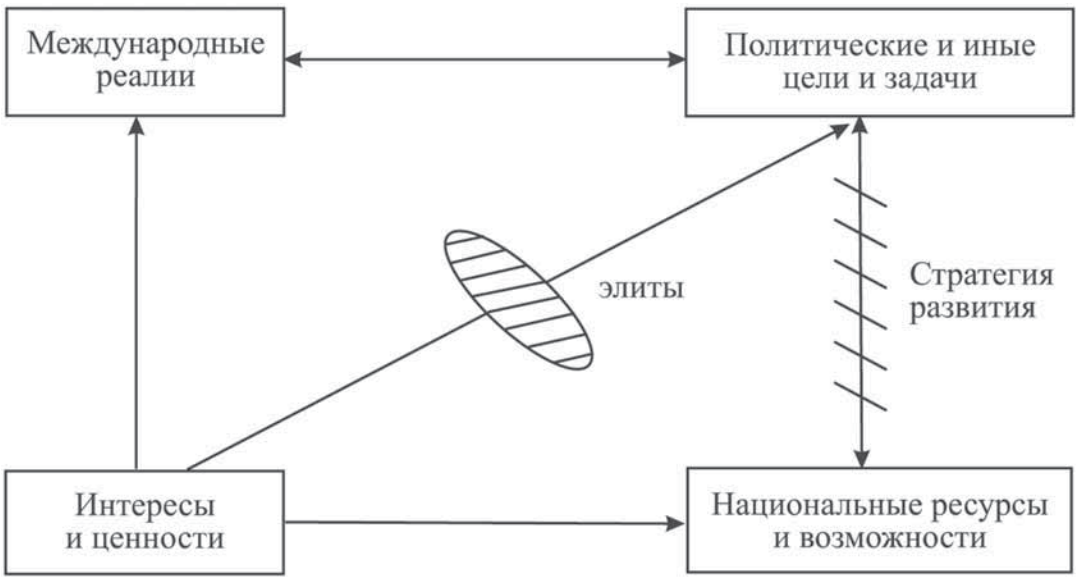


Рис. 2.

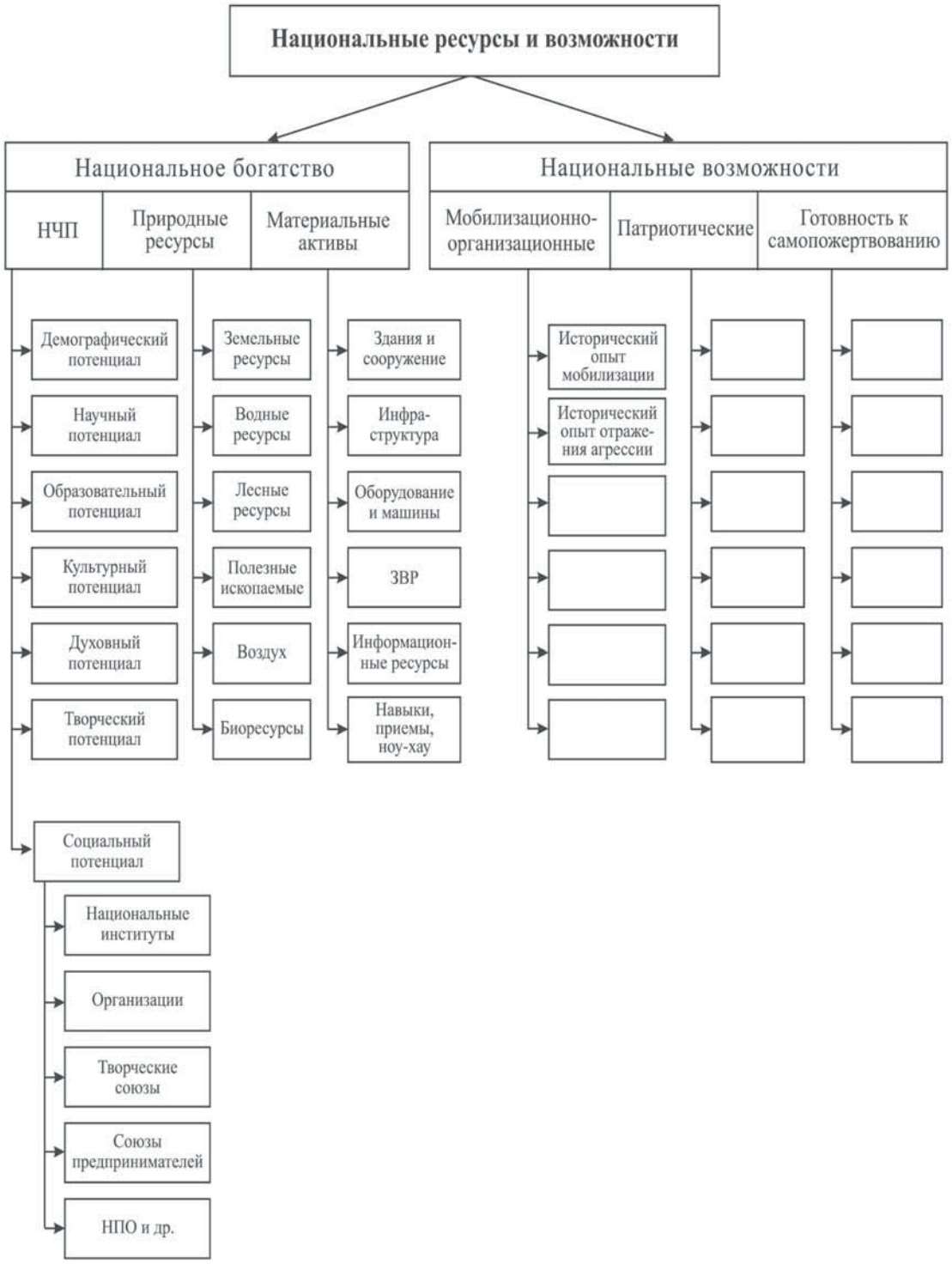


Рис. 3.

из видов национального богатства — материальным ресурсам. «За скобками» остаются, как правило, не только другие виды национального богатства — НЧП и природные ресурсы, — но и в целом национальные возможности. Которые возможно «обнаружить» и использовать только при появлении национально ориентированной идеологии и национальной элиты.

Второе. Рассуждая о соотношении сил в мире и будущем России, как правило, используют экономические и технологические сравнения и сопоставления, которые на порядок, т.е. в 10–20 раз, не в пользу России. И делают соответствующие выводы. Между тем, пытаясь измерить соотношение будущих сил в мире, надо сравнивать все ресурсы и возможности, формирующие такое понятие, как «мощь государства». В этом случае выводы могут быть иными, ведь количественное превосходство как справедливо замечал профессор МГИМО(У) М. А. Хрусталёв, «принято подразделять на незначительное (1,5–2 : 1), значительное (3 : 1), подавляющее (5 : 1) и абсолютное (10 и более : 1)»[10].

Если, например, соотношение сил между Россией и США измерять как соотношение их ВВП (10 : 1), то оно абсолютное (но тяготеет и возможно как «подавляющее). Если это же соотношение измерять с точки зрения технологической, то оно (100 : 1), безусловно, абсолютное и бесперспективное. Но если сравнивать все национальные ресурсы и возможности США и России (адекватно оценив, например, накопленный научно-образовательный и культурно-духовный потенциал России), то такое соотношение может быть оценено как «значительное» или даже — при умелом использовании этих национальных ресурсов — как «незначительное».

В этой связи очень важным является вопрос о распределении ресурсов, в частности, на оборону. Элите предстоит сделать выбор — «масло» или «пушки». Одновременно претендовать на опережающее развитие, технологический рывок и огромные оборонные расходы, — невозможно. Невозможно ни поступиться интересами национальной безопасности, ни отстать в развитии (что будет в конечном итоге означать то же самое). Как считает эксперт МГИМО(У)И. И. Тимофеев, Россия «в 2005 и в 2007 годах выходит за рамки ресурсных ограничений и этот рост (военных расходов — *А. П.*) достаточно интенсивен»[11].

Одним из главных вызовов, стоящих перед миром (а, по справедливому мнению академика В. Макарова, — «самый» важный, но мало кем осознаваемый) является отсутствие адекватной теории развития человеческого общества и прогнозного инструментария[12]. Отсутствие такой адекватной теории ведет, в том числе и к неверным действиям — в политике, экономике, социальной сфере, — включая очевидную недооценку правящей элитой имеющихся ресурсов и резервов. Особенно в условиях переходных периодов, а тем более «фазового перехода» или кризисов, когда понимание стратегии развития, ее приоритетов становится особенно важным. Как писала замечательный русский ученый Н. Бехтерева, «…больное общество может «выздороветь», не всегда двигаясь по гладкому пути, возможны и стадии дестабилизации. Однако именно эти фазы нуждаются в **наибольшем контроле** (подч. мной — *А. П.*) для того, чтобы общественная **динамика развивалась в желаемом направлении**»[13].

Именно в переходные и кризисные периоды развития резко возрастает ответственность элиты за правильный выбор и адекватные решения, в том числе по полному использованию всех национальных ресурсов, которые трудно, почти невозможно, сделать, не имея общего понимания закономерности развития. В мире и, особенно у себя в стране. Так, в последней четверти XX века резко возросло значение научно-технического фактора и образования, от которых стали прямо зависеть как экономическая и военная мощь государств, так и темпы развития, устойчивость их социально-экономических и политических систем. В тех странах, где элиты адекватно оценили значение этих факторов, экономики и общественное развитие сделали стремительный рывок, превратив их в нации — лидеры глобализации. Там же, где элиты не смогли адекватно оценить значение науки и образования, произошло не только экономическое отставание, но и политическая, и общественная деградация и развал государств. Пример СССР и постсоветской России — более чем показателен. Как справедливо заметил А. В. Юревич, «Что касается школ и вузов, являющихся крайне важными институтами нравственной социализации, пора вспомнить две простые истины. Во-первых, восходящий к классикам отечественной педагогики тезис о том, что образование должно включать не только обучение, но и воспитание, формирование просоциальной личности. В условиях современной России вторая часть этого тезиса предаётся забвению, в наших школах и вузах происходит асоциальная социализация, формирование личности, разрушительной для общества. Во-вторых, любая система воспитания предполагает не только «пряники», но и «кнуты» — разумные запреты и ограничения, а также действенные санкции за их нарушение»[14].

Вот и в сегодняшней России, столкнувшейся в 2008–2010 годах с системным кризисом, главным оказалось **неспособность правящей элиты выработать адекватную теорию опережающего развития экономики и общества**. Как следствие, — неэффективное использование имеющихся финансово-экономических ресурсов и игнорирование вообще других национальных ресурсов. Первые шаги в этом направлении, сделанные, в том числе, В. Путиным и Д. Медведевым, в 2007–2008 годах, оказались, во-первых, запоздалыми, а во-вторых, непоследовательными. В кризис Россия вступила **без** современной и национальной ориентированной стратегии, без идеологии развития, без представления о полном использовании ресурсов и всех национальных возможностей. Но так как в период кризиса 2008–2010 годов поиском ответов на эти вопросы никто даже и не пытался заниматься, российская элита в 2011 году столкнулась по сути с теми же вопросами. Попытки дать ответы на них Д. Медведевым в духе «поиска свободы», как это было в его программной речи, посвященной 150-летию отмены крепостного права, 5 марта 2011 года, ни к чему не приведут. «Свобода» оказывается таким же примитивным понятием, каким оно и было в предыдущие 25 лет.

Как писал С. В. Кортунов, «свобода для либералов — универсальная ценность, превалирующая над всеми остальными; самоценное благо, которое не может служить лишь чисто утилитарным целям… Однако если рассматривать свободу в «негативном» смысле, как свободу от чего-то, то она рассматривается просто как отсутствие внешних ограничений»[15].

«Нынешние либералы отделили понятие свободы от совести, стыда, личной вины и ответствен-

ности», в результате чего «внутренние, моральные основы человеческого поведения заменяются внешними, формальными, а сдерживающие, нормативные начала ослабляются. Тем самым активизируются разрушительные потенции, сокрытые в глубинах человеческой психики. Возникает специфическая «неуправляемость», о которой всё больше и больше говорят в последние десятилетия, то есть, попросту говоря анархия. Свобода становится «даром данайцев». Отметим также, что подобное понимание свободы не является российским «изобретением». Так, свобода, пропагандировавшаяся французскими салонами эпохи Просвещения, «носила сугубо негативный характер, превратилась в свободу отрицания всех моральных устоев — веры, авторитета, традиций, опыта, уважения к власти, объявленных предрассудками»[16].

Использование ограниченного вида ресурсов и игнорирование других — продолжающаяся ошибка российской элиты, которая и сегодня «модернизирует» «Стратегию–2020», исходя из наличия одного — финансово-экономического вида ресурсов.

Эта ошибка неизбежна до тех пор, пока у элиты не сформируется устойчивая, национально-ориентированная, система взглядов, т.е. идеология.

На мой взгляд, разработка современной идеологии и стратегии — это не только главный вызов для общества, но и **основной резерв для развития, в т.ч. и социально-экономического**. Речь идет, конечно же, об идеологии, которая сегодня формирует искусственные потребности, искусственные приоритеты и искусственные экономические тенденции. Прежде всего, либеральные. Но не только.

Идеология, как уже говорилось в первом томе моей книги «Человеческий капиталъ», является важнейшим резервом и ресурсом развития. К сожалению, эти возможности используются в минимальной степени. Это — последствие «деидеологизации», начавшейся в 1980-е годы под руководством А. Яковлева и проводившейся в 1990-е годы неолибералами. В начале 2000-х гг. наметился осторожный, широко не декларируемый возврат, а позже, уже после 2005 года, как говорится в эпиграфе, «новая власть всерьез занялась идеологией».

2. Человеческий потенциал — главный неиспользуемый резерв национального развития

…Трансформация научных структур и выработка мер научной политики происходили хаотично и без учета стратегических перспектив[17].
А. Терехов

Игнорирование ресурсов НЧП элитой отчетливо прослеживается на двух этапах: 1990-х годов, когда наука и НЧП в целом никак вообще **не учитывались**, и 2000–2010 годы, когда НЧП — недооценивался.

Социально-экономический кризис 90-х годов, сопровождавшийся кризисом в идеологии и отсутствием стратегии развития нации, привел к качественному ухудшению научного потенциала страны.

Но и в новом столетии процесс сокращения научного потенциала не прекратился. Он принял форму деградации, т.е. медленного умирания. Что видно на примере социально-научного потенциала, который медленно, но неуклонно сокращался за 2005–2009 годы[18] (табл. 3).

В самые «тучные» годы, когда стремительно рос ВВП страны и весь бюджет увеличился в разы, финансирование науки увеличивалось медленно, заметно отставая как от уровня зарубежных стран, так и потребностей страны. Особенно с учетом обвала 1990–2005 годов[19] (табл. 4, 5).

Продолжалась сужаться и социальная база исследователей. Даже после обвала 90-х годов. Что видно из следующих официальных данных[20] (табл. 6, рис 4, 5).

Таким образом, курс на «удвоение ВВП» и вхождение России в пятерку ведущих держав мира, а также модернизацию **не связывался** с ростом научного потенциала страны.

Речь идет, прежде всего, о неиспользуемых или малоиспользуемых **резервах человеческого потенциала как главного фактора, определяющего темпы развития человечества в XX веке**. Рывок, который должна совершить наша страна, есть по сути дела сверхзадача, а национальный потенциал человеческих личностей — сверхвозможности XXI века. Как справедливо писала академик Н. Бехтерева, «интеллектуальный потенциал проверяется на сверхзадачах — если мозг общества находит для них сверхвозможности, за такое общество можно не тревожиться»[21].

Итак, по Бехтеревой, логика действий элиты, соответствующая адекватной теории общественного развития, должна была бы быть такова: **во-первых**, постановки сверхзадачи, **во-вторых**, поиск сверхвозможностей, **в-третьих**, это и есть проверка «на интеллект» элиты и общества («мозг общества» по Бехтеревой).

Применительно к современной России данный вывод более чем актуален. Споры о перспективах развития, которые привели к появлению «Концепции–2020», вряд ли можно назвать высшей точкой в развитии интеллекта элиты России. Нет ни

Табл. 3. Организации, выполняющие исследования и разработки,
по видам экономической деятельности

	Число организаций				В процентах к итогу			
	2005	2007	2008	2009	2005	2007	2008	2009
Всего	**3566**	**3957**	**3666**	**3536**	**100**	**100**	**100**	**100**
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	24	41	39	39	0,7	1,0	1,1	1,1
Промышленное производство*	249	311	279	270	7,0	7,9	7,6	7,6
Обрабатывающие производства	241	304	274	268	6,8	7,7	7,5	7,6
Научные исследования и разработки	**2628**	**2702**	**2484**	**2395**	**73,7**	**68,3**	**67,8**	**67,8**
Предоставление прочих видов услуг	117	121	103	93	3,3	3,1	2,8	2,6
Образование	428	544	543	541	12,0	13,7	14,8	15,3
Деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта	90	146	141	137	2,5	3,7	3,8	3,9
Другие виды экономической деятельности	30	92	77	61	0,8	2,3	2,1	1,7

* К понятию «промышленное производство» здесь и далее относится сумма видов деятельности по разделам C, D, E Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД).

Табл. 4. Ассигнования нанауку из средств федерального бюджета
(миллиарды рублей)

	2006	2007	2008*	2009*
Всего	**195,8**	**260,2**	**167,8**	**229,8**
Фундаментальные исследования	41,1	50,2	61,9	76,0
Прикладные исследования	151,6	206,0	102,6	146,6
Реализация международного научного сотрудничества	3,1	4,0	3,3	7,2

* В таблицах данные за 2008–2010 гг. приведены по совокупности расходов несекретной части федерального бюджета, опубликованной в открытой печати.

Справочно. С учетом изменения методологии составления бюджета, ассигнования на науку из средств федерального бюджета в 2010 г. составят 228,2 млрд руб., в том числе на фундаментальные исследования — 76,7 млрд руб., на прикладные исследования — 151,5 млрд руб., по состоянию на 1 ноября 2010 г.

Табл. 5. Ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета*
(миллиарды рублей)

	2006	2007	2008**	2009**
Гражданская наука — всего	**77,9**	**109,5**	**124,4**	**161,8**
Фундаментальные исследования	40,5	49,6	61,2	75,8
Прикладные исследования	34,3	55,9	59,9	78,8
Реализация международного научного сотрудничества	3,1	4,0	3,3	7,2

* Здесь и далее по гражданской науке — оценка ЦИСН.

** Данные рассчитаны на основе оценки Минфина России и структурно-динамических соотношений аналогичных показателей за предшествующие годы.

Справочно. С учетом изменения методологии составления бюджета ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета в 2010 г. составят 159,1 млрд руб., в том числе на фундаментальные исследования — 72,9 млрд руб., на прикладные исследования — 86,2 млрд руб., по состоянию на 1 ноября 2010 г.

Табл. 6. Персонал, занятый исследованиями и разработками
(человек)

	Всего	Исследователи	Техники	Вспомогательный персонал	Прочие
2000	887 729	425 954	75 184	240 506	146 085
2003	858 470	409 775	71 729	229 214	147 752
2005	813 207	391 121	65 982	215 555	140 549
2007	801 135	392 849	64 569	208 052	135 665
2008	761 252	375 804	60 218	194 769	130 461
2009	742 433	369 237	60 045	186 995	126 156

«сверхзадачи», ни поиска «сверхвозможностей». Другими словами, российская элита к началу кризиса 2008 года не выдержала теста «на интеллект».

Кризис 2008 года — еще одно испытание «на интеллект» российской элиты. Это испытание должно быть пройдено на «стадии дестабилизации» (по Бехтеревой, если элита найдет в себе возможности принять стратегию (адекватную теорию развития), в которой есть и «сверхзадача», и решен вопрос о «сверхвозможностях». Если ответ на первый вызов — стратегия опережающего развития, рывок России, то на второй — ставка на человеческий потенциал.

Простой пример. Как известно, один из важнейших потенциальных ресурсов (резервов) развития экономики и общества — образование. Именно ставка на этот ресурс сделала возможным рывок США в последней четверти XX века, а Ирландии — в последние два десятилетия. В сочетании с научной деятельностью образование является важнейшим фактором развития XXI века. Но это — в потенции. Для того чтобы образование стало фактором опережающего развития, нужно понимание его значения у элиты и воля для превращения потенциала в фактор.

Теперь о положении в этой области в России. По большинству параметров, характеризующих образование, российская элита, как минимум, еще **не осознает** и уж точно не проявляет достаточно воли для превращения потенциала развития в фактор развития. Даже по официальному признанию МЭРа, «на сегодняшний день высшая школа во многом потеряла инновационную, исследовательскую компоненту. Только 16% преподавателей ведут исследования, меньше 10% ВУЗов имеют исследовательский бюджет, превышающий 50 тыс. рублей в год на одного преподавателя. Российские университеты практически не присутствуют в международных университетских рейтингах»[22].

Очевидно, что образование — огромный неиспользуемый резерв для решения задач опережающего развития России. Если не сказать — главный резерв опережающего развития. Даже (а, может стать, именно) в условиях кризиса.

Причин тому несколько. Но главная все-таки — это неосознанность в полной мере значения образования как фактора опережающего значения элитой страны. На всех уровнях. От федерального до местного. Сегодня в России еще далеко до признания образования в качестве **ведущей отрасли экономики**, как это было сделано, например, в Ирландии. Тем более, если нет такого признания, нет соответствующей государственной политики, включая бюджетной.

Усилия, предпринимаемые правительством, представляются явно недостаточными, хотя иногда и выглядят впечатляющими. Особенно благодаря нацпроекту «Образование». Так, по плану социально-экономического развития число преподавателей, ведущих исследовательскую работу (т.е. находящихся на передовых рубежах знаний), предполагается повысить до 25% к 2012 году. Это выглядит, по меньшей мере, странно, ведь практически **каждый преподаватель** должен заниматься исследованиями (если не 100%, то 80–90%), ведь в противном случае знания, которые он передает, заведомо устаревают, отстают от потребностей экономики.

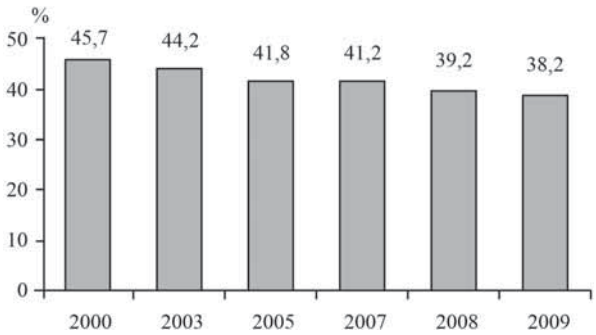


Рис. 4. В процентах к 1990 г.

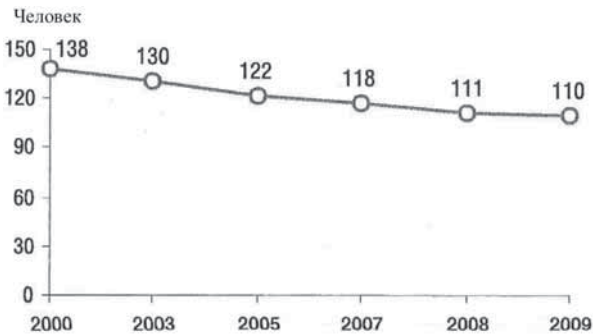


Рис. 5. В расчете на 10 000 занятых в экономике

Не только зарубежный, но и отечественный опыт показывает, что только сочетание исследовательской работы с преподаванием может дать положительный результат в подготовке специалистов.

Не бесспорно и деление ВУЗов на «многопрофильные» и «средние», хотя критериями и объявляется объем НИР и НИОКР. Более того, у Минобразования и в целом Правительства существует принципиально неправильное представление о высшем образовании, в соответствии с которым следует сегодня сокращать количество ВУЗов под предлогом повышения их качества.

Конечно, за качество вузовского образования нужно бороться, но, во-первых, качество подготовки в институтах в принципе не может быть одинаковым. Невозможно, например, добиться того, чтобы в региональных университетах готовили таких же квалифицированных специалистов, как в МГИМО(У) или Физтехе. При этом — важно подчеркнуть, — что и такие специалисты народному хозяйству нужны.

Во-вторых, принципиально ошибочно сокращать прием в ВУЗы. В будущей экономике знаний уже не в столь отдаленном будущем высшее образование должно быть не только всеобщим, но и обязательным. Вот почему должен быть принят план выхода на этот рубеж к 2020–2025 году.

К другим резервам роста человеческого потенциала, прежде всего, следует отнести следующие факторы.

Прежде всего абсолютную невосприимчивость российской экономики — предприятий, организаций, учреждений — к инновациям из-за отсутствия стимулов. Относительно низкая зарплата не стимулирует повышение производительности труда. Дешевый труд заменяет инновации. Поэтому на предприятиях малого бизнеса инновации практически отсутствуют. Инновационную активность проявляют порядка 4% (!) предприятий (в развитых странах до 70%). Что видно из официальных данных[23] (табл. 7).

Например, сохраняющуюся в некоторых регионах безработицу, которая (при определенных усилиях по переподготовке кадров) может компенсировать нехватку трудовых ресурсов, а главное — социально-демографическую политику, которая неадекватна реальностям. На этой проблеме, как важнейшем ресурсе развития, следует остановиться подробнее. Количество и качество **личностей**, в конечном счете, будет определять темпы развития общества и экономики. Сегодня по официальному мнению, инерция депопуляции, сложившаяся в 1990-х — начале 2000 годов, к 2020 году может привести к сокращению общей численности населения до 140 млн человек (142,1 млн человек в 2007 году), населения трудоспособного возраста — до 77,8 млн человек (с 89,9 млн человек в 2007 году). К 2030 году население России в этих условиях может сократиться до 137 млн человек, что создаст **угрозу безопасности и целостности страны, особенно за счет депопуляции восточных регионов России**.

Налицо превращение потенциала в **антифактор** развития. Соответственно отсюда вытекает задача: как минимум, не превратить потенциал развития в свою противоположность — антипотенциал, а, как максимум, добиться превращения этого потенциала в фактор. Как в политическом, так и в качественном отношении.

Табл. 7. Основные показатели инновационной деятельности малых предприятий промышленного производства по федеральным округам

	Уровень инновационной активности, проценты		Объем отгруженных инновационных товаров, млн руб.		Затраты на технологические инновации, млн руб.	
	2007	2009	2007	2009	2007	2009
Всего	**4,3**	**4,1**	**12 644,3**	**10 215,7**	**10 608,2**	**6793,5**
Федеральные округа:						
Центральный	3,6	3,6	6398,8	3884,7	5864,4	1967,5
из него Москва	1,7	6,0	727,3	586,3	442,0	283,3
Северо-Западный	5,1	4,5	1002,7	1127,7	1082,4	668,4
из него Санкт-Петербург	5,6	7,0	841,1	700,4	783,0	318,5
Южный	3,3	2,7	1053,8	677,5	680,3	240,0
Северо-Кавказский	—	2,5	—	168,4	—	140,4
Приволжский	5,6	5,0	2574,5	2446,1	1073,0	2104,8
Уральский	4,3	5,1	550,0	394,2	1022,4	747,6
Сибирский	4,8	4,3	1035,1	1460,9	529,5	575,8
Дальневосточный	2,8	3,6	29,4	56,2	356,2	349,1

На нынешнем этапе предстоит решить задачу — минимум. Известно, что возрастной состав населения, начиная с 2009 года, существенно ухудшится вследствие вхождения в активный репродуктивный возраст малочисленных контингентов, родившихся в конце 1980-х — первой половине 1990-х годов. В структуре трудоспособного населения увеличится доля старших трудоспособных возрастов (45 лет и старше) и сократится доля молодых (до 29 лет). Соответственно, к 2020 году значительно увеличится демографическая нагрузка на трудоспособное население. Если в 2005 году на 1000 лиц трудоспособного возраста приходилось 580 нетрудоспособных, то к 2020 году будет приходиться 837.

Старение населения естественно будет стимулировать рост затрат на здравоохранение и социальное обеспечение, а также пенсионную систему, что потребует активного реформирования этих сфер с целью повышения их эффективности.

Другая важнейшая проблема — депопуляция. При сохранении размеров складывающейся депопуляции неизбежно произойдет снижение плотности населения до параметров, **почти в три раза меньше среднемировых**.

Эти негативные тенденции могут быть преодолены в результате **активной демографической политики государства** и изменения **образа жизни российской семьи**, повышения ценности рождения и воспитания детей по мере роста благосостояния и изменения поведения общества»[24].

Объективно ситуация в этой области описана в проекте доклада Общественной палаты, где, в частности, признается, что «сложившаяся ситуация во многом порождена недостаточным учетом демографических факторов в среднесрочной и долгосрочной социально-экономической стратегии государства», отсутствием комплексной программы выхода из кризиса и государственных органов, ответственных за демографическое развитие. А также недостаточной финансовой поддержкой деторождения и семьи. Средства, выделяемые на поддержку семей с детьми (расходы на семейные пособия в отношении к ВВП сегодня вчетверо меньше, чем 10 лет назад, и примерно в 8–10 раз меньше среднего уровня таких расходов в европейских странах).

Отношение расходов на семейные (детские и материнские) пособия к величине ВВП сократились в России с 0,98% в 1996 г. до менее 0,3% в 2004 г. (вместо роста до 2,2%, предусмотренного «Основными направлениями государственной семейной политики», утвержденными Указом Президента Российской Федерации № 712 от 14.05.1996), Сегодня, когда политическая и экономическая ситуация в России намного лучше, чем в середине 1990-х годов, поддержание столь низкого (более чем в три раза ниже, чем в 1996 г.!) уровня государственных расходов на семейные пособия в условиях демографического кризиса не может быть признано оправданным.

Разница между фактически требуемыми и «нормативными» затратами на семейные и материнские пособия сопоставима с оценкой дефицита денежных доходов в семьях с детьми и напрямую обусловливает этот дефицит. Сегодня молодая семья располагает ресурсами на рождение и воспитание только одного ребенка, при этом около 70% семей хотело бы, при наличии соответствующих условий, иметь двоих и более детей. В то же время рождения второго и третьего ребенка почти не стимулируются, несмотря на то, что именно эти рождения способны изменить ситуацию. Примечательно, что этот вывод подтверждается современной действительностью. В первой половине 2007 года заметно (примерно на 10%) выросла рождаемость, что связывается с самыми первыми, скромными и скорее моральными, шагами по поддержке со стороны власти.

Иначе как катастрофической такую политику назвать сегодня нельзя. Сотни тысяч детей обречены на криминальное будущее, когда их родители фактически отказались от их воспитания и образования. И если резервы безработицы практически исчерпаны, — уже сегодня остро ощущается нехватка

Табл. 8. Регионы с самой высокой безработицей

Регион	Количество зарегистрированных безработных	% к экономически активному населению
Российская Федерация	1 744 386	2,4
Республика Ингушетия	454 419	34,1
Корякский АО	1529	11,8
Республика Тыва	11 258	8,8
Кабардино-Балкарская Республика	32 583	7,4
Республика Алтай	5588	5,9
Алтайский край	77 243	5,9
Амурская область	22 714	5,2
Магаданская область	5199	5,1

Данные Роструда на 1 марта 2007 г.

многих специальностей и борьба за трудовые ресурсы предстоит уже с развитыми странами, — то в собственной стране остается потенциал, который либо ляжет бременем на экономику страны, либо будет использован в интересах развития (табл. 8).

Другой фактор — миграция населения и иммиграция. Особенно квалифицированных кадров, которые для всех развитых стран вообще и России, в частности, стала главным конкурентным спором. Очевидно, что, с одной стороны, глобализация ведет к концентрации высокопрофессиональных кадров в мегаполисах, но, с другой стороны, — истощение кадровых ресурсов в регионах такой огромной страны, как Россия, неизбежно приведет фактически к обезлюживанию целых регионов. Особенно, если сознательно и целенаправленно государство не будет оказывать поддержки этим регионам.

У России есть колоссальный ресурс в трудовых иммигрантах, прежде всего тех, кто социокультурно связан с национальной традицией. Это — миллионы русских и других граждан, способных и желающих активно трудиться. Вопрос в том, как использовать этот ресурс[25] (рис. 6).

Сегодня, с точки зрения условий оплаты труда, жизни и самореализации, душевого регионального ВВП и других факторов Россия четко разделена на два мегаполиса и провинцию. Что видно, например, по уровню зарплаты граждан.

Именно в регионах сегодня находятся не только главные неиспользуемые ресурсы. И не только природные, но и человеческие. Не трудно подсчитать, что на два мегаполиса — Москву и Санкт-Петербург, — к которым частично можно отнести и области, относится лишь 15–20% человеческого потенциала. Остальные 80–85% — это потенциал регионов. В том числе и потенциал человеческий, интеллектуальный, а не только природный.

Другой аспект этой проблемы — социальная структура общества. По оценке МЭРа, она принципиально не изменится к 2020 году[26].

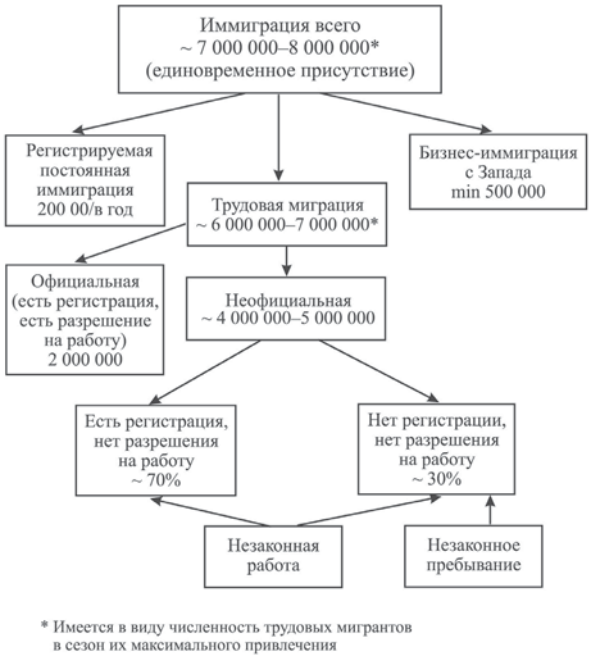


Рис. 6. Миграционные потоки в Россию (оценка на начало 2008 г.)

На протяжении всего рассматриваемого периода стабильно будет расти доля и численность занятых в гостиничном и ресторанном бизнесе, что свидетельствует о расширении объема предоставляемых услуг населению (табл. 9).

Напомню, что доля населения США, занятого в сельском хозяйстве, рыбной промышленности и лесной отрасли, уже с 1980-х годов не превышает 2%.

Велика и доля занятых в промышленности, а особенно в финансовом секторе, где лица, оперирующие с финансовыми инструментами (в основном, клерки), вытесняют из творческих профессий.

Если говорить о креативном классе, то его в оценках МЭРа нет вообще, хотя он и является **главным** создателем нового продукта. Наверное, это не

Табл. 9. Структура занятых по пяти укрупненным группам видов экономической деятельности в 2006–2020 гг. (%)

	2006	2007	2010	2015	2020	2020 к 2006
Всего в экономике	100	100	100	100	100	
в том числе:						
сельское и лесное хозяйство, рыболовство и охота	10,8	10,2	9,2	7,5	5,7	53
промышленность	21,2	21,4	21,2	19,6	17	80,2
строительство	7,6	7,7	6,7	7,7	9,6	126,3
торговля, гостиницы и рестораны; транспорт и связь	26,8	27	28,1	29,9	32,1	119,8
финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	33,7	33,8	34,9	35,3	35,7	105,9

случайно, оно отражает представление Правительства о его роли в экономике страны.

Эта ситуация серьезно обостряется в связи с кадровым голодом, который возник у наших западных соседей. Так, Литву, после ее присоединения в 2004 году к Евросоюзу, покинуло более 300 тыс. человек. «Кадровый голод» охватил и Эстонию, и Польшу, которые предлагают более выгодные условия иммигрантам, чем Россия. И это притом, что в 2008 году, по оценкам Минздравсоцразвития, России потребуется более 2 млн человек иностранной рабочей силы[27].

Но главное, все-таки, связано с перепрофилированием квалифицированных кадров, которое приняло в России масштабный характер. За последние 15–17 лет в результате перепрофилирования решительно меняется не только список профессий и специальностей, но и социальный состав общества. Общая тенденция такова: ежегодно, даже ежемесячно появляются десятки новых специальностей, одновременно исчезают старые.

Наконец, не следует закрывать глаза и на проблему возвращения в экономическую жизнь заключенных, количество которых в России ежегодно насчитывается около 1 млн человек. Во-первых, на мой взгляд, значительная часть из них вполне возможно обошлась бы без этой меры пресечения. Даже если 30% находящихся ныне заключенных подверглись бы другим видам наказания, то это означало бы, что около 300.000 человек вернулись бы к активной экономической жизни. Другая сторона этой проблемы — социализация преступников: тюрьма — самое плохое место для того, чтобы надеяться на исправление человека.

Во-вторых, даже те сотни тысяч граждан, которые находятся в заключение, не являются окончательной потерей для общества, если общество что-то для них делает с тем, чтобы они вернулись готовыми к нормальной жизни. Опыт создания школ, курсов и даже ВУЗов при колониях показывает, что этот путь эффективнее, чем простая «отсидка». Наконец, недопустимые условия в тюрьмах свидетельствуют в т.ч. и о пренебрежительном отношении к этой части человеческого потенциала России. Так, по расходам на содержание, Россия находится на уровне Нигерии, в 20 раз уступая Чехии[28].

Табл. 10. Средние расходы на содержание одного заключенного

№ n/n	Страна	Расход (руб. в сутки)
1	Канада	12 466 (2005)
2	Швеция	6789 (2006)
3	Великобритания	6760 (2006)
4	Финляндия	4292 (2005)
5	Австралия	3510 (2006)
6	Новая Зеландия	3375 (2006)
7	Словения	2128 (2006)
8	США (только федеральный уровень)	1759 (2006)
9	Мальдивские Острова	1628 (2005)
10	Чехия	1082 (2006)
11	Польша	508 (2006)
12	ЮАР	454 (2006)
13	Россия (только федеральный бюджет на 2007 год)	47 (2007)
14	Нигерия	43 (2005)
15	Гана	13 (2005)

---

1 Вообще говоря, тема ресурсов в политике с теоретической точки зрения хорошо освещена профессором МГИМО(У) М. А. Хрусталевым. См.: *Хрусталев М. А.* Методология прикладного политического анализа. М.: Проспект, 2010. Раздел «Ресурсы». С. 54–56.

2 *Обама Б.* Дерзость надежды. Санкт-Петербург, 2008 г. С. 15.

3 *Дзюба С. А.* Возвращение гаранта // Независимая газета. 2008. 18 января. С. 11.

4 В странах Евросоюза это признание давно стало банальностью. Так, на Лиссабонском саммите было признано, что «граждане — это главный ресурс Европы». (См.: Социальная Европа в XXI веке / под ред. М.В. Каргаловой. М.: Весь мир, 2011. С. 176.

5 Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 209.

6 Там же.

7 Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние / под ред. Богомолова О.Т. М.: Институт экономических стратегий, 2008. С. 367.

8 *Калле В. Ж.* Духовность и интеллектуальный потенциал. Библиотека креативной экономики. 2010. 16 февраля. http://creatirecanomy.ru/library/

9 О национальных ресурсах достаточно много написано. Но эта тема до сих пор остается в тени. См., например: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 88–92.

10 *Хрусталев М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. С. 38.

11 *Тимофеев И. И.* Дилемма безопасности. Риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис, 2009. № 4. С. 21.

[12] *Макаров В.* Об экономическом развитии и не только в контексте будущих достижений науки и техники // Вопросы экономики. 2008. № 3. С. 43.

[13] *Бехтерева Н. П.* Магия мозга и лабиринты жизни. М.: Сова, 2008. С. 15.

[14] *Юревич А.* «Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества // Вестник РАН. Т. 81. 2011. № 1. С. 10.

[15] *Кортунов С. В.* Национальная идентичность. Постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009 г. С. 216.

[16] Там же.

[17] *Терехов А.* Обеспечение кадрами приоритетных научных направлений (на примере нанотехнологий) // Вестник РАН. Т. 81. 2011. № 1. С. 11.

[18] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 22.

[19] Там же. С. 66.

[20] Там же. С. 46.

[21] *Бехтерева Н.* Магия мозга и лабиринты жизни. М.: Сова, 2008. С. 6.

[22] Основные параметры прогноза… С. 79.

[23] Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН,. 2010. С. 194.

[24] Основные параметры прогноза… С. 26.

[25] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. М.: 2009. С. 98.

[26] Основные параметры прогноза… С. 75.

[27] Польша претендует на кадры из России // Независимая газета. 2008. 31 января. С. 5.

[28] Коммерсант Власть. 2007. 6 августа. С. 64.

Глава 10

Условие № 6: подготовка и смена управленческих кадров как усиление роли государства в развитии нации

…Основной проблемой будет поиск компетентных идеологов…
В. Васильев

Интеллигенция уже не может претендовать на то, чтобы знать за других или мыслить за них…[1].
М. Мамардашвили

Государство — важнейший институт нации и общества, который играет ключевую роль в их судьбе. Ослабление, развал государства, нередко вели (как в 1980-е и 1990-е годы) к деградации нации и общества[2].

Правящей российской элите предстоит в ближайшее время сменить ведущие управленческие кадры. И не только из-за коррупции и неспособности к получению конкретных результатов, сколько из-за того, что ставка на приоритет развития НЧП, социальной политики требует других людей и идей. В данном случае эффективность управления трактуется, как **способность реализовать заявленные публично цели и ценности**. Смена этих целей и ценностей, потребует, соответственно, смены системы госуправления.

Сегодня, как правило, когда говорят об улучшении институтов, имеют в виду такие институты, как правовая среда, прозрачность госполитики, личная безопасность и пр. институты, попадающие в рейтинг конкурентоспособности, например, швейцарской бизнес-школы IMD. Общее их качество в России соответствует 2,7 балла из 10. «Россия на 46-м месте среди 49 стран. За 2000–2008 гг. оценка российских институтов снизилась на 0,6 балла, говорит Акиндинова: «Но снижение было во многих странах — в среднем на 0,5 балла: в период тучных лет за развитием институтов следить перестали». Однако важно, что у России один из самых низких уровней развития институтов, замечает она: в среднем по выборке он равен 5,1 балла, у развитых стран — 6–7, у группы неевропейских стран с формирующимися институтами — 4,3, у **Китая — 4,5 балла**.

По расчетам ВШЭ, рост индекса качества институтов на **1 балл добавляет темпам роста экономики минимум 0,31 п.п. в год**. Это значит, что, если Россия постепенно повысит качество институтов до уровня

Китая при росте экономики на скромные 3% (базовый сценарий Центра развития), чистый выигрыш от этого составит почти **12% ВВП через 20 лет**. Это сэкономит 3–4 года развития из 20, т.е. ускорит развитие на 15–20%»[3].

Вместе с тем за скобками остаются другие институты развития. На мой взгляд, из-за того, что они имеют слабое отношение к бизнесу, точнее, прибыли частного бизнеса.

Решение задачи опережающего развития НЧП, реализация в короткие сроки «Большого скачка», обусловлено наличием необходимого кадрового потенциала. Это такой же важный ресурс, как и деньги, даже более важный. Нужны люди, способные реализовать эти планы, причем люди, обладающие прочной нравственной основой. И, что важно, ориентированные на решение задач развития нации. Особенно в госуправлении и на уровне местного самоуправления. Это одно из важнейших, если ни самое важное условие, без которого невозможно опережающее развитие страны.

Этому есть объективное объяснение. Оно заключается в том, что по мере развития общества и экономики управленческие задачи становятся не только сложнее, но и другими, а требования к кадрам — выше. Отличительной особенностью СССР и России в последние десятилетия (я полагаю, даже что весь XX век и начало XXI века) являлось то, что экономические и общественные системы становились сложнее, а кадры и эффективность госуправления — хуже. Объяснений несколько. Главные из них следующие: требуются политики–идеологи, а не либеральные экономисты, которые с начала 90-х годов фактически управляют страной, а не только финан-

Табл. 1. Численность, прием и выпуск аспирантов по отраслям наук (человек)

	Численность аспирантов			Прием в аспирантуру			Выпуск из аспирантуры		
	2007	2008	2009	2007	2008	2009	2007	2008	2009
Всего	**147 719**	**147 674**	**154 470**	**51 633**	**49 638**	**55 540**	**35 747**	**33 670**	**34 235**
Отрасли наук:									
физико-математические	7195	7157	7766	2625	2615	2998	1877	1837	1721
химические	3133	3098	3499	1114	1088	1359	817	814	775
биологические	6729	6861	6893	2266	2314	2303	1783	1635	1792
технические	35 096	34 324	36 982	12 794	11 791	14 367	7902	7528	7570
сельскохозяйственные	3691	3690	3915	1199	1271	1448	1024	979	1053
исторические	4443	4392	4495	1491	1421	1555	1263	1083	**1104**
экономические	**26 856**	**26 828**	**27 689**	**9514**	**9186**	**9975**	**6394**	**5896**	**5900**
философские	2936	2909	2941	967	971	1015	774	709	695
филологические	6763	6577	6896	2105	2008	2309	1755	1665	**1591**
юридические	11 584	11 770	12 294	4020	3860	4244	2608	2519	**2600**
педагогические	9884	10 054	10 300	3400	3223	3642	2344	2213	2226
медицинские	10 144	10 368	10 575	3194	3194	3154	2700	2607	2791
фармацевтические	396	382	381	149	106	115	97	100	86
ветеринарные	1115	1103	1019	350	347	338	294	258	278
искусствоведение	2085	2132	2264	784	719	903	587	463	530
архитектура	506	474	348	176	169	61	133	112	90
психологические	3720	3816	3915	1355	1254	1374	814	760	720
социологические	3006	3175	3179	1101	1082	1059	717	579	686
политические	**2030**	**1937**	**1993**	**729**	**645**	**691**	**468**	**500**	**509**
культурология	1143	1107	1115	433	323	391	197	223	242
науки о Земле	5022	5233	5654	1787	1948	2105	1133	1110	1179
прочие	242	287	357	80	103	134	66	80	97

сами и экономикой. Для них эффективность управления — «борьба с коррупцией и бюрократией»[4].

Но главное, все-таки, смена цели, целеполагание и, соответственно, стратегическое планирование, которые экономисты — либералы в принципе не способны сделать. И весь российский опыт это подтверждает.

Нужны историки, философы, социологи, культурологи и прочие представители социальных и гуманитарных наук, **способные стать идеологами** нового курса. Между тем доминируют экономисты и юристы, что заметил даже в январе 2011 года юрист-президент Д. Медведев. Не случайно статистика говорит и о засилье экономистов и юристов среди аспирантов, т.е. специалистов высшей квалификации[5].

Я полагаю (и не раз писал об этом), что основные требования к управленческой элите следующие:

— высокое качество образования;
— опыт и профессионализм;
— нравственность;
— способность к стратегическому прогнозу и планированию, оценке последствий принимаемых решений.

Не трудно заметить, что все десятилетия эти критерии **ухудшались**. Причем не только в советское время, но и в современной России. В особенности если речь идет о нравственности и способности к стратегическому прогнозу. Проблемы коррупции, неэффективности финансово-экономической и социальной политики — прямое следствие этих недостатков.

Документооборот в Минобрнауке, например, в 2010 году по сравнению с 2009 годом составил[6]:

— количество документов, поступивших в Минобрнауки России, возросло в два раза и составило 91 734 единицы;
— количество поручений, поступивших в Минобрнауки России, возросло на 16,5% и составило 6250 единиц;
— количество поручений, поступивших от Президента Российской Федерации, возросло в 3 раза и составило 252 единицы;
— количество поручений, поступивших из Правительства Российской Федерации, возросло в 3 раза и составило 1522 единицы;
— количество документов, отправленных в органы государственной власти, увеличилось на 83,74% и составило 45 400 единиц.

При переходе от стабилизации к опережающему развитию, который начался с 2008 года фактически параллельно с мировым кризисом, проблема эффективности госуправления стала особенно острой.

1. Государство и его институты[7]: роль в опережающем развитии

Как бы хороша ни была политическая программа той или иной организации, если она не выигрывает выборы, реализация этой программы может осуществляться только в такой степени, в какой победитель решит ее использовать. Иначе говоря, качество предвыборных программ и декларация никоим образом не является гарантией победы на выборах и прихода к власти[8].
Н. Злобин

На инновации нужен спрос, и в его создании государство играет решающую роль[9].
В. Никонов

Роль государства и его институтов в реализации стратегии национального развития и социально-экономической стратегии чрезвычайно велика, хотя регулярно ставится под сомнение либералами. При этом важны два обстоятельства, характерные собственно для России.

Во-первых, в России традиционно, еще с раннего средневековья, государство играло исключительно важную роль в сохранении и развитии нации. Такую же важную роль оно играет и сегодня, за исключением тех случаев, когда правящая элита сознательно пытается эту роль ослабить или свести к минимуму. Как правило, это заканчивается трагедией. Особенно нагляден последний пример конца 80-х годов, когда сознательно ослабленные, даже дискредитированные институты государства привели в конечном счете к его развалу.

Во-вторых, мировой кризис 2008–2010 годов показал, что государства продолжают играть важную роль, хотя вся предыдущая политическая тенденция сводилась к простому тезису о том, что глобализация делает ненужным и даже опасным суверенитет и существование государств. Как оказывается, это относится не ко всем государствам. Часть из них, наиболее успешных (в т.ч. в глобализации), таких, как Китай, США, Великобритания, Франция и другие, отнюдь не считают государства и суверенитет отмирающими категориям.

Формирование новой стратегии социально-экономического развития России в соответствии с идеологией русского социализма предполагает усиление роли государства и его институтов. Но не только как «модернизатора сверху», о чем многие говорят, но как механизм национальной мобилизации.

Идеология внешних заимствований, которой стал придерживаться Д. Медведев в 2009–2011 годы, прямо противоречит идеологии развития НЧП.

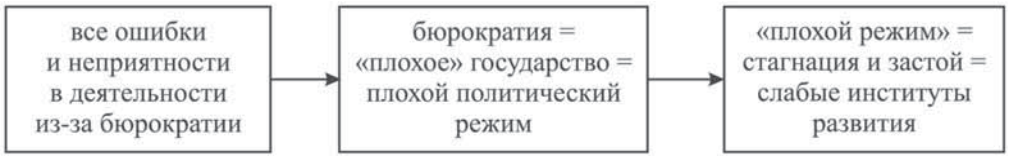


Рис. 1.

И прежде всего, когда речь идет о роли государства в процессе опережающего развития нации.

Идеологической мишенью в спорах 2010–2011 годов оказалась роль государства и его институтов в развитии России. Попав в «перекресток» прицела идеологической кампании, государство и его институты, как и в 90-е годы, стало основной мишенью для нападок либералов, которые попытались выстроить упрощенную логическую схему (рис. 1).

Не трудно заметить, что логика современных либералов абсолютно, даже в деталях, повторяет кампанию А. Яковлева конца 1980-х годов «борьбы с этатизмом» и начала 1990-х годов — «борьбы с привилегиями». Боюсь, что с такими же негативными политическими и экономическими последствиями. Если в прежнее годы под обвинениями государства имелись в виду достижение политической цели — смены политического режима, — то сегодня к этому добавляется еще и перевод экономики и общественного устройства Россию в прямую зависимость от системы западных ценностей.

К модернизации и инновациям такая критика государства отношения не имеет. В советский период именно государство создало национальную инновационную систему, причем очень эффективную. Как напоминает В. Никонов, «**от первой записки о принципиальной возможности запустить спутник до его запуска проходит два года**. От первого поручения изучить пока только медико-биологическую возможность отправки человека в космос до полета Гагарина — **два года**. Удивительные документы для всех желающих постичь логику и механику стратегического планирования.

Но, может, такая схема могла работать только у нас и только в советское время? В чистом виде, да.

Но везде, даже в самых рыночных экономиках, крупные инновационные прорывы — продукты государственных программ. Манхэттенский проект, приведший к созданию атомного оружия и ядерных технологий, был чистым госзаказом американского правительства. Интернет был разработан и запущен Пентагоном. Современные американские университеты с их первоклассным оборудованием способны производить инновации, но нельзя не учитывать, что в бюджете, скажем, Массачусетского технологического института доля средств, так или иначе связанных с государством, достигает 90%»[10].

Критика государства, которая приобрела в 2011 году характер мощной кампании, на самом деле, метила в политический режим В. Путина, который сформировался под лозунгами укрепления государства и политической стабилизации.

2. Период смены управленческой элиты

…У нас президенты появляются без всяких программ[11].
О. Крыштановская

Гибель России в её правителях. Как сделать так, чтобы правили те, у кого к этому талант и призвание, а не те, у кого амбиции и связи[12].
Б. Акунин

Сегодня «вертикаль власти», как говорят, «гниет с головы, но ее не чистят даже с хвоста»[13].

Действительно, как сделать так, чтобы управленческая элита в России отвечала требованиям, предъявляемым объективными условиями развития страны, а не субъективным обстоятельствам — амбициям, связям (а сегодня еще и деньгам!)? Чтобы судьба целой страны не зависела от того, кто в силу различных факторов, в том числе и случайных, оказался у власти?

Вся история XX и XXI веков свидетельствует о том, что случайные, вполне субъективные факторы оказывали решающее влияние на судьбу страны. Как пришел к власти М. Горбачев, которому как будто кто-то сознательно расчищал дорогу? Цепь «своевременных» смертей в 1982 году — Цвигун, Суслов, Брежнев, Щербицкий — привели к власти Андропова. Были ли они случайными? Очевидно, что такие совпадения невозможны, как, впрочем, и то, что эти смерти совпадали с другими совпадениями — отсутствием «главного врача», командировками Горбачева и многими другими случайностями.

Другой период смены элиты — начало 1990-х годов — также «череда случайностей», которые, однако, вписываются в общую закономерность — прихода к власти новых, близких Б. Ельцину людей, «обновивших» весь управляющий класс.

Та же история повторилась и в 1999–2000 годах с приходом В. Путина. И здесь проявилась общая закономерность — приход к власти «близких» людей, у многих из которых не было «таланта и призвания», зато были тщательно скрываемые амбиции, связи и … деньги.

Известно, что социальные революции на разных этапах выдвигают на первый план различные социальные и профессиональные группы. Не вдаваясь в детали, их можно классифицировать как «революционеров» (уничтожающих прежние устои, — Б. Ельцин, Г. Бурбулис, Е. Гайдар и др.), «хозяйственников» (закрепляющих новое соотношение экономических и социальных сил, — В. Черномырдин и его команда) и — если стране повезет! — «компетентных креативщиков».

Требования, предъявляемые «историческим моментом» к этим группам, также разные. Если для «революционеров» важно сломать систему, бескомпромиссно бороться «против», зачастую не понимая, где конечная цель, то неизбежно сменяющая их команда «хозяйственников» должна уметь «делить и умножать», находить компромиссы. Период «хозяйственной» элиты в России совпал с периодом стабилизации, антикризисного управления, когда прагматизм, опыт и личная преданность были главными критериями, предъявлявшимися к элите.

Можно сказать, что 2000–2008 годы — период стабилизации — был периодом, когда «хозяйственная элита» была не просто востребована, но на ее плечи легли самые трудные решения. При этом, учитывая российскую специфику, именно в этот период «на хозяйство» был поставлены так называемые «силовики», которые должны были бы лучше соответствовать критериям надежности и нравственности (что, естественно, получалось далеко не всегда).

Переход на этап опережающего развития, отход от времени «стабилизации» предполагает смену обязательных требований, предъявляемых к управленческой элите, а значит неизбежной смене элит. Старые управленцы-хозяйственники и силовики должны уступить место новой социальной группе управленцев-креативщиков. И эта проблема в 2010–2011 годы обеспокоила всех — от администрации и правительства до либералов, у которых в 2011 году настойчиво зазвучали мотивы смены путинской элиты. Как писал в апреле 2011 года И. Юргенс, «**что касается подбора кадров**. Есть немало людей между 30–45, которые сейчас **являются реальными лидерами бизнеса, которые прошли школу здесь и там**. Они состоятельные и абсолютно не готовы заниматься какими-то откатами на своих постах, они были бы прекрасными министрами, и готовы к этому, и взыскуют эту позицию. Но это при условии, если мы будем нужны. Мы ведь создавали сотню золотого резерва. Потом тысячу. Все они, вышеперечисленные, там есть, и стоят в этом ряду, и немножко удивляются — а зачем все это было затевать? И все же это пул людей, которые могут возглавить правительство модернизатора. И из действующего правительства есть несколько очень сильных людей, которые там же должны были бы остаться…

А про тех, кто должен уйти, по идее, вместе с Путиным, мы немножко демонизируем этих людей. Да, они не либералы, ну и что. **Пятой колонны не будет, это все раздутые мифы, она будет идеологическая, а не с погромом госвласти»**[14].

Именно поэтому труднее всего именно с третьей группой — «компетентных креативщиков», которые, во-первых, должны вытеснить «хозяйственников», т.е. заместить их на соответствующих должностях, а, во-вторых, предложить (навязать, заставить) стране и обществу **свой вариант развития,** а именно опережающего развития страны. Здесь все зависит от лидера и его персональной команды, которая, кстати, должна быть не только предана, но и **компетентна и креативна**. Как справедливо отметил один генерал ФСБ, «здесь все дело в команде, сформированной для решения стратегических задач по принципу компетентности». При этом можно согласиться, что основной проблемой будет «поиск и обнаружение компетентных идеологов, доступно и просто объясняющих народу и его лидерам перспективы социально-экономического развития страны»[15].

Важно при этом понимать реальную ситуацию, в которой оказалась Россия в этой области. Ее очень хорошо охарактеризовал А. Солженицын: «ИСТОРИЯ России особенно трагическая. И в ней нынешняя политика еще дальше от нравственности. После 70 лет тоталитарного гнета Россия попала в разрушительный вихрь грабежа национального достояния и населения. Наш народ не успел встать на ноги. Он не успел получить возможность применить свою инициативу, свои собственные силы к решению своей судьбы. Самоуправление в нашей стране подавлено. Вместо него над нашими головами толпа чиновников. Наш политический класс составлен диким образом: из нераскаявшихся номенклатурщиков, всю жизнь проклинавших капитализм, а теперь восхвалиших его; из хищных комсомольских вожаков; из абсолютных политических авантюристов; из находчивых экономических грабителей; из случайных людей, мало подготовленных к той роли, куда они попали. В этих условиях о России говорят, что Россия погружается в «Третий мир». Я с этим не согласен. Я всегда верил в то, что **наша традиционная культура, наш дух сильнее гнетущих материальных обстоятельств»**[16] (выделено мной — *А. П.*).

На эти два обстоятельства я бы хотел обратить особое внимание, ибо уверен, что кроме прежних обязательных качеств (напомню — образования, профессионализма, нравственности и способностью к стратегическому прогнозу) в XXI веке добавляются еще **три дополнительных критерия**:

— **созидательность**, креативность способность к творчеству, созданию качественно нового продукта или услуги;

— высокий уровень **общей культуры**, который базируется как на национальных традициях, так и знаниях международных реалий;
— высокая степень духовности, которая не просто дополняет критерий нравственности, но и ставит его на качественно более высокую основу.

Налицо очевидное обострение старой, уже упоминавшейся проблемы: требования к управленцам **резко растут** (в том числе дополняются новые обязательные критерии), а их качество ухудшается.

К сожалению, масштаб этой проблемы в России еще полностью недооценен, хотя очевидный кадровый голод на управленческие ресурсы и на высокопрофессиональные трудовые ресурсы, возникший в 2007 году, уже начал остро сказываться на социально-экономической жизни страны.

Политические изменения, связанные с выборами в Госдуму и Президента России, должны были дать старт изменениям кадровым. Окончательному переходу от социальных групп «революционеров», «хозяйственников» и «управленцев» к «компетентным креативщикам». Появление в феврале 2008 года Стратегии долгосрочного развития, а в марте — проекта концепции социально-экономического развития до 2020 года — отчетливо зафиксировало эту тенденцию.

Значимых кадровых изменений, однако, не произошло. И не только из-за кризиса. Как и финансовая система России, в стране **отсутствует понимание и, как следствие, осознанная государственная кадровая политика**. Что, естественно, углубляет противоречие между общественной потребностью и эффективностью госаппарата. На практике низкая эффективность особенно четко проявилась с началом кризиса в 2008 году.

К середине 2010 года, по мере преодоления кризиса в российской экономике, этот голод «на идеологов» и кадровый, как я ожидаю, должен превратиться уже в **острейший кризис**, который по своей актуальности может стать более важным, чем даже энергетический. Кризис, возможно, не только экономический, но и политический. Жадная и недееспособная элита не раз доказывала не только неумение управлять, но и потеряла моральное право на управление. А это уже признак социального, даже политического кризиса. Массовая коррупция вкупе с неэффективностью делает образ элиты крайне неприглядным. Особенно ясно это становится в кризисные периоды (например, такие, как летние пожары 2010 года), когда одновременно вскрываются вопиющие случаи казнокрадства.

При этом кадровая политика власти вызывает множество вопросов. Прежде всего с точки зрения профессиональной переподготовки кадров, масштабы которой совершенно не соответствуют поставленным задачам. Так, программа подготовки управленческих кадров для организации народного хозяйства действует в России с 1998 года. За 10-летний период реализации программы подготовлено более 55 тысяч специалистов из 75 регионов, более 10 тысяч специалистов приняли участие в зарубежных стажировках, в программе участвует 100 образовательных учреждений. Это составляет ничтожный процент управленцев.

В 2010 году из федерального бюджета на цели реализации программы будет выделено более 150 миллионов рублей. С шестью странами (Франция, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Германия, Япония) заключены соглашения о сотрудничестве в рамках взаимных обменов. Сейчас ведутся переговоры о сотрудничестве с Ирландией, США и Казахстаном[17].

Но кризис с кадрами — это лишь одна сторона проблемы. Другая же заключается в том, что новая экономика и новое общество, а тем более модернизация, потребуют, чтобы управленцы стали выполнять ту функцию, которая прежде принадлежала интеллигенции, т.е. создание интеллектуального продукта и услуг в управлении экономикой и обществом. Таким образом, большинство общества постепенно, но в обозримой перспективе, **должно превратиться в общество интеллектуалов, а, в конечном счете, в общество интеллигентов**. Это неизбежная и очень амбициозная задача, Именно из этой среды будет в будущем формироваться класс управленцев. Наконец, эта социальная группа может стать социально-политической базой реформ и модернизации, ведь сегодня идеи модернизации **не имеют** поддержки среди бюрократии (она не видит там своего интереса), бизнеса (отлученного от НИС) или общества.

Наконец, нужна **идеология модернизации** и те социальные группы, которые смогут **реализовывать эту идеологию**, нужен «драйв», даже «кураж». Безусловно прав Е. Гонтмахер, считающий, что чтобы сделать модернизацию необратимой, очень важно **создать в обществе атмосферу подъема, куража**. Мы должны поверить в свои силы, в то, что можем не только догнать развитые страны в их нынешнем виде, с их сегодняшними непростыми проблемами. Но и через исторически короткий промежуток времени стать страной XXI века. Для такой уверенности у нас есть все основания — экономические, интеллектуальные, технологические и политические. Очень важно, чтобы за эти два года президент сформировал широкий слой людей разных политических взглядов — **и левых, и правых, и центристов, которые могли бы поддержать его в этих очень широких стратегических начинаниях.** Потому что один в поле не воин. Какие бы ни были даже самые прекрасные намерения, но Россия не Сингапур. И невозможно в одиночку сделать такую большую страну лучше, дать ей вектор развития в сторону процветания. Мобилизация общественного ресурса, энергетики поможет найти много новых идей, подходов, которые сделают наше продвижение вперед максимально эффективным»[18].

В этой связи необходимо яснее представить себе, что включает в себя понятие «интеллигент», каковы основные качества этого класса и в чем он

Табл. 2.

(в % от числа опрошенных)

Образованный, грамотный, начитанный, эрудированный	27
«Всесторонне развитый»; «высоко образован, имеет ученую степень»; «грамотный, образованный»; «имеет высшее образование»; «много знает, много читает»; «широко образованный»; «эрудированный».	
Воспитанный, вежливый, скромный, сдержанный, уважает окружающих, ведет себя достойно	26
«Ведет себя достойно во всех отношениях»; «знает чувство такта, умеет вести себя в обществе»; «кто не унижает людей»; «никогда не будет перебивать собеседника в любой полемике»; «правильно воспитанный»; «скромен»; «тактичен, деликатен»; «уважает окружающих и старших»; «ведет себя сдержанно в обществе»; «может держать себя в руках, не вызывая эмоций»; «серьезный»; «умеет контролировать свое поведение в обществе»; «умеет себя сдерживать»; «хорошо воспитанный, может уступить место женщине, пожилым людям в транспорте».	
Культурный, несет культуру в массы	15
«Владеет и бережет и передает из поколения в поколение культурный опыт»; «занимается возрождением культуры в людях»; «культурные люди»; «культуру распространяет хорошую»; «несет культуру в общество»; «обладает культурой бытия».	
Умный	10
«Имеет высокий интеллект»; «с царем в голове»; «у кого развит интеллект»; «умеет думать»; «умен».	
Честный, порядочный, справедливый	9
«Для кого честь и моральные правила превыше всего»; «добропорядочный»; «не кривит душой»; «не поступается своими принципами и поступает по совести»; «против совести не делает ничего плохого»; «порядочный в любой ситуации»; «честен перед собой».	
Общественно активный, приносит пользу обществу, патриот	7
«Заботится о людях, знает их проблемы»; «несет ответственность за судьбу страны»; «общественно полезный человек»; «патриот своей Родины»; «переживает за судьбу страны, а не думает о себе, переживает за народ»; «своей деятельностью оказывает положительное влияние на общество»; «вкладывает весь свой талант в работу на благо»; «умение внимательно относиться к проблемам общества»; «участвует в политической жизни страны, патриот».	
Добрый, отзывчивый, помогает другим людям	5
«Внимательно относится к окружающим людям. Само поведение в обществе доброжелательное»; «внимательный, неравнодушный»; «во всем положительный, готов помочь в любую минуту»; «добро людям делает»; «не пройдет мимо чужого горя»; «сочувствует, сопереживает за других»; «хорошо себя ведет, помогает более слабым».	
Ответственный, добросовестный, хороший специалист	4
«Верен принятому решению»; «добросовестно относится к своей работе»; «кто ответственно подходит к своим обязанностям и отвечает за свои слова и действия»; «может отвечать за свои поступки»; «ответственно относится к данному слову»; «ответственный за свои деяния»; «знающий своё дело»; «профессионал»; «хорошо понимает в делах».	
Занят умственным трудом, творчеством	3
«Занимается непосредственным умственным трудом»; «занимается интеллектуальной деятельностью»; «занимается наукой»; «занимается творчеством, умственным трудом»; «занимаются наукой, культурой»; «работа не физическая»; «занимаются творческой деятельностью».	
Уважаемый человек, пример для других	2
«Вызывает уважение окружающих»; «другим пример подает, как жить надо»; «показывает хороший пример»; «уважаемый в обществе»; «является примером для других».	
Духовный, нравственный	2
«Высокоморальные люди»; «духовно богатый»; «живет духовной жизнью»; «обладают высокими моральными качествами»	

отличается от такой важнейшей социальной группы, как «креативный класс». Если обратиться к подходу социологов (Социологический бюллетень «Доминанты: поле мнений, 2008 г., № 4, с. 7), то набор качеств, приписываемый интеллигенции, см. в табл. 2.

Другими словами, в общественном сознании это, прежде всего, «интеллектуал», «умный», «образованный» человек, который также обладает культурой и воспитанием, честностью и порядочностью, т.е. **знания и образование сочетаются с культурными и нравственными качествами**.

Вместе с тем необходимо отметить, что социальные группы, куда входит интеллигенция и креативный класс, отнюдь не тождественны. Такие качества, как креативность, предприимчивость, способность реализовывать идеи, отнюдь **не отмечаются социологами как качества интеллигенции**. А тем более управленцев. Занятых как на госслужбе, так и в местном самоуправлении. Это означает, что интеллигент **не рассматривается в обществе как созидательная, влиятельная сила общества**. Тем более как качество госслужащего. Что, в общем-то, отражает сегодняшние российские реалии. Не случайно соцопросы показывают, что только 23% граждан считают, что интеллигенция оказывает сильное влияние на положение дел в стране[19].

И это — проблема для России. В отличие от интеллигенции, представители креативного класса могут не обладать всем интеллектуальным и нравственным набором качеств, но заметно выделяться предприимчивостью, энергетикой, целеустремленностью и т.д. Последние 15 лет показывают, что отнюдь не самые умные и образованные, а тем более нравственные наши сограждане преуспели на ниве предпринимательства и карьеры. Скорее наоборот.

Другое дело, что это можно рассматривать как временное явление, характерное для переходного периода. Для будущего страны вероятно сочетание интеллигентности (как общего качества) с предприимчивостью, к которой будет способно 5–10% интеллигентов. **Вопрос в том,** как **сознательно** выстроить этот процесс. Другой вопрос — как сделать так, чтобы совокупность этих качеств относилась к госслужащим.

3. Образование как условие создания эффективной элиты

Мы должны в ближайшие годы обеспечить
значительную трансформацию общества без каких-либо потрясений[20].
И. Шувалов

Должны быть обеспечены как повышениеи качества образования,
так и сопряженность образования и модернизация экономики…[21].
Д. Медведев

Важнейшим условием для появления эффективной элиты является высокий уровень образования и переподготовка кадров. Перспективы ускоренной модернизации зависят не столько от инвестиций в оборудование и технику, а тем более строительство зданий, сколько от **инвестиций в людей**, **способных осуществить модернизацию**. Особенно в области государственного управления. Уже не раз говорилось, что ни иностранные инвесторы, ни российский бизнес финансировать этот процесс в сколько-нибудь значимом масштабе не будут, хотя их участие уже сегодня заметно на примере некоторых университетов. (В наиболее престижных, как, например МГИМО(У), ежегодно готовится несколько десятков человек по заказу госкорпораций и частных компаний, что составляет порядка 5–6% выпускников).

Между тем тенденции в образовании настораживают. Даже несмотря на публичное внимание к образованию правящей элиты. Так, большинство выпускников школ и вузов в 2011 году не хотели бы работать по специальности, а те, кто хотел бы, — не имеют практических навыков. Общая неудовлетворенность выражается в следующих цифрах[22].

Табл. 3. Планируете ли вы повышать свое образование?

Варианты ответа	Частота ответа, в %
Если это будет необходимо для карьеры	51,3
Да, конечно	42,4
Не планирую	9,2
Если и буду, то только за рубежом	2,7

Источник: опрос исследовательского центра «Ромир»

Все это свидетельствует, на мой взгляд, о том, что политика государства в отрасли образования не просто не эффективна, а разрушительна как для самого образования, так и для НЧП.

Масштаб необходимой переподготовки кадров виден из статистики, иллюстрирующей сегодняшнюю потребность в кадрах государственной службы и местного самоуправления[23] (табл. 4).

Остается **только государство**, которое должно воспринять идеи модернизации и инноваций изначально в качестве инвестиций в людей. В 2010 году,

Табл. 4. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления по ветвям власти и уровням управления (на конец года, тыс. человек)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
В государственных органах, органах местного самоуправления и избирательных комиссиях муниципальных образований Российской Федерации — всего	**1163,3**	1140,6	1252,3	1300,5	1318,6	1462,0	1577,2	1623,9	1670,8	**1674,8**
в том числе в органах:										
законодательных	15,5	19,2	20,4	21,7	22,9	24,4	26,1	27,9	31,8	31,8
исполнительных	1027,4	981,4	1070,2	1100,4	1100,7	1234,4	1342,6	1385,4	1420,6	1415,1
судебной власти и прокуратуры	115,2	134,3	153,9	168,5	184,5	192,8	197,1	197,6	203,4	212,6
других	3,1	3,5	5,5	7,4	7,9	8,3	9,3	10,8	12,9	13,1
на региональном уровне — всего	1124,5	1103,4	1214,5	1261,8	1283,0	1420,9	1534,7	1582,8	1626,1	1627,5
в том числе в органах:										
законодательных	11,3	15,4	16,1	17,3	18,8	20,2	21,9	25,0	27,6	27,6
исполнительных	998,9	954,1	1043,0	1072,8	1076,3	1204,2	1311,1	1353,9	1387,4	1379,5
судебной власти и прокуратуры	112,0	131,0	150,5	165,0	180,9	189,1	193,3	194,1	199,3	208,3
других	2,0	2,2	4,1	5,9	6,4	6,8	7,8	9,2	11,3	11,5
В федеральных государственных органах — всего	522,5	504,9	590,3	615,9	628,0	766,8	828,5	838,8	854,7	**878,0**
в том числе в органах:										
законодательной власти	4,4	4,5	4,8	4,7	4,6	4,7	4,7	3,2	4,7	**4,8**
исполнительной власти	402,6	374,8	444,4	459,2	457,4	590,4	646,9	657,1	667,0	**682,9**
судебной власти и прокуратуры	112,2	122,0	137,4	148,1	161,9	168,0	173,2	174,6	179,2	**186,5**
других государственных органах	1,2	1,3	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,6	1,6
на федеральном уровне — всего	38,8	37,2	37,9	38,6	35,6	41,1	42,5	41,1	44,7	**47,3**
в том числе в органах:										
законодательной власти	4,2	3,8	4,3	4,3	4,1	4,2	4,1	3,0	4,2	4,2
исполнительной власти	28,5	27,3	27,1	27,6	24,4	30,2	31,5	31,4	33,3	35,6
судебной власти и прокуратуры	3,2	3,3	3,4	3,5	3,6	3,7	3,8	3,6	4,1	4,3
других государственных органах	1,2	1,3	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,6	1,6
на региональном уровне — всего	483,7	467,6	552,5	577,3	592,4	725,6	786,0	797,7	810,0	**830,7**
в том числе в органах:										
законодательной власти	0,2	0,7	0,5	0,4	0,5	0,5	0,5	0,3	0,6	0,6
исполнительной власти	374,1	347,6	417,3	431,6	432,9	560,2	615,5	625,7	633,7	647,3
судебной власти и прокуратуры	109,0	118,7	134,0	144,6	158,3	164,3	169,4	171,0	175,1	182,2

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
В государственных органах субъектов Российской Федерации — всего	192,9	192,7	206,6	218,6	220,6	230,7	241,5	263,6	291,8	**283,6**
в том числе в органах:										
законодательной власти	8,1	8,4	8,9	9,4	9,8	10,0	10,5	11,3	12,4	12,3
исполнительной власти	179,8	169,9	177,1	182,8	181,9	189,2	200,0	221,1	246,6	236,5
судебной власти	3,0	12,3	16,5	20,4	22,5	24,8	23,8	23,0	24,2	26,1
других государственных органах	2,0	2,2	4,1	5,9	6,4	6,8	7,1	8,1	8,6	8,7
В органах местного самоуправления и избирательных комиссиях муниципальных образований — всего	448,0	443,0	455,4	466,0	470,0	464,5	507,2	521,6	524,3	513,1
в том числе:										
в представительных органах муниципальных образований	3,1	6,3	6,7	7,6	8,5	9,7	10,9	13,4	14,6	14,7
в местных администрациях (исполнительно-распорядительных органах муниципальных образований)	444,9	436,7	448,7	458,4	461,5	454,8	495,6	507,1	507,0	495,7

выделив на пять основных модернизационных проектов 10 млрд рублей, половину (т.е. 5 млрд руб.) зарезервировали для Сколково[24], т.е. и масштаб, и направленность инвестиций (особенно учитывая их незначительный объем) были выбраны неверно.

Между тем ситуация в российском высшем образовании за последние 10 лет практически не менялась. Ориентации на опережающее развитие не произошло, о чем свидетельствуют данные Росстата[25] (табл. 5). Там отчетливо проявились элементы стагнации.

Высшее образование должно стать **не только общедоступным, но и всеобщим,** а процесс переподготовки кадров — постоянным. В этой связи встает принципиальный вопрос о том, что гражданин, занятый в государственном или местном управлении должен:

— во-первых, иметь хорошее образование;
— во-вторых, регулярно проходить переподготовку, периодичность которой не должна превышать 3–5 лет;
— в-третьих, — и это может показаться спорным, иметь навыки научной и исследовательской работы.

Сегодня экономически и социально активное население России в целом обладает высоким уровнем образования. В частности, высшее образование имеет почти 30%. При этом хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства, которые иногда остаются незамеченными[26] (табл. 6).

Во-первых, число лиц с высшим образованием в процентном отношении ко всему активному населению перестало расти после 2007 года и даже несколько сократилось (с 29,3% до 29%). Что категорически не соответствует потребностям страны. Причем власти полагают, что специалистов с высшим образованием уже достаточно. Что, конечно же, неверно.

Во-вторых, «борьба за качество» высшего образования на деле ведет к ограничению его возможностей. И материальных, и финансовых, и административных.

Переподготовка кадров для новой экономики и нового общества предъявляет качественно новые требования к ВУЗам и всей системе подготовки и переподготовки кадров, которая должна стать фактически непрерывной. Глобализация образования, рост его стоимости (для сравнения: в США — 22–24 тыс. долл., а в России 1–2 тыс. долл. на одного студента), информатизация, которая в том числе делает общедоступными любые учебные курсы и практически любых преподавателей, рост численности студентов, который превратит высшее образование практически во всеобщее и другие факторы, делают образование самой динамичной развивающейся отраслью экономики.

Другая сторона проблемы — растущая связь образования и науки, когда доля НИР и НИОКР в структуре доходов ведущих университетов превышает 25%. Более того, сегодня говорить о качественном образовании без научного опыта становится бессмысленно. Знания «чистых» преподавателей, не занимающихся научной деятельностью, стремительно устаревают и уже не соответствуют требованиям.

В России пока что наблюдается другая тенденция: реформы нередко дают обратный результат.

Табл. 5. Выпуск специалистов государственными и муниципальными высшими учебными заведениями* (тысяч человек)

	2004	2005	2006	2007	2008
Выпущено специалистов — всего	930,4	978,4	1055,9	1108,9	1125,3
в том числе по группам специальностей и направлениям подготовки:					
физико-математические науки	23,1	17,1	16,9	17,1	17,4
естественные науки	16,5	16,2	17,0	17,5	17,5
гуманитарные науки	151,7	153,8	169,3	180,0	183,4
социальные науки	11,0	12,0	14,6	16,6	16,9
образование и педагогика	133,8	135,1	131,2	135,9	131,7
здравоохранение	26,8	28,2	31,0	31,3	32,1
культура и искусство	15,2	16,8	17,7	17,5	17,4
экономика и управление	282,2	305,9	338,8	363,8	376,1
информационная безопасность	0,9	1,3	1,9	2,3	2,8
сфера обслуживания	3,8	6,3	8,3	10,0	11,6
сельское и рыбное хозяйство	33,6	35,9	37,8	37,3	37,1
геодезия и землеустройство	3,3	3,7	4,0	4,2	4,6
геология, разведка и разработка полезных ископаемых	11,3	12,1	13,8	14,0	14,3
энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника	24,6	26,5	28,8	30,5	29,5
металлургия, машиностроение и материалообработка	27,9	30,2	30,9	31,0	29,6
авиационная и ракетно-космическая техника	5,2	5,4	5,7	5,8	5,7
оружие и системы вооружения	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6
морская техника	3,5	3,6	4,0	4,4	4,3
транспортные средства	27,0	30,2	31,3	32,3	34,2
приборостроение и оптотехника	7,7	8,2	9,2	9,5	9,0
электронная техника, радиотехника и связь	17,2	17,7	19,0	18,9	19,1
автоматика и управление	12,6	13,3	14,7	14,7	15,8
информатика и вычислительная техника	20,6	20,6	23,8	23,8	24,7
химическая и биотехнологии	11,1	12,1	13,9	14,3	12,9
воспроизводство и переработка лесных ресурсов	5,9	6,0	6,5	6,7	7,0
технология продовольственных продуктов и потребительских товаров	16,4	18,5	20,1	20,9	20,3
архитектура и строительство	28,7	31,7	34,3	36,2	37,3
безопасность жизнедеятельности, природообустройство и защита окружающей среды	8,2	9,4	10,8	11,7	12,4

* В соответствии с Общероссийским классификатором специальностей образования 2003 г.

Как справедливо отмечает ректор Российской экономической школы С. Гуриев: «Все количественные показатели уровня исследований (такие, как публикации в международных журналах, индексы цитируемости и т.д.) за последние 15 лет существенно ухудшились. При этом надо иметь в виду, что показатели качества исследований очень инерционны: в их общем весе доля достижений советской науки все еще очень велика, так что на самом деле ситуация может быть еще хуже. С другой стороны, как

Табл. 6. Распределение численности занятых в экономике по уровню образования
(в процентах к итогу)

	Занятые в экономике — всего	в том числе имеют образование					
		высшее профессиональное*	среднее профессиональное	начальное профессиональное**	среднее (полное) общее	основное общее	не имеют основного общего образования
Всего							
1995	100	19,9	33,2	…	33,2	12,0	1,8
2000	100	26,3	28,6	11,0	23,5	8,7	2,0
2001	100	26,6	31,1	11,7	22,7	7,0	0,9
2002	100	26,3	32,2	11,1	23,2	6,5	0,8
2003	100	25,6	26,8	16,5	22,9	7,4	0,8
2004	100	26,9	26,1	17,6	22,6	6,2	0,5
2005	100	26,6	25,4	18,3	22,7	6,3	0,7
2006	100	27,4	25,6	18,0	22,6	5,9	0,5
2007	100	29,3	25,9	17,6	21,5	5,3	0,4
2008	100	29,5	26,5	19,3	20,1	4,1	0,5
2009	100	29,0	27,5	18,7	20,1	4,5	0,3
Мужчины							
1995	100	18,4	27,9	…	37,1	14,4	2,2
2000	100	24,2	25,2	12,6	25,9	9,9	2,2
2001	100	24,4	27,1	14,4	24,7	8,3	1,1
2002	100	23,6	28,6	13,7	25,5	7,8	0,8
2003	100	23,3	21,6	19,9	25,6	8,7	0,9
2004	100	24,4	20,7	21,9	24,9	7,6	0,6
2005	100	24,1	19,9	22,8	25,0	7,4	0,8
2006	100	25,2	19,8	21,8	25,5	7,2	0,6
2007	100	26,6	20,9	21,6	24,0	6,4	0,5
2008	100	26,7	21,4	24,2	22,3	5,0	0,5
2009	100	25,8	22,5	23,0	23,0	5,4	0,3
Женщины							
1995	100	21,5	39,0	…	28,9	9,3	1,3
2000	100	28,5	32,3	9,3	20,9	7,3	1,7
2001	100	29,0	35,3	8,9	20,5	5,6	0,7
2002	100	29,1	35,8	8,5	20,8	5,2	0,7
2003	100	28,0	32,2	12,9	20,2	6,0	0,8
2004	100	29,6	31,7	13,2	20,3	4,8	0,5
2005	100	29,2	31,1	13,6	20,4	5,1	0,6
2006	100	29,7	31,5	14,2	19,6	4,5	0,5
2007	100	32,1	31,0	13,5	18,9	4,2	0,4
2008	100	32,5	31,9	14,2	17,8	3,2	0,4
2009	100	32,2	32,8	14,1	17,1	3,6	0,2

*До 2009 г. — включая неполное высшее образование, в 2009 г. включая послевузовское образование.

**В 1995 г. лица, имеющие начальное профессиональное образование, учитывались по уровню среднего (полного) общего или основного общего образования.

Табл. 7. Расходы Минобрнауки России как субъекта бюджетного планирования на 2011 год и на период 2012 и 2013 годов по главным распорядителям бюджетных средств[29]
(тыс. рублей)

Наименование ГРБС	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Министерство образования и науки Российской Федерации	**342 066 907,2**	**368 607 764,3**	**338 871 357,8**
Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки	2 040 507,3	2 027 113,9	2 020 815,1
Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам	1 988 141,8	1 999 678,8	1 997 634,2
Российская академия наук	**37 100 755,5**	**35 726 102,4**	**34 487 512,3**
Уральское отделение Российской академии наук	157 255	4 109 295,6	4 109 295,6
Дальневосточное отделение Российской академии наук	5 187 150,5	5 197 530,0	5 320 675,3
Сибирское отделение Российской академии наук	15 627 408,8	15 198 732,7	15 155 557,4
Российская академия сельскохозяйственных наук	6 899 844,4	7 028 420,2	7 028 420,2
Российская академия живописи, ваяния и зодчества	163 464,6	166 028,7	166 028,7
Российская академия художеств	987 907,3	1 098 460,4	1 304 700,4
Российская академия образования	826 542,8	841 735,6	841 735,6
Российская академия архитектуры и строительных наук	209 188,3	212 335,5	212 335,5
ФГУ Российский научный центр «Курчатовский институт»	5 255 305,4	5 943 335,7	1 992 008,6
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	**10 619 692,6**	**10 736 299,9**	**9 913 158,9**
Санкт-Петербургский государственный университет	**5 392 317,7**	**8 002 109,1**	**8 007 816,3**
Российский гуманитарный научный фонд	**1 000 422,4**	**711 935,7**	**711 935,7**
Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере	4 001 242,2	1 401 207,2	1 401 207,2
Российский фонд фундаментальных исследований	6 000 529,7	4 304 040,8	4 304 040,8
Всего	**449 524 583,6**	**473 312 126,5**	**437 846 235,6**

Табл. 8. Отношение ключевых технологических показателей России и США

Сравниваемые показатель	Годы		Период отставания, годы
	2002	2004	
Производительность труда, %	22,17	23,97	84,2
Энергоотдача, %	38,73	40,60	63,5
Экологичность производства, %	40,94	43,29	48,4

указывают сами академики, в расчете на доллар потраченных средств российская наука, наверное, самая эффективная в мире. Годовой бюджет РАН примерно равен годовому бюджету хорошего, но небольшого американского университета (с 1000 преподавателей и 6000 студентов). При этом в РАН работает примерно 100 000 человек (из которых около половины научные работники), поэтому вообще удивительно, как РАН удается производить хоть какие-нибудь конкурентоспособные исследования»[27].

Наконец, особое значение приобретают такие аспекты образования и профессиональной подготовки, которые прежде лишь косвенно, частично относились к подготовке кадров, а именно: духовно-нравственное воспитание всего общества, усиление этой гуманитарной составляющей во всех областях знаний и образования. Как справедливо заметил в январе 2008 года митрополит Климент, «церковь, „беспокоит содержание и качество духовно-нравственной составляющей“ таких дисциплин, как история,

Рис. 2.

литература и русский язык. „Считаю, что наши специалисты в этой области должны привлекаться более активно", — призвал иерарх»[28].

Это вытекает из объективных закономерностей нового этапа развития человеческого общества, который на глазах трансформируется из информационно-технологического этапа. На этом отрезке развития уже не только технологии, но и нравственно-духовные и культурные факторы будут в решающей степени определять темпы развития общества и, как следствие, экономики.

Отставая в 1990-е годы на технологическом этапе, Россия не имеет права не учитывать эти новые факторы, которые в 2010–2020 годы будут определять темпы развития общества, экономики и качество человеческого потенциала.

Главное, — что масштаб финансирования (а, значит, и приоритеты) российской науки и образования все еще абсолютно **несопоставимы** с требованием времени.

Это видно из официальных данных, представленных в марте 2011 года Минобрнауки (табл. 7).

И как бы ни совершенствовалось управление наукой, какие бы инновации ни предлагались, от этого вывода уйти нельзя. В период, когда будущее наций определяется их вниманием к фундаментальной науке и НИОКР, требуется принципиально изменить ситуацию с материальным обеспечением научных исследований. Принципиально это значит в десятки раз увеличить нынешние объемы финансирования. Причем, речь идет не только о фундаментальной науке, а о сознательной политике государства по созданию «креативного класса».

Но материальная составляющая не является единственным инструментом для решения проблемы подготовки кадров. Огромное значение имеет консолидация нации, сознательное патриотическое воспитание граждан. «Большой скачок» — это национальная мобилизация, которая невозможна без сознательного воспитания чувства патриотизма, которое является огромным и еще малоиспользуемым резервом нации. Так, по оценке социологов, почти 80% граждан страны считают себя патриотами[30] (рис. 2).

Тем более, что масштабы задач развития требуют, чтобы решение их непосредственными исполнителями — гражданами страны — происходило не только на высокопрофессиональном и нравственном уровне, но и с помощью общенациональной мобилизации

Рис. 3.

воли большинства граждан. Напомню в этой связи, что производительность труда в России в 2008 году была в 4,2 раза ниже, чем в США, энергоемкость — в 2,4 раза выше, а экологичность в 2,3 раза ниже. При том, что разрыв в 2 раза считается критическим[31] (табл. 8).

Совершить «рывок», компенсирующий десятилетие отставания, без мобилизации, патриотизма невозможно.

Особенно важное значение имеет внедрение ЕГЭ в систему высшего образования. На мой взгляд, вполне обоснована критика этой практики, которая ведет, в конечном счете, **к потере национального творческого потенциала**. Настораживает и игнорирование Минобрнаукой мнения общественности. Как следует из опросов ВЦИОМ, существует обоснованная озабоченность у значительной части граждан[32] (рис. 3, 4).

Рис. 4.

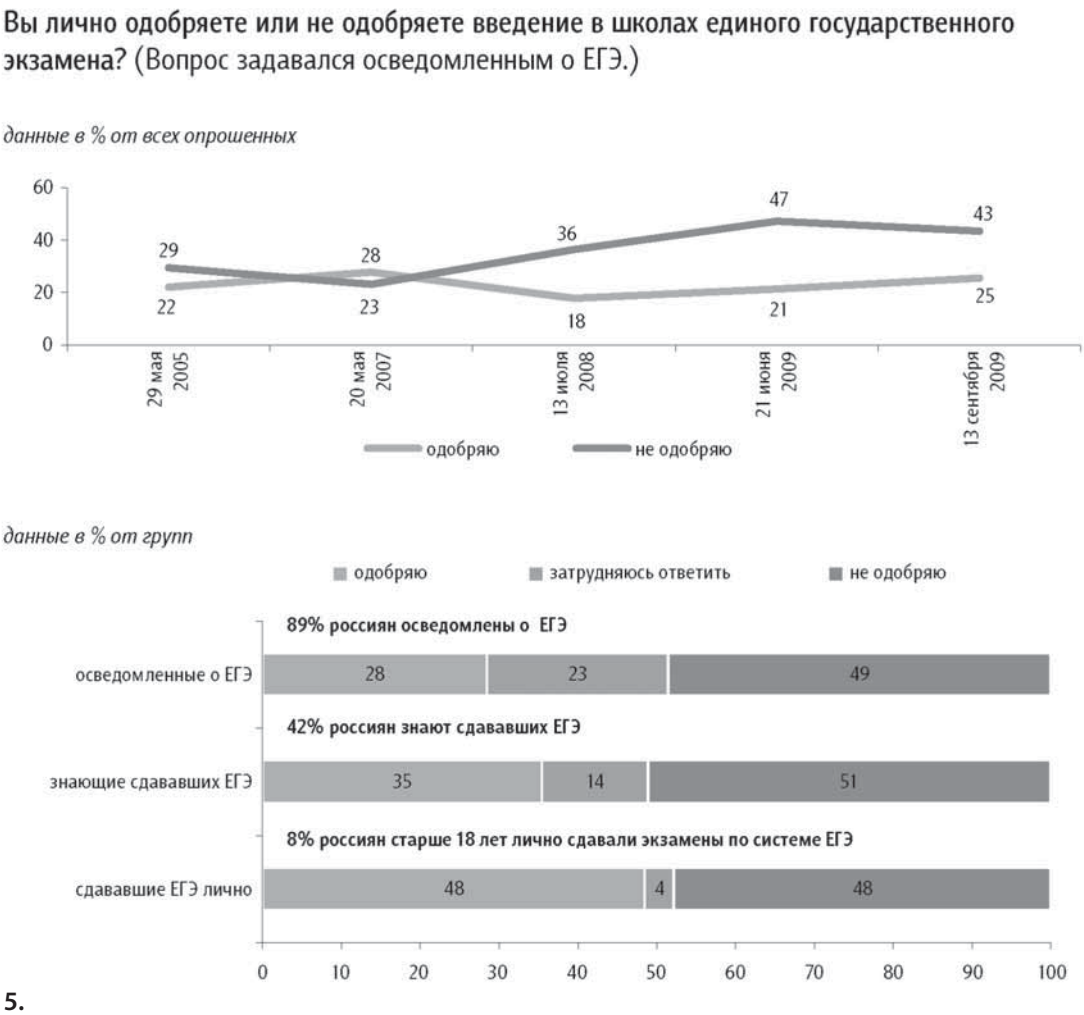


Рис. 5.

Как Вам кажется, что позволяет объективнее оценить уровень знаний выпускников школ, собирающихся поступать в вузы: ЕГЭ или прежняя система вступительных экзаменов в вузах?

данные в % от групп

Рис. 6.

---

1 *Мамардашвили М.* Интеллигенция в современном обществе / http://www.philosophy.ru/library/mmk/intelligencia.html

2 В 1990-е годы я неоднократно писал об исключительно важной роли государства. См., например: *Подберезкин А.* Современная русская идея и государства / отв. ред. и рук. авт. кол-ва. М.: РАУ-корпорация 1994. Современная Россия: реальный шанс. М.: РАУ-корпорация 1995, 1995.

3 *Кувшинова О.* Цена застоя // Ведомости. 2011. 7 апреля. С. 3.

4 *Кудрин А.* Эффективности системы госуправления в РФ мешает коррупция и бюрократия // РБК, 3 марта 2011 г. http://www.rbc.ru/rbcfreenews

5 Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 39.

6 А. Фурсенко подвел итоги ушедшего года озвучил планы на будущее. Об итогах деятельности Миннауки России за 2010 год и задачах на 2011 год. 2011. 19 марта. mgimo.ru

7 Этой теме я посвятил немало работ. В особенности в период конца 1980-х — 1990-е годы, года процесса развала государства шел особенно активно. В это время я предложил даже концепцию государственно-патриотической, общенациональной идеологии, которые сыграли определенную роль в деятельности оппозиции. Наиболее полно она отражена в статьях и хронике в работе, «Россия–2000. Современная политическая история (1985–1999 гг.) Т. I, Т. II, выпущенной мною и моими коллегами под эгидой движения «Духовное наследие». М.: ВОПД «Духовное наследие». 2000.

8 *Злобин Н.* Золотой закон выборов // Российская газета. 2011. 18 мая. С. 3.

9 *Никонов В.* Государство и модернизация // Известия. 2011. 7 апреля. С. 6.

10 Там же.

11 *Самарина А.* Либеральная элита тестирует страну // Независимая газета. 2011. 2 марта. С. 1.

12 *Акунин Б.* Алмазная колесница. М.: 2000.

13 *Рубцов А.* Кто шляпку спер, тот и тетку пришил // Независимая газета. 2011. 18 мая. С. 5.

14 *Юргенс И.* Я за Медведева, потому что вижу в нем ряд качеств // Независимая газета. НГ-сценарии. 2011. 5 апреля. С. 1.

15 *Васильев В.* Простые постулаты будущего // Политический журнал. 2008. 21 февраля. С. 36.

16 *Солженицын А.* Наш дух сильнее гнетущего бытия // Аргументы и факты. 2001. 24 января.

17 *Кукол Е.* Курсы повышения инноваций // Российская газета. 2010. 7 мая. С. 6.

18 *Е.Гонтмахер.* Кураж для модернизации. Российская газета, 7 мая 2010 г. С. 6.

19 Социологический бюллетень «Доминанты», 2008 г., № 4. С. 5.

20 *Арабов П.* Идеи для будущего правительства // Известия. 2011. 17 марта. С. 3.

21 *Медведев Д.* Бюджетное послание Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2011–2013 гг. 2010. Июнь.

22 Цит. по: *Башкатова А.* Диплом уже не гарантия карьерного роста // Независимая газета. 2011. 17 мая. С. 4.

23 Наука в России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 46.

24 *Белевская Э.* Послание президента министру Кудрину // Независимая газета. 2010. 29 апреля. С. 1.

25 Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: Стат. сб. / Росстат. М.: 2009. С. 378.

26 Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 141.

27 *Гуриев С.* Ремонт в храме науки // Ведомости. 2007. 14 февраля. С. А4.

28 *Минин С.* Православные настоятельно просят… // Независимая газета. 2008 г. 29 января. С. 4.

29 Об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации за 2010 года и задачах на 2011 г. 2011. 20 марта. С. 7. http://mon.gov.ru/press/news/8343/

30 Коммерсант Власть. 2008. 28 января. С. 10.

21 *Балацкий Е., Гусев А.* Железная логика-1 // Независимая газета. 2008. 23 января. С. 22.

32 Фонд «Общественное мнение». Доминанты. 2009. 17 сентября. № 37.

Глава 11

Условие № 7: Сознательные изменения социальной структуры общества

Мы постепенно встанем на ноги. И решающее здесь — дух[1].
А. Солженицын

…Любая идея признается в миссионерах,
в тех, кто будет эту идею продвигать.
А. Фурсенко

Опережающее развитие нации предполагает прежде всего опережающее развитие общества и, естественно, экономики. Это означает, что простой количественный рост экономики, измеряемый ростом ВВП государства, в XXI веке мало что дает. Нужен качественный рост, который в экономике во многом предопределяется уже изменениями в самой социальной структуре общества. Таким образом, общество, его развитие, как и развитие его институтов, становится **определяющим фактором экономического развития**. Сказанное означает, что на повестке дня встал вопрос о формировании эффективной социальной модели общества и государства. Этот общий вывод справедлив не только для России, но и для Европы, которая сформулировала перед Евросоюзом задачу создания Европейской социальной модели. Этого же требует и реализация идеи построения единого инновационного пространства в Европе, которое, в свою очередь, «…предполагает новое оптимальное соотношение экономического, научно-технического и социальных потенциалов современного общества. Все его составляющие должны работать как единый механизм. Главными в этой связи становятся вопросы, какие силы будут реализовывать внедрение инноваций в экономику и общественную жизнь…»[2].

Действительно, неудача реализации «Стратегия–2020» к 2011 году показала не только абсолютную, я бы сказал патологическую, невосприимчивость российской экономики к инновациям, но и такую же невосприимчивость общества, бизнеса и госуправления. Поэтому, как ни странно, сегодня, разрабатывая новый вариант «Стратегия–2020», мы должны прежде всего думать не о самых инновациях и технологиях, а как создать общество, которое было бы в них заинтересовано, экономику, которая их бы востребовала.

И здесь нужна активная политика государства и всей нации по сознательному формированию институтов социального потенциала и изменению самой социальной структуры нашего общества. Ответ на этот вопрос лежит в области создаваемой Стратегии социально-экономического развития, точнее, — той ее части, которая должна быть посвящена развитию НЧП и его институтов. В Евросоюзе это понимают. В частности, в заключительном

документе Лиссабонского саммита прямо говорится: «Граждане — главный ресурс Европы … инвестировать в людские ресурсы и развивать активное и динамичное социальное государство будет главной целью экономики, основанной на знаниях»[3].

Прежняя экономическая и социальная модели России не только не эффективно, но и не жизнеспособны. Их продолжение означает уже не просто отставание России, как это было в 1990-е — 2000-е годы, но и ее развал, самоуничтожение. Кризис 2008–2010 годов, очевидно, подтвердил этот вывод. Быстрый рост ВВП в России в 200–2008 годах не привел ни к значимым изменениям в социальной структуре общества, ни структурным изменениям в экономике. Именно поэтому Россия оказалась наиболее уязвимым звеном — несмотря на все накопленные резервы и «подушки безопасности». Внешняя зависимость — как следствие отсталой экономической и общественной структуры — особенно четко проявилась в зависимости от цен на сырье и энергоносители, стагнации сектора наукоемких технологий, зависимости от импорта практически всех видов готовой продукции и услуг. Зависимости, которая угрожает уже национальному суверенитету.

Структура современного общества определяется сегодня многими параметрами. Она не сводится, как справедливо отмечает Е. Гонтмахер, только к «желудочному определению»[4], величине душевого дохода (который, кстати, требует своего обоснования), либо другим макроэкономическим показателям. Одна из характеристик современного общества — величина среднего класса в стране в процентном отношении, которая в развитых странах составляет порядка 75% всего населения. При том понимании, что, характеризуя средний класс, мы имеем в виду не только стабильный и высокий уровень душевого дохода (а также наличие двух и более автомашин, благоустроенной квартиры и т.д.), но и уровень образования, профессиональную деятельность, образ жизни, самоидентификацию и многое другое.

Средний класс, особенно в период своего быстрого развития, может вести как к стабильности (если находит себе применение), так и являться основной дестабилизирующей силой, способной привести к революциям. Поэтому, развивая экономику, правящая элита должна **сознательно** обеспечивать условия для развития и реализации амбиций среднего класса, т.е. нужна внятная политика и стратегия его развития. Хотя бы в целях предосторожности.

С точки зрения экономического развития роль среднего класса огромна. Именно на его основе в развитых странах формируется креативный класс, который сознает основную часть национального богатства, обеспечивает промышленный рост и инновационное развитие.

Социальный потенциал нации концентрируется именно в социальных слоях и группах, которые формируют средний класс и его креативные слои. Соответственно долгосрочная стратегия социально-экономического развития страны зависит прежде всего от того, насколько в ее реализацию будет вовлечен средний класс и особенно его креативные группы. Именно эти группы заинтересованы в инновациях и создании экономики знаний.

Проблема заключается в том, что в современной России не существует сознательной политики по формированию среднего класса, хотя эта цель декларируется, в том числе и в показателях «Стратегия–2020». Креативные слои создаются иногда вопреки воле правящего класса, стихийно. Как справедливо заметил А. Панкин, «Мне вообще иногда кажется, что у нас формируется какая-то новая порода людей … молодые специалисты предпочитают всё делать дистанционно: и работать, и учиться, и общаться»[5].

1. Средний класс[6]. Его роль в реализации «Большого скачка» России[7]

Революции затевают не бедняки, а представители растущего среднего класса, раздраженные преградами на своем пути вверх по социальной лестнице[8].
Ф. Фукуяма

Мировая практика свидетельствует, что невозможно сначала обеспечить экономический рост, оставляя на «потом» решение социальных проблем[9].
В. Якунин, В. Роик, С. Сулакшин

«Большой скачок» невозможен, если значительная часть общества не будет состоять из представителей среднего класса. Экономическое и социальное развитие на основе НЧП требует, чтобы в нем участвовала значительная часть, если ни большинство, нации. Сегодня, по разным оценкам, к среднему классу относится порядка 20% всей нации. Это означает, что он принадлежит к меньшинству населения. Такую же роль он играет и в экономике, и в политической жизни государства.

Поэтому важной частью стратегии долгосрочного развития должно быть **сознательное ускоренное**

формирование среднего класса, стимулируя такие его параметры, как душевые доходы, образование и самоидентификацию.

Государство — явно или скрыто — может не просто участвовать в формировании структуры современного общества, но и играть в этом процессе решающую роль. Так бывало прежде не раз в российской истории: реформы Петра I привели к появлению «служилого дворянства» и чиновничества, Александра II — к свободным земледельцам, земским служащим, Сталина — советской интеллигенции.

Очевидно, что и сегодня государство так или иначе влияет на формирование социальной структуры общества. В частности, делая привлекательной государственную службу, которая стала за 2000–2010 годы самой популярной профессией. По данным Росстата, например, в 2010 году зарплата госслужащего выросла в средне до 60,7 тыс. рублей, что на 4,3% больше, чем в 2009 году, а в некоторых министерствах даже на 55,5% и превышает 100 тыс. рублей[10].

Сознательную роль государства, элиты и всего общества в модернизации его социальной структуры нельзя недооценивать. Это важнейший фактор развития, без которого модернизация, если и состоится, то будет идти вяло, внесистемно и, наверняка, не приведет к желаемому результату. Как справедливо заметил А. Торкунов по этому поводу, «…общество, … не имеет в своем распоряжении такого времени. Необходимо не только **форсированно** (подч. мной — *А. П.*) утвердить новые нормы, институты и процедуры в политической и экономической жизни,… но и преодолеть сопротивление слоев и групп, которые в результате модернизации теряют свой общественный статус…»[11].

Кроме того, необходимо создавать общественные и политические институты среднего класса, а также сознательно культивировать условия для творческого развития. Эти направления, на мой взгляд, обязательны при реализации «Большого скачка» и формировании национальной стратегии развития.

Отдельно важно подчеркнуть необходимость сознательного формирования нравственных норм, развития культурно-духовного потенциала через создаваемый социальный потенциал среднего класса.

В последнее время особенное внимание было привлечено к положению в России среднего класса. В особенности в связи с последствиями кризиса для этой социальной группы наших граждан. Не случайно в ноябре В. Сурков, выступая на Форуме «Стратегия–2020», даже заявил о том, что «основная задача в условиях кризиса — сохранение среднего класса».

Не больше и не меньше. Подчеркну — не достижение макроэкономической стабильности, сокращение инфляции или даже сохранение темпов роста ВВП и другие финансово-экономические показатели, а именно сохранение среднего класса как самая приоритетная **социальная** задача.

Между тем социальная структура российского общества, хотя и соответствует структуре занятости в основных чертах развитых стран, но далеко не идеальна. Что видно из следующих сопоставлений[12] (табл. 1).

И в этом замечании В. Суркова есть принципиальная значимость, на которую в условиях кризиса, — следует признать — не обращают достаточно внимания.

Действительно, если говорить о самом главном, о приоритетах, то нельзя не обратить внимание на мысль, высказанную самыми разными людьми — от Н. Бехтеревой и Е. Гонтмахера до нынешних руководителей ведущих стран Запада, — о том, что «величина среднего класса — основной индикатор успешности продвижения к процветающему обществу и экономике».

Если с этим согласиться, то неизбежно следует сделать следующий логический вывод, имеющий огромное практическое значение для поведения в условиях кризиса, а именно: для нас принципиально важно знать и уметь сознательно влиять, в том числе (и прежде всего) **через государство** на формирование современной социальной структуры общества, стремясь максимально ускорить процесс ее модернизации. Прежде всего через развитие средних социальных слоев. Без этого, повторю, невозможно не только преодолеть кризис, но и выйти затем на ускоренное развитие экономики. Доминирование в обществе среднего класса, на мой взгляд, это:

— формирование устойчивого внутреннего спроса как главного фактора экономического развития;
— наличие профессиональных кадров, необходимых для экономики знаний;
— резервуар для развития общественных институтов, современной и эффективной системы государственного и общественного управления.
— сохранение внутриполитической стабильности и гарантия от прихода к власти маргинальных групп;
— развитие процесса самоидентификации нации — формирование устойчивой системы национальных ценностей;
— наконец, укрепление суверенитета государства и адекватное восприятие и защита его национальных интересов и ценностей.

В то же время надо понимать, что именно растущий средний класс, который не находит себе места в политической и экономической жизни страны, становится **наиболее дестабилизирующей силой**, способной привести нацию к революции. Как справедливо заметил Ф. Фукуяма, «несколько миллионов безработных вчерашних студентов куда опаснее для занятого модернизацией режима, чем сотни миллионов нищих крестьян»[13]. Это справедливо не только в отношении Китая, но и, как показывают события 2011 года в арабских странах, других развивающихся государств.

Табл. 1. Структура численности занятых в экономике России и некоторых зарубежных стран по видам экономической деятельности (в процентах к итогу)

	Страны дальнего зарубежья									Страны СНГ					
	Россия[1] 2009	Германия 2008	Польша 2007	Соединенное Королевство (Великобритания) 2008	США 2008	Финляндия 2008	Франция 2008	Швеция 2008	Эстония 2008	Азербайджан 2009	Армения 2008	Казахстан 2009	Киргизия 2009	Республика Молдова 2009	Украина 2009
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе по видам экономической деятельности:															
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	**8,3**	**2,2**	14,7	1,4	**1,5**[2]	**4,4**	3,0	2,2	3,7	38,4	44,1	29,2	32,4	28,1	15,6[2]
рыболовство, рыбоводство	0,2	0,0	0,1	0,1	…	0,1	0,1	0,0	0,2	0,1	0,1	0,2	0,0	0,1	…
добыча полезных ископаемых	2,0	0,3	1,6	0,4	0,6	0,2	0,1	0,2	0,9	1,0	0,7	2,5	0,7	0,4	17,6[3]
обрабатывающие производства	**15,2**	22,0	20,7	12,0	**10,9**	**17,1**	15,0	14,3	21,1	4,9	8,5	7,2	7,8	10,8	…
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,2	0,9	1,4	0,7	0,8	0,7	0,8	0,5	1,4	1,0	2,2	2,2	1,7	1,8	…
строительство	7,1	6,5	6,9	8,1	7,5	7,2	7,2	6,7	12,2	5,5	5,4	7,0	11,0	6,2	4,8
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств,мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	**15,2**	**13,7**	14,9	14,6	**14,2**	**12,3**	13,2	12,3	14,2	16,3	10,1	14,8	14,3	16,0	23,4[4]
гостиницы и рестораны	2,1	3,8	1,9	4,4	6,7	3,5	3,4	3,2	3,7	0,6	1,1	1,3	3,7	2,4	…
транспорт и связь	**9,4**	**5,5**	6,4	6,7	**4,5**	**6,8**	6,3	6,0	8,5	5,2	4,6	7,4	6,5	5,7	6,9
финансовая деятельность	**1,8**	**3,4**	2,4	4,3	**5,0**	**2,0**	3,1	2,0	1,6	0,5	0,9	1,2	0,7	1,3	1,7
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6,5	10,8	6,3	12,2	12,7	12,4	10,7	15,2	7,9	3,4	2,4	5,0	2,5	3,4	5,7
из них научные исследования и разработки	**0,8**	…	…	…	…	…	…	…	…	…	…	…	…	0,3	…
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	8,0	7,3	6,1	7,1	4,7	5,4	10,2	5,7[5]	5,8	6,8	3,6	4,7	4,7	4,9	5,3
образование	**9,4**	**5,9**	7,4	9,1	**9,1**	**6,4**	6,9	10,6	9,1	8,5	9,0	9,7	7,4	10,5	8,4
здравоохранение и предоставление социальных услуг	**7,9**	**11,7**	5,7	12,4	**12,5**	**15,0**	12,4	15,7	4,8	4,5	4,0	4,5	3,6	5,6	6,7
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,8[5]	5,5	3,4	5,7	9,3[6]	5,6	4,5	5,4[7]	4,9	3,3	3,3	3,1[7]	3,0[7]	2,8[7]	3,9

[1] По данным выборочных обследований населения по проблемам занятости; в среднем за год.

[2] Включая рыболовство, рыбоводство.

[3] Включая обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

[4] Включая гостиницы и рестораны.

[5] Включая экстерриториальные организации и органы.

[6] Включая прочие виды экономической деятельности и занятых, не распределенных по видам экономической деятельности.

[7] Включая частные домашние хозяйства с наемным персоналом по обслуживанию.

Табл. 2. Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов* (в процентах)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Все население	100	100	100	100	100	100	100
в том числе со среднедушевыми денежными доходами, руб. в месяц:							
до 4000,0	51,1	40,4	28,9	20,5	14,3	9,9	7,4
4000,1–6000,0	20,5	21,1	20,3	17,7	14,8	12,2	10,3
6000,1–8000,0	11,5	13,4	14,9	14,7	13,6	12,3	11,1
8000,1–10 000,0	6,5	8,4	10,3	11,2	11,3	10,9	10,4
10 000,1–15 000,0**	10,4	10,0	13,9	17,1	19,1	20,2	20,4
15 000,1–20 000,0***	…	6,7	11,7	8,4	10,6	12,3	13,3
20 000,1–30 000,0****	…	…	…	10,4	9,6	12,2	14,1
свыше 30 000,0	…	…	…	…	6,7	10,0	13,0

* Оценка на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения.

** 2003 г. — свыше 10 000,0 руб.

*** 2004, 2005 гг. — свыше 15 000,0 руб.

**** 2006 г. — свыше 20 000,0 руб.

Табл. 3. Распределение общего объема денежных доходов населения*

	1970	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Денежные доходы** — всего, процентов	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе по 20-процентным группам населения:														
первая (с наименьшими доходами)	7,8	10,1	9,8	6,1	5,9	5,7	5,7	5,5	5,4	5,4	5,3	5,1	5,1	5,1
вторая	14,8	14,8	14,9	10,8	10,4	10,4	10,4	10,3	10,1	10,1	9,9	9,7	9,8	9,8
третья	18,0	18,6	18,8	15,2	15,1	15,4	15,4	15,3	15,1	15,1	14,9	14,8	14,8	14,8
четвертая	22,6	23,1	23,8	21,6	21,9	22,8	22,7	22,7	22,7	22,7	22,6	22,5	22,5	22,5
пятая (с наибольшими доходами)	36,8	33,4	32,7	46,3	46,7	45,7	45,8	46,2	46,7	46,7	47,3	47,9	47,8	47,8
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), в разах	…	…	…	13,5	13,9	13,9	14,0	14,5	15,2	15,2	16,0	16,8	16,8	16,7
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	…	…	…	0,387	0,395	0,397	0,397	0,403	0,409	0,409	0,416	0,423	0,422	0,422

* Оценка на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения.

** 1970–1990 гг. — совокупный доход (с учетом стоимости чистой продукции личных подсобных хозяйств населения).

Более того, именно средний класс и студенчество стали инициаторами событий 1968 года во Франции, в период кризиса 2008–2010 годов в Великобритании, Греции, Германии.

Особенно важным фактором, который может стать основой такого выступления, является распределение национальных доходов, которое в России даже по официальным данным является недопустимым[14] (табл. 2–4).

К сожалению, в нынешней России превалирует очевидная недооценка значения среднего класса. Так, современной властью, например, социальная

Табл. 4. Величина прожиточного минимума в 1992–1999 гг.*
(в среднем на душу населения; рублей в месяц; до 1998 г. — тыс. руб.)

Годы	Все население	из него по социально-демографическим группам населения			Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, процентов
		трудоспособное население	пенсионеры	дети	
1992	1,9	2,1	1,3	1,8	212,0
1993	20,6	23,1	14,4	20,7	219,5
1994	86,6	97,4	61,0	87,4	238,7
1995	264,1	297,2	186,2	268,6	195,3
1996	369,4	415,6	260,5	373,2	208,3
1997	411,2	462,4	289,9	415,1	228,7
1998	493,3	554,7	347,9	498,2	204,8
1999	907,8	1002,8	639,9	901,7	182,7

* Расчет на основе методических рекомендаций Минтруда России от 10 ноября 1992 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 марта 1992 г. № 210 «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации».

Табл. 5. 2020 г. в сравнении с 2007 г.

	Сценарии		
	Инерционный	Энергосырьевой	Инновационный
ВВП	в 1,8 раза	в 2 раза	в 2,3 раза
ВВП, средний темп роста, %	4	5–6	6,5
Цена нефти $/барр.	116	—	—
Инвестиции	в 2,4 раза	в 3,6 раза	В 4 раза
Потребительские цены	—	—	в 1,9 раза
Производительность труда	в 1,9 раза	в 2,2 раза	в 2,5 раза
Реальные доходы населения	в 1,9 раза	в2,3 раза	в 2,6 раза
Бедность*, %	7,9	6,7	6,2
Средний класс*, в %	28	47	более 50
Рост промышленности **, %	29,7	33,3	33,3
Добыча ТЭК**, %	14,3	14,8	14,8

* уровень 2020 г.;
** за 2005–2929 гг.

структура общества неоправданно определяется, прежде всего, экономическими параметрами и социально-экономическими критериями, вытекающими прежде всего из объема и экономики. Хорошо иллюстрируют этот вывод оценки правительства, представленные МЭРом в августе 2008 года[15].

Из приведенных характеристик видно, что к основным параметрам развития государства правительство относит макроэкономические характеристики. Лишь показатели бедности и доля среднего класса можно условно отнести к социальным критериям, но и они определяются только уровнем доходов.

Как видно из приведенных данных (табл. 5), правительство еще не закладывает в основные показатели развития страны критерии развития современного общества. Два критерия — душевой ВВП и доля среднего класса, конечно же, имеют значение, но, во-первых, необходимо раскрыть эти критерии (например, душевой ВВП по сравнению с развитыми странами, а также критерий, по которому определяется доля среднего класса), а, во-вторых, добавить

качественные характеристики. Такие, например, как доля лиц с высшим образованием, доля лиц, занятых в наукоемких отраслях, степень развития институтов гражданского общества и многое другое.

Но этих критериев нет, а значит нет и четких целей развития, ясных приоритетов. Что, естественно, сказывается на реальной политике. В том числе и в условиях кризиса. Так, например, комплекс мер, принятых правительством для борьбы с кризисом, стоимостью в несколько триллионов рублей, лишь отчасти, в незначительной степени можно отнести к мерам социальным. Во всяком случае, этот комплекс антикризисных мер не может носить названия социального. Что вполне отражает господствующие настроения. Между тем именно социальный аспект (а не финансовый или макроэкономический) ставится во главу угла антикризисных мер развитых стран. И прежде всего по отношению к средним слоям населения: понижается учетная ставка, стимулируется рост платежного спроса, поддерживается ипотека и т.д. В отличие от этих мер действия российского правительства носят не системный, а «точечный» характер, что, естественно, выражается в масштабах этих мер, которые несопоставимы, например, с масштабом оказания помощи банкам или корпорациям.

Происходит это, на мой взгляд, от очевидной недооценки роли социального фактора вообще и роли среднего класса, в частности. В том числе и той роли, которую играет средний класс в **экономическом развитии** страны. Как справедливо отмечает Е. Гонтмахер, «…величина среднего класса — это **индикатор успешности нашего движения** (подч. мной — *А. П.*) к данной цели, к превращению России в комфортную, процветающую, современную страну, которая входит в число самых передовых в мире»[16]. Эта формулировка Е. Гонтмахера совпадает с идеей Д. Медведева, выдвинутой в послании ФС в ноябре 2008 года[17]. И не случайно. Она отражает объективные процессы, идущие не только в обществе, но и в экономике стран в эпоху глобализации.

И мировой кризис, и кризис в России отнюдь не отменяют эту закономерность, но лишь усиливают ее. Действительно, если бы во главе угла антикризисных мер стоял средний класс, то такие меры имели бы иной характер. Так, на мой взгляд, вместо неэффективных посредников между бюджетом и реальным сектором экономики (прежде всего банков) следовало бы использовать прямое финансирование этого сектора за счет отмены налогов не только на прибыль, но и НДС.

Я бы добавил, что динамика роста среднего класса — это интегральный социальный индикатор правильности движения. Гораздо более важный, чем рост ВВП страны и даже душевого ВВП. Еще до кризиса 2008 года, однако, этот показатель уже свидетельствовал о неблагоприятных тенденциях. Хорошо, конечно, что власть сформулировала задачу роста среднего класса до 60–70% к 2020 году, но реальность такова: до кризиса величина среднего класса не превышала 20%. Причем в 2007–2008 годах этот рост прекратился, а соотношение 10% богатых к бедным слоями населения даже увеличилось. Подчеркну, что этот симптом появился уже в начале 2008 года, до осеннего кризиса, что подтверждает еще раз важность этого критерия.

«Объективные» макроэкономические и экономические предпосылки изменений социальной структуры, о которых твердят финансовые власти, конечно же, имеют значение. Но еще большее значение имеет **сознательная государственная политика по изменению социальной структуры общества, т.е. вполне субъективный фактор**, который хотя и признается на высшем политическом уровне (в 2007–2008 годах это не раз озвучивали В. Путин и Д. Медведев), но не находит своего отражения в реальных планах, прогнозах и действиях правительства. Причем в этих планах превалирует, очевидно, упрощенный подход к оценке доли среднего класса, а именно: берется некая величина, которая условно соответствует некоему уровню дохода среднего класса, и экстраполируется на будущее. При этом почему-то не аргументируется не только уровень такого дохода, но и не происходит сопоставления с аналогичными показателями в развитых странах.

Соотносить долю среднего класса с уровнем доходов — явное упрощение. Причем сознательное, а не от незнания. Не секрет, что существует несколько неэкономических критериев, влияющих на социальную структуру общества. Среди них важнейшие — образование и самоидентификация. Как справедливо признает ректор МГИМО(У)академик А. Торкунов, «Важнейшую роль в триаде параметров принадлежности к среднему классу играют… — высокий уровень образования и самоидентификация. Один из них связан с системой высшего образования прямо, второй — опосредованно. Именно в рамках университетской среды, после средней школы, в начале социальной стратификации начинается сознательный процесс самоидентификации, при этом свободной от исходных материальных благ. Студент или выпускник вуза причисляет себя к некоей общности, как бы она ни называлась — «интеллигенция», «белые воротнички», средний класс, ИТР, — вне зависимости от того, проводит он лето в стройотряде или на средиземноморском курорте. Принципиальный старт самоидентификации дается с получением студенческого билета. При этом университет представляет собой важнейший институт социального смешивания и социальной мобильности»[18].

Другой важный критерий среднего класса — экономическая и социальная **стабильность**. Представитель среднего класса, затратив на свое обучение и профессиональную подготовку много лет жизни, вправе рассчитывать на то, что он сможет удержаться на этой социальной лестнице как в последующей производственной деятельности, так и после выхода на пенсию.

Табл. 6. Численность экономически активного населения, занятых и безработных
(тысяч человек)

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Численность экономически активного населения* — всего	70740	72332	71411	72421	72835	72909	73811	74156	75060	**75892**	**75524**
мужчины	37338	37499	36905	36997	37206	37079	37511	37627	37975	38770	38501
женщины	33401	34833	34506	35423	35629	35831	36300	36529	37085	37122	37023
в том числе:											
занятые в экономике — всего	64055	65273	65124	66266	67152	67134	68603	69157	70814	**70603**	**69362**
мужчины	33726	33754	33527	33709	34199	34177	34710	34996	35704	35869	35275
женщины	30330	31519	31596	32557	32953	32958	33893	34161	35110	34734	34086
безработные — всего	6684	7059	6288	6155	5683	5775	5208	4999	4246	**5289**	**6162**
мужчины	3613	3745	3378	3288	3007	2902	2801	2631	2271	2901	3225
женщины	3072	3314	2910	2866	2676	2873	2407	2368	1975	2388	2937

* По материалам выборочных обследований населения по проблемам занятости.

Табл. 7. Число лиц, потерпевших от преступных посягательств (тысяч человек)

Годы	Число лиц, потерпевших от преступных посягательств		из них в результате преступных посягательств			
			погибли		получили тяжкий вред здоровью	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины
2000	**654,4**	**1441,1**	**16,8**	**59,9**	14,8	59,7
2001	716,9	1445,4	15,9	62,8	12,7	58,6
2002	630,0	1263,2	16,8	60,0	12,3	55,9
2003	689,4	1387,7	16,8	60,1	10,3	53,6
2004	768,3	1453,9	15,8	56,5	9,1	50,4
2005	1038,7	1770,5	15,6	52,9	10,2	50,8
2006	1156,8	1809,2	15,2	46,1	9,7	47,4
2007	1071,8	1603,3	13,3	40,7	9,5	43,4
2008	902,9	1400,9	11,0	35,0	8,2	40,3
2009	**893,1**	**1060,1**	**8,9**	**22,4**	10,0	30,8

Табл. 8. Травматизм на производстве

	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом:						
всего, тыс. человек	**88**	78	71	66	58	**46**
на 1000 работающих	3,4	3,1	2,9	2,7	2,5	2,1
Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве со смертельным исходом:						
всего, человек	**3292**	3091	2900	2986	2550	**1967**
на 1000 работающих	0,129	0,124	0,119	0,124	0,109	0,090

Очевидно, что сегодня такой гарантии нет. В развитых странах творческий и карьерный рост продолжается до 60–65 лет и даже дольше. До периода, когда человек наращивает до максимума свои профессиональные возможности. В России же, как признает Е. Гонтмахер, этот пик достигается к 35 годам. Причем регулярные экономические и социальные потрясения, которые эта личность переживает за период своей профессиональной деятельности, сильнейшим образом дестабилизируют не только его экономическое положение, но и социальное и даже психическое. Достаточно вспомнить, сколько инженеров, ученых, преподавателей, деятелей культуры «не нашли себя» в кризисных 1990-х и даже в нынешнем десятилетии. Они не просто «вымывались» из экономической и общественной жизни, но и из жизни вообще.

Сегодня можно получить общее представление об активном населении, его динамике за последние годы, гендерной ситуации и количестве безработных[19] (табл. 6).

Но мы можем только смутно представить себе ту часть активного населения, которая относится к среднему классу **по всем** показателям — доходам, образованию, самоидентификации. Тем более мы не можем сказать, какая часть этого среднего класса является национально ориентированной и рассматривает свое будущее в связи с будущим России. То есть мы не можем пока что сказать, какова наиболее дееспособная часть нации и как активно она может участвовать в реализации стратегии развития России.

Думаю, что в последние 20 лет наибольшие потери понес именно средний класс, прежде всего ученые, преподаватели, деятели искусств, инженеры и другие творческие работники, которые не смогли «встроиться» в рыночную стихию.

Никто точно не знает, сколько десятков и сотен тысяч убийств и самоубийств произошло в кризисные 1990-е годы.

В 2000-е годы статистика показывает в целом позитивную динамику. Но важно подчеркнуть, что по этим показателям Россия все еще занимает стабильно первое место среди развитых стран (табл. 7, 8).

Потери рабочего времени от несчастных случаев на производстве составляли в 2009 г. 2,2 млн человеко-дней (табл. 9, 10).

Ясно — и это признают психиатры, — что эти действия носили в России характер эпидемии. А если к самоубийствам добавить болезни, стрессы и другие последствия (по некоторым оценкам, рост заболеваний «вдруг» вырос в десятки раз), то можно констатировать, что 1990-е годы стали для интеллигенции и среднего класса **временем самого жестокого уничтожения**. Речь идет не просто о временном явлении, когда из науки, образования, культуры и инженерии уходили миллионы невостребованных специалистов. Они уходили навсегда, оставляя институты, школы, театры, лаборатории. Нередко из жизни тоже. И это относится к лицам, которые находились в самом дееспособном возрасте. Не случайно на нынешних кладбищах очень много захоронений мужчин в возрасте 25–45 лет. Не случайно, это отразилось и на всей демографической ситуации в России.

Начало нынешнего десятилетия мы встретили с истонченной до низшего предела прослойки интеллигенции и среднего класса. Это отразилось на уровне общей культуры в стране. В том числе и производственной, и политической. Место среднего класса стал стремительно занимать новый псевдосредний класс — нередко лица с сомнительным образованием, криминальным и полукриминальным прошлым, безнравственными устоями, но… высоким душевым ВВП. Именно это поколение и характеризует «пик активности» тридцатилетних и «пик пассивности» пятидесятилетних в экономической и политической жизни России.

Еще сложнее с тем, что ожидает представителя среднего класса после выхода на пенсию. В большинстве случаев из-за редкого снижения уровня жизни он обречен на переход в категорию бедных и даже нищих, т.е. он теряет не просто материальный достаток, но и среду обитания, «выпадает» из общественной жизни.

В России, таким образом, уже сегодня необходимо вносить серьезные, принципиальные коррективы в финансовую, экономическую и социальную политику, которая должна не просто обеспечивать минимально необходимые социально-экономические условия для выживания, а создавать **оптимальные условия** для развития среднего класса. Именно он будет определять будущее страны. Даже в условиях кризиса необходимо помнить, что успех или неудача будут определяться не столько падением темпов ВВП, или даже его сокращением, **а падением доли среднего класса**. И речь идет не только о доходах, но и о других характеристиках среднего класса. Таких, как доступ к информации, образованию, культурным и духовным ценностям. Без этого, уже **после кризиса**, российское общество развиваться не сможет. Таким образом, правильная социальная политика создает фундамент для будущего развития страны. И экономического, и социального, и политического. И наоборот: игнорирование социальных приоритетов, очередной кризис среднего класса, лишает Россию будущей, послекризисной, перспективы развития.

Не менее, чем доходы, важны и другие критерии, которые характеризуют роль и место среднего класса в структуре современного общества, а именно: самоидентификация, социальный статус, престиж, гарантии государства, отношения к нему СМИ и власти, участие во власти и политической жизни, возможность творческой работы и самореализации.

Совершенно ясно, что идет процесс изменения роли среднего класса в **государственной политике** в пользу интеллигенции и особенно ее творческой части — креативной социальной группы населения. Эта задача в XXI веке становится не только политической,

Табл. 9. Численность пострадавших на производстве по видам экономической деятельности

	Всего	По видам экономической деятельности					
		сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	добыча полезных ископаемых	обрабатывающие производства	производство и распределение электроэнергии, газа и воды	строительство	транспорт и связь
				Тысяч человек			
Всего пострадавших на производстве							
2004	**87,8**	19,9	5,5	32,3	3,3	7,1	8,5
2005	77,7	15,9	4,9	28,9	3,1	7,2	7,9
2006	70,7	12,9	4,2	27,1	3,0	6,6	7,4
2007	66,1	10,6	3,9	26,6	2,6	6,6	7,2
2008	58,3	7,9	3,3	23,8	2,4	6,3	6,6
2009	**46,1**	6,7	2,7	17,0	2,1	4,9	5,6
в том числе со смертельным исходом							
2004	3,3	0,7	0,3	0,8	0,2	0,5	0,4
2005	3,1	0,6	0,3	0,8	0,2	0,5	0,4
2006	2,9	0,5	0,3	0,7	0,2	0,5	0,4
2007	3,0	0,5	0,4	0,7	0,2	0,6	0,4
2008	2,6	0,4	0,2	0,6	0,2	0,6	0,3
2009	2,0	0,3	0,2	0,4	0,2	0,5	0,3
				На 1000 работающих			
Всего пострадавших на производстве							
2004	**3,4**	5,8	5,1	3,9	1,9	4,4	2,4
2005	3,1	5,3	4,7	3,6	1,7	4,4	2,2
2006	2,9	4,9	4,0	3,5	1,7	4,1	2,0
2007	2,7	4,5	3,7	3,4	1,4	3,8	2,0
2008	2,5	3,9	3,3	3,2	1,3	3,6	1,9
2009	**2,1**	3,6	2,8	2,5	1,2	3,1	1,7
из них со смертельным исходом							
2004	**0,129**	0,213	0,318	0,092	0,107	0,333	0,114
2005	0,124	0,198	0,279	0,096	0,107	0,312	0,112
2006	0,119	0,206	0,271	0,087	0,096	0,332	0,099
2007	0,124	0,215	0,389	0,085	0,116	0,346	0,099
2008	0,109	0,184	0,213	0,080	0,100	0,327	0,099
2009	**0,090**	1,173	0,191	0,065	0,086	0,284	0,076

но и общенациональной. Как справедливо признает А. Шубин: «Большая часть интеллектуального слоя в имущественном отношении относится к бедноте. Но в случае восстановления социального государства это положение может измениться. Сложившаяся социальная система способствует отчуждению интеллигенции от власти и формированию, как и в начале XX века, общественного мнения, направленного против мероприятий режима. Эту ситуацию может изменить только кардинальное изменение политики в отношении интеллектуального слоя. Альтернатива в первые десятилетия XXI века будет такова: завершение разрушения постсоветского интеллектуального слоя с резким сокращением количества

Табл. 10. Профессиональные заболевания (отравления)*

	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Численность больных с впервые установленным профессиональным заболеванием (отравлением):													
всего, человек	7651	11 525	11 367	9280	11 224	11 090	10 121	9888	8156	7715	7501	7265	8081
на 10 000 работающих	1,53	1,96	1,89	1,81	2,22	2,19	2,03	2,01	1,69	1,60	1,53	1,47	1,70

* По данным Минздравсоцразвития России.

интеллигенции (признак перехода в третий мир) или восстановление доходов интеллигенции, приведение их в соответствие с имущественным положением, гарантии гражданских прав и свобод. Второй вариант позволит обеспечить формирование постиндустриального креативного интеллектуализированного среднего класса. Пока возможности для этого еще сохраняются»[20].

Отдельный аспект — средний класс и перспективы научно-технического развития России. Взаимосвязь между этими понятиями вроде бы очевидна: чем больше доля и качественнее научная интеллигенция в обществе, тем крупнее научно-технические достижения, тем эффективнее экономика, лучше ее структура, меньше зависимость от импорта и выше экспортные возможности. Эта взаимосвязь еще раз подтверждает, что показатель среднего класса — индикатор правильности пути развития общества и экономики.

Не случайно, как справедливо считают известные ученые И. Пейрос и П. Турчин[21], «наука стран третьего мира демонстрирует заметное сходство с их экономикой. Основу последней, как известно, составляют экспорт сырья и импорт продуктов глубокой переработки. Наука третьих стран имеет те же характеристики: первый мир импортирует из третьего сырье — результаты прикладных исследований и эмпирические данные, собранные местными учёными. Продукты глубокой научной переработки — научные теории — третий мир производить не может. Российская наука, к сожалению, **быстро превращается в науку страны третьего мира**».

В последние годы в отношении к науке в России и в положении учёных наметились некоторые сдвиги к лучшему, но российская наука не возвратилась к тому уровню, на котором она могла бы успешно конкурировать на мировой арене. Западные университеты и научные институты по-прежнему остаются центром притяжения для лучших молодых учёных, и очень немногие из тех, кто уехал за рубеж, возвращаются обратно. Тем не менее, мы убеждены, что в современных российских условиях можно создать эффективную программу для поддержки и развития научной инфраструктуры, предотвращения утечки мозгов и возвращения российских учёных из-за границы, для привлечения в науку талантливой молодежи, сохранения и создания новых научных школ.

Да, почти два десятилетия были полностью потеряны для российской науки. Но у России всё ещё есть важные конкурентные преимущества. Предлагаемая концепция опирается на сильные составляющие российской науки, сводя к минимуму влияние слабых аспектов.

В чём сила? — Справедливо задают вопрос эти ученые.

Во-первых, это научное и общекультурное наследие Российской империи и СССР. Российская Федерация быстро может стать центром научного притяжения на постсоветском пространстве, где русский пока ещё остается языком науки.

Во-вторых, Россия всегда была и сегодня остается мировым центром развития аналитических и теоретических направлений в науке. Эти направления можно развивать даже сегодня, в условиях, когда средства на науку выделяются ограничено. Для развития аналитических и теоретических направлений не нужно создавать дорогостоящие лаборатории, средства нужны в основном на зарплату, помещение и компьютеры. Особое внимание нужно уделить социальным наукам, где в следующем десятилетии ожидается прорыв, по значимости схожий с ньютоновским и дарвиновским прорывами в физике и биологии.

В-третьих, как ни парадоксально это звучит, отток мозгов из России за последние два десятилетия также является конкурентным преимуществом России. Многие из уехавших учёных сделали блестящую карьеру в западных странах, в условиях, замечу, высочайшей конкуренции. У них все в порядке с языком, научными связями, внушительные публикации и индексы цитируемости. Этих учёных можно возвращать на родину. Примеры успешной реализации государственной политики репатриации мозгов есть, например, Китай.

Подводя итог, можно сказать: если рассматривать адекватно понятие «средний класс», то оно становится **во многом синонимом понятия «интеллигенция»**. Причем интеллигенция в большей части творческая, активная, которая идентифицирует себя с интересами общества и государства и занимает активную позицию. Все это позволяет говорить о том, что средний класс становится не только **опорой государства**, но и ведущей **политической силой**, которая во многом противостоит традиционным социальным слоям и прежде всего бюрократии.

Как видно на рисунке 1, в эту социальную группу входит значительно меньше граждан, чем те, которые статически могли бы в нее входить, если бы эта группа определялась только уровнем доходов.

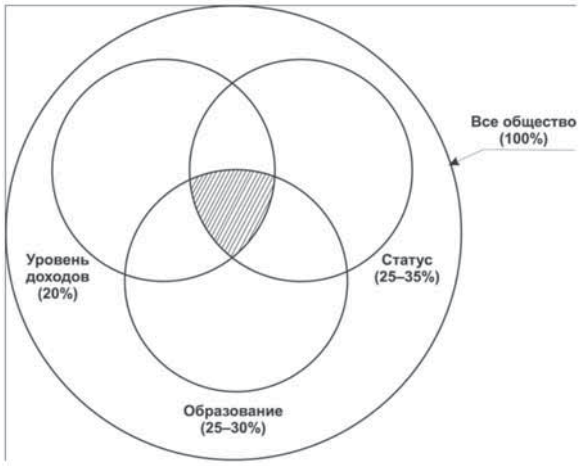


Рис. 1. Средний класс, «интеллигенция» (заштриховано)

На самом деле критериев для определения класса «интеллигенции» еще больше, чем критериев для среднего класса. Речь, конечно же, идет об уровне культуры, воспитания и многом другом, что трудно определить количественными оценками. Хотя иногда и можно. Например, количеством прочитанных за год книг, выписываемых газет и журналов, посещаемостью театров, музеев и т.д.

Главное, однако, в другом. Если согласиться с утверждением, что в XXI веке уровень экономической и военной мощи государства будет определяться **качеством** его населения, т.е. прежде всего долей граждан, которых условно можно отнести к среднему классу и интеллигенции, то становится ясно, что не только все общество, но и **государство заинтересованы в том, чтобы эта доля была максимально большая**. Этот вывод означает, что правящая элита может и должна быть заинтересована в ускоренном, сознательно управляемом процессе развития среднего класса. Не только аргументы в пользу экономики и политики, но и в пользу перспектив всего общества свидетельствуют о том, что такая стратегия — единственно мудрое поведение как в условиях кризиса. Так и в послекризисный период.

2. Социальная структура общества и креативный класс

…Сверхвозможности есть, они работают[22].
Н. Бехтерева

По большинству отраслей в технологическом плане Россия уступает не только развитым, но и развивающимся странам…[23].
Д. Ливанов

Творческие способности (креативность, созидательное начало) не являются свойством всех индивидуумов, но — по ряду причин — сконцентрированы в среднем классе. Это не означает, что богатые или нищие не могут быть творцами. Наоборот, талант бизнесмена встречается не чаще, чем талант музыканта. Просто величина творческого национального потенциала во многом является производной от величины среднего класса как самой массовой социальной группы современного общества.

При этом важно подчеркнуть, что творческие возможности развиваются особенно когда общество и государство создают **необходимые для того условия**.

И наоборот. Сегодня общество не заинтересовано в инновационной экономике. Например, чтобы отрасли, обеспечивающие добычу полезных ископаемых, развивали свои информационные ресурсы. Напротив, в обрабатывающей промышленности, научных исследованиях, образовании такая заинтересованность присутствует, хотя средств у них многократно меньше, чем у ресурсных отраслей. Что и видно из современной статистики[24] (табл. 11).

Это означает, что и социальная структура общества идет вслед за экономическими приоритетами: если отрасль не нуждается в наукоемких технологиях, если в ней зарплаты выше, чем в среднем по стране в три раза, то ей и не нужно развиваться. У нее и так все есть. Поэтому социальный потенциал таких отраслей всегда будет низок и ориентирован только на сохранение высоких доходов.

В этом, на мой взгляд, сегодня выражается **особенно важная** роль государства: оно может:

— использовать имеющийся творческий потенциал нации с максимальной эффективностью, либо пренебречь им;
— сознательно создавать условия для развития этого потенциала — как материальные, так и нематериальные;
— наконец, государство может препятствовать развитию творческого потенциала, ограничить его применение. Что, похоже, пока что происходит в России. «Отечественный сектор науки и инноваций деградирует. О темпах этого процесса можно судить по сокращению числа публикаций в ведущих мировых научных журналах. Российская промышленность демонстрирует низкую инновационную активность, но даже этот незначительный спрос инновационные компании способны удовлетворить только наполовину». Об этом заявил ректор МИСиС **Дмитрий Ли-**

Табл. 11. Организации, имеющие собственно web-сайты, по видам экономической деятельности

	Всего				В процентах от числа обследованных организаций			
	2005	2007	2008	2009	2005	2007	2008	2009
Всего	22348	33626	38812	41951	14,8	19,8	22,8	24,1
Промышленное производство	6115	7953	9020	9244	25,0	31,6	36,4	37,6
Добыча полезных ископаемых	198	270	334	338	16,4	22,2	26,2	24,8
Обрабатывающие производства	5424	6920	7760	7840	29,5	38,6	44,8	46,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	493	763	926	1066	10,2	12,7	14,9	17,2
Строительство	880	1242	1517	1609	13,7	20,6	25,5	27,5
Оптовая и розничная торговля	2322	3324	3338	3770	14,2	20,2	27,3	29,1
Транспорт	754	1051	1270	1341	10,8	15,0	18,2	19,3
Связь	686	881	959	1027	42,9	57,3	61,7	60,2
Финансовая деятельность	1802	2458	2691	2866	38,8	46,8	53,6	52,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	3058	4775	5384	5547	15,5	19,9	23,3	23,2
из них научные исследования и разработки	1170	1428	1505	1496	41,8	54,1	59,9	60,5
Государственное управление, обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение	3267	6358	8032	9282	8,2	13,9	16,6	19,2
Высшее профессиональное образование	939	1457	1640	1827	50,4	66,3	70,6	74,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1141	1822	2177	2446	7,4	10,1	11,6	12,8
Другие виды деятельности	1384	2305	2784	2992	10,3	12,4	13,4	13,1

ванов на конференции «Современная модель образования: пути развития».

Пока что об этой проблеме мало говорят, но определение будущего ведущего социального слоя является уже сегодня принципиальной политической задачей. Особенно сегодня, в условиях кризиса. Инвестиции в качество населения, «креативный класс» следует рассматривать **как наиболее эффективные и долгосрочные**. Мне кажется, что правы те, кто полагает, что в условиях кризиса самое время заняться наукой и образованием. Это может относиться как к отдельному человеку, так и всему обществу. «Простаивающие» ресурсы энергии и времени можно регенерировать.

К сожалению, повторю, нередко эта проблема сводится только к проблеме доходов населения. Констатируя определенные результаты (согласно прогнозу Минэкономразвития, к 2010 году доля среднего класса увеличится до 30%, а к 2020 году — до 50%)[25], вместе с тем нельзя отождествлять средний класс и даже интеллигенцию с креативным классом. Если средний класс можно представить себе как часть граждан, обладающая, во-первых, определенным доходом, во-вторых, образованием, в-третьих, статусом, то креативный класс должен еще обладать способностью и **условиями для полной самореализации потенциала человеческой личности**. Именно в этом сегодня и заключается особая роль государства, которое должно оперативно реформировать целые области своей деятельности — от образования, здравоохранения и пенсионной системы до создания институтов внерабочей среды, где творческие и активные граждане могли бы реализовывать свои способности вне профессиональной деятельности.

Рис. 2. Креативный класс (заштриховано)
Степень самореализации

Способность и готовность к творчеству и самореализации — та особенность, которая выделяет креативный класс из среднего класса, делает его лишь частью последнего.

Это последнее требование сводит численность «креативного класса» до уровня не более 15–20% (в отличие от среднего класса, который может достигать 75–80%), но именно эта творческая часть общества и является **главным инструментом развития в XXI веке**. На самом же деле в России ситуация выглядит намного хуже. Если в развитых странах средний класс составляет до 80% населения, то в России **всем** признаком этого класса соответствует не более 20%, а доля креативных групп, — наверное, не более 5%, т.е. четверть от среднего класса.

Понятно, что такое соотношение России и ведущих стран недопустимо. Оно не случайно соответствует соотношению в производительности труда, энергоемкости, фондоемкости, наукоемкости и других реальных показателях. Иными словами, пропорция между долей среднего и креативного класса в обществе соответствуют пропорциям экономическим. Если доля среднего класса в Росси меньше чем в США, в четыре раза, то и производительность труда также ниже в четыре раза, энергозатраты — выше в четыре раза, а наукоемкость ниже также в четыре раза.

Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией, когда по объективным причинам доля креативного класса ограничена максимумом в 15–20%, а на практике 5%. Это подтверждается и повседневной практикой: в любом коллективе, будь то школа, институт, производство и т.д., лишь одна четвертая или даже пятая часть относится к категории «креативной». Абсолютное большинство относится либо к середнячкам, либо хорошим исполнителям, либо маргиналам. Психологи еще выделяют эту группу креативных граждан по их отношению к решению общих проблем. Как правило, такие граждане руководствуются принципом: «Можно сделать лучше». Это — качество психики и души человека, не присуще всем индивидуумам. По некоторым оценкам оно свойственно (в различные периоды времени и в разных странах) от 5% до 20% населения. Его можно, наверное, назвать и пассионарностью, и творческими способностями. Кроме того, его зачатки могут развиваться целенаправленными усилиями и тренировками, а, главное, той творческой атмосферой, которая может создаваться как в отдельном коллективе, так и во всем обществе.

К сожалению, цифра в 15–20% — максимально высокая в условиях, когда и общество, и государство сделали все для того, чтобы эта доля достигала этой величины. Или почти все. Есть определенные возможности и условия, реализовав которые, нация и государство теоретически могут выйти за эти рамки. Но это пока что теоретическая возможность. Реальность, которой на практике может быть, наверное, в далеком будущем. Когда же государство и общество не заинтересованы, либо препятствуют созданию таких благоприятных условий, доля «креативного класса» становится значительно ниже. Иногда несколько процентов. Вот почему государство должно сделать все, от него зависящее, **чтобы приблизиться к этим заветным 15–20%**. Политические, экономические, социальные условия должны, может быть, искусственно созданы именно государством. Речь идет о создании целого комплекса программ развития потенциала человеческой личности. От учебных до прикладных, профессиональных. Понятно, что образование, наука, культура и искусство — лучшие области для развития творческих способностей. Вот почему всяческая поддержка этих областей имеет особенное значение в XXI веке. Экономическое и финансовое в том числе. Логика проста: если инвестировать в науку, культуру, образование и искусство, а также духовную область значительно больше средств и государственного внимания, то это, безусловно, скажется на качестве человеческого потенциала и росте креативных групп. Они, в свою очередь, дадут немедленный и огромный экономический и политический эффект. Я бы сказал — сверхэффект.

Особенное значение в этой связи приобретают усилия вла**сти по сознательному развитию институтов гражданского общества**, стимулированию развития среднего и креативного классов. Так же, как и инвестиции в развитие институтов гражданского общества и политической системы. Здесь, как и в фундаментальной жизни, необходимы собственные модели, а не заимствования. Что, кстати, хорошо чувствует общественное мнение нашей страны, которое в своем абсолютном большинстве не приемлет непрактический чужой опыт[26].

Пока что мы демонстрируем отсталость в социальной области не меньшую, чем в экономической. Если на индустриально-промышленном этапе развития СССР, например, ведущим классом был промышленный пролетариат, а в советские времена его реально потеснила «трудовая интеллигенция», то в 90-е годы произошло полное смешение социальных слоев и групп. При очевидной деградации средних слоев и креативных групп, во всех сферах появились самозанятые предприниматели, а с приходом к власти В. Путина резко возросло и усилилось чиновничество.

Иными словами, социальная структура общества менялась в последние десятилетия в худшую сторону. Государственная бюрократия, сложившаяся в последние десятилетия, не соответствовала потребностям опережающего развития, а народившиеся предприниматели, к сожалению, в минимальной степени были связаны с творческим бизнесом, особенно в инновационных отраслях, концентрируясь либо вокруг спекулятивного капитала, либо вокруг административного ресурса. В итоге сложился климат, в котором ни экономика,

ни общество не оказались восприимчивы к творчеству и инновациям.

Этот вывод подтверждает и тот факт, что когда власть в 2007–2008 годах попыталась развернуться к инновационному сценарию развития, она столкнулась практически с невозможностью реализовать свои планы. С горечью это был вынужден признать в ноябре 2008 года на встрече с руководством ТПП Д. Медведев: «Стимулирование инноваций — это то, о чем мы говорим довольно часто и много, но если говорить по-серьезному, никакого прорыва здесь пока не произошло», — констатировал глава государства. «В сфере высоких технологий, нанотехнологий, надо признаться, пока почти ничего не сделано, и те деньги, которые выделялись, не осваиваются», — посетовал он.

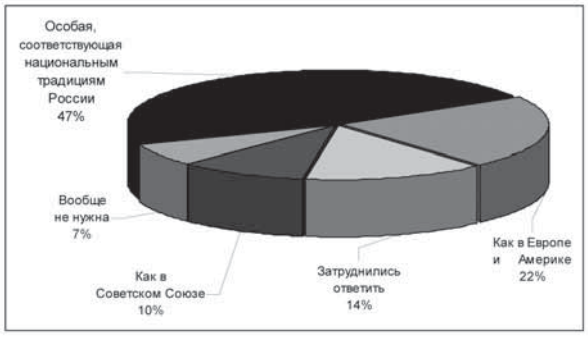
«Надо принимать все необходимые управленческие решения как на уровне госкорпораций, так и на уровне малого и среднего бизнеса»[27], — заявил в это связи Д. Медведев.

На мой взгляд, проблема не столько в принятии управленческих решений, сколько в отсутствии в обществе социальных групп и условий по развитию, заинтересованных в инновациях. Доминирующие группы — бюрократия и нынешние предприниматели — за редким исключением, не заинтересованы в инновационном развитии. Первые — в силу своей сущности. Вторые — потому что это в нынешних условиях экономически не выгодно и сопряжено с множеством рисков.

Ни первая, ни вторая социальные группы **в принципе не могут стать движущей силой будущего развития** России. Опора исключительно на традиционалистские социальные группы всегда заканчивалась в истории поражением.

Ситуация в инновационной области не случайно во многом совпадает с политическими пристрастиями граждан. Ясно, что опережающее развитие возможно при сметании мощной национальной традиции, прежде всего в науке и культуре, с инновационным

Какая демократия нужна России?



Источник: «Левада-Центр». Опрос проводился 10 декабря 2007 года, участвовали 1600 россиян старше 18 лет. Статистическая погрешность не превышает 3%

Рис. 3.

В этой связи, можно сказать, что будущий класс интеллектуалов, который неизбежно будет обладать всей полнотой экономической и политической власти, в основной своей части придет из тех, кто **сегодня создает и владеет технологичными фирмами, в т.ч. из образования и науки**. Простой пример. По оценкам А. Е. Волкова, емкость мирового рынка образовательных услуг 60 млрд долл., из которых на Россию могло бы приходиться не менее 10%, т.е. 6 млрд долл. (сегодня в России обучается только 1% иностранцев, в Новой Зеландии — 28,3%, Великобритании 16,2%). Сегодня этот рынок занят США (30%), Великобританией (20%), Германией и Францией (по 10%). Не трудно подсчитать, что если бы на Россию приходилось столько же мирового рынка образовательных услуг, сколько на Великобританию (20%), то это бы означало появление фактически новой экономической и наукоемкой отрасли объемом в 10–12 млрд долл. в год, а также целого социального слоя креативных и вполне обеспеченных граждан — профессорско-преподавательского состава, — чей доход сегодня составляет от 80 до 250 тыс. долл. в год.

Этот процесс уже начался в России, где не только столичные, но и бывшие периферийные ВУЗы (например, Белгородский университет) активно приглашают не только граждан России, но и иностранных преподавателей, выплачивая им соответствующую зарплату. Этот нарождающийся социальный слой носителей знаний будет стремительно расти. Они неизбежно заменят сырьевиков и производственников, **вытеснят старых владельцев банков.** И это будет полностью соответствовать основным направлениям развития человечества.

Но, повторю, именно сегодня этот класс находится в наихудших политико-экономических условиях. Что объективно сдерживает наше развитие. И вина в этом нынешней элиты и государства, которые сами состоят из устаревших и бесполезных для общества социальных групп, либо (что еще хуже) не понимают существа проблемы.

Так, вместо того, чтобы расширять рынок образования в России за счет превращения высшего образования во всеобщее и привлечение иностранных студентов, Министерство образования начало кампанию борьбы за качество, в результате которой с образовательного рынка будут вытеснены нежелательные конкуренты. Предлог — повышение качества образования. В результате этой кампании (нетрудно предсказать) сократится как число университетов, так и число вузов, а в конечном счете, — число студентов. Может эта кампания и приведет к росту качества образования — в чем лично я очень сомневаюсь, — но вероятным результатом этой «реформы» будут многочисленные проверки, аттестации и ликвидации.

Эта реформа, конечно же, выгодна бюрократии. Как федеральной, так и региональной. Но она абсолютно не нужна, более того, вредна обществу и экономике. Так, по нашим оценкам, высшее образование

Табл. 12. Структура пакета финансовых антикризисных мер в 2008–2009 гг.[31]

Бюджетные антикризисные меры	Запланировано к исполнению в2008–2009 гг., млрд руб.	Исполнено по состоянию на 1 января 2010 г., млр друб.
Меры по обеспечению финансовой устойчивости экономики		
Из средств федерального бюджета		
На поддержание сбалансированности региональных бюджетов (дотации, субвенции, бюджетные кредиты)	363,4	363,4
УК «Внешэкономбанк»	175,0	175,0
УК «ВТБ»	180,0	180,0
УК ОАО «Россельхозбанк»	45,0	45,0
УК ОАО «Росагролизинг»	25,0	25,0
УК АИЖК	80,0	80,0
Итого из федерального бюджета	868,4	868,4
Внебюджетные источники (квазибюджетные)		
Субординированный кредит Сбербанку России (источник ЦБР)	500,0	500,0
Предоставлено Внешэкономбанку для предоставления субординированных кредитов другим банкам (выдано 14 банкам, источник — ФНБ)	410,0	410,0
Размещение средств на депозитах Внешэкономбанка для целей кредитования МСБ (источник — ФНБ)	30,0	30,0
Реструктуризация задолженности банков (источник — ЦБР и Агентство по страхованию вкладов)	н/д	297,1
Итого внебюджетные источники	—	1234,1
ВСЕГО по обеспечению финансовой устойчивости экономики	—	2099,5
Меры по поддержке реального сектора экономики		
Из средств федерального бюджета		
Поддержка автомобилестроения	68,0	69,0
Поддержка авиастроения	15,9	21,9
Поддержка судостроения	3,0	3,0
Субсидирование процентных ставок для предприятий АПК и рыболовства	18,1	60,4
Поддержка экспорта	6,0	6,1
Развитие малого и среднего бизнеса	13,6	18,0
Поддержка предприятий ОПК	73,3	79,0
Поддержка транспортного комплекса	53,0	56,4
Имущественный взнос в госкорпорацию «Ростехнологии»	1,0	1,5
Государственные гарантии системообразующим предприятиям	300,0	300,0
Итого из федерального бюджета	551,9	615,3
Внебюджетные источники (квазибюджетные)		
Поддержка жилищного строительства (источник — Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства)	н/д	136,5
ВСЕГО по поддержке реального сектора экономики	—	751,8

дает огромный экономический и социальный эффект: специалист с высшим образованием приносит в бюджет в 3–5 раз больше дохода, наукоемкость его труда в 3–10 раз выше и т.д. В социальном плане трудно отрицать все преимущества социализации граждан через обучение в ВУЗе. Наконец, продолжительность жизни лиц с высшим образованием значительно выше, чем у тех, кто его не получал. И, главное, трудно ожидать пополнения креативного класса при общем сокращении числа студентов.

Таким образом, очередная реформа на этот раз в высшем образовании прямо противоречат экономическим и социальным интересам общества. Но не противоречит доминирующим интересам бюрократии и предпринимателей, которые могут «купить» себе любое образование в России или за рубежом.

3. Мировой кризис и средний класс

Курс преодоления кризиса в силу своей направленности на защиту… банковского сектора… оставил вне внимания экономически слабые, но политические активные группы…[28].
А. Богатуров, профессор МГИМО(У)

Основная задача в условиях кризиса — сохранение среднего класса.
В. Сурков

Но как раз решением этой задачи никто в 2008–2010 годы и не занимался. Рост цен, сокращение зарплаты, снижение доходов и понижение уровня жизни населения — характерные последствия любого кризиса[29]. Учитывая, что в эти годы фактически (в реальных ценах) шло сокращение финансирования науки, здравоохранения и образования, а бизнес, особенно в обрабатывающих отраслях, демонстрировал разное снижение, можно признать, что по среднему классу был нанесен ощутимый удар. Удар, который отбросил нарождающийся средний класс в стране на несколько лет назад, к началу 2000-х годов.

Представление о реальных приоритетах Правительства РФ в условиях кризиса дает перечень антикризисных мер, среди которых не было мер по поддержке НЧП и, в частности, среднего класса, который реально пострадал больше всех, хотя замораживание, например, тарифов на три года на продукцию и услуги естественных монополий, не раз предлагавшееся М. Делягиным, могло бы отчасти смягчить эти последствия[30] (табл. 12).

Если соглашаться с утверждением о том, что величина среднего класса — основной индикатор успешности продвижения к процветающему обществу и экономике, то логичен и следующий вывод, имеющий стратегическое значение для России в условиях кризиса: главная цель в деятельности правительства, государства и общества в условиях кризиса — это **сохранение среднего класса**. Подчеркну — не темпы роста ВВП, не «подушки безопасности» и прочие макроэкономические критерии, а именно сохранение (пусть того небольшого, что создано в последние годы) той доли среднего класса, которая появилась в России к 2008 году. Тем более, что внятных целей в борьбе с кризисом до сих пор предложено так и не было.

Действительно, о кризисе говорят все. И оказывается, что «много говорить о кризисе не бывает». Аспектов у кризиса много. Экспертных мнений тоже. Иногда кажется, что ситуация архиабсурдна: много умных экспертов, с одной стороны, и беспомощность в прогнозе, оценке и — главное — принятия решений — с другой. Ясно, что сегодня любые прогнозы о длительности и глубине кризиса могут делать только авантюристы, хотя бы потому, что механизмы этого кризиса неизвестны. Во всяком случае, уже сегодня более 10 стран «в минусе», т.е. с отрицательным ростом ВВП. Видимо, что кризис необычен, «не как другие». На Западе готовились к нему как те самые генералы, которые готовились к последней войне.

Теперь о том, что делать, когда не понимаешь ни сути кризиса, ни механизмов влияния на него.

Ясно, что финансовая система нуждается в радикальном реформировании. Также ясно, что потребуется новый уровень сотрудничества. Ясно и то, что общество и финансовые власти ведут себя в этих условиях нередко иррационально. И причины нередко отнюдь не финансовые и экономические, а далёкие, иногда даже очень, от них, — например, психологические, нравственные. В этих условиях представляется рациональным сформулировать волевым (политическим) порядком ясную главную задачу. В данном случае речь идет о задаче **социально-политической по своему характеру** и тактической по времени: сделать все возможное для сохранения нынешней, пусть несовершенной социальной структуры общества, где ясно обозначилась социальная группа, называемая средним классом.

Подчеркну, что от этого — удастся или нет — зависит наше послекризисное будущее. С чего-то все

равно придется начинать. И в экономике, и в общественном развитии. И начинать развивать экономику знаний можно будет только в том случае, если останутся те немногие, которые будут в состоянии это делать. Если мы не повторим ошибок 90-х годов, когда инженеры, ученые, врачи и учителя пойдут торговать на рынки или сядут «бомбить» за руль оставшихся у них автомобилей.

Другой аспект этой проблемы. Мы с огромным трудом добились внутриполитической стабильности в этом десятилетии. Во многом благодаря тому, что в обществе сложился консенсус, основанием которого стал средний класс и его ценности. Разрушение этого основания, маргинализация его флангов неизбежно приведут к политической дестабилизации, а, может быть, и возврату к хаосу 90-х годов.

Мы еще не укрепились, не только политически, но и идеологически, нравственно, духовно. Этот мир стабилизации — крайне хрупок. Не случайно, что первые кризисные явления показали: кризис есть не только в финансовой области и экономике, но и в душах людей.

Отдельно — о таких ставших массовыми сюрпризах, как отказ от обязательств, их произвольная трактовка, обман, антисоциальное поведение, откровенное пренебрежение к своей стране, предательство общества и даже собственных сотрудников. Очевидно, что в условиях кризиса личные интересы «вдруг» стали преобладающими. Этим объясняется острейший интерес к прогнозам о кризисе, его последствиям и (что неожиданно!), к тому, как использовать кризис **с выгодой для себя,** как оказаться после кризиса «на коне», впереди конкурентов. Во многом в ущерб другим. При слабости закона и системы — в ущерб обществу и государству.

Парадокс в том, что официально кризис «не объявлен». Пока что у нас лишь штормовое предупреждение, хотя для большинства населения (более 60% опрошенных) кризис стал уже ощутим сокращениями — наступившими и ожидаемыми. Получается, что оценка социального благополучия зависит от политической оценки финансового кризиса.

Другой парадокс — поведение финансовых властей России, которые вплоть до августа 2008 года боролись с инфляцией, добившись даже сокращения денежной массы по сравнению с 2007 годом, т.е. создали в России максимально благоприятные условия для распространения кризиса по стране. Сегодня, финансовые власти должны отвечать за социальные и политические последствия. А способны ли они к этому?

Не стоит рассчитывать на внешнюю помощь. В США — не намного лучше. Планы принимаются, от них отказываются, а все международное сотрудничество свелось в конечном случае к весьма сомнительным обязательствам не заниматься протекционизмом (хотя в 55 решениях Правительства России добрая половина — протекционистские). Хуже — на Западе сегодня считают, что есть две основные напасти — кризис и Россия. Поэтому ждать хорошего от них не приходится.

В регионах России тоже все неоднозначно. Точнее — в каждом из регионов кризис проявляется по-разному. Все будет зависеть от долгов и обязательств регионов и помощи федерального центра. Система кредитования, которая была и без того плохая, неэффективна, фактически разрушается. Уже не только инвестиционные и долгосрочные кредиты стали экзотикой, но и обычные, под «оборотку», стали большой проблемой. Как следствие — стагнация, даже обрушение целых отраслей. И это при том, что реальной статистики еще нет. Ни на Западе, ни в России, т.е. мы еще не знаем, что уже потеряли. Хотя есть и очевидные вещи, например, что в условиях кризиса больше всего проигрывают успешные. Те же, кто имел худшие показания, пострадают меньше других. В самых крупных городах России, где сосредоточено 80–85% финансов, строительных мощностей и т.п., ожидается сокращение «офисного планктона» до 80%! Кстати, может и хорошо, ведь не зря же говорят, что более 50% занятых в экономике страны граждан вообще не производят добавочной стоимости, а производительность труда в России составляет 10–25% от США.

Напрашивается вывод: чем богаче, чем информирование, чем влиятельнее структура, **тем меньше она понимает суть кризиса**. Отсюда — парадоксальный вывод — министр финансов понимает кризис хуже, чем мэр небольшого города, а меры по его нейтрализации уж точно представляет хуже. Вообще-то элита должна, наконец, признать, что мы почти ничего не знаем о кризисе и его последствиях. Нет ни мониторинга, ни анализа, ни, тем более, разумных предложений. Отсюда и неэффективность антикризисных мер, отсутствие эффективных инструментов. Отсюда и неизбежный вывод: полномочия для борьбы с кризисом нужно отдать местному самоуправлению. Это будет не только экономически эффективнее, но и полезнее для общества.

Другой вывод: кризис имеет системный характер, т.е. его последствия будут сказываться во многих (почти во всех) областях. И неизвестно, какие из этих последствий окажутся самыми негативными. Можно допустить вероятность нарушения взаимоотношений между федеральным центром и регионами, социально-протестных действий (особенно в моногородах), уже не говорят о последствиях для здоровья — стрессы, психозы, суициды и т.д. На эти социальные последствия следует обратить особое внимание.

Похоже, что может повториться ситуация 1998 года, когда действия власти носили хаотичный характер: и политические, и экономические, и финансовые, и социальные. В самом деле, не понимая сути кризиса, не прогнозируя его хода и последствий, не имея эффективной стратегии и механизмов, трудно ожидать, что власть будет действовать эффективно,

т.е. оперативно и системно. Соответственно — простор для демагогов и авантюристов. Лучшее средство их лечения — стабильность среднего класса.

И, наконец, последнее. Понятно, что информационная политика играет в условиях системного кризиса особое значение. Во многом кризис, как я уже писал, это кризис психологический, а не финансовый. Понятно, что не имея антикризисной стратегии, нет и стратегии информационной, коммуникационной, системы работы с населением. А она чрезвычайно важна. Может быть, даже важнее, чем антикризисные меры в области финансов. Уж очень нужно, чтобы А. Кудрин объяснил, почему в условиях спада не понижается (как в других странах) ставка рефинансирования, почему выделяются коммерческим банкам шальные деньги, позволяя их вывозить за рубеж, почему фактически прекратилось кредитование реального сектора экономики и как возвращать взятые под 10% кредиты, сегодня под 30%? Если ответить на эти вопросы трудно, то почему бы не ответить на самый простой вопрос: раз уж мы не можем бороться с дураками, то почему мы до сих пор не стали строить хотя бы дороги?

Впрочем, и здесь нужно знать, куда (зачем) ведет эта дорога, т.е. ясно определить себе цели в условиях кризиса. Если, в конечном счете, к изменению структуры экономики, то ответ понятен: знания превращаются в деньги, рост производительности труда. Если дорога ведет к примитивной прибыли, то и беспокоиться не надо: кризис пройдет, финансовые спекулянты вернутся на фондовые рынки, в банки и корпорации. Кто не уцелеет — тоже не беда. Как говорится, потеряют «не последнее».

Нам же нужно ясно понимать, что делать в условиях кризиса, какую цель мы преследуем?

Если согласиться с В. Сурковым в том, что главная задача — сохранение среднего класса, то следует, на мой взгляд, пойти дальше, а именно: **в условиях кризиса необходимо и возможно быстрее изменить структуру общества в пользу среднего класса и креативных групп. И не только структур общества, но и экономику**. Для этого необходимо, во-первых, сформулировать эти задачи **в качестве внятных политических целей**, а, во-вторых, скорректировать имеющиеся планы и бюджеты в эту сторону.

Мы должны ясно понимать, что если мы не поддержим средний класс и креативные слои общества, то:

— во-первых, мы лишимся внутриполитической стабильности, ибо процесс маргинализации обнищания, безусловно, приведет к дестабилизации;
— во-вторых, мы лишимся будущего приоритета в мировой науке, образовании, культуре и искусстве;
— в-третьих, это нанесет удар по нашим традиционным ценностям, ослабит нарождающийся процесс самоидентификации, что, естественно, ослабит позиции России на глобальных рынка.

Вот почему крайне своевременным, я бы сказал принципиально важным, стало выступление В. Суркова 28 ноября 2008 года. Позволю себе привести пространную цитату из этого выступления:

«Главным достижением первых лет XXI века стало появление и становление в России массового, достаточно обширного среднего класса. И не просто появление и становление, но и выход на историческую сцену. Средний класс фактически обрел социальную гегемонию и политическую власть. Если 80-е были временем интеллигенции, 90-е — десятилетием олигархов, то «нулевые» можно считать эпохой среднего класса.

Собственники обычного жилья, скромных автомобилей, небольших компаний. Врачи, преподаватели и офицеры. Квалифицированные рабочие. Сельские специалисты. Государственные служащие. Офисные работники. Их настроения, пристрастия, тревоги и надежды определили лицо эпохи. Их интересы стали целью политики последних лет. Их трудом, их знаниями и энергией обеспечены экономический рост, общественная стабильность, военные победы. **Их деятельный патриотизм, политические, эстетические и ценностные предпочтения именно этих людей формируют современную культуру России, наш образ жизни, нашу демократию.** Они — соль земли. Золотая середина, сердцевина общества. Им Россия обязана своими успехами.

Поэтому основной задачей государства в период спада должно стать сохранение среднего класса. Защита среднего класса от идущей с Запада волны «оскудения» и растерянности. Замедление экономики требует от государства решительных шагов навстречу «середняку». Спасти гегемона. Помочь среднему классу пережить следующий год без серьезного ущерба. Поддержать уровень занятости и потребления.

Безусловно, бомжи и миллиардеры, и представители других маргинальных групп и меньшинств — тоже наши граждане. Государство, конечно, помнит о них. Но первейшая забота сегодня — средний класс. Потому что российское государство — это его государство. И российская демократия — его. И будущее у них общее.

Бедолагам, назанимавшим миллиарды долларов на покупку дутых активов, экстренная помощь уже оказана. Тем, кто занимал тысячи рублей на холодильник, квартиру, образование, на потребление, короче говоря, на жизнь — пока нет. Рабочим, офис-менеджерам, малому бизнесу, всем этим, по-обамовски выражаясь, молчаливым героям пока не помог никто. Им — пока — только взвинтили неподъемную ставку по ипотеке. Перевели на неполную рабочую неделю. И, кажется, собираются уволить. Или уже уволили.

Нужно позаботиться о них. Россия — их страна. Медведев и Путин — их лидеры. И они их в обиду не дадут.

КНИГА ТРЕТЬЯ

КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС И ИДЕОЛОГИЯ РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Люди справедливо чувствуют себя брошенными. Кропотливая партийная работа… заменена попытками встроиться в макушку власти[1].
«НГ». От редакции

В последнее десятилетие термин «креативный класс» прочно вошел в обиход политиков и исследователей. Это связано не только с появлением модных работ, получивших широкую известность, но с теми реальными процессами в экономике и социальной жизни государств, в которых творческая деятельность стала играть всё большую роль. Именно с конца прошлого века стало можно говорить о том, что эта деятельность превратилась **в профессиональную деятельность**, даже образ жизни отдельных социальных групп, часть которых (ученые, педагоги) существовали и раньше, а часть появилась только во второй половине XX века.

На мой взгляд, это связано и четко коррелируется с новым этапом (информационно-коммуникационным) научно-технической революции второй половины XX века, изменившим не только экономическую, но и социальную структуру общества. В XXI веке уже можно говорить как о креативной экономике, так и о креативном обществе.

В этой связи неизбежно встал вопрос о политическом отношении к новым креативным слоям как правящих элит, так и прежних слоев и классов. Прежние идеологии не дают ответа на этот вопрос, хотя некоторые авторы и связывают появление и (главное) поведение креативного класса с некими универсалистскими нормами. На мой взгляд, идеология русского социализма должна ясно ответить на этот вопрос, признав, что:

— креативный класс остается не только творческим, но и националь-ным классом. Более того, его творческие возможности во многом предо-пределяются национальными школами и традициями;
— креативный класс однозначно является собственником своего творчества и в этом смысле меняет представления о собственности и производственных отношениях;
— креативный класс в максимальной степени заинтересован в социальной справедливости и эффективной экономике (менее ресурсоемкой, экологичной и т.д.);
— креативный класс как новый субъект политической жизни имеет полное право на управление, в т.ч. руководство;
— креативный класс во все большей степени определяет темпы развития нации и ее экономики, обозначая тенденцию, когда максимальный прирост обеспечивается не за счет национальных ресурсов, а за счет творческой деятельности. Этот ресурс не только неисчерпаем, но и нарастает по мере его использования.

Данная работа представляет собой попытку связать в качестве важ-ной цели условия развития креативного класса с опережающим нацио-нальным развитием России. Идеология русского социализма в своих важнейших положениях формирует такую систему взглядов, которая ориентируется на креативный класс как на главную силу экономического и социального развития нации.

В этом смысле идеология русского социализма — это идеология креативного класса и для креативного класса, а для нации — идеология национального

опережающего развития. Для нынешней России сегодня принципиально важно четко определить роль и значение креативного класса в стратегии национального развития. На этот счет существует несколько, порой, полярных мнений. Так, некоторые эксперты полагают, что креативный класс как самостоятельный класс вообще не существует. Кто-то — что этот класс вреден. А кто-то придает ему универсально-исключительное значение, исключает национальные особенности и спе-цифику.

Отдельно следует сказать о политической власти и креативном классе. С одной стороны, творческие люди и группы крайне дорожат личной и творческой свободой и далеко не всегда активны в политической жиз-ни, но, с другой стороны, ведущая экономическая и социальная роль творческого класса неизбежно **вынудит его участвовать** в политической жизни.

Более того, в последние годы немало примеров самоорганизации творческих групп в информационном пространстве, выдвигающих порой острые социальные и политические проблемы. Эта активность в целом стала неожиданной для правящей элиты в России, которая попыталась взять ее под контроль и даже участвовать в ней. До этого в начале столетия правящая элита первой стала использовать информационные ресурсы Интернета в политических целях (Г. Павловский и портал «Страна.ру» и т.п.), формируя общественное мнение интернет-сообщества. К 2011 году сформировалась огромная интернет-аудитория, составляющая значительную часть нации. Причем быстрорастущую и, что немаловажно, активную. Социальные сети стремительно формируют целевую аудиторию, которая выходит из-под влияния электронных СМИ. Опыт стран Северной Африки и Норвегии (после зверского убийства десятков людей в июле 2011 года) показывает возможности сетевых ресурсов. Это говорит о том, что у креативного класса появляются свои медийные и политические инструменты са-моорганизации и общественно-политического влияния. Те, которых прежде он был лишен. И те, о которых мы пока что еще не знаем.

---

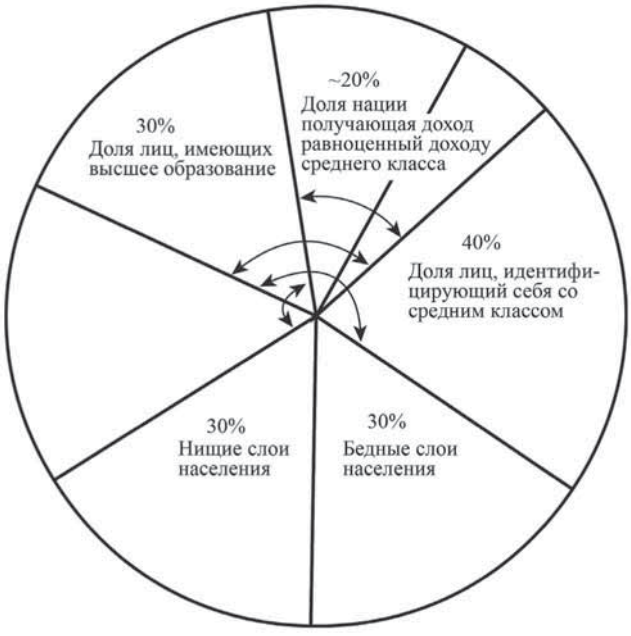
[1] От редакции // Независимая газета. 2011. 26 июля. С. 2.

Глава 1

Креативный класс[1] и стратегия национального развития

Уезжают — значит, нет условий для работы, для жизни. Хотя до революции Россия была едва ли не самым лакомым местом, куда стремились все знаменитости своего времени… Деньги давали, не жалея[2].
Г. Вишневская

Величие нации вовсе не измеряется ее численностью, как величие человека не измеряется его ростом[3].
В. Гюго



Креативные социальные группы в современной России, составляющие условно «креативный класс», находятся как среди классов, где находятся преимущественно лица с высшим образованием и доходами среднего класса, так и вне этого класса, среди представителей практически всех социальных слоев и групп.

1. Креативный класс и социальная структура общества

Творчество — это любовь, сильный креатив — пик любви[4].

Основу нашей политики должна составить идеология, в центре которой — человек[5].
Д. Медведев

Все последние годы усложнение мира вело в России к упрощению, даже примитивизации понимания возникающих проблем и ухудшению качества управления. Упрощенное толкование мировых процессов, стремление использовать часто некритически западные шаблоны и идеологемы — характерная черта «наивного» демократического прошлого и «прагматизма» настоящего. Между тем нарастающая сложность и специфичность российских проблем, не воспринимаемых правящей элитой, уже осознаются в обществе. «Сложному миру нужен сложный человек». Эта мысль известного культуролога Д. Б. Дондурея является своего рода ответом на им же сформулированный вопрос, который избегается властью: «Наше будущее определяется технологиями или идеологией?»[6] Ответ на этот идеологический вызов о необходимости формирование «сложного человека» в новой идеологической обстановке, т.е. человека нравственного, интеллектуального и креативного, сегодня является единственно возможным ответом. Которого пока нет. И ответа на который боятся.

Следует признать, что проблемы с нравственностью, духовностью в российском обществе появились не сами по себе. Они явились прежде всего закономерным результатом начатых в конце 1980-х годов прошлого века процессов в советском и российском обществе, когда либеральная идеология реформ отторгла не только диктат КПСС, прежнюю элиту, производственные отношения, но и не дала взамен ничего стоящего кроме безумной жажды наживы. Те, «коммунистические» ценности, были объявлены «совковыми» и «устаревшими», а новые — сведены к простому даже примитивному материальному успеху, причем успеху любой ценой, без оглядки на нравственные и духовные нормы и последствия такого успеха. «Успех (деньги) — любой ценой», — вот лозунг последних десятилетий.

Поэтому кризис 2010–2011 годов в российском обществе имел, как минимум, обострение кризиса на трех уровнях: мировоззренчески-ценностном, моральном и психологическом. Этот кризис, конечно, существовал и прежде, более того, сформировался еще в начале 90-х годов, но сохранился и усилился к началу второго десятилетия XXI века. Общество было в шоке и продолжает в нем находиться, «не замечая» этого. Как справедливо признает группа социологов под руководством Г. В. Осипова: «Негативные последствия реформ… привели народ к черте моральной деградации и физического вырождения, а российское общество — на грань потери своего идейно-смыслового единства. Человеческая жизнь стала разменной монетой радикальных реформ»[7].

Понятно, что в такой атмосфере 90-х и первого десятилетия нового века наиболее пострадавшим оказался именно креативный класс, который в новых экономических условиях оказался в своем большинстве просто не нужен. Сырьевая экономика и простые товарно-денежные отношения не требовали и не требуют интеллекта, духовности, нравственности и, конечно же, творчества. Результат сказался немедленно: стремительное сокращение ядра креативного класса — ученых, творческих работников, — результатов их продукции, тиражей книг и журналов. Поэтому мировоззренческий кризис последних десятилетий был той объективной обстановкой, в которой возникал и уничтожался креативный класс. Иногда эти процессы шли одновременно, но чаще ядро креативного класса просто разваливалось и уничтожалось: исчезли отраслевые институты, КБ, многие научные школы, разрушались институты социального потенциала — союзы, общества и клубы, — а те, которые появлялись не шли ни в какое сравнение с теми, которые существовали.

Одновременно шел и другой процесс — ухудшения качества государственного и общественного управления, который сопровождал ухудшение качества человеческого потенциала и объективно ослаблял креативный класс. Управленческие кадры и развитие креативного класса — один из самых важных и одновременно сложных и противоречивых вопросов. С одной стороны, эпоха требует креативности в управлении особенно после 2010 года в России, когда страна должна перейти от стагнации к развитию, а с другой — власть не любит креатива и всячески ему противодействует. Среди наиболее востребованных качеств — лояльность, исполнительность, аппаратная преданность «начальнику» — мало совместимы с творчеством. Да и сами креативные группы, надо признать, не очень-то стремятся к бизнесу, политической и финансовой власти. Так, среди опрошенных ученых в Москве, только 1% хотели бы заниматься внедрением своих разработок, а между тем усилия власти направлены на то, чтобы сделать из них бизнесменов, внедренцев, «инноваторов», что просто противоречит их существу. Поэтому креативность проявляется, как правило, не в бизнесе (и не надо ее там настойчиво искать), а в служении нации и обществу. Это служение может называться еще и реализацией человеческого потенциала, его превращение в капитал. Но не финансовый (о чем все помнят), а социальный. Что имеет огромное значение для на-

ции, государства и, конечно, общества. Это и есть лучший инструмент развития. Лучший инструмент для выхода из кризиса. «Что делать, если в исцелении нуждается именно страна? — спрашивает А. Мелихов. И отвечает: «К счастью, всегда остается множество аристократических личностей, исполненных верой в свое дело, готовых творить подвиги во имя своей мечты и тем поддерживать воодушевление остальных». И далее: «Аристократических натур полным-полно среди учителей, врачей, библиотекарей, инженеров, ученых, военных, спортсменов — я долго не находил среди них лишь менеджеров, они казались мне мелкотравчатыми прагматиками, бесполезными в делах исторического масштаба» (это еще одно свидетельство отношения общества к креативному классу. — *А. П.*)… Но вот недавно мне пришлось пообщаться со студентами нового финансово-экономического института, и предубеждения социального расизма меня оставили»[8].

Действительно, «социальный расизм» по отношению к бизнесу в российском обществе существует. И не без оснований. Прежде всего потому, что в этом классе действительно мало тех, кто что-нибудь новое создает, а не ворует.

Другая сторона вопроса заключается в том, что креативный класс не напрямую связан с правящей элитой, а через политический класс[9], который выполняет в данном случает всего лишь представительскую, иногда экспертную функцию[10]. При этом как сам креативный класс, так и политический класс нередко игнорируют друг друга, а иногда, как в случае с А. Дугиным или О. Крыштановской, просто отрицают существование друг друга.

Вообще-то, я бы разделил российское общество на две неравные социальные группы. Первая, к которой большинство социологов относят порядка 80% граждан, ничего или очень мало получила от реформ и не разделяет новой системы ценностей. Другая, вторая группа, к которой относят порядка 20% граждан, вроде бы получила от реформ различные бонусы: свободный выезд, собственность, достаточно высокий душевой доход[11].

На самом деле в 2008–2011 годы внутри этой группы произошло серьезное разделение на правящую элиту (0,5–1,0%) и всех остальных. «Все остальные» — представители относительно благополучной социальной группы — на самом деле получили право **обслуживать элиту** в обмен на лояльность и преданность к этой самой элите. И далеко не всем из этой социальной среды такие условия нравятся. Кто-то уже отказался от лояльности, а кто-то взвешивает выгоды и потери от такой ситуации. Это говорит о том, что в среде креативного и политического класса растет доля тех, кто не воспринимает политику правящей элиты, которая, на мой взгляд, в 2011 году потеряла массовую поддержку политического и креативного классов. Как показали опросы «Левада-Центра», «В обществе нарастает равнодушие… со временем происходит процесс деморализации общества… Граждане занимаются внутри семейных отношений. Становятся более циничными»[12].

В этом свете становится понятной риторика Д. Медведева 2010–2011 годов, апеллирующая к творческой интеллигенции, его попытки сделать ее движущий силой либеральной модернизации[13]. Он пытался сохранить ускользающую из-под традиционного влияния либералов интеллигенцию, средний и креативный классы, которые, как ни странно, стали переходить и во многом уже перешли в протестное поле. Преимущественно к КПРФ и в меньшей степени «Справедливой России» только из-за того, что последняя все еще ассоциировалась с властью (несмотря на нешуточные баталии в регионах и даже на федеральном уровне).

Таким образом, на мой взгляд, социально-политическая структура российского общества в 2010–2011 годах в упрощенном виде может быть изображена на рис. 1.

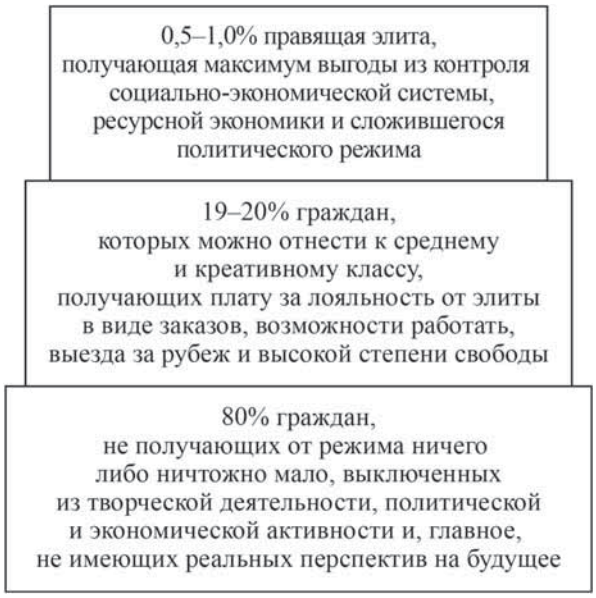


Рис. 1.

В своем время, в начале 1990-х годов, Россия оказалась разделенной на две неравные части, которые в разное время назывались по-разному — «консерваторами» и «реформаторами», «демократами» и «красно-коричневыми» и т.п. Суть сохранялось, однако, одна и та же: около двух третей нации не понимала и не поддерживала реформы. Меньшинство, которое было наиболее образовано, молодо и динамично, как правило, поддерживало перемены, не понимая их направленности. В начале нулевых это меньшинство объединилось с частью большинства на основе стремления сохранения государства и уважения чувства национального достоинства. Это и стало «путинским» большинством, существовавшим до недавнего времени, точнее до тех пор, пока чувство ощущения стабильности стало не перерастать в чувство ощущения застоя, потери перспективы, социальной несправедливости и национального унижения.

По сути дела, «две России», существовавшие с начала 1990-х годов, остались, но та часть, которая всегда была опорой — политической и экономической — режима стала все более активно и открыто переходить в оппозицию. Ей уже стало мало просто свободных рыночных отношений и демократических свобод. Ей нужна высокая степень самореализации, ощущения социальной значимости, чувства собственной необходимости, а, главное — перспектив.

Политическая система, правящая элита стали все больше опираться на неоконсервативную и присобленческую часть нации — «другую Россию», представители которой составляют конформистское большинство (крестьяне, рабочие, бедные служащие), всегда поддерживающее власть, что в дальнейшем ведет к нарастанию противоречий с креативной частью общества. В этом, на мой взгляд, объяснение провала модернизационного проекта Д. Медведева, социальной опорой которого могла бы стать только креативная часть общества. Президент искал социальной поддержки среди тех, кому модернизация была либо не нужна, либо не понятна.

Надо сказать, что большинство исследователей обходят вопрос о взаимосвязи национальной идентификации, решающей роли государства и модернизации. Не случайно, ведь деградация России в 1990-е годы и первом десятилетии XXI века была тесно связана и с первым, и со вторым. Отрицание национальной идентичности (вплоть до отрицания в первой половине 1990-х годов самого понятия «национальные интересы») — вполне сознательная политика либеральной элиты Горбачева–Ельцина по развалу государства и его институтов не оставляли никаких шансов для модернизации. Это вело к откровенной деградации 1990-х годов, но это же и не закладывало фундамента под будущее развитие. Что особенно ярко проявилось в 2010–2011 годы, когда Д. Медведев был вынужден открыто признать провал «Стратегии–2020»[14].

Между тем, чтобы сделать модернизацию не лозунгом, а реальной политикой, необходимо прежде всего было вернуть нации ее идентичность, а государству — ту ведущую роль, которую оно должно играть в современном мире. Это нужно прежде всего для креативного класса, который, как никакой другой, зависит от степени развития национальной культуры, поддержки государства и общества. «Люди формируют ощущения национальной идентичности в сражениях за дифференциацию с теми, кто говорит на другом языке, исповедует другую религию, хранит другие традиции или просто живет на другой территории»[15]. Этой национальной и социальной дифференциации крайне не хватало не только в 1990-е, но и в последующие годы. Ощущение национальной и социальной несправедливости не просто росло. Оно превращалось в радикальные протесты. По признанию министра МВД Р. Нургалиева, с 2004 по 2010 годы число экстремистских выступлений выросло в 6 (!) раз[16]. В 2011 году они стали ежедневными эксцессами.

К сожалению, реакцию правящей элиты адекватной назвать трудно. Как и в борьбе с терроризмом, акцент был сделан на административные меры и усиление правоохранительных действий, а не на идеологию, национальную и социальную политику. Не трудно прогнозировать, что и результат будет тот же: внешние проявления экстремизма, может быть, и сократятся, но внутренняя напряженность только усилится.

Как практическое следствие такого примитивно-либерального подхода стало понимание, что модернизация не основана на национальных ценностях, на национальных интересах, **не опирается на национальный творческий класс**. Она становится простым синонимом внешних технологических заимствований, а также заимствования чужих идей, концепций и чужих кадров. С точки зрения национального творческого класса такая модернизация не просто его игнорирует, она лишает его будущего. Примечательно, что в это же самое время страны Евросоюза провозгласили социальную доктрину, в которой декларировалось, что главное богатство Европы — это люди. Это различие в приоритетах правящей элиты России и Европы, естественно, не находило понимания среди креативного класса. Что отразилась сначала на отношении к модернизации, а затем и к политике. Что мы и наблюдаем в конкретной практике реализации политики Д. Медведева–В. Путина.

Между тем модернизация может и должна опираться именно на национально ориентированный творческий класс. Другие классы в ней просто не заинтересованы. Как отмечает Й. Клоудова[17], «креативную экономику составляют креативные отрасли — это средства массовой информации, кинематография, музыка, развлекательное программное обеспечение для игровых автоматов, компьютерные игры, научные исследования, а также другие отрасли культуры, которые в настоящее время создают в США значительную долю финансовых средств. В них занята значительная часть населения страны».

По различным оценкам доля креативной экономики — наибольшая. Только доля здравоохранения сегодня превышает 10% ВВП развитых стран. Но важнее даже другое: абсолютное большинство прироста ВВП и качество обеспечиваются именно креативной экономикой.

Не менее важен и социальный аспект этой проблемы. Стремительный рост доли креативной экономики неизбежно ведет к такому же стремительному процессу изменения социальной и социально-политической структуры общества развитых стран. Как замечает Й. Клоудова, «в связи с развитием креативного сектора формируется, по сути, новый общественный класс — креативный. Ричард Флорида в бестселлере „Креативный класс: люди, которые меняют будущее“…

выделил новый класс работников, занятых в сфере креативной экономики, — креативный. Речь идет о людях, занятых в рекламе, архитектуре, различных областях искусства — художественном ремесле, дизайне, моде, кино, музыке, театре, литературе и издательском деле, научных исследованиях, разработках программного обеспечения, новых видов игрушек и компьютерных игр, а также на радио и телевидении»[18]. Конечно, решающее значение имеют те социальные группы, которые составляют «ядро» креативного класса: работники научной и образовательной сферы, здравоохранения, культуры.

Как отмечают зарубежные авторы и подтверждают результаты других вышеупомянутых исследований, значение креативных отраслей в экономике развитых стран стремительно растет, а вместе ними растет их вклад в общий прирост валового внутреннего продукта (ВВП) не только развитых, но и развивающихся стран. В настоящее время на долю креативных отраслей приходится уже более 7% глобального ВВП. Ежегодный рост креативной экономики в странах OECD колеблется от 5 до 20%. К России это, естественно, отношения не имеет. Наоборот. Доля креативной экономики падает. Что противоречит экономической логике.

Как видно из результатов исследований, проведенных по поручению Европейской комиссии в 2006 году, вклад креативного сектора экономики в ВВП стран ЕС в 2003 году составил 2,6%. Для сравнения: сфера недвижимости — 2,1%, производство продуктов питания, напитков и табачных изделий — 2,1%, химическая и резиновая промышленность, включая производство пластмассовых изделий, — 2,3%. В 1999–2003 годах темпы роста четвертичного сектора экономики более чем на 12% опережали среднегодовые темны роста экономики ЕС.

Развитие креативной экономики, очевидно, будет серьезно влиять на будущий экономический рост развитых стран мира. По некоторым оценкам, **основной прирост ВВП в развитых странах в будущем на 85% обеспечивается креативным классом**, а темпы роста всей креативной экономики могут в разы превышать темпы роста экономики отдельной страны.

Считается, что «Великобритания — первая страна, которая начала двигаться в этом направлении в конце 80-х годов, в 2000 году объявила креативность, креативный город, **креативный класс — основными целями своего ближайшего развития**. Программа, заявленная в 2008 году в качестве новой стратегии развития страны — «Creative Britain — New Talents for the New Economy». Именно благодаря программе, Филу Вуду и Флориде Ливерпуль и Манчестер приобрели тот вид, который имеют»[19], — считает Валерия Бородина.

Но в России этого упорно не хотят замечать. Ни в экономической, ни в социальной, ни в бюджетной политике, где либеральная традиция формирует свои нормы, незыблемые со времен Е. Гайдара.

2. Креативный класс и стратегия опережающего развития[20]

Духовность и креативность делают человека реальной силой,
наиболее значимой составляющей не только социума, но и вселенной.
В. Петровский

Проявившаяся неподготовленность к мировому кризису, оказавшемуся
почти неожиданной катастрофой для властных и экономических элит,
отчетливо продемонстрировала, что мы недостаточно знаем,
как устроен и функционирует современный мир…[21].
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Необходимость этого раздела вызвана тем, что современная концепция долгосрочного социально-экономического развития России не связана и практически не учитывает особой роли, которую играет в опережающем развитии креативный класс и творчество в целом. Хотя «какие-то» слова на этот счет и повторяются периодически[22].

Существующая стратегия социально-экономического развития и концепция модернизации в минимальной степени учитывают главный субъект и основную движущую силу модернизации — креативный класс. В целом развитие социального потенциала[23] как части национального человеческого потенциала (НЧП) предлагает выделение ведущей социальной силы, ведущего класса или социальной группы. Сегодня, можно уверенно сказать, это — креативный или творческий класс России. Хотя это и не всегда и не для всех очевидно.

Так, говоря о растущей мощи Китая, как правило, имеют в виду прежде всего быстрый рост ВВП и золотовалютных резервов (ЗВР), которые в 2011 году превысили 3 трлн долл. (для сравнения М. Стуруа, например, приводит стоимость всех закупаемых США вооружений в 2011 финансовом году — 414 млрд долл. или недвижимости на Манхэттене — 287 млрд долл.)[24]. Между тем главное богатство нынешнего

Китая, которое осознается китайским руководством, это появившиеся за последние десятилетия 300 млн выпускников высших учебных заведений, формирующих сегодня основную часть НЧП и креативного класса. И именно с этими людьми, а также с теми, кто должен, по мнению руководителей КПК, к ним присоединиться в ближайшие годы, связывается главная задача «гармоничного» развития Китая и преодоления социальных и региональных диспропорций.

Споры вокруг роли «креативного класса» в модернизации российского общества ведутся нешуточные. Некоторые, как В. Сурков, не любят самого термина, предпочитая говорить о творческих социальных слоях, другие, как А. Дугин, — даже об имманентной «вредности» креативного класса, а третьи, как А. Григорьев — отрицают само его существование. Так или иначе, но в российской правящей элите и политическом классе нет ни общего мнения относительно самого понятия «креативный класс», ни о его роли, ни согласия относительно его значения в заявленной модернизации. Как, впрочем, и среди интеллектуальной элиты, лидеры которой расходятся, причем весьма существенно, по этим вопросам.

Хуже того, правящая элита создала политический класс и попыталась превратить креативный класс в простых потребителей материальных ценностей. И если с политическим классом это сделать удалось, то с креативным дело оказалось сложнее. Как метко пишет профессор Д. Х. Квон, «бегают… (по Земле) чиновники… разбрасывают по всей огромной России бешеные нефтяные деньги… А за ними бегают кто гуськом, кто порознь вся академическая и прочая интеллектуальная общественность. И все это под нескончаемые и тошнотворные разговоры о реформах, инновациях, модернизациях… И весь этот карнавал интеллектуальной российской элиты несется и кружится в таком же безумном потребительском инстинкте, как и все российские граждане…»[25]. Креативный класс в своем большинстве за подачками не побежал. Он привык рассчитывать на себя.

Правящая элита этого как-то «не заметила». Помешал свойственный ей тупой снобизм. Между тем уверен, что это ее самая большая ошибка: выделение креативного класса в качестве отдельной социальной группы важно со многих точек зрения, но, на мой взгляд, это принципиально прежде всего потому, что:

— именно креативный класс в развитых странах обеспечивает основной прирост ВВП за счет качественного улучшения производимых товаров и услуг. Встречаются цифры, которые говорят о том, что уже сегодня этот прирост на 80–85% обеспечен за счет креативного класса. В сегодняшней России этого видеть не хотят потому, что для ресурсной экономики это-то, как раз, и не важно;
— недооценка креативного класса в России в последние десятилетия прямо связана не только с ресурсной экономикой, но и незаинтересованностью, в том числе личной, правящей элиты в социальном развитии общества. Отрицание ведущей роли креативного класса означает на деле молчаливое согласие и с первым, и со вторым. Не случайно В. Путин заявил на конференции «Несырьевая модель социального государства» в мае 2011 года о том, что «… сырьевая экономика не только ставит нас на низкие позиции в мировом разделении труда, но и не дает нам выйти на новую ступень в развитии человеческого капитала»[26];
— креативный класс становится не только ведущей экономической, но и социальной, а теперь уже и политической силой. Игнорирование интересов этого класса неизбежно ведет не только к экономическим, но и политическим последствиям;
— модернизация невозможна без опоры на креативный класс, как в свое время в СССР была невозможна индустриализация без научно-технической и гуманитарной интеллигенции. Этим, в частности, объясняется то, что отдача от инвестиций в инновации невелика (хотя сами эти инвестиции растут относительно быстро — с 419 млрд руб. в 2010 году до 742 млрд руб. в 2011 году), да и сама эта доля инвестиций в новые технологии не превышает 1,5%[27]. Как видно, инвестиции (не слишком большие) направляются в технологии, тогда как они должны направляться прежде всего в развитие институтов социального потенциала, представляющих креативный класс;
— и, наконец, главное: креативный класс[28] является **основным носителем национального человеческого потенциала**, именно он концентрирует в себе такие его качества, как знания, творчество, культура. Кроме того, именно креативный класс является т**ем инструментом, механизмом превращения НЧП в национальный человеческий капитал (НЧК), той реальной социальной силой, которая заинтересована в модернизации**[29]. Иными словами, развитие нации, экономики и общества сегодня зависят преимущественно от креативного класса, причем подчеркну, прежде всего **от его национально ориентированной части**, а не заимствованных технологий и других материальных активов.

На мой взгляд, изначально нужно определиться с пониманием того, что я имею в виду не столько под термином «креативный класс», сколько относительно **его структуры и роли** в обществе и экономике. Отрицание самого факта его существования, характерное для некоторых исследователей, делает бессмысленным все дальнейшие рассуждения о «креативной экономике», новой социальной структуре общества и политических последствиях его появления.

С точки зрения социальной структуры общества креативный класс, на мой взгляд, это **совокупность отдельных социальных групп, представляющих**

творческие слои нации. Такие группы могут быть, прежде всего, в среде российской интеллигенции — научной, образовательной, технической, творческой. Но не только. Креативные группы могут быть и в среде предпринимателей, и среди служащих. Креативные группы могут быть среди лиц, имеющих высшее образование (их доля, безусловно, растет по мере повышения образования, но даже у докторов наук не достигает 100%), и среди лиц, не имеющих высшего образования: я встречал немало талантливых программистов, которые бросили обучение в вузах на 3–4 курсах, так и не закончив вузов, оставаясь, тем не менее, признанными специалистами в своей среде.

Креативность не всегда определяется уровнем доходов, хотя, надо признать, доходы во многом обеспечивают различные условия развития креативности и реализации творческого потенциала.

Таким образом, креативные группы могут быть **в любых классах и социальных слоях общества, но их доля всегда в них различна**. Не смотря на это, мы можем говорить о неких общих чертах, свойственных для всех креативных групп. Это:

— **способность к творчеству** во всех его проявлениях, которая изначально присуща всем индивидумам при рождении, но теряется из-за несоответствия условий для его развития. Бог дал всем людям возможность самореализации в этой жизни, но не все и не всегда этим даром воспользовались. Здесь важно подчеркнуть, что, во-первых, общество и государство могут и должны создавать условия и воспитывать креативные личности (правда, могут и мешать, как в случае с ЕГЭ) и, во-вторых, если общество не создает таких условий, то творческий потенциал, заложенный Богом, теряется, исчезает. В идеале общество и государство заинтересованы в том, чтобы вся нация, все граждане были творческими личностями. Сегодня, по разным оценкам, их число достигает в некоторых развитых странах 20–25%, но, что особенно важно, именно от них зависят прежде всего успех или неудача любой стратегии национального развития.

Возможность творческой самореализации ценится в современном обществе наравне с материальными благами. От ощущения того, существует ли такая возможность, во многом зависит социальное самочувствие. Так, по данным Института социологии РАН, свое материальное положение как «плохое» стабильно ощущает больше россиян, чем как «хорошее» (хотя с конца 1990-х годов общая тенденция улучшилась и стабилизировалась в 2000–2010 годы[30] (рис. 2, 3).

Как видно из сравнения этих тенденций, в 2008–2010 годы свое материальное положение значительная часть общества (хотя и меньше, чем в 1990-е гг.) оценивала как «плохое», а самооценка в целом своей жизни — лучше. Мне представляется, что разница объясняется прежде всего тем, что большинству граждан недоступны услуги и иные возможности, характерные для потребностей современного общества. Прежде всего для самореализации.

— **интеллект и образование**, как правило, являются атрибутами креативного класса, причем чем они выше, тем выше творческие возможности для реализации имеющихся способностей. Государство и общество во многом, если не во всем, предопределяют развитие этих качеств. Так, если у нации есть ставка на всеобщее, 100% высшее образование, если она обеспечивает доступными информационными ресурсами все общество, то доля креативного класса неизбежно будет расти. И, наоборот, если значительная часть нации

Рис. 2. Оценки своего материального положения как «хорошего» или «плохого», 1994–2010 гг., %

Рис. 3. Как, по самооценкам россиян, в целом складывается их жизнь, 1994–2010 гг., %

лишена такой возможности, (как сегодня в России), то это означает, что питательная среда для креативного класса сокращается и даже исчезает;

— **национальная культура и ценности** как фундамент, на котором основываются творческие возможности. Творчество само по себе не бывает абстрактным. В его основе всегда находятся национальные ценности, традиции, особенности, школы. А. С. Пушкин не мог бы появиться вне русской культуры и истории. Также как Д. С. Менделеев, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, С. П. Королев.

Понятно, что современный креативный класс легче других слоев общества впитывает достижения мировой культуры. Иногда даже говорят, что в этом его главное отличие. Но эта способность заранее предопределена той национальной социокультурной средой, в которой он родился и воспитывался.

В данной работе рассмотрены лишь некоторые, но, на мой взгляд, важные вопросы, связанные с решением задач опережающего развития российского общества, экономики и государства, которые можно охарактеризовать как **переход к креативной экономике, к креативному обществу**. Как мне кажется — и это следует из самого названия книги, — эти задачи необходимо решать, прежде всего, с помощью политических и социальных методов, направленных на сознательное **развитие творческого и воспитание**[31] **креативного класса как носителя национального творческого и интеллектуального потенциала нации** — важнейшего в XXI веке ресурса общественного и экономического развития. Понимание этого значения имеет колоссальное значение для будущего России[32]. Прежде всего для правящей элиты и политического класса. Это понимание лежит в основе идеологии русского социализма, но слабо вписывается в либеральную традицию. Соответственно, что это различие неизбежно находит свое отражение как на национальной стратегии, так и на подходе к креативному классу.

Следует оговориться, что термин «креативность» (от англ. create — создавать) в данном случае — абсолютный синоним термину «творчество» с той лишь небольшой разницей, что этот термин сегодня чаще используется в западной литературе, хотя в действительности креативность больше свидетельствует об **уровне** творческой одаренности, т.е. в какой-то мере о количественном показателе, а не о самом качестве личности или социальной группы.

По мнению классика исследования этого вопроса Р. Флориды, «наиболее заметная социальная тенденция современности — развитие креативного класса, великого нового класса наших дней… Многие авторы, к примеру, провозгласили, что „интеллектуальная собственность“… сегодня важнее, чем любой вид материальной собственности… мы не должны забывать, в чем состоит краеугольный камень нашего процветания. Хотя полезные сведения выражаются в программах и формулах, начало они берут не здесь. **Их источником являются люди**. Исходная интеллектуальная собственность — та, что в реальности приходит на смену земле, рабочей силе и капиталу в качестве наиболее ценного экономического ресурса, — заключается в креативных способностях человека… Современная экономика, по существу, является креативной экономикой»[33]. Как видно, эта мысль коренным образом отличается от понимания правящей элитой России сути происходящих процессов. В том числе модернизации, которая является **производным** результатом деятельности национального креативного класса, а не следствием технологической политики, к которой апеллирует российская правящая элита. По существу, сказанное означает, что в России существуют не только два подхода, две стратегии развития, но и две идеологии — русского социализма и либеральной традиции (в ее различных вариантах).

Получается, что эти идеологии различаются и по отношению к ведущим классам, определяющим нынешний облик России: предпринимателям и креативному классу. Вот почему с социально-политической точки зрения «основная задача инновационной политики состоит в самоидентификации креативного класса как общественного субъекта инноватизации, подлинно заинтересованного в новой экономике. Нужно создать условия, при которых креативный класс будет играть стратегические роли в разработке и принятии важных общественных решений, в политике и в экономике»[34], справедливо полагает Зубарев.

На практике в современной России мы наблюдаем обратный процесс: «ядро» креативного класса, лишенное национальных школ и традиций, мотиваций и перспектив, **стремительно сжимается**, уезжая в развитые страны, которые, в отличие от России, сознательно стимулируют этот процесс. Ежегодный профессиональный «отток» достигает 80–100 тыс. человек, а в иные годы — даже 160 тыс. человек. Это, прежде всего, талантливые математики, ученые — химики, биологи, физики. Это — деятели культуры. Это — ярко выраженные представители креативного класса, которые представляют собой профессиональную эмиграцию (в отличие от бегства за рубеж богатого сословия).

Но и то, что является социальной базой ядра — выпускники вузов, преподаватели, работники умственного труда, — находятся в России в заведомо проигрышном положении. И не только в 1990-е годы, когда для них произошла социальная и личная катастрофа, но и во втором десятилетии XXI века. Так, рост реальных зарплат в 2010 году, который Владимир Путин называл одним из главных достижений правительства, оказывается не затронул многочисленные группы российских бюджетников — представителей креативного класса, чьи заработки **упали в реальном и даже в номинальном выражении**. Так, учительские зарплаты во многих регионах в прошлом году заметно

снизились. «Усыхание» зарплат происходило порой на несколько тысяч рублей в месяц. Такие удручающие данные о заработках в сфере образования были обнародованы, например, в Высшей школе экономики. Эксперты «НГ» считают падение учительских зарплат в России вполне закономерным: «несмотря на громкие заявления о социальных гарантиях, власти уже давно взяли курс на сокращение финансирования образования в стране»[35]. Ядро креативного класса за 2008–2011 годы, безусловно, сократилось. На мой взгляд, не менее, чем на 3–4%, т.е. на четверть.

Таким образом, реальная социальная политика власти идет вразрез с интересами опережающего развития прежде всего потому, что игнорирует главную движущую силу современного развития — креативные слои населения. Можно сказать, что само понимание властью социальной политики не соответствует современному ее значению как политики сознательного развития социальной структуры общества.

Некоторые ученые сегодня справедливо считают, что творческие личности вытесняют прежние структуры государства и общества, заменяя их отдельными социальными группами, которые взаимодействуют «по горизонтали», сетевым образом, что получило название «индивидуализация» в противовес «глобализации». Особенно это проявляется в Европе, но не только. В начале 2011 года в странах Северной Африки и Ближнего Востока сетевые структуры сыграли важную политическую роль, взяв на себя функцию организации протестных настроений против правящих режимов. До этого, в декабре 2010 года, в Москве, сетевые структуры заявили о себе при подготовке выступлений на Манежной площади, в Ростовской области, других регионах России. По сути дела, мы становимся свидетелями уже не только социальной, но и политической самоорганизации отдельных личностей, использующих современные технологии.

Подобные тенденции мы можем наблюдать и в экономике, в области, в частности, новейших технологий, когда, например, создаются творческие коллективы, способные создавать on-line крупные проекты, конкурентоспособные с проектами известных корпораций.

Проявляется все отчетливее и новая тенденция, когда отдельный творческий работник становится эффективной «корпорацией» в одном лице. Он — собственник, управляющий и исполнитель в одном лице. Результаты труда также, естественно, принадлежат ему. Это уже не только программисты и другие специалисты в области информационных технологий, это — авторы блогов (чья тиражность сравнима со СМИ), журналисты, редакторы, сценаристы, дизайнеры, художники, инженеры и т.п.

Таким образом стремительно формируется новое общество, состоящее из творческих коллективов, временных и постоянных интернет-сообществ, а также отдельных творческих личностей. Именно эти социальные слои все больше и больше определяют не только характер современных производительных сил, но и суть производственных отношений. Применительно к стратегии национального развития это означает, что именно эти социальные слои способны обеспечить опережающее развитие нации и, как следствие, национальной экономики.

Соответственно формулировать стратегию национального развития (включая целеполагание, планирование и распределение национальных ресурсов) необходимо прежде всего из потребностей этих слоев общества, их понимания целей развития и характера социально-политических отношений, в том числе и отношений к различным формам собственности, т.е. представлениям о характере отношений между частной и государственной формами собственности. Так, исследования Института социологии РАН показывают, что абсолютное большинство граждан выступают за смешанную (государственно-частную) форму собственности в том или ином ее виде[36] (рис. 4).

Странно, но стратегия долгосрочного социально-экономического развития просто замалчивает этот вопрос, исходя по-прежнему из установки на «эффективную частную собственность». Так же, впрочем, как и потребности творческого класса.

Сегодня трудно подсчитать количественно представителей творческих социальных групп. В существующей структуре они могут быть как работниками по найму, так и не по найму. Как среди работодателей, так и среди самостоятельно занятых. Применительно

Рис. 4. Каким должен быть, по мнению населения, экономический строй в России, 1998/2010 гг., %

к России их численность, видимо, можно вывести из данных Росстата, иллюстрирующих занятие населения по статусу (табл. 1). Т.е. 1,5% — работодатели, значительную часть которых можно отнести к творческой группе; 92,7% — работающих по найму — наиболее сложная часть активных граждан, в которой представлены бюджетники, — ученые и учителя, но также и те, кто сохранил профессиональную и личную способность к творчеству; из 7,5% → 5,6% — можно отнести к креативному классу, но всех ли? Да и всегда ли?[37]

Существует множество эмпирических оценок российского творческого класса, в т.ч. и Р. Флориды, но любые такие оценки — важно подчеркнуть — условны. Мы можем относительно точно определить «ядро» — ученых, студентов, преподавателей, деятелей культуры и т.п., — которое составляет в России несколько миллионов человек, но «хвост» — невозможно. Да, это, наверное, и неважно, важно, чтобы национальная стратегия опережающего развития исходила из того, чтобы:

— во-первых, максимально увеличить их число, а в целом — творческий национальный потенциал (чего нет);
— во-вторых, чтобы создать для его реализации наиболее благоприятные условия (что не делается);
— в-третьих, чтобы приоритеты в распределении ресурсов были направлены для достижения этой цели (о чем даже не думают).

Иными словами, стратегия развития (в т.ч. «Стратегия–2020») должна быть ясно социально ориентирована на развитие творческого потенциала нации. Причем не только и даже не столько «универсального», «всеобщего» или «социального» человеческого потенциала, а **национального человеческого потенциала**. В частности, чтобы этот потенциал не убегал за рубеж, а еще лучше — возвращался в Россию. Кроме того, чтобы он ориентировался на национальное культурное и духовное развитие, а не «готовил почву» для эмиграции.

Статистические количественные данные о структуре общества могут быть полезны в том числе и потому, что категория «работающие не по найму» отражает динамику развития части «ядра» креативного класса (табл. 2).

Как видно из приведенных данных[3], численность самостоятельно занятых в России была достаточно стабильна в 2008–2009 годах и приближалась к 4 млн человек. При этом к ним можно добавить, вероятно, численность работодателей (более 1 млн человек), а также небольшое число участников кооперативов и помогающих на семейных предприятиях (104 и 88 тыс. соответственно). Итого численность самостоятельных производителей в России в эти годы составляла более 5300 тыс. человек. В процентном отношении 7,3–7,5% за 2008–2009 годы от численности всего активного населения. Это — огромная часть, но, конечно, далеко не вся она может быть отнесена принципиально к творческому классу. В нее не входит «ядро»: бюджетники — ученые, преподаватели и пр., работающие по найму.

Табл. 1. Структура занятого населения по статусу на основной работе, %

	Всего	Из них					
		Работающие по найму	Работающие не по найму	в том числе			
				работодатели	самостоятельно занятые	члены производственных кооперативов	помогающие на семейном предприятии
В среднем за период							
Всего							
2008	100	**92,7**	**7,3**	**1,5**	**5,6**	**0,1**	0,1
2009	100	**92,5**	**7,5**	**1,3**	**5,6**	0,1	0,3
IV квартал 2009	100	**93,1**	**6,9**	**1,3**	**5,2**	0,1	0,3
Мужчины							
2008	100	92,1	7,9	1,8	5,8	0,2	0,1
2009	100	91,8	8,2	1,7	5,9	0,2	0,3
IV квартал 2009	100	92,3	7,7	1,6	5,7	0,1	0,3
Женщины							
2008	100	93,3	6,7	1,1	5,3	0,1	0,1
2009	100	93,3	6,7	0,9	5,4	0,1	0,3
IV квартал 2009	100	94,0	6,0	0,9	4,7	0,1	0,3

Табл. 2. Занятое население по статусу на основной работе, тыс. чел.

	Всего	Из них					
		Работающие по найму	Работающие не по найму	в том числе			
				работодатели	самостоятельно занятые	члены производственных кооперативов	помогающие на семейном предприятии
В среднем за период							
Всего							
2008	70 965	65 774	**5191**	**1057**	**3941**	104	88
2009	69 285	64 120	**5165**	**927**	**3910**	96	231
IV квартал 2009	69 503	64 713	4790	890	3642	74	184

Попытки определить численность креативного класса напоминает многочисленные попытки определить численность среднего класса. «В американской социологии, — признают российские исследователи, — также существует ряд разногласий относительно определения термина „средний класс“ и методов его измерения. В зависимости от используемой модели средний класс может составлять от 25% до 66% домашних хозяйств… Но в целом сфера их деятельности… связана с умственным трудом, креативностью и консалтингом»[39]. Вряд ли все 66% домашних хозяйств относятся к среднему классу. Эмпирически его численность в России большинством экспертов оценивается не в 66%, а в 20%. Также дело обстоит и с креативным классом. По некоторым оценкам, таких работников — хозяев уже десятки миллионов, а их экономическое и политическое значение стремительно растет. Значительно усиливается и их роль в экономическом и социальном развитии. На мой взгляд, сегодня опережающее развитие без этого ресурса просто невозможно. И стратегия должна исходить из этого.

Но главное, на мой взгляд, то, что нация в разные периоды времени, в разных условиях может стремительно превращаться в нацию-творца. Это и есть главная задача стратегии национального развития сегодня. В том числе и в ее частной составляющей — долгосрочной социально-экономической стратегии.

Важно подчеркнуть, что творческие способности (креативность в той или иной степени) присущи всем индивидуумам[40], но они теряются по мере развития личности, т.е., если общество и государство изначально создает благоприятные условия для творчества, то такие потери могут быть сведены к минимуму. Более того, при благоприятных условиях творческий потенциал индивида и нации в целом может **неограниченно расти, требуя для этого минимум ресурсов**. Если, например, НЧП ограничен численностью граждан (для России — 142 млн человек), то **доля** креативной социальной группы и ее **качество** — безграничны. Поэтому увеличивать НЧП и обеспечивать рост ВВП можно не только экстенсивно, что имеет свои пределы и ограничения, но и интенсивно — увеличивая долю и качество креативного класса. При этом будет обеспечен не только рост ВВП, но и **развитие нации** и, как следствие, ее экономики. Этого, похоже, не понимают. В мае 2011 года В. Путин вновь объявил о стратегической задачи «удвоения ВВП» за 10 лет и изменения структуры экономики. Между тем и первое, и второе может и должно быть **следствием** социального развития, а не целью.

В этой связи необходимо подробнее остановиться на структуре креативного класса, **каждый элемент** которого важен для развития общества и экономики. Как пишет в своей книге Р. Флорида, «ядро креативного класса составляют люди, занятые в научной и технической сфере, архитектуре, дизайне, образовании, искусстве, музыке и индустрии развлечений, чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых технологий и нового креативного содержания». Ядро, таким образом, — это ученые, деятели образования и культуры. Именно они создают центр притяжения и развития, формируют новые науки и целые отрасли производства[41].

Это важно понимать в период «фазового перехода», когда именно от успеха ученых и преподавателей зависит появление новых отраслей наукоемкой экономики. Соответственно эти люди должны быть поставлены в исключительно благоприятные условия. В том числе и материальные. Кстати, большевики в свое время платили «буржуазным специалистам» намного больше чем рабочим и бюрократам. И не только они.

Соответственно нужны не точечные подачки в «Вилле грантов» и создание «Сколково», а фронтальное наступление науки, которое сегодня означает, во-первых, реанимацию существующего и, во-вторых, создание второго, дополнительного, научно-технического потенциала ядра креативного класса. Пока же мы видим обратное — сокращение численности исследователей из-за заявлений об «их неэффективности». В отношении РАН, например. Между тем финансирование всех институтов РАН в 2010 году (около 100 000 человек) равнялось финансированию одного, не очень крупного, американского университета.

Но ядро креативного класса не включает многие социальные группы, которые, как уже говорилось, формируются стихийно или представляют собой

неформальное сообщества отдельных личностей. «Помимо ядра, — продолжает Р. Флорида, — креативный класс включает также обширную группу креативных специалистов, работающих в бизнесе и финансах, праве, здравоохранении и смежных областях деятельности. Эти люди занимаются решением сложных задач, для чего требуются значительная независимость мышления и высокий уровень образования и человеческого капитала. Далее, все представители творческого класса — будь то художники или инженеры, музыканты или специалисты по вычислительной технике, писатели или предприниматели — разделяют общий творческий этос, для которого важны креативность, индивидуальные особенности и личные заслуги. Для тех, кто входит в креативный класс, все аспекты и все проявления креативности — технологические, культурные и экономические — взаимосвязаны и разделимы»[42]. Другими словами в рамках одного коллектива важно выделять креативные и не креативные группы. Что, кстати, и делается в ряде компаний и даже госструктур.

Существуют, критерии, которые позволяют выделить творческие социальные группы из других групп, даже если они и работают вместе — в одной организации, фирме или офисе. Это — материальное вознаграждение именно за творческий труд, хотя и здесь разделение условно. «Радикальное отличие между креативным и другими классами, — подчеркивает Р. Флорида, — заключается в том, за **что они получают свои деньги**. Представителям рабочего и обслуживающего класса платят, главным образом, за выполнение работы согласно плану, тогда как креативный класс зарабатывает деньги, проектируя и создавая **что-то новое, и делает это с большей степенью автономии и гибкости, чем два другие класса**»[43].

Таким образом, признаки представителей креативного класса можно определить как следующие:

— живут за счет своего творчества и это является основой для их существования, а не только бизнеса или хобби;
— они — собственники своего творческого продукта, который у них нельзя отнять, приватизировать либо использовать без их разрешения;
— наконец, они в высокой степени независимы — экономически и политически — потому, что они владельцы результатов своего творчества, процесса и средств производства.

Эти рассуждения имеют не досужее или околонаучное, а прикладное значение: в стратегии национального развития необходимо четко акцентировать внимание на создание условий для развития именно таких социальных групп и мотивации для перехода в это качество большинства нации. Это значит, например, что высшее образование должно быть прописано в «Стратегии» как, во-первых, всеобщее, а во-вторых, как непрерывное, а, в-третьих, как творческое. Доступ к культурным и духовным национальным ценностям и информации — всеобщим и бесплатным и т.д.

Результаты деятельности креативного класса являются в конечном счете **показателем реализации национального творческого потенциала**, превращения его в общественную и экономическую пользу, **т.е. в капитал**. Чем выше результаты, соответствующие международному уровню, тем выше качество человеческого потенциала, которое тождественно качеству креативного класса. Тем эффективнее руководство нацией. По большому счету эффективность государственного управления определяется степенью превращения национального человеческого потенциала в капитал. Пока что в России мы наблюдаем прямо противоположную ситуацию. Так, число новых технологий, созданных в России за 2000–2007 годы, практически не изменилось (689 и 780 соответственно) при том, что принципиально новые (т.е. мирового уровня) составляют всего лишь порядка 10%. Что примечательно, результаты также не выросли несмотря на попытки власти в эти годы стимулировать технологические инновации[44].

Отсутствие практических результатов, несмотря на дополнительное финансирование и риторику, говорит не только о низком качестве управления, но и о том, что эта риторика и финансирование направлены не на те цели, а именно: акцент должен быть сделан в стратегии развития на развитие НЧП, и прежде всего креативного класса и его институтов, а не на заимствование технологий. Технологии — результат, следствие развития национального креативного класса, не более того. Внешние заимствования технологий — вообще бесполезны. Что доказывают результаты «инновационной деятельности» за 2008–2011 годы (табл. 3).

Как видно из сравнений за 2000 и 2008–2009 годы, количество передовых технологий незначительно выросло с 688 в 2000 году до 787 в 2008 году и 789 в 2009 году, т.е. осталось **фактически неизменным**. При этом на производстве и сборке даже сократилось с 369 в 2008 году до 328 в 2009 году. Собственно говоря, эти результаты лучше всего иллюстрируют «эффективность» избранного курса на модернизацию, в основу которого положен не человек, а технологии, точнее — заимствование технологий.

На мой взгляд, за эти же годы (если бы такие же суммы были вложены в развитие НЧП, прежде всего отечественную науку и образование) можно было бы добиться качественно других результатов, которые бы на порядки, т.е. в десятки раз, отличались от имеющихся. Речь идет о двух важнейших направлениях развития:

— во-первых, о расширении социальной базы креативного класса. В данном случае о росте численности ученых, инженеров, творческих работников, для чего требовалось улучшить условия их существования и работы. За эти 10 лет около 1 млн человек представителей креативного класса покинули Родину. Учитывая, что каждый из них — капитал, измеряемый сотнями тысяч и миллионами долларов, нация потеряла сотни миллиардов долларов только за последние 10 лет;

Табл. 3. Число созданных передовых производственных технологий

	Все технологии	Технологии					
		новые для России	принципиально новые	созданные с использованием патентов			обладающие патентной чистотой
				на изобретения	на полезные модели	на промышленные образцы	
				2000 г.			
Передовые производственные технологии — всего	**688**	**569**	**72**	222	73	18	**262**
Проектирование и инжиниринг	165	136	12	50	13	9	54
Производство, обработка и сборка	281	231	32	107	37	6	126
Автоматизированные погрузочно-разгрузочные операции; транспортировка материалов и деталей	20	19	1	4	2	-	5
Аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля)	76	66	6	36	6	1	33
Связь и управление	90	74	9	14	10	-	21
Производственные информационные системы	18	14	4	1	-	-	2
Интегрированное управление и контроль	38	29	8	10	5	2	21
…							
				2008 г.			
Передовые производственные технологии — всего	**787**	**687**	**45**	268	111	28	479
Проектирование и инжиниринг	173	150	7	53	24	3	105
Производство, обработка и сборка	369	316	24	136	52	14	239
Автоматизированные погрузочно-разгрузочные операции; транспортировка материалов и деталей	14	12	1	8	3	-	7
Аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля)	99	87	8	44	20	4	65
Связь и управление	68	65	1	13	2	4	43
Производственные информационные системы	23	20	1	3	4	2	5
Интегрированное управление и контроль	41	37	3	11	6	1	15
Нанотехнологии*	67	51	9	31	10	1	44
				2009 г.			
Передовые производственные технологии — всего	789	684	105	315	121	34	440
Проектирование и инжиниринг	196	169	27	73	31	8	103
Производство, обработка и сборка	328	283	45	144	49	13	200
Автоматизированные погрузочно-разгрузочные операции; транспортировка материалов и деталей	21	17	4	13	5	1	13
Аппаратура автоматизированного наблюдения (контроля)	102	92	10	49	18	2	55
Связь и управление	67	61	6	10	9	5	29
Производственные информационные системы	26	22	4	4	4	3	11
Интегрированное управление и контроль	49	40	9	22	5	2	29
Нанотехнологии*	108	73	35	67	12	1	59

* Часть созданных нанотехнологий может присутствовать в любой из групп передовых производственных технологий (перечисленных выше) и быть создана самостоятельно.

— во-вторых, о повышении качества творческого потенциала. Для этого необходимы условия и переподготовка, точнее творческая переподготовка креативных личностей. Это также относится к компетенции государства.

По мнению Р. Флорида, сегодня креативный класс включает в США около 38,3 млн американцев, что равняется приблизительно 30% рабочей силы США, а традиционный рабочий класс — 33 млн человек или четверть рабочей силы (для России Р. Флорида креативный класс определяет в 13 млн чел.). Это означает, что **ресурс развития креативного класса в России огромен**. Как в количественном отношении (с 13 млн до как минимум 30 млн человек), так и в качественном. Это и есть **основной ресурс опережающего развития**. И, если хотите, модернизации. Это и есть **основная цель инвестиций** государства и общества, которая, к сожалению, не прописана в «Стратегии–2020».

Но прежде чем говорить «об ином» следует уточнить: а все ли в российской элите признают, что утвержденные за последние годы ценности не ведут к развитию креативного класса и повышению качества элиты? По мнению ведущего либерального идеолога И. Юргенса, — нет. Он, например, полагает, что «сейчас (весной 2011 года. — *А. П.*) возникли совершенно ответственные люди, с моей точки зрения, которые готовы и могут делать модернизацию». Видимо, он видит их среди либеральных предпринимателей, хотя и соглашается с тем, что «экономика была связана еще и с душой». Либо с названных им А. Кудриным, И. Шуваловым и А. Дворковичем[45].

И. Юргенс, таким образом, видит главную движущую силу среди тех, кто разделяет с ним, прежде всего, либеральные ценности, а не общее понимание национальных интересов и ценностей.

Впрочем он об этом прямо говорит: «… пора выбирать среди людей, **которые по своим взглядам правые** (выделено мной. — *А. П.*): то есть собственность первична, права человека безусловны, а государство в этом смысле вторично…»[46]

Как видно, здесь не говорится о приоритетности нации, человеческого потенциала, творчества. Здесь четко обозначена не только ценностная система, но и система приоритетов, подходящая «по своим взглядам» **собственникам**, но не креативному классу. Другими словами, с политической точки зрения идеология собственника-либерала не **совместима** с интересами растущего креативного класса. В том числе и по «оси» личность — государство.

Принципиально важна и мотивация креативного класса. Как справедливо заметил один из авторов сети интернет[47], «потом ставится на повестку дня вопрос о формировании новых социальных институтов, иначе говоря — об **институциализации деятельности творческих людей**. Если они превращаются в экономический класс, то нужно понять, какую плату они потребуют за свою ведущую роль в организации общества. Военная аристократия требовала власти, признания ценностей героизма и высокой культуры. Торговая и финансовая элита утверждала ценность денег (как эквивалента успеха и залога политического влияния), неизбежность материального и, как следствие, социального неравенства, примат культуры массового потребления и развлечений. **Креативный класс потребует совершенно иного»**.

Очевидно, что национальный креативный класс не будет требовать власти и денег, если, конечно, власть не будет продолжать такую же безнадежную политику игнорирования его потребностей. Не будет он требовать и социального неравенства, нового социального статуса, а тем более чрезмерного роста материальных потребностей. Как показывает современная жизнь, в том числе российская, творческий класс **готов ограничиться самым необходимым, тем, что ему нужно для творчества**. На мой взгляд, эти минимальные требования таковы:

— доступ к информации и технологиям, тому набору, без которого творчество невозможно или ограничено;
— доступ к образованию, включая возможность получать дополнительное образование и опыт;
— возможность к передвижению, смене места работы и проживания;
— возможность творческого общения с индивидумами, близкими по образу духа.

Но главное, это все-таки **общественный спрос** на продукцию своего труда. Творчество само для себя — бессмысленно. Нужен общественный заказ, потребность. И не обязательно выражаемый в деньгах. В этом смысле получается аналогия с реализацией НЧП, его превращением в НЧК, который диктуется не только экономической (как считают многие), но и **общественной потребностью**. Общественной потребностью даже больше, чем экономической. Художник должен выставить свою картину. Не обязательно для продажи. Режиссер — свой спектакль, а инженер — реализовать в металле свою идею. И здесь, конечно, рынок, который сегодня по задумке либералов, «регулирует» все, **не может регулировать общественную потребность**. Рынок определяется выгодой. Попытки нашей либеральной власти свести науку и искусство к рыночным отношениям ни к чему путному не привели. И не случайно: творчество отражает **общественную, а не экономическую потребность**. Не случайно российский бизнес, отражающий свою экономическую потребность, столь антинационален и вороват.

Поэтому важнейшая задача стратегии национального развития заключается в том, чтобы предоставить **нации максимальные возможности для самореализации, в т.ч. и в творчестве**. Дать равенство условий. Надо ли говорить, что это важно прежде всего для креативного класса?

Сегодня отсутствует такое равенство возможностей, хотя соцопросы показывают безусловную приоритетность (причем существенную) этого требо-

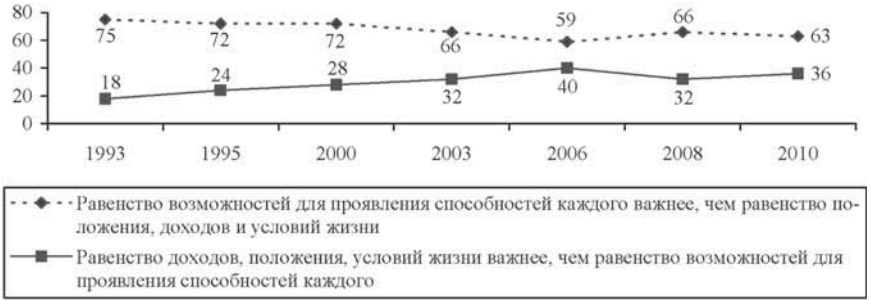


Рис. 5. Выбор россиян в дилемме «равенство возможностей» — «равенство условий жизни», %

вания наших сограждан. Причем даже по отношению к равенству доходов.

Как видно из рис. 5, даже в условиях, когда большинство нации находится на нищенском положении, равенство возможностей оценивается выше, чем равенство доходов. К сожалению, можно констатировать, что духовный и мировоззренческий кризис, обострившийся в 2008–2011 годы, свидетельствует о нарастающем неверии в будущие перспективы и возможности у значительной части нации.

И далее О. Бахтияров продолжает свою справедливую и правильную логику рассуждений: «Спонтанное творчество не нуждается в мотивации, творческий процесс обычно принудителен по своей природе. Оправданием и наградой является сам акт творчества. Только потом общество отбирает, что ему нужно — например, то, что может превратиться в продаваемый продукт в современном рыночном строе. Проследим же, что происходит, когда творческие люди выделяются в отдельный класс, занимающий ключевые позиции в экономике и организации управления. Очевидно, их целенаправленные (и немалые) усилия по разработке принципиально новых технологий должны быть как-то оправданы. Иными словами, чего они могут потребовать?»[48]

Действительно, если бизнесмен требует выгоды, чиновник — власти, то чего может потребовать от власти и бизнеса креативный класс? Это крайне важно знать, чтобы **мотивировать** его действия в стратегии национального развития: «Понимая мотивацию и амбиции творческих людей, нетрудно придти к выводу — платой может быть только одно: **новое знание, проект, идеи должны быть технологически** реализованы независимо от наличия или отсутствия спроса на них. Это непривычный взгляд с точки зрения современного рыночного строя, тем более с точки зрения отечественных нерадивых учеников классического варианта рыночной экономики»[49].

Действительно, рыночный подход, т.е. коммерческая выгода, далеко не всегда совпадает с общественной пользой, а тем более с результатом деятельности творческой личности. И в этом, на мой взгляд, сегодня заключается главное противоречие не только между творческим трудом и капиталом, но и между либеральными идеями, лежащими в основе «Стратегии–2020», и главными потребностями творческого класса. Это противоречие в современной России носит характер непреодолимого противоречия и проявляется в правительственном подходе к науке, культуре и образованию, когда от них требуют самоокупаемости и даже прибыли. Многие нынешние решения правительства, к сожалению, игнорируют потребность креативного класса к самореализации и общественной пользе, ориентируясь исключительно на требования рынка. Некоторые из них носят даже катастрофический характер не только для ядра креативного класса, но и его периферии. И прежде всего, когда речь идет об идеологии национального развития, которая подменяется макроэкономическими критериями и ресурсно-инерционными расчетами, соответствующими стратегическими прогнозами и попытками стратегического планирования.

Так, в период «фазового» перехода невозможно заранее знать, какая из новых фундаментальных идей и когда принесет коммерческий результат. Да и не задача это для ученых. Требовать от них экономической отдачи, тем более выгоды, значит изначально обрекать научную, культурную и образовательную деятельность на неудачу. По причине того, что результат их деятельности изначально не может быть коммерческим. Этот подход, как справедливо считает О. Бахтияров, противоречит логике: «Для них очевидно, что технологии создаются ради продуктов, на которые есть или может появиться спрос. „Инновации создаются рынком, а не внедрением научных разработок“, — говорят они, выстраивая свою иерархию отношений знания и потребления. Но для креативного класса не потребление становится ведущим стимулом для изменений, а производство и реализация нового. И это новое должно получить жизнь, воплотиться не из-за его полезности, не потому, что на него есть спрос, а просто в силу того, что его произвело сообщество творцов, воплотиться как плата креативному классу за его место в экономике»[50].

Другой аспект — социокультурный. Творческая деятельность часто объективно не только не нужна власти и экономике, но и угрожает им. И не только экономическими издержками, но и рисками — политическими, нравственными и т.д. В этой связи неизбежно возникает вопрос о социокультурной революции, под которой подразумевается формирование новой системы ценностей, в частности

Рис. 6. Выбор россиян в дилемме «быть яркой индивидуальности» — «быть, как все», %

распространение индивидуализма и мотивации личного успеха, а также нового, рационального типа мышления[51].

И здесь вновь возникает серьезная проблема для креативного класса. С одной стороны, современное развитие требует переосмысления старой системы ценностей и формирования модернистского подхода. Но, с другой стороны, подлинно креативное развитие предполагает сохранение национальных традиций и ценностей, которые и являются основой для новых знаний. Это противоречие может быть преодолено в рамках концепции **синтеза традиционных ценностей и инноваций**[52], когда новая ценностная система основывается на прежних традициях, не отрицая их целиком, но модернизируя, приспосабливая их к новым реалиям.

К счастью, несмотря на настойчивые попытки либералов в последние десятилетия «смести» прежнюю систему ценностей «до основания», российское общество оказалось достаточно устойчивым к этим атакам. Как считают российские социологи, «судя по нашим данным, ни о каком «победном» шествии ценностей индивидуализма в российском обществе говорить пока не приходится, хотя отношение к индивидуализму у россиян весьма толерантное и понятие „индивидуализм“ вызывает положительные ассоциации у 61% из них».

Об этом свидетельствует, в частности, динамика распространенности индивидуалистических ценностей в смысле **нонконформизма, стремления быть яркой индивидуальностью**. Весь период реформ соотношение конформистов и нонконформистов сохранялось примерно одинаковым. Хотя небольшой всплеск нонконформистских настроений в начале реформ 1990-х годов и характерного для той поры ощущения безграничной свободы наблюдался, однако он быстро сменился ростом идеологии «не высовывайся»[53] (рис. 6).

И здесь очень важна сознательная позиция правящей элиты, ее понимание необходимости поиска идеологически сложных ответов, когда сохраняется национальная самоидентификация, но модернизируется система ценностей. Опыт Китая, Индии, Бразилии показывает, что это не только возможно, но и очень эффективно как для общества, так и для экономики[54]. Внешне простая либеральная традиция — «делай как у них» — не годится. Хотя бы потому, что «у них» далеко не везде одинаково, а тем более эффективно. Сегодня уже и не всегда современно. При этом сами по себе инновации далеко не всегда самоценность. «Творческая деятельность часто носит откровенно подрывной характер. До сих пор принципиально новое всегда было контркультурным действием, нарушающим сложившееся равновесие. Только постепенно культура, а потом и социальные институты осваивали это новое, ассимилировали его, включали в свою ткань. Инновации приживались лишь тогда, когда они вписывались в социокультурные стандарты: усиление власти и расширение потребления»[55].

Не менее важно понимать взаимосвязь между творчеством и интеллектом, которые иногда рассматриваются как два тождественных понятия, а иногда творческие возможности — как функцию интеллекта. Однако творческий потенциал (креативность) — это прежде всего сумма **личностных качеств**, среди которых безусловно присутствует и интеллект. Это важно понимать для того, чтобы **развитие творческого потенциала нации не сводилось исключительно**

Табл. 4. Заработная плата по классам

Категория	Общее количество работников	Средняя почасовая оплата	Средний годовой оклад
Креативный класс	38 278 110	23,44	48 752
Суперядро креативного класса	14 932 420	20,54	42 719
Рабочий класс	33 238 810	13,36	27 799
Обслуживающий класс	55 293 720	10,61	22 059
Сельское хозяйство	463 360	8,65	18 000
В целом по США	127 274 000	15,18	31 571

к развитию его интеллектуальной, а тем более информационной составляющей: личные — духовные, нравственные, психологические, волевые и многие иные — качества составляют суть творческого потенциала личности. Творческий потенциал может и должен развиваться и воспитываться, в т.ч. и институтами государства, и общества. Его значение хорошо видно на примере США[56].Вместе с тем очевидно, что общество материально оценивает этот потенциал выше, чем любой другой.

Как видно (табл. 4) средние зарплаты представителей креативного класса на 50% выше, чем в среднем в США. В России — они не просто ниже. Они, как правило, существенно ниже, чем в экономике. Старое советское правило: «водитель троллейбуса зарабатывает как профессор» сменилось на другое: «профессор зарабатывает меньше».

Существует множество работ, посвященных как в целом творческому потенциалу, так и его разновидностям, а также различным способам и методам его развития. Но в данной книге о них речь не идёт. Задача сформулирована вполне узко: посмотреть, каким, образом творческий потенциал может помочь решить наиболее острые проблемы экономического, социального и политического развития России. Может быть, нынешние способы их решения не всегда вполне адекватны этим задачам?

Это важно понимать потому, что креативный класс становится постепенно важной социальной, экономической и даже финансовой силой, от которой зависит решение реальных политических, экономических и финансовых проблем[57]. Игнорировать это значение сегодня — опасное заблуждение. Тем более в долгосрочной перспективе. В конечном счете очень хочется понять, как говорит один из исследователей этой проблемы О. Бахтияров, «насколько реален этот креативный мир? Возьмет ли в свои руки управление социокультурными процессами творческий класс»?[58] Тем более, что тенденции его развития вполне совпадают с объективными общественными тенденциями. Как видно из выводов, приводимых ниже, объективные тенденции развития общества таковы;

— креативный класс ускоренно занимает лидирующее место среди других классов в создании национального богатства, что особенно заметно в последние 30 лет;
— в последние годы стремительно растет и роль его ядра, которое постепенно вышло в лидеры в области не только объема, но и, прежде всего, качества новых продуктов и услуг;
— лидер предыдущих лет — обслуживающий класс — стал в последние десятилетия терять свои позиции;
— окончательно сдали свои позиции такие традиционные классы, как пролетариат и с/х рабочим, чья доля постепенно стабилизируется на уровне 20% и 3% соответственно;
— наконец, можно прогнозировать, что в среднесрочной перспективе 10–15 лет креативный класс и особенно его ядро будут предопределять будущее нации и ее экономики, превысив 75–85% производимого нацией ВВП.

Если этот прогноз правилен, то неизбежен вывод о том, что «Стратегия–2020», ориентированная на технологии, а не на творческий потенциал нации и НЧП изначально неверна. Необходимо, чтобы уровень развития НЧП, определяемый во многом уровнем развития креативного класса, стало главной и приоритетной целью такой стратегии.

Кроме того, важно понимать, что НЧП и креативный класс являются **важнейшими ресурсам**и развития в кризисный период «фазового перехода». Что означает признание того простого факта, что только развитие креативного класса может стать способом решения новых проблем, т.е. этот инструмент может стать уникальным в будущем. Понимание этого должно внести радикальные изменения в распределение национальных ресурсов в пользу креативного класса.

Рис. 7. Динамика развития классов в % по отношению ко всем занятым в создании ВВП

В этой связи вновь встает вопрос об идеологии. Существующая сегодня «либеральная традиция» преломляется в специфическую российскую либерально-государственную идеологию, в которой концентрируются как худшие черты примитивного либерализма (всевластие рынка, алчность, отрицание общественной пользы, оголтелый индивидуализм и т.д.), так и бюрократические традиции и практики современной России (коррупция, непрофессионализм, склонность к абсолютизированию административных решений и т.п.). Это сочетание губительно для России, прежде всего для ведущего отряда ее нации — креативного класса, интеллектуалов и интеллигенции. Не отказавшись от такой идеологии, мы не только не сможем предложить иной, эффективной стратегии, мы обречены на догоняющее, ресурсное развитие и культурно-интеллектуальную деградацию всей нации. Как только остатки ядра креативного ядра покинут страну, она окончательно потеряет реальный суверенитет и превратится в сырьевой придаток развитых стран, в т.ч. и тех, кто, как Китай, понимает роль творческого потенциала нации.

3. Креативный класс России в период «фазового перехода»

Если в середине 1990-х годов фактическое лидерство принадлежало «коррумпированной части аппарата» и криминальным структурам… с соответствующим набором «идейных ценностей», то через 10 лет… лидерство перешло региональной администрации, коммерсантам, банкирам. Соответствующим образом поменялась и ценностная ориентация… предпочтение отдается патриотизму в сочетании с прагматизмом[59].
Я. Пляйс

На сегодня интересных научных проектов не так много, они буквально на вес золота, и **каждый человек, который несет такие идеи, тоже на вес золота**. Главное, чтобы у таких изобретающих людей было доверие, чтобы они работали с минимальными бюрократическими препонами[60].
А. Закатнова

XXI век станет эпохой «фазового» (качественного) перехода человечества — экономики, политических и социальных институтов и — на новый уровень развития. Не факт, что этот новый уровень будет нравственно лучше или человечнее, чем предыдущие. Или безопаснее. Но сам факт таких качественных изменений неизбежно произойдет. Как справедливо заметил И. Валлерстайн, «…современная мироси-стема как система историческая вступила в стадию завершающегося кризиса и вряд ли будет существовать через пятьдесят лет… мы не знаем, станет ли пришедшая система (или системы) лучше или хуже той, в которой мы живем ныне»[61].

Ряд авторов, на мой взгляд, совершенно справедливо полагают, что результат такого «фазового перехода» во многом зависит от того, насколько правящие элиты и человечество в целом поймут значение и используют нарождающуюся мощь креативного класса, который способен провести переустройство современного общества. Прежние социальные слои, сформированные в недрах либерального общества, на это безусловно, окажутся не способны. Нужна новая, нравственная идеология и её новый носитель — социальная группа. Как справедливо признает в своем докладе профессор И. Г. Хангельдиева, современную цивилизацию надо рассматривать во взаимосвязи с концепцией креативного класса[62] и очевидно, что:

— спасение человечества — в осознании самим человеком его духовно-ценностной сущности;
— синхронная актуализация творческих и витальных потребностей, соединившись талантом и инстинктом самосохранения, качнут маятник социального развития в противоположную сторону;
— **креативное начало должно спасти человечество**;
— в настоящее время подобная постановка вопроса — не гипотеза, а начавшийся процесс и этому есть ряд существенных доказательств.

Примечательно, что для такого вывода даже в России есть фундаментальное основание — вера в национальное будущее, причем, подчеркну, в великое будущее у всей нации, у большинства граждан, т.е. великий образ России. Даже несмотря на есте-

Табл. 5. Какой образ будущей России, отражающий ее место в мире, представляется россиянам наиболее реальным, %

Образ будущего России	Она уже сегодня является таковой	Это вполне возможно	Это маловероятно	Это нереально
Россия — энергетическая и сырьевая «сверхдержава», осуществляющая поставки ресурсов в другие страны	63	30	6	1
Россия — страна высокой культуры, произведения ее писателей, музыкантов, художников вызывают интерес во всем мире	44	40	13	3
Россия — страна уникальной природы, истории, в нее едут туристы из всех стран мира	41	**44**	13	2
Россия — ведущая научная держава, ее ученые осуществляют открытия и изобретения, пользующиеся спросом во всем мире	29	**48**	20	3
Россия — ведущая промышленная держава, успешно конкурирующая с другими странами мира	20	**49**	25	6
Россия — страна передового образования, в нее едет учиться молодежь со всех концов мира	19	**44**	31	6

ственный пессимизм, вытекающий из результатов развития последних лет. Так, по опросам экспертов Института социологии РАН, в ведущие позиции России в мире в будущем верят почти половина граждан. Повторю, что это огромная часть, учитывая общий пессимизм, царящий в обществе.

Другая сторона проблемы заключается в том, что в это великое будущее верят как в будущие результаты творческого развития культуры (40%), истории (44%), науки (48%), промышленности (49%), образования (44%) и значительно меньше (30%) ассоциируют великое будущее с сырьевым развитием страны[63] (табл. 5).

Лидерство в российской правящей элите в 1990–2010-е годы переходило из одних рук в другие, но элита все время игнорировало представителей креативного класса, даже его отдельные социальные группы. За небольшим исключением, когда творческие личности должны были служить антуражем для М. Горбачева или «обеспечить телекартинку» для выборов Б. Ельцина. Сложившаяся в правящей элите система практически исключает присутствие в ней творческих личностей. Разве что привлечение некоторых для участия в выборах консультативных органов, или пиартехнологий. Есть, конечно, исключения: А. А. Кокошин, В. Н. Якунин, Ж. Алферов, ряд других, но эти исключения не меняют общей системы.

По правде сказать и сами творческие личности не особенно рвутся во власть, а когда приходят в нее — как это случилось со С. Говорухиным, Н. Губенко, также А. Кокошиным, основные усилия продолжают направлять на творчество, а не на госуправление. Конечно, прежде всего потому, что, даже если бы было наоборот, система сделать бы им ничего не позволила.

Поэтому сегодня важен не допуск отдельных представителей креативных групп «к власти», а их участие во власти, а, кроме того, **понимание правящей элитой важности этого класса для нее самой**. В том числе и прежде всего для целей национального развития. Но понимания этого как не было, так и нет. Даже признавая роль человеческого капитала в создании не сырьевой экономики, В. Путин обращается прежде всего к бизнесу, а не креативному классу, считая его «драйвером» развития, способным обеспечить «массовое создание качественных высокооплачиваемых рабочих мест…»[64]. Которых до сих пор никто так и не создал.

В первое десятилетие XXI века отмечалось изменение в ценностной ориентации российской элиты, которое нашло свое отражение в курсе прагматизма, отчетливо проявившегося не только во внешней политике, но и в принципе формирования элиты[65]. Произошла очередная «деидеологизация». На этот раз — либеральной идеологии. В связи с чем исследователи отмечают, что за 10 лет (с 1995 по 2005 годы) рейтинг либеральных ценностей упал с 24,5% до 10%[66].

Важно, однако, подчеркнуть, что окончательного отказа от либеральных ценностей в правящей элите не произошло: прагматизм, который пришел на смену идеологическому либерализму А. Чубайса и Е. Гайдара, стал на самом деле «либеральным прагматизмом». Не случайно такой чистый либерал, как А. Чубайс, остался на самом верху элиты все последующие годы, как впрочем и А. Кудрин, и И. Шувалов и вообще **вся финансово-экономическая часть российской элиты**, за которой сохранился контроль и принятие не только важнейших, но и практически всех решений в этой области. Они и составляют сегодня костяк правящей элиты, формулирующей решения[67].

Таким образом, 2000–2011 годы периода «стабилизации» и антикризисных мер были продолжением либерального экономического курса, в котором стали проявляться **элементы социальной политики, но которые никогда не превратятся в социальную политику[68]**. В полной мере это относится и к другим областям НЧП — образованию, науке, культуре, здравоохранению, где элементы (в том числе отраженные в приоритетных национальных проектах) так и не стали осознанной наукой, образовательной и культурной политикой.

Между тем наступление периода «фазового перехода», который отчетливо проявился не только в экономике, но и в социальной жизни всех развитых стран во время кризиса 2008–2011 годов, никак радикально не отразилось ни на политике российской правящей элиты, ни на самой элите. В очередной раз ее понимание существенно отставало от реалий. Естественно, что такое отставание сказывалось на положении креативного класса, интеллигенции, да и всего среднего класса в России, численность которых, несмотря на заявленную модернизацию, за 2008–2011 годы только сокращалась. Прежде всего это затрагивало ядро креативного класса — ученых, учителей, деятелей культуры.

Период «фазового перехода» характеризуется качественными изменениями в социальной структуре общества, прежде всего ростом значения тех социальных групп, которые, объединенные общими признаками, образуют «креативный класс». Это — в мире. В России это правило действовало с известными оговорками: либеральная экономическая политика, антисоциальные действия вели иногда к сокращению целых социальных групп креативного класса не только в 1990-е, но и в нулевые годы.

Эти социальные группы так или иначе присутствуют во всех слоях современного общества, но чаще всего ассоциируются среди российских специалистов со средним классом. На самом деле это тождество условно, так как творческие социальные группы присутствуют во всех слоях общества. Как справедливо заметил А. Окара: «в современных российских условиях предпочтительнее использовать антропосоциальный критерий — когда главный

классифицирующий признак связан не с объективными, а с субективными, психологическими показателями. Поэтому в современной России круг людей, составляющих креативный класс, следует рассматривать шире, чем это делает Флорида. К нему можно причислить всех тех, кто в пределах своей профессиональной или социальной деятельности является инноватором, генератором развития, создателем „точек роста“».

В социальном отношении это представители отраслевой и фундаментальной науки, разработчики и реализаторы высоких технологий, представители некоторых сегментов бизнеса (чаще среднего, созданного с нуля, а также венчурного), активная часть городской интеллигенции, работающая в сфере формирования духовной и информационной реальности. Сюда же следует отнести и представителей «рутинных» профессий, склонных к инновациям и усовершенствованиям в пределах своей профессиональной деятельности, — среди них особое место принадлежит бюрократам-инноваторам. Креативный класс в своей массе состоит из тех, кого в России называют «интеллигентами», а на Западе «интеллектуалами», но, опять же, не тождествен ни тем, ни другим.

Интересен вопрос о структурном соотношении креативного и среднего классов. В современной России средний класс можно выделять по четырем признакам: во-первых, социально-профессиональный статус, во-вторых, наличие человеческого капитала (образовательный уровень), в-третьих, экономический статус (уровень жизни), в-четвертых, самооценка — ощущение своей принадлежности к среднему классу. Но, огрублено, средний класс описывается прежде всего по критерию покупательной способности — как класс потребителей, тогда как креативный класс описывается как прослойка творцов, создателей. Разумеется, креативный класс не является антиподом среднего класса, но их классификация производится на основе диаметрально противоположных признаков[69].

Послекризисный (2010–2011 годы) стабилизационный (на самом деле, стагфляционный) период сформулировал перед российским обществом ряд принципиальных проблем развития, решить которые способен был только творческий, креативный класс, сформировавшийся уже к тому времени в стране. И никакой другой. Ни бюрократы, ни предприниматели, хотя именно на них Д. Медведев и В. Путин возлагали основные надежды.Важно подчеркнуть, что основу творческого класса, его ядро составляют производители интеллектуального продукта — новых идей и знаний, а «хвост» — те, кого принято называть «креативщиком». Это разделение принципиально важно потому, что отдельные социальные группы, представляющие креативный класс, имеют разное значение. Можно согласиться с утверждением, что ядро креативного класса практически тождественно интеллектуальному классу, хотя некоторые исследователи и считают иначе: «Интеллектуальный класс представляет собой общественный слой, который занимается производством знания, его передачей и воспроизводством, а также его критической оценкой и утилизацией. Интеллектуальный класс состоит из людей, занятых интеллектуальным трудом, создающих новые продукты и знания. Он включает в себя в первую очередь ученых-исследователей, производящих новое знание, во вторую очередь — преподавателей вузов, систематизирующих накопленное знание и передающих его новым поколениям, и, наконец, в третью очередь — людей, которых с подачи американо-канадского экономиста Ричарда Флорида принято именовать «креативным классом».

Интеллектуальный класс не тождественен «креативному классу»[70], — считают российские исследователи. И продолжают свою логику: «Передовой отряд первого — люди, производящие **новое знание** и тем самым расширяющие наши представления о мире и увеличивающие наши практические возможности. „Креативный класс“ состоит из журналистов, маркетологов, публичных экспертов — тех, кто производит не знания, а рассчитанные на тот или иной политический, культурный или же коммерческий эффект „концепты“ и смыслы. „Креативный класс“ связан не с производством принципиально новых знаний и продуктов, но в первую очередь с их коммерческим, политическим, художественным использованием»[71].

На мой взгляд, это искусственное разделение креативного класса. «Образ», «концепт» и «смысл», бренд и частная идея — такой же интеллектуальный продукт и услуга как и технологическая идея или концепция. И именно их, оригинальных, основанных на национальной традиции, сегодня очень не хватает. Особенно в период мировоззренческого кризиса. Как сегодня.

Так вот, говоря о послекризисном периоде, можно перечислить его проблемы в разной последовательности и с разной детализацией, но ясно, что они, во-первых, были в наименьшей степени финансово-экономическими (на что всегда была ориентирована российская либеральная элита), во-вторых, носили мировоззренческий, идеологический, ценностной характер (т.е. тоже «выпадали» из сферы интересов элиты), а, в-третьих, соответственно, не могли быть решены только финансово-экономическими средствами, к которым опять же привыкла либеральная элита. Суть их, например, сформулировал известный культуролог Д. Б. Дондурей, полагавший, что весной 2011 года Россия находится одновременно в трех кризисах:

1-й — кризис мировоззренческий, поделивший российское общество на два лагеря (20% и 60% соответственно), не воспринимающих ценностные системы друг друга;

2-й — кризис морали, когда никто и никому не доверяет (только для семьи 59% делают исключение);

Табл. 6. Среднегодовая численность занятых в экономике по видам экономической деятельности

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
					Тысяч человек					
Всего в экономике	**64 517**	**64 980**	**65 574**	**65 979**	**66 407**	**66 792**	**67 174**	**68 019**	**68 474**	**67 343**
в том числе по видам экономической деятельности:										
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	8996	8509	8229	7796	7430	7381	7141	6925	6675	6580
рыболовство, рыбоводство	138	134	120	116	113	138	146	145	142	141
добыча полезных ископаемых	1110	1205	1163	1112	1088	1051	1043	1040	1044	996
обрабатывающие производства	12 297	12 202	12 082	11 932	11 787	11 506	11 359	11 368	11 191	**10 385**
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1886	1918	1890	1890	1900	1912	1923	1909	1884	1900
строительство	4325	4385	4458	4555	4743	4916	5073	5274	5474	5267
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	8806	9524	9893	10 462	10 843	11 088	11 317	11 713	12 020	11 974
гостиницы и рестораны	948	982	1076	1150	1152	1163	1185	1260	1274	1272
транспорт и связь	5056	5113	5115	5205	5293	5369	5426	5450	5451	5393
финансовая деятельность	**657**	**686**	**715**	**771**	**835**	**858**	**958**	**1046**	**1132**	**1097**
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	4490	4657	4913	4859	4825	4879	4957	5004	5146	5210
из них научные исследования и разработки*	**1201**	**1187**	**1189**	**1217**	**1165**	**988**	**954**	**905**	**855**	**829**
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	**3098**	**3086**	**3140**	**3266**	**3447**	**3458**	**3504**	**3618**	**3727**	**3786**
образование	**5979**	**5954**	**6037**	**6092**	**6125**	**6039**	**6009**	**6016**	**5980**	**5944**
здравоохранение и предоставление социальных услуг	**4408**	**4373**	**4397**	**4469**	**4488**	**4548**	**4574**	**4644**	**4666**	**4717**
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2313	2242	2329	2295	2330	2460	2533	2573	2621	2626
					В процентах к итогу					
Всего в экономике	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
в том числе по видам экономической деятельности:										
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	13,9	13,1	12,5	11,8	11,2	11,1	10,6	10,2	9,8	9,8
рыболовство, рыбоводство	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
добыча полезных ископаемых	1,7	1,8	1,8	1,7	1,6	1,6	1,6	1,5	1,5	1,5
обрабатывающие производства	19,1	18,8	18,4	18,1	17,7	17,2	16,9	16,7	16,3	15,4
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,9	3,0	2,9	2,9	2,9	2,9	2,9	2,8	2,8	2,8
строительство	6,7	6,7	6,8	6,9	7,1	7,4	7,6	7,8	8,0	7,8
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	13,7	14,6	15,1	15,8	16,3	16,6	16,8	17,2	17,6	17,8

продолжение таблицы

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
гостиницы и рестораны	1,5	1,5	1,6	1,7	1,7	1,7	1,8	1,9	1,9	1,9
транспорт и связь	7,8	7,9	7,8	7,9	8,0	8,0	8,1	8,0	8,0	8,0
финансовая деятельность	1,0	1,1	1,1	1,2	1,3	1,3	1,4	1,5	1,7	1,6
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	7,0	7,2	7,5	7,4	7,3	7,3	7,4	7,4	7,5	7,8
из них научные исследования и разработки*	**1,9**	1,8	1,8	1,8	1,8	1,5	1,4	1,3	1,2	1,2
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	**4,8**	4,7	4,8	5,0	5,2	5,2	5,2	5,3	5,4	5,6
образование	**9,3**	9,2	9,2	9,2	9,2	9,0	8,9	8,9	8,7	8,8
здравоохранение и предоставление социальных услуг	**6,8**	6,7	6,7	6,8	6,8	6,8	6,8	6,8	6,8	7,0
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	**3,6**	3,5	3,6	3,5	3,5	3,7	3,8	3,8	3,8	3,9

* За 2000-2004 гг. данные приведены по отрасли «Наука и научное обслуживание» в соответствии с ОКОНХ.

3-й — кризис психологический, который характеризуется лидерством России по числу самоубийств, депрессий, когда человек «умирает от потери жизненного драйва».

Таким образом, качественные, скачкообразные изменения в мире сопровождаются особенно болезненными, системными, всеохватывающими кризисами в России. К этим кризисам я бы добавил **кризис управленческий и кризис социальный**.

Есть, конечно, и позитивные изменения, совпавшие с периодом правления Д. Медведева. Их даже попытался систематизировать В. А. Никонов, сгруппировав их в 10 позитивных итогов[72]. Важно подчеркнуть, однако, что все эти 10 «наиболее значимых достижений» носили частный и промежуточный характер, нисколько не отвечая по своим масштабам системным угрозам нации. Скорее они отражали, желание увидеть позитивные, пусть скромные, наметившиеся тенденции, а не какие-то, такие же скромные, но результаты.

Спор о том, кого отнести к креативному классу, имеет большое значение потому, что если судить эти социальные группы до «пиарщиков», то неизбежно приходишь к выводу об искусственности, ненужности этого класса. На мой взгляд, его состав значительно шире. Можно, например, попробовать провести параллель между профессиональной принадлежностью и креативностью, отнеся к креативным слоям научных работников, финансистов, госслужащих, работников образования и здравоохранения[73]. Этот статистический материал позволяет создать не только общее, но и конкретное представление о громадном богатстве НЧП и креативной части нации (табл. 6).

Это деление «по-Росстату», конечно же, очень условно, хотя бы потому, что в нем не выделены такие креативные группы, как инженеры, работники культуры, специалисты-информационщики и лица свободных профессий, составляющие значительную и растущую долю активных граждан. Но даже из этой статистики видно (выделено шрифтом), что сектора экономики, где преимущественно занят креативный класс в совокупности составляют порядка 30% занятого активного населения. При всей условности подсчетов, это означает, что человеческий креативный ресурс в России уже существует. Это — потенциал, который задействован и используется частично.

Эта часть потенциала, может быть, составляет 50% от указанной потенциальной доли, т.е. около половины. Кстати, Р. Флорида также оценивает реальную часть креативного потенциала нашей страны. Условно место «креативного класса» в структуре современного общества можно изобразить следующим образом.

Рис. 8.

Табл. 7. Численность медицинских кадров (на конец года)

Годы	Численность врачей		Численность среднего медицинского персонала	
	всего, тыс. человек	на 10 000 человек населения	всего, тыс. человек	на 10 000 человек населения
1940	82,2	7,4	299,1	26,9
1950	148,9	14,5	461,8	44,9
1960	233,2	19,3	835,3	69,2
1970	347,4	26,6	1243,2	95,2
1980	531,5	38,3	1614,1	116,3
1985	620,7	43,2	1756,7	122,4
1990	667,3	45,0	1844,0	124,4
1995	653,7	44,4	1628,8	110,8
2000	680,2	46,8	1563,6	107,6
2001	677,8	46,9	1544,4	106,8
2002	682,4	**47,4**	1557,0	108,2
2003	686,0	**48,0**	1551,5	108,5
2004	688,2	**48,4**	1545,5	108,6
2005	690,3	**48,8**	1529,8	108,0
2006	702,2	**49,4**	1545,0	108,6
2007	707,3	**49,8**	1542,5	108,6
2008	703,8	**49,6**	1511,2	106,5
2009	711,3	**50,1**	1517,6	106,9

Табл. 8. Основные показатели культуры

	1970	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число профессиональных театров	310	324	382	470	**547**	556	571	568	579	588	590	594	586	**601**
Численность зрителей:														
всего, млн чел.	69,8	71,0	**55,6**	31,6	**30,8**	31,0	30,1	29,1	28,2	28,0	28,6	29,3	30,4	**30,2**
в среднем на 1000 чел. населения	535	512	**376**	213	210	212	207	201	196	196	201	206	214	**213**
Число цирков	…	…	…	70	62	63	64	71	66	67	67	68	68	66
Численность зрителей:														
всего, млн чел.	…	…	…	11,1	8,6	8,9	8,1	7,5	6,7	6,8	6,5	6,9	7,4	6,3
в среднем на 1000 чел. населения	…	…	145	75	59	61	56	52	46	48	48	49	52	45
Число музеев	582	740	**1315**	1725	**2047**	2113	2189	2229	2269	2285	2368	2468	2495	**2539**
Число посещений музеев:														
всего, млн.	64,8	88,2	**144,0**	75,4	**73,2**	74,3	75,1	73,8	74,3	75,6	79,2	78,8	80,8	**78,9**
в среднем на 1000 чел. населения	497	636	974	508	499	509	517	511	517	528	556	555	569	556
Число учреждений культурно-досугового типа, тыс.	78,7	77,5	73,2	59,9	54,8	54,8	54,2	53,6	52,9	51,4	49,5	49,5	48,4	47,4

продолжение таблицы

	1970	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число общедоступных библиотек, тыс.	61,6	62,1	**62,6**	54,4	51,2	51,2	51,0	50,6	49,9	49,5	48,3	47,5	47,0	**46,7**
Библиотечный фонд:														
всего, млн экз.	733	980	**1155**	1105	1027	1022	1014	1007	988	977	958	945	942	**934**
в среднем на 1000 чел. населения, экз.	5607	7062	7787	7448	7017	7014	6994	6982	6888	6843	6733	6656	6639	6582
Тираж книг и брошюр:														
всего, млн экз.	1059	1393	**1553**	475	471	542	591	702	686	669	634	666	760	**717**
в среднем на 1000 чел. населения, экз.	8123	10039	**10496**	3202	3214	3715	4070	4858	4769	4677	4446	4684	5357	**5049**
Годовой тираж журналов других периодических изданий:														
всего, млн экз.	2060	2488	**5010**	299	607	984	1164	1107	976	1150	1201	1442	1613	**1690**
в среднем на 1000 чел. населения, экз.	15800	17930	**33860**	2017	4138	6744	8014	7654	6786	8033	8427	10147	11364	**11911**
Разовый тираж газет:														
всего, млн экз.	94	120	**166**	122	109	100	129	214	177	177	192	211	212	210
в среднем на 1000 чел. населения, экз.	721	865	1119	820	742	686	887	1481	1233	1238	1350	1484	1493	1479

Табл. 9. Выпуск фильмов

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Игровые фильмы (художественные) — всего	51	51	60	68	73	93	94	115	117	119	100
в том числе при государственной поддержке	35	34	41	57	60	79	83	105	78	100	78
Мультипликационные фильмы — всего	13	22	22	44	40	75	67	114	94	163	153
в том числе при государственной поддержке	12	10	17	24	32	68	65	65	89	160	151
Неигровые фильмы (документальные, научно-популярные) — всего	167	246	240	300	369	389	606	469	545	630	350
в том числе при государственной поддержке	159	87	144	216	334	330	515	433	505	612	326
Киноперiодика*	221	113	142	118	79	…	…	…	…	…	…

* С 2004 г. отдельной рубрикой не выделяется.

Таким образом, креативный класс — представляет собой горизонтально связанную цепочку различных социальных групп, большинство из которых входит по всем трем признакам в средний класс, с одной стороны, и в другие классы, — с другой. В экономической жизни он в основном определяется теми лицами, которые традиционно относятся к интеллектуальным и творческим профессиям, а также высоким уровнем образования, доходов и… общения.

Так, например, характерны показатели в таких отраслях, как здравоохранения и культура, которые свидетельствуют об определенных условиях для развития креативного класса в последние десятилетия даже в период стагфляции (табл. 7–15).

Как видно из официальных данных, численность врачей росла, а среднего медицинского персонала после 1990 года — сокращалась. Этот процесс шел, подчеркну, даже в условиях кризиса, т.е. часть креативного класса росла.

За 1990–2010 годы росла и численность театров и музеев, но вдвое упали тиражи книг и численность зрителей кинотеатров. Это говорит прежде всего о том, что даже кризис, который сказался на

Табл. 10. Полнометражные художественные фильмы, выпущенные на экраны, по странам происхождения

	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Всего выпущено фильмов*	168	193	280	315	308	297	378	350	327
из них по странам									
происхождения:									
Россия	51	48	53	77	90	105	117	119	100
Германия	—	4	7	6	10	11	8	4	10
Италия	14	2	4	8	2	3	1	4	—
Испания	—	1	7	8	5	2	2	5	5
Соединенное Королевство									
(Великобритания)	—	4	14	6	10	11	19	14	15
Франция	13	25	41	31	30	18	38	25	19
другие страны ЕС	—	5	12	4	10	4	15	5	9
остальные страны									
Европы	5	1	2	8	2	4	5	3	5
США	67	94	122	134	126	123	143	148	153
другие страны мира	14	9	18	33	23	16	30	23	11

*Выдано прокатных удостоверений Государственным регистром кино- и видеофильмов.

Табл. 11. Театры

Годы	Число профессиональных театров	в том числе				Численность зрителей, млн чел.
		оперы и балета	драмы, комедии и музыкальные	детские и юного зрителя	прочие	
1940	465	17	347	101	—	53,8
1950	304	13	215	76	—	42,9
1960	288	14	199	75	—	56,9
1970	310	19	196	95	—	69,8
1980	324	22	199	103	—	71,0
1990	382	31	233	118	—	55,6
1995	470	50	275	138	7	31,6
2000	547	65	318	151	13	30,8
2001	556	67	320	155	14	31,0
2002	571	71	328	159	13	30,1
2003	568	68	330	158	12	29,1
2004	579	71	332	164	12	28,2
2005	588	72	335	165	16	28,0
2006	590	73	334	165	18	28,6
2007	594	72	338	165	19	29,3
2008	586	71	338	161	16	30,4
2009	601	76	343	165	17	30,2

Табл. 12. Музеи в 1995–2009 гг.*

Годы	Число музеев (включая филиалы) — всего	в том числе							Число посещений музеев, млн.
		искусствоведческие	исторические и археологические	краеведческие	естественно-научные	научно-технические	комплексные	отраслевые, специализированные и прочие	
1995	1725	284	378	670	41	17	154	181	75,4
2000	2047	301	465	908	38	10	155	170	73,2
2001	2113	304	485	940	40	10	160	174	74,3
2002	2189	309	481	1011	42	8	165	173	75,9
2003	2229	306	492	1038	43	8	171	171	73,8
2004	2269	309	497	1064	38	14	178	169	74,3
2005	2285	316	492	1085	39	13	179	161	75,6
2006	2368	308	498	1150	40	17	192	163	79,2
2007	2468	311	529	1219	41	19	190	159	78,8
2008	2495	305	539	1249	38	19	187	158	80,8
2009	2539	309	532	1294	39	20	190	155	78,9

* По классификации ЮНЕСКО.

Табл. 13. Памятники истории и культуры* (тысяч)

	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число недвижимых памятников истории и культуры	**46,0**	64,5	84,9	85,0	83,6	87,8	87,7	87,8	89,3	131,1	142,7	**142,5**
в том числе памятники:												
археологии	12,0	18,9	…	…	18,5	18,1	18,0	18,1	18,8	33,8	36,7	36,8
истории	20,6	23,8	…	…	23,7	24,2	24,2	24,1	24,4	33,9	35,9	35,9
градостроительства и архитектуры	11,1	19,1	…	…	38,5	42,6	42,6	42,7	43,2	60,3	66,2	65,9
искусства	2,3	2,7	…	…	2,9	2,9	2,9	2,9	2,9	3,1	3,9	3,9

* Охраняемые государством.

Табл. 14. Учреждения культурно-досугового типа (тысяч)

Годы	Число учреждений культурно-досугового типа	в том числе	
		в городах и поселках городского типа	в сельской местности
1927	18,3	2,6	15,7
1940	74,1	5,5	68,6
1950	66,3	4,8	61,5
1960	73,5	7,4	66,1
1970	78,7	9,9	68,8
1980	77,5	9,8	67,7
1990	73,2	10,6	62,6
1995	59,9	7,3	52,6

продолжение таблицы

Годы	Число учреждений культурно-досугового типа	в том числе	
		в городах и поселках городского типа	в сельской местности
2000	54,8	6,7	48,1
2001	54,8	6,8	48,0
2002	54,2	6,6	47,6
2003	53,6	6,6	47,0
2004	52,9	6,4	46,5
2005	51,4	6,2	45,2
2006	49,5	5,8	43,7
2007	49,5	5,6	43,9
2008	48,4	5,5	42,9
2009	47,4	5,6	41,8

Табл. 15. Общедоступные библиотеки

Годы	Число библиотек, тыс.	в том числе		Библиотечный фонд, млн экз.	в том числе		Число экземпляров в среднем на 1000 чел. населения		
		в городах и поселках городского типа	в сельской местности		в городах и поселках городского типа	в сельской местности	всего	в городах и поселках городского типа	в сельской местности
1927	16,9	5,5	11,4	48	28	20	…	…	…
1932	18,1	4,9	13,2	60	39	21	…	…	…
1940	56,1	10,5	45,6	124	81	43	…	…	…
1950	59,4	11,2	48,2	159	101	58	…	…	…
1960	69,1	18,8	50,3	484	261	223	4012	3935	4106
1970	61,6	20,1	41,5	733	433	300	5607	5259	6202
1980	62,1	20,0	42,1	980	622	358	7052	6368	8671
1990	62,6	20,4	42,2	1155	733	422	7787	6743	10825
1995	54,4	14,3	40,1	1105	712	393	7448	6570	9785
2000	51,2	12,4	38,8	1027	659	368	7017	6138	9306
2001	51,2	12,3	38,9	1022	657	365	7014	6135	9295
2002	51,0	12,9	38,1	1014	655	359	6994	6146	9197
2003	50,6	12,7	37,9	1007	650	357	6982	6138	9302
2004	49,9	12,2	37,7	988	637	351	6888	6087	9054
2005	49,5	11,3	38,2	977	624	353	6843	5992	9138
2006	48,3	11,9	36,4	958	613	345	6733	5907	8963
2007	47,5	11,4	36,1	945	610	335	6656	5876	8772
2008	47,0	10,6	36,4	942	610	332	6639	5884	8687
2009	46,7	10,5	36,2	934	604	330	6582	5825	8638

Табл. 16. Распределение численности занятых в экономике
по уровню образования (в процентах к итогу)

	Занятые в экономике — всего	в том числе имеют образование					
		высшее профессиональное*	среднее профессиональное	начальное профессиональное**	среднее (полное) общее	основное общее	не имеют основного общего образования
Всего							
1995	100	**19,9**	33,2	…	33,2	12,0	1,8
2000	100	26,3	28,6	11,0	23,5	8,7	2,0
2001	100	26,6	31,1	11,7	22,7	7,0	0,9
2002	100	26,3	32,2	11,1	23,2	6,5	0,8
2003	100	25,6	26,8	16,5	22,9	7,4	0,8
2004	100	26,9	26,1	17,6	22,6	6,2	0,5
2005	100	26,6	25,4	18,3	22,7	6,3	0,7
2006	100	27,4	25,6	18,0	22,6	5,9	0,5
2007	100	29,3	25,9	17,6	21,5	5,3	0,4
2008	100	29,5	26,5	19,3	20,1	4,1	0,5
2009	**100**	**29,0**	**27,5**	18,7	20,1	4,5	0,3
Мужчины							
1995	100	18,4	27,9	…	37,1	14,4	2,2
2000	100	24,2	25,2	12,6	25,9	9,9	2,2
2001	100	24,4	27,1	14,4	24,7	8,3	1,1
2002	100	23,6	28,6	13,7	25,5	7,8	0,8
2003	100	23,3	21,6	19,9	25,6	8,7	0,9
2004	100	24,4	20,7	21,9	24,9	7,6	0,6
2005	100	24,1	19,9	22,8	25,0	7,4	0,8
2006	100	25,2	19,8	21,8	25,5	7,2	0,6
2007	100	26,6	20,9	21,6	24,0	6,4	0,5
2008	100	26,7	21,4	24,2	22,3	5,0	0,5
2009	100	25,8	22,5	23,0	23,0	5,4	0,3
Женщины							
1995	100	21,5	39,0	…	28,9	9,3	1,3
2000	100	28,5	32,3	9,3	20,9	7,3	1,7
2001	100	29,0	35,3	8,9	20,5	5,6	0,7
2002	100	29,1	35,8	8,5	20,8	5,2	0,7
2003	100	28,0	32,2	12,9	20,2	6,0	0,8
2004	100	29,6	31,7	13,2	20,3	4,8	0,5
2005	100	29,2	31,1	13,6	20,4	5,1	0,6
2006	100	29,7	31,5	14,2	19,6	4,5	0,5
2007	100	32,1	31,0	13,5	18,9	4,2	0,4
2008	100	32,5	31,9	14,2	17,8	3,2	0,4
2009	100	32,2	32,8	14,1	17,1	3,6	0,2

* До 2009 г. — включая неполное высшее образование, в 2009 г. — включая послевузовское образование.

** В 1995 г. лица, имеющие начальное профессиональное образование, учитывались по уровню среднего (полного) общего или основного общего образования.

Табл. 17. Объем инновационных товаров, работ и услуг по видам экономической деятельности

	2003		2005		2006		2007		2008		2009	
	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*	млн руб.	%*
Добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды — всего	312692,0	4,7	545540,0	5,0	714024,6	5,5	916131,6	5,5	1046960,0	5,1	877684,8	4,6
Добыча полезных ископаемых	67259,3	5,2	81199,0	2,7	90969,2	2,8	110950,2	3,0	133553,9	3,0	122998,3	2,7
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	61296,7	5,6	75521,7	2,9	85304,8	3,0	103476,6	3,2	109627,6	2,8	111636,8	2,8
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	5962,6	2,9	5677,3	1,6	5664,3	1,5	7473,6	1,6	23926,2	4,2	11361,5	2,2
Обрабатывающие производства	224392,0	5,2	462739,3	7,0	615682,8	7,5	796855,2	7,1	897801,7	6,6	713042,6	6,1
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	30145,7	3,9	50307,4	4,5	65308,4	4,7	86872,0	5,3	97480,8	4,6	101767,1	4,8
Текстильное и швейное производство	1499,5	2,2	1481,8	2,0	1827,0	2,1	2249,4	2,5	2697,1	1,6	4229,2	4,7
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	511,8	3,6	486,5	2,8	574,2	2,9	610,0	2,9	446,9	1,9	1615,9	6,1
Обработка древесины и производство изделий из дерева	1446,1	2,1	2525,9	2,5	3139,2	2,8	3861,0	2,2	10610,5	6,6	2610,3	2,1
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	5474,0	3,8	3217,0	1,4	5946,6	2,2	10131,4	2,9	7081,5	2,0	9778,5	2,7
Производство кокса и нефтепродуктов	3301,4	1,2	39737,9	7,0	89603,8	11,9	59216,1	3,4	97014,0	4,4	40472,7	1,6
Химическое производство	17292,3	**5,2**	33694,8	7,1	48766,5	8,4	85898,8	12,0	122895,1	11,9	99605,8	**11,4**
Производство резиновых и пластмассовых изделий	5340,1	6,8	12546,8	10,5	7353,6	5,7	22084,4	9,1	17723,0	5,5	16404,9	6,8
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	5118,6	2,8	10496,2	3,4	10669,2	2,2	23552,9	3,4	18655,7	2,4	17067,6	3,0
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	64674,1	4,2	67491,3	3,8	89420,0	4,2	130453,2	5,0	137627,9	4,6	116051,9	5,5
Производство машин и оборудования	14099,9	**6,6**	22578,8	6,2	23892,3	5,4	37001,1	6,1	57278,6	7,5	55135,8	**8,3**
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	21426,5	**9,6**	33317,9	8,9	41692,2	8,8	60102,9	10,2	57449,2	8,8	57526,4	**9,9**
Производство транспортных средств и оборудования	63832,4	**11,9**	152684,9	20,1	201335,0	22,1	216311,5	18,4	239616,7	17,9	159928,7	**16,2**
Прочие производства, не включенные в другие группировки обрабатывающих производств	10229,6	4,5	32172,1	9,7	26154,8	7,0	58510,4	11,3	31224,8	5,1	30847,9	5,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1040,7	0,2	1601,7	0,1	7372,6	0,4	8326,2	0,4	15604,5	0,6	41643,8	1,5

%* — в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг

возможностях большинства населения покупать книги и посещать театры, не смог остановить рост культурного потенциала (части НЧП) страны.

К сожалению, этот потенциал мало был использован. Что хорошо видно на примере инновационных товаров и услуг по отраслям деятельности, хотя и здесь обращает внимание динамика внедрения в отдельных отраслях (выделяются, например, химическая и транспортная отрасли).

В этой связи встает, острая проблема использования созданного креативного потенциала, превращения его в **фактор развития**. Что зависит прежде всего от эффективности управления государством и обществом.

Реализация идеи «Большого скачка» потребует, прежде всего, **сознательного формирования целого социального слоя креативного класса со стороны государства и общества**, а главное, — сознательного допуска представителей этого класса к государственному и местному самоуправлению: «Люди познания, обучения и созидания определяют положение страны в мировом сообществе в эпоху бурного развития технологий»[74]!

То есть одновременно правящая элита должна сама **стимулировать** развитие креативных социальных групп, решая экономические и социальные задачи, и **продвигать** эти группы во власть, решая политическую задачу. Но элита этого-то как раз и не хочет. И не делает. Понятно почему: в современной России власть это синоним денег, а так как деньги — главный приоритет элиты, то и власть она никому не отдаст. Кто же отдаст добровольно деньги?

Подобная острая постановка проблемы, да еще и в условиях кризиса, выглядит угрожающей и несвоевременной, но я уверен, что, не начав двигаться по этому пути, т.е. не повышая качество госуправления и управления экономикой и обществом, мы не сможем не выйти из кризиса, ни тем более развиваться опережающими темпами. И не выходим. Только имитируем такой выход.

Такой целенаправленной государственной политики «внедрения во власть» до сих пор не было (речь не идет о политических декларациях В. Путина и Д. Медведева о стремлении увеличить долю среднего класса до 60% и даже 70% и своевременном выступлении В. Суркова 28 ноября 2008 года в поддержку среднего класса на Форуме «Стратегия–2020». Эти политические сигналы так и не превратились пока в реальную государственную политику). Без такой политики «само по себе» изменение в качественном развитии России произойдет недопустимо медленно. Иными словами, проблема (количественная) **роста** экономики и (качественная) **развития** экономики России — это проблема **не столько экономическая, сколько социальная, а в конечном счете политическая**. Она выражается в простой формуле: «Власть — креативному классу».

Изучая политические волнения 1950–1960-х годов, Хантингтон отмечал, что ускорение развития экономики и общества часто приводит к переворотам, революциям и путчам. Это можно объяснить, утверждал ученый, несоответствием имеющихся институтов закрытого общества стремлению молодого и активного поколения к участию в политической жизни страны. Главной силой, борющейся с существующим режимом, в подобных обществах оказываются не беднейшие из бедных, а **развивающийся средний класс**. Это стало нормой в последние десятилетия.

Сказанное справедливо по отношению и к Тунису, и к Египту. В обеих странах в последние десятилетия отмечается существенный социальный прогресс. Составляемый ООН Индекс развития человеческого потенциала (интегральный показатель состояния здоровья, уровня образования и доходов в странах) за период с 1990 по 2010 год вырос в Египте на 28%, а в Тунисе — на 30%. Доля горожан резко выросла. **Протесты в этих странах возглавила образованная, технически грамотная и национально ориентированная молодежь из среднего класса.** Похоже, что это ждет и Россию.

Хантингтон подчеркивал дестабилизирующий потенциал новых социальных групп, жаждущих участия в политической жизни. Раньше людей мобилизовали газеты и радио. Сегодня их побуждают к действию мобильные телефоны и социальные сети. Пример Норвегии поразителен. В июле 2011 года за один день в 4-х миллионной стране на демонстрацию вышли сотни тысяч людей. «Организатором» которых выступил Интернет.

Первые эксперименты с «кадровыми событиями» и «тысячами» убеждают, что элита пока что не готова заниматься этой проблемой. Для того чтобы только начать двигаться в этой области, необходимы как минимум следующие условия:

— во-первых, необходим **исходный материал** для выбора, то, из чего, собственно, надо выбирать. Этот «материал» должен представлять достаточно большой массив информации о десятках и сотнях тысячей людей;
— во-вторых, этот «материал» должен оцениваться **публично и гласно**, т.е. он должен быть доступен каждому гражданину, например, в интернете;
— в-третьих, должны быть утверждены **критерии**, по которым отбираются такие кандидаты. Ну, например, А. Кузнецов предлагает ориентироваться на «образ нового государственного деятеля России», а сама процедура состояла бы из трех этапов:
    1. Письменное предварительное испытание и конкурс резюме, в которых предъявляется жизненный путь претендента и его успешность в один из самых тяжелых периодов существования России.

2. Трехэтапное конкурсное испытание — персональные задания, умение работать в команде, ситуация противоборства и отстаивание своей программы действий.
3. Специализированный конкурс отобранных кандидатов по занятию конкретной должности[75].

Сегодня ничего подобного нет. Нет ни критериев, ни исходного материала, ни тем более понятных аргументов в пользу назначения того или иного чиновника. Хуже — в обществе сложилось убеждение, что назначения «продаются», а кадровая политика заключается в том, чтобы «поставить своих людей на деньги». Другими словами, в качестве главных критериев отбора действуют коррупционные схемы. Которые, естественно, могут привести только к такой же коррупционной и неэффективной политике.

Без креативного класса эти задачи не решаемы. Необходимо понимать, что при сохранении нынешней государственной и социальной политики по отношению к креативному классу (точнее — ее отсутствия) качественных изменений в российской экономике, политической и социальной системе ждать придется долго. Наверное, более 15–20 лет. Не случайно В. Сурков заметил по этому поводу осенью 2008 года: «Инновационная экономика — это не столько, собственно, про экономику, сколько про людей. Важно, чтобы все, кто на это способен, смогли проявить свои таланты, и тогда инновационная экономика и модернизированное общество будут построены естественным путем»[76].

Вопрос в том, что внешние и внутренние обстоятельства могут не дать России такой временной ресурс. События на Кавказе в августе 2008 года показали, что за небольшим региональным конфликтом скрываются глобальные цели: ограничить влияние России на её территории, а затем, вероятно, и ослабить, и дезинтегрировать страну.

Кавказский кризис оказался весьма показательным. С одной стороны, он продемонстрировал, насколько далеко может пойти Запад в отношении России: от консолидированной внешней и информационной политики до угрозы сан кций, военных демонстраций и откровенных попыток изолировать Россию.

С другой стороны, этот же кризис продемонстрировал ограниченность возможностей России, прежде всего информационных. Оказалось, что у России нет не только глобальных информационных ресурсов, но и элементарных средств информирования мировой общественности. Хуже — нет идеологии (как **системы** взглядов и идей), в рамках которой можно было бы проводить последовательную и долгосрочную информационную политику хотя бы вовне. По сути дела, против России была развязана откровенная и циничная информационная война. Война, которую Россия проиграла.

Тем важнее сегодня сделать правильный прогноз относительно будущего России. На мой взгляд, он очевиден: изменения в соотношении сил в мире, угроза военных конфликтов, стремление внешних сил дестабилизировать внутриполитическую ситуацию в стране, а возможно, и угроза дезинтеграции России — все эти факторы при сохраняющемся качественном разрыве в развитии **могут привести к развалу России и потере ею суверенитета** уже в среднесрочной перспективе.

Логика современного развития достаточно проста, и я о ней уже говорил выше. Повторю еще раз применительно к теме этого раздела, используя выдержки из статьи А. В. Барышевой: «Знания изменяют и экономику, и технологии, и человека, и социум. Непосредственно знания количественно оценить невозможно, для этого используются оценки косвенные — 80% ВНП развитых стран составляют знания. Это значит, что доля продукции и услуг, произведенных в сфере высоких технологий и информации, в общем объеме производства составляет 80%. Знания измеряются также рыночной стоимостью решений (технологических, социальных, организационных, управленческих), получаемых с их помощью. Например, 80–90% стоимости современного автомобиля приходится на воплощенные в нем знания. На долю новых знаний, воплощенных в технологиях, оборудовании и организации производства развитых стран, приходится 80–95% прироста ВНП. Капитализированная стоимость компании может в десятки раз превышать балансовую за счет высокой стоимости интеллектуального капитала в ее активах — рынок оценивает капитал, воплощенный в знаниях, выше, чем капитал в материальной форме…»[77].

Иными словами, **любая** развитая экономика — это экономика знаний, на которую приходится до 95% прироста ВВП. И эта тенденция не просто сохранится, но и укрепится. Соответственно **носители** этих знаний и навыков уже стали движущей силой экономики. Кроме того, они уже изменили социальную структуру общества. Просто наша элита этого не видит.

Далее А. В. Барышева справедливо делает вывод: «О формировании к началу XXI века нового класса, или страты, новой общности людей, социальной категории, творческой элиты, писали Э. Тоффлер, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, В. Л. Иноземцев, Р. Флорида. В. Л. Иноземцев считает, что сформированная новая элита призвана стать господствующим классом общества и экономики знаний, и определяет его как социальную общность людей, воплощающих в себе знание и информацию о производственных процессах и механизмах общественного прогресса в целом. Новая элита наделена способностями контролировать и направлять процессы, диктуемые логикой технологического прогресса. Таким образом, творческий потенциал

сегодня является движущей силой хозяйственного развития и его детерминантой, основным источником конкурентных преимуществ. Но одновременно творческий потенциал превратился в источник власти, что создает сложные коллизии в обществе, возможности напряжения и раскола»[78].

Добавлю, что творческий потенциал — это пока что только потенциальный источник власти, но не сама власть. Власть в России пока что принадлежит финансово-бюрократической элите. И в этом — главная причина наших неудач в экономике и в социально-политической сфере. Особенно важно определиться с понятием «бюрократия» применительно к современной России. Можно согласится с суждением Н. Федоренко, которая охарактеризовала российскую бюрократию следующим образом:

1. Государственная бюрократия как институт власти в ее современном виде начала формироваться в 1990-е годы. Сегодня она представляет собой иерархически и социально организованную группу людей, наделенных властными полномочиями по осуществлению государственной политики, удовлетворяющих требованиям современного менеджмента, характерного для рыночной экономики.
2. В 1990 году общая численность работников, занятых в системе органов государственной власти, насчитывала 663 тыс. человек, в 2002 году — 1140,6 тыс. (1,8% занятого населения). В среднем на 1 тыс. российских граждан приходится 8 чиновников, которые трудятся в органах государственной власти и местного самоуправления. Следует заметить, что разброс этого показателя по регионам весьма значителен: в 20 субъектах Федерации он равен среднему по стране, в 19 — несколько выше, достигая 10 человек (в районах Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера). Крайние значения зафиксированы в Эвенкийском АО (58 бюрократов на 1 тыс. человек) и в Республике Ингушетия (4 человека). В 2005 году, по данным Федеральной службы государственной статистики, только численность гражданских госслужащих без «обслуживающего персонала» составила 1,316 тыс. человек.
3. В нынешних условиях сильная государственная бюрократия становится чуть ли не единственным фактором успешных преобразований в стране. Без ликвидации управленческих дисфункций государственной бюрократии невозможно создать предпосылки для экономического роста, становления подлинной демократии. Симптоматично, что бюрократия является реальным претендентом на занятие более высоких позиций — политическая элита в нашей стране рекрутируется преимущественно из чиновничьего аппарата. Однако социальное поле меняется, во все большей степени человеческий капитал становится определяющим фактором не только развития экономики, но и двигателем модернизации политической системы[79].

Третий вывод, безусловно, требует комментариев. Прежде всего государственная бюрократия и элита (символично совпадая по численности) — отнюдь не одно и то же. К элите можно отнести лишь небольшую часть бюрократии, тех, кто реально может принимать решения и влиять на их реализацию. По моим наблюдениям, их не более 5% от всего числа госслужащих. Остальные 95% — простые исполнители, наемные работники, полностью зависящие от своих начальников. А некоторые даже — представители креативных слоев.

Также важно подчеркнуть, что госслужащие как «служивое сословие» стали опорой государства и власти после кампании по развалу государства и его институтов, развернутой в конце 80-х и 90-х годах XX века. Именно они возродили государство в начале первого десятилетия XXI века. Но они же стали во многом и причиной его стагнации в 2005–2011 годах.

Наконец, именно государственные служащие (как входящие в элиту, так и вне её) постепенно стали объективным препятствием для развития креативного класса. Элита — потому, что не хочет делиться властью, а остальные 95% — потому, что **вынуждены** подчиняться исполнительской дисциплине и исключать любые проявления творческой активности как в своей среде, так и за ее пределами. Просто потому, что система управления требует этого.

И здесь обнаруживается новая тенденция: человек начинает заменять суверенитет государства, а НЧП — общества. Происходит конфликт между государством и личностью, ликвидировать который может только развитие НЧП, заменяющего государства, прежде всего национальных институтов социального потенциала как важнейшей части НЧП. Если этому сознательно не содействовать, то конфликт по линии «государство-личность» может принять неуправляемый характер. Как это намечается в Европе. «Экономическая сила, которая в свое время содействовала суверенитету отдельных государств, сегодня действует в противоположном направлении, создает угрозу их независимости. Национальные границы становятся все более прозрачными и все менее значимыми с экономической точки зрения, это создает новую политическую угрозу для развития национального государства и для утверждения национальной демократии. — Пишет М. И. Данилова. — «Вместе с исчезновением национальной идеи как очевидной, наглядной и доступной пониманию идеологической основы в Западной Европе в центр внимания ставится индивид, его личностный потенциал и его собственный интерес»[80].

4. Креативный класс в управлении как условие опережающего развития НЧП

Для элит, ставших бенефициарами прошлой модели развития, поверить в неизбежность разворота[81].
К. Рогов

Креативный класс — это класс разводчиков, которые берут то, что плохо лежит, тибрят и перепродают тем, кто ничего не понимает в искусстве. Можно говорить об интеллигенции, которая и не творческий класс, но зато класс с совестью. А креативщик — это бездарь и нулевой творец, полностью лишенный интеллигентской совести[82].
А. Дугин

Будущее креативного класса сегодня во многом предопределяется качеством госуправления. Чем ниже качество — тем хуже будущее. Один из важнейших критериев, иллюстрирующих эту зависимость, численность образованных граждан, приезжающих (уезжающих) из страны. В США, например, привлечение квалифицированных специалистов из-за рубежа было заявлено в качестве национального приоритета в «Стратегии национальной безопасности», утвержденной президентом в мае 2010 года[83]. В России только за последние три года отъезд специалистов превысил 1250 тыс. человек, т.е. представители креативного класса (и без того не слишком большого) массово покидают страну[84]. Это означает фактическую констатацию провала курса на модернизацию.

Провалы в реализации намеченных планов модернизации страны, в частности «Стратегии–2020», стали для всех очевидны уже к началу второго десятилетия XXI века, что сделало невозможным избежать анализа причин неэффективности государственного управления в России. Прав К. Рогов и те, кто полагает, что третий период современной российской истории поставит во главу угла вопросы политической власти и эффективности институтов управления. И вызвано это не только психологической усталостью от стабильности, как считает К. Рогов, а неспособностью власти решать накопленные идеологические проблемы и, как следствие, **неадекватностью и неэффективностью управления, в т.ч. и политического, провалы которого после кризиса стали особенно очевидны**[85].

Об управленческой функции идеологии А. Зиновьев весьма точно сказал следующее: «Специфическая цель (и функция) идеологического учения (идеологии) — не познание реальности, не развлечение, не образование, не информация о событиях на планете и т.д. (хотя все это не исключается), а формирование **у людей определённого и заранее планируемого способа мышления и поведения, побуждение людей к такому способу мышления и поведения, короче говоря, формирование сознания людей и управление ими путём воздействия на их сознание**. Идеология изобретается для того, чтобы выработать у тех, для кого она предназначена, **некоторый априорный и стандартный способ понимания окружающих человека явлений реальности и жизни людей, стандартное отношение к ним (оценку), стандартное поведение в ситуациях определённого вида**. Подчёркиваю: идеология учит людей тому, что они должны думать о тех или иных явлениях бытия, как их оценивать и как поступать в тех или иных случаях. Можно сказать, что идеология даёт **людям априорную систему социальных координат, позволяющую им ориентироваться в социальной среде**»[86].

Разрыв между частными обещаниями и реальностью становился все более заметным, хотя, на мой взгляд, этот фантастический разрыв сложился задолго до этого: от обещаний Н. Хрущева о том, что «нынешнему поколению жить при коммунизме», и М. Горбачева о решении продовольственной проблемы и предоставлении жилья всем нуждающимся к 2000 году, до обещаний Б. Ельцина, В. Путина и Д. Медведева.

Во втором десятилетии XXI века, однако, этот разрыв приобрел устойчивое и негативное политическое восприятие, когда, как говорил М. М. Жванецкий, «власть должна либо перестать обещать, либо что-то выполнять». В 2011 году, прежде всего на фоне надвигающихся выборов, этот разрыв стал уже реальной политической проблемой: ошибки в управлении, откровенная неисполнительность и коррупция стали синонимом власти вообще, и федеральной в особенности. Более того, сложилось мнение, что власть вообще не контролирует ситуацию в некоторых регионах и областях. Что в общем-то вполне соответствовало действительности.

Важнейшей особенностью государственного управления при В. Путине и Д. Медведеве стало, на мой взгляд, то, что власть оказалась не способной организовать опережающее национальное развитие, имитируя руководство страной. Политика, которая стала **стагфляционной** — инерционной, экономика — инфляционной и фактически стагнирующей. Особенно отчетливо это проявилось в период кризиса, когда все стратегические планы развития были напрочь забыты, и последующего за ним периода, когда разговоры о модернизации и инновациях заменили все реальные действия. Между тем, как справедливо пишет Е. В. Охотский, «государственное управление — великое искусство реализации государственной

власти в определенных целях и интересах. Это универсальный и объективно необходимый элемент социальной действительности **и неважно, с каких методологических позиций** (цивилизационных или формационных, идеалистических или материалистических, метафизических или диалектических, позитивистских или неопозитивистских) исследуются связанные с ним общественные отношения, процессы и явления. Подходы, оценки и выводы, конечно, будут разные, но суть государственного управления как реального общественного явления от этого не меняется. Однозначно и другое: содержание, формы и методы государственного управления определяются конкретно-историческим условиями экономического, социально-политического и культурно-национального развития данного общества, особенностями политической и правовой культуры народа, профессионализмом и интересами правящей элиты, формой государственного устройства и государственного правления, сложившимся режимом властвования»[87].

Попытки власти в России создать даже относительно эффективную систему государственного управления, надо признать, провалились. И это стало общепризнанным фактом в 2011 году. Более того, эта самая острая (по признанию Объединенного комитета разведки США) проблема стала еще более неотложной. И не столько из-за объективной сложности задач, связанных со сменой государственного строя и неизбежной сменой системы госуправления (даже учитывая коренные изменения на сущностном, формационно-концептуальном уровне), а из-за отсутствия реальной идеологии и стратегии сначала осуществления реформ, а потом развития нации и государства. Когда нет идеологии и стратегии, а элита ориентируется на сиюминутные, часто корыстные цели, эффективности управления не может быть в принципе. Даже если под него подведена современная нормативная база и созданы институты управления.

На мой взгляд, основная причина заключается в том, что все попытки совершенствовать аппарат управления были изначально обречены из-за неправильно сформулированных целей и задач и отказа от идеологии как инструмента управления. «Прагматизм» в политике привел в XXI веке российскую элиту к неверному пониманию функции власти и представлению о ее эффективности. Очередная реформа (как и все реформы, проводившиеся последние 25 лет) привела к провалу.

В этой связи важно изначально четко определить **объекты госуправления** или то, на что направлено управляющее воздействие субъекта управления. В России, как впрочем и в других странах, таких основных объектов четыре. Все они в той или иной степени представляют не абстрактные категории (хочу особенно подчеркнуть), а конкретную нацию. Поэтому и должны рассматриваться в совершенно конкретном историческом и социокультурном контексте. Это первое общее, объединяющее правило:

— отдельный **человек, личность**, в отношении которого принимаются те или иные конкретные решения (о поощрениях, наказаниях, стимулах и пр.). Особенно важно, чтобы такое управление сегодня содействовало развитию личности, а не препятствовало ей;
— трудовые коллективы и другие объединения людей, которые я бы назвал, более определенно — **институты социального потенциала,** как часть НЧП;
— **социальные классы**, слои, группы. Так, например, закон о монетизации льгот направлен в отношении определенных социальных слоев граждан;
— **общество в целом**. ФЗ, указы президента, постановления правительства, региональных и пр. органов власти направлены на управление обществом в целом. Как правило (хотя и не всегда)[88].

Общее, (кроме национального), что объединяет **все** объекты управления (кроме известных правовикам «общих свойств объекта управления»), это то, что в основе лежит **социальный фактор**: от личности до всего общества, включая классы, слои и трудовые коллективы, все институты социального потенциала, все эти объекты **состоят из личностей**, **объединенных в нацию**, т.е. объектом управления в конечном счете является **человек**, а **способы управления** — социальны по своей сути, идеологичны и политичны.

Отечественный либерализм и характерные для него способы управления ориентированы на совершенно **другие объекты управления несоциального и не национального свойства**: макроэкономические показатели, финансовая стабильность, рынок и т.п. Это во многом **изначально предопределило провал всей системы управления в России.** Либерализм, «бухгалтеризм» не нуждается ни в нации, ни в об-

Табл. 18. Объекты управления правящей элитой России в 1990–2011 годы

Те, которые должны были бы быть управляемыми с помощью политико-идеологических и административных средств управления:	Те, которые реально были и остаются управляемыми с помощью финансово-нормативных средств управления:
— человек, личность;	— собственники, владельцы активов;
— институты социального потенциала;	— предприятия и их финансовые показатели;
— социальные классы, группы;	— финансовые показатели;
— общество в целом, нация.	— макроэкономические показатели.

ществе. Он (в российском, примитивном варианте) «управляет финансовыми потоками». Конкретно — в области обороны, здравоохранении, образовании, экономике — везде. И не надо удивляться, что такое управление игнорирует национальные и социальные интересы (табл. 18).

Как видно, изначально и сознательно объекты управления избраны правящей элитой в нарушение закона управления: вместо политического и идеологического управления социальными объектами избраны экономические объекты с соответствующими инструментами управления. Отсюда и игнорирование главной силы модернизации — креативного класса. Не до него.

Провал «Стратегии–2020» — очередное подтверждение неверности как избранных объектов управления, так и методов управления. Так, при модернизации было бы необходимо сконцентрироваться на таких важнейших объектах управления, как общество, нация, особенно на тех передовых социальных слоях (креативных), которые заинтересованы в модернизации.

Жаль, но «корректировка» «Стратегии–2020» будет, очевидно, идти по прежнему пути, без пересмотра как объектов модернизации, так и ее средств. Похоже, что в качестве объекта управления для нынешней элиты сегменты «человек — институт — социальный класс — общество/нация» выступают только накануне выборов, когда, например, в мае 2011 года В. Путин, спохватившись, объявил о создании «Народного фронта» по аналогии с созданным оппозицией Народно-патриотическим союзом (НПСР) в 1996 году. Дело не в близости названий и даже руководящих органов, а в принципиальной схожести идеи — выборе общенациональной идеологии и стратегии развития, организации социально-политической базы для нее[89].

Уверен, что с точки зрения сложившейся системы управления эта инициатива В. Путина останется только избирательной технологией, и обогатится левой риторикой[90], ведь изменить суть управления — от неолиберального управления финансами к управлению человеком и обществом — пока, во всяком случае, не предполагается. В этом заключается принципиальная разница. Если объект управления в идеологической системе русского социализма прежде всего национальный человеческий потенциал (НЧП), включая его главный ресурс — творческий класс, а качество управления измеряется прежде всего способностью превратить НЧП в НЧК, то объект управления в системе либеральной идеологической традиции — собственность и другие материальные активы[91]. Это можно показать следующим обрзом (рис. 9).

* Ещё в 2005 году я писал по этому поводу в разделе «Условия успешного развития России», с. 114–130, в кн.: Подберезкин А., Карпенко М. XXI век: стратегия для России (развернутые тезисы для дискуссии). М.: СГА, 2005.

** Как писал в свое время В. Сурков, «...самонадеянные и амбициозные коммерческие руководители подменили собой в ряде случаев власть». Сурков В.Ю. Основные тенденции и перспективы развития современной России. М.: СГА, 2007. С. 10.

Рис. 9.

Табл. 19. Цели реформы государственного управления

Стратегическая цель: повышение эффективности государственного управления для обеспечения достижения целей социально-экономического развития				
Цель 1:	Цель 2:	Цель 3:	Цель 4:	Цель 5:
Создание оптимальной структуры и системы распределения функций ФОИВ[93] для обеспечения эффективной работы органов госуправления и повышения качества госуслуг	Снижение уровня гос. регулирования в экономике	Повышение профессионализма, престижа и конкурентоспособности госслужбы	Повышение эффективности и результативности бюджетных расходов	Укрепление механизмов прозрачности и внешней подотчетности органов госуправления

Табл. 20. Распределение численности занятых по видам экономической деятельности по уровню образования в 2009 г. (ноябрь; в процентах)

	Занятые в экономике — всего	в том числе имеют образование						
		высшее профессиональное	послевузовское	среднее профессиональное	начальное профессиональное	среднее (полное) общее	основное общее	не имеют основного общего образования
Всего в экономике	**100**	**28,7**	**0,2**	**27,5**	**18,7**	**20,1**	**4,5**	**0,3**
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	100	**9,1**	**0,0**	17,6	19,0	34,9	17,7	1,7
Рыболовство, рыбоводство	100	**14,5**	**…**	25,8	26,1	26,5	5,7	1,4
Добыча полезных ископаемых	100	**21,9**	**0,1**	29,5	25,7	20,1	2,7	…
Обрабатывающие производства	100	**23,4**	**0,0**	25,8	25,2	21,3	4,2	0,1
Производство электроэнергии, газа и воды	100	**23,0**	**0,3**	28,1	26,3	18,7	3,3	0,3
Строительство	100	**21,7**	**…**	20,7	28,6	23,9	4,9	0,2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	100	**21,1**	**0,0**	29,5	19,8	25,4	3,9	0,2
Гостиницы и рестораны	100	11,8	…	25,1	34,5	24,9	3,5	0,3
Транспорт и связь	100	18,3	0,1	27,4	25,9	24,7	3,6	0,1
Финансовая деятельность	100	**64,6**	0,1	24,6	4,4	6,1	0,3	…
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	100	**48,4**	0,5	22,2	12,6	13,0	3,2	0,1
из них научные исследования и разработки	100	**71,7**	**3,3**	12,2	7,4	5,5	…	…
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование	100	**46,3**	0,1	25,9	10,3	15,5	1,7	0,0
Образование	100	**48,2**	1,2	29,4	7,4	10,4	3,1	0,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	100	**32,6**	0,3	**46,2**	7,0	11,5	2,4	0,1
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	100	28,4	0,0	29,0	21,8	16,6	3,9	0,2

Расхождение между заявленными целями и реальными результатами стало следствием неверно избранного объекта управления и приоритетами, которые сохраняется у правящей российской элиты до сих пор. Как справедливо полагают В. И. Якунин и С. С. Сулакшин, «с точки зрения развития системы органов государственной власти цели реформы заявлены благие, но характер изменений практически сразу же раскрывается на примере росписи задач в системе мониторинга эффективности административной реформы в соответствии с целевыми установками»[92].

Как видно из табл. 19 все указанные пять основных целей сводились к повышению эффективности госуправления «для обеспечения достижения целей социально-экономического развития», которые изначально были ориентированы не на развитие НЧП, а на макроэкономические показатели (сбалансированность бюджета, снижение инфляции, рост ВВП). Реформа госуправления стала таким образом **реформой механизмов управления, а не сменой объектов управления и изменением целей национального развития**.

Соответственно все дальнейшие мероприятия были подчинены этой логике — бюрократической оптимизации механизмов госуправления. Что хорошо видно из некоторых конкретизированных в задачах целей административной реформы.

Указанным целям, по мнению авторов, отвечают следующие задачи[94].

Цель 1.

Задача 1.1. Оптимизация структуры и численности государственного аппарата и подведомственных организаций.

Задача 1.2. Оптимизация исполнения функций исполнительной власти на основе результатов функционального обзора.

Задача 1.3. Оптимизация деловых процессов и внедрение административных регламентов и стандартов государственных услуг.

Цель 3.

Задача 3.1 Создание условий для оптимального организационно-правового обеспечения государственной службы.

Задача 3.2. Определение обязанностей, полномочий и мер ответственности госслужащих на основе должностных (служебных) регламентов.

Задача 3.3. Внедрение новых методов планирования, финансирования, стимулирования и оценки деятельности госслужащих, рациональное использование ресурсов в системе госслужбы.

Задача 3.4. Обеспечение открытости государственной службы в интересах развития гражданского общества и укрепления государства.

Задача 3.5. Применение эффективных методов подбора квалифицированных кадров для государственной службы, оценки результатов служебной деятельности госслужащих, а также создание условий для их должностного (служебного) роста (и т.д.).

Цель 5.

Задача 5.1. Повышение прозрачности и открытости органов государственной власти.

Задача 5.2. Усиление системы внешней подотчетности.

Как видно, попытки повышения эффективности госуправления свелись к нормативно-бюрократическим процедурам, составлению регламентов и других многочисленных нормативных документов, а не к смене объектов управления, приоритетов развития и появлению стратегии национального развития. Это в конечном счете стало первопричиной провала не только попытки повышения эффективности госуправления, но и более скромных попыток оптимизации деятельности бюрократического аппарата, который в 2010–2011 годах превратился для правящей **элиты в политическую проблему**.

Именно в это время наиболее активная часть общества, прежде всего креативные социальные группы, которые в минимальной степени — материально, творчески, информационно — зависели от государства, усилили критику политической элиты и ее методов руководства. Кампании «синеведерочников», «защитников химкинского леса», выступления против реформ ЖКХ и т.п. стали ежедневным атрибутом политической жизни 2008–2011 годов, центральными темами СМИ.

Значительное место в активизации общественных выступлений против системы управления занял Интернет, который к тому времени превратился в России в площадку, аккумулирующую протестные настроения, а в ряде случаев сделал из авторов блогов и твиттеров известных и популярных журналистов.

Можно сказать, что в определенном смысле переменная проблема эффективности госуправления превратилась в 2010–2011 годах в дополнительную **политическую проблему** для правящей элиты. Что особенно неприятно — накануне парламентско-президентских выборов.

Один из явно проявившихся в 2010–2011 годах крупнейших недостатков существующего управления — отсутствие творческого, национально заинтересованного подхода. Почему-то это «вдруг» стало ясно именно тогда. Того, о котором писал еще в конце XVIII века А. Гамильтон, говоря о национальных интересах. Это было немедленно не только зафиксировано общественным мнением, но и проявилось в массовых выступлениях на Манежной площади в декабре 2010 года и в других регионах. Собственно ошибки и недостатки госуправления, стали причиной социальных и национальных выступлений.

Примечательно, что редкие обращения Д. Медведева, В. Путина и других представителей правящей элиты к креативному классу не приобрели характера сколько-нибудь осмысленной политики, а тем более не дали сколько-нибудь значимых результатов.

В эпиграфе А. Дугина, приведенному в начале работы, выражен подход к роли креативного класса не только у экзотической части политологов, но в действительности — всей правящей элиты, которая понимает (и рефлексирует по этому поводу) необходимость допуска к управлению, а значит и власти, представителей креативных групп граждан, но не знает, как это сделать, и по большому счету не хочет этого. Все попытки создания «кадрового резерва», реформы МВД и т.п. носят частный, не меняющий принципиально всей политики характер. Они ведут к ухудшению управления, что особенно видно на пример Минобороны и Генштаба, которых реформируют более 20 лет. Давно известно (и американцы это социологически подтвердили), что любая управленческая реформа в 50% — и процентах случаях **снижает** качество управления.

Одновременно в России наблюдается тенденция снижения качества управленческих кадров и управления, прежде всего, из-за того, что сама правящая элита не понимает значения того огромного ресурса, который сосредоточен в ядре креативного класса — его интеллектуальном слое и интеллигенции. И который властью не используется. Некоторое представление о качестве управления дает уровень образования занятых в отдельных отраслях, который, как увидим, резко отличается в зависимости от занимаемой деятельности. От более чем 70% в науке и почти 50% в образовании, до 9,1% в сельском хозяйстве[95].

Как видно из официальных данных (табл. 20):

1. В России пока что сохраняется в целом высокий уровень высшего образования (более 28%) во всех отраслях экономики, сопоставимый с развитыми странами.
2. Вместе с тем послевузовское образование встречается уже крайне редко (0,2% по всей экономике), что свидетельствует о существенном отставании управленческих кадров, которые должны проходить переподготовку не реже одного раза в 5–7 лет.
3. Основная часть специалистов с высшим образованием сосредоточена в финансовом секторе (почти 65%), науке (71,7%), госуправлении (46,3%) и образовании (48,2%), хотя этот показатель, на мой взгляд, значительно уступает требуемому. Так, если в госуправлении и образовании менее половины лишь имеют высшее образование, то как минимум нельзя говорить о качественном НЧП в этих областях. Не очень понятно и то, как в здравоохранении только треть специалистов имеет высшее образование, а среднее — около 46%. Видимо, средний медперсонал, составляющий большинство, занимает всю эту нишу, хотя переподготовка специалистов в здравоохранении должна проходить не реже, чем раз в 5 лет.
4. Обращает на себя внимание то, что в некоторых областях, в т.ч. обрабатывающих, доля лиц с высшим образованием значительно ниже, чем в среднем в экономике — 20 и менее процентов.

В целом же проблема качества госуправления, которая стоит перед Россией, зависит **от политики** правящей элиты, которая сегодня основывается на либеральной традиции. В частности, если исходить из того, что стратегия России должна заключаться в развитии НЧП, то высшее образование (как долгосрочная цель) **должно стать всеобщим**, т.е. доля лиц с высшим образованием должна превышать 70%.

Политика правительства, и в частности Минобра, другая: взят курс, на сокращение числа студентов и вузов, перепрофилирование и ограничение университетов, некоторые из которых становятся «избранными» — федеральными и исследовательскими — университетами, которые, конечно же, не смогут обеспечить кадрами всю экономику страны.

Кроме того, структуру занятых в России и за рубежом по отдельным отраслям также характеризует как наукоемкость, так и образование и отчасти креативность занятых в этих отраслях граждан. Так, если в России в сельском хозяйстве (где самый низкий уровень образования и наукоемкости), охоте и лесном хозяйстве занято более 8%, а в Германии и США соответственно 2,2 и 1,5% населения[96], то можно предположить, что этот ресурс НЧП очевидно Россией используется слабо.

Представление об этой ситуации в сравнении с другими государствами дает выборка из таблицы структуры занятости по видам экономической деятельности[97] (табл. 21).

Как видно из этих данных, основная часть лиц, занятых в экономике развитых стран (более 10%), приходится на четыре сектора:

— обрабатывающую промышленность;
— торговлю;
— операции с недвижимостью и науку;
— здравоохранение и социальную защиту.

Россия не является исключением и в целом соответствует структуре развитых стран (за исключением финансового сектора). В этом ее огромное конкурентное преимущество.

Вместе с тем не может не обратить внимание тот факт, что в секторе госуправления и обеспечения безопасности ее доля значительно выше, чем у лидеров — США, Швеции и Финляндии (7,3%, 5,4% и 5,7%), хотя и на уровне Великобритании и Франции.

Подытоживая, можно сделать вывод: ресурс, аккумулированный в креативном классе, во-первых, элитой не используется, во-вторых, разбазаривается, а, в-третьих, и не планируется использовать. Во всяком случае пока. Либеральная традиция, которая в России приобрела наиболее убогую форму, ведет к растрате нацией самого ценного ресурса XXI века — креативного класса.

Табл. 21. Структура численности занятых в экономике России и некоторых зарубежных стран по видам экономической деятельности
(в процентах к итогу)

	Россия 2009	Страны дальнего зарубежья						
		Германия 2008	Польша 2007	Соединенное Королевство (Велико-британия) 2008	США 2008	Финляндия 2008	Франция 2008	Швеция 2008
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
в том числе по видам экономической деятельности:								
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	**8,3**	**2,2**	14,7	1,4	**1,5**	**4,4**	3,0	2,2
рыболовство, рыбоводство	0,2	0,0	0,1	0,1	…	0,1	0,1	0,0
добыча полезных ископаемых	2,0	0,3	1,6	0,4	0,6	0,2	0,1	0,2
обрабатывающие производства	15,2	22,0	20,7	12,0	**10,9**	**17,1**	15,0	14,3
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,2	0,9	1,4	0,7	0,8	0,7	0,8	0,5
строительство	7,1	6,5	6,9	8,1	**7,5**	**7,2**	7,2	6,7
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	**15,2**	**13,7**	14,9	14,6	**14,2**	**12,3**	13,2	12,3
гостиницы и рестораны	2,1	3,8	1,9	4,4	6,7	3,5	3,4	3,2
транспорт и связь	**9,4**	5,5	6,4	6,7	**4,5**	**6,8**	6,3	6,0
финансовая деятельность	**1,8**	3,4	2,4	4,3	**5,0**	**2,0**	3,1	2,0
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6,5	10,8	6,3	12,2	12,7	12,4	10,7	15,2
из них научные исследования и разработки	**0,8**	…	…	…	…	…	…	…
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	8,0	7,3	6,1	7,1	4,7	5,4	10,2	5,7
образование	**9,4**	**5,9**	7,4	9,1	**9,1**	**6,4**	6,9	10,6
здравоохранение и предоставление социальных услуг	7,9	**11,7**	5,7	12,4	**12,5**	**15,0**	12,4	15,7
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,8	5,5	3,4	5,7	9,3	5,6	4,5	5,4

5. Новые качества управленческой элиты и креативный класс

Нет единого мнения относительно способов мотивации и управления креативностью[98].
Р. Флорида

Результаты исследований Всемирного банка еще раз подтвердили, что важнейшей детерминантой процесса создания и структуры мирового благосостояния является человеческий капитал[99].
Л. Капица,
профессор МГИМО(У)

Новые качества управленческой элиты должны соответствовать прежде всего не субъективным представлениям начальников и их личным симпатиям, а требованиям мирового развития и потребностям российского общества, которое сегодня в целом определяет неспособность нынешней власти к эффективной социальной политике и не профессионализм как самые главные проблемы. Как справедливо заметил политолог Н. Гульбинский, «Одна из самых характерных черт современной российской действительности — чудовищный непрофессионализм во всех сферах деятельности…»[100]. И если непрофессионализм и алчность — типичные характеристики правящей российской элиты, — которые имеют какой-то субъективный характер, то неспособность власти к эффективной социальной политике значительно опаснее потому, что это сегодня означает непонимание и неспособность власти управлять вообще. По опросам, проведенным экспертами Института социологии РАН в 2010 году, именно эта проблема, по мнению граждан устойчиво занимает самое первое место[101] (рис. 10).

Это объясняет и рост недовольства, прежде всего в активной части общества в 2010–2011 годы. Очевидно, что доля недовольных из числа творческих социальных групп была максимальной, хотя отдельных соцопросов среди таких групп не проводилось. На мой взгляд, это следует из понимания того, что минимальные потребности материального обеспечения в этих группах существует в меньшей степени, а социальные — в максимальной. Впрочем, это эмпирически видно и из протестных выступлений, прежде всего в Интернете и СМИ. Но не только. Социальную активность в 2010–2011 годах проявляли не рабочие и колхозники, а бизнесмены и интеллектуалы[102].

Прежде я не раз говорил об обязательных качествах, предъявляемых к управленческой элите[103]:

— хорошее образование;
— профессионализм и опыт;
— нравственность;
— способность к стратегическому прогнозу и планированию;
— набор психических и психологических особенностей, определяющий творческие (креативные) возможности личности.

Конечно, есть и другие, дополнительные (необязательно) качества, среди которых некоторые в последние годы де-факто стали даже «более» обязательными и безусловными, более приоритетными, чем указанные выше. Это:

— личная преданность «начальнику»[104];
— аппаратная исполнительность;
— концентрация только на очерченном круге обязанностей;
— безынициативность;
— отсутствие концептуального подхода[105];
— незаметность, непривлекательность.

Именно этими последними качествами в основном характеризуется путинско-медведевская элита в XXI веке.

Как управление, ориентированное на опережающее развитие, так и управление в условиях кризиса (а тем более после кризиса) требуют **новых качеств управленческой элиты**. И первое, и второе, и третье должны вытекать из национальной стратегии (в более широком смысле — идеологии), разделяемой большинством представителей правящей элиты. Это означает, что такие представители должны как минимум **знать** эту стратегию, **понимать** и **разде-**

Рис. 10. Какая идея должна стать ключевой для модернизации России, % (два варианта ответа)

лять ее основные положения. Причем как в условиях опережающего развития, т.е. на долгосрочную перспективу, так и в кризисных условиях. Это тем более стало ясно после кризиса 2008–2010 годов, когда внутри правящей элиты страны созрело понимание, что прежняя модель экстенсивного ресурсного развития себя исчерпала и не может обеспечить даже простого количественного роста ВВП более 2,5–3%[106].

Таким образом «кто-то» или «что-то» должен консолидировать элиту для **понимания** общенациональной стратегии и **активного участия** в ее реализации. Этот «кто-то» может быть только идеология — как **система взглядов** на ценности, интересы, цели и средства их достижения, либо национальный лидер (который все равно должен предложить набор идей), либо внешняя угроза — упаси Господи!

Причем огромную роль в формировании такой идеологии играет не элита, а экспертное сообщество, предлагающее элите обоснованные идеи и варианты решений. Но в России не сложилось ни потребности, ни такого консолидированного сообщества. Как справедливо замечает Л. М. Григорьев, «разумеется, не существует социального „класса" экспертов, в частности, по той причине, что они все очень разделены по своей отраслевой тематике. Эксперты в каждой профессиональной области как шахматисты — все знают друг друга, конкурируют и в общем стараются вести конкуренцию прилично. Часто по гамбургскому счету фактические авторитеты отличаются от публично „раскрученных" персонажей. Корпоративные интересы тоже похожи: выше качество продукта, выше ставки оплаты за труд и независимость. Чуть серьезный ученый встает на ноги в финансовом отношении — он немедленно стремится восстановить свою интеллектуальную независимость. Исключения редки, и их следует показывать врачам»[107].

Экспертная среда, как наиболее креативная социальная группа, крайне важна не только сама по себе, но и для правящей элиты, которая, как правило, не обладает ни креативностью, ни временем для проработки идей. В лучшем случае элита может прибегать к помощи экспертов. Но и здесь традиционно, еще с советских времен, элита полагает, что обладает «исключительной информацией», опытом и правом, которые нередко делают ненужными советы и рекомендации экспертов.

Нередко, в соответствии с советской традицией, правящая либеральная элита «задает курс» для исследований и работы экспертов, т.е. фактически выступает с идеологическим заказом и рамками для его реализации. Так, начатая в 2011 году работа более 1000 экспертов над корректировкой «Стратегии–2020» изначально была поручена представителям традиционно либеральной школы В. Мау и Я. Кузьминову, да и сама «корректировка», по мнению В. Путина, «не требовала принципиальных изменений» и отхода от либеральной традиции. Другими словами был сформулирован «политический заказ». Экспертом, как всегда, пришлось ответить — «Чего изволите?»

Невосприимчивость не либеральной идеологии, как лучшего средства управления в России объясняется тем, что традиционно «в России стиль управления, ориентированный на людей и предполагающий совместную выработку решений, готовность учитывать мнения других, считается „слабым"»[108].

Элита, как и класс, неоднородна. Прав С. Кургинян, который сравнивает их с кометой, имеющей ядро, оболочки (с резной степенью периферийности) и хвост[109]. Идеология — то средство, которое может объединить в едином векторе движения и ядро, и оболочки, и хвост. Применительно к правящему классу это означает объединение управленческой элиты,

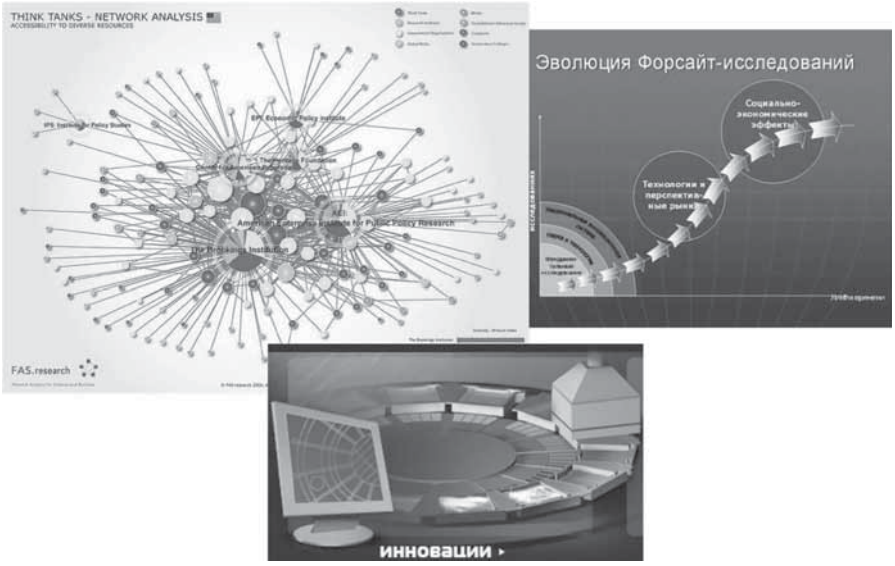


Рис. 11. Основная задача преобразования управления состоит в формировании вертикально и горизонтально интегрированной системы управления развитием (управление будущим), т.е., по существу, в «футуризации управления»

политической и бизнес-элит. Но обязательно на основе общих целей и при общем понимании средств ее достижения. Чего в российской элите в 2010–2011 годах не было. Даже среди представителей правящей элиты, разделившейся в рамках одной либеральной традиции на «консерваторов» и «прогрессистов» к 2011 году.

Как пишет в своих слайд-лекциях Зубарев, «основная задача преобразования управления состоит в формировании вертикально и горизонтально интегрированной системы управления развитием (управление будущим), т.е., по существу, в „футуризации управления“»[110] (рис. 11). Важно понимать при этом, ради какой цели (целей) происходит формирование такой интегрированной системы управления. В противном случае получается, что создается система управления ради самой системы. Это хорошо видно на примере военного искусства, когда ставится четкая главная (стратегическая) цель, например стратегическое наступление или стратегическая оборона. Управление в первом и во втором случае будут различны.

Применительно к социально-экономической цели я бы уточнил: управление развитием нации (прежде всего ее НЧП) на основании качественного и системного долгосрочного прогноза и соответствующего стратегического планирования. К чему, добавлю, совершенно **не готова** правящая элита и привлекаемые ею эксперты. Ни стратегические прогнозы, ни стратегическое планирование 2008–2010 годов оказались не просто несовершенны, а бесполезны. Что подтвердило, в частности, невыполнение «Стратегии–2020», да всех других, в том числе бюджетных (т.е. обязательных), документов.

Кризис 2008–2010 годов показал, что другое слабейшее звено управления российским государством, его экономикой и обществом — оперативность выполнения принятых решений, т.е. **реализация политической воли**. Если на высшем уровне запоздание в принятии решений измерялось днями, иногда неделями, то реализация на уровне исполнителей — многими месяцами, а иногда и вообще игнорировалась. Передача ликвидности, необходимой в условиях кризиса, АКБ — лишь один частный пример: десятки и сотни миллиардов рублей медленно переползали с одного счета на другой, теряя в весе и во времени. Когда же речь идет о промышленной или научной политике, то можно констатировать лишь смерть управленческих решений.

Поэтому качество оперативности в условиях кризиса особенно отчетливо продемонстрировало, что и в нормальных условиях механизм принятия и выполнения решений не работает. У России нет временного ресурса. Мы просто не можем позволить себе эволюционной модернизации. Хотя бы потому, что внешние обстоятельства (или оппоненты) нам этого сделать не позволят. Необходим рывок, который должен быть сделан за 7–10 лет. Такой качественный рывок в своем развитии Россия не может сделать традиционными средствами, так что, по сути, у страны есть только два пути: экстенсивное использование природных ресурсов (увеличение которых возможно до известных пределов, которые практически достигнуты), либо возвращение страны к мобилизационной модели развития 30–50-х годов прошлого века. Но к мобилизационной модели использования и развития именно НЧП.

Остается, по сути, единственный вариант преодоления инерционности в области управления. Такой рывок возможен, только если власть перестанет опираться на бюрократию и привлечет творческий и духовный потенциал нации, концентрированный в том числе в потенциале управленческих кадров. То есть **сменит алгоритм кадровой политики**. Уместно в этой связи замечание одного из генералов ФСБ, пишущего под псевдонимом, о том, что «после этапа становления социально-экономических отношений нового типа всегда приходит этап **выбора вектора** дальнейшего развития — вправо или влево. А это опять другая ипостась …»

Здесь все дело в конечном счете в команде, сформированной для решения стратегических задач по принципу компетентности, профессионализма и нравственности. При этом, как подчеркивает все тот же сотрудник, «компетентность и надежность — **диалектически противоположные категории**[111].

Действительно, компетентность (профессионализм) и надежность на этапе ускоренного развития, в особенности рывок, **становятся антиподами**. Если в условиях восстановления стабильности управленец должен быть прежде всего сверхнадежным, даже по психотипу сангвиником, спокойно реагирующим на внешние раздражители, то в условиях рывка это должен быть энергичный профессионал, способный мгновенно воспринимать и оценивать угрозы, принимать решительные действия. Причем действия эти должны быть нестандартными, творческими.

Простой пример. Финансовый кризис осени 2008 года для России был прежде всего кризисом морально-психологическим, кризисом доверия к власти. Соответственно те правильные финансовые решения, принятые правительством, должны были быть дополнены серьезными, последовательными и энергичными решениями по укреплению доверия народа (и инвесторов) к власти. Увеличение гарантий вкладов до 700 тысяч рублей было, пожалуй, единственным шагом, за которым должна была последовать серия других шагов. Например, по дополнительным гарантиям предприятиям и мелким банкам и т.д.

В любом случае вызовы 2008 года — финансовые и политические — оказались новыми вызовами для российской элиты. Элиты, быстро **привыкшей жить в условиях стабилизации 2000–2007 годов.** Это означает почти наверняка, что она будет **не способна адекватно реагировать на эти новые вызовы в последующие годы**. После кризиса. И 2011 год этот вывод подтвердил.

Каков же неизбежный вывод?

На мой взгляд, он следующий. Как необходимость ускоренного развития, так и необходимость повышения качества и оперативности управления в условиях кризиса и особенно после кризиса требуют:

Во-первых, пересмотра всего алгоритма управления в пользу **делегирования полномочий** по принятию решений нижестоящим органам, стимулирования творческой активности, креативности всей системы госуправления. Это означает в том числе резкое сокращения тех решений, которые требуют согласований в Администрации Президента и правительстве РФ, а также расширения полномочий нижестоящих органов управления. При **обязательном соблюдении** общенациональной стратегии и идеологии развития и антикризисных действий.

Во-вторых, кризис 2008–2010 годов показал сомнительность доминировавшей модели либеральной экономики, социальной политики, а в более широком контексте и всего алгоритма политико-экономического развития человечества. Естественно, что это относится и к России. И это надо, наконец, признать. Чего пока не происходит.

Усиление роли государства, «социализация» экономики, стремительный рост влияния общественных институтов говорят о том, что мы находимся на пороге появления новых форм общественно-политического устройства. Россия, которая (так же как и в экономике) стремится повторить старый западный опыт, должна отказаться от этих попыток и найти **свой путь развития**. Сколько бы ни иронизировали над этим отечественные и западные идеологи.

И основой такого пути может стать опора на творческий потенциал нации, сознательное стимулирование развития креативного класса и средних слоев населения. В. Сурков в этом абсолютно прав.

Сказанное имеет самое прямое отношение к периоду после 2008–2012 годов, когда может и должна была произойти смена политической элиты. Уже не по принципу «преданности» (который, повторю, для этапа 2000–2011 годов был определяющим), а по принципу «компетентности», креативности, творческому и нравственному отношению к своим обязанностям основной массы представителей правящей элиты.

Назревает «кадровая революция». И не потому, что один президент сменил другого, а потому, что изменились, причем качественно, задачи, в том числе и управленческие: опережающее развитие возможно только тогда, когда им управляют (т.е. ставят задачи и распределяют ресурсы) творческие профессионалы, а не бюрократы-мздоимцы. И частный случай — разразившийся кризис — отнюдь не отменяет этот вывод. Наоборот, кризис может и должен привести к радикальному изменению всего алгоритма управления и отношения к среднему классу вообще и креативному в частности.

Внешне эта кадровая проблема таковой отнюдь как бы не является. Она представлялась в 2008–2011 годах в несколько упрощенном, «кадровом» варианте. Что, кстати, было заметно в подходе к ней президента Д. Медведева. На самом деле это проблема быстрого прихода к управлению (и, конечно, власти) представителей креативного класса, вытеснению бюрократов, коррупционеров, да и просто малообразованных и непрофессиональных людей из элиты. Политическая система страны, однако, к этому не приспособлена. Она была подготовлена к обеспечению стабильности. В том числе и кадровой. Творческий потенциал — наименее востребованное качество. Повторю, что в период стабилизации эти качества были мало востребованы. Нужны были исполнительность и лояльность, а не профессионализм и креативность.

Попытки Д. Медведева сменить кадровую политику вылились в замену одних управленцев другими. Качество новых управленцев, их характеристики не менялись, но назначения и отставки стали в 2010–2011 годах привычным делом. Только 12–13 апреля 2011 года Д. Медведев подписал кадровые указы о МВД, ФСИН, МЧС, Следственном комитете, Администрации Президента.

Другая сторона проблемы — идеологическая составляющая. В период стабилизации идеологию как систему управления заменял прагматизм. В период ускоренного развития наиболее эффективным инструментом управления становится идеология. В период кризиса — тоже. Но откуда взяться в элите идеологам, которые «по определению» несовместимы с прагматиками?

Уверен, что найти таковых придется. Прежде всего среди творчески, самостоятельно мыслящих и ответственных граждан. Для этого достаточно пересмотреть критерии, которые сегодня предъявляются к управленцам. Прежде всего отказаться от кумовства, «личной преданности», псевдоисполнительности (за которой нередко скрываются просто пассивные, малоэффективные управленцы), некомпетентности и ряда других качеств, доминировавших при выборе управленцев в последние десятилетия. Подчеркну — не только при В. Путине и Б. Ельцине, но и до них.

Резкое повышение качества управления возможно только при массовой замене представителей существующей управленческой элиты. Так было во все времена, когда возникали новые угрозы и вызовы. И при Иване Грозном, и при Петре I, и при Александре II, и при В. Ульянове, и при И. Сталине. Им удавалось найти новых «государевых людей», которые отвечали вызовам времени. Не вижу причин, почему это не должно удастся сегодня.

И на первом плане должно стоять **новое требование** к управленческим кадрам, которое не только не предъявлялось прежде, но зачастую являлось преградой для карьерного роста. Речь идет о способности принимать **самостоятельное** и **качественное, эффективное решение**. Способности прогнозировать **последствия** своих действий, способности их быстро реализовывать, т.е. добиваться результата.

Отсюда новая проблема, стоящая перед властью, — компетентность в принятии решений. Компетентность в новых условиях это уже не только хорошее знание предмета, но и способность и воля применять эти знания на практике. Компетентность сегодня это **креативное знание** и **умение использовать это**

знание. Компетентность как в условиях ускоренного развития, так и в условиях кризиса (особенно в идеологической области и связанных с ней проблемах экономики и безопасности) выходит на первый уровень требований к новому государственному управлению. Это связано с несколькими причинами.

Во-первых, с объективной тенденцией резкого роста значения креативного класса, который стал главной движущей экономической силой. Но этому классу нужно **объяснять**, а не приказывать. Важен и субъективный фактор, ведь рост креативного класса можно либо искусственно сдерживать, либо также искусственно развивать. Соответственно **новое качество** государственного и общественного управления, прежде всего компетентность и динамизм, возможно только при наличии **физических носителей** этого качества — представителей креативного класса. Если стимулировать их появление и приход в элиту, то результат может быть ошеломляющим. И мы знаем тому немало примеров в истории — от Великой французской революции, когда появились не только талантливые маршалы, но и финансисты, и юристы, и полицейские, до реформ Дэн Сяопина в Китае.

И здесь чрезвычайно велика субъективная роль руководства страны, от которого, прежде всего, зависит появление во власти творческих, профессиональных и нравственных граждан. «Само по себе» это не произойдет, ведь место, «стол», за который цепляются чиновники, они не отдадут сами. Это их жизнь, успех, доход.

Во-вторых, с возросшими требованиями к компетентности руководителя в новых условиях опережающего развития, когда руководителю требуется уже не только поддерживать внутриполитическую стабильность и доказывать личную преданность, а скорее нарушать ее. Надо понимать, что опережающее, быстрое развитие — это антипод стабильности. Даже если ты начинаешь двигаться, встав с дивана, а тем более бежать, то ты приобретаешь неустойчивость, т.е. нестабильность. Самое стабильное положение — на кровати, а идеальное — на кладбище. Бег — это уже нестабильность, а быстрый бег — это нестабильность плюс риски.

Те же требования предъявляются сегодня к руководителю в условиях кризиса. Знание предмета, творческая способность применять эти знания, наконец, воля для достижения цели — все эти качества стали обязательными условиями эффективного управления. Как в условиях кризиса, так и в условиях опережающего развития. Принципиальной разницы нет.

Время, когда руководитель мог лениво и неэффективно управлять, похоже, прошло навсегда. Ресурсов, которые можно было не особенно заботясь тратить, мало. Тем важнее их эффективно использовать. Вот почему требования, которые раньше предъявлялись к руководителю-предпринимателю, теперь становятся универсальными, я бы сказал, обязательными по отношению ко всему классу руководителей независимо от уровня принимаемых решений и формы собственности. Там, где этого добиться не удается, — будь то бизнес или госуправление — немедленно сказываются негативные результаты. Это, в свою очередь, означает, что у соседей и конкурентов результаты деятельности не просто лучше, а **качественно другие**. И подобный разрыв в эффективности долго сохраняться не может: он ведет либо к банкротству коммерческой структуры, либо сказывается на результатах деятельности государства. При наличии крупных свободных ресурсов такая неэффективная работа может какое-то время удовлетворять. Но не долго.

В-третьих, с повсеместным превращением граждан в лиц с высшим образованием, обладающим огромным доступом практически к любой информации, т.е. с расширением социальной среды для креативного класса. Народ, стремительно превращается в социальную группу высокообразованных и информированных граждан, «за скобками» которой остается незначительная маргинальная часть. Управлять таким народом без компетентных идеологов, обладающих глубокими общественными знаниями, становится невозможно. Даже если речь идет об узкопрофессиональной области.

Другая важная проблема компетенции — соотношение потенциала и фактора. Надо понимать, что потенциал, скажем, в 100 единиц не обязательно трансформируется в реальной деятельности в фактор. Это зависит **от условий**. И важнейшее из них сегодня — компетенция, понимаемая как творческая способность и воля реализовать знания.

Так, весь творческий потенциал российской нации должен превратиться в фактор. Для этого должны быть созданы вполне определенные условия. В противном случае огромный интеллектуальный, духовный потенциал нации не будет реализован, т.е. **не станет фактором** развития нации и государства.

Мне представляется, что именно такая ситуация сегодня. Из-за неэффективности управления огромные потенциальные ресурсы нации недоиспользуются. Прежде всего из-за неспособности привлечь человеческий потенциал креативного класса.

Таким образом, возникает цепочка: достижение ведущих позиций государства в мире невозможно без опережающего социально-экономического развития. Более того, можно говорить о том, даже сохранение суверенитета и нации без этого уже невозможны.

В свою очередь, такое развитие в XXI веке невозможно без сознательной ставки на развитие человеческого потенциала, который, в свою очередь, определяется не только демографическими и социально-экономическими, но и качественными параметрами — прежде всего **степенью развития и участия в общественно-экономической жизни общества социальных групп, получивших название «креативный класс»**. Иными словами, опережающее развитие становится следствием развития человеческого потенциала, а оба эти фактора — условием сохранения суверенитета и выживания нации.

6. «Большой скачок» как предпосылка формирования креативного класса

В нынешних условиях первоочередными задачами для смягчения политических рисков должно стать обновление политического контента и выдвижение новой когорты политических лидеров[112].
М. Дмитриев

Инновационная экономика — это не столько, собственно, про экономику, сколько про людей[113].
В. Сурков

Большая политико-идеологическая задача формулирует вполне определенные и большие требования к исполнителям. Так было всегда, в том числе в истории России — СССР, когда, например, задача индустриализации сформулировала лозунг «Кадры в период реконструкции решают всё!». Ее реализация в 30-е годы XX века привела к росту ВВП СССР в 3 раза. Но одновременно она привела и к появлению целого нового поколения и класса ученых и инженеров в СССР, которые были вынуждены заменить значительную часть творческого класса, погибшего или эмигрировавшего из СССР.

Для того чтобы сравнить **две реальные стратегии развития** — США и России, начну с показательных примеров, которые приводит Р. Флорида применительно к США[114].

1. «Систематическое инвестирование в креативность **в форме затрат** на научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую работу (НИОКР) начиная с 1950-х последовательно увеличивалось. Инвестиции на НИОКР выросли **с 5 млрд долл. до 250 млрд** и выше в 2000 году. Даже с учетом инфляции рост НИОКР-инвестиций за этот период дает изумительный показатель — **более 800%**. Практическая отдача от исследований в течение последнего столетия также стабильно росла, значительно ускорившись после 1950 года. Количество патентов, ежегодно выдаваемых в США, за период с 1900 по 1950 годы почти удвоилось, с 25 000 достигнув 43 000. Затем оно более чем утроилось, составив 150 000 в 1999 году, что равняется приблизительно 250%.
2. Количество профессионалов, занятых креативной технической работой (инженеры, ученые), также увеличилось существенным образом — с 42 000 в 1900 году, до 625 000 в 1950 году, после чего оно возросло еще в восемь раз и к 1999 году составило 5 млн. Рост креативной рабочей силы становится еще более очевиден на фоне общей статистики. В 1900 году на каждые 100 000 человек в США приходилось всего 55 ученых и инженеров. Эта цифра увеличилась до 400 к 1950 году и до тысячи с лишним в 1980 году. К 1999 году на 100 000 человек приходилось более 1800 ученых и инженеров.
3. Число людей, работающих в области культуры и художественного творчества, также резко увеличилось за последние сто лет, особенно после 1950 года. В 1900 году профессиональных художников, писателей и актеров — так называемой „богемы“ — было примерно 200 000 человек, в 1950 году — уже 525 000, а в 1999 году — 2,5 млн, т. е. после 1950 года их рост составил более 375%. В 1900 году на каждые 100 000 американцев приходилось 250 представителей богемы, в 1950 году — около 350, в 1980 году — более 500 и в 1999 году — 900.
4. Насколько мне известно, журнал „Business Week“ первым ввел в оборот понятие „креативной экономики“ в августе 2000 года. Затем Джон Хокинс в своей книге с подходящим названием „Креативная экономика“ (2001) сделал попытку проследить ее влияние в мировом масштабе. Его данные заслуживают внимания, хотя в понимании самого термина мы с ним несколько расходимся. Если я определяю креативную экономику на основе профессий (рода занятий), Хокинс делит ее на пятнадцать отраслей „креативной индустрии“, включающие программирование, исследования и конструкторские разработки, а также индустрии креативного содержания, такие как кино и музыка. Эти индустрии производят интеллектуальную собственность в виде патентов, авторских прав, торговых марок и оригинальных разработок. Приблизительный годовой доход от этих пятнадцати креативных отраслей за 1999 год Хокинс оценивает в 2,24 трлн долл. Креативная экономика США лидирует в мире с большим отрывом: ее доход в 960 млрд долл. превышает 40% от общей суммы доходов, причем в мировых затратах на НИОКР доля США также составила более 40%».

У России не было не только успехов, аналогичных американским, но даже малейших позитивных сдвигов относительно ситуации 1990 года. И в этом — главная причина провала модернизации. Нужна была смена идеологии и алгоритма развития, чего не произошло. Вместо этого «либералы-прогрессисты» потребовали еще большей либерализации.

«Обновление политического контента» и «смена лидеров» стали настойчивым требованием «новых» либералов в 2011 году, которые стремились уйти от аполитического подхода к редакции «Стратегии–2020», выдвинув, по сути дела, требования еще

Рис. 12.

большей либерализации политической и экономической жизни страны. Эти требования, растиражированные СМИ[115], заслонили собой гораздо более масштабную и глубокую проблему, которая заключалась в **возвращении политическому курсу социальной и национальной составляющих**, пересмотру политической системы управления, опиравшейся на путинскую элиту, которая стабилизировала ситуацию в стране в предыдущие годы, но не смогла обеспечить опережающего развития.

Именно растущее разочарование в эффективности правящей элиты у значительной части общества стало причиной падения поддержки власти. И процесс этот заметно активизировался **после кризиса, особенно в конце 2010 — начале 2011 года**. О чем свидетельствуют вполне определенные данные ВЦИОМ[116] (рис. 12).

Как видно из индекса, падение началось в апреле 2010 года (с 69 пунктов), опустившись к февралю следующего года до 47 пунктов. Если в прошлом разница между положительными и отрицательными оценками достигала 74 пунктов, то в 2011 году она опустилась ниже 50.

Очень высокие политические оценки, которые в 2007–2008 годах достигали 27 пунктов, с середины 2010 года не превышали 20 пунктов, а в 2011 году опустились до 14 пунктов. Одновременно число крючков также поднялось на внешнюю отметку за период наблюдения (2005–2011).

Разработчики нового варианта «Стратегии–2020», которых в начале 2011 года собралось более 1100 человек, сконцентрировали свое внимание на двух главных, по их мнению, проблемах — бюджетном дефиците, особенно социальных обязательствах, и инфраструктуре[117]. Их либеральные партнеры — на «совершенствовании демократии». Между тем о главном, о стратегии национального развития, ее политико-идеологическом обеспечении,

Табл. 22. Границы уровней среднего класса: поиск соответствий трех подходов

Границы по ИЭФ [Григорьев, 2008]	Границы по ИС РАН [Тихонова, Мареева, 2009]	Границы по НИСП [Малева, Овчарова, 2009]
Верхний высший класс (ВВ)		
Нижний высший (НВ) **Верхний средний (ВС)** (до 5%)	**Верхний средний** (20%)	**Выше среднего** по набору признаков внутри среднего класса (подмножество среднего класса)* (3,5%)
Средний средний (СС) (по НИСП — 20%)	**Средний средний** (28%)	**Средний класс** (22,9%)
Нижний средний и протониж– ний средний (по НИСП — 25-30%)	**Нижний средний** (41%)	**Рекруты среднего класса** (30%)
Верхний нижний (по НИСП — 35-40%) и нижний нижний (по НИСП — 10%)		**Группа риска бедности** (40%) **Низший класс** (10 %)

*У НИСП высший средний совпадает с высшим средним Института энергетики и финансов (ИЭФ) как теоретически, так и по критериям выделения, но в эмпирической части работы верхний средний класс от низшего высшего не отделяется.

в дискуссиях ничего не говорилось (исповедуемая «либеральная традиция» предполагала, что иной альтернативы просто нет).

Реализация планов ускоренного развития, как и развития вообще, в современных условиях невозможна без вовлечения в это процесс главного ресурса развития — человека. Об этом я уже не раз писал. Но справедливо и другое: требования ускоренного развития объективно создают мощную предпосылку для количественного роста и политико-экономического доминирования в обществе креативного класса и его «питательный среды» — среднего класса.

Важно уточнить, что именно в данном случае понимается под средним классом, а именно:

— креативный класс не тождественен среднему классу;
— средний класс не однороден. Так, разные ученые выделяют, например, три уровня среднего класса (табл. 22).

При этом исследователи отмечают, что «самым трудным будет найти аккуратные показатели для нижнего среднего уровня: образование, профессия, некоторый уровень дохода (желательно, устойчивого на своем уровне). При успехе — что потребует серьезной дискуссии социологов — это решит судьбу протосреднего класса и даст границу с нижним высшим слоем»[118]. На самом деле этот уровень — уровень нищеты, который консервирует существующую структуру общества.

Иными словами, опережающее неизбежное экономическое и научно-техническое развитие человечества объективно ведет к появлению ведущей экономической и политической силы среднего класса и его «передового отряда» — креативного класса. Но эта тенденция не имеет отношения к России.

Пока же в России он неустанно сокращается[119]. И не только его важнейшая часть — ядро, куда входят исследователи, создатели технологий, деятели образования, творческие работники, но и «хвост» — журналисты, лица свободных профессий и т.д. Социальная структура деградирует вслед за экономикой. Вызвано это прежде всего тем, **какая** у России экономика, **как** она развивается и **какие** ее ждут перспективы. Так, в начале 2011 года был предложен прогноз МЭР на 3 года, из которого видно, что ожидаемые и планируемые темпы роста экономики будут ниже, чем ожидалось: не 4,2%, а 3,5%. Причиной «сбавления темпов роста становится снижение цен на нефть»[120].

Другими словами, существующая экономическая политика означает фактическую стагнацию экономики. При том что и в социальной области ожидается рост доходов населения в 1,5%, что иначе как стагфляцией не назовешь[121]. Сохранение подобной модели экономического и социального развития (а в 2011 году, во всяком случае, иного не предусматривалось) означает, что рост НЧП **просто не предусматривается**, как и рост креативного класса, и других активных социальных слоев населения. Таким образом, в очередной раз в 2011 году российская элита была поставлена перед выбором. Выбор, стоящий перед российской правящей элитой, принципиальный: либо «Большой скачок» в технологиях и социальной сфере, либо продолжение инерционной модели, снижение темпов роста ВВП и социальная деградация. Выбор между развитием НЧП и стагфляцией. Выбор между нефтью и человеком.

Интересно, что сама либеральная финансово-экономическая элита «образца 2011 года» вышла из советской интеллигенции. Как правило, научно-технической, которая и обеспечила будущей рыночной экономике не только экспертов, но и руководителей, владельцев, банкиров, финансистов. Можно сказать, что без этого относительно узкого слоя научных работников создавать рынок в России было бы просто некому. Как справедливо заметили некоторые исследователи еще в 1996 году, «…на институциональном уровне потребности советского общества в рекомендациях мер экономической политики привели к созданию обширной и многосложной сети аналитических групп, разбросанных как внутри центров партийной и исполнительной власти, так и за их пределами в многочисленных академических и отраслевых исследовательских институтах.

Несмотря на явную неэффективность и избыточность штата сотрудников в целом, эта важная сеть образовала своеобразный „резервуар“, из которого (по традиционным каналам карьерного роста) многие экономисты переводились в партийные и государственные структуры. Можно даже утверждать, что, благодаря жесткому иерархическому порядку, система экономического анализа бала одной из немногих сфер, где существовал регулируемый спросом „рынок“.

В то же время эта система была достаточно либеральна (по крайней мере, на последних этапах существования) и допускала развитие отдельных оригинальных идей или знакомство с основными принципами рыночной экономики. В этом и кроются причины того, что п**ервая волна экономистов–реформаторов и бизнес элиты в значительной степени состояла из представителей академического и полуакадемического сообщества**»[122].

Парадоксально, но нынешняя либеральная элита совершенно не думает (в отличие от советской) о своем будущем пополнении. Более того, очень похоже, что она не заинтересована в росте креативного класса вообще. Во всяком случае все последние годы ее правления рост креативных слоев был меньше, чем при советской власти. Попытки Д. Медведева, В. Путина, А. Фурсенко и других руководителей в 2010–2011 годы вмешиваться в образование удачными не назовешь. Ни сокращение вузов и студентов, ни насильственное внедрение ЕГЭ и попытка навязать набор школьных стандартов не вели ни к улучшению качества образования в России, ни к росту ядра креативного класса, ни общественно-политической поддержке. Что хорошо видно даже из официальной статистики[123] (табл. 23, 24).

Табл. 23. Персонал, занятый исследованиями и разработками

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел.	Численность персонала — всего	887729	885568	870878	858470	839338	813207	807066	801135	761252
	Исследователи	425954	422176	414676	409775	401425	391121	388939	392849	375804
	Техники	75184	75416	74599	71729	69963	65982	66031	64569	60218
	Вспомогательный персонал	240506	238933	232636	229214	223356	215555	213579	208052	194769
	Прочий персонал	146085	149043	148967	147752	144594	140549	138517	135665	130461

Табл. 24. Персонал, занятый исследованиями и разработками, по секторам деятельности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, по секторам деятельности, чел.	всего	887729	885568	870878	858470	839338	813207	807066	801135	761252
	государственный	255850	256137	257462	256098	258078	272718	274802	272255	260854
	предпринимательский	590646	585416	568628	558668	537473	496706	486613	478401	451532
	высшего профессионального образования	40787	43463	44135	43120	43414	43500	44473	49059	47595
	некоммерческих организаций	446	552	653	584	373	283	1178	1420	1271

Табл. 25

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, по субъектам Российской Федерации, чел.	Дальневосточный федеральный округ	14184	14356	14816	14949	14673	14347	14051	14143	13496
	Республика Саха (Якутия)	2662	2688	2727	2602	2645	2573	2450	2537	2359
	Приморский край	6225	6284	6525	6434	6411	6471	6458	1232	1193
	Хабаровский край	1683	1686	1803	1808	1646	1536	1390	6296	5965
	Амурская область	1013	988	978	959	946	890	807	1737	1700
	Камчатская область	993	1032	998	1407	1263	1293	1333	778	774
	Магаданская область	567	606	629	604	606	599	617	603	575
	Сахалинская область	912	947	1032	1008	1032	865	883	858	834
	Еврейская автономная область	71	71	72	77	75	72	74	65	60
	Чукотский автономный округ	58	54	52	50	49	48	39	37	36

Более того, подготовка научных кадров находится фактически в стадии стагнации[124] (Табл. 25–27).

В последние годы в России стали много говорить о стратегии социально-экономического развития, прогнозах и планах (что само по себе уже хорошо). Но, к сожалению, нередко эти стратегии и планы выступают в качестве самоцели: «удвоение ВВП», «темпы роста промпроизводства» и т.д., хотя в действительности они являются лишь **условиями для развития национального человеческого потенциал**а. Более того, условиями для приоритетного развития **части общества** — креативного класса, от которого прежде всего и будет зависеть эффективность и динамика экономического и социального развития. Как справедливо говорит в лекции «Стратегия разгона» Зубарев, нужна комплексная стратегия модернизации (рис. 13).

Такая постановка вопроса означает, что «Большой скачок» в социально-экономическом развитии нужен прежде всего и для того, **чтобы обеспечить ускоренное формирование полноценного**

Табл. 26. Основные показатели деятельности аспирантуры

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число организаций, ведущих подготовку аспирантов	всего	1362	1393	1416	1441	1452	1473	1493	1490	1529
	научно-исследовательские институты	797	806	818	827	831	833	820	799	811
	высшие учебные заведения	565	587	598	614	621	640	673	691	718
Численность аспирантов, чел.	всего	**117 714**	128 420	136 242	140 741	142 662	142 899	146 111	147 719	**147 674**
	научно-исследовательские институты	17 502	17 784	18 323	18 959	19 654	19 986	19 542	18 346	17 397
	высшие учебные заведения	100 212	110 636	117 919	121 782	123 008	122 913	126 569	129 373	130 277
Прием в аспирантуру, чел.	всего	43 100	45 241	46 935	47 803	47 687	46 896	50 462	51 633	49 638
	научно-исследовательские институты	6075	6092	6026	6335	6620	6577	6330	6072	4781
	высшие учебные заведения	37 025	39 149	40 909	41 468	41 067	40 319	44 132	45 561	44 257
Выпуск из аспирантуры, чел.	всего	24 828	25 696	28 101	30 799	32 595	33 561	35 530	35 747	33 670
	научно-исследовательские институты	3813	3859	4205	4336	4656	4806	4865	4847	4781
	высшие учебные заведения	21 015	21 837	23 896	26 463	27 939	28 755	30 665	30 900	28 889
В том числе с защитой диссертации	всего	7503	6172	7411	8378	10 256	10 650	11 893	10 970	8831
	научно-исследовательские институты	873	685	851	841	1002	1009	852	895	715
	высшие учебные заведения	6630	5487	6560	7537	9254	9641	11 041	10 075	8116

Табл. 27. Основные показатели деятельности докторантуры

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число организаций, ведущих подготовку докторантов	всего	492	510	531	543	533	535	548	579	593
	научно-исследовательские институты	178	181	189	195	179	173	178	201	205
	высшие учебные заведения	314	329	342	348	354	362	370	378	388
Численность докторантов, чел.	всего	**4213**	4462	4546	4567	4466	4282	4189	4109	**4242**
	научно-исследовательские институты	505	485	517	515	481	445	426	358	336
	высшие учебные заведения	3708	3977	4029	4052	3985	3837	3763	3751	3906
Прием в докторантуру, чел.	всего	1637	1630	1579	1611	1567	1457	1499	1520	1517
	научно-исследовательские институты	192	183	194	184	156	147	142	118	111
	высшие учебные заведения	1445	1447	1385	1427	1411	1310	1357	1402	1406
Выпуск из докторантуры, чел.	всего	1251	1257	1267	1385	1451	1417	1383	1320	1216
	научно-исследовательские институты	151	138	140	154	155	148	139	116	123
	высшие учебные заведения	1100	1119	1127	1231	1296	1269	1244	1204	1093
В том числе с защитой диссертации	всего	486	397	411	414	505	516	450	429	297
	научно-исследовательские институты	63	38	35	47	52	48	35	33	23
	высшие учебные заведения	423	359	376	367	453	468	415	396	274

Рис. 13. Overclocking модернизации

креативного класса, а не наоборот. Экономические успехи важны постольку поскольку они влияют на этот процесс, а не сами по себе. Для нас принципиально важно, что решая обязательные задачи социально-экономического развития (что находится уже сегодня на повестке дня деятельности правительства), **создается база для формирования и роста креативных социальных групп**. Это и есть на самом деле главная задача, пока что до конца не осознаваемая.

И наоборот: появление и развитие таких групп являются лучшими катализаторами развития экономики и общественно-политической системы.

Конкретно о том, где зарождаются эти группы (территориально и профессионально), можно только предположить. Для традиционной экономики и социальной структуры России ответ будет следующим: профессионально — это естественные науки (более 65% всех академиков и членов-корреспондентов), а территориально — Москва и Санкт-Петербург. Как следует из исследования агентства «Рейтор», ситуация конкретно выглядит следующим образом[125].

Информацию по ученым степеням исследуемой группы удалось собрать по 1722 ученым (16 из них являются и ректорами, и академиками/членами корреспондентами РАН). 179 ученых с кандидатской степенью, 1543 — с докторской.

В табл. 28 представлено число кандидатов и докторов наук по первой ученой степени научно-образовательной элиты.

Обращает на себя внимание такой фактор как **места рождения научно-образовательной элиты РФ.** Территория России рассматривается по федеральным округам, при этом города Москва и Санкт-Петербург выделяются как отдельные субъекты из ЦФО и СЗФО соответственно. Также к регионам относятся независимые государства, ранее входившие в состав СССР, и страны дальнего зарубежья. Информация по месту рождения собрана по 1417 представителям научно-образовательной элиты (в 2009 г. — 898 чел.).

В табл. 29 представлены данные о местах рождения представителей всех блоков научно-образовательной элиты. На лидирующей позиции «москвичи» (275 чел.), на втором месте — представители ПФО (188 чел.), на третьем — представители ЦФО (184 чел.).

Приведенные данные говорят о том, что креативности «не размазывается» по всей территории страны. Она концентрируется в эпоху глобализации в крупных научных центрах. Именно эти центры и нужно прежде всего развивать, а не пытаться создать новые очень нравится власти. Построить университет на острове Русский это не просто «освоить» строительство 1 000 000 кв.м, а создать **новую школу**. Строительство к образованию и науке имеет мало отношения.

То же самое и в Сколково, где идея развития национальных научных школ была окончательно похоронена. Там изначально предполагалось обязательное участие иностранцев, а к архитектурному конкурсу российские архитекторы вообще допущены не были.

Подытоживая, можно сказать, что стратегия «скачка» — это «стратегия социального императива», о которой заговорили в 2008 году. Она является обязательным условием современного развития государства. Более того, говоря о «технологическом рывке», следует иметь в виду, что, на мой взгляд, существует как узкое, так и широкое понимание этого понятия. Узкое понимание предполагает ускорение технологического развития, даже «перескакивание» через его отдельные этапы. Как справедливо говорит С. В. Чемезов, «переход с четвертого сразу же на шестой технологический этап»[126]. При этом предполагается

Табл. 28. Число кандидатов и докторов наук по первой ученой степени научно-образовательной элиты

Научная специальность	Академики РАН	Члены-корреспонденты РАН	Ректоры вызов	всего	%
Доктора наук					
физико-математические пауки	166	191	30	**387**	**25,1**
технические науки	76	108	126	**310**	**20,1**
химические науки	56	74	13	**143**	**9,3**
экономические науки	23	20	78	**121**	**7,8**
биологические науки	51	57	6	**114**	**7,4**
исторические науки	21	37	23	**81**	**5,2**
медицинские науки	20	13	47	**80**	**5,2**
геолого-минералогические науки	34	32	0	**66**	**4,3**
педагогические науки		1	48	49	3,2
юридические науки	2	10	31	**43**	**2,8**
филологические науки	12	18	9	**39**	**2,5**
философские науки	6	7	21	**34**	**2,2**
сельскохозяйственные науки			17	**17**	**1,1**
географические науки	3	10	0	**13**	**0,8**
социологические науки		2	10	**12**	**0,8**
искусствоведческие науки		2	7	**9**	**0,6**
политические науки	1		7	**8**	**0,5**
ветеринарные науки			6	**6**	**0,4**
психологические науки		2	2	**4**	**0,3**
военные науки			3	**3**	**0,2**
фармацевтические науки			2	**2**	**0,1**
архитектурные науки			1	**1**	**0,1**
культурологические науки			1	**1**	**0,1**
богословские науки			0	**0**	**0,0**
Всего, доктора наук	**471**	**584**	**488**	**1543**	**100**
Кандидаты наук					
физико-математические пауки		1	8	**9**	**5,0**
технические науки			30	**30**	**16,8**
химические науки			2	**2**	**1,1**
экономические науки			29	**29**	**16,2**
биологические науки			0	**0**	**0,0**
исторические науки			12	**12**	**6,7**
медицинские науки			7	**7**	**3,9**
геолого-минералогические науки			1	**1**	**0,6**
педагогические науки			32	**32**	**17,9**
юридические науки			13	**13**	**7,3**
филологические науки			6	**6**	**3,4**
философские науки			12	**12**	**6,7**
сельскохозяйственные науки			4	**4**	**2,2**
географические науки			1	**1**	**0,6**
социологические науки			6	**6**	**3,4**
искусствоведческие науки			4	**4**	**2,2**
политические науки			0	**0**	**0,0**
ветеринарные науки			0	**0**	**0,0**
психологические науки			3	**3**	**1,7**
военные науки			4	**4**	**2,2**
фармацевтические науки			1	**1**	**0,6**
архитектурные науки			1	**1**	**0,6**
культурологические науки			0	**0**	**0,0**
богословские науки			2	**2**	**1,1**
Всего, кандидаты наук	**0**	**1**	**178**	**179**	**100**

Табл. 29. Места рождения научно-образовательной элиты (представителей всех блоков)

№ n/n	Регион	Чел.	%
1	Москва	275	19,4
2	ПФО	188	13,3
3	ЦФО	184	13,0
4	Украина	122	8,6
5	СФО	117	8,3
6	Санкт-Петербург	109	7,7
7	УФО	79	5,6
8	ЮФО	63	4,4
9	ДФО	58	4,1
10	СКФО	51	3,6
11	СЗФО	35	2,5
12	Казахстан	24	1,7
13	Беларусь	21	1,5
14-15	Грузия	18	1,3
14-15	Узбекистан	18	1,3
16	Азербайджан	12	0,8
17-18	Молдова	5	0,4
17-18	Таджикистан	5	0,4
19-21	Армения	4	0,3
19-21	Киргизия	4	0,3
19-21	Китай	4	0,3
22-24	Латвия	3	0,2
22-24	Туркменистан	3	0,2
22-24	Эстония	3	0,2
25-26	Германия	2	0,1
25-26	Литва	2	0,1
27-34	Великобритания	1	0,1
27-34	КНДР	1	0,1
27-34	Монголия	1	0,1
27-34	Польша	1	0,1
27-34	Псковская область	1	0,1
27-34	Румыния	1	0,1
27-34	США	1	0,1
27-34	Турция	1	0,1
	Всего	1417	100

набор тактических мер (выбор приоритетных направлений, концентрация ресурсов и т.д.). Но именно тактических, имеющих решающее значение на ближайшие 3–5 лет, может быть, 8–10 лет.

Стратегическое» понимание «технологического рывка» означает, по сути дела, новую модернизацию, затрагивающую все фундаментальные основы экономики и общества. Здесь наверное, уместна аналогия с предыдущими российскими модернизациями, включая сталинскую. Как заметил исследователь МГИМО(У) В. Мизин, «за счет жесточайшего террора, немыслимой сверхцентрализации и напряжения всех народных сил за годы „сталинских пятилеток“ в 1930-е в стране была создана современная промышленность и товарное сельское хозяйство. **В три раза возрос объем ВВП**. К концу второй пятилетки по объему промышленной продукции СССР занял второе место в мире, уступая лишь США. Ясно, что ни даже либерализированный царский режим, ни Временное правительство, утвердись оно у власти через Учредительное собрание, либеральными, „нормальными“ методами такого „первоначального накопления капитала“ и скорости модернизации страны не достигли бы. СССР теперь уверенно встал вровень с ведущими державами мира. Фактически была проведена Третья модернизация — если первой считать реформы Петра Первого, а второй — Александра II. Другое дело, что достигнуто это было за счет жесточайшей сверхэксплуатации всего населения страны, и прежде всего многострадального крестьянства всех регионов бывшей империи. Уничтожены и сосланы в лагеря, лишены всех прав, расстреляны, замучены, умерли от спровоцированного голода миллионы человек — цвет российской нации»[127].

«Узкое» понимание термина «технологический рывок» очень важный шаг в развитии сознания правящей элиты России. Я много говорил о необходимости этого очевидного действия в этом и прошлом десятилетии, исходя из простой логики развития научно-технической революции. Поэтому осознание к 2011 году элитой этой закономерности — естественный, хотя и запоздалый шаг. Запоздалый как минимум на два десятилетия.

Но сегодня очень важно понимать, что параллельно с реализацией концепции «технологического рывка» в ее узком смысле важно не потерять также время на развитие этой идеи в широком смысле этого понятия — социальном культурном, духовном. Особенно духовном. А. Солженицын говорил, что пока жива душа России, жива и Россия. И он был и остается прав. Самые смелые решительные шаги Россия делала на духовном подъеме. «Большой скачок» — **это реализация сдерживаемых до последнего времени колоссальных креативных возможностей нации, ее потенциалов и факторов**, которые могут дать фантастический импульс в развитии самосознания, культуры, духовности и, как следствие, экономики и социальной сферы. Сдерживаемых порой искусственно. Вопреки воле и традиции народа.

7. Основные цели «национального скачка» и креативный класс[128]

Любые социально-политические и экономические модернизации могут рассчитывать на успех при наличии как минимум трех условий: во-первых, **целей развития**, то есть артикулированного представления о том, куда и зачем страна и народ должны идти, во-вторых, **проекта реформ**, то есть маршрута движения, и в-третьих — **субъекта, иначе говоря, локомотива — мотивированной социальной группы, класса, этноса или иного амбициозного и пассионарного сообщества,** которое является главным проводником инноваций и на которое возлагаются все надежды на обновление страны и государства[129].
И. Хангельдиев

Выход из «тупика неэффективности» может быть найден только путем избегания множественности стандартов и «эксклюзивности» подходов[130].
А. Торкунов, ректор МГИМО(У)

Роль креативного класса в реализации цели «национального скачка» чрезвычайно велика. Этот класс — главная движущая сила, инструмент развития. Поэтому иногда в развитых странах (например, Великобритании) справедливо полагают, что развитие креативного класса становится общенациональной и самой приоритетной задачей. Соответственно, темпы его развития определяет эффективность движения к этой цели, в частности, переход от стадии информационного общества на стадию «креативной цивилизации». Вот как рассматривают этот процесс некоторые исследователи[131].

Информационное общество и концепция креативного класса:

— информационное общество в ближайшем будущем может получить новую форму воплощения и новое имя — имя креативной цивилизации, что и станет важным шагом к примирению современной культуры и цивилизации;
— возможно, современная цивилизация тяготеющая к децентрализации и плюрализму, будет синхронно актуализироваться в разных формах и типах.

Концепция креативного класса:

— индекс — это количественный показатель, связанный с анализом статистических данных;
— данные показатели одновременно являются количественными и качественными;
— они высвечивают новую информацию, которая характеризует современные тенденции развития постиндустриального информационного общества (рис. 14).

Таким образом идея «технологического скачка» связана прежде всего не с технологиями, а с сознательной социальной политикой, выражающейся в развитии креативного класса, всех его социальных групп, во всех слоях общества, а в конечном счете в росте НЧП. Именно **качество развития нации** будет определять реальный результат опережающего развития или «национального скачка». Сегодня вполне определенно можно сказать, что попытка модернизации с опорой на технологические заимствования провалилась. Это были вынуждены признать в том числе и авторы «Стратегии–2020»[132]. Причем, как ни странно, но либералы поспешили обвинить в этом средний и креативный класс. Как признает главный редактор портала «Liberty.ru» В. Данилов, «социальная ставка модернизации на креативный класс и на так называемый класс средний **провалилась**. Сегодня президентская программа модернизации находится в чрезвычайной опасности. **Она оказалась лишена социальной поддержки»**[133]. Есть смысл полностью привести аргументацию В. Данилова, в которой, к сожалению, много правды: «Что произошло? **Креативный класс, в который объединялись слои городской интеллигенции, социальные инноваторы**, богема и группы „world Russians“, **оказался коррумпирован потребительскими стратегиями, политически демотивирован отсутствием политической репрезентации в публичном системном пространстве**, при этом еще и получил статус социально-неприкасаемых. Им

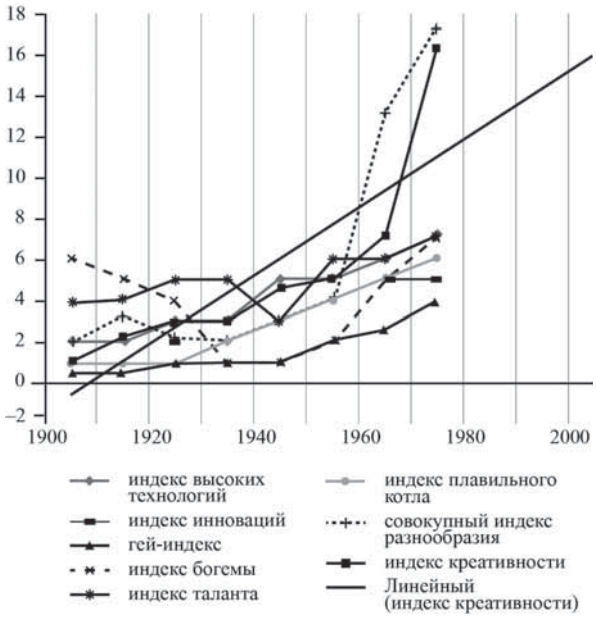


Рис. 14. Совокупный график восьми индексов

Рис. 15.

сегодня, как в том анекдоте про Чапаева, можно всё, и при этом за это „всё“ им ровным счетом ничего не будет. Бутики, ночные клубы — это территории неприкосновенности. **Публичное потребление легитимирует ярмарку тщеславия, оправдываемую на страницах их идеологических органов — глянцевых журналов, со своими политбюро, заседающими в редколлегиях. Продуктом новейшей коррупции духа является поколение хипстеров**.

Средний класс, о котором столько было сказано в последние двадцать лет, который бережно взращивался властями и даже назывался гегемоном, **присвоил себе право потреблять и не работать**. Фактически, средний класс сидит на особом типе статусной ренты, спонсируемой коррупционным государственными стратегиями. Средний класс мыслит сам себя в терминах потребительских статусов, а не персональных и групповых достижений. Тем самым он оказался в фокусе вольно или невольно реализуемых властных стратегий, которые **философ Андрей Ашкеров однажды удачно назвал „коррупцией духа“**.

С этим потребительским классом случился забавный парадокс — власть, алибизирует свою политику заботой о среднем классе, **но при этом не получает от этого среднего класса никакой реальной поддержки — он не голосует на выборах, не участвует в активной политической жизни, он не публичен, хотя сам составляет основной костяк публики. Средний класс получил статус политически неприкасаемых**.

Эти две группы оказались, пользуясь терминами Агембена, своего рода homo sacer модернизации. Их именем и от их лица осуществляется политика модернизации, при этом сами эти люди об этом могут даже не догадываться. Креативный класс, богема и класс получателей городской статусной ренты, или иначе средний класс, — это новые безработные. Праздный класс, но изнутри которого прорастают контуры чего-то совершенно иного.

Нулевые научили средний класс не выживать, а жить, когда жить хорошо — это ценность. Переход от стратегий выживания к тактикам „хорошей жизни“ — это точка перехода от деполитизированного состояния к политике. Почти что в аристотелевском смысле»[134].

Повторю, что в этой оценке много справедливой критики. Но нет главного: ответа на вопрос почему это произошло? Хотя ответ в принципе очевиден. «Уничтожив» идеологию, на практике внедрили извращенно-либеральную систему ценностей, которая и стала главным ориентиром для людей. Чего, уж, теперь удивляться, если элита сама насаждала мысль, что деньги — главная

Рис. 16. Основные цели «национального скачка» — опережающего социально-экономического развития

ценность. Эта «идея» в конечном счете и стала ключевой мотивацией. В том числе и для среднего класса.

Ошибочность, даже пагубность такого положения вещей стала очевидной для многих давно, но элита упорно отрицала и отвергала любые попытки создания общенациональной идеологии и системы ценностей. Просто потому, что она стала бы **альтернативой** реально де-факто существующей либеральной традиции. В 2011 году, правда, ситуация стала меняться. Хочется верить, что не только из-за выборов. Как заметил один из крупных функционеров «Единой России» И. Шувалов, «На основные базовые вопросы сейчас нет базовых ответов», — объясняет он интерес к созданию идеологии. «Важно, — продолжает И. Шувалов, — чтобы идеология появилась как таковая и чтобы она была общенациональной»[135].

Такой подход В. Данилова вызывает вместе с тем и серьезное возражение. Во-первых, потому что ставится знак равенства между средним классом и креативным классом, что, как уже говорилось, не одно и то же. Тем более в условиях России, где средний класс как минимум наполовину рантье.

Во-вторых, власть ничего не сделала для того, чтобы поддержать и мобилизовать креативный класс, т.е. эта не вина класса, а вина элиты. Прежде всего в области стимулирования институтов развития и социального потенциала и его институтов.

Здесь существуют огромные резервы. Так, например, очевидно не используются творческие возможности тех социальных групп, которые огульно зачисляются в пенсионеры. Это — огромный резерв креативного класса. Интеллект и творческие способности к 60-ти годам достигают своей высшей точки, однако государство вынуждает этих людей идти на пенсию. Необходимо не увеличивать пенсионный возраст (как предлагают либералы), а создавать условия, в т.ч. на работе, для максимального использования добровольного труда 60-летних. Так, соцопрос показывает, что значительное число хотят работать после пенсии исходя из творческого интереса (21%) и привычки работать (24%), а не только материальных потребностей[136] (рис. 15).

Другая часть, причем значительная, не может найти себе работу по специальности. Государство в лице Роструда ориентируется на низкоквалифицированную рабочую силу, показатели безработицы, формально отражающие положение дел. Так, в базе данных на 2011 год было 1 млн 165 тыс. вакансий при 1 млн 540 тыс. заявок[137], но при этом у государства нет программ **создания рабочих мест именно для креативного класса** — ученых, деятелей образования и культуры[138]. Напротив, реальное финансирование этих сфер, запланированное в бюджете на 2011–2013 годы, будет вести к «вымыванию» из госсектора этих специальностей. Что же взамен? Рекомендации профессуре пойти преподавать в ПТУ?

Другой огромный ресурс человеческого труда — инвалиды, которых насчитывается более 13 млн человек. Они составляют 9% всего населения России и более 15% теоретически активного населения. При этом, даже по официальным оценкам, из 6 млн трудоспособных инвалидов смогли получить работу не более 15%.

И здесь есть две проблемы: нравственная и экономическая. Первая заключается в необходимости изменить отношения общества к инвалидам, что будет означать уменьшение их числа. Как справедливо заметил В. Лукин, ссылаясь на Международную конвенцию о правах инвалидов от 2008 года, что «**не медицинские** проблемы являются причиной инвалидности, а то состояние общества, которое создает барьеры для реализации их прав»[139].

Вторая проблема заключается в том, что если человеческий потенциал в XXI веке является самым дорогим ресурсом, то игнорировать национальный человеческий потенциал, аккумулированный в части нетрудоспособной нации, не просто беспечно и безнравственна, но и экономически ущербно. Тем более что доля креативного класса в этой части общества, как правило, велика.

Можно привести множество других примеров беспечного, даже откровенно враждебного отношения элиты и власти к креативному классу. На мой взгляд, это объясняется не столько тем что элита его недолюбливает как всех «самых умных», а тем, что у нее отсутствует национальная идеология и стратегия развития, где роль этого класса — определяющая. Это можно было бы изобразить следующим образом (рис. 16).

Как видно из рисунка, как с точки зрения национальных интересов, так и с позиции приоритетного использования национальных ресурсов главные цели — социальные — заключаются в **сознательном формировании среднего класса и ядра креативного класса**.

Можно только представить себе, какие откроются перспективы для русской нации, когда запертые интеллектуальные и духовные силы, наконец, получат свое развитие. Даже в период коммунизма лозунг «Пятилетку в четыре года» выполняли не только зэки, а «Семилетку за пять лет» (когда, кстати, был удвоен ВВП страны) удалось совершить с невиданным народным подъемом.

Что же говорить сегодня, когда, по большому счету, творчеству масс ничего не препятствует? За исключением, может быть, государства, которое создало для своего «креативного класса» самые неблагоприятные из всех государств в мире условия? Поясню, что я имею в виду.

Широкое понимание «технологического рывка» предполагает развитие социальной сферы (прежде всего профессиональных и креативных групп населения), опережающее развитие не только образования и технологий, но и — очень важно уже сейчас это иметь в виду — фундаментальной науки, культуры и искусства. О чем нередко забывают. Говорят — и оправданно — об образовании, новых технологиях, но совершенно забывается **общекультурная основа:** литература, искусство, наука. То, без чего передовая нация перестает быть сначала передовой нацией, а потом

нацией вообще. Нации нужна **своя** литература, **своя** культура, **свое** искусство. И чем больше, тем лучше. Тогда и технологов, специалистов будет больше. Ведь технологи могут реализовывать **чужие** идеи. **Свои** идеи и наработки создаются в недрах фундаментальной науки. Той науки, которая сегодня, по большому, счету никому не нужна.

Ненужность большой науки удручающая. И дело не в реформе или в финансировании РАН, других институтов. Дело в **производстве, сохранении** и **развитии научных школ**, которые «сами по себе», без внимания государства и общества отмирают. А ведь эти школы и являются прежде всего, инкубаторами креативного класса. Не наскоро создаваемые исследовательские университеты, а классические, со своими традициями школы. Школы, которые за последние 20 лет просто исчезли и продолжают стремительно исчезать.

В этой связи выглядят крайне неуместными заявления Д. Медведева и А. Фурсенко о «ненужности» специалистов — юристов, экономистов и др., что «такие „специалисты" стране не нужны». Нужно говорить о том, **какие** специалисты нужны. И все для этого делать. Сегодня же получается, что, разваливая 20 лет систему профтехобразования, вместо ее восстановления предлагается… сокращать вузы!

Именно поэтому возможность и необходимость «технологического рывка» России следует сегодня рассматривать в широком контексте, но прежде всего **через различные аспекты формирования креативного класса, который и будет являться главной движущей силой «Большого скачка».** Люди — главный капитал и фактор развития в XXI веке.

Очевидно, что пока этого нет (а этого в 2011 году точно не было), показатели, результаты инновационной активности не растут, а снижаются[140] (табл. 30).

Таким образом, «Большой скачок» — это не просто составная часть идеологии опережающего развития России, которая выходит далеко за пределы только социально-экономического измерения и макроэкономических показателей. «Большой скачок» — это качественно новый общекультурный этап в развитии нации, предполагающий, прежде всего, выход на политическую и экономическую авансцены нового массового креативного класса.

Примечательно, что аналогичный «Большому скачку» эффект для формирования креативного класса может быть получен… в условиях кризиса. В том случае, естественно, если будет сформулирована ясная стратегия, где основной целью станет сохранение и даже развитие среднего и креативного класса, а не абстрактные макроэкономические и экономические задачи.

На первый взгляд это выглядит парадоксально. Но я предлагаю поразмышлять, каким образом нация и общество могут извлечь выгоду из кризиса.

Во-первых, как и любая болезнь, кризис мог бы мобилизовать все резервы и ресурсы не только организма, но и общества. Если, конечно, стояла бы **ясная цель** преодолеть кризис (болезнь) и выйти из нее обновленным, окрепшим. Если бы в условиях кризиса мы не потеряли главную цель — формирование среднего класса и креативных групп, то и действия были бы аналогичны стратегии в условиях опережающего развития.

Так, к декабрю 2008 года определилась глубина падения, которая «прогнозировалась» на полгода в 8%. Оказалось — более 15%. Эксперты по-разному оценивали возможную продолжительность кризиса, но главное, на мой взгляд, это не продолжительность периода падения, а продолжительность периода нахождения экономики «на дне». И темпы выхода из кризиса, которые составили в 20101 году 4%. В этот период себестоимость продукции может оказаться выше продажной цены на внутреннем и мировом рынках. Понятно, что долго продержаться предприятия на этом уровне не смогут. Может быть, недель 6–8. А если «дно» продлится дольше, то предприятия просто разорятся.

Кризис, из которого Россия вроде бы вышла в 2011 году с ростом ВВП в 4%, на самом деле не закончился. Потому что **все проблемы** остались. И главная — создание социальных предпосылок для опережающего развития. Прежде всего новых институтов и новых людей.

Какова должна быть стратегия на ближайшее время? На мой взгляд, ничего искусственно спасать не надо, необходимо воспользоваться крахом, чтобы изменить качество производства, прежде всего производительность труда. Так, просто помогая автомобильной отрасли, мы можем добиться того, чтобы она выжила. Но главный вопрос не в этом, а в том, чтобы она выжила в новом качестве, когда автомобили станут конкурентоспособными, а производительность труда (которая сегодня в отрасли в 5–10 раз ниже, чем в США) подровнялась с американской. Эта мера, конечно же, крайне болезненна в краткосрочной перспективе. Но исходя из стратегии развития (которой, похоже, нет) нам прежде всего необходимо ликвидировать разрыв в разнице уровней производительности труда, а это не только и не столько новые технологии, но прежде всего люди.

Возможно, что мировая экономика находится на завершающем этапе «длинного цикла» (по Кондратьеву), который условно охватывает период с 50-х годов XX века до приблизительно 2015 года. Основная проблема России традиционна — это опережающий рост зарплаты по сравнению с производительностью труда, на которую накладывается опережающий рост доходов и кредитов. Другая причина — «надувание разного рода пузырей» на разных рынках, в том числе кредитами. В частности, «пузырь» на сырьевом рынке, в т.ч. с помощью деривативов.

Можно предполагать, что правы те эксперты, которые предупреждают о пессимизме в отношении цен на нефть. (Так, некоторые полагают, что максимальная цена в будущем — 50 долл. за баррель). На самом деле со стратегической точки зрения это даже хорошо, потому что разрушает последнюю иллюзию сырьевой экономики и «сырьевой социальной структуры».

Табл. 30. Показатели инновационной активности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число организаций, выполнявших исследования и разработки		4099	4037	3906	3797	3656	3566	3622	3957	3666
Численность персонала, занятого исследования и разработками		887729	885568	870878	858470	839338	813207	807066	801135	761252
Внутренние затраты на исследования и разработки, тыс. руб.		76697101	105260732	135004492	169862369	196039870	230785150	288805212	371080327	431073185
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, %		8,8	8,5	9,0	9,5	9,6	9,7	8,6	10,0	9,4
Удельный вес отгруженной инновационной продукции организаций, %		4,4	4,1	4,2	4,6	5,3	5,0	4,5	4,6	5,0
Число созданных передовых производственных технологий		688	637	727	821	676	637	735	780	854
Число использованных передовых производственных технологий		70069	80012	93412	107015	119639	140983	168311	180324	184568
Затраты на технологические инновации, тыс. руб.		62115199	68530142	94046209	121606108	146015666	143222567	211392667	234057743	307186900
Количество поданных заявок на выдачу патентов на изобретения отечественными заявителями		27926	30640	30223	32369	50697	32726	39776	27505	27712
Количество выданных патентов на изобретения отечественным заявителям		18453	18515	20588	28674	41383	26405	30086	18431	22260
Затраты на информационные и коммуникационные технологии, млн.руб.		…	…		168373,3	215301,6	252029,7	299389,4	372733,4	

продолжение таблицы

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число организаций, использовавших специальные программные средства	Число организаций, использовавших специальные программные средства — всего					91 169	119 329	137 191	147 215	150 297
	для научных исследований					4259	4731	5024	5355	5315
	для проектирования					12 163	14 608	15 517	16 763	18 164
	для управления автоматизированным производством или отдельными техническими средствами и технологическими процессами					16 676	21 160	21 084	23 311	24 422
	для решения организационных, управленческих и экономических задач					72 013	87 577	97 985	100 245	103 340
	для осуществления электронных расчетов					39 964	68 927	78 055	90 833	97 323
	для предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети, включая интернет					18 571	25 431	25 603	32 792	36 139
	редакционно-издательские системы					41 346	8460	7610	8304	8979
	обучающие программы					6267	17 890	22 646	27 508	28 310
	антивирусные программы							88 157	107 185	121 612
	CRM-Программы							3101	6029	5346
	ERP-Программы							3946	4970	6081
	SCM-Программы							1343	1606	1793
	прочие программные средства					14 698	45 327	57 929	64 835	69 094

Именно в период кризиса была особенно актуальна идея о «перескакивании через этапы», когда отсталые государства могут сделать рывок в своем технологическом развитии. Эта идея связывалась в том числе и с Кондратьевскими циклами, хотя никто не знает наверняка, во-первых, есть ли эти циклы, а, во-вторых, где у них быстрая фаза, а где короткая. Но, главное, именно в периоды кризисов возможно революционное переоснащение всего производства, которое можно охарактеризовать как **полный отказ от старых технологий, с одной стороны, и сверхбыстрое внедрение новых технологий — с другой**. А, главное, стимулировать развитие креативного класса. Образование и наука в период кризиса становятся внешними приоритетами для инвестиций. Так это было, например, в США, но не в России.

При этом сразу оговорюсь, я очень скептически отношусь к доминирующей у либералов точке зрения о критически важной роли зарубежных инвестиций для модернизации. В 2010 году иностранных инвестиций было порядка 20% ВВП (около 300 млрд долл.), а прямых инвестиций — всего 14 млрд долл.[141]. Другое дело расширение внутреннего спроса. В том числе и прежде всего за счет роста реальных доходов креативного класса — ученых, преподавателей, инженеров.

Мир переходит к новому технологическому укладу, т.е. даже при переносе даты подъема экономики за 2015 год следует ожидать быстрого технологического переоснащения. Это произойдет неизбежно, и для нас лучше всего, если бы это произошло **осознанно** и **раньше** именно в России, чем в других странах. А для этого нужны кадры прежде всего аккумулируемые в креативном классе.

Соответственно, новая технологическая революция привела бы и к революционным изменениям в социальной области. Это неизбежно. И чем раньше это произойдет, тем лучше. В этом случае с социальной точки зрения Россия может оказаться в выигрыше, потому что на первый план **неизбежно выйдет средней класс и креативные социальные группы общества**.

[1] **Креативный класс** — зд. люди, социальные группы, коллективы, занятые созданием и обращением нематериальных активов, производящие качественно новый вид продукта или услуги. Как справедливо считает проф. М.И. Данилова, «креативностью называется способность человека к нестандартному, оригинальному мышлению и поведению. При этом необходимо отметить созидательный, конструктивный характер такого мышления и поведения. Креативность проявляется многообразно: это оригинальность и быстрота мышления, способность находить неожиданные решения, казалось бы, в безвыходной ситуации, богатое воображение, чувство юмора, создание новых оригинальных продуктов (физических и интеллектуальных). Это способности в себе надо развивать». И не только в себе, но и в обществе. Например, через образование. См.: Политика образования в условиях глобальной конкуренции. [Эл. СМИ]. URL:http://www.viperson.ru

[2] *Бабалова М.* Галина Вишневская, цари и совесть // Известия, 2011 г. 13 мая. С. 9.

[3] Кодекс вождей и политиков всех времен и народов. // Ростов н/Д.: Феникс, 2008. С. 223.

[4] Воины креатива. М.: Эксмо, 2008. С. 246.

[5] *Медведев Д.* Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета, 2008. 6 ноября. С. 3.

[6] *Дондурей Д. Б.* Доклад на ежегодной ассамблее Совета по внешней и оборонной политике. 2011. 9 апреля.

[7] Летопись реформирования России. Годы 1992–1993 / под ред. *Г. В. Осипова*. М.: Вече, 2009. С. 108.

[8] *Мелихов А.* Терапия успехом // Известия. 2011. 23 мая. С. 4.

[9] **Политический класс** — *зд.* не только политики, но и журналисты, эксперты, публичная интеллигенция, представители академического сообщества, общественные деятели и др. См., например: Малинова О.Ю. Политические элиты как «производители смыслов» российской политики: к постановке проблемы // Элиты в общество в сравнительном измерении / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: РОСПЭН, 2011. С. 280.

[10] Политический класс в России, к сожалению, не формирует политическую атмосферу, а занят обслуживанием правящей элиты. Его амбиции совершенно не подкреплены реалиями. — Прим. Авт.

[11] Е. Ясин весной 2011 года разделил общество по доходам на 5 групп. Из них первая — удвоила свои доходы с 1990 года, 2-я группа увеличила их на 25%, 3-я — осталась на уровне 1990 года, а четвертая и пятая получили 79% и 55% соответственно от уровня 1990 года. (См.: *Фомченков Т.* Головокружение от условий // Российская газета. 2011. 25 мая. С. 5).

[12] *Самарина А.* Нескорая перспектива // Независимая газета. 2011. 24 мая. С. 3.

[13] Странным образом российские либералы не хотят замечать, что либерализм себя изжил. Во всяком случае в его традиционном виде. Даже такой либерал, как Л. Радзиховский, замечает, что «… эпоха Pax Amoricana заканчивается, что жизненные соки капитализма себя исчерпали…». См.: Радзиховский. Бизнес прогрессоров // Российская газета. 2011. 26 июля. С. 3.

[14] То, что в правящей элите любят упоминать о несуществующей «Стратегии–2020» (никакого документа так и не было) говорит о том, что Концепцию социально-экономического развития России до 2020 года никто всерьез не принимал.

[15] *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2008. С. 61.

[16] *Белуза А.* Традиции против экстремизма // Известия. 2011. 24 мая. С. 2.

[17] *Клоудова Й.* Влияние развития креативной экономики на экономически отсталые регионы // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 5. С. 110.

[18] С подобной оценкой многие не согласны. Так, А. Дугин, например, считает креативный класс «классом разведчиков, которые берут то, что плохо лежит». См.: Философ Дугин объявил войну «креативщикам». 17 июля 2009 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.kaliningradeity.ru/ru/news/

[19] *Borodina V.* Что такое креативный класс? November, 25, 2010. [Эл. ресурс]. URL:http://leratedxvg. Livejournal.com/1433

[20] О существовании такой взаимосвязи я писал не раз. В частности, в кн.: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 368–377.

[21] *Торкунов А.* Школа российской идентичности // Независимая газета. (См. история). 2001.

[22] В Стратегии долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года, подготовленной в марте 2020 года МЭРом (и проваленной с треском позже) даже есть отдельный, малосодержательный раздел.

[23] См. подробнее о роли социального потенциала и его институтах: т. III, кн. 2 настоящей работы, а также: Подберезкин А. Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2 (17). С. 7–24.

[24] *Стуруа М.* На что потратить три триллиона долларов // Известия. 2011. 25 мая. С. 6.

[25] *Квон Д. Х.* Бешеные деньги российской науки // Независимая газета. 2011. 25 мая. С. 16.

[26] *Савиных А.* Время халявы прошло // Известия. 2011. 27 мая. С. 3.

[27] *Фомченков Т.* WiFi поплыл // Российская газета. 2011. 27 мая. С. 5.

[28] Здесь и далее термин «креативный класс», как часть социального потенциала и НЧП используется применительно к России условно. Классикой исследования этого феномена справедливо считается Р.Флорида, опубликовавший книгу, ставшую бестселлером, однако соглашаться с ним во всем нельзя. В частности, он излишне акцентирует внимание на универсализме креативного класса, расширяя эту характеристику в том числе и до сексменьшинств. Не может не вызвать согласие и принижение значения традиционных норм и ценностей, а также национальных особенностей креативного класса. — *Прим. авт.*

[29] Это соображение, как правило, не находит поддержки у сторонников «классического» представления о креативном классе, выражаемого Р. Флоридой и др. — *Прим. авт.*

[30] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. С. 23.

[31] Воспитательный аспект креативности — принципиально важен. См., подробнее: Ермилова Е.Б. Междисциплинарные подходы к проблеме креативного образования // Гуманитарные исследования. 2010. № 8. С. 38–44.

[32] К сожалению, не только в правящей элите, но и среди интеллектуального сообщества существуют мнения об искусственном, даже вредном значении этого класса. Так, среди традиционалистов этой позиции находится А. Дугин. Среди либералов — Л. Григорьев и т.д.

[33] *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI. 2007.

[34] *Зубарев В.* Как создать подлинно инновационное, креативное общество и добиться, чтобы оно развивалось и процветало. Стратегия разгона. [Эл. ресурс]. URL:http://www.zubarev.info ›dat/bin/files/74

[35] *Башкотова А.* Российские учителя оказались чужими на празднике жизни // Независимая газета. 2011. 9 февраля. С. 4.

[36] Готово ли российское общество к модернизации? С. 23.

[37] Важно однако заметить, что в 2008–2010 годы относительная численность работающих не по найму сократилась.

[38] Обследование населения по проблемам занятости. 2009 год. М.: Росстат, 2010. С. 21, 22.

[39] *Григорьев Л.М., Салмина А.А.* Средний класс в России: повестка дня для структурированного анализа. 24 марта 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http:///www.spero.socpol.ru

[40] Согласно А. Маслоу, креативность изначально свойственна всем, но теряется под воздействием среды. — *Прим. авт.*

[41] *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI. 2007. С. 90.

[42] Там же. С. 91.

[43] Там же.

[44] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 572, 573.

[45] *Юргенс И.* «Я за Медведева, потому что вижу в нем ряд качеств» // Независимая газета. НГ-политика. 2011. 5 апреля. С. 11.

[46] Там же.

[47] *Бахтияров О.* Заря диктатуры креативного класса [Эл. ресурс]. URL:http://www.strateger.net/node/600

[48] Там же.

[49] Там же.

[50] Там же

[51] Готово ли российское общество к модернизации? С. 23.

[52] Об этом синтезе я неоднократно писал прежде. См. подробнее: *Подберезкин А.* Русский путь. М.: РАУ-корпорация, 1999. С. 78–87.

[53] Готово ли российское общество к модернизации? С. 78.

[54] См. подробнее: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 378–384.

[55] *Бахтияров О.* Заря диктатуры креативного класса [Эл. ресурс]. URL:http://www.strateger.net/node/600

[56] Данные взяты из: *Хангельдиев И.Г.* Информационное общество и концепция креативного класса: доклад на международной конференции «Информационное общество и личность XXI века». Анапа, 23 сентября 2006 г.

[57] См. подробнее: *Костомарова А.В.* Сбережение населения как потенциальный источник финансирования модернизации в России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 1(16). С. 151–159.

[58] *Бахтияров О.* Заря диктатуры креативного класса / http:streteger.net

[59] *Пляйс Я.А.* Россия в поисках новой элиты // Мир и политика. 2010. декабрь. № 12(51). С. 71.

[60] *Закатнова А.* Привычка к инновациям // Российская газета. 2011. 10 марта. С. 2.

[61] *Вллерстайн И.* Конец знакомого мира: социология XXI века / пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Лотос, 2004. С. 5.

[62] *Хангельдиев И.Г.* Информационное общество и концепция креативного класса. Доклад на международной конференции «Информационное общество и личность XXI века». Анапа, 23 сентября 2006 г.

[63] Готово ли российское общество к модернизации? С. 38.

[64] *Савиных А.* Время халявы прошло // Известия. 2011. 27 мая. С. 3.

[65] *Фомченков Т.* WiFi поплыл // Российская газета. 2011. 27 мая. С. 5

[66] См., например: *Подберезкин, А. Коровников А.* Россия и глобализация. М.: Финансовый контроль. 2003. С. 50–58.

[67] *Пляйс Я.А.* Россия в поисках новой элиты // Мир и политика. 2010. Декабрь. № 12(51). С. 71.

[68] См.: *Подберезкин А.* Качество личности как новая идеологема и национальный приоритет // Приоритетные национальные проекты — идеология прорыва в будущее: сб. / сост.: А.И. Иванов [и др.]. М.: Европа. 2007. С. 77.

[69] *Окара А.* Креативный класс как партнер государства // Независимая газета. 2009. 22 декабря. С. 3.

[70] *Межуев Б., Черняев А., Куркин Н., Павлов А.* Интеллектуальный класс и перспективы российской модернизации. 30 марта 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.russ.ru/pole/

[71] Там же.

[72] *Никонов В.* Три года Медведева // Известия. 2011. 11 марта. С. 6.

[73] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат. 2010. С. 138.

[74] *Магаршак Ю.* …И спи спокойно // Время новостей. 2007. 29 марта. С. 4.

[75] *Кузнецов А.* Опубликована первая сотня кадрового резерва Президента России. 13 сентября 2008 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.kommentarii

[76] *Сурков В.* Динамичное развитие России невозможно без новых эффективных людей. 10 сентября 2008 г. [Эл. ресурс]. URL:www.viperson.ru

[77] *Барышева А. В.* Экономика знаний — что это значит. 18 декабря 2009 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.nest-expert.ru

[78] Там же.

[79] *Федоренко Н.* Стратификационные признаки российской бюрократии. [Эл. ресурс]. URL:http://www.chelt.ru/2008/5-08/fedorenko-508

[80] *Данилова М. И.* Политика образования в условиях глобальной конкуренции. 7 марта 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru

[81] *Рогов К.* Третий цикл // Ведомости. 2011. 30 марта. С. 4.

[82] *Дугин А.* http://www.evrazia.tw/coutent/porvat-past-krieativnosmu

[83] The National Security Strategy, Wash., May 20, 2010.

[84] *Левичев Н.* К социальному государству без социальных потрясений // Аргументы недели. 2011. 28 июля.

[85] Как правило, речь идет об эффективности управления федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ), на которые приходится абсолютное большинство чиновников. — *Прим. авт.*

[86] *Зиновьев А.* Философия как часть идеологии. 2002. № 3 (17). [Эл. ресурс]. URL:http://www.rags.ru/akadem/all/17–2002

[87] *Охотский Е. В.* Государственное управление в современной России. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 7.

[88] *Охотский Е. В.* Указ соч. С. 30.

[89] О причинах создания и развала НПСР я писал не раз. См., например: *Подберезкин А.* Что такое «Духовное последние» и почему оно поддерживает на президентских выборах Г. А. Зюганова. М.: Обозреватель, 1996. (Там я, в частности, говорил о «приоритете идеи патриотизма и государства, которые должны стать государственной политикой»).

[90] *Гордеев Я.* «Единая Россия» сворачивает влево // Независимая газета. 2011. 28 июля. С. 2.

[91] См.: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа. 2007. С. 131–171.

[92] *Якунин В. И., Сулакшин С. С.* Теоретические аспекты проблемы эффективности государственного управления // Власть. 2007. 27 июня.

[93] ФОИВ — федеральные органы исполнительной власти. — *Прим. авт.*

[94] *Якунин В. И., Сулакшин С. С.* Указ. соч.

[95] Российский статистический ежегодник 2010. С. 142.

[96] Там же.

[97] Там же.

[98] *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее // пер. с англ. М.: Классика-XXI. 2005. С. 152.

[99] *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. — 2-е изд. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 57.

[100] *Гульбинский Н.* По стопам Степы Лиходеева // Независимая газета. 2011. 27 июля. С. 3.

[101] Полученные данные, по мнению экспертов РАН, показывают, что запрос на равенство всех перед законом незначительно изменяется в разных возрастных когортах. Кроме того, и в разных доходных группах доля тех, кто выбирает в качестве ключевой для развития России именно эту идею, варьируется совсем незначительно. Не различается она и в группах с разным отношением к модернизации. Выделяются в данном вопросе лишь жители сел — там эта идея распространена чуть реже (38%), чем в других типах поселений. Таким образом, в целом во всех группах населения около 40% выражают устойчивый запрос на путь модернизации России через обеспечение соблюдения прав человека и равенства всех перед законом. (Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. *М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой*. М.: Весь мир. 2010. С. 32.).

[102] Кстати, социальные революции также делают не рабочие и крестьяне, а интеллигенты, средние слои, прежде всего студенты и интеллектуалы.

[103] См., например: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа. 2007. С. 70–87.

[104] «Преемником» В. Путин был назначен именно из-за этого достоинства. См. подробнее об элите: *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты в России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006, (в разделе «Вертикаль власти» между бюрократией и олигархией в частности, говорится, что он стал «преемником» по двум причинам: лояльность и решимость в защите бывшего патрона — А. Собчака).

[105] Как заявил как-то *И. Шабдурасулов*, «не признаю никаких стратегий, концепций…» Цит. по: Подберезкин А. Русский путь. М.: РАУ-Университет. 1999. С. 226.

[106] Самые благоприятные прогнозы, основанные на внешней конъюнктуре, дают до 4% роста ВВП, что подтверждается результатами развития экономики по итогам первого полугодия 2011 года. Но этот случай — частный.

[107] *Григорьев Л. М.* О Программе поддержки независимых аналитических центров в Российской Федерации // Проблемы становления экспертного сообщества России: экономисты / под. ред. В. Б. Беневоленского [и др.]. М.: МОНФ. 2003. С. 11.

[108] *Никулина Л.* От администратора к лидеру // Ведомости. 2011. 11 марта. С. 4.

[109] *Кургинян С.* Качели. Конфликт элит — или развал России? М.: МОФ. 2008. С. 163.

[110] *Зубарев В.* Стратегия разгона. [Эл. ресурс]. URL:http://www.zubarev.info ›dat/bin/files/74

[111] *Васильев В.* Простые постулаты будущего // Политический класс. 2008. 21 февраля. С. 36.

[112] *Таратута Ю., Письменная Е.* Экономика ведет к политике // Ведомости. 2011. 31 марта. С. 1.

[113] *Сурков В.* Главная ценность — не углеводороды, а талантливые люди. 3 сентября 2008 г. [Эл. ресурс]. URL:www.molgvardia.ru

[114] *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. С. 60–61.

[115] Надо сказать, что «новые» либералы никогда не были так активны, как в 2011 годы, фактически навязав элите дискуссию о новой радикальной либерализации.

[116] ВЦИОМ. База данных. [Эл. ресурс]. URL:http://www.wciom.ru/fileadmin/image/ baza/proekt/index/Index_pol.jpg

[117] *Кривощенко Ю.* «Стратегию 2020» пишут бесплатно // Известия. 2011. 31 марта. С. 2.

[118] *Григорьев Л. М., Салмина А. А.* Средний класс в России: повестка дня для структурированного анализа // SPERO. 2010 (весна–лето). № 12. С. 111.

[119] Научный потенциал и инновационная активность в России: вып. 4: стат.сб. М.: Минобрнауки, РИЭПП. 2010. С. 23.

[120] *Кукол Е.* Нефть сбивает рост // Российская газета. 2011. 12 апреля. С. 5.

[121] Реальные доходы населения в 2008–2011 годах, на самом деле существенно падали.

[122] *Аврамов Р., Кононенко Е.* Проект российского института экономической политики // Проблемы становления экспертного сообщества России: экономисты / под ред. В. Б. Беневоленского [и др.]. М.: МОНФ, 2003. С. 105.

[123] Там же.

[124] Научный потенциал и инновационная активность в России: вып. 4: статсборник. С. 28, 29.

[125] Рейтинг вузов по образованию представителей научно-образовательной элиты России — 2010. М.: Рейтор, 2011. С. 88–90.

[126] *Соловьев В.* Штурм технологий шестого уклада // Независимая газета. 2008. 22 апреля. С. 15.

[127] *Мизин В.* 65 лет «Великой Победы: уроки Второй мировой войны» // Вестник РУДН, 2010. № 3. С. 10.

[128] *Окара А.* Креативный класс как партнер государства // Независимая газета. 2009. 22 декабря. С. 3.

[129] *Хангельдиев И. Г.* Информационное общество и концепция креативного класса: доклад на международной конференции «Информационное общество и личность XXI века». Анапа, 23 сентября 2006 г.

[130] *Торкунов А.* Найти выход из «тупика неэффективности» // По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010 г. С. 31.

[131] *Хангельдиев И. Г.* Указ. соч.

[132] См. подробнее: *Подберезкин А.* Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2 (17). С. 7–9.

[133] Судьбу модернизации решать выборы 2011–2012 годов. [Эл. ресурс]. URL:http://www.erdv.ru/index.php/news/742

[134] Там же.

[135] *Закатнова А.* Жизнь после выборов // Российская газета. 2011. 29 июля. С. 3.

[136] *Шилихина М.* А вам пенсии хватает? // Российская газета. 2011. 14 апреля. С. 3.

[137] *Смолякова Т., Грицюк М.* Дело на 60 тысяч // Российская газета. 2011. 14 апреля. С. 6.

[138] Ученые, творческая интеллигенция, составляющие ядро креативного класса, по мнению ряда авторов, являются «самые близким аналогом» креативного класса. См.: Гончаров Д. С. Духовные люди // Компьютера. 2009. 17 февраля. № 7.

[139] *Куликов В.* Особый доступ // Российская газета. 2011. 5 мая. С. 1, 2.

[140] Научный потенциал и инновационная активность в России: вып. 4: статсборник. С. 130, 131.

[141] *Кривошанко Ю.* Страну наводнили «горячие деньги» // Известия. 2011. 14 марта. С. 3.

Глава 2

Роль креативного класса в опережающем национальном развитии

Революции сильно увеличивают число сумасшедших.
В. Бехтерев

Судьбу нации определяет ум интеллигентский[1].
И. Павлов

Вообще к интеллигенции... я большой симпатии не питаю, и наш лозунг «ликвидировать безграмотность» отнюдь не следует толковать как стремление к нарождению новой интеллигенции[2].
В. Ленин

Споры о стратегии социально-экономического развития, способах заявленной модернизации в 2008–2011 годы обострились из-за очевидных неудач (которые объяснить только мировым кризисом стало неубедительно) в её реализации. С неизбежностью возникли прежние, традиционные вопросы: кто виноват и что делать? «Дебаты о модернизации к настоящему времени оказались сосредоточены на вопросе о том, **какая социальная сила может стать ее двигателем**. Общество не верит в **способность государственной бюрократии сыграть эту роль**. Серьезные сомнения возникают и в отношении крупного бизнеса, связанного с экспортными сырьевыми отраслями», — признают авторы третьего доклада Центра политической критики[3].

С чего надо начинать стратегию модернизации и кто будет ее реализовывать, если мы хотим, чтобы в XXI веке российская экономика и общество соответствовали уровню современных требований? Ответов может быть несколько, и все они в той или иной степени будут адекватны, и, наверное, справедливо говорить о том, что только один ответ будет правильным. Нужен системный подход, который комплексно обеспечил бы решение проблемы опережающего развития — в идеологии, финансах, политике. Но есть и отдельный вопрос, который требует ответа: кто, какая политическая или социальная сила будет лагерем реализации стратегии?

Ответ на этот вопрос не так прост как кажется. В России, пережившей несколько волн модернизаций, каждый раз такие социальные силы были разные — при Иване III, Петре I, Александре I, Александре II, Сталине, Хрущеве, Горбачеве, но одна общая черта была характерна для всех волн: модернизация проводилась верховной властью, которая каждый раз опиралась на ту социальную силу, которая была в наибольшей степени мотивирована на изменение существовавшего уклада. Дворяне, гвардия, дворцовая бюрократия, политики, нарождающаяся буржуазия, партаппарат — все это разные социальные слои,

которые становились опорой для правящей элиты в тот или иной период времени.

Реальность такова, что в современной России два наиболее влиятельных слоя правящего класса — бюрократия и собственники — не заинтересованы в опережающем развитии и модернизации. Но эти два слоя управляют и распоряжаются национальными ресурсами, без которых реализовать любую стратегию невозможно. И они формулируют правила игры не только экономической, но и социальной политики.

Безразличны к модернизации в основном и представители других социальных слоев, которые устали от реформ, так же как и от стабильности. Конечно, верховная власть может (если захочет) провести национальную мобилизацию и попытаться заставить бюрократию и бизнес работать на развитие, но эффективность таких усилий будет невелика.

В этой связи начинать надо, на мой взгляд, прежде всего с попыток ускоренного развития, даже **создания той силы, которая станет опорой — креативного класса** как класса, включающего различные социально активные группы. Причем класса не абстрактного, тем более «универсального», а национально ориентированного, социально ответственного. И добиваться этого через **привнесение нравственных основ в среду российской интеллигенции, интеллектуалов и креативного класса**. Подчеркну — в **национальную** научную, образовательную и культурную среду, в **национальные** научные школы, университеты, театры и т.д. С полным пониманием перспектив и **отказа от попыток коммерциализации**. Чего, к сожалению, не происходит. В 2011 году МЭР разработал очередную «Стратегию инновационного развития до 2020 года», в которой предполагается как раз обратное. В частности, новые критерии оценки для фундаментальных и прикладных наук (по зарубежному индексу цитирования и внедрению). Что давным-давно признали не эффективным даже в США[4].

Следует признать, что проблема развития в 2010–2011 годах разделила российскую интеллигенцию на два лагеря. Первый лагерь — традиционных либералов и выделившихся из них радикал-либералов, между которыми была начата дискуссия накануне парламентских и президентских выборов о реализации «либеральной традиции» в российских условиях после кризиса 2008–2010 годов. Эта дискуссия формально акцентировалась на «корректировке» «Стратегии–2020», но фактически на всем спектре ценностных, социальных и политических вопросов.

Было представлено множество докладов, которые, по мнению И. Юргенса, все-таки «совпадали на 70%», т.е. отражали в целом либеральную традицию. Эта традиция в том числе выражала и антинациональный, и антисоциальный характер стратегии долгосрочного социально-экономического развития. Так, в частности, предлагалось отменить студенческие мизерные стипендии, повысить пенсионный возраст (хотя и признавалось, что число, например, женщин, доживающих до этого возраста, сократится на 4%)[5].

Вторая группа — интеллигенция и креативный класс, к которому относятся те, кто национально и социально ориентирован и не придерживается (во всяком случае строго) либеральной традиции. Среди нее прежде всего те, кто так и не получили легкого доступа к реальным благам глобализации в полной мере. Ее главная отличительная черта — понимание растущего отставания нации в развитии и необходимость перехода от периода стабилизации к периоду опережающего развития.

В это время (2009–2011 года) появилось множество данных, иллюстрирующих фактически кризис-

Рис. 1. Доля населения, оценивающего различные социальные группы как способствующие или препятствующие развитию России, %

ное состояние российской экономики и общества, на которое не влияли даже растущие цены на нефть. Такие, например, как «мгновенная картинка интернет-графика», на которой видно, что Россия — «черная дыра» в сравнении с тремя регионами научного сотрудничества — США — Евросоюзом — Азией, на которые приходится более 80% мирового ВВП[6].

Начинать поэтому надо, по сути, с самого начала: правящая элита и общество должны поставить во главу угла не всемерное развитие некого абстрактного среднего класса аж в 60% численности населения к 2020 году, а создание творческой **интеллигенции и креативного класса как фундамента для развития творческого потенциала нации**, той социальной силы, которая стала бы двигателем реформ. Чего как раз и не происходит.

В этой связи интересен результат соцопроса, проведенного РАН по отношению различных групп населения к модернизации[7] (рис. 1).

Данные, на мой взгляд, свидетельствуют не только о симпатиях или отношениях граждан, но и об их **понимании, кто является производительной**, созидательной силой общества, а кто препятствует развитию России. К числу последних относится значительная часть госаппарата, правоохранительных органов и руководителей, т.е. **управляющей элиты страны**. Во многом это объясняет, почему декларации правящей элиты блокируются управляющей элитой страны.

Возникновение, рост и развитие креативного класса — объективный процесс, который является ключевым условием развития постиндустриальной экономики и общества. Более того, заглядывая в будущее, можно сказать, что социальные и экономические перспективы человечества можно связывать только с усилением деятельности креативного класса. Как отмечают некоторые авторы, «формирование и расширенное воспроизводство креативного класса в постиндустриальном обществе подчинено следующим закономерностям:

Первая закономерность. Увеличение доли работников креативного класса, высококвалифицированных работников при снижении доли представителей других классов в классовой структуре (на первом месте по числу занятых оказываются финансовые, профессиональные, конструкторские услуги, здравоохранение, образование, социальная сфера, на последнем — бытовые услуги).

Вторая закономерность. Представители креативного класса становятся ведущим фактором, „локомотивом“ социально-экономического и технического прогресса общества. Их ценность в качестве „рабочей силы“ определяется как наличием современных знаний, умений и навыков, так и интеллектуальными, креативными способностями.

Третья закономерность. Для тех, кто входит в креативный класс, все аспекты и все проявления креативности — технологические, культурные и экономические — взаимосвязаны и неразделимы.

Четвертая закономерность. Развитие интеллектуальных и творческих способностей представителей креативного класса, непрерывное повышение их образовательного уровня является непременным условием использования полученных знаний и информации для производства новых знаний, нововведений и новаторства, которые охватывают все сферы общественного развития.

Пятая закономерность. Представители креативного класса, как правило, не владеют какой-либо существенной собственностью в материальном смысле. Их собственность — их творческие способности»[8].

Эти закономерности, а не «придумки» МЭРа, надо положить в основу стратегии национального развития, единственной социальной силой, способной реализовать которую, является креативный класс.

1. Креативный класс и интеллектуалы

Ее [наука о социализме] новизна заключалась в том, что она была… основой практического изменения общественных отношений[9].

Б. Славин

Креативный класс — это не только инженеры или, допустим, представители балета. — Это более широкая группа людей, получивших качественное образование и занятых созданием нечто нового, что приносит пользу окружающим. В инновационной экономике основным двигателем обновлений выступают не министры, не президент, а та масса работающих людей, которая занята созданием нового. В развитых странах такая группа составляет 20–30% населения[21].

Я. Кузьминов

В отношении движущих сил модернизации и стратегии национального развития существует немало попыток разделить интеллектуалов, интеллигенцию и креативный класс на отдельные, даже противостоящие друг другу социальные группы. И в целом эти попытки правильны, если ищут ответа на главный вопрос: какова идеология тех или иных социальных групп?

Если сторонники той или иной социальной группы заинтересованы в общественной и национальной **пользе**, то, очевидно, они принадлежат к социально

и национально заинтересованным развития слоям нации. Если — в **выгоде**, то развитие им нужно постольку, поскольку это выгодно им. Как правило, лично.

Ничего нового в таком подходе к разделению общества нет. Никто не отменял еще ни классовых, ни личных, ни общественных интересов (потребностей) и не оспаривал всерьез их существование[11]. При этом иногда происходит противопоставление креативного класса интеллектуальному классу. Так, авторы доклада Б. Междуев, А. Черняев, Н. Куркин, А. Павлов полагают, что «…**субъектом модернизации может выступить интеллектуальный класс**.

…Интеллектуальный класс представляет собой общественный слой, который занимается производством знания, его передачей и воспроизводством, а также его критической оценкой и утилизацией. Интеллектуальный класс состоит из людей, занятых интеллектуальным трудом, создающих новые продукты и знания. Он включает в себя в первую очередь ученых-исследователей, производящих новое знание, во вторую очередь — преподавателей вузов, систематизирующих накопленное знание и передающих его новым поколениям, и, наконец, в третью очередь — людей, которых с подачи американо-канадского экономиста Ричарда Флорида принято именовать «креативным классом»[12].

Это симпатичное мне толкование понятия «креативный класс» однако значительно сужает его социальную базу, хотя, строго говоря, основной критерий — создание новых знаний — и не вызывает сомнений. На мой взгляд, эти профессии можно отнести к ядру креативного класса по принципу способности создавать качественно новый интеллектуальный продукт или услугу. Это — высшее достижение человеческого творчества, и оно имеет колоссальное значение для общественной и экономической жизни любой нации. Во многом, если не в основном, эти люди и делают не только национальный авторитет, но и саму нацию. Но эдисонов, чайковских, энштейнов и циолковских в принципе не может быть много. Это — вершины человеческого гения, результаты труда которых в XXI веке будут определять будущее человеческой цивилизации. И — что принципиально важно — нации.

Расширяя этот круг до «простых» ученых и преподавателей, конструкторов и писателей, без которых создание качественно нового продукта или услуги невозможно, мы просто констатируем, что творческие коллективы, «команды» не могут существовать не только без лидеров, но и творцов-исполнителей, «чернорабочих» науки. Более того, уже в XX веке стало ясно, что существует и «коллективный гений», когда некая совокупность творцов составляет принципиально новое творческое качество. Иногда даже «простых» исполнителей.

Авторы доклада высказывают, на мой взгляд, спорную мысль об определении «интеллектуалов» и «творцов» по принципу потребления: **«Интеллектуальный класс не тождественен „креативному классу“**. Передовой отряд первого — люди, производящие новое знание и тем самым расширяющие наши представления о мире и увеличивающие наши практические возможности. „Креативный класс“ состоит из журналистов, маркетологов, публичных экспертов — тех, кто производит не знания, а рассчитанные на тот или иной политический, культурный или же коммерческий эффект „концепты“ и смыслы. „Креативный класс“ связан не с производством принципиально новых знаний и продуктов, но в первую очередь **с их коммерческим, политическим, художественным использованием»**[13].

С этим положением нельзя согласиться потому, что внедрение творческого результата может нести не только коммерческую, но и **общественную** пользу, т.е. национальный человеческий потенциал **превращается** в этом случае в фактор, капитал. Этот процесс имеет огромное значение; зачастую он не менее важен и не менее творческий, чем создание собственно нового знания. Что недооценивается и принципиально неверно. «В современной социологической литературе как в России, так и за рубежом чрезмерное внимание уделяется „креативному классу“ при явном дефиците аналогичного интереса по отношению к классу интеллектуальному. Весьма востребованы концепции о появлении нового типа общественного устройства, в котором ученые неизбежно оказываются на дне социальной иерархии, а „креативные“ интеллектуалы взмывают на самую ее вершину. Хотя в России „креативный класс“ и в самом деле вобрал в себя наиболее талантливых и энергичных интеллектуалов, нашедших способ выживать в непростой обстановке рыночной и политической стихии постсоветских лет, однако данный слой оказался не способным стать сколько-нибудь весомой социальной силой, создать противовес по отношению к бюрократии и крупному бизнесу.

Подлинная модернизация предполагает ставку на производителей основного интеллектуального продукта — инноваций, то есть на интеллектуальный класс»[14].

Нельзя согласиться с авторами доклада и с искусственным разделением по значимости интеллектуалов и креативного класса. Интеллектуалы — одна из социальных групп креативного класса и очень важная. Поэтому противопоставлять их друг другу нелогично. Наверное, такое деление и возможно, но, на мой взгляд, оно искусственно: интеллектуальный класс, конечно, не тождественен креативному в том смысле, что творчество возможно на любом месте — и в лаборатории, и в тюрьме, и в армии. Интеллектуальная деятельность ограничена узкими профессиями — часть исследователей (вообще-то к числу научных работников относят и вспомогательный персонал, но даже не все из числа ученых — творческие работники), часть педагогов, часть бизнесменов, часть чиновников и т.д.

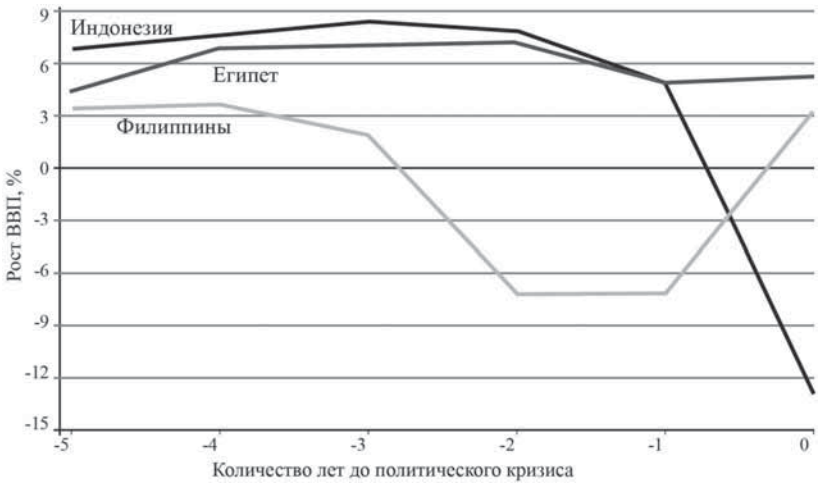
Особое значение имеют «периферийные» группы креативного класса, такие, например, как студенты. Их активность отнюдь не всегда связана с экономическим ростом или кризисами: здесь нет прямой зависимости. Так, рост ВВП в Ливии и Египте, улучшение материального положения местного населения привели весной 2011 года к социальным взрывам и революциям в этих странах. Причины сегодня не всегда понятны, но две из них, на мой взгляд, явно существуют. Это неудовлетворение части креативного класса возможностью для самореализации, во-первых, и процессы национальной и религиозной самоидентификации, во-вторых. Обе эти причины существуют и в России. Поэтому выделение «интеллектуалов», составляющих ядро креативного класса, не только искусственно, но и может привести к недооценке социальной роли последнего. **Как показывает график** (рис. 2)**, на Филиппинах и в Индонезии политический кризис последовал за экономическим**: рост **ВВП не всегда отражает реальную ситуацию** в политике и социальной областях[15].

Более того, заявленный в очередной раз В. Путиным лозунг удвоения ВВП (на этот раз за 10 лет) отнюдь **не означает ни социально-политической стабильности, ни улучшения положения креативного класса**. В 2008–2011 годы прослеживалась прямо противоположная тенденция. Как отмечалось в исследовании агентства «Рейтор», проведенном по итогам 2010 года, «институты, призванные обслуживать инновационную экономику, со времен развала СССР, существовали по инерции. Образование и наука оказались на периферии бюджетного финансирования, а зарабатывать самостоятельно и быть рентабельными способны априори немногие научно-исследовательские организации и вузы. Правительство и бизнес же выражают недовольство тем, что эффективность сектора исследований и научных разработок не высока, требуют от руководителей научных организаций рентабельной деятельности, что часто приводит к банальной сдачи части помещений этих организации в аренду»[16]. «Рентабельность» науки и творчества, которой регулярно требуют руководители страны, может сыграть плохую шутку: креативную экономику и класс так и не создадут, а активы окончательно разворуют. К сожалению, пока сохраняется именно эта тенденция. В частности, в новой инновационной стратегии МЭР 2011 года[17].

Это противоречит и международному опыту. Так, А. В. Суворина справедливо пишет: «Хокинс, пытаясь отследить результаты креативной экономики, выделяет 15 креативных индустрий (отраслей), производящих интеллектуальную собственность в виде авторских прав, патентов и торговых марок. Аналогичный подход характерен для британского Департамента развития программ креативных индустрий, определяющего креативную деятельность как „деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант, и которая несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности“[18].

Важно, однако, подчеркнуть, что критерии оценки творческой деятельности — добавленная стоимость, коммерческий результат и т.п. — не полностью раскрывают смысл творчества. Все чаще социальный, общественный результат креативной деятельности становится важнее коммерческого.

В этом смысле Р. Флорида, который в отличие от Дж. Хокинса представляется более правым, когда в качестве критерия для определения места креативной экономики в структуре воспроизводства использует **не отрасль, а род деятельности** (профессию). Трудовой подход Флориды базируется на определении креативного класса, состоящего из двух подклассов: суперкреативного ядра (профессии в области программирования и математики, архитектуры и инженерного дела, естественных и социальных наук, образования, воспитания и библиотечного дела, искусства, дизайна, развлечений, спорта, СМИ) и креативных профессионалов (управленческие профессии,



Источник: Международный валютный фонд. *The New York Times*

Рис. 2. Политические кризисы и экономические спады

профессии в области бизнеса и финансов, профессии в области права, профессии в области здравоохранения, руководящие профессии, связанные с продажами и управлением продажами). Таким образом, одним из признаков креативной экономики можно считать высокую долю людей, занятых в определенных (требующих способностей к творчеству, управлению, инновационному развитию) сферах общественного производства»[19].

Важно в этой связи понимать, что креативный класс и интеллектуалы не тождественны среднему классу, но во многом зависят от его существования, являются во многом его производным. Выше уже говорилось, что в современном понимании средний класс определяется относительно высокими душевыми доходами и образованием. Но и бездарные, не творческие люди могут входить в эти 60%. Кроме этих качеств, у представителей среднего класса должна быть высокая степень культуры, духовности, нравственности — как раз того, что в программах, включая ПНП, просто нет. Можно закончить посредственный вуз (или купить диплом), занять относительно доходную должность, но не стать ни интеллектуалом, ни интеллигентом, а тем более творцом.

Ситуация в реальности усугубляется тем, что средний класс, интеллигенция, а тем более креативный класс в России не увеличиваются. Более того — сокращаются. Самое страшное, что произошло в 2008–2011 годы в России, это то, что не только богатые выскочки, но и значительная часть среднего класса **перестала верить в свое будущее в России**.

Налицо — самый настоящий мировоззренческий кризис в обществе и элите, который в 2010–2011 годах остро поставил вопрос **о стратегии национального развития, национальной идеологии** (а не очередной «Стратегии–2020») и главном субъекте, который способен осуществить эту стратегию и модернизацию. Как справедливо замечают авторы доклада «Модернизации как политическая программа», …**выбор такой идеологии позволит партии национального развития стать альтернативой партии большинства и ее идеологической платформе — консерватизму.**

На фоне неудачи попыток модернизировать идеологию КПРФ основной альтернативой консерватизму кажется либерализм. Сегодня в России либерализм является, в первую очередь, идеологией рыночного фундаментализма. Его приоритет — это не экономическое развитие страны, а война против отечественной бюрократии, коррумпированной и малоэффективной, с целью минимизации государственного вмешательства в хозяйственные процессы. У этой позиции имеется своя логика: таким способом значительная часть бизнеса пытается противодействовать коррупционному патронажу со стороны чиновников и силовому перераспределению собственности.

Однако в последние годы политические усилия российского бизнеса не увенчались крупными успехами. Связанные с ним проекты либерального партийного строительства (СПС, «Правое дело») провалились. Результаты региональных выборов 14 марта 2011 года показали, что либералы-западники окончательно утратили способность мобилизовать общественную поддержку. Они потеряли даже поддержку большинства интеллектуального класса, со времен перестройки кредитовавшего их доверием.

Причина этих неудач кроется в уверенности бизнес-сообщества и лоббирующей его интересы части либеральной бюрократии, что возможно успешно отстаивать собственную повестку дня, **не принимая во внимание приоритеты и ценности всех тех слоев населения, которые не заинтересованы в максимальном расширении сферы рыночных отношений**. Либеральные политики за время президентства Медведева не смогли предложить обществу **ни одного внятного проекта, за исключением возврата к порядкам 1990-х годов**. Такая перспектива не устраивает не только многомиллионные массы наёмных работников, пенсионеров и государственных служащих. Она не сулит ничего хорошего интеллектуалам: огромное число их в тот период было доведено до социальной деградации, для многих продолжение научной деятельности было связано только с получением западных грантов или эмиграцией за рубеж.

Политический потенциал российского либерализма в нынешнем виде, несмотря на распространенность этих идей в значительной части элиты, **близок к исчерпанию**. Бесплодными будут попытки изменить ситуацию путем создания новой либеральной партии с апологетикой 1990-х годов и видными деятелями той эпохи на ключевых постах. Сегодня российский либерализм не может выступать системным оппонентом консервативной партии большинства, поскольку идеи и действия либералов не вынуждают «Единую Россию» к саморазвитию, к выдвижению инициатив.

Альтернативу идеологии партии большинства можно создать только на основе **ценностей интеллектуального класса, в целом отшатнувшегося от поддержки либералов**, но не симпатизирующего и консерватизму «Единой России». Эти ценности ориентированы на создание в России сложного, развитого общества, в котором значительно возрастут профессиональная востребованность и социальный статус интеллектуального класса. Самосознание интеллектуального класса является политическим ресурсом, питательной средой для партии национального развития, автономной по отношению и к партии бюрократической коалиции, и к партиям компрадорской «демократии»[20].

По итогам 2010 года, по информации ЦБ, отток капитала из России составил 38,3 млрд долл.[21]. При этом в отличие от прошлых лет это не олигархический капитал (тот уже вывезен), а, как считает В. Мау, «люди среднего достатка на всякий случай создают себе резервы за границей»[22].

Табл. 1. Инвестиции из России за рубеж в 2009 г.

	Накоплено*		Направлено	
	млн. долл. США	в % к итогу	млн. долл. США	в % к итогу
Все инвестиции	65 083	100	82 895	100
в том числе в страны:				
Кипр	16 964	26,1	5956	7,2
Нидерланды	12 888	19,8	10 717	12,9
Швейцария	6581	10,1	34 877	42,1
США	6553	10,1	1507	1,8
Виргинские о-ва (Брит.)	4043	6,2	1095	1,3
Соединенное Королевство (Великобритания)	2612	4,0	1777	2,1
Беларусь	2273	3,5	6542	7,9
Австрия	1660	2,6	10 716	12,9
Люксембург	1248	1,9	416	0,5
Украина	1198	1,8	1566	1,9
другие страны	9063	13,9	7726	9,4

* На конец 2009 г.

Статистика свидетельствует о том, что фактически все деньги уходят в оффшоры в качестве личных накоплений (табл. 1).

Фактически средний класс в 2008–2011 годы рос не за счет увеличения ядра, а за счет числа чиновников, для которых творчество далеко не является главным качеством в работе. Более того, нынешняя система управления требует исполнительности, лояльности, преданности, но никак не творческого подхода. Это, кстати, сознательно стимулируется правящей элитой. Самые доходные места — в аппарате правительства, где средняя зарплата в первом полугодии выросла на 12% до 88 522 руб. На втором месте Счетная палата: ее сотрудники зарабатывают в среднем 81 972 руб. (+0,3%). Администрация Президента — на третьем месте: 80 696 руб. (+0,6%). «Известно всем, что работать у Путина и Медведева престижно. Мы элита среди чиновников», — прокомментировал справку Росстата чиновник Аппарата правительства.

«Оплата труда чиновников жестко регулируется, но фактически ее размер в каждом ведомстве зависит от влияния руководителя, который отстаивает фонд оплаты труда при формировании бюджета», — говорит проректор Высшей школы экономики Лев Якобсон. Зарплаты федеральных чиновников выше, чем в среднем по стране, констатирует Людмила Беляева из Центра изучения социокультурных изменения ИФРАН. **С 1998 г. средний класс увеличивается в основном за счет чиновников, замечает она и добавляет:** «Такая страна — вроде бы строим рыночную экономику, а зарплаты растут у бюрократии»[23].

Вместе с тем для роста креативного класса у России есть огромные резервы, которые могут дать как немедленный, так и отдаленный социальный и экономический эффект.

Во-первых, все годы сохраняется высокий уровень безработицы, составляющий, по официальной статистике, почти 10% экономически активного населения. Среди которого, кстати, значительная доля имеет высшие образование[24] (табл. 2).

Во-вторых, это уровень зарплаты для лиц с высшим образованием, особенно среди ученых и преподавателей, конструкторов и инженеров, который существенно отстает не только от аналогичного уровня за рубежом, но и относительно зарплат офисных работников в России.

В-третьих, престиж творческих специальностей, общественное и государственное внимание. В США, например, по престижности ученые занимают стабильно 2–3 место, а в России — ниже третьего десятка.

В-четвертых, создание специальных структур и институтов развитие существующих позволит полнее вовлечь представителей креативного класса. Напомню, что численность научных работников за 20 лет сократилась в 2 раза.

При этом практика показывает, что даже скромные усилия правительства способны давать конкретные позитивные результаты уже в среднесрочной перспективе. Так, в главном, демографическом вопросе, удалось получить за 2007–2010 годы небольшой, но уже заметный результат. По оценке А. Жукова, за 2010 год уровень потребления алкогольной продукции снизился на 4,5%, а доля курящих — на 7,6%.

В целом в России в прошлом году родился 1 млн 789 тыс. детей, это на 28 тыс., или 1,6%, больше, **чем**

Табл. 2. Численность экономически активного населения, занятых и безработных (тысяч человек)

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Численность экономически активного населения* — всего	**70740**	**72332**	**71411**	**72421**	**72835**	**72909**	**73811**	**74156**	**75060**	**75892**	**75524**
мужчины	37338	37499	36905	36997	37206	37079	37511	37627	37975	38770	38501
женщины	33401	34833	34506	35423	35629	35831	36300	36529	37085	37122	37023
в том числе:											
занятые в экономике — всего	64055	65273	65124	66266	67152	67134	68603	69157	70814	**70603**	**69362**
мужчины	33726	33754	33527	33709	34199	34177	34710	34996	35704	35869	35275
женщины	30330	31519	31596	32557	32953	32958	33893	34161	35110	34734	34086
безработные — всего	6684	7059	6288	6155	5683	5775	5208	4999	4246	**5289**	**6162**
мужчины	3613	3745	3378	3288	3007	2902	2801	2631	2271	2901	3225
женщины	3072	3314	2910	2866	2676	2873	2407	2368	1975	2388	2937

* По материалам выборочных обследований населения по проблемам занятости.

в 2009 году, и на 332 тыс. больше, **чем в 2005 году**. Всего россиян сейчас насчитывается 141,9 млн чел., а к 2016 году правительство планирует «нарастить» численность до 142–143 млн, продолжительность жизни — до 70 лет, увеличить суммарный коэффициент рождаемости по сравнению с 2006 годом в 1,3 раза, снизить смертность населения по сравнению с 2006 годом на треть. На улучшение демографии предполагается направить в эти годы 1,6 трлн рублей[25].

Это свидетельствует, на мой взгляд, о том, что специальные демографические и социальные программы, в т.ч. по отношению к развитию креативного класса, имеют перспективу уже в краткосрочной и среднесрочном периоде. Нужно понимание элиты приоритетности и конкретные действия в этом направлении. Если это произойдет, то объективная тенденция роста креативного класса войдет в унисон с деятельностью государства и дает колоссальный экономический и социальный эффект.

2. Интеллигенция и креативный класс

Если прежде люди объединялись рамками общественных институтов, формируя групповую идентичность, существенной чертой современной жизни стало создание индивидуальной идентичности. Подобное самоизобретение… является важнейшим признаком креативного класса[26].
Р. Флорида

Нет сомнения, что новая экономическая реальность вызовет коррекцию господствующих социальных настроений, оценок и ожиданий, а также стратегий элитных групп[27].
К. Рогов

В этой революции нам придется разбудить дьявола в людях, чтобы возбудить самые низкие страсти[28].
М. Бакунин

Принципиально важно определиться с пониманием современного российского общества, его структуры и места в нем креативного класса, его взаимоотношений с другими группами. Это вопрос принципиальный. Так, например, известный социолог О. Крыштановская вообще не замечает его в структуре российского общества, выделяя «страты», противостоящие друг другу, и, может быть, справедливо оценивая чрезвычайно невысокую роль интеллектуалов, в том числе гуманитарной сферы: «Современная Россия до сих пор жестко разделена на классы. Как известно, классы — это большие группы людей, имеющих антагонистические интересы. В нашем обществе **страты, которые противостоят друг другу, — это народ и политический класс**.

Представители политического класса находятся внутри государственной машины, занимая различные позиции-должности. Все остальное население от

политики отчуждено. Политический класс, стремясь сохранять свой привилегированный статус, остается закрытым. Эта закрытость — великая тайна нашего общества, которая отражает всю двойственность нашей социальной жизни, в которой всегда имеется зазор между положением de facto и положением de jure, между „кажимостью“ и видимостью»[29].

«Красиво сказала Оля Крыштановская, но… не соглашусь с ее утверждением. Прежде всего потому, что нужно, принципиально важно, понимать, что политический класс (куда входят не только политики разного масштаба, но и чиновники, политологи, журналисты и пр.) в России, **является обслугой элиты**. Они, как правило, не противостоит остальной части нации, тем самым 80% граждан, по своим интересам, он вынужден обслуживать интересы узкого слоя правящей элиты. Будет другая правящая элита — будет и другой политический класс, либо, что чаще всего наблюдается в современной истории, он приспособится к новому хозяину.

Далее О. Крыштановская утверждает, что свою тайну правящий класс бережет как зеницу ока, камуфлируя ее различными теориями. Например, в советское время была придумана социально-структурная триада: рабочий класс — крестьянство — интеллигенция, она была призвана скрыть существование **номенклатуры** — политического класса»[30].

И тут согласиться с Олей нельзя. Номенклатура — термин надуманный. В советские времена существовала кадровая политика, которая «вела» по ступенькам вверх одного чиновника за другим. При этом важно отметить две особенности. Во-первых, трудно, почти невозможно, было «перескочить» через ступеньку (поэтому и говорили: «раз перескочил, а потом пролетел»), что позволяло готовить кадры сознательно, безусловно, сказывалось на профессиональной подготовке. Во-вторых, такая политика усередняла кадры. С одной стороны, она, как правило, «защищала от дурака» (как в IT), а, с другой, — обрубала головы самых выделяющихся. Получалось нечто среднее, вполне серое, но с зернами жемчуга, даже бриллиантов.

А термин «номенклатура» был придуман борцами с привилегиями. Советская номенклатура — и я это знаю очень хорошо, лично — имела привилегий ровно столько, сколько средний нынешний российский чиновник, даже меньше. Но она редко и мало брала взяток, жила вполне скромно, а по нынешним понятиям, даже бедно. И, конечно же, не знала никаких «тайн».

Следующий тезис социолога: «Наше общество — политическое. Политика у нас превыше экономики. Поэтому именно политическая власть аккумулирует в себе все иные ресурсы общества: есть власть, есть и собственность, есть любые возможности капитализировать свою должность. Все другие попытки разделить наше политически стратифицированное общество ведут не к прояснению, а к затуманиванию реального общественного конфликта. Но именно в этом таинственном существовании замкнутой на самой себе политической верхушки — главный нерв современной России.

Именно поэтому попытки выделить, каким-то образом вычленить интеллектуальный класс из этой весьма простой схемы малопродуктивны»[31].

Как раз политики у нас и нет. Есть просто власть, которая конвертировала свой властный капитал в собственность. А главное условие политики — идеология — напрочь отсутствует. Как и идеи программы и борьба, которая в политике **всегда** идеологична, как минимум, внешне.

Выделить же интеллектуальный класс крайне просто: этот класс — обслуга правящей элиты в той или иной форме потому, что (даже в технических областях) полностью зависим от нее. И материально, и организационно. Впрочем ниже О. Крыштановская вполне справедливо замечает: «Часть интеллектуалов образуют особый сегмент внутри политического класса, а другая часть располагается вне его. Первая категория интеллектуалов (**инсайдеры**) и в самом деле обладает исключительным влиянием. Именно эти люди определяют характер политики и будущее страны. Вторая же категория (**аутсайдеры**, то есть люди вне системы государственной власти) имеет минимум ресурсов и, соответственно, минимум влияния. **Что может дать публикация в малотиражном научном журнале? Только авторитет в научных кругах. И все**. Но пока такой ученый не получил широкую трибуну в массовых СМИ, пока он не вошел в околовластный пул, он не может претендовать на статус лидера общественного мнения. **Только дружба с политическим классом открывает для интеллектуала широкие возможности реального влияния»**[32].

Очень точное замечание. Полностью согласен и подтверждаю это в том числе и своим опытом. «Сегодня власти от ученых нужна нейтральная лояльность, невмешательство в политику. Химик, физик, биолог, если он в своей деятельности не затрагивает политику, не выступает критиком режима, может получать гранты и безбедно существовать в своей социальной нише. **Если же интеллектуал становится Сахаровым, открытым противником власти и ее бесстрашным разоблачителем, то не видать ему субсидий госфондов и телевизионных эфиров**.

Лояльность приобретает особое значение, когда интеллектуал становится знаменитым в своей профессии и тем самым невольно превращается в публичную фигуру. Тогда он оказывается под пристальным вниманием власти, так как он может (если захочет) стать рупором опасных идей, его позицию могут услышать различные слои населения. **Он становится влиятельным в политическом смысле человеком** (выделено мною. — *А. П.*).

Особняком стоят интеллектуалы из гуманитарной сферы. В советское время общественные науки напрямую курировались ЦК КПСС: считалось, что

обществоведы занимаются идеологической поддержкой государства. В 1990-е годы эта система разрушилась, и обществоведы оказались в вакууме. Кто сегодня является потребителем их продукции? У гуманитарной науки сегодня практически нет заказчика. Исследования делаются „в стол", готовятся для отчета, публикации рассчитаны на чрезвычайно узкий круг профессионалов. Государственные научные учреждения финансируются крайне слабо, и это является следствием потребительной стоимости их продуктов»[33].

Вместе с тем главное, почему я не согласен с О. Крыштановской, это то, что отличительные черты креативного класса — индивидуальная идентичность, выбор работы и места жительства, мобильность, «обилие творческих стимулов» и потребность в креативном взаимодействии — удивительным образом сочетаются с отличительными признаками такого феномена, как русская интеллигенция. Хотя вряд ли можно назвать эти понятия идентичными, можно говорить о том, что **интеллигентность — особенная черта русского креативного класса**, которая делает его феноменом общественной и экономической жизни[34]. И это качество, как говорится, дорого стоит.

Традиционная русская интеллигенция не имела тех возможностей, в том числе экономических, научно-технических, медийных влияния на власть и общество, которые она приобрела на рубеже XXI века в результате научно-технической революции. Эти возможности как многократно усилили ее прежние инструменты влияния, так и создали принципиально новые. Что поставило **по-новому вопрос о политической и экономической роли интеллигенции в России**. Роли, которая до сих пор недооценивается.

Надо признать, что либеральная часть интеллигенции, ее «верхушка» сыграла крайне негативную роль в истории современной России. В самом начале XXI века я писал, что она вознамерилась стать средним классом, живущим лучше, чем плебой, наставницей новой номенклатуры и сохранить за собой право на свободомыслие и критику[35]. При этом она не задумывалась об участии в жизни нации всей интеллигенции. Последующие 10 лет почти повернули этих либералов от неолиберализма и конформизма к пониманию роли и ответственности интеллигенции перед нацией. Во многом из-за того несимпатичного для нее политического режима, который сложился в 2000–2011 годы. Во многом из-за того, что ее претензии на роль идеолога и наставника не состоялись. Не получила она и желаемой собственности и, как правило, желаемого достатка, а свободомыслие не нашло своего полного выражения, прежде всего в ее левой части. Так, в феврале 2011 года «Справедливая Россия» внесла в Госдуму законопроект о возмездном изъятии имущества у неэффективных собственни-

Рис. 3. В каких сферах успех не входит в жизненные планы россиян, %

ков, в котором «**вред обществу** предлагается считать одним из главных критериев для начала процедуры национализации»[36], т.е. под сомнение была поставлена главная ценность либерализма — собственность.

Эти и другие особенности, совпавшие с мировым кризисом и переходом во втором десятилетии XXI века России к третьему циклу современного развития ставят совершенно по-новому не только общественно-политические задачи, но и необходимость для общественных наук отказаться, как сказал академик А. Торкунов, от «догоняющего интеллектуального развития в российских общественных науках»[37].

«Два выдающихся русских интеллектуала в начале XX века сформулировали взаимодополняющие тезисы. Первый отечественный нобелевский лауреат **Иван Павлов утверждал: „Судьбу наций определяет ум интеллигентский“**, а знаток российской истории, профессор Московского университета Василий Ключевский с горечью заметил: „Отечественная история, в сущности, не учит ничему. Она только наказывает за невыученные уроки“. Несколько эпизодов отечественной истории выразительно иллюстрируют правоту классиков»[38].

Интеллигента отличают от рядового представителя среднего и креативного класса духовность, отказ от примитивного потребительства, преданность наследию, патриотизм, наконец, — и это главное — уникальная способность к творчеству не ради экономической выгоды (что характерно в целом для креативного класса), а для общественной пользы. В этом смысле именно интеллигенция заинтересована больше всех социальных слоев в гармоничном, нравственном развитии общества и максимальной реализации НЧП.

Вместе с тем у интеллигенции, как и у креативного класса, как правило, нет материальных или политических амбиций. Спокойно они относятся и к социальному статусу, власти, известности. Примечательно, что эти характерные черты интеллигентности, как оказывается, свойственны большинству населения страны, которое отрицает стремления, свойственные либеральной ментальности[39].

Как видно из соцопросов (рис. 3), **не стремятся** стать богатыми (более 30%), **не хотят** делать карьеру (36%–40%), **иметь свой бизнес** (49%–54%), **стать знаменитым** (73%–75%) и иметь **доступ к власти** (74%–83%) большинство граждан. Пониженная амбициозность и требовательность к себе и обществу поражает! Но вместе с тем и говорит в пользу того, что у большинства общества сохраняются идеалистические, а не материальные приоритеты.

Эти качества являются существенным добавлением к двум другим качествам, присущим представителям интеллигенции и среднего класса, — относительно высокому душевому доходу и образованию.

Сам по себе доход и даже образование не являются обязательными атрибутами творческой личности. Мы знаем немало хорошо образованных людей, получающих высокий личный доход, но не способных к мало-мальски творческой деятельности, активной позиции. И, наоборот, есть творческие личности, ответственные и обладающие ясной гражданской позицией, но не имеющих ни высокого дохода (что характерно для СССР и России), ни, иногда, высшего образования.

В этом смысле понятие «интеллигент» — удивительное сочетание качеств, характерное во многом для русской нации, когда происходит интеграция всех возможностей, предоставляемых развитием потенциала человеческой личности, — материальных, интеллектуальных и духовно-нравственных. Как правило, такая интеграция способна к производству качественно нового продукта или услуги — **творческому процессу**[40].

Именно поэтому из интеллигентов могут и будут появляться представители креативного класса, а из среднего класса — не всегда. Средний класс нередко становится пристанищем обывателей, которые превратились в XX веке в целое сообщество потребителей. Иными словами, та часть среднего класса, которая является **только потребителями**, а не творцами, не может быть в полной мере отнесена к интеллигенции. Что может быть представлено на рис. 4.

Рис. 4.

Интеллигенция, естественно, не однородна. Она условно может быть разделена на «творческую», «научно-техническую», иные группы, хотя это разделение, на мой взгляд, и не вполне оправдано. Главный критерий, который может быть использован, это отношение и способность к творчеству. И не так уж важно, в какой области. Важно, что в результате этого процесса появляется **качественно новый продукт** — будь то в искусстве или инженерии. Соответственно, деградация интеллигенции неизбежно ведет к снижению качества, либо даже ликвидации этого нового продукта. Независимо от причины. Даже если она объективна. «Интеллигенция России также не продемонстрировала необходимой политической культуры и способности действовать солидарно, чтобы блокировать разрушительные антисоциальные реформы и навязать правящей бюрократии политику национального развития. Более того, стремясь

Табл. 3. Основные показатели деятельности аспирантуры

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число организаций, ведущих подготовку аспирантов	всего	1362	1393	1416	1441	1452	1473	1493	1490	1529
	научно-исследовательские институты	797	806	818	827	831	833	820	799	811
	высшие учебные заведения	565	587	598	614	621	640	673	691	718
Численность аспирантов, чел.	всего	117714	128420	136242	140741	142662	142899	146111	147719	147674
	научно-исследовательские институты	17502	17784	18323	18959	19654	19986	19542	18346	17397
	высшие учебные заведения	100212	110636	117919	121782	123008	122913	126569	129373	130277
Прием в аспирантуру, чел.	всего	43100	45241	46935	47803	47687	46896	50462	51633	**49638**
	научно-исследовательские институты	6075	6092	6026	6335	6620	6577	6330	6072	4781
	высшие учебные заведения	37025	39149	40909	41468	41067	40319	44132	45561	44257
Выпуск из аспирантуры, чел.	всего	24828	25696	28101	30799	32595	33561	35530	35747	33670
	научно-исследовательские институты	3813	3859	4205	4336	4656	4806	4865	4847	4781
	высшие учебные заведения	21015	21837	23896	26463	27939	28755	30665	30900	28889
В том числе с защитой диссертации	всего	**7503**	6172	7411	8378	10256	10650	11893	10970	**8831**
	научно-исследовательские институты	873	685	851	841	1002	1009	852	895	715
	высшие учебные заведения	6630	5487	6560	7537	9254	9641	11041	10075	8116

Табл. 4. Основные показатели деятельности докторантуры

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число организаций, ведущих подготовку докторантов	всего	492	510	531	543	533	535	548	579	593
	научно-исследовательские институты	178	181	189	195	179	173	178	201	205
	высшие учебные заведения	314	329	342	348	354	362	370	378	388
Численность докторантов, чел.	всего	4213	4462	4546	4567	4466	4282	4189	4109	4242
	научно-исследовательские институты	505	485	517	515	481	445	426	358	336
	высшие учебные заведения	3708	3977	4029	4052	3985	3837	3763	3751	3906
Прием в докторантуру, чел.	всего	1637	1630	1579	1611	1567	1457	1499	1520	1517
	научно-исследовательские институты	192	183	194	184	156	147	142	118	111
	высшие учебные заведения	1445	1447	1385	1427	1411	1310	1357	1402	1406
Выпуск из докторантуры, чел.	всего	1251	1257	1267	1385	1451	1417	1383	1320	1216
	научно-исследовательские институты	151	138	140	154	155	148	139	116	123
	высшие учебные заведения	1100	1119	1127	1231	1296	1269	1244	1204	1093
В том числе с защитой диссертации	всего	**486**	397	411	414	505	516	450	429	**297**
	научно-исследовательские институты	63	38	35	47	52	48	35	33	23
	высшие учебные заведения	423	359	376	367	453	468	415	396	274

сохранить элементарно приемлемый уровень жизни, интеллигенция встала на путь негативной адаптации. Об этом свидетельствуют поборы в средней школе, в системе медицинского обслуживания, коррупция в судах и даже в высшей школе»[41].

Само по себе развитие национального человеческого потенциала государством и обществом — способ «выращивания» интеллигенции. И здесь роль государства и общества огромна. Без них человеческий потенциал может развиваться, а может и деградировать. Что, собственно говоря, и наблюдается в современной России. Это видно на примере деятельности аспирантур и докторантур, где численность защищенных диссертаций почти на порядок отстает от численности ежегодно-поступающих в аспирантуру и докторантуру. Да и сама численность за 2000–2008 годы практически не изменилась[42]. Надо признать, что и деятельность правительства в последующие годы не носила системный характер, что было бы характерно для сознательного «выращивания» креативного класса. Так, на 2012 год выделено 10 тыс. стипендий правительства для студентов и 500 — для аспирантов (по 10 тыс. рублей), что, конечно же, составляет малую долю необходимого[43].

Государство и общество, осознанно подходя к развитию человеческого потенциала, могут создавать условия — хорошие или плохие — для развития личности. Это сродни вспашке поля, где, однако, вперемешку с сорняками растут полезные злаки. Чего окажется больше известно. Создаваемые государством и обществом условия могут привести к творческому взлету у нации, но могут направить эту энергию и в ложное русло, прежде всего в русло эгоистического, как в России, использования национальных богатств России. Прежде всего человеческого потенциала. Так и с интеллигенцией. Это тот «продукт», который нация может и должна выращивать. В том числе и с помощью государства. Вымирание и исчезновение этой социальной группы немедленно и болезненно отражается на нации, превращая ее только в население или электорат, лишает ее возможности национальной самоидентификации и создания реальных условий для модернизационного рывка.

3. Креативный и средний класс

В России почти три четверти граждан нельзя отнести даже к среднеобеспеченному слою[44].
А. Башкатова

Одно из определяющих условий модернизационного рывка — адекватная оценка современной ситуации, базирующаяся на фундаментальных знаниях о мире, России, о нашей истории и нашем настоящем[45].
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Действительно, статистика такова: наиболее нуждающихся — 20,5% (доходы менее 4,6 тыс. руб.); низкообеспеченные — 53% (доходы до 13,8 тыс. на чел.); «относительно бедные» — 22,5% (доходы до 32,2 тыс. руб.), **т.е. около 96% граждан являются, по сути, бедными и не могут относиться к среднему классу по критерию доходов**. Они не могут позволить себе либо вообще инвестировать развитие человеческого потенциала, либо (порядка — 22%) делают это в незначительной степени.

К сожалению, это не просто констатация факта, но и политическая оценка, на которую не влияет «социально-символическая» политика правительства. Как, например, можно отнестись к тому, что с 1 июля 2011 года минимальные зарплаты «выросли» с 4330 до 4611 рублей в месяц[46], впервые, кстати, с 1 января 2009 года, хотя инфляция за это время составила как минимум 40–45%?

Это важно понимать потому, что более точно сегодня можно говорить не о креативном классе, а о креативных социальных группах, даже **стратах**. Как справедливо считает А. Водяник, «**в России нет единого „среднего“ класса**. Есть совокупность социальных групп. Об этом в любом учебнике по социологи написано. Результатом исследования, которое „группа Малевой“ проводила в течение 2,5 лет и в котором приняли участие 5 тыс. респондентов, стала монография „Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии“. Именно „классы“, потому что главный вывод, к которому пришли ученые, звучит парадоксально: среднего класса как единого целого не существует, в него входит множество социальных групп, подробному описанию особенностей поведения которых и посвящены почти 500 страниц книги, набранных убористым шрифтом.

И поэтому более верным будет говорить не о „классе“, а о стратах. Страты, в отличие от класса, формируются не только по формальным экономическим признакам, которые легко идентифицировать и соотнести с эмпирическими референтами (наличие частной собственности, доход, профессии и др.), что, собственно, и делает Р. Флорида. **Но и по признакам содержательно-культурным (престиж, образ и стиль жизни, объем власти и авторитета), которые реализуются на уровнях как личностной идентификации, так и социального признания.**

Эти культурные образования гораздо труднее вычленить, сложно квалифицировать, но сегодня без них изучение динамики социокультурной жизни невозможно, поскольку социальные позиции являются объектом достижения, т.е. внутренним для общества динамическим фактором. И именно эта особенность заставляет кардинально по-иному взглянуть на ситуацию. Тем более что именно эти особенности выделяют креаторов из массы других людей. Мне кажется, что такое упрощение весьма напоминает процесс натягивания на уши желаемого. Но отнюдь не действительного»[47].

Далее автор справедливо полагает, что «Еще одно различие между **понятиями класса и страты** состоит в следующем. Классы дифференцируются по основанию их отношения к производству и способам доступа к различным благам; страты же (т.е. статусные группы) — по основаниям не только участия в производстве, но **и потреблении благ** и воспроизведении различий в социальном положении. Социальный статус предполагает, что все, кто включается в ту или иную страту (общность, социальный круг), должны отвечать определенным ожиданиям и принимать ограничения, связанные с принятыми здесь стандартами социального взаимодействия. Эти ожидания и ограничения касаются наиболее социально значимых сторон жизни и выполнения связанных с ними ролей. Специфические формы воспроизводства статусного положения формируют у представителей разных слоев неодинаковый образ жизни, который можно считать показателем слоевых различий. **Внешняя сторона образа жизни — стиль жизни — закрепляет престиж определенной статусной группы в символической форме благодаря специфичным для нее условностям, воспроизводя которые люди поддерживают и сохраняют группу как таковую**. Не об этом ли говорится сплошь и рядом, когда говорится о возможностях этого самого „креативного класса“? Он выставляется авангардом, который должен привнести в общество новый стиль жизни. Однако и этот аспект в работах Флориды глубоко не затрагивается»[48].

Акцентируя внимание на создание среднего класса, государство может привести (и современные реалии это подтверждают) к росту той части среднего класса, которую я назвал «потребителями». Нередко за счет «творцов». Вот почему нам необходимо проводить четкое различие между этими двумя группами среднего класса.

В целом структура среднего класса в России вызывает немало споров. Приведу два авторитетных, на мой взгляд, мнения, представленных различными группами ученых. Первое, представляет позицию ныне покойного академика Д. С. Львова, который, опираясь на труды ученых-социологов, экономистов, историков, политологов, выделил «**четыре наиболее общепризнанных характеристики средних классов»**.

1. Средний класс — это совокупность социальных групп, занимающих промежуточную позицию между верхами и низами общества и выполняющих в силу этого интерактивную функцию своего рода социального медиатора.
2. Средний класс — это сравнительно высокообеспеченная часть общества, владеющая собственностью, обеспечивающей личную экономическую независимость, свободу выбора поля деятельности и проч. Высокое качество и современный стиль жизни, удовлетворенность настоящим, уверенность в будущем обусловливают заинтересованность среднего класса в сохранении социального порядка, придавая ему функцию социального стабилизатора общества.
3. Средний класс — это элемент социальной структуры, сосредоточивающий в своих рядах наиболее квалифицированные кадры общества, отличающиеся высоким профессионализмом, значительным деятельностным потенциалом, гражданской активностью. Отсюда — высокий социальный престиж среднего класса и выполняемая им функция агента технологического и социально-экономического прогресса.
4. Наконец, в высокоразвитых западных странах средние классы, составляющие большинство населения, выступают основными носителями,

Табл. 5. Слои российского общества, обладающие некоторыми качествами западных средних классов

Качества западных средних классов	Социальные слои России	Социальные слои России	Социальные слои России
	Верхний	Верхний	Верхний
1. Срединное положение в обществе между «верхами» и «низами»	––	––	+––
2. Высокий квалификационный потенциал	+	+	––
3. Высокий статус, общая удовлетворенность жизнью	+	+––	––
4. Массивность, концентрация большинства населения	––	+––	+

Условные обозначения:
+ качество присутствует в полной мере;
+– качество присутствует частично;
–– качество отсутствует.

с одной стороны, **общественных интересов, а с другой национальной культуры**, т.е. свойственных соответствующим обществам ценностей, норм, образцов поведения, стилей жизни и проч. Распространяя образцы собственной культуры на выше- и нижестоящие слои общества, средний класс выступает в роли **культурного интегратора общества**.

Выше были охарактеризованы четыре социальные слоя российского общества. Обладает ли какой-то (или какие-то) из них характеристиками, напоминающими средние классы Запада? Наше представление об этом, по мнению Д. С. Львова, иллюстрируется в табл. 5.

Верхний слой представляет единственную, кроме элиты, страту российского общества, представители которой обладают значительной собственностью, обладают реальной экономической независимостью (хотя бы за счет сбережений за рубежом) и могут оказывать целенаправленное влияние на ситуацию в стране. По уровню жизни, стандартам потребления, образовательной и профессиональной структуре верхний слой России близок к западным средним классам. Имидж этих классов, формируемый средствами массовой информации в сознании российского населения, явно ориентирован на образ жизни этого верхнего субэлитного слоя. В силу особенностей своего статуса его представители заинтересованы, если не в консервировании сложившейся социальной системы, то, по крайней мере, в бережном к ней отношении, т.е. в поддержании строгого социального порядка и надежной защите частной собственности. Серьезные социальные сотрясения угрожают этому слою слишком большими потерями.

Значительный квалификационно-деятельностный потенциал верхнего слоя в принципе мог бы сделать его основным субъектом технологического и социально-экономического прогресса и хотя бы «соисполнителем» функции социального стабилизатора общества, что обеспечило бы ему высокий социальный престиж. Однако генезис этого слоя на базе прежней номенклатуры и деятелей теневой экономики, его высокая коррумпированность и криминализованность, постоянные жесткие столкновения групповых и клановых интересов его представителей делают имидж этого слоя в глазах населения скорее отталкивающим, его деятельность оценивается обществом как безответственная и дестабилизирующая. Таким образом, социальные качества верхнего слоя российского общества (называемого иногда «верхним средним») не дают оснований для приписывания ему каких-либо функций «классических» средних классов, причем не только сейчас, но и в перспективе.

Теперь обратимся к базовому слою. Составившие его социальные группы, существенно различаясь своими социально-профессиональными качествами, имеют одну важную общую черту. В результате трансформации общества все они подверглись «дестратификации», стирающей статусные и экономические различия между большинством массовых групп и ставящей их в одинаково проигрышное положение. Представители данного слоя как по статистическим характеристикам, так и по своему имиджу в массовом сознании часто оказываются в положении «самых типичных» граждан современной России. В сочетании с некоторыми другими качествами это могло бы сделать базовый слой наиболее легитимным выразителем общественных интересов и социальным стабилизатором общества. Но для этого базовому слою не хватает таких качеств, как обладание сколько-нибудь значимой собственностью, экономическая независимость и позитивное отношение к власти.

Для изучения проблем российского среднего класса базовый слой важен главным образом потому, что, во-первых, в его состав перешла основная часть старого российского среднего класса, приближенно индентифицируемого с интеллигенцией и квалифицированными служащими, и, во вторых, заметная часть его представителей обладает достаточно высоким профессионально-квалификационным потенциалом, чтобы при благоприятной социально-экономической конъюнктуре войти (или вернуться) в состав среднего класса.

Однако в своем нынешнем состоянии средний слой России **вряд ли может выступать в качестве социального стабилизатора общества и носителя общественного прогресса**. Для этого ему недостает экономической независимости, высокого благосостояния и стимулирующих институциональных условий деловой и творческой деятельности. С несколько большим основанием от него можно было бы ожидать выполнения функций основного носителя национальной культуры, легитимного выразителя общественных интересов, действенного и конструктивного посредника между властью и обществом. Однако и здесь имеются свои «но». Так, западные средние классы играют роли посредников не только благодаря срединному положению в обществе, но и потому, что они открыты, доступны для восходящей мобильности из нижних слоев. Ситуация же затянувшегося экономического кризиса условий для такой мобильности не создает. Кроме того, для выполнения этой роли средний слой России слишком урбанизирован, сосредоточен в больших городах. Наконец, велика социальная дистанция, отделяющая его от базового слоя. Как ни скромны, по сравнению с западными аналогами, уровень благосостояния и образ жизни среднего слоя, большинству россиян они недоступны.

Из сказанного видно, что социальная структура российского общества существенно отличается от западных. **Там средние классы одновременно являются носителями национальной культуры,**

организаторами социального контакта верхов и низов, гарантами социальной стабильности обществ. В России эти функции, если и выполняются средним слоем, то только частично, разными субъектами и потому малоэффективно.

Тем не менее **средний слой оказывается единственным элементом социальной структуры России**, который, не будучи средним классом в западном понимании, тем не менее, **стремится двигаться в направлении последнего, имеет требуемый для этого культурный и деятельностный потенциал и потому способен со временем взять на себя функции среднего класса**. В этом смысле он может рассматриваться в качестве среднего протокласса. Что касается реальной возможности и вероятности превращения этого слоя в полноценный средний класс, то они зависят не только от социальных качеств составляющих этот слой индивидов, но и от институциональных — экономических, политических, социальных — условий их жизнедеятельности.

Рассмотрим некоторые особенности социального состава и менталитета **среднего слоя**, важные для оценки возможности его превращения в полноценный средний класс.

Этот слой характеризуется заметно большим удельным весом мужчин, чем во всем занятом населении России: 54 против 49% (данные 1997 года). По своим возрастным характеристикам средний слой наиболее молод — около трети его представителей не достигли 30 лет и почти девять десятых моложе 50-ти. Хорошо выглядит он и с точки зрения образовательного потенциала: половина его членов имеют высшее или незаконченное высшее образование (соответственно 45 и 5%), что более чем вдвое выше средних показателей, при этом 68% удовлетворены полученным образованием и только 11% серьезно не удовлетворены им.

Пятая часть представителей среднего слоя относят себя к руководителям разного уровня, треть — к специалистам в различных областях. В составе слоя заметная доля собственников предприятий и фирм (12%), а также лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью (21%). Вместе с тем для **60% представителей этого слоя характерна неудовлетворенность выполняемой работой** (выделено мною. — *А. П.*).

Отраслевая структура занятости существенно смещена в сторону коммерческой сферы (торговля, снабжение, коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание), где работают более четверти респондентов; 21% заняты в социальных отраслях экономики (образовании, медицине, культуре), примерно по стольку же — в промышленности и в силовых структурах.

С точки зрения материальной обеспеченности средний слой сравнительно однороден (скорее всего потому, что соответствующие показатели использовались в качестве группообразующих критериев): по шестибалльной шкале материального благосостояния 77% его представителей попадают в третью сверху градацию, соответствующую «относительной обеспеченности». Согласно самооценкам, 6% среднего слоя «не знают материальных проблем», 56% — «живут прилично», а около трети — «едва сводят концы с концами». Вместе с тем хотя бы частичную удовлетворенность своей зарплатой или доходами от основного занятия испытывает лишь каждый пятый, а более трех четвертей заявляют о своей неудовлетворенности. Единственно доступным для подавляющего большинства этого слоя способом повышения уровня жизни является дополнительная занятость профессиональным трудом по найму или частным бизнесом. Почти половина респондентов среднего слоя имеют приватизированные квартиры, 40% — государственные квартиры; собственные дома есть у немногих, что связано с преимущественной концентрацией этого слоя в городах. Относительно высока (4% против 1–2% в среднем) доля тех, кто снимают квартиры, что характерно для занятых бизнесом. При этом удовлетворенность жилищными условиями отмечают лишь 48%, а 22% ими абсолютно не удовлетворены.

Совокупность приведенных данных свидетельствует, с одной стороны, о достаточно высоком демографическом, профессиональном и образовательном потенциале нового среднего слоя России, а с другой — о **его неудовлетворенности нынешним положением, стремлении к дальнейшему повышению статуса, в значительной мере ориентированном на стандарты западного среднего класса**. Это дает определенные основания видеть в нем потенциальный средний класс, который при благоприятных условиях может стать социальной базой прогрессивной трансформации российского общества».

Несколько другая точка зрения представлена группой исследователей под руководством Л. М. Григорьева, который для своего анализа выделил следующие характеристики среднего класса[49] (табл. 6, 7):

Стоит отметить, что попытка рассмотреть на малой выборке 15 групп — три уровня и пять отрядов — не могла быть осуществлена заведомо. Это именно пилотное исследование для проведения дальнейших более масштабных опросов.

Если в среднем классе будут преобладать «потребители», то и общество в целом станет «обществом потребления», т.е. обществом-рантье, нравственным уродом, где система ценностей будет ориентирована исключительно на уровень доходов и неконтролируемое потребление все новых и новых благ. В экономике, как показывает практика, это может привести к созданию искусственных потребностей, гонке за псевдопрестижем.

Понятно, что общество и государство заинтересованы в том, чтобы доля «творцов» в среднем классе была максимально высокая. Эта социальная группа

в условиях научно-технической революции является двигателем развития экономики. Но не только. Она же является и той частью общества, которая формирует нравственные принципы и механизмы развития общества. В том числе и через разумное самоограничение, через аскезу в потреблении.

Вот почему роль государства и общества исключительно важна. От них зависит не только «количество» среднего класса, но и его «качество», т.е. созидательность, творчество, нравственность, креативность. Эта роль выражена в сознательном воспитании (наряду с созданием условий) среднего класса.

Табл. 6. Профессионально-должностной состав выборки

	Нижний средний	Средний средний	Высший средний
Массовая интеллигенция (главное — они бюджетники)	Врачи (бюджетники), учителя, журналисты (массовая прослойка) «Физики» (представители технических профессий) — конструкторы, технологи, инженеры и др. (в бедных регионах либо с небольшим стажем работы)	Врачи (в платных клиниках), ученые (Москва, Новосибирск и др. города– научные центры) «Физики» (представители технических профессий) — конструкторы, технологи, инженеры, программисты и др. (со средним и большим стажем работы, высококвалифицированные, в столицах и в промышленных регионах, где есть заказы) Массовая прослойка ученых	Консалтинг, верха науки и университетов, ведущая профессура, востребованная бизнесом
Госслужащие (бюрократия)	Клерки (массовая прослойка)	Госслужащие и военные низшего звена (заместители представителей ВС)	Госслужащие и военные среднего звена (главы муниципальных образований, ведомств)
Сотрудники крупных компаний (нефтегазовые и металлургические, химические компании, финансовый сектор)	Низшее звено (стажеры, маленький стаж работы)	Высококвалифицированные специалисты, ведущие эксперты	Менеджмент крупных компаний без участия во владении капиталом компаний
Малый и средний бизнес в торговле и услугах (с большим иммигрантским компонентом)	Продавцы и демонстраторы товаров, обслуживающий персонал Небольшая прослойка фермеров (больше в регионах, сбывают свою продукцию на местных рынках, без экспорта в другие регионы)	Владелец небольшого магазины, киоска, кафе (отличие от ВС — в меньшем числе сотрудников и меньшем масштабе бизнеса)	Владелец одного (или нескольких, но тогда ближе к нижнему верхнему) магазина, рынка или кафе (ресторана) с большой рентабельностью, одного юридического бюро, небольшой консалтинговой компании
Малый и средний производственный (инновационный) бизнес	Клерки — все около заводов и университетов	Частные предприниматели-инженеры и технологи, «работающие на себя» — консалтинг в сфере технологий (заводы и университеты) (в случае успеха бизнеса — Высший средний)	Владельцы предприятий (успешный малый и любой средний) — пока не развернулись — малочисленны

Табл. 7. Распределение респондентов по группам и уровням среднего класса

Группы/Уровни	Нижний средний		Средний средний		Высший средний	
	Москва	Регионы	Москва	Регионы	Москва	Регионы
Интеллигенция	2	2	8	3	5	0
Госслужащие	1	1	10	3	4	1
Сотрудники крупных компаний	1	3	10	5	4	1
МСБ в сфере торговли и услуг	4	2	5	3	6	0
МСБ производственный, инновационный	3	0	6	5	6	1

4. Креативность — новое качество НЧП

Число беспризорников у нас достигло уровня Гражданской войны. В цифрах это выглядит так: каждые двое из ста детей — беспризорники; ежегодно появляются 115–120 тыс. сирот; 200–220 детей ежедневно отбираются у родителей; всего в стране сейчас 28 млн детей, из них около 600 тыс. находятся в интернатах различного типа[50].

Обозначилась задача формирования такого типа социально-исторического знания, которое… отражало бы ее богатейший и очень разный исторический опыт, российские цивилизационные и гуманитарные ценности и национальные интересы[51].
А. Торкунов,ректор МГИМО(У)

Национальный человеческий потенциал может развиваться по трем основным направлениям:

Первое: демографический рост населения и нормализация социально-экономической ситуации. Этот крайне медленный и противоречивый процесс мы сегодня наблюдаем, когда отрицательный «прирост» ликвидирован, а положительный — не достигнут. Не решен и вопрос ликвидации бедности, ведь около 96% граждан остаются по-прежнему в категориях нищеты и бедности[52];

Второе: стимулирование профессиональной иммиграции. Сегодня из России уезжают ежегодно более 100 тыс. профессионалов, а приезжают миллионы чернорабочих. Ситуация не исправляется, а ухудшается: Россия стремительно проигрывает в конкуренции за качественные трудовые ресурсы. Необходимо, как в США, создать условия для возвращения и приезда в Россию;

Третье. Развитие качества НЧП. Приходится констатировать, что и здесь нет позитивного движения: мы продолжаем терять накопленный советский НЧП, приобретая крайне мало даже в последние годы.

Объективная потребность в появлении и формировании креативного класса возникла из экономической потребности также естественно и закономерно, как и появление до этого других ведущих (для своего времени) классов. Эту простую мысль ясно и просто обобщила М. В. Савина: «Поскольку доминирующим производственным ресурсом становятся знания и информация, то наиболее ценными и значимыми качествами работников становятся их высокий образовательный и профессиональный уровень, интеллектуальный и креативный потенциал. Класс интеллектуалов, творческих научно-технических специалистов и менеджеров становится ведущим общественным классом, решающим фактором социально-экономического прогресса, оттесняя на второй план представителей других классов. Об этом со всей определенностью свидетельствует опыт ведущих экономически развитых стран мира.

Экономическая потребность современного общества в креативном классе в постиндустриальную эпоху становится таким же объективным явлением, как и экономическая потребность индустриальной эпохи в инженерно-технических кадрах и менеджерах, в квалифицированных рабочих и техниках, а доиндустриальной — в ремесленниках, купцах, торговцах, крестьянах»[53].

Сегодня «генеральная линия» создания условий и воспитания креативного класса у российской элиты отсутствует, ведь нельзя же всерьез относиться к нескольким сотням президентских стипендий и формализованным конкурсам, которые **в массе** своей не могут создать **системы подготовки креативных классов и групп**. Более того, мы видим, что даже то, что было уже создано за прошлые поколения, теряется. Так, в науке, наблюдается процесс исчезновения целых научных школ. Сегодня пока что эта система может быть с трудом воссоздана в оставшихся научных коллективах (которые не получают грантов). Аналогичные процессы мы наблюдаем и в искусстве, особенно литературе, и в образовании.

Поэтому сегодня речь идет о существующей «генеральной» линии отношения к интеллигенции. Актуальности этой теме придает кризис, охвативший мир и Россию, который больше всего ударил по творческой части общества.

Следующая логическая цепочка является ключом к пониманию идеи «Большого скачка»: опережающее развитие творческой части общества — развитие человеческого потенциала — интеллигенции — креативного класса. Хотя звено «интеллигенция» как-то незаметно выпадает. Как увидим не случайно. Рассматривая стратегию «экономического рывка», например, следует помнить, что ее реализация в принципе невозможна **без национальной интеллигенции и ее основной части — креативных социальных групп**. То есть именно тех слоев, которые старательно уничтожались и нивелировались в **XX веке.**

В отличие от последней четверти XX века и начала XXI века, когда темпы экономического и социального развития определялись темпами развития наукоемких технологий и других прикладных научных и общественных областей, будущий этап развития человечества — культурно-духовный — будет определяться еще более широкими понятиями и достижениями. Прежде всего в фундаментальной науке, культуре, искусстве, духовной сфере. И особенно в гуманитарной науке.

Этот вывод прямо связан с эволюцией понятия «человеческий потенциал», который недавно еще определялся социально-экономическими (душевой

ВВП), образовательными (количественными) и демографическими (продолжительность жизни) критериями. Сегодня в дополнение к этим критериям все более важную роль начинают играть такие понятия, как способность к творчеству, созданию нового качества, нравственность, духовность и другие понятия, трудно поддающиеся количественным оценкам.

На этом следует остановиться подробнее. Потому что и сегодня наша политика и деятели от науки полагают, что будущее будет зависеть от технологов. Нет! Точнее — уже нет. Наступило время гуманитариев в широком смысле этого слова, «креативщиков», людей фундаментальной науки, а также существующих на грани науки, духовности, философии. Именно они будут «создавать» новые идеи и понятия, открывать фундаментальные, «прорывные идеи», а не инженеры и технологи.

В информатике это будут постановщики задач, а не программисты, в физике — теоретики, а не инженеры. То же самое будет и в биотехнологии и других областях наук. Поэтому гнаться сегодня в «технологической гонке» бесперспективно. Во-первых, потому за последние 20–30 лет что мы уже упустили свой шанс и поэтапное «догоняние» может привести в лучшем случае лишь к сокращению технологического разрыва, но не его ликвидации.

Во-вторых, мир вступает в новую эпоху, которую я бы охарактеризовал как эпоху качественных изменений в фундаментальных областях. Конечно же, в информатике, биологии, нанотехнологиях, но прежде всего в гуманитарных науках. Поэтому ликвидация прежних технологических разрывов не приведет к ликвидации отставания вообще: за это время развитие страны выйдет на новый уровень развития. Отставание будет нарастать, и оно будет качественным.

Если о демографии можно говорить, понимая, что этот количественный показатель тесно связан, прежде всего, с физическими, количественными характеристиками, то развитие человеческого потенциала в XXI веке необходимо рассматривать уже в тесной связи с концепцией «креативного класса». При этом доминирующая во власти в 2004–2008 годы точка зрения о «качестве жизни граждан» отнюдь не совпадает с понятием «человеческий потенциал». Тем более

Табл. 8. Численность населения[1]

	млн человек									2000=100						
	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Россия[2]	148,3	146,3	144,2	143,5	142,8	142,2	142,0	141,9	141,9	98,5	98,1	97,6	97,2	97,1	97,0	97,0
Австралия	18,1	19,2	19,9	20,1	20,4	20,7	21,1	21,4	22,0	104	105	106	108	110	112	115
Австрия	7,9	8,0	8,1	8,2	8,2	8,3	8,3	8,3	8,4	101	102	103	103	104	104	104
Азербайджан[3]	7,7	8,1	8,3	8,4	8,6	8,7	8,8	8,9	9,0	103	104	105	107	108	110	111
Аргентина	34,8	36,8	37,9	38,2	38,6	39,0	39,4	39,7	40,1	103	104	105	106	107	108	109
…																
Германия	81,7	82,2	82,5	82,5	82,5	82,4	82,3	82,1	81,9	100,4	100,4	100,3	100,2	100,1	99,9	99,6
Дания	5,2	5,3	5,4	5,4	5,4	5,4	5,5	5,5	5,5	101	101	101	102	102	103	104
Индия	924	1016	1068	1085	1101	1118	1134	1150	1166	105	107	108	110	112	113	115
Италия	56,8	56,9	57,6	58,2	58,6	58,9	59,4	59,8	60,2	101	102	103	104	104	105	106
Казахстан	15,7	14,9	15,0	15,1	15,2	15,4	15,6	15,8[3]	16,0[3]	101	101	102	104	105	106[3]	107[3]
Канада	29,3	30,7	31,7	32,0	32,3	32,6	33,0	33,3	33,7	103	104	105	106	107	109	110
Киргизия	4,6	4,9	5,0	5,1	5,1	5,2	5,2	5,3[3]	5,4[3]	103	104	105	106	106	108[3]	108[3]
Китай[4]	1205	1263	1288	1296	1304	1311	1325	…	…	102	103	103	104	105	…	…
…																
Соединенное Королевство (Великобритания)	58,0	58,9	59,6	59,8	60,2	60,6	61,0	61,4	61,8	101	102	102	103	104	104	105
США	266	282	290	293	296	299	302	304	…	103	104	105	106	107	108	…
…																

[1] По большинству стран приведена численность постоянного населения. По странам СНГ — на конец года. По странам дальнего зарубежья — среднегодовая численность населения.

[2] Данные за 1995, 2000 гг. пересчитаны с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2002 г.

[3] Данные приведены с учетом предварительных итогов переписи населения 2009 г.

[4] Здесь и далее, если не оговорено дополнительно, Китай без Гонконга, Тайваня и Макао.

с представлением о социальной и политико-экономической роли **носителей максимального индекса человеческого потенциала — креативных личностей**.

Можно привести пример, когда мощь нации определяется суммой человеческих потенциалов всех ее личностей. При этом понятно, что чем больше ее количественные показатели (численность населения, продолжительность жизни, величина душевого ВВП и т.д.), **тем больше вся сумма**, т.е. нация мощнее, точнее — «крупнее». Так, за 1995–2009 годы численность населения Германии и Великобритании практически не изменилась, а население США увеличилось почти на 40 млн человек[54] (табл. 8).

Другой количественный показатель — ожидаемая продолжительность жизни[55] (табл. 9). Он у России один из самых низких, причем в ближайшем будущем не прогнозируется, что сравняется с показателями развитых стран. Поэтому полагать, что он даст прирост НЧП не приходится.

Этот вывод, впрочем, вполне справедлив, но только **до определенной степени**, потому что не учитывает качественных критериев, которые могут в корне изменить всю картину. Так, 10–15% всех граждан, составляющих нацию и входящих в креативный класс могут **в десятки раз увеличить весь человеческий потенциал нации**. Даже при отрицательной динамике количественных показателей. Так, численность населения может сократиться, но производительность труда и наукоемкость экономики вырасти в разы. Прежде всего за счет повышения удельного веса креативного класса и его деятельности. И наоборот. Существует четкая корреляция между эффективностью креативного класса, наукоемкостью и другими показателями, например структурой экспорта и импорта России[56]. Чем меньше доля креативного класса — тем хуже структура экспорта и больше импорт. Что мы и наблюдаем последние годы[57] (табл. 10).

Как видно возросшая редко доля сырья произошла за счет уменьшения доли продукции высокой переработки (табл. 11).

В этой связи поражает узость восприятия человеческого потенциала творцами Концепции долгосрочного социально-экономического развития России. По их мнению, «развитие человеческого потенциала включает в себя системные преобразования только двух типов:

а) направленные на развитие конкурентоспособности человеческого капитала, рабочей силы и социальных секторов экономики;
б) улучшающие качество социальной среды и условий жизни людей.

Они охватывают среднесрочные и долгосрочные цели, приоритеты и основные направления демографической политики, политики модернизации здра-

Табл. 9. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)

	Годы	Всё население	Мужчины	Женщины
Россия	**2009**	**68,7**	**62,8**	**74,7**
Австралия	**2007**	**81,4**	**79,1**	**83,7**
Австрия	**2008**	**80,6**	**77,8**	**83,3**
Азербайджан	2008	72,6	69,9	75,4
Армения	2009	73,9	70,6	77,0
Беларусь	2008	70,5	64,7	76,5
Бельгия	2007	79,9	77,1	82,6
Болгария	2008	73,3	69,8	77,0
Бразилия	2007	72,2	68,6	75,9
Венгрия	2008	74,2	70,0	78,3
Германия	**2008**	**80,2**	**77,6**	**82,7**
Дания	**2008**	**78,8**	**76,5**	**81,0**
Индия	2007	63,4	62,0	64,9
Италия	**2007**	**81,6**	**78,7**	**84,2**
Казахстан	2009	68,6	63,6	73,6
Канада	2007	80,6	78,2	82,9
Киргизия	2008	68,4	64,5	72,6
Китай	2007	72,9	71,3	74,7
…				
Соединенное Королевство (Великобритания)	**2007**	**79,7**	**77,6**	**81,8**
США	**2007**	**79,1**	**76,7**	**81,3**
…				

Табл. 10. Товарная структура экспорта Российской Федерации
(в фактически действовавших ценах)

	1995		2000		2005		2006		2007		2008		2009	
	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу
Экспорт — всего	78 217	100	103 093	100	241 473	100	301 244	100	351 928	100	467 581	100	301 751	100
в том числе:														
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	1378	1,8	1623	1,6	4492	1,9	5514	1,8	9090	2,6	9278	2,0	9954	3,3
минеральные продукты	33 278	**42,5**	55 488	53,8	156 372	64,8	198 631	65,9	228 436	64,9	326 314	69,8	203 373	**67,4**
продукция химической промышленности, каучук	7843	**10,0**	7392	7,2	14 367	6,0	16 757	5,6	20 802	5,9	30 234	6,4	18 703	**6,2**
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	313	0,4	270	0,3	330	0,1	367	0,1	337	0,1	354	0,1	242	0,1
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	4363	**5,6**	4460	4,3	8305	3,4	9535	3,2	12 263	3,5	11 560	2,5	8437	**2,8**
текстиль, текстильные изделия и обувь	1154	1,5	817	0,8	965	0,4	967	0,3	952	0,3	870	0,2	700	0,2
металлы, драгоценные камни и изделия из них	20 901	**26,7**	22 370	21,7	40 592	16,8	48 936	16,3	55 963	15,9	61 751	13,2	38 628	**12,8**
машины, оборудование и транспортные средства	7962	**10,2**	9071	8,8	13 505	5,6	17 437	5,8	19 667	5,6	22 764	4,9	17 950	**5,9**
прочие товары	1026	1,3	1603	1,5	2545	1,0	3101	1,0	4420	1,2	4458	0,9	3764	1,3

воохранения и образования, развития пенсионной сферы и социальной помощи, развития культуры, формирование эффективных рынков труда и жилья»[58].

Здесь, конечно же, требуются комментарии.

Во-первых, человеческий потенциал существует **вне категории конкурентоспособности.** Соревнование идей, конечно же, существует, но не оно главное. Для личности-творца поиск новых истин и направлений важнее приоритетности и даже признания. Тем более коммерческого.

Во-вторых, никто не знает точно всех новых направлений и существа будущих открытий. То, что сегодня кажется не имеющим значения, может вскоре оказаться решающим.

В-третьих, как справедливо замечено в исследовании Независимого агентства «Рейтор», людям, занятым в науке и образовании, свойственна такая черта, как **неприспособленность к практическому бизнесу и предпринимательству**. По словам австрийского экономиста Й. Шумпетера, «…интеллектуалы — это люди, владеющие устным и письменным словом, а от других людей, делающих то же самое, их отличает **отсутствие прямой ответственности за практические дела**»[59].

Вообще говоря, с этой чертой связана и другая — а именно отсутствие практических знаний, знаний, которые даются только личным опытом»[60]. Характерной особенностью большинства научных исследований является их направленность на получение знаний и данных, которые не будут востребованы современниками и найдут применение только в будущем. **Таким образом, их исследования далеко**

Табл. 11. Товарная структура импорта Российской Федерации (в фактически действовавших ценах)

	1995		2000		2005		2006		2007		2008		2009	
	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу	млн долл. США	в % к итогу
Импорт — всего	46709	100	33880	100	98708	100	137807	100	199746	100	267101	100	167457	100
в том числе:														
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	**13152**	**28,1**	**7384**	**21,8**	**17430**	**17,7**	**21640**	**15,7**	**27626**	**13,8**	**35189**	**13,2**	**30096**	**18,0**
минеральные продукты	3001	6,4	2137	6,3	3034	3,1	3300	2,4	4681	2,3	8279	3,1	4075	2,4
продукция химической промышленности, каучук	5088	10,9	6080	18,0	16275	16,5	21787	15,8	27530	13,8	35209	13,2	27896	16,7
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	167	0,3	126	0,4	275	0,3	434	0,3	697	0,4	1038	0,4	769	0,5
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1104	2,4	1293	3,8	3290	3,3	3964	2,9	5309	2,7	6504	2,4	5111	3,0
текстиль, текстильные изделия и обувь	2644	5,7	1991	5,9	3619	3,7	5494	4,0	8631	4,3	11658	4,4	9555	5,7
металлы, драгоценные камни и изделия из них	3956	8,5	2824	8,3	7652	7,7	10642	7,7	16382	8,2	19337	7,2	11343	6,8
машины, оборудование и транспортные средства	15704	**33,6**	10649	**31,4**	43436	**44,0**	65706	**47,7**	101739	**50,9**	140759	**52,7**	72639	**43,4**
прочие товары	1893	4,1	1394	4,1	3697	3,7	4840	3,5	7152	3,6	9127	3,4	5975	3,5

не всегда приносят сиюминутную капитализацию, а значение результатов их труда для общества станет очевидным только после внедрения (если вообще найдут применение). На сегодня российское общественное сознание утратило представление о том, что ученые интеллектуалы — это элитарный костяк нации, чему способствовали объективные и субъективные реалии постсоветского развития страны. Однако именно в институтах образования и науки формируется слой людей, способствующих генерированию нового знания.

В 2009 году на ежегодном собрании американской Национальной академии наук президент США Б. Обама высказал мысль, что «потенциал для научных открытий определяется инструментами, которые страна предоставляет своим исследователям»[61]. От того, сумеет или нет Россия предоставить своим ученым и изобретателям режим наибольшего благоприятствования, насколько дееспособной станет выстраиваемая отечественная национальная инновационная система, краеугольным камнем которой являются наука и образование, будет зависеть и наше будущее.

Поэтому в Концепции социально-экономического развития (а лучше в идеологии, национальной стратегии) следует акцентировать внимание на качественных составляющих — условиях и воспитания креативного класса, способных раскрыть и развить творческий потенциал нации. Так, государство может и должно (особенно в условиях кризиса) обеспечить доступ к информации, достижениям культуры и искусства всем гражданам. Оно должно сделать доступным и всеобщим высшее образование, переподготовку кадров и многое другое. А главное, государство должно материально и морально стимулировать развитие творчества во всех его видах и формах среди всех слоев населения. Креативность должна воспитываться, внедряться, так же как и образование. Так же как и профессиональные навыки, которым необходимо учить уже с креативных позиций.

5. Креативный класс: возможность консолидации

Основа научного социализма — гармонизация интересов частника и общества… основной экономический закон социализма — удовлетворение общественной потребности путем реализации частных интересов[62].
В. Гулина

Я хотел бы быть Диогеном, если бы не был Македонским[63].
А. Македонский

Слабый уровень самоидентификации и пока еще слабая тенденция к консолидации — наиболее серьезные барьеры на пути развития и превращения российского креативного класса в полноценную экономическую и политическую силу. Этот — фактор, который должен стать главным в национальном развитии: «…в консолидации креативного класса можно рассматривать ближайшую перспективу социальной модернизации общества», — справедливо сказал профессор Ю. Волков[64].

Для современной России характерно, что, несмотря на политическое внимание к креативному классу части правящей элиты, ее большинство выступает противником не только инновационного развития, но и инновационного общества, в т.ч. и креативного класса.

Эта реальность сталкивается с объективной тенденцией роста креативности мировой экономики и общества. По сути, в этом столкновении большинства элиты с потребностями экономики и общества и заключается главная проблема опережающего развития России. Правящая элита рассматривает ее только как количественный рост ресурсной экономики, а креативная часть общества — как национальное развитие. Разница — весьма существенная и пока непреодолимая.

Британский профессор М. Буравой спрашивает: «Имеет ли значение то, существует ли в обществе класс интеллектуалов?» И отвечает: «Интеллектуалы одновременно и часть общества, и группа вне общества. В первом случае они действуют как любая другая группа, заботясь о своих корпоративных интересах, защищая условия своей работы при помощи установления контроля над производимыми ими знаниями (например, посредством патентов) или за счет ограничения прихода новых лиц в их профессию. **Но иногда они возвышаются над собственными корпоративными интересами и предстают перед обществом как выразители всеобщих интересов**. Так произошло, когда Золя и его коллеги во имя социальной справедливости встали на защиту Дрейфуса — француза, обвиненного в измене родине в 1894 году на основании сфабрикованных обвинений. Интеллектуалы вставали во главе борьбы за независимость в Африке, в борьбе против авторитарных режимов в Латинской Америке. **Интеллектуалы становятся „опасны", когда они организуются в общность, выступая против существующего статус-кво и за лучшее будущее**.

В условиях, когда государство отдается на откуп частному сектору, когда рабочий класс оказался у разбитого корыта и когда капиталисты стремятся лишь к краткосрочной выгоде, не видя дальше собственного носа, **интеллектуалы становятся последней и единственной надеждой общества**.

Интеллектуалам нужно собраться с силами и быть готовыми принести в жертву узкие корпоративные интересы, бесстрашно встав на защиту интересов общественных. Нам нужно организоваться в сообщество интеллектуалов всего мира, потому что этой цели невозможно добиться лишь в отдельно взятой стране.

Интеллектуалы должны стать „опасными". Человеческая раса обречена без интеллектуального усилия, без анализа проблем со стороны, без креативного подхода к альтернативам. История говорит о том, что общества, истребившие этот „опасный" класс, вскоре погибают и сами»[65].

Кризис 2008–2010 годов заставил многих взглянуть по-новому на творческое наследие марксистов. И не только в экономике, но и в социальной области. Прежде всего потому, что он обнаружил не только экономические и финансовые, но и социальные издержки либерализма и моделей развития.

Удовлетворение общественных потребностей путем реализации частных интересов — как основной экономический закон социализма — в условиях глобализации может быть модернизирован в формулу, отражающую главную социальную идею современности: «удовлетворение национальных потребностей путем реализации частных и групповых интересов и, прежде всего, путем создания максимально благоприятных условий для самореализации». Это, собственно говоря, и является сегодня важнейшей политико-экономической целью, стоящей перед любой нацией, любым обществом и любым государством. При этом понятия «нация» и «национальные интересы» возвращаются не только в политический лексикон, но и практику. 2010–2011 годы это показали наглядно. Не только коммунисты и патриоты по-прежнему активно их использовали, но и либералы. Так, либеральная партия «Правое дело» провела в 2011 году несколько круглых столов с участием националистов и даже пообещала включить их в свои избирательные списки[66].

Эта общенациональная, как уже говорилось, цель конкретизируется во вполне конкретные и приоритетные задачи, которые в укрупненном виде можно сформулировать следующим образом:

— развитие и воспитание творческого компонента НЧП в целом, включая все его социальные группы, не исключая и не оставляя «на обочине» ни один класс, ни один социальный слой;
— приоритетное развитие и воспитание в интересах нации, а не абстрактного рынка наиболее передовых социальных групп, обладающих творческими и интеллектуальными способностями. Прежде всего это относится к среднему классу, численность и доля которого во многом предопределяют творческий потенциал всей нации;
— численный рост и общее развитие всей нации как демографической и культурно-исторической основы всего общества;
— сознательное развитие социальных институтов как инструментов для создания, воспитания и продвижения творческого потенциала нации.

Кризис, конечно же, ничего нового в этой области не открыл. Но, что немаловажно, со всей остротой привлек внимание к положению представителей среднего класса и, как следствие, его роли в общественной жизни и экономике страны.

До кризиса ряд дальновидных исследователей и политиков пытались обратить внимание на то новое значение, которое приобретает в XXI веке средний класс и его креативные представители. Их рассуждения в общем-то сводились к хорошо забытым мыслям о роли интеллигенции, высказанным еще в XX и даже XIX веке, хотя ускорение научно-технической революции во второй половине XX века привело к качественному изменению структуры общества развитых стран. Уже в 1960-е годы лица, занятые умственным трудом, стали превосходить по своей численности промышленный пролетариат.

На мой взгляд, рубежными являются именно 1970-е годы, когда научно-техническая и творческая интеллигенция стала численно превосходить остальные социальные группы, с одной стороны, и когда информационно-технологический этап НТР привел к массовой информатизации всей человеческой деятельности. Появление доступных персональных компьютеров, принципиально новых систем связи и Интернета завершило к концу XX века формирование этой тенденции.

Тем интереснее и поучительнее вернуться в «промышленный» период развития человечества, к тем оценкам, которые звучали применительно к интеллигенции уже в то время.

По мнению британского социолога М. Буравой, «**историю Советского Союза можно рассматривать как неудавшийся проект интеллектуального класса, который пытался представить собственные интересы интересами всего общества** с помощью плановой экономики. Этот класс всегда делился на тех, кто брал на себя властные полномочия, и на тех немногих диссидентов, которые считали подобное поведение предательством социальной справедливости и политической свободы. В СССР были и диссиденты-интеллектуалы, такие как Александр Солженицын, Андрей Сахаров или Рой Медведев, и интеллектуалы, входившие в правящий аппарат. Последнюю группу людей условно можно назвать „технической“ интеллигенцией. Эта группа уверенно удерживала свои позиции до тех пор, пока не раскололась и она перед лицом нараставших как лавина экономических неудач, усугублявшихся международной конкуренцией и холодной войной. Нашлись те, кто увидел, что дорога к классовой власти теперь идет через рыночные реформы, а не через плановую экономику. Многие представители „технической“ интеллигенции, в том числе такие деятели, как Егор Гайдар, Анатолий Чубайс и Станислав Шаталин, с какого-то момента стали рассматривать рынок в качестве эффективного инструмента, дающего новые возможности».

1990-е — пиррова победа интеллектуального класса в России.

Как нам сегодня известно, **сторонники рынка добились выдающейся победы в России. Но это была пиррова победа интеллектуального класса над самим собой**. …И далее: «**Этот революционный, почти что большевистский переход к рыночной экономике превратился в просчитанную войну с обществом**. Российская экономика выжила только за счет нормативно-правовой политики 1998 года. Эта политика привнесла некое подобие порядка в хаос, не в последней мере благодаря изобилию природных ресурсов в стране, и превратила российскую экономику в аналог экономики стран третьего мира»[67].

Следует отметить, что новая роль «креативного класса» в XXI веке вытекает из идей К. Маркса и Г. Плеханова, прежде всего о том, что, как справедливо подметил Г. Попов, «**в XX веке развитие производительных сил связано не с пролетариатом, а с интеллигенцией**». Это признание — фактический полный пересмотр марксизма, сделанный именно на базе метода самого Маркса исходя из новой стадии развития производительных сил.

Действительно, развитие производительных сил в XX веке привело к сокращению, а затем и постепенному отмиранию целых отраслей промышленности в развитых странах, либо переносу производств в развивающиеся страны. Как следствие — стремительно сокращалась численность пролетариата вообще и промышленного пролетариата в частности. В результате еще в 1980-е годы численность занятых в сельском хозяйстве, рыбной отрасли и лесной отрасли в США стала менее 2% трудоспособного населения, а в промышленности к концу века — менее 20%.

Характерным стал период 1980-х годов, когда стоимость информационных ресурсов в развитых странах стала выше стоимости ТЭКа. Уже к концу 1980-х годов интеллектуальный и духовный потенциал стали играть ведущую роль в экономике развитых стран.

В производстве во второй половине XX века главным фактором развития стал научно-технический прогресс, а источник этого прогресса — носи-

тель новых знаний — интеллигенция. Поэтому интеллигенция неизбежно должна была стать главным, ведущим классом нового общества. С той поправкой, что ее передовой отряд — креативный класс — становится решающим фактором развития.

Этого не произошло. Ни в XX веке, ни до настоящего времени. Интеллигенция превратилась в ведущий фактор развития, в самую многочисленную социальную группу, но так и не стала ведущей политической силой. Она осталась предметом воздействия элит, не став активным политическим игроком. Сегодня этот этап заканчивается. Высший слой интеллигенции — креативный класс — становится решающей силой развития. Уже не только экономической, но и политической.

Новые требования экономики и социальной жизни «выталкивают» креативные слои в активную политическую жизнь, но сложившаяся экономическая и политическая система этому всячески препятствует. Во многом благодаря инертности более широкого класса — интеллигенции. Получается, что появление и эффективное существование креативного класса невозможно без достаточно широкой социальной базы интеллигенции, которая, будучи очень неоднородной, сдерживает развитие креативных групп. Интеллигенция, в свою очередь, во многом сама является производной от среднего класса, а тот — от общества. Получается сложная система взаимовлияния. Графически это можно представить следующим образом (рис. 5).

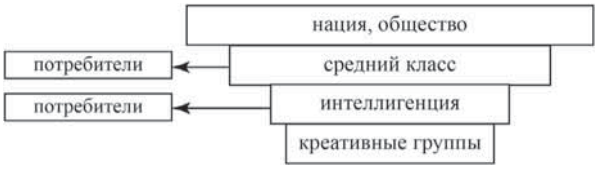


Рис. 5. Структура современного общества

Иными словами, первоосновой всего является общество, граждане страны, а точнее — вся **нация**. Только нация может произвести средний класс, интеллигенцию и креативный класс, которые в конечном счете являются **производными от качества нации**.

Качество нации — очень усередненный критерий, который является производным от качества различных социальных групп. В том числе и маргинальных. Причем эти различия могут достигать значительных, иногда принципиальных, отличий. И в этом заключается главная проблема развития креативных групп: чем выше качество нации, чем значительнее в ней доля среднего класса, тем больше удельный вес креативных групп и, как следствие, более развитая экономика и общественная организация. Так, если средний класс составляет 70–80% от всего общества (нации), то можно ожидать, что интеллигенция составит от 30 до 40%, а креативные группы — до 15 % населения. Применительно к такой стране, как Россия, где экономически активное население составляет 80 млн человек, это означало бы, что представители креативных групп составляли бы

Кадры

Табл. 12. Персонал, занятый исследованиями и разработками

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел.	Численность персонала — всего	887729	885568	870878	858470	839338	813207	807066	801135	761252
	Исследователи	425954	422176	414676	409775	401425	391121	388939	392849	375804
	Техники	75184	75416	74599	71729	69963	65982	66031	64569	60218
	Вспомогательный персонал	240506	238933	232636	229214	223356	215555	213579	208052	194769
	Прочий персонал	146085	149043	148967	147752	144594	140549	138517	135665	130461

Табл. 13. Персонал, занятый исследованиями и разработками, по секторам деятельности

Показатель	Детализация	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, по секторам деятельности, чел.	Всего	887729	885568	870878	858470	839338	813207	807066	801135	761252
	Государственный	255850	256137	257462	256098	258078	272718	274802	272255	260854
	Предпринимательский	590646	585416	568628	558668	537473	496706	486613	478401	451532
	Высшего профессионального образования	40787	43463	44135	43120	43414	43500	44473	49059	47595
	Некоммерческих организаций	446	552	653	584	373	283	1178	1420	1271

4 до 12 млн человек. (Р. Флорида полагает, что 25 млн).

И наоборот. Если средний класс (как в нынешней России) составляет не более 25% граждан страны, то интеллигенция — не более 10–12%, а креативные группы — 3–4 млн[68]. Что, на мой взгляд, вполне соответствует реалиям 2008–2011 годов, а именно: творческая интеллигенция, инновационный бизнес, научные работники и ряд других категорий граждан вполне охватываются этой численностью. Это видно на примере «ядра» креативного класса — ученых и научного персонала[69] (табл. 12, 13).

Поэтому, говоря о роли и будущем креативных групп, следует начинать с нации, народа, который и является точкой отсчета во всей цепочке: нация — средний класс — интеллигенция — креативные социальные группы.

Действительно, трудно ожидать, что нищая, бездарная, непассионарная, безграмотная нация сможет родить самостоятельный и многочисленный средний класс, а тем более национальную интеллигенцию. Нельзя ожидать от такой нации и формирования массовых креативных групп. И здесь возникает главная проблема: **где количество переходит в качество**? Когда благополучная нация становится инкубатором для выращивания креативных групп?

Нация состоит из суммы личностей, их человеческих потенциалов. Простое сложение этих потенциалов может дать удивительный результат. Если, например, один из представителей нации обладает условно потенциалом в 0,001, а другой в — 1,0, то это означает, что потенциал одного гражданина в 1000 (а может и 1 млн) раз больше, чем другого. Соответственно, и сумма таких потенциалов, будет выше. В этом кроется глубинная суть и значение потенциала **каждой** отдельной личности, **каждого члена общества** и представителя нации. Особенно если эти измерения относятся к интеллигенции и креативному классу. Так, сумма человеческих потенциалов близких к 1, в сущности, равна всему национальному потенциалу, хотя численность таких личностей и может быть несколько процентов. Поэтому **любое**, даже незначительное повышение численности таких личностей (т.е. увеличение доли креативных групп) радикально важно в современных условиях для **всей нации**. Другими словами, **вся нация** (включая ее управленческую элиту) должна быть объективно заинтересована в увеличении численности креативного класса.

Другой аспект заключается в разнице понятий «потенциал» и «фактор». Фактор — реализованный потенциал. В нашем случае это означает, что элита (правительство, прежде всего) должна сделать всё для реализации потенциала в фактор, т.е. нация обязана обеспечить полную самореализацию человеческого потенциала.

Теперь снова о марксизме. На мой взгляд, следует полностью воспроизвести логику Г. Плеханова в изложении Г. Попова: «Плеханов понимает, что это положение ведет к фундаментальному пересмотру марксизма. Но он совершенно прав, когда подчеркивает, что данный вывод сделан им на основе метода Маркса: сначала анализировать процесс производства и уже потом надстройку. „Анализ, сделанный Марксом в «Манифесте», — пишет Плеханов, — абсолютно верный для эпохи паровой индустрии, стал утрачивать свое значение с приходом электричества“. Если производство в век электричества выдвинуло на ключевые позиции интеллигенцию, то, согласно Марксу, должен быть сделан вывод о том, что интеллигенция является гегемоном». И далее: «В такой ситуации диктатура пролетариата станет абсурдной. Что это? Отход от марксизма? Нет и нет! Уверен: при таком повороте событий **сам Маркс**, случись это при его жизни, незамедлительно **отказался** бы от лозунга диктатуры пролетариата»[70].

Если понимать под термином «диктатура» современное понятие «управление», то становится вполне понятным, что такое управление — и в экономике, и в общественной жизни — должно сегодня перейти к креативным группам интеллигенции. Для этого, в свою очередь, власть необходимо забрать у других представителей элиты, прежде всего бюрократии, финансовых олигархов и профессиональных политиков.

Для этого отнюдь не обязательны силовые методы, а тем более революции. Более того, опыт показывает, что в результате социальных революций к власти приходят отнюдь не самые умные и полезные обществу граждане, а те, кто хочет и способен взять власть. Нередко не имея для этого не только оснований, но и каких-либо профессиональных навыков. Поэтому власть в руки креативного класса должна передать элита, точнее — та её часть, которая понимает необходимость и неизбежность этого процесса. И здесь, конечно, роль правящей элиты очень велика: среди ее представителей должна найтись влиятельная группа, которая сможет обеспечить «плавную креативизацию» власти и элиты, внедрение в ее эшелоны представителей креативных групп.

Нынешняя диктатура финансово-бюрократической элиты в развитых странах, так же как и пролетарская диктатура, себя давно изжили. Если пролетариат уже не самый прогрессивный класс, то его диктатура не облегчает, **а затрудняет развитие общества**. Так же как и диктатура финансовой бюрократии. Такая диктатура не способна в принципе организовать процесс развития производительных сил наилучшим образом. «Я думаю, что диктатура пролетариата в понимании Маркса не осуществится никогда — ни сейчас, ни в будущем». Этот вывод Плеханов делает как марксист, опираясь на метод теории научного социализма. Так же, впрочем, как и «диктатура демократии». И в первом, и во втором случае эти формы организации власти являются ширмой, декорацией для диктатуры финансовой бюрократии, реально управляющей в мире.

Поэтому говорить о справедливом устройстве общества — наивно. В том числе и в России. Выступая

с посланием Федеральному Собранию РФ Д. Медведев, высказался по этому вопросу вполне определенно и даже резко. Говоря о правящей элите страны, он в частности сказал: «…государственная бюрократия… руководствуется все тем же недоверием к свободному человеку, к свободной деятельности. Эта логика подталкивает ее к опасным выводам и опасным действиям. Бюрократия периодически „кошмарит" бизнес — чтобы не сделал чего-то не так. Вмешивается в избирательный процесс — чтобы не избрали кого-нибудь не того… В результате государственный аппарат у нас — это в самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе партия и сам себе в конечном счете народ»[71].

Как справедливо отметил американский политолог С. Грин, «вряд ли самый лучший обвинитель из голливудского фильма смог бы произнести более изящную и одновременно изобличающую речь в отношении сидевших в позолоченном кремлевском зале мужчин и женщин, многие из которых как раз и принадлежат к той самой бюрократии. Но настоящее чудо произошло, когда Медведев сделал паузу: бюрократы зааплодировали»[72].

В этой связи интересна мысль Г. Плеханова о роли интеллигенции уже в современном обществе, которую вполне можно соотнести с ролью креативного класса: «…класс интеллигенции гораздо ближе не к узкоклассовым концепциям политики, морали, культуры и т.д., а к общечеловеческой составляющей всех этих компонентов цивилизации». Далее: «Интеллигент, как человек творческого труда, **в принципе ориентирован на неравенство»** (выделено мною. — *А. П.*). Для интеллигента, его деятельности, творчества обязательным условием является свобода. Поэтому Плеханов считает невозможной «диктатуру интеллигенции», как справедливо пишет Г. Попов[73].

Другими словами, переход власти от финансово-бюрократической элиты к креативным слоям интеллигенции не означает смену одной диктатуры на другую. Интеллигенция способна **объединить креативные группы всех классов — управленцев, бизнеса, собственно интеллигенции. В этом, может быть, ее социальная и главная политическая роль**.

Можно сделать и другой вывод. Если пролетариат начинает сдерживать развитие общества и экономики, то не случайно в СССР наметились тенденции отставания еще в середине XX века. Действительно, в начале 1960-х годов, когда в развитых странах мира доля творческих работников превысила 50%, в СССР городское население (в большинстве рабочие) также превысило 50%. Иными словами, **качество** населения в середине 1950-х годов в СССР и на Западе было разным: в СССР основная масса граждан принадлежала к классу пролетариев, а на Западе — к интеллигенции. В этом, на мой взгляд, и была первопричина начавшегося процесса стремительного отставания СССР от развитых стран в последней четверти XX века. И, главное, — эта же причина отставания и современной России.

К сожалению, мы опоздали. И не только в научно-техническом развитии, сколько в развитии национального потенциала человека, совершенствовании социальной структуры общества. Надо признать, что человеческий потенциал никогда не был среди приоритетов советского руководства. Высшая школа, фундаментальная и прикладная наука занималась часто догматическим повторением «учения Сталина», отставая в творческом поиске истины. Это отставание стало особенно заметным в 1970-е и особенно в 1980-е годы, когда стоимость информационных ресурсов в развитых странах стала превышать стоимость ресурсов ТЭКа в СССР.

Система — политическая, идеологическая, экономическая — в СССР, как и госаппарат, «вымывали» творческий потенциал. В науку и образование, как правило, шли неудачники-чиновники: отставные и опальные мидовцы, ветераны внешней разведки, проштрафившиеся госслужащие. Из них комплектовался «кадровый резерв» науки и образования. Да и в материальном плане условия их содержания заметно отставали от «гегемона». Вспоминаю, что зарплата профессора равнялась зарплате водителя (правда, и сегодня она такая же, даже еще ниже).

Наконец, неизбежно следует и другой вывод: а не становится ли интеллигенция на новом этапе развития консервативной, сдерживающей силой для нарождающегося креативного класса? Старые профессора далеко не всегда (уж мы-то знаем) дают лучшие знания, а старые мастера не всегда могут и хотят уступить дорогу молодым. Тем более что советская и российская системы не создавали условий для массового появления креативных групп молодежи. За исключением некоторых областей в искусстве и сфер, связанных с новым этапом НТР, ни советская, ни тем более российская системы не генерировали идей и не способствовали тому, чтобы молодежь реализовала свой потенциал в творческий фактор развития.

Конечно же, жизнь, в том числе развивающаяся глобализация, брали свое. Вопреки существующим условиям в последние десятилетия стало стремительно расти число новых специальностей, связанных с креативной деятельностью. Прежде всего в области информатики, дизайна, «прикладного творчества». Появился и закрепился новый феномен — «человек-бизнес», когда одна личность стала «сама себе» бизнесом. Численность таких массовых творческих профессий ежегодно увеличивалась на десятки, а общее число в начале XXI века стало измеряться миллионами.

Но в России все это не носило характер управляемого процесса. Более того, многочисленные бюрократические и экономические препятствия всячески мешали развитию этой тенденции. Кризис же 2008–2011 годов нанес удар, прежде всего, по этим креативным группам: у них нет устойчивости бюджетного финансирования, гарантированных госзаказов, профсоюзов, вообще каких-либо гарантий со стороны государства.

Соответственно эти креативные группы, составляющие наиболее активную часть институтов гражданского общества и среднего класса, были поставлены в условия массового уничтожения. Максимум, что могло дать им государство, это совет обратиться на биржу труда, сменив компьютер на кирку и лопату. И такой совет им дали[74]. Поэтому должна быть создана, по сути, политика, система «взращивания» креатива из интеллигенции, может быть искусственного, даже насильного. Тем более в условиях кризиса. Кризис для креативных групп в определенной степени мог бы стать и благом. Во-первых, если государство обеспечит условия для образования и переподготовки кадров, кризис становится идеальным периодом для образования, переобучения и творчества.

Во-вторых, кризис «расчищает дорогу» для новых технологий и профессий. В комфортных условиях никто не отказывается от устаревших производств.

Существует, таким образом, **прямая взаимосвязь** между темпами развития креативного класса и интеллигенции в общественной и экономической жизни страны и **темпами** развития ее экономики, социальной структуры общества и, наконец, национальной безопасностью. Она выражена в том, что чем значительнее роль интеллигенции и креативного класса, **тем выше темпы роста экономики, крепче суверенитет нации, более развито гражданское общество, лучше социально-экономические условия граждан**.

И наоборот: отставание России в экономическом развитии (прежде всего технологическое) прямо сказывается на ее положении в таких приоритетных областях, как информатика, инновации и управление общественными процессами. Это уже стало признанным фактом в нынешнем десятилетии. Но что остается за скобками общественного внимания (во всяком случае, пока) — это то, что экономическое и социальное отставание вызвано пренебрежением последних десятилетий коммунистического и либерального руководства потребностями развития потенциала личности, сознательного стимулирования глубоких социальных структурных изменений, прежде всего стимулирования развития интеллигенции и креативного класса.

У России осталось тяжелое наследство «нивелирования человеческих личностей». И дело даже не только в миллионах представителей креативного класса высланных из страны и уничтоженных в ходе репрессий. Дело в устоявшейся «привычке» власти нивелировать личности. Лишать их творческой инициативы. В оправдание этому была даже придумана фраза о «разумной инициативе», когда при желании любая инициатива рассматривалась как неразумная. Нормативно она даже била закреплена в Уставе ВС СССР, через службу в которых, напомню, проходило большинство граждан.

Тяжелейший удар по интеллигенции и креативному классу нанесли и либеральные реформы 1990-х годов, когда массовое экономическое уничтожение интеллигенции сопровождалось моральным террором: десятки тысяч уничтоженных творческих коллективов, потерянные научные школы, а главное, создание общественного климата, когда «деньги решают все», — вот тяжелейшие последствия 1990-х, не изжитые до наших дней. В обществе была создана атмосфера, когда успех или неудача того или иного человека рассматривались в плане зарабатывания (но чаще получения, воровства и т.д.) денег. В результате к началу столетия в России возникла реальная угроза исчезновения думающих, духовных и нравственных людей, способных изобретать или сохранять реальные ценности. Но окончательная ликвидация таких ценностей — прямая угроза суверенитету, ведь они легко могут быть подменены ценностями других стран. А затем неизбежно и их национальными интересами.

Можно сказать, что к началу нынешнего десятилетия XXI века Россия столкнулась с глубоким системным кризисом, который охватывал практически все области человеческой и государственной деятельности. Экономически страна находилась в катастрофическом положении. Её ВВП составлял едва ли половину от уровня ВВП РСФСР 1990 года. Суверенитет вряд ли можно было назвать полным, а угроза развала была как никогда реальна. Это всё общеизвестные факты, но то, о чем еще мало говорят, — это массовое исчезновение творческой интеллигенции, ее уход из общественной и экономической жизни.

Представляется, что эта угроза была еще более опасной, чем угроза политической дезинтеграции России, ведь нация — это не только граждане, проживающие на одной территории и говорящие на одном языке, это, прежде всего, общие ценности, единое культурное и духовное наследие, общее будущее. А наследие это стало дискредитироваться и уничтожаться в 1990-е годы еще быстрее, чем экономика. Сохранить это наследие могла только национальная интеллигенция, которая была отодвинута в 1990-е годы от общественной, политической и экономической жизни страны.

Другая сторона проблемы системного кризиса 1990-х годов заключалась в том, что мировое развитие все больше становилось результатом творческой деятельности. И не только в искусстве, науке или образовании, но и на производстве. Создание новых качественных продуктов и услуг возможно только представителями креативного класса. Поэтому зависимость здесь проста: чем больше таких представителей в стране, чем лучше их возможности для самореализации, тем больше качественно нового продукта производит нация, тем крепче ее суверенитет и лучше социально-экономическое положение граждан. Это хорошо понимали, например, в США. В одном из исследований объединенного комитета разведки США признавалось, что в 2015 году 20% американских граждан («креативный класс») смогут обеспечить не только всем необходимым свою страну, но и гарантировать ей лидерство в мире.

Но актуальность этой проблемы не осознавалась в России, охваченной либеральными реформами. Никто в стране — ни политическая элита, ни бизнес, ни бюрократия — не были озабочены массовым исчезновением целых социальных групп творческой интеллигенции: научных школ, музыкальных коллективов, целых институтов и даже отраслей знаний.

Угроза эта и сегодня не только не исчезла, но сохранилась и даже усилилась в политической и социальной областях, где заимствования зарубежного опыта вытеснили отечественную традицию. Не случайно в 2007 году В. Сурков признал, что та нация, которая не создает свои креативные понятия и образы, использует чужие. Собственно это и происходило последние 20 лет.

Действительно, отсутствие собственного национального класса интеллигенции и креативных групп в XXI веке ведет к неизбежному отставанию, в том числе и политическому, технологическому, экономическому. А затем неизбежно и к потере суверенитета **и независимости**. В конечном счете — исчезновению нации.

Таким образом, мы видим, что игнорирование на протяжении десятилетий роли творчества вообще и интеллигенции в частности вульгарным марксизмом в СССР сменилось еще худшим отношением к интеллигенции либералами в 90-е годы XX века и начале XXI века. Кризис в России, на мой взгляд, был вызван даже не столько развалом СССР и неудачными реформами, сколько отказом правящей элиты от признания ведущей роли в развитии государства и общества за национальной интеллигенций и другими творческими социальными группами. По сути дела либералы 90-х годов продолжали по отношению к интеллигенции ленинский курс. А в новом столетии — финансовые власти окончательно «оформили» его в бухгалтерскую упаковку.

Медленно, но ситуация, казалось, стала меняться с началом нового десятилетия XXI века. Это стало происходить на фоне прихода к власти значительного числа чиновников, связанных по своей предыдущей деятельности с вопросами безопасности. Проблема развития творческого потенциала нации и сохранения социальных групп — носителей этого потенциала виделась ими прежде всего с точки зрения государственной безопасности. Не случайно, в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации по этому поводу отмечено: «Государство должно способствовать созданию системы оценки возможного ущерба от реализации угроз наиболее важным объектам обеспечения информационной безопасности Российской Федерации в области науки и техники, включая общественные научные советы и организации независимой экспертизы, вырабатывающие рекомендации для федеральных органов государственной власти и субъектов Российской Федерации, по предотвращению противоправного или неэффективного использования интеллектуального потенциала России»[75].

Интеллектуальное отставание, а тем более интеллектуальная зависимость в постиндустриальную эпоху означают неизбежную потерю суверенитета, что, собственно говоря, и случилось в 1990-е годы, когда чужие (и далеко не лучшие) экономические и политические идеи и рекомендации использовались в качестве директив во внутренней и внешней политике. Печальный итог — политический, экономический, социальный — такой политики известен: к началу 2001 года. Россия фактически потеряла суверенитет и стояла на грани не только экономической, но и государственной катастрофы. Причем, однако, мало говорится о том, что первопричина заключалась в потере Россией интеллектуального и идеологического лидерства и социокультурных позиций, достигнутых в XX веке. А проще говоря, открытое пренебрежение интересами интеллигенции и креативного класса.

Мало говорится об этом и сегодня. Так, говоря о необходимости опережающего социально-экономического развития, о концепции такого развития, не говорится вообще о необходимости возвращения России идеологического и концептуального лидерства в мире. При том понимании, конечно, что такое лидерство может обеспечить только национальная интеллигенция и **массовые** креативные группы. В политике, бизнесе, науке, культуре.

Совершенно справедливо в Концепции информационной безопасности на сей счет говорится: «Обеспечение информационной безопасности Российской Федерации в сфере духовной жизни имеет целью защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, связанных с развитием, формированием и поведением личности, свободой массового информирования, использования культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, с сохранением культурного достояния всех народов России…»[76]. Жаль, конечно, что эта Концепция незаслуженно критиковалась в СМИ, а ее использование в политике и науке очень ограничено. Для своего времени сказанные слова были очень актуальны.

Безусловно, позитивно, что эволюция отношения российской элиты к человеческому потенциалу после 2006 года привела к незначительной переоценке этого фактора в социальной и экономической стратегии страны. Так, в проекте (скорректированном) Концепции долгосрочного социально-экономического развития (август 2008 год) признается: «Третий вызов — **возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития**».

Надо признать, что к 2008 году в высшей управленческой элите произошла и определенная переоценка отношения к творческому потенциалу. И «Концепция 2020» стала явным рубежом, отделяющим прежнюю политику игнорирования от политики признания. Можно сказать, что традиция правящих кругов СССР — России в отношении интеллигенции

впервые была нарушена. Пусть декларативно. На словах. В этом, конечно же, историческое (но не замеченное) значение «Концепции–2020», где вполне адекватно и на уровне начала XXI века была произведена оценка фактора творческой деятельности: «Уровень конкурентоспособности современной инновационной экономики все в большей степени определяется качеством профессиональных кадров, уровнем их социализации и кооперационности. Россия не сможет поддерживать конкурентные позиции в мировой экономике за счет дешевизны рабочей силы и экономии на развитии образования и здравоохранения. Для России ответ на этот вызов **предполагает преодоление сложившихся негативных тенденций в развитии человеческого потенциала, характеризующихся**:

— сокращением численности российского населения и занятых в экономике на фоне растущего демографического дисбаланса с азиатскими соседями России;
— растущей конкуренцией за квалифицированные образованные кадры с европейскими и азиатскими рынками;
— низким качеством и ухудшающейся доступностью социальных услуг в сферах здравоохранения и образования»[77].

Как видно, в Концепции была признано, что тенденции в развитии человеческого потенциала имеют, очевидно, негативный характер, а также высказано требование к «их преодолению».

Вряд ли можно было бы требовать от Концепции социально-экономического развития большего, чем такой констатации, хотя, полагаю, было бы нелишним дать и политические оценки, а именно: ответы на вопросы, кто виноват в том, что в России сложилась такая тенденция. И что делать конкретно. Этого сделано не было. Не только на деле — за все 2008–2011 годы, — но и даже на словах. Наметившаяся тенденция не получила развития. Так, нельзя согласиться и с перечнем трех характеристик, предложенным в «Концепции–2020». К нему, например, можно было бы добавить такие, как:

— игнорирование потребностей развития творческих социальных групп граждан страны;
— инновационную невосприимчивость российской экономики;
— отсутствие экономических стимулов для творческой деятельности и др.

Применительно к нынешнему этапу развития России, переходу от периода стабилизации к периоду развития, (который так и не наступил в 2011 году), принципиально важно увидеть **кто конкретно**, какие социальные группы в состоянии обеспечить опережающее развитие, а тем более «технологические рывки». Ведь «технологические рывки» должны быть вначале обеспечены интеллектуальным, духовным и волевым (креативным) потенциалом. Вместо этого в очередной раз предлагается технологическая модернизация, либо новый госорган. Так, в августе 2011 года Президент России даже назначил «заместителей полпредов в регионах по инновациям»[78]. Надо полагать, что национальным развитиям другие чиновники заниматься уже не будут.

6. Творческий потенциал нации — фундамент для эффективной интеграционной стратегии

При нефти выше 100 долл. за баррель у России только две проблемы — недостаток полей для гольфа и переизбыток гонора[79].
О. Кувшинова

События последний двух десятилетий и задачи созидания новой России поставили наше общество перед необходимостью определения новой российской идентичности[80].
А. Торкунов, ректор МГИМО(У)

Одна из важнейших геополитических задач, стоящих перед Россией, — реинтеграция постсоветского пространства в единую политическую, экономическую и военную структуру. Не суть важно, как она будет называться — Россией, СНГ, империей, СССР и т.д. Уверен, что будущие и нынешние политические, военные и экономические проблемы России без этого не решить. Как и проблемы демографические. При этом принципиально важно элите и обществу наконец-то определиться по главному вопросу: кто мы? Европа? Азия? Евразия или Азиопа? Без этого невозможно добиться главного — национальной самоидентификации, четкого определения национальных интересов и целей, средств их достижения. Нынешние шараханья вызваны во многом именно этим обстоятельством: часть элиты зарабатывает деньги в России, а тратит их на Западе, связывая с ним свое будущее, а не с нацией и страной. Проводя и соответствующий политико-экономический курс.

При этом Россию объединяет с бывшими советскими республиками не только прошлое, но и настоящее, и будущее. Причем больше, чем принято

Табл. 14. Распределение населения по группам доходов, в %

	Россия	Украина	Казахстан	Белоруссия	Азербайджан
Наиболее нуждающиеся	20,5	25,6	26,7	12,1	13,2
Низкообеспеченные	52,9	67	66,8	55,2	85,4
Относительно бедные	22,5	7,3	6,4	28,2	1,3
Среднеобеспеченные	3,1	0,1	0,1	3,6	0,1
Высокообеспеченные	1	~0	~0	0,9	~0

Источник: Вопросы статистики: июнь 2011. М.: Росстат, 2011.

думать. Например, общая антисоциальная модель государства и такая же политика. Как показывает статистика, у нас очень схожие общие параметры социально-экономического развития и модели, даже несмотря на различия в степени обладания природными ресурсами[81] (табл. 14).

Как видно на примере России, где среднеобеспеченными оказались лишь около 3% россиян, которые получали в 2008 году от 32,2 тыс. руб. до 50,6 тыс. руб. в месяц. На долю высокообеспеченных пришелся 1% населения — это люди с доходами выше 50,6 тыс. руб. в месяц.

Немногим лучше на фоне России выглядела недавно Белоруссия, в которой нуждающимися и низкообеспеченными оказались 67% граждан. А в Казахстане, Украине и Азербайджане (если анализировать эти экономики исходя из социальных стандартов РФ) к нуждающимся и низкообеспеченным относилось более 90% населения[82]. Хотим мы того или нет, но у суверенных государств оказываются схожие социально-извращенные модели развития.

На мой взгляд, у России есть огромное конкурентное преимущество, вытекающее именно из ее исторического социокультурного и геополитического наследия. Соглашусь с К. Брутенцем, который считает, что «особенность и неповторимость (но не исключительность) России, ее потенциал в мировом сообществе определяется и тем, что она соединяла и соединяет в себе черты западной (европейской) и азиатской (восточной) цивилизаций. Ее азиатское наследие неискоренимо. И в нем наряду с застойными, средневековыми, даже рабскими чертами есть и то, что составляет естественную, неотъемлемую часть исторической силы и потенциала России, ее цивилизации. Отношение к Азии, Востоку — это отношение к самой себе, потому что Россия — это также татары, башкиры, якуты, кавказские и другие народы. Россия — не просто страна проживания различных национальных групп. Это многонациональная страна, где русские, ее костяк, и другие народы столетиями живут не только бок о бок, но вместе, перемешиваясь друг с другом, культурно и духовно переливаясь друг в друга, совместно перенося общественные катаклизмы и отражая иноземные нашествия»[83].

Реальные связи для восстановления такого пространства разрушались последние 20 лет стремительно: при серьезном внешнем давлении, внутреннем пособничестве и игнорировании правящей элитой. По сути дела, осталось два, — но важнейшие — компонента, которые способны объединить разрозненную нацию. Это — культура и духовность, с одной стороны. И класс творческой интеллигенции, подготовленный во многом в советский период, до 1990 года, — с другой. Примечательно, что этот вывод совпадает с рассуждениями Р. Флорида о значении креативного класса для России, в частности, с тремя его важными положениями:

— в**озможности креативного класса огромны** (даже по самым строгим критериям он составляет 13 млн человек и занимает 2-е место после США в мире, хотя по проценту рабочей силы — 16-е место);
— России не обойтись «без массового потока мигрантов» и что «воспитание и образование креативного и талантливого младшего поколения должно стать решающим фактором»;
— России «необходимо научиться использовать глобальные потоки таланта», в т.ч. создать «подходящий климат»[84].

Национальная идентификация вместе с курсом на культурно-экономическую реинтеграцию — вот стратегия, обеспечить которую могут представители интеллигенции и креативного класса России и других бывших республик СССР. И для этого необходимо прежде всего реинтегрировать культуру, науку, образование и в конечном счете интеллигенцию. Британский социолог М. Буравой пишет о роли интеллектуалов в современной России: «В результате войны с обществом произошло и падение интеллектуального класса. Сторонники рыночных реформ из интеллектуалов талантливо провели переход страны на рыночные рельсы, в результате чего интеллектуалы как класс были фактически уничтожены. Россия оказалась отдана на откуп бюрократическому классу. Достаточно взглянуть на удручающее состояние российских университетов, которые служат материальной базой любого современного интеллектуального класса. Институт высшего образования из опоры советского строя превратился даже не во вспомогательный инструмент рыночного развития, а в самостоятельное капиталистическое предприятие, продающее

дипломы и знания, сдающее в аренду ценные университетские площади, делегирующее работу на сторону, понижающее зарплаты, назначающее плату за образование в соответствии с социальным статусом. В этом коммерческом предприятии осталась только видимость научной деятельности. Это издевательство над советским прошлым, издевательство над славной историей российской науки. Жизнеспособный интеллектуальный класс не может существовать без устойчивой, автономной системы высшего образования. На данный момент большой вопрос, существует ли эта система в России»[85].

Высшее проявление творчества[86], его предельно допустимая демонстрация как потенциала человеческой личности — гениальность, которая, в свою очередь, выражается в новых уникальных творениях — идеях, продуктах, услугах. То, что сегодня является главной движущей силой развития. Говорю об этом потому, что — как это ни может показаться парадоксальным — единственной эффективной стратегией **реинтеграции постсоветского** (имперского) пространства является развитие **творческого потенциала русской нации**. Потенциал, который выражается прежде всего в гениальных продуктах — культурных, духовных, инженерных и т.д., результатах творческой деятельности нации в прошлом и настоящем. В том числе и в государственном строительстве, и в военном искусстве, и во многом другом. В отличие от периода создания российской империи, когда главным критерием было «собирание земель», в XXI веке интегральным показателем стал критерий «собирания творческого потенциала нации». «Воздавая должное царю-реформатору, мы должны помнить и о том, что именно он замирил Польшу, победил Кавказ, присоединил Туркестан и освободил Балканы. Что **его свобода — была свободой активной, восходящей империи**. Можем ли мы сегодня рассчитывать на такую же зрелость нашего государства?»[87], — сказал Модест Колеров.

Данные всероссийского опроса, июль 2006 г.

Рис. 6.

«Зрелость» России — это понимание специфики нынешнего периода интеграции бывших регионов российской и советской империй. При этом, несмотря на фактическое бездействие, в России пока сохраняется идентификация по культурному и политическому признаку. Как свидетельствует опрос ВЦИОМ (рис. 6), к числу соотечественников граждане относят (33% опрошенных) — всех граждан СССР, (40%) — всех русских; (22%) — всех русскоязычных. Другими словами, абсолютное большинство граждан России (94%) полагает, что к числу соотечественников относятся граждане ближнего зарубежья, культурно-политически и исторически связанные с СССР[88].

Сегодня действует принципиально иная, бюрократическая модель, реинтеграции, которая дает очень медленные результаты. Так, к таможенному союзу России с Белоруссией и Казахстаном шли почти 20 лет, а реализована эта идея, если ей ничто не помешает, будет после 2012 года. Еще медленнее идут интеграционные процессы в других областях, зато **одновременно и быстро**, стремительно идут процессы обратные, дезинтеграционные. Пишутся учебники, внедряются опасные идеологические штампы, но, главное, вырастает поколение, которое не считает себя связанным едиными узами с Россией. И это самое опасное. Причем процесс этот идет, как показывает анализ, под сознательным и целенаправленным воздействием местных элит.

Таким образом, мы наблюдаем две взаимоисключающие тенденции: на уровне элит — стремительное «разбегание», которое сознательно стимулируется местными элитами, но отнюдь не нейтрализуется на уровне государственных интеграционных процессов; на уровне народов — пока еще сохраняется общая идентичность и восприятие единого пространства; на уровне интеллигенции — сохранение связи вопреки правящим элитам.

Самый принципиальный вопрос современного развития России — политика в отношении стран, расположенных на постсоветском пространстве. Однако уже в самой постановке, привычной формулировке этого вопроса заложен неверный смысл: проблема на самом деле не столько в межгосударственных отношениях и вытекающей из такой постановки проблемы политики, проводившейся Россией с 1991 года, а в отношении России к **гражданам** этих постсоветских государств. Тем гражданам бывшего прежде в течение столетий **единого государства**, большинство из которых вопреки их воле оказались в другом государстве.

Мне думается, что все вопросы современной России в конечном счете будут исходить из ответа на вопрос о российской идентичности, восприятия

не только гражданами Российской Федерации, но и большинством граждан на постсоветском пространстве, общности истории, ценностей и будущего наших народов.

Как с политической, военной, так и социально-экономической и финансовой точек зрения мне представляется, что это общее прошлое и общее будущее имеют не только своё естественное обоснование. Оно неизбежно, если, конечно, постсоветские «государства» захотят сохранить идентичность своих наций, свои ценности, в конечном счете остаться в процессе мирового развития. Поэтому воссоединение, реинтеграция являются не бредом российских «империалистов», а жизненной необходимостью. Ностальгия по СССР, ставшая заметной в последнее десятилетие, — это не ностальгия по КПСС, а память о государственной, экономической и культурной общности. Память, которую не удалось вытравить в течение двух десятилетий спекуляциями и прямым насилием элит над собственными народами.

В этой связи вопрос о политике России по отношению к странам СНГ и другим постсоветским государствам (включая прибалтийские) становится **не частным, хотя и приоритетным, вопросом российской внешней политики**, а вопросом политическим, экономическим, финансовым, социальными, наконец, самым главным вопросом национальной безопасности, вопросом выживания всей российской нации. Если именно так относиться к этой проблеме, то неизбежна и постановка вопроса **о принципиальном изменении всей российской политики в области безопасности**.

Мне представляется, что именно с такой принципиальной переоценки политического курса необходимо начинать, а именно: правительство России, полагая развал СССР «крупнейшей геополитической катастрофой XX века», должно сделать следующий логический шаг: строить свою стратегию в отношении бывших советских республик, исходя из интересов **всех граждан, проживавших прежде на этой (постсоветской) территории**. По большому счету рассматривая всех этих граждан как единую нацию.

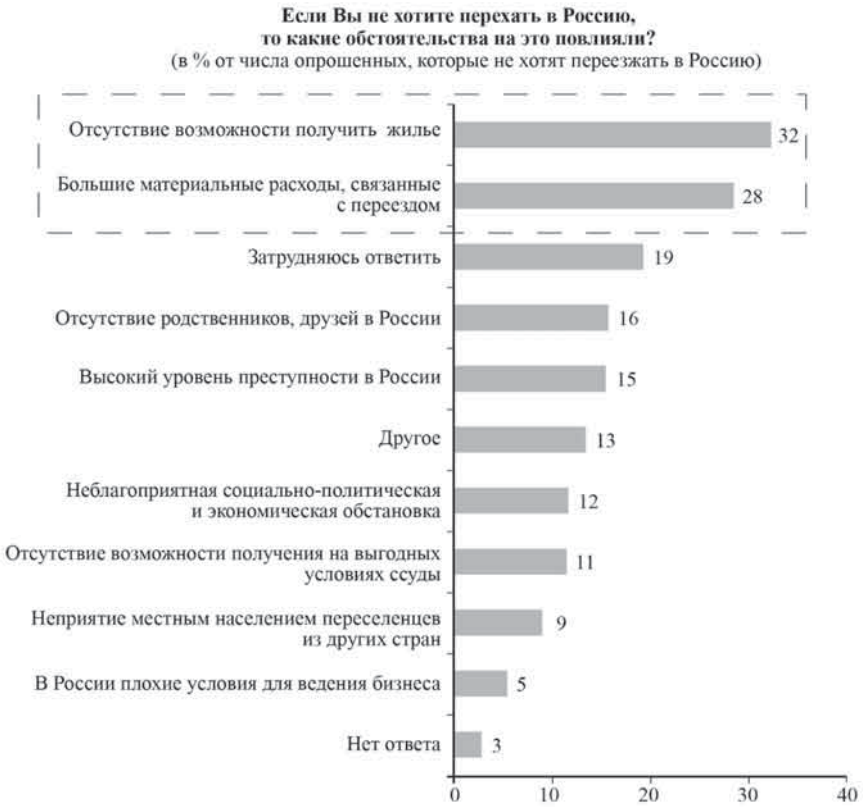
Для России, как правопреемника СССР, их интересы — первичны. В этом смысле отношения с правительствами бывших советских республик должны стать **следствием политики России в отношении своих бывших граждан**. Естественно, что эта модель принципиально отличается от нынешней, во главу угла которой поставлено развитие межгосударственных отношений, т.е. отношений между теми правящими элитами, которые и были заинтересованы в развале единого государства, а теперь бюрократически восстанавливают разрушенные связи.

Именно это стало причиной того, что существующая модель взаимоотношений в рамках СНГ — малоэффективна. Конечно, это лучше чем ничего, но необходимо понять, что будущего у такой модели нет. Сколько бы органов сотрудничества ни создавалось (скоро их численность превысит сотню), сколько бы «стратегий» или «концепций» ни принималось, сколько бы объединенных военных группировок ни создавалось. Потому что нет главного — объединяющей, четко сформулированной задачи, политической приоритетности и политической воли государств, объединившихся в свое время вынужденно для ликвидации СССР и создавших в этих целях «механизм развода» — СНГ.

А взаимная интеграция, даже объединение, не просто возможны, но и необходимы. Но любое объединение (и неизбежная утрата части суверенитета) потребует, чтобы правящие элиты постсоветских государств осознали, что плюсы такого объединения значительно перевешивают его минусы. Для народов придти к такому пониманию значительно легче — граждане не имею плюсов от права печатать деньги, распоряжаться ресурсами, назначать послов и т.д.

68% соотечественников из стран Азии и 33% из стран Европы склонны к переезду в Россию, однако из них, большинство азиатских соотечественников (52%) и четверть европейских (26%) не имеют возможности для этого

Рис. 7. Анализ планов соотечественников на переселение. Желание переехать.



Европейские страны в 2008 г.

Азиатские страны в 2009 г.

* Сумма превышает 100% , т.к респонденты могли давать несколько ответов

**Рис. 8. Анализ планов соотечественников на переселение.
Российские обстоятельства, препятствующие переезду**

Поэтому элиты должны быть поставлены в **такие политические, идеологические и иные условия, когда их всевластие будет значительно ограничено общественным мнением, информацией, политическими условиями**.

Возрождение единого военно-политического, финансово-экономического пространства **необходимо начинать с восстановления единого культурного, образовательного, информационного и гуманитарного пространства, прямых, ничем не ограниченных контактов между людьми-гражданами еще недавно единого государства**. При этом для такой стратегии существуют объективные предпосылки, среди которых главная — тяготение соотечественников к России, даже готовность к переезду, несмотря на все материальные и иные трудности[89] (рис. 7).

Можно лишь предположить, что если бы у России была программа по переселению, аналогичная израильской (когда переселенцам, например, сразу же выделяется удобное жилье, по 1 тыс. евро на человека в месяц, большие скидки и т.д.), то процент был бы значительно выше (рис. 8).

Подчеркну, что переселенцы, как правило, это лица с высоким уровнем образования, креативные и способные внести значительный вклад в развитие России.

Современное состояние СНГ характеризуется следующими факторами:

— СНГ изначально создавался как инструмент «цивилизованного развода», когда правящие элиты бывших советских республик стремились сохранить свой суверенитет, а не единое политико-экономическое пространство. Поэтому его основная функция заключается в обмене мнениями по существу «бракоразводного процесса», а не в разработке стратегии интеграции;
— принимаемые решения, в том числе на саммитах, не являются обязательными, поэтому степень их практической реализации крайне низкая;
— отсутствуют надгосударственные органы, без чего невозможно обеспечить единство действий в достижении намеченных общих целей;
— в СНГ не встроены эффективные механизмы, стимулирующие интеграционные процессы, поэтому темпы развития СНГ зависят только от встреч на уровне СГГ и СГП, а также руководителей межотраслевых и межгосударственных органов (около 80);
— на политику стран — членов СНГ оказывает серьёзное влияние позиция США и других западных стран, которые сделали своим важнейшим внешнеполитическим приоритетом задачу недопущения глубокой военно-политической и экономической интеграции на постсоветском пространстве;
— существует группа объективных факторов, способствующих усилению интеграционных процессов не только внутри СНГ, но и на всем постсоветском пространстве. Среди таких факторов особенно влиятельны следующие:

а) глобализация, рост взаимозависимости, которые в силу традиционных экономических, культурных и гуманитарных связей между республиками бывшего СССР могут иметь особенно высокие темпы;
б) стремление большинства граждан бывших советских республик (по оценкам социологов, до 70%) к восстановлению единого государства;
в) объективная геополитическая реальность, формирующая потребность создания самостоятельного центра силы наравне с существующими тремя — США (300 млн чел. и ВВП 13 трлн долл.), — Евросоюз (440 млн чел. и ВВП порядка 12 трлн долл.), страны Юго-Восточной Азии — Китай, Япония и др. (более 1500 млн чел. и ВВП более 13 трлн долл.).

Надо понимать, что при любом противоречии между элитами стран бывшего СССР объективные геополитические реалии будут вынуждать эти страны, а также, возможно, и другие государства формировать военно-политические и экономические союзы как альтернативные центры силы.

Таким образом, внутри Содружества нет ясной модели развития, вытекающей из согласованного понимания целей СНГ, его предназначения и будущего. Нынешние представления — инерция начала 90-х, не дающая ответа на вопросы о будущем СНГ, мотивации его развития, преимуществ по отношению с интеграцией с Западом, Востоком или Югом. Даже в принятых принципиальных документах (таких, например, как Концепция социально-экономического развития или договоренностях о КСОР) вопросы политической и экономической интеграции, благодаря которым добился успехов Европейский союз, не ставятся.

Между тем все объективные предпосылки и условия для этого есть. Главное препятствие — эгоизм национальных элит, стремящихся сохранить всю полноту контроля и власти на постсоветском пространстве.

Выбор основных направлений политики РФ на пространстве СНГ во многом предопределяется двумя основными группами факторов:

Во-первых, объективными международными и внутренними **реалиями и условиями**, а также имеющимися и будущими **ресурсами**.

За период существования СНГ произошла существенная эволюция как международных условий и реалий, в которых существует РФ, так и ресурсов, имеющихся в распоряжении России и других постсоветских государств для обеспечения внутренней и внешней политики.

Во-вторых, **национальными интересами** и понимаемыми в определенный период времени руководством соответствующими приоритетами и ценностями, на основании которых, в свою очередь,

формулируются конкретные **цели и задачи внешней и внутренней политики государства**.

В наиболее концентрированном виде такая **официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внешней и внутренней политики** сформулирована в документе под названием «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной Президентом РФ 12 мая 2009 года. Применительно к политике по отношению к СНГ и, в частности, указанным выше двум группам факторов в ней говорится следующее.

К первой группе:

— «развитие мира идет по пути глобализации всех сфер международной жизни, которая отличается высоким динамизмом и взаимозависимостью событий»;
— «между государствами обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития… ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции»;
— «возросла уязвимость всех членов международного сообщества»;
— в результате укрепления новых центров экономического роста и политического влияния складывается новая геополитическая ситуация»;
— и далее хотелось бы подчеркнуть: «…формируется тенденция к поиску решения имеющихся проблем и урегулированию кризисных ситуаций на региональной основе без участия нерегиональных сил».

Ко второй группе:

Как уже говорилось, в этой группе говорится о понимаемых правящей элитой в настоящий момент приоритетах и целях внутренней и внешней политики. Так, говоря о таком понимании, в «Стратегии национальной безопасности РФ» пишется буквально следующее: «Развитие отношений двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами — участниками Содружества Независимых Государств является для России приоритетным направлением внешней политики…»

В этой связи не может ни обратить на себя внимание несколько обстоятельств.

Первое. Необходимо признать, что существует проблема приоритетности, имеющая очевидно **политический характер**. Интеграция — политическая, военная, экономическая — будут зависеть, как и прежде, прежде всего от того, насколько **политически приоритетной** эта задача будет рассматриваться правящими элитами постсоветских государств. До настоящего времени интеграция не являлась высшим приоритетом не только в бывших советских республиках, но и в России. Упор делался на сознательное развитие межгосударственных отношений. Признавая, например, «приоритетность отношений со странами СНГ», в самой «Стратегии» такая приоритетность выстраивается **после** приоритетов в отношении таких субъектов международных отношений, как ООН, «восьмерка», «двадцатка», РИК, БРИК и другие страны, а также международных институтов. Это не случайно, а отражает существующую инерцию и скептицизм в отношении СНГ и его будущего, сложившуюся за последние 18 лет в российском общественном мнении и руководстве страны. Не случайно и то, что несколько лет назад была предпринята попытка откровенной дискредитации СНГ, которая проходила под лозунгом: «То, что было инструментом развода, не может стать инструментом интеграции».

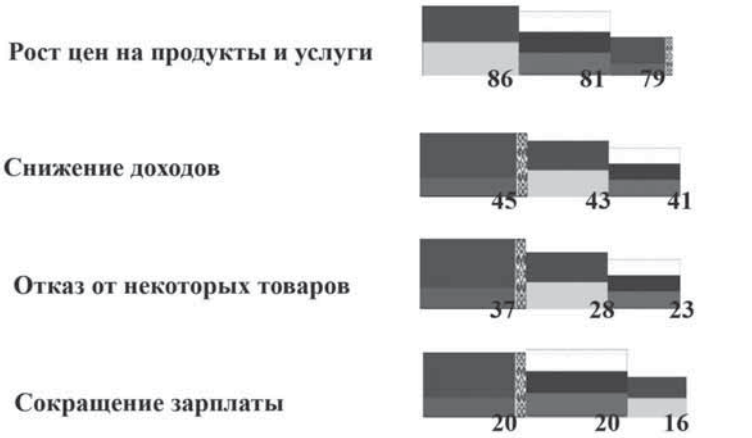
Соответственно, признание сегодня приоритетным направления СНГ, которое стало регулярно звучать в последние годы, потребует определенных усилий для закрепления его не только в политических декларациях, но и в реальной политике страны. Приоритет закрепляется прежде всего в статуте лица, отвечающего за эти вопросы, формализации в основополагающих документах и актах, включая финансовые и бюджетные, удельном весе информации и т.д.

Второе. Отношения со странами СНГ видятся как исключительно международные, межгосударственные. Это видно как из «Стратегии», так и из плана её реализации. Если «Стратегия», как декларируется, отражает «современное видение проблемы безопасности и приоритетов внутренней и внешней политики», то не случайно в ней в качестве основных интеграционных механизмов упоминаются ОДКБ, Евразийское экономическое сообщество и ШОС. Общественные форумы, которые проводятся по инициативе и планам работы правительств могут расцениваться лишь как вспомогательные усилия.

Необходимо прежде всего создание **системы отношений** — масштабной, автономной и разноуровневой — **на негосударственном уровне**: между максимально широким спектром институтов гражданского общества (профсоюзами, творческими союзами, образовательными организациями и т.д.), регионами, городами и поселениями (особенно теми, кто имел традиционные кооперационные и иные связи), бизнес-сотрудничества и, наконец, просто гражданами.

Очевидно, что, говоря сегодня о приоритетности СНГ, имеется в виду развитие межгосударственных отношений. И в этом, как мне представляется, сегодня главная проблема. Простого развития отношений в рамках СНГ — мало. Главная идея, высший приоритет комплексной политики России по отношению к СНГ (в более широком контексте ко всему постсоветскому пространству, включая страны Балтии, Абхазию и Южную Осетию) должна стать стратегическая (долгосрочная) идея восстановления единого экономического, культурного и информационного пространства.

За эту идею проголосовало не только абсолютное большинство граждан СССР в 1991 году, но она и сегодня симпатична для приблизительно такой же доли граждан в странах бывшего СССР. Другими словами,



Самые распространенные ответы на вопрос «С какими проявлениями кризиса вы столкнулись за последние полгода?»

Рис. 9. Проявления кризиса

общественная поддержка (но не правительственная) этой идеи существует и сегодня. При определенных условиях эта общественная поддержка может превратиться в решающий **политический фактор** реинтеграции. Соответственно практическая задача состоит в том, чтобы постепенно трансформировать **общественную поддержку в политическую**, сделать общественное мнение на постсоветском пространстве **решающим политическим фактором влияния на позиции правящих элит**.

Тем более что в славянских странах, как правило, существует общее понимание и отношение к реалиям. Или очень близкое. Так, проявление кризиса 2008–2010 годов практически одинаково отразилось на России, Украине и Белоруссии. Что видно отчетливо из опросов ВЦИОМ[90] (рис. 9).

Практически это означает, что в рамках единой комплексной политики РФ по отношению к СНГ необходимо сформировать **два направления**.

Первое — политика и дипломатия в её классическом понимании (двусторонние и многосторонние отношения на разных уровнях), т.е. то, что делается с разной эффективностью после 1991 года. Субъектами этой деятельности являются собственно правительства и элиты. Но в этом направлении, как уже говорилось, нет ни долгосрочной стратегической идеи реинтеграции, ни наднациональных органов, ни механизмов.

Второе — политика и самая широкая деятельность «по горизонтали», минуя или привлекая правящие элиты по мере необходимости во всех областях возможного сотрудничества. Субъектами этой деятельности должны стать заинтересованные в реинтеграции институты гражданского общества, бизнес, часть правящей элиты, но, главное, — интеллигенция.

Понятно, что жесткой границы между этими направлениями нет и не должно быть, но вместе с тем необходимо понимать, что **условия** для реинтеграции будут возникать тем быстрее и надежнее, чем прочнее установятся связи на **втором направлении**.

Если согласиться с подобной посылкой, то становится очевидным:

Во-первых, что практика работы в СНГ последних 18 лет была малоэффективна (что никто не отрицает), хотя и полезна, а созданные институты и механизмы необходимо развивать и усиливать. Это касается как движения в направлении создания наднациональных органов, единого правового поля, рынка труда и т. д., так и других атрибутов и признаков суверенитета единого государства.

Во-вторых, те же 18 лет существования СНГ показали, что, опираясь только на межгосударственные отношения и бюрократические процедуры и механизмы, задачу реинтеграции не решить. При том что существуют огромные неиспользуемые ресурсы реинтеграции в виде негосударственных организаций и объединений, да и простых граждан, задействовать которые официальные государственные российские структуры не могут.

Таким образом **комплексная** политика России должна состоять из государственной политики (политики исполнительной власти, межпарламентских отношений, пограничных, судебных и т.п. сегментов) и активной, масштабной общественно-информационной политики, реализуемой параллельно на неправительственном уровне. Объектом воздействия такой политики должны быть простые граждане, институты гражданского общества, интеллигенция и часть ориентированной на Россию элиты.

Если государственная политика — это политика отношений «вертикалей» (сегодня это совещания и встречи глав государств, правительств, министров, послов и различных представителей), то общественно-информационная политика — это политика развития «горизонталей» (деятелей культуры, искусства, бизнеса, образования и т.д.). Важно понимать, что они не просто дополняют официальную политику, являясь её «довеском», а образуют вполне автономное и активное направление комплексной политики, которое может иметь в будущем решающее значение.

[1] Цит. по: *Магарил С.* Поиски социального качества // НГ-наука. 2011. 9 февраля. С. 12.

[2] Цит. По: *Кантор Ю.* На каждого интеллигента должно быть дело // Новое время. 2008. 22 апреля. С. 6.

[3] Интеллектуальный класс и перспективы российской модернизации. Третий доклад Центра политической критики // Русский журнал. 2010. 12 июля.

[4] *Куйбида А., Чеберко И.* «Эффективная наука» стала главой Стратегии // Известия. 2011. 29 июля. С. 3.

[5] *Башкатова А.* Женский вопрос «Стратегии 2020» // Независимая газета. 2011. 1 марта. С. 1.

[6] *Ваганов А.* Две дуги международного научного сотрудничества // Независимая газета; НГ-наука. 2011. 9 февраля. С. 1, 3.

[7] Готово ли российское общество к модернизации? С. 232.

[8] *Савина М. В.* Роль креативного класса в становлении постиндустриальной экономики // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2008. № 4 (17).

[9] *Славин Б.* Идеология возвращается. М.: 2010. С. 18.

[10] *Колганова Л. В.* Креативные классы в России. 3 мая 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.proshkola.ru/user/

[11] См. подробнее: *Хрусталёв М. А.* Методология прикладного политического анализа. М.: МГИМО–Университет, Проспект. 2010. С. 48–51.

[12] Интеллектуальный класс и перспективы российской модернизации: третий доклад Центра политической критики // Русский журнал. 2010. 12 июля.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] *Кругман П.* Особый случай Египта // Независимая газета. 2011. 14 февраля. С.5.

[16] Рейтинг вузов по образованию представителей научно-образовательной элиты России – 2010. М.: Рейтор. 2011. С. 93.

[17] *Куйбида А., Чеберко И.* «Эффективная наука» стала главой Стратегии // Известия. 2011. 29 июля. С. 3.

[18] *Суворова А. В.* Креативность как категория инновационной экономики. 27 января 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://arbir.ru/articles/

[19] Там же.

[20] Модернизация как политическая программа. Центр политической критики // Русский журнал. 2010. 5 апреля.

[21] Российский статистический ежегодник 2010. С. 695.

[22] *Башкатова А.* Капитальный отскок на Запад // Независимая газета. 2011. 14 января. С. 1, 4.

[23] *Письменная Е., Костенко Н.* Доходные места // Ведомости. 2010. 24 августа. С. 3.

[24] Российский статистический ежегодник 2010. С. 131.

[25] *Грицюк М.* До семидесяти и старше // Российская газета. 2011. 1 марта. С. 4.

[26] *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI. 2007. С. 22.

[27] *Рогов К.* Третий цикл // Ведомости. 2011. 30 марта. С. 4.

[28] *Воробьевский Ю.* Третий акт. С. 72.

[29] *Крыштановская О.* Интеллектуалы и закрытая политическая корпорация // Русский журнал. 2010. 20 июля.

[30] Там же.

[31] Там же.

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] В свое время я отмечал, что интеллигентность аккумулирует ведущие в XXI веке качества — интеллект, культуру, духовность, которые стали главным ресурсам развития. См. подробнее: *Подберезкин А., Булатов Ю.* Россия в глобальном мире: некоторые теоретические аспекты исследования. М.: Научная книга, 2003. С. 184–187.

[35] *Подберезкин А. И.* Стратегия для России. М.: 2002. С. 36.

[36] *Родин И., Садовская Ю.* Сергей Миронов заговорил о национализации // Независимая газета. 2011. 14 февраля. С. 1, 3.

[37] *Торкунов А.* О месте и роли гуманитарных и общественных наук в системе интеллектуального развития // По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 398.

[38] *Магарил С.* Поиски социального качества // Независимая газета. 2011. 9 февраля. С. 12.

[39] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир. 2010. С. 91.

[40] Сразу же оговорюсь, что подобный творческий процесс в общественно-политической области может быть опасен, радикален. И власть это хорошо понимает, акцентируя внимание на возможности борьбы именно с этими слоями. См., например: *Таратута Ю.* Взятки — «Нашим» // Ведомости. 2011. 14 апреля. С. 2.

[41] *Магарил С.* Поиски социального качества // Независимая газета. 2011. 9 февраля. С. 12.

[42] Научный потенциал и инновационная активность в России: вып. № 4: статсборник. М. 2010. С. 28, 29.

[43] *Новикова А.* Выпускники стремятся в клинические психиатры // Известия. 2011. 29 июля. С. 3.

[44] *Башкатова А.* На месте СССР образовался союз антисоциальных государств // Независимая газета. 2011. 2 июня. С. 4.

[45] *Торкунов А.В.* Школа российской идентичности // По дороге в будущее / ред.-сост. А.В. Мальгин, А.Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 180.

[46] *Невинная И.* «Минималку» увеличили на 281 рубль // Российская газета. 2011. 2 июня. С. 1.

[47] *Водяник А.* Откуда взялся креативный класс в США и Великобритании. 29 декабря 2010 г. Сколково [Эл. ресурс]. URL:http://www.gosbook.ru/node/13619

[48] Там же.

[49] Средний класс после кризиса: экспресс-анализ взглядов на политику и экономику / Л. М. Гругорьев [и др.]. М.: МАКС-пресс. 2010. С. 15–16.

[50] От редакции. К кому уходит детство // Независимая газета. 2011. 1 июня. С. 2.

[51] *Торкунов А.В.* Школа российской идентичности. История международных отношений и состояние современного исторического образования // По дороге в будущее / ред.-сост. А. В. Мальгин, А. Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс. 2010. С. 180.

[52] *Башкатова А.* На месте СССР образовался союз антисоциальных государств // Независимая газета. 2011. 2 июня. С. 4.

[53] *Савина М.В.* Роль креативного класса в становлении постиндустриальной экономики // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2008. № 4 (17).

[54] Российский статистический ежегодник 2010. С. 755.

[55] Там же.

[56] Там же. С. 726, 727.

[57] Доля импорта в 2011 году за полгода выросла почти на 50%. См., *Сергеев М.* Дорогая нефть не защитит рубль от девальвации // Независимая газета. 2011. 2 августа. С. 1, 2.

[58] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М. 2008. С. 36.

[59] Цит. по: Рейтинг вузов по образованию представителей научно-образовательной элиты России–2010. М.: Рейтор. 2011. С. 94.

[60] Там же.

[61] Там же.

[62] *Гулина В. В.* Теория марксизма и современность // Гуманитарные исследования. 2010. № 8. С. 7.

[63] Цит. по: *Медведев Ю.* Миллионер из хрущоб // Российская газета. 2010. 31 марта. С. 12.

[64] *Волков Ю.* В первый раз в «креативный класс». 2 апреля 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://gazeta.sfedu.ru/su/artickl/

[65] *Буравой М.* «Опасный» класс как спаситель человечества // Русский журнал. 20 июля 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.russ.ru/pole/

[66] *Рубин М.* Правое дело начинает эксперименты и национализмом // Известия. 2011. 3 августа. С. 2.

[67] *Буравой М.* «Опасный» класс как спаситель человечества // Русский журнал. 20 июля 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.russ.ru/pole/

[68] Хотя почему-то эта численность, с легкой руки Р. Флориды оценивается в 20–25 млн человек. – *Прим. авт.*

[69] Научный потенциал и инновационная активность в России: вып. 4: статсборник. М.: Минобрнауки, РИЭПП. 2010. С. 23–24.

[70] *Попов Г.* Марксистский метод против марксистских концепций // Вопросы экономики. 2007. № 2. С. 123.

[71] *Медведев Д.* Ежегодное послание Федеральному Собранию РФ Президента России // Российская газета. 2008. 6 ноября.

[72] *Грин С.* С широко закрытыми глазами: социальные последствия российского кризиса. Т. 10. Вып. 4, М.: Центр Карнеги. 2008.

[73] *Попов Г.* Марксистский метод против марксистских концепций // Вопросы экономики. 2007. № 2. С. 123.

[74] Осенью 2010 года, например, на заседании Госсовета М. Прохоров и Д. Медведев предложили преподавателям вузов идти в ПТУ.

[75] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Президентом РФ В. Путиным 9 сентября 2000 г.). [Эл. ресурс]. URL: http://www.serf.gov.ru

[76] Там же.

[77] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М. 2008. С. 10.

[78] *Кузьмин В.* Посредники для денег // Российская газета. 2011. 3 августа. С. 2.

[79] *Кувшинова О.* 13 млрд // Ведомости. 2011. 9 марта. С. 4.

[80] *Торкунов А.* Школа российской идентичности // Независимая газета. 2009. 28 июля.

[81] *Башкатова А.* На месте СССР образовался союз антисоциальных государств // Независимая газета. 2011. 2 июня. С. 4.

[82] Там же.

[83] *Брутенц К.* Россия и Азия // Международная жизнь. 2011. март. № 3. С. 125.

[84] *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI. 2007. С.10.

[85] *Буравой М.* Опасный» класс как спаситель человечества // Русский журнал. 20 июля 2010. [Эл. ресурс]. URL:http://www.russ.ru/pole/

[86] Творчество — деятельность, порождающая нечто качественно новое, прежде не существовавшее. — *Прим. авт.*

[87] *Колеров М.* Именно царь-реформатор замирил Польшу, победил Кавказ, присоединил Туркестан и освободил Балканы. 9 марта 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://regnum.ru/news/09.03.2011

[88] ВЦИОМ. Данные всероссийского опроса, июль 2006 г.

[89] Там же, июль 2008 и 2009 гг.

[90] ВЦИОМ. Как страны СНГ выходят из экономического кризиса, сентябрь–ноябрь 2009 г. С. 7.

Глава 3

Креативный класс: национальные интересы и национальные ценности

В киевской купели родился один народ.
Патриарх Алексей II

Традиционное сознание в России доказало свою устойчивость по отношению к вестернитизации[1].
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Основное противоречие современной эпохи заключается в совместимости таких базовых понятий и ценностей, как «национальные интересы», «национальные ценности», с реалиями модерна и современными потребностями развития. Это противоречие вполне преодолимо, как показывает политическая практика в Китае, Индии, Бразилии, да и ряда европейских стран, в том случае, если правящая элита и общество являются национально ориентированными, т.е. исходят из приоритетов национальных интересов и ценностей. В этом случае происходит модернизация ценностной системы, но модернизация, **направленная на развитие нации, а не на реализацию каких-либо (или чьих-либо) интересов**. Происходит не замещение одной системы ценностей другой, **а синтез**, взаимопроникновение и органичное сочетание разных систем ценностей[2]. Этот синтез является той интегральной основой, которая выступает в качестве базиса для развития нации и ее НЧП[3].

В нынешней России произошло достаточно формальное разделение между системой ценностей правящей элиты, прежде всего ее либерально-монетаристского крыла, навязывающего нации «модернистскую» повестку дня и отказ от системы национальных ценностей, и большинством нации. Креативный класс также оказался расколотым на «традиционалистов» и «модернизаторов». Если первые отражают национальную систему ценностей, то вторые — «универсальную», отказ от национальной системы и в конечном счете игнорирование национальных интересов.

Как хорошо видно из исследования РАН (рис. 1), нация оказалась расколотой на «модернистов» и «традиционалистов» как по возрастному, так и социально-профессиональному признаку. Так, среди «модернистов» наибольшее число сторонников молодых людей, но и они отнюдь не составляют большинства, и наименьшее — среди лиц 50 лет и старше. «Традиционалистов» среди молодых людей значительно меньше, а с возрастом 50 лет и старше — их численность значительно возрастает.

При этом абсолютное большинство (56–65%) принадлежит к промежуточной группе во всех возрастных категориях. На мой взгляд, это означает, что сторонники «синтеза» старой и новой системы ценностей интуитивно сознают, что крайности для нации неприемлемы, что нужен поиск новой системы и идеологии[4].

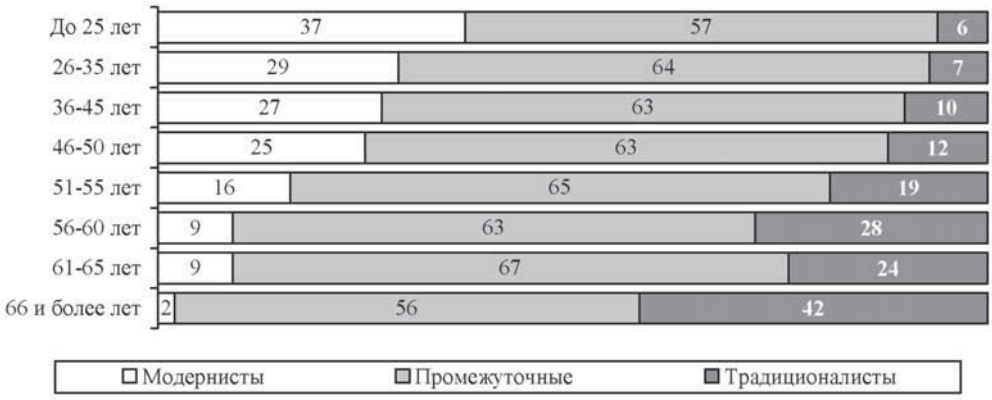


Рис. 1. Доля представителей различных мировоззренческих групп в составе отдельных возрастных когорт, %

Примечательно, что «модернизаторы», составляющие значительную часть общества в возрасте 36–50 лет, создают основу как для нынешнего политического курса страны, так и значительную часть ее элиты. Не случайно и то, что в «путинской» возрастной группе их намного меньше, а число «традиционалистов» значительно превышает число «модернизаторов». Я полагаю, что с определенной долей условности эти пропорции могут быть перенесены и на правящую элиту (с поправкой на подавляющее преимущество «модернизаторов» среди финансовых властей и бизнеса).

Таким образом, налицо раскол в обществе и в элите. Но среди представителей большинства («промежуточной группы») нет ясной идеологии, отражающей их представление о ценностной системе. Если у «модернизаторов» — либеральная традиция, а у «традиционалистов» — коммунистическая или имперская, то какая идеология у сторонников синтеза систем ценностей?

На мой взгляд, такой идеологией может стать идеология русского социализма, в основе которой лежит понимание роли креативного класса и развития НЧП.

Важно также определиться с долей представителей «традиционалистов» и «модернизаторов» в отдельных социально-профессиональных группах. По оценке экспертов РАН, ситуация выглядит следующим образом[5] (рис. 2).

Как хорошо видно из результатов анализа, основная группа «модернизаторов» сосредоточена среди предпринимателей и руководителей первого уровня (64% и 61% соответственно), а также руководителей среднего и низшего звена (45%). Вместе с тем среди них уже заметна и доля «традиционалистов», но — что примечательно — во всех социальных груп-

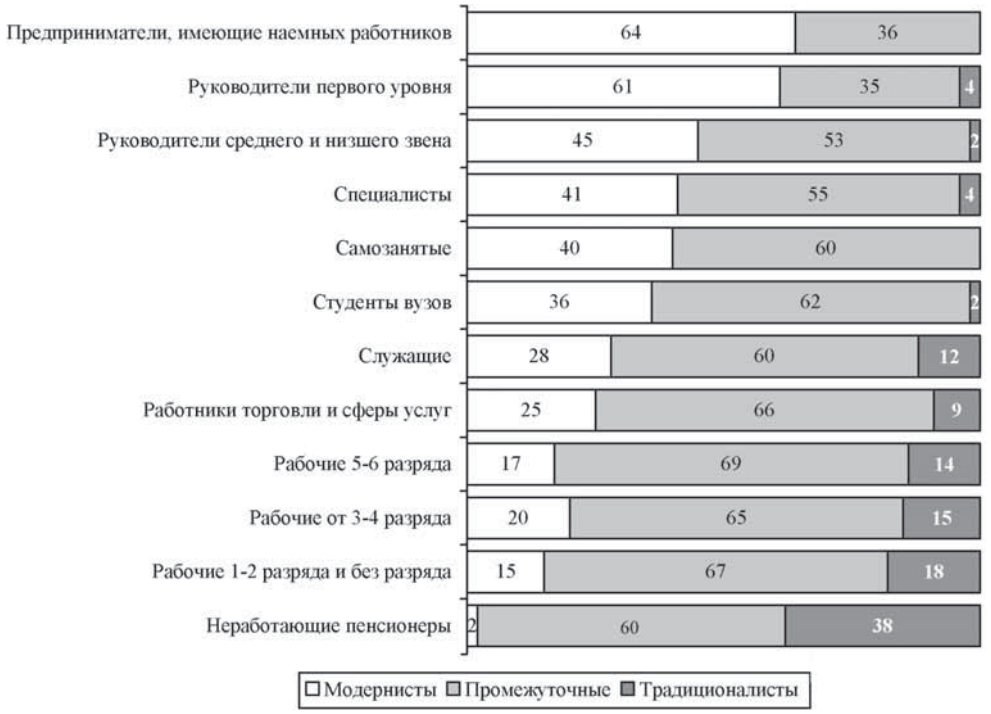


Рис. 2. Доля представителей различных типов мировоззрения в составе отдельных социально-профессиональных групп, %

пах (кроме первых двух) превалируют сторонники смешанной, синтезированной системы ценностей.

Таким образом, в отношении как возрастных, так и профессиональных групп можно констатировать.

Первое. Конфликт между правящей молодой элитой и основной частью нации.

Второе. Доминирование в большинстве нации, в т.ч. среди ее креативного класса, сторонников «синтезированной» системы ценностей.

Эти расхождения в полной мере переносятся с системы ценностей на национальные и государственные интересы. Сразу оговорюсь, что у меня личные отношения со страной и нацией. Я все время стремлюсь доказать важность национальных интересов, их приоритетность, хотя знаю, что давно в этой работе проиграл. Наверное, потому что принадлежу к поколению, которое жило многие годы под впечатлением Победы и авторитета военного поколения, у которого, как емко сказала Н. Осс, «личные отношения с целой страной», «роман с государством»[6]. Как сказал мне мой друг, долгие годы бывший очень большим чиновником, «Алексей, — у тебя плохие отношения с государством. Ты его любишь, а оно тебя нет».

Вопрос об отношении креативного класса к национальным интересам и ценностям — один из самых противоречивых. С одной стороны, отличительной чертой креативного класса являются мобильность, толерантность, готовность к смене работы и даже космополитизм, которые ослабевают связи с национальными корнями. Но, с другой стороны, настоящее творчество возможно, только когда существует национальный культурный фундамент. Так, русский классический балет, драматический театр являются лучшими в мире в том числе и потому, что этим школам почти 300 лет. Собственно, это и говорит в пользу того, что «национальным брендом» России должна стать культура и ее носитель — креативный класс. Так, в 2006 году Россия заняла в рейтинге «национальных брендов» «20-е из 35 возможных мест. Рейтинг был составлен на основе опроса 25,9 тысяч человек. Им предлагалось оценить 35 стран по шести факторам: туристической привлекательности, человеческому капиталу, качеству экспортируемых товаров, справедливости правительства, привлекательности культуры и спорта, а также привлекательности в качестве места жительства и вложения капитала. Выяснилось, что россиян в мире воспринимают как „дружелюбных и приветливых“, а также достигших больших высот в культуре, науке и спорте»[7].

В России в 2010–2011 годах для большинства элиты становилось все понятнее, что власть должна перестать игнорировать нравственные нормы, а государство — социальные и нравственные проблемы. Это выразилось не только в попытках усиления борьбы с коррупцией, но и в возрастании роли государства и РПЦ. В этом смысле церковь, следуя исторической традиции, воздействовала на власть, как говорил религиозный мыслитель В. Зеньковский, «…в сторону усвоения государственной властью священной миссии»[8].

Не случайно и то, что именно в 2010–2011 годы **усилилось внимание к национализму как идеологии**[9]. В том числе и в связи с культурой и образованием. В частности, именно с таким названием проходила в апреле 2011 года одна из сессий Совета по внешней и оборонной политике.

Лиши человека памяти — и он превратится в животное. Лиши памяти, традиции нацию — и она перестанет существовать. Если вы хотите полной абсолютной победы в войне, если вы хотите, чтобы противостоящая вам нация перестала существовать, исчезла вместе с объединяющим ее государством, то военной или политической победы мало. Надо, чтобы нация лишилась памяти, традиций, изменила свою систему ценностей.

И глобализация отнюдь не противоречит этим выводам. Совсем наоборот. Там, где глобализация разрушает культурно-исторические и духовные традиции, она превращает государства и нации в придатки развитых стран — стран, которые являются не только лидерами глобализации, но и странами, тщательно охраняющими свои традиции. Более того, в тех странах, где удается сочетать достижения глобализации с сохранением традиций, прогресс развивается наиболее стремительно. Сегодня это США (которые тщательно берегут и развивают свои немногие традиции и систему ценностей), Китай, Индия, наконец, Бразилия. Не случайно, что именно страны — члены БРИК (пока что за исключением России) придерживаются вполне определенной националистической политики.

Не случайно и то, что геополитическая общность стран — членов БРИК (плюс ЮАР) по отношению к «большой семерке» и «большой 20» во многом основывается и на общности финансово-экономической, а не только, как принято считать, на их растущей доли в мировой экономике и темпах роста ВВП[10].

Творчество нации, выраженное в потенциале креативных социальных групп, в наивысшей и полной мере возможно там, где есть и берегутся традиции, история и национальная система ценностей. Это — фундамент, на котором только и может существовать творчество. Сам по себе креативный класс — ничто, если он не опирается на национальные духовные, культурные и нравственные основы.

Как справедливо заметил писатель З. Прилепин, «очень сложно наделить существование миллионов людей рациональным смыслом, потому что они заняты реальным „ничем“ и занимаются этим из года в год. Мне их времяпрепровождение абсолютно непонятно. Причем я замечал это на своих собственных работниках. Почему так происходит? Мне кажется, это результат отсутствия глобальной государственной цели, куда будет вовлечена большая часть граждан России. Пока что мы просто толчем воду в ступе»[11].

Креативный класс, как перекати поле: он не может называться классом, а лишь интерконтинентальным наемником. И дело даже не в деньгах и условиях работы. Проблема в том, что **вне** национальной почвы, национальной школы ничего качественно нового в науке, культуре или искусстве не создашь. «Из воздуха» — не придумаешь. Более того, этот класс опасен.

И проблема заключается в том, что стратегия модернизации, широко обсуждавшаяся в 2011 году, игнорировала эту аксиому. Она была целиком ориентирована на внешние заимствования, которые не требовали ни национальной научной школы, ни культуры, ни искусства. Не требовала эта стратегия и развития креативного класса, за исключением, пожалуй, слоя менеджеров-финансистов.

1. Национальная традиция, национальные интересы[12] и креативный класс

…Второй демографический переход — незначительное преобладание смертности над рождаемостью — можно объяснить наступлением либерализма, ведущего к расхождению индивидуальных интересов с общественными; доминированию у индивидов потребности в самосохранении над потребностью в сохранении рода[13].

А. Витязев

В начале XX века в царской России за 10 лет было открыто больше технических институтов, школ, училищ, чем за всю предшествовавшую историю. … великие инженеры Зворыкин, Тимошенко и Сикорский хорошо работали, пока у власти был математик Столыпин, но бежали из России, когда страну взяли юристы Керенский и Ленин…[14].

С. Лесков

Креативный класс вне системы национальных интересов и ценностей, на мой взгляд, перестает быть креативным. Просто потому, что он и не мог бы им стать изначально вне этих систем, зародиться на некой абстрактной социокультурной почве. Когда говорят об известных деятелях науки или культуры, ставших «людьми планеты», то забывают, что, прежде чем стать таким общечеловеческим достоянием, им нужно было сначала стать **национальным достоянием**. Это относится в полной мере и к области культуры, и науки, и искусства, и инженерии.

Смею утверждать, что креативный класс как никакой другой класс патриотичен, национально и социально ориентирован, хотя, как правило, и не любит связывать себя обязывающими и стесняющими условностями, особенно в части информации, работы, передвижения, что позволяет некоторым исследователям полагать, что креативный класс по определению является сторонником универсализма и настолько глобализирован, что не считается ни с национальными интересами, ни с национальными ценностями[15].

Дискуссии 2010–2011 годов неожиданно для многих вышла на новые темы: систему ценностей нации и общества, культуру, образование, социальную справедливость — все то, что более 20 лет практически не беспокоило российскую элиту. Симптоматично, что именно эти вопросы стали, например, предметом обсуждения в апреле 2011 года на ассамблее Совета по внешней и оборонной политике, члены которого крайне чувствительны всегда к политической конъюнктуре. Не случайно и то, что в это время Совет при Президенте по содействию развития гражданского общества вышел с инициативой о «десталинизации» и публикации новых учебников, которая вызвала полярную реакцию в обществе. Как справедливо заметил профессор В. Овчинский, «…все время не покидает ощущение, что и в России некие модельщики хотят стереть историческую память для выращивания некоего нового социального общества»[16]. Понятно, **какие** «модельщики». Также понятно, **какое** новое социальное общество.

Не секрет ни для кого, но только в 2011 году в элите об этом заговорили открыто, что в России сложилось **два** общества, **две** морали, **две** системы ценностей, **два** понимания национальных интересов. Одна — для 20% состоятельных граждан. Другая — для 80% — бедных и нищих. Для последних, как справедливо заметил Дондурей, стало привычным то, что их благополучие не зависит ни от их образования, ни от их трудолюбия, ни от чего. Именно их внимание обращено в прошлое, когда такие возможности, как им казалось, у них были. К сожалению, среди этих 80% немалая доля креативного класса, даже его «ядра» — ученых, деятелей культуры и образования, — которые при существующей системе не могут реализовать свой творческий потенциал. Да и среди тех 20%, которых относят к успешной части

общества, немало тех, кто был вынужден променять свой талант и способности на материальные благополучие. И первые, и вторые не видят в нынешней системе для себя возможностей реализовать свой творческий потенциал.

Именно поэтому важнейшим национальным интересом, который не осознан до конца правящей элитой, является создание **благоприятных условий для реализации творческого потенциала всей нации**[17]. Это и есть главная управленческая задача, стоящая перед элитой. Как ее благополучной, так и неблагополучной (с материальной точки зрения) части. Этот национальный интерес, будучи осознан, превращается в стратегическую цель долгосрочного развития. Или (если элита не может либо не хочет адекватно это осознавать) — не превращается. Как сегодня в России, когда ежегодно десятки тысяч человек эмигрирует за рубеж прежде всего не в поисках благополучия, а для творческой самореализации. Именно поэтому писатель Д. Быков, например, справедливо полагает необходимым реанимацию «советского проекта», хотя бы в отдельных его частях, на основании советского опыта[18].

Именно поэтому вопрос о роли национальной культуры стал в 2010–2011 годы принципиальным для элиты, которая на протяжении многих лет воспринимала ее, по легкому выражению бывшего зам. министра культуры России П. Пожигайло, как «порцию культуры» на человека — количество библиотек, музеев и т.д. на одного жителя страны.

Это новое восприятие стало следствием многолетнего и сознательного игнорирования правящей элитой роли национальных интересов и национальных ценностей и, в частности, культуры, что привело к абсолютному искажению действительности. (Когда, например, массовый спорт без культуры и национальных ценностей стал индустрией подготовки бандитов). И наконец-то было осознано, что, в отличие от Запада, Россия страна «более этическая, чем логическая».

Именно сохранение такой ценности, как православие, и национальной идентичности (которой как понятия тогда, естественно, еще не существовала), а в конечном счете, культуры, стало стратегией святого князя А. Невского, Ивана III, Екатерины II, Александра II. Именно национальная инженерная школа России дала миру блестящих инженеров, чей уровень определял уровень мировой инженерной мысли. Как справедливо заметил в этой связи бывший префект Центрального округа Москвы А. Музыкантский, «люди во власти в современной России понимают, зачем нужна экономика, но не понимают, зачем нужна культура. Им это нужно объяснить. Может быть, поверят, подумают и сделают».

Вся история России последних столетий — это история борьбы русского народа за сохранение национальных ценностей, которая выражалась во многом в борьбе с попытками Запада внедрить или навязать свою систему ценностей. От раннего средневековья (Киевской Руси) и новейшей истории (Февральской и Октябрьской революций) до наших дней. От идеологических экспансий католиков до протестантов (кальвинистов) и нынешних либералов и марксистов разного толка.

В особенности тяжелым для России оказался XX век, когда чуждые, искусственные для России ценности — либерально-протестанские и марксистские — оказались насильственно (политическими методами) внедрены в общественную жизнь народа. Уверен, что временная победа этих ценностей не случайно совпадет с острейшими фазами кризиса в России, который в эти периоды приобретает **системный**, идейно-экономический характер. Так было в 1917–1925 годах, но так было и в 1990-х годах XX века. При этом как марксисты, так и либералы 90-х годов XX века искренне считали, что базис общества — экономика, а не его социокультурная основа.

И, наоборот, совершенно не случайным кажется то, что улучшение социально-экономической ситуации в стране, более того, стремительный рост силы и влияния государства совпадали по времени с периодами возвращения традиций и ценностей, ростом патриотизма и возвращением православия. В XX веке эти периоды совпадали с периодами «борьбы с троцкизмом» в 30-е годы, «преклонением перед Западом» — в 40-е годы, — и отказом от либерализма — конец 90-х годов XX века, начало первого десятилетия XXI века.

Можно по-разному относиться к таким совпадениям и роли традиций, но неизбежно приходится признать, что:

— во-первых, без традиции нет нации;
— во-вторых, без традиции и нации нет государства;
— в-третьих, без традиции, нации и государства нет адекватного восприятия и защиты национальных интересов;
— в-четвертых, без традиции нет культуры, духовной жизни, искусства, **творчества вообще**, а значит, нет и национального творческого (креативного) класса;
— наконец, в-пятых, без творческого класса невозможно создать что-либо нового вообще и принципиально, качественно нового, в частности. Ни в науке, ни в технологии, ни в искусстве. Можно лишь повторить с разной степенью успешности то, что было сделано другими творческими лицами в других странах.

Не случайно соцопросы показывают, что традиционно в России ценятся такие «нематериальные» качества, как ум, порядочность, верность[19] (рис. 3).

Общий же вывод таков: опережающее развитие в принципе невозможно без национального и эффективного творческого класса, **опирающего**

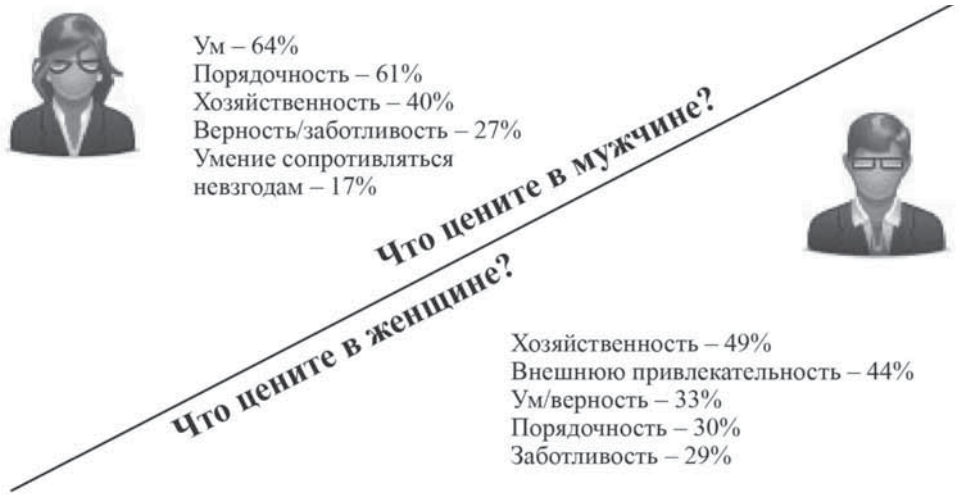


Рис. 3. За что ценим друг друга?

на национальную традицию способного создавать новые идеи, продукты и услуги. А речь идет именно о **качественно новом** продукте или услуге XXI века. Компиляция и копии XX века уже не годятся. Так же, как и технологические повторы, к чему призывают «модернизаторы». Для того чтобы быть лидером, необходимо **собственное** открытие, нужен рывок. Рывок в технологиях, культуре и духовности — тех областях, которые будут определять лицо нынешнего столетия. Подобный рывок возможен **только на национальной, культурной и духовной основе**, т.е. на национальной традиции.

У этой проблемы есть и другая, может быть, не менее важная сторона.

Культурно-духовный фундамент является условием сохранения самоидентификации нации, т.е. условием ее сохранения в условиях глобализации. Как только этот фундамент подвергается эрозии, а тем более разрушается, нация и государство начинают стремительно разрушаться. Сначала возникают кризисы, в том числе и в экономике, теряются международные позиции, а затем возникает кризис политической и экономической системы, как в России в 90-е годы и в предыдущие десятилетия XX века. Кризис — подчеркну — системный: политический, экономический, социальный. Но в основе его лежат кризис мировоззренческий, который выражается в отказе от национальной традиции.

От такого кризиса уже не застрахуешься ни золотовалютными резервами, ни прочими «подушками безопасности», которые в условиях ослабленного суверенитета становятся **второстепенными атрибутами государственности**. Реальная экономика, реальные знания, реальные потенциалы творческих личностей, воспитанных на системе национальных культурных и духовных ценностей, становятся **реальным капиталом** в глобальной экономике. И кризис 2008–2011 годов лишь подтверждает этот вывод. Для России он стал особенно болезненным потому, что возвращение к национальным ценностям, начавшееся при В. Путине, **не завершилось к 2011 году**. Это возвращение еще только начало проявляться в экономической и социальной жизни вслед за изменениями в политике и идеологии. К 2008 году еще только стали создаваться концепции долгосрочного социально-экономического развития как в отдельных отраслях и регионах, так и для всей страны. Что же касается финансовой и экономической систем, то они оставались в доминирующем идеологическом поле либерализма, т.е. **чужих ценностей и традиций**. Не случайно инициатива «десталинизации» нашла самую активную **политическую поддержку** среди либералов, которые переводят «исторический» спор в политический. Как заявил один из сторонников этой идеи А. Миллер, признавая фактически этот вызов, «такая программа России («десталинизации») необходима и с моральной, и с политической точки зрения. За нее придется бороться (! — *А. П.*). Важно, чтобы мы не оставили обсуждение этого проекта его заведомым врагам»[20].

«Заслуги» либералов, накопивших к началу кризиса разного рода стабфонды, сомнительны. Годы подъема экономики не были использованы ни для масштабных инвестиций в реальный сектор экономики, ни для создания современного научно-технического потенциала, ни для возрождения национального творческого класса — всего, что вполне соотносится с представлением о национальной традиции.

И наоборот. Остаточное либеральное влияние в финансово-экономической области выразилось в первом десятилетии XXI века в бурном росте импорта (более чем в 5 раз), сырьевой ориентации экономики, создании спекулятивной финансово-банковской системы и псевдобиржи — аналога либеральной финансовой системы, основанной на «финансовых пузырях».

Эти последствия больно ударили по творческому классу России. В конечном счете, именно либерализм

и его финансово-экономическая политика виновны в том, что за годы бурного роста ВВП не удалось серьезно восстановить ни старую советскую интеллигенцию, ни создать новую — российскую. Начавшееся формирование новых российских ценностей на базе традиции в первом десятилетии XXI века встретило не только саботаж либеральной финансово-экономической системы и многих СМИ, но и открытое давление Запада и его сателлитов. История России, как и в предыдущие столетия, повторилось.

Вот почему креативный класс России не может находиться вне категорий «традиция» и «национальные интересы». С точки зрения самого креативного класса национальные интересы являются целью и смыслом существования. В противном случае креативный класс становится (что случается) разновидностью компрадорской интеллигенции, интересы которой не только находятся вне Родины, но зачастую и **противоречат ее интересам**. Феномен «оффшорной буржуазии» вполне может быть отнесен и к творческой элите, которая отличается от бизнес-элиты только тем, что в ряде случаев была вынуждена покинуть Родину.

С точки зрения национальных интересов России ситуация выглядит немного проще. Нация и государство всегда были в прошлом и особенно сейчас заинтересованы в развитии своего творческого потенциала. Речь не идет, конечно, об отдельных представителях управленческой элиты и бюрократии, которые так не считали, действуя иногда вопреки национальным интересам. Вот почему именно в XXI веке категория «национальные интересы» становятся базовой для создания креативного класса.

Эта точка зрения отнюдь не считается общепринятой. Скорее наоборот. Сложилось мнение, что креативный класс — категория, находящаяся вне национальных интересов, что этот класс по сути своей космополитичен и ориентируется только на финансовые потоки. Именно таким — творческим и космополитичным — представляется в качестве примера Нью-Йорк. При этом забывается, что сам этот город является **продуктом синтеза культур XIX и XX веков**, который сумел **объединить** (не разрушая) американские, еврейские, славянские и иные народы.

В первом томе «Человеческого капитала» я уже говорил о значении для идеологии национальных культурных (в широком смысле слова) и духовных ценностей. Здесь же я хочу остановиться подробнее на взаимосвязи между креативным классом (и в более широком контексте интеллигенции) и национальными ценностями, интересами и приоритетами развития.

Существует точка зрения, согласно которой интеллигенция и креативные группы по сути своей космополитичны. Действительно, в глобальном мире, где нет ограничений на передвижение, место работы и обмен информации, складывается впечатление, что творческая личность не имеет Родины, что она ориентируется лишь на лучшие условия для самореализации. Особенно характерна такая позиция для ученых, прежде всего исследователей-естественников. Во многом это объясняется и тем, что «среда обитания» креативного класса — города[21].

Опыт XX века однако показал, что национальные школы — эти инкубаторы идей — лишь пересаживались на американскую почву. Причем чаще всего они потом исчезали и лишь в некоторых случаях американизировались, переставая быть национальными школами.

Другая сторона — национальные ценности. Очевидно, что выживает и побеждает та нация, которая сумела сохранить и развить свои национальные ценности. Успех США В XIX и XX веках имеет много объяснений, но, на мой взгляд, главное из них — это настойчивое, даже назойливое навязывание своих ценностей как прибывающим в страну иммигрантам, так и другим государствам. Эта система ценностей (без серьезных на то оснований) объявляется лучшей в мире. Более того, прямо или косвенно, от других государств требуется не только учет этой системы, но и **замена** национальных систем ценностей. Особенно это видно на примере так называемой образцовой демократии.

Как только национальные правительства начинают смягчать свои позиции в отношении собственных систем ценностей, так начинается бурный процесс разрушения национальной идентичности, а вслед за этим и суверенитета государств. Яркий пример этому явлению — эмбарго, которое наложили арабские страны на экспорт нефти в США в октябре 1973 года. Просуществовало оно несколько месяцев, но после его отмены в марте 1974 года правящие круги США сделали для себя серьезные выводы. Один из них привел к тому, что крупные корпорации, международные институты и правительство США сплотились как никогда. И, как отмечает знаток этой проблемы Д. Перкинс, «…это сплочение сохраняется»[22].

Можно сказать, что с этого времени консолидация трех важнейших сил США — корпораций, контролируемых ими международных институтов и правительства — привела к появлению нового субъекта международных отношений — некого «сверхправительства», отстаивающего американскую систему ценностей и национальных интересов.

К этому же времени можно отнести и формирование политики этого субъекта. В принципе эта политика достаточно проста: навязывая через международные институты и корпорации другим государствам свою систему ценностей, навязывают и социально-экономическую политику. В основе ее лежат либеральные идеи искусственного экономического роста, преувеличивающие значение внешних заимствований, которые ориентированы, в конечном

счете, на потребление американских товаров, идей и услуг. С обратной стороны — экспорт сырья, энергоресурсов и интеллекта.

Огромную роль в разрушении СССР и последующих трагических событиях в России, например, сыграл выдвинутый и неправильно трактовавшийся еще при М. Горбачеве тезис об общечеловеческих ценностях. Не только говорилось, но и делалось, например, таким образом, чтобы ради этих ценностей огромные издержки несли ценности национальные. Эта идеологическая установка руководства ЦК КПСС была перенесена на всю политику, включая внешнюю и военную.

В результате мы оказались не только на грани потери суверенитета, но и национальной идентичности. Важно, что и элита, включая творческую, бизнес и управленческую, потеряла национальные ориентиры, что пытались доказать как «естественный» ход событий.

На мой взгляд, дело обстоит несколько иначе. В эпоху глобализации и нации, и государства, и — новое явление — интеллигенция **становятся союзниками**, заинтересованными в сохранении и развитии национальных традиций и сохранении национальных ценностей. Творческая личность — и чем дальше развиваются процессы глобализации, тем больше — во все более значительной степени будет зависеть от национальных корней. Если хотите, интеллигенция становится все менее космополитической и более патриотичной. Проявляется это все на собственном опыте, на собственной шкуре. Так, в 90-е годы американский кинематограф полностью вытеснил и ликвидировал отечественный. То же самое произошло и с литературой, искусством. И дело тут не только в личном комфорте и базовом общении интеллигентского сообщества. Главное в том, что при прочих равных условиях действительно **новое качество в науке, искусстве, культуре можно создать только на национальной культурной, духовной и исторической почве**. Естественно, при государственной и иной поддержке со стороны нации. Естественно, с возможным, но отнюдь не обязательным участием иностранных коллег. У нас же любовь к заимствованиям начинает выполнять уже управленческую функцию. Так, **обязательным условием** участия в программах Сколково должен быть иностранный партнер! По мнению вице-президента этого фонда А. Ситникова, без иностранного партнера «…неоднократно пробовали и как-то не очень хорошо получается»[23]. Наверное, он забыл о первых запусках ракет, ядерных испытаниях, да и современных открытиях.

Проблема сегодня в том, что инновации и модернизация рассматриваются как зарубежные заимствования. В лучшем случае, как соисполнительство. Такой подход заранее губит национальную фундаментальную науку и отечественные научные школы, ставя их в прямую, в т.ч. финансовую зависимость от иностранного участия и… отношения к российской науке. Особенно это губительно по отношению к национальной социогуманитарной науке, создающей национальные «ценности» и «смыслы».

Речь идет, конечно же, прежде всего о национальных научных и культурных школах, которые при всех процессах глобализации создают фундамент не только знаний, но и эмоций, традиций. Даже те представители креативного класса, которые оказались за границей, не могут создать что-либо новое, не опираясь на национальную традицию. Русские эмигранты, покинувшие Россию в начале XX века, создали замечательные произведения в искусстве, добились грандиозных научных результатов, оставаясь учениками национальных школ.

Принципиально ситуация не меняется и в XXI веке. Я бы сказал даже, что степень самореализации представителей креативного класса в XXI веке будет **прямо зависеть** от его умения использовать национальные культурные и духовные ценности. Гении, такие как Пушкин, Бородин, Толстой, Вернадский и десятки других, немыслимы вне национальной традиции. Повторю, — даже те, кто был вынужден творить в эмиграции — Сикорский, Шаляпин, Бунин, — оставались на прочной национальной почве.

К началу нынешнего столетия интеллект стал, как уже не раз говорилось, решающим фактором опережающего развития **во всех областях,** а не только в экономике.

Но то, о чем еще мало говорится, — это особая роль культуры и духовности в XXI веке, которые по значению уже будут преобладать над научно-техническими и технологическими достижениями. В XXI веке наступает цикл **больших обобщений**, которые возможно сделать, только опираясь на фундамент, базу научных и культурных знаний.

В своих прежних работах я проводил условные границы между периодами современного развития человечества. Если, например, промышленный период заканчивался на рубеже 90-х годов прошлого века и начинал превалировать информационно-технологический (что, в частности, подтверждалось тем, что стоимость информационных ресурсов в начале 80-х годов стала превышать стоимость ресурсов ТЭК), то к 2020 году информационно-технологический этап в развитии человечества сменится на культурно-духовный. Этот новый этап характерен тем, что **именно объем знаний** (включая гуманитарные), качество культуры и духовность станут **решающими факторами**, которые будут определять динамику развития и качество экономики, социально-экономические, внешнеполитические и даже военные характеристики государств и наций, в т.ч. и эффективность финансовой системы, которая становится все больше не

только глобальной (о чем говорят все), но и виртуальной, даже эмоциональной (о чем говорят не многие).

По большому счету этот объективный ход развития человечества крайне благоприятен для России, обладающей колоссальным историческим, культурным и духовным наследием. Это — огромные и до сих пор лишь частично, в минимальной степени, используемые ресурсы в интересах социально-экономического развития страны. Это — мощнейшее конкурентное преимущество России. Естественно, если правящая элита, во-первых, будет знать об этом, а во-вторых, использовать в интересах нации. Подчеркну, что эти ресурсы имеют огромное значение для финансовой, и на военной мощи государства. Они во многом формируют эмоционально-психологический климат, в котором существуют финансовые и экономические глобальные ресурсы. Я уверен, что при благоприятном климате глобальные финансовые изменения имеют минимальные последствия для государств, которые сохраняют устойчивую систему национально-культурных ценностей.

В том числе и по этим причинам особенно опасными были попытки, предпринятые в 1980–1990-е годы, «интегрировать Россию в мировую систему ценностей» за счет отказа от собственной. Это во многом стало причиной не только политического, но и социально-экономического кризиса 1990-х гг. Финансовая, экономическая системы России стали существовать в негативном эмоционально-психологическом поле.

Все сказанное имеет прямое отношение к национальным интересам, в основе которых лежат именно национальные ценности и приоритеты. Если их нет, то говорить о национальных интересах невозможно, ибо любая их трактовка будет нести национальный характер, в том числе и в экономической области.

Если взять, например, сельское хозяйство, то в условиях нарастающего продовольственного кризиса остро встает вопрос о том, какие государства смогут смягчить или решить эту проблему. Очевидно, что только те, которые, во-первых, обладают необходимыми земельными и природными вообще ресурсами, а во-вторых, технологиями (интеллектом в более широком смысле этого слова). Наконец, в-третьих, те, которые развивали национальное сельское хозяйство. Если, например, в России в течение 90-х годов всячески игнорировались нужды отрасли, более того, откровенно пропагандировалась зависимость от с/х импорта, то, взятое вместе, это означает, что Россия стала во многом виновницей сельскохозяйственного кризиса.

И в этом кризисе традиция и ценность сыграли свою роль. Россия нарушила свою традицию сельскохозяйственного производства и опоры на собственные силы, в отличие от других ведущих сельскохозяйственных стран.

Табл. 1. Основные держатели земельных ресурсов (зоны устойчивого земледелия)

Страна	Площадь (млн га)
США	177 178
Индия	169 650
Китай	156 327
РОССИЯ	**123 581**
Бразилия	66 600
Канада	52 110
Австралия	49 742
Индонезия	36 600
Нигерия	35 000
Украина	33 353
Аргентина	29 505
Мексика	27 600
Турция	26 606
Казахстан	22 500
Пакистан	22 070
Прочие страны	**535 260**
Общая площадь	**1 563 682**

Таких государств в глобальном плане оказывается не так уж и много. Основные земельные ресурсы сосредоточены в четырех странах, которые (странное совпадение!) определяют темпы развития мировой экономики[24]. И здесь уже особое значение приобретают не только традиции, но и национальные интересы. Так, многое для понимания роли традиции дает следующая мысль С. Рыбаса: «Непрерывно защищаясь от угроз с Запада и Юга, русские вынуждено выбрали соответствующую **политическую традицию**. Если на Западе фундаментом общества были договорные отношения внутри элиты, регулировавшие права на собственность и защиту королевских подданных законом, то в России сложился порядок, при котором скудные ресурсы не могли быть разделены между собственниками и отдавались исключительно в распоряжение высшего руководителя. Не случайно в российской государственной идеологии главным была идея жертвенного служения Отечеству, а в Православии, в отличие от католичества, где подразумеваются договорные отношения с Богом, доминирующим понятием является любовь и милость Господа. Поэтому Россия всегда была отчасти мистическим государством с особым культурным кодом»[25].

Проблема, таким образом, заключается не только в интеллекте (мозгах) элиты вообще, но и в том, **чьим национальным интересам она** (элита) и ее интеллект

служат. В определенной степени можно согласиться с оценкой ситуации А. Дугиным, который несколько категорично, но в целом справедливо заметил: «Российская власть остается неконсолидированной, не имеет никакой общей национальной стратегии (кроме пустых заклинаний), не объединена никакой государственной или национальной идеей (все попытки выработать идеологию при Путине обернулись либо фиаско, либо блефом).

Стратегии нет, потому что нет идеологии и общей политической философии. Политическая элита живет одним днем и клановыми интересами.

Более того, при Путине власть так и не осознала необходимости стимуляции полноценного развития национального исторически ответственного мышления. Философские поиски и разработки заменили случайными симулякрами и политтехнологическими анекдотами. Власть считает, видимо, систематическое и упорядоченное мышление то ли „блажью“ и „вздором“, то ли „непозволительной роскошью“ („на которую нет времени“)»[26].

Формирование национальных интересов — бурный процесс, который сегодня идет в России. И конфликт с Грузией — для тех, кто это понимает, — это не частный военный конфликт. Даже не региональный. Это первая серьезная попытка отстоять национальные интересы страны в том виде, как они понимались правящей элитой к осени 2008 года. И в этом понимании уже есть и политическая философия, и национальные ценности. То, что и лежит в основе национальных интересов.

Не случайно Д. Медведев был вынужден в ходе этого конфликта и развернувшейся международной дискуссии выйти на широкие обобщения, в том числе и на принципы международной политики, в этих пяти принципах он сформулировал, на мой взгляд, два важнейших: защиту национальных интересов и граждан России.

Но важно и другое. Подсознательно не только Западу, но и российской элите дали понять, что Россия будет опираться на свои представления о мире и его устройстве, а не на западные ценности, лежащие в основе внешней политики США и их союзников.

2. Духовность — условие для развития национального креативного класса[27]

Церковь есть единственно поэтическое, единственно глубокое на земле. —
Боже, какое безумие было, что 11 лет я делал все усилия, чтобы ее разрушить.
И как хорошо, что не удалось. Да чем была бы земля без Церкви?
Вдруг обессмыслилась бы и похолодела[28].
В. Розанов

…уходят в прошлое хрестоматийные мотивационные
стереотипы американских идеалов XIX века[29].
Л. Фитуни

Креативность нередко искусственно противопоставляется духовности. По аналогии между необузданным творчеством и догматами. Особенно в связи с тем, что многие исследователи креативности, в т.ч. Р. Флорида, возносят терпимость, толерантность и гей-культуру в качестве обязательного условия креативности. В определенном смысле такая «креативность» выступает откровенным навязыванием норм меньшинства большинству. В том числе и в России. Причем в России это проявляется в условиях, когда тенденция роста числа верующих устойчиво и быстро развивается (за последние 10 лет с 47% до 60%). Представление об этом дают данные российских социологов[30] (табл. 2).

Примечательно, что численность граждан, верящих в Бога, не просто быстро растет, но и странным образом **совпадает с численностью тех, кто не считает себя ни «модернизатором», ни «традиционалистом»**. Можно только предположить, что число верующих пополняется за счет сторонников «синтеза» ценностей по мере возрастного убывания «традиционалистов» (среди которых немало коммунистов-атеистов).

Таким образом можно констатировать, что среди граждан страны вера и духовность не только не теряют своей привлекательности, но и находят все новых своих сторонников, в т.ч. из числа креативного класса. Это означает, что противопоставление, до сих пор существующее, между духовностью и креативностью, искусственно, иногда, как в случае с провокациями против верующих и гей-парадами, является демонстрацией не креативности, а противников традиций и, по большому счету, национальных интересов.

Сказанное имеет огромное значение в связи с «фазовым переходом» человечества, который характеризуется прежде всего новой, культурно-духовной стадией его развития[31], при которой, как справедливо заметил М. Делягин, «…культура …является главным стратегическим фактором конкурентоспособности…»[32].

Я полагаю, что высшим уровнем креативности является духовность, в частности, религия, если до-

Табл. 2. Во что сегодня верят россияне, %

Верят:	2000 г.	2010 г.			
	Россияне в целом	Россияне в целом	Религиозно-мировоззренческие группы		
			Православные	Верят в некую высшую силу, но к конфессии не принадлежат	Атеисты
В Бога	47	**60**	**70**	31	9
В черта	3	5	5	4	2
В приметы	22	21	23	19	5
В некую сверхъестественную силу	16	17	16	33	7
В НЛО	7	8	8	9	2
В загробную жизнь	9	10	10	6	3
В колдовство, магию	9	6	7	7	2
В переселение душ	5	3	3	7	2
В судьбу	**51**	35	38	30	15
В прогресс	16	14	13	15	23
В самого себя	**52**	49	48	49	**58**

бавить к слову «креативность» определение «национальная». Для русской нации — православие, но не только. Духовность — более широкое понятие, не вытекающее только из религии, а тем более агрессивного клерикализма. Духовность, коротко говоря, — это приоритет нематериальных ценностей над материальными. И этот приоритет лучше всего определяет характер креативного класса.

Русская духовность (в самом широком социокультурном, а не только православном понимании) в эпоху «фазового» перехода человечества играет огромную и все возрастающую роль. И не только для России, которой еще предстоит преодолеть окончательно мировоззренческий кризис, но и для всего мира. Ю. Халиуллин точно заметил: «…как показывает опыт истории, нередко религия становится сплачивающим элементом в достижении крупных целей общества, государства и в приобретении определенных цивилизационных ценностей»[33].

К сожалению, значение этого понятия — сознательно или нет — недооценивается. Чаще, когда духовность пытаются ассоциировать только с религией или особенно нелюбимым либералами православием. Хотя, на самом деле, духовность определяется совсем другими потребностями всего человеческого общества, которое, однако, апеллирует почему-то именно к русской духовности. Как пишет Марина Палей одна из самых тонких писательниц, проживающая (к сожалению) в Нидерландах: «У современного писателя не может не быть хронического ужаса перед человеком толпы, перед зловещей сутью самой толпы, массы. Он не может не видеть в стадном — обычном — человеке самое опасное существо на земле. На „обычных людях“, как они с самодовольной тупостью изволят повторять, „земля держится“. Вот то-то и безнадежно, добавлю от себя. Зато на „необычных“ держится небо!»[34].

Не случайно эти слова идут из Нидерландов, где гей-культура (секулярная бесовщина) и наркомания стали условиями существования для очень многих.

После кризиса 2008–2011 годов стало ясно, что либерально-капиталистическая модель общественного устройства, основанная на потреблении, — растущем и ничем не ограниченном — себя изжила. Человечество просто не в силах обеспечить всех постоянно растущими и нередко искусственно создаваемыми потребностями. Для многих это стало ясно и в России, но предложить другую модель общества, экономики и государства власть не смогла. Партии, кстати, тоже. Это, естественно, немедленно отразилось на творческом классе, особенно его молодом поколении, у которого Россия слабо ассоциируется с будущей великой научной и технологической державой. Как справедливо сказал Л. Радзиховский, «в мозгах» нет веры в возможности успешной научной работы на родине»[35]. И не только научной работы. Добавлю, но и для другого творчества. Это и есть сегодня важнейшая российская проблема — неверия.

Если мусульмане, например, полагают, что Коран учит творчеству и знаниям, то почему-то духовная основа русской нации — православие — выдается часто нашими либералами за мракобесие. Не случайны в этой связи многочисленные нападки на РПЦ наших либеральных СМИ, которые видят в русском православии духовную опору нации.

Для России 2010–2011 годов проблема духовности стала особенно острой из-за очевидного национального мировоззренческого кризиса, а также сопутствующего ему кризиса культурного, экономического, социального. Для очень многих в России стала понятной необходимость отказа от избранного алгоритма развития. Не для всех, но для многих. Даже в правящей элите.

Другая сторона духовности — соотношение характера креативного класса, который определенно характеризуется некоторыми универсалистскими чертами, с национальными особенностями и нравственностью. Как справедливо заметил И. Солоневич, «история России есть история того, как дух покоряет материю, история США есть история того, как материя подавляет дух…»[36].

Вопрос этот, на самом деле, относится как к российскому обществу, так и мировому сообществу. Как справедливо пишет И. Валлерстайн, «… с крахом коммунизма возникло всеобщее стремление заменить старые представления новыми, но и они доказали свою неочевидность еще быстрее прежних… Мы стремимся определить, как должны сочетаться разум (четкое понимание пределов возможного знания) и нравственность (приверженность справедливому обществу), и никто не должен оставаться в стороне от решения этой задачи»[37].

«Сочетание разума и нравственности», по-Валлерстайну, особенно важно в России, где либералы в последние годы игнорировали любые попытки сформировать нравственное отношение к экономике и политике, а само понятие «социальная справедливость» сделали заложником даже не экономических, а финансовых расчетов, с точки зрения уровня доходов, налогообложения и условий труда и развития, что отчетливо проявилось в так называемой социальной политике государства последних десятилетий, имеющей очевидную (как это ни странно звучит) антисоциальную направленность. Эта же политика де-факто свидетельствует о пренебрежении правящим классом нормами нравственности и социальной справедливости, и она в полной мере относится к условиям существования креативного класса, что видно особенно ясно при ее сопоставлении даже с аналогичными показателями в развитых (капиталистических) странах. Так, численность граждан с доходами ниже прожиточного минимума (в 3-м квартале 2010 года он составлял символическую сумму в 6159 рублей) стабильно сохранялась в 2007–2009 годы свыше 13%, а верхняя ставка подоходного налога (она же и нижняя) в России оставалась на уровне 13%. Для сравнения[38]: во Франции — более 56%, в Германии — более 44%.

Вопрос этот стал особенно важен в контексте массовой эмиграции представителей этого класса за рубеж. Но не только: остающиеся его представители в России четко разделились на две группы — отрицающих основы культуры и духовности России и тех, кто, несмотря на возрастающую роль глобализации, стал опираться на духовную и культурную основу России, прежде всего на такой институт, как РПЦ[39]. Именно эта часть креативного класса громко заявила о себе в декабре 2010 года в выступлениях на Манежной площади в Москве и других городах.

Стереотипы американских идеалов — очевидная угроза национальной системе ценностей и безопасности, в том числе и в экономике, когда перед другими государствами ставится задача проведения комплекса социально-экономических реформ, в результате которых эти страны попадают в зависимость от США, превращаясь в потребителя американских товаров и услуг и экспортеров сырья, знаний и, в конечном счете, традиций и ценностей. И креативная экономика играет в этом огромную роль, прежде всего массовая культура, которая превратилась в огромную индустрию по навязыванию системы ценностей. Как справедливо заявил в марте 2011 года Патриарх Кирилл, «РПЦ не приемлет западную модель мультикультурализма, когда вера становится только личным делом, а в общественной сфере все граждане живут по единым гражданским правилам. „В стакан сливают различные компоненты, чтобы сделать коктейль, но встряхнуть не получается. Компоненты есть, а коктейля нет. Может, не надо было сливать?“ — задал вопрос Патриарх»[40].

Духовность, «российский дух», нравственность, «сила духа» и другие близкие понятия имеют фундаментальную ценность как для всей нации, так и особенно для ее творческого класса. Так уж сложилось в новейшей российской истории последних десятков лет, что этим категориям уделялось слишком мало внимания. Лишь в периоды самых жестких испытаний о них вспоминали как о последнем средстве, последнем ресурсе, который защищает нацию. Коммунисты тогда называли его «моральным фактором», а либералы-западники — «европейской гуманистической традицией».

На самом деле духовность ни то и ни другое. Духовность — это высшие возможности человека, не зависящие уже ни от среды, ни — нередко — от него самого. Это мощная сила, заложенная в человеке, но используемая им на сотые доли процента. Психиатры из института Сербского, например, считают, что эти возможности закладываются при рождении, а затем могут лишь совершенствоваться либо уничтожаться, как, впрочем, и творческие возможности.

Другая сторона вопроса, непосредственно связанная с категориями «национальные интересы» и «национальные ценности», — понимание того, что интеллект нации может базироваться **только на таком же прочном культурном и духовном национальном фундаменте.** Сказанное прямо относится к формирующемуся креативному классу, который становится главной движущей силой, механизмом внедрения интеллектуального потенциала в экономическую и общественную жизнь любого развитого

государства. Но этот же креативный класс, при всей его мобильности и толерантности, не лишен национальной специфики. Более того, опережающее развитие (которое может быть только национальным) должно опираться на собственные достижения, а не заимствования, которые в лучшем случае могут лишь повторять сделанное, причем с заметным опозданием. Иногда на 5, 7 и даже 10 лет. Не национальный креатив такая же глупость, как не национальный балет, не национальная литература. Даже технологические достижения опираются на чью-то национальную школу. Как многое в США опиралось и опирается на русскую инженерную и научную школу. Просто в США это понимают, а в России — нет.

Вот почему принципиально ошибочно утверждение российских неолибералов о необходимости отказа от национальных традиций и ценностей не только с политической точки зрения, но и с позиций обеспечения высоких темпов научно-технического, экономического и социального развития.

«Сегодня Церковь в лице ее предстоятеля возвращает обществу забытые нормы университетской культуры, которая испокон века была тесным образом связана с традицией церковной учености. Ведь большинство старейших университетов мира начиналось с развития богословской науки и храмостроительства.

Казалось бы, в традициях сомневаться не приходится. Однако столичные атеисты оказались задеты за живое этой историей и пригрозили жалобами и даже митингами в случае, если начнется возведение церкви. Поражает, признаться, заявление адептов атеистической идеологии о том, что строительство храмов при университетах „отклоняет Россию от прогресса“. На мой взгляд, развиваться нам мешают лень, нравственная деградация и интеллектуальная похоть, но никак не новые или старые храмы. Вообще, попытки заявить, что строительство храмов тормозит науку, — признак того, что их авторы находятся в плену старых советских мифов о вечной борьбе религиозности и учености. Мифы эти откровенно абсурдны»[41].

Огромная роль в этом процессе принадлежит интеллигенции. В конечном счете, от нее зависит, как вся нация будет ориентирована, каков будет вектор национального движения. «Перестройка» показала, что именно благодаря верхушке интеллигенции нации были предложены **ложные ценности и представления о национальных интересах**. В 1990-е годы эти ложные ценности создали атмосферу безответственности, коррупции и вседозволенности, результаты которых сказываются и ныне. Во многом это стало следствием того, что социокультурная модернизация на национальной почве так и не произошла. Ни в СССР, ни в России 1990-х годов, ни сегодня. Директор Института социологии РАН член-корреспондент РАН Михаил Горшков утверждает: «Если модернизация в форме индустриализации 1930–1960 годов вывела СССР в число наиболее промышленно развитых стран, то социокультурная модернизация отстала от экономической — на целый век. В итоге в 1970-е — начале 1980-х годов „захлебнулась“ и технико-технологическая модернизация. Выполненные исследования свидетельствуют: среди населения современной России последовательные традиционалисты и тяготеющие к ним по большинству значимых ценностных ориентаций составляют порядка 73–75%»[42].

Как справедливо писала С. Бенхабиб, «мир человека — это мир его культуры. Но что представляет собой сама культура? Отвечая на этот вопрос, обычно называют ряд признаков, подчеркивающих различия между людьми, которые принадлежат к разным сообществам, между «нами» и «ними», «близкими» и «чужими». Поэтому не приходится удивляться, что понятие **«культура» сплошь и рядом используется для поиска различий, а не сходства; обоснования особости, а не единства; утверждения частных претензий, а не равного отношения к любому человеку**»[43].

Сегодня эта роль интеллигенции возрастает в еще большей степени. Опережающее развития не должно (да и не может!) игнорировать национальные интересы и ценности. В противном случае это уже будет не национальное развитие, а развитие в чужих интересах. И огромную роль здесь играет традиция. В том числе духовная. Прав, безусловно, писатель А. П. Поляков, утверждающий, что «… когда-то умствующая интеллигенция сделала все, чтобы отвратить наш народ от веры. Долг интеллигенции — привести народ в храм»[44]. Духовность и нравственность — это сегодня **и политические, и экономические категории**.

Любопытное признание мусульманина я прочитал на одном украинском сайте: «Чтобы добиться реального успеха, мусульманам необходимо научиться использовать свой интеллектуальный потенциал, развивать и раскрывать скрытые таланты, управлять своим интеллектуальным и креативным богатством. Каждому мусульманину стоит помнить о великом наследии исламской цивилизации, которая преподает нам образцы подлинного гуманизма, просвещения, плодотворного научного поиска, художественного творчества.

Одной из главных общечеловеческих ценностей, которые проповедуют Коран и Сунна, является способность человека к размышлению. Ислам поощряет и направляет творческий поиск для того, чтобы человеческая мысль постоянно развивалась и совершенствовалась. Во многих аятах Писания содержится похвала в адрес людей, задумывающихся и размышляющих над божьими знамениями, разбросанными по свету и находящимися в самом человеке. Коран призывает человека к полезному труду и порицает леность и бездействие.

Только на фундаменте Единобожия и постоянного усердия человека во славу Господа можно построить принципы истинной науки, производства, творчества, экономики, политики и всей мировой

цивилизации. Коран содержит в себе колоссальный познавательно-креативный потенциал. Исламский мир всегда предоставлял мусульманам полную автономию в области интеллектуального, изобретательского и прикладного творчества.

Ислам и творчество — вещи неразрывные, неотъемлемые друг от друга. Ислам не знает жреческого сословия священников, а следовательно, в нем не существует внешнего контроля, тяготеющего над словом поэта, пространственным решением зодчего и композиционным замыслом художника. Ислам всегда обладал мощным пространством креативности, в котором постоянно вырабатывались эффективные экономические и политические модели, расцветало производство и искусство.

В связи с этим вопрос о способности Ислама к творчеству, креативу и постоянному порождению новых эффективных моделей — вещь очевидная. Поскольку креативность — это и есть постоянная готовность к осознанной трансформации себя и мира, выхода за собственные пределы. „Ищи знание повсюду, пусть даже в Китае, стремление к знанию — обязанность каждого мусульманина и каждой мусульманки“, — учил Пророк Мухаммад (мир ему)»[45].

В еще большей степени это справедливо по отношению к развитию и созданию принципиально новых знаний и навыков, фундаментальной науке, технологиям и инновациям. На новом этапе развития человечества, когда глобализация несет в себе открытую угрозу национальной идентичности и традициям, когда национальные культурные и духовные ценности начинают играть роль экономического и социального стимула развития, подобные неолиберальные соображения ведут к тому, что нация-творец превращается в нацию-заимствователя. Причем далеко не самых лучших достижений. Тем, кто заимствует, всегда придется удовлетвориться второстепенным товаром. И, как я уже говорил, с большим опозданием. Наше катастрофическое технологические отставание, конечно же, потребует заимствований и инноваций извне, не только технологий, но и элементов культуры. Без этого в эпоху глобализации уже невозможно, тем более для тех стран, которые хотят быстро преодолеть технологический разрыв. Но — и это необходимо еще раз подчеркнуть — заимствования могут лишь сократить разрыв, но не ликвидировать его. Тем более заимствования не способны обеспечить лидерские позиции.

Наконец, отказ от традиций, национальных ценностей неизбежно ведет, в конечном счете, к потере национальной самоидентификации, а затем неизбежно и суверенитета. На первых этапах это выглядит как скромная уступка со стороны тех, кто обязан защищать национальные интересы, но позже — неизбежно к отказу от самого принципа защиты национальных интересов государством и обществом. Не случайно религиозные войны в Европе скрывали не только экономические, но и идеологические мотивы. Как справедливо заметил В. Иноземцев, «хотя религии и идеологии имеют различные основы, разные истории, хотя неодинаковы их внутренняя структура и логика, **на протяжении многих столетий они оказывали на судьбы человечества во многом сходное влияние**. В XX веке Европу сотрясали масштабные вооруженные конфликты, порожденные в том числе идеологическими противоречиями; гораздо раньше, с XI до начала XVII века, ее раздирали религиозные войны. Разумеется, и в отдаленном, и в недавнем прошлом идеологические и религиозные мотивы были лишь одним из источников конфликта; доминирующую роль играли геополитические и экономические факторы — но все равно нельзя приуменьшать значение идеологической или религиозной составляющих»[46].

Так, возвращаясь к теме земельных ресурсов и продовольственного кризиса, трудно увидеть, кому, прежде всего, принадлежат земельные угодья. И если неолиберальный лозунг 1990-х годов «заграница нас прокормит» станет принципом развития, то вскоре исчезнут не только эти земельные ресурсы, но и та творческая часть граждан, которая на них выросла и готова их развивать, т.е. значительный креативный слой, как и в 30-е годы, будет уничтожен.

Подобные рассуждения — практическая политика, а не только политическая идеология. Типичный пример такого тезиса в изложении В. Иноземцева выглядит следующим образом: «В условиях, когда мечтой нынешней власти является управление Россией **на основе мифологизированных исторических традиций, используемых для дальнейшей изоляции страны от мира, целью российских либералов должна стать десакрализация этих мифов** и их разрушение ради формирования светского демократического гражданского общества, способного определять ориентиры и задачи на основе объективных потребностей. Нужно порвать с традицией абсолютизации государственничества, осознав, что в последние полтора века главным врагом российского народа было российское государство, ставящее себя над народом и навязывающее ему свои представления и цели»[47].

«Мифологизация исторических традиций» (по Иноземцеву) в реальности способна правильно понять не только экономические и политические национальные интересы, но и стратегию развития страны. В том числе и дать правильное представление о том, как использовать имеющиеся ресурсы, в частности земельные.

Интересно, что у В. Иноземцева в одном ряду (отнюдь не случайно) находятся понятия «мифологизация исторических традиций» и «абсолютизация государственничества». Как я писал уже выше, исторические (национальные) традиции и национальные интересы — взаимосвязанные и взаимодополняющие понятия. И если национальная интеллигенция и креативные группы будут ориентироваться на «отказ от мифологизации традиций», то это неизбежно приведет и к отказу от суверенитета и соблюдения национальных интересов.

3. Национальная идея: Россия — мировой культурный и духовный лидер — идея для креативного класса[48]

Если государство хочет подняться за счет модернизации, оно должно найти резервы, чтобы понизить стоимость высшего образования. В Финляндии высшее образование бесплатно даже для иностранцев. В Швеции, Норвегии, Франции, Чехии, многих землях Германии для своих студентов высшее образование тоже бесплатное[49].
С. Лесков

Каждый день, видя характерный шпиль здания Московского университета, испытываю необыкновенную гордость. И в этом я не одинок. Мне приходилось преподавать в США и в Европе, и я точно знаю, что школа преподавания иностранных языков в России поставлена гораздо лучше. Другое дело, что с практикой здесь сложнее. Но это вопрос не образования[50].
А. Варламов

Общенациональная идея как основа для национальной стратегии развития, в фундаменте которой находилось бы соборное понимание целей и механизмов развития, так или иначе учитывается всеми российскими политическими силами, даже теми, кто выступает как против самой идеи, так и против национальной стратегии, противопоставляя им либеральные ценности[51].

Тем самым фактически признается то, что еще недавно табуировалось абсолютно — национальная идея, основанная на культурной и духовной традиции, — хотя глупо, конечно, было отрицать то, что является, безусловно, сильной стороной российской ментальности и государственности.

Инициативы РПЦ в последние годы воспринимались многими как идеологическое наступление, даже религиозная агрессия против гражданских прав и норм, которые сформировали либералы в российском обществе в последние два десятилетия. Между тем РПЦ предлагает всего лишь набор нравственных ценностей, в совокупности составляющих протоидеологию в отсутствие признаваемой большинством нации идеологии. И при пожелании элиты ее формулировать. Причем этот набор вполне может быть соотнесен и даже противопоставлен «универсальному» ценностному набору либералов. Так, на XV Всемирном Русском народном Соборе Патриарх Кирилл предложил проект «базовых ценностей» для всех граждан. Их «список включает 16 пунктов: справедливость, мир, свобода, единство, нравственность, достоинство, честность, патриотизм, солидарность, семья, культура, национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность. По словам Патриарха Кирилла, в этот перечень необходимо включить и понятие веры»[52].

Надо наконец признать наличие у России огромного потенциала влияния и развития. Без этого не будет ни первого, ни второго. Никакой модернизации и никакой системы безопасности. В своей книге «Как Россия сформировала современный мир» американский профессор С. Маркс пишет удивительные для некоторых вещи: «В 1991 году исполнилось пятьдесят лет с момента публикации статьи издателя Генри Льюиса „Американский век" в журнале Life. В ней Льюис призывал Соединенные Штаты как мировую державу спроецировать свое влияние на весь остальной мир. Юбилейные оценки статьи Льюиса натолкнули меня на размышления о происхождении различных трендов в искусстве, политике, литературе, экономике и т. д. В каждом из этих случаев я был поражен, насколько великим, если не сказать величайшим, было русское влияние по сравнению с тем влиянием, которое оказывали те же США».

И далее:

«Учитывая, что большинство ведущих американских теоретиков — математиков имеют русское происхождение, потенциал российского влияния потрясает. Единственный из ныне здравствующих русских писателей, о которых я знаю, — это довольно известный во всем мире Борис Акунин, но, при всей прелести его детективов, он не может быть назван Чеховым. Я не уверен, будет ли серьезная российская литература или философия, которую американское население и так все реже читает, хоть когда-нибудь способна вновь оказывать такое же влияние, что и раньше. Я не очень слежу за религией, но пока не заметил каких-либо движений в русской религиозной жизни, которые можно было бы сравнить по значимости с толстовством.

Российское влияние **в мире даже до возникновения Советского Союза всегда рассматривалось как имеющее универсальную значимость**. К сожалению, это уже не так — российские идеи приобретают все более и более националистический характер, они апеллируют исключительно к России, но уже никак не к миру в целом»[53].

Из этого признания следует, что нужна идея для мира, для человечества, т.е. Россия должна заявить о себе как об **идеологическом лидере**. Что Россия, как нация, опираясь на национальную систему ценностей, должна проецировав ее вовне, в мир.

В этой связи уместно напомнить, что культура, — в широком понимании — это первооснова нации, ее общества и экономики, выходящее далеко за пределы ее узкого толкования, которое ассоциируется с искусством. Как отрасль экономики, культура включает

в себя большинство отраслей и подотраслей, предоставляя широкий спектр услуг, оцениваемый в 12–14% ВВП развитых стран. Этот показатель неуклонно растет, обгоняя долю промышленного производства, а с появлением «креативной экономики» неизбежно выйдет на 1-е место.

Из этого положения следует как минимум три принципиальных вывода для России.

Во-первых, если существующие тенденции развития культуры, духовности и креативной экономики будут сохраняться (а, судя по всему, так и будет), то масштабы экономик, политическая и социальная мощь государств будут во многом предопределяться уровнем развития их культур и духовности на новом этапе развития человечества, который я условно обозначил как культурно-духовный (интеллектуально-духовный) этап. Этот этап совпадает с периодом «фазового перехода», но отнюдь не автоматически. Необходимо, чтобы правящие элиты также осознали эту объективную реальность и активно в ней участвовали. Сегодня духовность и культура в России наступают вопреки воле элит, что ведет к парадоксу: количество верующих растет, а нравственная деградация общества увеличивается.

Есть и очень важная, субъективная российская особенность, которая выражается в том, что в отсутствие общепризнанной идеологии идеологическая власть перешла к церкви, что отнюдь не является нормой и правильным. Позитивное сильное влияние РПЦ, например, не должно превращаться в идеологическую власть по многим причинам, в том числе и потому, что сама РПЦ и многие ее иерархи и священнослужители к этому не готовы. Как заметил Ю. Халиуллин, «…у нас уже давно идет речь о триумвирате власти: в 1990-х годах — Ельцин (внешняя политика), Чубайс (экономика), Патриарх Алексий II (идеология); сегодня картина триумвирата выглядит предельно четко — президент Медведев (внешняя политика), премьер-министр Путин (экономика) и Патриарх Кирилл (идеология). Это очень удобная структура управления. Насколько она эффективна и долгосрочна — это уже, как говорится, другая проблема»[54]. Может он и прав?

Во-вторых, Россия, имеющая, безусловно, весомые конкурентные преимущества в области культуры и духовности, **осознав ее значение**, может сделать ставку на **превращение в мирового лидера** (не только культурного и духовного, но и, как следствие, политического, экономического), тем более что либерализм и секуляризм на Западе уничтожают культуру и духовность новомодными тенденциями постмодерна и сверхтолерантности. Не случайно численность верующих в Европе стремительно сокращается, а ее влияние вытесняется не только либеральной идеологией, но и правовыми механизмами. Усиление на этом фоне влияния традиционных религий и конфессий в России можно рассматривать как дополнительное конкурентное преимущество, а не препятствие для модернизации. Важно, чтобы тенденции роста духовности и креативности совпали на национальной основе.

В-третьих, рост значения культуры и духовности, их места в экономике и политике ведет к серьезным социальным сдвигам в обществе. Прежде всего стимулирует развитие креативного класса и делает его классом, **определяющим** будущее государства и нации. Во многом классом — идеологическим лидером, который способен не только вывести Россию из идеологического кризиса, но и сделать мировым лидером. Некоторые считают, что эта роль принадлежит российской патриотической интеллигенции. Так, например, А. Е. Молотков пишет: «Разыгравшаяся ныне в России идеологическая смута, несмотря на многочисленные зримые разрушения национального бытия, имеет тонкую идеальную природу. Поэтому по-настоящему оценить происходящее можно лишь на духовно-интеллектуальном уровне. Это означает, что реальное действенное участие в развернувшейся информационно-идеологической войне может принять не весь народ как единое целое, а только интеллектуальная прослойка нации, т.е. интеллигенция… Здесь мало даже высокого интеллекта, необходим одухотворенный интеллект, т.е. укорененный в национальной духовной традиции, всецело определяемой православием… Необходима всеобщая мобилизация интеллигенции на защиту цивилизационных основ национального бытия. Причем защиты не пассивной, а активной, направленной на выработку адекватной идеологической стратегии, способной вывести Россию из идеологического тупика»[55].

Я не могу согласиться с этим утверждением прежде всего потому, что тонкая прослойка интеллигенции не пользуется сегодня политическим и экономическим влиянием в обществе, тем более, не может стать национальным лидером. Но стать частью креативного класса — эта роль ей посильна. Она действительно может дать толчок к **идеологической мобилизации нации, выступить катализатором идеологического созревания**.

Россия в XXI веке, как и в 1990-е годы, стремительно теряла свои главные конкурентные преимущества — лидерство в области образования и культуры, которые обеспечивали нации высочайшие шансы для креативного развития. Этот регресс в конечном итоге усиливал кризис национальной идентичности, в котором оказалась Россия после событий начала 1990-х годов и из которого она не вышла и во втором десятилетии XXI века. Об этом я не раз писал в 1990-е годы, но в начале нулевых попытался поставить вопрос не только о кризисе идентичности, но и необходимости для России стратегии самоидентификации[56].

Введение ЕГЭ, недофинансирование, ненужные реформы, в т.ч. институтов социального потенциала, и вредное нормотворчество второй половины первого десятилетия уничтожили больше креатива, чем анархия 1990-х годов. Вообще-то любая реформа —

почти пожар. Армия у нас реформируется 20 лет. Становится только хуже. Представьте себе, что вы живете в квартире, где 20 лет идет ремонт…

Между тем образ будущей России в мире может быть связан именно с ее мировым лидерством в области культуры и образования, особенно их креативными проявлениями, которые, кстати, стали уже заметным экономическим результатом, оттесняя традиционные отрасли по удельному весу в ВВП. Собственно говоря, культура, образование и наука и составляют основу креативной экономики, которая формирует сегодня будущий облик мира. Поэтому, поставив такую задачу в качестве приоритетной в Стратегии национального развития, мы сможем сконцентрировать в одной точке задачу экономического развития социального развития, стратегию СНГ и главную цель внешней политики России. «Не в политике и даже не в экономике реализуются цели общества, — писал Н. А. Бердяев, — а в культуре»[57].

Для этого, однако, необходимо пересмотреть отношение к фундаментальной ценности либерализма — деньгам. «Современные ученые, журналисты и повседневное массовое сознание нередко стремятся приписать именно деньгам роль своего рода «сути» свободного рынка, «экономического базиса», «невидимой руки», способной отрегулировать все социальные и культурные процессы и гармонизировать интересы разных общественных сил. С такой оценкой **с**оциальных функций денег трудно согласиться. Настоящее исследование не предполагает исчерпать социокультурную проблематику денег, но оно намечает ответ на вопрос, почему в современном обществе деньги нередко представляются «ключом» к решению всех проблем — личных и общественных, важнейшей ценностью, стремление к которой оправдывает любые средства ее получения»[58].

Огромное, даже решающее значение для интересов опережающего развития имеет **общекультурный потенциал нации**, который во многом основывается на образовании и духовном фундаменте. Это — огромный и мало используемый ресурс российской нации, которая именно в этой области имеет очевидное **конкурентное преимущество**. Признаваемое, кстати, Западом.

На мой взгляд, с экономической, социальной и самографической точек зрения фактор культуры очевидно недооценен. Так, с экономической точки зрения, Россия не только крупнейший экспортер углеводородов, но и крупнейший инвестор, точнее, — финансовый донор. Только в первом квартале 2011 года нетто-отток составил 2,6% ВВП, а за 2005–2009 годы российские инвестиции за рубеж были, по оценке МВФ, **сопоставимы с китайскими**[59].

Понятно, что читающий, образованный и культурный инженер лучше, чем пьющий и потерявший квалификацию специалист. Но важно, что креативного специалиста без достаточно высокого культурного (а иногда и духовного) уровня просто не бывает. И не может быть в принципе.

На самом деле это можно отнести ко всем социальным слоям: служащим, рабочим, сельскохозяйственникам рабочим. Качество их жизни, производительность труда, продолжительность жизни и многое другое являются прямым следствием уровня культуры. По оценке французских ученых, например, граждане с высшим образованием живут во Франции на 10–12 лет дольше!

Вот почему в Концепции долгосрочного развития нашлось место и для культуры. В целом о ней сказано правильно: «**Цель** государственной политики в сфере культуры — развитие и реализация культурного и духовного потенциала нации как *основы целостности и устойчивого, динамичного развития России* (выделено мною. — *А. П.*).

Максимальной эффективности культурная политика России может достичь при реализации ее по следующим наиболее значимым направлениям[60].

Первое — создание условий для равного доступа граждан к культурным благам и услугам, образованию в сфере культуры и искусства.

Второе — повышение качества и доступности услуг в сфере культуры…» и т.д.

Но в «Концепции–2020» не увидено главное: в эпоху глобализации только та страна может развиваться опережающими темпами, сохранить суверенитет и стать лидером, которая является **прежде всего лидером культурным**.

И наоборот. Развал государств, как показывала современная практика, **начинается с культурной деформации, искажения истории и подмены национальных традиций**. Может поэтому кто-то так и старается переписать историю?

Иногда такой неолиберальный подход объясняют «реалиями глобализации». На самом же деле те, кто являются ее лидерами и идеологами, отнюдь не отказываются ни от национальных традиций, ни от своих национальных интересов. Если взять, к примеру, США, то легко увидеть, что пропаганда идей глобализации идет в последнее десятилетие параллельно с усилением пропаганды национальных интересов и ценностей. Достаточно прочитать любое из ежегодных посланий президента США конгрессу страны.

Таким образом, декларируемый неолибералами отказ от традиций, своего наследия, принижение государства и, соответственно, его роли в развитии не только не отражают реалии глобализации, но и противоречат нынешней практике, реалиям, существующим в либеральных США и западноевропейских государствах. Именно там в XXI веке заметно стремление как укрепить, в т.ч. искусственно, свои национальные традиции, так и усилить роль государства.

Принижает значение креативного класса и национальных традиций очевидное увлечение идеями роста ВВП, промышленного и т.д., которые стали

очень популярны в восстановительный, путинский период. Понятно, что завершение восстановительного периода (по сути — индустриального этапа) неизбежно и необходимо. Россия, конечно же, должна восстановить полностью индустриальный потенциал СССР. И это неизбежно произойдет. Даже в относительно короткие сроки. Как показывает статистика за 2006 год, обрабатывающая промышленность уверенно росла (восстанавливалась), опережая средние темпы роста ВВП[61], достигнув своего апогея в первой половине 2007 года. Тенденция вновь подтвердилась после кризиса, в первой половине 2011 года.

Эти, безусловно, позитивные тенденции, однако, могут привести к ложному оптимизму. Промышленный рост в XXI веке уже не имеет того значения, как в первой половине XX века. Хотелось бы подчеркнуть, что не темпы промышленного развития сегодня главное: индустриальный этап остался в прошлом человечества и ориентироваться на него сегодня — это значит ориентироваться на прошлое. Его завершение в России — по сути, исправление ошибок в промышленной политике 80-х и 90-х годов. **Идеологически** эта цель не должна доминировать в установках, что, к сожалению, пока происходит, ибо это вводит в заблуждение и лишает перспективы.

В реализации новой социально-экономической стратегии государства все большая роль будет **принадлежать креативным социальным группам,** а те, в свою очередь, не могут не быть ориентированы по культурному, духовному и национальному векторам. В противном случае не только падает их интеллектуальная эффективность, но и сама деятельность таких групп становится антисоциальной и антинациональной. Это связано как с ключевым направлением «стратегического прорыва» — развитием человеческого потенциала, так и общими закономерностями глобальных процессов, прежде всего, превращением индустриальной и информационной экономики в экономику знаний.

В этой связи чрезвычайно остро стоит вопрос об образовании, в т.ч. о **воспитании творческих личностей** и позиции Минобрнауки. В принятой 7 февраля 2011 года Концепции ФЦП развития образования на 2011–2015 годы признается[62]:

Серьезным фактором, влияющим на развитие российского образования, продолжает оставаться демографическая ситуация. За последние 10 лет (2000–2010 годы) численность школьников сократилась более чем на 40%, что оказало и продолжит оказывать влияние на контингент обучающихся.

В ближайшие годы последствия демографического спада будут по-прежнему заметны для различных уровней системы образования. Так, прогнозная численность студентов вузов в 2013 году может составить около 4,2 млн чел., снизившись более чем на 40% по отношению к численности студентов вузов в 2009 году (7,4 млн чел.).

Происходит снижение численности контингента учителей и преподавателей. В ближайшие годы это будет не столь заметно в общем образовании (обусловлено увеличением числа детей, приходящих в первый класс), но при этом в профессиональном образовании прогнозируется снижение численности профессорско-преподавательского состава на 20–30%.

Сохраняется большое количество преподавателей пенсионного возраста, притом что лишь 30 процентов выпускников педагогических вузов приходят работать в школы, а в отдельных субъектах Российской Федерации после первых трех лет педагогической деятельности только одна шестая часть молодых педагогов остается работать в системе образования.

В то же время следует учитывать тенденцию роста рождаемости, отмечаемую в Российской Федерации с 2000 года.

В силу указанных факторов предстоят изменения и в сети образовательных учреждений профессионального образования.

Образовательные учреждения среднего профессионального образования сохранят свой кадровый потенциал в основном за счет слияния с образовательными учреждениями начального профессионального образования и вузами. При этом подготовка высококвалифицированных рабочих продолжится как в данных образовательных учреждениях, так и в специализированных центрах профессиональной подготовки.

В высшей школе будет сформирована сеть федеральных и национальных исследовательских университетов — до 40 университетов. При этом в силу демографических причин, а также благодаря совершенствованию системы аккредитации образовательных учреждений будет существенным образом обновлена сеть вузов, не вошедших в число федеральных и национальных исследовательских университетов.

Предполагается скорректировать типологию и структуру вузовской сети в целом с оптимизацией количества филиалов вузов в сторону их сокращения — до нескольких десятков вузовских филиалов в год. Возможно также сокращение общего числа вузов при условии увеличения численности студентов, получающих качественное высшее образование с использованием современного лабораторного оборудования в федеральных и национальных исследовательских университетах»[63] (выделено мною. — *А. П.*).

К сожалению, этот очередной план Минобра совершенно не учитывает национальных интересов России. Он тупо экстраполирует реалии на цели национального развития, не отдавая себе отчета в том, что именно от него зависит не только численность студентов (в частности, из-за того, что в ведущих вузах большинство студентов платя за обучение), но и качество высшей школы. Не избранных университетов, а **всей** высшей национальной школы, способной обеспечить потребность нации в воспроизводстве креативного класса и интеллигенции.

[1] *Торкунов А.* Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007. 7 декабря. С. 11.

[2] См. подробнее: *Подберезкин А.* Русский путь. М.: РАУ-корпорация, 1999. С. 78–87.

[3] *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 363–368.

[4] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. С. 240.

[5] Там же. С. 239.

[6] *Осс Н.* Роман с государством // Известия. 2011. 6 мая. С. 6.

[7] Национальный бренд России: проблемы формирования. [Эл. ресурс]. URL:http://www.kapital-rus.ru/articles/139063

[8] Цит. по: *Логинов А. В.* Власть и вера. М.: Большая российская энциклопедия, 2005. С. 243.

[9] Примечательно, что в том числе и среди либералов. Так, партия «Правое дело» перед выборами начала активные консультации с представителями этих сил. См.: *Рубин М.* «Правое дело» начинает эксперименты с национализмом // Известия. 2011. 3 августа. С. 2.

[10] Напомню, что на страны БРИКС приходится половина населения Земли и более четверти мирового ВВП, а их влияние, в т.ч. культурное и политическое — растет. См. подробнее: *Костенко Н.* Пятерка за инновации // Ведомости. 2011. 14 апреля. С. 2.

[11] *Владыкина Т., Яковлева Е.* Трудное дело // Российская газета. 2011. 4 мая. С. 8.

[12] Интересы здесь рассматриваются как потребности, прежде всего национальные. См.: *Хрусталёв М. А.* Методология прикладного политического анализа. М.: Проспект, 2010. С. 48–54.

[13] *Витязев А.К.* Научное преобразование России. М.: СГУ, 2010 г. С. 11.

[14] *Лесков С.* Богатые юристы, бедные инженеры // Известия. 2011. 31 марта. С. 6.

[15] Этой теме, в частности, была посвящена дискуссия на VIII Красноярском экономическом форуме весной 2011 г. См. подробнее: Креативный класс — локомотив развития России. URL:http://ventare-news.ru/stati/print.

[16] *Овчинский В.* Стерилизаторы памяти // Независимая газета. 2011. 11 апреля. С. 3.

[17] Как полагает В. Бородина, «Великобритания — первая страна, которая начала двигаться в этом направлении в конце 1980-х гг., объявив в 2000 году креативность, креативный класс основными целями своего ближайшего развития. Программа, заявленная в 2008 году в качестве новой стратегии развития страны, — "Creative Britain — New Talents for the new economy"». См.: Valeria Borodina. Что такое креативный класс? 25 ноября 2010 / http://leratedxva.livejournal.com/1433

[18] Эти мысли им были высказаны 9 апреля 2011 года на ассамблее СВОП в пансионате «Лесные дали».

[19] Любовь или одиночество: чего больше в жизни россиян? ВЦИОМ. Россия, февраль 2010 г. С. 3.

[20] *Миллер А.* Необходимая программа // Ведомости. 2011. 8 апреля. С. 4.

[21] О. Карпова в своей лекции как-то сказала: «Город — это экосистема, состоящая из людей, которые производят идеи» / URL:http://leratedxvg.livejournal.com

[22] *Перкинс Д.* Исповедь экономического убийцы. М.: Протекст, 2008. С. 147.

[23] *Панина Т.* Формула Сколково // Российская газета. 2011. 29 марта. С. 11.

[24] *Бжезинский Д.* Шанс столетия / Профиль. 2008 г. 21 апреля. С. 49.

[25] *Рыбас С.* Столыпин, Сталин, Путин — этот процесс един. 1 сентября 2008 г. URL:http://www.viperson.ru

[26] *Дугин А.* Баланс консерватора // Евразия. 4 сентября 2008 г. URL:http://www.evrasia.org

[27] Тема духовности поднималась мною не раз в последние 20 лет, но особую актуальность она приобретает сегодня, когда перед Россией стоит мировоззренческий выбор. См. подробнее: Русская духовность: испытание на прочность // Современная политическая Россия (1985–1999 гг.). Т. 1. Хроника и аналитика. М.: РАУ-Университет, 2000. С. 905–907.

[28] *Варламов А.* Торжество православия // Известия. 2011. 14 марта. С. 6.

[29] *Фитуни Л.Л.* Предисловие к русскому изданию книги Д. Перкинса «Исповедь экономического убийцы». М.: Претекст, 2008. С. 7.

[30] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. С. 192–193.

[31] См. подробнее: *Подберезкин А.* Интеллектуально-духовный этап развития России. // *А.Подберезкин.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. С. 205–233.

[32] *Делягин М.* Некоторые значимые особенности русской культуры: доклад. Апрель 2011. С. 1.

[33] *Халиуллин Ю.* Поверить математикой религиозность // Независимая газета. 2011. 25 мая. С. 10.

[34] *Кучерская М.* На необычных держится небо // Ведомости. 2011. 29 апреля. С. 6.

[35] *Радзиховский Л.* Пределы возможностей // Российская газета. 2011. 6 мая. С. 3.

[36] Цит. по: *Сытник М.* Почему политикам необходима консультация гинеколога? Эл. ресурс «За правду!». URL:http://zapravdu.tu/content/view/208/9

[37] *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: социология XXI века / пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С. IX.

[38] *Подберезкин А.* Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. №2 (17). С. 10–11.

[39] Я неоднократно писал о важнейшей роли РПЦ для нации и как единственного сохранившегося института государства.

См., например: Россия сегодня: реальный шанс / под. общ ред. Подберезкина А. М.: РАУ-корпорация, 1995.

[40] Коктейль толерантности // Независимая газета. 2011. 14 марта. С. 2.

[41] *Легойда В.* Фрейду не снилось // Известия. 2011. 14 апреля. С. 14.

[42] Цит. по *Магарил С.* Поиски социального качества // НГ-наука. 2011. 9 февраля. С. 12.

[43] *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ. / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. С. VII.

[44] Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции. М.: Калуга, 2006. С. 78.

[45] Креативный класс и креативная цивилизация. Новый прорыв уммы 3 вересня 2010 / http://olha.com.ua/ua/read/

[46] *Белл Д., Иноземцев В.* Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века. М.: Свободная мысль, 2007. С. 5.

[47] *Иноземцев В.* Смерть традиции // Независимая газета. 2007. 8 августа. С.11.

[48] См. подробнее: *Подберезкин А.* Русский путь. М.: РАУ-корпорация, 1999.

[49] *Лесков С.* Богатые юристы, бедные инженеры // Известия. 2011. 31 марта. С. 6.

[50] *Варламов А.* Запредельная школа // Российская газета. 2011. 28 февраля. С. 9.

[51] Так, в мае 2011 года, комментируя инициативу В. Путина о создании Общероссийского народного фронта, и.о. генсекретаря «Единой России» С.И. Неверов заметил, что фронт — «…механизм выработки стратегии развития страны всем миром…» См.: *Неверов С.И.* Фронт — вперед! // Независимая газета. 2011. 26 мая. С. 3.

[52] *Орлова Л.* Церковь поделится ценностями // Независимая газета. 2011. 26 мая. С. 2.

[53] *Маркс С.* России нужна самобытность // Русский журнал. 2010. 27 ноября. С. 8.

[54] *Халиуллин Ю.* Поверить математикой религиозность // Независимая газета. 2011. 25 мая. С. 10.

[55] *Молотков А. Е.* Миссия России. Православие и социализм в XXI веке URL:http://chri-soc.narod.ru/molot_missia_rossii

[56] См., например: *Подберезкин А. И., Абакумов С. А.* Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004. С. 132–133.

[57] Русская духовность: испытание на прочность // Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999 гг.). Т. 1., Хроника и аналитика / под общ. ред. А. Подберезкина. М.: РАУ-корпорация, 2000. С. 907.

[58] *Зарубина Н.Н.* Деньги как социокультурный феномен. М.: АНКИЛ, 2011. С. 7.

[59] *Кувшинова О.* 13 млрд // Ведомости. 2011. 9 марта. С. 4.

[60] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: МЭР, 2008. С. 58–60.

[61] Социально-экономическое положение России. М.: Росстат, 2007. С. 19.

[62] Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы, Утверждена 7 февраля 2011 г. № 163 рп. С. 8–9.

[63] Там же.

Глава 4

Креативный класс и элита

На протяжении сотни лет главной задачей власти была мобилизация народа на достижение целей, добиться которых в нормальной практике просто невозможно[1].
С. Рыбас

Современный образ человека формируется западной цивилизацией, западной идеологией.
В. Макаров, академик РАН

Элита уедет. Останутся только юристы и охранники для защиты собственности[2].
Л. Григорьев

Взаимоотношения творческих людей с властью всегда непростые. Как правило, власть не любит, боится и игнорирует творческих личностей. Нет ничего удивительного в том, что в 2010–2011 послекризисные годы в России нарастало противостояние правящей элиты и креативного класса, который выступил «передовым отрядом» общества, точнее, той его части, которая была не удовлетворена политикой правящей элиты. Примечательно, что это противостояние характеризовалось чисто российскими особенностями, среди которых хотелось бы выделить следующие:

— нарастающее неприятие творческим классом правящей элиты. Объяснений этому несколько. Часто внешне правящая элита никогда не вызывала, мягко говоря, энтузиазма. Интеллигентности не хватало даже во внешнем облике, но когда все яснее становились корыстные мотивы — многочисленные рейдерские захваты, заграничная собственность, откровенная безграмотность и т.п. — то это вело уже не только к отторжению элиты от творческой части нации, но и ее неприятию. Деньги, которые стали в России мерилом всего, отнюдь не являлись таковыми для творческих личностей, для которых самореализация всегда была важнее материальных благ;

— неспособность правящей элиты к результативной деятельности, нарастающий разрыв между декларациями (в т.ч. даже направленными на поддержку творческого класса и модернизации) и, мягко говоря, скромными конечными результатами, которые к тому же нередко рассматривались как подтасованные, искусственные. Так, успехи, декларированные Росстатом по снижению травматизма и смертей, удивительно расходилась с данными Росстата, превышавшими этот показатель в 1,5–1,6 раза и превышавшими аналогичный показатель в развитых странах в 5–10 (!) раз[3].

— создание искусственных препятствий для общественной и экономической самореализации творческих личностей. Даже в такой области, где интерес креативного класса традиционно был минимален, — политике, в 2011 году стали абсолютно ясно, что достойных людей и партий не хватает: политическое поле было поделено

и на него никого не собирались больше пускать. Как сказал И. Свинаренко, «…когда-то Евгений Ройзман был депутатом Госдумы. А после стали избирать только по партийным спискам. И в итоге Ройзман — и еще много приличных людей — ушли из власти. Их место заняли другие люди…»[4].

— сужение возможностей, прежде всего, реальных, экономических для креативного класса, несмотря на все попытки Д. Медведева и В. Путина сделать реверансы в его адрес, — встречи с интеллигенцией, творческими работниками и т.п., которые стали восприниматься как пустая формальность.

Таким образом, в 2011 году сложились все условия для нарастания конфликта между правящей элитой и креативным классом, в основе которого лежала стойкая неспособность элиты обеспечить национальное развитие. Между тем элита была в состоянии это сделать несмотря ни на объективные экономические трудности, ни специфические для России осложнения 2008–2011 годов. Данные ПРООН за эти годы убедительно свидетельствуют, что «…многие страны достигли успехов в здравоохранении и образовании. Несмотря на очень скромный рост доходов»[5], — писал я в 2011 году. Вина за отставание таким образом объективно ложится на правящую российскую элиту. И в обществе это прекрасно понимали.

Самая тяжелая потеря для нации в эти годы — массовая эмиграция творческих социальных слоев за рубеж. В мировой конкуренции за таланты Россия не только не участвовала, но сознательно транжирила свой главный ресурс — национальный человеческий потенциал (НЧП), что, естественно, отражалось на качестве её элиты. «Тяжелейший трансформационный кризис осложнил внутреннюю легитимизацию новой российской элиты. А в результате отсутствия простых и ясных путей ее пополнения **социальный резерв элитного слоя неуклонно впитывается мировым сообществом**. Как следствие, российские элиты находятся **под угрозой потери питательной почвы для своего воспроизводства»**[6]**.** На это прямо и справедливо обращает внимание профессор НИУ ВШЭ Л. Григорьев.

Кризис 2008–2011 годов также показал, что существующая хваленая экономическая и политическая либеральная модель мироустройства и управления неэффективна. Как и кризис 30-х годов прошлого века, кризис 2008–2011 годов заставил задуматься о новых формах межгосударственного и государственного регулирования и поставил под сомнение не только «идеальную» либеральную модель развития, роль государства, но и сами политико-идеологические устои либерального постиндустриального общества. Во всем мире, пожалуй, кроме России. Хотя отечественным либералам стоило бы напомнить, что именно государство стало оказывать поддержку зарождающемуся рынку в XVI–XVII веках[7].

В этом смысле кризис, конечно же, оказал благоприятное воздействие на процессы осмысления роли России в мире и самоидентификацию общества по множеству вопросов — от отказа от идеализации «сырьевой экономики» до отказа от идеализации либеральной политической системы. Как справедливо заметил А. Торкунов, «…задачи созидания новой России поставили наше общество перед необходимостью определения новой российской идентичности. Какие смыслы несет в себе понятие «Россия»? Что объединяет россиян как нацию? Что означает быть россиянином сегодня?»[8].

Ответы на эти вопросы в условиях кризиса уже невозможно давать по образцу ответов 1990-х годов, когда внешнее благополучие либерально-демократических стран создавало иллюзию идеальной модели развития: Россия в период кризиса показала не только наименьшую приспособленность к неблагоприятным мировым тенденциям развития, наибольшую зависимость от внешнего мира, но и слабость внутреннюю — политическую, экономическую, социальную. Прежде всего, неэффективность госуправления[9], т.е. слабость, нравственную и профессиональную непригодность российской элиты. Антикоррупционная кампания, начатая Д. Медведевым, стала именно кампанией, иллюстрирующей не столько неспособность правящей власти, сколько сложившуюся систему управления в государстве как коррупционную.

Не случайно именно после кризиса приоритетами власти стала борьба с коррупцией, обновление элиты (уход «ветеранов» — губернаторов), борьба с попытками оправдать ее неспособность к стратегическому прогнозу и планированию, что выразилось в откровенном срыве реализации «Стратегии–2020».

Списывать провалы стратегии на кризис стало трудно, но все еще можно, оправдывая свою неспособность «продолжением мировых трудностей». Экстенсивное развитие в 2011 году означало по сути возвращение к модели развития до 2008 года, но уже в более сложных условиях. «Инновационная» политика 2009–2011 годов оказалась на редкость показательной: ее провал были вынуждены признать даже министры правительства. Как заметили в докладе В. Путину эксперты, избранные для «корректировки» стратегии, «мировые фундаментальные дисбалансы не сняты, а значит, на содержательном уровне кризис нельзя считать преодоленным»[10].

Между тем главной проблемой российской правящей элиты была проблема нейтрализации бюрократии, препятствующей развитию страны, и сознательный выбор главной движущей силы модернизации — креативного класса, развитие национального человеческого потенциала в целом. Такой выбор и такую ставку российская правящая элита была вынуждена делать всегда в своей истории — и в имперский, и в советский период. Неизбежно такой выбор в пользу креативного класса предстоит ей сделать и в будущем. Нынешней элите, либо иной. В противном случае она не только останется с теми, кто препятствует развитию страны, но и войдет в прямой политический конфликт с креативной частью обще-

ства. Той частью, которая сегодня является главной движущей силой развития. И не только экономики, но и общественно-политической системы.

Объективно в политическую повестку дня 2011 года были поставлены две группы проблем — социальные и национальные, — игнорировать которые правящей элите было невозможно. Создание весной 2011 года ОНФ стало косметической реакцией элиты на эту потребность, а в целом реакций на ее устойчивое нежелание сформулировать систему идеологических взглядов, потребность которой возникла еще на этапе завершения периода стабилизации в 2007 году[11].

1. Верховная власть, правящая элита, «правящий класс» и креативный класс[12]

Стремление президента (В. Путина) деприватизировать государственную власть неизбежно было сопряжено с урезанием власти тех, чьи полномочия при Б. Ельцине разрослись за счет полномочий федеральной политической элиты[13].

О. Гаман-Голутвина,
профессор МГИМО(У)

Большинство представителей нынешней элиты, имеющих номенклатурное прошлое, вышли из административно-советского аппарата, где они работали на вторых и третьих полях[14].

М. Афанасьев

Изначально очень важно определиться как можно точнее с тем, что мы понимаем под такими терминами, как «власть» (верховная власть), «правящая элита», «правящий класс» (политический класс), которые нередко воспринимаются как синонимы. Между тем между ними существуют принципиальные различия, а порой и серьезные противоречия.

При всей условности этих терминов нам необходимо понимать, из кого именно состоит правящая элита и кто принимает (и должен отвечать) за принимаемые решения, кто непосредственно формирует стратегию и политический курс, в том числе и по отношению к творческим слоям населения.

Кроме того, важно понимать, что между верховной властью и правящей элитой не только бывают, но и реально существуют противоречия, формируются различные «лагеря» и группы, отличающиеся в том числе и по политическим, и идеологическим взглядам. Собственно смена власти происходит из-за конфликта внутри правящей элиты.

Принципиально важно осознавать, что серьезные противоречия могут быть между правящей элитой и просто элитой («управляющим слоем») страны, а тем более, между правящей элитой и политическим классом, который сегодня не представляет единого целого. Более того, некоторые его группы находятся в прямой оппозиции к правящей элите. Причем в 2011 году уже можно было говорить о серьезном конфликте между политическим классом и правящей элитой. Как минимум, идеологическом, когда в политическом классе выделилась устойчивая группа «либералов-прогрессистов» и не оформленное национально-патриотическое большинство. Как справедливо отмечалось в докладе ИНСОРа, отражавшем взгляды «либерал-прогрессистов» в 2011 году, «Спасти положение может только политическая воля, ответственность элит и раскрепощение энергии общества»[15].

В этой связи особенно важно попытаться разобраться в том, кто собственно понимается в современной России под термином «элита», на которой лежит сегодня главная ответственность за будущее страны. На мой взгляд, структура правящей элиты и политического класса страны выглядит следующим образом (рис. 1):

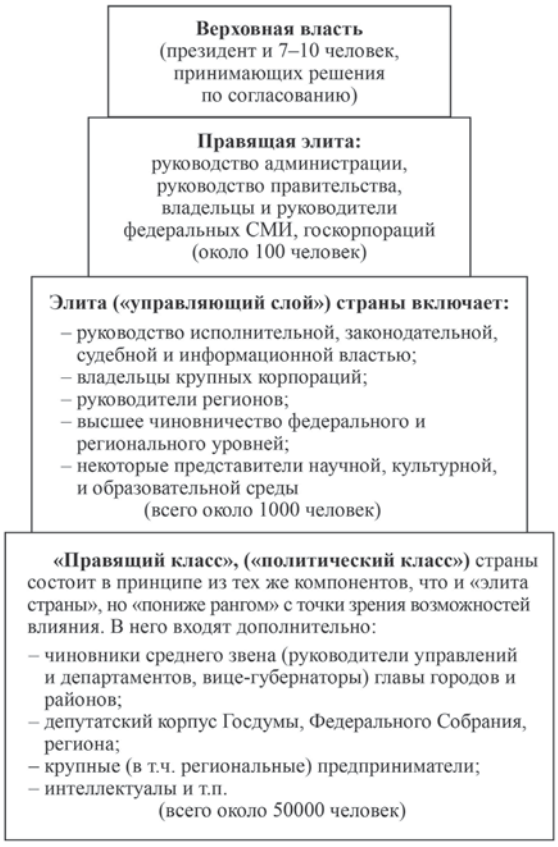


Рис. 1. Структура правящего класса и элиты страны

Табл. 1. Доверие россиян основным государственным и общественным институтам, %

Отношение к:	2008	2009	2010
Президенту России			
Доверяют	73	ц63	71
Не доверяют	13	20	13
Трудно сказать	14	16	17
Правительству России			
Доверяют	60	54	57
Не доверяют	24	30	21
Трудно сказать	16	16	22
Руководителю республики, губернатору их области, края			
Доверяют	48	36	**45**
Не доверяют	30	41	**29**
Трудно сказать	22	23	26
Государственной Думе России			
Доверяют	29	23	**25**
Не доверяют	46	53	**44**
Трудно сказать	25	245	31
Совету Федерации			
Доверяют	31	23	27
Не доверяют	36	45	**35**
Трудно сказать	33	32	38
Политическим партиям			
Доверяют	13	11	12
Не доверяют	65	66	**58**
Трудно сказать	22	23	30
Милиции, органам внутренних дел			
Доверяют	24	22	21
Не доверяют	59	57	**58**
Трудно сказать	17	21	21
Федеральной службе безопасности (ФСБ)			
Доверяют	46	39	39
Не доверяют	27	30	**28**
Трудно сказать	27	31	33
Прессе (газетам, журналам)			
Доверяют	26	26	31
Не доверяют	56	55	**43**
Трудно сказать	18	19	26
Телевидению			
Доверяют	35	35	38
Не доверяют	47	46	37
Трудно сказать	18	19	25
Российской армии			
Доверяют	63	50	49
Не доверяют	22	29	**25**
Трудно сказать	15	21	26

продолжение таблицы

Отношение к:	2008	2009	2010
Профсоюзам			
Доверяют	23	18	23
Не доверяют	46	52	**40**
Трудно сказать	31	30	37
Судебной системе			
Доверяют	22	20	19
Не доверяют	56	53	**53**
Трудно сказать	22	27	28
Церкви			
Доверяют	52	51	**56**
Не доверяют	22	21	**15**
Трудно сказать	26	28	29
Общественным организациям (экологическим, ветеранским, женским и т.п.)			
Доверяют	41	30	35
Не доверяют	27	32	25
Трудно сказать	32	38	40

Главной отличительной чертой «правящего класса» в России является то, что он не **принимает** сколько-нибудь важных решений, а **исполняет** решения, принимаемые правящей элитой и делегируемые «управляющей элите» страны, т.е. он вовсе и не является правящим классом. По большому счету политический класс (куда входят и журналисты, и политологи, и большинство депутатов и чиновников) является в современной России «обслугой» правящей элиты, которой нужно ежедневно доказывать ей свою преданность и «нужность». Они не играют сколько-нибудь самостоятельной роли, чем очень недовольны и что проявляется иногда в откровенных (как у Г. Павловского) высказываниях. Другими словами политический класс, составляющий абсолютное большинство элиты, реальной власти не имеет. Это, впрочем, хорошо видно на примере депутатов и ведущих политологов и публичных политиков. Некоторые из них (абсолютное меньшинство, не более 1%–2%) представлены в управляющей элите, которая имеет более широкие полномочия, среди которых главное — дозированный допуск к перераспределению ресурсов. Который, прочем, весьма ограничен. По некоторым оценкам, в эту категорию входит несколько десятков тысяч граждан (и неграждан) России, которые в конечном счете выступают главным промежуточным звеном между обществом (нацией) и правящей элитой, а также верховной властью[16].

Таким образом, круг лиц, принимающих реальные политические решения, чрезвычайно узок и ограничен фактически членами группы «верховная власть», которые **делегируют** часть своих полномочий правящей элите, а та, в свою очередь, — управляющей элите. «Вертикаль» — жесткая, негибкая, хотя и предусматривает перемещение не только по «горизонтали», но и по «вертикали».

Как правило, верховная власть строго регламентирует не только полномочия, но и возможности представителям правящей и управляющей элиты, атрибуты власти и иерархию. Причем, по моим наблюдениям, эта система сложилась еще с брежневских времен: разделение по спецсвязи, транспорту, дачам, лечению и т.п. Хотя, надо признать, в разные периоды правления влияние правящего класса и управляющей элиты было более заметно. Особенно в поздний горбачевский и ранний ельцинский периоды, когда «разгул демократии» на самом деле означал «разгул политического класса». Съезды советов СССР и России — яркое тому свидетельство, ведь М. Горбачев и Б. Ельцин реально зависели от их решений и «общественного мнения», которое формировал политический класс.

Особое значение при В. Путине и Д. Медведеве приобрела группа лиц, входящих в правящую элиту, точнее, — группы лиц, которые выражали не только командные, но и личные и групповые интересы. Так, представители верховной власти, или «ближнего круга», связаны личными отношениями и обязательствами с первым лицом. Это главный атрибут — личный доступ и личное общение — вместе с определенным, четко очерченным кругом обязанностей. Во всем остальном у них практически неограниченные возможности.

Представителей правящей элиты отличает высокая степень самостоятельности в принимаемых решениях, которая, однако, во-первых, не должна выходить за пределы их компетенций, а во-вторых, находиться в русле «линии партии», определенной верховной властью. Представители правящей элиты пользуются всеми соответствующими атрибутами: спецсвязью, «мигалками», госдачами, а главное, — возможностью регулировать финансовые потоки.

Управляющая элита представляет собой высокопоставленных исполнителей воли правящей элиты, способной принимать самостоятельные решения в рамках своей относительно узкой (губернаторской, думской, аппаратной, корпоративной, медийной и т.п.) компетенции. Как показывают соцопросы, это наиболее консервативный, сдерживающий развитие страны социальный слой. Так же, как прежде князья, они отличаются от «верхних бояр», способных принимать широкие решения, особым прагматизмом, сверхосторожностью, нередко непрофессионализмом и часто корыстью.

Обращает на себя внимание не только низкое профессиональное и нравственное качество управляющей элиты, но и чрезмерно высокая степень недоверия к ней общества. Так, по опросам Института социологии РАН, не доверяет управляющей элите (за исключением РПЦ и президента РФ) большинство[17] (табл. 1).

Поэтому, когда мы говорим в тех или иных случаях о «решениях элиты», «понимании элиты», «осознании элиты» и т.п., мы должны отдавать себе отчет, кого мы имеем в виду: правящий класс, который вместе с интеллигенцией, интеллектуалами **обслуживает** правящую элиту и **помогает** управляющей элите лучше выполнить поручение верховной власти, но не принимает решений? Управляющую элиту, выполняющую функцию исполнителя воли правящей элиты? Верховную власть, которая вместе с правящей элитой (но в разной степени!) принимает и должна отвечать за принимаемые решения?

В данной работе, говоря о правящей элите, я имею в виду именно правящую элиту и верховную власть, а не исполнителей — крупных (управляющая элита) и мелких («правящий класс»), которые, однако, способны в той или иной степени влиять на формирование курса правящей элиты. Именно правящая элита находится в эпицентре принимаемых решений, а ее представления, носящие часто очень субъективный и даже неадекватный характер, и составляют собственно политику того, что мы называем правящим классом, и **вовлекают в политику** (в зависимости от политической целесообразности) те или иные социальные слои общества. Так, при Петре I верховная власть боролась как с управляющей элитой, так и правящим классом, выдвигая в правящую элиту новобранцев. При М. Горбачеве управляющая элита (в виде членов ЦК и секретарей обкомов) была защищена при помощи правящей элиты, которую в свою очередь «скорректировала» верховная власть, убрав из Политбюро сначала В. Гришина, а затем и А. Громыко.

Интересно, что М. Горбачев, который, как и все генсеки, находился в зависимости от решения пленума ЦК, избирался на последнем съезде непосредственно. Тем самым он освободился от влияния управляющего слоя (членов ЦК), став сам себе ведущим. По сути то же самое сделал и В. Путин, «освободившись» от коммерческих обязательств Б. Ельцина и влияния управляющей финансовой элиты, сформировав в конце концов собственную верховную власть и правящую элиту. До определенного предела естественно.

В этой связи необходимо **определить место** правящей элиты и креативного класса в системе — политической и идеологической — России. В этой связи нужно, как уже не раз приходилось, прибегнуть к модернизированной схеме, внешнеполитической программы М. А. Хрусталёва[18].

Как видно из рис. 2, роль правящей элиты огромна:

— именно правящая элита **интерпретирует** с той или иной степенью адекватности и профессионализма национальные и государственные интересы и ценности;
— именно правящая элита оценивает масштабы и влияние внешних факторов (вспомним хотя бы роль оценки И. Сталиным возможности начала войны в июне 1941 года, или «роль кукурузы», или «демократизации» и т.п.);
— именно правящая элита формулирует — явно или скрыто — национальные политические цели и конкретизирует их в задачах, расставляя приоритеты;

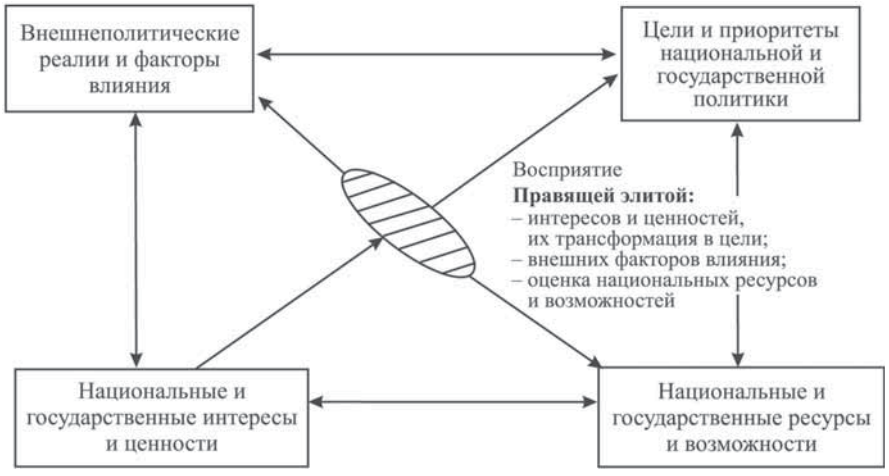


Рис. 2.

— именно правящая элита принимает важнейшие решения относительно распределения национальных ресурсов;
— наконец, именно правящая элита определяет стратегию страны как в ее самых общих чертах, так и в деталях — внешнеполитическую, военную доктрину, социально-экономическую, информационную и т.п.

При этом важно сделать существенные замечания. Во-первых, решения самой правящей элиты во многом предопределены решениями верховной власти. Так, решение верховной власти (части политбюро) в декабре 1979 года о вводе войск в Афганистан не согласовывалось с правящей элитой, но вытекало из ее идеологического курса. В данном случае — на обеспечение безопасности СССР и принципа интернационализма.

Верховная власть в России и СССР всегда играла решающую роль — и при императорах, и при генсеках, и президентах, но сама по себе верховная власть вынуждена была считаться с мнением правящей элиты (гвардии — при императорах, большинства ЦК — при КПСС, правящей элиты — при Б. Ельцине). Именно поэтому В. Путин долгое время и кропотливо менял правящую элиту, перемещая некоторых ее представителей в верховную власть либо на более низкий уровень. Тем же занимался и Д. Медведев, «реформируя» Минобороны, МВД, меняя губернаторов. При этом обращает на себя внимание, что верховную власть и правящую элиту они не трогали. Что видно, например, потому как 10 лет был законсервирован состав высшего руководства администрации, аппарата правительства и члены правительства. Правящая элита (напомню, около 100 человек) за 10 лет практически не изменилась. Передвижения происходили «по горизонтали»: помощники президента становились вице-премьерами и наоборот. Примечательно, что и на более низких уровнях — начальников управлений и т.д. — изменений также не наблюдалось. Таким образом при В. Путине и Д. Медведеве «верховная власть» и «правящая элита» стали играть исключительно важную политическую, финансовую и административную роль.

Во-вторых, роль общества, нации и креативного класса в принятии решений правящей элиты минимальна, если вообще просматривается. Эта роль могла быть заметной только в том случае, когда представители управляющей элиты (например, эксперты ЦК) предлагали что-либо правящей элите и верховной власти, аргументируя это предложение ее же потребностью. Так действовали Г. Арбатов, В. Фалин, И. Иноземцев. Так действовали те немногие, кто был допущен к Б. Ельцину. Так действовали и при В. Путине и Д. Медведеве, но их влияние еще больше было ограничено чисто аппаратными методами: секретариаты и канцеляры брали на себя право решений. Что иногда даже раздражало верховную власть, в т.ч. Д. Медведева и В. Путина, которые чувствовали, что ими манипулирует аппарат.

Современный образ человека во многом формируется западной цивилизацией. И не только формируется, но и **навязывается другим странам**. Иногда даже силовыми методами. Но не только в этом дело, а также и в том, что вслед за этим образом навязываются чужие идеи, ценности, и, в конечном счете, **политика, экономические и социальные условия развития.** Так, например, как такая политика была **навязана** России в 1990-е годы. В том числе финансовая и экономическая, сохранившаяся по сути до сегодняшнего дня. Роль элиты в этом процессе чрезвычайно велика. Именно правящая элита отвечает за интерпретацию национальных интересов и формирование политического курса, следствием которого является либо сохранение своих образов и идей, либо насаждение чужих. Очевидно, что последнее десятилетие было периодом борьбы — явной и скрытой — «своих» и «чужих» идей, от политики и экономики до образования и науки.

Роль креативного класса в этих условиях, как правило, невелика: правящая элита монополизирует политические функции, предопределяя поведение общества и государства, включая и отдельные социальные слои. Такие как креативные группы, которые становятся ведомыми по отношению к элите. Вот почему ключевой вопрос в отношениях «элита и креативный класс» — вопрос о **допуске креативных групп к власти**, т.е. управлению государством и распределению национальных ресурсов. Это — вопрос о **политической власти**. Само по себе это не произойдет, в том числе и с помощью демократических процедур, которые полностью контролируются правящей элитой. Необходимо, чтобы **сама элита** поняла такую необходимость, отказавшись от избранных принципов. Либо креативные слои как в странах Северной Африке, пойдут на улицу.

В обществе, кстати, растет понимание того, что правящая элита по большому счету не хочет перемен. Только в рамках либеральной традиции. И «традиционалисты», и «модернисты» в своем большинстве уже осознают необходимость давления «снизу». Как показывают соцопросы РАН, эту позицию так или иначе разделяют от 30 до 50%. И не случайно эта цифра совпадает с численностью активной части нации, куда входят креативные группы, интеллигенция, интеллектуалы, а также средние слои и служащие[19] (рис. 3).

Существующая политическая система стимулирует «деидеологизацию» и прагматизм, т.е. конформизм. «Предпочтения избирателей по отношению к политическим партиям все менее определяются идеологическими изысками. Приоритетным становится весомость политических фигур, их близость к авторитетным и высокорейтинговым политикам. Производственная принадлежность и половозрастные характеристики практически не влияют на процесс определения электоратом своих предпочтений»[20].

Выше уже не раз говорилось о неспособности мировой и в ещё большей степени российской элиты

Рис. 3. Некоторые особенности взглядов различных мировоззренческих групп, %

обеспечить **опережающее развитие**, в т.ч. и человеческого капитала. Но, как оказалось, она (элита) не может обеспечить и эффективное антикризисное управление, что проявилось в условиях российского кризиса 2008–2011 годов. Примечательно, что и высшее государственное руководство, прежде всего Д. Медведев и В. Путин, — это прекрасно понимают. В 2008–2011 годы они не раз говорили о невосприимчивости российской экономики к инновациям, о неспособности реализовывать принимаемые решения, наконец, о коррупции и неэффективности госуправления. Это особенно актуально, когда речь идет о новых угрозах для общества и экономики, отчетливо проявившихся в условиях кризиса. Так, в «Стратегии национальной безопасности», утвержденной президентом России 12 мая 2009 года, прямо признается: «В условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений формируются новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства. Россия… переходит к **новой государственной политике** в области национальной безопасности»[21].

Таким образом, в высшей части правящей российской элиты **понимание** существа проблемы есть. Но, как показывает реальность, от понимания до получения результата в качестве принятых мер, — огромная дистанция. Иногда кажущаяся непреодолимой. И эффективность (точнее, её полное отсутствие) антикризисных мер правительства тому наглядное подтверждение: кризис не только больше всего ударил по России, но он еще и показал, что принимаемые меры неэффективны, а решения — нереализуемы. Особенно ярко это проявилось в провале «Стратегии–2020».

Кроме того, серьезно ухудшилось как объективное положение большинства граждан, так и его субъективное восприятие. В целом кризис больно ударил прежде всего по параметрам, характеризующим качество жизни. Что видно хорошо на примере соответствующего индекса.

Первые пять стран по индексу производства **социального капитала** следующие: Бангладеш — Япония — Норвегия — Лаос — Индия. У России — 100-е место — где-то после ЮАР.

По индексу экокапитала первые пять стран такие: Австралия — Суринам — Канада — Гайана — Габон. Россия занимает в рейтинге 19-е место — между ЦАР и Парагваем.

По индексу палеокапитала имеем следующий рейтинг: Австралия — Кувейт — Катар — Казахстан — ЮАР. Россия занимает в рейтинге 8-е место — между Канадой и Чили.

Объединение индексов дает следующие результаты: по индексу **качества жизни** пять стран с максимальным значением индекса: Австралия — Канада — Норвегия — Люксембург — Исландия. **Россия по данному индексу занимает 80-е место — между Македонией и Румынией**. Для сравнения приведу пример 20 стран–лидеров (табл. 2).

На мой взгляд, основное объяснение этому лежит в фундаментальных идеологических вопросах. Лишив нацию национальной идеологии и права на национальную идентификацию, мы лишили её самого мощного и эффективного механизма управления государством и обществом. Оставив только финансовые инструменты управления, соответствующие идеологии либерализма.

Но нынешний кризис — это кризис **всей существующей системы взаимоотношений,** т.е. кризис формации. Самое слабое звено этой формации — Россия — оказалась в отсутствие идеологии (т.е. стратегии поведения в условиях кризиса) и самым пострадавшим звеном. Это означает, что если мировой кризис 1929–1933 годов был завершен в конечном счете созданием развитого индустриального общества и социального государства, то нынешний должен завершиться созданием постиндустриального общества, основывающегося на **креативной экономике и развитии национального человеческого капитала**. Но как раз такого понимания у российской элиты нет.

Табл. 2. Индекс качества жизни (I) и его составляющие для ряда стран

Рейтинг	Страна	I	1ф	1ч	1с	1э	In
1	Австралия	0,611	0,462	0,588	0,9029	0,7359	0,3665
2	Канада	0,556	0,472	0,595	0,9182	0,7167	0,0767
3	Норвегия	0,520	0,676	0,620	0,9658	0,3013	0,0380
4	Люксембург	0,492	1,000	0,532	0,9068	0,0196	0
5	Исландия	0,473	0,501	0,659	0,6548	0,5505	0
6	Швеция	0,436	0,465	0,595	0,9430	0,1643	0,0125
7	Ирландия	0,427	0,562	0,588	0,9348	0,0525	0
8	Кувейт	0,426	0,714	0,630	0,6105	0,0049	0,1703
9	Гайана	0,424	0,047	0,536	0,7972	0,7132	0,0258
10	Финляндия	0,423	0,451	0,506	0,9472	0,2108	0
11	Катар	0,419	1,000	0,268	0,6517	0,0095	0,1667
12	Дания	0,408	0,457	0,627	0,9385	0,0158	0,0010
13	Швейцария	0,407	0,481	0,581	0,9457	0,0277	0
14	Нидерланды	0,405	0,485	0,608	0,9159	0,0175	0,0004
15	США	0,402	0,564	0,713	0,5977	0,0891	0,0484
16	Австрия	0,400	0,465	0,542	0,9396	0,0485	0,0034
17	Греция	0,392	0,385	0,627	0,9152	0,0161	0,0172
18	Великобритания	0,392	0,439	0,610	0,8964	0,0135	0,0004
19	Франция	0,388	0,384	0,600	0,9280	0,0255	0
20	Израиль	0,387	0,340	0,718	0,8716	0,0040	0
23	Германия	0,382	0,409	0,556	0,9273	0,0144	0,0037
24	Испания	0,381	0,401	0,569	0,8787	0,0315	0,0230
29	Парагвай	0,365	0,051	0,765	0,7042	0,3067	0
30	Япония	0,365	0,415	0,425	0,9669	0,0158	0,0001

Вторая причина — **в обществе** нет осознания того, что многое в выживании конкретного человека в кризисной ситуации зависит лично от него. Личность в России уже перестала верить не только власти, но и в свою собственную перспективу. С этой надеждой исчезло и желание что-то делать и к чему-то стремиться. Остается уповать на Бога, лидера… Надеяться на нынешних правителей, на то, что «и так вывезет», — наивно. Если вы хотите спасаться, то должны сами строить плот. Такими «плотами» могут стать, например, поселения, основанные на новой самоорганизации, на взаимопомощи. Эксперименты подобного рода велись и имели определенный положительный эффект, но глобализация их свернула. Зачем создавать плоты, если почва под ногами кажется твердой, незыблемой?»[22]

В полной мере сказанное относится и к России, конечно, с серьезной спецификой, прежде всего применительно к российской квазиэлите (которую я буду все-таки называть элитой). Как видно, многие проблемы, которые мы называем российской спецификой, прямо относятся к качеству российской элиты. Собственно, этому и посвящается настоящая глава, выводом для которой могут послужить слова политолога Д. Тренина (с которым я редко соглашаюсь): «Не будет достойной элиты — не будет и гражданской нации, а „национальные интересы“ будут произвольно определяться произвольно сменяющими друг друга узкими группами лиц»[23].

Таким образом, проблема **качества российской элиты**, отчетливо проявившаяся в условиях кризиса, разделяется на целый ряд взаимосвязанных проблем. Это:

— проблема (общая для всех развитых стран) **осознания** национальными элитами необходимости смены парадигмы экономического и социального развития, которая применительно к современной России формулируется как **проблема выбора** национальной элитой **своего** национального алгоритма развития, **своих ценностей, своих**

приоритетов. Сохранение элитой в качестве идеологии и стратегического курса либеральной традиции (либо «выбор» между ее оттенками) — гибельная перспектива. И именно элита должна принять решение о смене курса. Как справедливо говорит Л. Григорьев, «в экономической политике мы постоянно сталкиваемся с невозможностью реализации рациональных и с математической точки зрения оптимальных решений, поскольку они затрагивают чьи-то интересы. Особенно выпукло фактор интересов проявляется в налоговой политике, переговорах по ВТО, выборе региональных приоритетов, предвыборной политике поддержки своих избирателей и т.д. Там, где кончается рациональный экономический анализ, обычно ссылаются на частные интересы, но только правящая элита в состоянии взвесить решения и провести их в жизнь, пытаясь сохранить баланс разнородных интересов»[24];

— проблема внедрения во властную элиту представителей креативных слоев населения и, соответственно, **вытеснения из элиты** старых социальных групп, прежде всего финансовых, административно-силовых, псевдополитических и т.д. Без смены элиты ничего не изменится. Нынешняя по-прежнему будет работать в России «вахтовым методом», а жить, учить детей покупать собственность и бизнес — за рубежом;
— проблема **эффективного государственного и общественного управления**, которая для России отнюдь не решена принятием Конституции 1993 года и административными реформами нулевых;
— наконец, главное — это проблема **создания условий**, прежде всего политико-идеологических, для развития творческого и нравственно-духовного потенциала нации, а в частности, креативных групп, которые в будущем будут предопределять **качество экономики, общества и государства**.

2. Субъективная сторона российского кризиса и креативный класс

Хороших людей больше, но плохие — лучше объединены.
М. Задорнов

Нашего человека надо благодарить хотя бы за намерения, все равно у него ничего не получится.
Н. Гоголь

Мировой кризис показал, что правящая российская элита не способна на эффективное управление в сложных условиях. Строго говоря, российская правящая элита все последние 25 лет действует в условиях кризиса. Мировой кризис 2008–2011 годов на самом деле просто часть, пусть более глубокого, российского системного кризиса, который отнюдь не закончится в 2012 году, когда Россия вернется по объему своего ВВП на уровень 1990 или 2008 года. Более того, в определенном смысле «кризис после кризиса» 2008–2010 годов становится еще глубже. Проблемы 2011 года — это по сути проблемы, ставшие очевидными еще в 2007 году:

С экономической точки зрения, стало ясно, что рост цен на энергоносители и сырье не приведет к быстрому росту экономики, который будет ограничен скромными темпами в 2,5–3,5%. Но это при благоприятных ценах, которые смогут держаться не вечно.

С политической точки зрения, достигнутая политическая стабильность ставится под сомнение ростом значительного числа недовольства тех 60% граждан, которые перестали верить в динамичное развитие страны и улучшение своего благополучия. Более того, за 2008–2011 годы их реальные доходы упали, и будут падать.

С идеологической точки зрения, правящая элита не представила нации внятной и приемлемой картины будущего, стратегии развития и маломальских результатов деятельности.

С технологической точки зрения, очевидны неудачные попытки внедрения инноваций и технологической модернизации: экономика оказалась невосприимчивой к инновациям.

Но самое глубокое беспокойство вызывает **мировоззренческий и социальный кризис в обществе**, раскол нации на две не просто неравные, но противостоящие части, составляющие примерно 20% и 60%, одинаково уже не приемлющие нынешнюю политическую «стабильность» и экономическую «стагфляцию». Эту проблему правящая элита не замечает. Во

Во многом вина за эти кризисы возлагается на правящую путинско-медведевскую элиту, которая не смогла решить назревшие проблемы, попытавшись заменить такие решения обещаниями и декларациями, что особенно наглядно проявилось в период кризиса 2008–2011 годов и сразу после него. Искусство управления проявляется (или не проявляется) лучше всего в экстремальных условиях: в войне, кризисе и т.п., когда ресурсов мало, а задачи большие. Этого испытания российская элита не выдержала.

Опыт антикризисного поведения российской элиты в 2008–2010 годах имеет уникальное значение, ведь именно в экстремальных условиях проявляются истинные черты характера, мотивы и нравственные качества. До 2008 года управлять страной в условиях избытка финансовых средств было относительно легко: главная задача правительства заключалась, грубо говоря, в том, чтобы не допустить на рынок финансовые средства, получаемые от продажи ресурсов, и, может быть, в отсутствие реальной программы развития ограничить по возможности нецелевые расходы, т.е. воровство из госбюджета. Ни о каком развитии нации всерьез не думали. Л. Григорьев по этому поводу справедливо отмечает: «На первом этапе трансформации в России роль интеллектуальной элиты была заметной, но, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, эта роль была не такой важной, влияние ее было недолгим. Специфика приватизации дала слишком пеструю картину новой деловой элиты: пока она не осознала необходимость единства во имя общих долгосрочных интересов. И все же и сегодня российскую деловую элиту более всего интересует максимизация приватизационного выигрыша и удержание активов в качестве ликвидного портфеля»[25].

Действительно, российская правящая элита в реальности, де-факто, сформулировала идеологию личного и группового обогащения как свою главную цель и главный интерес. Это расходится не только с нравственными и правовыми нормами развитых стран, но и российской традицией, когда массовое воровство не считалось нормой, против него боролись, в том числе и самыми жестокими мерами. Интересный пример из времен Павла I. Его именной указ Сенату по поводу одного из крупнейших чиновников: «По дошедшим до нас сведениям о недостающих суммах и о прочих недостатках за Персидский поход, под начальством… графа Зубова, повелеваем Сенату нашему взять под секвестр все его имения и держать под оным до тех пор, пока во всей точности все оное заплачено будет»[26].

Очевидно, что жадность и беспринципность российской правящей элиты в период кризиса, когда реальные доходы населения за 2008–2011 годы заметно сократились, а количество миллиардеров и миллионеров выросло, выглядело вызывающе. Особенно на фоне либерального подоходного налога в 13%. При этом колоссальная разница в доходах между сверхбогатыми и большинством бедного населения нивелировалась «средним» душевым доходом по стране. На фоне галопирующей инфляции 2008–2011 годов это выглядело все более и более возмутительным.

Другая, еще более пессимистическая оценка поведения элиты М. Колерова: «В дни кризисов общество ищет простых решений. Среди этих простых решений — «интеллектуализация власти». В ее ловушку, как мухи на свет, летят мириады публичных интеллектуалов, наивно полагая, что их опыта «публичной экспертизы» будет достаточно для борьбы с гидрой бюрократической импотенции и дьяволом политической коррупции»[27].

При этом все понимали, что страна развивается экстенсивно: недостаточно высокие темпы роста ВВП, сохранение отсталой структуры, невосприимчивость к инновациям, неэффективность госуправления и коррупция — эти и другие болезни были, конечно же, известны (о них говорили, даже принимались решения), но… в условия благоприятной конъюнктуры на сырьевых рынках с ними не спешили реально бороться. И если до кризиса неспособность к инновационному развитию и воспроизводству человеческого капитала осознавалась, но оставалась на периферии реальной политики, то в условиях кризиса понимание перехода к такому алгоритму развития стало практической необходимостью. Но его-то в 2008–2011 годы и не произошло. Проанализировав итоги кризисного развития за 2008–2011 годы по российским регионам с точки зрения национального человеческого капитала с помощью различных индексов (бедности, науки и инноваци1, здравоохранения, прерывания беременности, автомобилизации, неравенства), неизбежно приходишь к выводу, что все антикризисная стратегия правительства, которая основывалась только на макроэкономических показателях, была неверна и неэффективна. Она нанесла колоссальный удар по НЧП. Поэтому в 2011 году необходимо было принимать срочные и радикальные меры прежде всего в таких областях, как:

— образования и наука;
— качество жизни;
— реальных доходов населения;
— сокращение неравенства;
— здравоохранения и др.[28]

Подчеркну: ментальность и «стратегия» развития у российской элиты в 2011 году осталась прежней, как и до кризиса. Кризис ее ничему не научил, хотя в общественной и интеллектуальной среде в 2010–2011 годы стал вызревать консенсус относительно необходимости смены курса. Правда различные группы предлагали свои рецепты — от радикально-либеральных до национально-ориентированны.

С какими настроениями мы и вступили в кризис осенью 2008 года? Напомню о реальной позиции России, сформулированной в тот период В. Путиным и А. Кудриным: «Россия — остров стабильности». Впрочем, такая позиция просуществовала недолго — уже через несколько месяцев Россия была вынуждена принимать решение о масштабных антикризисных мерах (необходимость которых была для многих очевидна ещё даже до провозглашения лозунга об острове стабильности).

Очень похоже на то, что в первой фазе кризиса 2008–2009 годов мы были вынуждены только благодарить правительство за хорошие намерения. Антикризисной стратегии как системы не было. Развитие России к концу 2008 года между тем вступило в кризисную стадию. Началось, как и на Западе, с финансового кризиса, который быстро перетек в кризис экономический, а затем и социальны, который благодаря позиции федеральных СМИ оказался почти не замеченным.

Экономический и финансовый кризис в России 2008–2011 годов — удивительное и отчасти самобытное явление. Понятно, что, находясь в глобальной экономике, мы не могли остаться в стороне от инициированного США кризиса. Вместе с тем вызывает много вопросов именно субъективная, неэкономическая сторона российского кризиса, которая сыграла решающую роль. А именно:

Первое. У всякого кризиса была своя предыстория. Российский не исключение. И эта кризисная предыстория имеет огромное значение не только для понимания сути кризиса, но и того, что производят **после** его окончания. Коротко, суть его такова: финансовые власти проводили такую политику, которая не позволяла развиваться отечественному реальному сектору экономики и вынуждала российский бизнес привлекать более дешевые и доступные кредитные ресурсы из-за рубежа. В результате у корпораций накопились огромные внешние займы (более 150 млрд долл.), но, главное, еще **до кризиса** отечественные кредитные ресурсы были малодоступны. Как справедливо признает профессор МГИМО(У) О. Гаман-Голутвина, «важнейшей из внутренних причин стала предельно неэффективная структура экономики, возникшая в 1990-е гг. и не претерпевшая существенных изменений, несмотря на открывшиеся благодаря значительным финансовым поступлениям возможности в 2000-е гг.»[29].

Вместе с тем денег у государства было много. Более того, эти ресурсы, которые не использовались для развития страны, выводились за рубеж. Объяснялось это необходимостью «накапливать ликвидность» (интересно, что теперь с этой ликвидностью делать. Да и будет ли она?). Ситуация стала повторяться во второй половине 2011 года. Элита ничему не научилась.

Россия накопила огромные резервы относительно своего ВВП, которыми не сумела вовремя воспользоваться. Понятно почему: вместо инвестирования в человеческий капитал[30] и собственную промышленность многие годы шло инвестирование потребительского спроса, ориентированного на импорт (который увеличился в несколько раз за последние 8 лет) и формирование в ущерб промышленному кредитованию всяческих стабфондов.

И хорошо, если бы при этом финансовые власти руководствовались бы идеями Дж. Гэлбрейта (чье столетие, кстати, пришлось на 15 октября 2008 г.), в соответствии с которыми целью экономического развития является не рост ВВП, а **рост уровня жизни граждан**. Так нет. Финансовые власти, прежде всего Минфин и Центробанк, руководствовались **навязанной** извне (каким образом — отдельный разговор) неолиберальной политикой «макроэкономической стабилизации».

При этом именно **правящая финансовая элита**, а отнюдь не политики — неолиберал А. Кудрин не имеет своей фракции в Госдуме — **прямо ответственна за такую политику и ее последствия**. Именно консерватизм, ограниченность и самонадеянность этой части элиты, которая фактически монополизировала финансово-экономическую политику страны, стали причиной медленных структурных изменений, а в конечном итоге и российского своеобразия кризиса в стране. Валить всё на американцев можно. Но ещё важнее видеть собственные ошибки, хотя бы для того, чтобы не повторить их после кризиса.

Второе. Неолиберальная финансовая элита оказалась **беспомощной с точки зрения кризисного управления**. Все немногие правильные публичные решения Д. Медведева и В. Путина оказывались не просто запоздалыми, а фактически саботировались финансовыми властями. Процесс принятия решений занимал недели и месяцы вместо нескольких дней в тех же США и Великобритании. Д. Медведев в то время назвал цифру в 30% выполненных решений антикризисного характера. Я думаю, что его оценка оптимистична. Сегодня, например, никто не знает, сколько из выделенных средств получено. Полагаю, что гораздо меньше 30%.

Казалось бы, что проще — увеличить ликвидность банков, прокредитовать промышленность, усилить государственные гарантии. Вроде бы политики это и делали. Но, во-первых, складывалось впечатление, что президент и премьер каждый раз вынуждены принимать эти решения, преодолевая чьи-то барьеры, а во-вторых, запоздалость и половинчатость этих ре-

Рис. 4. Смириться или бастовать?

шений просто не выдерживает критики. Ситуация 2011 года прямо повторяла докризисный 2007 год[31].

Возникает вопрос, а будет ли эта финансовая власть нести **политическую ответственность** или предоставит Д. Медведеву и В. Путину оправдываться за **социальные последствия такой неумелой финансовой политики?** Ответ однозначен: как и всегда, — нет.

Третье. Для России кризис во многом, если ни в главном, морально-психологический. Это — кризис доверия к власти. Народ столько раз обманывали, что вызывает удивление, что он еще верит. Он и не верит. Вспомним хотя бы многочисленные призывы «хранить деньги в рублях». Те, кто **не поверил** и хранил в долларах, сегодня в выигрыше как минимум на 30%. Вот это главное — доверие к власти, с трудом обретенное В. Путиным и Д. Медведевым, финансовые власти с легкостью стали транжирить.

В период кризиса проявилось и обострение социальных отношений, что выразилось прежде всего в числе граждан, готовых протестовать[32] (рис. 4).

И в этом, как и в двух предыдущих случаях, конкретно виновата консервативная неолиберальная часть элиты, которая фактически не только монополизировала процесс принятия решений, но доказала свою **абсолютную неспособность адекватно реагировать на кризисные ситуации**: вялая, запоздалая, неадекватная реакция, полное отсутствие идей, креативности. А кроме того, удивительная неспособность выполнять собственные решения.

Четвертое. Уже на самых ранних этапах кризиса — в сентябре и октябре 2008 года — финансовая элита показала свою абсолютную неспособность к коммуникации с обществом. Общество настойчиво ждало честной информации, плана действий, разъяснений, но получало невнятное бормотанье из уст тех, кто прямо отвечал за финансовую политику страны.

В условиях кризиса любое правительство расширяет свои возможности коммуникации с обществом, создавая в идеале общенациональную антикризисную стратегию и программу. В России этого сделано не было. Как всегда попытались обойтись финансовыми мерами. В итоге — падения ВВП сопровождалось все 2008–2011 годы падением реальных доходов населения, инфляцией, ростом тарифов, а в итоге расширением пропасти между властью и нацией. Власть и элита все больше приобретала черты антинациональной правящей группы. Попытка создании на этом фоне Объединенного общенародного фронта, на мой взгляд, оказалась запоздалой и откровенно пиаровской. При этом события «арабской весны» 2011 года, когда главной движущей силой выступила образованная молодежь в целом ряде стран, подтвердили главную тенденцию, свойственную для всех, а не только арабских стран — основной революционной (дестабилизирующей) силой выступает в нашем веке креативный класс[33].

Власть еще раз продемонстрировала свою неспособность к эффективному управлению.

Пятое. Как справедливо заметила О. Гаман-Голутвина, «несмотря на то что мировой финансово-экономический кризис затронул целый ряд стран раньше России, сложившаяся в РФ к началу экономического кризиса система управления не смогла адекватным образом оценить угрозы надвигавшегося кризиса и предвидеть его экономические, социальные и политические последствия, что дает основания констатировать слабость прогностической функции отечественной системы госуправления. Несмотря на ставшие очевидными для многих отечественных и зарубежных независимых экспертов признаки надвигавшегося спада не только на глобальном уровне, но также в России, официальные должностные лица РФ на начальном этапе кризиса отрицали серьезность угроз, что свидетельствует также **о недооценке властями позиций экспертного сообщества, слабости в целом экспертной проработки принимаемых на государственном уровне решений по ключевым вопросам**»[34].

Таким образом, уже начало кризиса в 2008 году продемонстрировало **неспособность управляющей финансовой и экономической элиты адекватно реагировать на нестандартные ситуации**. Модель поведения в русле пресловутой «макроэкономической стабильности», которая препятствовала развитию экономики в 2000–2008 годы, не смогла это развитие остановить (убежден, что высокие темпы роста ВВП в эти годы были не благодаря, а **вопреки** усилиям финансовой элиты) и оказалась абсолютно недееспособной в мало-мальски осложнившихся условиях. Кризис был не финансовый. Это был кризис в головах макроэкономистов. Эта «стойкая неспособность» элиты управлять подтвердилась в последующие годы. Даже начавшийся в 2011 году подъем экономики оказался неуправляемым, стихийным.

Общество, государство, экономика, да и публичные политики, прежде всего Д. Медведев и В. Путин, понесли огромные издержки не столько из-за мирового кризиса, сколько из-за того, что в России сохранилась недееспособная финансово-управленческая элита, противопоставившая себя не только народу и обществу, но и самой политической элите. Ее практические результаты негативны, хотя признавать это финансовые власти пока не хотят. Главный негативный результат — продолжение обнищания населения, падение жизненного уровня, о чем вполне наглядно свидетельствуют данные ВЦИОМ.

Как видно из графиков (рис. 5), в начале 2011 года прошел «обвал», почти равноценный кризисному 2009 году, в оценке респондентами своего материального благополучия. Индекс (разница между положительными и отрицательными оценками) упал сразу на 10 пунктов, фактически достигнув уровня 2005 года, когда власть начала постепенно и точечно политику роста доходов.

Самую незавидную роль в этой связи пришлось играть креативному классу. В развитых странах креативные слои населения не только «двигатели

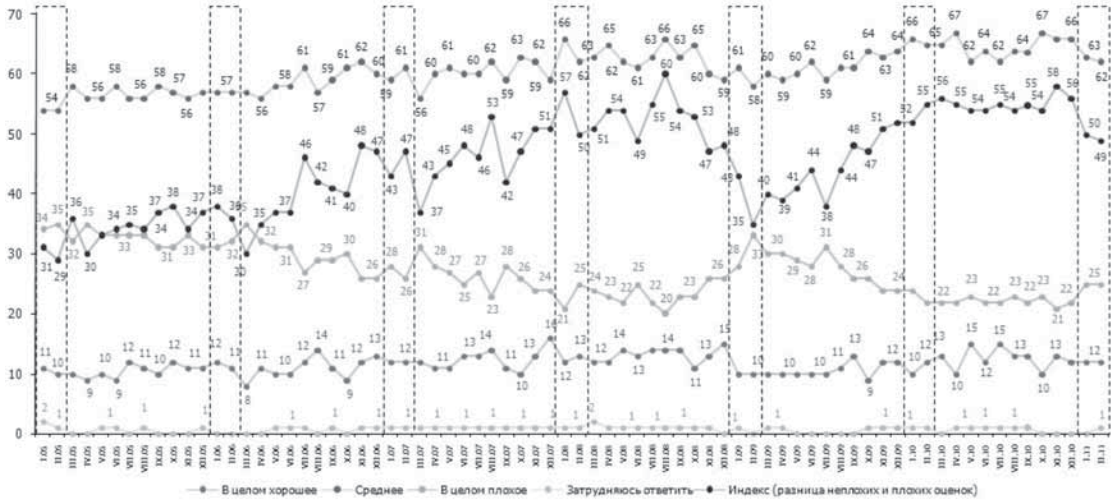


Рис. 5. Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?[35]

прогресса» и экономики, но и финансов. В случае же с Россией этого просто нет. Не мало — подчеркну — не недостаточно, а просто нет, ведь правящая финансовая элита — это абсолютно лишенные всякой креативности, даже враждебные ей бухгалтеры. Причем не очень хорошие. Причем зараженные чужими идеями и схемами, от которых на Западе давно отказались.

В этой связи, а именно в связи с финансовым кризисом, необходимо вновь вернуться к **идеологии**, которую правящая финансовая элита вроде бы даже и не признает, но, на самом деле, упорно отстаивает в своей либеральной традиции[36].

Следует ясно понимать, что правящие элиты стран-лидеров руководствуются не абстрактными представлениями о праве наций на суверенитет и сохранение идентичности, а стремлением как минимум приспособить, сделать удобной для себя, комфортной внешнюю среду. В СССР и России эти реальные цели трактовались наивно, непрофессионально. Политическая наивность по отношению к Западу дорого обошлась нашей стране, в том числе и в экономическом и финансовом плане. Эта наивность граничит с предательством.

В этом смысле роль национальной элиты чрезвычайно высока: она обязана сохранить суверенитет государства, национальную самоидентификацию общества, систему традиционных ценностей. И первое, и второе, и третье возможно только в том случае, если элита обеспечивает нации соответствующие экономические, социальные и военные позиции в мире, которые гарантируют самим фактом существования такую возможность. В этом — главный смысл существования элиты, который можно коротко сформулировать как **политическую ответственность перед нацией**, особенно в революционные периоды или кризисные времена.

Когда элита не находится на необходимом уровне ответственности, не понимает **сути власти** в России, происходит потеря контроля над управление. Власть без ответственности — это разрушение страны. Потеря контроля при полной безответственности ведет к катастрофе. Как справедливо отмечает С. Рыбас, «…провалы политики Николая II, Горбачева и Ельцина, пытавшихся резко сменить механизм власти, произошли потому, что они не понимали этого кода и ожидали, что быстрая демократизация отношений власти и элит сделает Россию подобной Америке или Великобритании. **Но как только элиты получали власть, страна начинала расползаться.**

Можно ли назвать случайностью и проявлением злой воли великих князей, царей и императоров их многовековую борьбу с собственной политической элитой за укрепление единства государства? В истории бывают разного рода случайности, но длящейся тысячу лет случайности быть не может».

В кризисе 2008–2010 годов российская финансовая и управленческая элита сыграла крайне негативную роль. По целому ряду причин. Прежде всего, фантастический отток капитала осенью–зимой 2008 и в 2009 году привел к обескровливанию экономики, отчетливо показал непатриотичный и спекулятивный характер так называемой экономической деятельности элиты. В результате за 2008–2009 годы у России оказалось самое глубокое падение ВВП из всех развитых стран. Но отток не прекратился и позже. Уже в первом квартале 2011 года он превысил 40 млрд долл.

Во-вторых, во многом кризис был вызван ростом внешней задолженности российских корпораций, банков и предпринимателей, которые не смогли вовремя их погасить. Здесь, правда, основная доля ответственности лежит уже на финансовой политике правительства.

Развитие кризиса в России в 2010–2011 годах, как и в ряде других стран мира, вступило в очередную, **социально-политическую фазу**[37]**.** Вряд ли можно ожидать, что России удастся избежать этого логичного продолжения цепочки финансовой — экономической — производственной — социальной — политической фаз в развитии кризиса. Можно предположить, что эта фаза наступит, когда кризис непосредственно затронет значительные

слои населения, что неизбежно потребует **прямого** участия президента РФ и общества. **Роль президента РФ и общества, его организации на этом этапе кризиса начинает играть исключительную роль**. Как всегда, финансовая элита самоустранится от этой ответственности, что, собственно, и произошло в 2009–2010 годах, когда Д. Медведев и В. Путин не только признали неспособность финансовой элиты справиться с кризисом, принять эффективные меры, но и фактически перешли к «ручному управлению» экономикой, решению частных задач.

Теперь о том, как общество воспринимает антикризисную политику правительства. В настоящее время в общественном сознании антикризисная стратегия правительства характеризуется **мерами** преимущественно финансового, экономического и лишь **отчасти** социального порядка. Хотя отдельные инициативы и замечены в общественном сознании, но общее мнение заключается в том, что в эпицентре внимания работы власти лежат макроэкономические факторы. Социальные и особенно политические факторы находятся на втором плане. Между тем их значение на новом витке кризиса объективно начинает приобретать решающее значение. Диалог с обществом, который пытаются наладить Д. Медведев и В. Путин в режиме «ручного управления», не очень-то получается. Прежде всего потому, что такой диалог не имеет четкого партнера для власти — креативные слои граждан. Он ведется между президентом и премьером, с одной стороны, и всем обществом — с другой, в режиме социальных гарантий и других мер соцзащиты. Творческий потенциал нации не востребован в качестве партнера.

При этом принимаемые правительством меры далеко не всегда встречают понимание. Приведу лишь одну из оценок эксперта, которая находит поддержку у значительной части общества: «К сожалению, антикризисные мероприятия правительства пока демонстрируют крайнюю неэффективность. Например, несмотря на выделение нескольких триллионов рублей, банковская ликвидность не увеличилась. Второй антикризисный план действий правительства, предусматривающий 55 первоочередных мероприятий, не выполняется. В этом же ряду стоит выделение 295 системообразующих предприятий. Часть этих предприятий может обойтись без господдержки. В то же время в этом перечне находятся предприятия реального сектора экономики, которым действительно необходима поддержка. Это предприятия агропромышленного, военно-промышленного комплекса, предприятия машиностроительной промышленности. Эти организации не будут конвертировать бюджетные рубли в валюту, а направят на пополнение собственных оборотных средств. В то же время поддерживать нефтяников, металлургов, связистов, представителей сферы транспортных услуг — нецелесообразно».

Механизмы антикризисного воздействия находятся в руках правительства, тогда как кризис стремительно приобретает **общенациональные социально-политические** черты (которые пока что сдерживаются накопленными ресурсами), т.е. налицо отсутствие либо недостаток **общенациональных механизмов** кризисного управления, которые должны находиться **в руках** всего общества. Власть нередко не видит реальных проблем, таких, например, как стремительный рост потребительских цен, тарифов на ЖКХ, транспорт и многое другое. В условиях кризиса, когда доходы граждан стремительно сокращаются, рост цен (который, кстати, в нормальной экономике должен был бы прекратиться) означает самоубийство.

На фоне стремительного роста цен, продолжавшегося в период всего кризиса, социальные меры правительства выглядят неубедительно, даже такие масштабные, как повышение пенсий или инвестиции в отдельные сектора экономики.

Так, решения в области ипотечного кредитования, принятые правительством, явно недостаточны. На сегодняшний день в России ипотеку взяли около 800 тысяч семей, из них 20% — в валюте и еще 10% — с плавающей процентной ставкой. Таким образом, сегодня 30% ипотеки можно отнести к высокорисковым займам. Для сравнения: в США накануне краха ипотеки доля таких кредитов была 25%. Ситуация, таким образом, близка к критической, и прежде всего, с социально-политической точки зрения.

С информационной точки зрения власть, **во-первых**, с опозданием комментирует свои антикризисные действия вместо того, чтобы **предупреждать** о них заранее. Из-за этого страдает авторитет президента, складывается впечатление, что власть является не источником инициативы, а комментатором чьих-то действий (не всегда оправданных и популярных). **Во-вторых**, в ряде случаев (как, например, «газовый спор») работа президента носит неоправданно технический характер, не сконцентрирована на антикризисных действиях социального характера. Главное — кризис и его социальные последствия — на время уходят из фокуса общественного внимания, что, естественно, не встречает понимания.

На этом фоне помпезные мероприятия и сомнительные юбилеи (как, например, 10-летие кончины А. Собчака), провал наших спортсменов на Олимпиаде, бесконечные злоупотребления чиновников, беспредел на дорогах и т.п. авторитета власти, безусловно, не добавляют. Складывается устойчивое впечатление **о растущем разрыве между властью и креативной частью общества в условиях кризиса** — разрыв, который стал политической реальностью в 2010 году. В 2011 году эта реальность стала приобретать угрожающие масштабы.

Власть не демонстрирует критичности сама к себе. Даже принимаемые меры по борьбе с коррупцией рассматриваются обществом не как системные, политико-идеологические, а как частные — борьба одной бюрократической группировки с другой за ресурсы и влияние. Очевидно, что необходим

«разбор полетов», который должен быть инициирован властью. Растущие общественные ожидания таких действий являются той реальной причиной роста популярности И. Сталина в 2008–2010 годы, которая требует серьезного осмысления.

Так, в идеологическом и информационном плане требуется, например, внятное объяснение политики ЦБ в отношении роста ставки рефинансирования в 2008 году до 13%, в то время как в США она сократилась до 1% (и планируется дальнейшее сокращение до 0,25%), в Японии — до 0%, в Европе — до 2%, Великобритании — до 1,5% и Швейцарии — до 0,5%. Очевидно, что кредитная политика ЦБ ведет к тому, что предприятия практически были лишены возможности кредитования, при том что инфляция (единственный аргумент ЦБ) отнюдь не сокращается, а, наоборот, стремительно нарастает, делая бессмысленными скромные инициативы в социальной области. Объективно это способствовало бы корректировке в более эффективном социальном направлении и антикризисной политики всей власти. ЦБ, надо признать, поздно и медленно стал исправлять ситуацию со ставкой рефинансирования — тогда, когда предприятия уже лежали «на боку». Элита опять опоздала. Другой **политический** вопрос — налогообложение, которое в России носит очевидно антисоциальный характер. Напомню, что до прихода Рузвельта подоходный налог в США составлял 24%, а налог на наследование недвижимости — 20%. С приходом Рузвельта ставка подоходного налога была поднята до 63% в период первого срока, а в период второго — до 79%. Максимальная ставка налога на наследство была поднята с 20% сначала до 45%, потом до 60% и, наконец, до 77%. Если в 1929-м году 70% дивидендов от капиталов принадлежали 1% американцев, то уже к 1955 году ⅔ доходов от капитала получали простые американцы. Уже в середине 1950-х годов у более чем 60% американского населения имелась медицинская страховка, включая госпитализацию. В результате **средний класс США был создан приблизительно за 25 лет** и во многом благодаря кризису 1930–1940-х годов.

В России же наоборот: кризис 2008–2011 годов привел к стремительной люмпенизации среднего класса — процессу, который поспешили назвать «ликвидацией офисной пыли». На самом деле речь идет не только о финансовых спекулянтах, но и об огромном количестве креативных граждан, которые стали концентрироваться в новых областях, преимущественно наукоемких технологиях, науке, образовании и т.п., т.е. тех областях, где до кризиса начался процесс кристаллизации человеческого капитала. Сокращение реальных доходов в 2008–2011 годах при высокой инфляции больше всего ударило по среднему классу и креативным слоям. Так, профессор, получивший зарплату в 2008 году в 30 тыс. рублей, получал такую же зарплату и в 2011 году, тогда как цены и услуги за эти годы выросли, как минимум, на 55–60%.

Другими словами, в период кризиса власть выбрала **самую неудачную социальную политику**, которая с экономической точки зрения может быть охарактеризована как антиинновационная. На фоне часто повторяющихся призывов к инновациям, ресурсосбережению, модернизации такое откровенное пренебрежение к реальным носителям инноваций выглядит как-то странно, если не сказать больше. Модернизация, проваленная к 2011 году, оказалась таковой прежде всего потому, что креативные слои были искусственно исключены из этого процесса.

3. Кризис управления и креативный класс

На мой взгляд, модель сегодняшнего Трудового кодекса морально устарела. Она написана для экономики, где труд был примерно однородным. На самом деле он был уже неоднородным в 50–60-е годы XX века, но все-таки более однородным, чем сейчас. Это была индустриальная эра, идеальной трудовой моделью которой были либо завод с конвейером, либо бюрократическая контора. Сегодня ни то ни другое уже не является доминирующей моделью предприятия, в какой бы сфере оно ни работало[38].
В. Федоров

Либо обещать больше ничего не надо, либо надо что-то выполнять.
М. Жванецкий, май, 2011 г.

У каждой ошибки есть фамилия и имя.
И. Сталин

Кризис управления, проявившейся отчетливо в кризисные 2010–2011 годы[39], на мой взгляд, связан прежде всего с непониманием правящей элитой главного **предмета управления** — среднего класса и его наиболее активной части — креативных социальных слоев. Предметом управления элиты меду тем остаются «финансовые потоки». Людьми управляют политически, с помощью идеологии. Именно такого управления нет. Идеологию заменил бессодержательный пиар, которому в 2011 году перестало верить большинство общества. Что, безусловно, настораживает. Даже напрягает, ведь «арабская весна»

и протестные выступления в Европе показывают, что образованной молодежью и креативным классом управлять с помощью финансов невозможно. Берлинский фонд **«Наука и политика»** проанализировал складывающуюся после арабских революций ситуацию и сделал некоторые выводы о дальнейшем развитии событий и их влиянии на Европу.

В анализе обращают на себя внимание два момента. Прежде всего это **движущая сила революционных преобразований — молодежь, которая составляет в некоторых арабских странах примерно 60% населения. Причем в своей массе это более или менее образованные молодые люди, имеющие доступ к социальным сетям, пользующиеся Интернетом и телевидением, посещающие кинотеатры. Одним словом, лица, хорошо информированные о состоянии дел в мире.** Именно среди них, согласно исследованию, особенно высок уровень безработицы. Так, в Египте среди **20–24-летних она составляет почти 50%**. Понятно, что они хотели бы жить не хуже своих сверстников в других странах, о которых они читают в газетах и которых видят в кино. Таких условий у себя на родине они получить не могли. Но и за границей, в Европе, куда бежали многие из них, они оказались «в подвешенном состоянии»[40].

Странным образом **политическая** элита в России, которой является правящая элита, не понимает политической стороны этого вопроса. «Бухгалтерско-монетаристский» подход, похоже, окончательно вышиб у него мозги.

Очень важно также понимать, что сохранение нынешней политики по отношению к креативному классу **ведет к кризису управления**, который неизбежно явится **следствием общего кризиса в стране**. Политический кризис, как считает ряд экспертов, станет следствием не действий оппозиции или стихии в регионах (как принято считать сейчас), а **следствием управленческого кризиса**. Подобный кризис, как показывает вся история СССР и России, — самый опасный, даже катастрофичный. Кризис управления неизбежен, если президент не будет опираться на средний класс, который может дестабилизировать ситуацию. Не случайно лидеры оппозиции — те же Г. Каспаров и М. Ходорковский — полагают, что достаточно 2–3% недовольных граждан, занимающих активную антиправительственную позицию (которые, конечно же, относятся к среднему классу и креативным слоям общества), чтобы поставить вопрос о политической власти. Другими словам перспектива «арабской весны» в конце 2011 года — начале 2012 года выглядит вполне реальной.

В этой связи целесообразно обратиться к теме **положения среднего класса в условиях кризиса** в России, что может иметь крайне негативные социальные и политические последствия для всей страны. Примечательно, что средний класс с самого начала кризиса стали ассоциировать с «офисным планктоном»[41], что уже свидетельствовало о пренебрежении к этой социальной группе граждан. А между тем именно в условиях кризиса предстояло обратить специальное, приоритетное внимание на сохранение и даже развитие среднего класса. По меньшей мере, по двум причинам.

Во-первых, Россия **после** кризиса должна наконец-то изменить структуру своей экономики и общества, сделать то, чего она не делала все последние десятилетия. И сделать это может только исключительно средний класс, в особенности те его социальные группы, которые я называю креативными. Если же средний класс «сожмется» (или еще хуже — самоликвидируется), то реструктурировать экономику будет просто некому. Не будет ни хороших педагогов, ни ученых, ни врачей, ни инженеров, ни дизайнеров, ни менеджеров. Останутся лишь те, кто вновь будет пристроен к сырьевой экономике, либо к сфере управления. Воссоздать научные школы, образовательные и творческие коллективы можно будет лишь через десятилетия. Россия окончательно отстанет от передовых стран мира.

Во-вторых, средний класс — основа внутриполитической и социальной стабильности. А это действительно главное достижение последнего десятилетия. Но вместе с тем я придерживаюсь той точки зрения, что средний класс может стать и **наиболее динамичной протестной силой в условиях кризиса.** Снижение уровня жизни, социальная несправедливость — от коррупции до беспредела на дорогах — неэффективные, а иногда и безответственные действия власти — это те причины, которые неизбежно приведут к бунту среднего класса. В условиях кризиса это будет равнозначно катастрофе. Этому есть несколько объяснений.

Прежде всего сильнейшая импортная зависимость выражается в том, что более 80% потребляемых средним классом товаров имеют импортное происхождение или компоненты. Импорт растет все более быстрыми темпами. В 2011 году уже на 40%. Падение курса рубля ведет к тому, что рост цен на импортные товары значительно превысит среднюю инфляцию по стране. На декабрь–январь 2012 года это может составить **не менее 30%**. Это, естественно, ведет к росту недовольства, особенно когда сравниваются уровни докризисных и кризисных цен в России и за рубежом.

Другая причина: остановка роста заработной платы и сокращение других доходов среднего класса на фоне быстрой инфляции и обесценения рубля ведет к тому, что впервые за последние 10 лет **уровень жизни представителей среднего класса** резко снижается. Учитывая, что средний класс — это наиболее активная часть общества, а также то, что он наиболее оперативно реагирует на ухудшение ситуации, можно предположить, что **угроза внутриполитической стабильности будет исходить именно от этого источника**.

Кроме того, стремительно обесцениваются и сбережения среднего класса в рублях. При этом нередко вспоминаются неоднократные рекомендации власти

«хранить деньги на рублевых счетах». Сегодня эти потери превысили 30%, но еще больше беспокоит тех, у кого сохранились сбережения, что с ними будет в будущем.

Третья причина: сокращение рабочих мест, ликвидация предприятий ведет к массовому увольнению среди среднего класса, который окрестили «офисным планктоном», рекомендовав «сменить компьютер на лопату». Антикризисные меры, предпринимаемые властью, в наименьшей мере относятся к среднему классу, а в ряде случаев (когда дается совет переквалифицироваться в дорожные рабочие и т.д.) носят откровенно оскорбительный характер. Так, опрос общественного мнения показал, что в январе 2009 года главными проблемами стали безработица и рост цен. Это беспокоит более 65% населения. В 2011 году — уже социальная справедливость и опять же рост цен.

Наконец, антикризисные усилия власти в общественном сознании сосредоточены либо на оказании помощи банкам и крупным корпорациям, либо низшим слоям населения. Средний класс вообще «выпал» из фокуса внимания. Элита по-прежнему «не видит» среднего класса. Примечательно, что даже Б. Обама в своей инаугурационной речи акцентировал внимание **на социальных**, а не финансовых аспектах кризиса.

В условиях кризиса тема **социальной справедливости** неизбежно выходит на первый план. То, с чем можно было мириться в условиях относительного благополучия, становится а**бсолютно недопустимым** при кризисе. Другими словами, общество ожидает от власти **смены антикризисной стратегии.** Так, один из читателей «НГ» весьма характерно описал эти ожидания: «Исходя из того, что нормальная власть ДОЛЖНА (другое дело, что НЕ ДЕЛАЕТ) думать об интересах большинства (отнюдь не процветающего) населения, я пришел к выводам, что для этого достаточно было бы следующее:

1. Уйти от плоской шкалы налогообложения как антинародной, ввести прогрессивную с очень большими налогами на сверхдоходы, хотя бы как в Норвегии…
2. Ввести разумный (немаленький) налог на суперНедвижимость (коттеджи и дворцы, скажем, от 10 млн евро) и предметы роскоши (яхты, самолеты и т. п.). В Саудовской Аравии такие налоги достигают 100%. Все это — колоссальный резерв бюджета, который власть по понятным причинам трогать не хочет…
3. Ввести налоговые каникулы для всех мелких производителей (не торговцев!) — вообще освободить их от налогов, кроме подоходного… Эта мера заменит все годы болтовни о «поддержке» и «кошмарении» малого бизнеса и даст ему импульс… Естественно, при этом необходима уведомительная система регистрации МП…
4. Ввести ограничения на число перепродаж продукта и предел накрутки его цены в сфере сбыта по сравнению с исходной ценой производителя (насколько знаю, такая практика имеет место в цветоводстве Голландии, например)».

Выводы:

1. Антикризисную стратегию власти, которая носит финансово-экономический характер, необходимо менять на **социально-политическую** стратегию**,** ориентированную прежде всего на сохранение и даже развитие среднего класса в условиях кризиса. **Целью** антикризисной стратегии должно стать сохранение, даже развитие среднего класса, а антикризисные мероприятия в финансово-экономической области должны рассматриваться прежде всего под этим углом зрения, как подчиненные для решения этой задачи. Не пресловутая макроэкономическая стабильность, а развитие среднего класса и его креативных групп должны стать целью антикризисной стратегии власти.
2. Необходима консолидация общества и различных политических сил. Такая консолидация возможна под эгидой президента страны и всего общества, а не только правящей партии. И главным катализатором этого процесса может и должен стать средний класс. Естественно, если он поймет, что элита видит его потребности и считается с ним, признает его **партнером**, а не «офисной пылью». В условиях неопределенности и выборов 2011–2012 годов эта задача серьезно осложняется. Но если консолидация элиты и общества будет проходить ради крупной общенациональной цели, а не победы на выборах, то это возможно.

Антикризисные меры следует «поднять» с правительственного **на президентский и общенациональный уровень** — т.е. перейти от тактики решения вопросов на уровне вице-премьеров в режиме ручного управления на уровень **всего общества**. Повторю, что для этого необходима общенациональная цель. Например, превращение в мирового научно-технического лидера, способного конкурировать с США. Напомню, что до 1989 года в мире только СССР и США могли развивать все направления научно-технического прогресса. С 1985 по 1990 годы я постоянно сравнивал (как это делали и американцы) возможности СССР и США по 21–24 направлениям НТП. Сегодня сравнивать нечего. И не по вине США, а по вине правящей российской элиты, которая добровольно уничтожает российскую науку. Это видно даже из официальной статистики (табл. 3).

В США, наоборот, увеличивают усилия в этом направлении. Вот как это воспринимает один из представителей креативного класса в России Л. Радзиховский: «Другая роль США — Мировая Училка. Учит не только демократии, но и компьютеризации, хайтеку и т.д. 33% мировых расходов на науку — США. Свыше 30% мирового производства высокотехнологичной продукции — США. У США не просто большая эко-

Табл. 3. Персонал, занятый исследованиями и разработками, по категориям персонала и уровню образования[42] (человек)

	Всего		В том числе имеют образование					
			высшее профессиональное		среднее профессиональное		прочее	
	2000	2009	2000	2009	2000	2009	2000	2009
Персонал, занятый исследованиями и разработками	887 729	742 433	530 649	489 076	144 503	115 042	212 577	138 315
Исследователи	425 954	369 237	425 954	369 237	—	—	—	—
Техники	75 184	60 045	15 532	17 764	44 217	28 986	15 435	13 295
Вспомогательный персонал	240 506	186 995	57 566	62 997	61 482	51 631	121 458	72 367
Прочие	146 085	126 156	31 597	39 078	38 804	34 425	75 684	52 653

номика. Куда важнее, что их экономика доминирует в важнейших отраслях. Почти все прорывные направления — от Интернета до биотехнологий — сделаны в США. Свыше 50% элитных ученых мира собраны в США.

Да, «высасывают мозги всего мира». Но и возможности, КПД ученых в Америке, как правило, выше, чем на родине. Поэтому ученые туда рвутся. Собрав «критическую массу мозгов», США все-таки запускают цепные реакции открытий, а результатами пользуемся (пусть и не бесплатно) мы все, Человечество»[43].

Эта идея способна консолидировать различные социальные группы креативного класса. Именно общество, прежде всего его креативные слои, способно **консолидировать как усилия всех ветвей власти, так и различных политических сил**. Ни руководство правительства, ни Федеральное Собрание эту функцию (и ответственность) с него снять не смогут. Прямой диалог президента, премьера с обществом, а не с чиновниками в условиях кризиса, как показывает мировой опыт и история — самое сильное средство управления, ибо неизбежно несет в себе ясные идеологические и политические сигналы. И не только в период его «острой» фазы, но и в период «стагфляции» 2011–2012 годов.

3. Нужен **постоянно действующий механизм** диалога президента, правительства, представителей бизнеса и общества. Президент должен встречаться в **ежедневном режиме** с представителями различных социальных групп, демонстрируя, что он в курсе происходящих и реальных событий и оперативно реагирует на них. Необходимо убрать из эфиров парадно-паркетные встречи руководителей, демонстрирующие декларативные возможности национальных лидеров. Напомню, что И. Сталин, ставший столь популярным сегодня, минимально использовал такие форматы, но его обращение «Братья и сестры…» стало ключевым для определения характера Отечественной войны.

Сегодня, по оценке многих экспертов, такой диалог недостаточен. Более того, некоторые считают, что, «судя по тому, как пока развиваются события, давление государства на общество будет усиливаться. Власть не готова к диалогу ни с обществом в целом, ни с какой-либо из его составляющих — будь то бизнес, бюджетники, профсоюзы и т.д. За последние годы она привыкла только диктовать и любой другой тип отношений с гражданами ее не устраивает. Наверное, он кажется ей унизительным».

4. Необходимо **сближение власти** вообще и президента в частности с представителями разных социальных групп, но прежде всего среднего класса, демонстрация того, что тяготы кризиса и послекризисного периода **президент делит наравне с народом**. Это свойственно российской традиции, но это и практически необходимо. Нельзя допустить разрыва в восприятии общественностью положения власти и общества. (Нынешние акции — катания на лыжах, охота, паркетно-протокольные мероприятия, характерные для периода благополучия, должны быть отменены).
5. **Недопустимо**, чтобы чиновничья элита и бизнес демонстрировали свое благополучие. Более того, президент может и должен осудить как минимум морально, политически любые проявления расточительства. Хорошо бы, чтобы это имело конкретный характер. Инициатива Б. Обамы по замораживанию заработной платы чиновников — удачный пример.
6. В условиях кризиса необходимо больше работать. В некоторых странах в этих условиях даже отменялись праздники и выходные. В России пока такой практики нет. Наоборот, длительные каникулы в условиях кризиса стали нормой. Представляется, что президент РФ мог бы прокомментировать эту ситуацию.
7. Важно сознательное внедрение самоограничения, даже **аскезы** представителями власти. Отказ от лишних покупок, приобретения

второстепенных (даже необходимых вещей) должен пропагандироваться элитой и прежде всего властью. Президент, а вслед за ним и элиты должны принять ряд популистских мер, которые бы демонстрировали готовность к сокращению государственных расходов. Было бы неплохо объявить о режиме государственной экономии (а не только о снижении расходов на 15%) и личного потребления.

8. Наконец, главное. Российская элита показала свою несостоятельность как антикризисного менеджера. И не только профессиональную, но и политическую, и что хуже — нравственную. Такая элита — и это стало, может быть, главным лейтмотивом общественных дискуссий в период кризиса 2008–2011 годов **— не способна и не достойна управлять страной**. Признание этого факта стало общепризнанным. При этом авторитет Д. Медведева и В. Путина становится заложником сложившейся ситуации. Можно сказать, что высокие рейтинги общественной поддержки (которые отнюдь не снизились во время кризиса) пока что выступают гарантом безопасности для полностью дискредитированной финансово-бюрократической элиты страны. Но это — пока что… В этой связи следует еще раз подчеркнуть, что объективно роль креативного класса в XXI веке стремительно возрастает, прежде всего, **как катализатора развития элит, средства от консервативных шагов**, условия опережающего экономического и социального развития в мире. Но не в России, элита которой не только изолировала себя от общества, но и всячески игнорирует его креативные слои.

4. Креативный класс, элита, «правящий класс» и политическая модернизация

Инновационная экономика —
это не столько, собственно, про экономику, сколько про людей[44].
В. Сурков

Около 63% людей мыслят стереотипами и не способны от них отойти. Есть другие люди, которые способны модифицировать стереотипы. Попадаются некоторые, которые могут создавать новые стереотипы. И, наконец, встречаются те, кто могут создавать новые принципы для производства новых стереотипов — вот они и есть чистые теоретики[45].
М. Хрусталёв

Правящая элита может какое-то время игнорировать национальную систему ценностей и национальные интересы. Международный опыт показывает, что такая ситуация может продолжаться десятилетиями. Но ей неизбежно наступает конец. Так было во все времена и события «арабской весны» 2011 года показывают, что даже самые консервативные режимы не могут существовать вечно.

Специфика России заключается в том, что ее правящая элита игнорировала долго национальные интересы, более того, какое-то время даже вообще отрицала их существование. Сегодня, наверное, можно говорить не об игнорировании, а о не адекватном их восприятии. Что уже лучше, но не намного.

Модернизация и технологический рывок невозможны без адекватного восприятия правящей элитой современных российских реалий и приоритетов мирового развития и принятия соответствующих политических решений. Как справедливо писал летом 2009 года академик РАН ректор МГИМО(У) А. Торкунов, «одно из определяющих условий модернизационного рывка — адекватная оценка современной ситуации, базирующаяся на фундаментальных знаниях о мире, России, о нашей истории и нашем настоящем»[46]. Пока этого не произошло. Российская элита живет сама по себе, а большинство нации — само по себе. Более того в 2008–2011 годы этот разрыв увеличивался. В том числе и по причине игнорирования элитой национальных интересов и особенностей, хотя события декабря 2010 года на Манежной площади и в сотнях других мест, «синдром Брейвика» и «арабская весна» показывают безусловную тенденцию усиления национализма в его различных, в т.ч. экстремистских формах[47].

В этом смысле Россия должна повторить опыт других элит, как это было, например, в Европе, «…когда **властные группы внятно заявят о своей политической позиции по основным системообразующим направлениям общественного и государственного развития**. Речь идет о формировании внятного и не допускающего произвольных интерпретаций идеологического фрейма, в рамках которого «мыслящий класс» будет самоопределяться. В истории послевоенной Европы сделанный властью идеологический выбор в пользу либерализма и социал-демократии привлек к реформам средние слои граждан. Именно таким путем европейская модернизация смогла обеспечить себе массовую поддержку и «подарила» гражданам тридцать лет всеобщего благосостояния»[48].

Рассчитывать, что властная элита в России сделает такой политический выбор и примет необходимые решения, пока не приходится. Во-первых, потому, что у самой элиты нет единства и внятной идеологии. Дискуссии 2010–2011 годов показали, что как минимум есть две либеральные позиции, доминирующие сегодня: «консервативно-либеральная» и «прогрессивно-либеральная». Обе они обречены не только потому, что их не поддерживает большинство населения, но и потому, что в их действиях слишком долго нет позитивного результата. Можно, конечно, и дальше ломать нацию через колено, но к чему это приводит мы уже знаем.

Во-вторых, та система ценностей, на которую опирается правящая элита, имеет мало общего с национальным и социальным развитием. Личные интересы очевидно преобладают и это не считается плохим, разве только в исключительных случаях, когда становится предлогом для изгнания из политики или бизнеса.

В-третьих, в обществе, в т.ч. в креативном классе, пока нет ни воли, ни ресурсов изменить эту ситуацию. Интеллектуалы, интеллигенты и пр. слои не могут, да и не хотят пока что стать двигателем перемен в элите. Но это пока, ситуация в социальной области может меняться очень быстро.

Для того чтобы дать такую адекватную оценку, сама элита должна быть адекватной реалиям. Соответствует ли нынешняя российская элита этому требованию? А может быть, она просто не может воспринимать адекватно нынешние реалии и требовать от нее соответствующих решений и действий просто бессмысленно?

На мой взгляд, кризис 2008–2011 годов показал крайне низкие управленческие возможности российской элиты, которые вытекают прежде всего из того, что **сама элита**, сложившаяся за последние десятилетия к началу кризиса, не в состоянии по целому ряду причин быть адекватной современным потребностям, а тем более принимать эффективные решения.

В условиях мирового кризиса особенно возрастает роль и ответственность правящей элиты, которая должна, во-первых, быть **на уровне понимания существующих вызовов и угроз и, во-вторых, способна найти эффективные средства** противодействия. Когда этого не происходит, то происходит другое, а именно — смена элит. Именно такая ситуация наблюдается в современной России. Думается, не случайно то, что процесс этот начал президент Д. Медведев в условиях кризиса 2008–2011 годов: несостоятельную элиту лучше сменить сверху, чем ее заменят снизу.

Неэффективность и аморальность российской элиты общеизвестна и стала общепризнанной именно в 2009–2010 годы, в период кризиса, хотя, надо признать, элита и до того лучше не была. Объясняется этот феномен достаточно просто. То, что прощалось власти в относительно благополучных условиях подъема экономики и роста доходов (в том числе и алчность, хамство, игнорирование общественного мнения), сложнее проходит в условиях кризиса.

Одна из таких проблем — традиционная неприязнь российской элиты, игнорирование ею (еще с советских времен) значения творчества вообще и креативных, творческих социальных слоев в частности. Парадокс, абсолютно игнорируемый российской элитой, заключается в следующем: современное развитие экономики, общества и государства зависит во все возрастающей степени от степени развития креативных групп общества, но не в России, чья элита настойчиво, упорно полностью исключает эту мировую тенденцию.

Проблема взаимоотношения властной элиты и креативных групп общества остается сегодня вне понимания, а тем более решения. Эта проблема формулируется так: креативный класс **должен стать стержнем современной элиты**, ее главным компонентом, ибо он — как уже говорилось — катализатор ее развития и ее основная содержательная часть. В условиях кризиса только он способен на адекватные действия. Без этого содержания элита превращается в тусклую социальную группу, которая способна некоторое время удерживать власть, исходя из своих интересов и представлений. Но она не способна к развитию, а тем более не способна стать конкурентной по отношению к элитам других стран. И уж точно не найдет средств выхода из кризиса. Напомню, что креативность — это (от англ. create — создавать) творческие способности индивида, характеризующиеся готовностью к созданию принципиально новых идей, отклоняющихся от традиционных или принятых схем мышления и входящие в структуру одаренности в качестве независимого фактора, а также способность решать проблемы, возникающие внутри статичных систем. Согласно А. Маслоу, это творческая направленность, врожденно свойственная всем, **но теряемая большинством под воздействием среды**. Именно российская (а до этого советская среда) угнетающе действовала на творческие способности управленцев.

По мнению Поля Торренса, креативность включает в себя повышенную чувствительность к проблемам, к дефициту или противоречивости знаний, действия по определению этих проблем, по поиску их решений на основе выдвижения гипотез, по проверке и изменению гипотез, по формулированию результата решения. Для оценки креативности используются различные тесты дивергентного мышления, личностные опросники, анализ результативности деятельности. С целью содействия развитию творческого мышления могут использоваться учебные ситуации, которые характеризуются незавершенностью или открытостью для интеграции новых элементов, при этом учащихся поощряют к формулировке множества вопросов.

Экспертные и экспериментальные оценки способности человека к производству знаний показывают, что креативные способности человека не очень велики. Путем вовлечения всех работников в непрерывное совершенствование организации (метод Кайдзена) креативность ее резко возрастает[49].

Соответственно креативные социальные группы — это те слои общественно и экономически активных граждан, которые способны к творчеству и реализации творчества в повседневной политической, общественной и экономической жизни страны. Эти группы, по разным оценкам, составляют от 5 до 15 процентов населения страны.

Именно в условиях кризиса проявились крупнейшие недостатки, даже болезни, российско-советской правящей элиты XX–XXI веков, ставшие по сути хроническими: всевластие, мздоимство, безответственность, а главное, абсолютная неспособность к самостоятельному и творческому принятию решений, упование на «гениальность» начальника и вера в то, что главное качество управленца — исполнительность. Часто не соглашаясь с Г. Х. Поповым, я тем не менее вынужден присоединиться к его ответу на поставленный им же вопрос, относя его не только к послевоенной ситуации в Германии, но и к последним десятилетиям: «Почему рекорд грабежа в XX веке поставила именно коммунистическая бюрократия (добавлю — и посткоммунистическая, «демократическая». — *А. П.*)?

«…Такое поведение, — пишет Г. Х. Попов, — это суть нашей советской бюрократии и ее элиты: военной, гэбэшной, партийной… „Если Бога нет, то все дозволено“, — говорил Достоевский. „Все дозволено“[50], — вот главный вывод, вытекающий из отсутствия у общества внятной системы ценностей и идеологии — тех универсальных и высокоэффективных инструментов управления, от которых элита добровольно отказалась в конце 80-х годов XX века под мудрым управлением покойного академика А. Н. Яковлева, провозгласившего в те годы „деидеологизировать идеологию“».

К 2009 году, началу кризиса, как российская элита, так и креативный класс таким образом находились в упадочном состоянии, даже в кризисе. Кризисе в управлении, идеологии. Правящая элита представляла плачевное зрелище: плохо образованная, коррупционная, безответственная, а в целом недееспособная. В условиях кризиса и при отсутствии объединяющей идеологии эта элита в принципе не смогла продемонстрировать эффективные управленческие решения. Неудивительно, что кризис глубже всего поразил Россию.

И не случайно. Эволюция российской элиты 1990-х и 2000-х годов — это эволюция коррумпированной части коммунистической элиты и когорты маргинальных, случайных людей. Этот «компот» удачно описал В. Карпец в статье «Политическая элита новой России»: «В лучшем случае „мэрами, пэрами и сэрами“ стали вторые секретари, сменившие первых, а в ряде случаев остались и первые. Это была та же самая номенклатура. Но уже не элита, если слово это рассматривать хоть в каком-то положительном смысле. И тем более не „контрэлита“ (к каковой в советское время можно было, правда, только отчасти относить диссидентов). Это была „антиэлита“, „вместо-элита“. Клан предателей, в который вошли те же самые лица, только обменявшие власть на собственность, пожертвовав самой идеей власти. Отдав за собственность — причем не личную (в советском смысле), а частную — территории собственной страны. То есть продав почти ее половину. При этом поставив управлять этой собственностью выходцев из комсомола (Ходорковский), НИИ (Березовский), просто деклассированных лиц (Чубайс). Включив также в свой состав актеров, шоуменов, моделей, телеведущих, представителей различных „нетрадиционных“ меньшинств, то есть, тех, кого в любом традиционном обществе, в том числе христианском, было принято хоронить за кладбищенской оградой»[51].

Вместе с тем в интересах практики я бы отказался от эмоций и излишней публицистичности в оценке элиты, особенно российской, анализ которой требует специального внимания. В качестве рабочего определения современной российской элиты я предлагаю понравившееся мне суждение И. Бощенко, данное им в неопубликованной работе «Кризис демократии — кризис элиты»: «В связи с этим термин „элита“, в том числе и политическая, для меня и читателя исключительно функционален, к элите относятся люди, по факту обладающие определенными ресурсами и влиянием. Как эти ресурсы и влияние были получены: за счет наследства, разбоя, случая или упорного труда, — в данном случае абсолютно неважно».

Анализируя историческую традицию, нетрудно проследить, что численность элиты всегда колеблется в пределах 0,5%–1% от численности управляемой системы, т.е. для России сегодня это примерно 700 000–1 400 000 человек.

В принципе пропорции элиты к массам практически всегда одинаковы. Случались времена, особенно в средневековье, когда количество представителей элиты увеличивалось, но потом внутри элитных групп происходили войны, и система сама себя приводила в равновесный режим.

Например, в середине IX века в России дворяне тоже составляли около 0,8% населения, с учетом служивых — еще 0,4%, что составляет 1,2%. А в таких странах, как Англия, Франция, Австрия и Пруссия, их численность превышала 1,5%[52].

Наверное, и сегодня российская элита не превышает 1% населения, причем концентрация капитала и власти такова, что лишь очень незначительная её часть обладает абсолютной властью. Из полутора миллионов лишь первая тысяча концентрирует в своих руках практически всю власть и более 50% ВВП.

Таким образом, соотношение численности элиты и численности креативного класса как минимум 1:15 (1 млн чел. к 15 млн), а в реальности еще больше. Причем, если креативный класс охватывает, по сути, **все классы и саму элиту**, то правящая элита вертикально замкнута на «первой тысяче». Это можно представить графически следующим образом (рис. 6).

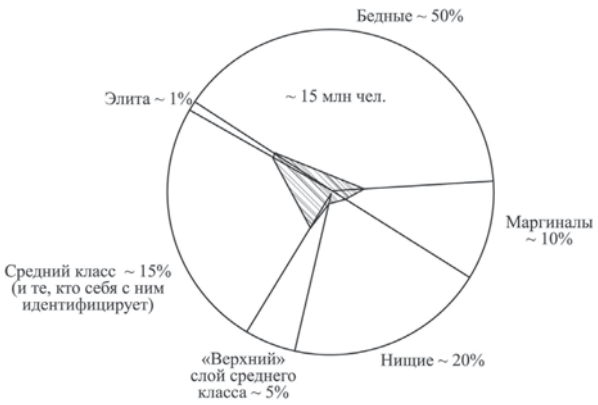


Рис. 6. Место креативного класса и элиты в социальной структуре российского общества

Как видно, представители креативного класса есть во всех социальных группах — от маргиналов и нищих до элиты. Величина дохода, образование, социальный статус **не являются обязательными** критериями, хотя объективно ядро креативного класса составляют учителя, инженеры, лица творческих профессий, т.е. представители преимущественно средних и выше средних слоев населения. Как справедливо заметил А. Н. Окара, «следует подчеркнуть, что креативный класс — это достаточно слабо дифференцированное сообщество, его сложно определить по каким-то формальным или статусным критериям, его невозможно выделить административным путем или создать „сверху“ — по воле какой-либо власти, даже самой жесткой или самой просвещенной. Принадлежность к нему напрямую не зависит ни от общественного положения, ни от уровня доходов, ни от уровня потребления, ни даже от образования человека. Его можно описать как социопсихотип. Чаще всего люди, которые его составляют, — пассионарные люди, с внутренним стержнем, с развитым волевым началом, с активной жизненной позицией, с чувством собственного достоинства, но пассионарность не является определяющим признаком (скажем, рыночные торговцы — люди тоже весьма предприимчивые и энергичные). Представители креативного класса напоминают „предпринимателей“ в экономической теории Й. Шумпетера, которые обладают „предпринимательской способностью“, — они ориентированы не на линейный экономический рост, а на инновации и экономическое развитие»[53].

Отсюда можно сделать любопытный вывод: захватив власть и монополию на управление, элита противопоставляет себя не одному классу, **а всему обществу**. В острые периоды, как, например, в периоды кризиса, **аморальность и неэффективность элиты** бросает вызов **всем социальным слоям российского общества**. Таким образом, классическое противостояние классов превращается в **противостояние элиты и креативного класса**.

Примечательно, что и в самой элите намечен водораздел между креативными и консервативными группами, особенно заметный на примере Русской православной церкви, где патриарх Кирилл вот уже более 20 лет проводит креативную политику в противовес консервативному крылу.

Понятно, что с таким качеством человеческого капитала российская элита могла выполнять функции управления, во-первых, относительно простые (стабилизация, удержание власти и т.д.), а во-вторых, при благоприятных внешних условиях (отсутствие внешней угрозы, конъюнктура на экспортные товары и т.п.). Ни задач **опережающего развития**, ни эффективного **противостояния кризису** такая элита выполнять не могла в принципе. Повторю, элита могла обеспечить экономический рост (разницу между ростом и развитием мы не раз обсуждали выше), внутриполитическую стабилизацию, но отнюдь не качественное развитие экономики и общества.

Ярким примером, подтверждающим этот тезис, может служить сравнение антикризисной программы правительства в 2008–2010 годы и антикризисной программы развития Евросоюза. В начале марта 2010 года председатель Европейской комиссии Жозе Мануэл Баррозу представил основные элементы «Стратегии–2020», которая определит экономические и политические приоритеты союза на новое десятилетие. Самые главные цели — достижение 2%-го экономического роста, создание новых рабочих мест, а также развитие возобновляемых источников энергии. Приоритетными направлениями являются **наука и исследования, образование, занятость, борьба с бедностью, а также защита окружающей среды**. Заданы следующие целевые показатели: занятость для 75% всех жителей ЕС в возрасте от 20 до 64 лет, 3% ВВП будут инвестироваться в исследования и развитие, не менее 40% молодых людей должны получить высшее образование, в то время как число бросивших школу должно снизиться до уровня ниже 10%. Эколого-энергетические ориентиры следующие: выбросы двуокиси углерода должны быть сокращены на 20% по сравнению с уровнем 1990 года, доля возобновляемых источников энергии в конечном энергопотреблении должна составлять не менее 20%, и в то же время само энергопотребление должно снизиться на те же 20%.

Если в российском варианте ясно прослеживается стратегия «затыкания дыр» (хотя формального отказа от «Стратегии–2020» нет, более того, на словах Д. Медведев, В. Путин, В. Сурков и др. подчеркивали стремление реализовать эту стратегию), то в европейской стратегии видна именно инновационная, наукоемкая программа действий.

Подобное расхождение, на мой взгляд, объясняется главным недостатком российской элиты — ее откровенным противодействием росту и приходу в элиту **креативного класса** как совокупности креативных групп и личностей. Можно сказать, что к концу 2008 года в России сложилась уникальная по-своему ситуация, когда элита выработала нормы и правила, вообще **не допускающие креативные группы во власть**. И кризис 2008–2011 годов не изменил этого

отношения. Более того, выборы 2011–2012 годов возможно окончательно закрепят эту ситуацию.

Понятия «креативный класс» и «элита» отнюдь не идентичны, более того, они часто прямо противоположны. Напомню, что креативность — это уровень творческой одаренности, способности к творчеству, составляющий относительно устойчивую характеристику личности. Первоначально креативность рассматривалась как функция интеллекта, и уровень развития интеллекта отождествлялся с уровнем креативности. Впоследствии выяснилось, что уровень интеллекта коррелирует с креативностью до определенного предела, а слишком высокий интеллект препятствует креативности. В настоящее время креативность рассматривается как **не сводимая к интеллекту функция целостной личности**, зависимая от целого комплекса ее психологических характеристик. Соответственно, центральное направление в изучении креативности — выявление личностных качеств, с которыми она связана[5].

Но ведь вся политика советской и постсоветской бюрократии **исключала и исключает** учет и развитие личностных качеств среди управленцев, особенно в современной России. Доступ креативных личностей, как уже я говорил, был максимально ограничен, в том числе и со стороны бизнес-элиты. В России существует ошибочная точка зрения, также и в высших эшелонах власти, что бизнес-элита может поставлять отличных управленцев. Много назначенцев в условиях кризиса (А. Хлопонин — один из множества таких примеров) было завербовано именно из бизнес-элиты. Казалось бы, все просто: чем больше представителей бизнес-элиты во власти — министров, губернаторов, депутатов — тем лучше должны идти в стране дела. Этого однако не прослеживается. Более того, в России концентрация бизнес-элиты уже самая высокая в мире, а дела отнюдь не улучшаются. Если во Франции, например, ВВП — 2,635 млрд, а на душу населения — 32 тыс. долл., то в России — 2,103 млрд, при 15,200 тыс. Совокупный капитал миллиардеров во Франции — 7% ВВП, а в России — более 25%[55]. Если «креативный класс» — объективная характеристика социальной группы, к которой относится творческая интеллигенция, способная к созидательной деятельности, то современная российская элита формировалась, как правило, совершенно по иным, к сожалению, негативным признакам, а именно:

— личная преданность;
— безынициативность;
— усредненность;
— конформизм;
— низкое качество образования;
— беспринципность;
— коррупционность.

Нынешней высшей власти неизбежно предстоит «взломать» псевдодемократическую элиту, сложившуюся в 1990-е годы, десантировав туда представителей креативных слоев. В противном случае величина ошибок будет нарастать.

Кризис 2008–2011 годов — типичный пример того, как консервативная (неолиберальная) финансовая элита не смогла справиться с новыми угрозами, прежде всего потому, что в ней, очевидно, не хватало креатива и воли новых социальных слоев. Это частный, российский случай. Но есть и общая, мировая закономерность. Кризис 2008–2011 годов характеризуется сменой **парадигмы управления и отношения элиты с обществом**, прежде всего с его креативной частью. В основе этого смена экономики и общественных отношений, т.е. совершенно объективные причины, которые изначально **исключают** стабильные системы управления. Как справедливо отметил А. В. Шубин, «как гражданин этой страны я бы хотел, чтобы власть переходила к посткапиталистической, постиндустриальной, постфеодальной (что еще актуально для нас) экономике, к новым отношениям, основанным на самоуправлении. На горизонтальных связях, а не на вертикальной организации по принципу: „Я — начальник, ты — дурак“. Вертикальная система управления сейчас рушится в мировом масштабе и гарантий, что это разрушение пройдёт бескровно, нет»[56].

Но и выходов из кризиса может быть несколько. Как и в 30-е годы XX века, может быть американская модель, шведская, гитлеровская, сталинская, маодзэдуновская, титовская и т.д. Все зависит от мудрости правящей элиты, ее понимания. Если по-прежнему концентрироваться на финансовых механизмах выхода из кризиса, т.е. на заведомо недостаточных инструментах, то кризис может завершиться социальной и политической катастрофой.

Понятно, что понимание элитой масштабности проблемы должно быть на уровне современного кризиса, как и способность найти адекватные средства выхода из этого кризиса. Другими словами, управленческая **элита должна** быть высокого качества, т.е. соответствовать требованиям современного вызова, прежде всего с точки зрения креативности, чего, к сожалению, нет.

Конечно, и из российской элиты, сформировавшейся в советско-демократический период, есть исключения. Но их, к сожалению, по моим наблюдениям, очень мало. Само качество креативности абсолютно несовместимо ни с кадровой политикой «эпохи застоя», ни периода «демократии», который, на мой взгляд, явился **продолжением** политики части партийной бюрократии. Не случайно это вызывало беспокойство и у части правящей элиты. Так, на одном из семинаров в сентябре 2008 года, организованном «Единой Россией», В. Сурков прямо заявил, что «представителям власти стоило бы почаще признавать таланты», в связи с чем порекомендовал партийцам вплотную заняться привлечением «талантливых, ярких людей с инновационным мышлением». Сурков говорил не о завлечении талантов в партию, а о том, чтобы талантливые люди видели в «Единой России» структуру, которая способна помочь им реализовать себя. Эти люди, как подчеркивал В. Сурков, «особенные, сложные»,

требующие к себе нестандартных подходов[57]. Как показали последующие годы, этого не произошло: «Единая Россия» стала ассоциироваться нередко с худшими чертами советской бюрократической элиты — косностью, администрированием, невосприимчивостью к необходимости продвижения по управленческой вертикали талантливых людей.

Напомню, что 27 августа 2008 года Дмитрий Медведев своим указом образовал президентскую комиссию по кадровой работе, которую возглавил глава администрации президента Сергей Нарышкин. В задачу комиссии входит, в частности, создание федерального резерва управленческих кадров под патронатом президента (до одной тысячи человек). Это означает, что руководство страны понимает актуальность этой проблемы. Некоторые последовавшие за этим решением кадровые назначения можно расценивать как попытку смены части элиты. Но, во-первых, это всего лишь частные решения, не меняющие всей системы формирования элиты, а во-вторых, среди критериев отбора не видно принципиально новых требований, прежде всего в отношении профессиональной подготовки и креативности.

Элита как высший управленческий слой страны при В. Путине стала более патриотичной, но, скорее, это явилось проявлением присущего ей доминирующего качества — конформизма. Можно сегодня перечислить сотни нынешних «патриотов», девять десятых из которых в период «демократических реформ» придерживались откровенно неолиберальных, антигосударственнических взглядов.

Вместе с тем нельзя, естественно, отрицать и того факта, что эволюция элиты при В. Путине несла на себе отпечаток как объективной тенденции усиления государственного начала (ставшей заметной еще при Е. Примакове), так и личности президента, стремившегося консолидировать не только элиту, но и все общество в целом. Как справедливо отмечает английский профессор Р. Саква, «…Путин предпринимает активные попытки объединения вокруг своего курса отдельных политических лидеров, общественных и политических группировок и интересов, как и всего общества в целом»[58].

Эта тенденция при Д. Медведеве не получила своего развития. Во внешней и внутренней политике «государственники» сохранили свои позиции, но в риторике были серьезно оттеснены «новыми» либералами, которые противопоставили себя «либералам-консерваторам». В итоге в 2011 году стал формироваться уже конфликт либеральных элит, которые, с одной стороны, стремились сохранить доминирующую либеральную традицию, а с другой, — каждый, понимая ее будущее по-своему.

Вопрос, однако, вплоть до 2011 года оставался открытым относительно того, насколько сможет оформиться в элите группа, отражающая национальные интересы и ценности. В том числе и прежде всего наиболее передовых социальных слоев — креативного класса, не допущенных к власти и управлению.

Такие качества, как профессионализм, ответственность, креативность, нравственность, никогда не являлись в числе обязательных или приоритетных качеств ни в СССР, ни в современной России. Более того, нередко они мешали. Эти требования к элите, на мой взгляд, объективно возникли только в результате завершения периода стабилизации, но еще не стали обязательными. Не отсюда ли и слабые результаты в борьбе с коррупцией? Отсутствие результатов в модернизации? Похоже, что пока правящая элита не допустит к власти представителей креативных групп ситуация останется неизменной. Ни в экономике, ни в политике модернизации и опережающего развития ждать не приходится.

5. Креативность и российская элита

…Курс Владимира Путина на укрощение строптивых элит не мог не сопровождаться стремлением опереться на массы. Это стремление нашло отражение в реконструкции модели «**народной монархии**» в треугольнике верховная власть — элиты — массовые слои населения[59].

О. Гаман-Голутвина,
профессор МГИМО(У)

Исходя из очевидной кадровой преемственности правящего слоя, многие ученые и публицисты полагают, что у власти оказалась лишь слегка подновленная номенклатура[60].

М. Афанасьев,
1996 г.

Возможно ли заставить нынешнюю российскую элиту измениться, в частности, стать креативной и ответственной? Подобные попытки, конечно, неизбежны и даже уже стали не только отдельными аспектами поведения Д. Медведева (даже отчасти модой), но и частью президентской политики, но все они очень напоминают усилия Петра I заставить сбрить бороды у бояр или носить их европейское платье. «Креатизировать», «модернизировать» нынешнюю элиту крайне трудно, если вообще возможно, потому что привить творческие способности и желание к творчеству в зрелом возрасте становится все

сложнее. Тем более, когда главная мотивация — деньги. Единственный способ, пожалуй, если поставить элиту в **такие условия**, когда необходимо принимать творческие, нестандартные решения, когда обычные (бюрократические) методы принятия решений становятся бесполезны. Но в рамках либеральной традиции это сделать крайне трудно. Эти нестандартные условия определяются, прежде всего, следующими обстоятельствами:

1. Необходимо сформулировать амбициозные, труднодостижимые цели, которых стандартными способами достичь невозможно. Нужна «сверхзадача», «сверхцель», имеющая общенациональное значение, а не «улучшение макроэкономических показателей». Эта цель должна быть политической и формулироваться политиками, а не либералами-экономистами, как сегодня. Необходимо кроме того добиться изменения системы ценностей, сформированной еще в 90-е годы, когда «высшая» цель — материальное благополучие. Сегодня, когда Д. Медведев в качестве президента заявляет о главной цели как о создании «комфортных условий», это практически то же самое, хотя «повсеместно признано, что успех страны или благосостояние индивида не могут измеряться только в деньгах», — писал я летом 2011 года, анализируя критерии развития стран и регионов России[61].
2. Нужно искусственно ограничить ресурсы, лишив возможности «простых» решений. В том числе за счет экспорта сырья. Средства от экспорта, сверхдоходы должны сознательно направляться в развитие НЧП, а не складываться в кубышку.
3. Необходимо ограничить ресурсом времени, «сжать» время для решения задач. До 5–7 лет максимум, т.е. кроме долгосрочного прогноза и планирования должен быть создан среднесрочный конкретный план.
4. Наконец, необходимо лишить комфорта элиту, создать искусственную аскезу ее существования. Нельзя допускать, чтобы элита «вахтово» зарабатывала деньги в России, а тратила за рубежом.

Элита, в отличие от креативного класса, взяла на себя право (но, подчеркну, не ответственность) управлять страной. Поэтому и качество госуправления, захваченного элитой в России в 90-е гг., по общему признанию, одно из самых неэффективных в мире. В целом оно **даже ниже, чем качество экономики или общества в современной России**. И в этом заключается большая проблема для современной России, ведь элита должна идти **впереди**, быть **лучше**, **эффективнее**, чем экономика и общество, она должна «забегать вперед», обеспечивать прорыв, а не догонять объективно развивающиеся в обществе и экономике процессы.

В условиях глобализации и ускоряющегося развития России, надо признать, создать и поддерживать высокий интеллектуальный потенциал и креативность элита не может, хотя бы потому, что сама не соответствует этим критериям. Она способна только обеспечивать иногда, когда для этого есть конъюнктура, высокие темпы экстенсивного экономического роста, а отнюдь не современные социальные стандарты и качество экономики. Применительно к XXI веку это прежде всего быстрое развитие потенциала личности, т.е. знаний и креативности. Отсюда высокие требования к национальной элите, которым, повторю, она, конечно же, не соответствует, прежде всего с точки зрения креативности. Соответственно, принимаемые решения, как правило, противоречат объективным потребностям нации. Так, например, МЭР в 2011 году разработал очередной проект реформы российской науки, где главным критерием для теоретических наук заявлена численность публикаций за рубежом, а также в очередной раз заявлено о коммерциализации![62] Эти два тезиса, как уже много раз говорилось, не просто неправильны, но губительны для фундаментальной и теоретической науки. Для тех, кто знаком, например, с практикой публикаций в зарубежных журналах, это очевидно, но чиновники МЭРа этого не знают. Интересно, сколько бы раз напечатали И. Курчатова, Н. Моисеева, Р. Гринберга за рубежом?

Коммерциализация вообще не имеет ничего общего с наукой. По соцопросам только 1% ученых готовы заниматься бизнесам. Творческим, креативным личностям бизнес не нужен, да и **не могут они этим заниматься**. У них другая природа. В общем виде креативность можно представить как сочетание процессов дивергенции (расхождения, расширения) и конвергенции (схождения, собирания) идей. Или, в более простом виде, — способности мыслить и вширь, и вглубь. Это коррелирует с положением о способности гениальных креативных людей сочетать противоположности.

Как пишет Guy Claxton, креативность можно упрощенно представить в виде двух фаз: вдохновение и отбор. На первой фазе придумываются оригинальные идеи, на второй — из них отбираются наиболее рабочие. На первой фазе в мозге возникают процессы возбуждения (видны на ЭЭГ как альфа-волны), на втором этапе — торможения (видны как бета-волны). Люди, не способные «отпустить» мозг, не могут придумать ничего оригинального, они могут только вспоминать то, что уже где-то видели. Люди, не способные далее контролировать отбор, порождают огромное количество нерабочих, неприменимых идей[63]. Но правящая элита, прежде всего МЭР и Минобр, пытаются уже не раз заставить ученых заниматься внедрением и «самоокупаемостью», что признано глупостью даже в рыночных США еще 50 лет назад.

Креативные методы свойственные ученым, прямо противопоказаны чиновникам.

Табл. 4.

Название метода	В группе	В паре	Индивидуально	Сознательно	Бессознательно	Телесно
Методы нового кода	x	x	x	x	x	x
ТРИЗ	x	x	x	x		
Системное мышление	x	x	x	x		
6 шляп де Боно	x			x		
Латеральное мышление	x	x	x	x?	x?	
Мозговой штурм	x				x	
Body Storm	x	x		x		x
Случайный стимул	x	x	x	x	x	
Применение спец. карт (в т.ч. онлайн)	x	x	x	x	x	
Синектика			x?	x?		
Image streaming			x	x?	x	

Различают, например, групповые, индивидуальные и универсальные креативные методы. Кроме того, можно выделить методы, преимущественно ориентированные на использование интуиции, бессознательного, и методы преимущественно сознательные (табл. 4).

Обладает ли нынешняя элита необходимыми знаниями, в том числе и практическими, управленческими, интеллектом и креативностью? Отдельные представители — да, но в массе нет. И эта масса, вполне удовлетворенная получаемыми благами и своим социальным статусом, естественно, не только не хочет меняться, но и пускать в свою среду чужаков, тех, кто способен к этому творческому процессу. Она пытается «выстроить» их под себя привычными аппаратными методами.

В этом заключается огромная проблема современной России: как сделать элиту если не креативной, то хотя бы **прекратить ее противодействие естественному процессу развития общества и экономики**. Думаю, что требовать сегодня большего вряд ли возможно. Высшая управленческая элита, отвечающая современным требованиям (профессионализма, креативности, нравственности), не может появиться ниоткуда, заместив существующую. Этот процесс — очень болезненный, медленный и опасный — верховная власть может ускорить, как правило, с большим риском для себя. Революционные изменения в элите всегда ведут к дестабилизации, а нередко и к ослаблению власти и государства.

С другой стороны, они неизбежны. Опережающее развитие в XXI веке уже невозможно при низком качестве элиты и госуправления в целом. В этом будет заключаться серьезная проблема для Д. Медведева: как быстро трансформировать элиту, избежав политических и иных рисков. Простой пример: сложившаяся за последние два десятилетия коррупционная система управления (именно «система», а не отдельные элементы управления) должна быть заменена на **систему правовую**. Но при переходе от одной системы к другой неизбежно возникает вакуум, вакуум власти и управления, который угрожает самой элите. Как пройти этот путь, не подвергая страну и общество угрозе дестабилизации, а может быть, и крупных социальных потрясений, без революций?

Это, безусловно, главная задача. Но не только. Это же предполагает динамизм в ее развитии, «очищение» от прежних консервативных и конформистских слоев. Как справедливо отмечают российские исследователи, новая элита должна «отбивать все попытки реванша» старой элиты, добиваться «окончательного очищения»[64]. Хотя необходимо признать, что новая элита еще только должна занять определенные позиции, которые она пока даже не пытается занять.

Объективно видно, что развитие страны предъявляет все более высокие требования к элитам, как с точки зрения профессионализма и креативности, так и с позиций возросшей политической ответственности. Думается, что это — объективная тенденция. Но парадоксально, что элита не решает даже очевидные и простые проблемы. Например, развития национальной промышленности. Казалось бы просто, достаточно решить 5–7 проблем, мешающих развитию промышленности и экономики (известных, даже слишком очевидных), и можно ожидать немедленных результатов. Так или иначе они группируются вокруг отсутствия для промышленности внятной национальной кредитной политики, лишнего госрегулирования и неразвитости инфраструктуры. Что видно из очередного опроса предпринимателей[65] (рис. 7).

Рис. 7. Препятствия росту бизнеса в России в 2011 году

Отдельный **политический** вопрос — увеличение спроса населения. Бедные и нищие, составляющие 80% граждан не могут обеспечить необходимый спрос. Как, впрочем, еще 16–17% среднего класса, чей реальный доход за 2008–2011 годы сократился. Что же делать? Ответ очевиден: необходимо повышать реальные доходы. Прежде всего активных социальных групп, создающих экономику знаний.

Все аргументы финансовых властей относительно роста инфляции ничего не стоят. Прежде всего потому, что эта «борьба» ежегодно ведет к… росту инфляции. Все последние годы.

В России эти процессы пока еще не очень заметны: элита КПСС, замененная элитой Б. Ельцина, а затем — В. Путина, — эти элиты ни с точки зрения образования, профессионализма, ни с позиций политической ответственности не отличаются друг от друга. И не случайно ведь «революции элит» не произошло, за исключением нескольких месяцев 1990–1991 годов, когда к власти хлынула волна некомпетентных «демократов». На высшем уровне происходящая ротация отражает скорее конъюнктурные моменты, связанные с борьбой и распределением влияния во власти. Как подметила О. Крыштановская, «Совет безопасности В. Путина 2002 г. гораздо больше похож на советское Политбюро ЦК КПСС и по численности, и по структуре, нежели Совбез РФ 1993 г.»[66] (табл. 5).

Сходство высшей управленческой элиты (с поправкой на влияние силовиков) В. Путина и Л. Брежнева не означает, на наш взгляд, ухудшения качества самих руководителей, о котором часто говорят некоторые политологи. В России начала XXI в., как и в начале 1980-х гг., были востребованы, прежде всего, исполнители, чья добросовестность и лояльность лидеру не ставилась под вопрос. Других требований не предъявлялось.

Известно и общепринято (и я в том числе не раз писал об этом), что главные и обязательные требования к современной элите, выработанные временем, таковы:

— профессионализм;
— высокий уровень образования;
— ответственность;
— креативность;
— способность к стратегическому прогнозу.

Но эти качества отнюдь не стали обязательными при отборе российской элиты. Более того, для такого отбора они стали своего рода «антикачеством». Если

Табл. 5. Структура высшего руководства страны с 1981 по 2002 г. (в % к численности группы)

	Советское Политбюро		Ельцинский Совбез		Путинский Совбез
	1981 г.	1988 г.	1993 г.	1999г.	2002 г.
Всего (чел.)	21	21	14	28	24
В т.ч.: руководители аппарата, идеологи, секретари	23,8	42,9	7,1	3,6	4,2
Члены правительства (за исключением силовых министров)	19,0	28,6	50,0	39,3	3,3
Силовики и контролеры	14,3	9,5	42,9	46,4	45,8
Руководители парламента	4,8	4,8	—	7,1	8,3
Регионалы	38,1	14,3	—	—	29,1
Представители науки	—	—	—	3,6	4,2

рассмотреть их подробнее применительно к отдельным представителям российской элиты, то мы с удивлением обнаружим, что «полный набор» таких качеств присутствует лишь у единиц, что он не носит массового, а тем более системного характера. Так, много ли у нас министров, депутатов и губернаторов, получивших отличное образование в лучших университетах? А тех, кто «работает по специальности»? А тех, кто креативен? Способен к стратегическому прогнозу?

Я не говорю уже о нравственных качествах — ответственности и нормах поведения, — которые стали притчей во языцах.

Банальное положение, что от качества элиты и человеческого потенциала в целом зависят непосредственно качество и темпы экономического роста, мощь и эффективность современного государства. Этот вывод в 2008 году стал уже признаваться и в части российской правящей элиты. В частности, в сентябре 2008 года на встрече с активом правящей партии В. Сурков сказал: «Главное богатство России заключается не в обширных запасах углеводородов, а в людях». Но сдвигов, во всяком случае до 2011 года, так и не произошло, хотя нельзя представить динамичное развитие России без привлечения в экономику, госуправление и социальную сферу новых эффективных людей. «Для совершения качественного рывка в развитии страны необходимо востребовать энергию всех, у кого она есть», — заявил Сурков на открывшемся в 2008 году в Москве тренинге для региональных координаторов проекта «Кадровый резерв — профессиональная команда страны»[67].

Крах советской системы эпохи Л. Брежнева и доставшийся в наследство В. Путину кризис неокапиталистической системы очень похожи с точки зрения неэффективности управления. А неэффективная система управления не требует созидателей, она требует, прежде всего, **лояльных исполнителей**. В этом смысле элита В. Путина — Д. Медведева была максимально добросовестна и исполнительна, но и консервативна, мало креативна, хотя в рамках существовавшего алгоритма власти и поставленных перед ней антикризисных задач — достаточно эффективна. Она в принципе не способна организовать качественный рывок в развитии. И не мотивирована, да и не нуждается в нем.

Проблема в том, что при переходе от стабилизации к развитию прежние качества элиты превращаются из положительных в отрицательные, тем более в условиях кризиса. На этапе развития требуются уже не столько личная лояльность и исполнительность, сколько профессионализм и креативность. А профессионалы, как правило, не привыкли к слепому послушанию. Они востребованы. Именно поэтому они проигрывают в конкуренции лояльным, но недалеким чиновникам. По этому поводу я как-то написал в «Независимой газете»: «На новом этапе перехода от стабилизации к ускоренному развитию, от технологического к культурно-духовному этапу развития человечества руководитель неизбежно будет вынужден отказываться от команды, где главным критерием была личная преданность, в пользу профессионализма. Это принципиально важно. Да, личная преданность, надежность нужны, но на новом этапе уже профессионализм играет более значимую роль. А профессионал, заметьте, не будет кланяться и падать в ноги. Если сейчас все это поднять, наступит новый этап в жизни страны»[68].

Как видно из таблицы, приведенной выше, соотношение чиновников и ученых абсолютно несопоставимо. Это, на мой взгляд, свидетельствует об общей тенденции, когда креативные группы занимают в управленческой элите не просто незначительное, но даже маргинальное место. Если в начале 90-х годов страной руководили в своей массе младшие научные сотрудники, то в первом десятилетии XXI века — «менеджеры».

А это имеет множество политических и экономических последствий. Приведу один пример, иллюстрирующий эту мысль. Бюрократическая элита **в принципе не заинтересована в оценке долгосрочных последствий принимаемых ею решений.** Для неё важно то, что имеет значение для начальства сегодня, в лучшем случае, через год — ведь через 2–3 года чиновник в 90% случаев сменит кресло начальника и с него уже не будут ни за что спрашивать. За эти 2 года он, как правило, успевает «решить» свои проблемы. Так, например, известна проблема огромной энергоемкости и материалоемкости российской промышленности. В принципе вообще ее знают все, но конкретно за нее никто не отвечает, хотя прогнозы самые неутешительные. Так, по оценке МЭР ситуация в мире будет выглядеть следующим образом (табл. 6).

По оценкам экспертов, **энергоемкость мировой экономики к 2030 году может снизиться на 60%**. Удельное потребление энергии уменьшится с 306 кг нефтяного эквивалента на 1000 долларов США мирового ВВП в 2005 году **до 130 кг в 2030 году**.

В 2009–2011 годах Д. Медведев и В. Путин отчетливо сформулировали проблему снижения энергоемкости, даже в условиях кризиса, когда потребление энергии падает. Были приняты кое-какие решения, но **реальная экономика**, реальная элита на них практически не отреагировали, разве что очередным ростом тарифов, дальнейшей монополизацией. Д. Медведев и В. Путин, ряд других руководителей, таким образом, вроде бы доказали свою способность адекватно реагировать на проблемы и делать выводы из стратегических прогнозов, но в целом управленческая и бизнес-элита — нет. Эта же элита показала в условиях кризиса и свою безнравственность, завышая расходы на ЖКХ, вздувая цены на потребительские товары и услуги, увеличивая своё личное потребление.

Примечательно, что если потребление среднего класса в условиях кризиса (и, соответственно, креативных слоев) сократилось по отдельным направлениям от 50% до 90%, то финансово-экономическая и бюрократическая элита отнюдь не изменила своего образа жизни и своих доходов. Более того, в эти же кризисные

Табл. 6. Прогноз развития мировой энергетики (по данным МЭР), среднегодовые темпы прироста, %

Регионы	Период (гг.)		
	2015 к 2005	2030 к 2015	2030 к 2005
Первичное потребление энергии			
Мир	2,3	1,4	1,8
ОЭСР	1,1	0,6	0,8
США	1,2	0,7	0,9
ЕС	0,5	0,3	0,4
Развивающиеся страны	3,8	2,2	2,8
Китай	5,0	2,0	3,2
Индия	3,7	3,5	3,6
Энергоемкость ВВП			
Мир	–1,8	–1,8	–1,8
ОЭСР	–1,4	–1,2	–1,3
США	–1,4	–1,5	–1,4
ЕС	–1,7	–1,4	–1,6
Развивающиеся страны	–2,2	–2,1	–2,2
Китай	–2,5	–2,8	–2,7
Индия	–3,3	–2,1	–2,5

годы число миллиардеров и супермиллионеров в России по меньшей мере удвоилось. Очевидный парадокс: в условиях кризиса цены на товары и услуги должны падать — и они падают в развитых странах, — а доходы топ-менеджеров и владельцев — сокращаться. В России, как видим, наоборот: цены и тарифы растут, а доходы элиты и количество благополучателей увеличивается.

Пора, наконец, и решить вопрос с неравенством и социальной несправедливостью. Хотя бы сначала вернуться к прогрессивному налогообложению, когда действует принцип «богатые платят больше». Прогрессивная шкала предполагает кроме того, что представители всей элиты должны будут подтверждать, что они не превысили порога дохода, который подразумевает повышенный налог. Эту рекомендацию академики РАН вновь предложили в июле 2011 года В. Путину для обновленной «Стратегии–2020»[69].

Все это свидетельствует о том, что нынешняя российская правящая элита, как минимум, профнепригодна, а, как максимум, — вредна нации. Ее нужно менять на ответственную перед нацией управленческую элиту, обладающую необходимыми качествами, прежде всего, нравственными и профессиональными. При этом важно выполнить два обязательных условия:

— во-первых, новая элита должна изначально формироваться из креативных слоев профессионалов;
— во-вторых, необходимо «развести» возможности получения доходов от служебного положения и статусное положение. Так, новые представители элиты должны взять на себя обязательства не иметь бизнеса и собственности (включая счета) за рубежом, отчитываться не только о доходах, но и о расходах, не отправлять детей на обучения за рубеж, не иметь свободного выезда за рубеж.

6. Какой должна быть правящая элита?

Иногда шаг вперед — результат пинка в зад
М. Задорнов

Этот «кадровый резерв» напоминает темную лужу… в которой копошатся и вьются головастики…
А. Проханов

Если национальная элита формируется во многом неуправляемо, под воздействием множества факторов, то правящая элита должна формироваться сознательно, целеустремленно. Так, как это было в России и СССР. Так, как это сегодня есть в США, когда делегируемый в правящую элиту гражданин проходит жесточайший отбор, в котором участвуют разные группы правящей элиты[70].

Любая дезинтеграция и дискредитация элиты в России приводила к «смуте». Так было в начале XVII века, в 80-х годах XX века, так стало и в 2010–2011 годах XXI века. «Смута» — реальная угроза ста-

бильности и самому существованию России сегодня прежде всего из-за наметившегося раскола внутри правящей элиты, точнее, — ее либерального большинства[71].

К сожалению, рассчитывать на то, что либеральная элита будет быстро сменена на национально-ориентированную не приходится. Не смотря на все объективные потребности.

Именно такой «пинок в зад» получила российская элита в результате кризиса 2008–2011 годов. Если цели опережающего развития, сформулированные В. Путиным — Д. Медведевым в 2006–2008 годах, были недостижимы при сохранении у власти прежней элиты, то в условиях кризиса неэффективность элиты стала очевидной всем. Особенно в 2010–2011 годы, когда об этом не говорил только ленивый.

Основная причина — концептуальная, идеологическая. Как справедливо замечает О. Гаман-Голутвина, «низкая оценка эффективности предпринятых российским правительством мер по преодолению кризиса определена тем, что антикризисная программа работала не на преодоление сущностных дефектов и дисфункций, но на воспроизводство сложившихся ранее диспропорций — как в экономическом, так и социальном плане. В этом отношении отечественная система управления продемонстрировала устойчивость по отношению к докризисной. Сложившаяся в докризисный период система управления функционировала преимущественно как инструмент воспроизводства базовых социально-экономических параметров»[72]. Такой же она осталась и в 2010–2011 годы. И, похоже, останется позже.

Потребность замены элиты стала, повторю, очевидной. Но попытку реформирования элиты в условиях кризиса, предпринятую Д. Медведевым в 2008–2010 годах, удачной вряд ли можно назвать. Как нередко до того и случалось, задачи были решены формально, т.е. не решены вообще.

Так, в перечне поручений президента РФ от 23 июля 2008 года предлагался широкий комплекс мер: выработка Программы формирования резерва управленческих кадров, методик, создание базы данных и т.д.[73] На деле в январе 2009 года появилась «президентская тысяча», представляющая собой набор чиновников, основным достоинством которых, судя по всему, было аппаратное умение выживать и нравиться начальству. Говорю так, потому что у любого человека, кандидата на высокую должность, должна вообще-то быть история (и не только кредитная), которая отражала бы позитивные результаты его деятельности, позицию в те или иные годы, т.е. публичность. Но эти и другие качества, видимо, в расчет не принимались. Это должны быть люди, кроме того, чьи нравственные и профессиональные качества оценены обществом, а не только начальником, формирующим списки.

В результате кадровая политика президента, направленная на смену элит (а я допускаю, что и на допуск к власти части креативных групп), оказалась проваленной. В условиях развивающегося кризиса и особенно после выхода из него эта тема стала главной темой общественной дискуссии в 2009–2011 годах: беспредел МВД и силовиков вообще, повсеместная коррупция, неоправданные антисоциальные решения, которые вели к росту тарифов и цен, откровенный цинизм и пренебрежение элитой потребностей общества, деградация политической системы и социогуманитарных знаний, образования и науки — вот лишь некоторые производные от провала кадровой политики и пренебрежения объективными потребностями развития экономики, знаний и творческих возможностей целых социальных групп. Очень точно эту ситуацию описал один из журналистов: «У нас полно проблем. Но полно и возможностей их решить наилучшим образом. Но их не решить лишь заклинаниями жрецов от пропаганды с нулевым набором конструктивных идей»[74].

Формирование элиты было заменено в последующие годы очередными реорганизациями и сменой вывесок. При этом (как уже говорилось) любая реорганизация или уничтожение института госвласти, да и любого института социального потенциала, изначально имеет значительные издержки. Полностью подтверждается мысль Л. Григорьева, сказавшего, что «самая плохая реформа лучше технологии проведения реформы»[75]. Не только реформы элиты, но их технологии проведения были бесполезны, даже вредны. Что, естественно, немедленно отразилось на результатах: «военная реформа», не имеющая идеологии и военной доктрины, соответствующего кадрового обеспечения; «реформа МВД», не имеющая также ни первого, ни второго, ни третьего; «реформа «Стратегии–2020», удивительно повторяющая все остальные реформы, — отсутствие внятного целеполагания, стратегии и новых кадров, способных эту стратегию реализовать. В обществе в 2010–2011 годах росла напряженность, что привело даже к созданию социологических групп, которые с лета 2011 года стали пытаться экспертно «измерить» степень роста социальной напряженности[76].

Отсутствие экспертного обсуждения, широкой дискуссии по кадровому вопросу, безусловно, делает смену элит «семейным» предприятием, результатом интриги. Если в США, например, сенат согласовывает все важнейшие назначения, то в России стало практикой, что новая кандидатура возникает в последний момент перед назначением. Удивительно, но даже важнейшее, судьбоносное для страны кадровое решение о выдвижении кандидата в президенты становится известным в самый последний момент, когда любые идеи, программы и команды теряют всякий смысл. Так было при М. Горбачеве, Б. Ельцине, В. Путине. Так осталось при Д. Медведеве.

Отсутствие широкой и независимой дискуссии по программным вопросам — между партиями, кандидатами в президенты, даже экспертами — не только

обесценивает избирательные кампании, но и не дает возможности креативному классу влиять на политику страны, прежде всего продвигая свои кадры наверх. «Политическая борьба вдруг стала стыдным и неприличным делом», — справедливо говорится в редакционной статье «НГ». И далее: «…ни общество, ни политический класс не могут креативно влиять на курс страны или хотя бы сравнивать альтернативные программы»[77].

Да и сами программы отошли на второй план. Их заменили политические технологии и телекартинки лидеров. Лидер — «узнаваемое лицо» — заменил программы и идеи.

«На сегодня в обществе напрочь отсутствуют какие-либо содержательные дискуссии. Да ладно в обществе — не его, в конце концов, дело „парится“ в философских спорах. Но и интеллектуальный уровень экспертного сообщества упал до невозможности. Когда на какой-нибудь зарубежной конференции умные люди обсуждают проблемы экологии, демографии, новейшие теории социологии, общественного управления, совершенствования городской среды и вообще среды обитания, гендерные вопросы, проблемы медицинской этики, активной старости и так далее и тому подобное, представителям нашей страны, как правило, нечего сказать, если они вообще там присутствуют. „У вас попросту не с кем говорить по вопросам, касающимся современного развития человеческой цивилизации“, — говорят нам все чаще[78]. Между тем именно количественные показатели гуманитарного развития, в частности, ИРЧП, рассчитываемый ежегодно ПРООН, стали общепринятой основой для оценки всей эффективности госуправления. Но не в России. И в этом — тоже вина современной правящей элиты. Прежде всего из-за ее неспособности сформулировать („скорректировать“) не очередную частную социально-экономическую концепцию, о которой забивают на следующий день, а **стратегию национального развития**[79]. Обязательную для исполнения на всех уровнях. Понятную и подкрепленную реальным среднесрочным планом и перераспределением ресурсов. Так, ученые РАН в июле 2011 года в очередной раз предложили В. Путину такое перераспределение, когда из дополнительных доходов только 40% остается на резервы, а 60% идет „на новую индустриализацию“[80].

Да что там общие проблемы! Мы скоро будем неспособны выставить адекватных собеседников и переговорщиков по отдельным международным, страновым или внешнеэкономическим вопросам. Ну, там имеется дюжина активных переговорщиков по ВТО, с десяток — на общение по всем вопросам с Евросоюзом. Тем временем даже наше оружие в массовом порядке уже заворачивают заказчики из стран третьего мира: его уже становится некому качественно делать, — и это явление все того же порядка»[81].

Очень точно этот результат аппаратной работы прокомментировал А. Проханов: «„Кадровый резерв“ возникает в результате упорной созидательной работы в недрах экономических, промышленных или военных проектов, в которые вовлекаются молодые специалисты, окружая испытанных мэтров, искусных организаторов, непревзойденных творцов. Проект продвигается, проламывается, продавливается ценой невероятных усилий, самоотверженных подвигов, гениальных решений, в которых безусые молодые работники становятся „зубрами“, сменяют утомленных, перегоревших в работе лидеров. В каких проектах ковался нынешний „кадровый резерв“, призванный сменить проворовавшихся чиновников и губернаторов? Может быть, они возрождали разрушенный ельцинистами русский Космос? Или восстановили попранное демократами русское сельское хозяйство? Или построили новую Российскую армию? Способствовали созданию новых научных школ, подняли образование и духовную культуру народа? Ничего подобного. В лучшем случае, они безмолвно присутствовали при деградации страны, а в худшем, на вторых ролях, участвовали в разрушении Родины — отрабатывали схемы увода капитала, создавали блеф благополучия, воспроизводили в себе самые худшие и порочные черты своих столоначальников. Этот „кадровый резерв“ напоминает теплую лужу с комками студенистой икры, в которой копошатся и вьются головастики и лягушата, под „солнцем перемен“ вырастая в полноценных лягушек и жаб»[82].

Приход к власти Д. Медведева — преподавателя права и управленца — в принципе должен был совпасть с объективными потребностями процессов изменения в элите, даже с учетом того, что прежние кадры всячески стремятся сохранить свои позиции. Профессионализм и креативность неизбежно должны вытеснять чиновнично-бюрократическую традицию. На деле произошла имитация этого процесса. Формально уход М. Шаймиева, Ю. Лужкова и других политических «тяжеловесов», как и прежних старожилов, состоялся. Но замена их на других управленцев произошла по непонятным критериям. Так, остался первым замом у нового мэра Москвы М. Ресин, да и ряд других московских чиновников-старожилов. В целом же элита рекрутировала только из своих рядов — «проверенных».

Это свидетельствует о том, что обновленная при Д. Медведеве элита была изначально не способна решить проблемы, ибо она остается по сути та же: меняются места, как в «пятнашках», но не меняются люди и не меняются идеи. Типичный пример — «Стратегия–2020», которую в 2011 году поручили переработать группам под руководством В. Мау и Я. Кузьминова, которые **до этого** на протяжении многих лет готовили эти документы. Отчего вдруг появилась уверенность, что эти же люди сделают что-то принципиально новое, результативное?

В этой связи принципиально важным становится вопрос о **роли государства**, власти, правящей элиты **в сознательном и целенаправленном формиро-**

вании управленческой элиты, обладающей, по сути, набором новых качеств. Видит ли правящая элита эту объективную потребность? Как справедливо написал О. Бахтияров, «как бы банально это ни звучало, но следует все же признать, что в прогрессе „виноваты" творческие люди, рождающие новые идеи. Потом эти идеи превращаются в инновационные технологии с последующей продажей и использованием их результатов. Такой „естественный" порядок вещей демонстрирует тенденцию к трансформации. Творчество из естественного ресурса превращается в целенаправленно культивируемый. Это, конечно, влечет за собой серьезные технологические, социокультурные и политические изменения.

До недавнего времени создание новых содержаний и открытие новых смыслов представляло собой преимущественно спонтанный процесс, результаты которого использовались в той мере, в какой это отвечало потребностям рынка или могло быть навязано потребителю. Творческий продукт находил себе применение только при условии, что реакция на него была достаточно выраженной. Но в мире, зарождение которого происходит на наших глазах, — назовем его кретивным миром — создание нового (новых знаний, новых смыслов, новых технологий) становится ведущим процессом и начальным звеном экономики и политики. Это уже не выборочное использование продуктов деятельности творческих людей, как это было до сих пор, а целенаправленное создание нового»[83].

На этот процесс, обновления элиты, безусловно, влияет и идеологический фактор. Либерализм 90-х гг. доказал свою непригодность не только в экономике и социальной сфере, но и в области государственного строительства. Новая элита при В. Путине и Д. Медведеве не только вынуждена отказаться от части псевдолиберальных ценностей в экономике и финансах, но и по всему спектру других проблем, включая представления о национальной безопасности (что доказал конфликт с Грузией), госуправлении и т.д. В определенном смысле можно согласиться с А. Дугиным, который считает, что ротация элит потребует новых (идеологических и моральных) принципов: «Теперь о ротации элит. Медведев — молодой человек и хочет видеть людей вокруг себя и во власти молодых, новых и интеллектуальных. И это правильно. Такие люди есть, но, к сожалению, большинство самых молодых и самых толковых уже поражены 90-ми, они воспитывались в пиар-политтехнологических условиях, где ложь, подлость, цинизм и способность к авантюрам были главными составляющими успеха».

Я думаю, Д. Медведев действительно столкнулся с этой проблемой. А. Дугин прав, говоря, что он хотел «подтянуть» таких молодых толковых людей, но через какое-то время **обнаружил их непригодность для созидательных действий**: «Они, — по мнению А. Дугина, — способны только разрушать или обманывать, создавать политтехнологические пиар-схемы, но ничего существенного они сделать не могут. Назревает возрастная, поколенческая кадровая перестановка, Медведев явно задумывается об этом»[84].

Действительно, в элите назревает «поколенческая кадровая перестановка». Но связана она не с возрастом, а с той **системой ценностей**, которая существует у тех или иных граждан. В 1980-е и 1990-е годы, по моему глубокому убеждению, с прямым участием власти были созданы вполне определенные стереотипы, существующие и по сей день. В частности, мотивация: в тот период главным критерием успеха был «конечный результат», выражавшийся в денежном эквиваленте. Главные герои того времени — рэкетёры и валютные проститутки, финансовые спекулянты и авантюристы — превратились в нынешнее время во вполне респектабельных граждан. Часть из них вполне легально выехала за границу, часть осталась здесь, но и те и другие предпочитают зарабатывать деньги в России любым способом, а тратить и хранить их — за рубежом (пропорции менялись, в частности, с приходом В. Путина: оффшорные бизнесмены устремились за рубеж в огромном количестве).

В итоге к 2011 году сложилась элита, которая преимущественно зарабатывает деньги, не оглядываясь на нравственные нормы. В экономике, кстати, для этого, как нарочно, создаются самые благоприятные условия. В 2010 году, например, очевидно стали расти не только цены на нефть, но и фондовый рынок, обеспечивающий до 20%-й, даже 30%-й доходностью в развитых странах. Производственный сектор, реальная экономика, а тем более экономика знаний, как были, так и остались уделом маргинальных бизнесменов и отдельных программ правительства. Таким образом, к 2011 году элита не добилась главного: она не **создала новой системы ценностей**, общенациональной идеологии и, как следствие, мотивированной по-новому элиты. Первую попытку я обнаружил лишь в августе 2011 года, когда Центр социально-консервативной политики «Единой России» провел круглый стол на эту тему.

В этом смысле я согласен с А. Дугиным, утверждающим, что Д. Медведев «столкнется с очень серьезным концептуальным противоречием, потому что нужны новые критерии отбора элиты. Критерий отбора элиты по степени успешности, само собой разумевшийся в 1990-е, сегодня не проходит. Раньше думали так: человек сделал бизнес — значит молодец. Если человек — а тем более молодой человек — в 1990-е сделал бизнес, то это, скорее всего, законченная сволочь, и по уму его, конечно, за редким исключением, стоило бы расстрелять. В тот период, в период гибели великой страны и полного общественного разложения поднялись и успешными стали самые омерзительные люди, те, которые больше врали и больше крали. И молодежи они передали эти навыки. Поэтому Медведеву придется, на мой взгляд, столкнуться с очень сложной вещью — **в современной России ротация элит тоже должна**

основываться на идеологическом и моральном принципе. А это требует большой работы мысли»[85].

Аналогичное суждение высказал в своей статье в «Независимой газете» и Н. Усков: «России больше не нужны улыбчивые прагматики нулевых, которые твердили, что „откаты — это смазка бюрократического механизма", а „басманное правосудие" — издержки системы. Издержки сожрали систему. **Цинизм стал государственной идеологией и практикой**. России, если в ней осталось хоть сколько-то гордости, нужен новый герой — идеалист, который либо очистит наш дом от скверны, либо дом сгниет и рассыплется. По крайней мере, честных людей не будет мучить стыд при звуках национального гимна и квакании спецсигналов. Несчастный русский человек давно накопил рецепты сосуществования со страной. От апатии до пугачевщины. При всей ненависти к российской плутократии я все-таки надеюсь, что хотя бы инстинкт самосохранения у нее есть. В ситуации массовой безработицы, банкротств и стремительно тающих резервов — это единственное, что плутократии действительно нужно. Иметь хотя бы элементарный страх»[86].

А теперь посмотрим, как была реализована на практике идея Д. Медведева о кадровом резерве. Сформированная к январю 2009 года «президентская тысяча» сплошь и рядом состоит из чиновников — заместителей министров, начальников департаментов, мэров и депутатов. Преимущественно достаточно молодых, сделавших карьеру и деньги в19 90-е и нынешнем десятилетии. Ни образования, ни гражданских подвигов, ни реальных успехов в своей деятельности они продемонстрировать не могут: достаточно посмотреть на их биографии в известных базах данных, например, www.viperson. Да и биографий, историй как таковых нет. Есть **послужные списки** (редкие исключения, например герой чеченской кампании И. Баринов — не в счет, их всего несколько).

Беда России заключается в том, что общее правило: **элита воспроизводит саму себя, стало для России обязательной нормой.** Это — закон, который еще раз подтвердился, когда попытались выполнить поручение Д. Медведева: нынешняя элита смогла лишь воспроизвести свое подобие. Убогое, даже преступное. Ни креативности, ни гражданственности, ни профессионализма — этих важнейших качеств для преодоления кризиса — она не смогла добавить.

Приведенный пример с «президентской тысячей» — лишь одно из свидетельств консервативности высшего управленческого слоя. «Этажом ниже» — в правительстве, на уровне среднего министерского звена, доминируют две группы — старые аппаратчики, представители вечного бюрократического слоя, и новые — такие же представители, которые иногда рекрутируют «делегатов» от бизнеса.

И первая, и вторая группы заведомо не способны к творческой и профессиональной (а значит, эффективной) деятельности. Те немногие представители, обладающие необходимыми качествами, будучи **частью системы**, в принципе не способны что-либо предпринять, а их редкие попытки заканчиваются провалами. На практике это означает, что к 2011 году сложилась неуклюжая, безынициативная бюрократическая система, в которой тонет любое решение президента и председателя правительства. По моим оценкам, в самом благополучном случае от принятия решения до его реализации проходит 9–10 месяцев, но удельный вес реализуемых решений вряд ли превышает 15%.

Надо сказать, что Д. Медведев хорошо понимал опасность этой ситуации. Не случайно в июле 2008 года он потребовал создания кадрового резерва и «увеличения скамейки запасных». Другое дело, что такие попытки безуспешно предпринимались и при В. Путине. И, как показал опыт, — неудачно. Действительно, прошедшие после инициативы Д. Медведева два года показали крайне низкую результативность: элита — и молодая, и старая — как была, так и осталась бюрократическим механизмом, главной задачей которого является «обеспечение документооборота» лиц, принимающих решение.

Еще сложнее в регионах, где элита была занята все 1990-е годы приватизацией собственности и власти. Как справедливо отмечает Д. Бадовский[87], в 1990-е гг. в условиях низкой эффективности и раздробленности федеральной управленческой элиты, увлеченной преимущественно программой приватизации и передела, собственно функции государственного управления в основном консолидировались, частично присваивались и преимущественно осуществлялись на региональном уровне, региональными элитными кланами.

При этом их достаточно высокая эффективность и функциональная готовность обеспечивать на своей территории относительную социально-экономическую и политическую стабильность стали для них основанием для торга с федеральной элитой. Чаще всего торг между региональными элитами и центром по схеме «эффективность в обмен на политическую лояльность и экономические ресурсы» оказывается успешным, хотя в отдельных случаях и преимущественно в отношении национальных республик оборачивается претензиями на суверенитет и сепаратизмом.

При этом такие качества, как профессионализм и креативность на региональном уровне были еще менее востребованы, чем на федеральном. Принцип личной лояльности являлся главным при продвижении по служебной лестнице, приобретая иногда самые уродливые формы.

Еще хуже обстояли дела с образованием региональной и местной элиты. По некоторым оценкам, до 50% управленцев этого уровня не имели высшего образования, а остальная часть во многом обладала некачественными знаниями, которые со временем полностью устарели.

Таким образом, к началу XXI века в России сложилась ситуация, когда качество элиты и ее социальный состав практически не совпадал с потребностями экономики, общества, с социальными группами интеллигенции и креативного класса. Правящая элита оказалась сама бюрократической и кастовой группой высших служащих и собственников.

Ситуация в области высшего управленческого слоя вроде бы стала медленно меняться в период президентства Д. Медведева. Тогда уже не требовались силовики, способные взять под контроль ситуацию в том или ином регионе. Завершение задач «стабилизационного периода» и выход на решение проблем развития выдвигают, однако, не просто новые требования к управленцам, а качественно новые. Прежде всего, к качествам менеджеров, специалистов, творцов-созидателей, **способных генерировать идеи, а не только их выполнять**. Вербовать новых управленцев из прежней элиты становится практически невозможным.

К сожалению, в это время начинается определенная и неверная переоценка руководителей, которым не хватает двух таких качеств, как профессионализм и нравственная ответственность. «Менеджеризм» в управлении пытаются противопоставить бюрократии. Но это мало сказывается на эффективности госуправления потому, что и первое, и второе функциональное назначение не могут компенсировать отсутствие главной установки управленца XXI века — креативности, образования, профессионализма. В конечном счете, как сказал покойный гениальный пианист Н. Петров в марте 2011 года, «нас пришли учить неучи, которые научить в принципе ничему не могут».

Нетрудно увидеть, что за весь период, от Л. Брежнева до Д. Медведева, сотрудники с такими качествами были практически не нужны системе государственного управления. Разработчики идей как во времена Л. Брежнева — М. Горбачева, так и Б. Ельцина — В. Путина — Д. Медведева никогда не входили в высшую касту управленческой элиты, будь то Политбюро, Совбез или Правительство. Да и идеи-то не были востребованы. Эта особенность применительно к последнему времени (но она справедлива для всех последних тридцати лет) хорошо подмечена О. Крыштановской: «Ключевые чиновники при Путине были объединены в Совет безопасности РФ — коллективный орган, по численности и структуре весьма схожий с советским Политбюро, но не играющий роли верховной власти в стране. Вершина власти находилась у самого президента и групп стратегической элиты. Эти группы, допущенные к принятию ключевых решений, оставались не институционализированными, недоступными общественному контролю и не имели официального статуса. Они состояли из высших чиновников, которых Путин привел к власти и которым лично доверял. Это и были главные поставщики новых идей»[88], т.е. «поставщиками идей» чаще всего были управленцы, доминировавшие в элите: бюрократы, силовики, менеджеры.

Так было всегда, за исключением, пожалуй, сталинского периода, когда **каждый член Политбюро**, претендующий на политическую роль, должен был писать и выдвигать предложения (писали и предлагали часто), т.е. быть по определению идеологом, креативщиком.

Я лично знаю и слышал о том, как много и регулярно писали записки В. Молотов, М. Суслов, К. Русаков. И при И. Сталине, и после. Это была не просто традиция, это было условие их работы. Кстати, бытующее мнение о том, что «всё делали помощники», абсолютно неверно.

Другое дело, как этот креатив соотносился с партийной идеологией, преданностью вождю и т.д., но факт остается фактом: в недрах самого авторитарного режима было больше креативных людей и идей, чем при нынешнем демократическом режиме. И процент реализованных идей был достаточно высоким.

Не случайно результатом такой работы в 1930–1960-е гг. стали фантастические советские достижения в области науки, искусства, культуры, инженерии. Их сопоставление с нынешними результатами, когда нет идеологических ограничений, невозможно именно из-за масштабов «взрыва креативности» советского периода с полным отсутствием и невостребованностью такового в период «развивающегося капитализма». Не случайно, что сегодня инновационная деятельность предприятий в России оценивается в доли одного процента, а науки — в единицах процентов. Это — прямой результат невостребованности креативного потенциала сырьевой экономикой и госуправлением, отсутствия масштабных, стратегических задач, объединенных в идеологию опережающего развития, в центре которой находится человек. Как справедливо заметил Б. Славин, «…с переходом к информационной эпохе, к обществу знаний, все большую роль будут играть идеологические, творческие и культурные силы страны»[89].

Резкое усиление значения идей и идеологии в конце XX века, и особенно новых созидательных идей в мире, не нашло отклика ни у М. Горбачева, отказывавшегося от любых концептуальных дискуссий, ни у Б. Ельцина, который не придавал им вообще никакого значения. У В. Путина после его прихода к власти была ситуация политического и экономического цейтнота, когда концепции и идеи заменялись прагматическими технологиями, даже просто оперативными решениями, связанными, конечно, общей логикой и целью, но не концептуальными и креативными идеями.

После завершения периода стабилизации ситуация вроде бы изменилась. Как ответил В. Путин, «можно спокойно подумать», в т.ч. и о путях развития страны, более эффективных формах управления обществом и государством. Но прежняя элита оказалась не в состоянии этого сделать.

Отвечая на вопрос, вынесенный в заголовке раздела, «какой должна быть правящая элита?», нельзя ограничиться только критическим анализом. Нужно прежде всего разработать **объективные критерии**,

отвечающие потребностям общества, государства и экономики. Проваленный эксперимент с «президентской тысячей» лишь подтверждает этот вывод. На мой взгляд, критерии эти таковы.

Во-первых, представитель высшей правящей и управленческой элиты должен быть **профессионалом** в своей области — будь то сельское хозяйство или оборона страны, — а не просто менеджером, для которого безразлично чем управлять — культурой либо торговлей. Сегодня это не так. Как и в советский период, можно «бросить на культуру», либо «на сельское хозяйство» любого. Разница лишь в том, что прежде этот «любой» принадлежал к партноменклатуре, а сегодня — к «своим бюрократам».

Во-вторых, такой представитель должен обладать отчетливой «нравственной историей», а не появляться ниоткуда. Как и кредитная история, у политика и бюрократа должна быть история его поведения, побед, ошибок и т.д. Корни проблемы коррупции находятся именно в этой области. Сегодня это также не так. Министры и губернаторы появляются вдруг, ниоткуда.

В-третьих, управленец должен обладать современными знаниями и интеллектом, полученными в лучших российских университетах. Не случайно в высших эшелонах власти развитых стран находятся выпускники лучших университетов, тогда как в России около 50% руководителей имеют сомнительное высшее образование, либо не имеют его вообще.

В-четвертых, управленец должен обладать психологическим набором креативности и результатами ее внедрения. Руководитель высшего звена не может быть «просто чиновником». Он должен быть творцом, генератором идей, доказавшим — это важно, — что способен добиваться их реализации. Как метко заметила главный редактор российского издания «Harvard Business Review» Е. Евтрафова, «Инновационная экономика любого сорта невозможна без творческой активности людей, не важно, на что вы делаете ставку — на изобретения или на креативное осмысление уже известных разработок. А творческая активность зависит от того, есть ли у людей право думать не так, как думает начальство, и не так, как думает большинство, — есть ли у них право на инакомыслие»[90].

В-пятых, такой представитель элиты должен обладать способностью к стратегическому прогнозу, видеть результаты своей деятельности в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Сегодня этого нет. Большинство принимаемых законов — это поправки к недавно принятым законам, исправляющим так или иначе предыдущие ошибки. Поэтому у нас и наблюдается бесконечный процесс законопереписывания и нормотворчества.

Наконец (по порядку, но не по значению), **в-шестых**, элита должна быть национально ориентирована, патриотична. Интересы общества и государства должны быть приоритетными для личности, что является нормой, а не случайной характеристикой. Собственно само участие в правящей элите должно быть обусловлено обязательством соблюдать национальные интересы и хранить национальные ценности.

7. Антикризисная стратегия правительства и креативный класс

Кризис подталкивает к инновационному развитию.
Э. Набиуллина

Инновации — это творческое мышление.
Б. Харкин

Надо сказать, что правящая элита сделала все для того, чтобы ничего не делать в условиях кризиса для творческих социальных групп нации и ее НЧП. Приоритеты были выделены заранее:

— финансовая система;
— сохранение минимальной социальной стабильности;
— помощь госкорпорациям;
— поддержка избранных экономических структур.

С точки зрения социального развития, стимулирования творческого потенциала нации к сомнительным успехам правительства можно отнести замораживание инвестиций в области науки, культуры и образования. К накопленным долгам 1990-х годов и начала десятилетия стало добавляться относительное отставание в финансировании в 2008–2011 годах. Хотя в абсолютных цифрах расходы на науку, например, и росли, но их было очевидно недостаточно, чтобы ликвидировать провал 1990-х годов[91] (табл. 7, рис. 8, 9).

Обращает на себя внимание и то, что сохраняя лидерство в образовании (по числу студентов на 1000 человек), в России после подъема в начале нулевых прекратился рост численности студентов, а с 2009 года начался даже спад[92] (табл. 8).

Понятно, что это отразилось негативно прежде всего на представителях креативного класса, которых в начале кризиса назвали «офисной тлею», а потом, в 2010 году, призвали пойти переучиваться в инженеры и сменить вузы на ПТУ. Таким образом в пе-

Табл. 7. Внутренние затраты на исследования и разработки (миллионы рублей)

	2000	2003	2005	2007	2008	2009
Внутренние затраты на исследования и разработки:						
в действующих ценах	76 697,1	169 862,4	230 785,2	371 080,3	431 073,2	485 834,3
в ценах 2000 г.*	76 697,1	110 738,9	104 835,6	128 579,5	126 151,8	138 710,7

риод кризиса 2008–2011 годов развитие НЧП (даже относительно нулевых) прекратилось и наметились откровенно тенденции продолжения деградации 1990-х годов. Относительный подъем НЧП в 2010 закончился. Начался откат к точке 20-летней давности.

С точки зрения концептуальной готовности страны кризис 2008–2009 годов застал Россию врасплох. Я уже не раз говорил о том, что в 2007–2008 годы только начал складываться процесс формирования стратегии развития страны. Примечательно, что до этого периода такой стратегии не просто не было, но даже и ее необходимость всячески отрицалась. Причина все та же: нежелание системно подойти к формированию альтернативной идеологии (т.е. фактически отказаться от либеральной традиции) и, как следствие, разработке стратегии национального развития. В данном случае, при кризисе, «компаса» в штормовых условиях. Как справедливо писал С. А. Емельянов, «Осознанный интерес и сознательный выбор могут состоять в готовности не зарабатывать средства для удовлетворения все возрастающих материальных потребностей, а работать для реализации достаточно значимой социальной идеи и улучшения качества жизни в государственных масштабах.

Для формирования такого осознанного интереса необходимо «опережающее развитие общественного сознания и **общественного интеллекта**» (по А. И. Субетто), опирающееся, в свою очередь, на органичное социально-культурное наследование национальных ценностей и традиций»[93].

До и во время кризиса власть допустила, на мой взгляд, главную ошибку: не использовала кризис для формирования новой экономики и новой социальной структуры общества, в частности, ее креативного класса. «Требования креативной экономики к способностям и компетенции человеческих ресурсов отличаются от предъявляемых к ним требований **со стороны производства**. Процесс производства не требует от людей **специальных творческих способностей**, поскольку речь идет о производстве больших серий одной и той же продукции. Креативный сектор, наоборот, работает с оригинальными, порой остроумными идеями, творческим потенциалом человека, его продукция далеко не серийная, часто речь идет о единственном в своем роде экземпляре.

Все это формирует иные требования к качеству трудовых ресурсов. От работников креативного сектора требуется **наличие способности к творческому**

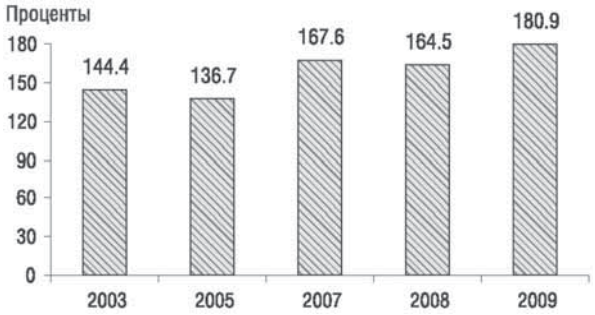
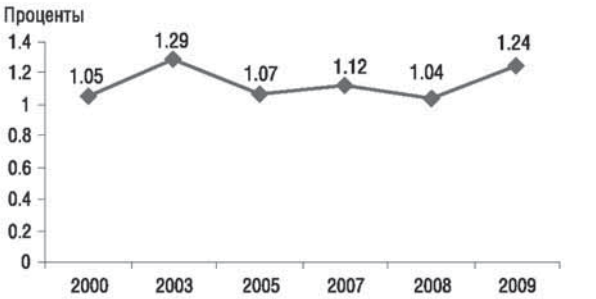


Рис. 8. В процентах к 2000 г.



* Приведенные данные могут отличаться от ранее опубликованных в связи с уточнением Росстатом дефляторов и объемов валового внутреннего продукта.

Рис. 9. В процентах к ВВП.

мышлению, генерации новых идей, оригинальных решений, — способности осваивать новые технологии. Поэтому одним из основных требований является высокий уровень профессиональной подготовки, который играет важную роль в формировании креативной экономики. Речь идет прежде всего **о развитии индивидуальных творческих способностей человека. Системы обучения, заставляющие просто зубрить материал, теряют смысл**»[94].

Как и сопутствующие стратегии важнейших компонентов — стратегического прогноза, целеполагания, стратегического прогноза, целеполагания, стратегического планирования, механизмов по ее реализации. Как справедливо подметил А. Н. Окара, «Любые социально-политические и экономические модернизации могут рассчитывать на успех при наличии как минимум трех условий: во-первых, целей развития, то есть артикулированного представления о том, куда и зачем страна и народ должны идти, во-вторых, проекта реформ, то есть маршрута движения, и в-третьих — **субъекта, иначе говоря, локомотива — мотивированной социальной группы, класса, этноса или иного амбициозного и пассионарного**

Табл. 8. Численность студентов[1] (на 1000 человек населения)

	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009
Россия[2]	**32**	**49**	**68**	**70**	**70**	**70**	**69**
Австралия	53	44	50	50	52	53	…
Австрия	30	33	30	31	32	34	…
Азербайджан[2]	17	21	23	23	22	22	22
Армения[2]	17	28	40	43	45	46	46
Беларусь[2]	31	44	56	57	59	60	62
Болгария	30	32	31	31	34	35	…
Венгрия	19	30	43	44	43	41	…
Германия	26	…	…	…	…	…	…
Греция	31	39	59	59	54	…	…
Дания	32	36	43	42	43	…	…
Индия	6	9	11	11	13	…	…
Испания	41	46	43	42	41	40	…
Италия	31	31	35	35	34	…	…
Казахстан[2]	30	41	77	80	78	72	69
Канада	…	40	42[3]	…	…	…	…
Киргизия[2]	21	44	52	54	56	55	57
Китай	5	6	16	18	19	20	…
Мексика	18	20	23	23	24	24	…
Нидерланды	30	31	35	36	36	37	…
Новая Зеландия	46	44	58	57	58	58	…
Норвегия	42	43	47	46	46	45	…
Польша	…	41	55	56	56	…	…
Португалия	32	37	36	35	35	…	…
Республика Корея	50	65	67	67	67	67	…
Республика Молдова[2]	20	28	43	45	43	42	40
Румыния	15	20	34	39	43	49	…
Соединенное Королевство (Великобритания)	**31**	**34**	**38**	**39**	**39**	**38**	**…**
США	**53**	**46**	**58**	**58**	**58**	**59**	**…**
Таджикистан[2]	17	17	24	25	26	26	26
Туркмения[2]	10	…	…	…	…	…	…
Турция	20	24	30	33	34	35	…
Узбекистан[2]	17	21	44	…	…	…	
Украина[2]	30	40	58	60	61	61	57
Финляндия	42	52	59	59	59	59	…
Франция	36	34	36	36	36	35	…
Чешская Республика	19	25	33	33	36	38	…
Швейцария	**21**	**22**	**27**	**28**	**28**	**30**	**…**
Швеция	**30**	**39**	**47**	**47**	**45**	**44**	**…**
Япония	**30**	**31**	**32**	**32**	**32**	**31**	**…**

[1] Студенты высших учебных заведений и учреждений послевузовского образования.

[2] Студенты средних профессиональных и высших учебных заведений, аспиранты и докторанты.

[3] 2004 г.

сообщества, которое является главным проводником инноваций и на которое возлагаются все надежды на обновление страны и государства»[95].

Это положение тем более справедливо для антикризисной стратегии: надо ясно поставить антикризисную цель, программу ее достижения и ту социальную группу, класс, с помощью которой можно реализовать эту программу.

Но в России не было сформулировано ни ясной цели, ни механизма ее достижения, ни, тем более, ясного представления, на какие силы общества опираться при реализации антикризисной программы. Эту программу заменил набор, вполне эклектичный и нередко запоздалый, антикризисных мер, большинство из которых сводилось к спасению финансовой системы страны, т.е., по сути, того инерционно-сырьевого алгоритма развития, которой сложился в стране к 2008 году. Спасали не только ресурсную экономику, но и общество, и систему сложившихся внутри элиты взаимоотношений. Не до перспектив было. Не до нации, а тем более не до креативного класса.

Кризис, казалось бы, мог заставить задуматься и провести радикальную социальную переориентацию элиты на создание благоприятных условий для развития креативных групп населения, вовлечения их в экономический процесс на сознательно создаваемых благоприятных предпосылках — финансовых, налоговых, технологических. Во всяком случае так делали в США и Великобритании. Но правительство бросилось спасать финансовую систему и набравших чрезмерные заимствования олигархов.

Не случайно и то, что оставались в стороне документы более высокого уровня. Например, существовавшая формально Концепция национальной безопасности, которая к 2008–2009 годам очевидно устарела, была заменена на новую только в мае 2010 года, да и ту решили корректировать в 2011 году. Кризис 2008–2011 годов, таким образом, российская элита встретила **без идеологии и стратегии развития** (ее роль отчасти могла бы выполнить Концепция долгосрочного социально-экономического развития до 2020 г., но лишь отчасти)[96]. Поэтому многие недостатки в деятельности правительства, его реакции в первые месяцы кризиса можно объяснить именно этим: в обществе и в элите еще не устоялись представления о путях, целях развития и национальных приоритетах. Правительство действовало «реактивно», в зависимости от возникавших угроз и обстоятельств. Потом, в 2011 году, вернувшись в относительно спокойную ситуацию, оно и не заметила, что по всем параметрам вернулось в… 2007 год.

Известно, что нынешний кризис во многом объясняется не только финансовыми и экономическими причинами. Суть кризиса до конца не понятна никому — во всяком случае никто на это не претендует.

Отсюда пока неясно до конца, какие меры по противодействию будут эффективны. Но уже ясно, что этот кризис несет все признаки системного кризиса, в особенности в том, что касается информации и отношений власти и общества, которые получили даже название «кризис доверия». Для российской элиты это стало очевидно в 2011 году, когда этот кризис уже стало невозможно отрицать.

Понятно и другое: все издержки экономической и социальной политики последних лет особенно отчетливо проявились именно в российском, а не в мировом кризисе. Примеров можно привести множество, но наиболее яркие, на мой взгляд, следующие:

— практически ничего не сделано для изменения **отсталой структуры экономики**, ее «сырьевая составляющая» за последние годы выросла гипертрофированно. Все разговоры об инновациях остались разговорами;
— не удалось ликвидировать фантастический монополизм, который вел как к инфляции, так и росту издержек на производство. Так, например, цены на минеральные удобрения в 2008 году выросли на 70%, а объем их экспорта достиг 90%[97];
— за те же годы в еще худшую сторону изменилась структура российского экспорта, где сырьевая составляющая превысила 95%, а импортная зависимость выросла в разы. Причем только в 2011 году рост импорта составил более 40%. Эта же тенденция сохранилась на финишном отрезке кризиса в 2011 году;
— все годы фактически продолжалась политика по ограничению кредитования отечественного товаропроизводителя, который был вынужден брать более дешевые зарубежные кредиты;
— не оказывалось реальной поддержки двум приоритетным секторам экономики — малому бизнесу и наукоемким предприятиям, которые фактически находились под прессом монополистов и государства;
— в социальной области многочисленные декларации заканчивались в итоге косметическими изменениями. Это привело к абсурдной ситуации, когда Всемирный банк (который всегда критикует национальные правительства за излишек социальных программ) признал, что «Россия выделяется среди стран „Большой двадцатки“ антисоциальной политикой»[98]. По словам директора ВБ по России Клауса Роланда, проект антикризисной программы правительства следует дополнить пакетом социальных мер стоимостью в 1% ВВП. При этом, по оценке ВБ, российский бюджет может позволить себе дополнительные расходы по поддержке самых бедных слоев населения. Предлагаемый России социальный пакет ВБ предусматривает повышение детских пособий на 220%, пособий по безработице — на 70% и повышение на 20% минимальных пенсий, которые фактически получают сегодня около 30% пенсионеров. «Предлагаемые социальные выплаты наверняка не попадут на валютный рынок, но поддержат внутренний спрос, что важно для выхода экономики из кризиса», — отмечает Ж. Богетич. По его словам, разумно сократить другие, менее эффективные расходы в пользу предлагаемого социального пакета, который поможет примерно 4,1 млн человек преодолеть официальную черту бедности.

Все эти недостатки сопровождались продолжением роста дикой социальной несправедливостью и кризисом доверия к власти, который особенно усилился в 2011 году.

Реакция власти всегда была запоздалой. Так, Д. Медведев в феврале 2009 г. потребовал от правительства представить обществу **внятную антикризисную стратегию**. (В этой связи возникает вопрос, а какова была если не стратегия, то логика антикризисных мер более полугода?) Что и было сделано лишь в конце марта 2009 г. Комментировать целиком документ вряд ли возможно: он достаточно объемен, конкретен и концептуален. Но на некоторых моментах остановиться, безусловно, нужно.

Первое. В отличие от антикризисных мер правительства осени 2008 года, предложенный документ уже может претендовать на название «стратегия» хотя бы потому, что в нем обозначена главная цель и приоритеты. Можно, конечно же, поспорить об их значимости, но они есть. Более того **порядок** расположения этих семи приоритетов обращает на себя внимание. Он имеет знаковое значение. Впервые за многие годы социальный приоритет занял подобающее ему первое место, а сохранение макроэкономической стабильности («священная корова» всех последних лет) — последнее, седьмое.

Более того, не случайно, что практически одновременно с антикризисной стратегией был обнародован новый вариант концепции национальной безопасности и документ о стратегическом планировании. Их давно ждали, ибо любая частная (антикризисная, социальная и пр.) стратегия должна вытекать из более общей и долгосрочной, а не наоборот. Новый вариант Концепции национальной безопасности должен был бы появиться до «Концепции–2020», иметь по отношению к ней более общий характер. Как я писал неоднократно в предыдущих работах, нельзя при формировании концепции развития идти от частного к общему.

Второе. Документ декларировался как общенациональный, а не ведомственно-минфиновский характер, обращен ко всем политическим силам и всему обществу. И это очень правильно, потому что с кризисом бороться только финансовыми средствами и банками бесполезно. Нужна консолидация общества, элиты, ресурсов. Нужна мобилизация, более эффективное использование всех возможностей нации. К сожалению, этого не произошло: острая фаза кризиса закончилась и надобность в консолидации отпала.

Третье. Кризис, как известно, когда-нибудь пройдет. Поэтому принципиально важно уже сегодня понимать, какой страна должна стать после кризиса. В частности, как изменить структуру экономики, избавившись хотя бы частично от сырьевой зависимости. Практически это означало необходимость «вписать» антикризисную стратегию в долгосрочную концепцию социально-экономического развития (Концепцию–2020). Этого не произошло, хотя заявлений было предостаточно.

Четвертое. Правильно признать открыто, что в условиях кризиса резко возрастает роль государства. Не надо ни бояться этого (все государства это уже признают), ни устраивать по этому поводу ненужных дискуссий. На самом деле в 2010–2011 годы произошло обратное. Радикально-либеральное крыло усилило нападки на государство и его институты, вменяя им в вину все последствия кризиса и провала модернизации[99].

Наконец, **пятое.** Правильно, что признали социальные приоритеты, ценность человека, а не абстрактные макроэкономические показатели. Хотя на пресловутом «развитом Западе» это было сделано **уже в самом начале кризиса**, а еще точнее, **до** кризиса. Заявление Всемирного банка 31 марта 2009 года о том, что «Россия — антисоциальное государство», стоит многого, как и признания ведущих западных экспертов о проводимой антисоциальной политике в России «Россия бесчеловечно обращается со своими стариками, — возмущается геронтолог Эдуард Карюхин, руководитель фонда „Доброе дело“, одной из немногих российских ассоциаций, помогающих пожилым людям. — Стариков де-факто считают никчемной обузой. В России уйти на пенсию значит сократить свой доход в пять раз. И наши старики становятся бедняками. Зачастую они вынуждены продолжать работать, хотя с возрастом им становится все труднее трудоустроиться». И это большая проблема России, которую либералы хотят обострить, навязывая увеличение срока выхода на пенсию. «Вбросы» этой идеи под предлогом нехватки средств в 2011 году не дают ответа на простой вопрос: почему излишки валюты нельзя аккумулировать на счету Пенсионного фонда (которые на Западе являются крупнейшими инвесторами) и инвестировать в отечественную экономику?

Сегодня пенсионеры продолжают работать до 70 лет и даже дольше. Они работают сторожами, уборщицами, няньками, продавцами, вахтерами или шоферами. Сил у них остается все меньше, и они понимают, что, когда они больше не смогут работать, их ждет нищета. «Работа является превентивным фактором против суицидов, — уверяет профессор Владимир Войцех. — Пока люди работают, у них есть статус, они должны заботиться о своем внешнем виде, у них есть цель в жизни. Риск самоубийств возрастает, когда человек теряет работу и остается в одиночестве своей квартиры. Он утрачивает социальные связи и может погрузиться в депрессию»[100]. И действительно, смертность и число самоубийств среди пенсионеров в несколько раз превышают показатели развитых стран.

Поэтому запоздалое признание социального приоритета в условиях кризиса означает, что именно в период кризиса пришлось исправлять ошибки «тучных лет».

Теперь собственно о приоритетах. Их, как известно, семь.

На первом месте (по порядку и значению) стоит социальный приоритет. Что абсолютно правильно, хотя еще недавно на этом месте наверняка находилась бы пресловутая «макроэкономическая стабильность». И это лучшее свидетельство долгожданного поворота в менталитете власти, поворота от макроэкономических показателей к человеческому капиталу. В тексте документа он сформулирован так: «Публичные обязательства государства перед населением будут выполняться в полном объеме. Гражданам и семьям, наиболее пострадавшим в период мирового экономического кризиса, будет оказана поддержка. Это предполагает усиление социальной защиты населения, повышение объемов и качества оказания социальных и медицинских услуг, улучшение ситуации с лекарственным обеспечением, особенно жизненно важными препаратами. Будут расширены масштабы деятельности государства в сфере занятости, противодействия росту безработицы, развития программ переобучения и переподготовки работников, находящихся под риском увольнения».

Второй приоритет — принципиальное решение власти о действиях в области промышленной политики в условиях кризиса: сохранение и развитие перспективных, наукоемких отраслей (потенциала роста) и отказ от искусственной поддержки отживших и устаревших отраслей народного хозяйства. Понятно, что в реальности это сделать будет невозможно, но хорошо уже то, что такой приоритет заявлен. В тексте этот приоритет вполне категоричен: «Промышленный и технологический потенциал будущего роста должен быть сохранен и усилен. Правительство не будет вкладывать деньги налогоплательщиков в сохранение неэффективных производств. В то же время предприятия, повысившие в последние годы свою эффективность, инвестировавшие в развитие производства и создание новой продукции, повысившие производительность труда, вправе рассчитывать на содействие государства в решении наиболее острых проблем, вызванных кризисом».

Если говорить коротко, то власть декларировала отказ от поддержки неэффективных отраслей и заявила о своей готовности поддерживать в условиях кризиса наукоемкие отрасли.

К сожалению, подобные декларации, звучавшие и прежде, реальными действиями не подкреплялись. В результате российская экономика оказалась наименее восприимчива к инновациям. Не было условий и не было стимулов, а как следствие, лишь 5%

промышленных предприятий могли заявить о том, что в 2008 году они использовали инновации. Как справедливо заметил А. Карачинский, «сегодня основной вопрос не в том, какой инновационный путь выбрать. Надо наконец-то купить билет. Прекратить твердить об инновациях, а **создать условия, чтобы они стали выгодны.** Ведь пока ими занимаются не благодаря, а вопреки»[101].

Третий приоритет — стимулирование **внутреннего спроса**. Во времена кризиса — со стороны государства, а позже — со стороны граждан. И это правильно хотя бы потому, что внутренний спрос всегда являлся основным стимулом развития в противовес спросу внешнему, на который так уповали наши финансовые власти в «тучные годы». Так определенно в документе это прозвучало впервые. «Основой посткризисного восстановления и последующего поступательного развития должен стать внутренний спрос. Ослабление зависимости экономического роста от внешних факторов, максимально эффективное задействование внутренних ресурсов будут ключевыми задачами правительства в ближайшие годы. В условиях кризиса важную роль будет играть внутренний спрос со стороны государства (госинвестиции и госзакупки), но по мере стабилизации ситуации частный спрос (спрос на жилье, потребительские товары отечественного производства и услуги) будет играть все большую роль, и правительство предпримет все необходимые меры к его наращиванию». Но и здесь, к сожалению, в 2008–2011 годы было сделано мало. Более того, если говорить о реальных доходах населения, то приходится признать, что они за эти годы сократились. Номинальный рост съедался ростом инфляции и безудержным ростом тарифов монополий. Реальная политика финансовых властей коренным образом, принципиально, отличалась от политических заявлений Д. Медведева и В. Путина. Вновь подтвердилась мысль Г. Киссинджера о том, что «пропасть между миром экономики и миром политики представляет собой ахиллесову пяту всего процесса глобализации»[102]. И эта пропасть кажется в России особенно непреодолимой.

В 2009–2011 годы вновь прозвучал старый спор о том, на какие собственно инновации мы должны опираться — собственные или зарубежные. Примечательна в этом плане дискуссия, которая состоялась еще в конце марта 2009 года между ярким сторонником «заимствований» и сторонником развития отечественного потенциала М. Ковальчуком[103]. Так, открывая конференцию, глава Минобрнауки А. Фурсенко обозначил тему дискуссии: какой путь развития выбрать России — заниматься инновациями в сырьевом секторе или в сфере массового потребления? Первым откликнулся ректор Московского института стали и сплавов **Дмитрий Ливанов**, который заявил, что единственный наш путь — заимствование технологий на Западе. Аргументы? Все, что предлагается отечественными специалистами, разработано во времена СССР и безнадежно устарело. Наша наука архаична и, несмотря на рост вложений, все дальше отстает от зарубежной. К примеру, она не выдерживает сравнения даже с Канадой, которая тратит на науку вдвое меньше, но имеет в разы больше публикаций и отдачи от экспорта высоких технологий.

С ним не согласился директор РНЦ «Курчатовский институт» член-корреспондент РАН Михаил Ковальчук. По его мнению, нам вовсе не требуется догонять Запад в традиционных технологиях. Сегодня мир стоит на распутье. Он должен либо срочно сокращать потребление ресурсов — иначе просто погибнет, либо переходить на принципиально новый технологический уклад, основанный на нано-, био- и информационных технологиях. И у России здесь есть шанс, так как благополучным странам, где все устоялось, трудней решиться на кардинальные изменения, чем нам.

Таким образом, получил толчок старый спор — на этот раз уже в условиях кризиса — разрабатывать и внедрять свои инновации или чужие, свои идеи, либо не свои. Хотя кризис, казалось бы, самое удобное время не спорить на эту тему, а максимально эффективно внедрять имеющиеся разработки и создавать принципиально новые. Здесь хотелось бы еще раз повторить мысль, которую я часто повторяю с начала 2000-х годов: « в эпоху глобализации этические и нравственные проблемы выходят на первый план наравне с проблемами социальными и техническими»[104]. В этих условиях опираться на чужие технологии, научные школы означает в конечном счете **перенос чужих норм и ценностей,** утерю национальной идентичности. И, понятное дело, такая стратегия внешних заимствований наносит серьезный удар по отечественному креативному классу, который становится объективно не нужен правящей элите. К сожалению, практические действия власти в 2010–2011 годах подтверждают именно этот вывод. Так, в «новой» инновационной стратегии, разработанной МЭРом в середине 2011 года, вновь делаются акценты на коммерциализации науке, оценке ее эффективности по числу зарубежных публикаций и т.д.[105]

Примечательно и другое: именно такая логика звучала в приоритете № 4: «Кризис — не повод отказаться от долгосрочных приоритетов модернизации страны. Такая работа будет активизирована и ускорена. Главная модернизационная задача Правительства — смена сложившейся модели экономического роста. Вместо „нефтяного“ роста мы должны перейти к инновационному. Будут поддержаны важнейшие инновационные процессы, включая повышение энергоэффективности экономики. Инвестиции в человеческий капитал — образование и здравоохранение — будут ключевым приоритетом бюджетных расходов. Запланированные инфраструктурные объекты, необходимые для повышения эффективности экономики, также должны быть построены, но за меньшие средства»[106].

Строго говоря, не случайно приоритеты № 3 и № 4 связаны между собой и именно в такой последовательности: внутренний спрос должен развиваться за счет инноваций (за счет государства и граждан), а те должны быть изначально частью стратегии антикризисного развития и стратегии опережающего социально-экономического развития.

Четвертый приоритет — «вписывание» антикризисных действий в стратегию долгосрочной модернизации страны, прежде всего инвестиции в человеческий капитал. Это очень важный приоритет, который позволяет строго выдерживать курс на модернизацию и в условиях кризиса, не «потеряться» в тактических, антикризисных мерах. Этот приоритет, как оказалось, в последствии «забыли». Реальные инвестиции в человеческий капитал в 2009–2011 годы были заморожены, а кое-где и сокращены. Более того, не всегда умные административные меры в науке, культуре и образовании лишь ухудшали их положение. Сокращение реального финансирования и административное вмешательство (как сказал в марте 2011 года покойный пианист Н. Петров бездарей и непрофессионалов») делали в эти годы ситуацию все хуже и хуже.

Пятый приоритет — снятие административного давления с «ответственного бизнеса». Идея, конечно же, не новая. Сколько идут реформы, столько о ней и говорят. Но в условиях кризиса единственно, чем, может быть, и поможет государство бизнесу — даст ему возможность сохраниться, что не задушит его окончательно. Примечательно, что именно к этому подталкивают государство некоторые чиновники, да и финансисты.

Шестой приоритет — традиционно выделяющий важность финансово-банковской системы. О нем можно было бы и не говорить, если бы ни два «но» в новой редакции этого приоритета: нормализация кредитной политики и скорость принятия решений в финансово-банковской сфере. И первое, и второе находятся сегодня на уровне, который не выдерживает никакой критики, просто катастрофичном. И если правительству удастся добиться когда-нибудь реанимации кредитной политики и ускорения решений, то одно это уже можно оценить как громадный антикризисный успех. К 2011 году так и не удалось. И главная причина тому — действия финансового блока

Наконец, седьмой приоритет — любимая нашими властями традиционная макроэкономическая стабильность. Комментировать здесь нечего, хотя уже то, что с первого места в системе приоритетов она передвинута на седьмое, — приятно. Действительно, смена макроэкономического приоритета на социальный — важный шаг в ментальности правительства, но пока что (в 2011 году), это скорее политическая риторика.

Подытоживая, можно сказать, что впервые за время кризиса мы увидели некую **антикризисную стратегию правительства,** имеющую общенациональный характер. Со всеми ее недостатками, среди которых важнейший — декларативность. Та критика, которой подвергалась власть, видимо, была учтена. Но, главное, в этой антикризисной стратегии можно было увидеть очертания современной и рациональной стратегии развития экономики, общества и государства. К сожалению, эта стратегия так и не была реализована. Даже частично, хотя попытка и зачтена.

Это антикризисная стратегия правящей элиты в действительности продолжила процессы деградации отечественной науки, культуры и образования. Вина за это прямо лежит на финансово-экономическом блоке правящей элиты и на их стремлении во что бы то ни стало (даже вопреки национальным интересам) сохранить либеральную традицию в качестве идеологии правящей элиты страны.

---

1 *Рыбас С.* Столыпин, Сталин, Путин — этот процесс един. 1 сентября 2008 г. URL:http://www.viperson.ru

2 *Григорьев Л.* Выступление 9 апреля 2011 года на ассамблее СВОП в пансионате «Лесные дали».

3 Не сгореть на работе // Ведомости. 2011. 29 апреля. С. 1.

4 *Свинаренко И.* // Известия. 2011. 29 апреля. С. 6.

5 *Подберезкин А. И., Гебеков М. П.* Россия: человеческий капитал и развитие человека в региональном измерении // Вестник МГИМО(У). 2011. № 3 (18). С. 38.

6 *Григорьев Л.* Российские элиты в поисках почвы. URL:http://www.opec.ru/1353088.html. Дата обращения 13.04.2011.

7 См., подробнее: *Клинова М. В.* Государство и частный капитал: от теории к практике взаимодействия в европейских странах. М.: Магистр, 2011. С. 19–23.

8 *Торкунов А. В.* Школа российской идентичности // Независимая газета. 2008.

9 **Эффективность госуправления** — *зд.* можно признать справедливым определение, данное О. Гаман-Голутвиной, как отношение чисто положительных результатов (превышение желательных последствий над нежелательными) и допустимых затрат как увеличения отдачи на единицу ресурса в единицу времени. См. подробнее: Гаман-Голутвина О. В. Система государственного управления РФ как инструмент антикризисной политики: оценка эффективности // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. статей / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: РОСПЭН, 2011. С. 226.

10 *Письменная Е.* Путину укажут на недостатки // Ведомости. 2011. 29 марта. С. 1.

11 Я об этом подробно писал в работе «Приоритетные национальные проекты — идеология в будущее». М.: Европа, 2007.

12 «Правящий класс» («политический класс»), верховная власть, правящая и управляющие элиты хорошо представлены на портале http://www.viperson.ru, где собрана информация о более 54 тысяч представителях политического класса страны, раздельного по отдельным стратам.

[13] *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты в России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. С. 348.

[14] *Афанасьев М. Н.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.: 1996. С. 170.

[15] Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект. М.: Экон-информ, 2011. С. 13.

[16] Речь, видимо, идет не только о тех, кого удалось собрать и систематизировать на портале http://www.viperson.ru, но и о множестве влиятельных чиновников и бизнесменов, избегающих публичности, однако обладающих большим административным и финансовым ресурсом.

[17] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. С. 141–143.

[18] См. подробнее: *Хрусталёв М. А.* Методология прикладного политического анализа. М.: Проспект, 2010. С. 48.

[19] Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. С. 156.

[20] *Пеньков В. Ф.* О политических технологиях и социальной базе политических партий в России // Мир и политика. 2010. Июнь. № 6 (45). С. 21.

[21] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. 2009. 12 мая.

[22] *Шубин А. В.* Отплыть от «Титаника» к креативным кибуцам. URL:http://www.strf.ru. Дата обращения 29 января 2009 г.

[23] *Тренин Д.* Новая газета. 2009. 3 марта.

[24] *Григорьев Л.* Российские элиты в поисках почвы. URL:http://www.viperson.ru (www.opec.ru). Дата обращения 13.04.2011.

[25] *Григорьев Л.* Российские элиты в поисках почвы. 13 апреля 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru

[26] Составили Александр Гено и Томич. Павел I. Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр. — С.-Петербург. Синодальная типография, 1901. С. 231.

[27] *Колеров М.* Интеллектуалы, инфраструктура знаний и Пол Пот // Русский журнал. 12 июля 2010 г. URL:http://www.russ.ru/pole/

[28] *Подберезкин А. И., Гебеков М. П.* Россия: человеческий капитал и развитие человека в региональном измерении // Вестник МГИМО(У). 2011. № 3 (18). С. 38.

[29] *Гаман-Голутвина О.* Системы государственного управления РФ как инструмент антикризисной политики: оценка эффективности // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. статей / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: РОСПЭН, 2011. С. 225.

[30] Напомню именно в этой связи, что человеческий капитал — этот тот запас знаний, умений, навыков и прочих качеств человека, которые могут быть продуктивно использованы для создания прибыли, составляющей доход как отдельных людей, так и общества в целом. Эти способности человека к производительному труду могут формироваться или приобретаться путем сочетания врожденных свойств индивида с образованием, миграцией, охраной его здоровья и питанием. Согласно теории человеческого капитала, разработанной в начала 1960-х гг. американскими экономистами Теодором Шульцем, Гэри Беккером и Джейкобом Минсером, вложение средств в человека осуществляется в целях повышения его способности зарабатывать в будущем. Создатели этой теории считают все затраты на такую деятельность, как образование, профессиональное обучение и миграция, **вложением в благосостояние общества**. Таким образом, общее богатство нации представляет собой сочетание человеческого и материального капиталов (см.: URL:http://dps.smrtic.ru).

[31] В свое время, в 2007 году, я писал о необходимости смены алгоритма развития, который годился для периода стабилизации 2000–2007 годов, но стал абсолютно не пригодным. Россия должна была бы стать «другой страной», но так и не стала. «К 2005–2006 годам сложились базовые… предпосылки для дальнейшей корреляции политического курса страны». См., Приоритеные национальные проекты — идеология прорыва в будущее. М.: Европа, 2007. С. 17.

[32] Как справляются с кризисом? ВЦИОМ, 2010. Февраль. С. 16.

[33] *Примаков Е.* «Арабская весна» и теория столкновения цивилизаций // Российская газета. 2011. 27 июля. С. 6.

[34] *Гаман-Голутвина О.* Системы государственного управления РФ как инструмент антикризисной политики: оценка эффективности // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. статей / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: РОСПЭН, 2011. С. 228.

[35] ВЦИОМ. База данных. [Эл. ресурс]. URL:http://www.wciom.ru/fileadmin/image/baza/proekt/index/ Index_mat.jpg

[36] По мнению К. Маркса, неадекватность, «ложность» или «иллюзорность» идеологии является в конечном счете, следствием «ограниченности» «материальной деятельности» людей и их «общественных отношений». Цит. по: *Славин Б.* Идеология возвращается. Орехово-Зуево, 2010. С. 18.

[37] «Эффект домино» затронул в 2010–2011 годах не только арабские страны, но и Европу: Грецию, Португалию, Италию, Испанию и, возможно, другие страны.

[38] *Федоров В.* Трудное дело // Российская газета. 2011. 4 апреля. С. 8.

[39] Не смотря на рост ВВП в 2011 году говорить о выходе России из кризиса еще рано: основные кризисные черты охраняются.

[40] *Никифоров О.* Заложники «революций» // Независимая газета. 2011. 4 августа. С. 3.

[41] «Офисный планктон» — публицистическое клише, неологизм, используемый для обозначения широкой категории офисных служащих. Обычно «офисный планктон» определяют как массу мелких служащих офисных работников низшего звена, которые не имеют подчиненных и никем не руководят (см. www.gramota.ru/spravka).

[42] Наука России в цифрах: 2010. Стаб. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 50.

[43] *Радзиховский Л.* Бизнес прогрессоров // Российская газета. 2011. 26июля.

[44] *Сурков В.* Динамичное развитие России невозможно без новых эффективных людей. 10 сентября 2008 г. URL:http://www.viperson.ru

[45] *Хрусталёв М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: МГИМО(У), 2008. С. 227.

[46] *Торкунов А.* Школа российской идентичности: (история международных отношений и состояние современного исторического образования) // Независимая газета. 2009. 14 октября.

[47] *Никифоров О.* Синдром Брейвика // Независимая газета. 2011. 27 июля. С. 2.

[48] *Хохлов А.* Миф «интеллектуального класса» против опыта евродемократии // Русский журнал. 2010. 12 июля.

[49] Креативность. URL:http://www.wikipedia.org

[50] *Попов Г.* Три войны Сталина. М.: Агентство «КРПА Олимп», 2005. С. 24.

[51] *Карпец В.* Политическая элита новой России. 28 января 2009 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.pravaya.ru

[52] *Бощенко И.* Кризис демократии — кризис элиты. [Эл. ресурс]. URL:http://neuroquad.ru/book

[53] *Окара А. Н.* Креативный класс как партнер государства. 22 декабря 2009 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.ng.ru/scenario/

[54] URL:http://psy.kemcity.ru/vocab

[55] *Ермаченков И.* URL:http://www.finam/analysis/forecost. 10 марта 2010 г.

[56] *Шубин А. В.* Отплыть от «Титаника» к креативным кибуцам. 29 января 2009 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.stef.ru

[57] *Хамраев В.* Единороссы ищут таланты // Коммерсант. 2008. 3 сентября. С. 3.

[58] *Саква Р.* Путин: выбор России / пер. с англ. В. Львова и др. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 121.

[59] *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты в России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.

[60] *Афанасьев М. И.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.: Институт практической психологии, 1996. С. 171.

[61] *Подберезкин А. И., Гебеков М. П.* Россия: человеческий капитал и развитие человека в региональном измерении // Вестник МГИМО(У). 2011. № 3 (18). С. 38.

[62] *Куйбида А., Чеберко И.* «Эффективная наука» стала главой Стратегии // Известия. 2011. 29 июля. С. 5.

[63] URL:http://www.newcode.ru/doku.php/creativity

[64] *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития. М.: Феникс+, 2006. С. 392.

[65] *Грицюк М.* Спрос замучил // Российская газета. 2011. 2 августа. С. 5.

[66] *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 259.

[67] В.Сурков назвал главное богатство страны // Дни.ру. 3 сентября 2008 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.dni.ru

[68] *Подберезкин А.* Мы не работали под президента // Независимая газета. 2008. 10 июля. С. 4.

[69] *Ершов Е.* Академики предложили Путину ввести прогрессивный подоходный налог // Известия. 2011. 2 августа. С. 1.

[70] Так, например, без согласия сената США американский президент не может назначить даже посла в небольшую страну.

[71] См., подробнее: Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект. ИНСОР. М.: Экон-информ, 2011.

[72] *Гаман-Голутвина О. В.* Система государственного управлений РФ как инструменты кризисной политики: оценка эффективности // Элиты и общество в сравнительном измерении. М.: РОСПЭН, 2011. С. 229.

[73] Перечень поручений президента России по итогам совещания по формированию резерва управленческих кадров 23 июля 2008 г. 1 августа 2008 г. URL:http://kremlin.ru, kadry

[74] *Бовт Г.* Наше все. Мантра. 3 марта 2008 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.gazeta.ru

[75] Выступление Л. Григорьева на ассамблее СВОП 9 апреля 2011 года. Пансионат «Лесные дали».

[76] Так, в августе 2011 года я получил очередное (третье) приглашение выступить экспертом в мониторинге от группы ЦИРКОН, целью исследования которого заявлялась политическая напряженность в России.

[77] Президентская кампания по-русски // Независимая газета. 2011. 29 марта. С. 2.

[78] *Подберезкин А. И., Гебеков М. П.* Россия: человеческий капитал и развитие человека в региональном измерении // Вестник МГИМО(У). 2011. № 3 (18). С. 40.

[79] *Подберезкин А. И.* Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У), 2011. №2 (17). С. 7.

[80] *Ершов Е.* Академики предложили Путину ввести прогрессивный подоходный налог // Известия. 2011. 2 августа. С. 1.

[81] *Бовт Г.* Наше все. Мантра. 3 марта 2008 г. URL:http://www.gazeta.ru

[82] *Проханов А.* Второе преображение Путина // Завтра. 2009. 25 февраля. С. 1.

[83] *Бахтияров О.Г.* Заря диктатуры креативного класса [Эл. ресурс]. URL:http://strateger.net/Zarja_ diktaturi_kreativnogo_kiass

[84] *Дугин А.* Часы для шпионов бьют полночь // Евразия. 4 сентября 2008 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.evrazia.ru

[85] Там же.

[86] *Усков Н.* Кризис цинизма // Независимая газета. 2009. 27 февраля.

[87] *Бадовский Д.* Вертикаль власти времен упадка стабильности // Независимая газета. 2007. 23 марта. С. 11.

[88] *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 261.

[89] *Славин Б.* Идеология возвращается. М. 2010. С. 647.

[90] *Евграфова Е.* Среда, подходящая для инноватора // Harvard Business Review. 2010. Июнь–июль. С. 12.

[91] Наука России в цифрах: 2010. Стаб. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 85.

[92] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат. 2010. С. 764.

[93] *Емельянов С. А.* Альтернативность социально-экономического развития и социалистическая модернизация России // Философия и общество. 2008. Апрель–июнь. № 2. С. 112.

[94] *Клоудова Й.* Влияние развития креативной экономики на экономически отсталые регионы // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 5. С. 116.

[95] *Окара А. Н.* Креативный класс как партнер государства. 22 декабря 2008 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.ng.scenario

[96] Ситуацию не исправила и разработанная МЭРом к концу 2010 года программа «Инновационная Россия–2020». См.: Инновационная Россия–2020 (Стратегия инновационного развития России на период до 2020 года). М.: МЭР, 2010.

[97] *Чубаха И.* Удобрения запахли патриотизмом. 1 октября 2008 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.rosbalt.ru

[98] *Сергеев М.* Россия не вписывается в «большую двадцатку» // Независимая газета. 2009. 31 марта.

[99] См., например: Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект. М.: ИНСОР, Экон-информ, 2011.

[100] *Мийо Л.* Российские пенсии с летальным исходом. 19 марта 2009 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.inosmi

[101] *Медведев Ю.* Выигрыш уже давно ждет // Российская газета. 2009. 27 марта.

[102] *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2002. С. 83.

[103] *Медведев Ю.* Выигрыш уже давно ждет // Российская газета. 2009. 27 марта. С. 1.

[104] *Подберезкин А., Абакумов С.* Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004. С. 100.

[105] *Куйбида А., Чеберко И.* «Эффективная наука» стала главой Стратегии // Известия. 2011. 29 июля. С. 5.

[106] Первоочередные меры Правительства. 24 марта 2009 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.premier.gov.ru

Глава 5

Выборы, демократия и креативный класс

Мы должны начать революцию в социальной науке[1].
И. Чубайс

Период освоения и популяризации западного знания — время «догоняющего интеллектуального развития в российских общественных науках» — закончился[2].
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

В 2000-е, и особенно в 2010–2011 годы проблема развития демократии, демократических выборов всегда находилась в центре внимания власти и оппозиции. Иногда искусственного и преувеличенного. Но всегда по-разному. Строительство «вертикали» власти, начатое с приходом В. Путина, в стране, которая фактически стояла на грани распада, не прекращалась все эти годы. В т.е. и при Д. Медведеве. Как не прекращался и процесс реформирования политической системы вообще и избирательной, в частности. Точнее — приспособление этой системы к потребностям правящей элиты. Это приспособление в конечном счете оказалось настолько удачным, что демократия практически исчезла, оказавшись замененной созданной В. Сурковым политическим режимом, существующим по формально демократическим правилам. Именно эта тема вдруг «всплыла» накануне выборов 2011–2012 годов.

Лично я полагаю, что для этого времени такое изобретение было неплохо. Даже — обязательно. В противном случае «демократические выкидыши» 1990-х годов, которыми успешно управляли новые собственники, окончательно разбазарили бы остатки национального богатства и суверенитета. Плохо же то, что у этой системы В. Суркова не было двух важнейших компонентов:

— **во-первых**, идеологии как принятой (хотя бы в рамках узкой части правящей элиты) системы взглядов на цели и способы развития нации;
— **во-вторых**, пространства для креативного класса, который, как и прежде, оказывался нужным власти в редких случаях, но в основном оставался брошенным на произвол судьбы и политически, и экономически.

Поэтому проблема деградации демократии в 2000–2011 годах важна не сама по себе, а только и исключительно относительно интересов нации, государства и его креативного класса, для чего демократические ценности не имеют абсолютного значения.

Взгляды Д. Медведева, по его собственному признанию, отличались от взглядов В. Путина на ту же цель — благосостояние общества — именно в методах решения этой задачи. Прежде всего, конечно, речь идет о демократизации или либерализации политической системы. И. Юргенс и ИНСОР выступили в дискуссии «пионерами» озвучивания взаимосвязи политической демократизации и модернизации[3].

Эта взаимосвязь оказалась настолько явной, что многие последователи и обозреватели стали называть ее «линейной»: «политическая демократизация = модернизация»[4]. Даже внутри правящей партии произошло разделение, как, впрочем, и внутри правящей

элиты, на «консерваторов-модернизаторов» и «прогрессистов-модернизаторов»[5].

В данном случае, однако, вопрос стоит более важный, а именно: как демократизация (либерализация) политической системы сказывается на положении и развитии креативного класса. И ответ здесь, на мой взгляд, не такой однозначный, как его представляют себе неолибералы из различных лагерей в России.

Итог господства либеральной идеологии, экономики и политической системы за последние 20 лет, на мой взгляд, крайне негативно сказался на состоянии и перспективах развития креативного класса. И количественно, и качественно этот класс в эти годы сокращался, а не развивался. Во всяком случае, российский опыт показывает, что политическая система, ее либерализация отнюдь не гарантируют развития креативного класса. Скорее наоборот.

На мой взгляд, большинство этих изменений, включая и изменение сроков полномочий Госдумы и президента, имело крайне незначительное значение. Хотя части общественности и либеральным СМИ эти процессы представлялись чрезвычайными. Из виду выпадали гораздо более значимые факторы, которые оставались в эти годы на периферии общественного внимания. И главный из них — вопрос о том, как создать такую избирательную систему, которая бы формировала эффективную политическую систему страны.

В свое время великий русский фантаст И. Ефремов говорил о том, что значение гуманитарных знаний в будущем будет определять динамику общественного развития, а ведущей наукой станет история. Вплоть до настоящего времени недоразвитость общественных наук в России и СССР в XIX и XX веках, их подмена привнесенной извне идеологией стала во многом первопричиной катастрофических последствий для России в XX веке. Отставание в общественных науках — это и в конечном счете отставание в управлении, в законодательстве, а в целом — в формировании норм и правил жизни. В итоге оказывается, что мы живем **вне** правил, **вне** норм, **вне** морали, ведь перепутанный конгломерат норм и правил означает их фактическое отсутствие. Как справедливо заметил И. Чубайс, «мы одновременно живем по российским и антироссийским, советским и антисоветским, западным и антизападным правилам, чем разрушаем всякие правила вообще»[6]. Это — следствие отказа от идеологии как системы взглядов.

Я полагаю, что как в формировании норм и правил жизни, так и в практической, ежедневной работе власти приоритет должен быть отдан обществоведам, историкам, а не специалистам-естественникам и юристам (которые могут лишь фиксировать в правовой форме уже фактически сложившиеся отношения), а тем более финансистам. Особенно в периоды кризисного развития. Как справедливо заметил А. Шубин, «к историкам, как правило, прислушиваются постфактум. И напрасно. Те, кто изучают прошлое, в том числе опыт протекания минувших кризисов, могут сориентировать, как справиться с нынешним. Найти решение только по линии экономических формул невозможно — они обнуляются на наших глазах»[7].

Это справедливо для кризиса 2008–2011 годов: именно недооценка общественных наук во многом обусловила неэффективные, а иногда и преступные решения, которые привели к возникновению крупных проблем в общественном развитии и геополитической катастрофе СССР. Неудачи и преступления 1990-х годов, трагедии и кризисы — вот **та цена, которая была заплачена обществом за отставание в общественных науках**. (Речь не идет, конечно, о пропаганде, которая нередко выдавалась за общественные научные знания).

И это при том, что именно в России имелся уникальный исторический опыт и фантастические — иначе и не скажешь! — достижения в мировоззренческих науках. Русская религиозная, философская и естественнонаучная мысль дала миру таких гениев, как И. Ильин и К. Циолковский, В. Вернадский и А. Чижевский. В том числе и основоположников русского социализма — А. Герцена, В. Плеханова.

К сожалению, достижения русских гуманитариев не нашли до сих пор справедливой оценки, а главное, остались на обочине идеологического и политического мейнстрима XX века. Будь по-другому, события в России и мире могли бы развиваться иначе, в том числе и в области государственного строительства, частью которого является формирование избирательной системы и демократической системы вообще.

В результате в России сложилась такая избирательная система, которая неизбежно воспроизводит **неэффективную политическую систему**, низкое качество государственного и местного самоуправления, препятствует развитию экономики и общественных институтов. И все попытки ее реформирования в последние десятилетия свидетельствуют лишь о том, что перед ней ставятся ложные задачи создания некой (суверенной, западно-либеральной, советской и т.д.) демократии, которая будто бы сама по себе представляет некую ценность. Проявилось это в массовом бегстве не только капиталов, но и «мозгов» за рубеж. Пример: создатель Гугла С. Брин, чье состояние сегодня превышает 15 млрд долл., а также те 80–120 тыс. профессионалов, которые ежегодно уезжают из России[8].

У проблемы «демократизации» режима есть очевидная сторона: сегодня демократизация рассматривается США и их союзниками как политический инструмент, в том числе по формированию удобной для США и их союзников международной среды. События на Ближнем Востоке и в Северной Африке 2011 года свидетельствовали об этом вполне отчетливо. Как заявил в интервью газете «The Washington Post» министр обороны США Роберт Гейтс, беспорядки выдвинули на первый план «межэтнические, межконфессиональные и межплеменные разногласия, которые долгие годы подавлялись» в этом регионе. Америка **подталкивает местных лидеров к демократическим переменам**, но

возникает вопрос о том, «сможет ли сохранить демократическая система государственного управления… единство этих стран в свете возникающих перегрузок». Намек понятен: существует опасность передела политической карты современного Ближнего Востока, который может начаться, скажем, с развала Ливии[9].

Такая опасность существует не только в Северной Африке, но и во всем мире, в т.ч. и в России. Этот аспект, безусловно, имеет негативное значение. Последние годы отчетливо видно, что чужие стандарты, в т.ч. демократии, чужие ценности и, как следствие, чуждые интересы пытаются сделать не только универсальными, но и навязать России. Именно в 2010–2011 годы США и страны Евросоюза стали «продавливать» свое понимание основных прав и свобод уже административно-политическими методами — составлять «список Магницкого», контролировать счета за рубежом и т.д. В этом направлении, например, ведется определенная работа, прежде всего, МИД РФ. Как отметил С. В. Лавров, «именно исходя из этих соображений стремимся выстраивать работу МИД на НПО-направлении. В последнее время здесь происходят качественные позитивные подвижки. Энергично и с конкретной отдачей стали функционировать такие созданные сравнительно недавно структуры, как Россотрудничество и Фонд „Русский мир“. На подходе — умножение их усилий по линии некоммерческого партнерства „Российский совет по международным делам“ (РСМД) и Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова, которые представляют собой первые в новой России механизмы государственно-общественного партнерства в области внешней политики.

Хотелось бы более подробно обозначить свое отношение к задачам и модальностям работы этих структур. По сути, мы вступили в этап, когда масштабность процессов становления полицентричной мировой системы требует обновления инструментов внешней политики. Создавая Совет и Фонд, мы не собирались „отбирать хлеб“ у кого бы то ни было. Это — системообразующие механизмы, предоставляющие „общую крышу“ для наших ведущих политологических структур и НПО в сфере международных отношений. За счет формирования РСМД и Фонда имени А. М. Горчакова надеемся переломить ситуацию, когда лишь отдельные НПО международного профиля получают гранты за счет бюджетных средств. Исходим из того, что реализация проектов и программ того же Совета будет осуществляться не только за счет ассигнований из государственного бюджета, но прежде всего — спонсорских поступлений. И, естественно, в повестке дня деятельности МИД, который выступает учредителем или соучредителем этих организаций, было и остается сопряжение их работы с текущими и долгосрочными внешнеполитическими интересами страны»[10].

Никакой самостоятельной ценности демократия сама по себе не представляет. Более того, неудачные демократии заканчивались фашизмом (как в Италии и Германии) и кризисами (как во Франции, Италии и многих других странах). Кризис 2008–2011 годов, на мой взгляд, демонстрирует, что как и в 30-х годах XX века либеральные демократии, их ценности и достижения будут вынуждены пересматривать свои ценности и приоритеты. Рост национализма и экстремизма в Европе, финансово-экономические и бюджетные проблемы, социальная напряженность (не только в Греции, Испании и Португалии, но и в Великобритании, Франции, других странах) заставят либеральные демократии пересмотреть свою идеологию и модель развития. Кризис показал, что они не идеальны, но удобны для правящих элит. Это «удобство» очевидно не подходит России, которая должна предложить не только себя, но и миру свою, национально-ориентированную идеологию и модель развития и свой взгляд на политическую систему. Как одни из варрантов — идеологию и практику русского социализма.

1. Идеализация демократии и «третья сила»

Какой бы безопасной ни казалась ядерная энергетика, катастрофы остаются возможными, и сравнение Чернобыля и Фукусимы показывает: с ними лучше справляются в авторитарных и идеологизированных обществах, чем в демократических рыночных экономиках[11].
В. Иноземцев

В глазах простого бывшего советского человека у Горбачева другой образ, чем на Западе, — это лидер, который принес разруху, голодные годы, непонятность, ликвидацию одного государства и появление нового, которое пока только формировалось, принес хаос[12].
И. Бунин

Вопросы формирования креативного класса, модернизации политической системы и появления новой идеологии в 2010–2011 годы оказались не просто тесно взаимосвязаны, но и в центре общественного внимания.

Все последние годы в России продолжалась «силовая идеализация» демократии как самостоятельной ценности. Для многих в российской элите эта ценность перевешивала весь негатив, совершенный М. Горбачевым и Б. Ельциным: потерянные

миллионы жизней, развал страны, экономическую разруху. Именно так рассуждал нередко в своих выступлениях Н. Сванидзе, Л. Млечин и многие другие публицисты. Дискуссия особенно обострилась в связи с 80-летием М. Горбачева в начале 2011 года, однако в действительности за ней стояли, конечно же, другие мотивы.

Споры о стратегии развития России, в конечном счете, о ее будущем вышли далеко за пределы намеченного обсуждения вопросов модернизации. В представлении части элиты, например И. Юргенса, «в 2011 году сложилось два лагеря в правящей элите — консерваторы (В. Путин) и либералы (Д. Медведев), — которые спорят о темпах и масштабах модернизации»[13].

В действительности, спорят не столько о темпах и масштабах модернизации, сколько о системе национальных ценностей, о будущей стратегии развития нации и государства, его политической системы, роли демократии и многом другом. В том числе, конечно, месте и роли креативного класса.

Не случайно в это же время Совет при Президенте по содействию развития гражданского общества внес предложение об учреждении общенациональной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении», в которой предлагались мероприятия (Закон о топонимике, запрещающий увековечение лиц, ответственных за массовые репрессии, создание современных курсов отечественной истории, поддержка соответствующих научных исследований и т.п.) по «десталинизации» страны и противодействию авторитаризму[14].

Этот спор внутри элиты имеет, безусловно, принципиальное значение, однако спорящие стороны забывают как-то о том, что в России есть и другая, третья, сторона, которая не представлена пока что в качестве «системной» политической силы, но которая активно заявила о себе в декабре 2010 года на Манежной площади в Москве и десятке других городов.

Эта третья сила крайне редко проявляется в центральных СМИ или на политических трибунах, она существует сама по себе, в своем измерении, со своими авторитетами, ресурсами (кстати, немалыми), ценностями и массовой общественной поддержкой. Тех, кто ее составляет, называют «националистами», даже «фашистами», однако они в полной мере не принадлежат ни к националистам или традиционалистам, ни тем более не принадлежат к фашистам. Это та часть нации, которая привержена национальной системе ценностей, кровно и искренне защищает свои национальные интересы, ценности, прежде всего православие.

Масштаб ее влияния, энергетику и ресурсы правящая элита явно недооценивает. Но именно эта третья сила будет в решающей степени влиять на будущее России. Не случайно все политические партии в 2011 году — от правых до левых — попытались заключить с ней так или иначе предвыборное соглашение.

Последние два десятилетия истории России были, как известно, периодом революционных изменений во всех областях, включая государственное строительство. И эта революция отнюдь не закончилась, хотя существование Конституции 1993 года показало, что некие общие правила, зафиксированные в Основном законе, могут сохраняться длительное время без изменений. Да и кто, кроме Г. Зюганова, определил «лимиты» на революции? Действительно, формально изменения были внесены лишь в последние годы. На мой взгляд, увеличение сроков пребывания у власти президента РФ и полномочий Госдумы не имеет принципиального значения, более того, какого-либо значения вообще.

По сути дела, вот уже почти 20 лет мы наблюдаем вопиющие противоречия между слепленным впопыхах под Б. Ельцина Основным законом и революционными — социальными, политическими и экономическими — изменениями, происходящими в стране. Как говорится, «строгость законов компенсируется их несоблюдением».

В самом деле, это долгожительство объясняется только тем, что закрепленные нормы и гарантии в Конституции никем вообще-то не соблюдались. Они были настолько размыты и доступны для широкого толкования, что по большому счету никого и ни к чему особенно не обязывали, даже в отношениях между главными институтами власти. И политические кампании либералов типа движения в защиту 31-й статьи Конституции это лишь подчеркивали.

Тем более конституционные и законодательные нормы не мешали формированию избирательной системы именно в той удобной форме, в которой это виделось в конкретный момент власти[15]. То есть избирательная система и демократия в современной России всегда служили власти, а не нации, государству и обществу. Выборы всех уровней каждый раз подтверждают правило: не так важно, как голосуют, важно, как считают. И как эти выборы организовывают. Если это так, а это безусловно, так, то демократическая процедура превратилась кое для кого в самоценность, хотя таковой она вовсе не является.

Искусственная идеализация демократии и политических систем, основанных на демократическо-либеральном принципе, стала одной из основных ошибок советской и российской научных школ и политических сил, которая усиленно внедряется и сегодня. В ее основе — заведомо некритическое отношение к тому ответу — политическому и научному, который существовал к концу XX века, а именно опыту западной либеральной демократии, «либеральной традиции». Причем опыту избирательному, надуманному. Никто, например, не вспоминал, как в новообразованной в 1905 году

Норвегии учредили монархию, доказывающую свою эффективность и дееспособность на протяжении уже более 100 лет. Напомню, что все последние годы эта страна занимает первые места по уровню ИРЧП. Вместе с тем глубокие демократические традиции страны не помешали фашистской выходке фанатика в июле 2011 года, унесший десятки жизней. Если в ней видеть только издержки демократической традиции, то это ничего не объяснит. А объяснять надо, ведь в Норвегии сегодня уже 25% населения эмигранты, которые продвигают свои системы ценностей.

Одно из глубочайших заблуждений в этом ряду — попытки перенести западную (неолиберальную) политическую модель и традицию на российскую почву, которые усилились после кризиса 2008–2010 года, хотя именно кризис показал ее ущербность. Такое же заблуждение и абсолютизация и идеализация самого понятия «демократия». Дискуссия о «суверенной демократии», начатая В. Сурковым и Д. Медведевым в 2006 году, — практический пример того, как власть и элита стали критически пересматривать западные, казавшиеся идеальными, политические модели. Но, к сожалению, остановились лишь на тезисе «суверенности», т.е. неуниверсальности демократических ценностей.

Этот спор фактически продолжается и по сей день. Между тем спорят не об универсализме демократии, а о выборе нацией пути развития — в русле западноевропейской «либеральной традиции», либо русской традиции — социокультурной, политической, в конечном счете, идеологической. Речь идет о выборе традиции, за которым стоит на самом деле выбор **политического курса**, что также отчетливо проявилось в противоречивой позиции Д. Медведева и В. Путина относительно событий в Ливии, выборе между суверенитетом и правом на гуманитарную интервенцию, выборе между развитием национальной самоидентификации и стиранием национальной специфики, «врастанием» в глобализацию, выборе, в конечном счете, между национальным путем развития и «универсальной» моделью либерального развития.

К сожалению, третий вариант — синтез традиционных российских ценностей и современных реалий[16] — упоминается редко, хотя именно он не только отражает национальные интересы России, но и является (с теми или иными оговорками и отклонениями) сегодня иным реальным политическим курсом. Как заметил еще в 2006 году академик А. Торкунов, «в России медленно, но несомненно складывается собственная национально-своеобразная модель демократии. Объективно, независимо от воли правителей или зарубежных советников она возникает из соединения двух разнородных оснований: (1) принципов классической западной демократии; (2) комплекса традиционных российских представлений о допустимых с точки зрения общественной морали соотношениях между свободой и порядком, вольностью и долгом, терпением и воздаянием, верностью и покровительством»[17].

Борьба двух лагерей элит в 2011 году на самом деле является попыткой повлиять на формирование этого третьего вектора в условиях необходимости ускоренной модернизации. Для меня же главный вопрос заключается в том, насколько в действительности демократические ценности важны для опережающего развития нации и **ее ведущего социального слоя — креативного класса**, в том числе и прежде всего тех его социальных групп, которые входят в состав «третьей силы». На мой взгляд, именно эта часть нации, сочетающая приверженность национальным интересам и ценностям, с одной стороны, и учитывающая современные реалии, более того, практически, без государства, даже вопреки ему, интегрированная в эти реалии, не растеряв своей идентичности, — с другой, станет главной движущей силой национального развития и модернизации.

В определенном смысле этот вывод противоречит «обязательным условиям» для креативного класса, которые сформулировал классик жанра Р. Флорида, в частности: «абсолютная толерантность» (в т.ч. и к секс-меньшинствам), противопоставление индивидуальной идентичности национальной и т.п.[18] Русская «третья сила» — это не бритоголовые дебилы и не безнравственные люди. Как правило, это воцерковленные, глубоко принципиальные и нравственные граждане, для которых соблюдение определенных норм и традиций, в том числе православных, является не ритуалом, а внутренней потребностью.

Вместе с тем эта часть креативного класса в полной мере соответствует другим признакам, сформулированным Р. Флоридой[19]:

— уровень образования;
— творческий подход;
— независимость от государства;
— высокая мобильность;
— финансовая самостоятельность;
— стремление объединиться в неформальные креативные сообщества;
— стремление к центрам творческой активности и т.д.

Принято считать априори, т.е. изначально и бездоказательно, что демократические выборы — один из самых эффективных социальных лифтов, которые способствуют выдвижению к управлению государством и обществом наиболее подготовленных профессионально и нравственно граждан. На практике, однако, демократические процедуры (особенно искаженные) продвигают наверх не столько лучших, сколько **удобных в данный конкретный момент правящей элите граждан**. Напомню, что А. Гитлер и Б. Муссолини были избраны в результате демократических процедур. В России 1990-х и 2000-х также больше примеров, когда выбирали далеко не самых

достойных политиков и управленцев, чем примеров «мудрости» демократии. «Новые формы политического общения, релевантные самосознанию креативного класса, предлагает модель делиберативной демократии. Delibarate — обдумывать, обсуждать, взвешивать, совещаться. Основу делиберативной демократии составляют дискурсивные практики, ориентированные на формирование „сведущего гражданина“, реально участвующего в принятии общественно важных решений.

Делиберативная демократия вносит в политику голос граждан — не тот, обезличенный, который определяется опросами и процедурами голосования, а индивидуальный, живой и действенный»[20].

Добавлю, что мой личный опыт участия во всех избирательных кампаниях 1990–2008 годов показывает, что, как правило, избираются не лучшие, а **худшие из существующих кандидатов**. Я бы назвал это даже «принципом российской избирательной системы». Отсюда во многом и абсолютное неприятие власти у общества. Особенно законодательной. Кстати, все соцопросы показывают, что популярность **назначаемой**; в т.ч. исполнительной власти, может доходить до 60%, а **избираемой** законодательной — редко превышает 30%.

Действительно, на моей памяти достойных победителей в избирательных кампаниях было мало. Но победителей, соответствующих критериям **профессионализма** и **креативности**, т.е. современным критериям эффективного управленца, — вообще единицы. Они оказывались случайными среди сотен тысяч (статистика и база данных www.viperson.ru за последние 18 лет позволяют говорить об этом уверенно) победивших кандидатов.

Получается, что избирательная система в России **отбирает худших из возможных кандидатов, чье качество человеческого капитала в целом ниже, чем качество всего общества**. Если допустить, что в российском обществе процент креативных личностей не превышает сегодня 10–15%, то среди депутатского корпуса этому критерию соответствует 1–2%! А в исполнительной власти — вообще доли процента!

Выборы по партийным спискам еще больше сузили круг таких людей, ведь главный критерий для попадания в список — это не творческий потенциал личности, ее профессионализм, нравственность, а выбор партийного начальника. Этот выбор зависит прежде всего от представления о лояльности, «управляемости», послушности кандидата, наличия у него материальных ресурсов, личной преданности и т.п. качеств, которые являются прямо противоположными, даже несовместимыми с креативностью.

Таким образом, созданная избирательная система практически **мультиплицирует низкое качество элиты, а не выполняет роль социального лифта для продвижения способных управленцев**. Но, боюсь, что любая избирательная (демократическая) система, даже самая совершенная, будет обладать такими же недостатками. Логика здесь проста. Лишь 20% граждан обладают знаниями, опытом и творческим подходом, т.е. качествами, которые они сами хотели бы видеть среди победивших на выборах кандидатов. Их — абсолютное меньшинство. И наоборот, абсолютное большинство — 80% — имеют свои, часто неверные представления (или не имеют их вообще) о качестве избираемого управленца. Они, естественно, выберут не лучшего (объективно), а близкого, понятного или выгодного им человека.

Абсолютное большинство граждан (просто 80%) не знают, чем одна партия отличается от другой, не знают лидеров, а тем более их политической программы и истории. Поэтому и выбирают «сердцем», т.е. тем, что осталось в голове после массированной избирательной кампании, как правило, навязанной до тошноты телевизионной картинкой.

Другой аспект — избирательные технологии, или PR. Грамотные политтехнологи и массированная кампания в СМИ могут навязать избирателю абсолютно любого кандидата — такова «магия» PR. Тем более, если у этого кандидата есть административный и информационный ресурс. В итоге получается, что избиратель, даже входящий в избранные, «знающие» 20%, может быть дезориентирован, даже обманут. Так, например, произошло с избранием Б. Ельцина, которого не раз навязывали избирателю. Никто в здравом уме не поверит, что его рейтинг мог вырасти с 3% в феврале до 40% в июне 1996 года. Обман, манипуляции, даже открытые преступления — вот единственное объяснение его победы в 1996 году!

Таким образом, «совершенствование» избирательной демократической системы, происходящее последнее десятилетие, не имеет смысла. Хотя именно эта цель в 2011 году ставится в качестве главного политического условия модернизации современными неолибералами, причем из обоих лагерей — «консервативного» и «прогрессивного». Нельзя совершенствовать то, что заведомо непригодно. Надо либо создавать заново демократическую избирательную систему, либо вообще отказываться от нее.

Вариант **создания новой избирательной системы** может быть реализован в интересах эффективности политической и экономической системы общества только через создание **института выборщиков**, т.е. отказ от прямых выборов. Это может быть сделано по-разному. Например, выбирают местных авторитетных граждан (которых давно знают, уважают и чьи выборы можно контролировать) на муниципальном уровне, а те, в свою очередь, выбирают остальных.

Вероятность того, что качество выборщиков будет выше качества избирателей, очень высока. Как правило, известно, кого из 100 живущих в районе человек можно считать уважаемым и компетентным гражданином. Возможность того, что общество (дом, деревня, поселок, улица) выберет недостойного —

невысока. Да и управлять таким человеком трудно: он, как правило, вполне независим, самостоятелен и дорожит общественным мнением. И — что важно — креативен.

Есть и другой вариант отказа от «демократической» избирательной системы — введение монархического или авторитарного режима, который не будет зависеть от демократических процедур и, как следствие, от всех их недостатков. На мой взгляд, в определенные исторические периоды монархизм и авторитаризм являются лучшими формами госуправления, в частности, когда стоит задача модернизации «сверху» — как при Петре I, Александре II, Иосифе Сталине, либо когда стоит задача ликвидации уродливых порождений общества, таких, например, как коррупция, международный терроризм.

Развернувшаяся в 2010–2011 годы в России борьба с авторитаризмом, «за идеалы демократии» на самом деле ничего общего с заявленными целями не имеет. Тоталитаризм, даже диктатура Б. Ельцина и олигархии в 1990-е годы рассматривается этими «борцами» как расцвет демократии. Хотя именно в эти годы была навязана Конституция, разворована собственность, расстрелян парламент, преждевременно умерли миллионы граждан и т.д. и т.п.

Теоретически есть и третий, «идеалистический» вариант реформирования избирательной системы. Он предполагает устранение всех принципиальных её недостатков — чрезмерное влияние СМИ и денег, воздействие власти, несовершенство избирательного законодательства, субъективность избирателей и т.д. Наверное, будь он реализован, такой проект и стал бы механизмом создания эффективной политической системы. Этот проект может быть реализован только тогда, когда в России закончится революционное брожение и сложится национально-ориентированная элита, а не квазиэлита, состоящая в основном из тех, кто хочет скорее заработать (украсть) в стране и убежать за рубеж.

Ясно одно, что принципиальный подход к выборам надо менять. И период в несколько десятилетий нас не устроит, ибо Россия просто не переживет этот срок с такой несовершенной политической и экономической системой. Повторю, это диагноз: мы и в сегодняшней России видим, что выборы приводят к власти **не лучших — профессионально, нравственно и креативно, — а наиболее богатых, конформистски настроенных, а нередко и криминальных кандидатов**. А главное, они не улучшают элиту и общество, не повышают эффективность управления страной, не пускают к власти креативные группы. Они лишь высасывают соки из нации.

Таким образом, нынешние и грядущие выборы — далеко не идеальная процедура, гарантирующая, что к управлению обществом и государством придут лучшие управленцы и нравственные люди. Совсем наоборот: в результате сложившейся избирательной системы (модернизации, как показала практика, — бесполезны) с каждым годом **качество национального человеческого, социального и политического капитала ухудшается**. Ухудшается и качество госуправления и эффективность политической системы. Как следствие — провал всех стратегий — от «Стратегии–2020» до «Инновационной–2020».

Основная часть населения (электората), составляющая абсолютное большинство, **в наименьшей степени способна адекватно оценить того или иного кандидата** или его программу. Да и побеждают у нас не программы, а телекартинки. Примеров — множество, а исключений — немного. Поэтому необходимы радикальные изменения избирательной системы, в основе которых должна находиться концепция повышения эффективности всей политической системы на всех уровнях, как и качество госуправления.

Понятно, что повышение эффективности госуправления невозможно без интеграции во властную элиту креативных групп населения. Креативный класс должен превратиться в политическую силу, и прежде всего та его часть, которая нравственно ориентирована на национальную систему ценностей.

Тем более не помогут идеи создания новой либеральной партии, которые оживились с началом 2011 года. «Если демонтаж вертикали не будет начат, легитимность „нормального парламента“ окажется очередной имитацией политического обновления. Его маргинализация в качестве площадки для серьезных общественно-политических инициатив и дискуссий будет продолжаться. Власть инвестирует свой политический капитал в продвижение правой партии, но вовлечь общество в длительную политическую игру по своим правилам ей не удастся. Общество ей не поверит»[21].

«Общество», которое не поверит власти, надо понимать, — та часть либералов, которая однозначно ориентируется на западные ценности, ценности не российские, не национальные, не модернизационные[22]. На сегодняшний день действует обратный механизм избирательной системы, который, на мой взгляд, не подлежит модернизации, тем более по западному образцу, на что особенно упирают либералы. Как бы мы ни декларировали приверженность «демократическим ценностям», ни пытались убедить в их универсальности, мы вынуждены будем в конечном счете отказаться от сложившегося механизма избирательной системы в пользу делегирования полномочий либо выборщикам, либо «начальству» — монарху, президенту. Для нас важно понять, что решение реальных проблем повышения эффективности госуправления значительно, жизненно важнее, чем приверженность абстрактным идеологическим ценностям демократии. В противном случае мы, как и 20 лет назад, заплатим за псевдоценности миллионами жизней и отсталостью.

2. Конституционная монархия в России — лучшая политическая система для креативного класса[23]

…Мы сегодня переживаем нисходящую ветвь эволюции,
своеобразный инволюционный период истории России и мира[24].
Б. Славин

Во власти должны быть хорошие профессионалы, а не «серые люди»[25].
Д. Медведев

К сожалению, процитированное пожелание Президента РФ остается всего лишь пожеланием. Избирательная и политическая системы всячески противятся тому, чтобы эти «серые люди» были вытеснены творческими личностями, обладающими высокой профессиональной подготовкой и нравственными качествами. Именно существующая система не позволяет обновиться и кадровому резерву, даже если этого и хочет высшее руководство. То есть **система** не дает себя реформировать в кадровом отношении. Налицо очевидный дефицит кадров, что признал, кстати, один из тех экспертов, который участвовал в отборе «президентской сотни». В результате, но его справедливому мнению, «стоимость кадров догнала Америку», а сам «рынок кадров немного прибили»[26].

Вместе с тем тот же С. Воробьев противоречит сам себе в одном и том же интервью. Сначала он говорит, что, «чем больше людей будет участвовать в системе работы с человеческим капиталом, тем лучше», а ниже — утверждает, что «не надо привлекать посторонних людей для набора балерин в Большой театр»[27]. И это противоречие не случайно. Это противоречие двух систем — демократической и авторитарной в подборе кадров.

На мой взгляд, кадровые вопросы всегда в России решались авторитарно, исключительно личностно. Такова традиция. Причем наиболее авторитарно при Б. Ельцине, который кадровые решения никому вообще не доверял (вспомним его обещание новому премьеру С. Кириенко назначать до уровня заместителя министра). Поэтому создавать псевдодемократические институты не просто неэффективно, но и вредно. Выборы председателей колхозов и директоров предприятий в период «перестройки» это лишний раз подтвердили. Масса избирателей, будучи, как правило, плохо информированной и непрофессиональной, вряд ли изберет толкового руководителя. Тем более такого, который изначально обладает волей и творческими способностями. В целом же это утверждение справедливо не только для предприятия, района, области, но и для всей страны.

Собственно, все это знают, видят и признают. Д. Медведев через полгода своей кадровой реформы был вынужден признать, что «…обновление человеческого потенциала, появление на соответствующих должностях в нашей стране необходимых людей, идет крайне медленно»[28].

Можно с уверенностью сказать, что это не случайно, а порождение самой политической системы, когда «партией власти» № 1 стала бюрократия. В условиях массовой коррупции, когда власть отождествляется с доходом, даже бизнесом, эта система в принципе не способна привлекать к управлению творческих и профессиональных людей. Их назначение (выдвижение, продвижение и т.д.) рассматривается — хотят того или нет — как продвижение к распределению ресурсов. Наиболее яркая форма этого явления была связана с «назначением олигархов». Наиболее распространенная — покупка должностей.

Соответственно при такой кадровой политике система заинтересована не в эффективной работе (за это никто не спросит), а в эффективном зарабатывание — для себя и своих начальников. Отсюда крайне низкая эффективность всего госуправления, а также невозможность в принципе изменения кадровой политики. Тем более когда главная мотивация — деньги любой ценой.

Альтернативных вариантов два. Первый — создание структурированного гражданского общества, способного контролировать процесс кадровых назначений. Но на сегодня это очевидно идеалистический вариант, требующий длительного времени и реформирования всей общественной политической системы страны[29]. Ждать его долго.

Второй вариант — авторитаризм, который в наиболее цивилизованной форме конституционной монархии имеет свои аналоги в самых успешных странах. Уверен, что для нынешней России этот вариант предпочтителен.

В России еще только формируется политическая система и ее «правила игры». Поэтому особенно внимательно надо посмотреть как на зарубежный, так и собственный опыт политической истории. Так, наиболее устойчивыми политическими системами (которые не случайно являются и наиболее динамично развивающимися экономически, а также выступают лидерами в общественном развитии) вот уже несколько десятилетий являются конституционные монархии — Великобритания, Швеция, Дания. В определенном смысле монархия более адекватно, чем парламентская республика, отражает потребности общества по следующим причинам:

— государь с детства, изначально, готовится к управлению государством;

— он обязан думать, какое государство он оставит своему преемнику, т.е. он мыслит категориями дольше, чем 4 или 8 лет;
— ему, как правило, не надо бороться за власть, идти на уступки и в ущерб интересам государства заниматься идеологическими спекуляциями[30].

Применительно к России эти закономерности только подтверждаются: российские президенты (а до этого советские генсеки) обладают фактически царской властью. При этом лишь В. Путин добровольно вышел за рамки «наследованной традиции», но при этом не имея изначальных преимуществ монархов.

Для России — я уверен — традиция сильной власти одного лица является благом. Мы видим, что развитие страны, — а это именно то, что нужно сегодня, — ускоряется именно в этот период. Опыт Петра I, Александра II, Сталина подтверждает этот вывод.

С точки зрения развития креативного класса и интеллигенции демократические выборы вообще малоперспективны. Нетрудно предугадать, кого из двух кандидатов выберет большинство — популиста или профессионала. Это подтверждает и современная российская действительность.

И не только российская, но и зарубежная. Здесь мы наблюдаем весьма противоречивую тенденцию — чем сложнее становится мир, проблемы, тем менее профессиональной становится правящая элита и менее ответственной. Во многом именно из-за существующей демократической практики, когда большинство «выбирает сердцем», а не мозгами. Понятно, что субъективизма при назначении на должность меньше, если монарх (властный президент, премьер) руководствуется не мыслями о «балансе сил», идеологическими предпочтениями, групповыми интересами, а благом государства, нации и общества.

В условиях глобального кризиса проблема эффективности политической системы России и других стран зазвучала по-новому. Стало ясно, что системный мировой кризис, охвативший планету, это кризис не только финансовый, экономический, но и кризис глобальной системы управления. Серьезной критике подверглась не только вся либеральная идеология, казавшаяся безупречной, но и политическая система, международные институты, с помощью которых эта система управляла миром, — МВФ, Всемирный банк.

При этом главное средство, обеспечивающее будущее мироустройство, остается за лидерством в инновациях. Так, в докладе Национального совета по разведке США «Глобальные течения 2025: изменяющийся мир», который стал известен в конце 2008 года, откровенно признается, что будущая перспектива США предопределена американским превосходством национальной инновационной системы (НИС)[31], т.е. в конечном счете той ролью в обществе, которую будет играть креативный класс. Но представители этого класса отличаются, выделяют от других прежде всего «мощью своей индивидуальности»[32]. Эта мощь, с другой стороны, — неизбираема. То есть главная движущая сила развития — креативный класс — не может придти к управлению через демократические выборы.

Если согласиться с этим выводом американских экспертов, то неизбежно придется сделать вывод и о том, что роль эффективного госуправления, элиты, креативного класса стремительно возрастает, а политическая система страны тем эффективнее, чем полнее она может дать возможность для реализации творческого потенциала нации. И наоборот, чем меньше креатива и творчества, инноваций и профессионализма в управлении, тем хуже политическая система и формирующая ее избирательная система. Важными факторами являются, «…энергичность и „футуристичность“ правящей в государстве элиты, ее воля к поиску новых прорывов в развитии, ее готовность делать то, чего нет еще ни у кого в мире. Ее умение быть первопроходцами. Только такая элита может создать государство, способное на венчурно-прорывные проекты, что сотворяют абсолютно новые отрасли деятельности и виды бизнеса. Многие из таких проектов (пример — атомный проект) не под силу частному предпринимательству в силу его ограниченности и ориентации на скорую прибыль. Важнейший фактор мировой гегемонии нации — ее способность открывать и успешно воплощать такие государственные (а не частные) суперпроекты, „тягачи развития“. Государство, став венчурером, должно „возмущать спокойствие“, открывая новые, эпохальные направления научно-технического, экономического и социального развития»[33].

Таким образом, можно констатировать, что выборная демократия становится все менее эффективной и содержательной. Не случайно выборы демонстрируют, как правило, бессодержательные, блеклые и неинтересные дискуссии. Публичные политики во все большей степени работают «на камеру», когда законы PR-технологий определяют не только манеру поведения, аргументацию, но и политическую позицию. И не только в России. Показательны в этом случае примеры с кандидатами в президенты США, которые действуют в соответствии с законами шоубизнеса. Еще более показателен пример с Саакашвили, который вообще превратился в шоумена.

К сожалению, содержательная публичная — политическая, идеологическая, экономическая и другие — дискуссия на выборах становится второстепенным атрибутом избирательной кампании. Что не удивительно, ведь, как уже говорилось, большинство избирателей не готовы (не подготовлены, да и не хотят) вникать в суть проблем. Та небольшая часть, может быть 15–20%, избирателей, способных адекватно оценить способности политиков, не случайно совпадает с долей в обществе креативного класса, а также с долей граждан, регулярно интересующихся политической и экономической жизнью страны. В принципе, если бы право выбора было только

у этих 15–20% граждан, то они, вероятно, могли бы адекватно оценить приоритетность задач, стоящих перед обществом и экономикой, те средства, которые возможны и необходимы для их решения, но избирательное право — прямое и всеобщее — стало полем для манипуляций тех, у кого есть власть, СМИ и деньги. Другие качества им не нужны.

Не является в этом ряду исключением и Россия. Здесь тоже доля тех, кто регулярно интересуется содержательной стороной политической жизни страны, не превышает 15–20%. Это же можно сказать и о доле креативного класса в стране. Другими словами, эти избиратели **всегда будут в меньшинстве**, а их кандидат — **заведомо в проигрыше**. А значит, победит тот кандидат, у которого есть ресурс, даже если он и не понимает ничего ни в политике, ни в экономике. Даже если он антинационален, болен алкоголизмом (как Б. Ельцин), не профессионален (как М. Горбачев) и т.д.

Еще в 2006 году предполагалось, что политические выборы неизбежно активизируют не только политическую борьбу, но и идеологическую дискуссию. Считалось, что это естественное и позитивное качество демократического процесса неизбежно будет формировать запрос о роли той или иной социальной группы людей, поиск наиболее эффективных механизмов развития общества и государства, т.е. «соревновательных „моделей“ и идеологий»[34]. Ни того, ни другого в последующие годы не произошло. Не было ни серьезной дискуссии, ни значимых идей. Не было даже политического соревнования, интриги. Технология заменила и первое, и второе, и третье. И это отнюдь не случайно. Ситуация повторяла как предыдущие выборы, так и предопределяла последующие. Самое интересное стало заключаться в том, что участники избирательного процесса практически «ушли от идеологии», отказавшись от принципиальных споров по своим программам, пусть формальным, но предполагавшим привлечение внимания масс. Оказалось, что даже этого не требуется: ресурсы телевидения и власти заменили всё.

Понятно, что при такой «демократической» избирательной кампании менее всего нужны идеи и их носители — интеллигенция и креативный класс. Они не нужны 80% избирателям, а значит, не нужны власти, бизнесу. Даже СМИ перестали интересоваться идеями и творчеством. В избирательной кампании стали ценится только те идеи, за которыми будут стоять проценты голосов, пусть вредные. Сами по себе идеи и люди — основа творческого потенциала нации — в избирательной кампании потеряли свою значимость.

Отчасти это в российско-советской традиции. Ни в СССР, ни в России интеллигенция никогда не принимала значимого участия в управлении государством и обществом, хотя была ее креативным слоем. В лучшем случае ее советы выслушивали, но к процессу принятия решений и контролю над их исполнением просто не допускали. Не являются исключением и периоды, когда некоторых представителей интеллигенции власть использовала в своих политических целях — это было и при М. Горбачеве, и особенно в 1996 г. при Б. Ельцине. Но и тогда интеллигенция, креативные слои только временно использовались властью. И выборы лишь фиксируют эту традицию. Как сделать, чтобы креативные интеллигенты оказались не технологами на выборных процессах, а их непосредственными участниками? Ответ находится в далеком будущем.

В ближнем же будущем реален лишь один вариант политической системы, способный привести к власти интеллигенцию и креативные слои — отказ от псевдодемократических процедур в пользу авторитарных, доказавших свою эффективность, прежде всего в пользу монархии, полномочия которой могут быть ограничены конституцией. И ничем и никем больше.

3. Нужны ли креативному классу выборы?

Нужно просто задумываться, кто ты, и зачем сюда пришел. Среда — оправдание для слабых и вялых людей. Есть дозволенное и недозволенное. И тут я снимаю любую вину с социума и власти. Мы заслуживаем власть, которую имеем, семью, которую имеем, и смерть, которую получим[35].

*З. Прилепи*н

Интеллектуальный потенциал проверяется на сверхзадачах — если мозг общества находит для них сверхвозможности, за такое общество можно не беспокоиться[36].

Н. Бехтерева

Почему-то в 2010–2011 годах либералы отождествляли модернизацию общества с демократическим процессом, который в их представлении должен заменить, вытеснить всю систему национальных ценностей, основанную на глубоко нравственных и религиозных началах Между тем только нравственность — основа стабильного и процветающего общества, которую не могут заменить никакие политические системы, самые лучшие органы власти, а тем более правовые нормы, которые обожествляют либеральные идеологи. И в этом смысле выборы — как демократическая процедура — могут быть

только инструментом, с помощью которого к власти приходят достойные либо недостойные этой власти кандидаты. Не более того. Да и правовые нормы, которые сегодня абсолютизируют либералы, являются лишь формальным закреплением нравственных норм. Как правило плохим, запоздалым, иногда даже не нужным. «Правовое мышление» — разновидность правового дебилизма, если оно не основывается на нравственных нормах.

Творческий класс в наименьшей степени заинтересован в выборах. Во всяком случае в прямых, на которых избираются вполне определенные политики, обладающие качествами — публичностью, способностью к социальной демагогии, отсутствием, как правило, интеллектуальных и творческих способностей, — которые не являются для креативного класса значимыми. Поэтому пытаться доказать, что развитие креативного класса зависит от «успехов» развития демократической процедуры — безусловная натяжка

Кроме того, творческий класс составляет относительное меньшинство в обществе и его представители просто не могут рассчитывать на получение большинства на демократических выборах. Поэтому выборы теряют для творческих групп смысл. И поэтому именно творческие слои, как правило, эти выборы игнорируют.

Выборы должны формулировать как сверхзадачи для общества, так и устраивать проверку кандидатов. Так должно быть. Но сегодня это не так.

Уже говорилось, что существующие в России избирательная и политическая системы прямо противодействуют развитию креативного класса. Вопреки этому в последние десятилетия возросшая роль нарождающегося «креативного класса» и интеллигенции обусловлена развитием экономики знаний[37] и общественной потребностью во всем мире, а значит в какой-то мере и в России. Эта объективная тенденция встречала серьезное противодействие правящей элиты и организованной ею системы власти. В советское время эти социальные группы были **политически и административно дистанцированы от власти**, а в последние 25 лет то же самое было сделано не только административно, но и **экономически**. Причем делалось и делается это, повторяю, с помощью **демократических процедур, включая выборы**.

Так, например, как справедливо заметил А. Мухин, «так называемые старые, выдохшиеся партии обладают определенным электоральным потенциалом, очень хорошо известным правящей партии. Больше они поднять на выборах не могут. Более того, существующие, уже сложившиеся отношения КПРФ, ЛДПР, СР не позволяют им создавать более-менее устойчивые коалиции. И в этом смысле они тоже удобны для правящей партии». Новички же предсказуемы меньше и могут иметь успех на выборах, указывает эксперт: «Более того, как подозревают, они могут создать какие-то действенные политические альянсы. Поэтому, я так понимаю, Минюсту официально или неофициально приказано просто затруднять доступ любых новых партийных образований в партийно-политическое поле. Что он с успехом и выполняет».

По мнению Мухина, отказ партиям в регистрации может привести к образованию «мощного теневого партийно-политического сектора», который будет действовать по принципу теневой экономики, уверен Мухин»[38].

Таким образом, демократические выборы в современной России препятствуют росту влияния креативных групп в политической и экономической жизни страны. И мне представляется, что это не случайность, а отражение общей, мировой тенденции, т.е. списать такую ситуацию на несовершенство избирательной системы только России (что, конечно же, не отрицается) нельзя. Это объясняет, например, феномен «арабской весны» 2011 года, когда на политическую сцену вышла прежде всего несистемная оппозиция.

Такая ситуация противоречит законам развития современного общества и экономики, а значит, рано или поздно будет изменена. Опять же, события весны 2011 года это показали. Так или иначе креативные слои будут доминировать не только в идеологии, но и в экономике и в политической жизни страны. Это неизбежно. Но, похоже, что положение с креативным классом в России напоминает ситуацию с инновациями в экономике: все всё понимают, но делают наоборот. Уже сегодня это мешает развитию страны. Использование возможностей носителей знаний, культуры и духовности в России, переход креативных социальных групп к **управлению государством,** т.е. к участию в определении приоритетов **и целей** развития, — только отдельные штрихи той объективной, неотложной и **конкретной политической задачи,** которую необходимо решить. Причем сделать это необходимо либо демократическими методами, т.е. через выборы, либо авторитарными. Демократическими методами сегодня нельзя. Значит нужны авторитарные.

Вместе с тем есть и еще один способ. Если признать, что элита не заинтересована в ускорении развития страны (элита всегда за стабильность и против развития), то остается, во-первых, усиление позиций высшего руководителя и, во-вторых, надежда, что его воля привлечет к управлению креативные группы граждан. **Вопреки** консерватизму элиты. Этот вариант — разновидность авторитаризма. Но, боюсь, он неизбежен, если, конечно, мы хотим не отстать от других развитых стран ни по уровню инноваций, ни по качеству управления обществом и государством. Кстати, в российской истории такие примеры есть: Петр I, Павел, Александр II выступали против правящей элиты, заручившись поддержкой узкого в то время креативного слоя.

Есть и еще один аспект, который нужно отнести к высшим приоритетам национальной безопасности страны, а именно высочайший уровень коррупции элиты, достигший уровня, когда госуправление становится частью этой системы. Причем заведомо малоэффективной. Но, ликвидировав коррупцию как часть системы госуправления, т.е. перестав жить «по понятиям», мы будем вынуждены создавать **новую систему госуправления**, т.е. как жить «по закону». Готово ли к этому общество? Думаю, что готово, но от высшей власти потребуются самые решительные действия, ведь ситуация в экономике неизбежно подталкивает к выводу, что суверенитету страны угрожает контроль оффшорного бизнеса, к которому можно отнести практически весь крупный бизнес России. Как пишет в «Новой газете» А. Овян, «раньше социально ответственным бизнесменом в России считался тот, кто вовремя и в полном объеме платит налоги. Теперь это почетное звание заслуживает тот, кто оставляет заработанное в нашей стране, а не уводит в оффшоры. Суда по официальной статистике, количество социально ответственных крупных предпринимателей у нас в стране находится на уровне статистической погрешности (табл. 1). Даже министр финансов Алексей Кудрин отметил, что 200 миллиардов долларов вывезены в прошлом году из России не в последнюю очередь силами отечественных компаний»[39]. Правящей элите, конечно, хорошо известны и компании и их владельцы, хотя попытки найти владельцев «Домодедова» в течение более полугода и не увенчались успехом.

Похоже, что выборы как механизм обновления элиты в такой ситуации неизбежно неэффективны, а значит бесполезны. И не нужны. Нужны авторитарные решения.

Так бывало в некоторые периоды российской истории. Например, когда Петр I «силовыми методами» выдвигал в руководство служивое дворянство и даже простолюдинов, когда Александр I и Александр II проводили свои реформы. Есть и другие примеры, уже советского периода. И. Сталин, проведя чистки и репрессии старой большевистской элиты, смело выдвигал в руководство страны молодые и креативные кадры: А. Косыгин, А. Громыко, К. Русаков и многие другие тридцатилетние мини-

Табл. 1.

Компания	Лица компании	Доля оффшорных компаний в капитале и их юрисдикция
Альфа-Групп (Альфа-Банк, Группа «АльфаСтрахование», ТНК-ВР, СТС Media, Inc., «МегаФон», «ВымпелКом», X5 Retail Group)	Михаил Фридман, Петр Авен	CTF Holdigs Ltd. (Гибралтар), Alfa Finance Holdigs S.A. (Люксембург), Altimo Holdings and Investments Ltd. (Британские Виргинские острова), X5 Retail Group N.V. (Нидерланды), A Common Holdings Ltd.
«Базовый элемент» (ОК РУСАЛ, «Группа ГАЗ», ПСК «Трансстрой», ОСАО «Ингосстрах и др.)	Олег Дерипаска	Basic Element Ltd. (о.Джерси) — на 100% принадлежит A-Finance (Британские Виргинские острова)
«Евраз» (Западно-Сибирский металлургический комбинат, Нижнетагильский металлургический комбинат, Новокузнецкий металлургический комбинат, «Шахта 12», «Южкузбассуголь», Западно-Сибирская ТЭЦ)	Роман Абрамович	Lanebrook Ltd. (70,8%) (Кипр)
«Металлоинвест» (Лебединский ГОК, Михайловский ГОК, Оскольский электрометаллургический комбинат, «Уральская сталь» и др.)	Алишер Усманов	Gallagher Holdigs Ltd. (43,7%), Sam Invest (6,3%), Coalco International Ltd. (20%), Seropaem Holdigs (30%) (Кипр)
«Мечел» («Угольная компания «Южный Кузбасс», ОАО «Холдинговая компания «Якутуголь», Коршуновский ГОК, Южно-Уральский никелевый комбинат и др.)	Игорь Зюзин	Calridge Ltd. (3,5%) (Кипр), Bellasis Holdigs Ltd. (9,2%) (Кипр), Arrowswift Ltd. (9,4%) (Кипр)
Mirax Group	Сергей Полонский	Mirax Group Holdigs B.V. (85%) (Нидерланды), IBC Lason Investments Ltd. (10%) (Британские Виргинские острова), Esklaton Development Ltd. (5%)
СУЭК («СУЭК-Кузбасс», «СУЭК-Красноярск», «Приморскуголь», «Ургалуголь» др.)	Владимир Рашевский	Donalink Ltd. (99,84%) (Кипр)
«Уралкалий»	Дмитрий Рыболовлев	Madura Holdigs Limited (65,63%) (Кипр)

стры пришли на смену пожилым и малограмотным большевистским вождям.

Интересное письмо я получил после первых публикаций о креативных группах. Оно — свидетельство тому, что рост креатива может происходить в тоталитарных условиях. И отнюдь не только во времена правления Александра III (когда были созданы непревзойденные шедевры в литературе, науке и искусстве), но и в «эпоху застоя». Застоя, который не был таковым для креативных групп. «Глубокоуважаемый Алексей Иванович, — писал мне в сентябре 2008 г. журналист В. Р. Хилтунен, — хотелось бы от всей души поблагодарить Вас за размышление о креативных группах. Парадокс положения заключается в том, что именно Россия сумела в свое время — вопреки историческим обстоятельствам — построить реальную систему воспитания креативных лидеров, но все это так и осталось невостребованным.

Так уж получилось, что я остался одним из немногих живых свидетелей деятельности Комиссии по резервным возможностям человека Акселя Берга, а также других полуподпольных структур всесоюзного «Творческого собрания» (коммунары «Алого Паруса» с их лозунгом «Каждое дело — творчески, иначе — зачем?», топоровцы, ривинцы, альтовцы…) — несть им числа было, я уверен, что они-то и были в совокупности той питательной средой для парадоксального «креатива-в-тоталитаризме», о котором Вы так хорошо сказали.

Четверть века оттрубил в старой «Комсомолке», которая была, на мой взгляд, в те годы и лучшей из виденных мной «креативных групп», и старательно собирала весь этот опыт.

У нас в отделе два стула бережно хранились — Дудинцева и Аджубея. Голованов, Песков, Соловейчик, Руденко, да и мы, следующее поколение, старались соответствовать.

Увы, в девяностых цепочка прервалась…

Я было совсем отчаялся, что кому-нибудь все это здесь в России в ближайший век сгодится.

Уехал, бродил по свету — в десятках стран искал что-то, что хоть немного напоминало бы виденное в российском креативном андеграунде. Что-то было почти то, да все-таки не то. **В наших тоталитарных тисках качество креатива было выше…** (выделено мною. — *А. П.*) Может, в том и состояла российская задача — ценой преодоления закалиться?»[40].

Таким образом, нет прямой зависимости между демократией, выборами и ростом креатива у нации. Получается даже наоборот: при усилении авторитарных тенденций наблюдается взрывной рост креатива и численности креативных групп. И здесь важно четко расставить приоритеты. Если этот вывод справедлив, то неизбежно придется ответить и на такой вопрос: что для нас важнее — ускоренное внедрение инноваций, смена прогнившей и проворовавшейся элиты на нравственную, креативную и профессиональную или абстрактные интересы демократии, включая их главную ценность — демократические выборы?

И ещё. Мировой кризис показал, что «абсолютные» демократические ценности не так уж и абсолютны, да и вообще не ценности. Речь идет не только об экономических ценностях либеральной экономики и «всесильного» рынка, но и о ценностях более высокого — нравственного и духовного порядка. Решать проблемы кризиса и развития только макроэкономическими методами невозможно. Как сказал Святейший Патриарх Кирилл, «сейчас мы переживаем один из таких трудных периодов. Я имею в виду экономический кризис, который, в силу глобализационных процессов, поразил практически весь мир. По мере его развития становится все более очевидным, что корни этого бедствия кроются не столько в экономической, сколько в нравственной сфере. Поэтому и путь к преодолению кризиса экономики лежит через преодоление культа богатства, безудержного потребления, погони за наживой любой ценой, эгоистического использования собственности, пренебрежения нуждами бедных»[41]. Придется прежде всего провести переоценку ценностей, включая и «незыблемые ценности демократии». Не избежать этого и при переоценке значения ценности демократических выборов.

Действительно, творческая активность масс, их креативность в «эпоху застоя» была выше, чем в эпоху «демократических преобразований». Тиражей журналов и газет, превосходивших нынешние в тысячи (!) раз, не хватало, а результатов творческих поисков в науке и искусстве было значительно больше. Все это я говорю лишь для того, чтобы еще раз разрушить миф о том, что «демократия равнозначна прогрессу». В нашем нынешнем случае применительно к России оказалось как раз наоборот.

Думаю, что революция сверху возможна, более того, необходима в сегодняшней России. Она предполагает усиление исполнительной власти, может быть, придание ей авторитарного характера, даже с элементами «наследственности» или «преемственности», в ущерб «идеальной демократической процедуре», включая выборы. Понятно, что этот вывод не совпадает с доминировавшими в 2009–2011 годах настроениями, которые вписывались в либеральную традицию, но имели мало общего с национальной стратегией развития. Опять, в очередной раз, возникла коллизия: господствующая де-факто в элите либеральная идеология навязывала нации свои представления о политической системе.

Между тем выход есть. Он лежит в плоскости идеологии, точнее — отказа от либеральной традиции и поиска новой, эффективной для России политической системы и государственного устройства, в основе которых лежит идеология русского социализма.

4. Глобализация: новые ценности и креативный класс

…Модернизация через культуру не означает вестернизации[42].
С. Лавров

Ключевой вопрос связан с выбором стратегии развития: осуществлять модернизацию на основе собственных технологий или идти по пути заимствования и адаптации существующих[43].
Д. Ливанов

Новый виток глобализации продемонстрировал важность и необходимость возврата к национальным ценностям и идее сильного государства. Кризис 2008–2011 годов заставил правящие элиты стран–лидеров глобализации пересмотреть свое отношение к традиционным ценностям, от которых они спешили отказаться. В том числе абсолютизации демократии и ее процедур, прав человека и роли государства. Повсеместно наблюдались обратные процессы.

Выше я уже говорил о том, что такой выбор стратегии в экономике имеет принципиальный характер. Если идти по пути технологических заимствований, то Россия всегда будет отставать от лидеров — хорошо, если на год–два, а то и на десятилетие. Но подобный подход справедлив и к политической системе, где заимствования ведут, во-первых, к тому, что они не отражают национальных реалий — исторических, культурных, духовных, а во-вторых, заимствования заведомо отстают (так же, как и в экономике) от современных потребностей. В данном случае либеральные заимствования тащат нас в середину XX века развитие страны, в т.ч. США, давно уже не используют этих моделей.

Понятно и другое, а именно: модернизация на основе внешних заимствований изначально обесценивает НЧП и роль национального креативного класса, при всей условности этого термина применительно к творческим социальным группам, отличительным признаком которых является мобильность, независимость, даже многокультурность.

В эпоху глобализации — и кризис 2008–2011 гг. это ясно показал — прежние политические и международные модели оказались неэффективными, устаревшими, так же, как и политические, и социальные. Кризис оказался системным, продемонстрировал, что «идеальные» либеральные ответы на вызовы оказались не такими уж идеальными, а система ценностей, казавшаяся многим универсальной, — отнюдь не универсальна. Одна из таких ценностей — выборы как механизм формирования элиты. Этот механизм, как я уже говорил, оказался неэффективным не только для Запада, но и особенно для России. «Как показала норвежская трагедия параноики могут таиться в самых развитых странах», — признавал в июле 2011 года американский журнал «Newsweek»[44].

Мне представляется, что с такой ценностью демократии в эпоху глобализации можно и нужно расстаться. Для России нужен механизм не ради самого механизма (имеющего ложную ценность), а **механизм формирования эффективной элиты**, внедрение в нее все новых групп креативного класса. Выборы, повторю, как механизм достижения такой цели оказались неэффективными. Значит, нужен другой механизм, который обеспечил бы кадровую революцию, способную сформировать такую элиту, которая отвечала бы требованиям глобализации.

Кроме того, такая революция предполагает смену «советско-демократической» элиты на профессионально-креативную. Учитывая консерватизм элиты, сделать это демократическими методами крайне трудно. Но необходимо. Вот почему я полагаю, что усиление авторитарных ноток в период правления В. Путина было не просто не случайным, но необходимым, даже неизбежным явлением. Добавлю, которое пошло на пользу России, хотя и В. Путин, и Д. Медведев подверглись жесткой критике как внутри России, так и за рубежом. Более того, допускаю, что они сами не хотели бы усиления авторитаризма и бюрократии, что они были вполне искренни, выступая против них. Но объективная реальность оказалась сильнее: когда демократические процедуры «не работают», высшее руководство было вынуждено вмешиваться в их процесс. Разница заключается в том, что я вижу в этом положительное начало, а «критики режима» — нет.

У России была альтернатива в эти годы. Та, о которой говорил А. Солженицын. Теоретически реформа местного самоуправления была бы способна вызвать позитивное движение, привлечение к участию в политической жизни интеллигенцию, предотвратить «размывание» элиты и бюрократии креативным классом в ходе выборов. Но это теоретически, потому что нынешняя элита «формирует» не только корпус кандидатов, но и победителей, т.е. воспроизводит саму себя. Остается один способ: власть, контролирующая демократические процедуры, должна **осознать**, что без появления в управленческой и политической элите креативной интеллигенции она сама уже не справится с новыми задачами. Другими словами, демократия и выборы должны прийти «сверху», что, повторю, в общем-то, обычно для России. В этом смысле критикуемая практика «управляемой демократии» В. Суркова — единственно верная. Она направлена на то, чтобы снизить издержки демократических процедур, которые привели к хаосу 90-х годов. По сути дела, такая политика направлена **на пересмотр системы демократических ценностей на новом этапе развития человечества**. Чего откровенно испугались наиболее продвинутые либералы. А зря. Нарастающая волна национализма неизбежно превратит разгул либеральной демократии в разгул фашизма, если

ей не будет противопоставлена идеология и практика культурного национализма и социально-ориентированной на креативный класс политика.

На мой взгляд, в условиях глобализации многие ценности становятся псевдоценностями. И чрезвычайно важно вовремя от них отказаться. Не думаю, что демократия в ее нынешнем виде остается ценностью. Как и выборы, как и усиленно навязываемая толерантность во всем — от однополой любви до пропаганды чужих ценностей[45].

И наоборот: именно в эпоху глобализации следует особенно внимательно отнестись к реальным, подлинным ценностям — научным, технологическим, духовным, семейным. Среди таких ценностей особенно важно обратить внимание на **развитие творческого потенциала личности**, креативности, созидательности. Это та ценность, от которой в будущем будет зависеть очень многое, если ни все — мощь экономики, суверенитет государства, благополучие граждан.

От того, насколько эта ценность станет реальным приоритетом в государстве и обществе, будет зависеть качество его структуры, эффективность экономки и будущее нации. Эта ценность реализуется на практике прежде всего в качестве, численности и влиянии креативного класса.

Эта задача не только политическая, но и экономическая. Именно интеллигенция и «креативный класс» бизнеса, а не компрадоры, способны стать в конечном счете качественно новой управленческой элитой государства. Творческая бизнес-элита должна вытеснить «оффшорную». Это означает, что финансовых спекулянтов и торговцев ресурсами должна вытеснить бизнес-элита, **создающая** новые товары и услуги, причем преимущественно высокотехнологические и конкурентоспособные. До этого все разговоры об инновациях будут пустыми рассуждениями. Даже в условиях кризиса, а может быть, именно в условиях мирового кризиса, необходимо проводить реформу структуры экономики и общества, т.е. **социальную революцию**. И роль государства здесь решающая. Именно государство способно в условиях кризиса выделить ясные цели развития, оперировать имеющимися ресурсами, поддерживать перспективные направления в развитии экономики и общества и, наоборот, отказаться от поддержки устаревших структур и секторов. Государство — как национальная ценность — должно вернуться в экономику и в идеологию.

У этой проблемы есть и внешний аспект. Не секрет, что Россия вынуждена будет выживать в сложной международной реальности, где многое будет зависеть именно от качества людей и ее экономики. «Борьба за умы», прежде всего тех представителей интеллигенции, которые формируют общественное мнение страны, отнюдь не ослабла в эпоху всеобщей борьбы за демократию, а, наоборот, усилилась, приобретает в ряде случаев крайние формы. Эти угрозы глобализации для национальной безопасности России требуют поиска качественно новых ответов, ухода от шаблонов и старых схем. Классические методы противоборства, к которым привыкла старая элита, показывают свою неэффективность. «Оранжевые» демократии, «мягкая сила» — формы демократических выборов. Противодействовать им могут **только новые формы**, которые способен генерировать креативный класс. И здесь важна адекватная переоценка ценностей в интересах креативного класса, а не чиновничества, которая может стать эффективным орудием борьбы. И, естественно, в интересах России, ее национальной безопасности.

Очевидна заинтересованность некоторых правительств стран — лидеров глобализации в лоббировании своих ценностей за рубежом. При этом оказывается, что демократический процесс, включая выборы, становится инструментом навязывания уже не только своих ценностей, но и защиты национальных, иногда весьма эгоистических интересов, в том понимании, как это видится правящим элитам развитых стран. Политическое лицемерие здесь служит естественным прикрытием для вполне конкретных экономических и военно-политических целей. Причем, как показывает практика, демократические процедуры и инструменты оказываются вполне сочетаемы с дипломатическими и даже военными, а в ряде случаев и более эффективны. Реальное противодействие такому влиянию могут оказать только национальные креативные группы, объединенные в институты гражданского общества. Те страны, у которых такие институты остаются недоразвитыми, а национальная система ценностей не сформирована, оказываются фактически безоружными перед агрессией, особенно если в них слабы креативные группы.

И, наоборот, те страны, в которых творческий потенциал элиты высок, а степень самоорганизации креативных групп сопоставима с уровнем технологического развития и способностью воспринимать инновации, оказываются лидерами глобализации. Они в состоянии не только защищать свои национальные ценности, но и навязывать их через множество инструментов гражданского общества другим странам. Тем важнее задача создания системы защиты национальных ценностей и интересов. Не только в рамках Концепции национальной безопасности, но и как практический план мероприятий всей нации и государства.

Это делается сегодня наиболее эффективно через НПО, в частности через СМИ. Так, радиостанция «Свободная Европа» — радио «Свобода» — частная некоммерческая информационная служба — финансируется конгрессом США и вещает на страны Восточной и Юго-Восточной Европы, Кавказа, Центральной Азии и Ближнего Востока на 29 языках. По данным самой радиостанции, ее общая аудитория составляет 35 млн человек. Другая международная вещательная служба «Голос Америки» также финансируется правительством США. Общая аудитория — около 100 млн человек, при этом особое внимание уделяется странам, «испытывающим недостаток в сильных независимых СМИ»[46].

В отличие от военной силы, экономического давления или политического шантажа, демократические

институты и процедуры — при умелом манипулировании — не только несут наименьшие риски, относительно дешевы, но и очень эффективны, в особенности против стран, которые им не противодействуют или не способны противопоставить адекватные институты гражданского общества и национальную систему ценностей. Так, например, Китай или Индия, у которых сложилась устойчивая система ценностей и национальная традиция, несмотря на открытость западному миру, всячески обеспечивают защиту своих национальных ценностей. Впрочем, похожая ситуация наблюдается и во вполне благополучных либеральных демократиях, где традиция защищает нации от чрезмерного проникновения и влияния. Более того эти страны (включая Китай и Индию) усиленно продвигают свою систему ценностей за рубеж.

Соответственно страны со слабой традицией, а тем более там, где национальные элиты готовы воспринимать чужие ценности, становятся очень восприимчивы к внешнему влиянию, в особенности если уровень развития гражданского общества, определяемый во многом качеством и количеством креативного класса, низок, а технологическая оснащенность — отсталая. Другими словами, государства, не обладающие развитыми национальными общественными институтами, становятся очень уязвимыми.

Особое значение и общенациональную ценность приобретают институты социального потенциала. Этой важнейшей части НПЧ, которая становится самым эффективным политическим инструментом в эпоху глобализации. Пример тому — США, где эта мощь развитых стран, выраженная в качестве креативного потенциала, используется непосредственно для вмешательства во внутренние дела других стран. При этом самой удобной мишенью оказывается процедура демократических выборов, т.е. процесс формирования национальных элит как самое слабое и уязвимое звено в общественной системе. Естественно, в интересах вполне определенных стран. Очевидно, что профессиональная, национально-ориентированная, креативная элита, способная защищать интересы России, этим странам не нужна. Их больше устраивала бы ясно ориентированная на Запад элита «образца 1990-х гг.».

Поразительный опыт для тех, кто еще слепо верил в привлекательность демократических институтов, нам дал конфликт с Грузией: и не только лицемерия Саакашвили и США, их пренебрежения к достоверной информации, но и готовности использовать огромные ресурсы в целях «защиты демократии». Удивительно, что, даже признав агрессию Грузии, страны — лидеры глобализации уже через несколько недель запланировали проведение в спешном порядке в октябре встречу руководителей США, Франции, ФРГ, Всемирного банка и других институтов в Тбилиси. Естественно, для «защиты грузинской демократии».

Очевидно, что идеологические ценности, предлагаемые этими структурами, не совпадают с национальными интересами России. И правда, странно было бы ожидать, что за деньги, например, американского налогоплательщика будут укреплять российский суверенитет и развивать нашу экономику. Поэтому вопрос повышения эффективности госуправления, роли «креативного класса» и интеллигенции становится вопросом **политическим,** от решения которого зависит суверенитет государства.

Действительно, развитой креативный класс и национальная интеллигенция способны не только нейтрализовать идеологическую интервенцию, но и создать благоприятные внешние условия для развития страны. Чем сильнее и влиятельнее национальная интеллигенция, тем сильнее ее воздействие на общественное мнение других стран. Заменить это влияние, например, государственным влиянием очень трудно, а иногда и невозможно. Применительно к демократическим процедурам вообще и выборам в частности это означает, что реальный и эффективный контроль за ними может осуществлять только национальная интеллигенция, объединенная в развитые структуры гражданского общества. Подчеркну — реально участвующая в управлении государством, включая выборные и другие высшие должности.

5. Поиск наиболее эффективных форм будущей демократии в России и креативный класс. Не там ищете, господа!

…Обозначилась задача формирования такого типа социально-исторического знания, которое с полной мерой ответственности перед будущим России отражало бы ее богатейший и очень разный исторический опыт, российские цивилизационные и гуманитарные ценности и национальные интересы[47].

А. Торкунов, ректор МГИМО(У)

Природой человеку дано два основных мыслительных инструмента познания — интуиция и логика[48].

М. Хрусталёв, профессор МГИМО(У)

Провалы в модернизации 2008–2011 годов либералы связывают с несовершенством демократии в России[49]. Между тем возникает логичный вопрос: «а там ли ищут причину неудач? Почему, собственно, совершенствование демократии в рамках либеральной традиции является единственным способом решения проблем модернизации? Просто потому, что **так** на Западе?

Между тем поиск новых форм демократии в России, который ведется все годы с начала перестройки, получил на самом деле новый толчок в период президентства Д. Медведева. И на теоретическом и идеологическом, и на практическом политическом уровне. Понимание несовершенности и неэффективности политической системы, которая формально основывалась на Конституции 1993 года, вело к многочисленным тактическим попыткам ее реформирования. Но главное все-таки, что вызвало обострение дискуссий в 2009–2011 годах, — это общее признание низкой экономической эффективности и социальной деградации, связанных со сложившимися формами демократии в России, прежде всего с точки зрения несоответствия политической системы требованиям развития креативного класса, наукоемкой и креативной экономики.

Эта особенность не является исключительно российской. В той или иной степени она связана с «фазовым переходом», изживанием примитивного либерализма в мире, мировым кризисом 2008–2010 годов, который еще раз заставил провести переоценку ценностей либерализма. Нарастание этих противоречий можно отнести к периоду «процветающего либерализма» последней четверти XX века. Как справедливо заметил А. Водяник, «одновременно хочется сказать, что, несмотря на сетования многих современных российских авторов на отсутствие сплоченности российского „креативного класса“, в стране происходит то же, что было еще в 1970-х годах в окружающем нашу страну мире». Об этом очень хорошо написал А. Неклесса в статье «Люди воздуха. Повестка нового века» (Кстати, мне больше импонируют такие определения «креативного класса» — люди воздуха, интеллектуальный мастер, человек-предприятие (manterpriser), господин воздуха, представитель Ordo Quartus):

«…Когда процесс еще только разворачивался, — а он отчетливо обозначил себя в начале 1970-х годов, преимущественно в Соединенных Штатах, — то поражал пестрый, эклектичный характер **идущей к власти плеяды**. С одной стороны, в рядах „опасного класса“ были представители элиты в более или менее традиционном понимании. Среди них — люди, управляющие финансами и юриспруденцией, средствами информации и коммуникации, разнообразными интеллектуальными практиками, люди, держащие руку на пульте систем социального контроля, воспитания, образования. В общем, лица, определявшие господствующую стилистику бытия и активно участвовавшие в передаче властных импульсов в системе „элитный клуб — Think Tank — административный аппарат“. С другой стороны, претендовавшая на власть поросль имела совершенно нехарактерный для прежней элиты привкус контркультурных движений (ср. парадоксальную на первый взгляд генетическую связь яппи с хиппи). И выраженное пристрастие к свободной — лишенной прежних ограничений — интеллектуальной медиации. А также — к интенсивной, провокативной акции, амбициозному проектированию, масштабному риску»[50].

Как видно, нарождение социально активных креативных групп в развитых странах сопровождалось настороженностью правящих элит, которые однако оказались достаточно мудры, чтобы «впустить» интеллектуалов во власть. Точнее — в предбанник власти, в котором они оказались в 70–80-ые годы XX века. Оставляя в стороне многочисленные нюансы, можно признать, что правящая элита на Западе стремительно «интеллектуализировалась», сохраняя, вне всякого сомнения, контроль над властными и финансовыми ресурсами. Признавая важность творчества и анализа в политическом процессе (именно в то время получили развитие многочисленные «мозговые центры» и группы анализа»), правящая элита с подозрением относилась к «яйцеголовым», которые, надо признать, были не способны самоорганизоваться таким образом, чтобы составить политическую конкуренцию. В том числе и в рамках «демократической» либеральной традиции.

На мой взгляд, правящие элиты на Западе беспокоились не зря. Интеллектуалы, захватившие власть, но не имеющие политического опыта и нравственных традиций, — крайне опасный сегмент общества. И не только в силу индивидуализма и беспредельной креативности, но и в силу стремления максимально быстро уйти от сложившихся общественных норм и нравственных традиций. Не случайно в США, например, была создана целая строгая система пропуска во власть, которая не позволяла случайному и непредсказуемому человеку подняться к политическим вершинам. Эта практика была противопоставлена объективной тенденции, о которой А. Водяник сказал: «…на планете происходила элитная революция, разворачивалась интенсивная борьба за будущее, борьба за темп: нарождающееся сословие вошло в исторический клинч с сословием традиционным, буржуазным, со «старым правящим классом», подвергнув интенсивной критике прежнюю модель организации общества. И поскольку трансграничная страта эфирократов тесно связана именно с нематериальным производством, их влияние росло по мере смещения центра активности в предметные поля постиндустриального мира. Интенсивно развивались технологии косвенного управления, гибкое манипулирование, финансовая эквилибристика, информационно-коммуникационная, исследовательская и образовательная деятельность (прочитанные во многом в обновленном формате) и, наконец, бескрайний океан индустрии развлечений и массовой культуры»[51].

В российско-советской элите все эти явления проявлялись в значительно меньшей степени. Если в СССР «ЦК партии создал номенклатурную систему «защиты от дурака» (которая защищала и от умных), то в России элита просто исключила креативные слои

из участия в политической жизни. Будущее креативного класса и идеологии русского социализма связано поэтому с политической системой, которая, как показывает современная политическая история России, может влиять как на развитие нации, так и ее креативных социальных слоев. Пока что интуиция, интеллект, творческие способности (как «мыслительные» инструменты) в такой политической системе малоэффективны. Они ей просто не нужны. Ей предпочитается исключительно логика формального права и товарно-денежных отношений. Эта «правовая» политическая логика порой удивительно напоминает правовой дебилизм. Особенно когда политик высокого уровня заявляет, что он «прежде всего юрист».

В сегодняшней России все политические силы выступают за демократию, за реформы, которые бы сделали ее более «совершенной», если не идеальной. Включая правящую элиту и бюрократию, которые по-своему, но также заинтересованы в совершенствовании демократических институтов. Но, на мой взгляд, эта приверженность демократическим идеалам и ценностям воспринимается как самостоятельная ценность, как главный интерес, а не средство, способствующее повышению эффективности управления обществом, экономикой и государством. Таким образом возникает естественный вопрос: демократия это средство развития нации, ее экономики и общества, либо цель? Либералы в России полагают что цель. Я, наоборот, полагаю, что средство. Причем не единственное и далеко не самое важное. Что же касается цели, то я не раз говорил о том, что цель нашей нации стать мировым культурным и научным лидером. Прав замминистра культуры России, В. А. Крученых, что «у страны с великой историей и культурой — великое будущее»[52].

Традиционная либеральная демократия не устраивает и креативный класс, который, как правило, дистанцируется от политического процесса. Но там, где его позицию долго игнорируют, он может выступить как мощная общественная и политическая сила. Как, например, в 2011 году в странах Северной Африки и Востока. Р. Флорида в свое время писал по этому поводу: «Традиционные формы организованной политики креативный класс „не устраивают“. Если мы не изобретем новые формы гражданской активности, подходящие для нашего времени, у нас в обществе возникнет вакуум и такая политическая ситуация, которая в конце концов ограничит нашу способность к экономическому росту …Перед креативным классом стоит непростой вызов. Чтобы добиться эффективности, креативному классу в конце концов придется изобрести **новые формы коллективного действия** (подч. — *А. И.*). Для этого требуется общее видение, которое могло бы мотивировать наши конкретные действия. Это видение должно отражать главные принципы креативной эпохи, состоящие в том, что креативность — это основополагающий источник экономического роста и неотъемлемая часть человеческой природы, которую необходимо культивировать. Такое общее видение может определить курс для вновь формирующихся групп и придать новое направление деятельности существующих учреждений и органов власти… Креативный класс обязан, наконец, осознать всю свою важность, равно как и факт собственного существования»[53].

Демократия не является самостоятельной ценностью, тем более такая, которая существовала в СССР и России в 1990-е годы. Из всех инструментов управления в те годы она являлась наихудшим, наименее эффективным, более того, разрушительным. В итоге был уничтожен не только СССР, его экономика, потеряны миллионы жизней, но и не создано что-либо позитивное. Отставание от развитых стран, которые было очевидным в 1980-е годы, еще более увеличилось, качество экономики и общества — ухудшилось. «Совершенствование» этой системы Д. Медведевым в 2008–2011 годы также не дало результатов — ни экономических, ни политических, ни социальных. Результат очередных демократических реформ был скорее отрицательным, что нагляднее всего проявилось в провале модернизации. «…То, чего хочет общество, показывает социология. Так, например, согласно исследованиям специалистов из Левада-центра, 63% российских граждан хотят от власти, чтобы она „жестче контролировала экономику и политическую жизнь в стране“, 28% — чтобы она „предоставила людям свободу заниматься своими делами и следила только за тем, чтобы они не нарушали закон“.

Выбирая между политическими системами, 33% опрошенных предпочли бы прежнюю советскую, 23% — систему западного типа, 19% — нынешнюю. Выбирая между экономическими системами, 51% граждан предпочитают „ту, которая основана на государственном планировании и распределении“, 31% — „ту, в основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения“»[54].

Поэтому сегодня, «создавая» (или реформируя) демократическую систему, мы должны не повторять прежних ошибок. Это может быть сделано только в том случае, если мы понимаем главное — **ради** чего реформируется демократическая система, какова ее конечная цель? Если же мы опять будем реформировать политическую систему, исходя из самоценности демократии, то мы опять столкнемся с хаосом и потерей управления обществом, экономикой и государством. Это очень важно понимать потому, что переходный период закончился, а стабильность, которую, как казалось, мы обеспечили себе до кризиса 2008–2011 гг., — ещё достаточно условная. Сегодня важнее выделить главное: **зачем** нам нужна демократия, а только потом, в **какой форме**.

Сразу оговорюсь, что на нынешнем этапе развития России я считаю наиболее эффективной формой демократии конституционную монархию с сильными авторитарными чертами, в которую, следует признать,

очень хорошо «вписываются» демократические институты. Перед такой формой власти сегодня стоят следующие задачи.

Во-первых, смена элиты и бюрократии на более эффективные и менее коррупционные социальные слои, представляющие прежде всего интеллигенцию и креативные слои населения.

Нынешняя демократическая и избирательная процедуры не могут этого обеспечить, т.е. не могут обеспечить решения главной задачи опережающего развития и — в условиях кризиса — эффективного антикризисного управления. Президент вынужден действовать с оглядкой на элиты и на неуклонно приближающийся срок выборов, рейтинги, общественное мнение и позиции других (часто недружественных) государств. Изменение продолжительности президентского срока с 4 до 6 лет — безусловно положительное явление, но уже сегодня сказывается его недостаточность. Преемственность и стабильность — вот главные условия развития нации сегодня. Авторитарная власть, как показывает история имперской России и СССР, лучше другой может обеспечить существование этих условий.

Во-вторых, коррупция, ставшая системой управления в стране, не может быть заменена на другую систему управления в принципе той же элитой, которая в последние 20 лет эту систему создавала. Так же, как армия сама себя реформировать не может, так же не может себя реформировать элита. Элита (бюрократия) может быть **только заменена**. Это и станет единственной эффективной антикоррупционной мерой. Вот почему, например, выборы следует рассматривать всего лишь как демократическую процедуру, способную с помощью власти привести во власть интеллигенцию и креативные группы. Но это в России «не работает». Альтернатива выборам, как уже говорилось, — в монархии, просвещенном авторитаризме, сознательном ограничении демократии, при том понимании, что прежние демократические попытки повысить эффективность управления оказались напрасными.

За последние годы нашим национальным богатством управляли партийные и хозяйственные руководители, «реформаторы», зарубежные консультанты, российские чиновники, просто бандиты, в основном люди, часто безнравственные и некомпетентные — люди, которые своими действиями нанесли колоссальный ущерб нашей стране. Пришло время профессионалов, ориентирующихся на национальные ценности и исторический опыт страны. И не так уж важно, будет это сделано с соблюдением «идеальных» демократических процедур или с их нарушением. Что представляется действительно важным, так это создание эффективной системы управления государством и его экономикой.

Будущее демократии во всем мире и в России отнюдь не означает сохранения нынешних демократических ценностей и идеалов. Так, главная демократическая ценность — право собственности, — уже поставлена под вопрос неэффективностью управления топ-менеджерами, их алчностью, антисоциальным и антинациональным поведением. Кризис 2008–20119 годов показал это со всей очевидностью, когда государство было вынуждено вмешаться в «святая святых» — распределение прибыли и бонусов собственниками и менеджерами банков и корпораций. Не только в России, но и в США и других развитых странах эти собственники своим поведением продемонстрировали ярый эгоизм правящей элиты. Так, в разгар российского кризиса в октябре–декабре 2008 года частными лицами из России было вывезено только по официальным переводам более 40 млрд долл., из которых в ближние зарубежье было отправлено всего лишь около 14 млрд[55]. Отток капитала не прекратился и в послекризисный период в 2011 году.

Есть и другой аспект этой проблемы, а именно: велика вероятность, даже неизбежность того, что постепенно в странах — лидерах глобализации капиталистическая форма собственности будет трансформироваться в корпоративную, подобно социалистической. Уже сейчас «общенародный» капитализм серьезно теснит личную и частую собственность даже в крупных корпорациях США, некоторые из которых безвозмездно либо на льготных условиях уступают часть акционерного капитала своим сотрудникам. Особенно заметны эти тенденции в наукоемких отраслях, где главные активы корпорации — люди. Не случайно в XXI в. крупнейшей в мире корпорацией стала не нефтяная или торговая, а интеллектуальная — «Майкрософт». Поэтому вопрос о собственности в будущем будет решен определенно в пользу интеллектуальных корпораций, в пользу новой элиты, что отразится и на демократических процедурах.

Произойдет не только перераспределение собственности, своего рода новая приватизация в пользу креативного класса, но и **перераспределение власти**, изменение процедур и форм демократии. Такие перераспределения неизбежны в силу объективных причин. Во-первых, потому что главным владельцем продукта и услуги в экономике знаний все чаще будет становиться не финансист, а создатель, творец. Во-вторых, неизбежен рост экономического и политического влияния креативных групп, их превращения из класса «для владельцев» в класс «для себя». Другими словами, отчетливо просматривается тенденция изменения роли финансового капитала, его вытеснения капиталом интеллектуальным.

Россия пока что находится в стороне от этого процесса. Финансовый капитал сосредоточен практически в ресурсных, сырьевых отраслях. Поэтому его вытеснение интеллектуальным капиталом может произойти в далеком будущем: нынешняя экономика и властная элита делают все для того, чтобы этого не произошло. Это неизбежно приведет к росту противоречий уже не только на уровне структуры экономики страны, но и между различными сегментами

элиты, в частности, сырьевой и нарождающейся элиты, представляющей экономику знаний.

Приход во власть представителей «креативного класса» — вопрос времени. Главное заключается теперь уже не в физическом присутствии во власти интеллектуалов, а в том, что их объективное влияние на механизм власти увеличивается, несмотря на всю отсталую структуру российской экономики и общества. Наступает период острого противоречия и кризиса элит.

Это влияние будет проявляться по-разному: и через рост институтов гражданского общества, и через демократические процедуры, включая выборы, но, главное, через неизбежное осознание обществом, властью и частью элиты роли креативного класса. Выступление В. Суркова 2 сентября 2008 года по этому поводу весьма показательно. Оно оказалось рубежным и быстро забытым, потому, что оно не идет в русле общей, доминирующей тенденции. Оно скорее противоречит консерватизму элиты, но является очевидным признаком того, что как минимум часть элиты осознает значение креативных слоев населения в экономической и политической жизни России. Парадокс заключается в том, что будущую демократизацию необходимо обеспечить и защитить сегодняшними авторитарными методами.

Если эта закономерность в нашей стране будет по-прежнему игнорироваться нынешней элитой, то в перспективе такой перекос в системе власти объективно приведет к росту угроз национальной безопасности государства.

Почему?

Во-первых, недостатком публичной политики и демократии является то, что в целях обеспечения победы политические деятели вынуждены ориентироваться на симпатии большинства избирателей. Большинство же пассивно. Оно в нынешних условиях не только не является самой образованной частью населения, но и не может осознать зачастую реальных перспектив и потребностей развития общества. Креативная часть общества всегда будет в меньшинстве, а ее понимание национальных интересов не всегда может совпадать с мнением большинства. Таким образом, политики, лидеры вынуждены либо вступать в конфликт с большинством, либо потакать его настроениям. Естественно, этот алгоритм управления информационным обществом не является эффективным при курсе «на опережение».

Во-вторых, пренебрежение государства и его правящего класса интересами интеллектуального и духовного развития нации часто происходит из-за того, что в их деятельности политическое, сиюминутное начало нередко преобладает над государственными интересами. Ценностная система ориентирована на выгоду. Старая проблема соотношения государственных и политических мотивов в эпоху глобализации приобретает особую значимость: руководитель должен исходить из долгосрочных, а значит, не всегда понятных, а тем более «приятных» задач. Простой пример, с которым ежедневно сталкиваются все руководители, — потратить резерв сегодня или сохранить его на завтра, даже послезавтра.

В-третьих, существует соблазн использования новейших достижений НТР для упрощенных, силовых способов решения проблем в ущерб гуманистическим, долгосрочным. Например, военным акциям НАТО в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии предшествовала информационно-пропагандистская война, которая велась по всем правилам военного искусства. Такая же ситуация повторилась в ходе грузино-южноосетинского конфликта в августе 2008 года. Именно мощь современных западных СМИ полностью показала (естественно, в нужном для Запада направлении) значение информации, дезориентировала западную общественность и даже политические элиты.

Эти кампании показали, что новейшие технологии, в том числе информационные, отнюдь не являются ни «главным инструментом демократии», ни объективным наблюдателем. Они — мощное оружие, способное исказить политический результат, а также манипулировать общественным мнением.

Таким образом, сегодня российскому обществу, как и стране в целом, необходимы системные и долгосрочные решения, основанные на качественном стратегическом прогнозе и целеполагании в области общественно-политического развития страны, а не на абстрактных идеях демократии. Мы должны не копировать чей-то опыт, а **сознательно формировать государственные и общественные институты**. Первые попытки (с созданием Общественной палаты, например) уже предприняты. Но они должны стать не разовыми мероприятиями, а системой мер, политическим курсом, поиском новых алгоритмов государственного управления, которые бы характеризовались критериями эффективности, а не тождественности неким «демократическим идеалам».

Этот вывод в полной мере относится и к двум частным, но очень важным задачам: во-первых, созданию эффективной избирательной системы (эффективной для нации, а не для эталонов «демократичности), а во-вторых, сознательному программированию прихода к власти в результате выборов представителей креативных слоев общества, вытеснению ими прежней элиты.

Важно подчеркнуть и ещё один важный и специфический российский аспект: роль «креативного класса», научной и творческой интеллигенции и государства в XXI в., безусловно, меняется. Из оппонентов, особенно радикально-либеральных, образца XIX и XX вв., интеллигенция и государство становятся союзниками, причем самыми надежными. Прежде всего потому, что главной ценностью для государства, его приоритетом, **становится национальная культура, т.е. то, что всегда было ценностью для интеллигенции** и креативного класса. Именно культура в самом ши-

роком понятии этого термина (включающем знания, опыт, созидательную практику) становится основой как для создания экономики знаний, так и нового гражданского общества, главной силой которого будут интеллигенция и креативные слои общества.

В этих условиях для интеллигенции становится все яснее, что зависимость от внешних факторов лишает нацию не только экономической независимости, но и возможности сохранить свое культурное и историческое наследие, а в конечном итоге, лишает возможностей развития личности. Именно поэтому роль государства, прежде всего социально ориентированного, должна **возрастать, а не сокращаться**. В том числе и с использованием демократических процедур. Мировой кризис, кстати, ясно высвечивает болевые точки в развитии экономики и общества, это наглядно продемонстрировал. Как, впрочем, и отжившие ценности либеральной традиции.

---

1 *Чубайс И.* Почему мы не понимаем собственную страну // Новая газета. 2009 . 4 февраля. С. 10.

2 *Торкунов А.* Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007 . 7 декабря. С. 11.

3 *Самарина А., Савина П.* «Единая Россия» поспорила с ИнСоРом // Независимая газета. 2011. 13 апреля. С. 1, 3.

4 См., например: *Бурсов А.В.* Пути демократизации РФ // Мир и политика. 2011. Февраль. С. 15–16.

5 И. Юргенс, впрочем, отрицал саму возможность консерваторов быть модернизаторами.

6 *Чубайс И.* Почему мы не понимаем собственную страну // Новая газета. 2009. 4 февраля. С. 10.

7 *Шубин А. В.* Отплыть от «Титаника» к креативным кибуцам. 29 января 2009 г. [Эл. ресурс]. URL:http://strf.ru

8 *Григорьев Е.* Perestroika, Uskorenie, Glasnost // Известия. 2011. 29 марта. С. 7.

9 Коалиция в Ливии: авантюристы, парламентарии. 23 марта 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.rian.ru/media/2011/03/23/357052323

10 *Лавров С. В.* Тезисы выступления министра иностранных дел России С. В. Лаврова на встрече с представителями российских неправительственных организаций международной специализации, Москва, 23 марта 2011 года // МИД России: официальный сайт. 23 марта 2011 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.mid.ru./brp

11 *Иноземцев В.* Режим для атома // Известия. 2011. 29 марта. С. 6.

12 Юбилей Горбачева в Лондоне обошелся в 33 раза дороже московского праздника. 31 марта 2011 г. URL:http://www.echo.msk.ru

13 Выступление И. Юргенса на научно-практической конференции в МГИМО(У). 30 марта 2011 г. URL:http://www.mgimo.ru

14 Понятно, что подобные документы были размещены не на сайте Совета (который почему-то выступил фактически против работы другого Совета при Президенте РФ — по противодействию фальсификации истории), а на сайте «Мемориала». 29 марта 2011 г. URL:http://www.memo.ru

15 Особенно наглядно это проявилось при «формировании» (именно этот термин используется в Конституции) Совета Федерации, который в 1993 году — избирался, потом делегировался, потом назначался, а сейчас «полуизбирается».

16 См. подробнее: *Подберезкин А.* Русский путь. М.: РАУ-корпорация, 1999.

17 *Торкунов А.* Российская модель демократии и современное глобальное управление // По дороге в будущее / ред.-сост. А.В. Мальгин, А.Л. Чечевишников. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 47.

18 См. подробнее: *Р.Флорида*. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007. С. 22–24.

19 Там же. С. 22.

20 *Зубарев В.* Стратегия разгона. [Эл. ресурс]. URL:http://www.zubarev.info ›dat/bin/files/74

21 Создание кентавра // Независимая газета. 2011. 31 марта. С. 2.

22 См., подробнее о взглядах этой части элиты в докладе ИНСОРа. Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект. М.: Экон-информ, 2011. С. 95.

23 Об этом я писал не раз. Подробнее всего в кн.: А. Подберезкин. Русский Путь. М.: РАУ-корпорация, 1999.

24 *Славин Б.* Идеология возвращается. М., 2010. С. 647.

25 Д. Медведев встретился с представителями кадрового резерва. 5 марта 2009 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru

26 *Воробьев С.* У «Единой России» список длиннее // Коммерсант. 2009. 3 марта.

27 Там же.

28 Д. Медведев встретился с представителями кадрового резерва. 5 марта 2009 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru

29 О такой идеальной модели я написал впервые в работе «Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития». М., 2004.

30 Этот подход известен давно. В т.ч. и я озвучивал не раз эти принципы. См., например: А. Подберезкин. Человеческий капитал. М.: Европа, 2007.

31 Эра неопределенности: планета бурь. 6 января 2009 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.forum.msk

32 *Евграфова Е.* Среда, подходящая для инноватора // Harvard Business Review. 2010, Июнь–июль. С. 12.

33 Эра неопределенности: планета бурь. 6 января 2009 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.forum.msk

34 *Белых Н.* Какая Россия «другая»?; *Иванов В.* О партийности «царя» // Известия. 2006. 10 июля. С. 6.

35 *Прилепин З.* Черная обезьяна с гранатой // Известия. 2011. 5 мая. С. 7.

[36] *Бехтерева Н.* Магия мозга и лабиринты жизни. М.: Сова, 2008. С. 6.

[37] Существуют серьезные разночтения и толкования этого термина, поэтому следует оговориться, что я понимаю еще как широкое понятие, относящееся не только к информатике, но и экономике и обществу в целом. См., подробнее: *Лопатин В. Н.* «Экономика знаний» в информационном обществе: показатели и последствия для России // Информационное право. 2010. № 4 (23). С. 3–5.

[38] *Самарина А., Родин И.* Чужие здесь не нужны // Независимая газета. 2011. 29 апреля. С. 2.

[39] *Овян А.* Деньгопровод // Новая газета. 2009. 18 марта.

[40] Эл. ресурс «Рейтинг персональных страниц». URL:http://www.viperson.ru.

[41] URL:http://www.selectornews.com 16 марта 2009 г.

[42] *Лавров С. В.* Выступление на ассамблее Совета по внешней и военной политике. 9 апреля 2011 г. Пансионат «Лесные дали».

[43] *Ливанов Д.* Интервью. 28 ноября 2008 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.strf.ru

[44] *Мэттьюз О., Немцова А.* Фашистская Россия? // 2011. 8 августа // URL:http://www.inopressa.ru

[45] См., подробнее: *Подберезкин А. И., Абакумов С. А.* Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004.

[46] Как «Свобода» и «Голос Америки» работают с Россией // Коммерсант. 2006. 8 июля. С. 3.

[47] *Торкунов А.* Школа российской идентичности. История международных отношений и состояние современного исторического образования // Независимая газета. 2009. 14 октября. С. 9.

[48] *Хрусталёв М. А.* Методология прикладного политического анализа: учеб. пособие. М.: Проспект, 2010. С. 12.

[49] Обретение будущего: Стратегия–2012. Конспект. М.: Экон-информ, 2011. С. 19–33.

[50] *Водяник А.* Откуда взялся креативный класс в США и Великобритании. [Эл. ресурс]. URL:http://www.gosbook.ru/node/13619 (29 декабря 2010 г.)

[51] *Водяник А.* Откуда взялся креативный класс в США и Великобритании. 29 декабря 2010 г. [Эл. ресурс]. URL:http://www.gosbook.ru/node/13619

[52] *Крученых В. А.* Культурный анализ культурного человека. 20 июля 2011 г. URL:http://www.spravedlivo-online.ru/guest/news/

[53] *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007.

[54] Чего на самом деле хочет народ. 8 августа 2011 г. URL: http://www.spravedlivo-online.ru/content/news/

[55] *Каледина А.* Частные лица вывезли из страны 41 миллиард // Финансовые известия. 2009. 13 марта.

Глава 6

Основные условия для развития креативного класса России

Жизнь… устроена проще, обиднее… и не для интеллигентов.
М. Зощенко

Интеллигент не может не играть особой роли
в укреплении демократичных основ и суверенитета России[1].
А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Главный политико-идеологический вопрос это выбор алгоритма национального и государственного развития, который предопределяет и выбор социально-экономической стратегии власти. Важнейшая задача национальной стратегии долгосрочного развития заключается в создании благоприятных условий для формирования и развития креативного класса в России. В общепринятом, упрощенном понимании речь может идти об уже заявленной В. Путиным и Д. Медведевым в «Стратегии–2020» цели увеличении доли среднего класса до 60% граждан страны. Но это очень общее представление: требуется увеличить не столько класс рантье, получающий относительно высокие доходы, сколько весь спектр социальных групп, объединенных в креативный класс.

Эта общая задача вполне сочетаема как с решением демографической проблемы, так и развитием национального человеческого потенциала, включая изменение места России по ИРЧП в мире. Во многом они тождественны: рост численности креативного класса в наибольшей степени влияет как на увеличение НЧП (душевого дохода, продолжительности обучения, длительности жизни из показателей), так и на позитивные изменения в демографической, научно-технической и культурно-духовной областях.

Модернизация, суть которой заключается в резком росте НЧП, его превращении в НЧК невозможны без главного действующего субъекта — креативного класса. Другие социальные слои либо изначально в этом не заинтересованы (либералы заинтересованы в собственности, бизнес — в деньгах и т.д.), либо становятся все малочисленнее и менее влиятельны. Даже те, которая заняты в общественном производстве. Так, численность занятых в аграрном секторе, лесном хозяйстве и рыболовстве в развитых странах стремится к 1,5–2%, рабочих — к 10%, служащих всех областей — к 30%.

Именно борьба за качество НЧП, креативных личностей станет (и даже уже стала, например, в США) в XXI веке главной целью развития и вероятного соперничества наций, в том числе и в международной области. Сегодня это уже хорошо понимают в США, где стратегия «мягкой силы» предполагает «формирование предпочтений других акторов,

целиком опираясь на собственную „привлекательность“». Эта же власть «не может быть накоплена в виде некого материального ресурса, а потому ее поддержание и укрепление — постоянный процесс»[2]. Те же США активно используют в этих целях все средства — от госдепа до университетов, но прежде всего свою накопленную научно-техническую и финансовую мощью.

Инновации в экономике — это доминирующий креатив, создающийся изначально в общественной жизни. Сознательное и целенаправленное развитие креативного класса должно стать **высшим приоритетом государства и общества на ближайшие десятилетия**. И не только в интересах опережающего развития НТП, экономики, но и культуры, и духовности. В период фазового перехода никто не знает, **когда**, **кем**, **зачем** и **какие** будут сделаны открытия. Тем более, **как** они повлияют на судьбу человечества и отдельной нации. Известно только, что такие открытия будут революционными[3]. В этих условиях нормы нравственности, культуры и духовности становятся особенно актуальны. Креативный класс вне этих норм становится огромной разрушительной силой. Достаточно напомнить «арабскую весну» 2011 года или массовые убийства в Норвегии и беспорядки в Англии лета 2011 года. Это свидетельствует однозначно, что даже креатив вне культурно-нравственных норм становится не созидательной, а разрушительной силой.

Надо понимать, что и в международной жизни, прежде всего в соотношении сил в мире, которое определяет суть политики безопасности, произойдут решительные изменения уже в недалекой перспективе. Пока что говорят о «беспрецедентном сдвиге в богатстве и экономической мощи с Запада на Восток, который будет продолжаться»[4]. Но часто забывают, что соотношение сил будет определяться не уровнем страновых ВВП (напомню, что Китай в 2011 году вышел на второе место в мире) и военных сил, а **соотношением национальных человеческих потенциалов**, в частности, величиной и качеством креативного класса, культурным и идеологическим лидерством.

Пока что и в США, и в Китае считают страновой и душевой ВВП, делая соответствующие выводы, но, может быть, забывают, что только за последние 10 лет в Китае подготовлено более 300 млн специалистов с высшим образованием. Если допустить, что политика правящей элиты страны будет правильной (а она таковой была последние десятилетия), то соотношение мировых сил в скором будущем мы будем подсчитывать, учитывая 1500 млн китайских граждан, обладающих не только соответствующим душевым доходом, но и знаниями, и интеллектом, и креативностью. В случае с Индией, кстати, тоже. И историей, и культурной традицией этих стран.

Поэтому особенно важно именно сегодня, — исходя из задач опережающего развития, возможных новых проблем безопасности, — чтобы правящая элита Россия осознала значение НЧП и роль креативного класса, значение и роль культуры, нравственности и духовности, носителями которых является нация.

Развитие креативной экономики связано с определенными условиями. Требования, которые необходимо соблюдать для развития креативного сектора, можно классифицировать по трем основным областям. Они определяют, что является наиболее существенным для общества, которое видит в развитии креативной экономики инструмент экономического роста. Речь идет о потребителях, трудовых ресурсах и пространстве (микроклимате). Особенно культурно-историческом, разрушение которого лишает нацию возможности производить оригинальные идеи и технологии.

Кроме того предпосылкой роста вклада креативного сектора экономики в производство ВВП являются **уровень интеллекта и финансовой обеспеченности потребителей**, способности и уровень профессиональной подготовки рабочей силы, а также высокоразвитое экономическое и технологическое пространство, открытое для новых оригинальных решений и обладающее развитой институциональной базой»[5], — справедливо отмечает Й. Клоудова.

Сегодня этого нет. Отмечаются лишь единичные, бессистемные попытки как-то выделить этот аспект. Такие, например, как выделение 3 (трех!) премий президента России в июле 2008 года молодым ученым или 5 тыс. стипендий — в 2011 году. В рамках нацпроектов также предпринимались определенные усилия, которые все-таки походили скорее на «сигналы» власти обществу, а не на государственную политику. Эти «сигналы» так сигналами и остались. Элита и бизнес на них не отреагировали. Они оказались не восприимчивы к инновациям, что в конечном счете было признано на официальном уровне.

Кризис 2008–2011 годов усугубил эту ситуацию, а действия власти продемонстрировали, что в ее концепции «антикризисных мер» (как осени 2008 года, так и весны 2009 года) не нашлось места этому приоритету. Не нашлось и позже — в 2010–2011 годах. И ошибка эта была отнюдь не случайна, а следствие многолетней политики игнорирования долгосрочных интересов и места в этой политике креативного класса и творческого потенциала нации. Как справедливо заметил известный американский эксперт по России С. Грин, «еще один побочный эффект рисковой природы российской политики состоит в том, что люди внутри системы действуют с необычайно короткими временными горизонтами, без стимулов к долгосрочному или даже среднесрочному планированию»[6]. Очень точное замечание, которое можно объяснить только тем, что у правящей элиты нет иной мотивации, кроме выгоды, которая и стала ее «национальной идеей».

Именно люди «внутри системы», не способные к творческой политике, стали в конечном итоге глав-

ной причиной провала как докризисной, так и кризисной политики правительства. Эти люди, имеющие вполне конкретные имена и должности, оказались не способны к сколько-нибудь творческому мышлению. Как сказал один из участников обсуждения «Концепции–2020» в сентябре 2008 года, «государство само нуждается в модернизации… В этом смысле у него нет средств для достижения поставленных целей», а директор департамента МЭР О. Фомичев конкретизировал: «Нельзя проводить инерционную бюджетную политику, как это делает Минфин, при инновационном курсе развития страны»[7]. Странным образом ситуация сохранилась без изменений в последующие годы.

Другими словами, назревшая потребность в инновационном курсе страны (который стал декларироваться властью с 2006–2008 годов) **столкнулась с реальной инерционной политикой**. И то и другое в реальности представляют конкретные люди, идеи, даже сообщества. Очевидно, что к началу кризиса и по мере его развития инерционная (она же преимущественно и коррупционная) часть элиты доминировала. Она же осталась у власти и после кризиса. В 2011 году Россия оказалась в той же точке, где ее застал кризис 2008 года. Только внешние условия стали хуже. И никаких выводов сделано не было!

Вообще-то свойства любой элиты консерватизм, догматизм, инерционность и стремление избежать идеологии, которая делает прозрачными ее намерения и создают рамки для нравственного и профессионального поведения. Поэтому на высшем, политическом уровне в России сохраняется «отрицание» идеологии, в то время как на рабочем, корпоративном идеология стала правилом и нормой. Так, например, в докладе МЭР о государственном контроле признается, что «Законом № 294 ФЗ существенно (!) меняется идеология проведения внепланового государственного контроля…»[8]. При этом тот же МЭР отрицает необходимость идеологии для «Стратегии–2020». Поэтому-то и нужно говорить либо о революционной смены российской элиты «сверху», либо вытеснении ее креативными слоями «снизу». Первое возможно, как мы знаем из истории, в результате социальных революций либо авторитарных действий, а второе — в результате создания таких условий, когда элита вынуждена уступать шаг за шагом часть своих функций. По сути, это тоже социальная революция, но растянутая во времени.

Но для этого **должны быть подготовленные условия**: объективные и субъективные. Прежде всего для того чтобы произошли такие радикальные изменения в социальной, экономической политике, они должны быть четко выражены в идеологии и закреплены в общепризнанной стратегии развития государства[9]. Элита уступает власть только тогда, когда эту власть у нее забирают новые политические силы — силы, сформулировавшие к этому времени свою идеологему и алгоритм развития. В 1917 году такой силой стали большевики, советское государство и новая управленческая элита (советы, коммуны). Ни того ни другого пока нет.

Более того, нынешняя элита, похоже, взяла на себя инициативу реформирования (что, в частности, демонстрируют попытки Д. Медведева по созданию кадрового резерва). Но не очень-то получается. Бюрократия, как и элита, может воспроизвести только саму себя. Определение стратегических и тактических целей развития государства и общества является, с точки зрения стимулирования развития креативного класса, не только важнейшей политико-идеологической прерогативой власти, но и наиболее ответственной задачей, от точности и своевременности решения которой нередко зависит судьба страны. Но так как сам креативный класс далек от власти, он также далек и от формирования политики. А сама нынешняя элита на это не способна.

Немного истории. Как уже говорилось, созидательные слои общества игнорировались властью в России и СССР исторически. (Хотя были фантастические всплески, например, во второй половине XIX в.) Никогда они не входили, например, в элиту общества. Стратегическое планирование, которым в советские времена занималось Политбюро и Госплан, также игнорировало развитие подлинного творчества. Более того, репрессии советского периода стали страшным ударом по тонкому слою российской интеллигенции, а последующая политика КПСС отводила интеллигенции незавидную роль «прослойки» между двумя доминирующими классами. И все-таки творческое начало нации пробивало себе дорогу, создав к середине прошлого века уникальную по своим культурным и научно-техническим достижениям цивилизацию. Цивилизацию, которая по целому ряду параметров, в том числе идеологическому, была **мировым лидером**. При всех ее недостатках, ставших очевидными к концу 70-х годов XX века.

Но еще хуже ситуация стала при М. Горбачеве и Б. Ельцине, когда социально-экономический кризис привел к резкому «вымыванию» интеллигенции, а весь творческий потенциал нации был сконцентрирован на единственной задаче выживания. Здесь, уж, не до творчества. Так, только в Москве число научных работников в эти годы сократилось с 900 тыс. до 300 тыс. человек. В своем научно-техническом, технологическом и культурном развитии страна оказалась отброшенной на десятилетия. Либеральные, псевдорыночные реформы 1990-х годов в основе своей были направлены на то, чтобы «вывести за скобки» задачи развития интеллектуального и культурного потенциала нации. Неолиберализм отечественных «рыночников» вообще не считал этот потенциал существенным.

Такая недальновидная политика стала одной из основных причин острого социально-экономического кризиса конца 1980–1990-х гг., когда к власти пришла полуобразованная номенклатура,

прикрывавшаяся «демократическими» принципами, превратившаяся в первом десятилетии нашего века во всесильную бюрократию. Бюрократию, которая монополизировала не только политическую власть, но и все финансовые ресурсы. По существу, в нынешнем десятилетии в России происходило то же, что и в США. По мнению американского исследователя М. Гофмана, то, что «большая часть результатов повышения производительности труда достается управляющему классу — экономической номенклатуре, подтверждается статистикой. Количество миллионеров сегодня несравнимо больше, чем 100 лет назад, тогда их было всего 400. К 2004 году количество обладателей миллионных состояний — 3 миллиона, эта группа составляет 1% населения и контролирует 45% всего богатства страны…

Реальной властью обладают лишь несколько десятков тысяч человек, связанных между собой сложной сетью экономических, политических, культурных и семейных интересов. Это те, кто имеет значительное влияние в государственном аппарате, индустрии, торговле, финансах, военно-промышленном комплексе, средствах массовой информации, медицине и образовании»[10].

Эта «экономическая номенклатура» управляет корпорациями и политической властью не потому, что она «эффективный управляющий», а просто потому, что у нее есть такое право, с которым она отнюдь не собирается делиться. Это стало особенно заметно в период кризиса, когда в США, Великобритании, Франции, Швейцарии, России и других странах топ-менеджеры получали огромные зарплаты и бонусы не за результаты своей деятельности, а просто «по привычке». (Примечательно, что российские управленцы очень быстро переняли этот образ поведения. Так, по итогам работы Сбербанка за 2008 год, его высшие руководители получили бонусов почти на 1 млрд рублей). А по итогам кризисного 2010 года число миллиардеров и миллионеров в России удвоилось.

Естественно, что право на власть и деньги никто из представителей элиты уступать не собирается. Ни в США, ни в Великобритании, ни в России. Поэтому проблема прихода во власть (и к распределению финансов) представителей творческой интеллигенции стоит во всех странах. Другое дело, что «социальные лифты» в развитых странах действуют более точно и надежно: там избирательно, но допускаются в элиту представители креативных групп. В России сегодня этот способ практически не работает.

Таким образом, можно сформулировать проблему, стоящую перед всеми развитыми странами, но острота которой проявляется в разной степени. Если инновации в экономике, по сути, равнозначны творческому потенциалу нации, присутствующему в управлении, то государство, которое полнее и быстрее решит эту проблему, и будет находиться на передовых рубежах в своем развитии в XXI веке.

Ситуация в России стала несколько меняться с приходом к власти В. Путина и Д. Медведева, которые, действуя как антикризисные управляющие, неизбежно должны были искать прагматические решения многих проблем. В ряде случаев подобный прагматизм означал смену тех представителей экономической и политической элиты страны, которые, казалось бы, прочно утвердились на вершине пирамиды власти. Сначала речь шла о тех, кто претендовал на управление страной, затем о тех, кто хотел использовать свою экономическую ренту.

Их прагматизм, внешняя неидеологизация на самом деле противостояли на этом этапе искусственно насаждаемым либеральным ценностям, которые привели страну к глубокому кризису. Тогда появился и первый запрос правящей элиты на основы будущей идеологии. Идеологии, которая уже не отождествлялась с экономической элитой. Напомню, что именно в первый президентский срок В. Путина (особенно в период руководства Совбезом С. Ивановым) стали разрабатываться основы стратегического планирования — идеи национальной безопасности, внешней политики, информационной безопасности и др., — а также долгосрочные отраслевые концепции и доктрины. Эти поиски имели прикладной, сугубо концептуальный и прагматический характер: правящая элита уже понимала, что с неолиберальными методами жить нельзя, а новых не было. То, что поиски эти велись очень непоследовательно, медленно и лишь через несколько лет были оформлены в политические заявления (но так и не доведены до сих пор до практики), свидетельствует лишь об одном: правящая элита не хочет уступать власть и деньги, полагая — как и в США, — что это её «законное» право.

Вот почему общегосударственная стратегия развития, в которой учитывались бы такие ведущие факторы мирового развития, как человеческий потенциал, информатизация, креативность науки и образования, отсутствовали, так же как и стратегия опережающего развития, нацеленная на реализацию этих приоритетов. Рожденная к осени 2008 года «Концепция–2020» стала компромиссом между теми, кто понимает важность инноваций в экономике и обществе (которые неизбежно повлекут и общественные, и политические изменения), и теми, кто полагал, что их незыблемое право «управлять и делить» не может быть поставлено под сомнение. Концепция, впрочем, так и не стала планом и руководством к действию для элиты и к 2011 году оказалась даже по официальным оценкам проваленной.

Кризис 2008–2011 годов еще раз показал, что отсутствие национальной идеологии и, как следствие, долгосрочной стратегии развития государства, учитывающей глобальные изменения в мире, может привести к неэффективной и даже вредной экономической и социальной и политической практике. Именно практика, в конечном счете, подтверждает

правоту научных и политических концепций. Но для этого они должны изначально быть! А их-то к началу кризиса как раз и не было.

В отсутствие ясно сформулированной теории развития общества можно и нужно как минимум исходить из самых общих представлений о приоритетах в развитии творческого потенциала нации. Этого также не было. Было упрощенное представление об управлении финансовыми ресурсами. Об НЧП даже речи не шло. В этой связи попытаюсь сформулировать ближайшие цели как сугубо практические задачи, стоящие перед государством и обществом в этой области, прежде всего рассмотреть, как они коррелируют со стратегией опережающего развития с точки зрения развития творческого потенциала нации и формирования креативных групп.

1. Задача № 1. Создание творческой, нравственной и общественно-политической атмосферы для развития креативного класса

Нужно четко понимать, с какими внутренними и внешними вызовами столкнетесь, что может стать ограничителем для устойчивого и качественного роста[11].
В. Путин

Для того чтобы талантливые люди могли полностью раскрыться, нужно, чтобы изменилась сама атмосфера в стране, чтобы все окончательно поняли, что главная ценность — это не углеводороды, а талантливые люди[12].
В. Сурков

Это признание Первого заместителя руководителя администрации президента России, на мой взгляд, весьма актуально и примечательно не только для того периода, но и для всего периода 2007–2011 годов, который так и не стал периодом перехода от стабилизации к развитию. В 2011 году страна и нация оказались в том же положении, когда Россию настиг мировой кризис. Может быть, даже хуже. С одной стороны, оно свидетельствует, что, по меньшей мере, некоторые представители руководства страны понимают остроту проблемы, а с другой, — что эта проблема, в лучшем случае, еще только обозначена в политической повестке дня. Творческая атмосфера для национального креативного класса, общественная потребность в результате их творчества нужны, может быть, больше, чем либералу — собственность, а банкиру — деньги. Речь идет, по большому счету, о создании именно творческой атмосферы в обществе как совокупности благоприятных условий для развития **каждой отдельной личности**. Но такая творческая атмосфера возникает, когда появляется масштабная общенациональная цель, сверхзадача, идея. Из которой вырастает национальная программа[13].

Нельзя для каждой отдельной личности создать индивидуальную программу ее развития (хотя в будущем, я полагаю, это и станет возможным), но можно и нужно создать для таких личностей **условия, атмосферу, климат**. В этом заключается величайшая сверхзадача общества и государства. Как заметил А. Мелихов, «всякому великому делу нужны герои. И сколько бы мы ни произносили умных и абсолютно правильных слов об изменениях в законодательстве и выделении ресурсов, сильные всегда сумеют истолковать любые законы и использовать любые ресурсы так, как им удобнее, а потом еще и обосновать, **что это делается для пользы** самих слабых».

Нация, иначе говоря, должна стать если и не нацией героев, то нацией креативных и пассионарных личностей, **сумма которых, в конечном счете, и определяет величину национального человеческого потенциала**. Но для этого необходимо в корне изменить отношение государства к человеку. Человек должен восприниматься как **величайшая национальная ценность**, а личность, ее способности и возможности, — рассматриваться в качестве главной политической цели, смысла деятельности государства и всего общества.

Кроме того, надо понять, что именно креативные и ответственные личности, составляющие творческий класс, составляют основную, а, может быть, даже единственную социальную базу для опережающего развития и модернизации. Но всей нации нужна идея. Её ждут. Как показывают результаты соцопросов Института социологии РАН, «…**около 60% россиян верят в успех осуществления модернизации в России** хотя бы в среднесрочной перспективе (до 15 лет). Каждый четвертый житель страны считает, что успешная модернизация будет осуществлена, но не раньше, чем через 20 лет. Наконец, 18% вообще не верят в успех модернизации в России»[14] (табл. 1). Таким образом нация находится в ожидании великих идей и великих целей.

К сожалению, как и многому в современной России, элита приходит к пониманию этого с большим опозданием. В этой области, как и в большинстве других областей экономической и общественной жизни, Россия отстала как минимум на несколько десятилетий. Она, может быть, и не находится на уровне

Табл. 1. Оценка перспектив модернизации России населением, %

Верите ли Вы лично в возможность осуществления в России модернизации, выведения страны на качественно новый уровень жизни и развития?	%
Да, верю и считаю, что это может произойти уже через 5–10 лет	23
Да, верю, но считаю, что это может произойти не раньше, чем через 10–15 лет	35
Да, верю, но считаю, что это произойдет очень нескоро, не раньше, чем через 20 лет	24
Нет, не верю и думаю, что по крайней мере в ближайшие 30 лет этого не произойдет	18

1960-х годов, как полагает академик Е. Примаков, но уж точно на уровне 80-х годов прошлого века. Как ёмко заметил Д. Соколов–Митрич, «люди — они либо живые, либо мертвые. Живые люди на все реагируют, иногда даже неадекватно, но если для них создать условия, они всегда творят что-то новое, важное и выводят свои государства в мировые лидеры. Люди мертвые способны лишь паразитировать на процессе всеобщей деградации, и у них есть одна неприятная особенность — они никогда не умирают одни, они тянут за собой свою семью, свою родину, свою страну»[15]. Концепции, стратегии и планы должны разрабатываться не для чиновников, а для людей. Для нации. С учетом всех ее особенностей, а не основываться на тупой макроэкономической экстраполяции.

Но, с другой стороны, есть и общемировая тенденция примитивной «материализации» творческого потенциала. Вот что отмечает В. Иноземцев: «Как же характеризуется индивидуализированное общество в работе З. Баумана? Три главных его признака, как следует из книги, это: утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов; возрастающая в связи с этим неопределенность и прогрессирующая незащищенность личности перед лицом не контролируемых ею перемен; наконец, возникающее в таких условиях стремление человека отказаться от достижения перспективных целей **ради получения немедленных результатов, что в конечном счете приводит к дезинтеграции как социальной, так и индивидуальной жизни**. Как следствие, общество начала XXI века характеризуется, с одной стороны, стремительным усложнением экономических процессов, а с другой — все более явной фрагментированностью человеческого существования»[16].

В российской элите эту проблему в принципе понимают, но делают, как ни странно, прямо противоположное. Вопреки собственным заявлениям. По словам В. Суркова, «как уже не раз говорил президент, подразумеваются два направления работы. Первое — это непосредственно модернизация, то есть подтягивание экономики до современного уровня… Конечно, тут надо видеть проблему: понимать, какие именно технологии нам нужны, где их взять. Но это не так сложно — были бы деньги… Вторая часть куда сложнее. Ее можно было бы назвать **футуризацией**… Она требует создания особого культурного и психологического климата. Это, собственно говоря, и есть путь инновационного развития»[17]. Климат, атмосфера… они не появляются ниоткуда. Их можно и нужно создавать, ведь научился же отдельный человек создавать себе настроение. У государства и нации такие возможности есть и в образовании, и через СМИ.

Именно 1980-е и 1990-е годы оказались потерянными, «выпали» из процесса развития страны, в том числе и прежде всего с точки зрения развития человеческого потенциала, т.е. качества экономического роста и общественного развития. Во многом виной тому стало откровенное пренебрежение правящей элиты СССР и России к творческому и профессиональному потенциалу нации, его нравственным ценностям, абсолютизация материального успеха и идеализация возможностей, создаваемых рынком.

Опережающее развитие и формирование креативных социальных групп в современной России невозможно в атмосфере конформизма и господства бюрократии. В этой атмосфере минимизируется не только интеллектуальный и духовный потенциал нации, но и начинают господствовать чуждые, нередко вредные идеи, что мы хорошо видим на примере последних десятилетий не только в экономике, но и в других областях. Поэтому идеологическая работа по преодолению конформизма становится условием экономического успеха. Или провала. И наоборот. Экономический провал, как и провал модернизации, это прежде всего следствие отсутствия национальной идеологии, а уж только потом ошибки в управлении, коррупции (которая в чистом виде является следствием «деидеологизации»).

Это происходит — важно подчеркнуть — вопреки объективным общественным и экономическим потребностям. Так, объективно, переход экономики на новую стадию экономики знаний требует **совершенно иных, чем прежде, идеологической атмосферы и политического климата.** Таких, когда качественные, инновационные изменения, идеи «прорастают» как бы сами собой. Часто это происходит даже вопреки сложившейся системе взаимоотношений внутри власти, а также между властью и обществом, нейтрализуя в значительной степени противодействие бюрократии и старой элиты. В этом, на мой взгляд, заключалась стратегическая задача, стоявшая перед президентством Д. Медведева, к которой он объективно и субъективно был абсолютно готов, но не смог реализовать. Стратегическое политическое мышление он подменил частными программами «юриста» и паркетным пиаром.

При этом особенно важно, чтобы правящая элита не только осознавала адекватно современные закономерности развития, но и делала соответствующие выводы, прежде всего политические. Чему она пока не научилась. Прежде всего потому, что она не находилась в условиях необходимости защиты национальных интересов, как находятся элиты других стран. Она стала чужой для страны. Точнее — страна стала чужой. Так, создание творческой общественно-политической атмосферы предполагает, что элита признает приоритетность фактора развития человеческого потенциала, а также значение креативного класса в качестве важнейших условий и факторов развития страны, экономики и общества. Но как раз этого российская правящая элита в своем большинстве не понимает.

Имеет ли это место сегодня? Думается, что в полной мере нет. Приведу пример. Анализируя возможные варианты развития России, эксперты МЭР фактически исключают эти два ключевых фактора, отводя им второстепенное значение. Так, в долгосрочном прогнозе (август 2008 г.) признается[18]: «…**основные варианты** долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации определяются степенью реализации следующих **ключевых факторов:**

— степенью развития и реализации сравнительных преимуществ российской экономики в энергетике, науке и образовании, высоких технологиях и других сферах;
— динамикой развития институтов, определяющих предпринимательскую и инвестиционную активность и конкурентоспособность компаний;
— интенсивностью инновационного обновления обрабатывающих производств и динамикой производительности труда;
— динамикой развития транспортной и энергетической инфраструктуры;
— **интенсивностью повышения качества человеческого капитала и формирования среднего класса** (выделено мною. — *А. П.*);
— интеграцией евро-азиатского экономического пространства».

Полагаю, что не случайно эти ключевые факторы отнесены на предпоследнее по значению место и сформулированы так отстранено-абстрактно. Эта концепция отражает степень понимания, уровень развития нынешней элиты, вульгаризацией роли креативного класса и человеческого потенциала, развитие которого представляется как некий «макроэкономической» процесс, не зависящий от воли элиты.

При этом, как ни странно, тот же представитель правящей элиты — В. Сурков считает, что качество человеческого потенциала, в т.ч. и в управленческой элите, **уже стало приоритетом** государственной политики. «Поручения президента о создании кадрового резерва появились не случайно. Это уже говорит о том, что государство официально признало такую систему ценностей. А для того чтобы ее развивать, необходимо создавать среду для появления и проявления новых талантов. То есть в идеале их нужно не разыскивать по всей стране, а **создать среду**, естественный механизм отбора лучших из лучших», — заметил Первый зам. главы президентской администрации (выделено мною. — *А. П.*).

Владислав Сурков кроме того уточнил, что важны не только и не столько формальные характеристики «человека новой России», сколько характеристики психологические, а именно «сочетание дерзости и желания по-своему смотреть на реальность». «Знания, если их не хватает, можно получить. А вот творческие качества и желание изменить мир привить взрослому человеку невозможно. В то же время востребованный сейчас человек не тот, кто описывает реальность, а тот, кто ее меняет», — цитирует Суркова деловая газета «Взгляд»[19].

Таким образом, мы видим очевидное противоречие в правящей элите: приоритеты, расставленные МЭР, значительно отличаются от представления руководства администрации президента, т.е. политическое руководство заметно опережает в оценке ситуации «финансово-экономический блок». Но именно экономический и финансовый блоки правительства сегодня отвечают за социально-экономическое развитие, в т.ч. стратегические прогнозы, долгосрочные концепции и планы развития всей нации и государства! Как будет преодолено это противоречие, мы, надеюсь, увидим в скором будущем. Очевидно, что оно неизбежно должно привести к кризису во власти, который может приобрести острую политическую форму, ведь, по существу, это будет конфликт старых и новых элит, который приведет к серьезным кадровым перестановкам.

Кроме того, это нарушает традиции. Так, в 2005–2006 гг. обратила на себя внимание дискуссия, которая развернулась внутри правительства М. Фрадкова, о наиболее эффективных способах развития государства. Значительная открытость правительства (прямая трансляция заседаний, например) привела к тому, что дискуссии, иногда приобретающие острую форму, стали нормой. Общество постепенно стало наблюдателем прежде закрытых процессов подготовки и принятия решений. После ухода М. Фрадкова эта практика прекратилась. А жаль.

К сожалению, общественное мнение и политические силы были практически исключены из этого процесса: споры на заседаниях правительства не находили своего продолжения в открытой дискуссии и вылились в конечном итоге в аппаратные разборки и интриги.

Другой пример — политические, программные заявления С. Иванова, В. Суркова, Д. Медведева, ставшие предметом обсуждения летом 2006 г., в которых политический курс был представлен вполне целостно. Эта дискуссия, имевшая концептуальный характер, была вызвана размышлением о будущем векторе развития после завершения стабилизации. В основных

чертах она сохранила свою актуальность и сегодня, хотя почему-то в 2010–2011 годах выделялся активно только тот ее аспект, который укладывался в рамки либеральной традиции. Экспертное и политическое сообщество летом 2006 г. потратило немало времени на анализ нюансов, носивших, очевидно, тактический характер. Стало ясно, что в принципиальных вопросах элита стремилась выглядеть единой, хотя скорее это походило на попытки угадать, что же хотела власть. Политолог Л. Шевцова признавала в этой связи: «Осталось обеспечить два условия для успешной передачи власти, которые бы одновременно гарантировали ее преемственность: во-первых, оформить привлекательную идею, которая должна помочь легитимировать новое правление, и, во-вторых, консолидировать элиту вокруг единого сценария воспроизводства»[20]. «Единый сценарий воспроизводства» — это на самом деле, единая (общенациональная) стратегия развитии. Л. Шевцова не хотела (?) использовать эти понятия, но и без того ясно, что любой политический курс опирается на некую идеологию и программу, даже если и то, и другое официальной не заявлены.

И далее она писала: «В условиях, когда представители правящей элиты подвергают сомнению (пусть даже наигранному) ключевые идеологические и политические принципы, которые должны по замыслу объединять нацию, возникает новая реальность. Так что давайте готовиться к неожиданностям. И хорошо, что в среде политического класса есть прагматики, которые осознают угрозы, создаваемые самой системой. Напомню: самые успешные трансформации в мире осуществлялись представителями правящего класса, вовремя осознавшими тупиковость маршрута, по которому они шли. Итак, подождем и посмотрим, подтвердит ли Россия эту аксиому либо ее опровергнет»[21].

Действительно, — «тупиковость маршрута». Элита оказалась не готовой подхватить и развивать эти идеи по простой причине. Нынешняя российская правящая управленческая элита в принципе не способна к этому. Ни к творческому осмыслению, ни к дискуссии, ни, тем более, к развитию идей. Ее от этого долго отучали. И отучили. Элита, как уже говорилось, — консервативна и конформна. Она ждет указаний, поручений, желательно письменных, формализованных. До тех пор пока таковые не поступают, она занимает выжидательную позицию, типичную для бюрократии, занимаясь своими делами, т.е. зарабатывая деньги.

Эту ситуацию могло бы изменить два обстоятельства. Во-первых, если бы политические сигналы руководства страны были переведены в идеологическое, более широкое политическое русло. Тогда бы не требовалось бумажки для каждого шевеления. Произошло бы примерно то же, что при раннем М. Горбачеве, когда было разбужена творческая энергия, которая еще не перешла в анархию.

Во-вторых, ситуацию могло бы изменить наличие критической массы креативных групп в управленческой элите. Но, как мы знаем, такой массы нет. Она годами вымывалась и уничтожалась. И при Брежневе, и при Горбачеве, и при Ельцине, и при Путине. Требовались лояльные исполнители, а не творцы.

Как видно, ни первого, ни второго не было. Неудивительно, что дискуссии не получилось и все вылилось в ожидание новых указаний и нового начальника. Типичная фраза тех дней: «А ты такое поручение получал?» — много объясняет. Ее еще можно трактовать и так: «Еще раз вылезешь — вылетишь». Причем это правило по моим наблюдениям было обязательно для всех. За исключением одного — единственного человека. Даже его ближайшее окружение крайне осторожно и аккуратно проявляло свою инициативу. Как правило заручившись поддержкой начальника.

В этих специфических условиях абсолютная роль власти и государства становится вообще чрезвычайно высока: во-первых, не препятствовать конструктивной дискуссии, а во-вторых, не навязывать свою волю напрямую, через силовые структуры, Госплан или его подобие. На самом же деле именно власть должна инициировать такую дискуссию и **создать для этого атмосферу**. Без такого сигнала элита будет молчать и только внимательно слушать. Так устроена нынешняя Россия. И в этом смысле выступление В. Суркова 3 сентября 2008 года выглядит и своевременным, и логичным. Важно, чтобы эта тенденция была поддержана властью в дальнейшем: говоря коротко — власть должна насаждать креативность вопреки воле консервативной (в своем большинстве) управленческой элиты. Другого варианта для России нет. К сожалению, этого не происходит. Любая инициатива рассматривается в лучшем случае как «самопиар», а в худшем — как попытка выйти на «чужую поляну». А при нынешней системе это самое страшное аппаратное преступление. За которым (всегда!) следует неминуемо наказание.

Это могло бы и создать условия для дискуссии об ускоренном социальном развитии, прежде всего, за счет активизации креативных групп. И я считаю, что это было не только необходимо, но и возможно. В. Путин, Д. Медведев, будь они настойчивее, могли бы (не теряя контроль) создать такую атмосферу. Вывод, впрочем, не разделяется многими экспертами и представителями СМИ, считающими, что «режим В. Путина задушил публичную политическую жизнь и дискуссии». Что в принципе уже и не важно, ведь никто из них этого не сделал.

На самом деле сложившаяся система не только лишила маргиналов, популистов и авантюристов возможности навязывать свое мнение широкой публике через СМИ, но и ликвидировала атмосферу открытой дискуссии, анализа и инициативы, обрекла систему управления на инерционно-послушное действо.

Сложнее ситуация в экономической и научно-технической областях, где творческая, инновационная атмосфера появляется и существует не сама по себе, а благодаря реальным экономическим мотивам, которых сегодня, надо признать, в России мало.

Табл. 2. Динамика доходов и потребления населения, % (2006 г. = 100%)

	2010	2015	2020
		прогноз	
Реальные располагаемые денежные доходы	147,0	207,0	286,0
Реальная заработная плата	168,2	259,3	384,7
Реальный размер трудовой пенсии	154,4	267,7	437,7
Розничный товарооборот	166,7	239,5	327,2
Платные услуги	131,6	176,0	234,7

Поэтому проблема создания творческой атмосферы и условий для инновационного развития выступает наиболее приоритетной тактической задачей, стоящей перед Россией[22]. Это означает создание благоприятного институционального климата для предпринимателей во всех сферах, способствующего переходу экономики на инновационный вариант развития, а также совершенствование информационной среды и системы образования… Всё, что должно стать условиями для наиболее полной реализации потенциала каждого человека. В этом смысле реализацию ПНП можно рассматривать как политико-идеологический проект, предназначенный дать знак, сигнал элите, обществу и бизнесу о главных приоритетах развития — образовании, здравоохранении, жилье, сельском хозяйстве.

Другой стороной задачи является преодоление коррупции и кризиса недоверия в отношениях власти и общества. Как следует еще из Послания В. Путина 2006 г., этот кризис властью осознается, но вот насколько серьезно он осознается, насколько власть практически готова к его преодолению — еще непонятно. Без преодоления кризиса недоверия создать творческую, жизнеутверждающую атмосферу невозможно. Недоверие, скептицизм и полное отсутствие оптимизма — факторы, при которых творчество немыслимо. Кризис недоверия между властью и обществом должен быть преодолен, в том числе и с помощью таких идеологических сигналов, как ПНП, их практических результатов[23]. К сожалению, кризис недоверия был не преодолен, а в 2010–2011 годы резко усилился. Как показывали соцопросы лета 2011 года, абсолютное большинство (73% против 11%) граждан стало поддерживать возврат в бюллетени графы «против всех», что означает их неудовлетворенность, «политическим меню», предложенным накануне выборов властью[24].

Наконец, создание благоприятной атмосферы для развития рассматривается иногда как социально-экономическая задача, что, конечно же, неверно. Как неверно и такое отношение к развитию человеческого потенциала. Между тем именно оно (это отношение) превалирует в настроении элиты. Так, в долгосрочном прогнозе МЭР в разделе, специально посвященном развитию человеческого капитала, речь сводится по существу к повышению реальных доходов граждан и изменению структуры потребления. Из всех количественных характеристик человеческого потенциала и творческой активности эксперты МЭР остановились только на финансовых[25] (табл. 2).

Подобное упрощение не случайно. Создание творческой атмосферы в обществе не является задачей МЭР или какого-то другого министерства. Это — задача всей власти. И исполнительной, и законодательной. И, конечно же, общества. Эта трудная задача может быть решена только в том случае, если она открыто политически сформулирована в качестве приоритетной задачи перед нацией и государством. В том числе и прежде всего самой властью.

2. Задача № 2. Сознательное расширение социальной базы класса творческих личностей

…Диктаторы проводят модернизацию, а элита стремится к стабильности[26].
С. Рыбас

…Не пришла ли пора потрясти интеллигенцию, которая изображает себя передовой?[27].
А. Солженицын

Кризис 2008–2011 годов больше всего ударил по материальному положению (сокращение реальных доходов) и творческим возможностям креативного класса. Причем по последним — больнее всего. В итоге его положение в 2011 году было хуже, чем в 2007.

Творческие способности, данные всем при рождении, могут по мере взросления развиваться, а могут и затухать, даже уничтожаться. Все зависит от условий, которые общество, государство, семья создают для развития творческой личности.

Если, например, страны Евросоюза официально считают, что их «главное богатство — человеческие ресурсы Европы»[28], то, соответственно, они формируют такую политику, в качестве главной цели которой выступает развитие НЧП. И наоборот, если государство и общество не заинтересованы в развитии НЧП и творческого потенциала нации, то и процесс его «выращивания» отсутствует, как, к сожалению, происходит в нынешней России. Творческий потенциал остается не раскрытым. «У сегодняшней молодежи хромают воспитание, культура, все что угодно, но таланты у нас до сих пор, к счастью, не перевелись»[29], — считает Г. Вишневская.

Таким образом, политика государства по воспитанию и образованию креативного класса, расширению его социальной базы, созданию для него благоприятных условий — политических, экономических, информационных, других — должна стать реальной практической политикой государства и общества. Существующие традиционные школы балета, драматического искусства, литературы, архитектуры, научные и образовательные школы — это всё те национальные институты социального потенциала, которые при участии государства могут стать **институтами развития творческих способностей нации**. Эти институты способны значительно увеличить долю креативного класса, но изначально важно понимать, что эта доля составляет лишь часть социального потенциала. Ее величина изначально зависит от базы — численности граждан, имеющих высшее образование, определенный доход, доступ к культурным и информационным ресурсам. Чем шире база, тем больше основа для роста национального творческого потенциала.

В 2011 году социальная база творческого класса России оставалась в рамках модели «две России», согласно которой 20% граждан имели относительно благополучный доход и условия для развития, а 80% — находились на грани нищеты и бедности. 2007–2011 годы фактически стабилизировали эту ситуацию на беспрецедентном уровне: богатые за 20 лет реформ стали в 2 раза богаче, а бедные — в 1,5 раза беднее[30]. Как видно на рис. 1, численность бедных стабилизировалась на уровне 13%, что, конечно же, не соответствует действительности. Эта категория граждан относится во всех развитых странах к категории «нищих». Что же касается бедных, то к ним можно отнести по меньшей мере еще 65% населения. Причем за 2088–2011 годы в эту категорию переместились и относительно благополучные слои, которые прежде относились к среднему классу.

Прежде всего это относится к социальной базе класса творческих личностей — среднему классу, которая за 2007–2011 **не росла, а даже сокращалась**. Как свидетельствует один из авторов «Новой газеты» с которым можно согласиться, «с путинским периодом, если уж заходить в область научного, другая история. В 2007 году, согласно исследованиям Независимого института социальной политики, к среднему классу в „широком понимании“ **относилось 15,5% российских домохозяйств**. При этом его ядро, то есть домохозяйства, которые можно было квалифицировать как средний класс по всем трем его признакам — материальным, образовательно-квалификационным, социального самочувствия, — **насчитывало 3,6% домохозяйств**. Максимальная доля „широкого“ среднего класса не превышала **с начала нулевых годов 20%**. И что характерно, даже в годы нефтяного процветания, не говоря уже о кризисе, эта доля **не росла, будучи более точным измерителем состояния экономики и социальной сферы**, чем ВВП. То есть при Путине средний **класс**

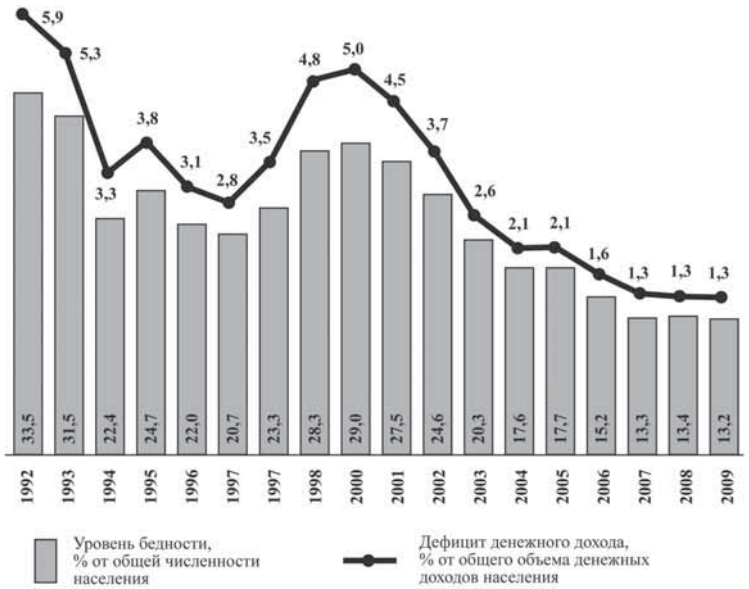


Рис. 1. Уровень бедности в России

не рос. Хотя, возможно, наиболее конформная его часть наряду с бюджетозависимыми слоями и составляет социальную опору путинской стабильности, „капитализма друзей“ и высокой нефтяной конъюнктуры»[31].

Но, как уже говорилось, средний класс и креативный класс не одно и то же. Креативный класс — это совокупность отдельных социальных групп, входящих в различные классы и социальные слои. Поэтому, когда речь идет о расширении социальной базы для креативного класса, необходимо говорить о национальном развитии, **о создании условий для развития креативных групп в разных классах**. Условия же эти не сводятся только (как в случае со средним классом) к трем основным параметрам — доходам, образованию, самоидентификации, но и к другим условиям, которые характерны для креативных групп в различных классах.

Так, для предпринимателей, составляющих порядка 1 млн человек, это одни условия, для бюджетников-исследователей — другие, а для лиц творческих профессий, ведущих самостоятельную экономическую и творческую деятельность, — третьи.

При этом официальный уровень бедности, подчеркну, — условное понятие, которое свидетельствует о физиологическом пороге выживания, а не о реальных возможностях. Эта категория скорее медленно вымирает, а не живет, тем более развивается. Еще одна огромная часть бедного населения фактически выпадает из активной экономической жизни, находясь на грани между бедностью и нищетой. Таких, по разным оценкам, до 40%. Взятые вместе, эти социальные группы насчитывают более половины населения, существующего **вне любых тенденций развития**. Таким образом, нация может полагаться только на 35–40% своих граждан, которые теоретически являются самой верхней границей творческого класса. По своим доходам они относятся, скорее к бедным, чем к нижним слоя среднего класса.

Но, по понятным причинам, эта верхняя граница недостижима. В России, например, значительная часть граждан, обладающих относительно высоким доходом, вообще не хочет работать. Причем, боюсь, что эта часть значительно превосходит даже официальные данные в 10% экономически активного населения.

Что еще хуже, так это то, что из этой же теоретически 40%-ой части граждан большинство не могут найти работу в соответствии со своим образованием и желанием. И не по своей вине. Государство делало, казалось, все, чтобы сократить возможности национального развития. Как были вынуждены признать в 2011 году эксперты, развитие благосостояния российского общества в 2008–2011 годы шло по формуле: «Пить, курить и гонять на автомобиле стало значительно дешевле»[32]. И, действительно, благосостояние общества, точнее, его части, росло за счет непродовольственного сектора: количество телевизоров выросло в 1,6 раза, автомобилей — в 3 раза, расходы на одежду — в 2,2 раза.

Уже говорилось, что на протяжении последних десятилетий государство всеми способами нивелировало, в том числе репрессировало и уничтожало, творческую активность креативной части общества, что особенно явно проявилось с 30-х годов прошлого века. Инерция оказалась настолько сильна, что и в посткоммунистической России такая государственная политика сохранилась. «Партийная линия» на усреднение, выхолащивание индивидуальных способностей, проявившаяся в 1930–1980-е годы, отнюдь не исчезла в XXI веке, превратившись в бюрократический конформизм. По сути, как справедливо отмечал А. Солженицын, страна оказалась перед выбором: преодолеть эту тенденцию, сломав старые правила, дав возможность творческому потенциалу развиваться, или погрязнуть в трясине бюрократизма, коррупции и стяжательства, которые стали новой практической идеологией XXI века в России. Отставание от развитых стран мира, ясно обозначенное в 1970-е годы, стало **отставанием в нравственном и духовном развитии**, углубившемся в 1990-е годы.

Для поступательного развития современного общества и экономики необходимо, чтобы креативный класс, представляющий широкие слови населения, был как можно более широким и представительным. Соотношение такого слоя в общей массе граждан — ключевой показатель развитой экономики и общества. Чем большая часть нации участвует в творческом труде, тем выше темпы и качество развития экономики и общества. И в решении этой задачи роль государства огромна. В свое время Петр I посылал недорослей за границу, а сегодня государство не предпринимает шаги по развитию университетов, информатики, стимулированию ученых. Но и первого, и второго, и третьего явно недостаточно. Все тонет в отсутствии государственной политики, которую я бы назвал сознательным расширением социальной базы творческих личностей.

Простой пример. Создание двух престижных бизнес-школ и федеральных университетов, безусловно, правильный шаг. Но он затрагивает очень узкий, элитарный слой, к которому относятся несколько десятков тысяч студентов. А в России уже сегодня наблюдается процесс сокращения студентов. И дело не только в демографии, но и в том, что современное требование, чтобы высшее образование стало обязательным в будущем, как, например, в Японии, не находит поддержки у руководства страны. Но без этого расширение социальной базы интеллигенции и творческого класса просто невозможно. Как и без организации процесса постоянной переподготовки кадров. Процесса, который должен охватывать всю активную часть жизни всех граждан.

В России, по меньшей мере, две трети нации фактически исключены из процесса эффективного

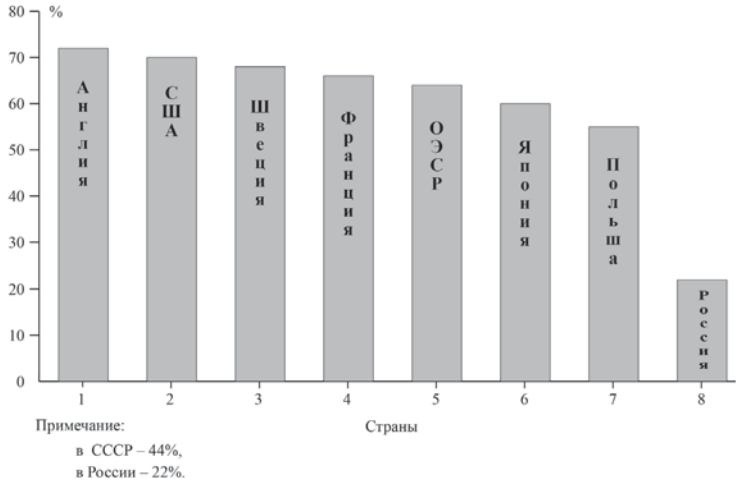


Рис. 2. Доля фонда оплаты труда в ВВП, %

производства, т.к. уровень их доходов (на уровне бедности и нищеты) не предполагает не только приобретения товаров и услуг длительного пользования, но и исключает их из полноценной экономически активной жизни, лишает возможности самореализации. Причем можно говорить о том, что государство **сознательно недоплачивает своим гражданам**. При этом сторонники «либеральной традиции» объясняют это отставанием в производительности труда, что верно лишь отчасти. На самом деле доходы и зарплаты российских граждан отстают примерно в 2 раза от разницы в производительности труда и занимают несоизмеримо малую долю ВВП страны, что наглядно видно из рис. 2.

Таким образом, политика в области заработной платы государства и бизнеса сознательно **суживает** социальную базу для формирования как среднего класса, так и креативных социальных слоев, которые в этих условиях вынуждены заниматься не творчеством, а выживанием. Это относится, конечно, прежде всего к «ядру» креативного класса — большинству ученых, культурных работников, занятых в образовании и инженерии.

Как видно из официальных данных Росстата, носящих впрочем, вполне условный характер, абсолютное число граждан (более 87%) имело душевой доход до 30 тыс. рублей и только 13% — свыше 30 тыс. рублей на человека. Строго говоря, эти 13% — остаточная социальная база для творческих личностей[33] (табл. 3).

Другими словами 25 лет политических и экономических реформ привели к тому, что Россия стала страной нищих и бедных, где только одна десятая (!) часть граждан живет на уровне среднего класса, составляющего в развитых странах до 80% населения.

Табл. 3. Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов[1] (в процентах)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Все население	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
в том числе со среднедушевыми денежными доходами, руб. в месяц:							
до 4000,0	51,1	40,4	28,9	20,5	14,3	9,9	7,4
4000,1–6000,0	20,5	21,1	20,3	17,7	14,8	12,2	10,3
6000,1–8000,0	11,5	13,4	14,9	14,7	13,6	12,3	11,1
8000,1–10 000,0	6,5	8,4	10,3	11,2	11,3	10,9	10,4
10 000,1–15 000,0[2]	10,4	10,0	13,9	17,1	19,1	20,2	20,4
15 000,1–20 000,0[3]	…	6,7	11,7	8,4	10,6	12,3	13,3
20 000,1–30 000,0[4]	…	…	…	10,4	9,6	12,2	14,1
свыше 30 000,0	…	…	…	…	6,7	10,0	**13,0**

[1] Оценка на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения.

[2] 2003 г. — свыше 10 000,0 руб.

[3] 2004, 2005 гг. — свыше 15 000,0 руб.

[4] 2006 г. — свыше 20 000,0 руб.

Табл. 4. Распределение общего объема денежных доходов населения[1]

	1970	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Денежные доходы[2] — всего, процентов	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
в том числе по 20-процентным группам населения:														
первая (с наименьшими доходами)	7,8	10,1	9,8	6,1	5,9	5,7	5,7	5,5	5,4	5,4	5,3	5,1	5,1	5,1
вторая	14,8	14,8	14,9	10,8	10,4	10,4	10,4	10,3	10,1	10,1	9,9	9,7	9,8	9,8
третья	18,0	18,6	18,8	15,2	15,1	15,4	15,4	15,3	15,1	15,1	14,9	14,8	14,8	14,8
четвертая	22,6	23,1	23,8	21,6	21,9	22,8	22,7	22,7	22,7	22,7	22,6	22,5	22,5	22,5
пятая (с наибольшими доходами)	36,8	33,4	32,7	46,3	46,7	45,7	45,8	46,2	46,7	46,7	47,3	47,9	47,8	47,8
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), в разах	…	…	…	13,5	13,9	13,9	14,0	14,5	15,2	15,2	16,0	16,8	16,8	16,7
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	…	…	…	0,387	0,395	0,397	0,397	0,403	0,409	0,409	0,416	0,423	0,422	0,422

[1] Оценка на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения.

[2] 1970–1990 гг. — совокупный доход (с учетом стоимости чистой продукции личных подсобных хозяйств населения).

Табл. 5. Величина прожиточного минимума в 1992–1999 гг.[1]
(в среднем на душу населения; рублей в месяц; до 1998 г. — тыс. руб.)

Годы	Все население	из него по социально-демографическим группам населения			Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, процентов
		Трудоспособное население	пенсионеры	дети	
1992	1,9	2,1	1,3	1,8	212,0
1993	20,6	23,1	14,4	20,7	219,5
1994	86,6	97,4	61,0	87,4	238,7
1995	264,1	297,2	186,2	268,6	195,3
1996	369,4	415,6	260,5	373,2	208,3
1997	411,2	462,4	289,9	415,1	228,7
1998	493,3	554,7	347,9	498,2	204,8
1999	907,8	1002,8	639,9	901,7	182,7

[1] Расчет на основе методических рекомендаций Минтруда России от 10 ноября 1992 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 марта 1992 г. № 210 «О системе минимальных потребительских бюджетов населения РФ».

Если же из этих 13% благополучных граждан вычесть 1% богатых и сверхбогатых, то оказывается, что социальная база для развития нации и роста креативных слоев, логической модернизации чрезвычайно узка. Это ведет, во-первых, к тому, что творческий потенциал нации изначально искусственно ограничен, во-вторых, что нация не может опираться на абсолютное меньшинство при модернизации (отсюда её провал), в-третьих, что политическая стабильность никогда не будет достигнута. Декабрь 2010 года на Манежной площади и в других городах страны показал, что Россия находится на грани социального взрыва, к которому она медленно сползала весь 2011 год.

И причина тому — искусственное недоплачивание заработной платы, сокращение реальных доходов граждан, т.е. сознательная политика правительства и элиты.

Табл. 6. Размеры минимальной оплаты труда и тарифной ставки первого разряда единой тарифной сетки (ЕТС)[34] по оплате труда работников бюджетной сферы (в месяц; рублей; до 1998 г. — тыс. руб.)

Годы, месяцы[1]	Минимальный размер оплаты труда	Размер тарифной ставки 1-го разряда ЕТС[2]	Доплата к тарифной ставке 1-го разряда ЕТС
1991			
Декабрь	0,200	—	—
1992			
Январь	0,342	—	—
Июнь	0,900	—	—
Декабрь	0,900	1,800	—
1993			
Январь	2,250	—	—
Февраль	2,250	2,250	—
Апрель	4,275	4,500	—
Июль	7,740	4,500	—
Сентябрь	7,740	8,000	—
Декабрь	14,620	16,000	—
1994			
Июль	20,500	22,400	16,600
1995			
Март	20,500	39,000	11,700
Апрель	34,400	39,000	11,700
Май	43,700	39,000	11,700
Август	55,000	39,000	11,700
Сентябрь	55,000	60,000	20,000
Ноябрь	57,750	60,000	20,000
Декабрь	60,500	60,000	20,000
1996			
Январь	63,250	60,000	20,000
Апрель	75,900	60,000	20,000
1997			
Январь	83,490	60,000	20,000
Май	83,490	60,000	30,000
1998			
Май	83,49	60,0	30,0
1999			
Апрель	83,49	110,0	—
2000			
Апрель	83,49	132,00	—
Июль	132,00	132,00	—
2001			
Январь	200,0	200,0	—
Июль	300,0	300,0	—
Декабрь	300,0	450,0	—
2002			
Май	450,0	450,0	—
2003			
Октябрь	600,0	600,0	—
2005			
Январь	720,0	720,0	—
Сентябрь	800,0	800,0	—
2006			
Май	1100,0	1100,0	—
2007			
Сентябрь	2300,0	—	—
2009			
Январь	4330,0	—	—

[1] Приведены только месяцы, с 1-го числа которых в соответствии с Федеральными законами «О повышении минимального размера оплаты труда» и «Об упорядочении оплаты труда работников организаций бюджетной сферы» устанавливались новый минимальный размер оплаты труда или (и) размер тарифной ставки 1-го разряда ЕТС и доплата к ней.

[2] С 2007 г. введена новая система оплаты труда работников бюджетной сферы.

С экономической точки зрения эта политика также ущербна потому, что она мешает экономику главного — внутреннего спроса. Причем уже многие годы.

В формальной статистике, впрочем, это находит мало отражения (табл. 4).

Во многом такая социальная политика власти камуфлируется различными условными критериями («потребительская корзина», «прожиточный минимум» и т.д.), которые не имеют ничего общего ни с реальными показателями благополучия, ни даже уровнем биологического выживания. И, уж, тем более с созданием условий для развития нации. Это видно из следующих данных, где «прожиточный минимум» в 1999 году был определен в … 1 тыс. рублей (табл. 5).

Надо признать, что за 2000–2011 годы величина этих искусственных показателей выросла в разы, но также в разы выросла и инфляция. Они остались такими же искусственными в 2011 году, как и были в 1999, но внешне, номинально стали выглядеть более адекватно. Несколько выросла за эти годы и доля зарплат в ВВП — с 40% до 45%.

Ситуация осложняется тем, что средний по России рост доходов граждан (достигший к июлю 2007 г. 500 долл.) сопровождается дальнейшим социальным расслоением населения. Значительные социальные группы по-прежнему «выпадают» из активной экономической и общественной жизни. Это видно из сравнения 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан (децильный коэффициент). По данным московского отделения Росстата, показатель децильного коэффициента в столице равен 41 — т.е. средний богатей богаче среднего бедняка в 41 раз. Для сравнения — в развитых европейских страна этот коэффициент колеблется в районе 6–9, в США — 10–12. Результат красноречив и уже опасен — даже не столько социальным взрывом, как было в России в начале XX века (тогда этот показатель зашкалил за 25), сколько социальной апатией — все больше людей ощущают себя аутсайдерами в этой жизни и не видят перспективы. Численность таких граждан, по некоторым оценкам социологов, достигает 75%. Совпадение с численностью в стране бедных и нищих, думаю, не случайно.

Самый низкий децильный коэффициент в Скандинавских странах «победившего социализма». Дания, Финляндия, Швеция могут похвастаться соотношением самых бедных и самых богатых на уровне 3–4. Примерно такой же уровень социального расслоения был когда-то в СССР. В Германии, Австрии и Франции коэффициент уже выше — 5–7. Экономисты считают такой уровень оптимальным. «Как только децильный коэффициент достигает 10, в стране создаются условия для социальных беспорядков, — пояснил „Известиям“ глава Института экономики РАН Руслан Гринберг. — Это правило не действует разве что в Америке, где коэффициент держится на уровне 10–12. Но там это считается нормальным, поскольку философия американцев отличается от нашей. Там считается: если ты бедный, то сам виноват.

В среднем по России децильный коэффициент держится на уровне 15. А если учесть, что наше население, в отличие от американского, привыкло к социальным гарантиям, это тревожный сигнал для властей. В Москве показатель сегодня достиг и вовсе критического уровня»[35].

Собственно вариант долгосрочной концепции социально-экономического развития, предложенный в августе 2008 года МЭР, предусматривал серьезные поправки. Так, раньше предполагалось, что путь к инновационному развитию будет состоять из трех периодов. Теперь министерство предлагает разбить концепцию на два этапа: до 2012 года в стране будут создаваться условия для инновационного развития и приниматься первоочередные меры, а затем эти результаты должны быть закреплены.

Наиболее кардинальной правке подверглись разделы концепции по инновациям и образованию. Они фактически написаны заново. В планах Минэкономразвития поставлены амбициозные цели: доля промышленных предприятий, внедряющих инновации, должна к 2020 году вырасти более чем в четыре раза, доля высокотехнологичного сектора и «экономика знаний» в объеме ВВП будет составлять не менее 17–20% против сегодняшних 10–11%. А затраты на исследования и разработки должны подняться с 1,1% ВВП до 2,5–3% ВВП.

Такой рост экономики, по мнению авторов Концепции, позволит увеличить реальные располагаемые денежные доходы населения в инновационном варианте в 2,6 раза против 2,3 раза в энергосырьевом варианте и 1,9 раза в инерционном, сократить бедность до 6,2% (6,7% в энергосырьевом и 7,9% в инерционном варианте).

В случае реализации инновационного сценария развития экономики существенно сократится разрыв между Россией и ведущими странами мира по уровню благосостояния. Объем ВВП на душу населения к 2015 г. составит не менее 23 тыс. долл. (в ценах 2005 г.), к 2020 году — более 30 тыс. долл., что приблизительно соответствует современному уровню развития стран Еврозоны. Разрыв в уровне ВВП на душу населения по сравнению с США сократится с трех до менее двух раз (отношение данного показателя возрастает с 32% до 57% от уровня США). В 2030 г. уровень ВВП на душу населения достигнет 50 тыс. долл., что превысит средний уровень стран Еврозоны, — полагают авторы МЭРа.

Однако эти благие намерения МЭРа и правительства остались лишь планами. Реалии таковы: за 2008–2011 годы доходы 80% граждан не росли. Да и значительная часть благополучных 20%

Табл. 7. Индикаторы инновационного счастья

Индикаторы	Что будет в 2020 году	Что было в 2007 году
Среднемесячная заработная плата	$2,7 тыс.	$536
ВВП на душу населения	$30 тыс.	$13 тыс.
Средний уровень обеспеченности жильем на человека	30–35 кв. м.	21,7 кв. м.
Средняя продолжительность жизни	75 лет	66 лет
Доля среднего класса	Более 50%	20%
Доля высокотехнологичного сектора и «экономики знаний» в ВВП	17–20%	10,5%
Доля инновационной продукции в объеме выпуска	25–35%	2,5%

Источник: Минэкономразвития, Росстат.

граждан переместилась из этой категории в категорию менее обеспеченных. Намеченная в 2011 году В. Путиным корректировка» Концепции пока не предусматривает исправления ситуации. Она скорее фиксирует создавшееся положение, которое, на самом деле, является неприемлемым. По этому поводу я неоднократно писал в 2011 году, в частности, следующее: «…при корректировке Стратегии–2020 нужно делать, на мой взгляд, акцент прежде всего на социальной составляющей, а именно — развитии национального человеческого капитала (НЧК)»[36].

Доля России в мировой экономике увеличится с 3,2% в 2007 г. до 3,8% в 2015 г. и 4,3% в 2020 г. По размеру экономики Россия переместится с восьмого места в 2007 г. на пятое место в 2020 г. Издание «Gzt.ru» предлагает следующую таблицу (табл. 7), суммирующую некоторые данные, приведенные в Концепции.

В этой связи **расширение социальных групп,** способных учиться и участвовать в создании новой экономики, становится важнейшей экономической и политической задачей. Например, ипотека предполагает, что с помощью этого механизма возможность приобретать жилье получат уже не 5–8% граждан, а 20–25%, даже 30%. Но это пока что далекая перспектива.

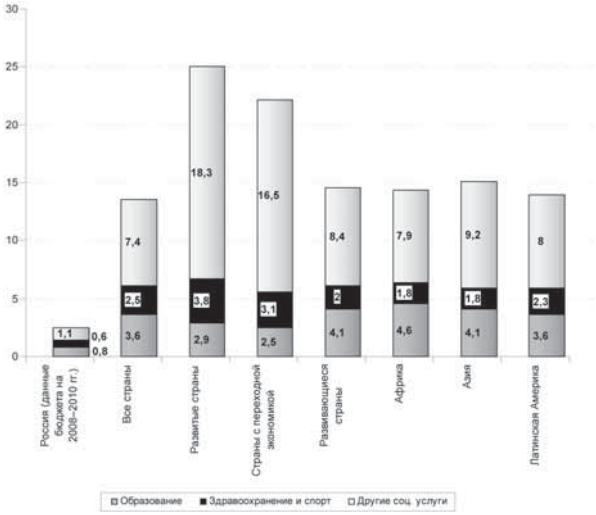
Понятно, что, **во-первых,** даже такая амбициозная задача выглядит более чем скромно. В развитом обществе такой способностью должны обладать 80–90% граждан, а остальным государство должно обеспечить социальное жилье. **Во-вторых**, темпы, предусмотренные в ПНП «Доступное жилье» и программе «Жилище» очевидно недостаточны. Они исходят из прогнозных оценок нынешних темпов развития, а не из потребностей общества. В реальности же выход на уровень 80–90% возможен только в том случае, когда при значительном, качественном росте объемов строящегося жилья и замораживании роста цен возможность приобретения жилья будет стремительно увеличиваться. Это связано исключительно с ростом доходов граждан, причем не сегодняшними темпами — в 10–15% в год, а на **сотни процентов**. Просто потому, что рост доходов, особенно в 2008–2011 годы, серьезно отставал от инфляции и роста тарифов.

Таким образом, наиболее приоритетной социально-политической задачей власти становится **немедленное повышение уровня жизни граждан.** Причем всей власти — и законодательной, и исполнительной, и судебной, и информационной, а не только правительства.

Очевидное недофинансирование социальной области в России хорошо видно на примере сравнения с другими странами[37].

Необходимо обеспечить немедленное, т.е. в течение одного–двух лет, повышение уровня жизни, прежде всего бюджетников — учителей, врачей, служащих, — на 300–400%, с тем чтобы гарантировать прожиточный минимум, который не ущемлял бы ни их человеческого достоинства, ни гражданских прав личности. Сегодняшний прожиточный минимум никакой объективной характеристике не поддается. Он в 10–15 раз ниже, чем в развитых странах, т.е. **несопоставим**. Поэтому несопоставимы и уровни развития экономики и общества. Эти показатели (такие, как МРОТ и другие) абсолютно не соответствуют финансовым и экономическим возможностям государства. Но ниже прожиточного уровня в России проживает четверть населения — более 30 млн человек. А 10 млн человек живут на доходы менее 1000 рублей (рис. 3).

Русский инженер, ученый, врач должны зарабатывать *не меньше,* чем определено нынешнее пособие по безработице для необразованного американца, т.е. 900 долл. Для сравнения приведем пример. В 2005 г. каждый восьмой американец жил в бедности, говорится в докладе Бюро переписи США. В документе отмечается, что слишком низкие доходы получали 37 млн человек, т.е. 12,6% населения. При этом условия жизни афроамериканцев и людей латиноамериканского происхождения значительно хуже,



Среди рассмотренных групп стран Россия выделяет наименьшую долю расходов федерального бюджета (в % от ВВП) на социальную сферу.

Рис. 3. Позиционирование России и различных групп стран по доли расходов в ВВП на социальную сферу. Доля расходов федерального бюджета на социальную сферу в ВВП (%)

чем у белых граждан США. Так, бедными признаны примерно 25% чернокожих американцев и почти 22% выходцев из Латинской Америки. Показатели у «белого» населения лучше: от бедности страдают 8,3%, тогда как в 2004 г. этот показатель достигал 8,7%. Наиболее остро проблема бедности стоит в крупных городах, например Кливленде и Детройте. Эксперты считали бедными людей, чей ежегодный доход был ниже 10 тыс. долл., а также семьи из четырех человек с общим ежегодным доходом меньше 20 тыс. долл. При этом средний уровень доходов по США увеличился в 2005 г. и впервые с 1999 г. и составил 46 236 долл.[38]

Но, кроме социальной составляющей, у этой проблемы есть и другие негативные стороны. Нежелание и невозможность проходить переподготовку, «утечка мозгов», низкое качество труда — вот лишь некоторые неизбежные последствия такой недооценки. Если в конечной стоимости продукта или услуги до 75% занимает стоимость труда в странах с эффективной экономикой, то в России — только 25–30%.

Ситуация в этой области хотя и медленно, но начала меняется накануне кризиса. Представляет интерес анализ данных о доходах населения страны, представленных Росстатом в июле 2006 г. за первую половину 2006 г. в сопоставлении с тем же периодом 2005 г.:

— выросли доходы 10% наиболее богатых граждан (с 29,6% до 29,9% от всех полученных доходов);
— на прежнем уровне остались доходы 10% наименее обеспеченной части населения (2%);
— в то же время, если объединить три группы граждан с доходами от 1500 до 3500 рублей в месяц на человека в условную категорию «нищих», то она за прошедший год сократилась с 29 до 20%;
— такое же объединение близких по уровню доходов групп (до 4500, до 6000 и до 8000 рублей), условно называемую «бедные», показывает, что она за год также сократилась с 41,9% до 40,2%;
— группы с доходами до и более 12 000 рублей на человека, которые можно отнести к среднему классу, значительно выросли (с душевым доходом до 12 000 руб. с 15,3 до 18,5%, а свыше 12 000 рублей еще больше — с 13,5 до 21,2%). В сумме это составляет почти 40%., что означает устойчивую тенденцию к созданию в России основы для формирования среднего класса.

Учитывая сказанное, можно сделать вывод: сохранение даже этой инерционной тенденции могло привести к ситуации, когда социальная структура российского общества могла качественно измениться: категория «нищих» сократилась бы до 10–11%; категория «бедных» уменьшится до 35–37% (самый болезненный для России показатель); категории среднего класса («низший» и «высший» средний класс) стали бы доминировать, превысив 40%. Но этого не произошло. Но не столько из-за кризиса, сколько из-за политики финансовых властей в 2007–2011 годы, которые сознательно игнорировали необходимость роста реальных доходов. В этой области, также как и в экономике, сложилась устойчивая тенденция стагнации.

В среднесрочной перспективе (два–три года) в России в основном необходимо сформировать вполне современную социальную структуру общества, а также соответствующую ей устойчивую политическую систему. Это — залог опережающего развития и главное условие развития креативного класса в стране. Если государство конкретными законопроектами усилит эту тенденцию, то в России практически сложится современная структура общества, где преобладает так называемый средний класс и креативный класс. Конечно, эта структура еще не будет соответствовать, например, скандинавской, но она уже не будет относиться и к категории отсталых стран.

При этом ключевой проблемой станет ускорение сокращения удельного веса группы «бедных», прежде всего бюджетников, занятых в образовании, здравоохранении, науке. Именно здесь концентрируется интеллект нации, т.е. в бедных слоях населения. Именно рост их благосостояния обеспечит решение задач создания современного инновационного общества — как с точки зрения формирования среднего класса, так и с точки зрения развития интеллектуального потенциала общества в целом.

Таким образом, реализация НЧП приобретает дополнительный социально-политический аспект: концентрируя усилия на росте доходов в отраслях, где преобладают бюджетники — представители креативного класса, государство одновременно решает не только социальную задачу, но и задачу создания современной экономики и современного общества. Другими словами проводит реальную модернизационную политику.

3. Задача № 3. «Большой скачок» как стимул для формирования креативного класса

К 2014 году Россия… продолжит двигаться по инерции к следующему кризису…[39].
Е. Письменная, О. Кувшинова

Если в корне не изменить отношение к науке, вопросы о внедрении инноваций в нашей стране просто перестанут существовать[40].
Г. Месяц,
вице-президент РАН

Необходимость опережающего развития страны уже стала очевидной, но парадокс заключается в том, что эта очевидная необходимость за 2007–2011 годы не стала реальной политической целью и установкой для правящего класса. Она не вошла ни в один нормативный документ, ни в одну концепцию развития. Между тем такая цель могла бы стать политической предпосылкой для создания современной социальной структуры общества. В 2011 году, уже по выходе из кризиса, России очутилась в той же ситуации, как и в 2007 году, до кризиса. Потеряв 4 года, она ничего не приобрела — ни технологий, ни социального развития, ни даже количественного роста ВВП. Все разговоры об инновациях 2008–2010 годов и выделения бюджетных средств ни к чему не привели. Точнее, — привели к провалу «Стратегии–2020». Основная причина, на мой взгляд, нежелание правящей элиты сформулировать национальную стратегию развития и принять обязательные для этого решения — долгосрочный план и перераспределение ресурсов. Включая бюджетные[41].

Примечательно, что, оказавшись в 2011 году в той же точке, российская элита и не думает ничего принципиально менять. И, прежде всего, отказываться от инерционного мышления, сценария развития и такого же инерционного подхода к стратегическому прогнозу и стратегическому планированию. Новая версия такого прогноза, разработанная весной 2011 года МЭР, как признавали чиновники, ляжет в основу будущего трехлетнего бюджета, т.е. бюджетного планирования. Примечательно, что основные показатели такого прогноза не просто инерционны, но по-прежнему исключают социальную политику и значение развития НЧП. Фактически это не социально-экономический прогноз, а прогноз макроэкономических показателей, который почему-то называют по-другому[42] (табл. 8).

За исключением роста реальных доходов населения (весьма скромного и относящегося, как правило, к сверхблагополучным слоям), в прогнозе не пытаются прогнозировать ни численность населения, ни уровень образования, ни, наконец, результаты инновационно-модернизационной политики в ближайшие три года. Получается, что эти результаты не прогнозируются, не планируются, не учитываются в бюджете…[43]

Вместе с тем возможен не только другой социально-экономический прогноз, но и — главное — **не инерционное** развитие, своего рода «Большой скачок», связанный, во-первых, с опережающим развитием институтов социального потенциала, во-вторых, с сознательным развитием творческих социальных групп, а, в-третьих, сознательно организуемыми «технологическими прорывами», резкой интенсификацией развития национальной наукоемкой промышленности. Как справедливо заметил в это же вре-

Табл. 8. Основные показатели прогноза социально-экономического развития на 2011-2014 гг.

	2011	2012	2013	2014
Нефть Urals/S за барр.	105	93	95	97
Инфляция, %	7–7,5	5-6	4,5–5,5	4–5
Курс доллара (среднегодовой), руб./$	28,4	27,9	27,9	28
Рост ВВП, %	4,2	3,5	4,2	4,6
Рост промпроизводства,%	5,4	3,5	4	4,2
Рост инвестиций в основной капитал, %	6	8,8	7,7	9,6
Рост реальных доходов населения, %	1,5	4	4,4	5
Рост оборота розничной торговли, %	3,8	4,5	5,3	6
Экспорт, млрд долл.	503,8	494,4	512,3	536,5
Импорт, млрд долл.	308,7	352,4	396	444,6

(Где социальные цели?)

мя М. Делягин, избежать инерционного сценария можно только резко интенсифицировав развитие на базе новых, прорывных технологий[44]. Хочу особенно подчеркнуть: не заимствованных, а национальных[45].

Собственно говоря международный опыт также это подтверждает. Наиболее удачные примеры — Финляндия, Израиль, Индия, США — показывают, что национальные инновационные системы (НИС), которые смогли организовать такие «прорывы», основывались именно на национальных научно-образовательных и промышленных потенциалах[46].

Таким образом, в России весной 2011 года сложились две партии, две позиции (М. Делягин, конечно же, не одинок) — «партия „скачка"», опирающаяся на технологические прорывы и социальную политику, и «партия инерции», которая традиционно исходит из инерционного прогноза, а в действительности из опоры на «нефтяные» цены и сырьевую экономику. Стоит, правда, оговориться, что внутри этой партии в 2010–2011 года выделилось «прогрессивное» либеральное крыло, которое предложило отход от инерционной политики «либерализовав» либеральный курс Д. Медведева — В. Путина. Это нашло свое отражение в целом ряде документов, появившихся в эти годы[47].

При этом «партия инерции», даже делая вид, что участвует в политически провозглашенном курсе на модернизацию, **игнорирует** эти инициативы и даже не пытается использовать НЧП и креативные слои общества.

К 2008 году Россия вплотную встала перед выбором модели будущего развития. Период стабилизации закончился, но какой путь развития выбирать — инерционный, экстенсивный или инновационный? В 2008 году это понимали, кажется, уже все[48]. Но этот выбор так и не был сделан в 2008 году.Если в феврале 2008 года Д. Медведеву приходилось говорить о трудном и неизбежном выборе модели развития, то в августе этого же года в Концепции долгосрочного развития говорилось уже о вариантах инновационного развития, которые, к сожалению, очень походили на прежние инерционные модели. Так, в Концепции в августе 2008 года признавалось: «Инновационный социально-ориентированный тип роста имеет ряд качественных и количественных характеристик.

Во-первых, он опирается на модернизацию традиционных секторов российской экономики (нефтегазового, сырьевого, аграрного и транспортного), опережающее развитие высоких переделов, которые вплоть до 2020 года остаются ведущими секторами производства ВВП»[49].

Другими словами, на среднесрочную перспективу приоритетом оставалась «модернизация традиционных секторов», т.е. задача качественного прорыва не ставилась. Соответственно не требовалось и радикальных изменений в социальной политике, хотя они уже давным-давно назрели. Таким образом, говорить о создании социальных и технологических условий опережающего развития в 2008 году с принятием Концепции–2020 не было оснований. Наступивший кризис вообще подвел черту под спорами об опережающем развитии.

Что касается уже не среднесрочной, а долгосрочной перспективы, такая задача, надо признать, в общих чертах в то время формулировалась: «…превращение инноваций в ведущий фактор экономического роста во всех секторах экономики, повышение производительности труда в ведущих секторах, определяющих национальную конкурентоспособность, в 3–5 раз и снижение энергоемкости в среднем в 1,6–1,8 раза. Доля промышленных предприятий, осуществляющих технологические инновации, должна возрасти до 40–50% (2007 год — 8,5%), а инновационной продукции в объеме выпуска — до 25–35% (2007 год — 5,5%)»[50]. Но она, как видно, рассматривалась теоретически, переносилась на далекую перспективу. Почему?

Вопрос отнюдь не риторический, хотя вроде бы понятно, что перспективы у экстенсивного варианта нет. Но есть многое другое — инерция, привычка, внешняя простота, но, главное, стремление сохранить пресловутую макроэкономическую стабильность.

России в любом случае предстоит выбрать между имитацией инновационного развития и подлинным «рывком» в будущее. И это стало ясно в 2011 году. Выбор этот, прежде всего, **идеологический** — как окончательный разрыв с неолиберальным прошлым и зависимостью от западных (далеко не лучших) моделей, от которых на Западе давно уже отказались. (У «прогрессивных» либералов, правда, в 2011 году возникла идея совершить скачок, используя неолиберальные методы).

Проблема в том, что времени у России нет. Это только кажется, что разница между экстенсивным и интенсивным вариантами небольшая. На самом деле эта разница принципиальная, я бы сказал революционная.

Необходимо отказаться от нынешней инерционной модели развития, которая ориентируется на сохранение макроэкономической стабильности в ущерб задачам развития. Надо прежде всего признать, что стремительный рост золотовалютных резервов (ЗВР) и Стабфонда, в 2005–2007 годах, как один из результатов экономической стабилизации, стал фактором **сдерживания экономического и социального развития**. Но главное — это то, что улучшение макроэкономических показателей в России не должно становиться самоцелью, тем более что инфляционный критерий не выдерживается. Цель — рывок в научно-техническом и социально-экономическом развитии, а не рост ЗВР и Стабфонда, которые после достижения определенных размеров просто теряют свое значение. Эта проблема вновь стала актуальной в 2011 году, когда показалось, что проблема бюджетного дефицита уже решена и стали снова думать, в какую кубышку складывать нефтедоллары.

Необходимо уже в ближайшее время сделать неизбежный выбор — развитие или стабильность.

Нельзя одновременно сидеть и двигаться. Нужно срочно выбирать. А это прежде всего политический выбор. Выбор, от которого уже не уйти. Политический выбор в пользу инноваций — это уже отказ от инерции, от бюрократии — в пользу профессионализма и креатива. Легко ли в реальности такой выбор сделать? Трудно, почти невозможно, но необходимо. Вариант концепции социально-экономического развития (от августа 2008 г.), даже с учетом корректив 2011 года, не отвечает этим требованиям.

Так, в Концепции оптимистично выглядел лишь второй в этап (2013–2020 годы) — как «рывок в повышении глобальной конкурентоспособности экономики на основе ее перехода на новую технологическую базу (информационные, био- и нанотехнологии), улучшения качества человеческого потенциала и социальной среды, структурной диверсификации экономики»[51].

Но и его целевые показатели представлялись весьма скромными (табл. 9).

Если называть вещи своими именами, то запланированный в 2008 году уровень будет соответствовать европейскому уровню 1985–1990 годов, а по некоторым показателем (продолжительности жизни, производительности труда, расходам на образование и здравоохранение) — еще ниже.

Вывод: цели 2020 года — это прошлое Европы XX века, т.е. **запланированное отставание**. Тем более что мы с этим выбором уже опоздали на десятилетия. Сегодня нам уже **не догнать** развитые государства в обозримой перспективе 25–30 лет, если мы сохраним существующие темпы развития, если не сможем активно использовать наш интеллектуальный и духовный потенциал, который ныне используется на доли процентов. Масштабы инновационной деятельности в российской промышленности составляют всего три процента, а ее доля в мировом наукоемком экспорте — менее 0,3% (при том, что доля ВВП — 3,0%). Нам необходим **качественный скачок,** который можно совершить, используя в полной мере стратегические направления научно-технической революции и развития. На национальной основе.

Понятно и очевидно, что свободные ресурсы необходимо инвестировать в знания — образование, науку, инновации, повышение социальных стандартов, качества жизни граждан. Все это реальные инвестиции, более реальные и выгодные, чем Стабфонд и ЗВР. Ныне недофинансирование этих сфер составляет 150–200%, а учитывая их важность в развитии творческого потенциала нации и потерянные 15 лет, — 250–300%. Это те параметры, которые могут быть признаны **минимальными** для государственного финансирования на ближайшие пять–семь лет.

Подчеркну свою мысль: «инерционная модель развития» — это — **образ мышления и образ поведения** российской элиты. Ничего нет труднее избавления от многолетних привычек, но если мы хотим перейти к экономике знаний, то это придется сделать.

И еще. Инерция предполагает бюрократическую модель управления при минимальном участии интеллекта и творческого потенциала нации. Они практически не требуются в этой ситуации, ведь нормативные документы и исполнительность заменяют и то и другое. Поэтому смена инерционной модели на творческую, «технологический скачок» потребуют отказа не только от штампов и бюрократической логике, но и **пересмотра прогнозов и оценок**. Выше я уже писал, что макроэкономический прогноз во многом **программирует** не только планы действий, но и их результаты. Вот еще один пример прогноза Концепции долгосрочного развития, подготовленный в августе 2008 г., который программирует инерционность на долгосрочную перспективу (табл. 10).

Как видно из этого долгосрочного прогноза, в России продолжится сокращение относительного разрыва в уровне благосостояния населения развитых стран и быстроразвивающихся регионов Азии, СНГ и Латинской Америки. Но этот разрыв будет сокращаться инерционно, точнее — никак.

Переход к инновационной модели развития требует не только политической воли и смены экономического алгоритма, но и вовлечения в процесс креативных групп граждан, дебюрократизации управления, а в конечном счете — опоры на интел-

Табл. 9. Целевые макроэкономические индикаторы второго этапа (2020 год к 2012 году)

Увеличение ожидаемой продолжительности жизни, лет	2
Рост ВВП, %	164–166
Рост производительности труда, %	171–178
Снижение энергоемкости ВВП, %	70–75
Рост реальных располагаемых доходов населения, %	164–172
Рост инвестиций в основной капитал, %	215–223
Расходы на НИОКР на конец периода, % к ВВП	3
Расходы на образование на конец периода, % к ВВП	6–7
Расходы на здравоохранение на конец периода, % к ВВП	6,7–7

Табл. 10. Динамика ВВП по отдельным странам мира, %

	2006–2010 гг.		2011–2015 гг.		2016–2020 гг.	
	темпы прироста ВВП	вклад в мировой рост	темпы прироста ВВП	вклад в мировой рост	темпы прироста ВВП	вклад в мировой рост
Весь мир	4,5	100,0	4,4	100,0	4,0	100,0
США	2,2	10,1	3,0	13,0	2,8	12,4
страны Еврозоны	2,0	7,1	2,2	6,9	1,9	5,8
Япония	1,9	2,8	2,0	2,6	1,6	2,0
страны BRIC	8,8	42,1	7,2	5,2	6,1	43,4
Бразилия	4,4	2,8	3,6	2,3	3,4	2,3
Россия	7,3	5,3	6,4	5,2	6,4	6,3
Индия	8,6	8,8	7,3	8,9	6,2	9,3
Китай	10,5	25,4	8,1	25,3	6,5	25,5

лект и творчество, что на первых этапах перехода неизбежно **не будет соответствовать** российской традиции и практике. Значит нужна идея, даже сверхидея, такого скачка, подкрепленная соответствующей идеологией национального развития.

Иными словами, отход от макроэкономической, инерционной модели развития предполагает не только **неизбежное изменение структуры** как федерального, так и консолидированного бюджета в пользу отраслей, определяющих развитие экономики знаний и творческого потенциала нации, но и смену образа мышления элиты страны, ее отход от привычной традиции, бюрократических процедур в управлении и смене кадрового потенциала за счет привлечения широких социальных групп граждан, способных на творческую, профессиональную и интеллектуальную работу. В конечном счете это означает отказ от либеральной традиции, то есть смену либеральной системы взглядов (идеологии) правящей элиты на национальную и социальную систему. Отход от инерционной модели, таким образом, означает не просто отход от традиционного экономического алгоритма, но переход к другой системе идеологических, политических и социокультурных координат.

4. Задача № 4. Решение проблемы безопасности граждан как острейшая задача, стоящая перед креативным классом

Политико-философский дискурс последних десятилетий характеризуется повышенным вниманием с проблемам справедливости[52].

Н Печёрская, философ

Власть, устроенная так, что ей нельзя вверить все полномочия, которые свободный народ должен делегировать своему правительству, не является надежным и надлежащим попечителем национальных интересов[53].

А. Гамильтон, 1787 г.

Рост социальной напряженности и радикализма в России в 2007–2011 годах достиг, кажется, своего предела. Отчасти это явилось отражением общих тенденций (в 2011 году, например, произошли вопиющие случаи в благополучных странах, таких, как: Норвегия, Великобритания, Греция, Франция) игнорирования национальной специфики и неадекватной социальной политики в условиях кризиса. Но в значительной мере это стало прямым следствием проводимой правящей элитой России антисоциальной и антинациональной политики.

По сути дела нация находится в состоянии войны. И не только с террористами, но и техногенными катастрофами, авиапроисшествиями, автоавариями, злобным чиновничеством, вымогателями и бандитами. Ее наименее защищенной частью является интеллигенция и креативный класс: в созданном либералами мире страдает больше всех не богатый (он покупает безопасность) и не нищий (у того ее

просто нет), а тот, кто занят творческим трудом. У него мышц, паткости и наплевательского отношения к человеку и морали меньше, чем у других.

Проблема личной физической безопасности во все времена являлась приоритетной. Среди всех обязанностей государства обеспечение личной безопасности — самая прямая, непосредственная и бесспорная. Очевидно, что любые, даже самые острые, экономические и социальные проблемы отступают на второй план, когда появляется угроза смерти или здоровью. Тем более, если эта угроза носит массовый и продолжительный характер. Это — нормально, ведь биологический интерес выживания всегда генетически стоял выше других интересов — экономических, социальных, личных. Лишь иногда, на высшем духовном подъеме, человек готов жертвовать жизнью и безопасностью ради еще более высоких целей. Так случается во время войн, религиозного или гражданского проявления — высшего из духовных качеств человека.

Креативный класс, за редким исключением, оказывается самым беззащитным. Он не может ни защитить себя физически, ни эффективно обратиться за помощью к государству — такова природа интеллигенции. И этот класс наиболее страдающий. Не случайно ведь на экранах появились герои типа «Бэтмана» и другие.

Важное стратегическое значение для сохранения государства имеет решение проблемы безопасности именно этих социальных групп граждан. Существует очевидная и прямая взаимосвязь между количеством убийств, суицидов и демографической ситуацией. Более того, считается, что до 80% в решении демографической проблемы России зависит от нематериальных факторов, прежде всего от духовно-нравственного состояния общества (Сколько из них приходится на социально активные группы, никто не считал!) Социальный пессимизм, страхи, уныние и депрессии сегодня являются главными негативными демографическими факторами. Обращает на себя внимание, например, приоритетность тревог и страхов среди москвичей (оговоримся, что в других регионах ситуация иная)[54] (табл. 11).

Табл. 11. Рейтинг страхов москвичей

	в %
Посягательство на жизнь и здоровье близких	60
Социальные конфликты	51
Болезни и смерть близких	49
Посягательство на жизнь и здоровье	47
Стихийные бедствия	44
Потеря здоровья из-за болезни	43
Потеря здоровья из-за несчастного случая	37
Посягательство на имущество	27
Одиночество	26
Позор из-за клеветы	8
Тюрьма, арест	7
Крупные финансовые потери	6
Позор из-за попадания в неприличную ситуацию	2

Эксперт В. Овчинский пишет: «Произошла вещь совершенно дикая. Начиная с 1981 года количество преступлений за каждые десять лет увеличивалось на один миллион. Но с введением в 2002 году нового УПК, направленного на уменьшение количества уголовных дел, эту же дистанцию мы прошли за три года! Криминологи называют это «криминальным взрывом». Это значит, что действующая уголовная политика не срабатывает, несет обратный эффект. В 2005 году мы вышли на первое место в мире по количеству убийств на долю населения (21,5 на 100 тыс.). Кроме того, 18 тыс. человек в 2005 году умерли от тяжкого причинения вреда здоровью — это те же убийства фактически, а 20 тыс. — пропали без вести (среди них, по оценкам экспертов, убитых не менее трети), 50 тыс. покончили жизнь самоубийством — в т.ч. не менее 5% закамуфлированных убийств. Реальное минимальное число убитых за 2005 год, по нашим данным, — 60 тыс.! Это — кризис всей социальной политики государства. Это значит, что государство фактически не справляется со своей главной функцией — защитой граждан от посягательств на их жизнь и здоровье.

Все это результат отсутствия вразумительной национальной политики в целом и, в частности, радикально-либерального подхода к уголовной политике»[55].

Сегодня физическая, правовая, материальная безопасность граждан в России реально **не существует**. Убивают и грабят на улице, в метро, в собственных квартирах, на работе. И больше всего от этого страдают, естественно, те, кто создает интеллектуальный, культурный и духовный потенциал. Социальная защищенность предполагает и физическую защищенность граждан, их уверенность в безопасности общества и государства. Чувство безопасности, уверенности решительно добавляет потенциалу социального оптимизма, которого, надо признать, становится год от года все меньше.

С экономической точки зрения, мероприятия в этой области не требуют сверхзатрат. Речь идет, прежде всего, о том, чтобы власть и общество сделали человеческую жизнь, здоровье **высшей ценностью государства и общества, когда каждая потерянная жизнь** или здоровье каждого человека воспринимались бы как национальная трагедия, будь то смерть от отравления некачественными продуктами, травматизм, несчастье от ДТП или ошибка врача.

Собственно НЧП, измеряемый разными индексами, может отражать уровень безопасности граждан и их настроения. Не только в стране, но и в каж-

дом отдельно взятом регионе, районе, даже органе местного самоуправления. Технически это задача не сложная и в 2011 году я со своими коллегами создал такую систему мониторинга на портале www.viperson.ru. Позже на сайте «Рейтинги регионов».

Если бы власть этого захотела, то полноценную систему, которая описывала бы в постоянном режиме состояние общества в отдельных регионах и районах страны, можно было бы не только создать, но и использовать для оценки эффективности управления.

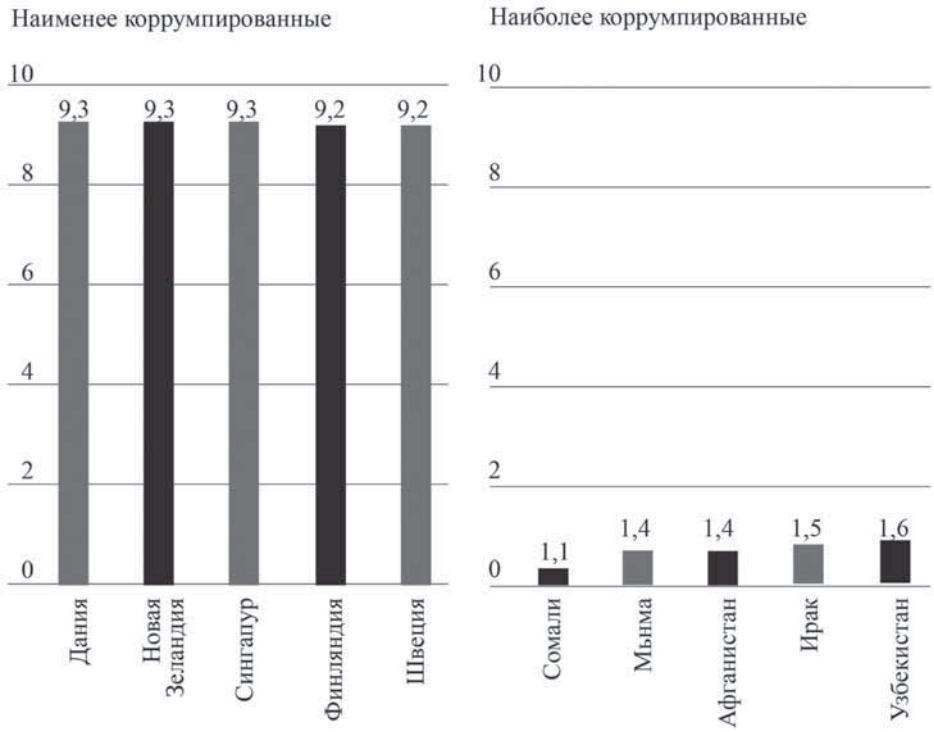
5. Задача № 5. Ликвидация коррупции как системы, препятствующей развитию креативного класса

…Социокультурная модернизация отстала от экономической — на целый век. В итоге в 1970-е — начале 1980-х годов «захлебнулась» и технико-технологическая модернизация[56].
С. Магарил

Одно слово правды весь мир перевесит.
А. Солженицын

Тема коррупции в 2008–2011 годах стала, наверное, одной из наиболее популярных тем в российских СМИ. Ей ежедневно уделялось максимум внимания и президентом Д. Медведевым, который сделал ее центральной темой в своих выступлений. Подход к решению этой проблемы, однако, вызывает сомнение. И вот почему. Современная российская коррупция это:

— сознательно сделанная правящей элитой в 1990-е годы **система управления** обществом, экономикой и государством, изменить которую можно только заменив ее другой, **не менее, а более эффективной политико-идеологической системой**. Пока же власть борется только с отдельными, частными ее проявлениями, по сути дела, только одним способом — активизируя деятельность правоохранительных органов;
— в коррупции главный аспект — идеологический. Только общество, где нравственные основы довлеют над экономическими и правовыми, способно решить эту проблему. В отсутствие таких основ и такой идеологии борьба с коррупцией становится инструментом политической или экономической борьбы;



* Государство оценивается по 10-балльной шкале.
Чем выше Балл, тем благополучнее ситуация с коррупцией

Источник: Transparency International

Рис. 4. Рейтинг коррумпированности стран мира (в баллах)*

— коррупция, как система управления, несовместима с национально-ориентированной социальной политикой, прежде всего с принципом социальной справедливости. И наоборот, если такого принципа не придерживаются, коррупция становится общепринятой нормой взаимоотношений в обществе.
— коррупция в российском обществе стала «рентной платой» креативных слоев правящей элите. За обучение, допуск к информации, продвижение знаний и т.д., — за всё то, что ставит творческие социальные группы, которые, как правило, в наименьшей степени приспособлены к такой практике, в прямую зависимость от правящей элиты и управленческого аппарата[57].

Надо признать, что Россия занимает «почетное» место среди наиболее коррумпированных стран. При этом, чем больше борьбы с коррупцией, тем богаче становятся как сами коррупционеры, так и борцы с ними (рис. 4).

Кампания борьбы с коррупцией, начатая Д. Медведевым, на самом деле означает провал всех предыдущих усилий власти, ведь В. Путин еще в своем первом президентском послании признал эту проблему важнейшей для страны. Хотя А. Гуров и считает, что политически «обстановка значительно улучшилась», факты говорят о другом: в 2010 году к ответственности было привлечено всего 9 тыс. коррупционеров. Для примера: в Китае, где идет война с коррупцией, их численность ежегодно достигает 400 тыс. человек. Причем 90% наказываются морально и идеологически и только менее 10% уголовно-административно.

Россия сегодня, по сути, повторяет ошибку СССР: акцентируя внимание на технологических аспектах модернизации, она игнорирует де-факто социальные либо, в лучшем случае, сводит их к проблеме корректировки политической системы. Вне поля зрения остается социальная атмосфера, в которой формируется и существует креативный класс, в том числе откровенно коррупционная система управления обществом и экономикой.

Социально активный представитель креативной группы наименее приспособлен к коррупции. Для него важнее всего творчество, дело, работа, и он не будет, как правило, добиваться результатов обходными путями, а тем более искать пути незаконного обогащения. Простой пример с нобелевским лауреатом Г. Перельманом, отказавшимся получить премию. Но таких примеров много. Просить за себя в этой среде не принято, неприлично и несвойственно. Тем более предлагать деньги. Тем более за государственные услуги.

Мало кто знает выдающихся деятелей — представителей этой социальной группы, преуспевших в рыночные времена. А сколько тысяч, десятков и даже сотен тысяч артистов, ученых, художников так и не дошли до положенной им пенсии или умерли, в собесе. Я лично знал много таких. И уж, во всяком случае, они никогда не будут пользоваться взяткой.

Итак, эта социальная группа, во-первых, абсолютно беззащитна от коррупции, а во-вторых, внутренне не готова с ней бороться. Другими словами, она самая благодарная среда для коррупционеров и вымогателей. Опыт 1990-х годов это показывает. Отнятые квартиры, дачи, библиотеки, гаражи, а главное, лаборатории и мастерские привели к **физической ликвидации** значительной части этой социальной группы, имущества и собственности.

Конечно, коррупция — сложное политико-идеологическое, социальное и экономическое явление, характерные для всей современной России. Она стала основой, причем системообразующей, для системы управления нынешней власти и экономики. Поэтому ее ликвидация может (кроме, безусловно, позитивных итогов) привести к серьезным системным потрясениям: переход от устоявшегося порядка жизни «по понятиям» к правовому государству не просто труден, но и опасен. Об этом, к сожалению, многие забывают. Считается, что просто борьба с коррупцией приведет к немедленным позитивным результатам. Но как жить в обществе, где вся система взаимоотношений — от врача, милиционера, учителя до высшего государственного чиновника — базируется на коррупции. Ломать всю систему?

Это проще сказать, чем сделать. Нынешние планы борьбы с коррупцией, предложенные президентом Д. Медведевым, прежде всего не учитывают, на мой взгляд, следующих важных обстоятельств.

Во-первых, коррупция как политико-идеологическое явление **создавалась самой властью**, точнее, ее политическими и идеологическими установками с конца 1980-х годов, когда «рыночный успех» ставился вне зависимости от того, какими средствами он достигался. Это происходило вопреки воле и традициям русского народа, в том числе и в последние годы. Процитируем исследователей МГИМО(У): «Отчетливо видно, **как начиная с 1996 г. бурно растет влияние на государственную политику крупных корпораций**. Уже к 2004 г. оно практически сравнивается с влиянием гражданских чиновников, и до конца 2007 г. его рост почти неотступно следует за ростом влияния исполнительной власти. Иначе говоря, возникло государство, в котором влияние исполнительной власти и корпораций многократно преобладает над совокупным влиянием народных избранников, включая парламент.

Окрепли связи между бизнесом и властью и на региональном уровне. Роман Р. Абрамовича с Чукотским автономным округом — не исключение, хотя в других случаях подобные отношения были не столь счастливы для жителей регионов. Руководитель РАО „Норильский никель“ А. Хлопонин в 2001 г. становится губернатором Таймырского автономного округа, а затем и Красноярского края. В том же году президента банка „Приморье“ С. Дарькина избирают губернатором Приморского края»[58].

Рис. 5.

Если сама власть на протяжении многих лет позволяла делать в экономике все что угодно — вплоть за запретов на несколько лет возбуждать уголовные дела по экономическим преступлениям, вплоть до открытой пропаганды в федеральных и частных СМИ фактов коррупции, — то разве можно было ожидать от общества иного результата? Целое поколение 1990-х гг. было воспитано в этой атмосфере.

Во-вторых, другая сторона проблемы гражданин, получающий зарплату (или не получающий ее вообще), которую можно назвать символической, просто подталкивался властью к коррупции. Решить эту задачу политико-правовыми методами нельзя. Необходимо сделать так, чтобы у этого гражданина была достойная зарплата, не требующая от него систематического нарушения закона. Особенно если речь идет о бюджетниках.

В-третьих, огромная социальная разница выделила касту богатых и сверхбогатых людей, которые не в состоянии объяснить **причину** своего богатства иначе как воровством. А воровать у вора на Руси издавна было не грешно. Более того, считалось даже где-то подвигом. Соответственно борьбу с коррупцией необходимо начинать с изменения **политико-идеологического климата** в стране, когда не всякое богатство поощряется и получает общественную, государственную и медийную поддержку.

В США мало быть богатым, чтобы занять достойное положение в обществе. Нужно доказать, что это «голубые» (чистые) деньги, заработанные законно и понятным образом. Так и в России, где необходимо показывать источники богатства, особенно у чиновников, которые должны доказывать происхождение своих доходов, а не только декларировать расходы.

В-четвертых. Как социальное, т.е. массовое явление, охватившее значительную часть населения, коррупция превратилась в **действующий механизм**, просто отменить который, без его замены работающими действующими механизмами (судами, правоохранительной системой, нормами морали и т.д.), невозможно. Нужно создавать такой же некоррупционный механизм, внедряя нравственные нормы и возрождая ценности нации.

У нас сегодня трудно найти в милиции, суде или прокуратуре чиновников, способных «на государевой службе» отказаться от мзды. Даже относительно высокая зарплата им уже кажется недостаточной, потому что от своей теневой деятельности они получают несравненно больше.

Наконец, в-пятых, государство должна создать систему ограничений для госслужащих, которые, на мой взгляд:

— не должны пользоваться правом свободного выезда за границу, хранить загранпаспорта по месту службы;
— не должны учить своих детей за рубежом и постоянно проживающих там родственников;
— не должны иметь собственности, активов и загрансчетов за рубежом.

В противном случае государственные служащие постепенно начинают работать на интересы зарубежных стран, а не своей Родины.

Но главное даже не в бытовой коррупции, а в коррупции государственной, системной. Нынешний уровень коррупции — это, прежде всего, **использование государственных активов** (больших, малых — в данном случае не имеет значения) в корыстных интересах — фактически **обескровливает экономику страны**. Оплата «мимо кассы», будь то в ЖЭКе, ДЭЗе, больнице, школе, фирме и т.д., стала нормой. За взятку в десятки тысяч наносится миллионный ущерб государству. Бюджет — федеральный, региональный, местный — лишается огромных средств. По некоторым оценкам, ежегодно, как минимум, в 1000 млрд рублей.

Но и это еще не все. Огромные средства (по некоторым оценкам, более 50% всей денежной массы) уходят за пределы государства, вымываются из обращения. Эти деньги вообще не учитываются в развитии ВВП. Однако цифры экспертов в 40–50% уже никого не пугают. Получается, что бюджет государства обескровливается. Прежде всего, конечно, за счет бюджетников. Но не только. Огромные потери несет креативный класс. Коррупция в управлении наукой, образованием и здравоохранением носит повально-массовый характер. Чему способствует во многом законодательство

и высшие органы исполнительной власти. Так, регулярно объявляемые научные конкурсы в соответствии с ФЗ-94, как правило, выигрывают «свои» фирмы, в некоторых из которых исследователей нет вообще. Да и сама система построена таким образом, что выигрывает тот, кто готов сделать качественный проект. Ситуация доходит до абсурда: финансируются проекты, за которыми вообще не стоит наука.

Креативный класс в своей массе не может найти себе применения за рубежом. Тот «отток мозгов», который существовал в 1990-е годы, практически иссяк установившись в последние время на уровне порядка 100 тыс человек. Но дальше, на чужбине они столкнулись с большим количеством проблем — непривычной обстановкой, отсутствием социальной защиты, а главное, неспособностью в полной мере к самореализации. В США, например, в 1990-е годы до 30% программистов были выходцами из СНГ, но свой бизнес смогли открыть единицы.

Сегодня вплотную встает вопрос о катастрофической нехватке профессиональной рабочей силы. Уже началась острая конкуренция и не только между Россией и США, но и между республиками бывшего СССР. И борьба с коррупцией имеет здесь огромное значение. Открыть свой бизнес, «не кошмарить» (по словам Д. Медведева) его, а помочь встать на ноги — это тоже антикоррупционная мера, ведь создавая рабочие места бизнес совершенствует (во всяком случае должен) среду обитания.

Многие решения, повторю, коррупционны и принимаются в ущерб стране. Причем взятки и поборы несоизмеримы с объемом потерь государства от таких принимаемых решений. Исчезают недра, вырубаются леса, за бесценок, ниже мировой стоимости продаются товары неглубокой переработки. Все это тоже варианты коррупции, только в более крупных и опасных масштабах.

Нынешние попытки власти, в т.ч. вполне искренние усилия президента РФ Д. Медведева, не выглядят эффективными, убедительными и обнадеживающими. Очевидно, что традиционные меры — административные, правовые, даже организационные — к быстрому положительному результату не приведут, даже в том случае, если в бюджете запланировать десятикратные дополнительные расходы на укрепление правопорядка.

Решение этой задачи находится, прежде всего, в политической и идеологической области, как **система** сознательных и долгосрочных мер, направленных на создание атмосферы, не допускающей массового нарушения нравственных норм. И опять же должна быть предложена увлекательная идея. «Чтобы начал действовать антикоррупционный импульс, должна быть сначала продекларирована национальная политика. Без проекта развития страны, который соответствует тенденциям развития мира, невозможно говорить об антикоррупционной политике»[59], — считает В. Овчинский.

И другая важная сторона проблемы. Коррупционер, вор, взяточник могут только тогда стать «вне закона», когда общество будет ценить **труд и творчество**. Это означает **слом нравственных приоритетов**, сознательно формировавшихся в 1990-е гг., когда объявлялось, что «неважно происхождение денег, важно лишь их наличие». Деньги должны иметь ценность только в условиях, когда можно объяснить их происхождение. Само же их простое наличие должно уступить место другим, более важным для общества факторам, — труду, образованию, «истории» личности, культурному уровню, наконец, **отношению** общества к индивидууму.

Это — кропотливая работа, ведь развратить общество гораздо быстрее, чем научить его жить «по совести». Государство и общество, прежде всего, должны решить следующие задачи:

а) ценность человеческой личности, качество и количество труда, его работу, знания, заслуги **поставить выше денег**;
б) наличие денег и собственности ни в коем случае **не должно давать таким гражданам** преимуществ: ни на автодороге, ни в образовании, ни при занятии должностей;
в) СМИ должны создавать образ человека, чья ценность не должна измеряться его капиталом;
г) состоятельный, а тем более богатый человек должен стать уважаемым гражданином, если он несет **особую ответственность** перед обществом и государством, понимает, что это налагает на него дополнительные ограничения перед обществом, новую долю ответственности.

Без этих мер антикоррупционные традиционные методы оказываются бессильными. Не случайно после трех лет борьбы с коррупцией МВД России было вынуждено признать, что если в 2006 году было зарегистрировано 6,4 тыс. преступлений за полгода, то в 2007 году — 6,7 тыс., а в первом полугодии 2008 года — 8 тыс. По оценкам независимых экспертов, эти показатели «занижены в десятки тысяч раз»[60](!!!)

Хотел бы подчеркнуть этот вывод экспертов: показатели занижены в десятки тысяч раз, т.е. речь идет о **массовом социальном явлении, в котором участвуют миллионы граждан**. Только в Тверской (не самой богатой области) в 2007 году взятки давали 8% всех жителей и 10% предпринимателей. Думаю, что и эти цифры занижены. Далеко не все, даже в анонимном опросе, хотят в этом признаться.

О массовом характере свидетельствуют хотя бы известные данные: российские предприниматели вынуждены давать взятки не за какие-то преференции, а за само право работать, существовать, т.е. взятки стали **условием осуществления** бизнеса, повседневным явлением, они стали частью всей системы госуправления.

Соответственно те, кто не дают взяток и не существуют за счет вымогательства (в т.ч. узаконен-

ного), оказываются, становятся **вне сложившейся системы**, существующей «по понятиям». Это касается прежде всего представителей креативного класса, которые могут рассчитывать на самих себя уже не только в работе, но и противодействии системе управления.

Таким образом, борьба с коррупцией как с социальным явлением, — это борьба с существующими, созданными сознательно социальными нормами и правилами жизни, которая может быть эффективной только при смене всех существующих в последнее время основополагающих устоев жизни, всей системы взаимоотношений, сложившихся в государстве. Но эта смена не должна быть просто уничтожена, она должна быть **заменена**, прежде всего вытеснением из нее так называемых «менеджеров», которые ее создавали для получения незаконных доходов. Эта социальная группа, захватившая важные управленческие позиции, не нуждается ни в творчестве, ни в науке, ни в образовании. Ее представители контролируют финансовые потоки и рассматривают в качестве главного результата своей деятельности не развитие нации, а личное обогащение, Налицо конфликт интересов между креативным классом и частью управленческой элиты, создавшей систему управления, основанную на коррупции.

6. Задача № 6. Демографическая проблема креативного класса

В среднем содержание ребенка в школе обходится в 60 000 рублей, а в тюрьме — 350 000[61].
Е. Ямбург

Во времена коммунизма пенсионеры были куда лучше интегрированы в общество[62].
Л. Мийо. «Либерасьон»

Демографическая проблема[63], стоящая перед российским креативным классом, одна из важнейших проблем, стоящих перед всей нацией. Она состоит из нескольких самостоятельных проблем, некоторые из которых относятся не только к креативному классу, но и ко всей нации, а некоторые — является исключительной «привилегией» креативного класса России. В частности, если речь идет о массовой эмиграции творческих личностей, целых креативных социальных групп из страны, исчисляемой ежегодно сотнями тысяч человек. Так, но некоторым оценкам, каждые три года из России уезжает около 1 млн человек, представляющих творческие профессии (хотя официальная статистика фиксирует «стабилизацию» на уровне 100–120 тыс человек в год). В условиях XXI века, когда креативный класс становится главным двигателем развития и основным богатством нации, такое «бегство талантов» даже опаснее для нации, чем общее сокращение её численности. И для этого есть вполне конкретные причины и люди, которые за это отвечают. По словам Г. Вишневской, «уезжают — значит нет условий для работы, для жизни»[64]. В мировой борьбе, где главная ставка креативные человеческие ресурсы, Россия стремительно проигрывает развитым странам.

Эта проблема — основное ресурсное противоречие современной России: сохраняющийся пространственный геополитический огромный ресурс нации, с одной стороны, и убывающая творческая часть, способная к его освоению, — с другой[65]. Осваивать огромные территориальные и природные ресурсы страны становится просто некому, ведь освоением новых пространств всегда занимались наиболее креативные и пассионарные слои населения.

Последние годы в России власть — сначала В. Путин, а затем и Д. Медведев — заговорила о демографической проблеме. Были разработаны государственные программы и предприняты заметные шаги по изменению катастрофической ситуации, развивавшейся в России с 1991 года. Были получены даже некоторые позитивные результаты. В частности, сократилась смертность и выросло число новорожденных уже в 2008 году, а в 2010 году число рожденных сравнялось с умершими, т.е. впервые за 20 лет численность населения стабилизировалась. Но не креативного класса, который продолжал вымирать и эмигрировать.

В этой связи мне хотелось бы обратить внимание на некоторые аспекты проблемы применительно к главной теме — прежде всего положению и роли креативного класса, — на которых общественное мнение еще не концентрирует своего внимания. Существующие демографические государственные программы не могут в конечном счете заменить отсутствие национальной стратегии по этому вопросу. Что проявляется повсеместно и в самых неожиданных областях. Так активная часть нации — доноры, для которых материальное вознаграждение является второстепенным вопросом. После терактов на время происходит мобилизация это категории людей, которые по своей приходят на пункты переливания крови. Это — критерий, которым можно измерить нравственный потенциал нации. Примечательно, что за последние 10 лет количество доноров в России сократилось с 4 млн до 1,8 млн человек. Сегодня на 1 тыс. населения приходится 13–14 доноров (в странах Евросоюза — 40,2, а в США — 67)[66]. Это свидетельствует не только о нехватке крови, сколько,

Табл. 12. Уровень экономической активности населения, уровень занятости и уровень безработицы[1] (в процентах)

Всего	Уровень экономической активности (экономически активное население к численности населения соответствующей возрастной группы)		Уровень занятости (занятое население к численности населения соответствующей возрастной группы)		Уровень безработицы (безработные к численности экономически активного населения соответствующей возрастной группы)	
	в возрасте 15–72 лет	в трудоспособном возрасте[2]	в возрасте 15–72 лет	в трудоспособном возрасте[2]	в возрасте 15–72 лет	в трудоспособном возрасте[2]
1995	65,1	80,2	59,0	72,4	9,4	9,6
2000	65,1	78,2	58,7	70,4	9,8	10,0
2001	64,1	77,0	58,4	70,1	8,8	9,0
2002	64,9	77,2	59,4	70,5	8,5	8,7
2003	65,2	77,0	60,1	70,8	7,8	8,0
2004	65,4	76,6	60,2	70,4	7,9	8,1
2005	66,2	76,9	61,5	71,3	7,1	7,3
2006	66,2	76,8	61,7	71,4	6,7	7,0
2007	67,0	77,3	63,2	72,8	5,7	5,9
2008	67,8	78,6	63,1	73,0	7,0	7,1
2009	67,8	78,7	62,3	72,1	8,2	8,4

[1] По материалам выборочных обследований населения по проблемам занятости: 1995 г. — октябрь, 2000–2009 гг. — ноябрь. Уровень зарегистрированной безработицы приведен по данным Роструда, на конец года.

[2] Мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 года.

во-первых, о недостатке нравственности в обществе, а во-вторых, о том, что государственные программы не могут заменить общенациональные программы, мобилизующие лучшие качества народа.

Опыт реализации приоритетных национальных проектов (ПНП) в России оказался, на мой взгляд, удачным не потому, что получены «точечные» результаты: они-то, как раз, оказались наименее эффективными и кризис 2008–2010 годов их быстро похоронил. Опыт был удачным потому, что был дан толчок именно **национальным проектам и идеологии**. Это было заметно уже в 2007 году, но, к сожалению, не получило своего развития после 2008 года[67]. Импульс, данный ПНП, очень быстро затих, не получив развития из-за политики голого прагматизма финансово-экономической элиты.

Сегодня сложилось в целом неверное впечатление о том, что демографическая ситуация может быть решена только за счет государственных программ сокращения смертности и роста рождаемости. Конечно, когда средняя продолжительность жизни мужчин в России едва превышает 50 лет, а страна ежегодно теряла до 700 тыс. человек, эта проблема выглядит наиболее очевидной, заметной. Но что случится, если продолжительность жизни достигнет 75, даже 82 лет (как в Японии), смертность сократится до японского уровня, а рождаемость увеличится до уровня американского? Решит ли это, в конечном счете, демографическую проблему России, у которой в некоторых регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока проживает менее 1 человека на квадратный километр?

В том виде, **как** она сегодня сформулирована, — да! Отток из этих районов сократится. Но **правильно ли она сформулирована**? Вот в чем вопрос. Я отвечаю на него отрицательно. И вот почему: возможность выживания нации и страны прямо зависит от соотношения сил в мире, которое в XXI веке определяется не величиной ВВП и военной силой, а объемом и качеством НЧП, прежде всего его демографическими характеристиками. В этой связи следует подчеркнуть следующее.

Человеческий капитал имеет несколько важнейших измерений, среди которых средняя продолжительность жизни лишь одно из них, характеризующее человека и общество исключительно с физиологической точки зрения, оставляя «за скобками» следующие характеристики:

1. **Социальная активность**, т.е. способность индивидуума не только доживать, но и **активно участвовать в жизни общества и государства**. Для этого не только общество должно быть нужно человеку, но и человек — государству и обществу. Достаточно посмотреть на статистические данные, из которых видно, что уровень экономически активного населения относительно возрастной (в принципе трудоспособной) группы не достигает все последние 15 лет 68%, а в трудоспособном возрасте — 80% (табл. 12).

Это означает, что у нации есть огромные неиспользованные трудовые и творческие ресурсы, при-

менение которых дает возможность быстро увеличить объемы ВВП за счет квалифицированного труда. Для этого необходимо создание определенных условий, в частности, временной работы, неполной недели и т.п. Причем работа эта может быть предоставлена государством в социальной и наукоемкой областях.

Значительно помогло бы, кроме того, снятие верхних возрастных пределов для профессионалов, особенно творческих специальностей. Мы знаем много блестящих преподавателей, ученых, художников, активно работающих и после 80 лет. Что, конечно, отнюдь не означает увеличения пенсионного возраста, о котором начали говорить либералы в 2011 году, или продолжительности рабочей недели — мечта М. Прохорова.

2. **Информационно-культурное участие** индивида в жизни общества. Накопленные за всю жизнь знания очень нужны обществу объективно, но практически не используется современным обществом и экономикой. Такова политика по отношению к пенсионерам — людям, достигшим 55 и 60 лет, которые зачастую являются уникальными носителями опыта, знаний, культуры, информации, но практически не используются современным обществом и экономикой в России. Неоправданные возрастные ограничения для лиц творческих профессий и профессионалов свидетельствуют лишь об одном: власть не в состоянии использовать накопленные ими знания и опыт. Это, впрочем, в полной мере и относится к профессионалам — госслужащим. Без работы в стране находятся лица, обладающие уникальными знаниями, — тысячи послов, торгпредов, генералов, в т.ч. от промышленности и экономики, — которые мешают «молодым менеджерам» управлять страной.

Так, не смотря на моду «остепеняться», появившуюся в последнее десятилетие, и облегчение получение ученой степени, общая численность докторов и кандидатов наук в стране отнюдь не растет, а реальных исследователей — сокращается[68] (рис. 6).

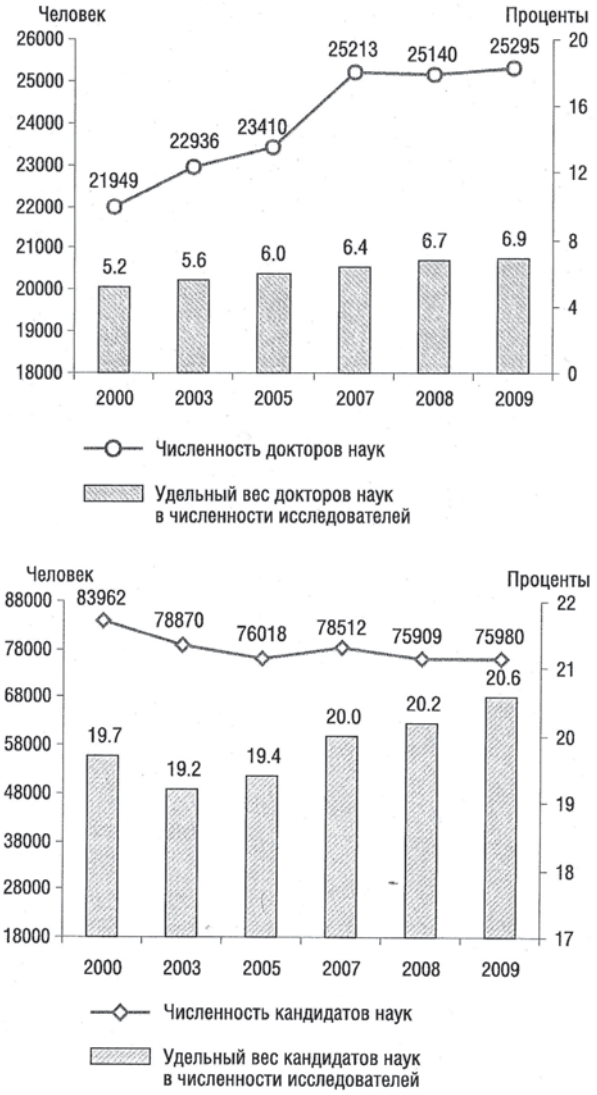


Рис. 6.

На этом фоне «борьба за омоложение» науки, развернутая чиновниками, подходит скорее на уничтожение оставшихся в науке исследователей (а не защитившихся чиновников), которые по понятным причинам в основном принадлежат к старшей возрастной группе.

3. **Экономическое участие**, которое ограничивается искусственно суженными параметрами. «За скобками» остаются не только миллионы способных к труду инвалидов, но и огромный **потенциал творческих личностей**, которым ни государство, ни бизнес не дают шанса на самореализацию, а между тем эти люди могут многое дать экономике страны.

В этой связи возникает вопрос об огромной армии так называемых «пенсионеров», которая может стать не только резервом, но и мощным потенциалом развития российского общества. В условиях безработицы, а тем более кризиса, этот вопрос может показаться неактуальным, но только на первый взгляд. На самом деле как минимум по двум причинам он имеет самое прямое отношение к стратегии опережающего развития России.

Происходит объективный процесс старения населения, и доля пенсионеров, т.е. лиц, превысивших возрастной порог в 55–60 лет, будет увеличиваться, тем более если будет расти средняя продолжительность жизни. Причем уже сегодня ясно, что лица, проживающие в культурных центрах, как правило, имеют среднюю продолжительность жизни на 10–15 лет выше, чем по стране в целом. Примечательно и то (это подметили ещё французские демографы), что лица с высшим образованием имеют также более высокую продолжительность жизни. Так, сегодня в России самая высокая продолжительность жизни у граждан, проживающих в Центральном округе города Москвы, а отнюдь не в экологически благополучных районах Сибири.

Получается, что доля пенсионеров в российском обществе будет очень значительной. Причем эти люди, как правило, имеют хорошее образование, опыт, т.е. теоретически составляют самую ценную

часть российского общества, на которую вместе с тем обращают меньше всего внимания.

Кроме того, — и это уже специфика России, — именно эти люди сегодня являются носителями интеллекта и творческого начала, который является главным условием для создания экономики знаний и нового общества. Конечно, у этой части общества, как правило, ниже энергетика и меньшая работоспособность, но за единицу времени они способны делать больше высококачественной работы. Не случайно российская фундаментальная наука и высокопрофессиональный производственный труд сегодня держатся на 60-летних. Общая закономерность такова: развитие экономики и общества предполагает «…вложение личного труда прежде всего в организационно-интеллектуальной, инновационной формезнаний, управленческих навыков и т.д., — без чего невозможно осуществить какое-либо начинание»[69]. Этих знаний и опыта, конечно, больше у немолодых людей, которых нынешняя система общественных отношений выводит за скобки активной деятельности.

Государство и бизнес, похоже, делают все для того, чтобы минимизировать этот ресурс. На мой взгляд, введение модных сегодня неоправданных ограничений по возрастному принципу на госслужбе или в целом ряде отраслей промышленности не просто неоправданно, но требует пересмотра, причем скорейшего. Более того, в интересах государства создать также условия для лиц этой возрастной группы, когда потенциал «пенсионеров» может быть использован с максимальной отдачей. Это нужно прежде всего для того, чтобы увеличить массу креативного потенциала в обществе и экономике в короткие сроки, ведь для того, чтобы подготовить новую творческую личность, требуются десятилетия.

Демографическая политика должна строиться на принципе к**ачества человеческого потенциала**, а не только на количественных показателях. Это означает, что на первом месте должны стоять меры, которые способствуют росту уровня образования (например, введение всеобщего высшего образования), повышению культурного уровня (доступ к культурным ценностям должен быть максимально облегчен, более того, стимулироваться государством), обеспечению идеальных условий для доступа к информации (бесплатный Интернет).

Кроме того, демографическая ситуация в России в последние годы характеризуется как минимум двумя негативными обстоятельствами[70] (табл. 13).

Первое — низкая в целом продолжительность жизни. По этому показателю Россия уступает не только развитым, но и большинству развивающихся стран. Это означает, что значительная часть активного населения, среди которых высока доля творческих граждан, просто **не доживает 15–20 лет и не дорабатывает столько же**.

Второе — удивительно высокая смертность среди мужчин самого работоспособного возраста — 30–45 лет, а также очень низкая продолжительность жизни мужчин вообще (менее 63 лет) относительно развитых стран (более 82–83 лет).

Действительно, если весь потенциал нации можно представить как сумму потенциалов отдельных личностей, то мы увидим, что конечный результат

Табл. 13. Основные демографические показатели

	1990	1996	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Численность населения[1] — всего, тыс. чел.	147665	148292	146304	145649	144964	144168	143474	142754	142221	142009	141904	141914
в том числе:												
городское	108736	108311	107072	106725	106321	105818	104719	104105	103778	103773	103690	103705
сельское	38929	39981	39232	38924	38643	38350	38755	38649	38443	38236	38214	38209
Из общей численности населения — население в возрасте, тыс. человек:												
моложе трудоспособного	36101	33615	28387	27274	26115	25014	24095	23317	22718	22497	22541	22854
трудоспособном[2]	83943	84540	88040	88515	89206	89896	90218	90328	90152	89752	89266	88360
старше трудоспособного	27621	30137	29877	29860	29643	29258	29161	29109	29351	29760	30097	30700
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет:												
все население	69,2	65,8	65,2	65,0	64,9	65,3	65,3	66,6	67,5	67,9	**68,7**	
мужчины	63,7	59,6	58,9	58,7	58,6	58,9	58,9	60,4	61,4	61,8	**62,8**	
женщины	74,3	72,4	72,2	71,9	71,8	72,3	72,4	73,2	73,9	74,2	**74,7**	

[1] Оценка на 1 января соответствующего года.

[2] Мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 года.

будет зависеть как от количества этих личностей (о чем говорят), так и от их качества (о чем не говорят). Предположим, что человеческий капитал нации насчитывает 100 млн граждан. Личный капитал (который может варьироваться, допустим, от 1 до 100) можно разделить на несколько групп. Упрощая ситуацию, можно допустить, что 20%, т.е. 20 млн граждан, относятся к креативной части общества, обладающей хорошим образованием, знаниями, опытом и творческим подходом. В среднем потенциал этой группы можно оценить выше среднего, предположим, в 60 единиц, что составит 1200 млн условных единиц творческого потенциала.

Другая часть общества, как мы знаем из опыта, заведомо не хочет увеличивать свой личный интеллектуальный и творческий потенциал. Допустим, что она составляет 30%, т.е. 30 млн человек, а ее средний рейтинг — 10 единиц. В итоге получается, что часть национального человеческого капитала этого социального слоя равняется (30 х 10) 300 млн условных единиц, т.е. **в 4 раза меньше,** чем человеческий капитал креативных слоев (хотя численно он и превосходит эту социальную группу).

В этой связи возникает простой вопрос: если качество человеческого потенциала определяется не столько количеством, сколько качеством, то почему общество и государство специально не занимаются программами по развитию креативных групп? В том числе увеличению продолжительности их активной деятельности?

Таким образом, сознательное сужение подхода к решению демографической проблемы средней продолжительности жизни, существующее сегодня, может рассматриваться лишь **как самый первый шаг,** не более того, за которым должны последовать другие, уже качественные программы и шаги. Понятно, что к этому надо стремиться, ибо Россия стремительно вымирает, но даже эти меры не отвечают, по меньшей мере, ответов ещё на два ключевых вопроса. *Во-первых*, о **географическом размещении населения**, когда, например, в районах Дальнего Востока проживает уже менее 1 чел. на кв. км, а в Москве — более 10 млн на 900 кв. км. А, *во-вторых*, о **качестве** этого населения, ведь государству небезразлично, будет ли прирост обеспечен на 1 млн чел. за счет деградированных личностей либо специалистов, творцов, которые остро необходимы экономике, обществу и государству.

Самая катастрофическая ситуация сложилась в здравоохранении. Это общепризнанно, хотя ситуация и начала меняться и говорить об этом начали с начала 1990-х годов (см., хотя бы: Подберезкин А. «Концепция национальной безопасности России в 1994 г. М.: РАУ, 1993). По существу, мы ежегодно теряем сотни тысяч наших сограждан, в т.ч. и по причине несвоевременной и некачественной медицинской помощи. Теряем не только стариков, младенцев, но и граждан самого активного, в т.ч. креативного возраста. В этих условиях необходимо не просто принять программу, а разработать политику, направленную на изменение демографической тенденции. Мы должны бороться **за жизнь каждого гражданина** — и трудящегося, и пенсионера, и младенца, понимая, что мы боремся за будущее нации, поставленной на грань биологического выживания. Если, как предполагают эксперты, в России останется к 2020 году менее 115 млн человек, возникает и другой вопрос: **кто** останется, **какое качество** этого человеческого потенциала будет? Какова в итоге будет нация?

По мнению некоторых наша нация в эти годы это, — более 60% пенсионеров и еще 10% инвалидов. Это означает, что государство должно научиться использовать, причем полностью и максимально эффективно, потенциал этих 70% своих граждан. Они не должны стать обузой обществу по целому ряду соображений, но в том числе и экономических. Творческий потенциал, опыт, знания у этой части общества велик. Поэтому игнорировать его, а тем более превращать этих людей в иждивенцев, — недальновидно.

Сегодня все усилия власти сосредоточены на том, как «решить пенсионную проблему». Причем в очень своеобразной, исключительно неверной форме. Предполагается, что инвалиды и пенсионеры становятся иждивенцами общества, а их участие в экономике выражается только в нагрузке на бюджет. В очередной раз мы сталкиваемся с либеральным макроэкономическим подходом.

Подобный подход совершенно неверен. Пенсионер 55–60 лет (а тем более военный сорокалетний пенсионер) может работать еще 15–20 лет, т.е. **целое поколение**. Естественно, при определенных ограничениях, вытекающих из его физиологии. Причем труд этот может быть очень качественным, дефицитным и продуктивным. Для этого необходимо только снять неразумные ограничения и внедрить программы, ориентированные на физиологические особенности возраста, например, сокращенную рабочую неделю или специальную программу переподготовки.

В этом смысле улучшение качества здравоохранения следует рассматривать не как социальную нагрузку на бюджет общества и государства, а как **инвестиции в креативный класс, опыт и знания**. Не секрет, что дополнительное обслуживание продлевает нормы физического и морального износа нашей техники, в том числе и стратегических вооружений, где эти нормы увеличены на 10–20 лет. Хорошее здравоохранение способно сделать то же самое с большинством населения, которое сегодня просто списывается из экономической и общественной жизни. Не случайно в развитых странах расходы на здравоохранение в последние годы выросли в 2–3 раза и стали крупнейшей расходной статьей бюджета, занимающей до 12% ВВП.

В силу именно такого подхода проблемы доступности лекарств, качества продуктов, условий труда

должны решаться немедленно, сейчас, а не отложены на далекую перспективу, тем более что решить эту задачу практически не только нужно, но и можно. Обычные аргументы о недостатке средств не должны быть причиной отказа от реализации подобной программы. В Швейцарии, например, где лучшее в мире здравоохранение, расходы на него целиком покрываются налогами на табачные изделия.

Реализация ПНП «Здоровье» — лишь первый, «точечный» шаг по достижению этой цели. Достаточно сказать, что нацпроекты задают темпы, при которых мы сможем выйти на уровень США 2006 г. лишь лет через 15–20, увеличив, например, качественную кардиологическую помощь в семь-восемь раз. Вряд ли можно рассчитывать, что только за счет реализации ПНП «Здоровье» эта задача может быть решена. Скорее можно говорить о частичных улучшениях, причем не во всех, а в некоторых областях.

Для того же, чтобы все это решить хотя бы в перспективе пяти-семи лет, необходимо либо увеличить масштаб ПНП «Здоровье» в десятки раз, либо сконцентрировать развитие экономики именно на этой задаче, **превратив здравоохранение в одну из приоритетных экономических областей**, что, кстати, и наблюдается в развитых странах, где удельный вес отрасли и бюджетного финансирования превышает российские стандарты в разы, а иногда и на порядок.

При этом важно напомнить, что с экономической точки зрения эти инвестиции очень эффективны, ибо здравоохранение — одна из самых наукоемких отраслей, где инновации внедряются наиболее быстрыми темпами.

Кроме того здравоохранение может и должно опираться не только на международные знания и сотрудничество, но и национальные научные школы (всех за рубежом не вылечишь), которые составляют значительную долю НЧП.

7. Задача № 7. Усиление роли государства в создании массового креативного класса

Текущие экономические проблемы
не отменяют стратегический курс Правительства[71].
В. Путин

В поиске идеологий мы уже привычно опираемся на западную мысль.
И пытаемся оттолкнуться от «трех китов» западного благополучия:
просвещения, модерна и рационализма[72].
М. Рябинин

Мировой кризис 2008–2011 годов по-новому поставил вопрос о роли государства в эпоху глобализации вообще и по отношению к социальной политике и участию в формировании социальной структуры общества, в частности. Это доказали действия правительств практически всех развитых стран, где выбор между продолжением социальной политики и ростом дефицита бюджетов оказался самым болезненным выбором. Не только в США и Великобритании, но и в Греции, Италии, Португалии и других странах. Именно государства и правительства оставили за собой право регулировать экономические и социальные процессы, хотя на протяжении предыдущих десятилетий либеральная мысль и внушала общественному мнению необходимость «окончательного ухода» государства не только из общественной жизни, но и экономики.

В России этот вопрос в последние 25 лет был особенно актуален. От старта кампании по «антиэтатизму» в конце 1980-х годов, развернутой А. Н. Яковлевым, и фактического ухода государства из экономики в 1990-е годы до «возвращения» государства в период В. Путина велись споры о роли государства и его институтов. Очередное обострение произошло в 2010–2011 годах, когда лидерство под самыми различными предлогами — от обвинения государства в коррупции и бюрократизации до «ликвидации» последствий сталинского режима.

Роль государства в политике и экономике вообще и роль государства в сознательном воспитании, «выращивании» креативного класса в частности чрезвычайно велика. И будет увеличиваться. Именно государство создает условия (или препятствует) и развивает институты социального потенциала общества. Либеральная мысль в целом отрицает созидательную роль государства в этом процессе, которую ограничивает охраной либеральных свобод, хотя у истоков рынка стояло в XV–XVI веках именно государство[73]. На мой взгляд, особенно применительно к России, эта мысль неверна: не только традиции, но и повседневная реальность говорят в пользу того, что государство может серьезно способствовать развитию творческих возможностей нации (сохраняя, развивая и создавая новые институты развития) либо затруднять этот процесс (вводя ЕГЭ, регламенты, правовые нормы и т.п.), даже игнорировать его.

Простой пример. В России насчитываются миллионы инвалидов (иногда оценка доходит до 10 млн),

которые фактически исключены из общественной жизни и производства, хотя инвалидность далеко не всегда связана с потерей трудоспособности и творческих возможностей. Проблема в том, чтобы государство и институты (общественные организации) смогли создать условия для их самореализации, чего пока нет. Как признается один из руководителей такой организации после поездки в Скандинавские страны, у них «…за плечами лет по пятьдесят–шестьдесят интенсивной жизни, а у наших организаций в лучшем случае десять–пятнадцать»[74].

Определение национальной стратегии развития, в т.ч. модернизации, является важнейшей функцией государства, которое должно ясно сформулировать цель, распределить ресурсы и учесть многие факторы влияния. Правильные ответы на эти вопросы — залог успешной стратегии. Курс указывает нам нынешняя стратегия модернизации, разработанная и реализуемая прежде всего государством, которое и несет ответственность за ее провал. В чем главная причина неудачи?

На мой взгляд, дело прежде всего в том, что государство неверно выбрало приоритетный объект модернизации и не смогло опереться на социальную силу, заинтересовать ее в модернизации. Объект модернизации — технологическая база экономики — сознательно ограничен лишь внедрением зарубежных технологий. А социальная опора так и не найдена потому, что бюрократия и бизнес в модернизации просто не заинтересованы[75].

В государственной политике России, включая ее долгосрочную социально-экономическую стратегию, на первое место должна выйти сознательная цель **создания массового креативного класса**. Подчеркну — не массового среднего класса (такая задача формально уже поставлена в Концепции 2008 года), а массового **креативного класса**.

Роль государства, правящей элиты в этом процессе принципиально важны. Если в национальной стратегии США она вполне четко прописана в качестве приоритета по привлечению в страну «лучших мировых мозгов»[76], то в России такая стратегия полностью отсутствует. Ее нет даже среди социально-экономических приоритетов, если, конечно, не говорить о привлечении зарубежных ученых на работу в российские университеты, что, кстати, абсолютно не подкреплено ресурсами.

Между тем вопрос стоит принципиально: может ли государство влиять на формирование творческого класса в России? Как справедливо считает А. Журбин, — да, может: «Вырастить гения невозможно. Его надо отыскать, как ищут жемчужины среди тысяч пустых раковин японские ныряльщики — ама. Способ единственный — нырять, добывать и открывать раковины. Из тысячи в одной будет жемчужина. Другого способа нет. Но есть искусственный — культивированный — жемчуг. Его можно производить, и производство можно планировать. В нашем дискурсе это профессионалы, которые прекрасно играют, поют, преподают и аккомпанируют, руководят музыкой на разном уровне. **Они не гении, но, как и культивированный жемчуг, очень нужны**»[77].

Примечательно, что это **уже** делается на уровне креативных компаний, университетов и некоторых институтов. Там разработаны и внедрены методики развития креативности. Так, например, в рекламной деятельности эксперты полагают, что творчество как психический процесс включает четыре фазы:

— подготовка — сознательная работа;
— созревание — бессознательная работа;
— вдохновение — переход от бессознательной к сознательной работе;
— развитие идеи — проверка истинности, окончательное оформление — сознательная работа.

В основе развития запрограммированного творческого начала личности лежат следующие требования:

— выделение необходимых и достаточных условий для решения проблемы;
— развитие способности отбрасывать прошлый опыт, полученный при решении подобных проблем;
— способность видеть многофункциональность вещи;
— способность соединять противоположные идеи из различных областей знания для решения проблемы — управлять ассоциациями;
— способность осознавать полярные идеи в данной области и освобождаться от их влияния при решении конкретной проблемы[78].

Понятно, что эти качества развиваются и воспитываются в отдельных корпорациях, где от эффективного креатива зависят результаты бизнеса. В то же время возникает вопрос о **роли государства** в масштабном, национальном творческом развитии, которое выражается не в руководстве этим процессом, а в **создании благоприятных условий** для развития креативного класса. Реализация этих условий, безусловно, дает экономический и социальный эффект. Как справедливо заметил А. Окара, «**креативный класс стремится к самоуправлению, самоорганизации и саморазвитию**. При достижении критической массы и в случае построения механизма солидаризации интересов (например, через создание новой эффективной политической силы) он способен стать реальным субъектом развития страны.

Однако продуктивное существование креативного класса в России возможно только при наличии свободного социального и культурного пространства. В ситуации, где нет свободы — свободы политической, свободы творческой, свободы духовной, свободы самовыражения, — креативный класс маргинализируется, его совокупный потенциал снижается, начинается „отток мозгов“ — бегство образованных людей из страны либо „внутренняя эмиграция“, поэтому никакая инновационная модернизация становится невозможной… Что собственно мы и наблюдаем сегодня.

Определяющая черта представителей креативного класса — творческая и социальная субъектность, желание и способность быть участниками процессов социального развития. Эти люди не нуждаются в руководстве со стороны какой-либо вышестоящей инстанции — их не надо „строить". Им надо не мешать. Им нужна не „руководящая и направляющая роль" со стороны государства, а создание благоприятных условий для развития, а также моральная поддержка, чтобы они верили, что их труд не сизифов и что они нужны обществу.

Именно национальный креативный класс в этом случае становится основным генератором и источником инноваций. В ситуации, где он подавлен, рассеян, маргинализирован, инновации приходится импортировать извне…»[79]. Как в Сколково.

Пока что наблюдается прямо противоположная тенденция. Национальное культурное достояние — школы классического балета, драматического театра, музыкальные школы, в том числе «при помощи» ЕГЭ, — деградируют. «Если и дальше так пойдет, признает А. Журбин, — для национальной гордости великороссов в этой области резонов не остается»[80].

Напомню, что креативный класс является лишь частью, причем незначительной, среднего класса и всего общества. Кроме относительно высокого душевого дохода и образовательного уровня представители креативного класса отличаются набором личных качеств: способностью к творчеству, волей, энергией. Но именно креативный класс, эта узкая социальная группа, создает до 85% прироста ВВП в развитых странах. Поэтому если мы хотим именно качественного прироста ВВП, то мы должны развить тот субъект, который обеспечивает этот прирост. Прежде всего в науке, культуре, технологиях. Этот прирост не может быть «куплен». Он — национальная собственность, причем исключительная, креативного класса. Значит, следуя логике, надо развивать национальный креативный класс. И здесь роль государства, элиты чрезвычайно велика. Как писал последний из заместителей С. П. Королева, говоря о **политическом выборе** в пользу национального креативного класса и национальных технологий, Б. Черток, «…я очень старый человек и, думаю, мне простительно отдать должное Сталину, который проявил дальновидность и 13 мая 1946 года подписал постановление о создании ракетной промышленности. Стратегические перспективы ракет были неочевидны. Во время войны Германия выпустила по Англии тысячу „Фау-2", но англичане выстояли без особых потерь»[81].

Если бы не было такого политического решения И. Сталина, то не было бы не только полета Ю. Гагарина и более 1000 предприятий в разных отраслях экономики СССР, но и высококлассного слоя разработчиков, конструкторов, ученых, техников, насчитывающих сотни тысяч человек. Не было бы создано целых социальных групп креативного класса.

От «нормального» (т.е. нересурсного) развития экономики страны зависит и качество образования, т.е. непосредственный процесс подготовки креативного класса. Пока такого развития нет не формируется и социальный заказ. Как считают представители бизнес-сообщества, «когда развитие российской экономики придет к поступательному движению… об эффективности образования топ-менеджеров в России можно поговорить»[82].

Табл. 14. Структура использования денежных доходов

	1970	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
	Млрд руб. (1995 г. — трлн руб.)													
Денежные расходы и сбережения — всего	115,6	201,8	383,2	910,9	3983,9	5325,8	6831,0	8900,5	10976,3	13819,0	17290,1	21311,5	25231,6	28452,3
в том числе:														
покупка товаров и оплата услуг	**99,6**	170,0	288,3	641,7	3009,4	3972,8	5001,8	6147,2	7670,7	9613,8	11927,6	14831,4	18696,5	**19777,3** 200 раз!
обязательные платежи и разнообразные взносы	11,6	24,1	45,4	50,9	309,9	473,0	586,9	737,5	1000,9	1389,6	1813,0	2503,9	3094,8	3002,5
приобретение недвижимости	0,0	0,4	1,3	1,0	47,7	75,4	119,8	180,1	255,2	352,2	572,3	834,0	1194,7	838,8
прирост финансовых активов	4,4	7,3	48,2	217,3	616,9	804,6	1122,5	1835,7	2049,5	2463,4	2977,2	3142,2	2245,6	**4833,7** 1200 раз!
из него прирост, уменьшение (–) денег на руках у населения	-0,2	1,8	19,2	33,1	110,1	104,0	119,2	241,2	196,1	204,7	583,9	819,0	92,0	109,9

Кроме того, от государства прямо зависит и то, в **каких условиях** эти человеческие качества могут проявиться. Если условия, созданные в том числе с помощью государства, благоприятные, то вероятность реализации потенциала креативного класса очень велика. Если же государство препятствует созданию таких условий, то творческий потенциал и воля креативного класса с высокой степенью вероятности так и не смогут быть реализованы. Похоже, что такая ситуация в России. Кризис в этой области очевидно наступил к 2011 году, когда, по оценкам, например, Дондурея более 60% граждан ничего не могли, а главное, уже ничего не хотели. Энергия нации очевидно затухала. Лишь 20% граждан (видимо, не случайно эта цифра совпадает с долей креативного класса) **чего-то хотела** и **к чему-то** стремилась.

К сожалению, общество стремительно теряет веру в справедливость. При чем это неверие основывается прежде всего на распределении доходов среди различных групп населения, которое стало особенно показательным в период кризиса 2008–2011 годов, когда численность сверхбогатого социального слоя выросла, а реальные доходы граждан сократились. Это видно на примере структуры использования денежных доходов населения (табл. 14). Государственная политика в этой области привела, например, к тому, что объем средств на приобретение товаров и услуг за 40 лет вырос в 200 раз, а прирост финансовых активов — в 1200 раз[83]. Нетрудно предположить, что этот прирост приходился не на все население, а на его 1–2%.

В итоге такого роста недоверия к государственной политике в 2009–2011 годах стала наблюдаться все усиливающаяся тенденция отъезда молодых и креативных граждан за рубеж. Национальный креативный класс убегает за рубеж. Появился даже новый термин — «Лондонград». Как признают сами новые жители Лондона, «как много наших студентов учится сегодня в британских университетах, достаточно сказать, что здесь существует 18 российских студенческих команд КВН и клубов знатоков «Что? Где? Когда?». Недавний финал КВН в Лондоне прошел с огромным успехом. Это в корне меняет представление о русских, которое раньше сводилось к борщу и матрешкам. Только Эдинбургском университете есть четыре команды «Что? Где? Когда?». **Мы наблюдаем сегодня процесс формирования нового национального меньшинства в Британии**. Все больше и больше оказывается здесь россиян, которые имеют и британские, и российские паспорта. Все больше тех, кто родился в Британии, получил здесь образование. Остаются ли россияне после получения диплома в этой стране или возвращаются на Родину? На это крайне трудно ответить, потому что вопрос некорректный. Да они нигде не «остаются» — они могут работать одновременно и там и сям или в каких-то третьих странах. Для этого молодого поколения россиян мир стал таким открытым!»[84]

Официальная статистика говорит о профессиональной эмиграции из России в 80–100 тыс. человек в год (хотя в некоторые годы она достигала 180 тыс. чел.). Это означает, что лучшие выпускники университетов, аспиранты и ученые, бизнесмены, работники искусства, т.е. «ядро» креативного класса, уезжают из России. «Ядро» не может быть большим. Его уменьшение, как известно, ведет к распаду всего класса. В данном случае всего креативного класса.

Когда под угрозу распада еще окончательно не сложившегося креативного класса ставится само его будущее, роль государства становится особенно важной, даже критичной. Только оно, государство, способно остановить эти процессы. Понятно, что если стипендия аспиранта и студента 1500 рублей, а в Европе аспирант гарантировано получает 2–3 тыс. евро, то исправить положение в России может только государство (бизнес способен лишь частично, как показывает практика, почти символично, участвовать в этом процессе). Но государство как раз остается в стороне от этого процесса.

Странно, но в 2011 году последовали неожиданные и необдуманные инициативы А. Дворковича и РСПП по сокращению стипендий, увеличению пенсионного возраста и т.п., которые свидетельствуют только об одном: эти люди не понимают значения НЧП и роли креативного класса в обществе. Не понимают они и роли государства, и бизнеса в процессе сознательного формирования креативного класса

Таким образом, роль государства в развитии креативного класса чрезвычайно высока, но очевидно недооценивается правящей элитой. В отличие от роли государства по отношению к другим классам, например, рабочим, бюрократии, крестьянам, просто создать благоприятные экономические условия для креативного класса мало. Необходимо создать климат, творческую атмосферу, наконец, искусственно обеспечить креативный класс дополнительными возможностями для творчества.

Учитывая же, что будущее любого государства будет определяться скоростью внедрения инноваций, т.е. результатом деятельности творческого процесса, возникает не всегда видимая, но прямая зависимость между темпами развития государства и общества и темпами развития креативного класса. Эта зависимость может и должна отражаться как в стратегических прогнозах, так и в стратегическом планировании государства. Сегодня этого нет. Развитие креативного класса не входит в число приоритетов государственной политики, не является важнейшим интересом его национальной безопасности.

О том, что у нас не все ладно со стратегическими ориентирами, относительно развития креативного класса, свидетельствует хотя бы Концепция долгосрочного развития (август 2008 г.), в которой говорится следующее: «**Стратегической целью** является достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как

Рис. 7. Стратегическая задача «Концепции–2020»

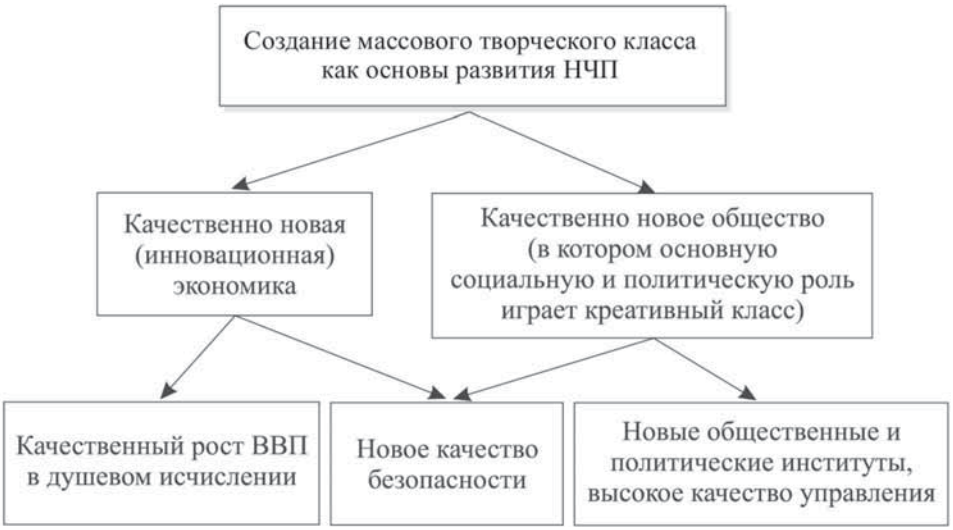


Рис. 8. Стратегическая задача, соответствующая потребностям первой четверти XXI века

ведущей мировой державы XXI века, с привлекательным образом жизни, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан. В 2015–2020 годах Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП (по паритету покупательной способности).

Достижение этой цели означает формирование **качественно нового образа будущей России к концу следующего десятилетия**»[85].

Таким образом, из «Концепции–2020» прямо следует, что «стратегической целью является достижение уровня экономического и социального развития, «соответствующего уровню пятерки стран–лидеров по объему ВВП». Эта цель, конечно же, не отражает ни уровня экономического (тем более инновационного) развития, ни качества общества. Точнее — она вообще не имеет с ними ничего общего: увеличение ВВП может быть достигнуто как за счет резкого роста цен на экспорт российского сырья, так и увеличения объемов этого экспорта. Эта же цель может быть достигнута даже при одновременном росте ВВП и сокращении численности населения. Что уже является абсурдом.

С точки зрения качества национального человеческого потенциала экстенсивный рост ВВП вообще имеет отрицательное значение. При таком росте лица, занятые в сырьевых отраслях, или финансовые спекулянты, как показывает опыт первого десятилетия XXI века, чувствуют себя наиболее комфортно. Лица же, занятые научной и другой творческой работой, остаются наименее востребованы экономикой и обществом.

Кроме того, возможное достижение этой цели **не будет** соответствовать передовым стандартам хотя бы потому, что к тому времени, во-первых, ВВП этих стран вырастет на 40–80%, а во-вторых, валовой ВВП не является показателем развитости страны. Да, мы, вероятно, догоним Великобританию по страновому ВВП, но по душевому будем отставать в 3–5 раз. Хорошо, что не в 10. Означает ли это, что и все предыдущее было сказано верно?

Нет, не будет достигнут ни уровень экономического, ни социального благополучия, ни привлекательный образ жизни (какая уж тут привлекательность, если живут в 3 раза хуже!). Но, главное, не будет обеспечена безопасность России, безопасность, которая основывается на новых и самостоятельных технологиях. Ни того ни другого у нас не будет. Мы «доживаем» запас прочности СССР. Наши ракеты устарели, а отсутствие фундаментальной науки ведет только к возможности производить оружие и военную технику старых поколений. Кстати, конфликт в августе с Грузией это показал: наши системы разведки, целеуказания, наведения, боевого управления были хуже, чем те, которые были поставлены Грузии.

Очевидно, что возможность обеспечить себе качественные военную безопасность, экономику и общество лежит в плоскости новых знаний и творчества, причем и того и другого — в наименьшей степени заимствованного. Это означает, что, хотим мы того или нет, но во главу угла должна быть поставлена основная задача — создание массового креативного класса. Это и должно стать «стратегической целью» долгосрочного развития. Увеличение ВВП, а тем более формирование «нового образа будущей России» **станут производными** от решения этой задачи. Графически это может быть показано следующим образом (рис. 7, 8).

На рисунке формализована стратегия социально-экономического развития в том виде как она представляется сегодня правящей российской элите. Из него, например, видно, что участие в «пятерке» великих держав по объему ВВП должно обеспечить и национальную безопасность, и статус великой державы, и привлекательный образ жизни. Но это — самообман. Объем ВВП, тем более формируемый за счет продажи ресурсов, не может гарантировать национальной безопасности, которая уже сегодня определяется многими качественными характеристиками, в т.ч. состоянием общества, уровнем развития науки и образования и т.д. Войти «в пятерку» означает — войти «в пятерку» по уровню развития институтов социального потенциала, национальной науки, образованию, продолжительности жизни и т.д. То есть в конечном счете **по уровню развития НЧП,** а не валовым показателям.

Статус великой державы также не дается ростом ВВП, а определяется в XXI веке качеством НЧП, лидерством в науке, культуре, образовании и технологиях. Огромная страна, распродающая свои ресурсы, не может быть не только великой державой в XXI веке. Она не может быть даже независимой. Любые проблемы, возникающие в развитых странах, усугубляются в такой стране. Так, падение темпов роста ВВП в США, например, на 1% немедленно ведет к снижению темпов роста в России на 2%.

Как видно, подходы принципиально различны. Для того чтобы добиться реализации второго сценария, необходимо, чтобы интеллектуальные, духовные и культурные **приоритеты** стали таковыми в **политике государства, в т.ч. бюджетной,** но главное, чтобы общество, структуры власти осознали данные приоритеты как основополагающие и долгосрочные направления государственной политики, в частности, в основополагающих документах — «Концепции–2020» и Концепции национальной безопасности. Учитывая традиционную инерционность российского мышления, а тем более мышления финансовых властей и бюджетного планирования, подобная смена приоритетов во всех областях будет крайне болезненной.

Но смена приоритетов всегда болезненна. В нынешних условиях в России она будет означать отказ от чего-то наверняка небесполезного, а может, и необходимого. Учитывая, например, что наибольшие расходы (в т.ч. и запланированные на 2007–2011 гг.) приходятся на оборону, есть смысл еще раз вернуться к идее или концепции «разумной достаточности», сделать ее важнейшим критерием при определении расходов на оборону.

Социально-экономическое развитие России, в том числе образование и здравоохранение, непосредственно зависит от расходов, выделяемых на нужды обороны, безопасности и правопорядка. Масштабы этих расходов всегда являлись предметом споров и обсуждений: завышенное военное финансирование ведет к свертыванию программ социального развития, а заниженное — к ослаблению обороноспособности. Принципиальным в этой связи является понятие «разумной достаточности», которое означает: оборона обеспечена на необходимом уровне, но расходы на ее поддержание **соответствуют** возможностям экономики страны. Это понятие отнюдь не означает **арифметического равенства,** тем более создания симметричных сил. Достаточно сказать, что соотношение экономик (ВВП) России и США примерно 1 : 15, а к странам НАТО в целом — 1 : 30. Соответственно и оборонные бюджеты соотносятся таким же образом, учитывая доли госрасходов, которые примерно одинаковы (около 20%).

В этой связи неизбежен вывод о том, что Россия просто не может позволить иметь себе такую же военную мощь (если ее соизмерять количественными параметрами), как Запад. Другое дело в области человеческого потенциала, который, кстати, имеет прямое отношение к военной мощи. Здесь действуют другие закономерности, в частности, по **качеству человеческого потенциала** (а значит, и военной мощи) Россия может и должна ставить перед собой задачу выйти в первый ряд ведущих государств мира по этому показателю. В пользу этого говорит ее история и огромный научно-образовательный, культурный потенциал. Это и огромный моральный, нравственный, духовный потенциал нации. Вместе взятые, эти ресурсы могут позволить России поставить задачу стать мировым культурным и научным лидером в XXI веке. Уверен, что позиции того или иного государства в мире в XXI веке будут определяться качеством его научного и культурного потенциала, в том числе позиции экономические и военные.

Подобный вывод очень важен применительно к кризисным или даже военным периодам в будущей истории России, от которых не может быть гарантирована ни одна страна. Именно в эти периоды человеческий потенциал приобретает особое значение. В советской военной науке он получил название «моральный фактор», в других странах — воля, сила духа и т.д. Но важно подчеркнуть одно — в кризисные периоды именно человеческий потенциал нации, ее моральный дух становится решающим фактором победы или выхода из кризиса.

Но даже если допустить, что катаклизмов не произойдет, ситуация в мире и в России будет развиваться так же позитивно, как и в предыдущее десятилетие (что, повторю, отнюдь не гарантирует Россию от войны и конфликтов), и в целом положительная динамика сохранится, то и в этом случае стратегическая цель — рост ВВП — не является оптимальной.

Так, в соответствии с оценками МЭР, «в первом десятилетии XXI века развитие национального хозяйства России характеризовалось более высокими темпами роста, как по сравнению с экономически развитыми странами мира, так и по сравнению с большинством стран с сопоставимым уровнем благосостояния. В 2000–2007 годах среднегодовые темпы роста России составили 7,0% против 4,0% мира в целом, 2,5% — США, 2,0% — еврозоны, 1,7% — Японии, 3,3% — Бразилии, хотя уступали Китаю — 9,9% (табл. 15). Устойчивый экономический рост повысил долю российского хозяйства в глобальной экономике с 2,2% до 2,9%»[86], но никак не отразился на ее месте по уровню развития НЧП. Она осталась в седьмом десятке стран.

Другими словами, удельный вес российской экономики в ВВП всего мира до кризиса 2008–2010 годов определенно вырос. Но доля эта чуть заметна. Она измеряется долями одного процента мировой экономики. Одновременно её качество, как и качество общества, — ухудшились. Так, доля наукоемких российских **отраслей сократилась** до 0,3% от мировых, а экспорт стал иметь откровенно сырьевой характер, при том что импорт готовой продукции за те же годы вырос в несколько раз. Можно согласиться и с основным выводом МЭР о том, что за 2002–2007 годы основой экономического роста являлась экспортно-сырьевая модель развития. Я бы сказал, исключительно сырьевая. Если она сохранится в том или ином виде, то можно ожидать, что доля российской экономики вырастет лишь на 3,5%, а современных отраслей (даже в случае 10-кратного увеличения) до — 2,5%, при том что пока непонятно, за счет чего будут расти наукоемкие отрасли.

Этот путь, инерционный в своей основе, не дает нации стратегической перспективы. Чтобы такая перспектива появилась, нужно задействовать главный национальный ресурс — творчество и энергию массового креативного класса, сделать развитие этого ресурса стратегической целью. И в этом сегодня заключается важнейшая роль государства и его институтов.

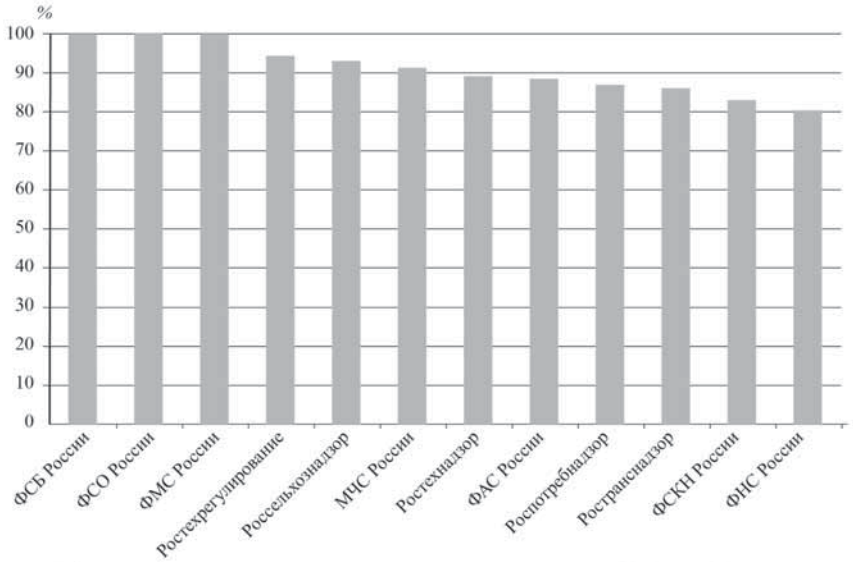
Для России принципиально важно понимать, что **арифметического** равновесия — военного или экономического — с Западом достичь невозможно. Безопасность может быть обеспечена только асимметричными мерами, например, развитием потенциала ядерного сдерживания, который может быть создан на базе отечественных технологий и инноваций. Это — новое качество вооружений и людей, которое может компенсировать количество. Пока что нет ни первого, ни второго.

Создание долгосрочных и дорогостоящих программ вооружений должно быть предметом очень тщательного изучения. В этой связи настораживающими можно назвать заявления С. Иванова о долгосрочной стратегии (до 2030 г.) развития судостроения, в которой допускается строительство после 2015 г. авианосцев. В частности, предусматривается строительство пока крупнотоннажных судов на предприятии «Звездочка» стоимостью 500 млн долл.[87] Авианесущие корабли стоят чрезвычайно дорого (порядка 1–2 млрд долл.), а их военное и политическое использование предполагается только в масштабных наступательных стратегических операциях далеко от территории страны. В условиях, когда наш военный бюджет в два раза меньше французского и в 40 раз меньше бюджета стран — членов НАТО, следует осторожнее заявлять о своих долгосрочных амбициях, исходя из концепции «разумной достаточности» и потребностей ускоренного социально-экономического развития.

Недофинансирование социальных областей у нас может быть преодолено в случае отказа от строительства всего лишь двух авианосцев. Это сохранит миллионы жизней граждан, даст работу сотням тысяч, улучшит качество и продолжительность жизни. Это один выбор, а другой — истратить 100–150 млрд рублей на два судна, которые могут гипотетически обеспечить России ударные возможности

Табл. 15. Динамика валового внутреннего продукта по некоторым странам мира
(в % к предыдущему году)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	среднегодовой
США	3,7	0,8	1,6	2,5	3,6	3,1	2,9	1,9	2,5
Еврозона	3,8	1,9	0,9	0,8	2,0	1,5	2,8	2,5	2,0
Япония	2,9	0,2	0,3	1,4	2,7	1,9		2,0	1,7
Бразилия	4,3	1,3	2,7	1Д	5,7	2,9	3,7	4,4	3,3
Россия	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	7,4	8,1	7,0
Китай	8,4	8,3	9,1	10,0	10,1	10,4	11,1	11,5	9,9
Индия	5,4	3,9	4,5	6,9	7,9	9,0	9,7	8,9	7,0



* Информация данными органами власти представлена только за III–IV кв. 2009 г.

Рис. 9. Федеральные органы исполнительной власти, для которых большая часть проверок является проверками деятельности предприятий малого бизнеса или бюджетных организаций (доля проверок предприятий малого бизнеса и бюджетных организаций в общем числе проверок)

вдалеке от наших берегов. Но нужны ли России такие возможности?

Важная часть ресурса нации — нравственность и духовность, которые также распределяются и развиваются во многом государством. Этот ресурс в эпоху глобализации будет иметь все возрастающее значение. Использование его в целях мобилизации общества, ускорения экономического развития также важная задача, стоящая перед властью. Сегодня эффективное использование ресурсов духовности, нравственности становится более значимо, чем экономическое или военное превосходство.

Смена приоритетов предполагает также коренную ломку отношений не только в экономической политике, но и социальной. Особенное значение приобретают изменения в области **местного самоуправления** и развития малого бизнеса. Причем стимуляцию и развитие малого бизнеса я рассматриваю не столько как экономическую, сколько **социальную** меру. Основные меры известны, даже банальны, но они до 2011 года в России почему-то не использовались[88]. Наоборот, государство делало, казалось, все, чтобы создать препятствия развитию малого бизнеса. Об этом свидетельствуют, например, данные МЭР[89] (рис. 9).

Как видно институты государства объективно работают против креативной части общества, сосредоточенной в бизнесе. А это уже концептуальная и политическая ошибка правящей элиты. Характерны в этой связи приоритеты Концепции долгосрочного социально-экономического развития, где собственно развитию человеческого потенциала и креативного класса уделялось на удивление мало внимания. Собственно вся программа, вся «интеллектуальная мощь» умещалась в нескольких абзацах.

«**Приоритеты** социальной и экономической политики в этот период включают:

— в области **развития человеческого потенциала**:
— улучшение качества социальной среды и здоровья нации, выход на стабильные демографические показатели и повышение продолжительности жизни;
— ускоренное развитие человеческого потенциала, выход на стандарты обеспечения услугами образования и здравоохранения, характерные для развитых стран;
— переход к комфортному типу расселения, доступному для основной массы населения;
— снижение бедности до уровня, характерного для развитых стран;
— в области **создания высококонкурентной институциональной среды**:
— развитие государственного управления экономикой, адаптированного к сетевым международным формам ведения бизнеса, системам глобальной кооперации;
— развитие новых форм социального партнерства, гражданского контроля за деятельностью государства и корпораций;
— создание полноценной финансовой системы, интеграция банковской и финансовой систем в мировое хозяйство;
— снижение инфляции до уровня менее 3% в год»[90].

Не только в провалившейся «Стратегии–2020» уделялось мало места развитию НЧП (и это одна из причин провала стратегии), но тем более, в практической политике. Единственным положительным примером, пожалуй, можно назвать реализацию идеи В. Суркова о выделении 1,5 млрд рублей ежегодно НКО и снижении налогового бремени.

Табл. 16. Основные показатели образования

	1970	1980	1990	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число дошкольных образовательных учреждений, тыс.	65,0	74,5	**87,9**	68,6	51,3	47,8	47,2	46,5	46,2	45,7	45,6	45,3
В них детей:												
тыс. человек	5666	8149	9009	5584	4263	4321	4423	4530	4713	4906	5105	5228
в процентах от численности детей соответствующего возраста	…	64,9	66,3	54,3	55,0	57,6	57,7	57,3	58,3	59,2	59,4	58,4
Численность детей, приходящихся на 100 мест в дошкольных образовательных учреждениях, человек	105	109	108	83	81	88	92	95	99	105	105	106
Число общеобразовательных учреждений (без вечерних / сменных/ общеобразовательных учреждений), тыс.	96,9	68,8	67,6	68,9	67,0	64,5	63,2	61,5	59,4	56,4	54,3	**51,7**
в том числе:												
государственных и муниципальных	96,9	68,8	**67,6**	68,4	66,4	63,8	62,5	60,8	58,7	55,7	53,6	51,0
негосударственных	—	—	—	0,5	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7
Численность обучающихся в общеобразовательных учреждениях (без вечерних /сменных/ общеобразовательных учреждений), тыс. чел.	23 235	17 638	20 328	21 567	20 074	17 323	16 168	15 185	14 362	13 766	13 436	13 329
в том числе:												
в государственных и муниципальных	23 235	17 638	20 328	21 521	20 013	17 254	16 098	15 113	14 291	13 695	13 363	13 258
в негосударственных	—	—	—	46	61	69	70	72	71	71	73	71
Охват детей общим образованием (отношение численности обучающихся 1–11/12/ классов общеобразовательных учреждений и обучающихся /студентов/, осваивающих программы среднего /полного/ общего образования в образовательных учреждениях начального и среднего профессионального образования к численности детей в возрасте 7–17 лет), процентов	…	…	…	…	**91,6**	93,6	93,9	94,6	95,3	96,0	97,9	**99,8**
Число вечерних (сменных) общеобразовательных учреждений, тыс.	6,9	6,0	2,1	1,8	1,7	1,7	1,7	1,7	1,6	1,6	1,5	1,4
В них обучающихся, тыс. человек	2049	2578	523	472	480	475	463	446	425	408	389	360
Число образовательных учреждений начального профессионального образования	3257	4045	4328	4166	3893	3798	3686	3392	3209	3180	2855	2658
В них обучающихся, тыс. человек	1406	1947	1867	1690	1679	1649	1604	1509	1413	1256	1115	1035
Численность обучающихся в образовательных учреждениях начального профессионального образования на 10 000 человек населения	108	140	126	114	115	114	112	106	99	88	79	73
Принято в образовательные учреждения начального профессионального образования, тыс. чел.	1104	1489	1252	928	845	823	783	688	630	586	541	543

продолжение таблицы

	1970	1980	1990	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Выпущено квалифицированных рабочих и служащих из образовательных учреждений начального профессионального образования:												
всего, тыс. человек	995	1399	1272	841	**763**	722	708	703	680	656	605	**538**
на 10 000 занятых в экономике, человек	155	191	169	127	**118**	109	107	105	101	96	88	**80**
Число образовательных учреждений среднего профессионального образования	2423	2505	**2603**	2634	2703	2809	2805	2905	2847	2799	2784	**2866**
в том числе:												
государственных и муниципальных	2423	2505	2603	2612	2589	2627	2637	2688	2631	2566	2535	**2564**
негосударственных	—	—	—	22	114	182	168	217	216	233	249	302
Численность студентов в образовательных учреждениях среднего профессионального образования, тыс. чел.	2606	2642	2270	1930	2361	2612	2600	2591	2514	2408	2244	2142
в том числе:												
в государственных и муниципальных	2606	2642	2270	1923	2309	2502	2504	2473	2389	2288	2136	2052
в негосударственных	—	—	—	7	52	110	96	118	125	120	108	90
Численность студентов в образовательных учреждениях среднего профессионального образования на 10 000 человек населения	199	190	**153**	130	162	182	181	181	177	170	158	**151**

В 2011 году, спохватившись, стали пытаться реанимировать «точечно» программы развития НЧП, в том числе и на политическом уровне. Так, обращает на себя внимание программа «праймериз», которую проводила «Молодая гвардия». Суть ее — в отборе креативных и дееспособных людей для участия в политической кампании — выборах в декабре 2011 года, где критерием оценки будут массовость и актуальность мероприятий[91].

Если не говорить о социально-экономических критериях (сформулированных весьма расплывчато) в самом начале перечня Концепции–2020, то человеческий потенциал сводится к узкому набору, в котором вообще не упоминаются культура, нравственность, духовность, творчество и т.д.

Повторю, развитие малого и среднего бизнеса мало сочетается с экономикой, тем более инновационной. Это прежде всего социальная политика по созданию «среднего класса», который, в свою очередь, является базой для роста класса интеллигенции и косвенно — креативного класса. В этом смысле примечательно, что эксперты отмечают: «Бюджет в Минэкономразвитии рассматривают скорее не как инструмент, обеспечивающий необходимый уровень общественных благ, а как инструмент развития»[92]. Только, вот, возникает вопрос: развития чего? Ясно, что не социального потенциала, что подтверждают последующие годы стабильного недофинансирования науки и образования. Если высшее образование в 2007–2010 годы стагнировало, то дошкольное и школьное — деградировало, что видно из официальных данных[93] (табл. 16).

Другой аспект роли государства, который игнорировался полностью последние годы, — нравственность общества. Человек, как известно, слаб. У всех бывают моменты или даже периоды, связанные с тяжким выбором между добром и злом. Каждый много раз на день должен делать какой-то выбор, но известно, что всегда правильный делают лишь святые. Безусловно, роль государства и власти огромна. Поэтому своей важнейшей задачей каждый соотечественник, все общество должно считать помощь ближнему как нравственный приоритет. Это касается и атеиста, и верующего. Обществу и государству как, впрочем, и власти необходимо вернуть нравственную опору. Без такой опоры на духовный и культурный потенциал Россия не решит ни одной из своих государственных, экономических и социальных проблем.

Собственно, это, видимо, и имел в виду В. Сурков 30 августа 2006 г., говоря о необходимости разработать «свою систему образов и смыслов». Их создание, по его мнению, — задача нашей культуры, «ее и художественной, и политической части». «Если мы в России не создадим свой дискурс, свою публичную

философию, свою приемлемую для большинства граждан национальную идеологию, то с нами просто не будут говорить и считаться. Зачем говорить с немым?» — заметил В. Сурков. По его словам, «вопрос смыслообразования, вопрос терминов и производства образов — это признак действующей нации». «Если народ сам не производит образы и не посылает сообщений другим народам, то он не существует в политическом и культурном смысле»[94]. К сожалению, дальше этой констатации дело не пошло.

Эта самая общая задача не потеряла своей актуальности в период кризиса 2008–2011 годов. Более того, именно в период кризиса «поиск смыслов» прямо связан с развитием креативного класса. К сожалению, в антикризисных мероприятиях правительства эти меры вообще отсутствуют. В качестве их суррогата выступают меры «социальной защиты», что, естественно, не одно и то же.

Таким образом, отсутствие в качестве стратегической цели у государства развития креативного класса привело к тому, что в условиях кризиса и принятия антикризисных мер о нем просто забыли. То есть забыли о главной (точнее, о том, что должно быть главным) цели национального и государственного развития.

8. Задача № 8. Задача опережающего социально-экономического развития и креативный класс России

…Инвестиции в человеческий капитал приносят более норму прибыли, чем инвестиции в ценные бумаги.
Г. Беккер

…Русская интеллигенция… была двигателем не только русской революции, но и сталинской модернизации[95].
С. Рыбас

Вывод нобелевского лауреата о том, что инвестиции в человеческий капитал более выгодны, чем инвестиции в ценные бумаги, сделан почти полвека назад. Позже он неоднократно подтверждался различными учеными, а главное, результатом экономического развития передовых государств. После выхода в свет книги Г. Беккера «Человеческий капитал» (1964 г.) на Западе стала складываться, с одной стороны, инвестиционная политика, получившая название «инвестиции в человеческий капитал», а с другой — целая область экономики (несколько секторов, прежде всего здравоохранение и образование), которые развивались опережающими темпами по отношению к другим (традиционным) секторам экономики. В целом к началу XXI века экономисты пришли к фундаментальному выводу: «Новая парадигма: креативность становится наиболее значимым фактором, влияющим на производство продукции в экономически развитых странах, поскольку она способна реализовывать замыслы в процессе труда и создания капитала. И хотя креативность нематериальна, она благодаря новым оригинальным идеям, без особых дополнительных затрат труда и капитала позволяет повысить уровень производства. Кроме того, эта способность человека составляет неограниченные ресурсы»[96]. Это означает осознанный выбор в качестве приоритета для инвестирования креативного класса.

Понятно, что такой выбор означает прежде всего политический выбор правящей элиты. Сознательный выбор в пользу одной социальной группы, а не абстрактной социальной политики размазывания бюджетных средств по всем социальным слоям, группам и классам. Это выбор, например, означает, что национальный доход должен перераспределяться в пользу креативного класса, составляющего всего лишь порядка 15% населения. Это и есть социальная справедливость, ведь сегодня он распределяется в пользу 0,5% сверхбогатых.

С другой стороны, именно развитие креативного класса является главным стимулом для опережающего качественного развития экономики и общества, а это означает, что конечную выгоду получат **все** социальные группы[97]. Настолько важным, что многие полагают даже, что целью национального развития должен быть определен приоритет в формировании креативного класса.

В пользу этого вывода свидетельствует не только опыт США и Великобритании (где это было заявлено в качестве официальной цели), но и опыт собственно России. Неудачи в модернизации 2008–2011 годов во многом, если не в главном, объясняются тем, что у этой программы нет конкретной социальной опоры. Российский бизнес минимально заинтересован в инновациях, бюрократия — еще меньше. Не заинтересованы в этом по большому счету и другие социальные классы и слои, за исключением креативного класса в широком смысле этого слова. Как справедливо считают некоторые авторы, «стремление нынешней власти провести модернизацию страны с неизбежностью потребует опоры на интеллектуальный класс и, как следствие, обнаружения способов его интеграции в политическую систему.

При этом важно, чтобы осуществлялась **интеграция интеллектуального класса именно как класса**,

с предоставлением его членам возможностей профессиональной самореализации, а не по образцу 1990-х годов, когда из цехов академической науки в политику и экономику были вовлечены отдельные талантливые деклассированные индивиды. Только в случае укрепления, а не эрозии цехов научного производства предвидимое нами в ближайшие годы усиление и омоложение интеллектуального класса окажется не прологом потрясений, а шансом для кардинальной модернизации российского общества[98].

Так, возникшая в 1960-е годы экономика медицинского обслуживания убедительно доказала, что инвестиции в физкультуру и спорт, хорошая медицинская помощь позволяют избежать больших затрат на серьезное лечение заболевших людей и восполнение убыли квалифицированных профессиональных кадров. Не случайно некоторые крупные корпорации даже платят надбавку к заработной плате тем работникам, которые систематически занимаются физической культурой и спортом, создают для этого необходимые условия (стадионы, спортивные залы с тренажерами и т.п.) Примечательно, что затраты средств на медицину в развитых странах составляют примерно 9% валового внутреннего продукта, а в США — 12–13%. Об определенном улучшении охраны здоровья населения свидетельствуют такие данные. За период с 1980 по 1993 г. численность населения на одного врача уменьшилась, например, в Японии с 740 до 608, Мексике — с 1149 до 615, Италии — с 750 до 207, США — с 549 до 421, Франции — с 462 до 334, Германии — с 452 до 367, Швеции — с 454 до 394, России — с 261 до 231.

Новая научная дисциплина — экономика образования доказала высокую эффективность инвестиций в общее и профессиональное образование. Например, для подсчета выгодности затрат средств на подготовку специалистов в высших учебных заведениях прежде всего учитываются соответствующие издержки (прямые расходы на учебу, плата за учебники и т.д.). Затем сопоставляются среднегодовые заработки работников со средним и высшим образованием. Согласно американским статистическим данным за середину 1980-х годов, в течение 40 лет работы после окончания вуза специалист получает заработную плату примерно на 0,5 млн долл. больше, чем работник со средним образованием[99].

Другой пример, уже из настоящего: советский ученый А. Портнов еще в 1982 году предложил идею синтеза алмазов, которая была реализована американцами в 2011 году. Как вспоминает исследователь, «я ожидал этого момента с 1982 года, когда вышла моя статья в „Докладах“ АН СССР, где впервые была дана модель получения алмазов в системе С-Н-О из водородно-метанового газа, формирующего кимберлиты. Понимая важность такого открытия, я написал письмо в Президиум АН СССР о практической возможности синтеза алмазов из газа. Но… ответа не было, а коллеги-геологи, профессора и академики до сих пор повторяют в диссертациях, статьях, учебниках и монографиях детскую сказку о загадочных „трубках взрыва“, выносящих алмазы из „каменных пещер“ мантии.

Кстати, американские коллеги также отказались в те далекие времена перевести мою статью в „Докладах“ о кимберлитах как флюидизитах, т.е. породах, возникших при участии водородно-метанового флюида. Это был случай, когда мысль намного опередила общественно-научное сознание, и кристаллизация алмаза в кимберлитах из газа казалась геологам невозможной»[100].

Таким образом, к началу XXI века практика инвестиций в человеческий капитал однозначно свидетельствовала о том, что такие инвестиции более эффективны, с одной стороны, и являются локомотивом экономического развития — с другой[101]. Эти же инвестиции в конечном счете вели к росту реальных доходов всех социальных групп, обеспечивая им высокое качество жизни. И наоборот. «Низкое качество жизни ограничивает раскрытие творческого потенциала людей. Они вынуждены концентрировать свои усилия на добывании «хлеба насущего», им — не до творчества[102].

Следует оговориться, что подобный вывод отнюдь не противоречит тому, что к концу XX века сложилась и другая тенденция — инвестиций в финансово-спекулятивный капитал, т.е. «пузыри» — деривативы и прочие суррогаты, которые привели в конечном счете к мировому финансовому кризису 2008–2009 годов. Подобное противоречие объясняется тем, что правящая финансовая элита развитых стран, считающая, что она обладает правом на управление всеми финансовыми ресурсами мира, использовала свои исключительные права в откровенно спекулятивных целях. Её позиция — это позиция верхушки элиты, не считающейся с интересами общества и государства. В частном случае она хорошо проявилась в присвоении ею фантастических бонусов во время кризиса.

Понятно, что существует прямая зависимость между инвестициями в человеческий капитал и ростом креативного класса, но также понятно и то, что существует такая же прямая зависимость между развитием креативного класса и темпами экономического и социального развития страны, темпами национальной модернизации[103]. Она может быть выражена следующим образом (рис. 10).

Таким образом, инвестиции в человеческий капитал объективно ведут к серьезным положительным изменениям как в темпах и структуре экономики, так и в социальной и политической системах общества. Очевидно, что подобные изменения ведут к конфликту нового общественного слоя и традиционной властной элиты. Речь идет о собственности, политической власти и решающем влиянии на процесс принятия решений. Важно отметить, что такой подход в принципе не совместим с либеральной идеологией,

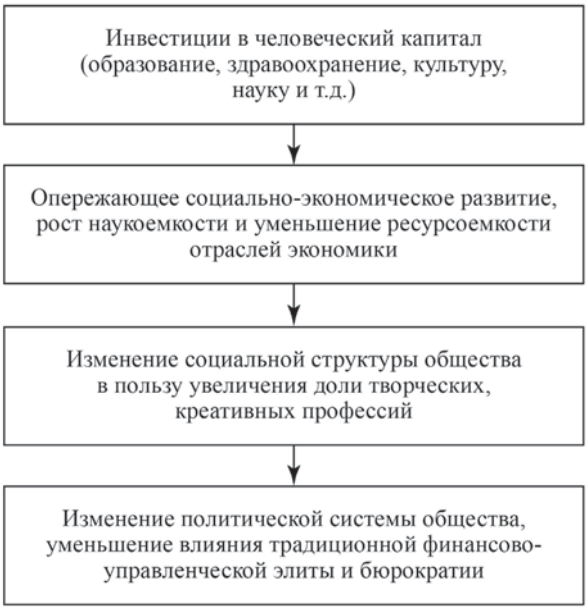


Рис. 10.

рассматривающей НЧК как прибыль. В этой связи можно согласиться с авторами доклада, подготовленного для Ярославского форума в 2010 году, полагающих, что «…существует практически бесконечное количество альтернативных типов капитализма…»[104].

Чем большим богатством обладает элита, тем большей властью над обществом она обладает, тем меньше она заинтересована в общественном благе. И тем выше у нее шансы использовать эту власть, во-первых, в своих эгоистических интересах (например, в финансовых спекуляциях, войнах и т.д.), а во-вторых, тем меньше у нее желания поделиться этой властью с нарождающимися социальными слоями, претендующими на власть. Как справедливо заметил американский профессор М. Гофман, «…в самом широком смысле решения принимаются не отдельными людьми, не массами, **а самой системой, живущей по своим законам, которые она диктует обществу»**[105].

Этим во многом объясняется причина того, что объективная потребность общества в инвестициях в человеческий капитал сдерживается некими субъективными противодействиями правящей элиты, которая прекрасно понимает, что нарождающийся креативный класс будет теснить ее и в экономическом, и политическом отношениях. Соответственно ее социально-экономическая стратегия будет все больше противоречить интересам креативного класса. Так как это происходит, например, в современной России.

Выше я уже писал о том, что, хотя и существует вполне определенная взаимосвязь между средним классом и креативным классом, эти понятия отнюдь не тождественны. В политическом смысле правящие элиты заинтересованы в том, чтобы не допустить креативный класс к управлению и власти. Поэтому в качестве альтернативы они предлагают псевдодемократические модели «господства среднего класса». Эти усилия привели к тому, что стало считаться, что современное направление экономической и политической жизни определяется средним классом. Но это лишь один из мифов американского популизма, — справедливо полагает М. Гофман. А классик американской социологии Д. С. Милль называет средний класс люмпен-буржуазией, который «не имеет ни контроля над обществом, ни над собственной жизнью. Контроль осуществляют другие. Его толкают мощные силы, которым он ничего не может противопоставить, так как смысла происходящего он не понимает»[106].

Другое дело — креативный класс, чей творческий потенциал и воля объективно противодействуют правящей элите.

Это противодействие объясняется, в частности, и разнице в подходах к инвестициям: креативный класс заинтересован в инвестициях в человеческий капитал, т.е. в сферу своей экономической и социальной деятельности. А элита — в спекулятивный, финансовый капитал. Применительно к России можно добавить, что бюрократическая элита заинтересована еще и в управлении бюджетными средствами, которые она рассматривает как источник дохода.

Основная проблема социальной политики постсоветской России заключается в том, что, как и в СССР, «социалка» продолжает восприниматься в качестве нагрузки экономики, тяжелого финансового бремени, с той лишь разницей, что постепенно менялась риторика. В главном же, в понимании того, что «социалка» — это лучшее инвестирование в экономику и общество, ситуация сохраняется прежней.

Неолиберализм 1990-х годов добавил к этому еще и откровенный цинизм и «прагматизм», которые до сих пор не изжиты в финансовой политике страны. Причем цинизм 1990-х по отношению к собственному народу прошел эволюцию от вульгарного либерализма до приоритетов макроэкономического развития, а прагматизм нынешнего десятилетия — от «стабильности» — до «социальных приоритетов».

Между тем, как уже говорилось выше, существует четкая взаимосвязь между инвестициями в человеческий капитал, уровнем социально-экономического развития и качеством гражданского общества и темпами развития креативного класса. Чем выше первый и второй, тем динамичнее развивается третий.

Это — вполне очевидно, ведь базой для формирования креативного класса и интеллигенции является средний класс, а качество экономики и общества во многом определяется еще и степенью развития его институтов. Институтов, способных защищать интересы креативного класса. Во второй половине XIX века Россия стремительно стала развиваться благодаря высоким темпам экономического развития и реформам общественного устройства, проведенным Александром II. Неизвестно, что сильнее повлияло на темпы экономического развития страны и на

стремительный рост креативных групп — инженеров, художников, писателей, музыкантов, которые смогли создать уникальную культуру и общественную атмосферу в стране. Уникальное, по силе и последствиям, влияние на развитие экономики и общества оказало развитие, например, местного самоуправления — земства.

С другой стороны, существовала и обратная связь: стремительное развитие креативных групп в России влияло на темпы экономического развития. Очевидно, что влияние было очень сильным, ведь именно в эти десятилетия Россия сделала крупнейшие научные открытия и технологические достижения, которыми в полной мере смогло воспользоваться остальное человечество. И не только в естествознании, но и в культуре, образовании, медицине. Уверен, что огромные достижения России в экономике в последней трети XIX века вызваны всплеском креативности, пассионарности, воли новых социальных групп. Россия за короткий период превратилась в развитое в экономическом отношении государство, способное на равных конкурировать с самыми передовыми странами мира. Существуют оценки, в соответствии с которыми, если бы Россия не оказалась втянутой в Первую мировую войну, а затем в революцию, смогла бы выйти к 30-м годам XX века на первое место в мире по уровню экономического развития. Население такой страны, кстати, также было бы одним из самых многочисленных и образованных в мире.

Таким образом, можно констатировать, что темпы социально-экономического и общественного развития во многом предопределяют темпы развития креативных групп. И наоборот, темпы развития креативных групп во многом предопределяют темпы социально-экономического развития и качество общества.

Историческая судьба России в XX веке, начиная от первой русской революции и заканчивая социальной революцией 1990-х годов, выразилась и в том, что сложилось устойчивое негативное отношение правящей элиты к творческому потенциалу нации. Представители интеллигенции, духовенства, вообще творческих групп все эти десятилетия не только не поддерживались государством и обществом, но и постоянно находились под давлением **системы власти**. Но если на Западе эта система имела финансово-политический характер, то в СССР — политико-идеологический. В результате в обществе было сформировано пренебрежительное отношение к носителям творческого начала. За исключением части творческой элиты, которая была необходима бюрократии по политико-идеологическим мотивам, абсолютное большинство творческого потенциала нации изначально «выводилось за скобки» полезного и производительного фактора.

Примечательно, что даже к представителям фундаментальной науки и научно-технической интеллигенции в период подъема научно-технической революции сохранялось то же отношение. В советский период термин «ИТР» (инженерно-технический работник) означал одну из низших социальных категорий.

Таким образом, в XX веке была сформирована **традиция** недооценки человеческого потенциала и роли инвестиций финансовых, политических, моральных в этот фактор развития. Эта традиция в полной мере перекочевала в либеральные 1990-е годы, когда творческий потенциал стал вообще ничего не значить в сравнении с финансовым потенциалом. Но и в первом десятилетии XXI в. этот потенциал так и не был оценен. Причина в том, что на первом месте остался по-прежнему финансовый потенциал, который был разбавлен бюрократическим ресурсом.

В полной мере это отразилось и на экономике страны, и на ее доктринальных установках (с той разницей, что в 2007–2008 годах в политической риторике зазвучали термины, связанные с необходимостью развития человеческого потенциала), что хорошо заметно по самому крупному и итоговому документу всего периода 2000–2008 годов. Так, не может не вызывать улыбку констатация, допущенная в Концепции долгосрочного развития («Концепции–2020»), каждая фраза которой вызывает протест: «В России сформируется общество, основанное на доверии (?) и ответственности (?), включая доверие населения к государственным и частным экономическим институтам»(?!).

Очевидно, что желаемое выдается за действительность. И это не просто переоценка, приукрашивание. Это — серьезная ошибка, когда правительственные эксперты хотят не замечать угроз. По оценкам социологов, сегодня институтам власти доверяют менее 30%. Иными словами, налицо **кризис доверия общества к власти и ее институтам** кризис самый что ни на есть глубокий, опасный, имеющий политические последствия. Напомню, что «Концепции–2020» готовилась еще в докризисный период 2008 года!

Далее в Концепции пишется, что «значительно снизится социальная поляризация». Известно, вместе с тем, что социальная поляризация за 2007–2008 гг. выросла. Более того, достигла крайней точки. Но в Концепции утверждается: «Это достигается за счет обеспечения **равных возможностей для социальной мобильности талантливых представителей всех слоев общества»**.

Но эта острейшая проблема сегодня даже и не стоит в реальной повестке дня. Социальная мобильность, как известно, фактически исчезла при росте стоимости авиабилетов, а утверждение о «равных возможностях» для талантливых представителей общества в стране, где более 60% живет в бедности, фактически не имея доступа к образованию и культурным ценностям, — является издевательством.

Тем удивительнее звучит другой вывод Концепции: «Доля среднего класса превысит половину населения, при этом значительную часть среднего

класса образуют люди, занятые созданием новой экономики знаний, технологий и обеспечением развития самого человека». Эта декларация о намерениях, конечно же, хороша уже сама по себе. Но, напомню, что на 2008 год доля наукоемкой продукции составляла 0,3% мировой, т.е. была в 10 раз **меньше российского ВВП**, который в 5 раз меньше душевого ВВП в США.

Из этого тезиса «Концепции–2020» видно, что ее авторы не видят разницы между средним классом (который они оценивают по уровню душевого дохода) и креативным классом, который может быть в лучшем случае лишь частью среднего класса. Средний класс, как уже говорилось, сам по себе не является ни двигателем развития экономики, ни общества. Это класс, характеризуемый относительно высоким и стабильным уровнем дохода. Не более того. Если же авторы не видят разницы между средним классом и креативным классом, то они не видят разницы и не понимают ни сути творчества, ни сути инноваций, на которые способен исключительно креативный класс.

Но даже если и допустить, что, по мнению авторов концепции, средний класс равнозначен креативному классу, то не очень понятно, как при существующей социальной политике все эти цели будут достигнуты. Если в России разрыв между богатыми и бедными слоями увеличивается, если половина населения может быть отнесена к бедным (а еще четверть — к нищим), то социальная база для среднего класса и интеллигенции, составляющая не более 25%, если и будет увеличиваться, то крайне медленно. Думаю, что при сохранении нынешней социальной политики объявленная цель в 50–60% недостижима.

Тем удивительнее выглядят объявление МЭР цели: «Российская экономика не только останется мировым лидером в энергетическом секторе, добыче и переработке сырья, но и создает конкурентоспособную экономику знаний и высоких технологий. К 2020 году Россия может занять значимое место (5–10%) на рынках высокотехнологичных товаров и интеллектуальных услуг в 5–7 и более секторах». Нынешняя реальность, повторю, такова. Россия производит порядка 0,3% мировой наукоемкой продукции. При этом, если вычесть военно-техническую составляющую, то эта доля становится микроскопической. Может быть, 0,1%, а может быть и 0,01% от мировой. Увеличить ее «до 5%–10%» — сверхзадача, достойная самой высокой оценки, но это означает, что за 10 лет эта доля должна вырасти в 100 раз! Возникает вопрос, кто же способен добиться таких результатов? Какая социальная группа или социальные слои смогут обеспечить такой резкий технологический скачок?

На этот вопрос может быть дан только один вразумительный ответ: такой технологический, модернизационный рывок может быть сделан только в том случае, если будет создан массовый креативный слой населения — креативный класс. Причем в короткие сроки — за 5–7 лет. Но такая задача в «Концепции–2020» даже и не ставится.

Более того, в правительстве существуют влиятельные тенденции, направленные **против** решения такой задачи. Назову в качестве примера две. Во-первых, это «настойчивая борьба» министра А. Фурсенко за качество образования, которая ведет к реальному сокращению студентов и вузов страны, хотя ряд стран поставили в качестве конкретной цели введение **всеобщего** высшего образования.

Во-вторых, это утверждения и усилия в пользу того, что инновации в России можно внедрить только через заимствования западных технологий.

И первая, и вторая тенденции (а таковых на самом деле значительно больше) имеют массу негативных последствий, но главная из них — прямое противодействие развитию процесса роста креативного класса страны.

Кроме того, экономическая и финансовая система страны не способствует, а препятствует реализации этой грандиозной задачи. Зная нашу бюрократию и неповоротливость, можно ожидать, что в идеале система будет изменена за 3–5 лет. В этом случае задачу увеличения доли наукоемкой продукции в 100 (!) раз придется решать за 5–7 лет. Выглядит все это очень неубедительно!

Другая задача — социальная — выглядит при нынешнем отношении к ее решению еще менее убедительнее. Структура общества меняется значительнее медленнее, чем структура экономики. И если мы сомневаемся в способности сделать нашу экономику высокотехнологичной, то еще сомнительнее выглядит задача качественного изменения российского общества. Как доля среднего класса может превысит 50% в 2020–2025 гг.? И почему они будут заняты в новой экономике? Ответ, который дается в Концепции, убедительным назвать нельзя: «Будут сформированы условия для массового появления новых инновационных компаний во всех секторах экономики и в первую очередь в секторах „экономики знаний“». Когда это произойдет? «Условия», о которых говорится в Концепции, нельзя создать за 1 год. Может быть, при революционном подходе (пока не видном) это и можно сделать за 3–5 лет, но эта сверхзадача, похоже, не ставится.

Уверен, что добиться поставленных целей можно только при двух условиях. Во-первых, быстром и радикальном пересмотре социальной политики, способном также быстро изменить структуру общества. Во-вторых, если за решения этих задач возьмутся представители креативных групп (а не бюрократы), которые способны предложить качественно новые решения. Только креативный класс может сменить приоритеты развития, а также предложить новые механизмы развития. Даже интеллигенция на это уже не способна — она стала вполне респектабельна и консервативна. Поэтому допуск креативных групп к власти и управлению становится важным условием решения задачи опережающего развития.

К числу основных задач развития творческого потенциала нации следует отнести, таким образом, задачу обеспечения социальных условий такого развития. При этом важно для элиты дать адекватную объективную оценку ситуации, которая сложилась в России в этой области. В этом плане важно как не недооценивать того, что уже сделано за последние годы, так и не переоценить реального положения. Рассмотрим в этой связи одну из официальных позиций. Конкретно речь идет об оценке МЭР, данной в скорректированной (в августе 2008 г.) Концепции социально-экономического развития, которая вызывает определенные возражения. Рассмотрим ее подробнее именно с точки зрения адекватности. Так, в частности, в этом проекте документа говорится:

«**Преодолен спад производства и потребления девяностых годов.** В 2007 году объем ВВП составил к уровню 1991 года 110%. При этом коренным образом изменилась структура экономики в пользу отраслей, ориентированных на рыночный спрос.

Объем ВВП (по паритету покупательной способности) в 2008 году превысил 2 трлн долл. США, и по этому показателю Россия вышла на шестое место в мире».

Вряд ли подобную оценку можно назвать адекватной. Действительно, к 2008 году объем ВВП России достиг уровня 1991 года, но, во-первых, это не называется «спадом». Если вещи называть своими именами, то это следует называть как минимум «затяжным и глубоким кризисом», а еще лучше — экономической катастрофой. В реальности Россия не просто потеряла два десятилетия в своем развитии, она увеличила свое отставание от развитых стран на несколько десятилетий.

Теперь о структуре экономики. Здесь относительно адекватным можно признать утверждение о ее переориентации на рынок. И то — с учетом огромного импорта — это признание условно. Главное же в том, что качество структуры экономики «России 2008 г.» значительно хуже, чем было при «РСФСР до 1990 г.». Доля обрабатывающей промышленности, машиностроения и наукоемкой продукции сократилась по сравнению с 1990 годом в несколько раз.

Наконец, сомнительно утверждение об объеме ВВП России, который занимает шестое место в мире. Без упоминания о том, что этот ВВП равен ВВП Италии и Франции и чуть больше, чем в Испании (но меньше, чем ВВП Великобритании и даже Нью-Йорка), чье население в 3 раза (!) меньше, чем в России, подобное утверждение выглядит, мягко говоря, необъективным и вводящим в заблуждение.

Взятое вместе, это свидетельствует о низкой адекватности в оценке Правительством существующих реалий, а значит, и о возможно неправильном выборе стратегии, что, например, подтверждается в социальной политике, которая формально вытекает из социально-экономической Концепции. Основные **целевые ориентиры** социальной политики следующие:

— «снижение уровня абсолютной бедности с 13,4% в 2007 г. до 6–7% в 2020 г. и относительной бедности, или малообеспеченной части населения с 22% в 2007 г. до 15% в 2020 г., увеличение среднего класса к 2020 году до более половины населения»;

(Выше уже говорилось о том, что непонятно, как будет достигнута цифра в 50% для среднего класса при нынешней социальной политике. Но вызывает сомнение и «целевой ориентир» абсолютной бедности (т.е. нищеты), который планируется снизить до 6–7%, т.е. 10–11 млн населения! Формулируя такой «целевой ориентир», мы должны прямо сказать, что в 2020 году мы планируем, что 10 млн наших сограждан **будут жить в нищете**. Не в бедности, а именно в нищете. Они **не будут** участвовать в экономической жизни страны, они будут **исключены** из общественной жизни. Как, возможно, и их дети.

Нельзя согласиться и с «целевым ориентиром», который **планирует**, что доля бедных в России сократится с нынешних 22% до 15%. Для общества и экономике это слишком большая цифра. Это означает, что в стране будет более 20 млн бедных (а используя критерии современного общества — нищих). Вместе с категорией «откровенно» нищих доля лиц, **фактически исключенных** из активной жизни, планируется МЭР на уровне 30 млн человек! — *А. П.*).

— дифференциация населения по уровню доходов (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных) снизится с 16,8 раз в 2007 г. до 12 раз в 2020 году;

(Здесь следует оговориться, что в этом тезисе много неясного. Так, нынешний коэффициент составляет, по оценкам экспертов, 20–22 раза (некоторые считают 25, даже 30 раз), но уж никак не 16,8 раз. Но главное, все последние годы он имеет отчетливую тенденцию **к росту**, а не сокращению. «Пожелание» Правительства в этом смысле именно так и выглядит, ведь конкретных мер не только не предпринимается, но и не предлагается. — *А. П.*).

— адресность выплаты социальных пособий, привязанных к уровню доходов населения (объем средств, поступающих реально нуждающимся семьям), достигнет к 2012 в среднем по стране 70–80% (в 2007 г., по экспертным оценкам — 40–50%), а охват бедного населения государственными социальными программами к 2020 г. достигнет 100% (в 2007 г., по экспертным оценкам — 60%);

— удельный вес детей-инвалидов, получивших реабилитационные услуги в специализированных учреждениях для детей с ограниченными возможностями, в общем количестве детей-инвалидов, вырастет в 2010 году до 42–45% против 31–40,3 % в 2006–2007 годах, а к 2020 г. — до 50–60%»[107].

Если говорить коротко, то целью Концепции является не создание процветающей нации к 2020 году, а медленное выползание из нищеты. А точнее —

переползание из нищеты в бедность! Уверен, что подобная цель не может являться ориентиром национального долгосрочного развития. Необходима значительно более амбициозная задача, а именно: уровень жизни в России к 2025 году должен не уступать уровню жизни в США, а бедность и нищету нельзя планировать. Их необходимо изжить.

Возвращаясь к адекватности в оценке ситуации в России, еще раз невозможно согласиться с выводом итогов развития, сформулированным в Концепции: «…за последние годы Россия восстановила статус мощной экономической державы, подтверждая свое право находиться в группе крупнейших стран — мировых лидеров, как по динамике развития, так и по масштабам экономики. При этом завоевание позиций одного из лидеров мирового экономического роста опиралось на рыночные экономические институты и устойчивое повышение уровня жизни населения»[108].

Тезисно, возражения следующие:

— **во-первых,** действительно спад 1990-х гг. преодолен, но (и это важно!) необходимо подчеркнуть, что для России эти 18 лет оказались **потерянными:** мир, прежде всего, развитые страны, за эти годы ушел далеко вперед, т.е. в 2008 году мы оказались на уровне РСФСР 1990 г., в то время как другие страны не только удвоили свои экономики (и Китай, и Индия и ряд других стран увеличили их на порядок, т.е. в 10 раз), но и сделали их качественно другими;
— **во-вторых,** действительно, экономика стала ориентироваться на рыночный спрос, однако эта экономика (образца 2008 г.) антисоциальна, энергоемка, с низкой производительностью труда, менее наукоемка, чем в 1990 году, т.е., в конечном счете, ее **качество** и **структура стали хуже**, чем в 1990 году;
— **в-третьих,** хорошо, что объем ВВП России стал шестым в мире, но по душевому ВВП Россия по-прежнему остается в числе догоняющих, а не развитых государств. Душевой ВВП в 13 тыс. долл. ни в коей мере нельзя назвать достижением на фоне того, что в развитых странах он составляет 35–45 тыс. долл.;
— **в-четвертых**, нельзя согласиться в этой связи с тем, что Россия «восстановила статус мощной экономической державы». Этот вывод вводит в заблуждение, как и вывод об устойчивом повышении уровня жизни населения.

Повышение уровня жизни, безусловно, есть, но его темпы крайне низкие и не соответствуют стандартам развитых стран. В лучшем случае можно говорить о том, что есть положительная динамика, которая дает результаты только в среднесрочной перспективе. Так, средний размер пенсии в 2007 г. вырос на 13,2% за год (до 3086 руб.), а прожиточный минимум пенсионера — на 16,5%. По итогам 2008 г. средняя пенсия превысит прожиточный минимум пенсионера на 16,7%, а к 2011 г. — должна превысить его на 50% (см. рис. 11).

Источник: Росстат, Минэкономразвития

Рис. 11. Плановый рост

Если не изменить систему, то рост пенсий будет отставать от роста зарплат, считает руководитель экспертной группы Е. Гурвич. По данным Росстата, в 2006 г. средняя пенсия составляла 25,6% средней зарплаты, в 2007 г. — 22,8%.

Вот некоторые выдержки из аналитического доклада профессора М. Горшкова «Малообеспеченные в России: кто они? как живут? к чему стремятся?», подготовленного Институтом социологии Российской академии наук[109]:

«…Данные работы, проделанной специалистами ИС РАН, свидетельствуют о том, что бедняки, составляющие практически половину населения страны, просто **не способны воспользоваться возможностями, которые предоставляет современный экономический строй России**. Базисным же для зачисления граждан в категорию малообеспеченных служил ежемесячный среднедушевой доход на одно домохозяйство. Для „бедных“ эта цифра составляла 4449 рублей на человека, для „малообеспеченных“ и „нуждающихся“ — 5789 рублей. Самой массовой категорией населения в России являются малообеспеченные граждане, а также те, кого социологи назвали „нуждающимися“.

По состоянию на весну 2008 года, когда проводилось исследование, они составляли 43 процента от населения страны. Население России составляет около 142 млн человек, т.е. бедных в стране, исходя из результатов исследований, насчитывается **более 61 млн человек**. Эти цифры разительно отличаются от тех, которые приводят официальные власти и их СМИ (13–15 млн человек).

Малообеспеченные граждане лишены возможности и желания инвестировать в „человеческий капитал“. То есть пользоваться платными социальными услугами — качественным образованием, качественным здравоохранением, оздоровительными услугами и т.д. Это важнейший критерий, который говорит об ухудшении их качества жизни. У них ми-

нимум возможностей получить хорошее образование, найти хорошую работу, продвигаться по службе. Важно подчеркнуть, что бедными в России нередко являются работающие граждане, а отнюдь не безработные или инвалиды. По некоторым оценкам, 44% малообеспеченных граждан в России — это рабочие, **25% составляют квалифицированные специалисты**» (выделено мною. — *А. П.*).

Последняя цифра — удручающая. Когда четверть малообеспеченных (даже по официальной статистике!) граждан составляют квалифицированные специалисты, работающие в экономике, это может означать только одно: система оплаты их труда в стране не только несправедлива, но и прямо препятствует экономическому и социальному развитию.

Еще хуже с теми, кого статистика относит к категории бедных. Рабочих в современной России 31 млн человек, следовательно, около 15 млн из них — это бедняки. Квалифицированных специалистов в стране более 11 миллионов, значит, бедствующих среди них — более 2,6 млн.

В России сложилась уникальная ситуация, когда работающие профессионалы составляют значительную часть нищего и бедного населения».

Подводя итоги доклада, профессор М. Горшков сделал справедливый вывод, что «социальная политика в России за последние 15 лет потерпела полный крах!». Говорить об успехах социального развития сегодня — это значит заведомо вводить в заблуждение и руководство страны, и общество. Но, главное, такие оценки препятствуют исправлению ситуации, а в конечном итоге отражаются на темпах экономического развития.

Еще более жесткие данные приводят социологи в материале «Нищета уходит в тень»[110].

Согласно международным стандартам, бедным считается человек, имеющий доходы, которые вдвое меньше средних по стране. Если учесть, что, согласно данным того же Росстата, в 4-м квартале 2007 года на душу населения в России приходилось 15 605 руб. в месяц, уровень бедности должен находиться на отметке 7800 руб. Определить уровень жизни можно и с помощью другого универсального способа. Достаточно знать, сколько человек тратит на свое питание: если больше половины доходов, то его можно считать бедным. При такой оценке за чертой бедности находится вообще подавляющее большинство россиян. По данным Аналитического центра Ю. Левады, лишь 18% наших граждан тратят на еду менее 50% своих доходов.

Как мы видим, профессор М. Горшков явно поскромничал, выделив в разряд бедняков около половины россиян на основе только данных о доходах в 4449 руб. в месяц на домохозяйство. Другие ученые считают, что границей бедности является минимальный потребительский бюджет на 1 человека размером в среднем 8000 руб. в месяц. Именно на этот расчет и должны обратить внимание власти.

Подытоживая, могу сказать, что Россия действительно вырвалась из катастрофического положения конца 1990-х годов, но отнюдь не из кризиса, тем более кризиса социально-экономического. Это вывод важен принципиально.

Если мы признаем, что кризис не преодолен, то и меры должны быть экстраординарные, антикризисные, а не обычные, инерционные. В настоящее время — следует подчеркнуть — в России нет нормальных социальных условий для развития творческого потенциала личности, интеллигенции и креативного класса. Мы лишь на пути формулирования этой задачи и самых скромных, «точечных» попыток (прежде всего, в рамках ПНП) инициировать этот процесс. Пока что, к сожалению, эти условия нельзя назвать ни системными, ни адекватными, ни своевременными.

Особое значение имеет социально-демографическая сторона проблемы социально-экономического развития, которая воспринимается исполнительной властью в качестве важнейшего политического приоритета. Следует признать, что этот принципиальный вопрос в России пока что не решается, но, может быть, где-то сознательно, выведен за приоритеты государственной власти. Усилия власти носят скорее декларативный характер. Между тем, правительство обязано **обеспечить** реализацию соответствующих крупных социальных программ — увеличение пенсий до достойных, а не символических размеров, современное образование, качественное и доступное здравоохранение, выплаты пособий по безработице и т.д.

Человеческая жизнь — самый дорогой ресурс, в т.ч. материальный и экономический. И относиться к нему необходимо соответственно. Стоимость человеческой жизни — понятие условное. Вместе с тем, в ряде случаев используется денежный эквивалент. Так, Минтранс США оценивает человеческую жизнь в 3 млн долл. Учитывая соотношение душевых доходов России и США, можно предположить, что «условная цена человеческой жизни» при страховании или компенсации в России может составлять минимум 300 000 долл., или 10 млн руб. Понятно, что это очень условный критерий, но можно признать, что при гибели или потере трудоспособности нужно исходить из реальных оценок.

Можно посчитать «цену жизни» и по затратам на ребенка — государства и родителей — до 21 года, т.е. времени завершения образования. Если допустить, что ежемесячно они могут составлять 10 000 руб., то к 21 году они достигнут 3 млн руб. (с учетом затрат на высшее и среднее образование, других расходов, вероятная цена жизни в России в среднем также будет приближаться к цифре в 10 млн руб.).

Из этих условных оценок можно сделать далеко идущие выводы.

Во-первых, социальная политика, рост человеческого потенциала являются не нагрузкой на общество, а важнейшим **экономическим** фактором развития. Человеческая жизнь вообще и человеческий

потенциал в частности становятся **самым дорогим экономическим ресурсом**. Ежегодные «естественные» демографические потери России 1992–2005 годах — 700 000 жизней — означали потерю 7000 млрд руб. или порядка 250 млрд долл. Это больше, чем все доходы российского бюджета и почти 10% ВВП страны! Такие «естественные» демографические потери на самом деле являются неестественными потому, что в них чрезвычайна высока доля неестественных смертей (отравлений, убийств, травм и т.д.), а также последствий недостаточного медицинского обслуживания. Поэтому демографические потери являются и самыми серьезными экономическими потерями.

Этот вывод сегодня тем важнее, чем меньше российская экономика будет зависеть от экспорта ресурсов. Это, кстати, видно уже сегодня[111].

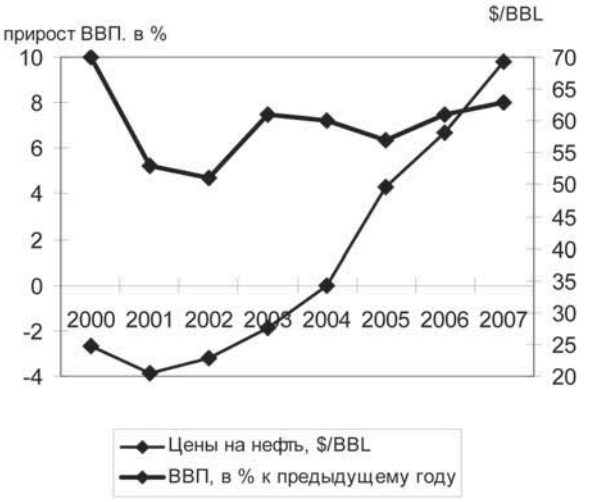


Рис. 12. Влияние роста цен на нефть на динамику российской экономики уменьшается

Самым дорогим ресурсом стал человек, его профессионализм, мастерство, творческое умение и патриотизм. Именно эти качества **уже** заменили энергоресурсы на Западе и могут их заменить в России. Соответственно интегральным показателем этих качеств является человеческая жизнь, ценность которой будет стремительно расти.

Во-вторых, рост качества жизни, увеличение качества человеческого потенциала можно измерять, в т.ч. количественно, через стоимость одного года, даже одной недели жизни. Так, увеличение средней продолжительности жизни в России на 0,3 года, например, в результате своевременного лечения, означает дополнительный рост национального дохода на 400 млрд руб. Это также должно стать одним из критериев в деятельности ведомств, например, Минобразования: известно, что высшее образование «продлевает» жизнь человека в среднем на десять лет. Соответственно, материальный вклад вполне возможно оценить и количественно, в рублях. Это и будет критерием оценки эффективности деятельности властей в регионе и на местном уровне. В настоящее время в качестве основных таких критериев принимаются темпы роста ВВП и промышленной продукции, которые могут и не выражаться в росте физических объемов, а только в удорожании товаров и услуг.

В-третьих, финансово-экономические и бюджетные шаги правительства могут оцениваться не только в терминах макроэкономической стабильности, имеющих мало отношения к главной задаче — увеличению качества жизни граждан, но и в не менее научных количественных оценках продолжительности и качества жизни.

В будущем выживут те государства и те нации, которые смогут обеспечить опережающие темпы развития национальной культуры и самосознания, дать мировому сообществу лучшие модели социального и культурного развития.

В этом смысле модель развития России должна учитывать реалии не только глобализации, но и наследие традиций, опыта и идей российской истории и всего лучшего из советского периода истории. Модель развития России должна:

— **во-первых,** отказаться от многих советских ошибок, сделанных русской социал-демократией в период нахождения у государственной власти; главный вывод из их анализа: интересы любой партии **не могут** быть выше интересов нации и государства, сограждан, они не **должны** оправдывать любые политические средства, в том числе насильственные;

— **во-вторых, учитывать** особенности нынешнего этапа развития человечества, где новая социально ориентированная модель России (как и других стран) **вполне совместима**, более того, органично сочетаема с идеями, традиционно не поддерживаемыми социал-демократией: верой, монархией, многоукладностью экономики, национальными традициями.

Наконец, **в-третьих,** новая общественная модель России должна использовать огромные культурные и духовные богатства нации, накопленные за предыдущие века существования.

Необходимо понимать, что русская гуманистическая идея XXI в. еще только зарождается, она не может быть простым продолжением ни доктрин большевизма, ни западной социал-демократии. Как и в начале XX века, русские должны найти и предложить Отечеству свой путь развития.

---

1 *Торкунов А.* Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007. 7 декабря. С. 11.

2 *Панова Е. П.* Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2 (17). С. 157–161.

3 См., например: *Образцов П.* Двенадцать идей, которые потрясут мир // Известия. 2011. 4 мая. С. 4.

4 Документ Национального разведывательного совета США «Global Trends 2025: A Transformed World». Wash., NIC November 2008. P. IV.

[5] *Клоудова Й.* Влияние развития креативной экономики на экономически отсталые регионы // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 5. С. 115.

[6] *Грин С.* С широко закрытыми глазами: социальные последствия российского экономического кризиса / Московский центр Карнеги. 2008. декабрь. С. 2.

[7] *Лопатникова О.* Концепцию 2020 допишут через неделю // Взгляд. 2008. 12 сентября. С. 7.

[8] О состоянии системы государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации: доклад. М.: МЭР, 2010. С. 6.

[9] *Подберезкин А.* Мы не работали под президента // Независимая газета. 2008. 10 июля. С. 1, 4.

[10] *Гофман М.* Подкрадываясь к демократии: мифы об Америке // Новый журнал. 2009. Январь.

[11] *Латухина К.* Тысяча мнений // Российская газета. 2011. 30 марта. С. 3.

[12] *Сурков В.* Атмосфера в стране изменилась! 11 сентября 2008 г. URL:http://prim-mger.ru

[13] Летом 2011 года я сформулировал эту мысль следующим образом: «…России нужна не очередная концепция социально-экономического развития, а стратегия развития нации…» См.: *Подберезкин А.* Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2 (7). С. 7.

[14] Настрой относительно возможностей модернизации в России связан с возрастом: молодежь отличается бóльшим оптимизмом в оценке этих перспектив. Среди тех, кто не достиг еще 22 лет, 28% считают возможным выведение страны на качественно иной уровень развития уже через 5–10 лет, и только 8% не верят в существование этой возможности даже в ближайшие 30 лет. Для сравнения, в старшей когорте населения (тех, кто старше 60 лет) эти доли совпадают, составляя по 24%. Интересно, что большим оптимизмом в этом вопросе отличаются сторонники невмешательства государства в экономическую и социальную сферы жизни. Так, на выход России на качественно иной уровень жизни и развития в течение ближайших 5–10 лет надеются 34% приверженцев идеи свободной рыночной экономики при 22% среди сторонников планового хозяйства и 46% сторонников невмешательства государства в жизнь граждан в социальной сфере при 20% среди сторонников уравнительности. (Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. С. 37.)

[15] *Соколов-Митрич Д.* Операция Ы-ы-ы-ы-ть! // Известия. 2011. 4 мая. С. 6.

[16] *Иноземцев В.* Судьбы индивидуализированного общества // *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. С. XIII.

[17] Цит. по: *Зубарев*. http://www.zubarev.info ›dat/bin/files/74

[18] Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2020–2030 годов. Приложение к Концепции долгосрочного развития. М.: МЭР, 2008. С. 29.

[19] В. Сурков назвал главное богатство России. [Эл. ресурс]. URL:http://www.dni.ru (3 сентября 2008 г.).

[20] *Шевцова Л.* Разгерметизация элиты // Ведомости. 2006. 31 июля. С. 4.

[21] Там же.

[22] О важности идеологического прорыва, острая потребность в котором возникла при завершении этапа стабилизации в 2006–2007 годах я писал в то время. См.: Приоритетные национальные проекты — идеология прорыва в будущее. М.: Европа, 2007.

[23] См., подробнее: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа, 2007.

[24] Чего на самом деле хочет народ. 8 августа 2011 г. URL: http://www.spravedlivo-online.ru/content/news/

[25] Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2020–2030 годов. Приложение к Концепции долгосрочного развития. М.: МЭР, 2008. С. 65.

[26] *Рыбас С.* Столыпин, Сталин, Путин — этот процесс един. URL:http://www.viperson.ru (1 сентября 2008 г.).

[27] *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. М. 1989. С. 51.

[28] Социальная Европа в XXI веке / под ред. М.В. Каргаловой. М.: Весь мир, 2011. С. 176.

[29] *Бабалова М.* Галина Вишневская, цари и совесть // Известия. 2011. 13 мая. С. 9.

[30] *Кувшинова О.* Две России // Ведомости. 2011. 11 апреля. С. 3.

[31] Сурков признал в Путине родителя среднего класса в России // Новая газета. 2011. 18 марта. URL:http://www.novayagazeta.ru/data/2011/028/11.html.

[32] *Кувшинова О.* Две России // Ведомости. 2011. 11 апреля. С. 3.

[33] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат. 2010. С. 190.

[34] Труд и занятость в России. 2009. Стат. сб. М.: Росстат. 2009. С. 384.

[35] *Гараненко А.* Известия. 2007. 9 августа. С. 1, 5.

[36] *Подберезкин А.* Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2 (17). С. 7.

[37] Информационно-аналитические материалы по проекту Федерального закона «О федеральном бюджете на 2008 год и на период до 2010 года» / Центр ситуационного анализа Счетной палаты РФ. 2007. С. 21.

[38] США. Бедность. Статистика // Интерфакс. 2006. 30 августа.

[39] *Письменная Е., Кувшинова О.* Без амбиций // Ведомости. 2011. 11 апреля. С. 3.

[40] *Месяц Г.* Интеллект не может стоить дешево. URL:http://www.ras/new/ (22 мая 2008 г.).

[41] *Подберезкин А.* Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2 (17). С. 7–9.

[42] *Письменная Е., Кувшинова О.* Без амбиций // Ведомости. 2011. 11 апреля. С. 1.

[43] *Подберезкин А. И., Гебеков М. П.* Россия: человеческий капитал и развитие человека в региональном измерении // Вестник МГИМО(У). 2011. № 3 (18). С. 38–41.

[44] *Делягин М.* Крах или рывок // Известия. 2011. 11 апреля. С. 6.

[45] Неизбежность модернизации, основанной на НЧП, на мой взгляд, не стоит доказывать хотя все мои попытки последних лет свидетельствуют о невосприимчивости правящей элиты к этому курсу. См., например: *Подберезкин А.* Человеческий капитал. М.: Европа. 2007 (Раздел «Неизбежность оригинального выбора». С. 189–205).

[46] См., подробнее: Ярославский план 10–15–20. Доклад Нью-Йоркская академия наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010.

[47] См., подробнее: Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект. ИНСОР. М.: Экон-информ, 2011. С. 95.

[48] Как писал в то время Д. Медведев, «Общество и власть обсуждали, осмысливали, решали уже не столько проблемы стабилизации, сколько **задачи развития**» (выделено *Авт.*), Приоритетные национальные проекты — идеология прорыва в будущее. М.: Европа. 2007. С. 4.

[49] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М. 2008. Август. С. 15.

[50] Там же.

[51] Там же. С. 30, 33.

[52] «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / под ред. Н.С. Плотникова. М.: Ключ-С, 2011. С. 16.

[53] *Гамильтон А.* К народу штата Нью-Йорк // Теория и практика демократии: избранные тексты / пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. М.: Ладомир. 2006. С. 164.

[54] *Игнатьева Ю.* Чего боятся жители больших городов? // Известия. 2006. 2 августа. С. 5.

[55] *Овчинский В.* Коррупция пожирает Россию! // Завтра. 2006. № 31. С. 5.

[56] *Магарил С.* Поиски социального качества // Независимая газета. 2011. 9 февраля. С. 12.

[57] Труд взяточника растет в цене // Известия. 2011. 14 апреля. С. 7.

[58] Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. статей / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2011. С. 314.

[59] *Овчинский В.* Коррупция пожирает Россию! // Завтра. 2006. № 31. С. 5.

[60] *Щеглов А.* Прокуратура пересчитала взяточников // Независимая газета. 2008. 8 августа. С. 4.

[61] *Ямбург Е. А.* Выступление на ассамблеи СВОП, в пансионате «Лесные дали». 2011. 11 апреля.

[62] *Мийо Л.* Российские пенсии с летальным исходом. 19 марта 2009 г. URL:http://www.inosmi.ru

[63] **Проблема** — *зд.* «разрыв между желаемым, требуемым и тем, что есть на самом деле на данный момент». *Кокошин А. А.* Формулы управления. М.: ЛЕНАНД, 2009. С. 10.

[64] *Бабалова М.* Галина Вишневская, цари и совесть // Известия. 2011. 13 мая. С. 9.

[65] «Для современной России характерно соотношение пространственной избыточности и быстрого сокращения людских ресурсов …» — писал профессор МГИМО(У) *М. А. Хрусталёв*. См.: *Хрусталёв М. А.* Методология прикладного политического анализа. М.: Проспект, 2010. С. 56.

[66] Программы развития Службы крови и массового донорства: результаты социологического сопровождения информационно-разъяснительной кампании. М.: Минздравсоцразвития: ВЦИОМ, 2009. С. 3.

[67] В 2007 году я писал по этому поводу: «К 2005–2006 годам сложились базовые — идеологические, политические, экономические — предпосылки для корректировки политического курса страны». *Подберезкин А.* (под псевдонимом). Человеческий потенциал и национальные проекты для России // Приоритетные национальные проекты — идеология прорыва в будущее. М.: Европа, 2007. С. 17.

[68] Наука России в цифрах: 2010. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2010. С. 59.

[69] *Клинова М. В.* Государство и частный капитал: от теории к практике взаимодействия в европейских странах. М.: Магистр, 2011. С. 27.

[70] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 77.

[71] Антикризисная стратегия Правительства // Приоритеты среднесрочной политики и их соотношение с антикризными мерами. [Эл. ресурс]. URL:http://www.premier.gov.ru (29 марта 2009 г.).

[72] *Рябинин М.* Дефрагментация замысла // Завтра. 2008., № 32. С. 8.

[73] См., подробнее: Зарождение и эволюция либеральных представлений о роли государства в экономике. В кн.: *Клинова М. В.* Государство и частный капитал: от теории к практике взаимодействия в европейских странах. М.: Магистр, 2011. С. 19–49.

[74] *Мелихов А.* Требуются герои // Известия. 2011. 13 мая. С. 6.

[75] *Подберезкин А.* Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2 (17). С. 7–14.

[76] The National Security Strategy of the US. – Wash. May 2010.

[77] *Журбин А.* Учить музыке всех // Известия. 2011. 12 апреля. С. 6.

[78] Креативное мышление в рекламе. URL:http://www.advertime.ru/creative/14

[79] *Окара А.* Креативный класс как партнер государства // Независимая газета. 2009. 22 декабря. С. 7.

[80] *Журбин А.* Учить музыке всех // Известия. 2011. 12 апреля. С. 6.

[81] *Лесков С.* Человек космический // Известия. 2011. 12 апреля. С. 7.

[82] *Литовченко С.* Не учат и не учатся // Ведомости. 2011. 11 апреля. С. 12.

[83] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат. 2010. С. 198.

[84] *Дмитриева О., Юферова Я.* Лондонград // Российская газета. 2011. 12 апреля. С. 13.

[85] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: МЭР, 2008. Август. С. 12.

[86] Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2020–2030 годов: приложение к Концепции долгосрочного развития. М.: МЭР, 2008. С. 6.

[87] *Литовкин Д.* У России два союзника. Флот и ядерные силы // Известия. 2006. 1 августа. С. 4.

[88] *Белый Ю.* «Партия развития», «партия упадка» // Завтра. 2008. № 32. С. 3.

[89] О состоянии системы государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации: доклад. М.: МЭР, 2010. С. 20.

[90] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М. 2008. август. С. 34–35.

[91] *Костенко Н.* Сперва просеют молодых // Ведомости. 2011. 12 апреля. С. 2.

[92] Резервный фонд пустят в расход // Коммерсант. 2008. 7 августа. С. 1.

[93] Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат, 2010. С. 220.

[94] Россия. Сурков. Демократия // Интерфакс. 2006. 30 августа.

[95] *Рабас С.* Столыпин, Сталин, Путин — этот процесс един. [Эл. ресурс]. URL:http://www.viperson.ru (1 сентября 2008 г.).

[96] *Клоудова Й.* Влияние развития креативной экономики на экономически отсталые регионы // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 5. С. 114.

[97] Я не раз писал о том, что качественный скачок в современных условиях, в т.ч. и в доходах всех граждан, возможен за счет только роста НЧП. См., например: *Подберезкин А.* Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2 (17). С. 11.

[98] *Межуев Б., Черняев А., Кудрин Н., Павлов А.* Интеллектуальный класс и перспективы российской модернизации. 30 марта 2011 г. URL:http://www.contrtv.ru

[99] *Фишер С., Дорнбуш Р.* Экономика. М. 1993. С. 302–303.

[100] *Портнов А.* Бриллиантовый дым из недр Земли // Независимая газета. НГ-наука. 2011. 12 апреля. С. 13.

[101] К этому времени в мире уже насчитывалось порядка 60 форм социального капитала. См.: Сергеев В. М. и др. Сетевые аспекты проблем обучения в социальных науках. М.: МГИМО(У), Проспект, 2010. С. 55.

[102] *Якунин В. И., Роик В. Д., Сулакшин С. С.* Социальное измерение государственной социальной политики. М.: ЗАО «Экономика». 2007. С. 29.

[103] Ярославский план 10–15–20. Доклад Нью-Йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010. P. 2–3.

[104] Модернизация экономики России: от теории к практике. Доклад для Мирового политического форума. Ярославль, 2010. С. 25.

[105] *Гофман М.* Подкрадываясь к демократии. [Эл. ресурс]. URL:http://www.gazetanv.ru

[106] *Гофман М.* Подкрадываясь к демократии. [Эл. ресурс]. URL:http://www.gazetanv.ru

[107] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: МЭР, 2008. Август. С. 77.

[108] Там же.

[109] Официальная социология врет // РИА «Новый регион». 2008. 26 июня.

[110] Нищета уходит в тень. URL:http://www.gazeta.ru (30 май 2008 г.).

[111] Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2020–2030 годов: приложение к Концепции долгосрочного развития. М.: МЭР, 2008. С. 13.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ
Идеология русского социализма: предпосылки возникновения, основные положения, ценности, принципы и нормы

От автора 5

Предисловие 13

Глава 1.
Предпосылки возникновения идеологии русского социализма 15
1. Объективная потребность и неизбежность перемен 16
2. Незавершенная идеология — не начатые реформы: упущенные возможности 23
3. Предпосылки возникновения идеологии русского социализма 31
4. Без идеологии, но со «стратегией» 43
5. Необходимость перехода от идеологии роста к идеологии национального развития 54
6. Первые ростки новой идеологии? 60
7. Субъективные факторы и политическая конъюнктура, влияющие на формирование идеологии русского социализма в России 70

Глава 2.
Национальные интересы и ценности в идеологии русского социализма 81
1. Русский социализм как идеология национальной самоидентификации: «подножие Престола Господа» 84
2. Социалистическое прошлое России и социальная революция 92
3. Новая идеологема: развитие НЧП как новая стратегическая концепция национального развития 102
4. Личность — главная ценность и ресурс развития общества 108
5. Сравнение потенциала личности (ИРЧП) в России и мире 114
6. Развитие потенциала личности: регионы России — 2010 119
7. Личность и государство 135
8. Личность, НЧП и гражданское общество 143
9. Личность, интеллигенция и НЧК 146
10. Личность, средний и креативный класс 149
11. Потенциал личности и качество госуправления 156

Глава 3.
Цель, условия и приоритеты идеологии русского социализма 167
1. Потенциал личности и национальные приоритеты 169
2. «Древо целей» русского социализма 171
3. Образование как важнейший приоритет русского социализма 173

4. Духовный потенциал как часть идеологии русского социализма 179
5. Идеология русского социализма: необходимость смены критериев развития государства и общества 188
6. Идеология русского социализма: роль государства 194
7. Качество государственного управления как механизм реализации НЧП 202
8. Роль гражданского общества в развитии НЧП 211
9. Национальная духовная и культурная идентификация как условие развития национального человеческого потенциала 220
10. Человек как главная цель идеологии русского социализма 224

Глава 4.
Принципы, нормы и идеологемы русского социализма 235
1. Идеология русского социализма как система принципов и норм 236
2. Принцип и норма синтеза традиций и инноваций 239
3. Преемственность как идеологический принцип и норма русского социализма . . . 244
4. Принципы и норма политической стабильности и стратегической перспективы 247
5. Порядок как принцип и норма идеологии русского социализма 249
6. Принцип и норма государственного авторитета и суверенитета 251
7. Принцип и нормы свободы и ответственности 256
8. Здоровый пессимизм и исторический оптимизм 257
9. Принцип и норма социальной справедливости 259
10. Политическая практика реализации принципов и норм русского социализма . . 267
11. Как заполнить идеологический вакуум? 276

КНИГА ВТОРАЯ
Идеология русского социализма и стратегия национального развития

От автора 291

Предисловие 293

Глава 1.
Социальный потенциал и национальная стратегия 297
1. Структура и институты социального потенциала 301
2. Обострение социальных и политических противоречий в России в 2008–2011 годах как результат игнорирования институтов социального потенциала . 305
3. Провал «Стратегия–2020»: будут ли выводы? 313
4. Нравственность и развитие институтов социального потенциала в стратегии национального развития 322
5. Институты социального потенциала — главный инструмент реализации стратегии национального развития 327
6. Идея скачка как стратегия национального развития 335

Глава 2.
Единая социальная модель в Европе и её отсутствие в России 343
1. Социальный потенциал и инновации 346
2. Качество развития и НЧП 351

3. «Большой скачок»: модель развития 356
4. Первоочередные меры для смены модели развития 360
5. Значение институтов развития социального потенциала 371
6. Институты развития социального потенциала и место России в мире 379

Глава 3.
Социальный человеческий потенциал: новая культурная революция? 389
1. «Скачок» как часть идеологии русского социализма 391
2. «Сбережение нации» как главная цель развития 397
3. Нерешенные вопросы ускоренного национального и общественного развития. . . . 405

Глава 4.
Новая идеология — новая стратегия 413
1. Национальное развитие или модернизация? 413
2. Алгоритм формирования стратегии 422

Глава 5.
Условие № 1. Необходимость принятия адекватной стратегии долгосрочного социально-экономического развития 427
1. Кризис как констатация неадекватности российской элиты. Необходимость ее смены 428
2. «Стратегия–2020» как неадекватность восприятия современных реалий российской элитой 433
3. Основные ошибки «Стратегии» долгосрочного развития 439
4. Основные особенности новой социально-экономической стратегии развития России 449
5. Опережающее развитие и личность 453
6. Основные выводы 455

Глава 6.
Условие № 2: Изменение горизонтов планирования и ускоренное развитие: роль развития институтов социального потенциала 459
1. Система ценностей как основа: либеральный фундаментализм или что-то еще? 460
2. От целеполагания к эффективной стратегии 466
3. Несостоятельность идей «заимствования» модернизации 471

Глава 7.
Условие № 3: Необходимость радикального изменения социальной политики: резкий рост заработной платы, стипендий, пособий и пенсий 475
1. Социальная политика XXI века 480
2. Социальная политика и доходы: доходы как условие создания социальных институтов развития 487
3. Социальная политика и опережающее развитие 498

Глава 8.
Условие № 4: Национальная наука, духовность и культура — новые локомотивы развития в XXI веке 509
1. Необходимость формирования институтов развития интеллектуального, культурного и духовного потенциалов в России как условие для «Большого скачка» 512

2. Духовность и нравственность как основа общества. Роль национальных институтов 519
3. Политические приоритеты и опережающее развитие культуры и искусства 522
4. Инновации и политические приоритеты 528
5. Национальные интересы и инновации 539

Глава 9.
Условие № 5: Эффективное использование ресурсов и резервов НЧП в интересах опережающего развития 547
1. Ресурсы НЧП как главный резерв социально-экономического развития нации 550
2. Человеческий потенциал — главный неиспользуемый резерв национального развития 553

Глава 10.
Условие № 6: Подготовка и смена управленческих кадров как усиление роли государства в развитии нации 561
1. Государство и его институты: роль в опережающем развитии 563
2. Период смены управленческой элиты 564
3. Образование как условие создания эффективной элиты 568

Глава 11.
Условие № 7: Сознательные изменения социальной структуры общества 577
1. Средний класс. Его роль в реализации «Большого скачка» России 578
2. Социальная структура общества и креативный класс 588
3. Мировой кризис и средний класс 593

КНИГА ТРЕТЬЯ
Креативный класс и идеология русского социализма

Предисловие 599

Глава. 1.
Креативный класс и стратегия национального развития 601
1. Креативный класс и социальная структура общества. 602
2. Креативный класс и стратегия опережающего развития 605
3. Креативный класс России в период «фазового перехода» 618
4. Креативный класс в управлении как условие опережающего развития НЧП. . . . 633
5. Новые качества управленческой элиты и креативный класс. 640
6. «Большой скачок» как предпосылка формирования креативного класса 645
7. Основные цели «национального скачка» и креативный класс 653

Глава 2.
Роль креативного класса в опережающем национальном развитии. 663
1. Креативный класс и интеллектуалы. 665
2. Интеллигенция и креативный класс 670
3. Креативный и средний класс 675
4. Креативность — новое качество НЧП. 680
5. Креативный класс: возможность консолидации. 685

6. Творческий потенциал нации — фундамент для эффективной интеграционной стратегии 692

Глава 3.
Креативный класс: национальные интересы и национальные ценности 703
1. Национальная традиция, национальные интересы и креативный класс 706
2. Духовность — условие для развития национального креативного класса. 712
3. Национальная идея: Россия — мировой культурный и духовный лидер — идея для креативного класса. 717

Глава 4.
Креативный класс и элита 723
1. Верховная власть, правящая элита, «правящий класс» и креативный класс. 725
2. Субъективная сторона российского кризиса и креативный класс. 732
3. Кризис управления и креативный класс 738
4. Креативный класс, элита, «правящий класс» и политическая модернизация. . . . 742
5. Креативность и российская элита. 747
6. Какой должна быть правящая элита?. 752
7. Антикризисная стратегия правительства и креативный класс. 758

Глава 5.
Выборы, демократия и креативный класс 769
1. Идеализация демократии и «третья сила» 771
2. Конституционная монархия в России — лучшая политическая система для креативного класса 776
3. Нужны ли креативному классу выборы? 778
4. Глобализация: новые ценности и креативный класс 782
5. Поиск наиболее эффективных форм будущей демократии в России и креативный класс. Не там ищете, господа! 784

Глава 6.
Основные условия для развития креативного класса России 791
1. Задача № 1. Создание творческой, нравственной и общественно-политической атмосферы для развития креативного класса 795
2. Задача № 2. Сознательное расширение социальной базы класса творческих личностей 799
3. Задача № 3. «Большой скачок» как стимул для формирования креативного класса. 808
4. Задача № 4. Решение проблемы безопасности граждан как острейшая задача, стоящая перед креативным классом 811
5. Задача № 5. Ликвидация коррупции как системы, препятствующей развитию креативного класса 813
6. Задача № 6. Демографическая проблема креативного класса 817
7. Задача № 7. Усиление роли государства в создании массового креативного класса 822
8. Задача № 8. Задача опережающего социально-экономического развития и креативный класс России 832

Научное издание

Подберезкин Алексей Иванович

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

В четырех томах

Том 3
Идеология русского социализма

Редакторы: *Т. Ф. Тищенко, Т. Н. Петрова, В. М. Титов*
Компьютерная верстка *А. С. Туманова*
Художник *К. Г. Шанкин*

Подписано в печать 18.08.11.
Формат 60x84⅛. Усл. печ. л. 108. Уч.-изд. л. 68.
Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз. Заказ № 481

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119218, Москва, ул. Новочеремушкинская, 26